Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 27 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 1-го іюля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цѣна этого нумера 40 коп. съ пересылкою 50 коп.

ПРИ ЭТОМЪ № «НИВЫ» ПРИЛОЖЕНЫ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ ЗА ІЮЛЬ МѢСЯЦЪ СЪ 18 РИСУНКАМИ.

ТРЕТЬЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ подписчикамъ „НИВЫ" на 1874 годъ.

При этомъ нумерѣ, для всѣхъ подписчиковъ «НИВЫ» на 1874 годъ, въ видѣ безплатной преміи прилагается большая географическая

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ

СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ВСѢХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ,

какъ существующихъ такъ и проектированныхъ, великолѣпно отпечатанная съ камня тремя красками, на толстой бумагѣ формата имперіаль.

Цѣна этой карты въ отдѣльной продажѣ будетъ 50 коп., съ пересылкой 60 коп.

Гг. подписчики «Нивы», желающіе пріобрѣсти еще одинъ или нѣсколько экземпляровъ этой карты, благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору редакціи, прилагая за каждый лишній (сверхъ преміи) экземпляръ **60 коп. почтовыми марками.**

Условія подписки на журналъ «НИВА» 1874 г. помѣщены на послѣдней страницѣ этого нумера.

Эмсъ

Это славящееся въ гигіеническомъ отношеніи мѣстечко герцогства Нассаусскаго лежитъ на Ланѣ, въ узкой, замкнутой высокими скалами долинѣ, въ трехъ часахъ пути отъ Кобленца, на высотѣ 188 футовъ надъ уровнемъ моря, и состоитъ изъ *селенія Эмсъ* и *водъ Эмсъ*; послѣднія изобилуютъ теплыми минеральными источниками и принадлежатъ къ значительнѣйшимъ европейскимъ водамъ. Въ селеніи и на водахъ до 4000 жителей. Въ Эмсѣ находятся щелочно - земельныя термы, которые по мѣстоположенію своему, раздѣляются на: термы кургауза (Кессельбрунненъ 274—0° Р. температуры, Кренхенъ 26° тепла Р., оба источники преимущественно потребляются для питья; термы *подъ кухней* 37° Р., Вильгельмсбруненъ 21° Р., Ваппенбруненъ 24° Р., термы княжескихъ водъ 28—30° Р; источникъ мальчишки (Bubenquelle) 38° тепла Р; термы Кренхенскихъ водъ 24—30° Р.; источникъ у Ронделля 44° Р; источникъ предъ серединной постройкой въ 38° Р.; источникъ въ каналѣ Лана въ 35°; источникъ у стѣны Лана 42° Р., источникъ *въ погребѣ* 23° Р.), на термы каменнаго дома, изъ которыхъ многія отъ 26—30° Р. употреб-

Мѣстечко и минеральныя воды Эмсъ.

Библиотека "Руниверс"

ляются для ваннъ и для питья, и на термы Арменбада отъ 27—30° употребляемыя для питья и для душей. Вода свѣтла и прозрачна, нѣсколько отдаетъ голубоватымъ цвѣтомъ; на вкусъ — болѣе теплые источники прѣсны, щелочны, слабо солоноваты; менѣе теплые не такъ безвкусны, пощипываютъ языкъ кислотой, слабо-щелочнаго запаха.

При долгомъ стояніи на дно бутылки отдѣляется коричневый осадокъ, состоящій изъ извести и закиси желѣза. Химически изслѣдованы источники Кастнеромъ, Тромсдорфомъ, Струве и другими, въ новѣйшее время Фрезеніусомъ. Наилучше дѣйствуютъ они въ болѣзняхъ слизистыхъ оболочекъ, останавливая усиленное отдѣленіе мокроты. Дѣйствіе ихъ распространяется также на почки, желѣзы, лимфатическую систему и кожу, при чемъ они разбиваютъ желѣзныя опухоли и другія отверденія органовъ, нейтрализуютъ излишнюю кислоту и возбуждаютъ дѣятельность нервовъ. Поэтому они весьма полезны во всѣхъ болѣзняхъ репродукціи и ассимиляціи, именно въ катаррахъ слизистыхъ оболочекъ дыхательныхъ органовъ, желудка и кишокъ, при преобладаніи въ желудкѣ кислоты, геморроѣ, желудочныхъ судорогахъ, коликѣ, ожиреніи печени, селезенки, въ хроническихъ болѣзняхъ, каковы: лишаи, нарывы, золотуха, истеріи, хроническія нервныя болѣзни, застарѣлое воспаленіе глазъ и слезоточивость. Bubenquelle и открытый въ 1812 году по близости Mädchen (Zwillings) quelle (источникъ дѣвочки, близнецы) соспѣшествуетъ плодовитости, но слѣдуетъ остерегаться злоупотребленія ими, такъ какъ они слишкомъ раздражаютъ нервную систему.

Полагаютъ, что Эмскія воды были извѣстны еще римлянамъ, такъ какъ здѣсь находятся монеты, остатки бань (термовъ) и даже стѣна укрѣпленнаго замка. Въ среднихъ вѣкахъ Эмсъ назывался *Гандбессе*, *Эймсъ*, *Эмбсъ*, *Эймецъ* и *Эмпсъ*. Въ X вѣкѣ составлялъ особое владѣніе, потомъ отошелъ къ Кобленцскому монастырю, а въ 1172 году графы Нассаускіе были уже въ немъ фогтами. Въ 1355 году архіепископъ кельнскій Вильгельмъ отдалъ Эмсъ и его воды въ ленное владѣніе графу Нассаусскому; въ 1382 году выстроена была впервые водолечебница. Впослѣдствіи Эмсъ дѣлили между собою Катценэлленбогенъ и Нассау, а въ 1570 году ландграфъ Гессенскій и графъ Нассау-Дитцъ. Въ 1786 году происходилъ здѣсь Эмскій конгрессъ. Въ 1803 году Эмсъ окончательно достался герцогству Нассау, а въ 1822 раздѣльныя до тѣхъ поръ селеніе Эмсъ и Эмскія воды образовали одну общину.

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Вечерѣетъ. Эскадронный командиръ, задумчиво пуская струйки табачнаго дыма, сидитъ на ступенькахъ ветхаго крылечка, сплошь обвитаго зарослью хмѣля, павоя и дикаго винограда. Вотъ эскадронный Шарикъ прибѣжалъ, отчихиваясь отъ пыли и весело вилляя своимъ кренделемъ. Это значитъ, что старшій вахмистръ идетъ. И дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ минуту появляется солидная фигура стараго Склярова.

— Кончили? освѣдомляется майоръ.

— Слава Богу, съ нонѣшнимъ урокомъ подобрались совсѣмъ. Какъ прикажете назавтра?

И майоръ, все также задумчиво пуская колечки дыма, обстоятельно и неторопливо отдаетъ приказаніе, чтобы назавтра, по разсчету, половину людей съ шести часовъ утра послать въ луга, и начинать косить не съ того мѣста, которое ближе, а тамъ гдѣ трава больше выросла.

— Кириловъ въ сторожахъ былъ *), докладываетъ на это вахмистръ:—такъ онъ сказывалъ, быдто за Васильевымъ перелазомъ трава очинно густая и вся въ соку стоитъ.

— Ну, съ Василёва перелаза и начинать.

— Слушаю-съ.

Затѣмъ слѣдуетъ обычное приказаніе, что какъ только накосятъ первый возъ травы, тотчасъ же и везти ее на конюшню и задать лошадямъ, да только не валить въ ясли свѣжую траву на вчерашнюю, буде вчерашняя не выѣдена, а то перепрѣетъ подъ свѣжею —и неровёнъ часъ—лошади еще переболѣютъ, какъ объѣдятся прѣли этой.

— Ты гляди, чтобы люди, каждый разъ какъ задаютъ свѣжую, непремѣнно выбирали напередъ изъ ясель весь недоѣдокъ и разсыпали бы его на лужайкѣ для просушки впрокъ, въ сѣно.

— Слушаю-съ, ваше-ск-родіе! Ужь будьте безъ сумлѣнія.

— Да. вотъ что.... Завтра я на траву поѣду, такъ ты распорядись-ко тово... взять въ луга боченокъ водки и мясную порцію косарямъ.

— Безпремѣнно, ваше-ск-родіе!

— Люди не вернулись еще?

— Идутъ уже.

*) Т. е. былъ посланъ заранѣе сторожить траву.

И точно: изъ глубины лѣса смутно доносятся тонкіе подголоски. Но вотъ они все ближе и ближе, такъ что можно уже различать и басы, и другіе голоса, гулко отдаваемые, какъ будто съ разныхъ концовъ, лѣснымъ эхомъ. Только словъ еще нельзя разобрать, но по мотиву знаешь, что это пѣсня про «очи мои, очи», которые «не даютъ слокою середь темной ночи».

То наши косари идутъ.

Вотъ они, наконецъ, уже въ виду Ильяновскаго фольварка, приближаются медленнымъ шагомъ; на плечахъ—вольно закинутыя косы, а на косахъ у нѣкоторыхъ торчатъ привязанные пучки пестрыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Впереди этой вольно-идущей гурьбы, манерно выступаютъ двое плясуновъ въ высокихъ зеленыхъ колпакахъ, сплетенныхъ въ минуту отдыха изъ разныхъ злачныхъ травъ, и въ рукахъ у нихъ пучки цвѣтовъ, которыми они размахиваютъ и поводятъ, вмѣсто извѣстныхъ хоровыхъ «ложекъ». За плясунами, въ такомъ же точно колпакѣ, идетъ запѣвало и энергически машетъ въ тактъ кудрявою вѣтвью граба, вмѣсто «махалки». Подобные же колпаки видны и на нѣкоторыхъ пѣвцахъ, а другіе украсили себя поверхъ фуражекъ вѣнками.

Сталъ я засынати—горе забывати—
Пришла ко мнѣ радость—моя дорогая,
Взошла на крылечко да брякъ во колечко!..

дружно и отчетливо выводитъ хоръ, подбодряемый энергическими жестами запѣвалы, задавшагося мыслью «потѣшить господъ».

Майоръ всталъ со ступенекъ и пошелъ навстрѣчу косарямъ.

— Спасибо, люди, за работу!

— Р-р-ради стараться, ваше-ско-родіе! вдругъ оборвавъ свою пѣсню, какъ одинъ человѣкъ, рявкнула толпа полуэскадрона.

Артельщикъ вынесъ косарямъ водки—ихъ дневную порцію. Я всегда замѣчалъ, что когда солдатъ подходитъ къ водкѣ, веселое лицо его принимаетъ вдругъ сосредоточенное, солидное выраженіе; онъ, терпѣливо дождавшись своей очереди, беретъ изъ рукъ предшествовавшаго товарища «крышку», выпиваетъ ее съ необыкновенно серіознымъ и отчасти даже суровымъ видомъ, и съ молчаливымъ поклономъ передаетъ слѣдующему. Это почти общая манера у нашихъ солдатъ, изъ

Библиотека "Руниверс"

которыхъ многіе, коли не бо́льшая часть, прежде чѣмъ выпить, непремѣнно наскоро и торопливо перекрестятся.

Пока косари пьютъ свою порцію, пѣсельники добровольно составляютъ «кругъ». Между ними появились уже и «ложки», и «тарелки», и бубенъ съ пестрою махалкой! Они тихо, вполголоса, сговариваются и совѣтуются промежъ себя, какою-бы пѣсней напередъ всего «потѣшить господъ».

Но вотъ, послѣдній рекрутикъ, конфузясь, неловко какъ-то выпилъ свою «крышку». Всѣ люди примолкли, переглянулись между собою и вдругъ...

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше-ско-родіе! веселыми и довольными голосами несется дружный крикъ изъ ихъ толпы, а затѣмъ сейчасъ же—

Солдатушки-ребятушки,
А гдѣ-жь ваша тетка?—
Наша тетка—командерска водка,—
Вотъ гдѣ наша тетка»!

Около получасу продолжается пѣніе разныхъ, наиболѣе излюбленныхъ пѣсенъ. Офицеры всѣ сидятъ на крылечкѣ, а тутъ-же рядомъ, на чистомъ воздухѣ, кипитъ самоваръ, и деньщики, звѣня ложечками, наливаютъ душистый чай въ стаканы.

Солнце садится, и въ тихомъ, вечернемъ воздухѣ вьются цѣлые столбы лѣсной мошки, предвѣщая на завтра ясную и жаркую погоду. Лѣсъ начинаетъ кутаться въ тонкую, сизоватую дымку, а по верхушкамъ сосенъ еще скользятъ и искрятся лучи заката, обливая горячимъ краснымъ свѣтомъ, всегда и безъ того красноватые, сосновые стволы и сучья. Птицы замолкли, и только одинъ черный дроздъ выводитъ еще время отъ времени свой мелодическій высвистъ гдѣ-то въ густыхъ вѣтвяхъ ближняго дерева,—да голенастые аисты, слетѣвшись въ свои гнѣзда, на сонъ грядущій, топочутся въ нихъ, помахивая крыльями и, высоко задравъ кверху красноносыя головы, производятъ своими клювами какой-то странный, но нелишенный мелодичности звукъ, сначала медленный, раздѣльный, потомъ все ускоряющійся и, наконецъ, переходящій въ частую дробь, которая очень похожа на звукъ деревянной трещотки.

Но—чу!.. Рѣзко и громко раздается по лѣсу звукъ трубы, играющей людямъ «сборъ» на вечернюю кашицу.—И вотъ, идутъ они вольными группами — кто съ котелкомъ, кто съ миской, съ кувшиномъ или съ балейкой, и у каждаго въ рукахъ своя деревянная ложка и своя порція хлѣба,—идутъ, мелькая межъ кустовъ бѣлыми кителями, которые, то тамъ, то здѣсь, вдругъ принимаютъ на мгновенье розоватый тонъ, когда случайно ударитъ на нихъ косвенный лучъ, прокравшійся между стволами. Веселый и разнообразный говоръ сопровождаетъ эти группы. Кто-то разсказываетъ, жестикулируя руками, должно быть что-то очень смѣшное, потому что взрывы смѣха то и дѣло раздаются въ одной изъ удаляющихся кучекъ. Въ другой кучкѣ кто-то съ кѣмъ-то считается за какія-то провинности. Въ третьей — одинокій голосъ чувствительно выводитъ высокимъ фальцетомъ какую-то заунывную пѣсню, про то, какъ «собачка вѣрная, звѣрокъ, завоитъ у воротъ». Люди спускаются съ горы къ берегу озера, гдѣ выкопана въ почвѣ эскадронная кухня, прикрытая съ трехъ сторонъ навѣсомъ, устроеннымъ въ видѣ шалаша изъ еловыхъ вѣтвей, камыша и хвороста. Ѣдкій бѣлый дымокъ выбивается и струится изъ подъ этого навѣса, а вмѣстѣ съ его запахомъ въ тихомъ, безвѣтренномъ воздухѣ распространяется также и вкусный паръ отъ крупяной похлебки съ лучкомъ, съ картофелемъ и съ поджаренными «шкварками» изъ свинаго сала.

Отдѣльными группами привольно раскидываются люди на зеленой лужайкѣ и начинаютъ свой ужинъ. Рѣчи почти совсѣмъ утихаютъ—и слышится лишь одно смактованье. Не ѣдятъ только трое: кашеваръ, дежурный унтеръ-офицеръ да трубачъ;— они потомъ поужинаютъ себѣ на просторѣ, а теперь у каждаго своя забота: кашеваръ, въ бѣломъ фартукѣ, то и дѣло мѣшаетъ горячую похлебку большимъ деревяннымъ уполовникомъ да подливаетъ охочимъ ѣдокамъ, которые подходятъ къ нему со своими посудинами, прося прибавки; унтеръ-офицеръ наблюдаетъ за тишиной и порядкомъ, а трубачъ, время отъ времени, наигрываетъ разные кавалерійскіе сигналы.

— Это какой сигналъ? наставительно, экзаменаторскимъ тономъ, спрашиваетъ старослуживый дядька у двухъ племяшей-рекрутиковъ.

— Это, дядинька, должно статься, «направо»! неувѣренно отвѣтствуетъ одинъ изъ нихъ.

— Гдѣ-жь тебѣ «направо»?! «Направо» будетъ вотъ эдакъ: «лѣвый шенкель приложи и направо поверни», вразумительно подпѣваетъ дядька: — вотъ тебѣ «направо»! А это—самъ слышишь — это во какъ: тамъ, тамъ, та-ти-тамъ! тамъ, тамъ, та-ти-тамъ!

— Это, дядинька, «еплаяда», оскаливаясь широкою улыбкой, замѣчаетъ другой рекрутикъ.

— Эва, куда хватилъ! еплояда—та совсѣмъ иначе!.. Амплѣевъ! возвышая голосъ, поворачивается онъ къ трубачу:—трескани-ко племяшу еплояду! — пущай поучится!

Трубачъ играетъ деплояду.

— Вишь, она какъ! понимаешь? А это: тамъ, тамъ, та-ти-тамъ! это—наступленіе по полуэскадронно, послѣ чего атака въ разсыпку бываетъ на антилерію, аль на стрѣлковъ.

Трубачъ играетъ сигналъ «по-взводно налѣво кругомъ».

— А это что? знаешь?

— Знаемъ, дядинька, знаемъ! подхватываютъ въ разъ оба рекрута:—это, значитъ, «Антонъ козу веде, бисова коза нейде—иды-жъ»!

— Вѣрно! соглашается наставникъ:—эта Антонова коза, братцы, самый что ни есть лядащій сигналъ, потому онъ къ непріятелю спиной поворачивать повелѣваетъ! И ты его не моги любить!

— А коли начальство такъ укажетъ?

— Указъ это особь статья! укажутъ, такъ сполняй, а самъ по-себѣ ты все-жь-таки любить его не моги!

— А почему? наивно спрашиваетъ одинъ изъ племяшей.

— А потому что вашего брата нонѣ не бьютъ, такъ вы-и не знаете, что означаетъ спину подставлять. У тебя, къ примѣру сказать, гдѣ хрестъ-атъ? на груди, аль на спинѣ болтается?

— Извѣстно, на груди, дядинька.

— Вотъ то-то-же и оно! И для того, что у тебя хрестъ на груди, ты и есть православный воинъ, философствуетъ дядька: — потому въ писаніи сказано есть: «симъ побѣдиши» — это означаетъ, что хрестомъ ты непріятеля одолѣешь, а какъ хрестъ у тебя на груди, такъ значитъ и ломи на непріятеля грудью, а покажешь ему спину—онъ тебѣ ее пулями горячими и вспишетъ! Понимаешь?.. Потому-то вотъ, еплояду и вобче всякое наступленіе уважай, а Антонову козу не моги любить!

Кавалерійскіе сигналы, къ которымъ слова были нѣкогда сочинены знаменитымъ кавалеристомъ, графомъ Дмитріемъ Ерофѣевичемъ Остенъ-Сакенымъ, солдаты у насъ заучиваютъ вообще довольно скоро,—чему способствуютъ съ одной стороны именно слова, обращающія сигналъ въ подобіе пословицы или пѣсни, а съ другой стороны—самая система обученія, коль скоро она ведется такимъ образомъ, что въ свободныя минуты, (какъ напримѣръ, во время обѣда или ужина) трубачъ постоянно наигрываетъ сигналы на трубѣ, а

Библиотека "Руниверс"

Дріада (лѣсная нимфа) (См. стр. 428). **Картина А. Ко (Cot).** Гравюра эта пріобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками ея, Гупилемъ и Ко въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

опытные солдаты, заставляя молодежь вслушиваться въ звуки, учатъ ее съ голоса словамъ и объясняютъ при этомъ значеніе каждаго сигнала. Такимъ образомъ, обученіе не имѣя, такъ-сказать, казеннаго, принудительнаго характера, идетъ какъ-бы само собою, исподволь, незамѣтно и—глядишь—рекрутъ, поступившій въ полкъ въ мартѣ мѣсяцѣ, къ весеннему кампаменту знаетъ уже аллюрные и поворотные сигналы, а къ осеннему сбору изученіе его простирается и до знанія всѣхъ вообще сигналовъ, которые необходимы собственно солдату. Но замѣчательно при этомъ, что большую часть сигнальныхъ словъ солдаты переиначили совсѣмъ по своему, какъ напримѣръ, эту же самую «Антонову козу» и многіе другіе, гдѣ данъ у нихъ полный просторъ своеобразному и не всегда скромному юмору. Эти послѣдніе сигналы заучиваются еще скорѣе и охотнѣе.

— Смирно!.. раздается вдругъ команда дежурнаго унтеръ-офицера, который, запримѣтивъ въ кустахъ подходящаго къ кухнѣ эскадроннаго командира, спѣшитъ къ нему съ форменнымъ рапортомъ, что къ ужину, молъ, имѣется такая-то похлебка на столько-то порцій, при чемъ употреблено крупы столько-то фунтовъ, масла столько-то и проч. Дежурный обязанъ знать это съ самою полною точностію, такъ какъ выдача и пріемъ изъ кладовой всѣхъ вообще припасовъ и кладка ихъ въ котелъ производятся не иначе какъ въ его присутствіи, дабы не могло быть никакой потаенной сдѣлки между кашеваромъ и артельщиками.

При этомъ громогласномъ «смирно!» солдаты мгновенно оставили ложки и повскакивали съ мѣстъ, тотчасъ-же вытянувшись въ струнку.

— Сидите, ребята, сидите!.. Не вскакивать!.. Ѣшьте себѣ съ Богомъ! хлѣбъ да соль вамъ! еще издали предупреждаетъ ихъ, махая рукою, эскадронный командиръ, при чемъ, вслѣдствіе его словъ, солдатскія группы опять принимаютъ прежнее свободное положеніе, и работа челюстей начинается снова. Майоръ подходитъ къ кухнѣ, чтобы заглянуть въ котелъ, приказываетъ кашевару зачерпнуть себѣ уполовникомъ солдатской похлебки и, остужая губами, осторожно пробуетъ съ деревянной ложки вкусное и сильно горячее варево.

Но вотъ ужинъ конченъ. Эскадронъ собирается здѣсь-же, на лужайкѣ, въ одну тѣсную толпу, обращается лицомъ къ востоку и—по знаку запѣвалы—молитвенные звуки «Отче нашъ», исторгаемые болѣе чѣмъ изъ сотни сильныхъ, здоровыхъ грудей, стройно несутся вдоль по широкой глади засыпающаго озера.

Четверть часа спустя, эскадронъ уже угомонился, и въ глубокой тишинѣ, когда подойдешь случайно къ сараю, слышно, какъ жуютъ и хрустятъ зубами кони и какъ въ одномъ уголкѣ какой нибудь краснобай вполголоса разсказываетъ сказку засыпающимъ товарищамъ. На «господской» кухнѣ деньщикъ выбиваетъ дробь поварскими ножами, готовя битки на ужинъ. Въ освѣщенныхъ комнатахъ, сквозь растворенныя настежь окна, слышны звуки цитры и разговоръ офицеровъ, а въ прибрежныхъ кустахъ соловьи перекликаются своими яркими пѣснями...

Тишь—глубокая, невозмутимая тишь на землѣ и на небѣ; теплый и мягкій воздухъ полонъ вешнею влагою и пахнетъ жасминомъ, тополью и сосною, а въ то же время отдаетъ слегка и сыростью воды, когда чуть замѣтное дуновеніе мягкаго вѣтерка потянетъ съ озера къ лѣсу. Темная, но ясная ночь воцаряется надъ лѣсною пустыней.

ГЛАВА III.

Велля Гершуна.

Утромъ, часу въ одиннадцатомъ, къ крыльцу подводятъ засѣдланныхъ лошадей. Закуривъ сигары, мы цѣлою компаніей отправляемся въ луга, на траву, куда косцы очереднаго полуэскадрона ушли еще въ шесть часовъ, чтобы воспользоваться для работы временемъ, пока солнце не такъ сильно припекаетъ. Офицерскія собаки являются добровольными и неизмѣнными спутниками этихъ прогулокъ. Онѣ уже по этимъ конямъ, подведеннымъ къ крыльцу, какъ-бы догадываются, чуютъ и понимаютъ, что предстоитъ прогулка, и потому прыгаютъ вокругъ нихъ съ веселымъ визгомъ и лаемъ, пытливо и ласково засматривая въ глаза и людямъ, и конямъ.

Поѣхали. Выбрались изъ лѣсу; ѣдемъ по узкой межѣ, мимо зеленѣющаго овса, который является теперь великимъ соблазномъ для лошадей: такъ ихъ и тянетъ все нагнуть шею да защипнуть зубами вкусный зеленый пучекъ этого лошадинаго лакомства! И какъ имъ, должно быть, завидно теперь глядѣть на этихъ собакъ, которыя рыщутъ себѣ по полю гдѣ сами хотятъ, то и дѣло швыряясь въ стороны, ныряютъ въ овесъ, исчезая на минуту въ его зелени и снова мелькая на солнцѣ своею бѣлою волнистою шерстью съ коричневыми пятнами.—Это не то, что чинно и смирно идти на мундштукѣ, чувствуя на своей спинѣ всадника и покоряясь его волѣ, тогда какъ зеленыя метелки овса такъ и манятъ къ себѣ, словно-бы сами напрашиваются на зубы; а глупыя собаки и не догадываются, что здѣсь можно бы вдосталь налакомиться!.. Вотъ и луга. Стаи мелкихъ мотыльковъ и мушекъ, кобылки и коромысла вьются и рѣютъ надъ высокою травою, которая роскошною изумрудною зарослью покрыла болотистую низину. Верстахъ въ двухъ впереди видна дубовая роща, гдѣ торчатъ, между прочимъ, нѣсколько старыхъ деревьевъ, въ разное время опаленныхъ молніей. Не знаю ужъ почему, только громовые удары, по примѣтамъ мѣстныхъ старожиловъ, разражаются преимущественно надъ этою рощей. Вонъ, тамъ, неподалеку отъ нея видны ряды нашихъ косцовъ. Освѣщенные солнцемъ, они пестрѣютъ издали на зеленомъ фонѣ луга своими яркими рубахами, гдѣ перемѣшались цвѣта: розовый и голубой, красный, бѣлый и желтый. Подъѣзжаемъ совсѣмъ уже близко, такъ что явственно слышенъ мѣрный шуршащій звукъ лезвій нѣсколькихъ десятковъ косъ, подъ размахомъ которыхъ трава ложится волнообразными рядами. Косари правильною цѣпью подвигаются плавно впередъ—размахъ руки усерденъ и вѣренъ—работа кипитъ у нихъ, и обезпокоенныя лягушки, то и дѣло, въ смятеньи прыгаютъ изъ-подъ ногъ. Волосы на вискахъ у людей совсѣмъ уже смокли отъ обильнаго пота, а желѣзо косъ межъ-тѣмъ искрами сверкаетъ на солнцѣ, и лица у всѣхъ косарей бодрыя и веселыя — потому каждому извѣстно, что майоръ еще съ вечера приказалъ вахмистру захватить въ луга по порціи холоднаго мяса на человѣка да боченокъ водки.

Скляровъ, завидя «господъ», еще издали идетъ къ намъ навстрѣчу съ многодовольною, тихою улыбкой, задумчиво и машинально погрызывая и трощa въ зубахъ длинный стебелекъ какого-то полеваго злака. Но Шарикъ, никогда и ни гдѣ не отстающій отъ своихъ, уже далеко опередилъ его, успѣвъ повстрѣчаться и по обыкновенію снюхаться съ нашими сетерами. Ласково играя, грызясь и борясь съ ними лапами, онъ какъ-бы чувствуетъ, что здѣсь онъ въ нѣкоторомъ родѣ хозяинъ, къ которому пожаловали гости-пріятели и бодро въ припрыжку бѣжитъ къ намъ навстрѣчу со всей своей песьей компаніей, на много превосходящей его и ростомъ, и силою, что не мѣшаетъ имъ, однако жить между собою въ отличнѣйшей дружбѣ.

Подъ самой рощей стоитъ возъ и пасется пара стреноженныхъ артельныхъ лошадей, которыя вскорѣ повезутъ копну травы въ эскадронныя конюшни. Тутъ-же, рядомъ, подъ тѣнью развѣсистаго дуба, солдаты успѣли уже смастерить изъ валежника шалашикъ и

Библиотека "Руниверс"

покрыли его соломой да вѣтвями. Какъ хорошо теперь полежать на свѣжей душистой травѣ подъ его сѣнью! Въ шалашѣ поставлено ведро съ холодною водою изъ криницы, чтобы незачѣмъ было косцамъ далеко ходить, когда захочется промочить пересохшее горло,—и тутъ-же въ уголкѣ выглядываетъ изъ-подъ накиданной травы боченокъ, спиртуозный запахъ котораго ясно даетъ знать о томъ, что въ немъ заключается. Передъ шалашикомъ дымится маленькій костерокъ и на немъ въ котелкѣ что-то варится.

— А я, какъ значитъ въ ожиданіи, что ваше высокоблагородіе съ господами изволите пріѣхать, докладываетъ майору Скляровъ: — такъ собственно по той причинѣ самоварчикъ наставилъ, потому, думаю, можетъ, чаю угодно будетъ выпить; и вотъ тоже ребята купаться въ рѣчку бѣгали, такъ раковъ наловили для господъ,—варятся вонъ въ котелкѣ, скоро готовы будутъ,—можетъ, закусить пожелаете?—У меня про запасъ, значитъ, все захвачено съ собою!

Спасибо старому Склярову! его предупредительная заботливость устроила для насъ нѣчто въ родѣ таборнаго пикника, совершенно скромнаго, но — благодаря своеобразной обстановкѣ—очень пріятнаго. Это, между прочимъ, одно изъ проявленій тѣхъ простыхъ, довѣрчивыхъ, душевныхъ и такъ-сказать, родственно-добрыхъ отношеній, которыя, безъ малѣйшаго ущерба дисциплинѣ и субординаціи, благодаря Бога, существуютъ еще въ русской арміи между солдатомъ и «своимъ» офицеромъ.

Майоръ осмотрѣлъ траву, освѣдомился много-ли выкошено, сдѣлалъ нѣсколько соотвѣтственныхъ распоряженій и приказалъ людямъ на полтора часа зашабашить. Это время, т. е. около полудня, дается имъ на закуску и отдыхъ. Послѣдовала обычная процедура съ командирскою водкой, и затѣмъ солдаты разлеглись-себѣ въ тѣни подъ деревьями.

— Только, гляди, не ложись на брюхи, ребята, а то холера скрючитъ! внушительно предостерегъ ихъ при этомъ вахмистръ.

Мы между тѣмъ отлично позавтракали вкусными раками, въ-волю напились чаю и въ-волю отдохнули въ шалашикѣ. Два часа прошли незамѣтно. Люди, поднятые съ отдыха вахмистромъ, уже давно принялись за свою работу, когда мы нехотя разстались, наконецъ, съ гостепріимною сѣнью шалаша, гдѣ такъ пріятно лежалось и дремалось на душистой травѣ, замѣнявшей намъ тюфяки и диваны, и гдѣ можно было при томъ лежать въ тѣни, тогда какъ палящее солнце обливало землю потоками горячаго свѣта. Но, во всемъ послѣдовательный и всегда систематическій, хотя и коренной русскій человѣкъ, нашъ майоръ объявилъ намъ, что время ѣхать, потому дома обѣдъ ждетъ,—а майоръ, въ силу своего стародавняго обычая, не любилъ манкировать положеннымъ часомъ своего обѣда. Въ силу того же стараго (но нынѣ уже исчезающаго) обычая, который еще лѣтъ пятнадцать назадъ былъ общимъ обычаемъ въ русской кавалеріи,—офицеры и юнкера «своего» эскадрона, во время травы и на зимнихъ квартирахъ, всегда пользовались у майора открытымъ столомъ. Въ этомъ отношеніи нашъ добрый и простой майоръ былъ совсѣмъ командиръ стараго закала. И Боже сохрани, если бы въ то время, когда самъ онъ жилъ при эскадронѣ, какой-либо изъ его офицеровъ вздумалъ готовить для себя отдѣльный столъ на свои собственныя средства! Майоръ, конечно, не сказалъ бы ему ни слова, но почелъ бы себя глубоко и безпричинно обиженнымъ таковымъ поступкомъ. Однажды, его офицеры, зная очень хорошо, что онъ человѣкъ далеко не богатый, вздумали было со всевозможною деликатностью предложить ему каждый за себя условленную мѣсячную плату за столъ. Майоръ жестоко оскорбился этимъ предложеніемъ.

— Чортъ возьми! весь вспыхнувъ, вскричалъ онъ голосомъ исполненнымъ обиды и негодованія: — я, кажется, ничѣмъ не подалъ вамъ, господа, повода оскорблять меня подобнымъ образомъ! Я для васъ эскадронный командиръ, а не трактирщикъ! Я самъ былъ субалтерномъ и самъ всегда ѣлъ у своего командира.... Это обычай! — святой обычай!... И вы, когда будете эскадронными, вы его не преступите, если вы порядочные люди!.. Минута этой вспышки долго была памятна всѣмъ офицерамъ. Понятно послѣ этого, что уважая и цѣня въ своемъ майорѣ его честный, патріархальный нравъ и обычай, мы, конечно, подчинялись ему безпрекословно, а потому и теперь поспѣшили сѣсть на коней, когда онъ напомнилъ намъ, что дома обѣдъ ожидаетъ.

(Продолженіе будетъ).

Прелестный букетъ.

Разсказъ В. Щиглева.

Ровно въ девять часовъ утра проснулся Андрей Степановичъ Недопыкинъ. Проснувшись, онъ улыбнулся, дрыгнулъ обѣими ногами и вообще ощутилъ необыкновенную легкость во всемъ тѣлѣ. Однимъ энергическимъ жестомъ правой руки сбросилъ онъ пушистое байковое одѣяло, вскочилъ и попалъ сразу въ туфли.

— «Эхъ, была не была!» воскликнулъ господинъ Недопыкинъ.

Очевидно было, что Андрей Степановичъ рѣшился на какой-то подвигъ: впрочемъ, это вѣдь не секретъ: онъ возымѣлъ твердое намѣреніе отправиться сегодня вечеромъ въ домъ господина...

Но, позвольте! Вы вѣдь совершенно еще не знакомы съ господиномъ Недопыкинымъ, даже не знаете, каковъ онъ изъ себя.

Андрей Степановичъ весьма приличный мужчина; лѣтъ ему тридцать два—тридцать три. Если вы видѣли когда нибудь помощник столоначальника, отправляющагося на службу, выбритаго до бархатости подбородка, въ новенькомъ вицмундирѣ, съ бѣлоснѣжными воротничками, то это вы и видѣли именно Андрея Степановича Недопыкина. Образованіе получилъ онъ далеко не блестящее, ибо окончилъ курсъ наукъ въ пятомъ классѣ гимназіи и, по протекціи дяди, поступилъ писцомъ въ его канцелярію. Тогда ему было около восемнадцати лѣтъ. Двѣ трети изъ скуднаго запаса знанія, почерпнутаго имъ въ гимназіи, онъ уже растерялъ, карабкаясь по чиновной лѣстницѣ. Когда господинъ Недопыкинъ докарабкался до стула помощника столоначальника, то въ головѣ его только и осталось одно смутное воспоминаніе о Всеобщей Исторіи, географіи и алгебрѣ. Изъ исторіи онъ помнилъ, что Римъ палъ отъ развращенности нравовъ, что Клеопатра была бабенка «мое почтеніе», а греки въ старину любили разныя игры и зрѣлища. Изъ географіи онъ почему-то никакъ не могъ позабыть, что гдѣ-то въ Америкѣ есть гора «Попокатепетль». Идя на службу, онъ даже иногда напѣвалъ это слово. Желая какъ-то разъ блеснуть познаніями передъ своей квартирной хозяйкой, тумбообразной мѣщанкой - вдовой, онъ и ей сообщилъ, что въ Америкѣ есть громадная гора, называемая «Попокатепетль». Хозяйка вздохнула, пробовала повторить это слово, но не могла и плюнула, проговоривъ: «Экіе, право, лѣшіе!» Андрей Степановичъ курилъ папироски, которыя самъ и дѣлалъ, т. е. покупалъ гильзы и набивалъ ихъ табакомъ. Коробка, въ которой постоянно лежали готовыя папиросы, носила названіе «Попокатепетль». Какъ и всѣ

Библиотека "Руниверс"

люди, герой нашъ былъ не безъ слабостей: во-первыхъ, особенно любилъ онъ сапоги хорошо сшитые и блестящіе, на большихъ каблукахъ (господинъ Недопыкинъ былъ небольшаго роста). Онъ даже разговаривалъ съ ними. «Ну, что ты—а?» говорилъ онъ, напримѣръ, разсматривая правый сапогъ:—«служить, канашка, кажется, хочешь отказаться?... И гдѣ ты это себя царапнулъ, бестія? Ну, что хорошаго, самъ посуди, если придется кругленькую эдакую заплатку положить? Эхъ, братъ! Лѣвый лучше ведетъ себя»!... Вторая слабость заключалась въ томъ, что Андрей Степановичъ, какъ человѣкъ холостой, иногда вечеркомъ, наединѣ съ самимъ собою, раскрывалъ объятія Музѣ, т. е., по просту сказать, писалъ разными размѣрами, съ рифмами гдѣ слѣдуетъ, прозу, полагая, что пишетъ стихи, преисполненные поэзіей. Такъ какъ господинъ Недопыкинъ былъ человѣкъ чрезвычайно аккуратный, то всѣ свои стишки записывалъ въ особую толстенькую книжечку въ прелестно-голубомъ переплетѣ. На заглавномъ листкѣ кудряватыми буквами было изложено: «Цвѣты досуга», затѣмъ нѣсколько пониже «А. С. Недопыкина» и еще ниже — «Санктъ-Петербургъ», годъ, мѣсяцъ и число.

Такъ и быть, приведемъ для образчика одинъ изъ такихъ «Цвѣтковъ досуга»:

«Опять любовь! Опять приливъ
Забытыхъ мыслей, грезъ летучихъ,
Страстей губительныхъ, кипучихъ...
Эгоистическій порывъ!
И ядъ сомнѣнья, ядъ ужасный!
О, милый другъ, о, другъ прекрасный,
Зачѣмъ будить во мнѣ любовь
Съ ея тоской и болью вновь»?...

Андрей Степановичъ уже четыре раза любилъ на своемъ вѣку и, разумѣется, безнадежно, а потому и считалъ себя вправѣ, влюбившись въ пятый разъ, воскликнуть: «Зачѣмъ будить во мнѣ любовь съ ея тоской и болью вновь»?..

Да, онъ опять любилъ! Но на этотъ разъ удачнѣе былъ для него «эгонстическій порывъ», и мы видѣли, въ какомъ даже игриво-веселомъ настроеніи духа проснулся сегодня Андрей Степановичъ. Дѣло въ томъ, что онъ порѣшилъ вечеромъ отправиться въ домъ господина Балыкова, Петра Петровича, увидѣть непремѣнно прелестную Ольгу Петровну, дочь Петра Петровича, и—рѣшить свою судьбу.

Онъ, около полугода, наблюдалъ Ольгу Петровну, подмѣчалъ ея взгляды, улыбку, тонъ голоса и — о, радость! за послѣдніе два мѣсяца убѣдился, что она къ нему... неравнодушна!... И что всего удивительнѣе, прелестная дѣвушка при отцѣ своемъ какъ-то особенно любезничала съ нимъ, но, оставаясь иногда tête a tête съ Андреемъ Степановичемъ, просто даже грубила ему и вообще казалась раздражительною, злою. Господинъ Недопыкинъ объяснилъ себѣ это явленіе такъ: «Она играетъ со мной, кокетничаетъ... шалитъ; ну, а при отцѣ-то это ей неловко, вотъ она поневолѣ и любезничаетъ тогда со мной!.. О, хитрой Еввы дочь!»...

— Петръ Петровичъ, какъ видно, не прочь назвать меня своимъ зятемъ. Онъ со мной всегда ласковъ, самъ всегда наливаетъ мнѣ за ужиномъ рябиновки «своей работы» и, вообще, благоволитъ ко мнѣ.... Да!.... Что-жъ, вѣдь онъ видитъ: я не что нибудь, а все-таки помощникъ столоначальника, ну, и кавалеръ ордена Станислава!...

Такъ размышлялъ Андрей Степановичъ и посматривалъ, не безъ удовольствія, на себя и на свои удивительно-вычищенные сапоги.

Умывшись, напившись чаю и одѣвшись, онъ отправился на службу. Дорогой опять разговорился самъ съ собой.

— Гм! Съ кѣмъ же прежде объясниться: съ папенькой или съ дочкой? Оно, конечно, съ отцомъ слѣдуетъ прежде, но это...это ужъ очень по казенному, да ктому-же она дѣвица, чортъ возьми, современная! Собственными глазами видѣлъ въ рукахъ у нея книжку «За и противъ женщинъ»... Гм! Пожалуй еще обидится, ежели я да помимо ея.... И такъ, объяснюсь съ ней! Шабашъ!...

Слово «шабашъ» господинъ Недопыкинъ такъ громко произнесъ, что извощикъ подбѣжалъ къ нему и спросилъ: «Куда прикажете»? Андрей Степановичъ разсердился и сказалъ: «Къ чорту!» Извощикъ тоже разсердился, но послалъ его уже не къ чорту... куда именно—герой нашъ не слыхалъ, потому что отошелъ уже довольно далеко отъ извощика. И хорошо сдѣлалъ.

— И такъ, объяснюсь съ ней, продолжалъ Адрей Степановичъ,—но.... какъ? По какому именно способу?...

Припомнилъ отъ тутъ два-три романа, но любовныя объясненія въ этихъ романахъ какъ-то не нравились ему, не совсѣмъ подходили къ данному случаю: одно, напримѣръ, происходило при лунѣ, около пруда, другое — на балѣ, за мазуркой...

— Нѣтъ, это все не то, да и неловко какъ-то такъ.... ни съ того, ни съ сего изъясняться въ любви...

Крѣпко задумался господинъ Недопыкинъ и очнулся только тогда, когда одинъ изъ младшихъ чиновниковъ обратился къ нему съ вопросомъ относительно потери отношенія за № 12573.

— Господи! чуть не въ слухъ проговорилъ Андрей Степановичъ и даже оглянулся.—Ужъ я на службѣ! за своимъ столомъ даже сижу!... Вотъ не замѣтилъ-то, какъ вошелъ въ швейцарскую, какъ снялъ пальто, поднялся по лѣстницѣ и сѣлъ на свое мѣсто... Удивительно! ноги-то свое дѣло сдѣлали и безъ меня!... Что вамъ? обратился онъ полу-сердито къ чиновнику, который смотрѣлъ на помощника столоначальника съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Чиновникъ повторилъ свой вопросъ.

— Ищите! У меня этого отношенія нѣтъ, да и некогда мнѣ тутъ съ вами!.. У всякаго свое дѣло.

Господинъ Недопыкинъ «махнулъ рукой нетерпѣливо» и молодой канцеляристъ «склонившись» отошелъ отъ стола.

Андрей Степановичъ обмакнулъ перо, черкнулъ имъ раза два на бумагѣ «Недопыкинъ», потомъ вывелъ очень красиво «Ольга» и оцѣпенѣлъ, уставивъ глазаа на уголъ шкафа съ дѣлами. Канцеляристъ изподтишка не переставалъ наблюдать за нимъ, но, наконецъ, бросилъ это занятіе.

За три минуты до появленія столоначальника, Андрей Степановичъ произнесъ довольно громко: «Нашелъ»!

Канцеляристъ, грустя о потери отношенія за № 12573, встрепенулся, вскочилъ съ своего мѣста и подошелъ къ г. Недопыкину.

— Такъ позвольте-съ! Я такъ и думалъ, что оно у васъ, Андрей Степанычъ...

— Что-о?..

— Отношеніе за... вы изволили найти... которое...

Г. Недопыкинъ вытаращилъ глаза.

— Вамъ по-русски говорятъ, а? Вѣдь ужъ я вамъ сказалъ? Ступайте!

Дѣйствительно, никакого отношенія за № 12573 Андрей Степановичъ не находилъ, и, если крикнулъ «нашелъ!», то это относилось къ счастливѣйшей мысли, которую онъ только что уловилъ.

— Да, именно такъ! куплю букетъ — ну, рубля три-четыре куда ни шло! и въ букетъ-то этотъ.... хе, хе, хе!... записочку! Вотъ вѣдь и передъ началомъ фейерверка всегда прежде пустятъ ракету.... Она увидитъ, прочтетъ и.... и затѣмъ послѣдуетъ объясненіе.

Господинъ Недопыкинъ облегчилъ себя глубокимъ вздохомъ и вслѣдъ за этимъ положилъ передъ собой казенный бланкъ.

— Сейчасъ-же и составлю. Надо, чтобъ и коротко вышло и сильно, проговорилъ онъ про себя и обмакнулъ перо. Около получаса сочинялъ онъ, маралъ, передѣлывалъ и, наконецъ, составивъ окончательно на-черно «записочку», прочелъ про себя слѣдующее:

«Я васъ люблю! Принявши сей букетъ,
Отвѣтьте просто: да иль нѣтъ»?...

Изготовивъ такое «сильное» двустишіе, Андрей Степановичъ положилъ его въ ящикъ стола и занялся уже «настоящими» дѣлами. Въ концѣ «присутствія» онъ досталъ великолѣпный почтовый листокъ, отдѣлилъ отъ него половинку, потомъ отъ этой половинки взялъ опять-таки половинку и уже на ней красными чернилами красиво написалъ

Библиотека "Руниверс"

двѣ вышеупомянутыя строчки. Почему онъ написалъ ихъ именно красными чернилами — неизвѣстно; но надо думать, что Андрей Степановичъ подъ красными чернилами подразумѣвалъ свою кровь, какъ будто-бы стальное перо онъ обмакнулъ не въ чернильницу, а въ собственное свое влюбленное, горячее сердце.

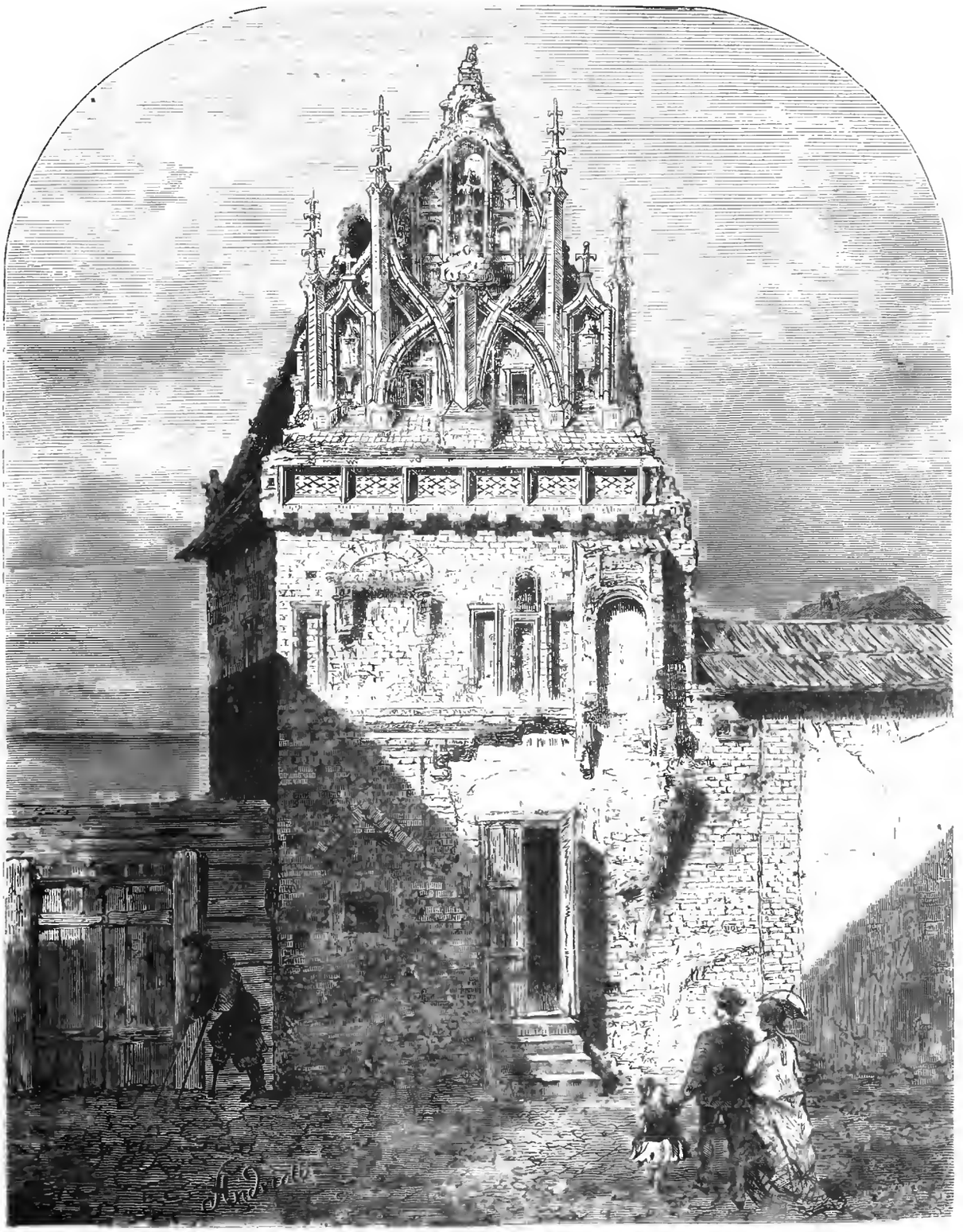
Полюбовавшись двустишіемъ, онъ призадумался.

— Подписаться или не подписаться?... Если черкнуть «Недопыкинъ»... гм! чортъ знаетъ, какъ скверно звучитъ! А безъ подписи какъ-то нельзя.... Одно имя — Андрей?... Тоже — гадко: будто лакей какой нибудь... По-французски развѣ? Да какъ по-французски Андрей?... Андрэ?... Должно быть такъ. Оборотное *е* на концѣ.

Сложивъ записочку, господинъ Недопыкинъ положилъ ее въ правый карманъ жилетки (въ лѣвомъ покоились часы) и отправился домой успокоивать желудокъ.

* * *

— Ну, будетъ лежать! воскликнулъ Андрей Степановичъ, взглянувъ на стѣнные часы: — половина шестаго — пора снаряжаться. Послѣобѣденная тяжесть исчезла!...



Зданіе называемое храмомъ Перкуна въ Ковно. Рис. Андріоли, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

Господинъ Недопыкинъ вскочилъ съ кушетки и, слегка подпрыгивая, направился къ дверямъ, которыя вели въ корридоръ. Отворивъ дверь, онъ крикнулъ:

— Марья Васильевна!

— Я за нее, отвѣтилъ откуда-то голосъ хозяйки.

— Скажите, пожалуйста, Степанидѣ, чтобъ она принесла теплой воды въ рукомойникъ. Есть теплая вода?

— Какъ не быть! Сейчасъ. Степанида!

— Хе! произнесъ Андрей Степановичъ:—пріятно, чортъ возьми, изъ простаго вторника сдѣлать рѣшительный вторникъ, вотъ какъ я сегодня сдѣлалъ!

Тутъ онъ опять слегка подпрыгнулъ, причемъ лѣвая туфля вспорхнула съ лѣвой ноги и отлетѣла аршина на два отъ него. Андрей Степановичъ на одной правой ногѣ поскакалъ за туфлей.

— Вишь ты какъ—ловко! раздалось въ дверяхъ.

Господинъ Недопыкинъ, остановившись надъ туфлей, обернулся съ недовольнымъ видомъ и произнесъ сердито, обратившись къ Степанидѣ:

— Принесла? Ну, наливай въ рукомойникъ!

Степанида налила и затѣмъ подошла къ тому мѣсту, гдѣ стояли сапоги покрытые старой простыней.

— Какіе чистить-то брать? спросила она.

— Новые, отвѣтилъ Андрей Степановичъ и подошелъ къ умывальнику.

— Это тоненькіе-то?

— Ну-да, тоненькіе. Хорошенько вычищи—смотри!

— Завсегда хорошо чищу.

— Завсегда! Нѣтъ, ты вотъ любишь воды много лить, оттого мѣстами блеститъ, а мѣстами—тусклыя пятна.

— Это ужъ кожа такая-съ, а я густо завсегда...

— Ну, не разговаривай, а иди и—чище!

— Зачѣмъ воды много лить? Это вы напрасно...

— Кожа такая! много ты понимаешь въ кожѣ!..

— Я воды самую чуточку...

— Ну, ступай, ступай!

Степанида вышла, захвативъ съ собой тоненькіе сапоги.

Умывшись, Андрей Степановичъ занялся вставленіемъ запонокъ въ чистую рубашку. Покончивъ съ этимъ, онъ о чемъ-то задумался и вдругъ воскликнулъ:

— Ахъ-да! все-ли я купилъ, что записалъ сегодня утромъ? Да—нѣтъ! Совершенно забылъ объ этомъ!...

Снявъ со стула черную суконную жилетку, онъ вынулъ изъ праваго кармашка двѣ сложенныя бумажки, развернулъ ихъ, посмотрѣлъ и снова сложилъ. Одну бумажку положилъ на столъ, другую—въ жилеточный карманъ.

— Чортъ возьми! Да я и въ лавку не заходилъ... Совсѣмъ изъ памяти вонъ... Это седце мое торопилось! О, ты сердце!... Впрочемъ, одеколону-то еще есть немножко, ну а остальное не къ спѣху—куплю завтра.

Черезъ полчаса Андрей Степановичъ былъ почти уже готовъ. Прелестныя сѣрыя брюки какъ-то особенно пріятно сидѣли на ногахъ его; бархатная синяя жилетка накрыла уже туго-накрахмаленную грудь рубашки... Господинъ Недопыкинъ возился теперь съ золотой часовой цѣпочкой, стоя передъ зеркаломъ... Все какъ-то не то выходило... не красиво! То цѣпочка слишкомъ ужъ низко висѣла, то опять высоко... золотой крючекъ цѣпочки совершилъ путешествіе по всему борту жилетки и, наконецъ, отправясь снова путешествовать по той же дорогѣ, остановился на половинѣ пути и... вдругъ...

— Нѣтъ, это не годится! Сѣрыя брюки, синяя жилетка, коричневая визитка... Пестро! наконецъ, вѣдь я ѣду не просто на вечеръ... Дѣло серіозное... объясненія... Надо посолиднѣе! Весь въ черномъ... Да! впрочемъ, брюки—ничего, они темно-сѣрыя. Можно и въ нихъ...

Все это Андрей Степановичъ проговорилъ торопливо, снимая жилетку и облекаясь въ черную.

— Ай, ай, ужъ скоро семь! Да проѣдешь туда, пожалуй, около часа... Поживѣй, Андрюша! Еще за букетомъ заѣхать надо...

Черезъ пять минутъ на улицѣ раздался голосъ господина Недопыкина:

— Извощикъ! Въ Надеждинскую!

* * *

Въ уютной голубенькой комнаткѣ, въ которой стояла кроватка съ кисейными занавѣсками, а въ воздухѣ пахло слегка тонкими духами, у столика сидѣла стройная свѣженькая брюнетка, лѣтъ девятнадцати. Она была въ сѣромъ шерстяномъ платьѣ съ отдѣлкой изъ пунцовыхъ атласныхъ лентъ. Волосы у нея были острижены, но не коротко, такъ что изъ-за вьющихся, густыхъ темныхъ прядей—шеи сзади совсѣмъ не было видно. Чтобы волосы на падали на лобъ и щеки—красная бархатная лента поддерживала ихъ; немного повыше надъ лѣвымъ ухомъ изъ этой же ленты былъ сдѣланъ бантъ, концы котораго, довольно длинные, падали на лѣвое плечо. Она держала передъ собой исписанный почтовый листикъ, который былъ ярко освѣщенъ небольшой лампой съ голубымъ абажуромъ.

Молодая дѣвушка слегка морщила свои черныя брови и что-то говорила, беззвучно шевеля губами. Немного погодя, она положила листокъ, вздохнула, оперлась локтемъ на столъ и склонила голову на руку.

Въ эту минуту кто-то слегка стукнулъ въ дверь.

Дѣвушка вздрогнула, машинально схватила листокъ и спрятала его въ карманъ, но сейчасъ же улыбнулась, вспомнивъ, что сама же она заперла дверь на задвижку.

— Это ты, Маша?

— Я-съ, отвѣтилъ женскій голосъ за дверь, — да вы что-же заперлись-то?

— Такъ... А тебѣ что нужно?

— А вотъ, самоваръ сейчасъ подаю, такъ извольте пожаловать чай дѣлать. Папенька и то ужъ спрашивалъ про васъ.

— Приду. Есть кто нибудь?

— Изъ дамъ еще никого. Феофилъ Самсонычъ пришли и еще какой-то полковникъ... Ольга Петровна!

— Ну? чего ты тамъ смѣешься?

— И «этотъ» ужъ пришелъ...

— Кто *этотъ?*

— Ну-да этотъ-то... чиновникъ—Недопыкинъ! вдругъ, фыркнувъ, прибавила Маша.

— Очень нужно...

— Ахъ, не говорите такъ!... Да пустите меня въ комнату-то!... Онъ къ вамъ съ подаркомъ... да-съ!

Ольга Петровна вспыхнула, встала, подошла къ двери и впустила горничную Машу.

— Съ какимъ подаркомъ? что ты врешь!

— Сами увидите. Прелестный букетъ-съ!

— Букетъ?

— Ну-да, изъ живыхъ цвѣтовъ. Только пресмѣшной онъ, право... ха, ха, ха!

— Кто—букетъ?

— Нѣтъ, не букетъ, а господинъ Недопыкинъ. Ну, какъ же: впустила я его, снимаю съ него шинель, смотрю—а подъ шинелью-то у него—букетъ въ бумагѣ. Сейчасъ онъ эту бумагу бросилъ, букетъ въ шляпу засунулъ и спрашиваетъ: «Никого въ залѣ нѣтъ?» Никого, говорю. Бросился онъ въ залу. Я выглянула изъ-за двери. Смотрю: бѣжитъ онъ на цыпочкахъ къ окошку, а какъ добѣжалъ—сейчасъ букетъ-то прислонилъ къ цвѣточному горшку, потомъ цвѣтокъ, что-ли, въ букетѣ поправилъ—не разглядѣла,—да и поставилъ на окошко, передъ букетомъ, шляпу свою, это чтобы букета-то не видно было.... Сюрпризъ вамъ хочетъ сдѣлать!...

— Ну, хорошо... что-жъ, я цвѣты люблю, проговорила Ольга Петровна, слегка сдвинувъ брови, и нетерпѣливо прибавила:—иди, иди! я сейчасъ приду.

Маша убѣжала. Молодая дѣвушка поспѣшно снова заперла дверь на задвижку, подошла къ столу, вынула изъ кармана исписанный листокъ, пробѣжала глазами послѣднія строчки и, доставъ почтовый розовый листокъ, сѣла и написала слѣдующее:

Библиотека "Руниверс"

«На твое письмо, Nicolas, отвѣчаю второпяхъ. Сегодня, кажется, вопросъ разрѣшится. *Онъ* уже у насъ и вдобавокъ—съ букетомъ. Нѣтъ-ли въ букетѣ «объясненія?» Титулярные совѣтники на это способны. Папаша къ нему, видимо, благоволитъ... Если папаша, наконецъ, выскажется положительно... Ну, тогда я тебя извѣщу и ты можешь тогда меня «похитить»; впрочемъ, это я и сама могу устроить, сѣвши въ извощичьи санки.—Твоя О.».

Розовая бумажка была вложена въ розовый конвертикъ, а на конвертикѣ появилась пятикопѣечная марка.

* * *

Довольно большое общество сидѣло за чайнымъ столомъ. Ольга Петровна, какъ молодая хозяйка, разливала чай. Андрей Степановичъ, хотя и былъ въ тревожномъ состояніи духа, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя хорошо... Букетъ, еще до чаю, онъ успѣлъ вручить Ольгѣ Петровнѣ: отъ него не ускользнуло, что прелестная дѣвушка замѣтила кончикъ бумажки между вѣткой левкоя и красной камеліей... Букетъ былъ принятъ... принятъ даже съ обворожительной улыбкой!...

Прихлебывая чай, господинъ Недопыкинъ поглядывалъ на предметъ своей страсти, и сердце его сладостно трепетало, потому что Оленька была чрезвычайно весела, болтлива... Она и на него какъ-то особенно смѣшливо посматривала... По букета около нея не было...

«Гм! прочла-ли она записочку? думалъ онъ: «кажется, прочла... Что-то такое творится у нея теперь въ сердечкѣ—ужъ я вижу! Поди, вотъ, разгадай женщину!.. Чему она радуется? объясненію?... Ждала она его?... Спрошу, чортъ возьми!... И куда это она букетъ дѣвала?...»

Въ это время на другомъ концѣ стола, около Петра Петровича, шелъ шумный разговоръ на тему объ искорененіи пьянства въ народѣ. Андрей Степановичъ, воспользовавшись всеобщимъ шумомъ, всталъ и съ пустымъ стаканомъ въ рукѣ отправился къ молодой хозяйкѣ.

— Вамъ еще налить? спросила Ольга Петровна.

— Да-съ, но позвольте нѣсколько послабѣе...

— Сейчасъ налью! Идите, я вамъ передамъ туда ..

Но онъ не пошелъ туда, а наклонившись къ ней прошепталъ:

— Не томите... не мучьте! Прочли?...

— Прочла, почти громко отвѣтила Ольга Петровна, запуская щипчики въ сахарницу.

— Жду вердикта, жду слова...

— Это не отъ меня зависитъ... Папаша вамъ скажетъ... Ну, вотъ вамъ чай—идите на мѣсто!

— Благодарю-съ!

Андрей Степановичъ принялъ стаканъ изъ прелестныхъ ручекъ, но опять наклонился и шепнулъ:

— Гдѣ-же букетъ?

— Подъ моимъ стуломъ... Смотрите, чай прольете на меня!

Но онъ чаю не пролилъ, а уронилъ только ложечку, которая какъ-то особенно рѣзко звякнула на паркетѣ.

И вдругъ все смолкло. Всѣ обернулись и посмотрѣли на господина уронившаго ложечку, какъ будто случилось необыкновенное событіе.

— Хе, хе... Это вы, Андрей Степановичъ? засмѣялся Петръ Петровичъ.

— Я-съ, отозвался господинъ Недопыкинъ, уже поднявшій ложечку и усаживающійся на свое мѣсто:—выскользнула она у меня какъ-то...

— Бываетъ, бываетъ.

— Оля, ты что вертишься тамъ? спросилъ господинъ Балыковъ веселымъ тономъ:—ты что-то тоже уронила?...

— Букетъ уронила! Сейчасъ подниму...

И она наклонилась, опустивъ руку подъ стулъ.

— Э! да вѣдь въ самомъ дѣлѣ—букетъ! воскликнулъ Петръ Петровичъ.—Откуда? Съ потолка упалъ?

Ольга Петровна побѣжала къ отцу. Все общество устремило глаза на букетъ.

— Это, папаша, подарокъ господина Недопыкина, сказала она,—не правда-ли, хорошенькій букетъ?

— Прелестный, моя милочка, прелестный!

Букетъ очутился въ рукахъ Петра Петровича.

— А это что-жъ такое?...

Онъ вытянулъ изъ средины букета сложенную бумажку.

— А это... папаша... должна быть... записка... Только я не смѣла безъ васъ ее прочесть...

Господинъ Балыковъ слегка нахмурилъ брови.

— Записка?... А вотъ, прочтемъ.

Андрей Степановичъ вспыхнулъ и наклонился надъ стаканомъ.

— И зачѣмъ это она при всѣхъ... Э, да все равно. Вотъ, сейчасъ Петръ Петровичъ встанетъ и провозгласитъ: «господа! рекомендую: женихъ и невѣста...» Престранная дѣвушка!...

Мысли эти молніей мелькнули въ его головѣ.... Но не всталъ Петръ Петровичъ, а еще пуще нахмуривъ брови, ничего не провозгласилъ, а просто громко сказалъ:

— Господинъ Недопыкинъ! Это что-же такое? а?...

Андрей Степановичъ поднялся со стула. Краска исчезла съ его лица.

— Позвольте, Петръ Петровичъ, началъ онъ дрожащимъ голосомъ,—я, конечно, виноватъ... потому что... такъ-сказать помимо васъ, но...

— Продолжайте, продолжайте!

— Но, я полагаю, что это... это... собственно говоря, чтобъ узнать только...

— Ну-съ? дальше!

— А потомъ я былъ намѣренъ лично передъ вами... Вы подавали мнѣ всегда надежду... и я видѣлъ, что вотъ и онѣ...

— Да вакса-то тутъ зачѣмъ? крикливо перебилъ его господинъ Балыковъ, тыкая воздухъ бумажкой.

— Вак...са... какъ-съ?...

Андрей Степановичъ остолбенѣлъ и покраснѣлъ такъ, что казалось вотъ-вотъ вспыхнутъ у него волосы...

— Вакса—да-съ! Одеколонъ... подтяжки... мыло... Что-же это—насмѣшка, что-ли?...

Господинъ Недопыкинъ стоялъ съ открытымъ ртомъ... Глаза его блуждали, какъ у помѣшаннаго...

— Какъ же вы это осмѣлились—а? Подобныя насмѣшки не могутъ быть терпимы нигдѣ!.. взволнованнымъ голосомъ продолжалъ хозяинъ.—И, наконецъ, она вамъ не кузина, она для васъ дѣвица посторонняя... Прошу покорно, какія шутки! Шалить такъ простительно гимназисту!... Это—неуваженіе, невѣжество!...

— Петръ Не...

— Молчите! Какую я вамъ подавалъ надежду? когда? Я недоволенъ своимъ домовымъ управляющимъ и думалъ васъ пригласить на его мѣсто... Какъ же вы смѣли писать такія гадости—и кому-же? дѣвицѣ!...

Букетъ и бумажка полетѣлина полъ.

— Милостивый государь!

Андрей Степановичъ собрался съ духомъ и шагнулъ къ господину Балыкову.

— Милостивый государь! перебилъ его Петръ Петровичъ. —Тотъ, кто оскорбляетъ мою дочь—оскорбляетъ меня. Понимаете-ли вы это?...

— Позвольте мнѣ...

Въ эту минуту въ прихожей раздался звонокъ, но его почти никто не слышалъ: такъ всѣ были заинтересованы этой сценой.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ вамъ сказать! Молите Бога, что я еще добрый человѣкъ. Другой на моемъ мѣстѣ обратился-бы къ защитѣ закона, ибо тутъ нанесено оскорбленіе почти дѣйствіемъ... Понимаете?... Но я, принимая во вниманіе...

— Ахъ, Варвара Николавна! Любочка! Зина! крикнула Ольга Петровна и бросилась къ новымъ гостьямъ.

— А, ваше превосходительство! воскликнулъ Петръ Петровичъ, подходя къ генеральшѣ Варварѣ Николаевнѣ.—Милости просимъ! А его превосходительство?...

— Онъ еще будетъ, будетъ, пропѣла генеральша.

Господинъ Недопыкинъ незамѣтно исчезъ изъ столовой.

Библиотека "Руниверс"

Зданіе называемое храмомъ Перкуна, въ Ковнѣ

Древнее зданіе это, нынѣ уже не имѣющее первоначальнаго назначенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ перешло въ частную собственность и было перестроено, съ сохраненіемъ только верхней его части, какъ наикрасивѣйшей; а нѣсколько прежде, повидимому, служило помѣщеніемъ католическому костелу. Впослѣдствіи же здѣсь давали представленія актеры, пріѣзжіе изъ Вильны и другихъ провинціальныхъ городовъ.

Откуда произошло преданіе о храмѣ Перкуна (литовскій Перунъ)—трудно себѣ представить; но однообразная архитектура зданія и одинаковая форма кирпичей отъ самаго фундамента—указываютъ уже на значительное искусство строителя, по всей вѣроятности чужеземца, или по крайней мѣрѣ заставляютъ относить все это зданіе цѣликомъ къ одной эпохѣ.

Извѣстно, что крыжаки (крестоносцы), преимущественно въ XIII и XIV вѣкѣ, предпринимали свои походы вглубь Литвы, по по обоимъ берегамъ Нѣмана, воздвигая въ завоеванныхъ земляхъ замки и храмы,—они-то по всей вѣроятности построили и этотъ домъ Божій, о которомъ не упоминается ни въ хроникахъ, ни актахъ городскихъ, ни въ «Старожитной Польшѣ» Балинскаго и Лелевскаго.

Главный фасадъ святыни, сложенный изъ разноцвѣтныхъ кирпичей, можетъ быть отнесенъ къ чисто-готическому стилю.

Городъ Ковно, расположенный при впаденіи Виліи въ Нѣманъ, имѣетъ 10 церквей, въ томъ числѣ одна греко-россійская и одна лютеранская, 7 католическихъ монастырей, прекрасную ратушу, гимназію. Здѣсь же поставлена чугунная пирамида въ память освобожденія Россіи отъ нашествія враговъ въ 1812 году. Ковно славится липецкимъ медомъ, своими пивоварнями и льняно-ткацкими фабриками. Судоходство довольно развито. Торговля производится преимущественно хлѣбомъ и медомъ. Въ городѣ 20,000 жителей, изъ которыхъ почти половина евреи.

Дріада.

(Поэма лѣтняго дня).

Утро дышетъ ароматомъ,
Свѣтитъ солнце сквозь березы.
Ночь оставила на листвѣ
Бриліантовыя слезы,
Словно кто-то плакалъ страстно
До зари насъ лѣсомъ чистымъ...
А за лѣсомъ плесъ широкій
Вспыхнулъ заревомъ огнистымъ,
Въ немъ мѣняются и блещутъ
Пурпуръ, золото и розы;
По краямъ глядятся въ воду
Ненасмотрятся березы.
Вѣтерокъ подернетъ зыбью—
Пламя плеса потухаетъ,
Листва тихо колыхнется
Слезы свѣтлыя роняетъ...
Вѣтерокъ подернетъ зыбью
И колышатся вершины...
И цвѣточной пылью сыплютъ
Бѣлыхъ павокъ пуховины—
И дыша благоуханьемъ
Заливаютъ птицы ярче...
Съ каждымъ мигомъ лѣсъ пышнѣе...
Солнце выше... утро жарче...

* * *

Знойный полдень... вѣтеръ тихій—
Чуть проснется, замирая.
Лѣсъ недвиженъ въ блескѣ солнца;
Яркой зеленью сверкая,
Въ тихой дремѣ никнутъ листья
И струится духъ смолистый.
Надъ дупломъ роятся пчелы,
Шмель жужжитъ въ глуши тѣнистой—
А подальше въ чащѣ темной
Пахнетъ сочными грибами,
По деревьямъ бѣлки скачутъ,
Зайки рыщутъ подъ кустами,
Изъ-подъ груды бурелома
Чуть мелькаетъ хвостъ лисицы,
Надъ черемухою старой
Вьются цѣлой тучей птицы;
Перепутались вершины—
И на просвѣтахъ узорныхъ,
Словно чьи-то шапки много
Гнѣздъ виситъ, какъ комья, черныхъ.
Ключъ подъ кочками таится,
Только слышно какъ рокочетъ
Будто порослямъ прибрежнымъ
Разсказать онъ что-то хочетъ...
Не про то-ль, что, какъ ребенокъ,
Молодъ онъ и рвется въ поле
Погулять на Божьемъ солнцѣ
По лугамъ на вольной волѣ?..

* * *

Дальше бѣлыя ложбины,
Словно узкія дорожки;
На пескѣ ихъ такъ замѣтенъ
Слѣдъ изящной, голой ножки...
Узкой, легкой, граціозной,
Словно здѣсь по чащѣ темной
Шла красавица дріада
Къ этой низинѣ поемной,
Гдѣ деревья великаны
Обступили топь лѣсную,
Рѣчку въ зарослях зеленыхъ
Неподвижную, нѣмую.
Вся она въ душистый паръ
Словно прячется отъ свѣта,
Струйка въ ней не шелохнется,
Чуть течетъ подъ зноемъ лѣта.
Гдѣ нибудь сверкнетъ на солнцѣ
И опять въ кустахъ таится...
Цѣлый рой стрекозъ зеленыхъ
Въ этой низинѣ рѣзвится..
То скоропятся въ осокѣ,
То надъ паромъ душистымъ.
Распустивъ сквозныя крылья
Вьются съ звономъ серебристымъ.
А въ отвѣтъ имъ, въ гибкихъ лозахъ,—
Куличокъ порою свиснетъ,
Да щегленокъ шаловливо
Яркой пѣсней такъ и брызнетъ,
Словно онъ надъ кѣмъ смѣется;
И чуть-чуть сквозь эти звуки
Тихо слышенъ, замирая,
Голосъ полный страстной муки...
Къ сердцу ластится такъ нѣжно
Словно дѣвушка порою,
Скажешь—голубь бѣлоснѣжный
Такъ воркуетъ надъ тобою...
Слышишь голосъ и нѣмѣешь:
Ужь не сильфы-ль вьются гдѣ-то?..
Не русалка-ль косу чешетъ?
Или яркій праздникъ лѣта,
Пробуждая въ сердцѣ грезы,
Въ немъ рождаетъ эти звуки!..
Нѣтъ въ природѣ этой пѣсни,
Нѣтъ такой блаженной муки.
Нѣтъ!.. но чу!.. какой-то шорохъ...
Чье мелькнуло покрывало?
Чей роскошный русый локонъ—
Свѣтомъ въ листвѣ осіяло?..
Тихій смѣхъ... и сквозь березы
Снова звуки вьются... вьются...
Каплютъ на душу какъ слезы,
Будто стрѣлы въ сердцѣ бьются.
Радъ-бы плакать вамъ навстрѣчу.
Засмѣяться вмѣстѣ съ вами...
И стою я очарованъ
За зелеными кустами.
Словно вѣтеръ въ чащѣ лѣса,
Пѣсня тихая смолкаетъ...
И въ отвѣтъ ей голосъ юный
Пѣсню страсти начинаетъ.
Рѣетъ въ блескѣ пѣсня эта,
То орлицею взовьется,
То погаснетъ, оборвется,
Вспыхнетъ вдругъ—и въ мірѣ свѣта
Быстрой ласточкою вьется..

* * *

Онъ.

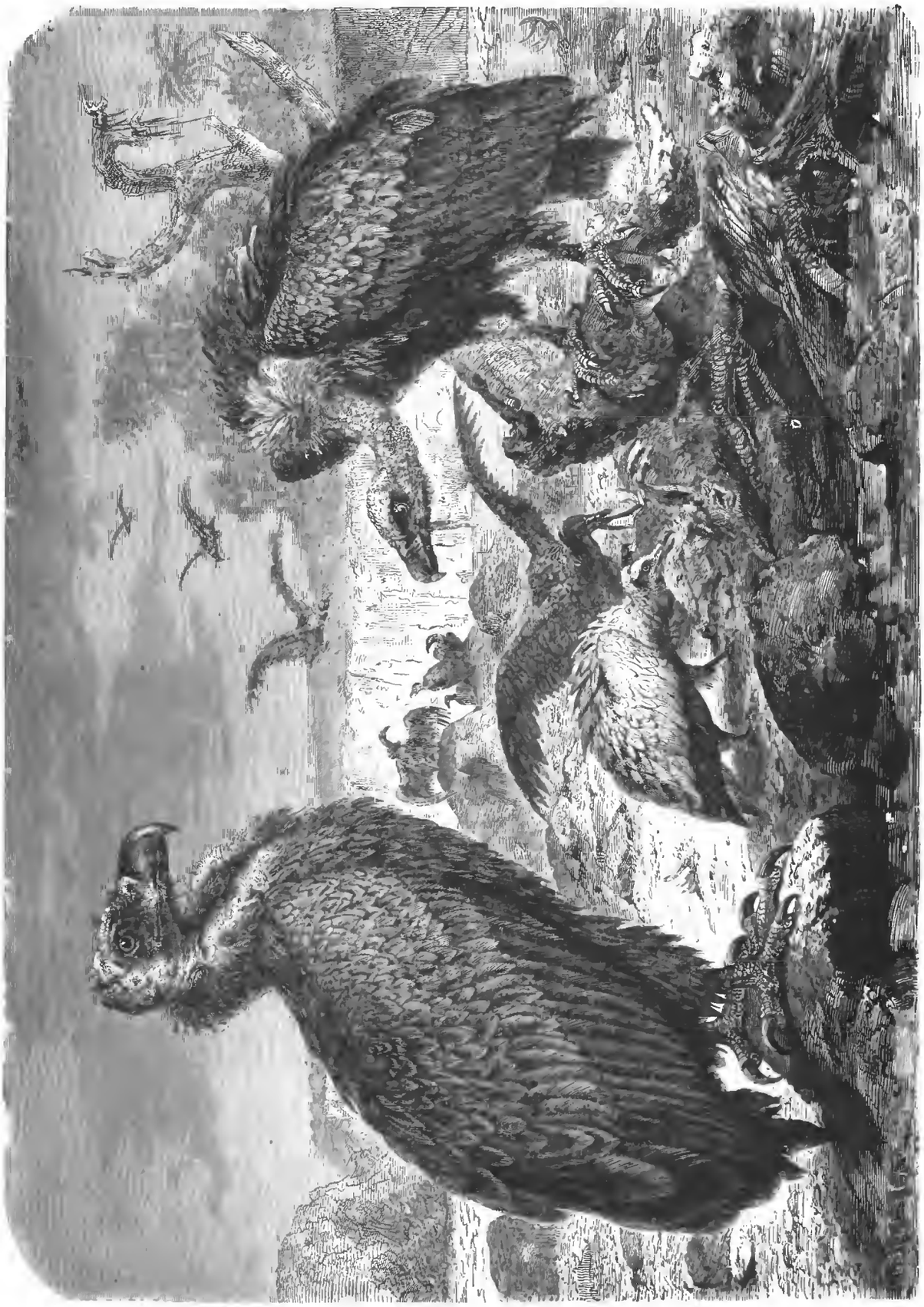
Пусть все промчится, пусть вѣнчикъ розы
Сорветъ зима;
Пусть меркнетъ небо, бушуютъ грозы,
Густѣетъ тьма;
Пока мы живы, пока мы юны—
Клокочетъ кровь,
Звучатъ лобзанья и славятъ струны
Любовь, любовь...
Отдайся смѣло велѣнью страсти—
И все забудь.
Ея великой, блаженной власти—
Покорна будь.
Не для того-ли разцвѣтъ прекрасный,
Чтобъ плодъ созрѣлъ?
Люби для счастья, для жизни ясной—
Таковъ удѣлъ...
Осенній вѣтеръ цвѣты срываетъ
Ихъ бьетъ морозъ;
Гдѣ милый вѣнчикъ, никто не знаетъ,
Отъ пышныхъ розъ...
Но тотъ кто разъ благоуханьемъ
Тѣхъ розъ дышалъ—
О нихъ зимою воспоминанья
Благословлялъ.
Пусть бьется вьюга, трещатъ морозы...
Пусть ночь темна,—
Все тѣ-же въ сердцѣ сіяютъ розы
И та-жь весна...
Пока мы живы, пока мы юны—
Клокочетъ кровь,
Звучатъ лобзанья и славятъ струны
Любовь, любовь!..

* * *

Вся обвита бѣлымъ флеромъ,
Словно лѣтній день прекрасна,
Лѣса темнаго дріада
Никнетъ къ милому такъ страстно,
Сердце къ сердцу, очи въ очи,
Не проронитъ въ пѣснѣ слова...
Съ робкой дрожью, ждетъ лобзанья
И отдаться вся готова...
Только-бъ—смѣлое движенье,
Вызывающее слово...
Свѣтитъ солнце сквозь березы,
Очарованный гляжу я:
Сквозь мольбы, признанья, слезы,
Онъ срываетъ вѣнчикъ розы...
Слышны звуки поцѣлуя...
И въ отвѣтъ имъ—шашекъ пѣнье,
Листвы шелестъ и волненье,
Словно бѣдныя тоскуя
Не насмотрятся березы—
Каждый листъ—на счастье слышитъ—
Да вдали звонятъ стрекозы;
Ниже, ниже никнутъ лозы—
Вѣтерокъ ихъ чуть колышетъ—
Точно струны въ чащѣ стонутъ,
Мигъ за мигомъ замираютъ
Словно въ тихой дремѣ тонутъ,
Съ дремой въ сердце проникаютъ...
Въ нихъ блаженство, счастье, ласки—
Съ этимъ счастьемъ, съ этой лаской
Правдой дѣлаются сказки,
Правда дѣлается сказкой!..

В. Немировичъ-Данченко.

Библиотека "Руниверс"



Грифы какъ могильщики природы. Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

Грифы какъ могильщики природы.

Одно изъ главныхъ отдѣленій семейства хищныхъ птицъ—составляютъ такъ называемые грифы, которые если не поблагородству какъ ихъ родственники орлы и не по миловидности какъ ласточки, такъ по крайней мѣрѣ по своей величинѣ могутъ занять первое мѣсто въ этомъ богатомъ видами семействѣ.

Грифы (Vulturidae) самыя большія изъ всѣхъ хищныхъ птицъ: наименьшіе изъ нихъ все еще равняются среднему орлу. Они построены очень плотно, имѣютъ сильный клювъ и большія мускулистыя крылья. Тѣло ихъ сильное, почти неуклюжее, покрыто большими довольно рѣдкими перьями, исключая головы, которая у большей части видовъ голая.

Грифовъ, сравнительно съ ихъ родичами орлами, вполнѣ можно назвать неблагородными хищными. Держатъ они себя неряшливо, сидятъ въ грязи и совершенно не заботятся о чистотѣ своего оперенія, за которой такъ строго наблюдаютъ всѣ птицы.

Но не смотря на свое видимое неблагородство они во всѣхъ отношеніяхъ богато одарены природою. Ходятъ они хотя и не скоро, однако довольно легко, и не прыгаютъ какъ большая часть ихъ родичей а твердо переступаютъ съ ноги на ногу. Летаютъ они медленно, но съ черезвычайною выносливостью и такъ же чувствуютъ себя вполнѣ хозяевами въ безграничномъ воздушномъ пространствѣ,—хотя-имъ и не достаетъ той ловкости и быстроты полета, которыми отличаются орлы и соколы. Ихъ органы чувствъ соперничаютъ по тонкости съ чувствами другихъ пернатыхъ хищниковъ. Зрѣніе у нихъ превосходно и ни чуть не уступаетъ царю птицъ, орлу; они видятъ на громадныя разстоянія, о которыхъ не можетъ себѣ составить понятія невооруженный глазъ человѣка. Слѣдующее болѣе развитое чувство у нихъ есть слухъ. Обоняніе тонко. Вкусъ, не смотря на видимую неразборчивость и не нечистую пищу употребляемую ими, далеко неразвитъ. — Умственныя способности грифовъ относительно весьма незначительны— и въ этомъ отношеніи они далеко уступаютъ всѣмъ своимъ родственникамъ. Всѣ высшія способности, которыя мы замѣчаемъ у орловъ и въ особенности у благородныхъ соколовъ, повидимому только едва замѣтны у нихъ. Грифы гораздо глупѣе, робки, неосторожны, непредпріимчивы и въ то же время злы, драчливы, а въ довершеніе къ этому страшные трусы.

Способности ихъ не возвышаются даже до простой хитрости; они лишь мало по малу научаются отличать опасныхъ людей или животныхъ отъ неопасныхъ и весьма рѣдко привязываются къ какому нибудь другому существу.

Поведеніе ихъ всегда неуклюже и грубо, причемъ замѣчается чрезвычайное упрямство въ томъ, что они однажды начали.

Названіе грифовъ хищными птицами почти что невѣрно,—такъ какъ почти всѣ грифы не нападаютъ на живыхъ животныхъ съ цѣлью убить ихъ, а если и дѣлаютъ это то только въ крайней необходимости и то какъ-то своеобразнымъ способомъ. Обыкновенно же они подбираютъ то, что предоставляетъ имъ счастливый случай. Они обдираютъ трупъ, который находятъ,—или уносятъ разныя нечистоты, замѣченныя на землѣ. Для этой работы имъ никогда не приходится изощрять свои умственныя способности, глаза служатъ имъ при этомъ гораздо болѣе чѣмъ умъ. Птицы, питающіяся подобнымъ образомъ, могутъ жить только въ болѣе теплыхъ странахъ, потому что холодный климатъ требуетъ отъ своихъ обитателей прилежнаго и усидчиваго труда.

Богатый югъ оказывается далеко щедрѣе. Онъ доставляетъ и грифамъ достаточно добычи, такъ что они могутъ безъ особенныхъ хлопотъ протянуть свое существованіе.

За исключеніемъ новой Голландіи, всѣ страны свѣта служатъ отечествомъ какимъ нибудь представителямъ этого семейства.

Въ предѣлахъ области своего распространенія грифы водятся повсюду, какъ въ жаркихъ раскаленныхъ равнинахъ, такъ и на высокихъ горахъ. Они ведутъ жизнь вполнѣ кочевую и про нихъ можно совершенно вѣрно выразиться, что они водятся и вездѣ и нигдѣ. Они являются вдругъ цѣлыми массами въ мѣстностяхъ, гдѣ долгое время ихъ не было совершенно видно, потомъ снова пропадаютъ чтобы искать себѣ удобныхъ кормовъ. Только нѣкоторые грифы избѣгаютъ близости человѣка на другіе-же именно здѣсь и добываютъ себѣ съ большею легкостью свое ежедневное пропитаніе.

Грифы въ царствѣ животныхъ скорѣе могутъ называться могильщиками чѣмъ хищниками, потому что послѣднее гораздо болѣе походитъ къ ихъ характеру, какъ уже было говорено выше.

Какъ только гдѣ либо по большимъ путямъ въ средней Азіи или въ песчаныхъ степяхъ Африки падетъ верблюдъ или вьючная лошадь, грифамъ уже извѣстно эта радостное для нихъ происшествіе.

Неуспѣетъ еще воронъ пронюхать о неожиданномъ пирѣ, неуспѣютъ еще голодный волкъ и шакалъ узнать о вкусномъ обѣдѣ, какъ надъ трупомъ высоко въ небѣ покажутся едва видныя точки, послышится сильное взмахиваніе крыльевъ—и грифы по одному по два станутъ слетаться на радостный пиръ—за первымъ рѣшаются слетѣть другіе и надъ трупомъ начинаются драки, крики, ожесточенный бой, пока болѣе сильные не овладѣютъ дорогою добычею.

Два или три удара крѣпкими клювами разрываютъ шкуру, и всѣ съ невообразимою жадностью бросаются на открывшіяся внутренности, которыя въ мигъ разтаскиваются и уничтожаются. Жадность не уменьшается и въ слѣдующія минуты—и лишь только наѣвшись буквально до отвала, грифы отходятъ отъ трупа, смотря съ сожалѣніемъ на остатки, какъ бы досадуя, что и ихъ нельзя уничтожить.

Небольшія животныя, даже лошади уничтожаются грифами въ самое короткое время до самаго черепа—и развѣ только отъ верблюда и большаго быка останется что-нибудь на долю болѣе слабыхъ искателей даровыхъ обѣдовъ, которые, замѣтивъ подобный пиръ грифовъ только издали съ завистью посматриваютъ на лакомыя блюда.

Но кромѣ должности могильщиковъ природы на долю грифовъ иногда достается бывать и могильщиками людей. Такъ, по разсказамъ ученыхъ путешественниковъ, имъ случалось иногда видѣть, какъ грифы дочиста уничтожали трупы людей, въ особенности индусовъ, которые часто ихъ бѣдными несостоятельными родственниками, по случаю дороговизны обряда сожженія, просто бросаются въ воды Ганга.

Такъ, путешественникамъ приходилось нѣсколько разъ видѣть, какъ грифы, поддерживая равновѣсіе своими крыльями, преспокойно наслаждались вкуснымъ обѣдомъ, и тихо покачиваясь плыли по свѣтлымъ водамъ Ганга на людскихъ трупахъ.

Смѣсь.

Анекдотъ изъ жизни Наполеона I. Этотъ анекдотъ изъ жизни Наполеона I, который мы намѣрены здѣсь разсказать, не такъ извѣстенъ какъ многіе другіе разсказываемые объ немъ анекдоты. Кромѣ того, онъ доказываетъ что, императора несправедливо упрекали въ недостаточномъ интересѣ къ наукамъ; напротивъ, онъ обнаруживалъ живѣйшее участіе къ нимъ.

Въ Парижской Академіи Наукъ, 23-го октября 1805 г., происходило одно изъ ея постоянныхъ засѣданій. Президентомъ былъ Жофруа Сентъ-Илеръ, вице-президентомъ Гумфрей Дэви, знаменитый англійскій химикъ, а секретарями общества Кювье и Деламбръ. Въ этотъ разъ одинъ изъ новыхъ членовъ, знаменитый естествоиспытатель Амперъ, читалъ свое сочиненіе, предметъ котораго, ученіе объ электрическихъ токахъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе собранія. Вдругъ среди чтенія ученаго, въ залу входитъ какой-то господинъ въ простомъ черномъ сюртукѣ, украшенномъ орденомъ Почетнаго Легіона. При его входѣ между присутствующими подымается шепотъ, но онъ слегка дѣлается знакъ рукой, какъ человѣкъ, привыкшій чтобы слушались малѣйшаго его жестта. Шепотъ тотчасъ же затихаетъ, и господинъ приближается къ первому пустому креслу и садится на него. Амперъ, какъ и многіе великіе ученые, отличался большой разсѣянностью. Углубясь въ свой предметъ, онъ и не замѣтилъ какъ вошелъ незнакомый посѣтитель, который впрочемъ занялъ свое мѣсто, какъ можно тише.

Однако, когда чтеніе окончилось,—и заслуженный ученый, принявъ похвалы всѣхъ присутствовавшихъ за свой превосходный и поучительный трудъ, хотѣлъ снова сѣсть на свое кресло,—онъ къ величайшему своему удивленію, увидѣлъ что оно занято какимъ-то постороннимъ человѣкомъ. Ампера обстоятельство это привело въ нѣкоторое замѣшательство, такъ какъ въ наружности незнакомца, при полной непринужденности, было вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то особенное достоинство. Поэтому, онъ самымъ вѣжливымъ образомъ и притомъ болѣе соотвѣтствующими знаками чѣмъ словами, старался дать ему замѣтить, что это мѣсто принадлежитъ собственно ему, и что онъ снова желаетъ его занять. Но незнакомецъ тѣмъ не менѣе не уступалъ кресла, какъ будто вовсе не понимая ясныхъ, хотя и вѣжливыхъ намековъ Ампера.

Само собою разумѣется, это очень удивило почтеннаго ученаго, и знаки его неудовольствія мало по малу становились выразительнѣе. Онъ обратился къ нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ около съ замѣчаніемъ, что такой захватъ чужаго кресла не кажется ему особенно вѣжливымъ. Однако послѣдніе повидимому не оказывали большаго сочувствія къ жалобамъ Ампера, и отвѣчали ему только выразительными улыбками. Это еще болѣ раздосадовало ученаго; онъ обратился наконецъ прямо къ президенту. «Господинъ президентъ», сказалъ онъ, «я позволю себѣ замѣтить вамъ, что между нами находится постороннее лицо, которому заблагоразсудилось занять мѣсто одного изъ дѣйствительныхъ членовъ».

Это открытое заявленіе снова подняло въ собраніи шопотъ

Библиотека "Руниверс"

Президентъ же спокойно отвѣчалъ: «Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, г. Амперъ, такъ какъ лицо, которое вы подразумѣваете, точно также членъ Академіи».

«Съ которыхъ поръ?» съ удивленіемъ спросилъ Амперъ.

«Съ 5-го января IV года»!

«По какому же отдѣленію, господинъ президентъ»? иронически спросилъ Амперъ. Наши читатели вспомнятъ, что Парижская Академія наукъ дѣлится на различные ученые отдѣлы.

«По отдѣленію механики, уважаемый коллега»! отвѣчалъ самъ незнакомецъ.

«Однако это ужъ черезъ чуръ»! возразилъ Амперъ, но досада его смѣнилась величайшимъ изумленіемъ когда, взявъ годичную книгу общества чтобы убѣдиться въ подлинности члена, онъ увидѣлъ занесеннымъ: «Наполеонъ Бонапартъ, членъ Академіи по отдѣлу механики, 5-го января IV года».

Итакъ, незнакомецъ былъ никто иной какъ самъ императоръ.

Амперъ, не знавшій ли лично императора, или не узнавшій его, сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ. Императоръ удовольствовался милостивымъ возраженіемъ: «Видите-ли, уважаемый другъ мой, въ какое можешь быть поставленъ затрудненіе, если не знаешь своихъ товарищей. Впрочемъ, это и не удивительно, васъ никогда не видать въ Тюльери, вотъ я и долженъ былъ придти сюда къ вамъ. Однако», прибавилъ онъ, шутя погрозивъ ему пальцемъ: «Я съ умѣю заставить васъ посѣтить меня тамъ».

Президентъ послѣ этого обратился къ императору съ вопросомъ: разрѣшаетъ ли онъ продолжать засѣданіе.

«Разумѣется», отвѣчалъ Наполеонъ, «теперь собраніе въ полномъ составѣ, и ничто намъ больше не помѣшаетъ».

Затѣмъ было прочитано еще нѣсколько записокъ Лапласа, Брунеля, строителя туннеля подъ Темзой, и нѣсколькихъ другихъ превосходныхъ механиковъ. Императоръ слѣдилъ за чтеніемъ съ величайшимъ вниманіемъ. Послѣдней была прочитана записка Бруинеля объ оконченныхъ имъ тогда въ Лондонѣ работахъ; надо было назначить коммиссію, которая должна была дать свое заключеніе объ этомъ сочиненіи. Каково же было удивленіе собранія, когда президентъ произнесъ: «Я назначаю членами коммисіи для разсмотрѣнія труда г. Бруннеля: его величество императора и гг. Монжа и Буассона.

Императоръ принялъ возложенное на него порученіе, и долго еще разговаривалъ съ находившимися въ собраніи учеными, при чемъ выказалъ столько же скромности, сколько познаній.

Вѣрная любовь. Въ одномъ изъ предмѣстій Берлина вѣнчалась недавно молодая парочка, достигшая своей цѣли только благодаря трехлѣтней вѣрности. Три года тому назадъ въ промышленныхъ берлинскихъ кружкахъ не мало было толковъ объ томъ, что одинъ изъ значительныхъ торговцевъ удалилъ изъ дома единственнаго своего сына и отослалъ его въ торговую контору къ своему другу въ Стокгольмъ. Всѣ ломали себѣ голову о настоящей причинѣ такого поступка, въ дѣствительности же дѣло касалось серьезной привязанности, которая, ставъ извѣстной отцу, привела его въ сильнѣйшее негодованіе. Молодой человѣкъ влюбился въ молодую, правда, хорошенькую и добронравную, но совершенно простую дѣвушку, работавшую на фабрикѣ его отца. Молодая дѣвушка отвѣчала на эту любовь, безъ того чтобы состояніе молодаго человѣка имѣло малѣйшее вліяніе на это. Ей было отказано отъ фабрики, за молодымъ человѣкомъ былъ учрежденъ строгій надзоръ, но все это не приводило къ благопріятнымъ результатамъ, и наконецъ отецъ рѣшилъ, что самое лучшее отослать сына куда нибудь подальше. Однако разлука и пребываніе на сѣверѣ не охладили сердца молодаго человѣка; тщательная переписка сблизила влюбленныхъ если можно еще тѣснѣе. Молодой человѣкъ каждый мѣсяцъ посылалъ своей избранницѣ изъ своего жалованья опредѣленную сумму денегъ, которыя она тратила на свое образованіе, и неутомимымъ прилежаніемъ скоро пріобрѣла познанія необходимыя для того, чтобы войти въ образованный кругъ общества. Между тѣмъ въ теченіи этого времени, биржевой кризисъ отозвался на дѣлахъ отца, къ этому присоединилась еще его болѣзнь; это заставило его желать возвращенія сына, который этимъ временемъ уже перемѣнилъ Стокгольмъ на Лондонъ. Сынъ объявилъ, что возвратится не иначе, какъ получивъ согласіе отца на бракъ съ своей возлюбленной. Старикъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: онъ призвалъ къ себѣ молодую дѣвушку, чтобы уговорить ее отказаться отъ его сына. Но каково было его удивленіе, когда вмѣсто простой работницы какую онъ зналъ, увидѣлъ передъ собой образованную дѣвушку, которая въ самыхъ привлекательныхъ выраженіяхъ объявила ему, что она связана съ его сыномъ неразрывными узами. Папашѣ не оставалось ни чего больше, какъ дать свое согласіе, и такимъ образомъ совершилась вышеупомянутая свадьба.

Скорость желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. Настоящей скоростью желѣзныхъ дорогъ американцы недовольны, и надѣются, безъ всякой опасности значительно увеличить ее, проложивъ рядомъ по нѣскольку путей. Тогда прямые поѣзды будутъ совершенно отдѣлены отъ мѣстныхъ и промежуточныхъ поѣздовъ. Такъ Филадельфійское желѣзно-дорожное общество строитъ четыре пути съ особо принадлежащими каждому мостами, тунелями и разъѣздами. Кромѣ того, говорятъ объ локомотивѣ съ колесами съ 12-ми футовымъ діаметромъ. При такихъ вспомогательныхъ средствахъ, надѣются проходить 100 англ. миль въ часъ,—завтракать въ Филадельфіи а ужинать въ Чикаго, и въ часъ поспѣть изъ Нью-Іорка въ Филадельфію.

Майскіе холода. Величайшій европейскій авторитетъ по части метеорологіи, профессоръ Дове въ Берлинѣ, высказалъ мнѣніе, что необыкновенные холода нынѣшняго мая мѣсяца, происходили вслѣдствіе того, что восходящая сила воздушныхъ массъ, нагрѣваемая и вслѣдствіе этого разрѣжаемая солнцемъ, стоящимъ почти вертикально надъ обширными равнинами сѣверной Африки, Аравіи, и Остъ-Индіи, преодолѣваетъ постоянно дующій тамъ сѣверо-восточный монсунъ; отъ этого происходитъ то, что болѣе холодный воздухъ съ сѣвера Атлантическаго океана, который приноситъ намъ зимой влажность и тепло, теперь приходитъ съ сѣверо-запада въ восточную и среднюю Европу охлажденнымъ. Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто теллурическимъ явленіемъ, не повторяющимся во всѣхъ мѣстахъ непремѣнно въ одинъ какой либо опредѣленный день.

Разныя извѣстія.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Чрезвычайное Московское Уѣздное Земское Собраніе, въ засѣданіи 25-го минувшаго апрѣля, по выслушаніи заявленія душеприкащиковъ и наслѣдниковъ покойнаго князя П. И. Трубецкаго—Н. и П. П. Трубецкихъ—о желаніи ихъ и другихъ наслѣдниковъ пожертвовать московскому земству 7.346 р. 60 к. на содержаніе народнаго училища и на образованіе неприкосновеннаго училищнаго фонда, постановило выразить князьямъ Трубецкимъ письменную благодарность Собранія и какъ имѣющую быть устроенную на пожертвованную сумму народную школу, такъ и на учебный фондъ наименовать именемъ князей Трубецкихъ.

— Херсонское Губернское Земское Собраніе, для оказанія пособія населенію Херсонской губерніи, пострадавшему отъ неурожая 1873 года, ассигновало въ минувшую сессію, собственно на продовольствіе нуждающихся, 10.000 *руб.*, разрѣшивъ считать ихъ *безвозвратнымъ* расходомъ.

— Земство Херсонской губерніи, разсматривая дѣятельность свою въ теченіи минувшаго года по подачѣ пособій мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ неурожая, и продовольственный вопросъ — пришло, пишутъ въ «Одес. Вѣстникѣ», къ слѣдующему выводу: при выдачѣ ссудъ на удовлетвореніе нуждъ собственно по продовольствію слѣдуетъ держаться безусловной выдачи хлѣбомъ, но не деньгами.

— Чрезвычайное *Великолуцкое* Уѣздное, Псковской губерніи, Земское Собраніе, открытое 22-го минувшаго апрѣля, между прочимъ, постановило: открыть Общество Взаимнаго Кредита Великолуцкаго Уѣзднаго Земства, согласно Уставу, утвержденному Министромъ Финансовъ, и для составленія основнаго капитала отпустить Обществу собранную на этотъ предметъ сумму 8.562 р. 84 коп.

— Изъ Бессарабской губерніи пишутъ въ «Одеск. Вѣстн.». что мѣстные крестьяне-царане, вслѣдствіе отсутствія мелкаго крестьянскаго кредита, испытываютъ всѣ неудобства эксплуатаціи ихъ тамошнимъ еврейскимъ населеніемъ. Терпя зимою нужду, крестьянинъ запродаетъ еврею за безцѣнокъ свой будущій трудъ и лишаетъ себя возможности снять во-время собственный хлѣбъ и заработать деньги за съемку хлѣба при хорошихъ лѣтнихъ цѣнахъ. Евреи богатѣютъ съ году на годъ, а крестьяне терпятъ недостатокъ даже въ урожайные годы.

— Чрезвычайное Екатеринославское Губернское Земское Собраніе, въ засѣданіи 7-го минувшаго мая, по выслушаніи доклада Губернской Управы объ учрежденіи оспопрививательнаго института, поручило Губернской Управѣ нынѣ же приступить къ учрежденію названнаго института, употребивъ на этотъ предметъ ассигнованные IX очереднымъ Губернскимъ Собраніемъ 1.600 рублей, а при недостаточности этой суммы, сколько понадобится изъ денегъ, ассигнованныхъ на непредвидимыя надобности.

— *Котельническое* Уѣздное, Вятской губерніи, Земское Собраніе VII очередной сессіи, обсуждая мѣры по устройству врачебной части въ уѣздѣ, въ видахъ большаго обезпеченія населенія въ медицинской помощи, постановило раздѣлить Котельническій уѣздъ на четыре врачебные участка. Въ первомъ участкѣ, къ которому приписаны городъ Котельничъ и пять ближайшихъ къ нему волостей, положено имѣть больницу на 30 кроватей, павильонной системы, а въ остальныхъ трехъ участкахъ, въ селахъ: Даровскомъ, Юмскомъ и Арбатскомъ — по одному пріемному покою.

— То же *Екатеринославское* Губернское Собраніе, въ засѣданіи 29-го апрѣля, вслѣдствіе доклада Губернской Управы о томъ, что въ виду той пользы, какую могутъ оказать дѣйствія Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ во время весенней и осенней переправы черезъ рѣку Днѣпръ, а равно при сплавѣ грузовъ чрезъ пороги, постано-

Библиотека "Руниверс"

вило отпускать ежегодно отъ Екатеринославскаго губернскаго земства въ пособіе Обществу по 100 рублей.

— *Воронежское* Губернское Земское Собраніе послѣдней очередной сессіи, по выслушаніи проекта гласнаго П. И. Сафонова о принятіи мѣръ къ облѣсенію степныхъ уѣздовъ Воронежской губерніи, постановило: для всесторонней разработки этого проекта учредить особую Коммисію.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Газета «Кавказъ» сообщаетъ, что Н. Н. Мамоновъ, богатый землевладѣлецъ, владѣющій землями на берегахъ р Сочи (въ Черноморскомъ округѣ, Даховскомъ участкѣ), купилъ въ Москвѣ, Гентѣ и Эрфуртѣ большое число сѣмянъ Eucalyptus, и посѣялъ эти сѣмена на болотистыхъ мѣстахъ своего участка. Въ 1873 году деревца Eucalyptus выросли уже выше 1 сажени, а нѣкоторыя боковыя вѣтви достигли 2 аршинъ длины. Несмотря на то, что зимою стояли порядочные морозы, посаженныя деревца перенесли зиму очень хорошо, такъ что есть надежда на акклиматизацію Eucalyptus въ Черноморскомъ округѣ и Мингреліи.

— Въ Псковѣ 18-го мая, по распоряженію предсѣдателя Губернскаго Статистическаго Комитета, устроена была выставка образцовъ прядильныхъ растеній Псковской губерніи, отправляемыхъ Статистическимъ Комитетомъ обще съ земствомъ на С.-Петербургскую выставку прядильныхъ растеній и механизмовъ для обработки ихъ.

— Въ Туркестанскомъ Краѣ сдѣланы были, какъ сообщается въ «Турк. Вѣд.», опыты разведенія и акклиматизаціи быстро уничтожающаго влагу болотной почвы австралійскаго дерева (Eucalyptus globulus). Растенія вышли изъ сѣмянъ и развились весьма хорошо; но, къ сожалѣнію, зима въ Туркестанѣ слишкомъ сурова для эвкалиптуса, который поэтому не можетъ быть разводимъ здѣсь въ грунтѣ. Другое дѣло—хивинскій оазисъ, гдѣ климатъ мягче, чѣмъ климатъ Ташкента, на что указываетъ обиліе фиговыхъ кустовъ, приносящихъ плоды уже въ іюлѣ; опыты разведенія эквалиптуса въ Хивѣ съ гигіеническою цѣлью могутъ быть, по всей вѣроятности, удачны. То же можно сказать о Ходжентѣ, Коканскомъ ханствѣ и Заравшанскомъ округѣ.

— Выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній въ Варшавѣ будетъ открыта въ сентябрѣ сего года на Уяздовской площади, при аллеѣ, ведущей въ Бельведерскій дворецъ.

— Изъ свѣдѣній объ открывшейся въ Пензѣ 13-го сего мая сельско-хозяйственной выставкѣ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ сообщаютъ, что въ первые два дня съ открытія выставки посѣтителей на ней было, несмотря на неблагопріятствующую дождливую погоду, до 600. Большая часть мелкихъ земледѣльческихъ инструментовъ была уже раскуплена въ эти первые дни. 14-го мая, часовъ въ 8 вечера, въ виду собравшейся особенно многочисленной публики, было произведено испытаніе рядовой сѣялки, приготовленной въ имѣніи Ал. Ал. Татищева.

— Опыты, произведенные *Корокеромъ* надъ удобреніемъ картофельныхъ полей каліевою солью вполнѣ подтвердили явленіе, неоднократно замѣченное на практикѣ, именно что такое удобреніе усиливаетъ урожай клубней приблизительно на 500 килогр. на 1/4 гектара, но зато уменьшаетъ на 24 килогр. на 1/4 гектара содержаніе въ картофелѣ крахмала.

ТОРГОВЛЯ.

— Изъ свѣдѣній о движеніи торговли въ казенномъ караванъ-сараѣ въ Ташкентѣ видно, что въ теченіи минувшаго 1873 года въ караванъ-сарай пришло съ товарами 46.294 верблюда, 2.663 лошади и 2.436 арбъ. Товара на нихъ привезено на 10.938.159 р. 83 к. Въ теченіи того же времени вышло изъ караванъ-сарая 36.208 верблюдовъ, 1.632 лошади и 1.212 арбъ. Товара на нихъ вывезено на 6.299.182 р. 70 к.

— На Бугульминскую Евдокіевскую ярмарку, бывшую съ 8-го по 14-е марта, привезено было товаровъ на 218.450 р.; продано на 116.840 р. Главнѣйшими товарами по цифрѣ привоза были: бумажные на 150.000 р., лошади на 15 000 руб., чай и сахаръ на 12.000 руб., москательные на 10.000 руб., шорные и другіе выдѣланные кожевенные на 6.100 руб.

СОДЕРЖАНІЕ. Змѣй (съ рисункомъ).—На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** (продолженіе). — Прелестный букетъ (разсказъ) **В. Щиглева**.— Зданіе называемое храмомъ Перкуна въ Ковнѣ (съ рисункомъ).—Дріада (поэма лѣтняго дня) (съ рисункомъ) **В. Немировича-Данченко**. — Грифы (съ рисункомъ).— Смѣсь. — Разныя извѣстія.
Парижскія моды за іюль мѣсяцъ съ 18 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ЭКСПЕДИЦІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ
Н. В. БОГДАНОВИЧА.
ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ
ВО ВСѢ
ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.
Вознесенскій просп., домъ № 15, квартира № 5.
ОТКРЫТА СЪ 10 ДО 6 ЧАС.

Нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка. Составилъ **К. Клоссе**. Цѣна **40** к., съ пересылкою **45** к. Продается въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, **Черкесова, Исакова** и др. **К. Клоссе.**

ВНОВЬ ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ:
Корейская азбука, составленная въ пользу Корейскихъ школъ Южно-Уссурійскаго края корейскимъ миссіонеромъ, священникомъ Василіемъ Григ. Пьинковымъ.
Продается у автора, въ С.Петербургѣ, на Троицкомъ подворьѣ, по Фонтанкѣ. Цѣна 15 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** р. — к.
» съ доставкой на домъ **5** » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . **4** » **50** »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . **5** » **50***) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **2** р. — к.
» съ доставкой на домъ **2** » **50** »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . **2** » **50** »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ **3** » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

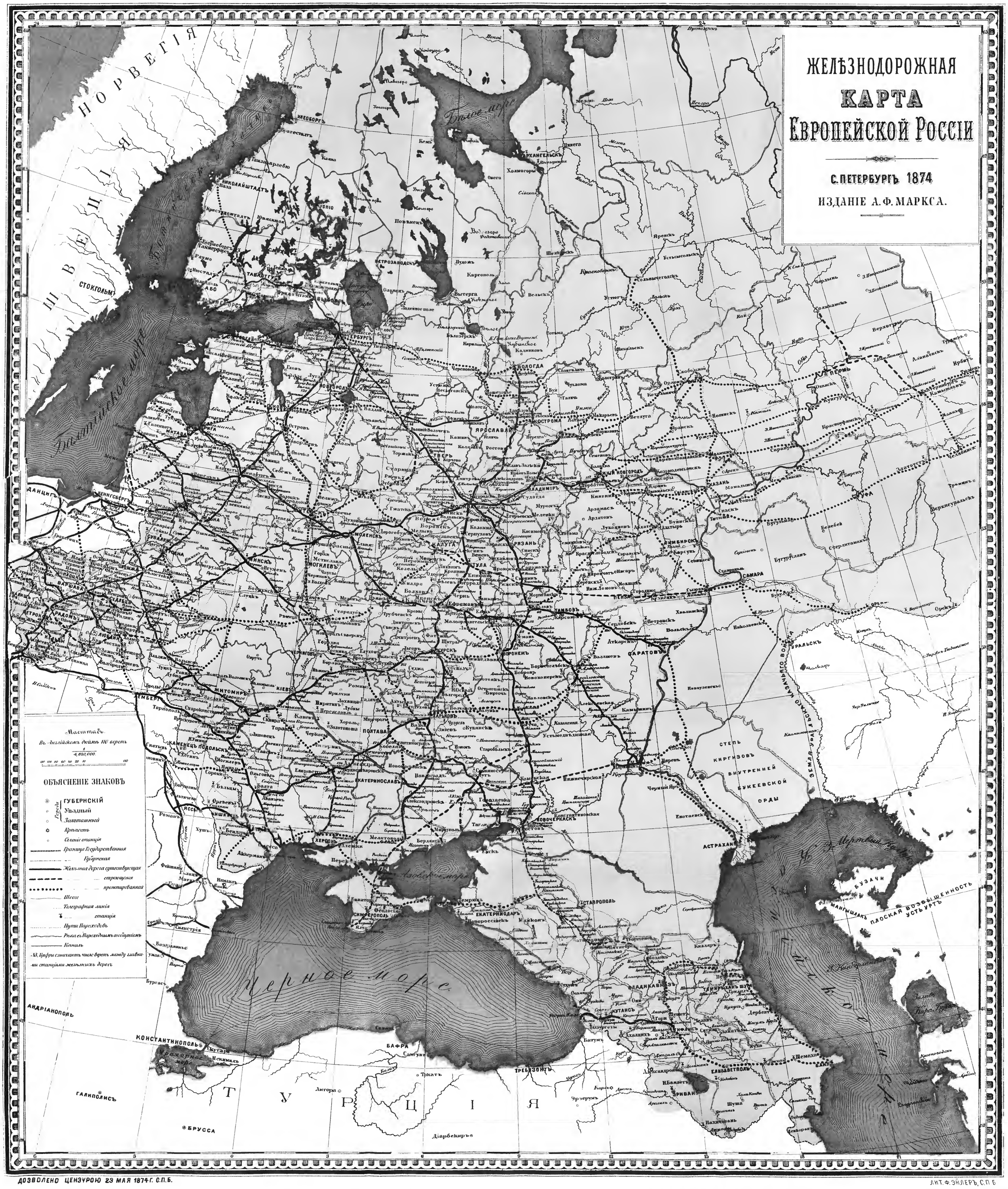
ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы" заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **Н. Боева**—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

Дозволено цензурою. 28 іюня 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

По Офиціальнымъ Свѣденіямъ до 1го Мая 1874 года.



Третія Безплатная Премія Подписчикамъ „НИВЫ" на 1874 года.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 28 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 8-го іюля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

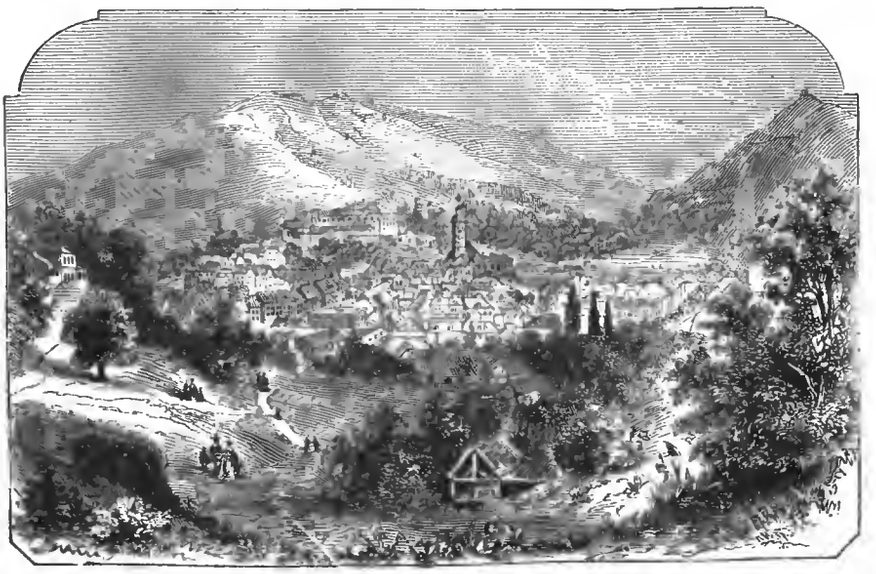
ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Баденъ-Баденъ.

Городъ Баденъ-Баденъ находится въ средне-рейнскомъ (Баденскомъ) округѣ, у сѣвернаго склона Шварцвальда, въ двухъ часахъ отъ Рейна, и лежитъ среди лѣсисто-гористой мѣстности въ долинѣ Оосъ. Тутъ же проходитъ одна изъ вѣтвей Баденской желѣзной дороги. Баденъ-Баденъ безспорно принадлежитъ къ самымъ блестящимъ, такъ сказать, «водамъ» Германіи, которыя посѣщаются массою публики. Построенъ онъ амфитеатромъ; высота его надъ уровнемъ моря 520 фут. Это—главный городъ, центръ окружнаго управленія. Въ немъ насчитывается около 8000 жителей; есть 3 церкви, гимназія, высшая бюргерская школа, ремесленная, 2 школы для малолѣтнихъ и нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній. Та часть Баденъ-Бадена, гдѣ зданія являются остатками давно-минувшей старины, гдѣ вмѣсто улицъ переулки да закоулки, вообще не красива; но за то «новый» Баденъ-Баденъ, выстроенный въ новѣйшемъ вкусѣ, изобилуетъ великолѣпными отелями и домами частныхъ лицъ. Приходская городская церковь, стоящая на мѣстѣ прежняго римскаго храма, вмѣщаетъ въ себѣ гробницы 14-ти членовъ дома баденскихъ маркграфовъ.



Баденъ-Баденъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ этой церкви находится шесть замѣчательныхъ надпрестольныхъ образовъ работы Лилля, написанныхъ à la Гвидо Рени. Въ «залѣ древностей», выстроенной на маперъ древне-греческаго храма, хранятся римскіе антики, найденные въ Баденъ-Баденѣ и его окрестностяхъ. Противъ этого храма—галлерея—колонада (Дорическаго ордена) длиною 100 фуг. Тутъ обыкновенно пьютъ минеральныя воды. Существуетъ еще галлерея, не менѣе великолѣпная, которая идетъ отъ театра къ баденскому дворцу. Великогерцогскій замокъ (по дорогѣ къ Конверзаціонгаузу) окруженъ прехорошенькимъ садомъ. Стоитъ обратить также вниманіе на прелестную виллу покойной герцогини Стефаніи. Существуютъ въ Баденъ-Баденѣ и фабрики: кожевенныя, свѣчныя, посудныя (фаянсъ и глина), мебельныя (плетеные стулья); есть мыловаренные заводы. Главное, конечно, что привлекаетъ въ Баденъ-Баденъ ежегодно тысячи чужестранцевъ—это—теплые цѣлебные его источники; число ихъ—16. Ключи эти не столько отличаются другъ отъ друга химическимъ своимъ составомъ, сколько различіемъ температуры (отъ 54°—37½° по R.). Главный ключъ носитъ названіе «Начальнаго» (Ursprung): сильной, могучей струей бьетъ онъ изъ разсѣлины скалы и даетъ въ сутки 7,345,440 кубичес. дюймовъ воды. Температура его 55° по R. Вода этого ключа прозрачна, имѣетъ вкусъ малосольнаго говяжьяго отвара и по запаху напоминаетъ говяжій бульонъ. Наполнивъ стаканъ такой водой, вы замѣтите, что пузырьковъ весьма мало выскакиваетъ на ея поверхность. «Начальный» источникъ осаждаетъ углекислую известь и даетъ желѣзную окись въ видѣ известковаго патека коричневаго или коричневатаго цвѣта. Натекъ такой не слѣдуетъ считать *ванною грязью*, ибо грязь представляетъ весьма мягкій, кашицеобразный, черный и весьма жирный осадокъ. Изъ другихъ ключей назовемъ только болѣе значительные: «Еврейскій» (54° по R.), «Адскій» (52° по R.), «Монастырскій» (51° по R.); но есть ключи и съ болѣе прохладной водой (отъ 38° — 44° R.). Мѣстность, гдѣ находятся ключи, а именно у подошвы террасы Шпекенгартена, называется «Адомъ»; гнейсъ — горная порода этой мѣстности. Магнитная стрѣлка (по Гмелину) вблизи источниковъ нѣсколько отклоняется; что-же касается самой почвы, то тутъ она никогда не бываетъ покрыта снѣгомъ. — Минеральныя воды Баденъ-Бадена по составу своему принадлежатъ къ горячимъ источникамъ, насыщеннымъ поваренною солью. На одинъ фунтъ такой минеральной воды приходится 23 грана соли, изъ этого числа 16 грановъ—поваренной. Воду эту употребляютъ чаще всего для ваннъ, питья, душъ, вспрыскиваній, а также и для теплыхъ паровыхъ ваннъ. Она помогаетъ противъ золотухи, ревматизма, подагры, катарровъ, болѣзни почекъ, мочеваго пузыря, болѣзней маточныхъ, накожныхъ, нервныхъ и даже хорошо дѣйствуетъ при вывихахъ и переломахъ. Такъ-называемыя «грязи», благодаря своему мягчительному свойству, благотворно вліяютъ на кожу съ болѣзненными нарывами и полезны также при глухотѣ, одеревенѣлости суставовъ и т. п. недугахъ. Въ Баденъ-Баденѣ есть и желѣзистые ключи. Для желѣзистыхъ ваннъ устроены двѣ купальни. Купаться очень полезно въ такой водѣ тѣмъ, которые уже окончили курсъ леченія теплыми минеральными водами. Нечего и говорить, что, въ виду наплыва заграничныхъ гостей чуть-ли не со всего свѣта, Баденъ-Баденъ отвелъ мѣста и для увеселеній: есть чѣмъ насладиться и больнымъ и здоровымъ, особенно — послѣднимъ: игорные столы привлекаютъ всѣхъ страждущихъ «золотоманіей», но .. излѣчивали-ли кого эти «столярные, деревянные источники»!...

Баденъ-Баденскій театръ не великъ, даже—малъ. Сезонъ начинается въ маѣ, но самый разгаръ—въ іюлѣ и августѣ. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ относительно исторіи Баденъ-Бадена. Не извѣстно въ точности, когда именно основанъ былъ этотъ городъ но полагаютъ, что это было когда-то очень давно.... Есть, впрочемъ, указанія на то, что еще во времена римскаго царя Тарквинія Приска на этомъ мѣстѣ была колонія Кельтовъ. При императорѣ Александрѣ Северѣ городъ былъ названъ «Respublica Aurelia aquensis, а при императорѣ Каракаллѣ онъ достигъ цвѣтущаго состоянія. Затѣмъ пошли войны... Лилась кровь, городъ переходилъ изъ рукъ въ руки, разрушался, вновь обстроивался и т. д. Въ XIV вѣкѣ, въ первый разъ онъ сталъ извѣстенъ своими цѣлебными источниками. Замѣчательно, что когда въ 1561 г. въ окрестностяхъ Баденъ-Бадена свирѣпствовала чума, въ самомъ городѣ все обстояло благополучно, зачумленныхъ совсѣмъ не было, ибо кому-то пришло въ голову открыть горячіе ключи: пода разлилась по улицамъ и не допустила чуму пробраться въ городъ.

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Ѣхали мы подъ палящимъ, невыносимымъ солнцемъ. Кони, угнетенные жарою, понурились и подвигались черезъ силу вялымъ, лѣнивымъ, размаяннымъ шагомъ.

— Фу!... поскорѣй бы до лѣса добраться! истомно проговорилъ Апроня.

— Съ пол-версты осталось, не болѣе, замѣтилъ на это нашъ юнкеръ:—вонъ, ужь Гершкина корчма видна подъ лѣсомъ.

— Просто смерть какъ пить хочется!

— Это отъ раковъ! совершенно правильно пояснилъ майоръ.—А что, господа, прибавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ:—нѣтъ ли у кого спички? закурить хочется.

Но, увы!—огня ни у кого не оказалось.

— Какъ на грѣхъ, всѣ вышли! вздохнулъ юнкеръ, показывая пустую спичешницу.

— Ну, да вотъ, впрочемъ, у Гершкиной корчмы и напьемся, и закуримъ, пообѣщалъ майоръ, въ утѣшеніе. — А у васъ, кстати, подпруга ослабла, замѣтилъ онъ, обращаясь ко мнѣ: — какъ остановимся, подтяните.

Всѣ эти маленькія обстоятельства слагались такимъ образомъ, что по общему убѣжденію остановка у Гершкиной корчмы являлась, въ нѣкоторомъ родѣ, необходимостью.

Эта корчма, какъ и всѣ вообще литовскія придорожныя корчмы, отличалась отсутствіемъ, такъ сказать, домовитости и хозяйственности. Вы видите просто убогій домишко, кое-какъ построенный изъ битой глины, кое-какъ выбѣленный и покрытый соломою,—домишко, который торчитъ себѣ одинъ-одинехонекъ гдѣ нибудь подъ лѣсомъ или въ чистомъ полѣ, на перекресткѣ двухъ проселочныхъ дорожекъ—и не видать вокругъ него ни забора, ни огорода или садика, ни амбара, ни сарайчика, ни иной какой-либо хозяйственной постройки,—словомъ, ничего такого, что могло бы служить признакомъ сельскаго труда и домовитой осѣдлости. При Гершкиной корчмѣ не имѣлось даже навѣса, подъ который проѣзжему крестьянину можно бы было поставить свою кляченку. И дѣйствительно, въ этихъ придорожныхъ «халупкахъ» обитаетъ людъ, для котораго окончательно не существуетъ ни какого производительнаго труда. Въ нихъ селится обыкновенно еврей, обремененный болѣе или менѣе многочисленнымъ потомствомъ,—селится кое-какъ, на скорую руку, въ тѣснотѣ, въ бѣднотѣ и въ грязи, съ единственною цѣлью—«айнъ гутесъ гешефтъ махенъ». Для этого «гешефта» онъ обыкновенно снимаетъ въ аренду у мѣстнаго сельскаго общества придорожную хатку на курьихъ ножкахъ, беретъ въ акцизномъ управленіи билетъ на право продажи, запасается на всякій случай «алембикомъ» для «дыстыляціи» и «ливеромъ» для насасыванія водки изъ боченка, за тѣмъ покупаетъ на водочномъ заводѣ бочку «катофлянки» да боченокъ «спиритуса»—и, перебравшись въ «халупку» со чады и домочадцы, со всѣми «манатками» и «бебехами», открываетъ «гандель». Ему незачѣмъ имѣть корову, чтобы достать молока, ему не нужна и домашняя птица, да незачѣмъ и трудиться ни надъ посѣвомъ картофеля, ни надъ грядкой огородной овощи: все это, въ случаѣ надобности, нанесутъ къ нему въ достаточномъ коли-

Библиотека "Руниверс"

чествѣ окрестные или проѣзжіе «хлопы» за какую нибудь «полкварту» картофельной водки. Скучно, неприглядно и даже не безопасно, порою, жить одному, безъ сосѣдей, на такомъ безлюдномъ пустырѣ, подъ громаднымъ старовѣчнымъ лѣсомъ; но еврей мирится со всѣми неудобствами и даже со всѣми страхами своего эфемернаго существованія, имѣя въ виду «гандель» и «гешефты» и принимая при этомъ въ соображеніе одно только существенное обстоятельство, а именно: насколько выгоднѣе арендовать корчму въ той или въ этой мѣстности.

Мы подъѣхали къ Гершкину обиталищу; но ни вокругъ корчмы, ни внутри ея ни души не было примѣтно: палящая жара, очевидно, загнала все живое въ какія-то невѣдомыя закуты; даже еврейская неугомонная дѣтвора, которая вѣчно торчитъ на дворѣ, теперь тихо забилась, запряталась, въ какіе-то темные уголки, ища себѣ прохлады отъ этого душнаго зноя.

— Гей! кто тамъ у васъ?!.. Есть-ли живъ человѣкъ?—Отзовися! зычнымъ голосомъ закричалъ Апроня.

Спустя минутку, внутри какъ будто что-то зашевелилось. Послышался скрипъ внутренней двери, а за тѣмъ пріотворилась и наружная, изъ-за которой таинственно глянулъ на насъ обликъ молодой женщины. Что на ней было надѣто—мы, по краткости времени, не могли замѣтить, но видѣли только, какъ изъ мрака сѣней сверкнуло бѣлизной полуобнаженное плечо, какъ она поспѣшно и стыдливо постаралась прикрыть рукою свою разстегнутую грудь и въ то-же мгновеніе сконфуженно поторопилась скрыться опять въ глубину сѣней, захлопнувъ за собою двери. Осталось у насъ только мимолетное, смутное впечатлѣніе какъ бы чего-то сверкнувшаго, чего-то очень красиваго.

— Что сей сонъ значитъ? съ улыбкой спросилъ Апроня, обводя всѣхъ насъ недоумѣвающимъ взоромъ.— Вотъ, ужь именно «какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты!» Откуда это и кто она, — не знаете, господа?

Но на послѣдній вопросъ никто изъ насъ не могъ дать никакого отвѣта; мы, точно такъ-же какъ и Апроня, ничего не знали и, какъ и онъ же, каждый готовъ былъ въ свою очередь спросить: «что сей сонъ значитъ?»

— Гей! да выйди же, наконецъ, кто нибудь!... Гершко! Дьяволъ!...

— За̀разъ, за̀разъ, пано̀чку! за̀разъ! послышался сиплый заспанный голосъ, сопровождаемый катаральнымъ хрипомъ и кашлемъ.

Черезъ минуту на порогѣ показался сгорбленный, пожилой еврей съ сивыми пейсами и такою же бородкой, въ порыжѣлой засаленной ермолкѣ, сбитой въ сторону и на затылокъ, въ «пантофляхъ» на босу ногу и въ рваномъ «ляпсардыкѣ», изъ-подъ котораго мотался талисманическій «цыцесъ». Лицо его было багрово и одутловато, а голова, почти безъ шеи, плотно сидѣла на коренастомъ, приземистомъ туловищѣ. Это былъ самъ корчмарь ребъ Гершко Гершуна. Не надо было быть особеннымъ спеціалистомъ, чтобы, вглянувъ на его лицо и фигуру, сразу и безошибочно опредѣлить, что естественная смерть ребъ Гершуны воспослѣдуетъ не иначе какъ отъ апоплексическаго удара. Почтенный Гершко, «по слабости здоровья», сильно придерживался чарки, и каждый вечеръ былъ уже положительно, что называется, «готовъ». А надо замѣтить, что подобная слабость является рѣдкимъ исключеніемъ въ средѣ евреевъ. Они, вообще, хотя и пьютъ, но очень умѣренно и почти никогда не напиваются до пьяна. Почтенный же ребъ Гершуна, благодаря своей «слабости здоровья», сдѣлался притчей во языцѣхъ и постояннымъ предметомъ пересудовъ между всѣми окрестными соплеменниками; на него указывали какъ на пагубный примѣръ, какъ на позоръ во Израилѣ, прибавляя при этомъ съ укоризной: «а еще старозаконный!»—Ребъ Гершко при этомъ, какъ бы сознавая свое непотребство, обыкновенно вздыхалъ сокрушенно, поцмокивалъ языкомъ, покачивалъ головою, почесывалъ въ затылкѣ—и все сваливалъ на судьбу да на слабость здоровья, оправдываясь тѣмъ, что какъ же, молъ, ему не пить, если онъ овдовѣлъ, а жена и не подумала о томъ, что, умирая, она оставляетъ на его вдовьи руки столько ребятъ малъ-мала меньше! Всему причиною, значитъ, неумѣстная смерть жены, которую онъ такъ оплакиваетъ, такъ горько и чувствительно оплакиваетъ, что только въ винѣ и можетъ топить свое горе. Добрые люди совѣтовали было ребъ Гершунѣ жениться вторично, и онъ самъ былъ не прочь отъ этого, но слава о слабости его здоровья шла столь далече, что ни въ ближнихъ, ни въ дальнихъ мѣстечкахъ рѣшительно не находилось ни одной охотницы связать себя супружескими узами со старымъ и пьянымъ Гершкой. Понятное дѣло, что при такой «слабости здоровья» гандловыя дѣла и гешефты ребъ Гершуны шли очень плохо: онъ имѣлъ возможность только кое-какъ перебиваться изо-дня въ день со своею дѣтворо̀ю, но при всемъ этомъ не роптал̀ъ ни на людей, ни на Бога, и былъ человѣкъ положительно добрый, смирный и общительный, который любилъ и угостить, и выпить въ компаніи «съ хорошимъ человѣкомъ»; поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что къ солнечному закату ребъ Гершко оказывался невяжущимъ лыка. Теперь онъ вышелъ къ намъ вполпьяна и, очевидно, только что съ просонья.

— Стаканъ воды, пожалуйста! И огня давай! обратились къ нему разомъ и майоръ, и Апроня.

— Ой, васше бляхгородю, у насъ такой похганый вода зъ рѣчку, сшто й пить не къ лицу такимъ бляхгородни гасшпидамъ! замахалъ рукою Гершко, скрививъ свою физіогномію такъ, чтобы она самымъ нагляднымъ образомъ выражала отвращеніе.— А взже якъ ви такъ гхочете, то у мене естъ міодъ на лёдовня, гхаросши міодъ липецъ! то взже лепшъ викушайте липцу!

— Давай, чего хочешь, только поскорѣе! согласились наши жаждущіе.

— Велля! повернувшись къ двери закричалъ ребъ Гершко.

Въ темномъ пространствѣ сѣней какъ-то скромно и стыдливо показалась стройная фигура высокой дѣвушки, которая тщательно кутала въ большой бѣлый платокъ свои плечи. Ребъ, отдавая ей приказаніе, торопливо затараторилъ что-то по еврейски, въ чемъ мы могли разобрать одно только: «айнъ липцесъ-бутельке.»

Пока я, соскочивши съ сѣдла, подтягивалъ подпруги, а ребъ Гершко, жалуясь на жару и духоту, подносилъ майору зажженную спичку, на дворъ высыпала вся ватага его замурзанной, ободравной дѣтворы, которая осматривала насъ съ равнодушнымъ любопытствомъ.

— Все твои? кивнулъ майоръ на ватагу.

— Усше мои! съ отеческой гордостью отвѣтствовалъ ребъ:—усше Гершки и усше Гершунятки! Богхъ бляхгосшловилъ мене!

— А та мадамъ—жена твоя, чтоли?

— Зжвините, она ѐще не мадамъ, а мамзелъ, съ вѣжливой улыбкой проговорилъ Гершко: — и она зжъ не зжо̀на менѣ, бо мово зжо̀нка Богхъ узялъ до сшѐбѣ, а она менѣ дцурка.

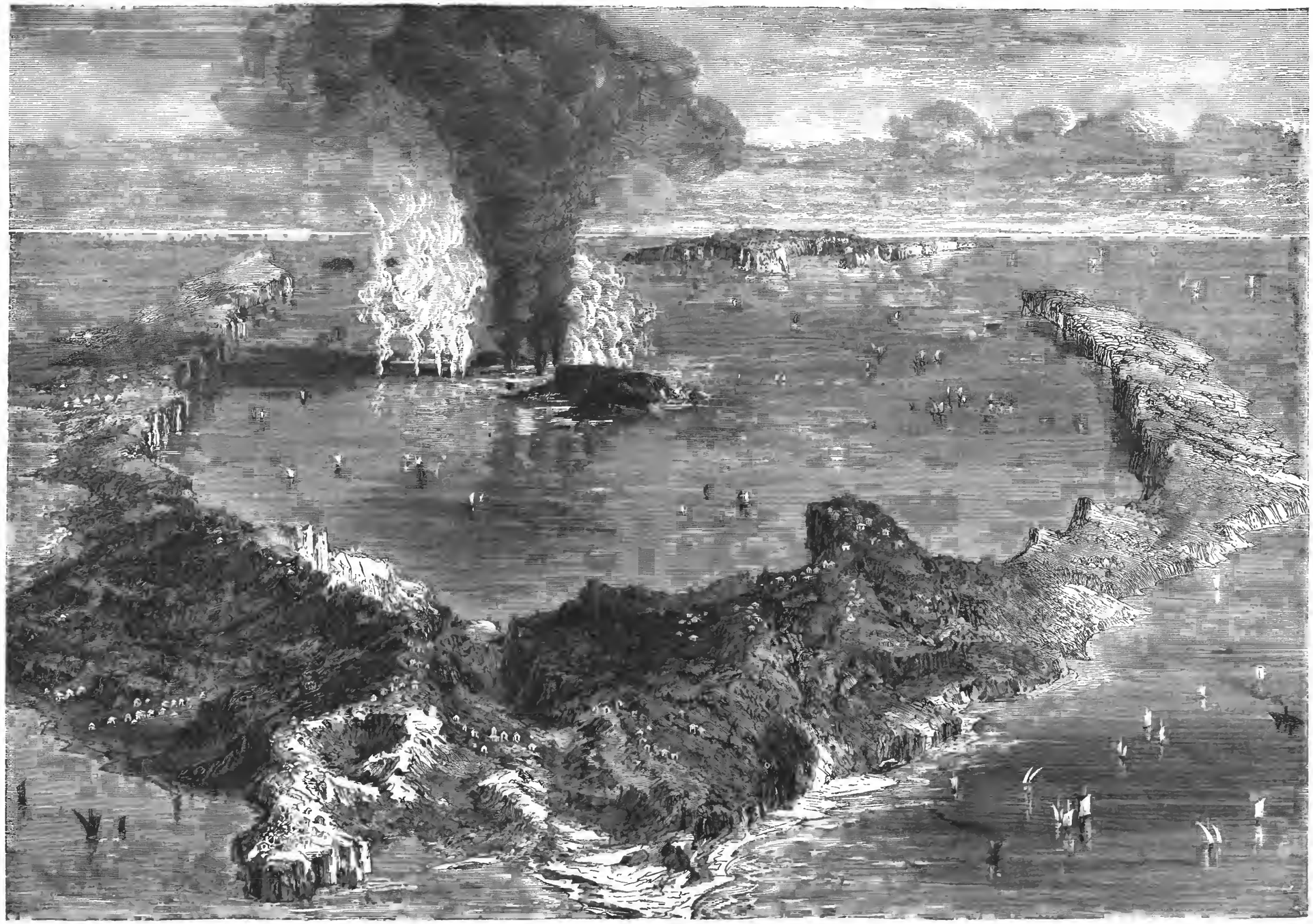
— Твоя дочь? съ удивленіемъ спросилъ Апроня.

— Такъ естъ, моя старсшàя, сюдмнадстый рокъ пайшелъ взже! И такой гхаро̀сши еврейски дѣвицу! такой мондры, такой набозжни! съ родительской гордостью похвалялся Гершко.

— Что жь ты ее въ дѣвкахъ-то держишь? Замужъ бы пора уже? замѣтилъ майоръ.

Ребъ, скрививъ рожу, почесалъ въ затылкѣ.

Библиотека "Руниверс"



Греческій островъ Санторинъ въ Эгейскомъ морѣ. Рис. де ла Шарлери, грав. Вендтъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ой вай! цмокнулъ онъ, со вздохомъ:—кабъ якой гхарошій партый, а то партый такой нiѣтъ!... Та й она еще така млода и така глупя. «Нiѣтъ, гховорить, татуле, я не гхочу замужъ, мине и такъ гхарашьо!»

— Гдѣ жь она была у тебя прежде? Я что-то не помню ее... замѣтилъ майоръ, пыхтя изъ своей коротенькой походной трубки.

Оказалось, что Велля до прошлой зимы жила и воспитывалась въ Крынкахъ *) у своей тетки, но тетка умерла, не оставивъ ей ничего, кромѣ кое-какихъ пустыхъ нарядовъ,—и бѣдной Веллѣ, не пожелавшей мыкаться по чужимъ людямъ въ качествѣ, «наймытки-батрачки», пришлось перебраться въ Гродненскую пущу, на отцовское «господарство». Можно представить себѣ, какова должна была показаться молодой дѣвушкѣ жизнь въ этой лѣсной трущобѣ, на пустырѣ, да еще зимою, съ оравой голодныхъ и босыхъ братишекъ и сестренокъ и съ вѣчно пьянымъ, безпечнымъ и безалабернымъ отцомъ!

Между тѣмъ, пока ребъ Гершко распространялся о Веллѣ и ея теткѣ, сама Велля успѣла уже наскоро накинуть на себя какое-то бѣлое съ мушками ситцевое платье, въ покроѣ котораго сказывалась претензія на современныя городскія моды,—и вышла къ намъ, уже безъ слѣдовъ смущенія на лицѣ, держа въ рукахъ подносикъ со штопоромъ, бутылкой и двумя стаканами.

Теперь мы могли вполнѣ разглядѣть ее.

Это была красота поразительная! Хотя Веллѣ только пошелъ семнадцатый годъ,—но на видъ, какъ и большая часть женщинъ азіатскаго типа, она казалась гораздо старше своего возраста. Вы бы сказали, что ей навѣрное уже стукнуло двадцать-одинъ или двадцать-два года. Представьте себѣ весеннюю розу въ то майское утро, когда она, только-что окончивъ ходъ своего естественнаго развитія, вполнѣ дозрѣла, распустилась роскошнымъ махровымъ цвѣткомъ и вся еще скромно дышетъ силою нетронутой свѣжести, — такова была Велля. Стройная, крѣпкая, съ тою плавною округлостью формъ и движеній, которыя ясно говорятъ вамъ о сдержанной внутренней силѣ, о внутреннемъ огнѣ, затаенномъ до поры до времени, и служатъ признакомъ несокрушимаго здоровья и громаднаго запаса жизненныхъ силъ,—эта дѣвушка поражала еще и очаровательною прелестью своего лица, которое носило въ себѣ характерный отпечатокъ чистаго еврейскаго типа—но типа такого, какой встрѣчается вамъ въ лучшихъ образцахъ искусства, переносящихъ его на полотно во всей его библейской красотѣ и поэзіи. Жаркій и нѣсколько смугловатый колоритъ лица, синеватый отливъ черныхъ курчавыхъ волосъ, которые, казалось, отягощали своимъ изобиліемъ ея голову, характерный пôгибъ бровей, яркія и нѣсколько крупныя губы,—все это дышало силой и страстью; но огонь баядерки, горѣвшей въ ея глазахъ, умѣрялся тѣнью длинныхъ и скромно-опущенныхъ рѣсницъ. Художникъ не нашелъ бы для себя лучшаго типа, если бы вздумалъ писать библейскую Юдиѳь съ отсѣченной головой Олоферна.

Велля, какъ бы не замѣчая, что столько глазъ любуются на нее съ нескрываемымъ изумленіемъ и восторгомъ,—скромно потупивъ взоры, показывала видъ, что она исключительно занята своимъ дѣломъ и тщательно сбивала штопоромъ сургучъ съ засмоленной бутылки. Ясный взоръ ея мимолетно поднялся и сверкнулъ на насъ на одно лишь мгновеніе въ ту минуту, когда напѣнивъ холоднымъ медомъ стаканы, она поднесла ихъ желавшимъ напиться. Но что это былъ за взглядъ и что за очарованіе въ немъ свѣтилось!

Бутылка была роспита менѣе чѣмъ въ минуту. Но тутъ случилось маленькое и непредвидѣнное затрудненіе. Оказалось, что никто изъ насъ не догадался захватить съ собою денегъ: да оно и понятно: на что брать съ собою деньги, въ деревнѣ, выѣзжая изъ дому просто-себѣ прогуляться на какіе нибудь полтора-два часа времени?

— Сколько тебѣ слѣдуетъ, Гершко?

— Два злоты за бутелька, съ почтительнымъ поклономъ отвѣтилъ еврей.

Мы объяснили ему наша затрудненіе.

— Ну, то ницъ не шкодзе! [1]) предупредительно замахалъ онъ рукою:—ницъ не шкодзе, васше бляхгородю! Мы зже васъ зжнаемъ! А якъ вамъ мой мiодекъ прiйшелся до густу, [2]), то у мене завше [3]) мозжно пакипать сколькe бутелькевъ. Когхда ви тольке сгхочете, то моя Велля будзиць носить до васъ на фольварокъ! И позёмку зъ лясу, и гржибы зъ лясу [4]) такъ само-зжъ мозжна нôсиць!

— Ну, вотъ и прекрасно! подхватили чуть не всѣ мы хоромъ:—пускай и меду, и позёмки, и грибовъ, и всего пускай носитъ! Да побольше, да почаще! да присылай ее поскорѣе!

— Присылай сегодня же: деньги получить! крикнулъ въ заключеніе Апроня,—и мы, сопровождаемые многочисленными поклонами ребъ Гершки, весело тронулись далѣе.

Тѣнь зеленаго, густаго лѣса, навѣвая тихую прохладу, видимо освѣжила и оживила нашу компанію.

— Боже мой! И это—родная дочка пьянаго, засаленнаго Гершки! воскликнулъ Апроня.

— Просто оскор-рбительно! сплюнулъ въ сторону юнкеръ Ножинъ.

— Н-да! рѣдкостная красота! раздумчиво согласился маіоръ, посасывая трубочку:—и чортъ ихъ знаетъ, подумаешь, какъ это у нихъ родятся такія въ подобныхъ условіяхъ жизни, а главное, какъ онѣ могутъ развиваться въ этакую прелесть!.. Вѣдь, поди-ка, кромѣ «щилётке» да «цыбульке» и не ѣстъ ничего, а вся такъ и пышетъ здоровьемъ!

— Ухъ, этакую-то женщину въ Петербургъ бы!... не безъ азарту воскликнулъ юнкеръ, даже зажмуривъ глаза отъ увлеченія:—показать бы ее только въ театрѣ да на гулявьѣ, такъ вѣдь и брилліанты, и бельэтажи, и рысаки, и тысячи—все къ ея ногамъ полетѣло бы! Концессіи раздавать бы стала!

— Н-да! все такъ-же раздумчиво замѣтилъ маіоръ:—а здѣсь вотъ и замужъ ее никто не беретъ, потому—бѣдная! «грôши не мае!» Такъ и завянетъ!

— Ну, по моему, ужь пусть лучше вянетъ, отвѣтилъ Апроня,—чѣмъ выйдти за какого нибудь грязнаго Шмульку въ ланцардыкѣ да наплодить съ нимъ дюжину всякихъ Шмулятокъ. Завянуть въ глуши—это все же какъ-то поэтичнѣе!

— Просто оскорбительно! энергически и досадливо повторялъ нашъ юнкеръ.

* * *

Велля стала иногда показываться у насъ на фольваркѣ, принося каждый разъ то грибовъ, то ягодъ, при чемъ товаръ ея оплачивался щедрою рукою. Эта щедрая плата вѣроятно и служила причиною ея довольно частыхъ посѣщеній. За какой нибудь кувшинъ земляники, вся цѣна которому десять грôшей, ни одинъ изъ насъ, бывало, не скупился бросить лишній рубль, чтобы получить въ благодарность застѣнчиво-радостную, прекрасную улыбку,—тѣмъ болѣе, что всѣ мы очень хорошо знали, до какой степени дорогъ каждый грошъ этой бѣдной дѣвушкѣ и ея босоногому семейству. Она являлась всегда по утрамъ, около того времени какъ мы кончали нашъ завтракъ, и скромно, терпѣливо

*) Мѣстечко въ Гродненскомъ уѣздѣ.

[1]) Не бѣда!
[2]) По вкусу.
[3]) Всегда.
[4]) Землянику и грибы изъ лѣсу.

Библиотека "Руниверс"

оставалась дожидаться насъ на дворѣ, около крылечка. Сколько, разъ, бывало, просили ее войдти въ комнаты, отдохнуть, закусить, — Велля всегда очень деликатно отнѣкивалась. Не отказывалась она только отъ стакана чаю, когда ей предлагали его, но и то выпивала этотъ стаканъ на крылечкѣ, не переступая нашего порога. Въ этой дѣвушкѣ въ особенности было замѣчательно, что она являлась къ намъ всегда въ чистенькомъ коленкоровомъ или ситцевомъ платьецѣ, а это—надо замѣтить—большая рѣдкость между евреями, не только бѣдными, но даже и весьма зажиточными: можете быть увѣрены, что заурядная еврейка отъ шабаша до новаго шабаша ни зачто не надѣнетъ на себя чистаго платья. Нельзя сказать, чтобы и наша Велля отличалась чистотою въ своемъ домашнемъ обиходѣ: тамъ на ней, конечно, были точно такія же грязныя лохмотья, какъ и на каждой еврейской работницѣ, — но къ намъ на фольваркъ она приходила всегда такая чистенькая свѣжая и скромная, что казалось, будто, сознавая свою красоту, она не хочетъ портить изящнаго впечатлѣнія въ людяхъ, залюбовавшихся ею съ перваго разу. Каждый разъ она просила позволенія сорвать съ куста одну или двѣ розы и очень кокетливо украшала ими свою курчавую головку. Понятно, что съ нашей стороны никогда не встрѣчалось ей въ этомъ отказа, а юнкеръ Ножинъ даже весьма обязательно набиралъ для нея цѣлые букеты. Когда, бывало, начинали съ нею шутить, она отвѣчала скромною улыбкой и не дичилась въ разговорѣ; но чуть лишь эта шутка переходила предѣлъ невинной скромности, обращаясь въ легкое заигрываніе, Велля вдругъ вспыхивала, въ характерныхъ бровяхъ ея показывалось тревожное движеніе страха и обиды — и, озираясь во всѣ стороны смущенно-безпокойнымъ взглядомъ, она торопилась уйдти съ фольварка. Это странное озиранье по сторонамъ было такого свойства, что невольно казалось, будто Велля опасается какого-либо тайнаго и ревниваго соглядатая, который, вслѣдствіе допущенной ею вольности, имѣлъ бы право заподозрить ея чистоту и скромность. Поэтому, послѣ одного или двухъ опытовъ въ подобномъ родѣ, никто изъ насъ уже не дозволялъ себѣ пускаться съ Веллей въ излишнія любезности. Но эта пугливая и застѣнчивая скромность только увеличивала обаяніе ея прелести. Намъ, людямъ заброшеннымъ со своимъ эскадрономъ въ глушь пустыннаго лѣса, гдѣ почти и не встрѣтишь женскаго лица, — намъ, безъ всякихъ цѣлей и намѣреній, было просто пріятно встрѣчать иногда у себя на мызѣ это свѣтлое, молодое существо, во всей его нѣсколько дикой и своеобразной прелести. Исключительная обстановка нашего существованія, «на травѣ», и эта пуща зеленая, и эти озера лѣсныя, и это горячее лѣто—все какъ будто совокуплялось такъ, что утреннее появленіе дикарки Велли вносило въ нашу лѣсную жизнь вѣяніе чего-то поэтическаго. Юнкеръ Ножинъ безъ ума влюбился въ стройную дочь ребе Герщуны; онъ просто бредилъ ею, называя ее, въ своемъ влюбленномъ восторгѣ, то Юдиѳью, то Иродіадой, рвалъ для нея пышные букеты, немилосердно истребляя красу нашихъ роскошныхъ розовыхъ кустовъ и жестоко царапая себѣ руки колючими шипами,—а въ свободные часы исчезалъ на одинокія прогулки въ глубину пущенскихъ дебрей, въ тщетной надеждѣ встрѣтиться тамъ со своею очаровательницей. Но, увы!—надо думать, что мечты и надежды юнаго Ножина не увѣнчивались ни малѣйшимъ успѣхомъ, потому что онъ возвращался каждый разъ домой усталый, нѣсколько смущенный и видимо обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, избѣгая улыбокъ и разспросовъ добродушнаго маіора.

(Продолженіе будетъ).

Изъ жизни духовныхъ.

Іюньское утро уже уступило мѣсто ясному и невыносимо жаркому дню. Еще 10 часовъ, а ужъ жара стоитъ такая, хоть бы въ полдень. Никто изъ крестьянъ не ѣздилъ въ такую жару; кому нужно было куда поѣхать—отправлялся еще досвѣту, чтобъ не спарить на жарѣ скотину.

Но не всѣ такъ разсуждаютъ какъ крестьяне; даже и священникъ села Алѣева не проникся этою народною мудростію. Вотъ выѣзжаетъ онъ съ своего двора и, не смотря на жару, погоняетъ свою маленькую, лохматую, пузатую и вовсе невзрачную лошаденку. И бѣжитъ лошаденка, живо и легко перебирая своими коротенькими ногами,—благо и упряжь на ней не тяжолая: хомутъ мочальный, дуга легкая, маленькая, едва возвышающаяся надъ головою лошади; тѣлега, простая деревенская тѣлега тоже подъ силу нашей лошадкѣ; и груза ни какого нѣтъ въ тѣлегѣ, —только вилы, длинныя вилы, бо́льшая половина которыхъ торчитъ внѣ тѣлеги, да священникъ самъ въ старомъ нанковомъ полукафтаньицѣ въ шляпѣ, надѣтой поверхъ бѣлаго какъ снѣгъ колпака—больше никого и ничего нѣтъ въ тѣлегѣ. Виноватъ, впрочемъ: въ колѣнахъ у священника стоитъ кошель, который тотъ поддерживаетъ и постоянно ощупываетъ: цѣло ли тамъ все. И погоняетъ священникъ свою лошадку, а лошадка бѣжитъ своей обычной мелкой, живой рысцой. Трясется тѣлега, трясется кошель въ колѣнахъ у священника; подпрыгиваетъ священникъ, сидя на тѣлегѣ, подпрыгиваетъ лошадка, подпрыгиваетъ дуга, бряцая колечкомъ,—а тому кто сидитъ въ тѣлегѣ, кажется, что и все окружающее тоже подпрыгиваетъ.

Пропрыгавъ версты четыре, лошадка подвезла священника къ рѣкѣ и остановилась у въѣзда на паромъ. Паромъ какъ разъ къ этому времени подходилъ къ тому берегу, на которомъ остановилась лошадь священника. Паромъ причалилъ. Всѣ бывшіе на паромѣ, увидѣвъ священника, сняли шапки и стали подходить къ благословенію. Благословивши всѣхъ, священникъ сталъ вводить свою лошадь на паромъ, а паромщикъ между тѣмъ побѣжалъ на возвышенное мѣсто берега посмотрѣть: не ѣдетъ-ли еще кто. Оказалось, что никого не было.

Воротившись, паромщикъ отчалилъ и велѣлъ двумъ парнямъ (вѣроятно работникамъ) тянуть. Парни ухватились за веревку, проведенную черезъ паромъ отъ одного берега къ другому, — и паромъ медленно, едва-едва замѣтно, началъ подвигаться къ противоположному берегу.

— Что поздно, батюшка, на покосъ-отъ ѣдешь? Чай ужъ полдни скоро? обратился къ облокотившемуся на тѣлегу священнику паромщикъ, тоже облокачиваясь на тѣлегу съ другой стороны.

— Да таки позамѣшкался; тамъ съ молитвой съѣздилъ, съ причастіемъ къ двоимъ. Тутъ вѣдь какъ нарочно, когда спѣшишь куда, такъ тутъ тебѣ сейчасъ и требы.

— Значитъ, тамъ у тѣ другой покосъ былъ, сказалъ паромщикъ, улыбаясь,—ну, а на этомъ-то покосѣ ужъ ты теперь мало наработаешь, своимъ мало поможешь!

— Не помогу такъ посмотрю — все живѣй работа пойдетъ; за хозяйскимъ глазомъ-то какъ-то спорнѣй работа идетъ.

— Это точно, хозяйскій глазъ много значитъ, у меня вотъ у самого работники—такъ это ужъ я знаю. Сейчасъ вотъ только уйди, ну и жалоба на паромщиковъ: не добудишься, баютъ. Одначе, тебѣ-то много нечего заботиться-то, убытку небольно много будетъ, если и полежатъ маленько.

— Какъ не много убытку? они тоже, чай, хлѣбъ ѣдятъ, ихъ ублаготворить надо, а то въ другой разъ и не пойдутъ.

— А хлѣбъ-то ай у тѣ покупной? Вотъ ты баешь, съ молитвой ѣздилъ, значитъ, кстины скоро будутъ—вотъ тѣ и хлѣбъ.

— Ну, не хлѣбъ поѣдятъ, такъ время потратятъ, а время пока хорошо; какъ проморгаешь его, ну и простись тогда съ сѣномъ, пойдутъ дожди, тогда его ужъ не соберешь.

— Дожди точно... Еще хоть бы денечка два постояло этакъ-то—тогдабъ и я убрался. Мои тоже подкашиваютъ.

И паромщикъ началъ осматриваться кругомъ.

— То-то и есть-то, — вездѣ поспѣвать надо, Тарасъ Ильичъ.

— Это я, батюшка, вѣдь шутя сказалъ; знамо дѣло, за хозяйствомъ надо смотрѣть. А дождя было не откуда ждать, сказалъ паромщикъ, осмотрѣвъ небо,—ишь небо-то какое чистое!

— Какъ знать?!

— Знамо дѣло, что Богъ дастъ,—а у Бога, говорятъ, всего много.

— А дождикъ непремѣнно будетъ — ишь какъ паритъ!.. сказалъ священникъ, протягивая руку въ воздухѣ. Священникъ снялъ шляпу и остался въ одномъ колпакѣ, изъ-подъ котораго выбивались коротенькія косички рѣдкихъ волосъ.

— Точно—душно, отвѣчалъ паромщикъ.—А что, своимъ ничего не везешь? спросилъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія, заглядывая въ тѣлегу,—аль у нихъ есть?

Библиотека "Руниверс"

— Какъ ничего не везу? А въ кошелю-то!

— Да что тутъ въ кошелю-то? чего сюда уложишь — хлѣба краюху?!

— О о! Хлѣба у нихъ и безъ того много!—это за работу.

— Э-э! значитъ отъ Прокофья Савельича гостинчикъ?

— Да, отъ него, отъ заправлялы-то вашего....

— Ну, какой онъ заправляла! какъ-то обиженно сказалъ паромщикъ.

— Какъ-же, онъ у васъ всему міру голова, а кабакъ-то его — что твоя расправа, — какъ сходъ, такъ къ нему; безъ Прокофья Савельича у васъ ни какого дѣла не рѣшаютъ.

— Да вѣдь нельзя, батюшка: выпимши-то и толкуется веселѣй. Ты вотъ посмотри, какъ твои будутъ работать, если поднесешь имъ по стаканчику-другому...

— Батюшка, заговорилъ паромщикъ послѣ непродолжительнаго молчанія, — ты когда-то охочь былъ за рыбой съ удочками... я вотъ тутъ тебя все споминаю... Эгакая большущая рыбина здѣсь болтыхаетъ—страсть!

— Гдѣ?... спросилъ священникъ, видимо заинтересовавшійся этимъ извѣстіемъ.

— А тутъ въ рѣкѣ; да все около береговъ! я ужъ сколько разъ собирался хоть одну изловить, да нѣтъ—ни какъ не изловишь бередемъ-то; вотъ ты-бъ съ удочками попыталъ.

— Гдѣ ужь мнѣ самому съ удочками! вотъ я Ваню своего пришлю, онъ тоже охотникъ.

— Онъ у тѣ дома развѣ?

— Дома.

— Ну вотъ и засылай его; я ему укажу, гдѣ она больше всего играетъ.

Паромъ присталъ къ берегу, и разговоръ прекратился. Священникъ надѣлъ шляпу и свелъ свою лошадь, успѣвшую уже порядочно отдохнуть при переѣздѣ черезъ широкую при своемъ устьѣ рѣку Цну. Съ трудомъ выбралась лошадь на довольно-крутой и высокій берегъ, и снова засѣменила своими короткими ногами. Дорога, теперь чрезвычайно извилистая, идетъ по кустамъ да по лощинкамъ, такъ что теперь еще болѣе трясется тѣлега, еще больше подпрыгиваетъ священникъ, еще сильнѣе звякаетъ колечко у дуги; да и лошадь, видно, почуяла скорый отдыхъ, вкусный сочный кормъ, — она стала еще живѣе, еще мельче перебирать своими ногами, чаще и чаще помотывать своею косматою головой.

По сторонамъ дороги постоянно виднѣются мужики, широко размахивающіе косами и оставляющіе позади себя густые ряды подкошенной травы,—бабы и дѣвки въ праздничныхъ нарядахъ, съ усердіемъ разбивающія еще не совсѣмъ просохшую траву. А вотъ вовсе около дороги цѣлая шеренга косарей. Ладно и въ тактъ размахиваютъ они руками, мѣрно и глухо жужжатъ ихъ косы. Ихъ загорѣлыя лица покрыты крупными каплями пота; ихъ волосы подвязаны скрученой травой, чтобъ они не лѣзли въ глаза и не мѣшали работать. Вороты у ихъ рубашекъ открыты, и легкій вѣтерокъ прохлаждаетъ ихъ грудь, тоже покрытую потомъ; у нѣкоторыхъ рукава засучены, и напряженныя мышцы ясно и отчетливо обозначаются линіями и глубокими бороздками, такъ что первоклассный скульпторъ взялъ-бы за образецъ эту грубую, корявую руку, чтобъ рельефнѣе изобразить физическую силу...

— Богъ на помощь!... крикнулъ священникъ, обращаясь къ косарямъ и снимая шляпу.

Косари остановились.—Спасибо!...крикнули они, и косы снова зажужжали.

Священникъ уже скрылся; вотъ онъ уже другимъ говоритъ: «Богъ на помощь», и отъ этихъ получаетъ «спасибо»,—и катитъ далѣе, то скрываясь въ кустахъ, то показываясь на пригоркахъ.

Наконецъ докатилъ онъ до своихъ луговъ. Глазамъ священника представилась самая оживленная картина. Косари, какъ видно, давно уже окончили свое дѣло, такъ что теперь они занимались вмѣстѣ съ бабами разбиваніемъ сѣна. Это самая веселая работа. Въ этой работѣ принимаютъ участіе и дѣти. Иной мальчикъ съ живымъ воображеніемъ представляетъ себѣ, что онъ идетъ на сраженіе, и гордо выступаетъ впередъ, смотря, какъ непріятель (сѣно) летитъ отъ него во всѣ стороны. Другой соображаетъ, что вотъ онъ копнетъ, а тамъ подъ сѣномъ лежитъ цѣлый мѣшокъ золота или по крайнѣй мѣрѣ гнѣздо какой нибудь птички съ яйцами, а то и съ птенцами,—и онъ раскапываетъ съ надеждой и удовольствіемъ. А вотъ молодой парень изловчился, захватилъ концомъ грабель порядочный клокъ сѣна и прямо угодилъ имъ въ лицо молодой дѣвушкѣ; дѣвушка отвѣчала тѣмъ-же; всѣ шутятъ, всѣ смѣются,—а между тѣмъ густые ряды травы разлетаются отъ концовъ грабель въ разныя стороны, такъ что и слѣда рядовъ не остается. И скошенная трава тонкимъ слоемъ покрываетъ всю луговину и сохнетъ подъ пронизывающими лучами солнца.

Священникъ распрягъ лошадь, снялъ шляпу, полукафтанье, и остался въ одномъ колпакѣ, въ одной бѣлой и длинной рубашкѣ, подпоясанной поясомъ, на которомъ была написана молитва: Господи Іисусе Христе и пр. (Священникъ не такъ давно былъ у Митрофанія Воронежскаго, и тамъ онъ купилъ этотъ поясъ, а теперь носитъ его, чтобъ спина не разбалывалась).

— Богъ на помощь!... сказалъ священникъ подходя въ своемъ костюмѣ къ рабочимъ,—какъ дѣлишки идутъ?

— Ничего, батюшка, нонѣ завершимъ, надо полагать, благо время-то стоитъ чудесное. Сѣнцо ухватимъ, батюшка, за первый сортъ. Скотинка наша будетъ сыта цѣлый годъ, сказалъ Никита, работникъ священника, въ отвѣтъ на его вопросъ.

— Ну и слава Богу! что рано подкосили остатокъ-то?

— Да ужъ давно. Разбивать на ряду станемъ, чай поспѣетъ.

— Ну, разбивайте, разбивайте! вотъ и я къ вамъ подстану; кажется, не много осталось, до обѣда кончимъ. Ну-ка ты, Аксинья, дай-ка мнѣ свои грабли-то, а сама ступай, дрова собирай, да кашу заваривай; не задерживай тогда обѣдать-то! Нынѣ кончить надо.

Аксинья, къ которой священникъ обращался съ этими словами, отдала грабли, и пошла къ тѣлегамъ готовить обѣдъ; а священникъ съ такимъ усердіемъ принялся разбивать ряды травы, будто тыскивалъ въ нихъ потерянную драгоцѣнность.

— Ну-ко, ну-ко, отецъ Евдокимъ, тряхните старинной-то! вотъ такъ! вотъ такъ!... говорилъ дьяконъ, увидѣвъ пріѣхавшаго священника и подходя къ нему.

— А ты что, кончилъ?... спросилъ дьякона священникъ.

— Вотъ ждемъ, маленько завянетъ, тогда и разбивать начнемъ. Нынѣ тоже думаемъ кончить; да и кончили бы, еслибъ пригласить двухъ-трехъ.

— Что жъ, зачѣмъ дѣло-то стало? взялъ да пригласилъ, — народу-то въ лугахъ много; изъ общественскихъ чай пустятъ, хоть четверыхъ.

— Такъ-то такъ, да... и дьяконъ хлопнулъ себя по карману, —да тутъ-то — яко пагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего. У васъ, отецъ Евдокимъ, нѣтъ этакъ рублишка?.. прибавилъ дьяконъ въ полголоса.

— А-а! вонъ въ чемъ дѣло-то! ну, братъ, рубля-то у меня ужъ и нѣтъ, не прогнѣвайся: полтинникъ вотъ изволь. Тамъ Андрей Петровичъ съ пономаремъ придутъ—имъ тоже надо будетъ дать.

— Маловато, батюшка, полтинникъ-то....

— Что за мало? Штофъ на четверыхъ достанетъ какъ разъ, особенно, намаявшись-то.

— Эка на четверыхъ! вѣдь и самъ выпьешь стаканчикъ-другой.

— О! ишь ты, о себѣ-то помышляешь пуще всего! Нѣтъ, ты ужъ о себѣ послѣ когда нибудь подумай, отецъ дьяконъ.

— Видно дѣлать нечего, надо послѣ когда нибудь. А хорошо теперь это послѣ труда-то бѣднаго, стаканчикъ-бы нѣтнаго!

— Мало-ли что хорошо, отецъ дьяконъ!

Священникъ вынулъ изъ кармана горсть мѣдныхъ денегъ и сталъ отсчитывать полтинникъ.

— Что позамѣшкались, отецъ Евдокимъ? спрашивалъ между тѣмъ дьяконъ, впиваясь глазами въ деньги, какъ бы желая угадать: не больше ли рубля у попа и нельзя-ли выпросить еще хоть четвертакъ,—ужъ не пріѣзжалъ-ли кто?

— Развѣ тебѣ пономарь ничего не говорилъ?

— Онъ ничего не сказывалъ. А развѣ что есть?

— Да какъ-же, дежурный отъ благочиннаго былъ, маршрутъ архіерейскій привезъ. Скоро архіерей къ намъ пожалуетъ. Благочинный велѣлъ всѣмъ дьяконамъ катехизисъ учить—спрашивать вишь будетъ....

— Ой! да будто и вправду катехизисъ учить?... спрашивалъ дьяконъ; послѣдняя вѣсть о катехизисѣ запугала его болѣе всего.

— А-а! испугался! вотъ онъ тѣ, пріѣдетъ, задастъ. А вѣдь ты, дьяконъ, лучше бы конны вмѣсто мерина согласился возить, чѣмъ катехизисъ-то учить? а? Ну моли Бога за архіерея—не ѣдетъ онъ въ нашу сторону-то. А я съ молитвой ѣздилъ... прибавилъ священникъ, отдавая дьякону полтинникъ.

— Къ кому?

— Къ Михѣеву.

— Что ему Богъ далъ?

— И то и другое.

— Какъ, двойни? И дьяконъ замѣтно повеселѣлъ, увидѣвъ что туча, собиравшаяся надъ нимъ въ образѣ катехизиса и архіерея, совершенно разсѣялась,—а въ перспективѣ онъ имѣлъ выручку за двое крестинъ, да пожалуй и гулянье.

— Ну, ну! братцы! золотые! Живѣй, живѣй! сейчасъ-вотъ штофъ на вино дамъ, шутливо заговорилъ дьяконъ, обращаясь къ рабочимъ священника.

— Ты ужъ, отецъ дьяконъ, своимъ штофъ-отъ ставь, а то они у тѣ безъ хлѣба помираютъ, отвѣчала дьякону молодая бойкая баба.

— А—а! Акулинушка! родимая! и ты здѣсь?! Ахъ, провалъ тебя возьми, что жъ ты ко мнѣ-то?

— Благодаримъ покорно, отецъ дьяконъ, сухари-то намъ и дома надоѣли.

— Ахъ ты сластоѣшка ты этакая! да дома-то у тебя и сухарей-то нѣтъ.

— Такъ ужъ лучше хлѣбца закусить дома, чѣмъ у тѣ сухари ѣсть на покосѣ.

— Иди дьяконъ, за дѣломъ-то!.. заговорилъ священникъ, желая прекратить разговоръ дьякона съ бабой, разговоръ начинавшій принимать видъ перебранки.

— Ой! и то! Благодаримъ покорно, отецъ Евдокимъ.

— На здоровье! ступай. Живѣй, живѣй!...заторопилъ въ свою очередь священникъ, — вонъ Аксинья ужъ и обѣдъ приготовила.

Трава разбита; и рабочіе направились къ тѣлегамъ.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, Аксинья, послѣдній обѣдъ-то теперь—корми слаще; сала въ кашу больше клади, сказалъ Никита, работникъ священника.

— Что̀ есть, все положила; не бойсь, Никитушка, и такъ-бы поѣлъ, какъ бы не батюшка: матушка вовсе не хотѣла давать сала-то.

— Ну что, Аксинья, готово что-ль? спросилъ подошедшій въ это время священникъ.

— Садитесь, садитесь!.. отвѣчала Аксинья, обращаясь ко всѣмъ,—Софронъ, Никитушка, Поля, садитесь!

— Ну-ка, Софронъ Михайловичъ, передъ обѣдомъ то!..

— Самъ-то, батюшка, сперва ней.

Священникъ выпилъ и подноситъ опять Софрону.

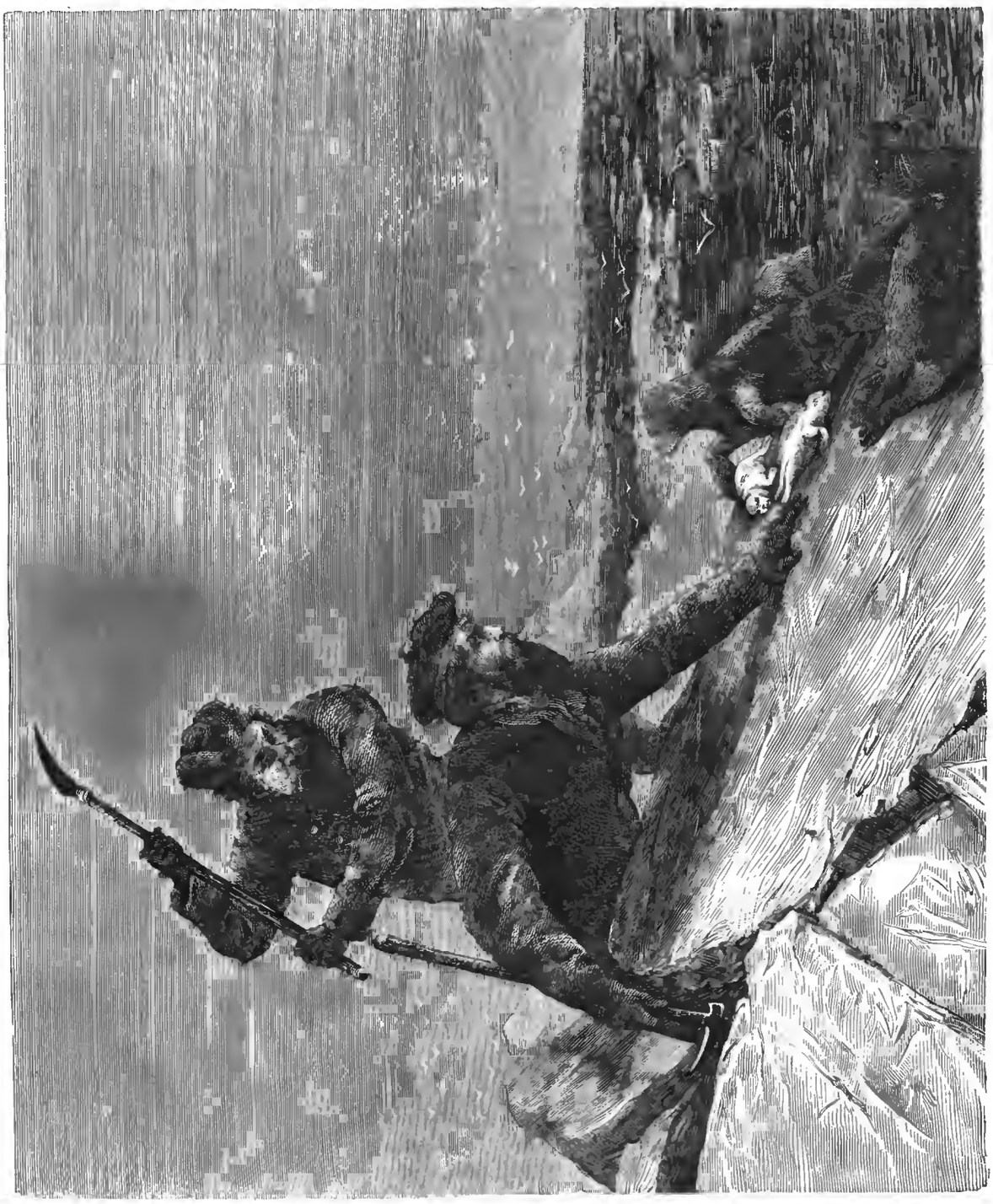
— Ну, здравствуйте, батюшка!

— Кушай на здоровье.

Священникъ подноситъ всѣмъ.

— Ну ка, Пелагея, сказалъ священникъ, поднося стаканъ дѣвушкѣ лѣтъ пятнадцати.

— Нѣтъ, батюшка, я не пью, отвѣчала дѣвушка, покраснѣвъ до ушей.



Охотники за тюленями. Рис. В. Краббе, грав. К. Петрюкъ.

Всѣ, кромѣ священника и Аксиньи, сѣли вокругъ постеленной на землю рогожи.

— Чего вамъ, мое милые, впередъ-то — квасъ съ огурцами, али молоко кислое? спрашивала Аксинья.

— Молоко послѣ, отвѣчали нѣкоторые,—квасъ давай.

— Да сухариковъ въ него подсыпь, маленько зубы свои поточу, прибавилъ старикъ Софронъ, пришедшій, какъ и всѣ почти рабочіе, къ священнику на день покоситься.

Священникъ между тѣмъ пошолъ къ привезенному имъ кошелю, досталъ оттуда штофъ съ водкой, вынулъ изъ кармана стаканчикъ и налилъ его подходя къ Софрону.

— Ну, не пьешь?!—выпей! женихов-то тутъ нѣтъ, не увидятъ; а мы-то никому не скажемъ, за то работать будешь лучше.

— Выпей, дура! заговорила въ свою очередь и Аксинья, — а то вѣдь измаялась—отдохнешь лучше.

— Чего отговариваешься-то!.. примолвилъ и Софронъ, — батюшка онъ не обезсудитъ, а мы-то ничего, потому въ нашемъ быту безъ этого нельзя.

Волей-неволей дѣвушка взяла стаканъ и выпила половину.

— Пшь ты, словно дѣвка красная! ну, вѣнчать тебя еще рано; а вѣдь никакъ засватываютъ? непремѣнно скажу, чтобъ тебя не сватали, шутилъ священникъ, принимая стаканъ, — ну, съ

Библиотека "Руниверс"

Богомъ, ѣшьте на здоровье, а я вотъ маленько отдохну, ѣсть что-то не хочется.

И священникъ отошелъ къ телѣгамъ и сѣлъ на лежащій около телѣги хомутъ.

— А вонъ и Андрей Петровичъ за чѣмъ-то къ намъ жалуетъ, сказалъ священникъ, увидѣвъ идущаго по направленію къ нимъ дьячка.

— За хлѣбомъ небойсь!—онъ все за хлѣбомъ ходитъ.

Подходитъ дьячокъ, высокій широкоплечій мужчина, съ длинной широкой бородой, боскомъ, въ длинной до колѣнъ рубахѣ, черной какъ у чумака въ дорогѣ; рубаха распоясана; на головѣ у него надѣта старая засаленная и заваленная фуражка, которую онъ взялъ напрокатъ у своего сына, пріѣхавшаго изъ училища, и отъ козырка которой остался только небольшой треугольникъ, прикрывающій лѣвый глазъ дьячка.

— Богъ на помощь!.. сказалъ дьячокъ, проходя мимо обѣдающихъ.

— Спасибо, Пахомычъ!.. отвѣчала Аксинья.

— Гдѣ это ты себѣ, Андрей Петровичъ, шлыкъ-то такой досталъ? насмѣшливо спросилъ дьячка Софронъ.

Вопросъ и замѣчаніе Софрона сопровождалось смѣхомъ прочихъ рабочихъ.

— Онъ ужъ весь покосъ въ немъ щеголяетъ. Онъ всегда на покосѣ такъ-то: рубаха то, вишь, какъ нарочно въ трубѣ вывалена, продолжала Аксинья насмѣшливыя замѣчанія Софрона.

— Да что, по вашему чтоль рядиться стану на покосъ-то! вѣдь это не въ церковь: въ церковь—другое дѣло, отвѣчалъ дьячокъ, подходя къ священнику.

— Знамо дѣло, косить—не аллилуію пѣть, здѣсь какъ разъ запылишься! замѣтилъ кто-то вслѣдъ дьячку.

— А когда онъ не замазаный-то бываетъ? развѣ только изъ бани выйдетъ, прибавила Аксинья.

— Благословите, батюшка.

— Ну что, Андрей Петровичъ, новенькаго скажешь? спросилъ священникъ, благословляя дьячка.

— Какія новости, кромѣ нашей болѣсти! какъ-то сердито отвѣчалъ дьячокъ.

— Что такъ? ай по лѣтошнему опять спина заболѣла? смѣясь спросилъ священникъ.

— Вамъ все, батюшка, смѣхъ, а тутъ—горе! Ишь ихъ какой содомъ!... сказалъ дьячокъ, указывая на свою луговину, на которой около женщины столпилось человѣкъ шесть-семь ребятишекъ,—все хлѣба просятъ.

— О—хо-хо, сколько у него работниковъ-то! что же ты тужишь-то? продолжалъ смѣяться священникъ.

— Какіе они работники! только хлѣбъ ѣдятъ.

— Они у него, батюшка, настоящіе татаряты—такіе же бритые и распоясанные, ввернула Аксинья.

— Все веселѣй работать-то, Андрей Петровичъ! вступился въ разговоръ и Софронъ,—на міру, баютъ смерть красна.

— Не больно-то весело, Софронъ Михайловичъ, со вздохомъ отвѣчалъ дьячокъ,—съ ними и ѣсть-то не весело.

— Ѣсть-то, Андрей Петровичъ, и одному не скучно.

— Батюшка, двухгривенничка этакъ нѣтъ?

— Что мало? я четвертакъ на твою долю привезъ.

Всѣ засмѣялись, думая, что священникъ шутитъ.

— Нѣтъ, не шутя, батюшка, двугривенничекъ-то пожалуйте.

— Изволь!.. и священникъ досталъ мѣдь, отсчиталъ двугривенный и отдалъ дьячку, а остальныя хотѣлъ положить обратно въ карманъ.

— Коли и взаправду, батюшка, четвертакъ на мою долю привезли, такъ ужъ додайте пятачекъ-то; все равно вѣдь...

— Да вѣдь ужъ это лишнее будетъ.

— Ничего-ста, я табаку себѣ куплю, а то глаза что-то туманить стало,—давно не заряжалъ.

— А у отца дьякона-то развѣ нѣтъ тоже?

— Онъ тоже на меня понадѣялся, да инъ ошибся.

— Кто ихъ батюшка, знаетъ, кто на кого у нихъ надѣется-то! Они всегда такъ-то другъ на дружку говорятъ, проговорила Аксинья, почему-то не любившая дьячка и дьякона.

— Ну, ужъ и всегда; вотъ нынѣ только обѣдняли. У тебя, Аксинья, не останется хлѣба? вѣдь вы ужъ нынѣ кончите совсѣмъ.

— Ну вотъ, всегда у тѣ не достаетъ; прошлый годъ тоже самое было: пришолъ, взялъ полхлѣба, а послѣ и не отдалъ. Даста, на покосѣ, говоритъ, бралъ, на покосѣ и отдамъ. Ну вотъ онъ и покосъ!.... Отдавай. А хлѣба теперь у насъ нѣтъ, вонъ сухари есть, бери, сколько хошь.

— Ну давай хоть сухарей!—дьячокъ насыпалъ полну фуражку сухарей.—Такъ, батюшка, пятачекъ-то добавьте, обратился онъ къ священнику.

Священникъ отдалъ пятакъ, и дьячокъ ушолъ.

— Ну, теперь, батюшка, наномаря дожидай, усмѣхаясь сказалъ Софронъ,—покорно благодаримъ за хлѣбъ за соль, прибавилъ онъ, помолившись послѣ обѣда.

— На здоровье! Вамъ спасибо, что помогли.

— Не за что, батюшка.

Къ вечеру, не далеко отъ того мѣста, гдѣ стояла тѣлега, уже красовался высокій стогъ сѣна; на самой его верхушкѣ сидѣлъ Софронъ. На луговинѣ не осталось ни одного клочка травы. Стогъ отесывали граблями, и остатки клали въ тѣлегу.

— Ну, батюшка, ладно ли? кричитъ Софронъ съ верхушки стога,—теперь давайте веревку. Софрону подали веревку, одинъ конецъ которой былъ удержанъ бросавшими, а другой конецъ Софронъ спустилъ на противоположную сторону.

— Теперь держите крѣпче! Дѐржите?

— Держимъ!

И Софронъ сталъ спускаться по свободному концу веревки.

— Теперь слава Богу, сказалъ онъ, ставъ на землю.

— Слава Богу! спасибо! сказалъ священникъ,—теперь лошадей запрягайте и по домамъ.

Лошади были готовы. Кувшины, котелки, кошели, все было уложено и готово къ отъѣзду.

— Ты, Аксинья, и тотъ кошель уложила, что я-то привезъ? Экая ты какая! ну-ка, достань его.

Аксинья достала кошель, и священникъ вынулъ оттуда другой штофъ съ водкой.

— Ну-ка, Софронъ Михайлычъ, окончимши-то...

— Съ себя, повторилъ Софронъ уже затверженую форму.

— Нѣтъ, я ужъ послѣ.

— Ну, окончимши!.. поздравилъ Софронъ, принимая стаканъ.

Священникъ сталъ подносить всѣмъ, а Аксинья изрѣзала оставшуюся краюху хлѣба и раздавала на закуску.

— Спасибо вамъ, братцы, сказалъ священникъ, наливая себѣ остатки отъ штофа,—не оставляйте въ другой разъ.

— Зачѣмъ забывать, ты у насъ одинъ, чай; мы тѣ завсегды... а осталось хоть немного? спросилъ вдругъ Софронъ, указывая на штофъ.—Плесни, прибавилъ онъ, указывая на стогъ.

— Для чего это? спросилъ священникъ.

— Старики баютъ, не смоетъ лучше.

— Ну, нѣтъ, это не поможетъ; какъ дождь пойдетъ—это не спасетъ.

Тѣмъ не менѣе священникъ плеснулъ.

— Ну, живѣй, живѣй! сказалъ онъ и сѣлъ на свою тѣлегу съ работникомъ.

На другую тѣлегу сѣли Софронъ, другой работникъ и Аксинья, и помчались по старой дорожкѣ къ дому. Остальные рабочіе пошли пѣшкомъ.

Отлукавенскій.

Мужъ своей жены.

РАЗСКАЗЪ (СЪ НѢМЕЦКАГО).

....Старикъ-управляющій пожималъ только плечами, стоя передъ своей госпожей.

— Да-съ, всѣ розовые кусты — прочь, вырвать велѣно было, повторилъ онъ.—Приказаніе такое отъ барина вышло, потому что кусты эти закрывали видъ на рѣку.... Садовникъ сталъ было докладывать, что посадилъ ихъ тамъ собственно по желанію самой госпожи, такъ ему досталось за это. Какъ закричитъ на него господинъ: «Не слушаться? а? Я одинъ здѣсь приказываю—и никто больше! Выучу я васъ, какъ меня слушаться!» Вотъ самыя эти слова господина были... Не прикажете-ли позвать сюда Руперта?

— Не нужно... нѣтъ, проговорила молодая женщина, съ трудомъ удерживая слезы:—я и такъ тебѣ вѣрю.... Ступай, Діонисій, ступай! Я хочу теперь одна остаться.

Но управляющій не трогался съ мѣста и только почесывалъ себѣ затылокъ.

— Бесѣдку, которая на Шнеккенбергѣ, тоже приказано снести, наконецъ выговорилъ онъ.

— Какъ! Любимый мой уголокъ... тоже?! воскликнула въ волненіи молодая женщина.—Часъ отъ часу не легче!.. Да что жъ это такое? Развѣ я не имѣю никакого голоса здѣсь, въ собственномъ моемъ домѣ?... Въ моемъ домѣ?!..

Молодая госпожа затопала ногой, а потому старикъ-управляющій счелъ за лучшее удалиться теперь. За дверями будуара онъ столкнулся съ горничной и сказалъ ей многозначительнымъ тономъ:

— Ну, быть сегодня бурѣ...

— Ахъ, дай-то Господи! вздохнувъ отвѣтила дѣвушка.

Библиотека "Руниверс"

Управляющій отправился въ людскую—и тамъ, потирая руки, сообщилъ и остальной прислугѣ, что ожидаетъ онъ нынче «бури». Извѣстіе это было принято всѣми съ большимъ удовольствіемъ.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, молодая женщина, какъ только старикъ ушолъ, вскочила съ кресла въ порывѣ гнѣва и сейчасъ-же поднесла носовой платокъ къ глазамъ, уже мокрымъ отъ слезъ.

— Нѣтъ, это невыносимо!.. крикливо заговорила она.—И гдѣ это онъ?.. Онъ какъ будто предвидѣлъ, что будетъ сцена!.. Что ни день—то новыя мученія... Мнѣ привыкшей къ свободѣ—и быть такъ порабощенной мужемъ!.. о, это ужасно!...

Она въ тревожномъ раздумьи подошла къ окну. Воображеніе стало представлять ей картины прошлаго... Вотъ, видитъ она себя молодой дѣвушкой, окруженной счастьемъ, богатствомъ... Рано умерли ея родители и, вотъ, по ихъ просьбѣ, воспитателемъ ея и опекуномъ сталъ старый другъ ихъ—адвокатъ, докторъ Геракліусъ Цанъ. Промелькнули тутъ передъ ней годы дѣтства въ домѣ опекуна... Вспомнила она жену доктора—свою вторую мать, которая заботилась о ней какъ о собственномъ ребенкѣ, потому что собственныхъ ребятъ небо не даровало докторшѣ. И какъ серіозно все было въ этомъ домѣ, въ какомъ уединеніи они жили! Она такъ ясно видѣла «дядю» Цана (какъ называла она его) за письменнымъ столомъ, въ узорчатомъ халатѣ, и около него кипы бумагъ—дѣлъ, которыя онъ притащилъ изъ канцеляріи.... Вотъ, сидитъ «дядя» и все пишетъ, а она строитъ въ это время изъ деревяшекъ домики для своихъ куколъ. Никто не являлся къ нимъ, да никто какъ видно и не выходилъ изъ дому, на улицу. Если-бы повременамъ въ сѣняхъ не раздавался звонокъ, то дѣвочка пожалуй забыла бы, что есть на свѣтѣ и другіе люди, кромѣ дяди и тетки.

— Это звонятъ дядины кліенты, отдѣчала тетка на вопросъ удивленнаго ребенка. Да и кто-же, кромѣ нихъ, смѣлъ нарушать священную тишину дома!..

Но, вотъ, однажды дядя сказалъ ей, что ждетъ пріѣзда племянника своего.

— Парень необузданный — племянникъ-то мой, прибавилъ онъ, улыбаясь,—но сердце у него доброе... ничего, точь въ точь какъ у моего брата!

А затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, прикатилъ и племянникъ.

Ей въ то время шелъ пятнадцатый годъ, а пріѣхавшій молодой человѣкъ былъ можетъ-быть шестью годами старше ея. Удивилась она, увидя вдругъ передъ собою высокую, статную фигуру его... Ясное, открытое лицо племянника понравилось ей сразу. Тетушка, еще за день до его пріѣзда, прослезилась отъ избытка чувствительности и перестала проливать слезы только на другой день по прибытіи племянника; да и самъ дядя тоже что-то не могъ усидѣть за своими бумагами... То онъ вскакивалъ, для того чтобы отнести въ комнату гостя мягкую подушку, то вставалъ и тащилъ туда-же предлинный чубукъ, находя что такая вещица непремѣнно должна быть въ обители холостяка.

Ну и пажили-же себѣ хлопотъ эти добрые люди, впустивъ къ себѣ племянника! То, что писалъ братъ «дяди», вскорѣ совершенно оправдалось, и дядя порѣшилъ, что все это такъ и есть. Норбертъ оказался просто — изъ рукъ вонъ: онъ весь домъ вверхъ дномъ повернулъ! Тетушка разъ десять на дню всплескивала руками, а дядя частенько гонялся за нимъ по всѣмъ комнатамъ съ поднятымъ чубукомъ. Набѣгавшись такимъ образомъ, почтенный докторъ, отдуваясь, возвращался въ свой кабинетъ, причемъ лицо его вовсе не было злымъ—напротивъ, оно сіяло добродушіемъ. «Ну, этого парня не заставишь быть благоразумнымъ», жаловался онъ, — «у него только о томъ и мысли, какъ-бы посумасбродничать.... И вѣдь откуда берутся у него всѣ эти проказы!... Двадцать лѣтъ — а совсѣмъ не разсудителенъ»!... И тутъ дядя прибавлялъ: «Но малый онъ — честный; честенъ онъ съ ногъ до головы. Когда я бываю на него сердитъ, я кладу ему на столъ незамѣтно пачку сигаръ... И ты думаешь — возьметъ онъ? Ни одной не тронетъ! Да, вотъ, воровать у дяди своего здоровье — сердить дядю — это онъ можетъ, а сигарку взять—Боже упаси! Когда въ карманѣ у него пусто, такъ вѣдь молодецъ этотъ способенъ хоть цѣлую недѣлю не курить, а ужъ сигаръ, которыя я ему тихонько подсуну, не возьметъ.... Для того чтобы онъ взялъ и сталъ курить, ничего болѣе не остается, какъ заключить съ нимъ мировую»!...

И вдругъ исчезъ Норбертъ изъ дому... Печальное было это время.... Никто и словомъ не упомянулъ о немъ, но *она* не забыла необузданнаго товарища своего.

— Гдѣ-же Норбертъ? спросила какъ-то дѣвушка. На этотъ вопросъ тетушка ничего не отвѣтила: она поднесла только къ глазамъ свой передникъ; а дядя, какъ-то безпокойно вертясь на своемъ стулѣ, проговорилъ: «Но я все-таки не думаю, чтобы *онъ* былъ такой тряпкой и такимъ негодяемъ, какъ *ты* изволятъ говорить... Нѣтъ, Норбертъ еще будетъ человѣкомъ!... Сообрази-ка о настоящемъ шампанскомъ»... Тутъ тетка протянула руку своему мужу. И когда дядя ушелъ, дѣвушка спросила тетку, почему упомянуто было о настоящемъ шампанскомъ и что-же такое бываетъ съ этимъ виномъ?

— Когда вино это молодо, ему слѣдуетъ еще перебродить, чтобы сдѣлаться настоящимъ, хорошимъ, отвѣтила тетушка, улыбаясь.

— Значитъ, Норбертъ теперь еще *бродитъ*? опять спросила она.

Тетушка, вздохнувъ, кивнула головой.

Но — увы, не пришлось ей болѣе видѣть своего племянника... Однажды, въ домѣ стало вдругъ еще тише: тетушку свезли на кладбище. Дядя Цанъ сначала выходилъ изъ себя, потомъ отъ печали, грусти, онъ какъ-то еще больше съежился, какъ-бы замеръ...

Теперь она принялась хозяйничать... И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, пріѣхалъ Норбертъ Аллендорфъ. Испугавшись отъ такой неожиданности, она выпустила даже изъ рукъ китайскую чашку... Встрѣча ихъ произошла въ столовой, когда въ ней никого не было.

— Я вижу фрейлейнъ Герману? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта она кивнула головой и почти печально поглядѣла ему въ лицо .. Да, это были тѣ-же ясныя, тонкія черты; но время сумазбродствъ, различныхъ треволненій и испытаній—оставило слѣды свои на этомъ лицѣ, что-то горькое было теперь въ его улыбкѣ... Она взглянула въ его прекрасные каріе глаза, да кстати посмотрѣла и на усики, которые уже весьма замѣтно отросли у него...

А онъ-то... ахъ, какъ онъ глядѣлъ на нее! Что-жъ, вѣдь онъ оставилъ ее почти ребенкомъ, а теперь передъ нимъ стоялъ нѣжный, распустившійся цвѣтокъ... Онъ увидѣлъ дѣвушку съ большими потупленными голубыми глазами, съ густыми бѣлокурыми волосами, просто но мило причесанными... Грудь ея, охваченная тѣснымъ корсажемъ, сильно волновалась... Тутъ вошелъ въ столовую дядя Цанъ.

— Норбертъ! милый Норбертъ! воскликнулъ онъ, бросаясь на шею племянника. — Да ты-ли это?.. Ахъ вотъ славно-то! Вижу—честнымъ малымъ ты остался... Радуетъ это меня!..

— И разсудительнымъ сталъ, дядюшка, прибавилъ, улыбаясь Норбертъ.

— А это еще больше меня радуетъ, прибавилъ въ свою очередь дядя.

Норбертъ остался въ домѣ. Курсъ наукъ онъ окончилъ и теперь намѣревался начать практическую дѣятельность, но дядя подъ различными предлогами всегда какъ-то умѣлъ уговорить племянника не торопиться приступать къ осуществленію этихъ намѣреній. Молодые люди частенько оставались съ глазу на глазъ. Отъ нечего дѣлать, отъ скуки, Норбертъ помогалъ ей вести хозяйство, что и дѣлалъ всегда съ любезностью, но съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ чувства превосходства, а это внушило ей какое-то особенное уваженіе къ нему. Въ манерахъ Норберта было что-то порывистое, повелительное... Это нравилось молодой дѣвушкѣ и нравилось все

Библиотека "Руниверс"

болѣе и болѣе, и, наконецъ, *донравилось* до того, что однажды дядя Цанъ засталъ ее въ объятіяхъ своего племянника.

— Вотъ это — чудесно! воскликнулъ, смѣясь, Геракліусъ.—То-то думаю я, что это такъ долго обѣдать не даютъ, а они, вонъ, вмѣсто того чтобы на столъ накрывать—цалуются!..

Теперь дядя Геракліусъ былъ убѣжденъ, что любимѣйшій планъ его — осуществится. Онъ до тѣхъ поръ не успокоился вполнѣ, пока Норбертъ не женился на Герминѣ — бѣднякъ - племянникъ его на богатой наслѣдницѣ!..

Вотъ и медовый мѣсяцъ прошелъ... Экое счастливое, блаженное было времячко!..

Тутъ молодая женщина благоговѣйно сложила руки и даже закрыла глаза, по мгновеніе—и она вспомнила о властолюбіи мужа... «Молодые» перебрались изъ дядюшкина дома въ помѣстье, неподалеку отъ города. Помѣстье это находилось подъ управленіемъ Діонисія, стараго слуги покойныхъ родителей Гермины. Норбертъ сразу забралъ въ руки рѣшительно всѣ бразды правленія, сдѣлался полнымъ хозяиномъ и перевернулъ по-своему весь порядокъ въ домѣ. Не смотря на то что его планы и осуществленія ихъ обнаруживали практическій смыслъ и не смотря на то что сама Гермина признавала за мужемъ превосходство, знаніе, ловкость, — все-таки раздражала эта манера Норберта... манера повелѣвать, дѣлать все ужъ слишкомъ произвольно, вводить что нибудь новое, не спросясь, а такъ... прямо... «Мнѣ даже и слова сказать было нельзя», говорила она сама себѣ; онъ принялъ на себя роль владыки, самовластнаго господина ея имущества... И сколько уже разъ онъ дѣлалъ такія распоряженія, которыя были совсѣмъ противны ея волѣ! Впрочемъ, правда, она ни разу и не выразила рѣшительнымъ словомъ своей воли,— а все больше обнаруживала ее въ формѣ мягкихъ, кроткихъ возраженій да увѣщаній, причемъ Норбертъ всегда умѣлъ доказать ей, что его распоряженія, строго говоря, весьма цѣлесообразны... А вотъ это-то всего больше и злило ее...

— Ну, положимъ, розовые кусты пропали... ну и пусть ихъ! заговорила Гермина.—А бесѣдка?.. нѣтъ, бесѣдку не смѣетъ онъ, варваръ, разрушить! Самыя любимыя, свѣтлыя воспоминанія мои связаны съ ней... Никогда! Ни за что! Этому не бывать!.. Послѣднія слова молодая женщина даже выкрикнула.

— Чему этому не бывать? спросилъ докторъ Геракліусъ Цанъ, незамѣтно вошедшій въ комнату.

— Онъ хочетъ лишить меня моей бесѣдки! Моего любимаго мѣстечка, дядя!..

— Твоего любимаго мѣстечка?! воскликнулъ дядя съ энергіей.—Не бывать этому! Мы не допустимъ этого! Но, позволь, кто-же именно хочетъ лишить тебя бесѣдки? закончилъ онъ вопросомъ.

— Норбертъ, отвѣтила молодая женщина недовольнымъ тономъ.

— Норбертъ... а-мм...мм... промычалъ Геракліусъ, слегка пріунывъ и почесывая голову,—мм!.. такъ онъ завтра хочетъ посягнуть на твою бесѣдку?..

— Она, видите-ли, закрываетъ ему видъ... Мѣшаетъ куда-то смотрѣть, что-ли... Ужъ я не знаю!

Дядя призадумался.

— Норбертъ, собственно говоря, тутъ правъ, началъ было онъ...

— Правъ! Ну, вѣчно такъ! вспылила Гермина.—Да я-то не хочу этого! Я тоже желаю быть права хоть разъ!

Геракліусъ въ смущеніи сталъ помахивать шляпой.

— Въ этомъ, конечно, ты тоже права, проговорилъ онъ,— уступать не всегда слѣдуетъ... Вотъ этому-то Норбертъ и не научился. Ad impossibilis nemo obligatur.

— Такъ я, значитъ, должна уступить? плаксиво возразила молодая женщина.—Въ собственномъ своемъ домѣ—и не имѣть своей воли?!.. Но это ужасно!...

— Absque cognitione causae трудно рѣшить, объявилъ Геракліусъ, пожимая плечами, — но, насколько я понимаю, это было-бы самое благоразумное. Ты только спокойно заяви ему свою печаль — и онъ уступитъ, сознается въ неправотѣ своей.

— Какже, сознается! Этого вовсе и не случится: онъ опять станетъ мнѣ доказывать, что *онъ* правъ—и я должна буду повѣрить этому...

— Да, но это потому, что ты легко, охотно этому вѣришь, замѣтилъ нѣжнымъ тономъ дядя Цанъ.

Въ это время на дворѣ раздалось щелканье бича и чей-то сильный мужской голосъ крикнулъ вблизи:

«Неронъ, сюда»!

— Да вотъ и самъ онъ, сказалъ Геракліусъ успокоительнымъ голосомъ.

— Да еще со своей ньюфаундлэндской собакой, сказала Гермина, прислушиваясь: — хоть-бы ужъ оставилъ онъ ее тамъ, на дворѣ!

Но Норбертъ не оставилъ собаки на дворѣ, онъ вошелъ съ нею,—и Неронъ, какъ только увидѣлъ госпожу свою, такъ прямо и прыгнулъ на нее.

— Боюсь, боюсь собаки! воскликнула она въ испугѣ.—Ну, вотъ, видишь, дядя: такъ онъ всегда со мной поступаетъ!..

— Прочь, Неронъ! скомандовалъ Норбертъ, отворяя дверь.

Неронъ повиновался. Молодой человѣкъ быстро подошелъ къ своей женѣ.

— Ну, душечка, милочка Гермина, заговорилъ онъ, ласкаясь къ ней,—ну, поцалуй-же! Дядюшка Геракліусъ, съ прекраснѣйшимъ утромъ честью имѣю!

Гермина надула губки и отвернулась.

— Ты, кажется, чѣмъ-то недовольна? спросилъ Норбертъ озабоченнымъ тономъ.—Не случилось-ли чего?

— Да, отвѣтила она съ оттѣнкомъ упрямства: — случилось то, что я лишилась розовыхъ моихъ кустовъ и моей бесѣдки!

— Да развѣ бесѣдки ужъ нѣтъ? вырвалось у него:—ахъ, какъ это меня порадовало-бы!..

— О, да.... порадовало - бы тебя, проговорила Гермина бросивъ многозначительный взглядъ на дядю: — ну, конечно, я не сомнѣваюсь... вѣдь тамъ былъ мой любимый уголокъ!..

— Но, милочка моя, однако съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь живемъ, ты ни разу не заглянула въ этотъ уголокъ.

Она мрачно посмотрѣла на него.

— Ну—да, это правда, но... все-таки эта бесѣдка была любимѣйшимъ моимъ мѣстомъ.

Тутъ тихонько вошелъ старикъ Діонисій.

— Работники, сударь, дожидаются, доложилъ онъ какъ-то особенно громко.

— Какіе работники? спросилъ Норбертъ, живо повернувшись къ нему.

— Насчетъ-съ бесѣдки...

— А я развѣ на этотъ счетъ не приказывалъ? крикнулъ молодой хозяинъ.— Какъ же это ты еще спрашиваешь?!.

— Да госпожа изволили сказать, что-бы...

Старикъ запнулся.

— Чтобы ее не трогали, договорила рѣшительнымъ тономъ Гермина.—Я этого не хочу! Я не потерплю этого, потому что я тутъ госпожа! (Слова эти она сказала отвернувшись отъ мужа, чтобы не видѣть его лица). Да, я не потерплю, чтобы въ моемъ владѣніи отдавались приказанія непріятныя для меня. Этотъ домъ, этотъ садъ—мнѣ принадлежатъ и никому другому. Діонисій, скажите рабочимъ, что они могутъ уйти!

Докторъ Геракліусъ—какъ только заслышалъ эти выстрѣлы—удалился въ самый дальній уголъ.

Но бывшій управляющій не двигался съ мѣста. Посматривая, не безъ злобы, на своего господина, онъ промолвилъ:

— Такъ-съ, по господинъ касательно...

— Извольте повиноваться вашей госпожѣ, быстро перебилъ его Норбертъ.—Развѣ вы не слышите, что никто, кромѣ нея, не имѣетъ права приказывать здѣсь? Ступайте.

(Окончаніе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Юдифь. Картина М. Лэйга. Гравюра эта пріобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гупилемъ и Ко въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

Охота на тюленей въ полярныхъ странахъ.

Ворвань стала теперь необходимымъ жировымъ веществомъ при многихъ ремеслахъ, и съ тѣхъ поръ какъ китовая ловля въ моряхъ сѣвернаго полушарія сдѣлалась такъ мало прибыльною, что ею почти не стоитъ и заниматься, — тюлень, послѣ кита, занялъ самое видное мѣсто въ морской охотѣ. И вотъ, по этой причинѣ, въ наше время изъ европейскихъ гаваней отправляется гораздо больше кораблей на охоту за тюленями, чѣмъ прежде — во времена самой прибыльной китовой ловли—отправлялось судовъ на китоловный промыселъ. Бой тюленей считается нынѣ наивыгоднѣйшимъ морскимъ дѣломъ и блестящей, можно сказать, торговой спекуляціей.

Въ ряду морскихъ млекопитающихъ (за исключеніемъ китовъ) выдающееся мѣсто занимаютъ *ластоногія* животныя, а именно—обширное семейство китовидныхъ или тюленей и менѣе обширное — громадныхъ моржей. Семейство тюленей, вообще богатое видами и численностью своихъ особей, распространено почти во всѣхъ большихъ водныхъ пространствахъ нашей планеты, и чѣмъ ближе мы будемъ подвигаться къ полюсамъ, тѣмъ чаще будутъ попадаться эти животныя. Полярные океаны и моря умѣреннаго пояса являются, по преимуществу, областью распространенія этихъ китородныхъ; впрочемъ, и нѣкоторыя изъ большихъ озеръ Азіи могутъ быть отнесены къ этой области. Немногіе только виды тюленей — «космополиты тюлени»—странствуютъ по своей охотѣ, или по нуждѣ, и тамъ, и сямъ, побываютъ и у полярныхъ льдовъ, посѣтятъ и воды экватора; но большая часть этого семейства имѣетъ ограниченную область распространенія, которая опредѣляется климатическими условіями. Всѣ вообще тюлени обитаютъ въ моряхъ и только на короткое время входятъ въ рѣки или же проползаютъ небольшія разстоянія по сушѣ, направляясь къ болѣе обширнымъ водянымъ пространствамъ. Большинство тюленей любитъ быть поближе къ берегу, но нѣкоторые изъ видовъ предпочитаютъ открытое море. Зоологи, однако, придерживаются того мнѣнія, что вся почти масса этихъ животныхъ ищетъ берега, твердой земли или ледяныхъ полярныхъ полей *только* въ періодъ размноженія и на то время, когда дѣтеныши ихъ слишкомъ еще слабы, а затѣмъ—вода—это ихъ родная стихія, настоящее ихъ мѣстопребываніе. Тюлень на землѣ неповоротливъ (не даромъ неповоротливаго человѣка называютъ *тюленемъ*), движенія его крайне неловки, неуклюжи; но за то въ водѣ животное это являетъ чрезвычайную подвижность, ловкость: его чудесная игривость, добродушіе, ласково-кроткій взглядъ его прекрасныхъ глазъ—все это вмѣстѣ дѣлаетъ тюленя прелестнѣйшимъ и самымъ интереснымъ морскимъ животнымъ высшаго разряда.

Всѣ тюлени породы живутъ обществами. Общества эти бываютъ тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ рѣже посѣщаетъ человѣкъ ихъ мѣстонахожденія,—потому что, хотя у тюленей и есть враги (бѣлый медвѣдь и другія крупныя четвероногія полярнаго міра), то все таки наипаснѣйшимъ врагомъ, кровожаднымъ и ненасытнымъ является человѣкъ, — будетъ ли онъ дикаремъ, полудикаремъ или цивилизованнымъ гражданиномъ. Вѣдь извѣстно, что Эскимосы, а равно и другія племена полярнаго прибрежья, существуютъ почти исключительно тюленемъ. Кожа этого животнаго даетъ эскимосу матеріалъ для его одежды, ею-же онъ обшиваетъ свою деревянную «кайяку» (одномѣстный челнокъ) или «байдару» —многомѣстную лодку для женщинъ, да и вообще тюленья кожа играетъ большую роль въ его хозяйствѣ. Жиръ тюленя доставляетъ эскимосу ворвань, которую онъ и наливаетъ въ свою лампу, состоящую изъ одного резервуара—тюленьяго черепа. Такая лампа необходима ему: она не только освѣщаетъ, но и согрѣваетъ подземное его жилище во время долгой-долгой зимней ночи... Этотъ-же жиръ является для эскимоса согрѣвающимъ напиткомъ и вообще служитъ главною приправой ко всѣмъ прочимъ его кушаньямъ. Тюленье мясо—это одинъ изъ первыхъ предметовъ продовольствія прибрежныхъ обитателей полярнаго океана; зубы и кости тюленя—цѣнныя вещи въ хозяйствѣ дикихъ и полудикихъ племенъ сѣвера. Понятно теперь, почему всѣ эти племена такъ постоянно, неутомимо охотятся за разными видами тюленей, населяющими Ледовитое море. Они бьютъ животныхъ, выходящихъ днемъ на берегъ или лежащихъ на ледяныхъ глыбахъ ради отдыха и грѣющихся на солнцѣ; но, по преимуществу, образъ жизни тюленей—ночной, можетъ быть потому, что ночью они болѣе разсчитываютъ на хорошую добычу, состоящую изъ рыбъ, раковинныхъ и другихъ морскихъ животныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мало или вовсе еще не охотились на тюленей — тюлени, не смотря на свое необыкновенно-тонкое зрѣніе и прекрасный слухъ, подпускаютъ къ себѣ человѣка совершенно близко, — все равно: лежатъ-ли они тогда, лѣниво растянувшись на берегу, или держатся въ водѣ, съ удивленіемъ посматривая на моряка въ его маленькой кайякѣ или въ большой лодкѣ. Они беззаботно останавливаются, начинаютъ глазѣть, пока ихъ не поразитъ на смерть пика, стрѣла или просто ударъ палкой. Однако, трескъ ружейнаго выстрѣла скоро пріучаетъ тюленей держать ухо востро и они стараются быть подальше отъ человѣка; тюленье стадо, по которому уже разъ стрѣляли, стремится инстинктивно во время спастись отъ опасности и удаляется въ открытое море. И вотъ, поэтому, между охотниками на тюленей существуетъ даже суевѣрный обычай употреблять какъ можно рѣже въ дѣло огнестрѣльное оружіе, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ охота идетъ въ первый разъ.

Въ послѣднее время тюленій промыселъ пріобрѣлъ важность, благодаря не только ворвани, добываемой изъ жира этого животнаго, но и шкурѣ, доставляющей хорошую кожу и мѣхъ. Такъ, напр., *Морской котъ* (Arctocephalus falclandicus), *Хохлачъ*, *Бородатый тюленъ* и другія породы тюленей съ густымъ, курчавымъ или длиннымъ волосомъ даютъ прочный мѣхъ, который даже полюбился въ Европѣ. Шкура животныхъ съ короткимъ и гладкимъ волосомъ представляетъ великолѣпную, почти непромокаемую мягкую кожу, особенно пригодную для зимней обуви и морныхъ издѣлій. Кожа эта чрезвычайно прочна, а потому спросъ на нее съ каждымъ днемъ увеличивается.

Такъ какъ средняя длина большей части взрослыхъ тюленей нашихъ сѣверныхъ и полярныхъ морей простирается до 5 футовъ, а вѣсъ доходитъ отъ 1—2 центнеровъ (центнеръ около 3 пудовъ), то тюленій промыселъ принадлежитъ къ разряду весьма прибыльныхъ. Большая часть кораблей, отправляющихся на этотъ промыселъ въ наши арктическія страны, выходитъ изъ европейскихъ или сѣверо-американскихъ гаваней весною и доплываетъ къ мѣсту назначенія почти одновременно съ первымъ толчкомъ, двинувшимъ полярный ледъ. Берега Гренландіи, Шпицбергена, новой Земли и пр., а еще болѣе сѣверное побережье Тихаго океана—представляютъ главную цѣль для охотниковъ за тюленями; сначала ловля идетъ на ледяныхъ поляхъ, потомъ переходитъ на крѣпкій прибережный ледъ—и уже затѣмъ тюлени добываются на обнажившихся берегахъ или береговыхъ скалахъ. Добыча богатая!.. Охотники выискиваютъ мѣста, откуда удобнѣе можно видѣть тюленей, покоящихся на льдинахъ, или по крайней мѣрѣ, гдѣ можно предполагать, что животныя находятся; замѣтивъ ихъ, ловцы подкрадываются къ нимъ съ подвѣтренной стороны и, затѣмъ, тутъ начинается безпощадная бойня и малыхъ, и большихъ... Хорошій ударъ крѣпкой дубиной по носу тюленя убиваетъ его или же оглушаетъ настолько, что потомъ легко уже добить животное пикой или ножемъ. Матросы находятъ жестокое удовольствіе безъ пощады побивать взрослыхъ и не-взрослыхъ тюленей, словомъ—колотить ихъ безъ разбору; напротивъ того, европейскіе охотники убиваютъ безпомощныхъ дѣтенышей только тогда, когда уже мать ихъ убита. Американскіе тюленеловы бьютъ этихъ животныхъ орудіемъ въ родѣ сѣкиры или остроконечнымъ молоткомъ и являются тутъ настолько свирѣпыми, что уничтожаютъ только взрослыхъ, оставляя слабыхъ дѣтенышей на произволъ судьбы. На нашей картинкѣ два американца — матросы бьютъ большихъ тюленей изъ породы «Хохлачей» (Stemmatopus cristatus), не трогая маленькихъ, потому что маленькіе мало даютъ жиру и шкура ихъ не высоко цѣнится,—впрочемъ, въ послѣднее время и она стала употребляться для мѣховыхъ дамскихъ кофточекъ.—На болѣе крупныя породы тюленей, обитающія въ южныхъ полярныхъ моряхъ, также охотятся, но нѣсколько инымъ образомъ. Охотники, бьющіе тюленей на льдинахъ и на крайнемъ сѣверномъ побережьѣ, стараются такъ распорядиться, чтобы покончить все дѣло къ осени, дабы корабли могли вернуться домой къ этому времени, однако, про всякій случай, тюленеловы запасаются провіантомъ на 2—3 года. Что-же касается сѣверо-американскихъ охотниковъ изъ Ново-англійскихъ штатовъ, то эти прежде всего отправляются на ледяныя поля, прибиваемыя волнами къ Нью-фаундлэнду и Лабрадору, охотятся тамъ и потомъ, уже въ мартѣ мѣсяцѣ, выходятъ въ море, а возвращаются восвояси только въ концѣ мая или въ срединѣ іюня. Шкуру съ тюленей они сдираютъ вмѣстѣ съ жиромъ и упаковываютъ ее въ бочки. Возвратившись домой, промышленникъ отдѣляетъ жиръ отъ шкуры, кладетъ его въ большіе чаны, которые и выставляются на солнце; по прошествіи 3 или 5 недѣль, жиръ подъ вліяніемъ солнечной теплоты превращается въ ворвань. Труповъ тюленей охотники не берутъ съ собой, бросая ихъ на льду въ добычу хищнымъ животнымъ и птицамъ.

Европейскіе охотники дѣйствуютъ, такъ сказать, добросовѣстнѣе: они не довольствуются одной шкурой и лежащимъ подъ нею слоемъ жира, а потрошатъ убитыхъ тюленей и добываютъ такимъ образомъ еще брюшной жиръ и печень животнаго. Изъ этого жира и печени, посредствомъ аккуратнаго вытапливанія, получается хорошаго качества ворвань, которая, по обилію жироваго вещества, вкусу и цѣлебному свойству (она содержитъ іодъ и бромъ) можетъ поспорить съ печеночнымъ жиромъ, добываемымъ изъ наваги и трески.

Въ новѣйшее время пытались (и довольно удачно) сохранить мясо тюленей, просаливая его и привозя въ такомъ видѣ домой. Опытъ показалъ, что просоленное мясо тюленя представляетъ здоровую, питательную пищу—и, какъ кажется, впослѣдствіи, этой новой солонинѣ предстоитъ сдѣлаться предметомъ продовольствія въ средѣ бѣднѣйшихъ классовъ у насъ. Чѣмъ болѣе будетъ расширяться тюленій промыселъ, тѣмъ болѣе станутъ стараться о томъ, чтобы онъ приносилъ какъ можно больше пользы: надлежащее вниманіе будетъ обращено на мясо и внутренности тюленя, ибо изъ негодныхъ остатковъ можно выработать освѣтительный газъ и получить изрядное количество животнаго угля. Но какихъ размѣровъ достигъ уже и теперь этотъ промыселъ—

Библиотека "Руниверс"

можно судить по тому, что ежегодное количество убиваемыхъ тюленей на берегахъ Нью-фаундлэнда и Лабрадора доходитъ (среднимъ числомъ) до 500,000 штукъ, а общая цифра для Европы, Сѣверной Азіи и Америки (насколько промысломъ этимъ занимаются цивилизованныя націи) есть — 3,000,000, цифра довольно почтенная.

Смѣсь.

Островъ Санторинъ.

Островъ Санторинъ на Эгейскомъ морѣ — одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ острововъ принадлежащихъ Греціи, Цикладъ. Онъ самый южный изъ нихъ, и еще въ древности былъ извѣстенъ вулканическими сотрясеніями, такъ часто дававшими всей группѣ острововъ и окрестностей различныя формы. Островъ этотъ имѣетъ 1,9 кв. миль пространства съ 21,830 жителями, разбитыми въ 5 мѣстахъ по 50 слишкомъ деревнямъ, которыя какъ ласточьи гнѣзда лѣпятся около скалъ. Островъ расположенъ въ видѣ серпа, и образуетъ вмѣстѣ съ лежащими насупротивъ его островами *Теразіей* и *Аспронизіей* большею частію покрытый моремъ кратеръ, дно коего постоянно поднимается — и въ 1834 г. было отдалено всего на 12 футовъ отъ поверхности воды. Въ 237 г. до Р. Х. образовался островъ *Теразія*, вслѣдствіе вулканическаго разрыва Теры; въ 184 г. до Р. Х. поднялся островъ *Гіера*, называемый теперь *Палэо Каймени*; въ 1427 г. послѣдній островъ значительно увеличился. Въ 1573 г. образовался островъ *Микро Каймени* и въ 1700 — 9, островъ *Мегала* или *Нео-Каймени*; послѣдній постоянно еще и теперь выбрасываетъ сѣрные пары. Въ серединѣ февраля 1866 г. рядомъ съ Нео-Каймени, вслѣдствіе сильнаго вулканическаго изверженія, вынырнулъ изъ-подъ воды еще новый островъ, названный *Георгіевскимъ*; въ это же самое время большая часть Нео-Каймени скрылась подъ водой. Весь островъ Санторинъ состоитъ изъ пемзы. Самая высокая гора на немъ—Ильинская гора (1800 футовъ); на ней находятъ много развалившихся стѣнъ, такъ-называемой циклопической постройки. Берега острова утесисты и по большей части почти неприступны. Во внутренности его, тамъ гдѣ вулканическія массы съ теченіемъ вѣковъ вывѣтрились, почва весьма плодородна и производитъ ячмень, хлопчатникъ, южные фрукты и и виноградъ. Выдѣлываемыя здѣсь вина (vino santo) превосходны; ихъ вывозятъ преимущественно въ Одессу, откуда въ замѣнъ этого привозятъ зерновой хлѣбъ. Жители, отчасти греческаго, отчасти католическаго вѣроисповѣданія, дѣятельны, умѣренны и пользуются большой свободой. Главное мѣсто на островѣ *Ѳира* или *Тира* на западномъ берегу; въ немъ есть нѣсколько пристаней и много винныхъ складовъ. Кромѣ того слѣдуетъ упомянуть: *Апаномерсію*, *Пиргосъ*, одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ острова на южномъ берегу, *Скаросъ*, *Маркфлекенъ*, мѣстопребываніе католическаго епископа съ 1000 жителями, *Эмпоріонъ*, городъ съ гавапью. Проточной воды нѣтъ на всемъ островѣ, вездѣ берутъ воду изъ цистернъ. Повсюду разсѣяны остатки древности; самыя значительныя развалины находятъ въ Оэа, съ остатками городской стѣны, колоннами, надписями и проч. Серпообразный въ настоящее время островъ, по древнимъ преданіямъ, былъ нѣкогда круглымъ, но, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ землятресеній, западная сторона будто бы оторвалась отъ него и скрылась въ морѣ. Первоначально островъ назывался *Каллисте*; названіе *Теры* получилъ онъ отъ *Тераса*, который привелъ сюда изгнанныхъ Пелазгами изъ Лемноса Лакедемонянъ. Островъ былъ матерью могущественной нѣкогда Киринеи и принадлежалъ въ то время къ числу спартанскихъ колоній. Въ 1208 г. Марко Сапудо, герцогъ Наксосскій, отнялъ его у греческаго императора; послѣ того онъ принадлежалъ Венеціи, а въ 1537 г. былъ отнятъ и отъ нея Гейрединомъ Барбороссой.

Юдифь.

Картина французскаго художника Лейга (Leygue), бывшая на художественной парижской выставкѣ 1874 г., если не отличается новизной сюжета, то вознаграждаетъ за это новизной пріема художника; тутъ нѣтъ ни Олоферна, ни пиршества, ни окровавленной головы въ рукахъ молодой красавицы. Здѣсь видно только торжество женщины во всеоружіи красоты и роскошнаго наряда: богатство вышивки, великолѣпіе матерій, блескъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, все способствуетъ возвышенію красоты прекрасной жидовки. По ея спокойному, почти улыбающемуся виду, никто и не подумаетъ, что она идетъ на страшное дѣло, отъ котораго зависитъ спасеніе Іудеи.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— 14 мая Высочайше утверждены временныя правила относительно предупрежденія уклоненій отъ воинской повинности при дѣйствующихъ нынѣ по паспортной части узаконеніяхъ, впредь до изданія новаго общаго законоположенія о паспортахъ.

— 23 мая Высочайше утверждена вѣдомость о суммахъ, слѣдующихъ въ 1875 году по каждой губерніи и области въ налогъ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ.

— 14 мая Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, разъясняющее порядокъ, *въ коемъ бывшіе колонисты могутъ быть увольняемы изъ русскаго подданства и выселяться изъ Россіи до отбытія ими воинской повинности*, а именно: 1) что водворенные на казенныхъ земляхъ поселяне-собственники (бывшіе колонисты), подлежащіе по возрасту отбыванію воинской повинности, должны быть вносимы на общемъ основаніи въ призывные списки; 2) что тѣ изъ нихъ, которые пожелаютъ воспользоваться предоставленнымъ имъ Высочайше утвержденнымъ, 4-го іюля 1871 г., Положеніемъ объ устройствѣ ихъ быта правомъ выѣхать изъ Россіи, должны заявить о таковомъ намѣреніи до 1-го сентября того года, въ которомъ подлежатъ призыву, и 3) что тѣ изъ бывшихъ колонистовъ призывнаго возраста, которые, заявивъ въ означенный срокъ о намѣреніи выселиться изъ Россіи, не исполнятъ сего до дня вынимания жеребья ихъ сверстниками и не объявятъ о томъ подлежащему Присутствію о воинской повинности, привлекаются къ исполненію сей повинности, какъ уклонившіеся отъ оной, безъ жеребья; заявившимъ же своевременно о невыѣздѣ изъ Россіи предоставляется участвовать въ вынутіи жеребья на общемъ основаніи.

— Высочайше повелѣно: границу между Ставропольскою губерніею и Терскою областью опредѣлить по слѣдующему направленію: по рѣкѣ Кумѣ, отъ устья рѣки Киркиля до устья рѣки Джумухи, затѣмъ къ сѣверу по межѣ надѣла станицы Лысогорской до надѣла станицы Саблинской, отсюда по межамъ станичныхъ земель Лысогорской, Александрійской и Подгородной станицъ и далѣе по существующему нынѣ направленію.

— Вслѣдствіе состоявшагося между русскимъ и итальянскимъ Почтовыми Управленіями соглашенія, во исполненіе ст. 16 русско-итальянской почтовой конвенціи 1872 г., съ 19-го іюня (1-го іюля) сего года устанавливается пересылка открытыхъ писемъ (cartes postales) между Россіею и Италіею съ обязательнымъ франкированіемъ по таксѣ, установленной за обыкновенныя русско-итальянскія письма, т. е. цо 13 к. за каждое открытое письмо, отправляемое изъ Россіи въ Италію.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ Августѣйшимъ Сыномъ Своимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, по прибытіи 16 іюня изъ Тифлиса, 20 іюня прибылъ въ Красное Село и произвелъ смотръ артиллеріи, на которомъ находилось 37 батарей съ 162 орудіями. Смотръ этотъ, начавшійся въ 9 часовъ утра, окончился только къ полудню. Его Высочество изволилъ остаться весьма доволенъ какъ наружнымъ видомъ всей артиллеріи, такъ и молодыми солдатами и благодарилъ начальниковъ и нижнихъ чиновъ.

— Изъ Красносельскаго лагеря въ «Русскій Инвалидъ» сообщаютъ: замѣтно, что одиночное образованіе молодыхъ солдатъ велось вполнѣ раціонально, такъ что рекруты почти не отличаются отъ старыхъ солдатъ. Молодые солдаты поступили въ войска большею частію въ февралѣ, слѣдовательно на одиночное образованіе ихъ было дано четыре мѣсяца, тогда какъ уставный срокъ для одиночнаго обученія солдатъ въ пѣхотѣ—шесть мѣсяцевъ, и лишь въ военное время онъ сокращается до трехъ мѣсяцевъ. Кавалерія, гдѣ сокращенный срокъ обученія полагается шесть мѣсяцевъ, имѣла для одиночнаго образованія тѣ же четыре мѣсяца, а потому и нельзя не порадоваться тѣмъ быстрымъ успѣхамъ, которыхъ достигли молодые солдаты въ такой короткій срокъ.

— 15-го іюня на канонирской лодкѣ «Отливъ», въ присутствіи инспектора кораблестроительныхъ работъ, Коммисіею техниковъ-спеціалистовъ пароходнаго завода окончательно испытывался аппаратъ для выбрасыванія угольнаго мусора чрезъ дно судна, изобрѣтенный вольнымъ механикомъ г. Кобозевымъ. Аппаратъ этотъ дѣйствовалъ удовлетворительно.

ТОРГОВЛЯ.

— Георгіевская ярмарка въ Елисаветградѣ окончилась къ 1-му мая. Сельскохозяйственный отдѣлъ ея былъ довольно оживленъ: скота и лошадей было въ продажѣ довольно много, но все-таки спросъ далеко превышалъ предложеніе, такъ что на одну пару воловъ являлось до пяти покупателей-конкуррентовъ; поэтому скотъ сбывался по высокимъ цѣнамъ, и за пару воловъ, уже старыхъ, платили по 120—130 руб. Рабочія лошади также были въ цѣнѣ, такъ что за пару, не особенно хорошую, платили до 100 рублей.

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 г. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 19-й тиражъ 1-го іюля 1874 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 1-го іюля 1874 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
1	44	500	3544	31	500	8175	36	500	12874	24	500	15004	35	500	17000	5	500
40	31	500	3550	41	500	8199	7	500	12885	31	500	15095	44	1000	17000	31	500
93	17	500	3653	7	500	8249	32	5000	12936	8	500	15103	39	500	17144	19	500
136	28	500	3682	25	500	8272	11	500	12987	24	500	15213	9	500	17175	25	500
183	47	500	3700	39	500	8475	37	1000	13134	26	500	15214	44	500	17231	28	500
239	28	500	3711	8	500	8488	7	500	13191	20	500	15224	45	1000	17362	3	500
269	32	1000	3807	24	500	8528	49	500	13485	38	500	15291	49	500	17418	26	500
344	25	500	3847	12	25000	8563	1	500	13525	41	500	15364	25	500	17576	48	500
402	46	500	3876	20	500	8613	45	500	13650	24	1000	15487	1	500	17589	50	8000
459	48	500	3902	33	500	8630	22	5000	13739	47	5000	15534	26	500	17779	35	500
585	20	1000	3937	39	500	8637	10	500	13757	16	500	15778	33	1000	17858	4	500
619	30	500	3972	32	500	8657	26	500	13970	7	500	15843	19	1000	17919	43	500
621	43	500	3990	18	500	8965	38	1000	14018	21	500	15869	3	5000	17994	49	500
624	24	500	4043	2	500	8970	16	500	14048	6	500	15919	14	500	18038	46	500
636	33	500	4111	40	500	9005	6	500	14103	12	500	15977	16	500	18056	9	500
740	11	500	4122	50	500	9007	50	500	14150	32	500	15997	14	500	18093	6	8000
807	20	500	4167	23	500	9056	24	500	14246	44	500	16048	34	500	18099	17	500
863	42	500	4378	16	500	9164	10	500	14337	44	500	16057	23	500	18156	23	500
919	18	500	4420	36	500	9175	15	500	14389	34	500	16186	1	500	18424	24	500
951	39	500	4575	18	500	9235	40	500	14405	24	500	16189	22	500	18442	33	500
953	48	1000	4892	16	500	9235	43	500	14469	50	1000	16239	50	500	18617	37	40000
969	25	500	4905	9	1000	9302	31	500	14470	50	500	16242	14	500	18780	3	500
1028	16	500	4908	25	500	9366	28	500	14505	8	500	16276	17	500	18968	7	5000
1112	35	8000	4913	8	500	9392	21	1000	14525	16	500	16493	43	500	19230	9	500
1120	2	500	4934	10	5000	9421	2	500	14550	24	500	16562	30	1000	19525	21	500
1143	12	500	4960	30	200000	9556	32	500	14554	21	500	16580	48	500	19532	16	500
1177	40	500	5222	40	500	9572	49	500	14559	8	500	16591	39	1000	19614	4	500
1200	16	500	5336	32	500	9575	2	500	14703	4	10000	16625	50	500	19631	7	500
1301	44	1000	5456	2	5000	9592	35	500	14804	8	500	16646	1	500	19693	31	500
1327	31	500	5544	42	500	9645	26	500	14823	43	1000	16719	44	500	19801	33	500
1352	28	500	5692	48	500	9689	23	500	14946	2	500	16861	33	500	19809	45	500
1368	16	500	5849	7	500	9727	12	500	14960	34	500	16916	50	500	19877	13	500
1510	7	500	5877	43	500	9769	36	8000	14960	40	500	16918	21	500	19888	34	500
1655	34	500	5927	43	8000	9833	35	500	14982	48	1000	16953	32	500	19998	32	500
1665	26	500	5995	6	500	9899	36	500									
1684	3	500	6014	5	500	9927	47	500									
1711	23	500	6089	44	500	9949	17	500									
1838	23	500	6171	30	500	9970	31	500									
1981	27	500	6236	40	500	10089	44	500									
2037	13	500	6245	6	500	10138	18	500									
2102	29	500	6295	9	500	10235	48	500									
2194	34	500	6344	16	500	10386	32	500									
2226	37	500	6516	50	75000	10409	20	500									
2243	40	500	6768	48	10000	10423	8	500									
2277	5	500	6784	44	500	10450	15	500									
2423	37	500	6823	20	500	10504	1	500									
2461	25	500	6978	40	500	10519	41	5000									
2763	48	500	7039	23	500	10601	33	500									
2854	13	500	7105	41	500	10951	1	500									
2855	4	500	7120	15	500	11028	34	500									
2880	29	500	7418	47	500	11336	10	1000									
2894	5	500	7470	2	500	11346	28	1000									
2978	7	500	7476	1	500	11536	17	500									
2990	37	500	7528	1	500	11596	19	500									
2996	8	500	7593	19	500	11605	24	500									
3004	25	500	7659	12	500	12092	25	500									
3014	5	500	7827	18	500	12102	45	500									
3149	31	500	7828	50	500	12201	28	10000									
3239	24	500	7905	21	500	12253	32	500									
3304	43	500	7943	18	500	12281	44	500									
3306	9	500	7968	17	500	12463	16	500									
3322	12	500	8005	24	500	12544	38	500									
3364	28	500	8064	24	500	12546	46	500									
3397	10	500	8136	7	500	12581	9	500									
3401	23	500	8158	45	500	12608	32	500									
3438	3	500	8160	30	500	12643	6	500									

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1874 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го іюля 1874 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

214, 436, 1249, 1914, 2271, 3261, 3473, 4041, 4909, 4955, 5152, 5428, 5584, 5749, 5814, 6565, 7304, 7406, 7603, 7672, 7807, 8027, 8447, 8639, 9087, 9270, 9438, 9597, 10016, 10554, 10804, 10905, 12061, 12170, 12524, 13000, 13112, 13301, 13398, 14345, 14587, 15065, 15073, 15270, 16215, 16667, 16699, 17164, 17597, 17606, 18117, 18122, 19873, 19936.

Всего 54 серіи, составляющихъ 2,700 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го октября 1874 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Баденъ-Баденъ (съ рисункомъ).—На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** (продолженіе).—Изъ жизни духовныхъ. **Отлукавенскаго.** — Мужъ своей жены (разсказъ, съ нѣмецкаго).— Охотники за тюленями (съ рисункомъ). — Островъ Санторинъ (съ рисункомъ). — Юдифь (съ рисункомъ).— Смѣсь.—Разныя извѣстія.—Тиражъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою. 5 іюля 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе,** Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 29 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 15-го іюля 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

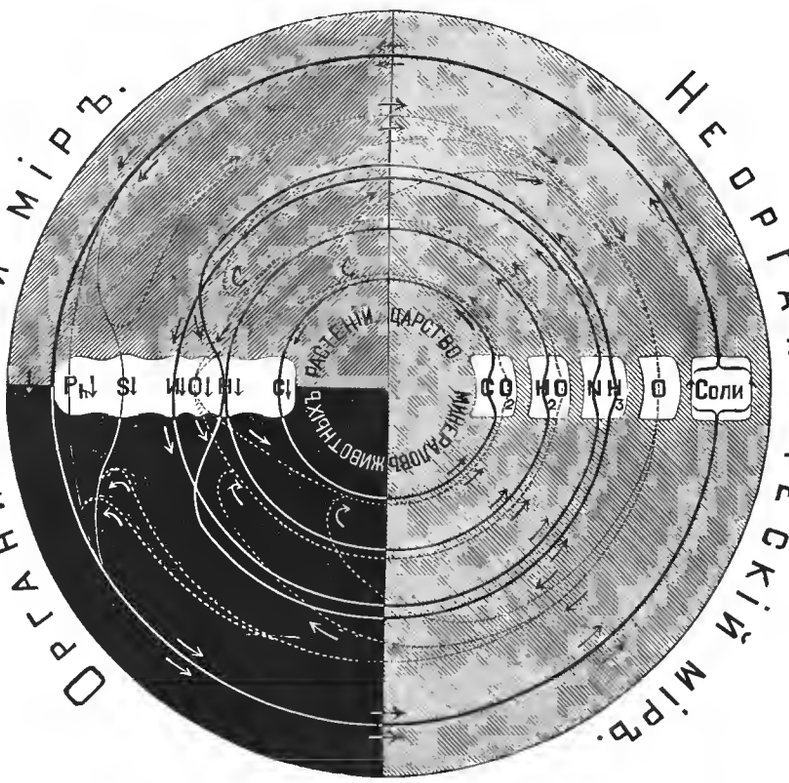
*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Круговоротъ вещества по тремъ царствамъ природы.

(Профессора Чермака *).

Въ настоящей бесѣдѣ я намѣренъ познакомить васъ съ однимъ въ высшей степени интереснымъ воззрѣніемъ, выработаннымъ новѣйшимъ естествознаніемъ, на явленія передвиженія вещества въ природѣ. Воззрѣніе это, основанное на положительно доказанныхъ фактахъ и не заключающее въ себѣ ничего гипотетическаго, тѣмъ не менѣе по своей грандіозности превосходитъ все, что въ состояніи создать творческая фантазія человѣка. Я говорю о «круговоротѣ вещества по всѣмъ тремъ царствамъ природы.»

Заранѣе прошу васъ помириться съ тѣмъ, что мнѣ придется вдаваться въ нѣкоторыя, могущія вамъ показаться нѣсколько сухими, научныя подробности, такъ какъ это необходимо для полнаго убѣжденія васъ въ непреложности развиваемаго мною воззрѣнія.



Схематическое изображеніе круговорота вещества по тремъ царствамъ природы. Грав. К. Вейерманъ.

Растительные и животные организмы, — включая, разумѣется, и человѣческій, — которые, какъ существа живыя, противупоставляются безжизненнымъ образованіямъ и массамъ, построены изъ матеріала, рѣзко отличающагося (какъ по наружному виду, такъ и по своему болѣе тонкому строенію) отъ того матеріала, изъ котораго построенъ міръ неорганическій, или — какъ его иначе называютъ — царство минеральное. Сравните, напр., кусокъ мяса или хлѣба, цвѣточный лепестокъ, пшеничное зерно—съ камнемъ, кристалломъ или мраморной статуей,—и вы найдете между этими вещественными тѣлами гораздо *болѣе* рѣзкихъ отличій, чѣмъ сходства.

Соотвѣтственно этимъ внѣшнимъ отличіямъ, химическимъ анализомъ животныхъ и расти-

*) Нынѣ покойнаго.

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ организмовъ уже давно удалось доказать, что послѣдніе, хотя въ главной своей массѣ и состоятъ изъ веществъ неорганическихъ (а именно, по преимуществу изъ воды и извѣстнаго количества минеральныхъ солей), всегда еще содержатъ въ себѣ часть своеобразныхъ, за исключеніемъ ихъ нигдѣ въ природѣ не встрѣчающихся веществъ, такъ-называемыхъ — *органическихъ*. Полагали, что эти вещества, безъ которыхъ немыслимо реальное проявленіе жизни, въ своемъ элементарномъ составѣ существенно отличаются отъ элементовъ міра неорганическаго.

Слѣдуетъ, поэтому, признать эпохою для науки о жизни (біологіи) открытіе химиками новаго метода изслѣдованія, помощью котораго имъ удалось разложить эти такъ-называемыя органическія вещества на ихъ простѣйшіе химическіе элементы. Подъ именемъ простаго химическаго элемента, какъ извѣстно, разумѣютъ такое вещество, которое никакими (существующими въ настоящее время въ наукѣ) средствами не можетъ быть разложено на другія, болѣе простыя но различныя между собою составныя части, изъ химическаго соединенія которыхъ составилось и получилось-бы изслѣдуемое нами вещество. *Вода*, напр., которую такъ долго считали за простое вещество, за химическій элементъ,—разлагается на «кислородъ» (O—начальная буква его латинскаго названія— Oxygenium) и «водородъ» (H—Hydrogenium) —два газообразныя тѣла, которыя обнаруживаютъ совершенно различныя свойства: послѣдній представляетъ собою легчайшее изъ всѣхъ тѣлъ и горитъ слабосвѣтящимся пламенемъ; первый же гораздо тяжелѣе водорода, самъ не горитъ, но поддерживаетъ горѣніе. Ни водородъ, ни кислородъ не могутъ быть разложены на болѣе простыя составныя части: водородъ и кислородъ, слѣдовательно, суть простые химическіе элементы, изъ соединенія которыхъ составилась вода. Отношеніе между количествами того и другаго элемента—величина постоянная, никогда не измѣняющаяся; другими словами: какую бы воду въ свѣтѣ ни взяли бы и разложили, всегда окажется, что она состоитъ изъ *двухъ* частей (по объему) водорода и *одной* части кислорода. Если мы, слѣдовательно, захотимъ кратко выразить химическій составъ воды въ качественномъ и количественномъ отношеніи, то мы можемъ обозначить элементы начальными буквами ихъ названій (принято: латинскихъ) и рядомъ съ буквами поставить цифры, означающія количества элементовъ. Такое выраженіе и называется «химической формулой.» Химическій составъ воды, такимъ образомъ, выразится формулой: H_2O.

Равнымъ образомъ и *углекислота* — всѣмъ извѣстный газъ, выдѣляющійся изъ шипучихъ напитковъ, каковы пиво, шампанское, зельтерская вода и проч., и придающій имъ пріятный, прохлаждающій вкусъ, есть также тѣло сложное, которое составлено изъ простыхъ химическихъ элементовъ — «углерода» (C отъ лат. Carbo) и кислорода — такимъ образомъ, что одна часть перваго соединяется съ двумя частями послѣдняго, образуя при этомъ одно химическое цѣлое. Формула углекислоты, слѣдовательно, будетъ: CO_2.

Я позволю себѣ, наконецъ, привести еще одинъ примѣръ. *Амміакъ*—газъ противнаго запаха, который скопляется въ отхожихъ мѣстахъ и своею ѣдкостью производитъ сильное раздраженіе въ глазахъ и носу,—есть также тѣло сложное и состоитъ изъ двухъ различныхъ химическихъ элементовъ: изъ упомянутаго уже выше водорода (H) и такъ-называемаго азота (N — отъ лат. Nitrogenium); химическая формула его: NH_3, т. е. одна часть азота соединяется съ тремя частями водорода и образуетъ одну частицу амміака.

Новый методъ химическаго анализа, открытіе котораго, какъ уже было сказано, оставляетъ великую эпоху въ біологіи, называется химическимъ элементарнымъ анализомъ органическихъ соединеній. Изобрѣтеніе и усовершенствованіе этого метода составляютъ одну изъ безсмертныхъ заслугъ величайшаго химика нашего вѣка, *Юстуса Либиха*. Этотъ методъ привелъ къ тому удивительно простому и поразительному результату, что *всѣ* тѣ различныя соединенія, которыя носятъ названіе органическихъ, состоятъ изъ весьма небольшаго числа простыхъ химическихъ элементовъ, встрѣчающихся также въ мірѣ неорганическомъ. Изъ шестидесяти двухъ хорошо-изученныхъ элементовъ, признаваемыхъ современной химіей за главныя части нашей планеты и окружающей ее атмосферы,—только *четыре* главнымъ образомъ входятъ въ составъ органическихъ соединеній, а именно: углеродъ (C), водородъ (H), кислородъ (O) и азотъ (N).

Замѣчательно, что только эти четыре элемента, группируясь въ различномъ числѣ и соединяясь въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ и при разныхъ условіяхъ, — служатъ основными началами того безконечнаго разнообразія органическихъ соединеній, которыя, какъ это увидимъ впослѣдствіи (въ свою очередь соединяясь, или даже только смѣшиваясь съ нѣкоторыми неорганическими веществами), образуютъ весь міръ растительныхъ и животныхъ организмовъ. Органическія соединенія составляются или только изъ двухъ элементовъ, или въ ихъ составъ входятъ три, четыре и даже болѣе основныхъ веществъ, которыя, соединяясь между собою, образуютъ одно нераздѣльное цѣлое.

Все органическія соединенія содержатъ въ себѣ углеродъ (C); послѣдній, слѣдовательно, не отсутствуетъ ни въ одномъ образованіи органическаго міра. Въ обширномъ ряду органическихъ соединеній, въ образованіи которыхъ участвуетъ болѣе нежели два элемента,—различаютъ двѣ группы, изъ которыхъ первая составляется изъ соединеній, состоящихъ изъ углерода, водорода и кислорода; въ составъ же другой входятъ такія соединенія, которыя — кромѣ исчисленныхъ выше трехъ элементовъ—содержатъ еще (какъ постоянный элементъ) и азотъ. Соединенія первой группы называются *безъазотистыми*, второй — *азотистыми* органическими соединеніями. Изъ безъазотистыхъ я обращу вниманіе на тѣ, которымъ дано было названіе *углеводовъ*—на томъ основаніи, что кромѣ углерода, составляющаго невремѣнную составную часть всякаго органическаго соединенія, въ ихъ составъ входятъ водородъ и кислородъ въ такой же точно пропорціи, въ какой они входятъ въ составъ воды, т. е. на каждую часть кислорода двѣ части водорода. Далѣе слѣдуетъ здѣсь упомянуть о жирахъ и маслахъ, которые точно также состоятъ только изъ углерода, водорода и кислорода, но въ которыхъ первые два элемента значительно преобладаютъ надъ послѣднимъ.

Что касается второй группы органическихъ соединеній — азотистыхъ, то они состоятъ изъ углерода, водорода и азота; многія изъ нихъ, и притомъ наиболѣе важныя, содержатъ еще въ незначительномъ количествѣ сѣру (S), нѣкоторыя содержатъ также фосфоръ (Ph) и желѣзо (Fe), такъ что самыя сложныя изъ нихъ представляютъ собою соединенія пяти, шести или семи элементовъ.

Сюда принадлежатъ тѣ замѣчательныя сложныя органическія соединенія, которыя извѣстны подъ именемъ протеиновыхъ или бѣлковинныхъ тѣлъ. Всѣ они содержатъ: углеродъ (отъ 52 до 54%), водородъ (около 7%), кислородъ (21 — 26%), азотъ (13 — 16%) и сѣру (1% — 1,6%) и служатъ матеріаломъ для построенія тѣхъ органовъ и ихъ частей, въ отправленіяхъ которыхъ жизнь проявляется самымъ разнообразнымъ образомъ.

Такимъ образомъ, разница между органическими и неорганическими соединеніями вовсе не заключается въ разнородности химическихъ элементовъ, изъ соединенія которыхъ образовались тѣ и другія; элементы между собою совершенно тожественны, все равно входятъ ли они въ составъ земли, воды и атмосферы, или они образуютъ собою сложныя ткани растительныхъ, животныхъ и человѣческаго организмовъ. Существенная разница между ними заключается главнымъ образомъ въ числѣ и расположеніи названныхъ немногихъ элементовъ для образованія сложнаго химическаго цѣлаго.

И такъ, органическія соединенія вообще отличаются отъ неорганическихъ прежде всего большею сложностью своего состава или строенія. Другое характеристическое отличіе органическихъ соединеній состоитъ въ томъ, что всѣ они безъ исключенія сгараемы, между тѣмъ какъ большинство неорганическихъ соединеній не способны къ сгоранію, т. е. къ дальнѣйшему соединенію съ кислородомъ.

Подъ *горѣніемъ* или *окисленіемъ* разумѣютъ соединеніе элементовъ съ кислородомъ.

Горѣніе или окисленіе допускаетъ различныя степени, и оно называется *полнымъ*, если дальнѣйшее воспріятіе тѣломъ кислорода дѣлается невозможнымъ; тѣла, неспособныя къ дальнѣйшему окисленію, называются *насыщенными* кислородомъ. Большая часть неорганическихъ тѣлъ суть соединенія «насыщенныя» кислородомъ.

Органическія соединенія, напротивъ того, или вовсе не содержатъ кислорода, или же содержатъ его въ относительно ничтожномъ количествѣ, такъ что всегда возможно присоединеніе новыхъ количествъ кислорода; выражаясь другими словами: органическія соединенія могутъ быть подвергнуты полному сгоранію, причемъ произойдетъ распредѣленіе ихъ на конечные продукты, обладающіе природой истинныхъ неорганическихъ соединеній. Если поэтому растительный или животный организмъ сгораетъ вполнѣ, то главная масса его улетучивается въ воздухъ и остается только неорганическій остатокъ въ видѣ такъ-называемой золы, который въ большей части случаевъ относительно очень невеликъ, а подчасъ даже равенъ нулю.

Фактъ этотъ совершенно просто объясняется тѣмъ, что вода, составляющая главную составную часть всѣхъ органическихъ образованій, легко испаряется отъ теплоты, которая развивается при горѣніи,—а безъазотистыя и азотистыя соединенія, которыя главнымъ образомъ состоятъ изъ упомянутыхъ выше четырехъ элементовъ: углерода, водорода, кислорода и азота, образуютъ при горѣніи продукты преимущественно газообразные. Углеродъ сгораетъ въ углекислоту (CO_2), изъ которой только незначительная часть удерживается углекислыми солями золы; водородъ, отчасти сгорая въ воду (H_2O), отчасти образуя съ азотомъ амміакъ (NH_3), точно также улетучивается; остаются только тѣ содержащіяся въ бѣлковинныхъ тѣлахъ незначительныя количества сѣры и фосфора, которыя, сгорая или окисляясь, переходятъ въ сѣрную и фосфорную кислоты.

Главную массу золы, исключая воды, которая улетучивается при горѣніи, составляютъ неорганическія или минеральныя соединенія, служащія для построенія всякаго растительнаго и животнаго организма.

Кромѣ угольной кислоты, сѣрной и фосфорной, которыя, какъ мы видѣли, суть отчасти растительнаго происхожденія, въ золѣ находятъ еще хлоръ (1) (Cl), фторъ (2) (Fl) и кремній (3) (Si)

1) Хлоръ—газъ желтаго цвѣта, весьма удушливый; составная часть поваренной соли. 2) Тоже газъ, весьма ядовитый; составная часть плавиковаго шпата. 3) Главная

Библиотека "Руниверс"

образующіе съ основными (4) веществами такъ-называемыя соли (5). Основныя вещества золы суть щелочи: калій (6) (K) и натрій (7) (Na), и щелочныя земли: известь (Ca), магнезія (Mg), и единственный тяжелый металъ—желѣзо (Fe). (*)

Конечные продукты горѣнія растительныхъ и животныхъ организмовъ составляютъ такимъ образомъ: нѣкоторыя минеральныя соли, вода, углекислота и амміакъ—все тѣла неорганическія.

Совершенно такіе же конечные продукты, какіе получаются при горѣніи, даетъ еще и другой процессъ, свойственный исключительно однимъ только органическимъ тѣламъ: именно, процессъ разложенія или разрушенія органической матеріи, извѣстный подъ названіемъ гніенія или тлѣнія. При гніеніи подобно тому, какъ при горѣніи, растительный или животный организмъ распадается на углекислоту, воду, амміакъ и минеральныя соли.

Этимъ мы сдѣлали обзоръ не только всѣхъ конечныхъ продуктовъ органической матеріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обзоръ самыхъ важныхъ элементарныхъ веществъ, изъ которыхъ состоятъ всѣ растительныя и животныя образованія. Число такихъ элементовъ не превышаетъ четырнадцати, а именно: углеродъ (C), водородъ (H), кислородъ (O), азотъ (N), сѣра (S), фосфоръ (Ph), хлоръ (Cl), фторъ (Fl), кремній (Si), калій (K), натрій (Na), кальцій (Ca), магній (Mg) и желѣзо (Fe).

Такимъ образомъ, углеродъ, водородъ, кислородъ и азотъ по преимуществу, затѣмъ сѣра, фосфоръ и, пожалуй, желѣзо, суть тѣ элементы, которые, группируясь самымъ разнообразнымъ образомъ и при различныхъ условіяхъ, образуютъ безконечное множество такъ-называемыхъ органическихъ тѣлъ. Послѣднія, смѣшиваясь, или химически соединяясь, съ нѣкоторыми тѣлами неорганической природы — съ водою и нѣкоторыми минеральными солями, образуютъ тѣ своеобразныя вещества, которыя, облекаясь въ органическія формы растеній и животныхъ, обнаруживаютъ явленія жизни.

Посмотримъ теперь, гдѣ и какъ сохраняются названные нами четырнадцать элементовъ, составляющихъ основныя начала всѣхъ безъ исключенія организмовъ, въ общей сокровищницѣ неорганической матеріи—въ минеральномъ царствѣ.

1) кислородъ и азотъ, оба въ свободномъ состояніи и въ отношеніи 21 объема перваго и 79 объемовъ втораго, образуютъ атмосферный воздухъ, который окружаетъ весь земной шаръ со всѣхъ сторонъ.

2) Углеродъ, соединенный съ кислородомъ въ углекислоту, примѣшивается къ воздуху и водѣ, или образуетъ углекислыя соли, которыя отчасти растворены въ водѣ, отчасти образуютъ твердыя составныя части почвы.

3) Изъ соединенія водорода съ кислородомъ образуется вода, которая повсюду распространена въ природѣ въ твердомъ, жидкомъ и газообразномъ состояніяхъ.

4) Водородъ, соединяясь съ азотомъ, образуетъ амміакъ, который встрѣчается въ черноземѣ или пахатной землѣ и примѣшивается къ воздуху въ непостоянномъ количествѣ.

5) Наконецъ, сѣра и фосфоръ встрѣчаются въ сѣрнокислыхъ и фосфорнокислыхъ соляхъ, которыя, подобно другимъ минераламъ, содержащимъ остальные изъ названныхъ четырнадцати элементовъ, какъ напр. калій, натрій, кальцій, магній и проч., находятся либо въ растворенномъ видѣ въ водѣ, либо входятъ въ составъ земной коры.

Сопоставьте эти пять пунктовъ съ тѣмъ, что я вамъ сообщилъ о конечныхъ продуктахъ сгоранія или истлѣнія растительныхъ и животныхъ организмовъ,—и вамъ окончательно выяснится тотъ въ высшей степени важный фактъ, *что неорганическій міръ нашей планеты содержитъ въ формѣ воды, углекислоты, амміака и нѣкоторыхъ солей тѣ элементарныя вещества, изъ которыхъ образуются всѣ живыя организованныя существа*; послѣднія—подъ вліяніемъ свободнаго кислорода атмосфернаго воздуха при процессѣ горѣнія и гніенія—опять распадаются на первоначальныя, простыя, минеральныя формы (вода, углекислота, амміакъ и соли) и въ этомъ видѣ возвращаются неорганическому міру.

Посредствомъ корней и листьевъ растенія безпрестанно извлекаютъ вещество изъ почвы, воды и атмосферы. Эти запасные магазины неорганической матеріи снабжаютъ міръ растеній тѣми элементами, которые необходимы для ихъ образованія, поддержанія и развитія, въ формѣ углекислоты, воды, амміака и минеральныхъ солей.

Въ зеленыхъ частяхъ растеній поглощенная кислота, при содѣйствіи солнечныхъ лучей, возстановляется, т. е., кислородъ отдѣляется отъ углерода и въ формѣ свободнаго газа возвращается атмосферному воздуху,—а углеродъ, вступая въ новыя соединенія органическаго характера съ элементами воды и амміака, остается въ растеніи.

Путемъ такой внутренней химической работы растеніе изготовляетъ всѣ части своихъ тканей и соковъ; изъ этого строительнаго матеріала, чисто неорганическаго характера, путемъ раскисленія или выдѣленія кислорода, растеніе создаетъ всѣ тѣ такъ-называемыя органическія соединенія, которыя отличаются отъ неорганическихъ только своею сгораемостью и болѣе сложнымъ своимъ составомъ.

Такимъ образомъ, элементы воды и углекислоты, лишаясь части кислорода, образуютъ такъ-наз. «углеводы», органическія соединенія, состоящія только изъ углерода, водорода и кислорода. Къ углеводамъ принадлежатъ: клѣтчатка, крахмалъ, сахаръ и проч., также жиры и масла.

При доступѣ амміака (NH_3), къ тремъ названнымъ элементамъ присоединяется четвертый — азотъ, и, такимъ образомъ, получаются четверныя, азотистыя, органическія соединенія. Наконецъ сѣра и фосфоръ, воспринятые растеніемъ въ формѣ сѣрнокислыхъ и фосфорнокислыхъ солей и освобожденные отъ кислорода, присоединяются къ упомянутымъ элементамъ и обусловливаютъ собою новыя комбинаціи; дѣло наконецъ доходитъ до образованія самыхъ сложныхъ органическихъ соединеній, а именно, бѣлковинныхъ веществъ.

Эти своеобразныя и далеко еще не вполнѣ изслѣдованные процессы называютъ *органическимъ синтезомъ* *) или прогрессивнымъ метаморфозомъ вещества.

Начиная отъ невзрачныхъ лишаевъ, покрывающихъ влажные утесы, до элегантныхъ растеній, украшающихъ наши оранжереи, и до могучихъ исполиновъ дѣвственныхъ лѣсовъ, — словомъ: все растительное царство можно разсматривать какъ естественную химическую лабораторію, которая, будучи приведена въ дѣйствіе лучами солнца, освобождаетъ кислородъ и производитъ бѣдныя кислородомъ но въ высшей степени сложныя органическія соединенія,—въ этомъ и выражается содѣйствіе растительнаго царства органическому синтезу или прогрессивному метаморфозу вещества.

Этимъ, впрочемъ, мы не желаемъ сказать, что въ растеніяхъ не происходятъ, или не могутъ происходить другіе, подчасъ даже противуположные указаннымъ, химическіе процессы; мы, именно, указываемъ на эти явленія, какъ на наиболѣе важныя и наиболѣе характерныя для опредѣленія значенія растительнаго царства въ общей экономіи природы. Роль и значеніе растеній въ экономіи природы состоятъ слѣдовательно въ томъ, *что растенія освобождаютъ кислородъ и изъ простаго неорганическаго матеріала создаютъ самую сложную органическую матерію.*

Животныя поставлены въ совершенно другія условія по отношенію къ внѣшнему міру.

Для построенія и поддержанія тканей своего организма животному необходимъ готовый органическій матеріалъ, такъ какъ оно совершенно лишено способности изъ простаго неорганическаго матеріала создавать какія либо органическія вещества.

Этою способностью, изъ всѣхъ органическихъ образованій, обладаютъ однѣ только—освѣщенныя лучами солнца—зеленыя части растеній.

II.

Органическія вещества, вырабатываемыя растеніями и въ нихъ отлагающіяся, составляютъ слѣдовательно единственный источникъ, откуда животныя добываютъ необходимый для поддержанія жизни органическій питательный матеріалъ. Если въ тканяхъ и сокахъ животныхъ и попадаются такія органическія вещества, которыя не встрѣчаются въ растеніяхъ, то они однакожь не образовались въ самихъ животныхъ изъ простыхъ неорганическихъ элементовъ, но представляютъ видоизмѣненія тѣхъ веществъ растеній, которыя животное получаетъ *непосредственно* вмѣстѣ съ растительной пищей; если оно плотоядное и никогда не питается растеніями, то оно получаетъ ихъ *посредственно*, пожирая другихъ животныхъ, которыя или питаются травоядными животными, или сами употребляютъ растительную пищу.

Резюмируя все, что было нами сказано, мы приходимъ къ тому заключенію, *что животное получаетъ необходимый органическій, питательный матеріалъ непосредственно или посредственно—только отъ растеній, въ формѣ углеродистыхъ водородовъ, жировъ и бѣлковъ.*

Неорганическія вещества, какъ напр. вода и минеральныя соли, которыя также необходимы животному для поддержанія его жизни, оно частью также находитъ въ растеніяхъ, частью же получаетъ *непосредственно* отъ неорганическаго міра. Между этими послѣдними веществами первое мѣсто занимаетъ *свободный кислородъ*, который животное извлекаетъ при посредствѣ своихъ дыхательныхъ органовъ или прямо изъ атмосферы, или—если оно водное животное—изъ растворенного въ водѣ воздуха.

Свободный кислородъ проникаетъ черезъ дыхательные пути въ массу крови или соковъ животнаго и распредѣляется равномѣрно по всему тѣлу. Этимъ путемъ кислородъ приходитъ въ тѣсное соприкосновеніе съ живыми животными тканями и видоизмѣненными актомъ пищеваренія питательными веществами, которыя, воспринимаясь массою циркулирующей крови или соковъ, разносятся по всему организму животнаго.

Необходимымъ послѣдствіемъ является то, что въ животномъ всѣ органическія вещества, которыя главнымъ образомъ суть растительнаго происхожденія, подвергаются медленному сгоранію или постепенному окисленію—и, разлагаясь на все болѣе простыя

составная часть песку. 4) и 5) Въ химіи различаются два рода тѣлъ: основанія (напр. металлы) и кислоты (напр. сѣрная); соединеніе основнаго вещества съ кислотой наз. *химическою солью* (глауберова соль, напр., состоитъ изъ металла натрія и сѣрной кислоты). 6) Главная составная часть поташа, селитры. 7) Составная часть соды, поваренной соли и пр.

*) Желѣзо входитъ въ составъ крайне-сложнаго органическаго соединенія, которому кровь животныхъ обязана своимъ краснымъ цвѣтомъ. Красящее вещество это называется *гемоглобиномъ*.

*) Подъ «синтезомъ» разумѣютъ процессъ *соединенія* между собою элементовъ въ одно сложное цѣлое. Синтезу противуполагается «анализъ» или процессъ *разложенія* сложнаго тѣла на его составные элементы.

Библиотека "Руниверс"

Американскій проэктъ уличнаго желѣзнаго пути.

Библиотека "Руниверс"

и болѣе богатыя кислородомъ химическія соединенія, распадаются наконецъ на уже извѣстные намъ неорганическіе продукты разрушенія органическихъ тканей, которые и возвращаются внѣшнему міру.

Актъ жизни, слѣдовательно, въ конечномъ своемъ результатѣ доставляетъ такіе же, чисто неорганическаго характера, конечные продукты разложенія или разрушенія, какъ и сходные съ ними процессы быстраго искуственнаго сгоранія и медленно-протекающаго гніенія. Эти конечные продукты суть: вода, углекислота, амміакъ и минеральныя соли.

Животное въ продолженіи всей своей жизни безпрестанно выдѣляетъ вмѣстѣ съ минеральными солями углекислоту, воду и нѣкоторые другіе продукты разрушенія, содержащіе азотъ, которые скоро распадаются на углекислоту и амміакъ. Вы видите изъ этого, что животное представляетъ собою такой химическій аппаратъ, который, *въ противоположность растенію, поглощаетъ кислородъ и путемъ окисленія и разложенія переводитъ органическія вещества въ тѣ же неорганическія соединенія, изъ которыхъ они первоначально были построены и созданы растеніями.*

Между тѣмъ какъ роль и значеніе растительнаго царства въ общей экономіи природы состоятъ въ томъ, что растенія, освобождая кислородъ, создаютъ изъ неорганическаго матеріала сложныя органическія соединенія,—роль животныхъ составляетъ совершенную противуположность: *животный міръ служитъ регрессивному метаморфозу вещества, т. е., связывая кислородъ, животныя разрушаютъ и уничтожаютъ органическія вещества и возстановляютъ тотъ самый неорганическій матеріалъ, который служилъ растеніямъ для органическаго синтеза или прогрессивнаго метаморфоза.*

Слѣдуетъ замѣтить, что въ животномъ не происходятъ исключительно процессы регрессивнаго метаморфоза. Рядомъ съ этими послѣдними, которые могутъ считаться наиболѣе важными и преобладающими, въ животномъ происходятъ также и нѣкоторые синтезы; тѣмъ не менѣе, однакожь, роль и значеніе животнаго царства въ экономіи природы опредѣляются исключительно явленіями регрессивнаго метаморфоза.

По отношенію къ атмосферѣ нашей планеты, растенія и животныя необходимо, поэтому, должны находиться въ постоянной борьбѣ между собою.

Растеніе безпрерывно отнимаетъ отъ воздуха углекислоту и разлагаетъ ее, причемъ удерживаетъ углеродъ и освобождаетъ кислородъ. При посредствѣ освѣщенной солнцемъ растительности, атмосфера стремится освободиться отъ содержащейся въ ней углекислоты и сдѣлаться богаче свободнымъ кислородомъ.

Животное, напротивъ того, поглощаетъ кислородъ, сожигаетъ имъ органическія составныя части своихъ тканей и пищи и выдыхаетъ взамѣнъ его такое же почти количество углекислоты. Жизненные процессы животныхъ постоянно дѣлаютъ атмосферу бѣднѣе кислородомъ и богаче углекислотой. Тѣмъ не менѣе, однако, многочисленные и тщательные анализы воздуха несомнѣнно доказали, что составъ атмосферы въ различныхъ мѣстахъ земли вездѣ почти одинаковъ—и если даже относительное содержаніе трехъ главныхъ составныхъ частей атмосфернаго воздуха (азота, кислорода и углекислоты) не абсолютно то колебанія однакожъ весьма незначительны и находятся въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Развитіе и распредѣленіе организмовъ въ настоящее время сводятся къ тому, чтобъ окисляющая дѣятельность животныхъ и раскисляющая растеній находились между собою въ равновѣсіи, такъ какъ временное состояніе атмосферы главнымъ образомъ зависитъ отъ одновременнаго дѣйствія этихъ двухъ—противоположныхъ другъ другу—дѣятельностей.

Нѣтъ сомнѣнія, что составъ атмосферы не всегда былъ таковъ, какимъ мы его находимъ въ настоящее время. Въ болѣе раннія эпохи развитія нашей планеты—содержаніе углекислоты въ воздухѣ было несравненно больше чѣмъ теперь. Только колоссальное развитіе допотопной растительности, преобладавшей вначалѣ надъ всѣмъ остальнымъ органическимъ міромъ, значительно уменьшило содержаніе углекислоты въ атмосферѣ. Углеродъ, который прежде носился въ воздухѣ въ формѣ углекислаго газа, освободился при этомъ отъ кислорода—и въ твердомъ видѣ отложился въ нѣдрахъ земли, гдѣ мы его въ настоящее время находимъ въ формѣ огромныхъ пластовъ и залежей каменнаго и бураго угля; въ качествѣ топлива онъ дѣлается нашимъ могущественнѣйшимъ союзникомъ въ дѣлѣ развитія промышленности и торговли.

Міровое событіе, о которомъ мы только что говорили, совершилось слѣдующимъ образомъ.

Допотопные лѣса сдѣлались жертвою великихъ переворотовъ, которыми сопровождались всѣ эпохи развитія молодой земли: они были засыпаны, затоплены и погребены въ почвѣ, гдѣ подъ вліяніемъ влажности и теплоты они претерпѣли измѣненія, придавшія богатой углеродомъ растительной субстанціи ихъ всѣ свойства каменнаго и бураго угля. Такъ, путемъ внутренней химической работы, совершившейся въ этомъ подземномъ растительномъ царствѣ, скопился въ огромномъ запасѣ углеродъ, которому въ настоящее время выпала на долю такая великая роль въ исторіи прогресса человѣчества.

Сравнительное изслѣдованіе того, какъ животныя и растенія относятся къ веществамъ внѣшняго міра, показываетъ, слѣдовательно, что химическія явленія, происходящія въ обоихъ царствахъ органическаго или живаго міра, существенно между собою различны.

Безсмертная заслуга знаменитаго *Лавуазье*, который справедливо считается отцемъ современной химіи, состоитъ въ томъ, что онъ первый подмѣтилъ это существенное различіе—и этимъ подвялъ завѣсу, такъ долго скрывавшую тѣсную связь между растительнымъ, животнымъ и минеральнымъ царствами.

Связь эта представляется въ формѣ *безпрерывнаго круговорота вещества по тремъ царствамъ природы.*

Въ то время какъ растеніе, главною пищею котораго служатъ простыя, богатыя кислородомъ, неорганическія вещества, перерабатываетъ эти послѣднія путемъ ихъ раскисленія, въ сложныя органическія соединенія, — животное, получающее свою пищу прямо или косвенно изъ растительнаго царства, превращаетъ созданныя растеніемъ сложныя и бѣдныя кислородомъ органическія вещества, путемъ окисленія и разложенія, обратно въ простыя неорганическія соединенія.—Растенія получаютъ изъ минеральнаго царства неорганическіе элементы, которые они превращаетъ въ составныя части своего организма. Животныя, поѣдая растенія, усвоиваютъ себѣ органическія вещества растеній, и, разлагая ихъ на простыя неорганическія соединенія, возвращаютъ ихъ въ такомъ видѣ минеральному царству. Мы видимъ, слѣдовательно, что въ природѣ матерія находится въ постоянномъ движеніи, которое представляется въ формѣ безпрерывнаго круговорота вещества изъ минеральнаго царства въ растительное, изъ растительнаго въ животное, затѣмъ изъ животнаго царства опять въ минеральное и т. д.

Взгляните на приложенный рисунокъ, представляющій собою схематическое изображеніе круговорота вещества по тремъ царствамъ природы, и вамъ окончательно выяснится все то, что было нами до сихъ поръ сказано.

На нашемъ рисункѣ правая половина круга, изображающаго всю вселенную, представляетъ неорганическій міръ, лѣвая—органическій міръ: послѣдняя распадается еще на два квадранта, изъ которыхъ одинъ представляетъ растительное, другой — животное царство.

Въ минеральномъ царствѣ или мірѣ неорганическомъ встрѣчаются всѣ четырнадцать элементовъ, которые, въ концѣ концовъ, служатъ для построенія всего органическаго міра, — въ формѣ нѣкоторыхъ минеральныхъ солей, амміака (NH_3), воды (H_2O) и углекислоты (CO_2). Химическія формулы упомянутыхъ веществъ обозначены на бѣлыхъ табличкахъ правой половины круга. Слѣдите за направленіемъ, указаннымъ маленькими стрѣлками, и увидите какъ эти неорганическія вещества проникаютъ изъ минеральнаго царства въ квадрантъ, изображающій растительное царство. Въ то время какъ пунктированныя линіи, изображающія пути кислорода, расходятся другъ отъ друга и возвращаются обратно въ пространство минеральнаго царства, гдѣ они сходятся въ табличкѣ, обозначенной буквою O (т. е. свободный кислородъ атмосферы),—непрерывныя линіи, изображающія пути углекислоты, водорода, азота и проч., продолжаются дальше и достигаютъ общей квадрантамъ растительнаго и животнаго царства бѣлой полосы, которая обозначена буквами C, H, O, N, S, Ph. Эта бѣлая полоса съ вписанными въ ней буквами представляетъ собою тѣ сложныя органическія соединенія, которыя создаются растеніями изъ несложныхъ по составу, но богатыхъ по содержанію кислорода неорганическихъ веществъ, путемъ выдѣленія изъ послѣднихъ части кислорода.

Бѣлая полоса съ вписанными въ ней буквами на половине заходитъ въ квадрантъ, изображающій животное царство. Это обстоятельство имѣетъ цѣлью напомнить и сдѣлать нагляднымъ высказанное нами положеніе, по которому животныя главнымъ образомъ получаютъ необходимый питательный матеріалъ и составныя части своего организма изъ растительнаго царства.

Линіи, изображающіяся пути элементарныхъ веществъ, проходятъ черезъ эту бѣлую полосу и проникаютъ въ квадрантъ животнаго царства. Въ послѣднемъ однако порядокъ и направленіе этихъ линій измѣняются. Въ то время какъ пунктированныя линіи, представляющія пути свободнаго кислорода атмосферы, проникая сюда изъ минеральнаго царства, присоединяются къ непрерывнымъ линіямъ, всѣ элементарныя вещества (14) возвращаются обратно въ минеральное царство въ формѣ углекислоты (CO_2), воды (H_2O), амміака (NH_3) и солей. Такимъ образомъ каждый элементъ, какъ это можно ясно видѣть на фигурѣ, совершаетъ вполнѣ замкнутый кругъ, проходя чрезъ всѣ три царства въ самыхъ разнообразныхъ соединеніяхъ съ другими элементами.

Теперь вамъ станетъ яснымъ значеніе элементарнаго вещества въ жизни нашей планеты. Могучимъ потокомъ вещество это устремляется изъ минеральнаго царства въ растительное и затѣмъ въ животное, чтобы, въ концѣ концовъ, снова возвратиться въ царство минеральное.

Библиотека "Руниверс"

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

IV.

Ночь на Ивана-Купала.

Какъ теперь, помню—это было 23-го іюня, въ самый канунъ Ивана-Купала. Въ той мѣстности, гдѣ мы обитали, еще и доселѣ сохранилось чествованіе купальскаго праздника во всей его древней, аллегорической обрядности, а потому мы съ Апроней собирались въ эту ночь отправиться верхами въ пущу, на берега озера Кагана, гдѣ должно было совершаться это интересное празднество — уцѣлѣвшій остатокъ языческихъ временъ первобытнаго Славянства.

Солнце начинало садиться.

Люди, въ урочный часъ, подъ присмотромъ взводныхъ вахмистровъ, провели на недоуздкахъ коней къ водопою въ ближайшее озеро. Для этого они, обыкновенно, прибывъ къ берегу, вскакиваютъ каждый на спину своей лошади и, съ помощью шенкелей, заставляютъ ее войдти въ воду сажень на пять, на шесть отъ берега, такъ какъ у самаго берега дно слишкомъ илисто и мелко да и вода, взбаламученная копытами, тотчасъ же становится мутною. Вотъ уже вернулись съ водопоя послѣдовательно три первые взвода, а четвертый только еще направился къ озеру. Эта взводная очередь принята у насъ для большаго порядка, чтобы избѣжать на берегу лишней толкотни и суеты между людьми и конями—отъ одновременнаго скопленія ихъ цѣлою массой а также и для того, что бы дать время замутившейся водѣ протечь и отстояться.

Мы, въ ожиданіи чая, сидѣли по обыкновенію на крылечкѣ, подъ навѣсомъ хмѣля и дикаго винограда,— а въ вечерѣющемъ воздухѣ стояла такая невозмутимая, глубокая тишина, что до насъ ясно доносились съ озера и плескъ воды, производимый движеніемъ входящихъ въ нее коней, и понуканья, и тотъ своеобразный мелодическій посвистъ, столь хорошо знакомый кавалеристамъ, посредствомъ котораго люди обыкновенно стараются возбудить въ конѣ аппетитъ и охоту къ водопою.

Вдругъ этотъ плескъ превратился въ шумъ необычайныхъ размѣровъ. Послышались перепуганные, тревожные крики, восклицанія, брань, голоса «держи, лови!»—За тѣмъ раздался, все болѣе и болѣе приближавшійся, гулкій и сильный топотъ многочисленныхъ копытъ—и вдругъ, черезъ нѣсколько мгновеній, мимо насъ шагахъ въ тридцати вихремъ пронеслося съ гуломъ и ржаньемъ около десятка вырвавшихся на волю горячихъ коней. Это была чудная и своеобразная красивая картина! Распустивъ хвосты трубою и закинувъ гордыя головы, съ развѣвающимися гривами, съ огненнымъ взоромъ и раздутыми ноздрями, эти скакуны безъ всадниковъ, промчавшись нѣсколько десятковъ саженей въ одной тѣсной кучѣ, вдругъ ударились межъ деревьями въ разсыпную, оглашая лѣсъ на далекое пространство своимъ гуломъ и звонкимъ серебристымъ ржаніемъ, которое подхватывалось перекатнымъ эхомъ. Слѣдомъ за этою ватагой неслись почти всѣ остальные кони четвертаго взвода; на большей части изъ нихъ еще сидѣли кое-какъ всадники, тщетно стараясь однимъ недоуздкомъ сдержать бѣшеный пылъ своихъ лошадей, которыя, ошалѣвъ отъ какой-то неизвѣстной пока намъ причины то и дѣло, взвивались на дыбы, давали «козловъ *)» и изо всей мочи порывались вслѣдъ за умчавшимися скакунами. Изъ опрокинутыхъ людей, кое какъ успѣвшихъ подняться на ноги, иной торопливо старался поймать конецъ недоуздка, другой бѣжалъ что есть мочи за своимъ конемъ; третій, подданный кверху ловкимъ «козломъ» и сброшенный наземь черезъ голову, — къ счастію успѣвъ не выпустить изъ рукъ недоуздокъ, силится всѣмъ корпусомъ, откинутымъ въ упоръ, удержать вырывающуюся лошадь,— и все это сопровождается криками и смятеніемъ солдатъ бѣгающихъ въ догонку,—словомъ сказать, переполохъ поднялся ужаснѣйшій!

Я былъ камандиромъ 4-го взвода и потому понятно, что произшедшая неожиданность касалась меня самымъ ближайшимъ образомъ.

Вругъ—смотрю—бѣжитъ ко мнѣ Слуцкій, мой взводный вахмистръ—застегивая на бѣгу свой китель. Слуцкій—это ражій дѣтина, чуть не косая сажень въ плечахъ, съ великолѣпными, окладистыми черными баками и съ голосомъ, который гудитъ у него какъ изъ бочки, вслѣдствіе чего въ хорѣ пѣсельниковъ Слуцкій всегда «спущаетъ октаву.»

— Ваше благородіе! бѣда! еще издали вопитъ онъ въ попыхахъ и въ испугѣ.—Явите божескую милость!... Надо доложить майору!...

— Какъ это у васъ тамъ случилось? спрашиваю его.

— Да Банникъ **) подъ рекрутикомъ, подъ Пашинымъ, спужамчись чего-то, шарахнулся въ сторону, сбилъ въ воду и Пашина-то, а самъ ударился въ кучу коней, переполоху надѣлалъ такого, что просто ужасти! А за нимъ и всѣ другіе кони словно ошалѣли, тоже шарахнулись, — эфтимъ манеромъ и вышла вся каша!... Явите Божескую милость, ваше благородіе! потому хоша случай такой, а все же много виноваты!

Я побѣжалъ къ майору, который, вернувшись послѣ обѣда изъ луговъ, прилегъ соснуть пока до вечерняго чая. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ приказалъ сейчасъ же засѣдлать нѣсколькихъ лошадей и послать на нихъ наиболѣе смышленыхъ и знакомыхъ съ мѣстностью солдатъ разловить убѣжавшихъ скакуновъ, а другую часть людей отправить съ тою же цѣлью пѣшкомъ. Такъ какъ произшествіе случилось въ моемъ взводѣ, то я счелъ обязанностію вмѣстѣ со своими людьми тоже отправиться на поиски.

— Кстати, захватите трубача съ собою, посовѣтовалъ мнѣ майоръ: — и велите ему время отъ времени играть сборъ: на звукъ трубы кони легко и сами соберутся.

Человѣкъ восемь всадниковъ отправились по разнымъ направленіямъ лѣса; я со Слуцкимъ и съ трубачемъ—выбравъ себѣ между ними направленіе, приблизительно, центральное,—поѣхали прямо по лѣсной цѣлинѣ, въ глубину пущи. Гдѣ рысцою, гдѣ шагомъ, пробираясь между кустами и старыми деревьями, мы отъѣхали отъ фольварка версты на три, когда я приказалъ трубачу впервые подать сигналъ. Амплѣевъ приставилъ губы къ трубѣ—и «сборъ» зарокоталъ по

*) «Дать козла»—спеціальное выраженіе. Лошадь «даетъ козла» посредствомъ лягательнаго прыжка задними ногами, вслѣдствіе чего, при отсутствіи сѣдла и стремянъ, всадникъ легко можетъ полетѣть черезъ голову лошади.

**) Имя коня.

Библиотека "Руниверс"

пустынѣ лѣса. Какъ только замеръ въ отдаленномъ эхо послѣдній звукъ трубы, мы стали прислушиваться, и вдругъ изъ двухъ или трехъ концовъ лѣса, какъ бы въ отвѣтъ на призывъ сигнала, послышалось вдали тонкое конское ржанье.

— Ага, почуяли, значитъ! замѣтилъ Амплѣевъ.

Мы продолжали прислушиваться, стоя на мѣстѣ еще въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, но ржаніе не повторялось и, среди лѣсной тишины, ничто пока не служило признакомъ приближенія лошадей. Отъѣхавъ впередъ еще на версту, мы повторили «сборъ», но результатъ остался столь же безуспѣшенъ.

— Ваше благородіе! обратился ко мнѣ Слуцкій: — не подать ли бы лучше «апель» вмѣсто «сбора?»

— А что? отозвался я.

— Да такъ; потому «апель», значитъ, конь завсегда не въ примѣръ лучше чувствуетъ.

— Дай «апель», Амплѣевъ!

И лѣсная пустыня рѣзко огласилась дребезжащею высокою трелью сигнала. Слуцкій соскочилъ съ лошади и, не выпуская изъ руки трензельнаго повода, прилегъ ухомъ къ землѣ и сталъ прислушиваться.

— Гудёть, ваше благородіе! съ какою-то таинственностью, въ полголоса, сообщилъ онъ черезъ минуту.

— Что гудётъ?

— Земля гудеть.... Значитъ, топотъ слышенъ.

— Далеко?

— Сдается такъ, будто все ближе.... все гулче становится.... Подать бы, ваше благородіе, еще разокъ?

— Труби! приказалъ я Амплѣеву.

И вотъ, минуты двѣ спустя послѣ повтореннаго сигнала, снова раздалось, уже гдѣ-то невдалекѣ, серебристое ржаніе, а за тѣмъ, черезъ нѣсколько времени, ясно послышался топотъ и трескъ сухаго валежника, ломаемаго подъ тяжестью конскаго копыта.

Мы внимательно напрягли и слухъ, и зрѣніе.

Черезъ минуту, на небольшую открытую лощинку лежавшую передъ нами—выбѣжалъ конь «Асланъ» и остановясь отъ насъ шагахъ въ полутораста, чутко насторожилъ строгія уши, понюхалъ воздухъ и вдругъ, испуганно шарахнувшись въ сторону, въ одно мгновенье исчезъ куда-то вправо за густыми кустами.

Слуцкій живо очутился на сѣдлѣ и, пригнувшись къ лукѣ, чтобы защитить лицо отъ хлесткихъ прутьевъ да отъ колючихъ сосновыхъ вѣтвей, пустился— по мысленному предположенію—на перерѣзъ Аслану.

Мы остались дожидаться на мѣстѣ.

Опять послышался трескъ сучьевъ и топотъ, и опять выбѣжала на лощинку лошадь, почти въ томъ же самомъ направленіи, какъ и Асланъ, и—точно такъ-же какъ и онъ—пріостановилась, озираясь по сторонамъ; видимо усталая, она обмахивалась хвостомъ и отфыркивалась.

— Э, да это никакъ Бабилина! шепотомъ замѣтилъ Амплѣевъ. И дѣйствительно, вглядѣвшись, я узналъ въ этой сухощавой длинношеей кобылѣ нашу кроткую «Бобелину».

Лошадь межъ тѣмъ, завидѣвъ насъ, высоко подняла голову, радостно заржала и вдругъ направилась прямехонько-таки къ намъ покорною, смирною и легенькою рысцою. Амплѣеву не стоило никакого труда шагомъ податься ей навстрѣчу и, осторожно приблизясь, схватить ее за болтавшійся недоуздокъ.

Спустя около четверти часа вернулся и Слуцкій, ведя за собою Аслана.

— Гдѣ тебѣ удалось поймать его?

— А, лядащій конь! проворчалъ онъ съ неудовольствіемъ: — все лицо изъ за него прутьёмъ перецарапало! Нагналъ ужь я его вона-гдѣ! въ болотѣ! никакъ къ себѣ не подпущаетъ хоть что хошь! Чуть я подойду эдакъ осторожно съ боку, — онъ сейчасъ этто въ сторону и шабашъ! Ничего не подѣлаешь! Умучилъ просто! И до тѣхъ поръ не давался, пока его по брюхо въ болото не втемяшило; ужъ тутъ только я могъ взять его, да чуть было и самъ не утонъ совсѣмъ! Вонакакъ разубрался—страсть!

И дѣйствительно, Слуцкій и оба коня были мокры и покрыты зелеными прядями болотной тины.

— Амплѣевъ! возьми Аслана съ Бобелиной къ себѣ въ заводь и поѣдемъ далѣе! распорядился я.

— Ваше благородіе, вамъ угодно.... впередъ? какимъ-то страннымъ, подозрительнымъ тономъ спросилъ меня Слуцкій.

— Да, впередъ; а что такое?

— Да оно ничего-съ.... а только.... конечно.... Кто его знаетъ!... Какъ бы не снужаться вамъ, неровенъ часъ....

— Что ты за чужь несешь! съ удивленіемъ оглядѣлъ я моего «взводнаго»: — чего это я тамъ буду «нужаться»?!

— Виноватъ, ваше благородіе! Есть воля ваша, а только.... не ладно тамъ.

— Да говори ты, любезный, толкомъ! Что такое не ладно-то?

— Конечно, ваше благородіе, въ добрый часъ сказать, а въ дурной помолчать... А я къ тому собственно изволю докладывать, что темно уже становится, но.... а ночь-то нынче купальская-съ.

— Такъ что-же?

— Какъ угодно вашему благородію, но только я, значитъ,—какъ вотъ стою передъ вами, — такъ точно своими глазами видѣлъ.... Тамъ ваше благородіе, *оно* ходитъ....

— Пьянъ ты братецъ, что-ли?!.. Какое тамъ еще «*оно*»?

И не дожидаясь объясненія, я сказалъ людямъ: «шагомъ маршъ»! и тронулся далѣе.

— Кто его знаетъ, ваше благородіе, что оно такое, а только ходитъ.... Самъ значитъ видѣлъ, на ходу уже продолжалъ докладывать мнѣ Слуцкій. — Я, этта, крадусь къ Аслану, а *оно* мнѣ навстрѣчу.... И больше не будетъ, къ примѣру, какъ вонъ до того дерева— шагахъ въ тридцати, значитъ остановилось и смотритъ на меня, и покажись мнѣ, что жалостно такъ, во всѣ глаза, то-нсь, смотритъ! а потомъ вдругъ шасть въ сторону и пропало — ну, вотъ словно сквозь землю провалилось!

— Померещилось, можетъ? замѣтилъ Амплѣевъ:— въ лѣсу это бываетъ объ ину-пору....

— Чего тѣ «померещилось»?! Пьянъ я, чтоли, и въ сам-дѣлѣ!? огрызнулся на него Слуцкій. — Говорятъ тѣ: своими глазами, а онъ—«померещилось»!

— Какое же *оно* съ виду-то? на что похоже? спросилъ я съ невольною улыбкой.

— Бѣлое, ваше благородіе,—какъ есть, все бѣлое; и на головѣ, словно какъ у покойниковъ саванъ, а-либо платокъ какой, не знаю ужь, а только что бѣлое,— это вѣрно-съ!... И какъ быдто женска пола, ваше благородіе.

— Ну, баба какая нибудь пошла свянто-янскія травы сбирать, и только; а ты — солдатъ — испугался!... Эхъ, братъ!

— Есть воля ваша! а только не похоже оно на бабу деревенскую, хоша и точно что скорѣе сдаетъ на женскій полъ, одначе-жь не баба, потому ежели бабу— ту сейчасъ видно!

— А этта, ваше благородіе, помолчавъ минуту снова заговорилъ Слуцкій таинственно пониженнымъ тономъ: —я такъ думаю, что это никто больше какъ.... французинка.... та самая, что штаб-ротмистръ анадысь изволили вамъ сказывать.... Это она самая и есть!

«Ильяновская легенда!» подумалъ я про-себя.

— А развѣ вы еще не забыли про нее? спросилъ я Слуцкаго.

Библиотека "Руниверс"

— Зачѣмъ забыть, ваше благородіе! — Намъ какъ тогды про нея деньщики сказывали, такъ очинно даже занятно!... И мы часто потомъ промежъ себя толковали, да и ночные наши тоже видѣли, какъ и я-же вотъ теперь. Да и чтожь мудренаго! нѣсколько философски продолжалъ мой взводный:—мѣста здѣсь самыя подходящія: и лѣсъ, этта, и болота, и озеры—вся эта нечисть любитъ вѣдь по такимъ трущобамъ водиться, а нонче къ тому же—Аграфена-Купальница, — вотъ и выползла, значитъ, на свѣтъ Божій. Сегодня ей шабашъ!

— А что, Иванъ Антонычъ, не совсѣмъ-то увѣренно обратился къ Слуцкому Амплѣевъ: — кони-то сегодня ни съ того, ни съ сего разбѣжались — вѣдь это все, поди-ко, ёйныя же штуки! Пожалуй-что она все школитъ?

— А ты какъ понимаешь!? какъ бы нехотя, но увѣренно и авторитетно въ полоборота отвѣтилъ ему Слуцкій и замолкъ.

Разговоръ прекратился.

Солнце давно уже сѣло, и въ лѣсу съ каждою минутой становилось все болѣе сумрачно и сыровато. Проѣхали мы впередъ еще около версты отъ мѣста нашей послѣдней остановки.

— А ну-ко, Амплѣевъ, подай еще «аппель», распорядился я, когда мы выѣхали на одну изъ лѣсныхъ тропинокъ, которую можно было разглядѣть еще въ сумракѣ по двумъ глубокимъ колеямъ, проложеннымъ крестьянскими возами.

Малороссіяне. Рис. Фукье, грав. Гусманъ.

Сигналъ былъ поданъ.

— О-го-го-го-о-о! долетѣлъ къ намъ издали человѣческій голосъ.

— Лѣшій!.. проговорилъ Амплѣевъ съ какою-то странной улыбкой, которая послышалась въ его слегка-дрогнувшемъ голосѣ, такъ что выходило — не то онъ въ шутку сказалъ это, не то и въ самомъ дѣлѣ разсказы Слуцкаго оставили въ немъ свою долю суевѣрнаго впечатлѣнія.

— Дура! буркнулъ на него взводный сквозь зубы:— это, ваше благородіе, должно, кто нибудь изъ нашихъ

Библиотека "Руниверс"

голосъ подаетъ, обратился онъ непосредственно ко мнѣ:—можетъ, подождать прикажете? — авось, подъѣдетъ!...

И мы придержали коней.

— А что жь, Иванъ Антонычъ, съ тою же улыбкой въ голосѣ продолжалъ Амплѣевъ: — рази не бываетъ такъ, что *онъ* нарочно заводитъ? Для тово и голосъ по человѣчьи подаетъ!

— Ну, и пущай его! нехотя и съ оттѣнкомъ неудовольствія проворчалъ Слуцкій. — «Заводитъ»!... выдумалъ тоже: «заводитъ!» — Мы здѣсь теперича, братецъ мой, на торной тропѣ стоимъ, а она все же куда ни на есть да выведетъ! Это не то, что какъ давеча по цѣлинѣ да по болоту! А здѣсь къ тому же видко; даже гораздъ видчѣе, чѣмъ тамъ было.

Въ это время навстрѣчу къ намъ по тропинкѣ выѣхалъ всадникъ.

— Это ты, Андрей Васильичъ?

— Такъ точно, ваше благородіе! отвѣтилъ голосъ Склярова.

— Ну, что? какъ тамъ у васъ? Разловили?

— Есть таки. А у васъ двѣ?

— Двѣ: Асланъ да Бобелина.

— Ну, и слава Богу! восемь коней, значитъ, поймано. Одна «Астролябія» только отбилась въ сторону: къ Гершкиной корчмѣ побѣжала, объяснялъ вахмистръ:— ну, да туда за ней Вороненко съ гремя солдатиками погналъ; надо быть, нереймутъ и ее!

— А всѣхъ-то девять бѣжало?

— Такъ точно. Шестерыхъ ужь домой повели.

— Стало быть и намъ больше дѣлать нечего. Поворачивай, ребята!

И мы, взявъ себѣ въ вожаки Склярова, которому уже хорошо была извѣстна эта тропа, направились по ней къ Ильянову.

Черезъ нѣсколько времени, влѣво отъ насъ, въ той сторонѣ, гдѣ старорослый хвойный лѣсъ былъ нѣсколько рѣже, я замѣтилъ въ-дали мелькающій между деревьями отблескъ какого-то зарева, а еще спустя нѣсколько минутъ до нашего слуха сталъ доноситься съ той-же стороны гулъ людскаго говора и звуки пѣсень. Женскіе голоса были слышнѣе.

— Ишь, у мужиковъ-то гульба! замѣтилъ Скляровъ:— Купалу, значитъ, справляютъ.

— А что, Андрей Васильичъ, освѣдомился я: — не знаешь ты, штабсъ-ротмистръ поѣхалъ туда или нѣтъ?

— Надо быть, поѣхали, ваше благородіе, потому они приказывали тѣлежку свою заложить, и имъ уже закладывали даже, какъ случилась-то у насъ катавасія эта.

«Стало быть, я вѣроятно найду его тамъ», подумалось мнѣ, и потому, не желая болѣе утомлять мою, и безъ того уже утомленную, лошадь, я сдалъ ее на руки Слуцкому, приказавъ людямъ слѣдовать своею дорогой, а самъ пѣшкомъ отправился по тому направленію, откуда слышались голоса и трепетнымъ свѣтомъ мелькало зарево.

(Продолженіе будетъ).

Американскій проектъ уличнаго желѣзнаго пути.

Отъ времени до времени въ американской прессѣ всплываютъ предложенія и планы до того смѣлые и отличающіеся такой новизной, что съ перваго взгляда невольно спрашиваешь себя въ удивленіи, что это такое: выполнимая ли идея геніальнаго механика или химера мечтателя и фантаста. Къ такимъ проектамъ принадлежитъ и представленный на нашемъ рисункѣ, а именно: планъ *подвижнаго* или *вращающагося уличнаго пути*, который намѣреваются соорудить въ Нью-Іоркѣ. Встрѣтивъ эту новую затѣю, впервые въ американскихъ газетахъ, мы склонялись къ мысли, что имѣемъ дѣло съ обыкновенною журнальною уткою, или мистификаціей, или такъ-называемымъ *humbug*'омъ; но проектъ послѣдовательно являлся во многихъ газетахъ, обсуждался всесторонне и представлялъ такимъ образомъ серіозное предпріятіе. Онъ заключается въ слѣдующемъ: Для того чтобы доставить большимъ ремесленнымъ и торговымъ городамъ въ родѣ Нью-Іорка — быстрый, пріятный и сберегающій время путь сообщенія, съ возможно меньшими издержками на постройку, и болѣе безопасный чѣмъ всѣ эти туннели и подземныя желѣзныя дороги,—американскій инженеръ Альфредъ Спиръ въ Нью-Іоркѣ предлагаетъ устройство совершенно особеннаго рода *поясной дороги*, которая должна вращаться на высотѣ 14-ти рейнскихъ футовъ надъ поверхностью мостовой.

Новизна этого проекта состоитъ въ томъ, что не вагоны двигаются по рельсамъ дороги, но самый путь этотъ, состоящій изъ подвижной платформы прокатнаго желѣза и составленный изъ соединенныхъ въ безконечную ленту желѣзныхъ плитъ, на которыхъ со внутренняго края ленты разставлены скамьи, вагоны, небольшіе павильоны и тому подобное; а со внѣшняго края—на двухъ рельсахъ (изъ которыхъ одинъ положенъ на безконечномъ подвижномъ полотнѣ платформы, а другой на неподвижно-прикрѣпленной къ столбамъ галлереѣ) двигаются еще небольшіе восьми-мѣстные вагоны, приспособленные для того, чтобы пассажиры могли на полномъ ходу вращающагося пути садиться въ нихъ и выходить и поэтому названные изобрѣтателемъ *передаточными*, *transfer cars*.

Вообразите себѣ въ длинной и широкой улицѣ или главномъ проспектѣ города, каковъ напр. Бовери въ Нью-Іоркѣ, два ряда красивыхъ колоннъ изъ литаго желѣза, въ 14 футовъ вышины, надлежащей толщины и плотности, которые на верхнемъ и нижнемъ концахъ улицы разставлены такъ что образуютъ отлого-закругленную линію, какъ это видно на первомъ планѣ нашего рисунка. Эти колонны поддерживаютъ легкій прорѣзной оставъ изъ кованаго желѣза и крѣпко соединены между собой балками и слегами для противудѣйствія тряскѣ и всякому боковому давленію. На этомъ открытомъ оставѣ положены два рельса, на равной высотѣ, на одной трети и на двухъ третяхъ разстоянія отъ внутренняго края платформы, — и третій, фута на три выше положенный рельсъ на внѣшнемъ краю платформы. Легкая, сквозная, рѣшетчатая платформа сверхъ того, съ обоихъ краевъ—внутренняго и внѣшняго—снабжена прочной желѣзной рѣшеткой во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. Между и подъ обоими нижними рельсами расположены такъ-называемыя колеса тренія, по которымъ катится платформа,—и зубчатыя колеса, приводящія въ движеніе безконечную платформу катящуюся по рельсамъ. Двигателями служатъ неподвижныя паровыя машины, изъ которыхъ каждая помощью передаточныхъ приспособленій сообщаетъ движеніе зубчатымъ колесамъ, между извѣстнымъ числомъ колоннъ. Всѣ эти паровыя машины сообщаются между собою телеграфнымъ проводомъ, такъ что дѣйствіе ихъ ежемгнутно можетъ быть задержано или усилено съ вращающейся платформы. Безконечная лента платформы или подвижнаго пути, которую можно сравнить лучше всего съ такъ-называемымъ *безконечнымъ* (передаточнымъ) *ремнемъ* въ машинахъ, имѣетъ около 21 фута ширины и раздѣлена на части опредѣленной длины (какъ это изображено на нашемъ рисункѣ ясно-очерченными кривыми линіями). Эти части или плиты платформы соединены между собою зацѣпками наподобіе цѣпи и на нихъ-то неподвижно укрѣплены различные вагоны въ 8 футовъ ширины и отъ 24—40 футовъ длины, на внутреннемъ краю платформы; одни изъ нихъ открытые на случай хорошей погоды, другіе съ крышами отъ дождя и снѣга; тутъ же чередуются скамьи, буфеты и проч. Посрединѣ платформы—свободный проходъ футовъ 7 ширины, по которому прогуливаются пассажиры, глядя на уличное движеніе подъ ногами ихъ, на толпу экипажей, всадниковъ и пѣшеходовъ, которымъ нисколько не мѣшаетъ вращающаяся надъ головой желѣзная дорога, какъ это случается при нынѣшнихъ желѣзноконкахъ или паровыхъ уличныхъ локомотивахъ. Безконечная платформа вращается со скоростью 1—1½ нѣмецкихъ миль въ часъ. Если бы кто пожелалъ присоединить къ этому собственную скорость, въ качествѣ пѣшехода идя по направленію движенія, тотъ достигнетъ цѣли своего путешествія еще на ⅖ скорѣе.

Со внѣшняго края платформы, на извѣстныхъ разстояніяхъ устроены удобные сходы по лѣстницамъ, служащимъ для восхожденія и спуска пассажировъ. Это дѣлается безъ малѣйшей опасности и отнюдь не задерживая хода платформы, посредствомъ вышеупомянутыхъ передаточныхъ вагоновъ (transfer cars) слѣдующимъ образомъ (какъ это видно на двухъ лѣстницахъ перваго плана на нашемъ рисункѣ): восьми-мѣстные, въ 4½ фута ширины, передаточные вагоны двигаются по двумъ рельсамъ, изъ которыхъ одинъ внѣшній лежитъ на открытомъ оставѣ галлереи между столбами, а другой внутренній на безконечной платформѣ на ровной высотѣ съ первымъ,—и оба составляютъ остроумнѣйшую часть этого изобрѣтенія. Когда кто нибудь желаетъ сойдти на улицу, то кондукторъ маленькаго передаточнаго вагона дѣйствуетъ

Библиотека "Руниверс"

своимъ тормазомъ — и въ тотъ же мигъ колеса идущіе по рельсу на безконечной платформѣ перестаютъ вертѣться, передаточный вагонъ вслѣдствіе тренія давитъ на рельсъ, и такимъ образомъ двигается лишь по неподвижному рельсу вмѣстѣ съ поѣздомъ. У первой выходной станціи кондукторъ тормозитъ и эти колеса на неподвижномъ рельсѣ, вагонъ останавливается окончательно, между тѣмъ какъ платформа продолжаетъ вращаться подъ нимъ дальше; пассажиръ выходитъ изъ вагона на лѣстницу или съ улицы по лѣстницѣ входитъ въ вагонъ—и онъ продолжаетъ свое поступательное движеніе вмѣстѣ съ платформой.

Планъ этотъ чрезвычайно смѣлъ, но американскіе инженеры отнеслись къ нему весьма сочувственно, заявивъ, что онъ исполнимъ и во всякомъ случаѣ дешевле, безопаснѣе и удобнѣе всѣхъ до сихъ поръ предлагаемыхъ подземныхъ тунелей или надземныхъ віадуктовъ, равно какъ и выгоденъ въ томъ отношеніи, что нисколько не мѣшаетъ уличному движенію экипажей и пѣшеходовъ.

Народы Россіи.

Малороссы.

Есть племена, при одномъ названіи которыхъ сердце бьется живѣе, а въ душѣ вспыхиваютъ воспоминанія, чудные образы, яркія картины. Прошлое и настоящее, природа страны, гдѣ они живутъ, красота и прелесть ихъ женщинъ, неуловимая поэзія ихъ пѣсенъ и преданій—все это такъ дѣйствуетъ на чуждаго имъ человѣка, что онъ невольно поддается обаянію этого заманчиваго уголка и мечтаетъ о немъ, на своемъ холодномъ и непривѣтливомъ сѣверѣ,—точно также какъ Гете изъ туманной Германіи нѣкогда рвался въ тотъ край «гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ, и гдѣ въ яркихъ листахъ померанецъ какъ золото рдѣетъ»... Подъ вой и свистъ мятели грезится ему ласковое небо юга, тихія рѣки словно остеклѣвшія среди своихъ зеленыхъ береговъ, ароматные сады, цвѣтущія луга, звонкій смѣхъ, звонкія пѣсни и жгучіе взгляды красавицъ. Къ числу такихъ племенъ, подкупающихъ умъ и сердце, несомнѣнно принадлежатъ Малороссіяне.

Не правда-ли, что при этомъ имени—на васъ пахнуло юностію и счастьемъ? Передъ вами какъ живые воскресли плѣнительныя картины Гоголя—и звучные стихи Шевченки (если вы когда нибудь читали ихъ на его родномъ нарѣчіи) дробятся въ вашихъ ушахъ цѣлыми каскадами серебряныхъ звуковъ. Покрайней мѣрѣ я всегда испытываю эти ощущенія и съ наслажденіемъ переживаю то счастіе, которое когда-то я зналъ среди степей и равнинъ этого чуднаго края.

Опредѣлимъ сначала границы Малороссіи. Въ тѣсномъ смыслѣ она включаетъ три губерніи: Черниговскую, Полтавскую и Кіевскую. Но малороссы живутъ и въ Харьковской, и въ Курской, и въ Воронежской, и въ Екатеринославской, и въ Волынской губерніяхъ. Къ югу Малороссія сливается съ Украйной — поприщемъ малорусской удали и славы. Эту тысячи разъ воспѣтую Украйну нельзя отдѣлять отъ Малороссіи. Она органически связана съ нею. Чтобы не описывать ее, приведемъ здѣсь только стихотвореніе А. Мальчевскаго, въ нашемъ переводѣ. Оно даетъ полное представленіе объ этой безграничной степи, какъ океанъ разстилающей передъ вами на сѣверъ и югъ, на западъ и востокъ, свои зеленыя волны.

Украйна.

Бродитъ взоръ въ пространствѣ—безпріютно бродитъ...
Косо вдоль по нивамъ солнце лучъ наводитъ.
Неподвижны степи... только издалека—
Черной точкой воронъ пролетитъ высоко...
Въ непонятномъ гулѣ замираютъ грезы,
Да въ глухомъ бурьянѣ все звѣнятъ стрекозы;
Ветерокъ по нивамъ стелется лѣниво...
Мысли о прошедшемъ нѣтъ нигдѣ отзыва,
И руинъ старинныхъ, гдѣ-бы чувство сына
Отдохнуть могло-бы—не хранитъ равнина.
Дума молодая крылья опускаетъ,
И бродя въ пространствѣ ничего не знаетъ.
Погрузишься-ль въ землю, грустію объятый,
Видишь чьи-то кости, а порой и латы...
Рядомъ зрѣютъ зерна въ почвѣ изобильной,
Трупъ еще недавній гложетъ червь могильный;
Но надъ степью ровной, бродитъ мысль нѣмая
Безъ границъ, безъ цѣли, безъ конца, безъ края...

Только польскій поэтъ, привыкшій къ развалинамъ костеловъ и замковъ своей родины, не сообщилъ того, что чувство сына—отдыхаетъ здѣсь на поэтическихъ преданіяхъ и легендахъ,—что молодая дума окрыляется въ пѣсняхъ Украйны и какъ орлица рѣетъ надъ этимъ безграничнымъ просторомъ,—что связь ея съ прошлымъ еще сильнѣе отъ того, что нѣтъ сложенныхъ изъ камня памятниковъ. Гдѣ есть памятники, тамъ идея о прошломъ привязывается къ опредѣленному мѣсту; гдѣ нѣтъ ихъ, тамъ она одухотворяетъ всю страну могучей исторической жизнью. Не ограничиваясь башнею костела, стѣнами замка, она рѣетъ по всему краю—и на всемъ его просторѣ улыбаются ей милыя и дорогія лица дѣдовъ и прадѣдовъ, и какъ живая возникаетъ вся стародавняя быль.

А чудныя картины самой Малороссіи? Вотъ напримѣръ рѣка: вся она затаилась въ обрывистыхъ берегахъ своихъ, утонувшихъ въ изумрудныхъ зеленяхъ неподвижнаго очерета и печально поникшихъ ивъ. Кое-гдѣ съ звонкимъ ропотомъ падаютъ въ нее ручьи, просочившіеся въ берегахъ, и съ глухимъ шумомъ вливаются пѣнистые, сжатые откосами овраговъ, потоки. Надъ ними съ противуположныхъ сторонъ соединились вѣтви вербы, насквозь пропитанные лучами полуденнаго солнца, кидая свою узорчатую, колеблющуюся тѣнь на журчащія серебристыя струйки. Хорошо подъ этими движущимися сводами тихо-шумящихъ вѣтвей. Выбѣгая изъ подъ сѣраго камня на небольшой лоскутъ земли, освѣщенный косымъ лучемъ солнца, грѣется пестрая ящерица, сторожко поводя топазовыми глазками и готовая при первомъ шорохѣ кинуться въ свое мягкое и сырое ложе. Безвредная зеляница, сверкая изумрудною спинкой, тутъ-же на отлогомъ бережкѣ свертывается красивымъ комочкомъ, протягивая узкую головку къ близкобѣгущимъ струйкамъ. Пугливо выпрямляя красную шейку и взмахивая сизыми крыльями, глядитъ на нее веселая галя, только что оглашавшая звонкимъ стрекотомъ чащу высокаго лозника. Бѣлая рѣчная птица съ громкимъ музыкальнымъ крикомъ вьется надъ потокомъ. Длинноносый куличекъ неподвижно замеръ на берегу, глядя въ стоячую воду, гдѣ дрожитъ отраженіе его крохотной фигурки. Напротивъ, зашедшая въ мелководье цапля, вытянувъ шею, пристально разсматриваетъ злосчастнаго лягушонка, копошащагося въ мягкомъ илѣ. А на верху, въ вѣтвистомъ сводѣ, стоитъ неумолкаемый писк и говоръ тысячи птицъ. Мелкій королекъ, колыхаясь на повиснувшемъ стеблѣ, приноравливается кинуться на темномалиноваго съ зелеными полосками червяка, только что свившаго свой шелковистый коконъ. А эти чудныя ночи, когда мѣсяцъ застаивается на небѣ и смотрится въ тихія воды а соловей поетъ неумолкая свои влюбленныя пѣсни—и въ отвѣтъ ему знойно бьется дѣвичье сердце, и робко звучитъ въ тѣни высокой тополи или во тьмѣ черешневаго сада поцѣлуй, чистый дѣвственный поцѣлуй... Короче, еслибы попытаться хотя слегка очертить этотъ прелестный край—намъ пришлось-бы далеко выйти изъ предѣловъ нашей статьи. Кто не знакомъ съ нимъ—пусть прочтетъ Гоголя и Шевченко; ихъ вдохновенныя строки живѣе и ярче передадутъ и эту природу и эту мощную, неудержимо рвущуюся изъ собственныхъ своихъ предѣловъ красоту.

Еще въ IX вѣкѣ на р. Днѣпрѣ осѣли Поляне, а на притокахъ этой рѣки Сулѣ и Деснѣ—Сѣверяне. У нихъ были и города: Кіевъ, Черниговъ и Любечъ. Когда Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ, этотъ край сдѣлался средоточіемъ славянскаго государственнаго строя и гражданственности. Не смотря на усобицу князей, край быстро развивалъ свое благосостояніе—и началъ упадать только послѣ Андрея Боголюбскаго, перенесшаго центръ тяжести Руси во Владиміръ на Клязьмѣ. Въ 1237 году татары огнемъ и мечемъ разорили Приднѣпровье, а въ послѣдующіе годы почти уничтожили всѣ города его; въ 1299 г. изъ Кіева во Владиміръ перебрался даже и Митрополитъ. Въ Кіевѣ управляли баскаки и вся нынѣшняя Малороссія находилась подъ ярмомъ у татаръ. Наконецъ, въ тридцатыхъ годахъ XIV вѣка, Гедиминъ покорилъ Приднѣпровье, отнявъ его у татаръ—и съ того же времени весь этотъ край усвоиваетъ себѣ названіе Малыя Руси. Подъ властію Литвы плохо жилось этому средоточію русскаго племени. Съ одной стороны его обирали удѣльные князья изъ роду Гедимина, съ другой—грабили татары. А въ XIV столѣтіи, при Ягайлѣ, королѣ польскомъ, началась борьба Малороссіи съ Польшею изъ-за православія и народности, которыя послѣднее королевство хотѣло замѣнить католицизмомъ и полнымъ гражданскимъ и бытовымъ сліяніемъ съ собою. По смерти Ягайлы Малая Русь опять соединилась съ Литвою подъ главенствомъ Витовта, который сдѣлалъ для Юго-западной Руси одно, а именно установилъ для нея избраніе отдѣльныхъ митрополитовъ. Когда умеръ послѣдній изъ Гедиминовичей въ 1471 г., польскій король Казиміръ устроилъ воеводство Кіевское и ввелъ въ государственный бытъ народа—польскія начала. Недовольное этимъ, малорусское населеніе бѣжало на Украйну, въ Запорожье т. е. за пороги Днѣпра. Судьба сѣверной Малороссіи была иная, въ 1523 году она была присоединена къ Москвѣ. Запорожье организовалось въ военную общину—Сѣчь, служившую оплотомъ отъ крымцевъ Казаки запорожскіе управлялись по образу и подобію общеславянскаго вѣча—радой. Атаманъ избирался всѣмъ казачествомъ. Управленіе называлось кошемъ, а кошъ въ свою очередь подраздѣлялся на куреи, во главѣ которыхъ стояли свои атаманы. Какъ первый, такъ и послѣдніе отдавали отчетъ радѣ, хотя и пользовались неограниченною властью. Сѣчь впослѣдствіи расширилась и вся вообще Малороссія раздѣлилась на городовое казачество—выше пороговъ и на низовое—ниже пороговъ Днѣпра. Второе остались на прежнихъ началахъ, а первое по городамъ распредѣлилось на двѣнадцать полковъ, полки по мѣстечкамъ разбились на сотни. Запорожцы пріобрѣли въ

Библиотека "Руниверс"

XVI вѣкѣ славу своими отчаянно-дерзкими набѣгами на татаръ и турокъ. Они на своихъ чайкахъ бороздили и Черное море, и Босфоръ. Въ лиманахъ Днѣпра, гдѣ образовались ихъ главныя гнѣзда—устроилось оригинальное государство, вполнѣ обособленное, которое въ 1569 г. и особенно въ 1596 г. вмѣстѣ съ остальной Малороссіей вступило въ борьбу съ Польшею и Литвою, отстаивая какъ и прежде свою народность и православіе (Унія). Въ это время выступилъ Наливайко, разбившій поляковъ подъ Чигириномъ; затѣмъ, послѣ краткаго перерыва продолжавшагося во все гетманство Сагайдачнаго, заставившаго Польшу уважать права Малой Руси и Запорожья—борьба съ Польшей возобновилась, но еще ожесточеннѣе чѣмъ прежде. Въ 1628 г. гетманъ Тарасъ разбилъ поляковъ подъ Переяславлемъ, въ 1638 г. Острянница поднялся съ 30.000 казаковъ и разбилъ враговъ на Гоятвѣ. Спустя нѣкоторое время явился Богданъ Хмѣльницкій, выбранный въ гетманы казацкою радой. Вскорѣ онъ одержалъ побѣды при Желѣзныхъ водахъ и Корсунѣ, послѣ чего возстала вся Украйна. Несмотря на пораженіе поляковъ и условія міра подписанныя Яномъ Казиміромъ, война разгорѣлась снова и казаки были разбиты подъ Берестечкомъ. Заключенъ былъ міръ, причемъ положено число реестровыхъ казаковъ ограничить 20.000. Вслѣдствіе этого всѣ казаки, сверхъ этого числа, стали выселяться въ Украйну и образовали множество слободъ. Наконецъ на Переяславской радѣ рѣшено было, признавъ государство Россіи, просить помощи у Москвы. Началась война между Польшей и Россіей за обладаніе Малою Русью—и побѣда осталась за Москвою. Послѣ цѣлаго ряда войнъ съ Польшей и Турціей, продолжавшихся еще до 1686 г., Малороссія, Украйна и Запорожье были наконецъ навсегда утверждены за Москвою и управлялись своими гетманами до измѣны Мазепы, вслѣдъ за которымъ Петръ поставилъ во главѣ этого края отдѣльную коллегію. Въ 1775 г. и запорожская Сѣчь кончила свое существованіе; а въ 1783 г. изданъ указъ, которымъ малороссійскіе крестьяне объявлены крѣпостными тѣхъ, у кого на земляхъ засталъ ихъ указъ. Эта несправедливость была исправлена великимъ дѣломъ настоящаго царствованія, а именно манифестомъ 19 февраля.

Всѣхъ малороссовъ въ предѣлахъ Россіи числится 12,700,000 душъ обоего пола. Сверхъ того, малороссовъ или такъ-называемыхъ русиновъ находится въ Люблинской губерніи Привислянскаго Края 400,000 душъ, да въ Австрійскихъ владѣніяхъ ихъ около 5,500,000 д., такъ что все количество ихъ въ Европѣ—19,000,000 душъ об. пола. Нарѣчіе малороссійское отличается отъ великорусскаго «сжатостью выговора согласныхъ твердыхъ и переходомъ разныхъ гласныхъ широкихъ изъ кореннаго звука въ другой. Такъ твердое *Л* обратилось въ полугласное *У*. *Ы* смѣшалось въ произношеніи съ *И*. Тоже въ *И* перешли *О* и *Ѣ*. Малороссы сохранили также древнюю смягчаемость согласныхъ звуковъ, древнее окончаніе звательнаго падежа и будущаго сложнаго».

Мягкій, спокойный характеръ малоросса, не лишенный своеобразнаго юмора, всецѣло отражается въ пѣсняхъ и сказкахъ этого племени. За то въ немъ же испоконъ вѣку хранится менѣе почтенная черта. Мы говоримъ о неспособности малороссовъ забывать оскорбленія. Злопамятность вмѣстѣ съ достояніемъ южнаго климата—лѣнью—отличаетъ это племя отъ другихъ славянскихъ вѣтвей. Впрочемъ, эта лѣнь тоже совершенно особаго свойства. Малороссъ работаетъ—но работаетъ медленно. Тихо идутъ волы впряженные въ его плугъ—и самъ онъ едва передвигаетъ ноги за ними. Тихо едва подвигаются волы съ солью изъ Крыма и въ Крымъ съ хлѣбомъ—не перегнать же ихъ чумаку-погонщику. За то это свойство приметъ въ вашихъ глазахъ совершенно другое значеніе, когда вы обратите вниманіе на то, что въ Малороссіи нѣтъ необработаннаго поля и запущеннаго сада. А во время косьбы, жатвы—дѣло такъ и кипитъ подъ руками у мѣстнаго крестьянина. Знатокъ малороссійскаго быта, г. Афонасьевъ-Чужбинскій говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «эти наблюдатели увидѣли-бы дѣятельность и движеніе, не только днемъ, но и ночью, въ продолженіе которой возы, накладенные снопами, медленно двигаются по всѣмъ направленіямъ, — медленно потому, что волъ идетъ своимъ медленнымъ однообразнымъ шагомъ. Если же разметавшись на этомъ возу крѣпко спитъ малороссъ, увѣренный, что волы довезутъ его до порога хаты, то начавшему работать съ разсвѣтомъ можно и уснуть во время пути». Малороссійское племя не управляется старшими въ родѣ. Напротивъ, здѣсь семья разбивается тотчасъ же, какъ только дѣти въ свою очередь поженятся. Такой обычай могъ развиться только во время усобицъ и постоянныхъ войнъ, когда каждый привыкъ жить самостоятельно и отвѣчать за самого себя. Малороссы живутъ обыкновенно по хуторамъ и селамъ. Первые разсѣяны тысячами по степнымъ мѣстамъ; вторыя разбросаны между возвышенностями, у береговъ рѣкъ, въ лѣсу и окружены мельницами. Избы ихъ разкинуты не рядами а отдѣльно одна отъ другой. Каждая окружена садомъ. Улицъ нѣтъ вовсе. Посрединѣ села расположенъ выгонъ. Хаты и внутри и снаружи выбѣлены чисто. Опрятность здѣсь безукоризненна—и великорусскому племени не мѣшало бы въ этомъ отношеніи поучиться у малороссовъ. У оконъ, если въ семействѣ есть дѣвушки, красуется цвѣтникъ, въ которомъ растутъ гвоздика, барвинокъ, дзиндзиверъ, красоля, королевъ цвѣтъ, зоря, штокъ-роза и роза обыкновенная (юроянда); огороды украшены высокими подсолнечниками и разноцвѣтнымъ макомъ. Тамъ и сямъ цвѣтутъ, пышными бѣлыми букетами, кусты бузины и калины и возлѣ нѣкоторыхъ растутъ душистые кусты сирени. Дворы малороссовъ никогда не строются по опредѣленному плану, а просто какъ вздумается хозяину, какъ онъ найдетъ для себя удобнымъ. Желая выстроить сарай на опредѣленномъ мѣстѣ, онъ никогда не вырубитъ дерева растущаго тамъ, гдѣ должна начаться постройка, а поставитъ зданіе вокругъ дерева, такъ что послѣднее кажется выходящимъ изъ крыши. Службы состоятъ изъ «коморы (кладовой), возивни (сарая для тѣлегъ), кошары (сарая для овецъ), загона (открытаго сарая для скота и лошадей), разнообразныхъ хлѣвовъ для свиней и домашнихъ птицъ и нѣсколькихъ повѣтокъ или навѣсовъ. У зажиточныхъ бываютъ и крытыя гумна, съ высокою коническою крышей, которыя называются клунями. Обыкновенно-же хлѣбъ становится на току и молотится подъ открытымъ небомъ. Хаты бываютъ или рубленыя изъ лѣсу, тамъ гдѣ много послѣдняго,—или мазанки, въ которыхъ дерево употребляется только для угольныхъ столбовъ, стропилъ и балокъ, а стѣны — изъ плетней и хвороста забитыхъ глиною. Все это строится сосѣдями *даромъ*. Тутъ рука руку моетъ. Сегодня мнѣ сосѣди выстроютъ амбаръ, а завтра я самъ участвую въ чьей нибудь постройкѣ. Зажиточные малороссы строютъ вѣтряныя мельницы, а у нѣкоторыхъ побѣднѣе—ручныя (жорна). Населеніе живущее на берегу рѣкъ охотнѣе ловитъ рыбу и занимается хлѣбопашествомъ только на свой обиходъ. Также развито здѣсь и пчеловодство. Пасѣчники-старики сбываютъ большія количества меду Рыльскимъ торговцамъ. Косовица, чумачество и рыбный промыселъ совершаются артелью. Чумаки обыкновенно на возахъ, запряженныхъ волами, отправляются или въ Крымъ за солью или на Донъ за рыбой. На пути волы продовольствуются подножнымъ кормомъ. Соль и рыба чумаками развозятся по мѣстнымъ ярмаркамъ. Торговля въ краѣ вся захвачена евреями. Шинки, лавки принадлежатъ имъ, а малороссъ здѣсь является производителемъ и потребителемъ; факторомъ же, коммиссіонеромъ между спросомъ и предложеніемъ — непремѣнно еврей, съ юркостью, бойкостью и коммерческимъ нюхомъ котораго трудно конкурировать малороссу.

Малороссы обыкновенно высоки ростомъ и стройны. Худоба у нѣкоторыхъ переходитъ въ сутуловатость. Смуглые, темноволосые, они обыкновенно кидаются въ глаза чуждому имъ человѣку тонкими и горбатыми носами и замѣтно выдающимися скулами. Типъ въ большинствѣ народа—весьма красивый. Мужчины брѣютъ бороды, а нѣкоторые и голову, оставляя только чубы. Женщины и дѣвушки отличаются красотою, плавностію и изяществомъ движеній. Первыя одѣваются въ свитки или кобеняки, родъ армяка; высокая мерлушчатая шапка зимою и бруль — соломенная шляпа лѣтомъ; чоботы—сапоги или черевики—башмаки составляютъ обувь. Женщины носятъ холщевыя рубахи съ вышивками и узорами. Вмѣсто пояса повязываются плахта и запаска—просто куски матерія. Поверхъ всего одѣвается свитка. Дѣвушки перевиваютъ косы лентами, а замужнія носятъ очипки.

Ребятъ женщины здѣсь часто рожаютъ на работѣ между высокими колосьями зрѣлой пшеницы. Черезъ три часа послѣ того мать вновь принимается за работу. Ребенка отдаютъ или старухамъ или дѣвчонкамъ. Надъ колыбелью его поются безчисленныя пѣсни, импровизируемыя тутъ же на мѣстѣ. Главный герой этихъ колыбельныхъ пѣсенъ—котъ. Подростающему ребенку отводится помѣщеніе въ лукошкѣ, а въ собесѣдники и товарищи ему дается тотъ же неизбѣжный котъ. Семилѣтіе ребенка ознаменовывается необыкновенно важнымъ событіемъ. На него—надѣваютъ *штаны!* Я полагаю, что они производятъ еще болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ офицерскіе эполеты на юнкера. Получивъ эту необходимую часть мужскаго туалета, мальчикъ вмѣстѣ съ тѣмъ принимаетъ на себя и нѣкоторыя обязанности. Его дѣломъ становится погонять воловъ въ полѣ и пасти свиней, телятъ и овецъ. Въ томъ же возрастѣ дѣвочка вмѣсто штановъ—повязываетъ запаски и ее сажаютъ за прялку.

Съ восемнадцати лѣтъ паробки или парубки подумываютъ о гименеѣ. Тутъ начинаются вечерницы и досвѣтки (посидѣлки). Кромѣ того, парни съ дивчатами собираются на улицу пѣть пѣсни, а ночью счастливыя пары расходятся во всѣ стороны, кто въ садъ, кто въ поле—*женихаться*. Въ это время нѣтъ и помину о чемъ нибудь похожемъ на развратъ. Чистота нравовъ и цѣломудріе малороссовъ могутъ быть поставлены за образецъ всей славянской расѣ. Свобода отношеній между различными полами одна только могла создать между ними такое уваженіе другъ къ другу. Сватаются обыкновенно осенью, по окончаніи полевыхъ работъ. Парень, желающій посвататься, выбираетъ двухъ старостъ и въ сопровожденіи ихъ отправляются въ домъ невѣсты съ хлѣбомъ и солью. Дойдя до дому, они медленно стучатся въ дверь. Послѣ извѣстныхъ формальностей ихъ впускаютъ, и уже въ хатѣ начинаются переговоры, во время которыхъ «женихъ стоитъ потупя глаза, а невѣста отворотясь лицомъ къ печкѣ, должна по обычаю отламывать кусочки глины (пичь колупать), какъ-бы выражая тѣмъ свое крайнее замѣшательство». Въ случаѣ ежели родители *и невѣста* согласны на предложеніе—они принимаютъ хлѣбъ и соль, а послѣдняя перевязываетъ старостъ черезъ плечо *рушниками*, а жениху обвязываетъ правую руку платкомъ. Классическій обычай подноситъ гарбузъ (тыкву) въ случаѣ отказа—еще сохраняется до сихъ поръ въ глухихъ уголкахъ Малороссіи.... Незадолго до свадьбы невѣста идетъ приглашать дружекъ. Приглашенные идутъ за нею и «такимъ образомъ составляется цѣлая

Библиотека "Руниверс"

Добро пожаловать!... Картина К. Беккера, грав. Тиле и Ко.

Библиотека "Руниверс"

вереница молодыхъ дѣвушекъ, которыя идутъ съ пѣснями отъ хаты до хаты». Также и женихъ избираетъ *бояръ*. Свадьбы вѣнчаются обыкновенно въ воскресенья, а въ субботу назначается наканунѣ дѣвичникъ. По возвращеніи изъ церкви, молодые садятся за столъ и начинается обѣдъ. Передъ ними въ горшкѣ съ рожью горятъ свѣчи (вѣнчальныя), связанныя вмѣстѣ. Чья свѣча скорѣе сгоритъ—тотъ умретъ раньше. Послѣ разныхъ церемоній новобрачныхъ уводятъ въ комору. Спустя часъ или два, если невѣста оказалась цѣломудренна «начинаются веселыя пѣсни и пляски, а на другой день надъ домомъ невѣсты выставляется шестъ на которомъ вѣшаютъ красную запаску. Въ противномъ случаѣ поднимаются буйство, крики, ломаютъ посуду, на мать новобрачной надѣваютъ хомутъ и т. д.».

Спокойно тянется домашняя жизнь малоросса. Мужья съ женами обращаются деликатно и ссоры между ними рѣдки. Пьянство, когда-то довольно распространенное между ними, обусловливалось дешевизною водки, штофъ которой еще недавно стоилъ 15 коп. мѣдью, и продѣлками шинкарей евреевъ. Воровства здѣсь не слышно. Въ Малороссіи не существуетъ слова *воръ*, а есть злодій. Въ старыя времена обособленнаго отъ малороссійскаго племени *вора* закапывали живьемъ въ землю вмѣстѣ съ украденою вещью. Питаются малороссы гораздо лучше русскихъ, благодаря лучшей почвѣ и сравнительно высшему богатству естественныхъ произведеній страны. «У каждаго бѣднѣйшаго крестьянина готовится обѣдъ и ужинъ ежедневно: борщъ, уха, лапша, вареники, голубцы, перепичка и кникъ—разнообразятъ попеременно мѣстный столъ.»*).

Всего почтеннѣе въ малороссахъ ихъ привязанность къ вѣрѣ. Мы уже видѣли выше, сколько они бились за нее и какъ отстаивали православіе во время уніи. И въ настоящее время между ними нѣтъ *ни одного* раскольника, старообрядца. Разумѣется, при этомъ въ средѣ народа сохраняется пропасть суевѣрій. Дѣтямъ, напримѣръ, которыхъ только что отняли отъ груди, въ постные дни не даютъ ничего скоромнаго. По мнѣнію малороссовъ, въ лѣсахъ и рѣкахъ — живутъ нечистые духи, которые впрочемъ опоэтизированы такъ, что напр. весьма трудно признать нечистою—русалку. Вѣдьмы, упыри, вовкулаки—еще живутъ здѣсь, представляя обломки древнихъ вѣрованій и легендъ дохристіанскаго періода. Въ самыхъ обычаяхъ колядовать, въ щедровкахъ, въ обрядахъ Ивана Купала—также всецѣло воскресаетъ и старая быль, связывающая настоящее этого племени съ его прошлымъ. Пѣсни малороссійскія по всей справедливости пользуются общимъ вниманіемъ. Ихъ простота и мелодичность поражаютъ тою естественностію, которую до сихъ поръ только и можно найти, что у истиннаго поэта и у народа. Пѣсня здѣсь звучитъ вездѣ: въ лѣсу, на рѣкѣ, въ полѣ, въ саду, въ хатѣ. Старыя казацкія пѣсни, распѣвавшіяся нѣкогда бандуристами, кобзарями, теперь мало по малу смолкаютъ, уступая свое мѣсто новымъ, слагаемымъ тѣмъ же народомъ, но уже подъ другими условіями. А старыя пѣсни были дѣйствительно прекрасны. Звуки ихъ лились свободно, проникнутые всею силою, всѣмъ обаяніемъ восторга. Заунывныя, печальныя изъ нихъ—еще болѣе чаровали душу въ сумеркахъ тихаго яснаго вечера, то обрываясь подавленнымъ стономъ, то уносясь смѣлымъ порывомъ встрепенувшейся души въ недосягаемую даль. Подъ вліяніемъ этихъ напѣвовъ невольно грезятся залегающія въ безконечную даль пути-дороженьки, ивы плакучія, рѣки широкія, словно заснувшія въ отлогихъ берегахъ своихъ, родныя села и хутора затерянныя на необозримомъ просторѣ. Слышится въ этой пѣснѣ схороненная воля казацкая, грознымъ призракомъ поднимающаяся изъ-подъ зеленыхъ степныхъ кургановъ,—та украинская воли, надъ которой уныло шепчетъ степная трава высокая, клонясь подъ теплымъ ароматнымъ вѣтромъ; та казацкая удаль, по которой роняетъ и вечеромъ и утромъ благовонный сонъ свѣтлыя слезы—росинки. Въ послѣднихъ ноткахъ этихъ пѣсенъ звучитъ тихая жалоба, какая-то глухая, затаенная... Но есть и другія пѣсни. Громче и громчельются онѣ. Смѣлѣе и широко кипитъ и бьется въ нихъ молодая сила, ломая свои оковы. Просвѣтлѣвшая дума высоко подымается въ нихъ, смѣло глядя въ ослѣпительный блескъ солнца и рѣя въ безпредѣльномъ голубомъ просторѣ. Далеко разносятся эти чудные напѣвы, унося за собою въ сверкающую даль и душу и сердце слушающаго ихъ сѣверянина. А вокругъ тихо шепчутъ раины черешень и грушъ и теплый ароматный воздухъ окутываетъ васъ своею чарующею нѣгой. Сумерки уже переходятъ въ теплящуюся звѣздами и яркимъ мѣсяцемъ ночку. Насквозь пропизанное его сіяніемъ, небольшое облачко тянется по небу. Дремотный вѣтерокъ легко всколыхнулъ листву тополей и вишень. Тихій шелестъ сверху до низу пробѣгаетъ по бѣлой яблони. Подъ наклонившимися вербами назойливо звѣнитъ рой комаровъ... И громко, неудержимо страстно звучитъ на весь этотъ благоуханный просторъ одухотворенная любовью и счастьемъ, зовущая къ наслажденію, смущающая влюбленное дѣвичье сердце пѣсня соловья...

А по степи уже кое-гдѣ зтсвѣтились огоньки, да въ непроглядной дали пылаетъ костеръ отдыхающихъ чумаковъ...

В. Немировичъ-Данченко.

*) Свѣдѣнія объ обычаяхъ малороссовъ взяты изъ сочиненія П. Афонасьева-Чужбинскаго, Кулиша и Максимовича.

Смѣсь.

Добро пожаловать!

На балконѣ старинного замка вышла молодая женщина, стройная, высокаго роста, цвѣтущая, не пораженная малокровіемъ—этимъ моднымъ недугомъ, медленно убивающимъ современныхъ молодыхъ представительницъ прекраснаго пола. На ней и костюмъ не нашей эпохи, впрочемъ, и небеса надъ балкономъ другія, не петербургскія... Словомъ—эта живая картинка не нашихъ дней.

Вышла молодая женщина на балконъ, чтобы издали еще увидѣть своего милаго рыцаря, который долженъ пріѣхать сегодня издалека, можетъ-быть съ какого нибудь поля рѣшительной битвы, закончившей ожесточенную войну... Но все тихо, не слышно топота коня... Дорога огибаетъ густую рощу; оттуда, изъ за этой рощи, *онъ* долженъ выѣхать, потомъ проскакать по берегу рѣчки—и по подъемному мосту, который какъ разъ противъ балкона, достигнуть тяжелыхъ воротъ замка. О, какъ медленно ползетъ время!.. Въ нетерпѣніи молодая женщина дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по балкону, останавливается... прислушивается... но—нѣтъ, все та-же тишина; она опять ходитъ... Ей только внятно слышно, какъ постукиваетъ въ груди ея горячее, нетерпѣливое сердце... Она опять подходитъ къ перилам балкона и начинаетъ пѣть въ полголоса чистымъ, пріятнымъ контральтомъ:

«Рыцарь, рыцарь мой прекрасный!
Посмотри: на небесахъ
Высоко ужъ мѣсяцъ ясный,
Тихо въ замкѣ и садахъ...
Мчись ко мнѣ! И воронаго
Своего пришпорь коня...
Ждать была я годъ готова—
Пожалѣй теперь меня!»...

И вотъ, клубъ пыли, какъ желтый дымокъ, взвился вдали надъ придорожнымъ густымъ кустарникомъ... Чу! бьютъ копыта о землю... Забилось сердце молодой женщины... Правой рукой она быстро откинула тяжелую занавѣсь балкона и, отъ волненія, оперлась лѣвой о колонну. Конскій топотъ все ближе, все явственнѣе... «Это—онъ!»...

По берегу рѣчки уже скакалъ на вороном конѣ молодецъ-всадникъ. Красныя и черные перья его широкополой шляпы, каштановые кудри, плащъ и концы шарфа «дамы сердца» развивались въ воздухѣ...

Но вотъ загудѣлъ и деревянный мостъ подъ копытами ретиваго коня. Всадникъ поднялъ голову... «Она! она на балконѣ»!.. И шляпа съ перьями мигомъ очутилась въ рукѣ счастливаго рыцаря: онъ замахалъ ею, а ему въ отвѣтъ—тамъ, у мраморной колонны—бѣлая полная ручка высоко подняла платокъ... «Сюда! Сюда! Добро пожаловать»!...

Прежніе католическіе монархи. Въ одной небольшой брошюрѣ «Непогрѣшимость папы», написанной 85-ти лѣтнимъ графомъ Рейхенбахомъ, встрѣчаемъ мы воспоминанія о безцереныхъ мѣрахъ, какими въ прежнія времена католическіе монархи защищали свое достоинство и независимость своихъ государствъ отъ притязаній Рима. Въ особенности сравниваютъ посланіе нынѣшняго нѣмецкаго императора, къ папѣ Пію IX, съ письмомъ, которое нѣкогда было написано Филиппомъ Красивымъ, королемъ Франціи, къ папѣ Бонифацію VIII. Раздраженный властолюбивыми выходками папы, французскій король написалъ ему слѣдующую эпистолу: «Отъ Филиппа, Божіею милостію короля Франціи, небольшой или вовсе никакого поклона мнимому папѣ. Да будетъ извѣстно твоему сумасбродству, что въ политическихъ дѣлахъ мы никому не подчинены, что упраздненіе доходныхъ мѣстъ, равно какъ доходы ихъ по королевскимъ правамъ принадлежатъ намъ, что дарованныя и имѣющія быть дарованныя нами привилегіи имѣютъ свою силу. Кто думаетъ иначе, того мы считаемъ легкомысленнымъ и безразсуднымъ. Дано въ Парижѣ и проч.» Филиппъ и дѣйствовалъ совершенно въ смыслѣ этого письма; парламентъ, дворянство, даже епископы и священники стояли на его сторонѣ; кто не дѣлалъ этого, терялъ свои имѣнія и доходныя мѣста. Между тѣмъ, примѣръ этотъ взятъ изъ среднихъ вѣковъ и изъ времени величайшаго папскаго могущества, и относится къ властолюбивѣйшему изъ папъ, Бонифацію VIII.

Благочестіе не удерживало и позднѣйшихъ монарховъ отъ рѣзкаго, часто даже несправедливаго образа дѣйствій относительно Рима, какъ скоро они считали себя оскорбленными въ своей чести или въ своихъ королевскихъ правахъ. Въ царствованіе несомнѣнно-богомольнаго Людвика XIV случилось, что французскому посланнику въ Римѣ—было нанесено оскорбленіе отъ корсиканскихъ тѣлохранителей папы: послѣдніе въ рукопашной схваткѣ убили одного изъ служителей посланника и кидали ка-

Библиотека "Руниверс"

меньями въ окна посольскаго дома. Заносчивые французы были сами виновниками этого происшествія; папа не принималъ въ немъ рѣшительно никакого участія. Несмотря на то, Людовикъ до того былъ раздраженъ этимъ, что немедленно же вооружилъ армію въ 18,000 человѣкъ, чтобы смирить папу въ Римѣ. Когда, послѣ величайшихъ трудовъ, дѣло было приведено къ примиренію, то, по требованію «великаго» короля, двое изъ служителей папы должны были быть казнены, а корсиканскіе тѣлохранители прогнаны. Папа былъ вынужденъ послать въ Парижъ легата, чтобы въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ просить извиненія передъ королемъ, который принималъ его сидя на тронѣ; а племянникъ папы, итальянскій владѣтельный принцъ, долженъ былъ встрѣтить возвращавшагося французскаго посланника за десять миль отъ Рима, и еще принести ему особенныя извиненія. Что папъ часто выгоняли изъ Рима или заключали въ крѣпость святаго Ангела, что Римъ не разъ осаждали, брали и грабили, и что всегда дѣлали это именно католическіе князья и государи— это достаточно извѣстно всѣмъ.

Собраніе китайскихъ стихотвореній. По повелѣнію китайскаго императора предпринято изданіе китайскихъ стихотвореній съ древнѣйшихъ временъ. Изданіе это будетъ заключать въ себѣ 200 томовъ. Императоръ, какъ говорятъ, имѣетъ библіотеку, состоящую болѣе чѣмъ изъ 400,000 томовъ.

Древнѣйшая газета въ мірѣ—это пекинская газета. Ей болѣе тысячи лѣтъ, и печатается она, отъ начала своего изданія до настоящаго времени, на желтой шелковой матеріи.

Веберонскій «Оберонъ». Какъ сообщаетъ Новая Берлинская музыкальная газета, оригинальный манускриптъ увертюры Веберовскаго «Оберона» снова отысканъ въ Императорской библіотекѣ въ С.-Петербургѣ.

Счастливые подписчики! Извѣстно, какія курьозныя преміи получаютъ журнальные подписчики въ Америкѣ, но послѣдняя новость въ этомъ родѣ превосходитъ все, что мы знали до сихъ поръ. Одна новая нью-іоркская газета, въ своихъ объявленіяхъ о подпискѣ, говоритъ слѣдующее. «Эта газета стоитъ 2 доллара. Подписчики получаютъ каждую четверть года автографъ знаменитаго мошенника, къ святой лѣтній сюртукъ, а къ Иванову дню новую шляпу. Сверхъ того, каждыя шесть недѣль подписчикамъ будутъ даромъ стричь волосы и прививать оспу. Кто заплатитъ за три года впередъ, тому будетъ написанъ послѣ смерти великолѣпный некрологъ, а равно данъ гробъ или полъ-дюжины тяжеловѣсныхъ серебряныхъ ложекъ.

Выставка картинъ Каульбаха. Въ Нюренбергской ратушѣ была открыта нынѣшней весной выставка произведеній Каульбаха. Въ ней считается свыше 200 нумеровъ. Король Виртембергскій прислалъ на эту выставку на нѣсколько недѣль, составляющую его собственность, оригинальную картину Каульбаха: «Битва при Саламинѣ», также какъ картину, относящуюся къ первымъ произведеніямъ художника, «Анакреонъ». Баронъ фонъ Котта, съ любезной предупредительностью, прислалъ также изъ Штутгарда, принадлежащіе ему драгоцѣнные Каульбаховскіе рисунки карандашемъ къ «Рейнеке Фуксъ». Что потеряло искусство со смертью Каульбаха, это сознаетъ всякій, кто проходитъ теперь по обширнымъ заламъ нюренбергской ратуши, которыя вмѣщаютъ въ себѣ созданія геніальнаго мастера.

Величайшій паровой молотъ въ мірѣ. На королевскомъ пушечномъ заводѣ въ Вульвичѣ, 20-го апрѣля настоящаго года, была окончена одна замѣчательная работа. По случаю ожиданія въ Англію Государя Императора Всероссійскаго, старались окончить гигантскую работу по возможности къ 1-му мая н. с. Благодаря неутомимому прилежанію рабочихъ, ее удалось привести къ окончанію недѣлей раньше означеннаго срока. Первая проба, сдѣланная подъ руководствомъ полковника Кампеля, вышла вполнѣ удовлетворительной. Оба рычага, изъ которыхъ каждый можетъ подымать отъ 90 до 100 тоннъ (отъ 4,800 до 6,000 пудовъ), двигаются съ совершенной легкостью. Трудно составить себѣ правильное понятіе о гигантской силѣ этого молота, не видавъ его въ дѣйствіи. Хотя, по описаніямъ его, онъ считается «тридцатитоннымъ», но при паденіи тяжесть его немногимъ не доходитъ до 40 тоннъ; она еще значительно увеличивается отъ паровой силы, опускающей молотъ. На Крупповскомъ пушечномъ заводѣ есть, правда, молотъ считающійся въ 40 тоннъ, но такъ какъ при своемъ паденіи онъ не поддерживается паровой силой, то сила вульвичскаго молота вчетверо больше крупповскаго. Молотъ имѣетъ 45 футовъ въ вышину, вся машина занимаетъ пространство въ 120 кв. футовъ. Надъ землей она вѣситъ 500 тоннъ (30,000 пудовъ), желѣзный фундаментъ вѣситъ 665 тоннъ. Общая стоимость этого чудовищнаго молота простирается до 50,000 фунтовъ стерлинговъ.

Съ которыхъ поръ происходятъ искусственные зубы? Еще за 500 лѣтъ до Р. Х. упоминалось въ одномъ древнемъ римскомъ законѣ объ искусственныхъ зубахъ; одинъ законъ направленъ именно противъ роскоши въ одеждѣ покойниковъ. На покойникѣ не должно быть золота! гласилъ этотъ законъ, а въ позднѣйшемъ дополненіи къ нему было сказано: «исключая того, если у умершаго были зубы, скрѣпленные золотомъ». Только съ этимъ золотомъ дозволялось хоронить или сжигать тѣло. Изъ этого слѣдуетъ заключать, что искусственные зубы, укрѣпленные золотой проволокой, не были рѣдкостью; иначе не существовало бы для нихъ такого исключенія въ законѣ.

Объемъ, число жителей и сравнительная смертность города Лондона. Цифры поземельнаго лондонскаго бюро обнаруживаютъ. Поразительнѣйшіе факты. Согласно съ ними, число жителей колоссальнаго города простирается до 3,356,073 человѣкъ, слѣдовательно почти до 3½ милліоновъ и занимаетъ пространство въ 122 англійскихъ квадр. мили. Населеніе это распространяется вдоль Темзы отъ Фульчама до Вульвича, карабкается на сѣверѣ по холмамъ Гамстедтъ Гита и растягивается на югѣ до Норвуда. Посреди его протекаетъ Темза съ монументальной набережной и перетянутая семнадцатью мостами, соединяющими южную часть города съ сѣверной. Среднее возвышеніе домовъ надъ уровнемъ воды имѣетъ отъ Троицы считается въ тринадцать локтей; оно понижается до четырехъ локтей въ низменностяхъ Плумстеда подъ Пегельстандомъ, и возвышается до 143 въ Гамстедѣ, надъ нимъ. Почву англійской метрополіи никакъ нельзя назвать ровной; напротивъ, различіемъ своего возвышенія она превосходитъ самыя холмистыя столицы континента. Возвышенности ея больше семи холмовъ вѣчнаго Рима, и видъ Тибра далеко не такъ величественъ, какъ панорама, представляемая каждый вечеръ Темзой съ тысячами освѣщающихъ ее и теряющихся въ необозримой дали огней. Ежедневное потребленіе воды равняется 514,261 тоннамъ. Въ истекшемъ году число рожденій простиралось до 121,000, или около 2,285 въ недѣлю, а превышало смертные случаи на 14,466, или на 839 въ недѣлю. Съ этимъ вполнѣ согласуется и возрастаніе населенія; впрочемъ, при опредѣленіи числа жителей не надо забывать существеннаго вліянія, какое имѣетъ на этотъ предметъ постоянный отливъ прирожденныхъ лондонцевъ и наплывъ свѣжихъ элементовъ.

Разныя извѣстія.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Съ цѣлью учрежденія прямаго телеграфнаго сообщенія между Россіею и Турціей, наше и турецкое Правительства, по взаимному договору, выдали въ прошломъ году концессіи датскому подданному, статскому совѣтнику Титгену на устройство и эксплуатацію подводнаго телеграфа между Одессою и Константинополемъ. Образовавшееся на основаніи этихъ концессій Общество подъ названіемъ: «Black Sea Telegraph Company» благополучно погрузило 11-го протекшаго мая кабель между названными городами. Послѣ вполнѣ удавшихся испытаній дѣйствія по кабелю, передача депешъ по новому пути въ настоящее время открыта. Плата за передачу единичной депеши между Европейской Россіей и Европейской Турціей назначена 14 фр., а между Одессой и Константинополемъ 12 франковъ.

— На Раздѣльной станціи Одесской желѣзной дороги производится освѣщеніе посредствомъ нефтянаго газа, добываемаго при помощи устроеннаго инженеромъ Порѣцкимъ прибора. Нефтяной газъ не распространяетъ непріятныхъ и вредныхъ газовъ; при сравненіи его съ каменноугольнымъ газомъ найдено, что для полученія одной и той же степени яркости освѣщенія—нефтянаго газа требуется по объему втрое менѣе чѣмъ каменноугольнаго; при цѣнѣ въ 1 р. за пудъ нефти, газъ, получаемый г. Порѣцкимъ, обходится въ 2 р. 30 коп. за 1.000 куб. ф.; если же доставить нефть дешевле, напр. въ 60 к., то и газъ обойдется дешевле 2 руб. Нефтяной газъ, кромѣ дешевизны, имѣетъ на своей сторонѣ достоинство чистоты газа, и приборъ для его добыванія весьма простъ и недорогъ; напримѣръ, приборъ для приготовленія нефтянаго газа для всей Раздѣльной станціи обошелся въ 700 р. Къ достоинствамъ прибора относится и то обстоятельство, что онъ отапливается нефтью, имъ же самимъ приготовляемою.

Торговля.

— На Алексѣевскую ярмарку въ гор. Котельничѣ, Вятской губерніи, въ нынѣшнемъ году товаровъ привезено было на 1.169.200 рублей, продано на 945.270 р., въ томъ числѣ русскихъ привезено на 902,900 р., продано на 742.470 р., иностранныхъ, какъ-то: шелковыхъ, суконныхъ и шерстяныхъ матерій, разнаго рода винъ и красокъ и проч., привезено на 266.300 р., продано на 202,800 р. Нынѣшняя ярмарка была менѣе оживлена, чѣмъ въ прежніе годы, особенно въ первые дни и, по числу пріѣзжихъ продавцовъ, покупателей и обороту, почти равнялась прошлогодней, которую также нельзя назвать выдающеюся

— Изъ свѣдѣній о ходѣ торговли Одессы за май сего года видно, что надежды на благопріятный урожай за границею, большое количество плывущихъ грузовъ и предложеніе зерновыхъ продуктовъ изъ Америки по дешевымъ цѣнамъ сильно понизили цѣны на всѣхъ главныхъ рынкахъ, а особенно въ Англіи. Эти причины подѣйствовали также и на одесскій рынокъ, гдѣ цѣны понизились до одного рубля на четверть, особенно на лучшіе сорты пшеницы. Что касается оборотовъ истекшаго мѣсяца, то они составляютъ 117.500 четвертей разнаго зерна.

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что возвышеніе воды въ Днѣпрѣ у Екатерино-

Библиотека "Руниверс"

слава довольно значительно и гораздо больше прошлогодняго. Сплавъ плотовъ и судовъ по Днѣпру начался еще въ апрѣлѣ. Лѣсная пристань оживилась разгрузкою барокъ. Говорятъ, что въ нынѣшнюю навигацію должно пройти по Днѣпру до 3.000 плотовъ.

— На Калмыцкомъ базарѣ въ Астрахани продано въ мартѣ рогатаго скота 141 гол. и барановъ 1.645 за 10.910 руб. 10 коп.

— Караванная ярмарка въ гор. Лаишевѣ (Казанской губ.) началась, съ появленіемъ первыхъ каравановъ, 20-го мая. Караваны въ теченіе цѣлаго мѣсяца двигались очень медленно по случаю сильныхъ вѣтровъ и бурь; нѣкоторые изъ нихъ даже совершенно не дошли до Лаишева и были разбиты и потонули на пути. Торговля желѣзомъ шла довольно вяло, хотя привозъ его на Лаишевскую пристань въ нынѣшнюю ярмарку превышалъ прошлогоднее количество, и число барокъ было несравненно больше — именно 383, кромѣ косныхъ лодокъ, приходившихъ изъ разныхъ приволжскихъ губерній за грузомъ желѣза, которыхъ было до 100. Всего на ярмаркѣ въ привозѣ было желѣза до 4.700.000. Большая часть его сплавлена на низовье Волги.

— На бывшую въ концѣ минувшаго мая ярмарку въ городѣ Ленчицѣ, Любартовскаго уѣзда, Люблинской губерніи, товаровъ доставлено было на 318.216 р. и продано на 101.060 р. Преобладающими изъ нихъ были: лошади, скотъ, овечья шерсть, кожи, шерстяныя и бумажныя издѣлія, сукна, холстъ, мужскія и женскія платья и обувь. Лошадей пригнано было на 40.000 руб., продано на 18.000 руб.

АРХЕОЛОГІЯ.

— Въ окрестностяхъ Ломжи и Тыкоцина, близь деревень: Замбржица, Залѣсье, Старо-Кобылино и Крушево, открыты недавно древнія жилища людей каменнаго періода. Найденные здѣсь сосуды замѣчательны, сообщаютъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ», по работѣ, а также особенно красивы наконечники стрѣлъ. Археологъ Тлогеръ, сдѣлавшій эти открытія, пришелъ къ заключенію, что во времена, которыя совпадали съ существованіемъ Римской имперіи, здѣшній край почти всюду былъ заселенъ, что на мѣстѣ 5 селъ нынѣшнихъ существовалъ въ то время одинъ посадъ, устроенный на песчаныхъ холмахъ.

— Въ концѣ минувшаго года въ Семпрѣченской области сдѣлана была весьма интересная нумизматическая находка. Близь селка Любовнаго найдены были 90 штукъ серебряныхъ монетъ, которыя и оказались изъ числа наиболѣе рѣдкихъ предметовъ мусульманской нумизматики, именно изъ разряда монетъ, чеканенныхъ ханами Джагатаева улуса. Въ коллекціи оказались монеты разныхъ годовъ и типовъ трехъ хановъ: Кебека, Термаширна и Денгши. Совершенно неизвѣстны были до сихъ поръ монеты перваго изъ упомянутыхъ хановъ, которые правили въ первой половинѣ XIV столѣтія и чеканили монеты въ Самаркандѣ, Бухарѣ, Термизѣ, Острарѣ и другихъ городахъ. Вся эта коллекція монетъ передана Археологическою Коммисіею въ минцкабинетъ Императорскаго Эрмитажа, гдѣ до сихъ поръ не было ни одного экземпляра монетъ вышеупомянутыхъ трехъ хановъ.

ГИГІЕНА.

— Изъ перваго мѣсячнаго отчета о дѣятельности ночныхъ дежурствъ врачей можно извлечь слѣдующія свѣдѣнія, указывающія на степень той пользы, которую это новое въ С.-Петербургѣ учрежденіе успѣло уже принести обществу: въ теченіе мая всѣхъ посѣщеній больныхъ, сдѣланныхъ врачами, было 46, изъ нихъ большая часть по случаю довольно серіозныхъ и требующихъ немедленной врачебной помощи болѣзненныхъ разстройствъ. Всѣхъ врачей, принимавшихъ участіе въ дежурствахъ, было 32; самое большое число требованій врача въ теченіи ночи простиралось до 4 разъ.

ПАМЯТНИКИ.

— 30-го мая происходило отрытіе и освященіе *памятника Императору Петру Великому, сооруженнаго на островѣ Гросгольмѣ, возлѣ Нарвы*, по почину и на средства нѣсколькихъ частныхъ лицъ, нарвскихъ жителей.

Островъ Гросгольмъ на рѣкѣ Наровѣ, въ пяти верстахъ отъ Нарвы, принадлежитъ къ Эстляндской губерніи. По сохранившемуся преданію, на Гросгольмѣ стояла палатка Петра I-го во время осады Нарвы русскими войсками въ 1699 г. Въ настоящее время островъ состоитъ въ частномъ владѣніи барона Арнсгофена.

Памятникъ поставленъ у берега рѣки, на возвышенной площадкѣ, осѣняемой вѣковыми дубами. Онъ состоитъ изъ чугуннаго, подъ сѣрый мраморъ окрашеннаго обелиска, стоящаго на каменномъ о трехъ ступеняхъ пьедесталѣ. Вершина обелиска украшена позолоченнымъ орломъ. Вышина памятника, съ пьедесталомъ и орломъ, полторы сажени. На сторонѣ обелиска, обращенной къ Эстляндской губерніи, надпись: «Двухсотлѣтіе Петра I. 30-е мая 1672—30-е мая 1872». На противуположной сторонѣ, обращенной къ Петербургской губерніи: «Сооруженъ въ память юбилея двухсотлѣтія Петра I, Великаго преобразователя Россіи». Затѣмъ слѣдуютъ имена четырнадцати лицъ, соорудившихъ памятникъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Круговоротъ вещества по тремъ царст-природы. Проф. **Чермака** (съ рисункомъ). — На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** (продолженіе). — Американскій проектъ уличнаго дорожнаго пути (съ рисункомъ). — Малороссіяне (съ рисункомъ.) **Немировичъ-Данченко**.—Добро пожаловать (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Въ С.-Петербургѣ и Одессѣ у **А. Черкесова и К°**, въ Москвѣ у **Салаева**

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

ЭДУАРДЪ ЛАБУЛЕ.

ПАРИЖЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

Приключеніе д-ра Рене Лефевра (парижанина).

Полный переводъ (35 главъ) съ 27-го французскаго изданія.

ИЗДАНІЕ Н. ТРАПЕЗНИКОВА, СПБ. 1874.

Цѣна **1** р. **75** к., съ пересылкою **2** р.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ВАШИНГТОНА ИРВИНГА.

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

М. А. АНТОНОВИЧА,

ИЗДАНІЕ Н. ТРАПЕЗНИКОВА

Цѣна 1 р. 50 к.

Нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка. Составилъ **Н. Клоссе**. Цѣна **40** к., съ пересылкою **45** к. Продается въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, **Черкесова, Исанова** и др. **К. Клоссе.**

ЭКСПЕДИЦІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ

Н. В. БОГДАНОВИЧА.

ПРІЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ

ВО ВСѢ

ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

Вознесенскій просп., домъ № 15, квартира № 5.

ОТКРЫТА СЪ 10 ДО 6 ЧАС.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы" заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **Н. Боева**—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

Дозволено цензурою. 12 іюля 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 30 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 22-го іюля 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

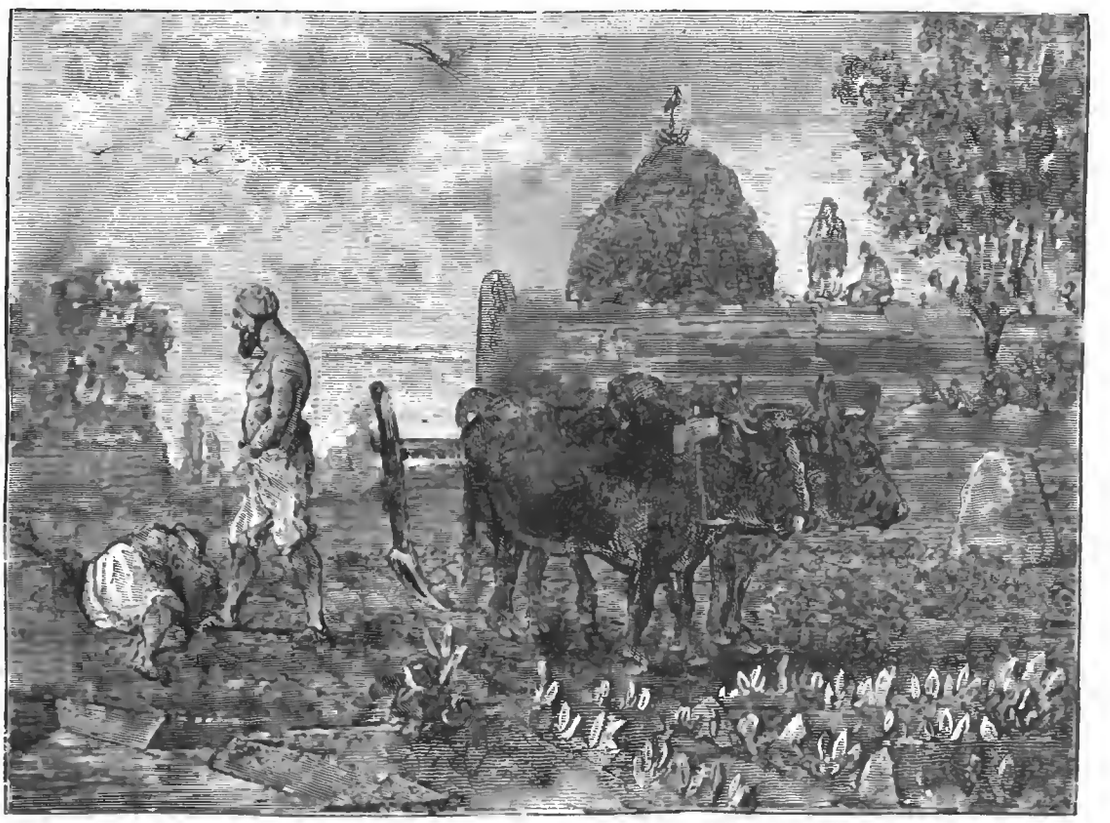
НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.



Плугъ въ Заравшанской долинѣ. Табачная плантація. Рис. Н. Каразинъ, грав. Напѣръ.

Библиотека "Руниверс"

Земледѣліе Заравшанской долины.

(Очеркъ Н. Каразина).

Вода! Это центръ, около котораго скучивается все осѣдлое населеніе центральной Азіи. Только тамъ гдѣ есть вода, тамъ куда можно ее провести, — тамъ только и возможна жизнь, возможно воздѣлываніе земли и добываніе этимъ путемъ средствъ къ жизни.

Девяти-мѣсячное жаркое лѣто безъ дождей — обезпечиваетъ земледѣльцу теплоту солнечныхъ лучей,—и эта теплота, гибельная въ безводныхъ мѣстахъ, вызываетъ колоссальную растительность тамъ, гдѣ есть вода, а съ нею необходимая для растительной жизни животворная влажность.

Воду, какъ источникъ жизни, берегутъ и дорожатъ ею; ее дѣлятъ между собой, раздробляя на самыя мельчайшія единицы. Вода есть даже мѣритель собственности. Никому не интересно знать — сколько у такого-то земли; это ничего не выражаетъ. Только зная количество воды, находящееся въ его распоряженіи, можно точно опредѣлить величину его поземельнаго богатства. «Это богатый человѣкъ; у него шесть водъ», говорятъ обыкновенно... Это значитъ, что участокъ его земли орошается шестью ирригаціонными каналами (арыками).

Если бы вы могли подняться на значительную высоту, напримѣръ, на высоту полета степнаго орла, и оттуда всмотрѣть внизъ, на разстилающуюся подъ вами панораму,—вы увидите слѣдующіе поразительные контрасты. Обозженная, буровато-пепельная, мертвая степь разомъ превращается въ яркозеленые, цвѣтущіе оазисы. Границы эти опредѣлены рѣзко. Смерть и жизнь сталкиваются лицомъ къ лицу, вплотную. Раздѣляющая ихъ линія и есть та самая граница, до которой только могъ довести человѣкъ драгоцѣнную воду.

Безконечная сѣть арыковъ всевозможной глубины и ширины, безчисленные шлюзы, запруды, подъемныя плотины—все это вмѣстѣ составляетъ самую сложную ирригаціонную систему, охватывающую весь плодоносный оазисъ.

Здѣсь кипитъ жизнь. Массы разнообразной зелени пестрятъ глиняныя сакли кишлаковъ, зубчатыя башни и стѣны городовъ, купола мечетей. Тамъ и сямъ мелькаютъ цвѣтныя одежды ѣдущихъ—и лоснятся голыя, потныя тѣла усталыхъ работниковъ, сверкаютъ на взмахѣ желѣзные китмени и серпы... Слышатся самые разнообразные звуки: ревъ скота, ржаніе лошадей, призывные рожки мельниковъ и шумъ мельничныхъ колесъ, стукотня лопатъ, гулъ многолюдныхъ базаровъ... Какой контрастъ съ мертвою, молчаливою степью, охватывающею со всѣхъ сторонъ этотъ—полный жизни—зеленый оазисъ. И все вода—она всему причина. Гдѣ она—тамъ жизнь; гдѣ ея нѣтъ—смерть.

Небольшое сравнительно пространство, орошаемое водами Заравшана и его притоковъ (правильнѣе: развѣтвленій), притянуло къ себѣ массу осѣдлаго населенія—и явилась необходимость раздробить всю годную для обработки землю на самые мелкіе участки. Этимъ раздробленіемъ вызвано ненормальное отношеніе количества земледѣльческаго труда къ обработываемому пространству. Слишкомъ много рабочихъ рукъ и слишкомъ мало земли. Трудъ земледѣльца дешевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дороги его результаты. Съ небольшаго участка земли надо взять столько чтобы хватило на себя, и на семью, и на продажу, однимъ словомъ—покрыло собою все годовое содержаніе; каждымъ свободнымъ аршиномъ надо значитъ воспользоваться.. такъ и дѣлаютъ — оставляя только небольшую часть, необходимую подъ постройки и дороги.

Обработка эта производится самыми примитивными орудіями... Допотопный плугъ, омачь, изображенный на приложенномъ рисункѣ,— китмень, родъ лопато-образной кирки,—желѣзныя грабли, простая борона—вотъ и все; объ усовершенствованіи этихъ орудій не можетъ быть и рѣчи. Зачѣмъ — когда самыя совершеннѣйшія орудія, человѣческія руки, здѣсь ни почемъ—и глядя на эти аккуратно, геометрически расположенныя грядки, глядя на эту почву рыхлую какъ пухъ, невольно думается, что здѣсь каждый комочекъ земли растертъ между ладонями, каждая грядка взбита и сложена человѣческими пальцами.

Размѣры моего очерка не позволяютъ подробно распространяться о всѣхъ родахъ растительнаго богатства Заравшанской долины—и я ограничусь бѣглымъ обзоромъ Заравшанской флоры, останавливаясь только на тѣхъ продуктахъ, которые играютъ наиболѣе важную роль въ домашнемъ быту земледѣльца.

Первое мѣсто послѣ пшеницы безспорно принадлежитъ рису—шали — этому насущному хлѣбу всякаго азіатца.

Въ заравшанскомъ хозяйствѣ господствуетъ плодопеременная система; только нѣсколько родовъ кормовыхъ травъ сѣются на особо предназначенномъ полѣ, какъ напримѣръ люцерна,—о которой я буду говорить дальше.

Рисъ сѣютъ обыкновенно послѣ сбора пшеницы на томъ же полѣ; для него распахиваютъ землю весьма тщательно отъ восьми до десяти разъ крестообразно, т. е. вспахавъ по одному направленію, начинаютъ пахать по другому поперегъ прежде проведенныхъ бороздъ. Такимъ образомъ земля разрыхляется до послѣдней возможности.

Затѣмъ, на готовую почву напускаютъ воду и держатъ ее подъ нею трое сутокъ, послѣ чего воду спускаютъ на сосѣднія поля и давъ землѣ немного просохнуть, разбиваютъ ее валиками на небольшіе квадраты чтобы лучше удержать воду при послѣдующихъ орошеніяхъ. Напустивъ снова воду, проборонивaютъ землю перевернутой бороной, конечно каждый квадратикъ отдѣльно,—и приступаютъ къ посѣву.

Сѣмена, предварительно вымоченныя и пророщенныя, сѣютъ прямо въ воду, не спуская ея съ поля. Борона, проходя передъ сѣятелемъ, взмучиваетъ илъ, который осѣдая прикрываетъ собою сѣмена риса.

Первые восемь дней послѣ посѣва воду держать на полѣ около полуаршинной глубины, въ это время начинается подводный всходъ сѣмянъ. Потомъ воду спускаютъ дня на три, даютъ почвѣ и молодымъ всходамъ нѣсколько погрѣться на живительномъ солнцѣ и затѣмъ снова затапливаютъ поле, но уже на глубину значительно меньшую. Черезъ двадцать сутокъ опять спускаютъ воду, даютъ полю согрѣться дня на три и затапливаютъ уже послѣдній разъ, опять на полуаршинную глубину и оставляютъ такъ до вызрѣванія..

Рисовое поле, созрѣвающее и готовое къ жатвѣ, представляетъ оригинальное зрѣлище: вы видите предъ собою озеро, на мутной поверхности котораго колышатся густыя метелки растеній... Рисовое поле немного напоминаетъ болото, — еслибы только не эта правильная, рѣзко очерченная форма четвероугольниковъ.

Передъ жививомъ воду спускаютъ окончательно, осушиваютъ землю, чтобы можно было ступать по ней ногами и принимаются жать серпомъ (ураквъ), отличающимся отъ нашего только тѣмъ, что лезвее его не зазубрено а выточено ровно. Сжатый рисъ оставляютъ лежать на мѣстѣ для окончательной просушки, потомъ вяжутъ въ снопы.

Урожай риса выражается—въ среднемъ пропорціональномъ выводѣ—«самъ-тридцать», рѣдко бываетъ менѣе самъ-двадцати, за то достигаетъ до «самъ-сорока» и даже больше. Какъ видите, легенды о египетскомъ плодородіи имѣютъ основаніе.

Послѣ риса по своему хозяйственному значенію безспорно стоитъ джугарра — сорго — великолѣпное растеніе, достигающее «до четырехъ» аршинъ роста; по виду своему оно напоминаетъ извѣстную кукурузу, но не имѣетъ какъ та сѣмянныхъ початковъ, а оканчивается на верху роскошною метелкою, граціозно свѣшивающеюся внизъ отъ тяжести крупныхъ зеренъ.

Землю для этого растенія вспахиваютъ такъ же тщательно какъ и подъ рисъ, только не заливаютъ его водою какъ этотъ послѣдній и ограничиваются только періодическими орошеніями.

Срокъ полнаго созрѣванія джугарры считается десять мѣсяцевъ; жнутъ ея, или скорѣе срубаютъ—тѣмъ же ураковъ—послѣ первыхъ осеннихъ морозовъ; сѣмянныя головки обрываютъ и сушатъ, а стебли вяжутъ въ снопы. Назначеніе стеблей—топливо, в ночемъ въ зеленомъ видѣ; мелко изрѣзанные, они составляютъ превосходный кормъ для скота, и часто жнутся до вызрѣванія, именно для этой цѣли. Зерна вымачиваютъ, кормятъ ими лошадей или мелютъ въ муку, изъ которой пекутъ лепешки, очень похожія по виду и вкусу на мансовыя.

Дешевле всего, я говорю относительно труда по обработкѣ, достается заравшанскому земледѣльцу люцерна, по узбекски дженушка, по таджикски бида. Разъ удобривъ землю навозомъ или плодоносной глиною (шурнакъ) и вспахавъ поле разъ шесть, также крестообразно, его разбиваютъ на квадраты валиками какъ для риса, для того чтобы поле лучше удерживало напущенную воду;—затѣмъ засѣяваютъ его сѣмянами этой превосходной кормовой травы,—и затѣмъ вся забота хозяина всѣ цѣлыхъ 8—10 лѣтъ ограничивается только своевременномъ напускомъ воды, осушкою и жививомъ. На таканъ земли (1/6 нашей десятины) высѣиваютъ около 2 пудовъ сѣмянъ. Сѣютъ въ апрѣлѣ, во второй его половинѣ; первый укосъ бываетъ въ іюнѣ послѣ покоса, на свѣжіе комли опять напускаютъ воду, въ августѣ опять косятъ—и такъ впродолженіе 10 лѣтъ ежегодно, по два а иногда и по три укоса. Урожай въ первый годъ бываетъ сравнительно незначителенъ, оба укоса даютъ до 300 споповъ, каждый около 10 фунтовъ. На второй годъ поле даетъ 3 укоса по 200 споповъ каждый; такимъ образомъ, урожай втораго года превышаетъ первый въ два раза. На третій годъ рано весною, до всхода, землю еще удобриваютъ, послѣ чего поле даетъ самый обильный урожай: четыре укоса по 1000 споповъ каждый. Какая десятина у насъ на Руси можетъ дать до 1200 пудовъ сѣна,—а таканъ, какъ я уже сказалъ, значительно меньшей величины!

Если черезъ каждые два года удобрять раннею весною поле дженушки, то пользованіе однимъ и тѣмъ же посѣвомъ можетъ простираться до 15 лѣтъ. Почтенная цифра! Одинъ таканъ засѣянный люцерною совершенно обезпечиваетъ хозяину годовое содержаніе двухъ лошадей, четырехъ коровъ и другой мелкой скотины, не считая верблюдовъ и ословъ, которымъ не даютъ такого хорошаго корма, предоставляя имъ на потребу бурьянъ и колючку, растущую въ открытой степи и годную — за этимъ исключеніемъ—развѣ только на топливо.

На нашемъ рисункѣ, на первомъ планѣ изображены довольно оригинальнаго вида грядки, расположенныя послѣдовательно рядами по двумъ противуположнымъ направленіямъ. Это табачныя грядки.

Библиотека "Руниверс"

Это растеніе,—безъ котораго ни одинъ мусульманинъ не можетъ обойдтись,—не входя въ общій сѣвооборотъ, сѣется самостоятельно, на огородѣ, спеціально для него назначенномъ. Засѣвы производятъ въ особыхъ питомникахъ, въ родѣ нашихъ капустныхъ разсадниковъ, и оттуда, по достиженіи достаточной силы въ молодыхъ стебелькахъ, ихъ разсаживаютъ въ грядки по бокамъ, ниже гребня... Табакъ требуетъ самаго большаго, тщательнаго ухода, его нужно часто орошать, пуская воду въ промежутки между грядокъ, выпалывать сорныя тровы... Табакъ при уборкѣ раздѣляется на два сорта: зеленый (кокъ), который растирается въ порошокъ и употребляется для нюханья (а также и до жвачки азіатцы большіе охотники), и затѣмъ на курительный, который, прежде чѣмъ пойти въ кальянъ, выдерживается въ ямахъ, плотно уложенный, пока не начнется въ немъ небольшое броженіе, обусловливающее его крѣпость и ароматъ. Дней 10 табакъ лежитъ въ этихъ ямахъ и затѣмъ уже вынимается, просушивается на солнцѣ и набивается въ мѣшки (каны) для продажи.

Какъ мануфактурное растеніе—первое мѣсто занимаетъ хлопчатникъ—«*гуза*».

Обработка земли подъ хлопчатникъ очень хлопотлива и требуетъ много труда и вниманія. Одно, что облегчаетъ земледѣльца это то, что хлопчатникъ не требуетъ, даже не выноситъ, большой поливки. Поле разбивается грядками, на гребняхъ которыхъ разсаживаютъ самое растеніе. Описывать наружный видъ этого общеизвѣстнаго растенія я не стану: тысячи рисунковъ и описаній вѣроятно случалось видать и читать каждому.

За хлопчатникомъ слѣдуетъ цѣлый рядъ масличныхъ растеній и между ними замѣчательнѣйшее—*кунджутъ*, изъ сѣмянъ котораго выжимаютъ масло, идущее на самое разнообразное употребленіе а также и въ пищу. Маисъ дающій очень питательное зерно, примѣшиваемое чисто къ рису, чечевица (*ясмукъ*), ленъ (*загыръ*), сафлоръ (*махсаръ*), горохъ (*бурчокъ*), просо (*торыкъ*) марена (*руякъ*) дающая красильное вещество, кукуруза (*макка джугара*), употребленіе которой извѣстно и у насъ въ южныхъ полосахъ Россіи. Наконецъ, огородныя овощи, между которыми отсутствуютъ только картофель и капуста. Послѣднія два растенія занесены сюда только въ самомъ недавнемъ времени, послѣ заравшанскаго военнаго похода въ 1868 году, и на солдатскихъ, русскихъ огородахъ прилялись великолѣпно—а по всѣмъ признакамъ съ этихъ огородовъ распространятся и на туземные поля и гряды.

Кромѣ полей съ хлѣбными растеніями — пріятно разнообразятъ пейзажъ длинныя полосы засаженныя дынями и арбузами, такъ называемыя бахчи. Подъ эти послѣднія отдѣляется часть яроваго поля, хорошо разработаннаго и сильно удобреннаго. Всходы окучиваютъ, разбивая между ними борозды, что придаетъ видъ грядокъ. Урожай дынь и арбузовъ съ одного такана доходитъ до пяти тысячъ штукъ; отсюда понятна эта дешевизна дынь и арбузовъ на базарѣ. Лучшій по выбору арбузъ вы можете пріобрести за полторы копѣйки, много за три. На этомъ же полѣ сѣются также лукъ (*піосъ*) и морковь (*сабзы*), первый въ довольно большомъ количествѣ, вторая въ самомъ ограниченномъ какъ прихоть—и употребленіе ея въ домашнемъ хозяйствѣ самое незначительное.

Въ плодовыхъ садахъ Заравшанской долины первое мѣсто принадлежитъ винограду, какъ по качеству плода такъ и по его изобилію. Несмотря на сравнительно слабый уходъ за виноградниками, природа до такой степени благопріятствуетъ произрастенію этой лозы, что въ одной Заравшанской долинѣ насчитывается до сорока пяти сортовъ винограда, превосходныхъ по своему разнообразію и вкусу.

Виноделія у туземцевъ до нашего прихода не существовало, а потому виноградъ употреблялся только непосредственно въ пищу или же провяливался и высушивался на солнцѣ для вывоза на продажу. Чтобы дать понятіе объ изобиліи и качествахъ этого плода—я перечту главнѣйшіе сорта, съ обозначеніемъ различій ихъ между собою. Я буду приводить туземные названія этихъ сортовъ—и описаніе каждаго сорта отдѣльно, напримѣръ:

1) *Хусейне*, крупный, длинный бѣловатаго цвѣта, очень сладкій.
2) *Шакаракиль*, средней величины, круглый, бѣлый, сладкій.
3) *Баба-Ака*, зеленоватый, сладкій.
4) *Моизъ*, очень похожій на шакаракиль, но гораздо крупнѣе.
5) *Ходжа сераль*, круглый съ сильнымъ пряным запахомъ.
6) *Акъ-Кишмишъ*, мелкій какъ горохъ, сладкій и безъ зеренъ.
7) *Чиляни*
8) *Учкемъ* } красные сорта, по опытамъ виноделія давшіе лучшіе результаты.
9) *Дараи*
10) *Шибулгоне*, очень крупный какъ слива, чернаго цвѣта.
11) *Кара-Моизъ*, то же что просто моизъ только чернаго цвѣта.
12) *Сохи-би*, черный круглый.
13) *Атбау-чирасъ*, приторно сладкій и чрезвычайно нѣжный.
14) *Сахиба-кишмишъ*, розовый сахаристый.
15) *Ширази-кишмишъ*, розовый, овальной формы, и кромѣ этого еще сортовъ двадцать, имѣющихъ каждый свое особенное названіе.

Дешевизна, до которой доходитъ виноградъ въ этомъ краѣ, можетъ поразить любаго жителя даже благословенной южной Франціи и Италіи: 25—30 копѣекъ за пудъ, выбирая самые лучшіе сорта.

Виноделію въ этомъ краѣ предстоитъ самыя блестящая будущность; если найдутся годныя для этого руки, знающія свое дѣло не поверхностно а какъ слѣдуетъ. Покрайней мѣрѣ, первые опыты позволяютъ на это надѣяться.

Изъ фруктовыхъ деревьевъ здѣсь мы находимъ яблоню, грушу нѣсколько сортовъ сливныхъ деревьевъ, вишню, черешню, фиговое дерево, абрикосъ (*урюкъ*) и персикъ (*шапталъ*); послѣдніе два замѣчательны необыкновенно нѣжнымъ и пріятнымъ вкусомъ своихъ плодовъ и ростутъ почти безъ всякаго ухода. Кромѣ всего этого растительнаго богатства, красу здѣшнихъ садовъ составляютъ громадныя тутовыя деревья отягощенныя въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ миріадами бѣловатыхъ ягодъ, неимѣющихъ впрочемъ особаго примѣненія къ хозяйству; изъ неплодовыхъ деревьевъ — особенно бросается въ глаза стройный пирамидальный тополь и развѣсистый темнозеленый карагачъ,—все вмѣстѣ дѣлаетъ изъ этого оазиса одинъ изъ самыхъ роскошныхъ уголковъ для жизни, а заравшанская долина въ этомъ отношеніи славится по всей центральной Азіи, соперничая развѣ только съ роскошнымъ хивинскимъ оазисомъ и долиною Ангрена—этою житницею всего, пріобрѣтеннаго оружіемъ, края.

На ловлѣ.

(ИЗЪ ДОРОЖНЫХЪ ОЧЕРКОВЪ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО).

Челнокъ сброшенъ въ воду.... Темная, сырая ночь. Тучи расползаются и ширятся; надъ самой водою стоитъ какая-то тяжелая, влажная мгла. Сквозь туманъ едва мигаютъ городскіе огни надъ высокою смутно обрисовывающееся чертою берега. Словно исполины чернѣютъ вдалекѣ сваи обвалившагося моста. Гдѣ-то медленно стучитъ въ твердую почву копыто лошади, уныло, тихо позвякиваетъ колокольчикъ, да издали доносится отрывистое, хриплое тявканье собаки.

Не видать было даже и веселъ, поднимавшихся и опускавшихся на переднемъ концѣ нашего челна. Надъ нами и подъ нами была та же темная, одинаковая ночь. Мы едва подвигались впередъ, точно плывя не въ тягучей, медленно струившейся внизу влагѣ, а въ безконечномъ просторѣ стихійнаго мрака. Только глухіе удары веселъ, разсѣкавшихъ воду, да журчаніе ея за кормою вмѣстѣ съ брызгами, падавшими изрѣдка на насъ, разрушали эту иллюзію.

— Поди въ Черномъ ярѣ теперь глазъ выколешь? замѣтилъ одинъ рыбакъ другому.

— Да.... Теперь, кому ѣхать—бяда!

— Одна Матрена вывезетъ.

— Она вывезетъ.... Что ей — наплевать! Закрымши глаза проѣдетъ!...

— Какъ это? спросилъ я.

— Матрена-то?... А ямщикъ есть у насъ одинъ. Баба.... ямщичаетъ тоже. Мужъ вишь заболѣлъ, ямщикомъ былъ, такъ она за него, значитъ. И такая же, скажу я тебѣ, дошлая баба!.. Тутъ Черный яръ есть. Мѣсто самое подлое. Направо болото, а налѣво еще и того хуже. Такъ — склизь бездонная. Посередку гать бѣжитъ, узкая-узкая. Ступить негдѣ. Тамъ и днемъ-то идешь—каждую минутую имя Господне призываючи, а ночью хучь и вовсе не ѣзди—пропадешь. Такъ эта самая Матрена поди-лучше всѣхъ ямщиковъ эфто мѣсто знаетъ. Только на лошадокъ покрикиваетъ... Она, баютъ, закрымши глаза правитъ.... То-ись съ ней — безъ сумнѣнія.

— Такъ у васъ бабы за ямщиковъ ѣздятъ?

— Вона! У насъ, милый, допрежь бывало баба рястапта на веревкѣ отъ сяла къ сялу ведетъ. У насъ бабы важныя. Есть такія что трехъ мужиковъ ограбить могутъ—и легкимъ сердцемъ ашшо! Бабы наши и на охоту на лыжахъ ходятъ, съ ружьемъ. Онѣ пріобыкли въ этому. Потому хозяинъ въ столицыю на заработки уйдетъ, ну она и промышляетъ. Однова—Матрена медвѣдя убила. Тольки ли смѣху было — какъ на лошади приволокла въ село экую махину. Въ другихъ мѣстахъ, видалъ я, бабу въ струнѣ держутъ,—поди-ко справься съ нашей бабой! Она тебѣ покажетъ себя.... уйметъ!... И пьютъ онѣ здорово, наши бабы тоись. Водку такъ и хлещутъ. Совсѣмъ за мужиковъ стали, только что въ некруты ихъ не берутъ. Другой разъ бы и наклалъ ей подъ загривокъ, но какъ одначе она можетъ тоже этимъ орудовать — и смолчишь. Потому своя шкура дорога. Она чѣмъ ни попадя бьетъ. Не думаетъ! Кочергой либо ухватомъ въ башку такъ стукнетъ, что очумѣешь совсѣмъ.... Бывало это дѣло...

Наконецъ мы выплыли на середину рѣки. Влажный мракъ сдѣлался еще гуще. Огоньки города едва-едва мерцали вдалекѣ. Подъ килемъ челнока что-то переливалось и журчало. Жутко становилось посреди этого мглистаго простора. Кто-то изъ гребцовъ затянулъ было пѣсню — но и она оборвалась на первахъ поткахъ...

Библиотека "Руниверс"

— Не способно нѣть. Въ горлѣ хрипитъ...

— Экая рось!.. Смотри, весь армякъ мокрый.

— Нонѣ рось осенняя... Къ дожжу! Завтра безпремѣнно дожжу быть...

— Это отъ Бога, какъ онъ многомилостивый...

— Пора жердь зажигать; гдѣ у тебя жерди-то, Микитко?.. Ишь, словно филинъ насупился!

Микитка развернулъ рогожу, въ которой въ предохраненіе отъ сырости были завернуты осмоленыя жерди. Одну изъ нихъ зажгли и прикрѣпили къ носу. Сѣровато-желтое пятно тускло прорѣзалось передъ лодкою. Въ центрѣ этого пятна скрыня горѣло сухое дерево, разбрасывая кругомъ искры. Прямо подъ нами тихо билась темная, текучая, рѣчная масса. По окраинамъ тусклаго пятна мракъ казался еще гуще...

— Не больно-то нонѣ что̀ увидишь въ водѣ.

— Никто какъ Богъ. Ты, гли, ровнѣй держи...

На почти багровомъ кругѣ воды, освѣщенной медленно колыхавшимся пламенемъ, сначала ничего не было видно. Потомъ зачернѣлъ какой-то кривой, весь покрытый словно желваками, сукъ; его выбросили назадъ. Рыбакъ съ крюкомъ въ рукѣ долго смотрѣлъ въ воду. Наконецъ въ одно мгновеніе онъ подцѣпилъ его вверхъ и такъ же быстро отпустилъ въ темную массу влаги. Крупныя брызги блеснули при свѣтѣ горѣвшей жерди. Въ водѣ что-то плюхнуло—и спустя секунду въ лодкѣ билась большая почти черная кумжа, открывая ротъ и быстро шевеля жабрами. Одинъ изъ рыбаковъ схватилъ было ее поперекъ тѣла, но чуть шевельнувъ хвостомъ она выбилась изъ его рукъ.

— Кроти ее! Чего глядишь? Ишь тоже...

Гребецъ взялъ кротило, родъ деревяннаго молотка, еще разъ крѣпко ухватилъ кумжу и нѣсколько разъ ударилъ ее въ темя. Кумжа вздрагивала послѣ каждаго удара. Скоро подъ жабрами показалась кровь—и рыба вытянулась. Рыбакъ съ пренебрежніемъ бросилъ ее на дно. «И бить то не стоило!» съ презрѣніемъ проговорилъ онъ, крутя изъ бумаги свертокъ. Скоро отъ него потянуло махоркой.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Багровое пятно на рѣкѣ зарябило. Оказалось, что на свѣтъ потянуло цѣлую стаю мелкой, едва-замѣтной рыбы. Она плескалась и билась, точно множество мелкихъ червей, сталкивавшихся и разбѣгавшихся въ водѣ.

— Экая касть, прости Господи!.. недовольнымъ тономъ проворчалъ рыбакъ.—Съ этой мелочью и большую рыбу упустишь.

— А ты смахни.

— Давай весло. Онъ провелъ ладонью весла по багровому водяному кругу...

— Ты бывалъ ли когда въ Большихъ Рогуляхъ?—село такое есть?

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Такъ баско ловится рыбка. Этто на свѣтъ тучей идетъ.

— Рѣка-то вѣдь одна, почему же здѣсь нѣтъ?

— А тамъ, вишь, допрежь скиты стояли, а во скитахъ святыя старицы жили. Съ той поры тамъ и рыбка водится. Рыбка, братъ, занятный звѣрь. Съ ней тоже не безъ хитрости. Она на человѣка идетъ. Примѣрно у насъ баба одна есть, Серафимой прозываютъ. Немудрящая и баба-то. Изъ себя такимъ-то гнусомъ смотритъ. Гроша не дашь за нее. А на воду выйдетъ — полну лодку рыбки насбираетъ.

— Отъ Бога все! замѣтилъ молчавшій доселѣ рыбакъ.

— Отъ Бо-ога! точно что. Потому сиротство ея вѣдаючи.... Опять же рыбку ловить съ чистымъ сердцемъ требовается. Примѣрно ты видишь ее,—семга, матерая самая! Подъ самымъ носомъ она у тебя меледится. Только ты что дурное подумалъ — сичасъ она на дно. Словно камень уйдетъ... Лови ее тамъ! Мы потому такъ и дѣлаемъ. Какъ этто рыбину увидишь, сичасъ въ умѣ «да воскреснетъ» читай. Никакое злое помышленіе тогда не сомутитъ тебя... Богъ, братъ, вездѣ. Во всемъ произволеніе его.

— Ну и угодники тоже помогаютъ, отозвался тотъ-же молчаливый рыбакъ.

— Точно что. Къ примѣру, Никола чудотворецъ... Прасковія-пятница, ее помяни—она поможетъ.

— А сказываютъ есть таки корешки, всякая рыбина на ихъ идетъ.

— Можетъ и есть... Я не видалъ. Молчи, братцы!

Я заглянулъ за бортъ—въ водѣ что-то сѣрѣло серебрясь порою, когда пламя жерди становилось ярче и больше. Рука съ крюкомъ была уже поднята. Еще нѣсколько секундъ—и на немъ уже билась большая сиповато, серебристая пельма, жирная и толстая.

— Вотъ гость, такъ гость! Слава тебѣ, Господи!.. Прасолы за такую рыбину полтинникъ даютъ...

Ее и кротить не приходилось. Еще нѣсколько минутъ она пошевеливала жабрами, потомъ заснула. Одинъ изъ гребцовъ потрогалъ ее.

— Жиряга! Осенью вся рыба такая, особливо семга... Одна щука—все единственно что лѣтомъ, что нонѣ. Та рыба прохвостъ, прожоръ-рыба.

Вдалекѣ тускло блеснулъ другой такой же огонекъ, какъ у насъ. Теченіе несло насъ къ тихой и недвижной заводи, гдѣ вѣрно тоже ловили рыбу.

— Должно Марья ловитъ?..

— Она! кому и быть-то!

— Бездомовная! Совсѣмъ баба сбилась.

— Красавушка была... Первая дѣвка у насъ на селѣ. А за Митріемъ совсѣмъ пропала.

— Сгинула, что говорить... Какъ червь!.. Спилась.

— Родитель эфтому дѣлу причиной.

— Съ карахтеромъ старикъ... Жестокаго сердца человѣкъ.

Я попросилъ мнѣ объяснить, что̀ такое Марья и почему она погибла.

— Отъ невѣжества нашего все, разсказывалъ мнѣ старый рыбакъ. Такой дѣвки-то отъ вѣка вѣковъ не бывало̀. Краса! Брульянъ, а не дѣвка. Высокая, румяная. Бывало—хоша и старъ я—а глазъ не отведешь. Слюбилась она таперчи съ сусѣдскимъ парнемъ. И парень-то изъ богатой семьи, волостнаго старшины сынъ. Любились—и родители вѣдали про это, да молчали, потому богачество къ богачеству... Тольки и поѣхалъ ейный родитель съ его отцемъ въ городъ. Назадъ ворочались оба выпимши, да не доѣзжая трехверстъ отъ села и разодрались. Ейный-то родитель и укуси ухо пріятелю. Ну тому, извѣстно, это не понравилось — потому ухо должно при своемъ мѣстѣ быть... Онъ и согналъ отца Марьи съ саней. Ступай-де за твою непоштительность пѣшимъ. Какъ этто пришелъ тотъ домой, сейчасъ призвалъ работника. А работникъ у нихъ такой заскорузлый, да хромой былъ. Глупый. Изъ себя—самаго подлаго вида человѣкъ. «Марья»!.. дочь кликнулъ. «Такъ и такъ—говоритъ—за эфту обиду я не потерплю. Вотъ тебѣ замѣсто Петра—женихъ. Вотъ тебѣ невѣста. И свадьбу, чтобъ на воскресенье играть». Марья помертвѣла — въ ноги родителю. Тотъ ее маненечко побилъ, но отъ сердца не отошло у него. Она въ бѣга—ее нагнали, опять въ село приволокли. Петра цѣлый день передъ свойнымъ окномъ на колѣнкахъ стоялъ—не простилъ. Она къ нему на всю ночь ушла. Утромъ ее назадъ приволокли. Для такого жениха, какъ Митрей, и начатой коровай — благодать. Сыграли свадьбу, что слезъ однихъ было—Марью-то какъ мертвую подъ вѣнецъ тащили. Опослѣ свадьбы какъ въ клѣть молодыхъ заперли, такъ Марья чуть не убила Митрія, слава Богу еще что дверь онъ выломалъ да ноги отъ нея-унесъ. Съ той поры и пошло безобразіе это. Марья стала къ Петру бѣгать. А свойный, Петровъ, отецъ задумалъ въ отместку поженить сына. Силкомъ поженили на богатой. Только изъ себя худощавая да дурная была. Тутъ и случилось грѣшное дѣло это!.. словно упавшимъ голосомъ проговорилъ разскачикъ.—Въ первую же почку Петра и задуши жену! Наѣхалъ судъ. Парня въ острогъ, опосля въ Сибирь. А Марья съ той поры — мертвую пьетъ. Такъ и жаритъ водку. До безобразія ума! Загубили парня да дѣвку. А какая семейка-то вышла бы!

— Опосля родители и плакались да что подѣлаешь. Епъ-то, Марьинъ отецъ, съ горя въ монастырь пошелъ.

— Этого грѣха не замолишь!

— А Митрій-то? Тоже бѣдняга сбился совсѣмъ. Изведетъ она меня, говоритъ. Плачетъ. Слыхали мы, что она разъ его и въ прямь изводила—да не извела.

— Добромъ не кончить!

— Гдѣ ждать добра...

— Не къ мѣсту-то разговоръ завели! упрекнулъ насъ рыбакъ, сидѣвшій въ носу.—Какъ о дурномъ заговоришь, такъ не жди рыбину. Ишь, вся рыбка ушла. Таперчи хоша не лови. Не подастъ Богъ. Рыбку надоть ловить съ молитвой... да! А не съ пересудами...

На сельской колокольнѣ пробило три часа. Звуки тягуче пронеслись по влажному простору и замерли гдѣ-то далеко-далеко... Лодка повернула назадъ.

Огни села становились все ярче и ярче, темная масса высокаго берега близилась и близилась. Вотъ до насъ донесся хриплый лай... скрипъ какой-то... Вотъ въ сторонѣ снова чернѣютъ сваи разрушеннаго моста. Вотъ на водѣ полышется чей-то челнъ, привязанъ къ пристани. Еще минута—и подъ сильнымъ ударомъ веселъ лодка глубоко врѣзалась въ прибережную тину...

Какъ будто въ оправданіе сдѣланнаго рыбакомъ предсказанія — сначала въ воздухѣ зашуршало что-то влажное, потомъ посыпались медленно капли крупнаго дождя—и не успѣли мы дойдти до калитки, какъ ровный ливень мочилъ черныя улицы, черныя стѣны и крыши домовъ...

На другой день, когда я проснулся—въ окно смотрѣло что-то влажное и сѣрое. Какъ оказалось, вчерашній дождь шелъ всю ночь, шелъ и теперь. Тоска одолѣвала глядя на эту осеннюю картину. Даже и рѣка по ней лилась какими-то свинцовыми, тяжелыми волнами, точно это была полоса медленно клубившагося тумана. Изрѣдка и то какъ-то неопредѣленно, смутно, сквозь мглистый фонъ мелкаго дождя мелькалъ на рѣкѣ бѣлый парусъ рыболова да чернѣли двѣ или три лодченки.

Не хватало силъ смотрѣть на эту безотрадную картину. Позади меня въ избѣ стояла та же сѣрая осенняя безтолочь. Насквозь прокопченныя стѣны, будничная обстановка скуднаго крестьянскаго житья-бытья, все это такъ далеко, такъ чуждо было всему, чего я тогда искалъ въ жизни. Оставалось только заснуть опять, что̀я и сдѣлалъ бы, если бъ въ эту минуту у дверей не раздался пріятный дѣтскій голосъ.

Я оглянулся.

Въ избу вошолъ мальчикъ съ сестренкой. На обоихъ были кошели. Какъ у братишки, такъ и у нея глаза смотрѣли бойко и

Библиотека "Руниверс"

Нищенствующіе крестьянскіе дѣти.
Съ картины профессора Чистякова, рис. на деревѣ Петръ Чистяковъ, грав. Сосинскій.
(См. очеркъ «На Ловлѣ»).

Библиотека "Руниверс"

весело, хотя дѣвочка и жалась къ нему закутываясь очевидно въ шубку, снятую съ взрослой женщины.

— Это голуби, бѣдные! Отозвалась изъ-за угла старуха, отрѣзывая имъ громадный ломоть хлѣба.—Поди, матка-то пьяная?

— Пьяная.

— Ахъ вы болѣзные мои! Изъ этакого ли богачества да въ скудость произойдти! Мальчикъ равнодушно выслушивалъ сѣтованія хозяйки, приклонясь къ двери и склонивъ голову на бокъ. Глазенки его сестры такъ и бѣгали по горницѣ. Она было подошла къ старухѣ за хлѣбомъ, да запуталась въ длинныхъ полахъ своей шубенки.

— Ишь ты вострука! Смотрю на тебя—такъ Марью и вспоминаю. На моихъ глазахъ выросла-то... объявила мнѣ она:—это сынишка да дочка той самой Марьи, про которую тебѣ вечоръ на ловлѣ баили.

— Чтожь отецъ развѣ ихъ у себя не держитъ?

— А Митрій-то самъ нынѣ въ батракахъ на почтовой станціи. Мать отъ дѣтей бѣгаетъ. Самой бываетъ жрать нечего!..

— Ихъ бы хоть въ школу посылать, все бы научились чему нибудь.

— Хочешь въ школу? обратился я къ мальчику.

Сестренка прижалась къ нему еще ближе, забирая въ ротъ длинный рукавъ кафтана. Мальчишка смотрѣлъ на меня такъ же равнодушно, какъ и прежде большими красивыми глазами, не отвѣчая ни слова.

Спустя минуту они вышли, и долго еще я видѣлъ, какъ въ сѣрой мглистой массѣ мелкаго дождя они бродили по улицѣ села отъ избы къ избѣ. И все время дѣвочка крѣпко держалась за рукавъ своего брата, прижикнувъ къ нему близко-близко, словно боясь, чтобъ не оставила ее и эта ненадежная опора.

А погода становилась все хуже, небо темнѣло, скоро въ туманѣ уже нельзя было различить и ближайшей избы.

На травѣ.

(Очерки кавалерійской жизни).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Пройдя сотни три саженей, я очутился на возвышенномъ берегу озера. Густой, высокій лѣсъ со всѣхъ сторонъ окружалъ его какъ стѣною, и, опрокинутый, отражался въ водѣ смутными, черными тѣнями. На противуположномъ, болѣе отлогомъ, берегу раскинулась передо мною оригинальная картина. Тамъ пылалъ громадный костеръ.

Веренцы искръ, словно-бы живыя существа, какіе-то фантастическіе рѣзвые духи, а не то—какъ будто огненные листья въ осеннюю бурю, цѣлыми снопами взвивались къ верху, кружились въ воздухѣ, длинною полосою уносились далече, или же огненнымъ дождемъ сыпались въ воду, отражаясь огненными змѣйками въ ея невозмутимо-покойной глади.

Вокругъ этого костра толпилось множество народу: сюда, изъ нѣсколькихъ окрестныхъ деревень Езерской волости, сошлись крестьяне праздновать свою Купалу. Мѣсто около костра было украшено молодыми березками, воткнутыми въ землю; въ сторонѣ виднѣлось нѣсколько шалашей, покрытыхъ зелеными вѣтвями, и передъ ними курились маленькіе костерки, на которыхъ «маладзехны» *) приготовляли яичницу—это излюбленное и необходимое — такъ-сказать традиціонное кушанье Купальскаго праздника. Старики со старухами сидѣли въ отдѣльныхъ кружкахъ и угощались водкою и сыромъ. Вообще, на Купалу не употребляютъ мяса, выбирая для пиршественныхъ угощеній болѣе растительную или молочную пищу. Вокругъ костра, взявшись за руки и образовавъ хороводное кольцо, ходили справа налѣво и потомъ слѣва направо молодые «дзѣцюки» и «дзѣвчины». И тѣ, и другія были украшены вѣнками и подпоясаны стеблями горькой полыни. Они пѣли купальную пѣсню про «рачка», про то, какъ

Задумау рачекъ жаницися,
Да пайшоу до жабки журицися:
«А у цебѣ, жабо, черёво рябо»!
А у цебѣ, рачс, очи въ тылѣ,—

и все это сопровождалось неизмѣннымъ припѣвомъ: «ой, Купала! Купала па Ивана! тò, тò!»

Потомъ выборный коноводъ праздника, или такъ-называемый «урядникъ» отдѣлилъ парней отъ дѣвушекъ и поставилъ однихъ по сю, а другихъ по ту сторону купальскаго «кострища», — и вотъ, по знаку его, черезъ пламя понеслась съ разбѣгу прыгающая вереница. Сначала прыгали дѣвушки, а парни хоромъ подпѣвали при этомъ:

Цеперъ Купала, заутро Янъ
Кидау дзѣвокъ празъ баркапъ!

А потомъ, когда стали прыгать парни, хоръ дѣвушекъ заводилъ имъ тотъ-же припѣвъ, измѣняя только вмѣсто «дзѣвокъ»—«кидау хлопцоу празъ баркапъ».

Тутъ же, рядомъ съ «кострищемъ», стояла «кукля», т. е. чучело, смастеренное изъ разнаго тряпья и ветошки, изъ рогожъ, соломы, вѣтвей и конопляныхъ волоконъ. Эта «кукля», изображающая собою Купалу, будетъ подъ утро обожжена на кострѣ и потомъ потоплена въ озерѣ.

Купальская ночь, по мѣстнымъ преданіямъ, есть ночь чародѣйская: рѣки и вода въ теченіи ея свѣтятся особеннымъ свѣтомъ; деревья и особенно старые дубы таинственно ходятъ по лѣсу и разговариваютъ между собою; ведутъ свои разговоры также и звѣри, и вообще всѣ животныя—и если кому удастся подслушать ихъ говоръ, тотъ считается «вяликимъ вѣдунцемъ на свѣцѣ».

Колдуньи или «вѣдьмы» тоже обнаруживаютъ свою дѣятельность: онѣ отнимаютъ молоко у коровъ, собирая тайкомъ росу на огородахъ у своихъ сосѣдей, съ которыми онѣ въ ссорѣ, и давая эту росу пить своимъ собственнымъ коровамъ, послѣ чего сосѣдская корова должна уже меньше давать молока. Въ эту ночь разцвѣтаетъ папоротникъ, а бабы вообще собираютъ въ лѣсахъ и въ лугахъ разныя травы и зелья: Руту, Василь, Дзяголь, Богатки, Папораць, Иванъ-да-Марью, Перелетъ, Курослѣпъ и Лопань съ Ластовнемъ. На утро онѣ несутъ съ собою эти травы въ церковь и тамъ священникъ окропляетъ ихъ святою водою,—послѣ чего зелья эти, получая названіе Свято-янскихъ, хранятся въ теченіи цѣлаго года, до слѣдующаго Купалы, и служатъ цѣлебнымъ средствомъ въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, или талисманомъ противъ колдовства, или же, наконецъ, примѣтами будущаго благополучія. Такъ называемая «Купальня» или «Купальница» (Ranunculus acris) и «Свято-янская трава» (Hypericum perforatum) почитаются могущественнымъ, неотразимымъ средствомъ для возбужденія чувствъ любви и нѣжной преданности,—да и вообще, вся Купальская ночь, въ силу древнихъ преданій, есть ночь невозбранной, беззавѣтной любви и страсти для всей молодежи, которая вообще, во все остальное время года, отличается болѣе цѣломудріемъ чѣмъ распущенностью

*) Молодицы.

Библиотека "Руниверс"

своихъ нравовъ. На разсвѣтѣ Иванова дня даже и солнце показываетъ чудеса необычайныя. — По мѣстнымъ повѣрьямъ, оно, всходя на горизонтъ, «зайчиками играетъ по небу», раздѣляется на нѣсколько малыхъ солнцъ, которыя сверкающими колесами кружатся и вертятся одно вокругъ другаго, разбѣгаются въ стороны и опять соединяются въ одно обыкновенное солнце. Но ранѣе этого явленія, вся молодежь должна непремѣнно выкупаться въ озерѣ, послѣ чего Купальская ночь со всѣми ея волхвованіями, чарами и вакханаліями считается уже законченною,—и люди, какъ-бы омывъ, очистивъ себя отъ всей бѣсовщины и грѣха, спѣшатъ домой, чтобы нарядиться въ чистыя сорочки, въ цвѣтные уборы, и идти въ церковь съ пучками цвѣтовъ и разнаго зелья.

* * *

Вдоволь налюбовавшись чудною картиной, которая оживленно развертывалась передо мною по ту сторону озера, вся озаренная свѣтомъ громаднаго костра, — я направился вдоль берега, съ намѣреніемъ дойти до рыбачьей становки, чтобы переплыть въ челнѣ на ту сторону, гдѣ предполагалъ встрѣтиться съ моимъ сожителемъ Апроней и вмѣстѣ съ нимъ вернуться домой въ его тѣлежкѣ.

Темная, звѣздная ночь охватила глубокое небо и, посредствомъ своего тусклаго свѣта, превращала въ странныя, фантастическія очертанія каждый встрѣчный пень, каждый кустъ и громадные, вывороченные наружу, какъ-бы лапчатые корни деревьевъ, поваленныхъ нѣкогда бурею. Я шелъ въ потьмахъ, часто спотыкаясь о валежникъ и путаясь въ кустахъ широкаго папоротника; но мало по малу глазъ мой свыкся съ темнотою: въ немъ изгладилось давечнее впечатлѣніе огненной яркости костра, раздражавшее сѣтчатую оболочку, и окружающіе предметы стали принимать для меня болѣе опредѣленныя очертанія.

Вдругъ мнѣ послышался шорохъ чьихъ-то шаговъ —и какая-то фигура быстро пошла мнѣ навстрѣчу. Я успѣлъ только замѣтить, что это было что-то бѣлое, и остановился, поддавшись странному, но вполнѣ невольному чувству какой-то жуткости, охватившему на мгновенье мое сердце.

Бѣлое подошло совсѣмъ близко ко мнѣ, словно-бы я былъ для него знакомымъ и ожидаемымъ существомъ; но вдругъ, вглядѣвшись въ меня и какъ-бы сознавая свою ошибку, оно быстро метнулось отъ меня и побѣжало въ сторону.

Но я узналъ его.

— Велля! закричалъ я, направляясь вслѣдъ за бѣлою тѣнью:—Велля! остановись! не пугайся!... Это я!... Или не узнала?

Но бѣлая тѣнь продолжала бѣжать, не обращая вниманія на мой голосъ. «Зачѣмъ ей быть въ лѣсу въ эту пору, и что она можетъ здѣсь дѣлать?» мелькнуло мнѣ въ головѣ—и я пустился вслѣдъ за нею,—совсѣмъ не думая о томъ, что мое присутствіе, быть можетъ, вовсе ей нежелательно. Вдругъ она запнулась объ какой-то корень и упала. Въ эту самую минуту я успѣлъ подбѣжать къ ней и помогъ встать на ноги.

— Велля, успокойся, это я... Чего ты побѣжала отъ меня? чего испугалась? ласковымъ голосомъ говорилъ я, удерживая ея руки.

— Я ошиблась... извините... я не узнала, смущенно пролепетала она своимъ гортаннымъ еврейскимъ голосомъ, стараясь пересилить испугъ и волненіе:— я думала, что это онъ...

И Велля не договорила. Произнеся это слово «*онъ*», дѣвушка какъ бы спохватилась и замолкла.

— Кто «онъ»?... О комъ говоришь ты? спросилъ я.

— А развѣ-жь я сказала «онъ»?... Нѣтъ, нѣтъ, господинъ поручикъ, вы ошиблись, я не говорила этого... Можетъ, вамъ только такъ послышалось, а я не говорила! торопливо принялась она увѣрять меня.

— Ну, Господь съ тобою! я не разспрашиваю...

— Нѣтъ, нѣтъ!... напирала она на словѣ, стараясь придать ему силу убѣжденія: — но когда жь я клянусь вамъ! въ самомъ дѣлѣ, я не говорила этого...

— Ну, да, милая Велля,—это все мнѣ только такъ послышалось,—я ошибся, я вѣрю тебѣ; но скажи, Бога ради, что ты здѣсь дѣлаешь, одна-одинехенька, въ этакую пору? Какъ тебя занесло сюда?

— Я гуляла... Нѣтъ! перебила она вдругъ самое себя, порывисто схвативъ меня за руку:—я вамъ признаюсь... Вы добрый, вы не захочете для меня злого и вы не будете насмѣхаться надо мною... я вамъ признаюсь... Я нарочно ушла изъ дому... я убѣжала...

— Ты?!.. убѣжала?! невольно изумился я:—зачѣмъ?.. Вѣдь отецъ у тебя добрый, онъ любитъ, онъ не обижаетъ тебя,—зачѣмъ же ты убѣжала?

— Ахъ, я не знаю сама, что со мною! въ мучительной тоскѣ залепетала Велля, схватясь рукою за голову.—Да, онъ добрый и онъ не обижаетъ меня, но онъ меня замужъ выдаетъ!... Понаѣхали сваты изъ Каміонки—ребъ Мордухъ Пиковеръ и Шлёма Зильберъ— и теперь сидятъ и пьютъ съ татуле и пропиваютъ меня за Орель Бублика, а я не хочу идти замужъ!... не хочу и не хочу я!

— Да отчего же? развѣ Орель Бубликъ—дурной человѣкъ такой?

— Нѣтъ, онъ не дурной, но я...

И Велля замолкла, опять не договаривая и словно бы осѣкшись на недосказанной мысли.

— Да что же ты... любишь кого другаго, что-ли?

— Ахъ, не спрашивайте меня!.. Несчастная я—и пропащая моя голова!.. Когда-бъ вы знали только!.. Они всѣ думаютъ, что я набожная еврейская дѣвушка... О, кабы они знали!.. Они проклянутъ, они херимъ на меня наложатъ!.. Они ни за что не простятъ меня!...

— Велля, нельзя ли намъ помочь тебѣ?.. мы все сдѣлаемъ, что только возможно, мы приложимъ всѣ старанія...

— Оставьте!.. Никто мнѣ на этомъ не поможетъ!

И присѣвъ на поваленное дерево, дѣвушка закрыла лицо руками и зарыдала.

— Ну, что вы хочете отъ меня?! вдругъ поднявшись и снова схвативъ меня за руку, заговорила она въ какой-то ожесточенной экзальтаціи: — ну, да! я люблю!.. да люблю-то я, на мое горе, христіанина!... Они не простятъ мнѣ этого!..

— Въ такомъ случаѣ разорви съ ними, принимай сама христіанство и выходи за него замужъ.

Въ отвѣтъ на это дѣвушка засмѣялась горькимъ и— какъ показалось мнѣ — нѣсколько истерическимъ смѣхомъ.

— Да онъ-то когда жь настолько любитъ меня!... На что я ему!.. Вотъ, я одна, я жду его и мучаюсь, а онъ и не подумаетъ! ему и дѣла нѣтъ!..

И она снова зарыдала, отвернувшись отъ меня и прислонясь головой къ стволу старой ели.

Бѣдная Велля!

Я видѣлъ всю глубину ея горя; мнѣ такъ хотѣлось бы утѣшить ее, хоть чѣмъ-нибудь помочь ей, хоть насколько-нибудь облегчить ея кручину; но что я могъ сдѣлать для нея въ данную минуту!.. Чувство понятной деликатности не позволило мнѣ спросить объ имени ея любимаго человѣка, а сама она не называла его.

Минутѣ двѣ спустя, нарыдавшаяся Велля, словно-бы очнувшись, вдругъ восклонила свою поникшую голову.

— Оставьте меня! порывисто залепетала она, съ умоляющимъ видомъ сложивъ свои руки.—Бога ради, уйдите отсюда!.. Уходите поскорѣй! Не надо, чтобы

Библиотека "Руниверс"

вы были со мною! Не надо, чтобы насъ видѣли!.. Пожалѣйте меня!

— Велля, ты ждешь *его?* рѣшился я сдѣлать ей послѣдній вопросъ.

— Да! призналась она черезъ силу: — да, я жду его, онъ долженъ придти сюда.... Поэтому.... уйдите отсюда... умоляю васъ!

Дружески и просто пожавъ ей руку, я поспѣшилъ удалиться, смущенный этою неожиданной встрѣчей и отуманенный грустью за горе бѣдной еврейки.

(Окончаніе будетъ).

Бракосочетаніе Великой Княгини Вѣры Константиновны съ Герцогомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ.

Въ послѣдніе дни при виртембергскомъ дворѣ происходило семейное торжество, въ присутствіи Его Величества Государя Императора Александра Николаевича.

Молодая Великая Княжна Вѣра Константиновна родилась 4-го февраля 1854 года.

Молодой принцъ Герцогъ Вильгельмъ-Евгеній-Георгъ Виртембергскій (род. 20 августа 1846 г. въ Карлсруэ въ Силезіи) вступилъ въ 1866 году въ военную службу виртембергскому королевству, гдѣ нынѣ состоитъ майоромъ 1-го уланскаго полка короля Карла. Въ качествѣ кавалерійскаго офицера, онъ участвовалъ въ послѣдней войнѣ съ Франціею. При дворѣ своего царственнаго родственника познакомился онъ съ любимицей всей королевской фамиліи, и получивъ согласіе Его Величества Государя Императора и августѣйшихъ родителей Великой Княжны, обручился съ нею въ февралѣ 1874 года, а 8 мая совершилось бракосочетаніе ихъ высочествъ.

Блистательная эпоха въ исторіи Персіи прошлаго столѣтія [1]).

Посѣщеніе персидскимъ Шахомъ Насръ-Эддиномъ двухъ столицъ русскихъ, небывалое въ лѣтописяхъ исторіи, останется для насъ залогомъ той постоянной дружбы и союза, которыми пользуются два близкія по сосѣдству государства, въ продолженіе почти полстолѣтія, и на будущее время. У персидскаго народа, существующаго болѣе двухъ тысячелѣтій, есть своя исторія жизни и громкой всемірной славы и бѣдственнаго въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ рабства подъ владычествомъ воинственныхъ арабовъ. Съ небольшимъ сто лѣтъ прошло, какъ Персія снова прославилась громкими побѣдами въ сосѣдней съ нею Индіи. Этотъ блескъ драгоцѣнныхъ камней, которыми украшенъ костюмъ персидскаго монарха, эти богатства, которыя такъ сильно занимали любопытное вниманіе,—можно навѣрное полагать: сохранились отъ безчисленныхъ сокровищъ, пріобрѣтенныхъ въ 1739 году славнымъ повелителемъ Иранскаго царства Надиръ Шахомъ, который съ побѣдою надъ Мухаммедъ Шахомъ индѣйскимъ пріобрѣлъ, взамѣнъ возвращенной ему короны и царскаго престола, нѣсколько областей и городовъ по другую сторону р. Атока. Изъ донесеній русскаго посланника того времени при персидскомъ дворѣ нашему правительству видно, что торжественное вшествіе Надиръ Шаха въ столицу непріятеля Мухаммедъ Шаха—*Шахъ Джиганъ Абадъ*—случилось какъ разъ въ 1 день новаго года *неврузъ*, 10 марта 1739 года, или 1151 магометанскаго счисленія. Вшествіе это ознаменовалъ онъ повелѣніемъ чеканить на имя его монету, объявленіемъ себя Моголомъ и позволеніемъ, въ теченіи трехъ дней, убивать жителей. Имѣніе у всѣхъ богатыхъ людей было взято на имя Надиръ Шаха, который, для пріема отъ индѣйцевъ драгоцѣнностей, назначилъ двухъ своихъ министровъ: и они въ продолженіе двухмѣсячнаго пребыванія побѣдителей въ столицѣ индѣйской, ежедневно собирали въ городѣ самыя дорогія сокровища; и было взято такое множество драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, золота и серебра, какого ни одинъ изъ государей Персіи не только не имѣлъ у себя, но и не слыхивалъ;—между ними достался побѣдителю Надиръ Шаху довольно значительный по величинѣ тронъ индѣйскаго Могола, весь украшенный яхонтами, алмазами и изумрудами; всѣ несмѣтныя богатства казнохранилищъ областей индѣйскихъ, принесены ему въ жертву; ханы, эмиры и правители земель, вмѣстѣ съ покорностію и изъявленіемъ услугъ и подданства, поднесли ему все свое имущество, состоящее изъ сокровищъ и драгоцѣнныхъ вещей своей страны. Надиръ-Шахъ совершилъ этотъ походъ съ большими трудностями; войска непріятельскія превосходили числомъ его войско въ десять кратъ и болѣе; кромѣ преградъ поставляемыхъ природою, онъ испытывалъ не мало бѣдствій отъ возмущенія солдатъ, терпѣвшихъ отъ недостатка провіянта;—но, не смотря на всѣ эти препятствія, онъ достигъ своего намѣренія. Замѣчательно, что въ перенесеніи всѣхъ этихъ трудностей онъ въ душѣ сознавалъ, какъ видно изъ его фирмана о побѣдахъ, дарованныхъ ему небомъ, необходимость упованія и надежды на всевышній промыслъ,—сказавъ: *нѣтъ помощи, какъ только у Бога* [2]). Лишенія его въ походѣ доходили до того, что въ кухнѣ шахской употреблялось только 7 фунтовъ пшена для варенія пива, и отказаны были отъ стола всѣмъ, кто по сану своему долженъ бы былъ находиться при особѣ его; даже продавались котлы маркитантамъ и раздавались вмѣсто жалованья казенныя палатки, въ которыхъ должны были стоять часовые. Но всѣ эти крайности не могли поколебать его духъ; подходя къ столицѣ *Шахи-Джиганъ-Абадъ*, онъ говорилъ: «если угодно будетъ Богу, то мы государя ея, который ведетъ родъ свой отъ Гурганской фамиліи, въ знакъ уваженія къ туркоманскому роду, утвердимъ на престолѣ и вручимъ ему корону и печать государства индѣйскаго. Хвала Богу, за ниспосланныя имъ на насъ щедроты, благодареніе Всесильному за дарованныя намъ милости. Чѣмъ могущественнѣе наше предпріятіе, тѣмъ болѣе мы должны смирять и уничтожать себя предъ неизмѣримымъ величіемъ нашего Творца. Побѣды наши не отъ насъ; они дарованы единственно только милосердіемъ Всесильнаго».

Этому счастливому успѣху въ войнѣ съ индѣйцами не мало благопріятствовала слабость Могола Мухаммедъ-Шаха: великій визирь его Семсанъ Девлетъ-Ханъ, захвативши въ свои руки всю власть въ государствѣ, распоряжался почти всѣмъ самовластно, не обращая вниманія на своего государя. Мухаммедъ-шахъ, какъ бы предчувствуя несчастіе свое отъ приближенія къ столицѣ его Надира-Шаха, сдѣлался до такой степени нерѣшителенъ, что когда Надиръ Шахъ на пути своемъ къ столицѣ индѣйской шелъ на городъ Пилеваръ, и Мухаммедъ-шахъ отправилъ навстрѣчу къ нему войско подъ командой младшаго своего сына, но послѣ совѣщанія съ министрами снявъ съ него главное начальство, передалъ его командовавшему до того времени войсками въ Пишапурѣ персіянину Саадетъ-Хану,—то великій визирь представлялъ своему государю о неблагонадежности новаго полководца, который по родовой склонности къ Персіи можетъ перейдти на сторону Надиръ Шаха; Мухаммедъ-шахъ до того разстроенъ былъ духомъ, не зналъ что дѣлать: согласившись съ представленіемъ своего визиря, онъ возвратилъ главнокомандующаго въ Джиганъ Абадъ, но рѣшился болѣе не посылать своего войска для отраженія и разгнѣвавшись на великаго визиря, сказалъ ему: «если Надиръ Шахъ овладѣетъ и всею Индіею, то вѣроятно изъ милости дастъ мнѣ что нибудь на пропитаніе; но что касается до подданныхъ, то они неминуемо потерпятъ отъ него съ своими женами и дѣтьми очень многое».

Надиръ Шахъ потребовалъ свиданія съ Мухаммедъ Шахомъ. Вслѣдствіе переговоровъ, Надиръ Шахъ съ 500 человѣкъ свиты прибылъ самъ въ лагерь къ великому Моголу; а затѣмъ пріѣхалъ и Моголъ въ сопровожденіи 53 сановниковъ своихъ и двухъ сыновей и былъ принятъ съ надлежащею честію. По замѣтивъ во время переговоровъ, что за Моголомъ пришло вмѣстѣ въ персидскій лагерь до 3000 войска, Надиръ повелѣлъ на нихъ напасть, а государя, со всѣми бывшими при его особѣ министрами и знатнѣйшими лицами, объявилъ плѣнникомъ, извинившись въ этомъ поступкѣ—необходимою потребностію военной хитрости;—однако слова, произнесенныя Мухаммедъ Шахомъ къ великому своему визирю, сбылись: корона ему возвращена, но народъ пострадалъ: по входѣ въ столицу побѣдитель не только сдѣлался, какъ упоминалось выше, обладателемъ всѣхъ сокровищъ но и побилъ до 20,000 жителей.

Торжество побѣды Надиръ Шаха ознаменовалось большими

[1]) Извлечено изъ офиціальныхъ документовъ того времени. Изъ этой статьи видно, что Афганистанъ, сдѣлавшійся недавно по поводу похода русскихъ въ Хиву предметомъ дипломатической переписки между Русскимъ и Англійскимъ правительствомъ былъ подверженъ политическому вліянію Персіи и со временемъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ вновь отъ нея во многомъ зависѣть.

[2]) Замѣчательно, что Надиръ-Шахъ—магометанинъ—хранилъ въ сердцѣ чувства достойныя истиннаго христіанина, тѣмъ болѣе что они его не обманывали, и онъ подъ вліяніемъ ихъ совершалъ столь важныя дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Вѣра Константиновна и супругъ ея Его Королевское Высочество Герцогъ Евгеній Виртембергскій.

Грав. въ ксилографическомъ заведеніи Эд. Гольбергера.

Библиотека "Руниверс"

милостями, которыя даровалъ онъ персидскому народу: изъ шахскаго фирмана, обнародованнаго по случаю побѣды въ Персіи и присланнаго посланникомъ при персидскомъ дворѣ Камушкинымъ къ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, при донесеніи отъ 22-го іюня 1739 года, видно, что Надиръ Шахъ, въ порывахъ необычайной радости, преисполненный съ благоговѣніемъ благодарностью за неизрѣченныя щедроты Царя Царей, постоянно ниспосылаемыя изъ сокровищницы безпредѣльныхъ милостей на непоколебимую его державу, призналъ за нужное, чтобы всѣ подданные персидскаго государства, которые съ самаго начала царствованія до настоящаго времени посильно служили престолу его, жертвуя своимъ достояніемъ и спокойствіемъ,—были освобождены отъ всѣхъ налоговъ съ новаго 1739 года или со дня вшествія имъ въ столицу Индіи, впредь на три года. Прекращеніе сбора податей распространено на всѣ сословія и націи Персіи, за немногими исключеніями. Остался неотмѣненъ сборъ монетныхъ дворовъ и пошлины съ товаровъ, принадлежащихъ персидскимъ и другимъ купцамъ. Въ заключеніе своего фирмана Надиръ-Шахъ присовокупилъ: «если будетъ угодно Всевышнему, то, по возвращеніи моемъ въ Персію, всѣ служившіе мнѣ вѣрно получатъ награды, а умышлявшіе злое получатъ достойное наказаніе по дѣламъ своимъ». Русскій посланникъ доносилъ при этомъ, что всѣ командиры города Испагани, въ которомъ онъ находился представителемъ нашей державы, въ продолженіи трехъ дней по полученіи милостиваго манифеста совершали по закону магометанскому и по обычаямъ своей страны разныя церемоніалы—ѣздили по мечетямъ и за городъ въ поле, гдѣ въ присутствіи всего народа читались радостныя для всѣхъ извѣстія.

Въ заключеніе этого краткаго историческаго очерка изъ жизни Нрана, къ воспоминанію котораго послужилъ поводомъ пріѣздъ Насръ-Эддинъ-Шаха и всеобщіе отзывы о его богатствахъ, мы считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ письмомъ, писаннымъ по повелѣнію повелителя Нрана Надиръ-Шаха, министромъ его Мегли-Ханомъ изъ Индіи, съ окрестностей Атока, къ посланнику нашему въ Испагани Камушкину. Письмо это, по своему дипломатическому значенію и выраженію самой нелицемѣрной преданности и уваженію къ Русскому престолу, тѣмъ болѣе заслуживаетъ всеобщей извѣстности, что въ немъ отражаются и чувства радости о новыхъ удачныхъ побѣдахъ персидскаго героя и изъявленіе приносимыми въ даръ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ подарками желанія непрерывнаго дружескаго союза между двумя сосѣдними государствами.

Изъ реестра подарковъ, отправленныхъ къ императрицѣ, можно видѣть, какую высокую честь оказывалъ Надиръ-Шахъ русскому двору и какой неистощимый и драгоцѣнный запасъ сокровищъ собранъ былъ имъ въ Индіи для послѣдующихъ временъ.

Письмо Мегли-Хана, министра Надиръ-Шаха, писанное къ русскому посланнику Камушкину и полученное тѣмъ въ Испагани 5 октября 1739 г., гласитъ:

«Во имя Бога, Царя Царей,

Высокостепенный, высокомѣстный, знаменитый, любезнѣйшій другъ! Да исполнятся всѣ желанія Вашего сердца!

Изъявляю искреннюю мою готовность лично видѣть Васъ и увѣдомляю, что помощію прехвальнаго Бога и по молитвамъ людей, преданныхъ пользамъ государства, столица Шахъ-Джиганъ-Абадъ и всѣ провинціи Индостана покорены; казнохранилища, кладовыя и сокровищницы государей тимуридскихъ, почти съ двумя тысячами слоновъ, достались въ наши руки. Всѣ крѣпости и области, лежащія по ту сторону рѣки Атока и моря Синдскаго, какъ-то: Пишеваръ, Кабулъ, Газненъ, Бемгешь, область Синдская и гористыя мѣста, обитаемыя 900,000 семействъ Авганскихъ отъ границъ Тибета и Кашемира до мѣстъ, гдѣ означенная рѣка Атокъ впадаетъ въ море, съ областями Тетегскими, крѣпостями и гаванями Деюльскими и другими, по особо заключенному трактату присоединены къ иранскому государству. Но его величество, которому жертва—духъ мой, по уваженію родоваго происхожденія Мухаммедъ-Шаха изъ рода туркомановъ, по Гурганской линіи, благоволилъ возвратить ему корону индійскаго государства, которую и возложилъ на главу его августѣйшею своею рукою. Всѣмъ главнѣйшимъ правителямъ, отъ предѣловъ Декана, Бенгала и другихъ до самыхъ отдаленныхъ провинцій Индостана, доставившимъ при изъявленіи совершенной покорности дары, повелѣно повиноваться Мухаммедъ-Шаху и не преступать его повелѣній. Его величество, возвращаясь изъ Шахъ-Джиганъ-Абада въ Персію, прибылъ уже въ окрестности Атока; такимъ образомъ, мы опять скоро увидимся. Я питаю къ Вамъ чувства самой искренней дружбы, и по случаю отправленія въ Персію курьера, почелъ долгомъ засвидѣтельствовать Вамъ о всегдашней моей памяти объ Васъ—и увѣдомить Васъ, что его величество Надиръ-Шахъ, въ бесѣдѣ съ восемью довѣренными близкими къ нему особами, говорилъ между прочимъ о намѣреніи его отправить на сихъ дняхъ кого-либо изъ знаменитыхъ вельможъ, служащихъ при дворѣ его величества, ко двору Ея Величества Государыни Императрицы Россійской [1]) съ дарами и частію для Ея августѣйшей сестры и племянницы.—Реестръ даровъ я имѣлъ случай видѣть у хранителей государственныхъ сокровищъ и почелъ нелишнемъ сообщить его вамъ; подарки эти оцѣниваются въ 6 или 7 тысячъ томановъ. [2]) Кромѣ того высокосчастливый Шахъ-Заде (сынъ шаха) намѣстникъ и правитель государства намѣренъ послать главному русскому министру и оберъ-камергеру по одному слону, что почитается въ Индіи самымъ значительнымъ подаркомъ. Дружба насъ связывающая и справедливость требуютъ, чтобы вы извѣщали меня обо всемъ, какъ о своихъ обстоятельствахъ, такъ и о всѣхъ случаяхъ, которые касаются до дѣлъ по вашему званію.

Да умножатся дни Ваши!»

Реестръ даровъ, отправленныхъ Надиръ-Шахомъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и ея августѣйшей сестрѣ и племянницѣ.

Государынѣ Императрицѣ:

1) 10 перстней, украшенныхъ алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

2) Перо—съ одной стороны алмазное, а съ другой финифтяное, съ изумрудною подвѣской.

3) Маленькій 4-хъ-угольный стулъ, украшенный алмазами, яхонтами, изумрудами и жемчугомъ.

4) Поясъ алмазный, унизанный по краямъ жемчугомъ, и цвѣтокъ изъ рыбьей чешуи, украшенный алмазами.

5) Графинъ, украшенный алмазами, изумрудами и яхонтами и для него

6) 8-ми-мѣстный изъ бѣлой финифти подносъ съ ножками, украшенный яхонтами.

7) Сосудъ для розовой воды, украшенный алмазами, яхонтами и изумрудами и подъ него

8) Золотой подносъ, украшенный алмазами, яхонтами и изумрудами.

9) Золотой съ разноцвѣтной финифтью сосудъ съ ножками и къ нему 8-ми-мѣстный подносъ.

10) Чарка съ маленькою крышкою изъ зеленой финифти, украшенная алмазами.

11) 27 штукъ золотой и бумажной индѣйской парчи.

12) 27 штукъ другаго сорта золотой индѣйской парчи.

13) Девять слоновъ.

Августѣйшей сестрѣ императрицы:

14) Пять перстней, украшенныхъ алмазами и другими драгоцѣнными камнями.

15) Графинъ—весь украшенный изумрудами и яхонтами.

16) Поддонокъ для него изъ зеленой и другихъ цвѣтовъ финифти.

17) Сосудъ для розовой воды весь украшенный изумрудами.

18) Поддонокъ для него изъ золота и финифти.

19) Чарка съ крышкою изъ красной финифти. И та и другая осыпаны алмазами.

20) Три куска золотой парчи и три бумажной.

Августѣйшей племянницѣ государыни Аннѣ Леопольдовнѣ:

21) Пять перстней, украшенныхъ драгоцѣнными камнями.

28) Графинъ, убранный яхонтами и изумрудами, имѣющій сверху большую жемчужину.

29) Поддонокъ изъ золота съ финифтью.

30) Граненый сосудъ, грани сдѣланы изъ жемчуга; убранъ яхонтами и изумрудами.

31) Для него поддонокъ изъ золота и финифти.

32) Чарка съ крышкою; сдѣлана изъ золота и финифти и убрана алмазами.

33) Три куска золотой и бумажной парчи.

Изъ множества перечисленныхъ здѣсь даровъ должно считать главнѣйшею и первѣйшею, по значенію своему, драгоцѣнностью—*алмазное перо*. Подобными перьями украшаютъ себя на востокѣ царственныя особы. Они носятъ его, вмѣсто короны на головѣ, съ правой стороны. Такимъ же перомъ Надиръ-Шахъ пожаловалъ сына своего Ризу-Кули-Мирзу, когда онъ пріѣзжалъ изъ города Балха, во время пребыванія въ походѣ, къ отцу, въ лагерь для принятія отъ него достоинства намѣстника Персидскаго Государства, съ назначеніемъ отправиться въ Персію, съ тѣмъ чтобы находиться въ значительныхъ городахъ по мѣсяцу—и набравъ достаточное число войска, заботиться объ огражденіи государства отъ нападенія внѣшнихъ непріятелей. Въ то же почти время удостоился получить такое же перо и младшій его сынъ Насруллагъ-Мирза, при возведеніи его въ званіе Диванъ-Беги—главнаго начальствующаго лица.

Приводя воспоминаніе о счастливомъ для Персіи событіи за 130 лѣтъ предъ симъ, никакъ нельзя сравнивать съ тѣмъ временемъ настоящее ея положеніе. Во многомъ оно измѣнилось. Хотя Персія и подвинулась въ образованіи своемъ въ этотъ періодъ времени, но какъ въ составѣ своемъ, такъ и въ матеріальныхъ силахъ и средствахъ къ возвышенію своему, значительно ослабѣла. Посѣщеніе Насръ-Эддина-Шаха для Россіи останется надолго памятнымъ—и что важнѣе—послужитъ залогомъ для продолженія и

[1]) Въ подлинномъ письмѣ персидскаго министра, для соотвѣтственнаго значенію титула императорской особы Анны Ивановны выраженія, на персидскомъ языкѣ употреблено слово *Хуршидъ Кулагъ*, т. е. на главѣ ея само солнце служитъ головнымъ уборомъ (хуршидъ—солнце; кулагъ шапка).

Это же выраженіе въ дипломатической переписке съ русскимъ дворомъ употреблялось и въ титулѣ государыни Екатерины II.

[2]) Томанъ на наши деньги равняется десяти рублямъ. Персидскій министръ вѣроятно отъ безчисленнаго прилива сокровищъ въ казну Шахскую сдѣлалъ столь низкую оцѣнку подаркамъ, не сообразившись съ дѣйствительной ихъ стоимостью. Если что въ Индіи стоило 60 или 70 тысячъ рублей ассигн., то навѣрно въ Россіи, сто лѣтъ спустя послѣ того, приведенныя въ реестрѣ драгоцѣнности могутъ стоить въ нѣсколько разъ дороже, даже по нынѣшнему курсу, считая рубль не на ассигнацію, а на серебро.

Библиотека "Руниверс"

укрѣпленія дружбы и союза, существующихъ между двумя сосѣдственными державами въ теченіи болѣе нежели 40 лѣтъ, еще на многія лѣта къ обоюдной ихъ пользѣ. Не только Россія можетъ содѣйствовать успѣхамъ въ дѣлахъ Персіи во многихъ отношеніяхъ, но и Персія съ своей стороны неизбѣжно, по пограничному своему положенію, представляетъ большія удобства для успѣшнаго сближенія Россіи съ Среднею Азіею. Дипломатическое представительство отъ обѣихъ державъ въ разныхъ мѣстахъ въ средней Азіи и Остъ-Индіи, нѣтъ сомнѣнія, послужило бы одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ скорѣйшему развитію и усовершенствованію народовъ этихъ странъ и къ успѣхамъ движенія торговыхъ оборотовъ. Россія и Персія, какъ сосѣдственныя государства, самой природою поставленныя въ ближайшее соотношенія съ ними, въ дѣлахъ человѣческой дѣятельности имѣютъ на это преимущественное и неоспоримое право. Время и обстоятельства покажутъ, что персидское государство, имѣющее значительный предъ другими азіятскими владѣніями перевѣсъ въ нравственномъ и гражданскомъ значеніи, очень много можетъ способствовать своимъ посредничествомъ въ дѣлахъ въ Россіи съ среднею Азіею.

1739 г.—покоренія Надиръ-Шахомъ Индіи—замѣчателенъ тѣмъ особенно, что ровно чрезъ 100 лѣтъ въ 1839 году англичане покорили Афганистанъ и владѣли имъ только два года, и въ этомъ же году былъ неудачный походъ русскихъ въ Хиву, гдѣ англичане съ желаніемъ воспрепятствовать прибытію русскихъ, поспѣшили остановить успѣхи похода выкупомъ нашихъ плѣнныхъ.

Водяная и болотная птица во время перелета.

Картинка съ натуры на Волгѣ ниже Астрахани.

Прошли ужъ теплые деньки
И осень сѣрая настала...

Конецъ сентября...

Вечерѣетъ... Солнце уже до половины скрылось за горизонтомъ и послѣдними лучами золотитъ верхушки деревьевъ, покрытыхъ бурою листвою. Въ свѣжемъ рѣдкомъ воздухѣ уже чувствуется дыханіе осени... Не пестрѣетъ уже трава разнообразными цвѣтами, зелень видна только кое гдѣ, все остальное покрыто желтобурымъ цвѣтомъ—цвѣтомъ осени...

И грустно на душѣ, грустно кругомъ, и грустныя, мысли, навѣянныя осенью, не даютъ спокою.—Душа жаждетъ чего-то, душа рвется и порывается куда-то—и хочется ей летѣть вмѣстѣ съ улетающими стаями ласточекъ, съ покидающими насъ утками, гусями, чайками и лебедями далеко за моря, въ теплыя страны, гдѣ вся природа цвѣтетъ—живетъ привольно,—гдѣ не чувствуешь этого дышущаго смертью осенняго затишья, гдѣ умирающая природа не навѣваетъ грустныхъ мыслей.

Скучно осенью охотнику, «добычлива пора, да все не мила», какъ говоритъ нашъ мужичекъ. Много онъ побьетъ въ это время дичи: и утокъ и гусей и лебедей и цапель, да все какъ-то не весело—и бить-то будто совѣстно. Все насъ оставляетъ отъ мала до велика, всѣ перелетныя птицы которыя гостили у насъ лѣто, все это летитъ отъ насъ не оборачиваясь, въ перегонку, торопится, будто за ними гонится сама смерть съ косою.—Лежачаго бить не приходится, тѣмъ болѣе бѣгущаго.

И чего бы кажется скучать?—вездѣ по водамъ, омутамъ, устьямъ изобилуютъ птицы, вездѣ копошится жизнь, вездѣ видна, суета и тысячи тысячъ птичьихъ голосовъ и криковъ оглашаютъ вечернюю тишину. - Никогда кажется въ цѣломъ году не было такой суматохи, не было такого оживленія какъ въ это поздне осеннее время... А все не веселитъ тебя это лихорадочное житье: не видно въ немъ живительной силы, не освѣщаетъ эту картину полное теплоты и любви вечернее солнце, не радостные дорогіе гости спѣшатъ въ наши озера, поля и болота; напротивъ, все оставляетъ насъ—и напомнитъ эта картина послѣднія минуты умирающаго трудно-растающагося съ жизнью, или полчища перепатаго царства бѣгущія послѣ проиграннаго сраженія съ передовыми отрядами сильной старушки зимы.

И чего,-чего не увидишь въ это время на разможнахъ, заливчикахъ, устья нашей матушки Волги...

Заберешься другой разъ куда нибудь въ болотистые камыши, усядешься въ лодку—легкій челнокъ, обставишься березками или ракитникомъ чтобъ не нарушить покоя послѣдняго пребыванія въ нашихъ странахъ милыхъ гостей — и поѣдешь полюбоваться на нихъ въ послѣдній разъ.

Тихо подвигается челнокъ въ камышахъ; тихо, едва слышно скользитъ онъ по гладкой поверхности золотимыхъ заходящимъ солнцемъ каръ и замошъ—и видитъ спрятавшійся за живую изгородь охотникъ грустно оживленную картину.

Передъ нимъ по одну сторону необозримая луговая заволочь, мѣстами покрытая травою съ безчисленнымъ количествомъ заливчиковъ и омутковъ, съ другой—гористый берегъ, покрытый лѣсомъ.

Солнце уже зашло—и сѣрое непривѣтливое небо только на самомъ западѣ окрашено еще въ розовый цвѣтъ, напоминающій о быломъ счастливомъ времени, когда то же солнце ярко свѣтило, и его привѣтливые лучи гостепріимно освѣщали дорогу дорогимъ гостямъ, покидающимъ теперь наши края.

Вотъ въ небольшомъ заливѣ хлопотливо плаваютъ утки: кряковыя, шилохвости, свіязи, чирки и пырки;—по травкѣ бѣгаютъ дунеля, гарпсны, бекасы и травники;—на болѣе открытомъ мѣстѣ полощутся лебеди и дикіе гуси;—далѣе на отлогихъ берегахъ отдыхаютъ гоголи, гагары, черныши и лысухи—и цѣлые стаи ихъ сестеръ уже несутся по сѣрому непривѣтливому небу.

На песчаномъ берегу усѣлись рядомъ сѣрыя цапли, журавли и аисты и съ усердіемъ отканываютъ себѣ изъ мха улитокъ, лягушекъ и мелкую рыбешку. Вотъ на большой отмели помѣстилась цѣлая стая пеликановъ и громкимъ крикомъ призываетъ отсталыхъ и усталыхъ товарищей;—а на небольшомъ островкѣ, чадолюбивая баба-птица, окруженная своимъ семействомъ, безмилосердно опустаетъ мелкую рыбу, чтобы сразу насытиться для дальняго перелета. Между большими представителями, отъ нихъ поживы, шныряютъ маленькіе зуйки, песочники, болотныя курочки и чибисы—и все это въ какомъ-то смятеніи мечется, порхаетъ, взлетаетъ и видимо торопится оставить наши мѣста для путешествія болѣе далекаго. Вотъ поднялись съ одного залива утки, забрались высоко и потянули къ югу;—вотъ прокричалъ длинноногій журавль-вожакъ свой громкій призывъ, и пока все копошится, кормится, пьетъ и отдыхаетъ на родной равнинѣ, его подчиненные частыми взмахами длинныхъ крыльевъ поднялись на воздухъ, вытянули шеи и длинныя ноги—и своимъ трехъ-угольникомъ полетѣли изъ матушки Россіи.

Прощайте, дорогіе гости, прощайте—счастливый вамъ путь!

Смѣсь.

Необыкновенное музыкальное событіе въ Италіи.

Какъ извѣстно, всю эту зиму въ Миланѣ шли большія приготовленія для постановки на тамошней сценѣ «Жизни за Царя», безсмертной оперы нашего геніальнаго композитора Глинки. При извѣстной нетерпимости итальянцевъ ко всякой музыкѣ кромѣ своей собственной, такая небывалая, смѣлая попытка, какъ постановка русской оперы на итальянской сценѣ, естественно должна была возбудить всеобщій интересъ, даже и не въ одномъ музыкальномъ мірѣ. Приводимъ отчетъ объ ея результатѣ изъ письма знаменитаго Ганса Бюлова въ «Аугсбургскую газету».

«Вчера въ новомъ *Teatro del Verme* дано было первое представленіе національно-русской оперы Михаила Глинки: «Жизнь за Царя», на итальянскомъ языкѣ. Это многозначительное, въ своемъ родѣ классическое произведеніе, въ первый еще разъ представлялось внѣ предѣловъ Россіи, гдѣ, во всѣхъ городахъ имѣющихъ оперу, оно уже въ теченіи 35 лѣтъ съ полнымъ правомъ пользуется такою популярностью, которую можно сравнить только съ популярностью Веберовскаго «Волшебнаго стрѣлка» въ Германіи.

Справедливость требуетъ сказать, что вчера *Teatro del Verme* представлялъ весьма непріятное зрѣлище. Собственно говоря, это нельзя назвать абсолютнымъ фіаско; это былъ просто скандалъ, но скандалъ особаго рода. Миланъ, какъ извѣстно, считается провинціальнымъ маленькимъ Парижемъ, его итальянское населеніе смѣшано со многими иноземными элементами. Вслѣдствіи этого и вчера вечеромъ не было недостатка въ значительномъ меньшинствѣ—всѣ русскіе собрались въ театръ—которое, помимо всякихъ патріотическихъ мотивовъ, во имя приличія и интеллигенціи, изо всѣхъ силъ борясь противъ животной грубости и музыкальной тупости итальянскихъ гаменовъ всѣхъ классовъ общества, и по временамъ, подчиняя противную партію волшебнымъ звукамъ чудесной музыки, одерживало - таки маленькія побѣды. Такъ напримѣръ, блестящая увертюра и потрясающая прелюдія къ послѣднему акту—были покрыты рукоплесканіями безъ всякой оппозиціи; эта послѣдняя точно также отнеслась одобрительно къ великолѣпной хоровой фугѣ вступленія, равно какъ къ необыкновенно милому, сильно отмѣченному народнымъ характеромъ, дуэту баритона и альта въ третьемъ актѣ; наконецъ, превосходный исполнитель роли главнаго героя Сусанина, французскій пѣвецъ Мерли (послѣ большой потрясающей аріи изъ четвертаго акта, гдѣ названіе оперы становится истиной) и русская примадонна г-жа Меньшикова—нѣсколько разъ вызвала громкія рукоплесканія. Тѣмъ усерднѣе отыскивался со стороны толпы, этой «*dolce plebe*», малѣйшій поводъ, могущій служить сигналомъ къ общему скандалу: подхватывали всякую неловкость на сценѣ, всякое неудачное слово

Библиотека "Руниверс"

итальянскаго текста. Всему этому какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ процвѣтающій въ Италіи скверный обычай громко разговаривать во время представленія, мѣшать сосѣдямъ слушать музыку, болѣе или менѣе фальшиво подпѣвать себѣ подъ носъ. Смѣлая дама, которая изъ патріотической любви къ искусству и увлеченія пропагандой Глинковскихъ оперъ, сдѣлалась импрессаріо, соединяя значительныя денежныя жертвы съ неутомимой дѣятельностью, разумѣется не могла заранѣе предвидѣть и побороть безчисленныхъ затрудненій и препятствій, накоплявшихся мало по малу чтобы помѣшать успѣху ея отважнаго предпріятія; иногда эти враждебныя намѣренія скрывались втайнѣ, иногда же обнаруживались и явно, но тогда когда уже было поздно поправить дѣло. Не излишне будетъ привести имя этой дамы, весьма извѣстное въ Миланѣ: это г-жа Александра Горчакова, дочь генерала Мензенкампфа, бывшая долгое время драматической пѣвицей въ Италіи и Россіи подъ именемъ г-жи Сантагано. Пропагандистка Глинки конечно не могла ожидать, что такъ богатый музыкальными красотами второй актъ совершенно провалитъ изъ-за топанья, свистковъ, шиканья, однимъ словомъ: изъ за самой отчаянной «кошачьей музыки» публики. Можно было ожидать отъ нѣкоторой степени цивилизованной публики большаго снисхожденія къ фальстафовской фигурѣ тенора, съ избыткомъ вознаграждавшаго прекраснымъ голосомъ и безукоризненнымъ исполненіемъ за свою невыгодную наружность. Но въ итальянской публикѣ заранѣе было рѣшено: опера русскаго композитора не должна имѣть мѣста на итальянской землѣ, и рѣшительное фіаско должно быть устроено въ видѣ устрашительнаго примѣра для другихъ подобныхъ попытокъ привозной музыки. Всѣ пригодныя для этого средства заранѣе освящались благородствомъ цѣли.

Казалось, ничто бы не должно было препятствовать успѣху оперы Глинки; за это ручаюсь богатство доступныхъ, дѣйствительно пѣвучихъ мелодій, ясность и плавность всего ея музыкальнаго построенія, какъ въ вокальномъ, такъ и въ инструментальномъ отношеніи, сохраненіе старыхъ формъ безъ шаблоннаго отпечатка, благородная страстность и теплота, и прочія безчисленныя достоинства оперы. Но главное композиторъ умеръ еще въ 1857 г., слѣдовательно невѣроятно сильныя у итальянцевъ чувства зависти и соперничества, въ этомъ случаѣ, не могла быть задѣты. Г-жа Горчакова не уступила еще не одному изъ первенствующихъ музыкальныхъ издателей правъ собственности на эту оперу въ Италіи, значитъ, ни въ которомъ изъ нихъ не создала еще врага композитору. Напротивъ, употреблялись особенныя старанія зарекомендовать «варвара» симпатіямъ итальянской публики. Коноводы музыкальной интеллигенціи, и во главѣ ихъ Дч. Филиппи, не преминули съ большимъ тактомъ познакомить публику съ композиторомъ посредствомъ біографическихъ очерковъ и цитированія похвальныхъ отзывовъ объ его произведеніяхъ французскихъ музыкантовъ и критиковъ (Берліоза, Морля,—нѣмецкіе отзывы произвели бы противуположное дѣйствіе), и т. д. Глинка въ молодости провелъ три года въ Италіи, и именно въ Миланѣ сошелся съ нѣкоторыми, еще теперь живущими, артистами, ревностно изучалъ итальянское вокальное искусство—и каждая страница его партитуры блистательно доказываетъ, какъ онъ умѣлъ воспользоваться этимъ изученіемъ; въ то же время онъ пріобрѣлъ извѣстность нѣсколькими, легкими произведеніями, изданными Рикорди; однимъ словомъ достаточно заслуживаетъ быть признаннымъ «не варваромъ».

Какъ показалъ грубый фактъ, разсчетъ оказался невѣренъ. Любезность, съ какой итальянцы въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ принимали всѣ политическія благодѣянія чужихъ народовъ, превращается въ непримиримую вражду, какъ скоро дѣло касается до благодѣяній въ области интеллектуальной, артистической или эстетической. «*Non vogliamo esser inforiestierati*» (не хотимъ обѣнностраниванья), говорятъ они обыкновенно — можетъ быть въ унизительномъ сознаніи собственнаго невѣжества и безсилія, приходящаго въ гнѣвъ и содраганіе при видѣ всякаго внушающаго превосходства. Исключеніе составляетъ только Франція, которой итальянцы и обязаны непорочностью своего вкуса. Грубая толпа какъ бы инстинктивно слѣдуетъ примѣру антинаціональной аристократіи, не стыдящейся мѣнять своего чудеснаго музыкальнаго языка на исковерканный французскій языкъ гувернантокъ, дивиться на легкомысленнѣйшія французскія комедіи, даваемыя плохими французскими труппами третьяго разряда, постоянно наводняющими всю Италію,—и напротивъ, знать не хочетъ ни своей родной литературы, въ которой все-таки встрѣчаются весьма почтенныя вещи, ни своихъ гораздо болѣе естественныхъ и старательныхъ актеровъ. Дѣло въ томъ, что такъ-называемый «образованный классъ» въ Италіи, къ сожалѣнію, прежде всего не «образованъ», можетъ быть по недостатку средствъ пріобрѣсти образованіе; онъ уже потому не можетъ составить публику для театра, что доводитъ до крайней степени филистерства свои требованія естественности. И такъ, въ театрѣ—единственномъ шумномъ поприщѣ общественной жизни—тонъ задаютъ одни только *birrichino* всѣхъ сословій и возрастовъ (старые гамены, спеціальность Италіи), которые придерживаются не правила «*tout est permis hors le genre ennuyeux*» (дозволяется всякій родъ кромѣ скучнаго), но доводятъ его до крайности, считая что «*rien n'est permis hors le genre divertissant*» (ничто не дозволяется кромѣ увеселительнаго рода или точнѣе говоря забавнаго). Тамъ гдѣ національное тщеславіе не затронуто особенно сильно—они смотрятъ на театръ (такъ какъ по мѣткому выраженію Вагнера итальянскіе оперные композиторы смотрятъ на оркестръ, какъ на чудовищную гитару), какъ на громадный *Café chantant*, т. е. исключительная арена публичной музыкальной жизни служитъ для нихъ только мѣстомъ, гдѣ можетъ разыгрываться ихъ гаменская шаловливость».

Мы привели здѣсь отрывки изъ письма Бюлова о первомъ представленіи «Жизни за Царя» въ Миланѣ. Второе представленіе этого геніальнаго произведенія было гораздо удачнѣе. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ Бюловъ въ своемъ другомъ письмѣ въ Аугсбургскую газету:

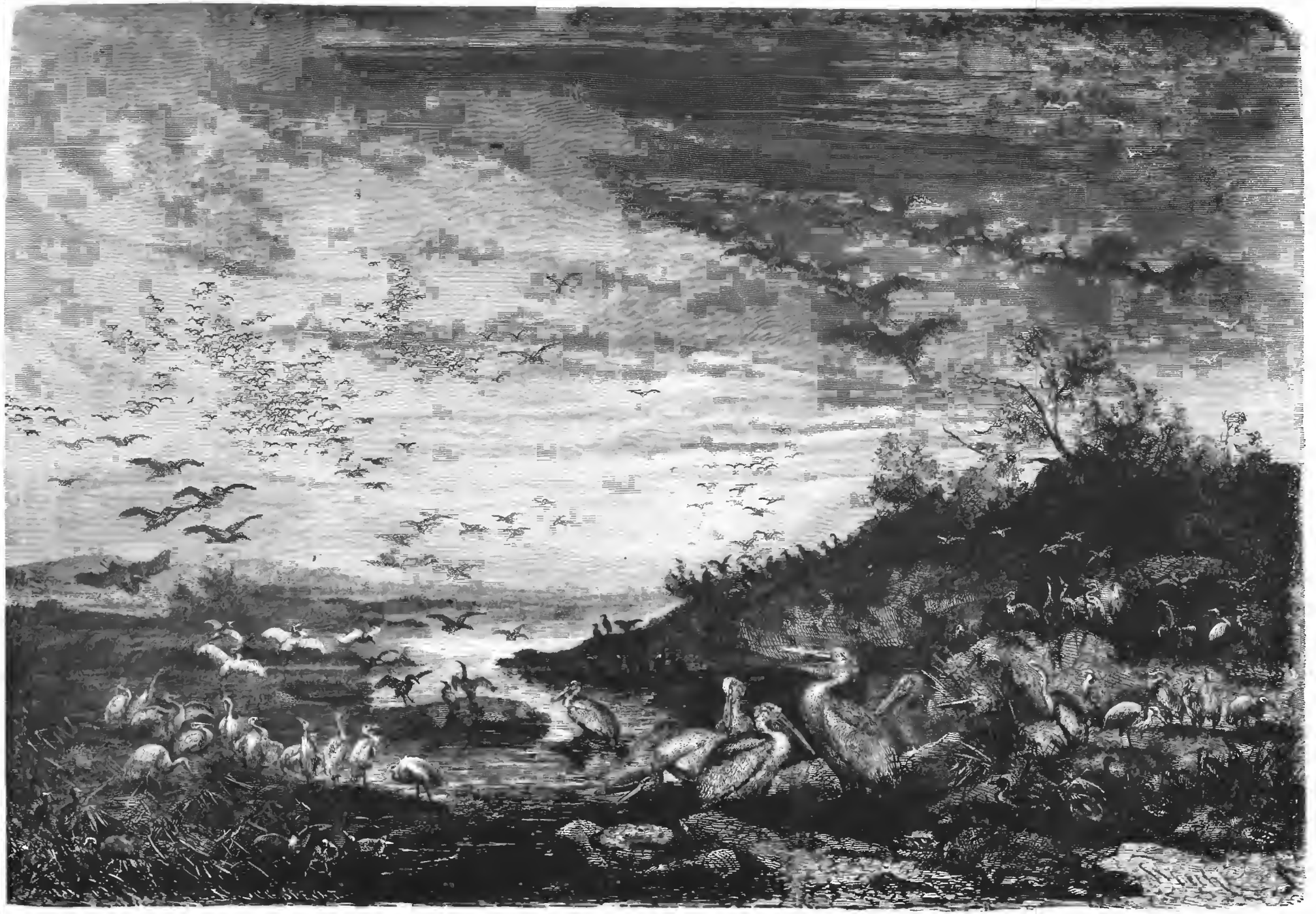
«Второе представленіе оперы Глинки въ Миланѣ представляло довольно рѣзкій, т. е. поразительный контрастъ съ первымъ. Театръ былъ полнъ лишь на половину—«гамены» перваго представленія, въ буквальномъ смыслѣ слова, блистали своимъ отсутствіемъ, что давало возможность немногимъ итальянскимъ и многочисленнымъ иностраннымъ «не варварамъ», съ серіознымъ вниманіемъ слушать оперу и безъ помѣхи наслаждаться ея музыкой. Г-жа Горчакова, изъ благоразумной предосторожности, безпощадно вычеркнула второй актъ, который, по своему содержанію, состоящему почти исключительно изъ польскихъ національныхъ танцевъ, составлялъ главный камень преткновенія при первомъ представленіи. Однако, въ слѣдующихъ представленіяхъ, онъ будетъ вполнѣ возстановленъ, такъ какъ искусный балетмейстеръ основательно передѣлалъ сцену танцевъ. Въ интересахъ музыки Глинки—это вполнѣ необходимо и заслуживаетъ большой признательности, такъ какъ въ симфоническомъ отношеніи музыка втораго акта превосходитъ лучшіе танцы изъ оперъ Обера, Мейербера и Россини, потому что именно контрастъ въ характеристикѣ борющихся между собой польскаго и русскаго элементовъ,—составляетъ главную прелесть оперы. Во всемъ остальномъ, также были приняты мѣры, чтобы избѣжать всего, что могло бы дать публикѣ какой нибудь поводъ къ мальчишескимъ выходкамъ, такъ что оппозиція должна была уже молчать въ этотъ вечеръ. Публика съ восторгомъ требовала повторенія тѣхъ мѣстъ, которыя понравились при первомъ представленіи; но кромѣ того, мѣста прошедшія тогда незамѣченными, или возбудившія спорныя одобренія, были встрѣчены единогласнымъ восторгомъ; вызовы артистовъ продолжались безъ конца, и на этотъ разъ занавѣсъ упалъ не при свисткахъ и шиканьѣ, а при восторженномъ требованіи заявить громкую благодарность представителю превосходнаго исполненія, капельмейстеру Фаччіо. Еслибы театръ не былъ на половину пустъ, можно бы было считать это однимъ изъ тѣхъ успѣховъ, которые составляютъ «эпоху» въ искусствѣ. Нечего уже больше безпокоиться о дальнѣйшей судьбѣ «Жизни за Царя» въ Миланѣ, равно какъ и въ другихъ итальянскихъ городахъ, если она будетъ тамъ поставлена. Слава Глинки найдетъ благодарную и болѣе артистически-подготовленную почву и въ другихъ странахъ. Директоръ Ковентъ-Гарденскаго театра въ Лондонѣ, г. Гай, уже пріобрѣлъ эту оперу на итальянскомъ языкѣ для ближайшаго сезона, и можно надѣяться, что на берегахъ Темзы опера получитъ щедрое вознагражденіе за свое «пораженіе въ Миланѣ».

Мы не останавливаемся здѣсь на музыкальной характеристикѣ Бюлова генія Глинки, такъ какъ онъ проникнутъ слишкомъ исключительнымъ нѣмецкимъ духомъ, но приведемъ въ заключеніе послѣднія строки его письма, которыя характеризуютъ взглядъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ нѣмецкихъ художниковъ на русское искусство вообще. «Глинка» говоритъ Бюловъ, «болѣе чѣмъ кто либо имѣлъ право на признаніе со стороны иностранцевъ, но не заботился объ этомъ, можетъ быть руководясь мыслію, что, «кто много сдѣлалъ для своей страны, живетъ для всѣхъ странъ»—а можетъ быть по аристократизму какъ своего таланта, такъ и происхожденія. Михаилъ Глинка, какъ и большая часть выдающихся талантовъ его отечества въ искусствѣ и литературѣ, былъ въ полномъ смыслѣ слова аристократъ, *grand seigneur;* но рѣдко гдѣ аристократія умѣла такъ широко и свободно примѣнить на практикѣ благородное правило: *noblesse oblige* и *génie oblige* (благородство и геній обязываютъ). Проникая въ глубину народнаго духа, аристократическіе поэты Россіи создали не аристократическую, но народную литературу. Пушкинъ и Лермонтовъ давно уже сдѣлались общимъ достояніемъ образованной нѣмецкой публики; нѣмецкій музыкальный міръ много пріобрѣтетъ—безъ замедленія познакомясь съ Глинкой, потому что его школа, его послѣдователи, могутъ имѣть вліяніе на нашу мысль, на наше творчество. Въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени нельзя будетъ больше игнорировать русское умственное движеніе ни въ какой области знанія. Намъ думается, какъ будто и несомнѣнныя климатическія измѣненія на земномъ шарѣ, мягкія зимы въ Россіи и холодное лѣто въ Италіи, служатъ предвозвѣстниками высшаго предопредѣленія; они пророчатъ намъ, что настаетъ пора обратить взоръ отъ быстро умирающей романской цивилизаціи—къ солнцу, столь же быстро восходящему на востокѣ.

Древняя Троя и Генрихъ Шлиманъ.

Быстроногій Ахиллесъ и голубоокая богиня Аѳина—наши старые и отчасти дорогіе знакомые. Даже въ душѣ тѣхъ, кто въ дальнѣйшемъ теченіи жизни не занимался классическими науками, воспоминанія эти вызываютъ различныя впечатлѣнія, смотря по результатамъ школьной дѣятельности каждаго. Однимъ эти созданія греческой фантазіи представляются въ видѣ грозныхъ призраковъ,

Библиотека "Руниверс"



Пролетная птица на устьяхъ Волги. Рис. и грав. О. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

опутанныхъ съ головы до ногъ ужасными вокабулами, махающихъ ими въ воздухѣ, вмѣсто копья и меча,—между тѣмъ какъ другіе, вспоминая объ этихъ величественныхъ образахъ, радуются что и имъ нѣкогда улыбалось солнце Гомера.

Поэтому интересъ всякаго образованнаго человѣка былъ живѣйшимъ образомъ возбужденъ, когда въ маленькомъ Мекленбургѣ, нѣкто г. Шлиманъ, поднялъ великія и дорогія тѣни изъ очарованнаго сумрака поэзіи напоказъ всѣмъ при ясномъ дневномъ свѣтѣ.

Всякій поэтическій вымыселъ имѣетъ болѣе или менѣе реальное основаніе. Изъ этого въ высшей степени вѣрнаго положенія исходилъ г. Генрихъ Шлиманъ изъ Калькгорста въ Мекленбургѣ-Шверинѣ, рѣшаясь раскопать воспѣтую Гомеромъ Трою. Нельзя сказать, чтобы въ этихъ опытахъ онъ пошелъ по проложенному пути. Знаменитѣйшіе археологи и путешественники, по мнѣнію г. Шлимана впали въ *«забавное»* заблужденіе, отыскивая развалины древней Трои, или вѣрнѣе, мѣсто, гдѣ лежала послѣдняя, на высотахъ Баладага, на пространствѣ, занимаемомъ теперь турецкой деревней Бунарбаши. Это «во всевозможныхъ отношеніяхъ ошибочно», какъ подробно доказываетъ г. Шлиманъ въ своемъ сочиненіи: «Итака, Пелопонезъ и Троя» (1869 г.). То мѣсто гдѣ Текье, Шуазейль-Гуффье, Форхгаммеръ, Велькеръ, Курціусъ, Штаркъ и другіе ученые, полагали древнюю Трою, надо съ этихъ поръ считать мѣстоположеніемъ древняго Иліума, а древнюю Трою г. Шлиманъ помѣщаетъ въ трехчасовомъ разстояніи (что равняется пяти англійскимъ милямъ) на сѣверо-западъ отсюда, на горѣ *Гиссарликъ*, между тѣмъ какъ вышеупомянутые ученые считаютъ, что на этомъ мѣстѣ былъ древній Иліумъ. Да, господа Куртіусъ, Штаркъ, и съ ними почти весь ученый міръ, даже и послѣ раскопокъ Шлимана, къ прискорбію держатся своего прежняго мнѣнія. Они увѣряютъ даже, что шлимановскія изысканія отняли у нихъ послѣднія сомнѣнія въ вѣроятности ихъ взгляда. Это въ свою очередь прискорбно для Шлимана.

Нѣмцы—народъ солидный; они крѣпко держатся авторитетовъ, и придаютъ гораздо больше вѣры многолѣтнимъ изысканіямъ своихъ ученыхъ, нежели «антикварскимъ галлюцинаціямъ» мекленбургскаго диллетанта.

Генрихъ Шлиманъ родился въ Мекленбургѣ въ 1822 г. Отецъ его съ раннихъ лѣтъ возбудилъ фантазію мальчика разсказами о подвигахъ героевъ Трои. Когда молодой Шлиманъ, четырнадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ мальчикомъ въ сельдяную лавку, случай рѣшилъ его дальнѣйшую судьбу. Разъ вечеромъ, пьяный работникъ съ мельницы, посѣщавшій прежде гимназію, но выгнанный оттуда за дурное поведеніе, вошелъ въ сельдяную лавку, гдѣ будущій открыватель Трои, продавалъ также водку. Бывшій гимназистъ случайно продекламировалъ сотню строфъ изъ Гомера по гречески, и, «съ этой минуты», такъ разсказываетъ Шлиманъ, «я непрестанно молилъ Бога, о полученіи когда нибудь возможности выучиться по гречески». Потомъ онъ поступилъ въ корабельные юнги, потерпѣлъ кораблекрушеніе, и послѣ различныхъ превратностей судьбы, удалось ему наконецъ получить мѣсто бухгалтера въ одномъ книжномъ магазинѣ въ Амстердамѣ. Съ этихъ поръ началось его ученье. Какъ онъ самъ разсказываетъ, онъ съ необыкновенной быстротой выучился по англійски, по французки и по русски. Въ 1846 г. онъ переселился въ Петербургъ и завелъ свою собственную торговлю. Счастіе до такой степени благопріятствовало его предпріятіямъ, что въ 1863 г. онъ уже могъ оставить дѣла, сконивъ весьма значительное состояніе. Однако эти годы не прошли безплодно для его дальнѣйшаго образованія. Онъ выучился языкамъ: шведскому, польскому, ново-греческому; наконецъ въ 1856 г. въ три мѣсяца изучилъ языкъ Гомера. Отъ 1864 до 1866 г. онъ сдѣлалъ кругосвѣтное путешествіе, и посѣтилъ при этомъ отечество Одиссея и равнину Трои. Вслѣдъ за тѣмъ онъ поселился въ Парижѣ, съ цѣлію заниматься преимущественно археологіей, такъ какъ эта наука, по его признанію, имѣетъ для него большую привлекательность. Все это весьма похвально, и вообще карьера его очень интересна. Вдругъ въ 1869 г. ему пришла идея напечатать изслѣдованіе объ Итакѣ, Пелопонезѣ и Троѣ, потому что, какъ онъ скромно выражется, почти всѣ путешественники-археологи распространили ошибочные взгляды насчетъ положенія древней Трои, могилы Гектора, столицы Итаки, и т. д.

Согласно съ своимъ мнѣніемъ о положеніи древней Трои на горѣ Гиссарликѣ, гдѣ географы и археологи справедливо искали, основанный значительно позднѣе Иліумъ, съ разрѣшенія турецкаго правительства началъ онъ тамъ въ октябрѣ 1871 г. на свой собственный счетъ раскопки, которыя, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, продолжалъ до іюня 1873 г. Въ теченіи этого времени онъ посылалъ въ Германію о своихъ раскопкахъ отчеты, которые печатались въ главныхъ нѣмецкихъ газетахъ. Они не замедлили возбудить всеобщее вниманіе. Ученые пожимали плечами и ждали окончательныхъ результатовъ, прежде чѣмъ произнести свое сужденіе. Въ массѣ публики, открытія, сообщаемыя съ величайшей самоувѣренностью, сначала возбудили недовѣрчивое удивленіе, но мало по малу пріобрѣли участіе и наконецъ признаніе, тѣмъ болѣе что извѣстные журналы, всегда готовые ратовать за такъ - называемые «народное просвѣщеніе», ретиво стремились переломить копье за Шлимана, самоучку, противъ воображающихъ себя непогрѣшимыми цеховыхъ ученыхъ». Только когда Шлиманъ взволновалъ міръ извѣстіемъ, что имъ открыты сокровища Пріама, обстоятельства его приняли другой оборотъ. Для романтическихъ умовъ было бы конечно весьма пріятнымъ сюрпризомъ—вдругъ увидѣть чашу, къ которой можетъ быть нѣкогда прикасались губы прекрасной Елены, или кружку, бывшую въ употребленіи у Ганимеда, прежде чѣмъ орелъ унесъ его на небо, или миску, изъ которой ѣлъ Гекторъ, когда усталый возвращался послѣ битвы къ домашнимъ ларамъ. Но извѣстныя обстоятельства, связанныя съ открытіемъ сокровищъ и наивно выданныя самимъ Шлиманомъ, послужили къ тому, чтобы выставить его особу въ смѣшнѣйшемъ видѣ; съ тѣхъ поръ онъ уже безвыходно обрекъ себя на сатиру.

Отчеты о раскопкахъ въ формѣ книги съ притязательнымъ заглавіемъ «Троянскія древности» (1874 г.) и одновременно съ ними изданные фотографическіе снимки съ найденныхъ предметовъ и построекъ (на 217 таблицахъ), не въ состояніи были возстановить ученую репутацію Шлимана. Текстъ на каждомъ шагу обличаетъ диллетанта, который недостаточно приготовленъ для своей задачи. Онъ требуетъ основательной обработки, и кромѣ того много грѣшитъ противъ живости изложенія. Предпосланное этому сочиненію введеніе нисколько ни искупаетъ его недостатковъ. Что касается фотографическихъ снимковъ, то частію они сдѣланы въ высшей степени диллетантскимъ образомъ, частію техническое выполненіе ихъ стоитъ на такой низкой ступени, что надо только удивляться, какъ при нынѣшнемъ состояніи фотографіи кто нибудь осмѣливается предлагать публикѣ подобныя жалкія произведенія. Значитъ и въ этомъ отношеніи работа Шлимана не имѣетъ серіозной цѣны. Результаты-же его раскопокъ только тогда могутъ получить научную оцѣнку, когда всѣ познакомятся съ ними по томъ добросовѣстномъ и соотвѣтствующемъ современнымъ требованіямъ изданіи.

Для впечатлительныхъ натуръ, говоритъ одинъ остроумный филологъ, сознаніе пребыванія на классической почвѣ — имѣетъ въ себѣ нѣчто одуряющее. Почва, на которую направлены всѣ завѣтныя стремленія такихъ людей, въ ту минуту какъ они ступаютъ на нее, начинаетъ колебаться подъ ихъ ногами, и принимать въ ихъ глазахъ фантастическіе образы. Найдя при своихъ раскопкахъ много глиняныхъ сосудовъ, на ручкахъ и выпуклостяхъ которыхъ грубо обозначены глаза, носы, уши и другія части тѣла, онъ скомбинировалъ изъ этого совиное лицо, и, «эти совиныя лица съ женскимъ образомъ, могли изображать только богиню, и богиня могла быть только Минерва, богиня—покровительница Трои». Вѣроятно по строгимъ чертамъ богини промелькнула сострадательная улыбка, когда она съ Олимпа увидѣла, какъ изъ грубыхъ попытокъ гончара стараются сложить по складамъ ея величественный ликъ! Эти сосуды были давнымъ давно извѣстны надъ названіемъ «урнъ съ лицами». По всей вѣроятности они кельтическаго происхожденія, а по времени своего происхожденія относятся къ послѣднимъ столѣтіямъ до и къ первымъ по Р. Х. Область ихъ распространенія была довольно обширна, такъ какъ такія урны были находимы у Данцига, Диршау, Маріенбурга, Меве въ окрестностяхъ Майнца, на Кипрѣ, въ Этруріи. Независимо отъ этихъ кельтическихъ урнъ, подобные же сосуды были найдены въ Египтѣ. Что они служили для сохраненія пепла умершихъ, объясняется ихъ формой и стремленіемъ придать земнымъ останкамъ умершаго, похожую на него оболочку. Впрочемъ, сосуды въ видѣ какой нибудь части тѣла, или цѣлой фигуры, были самой употребительной вещью и просто въ домашнемъ хозяйствѣ. «Эта богиня», продолжаетъ Шлиманъ, «можетъ быть только Минерва, покровительница Трои, тѣмъ болѣе что Гомеръ постоянно называетъ ее *«glaukopis Athene»*; а слово *«glaukopis»* невѣрно переводилось учеными всѣхъ столѣтій; оно означаетъ не «съ огненными и искристыми глазами», а «съ совинымъ лицомъ». Но съ опасностью навлечь на себя гнѣвъ Шлимана, мы остаемся при старомъ, единственно вѣрномъ значеніи, которое подтверждается многочисленными аналогіями. *Glaukopis* по нашему означаетъ съ сіяющими глазами, и случайно имѣетъ къ лицу развѣ лишь то отношеніе, что глаза составляютъ часть лица.

Кромѣ большаго количества кубковъ и другихъ сосудовъ изъ глины, главную часть вырытыхъ предметовъ составляетъ множество маленькихъ круглыхъ, полу-шарообразныхъ, полу-коническихъ фигурокъ съ выгравированными на нихъ знаками. Эти удивительные «символы» до-нельзя разгорячили фантазію Шлимана. Въ зимнее время, когда раскопки не производились, онъ имѣлъ похвальную привычку заниматься чтеніемъ разныхъ полезныхъ, но къ сожалѣнію для диллетанта опасныхъ книгъ, и лѣтомъ хотѣлъ на троянской равнинѣ дать практическое примѣненіе всему прочитанному. Такъ какъ вышеупомянутыя фигурки изъ терракоты, по мнѣнію Шлимана принадлежатъ къ глубокой древности, то онъ проникается убѣжденіемъ, что объясненіе мистическихъ знаковъ на нихъ можетъ быть найдено только въ древне-индѣйскихъ символахъ. И вотъ Шлиманъ отыскалъ въ этихъ нацарапанныхъ знакахъ символы священнаго первобытнаго огня, центральнаго солнца и другихъ древнихъ чудесъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности это не болѣе какъ амулеты, которые суевѣрные греки носили на шеи для предохраненія себя отъ дурнаго глаза, гибельнаго вліянія завистливыхъ демоновъ и т. п.

Всего больше шуму надѣлала находка царскихъ сокровищъ. Въ порывѣ перваго волненія пославъ объ этомъ письмо въ Германію, онъ твердо настаивалъ на томъ, что эти сокровища могъ зарыть въ землю единственно царь Пріамъ. Позднѣе, въ введеніи къ сво-

Библиотека "Руниверс"

имъ письмамъ, онъ сознается, что можетъ быть ошибся въ имени, но что сокровища несомнѣнно принадлежали какому нибудь царю. Сокровища эти, состоящія изъ сосудовъ для питья,—между которыми усердный открыватель разумѣется тотчасъ же «открылъ» знаменитый двойной кубокъ Гомера,—изъ оружій, вазъ и множества украшеній, можетъ служить г. Шлиману реальнымъ вознагражденіемъ за его издержки и труды, такъ какъ цѣнность золотыхъ вещей, кажется, весьма значительна. Далеко не такъ значительно художественное достоинство сосудовъ и украшеній; время ихъ происхожденія едвали можетъ быть опредѣлено дальше втораго или третьяго столѣтія до Р. Х., а по всей вѣроятности даже и позднѣе.

Чѣмъ глубже рылъ Шлиманъ, тѣмъ болѣе находилъ слѣдовъ высшей цивилизаціи. Для всякаго человѣка, обстоятельство это объясняется тѣмъ, что первоначальное основаніе новой Трои или по крайней мѣрѣ время ея процвѣтанія относится ко времени незадолго до Александра,—и это согласуется съ предметами вырытыми изъ нижнихъ слоевъ;—тѣмъ что кельтическія толпы уничтожили греко-римскую культуру, и что наконецъ послѣдніе тамошніе поселенцы погибли въ варварствѣ. Въ римскія времена тутъ повидимому основалась новая колонизація. Римскіе цезари юліева рода имѣли причины покровительствовать городу, откуда они вели свой родъ, и украшать его зданіями, произведеніями искусствъ и т. п. Найденныя монеты, рядъ надписей, достаточно подверждаютъ это, и единственное важное художественное произведеніе, которымъ обязаны раскопкамъ Шлимана, горельефъ бога солнца, управляющаго четверкой коней, принадлежитъ къ временамъ римской колонизаціи, а не ко времени Александра Великаго, какъ думаетъ Шлиманъ. Этотъ горельефъ служилъ украшеніемъ одного храма.

И такъ, значеніе шлимановскихъ раскопокъ весьма ограничено. По крайней мѣрѣ, оно нисколько не оправдываетъ надѣланнаго ими шума. Странности Шлимана объясняются отчасти его жизнью. Но какую бы честь мы ни отдавали личнымъ его стремленіямъ, съ той минуты какъ онъ выступаетъ публично и притомъ съ такими претензіями, онъ ужъ долженъ быть готовъ выслушивать, можетъ быть не совсѣмъ сладкіе отзывы критики.

Г. Шлиманъ просилъ у греческаго правительства позволенія предпринять на свой собственный счетъ раскопки въ Олимпіи. Результаты послѣднихъ онъ хотѣлъ пожертвовать учреждаемому въ Аѳинахъ музею. Греческое правительство не дало разрѣшенія и сдѣлало очень хорошо, не потому только, что располагаетъ въ настоящую минуту лучшими силами, но еще и потому, что по предъидущимъ опытамъ, весьма вѣроятно что г. Шлиманъ рылъ бы не въ Олимпіи, а лишь около Олимпіи.

Чайные эксперты. Такъ какъ чайная торговля Японіи и Китая простирается до громадныхъ размѣровъ, то небезинтересны будутъ нѣкоторыя свѣдѣнія о *чаазисахъ* или чайныхъ экспертахъ. Это одна изъ труднѣйшихъ должностей, требующая самаго утонченнаго развитія чувства вкуса. Въ пробной комнатѣ такого *чаази*, стоитъ длинный рядъ пробныхъ ящичковъ и столько же маленькихъ фарфоровыхъ чашечекъ и большой котелъ съ кипяткомъ. Одна проба за другой кладется серебряной ложечкой на хорошенькіе золотые вѣсы, отвѣшивается ровно по 20 гранъ и бросается въ одну изъ чашечекъ; душистая трава заливается небольшимъ количествомъ воды, и нектаръ пробуется; при этомъ разумѣется берется въ расчетъ видъ и ароматъ чая. Затѣмъ результатъ пробы отмѣчается и опредѣляется достоинство чая съ такой тонкостью, что иногда разница въ цѣнѣ бываетъ въ ½ цента на фунтъ, между тѣмъ какъ вообще она колеблется отъ 20 центовъ до 3 долларовъ за фунтъ. Въ Китаѣ есть даже чай, стоющій 50 долларовъ за фунтъ, такъ-называемый мандаринскій чай, изъ бѣлыхъ листьевъ *пекко*; но его вывозятъ только развѣ въ Россію, и то въ самомъ небольшомъ количествѣ. Впрочемъ, въ Остъ-Индіи собирается такой же тонкій чай на плантаціяхъ Верхне-Ассамской-Чайной компаніи, который продавался въ Лондонѣ по 8, 50 дол. за фунтъ; но англичане нашли его слишкомъ дорогимъ, и онъ былъ отосланъ въ С.-Петербургъ. Всякій чай, прошедшій черезъ пробу вышеупомянутаго *чаази*, чистъ; но въ китайскихъ гаваняхъ, а равно и въ торговлѣ, онъ подмѣшивается, и часто въ Европу и Америку привозится, подъ названіемъ чая, смѣсь листьевъ и кореньевъ, между которыми нѣтъ ни *одного* настоящаго чайнаго листка.

Бельгійскіе монастыри, служащіе въ настоящее время притономъ для изгоняемыхъ изъ Пруссіи и Швейцаріи іезуитовъ, обладаютъ по словамъ «*Journal de Gand*», состояніемъ, простирающемся не меньше какъ до двухъ милльярдовъ. Въ 1846 г. въ Бельгіи было только 777 монастырей; въ 1866 г. число ихъ возвысилось до 1,322, а въ настоящее время ихъ насчитываютъ больше 1,700.

Мистеръ Бругшъ недавно открылъ на одной стѣнѣ въ Карнакѣ надпись, въ которой исчисляется до двухъ тысячъ египетскихъ городовъ и мѣстечекъ. Подробности объ этомъ важномъ памятникѣ для географіи древняго Египта, въ скоромъ времени будутъ напечатаны въ Лондонѣ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 30-го минувшаго іюня, въ 6½ часовъ пополудни, Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть изъ-за границы въ Царское Село.

— 30-го іюня, въ 7 часовъ пополудни, изволилъ прибыть въ С.-Петербургъ Его Императорско-Королевское Высочество Эрцгерцогъ Альбрехтъ Австрійскій.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: С.-Петербургскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія нынѣ упразднить, а всѣ находящіяся въ производствѣ Приказа дѣла, книги, счеты, документы и капиталы Общественнаго Призрѣнія передать въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по хозяйственному департаменту.

— Высочайше повелѣно: установленное закономъ 14-го мая сего года ограниченіе правъ евреевъ по питейной торговлѣ ввести въ дѣйствіе съ 1-го января 1875 года.

— Варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками Варшавскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ П. Е. Коцебу, 29 іюня 1874 года указомъ Правительствующему Сенату, возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— 22-го мая въ Арскѣ былъ съѣздъ духовенства Казанскаго уѣзда, на которомъ присутствовало 10 священниковъ. Предметомъ разсужденія на съѣздѣ были способы содержанія сельскаго духовенства, причемъ выяснены были всѣ неудобства и непріятности полученія содержанія непосредственно изъ рукъ самихъ прихожанъ. Съѣздомъ единодушно было высказано желаніе отмѣнить эти, несообразные съ нынѣшнимъ временемъ и особенно съ важностію священнаго служенія способы содержанія духовенства, сборы всякою всячиною, и просить земство переложить всѣ натуральные доходы духовенства на деньги, собирать ихъ съ прихожанъ вмѣстѣ съ другими земскими повинностями и выдавать духовенству въ видѣ денежнаго жалованья изъ Управы; въ такомъ смыслѣ и составлено ходатайство предъ земствомъ отъ лица съѣзда.

— Изъ Терской области сообщаютъ, что въ Хасавъ-Юртѣ окончена недавно постройкою и открыта для богослуженія мечеть, могущая помѣстить въ себѣ до 500 человѣкъ. До открытія мечети всѣ мусульмане Кумыкскаго округа крайне нуждались въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы могли собираться для совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Военный портъ въ Николаевѣ въ настоящее время опустѣлъ, почти всѣ суда флота находятся въ плаваніи. Зато въ коммерческомъ портѣ происходитъ оживленное движеніе: ежедневно появляются большія парусныя суда и пароходы за хлѣбомъ. Съ начала навигаціи по 1-е іюня прибыло изъ-за границы 50 судовъ, отошло 49.

— Въ настоящее время, при Главномъ Артиллерійскомъ Управленіи, въ особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Ферсмана, составлены, какъ сообщается въ «Русскомъ Инвалидѣ», новые штаты крѣпостной артиллеріи, имѣющіе цѣлью поставить эту важную отрасль строеваго состава нашей артиллеріи въ уровень съ современными требованіями службы. Новые штаты соображены такимъ образомъ, чтобы служба офицеровъ крѣпостной артиллеріи была поставлена въ условія по возможности не менѣе благопріятныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находятся строевые офицеры полевой артиллеріи.

— 23-го іюня въ окрестностяхъ г. Вильны открытъ барачный лагерь и освящена новая походная при немъ церковь. Прежній лагерь, состоящій изъ холстинныхъ палатокъ, снятъ. Лагерь устроенъ на 4 полка дивизіи, въ 4-хъ батальонномъ составѣ полка по мирному положенію. Всѣхъ бараковъ выстроено 419, на каждую роту по 4 барака.

— Недавно прибывшая изъ Англіи паровая яхта Государя Наслѣдника Цесаревича «Славянка» обращаетъ на себя особое вниманіе по своимъ качествамъ и отличной постройкѣ. Яхта эта имѣетъ длину 104 фута, ширину 19 фут., глубину интрюма 10 фут. Яхта начала строиться въ январѣ 1873 года и спущена на воду, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, въ Гуллѣ 23-го іюня 1873 года. Строилась яхта на верфи Earle's Shipbuilding and Engineering Company. Строителемъ былъ извѣстный инженеръ E. J. Reed. Полная стоимость яхты, готовой къ выходу въ море, 9,000 фунт. стерлинговъ. Машина яхты, системы Compound surface condencing Screw Engines, имѣетъ 45 номинальныхъ силъ, развивающая 300 силъ индикаторныхъ при 65 фунтахъ пару.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

— Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, 17-го мая сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе Общества классической филологіи и педагогики, съ присвоеніемъ оному права полученія изъ-за границы безъ предварительной цензуры всѣхъ сочиненій, журналовъ и газетъ по части классической филологіи и педагогики, какіе оно признаетъ собственно для себя нужными.

— Въ послѣднее время открыты три новыя Окружныя Правленія Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ: для Нижегородской и Орловской губерній и для Акмолинской области, послѣднее въ Омскѣ.

— Въ Екатеринославѣ, по почину одного изъ земскихъ губернскихъ врачей, устраи-

Библиотека "Руниверс"

вается, какъ сообщается въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», общество врачей, въ которомъ изъявили согласіе участвовать почти всѣ врачи Екатеринослава.

— 23-го минувшаго мая открытъ въ гор. Новочеркаскѣ отдѣлъ Россійскаго Общества покровительства животнымъ.

— 15-го іюня, въ 10 часовъ утра, въ присутствіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Екатерины Михаиловны, Высокой Покровительницы Общества для устройства въ С.-Петербургѣ народныхъ столовыхъ, состоялось открытіе третьей народной столовой.

— Бакинское Общест о Взаимнаго Кредита открыло свои дѣйствія 1-го іюня текущаго года. Къ тому дню въ обществѣ уже числилось 185 членовъ; изъ десяти-процентныхъ членскихъ взносовъ образовался основный капиталъ въ 45.405 р., и поступило въ портфель Общества въ капиталъ обезпеченія членскихъ обязательствъ 435.050 р.

— Вновь образовавшееся въ Тифлисѣ «Общество потребленія и торговли Кавказскими виноградными винами» имѣетъ главною цѣлью доставлять своимъ членамъ и другимъ потребителямъ мѣстное виноградное вино хорошаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ и подъ настоящими наименованіями тѣхъ мѣстностей, гдѣ оно производится. Сначала Общество предполагаетъ начать торговлю въ Тифлисѣ въ скромныхъ размѣрахъ; съ развитіемъ же дѣла послѣдуетъ открытіе складовъ и агентствъ въ другихъ мѣстахъ.

ПОСТРОЙКИ И СООРУЖЕНІЯ.

— 16-го іюня въ гор. Курскѣ торжественно открытъ Сеймскій водопроводъ, устроенный Обществомъ водоснабженія и газоосвѣщенія. Въ тотъ же день произведена закладка газоваго завода. Открытіе водопровода съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено было городскими обывателями. Курскъ, расположенный на гористой мѣстности, до сихъ поръ крайне нуждался въ хорошей водѣ, которая до открытія водопровода бралась изъ рѣки Тускоры и была не совсѣмъ чистая и здоровая. Съ открытіемъ водопровода, имѣющаго важное значеніе въ гигіеническомъ отношеніи, городъ пріобрѣлъ большія выгоды и при тушеніи пожаровъ—пожарные краны проведены почти по всѣмъ улицамъ. Праздникъ освященія водопровода былъ многолюденъ, и обѣдъ, данный городомъ въ честь Общества водоснабженія и газоосвѣщенія, прошелъ весьма оживленно.

— Подъ завѣдываніемъ Кіевскаго Общества Садоводства начаты въ Кіевѣ работы по устройству передъ дворцомъ парка. На паркъ этотъ ассигновано Удѣльнымъ Вѣдомствомъ въ дополненіе къ прежде отпущеннымъ 15,000 еще 5,000 рублей.

МЕТЕОРОЛОГІЯ

— 18-го мая, около 7 часовъ вечера, надъ Назраномъ (крѣпость въ Терской области, въ 24 верстахъ отъ Владикавказа) и его окрестностями по направленію съ запада на востокъ пронеслась туча, разразившаяся страшнымъ градомъ. Въ теченіе 27 минутъ градъ падалъ на землю сплошною массою; величина нѣкоторыхъ градинъ была болѣе куринаго яйца. Градомъ этимъ покрыло землю болѣе нежели на четверть аршина. Всѣ черепичныя крыши зданій въ Назранѣ страшно потерпѣли: черепица летѣла въ дребезги; даже желѣзныя крыши разворотило и всѣ помѣщенія залило потоками воды. Всѣ окна, находившіяся на западъ, перебиты; огороды, поля и сѣнокосы на полосѣ, по которой прошолъ градъ, уничтожены; деревья вмѣсто зелени представляютъ ощипанный и изуродованный видъ: не только поотбиты листья, но поломаны и сучья. Сколько извѣстно, градъ этотъ сдѣлалъ убытку на сумму около 35,000 рублей. Около плетней градъ остался нерастаявшимъ до слѣдующаго дня.

НАХОДКИ И НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— Въ окрестностяхъ Балаклавы, въ мѣстности «Мегало-Яло», имѣются, пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», довольно большія залежи каменнаго угля; по мнѣнію спеціалистовъ, уголь этотъ годенъ къ употребленію.

— 27-го апрѣля, въ присутствіи главнаго интендаита генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, Свиты Его Величества генералъ-маіора Анненкова, многихъ членовъ Комитета по передвиженію войскъ и спеціалистовъ по желѣзно-дорожному дѣлу, производилось, какъ сообщается въ «Русск. Инв.», на Петербургской станціи Варшавской желѣзной дороги, испытаніе переноснаго аппарата, готовящаго горячую пищу на 800 человѣкъ въ 20 мин. времени. При испытаніи готовились два сорта щей и оба кушанья оказались, по отзывамъ присутствовавшихъ, очень хорошими, неимѣвшими никакого непріятнаго вкуса или запаха. Въ одномъ изъ ушатовъ, въ теченіе 10 минутъ, былъ приготовленъ чай, оказавшійся тоже хорошаго качества. По разборкѣ и по укладкѣ аппарата въ товарный вагонъ онъ занимаетъ около 1/14 части всего внутренняго пространства вагона. Введеніе аппарата можетъ представить, по замѣчанію названной газеты, слѣдующія выгоды: помощью его можно готовить пищу на любомъ мѣстѣ дороги, лишь бы былъ подъ руками приспособленный локомотивъ. Аппаратъ простъ; его можетъ составить и пустить въ ходъ всякій машинистъ, а кашеваромъ можетъ быть всякій солдатъ, ибо дѣло его только помѣшивать веселкой въ ушатѣ. Пища на 800 человѣкъ приготовляется въ 20 минутъ времени. Порція консервовъ для обѣда одного человѣка стоитъ 4 копѣйки въ частной продажѣ, а гуртомъ, при значительныхъ закупкахъ, вѣроятно, будетъ стоить еще дешевле. Стоимость аппарата около 175 р.

— Недавно привезена въ Одессу коллекція универсальныхъ лампъ, изобрѣтенныхъ уроженцемъ южной Россіи П. А. Врадіемъ, служащихъ, посредствомъ сожиганія углеводородовъ (нефтянаго газа), для освѣщенія, нагрѣванія, паянія и плавленія. Универсальная лампа г. Врадія, какъ сообщаютъ присутствовавшіе на опытѣ, производя яркій и бѣлый огонь безъ копоти и запаха, примѣнима не только къ блестящему освѣщенію дворцовъ и вообще всякаго рода домовъ, но и къ казрѣванію и осушенію жилищъ, пассажирскихъ вагоновъ, выдѣляя сухую теплоту безъ всякаго угара. Эта лампа полезна для людей разнаго ремесла, для плавленія металловъ и проч.; въ хозяйственномъ же быту универсальная лампа г. Врадія можетъ быть весьма полезна, такъ что можно предполагать, что это изобрѣтеніе вскорѣ будетъ имѣть значительное примѣненіе на практикѣ.

ГИГІЕНА.

— «Херс. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что вдова капитанъ-лейтенанта Марія Микрюкова, умершая въ 1873 году, оставила въ пользу крестьянъ деревень Аджиголь (Одесскаго уѣзда), Давидова и Бродъ (Херсонскаго уѣзда), прежде ей принадлежавшихъ, 30.000 р. сер., съ тѣмъ чтобы изъ процентовъ съ этихъ денегъ крестьяне получали помощь во время эпидемій, неурожаевъ и скотскихъ падежей.

— Корреспондентъ «Николаевскаго Вѣстника» пишетъ изъ Евпаторіи, что глазная эпидемія въ казармахъ на югѣ Россія достигла такихъ размѣровъ, что 50% казарменнаго населенія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дѣлаются въ настоящее время жертвою этой заразы. Военное Министерство проектировало устройство нѣсколькихъ санитарныхъ станцій на югѣ Россіи для временнаго удаленія больныхъ отъ центровъ заразы и для освѣженія казарменныхъ и госпитальныхъ помѣщеній на лѣтній сезонъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Земледѣліе Заравшанской долины (съ рисункомъ). Очеркъ **Н. Каразина**.—На Ловлѣ, **Немировичъ-Данченко** (съ рисункомъ).—На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** (продолженіе).—Бракосочетаніе Великой Княгини Вѣры Константиновны съ Герцогомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ (съ портретомъ) — Блестательная эпоха въ исторіи Персіи прошлаго столѣтія — Перелетная птица на Волгѣ (съ рисункомъ).—Смѣсь.— Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

съ украйны.

Имѣю собственнаго произведенія, дозволеннаго цензурой, на малороссійскомъ языкѣ, книги (съ обдѣлкою) въ богато-рысоменныхъ стихахъ, подъ заглавіемъ: 1) **«Веремія малоросійскаго Гевала»** въ 3-хъ подилахъ: **«Сватанья»**, **«Весилья»** и **«Жытья»** съ приключеніями, обычаямы, повѣрьямы, по козацькому звычаю украинцевъ малоросьянъ, зписнямы. Страниць 411. Статей 923. Стиховъ болѣе 12 тысячъ. 2) **«Бандура украинского Гевала»**, Семиструнная звиршею, гласящая прожитья украинцевъ малоросьянъ, веселое и смутное. Страницъ 56, ладовъ (статей) 76, стиховъ 626. Цѣна за обѣ книжки 1 р. 50 к. съ пересылкою. Желающихъ пріобрѣсть это чудовое сочиненіе, сколько кому угодно экземпляровъ, прошу адресовать письма съ деньгами мнѣ, автору, въ г. Полтаву, Старосенжаровскому жителю, Ивану Герасимовичу Бублею. Требованія будутъ исполнены въ тоже время. Іюня 27 дня 1874 года. Малороссійскій козакъ Иванъ Бублей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногородняго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **П. Боева**—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

Дозволено цензурою. 19 іюля 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 31 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 29-го іюля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

Мертвое море.

Библиотека "Руниверс"

Мертвое море.

Мертвое море, Mare mortuum, въ Библіи Соляное озеро, по арабски Биркетъ-Лутъ (Лотово море), у римлянъ также называвшееся асфальтовымъ озеромъ (lacus asphaltites), по турецки Углу-Денгизъ, — внутреннее озеро въ азіатско-турецкомъ эйялетѣ Дамаскѣ, на юговосточной границѣ Палестины, имѣетъ въ длину отъ сѣвера къ югу 10 миль и отъ 2-хъ до 3-хъ миль ширины. На восточномъ берегу его выдается полуостровъ Мезра, какъ-бы раздѣляющій его на два озера. Съ востока и запада оно окружено значительной плоской возвышенностью, представляющей сходство съ такъ-называемыми *столовыми горами* южной Африки, и поднимающейся надъ уровнемъ озера футовъ на 2000 — 3000. Съ этой возвышенности къ озеру сбѣгаетъ множество долинъ (Вади), въ которыхъ только и видна нѣкоторая растительность; всѣ же остальныя окрестности его безплодны. Обѣ части озера совершенно различной глубины: между тѣмъ какъ въ сѣверной части глубина эта простирается до 1009 — 1227 футовъ, въ южной части она едва достигаетъ 6 футовъ. Вода довольно свѣтла и прозрачна, но до такой степени насыщена солью, что если кидать въ нее соль— новыя количества ея уже не растворяются и въ видѣ кристаловъ всплываютъ содна озера на поверхность. На кожѣ она производитъ жгучій зудъ, а при болѣе частомъ употребленіи даже нарывы. Ни рыбы, ни черепокожныя не могутъ существовать въ ней. Соляныя части воды состоятъ изъ хлористаго магнія, хлористаго кальція и поваренной соли (хлористаго натрія), которые сообщаютъ водѣ удѣльный вѣсъ въ 1,73, такъ что она выдерживаетъ бо́льшія тяжести нежели морская вода, человѣческое тѣло не погружается въ нее, волны не такъ высоко вздымаются во время бури и прибой гораздо незначительнѣе морскаго. Вышеупомянутыя соли добываются изъ воды въ большемъ количествѣ посредствомъ выпариванія ея въ ямахъ. Дно озера состоитъ изъ песку, подъ которымъ залегаетъ толстый слой асфальта (жидовской смолы), часто большими кусками всплывающаго на поверхность. Мертвое море лежитъ на 1235 футовъ ниже уровня Средиземнаго моря и такимъ образомъ является наибольшимъ углубленіемъ на всемъ земномъ шарѣ. Кромѣ Іордана въ него впадаютъ еще многія рѣчки, изъ которыхъ значительнѣйшія берутъ начало на восточныхъ склонахъ плоской возвышенности; изъ озера не истекаетъ ни одной — и если не смотря на то вода въ немъ остается на одномъ и томъ же уровнѣ, то это зависитъ единственно отъ сильнаго испаренія водъ его. На берегахъ отлагается множество сѣры, также попадаются сѣрные источники, а изъ болотъ на сѣверномъ и южномъ концахъ озера освобождаются удушливые сѣрнистые газы. По Библіи, бассейнъ мертваго моря, нѣкогда составлялъ плодоносную страну Сиддимъ съ городами Содомомъ и Гоморою.

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Окончаніе).

V.

Подъ грозою.

Шесть недѣль «травы» прошли быстро, почти незамѣтно. Съ 15-го іюля начинался общій сборъ, или— такъ-называемый у насъ—осенній кампаментъ; поэтому 14-го числа нашему эскадрону надлежало покинуть Ильяновскія вѣси и дебри.

Всѣ послѣдніе дни, начиная съ 9-го или 10-го іюля, жара стояла убійственная, такъ что даже и густая, почти непроницаемая тѣнь подъ лѣсными великанами не давала живительной прохлады. Въ раскаленномъ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго вѣтерка, и если — бывало — взглянешь въ даль, за озеро, то ясно можешь наблюдать какое-то серебристое рѣяніе и дрожащую струистость этого воздуха, что̀ особенно становится замѣтнымъ на сѣроватомъ фонѣ отдаленныхъ сельскихъ построекъ. По стволамъ сосенъ сочилась растопленная солнцемъ растительная смола, а въ самомъ лѣсу стоялъ такой сильный, такой густой, распаренный запахъ сосны и ели, что пробывъ въ этой атмосферѣ около получаса, начинаешь уже чувствовать въ груди и въ головѣ какую-то наркотическую тяжесть.

Въ такую жару даже и не тянетъ на воздухъ. Выглянешь черезъ силу на крылечко: —все какъ-то пригнетенно замерло, затаилось и дремлетъ... Изрѣдка развѣ, по какой либо нуждѣ, пройдетъ по двору разстегнутый солдатикъ такою розмаянною, тяжелою походкой, или понуро и лѣниво пробредетъ кудлатая собака, высунувъ языкъ; а куры забрались въ тѣнь подъ стѣною сарая и, для пущей прохлады, повырывали себѣ въ землѣ ямки и сидятъ въ нихъ неподвижно, не подавая голоса.... Жарко, скучно,—одолѣваетъ и лѣнь, и сонливость.... Ни за что̀ не можешь взяться, ничего не хочется дѣлать — ни читать, ни думать: и мысль, и тѣло подавлены тупою тяжестью. А солнце межъ тѣмъ все льетъ и льетъ съ безоблачнаго, но какого-то бѣлесоватаго неба потоки знойныхъ лучей, которые до того накаляютъ почву, что если выдти на солнопёкъ и постоять на пескѣ всего лишь нѣсколько секундъ, то ступнѣ замѣтно становится жарко, даже сквозь толстую кожаную подошву. Только въ комнатѣ и можно еще кое-какъ дышать, да и то не иначе какъ съ плотно-закрытыми ставнями.

Даже вечера и ночи не приносили съ собою прохлады: въ недвижномъ воздухѣ все-таки стояла страшная духота. Но такъ-какъ все же это было единственное время, когда являлась нѣкоторая возможность отдохнуть отъ несносныхъ знойныхъ лучей то мы и старались пользоваться имъ какъ можно больше, чуть лишь послѣдніе отблески багроваго свѣта померкнутъ на верхушкахъ пущенскихъ сосенъ. Въ томъ краѣ сумерки бываютъ непродолжительны, и какъ только солнце скроется за горизонтомъ, причудливо озаривъ на прощанье отдаленныя, низкія облака перламутровыми переливами золотаго, розоваго и фіолетоваго цвѣта, ночная тьма быстро начинаетъ окутывать землю. Въ этотъ часъ, изнемогшіе отъ дневнаго жара, мы, всею нашею компаніей, выходили посидѣть часа два-три на крылечкѣ, побесѣдовать за стаканомъ чая и подышать хотя и душнымъ, но все же не столь убійственно-знойнымъ воздухомъ. Наступала ночь; въ травѣ подымался неумолкаемый, непрерывный трескъ кузнечиковъ; ящерки и жабы выползали на дорожку; летучія мыши начинали черкать воздушные зигзаги неуклюжимъ полетомъ своихъ острыхъ крыльевъ; мѣдно-красный, почти кроваво-багровый мѣсяцъ показывался въ туманно-тусклой знойной мглѣ надъ чертой темно-синяго горизонта и, недолгое время низко проплывъ надъ землею, снова скрадывался за тою же чертою. Въ эту пору вдосталь можно было любоваться красивыми зарницами, которыя, то тамъ, то здѣсь, то и дѣло вспыхивали трепетнымъ огнемъ на отдаленныхъ окраинахъ неба и бороздили его въ разныхъ направленіяхъ излучистыми огненными змѣйками. Невольно такъ и вспоминались эти чудные стихи Тютчева:

Неостывшая отъ зною,
Ночь іюльская блистала,
И надъ тусклою землею
Небо, полное грозою,
Отъ зарницъ все тренетало....
Словно тяжкія рѣсницы
Разверзалися порою
И сквозь бѣглыя зарницы
Чьи-то грозныя зѣницы
Загорались надъ землею.

Библиотека "Руниверс"

Но эти «грозныя зѣницы», чаруя взоръ великолѣпіемъ своей гнѣвной игры, невольно наводили на ропщущую мысль, что есть же гдѣ-то такія благодатныя палестины, гдѣ въ эту самую минуту рокочетъ громъ и шумитъ обильный ливень, неся съ собою жаждущей землѣ освѣжающую прохладу, тогда какъ у насъ....

— Господи! хоть-бы гроза! хоть-бы на мгновенье грянулъ громъ и прыснулъ дождикъ! неоднократно повторялъ каждый изъ насъ, маясь въ эти душныя ночи, а благодушный майоръ все увѣрялъ и даже предлагалъ пари держать, что завтра—«ну, вотъ ужь завтра, посмотрите, навѣрное будетъ вамъ гроза, и громъ, и ливень такой, что не землѣ, а небу жарко станетъ!»

Но увы! пророчеству майора суждено было сбыться не завтра и не послѣ завтра, а какъ разъ въ то время, когда намъ нужно было выступать изъ Ильянова.

Не желая напрасно мучить людей и лошадей томительнымъ и довольно длиннымъ переходомъ подъ полуденнымъ зноемъ, нашъ эскадронный командиръ порѣшилъ выступить изъ Ильянова около полуночи, чтобы подъ утро успѣть прибыть въ подгородную деревню Каплицы, гдѣ на время осенняго кампамента намъ были назначены квартиры.

Вещи наши мы уложили и отправили на подводѣ, еще съ послѣ-обѣда, а сами, такъ-сказать налегкѣ, остались дожидаться ночи.

Часу въ одиннадцатомъ, поужинавъ остатками холодной говядины и роспивъ послѣднюю бутылку вина изъ своего «травянаго» запаса, мы одѣлись по походному и вышли на дворъ, гдѣ рейткнехты ожидали уже съ конями. Немногіе изъ замѣшкавшихся солдатъ выводили послѣднихъ лошадей изъ конюшенъ и пристраивались ко своимъ взводамъ, фронтомъ къ дорогѣ. Вахмистръ наскоро отдавалъ какія-то послѣднія распоряженія.

— Садись!

Люди зашевелились, залязгали сабли, затропотили копыта, но менѣе чѣмъ въ минуту эскадронъ стоялъ уже фронтомъ, какъ вкопанный.

— Пѣсельники впередъ!

— Такъ-то все же веселѣе будетъ идти ночью! съ улыбкой обратясь къ намъ, пояснилъ майоръ свое послѣднее распоряженіе.

— Направо маршъ!... Прямо—шагомъ!...

И масса воронаго эскадрона, словно бы рядъ темныхъ тѣней, тихо и плавно тронулась съ мѣста. Черезъ минуту запаленныя трубки-носогрѣйки, будто свѣтляки, то тамъ, то здѣсь мигали по рядамъ красно-огненными точками.

Воздухъ былъ насыщенъ электричествомъ. Густыя массы свинцово-сѣрыхъ и бурыхъ облаковъ еще въ началѣ десятаго часа медленно и грозно начали надвигаться съ юго-запада, захватывая все шире и дальше пространство синяго неба, а теперь онѣ нахлобучились надъ нимъ всплошную и замѣтно клубились однѣ надъ другими въ своихъ причудливыхъ, гигантскихъ очертаніяхъ.

Мы шли узкою лѣсною дорогой. Офицеры отдѣлились впередъ отъ эскадрона и тихо разговаривали между собою.

Вдругъ ослѣпительно вспыхнула молнія зеленовато-бѣлымъ огнемъ и вслѣдъ за нею, почти безъ промежутка во времени, грянулъ трескучій ударъ грома. Лѣсное эхо въ безконечныхъ, рокочущихъ раскатахъ понесло его по пространствамъ пущи и надъ озерами Громъ въ пространномъ лѣсу—это нѣчто совсѣмъ особенное, что трудно передать человѣку, который не былъ самъ свидѣтелемъ такого поэтическаго и грандіознаго явленія.

— Ого, гроза, кажись, какъ разъ надъ головою! задравъ кверху лицо и ни къ кому собственно не обращаясь, замѣтилъ юнкеръ Ножинъ.

— Ну, вотъ вамъ и дождались, наконецъ! весело сказалъ на это майоръ.—Опустить пики! крикнулъ онъ, оборотясь къ эскадрону: — остріемъ ниже къ землѣ держи!... Не распускать коней, ребята! держи въ поводу хорошенько! Оглаживай почаще, чтобы не пугались!

Вахмистръ осадилъ коня и, свернувъ нѣсколько въ сторону, сталъ пропускать мимо себя ряды, наблюдая толково-ли исполняютъ люди только-что отданныя приказанія. Но эскадронъ насчетъ толковости и дисциплины—не хвалясь сказать—былъ у насъ образцовый!

Снова черкнула по небу молнія и снова зарокотали по лѣсу громовые раскаты, но дождя еще не было. Мы жадно ждали его первыхъ, живительныхъ капель. Лѣсъ, какъ мертвый, стоялъ недвижно и таинственно. Послѣ вторичной молніи черезъ нѣсколько мгновеній сверкнула третья, четвертая, а тамъ еще и еще — и вотъ, вскорѣ все небо затрепетало почти непрерывными огнями, которые вспыхивали то тамъ, то здѣсь, то одновременно въ разныхъ концахъ небосклона, такъ что не успѣвала потухать одна молнія, какъ уже новый раздражающій свѣтъ озарялъ всю окрестность. Затѣмъ — снова мракъ, который отъ этихъ рѣзкихъ и быстрыхъ переходовъ къ ослѣпительному свѣту, казался еще гуще, еще темнѣе и непроглядѣе. Были мгновенія, когда въ теченіи двухъ и даже трехъ секундъ все небо пылало непрерывнымъ свѣтомъ, и что за дивные оттѣнки представляли тогда эти прихотливо клубящіяся массы облаковъ! Въ эти мгновенья вполнѣ ясно и отчетливо можно было различать и общую картину неба, и всѣ окружающіе предметы, и нашъ путь, озаряемый на далекое разстояніе. Но ни единая капля дождя все еще не падала на землю. Это была сухая гроза—одна изъ самыхъ страшныхъ, когда либо виданныхъ мною въ жизни. Гроза, соединенная съ ливнемъ, который съ разу вноситъ съ собою въ природу освѣжающее начало,—дѣйствуетъ на нервы въ несравненно меньшей степени, да притомъ и не на всякіе нервы; но при грозѣ сухой, когда сумма электричества, разлитаго въ отягченномъ воздухѣ, достигаетъ своего maximum'а, оно вліяетъ и на душу, и на физическій организмъ угнетающимъ образомъ: вы чувствуете какую-то безотчетную тоску и томленіе, вы испытываете даже безсильную, жалкую злобу червяка передъ этою слѣпою, стихійною силой, которая каждое мгновенье можетъ васъ раздавить, уничтожить, тогда какъ при другихъ условіяхъ вы повелѣваете надъ нею вашею разумною волей, подчиняя ее силѣ науки; но здѣсь, въ данномъ положеніи, вы беззащитны, вы ничтожны передъ нею, — здѣсь уже не вы надъ нею, а она, эта стихійная сила, царитъ надъ вами. Люди, неоднократно лицомъ къ лицу видавшіе смерть въ сраженіяхъ, сравниваютъ (и, какъ мнѣ кажется, очень удачно) впечатлѣніе, производимое сухою грозой, разражающеюся не вдали, а прямо надъ головою,—съ впечатлѣніями пассивнаго боя, когда вы безмолвно и неподвижно стоите подъ пулями и гранатами, служа мишенью для непріятеля, а сами межъ тѣмъ не стрѣляете, не имѣете возможности развлечь вниманіе чѣмъ нибудь посторонним и остаетесь въ неизвѣстности—прикажутъ ли вамъ, наконецъ, броситься въ отчаянную атаку, которая въ эту минуту кажется вамъ блаженнымъ и желаемымъ раемъ сравнительно съ угнетающимъ адомъ пассивнаго боя.

Вдругъ, въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда трепетныя молніи, словно бы раздирая небо въ разныхъ концахъ, непрерывно поддерживали свѣтъ на двѣ—на три секунды,—мы замѣтили направо въ двухъ шагахъ отъ насъ и около самой дороги обнявшуюся пару—мужчину и женщину, которые сидѣли подъ густолиственнымъ, раскидистымъ деревомъ.

— Велля! почти въ одинъ голосъ воскликнули и я, и Ножинъ.

— Ба! да и панъ органиста съ нею! громко сказалъ

Библиотека "Руниверс"

майоръ въ немаломъ изумленіи отъ такой неожиданности.

Настало мгновенье полнаго мрака, а за тѣмъ опять вспыхнула молнія, но подъ деревомъ никого уже не было. Придержавъ коня и вглядываясь въ ближайшую окрестность, я, при одной изъ слѣдующихъ вспышекъ, не безъ труда могъ смутно различить, какъ въ глубину лѣса убѣгали два человѣческіе призрака. Покрайней мѣрѣ, въ эту минуту, при неровномъ и фантастическомъ освѣщеніи молніи, они казались скорѣе призраками, чѣмъ людьми; но первое мгновенье, озарившее ихъ слишкомъ ясно и близко отъ насъ, и притомъ съ достаточною продолжительностью, чтобы позволить разглядѣть ихъ положительнымъ образомъ,—не оставляло ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что это была точно Велля съ органистомъ.

— Ишь ты, панъ добродзей! добродушно смѣясь и покачивая головой, проговорилъ майоръ:—удачно выбралъ мѣсто и время для любовныхъ свиданій!

— Органистъ и Велля! — да что жь это, господа, такое?! все еще не совсѣмъ-то приходя въ себя, пожалъ плечами Апроня.

— Ты хочешь знать, что̀ это такое? съ невольной усмѣшкой обратился я къ моему сожителю:—это—разгадка Ильяновской легенды.

Вскорѣ послышался глухой, но все болѣе приближающійся шумъ, и вслѣдъ за тѣмъ порывистый вихрь налетѣлъ на деревья, которыя загудѣли и закачались подъ его неистовымъ напоромъ. Въ лѣсу раздался трескъ ломающихся вѣтвей и тяжелый скрипъ нагнетаемыхъ сосенъ, похожій иногда на старческое кряхтенье, а иногда переходящій въ чисто человѣческіе протяжные стоны. Еще минута, другая—и дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, вмѣстѣ съ громомъ и бурею.

— Фу!... Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то освѣжать начинаетъ! обнаживъ голову, проговорилъ Апроня съ облегченнымъ полнымъ вздохомъ, который просто съ наслажденіемъ вырвался на волю изъ его широкой, богатырской груди.

— Ну-тка, ребята, кто кого перешумитъ—вы ли бурю, или она васъ? весело, вызывающимъ тономъ обратился майоръ къ пѣсельникамъ—и въ ту жь минуту, въ отвѣтъ на речитативный вопросъ голосистаго запѣвалы, который допытывалъ «солдатушекъ-ребятушекъ» гдѣ-жь, молъ, ваши дѣды? дружный хоръ молодецкихъ голосовъ, вмѣстѣ съ громомъ и бурей, отгрянулъ ему:

Наши дѣды—старыя побѣды!
Вотъ гдѣ наши дѣды!

* * *

Когда подъ утро мы пришли въ Каплицы, на насъ, буквально, ниткп сухой не было. Вода хлюпала въ высокихъ сапогахъ, и вся одежда, начиная съ кителя и до сорочки, была грузно отягощена впитанною въ нее дождевою влагою.

VI.
Послѣдняя встрѣча.

Недѣли двѣ спустя, я проходилъ въ базарный день по Гродненской торговой площади, направляясь въ клубъ обѣдать. Вдругъ, чувствую изъ-за плеча, что кто-то опережаетъ меня, почти касаясь моего локтя, и слышу чей-то знакомый, хриплый и ласковый голосъ:

— Зждрастуйте вамъ!... зждрастуйте вамъ, гасшпидинъ сперучникъ! когхда-зжъ ви не взжнали мене?!

Оборачиваюсь, гляжу: — ба! достопочтенный ребъ Герша Гершуна! Тебя ли это я вижу?!

— Я сами, я сами, въ мòемъ власнемъ персòну!... Н-ну, и какъ зже-жь васъ Богхъ милуе?

— Ничего.

— Ой, ф-фэ! што ви гавòритю!

— Ну, а тебя какъ?

— Мене? Хгвàла Богху, мене отчинъ давòлна гхарашьо! И Богхъ менѣ балшово рàдосштю пасшлалъ.... Когхда-зжь ви не зжнаитю? — Я маво дцурка, маво Вельке зàмужъ видàю!

— Ой ли?... За кого-же? За Орель Бублика?

— Ну, то такъ естъ! За Орель Бубликъ! за онъ сàми.—А ви скудова зжнаите?!..

— Слухомъ земля полнится.

— Такъ, такъ, сшлюгхомъ по зèмлю.... Ну, и гхарошій партый падайсшолъ! И я для тèго на гхòродъ пріѣзжалъ, зжèби пакупиць подарункевъ и розмайтыхъ перипàсовъ на весшелье *).

— И что-же, женихъ-то богатый?

— Уй, якій бегхаты!... Уй-уй!... Дай Богъ, кабъ я билъ тàки зждарови, якъ онъ бегхаты! Съ гхарошаво дому, бо его папыньке сшваво заѣздну кòрчму мàе на Каміоику, и гхарошп гандель крутитъ! Тамъ не то сшто у насшъ на Ильяново, тамъ другій интэресъ!

— Ну, отъ души тебя поздравляю!.. Кланяйся Веллѣ и пожелай ей отъ меня всякаго счастія!

— Ой, благодару вамъ! благодару вамъ, гасшпидинъ сперучникъ, на васшемъ сшліовѣ ласкàвемъ! забормоталъ ребъ Гершко со своими обычными многочисленными поклонами—и мы разстались.

* * *

Прошло четыре года. Отрядъ нашъ былъ выведенъ на маневры по Виленской дорогѣ, верстъ за пятьдесятъ отъ Гродны. На второй или на третій день маневровъ авангардъ нашей стороны, наступая на противника, занялъ мѣстечко Каменку, гдѣ и велѣно было ему расположиться на дневку. Нашъ эскадронъ входилъ въ составъ авангарда, и потому вполнѣ понятно, что мы, въ лицѣ своего разъѣзда, первые вступя въ мѣстечко, сейчасъ же отмежевали себѣ такъ-сказать львиную долю, т. е. заняли лучшее мѣсто на площади подъ бивакъ эскадрона и лучшую корчму подъ постой своихъ офицеровъ. Корчма эта стояла на той-же площади.

Освободясь отъ пыли, пота и грязи, которыми въ изобиліи вознаграждены мы были за горячія движенія этого дня, умывшись холодною водою и освѣживъ на себѣ бѣлье, мы съ наслажденіемъ растянулись въ повалку на ворохѣ душистаго сѣна, въ ожиданіи чая и закуски. Одинъ только Апроня все еще не угомонился, возясь и хлопоча о чемъ-то на дворѣ около нашей подводы, гдѣ онъ отдавалъ какія-то распоряженія своему взводному, пушилъ фурмана, приказывалъ что-то деньщикамъ и велъ о чемъ-то переговоры съ хозяиномъ корчмы, съ кузнецомъ и съ мѣстнымъ факторомъ.

Но наконецъ и онъ ввалился въ комнату, съ довольнымъ и розмаяннымъ видомъ человѣка, который хотя и чувствуетъ себя очень усталымъ, но въ тоже время удовлетворенъ сознаніемъ, что онъ исполнилъ все, къ чему былъ призванъ, все, что̀ отъ него требовалось и что̀ было ему положено, — однимъ словомъ, разсудилъ, разрядилъ, внушилъ, обругалъ кого слѣдъ, распорядился, всѣмъ озаботился и можетъ теперь съ чистою совѣстью опочить на лаврахъ, то-бишь... на сѣнѣ.

— А знаете, господа, вѣдь здѣсь наша старая знакомая есть? объявилъ онъ, скидая съ себя всю аммуницію вмѣстѣ съ запыленнымъ кителемъ.

— Кто такая? лѣниво повернулъ я къ нему мою голову.

— Мадамъ Бубликъ.

— Что за Бубликъ такой? отозвался майоръ,—никакого Бублика не знаю.

— Господи Боже мой, да Велля! Помните Веллю Гершуна—нашу Юдиѳь Ильяновскую?

— Ба!.. Велля?.. Какъ не помнить!.. Да какими жь она здѣсь судьбами?

— Замужъ за гасшпидинъ Бубликъ, передразнивая жидовскій акцентъ, пояснилъ майору Апроня: — и по-

*) Подарковъ и разныхъ припасовъ на свадьбу.

Библиотека "Руниверс"

Молоденькая торговка голубями. Съ картины Бушара. Гравюра эта пріобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гушилемъ и К° въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

смотрите спизжалуста, сшто за гхардѐсши мадамъ зъ нѐгхо війшла! Ой-вай!

Любопытство превозмогло усталость. Я не могъ отказать себѣ въ удовольствіи повидаться съ милою Велѣей, въ прошлый романъ которой, благодаря извѣстной уже случайности, я былъ посвященъ болѣе всѣхъ остальныхъ моихъ товарищей. Я хотѣлъ поскорѣе взглянуть на старую свою знакомку, на эту чудную библейскую красавицу, образъ которой если и рисовался изрѣдка моему воображенію, то не иначе, какъ въ той поэтической обстановкѣ, въ какой я помню ее въ лѣсу, въ два ночные момента—на Ивана-Купала и подъ сухой грозою.

Но, Боже мой, что-жь это такое!?

Я рѣшительно не узналъ ее съ перваго взгляда. Гдѣ же Велля? Гдѣ она—эта страстно-очерченная, своеобразно-граціозная, гибкая и сильная фигура азіатской баядерки съ головой и взоромъ Юдиѳи?...

Передо мной стояла раздобрѣвшая и уже нѣсколько обрюзглая, апатичная жидовка въ парикѣ, изъ-подъ котораго болтались въ ушахъ длинныя серебряныя сережки съ фальшивыми камнями, а надъ парикомъ возвышался скомканный чепецъ съ бантами изъ замасленныхъ лентъ. Поблеклое лицо ее, покрытое какими-то желтыми пятнами и веснушками, не сохранило даже и тѣни прежней красоты и не выражало ничего, кромѣ апатіи; большіе-же глаза если и загорались порою, то уже не огнемъ поэтической страсти, а только безпокойствомъ за барышъ, только суетно-мелочною жадностью хозяйки-скопидомки. Въ четыре года супружества она умудрилась наплодить пять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ послѣдніе были двойни. Богъ Авраама, Исаака и Іакова, очевидно, благословилъ ее плодородіемъ праматери Леи. Супругъ ея—гасшпидинъ Орель Бубликъ, находившійся подъ деспотическимъ началомъ своего отца, предсталъ передъ нами въ образѣ рыженькаго, щедушнаго еврейчика, который всѣмъ смысломъ фигурки своей являлъ полнѣйшее ничтожество и былъ замѣчателенъ только тѣмъ, что слылъ между мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ за человѣка очень набожнаго.

Велля—чудная, поэтическая Велля—въ грязномъ, нахучемъ образѣ обыкновенной «мадамъ», обыкновенной жидовки, какихъ вы тысячами встрѣчаете по городамъ и мѣстечкамъ Западнаго края,—кто изъ насъ могъ бы четыре года тому назадъ вообразить себѣ подобную метаморфозу?..

«Просто оскорбительно!» вспомнилось мнѣ при этомъ выраженіе юнкера Ножина.

Молоденькая торговка голубями.

Выставка картинъ парижской академіи художествъ отличилась въ 1874 г. особеннымъ богатствомъ жанровъ; не знаешь которому изъ такого множества прелестныхъ сюжетовъ отдать предпочтеніе; большая часть изъ нихъ написаны съ дѣйствительнымъ талантомъ, и многіе могутъ быть названы истинными маленькими образцовыми произведеніями искусства.

Картина г. Бушара, воспроизведенная нашей копіей, обращаетъ на себя особенное вниманіе своей граціозной простотой и нѣжнымъ, меланхолическимъ выраженіемъ. Объ чемъ задумалась дѣвочка? Мечтаетъ-ли она о любви, или мысли ея остановились на горестяхъ еще такой короткой, но уже полной горечи жизни?—Неизвѣстно; вѣрно только то, что вся ея фигура дышетъ какой-то кроткой грустью и покорностью своей судьбѣ.—Толпы посѣтителей останавливаются передъ этой картиной изъ ежедневной жизни, которую художникъ умѣлъ украсить вдохновеніемъ своего таланта.

Мужъ своей жены.

РАЗСКАЗЪ (СЪ НѢМЕЦКАГО).

(Окончаніе).

Старый слуга повернулся—и медленно, тихо вышелъ изъ комнаты... А хотѣлось-бы ему и весьма хотѣлось послушать, что̀ будетъ дальше...

Докторъ Геракліусъ пытливымъ окомъ посмотрѣлъ на своего племянника, но, увидѣвъ, что тотъ мрачно глядѣлъ въ землю, вздохнулъ и сказалъ:

— Гермина, пойдемъ!

Но Гермина, въ волненіи, подошла близко къ окну, какъ-бы для того чтобы поглядѣть въ садъ; на самомъ-же дѣлѣ о садѣ она и не думала: стоя у окна, она ждала, что̀ скажетъ теперь мужъ. Что-то въ родѣ упрека за свою запальчивость шевельнулось въ ея груди... Но Норбертъ ничего не сказалъ... онъ только громко посвистывалъ... Это снова взорвало молодую женщину.

— Да, ты распоряжаешься, хозяйничаешь въ моихъ владѣніяхъ такъ, что дѣйствія твои глубоко меня оскорбляютъ, заговорила она тономъ болѣе кроткимъ:—ты приказываешь и то, и другое, и даже не спрашиваешь: согласна-ли я на это...

— Успокойся, милочка, не горячись, сказалъ Норбертъ спокойно:—то̀, чего ты хотѣла достигнуть — достигнуто теперь.

— Я ничего не хотѣла достигать, отвѣтила Гермина, оробѣвъ вдругъ и быстро повернувшись лицомъ къ мужу.

— Вѣдь я думалъ, что я тутъ господинъ, продолжалъ онъ,—но мнѣ во̀-время дали понять... напомнили, что я, собственно говоря, состою на чужихъ хлѣбахъ...

— Но вѣдь ты же здѣсь господинъ, возразила плаксиво молодая женщина.

— Пріятно мнѣ, что тутъ были свидѣтели, слышавшіе, какъ ты объявила свою волю.

— Тутъ былъ одинъ только дядя!

— Былъ и управляющій.

— При немъ я рѣшительно ничего такого не говорила, чуть не всхлипывала Гермина, — а потомъ... но его послѣ уже не было въ комнатѣ!..

— Ошибаешься, милочка! Не пройдетъ и получаса, какъ всему дому будетъ извѣстно, что я получилъ отставку, которую ты такъ торжественно объявила мнѣ. И это заставитъ, наконецъ, городскихъ остряковъ оставить свои скверныя остроты... Я вѣдь хорошо знаю, что меня называютъ только «мужемъ своей жены», потому что въ глазахъ людей—главное лицо въ домѣ здѣсь—ты. Имъ также отлично извѣстно какъ и тебѣ, что земля на которой я живу — твоя собственность; ну, да однимъ словомъ, они знаютъ, что я ѣмъ твой хлѣбъ...

— Норбертъ! воскликнула Гермина почти въ отчаяніи.

— Это давно уже щемило мое сердце, продолжалъ онъ,—но теперь, когда ты мнѣ напомнила объ этомъ—чувство это стало для меня невыносимымъ...

И, проговоривъ эти слова, Норбертъ вышелъ.

— Выходитъ, что я теперь опять не права! воскликнула молодая женщина, бросаясь съ плачемъ на диванъ.

— Н—да, теперь ты тоже не права, началъ Геракліусъ, бѣгая въ волненіи по комнатѣ:—и мало того, теперь придется тебѣ еще повозиться съ нимъ! Знаешь-ли, что̀ его единственно озабочивало и вселяло сомнѣнія передъ свадьбой? Это то, что ты—богата, а онъ—бѣденъ... Я долженъ былъ тогда пустить въ ходъ всѣ мои юридическія тонкости, увертки, чтобы успокоить его на этотъ счетъ, а ты... ты его какъ разъ и упрекнула этимъ!...

Но дядя Цанъ не могъ вообще долго сердиться: съ озабоченнымъ лицомъ подошелъ онъ къ Герминѣ и приложилъ руку къ ея лбу.

— Нѣтъ, совсѣмъ не такъ слѣдуетъ обращаться съ Норбертомъ, сказалъ онъ.—Добромъ ты все можешь изъ него сдѣ-

Библиотека "Руниверс"

лать, а строгостью да запальчивыми рѣчами — ничего. Да вотъ, помню я, какую онъ штуку однажды удралъ со мной: какъ-то разъ разозлилъ онъ меня крѣпко, ну, я и заставилъ его, въ наказаніе, переписать одну просьбицу. Былъ онъ тогда еще мальчишкой... Дѣйствительно, просьбица была имъ переписана—но какъ? Переписалъ онъ ее стихами, такъ-таки все—стихами! Жалоба-то явилась въ стихотворной формѣ, а я, bona fide, взялъ да и подмахнулъ свое имя и отослалъ ее въ судъ.... Ну и наклеили-же мнѣ по-о-съ! А что было толку въ томъ, что я для abolitio criminis схватился за чубукъ?... Бѣда-то вѣдь ужь случилась!..

Гермина улыбнулась сквозь слезы...

— Да... да... такой ужъ онъ и есть...

— Вотъ поэтому и нужно быть благоразумнымъ, дѣлать уступки,—а особенно, если знаешь, что самъ-же вѣдь останешься въ накладѣ.

— Дядя, не подойдешь-ли ты къ нему?..

— О, помилуй, Господи! воскликнулъ докторъ.—Нѣтъ, такимъ существамъ, какъ онъ, слѣдуетъ дать время уходиться, перебродить... Теперь намъ нужно выждать нѣсколько дней и потомъ уже подумать о мирѣ. Ты вѣдь поразила его какъ разъ въ самое больное мѣсто!...

И дядя Цанъ выскользнулъ изъ комнаты.

— Выждать нѣсколько дней! повторила слезливо молодая женщина.—О, какъ я несчастна!... Но.... но я все-таки не уступлю.

Немного погодя въ комнату вошелъ Діонисій. Подъ мышками у него были толстыя книги и связки бумагъ.

— Вотъ-съ, доложилъ онъ,—господинъ передали мнѣ счеты по хозяйству.

— Положите ихъ на столъ, распорядилась Гермина повидимому спокойно.

— Они изволили тоже сказать, чтобы къ обѣду ихъ не ждали. По важнымъ дѣламъ они должны были отправиться въ городъ.

— Хорошо.

И управляющій былъ отпущенъ.

Гермина обѣдала одна. Съ нетерпѣніемъ ждала она вечера... Ей хотѣлось, чтобы день этотъ скорѣе прошелъ, а потому ей казалось, что время безконечно тянется. Но вотъ и завечерѣло. Слуга подалъ чай съ сервировкой для двоихъ. Гермина вздохнула...

— А все-таки не уступлю, проговорила она про себя.

Прошелъ и этотъ часъ—пришлось ей одной чай пить. Отъ волновавшихъ ея чувствъ Гермина почти ничего не ѣла, но тѣмъ не менѣе старалась увѣрить себя, что у нея аппетитъ хорошій... А! вотъ, наконецъ, раздались его шаги на дворѣ... Когда Норбертъ вошелъ—молодая женщина дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Добрый вечеръ, проговорилъ онъ обыкновеннымъ своимъ беззаботнымъ тономъ.

— Добрый вечеръ, отвѣтила сдавленнымъ голосомъ Гермина.—Не хочешь-ли чаю?

— Благодарю. Право, нѣтъ охоты: я вѣдь только-что поужиналъ.

И онъ усѣлся противъ нея въ низенькое кресло. Она даже не поморщилась.

— Какъ провелъ ты сегодняшній день?

— Да все искалъ мѣста, отвѣтилъ Норбертъ, распологаясь въ креслѣ поудобнѣе:—ну и нашелъ.

— Мѣсто?.. какъ же я должна это понимать?

— Послушай, не могу же я продолжать жить на твой счетъ... Сегодня ты такъ ясно опредѣлила наши имущественныя отношенія, что я принужденъ былъ искать какой нибудь службы, чтобы быть въ состояніи самому содержать себя.

— Служба! фыркнула Гермина принужденно.—Зачѣмъ эти комедіи?.. Вѣдь ты—мой мужъ и живешь у меня?

— Весьма благодаренъ.

Онъ слегка поклонился.

— Мое имѣніе—вмѣстѣ также и твое...

— Такъ сначала и я думалъ, но ты вывела меня изъ этого заблужденія. Что-же, ты совершенно права, такъ же права, какъ и тѣ, которые говорятъ, что не я здѣсь господинъ, а—ты.

— Ахъ, оставь, пожалуста, въ покоѣ глупый свѣтъ! воскликнула Гермина гнѣвно.—Какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ толковъ?.. Я слушаю только тебя.

— Это вполнѣ и мои правила: я не обращалъ вниманія на толки глупаго свѣта, я былъ глухъ къ его замѣчаніямъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, какъ пожимали плечами и злостно улыбались, но... твои только слова я и принялъ къ свѣдѣнію.

— А все-таки не уступлю, подумала она.

— Ты меня знаешь, милая Гермина, и знаешь, что я въ рѣшеніяхъ своихъ непреклоненъ, промолвилъ онъ, докуривая сигару.

— О, твое упрямство мнѣ извѣстно!

— Такъ какъ положеніе мое въ этомъ домѣ перемѣнилось, то обстоятельство это принуждаетъ меня принять теперь нѣкоторыя мѣры, относительно которыхъ я и долженъ предупредить тебя.

— Откуда это вдругъ такая внимательность? произнесла Гермина—Прежде вѣдь ты былъ такимъ самовластнымъ, вовсе и не слушалъ меня!

— Да, но ужъ теперь я больше не повелитель. Я вотъ что хочу сказать: я долженъ предупредить, что личныя наши отношенія останутся тѣ-же, они ни въ чемъ не измѣнятся; покрайней мѣрѣ, у меня этого и въ мысляхъ нѣтъ.... Дай-же, Гермина, мнѣ руку! Мы останемся старыми друзьями. Къ *отставкѣ* моей, собственно говоря, отношусь я довольно равнодушно, и она даже нисколько не огорчила-бы меня, если-бы все это случилось съ глазу на глазъ безъ свидѣтелей.

Этотъ большой монологъ былъ произнесенъ имъ такъ непринужденно, что молодая женщина схватила руку мужа и воскликнула:

— Норбертъ, будь благоразуменъ!

— Буду, но только не по твоему, возразилъ онъ съ улыбкой.—Женился я на тебѣ не изъ-за денегъ, а потому мнѣ рѣшительно все равно, кто будетъ завѣдывать твоимъ имуществомъ: я-ли, другой-ли... Но, такъ какъ ты не терпишь, чтобы права твои нарушались, то и я, съ своей стороны, выполню все то, что считаю своимъ правомъ. Начну съ того, что я долженъ самъ себя содержать. Строго говоря, на моей обязанности лежало бы заботиться и о тебѣ, что я-бы, конечно и дѣлалъ, если-бы ты не имѣла средствъ, была бѣдна; но ты богата—и желать содержать тебя — было-бы чисто комедіей, а я не охотникъ до комедій. И такъ, мѣсто я нашелъ себѣ. Стану работать теперь съ утра до вечера, а потому, къ сожалѣнію, долженъ обѣдать ужъ одинъ, потому что ты обѣдаешь въ такое время, когда мнѣ слѣдуетъ еще сидѣть въ канцеляріи. По этой причинѣ, вмѣстѣ мы уже не будемъ обѣдать, но я за то буду съ тобой завтракать и чай пить, однако—съ однимъ условіемъ...

Гермина, въ волненіи, барабанила по столу пальцами.

— Говори, продолжай... Я слушаю тебя, видишь, вполнѣ спокойно, совершенно спокойно, проговорила она, но при этомъ слезы навернулись на ея глазахъ.

— За то, что я буду пить и ѣсть тутъ — я буду платить. Даромъ я ничего не хочу. Вотъ, насчетъ комнатъ будетъ нѣсколько труднѣе... Доходы мои не такъ велики, чтобы я былъ въ состояніи платить за тѣ великолѣпные покои, которыя до сего времени занималъ. Ну, вотъ я и отыскалъ себѣ возлѣ жилища управляющаго небольшую, просто меблированную комнату: это сдѣлалъ я во избѣжаніе излишнихъ толковъ, потому что выѣзжать отсюда не хочу.

— Устраивайся такъ, какъ тебѣ удобнѣе, сказала Гермина, проводя платочкомъ по глазамъ своимъ.

— Деньги за наемъ комнаты и за все остальное я буду отдавать лично тебѣ, или — лучше — дядѣ Цану. Онъ сдѣлаетъ безпристрасную оцѣнку всему, однимъ словомъ — онъ постарается все такъ разсчитать, чтобы ни ты, ни я не терпѣли убытка.

Библиотека "Руниверс"

— Не найдешь-ли ты еще чего нибудь сказать мнѣ? спросила она.

— Нѣтъ, милочка, больше ничего, отвѣтилъ Норбертъ, вставая:—Я сейчасъ вернусь къ тебѣ, а теперь удаляюсь только потому, что хочу устроиться въ новой своей комнатѣ.

Когда онъ уже исчезъ за дверью — Гермина заплакала и закрыла лицо платкомъ.

* * *

Однако, она все еще стояла на своемъ.

Рано утромъ, на другой день, Норбертъ сейчасъ-же послѣ завтрака отправился на службу, въ канцелярію.

— Ну, а я все-таки должна посмотрѣть новую его комнату, подумала Гермина, сходя съ лѣстницы.

— Возлѣ жилища управляющаго, говорилъ онъ, такъ значитъ это тутъ...

Она отворила дверь и воскликнула:

— Ахъ, какая простенькая комнатка!..

Ньюфаундлэнская собака, лежавшая до сихъ поръ подъ кроватью, вылѣзла оттуда и, подойдя къ Герминѣ, стала ласкаться. Молодая женщина уже не боялась теперь Нерона: она даже ласкала его, гладила по головѣ.

— Вотъ, тебя онъ взялъ съ собой, проговорила она,—а меня оставилъ тамъ наверху одну... И такъ мнѣ тамъ страшно! Вѣдь я совершенно одна осталась...

Гермина подошла къ кровати и осмотрѣла ее.

— Мѣшокъ, набитый соломой, да волосяной тюфякъ — это ужъ совсѣмъ по-спартански! И дивана-то нѣтъ! Простая, неполированная мебель... жесткіе стулья... Бѣдный!.. Впрочемъ, развѣ не самъ онъ захотѣлъ этого?..

Погладивъ еще Нерона, она отправилась въ садъ.

— Вотъ, тутъ были розовые кусты, которые онъ велѣлъ уничтожить... Варваръ!..

Молодая женщина остановилась и осмотрѣлась.

— А вѣдь, собственно говоря, здѣсь теперь стало просторнѣе, какъ-то свободнѣй... Прежде тутъ нельзя было и повернуться!..

Она пошла дальше по направленію къ Шнеккенбергу, на которомъ стояла бесѣдка. Подойдя къ ней, Гермина сердито толкнула дверь ногой.

— Какъ это все не у мѣста! И тѣснота какая... Какъ глупо окошки расположены... Да, справедливо! Бесѣдка портитъ видъ... Іоганъ! крикнула она садовнику, занимавшемуся своимъ дѣломъ какъ разъ около Шнеккенберга.

Садовникъ приблизился къ своей госпожѣ съ шапкой въ правой рукѣ.

— А почему бесѣдка еще не снесена отюда?

Іоганъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на госпожу.

— Да вѣдь вы, сударыня, приказывали оставить ее какъ есть...

— Это кто тебѣ сказалъ?

— Самъ управляющій.

— Ну, этотъ (она удержалась, недоговорила)... Онъ меня не такъ понялъ... Бесѣдка должна быть сломана!

И съ этими словами Гермина торопливо сошла съ Шнеккенберга Садовникъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и покачалъ головой. Молодая хозяйка направилась теперь къ конюшнямъ, окошечки которыхъ были обращены въ садъ.

— Яковъ! кликнула она конюха, подойдя къ рѣшетчатому окошечку.

Конюхъ занятъ былъ въ это время мытьемъ верховой лошади Норберта. Увидя барыню, онъ вытянулся передъ ней въ струнку, по-военному.

— Мужъ мой ѣздилъ сегодня верхомъ?

— Съ позавчерашняго дня - съ не ѣздили, отвѣтилъ Яковъ.

— Однако, чѣмъ-же это все кончится? спросила себя Гермина, возвращаясь въ домъ.—Неужели онъ думаетъ наказать меня тѣмъ, что будетъ лишать себя различныхъ удовольствій?...

И вотъ, когда ей пришлось вторично обѣдать одной—она почувствовала, что это слишкомъ тяжело для нея... не въ моготу...

— Нѣтъ, я не вынесу этого! всхлипывала она.—Это ужъ слишкомъ! Да и хозяйство все какъ-то расшаталось... Безпорядки вездѣ! Никто ни о чемъ не хочетъ позаботиться.... А ему до меня и дѣла нѣтъ. Цѣлый день его и не видно... Что-же, неужели такъ все и будетъ?..

Кушанья взяты были со стола почти нетронутыми... Но тутъ впору явился дядя Геракліусъ.

— Ты плачешь? воскликнулъ онъ и, озабоченно-торопливо кладя шляпу и палку, поспѣшилъ къ Герминѣ. — Это что значитъ?..

— Что значитъ! повторила она гнѣвно: — а то значитъ, что онъ ничего болѣе не хочетъ принимать отъ меня! Это значитъ, что онъ перебрался въ собственную комнату; вмѣстѣ со мной теперь уже не обѣдаетъ и.... и за все хочетъ платить мнѣ деньги!..

— Слѣдовательно—separatio bonorum, замѣтилъ дядя задумчиво. — Гм! Этого и нужно было ожидать.... Нѣтъ, не твоей головкѣ справиться съ такимъ упрямцемъ, дитя мое!..

— Дядя, мнѣ это не по силамъ... я не выдержу! произнесла молодая женщина.—Вѣдь я привыкла кушать не одна... въ обществѣ! Ну, не могу одна сидѣть и обѣдать!.. Я ужъ страдаю отсутствіемъ аппетита....

— Ну, этому горю можно помочь, проговорилъ Геракліусъ не безъ злорадства: — съ завтрашняго-же дня я буду обѣдать съ тобой.

— Нѣтъ! крикнула она гнѣвно и топнула ногой, какъ топаютъ маленькія дѣти, разсердившись. — Нѣтъ *онъ* долженъ со мной обѣдать! Вѣдь послѣ этого зачѣмъ ему и мужемъ моимъ считаться?..

— И такъ, мы значитъ должны склонить его на мировую...

— Онъ мнѣ долженъ уступить! ввернула Гермина съ задоромъ.

— Но такъ какъ ты его оскорбила—ты первая и предлагай ему условія мира... А славно, нечего сказать, можетъ все это кончиться!.. Онъ цѣлый день внѣ дома, онъ можетъ совсѣмъ отдалиться отъ тебя, чужимъ сдѣлаться, а тамъ еще, пожалуй, какая нибудь женщина перебѣжитъ ему дорожку (случается это нынче!)... Ну, и тогда—аминь! Несчастье настоящее!..

— Ахъ, объ этомъ-то я и не подумала!.. Охъ, можетъ быть, ему ужъ и перебѣжали дорожку, застонала молодая женщина.—Идемъ, дядя, идемъ! Я сію минуту одѣнусь, я найду его... отыщу... и онъ долженъ сейчасъ-же вернуться сюда!.. Ну, какже, вѣдь молодому человѣку совсѣмъ неприлично одному цѣлый день шляться по городу?.. Не правда-ли, дядя, развѣ это прилично?..

— Ну, вотъ еще придумала что! улыбнулся дядя Цанъ.— Главная обязанность мужчины и состоитъ въ томъ, что онъ долженъ заботиться объ agnaestus conjugalis, а вслѣдствіе этого мы, мужчины, и имѣемъ привилегію шляться внѣ дома.

— Дядя, но... но я не вижу исхода, я не знаю какимъ образомъ примириться съ нимъ! всхлипывала она. Ну, я брошусь къ его ногамъ... Ну, что-жъ? Онъ подыметъ меня, поцалуетъ и скажетъ, что совсѣмъ и не сердится... Ну, и все-таки будетъ поступать по своему!.. О, вѣдь я его знаю!..

— Предоставь ужъ мнѣ, замѣтилъ дядя съ улыбкой,—я все по старому улажу.

— Ахъ, дядя! Миленькій дядя! Если - бы ты могъ это устроить!?..

— Попробуемъ, сказалъ Геракліусъ.

* * *

Вечеромъ Норбертъ явился домой, напѣвая какую-то пѣсенку. Новая его дѣятельность, повидимому, чрезвычайно нравилась ему. Легко взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ въ гостиную, въ надеждѣ навѣрно встрѣтить тамъ жену свою за чаемъ.

— Э, дядя Геракліусъ! воскликнулъ онъ въ удивленіи, увидя за чайнымъ столомъ вмѣсто жены — дядю. — Что ты тутъ дѣлаешь?..

Библиотека "Руниверс"

Докторъ Цанъ, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, сказалъ улыбаясь:

— Acti laboris jucundi! Вишь онъ какой веселый!

Норбертъ усѣлся въ кресло напротивъ него.

— Почему-же и не быть веселымъ, дядюшка? Собой я доволенъ... Чего-жъ мнѣ еще?..

— Ну, конечно, произнесъ дядя Цанъ, кивая головой:— доволенъ человѣкъ собой, сознаетъ онъ горделиво, что живетъ самостоятельно, ну, и независимъ... И что-жъ за бѣда, если при этомъ молодая жена изнываетъ отъ тоски и утрачиваетъ по этому свою красоту? Вѣдь, вотъ, забралъ-же человѣкъ себѣ въ голову вести подобную жизнь ad dies vitae!..

— А развѣ она тоскуетъ? быстро спросилъ Норбертъ, но сейчасъ прибавилъ равнодушно:—не моя это вина. Не виноватъ я въ томъ, что обстоятельства сложились такъ. Чего я требовалъ? Я требовалъ, чтобы жена уступала мнѣ. Въ библіи сказано: «Жена да повинуется мужу своему»...

— Оставь ты эти цитаты, замѣтилъ дядя Геракліусъ:— терпѣть я этого не могу.

— А если меня упрекаютъ въ томъ, что я ѣмъ чужой хлѣбъ, продолжалъ Норбертъ, — то, наконецъ, вѣдь естественно съ моей стороны желать не давать больше повода къ подобнымъ упрекамъ. Я не хочу быть *мужемъ своей жены*, не хочу представлять изъ себя господина въ чужомъ помѣстьи и подвергаться вторичному, такъ сказать, отрѣшенію отъ должности.

— Она уступила тебѣ, сказалъ дядя Геракліусъ: — она велѣла снести бесѣдку... Этакое доброе сердце! Не стоишь ты такого сердца! Ну, что ты такъ смотришь на меня? Не вѣришь? Пойдемъ-же, Ѳома невѣрный! Я тебѣ докажу это на мѣстѣ.

Норбертъ склонилъ голову голову на грудь.

— Зачѣмъ-же она раньше упрямилась, не уступала? сказалъ онъ тихо.—Что мнѣ теперь дѣлать?..

— А вотъ что: заботиться о своемъ хозяйствѣ, да стараться не обижать молодую свою жену.

— Да вѣдь не мое-же это хозяйство? возразилъ Норбертъ.

— Нѣтъ — твое! воскликнулъ дядя Цанъ, вынимая изъ боковаго кармана сюртука бумагу. — Вотъ, въ силу этого

Джонъ Тиндалль. Рис. Тегаццо, грав. Регульскій.

Библиотека "Руниверс"

документа все имущество Германы принадлежитъ теперь и тебѣ, и ей — съобща. Она отказалась отъ половины своего имѣнія въ твою пользу.

— Я этого не принимаю! воскликнулъ Норбертъ рѣшительно.

И вдругъ, въ эту самую минуту, двѣ нѣжныя, мягкія женскія ручки обняли его сзади.

— Нѣтъ, ты не будешь уже больше проживать на чужой землѣ! шептала ему Германа въ ухо.—О, ты несносный упрямецъ!..

Нѣжные поцѣлуи ея не дали Норберту и слова сказать.

— Такъ! теперь, значитъ, все пойдетъ своимъ порядкомъ, произнесъ докторъ Геракліусъ: — наступаетъ, такъ сказать, полнѣйшее restitutio in integrum!..

— Но, дядя, замѣтилъ Норбертъ, слабо сопротивляясь бурнымъ ласкамъ жены, — это не совсѣмъ честный поступокъ...

— Но вѣдь самъ-же ты иначе не хотѣлъ! возразилъ дядя Цанъ.—Ты не желалъ жить на чужой землѣ,—что-же оставалось дѣлать, какъ не прибѣгнуть къ общности имущества?..

Норбертъ привлекъ Герману къ своей груди.

— Ну, попалъ я, по милости вашей, изъ огня да въ полымя! произнесъ онъ со вздохомъ.—Не ожидалъ я такого конца!..

— Радуйтесь тому, что дѣло не дошло до actio divortii, сказалъ докторъ Цанъ, ускользая за дверь: — ну, а когда дядя вамъ опять понадобится—посылайте за нимъ!..

— Нѣтъ, онъ намъ больше не понадобится! Вѣдь такъ, не правда-ли, Норбертъ? спросила Германа съ сіяющей улыбкой.—Не понадобится, потому что я буду всегда.... уступать!..

А дядя выглянулъ изъ-за дверей и хихикнулъ, увидя ихъ обоихъ въ взаимныхъ нѣжныхъ объятіяхъ.

Джонъ Тиндалль.

Имя Тиндалля не болѣе двѣнадцати лѣтъ тому назадъ впервые занесено въ лѣтописи науки. Въ то время жили еще Фарадей и Брюстеръ, знаменитѣйшіе физики англійскіе. Тиндалль родился въ 1820 году въ Лондонѣ. Возвратившись около 1850 года на родину изъ Франціи и Германіи, гдѣ онъ съ успѣхомъ занимался науками подъ руководствомъ Роберта Бунзена,—онъ сталъ посѣщать лекціи Фарадея, сблизился съ знаменитымъ электрологомъ, и это имѣло сильное вліяніе на дальнѣйшіе его труды. Открытія Тиндалля, въ сущности, являются какъ бы развитіемъ и продолженіемъ открытій Фарадея — и хотя не равняются съ послѣдними по своей важности, но тѣмъ не менѣе обличаютъ въ Тиндаллѣ глубокую наблюдательность и способность къ изслѣдованію—качества довольно рѣдкія у современныхъ физиковъ. Не колеблясь можно сказать, что Тиндалль занимаетъ мѣсто наряду съ Гельмгольцемъ и Бунзеномъ, какъ относительно теоріи, такъ и практики физическихъ изслѣдованій. Англичане признали высокія его заслуги: онъ состоитъ нынѣ профессоромъ лондонскаго Royal Institution, а подъ именемъ своимъ подписываетъ буквы F. R. S., означающіе, что онъ членъ королевскаго общества (Fellow of Royal Society). Нѣмцы также гордятся Тиндаллемъ какъ своимъ ученикомъ и прислали уже ему членскіе дипломы почти всѣхъ ихъ ученыхъ обществъ. Таково общее мнѣніе о человѣкѣ, съ научною дѣятельностью котораго мы хотимъ познакомить читателей.

Дѣятельность эта не ограничивается тѣснымъ кругомъ кабинетныхъ занятій по его спеціальности, какъ бы этого можно было ждать отъ студента нѣмецкихъ университетовъ, но ищетъ себѣ широкаго простора въ горахъ и въ долинахъ, пробуя силы въ путешествіяхъ и обширныхъ наблюденіяхъ. Тиндалль умѣетъ вслушиваться и улавливать неизмѣримую гармонію природы и при этомъ владѣетъ гумбольдтовскимъ даромъ описывать эти величественныя явленія съ необыкновенною простотой при замѣчательной глубинѣ мысли. Живой и бодрый англичанинъ для того только и покидаетъ свой ученый кабинетъ, чтобы перейдти на болѣе обширное поле для наблюденій природы. Горныя вершины, обломки утесовъ, ледники — вотъ міръ въ которомъ онъ охотнѣе всего пребываетъ. Въ этотъ міръ со всѣхъ сторонъ стекается нынѣшняя молодежь Англіи. Тамъ черпаетъ она ту холодную и непоколебимую силу, которою отличаются молодые англичане; тамъ каждый отрѣшается отъ великосвѣтской суеты, которая физически и морально заражаетъ людей безвыѣздно-пребывающихъ въ этой сферѣ. Пусть кто хочетъ разглагольствуетъ о праздности и причудахъ англійской аристократіи; тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что такое учрежденіе, каковъ *Альпійскій клубъ (Alpine club)*, приноситъ ей честь и должно бы найдти подражателей во всѣхъ странахъ. Тиндалль, влюбленный въ величіе природы, является однимъ изъ почетнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ этого клуба. Ежегодно отправляется онъ въ Швейцарію: то на вершину Монблана, то на Юнгфрау, то на Монъ-Сервинъ. Послѣдней горы никто не наблюдалъ лучше Тиндалля. Первое твореніе, которымъ Тиндалль заявилъ себя европейской публикѣ, носитъ названіе: *Ледники и Альпы* (1860). Въ этомъ трудѣ наука и поэзія идутъ рука объ руку. Поэзія Тиндалля впрочемъ не похожа на поэзію Клопштока или Мильтона: предметъ ея составляетъ лишь одно чудо—природа; тѣмъ не менѣе труды его проникнуты чувствомъ и высотою вдохновенія, недоступною для ограниченныхъ писателей. Ученый нашъ является въ своихъ сочиненіяхъ позитивистомъ, не простираетъ своихъ помысловъ за предѣлы дѣйствительности—и вмѣстѣ съ Гукслеемъ принадлежитъ къ главнѣйшимъ двигателямъ науки въ Англіи.

Молодой альпійскій туристъ производилъ обширныя наблюденія надъ льдомъ въ своемъ кабинетѣ и изслѣдовалъ явленія, сопровождающія его таяніе. И въ этомъ случаѣ онъ также шелъ по слѣдамъ Фарадея, который уже въ 1850 году обратилъ вниманіе на такъ-называемую *регеляцію* льда, т. е. на тотъ фактъ, что два куска льду, приложенные другъ къ другу тающими поверхностями срастаются или вѣрнѣе *смерзаются* между собою. Фарадей объяснялъ это явленіе вліяніемъ соприкосновенія (каталитическая сила), которое дѣйствовало при этомъ точно такъ же, какъ напр. гніющее тѣло сообщаетъ свое разлагающее свойство инымъ близь-лежащимъ тѣламъ. Тиндалль иначе объясняетъ это явленіе соприкосновенія: по его мнѣнію, прикладывая другъ къ дружкѣ двѣ поверхности льду, мы замыкаемъ *между ними* воду, ихъ покрывающую, и тѣмъ препятствуемъ свободному движенію ея частицъ. Гельмгольцъ на это объясненіе возражаетъ, что при замерзаніи освобождается значительное количество скрытаго теплорода, невѣдомо гдѣ таящагося,—и объясняетъ сущность смерзанія посредствомъ волосности (капиллярности). Въ изученіи ледниковъ смерзаніе играетъ важную роль. Въ отдѣлѣ теоріи теплоты извѣстны еще наблюденія Тиндалля надъ сфероидальнымъ состояніемъ жидкостей или надъ шариками Лейденфроста, надъ количествомъ лучистаго теплорода (котораго испусканіе — эмиссія, по мнѣнію Тиндалля, не зависитъ отъ степени плотности тѣла испускающаго), надъ поглощеніемъ теплоты газами, парами и жидкостями, надъ нагрѣваніемъ различныхъ тѣлъ и распространеніемъ теплоты въ древесныхъ стволахъ. Труды его въ этомъ направленіи весьма схожи съ работами Кноблауха и Магнуса.

По отдѣлу электричества, въ такомъ совершенствѣ изученнаго Фарадеемъ, Тиндалль, кромѣ устройства термо-электрической лампы, много занимался діамагнетизмомъ. Извѣстно, что индукція и діамагнетизмъ преимущественно и прославили Фарадея. Тиндалль также, вмѣстѣ съ Кноблаухомъ, выбралъ предметомъ своихъ изслѣдованій одинъ изъ главныхъ фактовъ діамагнетизма, а именно извѣстныя явленія кристализаціи по отношенію къ полюсамъ магнита.

Впечатлѣнія русскаго путешественника.

I. Отъ Кіева до Женевы.

Путешествіе по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. — Порядки на Кіево-Брестской дорогѣ.—Нѣчто о таможнѣ въ Бродахъ и о таможенныхъ чиновникахъ. — Нѣчто о русскомъ землевладѣльцѣ и взглядѣ его на нѣмецкое хозяйство. — Два характеристичные взгляда на цѣнность.—Вѣна; соборъ св. Стефана и впечатлѣніе, имъ производимое.—Политическая проповѣдь; чья возьметъ? — Нѣсколько заключительныхъ словъ о реформѣ въ католической церкви.

Мѣрно раскачиваясь изъ стороны въ сторону, мчится курьерскій поѣздъ Кіево-Брестской желѣзной дороги по направленію къ пограничной станціи Радзивилово. Въ вагонахъ душно и пахнетъ гарью, которая отъ времени до времени врывается въ раскрытыя окна. Утомленные однообразнымъ шумомъ колесъ, изнемогающіе отъ жару, пассажиры сидятъ точно развареные; нѣкоторые изъ нихъ, желая хоть сколько нибудь освѣжиться, высовываются въ окна; но стремительность движенія поѣзда, въ особенности же дымъ отъ локомотива, растилающійся широкой, бѣлой лентой, за-

Библиотека "Руниверс"

ставляютъ ихъ прятаться въ вагонъ. А паръ между тѣмъ дѣлаетъ свое дѣло: въ глазахъ едва только успѣваютъ мелькать поля съ зеленѣющимъ яровымъ и уже пожелтѣвшею рожью, какая-то не то рѣченка, не то болото, все заросшее осокою и лопушникомъ, съ бродящею по немъ цаплей, телеграфные столбы, отъ которыхъ даже рябитъ въ глазахъ, желѣзно-дорожная будка и около нея стоящая сторожиха. Но вотъ поѣздъ полетѣлъ по высокой насыпи, затѣмъ по выемкѣ; по обѣимъ ея сторонамъ показался вдругъ густой сосновый боръ, въ серединѣ его просвѣчиваютъ площадки вырубленнаго лѣса, своими многочисленными крючковатыми и мохнатыми пнями невольно напоминающія кладбища... А вотъ и деревня!

Путешествіе по Кіевб-Брестской желѣзной дорогѣ не въ состояніи угодить даже самому невзыскательному вкусу: начать съ того, что желѣзно-дорожная прислуга не считаетъ себя почему-то обязанною ни предупреждать пассажировъ о перемѣнѣ вагоновъ, гдѣ таковая назначена, ни даже о томъ на какую станцію приходитъ поѣздъ и сколько времени назначено на остановку. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если иногда пассажиры, вмѣсто своего поѣзда, попадаютъ на другой, или вовсе остаются на станціи, а поѣздъ съ ихъ вещами уходитъ дальше. Станціи по этой дорогѣ тѣсны и грязны до невозможнаго; къ тому-же, на нѣкоторыхъ изъ нихъ идутъ поправки и передѣлки, такъ-что публика съ двухъ-трехъ поѣздовъ, сошедшихся на одной и той-же станціи, не можетъ даже пробиться въ залу, не только-что удовлетворить свой голодъ. На станціи Казятинѣ напримѣръ, гдѣ сходятся вѣтви отъ трехъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе поправокъ, для публики отведена комната, могущая вмѣстить едва-едва 30—40 человѣкъ, тогда какъ съ однимъ только нашимъ поѣздомъ прибыло ихъ болѣе 60. Можно себѣ представить, какой адъ возникаетъ въ такія минуты на вышеозначенной станціи! Дальше: если вамъ необходимо взять билетъ, а у васъ нѣтъ мелкихъ денегъ, то ужъ лучше отложите путешеніе, или же постарайтесь скорѣе размѣнять деньги; въ противномъ случаѣ вамъ билета не выдадутъ. На моихъ глазахъ былъ случай, какъ одинъ еврей бѣгалъ по всѣмъ вагонамъ, умоляя размѣнять ему 5 рублей, такъ-какъ въ кассѣ будтобы не нашлось сдачи, но никто не могъ помочь ему, и несчастный принужденъ былъ остаться. И добро-бы это было на какой нибудь глухой станціи, вдали отъ всякаго жилья, гдѣ пассажировъ бываетъ немного, а потому, естественно, въ кассѣ можетъ и не случиться мелкихъ денегъ; а тутъ вдругъ—чуть-ли не въ Бердичевѣ! Но хуже всего бываетъ при разсадкѣ пассажировъ по вагонамъ, а въ особенности по поѣздамъ: подобнаго хаоса не только-что описать, но и вообразить невозможно.

Въ Бродахъ, любезность, съ которою чиновники рылись въ нашемъ багажѣ, доискиваясь двухъ желанныхъ предметовъ—чаю и табаку—была болѣе чѣмъ удивительна. У одного только курскаго помѣщика, ѣхавшаго въ Карлсбадъ, заарестовали-было они 6 коробокъ папиросъ и заставили заплатить за нихъ пошлину; но онъ съ видимымъ удовольствіемъ исполнилъ это, объявивъ тутъ-же, что готовъ заплатить даже вдвое больше, лишь-бы только его не заставляли курить австрійскій «трафикъ». Помѣщикъ этотъ ѣхалъ за-границу не одинъ а съ своимъ двоюроднымъ братомъ, тоже помѣщикомъ и той-же Курской губерніи. Съ ними, въ качествѣ переводчицы, ѣхала дочь одного изъ нихъ, хорошенькая блондинка лѣтъ 17, очевидно, только-что выпущенная изъ института. Случилось такъ, что въ нашемъ купэ помѣстились одни только русскіе,—и вотъ помѣщикъ, предпочитающій московскія папиросы австрійскому трафику, далъ полный просторъ своимъ чувствамъ къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому.

— Ты вотъ говоришь, что у нѣмцевъ обработка земли хороша, началъ онъ, обращаясь къ своему брату и указывая на мелькавшія мимо насъ поля. Кто говоритъ: обработка у нихъ дѣйствительно лучше нашей; такъ вѣдь это и понятно. Эка невидаль—вспахать и убрать какія нибудь полъ-десятины. Какъ тутъ въ самомъ дѣлѣ не разстараться? Да еще къ тому-же и за хлѣбъ-то, гляди, рубля по полтора за пудъ на мѣстѣ заплатятъ. Нѣтъ, ты пойди-ка совладай съ сотней-другой десятинъ, какъ у насъ, да свези-ка хлѣбъ по нашимъ дорогамъ, да получи за него-же и нашу цѣну, — тогда я скажу, что ты знаешь хозяйство... Лѣтъ пять тому назадъ, Л. Р.,—онъ былъ тогда attaché при австрійскомъ посольствѣ,—вздумалъ-было, прельстившись нѣмецкими порядками, выписать въ свое имѣніе нѣмцевъ; далъ имъ впередъ денегъ, отвелъ самую лучшую землю, отпустилъ даромъ лѣсу на постройку избъ,—ну и похозяйничали же они у него! Пишетъ ему управляющій разъ, пишетъ другой; «пріѣзжайте, говоритъ, ваше сіятельство, и посмотрите сами, если не вѣрите». Ну, пріѣхалъ и убѣдился собственными глазами, какихъ рабочихъ онъ повыписалъ себѣ: огородишки-то у нихъ хороши дѣйствительно; но полей—половина стоитъ неубранныхъ!.. Это въ сентябрѣ-то... Зато на тѣхъ, которыя уже убраны, не найдешь и колоска. Вотъ тебѣ и нѣмецкое хозяйство! А почему? Потому-что русскаго рабочаго стошнитъ отъ нѣмецкой работы, — до того она мелочна и аккуратна. Потому-что нѣмецъ привыкъ копаться себѣ на клочкѣ какомъ нибудь; и удобрлетъ-то онъ его, и пашетъ-то глубоко, и канавки-то проводитъ для стока воды. А попробуй дать ему въ руки наше хозяйство,—онъ тебѣ и сядетъ какъ ракъ на мели. Все, братъ, хорошо на своемъ мѣстѣ и при своихъ условіяхъ. Ну вотъ, напримѣръ, опять многопольное хозяйство, такъ называемое. Прекрасно. Конечно, почему не сѣять сплошь, всѣ годы? Здравый смыслъ говоритъ, что оставлять въ прогулѣ землю невыгодно. Да вѣдь дѣло-то въ томъ, что у насъ: во 1-хъ, скоту жрать нечего; слѣдовательно, не оставляя земли подъ паръ, тебѣ некуда будетъ и скотины выгнать; во 2-хъ, при многопольномъ хозяйствѣ необходимо сильное удобреніе. А у насъ гдѣ его возьмешь? Наконецъ, въ 3-хъ, у насъ нѣтъ, какъ за-границей, фермеровъ. Нѣтъ, славны бубны за горами!.. Говорятъ, нѣмецъ обезьяну выдумалъ... Обезьяну-то онъ дѣйствительно выдумалъ, а вотъ на большемъ-то хозяйствѣ—насъ! Говорятъ: почему не дѣлаешь опытовъ, не вводишь у себя того, что дѣйствительно могло бы быть примѣнимо къ нашему хозяйству? Опыты! Какому нибудь князю Л. Р. почему не дѣлать опытовъ? бросить тысячъ пятьдесять ему ничего не стоитъ; ну, а нашему-то брату будетъ накладно.

Въ такомъ духѣ продолжалъ свою рѣчь землевладѣлецъ Курской губерніи, высказывая подчасъ довольно вѣрныя замѣчанія о способахъ и условіяхъ веденія сельскаго хозяйства у нѣмцевъ, объ уваженіи чужой собственности, на которую никто не дерзаетъ такъ носягать,—о томъ, что если намъ и необходимо заимствовать что-нибудь съ Запада, такъ это именно уваженіе къ чужому труду и имуществу. «Вѣдь вы думаете какъ,—говорилъ онъ, — нѣмецъ не только не сорветъ яблочка у своего сосѣда или просто гдѣ-нибудь въ полѣ, у дороги, да не позволитъ себѣ и поднять-то уже упавшаго! А у насъ, что ни день, то новая потрава. Ну, загонишь *его* скотину; держишь ее день-другой; ходитъ, клянчитъ. Поди тягайся потомъ съ нимъ... И выпустишь... А ужъ про ночныя потравы и говорить нечего: просто цѣлыми табунами выѣзжаютъ и пасутъ себѣ въ овсахъ и во ржи.»

Въ одномъ купэ съ нами сидѣлъ также русскій купецъ изъ Петербурга, заявившій, что онъ проѣдетъ по всей Европѣ, не зная ни одного иностраннаго слова. Это напомнило мнѣ извѣстный анекдотъ о русскихъ солдатахъ, которые въ Венгерскую кампанію принуждены были объясняться съ иностранцами языкомъ жестовъ и слишкомъ выразительной мимикой. У этого купца завязался съ сосѣдями интересный разговоръ о томъ, какого рода бумажнымъ цѣнностямъ можно отдавать предпочтеніе. Помѣщикъ заявилъ, что та бумага имѣетъ въ его глазахъ цѣну, которая даетъ хотя и небольшой, но за то вѣрный процентъ, и которая при томъ въ достаточной степени гарантирована; купецъ-же былъ того мнѣнія, что въ спекуляціяхъ на бумагахъ *необходимо пользоваться минутой* и главнымъ образомъ разсчитывать на спросъ той цѣнности, которая имѣется въ рукахъ, чтобы сбыть ее какъ можно выгоднѣе. Привожу оба эти мнѣнія, какъ типичныя, которыя выражаютъ собою если уже не цѣлое міросозерцаніе двухъ этихъ дѣятелей, то по крайней мѣрѣ взгляды, господствующіе у насъ между людьми извѣстныхъ слоевъ общества, не лишенные при томъ значенія и для современности.

Въ Вѣну пріѣхалъ я въ шестомъ часу вечера. Городъ производитъ пріятное впечатлѣніе, особенно на вновь прибывшаго. Я прежде всего поинтересовался видѣть первую вѣнскую достопримѣчательность—соборъ св. Стефана (Stephan's Kirche). Много разъ приходилось мнѣ и читать объ этомъ знаменитомъ наслѣдіи среднихъ вѣковъ, и видѣть прекрасно сдѣланные снимки съ него въ гравюрахъ (см. «Нива» 1873 г.); но то, что я увидалъ во-очію,—производитъ несравненно болѣе поразительное впечатлѣніе. Осматривая соборъ снаружи, вы прежде всего поражаетесь необыкновенною его величиною и громадностью его колокольни, едва-ли не третьей по высотѣ въ мірѣ послѣ извѣстной египетской пирамиды. Второе, что останавливаетъ на себѣ ваше вниманіе,—это необычайная простота матерьяловъ, изъ которыхъ построено это удивительное зданіе: простой дикій камень и окаменѣвшая отъ времени известка—вотъ все, что вы здѣсь найдете. Какое геніальное мастерство нужно было, чтобы при помощи этихъ простыхъ средствъ воздвигнуть нѣчто столь колоссальное, красивое и въ высшей степени характеристичное! Цѣлый лѣсъ колоннъ, башенокъ, стрѣльчатыхъ оконъ составляетъ вмѣстѣ одну цѣльную башню, возносящуюся къ небу острымъ, унизаннымъ точно гвоздями, шпицемъ. Оторвите свое вниманіе отъ общаго и посмотрите на частности—и вы не найдете въ нихъ ни желаемаго изящества, ни даже симметріи. Но въ чемъ же заключается тайна *общаго* соединенія всѣхъ этихъ частей въ одно въ высшей степени грандіозное и изящное цѣлое?! Вотъ въ этомъ-то и вопросъ. Окружающіе соборъ громадные шести и семиэтажные дома въ значительной долѣ отнимаютъ отъ него величія и внушительности; вы замѣчаете его только тогда, когда поворачиваете на Грабенѣ за уголъ, идя къ Rothenthurmstrasse, т. е. въ 30—40 шагахъ отъ него,—не то, что нашъ Исаакіевскій соборъ, который видѣнъ чуть не со всѣхъ концовъ Петербурга.

Внутренность храма отвѣчаетъ его наружному виду: какъ здѣсь такъ и тамъ та же строгость готическаго стиля, та же простота матерьяловъ, то-же величіе и громадность (внутри его могутъ помѣститься 13,000 человѣкъ). Почернѣлыя отъ времени стѣны, отвалившіеся во многихъ мѣстахъ куски камня; отсутствіе всякой пестроты,—одни только сѣрый, черный и коричневый цвѣта. Иконъ почти нѣтъ, какъ во всѣхъ католическихъ церквахъ; только въ алтарѣ виднѣются цвѣтные образа на оконныхъ стеклахъ; за то не мало статуй и всякихъ скульптурныхъ фигуръ и при томъ очень хорошей работы. Когда я вошелъ, въ храмѣ

Библиотека "Руниверс"

было совершенно тихо и мрачно; только въ отдаленной сторонѣ, чуть-чуть слышались голоса трехъ-четырехъ старушекъ, громко читавшихъ «Vater unser». Посрединѣ церкви стоитъ на столикѣ кружка съ слѣдующей лаконической надписью: «Sammlung von Beitraegen aus Liebe für unsern heiligen Vater Pius IX.» Я сѣлъ на одну изъ скамеекъ и погрузился въ созерцаніе храма. Простота, полумракъ, тишина, отсутствіе всего блестящаго и бьющаго въ глаза какъ-то успокоительно дѣйствуютъ на душу, примиряя ее со многимъ и согрѣвая ее. Освѣщеніе въ соборѣ, проникающее, между прочимъ, изъ алтаря, черезъ разноцвѣтныя стекла, сильно напоминаетъ разсвѣтъ. Дѣйствительно, для католической церкви наступаетъ теперь разсвѣтъ новой жизни, заря новыхъ просвѣтительныхъ реформъ, когда для церкви отводится надлежащее ей мѣсто, когда свобода въ выборѣ религіознаго культа перестаетъ считаться преступленіемъ, а фанатическія преслѣдованія за вѣру—добродѣтелью и подвигами благочестія; когда, наконецъ, цивилизація поддерживается и укрѣпляется при помощи истинной религіи, а не враждуетъ съ нею.

Во второй разъ, когда я посѣтилъ соборъ св. Стефана, было воскресенье, и мнѣ привелось услышать весьма замѣчательную проповѣдь, обращенную къ нѣсколькимъ тысячамъ католиковъ. Толстый католическій патеръ, весь въ бѣломъ, съ черной шапочкой на головѣ, сильно жестикулируя, началъ свою рѣчь съ характеристики враговъ католической церкви. По его мнѣнію, ихъ можно раздѣлить на 3 категоріи: на *равнодушныхъ* къ церкви, къ которымъ могутъ быть причислены и люди слишкомъ занятые своими мірскими дѣлами, чтобы думать о спасеніи души, а также эпикурейцы, которымъ живется очень хорошо; на *ложныхъ пророковъ* (Falsche Propheten), предсказывающихъ вырожденіе католической церкви; и на *соціалистовъ* и *коммунистовъ*, не вѣрующихъ ни въ папство, ни даже въ религію католическую. «Ложные пророки, соціалисты и коммунисты—это злѣйшіе враги церкви; это—отрава (Gift), заражающая все тѣло католицизма. Изъ роли пассивной, которую они до сихъ поръ играли, въ послѣдніе годы они перешли въ активную дѣятельность. Они стали нападать на церковь, обличать и всячески унижать ея представителей, посягать на ея имущества. Въ чемъ же заключаются главные обвинительные пункты противъ насъ? Говорятъ, что церковь должна заниматься только дѣлами вѣры и не вмѣшиваться въ дѣла политическія. Прекрасно. Но вѣдь назначеніе Церкви состоитъ главнымъ образомъ въ спасеніи душъ человѣческихъ; какъ же ей не направлять ихъ въ ту сторону, гдѣ ихъ ожидаетъ царствіе небесное? Она есть блюстительница добра на землѣ, а потому необходимо должна бороться со зломъ, въ какихъ бы формахъ оно ни проявлялось. Говорятъ даже, что Церковь не должна имѣть собственности. Ну, а государство, отнимающее отъ нея имущества, развѣ имѣетъ на нихъ какое-нибудь право? Вѣдь собственность Церкви не есть собственность духовенства: она принадлежитъ Богу, ибо пожертвована на служеніе Ему. Чего-же, спрашивается, добивается Церковь католическая? Она, во 1-хъ, хочетъ имѣть то вліяніе на школы, котораго лишилась съ введеніемъ новыхъ школьныхъ законовъ; во 2-хъ, она желаетъ сохраненія своего авторитета и въ 3-хъ, за ней должны быть оставлены ея права на имущества, беззаконно отнимаемыя отъ нея. Вотъ всѣ наши желанія. Они, какъ видите, совершенно легальны и не только не противорѣчатъ догматамъ нашей религіи, но прямо вызываются ею. Мы увѣрены, поэтому, что всѣ истинные католики станутъ на нашу сторону и, не страшась слишкомъ многочисленныхъ враговъ Церкви, станутъ сражаться (Kaempfen) съ ними тѣмъ-же орудіемъ, какое они противъ насъ употребляютъ. Врагъ страшенъ—это правда; но вѣдь Давидъ не испугался-же Голіафа и побѣдилъ его» и т. д. Вотъ краткое résumé слышанной мною проповѣди; въ ней, какъ видите, выражается цѣлая программа клерикальной католической партіи, добивающейся сохраненія за собой того вліянія на умственное, политическое и нравственное развитіе народа, которое оно до сихъ поръ имѣло и на которое посягаетъ теперь государство изданіемъ новыхъ церковныхъ законовъ. Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и фанатическая часть католическаго духовенства, не желая уступить духу времени, старается возстановить общественное мнѣніе противъ вышеозначенной реформы.

До чего можетъ довести религіозный фанатизмъ даже въ наше, повидимому спокойное и равнодушное, время,—доказательствомъ служитъ извѣстное покушеніе на жизнь князя Бисмарка, происшедшее въ Кисингенѣ, въ Баваріи. Газеты всѣхъ направленій и оттѣнковъ, нѣмецкія и англійскія, наполняютъ цѣлыя страницы подробностями объ этомъ событіи. Изъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ извѣстій можно заключить, что дѣло происходило такъ: князь Бисмаркъ въ экипажѣ отправился купаться въ салинахъ и только что отъѣхалъ отъ дома, въ которомъ жилъ онъ и его семейство, какъ навстрѣчу ему попался какой-то пасторъ, который, сіявъ шляпу и низко поклонившись князю, сталъ переходить дорогу, такъ что кучеръ долженъ былъ на время удержать лошадей. Князь Бисмаркъ, желая отвѣтить на поклонъ, взялся было правой рукой за шляпу, — какъ вдругъ послѣдовалъ выстрѣлъ, сдѣланный молодымъ человѣкомъ, по имени Кульманнъ, который, приблизившись, въ моментъ остановки экипажа, къ князю, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета, заряженнаго тремя пулями. Одна изъ нихъ попала Бисмарку въ правую руку. Произошла страшная суматоха. Сбѣжавшійся народъ съ остервененіемъ бросился на Кульманна и хотѣлъ тутъ-же порѣшить съ нимъ; но нашлись и защитники преступника, старавшіеся вырвать его изъ рукъ разсвирѣпѣвшаго народа. Говорятъ, что князь Бисмаркъ самолично допрашивалъ Кульманна и получилъ въ отвѣтъ, что онъ стрѣлялъ для того, чтобы убить Бисмарка за *изданіе новыхъ церковныхъ законовъ*, и дѣйствовалъ онъ не отъ себя только и не одинъ, но что за него были многіе. Газеты, не исключая и завѣдомо-клерикальныхъ,—каковы «Germania» и «Vaterland»,—всѣ въ одинъ голосъ и съ большимъ негодованіемъ отзываются объ этомъ поступкѣ, а «Journal des Débats», кромѣ того, прибавляетъ, что преступникъ, мѣтивъ въ сердце князя Бисмарка, вѣроятно, не понималъ, что онъ мѣтитъ въ тоже самое время въ сердце всей Германіи.

П. С.

Бой зайцевъ.

(Съ картины Ф. Флинцера).

Недоброй славой пользуется заяцъ; и охотники и народныя поговорки единодушно преслѣдуютъ его своимъ презрѣніемъ. Нашъ народъ даже брезгаетъ заячьимъ мясомъ, что впрочемъ совершенно несправедливо, такъ какъ, хорошо приготовленное, оно даже очень вкусно. Что же касается нравственныхъ качествъ зайца, то кромѣ его непомѣрной трусости, ему приписываютъ еще много другихъ не совсѣмъ похвальныхъ свойствъ. Много разсказываютъ о необычайной жестокости самки, легкомысленно бросающей своихъ дѣтенышей на произволъ судьбы, черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ рожденія; самцы, въ припадкѣ злости, до смерти замучиваютъ крошечныхъ поворожденныхъ. Однако, бываютъ случаи, когда и заяцъ способенъ выказывать самыя нѣжныя чувства и даже несвойственную его характеру храбрость. Мы знаемъ два случая, вполнѣ подтверждающихъ это, и разскажемъ ихъ здѣсь, чтобы хотя немного возстановить репутацію бѣднаго зайца.

Первый разъ, самка, совершенно наперекоръ дурной молвѣ, храбро защищала своихъ маленькихъ отъ нападеній кошки. «Я давно слышалъ шумъ», разсказываетъ очевидецъ, «но къ сожалѣнію пришелъ на мѣсто дѣйствія немножко поздно, такъ что видѣлъ только поспѣшное отступленіе кошки, которая шипя и фыркая, опрометью бросилась съ поля. Но героиня-мать, все еще взволнованная, сидѣла выпрямясь между своими дѣтенышами и трясла передними лапками, точно хотѣла этимъ дать острастку врагу, еслибы онъ вздумалъ вернуться къ ней еще разъ. Маленькимъ было не больше недѣли, и они повидимому нисколько не сознавали грозившей имъ опасности, потому что преспокойно продолжали ѣсть приготовленныя для нихъ матерью лакомства.

Другой разъ, въ свѣжее утро, на восходѣ солнца, я былъ свидѣтелемъ довольно жаркаго боя между зайцами. Причиной того, что я очутился въ полѣ въ такой неурочный часъ, была одна непріятная случайность. Я опоздалъ на желѣзную дорогу, и въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда пошелъ бродить по окрестностямъ. Великолѣпная картина солнечнаго восхода приковала меня къ себѣ. Звонкій щебетъ ласточекъ еще увеличивалъ возвышенное чувство при зрѣлищѣ пробуждающейся природы; я замечтался о приближеніи весны со всѣмъ ея молодымъ очарованіемъ. Я сталъ искать вокругъ первыхъ ея вѣстниковъ, пушистыхъ, бархатныхъ цвѣточковъ вербы; поиски мои увѣнчались успѣхомъ: у дорожной изгороди они блестѣли и серебрились на солнцѣ, точно маня руку сорвать ихъ съ вѣтокъ. Внизу изъ-подъ старой зимней зелени бойко выглядывала пара голубенькихъ цвѣточковъ; я нагнулся чтобы сорвать ихъ, какъ вдругъ глазамъ моимъ представилась еще новая картина. По полю весело и беззаботно бѣжалъ заяцъ. Я не измѣнялъ своего положенія, желая подстеречь его. Огромными прыжками измѣривъ всю ширину поля, онъ, удивительнѣйшими курбетами, опять очутился по близости отъ меня. Тутъ началась потѣха. Нѣсколько секундъ онъ танцовалъ на заднихъ лапкахъ, потомъ сталъ кувыркаться, и прыгать кругами точно угорѣлый; среди всѣхъ этихъ штукъ, онъ вдругъ пріостанавливался, припадалъ къ землѣ, и затѣмъ снова возобновлялись тѣ же прыжки и маневры. Веселый заяцъ казался мнѣ просто какимъ-то сказочнымъ лѣснымъ духомъ, по своему празднующимъ приходъ весны. Вдругъ картина еще болѣе оживилась. Слѣва приближалась еще пара зайцевъ, которымъ видно также хотѣлось принять участіе въ танцахъ. И вотъ начался преуморительный балетъ; танцоры увлеклись до такой степени, что когда я неча-

Библиотека "Руниверс"

янно чихнулъ, никто изъ нихъ и не слыхалъ этого. Точно также не замѣтили они и приближенія четвертаго товарища, пока онъ не очутился между ними. Какъ впослѣдствіи оказалось, эта была самка. Съ появленіемъ послѣдней, вся сцена внезапно измѣнилась. Какъ по командѣ, три кавалера поднялись на заднія лапки, и въ волю стали подчивать другъ друга полновѣсными пощечинами. Дама спокойно смотрѣла на драку, и подливала масла въ огонь. Такъ какъ всѣ три дуэлиста сражались очень горячо, то картина была самая оживленная. Наконецъ одинъ изъ нихъ выбился изъ силъ. Онъ раза два перевернулся на землѣ, и повидимому совсѣмъ отступился отъ драки. Остальные два продолжали сражаться еще съ большей храбростью. Дѣйствительно ли утомленіе заставило перваго зайца выйти изъ рядовъ сражавшихся, или это была отчаянная хитрость?—Воины не могли допросить его насчетъ этого, такъ какъ онъ, подъ шумокъ, далъ тягу съ прекрасной дамой.

Смѣсь.

Изъ письменнаго стола Императора Вильгельма. Въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола, стоявшаго въ спальнѣ Императора Вильгельма въ Версали, гдѣ онъ жилъ все время послѣдней осады Парижа въ зданіи префектуры, послѣ заключенія мира, сдѣлана была интересная находка: именно, письма съ примѣчаніями на поляхъ императора, выдающими его интимнѣйшія мысли. Онѣ напечатаны въ вышедшей въ Парижѣ книгѣ Делькро: «*Versailles pendant l'occupation*». Письма эти, какъ и многое другое въ этомъ родѣ, считали за выдумку, и упомянули объ изданіи въ присутствіи императора, ожидая, что онъ опровергнетъ подлинность сдѣланныхъ на поляхъ писемъ замѣчаній. Но Императоръ сказалъ: «Такъ ихъ нашли? Я нарочно положилъ ихъ такъ, чтобы ихъ можно было найти!» Это выраженіе Императора дѣлаетъ упомянутую книгу интереснымъ историческимъ документомъ, заслуживающимъ вниманія. Счастливая находка заключала въ себѣ около 60 писемъ, которыя были лично адресованы сначала королю Пруссіи, а потомъ Императору Германіи, и добросовѣстно доставлены ему въ собственныя руки. За исключеніемъ одного нѣмецкаго письма, всѣ остальныя написаны по французски и содержатъ въ себѣ такія жесточайшія проклятія противъ прусской арміи и короля, что трудно составить себѣ объ нихъ понятіе. Они присылались изъ всевозможныхъ странъ, изъ Парижа, изъ Метца, Нанси, Валансіена, Страсбурга, Алжира, Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Англіи и проч. Большая ихъ часть безъ подписи, нѣкоторыя даже украшены сатирическими и угрожающими иллюстраціями. Вообще говоря, они въ высшей степени незначительны какъ по мыслямъ, такъ и по стилю, многія грѣшатъ даже противъ грамматики. Въ книги Делькро взято на выдержку нѣсколько этихъ писемъ съ прибавленіемъ примѣчаній Императора на поляхъ. Нѣкій протестантъ изъ Франшъ-Конте, въ письмѣ отъ 25-го декабря 1870 г., дѣлаетъ королю упреки за то, что онъ продолжалъ войну послѣ Седана, «такъ какъ вслѣдствіе этого сынъ автора письма долженъ былъ пасть на полѣ битвы. Еще есть время заключить миръ, но говорятъ, король терпѣть не можетъ республики и хочетъ уничтожить ее. Прочитаете вы мое письмо, или нѣтъ, Ваше Величество, но я исполнилъ свой долгъ.» На краяхъ написано рукою короля: «*Est-ce que le gouvernement de la défense du 4 septembre a demandé de faire la paix? Au contraire, il a débuté par déclarer la défense à outrance. Ce n'était donc point à la Prusse de demander la paix! à qui donc la faute, que la guerre continue?*» (Развѣ правительство обороны 4-го сентября просило о заключеніи мира? Напротивъ, первымъ его дѣломъ было объявить защиту до послѣдней крайности. Не Пруссіи же было просить мира! Чья же вина, что война продолжалась?). — Другое письмо заклинаетъ короля какъ можно скорѣе заключить миръ. На это желаніе, отвѣчаетъ слѣдующая замѣтка съ краю: «*Comme en mariage il faut deux, de même pour conclure une paix il faut deux. Moi, je suis l'un, où est l'autre?*» (Какъ въ бракѣ должно быть двое, такъ и заключить миръ могутъ только двое! Я—одинъ, гдѣ же другой?»—Нѣкто, повидимому рьяный республиканецъ, бросаетъ

Зайцы на поединкѣ. Рис. Федоръ Флинцеръ, грав. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

королю укоръ въ ненависти къ республиканскому правительству. На это отвѣчаетъ замѣтка: «*Il m'est tout à fait égal, quel gouvernement la France voudra se donner.*» (Мнѣ рѣшительно все равно, какое правительство захочетъ дать себѣ Франція). — Одинъ Эльзасецъ пишетъ: «Ваше Величество, въ эти послѣдніе часы, передъ вами только два пути: одинъ ведетъ къ вѣчной славѣ, другой къ общему проклятію. Если вы выберете первый, то останетесь вѣрны вашему собственному королевскому слову, потому что вы сказали: «Я веду войну не противъ французской націи, а противъ Наполеона и его династіи.» Вы достигли вашей цѣли. Вы держите въ своей власти этого человѣка. Вы поднялись на крайнюю вершину славы. Государь, не идите дальше, оставьте Франціи Эльзасъ, эту преданнѣйшую ея провинцію» и т. д. Подлѣ словъ «Наполеона и его династіи», король написалъ: «*Cela n'a jamais été dit.*» (Этого никогда не было сказано). Делькро прибавляетъ къ этому: «Упрекъ королю въ нарушеніи слова часто повторяется въ этихъ письмахъ, и кажется это особенно затрогиваетъ короля, такъ какъ во всякомъ письмѣ, гдѣ говорится объ этомъ, онъ замѣчаетъ на поляхъ, чтобы обратились къ буквальному смыслу его манифеста. И дѣйствительно, если переводить его буквально, а не въ общемъ смыслѣ, то надо сознаться, что словамъ короля было придано другое значеніе.»—Относящіяся до этого слова королевской прокламаціи, гласятъ слѣдующее: «Я веду войну съ французскими солдатами, а не съ гражданами Франціи.» Но въ прокламаціи отъ 18-го августа изъ Напси главнокомандующаго третьей арміей, есть мѣсто: «*L'Allemagne fait la guerre à l'Empereur des Français et non aux Français.*» (Германія ведетъ войну противъ Императора французовъ, а не противъ французовъ); можетъ быть это и послужило поводомъ къ недоразумѣнію.—Далѣе одинъ анонимный авторъ взываетъ къ королю: «*On ne bombarde pas les capitales*» (столицъ не бомбардируютъ). На это король отмѣчаетъ карандашомъ: «*quand elles ne sont pas fortifiées*» (когда онѣ не укрѣплены). Одинъ авторъ, послѣ всевозможныхъ проклятій и ругательствъ, подписывается: «*Un français qui ne t'aime* pas!» (Французъ, который тебя не любитъ). На этотъ разъ, король дѣлаетъ свою замѣтку не на поляхъ, а подъ самой подписью не любящаго его француза лаконически подписываетъ: «Il me semble!» (Кажется). Одно англійское письмо величаетъ короля: «*Old rascal*»! (Старый плутъ!), другое изъ Страсбурга: «Sire bombardeur! bourreau!» (Король-бомбардиръ! палачъ!) и т. д.—Делькро удивляется, какъ могъ король, очевидно, самъ читать всѣ эти письма; онъ удивляется его терпѣнію, чувству долга и спокойствію, съ какимъ онъ переноситъ даже самыя непріятныя вещи, однако, прибавляетъ въ заключеніе: «Для насъ, французовъ, есть нѣкоторая отрада въ томъ, что главнокомандующій всѣхъ нѣмецкихъ армій, въ своей главной квартирѣ въ Версали, получалъ подобныя письма, да еще въ такомъ количествѣ, и читалъ все, что въ нихъ написано.» Надо прочитать эти письма въ оригиналѣ, чтобы судить объ дурномъ тонѣ и негодности ихъ содержанія.

Безпримѣрное пари. Не такъ давно два суконные фабриканта Коксетеръ и Трокмортонъ, въ Нейбургѣ, держали другъ съ другомъ небывалое пари. Въ 5 часовъ утра послѣдній привелъ къ первому двухъ овецъ, изъ которыхъ тотъ долженъ былъ приготовить ему, къ 9-ти часамъ вечера того же дня, совсѣмъ готовый сюртукъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ отдать сукно портному, надо было остричь овецъ, спрясть шерсть, размотать и выткать пряжу, свалять сукно, выкрасить его и спрессовать! И однакоже все это было исполнено къ 4 часамъ пополудни—и 20 минутами раньше 9 часовъ, г. Коксетеръ доставилъ г. Трокмортону готовый сюртукъ, въ которомъ онъ появился передъ собраніемъ болѣе чѣмъ изъ 5,000 зрителей. Обѣихъ овецъ изжарили: одна изъ нихъ, съ прибавкой 20 ведеръ пива, пошла на угощеніе фабричныхъ рабочихъ; другая, вмѣстѣ съ различными напитками, была предложена публикѣ. Такимъ образомъ, въ поразительно-короткій срокъ, въ 13 часовъ и 20 минутъ, было выиграно столь необыкновенное пари, а съ нимъ вмѣстѣ 1,000 гиней.

Нашла коса на камень. Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ «старый парижскій Ротшильдъ» часто бывалъ настолько же непозволительно грубъ, насколько, когда хотѣлъ, умѣлъ быть обворожительно любезнымъ. Его кабинетъ бывалъ свидѣтелемъ самыхъ оригинальныхъ сценъ. Нерѣдко вспыльчивый баронъ рвалъ подаваемыя ему его чиновниками черновыя бумаги дѣловаго содержанія, и бросалъ имъ чуть не въ лицо разорванные клочки, сопровождая это не совсѣмъ лестными изрѣченіями. Но разъ и онъ наскочилъ на человѣка, давшаго ему хорошую сдачу. Одинъ изъ его агентовъ, по имени Мануэль, пришелъ разъ въ баронскую контору, и какъ цивилизованный господинъ, началъ разговоръ съ вѣжливой фразы: «Добраго утра, господинъ баронъ; какъ ваше здоровье?»—«Вамъ какое дѣло?» оборвалъ его старикъ, далеко непривѣтливымъ тономъ. Мануэль тотчасъ же надѣлъ шляпу на голову и отвѣтилъ: «Вы совершенно правы. По моему, хоть околѣвайте вы на моихъ глазахъ, мнѣ столько же до васъ будетъ дѣло, какъ до какой нибудь собаки!» Сказалъ и вышелъ за дверь.

Японскіе дома. Въ Японіи господствуетъ для жилыхъ помѣщеній система коттэджей; каждое семейство живетъ въ своемъ собственномъ домѣ, не пуская въ него жильцовъ. Дома преимущественно не выше двухъ этажей; очень многіе строятся даже въ одинъ этажъ. Внутреннее ихъ расположеніе состоитъ по большей части изъ пяти комнатъ; двѣ изъ нихъ назначаются для пріемныхъ: одна, гдѣ гости дожидаютъ выхода хозяевъ, другая собственно гостиная; это обыкновенно самая большая комната въ домѣ. Къ ней примыкаютъ спальня и столовая. Самая маленькая комната назначается для уборной, гдѣ дамы и мужчины, разумѣется въ разное время, дѣлаютъ свой туалетъ. Въ этой только комнатѣ и есть зеркало, во всѣхъ остальныхъ не принято имѣть этого украшенія кромѣ этихъ комнатъ; при каждомъ японскомъ домѣ есть ванная, такъ какъ японцы каждый день берутъ ванну. Въ предупрежденіе этой потребности для людей недостаточныхъ, которые не въ состояніи имѣть своей собственной ванны, таковыя устроены въ большомъ числѣ въ разныхъ частяхъ города, съ очень дешевой платой за входъ. Какъ извѣстно, японцы не употребляютъ мебели для сидѣнья, а сидятъ на полу. Поэтому полы устланы маттами въ два метра длины, одинъ метръ ширины и сантиметровъ пяти толщины. Для хозяина и хозяйки дома, и само собою разумѣется, также для гостей, постилаются еще толстые, подстеганные ватой ковры. За городомъ, каждый домикъ окруженъ садомъ, даже и въ городахъ рѣдкій домъ не имѣетъ сада. Только въ Токьо (какъ нѣкогда называется главный городъ Іеддо) одна улица состоитъ изъ домовъ, построенныхъ въ нашемъ стилѣ въ три и четыре этажа. Изъ вышеописаннаго устройства домовъ понятно громадное протяженіе Токьо, въ которомъ считается до милліона жителей.

Предостереженіе. Въ новѣйшее время никакихъ фруктовъ не продается такъ много какъ *апельсиновъ*. Но такъ какъ никто безнаказанно не гуляетъ подъ пальмами, то и лакомство этими, на видъ такими невинными фруктами, можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Профессоръ *Вирховъ*, открывшій трихину, нашелъ также, что отъ неумѣреннаго употребленія апельсиновъ могутъ развиться глисты. Поэтому, совѣтуемъ осторожнѣе употреблять эти фрукты.

«Или я закричу!» Въ Варренсбургѣ, по Миссури-Тихоокеанской желѣзной дорогѣ, случилось слѣдующее происшествіе: Одна дама—слѣдовательно ангелъ, неземное созданіе, олицетворенная красота и пр.—осчастливила своимъ присутствіемъ одинъ отель. Она велѣла позвать хозяина отеля въ свою комнату, и тутъ произошелъ слѣдующій разговоръ, послѣ того какъ дама осторожно заперла дверь и спрятала ключъ въ карманъ. «Господинъ М—, вѣдь вы женатый человѣкъ, не правда-ли? У васъ взрослые дѣти? Конечно, да... Отлично, если вы сколько нибудь дорожите честью своего семейства, то сейчасъ же дадите мнѣ 50 долларовъ, или я — закричу.» Подумавъ немного, владѣтель отеля отсчиталъ 50 долларовъ, дама поспѣшно провѣрила деньги и поѣхала дальше.

Полезное изобрѣтеніе. Въ Америкѣ недавно изобрѣтена маленькая паровая машина, посредствомъ которой могутъ приводиться въ дѣйствіе швейныя машины. Съ изобрѣтеніемъ этой маленькой паровой машины, устройство которой весьма просто, швейная машина получаетъ всю свою цѣну. Въ Америкѣ эта машина уже въ ходу. Изобрѣтатели ея въ Нью-Іоркѣ, истратили 200,000 долларовъ, прежде чѣмъ довести ее до настоящаго совершенства. Эта маленькая паровая машина легко можетъ быть приспособлена ко всякой старой швейной машинѣ. Изобрѣтатели пріобрѣли уже патентъ для сѣверной Германіи.

Интересная статья. Изъ Нью-Іорка, 28 апрѣля, была разослана во многія части Соединенныхъ Штатовъ слѣдующая телеграмма: «Обедіа Баундъ, 60 лѣтъ отъ роду, жительствующій въ Ричмондѣ, явился вчера въ одну изъ здѣшнихъ газетныхъ редакцій, съ просьбой, чтобы лучшій репортеръ газеты пошелъ съ нимъ въ его домъ и приготовилъ интересную статью для сегодняшняго нумера. Репортеръ пошелъ съ нимъ, и послѣ того какъ Баундъ провелъ съ нимъ два часа разсказывая исторію своей жизни, вдругъ онъ хладнокровно проговорилъ: «Господинъ репортеръ, черезъ нѣсколько минутъ я буду трупомъ!» Затѣмъ онъ проглотилъ очень большую дозу опіума, и къ ужасу репортера вскорѣ умеръ.—Баундъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ получилъ наслѣдство въ 350,000 долларовъ и промоталъ всѣ эти деньги.

Страхованіе красоты. Въ Парижѣ возникло совершенно необыкновенное страховое общество—общество страхованія женской красоты. Въ уставѣ его находятся слѣдующіе параграфы: 1) Всякая женщина можетъ оцѣнивать свою красоту по собственному своему усмотрѣнію. Эта сумма обезпечивается ей соотвѣтствующей преміей, сообразно съ продолжительностью срока страхованія. 2) Общество беретъ на свой страхъ красоту женщинъ отъ 15 до 30 лѣтняго возраста. Оно обязывается выплачивать разсчитанную въ различныхъ степеняхъ сумму, въ случаѣ потери красоты вслѣдствіе болѣзни или иной причины, въ срокъ опредѣленный страховой полиціей. 3) Въ случаѣ, если застрахованная женщина, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ общества условленную по договору сумму, а общество признаетъ это требованіе несправедливымъ, то обѣ стороны подвергаются суду экспертовъ, которые должны быть не моложе 20 и не старше 50 лѣтъ.

Наполеонъ I и госпожа Сталь. Госпожа Сталь, дочь Неккера, сдѣлала разъ Наполеону вопросъ, какую женщину считаетъ онъ самой великой, самой знаменитой. «Ту, которая всего больше имѣла дѣтей,» коротко отвѣчалъ императоръ.—Г-жа Сталь слышала, что императоръ благосклонно отозвался о «*Коринкѣ*», и думала въ слѣдующій сезонъ услышать отъ него что нибудь

Библиотека "Руниверс"

лестное о своемъ произведеніи. Желанное время наступило, императоръ дѣлалъ свою *tournée*. Къ несчастію, для знаменитой писательницы, за нѣсколько дней передъ тѣмъ Наполеонъ узналъ объ ея козняхъ противъ него.—Императоръ подходилъ къ ней ближе и ближе, и совсѣмъ подлѣ нея долго разговаривалъ съ одной дамой.. Наконецъ, онъ подошелъ къ ней, смѣрялъ ее съ головы до ногъ взглядомъ и обратился къ ней съ вопросомъ: «*Madame!* сколькихъ дѣтей выкормили вы?» — И прежде чѣмъ озадаченная писательница успѣла открыть ротъ, императоръ повернулся и оставилъ ее на мѣстѣ. — Какая обманутая надежда!—На другой день г-жа Сталь получила отъ императора приказаніе въ двадцать четыре часа навсегда оставить Парижъ, а вслѣдъ за тѣмъ и Францію. Не смотря на всѣ просьбы и слезы, императоръ не измѣнилъ своего рѣшенія. — Она отправилась въ Конетъ, великолѣпный замокъ своего отца на Женевскомъ озерѣ, но не могла забыть своего парижскаго отеля.—Богатая и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдная женщина!—Во время ея довольно продолжительнаго пребыванія въ Веймарѣ, Гёте выразился объ ней: «Сталь, умственно и физически колоссальная женщина, которая стоитъ дюжины мужчинъ. Передъ ней всегда надо стоять на заднихъ лапкахъ и удерживать свой языкъ, потому что то, что я скажу ей сегодня, завтра будетъ стоять въ ея книгѣ: «О Германіи».— «Шиллеръ жалѣлъ, что не совсѣмъ свободно владѣетъ французскимъ языкомъ» тогда удобнѣе бы было бродить съ ней по ея фантастическимъ лѣсамъ.

Осада Лилля. Когда Лудовикъ XIV стоялъ осадой подъ Лиллемъ, тамошній губернаторъ каждый день присылалъ ему льду для прохлажденія. Разъ король замѣтилъ посланному, что губернаторъ сталъ скупиться и присылаетъ очень мало льду. «Мы должны соблюдать экономію,» отвѣчалъ посланный, «осада Вашего Величества можетъ продолжаться еще *очень* долго, и тогда пожалуй его не достанетъ.»

Исторія Франціи соединяетъ въ себѣ величайшія противорѣчія. *Les extrêmes se touchent.* На одной и той же ея страницѣ встрѣчаются жизнь и смерть, смѣхъ и слезы, благородство и грубость нравовъ! Когда въ 1789 др. Гилльотенъ изобрѣлъ новую машину для отрубанія головъ, названную въ честь изобрѣтателя гильотиной и получившую отъ національнаго собранія премію за свою легкость и скорость, парижане праздновали это событіе съ необыкновеннымъ весельемъ; остроты по поводу этой убійственной машины сыпались повсюду, въ открытыхъ салонахъ, въ семейныхъ кружкахъ, на сценѣ. Въ каждомъ балетѣ появлялась гильотина, на народныхъ театрахъ она играла первую роль. Многіе, навшіе тогда подъ гильотиной, печатали свои письма печатками *à la guillotine*. Серьги, брошки, браслеты, все было *à la guillotine*. За дессертомъ подавались маленькія гильотины изъ краснаго дерева съ марципанными куклами, головы которыхъ представляли извѣстные портреты. Подъ хлопанье шампанскихъ пробокъ, изящныя дамы какъ изъ *haute volée*, такъ и изъ *demi-monde* опускали роковой топоръ. Голова несчастной жертвы отдѣлялась отъ туловища. Головой, представленной обыкновенно въ каррикатурномъ видѣ, перебрасывались, а туловище ѣли, среди пошлыхъ остротъ и шутокъ, мокая платки и перчатки въ красную, душистую жидкость, игравшую роль крови.

Ашантійскія сокровища. Извѣстные лондонскіе ювелиры Гаррардъ заключили съ агентами британской арміи на Золотомъ берегу договоръ, въ силу котораго они дѣлаются собственниками пріобрѣтенныхъ у Ашантіевъ золотыхъ вещей. Послѣднія состоятъ изъ предметовъ, имѣющихъ въ цѣломъ 1000 унцій золота: онѣ были присланы королемъ Коффе въ счетъ условленнаго вознагражденія. Бѣглый обзоръ этихъ вещей уже показываетъ съ какой носительностью, какъ на удачу, хватались онѣ у короля. Между самыми большими изъ нихъ находится человѣческій черепъ изъ массивнаго золота, вѣсомъ отъ 50 до 60 унцій, представляющій повидимому голову приговореннаго къ смерти плѣннаго; потомъ двѣ золотыя ручки отъ королевскаго кресла, и два громадныхъ, съ четырьмя золотыми шарами на рукояткахъ, сабельныхъ клинка, которые ставились предъ королемъ въ торжественныхъ церемоніяхъ. Въ числѣ этихъ предметовъ находится также нѣсколько золотыхъ пряжекъ, какія королевскіе посланники носили на груди. Работа ихъ чрезвычайно хороша, такъ что ее едвали могутъ превзойти лучшіе европейскіе ювелиры. Кромѣ этихъ большихъ вещей, есть тутъ еще разные божки, украшенные золотомъ и черные, золотыя палки для зонтиковъ и чиновническіе жезлы, грубыя изображенія львовъ для оконечности скипетра, золотыя челюсти и черепа, и еще множество предметовъ, которые трудно описать, но которые вѣроятно играли большую роль въ религіи Ашантіевъ. Еще находятся тутъ различныя бездѣлки, сдѣланныя съ большимъ искусствомъ. Можно тутъ увидѣть браслеты, тяжело обременявшіе руки, и другіе, такіе легкіе, что ихъ не слышно на рукѣ; цѣпочки, брошки прекрасныхъ фантастическихъ формъ. Что особенно выдается въ этой коллекціи, это поистинѣ необыкновенный подражательный талантъ ашантійскихъ ювелировъ. Все, что поражало ихъ въ обращеніи съ европейцами, они копировали въ золотѣ, повидимому составляющемъ для нихъ самый обыкновенный металлъ. Такъ напримѣръ, у нихъ можно найти ручки для занавѣсъ, колокольчики и даже часовые ключики, тогда какъ въ странѣ нѣтъ понятія о часахъ. Вслѣдствіе этого подражательнаго таланта, на ихъ работахъ видны слѣды всѣхъ націй; тутъ вы найдете орнаменты въ древнемъ индійскомъ стилѣ, другіе въ египетскомъ, и опять третьи въ скандинавскомъ и англо-саксонскомъ. Что касается до времени ихъ происхожденія, то онѣ принадлежитъ кажется всѣмъ столѣтіямъ. Между кольцами есть одно особенно замѣчательное; его печать повидимому скопирована съ древней коптской монеты; тутъ же есть англійскія обручальныя кольца, бывшія въ модѣ лѣтъ за 200 или 300 тому назадъ. Наконецъ въ числѣ сокровищъ находятся въ мѣшечкахъ куски золота, доказывающіе, что Ашанти настоящее золотое дно. Что могло бы изъ него быть при раціональномъ пользованіи его минеральными богатствами!

Какъ склеивать янтарь. Всего лучше склеиваются два кусочка янтаря, если смочить ихъ ѣдкимъ кали, и потомъ, согрѣвъ, прижать другъ къ другу. Кусочки склеиваются такъ хорошо, что не замѣтно даже слѣда склейки.

Сжиганіе труповъ. Вопросъ о сжиганіи труповъ, начинаетъ кажется пріобрѣтать въ Америкѣ серіозное значеніе. Въ Нью-Іоркѣ уже образовалось общество сжиганія труповъ, въ средѣ многочисленныхъ членовъ котораго насчитывается много почтенныхъ личностей. Общество это обязуется сжигать трупы всѣхъ своихъ членовъ, съ условіемъ, разумѣется, если родственники умершаго не будутъ противиться этому. Расходы по сожженію трупа опредѣляются отъ 5 до 8 долларовъ. Какъ скоро общество будетъ утверждено въ своихъ корпораціонныхъ правахъ, оно намѣрено купить участокъ земли въ предмѣстьяхъ Нью-Іорка, и построить тамъ зданія и печи для «сжиганія труповъ законнымъ порядкомъ и не возбуждая общественнаго любопытства». Смѣта на постройку этихъ зданія опредѣлена въ 10,000 долларовъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 13-го іюля, въ 10 часовъ утра, Ея Величество Государыня Императрица изволила прибыть изъ-за границы въ Царское-Село.

— Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать пятнадцать тысячъ рублей для оказанія денежнаго пособія бѣднѣйшимъ жителямъ Царства Польскаго, обратившимся въ послѣднее пребываніе Его Императорскаго Величества въ Варшавѣ со всеподданнѣйшими прошеніями по сему предмету.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: срокъ, ранѣе котораго никто не можетъ быть представленъ къ наградѣ со времени полученія послѣдней награды, установить для всѣхъ чиновъ и должностей, вмѣсто нынѣшняго 2-лѣтняго, 3-лѣтній (измѣн. §§ 17 и 19).

— Высочайше повелѣно: впредь до общаго пересмотра Строительнаго Устава (Св. Зак. т. XII ч. 1), ст. 411-ю сего Устава съ дополненіемъ къ ней по прод. 1869 г. замѣнить слѣдующимъ правиломъ: «Во всѣхъ каменныхъ заводскихъ и фабричныхъ зданіяхъ, за исключеніемъ заводовъ винокуренныхъ, лѣстницы должны быть изъ несгараемаго матеріала: камня, кирпича, чугуна или желѣза, причемъ въ каждомъ зданіи, имѣющемъ болѣе одного этажа и болѣе двѣнадцати саженъ длины по фасаду, надлежитъ устраивать не менѣе двухъ такихъ лѣстницъ.

— Генералъ-адъютантъ, вице-адмиралъ Посьетъ Указомъ Прав. Сенату 10-го іюля 1874 г. назначенъ министромъ Путей Сообщенія.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Во время послѣдняго пребыванія Государя Императора въ Варшавѣ прибыли представители нѣсколькихъ уніатскихъ приходовъ Сѣдлецкой губерніи съ намѣреніемъ подать прошеніе объ отмѣнѣ сдѣланныхъ епархіальнымъ начальствомъ распоряженій относительно обрядностей греко-уніатскаго богослуженія. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Государя Императора, Его Величеству благоугодно было повелѣть варшавскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту графу Коцебу объявить вновь греко-уніатскому населенію ввѣреннаго ему края, что просьбы его въ этомъ отношеніи исполнены быть не могутъ, и что Его Величество изволитъ быть увѣреннымъ, что греко-уніатское населеніе, искони русское и всегда вѣрное Престолу, освободясь отъ несчастныхъ заблужденій и неблагонамѣренныхъ внушеній, сбивающихъ его съ должнаго пути, не замедлитъ утвердиться въ своихъ древнихъ правильныхъ богослужебныхъ обрядахъ и явитъ себя по прежнему покорнымъ и спокойнымъ, какимъ Государь Императоръ привыкъ его видѣть до настоящаго времени.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— При Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 16-го іюня открытъ русскій этнографическій музей Ѳ. И. Іезберы. Музей этотъ помѣщается въ двухъ залахъ, примыкающихъ къ студенческой читальнѣ, и имѣетъ до 20,000 предметовъ.

Библиотека "Руниверс"

— Съ 1-го іюля настоящаго года, какъ сообщается въ газетѣ «Кавказъ», въ Тифлисѣ открывается мужская прогимназія. Въ настоящемъ году будутъ открыты только приготовительный и первый классы прогимназіи; прочіе классы будутъ открываемы постепенно.

— 6-го іюня отрылся въ Костромѣ съѣздъ народныхъ учителей, устраиваемый земствомъ уже въ третій разъ. На съѣздъ этотъ собралось болѣе ста учителей и учительницъ, но кромѣ того при занятіяхъ присутствуетъ значительное число постороннихъ лицъ, интересующихся школьнымъ дѣломъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Первымъ шефомъ С.-Петербургскаго гренадерскаго короля Фридриха-Вильгельма III полка (3-й гвардейской пѣхотной дивизіи), расположеннаго въ Варшавѣ, числится Его Императорско-Королевское Величество, Императоръ Германскій и Король Прусскій Вильгельмъ I. Его Величество, всегда благосклонный къ своему полку, изволилъ недавно, въ ознаменованіе своего особаго вниманія къ нему, пожаловать ленты на полковыя знамена. Ленты эти присланы были въ Варшаву изъ Пруссіи черезъ прусскаго генеральнаго консула и переданы по принадлежности въ полкъ, при слѣдующемъ рескриптѣ на имя командира полка, полковника графа Комаровскаго, которымъ удостоилъ почтить полкъ Августѣйшій шефъ. Вотъ подлинный рескриптъ этотъ:

«Я рѣшилъ пожаловать тремъ батальонамъ моего С.-Петербургскаго гренадерскаго Короля Фридриха-Вильгельма III полка ленты на знамена; вмѣстѣ съ симъ я препровождаю вамъ эти ленты съ пожеланіемъ, чтобы полкъ, вѣрный своимъ древнимъ преданіямъ, постоянно велъ эти знамена ко славѣ и чести».

«Вильгельмъ».

«Данъ въ замкѣ Бабельсбергѣ, 2-го іюня 1874 года».

— 10-го іюля прибыла въ Кронштадтъ съ моря французская паровая яхта-шхуна «Фонетъ», принадлежащая барону Лемете. Шхуна пришла изъ Гавра и заходила на пути въ Копенгагенъ. На шхунѣ находятся: самъ владѣлецъ съ супругой и дочерью и его гости, графъ и графиня Бушо съ двумя дѣтьми, съ ихъ прислугой и 16 человѣкъ команды. Яхта сидитъ въ грузу 11 футовъ и имѣетъ 90 тоннъ водоизмѣщенія.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— 23-го минувшаго іюня открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ на 2-мъ участкѣ Лозово Севастопольской желѣзной дороги отъ города Александровска до города Мелитополя, Таврической губерніи, на протяженіи 105¼ верстъ.

— 25-го іюня строители Калужскаго участка Ряжско-Вяземской желѣзной дороги праздновали прибытіе трехъ локомотивовъ изъ назначенныхъ семи для работъ по участку. Въ 10 часовъ утра, послѣ напутственнаго молебна, Калуга впервые услышала свистокъ паровоза, который, разукрашенный флагами и зеленью, при громкихъ привѣтственныхъ крикахъ собравшихся горожанъ и звукахъ музыки двинулся отъ пристани на Окѣ къ Калужской станціи. Путь этотъ, составляющій вѣтвь къ рѣкѣ, протяженіемъ около 7 верстъ, совершенно оконченъ и служитъ теперь для развозки рельсовъ.

— Укладка рельсовъ по линіи Моршанско-Сызранской желѣзной дороги быстро подвигается впередъ. Отъ города Моршанска поѣзды въ настоящее время доходятъ до села Каменки, отстоящей отъ Пензы на 68 верстъ, отъ Кузнецка же до Пензы осталось проложить еще менѣе, именно 60 верстъ, такъ что весь промежутокъ неоконченнаго пути равняется только 128 верстамъ. Къ 15-му іюля строители дороги надѣются окончить свое дѣло и открыть товарное движеніе.

ПОСТРОЙКИ И СООРУЖЕНІЯ.

— 8-го сего іюля послѣдовало въ С.-Петербургѣ торжественное открытіе сада на Адмиралтейской площади. Работы по устройству *Александровскаго сада* начаты въ іюлѣ 1872 г. и ровно въ два года пустынная площадь превратилась въ зеленѣющій и цвѣтущій садъ. Подъ просвѣщеннымъ руководствомъ президента Россійскаго Общества Садоводства, генералъ-адъютанта Грейга, любителя и знатока ботаники, работы производимы были главнымъ ботаникомъ Императорскаго Ботаническаго сада, дѣйств. ст. сов. Регелемъ, служащимъ при томъ же садѣ г. Бергеманомъ и садоводомъ Гедевигомъ. Работы по устройству сада, какъ-то: снятіе мостовой, насыпка земли, которой употреблено до 3.600 куб. саж., посадка деревьевъ, кустарниковъ и проч., всего до 4.000 растеній устройство газоновъ, дорожекъ, рѣшетки—всѣ эти работы стоили всего около 90.000 рублей. Въ саду впослѣдствіи устроены будутъ два фонтана: одинъ близь главнаго входа (противъ Гороховой) и другой близь памятника Петру Великому. Во вновь открытомъ *Александровскомъ саду* сдѣлано весьма удачное нововведеніе. Большинство растеній снабжено табличками съ названіями растеній на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Это нововведеніе будетъ имѣть образовательное значеніе. До сихъ поръ оно не примѣнялось еще къ общественнымъ садамъ, непредназначеннымъ для научной цѣли. Кромѣ того, на холмѣ, близь памятника Петру I, собрана весьма интересная коллекція альпійскихъ (горныхъ) растеній, снабженная тоже надписями.

Видъ сада чрезвычайно изященъ, газоны и клумбы разбиты съ большимъ вкусомъ, дорожки прорѣзаны очень красиво, рѣшетка легка и при всей своей простотѣ имѣетъ прекрасный видъ.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ.

— Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ, что бывшій редакторъ журнала «Азіатскій Вѣстникъ», г. Пашино, весною прошлаго года отправился въ Индію съ цѣлью пройдти чрезъ Индостанъ въ русскій Туркестанъ. Хотя это намѣреніе онъ не могъ привести въ исполненіе, но тѣмъ не менѣе успѣлъ проникнуть далеко на сѣверъ. Самою любопытною частью путешествія г. Пашино было странствованіе его отъ Кашмира въ независимыя владѣнія Индіи въ горахъ Гималая, гдѣ каждый городъ имѣетъ своего особаго правителя, вали, что значитъ намѣстникъ Божій. Отъ города Гильгита, г. Пашино, переодѣтый, пошелъ въ Ясинъ, оттуда въ Амальсу и Даркотъ, въ мѣстности, доселѣ еще непосѣщенныя европейцами. Въ Даркетѣ г. Пашино, будучи узнанъ однимъ афганомъ, видѣвшимъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ русскомъ Туркестанѣ, подвергся подозрѣнію, что онъ русскій и долженъ былъ вынести пытливый допросъ со стороны мѣстныхъ властей. Только благодаря своимъ знаніямъ восточныхъ языковъ и Корана, г. Пашино могъ счастливо избавиться отъ послѣдствій враждебнаго настроенія туземцевъ къ иностранцамъ (русскимъ и англичанамъ одинаково) и пустился въ обратный путь въ Гильгитъ, оттуда въ Лагоръ, Мультонъ и далѣе по Инду въ Шикарпуръ и Гейдерабадъ.

ПРОИСШЕСТВІЯ.

— Въ газетѣ «Кавказъ» пишутъ, что 13-го мая, на разсвѣтѣ, около четырехъ часовъ утра, партія бѣглыхъ бжедуховъ, скрывающихся въ горахъ, напала на селеніе грековъ-переселенцевъ въ 15 верстахъ отъ Ключевой станицы, близь бывшаго Фанагорійскаго поста, выжгла всѣ строенія, вырѣзала почти всю населеніе и безпрепятственно удалилась въ горы, угнавъ въ свои трущобы весь скотъ переселенцевъ. Партія горцевъ состояла, говорятъ изъ 20-ти хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Къ поимкѣ ихъ приняты всевозможныя мѣры. Бжедухи — самое воровское и разбойническое племя на Кавказѣ.

— 8-го мая вечеромъ, изъ Петрозаводска была отправлена по Петербургскому тракту почта въ сопровожденіи почтальона Лядинскаго и ямщика Состомонена. На 11-й верстѣ отъ города, между деревнею Сулажгорою и Половинскою станціею, неизвѣстно кѣмъ сдѣланъ въ ѣхавшихъ съ почтою выстрѣлъ изъ ружья, которымъ почтальонъ былъ раненъ въ двухъ мѣстахъ въ правую руку, а ямщикъ получилъ смертельную рану въ спину на вылетъ. Почтальонъ успѣлъ угнать лошадей отъ нападавшаго и доставилъ почту на Половинскую станцію, откуда она отправилась въ дальнѣйшій путь въ сопровожденіи станціоннаго смотрителя. Ямщикъ на другой день умеръ.

СОДЕРЖАНІЕ: Императорскіе вагоны (съ тремя рисунками).—На травѣ (очерки кавалерійской жизни) Всеволода Крестовскаго (окончаніе).—Мужъ своей жены (окончаніе).—Джонъ Тиндалль (съ портретомъ).—Впечатлѣнія русскаго путешественника I. Отъ Кіева до Женевы.—Бой зайцевъ (съ рисункомъ). — Смѣсь.— Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

„УДОБСТВО И ЭКОНОМІЯ"

ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ И РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ

КЕРОСИНОВЫЯ ПЕЧИ

разныхъ величинъ и фасоновъ, со всѣми необходимыми принадлежностями, въ 1, 2, 3 и 4 конфорки отъ 1 до 8 рожковъ горѣнія, очень удобныя для

ДАЧЬ И ЛАГЕРЕЙ.

ТАКЖЕ

ПАРОВЫЕ КОФЕЙНИКИ

разныхъ величинъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Господамъ торговцамъ значительная уступка.

ВЪ МАГАЗИНѢ

А. КРУМБЮГЕЛЬ.

№ 26. Невскій просп., противъ Аничкова дворца. № 26.

МАРІЯ ИВАНОВНА ДОМБРОВСКАЯ

РЕКОМЕНДУЕТЪ

учителей, учительницъ, наставниковъ, наставницъ, воспитателей воспитательницъ, педагоговъ, гувернеровъ и гувернантокъ, разнаго образованія; преподавателей и преподавательницъ музыки; репетиторовъ репетиторокъ; компаньоновъ и компаньонокъ, обладающихъ разными знаніями; боннъ всякихъ народностей.

ВЪ ВАРШАВѢ,

Краковское-предмѣстіе, номеръ новый 7.

Нумеръ старый 411, въ домѣ графа Красинскаго, прежде Г. Гродзицкаго; во второмъ дворѣ, въ послѣднемъ флигелѣ, на лѣвой сторонѣ возлѣ садика; нумеръ квартиры 44.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Дозволено цензурою. 26 іюля 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 32 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 29-го іюля 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ПРИ ЭТОМЪ НОМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ СЪ 24 РИСУНКАМИ.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

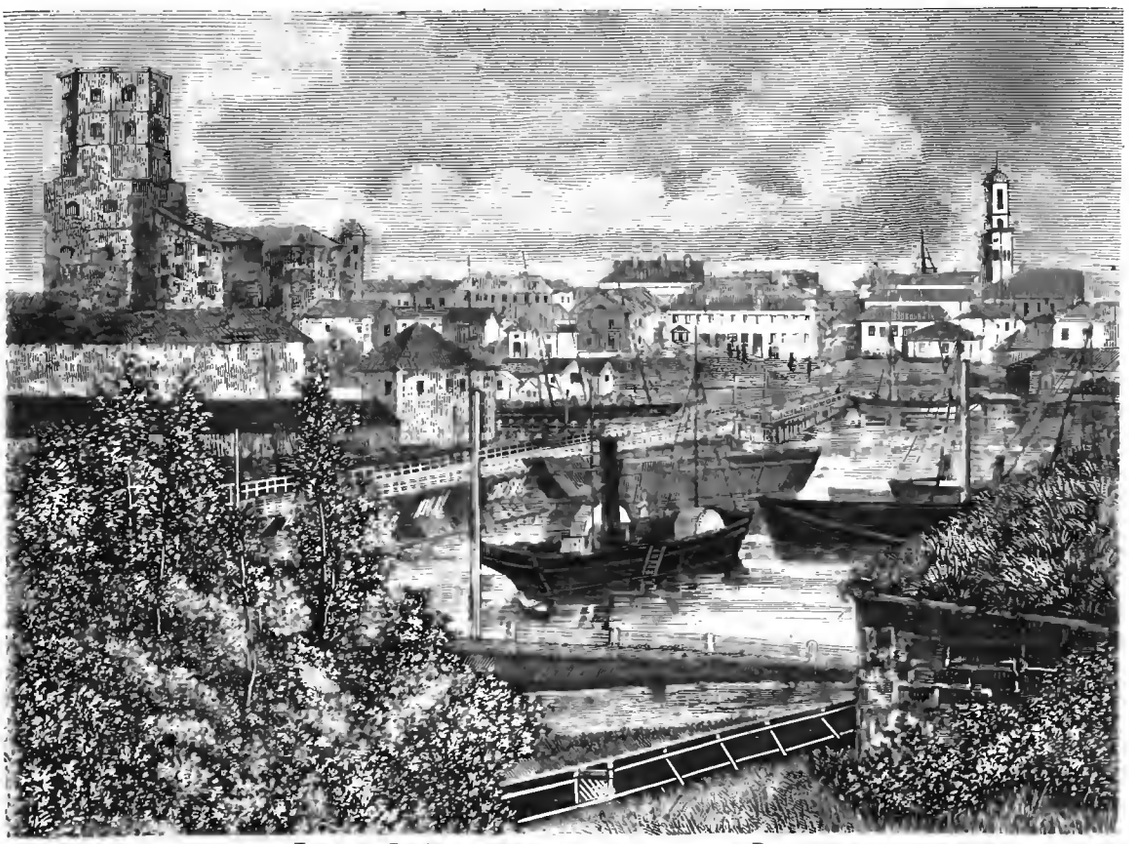
I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.



Городъ Выборгъ. Рис. Космаковъ, грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Выборгъ.

Выборгъ, находящійся въ 120 верстахъ отъ Петербурга, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ извѣстенъ только своими крепостями, но теперь онъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ—какъ туристовъ, въ качествѣ станціи по дорогѣ на Иматру, такъ и вообще петербуржцевъ, желающихъ переселиться на лѣто куда нибудь подальше отъ петербургской духоты и шума. Морское купанье дѣлаетъ особенно пріятной перспективу дачной жизни въ окрестностяхъ этого маленькаго финляндскаго городка.—Пять часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ пролетаютъ незамѣтно, хотя, миновавъ ближайшія окрестности Петербурга, первая часть пути довольно скучна и однообразна. Напрасно будете вы искать здѣсь дикихъ скалъ и мрачныхъ лѣсовъ, на которые настроено воображеніе, когда ѣдешь въ Финляндію. Только на второй половинѣ пути кое-гдѣ разбросаны отдѣльные гранитныя глыбы, передовые вѣстники тѣхъ исполиновъ, которые ожидаютъ васъ дальше.

Выборгъ былъ прежде главнымъ городомъ всей старой Финляндіи, но съ присоединеніемъ всего края къ Россіи снизошелъ на степень губернскаго города. Онъ красиво расположенъ на краю глубокаго залива. У длиннаго моста, соединяющаго городъ съ выборгскимъ форштадтомъ, стоитъ замокъ съ массивной каменной башней. Судя по нашимъ лѣтописямъ, Выборгская крѣпость Св. Анны считалась очень сильною. Теперь укрѣпленія ея состоятъ изъ высокаго земляного вала съ прорѣзанными въ нѣсколькихъ мѣстахъ воротами, выложенными камнемъ, и не представляютъ ничего грознаго. Крѣпость эта выдерживала встарину многочисленныя осады, такъ какъ юго-восточная часть Финляндіи, оплотомъ которой служилъ Выборгъ, съ давнихъ поръ была яблокомъ раздора между Россіей и Швеціей. Небольшую крѣпость Св. Анны нѣсколько разъ осаждали новгородцы и царскія войска. Въ лѣтописяхъ съ особенными подробностями описывается такъ-называемый, *Выборгскій трескъ*. Въ концѣ XV вѣка новгородцы безуспѣшно осаждали крѣпость въ теченіи трехъ мѣсяцевъ; наконецъ имъ удалось овладѣть одной башней, и шведы никакъ не могли выбить ихъ оттуда. Комендантъ крѣпости, Кнутъ Поссе, послѣ тщетныхъ усилій оттѣснилъ непріятеля, подвелъ мину и взорвалъ ее. Башня взлетѣла на воздухъ съ страшнымъ трескомъ и громомъ,—и новгородцы, потерпѣвъ большую потерю, принуждены были снять осаду. Въ настоящее время замокъ служитъ тюрьмой для арестантовъ. Подлѣ замка проходитъ южное устье Сайменскаго канала. На немъ въ 1849 году выстроенъ прекрасный чугунный мостъ, замѣчательный своимъ необыкновеннымъ устройствомъ. Во время прохода судовъ, онъ (какъ обыкновенно) не поднимается и не отводится въ стороны, но посредствомъ машины уводится въ тунель, сдѣланный подъ набережной и скрывается подъ землей. Въ одну минуту, точно по волшебству, мостъ исчезаетъ, и какъ скоро пройдетъ судно, онъ скоро выкатывается изъ подземнаго туннеля и ложится черезъ каналъ.

Выборгъ, не смотря на небольшое число жителей (около шести тысячъ), представляетъ всѣ удобства благоустроеннаго города. Улицы, хотя узкія и кривыя, мощены и освѣщаются газомъ; въ лучшихъ частяхъ города есть каменные дома, книжныя лавки, и магазины. Городъ имѣетъ гимназію съ порядочной библіотекой и нѣсколько пансіоновъ и низшихъ училищъ. Населеніе представляетъ пеструю смѣсь русскихъ, шведовъ, нѣмцевъ и финновъ. Каждое исповѣданіе имѣетъ свою церковь, и представители всѣхъ этихъ національностей говорятъ каждый на своемъ языкѣ; впрочемъ услышать русскій языкъ - большая рѣдкость, но русскія деньги принимаются въ лавкахъ безъ затрудненій.

Выборгъ ведетъ оживленную торговлю, особенно лѣсомъ. Пріѣзжіе найдутъ здѣсь хорошіе отели, гдѣ все устроено на европейскую ногу, какъ напримѣръ въ *Societetshus*. — За петербургскимъ форштатомъ раскинутъ городской садъ, довольно обширный и тѣнистый. На противуположной сторонѣ города, на гранитномъ возвышеніи, разведенъ еще не въ очень давнее время другой садъ, извѣстный подъ названіемъ *Promenade*. Здѣсь изъ бесѣдки, поставленной на гребнѣ скалы, открывается обширный видъ на городъ и заливъ къ Транзунду. На этомъ мѣстѣ туристамъ показываютъ большой камень, съ котораго Петръ Великій во время осады осматривалъ городскія укрѣпленія.

Но лучшее украшеніе Выборга—это знаменитый садъ барона Николаи, *Mon repos*. Дорога къ нему ведетъ черезъ Выборгскій форштадтъ, застроенный красивыми, утопающими въ зелени дачами, и черезъ полчаса ѣзды, вы уже подъѣзжаете къ саду. Едва ли есть другой садъ оригинальнѣе и живописнѣе *Mon repos*. Къ нему почти не идетъ даже названіе сада или парка, въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ. Это въ миніатюрѣ вся Финляндія, со всей ея дикой природой и самобытной народной поэзіей. Нельзя было придумать лучшаго мѣста для статуи Вейнемейнена бога поэзіи, перваго языческаго бога Финляндіи, какъ поставивъ ее въ этомъ необыкновенномъ саду, среди мрачныхъ скалъ и угрюмыхъ сосенъ съ неподвижнымъ зеркаломъ водъ извилистаго залива внизу.

Никакое описаніе не передастъ прелести *Mon repos*, гдѣ природа и искуство соединились вмѣстѣ чтобы на каждомъ шагу поражать васъ новыми неожиданными красотами. Надо видѣть его собственными глазами, и Выборгъ много обязанъ этому очаровательному мѣсту приливомъ посѣтителей въ лѣтнее время, пріѣзжающихъ сюда нарочно чтобы посмотрѣть *Mon repos*.

Испорченный шкафъ.

РАЗСКАЗЪ.

Около двухъ мѣсяцевъ нужно мнѣ было пробыть въ городѣ Засосовѣ,—а гостиница, въ которой я остановился, рѣшительно меня выгоняла. На жалобы мои, что жить въ номерѣ невозможно, потому что милліоны постояльцевъ, пущенныхъ прежде меня въ номеръ, не даютъ мнѣ по ночамъ спать,—хозяинъ единственной засосовской отели, подъ названіемъ «Синопъ», вздыхалъ и въ видахъ утѣшенія говорилъ только, что «на свѣжаго человѣка *они* дѣйствительно-съ тово-съ... накидываются; ну, а ежели пообтерпѣться маленько, такъ ничего—съ: будете спать и не услышите».

— Ну, а сколько-же времени нужно, чтобы пообтерпѣться?...

— Да, какъ вамъ сказать?... Недѣльку покусаютъ, ну авось тогда...

— Въ такомъ случаѣ я буду искать квартиру.

— Позвольте-съ, живо заговорилъ метръ д' отель: — можетъ для васъ и меньше недѣльки потребуется... Это какъ у кого какая комплекція. Вонъ, у меня, въ прошломъ мѣсяцѣ, генералъ одинъ партикулярный останавливался—такъ въ двѣ ночи привыкъ, да-съ!

— Сожалѣю, что не принадлежу къ разряду партикулярныхъ генераловъ. Нельзя-ли по крайней мѣрѣ достать здѣсь буры или персидскаго порошку?

— Все это пустяки-съ, одна трата денегъ. Мы вонъ къ Рождеству да къ Пасхѣ кипяткомъ обдаемъ, а и то лишь временно помогаетъ. Нѣтъ-съ, ежели пообтерпѣться... Очень хорошо даже спать будете!...

Я молчалъ и думалъ: а если и на квартирѣ также придется пообтерпѣться? Эдакъ, пожалуй, промѣняешь кукушку на ястреба. А, впрочемъ, почему-же и не поискать?...

И я, дѣйствительно, на другой-же день нашелъ довольно чистенькую квартирку, которую и нанялъ на два мѣсяца.

Домикъ, въ которомъ я поселился, состоялъ всего изъ четырехъ комнатъ, передней и кухни. Хозяйка, почтенная старушка, уступила мнѣ двѣ комнаты съ передней; остальныя двѣ съ кухней она сама занимала. Отъ моей квартиры онѣ отдѣлялись небольшимъ корридоромъ, заставленномъ всякою всячиною: кадками, корзинками, банками, поломанными стульями и т. п. предметами; тутъ даже стоялъ вверхъ ногами большой ноясной портретъ какого-то господина въ синемъ сюртукѣ; полотно мѣстами было прорвано и дырья были затянуты старой паутиной. Въ темномъ углу корридора стоялъ большой ясеневый шкафъ; лицевая сторона его была повернута къ стѣнѣ.

Мебели въ двухъ моихъ комнатахъ было не особенно много, да и та представлялась неудобною во многихъ отношеніяхъ, но дѣлать было нечего. Въ первой комнатѣ стояли фортепіано. Я открылъ крышку и взялъ аккордъ... Желтенькіе, словно похудѣвшія и пораженныя ревматизмомъ, клавиши свободно опустились подъ пальцами — и что-то странное рѣзнуло слухъ—не то стонъ, не то вопль прозвучалъ въ воздухѣ, какъ будто я дотронулся до какого-то больнаго, забытаго всѣмъ міромъ существа... Долго еще въ

Библиотека "Руниверс"

ушахъ раздавался этотъ звукъ—и казалось мнѣ, что чей-то разбитый голосъ просилъ: «Не троньте меня»!...

Во второй комнатѣ, которую я обратилъ въ спальню, стояли только: кровать, коммодъ, небольшой столъ и два стула. Бѣлье и нѣкоторыя мелкія вещи изъ моего туалета я уложилъ въ коммодъ, но платья некуда было дѣвать; оставлять же его въ чемоданѣ въ горизонтальномъ положеніи мнѣ не хотѣлось.

Я стоялъ посреди комнаты и раздумывалъ о томъ, не устроить-ли вѣшалки? Но въ такомъ случаѣ развѣшенное платье надо будетъ чѣмъ нибудь прикрывать, ибо оно легко запылится ..

— О чемъ, батюшка, задумались?

Я обернулся. Передо мной стояла хозяйка. Я сообщилъ ей о своихъ размышленіяхъ и упомянулъ о вѣшалкѣ.

— Да гдѣ-жъ вѣшалку-то мы достанемъ? заказать развѣ? У насъ въ городѣ нѣтъ такихъ лавокъ, чтобы вѣшалки продавали, задумчиво проговорила старушка, посматривая на меня вопросительно.

— Мебельныхъ лавокъ совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣту, батюшка, нѣту! Какія лавки!

— Да какъ же такъ, Лизавета Ивановна?

— Да зачѣмъ намъ небель? У всякаго она есть. Ну, а кто хочетъ побольше—выписываетъ; а не то, вотъ, умретъ если кто въ городѣ — ну, тогда, бываетъ, что небель продаютъ, ежели лишняя.

Лизавета Ивановна вздохнула и подошла къ комоду.

— Да вотъ, коммодъ большой... Положить туда можно много.

— Ахъ, позвольте, Лизавета Ивановна! Извините, что, не дождавшись вашего предложенія, самъ заговариваю... У васъ, тамъ, въ корридорѣ, я видѣлъ большой шкафъ, ясеневый кажется...

— Вы думаете, что я-бы сама вамъ не предложила его?

— Очень вамъ благодаренъ, Лизавета Ивановна! Шкафу этому въ моей спальнѣ мѣсто найдется. Вы его отдаете мнѣ?..

— Отдала-бы, если-бы шкапъ-то былъ хорошій...

— Что-жъ онъ—испорченъ?

— Н-да, испорченъ... Не мѣсто ему въ комнатахъ быть, да и изъ колидора-то давно-бы его прочь... Да вотъ, не покупаютъ, а на дрова — жаль... Ну, вотъ, онъ у меня и стоитъ тамъ.

— Если онъ даже очень испорченъ, то я на свой счетъ починю его. Вы позволите?

— И чинить-то нечего, все равно—не поправишь.

Лизавета Ивановна наморщила брови и вздохнула.

— Да, помилуйте, онъ на видъ такой хорошій! Если замокъ...

— Да говорю вамъ, что чинить-то нечего: шкапъ хорошій, цѣлый, да не годится онъ... испорченъ, батюшка, испорченъ!

Я взглянулъ на Лизавету Ивановну и подумалъ: «не испорчены-ли вы сами, матушка? Не повредились-ли?» Но ничего такого подозрительнаго въ глазахъ старушки не замѣтилъ: она смотрѣла ясно, спокойно, глаза ея не бѣгали, не блуждали.

— Извините, я не совсѣмъ понимаю...

Хозяйка вдругъ улыбнулась и спросила:

— Вы не изъ трусливыхъ? Вы не мнительны?

— Я храбрый человѣкъ, Лизавета Ивановна! Но зачѣмъ вы...

— Лизавета Ивановна! раздался въ дверяхъ женскій голосъ.

Старушка обернулась.

— Чего тебѣ, Аграфена? обратилась она къ своей стряпухѣ, стоявшей въ дверяхъ.

— Пажалуйте-съ въ кухню-съ, сказала Аграфена.

— А, сейчасъ! Ну, если вы изъ храбрыхъ, обратилась она ко мнѣ,—то берите себѣ шкапъ-то. Онъ—хорошій, цѣлый, крѣпкій... Вотъ, съ Аграфеной и перетащите: пустой-то онъ —легкій! А не то—прохожаго поймайте—за гривенникъ снесетъ его къ вамъ въ спальню.

— Ну, вотъ, благодарю васъ, Лизавета Ивановна! А вы все таки меня поподробнѣе попугайте шкапомъ-то! Чѣмъ онъ именно страшенъ?..

— Смѣйтесь, смѣйтесь!.. Ну-да извините, некогда теперь. Для васъ-же хлопочу, чтобы обѣдомъ остались довольны.

— Сегодня вечеромъ за чаемъ разскажете?

— Коли любопытствуете, да не боитесь — почему не поболтать вечеркомъ. До свиданія-съ!

Лизавета Ивановна удалилась вслѣдъ за Аграфеной.

Я растворилъ окно и сталъ караулить прохожихъ. Черезъ полчаса сразу двухъ поймалъ, которые и изъявили сейчасъ-же согласіе свое за двугривенный перетащить шкафъ изъ корридора въ комнату. Аграфена улучила минутку и вытерла его *снаружи и внутри* мокрой тряпкой.

Самоваръ потухалъ и тянулъ тоненькимъ голоскомъ свою монотонную пѣсенку. Лизавета Ивановна наливала себѣ пятую чашку чая, но уже не въ накладку, а въ прикуску я пилъ четвертый стаканъ. Поставивъ снова чайникъ на самоваръ, старушка вытерла лобъ платкомъ и, не намѣреваясь еще начинать пятую чашку, кашлянула и сказала:

— Перетащили его-то?

— И перетащили, и поставили, да ужъ и платье мое въ немъ виситъ, и вотъ я ожидаю обѣщаннаго, Лизавета Ивановна...

— Хорошо, хорошо. Только напрасно вы его въ спальню-то къ себѣ поставили, а тутъ еще вотъ на ночь разсказывай вамъ! Для него и въ передней нашлось-бы мѣсто...

Она замотала головой и прибавила:

— А впрочемъ и то сказать: мужской полъ храбрѣе нашего, женскаго. Мы вотъ боимся, а вы—смѣетесь!..

— Да что-жъ это въ самомъ дѣлѣ за интересный шкафъ у васъ?

— Да никакого въ немъ интереса нѣтъ, а что испорченъ —это такъ... Ну, да вѣдь можетъ быть ничего худаго и не будетъ, а такъ говоришь, извѣстно, не равно что... Чего не случается!..

— Лизавета Ивановна, не мучьте!

— Извините, батюшка, что заболталась! Да исторія-то, по правдѣ вамъ сказать, простая, не мудреная. Долго-то ее и разсказывать не приходится. Годъ тому назадъ, а не то пожалуй и полтора будетъ, какъ я этотъ домикъ купила у вдовы Марьи Яковлевны Лукичей, за триста рублей она мнѣ его продала. Послѣ смерти дочери своей не захотѣла она тутъ жить и, продавши домъ, уѣхала — никакъ въ Москву, а не то—въ Таганрогъ — ужъ не помню. Что ни говори, а грѣхъ на ея душѣ лежитъ... Да! И отъ грѣха не только что въ Москву, либо въ Таганрогъ—никуда не уѣдешь. Вонъ и Каинъ-то, убивъ Авеля, какъ метался!.. Дочку-то Марьи Яковлевны Александрой звали. Вдвоемъ онѣ только и жили. Я была вхожа къ нимъ въ домъ. Сашенька, ужъ не знаю почему, любила меня и даже откровенна была со мной, хотя я ей по лѣтамъ и не была парой. Славная была дѣвушка... Довольно таки поплакала я по ней, да и теперь случается подъ часъ... Повѣрите-ли: слезы такъ вотъ сами и набѣгутъ!..

— Какихъ же лѣтъ она умерла?

— Да что, пожалуй, девятнадцать ей было... Молоденькая, батюшка, молоденькая!

— И хорошенькая?

— Ну, красавица не красавица, а личико было пріятное. Какъ кому, а мнѣ она нравилась. Небольшаго была она росту, а такая аккуратненькая, соразмѣрная, стройненькая. Смуглая была и волосъ у ней былъ темный. Глаза только сурьозные имѣла... И вотъ, подите-же: не любила ее мать. За что? Говорили, насильно была выдана за-мужъ, ну, извѣстно, мужа не любила, а ребенка—возненавидѣла... Какъ будто младенецъ былъ виноватъ!.. Сашенька никогда не жаловалась, даже мнѣ хоть-бы словечко какое насчетъ матери—никогда! А глаза-то у нея красны частенько бывали... Дѣвушка она была кроткая, тихая, а какія штуки дѣлала иногда—поразительныя! И видно, что жизнью неглежировала. Ну, вотъ... Да!.. У нашего городскаго священника...

Библиотека "Руниверс"

— Позвольте, какъ же это она жизнью неглижировала?

— Да вотъ у насъ тутъ за рѣкой пожаръ случился. Днемъ-то и загорѣлось. Праздникъ былъ, обѣдня еще не отошла. Въ загорѣвшемся домикѣ только стряпуха оставалась, да грудной младенецъ. Ну, ударили въ набатъ. Сбѣжался народъ. Стряпуха-то выскочила, а ребенокъ-то остался. Мать его выбѣжала изъ церкви, сунулась было въ сѣни —и назадъ: такъ ее дымомъ и обдало. Кричитъ: «Батюшки! Спасите ребенка! Спасите!» Вертится да въ ноги кланяется... И хоть-бы одинъ мужчина тронулся!... Гляжу—и обомлѣла! Сашенька (она тоже была въ церкви) выхватила изъ рукъ какой-то бабы ведро съ водой, воду вылила на себя, да съ ведромъ-то къ окну. Подняла она ведро обѣими руками высоко и два раза ударила по окошку... Сломала раму, ведро бросила, отворила окошко, прыгъ въ него — и исчезла... И какъ тутъ все разомъ притихло, какъ будто и народу не было!.. Сколько времени прошло, ужъ, право, не знаю, только Сашенька тѣмъ-же манеромъ, глядимъ, лѣзетъ изъ окна, а лѣвой рукой держитъ что-то у груди... Ну, тутъ къ ней кинулись мужчины и помогли ей... Что-жъ вы думаете? Вѣдь спасла ребенка-то! И дешево отдѣлалась: руку обожгла, бровь правую спалила, да платье испортила. Ребенка закутала она въ одѣяло съ головой, а то-бъ онъ отъ дыму задохнулся. Мать-то ребеночка— ноги-руки ей цалуетъ, а Сашенька и слова сказать не можетъ: кашляетъ только. Дыму наглоталась; два дня, говорятъ, потомъ голова болѣла... Какъ это ей спасти удалось младенца и гдѣ онъ лежалъ — ничего не разсказывала, говорила только, что «не помню»... А мать ее потомъ упрекнула таки, что она хорошее платье испортила. Сашенька—ни слова, а черезъ два мѣсяца и отдала матери деньги, что платье стоило. Она по ночамъ тихонько шила рубашки для фабричныхъ, ну и скопила деньги. А то еще вотъ что она разъ сдѣлала: сумасшедшаго усмирила, а то-бъ онъ надѣлалъ бѣдъ. Чиновникъ былъ тутъ у насъ, семейный человѣкъ, и шибко запивалъ. Съ бѣлой-ли горячки, или ужъ просто рехнувшись, выбѣжалъ онъ изъ трактира съ ножомъ, да прямо къ своему дому. Должно быть жена-то его увидѣла изъ окна, въ какомъ видѣ супругъ ея, ну и успѣла запереть дверн. Онъ—давай стучать, ломиться... Кричитъ: «Перерѣжу!..» Сунулись было къ нему, да назадъ: ножъ подымаетъ, грозится... Полиція у насъ все изъ инвалидовъ, тоже боится подступиться... Ужъ чѣмъ бы это кончилось — неизвѣстно, если-бы не Сашенька. Узнавъ въ чемъ дѣло, пошла прямо къ нему... Всѣ даже глаза зажмурили!.. Смотримъ: идетъ она отъ него и въ рукѣ у нея — ножъ. «Теперь, говоритъ, берите его поскорѣе». Ну, его взяли, связали и свезли въ больницу.

«Какъ это ты? какъ это онъ отдалъ?» стали у нея спрашивать. Сашенька и говоритъ: «Я подошла къ нему и сказала ласково: дайте мнѣ ножикъ. Онъ сейчасъ и отдалъ». Должно быть смѣлость-то ея его поразила,—ну, а вѣдь могло-бы и не то случиться...

— Да, счастливо отдѣлалась. Дѣйствительно, какъ вы говорите, она неглижировала жизнью. Но... какая же причина?

— А Богъ ее знаетъ... Такъ ужъ... натура такая.

— Но вѣдь мать-же ее не тиранила, а такъ только не любила?

— Нѣтъ, тиранствъ никакихъ не дѣлала, это что говорить. А вотъ послѣдній годъ Саша перестала неглежировать собою; прежде бывало совсѣмъ себя не берегла: осенью или зимою прелегко одѣвалась, безъ калошъ бѣгала—и ничего, а тутъ вдругъ стала кутаться, беречь себя... Однажды, какъ-то вечеркомъ, матери ея дома не было, она и открылась мнѣ: «Полюбила я, говоритъ,—Васю, только не знаю, что изъ этого выйдетъ. И онъ меня, говоритъ, полюбилъ, Лизавета Ивановна»... Васей звали старшаго сына нашего священника. Семинаристомъ онъ былъ и курсъ оканчивалъ. «Что-жъ, говорю я и смѣюсь: — матушкой-попадьей будете. Маменька-то вѣрно согласится»... «Нѣтъ, говоритъ,—онъ хочетъ быть докторомъ, хочетъ ѣхать въ Петербургъ медицинѣ учиться.» — «Ну, а батюшка-то?» спрашиваю. «Отецъ сердится, а, впрочемъ, говоритъ: не держу, только денегъ отъ меня не жди»... Я головой покачала. — «Ничего, говоритъ, —Лизавета Ивановна, ему-бы вотъ одинъ годъ только какъ нибудь прожить тамъ, а послѣ, такое правило есть: кто хорошо учится, тому деньги выдаютъ... Онъ завтра идетъ пѣшкомъ.» — Неужели, говорю,—пѣшкомъ идетъ, въ Петербургъ-то?... «Не онъ, говоритъ,—первый, не онъ послѣдній. Другіе-же идутъ и доходятъ. Я работать буду, стану посылать ему деньги — не говорите только объ этомъ маменькѣ. Не то что-бы я боялась, а такъ... не нужно»... «Да какъ же, спрашиваю, — первый-то годъ онъ тамъ проживаетъ?»... «Ну, уроки будетъ давать... Голова на плечахъ есть, руки —также»... А гляжу—задумалась и брови наморщила, да вдругъ эдакъ весело и говоритъ: «А какъ курсъ кончитъ, будетъ докторомъ—мы и поженимся тогда... Эхъ, Лизавета Ивановна, заснуть бы на все это время! Лежать, ничего не видѣть и ничего не слышать!...

А Вася-то и въ самомъ дѣлѣ ушелъ, и какъ теперь помню, передъ самымъ успенскимъ постомъ. Прошла осень. Двѣ недѣльки послѣ Покрова пролетѣли; зашла я какъ-то къ Марьѣ Яковлевнѣ. Въ сѣняхъ встрѣтила Сашу. Смотрю, что-то лицо-то у нея такое не то сердитое, не то грустное... «Что, говорю,—Сашенька, не здоровится тебѣ, родная моя?»

— «Нѣтъ, говоритъ, ничего... здорова», а сама смотритъ мнѣ въ плечо и глазами не мигаетъ.

— Ну, какія вѣсточки отъ Василія Акимыча?

— «Плохо... скверно...»

— Не хорошо, значитъ, тамъ ему живется?«

— «Очень не хорошо... Трудно ему тамъ, а я... я не могу помочь...»

И вдругъ говоритъ:

— «Можно послать по почтѣ золотыя сережки?»

Смотрю я на нее и самой мнѣ грустно сдѣлалось.

— «Прошелъ бы ужъ поскорѣй этотъ годъ! Была-бы я ужъ покойна тогда... Что вы, говоритъ,—такъ на меня смотрите? Вы думаете, что сватовство этого чиновника меня огорчило? Ничуть».

— Какого, спрашиваю, чиновника?

— «Да разнѣ не слыхали, что ко мнѣ сватается господинъ Пеклеванниковъ? Ну, какже! Вѣдь изволили влюбиться...»

Усмѣхнулась она тутъ немножко и потомъ зѣвнула.

— Нѣтъ, говорю,—ничего я объ этомъ сватовствѣ не слыхала.

— «Какже—самъ былъ... Изъяснялся».

— Ну, а маменька что?

— «Извѣстно... гонитъ за-мужъ... Довольно, говоритъ, хлѣба моего поѣла... Ну, да это мнѣ все равно: не могу же я имѣть двухъ жениховъ!...»

А Пеклеванниковъ этотъ, доложу вамъ, мѣсто хотя и небольшое занималъ на службѣ, а человѣкъ былъ съ деньгами. Вдовый онъ былъ и, говорятъ, характерный... Ну, поговорили мы еще съ Сашенькой—и разошлись.

Лизавета Ивановна вздохнула и вдругъ ахнула:

— Вотъ заговорилась какъ! Чай-то простылъ мой.

И она покончила съ пятой чашкой.

— Ну, долго не стану разсказывать. Въ концѣ ноября это случилось, ужъ Екатерининъ прошелъ. Иду это я въ лавку и встрѣчаю Сашеньку. Идетъ такимъ медленнымъ шагомъ, будто гуляетъ, а смотрю—прелегко одѣта.

— Куда это, спрашиваю,—гуляете?

— «Да, такъ... немножко».

Остановились. Странное такое у ней лицо...

— Что, видно письмецо отъ Василія Акимыча получили?

— «Отъ его товарища получила...»

И вдругъ схватила мою руку. Смотрю: слезы бѣгутъ по лицу.

— Что ты, родная моя?...

— «Онъ умеръ, Лизавета Ивановна».

— Кто, голубушка?

— «Вася... умеръ. Прощайте!»

Пожала мнѣ руку и пошла. Слышу это я, на другой день,

Библиотека "Руниверс"

Борьба за Неву. III. Отступленіе русскихъ отъ Выборга. Рис. Коверзневъ, грав. Ольшевскій.

Библиотека "Руниверс"

что Марья Яковлевна ищетъ Сашеньку... Пропала, говорятъ, сбѣжала! Удивило меня это. «Куда ей, думаю, убѣжать? Быть этого не можетъ.» Сейчасъ собралась къ Марьѣ Яковлевнѣ. Прихожу. Марья Яковлевна не столько печальна, сколько сердита. «Придетъ, говоритъ,—не безпокойтесь. Это она нарочно такія штуки дѣлаетъ, чтобы Неклеванникова отводить, чтобъ онъ отказался отъ своей мысли. Да ужъ—нѣтъ! Я настою на своемъ... Вы меня извините, говоритъ,—схожу вотъ еще къ Черноперовымъ, не у нихъ-ли она гоститъ вздумала»... А чего ходить? Ни куда и ходить-то не надо было... Марья Яковлевна, собираясь къ Черноперовымъ, пошла изъ шкапу платье себѣ другое достать. Ну, отворила, только я смотрю (шкапъ-то ко мнѣ бокомъ стоялъ) — что это она стоитъ и платья не достаетъ?...

— «Полюбуйтесь-ка, Лизавета Ивановна! Ха, ха, ха!...»

Я вскочила, подбѣжала къ шкапу... Марья Яковлевна смѣется:

— «Вотъ какъ новѣшнія-то дѣвицы отъ жениховъ скрываются!... Ха, ха, ха! Выходи, безстыдница!»

Смотрю—точно: стоитъ Сашенька въ шкапу на колѣнкахъ, бокомъ, ни головы, ни лица не видать за платьями.

— Что это вы, говорю, Сашенька? Выходите, голубушка.

А сама думаю (мурашки по спинѣ у меня забѣгали): не такая она дѣвушка, чтобы въ шкапъ прятаться... Совсѣмъ это не въ ейномъ характерѣ... Марья Яковлевна пуще разсердилась.

— «Что-жъ, вытащить тебя, что-ли?...»

Сашенька хоть-бы шевельнулась... Взглянула я на Марью Яковлевну, Марья Яковлевна на меня. Подошла тутъ она совсѣмъ къ шкапу (руки-то, вижу, дрожатъ), раздвинула платья—и ротъ разинула.

— «Лизавета Ивановна! Да она... мертвая!»...

Гляжу—да, мертвая... Ручки опущены, личико посинѣло, глаза внизъ глядятъ и кончикъ языка видѣнъ. Тронула за руку—холодна... Вѣдь больше сутокъ провисѣла она на толстомъ гарусномъ шнуркѣ! Ну, тутъ слезы стали меня душить—и я выбѣжала на улицу.

Лизавета Ивановна отвернулась и стала смотрѣть на стѣнные часы, но я видѣлъ, какъ рука ея торопливо исподтишка вытаскивала изъ ридикюля носовой платокъ.

— Такъ этотъ самый шкафъ у меня и стоитъ теперь? спросилъ я, желая прервать тяжелое молчаніе и сознавая, что дѣлаю совершенно пустой вопросъ.

— Онъ самый.

Старушка повернулась ко мнѣ и прибавила:

— Выпейте еще стаканчикъ?

— Нѣтъ, благодарю, больше не хочется. Но, позвольте, Лизавета Ивановна, почему же вы считаете его «испорченнымъ»?

— Какъ почему? Въ немъ вѣдь покойница была, а вы... Что вы, батюшка! Почему! Христосъ съ вами! Положимъ, молодая она дѣвушка, да все же мертвецъ... И землѣ-то она предана не какъ слѣдуетъ, не по закону. Извѣстно, самоубійцъ хоронятъ какъ... Что ужъ говорить!... Можетъ быть, душенька-то ея до сихъ поръ покою не нашла, а вѣдь съ тѣломъ-то гдѣ она разсталась, душа-то—а?... А вы—почему! Да я, вонъ, какъ шкапъ-то у меня въ коридорѣ стоялъ, вечеромъ безъ Аграфены и не выходила никуда изъ своей комнаты, да и Аграфена-то безъ меня не пошла-бы. Сохрани Господи!... То-то вотъ, никто не покупаетъ-то его у меня, а на дрова—жаль!... Вотъ, какъ уѣдете, въ сарай его велю перетащить.

— Однако, Лизавета Ивановна, шкафъ до сихъ поръ хорошо себя велъ?

— Смѣйтесь! Не хочу, батюшка, лгать: ничего такого худаго я за нимъ не замѣтила, только Аграфена, говоритъ, слышала разъ, что будто-бы въ коридорѣ захрипѣлъ кто-то... Ну-да вѣдь можетъ такъ послышалось.

— Позвольте мнѣ еще разъ, Лизавета Ивановна, поблагодарить васъ за то, что вы позволили помѣстить такой подозрительный шкафъ въ комнатѣ.

— Ну, погодите еще благодарить. Онъ у меня вѣдь въ комнатѣ-то не стоялъ, такъ почему я знаю? А что испорченъ—всегда скажу. Ахъ, да будетъ объ этомъ говорить! Поразскажите-ка лучше мнѣ о новомъ судѣ. Въ городѣ у насъ поговариваютъ, что новый судъ скоро пріѣдетъ. Какой это новый судъ, батюшка?

Теперь наступила и моя очередь разсказывать.

Было безъ четверти двѣнадцать, когда я простился съ Лизаветой Ивановной, пожелавъ ей покойной ночи, и отправился на свою половину.

— И вамъ покойной ночи! сказала старушка, сдѣлавъ слегка удареніе на словѣ «покойной».

По правдѣ сказать, разсказъ Лизаветы Ивановны оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. Смуглая, «стройненькая, аккуратненькая» дѣвушка съ серіозными глазами не выходила у меня изъ головы. Воображеніе съ возмутительною отчетливостью рисовало мнѣ тотъ моментъ, съ котораго ясеневый шкафъ сталъ, по выраженію Лизаветы Ивановны, *испорченнымъ*... Въ ушахъ моихъ неизвѣстно почему раздавалась одна фраза: «Можно послать по почтѣ золотыя сережки?...» И голосъ, который спрашивалъ это, былъ молодой, звучный, пріятный голосъ.

Почти машинально, не зная для чего, подошелъ я къ шкафу, осмотрѣлъ его снаружи, потомъ открылъ, поглядѣлъ внутрь и взглянулъ на вѣшалки крѣпкой старинной работы. Вотъ, должно быть, на одномъ изъ этихъ точеныхъ крѣпкихъ колышковъ лежалъ перекинутый гарусный снурокъ... Который же именно колышекъ помогъ Сашенькѣ перейти въ иной, лучшій міръ «идѣ же нѣсть ни болѣзней, ни воздыханій?...»

Однако, какъ вѣшалка на крѣпка, она должна была сломаться подъ тяжестью опустившагося тѣла и, если не сломалась, то это потому, что дѣвушка не повѣсилась, а осторожно опускаясь и натягивая снурокъ—задушила себя, накинувъ предварительно петлю. Достаточно было стоять на колѣняхъ и не особенно сильно натягивать снурокъ, чтобы петля какъ слѣдуетъ стянула шею. Затѣмъ, вѣроятно, Сашенька стала терять сознаніе, можетъ быть даже была въ обморокѣ, и тѣло ея еще ниже опустилось, а снурокъ еще туже охватилъ смуглую шейку и... все было кончено.

Я притворилъ дверцу шкафа, вздохнулъ и минутъ черезъ пять лежалъ уже въ постелѣ, докуривая папироску.

Гдѣ-то далеко часы пробили полночь, я потушилъ свѣчку, но глаза еще не думалъ закрывать, хотя сонъ и клонилъ меня. Луна ярко свѣтила; на полу рѣзко очерчивались свѣтлые голубоватые квадраты отъ единственнаго окна въ моей спальнѣ съ легкой кисейной занавѣской.

Все было тихо. Лунное сіяніе, полночь, безмолвіе, возлѣ меня ни души и даже (я поглядѣлъ въ передній уголъ) образа не было—все, такъ сказать, способствовало появленію духовъ, привидѣній и вообще существъ не отъ міра сего. Я улыбнулся и посмотрѣлъ на «испорченный» шкафъ... Мнѣ хотѣлось увидѣть Сашеньку и мнѣ даже было жаль, что она, въ видѣ привидѣнія, не можетъ выйти изъ шкафа... Увы, прошло время таинственныхъ ночныхъ посѣщеній!...

Сколько времени прошло—не знаю, но уже свѣтлыхъ квадратовъ на полу я не видѣлъ, а когда взглянулъ на шкафъ, то нѣсколько удивился: черная полоса почти въ два вершка шириною зіяла между его дверцами, но я помнилъ очень хорошо, что правую дверцу шкафа притворилъ плотно... Не сама-ли она отворилась?...

Вдругъ что-то скрипнуло, а затѣмъ въ шкафу что-то зашелестило. Дверца дрогнула и тихо двинулась, какъ будто ее толкнули изъ шкафа.

Я привсталъ на постелѣ. Нельзя сказать, чтобы я струсилъ, но сердце застучало...

Въ комнатѣ раздался легкій вздохъ и вслѣдъ затѣмъ небольшая смуглая ручка высунулась изъ шкафа и ухватилась за запертую лѣвую его дверцу. Еще мгновеніе скрипнула половица—и я увидѣлъ женскую фигуру, стоящую посреди комнаты....

Да, это была она—Сашенька!...

Она стояла ко мнѣ бокомъ и разсматривала что-то лежа-

Библиотека "Руниверс"

щее у нея на ладони лѣвой руки. На ней было темное платье; кожаный широкій поясъ охватывалъ ея талью; повыше бѣлаго воротничка на шеѣ лежалъ пестрый гарусный толстый шнурокъ, одинъ конецъ котораго былъ перекинутъ черезъ плечо и висѣлъ низко за спиной. Брови у нея были слегка сдвинуты; я глядѣлъ на хорошенькій нѣсколько курносый носикъ, на кругленькій подбородокъ и на высокую молодую грудь, которая то тихо подымалась, то опускалась,— и уже подумывалъ о томъ, какъ бы мнѣ тихонько встать, одѣться и явиться передъ такою интересною гостьей въ приличномъ видѣ. Рука моя стала тянуть осторожно панталоны со стула, но тутъ вдругъ гостья прямо повернулась ко мнѣ, подошла къ постели и, подкидывая на ладони пару золотыхъ сережекъ, сказала:

— Можно послать это въ Петербургъ по почтѣ?

— О, конечно, можно! Если угодно, я вамъ это устрою, только извините, что застали меня въ постелѣ... Мнѣ такъ совѣстно!

Эхъ, подумалъ я, совсѣмъ не надо было раздѣваться!....

— Это ничего, не церемоньтесь, заговорила дѣвушка:— а за услугу очень вамъ благодарна, только вы поскорѣй отошлите сережки! И еще къ вамъ просьба! могу я жить здѣсь, вотъ въ немъ?... (и она указала на шкафъ) Я не буду васъ безпокоить... Неправда-ли, вѣдь это пустяки, что шкафъ испорченъ? Жизнь испорчена—это такъ, но вовсе не шкафъ! Ха, ха, ха!... Вы, пожалуйста, не вѣрьте Лизаветѣ Ивановнѣ и Аграфенѣ!... Онѣ боятся—сами не зная чего...

Сашенька стала весело подбрасывать сережки и ловить ихъ.

— Я всѣмъ имъ языкъ показала! Ха, ха, ха!...

Я привсталъ, чтобы лучше разглядѣть ея лицо, но тутъ сильный свѣтъ рѣзнулъ мнѣ глаза...

Утреннее солнце ярко свѣтило въ мое окно. Въ палисадникѣ чирикали птички. Я взглянулъ на часы — было уже десять.

— Ну, что, какъ вы почивали сегодня? спросила Лизавета Ивановна за кофе.

— Очень хорошо почивалъ, Лизавета Ивановна.

— Ну, и ничего... такова... гм!... спокойно было?

— Все было спокойно. Шкафъ хотя и испорченъ, но велъ себя хорошо.

Борьба за Неву.

III. XIV вѣкъ. Отступленіе отъ Выборга въ сентябрѣ 1322 г. при В. К. М. Юріи Даниловичѣ.

Прошло десять лѣтъ затишья послѣ разрушенія нами невской твердыни. Новгородцы знали безпорядки въ Швеціи, вслѣдствіе междоусобія короля съ братьями, казнившими самого правителя маршала Торкеля. Духовенство, поддержавшее дѣло принцевъ дѣлало что хотѣло, особенно послѣ плѣна короля Биргера съ семействомъ. По договору въ Никепингѣ, за выпускъ изъ плѣна, король уступилъ братьямъ всю Финляндію и восточную Ботнію съ Або, Тавастгусомъ и Выборгомъ, а самъ долженъ былъ удовольствоваться тою только частью, которую они оставили ему. Датскій и Норвежскій короли подали помощь Биргеру, но были разбиты; а затѣмъ, въ возмездіе, братья Биргера въ началѣ 1310 года затѣяли войну съ Норвегіею—и хотя одержали перевѣсъ, но вооружили противъ себя духовенство, не щадя, при передвиженіяхъ войска, ни монастырей, ни имѣній церкви. Жалобы на правленіе герцоговъ дошли до папы и, опасаясь все потерять, они выдѣлили Биргеру большую часть государства и присягнули ему какъ королю своему, заключивъ этимъ обоюдное соглашеніе въ Гельсингборгѣ. Выборгскій замокъ при этомъ дѣлежѣ отошелъ къ королю, обязавшемуся заплатить за новое укрѣпленіе его. Между тѣмъ, это укрѣпленіе Выборга, возбудивъ въ Новгородцахъ справедливыя опасенія, вызвало съ ихъ стороны походъ въ Финляндію, лѣтомъ 1310 года, покуда происходило соглашеніе между братьями. Новгородцы, выйдя «въ лодьяхъ и лойвахъ» въ Ладожское озеро, вошли въ рѣку Узъерву и на порогѣ возвели укрѣпленіе, вмѣсто ветхаго, неспособнаго уже удерживать отсюда выхода въ Ладогу. Дальнѣйшихъ, впрочемъ, операцій на этотъ годъ не предпринимали они, заручась только мѣрою оборонительною, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ дальняго похода своего обезпечить свои поладожскія волости отъ вторженія водою съ сѣвера.

Походъ большой, къ которому такъ осторожно приступили на этотъ разъ граждане торговой республики, состоялся на слѣдующій, 1311 годъ.

Раннею весною вышло новгородское ополченіе на мореходныхъ судахъ изъ Невы въ Финскій заливъ; предводителемъ былъ князь Дмитрій Романовичъ. Обойдя прибрежье острова и Выборскій заливъ, Новгородцы вошли въ рѣку Каупе—въ лѣтописи *Купецкую* (по фински, Кауппа-купеческій), «села пожгоша и головы поймаша а скотъ изсѣкоша» говоритъ лѣтопись, раворивъ все по берегамъ ея. Здѣсь былъ убитъ извѣстный храбростью Константинъ, сынъ Ильи Станиміровича. Разсѣявшись по всему южно-финскому прибрежью (въ теперешней Нюландской губерніи), доходили затѣмъ побѣдители до какого-то города Ваная—по всей вѣроятности укрѣпленія въ Абовской губерніи (земли Ванновъ). Здѣсь уже побѣдителямъ пришлось имѣть дѣло со шведами, которыхъ слѣдуетъ намъ разумѣть подъ именемъ *нѣмцевъ* въ лѣтописи. Шведы сидѣли въ укрѣпленіи (дѣтинцѣ), построенномъ на неприступномъ мѣстѣ. Видя съ своей стороны возможность взятія и опасаясь отъ разъяреннаго непріятеля безпощаднаго истребленія, они предложили миръ, но новгородцы требовали безусловной сдачи. Такъ прошло три дня—и побѣдители, не находя возможнымъ дольше стоять у неприступной твердыни, пошли прочь, все истребляя на пути своемъ; особенно уничтожая скотъ. Подобной же участи какъ берега Черной рѣки—подверглись и прибрежья рѣкъ *Каунолы и Перны*, вѣроятно наиболѣе населенныя, такъ что истребленіе коснулось почти вездѣ, гдѣ оказывались жилища людскія въ землѣ финновъ, въ прежніе наѣзды свои тоже нещадившихъ волостей новгородскихъ. Отплата теперь за прошлое была полная: всѣ «села великая пожгоша, обилія вся потрапиша, а скота не оставиша ни рога». Выйдя затѣмъ съ полономъ въ море, новгородцы безъ потерь воротились въ отечество, гдѣ въ теченіе лѣта этого,—особенно отличавшагося сильными вѣтрами—два страшные пожара испепелили лучшія улицы Торговой стороны, вмѣстѣ съ торгомъ и католическою церковью на немъ. Зная погромъ Финляндіи и опасаясь сдѣлаться жертвою мстительности финновъ при проѣздѣ Финскимъ заливомъ, ганзейскіе граждане Любека сдѣлали въ 1312 году пышный пріемъ сильнѣйшему изъ шведскихъ герцоговъ Эрику, когда онъ проѣзжалъ черезъ ихъ городъ къ папѣ въ Авиньонъ, и успѣли получить отъ него грамоту въ Ворсгемск. монастырѣ (15 авг. 1312 г.) о безпрепятственномъ проходѣ судовъ своихъ въ Неву. Это обязательство шведскаго правительства служило затѣмъ любимымъ поводомъ постоянныхъ требованій охраны купеческихъ флотовъ по этому тракту въ продолженіи 250 лѣтъ. *) И это, съ одной стороны, доказываетъ важность для Ганзы именно этого пути въ Русь, а съ другой стороны—выражаетъ, нисколько не призрачно, стремленіе шведовъ быть господами невскаго пути, причемъ не могли они не видѣть соперниковъ въ новгородцахъ, упорно отстаивавшихъ свои земельныя владѣнія во все время самостоятельности народной державы своей.

Безъ отмстки шведы и тогда новгородцевъ не оставили. Въ 1313 году съ значительными силами вошли они въ Ладожское озеро—и посадникъ ладожскій думалъ предупредить враговъ, но выйдя изъ города, сдѣлался невольнымъ виновникомъ сожженія своего города, въ его отсутствіе взятаго шведами. Дальнѣйшаго вреда они впрочемъ не успѣли нанести новгородскимъ волостямъ, поспѣшно удалившись, вѣроятно опасаясь невыгодной встрѣчи съ мстителями за Ладогу. Гораздо большій вредъ представило возстаніе карелъ подученныхъ шведами. Карелы эти, занимавшіе сѣверо-западное побережье Ладожскаго озера, измѣнически перерѣзали гарнизонъ новгородскій въ городкѣ, среди становищъ ихъ (что шведы назвали Кексгольмомъ). Совершивъ эту измѣну, возставшіе инородцы призвали на защиту свою шведовъ; но въ Новгородѣ придавали настоящему случаю дѣйствительно грозящее значеніе, и не хотѣли дать усилиться возставшимъ. Поэтому, собравъ наскоро достаточныя силы, посадникъ Ѳедоръ пошелъ въ—Карелію и разбивъ скопища возставшихъ туземцевъ, наказалъ и друзей ихъ, помощниковъ. Шведы не мстили потому, кажется, что новый разгаръ распри братьевъ - властителей лишалъ государство всякой возможности предпринимать внѣшній отпоръ. Только въ 1317 г. каперы шведскіе изъ Финляндіи прорвались опять въ Ладожское озеро—и встрѣчая обонежскихъ купцовъ, грабили и били ихъ. Эта же враждебная ихъ продѣлка вызвала новый походъ новгородцевъ въ большихъ силахъ, на слѣдующее же лѣто. А это дастъ право заключать, что разбои финнами дѣланы около осени, когда караваны съ товарами возвращались къ Волхову изъ дальнихъ волостей Свирскимъ путемъ. За ущербъ, нанесенный хищниками еще разъ, дорого расплатилась несчастная Финляндія, въ то же время сдѣлавшаяся и театромъ внутренней войны партіи короля Биргера, съ мстителями за смерть коварноумерщвленныхъ имъ братьевъ. Новгородцы на этотъ разъ, пройдя весь Финскій заливъ, входили

*) Такую ссылку находимъ мы въ книгѣ изданной любскимъ сенатомъ въ 1564 году, гдѣ исторически излагалъ городъ Любекъ обязательства къ нему, принятыя Швеціею изданна.

Библиотека "Руниверс"

въ рѣку Ауру (*аура* по фински *широкая*), по лѣтописи—въ *полную рѣку*, взяли «*Людеревъ* (?) городъ Сумскаго князя нискупль» (т. е. Або) и, наказавъ ущербомъ за ущербъ, воротились непреслѣдуемые. Дешевый успѣхъ возбудилъ большія надежды. Новгородцы, какъ извѣстно, въ годъ втораго похода въ Финляндію приняли дружески (разбитаго В. Кн. Михаиломъ Ярославичемъ) князя московскаго Юрья Даниловича. Получивъ со смертью врага своего Михаила распоряженіе судьбами Руси при помощи татаръ, Юрій не забылъ своихъ добрыхъ отношеній къ Новугороду—и, на призывъ отчины святой Софіи, весною 1322 года привелъ низовые полки на помощь новгородцамъ противъ шведовъ, враждебность свою выражавшихъ уже явно. Шведы вооруженною рукою приступали къ корельскому городку (Кексгольму), но не взяли его. Предводя сильнымъ войскомъ, своимъ и новгородскимъ, — великій князь Юрій рѣшился взять Выборгъ, изъ котораго обыкновенно и предпринимались наѣзды на наши приневскія и приладожскія волости. Для взятія враждебной твердыни снабженъ былъ осадный корпусъ и тяжелою артиллеріею тогдашнею—6-ю *Стѣнобитными машинами* (пороками). Уже съ начала осады (12 августа) онѣ начали дѣйствовать. Гибель Выборга казалась рѣшенною—и въ частыхъ сшаткахъ гарнизонъ постоянно терпѣлъ неудачи, примѣтно уменьшаясь; но, кажется, ненужная жестокость Юрія, вѣшавшаго всѣхъ плѣнниковъ,—представляя осажденнымъ равно гибель и при сдачѣ,—была основою необыкновенной стойкости шведовъ, рѣшившихся погребстись подъ развалинами. Время текло, а крѣпкій Выборгъ не сдавался. Прошелъ почти мѣсяцъ (по 9 сентября); наступили непогоды. Назначенъ штурмъ. Его отбили. И, потерявъ нѣсколькихъ храбрыхъ, великій князь безъ славы долженъ былъ отступить съ пустыми руками. Виною неуспѣха конечно, частію, слѣдуетъ считать и малую опытность Юрья, вездѣ въ бояхъ съ противниками терпѣвшаго пораженія. Оно встрѣтило его и осенью послѣ выборгскаго похода. На возвращавшіеся низовскіе полки великаго князя — какъ только оставили ихъ провожатые новгородцы —на Урдомѣ напалъ князь Александръ Михаиловичъ Тверской и отбилъ весь обозъ, заставивъ бѣжать Юрія безъ всего въ Псковскую область и оттуда въ Новгородъ. На весну князь великій вздумалъ загладить прошлогоднюю неудачу—и съ новгородцами еще разъ пошелъ на Неву. Здѣсь срубили въ истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, на островкѣ, острогъ, запиравшій входъ въ озеро. По имени островка новый острогъ (1322 г.) назвали *Орѣховымъ* или *Орѣховцемъ*. Сюда явилось шведское посольство отъ короля Эрика Магнусова сына — и просило мира, который въ Орѣховцѣ тогда же и заключенъ. Шведы оставили всѣ, заявляемыя ими, претензіи на Неву.

Неудачный походъ Юрья къ Выборгу имѣлъ гораздо большій и выгодный результатъ, чѣмъ могли ожидать новгородцы. Миръ заключенъ, съ сохраненіемъ старыхъ обоюдныхъ предѣловъ, прибрежья Ладоги, около кр. Карелъ—и враги обязались, поддерживая добрыя отношенія къ сосѣдямъ, держать данное слово. Мѣстныя неустройства въ Швеціи дѣйствительно должны были побуждать ея правительство къ уступчивости, тѣмъ болѣе что Новгородцы не заявляли съ своей стороны никакихъ новыхъ требованій, не отступаясь разумѣется отъ своего исконнаго владѣнія частью Кареліи. Пятнадцать лѣтъ затѣмъ, нѣтъ слуховъ о недружбѣ шведской.

Только уже въ десятомъ году великаго княженья Ивана Даниловича Калиты —послѣдовало возстаніе Карелъ, нашедшее сочувствіе у шведовъ. Новгородцы, на весну, явились вооруженные на Невѣ и имѣли съ шведскимъ правителемъ Выборга и съ его уполномоченными нѣсколько безплодныхъ свиданій. Лѣтопись говоритъ (П. С. Р. Л. Т. III. подъ годомъ 6846) довольно неопредѣленно—«той же весны ходиша новгородцы съ посадникомъ Ѳедоромъ, въ Неву, и стояше подъ Орѣховымъ, сѣсылающеся послы съ воеводою нѣметскимъ съ Степемъ и не бысть миру». Это мѣсто лѣтописи, безъ связи съ событіемъ предшествующей осени и послѣдующими дѣйствіями шведовъ, явно враждебными, ничего собственно необъясняетъ, но дѣло было гораздо важнѣе—и вина, ясно, лежала на шведскомъ вмѣшательствѣ въ наши дѣла,—если еще не было съ ихъ стороны подстрекательства карелъ къ возстанію. Историкъ Финляндіи Ирьо Коскиненъ причину возстанія карелъ видитъ въ притѣсненіяхъ этихъ инородцевъ новымъ вотчинникомъ, княземъ Литовскимъ, Глѣбомъ-Наримантомъ Гедиминовичемъ, которому, по пріѣздѣ въ Новгородъ и принятіи крещенія, отчина святой Софіи (Новгородское народное правительство) поступилася, въ 1333 году, доходами съ половины Копорья, съ Ладоги, Орѣховаго и Карельскаго остроговъ, да съ карельскихъ волостей; а онъ, въ видахъ увеличиванія доходовъ, сталъ вымогать излишніе поборы съ Карелъ. Принимая въ соображеніе, что Наримантъ, въ 1338 году уѣхалъ въ Литву, не явился на позывъ въ Новгородъ, можно объяснить его удаленіе взаимнымъ неудовольствіемъ и остудою; но можно заподозрить и сознаваніе вины въ князѣ, не хотѣвшемъ ѣхать для разбора выясненнаго уже дѣла, когда послѣдовавшее возстаніе плательщиковъ обратило вниманіе мѣстной администраціи на ихъ положеніе въ качествѣ угнетенной стороны. Во всякомъ случаѣ, за неполнымъ выясненіемъ дѣла, обвинять Наримента въ другомъ чемъ кромѣ разлада съ новгородцами,—мы не рѣшаемся и отвѣтственность за гипотезу оставляемъ на историкѣ Финляндіи. Но замѣтимъ между прочимъ и здѣсь, что подобные же мотивы нашихъ притѣсненій Карелъ—шведскіе писатели употребляли неоднократно, умалчивая о своихъ отношеніяхъ къ этому народу. Противъ этого, между тѣмъ, говорятъ послѣдствія рѣшенія изъ Стокгольма; такъ что, не отыскивая дальнѣйшихъ побужденій, внѣ круга событій, мы получимъ полное оправданіе фактовъ въ совершившихся явленіяхъ. Происходило дѣло, по нашимъ лѣтописямъ, такимъ образомъ.

Карелы не просто—«побиша Русь», возставъ якобы для личной защиты, но—какъ прибавляетъ лѣтописецъ — «*подведши нѣмець*» т. е. шведовъ, на наши волости. И съ помощью-то вооруженныхъ шведовъ, возмутившіеся наши исконные данники избили «Новгородцевъ много, и Ладожанъ гостей, и кто жилъ христіанъ въ Корѣлѣ» (т. е. въ острогѣ, названномъ шведами Кексгольмомъ, а финнами-карелами *Кэки-Сальми*). Ясно, что тутъ дѣло шло совсѣмъ о другомъ, а не о личной защитѣ, или объ отместкѣ корыстолюбивому вотчиннику. Здѣсь совершено систематическое вторженіе въ Новгородскія волости шведскихъ вооруженныхъ людей, хотя бы и съ Карелами,—которыхъ они однако воюющею стороною не признавали, а на помощь къ нимъ явились. За вторженіемъ слѣдовало избіеніе торговыхъ людей, разумѣется съ цѣлью большой добычи, и, наконецъ, убійство христіанъ же Карелъ, разумѣется православныхъ, которые для католическихъ духовныхъ не разнились отъ язычниковъ, — какъ находимъ мы въ папскихъ буллахъ о снаряженіи мнимо-крестовыхъ полчищъ изъ Швеціи направляемыхъ къ Ладожскому и Онежскому прибрежью. Стало быть, участія шведовъ въ дѣлѣ возстанія и вторженія Карелъ въ Новгородскія волости напрасно не усматриваетъ историкъ Финляндіи, которому не требовалось въ этомъ случаѣ и большой прозорливости, чтобы открыть шведскую иниціативу въ развитіи возстанія. Изъ Выборга пришли помощники—и тогда только послѣдовалъ взрывъ; разграбивъ острогъ и имущество гостей новгородскихъ, Карелы нашли опять пріютъ въ Выборгѣ-же—«сами побѣжали по Нѣмецкій городокъ; и потомъ много посѣкоша христіанъ изъ Нѣмецкаго города». Понятно, поэтому, что шведскій правитель, при съѣздѣ на Невѣ,—когда требовали отъ него объясненій по вопросу о помощи шведовъ Кареламъ,—ничего не сдѣлалъ и отъ того довелъ, умышленно, дѣло до разлада съ русскими. Разладъ этотъ ему нуженъ былъ для выполненія уже рѣшенныхъ наѣздовъ на наши волости. Не добившись объясненій и не заключивъ мира, новгородцы съ посадникомъ воротились къ себѣ; а правитель Выборга съ Карелами явился въ Обонежской пятинѣ, пронеся по волостямъ большое истребленіе. Возвращаясь же оттуда, счастливый грабитель думалъ за одинъ походъ овладѣть и Ладогою, но дальше сожженія посада (т. е. города по нашему, *городъ-же* по лѣтописи—это, крѣпость, острогъ) ничего не подѣлалъ.

За все за это новгородцы теперь, въ свою очередь, собрались дать должное возмездіе Выборгу съ его союзниками. Силъ, можно полагать, собралось много, хотя имена воеводъ и не приведены (но, ясно, что было много воеводъ, а стало быть и дружинъ отдѣльныхъ). Походъ этотъ предпринятъ для наказанія шведовъ. Для этого, войдя въ шведскую Финляндію (т. е. въ округи Саво по Воксѣ, Ѣски и Эйринэ), *молодцы новгородскіе* «воеваша городецкую корѣлу нѣмецкую и много попустошиша земли ихъ, и жита пожгоша, и скотъ изсѣкоша; и пріидоша вси здрави, съ полономъ», - говоритъ лѣтописецъ.

Наказаніемъ Финляндіи за шведовъ и Карелъ за востаніе, подвигомъ вполнѣ характеризующимъ четырнадцатый вѣкъ и не у насъ только, дѣйствія новгородцевъ, въ 1338 году, не кончились.

Вѣроятно моремъ, изъ Выборга, сдѣлали шведы на отместку новгородцамъ наѣздъ на Толдожскую волость, прилежащую къ копорскому (южному) берегу Финскаго залива, между Ямами и Копорьемъ. Здѣсь, впрочемъ, наѣздъ незванныхъ гостей не оказался неожиданнымъ: все приготовлено было для встрѣчи и, видя готовность къ отпору пріѣхавшіе враги пошли къ Невѣ въ погосты ижорцевъ—Води. И тамъ успѣха было не больше шведамъ, вслѣдъ за которыми уже шелъ съ Копорья воевода Ѳедоръ Васильевичъ, настигнувъ враговъ разбившій ихъ наголову, въ жаркомъ дѣлѣ. Мѣсто этого боя не указано въ лѣтописи, ограничившейся заявленіемъ, что тутъ убитъ Копорскій герой Михаилъ, какой-то, да подъ воеводою Ѳедоромъ—конь.

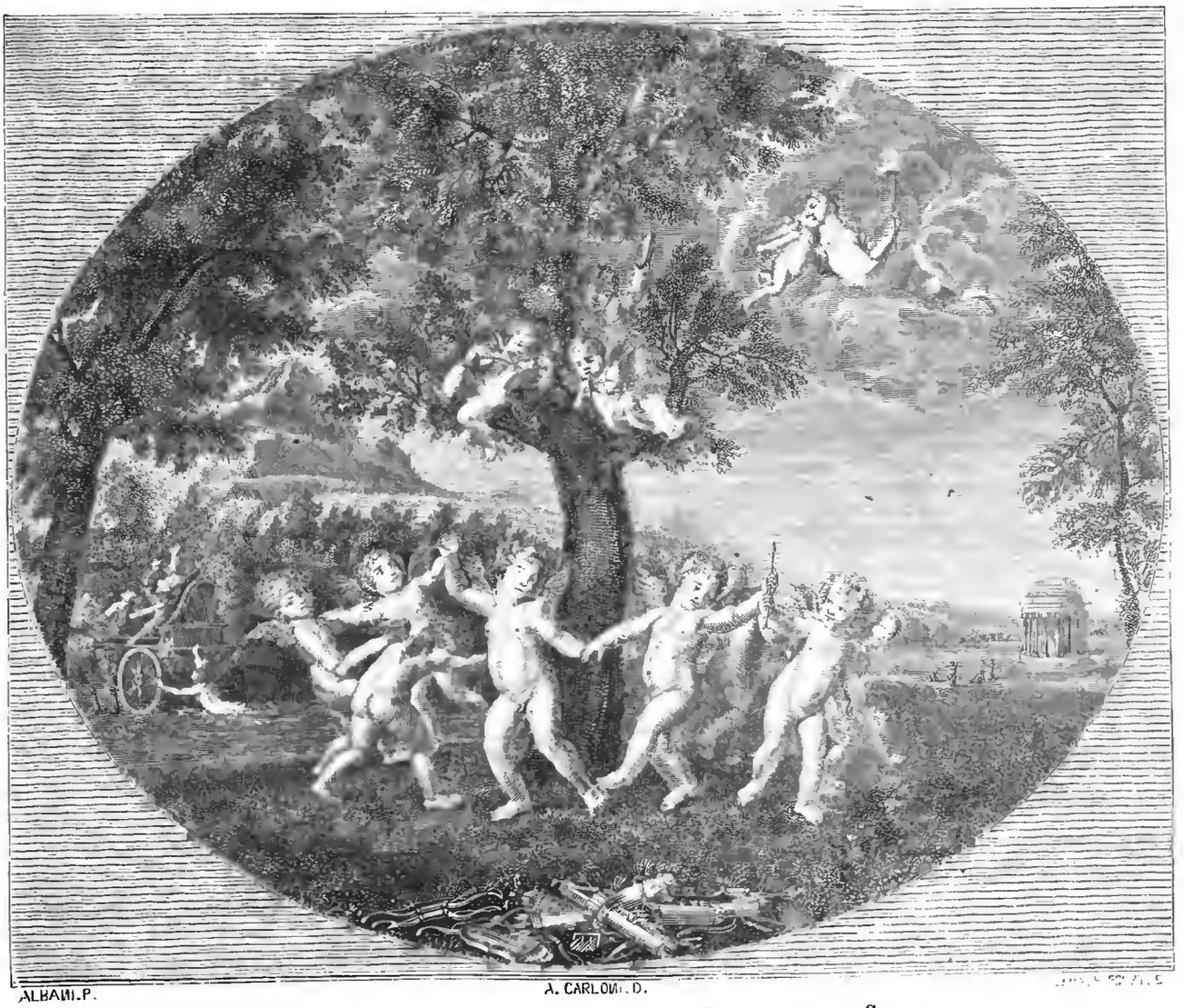
Не такого, разумѣется результата ожидалъ коцорскій комендантъ, нашими лѣтописями величаемый воеводою Степемъ. За неудачею-же его послѣдовало неодобреніе шведскаго правительства, въ оправданіяхъ своихъ передъ послами новгородскими сложившаго всю вину на разбитаго военачальника. За недостиженіемъ результатовъ болѣе почтенныхъ, пришлось Швеціи у Новагорода просить мира, тою же зимою, черезъ пословъ, наряженныхъ (изъ враждебнаго незадолго, но теперь смиреннаго, Выборга) новымъ начальникомъ его (воеводою Петрикомъ, по лѣтописи). Извиняясь въ возникшихъ враждебностяхъ, послы шведскіе, нарочно или искренно (какъ знать, когда молчатъ ихъ исторіи объ этомъ совсѣмъ), заявляли что король не зналъ о безпорядкахъ, а узнавъ послалъ ихъ утвердить миръ на старыхъ основаніяхъ, съ забвеніемъ взаимныхъ предлоговъ распри. Новгородцы нарядили отъ себя къ королю двухъ пословъ — Козьму Твердиславича и Александра Борисовича—и поручили имъ о разборѣ дѣла съ карелами находившимися въ шведскомъ владѣніи, изъ селенія Коупола (про Кобылицкую, Корѣлу говоритъ лѣтопись)—вѣроятно насчетъ участія въ наѣздѣ на Толдогу—особенно настаивать у короля. Послы нашли короля въ Норвегіи при подтвержденіи мира, и отвѣтъ получили благопріятный по отдѣльному ходатайству. Король Магнусъ выразился, что если Карелы шведскіе явятся къ ново-

Библиотека "Руниверс"

городцамъ, то тѣ могутъ ихъ вѣшать безнаказанно. «Или ваши къ намъ, такоже сътворимъ, дажь не польстятъ про межю нами». Каупальскихъ же корелъ отклонилъ выдачу за принятіемъ ими католицизма, прибавивъ—для большаго вѣроятно убѣжденія пословъ въ уступкѣ съ нашей стороны—«и безъ того мало ихъ осталось: всѣ перемерли «гнѣвомъ Божіимъ».

Вѣроятно такой аргументъ имѣлъ полную состоятельность, потому что послы больше не требовали суда и дѣло кончили къ обоюдному удовольствію. О мирѣ этомъ шведскіе историки говорятъ,—хотя лаконически, не высказывая поводовъ;—но этому въ точности нашихъ сказаній нѣтъ повода усомниться.

нуса,—стоявшаго съ флотомъ въ Біоркѣ-Зундѣ (между Выборгомъ и Котлиномъ, въ Финскомъ заливѣ, у Финляндскаго берега), — аудіенціи, а явясь къ нему, напрасно заявляли что предлога къ непріязни нѣтъ. Король подверждалъ самъ это, но упорно стоялъ на своемъ и отослалъ Кузьму ни съ чѣмъ. Резоновъ же, что если желаетъ его величество спорить о вѣрѣ, пусть посылаетъ къ цареградскому патріарху, такъ какъ вѣру мы приняли отъ грековъ,—король не хотѣлъ принимать и перешелъ къ дѣйствіямъ. Причины этого его упорства, при недостаткѣ поводовъ войны, мы теперь хорошо знаемъ, но новгородцамъ онѣ были не извѣстны. Конечно, въ воинственной затѣѣ легкомысленнаго короля, надежда на ус-



Пляска амуровъ. Картина Альбани. Рис. Карлони, грав. Саржанъ.

Взаимное дружелюбіе существовало въ полной силѣ девять лѣтъ (1339—1348 г.). Поэтому, не безъ удивленія прочли въ Новѣгородѣ посланіе короля Магнуса, полученное весною 1348 года. Въ посланіи этомъ, король заявлялъ неотмѣнное желаніе быть зрителемъ словопренія о вѣрѣ между учеными, шведскимъ и русскимъ, и просилъ выслать къ себѣ спорщика пригоднаго, на этотъ случай. Ему, какъ онъ заявлялъ, вспало на мысль рѣшить: чья вѣра лучше; а достиженіемъ этого должна считаться побѣда одной изъ сторонъ въ спорѣ. При этомъ Магнусъ прибавлялъ, разумѣется, что если побѣда останется за новгородскимъ богословомъ, то онъ со всѣмъ народомъ своимъ принимаетъ православіе; хотя думалъ онъ о противномъ, выражаясь «или пакы аще наша вѣра лучши, и поидете въ нашу вѣру и будемъ вси за одинъ чиловѣкъ». О такомъ же объединеніи меньше всего думали и его меньше всего желали въ Новѣгородѣ, потому, на угрозу: если не вышлютъ словеснаго бойца, то онъ Магнусъ хочетъ итти на ослушниковъ, со всею своею силою,—владыка Василій и посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ попытались прежде боя вступить въ переговоры и нарядили посольство.

Одинъ изъ пословъ бывшихъ у шведскаго короля при подтвержденіи имъ мира (1339 г.), Кузьма Твердиславичъ, вмѣстѣ съ Авраамомъ Тысяцкимъ, пріѣхавъ въ Орѣховъ потребовали у Маг-

нѣхъ была главнымъ аргументомъ въ пользу войны; но нельзя считать и однимъ предлогомъ для открытія военныхъ дѣйствій—требованіе преиятельства о вѣрѣ. Вѣру и интересы католицизма король Магнусъ все же имѣлъ, на самомъ дѣлѣ, въ виду. Подстрекаемый требованіемъ папы Калимента VI о предпринятіи крестоваго похода, Магнусъ счелъ за благо не ѣхать такъ далеко;—а выполнить требованіе папское по сосѣдству, посредствомъ обращенія русскихъ въ католицизмъ. Обстоятельства благопріятствовали сбору силъ достаточныхъ. Нанялъ бойцовъ Магнусъ, особенно искусныхъ, въ Германіи. Сканія, Норвегія и Шведскія области поставили также не малое ополченіе, вѣренное начальству Генриха Желѣзнаго, герцога Голштинскаго, храбрость и расторопительность котораго въ это время славилось въ разныхъ странахъ Европы, гдѣ онъ бился. Такъ что на этотъ разъ все обѣщало успѣхъ намѣренію короля, задумавшаго разомъ сдѣлать два дѣла: славою увѣнчаться и церкви сдѣлать угодное. А значеніе духовной власти въ Швеціи въ это время особенно было важно. Въ виду всѣхъ этихъ ожидаемыхъ результатовъ понятно упорство Магнуса и его наивный предлогъ къ разрыву. Понятны и успѣхи шведовъ въ странѣ, гдѣ до письма Магнуса о непріязни никто не думалъ и мѣръ къ отпору не принималось. Послы новгородскіе едва успѣли доѣхать до Орѣховаго острога и въ въ немъ заперетъ-

Библиотека "Руниверс"

ся, какъ Магнусъ уже осадилъ эту крѣпость, отправивъ въ разныя стороны партіи: бить несоглашавшихся креститься Вожанъ, а соизволяющихъ—обращать въ католичество.

Видя такое хозяйничанье въ своей землѣ и осаду укрѣпленнаго мѣста, новгородцы, хотя и съ неохотою, послали войско противъ шведовъ. Силы новгородскія оказывались впрочемъ очень недостаточными. Искусство воеводъ Онцифора Лукинича, Якова Хотова и Михаила Ѳеофилактова по возможности уравнивало непропорціональность защитниковъ права отъ явнаго враждебнаго насилія легкомысленнаго Магнуса. Онцифору удалось въ бою разбить одинъ корпусъ шведскій, положивъ на мѣстѣ 500 непріятелей съ ничтожною потерею своихъ. Захваченные карелы-переметчики казнены храбрымъ воеводою. Но этотъ успѣхъ не могъ поправить дѣлъ вездѣ. Побѣдитель съ высланнымъ налегкѣ ополченіемъ долженъ былъ воротиться въ Новгородъ, за продольствіемъ; осада же Магнусомъ Орѣховаго острога между тѣмъ продолжалась. Второе ополченіе, наскоро сформированное въ Новѣгородѣ, выступило за тѣмъ подъ начальствомъ посадника Ѳедора Даниловича, — за десять лѣтъ назадъ наказавшаго Выборгскій округъ. Въ составѣ его были сводныя дружины изо всѣхъ мѣстностей Новгородской области, да вспомогательныя силы высланныя Псковичами и великимъ княземъ, подъ предводительствомъ воеводъ его. Это ополченіе направлено въ Ладогу. Сюда пріѣхалъ и братъ великаго князя Семена Ивановича, Иванъ Ивановичъ (будущій его преемникъ, отецъ героя Донскаго). Достаточныя силы новгородцевъ, за пересылками съ великимъ княземъ, къ несчастію, дальше не двигались, а тѣмъ временемъ, Магнусъ овладѣлъ Орѣховымъ 1 августа. Довольный настолько ничтожнымъ пріобрѣтеніемъ, — разумѣется, не вознаграждавшимъ за издержки на собраніе войска,—Магнусъ за тѣмъ отступилъ въ свои предѣлы, взявъ съ собою бывшихъ у него послами и посадивъ свой значительный гарнизонъ въ Орѣховѣ.

Извѣстіе же о взятіи его дало предлогъ брату великокняжескому совсѣмъ уѣхать изъ Новгородскихъ областей и, видя что больше нечего его ждать, посадникъ привелъ свои полки къ Орѣхову, что бы держать его въ блокадѣ. Такъ прошла вся осень и зима. Первый приступъ къ Орѣхову отбитъ гарнизономъ, но февраля 24-го 1349 г. (во вторникъ на Ѳедоровой недѣли), на разсвѣтѣ, второй штурмъ новгородцевъ имѣлъ полный успѣхъ. Большая часть гарнизона избита разъяренными побѣдителями, а остальные взяты и уведены въ Новгородъ. Воеводами въ Орѣховѣ, добытомъ обратно, оставлены: герой дня Яковъ Хотовъ да бывшій посолъ и плѣнникъ Магнуса, Александръ Борисовичъ.

Подвигъ отнятія Орѣхова вѣроятно былъ результатомъ немалыхъ усилій. Этимъ и объясняется бездѣйствіе во всю слѣдующую навигацію. Шведы находились тоже не въ лучшемъ положеніи. Новгородцы, впрочемъ, исправились раньше враговъ. Спустя годъ по взятіи, раннею весною снаряжена въ Новгородѣ экспедиція къ Выборгу. Участіе въ этомъ походѣ приняли нѣсколько воеводъ. Намѣстникъ великаго князя за себя послалъ сына Александра Борисовича; главное начальство принялъ тысячскій Иванъ Ѳедоровичъ; подъ нимъ было три воеводы: въ томъ числѣ и воевода Орѣховскій Яковъ Хотовичъ. Марта 21-го силы новгородскія подошли къ Выборгу и сожгли домы городскихъ жителей. Шведы сдѣлали на слѣдующій день вылазку въ большомъ числѣ, но были разбиты, такъ что въ крѣпость спасся малый остатокъ. Укрѣпленный замокъ воеводы брать не хотѣли, но ограничились разореніемъ окрестностей и захватомъ плѣнныхъ. Довольные острасткою, новгородцы удалились, расчитывая вѣрно на выгодные результаты, которые и этимъ могли быть достигнуты. Дѣйствительно, въ это же лѣто при посредствѣ Дерптскаго епископа, шведское правительство вошло въ соглашеніе съ Новгородомъ и возвратило плѣнныхъ воеводъ, взятыхъ въ Орѣховѣ: Кузьму, Авраама, Александра и Андрея. О враждебностяхъ болѣе не упоминалось; прошло 42 года (1350—1392 г.) мирно. Только подъ годомъ 690 отъ сотв. міра, находимъ мы въ лѣтописи указаніе, что въ Неву приходили съ моря разбойники шведскіе и захватили селенія по обѣимъ сторонамъ Невы, не доѣзжая только пяти верстъ до Орѣшка. Военными силами въ Новѣгородѣ начальствовалъ князь Литовскій Семенъ Ольгердовичъ. При вѣсти о появленіи хищниковъ князь Семенъ, находившійся въ то время въ Орѣшкѣ, съ собранными наскоро силами напалъ на грабителей, разбилъ ихъ и плѣнниковъ отвелъ въ Новгородъ. Не видно однако, чтобы новгородцы просили удовлетворенія отъ шведскаго правительства за этотъ наѣздъ; и такъ, вѣроятно предположеніе, что у насъ съ шведами были уже нелады. Это подтверждается и появленіемъ въ 1395 году шведской военной партіи у крѣпости Ямы. Въ слѣдующемъ (1296) году опять упоминается о наѣздѣ на наши корельскіе за-ладожскіе погосты Кюрье и Кюло; въ послѣднемъ изъ нихъ хищники сожгли церковь. Князь Константинъ Бѣлозерскій, принятый новгородцами дружески, въ 1393 году, на этотъ разъ сослужилъ службу Новугороду, прогнавъ хищниковъ и захвативъ у нихъ языковъ, отъ которыхъ вѣроятно допытались: что это была за партія? Это, какъ должно полагать, были опять Виталіевы братья, которые отваживались даже въ это время нападать на самый Стокгольмъ. Въ Финляндіи, остававшейся во власти короля Альберта, Виталіево братство поддерживавшее свергнутаго шведами владѣтеля, дѣлало что хотѣло и это продолжалось до 1399 года, когда Эрикъ Померанскій признанъ законнымъ властителемъ великаго княжества. Время свирѣпства Виталіевыхъ братчиковъ не привело однако разлада Новагорода съ Швеціею и не вызвало ни разу отмести за совершаемые грабежи. Въ 1411 году, однако, почему-то взаимное охлажденіе сосѣдей дошло до того что шведы напали на Тивирскій городокъ Новогородскій. Тогда новгородцы уже предприняли сами походъ въ шведскую сторону. Дошли до Выборга и овладѣли наружными укрѣпленіями замка, предавъ все огню. Этотъ разгромъ послѣдовалъ на другой день послѣ Благовѣщенья и затѣмъ съ большимъ полономъ воеводы воротились въ Новгородъ безъ потерь, кромѣ одного храбреца Павла, съ Нутной улицы. Добыча добытая при этомъ наѣздѣ новгородцами была такъ велика, что участники похода, на часть пріобрѣтеній своихъ, соорудили великолѣпный храмъ каменный—соборъ Архангела Гавріила, на Хревковой улицѣ (1413 г.)

Это было послѣднее нападеніе совершенное новгородцами при самобытномъ существованіи.

Прививаніе чумы рогатаго скота.

Вопросъ о мѣрахъ къ искорененію чумы рогатаго скота сдѣлался въ настоящее время вопросомъ международнымъ. Важное значеніе его для гигіены и для народнаго хозяйства — признается теперь всѣми. Именно условія нашего сельскаго хозяйства настоятельно требуютъ разрѣшенія этого вопроса, къ чему неоднократно обращалась особая сельско-хозяйственная коммисія при министерствѣ государственныхъ имуществъ. Россіи принадлежитъ заслуга первыхъ опытовъ прививанія чумы. Опыты эти были въ первый разъ сдѣланы профессоромъ Іессеномъ въ Дерптѣ. Они основываются на гипотезѣ, по аналогіи оспопрививанія, прививать чуму здоровымъ животнымъ—и этимъ предохранять ихъ отъ дѣйствительной заразы.

Недавно профессоръ Іессенъ написалъ подробный отчетъ о своихъ опытахъ, приводимъ оттуда слѣдующія интересныя данныя:

Изъ отчета о первыхъ опытахъ прививанія чумы рогатаго скота, предпринятыхъ по высочайшему повелѣнію въ Новороссійскомъ краѣ, видно, что въ числѣ посѣтителей учрежденнаго въ 1753 г. въ Гидиримѣ заведенія для прививанія чумы—находился, давно умершій, Краусъ, тогдашній оберъ-шульцъ нѣмецкой колоніи Фрейденталя. Этотъ послѣдній уже въ то время признавалъ огромную важность прививанія чумы скоту, въ доказательство чего, въ 1855 г., онъ нагналъ съ своего хутора, находившагося близь Кучоргана, 20 штукъ здороваго рогатаго скота различныхъ возрастовъ, за 35 верстъ, въ Барабай, чтобы имъ тамъ было сдѣлано прививаніе. При этомъ онъ заявилъ, что не будетъ имѣть никакихъ претензій на вознагражденіе за убытки, еслибы потерпѣлъ потери въ стадѣ вслѣдствіе прививанія.

Исторія этого прививанія, сдѣланнаго 6 августа 1855 г. помѣщена въ общихъ свѣдѣніяхъ объ опытахъ прививанія чумы въ Россіи, предпринятыхъ съ 1853 г. Намъ не къ чему подробно повторять ее здѣсь; достаточно сказать—что только у немногихъ изъ привитыхъ животныхъ показались нѣкоторыя незначительныя болѣзненныя явленія, и только одно изъ нихъ пало впослѣдствіи отъ изнурительной лихорадки. Когда же въ декабрѣ 1855 г. привитый скотъ былъ пригнанъ обратно на хуторъ, гдѣ находилось еще 40 штукъ непривитаго скота, между послѣднимъ открылась чума; заболѣло 25 штукъ, околѣло изъ нихъ 7. Привитые же 19 всѣ остались совершенно здоровы. Разумѣется, это еще больше укрѣпило вѣру Крауса въ предохранительную силу чумо-прививанія.

Во время торжественной коронаціи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ 1856 г., оберъ-шульцъ Краусъ былъ посланъ въ Москву делегатомъ отъ одесскихъ колоній. Уже въ то время возникъ споръ объ томъ, должно ли чумо-прививаніе степному скоту оставаться на степени опытовъ, или же должно уже въ большихъ размѣрахъ быть предпринято на практикѣ. «Съ моей стороны», говоритъ профессоръ Іессенъ, «какъ я уже высказывался въ моихъ отзывахъ, періодъ временныхъ коммисій прошелъ; для блага государства чумопрививаніе въ степяхъ должно быть введено на прочныхъ основаніяхъ и въ обширныхъ размѣрахъ. Мы имѣемъ такія же, если еще не большія свѣдѣнія о чумѣ рогатаго скота какія имѣли доктора о коровьей оспѣ, въ то время когда возникла мысль о прививаніи ея». Всѣ мѣры предпринимаемыя въ этомъ отношеніи казались профессору Іессену слишкомъ медленными. Въ надеждѣ возбудить участіе къ этому дѣлу въ правительственныхъ сферахъ, онъ писалъ тогда г. лейбъ-медику Карелю, также находившемуся во время коронаціи въ Москвѣ и живо интересовавшемуся вопросомъ, предлагая ему призвать оберъ-шульца Крауса, чтобы тотъ передалъ ему то, что онъ знаетъ о прививаніи чумы рогатому скоту и объ результатахъ онаго. Докторъ Карель исполнилъ это. Краусъ такъ понравился ему, что онъ представилъ его Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ;

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Высочество съ большимъ интересомъ изволила выслушать его сообщенія о чумѣ и о прививаніи ея въ колоніяхъ.

«Послѣ я узналъ», разсказываетъ профессоръ Іессенъ, «что Краусъ говорилъ: «когда я имѣлъ счастіе разговаривать съ Великой Княгиней, сначала я очень оробѣлъ и былъ сдержанъ. Но ея простота и привѣтливость скоро развязали мнѣ языкъ, и я такъ все прямо и началъ разсказывать, какъ думалъ».

«Не менѣе радостно былъ я удивленъ» продолжаетъ свой разсказъ г. Іессенъ, «когда, нѣсколько времени спустя, г. ландратъ фонъ Грюневальдъ - Конкъ и баронъ ф. Энгельгардтъ, тогдашній управляющій Карловки, посѣтили меня въ Дерптѣ и сообщили мнѣ, что Великая Княгиня Елена Павловна рѣшила основать въ Карловкѣ особое заведеніе для чумопрививанія, и проситъ меня рекомендовать опытнаго, воспитывавшагося въ нашемъ заведеніи ветеринара, для порученія ему устройства и веденія этого института, и написать для него инструкцію. Между тѣмъ порученіе это поставило меня въ немалое затрудненіе. Тѣ изъ нашихъ бывшихъ воспитанниковъ, которые присутствовали при чумопрививаніи въ степи (въ чемъ принимали участіе и учителя Дерптской ветеринарной школы), состояли уже на государственной службѣ; рекомендовать можно было только ассистента въ нашей клиникѣ, Макса Раунаха, искуснаго, хорошо образованнаго и надежнаго ветеринара; но онъ никогда не бывалъ въ степи, впрочемъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ прививаніяхъ производимыхъ въ Дерптѣ и вообще живо интересовался дѣломъ. Вслѣдствіе этого объ немъ было сдѣлано представленіе, которое и получило утвержденіе Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны.

Такъ какъ я самъ никогда не видалъ большаго имѣнія Карловки, то мнѣ было чрезвычайно трудно составить соотвѣтствующій мѣстнымъ условіямъ планъ для учрежденія въ немъ чумопрививательнаго института, тѣмъ болѣе что еще не извѣстно было, какія результаты даетъ чумопрививаніе въ Полтавской губерніи; можно было только предполагать, что они будутъ такъ же удачны какъ тѣ, что получились въ сосѣдней Харьковской губерніи, гдѣ уже дѣлались эти опыты.

Когда въ 1857 г. началось чумопрививаніе въ Карловкѣ, тамъ было два стада: одно большое экономическое стадо, превосходнаго рабочаго скота изъ чистой тамошней степной породы, и другое поменьше, молочнаго скота изъ старой англійской, по давно введенной и акклиматизированной тамъ, девонширской породы. Съ 1857 г. рабочіе волы, которые на пути часто соприкасались съ животными зараженными чумой и заражались сами, не рѣдко заносили съ собой заразу, что стоило чувствительныхъ жертвъ, особенно если заражался англійскій скотъ. Теперь въ экономическомъ стадѣ изъ степнаго скота начали прививать чуму; всѣ новорожденные телята, по достиженіи отъ 1 до 1½ года прививались, такъ что наконецъ въ этомъ стадѣ не осталось ни одной штуки взрослаго скота непредохраненнаго отъ чумы посредствомъ прививанія. Мало по малу въ институтъ стали принимать для прививанія чумы молодой скотъ чистой степной породы отъ сосѣднихъ крестьянъ и помѣщиковъ Въ 1868 г. число привитаго тамъ скота простиралось до 1764 головъ; отсюда выздоровѣло 1650, пало 114—6,46 процентовъ всего стада, преимущественно годовалыхъ и полуторогодовалыхъ, и вслѣдствіе этого не слишкомъ цѣнныхъ животныхъ. Изъ всѣхъ остальныхъ 1650 штукъ ни одна никогда въ послѣдствіи не заболѣвала чумой, хотя онѣ часто намѣренно, а иногда и ненамѣренно были подвергаемы заразѣ.

Стадо состоящее изъ англійскаго скота не было привито, такъ какъ, на основаніи опыта, въ немъ опасались большихъ потерь отъ этой операціи. Но вслѣдствіе того что рабочіе волы не заносили къ нему больше чумы, то этимъ самымъ, косвеннымъ образомъ было защищено и оно, и съ 1858 въ немъ не было болѣзни.

Этимъ важнымъ опытомъ край обязанъ покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Что касается до Макса Раунаха, то за нимъ остается заслуга, что онъ въ высшей степени осторожнымъ выполненіемъ своей задачи возбудилъ довѣріе, безъ котораго никогда бы не было достигнуто такихъ блистательныхъ результатовъ.

Съ 1867 г., по различнымъ причинамъ, объ которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться, въ Карловкѣ не дѣлалось болѣе прививанія. Главная причина, впрочемъ, заключалась въ недостаткѣ хорошей, дѣйствительно чумной матеріи, вслѣдствіе того, что въ томъ году въ окрестности не было болѣзни. Но когда въ 1871 г. стала приближаться сюда чума, уничтожавшая рогатый скотъ въ страшныхъ размѣрахъ, надо было опять подумать о прививаніи накопившагося въ большомъ количествѣ непривитаго молодаго и стараго скота въ экономическомъ стадѣ. Максъ Раунахъ самъ началъ заниматься приготовленіями къ этому дѣлу, но по болѣзни принужденъ былъ уѣхать за границу. Великая Княгиня между тѣмъ назначила къ нему ассистентомъ его младшаго брата Казимира, который и сталъ продолжать это дѣло. Теперь старшій Раунахъ выздоровѣлъ, и оба брата работаютъ вмѣстѣ.

Послѣдній ихъ отчетъ далеко превосходитъ своимъ интересомъ всѣ присылавшіеся до сихъ поръ отчеты, во 1) тѣмъ, что въ 1872 и 1873 г. въ чумопрививательномъ заведеніи, и въ другихъ стадахъ черезъ посредство его, число привитаго скота (1748), почти равнялось всему числу привитаго тамъ до тѣхъ поръ скота; во 2) тѣмъ, что теперь прививался, не такъ какъ прежде, только скотъ чистой степной породы, но и скотъ скрещенной породы,— не только годовалыя и полуторогодовалыя животныя, но и моложе этого возраста, равно какъ и старые быки и коровы; наконецъ въ 3) тѣмъ, что у половины показаннаго числа были сдѣланы прививанія вынужденныя необходимостью, и они фактически убѣдили самаго прививателя въ высокомъ значеніи и въ примѣнимости этой мѣры, которая по всей вѣроятности послужитъ въ будущемъ къ уничтоженію чумы рогатаго скота.

Что касается предупредительныхъ прививокъ, то, по показаніямъ братьевъ Раунахъ, онѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Привито.	Заболѣло.	Выздоровѣло.	Пало.	Общій проц. потери
865.	865.	822.	43	4,97.

Вынужденныя прививки:

Привито.	Выздоровѣло.	Пало.	Общій проц. потери
863.	728.	135.	15,63.

Большій процентъ потери при вынужденномъ прививаніи естественно происходитъ отъ того, что когда приступаютъ къ прививанію въ то время какъ чума уже открылась въ стадѣ — въ немъ конечно всегда есть большее или меньшее количество зараженныхъ уже животныхъ, которыя большею частію падаютъ. Число заболѣвшихъ не показано, такъ какъ его нельзя было опредѣлить съ полной точностью, потому что прививатель не могъ лично быть на мѣстѣ въ теченіи всего прививочнаго періода. Такъ какъ прививаніе это дѣлалось по большей части старому скоту, то весьма вѣроятно, что многіе и вовсе не заболѣвали, потому что они уже разъ перенесли натуральную чуму, и слѣдовательно были предохранены отъ вторичнаго заболѣванія.

Въ числѣ животныхъ подвергнутыхъ вынужденному прививанію было много рабочихъ воловъ. Сюда слѣдуетъ еще причислить 108 штукъ, которымъ было сдѣлано предохранительное прививаніе; изъ нихъ 100 выздоровѣло и 8 пало.

Въ 1869 г. во время первой выставки рогатаго скота въ Петербургѣ, въ преніяхъ о чумѣ, одинъ южно-русскій помѣщикъ высказалъ мнѣніе, что «чумопрививаніе можетъ быть дѣлаемо съ успѣхомъ только на степныхъ телятахъ», и старался выставить причины: почему ни одинъ хозяинъ не подвергнетъ ему рабочаго скота, хотя бы язва угрожала уже очень близко.*)

Но вотъ теперь мы имѣемъ доказательство, что разумные сельскіе хозяева Полтавской губерніи (которымъ, не смотря на всѣ мѣры предосторожности не удалось уберечь свои стада отъ чумы), безъ всякихъ видовъ на вознагражденіе за свои убытки, подвергли до 900 штукъ рабочихъ воловъ вынужденному и предохранительному прививанію; 728 перенесли первое, 100 второе, и всѣ они черезъ 4 недѣли послѣ прививанія, могли быть употребляемы на работы.

Какъ благоразумно поступили эти скотовладѣльцы, прибѣгнувъ противъ злокачественной язвы къ прививанію,—разительное доказательство тому приводятъ братья Раунахъ.

Въ 3-хъ лежащихъ неподалеку другъ отъ друга общинахъ Константиноградскаго округа, въ декабрѣ 1871 г. открылась чума, и свирѣпствовала тамъ до августа 1872 г. Во время появленія заразы, число скота простиралось до 2559 головъ. Заболѣло: 1979, выздоровѣло: 516, оставалось больныхъ: 218, пало: 1245.

Слѣдовательно отъ язвы погибло 48½ пр. всего стада, или 60, 33 пр. заболѣвшихъ; зараза продолжалась еще послѣ семимѣсячнаго свирѣпствованія, и каждый день давала случаи къ дальнѣйшему распространенію.

Еслибы несчастные крестьяне, сейчасъ же какъ появилась чума, привили весь свой скотъ, то они потеряли бы около 400 штукъ; слѣдовательно у нихъ осталось бы 800 штуками больше, все остальное стадо было бы предохранено отъ язвы, и черезъ 5 недѣль они совсѣмъ бы отдѣлались отъ чумы.

*) См. Отчетъ о первой всероссійской выставкѣ рогатаго скота въ С.-Петербургѣ, стр. 260.

Пляска амуровъ.

(КАРТИНА Ф. АЛЬБАНИ).

Франческо Альбани, живописецъ Болонской школы, современникъ братьевъ Каррачи, родился въ Болоньѣ въ 1578 году. Наставниками его въ искусствѣ были сначала голландецъ Кальвертъ, потомъ оба Каррачи, Аннибале и Людовико, а другомъ и товарищемъ по ученію—Гвидо Рени, впослѣдствіи ставшій его соперникомъ. Альбани умеръ въ 1660 году въ родномъ своемъ городѣ. Плодовитый художникъ этотъ написалъ до 50 запрестольныхъ

Библиотека "Руниверс"

образовъ, задуманныхъ въ духѣ школы Каррачи, хотя далеко превосходящихъ произведенія обоихъ братьевъ по исполненію. Но любимыми темами его творчества были картины идиллическаго содержанія, игривыя воспроизведенія античныхъ миѳовъ, или художественныя иллюстраціи современныхъ ему пастушескихъ поэмъ Тассо и Гварини. Рисунокъ его всегда правиленъ, колоритъ пріятенъ, нѣженъ и живъ: что-же касается такъ называемаго *изобрѣтенія*, то поэтическій элементъ замѣтно преобладаетъ надъ собственно живописнымъ.

Отъ второй жены своей, отличавшейся замѣчательною красотою, Альбани имѣлъ 12 дѣтей, до такой степени унаслѣдовавшихъ внѣшнія преимущества своей матери, что всѣ могли служить художнику лучшими моделями его Венеръ, Галатей, купидоновъ и ангеловъ. Въ особенности славятся его *четыре времени года* или *стихіи*, такъ называемыя *круговыя*. Теплотой и жизнью вѣетъ отъ его пейзажей, которые нерѣдко составляютъ большую часть всей картины. Нѣкоторыя условныя правила того времени придаютъ имъ правда характеръ однообразія, ровно какъ и въ самыхъ лицахъ порой недостаетъ глубины выраженія.

Въ Дрезденской галлереѣ находится болѣе десятка его произведеній, въ Парижской «Венера и Адонисъ», въ Лейхтенбергской «Похищеніе Европы», въ Миланской «Похищеніе Прозерпины» и въ палаццо Брэра прилагаемая «Пляска амуровъ». Вокругъ раскидистаго, густаго дерева, среди пейзажа, какъ-бы охваченнаго разнѣживающимъ зноемъ, подъ звуки оркестра, притаившагося въ зеленой листвѣ, пляшетъ и кружится веселый рой маленькихъ крылатыхъ стрѣлковъ, торжествуя послѣднюю побѣду. Направо вдали храмъ и надъ нимъ паритъ Венера, пожираемая вѣчнымъ огнемъ страсти, эмблемою котораго служитъ ея пламенникъ. Налѣво—нимфа старается удержать колесницу похитителя, увлекающаго ея подругу.

Это произведеніе Альбани копируется охотнѣе всѣхъ прочихъ и не разъ уже вдохновляло лучшихъ граверовъ

Кромвель и министръ Филиппа IV.

Хитрость Кромвеля вошла въ поговорку,—и разные отдѣльные случаи изъ его жизни, которые сдѣлались впослѣдствіи извѣстными, подтверждаютъ это сужденіе потомства. Но все-таки исторіи еще далеко не извѣстны всѣ тайныя нити, какія нерѣдко приводились въ движеніе расточительной политикой протектора. Къ числу перешедшихъ по преданію анекдотовъ, не опирающихся на какія либо опредѣленные документы, принадлежитъ и слѣдующій, судить о которомъ мы предоставляемъ нашимъ читателямъ.

Кромвель чрезвычайно любилъ военные парады. Разъ, въ сопровожденіи Престона и Фэрфакса, онъ дѣлалъ смотръ войскамъ; вдругъ, среди оживленнаго разговора, онъ прерываетъ себя на полъ-словѣ и стремится къ скверно и грязно одѣтому человѣку, котораго онъ завидѣлъ вдали.

Отведя этого человѣка всторону и поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, Кромвель опять вернулся къ своимъ спутникамъ, однако не сказалъ имъ ни одного слова въ объясненіе своего поступка. Мѣсяцъ спустя, обѣдая съ ними, онъ вдругъ спросилъ: помнятъ-ли они это обстоятельство,—и когда они отвѣчали утвердительно, онъ съ гордостью произнесъ: «Человѣкъ, съ которымъ я разговаривалъ,—испанскій жидъ; онъ сообщилъ мнѣ, что изъ Кадикса ждутъ нѣсколько галльоновъ. По этому я принялъ свои мѣры—и сейчасъ получилъ извѣстіе, что Блэттъ привелъ два приза въ Плимутскую гавань».

Но эта богатая добыча не была единственной цѣлью Кромвеля; его фантазія умѣла присоединить къ этому еще другой проектъ.

Послѣ обѣда онъ велѣлъ позвать къ себѣ своего секретаря Турлоа, единственнаго человѣка, который пользовался его довѣріемъ, и приказалъ ему привести къ себѣ самаго искуснаго взламывателя замковъ, какой только можетъ найдтись въ Англіи. Въ то время въ Ньюгэтской тюрьмѣ сидѣлъ знаменитый воръ, приговоренный за разныя продѣлки къ смерти. Когда онъ былъ приведенъ къ Кромвелю, послѣдній объявилъ ему, что если онъ въ точности исполнитъ возложенное на него порученіе, то кромѣ помилованія получитъ еще значительную сумму денегъ,—но что, если онъ на одну іоту уклонится отъ данныхъ инструкцій, или хотя однимъ намёкомъ проговорится объ этомъ дѣлѣ, то неминуемо поплатится за это жизнію. Приговоренный къ смерти преступникъ, обрадованный неожиданной надеждой на спасеніе, обѣщалъ исполнить все что ему прикажутъ. Впрочемъ, ему нечего было сожалѣть о заключенномъ договорѣ, потому что все дѣло заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ ѣхать въ Мадридъ и тамъ въ извѣстные часы гулять по Прадо, не обмѣниваясь ни съ кѣмъ ни словомъ, пока не увидитъ человѣка въ плащѣ необыкновеннаго цвѣта, который три раза подастъ ему особенный сигналъ. За этимъ человѣкомъ онъ долженъ слѣдовать и безусловно повиноваться ему.

Воръ получилъ весьма изрядную сумму на путевыя издержки и сѣлъ на корабль, чтобы плыть къ испанской столицѣ. Онъ ужъ много дней гулялъ взадъ и впередъ по Прадо, не открывая нигдѣ означеннаго ему необыкновеннаго костюма; наконецъ человѣкъ, на которомъ былъ надѣтъ такой плащъ какого онъ искалъ, три раза подалъ ему условный знакъ. Нашъ преступникъ послѣдовалъ за своимъ проводникомъ; тотъ сначала отвелъ его въ уединенное мѣсто и спросилъ, при немъ ли всѣ фальшивые ключи и другія принадлежности его искусства. Когда воръ отвѣтилъ утвердительно, незнакомецъ повелъ его черезъ множество кривыхъ, пустынныхъ улицъ, и, наконецъ, остановился у воротъ обширнаго парка.

«Здѣсь мы разстанемся другъ съ другомъ», сказалъ человѣкъ въ плащѣ.« Въ точности исполни мои приказанія,—и твоя фортуна сдѣлана. Отомкнувъ эту дверь, ты долженъ идти по аллеѣ, которую ты увидишь влѣво; выйдя изъ кустарника, ты замѣтишь маленькій павильонъ; ты долженъ попасть въ него, не повреждая замка. Когда ты войдешь туда, берегись дотрогиваться до чего либо и произвести малѣйшій безпорядокъ, иначе тебя ожидаетъ висѣлица. Ты долженъ только положить вотъ это письмо на софу, и затѣмъ, какъ можно поспѣшнѣе удалиться и снова запереть за собой дверь на ключъ. По всей вѣроятности, ты никого не встрѣтишь, но если бы ты заслышалъ чьи нибудь шаги, постарайся не показываться; если же это окажется невозможнымъ, то отвѣчай, что ты состоишь на службѣ у Донъ Луиса де-Гаро. — Понялъ ты меня»?

«Совершенно».

Воръ въ точности исполнилъ порученіе и вернулся на улицу, не бывъ ни кѣмъ замѣченъ. Часъ спустя можно бы было видѣть какъ король Филиппъ IV, по своей привычкѣ, медленно шелъ къ павильону, для секретныхъ переговоровъ съ своимъ министромъ Дономъ Луисомъ де-Гаро. За исключеніемъ послѣдняго никто ни когда не входилъ въ этотъ отдаленный павильонъ,—да и министръ тогда только имѣлъ туда доступъ, когда король присылалъ ему сказать, что онъ ждетъ его тамъ.

Войдя въ павильонъ, король приказалъ сопровождавшему его слугѣ позвать Дона Луиса. Министръ поспѣшилъ явиться, но, къ своему изумленію, уже не нашелъ тамъ короля. Боясь, не захворалъ ли Его Величество, министръ поскорѣе послалъ за лейбъ-медикомъ, и узналъ отъ него, что король дѣйствительно жаловался на головную боль и изволилъ лечь въ постель.

Донъ Луисъ, какъ первый министръ, не могъ долго не видѣть короля; на слѣдующее утро онъ явился къ Филиппу IV, и нашелъ его въ очень печальномъ расположеніи духа.

— Нездоровье Вашего Величества... заговорилъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ небрежности, съ какой вы припрятываете депеши, которыя не назначаются для того, чтобы валяться по диванамъ.

Донъ Луисъ объяснилъ, что онъ не въ состояніи понять намека.

— Вы спрашиваете объ какомъ письмѣ я говорю? вы вѣрно забыли это?

И онъ показалъ министру то самое посланіе, которое воръ не задолго передъ тѣмъ долженъ былъ подложить въ павильонъ ..... Письмо это гласило слѣдующее:

«Любезный Донъ Луисъ!

Я не въ состояніи выразить вамъ удивленія возбуждаемаго во мнѣ вашими талантами, равно какъ и благодарности, къ которой обязываетъ меня ваша дружба. Ваша мнимая вражда ко мнѣ оказываетъ мнѣ величайшія услуги: дѣлая видъ, что вы ненавидите меня лично, вы не даете угадывать вашего настоящаго настроенія. Я во-время получилъ ваше извѣстіе, галльоны въ безопасности въ Плимутской гавани, а вашу долю въ этомъ призѣ (20,000 фунт. стерл.) я положилъ въ Генуэзскій банкъ, гдѣ эта сумма находится къ вашимъ услугамъ.

Я думаю, что наступила минута привести въ исполненіе наши виды на Неаполь. Вы довольно долго управляли Испаніей, чтобы заслужить тронъ, потому что протекторатомъ, я полагаю, вы не удовольствуетесь. Дальнѣйшія соображенія объ этомъ предметѣ оставляю до слѣдующаго письма. Между тѣмъ, я пошлю въ Средиземное море флотъ, который долженъ будетъ оказать помощь нашимъ друзьямъ.

Оливеръ Кромвель.»

Донъ Луисъ былъ слишкомъ ловкимъ дипломатомъ, чтобы основывать свою защиту на полномъ невѣдѣніи касательно происхожденія этого письма. Онъ сказалъ, что очень хорошо знаетъ, что хотѣли употребить эту хитрость, чтобы лишить его довѣрія его монарха; уже не въ первый разъ, говорилъ онъ, дѣлаются подобныя попытки, но онъ надѣется на свою невинность и на проницательность короля, въ увѣренности что строгое изслѣдованіе раскроетъ настоящій характеръ таинственнаго письма.

Филиппъ благосклонно выслушалъ это оправданіе, потому что не хотѣлъ вѣрить такому гнусному заговору между своимъ министромъ и такимъ человѣкомъ, какъ протекторъ, котораго министръ его вдвойнѣ долженъ былъ ненавидѣть, какъ врага государства и католической церкви. Тѣмъ не менѣе, въ Геную былъ

Библиотека "Руниверс"

Лѣто. Картина Бейшлага. Грав. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

посланъ тайный агентъ; вслѣдствіе донесенія послѣдняго, не оставалось никакого сомнѣнія, что въ тамошній банкъ была положена сумма въ 20,000 фунт. стерл. въ распоряженіе Донъ Луиса де-Гаро. Филиппъ пришелъ въ ужасъ, и такъ какъ онъ вѣрилъ въ революцію въ Неаполѣ, то отдалъ приказаніе, чтобы часть атлантическаго флота была отослана въ подкрѣпленіе морскихъ силъ на Средиземномъ морѣ. Именно эту цѣль и имѣлъ въ виду Кромвель; такимъ образомъ, онъ отдалилъ значительныя военныя силы Испаніи отъ того пункта, на который хотѣлъ напасть. Недовѣріе короля отняло отъ управленія его министра ту энергію, какою оно всегда отличалось, и въ 1658 г. Ямайка досталась въ руки англичанамъ.

Искуственные драгоцѣнные камни.

Уже нѣсколько столѣтій какъ во Франціи и Германіи люди стали заниматься приготовленіемъ искуственныхъ драгоцѣнныхъ камней и достигли въ этой отрасли производства такихъ успѣховъ, что относительно многихъ качествъ и преимущественно тѣхъ, которыя болѣе всего кидаются въ глаза и цѣнятся незнатокомъ, искуственныя издѣлія нисколько не уступали натуральнымъ камнямъ. Но не смотря на то, что фабричные продукты дѣйствительно не были ниже настоящихъ драгоцѣнныхъ камней по блеску, прозрачности и роскошной окраскѣ, имъ все таки нельзя было придавать этого названія, такъ какъ главнаго свойства послѣднихъ, твердости, имъ недоставало.

Эти искуственные камни было однако не болѣе какъ обыкновенное стекло, только съ примѣсью окиси свинца, которая сообщала ему довольно сильную лучепреломляемость, способность хорошо шлифоваться, полироваться и также окрашиваться. Изъ такого-то матеріала фабриковались всевозможные сорта драгоцѣнныхъ камней вплоть до самого алмаза, и такъ какъ наружный блескъ всегда дороже людямъ чѣмъ истина, то неудивительно, что эта отрасль промышленности получила значительное развитіе и что поддѣльные продукты давали тѣ же выгоды что настоящіе: даже опытному глазу часто бываетъ трудно отличить безъ посторонней помощи одни отъ другихъ.

Значительные успѣхи, сдѣланные химическою наукою за послѣдніе сто лѣтъ, дали этой отрасли фабричнаго производства совершенно другое направленіе.

Въ природѣ драгоцѣнные камни попадаются очень рѣдко—такъ называемыя алмазныя поля въ Канѣ даютъ только очень низкій сортъ желтыхъ камней — между тѣмъ какъ составныя части ихъ принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ и обыденнымъ тѣламъ на землѣ. Уже давно было извѣстно, что алмазъ, лучшій представитель группы благородныхъ камней, есть ни что иное какъ простой уголь, такой же какъ сажа или древесный уголь,—и какъ ни старались парижскіе ювелиры отвратить отъ алмаза подобный позоръ, научный фактъ имъ не удалось поколебать. Они въ очію увидѣли, какъ неразрушимый, по ихъ мнѣнію, алмазъ, подвергнутый химиками дѣйствію огня, совершенно исчезъ, и когда они (послѣ томительнаго ожиданія во время этой операціи) бросились обшаривать пепелъ, то должны были выслушать отъ химиковъ ироническій совѣтъ: поискать лучше въ дымовой трубѣ, гдѣ скорѣе всего отыщутъ бѣглеца.

Изъ такого же простаго матеріала состоитъ корундъ (алмазный шпатъ), рубинъ и сафиръ; они представляютъ обыкновенный глиноземъ, который можно легко добывать изъ фарфоровой и обыкновенной глины. Это весьма простое землянистое вещество, составляющее едва ли не шестую часть всей земной коры, встрѣчается также какъ главная составная часть и въ другихъ драгоцѣнныхъ камняхъ, какъ въ бирюзѣ—вмѣстѣ съ фосфорною кислотою, въ шпинели—съ магнезіею, въ хризобериллѣ съ глициномъ и кремневою кислотою (обыкновеннымъ пескомъ), въ топазѣ — съ кремневою кислотою и фтористымъ кремніемъ, въ гранатѣ — съ кремневою кислотою и закисью желѣза. Цирконъ и Гіацинтъ состоятъ изъ цирконной земли и кремневой кислоты.

Прочіе матеріалы, служащіе въ природѣ къ образованію драгоцѣнныхъ камней, не менѣе доступны для химика и встрѣчаются въ любомъ количествѣ; самое воспроизведеніе красокъ не представляетъ никакихъ затрудненій—и въ этомъ достаточно убѣждаютъ насъ приготовляемые изъ цвѣтнаго стекла камни, которые въ этомъ отношеніи не оставляютъ желать лучшаго. Во всякомъ случаѣ химику приходится при этомъ дѣйствовать совершенно иначе, чѣмъ красильщику. Онъ долженъ именно сплавлять свои красящіе матеріалы со стекломъ; его краски должны, слѣдовательно, выдерживать высокія температуры, и поэтому онѣ бываютъ часто или вовсе безцвѣтны, или же окрашены совсѣмъ въ другой цвѣтъ чѣмъ желаемый, который получается только послѣ сплавленія.

Такъ, напримѣръ, при фабрикаціи рубиновъ прибавляютъ къ расплавленному стеклу окиси марганца; еще лучшіе результаты получаются отъ прибавленія закиси золота, и смотря по количеству этой послѣдней, продукты обладаютъ различною интензивностью блеска и цвѣта—отъ самого темнаго кровянаго краснаго до нѣжнѣйшаго розоваго. Для сафира употребляютъ окись кобальта, которая сообщаетъ стеклу удивительно красивый темно-синій цвѣтъ. Смарагдъ окрашиваютъ окисью мѣди и хрома, бериллъ—окисью сурьмы и кобальта, гранатъ—сурьмянымъ цвѣтомъ (окисью сурьмы), золотымъ пурпуромъ и окисью марганца, топазъ—окисью сурьмы вмѣстѣ съ окисью желѣза и золота. Конечно, въ природѣ эти окраски достигаются большею частью посредствомъ другихъ и при томъ болѣе простыхъ средствъ.

Такимъ образомъ, искусственное воспроизведеніе разнаго рода драгоцѣнныхъ камней не встрѣчало повидимому никакихъ препятствій. Единственное затрудненіе состояло въ томъ, что химики не знали еще способа придавать этимъ тѣламъ правильныя геометрическія (кристаллическія) формы, въ которыхъ они встрѣчаются въ природѣ и которыя собственно и составляютъ ихъ главное достоинство. И это единственное обстоятельство разбивало всѣ попытки къ воспроизведенію драгоцѣнныхъ камней. Долго и тщетно мучились надъ этою загадкою природы, еще прежде чѣмъ найденъ химическій составъ послѣднихъ, и только изслѣдованіямъ новѣйшей химіи удалось наконецъ съ помощью анализа рѣшить эту задачу. Въ настоящее время приготовленіе настоящихъ драгоцѣнныхъ камней перестало быть бредиею алхимика; возможность стала дѣйствительнымъ фактомъ.

Собственно говоря, химику не трудно вообще воспроизводить натуральные кристаллы. Какъ извѣстно, кристаллы получаются двумя путями: сплавленіемъ и раствореніемъ. Но никакія искусственныя печи (даже самыя сильныя изъ употребляемыхъ въ индустріальномъ производствѣ, какъ стеклянныя, фарфоровыя и пламенныя) не въ состояніи довести до плавленія составныя части драгоцѣнныхъ камней: уголь, глиноземъ, магнезію, кремневую кислоту, и т. д. Съ другой стороны, хотя матеріалы эти растворимы, но вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется химическій составъ ихъ, такъ какъ они вступаютъ въ химическія реакціи съ растворяющимъ веществомъ (кислотою) и превращаются такимъ образомъ въ совершенно другія тѣла. Единственное исключеніе составляетъ уголь, который растворимъ въ расплавленномъ желѣзѣ, но зато при охлажденіи выкристаллизовывается изъ него не въ видѣ алмаза, а графита, который, какъ извѣстно, ни цвѣтомъ, ни формою не представляетъ даже отдаленнаго сходства съ первымъ.

Такимъ образомъ, этотъ послѣдній способъ, посредствомъ растворенія, почти совершенно оставленъ химиками; первый, напротивъ того, подаетъ теперь лучшія надежды, и именно съ тѣхъ поръ, какъ въ небольшомъ пузырѣ гремучаго газа — въ которомъ водородъ и кислородъ, составныя части воды, сгораютъ и опять даютъ воду—открыто необыкновенно сильное расплавляющее средство, далеко оставляющее за собою всѣ остальные употребляемые для этой цѣли въ индустріи аппараты. Съ помощью этого пламени удалось прежде всего расплавить глиноземъ. Искусственный корундъ, полученный этимъ путемъ, обладалъ совершенно такою же твердостью какъ натуральный и такъ же хорошо рѣзалъ стекло. Окраска не представляла болѣе никакихъ трудностей, такъ что воспроизведеніе рубина вполнѣ удалось.

Однако этимъ способомъ можно подвергнуть плавленію лишь незначительныя количества; съ другой стороны, отъ доступа воздуха или другихъ газовъ, матеріалы легко могутъ претерпѣть химическія измѣненія,—и эти то обстоятельства подали французскому химику Эбелмену поводъ попытаться соединить оба метода въ одинъ. Для этой цѣли, къ составнымъ частямъ даннаго драгоцѣннаго камня, взятымъ въ той же пропорціи, въ которой они существуютъ въ природѣ и которая найдена аналитическимъ путемъ, онъ прибавлялъ вещество химически индифферентное къ взятымъ тѣламъ, но гораздо легче расплавляемое, летучее и легко растворимое въ водѣ — именно: бориую кислоту и борнокислый натръ (буру). Съ помощью этихъ средствъ сдѣлалось возможнымъ отлично расплавить составныя части драгоцѣнныхъ камней въ обыкновенныхъ фарфоровыхъ печахъ въ Севрѣ (Sevres). Этимъ же путемъ Эбелменъ получилъ какъ безцвѣтную, такъ и окрашенную въ различные цвѣта шпинель, безцвѣтный и зеленый хризобериллъ и такого же окрашиванія бериллъ, и при томъ въ такихъ кристаллахъ, какіе встрѣчаются лишь въ природѣ.

Еще болѣе смѣлыя попытки, увѣнчавшіяся неменѣе блестящимъ успѣхомъ, сдѣланы химиками Довре (Dauvree), Сен-Клеръ-Девиллемъ (St.-Claire-Deville), Карономъ (Caron) и не только воспроизвели настоящіе драгоцѣнные камни, но даже перещеголяли самую природу, приготовивъ разныя каменныя украшенія, обладающія всѣми свойствами натуральныхъ драгоцѣнныхъ камней, чего уже въ природѣ вовсе не встрѣчается.

Одинъ только алмазъ остается недостигаемымъ для человѣческаго искусства и не поддается никакимъ попыткамъ къ его воспроизведенію. До сихъ поръ остались тщетными всѣ старанія получить кристаллизованный уголь, и мы не знаемъ даже, какимъ образомъ совершалась эта кристаллизація въ природѣ. Впрочемъ, есть объ этомъ предметѣ множество гипотезъ; достовѣрнаго же ничего нѣтъ. Правда, можно получить кристаллы, обладающіе существенными свойствами алмаза, но это будетъ уже не углеродъ, а боръ.

Подобно углероду, боръ образуетъ элементарную составную

Библиотека "Руниверс"

часть земной коры, при томъ однако встрѣчается не иначе какъ въ соединеніи съ кислородомъ или въ видѣ свободной борной кислоты, или же еще въ соединеніи съ натріемъ, какъ борнокислый натръ (бура); далѣе, съ магнезіею (борацитъ), съ известью и кремневою кислотою въ различныхъ минералахъ. Посредствомъ металла калія изъ борной кислоты можно возстановить чистый боръ, который получается всегда въ видѣ зеленовато-бураго порошка, не имѣющаго ни цвѣта, ни запаха. Боръ представляетъ поразительное сходство съ углеродомъ. Прежде знали только аморфное состояніе бора, соотвѣтствующее такому же видоизмѣненію углерода въ сажѣ и обыкновенномъ углѣ; теперь же найдены у него и двѣ остальныя правильныя формы, соотвѣтственныя графиту и алмазу. Борный графитъ, также какъ и обыкновенный, кристаллизуется въ шестигранныхъ непрозрачныхъ листахъ, отличается однако отъ него своимъ красноватымъ цвѣтомъ.

Что касается до борнаго алмаза, то его кристаллическая форма существенно отличается отъ натуральнаго алмаза. Въ то время, когда этотъ послѣдній большею частью является въ формѣ октаэдровъ, ограниченныхъ восемью правильными тріугольниками и такимъ образомъ представляющихъ двѣ соединенныя основаніями пирамиды,—борный алмазъ имѣетъ форму столбика съ многократно притупленными ребрами. Въ остальныхъ свойствахъ однако борный алмазъ нисколько не уступаетъ настоящему, онъ даже значительно тверже. Въ то время когда посредствомъ обыкновеннаго алмазнаго порошка борные кристаллы шлифуются не достаточно хорошо, борный алмазъ, напротивъ, дѣйствуетъ на обыкновенный гораздо сильнѣе. Болѣе крупные кристаллы, добытые упомянутыми химиками, были прозрачны; многіе совершенно безцвѣтны; другіе, напротивъ, окрашены то въ гіацинтовый, то въ гранатный красный цвѣтъ, то совсѣмъ въ медовый желтый цвѣтъ.

Во многихъ отношеніяхъ однако борные кристаллы могутъ быть поставлены на ряду съ алмазомъ; они обладаютъ блескомъ и лучепреломляемостью, какія встрѣчаются только въ алмазѣ. По твердости же и нейтральному отношенію къ химическимъ реактивамъ даже превосходятъ натуральный алмазъ. Что же касается того, что кристаллы эти все еще получаются окрашенными, то это обстоятельство не имѣетъ существенной важности; вѣроятно, окраски эти, встрѣчающіяся также въ алмазѣ и другихъ драгоцѣнныхъ камняхъ и часто служащія даже къ увеличенію ихъ цѣнности, происходятъ отъ множества постороннихъ незначительныхъ примѣсей, какъ напримѣръ, кремнія, углерода или даже аморфнаго бора. Впрочемъ, есть надежда, что удастся наконецъ получить борные кристаллы совершенно безцвѣтными, которые, сравнившись такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ съ алмазомъ, отобьютъ вѣроятно первенствующее значеніе послѣдняго.

И такъ, мечта, которую такъ неутомимо преслѣдовалъ человѣкъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, близка къ тому чтобы сдѣлаться наконецъ дѣйствительностью. Фабричное производство драгоцѣнныхъ камней представляется теперь только вопросомъ времени,—и то, чѣмъ восхищаются теперь только немногіе избранные, сдѣлается со временемъ доступнымъ всѣмъ и каждому. Конечно, не малое количество милліоновъ, которыми оплачивались эти бездѣлки, пропадетъ при этомъ безвозвратно, но это не должно однако задерживать стремящуюся впередъ науку.

Изъ лѣтнихъ стихотвореній.

Въ поле, въ поле!.. Вотъ мелькаетъ
Что-то въ нивѣ золотистой;
Скажешь: лучь въ травѣ росистой
Бѣлымъ полымемъ сіяетъ...
Ближе... Ближе... Сердце бьется...
Мигъ еще—сквозь эти вѣтки
Какъ вчера мнѣ улыбнется
Скоро личико сосѣдки...

* * *

Вонъ изъ глазъ бѣгутъ страницы.
Ручку съ книгой опустила...
И слѣдитъ, какъ быстро, мило
Ей на встрѣчу вьются птицы.
Все слѣдитъ, не замѣчая,
Что за вѣтками сирени
Я давно стою вздыхая, —
Полный нѣги, счастья, лѣни...

* * *

А вѣдь знаетъ же плутовка,
Что сосѣдъ ужь близко гдѣ-то!
Вѣдь не даромъ такъ одѣта,
Вѣдь не даромъ же головка,
Перевита лентой яркой,
Кудри сыплются волною,
И замѣтенъ груди жаркой —
Нѣжный блескъ подъ кисеею...

* * *

Каждый колосъ дышетъ счастьемъ;
Забывается невольно,
Все что трудно, все что больно,
Все что надо подъ напастьемъ.
Словно пчелы вьются грезы,
И въ отвѣтъ имъ издалека
Чуть струится запахъ розы,
Чуть лепечетъ шумъ потока...

* * *

Въ поле, въ поле!.. Золотятся
Дозрѣвающія нивы...
Надъ рѣкою никнутъ ивы,
Въ воды чистыя глядятся.
Яблонь вся подъ бѣлымъ цвѣтомъ
Ароматомъ такъ и пышетъ.
Въ это утро, теплымъ лѣтомъ,
Каждый колосъ счастьемъ дышетъ...

В. И. Немировичъ-Данченко.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— 1874 года іюля 15-го дня, по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ особомъ присутствіи, выслушавъ дѣло по обвиненію дворянъ: Долгушина, Дмоховскаго, Папина и другихъ въ составленіи, печатаніи и распространеніи воззваній преступнаго содержанія и пренія сторонъ, находитъ виновными: 1) подсудимыхъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова, Васильева и Гамова въ распространеніи составленныхъ и напечатанныхъ для этой цѣли первыми 4-мя въ заведенной ими типографіи воззваній: «Русскому народу», «Какъ должно жить по законамъ природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ», каковыя воззванія направлены къ возбужденію явнаго неповиновенія Верховной Власти и бунту; 2) подсудимую Сахарову въ томъ, что она, узнавъ о напечатаніи и выпускѣ въ обращеніе Долгушинымъ и его сообщниками означенныхъ противузаконныхъ воззваній, не донесла объ этомъ; 3) подсудимаго Циммермана въ томъ, что, узнавъ отъ упомянутаго выше Васильева объ учиненномъ симъ послѣднимъ распространеніи сихъ воззваній, не донесъ объ этомъ, и 4) подсудимыхъ Чикова, Сидорацкаго, Авессаломова и Ободовскую въ томъ, что они, получивъ, первый—воззваніе «Какъ должно жить по закону природы и правды» и «Къ интеллигентнымъ людямъ»; второй—сіе послѣднее воззваніе; третій—воззваніе «Русскому народу» и четвертая—часть этого послѣдняго воззванія,—держали оныя у себя, не имѣя на то разрѣшенія подлежащаго начальства. Вслѣдствіе сего и признавая подсудимыхъ Долгушина и Дмоховскаго—зачинщиками содѣяннаго преступленія и примѣняя къ настоящему дѣлу 251 и 126 статьи Улож. о Наказ., а относительно подсудимаго Васильева и ст. 775 Уст. Уг. Суд., Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) дворянъ: Александра Долгушина 25 лѣтъ и Льва Дмоховскаго 23 лѣтъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ съ послѣдствіями въ 25 ст. Улож. о Нак., опредѣленными; 2) дворянъ: Ивана Папина 25 лѣтъ, Николая Плотникова 23 лѣтъ лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на заводахъ на 5 лѣтъ съ тѣми же послѣдствіями; 3) дворянина Дмитрія Гамова, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 8 лѣтъ; 4) крестьянина Ананія Васильева 19 лѣтъ признать подлежащимъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ на 2 года и 8 мѣсяцевъ, но въ виду представляющихся по дѣлу особыхъ уваженій къ облегченію участи сего подсудимаго, всеподданнѣйше ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ Министра Юстиціи, о замѣнѣ этого наказанія для него, Васильева, 2-хъ-лѣтнимъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ безъ лишенія правъ; 5) мѣщанку Татьяну Сахарову 26 лѣтъ и гражданина Эмилія Циммермана 24 лѣтъ подвергнуть аресту: 1-ую на 1 мѣсяцъ, а послѣдняго на 2 недѣли; 6) дворянина Александра Чикова 24 лѣтъ, дворянина Василія Сидорацкаго 20 лѣтъ, купеческую дочь Александру Ободовскую 26 лѣтъ и священническаго сына Ивана Авессаломова 29 лѣтъ подвергнуть аресту: Чикова на 2 мѣсяца, Сидорацкаго на 3 дня, Ободовскую на 7 дней, и изъ нихъ Чикова отдать потомъ подъ надзоръ полиціи на 2 года; 7) судебныя по настоящему дѣлу

Библиотека "Руниверс"

издержки взыскать съ осужденныхъ лицъ, а въ случаѣ несостоятельности ихъ, принять на счетъ казны и 8) приговоръ относительно дворянъ Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова и Гамова, представить чрезъ Министра Юстиціи на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Тверская город. дума, принявъ съ особою признательностію предложенное городу почетнымъ гражданиномъ В. П. Аваевымъ пожертвованіе въ 100,000 р. на устройство больницы и пріюта для круглыхъ сиротъ, образовала подъ предсѣдательствомъ самого жертвователя коммисію для составленія подробныхъ проектовъ на устройство.

— Почетный гражданинъ Д. С. Щеголевъ въ Красноярскѣ пожертвовалъ, въ память покойнаго своего брата, 4,500 р. на содержаніе въ имѣющей открыться богадѣльнѣ трехъ престарѣлыхъ гражданъ, съ присоединеніемъ сихъ денегъ къ капиталу 75,000 р., пожертвованному на богодѣльню со стороны его матери, и 4,000 р. на учрежденіе при ремесленномъ училищѣ трехъ стипендій.

— Чистопольскій купецъ Е. И. Чукашовъ, желая ознаменовать 19-е февраля, день восшествіе на престолъ Государя Императора, добрымъ дѣломъ на пользу общественнаго призрѣнія, пожертвовалъ 5,000 р. на пріобрѣтеніе помѣщенія для дѣтскаго сиротскаго пріюта. Благотворительности этого же лица городъ обязанъ открытіемъ богадѣльни, общественнаго банка и женскаго училища 2-го разряда.

— Коммерціи-совѣтникъ Абрамъ Варшавскій, желая ознаменовать добрымъ дѣломъ первое посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ремесленнаго училища Цесаревича Николая, выразилъ готовность принять на свой счетъ устройство желѣзныхъ кроватей для 300 воспитанниковъ, со всѣми принадлежностями, или же передать на этотъ предметъ въ распоряженіе совѣта пять тысячъ рублей.

— Въ г. Новоторжскѣ (Тверской губерніи) купеческій сынъ Бараноиъ устроилъ на свой счетъ помѣщеніе для приходскаго училища и принялъ на себя издержки по ремонту этого помѣщенія, а равно по отопленію и освѣщенію его.

— Въ гор. Ригѣ, 19-го іюня, въ присутствіи чиновъ мѣстной администраціи и представителей общества, произведена закладка зданія богадѣльни Садовника, съ церковью и школою.

— Московская городская дума, согласно предположенію городскаго головы, ассигновала 28,033 руб. на устройство деревяннаго осеннаго павильона на 50 человѣкъ, согласно сдѣланному на это устройство смѣтному исчисленію.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— 3-го іюня открылись засѣданія Харьковскаго уѣзднаго земскаго собранія. Въ этомъ засѣданіи уѣздное земство рѣшило пожертвовать 40.000 р. въ пользу Харьковскаго реальнаго училища, съ разсрочкою взноса на два года. Пожертвованіе это сдѣлано въ добавокъ къ 40,000, ассигнованнымъ на тотъ же предметъ изъ губернскаго сбора.

— Владѣлецъ Сташевскихъ имѣній графъ Артуръ Потоцкій, узнавъ о печальномъ положеніи погорѣльцевъ въ Пацановѣ и Сташовѣ (Кѣлецкой губерніи), внесъ причитавшіяся съ погорѣльцевъ казенныя подати въ количествѣ 4,000 р. и ассигновалъ 1,000 руб. на первыя потребности пострадавшихъ. Кромѣ этого графъ Потоцкій велѣлъ смолоть 100 корцевъ ржи и раздать ее, также какъ кирпичъ, камень, известь и лѣсъ для постройки новыхъ домовъ бѣднымъ безвозмездно, а прочимъ по своей цѣнѣ, съ разсрочкой на 20 лѣтъ.

— Сенгилеевское уѣздное, Симбирской губерніи, земское собраніе послѣдней очередной сессіи, по выслушаніи доклада уѣздной управы о расходахъ по истребленію волковъ постановило ходатайствовать предъ удѣльнымъ вѣдомствомъ о дозволеніи безплатной охоты за волками въ лѣсахъ, принадлежащихъ удѣламъ, всѣмъ желающимъ.

СПОРТЪ.

— Вечеромъ 16-го іюля происходили, пишутъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», въ Красномъ-Селѣ, въ присутствіи Его Величества Государя Императора, скачки. Сперва была трехверстная скачка съ препятствіями, на призы Государственнаго Коннозаводства; послѣ этой скачки была двухверстная фрунтовая, также на призы Государственнаго Коннозаводства; послѣ скачки нижнихъ чиновъ была двухверстная частная скачка, первый призъ 200 руб., второй—150 руб. По окончаніи этой скачки, въ публикѣ сдѣлалось замѣтно особенное движеніе: всѣ съ волненіемъ ожидали начала послѣдней, четырехверстной скачки съ препятствіями, на призы Ихъ Императорскихъ Величествъ и Членовъ Императорской Фамиліи.

Въ нынѣшнемъ году скакало 24 офицера. Отъ 9-го препятствія значительно впереди всѣхъ пошелъ л.-гв. кирасирскаго полка Его Величества полка поручикъ Клаверъ 1-й, на гнѣдомъ жеребцѣ «Миноти», завода графа Воловича. Легко и красиво перейдя два послѣднія препятствія, «Миноти», при крикахъ одобренія публики, первымъ пришелъ къ флагу. Вообще скачка въ этомъ году была очень удачна въ томъ отношеніи, что никто не ушибся.

Первый призъ, полученный поручикомъ Клаверомъ, состоитъ изъ 3,000 руб. деньгами и вещи въ 500 руб.: на этотъ разъ была серебряная миска и три серебряные же ковша. По окончаніи каждой скачки офицеры, выигравшіе призы, приглашались въ Императорскую бесѣдку, гдѣ изъ рукъ Государя Императора получали призы.

— 14-го іюля состоялась большая гребная гонка С.-Петербургскаго рѣчнаго Яхтъ-Клуба. Гонка началась въ 1 часъ 10 минутъ пополудни и раздѣлена была на шесть разрядовъ. Второй разрядъ изъ гиговъ-четверокъ съ гребцами изъ членовъ Яхтъ-Клуба и любителей на призъ отъ Государя Наслѣдника Цесаревича —большіе часы съ барометромъ— былъ самый интересный. На это состязаніе вступили три красивыя шлюпки: «Невка», «Уейвъ» (Wave) и «Исиа», на которыхъ гребцы были одѣты въ тонкія въ обтяжку матросскія рубахи и съ бѣлыми колпачками или мягкими жокейскими шапочками. Шлюпка «Уейвъ» имѣла рулевыхъ и гребцовъ преимущественно англичанъ; имъ и достался призъ. Всю гоночную дистанцію они пролетѣли въ 11 минутъ и 20 секундъ.

ТОРГОВЛЯ.

— Начальникъ Астраханской губерніи объявилъ обратившимися къ нему торговцамъ, что путь въ Хиву изъ форта Александровскаго безопаснѣе нежели изъ Красноводска, но послѣдній значительно короче, приведя большее число каравановъ, изъ числа которыхъ два, недавно отправившіеся изъ Красноводска, благополучно дошли до Хивы и скоро ожидаются обратно, и что въ августѣ сего года предполагается двинуть изъ Красноводска большой караванъ вмѣстѣ съ ученою экспедиціею.

— 12-го мая вышелъ изъ Новаго Ургенча, прямымъ путемъ на Красноводскъ, караванъ полковника Глуховскаго, изъ 75 верблюдовъ, съ хлопокомъ. По просьбѣ довѣреннаго г. Глуховскаго, начальникъ Аму-дарьинскаго округа далъ отправленному съ караваномъ прикащику бумагу на имя начальника Закаспійскаго военнаго отдѣла, въ которой просилъ генерала Ломакина оказать каравану содѣйствіе въ безопасномъ слѣдованіи. О томъ же написано было и Хану Хивинскому. Несмотря на то, что между туркменами по временамъ возникаютъ безпорядки, а іомуды враждуютъ съ туркменами текке, караванъ-башъ надѣется благополучно дойти съ караваномъ до Красноводска.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что отъ пересполненія кассы Ташкентскаго Областнаго Казначейства серебряною коканскою монетою пріемъ и мѣна коканов, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, на кредитные билеты прекращены на время, до сбыта коканскаго серебра по какому-либо назначенію. Кропотливая возня съ коканскою монетою при обмѣнѣ ея нашими купцами на кредитные билеты вынудило Ташкентское Областное Казначейство принимать его не счетомъ, а вѣсомъ. Послѣ тщательныхъ опытовъ надъ перевѣскою и счетомъ коканов оказалось возможнымъ принимать 35 фунтовъ серебра за 1,000 руб., что теперь практикуется Казначействомъ и при пріемѣ суммъ, поступающихъ изъ казенныхъ учрежденій.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что вывозъ хлѣба по югозападной границѣ не прекращается. Чрезъ Броды въ недѣлю по 16-е іюня отпущено разнаго хлѣба 480,000 пудовъ. Чрезъ Подволочискъ отпускъ также былъ значителенъ въ теченіе всей означенной недѣли, и въ нѣкоторые дни доходилъ до 48,000 пуд. Къ Подволочиску хлѣбъ подвозился болѣе на колесахъ чѣмъ по желѣзной дорогѣ. Чрезъ Гусятинъ отпущено въ Тарнополь 128,000 пуд. хлѣба, и ожидали еще большихъ грузовъ. Бойнаго скота отпущено за-границу въ этомъ пунктѣ 916 головъ.

ЛИТЕРАТУРА.

Новыя книги:

Соловьевъ, С. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Изд. 5-е Москва. Унив. Тип. 8 д. 360 стр 1.200 экз. Ц. 2 р. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. XVI. Исторія Россіи въ эпоху преобразованія Т. IV. Изд. 2-е. Москва. Унив. тип. 8 д. 376 стр. 1.200 экз. Ц. 2 р.

Опечатки. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ № 31 „Нивы", въ содержаніи, вмѣсто заглавія „Чертвое море (съ рисункомъ), ошибкою типографіи поставлено „Императорскіе вагоны" (съ тремя рисунками), а съ № 32, на 1-й стран., въ заголовкѣ, также по ошибкѣ, въ нѣкоторыхъ экземплярахъ отпечатано: при этомъ № приложены „Парижскія моды" съ 24 рисунками, слѣдуетъ читать: за августъ мѣсяцъ съ 14 рисунками.

СОДЕРЖАНІЕ: Выборгъ (съ рисункомъ).—Испорченный шкафъ (разсказъ).—Борьба за Неву. III. Походы къ Выборгу. XIV вѣкъ (съ рисункомъ). Прививаніе чумы рогатаго скота.—Пляска амуровъ (съ рисункомъ). Кромвель и министръ короля Филиппа IV. - Искуственные драгоцѣнные камни.—Изъ лѣтнихъ стихотвореній **В. И. Немировича-Данченки** (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Парижскія моды за августъ съ 14 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

„УДОБСТВО И ЭКОНОМІЯ"

ПОЛУЧЕНЫ ВЪ БОЛЬШОМЪ И РАЗНООБРАЗНОМЪ ВЫБОРѢ

КЕРОСИНОВЫЯ ПЕЧИ

разныхъ величинъ и фасоновъ, со всѣми необходимыми принадлежностями, въ 1, 2, 3 и 4 конфорки отъ 1 до 8 рожковъ горѣнія, очень удобныя для

ДАЧЬ И ЛАГЕРЕЙ.

ТАКЖЕ

ПАРОВЫЕ КОФЕЙНИКИ

разныхъ величинъ по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Господамъ торговцамъ значительная уступка.

ВЪ МАГАЗИНѢ

А. КРУМЕЮГЕЛЬ.

№ 26. Невскій просп., противъ Аничкова дворца. № 26.

Дозволено цензурою. 2 августа 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе,** Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 33 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 12-го августа 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, кот ыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Исландія.

(Тысячелѣтній юбилей ея колонизаціи).

1 августа (20 іюля) Исландія празднуетъ въ Рейкъявикѣ тысячелѣтній юбилей колонизаціи острова европейцами, такъ какъ въ нынѣшнемъ году истекло X вѣковъ съ тѣхъ поръ какъ, по открытіи острова изъ Норвегіи шведомъ Гардаромъ и двумя викингами Наддодомъ и Флоки между 860 и 870 годами, въ Исландію прибылъ первый колонистъ.

Первое переселеніе въ Исландію было предпринято въ 874 году изъ Норвегіи нѣкимъ Ингольфомъ и своякомъ его Лейфромъ. Исторію этой колонизаціи передаетъ Эйрбиггіа-сага. По ея словамъ, Лейфръ женясь на сестрѣ Ингольфа, Гелгѣ-прекрасной, тѣмъ самымъ нажилъ себѣ врага въ Гольмштейнѣ, могущественномъ своемъ соперникѣ, который вмѣстѣ съ братомъ Герштейномъ напалъ на свояковъ, но былъ убитъ ими. Послѣ этого Ингольфъ и Лейфръ, опасаясь за свою жизнь, снарядили длинное морское судно, отправились въ 870 году къ берегамъ Исландіи для изслѣдованія острова, перезимовали тамъ и вернулись въ Норвегію, чтобы изготовиться къ переселенію. Пока Ингольфъ устраивалъ свои домашнія дѣла, Лейфръ предпринялъ викингскій набѣгъ на Ирландію, откуда привезъ богатую добычу и знаменитый мечъ, почему и получилъ съ тѣхъ поръ прозваніе Гіорлейфра, т. е. *Лейфра съ мечемъ*. Такъ подошло лѣто 871. г. въ теченіи котораго свояки съ своими семьями и друзьями переселились въ Исландію. Соблюдая освященный древностью обычай или узаконенный опытъ при основаніи колоній, Ингольфъ высадился тотчасъ послѣ бури, свирѣпствовавшей вблизи острова, на мысъ названный имъ Ингольфс-Гёфдти, для временнаго пребыванія тамъ, пока Гіорлейфръ на мысѣ Гіорлейфрс-Гёфдти строилъ себѣ жилище, въ которомъ и самъ Ингольфъ гостилъ у него на второй годъ послѣ прибытія. На третій же годъ Ингольфъ основался тамъ, куда прибило волнами — выброшенное имъ по старому обычаю вблизи острова за бортъ своего корабля — священное дерево патріаршаго кресла (Ендвегиссулуръ), взятое изъ отечественнаго храма бога Тора, — какъ разъ на мѣстѣ нынѣшняго главнаго города Исландіи — Рейкъявика. Между тѣмъ Лейфръ приступилъ къ обработкѣ своихъ земель, но такъ какъ у него былъ

Исландки. Съ фотографіи грав. Этлинъ.

Библиотека "Руниверс"

всего лишь одинъ волъ, то онъ запрягалъ своихъ ирландскихъ плѣнниковъ въ плугъ, за что послѣдніе и убили его. Убійцы бѣжали на такъ-названные по нимъ Вестманнэйяръ (острова западныхъ людей), но были настигнуты здѣсь Ингольфомъ и казнены смертью. Ингольфъ до самой кончины жилъ въ своихъ владѣніяхъ, составлявшихъ нынѣшнія Арнесъ, Гуллбрингу и Кіозарсислу. Сложенный изъ камней могильный холмъ его, Ингольфс-гаугуръ, до сихъ поръ еще показываютъ на горѣ Ингольфс-фьяль; холмъ этотъ значительно возвышается надъ окрестной равнинной Рангарвалла-сисла—и былъ выбранъ Ингольфомъ для того, чтобы по воскресеніи мертвыхъ лучше обозрѣть страну, первымъ обитателемъ которой былъ онъ.

Десять лѣтъ спустя по переселеніи Ингольфа, переселился со чады и домочадцы второй колонистъ, могучій вождь Рольфръ съ острова Мостра, прозванный вслѣдствіе ревностнаго почитанія бога Тора—Торольфромъ, котораго норвежскій король Гаральдъ (за поддержку всѣми уважаемаго Біорна, сына измѣнившаго королю военачальника Кетилля Флатнефра) принудилъ къ переселенію. За нимъ уже послѣдовали выходцы одинъ за другимъ.

Путемъ такого постепеннаго и совершенно безпорядочнаго заселенія земель, впослѣдствіи, по образцу норвежскаго государственнаго устройства и при всевозможныхъ насиліяхъ междоусобицъ, образовалось нѣсколько правительственныхъ округовъ, *годордовъ*, совершенно независимыхъ въ отношеніяхъ между собою и къ другимъ государствамъ. Между тѣмъ усобицы и постоянные споры о границахъ, причемъ не обходилось безъ обоюднаго кровопролитія, заставили вскорѣ почувствовать необходимость общаго законодательства для основанія единаго республиканскаго союза. На основаніи составленной Ульфліотомъ (60-лѣтнимъ выходцомъ изъ Лона въ Норвегіи) организаціи, въ 927 или 930 году послѣдовало открытіе Альтинга (главнаго или верховнаго суда), который, ежегодно 8 іюля засѣдая въ Тингваллѣ, впослѣдствіи сталъ законодательнымъ собраніемъ и высшимъ судилищемъ въ мірскихъ и духовныхъ дѣлахъ. Мы еще вернемся къ этому учрежденію.

Въ дальнѣйшей исторіи Исландіи, кромѣ постепеннаго развитія государственной жизни, главными событіями являются: страшный голодъ 975 года, участіе нѣсколькихъ знаменитыхъ скальдовъ въ походахъ викинговъ ярла Гакона и Стирбіорна, открытіе Америки въ 974 или 977 году Гуннбіорномъ, сыномъ Ульфа Краки, вторичное ея открытіе Эрикомъ Рауде въ 983—985 годахъ, введеніе христіанства саксонскимъ епископомъ Фридрихомъ и его переводчикомъ исландцемъ Торвальдомъ Кодрансономъ въ 981 году, и по приказу норвежскаго короля Олафа Тригвесона исландцемъ Стефромъ въ 996 году, а позднѣе королевскимъ капелланомъ, нѣмецкимъ священникомъ Тангбрандомъ, до окончательнаго принятія новой вѣры вслѣдствіе дѣятельности священника Тормода въ 1000 году послѣ долгой борьбы междоусобицъ, которыя отвратили любовь народа отъ его правителей и естественно обратили надежды его къ королю Норвегіи, что и положило конецъ существованію свободнаго государства. Въ 1263 году Исландія присоединилась къ Норвегіи въ качествѣ платящей дань, подчиненной провинціи, управляемой намѣстникомъ (Гирдстьоръ) и Сислумадтурами на мѣсто прежнихъ годордовъ.

Съ этого времени въ извѣстной степени кончается самостоятельная исторія Исландіи. Можно упомянуть лишь о немногихъ событіяхъ нѣкоторой важности: стремленія исландцевъ къ независимости при королѣ Гаконѣ Гохбейнѣ въ 1299—1308 годахъ, бѣдствіе острова во время землетрясенія, необычайная блокада его плавающими льдами и вулканическія изверженія, о которыхъ мы побесѣдуемъ ниже, черная немочь и моровая язва въ XIV и началѣ XV вѣка, вырывшія тысячи жертвъ и обезлюдившія множество долинъ, которыя частію и до сихъ поръ еще не заселились,—присоединеніе Исландіи въ силу Кальмарской уніи въ 1397 году къ Даніи, въ подданствѣ которой она и донынѣ находится. Затѣмъ слѣдовали религіозныя смуты во время и послѣ реформаціи, споры за право торговли на островѣ и рыбной ловли береговъ его—между Даніей и Англіей отъ начала XV до конца XVIII столѣтія, оспенная эпидемія 1707 года, второй голодъ въ 1750 году, вторичная оспенная эпидемія 1783 г., наконецъ временное упраздненіе Альтинга въ 1800 году. XIX столѣтіе открывается на островѣ трагикомической революціей исландцевъ въ 1809 году — подъ предводительствомъ узурпатора Іоргенсена, датскаго матроса, который послѣ двухмѣсячной неограниченной власти былъ изгнанъ со стыдомъ и позоромъ, чѣмъ и кончилась пресловутая революція. Изъ нея вышло лишь объявленіе Исландіи вмѣстѣ съ Гренландіею и Фарерскими островами дружественною Англіи страною 17 февраля 1810 г. Смуты французской революціи и позднѣйшія перемѣны въ политическомъ мірѣ не коснулись Исландіи. Въ то время какъ Норвегія по Кильскому миру въ 1814 году была уступлена за Лауэнбургъ Швеціи, еще въ 1523 году отпавшей отъ Кальмарской уніи и ставшей независимымъ государствомъ, — Исландія осталась въ соединеніи съ Даніей. Остается упомянуть объ окончательной регламентаціи торговыхъ сношеній съ Исландіею въ 1815 году и о возстановленіи упраздненнаго въ 1800 году Альтинга, которой одновременно съ тѣмъ былъ перенесенъ въ Рейкъявикъ.

Не смотря на всѣ вкратцѣ-приведенные нами удары судьбы и различныя утраты, отъ которыхъ лишь мало по малу оправлялась Исландія, нельзя не признать общаго преуспѣянія въ ней съ начала нынѣшняго столѣтія.

Ни одна страна, съ такимъ незначительнымъ протяженіемъ какъ Исландія, не заключаетъ въ себѣ столькихъ противуположностей. Принадлежа заразъ обоимъ полушаріямъ, восточному и западному, Старому и Новому Свѣту, эта страна огня и льда величественнѣе всѣхъ прочихъ земель проявляетъ въ себѣ внутренніе перевороты нашей планеты. Тѣмъ не менѣе, едвали во всемъ мірѣ найдется край болѣе бѣдный разнообразіемъ видовъ, болѣе пустынный чѣмъ Исландія.

При удивительной прозрачности воздуха, прославленной всѣми путешественниками, климатъ Исландіи, обусловливаемый тропическими и полярными морскими и воздушными теченіями, въ равнинахъ далеко не такъ суровъ какъ мы привыкли воображать и зима здѣсь теплѣе нежели напр. въ сѣвернѣйшихъ штатахъ Америки. Холодное время года начинается не ранѣе ноября или декабря—и въ февралѣ достигаетъ наивысшей точки. Нерѣдко же равнины Исландіи всю зиму едва-едва запорошены снѣгомъ, а рѣки и озера не покрываются льдомъ. Лѣто, продолжающееся съ іюня до сентября, необыкновенно тихое и пріятное, никогда не бываетъ знойнымъ; климатъ въ это время года пріятнѣе чѣмъ въ Англіи и Соединенныхъ штатахъ, такъ какъ въ Исландіи нѣтъ ни ни простудной сырости Альбіона, ни убійственныхъ жаровъ Америки. Грозы и бури случаются въ Исландіи только зимою, отнюдь не лѣтомъ. Кромѣ сѣвернаго сіянія, однимъ изъ прелестнѣйшихъ явленій природы является въ Исландіи вечерняя и утренняя заря; не только та часть небосклона, гдѣ заходитъ или восходитъ солнце, сіяетъ самыми яркими красками; все небо сплошь рдѣетъ багрянцемъ и золотомъ,—а странныя формы и группы облаковъ, разнообразно окрашенныя, вызываютъ восторженное удивленіе всѣхъ путешественниковъ.

Геогностическое строеніе Исландіи чрезвычайно просто. Почти вся масса острова состоитъ изъ древнихъ вулканическихъ горныхъ породъ и громадныхъ наслоеній вулканическаго туфа, въ которыхъ изрѣдка разсѣяны залежи бураго угля,—а на этой основѣ острова засыпаны обширныя пространства лавой и пепломъ новѣйшихъ вулкановъ.

Соотвѣтственно этому геологическому строенію, внѣшній видъ острова чрезвычайно своеобразенъ. Крутые, утесистые берега его на востокѣ, сѣверѣ и западѣ всюду разорваны и какъ бы раздроблены, на западѣ кромѣ того вдаются въ землю глубокими вырѣзками. Внутри островъ загроможденъ покрытыми снѣгомъ и льдомъ горами, которыя въ Орефа-Іокуллѣ (величайшій ледникъ Исландіи) достигаютъ 6240 футовъ. На болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ лежитъ плотная снѣговая пелена и встрѣчаются цѣлыя снѣжныя пустыни, а между ними (особенно внутри и въ юговосточной части острова) залегаютъ многочисленные и обширные ледники, нерѣдко простирающіеся до самаго моря. Если такимъ образомъ Исландія является страною льдовъ, то не меньшую роль играетъ въ ней и огонь. Кромѣ высящейся на 5210 футовъ, лежащей въ юго-западной части острова, огнедышащей горы Геклы, которая, къ ужасу всѣхъ жителей, въ теченіи 842 лѣтъ (1004—1846) заявляла свою дѣятельность 26-ю изверженіями,—въ Исландіи находится множество вулкановъ, между которыми замѣчательнѣйшіе: Крафла и Лейрнукуръ на Миватнѣ (озеро). Всѣхъ дѣйствующихъ вулкановъ считается нынѣ въ Исландіи 19; кромѣ того, большую часть острова покрываютъ дымящіяся сѣрой горы и поля лавы, прорѣзанныя дико-живописными долинами и страшными разсѣлинами и провалами; изъ послѣднихъ долженъ быть упомянутъ Альманнагія, такъ какъ путешественники причисляютъ его къ такимъ явленіямъ, которыя надо видѣть самому, чтобы повѣрить ихъ возможности,—а лордъ Дофферинъ говоритъ, что стоитъ совершить кругосвѣтное плаваніе для того только, чтобы видѣть это чудо природы. Другую достопримѣчательность составляетъ множество теплыхъ и горячихъ ключей, которыя съ шумомъ вырываются изъ горныхъ породъ и употребляются мѣстными жителями для варенія пищи, причемъ горшки ставятся прямо въ источникъ вмѣсто печи. Въ долинѣ къ сѣверу отъ Геклы, у Скальгольта, по склонамъ близь лежащихъ горъ насчитывается до ста частію теплыхъ, частію горячихъ источниковъ, между которыми замѣчательнѣйшіе такъ-называемые Гейзеры и Строккуръ, бьющіе фонтаномъ. *Большой Гейзеръ*, въ промежутки 1—2 часовъ, вырываясь изъ 30-ти-футоваго въ вышину и 200-футоваго въ поперечникѣ конуса, бьетъ прямой струей въ облакахъ пара, съ страшнымъ шумомъ, вверхъ на 50, 60 и даже 100 футовъ,—явленіе далеко превосходящее всѣ наши искусственные фонтаны и по справедливости считаемое величайшимъ чудомъ Исландіи.

Въ противуположность этимъ величественнымъ явленіямъ неорганической природы, Исландія чрезвычайно бѣдна лучшимъ украшеніемъ пейзажа- растительностью. Склоны горъ, въ особенности въ окрестностяхъ Факсафіордра (Рейкъявикскаго залива), покрыты мхомъ и лишаями, употребляемыми у исландцевъ даже вмѣсто овощей, обильно поросли верескомъ и другими жесткими травами; а въ равнинахъ раскидываются луга, которые здѣсь (какъ и всюду на крайнемъ сѣверѣ) лѣтомъ роскошно зеленѣютъ, причемъ сѣнокосъ въ Исландіи составляетъ такое же торжество какъ уборка винограда въ южныхъ странахъ Европы. Исторически доказанъ фактъ, что Исландія въ средніе вѣка имѣла плодоносную почву и что роскошныя хлѣбныя поля ея были обращены въ теперешнія пустыни неномѣрными наплывами полярныхъ льдовъ

Библиотека "Руниверс"

и вышеупомянутыми потоками лавы. Отъ тѣхъ же причинъ вѣроятно зависитъ и то обстоятельство, что въ прежнія времена лѣса въ Исландіи встрѣчались чаще и были обширнѣе, а деревья отличались большимъ ростомъ и толщиною. Въ древнихъ сагахъ часто упоминается объ этомъ,—и ежедневно выкапываютъ изъ болотъ и тундръ громадные древесные стволы въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсу нѣтъ и въ помнѣ. Нынѣ же о произростаніи деревьевъ въ Исландіи не можетъ быть и рѣчи. Попадающіяся въ западныхъ, сѣверовосточныхъ и восточныхъ частяхъ острова лѣсистыя пространства образуются изъ скопленія кустовъ,—въ которыхъ преобладаетъ, изрѣдка встрѣчающаяся тамъ и сямъ, обыкновенная береза, ростущая кустообразно и не выше 15-ти футовъ; иногда же ее замѣняетъ ива. Въ южной части острова, напротивъ, ростетъ лишь мелкій березовый кустарникъ, да береза-карликъ и низкорослая ива. Сверхъ того, въ Исландіи попадается еще рябина, достигающая наибольшей высоты сравнительно съ прочими деревьями (17 футовъ), и единственный представитель хвойныхъ, можжевельникъ, весьма мало поднимающійся надъ землею, но за то стелющійся по ея поверхности футовъ на 20 въ длину.

Жилище исландцевъ составляютъ хижины изъ торфа, кусковъ лавы или осмоленнаго дерева, пропаклеванныя мхомъ и крытыя дерномъ. Городовъ и селъ въ нашемъ смыслѣ у исландцевъ нѣтъ; строются врозь, большею частью уединенно, смотря по надобности и по свойствамъ почвы. Единственное мѣстечко, похожее на городъ—есть Рейкъявикъ.

Въ дико-живописной равнинѣ Тингвалла, называемой Тингвалласвейтъ, которая, начинаясь у западнаго склона трахитовой цѣпи горъ, сбѣгаетъ въ юговосточномъ направленіи въ низменность Скальгольта (нѣкогда главнаго города страны), орошаемая рѣками Эксара и Согою (обѣ замѣчательны частымъ исчезновеніемъ своимъ и появленіемъ вновь)—на сѣверной оконечности озера Тингвалла находится Тингвеллиръ, по близости котораго въ теченіи 9 столѣтій (927—1800) ежегодно 8 іюля собирался Альтингъ, верховный судъ. Небольшой, окруженный страшными безднами, холмъ указываетъ мѣсто, на которомъ Лёгрётта судилъ мірскія дѣла; а напротивъ его, отдѣленное рѣкою Эксара, въ громадномъ провалѣ Альманнагія, засѣдалъ Престастефна—духовный судъ. Тамъ и до сихъ поръ видѣнъ еще выступъ скалы, съ которой обвиненные въ колдовствѣ и приговоренные къ смерти мужчины и женщины свергались въ пламя костра. Впрочемъ, ничто болѣе не напоминаетъ о великомъ прошломъ этого мѣста. Нынѣ здѣсь находится домикъ сельскаго священника и Тингвеллирская церковь.

На сутки пути къ юго-западу отъ древней столицы острова лежитъ нынѣшній его главный городъ—Рейкъявикъ.

Въ равнинѣ вокругъ Факсафіордра, на томъ самомъ мѣстѣ, куда прибило волнами священное дерево патріаршаго кресла перваго колониста Ингольфа и гдѣ этотъ послѣдній въ 877 году основалъ свою осѣдлость, находится нынѣ Рейкъявикъ, городъ съ 1600 жителей, а съ 1800 года столица Исландіи—гдѣ, упраздненный въ 1800 и вновь возстановленный съ 1848 года, ежегодно 8 іюля собирается Альтингъ—тѣнь прежняго могущественнаго судилища. На южномъ концѣ города тянется прѣсноводное озеро, окруженное болотами; съ сѣвера городъ ограниченъ моремъ. Съ востока и запада возвышаются два небольшіе холма (30—40 футовъ), отчасти застроенные хижинами рыбаковъ и двумя вѣтряными мельницами, единственными во всей Исландіи. На заднемъ планѣ видны Эсья и высящійся на 1150 футовъ Акрафсель съ его отрогами. Лѣтомъ рыбачьи лодки оживляютъ лежащую на сѣверъ отъ города гавань, и между сотнями этихъ челноковъ нерѣдко возлѣ датскихъ шкунъ величественно покачиваются на якоряхъ иностранные бриги, которые надзираютъ за безопасностью пребывающихъ въ исландскихъ водахъ рыбачьихъ лодокъ своихъ соотечественниковъ. Гораздо внушительнѣе видъ Рейкъявика съ южной стороны, чѣмъ съ моря. Если смотрѣть на него съ высоты птичьяго полета, городъ образуетъ приблизительно квадратъ, состоящій изъ одной главной улицы и нѣсколькихъ переулковъ. Кромѣ единственныхъ массивныхъ построекъ изъ лавоваго кирпича, церкви и жилища губернатора или намѣстника Исландіи, всѣ дома въ Рейкъявикѣ, не исключая и виднѣющейся надъ прочими высшей школы, построены изъ прибиваемаго въ изобиліи къ берегамъ Исландіи пловучаго лѣса. Вмѣсто извести они оштукатурены дегтемъ. Замѣчательный контрастъ съ этими вначалѣ бурыми, а впослѣдствіи совершенно черными стѣнами составляютъ выбѣленныя оконныя рамы и бѣлыя оконныя занавѣски, которыя виднѣются почти въ каждомъ окнѣ, придавая всему городу веселенькій видъ. Въ югозападномъ углу города залегаетъ обширная, заросшая травою площадь, на которой весною и осенью происходятъ ярмарки. Предметами торговли являются лошади, овцы, рогатый скотъ, всевозможныя шерстяныя издѣлія, преимущественно чулки и перчатки. Театра въ Рейкъявикѣ нѣтъ (какъ и во всей Исландіи), а также и газоваго освѣщенія. За то онъ имѣетъ аптеку и 4 лавки, *факторіи*, въ которыхъ исландецъ за весьма небольшія деньги можетъ купить все, что ему нужно для жизни. Хотя такія лавки, получающія почти весь товаръ изъ Даніи, находятся во всякомъ приморскомъ мѣстечкѣ Исландіи, но рейкъявикскія всегда полны охотниковъ до купли, такъ какъ крестьяне самыхъ отдаленныхъ селеній имѣютъ обыкновеніе совершать сообща поѣздки въ столицу для закупокъ, на промѣнъ своихъ товаровъ: овечьей шерсти, шерстяныхъ чулокъ и перчатокъ, звѣриныхъ шкуръ, тюленьихъ кожъ, песца и лисицы, пуху, лабардана и трески, копченой лососины, трескового и тюленьяго жиру, китовой ворвани, говядины, сала, сѣры и т. п.

Промышленность исландцевъ ограничивается домашними ремеслами, скотоводствомъ, охотой за птицами, боемъ тюленей и рыбною ловлею, такъ какъ въ странѣ вовсе нѣтъ земледѣлія, за исключеніемъ огороднаго разведенія картофеля, свеклы и капусты, потому что поздѣлываніе хлѣбныхъ растеній не вознаграждаетъ труда. Что касается домашнихъ животныхъ, то здѣсь замѣчательна малорослая, но весьма крѣпкая и до 36-ти-лѣтняго возраста выносливая порода лошадей, нормандскаго происхожденія; далѣе, крупный скотъ, большею частью безрогій, крупныя овцы, на сѣверѣ козы, а въ домахъ датскихъ купцовъ свиньи и домашняя птица; нельзя не упомянуть также объ исландской собакѣ. Главной добычей птичьей ловли являются: бѣлая куропатка, чибесъ, морской топорикъ, лебедь и соколъ, при чемъ весьма выгодную отрасль этого занятія составляетъ собираніе гагачьяго пуха. Морскіе рыбные промыслы, распредѣленные по извѣстнымъ мѣстамъ побережья, къ которымъ различные роды рыбъ подходятъ въ громадныхъ стаяхъ, раздѣляются на трескового, пиногоры, акуловыя, скатовыя и камбаловыя ловли. Сверхъ того, съ половины XVIII столѣтія, нѣкоторые, весьма впрочемъ немногіе промышленники бьютъ гарпунами китовъ по фіордамъ, но въ небольшомъ количествѣ, отчего и промыселъ этотъ мало добычливъ; за то весьма выгодна охота за тюленями. Морскіе промыслы длятся обыкновенно съ 1 февраля до конца мая, доставляя исландцамъ большую часть ихъ съѣстныхъ припасовъ и вывозныхъ товаровъ, а потому чрезвычайно важны для острова, хотя и сопряжены съ огромными трудами и опасностями. Къ этому присоединяется неудобство ихъ лодокъ, которые вслѣдствіе утесистыхъ береговъ и подводныхъ скалъ могутъ быть лишь малаго размѣра и поэтому вмѣщаютъ въ себѣ 8—10, рѣдко 12—16 человѣкъ.

Производимые лѣтомъ рыбные промыслы въ прѣсной водѣ главнымъ образомъ ограничиваются ловлею форели, сѣтями и удочкой, да лосося, попадающагося во множествѣ и составляющаго весьма добычливую статью. Ловля лосося производится или врозь, или цѣлыми обществами. Если рѣка имѣетъ быстрое теченіе, каменистое русло и даже пороги или водопады, то для ловли употребляютъ острогу, или длинную жердь, снабженную крюками, или большіе деревянные ящики. Острогой лосося бьютъ. Жердь съ крюками употребляется въ томъ случаѣ, когда рыба стоитъ передъ водопадомъ, причемъ ее подхватываютъ на крюкъ и вытаскиваютъ изъ воды. Третій способъ ловли состоитъ въ длинныхъ деревянныхъ ящикахъ, которые, занимая всю ширину русла, ставятся поперекъ рѣки и прикрѣпляются къ обоимъ берегамъ. Одна изъ продольныхъ вертикальныхъ сторонъ ящика забрана хворостяной рѣшеткой; на противуположной ей подѣланы широкія отверстія, забранныя воронкообразно хворостомъ, на подобіе нашихъ вершей. Рыба, идя по рѣкѣ, останавливается передъ ящикомъ, силится пройдти дальше и попадаетъ въ одну изъ вершей. Когда лососей наберется довольно, ихъ вылавливаютъ изъ ящика ручной сѣткой.

Въ торговомъ отношеніи островъ раздѣляется на 4 округа: рейкъявикскій на югозападѣ, эскифіордскій на востокѣ, эйсафіордскій на сѣверѣ и изафіордскій на сѣверо-западѣ. Торговля Исландіи большею частью мѣновая, такъ какъ исландцы рѣдко требуютъ за товаръ денегъ, которыя имъ почти не нужны на островѣ. Всѣ товары ввозятся въ Исландію безпошлинно; газеты и журналы, которыхъ въ Исландіи издается три, разносятся безплатно казеннымъ почтовымъ пароходомъ и разносятся казенными разсыльными.

Почтовая разсылка въ Исландіи производится, какъ и всевозможныя путешествія, лишь на лошадяхъ. Въ Исландіи нѣтъ ни почтамта, ни телеграфнаго бюро, ни таможни, ни экипажей, ни даже саней, ни дорогъ. Путешествуютъ только верхомъ, при чемъ необходимо имѣть *покрайней мѣрѣ* шесть лошадей: двѣ подъ верхъ—себѣ и проводнику, двѣ вьючныхъ и двѣ перемѣнныхъ. Каждый исландецъ и каждая исландка—природные наѣздники. Большая часть женщинъ ѣздитъ по мужски; но есть и дамскія сѣдла, похожія на стулъ, съ полукругло-вогнутой спинкой и подвѣшенной на двухъ веревкахъ доской вмѣсто стремянъ.

Войска въ Исландіи нѣтъ. Потребности населенія въ санитарномъ отношеніи удовлетворяются 6-ю врачами, 4-мя аптекарями и 32 повивальными бабками. Полиція существуетъ только въ Рейкъявикѣ, гдѣ двоихъ полицейскихъ и одного ночнаго сторожа совершенно достаточно для столицы.

Вѣроисповѣданіе исландцевъ лютеранское. Страна раздѣлена на пробства и приходы, которые подчинены единственному, живущему близь Рейкъявика, епископу.

По происхожденію исландцы, какъ мы уже видѣли, потомки скандинавовъ и преимущественно норманновъ, на что указываютъ голубые глаза и бѣлокурые волосы жителей обоего пола. Отличаясь небольшимъ ростомъ, приземистостью и открытымъ выраженіемъ лица, исландцы большею частью хорошо сложены. Сословныхъ различій въ Исландіи не существуетъ; каждый снискиваетъ себѣ уваженіе личными качествами и характеромъ. Печальная природа страны, сравнительно суровый климатъ и исчезнувшая слава предковъ—сильно отзываются въ народномъ характерѣ. Не лишенный остроумія, исландецъ рѣдко веселъ и большею частью глубокъ

Библиотека "Руниверс"

серьозенъ. Насколько намъ извѣстно, это чуть-ли не единственный народъ, у котораго вовсе нѣтъ національнаго танца. Равно и въ пѣсняхъ его, состоящихъ изъ немноготонныхъ грустныхъ мелодій, чувствуется то же вліяніе крайняго сѣвера. Впрочемъ, исландцы, питая пламенную любовь къ политической свободѣ, основательны, вѣрны, довѣрчивы, необыкновенно добродушны, до невѣроятности невзыскательны, хотя и не любятъ напрягать свои силы безъ крайней необходимости, но разъ предпринявъ что либо, неуклонно идутъ къ цѣли, отличаясь рѣдкимъ терпѣніемъ, энергіей, выносливостью и проницательной наблюдательностью.

Объ образованности исландцевъ свидѣтельствуютъ громадные обороты рейкъявикской библіотеки. Всѣ дѣти лѣтъ восьми уже умѣютъ читать и писать, а между крестьянами нерѣдко попадаются такіе, что знаютъ и по латыни; географическія и историческія свѣдѣнія также весьма распространены въ народѣ.

Какъ сильно развито въ Исландіи гостепріимство—доказывается тѣмъ, что единственная на всемъ островѣ гостинница для пріѣзжающихъ, hotel de Reykjavik, постоянно пуста и только зимою превращается въ родъ казино, гдѣ по вечерамъ играютъ въ карты и шахматы, устраиваютъ танцы и пикники.

Нарядъ исландцевъ совершенно національный, хотя и подвергается нѣкоторымъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени. Одежду мужчинъ составляетъ суконная или фланелевая рубашка, круглая шляпа съ широкими полями при выходѣ изъ дому, а дома шапочка, похожая на женскую, изображенную на нашемъ рисункѣ; короткая куртка изъ самодѣльнаго голубаго, чернаго или сѣраго сукна, широкіе шаровары изъ той же матеріи, шерстяные чулки и башмаки изъ тюленьей, бычьей или телячьей кожи. Женщины сохранили древне-скандинавскій нарядъ, столь изящный, а по праздникамъ даже и богатый. Онъ состоитъ изъ шерстяной рубашки, шерстяныхъ же синихъ или красныхъ чулокъ, бѣлой полотняной юбки, поверхъ которой надѣвается синее или черное суконное платье, по праздникамъ обшитое на подолѣ широкими бархатными оборками, и коротенькая элегантная съ узенькими рукавами кофточка, по праздникамъ расшитая серебряными галунами, петлями и пуговицами. На шеѣ носятъ они шелковый платокъ, а по праздникамъ вышитый серебромъ воротничекъ или фрезку. На головѣ синяя или черная шапочка съ красной или зеленой кисточкой, а по праздникамъ тюрбанъ, фальдуръ, изъ бѣлаго полотна, перевитаго шелковымъ платкомъ. Длинные бѣлокурые волосы распущены по плечамъ. Платье стянуто бархатнымъ или по праздникамъ серебрянымъ поясомъ, который нерѣдко украшается изящными бездѣлушками или начальными буквами владѣтельницы, а не то жениха ея.

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

Получивъ назначеніе стать въ первой линіи, нашъ отрядъ занялъ мѣстечко Порицкъ, въ четырехъ верстахъ отъ границы Галиціи. Въ тактическомъ отношеніи трудно было избрать для передоваго отряда болѣе выгодную позицію. Это мѣстечко, имѣніе одного изъ первыхъ богачей Волынской губерніи, графа Чацкаго, раскинулось на чрезвычайно оригинальной мѣстности. Представьте себѣ, на нѣсколькихъ квадратныхъ верстахъ, почти сплошное болото; середина его, приподнятая нѣсколько выше и осушенная искуственнымъ образомъ, раздѣлялась на двѣ части. На одной, опоясанной широкимъ каналомъ и обсаженной столѣтними тополями, красовались два палаца *) самого владѣльца; между зданіями расположился просторный круглый дворъ, къ которому, съ одной стороны, примыкалъ довольно большой тѣнистый садъ, а съ другой — тянулась широкая тополевая аллея, ведущая къ каменному мосту, перекинутому одною аркой черезъ каналъ, единственному сообщенію съ остальной частью мѣстечка. Другая часть, кругомъ обстроенная большими еврейскими стодолами **), съ базарною площадью посрединѣ, составляла самый центръ торговой жизни мѣстечка. Надъ сѣрыми соломенными крышами частныхъ построекъ возвышался, своими готическими верхушками, великолѣпный костелъ; за нимъ, тамъ и сямъ, бѣлѣли сквозь зелень домики, болѣе опрятной наружности чѣмъ стодолы, и въ нихъ обитала многочисленная челядь графа. Трудно вообразить, какъ могла еще сохранить свое существованіе въ этомъ видѣ пестрая орда конюховъ, подконюховъ, служопцъ, садовниковъ и поваровъ съ десяткомъ поваренковъ, изъ которыхъ младшему было не менѣе двадцати лѣтъ. Все это жило на счетъ владѣльца,—и ровно ничего не дѣлало; рабски ползало передъ каждымъ русскимъ солдатомъ, и задорно подымало носъ передъ каждымъ русскимъ крестьяниномъ. Послѣднее, впрочемъ, только тамъ, гдѣ не было солдатъ; при нихъ же весь этотъ сбродъ стушевывался, потому что военное положеніе сильно давало себя ему чувствовать. Развѣ только слѣпой могъ не видѣть, что весь кагалъ этотъ только и ждалъ, чтобы дѣла пресловутаго жонда съ ненавистными москалями пошли хотя немного успѣшнѣе. О, тогда все это взялось-бы за косы и потянулось бы за своими панами—пожинать болѣе безопасные мародерскіе плоды кровавыхъ схватокъ!

Исландцы. Съ фотографіи грав. Этлинг.

Къ базарной площади тянулись, длиною версты въ полторы, гати-улицы, по сторонамъ которыхъ тѣснились жалкія полуразрушенныя хаты крестьянъ, съ чахлыми огородиками, и почти безъ всякихъ хозяйственныхъ построекъ и принадлежностей. — Этихъ гатей было четыре: одна вела по направленію къ Владиміръ-Волынску, остальныя три обращены были къ границѣ на Милятинъ, Грушево и Самоволье. У первой заставы пріютилась, передѣланная изъ старой католической часовни, убогая русская православная церковь, на которую, гордо черезъ всѣ крыши, смотрѣли блестящія верхушки костела. Грустныя мысли толпились въ головѣ, при видѣ этого унизительнаго контраста, одного изъ безчисленныхъ горькихъ уроковъ въ неумѣстности великодушія и довѣрія въ борьбѣ съ тѣми, кто давно вычеркнулъ изъ своего словаря эти два слова, и, всею своей политическою жизнью, выработалъ себѣ девизъ «цѣль оправдываетъ средства».

Другаго доступа не было въ Порицкѣ какъ по какой либо изъ этихъ гатей; такъ что, занявъ всѣ крайніе выѣзды пѣшими караулами, мы могли быть совершенно безопасны отъ нечаяннаго нападенія, не смотря на отдаленность и малочисленность нашего отряда (онъ состоялъ изъ одного эскадрона Казанскихъ драгунъ и двухъ ротъ Полтавскаго пѣхотнаго полка); а между тѣмъ, высылая постоянно конные

*) Всѣ польскіе помѣщики называютъ свои, хотя бы очень скромные дома «Палацами».

**) Постройка, гдѣ подъ общею кровлей расположены и жилыя, и хозяйственныя помѣщенія (конюшни, сараи и т. п.).

Библиотека "Руниверс"

Спускъ въ долину Альманнагіа въ Исландіи. Рис. Саржанъ, грав. Ван даржанъ.

Библиотека "Руниверс"

разъѣзды по границѣ, мы могли наблюдать весь ввѣренный намъ сорокаверстный участокъ, именно: отъ селенія Джаръ до соединенія съ Дружкопольскимъ отрядомъ. Положеніе нашего отряда было, такъ я уже сказалъ, чрезвычайно выгодное; а такъ какъ не было надобности въ частой смѣнѣ отрядовъ, то мы, занимая Порицкъ уже мѣсяца четыре, совершенно ознакомились съ окрестной мѣстностью, и со всѣми, довольно запутанными, лѣсными и болотными дорогами.

Не смотря на то что нашъ офицерскій кружокъ былъ очень не великъ, время нашей стоянки проводилось довольно разнообразно, а значитъ и весело. То обильная результатами охота въ сосѣднихъ лѣсахъ, то вечеринка у кого нибудь изъ товарищей не давали намъ времени на скуку; а чуть не ежедневно доходящіе до насъ слухи о формированіи значительныхъ польскихъ бандъ, по сосѣдству, въ пограничныхъ мѣстечкахъ Галиціи, и предположенія о ихъ переходахъ черезъ границу то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, значитъ и постоянная готовность къ встрѣчѣ съ этими бандами, давали всему какой-то тревожный, необыкновенно увлекательный характеръ.

Противъ насъ, съ австрійской стороны, содержалъ разъѣзды эскадронъ венгерскихъ гусаръ Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича полка, а въ ближнихъ деревняхъ квартировала рота австрійской линейной пѣхоты.

Ежедневно встрѣчались наши разъѣзды съ австрійскими. Офицеры размѣнивались обыденными привѣтствіями; солдаты косо поглядывали другъ на друга, и разъѣзжались каждый въ свою сторону. Сначала, узнавъ, что близко отъ насъ стоятъ венгерскіе гусары, мы съ нетерпѣніемъ ждали увидѣть этихъ лихихъ товарищей по оружію. Но какъ жестоко разочаровались мы, увидавъ тощія и до приторности аккуратныя, чисто-нѣмецкія фигуры! Оказалось что тутъ и не было ни одного венгерца, все чистѣйшіе Шепки и Кауфманны, а венгерскаго только одно имя полка. За разочарованіемъ слѣдовала и врожденная въ нашемъ солдатѣ антипатія къ австріаку; и намъ зорко приходилось смотрѣть, чтобы не вышло какого нибудь крупнаго скандала.

Впрочемъ, эта непріязнь не простиралась на пѣхотныхъ австрійскихъ солдатъ, и это весьма естественно: въ линейной ротѣ, занимавшей противъ насъ посты, всѣ рядовые были чистѣйшіе Русскіе, съ тѣми же, только по нѣмецки обчищенными, лицами, и съ совершенно русскою рѣчью.—Наши драгуны любили перекинуть съ ними словечко-другое, хотя австрійскіе офицеры и старались всѣми силами не допускать этого, и строго наказывали солдатъ за эту естественную сообщительность. Какъ часто, бывало, встрѣтившись съ нами на нейтральной полоскѣ*), они съ сочувственнымъ любопытствомъ смотрѣли на нашихъ сѣренькихъ драгунъ; видно было, что они ясно сознавали, что эти приземистые всадники, на своихъ сильныхъ вороныхъ лошадкахъ, не могутъ быть имъ врагами,—и ласково приподнимали шапочки и кивали намъ вслѣдъ головой, искоса посматривая на какого нибудь въ рюмочку затянутаго лейтенанта съ вонючею сигарой въ зубахъ.

И наши драгуны не пропускали случая поболтать съ ними или, изъ подъ полы шинели, передать имъ пачку-другую нашего русскаго табаку, а въ замѣнъ получить нѣсколько сигаръ тамошняго приготовленія. Мы, офицеры, смотрѣли сквозь пальцы на эту дружбу, даже отчасти способствовали ей по мѣрѣ силъ и возможности,—за что, конечно, навлекали на себя свирѣпые взгляды со стороны своихъ австрійскихъ собратій, о которыхъ, мимоходомъ сказать, мы не очень-то много заботились. Глядя на все это, намъ невольно казалось, что вспыхни война между нами и нашими сосѣдями, плохую поддержку нашли-бы нѣмцы въ своихъ русскихъ батальонахъ.

Свѣдѣнія о мѣстонахожденіи польскихъ сборищъ, или о предположеніи ихъ перейти нашу границу, мы получали изъ двухъ источниковъ: или отъ начальниковъ пограничной стражи, или отъ евреевъ, которые сообщали намъ очень часто, что тамъ-то «поляковъ больсія тысяцы» и перейдутъ они тамъ-то и непремѣнно «сегодня ночью». Все это подтверждалось десятками клятвъ и распиваній; но мы все таки мало довѣряли подобнымъ источникамъ. А такъ какъ пограничные офицеры собирали свои свѣдѣнія тѣмъ же путемъ, то и ихъ донесенія мало цѣнились начальникомъ нашего отряда. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы эти свѣдѣнія оставлялись нами совершенно безъ вниманія; мы очень хорошо помнили пословицу: «чѣмъ чортъ не шутитъ». Въ указанное мѣсто посылались секреты, усиливались посты и разъѣзды; короче, соблюдалось все, чего только требовало наше положеніе. Единственныя вѣрныя извѣстія мы могли получать отъ нашихъ разъѣздовъ, т. е. только тогда, когда они въ очію увидятъ польскихъ уланъ или косиньеровъ,—значитъ, очень и очень рѣдко.

Частыя фальшивыя тревоги и обманутыя ожиданія начинали надоѣдать нашимъ солдатамъ. Особенно недовольны были казаки изъ присланной къ намъ полу-сотни; они явно высказывали свое неудовольствіе на «польское начальство», что оно такъ долго не предпринимаетъ ничего такого, что бы могло принести выгоду ихъ карману. Бывало, возвращаясь изъ фуражныхъ складовъ и навьючивъ сѣномъ своихъ поджарыхъ горбоносыхъ лошадокъ, такъ что издали кажется, будто-бы по дорогѣ тащится копна, изъ которой сверху выглядываетъ казачья, а спереди конская головы,—жалуются они другъ другу на свою судьбу мало-прибыльную.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, теперича, что же это такое? допытывается одинъ, выглядывая изъ копны на своего товарища.

— Чяво?

— Да полякъ-то... ну не страмъ-ли, прости Господи! Вотъ на прошлой недѣли, слышь, за Бугомъ опять накрыли *хорошиловцы*;*) больше сотни, говорятъ было. Однихъ коней до сорока на сотню пришлось. Э—хъ!

— Ну, то хорошиловцы!

— А мы-то нешто обойденые?

Нѣсколько минутъ молчанія; шлепаютъ только копыта по жидкой и неглубокой дорожной грязи.

— Илья, а Илья! начинается опять.

— Чяво?

— Слышь ты, жидъ изъ зеленой корчмы давеча сказывалъ...

— Да тьфу ты, лѣшій! вѣрь ему, пархѣ этому. Давеча мнѣ тоже пришлось... Ну да и объегорилъ-же я его, страсть! инда всю плеть измочалилъ.

— Что такъ прогнѣвался?

— Да прибѣгъ, энто, онъ ко мнѣ: «азе, панъ сотникъ, цто зе я вамъ сказу»! Послушаемъ. Это, думаю, на счетъ поляка. «Сегодня ноцью, говоритъ жидъ,—какъ это ѣхать отъ Самоволья, тутъ, говоритъ, какъ разъ на четвертой верстѣ». А сколько, молъ, спрашиваю? ты не узналъ? А самъ знаешь, нагайку отпутываю. «Ма-будь больсе тысяцы будетъ». А ты не врешь? «А Боже мой, якже мозно цто-бы я вралъ»! А кто, молъ, тебѣ это сказывалъ? «Самый вѣрный человѣкъ, панъ тысяцкій». Вишь-ты, въ тысяцкіе махнулъ! а самъ-то побѣлѣлъ какъ стѣна, трясется... Э, э молъ, думаю;—кто же это вѣрный человѣкъ-то твой? спрашиваю. А самъ, знаешь, разъ!—нагайкой-то; не то чтобы очень шибко, а все таки порядочно.

— Значитъ, средственно?

— Средственно! Завопилъ мой Волько... «Вай, вай, заразъ сказу! все сказу»! кричитъ да по полу валяется... инда смѣшно самому стало. Ну, молъ, разсказывай, говорю, а самъ, это, опять подымаю плеть; попугать только... оно очень пользительно, въ разговорахъ-то энтихъ. Онъ мнѣ и разсказалъ, какъ заболоцкій панъ наказывалъ ему передать кому нибудь изъ войсковыхъ. Вишь какова механика: панъ

*) Пограничная просѣка, шириною въ сорокъ саженъ, означенная съ одной стороны русскими, а съ другой австрійскими столбами. По ней могутъ проходить и тѣ и другія войска.

*) Казаки сотни Хорошилова, пріобрѣтшаго себѣ большую популярность между Донцами —своими налетами.

Библиотека "Руниверс"

сказывалъ! Вотъ ты и вѣрь ему тапервча. Помочалилъ я его еще немножко, да и пустилъ. Не ври, молъ, другой разъ!

— Это точно.

Дѣйствительно, большая часть этихъ извѣстій была подобнаго происхожденія, что, конечно, не мало досадывало насъ—тѣмъ болѣе что безусловно пренебрегать этими доносами тоже не приходилось; врутъ-врутъ, да когда нибудь и правда окажется. И, дѣйствительно, правда оказалась.

Въ послѣднее время (трудно опредѣлить, съ какого именно числа; примѣрно, съ первыхъ чиселъ октября) между подобными отрывочными и неполными свѣдѣніями мы стали замѣчать какое-то странное однообразіе. Это заставило насъ внимательно выслушивать всѣ доносы, какъ-бы они ни казались съ перваго взгляда несообразными,—и тщательно, по возможности слово въ слово, записывать ихъ въ свой походный журналъ. Часто, собираясь вмѣстѣ, мы свѣряли все записанное, пополняли кой-какими собранными нами порознь вѣстями, и старались въ общемъ совѣтѣ добраться до настоящей нити. Впослѣдствіи мы узнали, что многія изъ нашихъ предположеній совершенно сходились съ истиною. Эта связь между донесеніями изъ разныхъ мѣстъ—становилась все яснѣй и поразительнѣе. То мы узнаемъ, что въ одной изъ деревень закуплено до двухъсотъ барановъ и отправлено въ имѣніе графа Скамаровскаго (въ Галиціи), а оттуда мы узнаемъ, что въ этомъ имѣньи на панскихъ дворахъ замѣчено какое-то необыкновенное стеченіе народа, и т. д. Разъ, темною ночью, трое казаковъ перебрались, вѣроятно «нечаянно», за-границу, и вернувшись рано утромъ—говорили, что видѣли на свѣжей пашнѣ, недалеко отъ деревни «Овечьи броды», множество конскихъ слѣдовъ, какъ будто-бы прошелъ конный отрядъ, и опять таки, по направленію къ Скамаровскому. А такъ какъ между казаками есть своего рода патфайндеры, то они божились, что это не были слѣды венгерцевъ, что они «пхнюю ковку распреотлично знаютъ»; значитъ, слѣды были чьи нибудь другіе, т. е. польскіе. Короче, по всему было замѣтно, что собирается что-то особенное, что непремѣнно и даже очень скоро должно обрушиться или на нашъ отрядъ, или гдѣ нибудь близко по сосѣдству. Хотя мы и безъ того во всякую минуту были готовы ко всему, но все таки старались по возможности усиливать наши наблюдательныя средства. Особенно было обращено вниманіе на разстановку ночныхъ секретовъ, и на мелкіе пограничные разъѣзды и поиски. И все это не осталось безъ результатовъ.

Двадцатаго октября, отобѣдавъ у нашего эскадроннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отряднаго командира, маіора Ильченко, мы расположились по разнымъ угламъ совершать свой послѣ-обѣденный кейфъ. Посрединѣ большой съ побѣленными стѣнами комнаты, гдѣ мы собрались, стоялъ раскладной походный столъ. Около него, у шумящаго на разные лады самовара, перетиралъ стаканы поручикъ Карелинъ, молодой, только что выпущеный изъ корпуса, офицеръ. Онъ у насъ всегда исполнялъ должность хозяйки, въ нашемъ незамысловатомъ подвижномъ хозяйствѣ. У другаго конца стола, усатая, небольшаго роста фигурка, разбирала, для чистки, замки мортимеровской двустволки. Это былъ Мацневъ; съ видомъ знатока, онъ пересматривалъ каждый винтикъ, смазывалъ его какимъ то желтымъ масломъ, и въ порядкѣ раскладывалъ смазанное, на листъ бѣлой бумаги. На диванѣ, положивъ ноги на подоконникъ, лежалъ братъ его, докуривая сто двадцать третью папиросу въ день. Изъ угла въ уголъ большими шагами кочевалъ маіоръ, и отрывочнымъ басомъ диктовалъ, присѣвшему у окна эскадронному писарю, какое-то донесеніе въ штабъ.

Въ сосѣдней комнатѣ, два драгуна усердно выколачивали большой кусокъ зеленаго сукна, а дежурный трубачъ строгалъ длинненькіе кусочки мѣлу, и обертывалъ ихъ лоскутками приказа по полку. Каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ. Синеватый дымъ отъ папиросъ Мацнева, смѣшиваясь съ паромъ отъ самовара, понемногу наполнялъ комнату. Разговоръ шелъ какъ-то особенно вяло; все предвѣщало одинъ изъ знакомыхъ уже намъ, длинныхъ, монотонныхъ осеннихъ вечеровъ. Вдругъ всѣ замолчали и начали прислушиваться. Мацневы бросились къ окнамъ; Карелинъ выбѣжалъ на крыльцо. Съ площади ясно доносился до насъ галопъ нѣсколькихъ устало-скачущихъ лошадей—ближе и ближе—вотъ уже мимо нашихъ оконъ промелькнули три конныя фигуры; круто повернули они направо, вскочили во дворъ, и торопливо начали слѣзать съ своихъ мокрыхъ и дрожащихъ всѣмъ тѣломъ лошадей. Черезъ нѣсколько секундъ, въ комнату вошелъ Карелинъ; за нимъ, задѣвая за двери винтовками, съ грохотомъ ввалились два измученныхъ, покрытыхъ съ головы до ногъ грязью, казака.

— Господа! поляки въ Джарахъ, началъ Карелинъ.—Вотъ они сами. . указалъ онъ на Донцевъ.

— А вотъ узнаемъ, прервалъ маіоръ.—Въ чемъ дѣло? обратился онъ къ прибывшимъ.

Одинъ изъ казаковъ молча шагнулъ впередъ; вынулъ изъ висящаго на поясѣ дробовика мокрый, измятый клочекъ бумажки и сунулъ его къ маіору.

— Вотъ записка отъ урядника, пробасилъ онъ.—Самъ онъ тапершча съ пятью робятами *съ глазу сторожитъ*;*) а насъ къ вашему ско-благородію прислалъ.

Въ запискѣ было, едва разборчиво, карандашемъ написано: «Поляки перешли Бугъ, все больше уланы. Есть и пѣшіе. Таперича они въ Джарахъ, и много. Урядникъ Шарои»... подпись разобрать было не возможно.

— Трубачъ!

— Я!..

— Тревогу!. Вахмистра ко мнѣ!..

Поднялась суматоха. Мы бросились по своимъ квартирамъ одѣваться.

Гдѣ-то вдали грохнулъ барабанъ. Ему отозвался другой, у костела. Еще и еще—и бѣглая, подзадоривающая дробь понеслась изъ улицы въ улицу. Изо всѣхъ хатъ начали выбѣгать озадаченныя сѣрыя фигуры. Застегивая на ходу шинели, подхвативъ кой-какъ амуницію, они бѣжали, спотыкаясь по неровнымъ гатямъ, къ площади. Тутъ уже собралось нѣсколько офицеровъ. Всѣ вопросительно смотрѣли другъ на друга, потому что причина тревоги еще не успѣла распространиться по отряду. Съ секунды на секунду площадь все болѣе и болѣе наполнялась народомъ. Евреи пугливо выглядывали изъ оконъ. Переносныя лавочки и ятки поспѣшно запирались. Унтеръ-офицеры суетливо сновали между рядами; одновременно раздавались «команды»: становись на мѣсто! подравняйсь! повѣрить разсчетъ! На правомъ флангѣ требовали къ ротному какого-то Кокубенку. И надъ всѣмъ этимъ хаосомъ, стоя, верхомъ другъ передъ другомъ, надувъ сколько возможно щеки, два трубача наигрывали знакомый напѣвъ тревоги. Изъ воротъ стодоловъ какъ бомбы вылетали драгуны, закинувъ штуцера заплечи, и согнувшись на своихъ коренастыхъ вороныхъ лошадяхъ.

— Покойнѣй!. не горячи лошадей!.. гремѣлъ голосъ маіора Ильченко.

— Фурманки гдѣ? фурманки сюда!

Кто-то сообщилъ, что фурманки дожидаются за заставой.

— А!.. Ну ладно; пѣхота, съ Богомъ! пѣсенники впередъ!.

Шлепая по грязи, зашагали пѣхотинцы по направленію къ Самовольской заставѣ. Вызванные пѣсенники хватали въ разладъ:

Въ огородѣ бузина,
А въ Кіевѣ дядька...

Тронулись и драгуны. Мы ѣхали впереди эскадрона, сдерживая горячившихся лошадей. Вдругъ голова колоны остановилась; задніе начали натыкаться на переднихъ: лошади дѣлали лансады.

— Что тамъ еще! чего стали? послышались недовольные голоса. Карелинъ проскакалъ къ авангарду.

— Говорятъ, обозы не прошли, отвѣчалъ кто-то сзади.

*) Наблюдать за чѣмъ нибудь, не выпуская изъ виду наблюдаемаго (казачій терминъ).

Библиотека "Руниверс"

И дѣйствительно, черезъ улицу рысью перекатывались отрядныя повозки, отступая во вторую линію, по дорогѣ къ Владиміръ-Волынску.

Снова тронулись. Пройдя шаговъ триста, опять остановились. Тутъ дожидались, вытянувшись въ рядъ, заготовленныя заранѣе фурманки, запряженныя въ дышло, парами малорослыхъ туземныхъ лошадокъ. Пѣхота усаживалась на нихъ по десяти человѣкъ. Дѣло не обошлось безъ суматохи.

Съ длинными, болтающимися за спинами пиками, казаки рысью обгоняли отрядъ, чтобы занять свое обычное мѣсто въ авангардѣ.

Быстро пошелъ отрядъ, удаляясь отъ Порицка. Свѣжія крестьянскія лошади бодро тащили пѣхотинцевъ. Драгуны, справа по три, шли крупною рысью. Когда выбрались изъ мѣстечка, порядокъ въ движеніи скоро установился.

Справа и слѣва лежали ровныя, болотистыя поля: за ними синѣлъ лѣсъ; спереди тоже. Моросилъ мелкій осенній дождь. Темнѣло.

Довольно скоро прошли мы еще версты двѣ. Уже голова колонны подходила къ зеленому лѣсу; за намъ должны были открыться Иваничи, половина нашего перехода къ Джарамъ. Но увы! ни что не прочно подъ луною; нашъ стройный порядокъ замѣтно начиналъ рушиться. Мелкій дождь, усиливаясь съ часу на часъ, дѣлалъ свое дѣло; дорога съ каждымъ шагомъ становилась все хуже и хуже; фурманки съ пѣхотой шли тише; двѣ или три завязли въ колдобинахъ отвратительной лѣсной дороги. Солдаты вскакивали, и на рукахъ вытаскивали ихъ на болѣе надежное мѣсто. У одной сломалось ось; тамъ упала лошадь, и, не смотря, на всѣ увѣщеванія, вовсе не хотѣла подниматься. Фурманки насъ видимо задерживали, а бросать ихъ было жаль, имѣя въ виду за лѣсомъ нѣсколько верстъ хорошей дороги, а значитъ, съ помощью этихъ же фурманокъ, и скорый переходъ.

Драгунамъ скомандовали: «Стой! Слѣзай! Оправь лошадей!.»

Освободившись отъ тяжести всадниковъ, кони весело фыркали и отряхивались; солдаты подтягивали подпруги и оправлялись. Гдѣ-то въ третьемъ взводѣ щелкало кресало,—и черезъ нѣсколько секундъ, въ сыромъ лѣсномъ воздухѣ, потянуло знакомымъ запахомъ махорки.

Опять: «Садись»! и опять тронулись въ путь...

— А вонъ и зеленая корчма, процѣдилъ кто-то сквозь зубы.

— Гдѣ это?

— Да вонъ влѣво! не видишь, чтоли?

Дѣйствительно, влѣво отъ дороги мерцалъ огонекъ. Подойдя ближе, можно было ясно разсмотрѣть, между толстыми дубовыми стволами, свѣтлый четыреугольникъ окна и на немъ силуэтъ конской морды. Изъ корчмы доносились брань и громкій говоръ; то наши казаки сдѣлали честь корчмарю Волькѣ своимъ посѣщеніемъ. Ихъ сейчасъ-же выгнали оттуда, они были очень довольны этимъ, потому что *не успѣли* еще расплатиться съ хозяиномъ.

Наши драгуны, проходя мимо корчмы, привѣтливо поглядывали на огонь; они тоже не прочь бы навѣдаться, да нельзя! служба не пускаетъ. «Казакъ одно, а драгунъ—совсѣмъ другое; потому, драгунъ—дѣло казенное, а казакъ—что?. Казакъ вольный человѣкъ, ибо онъ съ Дону есть и войскомъ иррегулярнымъ называется».

Спереди лѣсъ началъ рѣдѣть. На горизонтѣ замелькали огоньки; по вѣтру доносился лай собакъ; это были Иваничи.

Наша надежда на фурманки не сбылась. Выйдя изъ лѣса, они поприставали окончательно; пришлось ихъ бросить. Съ каждой минутой становилось все темнѣе и темнѣе; небо заволакивали тяжелыя тучи. Горизонтъ исчезъ, и красноватые огоньки деревни казались разбросанными въ воздухѣ.

— Эка темнота-то, подумаешь, страсть! раздается голосъ одного изъ нашихъ остряковъ.—Ночь черная, лошадь черная, ѣдешь да похлопываешь рукой: подъ собой-ли лошадь-то?

Взойдя въ Иваничи, мы остановились. Офицеры съѣхались вмѣстѣ. Рѣшено было дать людямъ оправиться, а покуда составилось нѣчто въ родѣ маленькаго военнаго совѣта.

Положеніе нашего отряда было слѣдующее: мы остановились, какъ я уже сказалъ, въ Иваничахъ. Порицкъ остался за нами въ девяти верстахъ; до Джаръ еще оставалось тринадцать верстъ лѣсной тяжелой дороги. Не доходя двухъ верстъ до Джаръ, вправо отъ дороги, находилось имѣніе графа Гуровскаго, Заболотцы; влѣво, паралельно нашему пути, верстахъ въ четырехъ отъ насъ, тянулась австрійская граница. Если поляки перешли Бугъ въ Джарахъ, то они навѣрное предполагаютъ ворваться въ Царство Польское; значитъ, пойдутъ на Заболотцы, потому что граница именно тутъ поварачиваетъ круто налѣво, и отдѣляетъ отъ Галиціи уже не Волынь, а Люблинскую губернію. Намъ непремѣнно надо было занять Заболотцы—и постараться сдѣлать это какъ можно тише, чтобы не быть замѣченными поляками: тогда бы они должны были непремѣнно наткнуться на нашъ отрядъ, хотя и очень небольшой, но за то стоящій на превосходной позиціи. Все это было соображено на нашемъ совѣтѣ—и рѣшено идти къ Заболотцамъ. Если-бы полякамъ захотѣлось идти къ Царству Польскому, то они должны были-бы занять Заболотскій лѣсъ, или же оставаться въ Джарахъ. Въ первомъ случаѣ, намъ пришлось-бы столкнуться съ ними на этомъ переходѣ; а во второмъ, самомъ выгодномъ для насъ, мы имѣли бы возможность покойно занять Заболотцы и заблаговременно высмотрѣть силы и расположеніе противниковъ—что, конечно, было бы самое лучшее. Встрѣчи въ лѣсу мы не боялись, зная, что темнота и для нихъ и для насъ одинакова, значитъ одинаковы и всѣ сопряженныя съ нею неудобства; между тѣмъ какъ мы имѣли на своей сторонѣ чрезвычайно важный шансъ успѣха—именно, нечаянность нападенія. И такъ, мы тронулись въ путь.

Впереди, въ видѣ патруля, ѣхали человѣкъ десять казаковъ, за ними полуэскадронъ драгунъ, потомъ пѣхота и, въ арьеръ-гардѣ, другой полуэскадронъ.

Выйдя изъ Иваничей, мы шли, не преувеличивая выраженія, ощупью. Мы слышали топотъ копытъ, шлепанье по грязи пѣхотинцевъ, брязгъ сталкивающихся между собой штыковъ, сдержанный шопотъ солдатъ,—и ровно ничего не видѣли. Съ перваго фланга шопотомъ передавалось команда «отомкнуть штыки!» На минуту остановились; по рядамъ пронесся однообразный металическій звукъ. Тронулись снова.

Сперва мы слышали пѣхотинцевъ передъ собой, потомъ намъ показалось, будто-бы они тянутся справа и слѣва; а между тѣмъ сзади между конными поднялась какая-то тревожная суматоха. Лошади пугливо фыркали; нѣсколько пѣшихъ попало какъ-то между драгунами; тутъ какъ будто-бы мелькнула передъ глазами казачья пика... Однимъ словомъ, окончательно перепутались. Отъ темноты, у конныхъ начали кружиться головы; драгуны спѣшивались и вели лошадей въ поводу. И такою безпорядочной толпой мы медленно ползли часа два, безпрестанно сбиваясь съ дороги.

Наконецъ лѣсъ кончился, и мы начали выбираться на опушку. Внѣ-лѣса было немного свѣтлѣй; можно было различать неясныя группы людей и лошадей. Мокрая дорога въ Заболотцы блестѣла широкою полосой въ темнотѣ; на ней слышанъ былъ частый топотъ скачущихъ лошадей Топотъ приближался, и вдругъ остановился шагахъ въ полутораста отъ насъ. «Уже не они-ли»? мелькнуло вѣроятно у каждаго изъ насъ. Намъ даже показалось, будто-бы щелкнулъ курокъ. Карелинъ и Мацневы тронули своихъ лошадей на встрѣчу, и въ туже минуту раздался тревожный крикъ: «кто ѣдетъ»?

— Свои, свои!

— Тьфу ты, а я было принялъ васъ за повстанцевъ!

— То-то, небось, трухнули?

— А чортъ же васъ знаетъ! въ потьмахъ не разберешь.

По голосу мы узнали Геникса, одного изъ знакомыхъ намъ пограничныхъ офицеровъ. Онъ намъ сообщилъ, что поляки еще въ Джарахъ, а что самъ онъ ѣхалъ къ намъ, расчитывая встрѣтить насъ въ Иваничахъ, и ни какъ не предполагая, чтобы мы рѣшились пройти Заболотскимъ лѣсомъ «въ такую темень».

Надо было спѣшить въ Заболотцы, а отрядъ еще далеко

Библиотека "Руниверс"

Успеніе Божіей Матери. Картина Мурильо. Грав. Журдэнъ.

Библиотека "Руниверс"

не весь выбрался изъ лѣсу, многіе потеряли дорогу и отбились въ сторону.

Тѣ, кому не случалось быть, темною ночью, въ десяти и болѣе верстномъ лѣсу,—не могутъ понять, какъ легко потерять дорогу и заблудиться, даже хорошо знакомому съ лѣсомъ. Кругомъ вы не видите ничего опредѣленнаго; со всѣхъ сторонъ мелькаютъ передъ вами неясные и совершенно однообразные контуры деревьевъ; если вы верхомъ, у васъ отъ темноты кружится голова, вы слѣзаете съ лошади, задумались о чемъ-нибудь посторонпемъ, проходитъ нѣсколько секундъ—и вы теряете направленіе. Не расчитывайте много на едва-замѣтную дорогу; безчисленные объѣзды и завороты скоро завлекутъ васъ въ трудно-поправимую ошибку; и хорошо еще, если вы выберетесь изъ лѣсу въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ того пункта, гдѣ бы вамъ слѣдовало выйти...

Надо было собрать отрядъ. Раздались свистки; имъ отвѣчали такіе же изъ лѣсу; на опушку тамъ и сямъ выскакивали, по одиночкѣ, темныя фигуры, спѣша бѣгомъ къ сборному пункту отряда.

Черезъ четверть часа, отрядъ былъ приведенъ въ порядокъ. Нашъ эскадронъ, собравшись нѣсколько раньше, рысью тронулся къ Заболотцамъ, чтобы успѣть поскорѣе занять всѣ выѣзды и выставить передовую цѣпь. Это было необходимо, потому что у Гуровскаго тоже было много челяди, и присутствіе нашего отряда было-бы тотчасъ же узнано въ Джарахъ. Пѣхотинцы пошли усиленнымъ шагомъ, и всѣ съ тревожнымъ любпытствомъ поглядывали влѣво, по направленію къ Джарамъ, гдѣ на горизонтѣ, то ослабѣвая, то вспыхивая снова, поднималось красноватое зарево повстанскихъ костровъ.

Въ Заболотцахъ мы узнали, что графъ Гуровскій еще наканунѣ выѣхалъ въ Владиміръ-Волынскъ, со всѣмъ семействомъ. Значитъ, онъ заблаговременно зналъ о предположеніи поляковъ перейти Бугъ именно во Джарахъ. Вся его дворня встрѣтила насъ съ низкими поклонами и предложеніями занять панскій палацъ, чѣмъ мы воспользовались-бы и безъ этого предложенія, такъ-какъ дождь началъ усиливаться и солдаты промокли до костей. Держать ихъ на открытомъ мѣстѣ, безъ крайней надобности, не приходилось, а крестьянъ безпокоить постоемъ намъ не хотѣлось. И такъ, мы расположились на панскомъ дворѣ.

Посреди двора сталъ въ коновязяхъ нашъ первый полуэскадронъ; второй былъ весь израсходованъ на передовую цѣпь. Кругомъ, подъ навѣсами, помѣстились пѣхотинцы; офицеры заняли одну изъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ скоро закипѣлъ, раздобытый вѣстовыми Богъ вѣсть откуда, самоваръ. Вокругъ него стѣснился нашъ небольшой кружокъ, и тотчасъ же пошла веселая оживленная бесѣда о предстоявшихъ намъ похожденіяхъ.

Командиръ отряда рѣшилъ дожидаться такимъ образомъ разсвѣта, а между тѣмъ постараться узнать, сколько возможно вѣрнѣе, что дѣлается въ Джарахъ. Послѣднее поручено было Карелину, какъ командиру втораго полу-эскадрона.

Не желая быть замѣченымъ польскою бандою, мы не должны были выдвигать наши ведеты слишкомъ далеко впередъ, ограничиваясь только однимъ предупрежденіемъ внезапнаго появленія передъ нами непріятеля. Между тѣмъ, намъ было далеко не лишнее узнать, изъ какихъ силъ состоитъ польская банда и на что мы должны разсчитывать при встрѣчѣ. Надо было, во что-бы то ни стало, пробраться въ Джары; это было единственное средство достигнуть цѣли, и за исполненіе этого предпріятія взялся Карелинъ.

Садясь на своего Алмаза, чтобы ѣхать въ цѣпь, Карелинъ посмотрѣлъ на часы; было половина второго, значитъ до разсвѣта оставалось, по крайней мѣрѣ, еще четыре часа. Дождь пересталъ, и отъ земли поднимался густой бѣловатый туманъ; это обстоятельство значительно облегчало Карелину его предпріятіе.

— Гдѣ казаки? спросилъ онъ вѣстоваго, подавшаго ему лошадь.

Тотъ молча указалъ направо, подъ навѣсъ. Тамъ было совершенно темно; что-то копошилось и разговаривало въ полъ-голоса; лошади жевали овесъ.

— Эй, ребята, выходи-ко сюда! крикнулъ Карелинъ.

Изъ-подъ навѣса показалось нѣсколько казаковъ.

— Кто хочетъ со мной въ Джары? обратился онъ къ нимъ.

— Да хошь всѣ! Кому велятъ—тѣ и пойдутъ, отозвался одинъ изъ нихъ, взглянувъ, изъ-подъ фуражки, на Карелина.

— Да мнѣ всѣхъ не нужно; больше четырехъ человѣкъ и не потребуется.

— Это въ Джары-то? Гм!.. нѣтъ, четырехъ будетъ много; попадетесь съ ними, ваше благородіе.

— Будетъ и двухъ; оно понадежнѣй; а то что съ большимъ народомъ-то дѣлать! подтвердилъ другой.

Карелинъ зналъ хорошо казачьи нравы, и потому его не удивляли эти странные, съ перваго взгляда, совѣты и возраженія подчиненнаго своему начальнику.

— Ну, такъ кто же ѣдетъ со мной? спросилъ онъ снова.

Казаки переглядывались.

— Василій, а Василій! ты, что-ли, поѣдешь?

— Пожалуй и я, отвѣчалъ тотъ, кого называли Василіемъ.

— А другого, ваше благородіе, обратился онъ къ Карелину,—возмемъ Косаря. Онъ таперича въ цѣпи съ вашими драгунами; тамъ мы его и захватимъ. Ладно, что-ли?

— Ну, хорошо. Съ Богомъ!

Карелинъ поѣхалъ рысью; за нимъ поплелся на своей лошаденкѣ казакъ.

— Василій! пику-то оставь; на коего она тѣ чорта? только мѣшать будетъ!.. крикнулъ ему кто-то вслѣдъ.

Казакъ молча спустилъ съ локтя ременную петлю, освободилъ пику изъ стремени и бросилъ ее на дорогу.

Выѣзжая изъ деревни, Карелинъ встрѣтилъ странное шествіе: одинъ драгунъ ѣхалъ впереди, ведя съ боку на сѣнномъ арканѣ кого-то въ легенькомъ парусинномъ пальто и безъ шапки; за ними другой велъ свою лошадь въ поводу, а черезъ сѣдло была перекинута какая-то безобразная масса.

— Стой! это что такое? спросилъ Карелинъ.

— Да вотъ, ваше благородіе, двоихъ изъ панской дворни въ цѣпи изловили, отрапортовалъ впереди ѣхавшій драгунъ.— Въ Джары пробирались; одного живьемъ захватили, а другой убѣчь хотѣлъ, такъ его конемъ придавили, ваше благородіе.

— Стыдно! а живаго развѣ нельзя было взять?

— Ни какъ не возможно. Какъ онъ, это, бѣжалъ огородами, такъ запнулся о что-то и упалъ ничкомъ промежъ грядъ; а Плеснюкъ за нимъ гнался, да не успѣлъ коня сдержать—копытомъ спину и продавило ему, ваше благородіе.

— Ну, ведите ихъ къ маіору; тамъ разберутъ.

Карелинъ съ казакомъ поѣхали дальше. Въ цѣпи ихъ окликнули, и къ нимъ присоединился еще одинъ казакъ. Всѣ трое поскакали по Джарской дорогѣ.

— Ваше благородіе, тише! тутъ сейчасъ лѣсокъ будетъ, такъ нарѣзаться можно, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

Они удержали лошадей и свернули съ дороги на пашню.

По мягкому грунту пашни не слышно было конскихъ шаговъ—и всѣ трое тихо, не звякнувъ ни одною пряжкой, какъ тѣни, подавались впередъ, къ небольшому джарскому перелѣску.

Уже минутъ десять ѣхали они такимъ образомъ. Сквозь туманъ показалось какая-то черная стѣна; это былъ перелѣсокъ. До Джаръ оставалось не болѣе версты, какъ вдругъ одинъ изъ казаковъ быстро схватилъ лошадь Карелина подъ узцы,—и всѣ трое остановились.

Впереди, шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, слышанъ былъ людской говоръ; казалось, что говорящіе не подвигаются впередъ, а стоятъ на мѣстѣ. Вотъ донеслась, почти цѣликомъ, какая-то французская фраза; за нею короткій, отрывистый смѣхъ; брякнуло что-то металлическое, какъ будто-бы конецъ сабельныхъ ноженъ задѣлъ за стремя. Карелинъ догадался, что передъ ними былъ польскій конный ведетъ; входъ въ перелѣсокъ былъ занятъ.

Библиотека "Руниверс"

Тогда всѣ трое тихо сошли съ лошадей, и потянулись влѣво, паралельно опушкѣ лѣса. Они шли шагъ за шагомъ, боясь выдать себя какимъ нибудь неожиданнымъ звукомъ. Привычныя лошади, навостривъ уши и вытянувъ по вѣтру свои головы, казалось понимали, чего отъ нихъ требуютъ. Пройдя такимъ образомъ съ полъ-версты, они замѣтили, что лѣсъ кончился. Поляки стояли въ цѣпи очень неосторожно; поминутно Карелинъ слышалъ то говоръ, то брязгъ оружія, и это помогло ему опредѣлить направленіе цѣпи.

Эта безпечность значительно ободрила всѣхъ трехъ. Надо было, пользуясь туманомъ, пройти цѣпь между ея звеньями; съ осторожностью, это не трудно было сдѣлать, и они смѣло повернули къ Джарамъ. Сперва голоса слышались справа и слѣва, потомъ они очутились сзади: цѣпь была пройдена.

(Продолженіе будетъ).

Двѣ сцены изъ гражданской войны.

Было уже два часа по полуночи, по обитатели небольшаго уединеннаго домика, стоявшаго близь большой дороги въ десяти миляхъ отъ Фаррингдона, были на ногахъ и съ безпокойствомъ безпрестанно подходили къ окнамъ и смотрѣли на небольшую дорогу. При свѣтѣ свѣчи, стоявшей на кругломъ дубовомъ столѣ посреди комнаты, можно было примѣтить стоявшую у окна женщину съ очень пріятнымъ и добрымъ лицомъ и гладко причесанными сѣдыми волосами.

Облокотясь на ея плечо стояла молодая дѣвушка, по чертамъ лица и улыбкѣ которой можно бы не ошибаясь сказать, что это была ея дочь.

У другаго окна стояла служанка. Неряшливая одежда ея составляла сильную противоположность съ одеждою хозяекъ, которую я не буду описывать; достаточно сказать, что обѣ онѣ были въ прекрасныхъ бѣлыхъ платьяхъ, сшитыхъ по модѣ тогдашняго времени. Но напрасно обѣ женщины и служанки старались увидать что нибудь, ночь была темна, луна не показывалась и тяжелыя облака бросали мрачную тѣнь на далекое разстояніе.

Только изрѣдка вдали мелькали яркія полосы свѣта и слышался невнятный гулъ, потомъ опять все стихало. Никто изъ присутствующихъ въ домикѣ не произносилъ ни одного слова, но всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ и безпокойствомъ смотрѣли въ ту сторону, откуда виднѣлся свѣтъ. Наконецъ, когда черезъ нѣсколько времени гулъ совершенно утихъ, старушка отошла отъ окна и тихо произнесла:

— «Все кончено, воля Божія совершилась.»

Дѣвушка ничего не отвѣчала, но сложивъ руки и устремивъ глаза на небо, тихо молилась.

Спустя нѣсколько времени на дорогѣ послышался стукъ лошадиныхъ копытъ и нѣсколько всадниковъ съ неимовѣрною быстротою проскакали мимо.

— «Бѣгутъ!» вскричала молодая дѣвушка, «о, матушка, развѣ вы не слышите что они бѣгутъ!»

— «Но, Маргарета», возразила мать, «можетъ быть ты ошибаешься, можетъ быть это бѣгутъ бунтовщики; во всякомъ случаѣ, твои глаза видятъ лучше моихъ, разсмотри хорошенько, можетъ быть по одеждѣ ты узнаешь что это за люди.»

Дѣвушка плотно прислонилась головою къ стеклу и устремила внимательный взоръ свой на дорогу.

Не прошло и пяти минутъ какъ она услышала опять тотъ же стукъ—и разсмотрѣвъ проѣзжавшихъ всадниковъ, она съ какимъ-то волненіемъ проговорила:

— «Это бунтовщики, которые вѣроятно бѣгутъ отъ преслѣдующей ихъ погони; я ясно разсмотрѣла ихъ мундиры и каски безъ перьевъ.»

— «Но если они преслѣдуютъ тѣхъ, которые проѣхали прежде», возразила старушка, «если это не побѣгъ, а погоня.»

— «Нѣтъ, я знаю, что они бѣгутъ; по безпорядку ихъ одежды я навѣрное могу сказать, что это бѣглецы. Но дай Господи чтобъ эта побѣда обошлась намъ не такъ дорого, я боюсь за бѣднаго моего брата и за Генри.»

— «Стыдись говорить это, Маргарета, если побѣда одержана, то мы должны отъ всей души благодарить Бога, хотя бы братъ твой и женихъ погибли въ этомъ сраженіи; мы не должны слишкомъ сокрушаться объ этомъ, потому что они пали честно за своего законнаго короля.»

Маргарета не отвѣчала, и закрывъ лицо руками, тихо плакала. Вскорѣ на дорогѣ послышался опять конскій топотъ, но на этотъ разъ ѣхалъ только одинъ всадникъ,—и въ то самое время какъ онъ поровнялся съ ихъ домикомъ, лошадь его, споткнувшись обо что-то, упала и при этомъ паденіи сбросила съ себя всадника какъ разъ подъ одно изъ ихъ оконъ. Послышался продолжительный стонъ; вскочившая лошадь подбѣжала къ своему господину, положила свою морду на его плечо и тихимъ ржаніемъ какъ бы умоляла о помощи.

— «Кто бы это ни былъ», вскричала старушка, «хоть бы даже Эссексъ или Манчестеръ, Фейрфаксъ или Кромвель, мы должны подать ему помощь; въ несчастіи ни другъ, ни врагъ не долженъ оставаться безъ помощи у порога моего дома. Позови мальчика, Бригита», прибавила она обращаясь къ служанкѣ, «и вели принести сюда упавшаго господина.»

Приказаніе ея было исполнено, всадникъ былъ поднятъ, посаженъ въ широкое покойное кресло и принесенъ въ комнату. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ высокимъ лбомъ, суровымъ выраженіемъ лица и темными съ просѣдью волосами. Глаза его были закрыты—и очевидно было, что хотя онъ не былъ убитъ, но сильно оглушенъ паденіемъ. Одежда его состояла изъ темнаго поношеннаго плаща, изъ подъ котораго виднѣлись блестящія латы и сбоку длинный мечъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ очнулся—и осмотрѣвшись вокругъ себя, хотѣлъ встать, но силы ему измѣнили и онъ въ изнеможеніи опять опустился въ кресло, воскликнувъ:

— «Господь жестоко наказалъ меня! но какъ бы то ни было, я долженъ бѣжать сейчасъ же чтобъ избѣгнуть плѣна.

— Не бойтесь ничего», отвѣчала госпожа Геррикъ, «вы здѣсь въ безопасности и можете остаться до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ поправитесь; женщина не должна видѣть враговъ въ больныхъ и безпомощныхъ.»

— «Нѣтъ достойная женщина», возразилъ незнакомецъ, «враги мои ищутъ меня, и если найдутъ, то мнѣ не будетъ пощады».

— «Но пока вы въ моемъ домѣ—ничья рука не осмѣлится коснуться васъ. Вотъ это хорошо» прибавила она, увидя что дочь ея налила стаканъ вина и подавала незнакомцу, «выпейте, это васъ навѣрное освѣжитъ и придастъ вамъ силы. А гдѣ же лошадь, посмотрѣлъ ли кто за нею?» спросила она у слуги, стоявшаго въ дверяхъ.

— «Я ее привязалъ у крыльца» отвѣчалъ слуга, «а вотъ и мой баринъ, и господинъ Генри Лайль» прибавилъ онъ обернувшись, «говорятъ, они славно поколотили бунтовщиковъ, убили полковника Кромвеля и взяли въ плѣнъ его войско.»

Едва онъ успѣлъ договорить, какъ въ комнату вбѣжали двое молодыхъ людей въ военныхъ мундирахъ и широкихъ шляпахъ съ перьями.

— «Сынъ мой! милый сынъ мой!» вскричала старушка, прижимая къ груди одного изъ нихъ.

— «Милая, дорогая Маргарета!» вскричалъ другой, подбѣгая къ дѣвушкѣ.

Но восклицанія ихъ были прерваны движеніемъ незнакомца, который поспѣшно всталъ съ своего кресла.

— «Это что значитъ?» вскричалъ Джорджъ Геррикъ, устремивъ на незнакомца изумленный взглядъ и обращаясь къ матери.

— «Матушка, какъ попалъ сюда этотъ разбойникъ?» Напрасно мать старалась истолковать ему причину и успокоить его; видъ одного изъ враговъ, съ которыми онъ сражался такъ недавно, возбуждалъ въ немъ страшное негодованіе—и не смотря на всѣ просьбы матери и сестры онъ не могъ успокоиться.

— «Неси веревку» кричалъ онъ слугѣ, «я до тѣхъ поръ не буду спокоенъ, пока собственными руками не повѣшу этаго разбойника на дверяхъ моей комнаты» и говоря это, онъ обнажилъ свой мечъ и подбѣжалъ къ дверямъ какъ бы желая заградить дорогу, если бы незнакомцу вздумалось спасаться бѣгствомъ. Но эта предосторожность была лишнею, потому что незнакомецъ, обнаживъ свой мечъ, спокойно стоялъ въ углу комнаты, съ твердымъ намѣреніемъ защищаться до послѣднихъ силъ. Наконецъ Маргарита, видя что никакія просьбы и увѣщанія не дѣйствуютъ на ея брата, обратилась къ своему жениху, умоляя его, если возможно, уговорить своего товарища, чтобы онъ отказался отъ своего намѣренія убить незнакомца..

— «Полно, Джорджъ, перестань» просилъ тотъ, подходя къ нему, «ты не долженъ этаго дѣлать.»

— «Не долженъ? а почему? кто можетъ мнѣ запретить это?.»

— «Твой собственный разсудокъ и честь. Выслушай меня» продолжалъ онъ, «твоя мать обѣщала этому человѣку безопасность—и она должна сдержать свое слово. И неужели ты можешь быть такъ жестокъ, чтобъ убить человѣка въ собственномъ твоемъ домѣ, не смотря даже на просьбы матери и сестры? Стыдись! Отпусти его! Сегодня руки наши и безъ того довольно обагрены кровью враговъ нашихъ, зачѣмъ прибавлять новое убійство?»

Джорджъ мрачно осмотрѣлся, и вложивъ мечъ свой въ ножны, сказалъ:—«Ну хорошо, обѣщаніе данное ему матерью будетъ исполнено, только пусть его убирается отсюда сейчасъ же, потому что я не могу его болѣе видѣть.»

— «Кто бы ты ни былъ, ступай съ Богомъ» сказалъ Лайль, обращаясь къ незнакомцу, «пойдемъ, я провожу тебя» и съ этими словами онъ взялъ его за руку и повелъ къ дверемъ, между тѣмъ какъ тотъ также вкладывалъ въ ножны свой мечъ.

Библиотека "Руниверс"

Выйдя на крыльцо, у котораго стояла его лошадь, онъ пристально посмотрѣлъ въ лицо Лайля и тихо произнесъ: «Благодарю.»

— «Не благодари меня», возразилъ Генри, «не нужно мнѣ благодарности,—и не будь мы связаны обѣщаніемъ, даннымъ тебѣ этою достойною женщиною, я бы самъ съ удовольствіемъ повѣсилъ тебя; но кто знаетъ? можетъ быть мы когда нибудь еще и встрѣтимся съ тобою!»

— «Можетъ быть, если на то будетъ воля Божья» отвѣчалъ незнакомецъ, «и я каждый день молю Его даровать мнѣ власть»...

— «Которой ты никогда не будешь имѣть» возразилъ Генри, «я знаю тебя, но повѣрь, что тутъ» прибавилъ онъ, указывая на домъ, «никто не подозрѣваетъ, кто былъ въ ихъ домѣ; иначе врядъ ли бы ты вышелъ отсюда живой!»

— «Ты знаешь меня? спросилъ не безъ нѣкотораго удивленія незнакомецъ, «ну что-жъ? тѣмъ лучше, потому что, кто знаетъ, можетъ быть придетъ время, когда ты не смотря на твою ненависть ко мнѣ будешь нуждаться въ моемъ прощеніи и помилованіи. Прощай!» Сказавъ это, онъ вскочилъ на лошадь и быстро помчался по дорогѣ.

. . . . . .

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ описанной нами сцены. Въ Англіи совершался большой переворотъ, королевскія войска были всюду разбиты—и Кромвель вступалъ уже въ свои права. Нѣсколько разъ въ продолженіи этаго времени назначался день свадьбы Маргареты Геррикъ съ Генри Лайлемъ—и нѣсколько разъ въ въ слѣдствіи разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ его откладывали. Наконецъ, послѣ сраженія при Ворчестерѣ, въ которомъ Джорджъ Геррикъ былъ убитъ, госпожа Геррикъ рѣшилась соединить дочь свою съ любимымъ человѣкомъ. Свадьба, какъ можно себѣ представить, была самая печальная—и день не успѣлъ еще склониться къ вечеру, какъ Генри Лайль былъ арестованъ и отведенъ въ Лондонскую башню. Никакія убѣжденія не въ состояніи были заставить его признать надъ собою власть, которую онъ не считалъ законною,—и черезъ три дня онъ долженъ былъ погибнуть на эшафотѣ. Во все время его заключенія женѣ и матери позволено было навѣщать его—и обѣ онѣ проводили въ горькихъ слезахъ дни и ночи, моля Господа послать имъ твердость и силу перенести тяжкій ударъ. Наканунѣ дня назначеннаго для казни, когда обѣ по обыкновенію сидѣли въ комнатѣ заключеннаго, госпожа Геррикъ вдругъ какъ бы озаренная свыше какою-мыслью встала—и не сказавъ ни кому ни слова, вышла изъ тюрьмы.

Шестнадцатаго Декабря 164—года около зданія Вестминстерскаго Аббатства было необыкновенное стеченіе народа. Въ одной изъ залъ было сдѣлано возвышеніе наподобіе трона, передъ которымъ стоялъ большой столъ. Множество народа и знатнѣйшихъ лицъ Англіи толпились въ залѣ и съ нетерпѣніемъ посматривали на дверь, какъ бы ожидая кого-то. Наконецъ дверь отворилась—и въ залу вошелъ пожилой мущина, съ гордымъ и суровымъ выраженіемъ лица, въ черномъ бархатномъ плащѣ и широкой шляпѣ съ перьями. Подойдя къ возвышенію, онъ сѣлъ на него, снялъ шляпу, и поговоривъ нѣсколько времени съ нѣкоторыми изъ вельможъ, подалъ одному изъ нихъ лежащую на столѣ бумагу, которую тотъ долженъ былъ прочесть вслухъ. Тутъ между многими постановленіями объявлялось, что лордъ генералъ Оливеръ Кромвель назначался протекторомъ благосостоянія Англіи. Когда бумага была прочитана и подписана, печать приложена, а Кромвель надѣлъ свою шляпу и готовился выйти изъ залы,—изъ толпы вышла женщина, бросилась къ ногамъ его и воскликнула:

— «Будь милостивъ, Лордъ Протекторъ! будь милостивъ и пусть этотъ великій для тебя день будетъ днемъ благословенія!»

— «Что тебѣ нужно?» спросилъ Кромвель отрывисто, но потомъ подумавъ прибавилъ: «лицо твое мнѣ знакомо, я какъ будто гдѣ-то видѣлъ тебя прежде; но говори, что тебѣ нужно,—и если просьба твоя не противозаконна, то для такого дня какъ сегодня она будетъ исполнена.»

— «Когда войско полковника Кромвеля», продолжала госпожа Геррикъ (это была она), «было разбито въ сраженіи при Варигамѣ и самъ онъ долженъ былъ бѣжать чтобы спастись отъ смерти, то на дорогѣ былъ сброшенъ своею лошадью противъ домика бѣдной вдовы, которая приняла его и дала ему убѣжище. Онъ былъ врагъ ея и бѣжалъ съ поля сраженія въ которомъ участвовалъ сынъ ея, но не смотря на то она приняла его и умоляла своего сына оставить ему жизнь. Въ это время въ домѣ ея былъ молодой человѣкъ, Генри Лайль, просьбами и стараніями котораго была спасена жизнь врага ея. Иначе, Лордъ Протекторъ, не видать бы тебѣ этаго великаго для тебя дня!»

«Теперь этотъ человѣкъ осужденъ на смерть—и я умоляю тебя даровать ему жизнь и спасти его, какъ онъ нѣкогда спасъ тебя! Помилуй! О, помилуй, если ты человѣкъ и христіанинъ!»

Въ продолженіи этой рѣчи Кромвель казался очень серіознымъ и недовольнымъ и потомъ обратясь къ нѣкоторымъ стоявшимъ тутъ сказалъ:

— «Уведите ее, она помѣшана, но осторожнѣе... осторожнѣе... Теперь пойдемте, у насъ еще впереди много дѣла.»

Выведенная изъ залы, госпожа Геррикъ, видя что послѣдняя надежда для нея потеряна, остановилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи, какъ бы не сознавая что съ нею дѣлается, но потомъ опомнившись, направилась тихими шагами къ тюрьмѣ.

Но каково было ея удивленіе, когда, войдя во внутренность зданія, она увидѣла что дверь комнаты, въ которой заключенъ былъ Генри, отворена; подлѣ стола, на которомъ лежала какая-то бумага, стоялъ Генри держа въ объятіяхъ свою жену. Слезы, которыхъ она прежде никогда не видала на глазахъ его, обильно текли по его лицу и смѣшивались со слезами его жены, но не смотря на то на лицѣ его сіяла какая-то радостная улыбка.

— Радуйтесь, матушка, радуйтесь!» могла только произнести Маргарета. «Генри прощенъ!»

О ПИТАНІИ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ ПРИ РАЗСТРОЙСТВѢ ПИЩЕВАРЕНІЯ.

Во многихъ случаяхъ разстройство пищеваренія у дѣтей происходитъ отъ качества самаго молока, непереносимаго ребенкомъ. Въ такихъ случаяхъ желательно, чтобы молоко замѣнялось чѣмъ либо другимъ. Спеціально для этой цѣли, въ Швейцаріи приготовляется два, дѣйствительно достойные вниманія препарата Первый изъ нихъ—сгущенное молоко, приготовляемое въ Самѣ; второй—дѣтская мука Нестля (farine lactée, химика Нестля въ Бевси). Сгущенное молоко состоитъ изъ коровьяго молока, которое, посредствомъ кипяченья и прибавленія нѣкотораго количества чистаго сахара, такъ сгущается, что представляетъ массу, похожую на густое тѣсто; оно долго сохраняется, даже въ открытой посудѣ, и достаточно растворить его въ водѣ, чтобы тотчасъ-же получить настоящее молоко. Дѣти пьютъ его очень охотно; даже малютки, нѣсколькихъ дней отъ роду, превосходно переносятъ его, и оно вполнѣ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно имѣть относительно подобнаго препарата. Дѣти по цѣлымъ мѣсяцамъ страдавшіе поносомъ, не смотря на разныя перемѣны въ пищѣ, избавлялись отъ него послѣ употребленія самскаго молока.

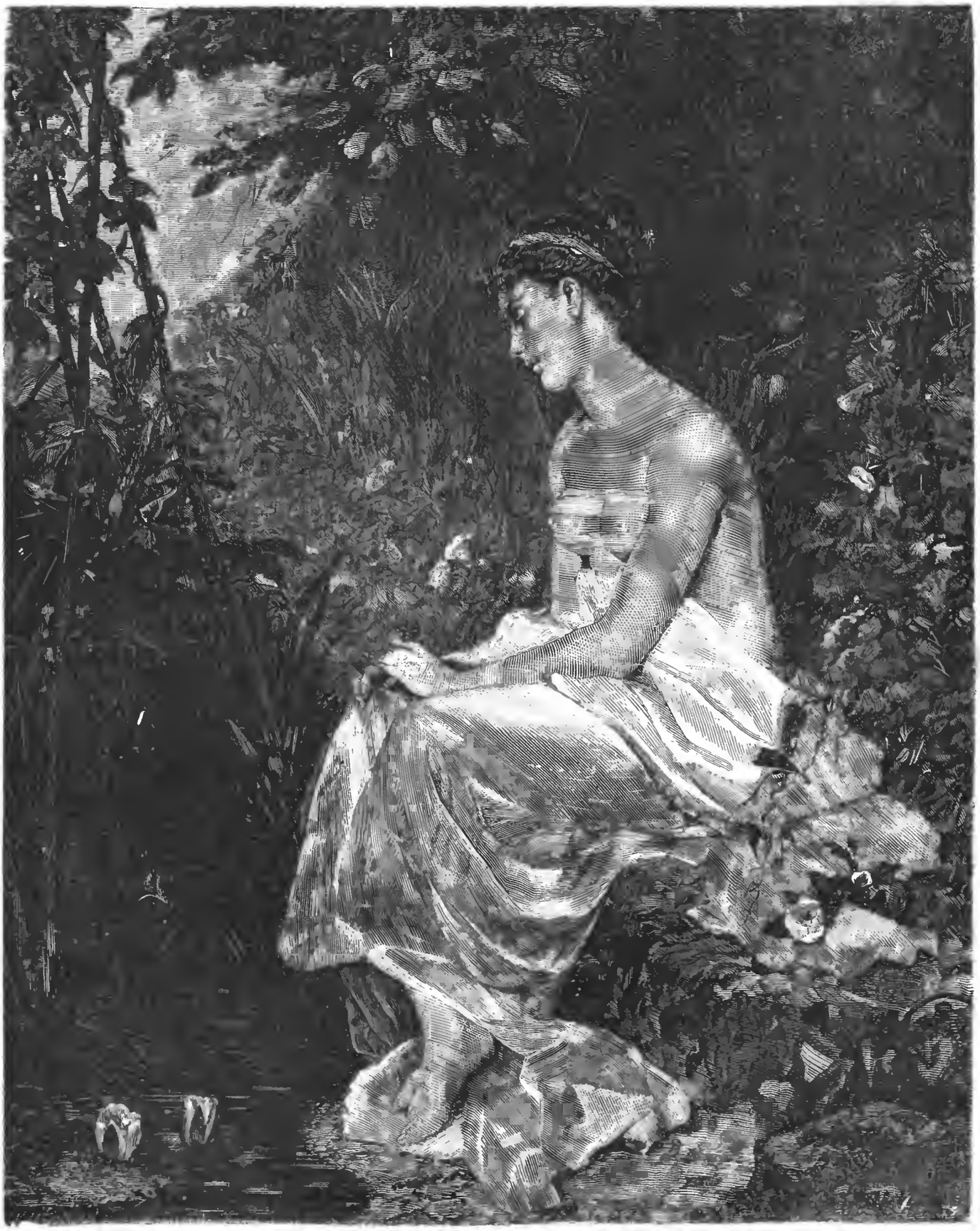
Дѣтская мука Нестля имѣетъ видъ бѣлой, нѣсколько впадающей въ коричневый оттѣнокъ муки; вкусомъ она похожа на тертые сухари. Она дѣлается изъ тончайшей пшеничной муки, которая нагрѣвается при температурѣ во 150 градусовъ и при сильномъ давленіи, чтобы содержащійся въ мукѣ крахмалъ превратить въ декстринъ. Впрочемъ, кажется, превращеніе это происходитъ только отчасти. Затѣмъ она смѣшивается съ извѣстнымъ количествомъ коровьяго молока и при болѣе низкой температурѣ (въ 40 град.) сушится. И эту *farine lacteé* слѣдуетъ только распускать въ водѣ (одну часть муки на три части воды), чтобы немедленно получить пищу для дѣтей. Слѣдуетъ прибавить, что въ этомъ препаратѣ количество водоуглеродистыхъ частей (т. е. крахмала и сахаристыхъ веществъ) несоразмѣрно превышаетъ количество бѣлковыхъ веществъ, чего не встрѣчается напримѣръ въ коровьемъ молокѣ.

Это обстоятельство, вмѣстѣ съ наблюденіемъ, что несмотря на поджариванье, въ продажномъ дѣтскомъ порошкѣ содержится весьма ничтожная часть декстрина, возбудило (съ физіологической точки зрѣнія) сомнѣнія въ цѣлесообразности этого вещества, какъ питательнаго средства; и дѣйствительно, если сообразить, что въ женскомъ молокѣ на одну часть азота приходится 9 частей углерода, между тѣмъ какъ въ Нестлевой дѣтской мукѣ, по изслѣдованіямъ профессора Мишера въ Базелѣ, на такое же количество азота приходится 21 доля углерода,—то приходится задать себѣ вопросъ, можно ли поставить этотъ препаратъ наравнѣ съ молокомъ и рекомендовать его какъ единственную пищу для дѣтей.

Опытъ однакоже показалъ, что можно безъ вредныхъ послѣдствій, полгода и больше, кормить дѣтей исключительно вышеописаннымъ питательнымъ веществомъ; питаясь имъ, дѣти полнѣли и были свѣжи. Однако нельзя умолчать, что у этихъ дѣтей мы почти всегда замѣчали признаки англійской болѣзни; слѣдовательно, ему дѣйствительно недостаетъ чего-то чтобы совѣтовать употреблять исключительно его въ пищу дѣтямъ. Тѣмъ не менѣе, мы не обинуясь, считаемъ этотъ препаратъ одной изъ лучшихъ замѣнъ материнскаго молока, въ чемъ сходимся съ самыми опытными врачами. Въ извѣстныхъ случаяхъ мы считаемъ его просто незамѣнимымъ, именно когда дѣтямъ въ холеринѣ и т. п. не давали никакой молочной пищи, а потомъ снова хотятъ вернуться къ ней, но она въ обыкновенной формѣ еще не переносится дѣтскимъ желудкомъ. При продолжительномъ употребленіе этого препарата, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, хорошо кромѣ того давать дѣтямъ достаточное количество молока.

Всего больше упрощается вопросъ о дѣтскомъ питаніи тамъ, гдѣ главной дѣтской пищей можетъ служить коровье молоко. Мы укажемъ здѣсь еще на многочисленныя мучныя вещества употребляемыя для этой цѣли, напримѣръ: рисовую муку *Arrowroot*, извѣстные сорта особеннымъ образомъ приготовленной ржаной муки, гороховую муку (Revalenta), и проч., также какъ различныя употребляемыя для этой цѣли печенья и особенные сорты хлѣба.

Библиотека "Руниверс"



Психея. Картина Бейшлага Грав. Нейманъ

Библиотека "Руниверс"

При употребленіи всѣхъ этихъ препаратовъ, главное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы не примѣшивать къ нимъ много веществъ содержащихъ крахмалъ; иначе они становятся неудобоваримы, причиняютъ пученье и вздуваютъ животъ. Далѣе, при употребленіи печеній (сухарей, разныхъ сортовъ булокъ) надо обращать вниманіе, чтобы они не были кисли, для того чтобъ вся смѣсь не получала слишкомъ кислой реакціи; впрочемъ, этому весьма легко помочь прибавивъ углекислой извести или известковой воды, или углекислаго кали. Во многихъ случаяхъ хорошо также прибавлять къ молоку яичный желтокъ, или немного какао.

Способъ питанія дѣтей, принятый англичанами, основывается больше на мясѣ; у насъ онъ принимается развѣ въ исключительныхъ случаяхъ. По этому способу, дѣтей кормятъ крѣпкимъ мясным отваромъ (Beef thee), сырымъ скобленымъ или рубленымъ мясомъ, которое даютъ ребенку по одной или по нѣскольку чайныхъ ложечекъ въ день, просто такъ или прибавляютъ немного сахару и краснаго вина.

Два Якшича (Яковлича).

Сербская народная пѣсня.

Свѣтъ Денницу укоряетъ Мѣсяцъ:
— Гдѣ была ты, свѣтлая Денница?
Гдѣ была ты, гдѣ ты пропадала?
Бѣлыхъ три дня гдѣ ты пропадала?—
Отвѣчаетъ свѣтлая Денница:
«Гдѣ была я? гдѣ я пропадала?—
По-надъ бѣлымъ городомъ Бѣлградомъ;
Тамъ глядѣла на большое чудо—
Какъ два брата вотчину дѣлили:
Якшичъ Дмитрій съ Якшичемъ Богданомъ.
Все согласно порѣшили братья,
Вотчину какъ надо подѣлили:
Взялъ Димитрій землю Кара-Влашку,
Кара-Влашку съ краемъ Молдаванскимъ
И Банатъ весь до воды Дуная;
Взялъ Богданъ ровнины края Срѣма—
Землю Срѣма и долину Савы,
Сербію до города Ужицы;
Взялъ Димитрій дальній край Ужицы
И Ружицу—церковь городскую *)
И Небойшу крѣпость на Дунаѣ;
А Богданъ взялъ горній край Ужицы.
О пустомъ у братьевъ споръ и ссора;—
И о чемъ? ни за что и ни про что:
О конѣ да соколѣ раздоры!
Дмитрій хочетъ, чтобъ ему достались
Вороной бѣгунъ и ясный соколъ,
А Богданъ ему не уступаетъ.
Какъ поутру засвѣтилось утро—
Дмитрій Якшичъ сѣлъ на вороного,
Взялъ и ясна сокола съ собою,
Да поѣхалъ въ поле на охоту;
На прощаньи жъ молвилъ Анджеліѣ:
«Анджелія, вѣрная мнѣ люба! **)
Отрави ты мнѣ Богдана брата!
Если-жъ брата отравить не хочешь—
И не жди меня домой: не буду!»
То услышавъ, люба Анджелія
Сѣла въ горѣ, тягостномъ раздумьи,
Думаетъ и говоритъ съ собою:
«Что наплачешь, бѣдная кукушка?
Если дамъ я дѣверу отраву—
Будетъ грѣхъ великій передъ Богомъ,
А позоръ и срамъ—передъ народомъ;
Обо мнѣ отъ мала до велика
Всякій скажетъ: «жалкая какая!
Дѣвера отравой опоила!—
А когда ему не дамъ отравы,
Потеряю милого мнѣ мужа!»
Все придумавъ, на одномъ рѣшила:
Сходить внизъ, въ глубокое подполье,
Тамъ беретъ молитвенную чашу,
Кованую, чисто золотую,
Данную отцомъ ей при вѣнчаньи.
Чашу ту, виномъ наполнивъ краснымъ,
Дѣверу подноситъ Анджелія,
И ему, поцѣловавши руку,
Говоритъ она съ земнымъ поклономъ:
—«Въ честь тебѣ пріими, мой милый дѣверъ,
Въ честь тебѣ вино и эту чашу,—
А коня и сокола отдай мнѣ!»
Былъ Богданъ такою рѣчью тронутъ—
И коня и сокола даритъ ей.
Цѣлый день Димитрій на охотѣ,
Но не встрѣтилъ онъ себѣ добычи;
Ужъ подъ вечеръ, къ озеру подъѣхавъ,
Подъ горой зеленою увидѣлъ
Утку.... блещутъ крылья золотыя!
И на ту золотокрылу утку
Дмитрій ясна сокола пускаетъ.
Соколу та утка не далася:
Клюнула его—и клювомъ сразу
Правое крыло ему сломала.
Видя это, Яковлевичъ Дмитрій
Снялъ проворно княжую одежу
И плыветъ по глади водъ озерныхъ,
Сокола берстъ себѣ на руку,
Такъ ему проговорилъ, жалѣя:
«Каково тебѣ, мой соколъ ясный?
Безъ крыла теперь что будешь дѣлать»?
Ясный соколъ пискомъ отвѣчаетъ:
«Безъ крыла теперь мнѣ точно также,
Какъ и брату одному безъ брата»!
Былъ Димитрій пораженъ печалью:
Что, какъ братъ его уже отравленъ?!
Онъ проворно скокъ на воронаго,
Быстро мчится къ городу Бѣлграду,
Чтобъ застать еще живаго брата!
По мосту черезъ Чекмекъ несется,
Поспѣшаетъ, гонитъ воронаго...
На скаку подъ нимъ вдругъ мостовина
Подломилась, конь упалъ и ноги
Изломалъ, остался безъ переднихъ,
Точно братъ оставшійся безъ брата!
Видя это, Дмитрій въ нетерпѣньи
Самъ бѣжитъ, коль не летитъ къ Бѣлграду;
Добѣжалъ и любу громко кличетъ:
«Анджелія, вѣрная супруга!
Что? мнѣ брата ты не отравила»?
Анджелія отвѣчаетъ мужу:
— «Нѣтъ, я брату не дала отравы,
А тебя я съ братомъ помирила».
Свѣтлая Денница замолчала
И на землю весело сіяла.
Поблѣднѣвъ, промолвилъ мѣсяцъ ясный:
— Помирились братья!... но ужасны
Тѣ, у моря, лютые османы,
Что на нихъ острятъ ужъ ятаганы,
Сербской кровью упитаютъ поле,
Угнетутъ ихъ тяжкою неволей?»
Отъ Денницы мѣсяцу отвѣтомъ
Просіяло животворнымъ свѣтомъ,
А землѣ отрадно прозвучало:
«Потерпите, погодите мало!
Какъ непрочны на поляхъ туманы,
Такъ недолго будутъ бусурманы
Угнетать народъ и край словянскій.
Не погибнуть вѣрѣ христіянской!
Но когда желанный мигъ дозрѣетъ,
Всѣ туманы вѣтерокъ развѣетъ.

Б.....

*) Эта церковь и теперь стоитъ въ дальнемъ городѣ; Турки держали въ ней порохъ.

**) По сербски *люба* значитъ *жена*, *Анджелія* или *Анджуша*—Ангелика

Къ памятнику Екатерины II

Великая, твой памятникъ давно
Сооруженъ—не зодчаго рукою,
А титломъ Матушки, которое дано
Тебѣ народною молвою.
Вотъ мавзолей—превыше всѣхъ другихъ;
Вѣнецъ безсмертія и славы.
Красой была ты подданныхъ своихъ,
А ихъ любовь—красой твоей державы.
Счастливъ кто мысль народа угадалъ,
Осуществивъ его давнишнее желанье,
И на отколкѣ Финскихъ скалъ
Запечатлѣлъ себѣ воспоминанье.

А. Бѣшенцовъ.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Успеніе Богородицы.

(КАРТИНА МУРИЛЬО).

Бартоломео Эстебанъ Мурильо, знаменитый испанскій живописецъ Севильской школы, родился 1 января 1618 года въ Севильѣ. Первые уроки живописи получилъ онъ отъ родственника своего, Хуана де-Кастильо, съ которымъ отправился въ Кадиксъ и тамъ еще мальчикомъ продавалъ на рынкѣ образки своей работы. Когда живописецъ Педро-де Мойа, усвоивъ себѣ колоритъ Ванъ-Дейка, возвратился изъ Лондона въ Севилью, Мурильо возгорѣлъ желаніемъ видѣть произведенія великихъ мастеровъ; но денежныхъ средствъ его не хватало на поѣздку въ Италію. Онъ съ несказаннымъ терпѣніемъ продолжалъ писать свои образа и другія картины, сбывая ихъ въ Америку, и такимъ образомъ скопивъ себѣ нѣкоторую сумму, въ 1643 отправился въ Мадридъ. Здѣсь его земляки, Діего Веласкецъ, доставилъ ему возможность копировать въ королевской галлереѣ Эскуріала лучшіе образцы испанской живописи. Мурильо работалъ втеченіи 2-хъ лѣтъ, преимущественно изучая Риберу и Веласкеца, затѣмъ возвратился въ Севилью, гдѣ скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность образами написанными для монастыря С. Франциско. Главнѣйшими его произведеніями въ то время былъ: св. Леандръ и Исидоръ, св. Антоній Падуанскій и четыре образа въ церкви Санта Маріа ла Блаика: Блестящій періодъ его дѣятельности обнимаетъ собой промежутокъ 1670—1680 годовъ. Въ 1674 году окончилъ онъ восемь большихъ картинъ, представляющихъ дѣла милосердія, для госпитальной церкви Санъ-Іорге де-ла Каридадъ, отличающихся поразительнымъ колоритомъ и рисункомъ, живою выразительностью лицъ, превосходной композиціей и доведенной до обманчивости перспективой. Въ церковь де лосъ Венераблесъ написалъ онъ Зачатіе и св. Петра. Въ то же время исполнилъ онъ 28 картинъ съ фигурами въ натуральную величину, нѣкогда украшавшихъ алтарь и нижніе хоры капуцинскаго монастыря въ Севильѣ, а впослѣдствіи перешедшихъ въ Америку. Работая надъ большой картиной, обрученіе св. Екатерины, для главнаго алтаря капуцинской церкви въ Кадиксѣ, онъ упалъ съ подмостокъ и вслѣдствіе ушибовъ умеръ 3 апрѣля 1682 г. въ Севильѣ. Послѣдній, прерванный трудъ докончилъ ученикомъ его, Озорисомъ.

Открывъ Академію живописи въ Севильѣ (1660), гдѣ впервые открыто изучалось обнаженное тѣло, Мурильо—сталъ основателемъ Севильской школы. Лучшіе ученики его, Тобаръ, Менезесъ и Виллавиченціо до такой степени точно копировали своего учителя, что обманывали даже знатоковъ.

Произведенія его находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, въ Мадридскомъ музеѣ, въ королевскомъ Берлинскомъ музеѣ, въ Дрезденской галлереѣ, въ Мюнхенской Пинакотекѣ и Лейхтенбергскомъ собраніи, въ Вѣнѣ въ императорской галлереѣ и у князей Эстергази, въ Англіи въ Стаффордшейрской, Гросвенорской, Ашбуртонской, Лейткоуртской, Варвикъ-касльской, Альтонъ-Товерской и проч. галлереяхъ, въ Италіи въ Флорентинской, Моденской, Королевской Неапольской и прочихъ дворцовъ, въ Мадридѣ ихъ множество—одинъ Музео дель Прадо насчитываетъ въ себѣ до 46 картинъ Мурильо.

Психея.

(КАРТИНА БЕЙШЛАГА).

Во всѣхъ ты, Душенька, уборахъ хороша:
Но образцу-ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою-ль сидишь ты возлѣ шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета...

И. Богдановичъ.

Такъ, ровно сто лѣтъ тому назадъ, передавалъ русскій поэтъ содержаніе граціознѣйшаго изъ греческихъ миѳовъ — похожденій Психеи (душа) и Эрота (любовь.) Въ то время поэма его, знаменитая «Душенька», читалась всею Россіею и составляла такую же настольную книгу всякаго любителя роднаго слова, какъ впослѣдствіи стихотворенія Пушкина или въ наше время повѣстм Тургенева. Но если игривая, по тому времени чрезвычайно изящно и легко написанная, шуточно-стихотворная передѣлка античной повѣсти Апулея («Золотой Оселъ») на русскій ладъ и стяжала себѣ такой успѣхъ въ кругу современниковъ, тѣмъ не менѣе она не даетъ почти никакого понятія о прелести оригинала—и это объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Богдановичъ черпалъ свое вдохновеніе не прямо у источника, а также изъ передѣлки Лафонтена (повѣсть въ стихахъ «Любовь Психеи и Купидона). Гораздо болѣе посчастливилось «Психеи» въ живописи. Безсмертный Рафаэль увѣковѣчилъ ея похожденія цѣлымъ рядомъ фресокъ на стѣнахъ Ватикана—и съ легкой руки его безконечная вереница живописцевъ, одинъ за другимъ, вдохновлялись этимъ благодарнымъ сюжетомъ. Нѣмецкій художникъ, съ картины котораго мы прилагаемъ теперь снимокъ, изобразилъ Душеньку задумавшеюся надъ ея эмблемой — мотылькомъ, присѣвшимъ къ ней на руку... Кто не знаетъ, что бабочка въ видѣ гусеницы зарывающаяся въ землю и тамъ, по превращеніи въ куколку какъ бы обвитую погребальной пеленой, разрывающая свои покровы для того чтобы выпорхнуть снова на радужныхъ крыльяхъ на свѣтъ божій, — издревле служила живымъ символомъ безсмертія души?.. Сама Психея въ произведеніяхъ античной скульптуры изображалась съ крыльями мотылька—и сохраненіемъ этого аттрибута ея въ своемъ произведеніи Бейшлагъ съ большимъ художественнымъ тактомъ удержалъ древній смыслъ содержанія миѳа при всей современной естественности формы, въ которой вылилось его вдохновеніе.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: разъяснить, что къ тѣмъ изъ подлежащихъ воинской повинности или дѣтямъ ихъ, которые не приписаны еще ни какому обществу, должна быть примѣняема относительно приписки къ призывнымъ участкамъ ст. 95 Уст. о Воин. Повин. въ соотвѣтствіе чему они должны быть вносимы въ призывные списки по тѣмъ участкамъ, въ предѣлахъ коихъ находятся на жительствѣ, если сами не записались въ другомъ участкѣ по нахожденію тамъ принадлежащей имъ или родителямъ ихъ недвижимости.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ настоящемъ году предполагалось произвести, пишутъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», обширные опыты надъ воздушными шарами въ Усть-Ижорскомъ лагерѣ, для чего было выстроено нѣсколько отдѣльныхъ бараковъ, куда перевезены были изъ Петербурга всѣ принадлежности по устройству воздушныхъ шаровъ. Послѣдніе опыты происходили 25-го и 26-го іюля. При нихъ имѣлись въ виду три цѣли: 1) опредѣлить, въ какой степени годны для военнаго времени шары, построенные не изъ шелковой матеріи, а изъ простаго коленкора, пропитаннаго вареным льянымъ масломъ; 2) опредѣлить наименьшее время наполненія воздушныхъ шаровъ и наименьшее количество матеріаловъ для этой цѣли, и 3) опредѣлить, возможно ли въ военное время употреблять для наблюденій вмѣсто обыкновенныхъ водородныхъ шаровъ монгольфіеры. Опыты показали, что коленкоровые шары гораздо хуже сохраняютъ газъ, чѣмъ шелковые, менѣе прочны, и потому не могутъ имѣть большаго объема. Главная выгода ихъ—дешевизна и легкость заготовленія, и потому преимущественно могли бы употреблять ихъ при полевыхъ дѣйствіяхъ, тогда какъ шелковые шары могутъ съ большою выгодою употребляться въ крѣпостной войнѣ. Опыты съ монгольфіерами начались наполненіемъ грѣтымъ воздухомъ пробнаго малаго монгольфіера, діаметромъ въ три сажени Этотъ опытъ показалъ чрезвычайную трудность наполненія монгольфіеровъ безъ риска испортить матерію шара, который былъ построенъ изъ полотна, пропитаннаго хлористымъ кальціемъ, съ цѣлью придать матеріи несгараемыя свойства. Кромѣ того даже незначительный вѣтеръ совершенно препятствуетъ наполненію монгольфіера. Хотя по этому опыту нельзя еще сдѣлать никакихъ окончательныхъ выводовъ, но позволительно сомнѣваться въ возможности употреблять въ военное время монгольфіеры.

— 20-го іюля отправился изъ Кронштадта въ море двухбашенный броненосный фрегатъ «Адмиралъ Спиридовъ» для производства окончательныхъ испытаній самонакатывающихся станковъ съ гидравлическимъ приспособленіемъ системы генералъ-маіора Пестича. Фрегатъ выдержалъ въ морѣ жестокій SW при огромномъ волненіи и, не смотря на то, благополучно прибылъ въ Ревель 12-го числа, въ 11 часовъ вечера. Изъ телеграммы, полученной «Кронштадск. Вѣстн.» изъ Ревеля, видно, что при жестокомъ вѣтрѣ и сильномъ волненіи фрегатъ стрѣлялъ изъ своихъ огромныхъ 11-ти-дюймовыхъ нарѣзныхъ пушекъ полными боевыми зарядами, причемъ самонакатывающіеся гидравлическіе станки не имѣли никакихъ поврежденій и дѣйствовали очень хорошо.

ПУТИ СООБЩЕНІЯ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— Изъ Екатеринослава пишутъ въ «Одесскій Вѣстникъ», что, несмотря на частые дожди, Днѣпръ мелѣетъ все болѣе и болѣе, и пароходство вверхъ отъ Екатеринослава сильно затруднено. Во время весеннихъ разлитій образуются новыя мели и прежній фарватеръ дѣлается крайне опаснымъ. «Съ весны до настоящаго времени пострадали уже подъ Екатеринославомъ два кіевскіе парохода отъ мелей и камней. Въ послѣдніе годы Днѣпръ вообще измѣнилъ теченіе у Екатеринослава, отклонившись русломъ своимъ болѣе къ лѣвому берегу (Екатеринославъ стоитъ на правомъ). Теперь Днѣпръ у города раздѣленъ довольно длинными песчаными островомъ (Поповою-Косою) на двѣ части; изъ нихъ лѣвая изъ недавняго узкаго протока обратилась въ широкую, глубокую

Библиотека "Руниверс"

и быструю рѣку; правая (что къ городу) все съуживается и мелѣетъ. Если это будетъ продолжаться, то можетъ повлечь за собою прекращеніе пароходства по крайней мѣрѣ до Кременчуга».

— Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что на происходившихъ въ Кіевѣ и Одессѣ съѣздахъ представителей русскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, между прочимъ, рѣшено: 1) распространить прямое сообщеніе между сѣверо-германскими, австрійскими и русскими желѣзными дорогами, чрезъ Галицію, какъ на все пассажирское, такъ и на товарное движеніе (до сихъ поръ прямое сообщеніе было установлено только для хлѣбнаго товара и для одного Кіева); 2) включить въ это прямое сообщеніе всѣ большія станціи Кіево-Брестской желѣзной дороги; 3) принять Московско-Брестскую желѣзную дорогу въ прямое сообщеніе съ австрійскими дорогами по движенію хлѣбныхъ грузовъ; 4) установить тарифъ по означенному прямому сообщенію для перевозки грузовъ изъ всѣхъ торговыхъ портовъ Чернаго моря, какъ туда, такъ и обратно, для перевозки грузовъ съ Поти-Тифлисской дороги на эту дорогу, равно какъ и для тѣхъ пунктовъ, на которые распространяются средиземные, остъ-индскіе и китайскіе рейсы Русскаго Общества пароходства и торговли; 5) рѣшено прямое пассажирское движеніе изъ Одессы чрезъ Львовъ въ Вѣну распространить съ одной стороны на Парижъ и Лондонъ, а съ другой стороны включить въ него Константинополь: 6) постановлено созвать въ сентябрѣ новый съѣздъ изъ представителей тѣхъ же желѣзныхъ дорогъ, для установленія новаго тарифа для перевозки товаровъ, согласно съ измѣненіями въ классификаціи товаровъ, принятыми на нынѣшнемъ съѣздѣ. Вообще изъявлено было желаніе участить эти съѣзды для взаимной пользы какъ русскихъ, такъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

— Въ Самару прибыли уже инженеры-строители желѣзныхъ дорогъ Оренбургской и Уральской (желѣзно-конной) и заняты теперь, какъ сообщается въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ», предварительными работами. Самый интересный и жизненный вопросъ для гор. Самары—это опредѣленіе пункта, гдѣ будетъ сооруженъ мостъ черезъ Волгу. Кто знаетъ эту рѣку, тотъ согласится, что мостъ черезъ нее будетъ однимъ изъ громаднѣйшихъ сооруженій въ мірѣ; кіевскій и кременчугскій мосты въ сравненіи съ нимъ окажутся игрушками. Въ ожиданіи желѣзныхъ дорогъ, сообщеніе здѣшняго края съ внутренними губерніями производится посредствомъ пароходовъ. Пароходство на Волгѣ сдѣлало большіе успѣхи въ послѣднее время: такіе пароходы американскаго типа, какъ «Переворотъ», «Миссисипи», «Александръ II», построенные дома, на Сормовской верфи, блистательно доказываютъ, что это дѣло принимаетъ размѣры солидные.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— На островѣ Челекенъ, отстоящемъ отъ Красноводска въ нѣсколькихъ часахъ морскаго пути, въ настоящее время положено основаніе современной и рациональной разработки нефти, добываемой туркменами посредствомъ ручныхъ колодцевъ. Одна тифлисская компанія, 1-го іюня, въ уроч. Картгушь открыла для добычи нефти буровыя работы заложеніемъ буровой скважины, діаметромъ въ 6½ дюймовъ. Но это только начало и первый опытъ дѣятельности Компаніи, которая намѣрена употребить капиталъ въ 300,000 руб. сер. для добыванія нефти и другихъ минеральныхъ веществъ. Для этого пріобрѣтены земли на Челекенѣ отъ туркменъ, по условіямъ, на разные сроки, по меньшей мѣрѣ на 12 лѣтъ. Кромѣ того имѣется въ виду пріобрѣсть отъ казны, по отводу на условіяхъ, земли изъ числа незанятыхъ на Челекенѣ и возлѣ горъ Большаго и Малаго-Балхана. Для ближайшаго веденія дѣла въ Красноводскѣ открыто агентство. Обиліе нефти на Челекенѣ, судя по отзывамъ спеціалистовъ, принесетъ, надо полагать, большія выгоды предпріимчивымъ капиталистамъ и подаетъ надежды, что Челекенъ и Красноводскъ сдѣлаются со временемъ центрами значительной промышленности.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что начальникъ Подольской губерніи обратилъ особое вниманіе на усиленіе эксплуатаціи залежей торфа, находящихся въ Проскуровскомъ уѣздѣ. Залежи эти занимаютъ обширную плоскость и отсутствіе воды облегчаетъ добываніе торфа. Торфъ, независимо отъ сохраненія лѣсовъ, могъ бы замѣнить соломенное топливо, употребляющееся во многихъ безлѣсныхъ мѣстностяхъ губерніи.

— Устраиваемая въ гор. Новочеркаскѣ Сущенковымъ и Дьяконовымъ привилегированная кирпичеобжигательная печь Гофмана будетъ имѣть 16 отдѣленій или камеръ, вмѣщающихъ въ себѣ для обжиганія каждая до 20,000 кирпича. Обжиганіе можетъ быть непрерывное, круглый годъ, каменнымъ углемъ и дровами. Поэтому, при достаточномъ заготовленіи сырца, такого размѣра печь можетъ дать въ годъ до 6 милліоновъ обожженнаго кирпича. На постройку этой печи потребовалось до шестисотъ тысячъ кирпича, въ томъ числѣ до 50,000 на трубу, вышина которой 60 аршинъ. Чтобы придать такому заводу соотвѣтственное значеніе какъ по качеству такъ и по количеству производства кирпича, предприниматели ставятъ паровую машину до 20 силъ, для дѣланія же кирпича выписываютъ двѣ прессовальныя машины: одну изъ Англіи, а другую изъ Германіи. По словамъ строителей, въ первыя же годъ кирпичъ будетъ продаваться ниже существующихъ теперь цѣнъ.

— Въ Сельцѣ, близъ Варшавы, начали разводить шелковичныхъ червей Bombyx Pernyi, которые множатся два раза въ годъ. Опыты съ этого рода червями дѣлаются въ тамошнемъ заведеніи въ первый разъ.

— Изъ Баку пишутъ въ газету «Кавказъ», что буровая скважина Халафъ (Вермишева и К°, на Балаханской площади) снова начала извергать періодически нефть, струею въ три сажени вышины.

АРХЕОЛОГІЯ.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что по случаю третьяго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ (въ августѣ мѣсяцѣ) получаются теперь изъ-за границы заявленія отъ ученыхъ Обществъ, присылающихъ разныя древности изъ своихъ собраній на выставку, которая будетъ открыта въ зданіи Кіевскаго университета. Недавно ученое Общество въ Брюнѣ прислало много памятниковъ, относящихся къ языческой эпохѣ Моравіи, и болѣе 100 серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ Моравіи, на которыхъ замѣтны надписи кирилліцей. Отправлена на съѣздъ рукопись творенія св. Іоанна Златоустаго—одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ кирилловскаго письма, и много другихъ. Знаменитое аббатство Райградъ (Raigern), основанное въ 1048 году, высылаетъ замѣчательные предметы, вырытые въ всѣ прошломъ году близъ монастыря, а также и древности, украшающія собраніе самаго монастыря.

— Тобольскому Губернскому Статистическому Комитету были представлены найденныя недавно въ Тобольской губерніи: на р. Иртышѣ, близъ юртъ Аремзянскихъ, серебряная золоченая чашка вѣсомъ 1 ф. 3 зол., съ вьющимися внутри ея кружкомъ, а на р. Кондѣ, близъ юртъ Болчаровскихъ, клинокъ желѣзнаго оружія и часть большаго глинянаго сосуда съ разными украшеніями; причемъ Комитету было сообщено, что на р. Кондѣ сохранились до сихъ поръ земляныя насыпи, при раскопкѣ которыхъ можно разсчитывать на археологическія находки въ родѣ домашней утвари древнихъ, обитавшихъ здѣсь народовъ и проч.; и что въ Тобольской губерніи, какъ извѣстно, много сохранилось чудскихъ могилъ съ насыпанными на нихъ земляными курганами. Статистическій Комитетъ, разсмотрѣвъ означенныя находки, постановилъ: командировать секретаря Комитета Юшкова нынѣшнимъ же лѣтомъ въ Балчаровскія и Аремзянскія юрты и другія мѣстности Тобольскаго округа для археологическихъ изысканій.

ГИГІЕНА.

— Въ Пятигорскѣ въ настоящее время только и толковъ, что объ исчезновеніи Александровскаго источника. Вотъ нѣкоторыя подробности. Александровскій источникъ—одинъ изъ самыхъ обильныхъ и лучшихъ изъ числа источниковъ Пятигорска—въ 10 часовъ вечера, 25-го іюня, внезапно исчезъ; не слѣдуетъ при этомъ забывать, что Ермоловскій источникъ составляетъ вѣтвь того же Александровскаго. Пертурбація съ источникомъ, впрочемъ, не новость; нынѣшній случай по счету одиннадцатый. Въ предпослѣдній разъ дѣло было въ 1872 г. послѣ землетрясенія, разрушившаго Шемаху и отразившагося, хотя и слабо, въ Пятигорскѣ; тогда количество воды, даваемой Александровскимъ источникомъ, уменьшилось въ 6 разъ. Въ настоящее же время Александровскій источникъ совершенно исчезъ; къ счастію, однако, въ остальныхъ источникахъ воды, одновременно съ этимъ, значительно прибавилось; затѣмъ, какъ бы тоже въ вознагражденіе за потерянный источникъ, показались два новые довольно обильные источника въ обширныхъ промоинахъ, образовавшихся по дорогѣ къ тепло-сѣрнымъ ваннамъ: новые источники весьма схожи съ существующими тепло-сѣрными какъ по температурѣ, такъ и по составу.

ЛИТЕРАТУРА.

— На основаніи Высочайше утвержденнаго, 16-го іюня 1873 года, мнѣнія Государственнаго Совѣта, Управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ *постановилъ:* пріостановить выпускъ въ свѣтъ газеты «Московскія Вѣдомости» на *три* дня.

Новыя книги:

Записки фельдмаршала графа **Миниха**. Перев. съ фр. подъ ред. и съ примѣч. С. Шубинскаго. Изд. Н. Исакова. Т. II. Спб. тип. Безобразова. 8 д. XXIX+306 стр. и 1 портр. 1.500 экз.

Русскій энциклопедическій словарь. Изд. **И. Н. Березинымъ**. Отд. I и III. А—Б—Л. Вып. III. Тетр. II. Спб. тип. тов. «Общ. Польза» 4 д. VII+3+VIII и 81—224 и VIII и 65—296 и VIII и 49—144 стр. 5.000 экз.

Бѣлинскій, В. Сочиненія. Ч. VIII. Изд. 3-е. Москва. тип. Грачева. 8 д. 700 стр. 2.400 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Щебальскій, П. Чтеніе изъ русской исторіи (съ исхода XVII в.). Вып. IV. Изд. 3-е Москва. Унив. тип. 8 д. 207 стр. 3.600 экз. Ц. 50 к.

Костомаровъ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Второй отдѣлъ: господство Дома Романовыхъ до вступленія на престолъ Екатерины II. Вып. V.—XVII столѣтіе. Спб. тип. Стасюлевича. 8 д. 221—563 стр. 5.000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Мордовцовъ, Д. Русскія женщины послѣдняго времени. Біографическіе очерки изъ русской исторіи. Женщины девятнадцатаго вѣка. Изд. А. Черкесова. Спб. Тип. Бакста. 8 д. XI+323 стр. 3,000 экз. Ц. 2 р. 00 к.

Франко-нѣмецкая война 1870—1871. Сост. военно-историч. отдѣленіемъ прусскаго Генеральнаго Штаба. Перев. съ нѣм. А. Риттера и И. Маслова. Ч. I, вып. 4-й. Спб. Тип. Балашева. 8 д. 259—344 и 67—71 стр. и 9 плановъ. 2,000 экз. Ц. 1 р.

Безобразовъ, В. П. Земскія учрежденія и самоуправленіе. Москва. Унив. тип. 8 д. 52 стр. 300 экз.

Сабанѣевъ, Л. П. Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Вып. I. Съ политип. Изд. ред. сб. „Природа". Москва. Тип. Готье. 8 д. IV+208 стр. и 2 карт. 1,200 экз. П. 1 р. 50 к.

Малѣевъ, Н. Матеріалы для сравнительной антропологіи. Казань. Тип. Ивлея, 4 д. 43+18+XLIII.

СОДЕРЖАНІЕ: Исландія (тысячелѣтній юбилей колонизаціи) (съ 3 рисунками). — Порицкъ и Волчій постъ (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 — 64 годовъ) **Н. Каразина**.—Двѣ сцены изъ гражданской войны.—О питаніи грудныхъ дѣтей при разстройствѣ пищеваренія.—Два Якшича. Сербская народная пѣсня. **Б....**—Къ памятнику Екатерины II (экспромтъ) **Бѣшенцова**.—Успеніе Богородицы (съ рисункомъ). — Пешехи (съ рисункомъ).— Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

При семъ нумерѣ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко, въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. 9 августа 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 34 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 19-го августа 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Прусскій военный оркестръ гвардейскаго фузелернаго полка

Въ послѣднее время, петербургская и московская публика принимала новыхъ, еще небывалыхъ въ Россіи, артистовъ музыкантовъ. Мы слыхали почти всѣхъ знаменитыхъ солистовъ Европы, цѣлые оркестры Страуса, Гунгля, Бильзе и проч., различные хоры тирольскихъ и иныхъ пѣвцовъ,— но каково было наше удивленіе, когда мы узнали изъ газетъ и афишъ, что къ намъ пожаловалъ прусскій военный оркестръ, т. е. просто полковой хоръ трубачей — und weiter nichts, какъ говорятъ соотечественники нашихъ недавнихъ гостей. Многіе съ улыбкой обиднаго недоумѣнія отправлялись на Крестовскій островъ, въ Русскій семейный садъ, гдѣ назначенъ былъ дебютъ заѣзжихъ артистовъ... Но это недоумѣніе длилось только до перваго взмаха капельмейстерской палочки. Далѣе сомнѣваться въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ замѣчательнымъ оркестромъ,—было уже невозможно по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто сколько нибудь понимаетъ музыку вообще и средства духовыхъ инструментовъ въ частности. Въ массѣ же публики ходили самые разнорѣчивые толки, до такихъ наприм. куріозовъ, что подъ эстрадой-де спрятанъ другой оркестръ со скрипками. Дѣйствительно, звуки полковаго оркестра подъ управленіемъ г-на Фрезе до того нѣжны, что кажется такъ и слышишь скрипичное пѣніе съ акомпаниментомъ віолончели и контрбаса. Притомъ, разнообразіе и богатый выборъ пьесъ—начиная отъ танцовъ и попури до самыхъ серіозныхъ произведеній Бетховена, Мендельсона, Шуберта и проч.—были по истинѣ поразительны. Каждый вечеръ оркестръ исполнялъ новую серію музыкальныхъ пьесъ — и безъ малѣйшей репетиціи, такъ какъ по утрамъ фузелеры играли въ Зоологическомъ саду, а остальное время дня частная жизнь ихъ проходила на глазахъ петербуржцевъ.

Поневолѣ приходилось дѣться диву — и Крестовскій садъ ежедневно наполнялся тысячами посѣтителей, а когда заѣзжіе гости давали концертъ въ городѣ, какъ напр. въ Михайловскомъ и Александровскомъ садахъ, то давка бывала буквально невообразимая. Въ Москвѣ успѣхъ г-на Фрезе былъ еще блистательнѣе—тамъ капеллѣ поднесены даже подарки,— какъ мы слышали, слишкомъ на 1000 рублей, въ томъ числѣ два серебряные кубка, одинъ оркестру и другой г-ну Фрезе лично.

Отчего же зависитъ это необыкновенное совершенство простаго полковаго оркестра? Отрѣшаясь отъ взглядовъ толпы, мы прежде всего поищемъ причины — въ самой сути дѣла, т. е. въ музыкальномъ образованіи исполнителей. Въ Пруссіи каждый полковой музыкантъ, кромѣ умѣнья бѣгло играть à livre ouvert, долженъ еще и теоретически знать музыку; слѣдовательно, образованіе его равняется приблизительно тому, какое дается у насъ въ консерваторіи. Только съ такимъ знаніемъ дѣла принимаются желающіе вступить въ оркестры прусскихъ полковъ. Понятно, что эти люди требуютъ и соотвѣтственнаго вознагражденія — и это достигается тѣмъ, что каждый музыкантъ, по окончаніи срока военной службы,

Карлъ Фрезе, капельмейстеръ прусскаго военнаго оркестра гвардейскаго фузелернаго полка. Рис. Тегаццо грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ право на полученіе должностей въ статской преимущественно предъ всѣми прочими кандидатами,—не говоря уже о томъ, что всѣмъ завѣдомая точность и исполнительность прусскихъ военныхъ открываетъ имъ широкій доступъ къ частной дѣятельности во всевозможныхъ конторахъ, на фабрикахъ и т. п. Съ другой стороны, постоянному пополненію музыкальнаго контингента въ прусскихъ полкахъ содѣйствуетъ всеобщая воинская повинность, которая нынѣ вводится и у насъ. Само собой разумѣется, что бюргеръ музыкантъ — любитель или по профессіи, вступая въ полкъ, предпочтетъ мѣсто въ оркестрѣ строевой службѣ, такъ какъ притомъ и время обязательныхъ занятій весьма ограничено, а въ свободные часы онъ можетъ работать надъ развитіемъ своего таланта или пожалуй давать уроки музыки. Каждый изъ нихъ—самъ по себѣ солистъ своего инструмента.

Отсюда-то и проистекаетъ то необыкновенное согласіе и стройность оркестра, который по одному взмаху палочки капельмейстера обрываетъ напр. полный хоръ свой какъ одинъ человѣкъ, или постепенно затихаетъ до едва уловимыхъ нотъ. Въ этомъ секретъ удовольствія, доставляемаго публикѣ даже фокусами его, какъ напр. соло на барабанѣ, изображающее походъ, наступленіе и горячую аттаку. Многіе изъ музыкантовъ оркестра г-на Фрезе—сами компонируютъ; капельмейстеръ же извѣстенъ уже нашей публикѣ пьесами собственнаго сочиненія, которыя были имъ исполнены во время концертовъ.

Прилагая портретъ представителя этого оркестра, считаемъ нелишнимъ сообщить почитателямъ г-на Фрезе нѣкоторыя свѣдѣнія объ его служебной и частной дѣятельности. Карлъ Фрезе родился 14 декабря 1831 года въ Берлинѣ и по окончаніи школьнаго ученія отданъ былъ для усовершенствованія въ музыкѣ къ директору городской капеллы Линдау, который въ настоящее время живетъ въ Россіи. Въ 1852 году молодой Фрезе уже совершилъ нѣсколько поѣздокъ съ оркестромъ въ Швецію и Норвегію, а 1 августа 1853 вступилъ гобоистомъ въ новосформированный оркестръ гвардейскаго резерва, нынѣ гвардейскіе фузелеры—любимый полкъ императора Вильгельма, который прозвалъ ихъ своими *майскими жуками*. Съ этимъ полкомъ Фрезе дѣлалъ походы 1866 года (Буркерсдорфъ и Кёниггрецъ) и 1870 (Сен-Привa. Седанъ и осада Парижа) подъ начальствомъ полковниковъ Вердера, Эрикерта († при Сен-Привa) и Папштейна.

Послѣ похода 1866 года, полковникъ Вердеръ (нынѣ генералъ и военный уполномоченный въ Петербургѣ) назначилъ Фрезе капельмейстеромъ. Кромѣ медалей 1866 и 1870 года, Фрезе имѣетъ орденъ желѣзнаго крест за Седанъ и русскій орденъ св. Анны 3-й степени, полученный имъ въ послѣднее время.

Сказано что Азія *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА I.

Буря.

Въ 830-хъ годахъ, въ южномъ Дагестанѣ, у подошвы Кавказскихъ горъ расположенъ былъ отрядъ русскихъ войскъ. Поручикъ Искринъ, находившійся въ должности адъютанта при областномъ начальникѣ, былъ посланъ съ порученіемъ по дѣламъ службы. Отношеніе туземцевъ къ русскимъ тогда были далеко не дружелюбны—и безъ конвоя путешествіе было невозможно. Конвой Искрина состоялъ изъ шести человѣкъ лезгинъ, вооруженныхъ, какъ говорится, до зубовъ, на красивыхъ лошадяхъ—особая порода, помѣсь съ карабахскими. Такой конвой не покажется страннымъ для тѣхъ, кто служилъ на Кавказѣ и ознакомился съ обычаями горцевъ. Дружба есть чувство священное для горца—и такъ-называемый *кунакъ* если взялся сопровождать васъ, то лелѣетъ какъ добрая нянька. Онъ не только что станетъ защищать друга до послѣдней крайности, но будетъ мстить тому, кто причинилъ бы вамъ вредъ. Честь его именно связана съ безопасностью, съ охраненіемъ друга. Такой конвой надежнѣе всякаго другаго и потому уже, что ему извѣстнѣе мѣстность и обычаи своихъ земляковъ; онъ привыкъ съ малыхъ лѣтъ ко всегдашней осторожности; а при этомъ добрый конь и мѣткость выстрѣла предупреждаютъ опасность. Молодой человѣкъ лѣтъ 24-хъ, средняго роста, красивой наружности, крѣпкаго тѣлосложенія, въ черкесскихъ шароварахъ изъ верблюжьяго сукна, въ кабардинской бараньей шапкѣ, Искринъ ѣхалъ на своемъ карабахскомъ жеребцѣ, который былъ извѣстенъ въ отрядѣ подъ названіемъ «Жучокъ», потому что былъ вороной безъ отмѣтинъ; на тонкомъ ременномъ поясѣ, стягивавшемъ стройный станъ Искрина, висѣлъ кинжалъ, а сзади заткнутъ былъ турецкій пистолетъ, черезъ плечо шашка. Съ лѣвой стороны у него ѣхалъ кунакъ его, Маматъ-Али, человѣкъ лѣтъ сорока, росту вершковъ двѣнадцати съ черной окладистой бородой, оттѣнявшей смуглое продолговатое лицо его, оживленное умными глазами. На немъ была надѣта черкеска изъ синяго тонкаго сукна, обложенная серебрянной широкой тесьмой, и шаровары верблюжьяго сукна. Онъ былъ увѣшанъ блестящимъ оружіемъ. Кожанные наговицы и чивеки, съ загнутыми къ верху носками, кинжалъ, пистолетъ, шашка и ружье. Онъ былъ старшиною селенія Джары Мдивонъ—бекомъ, въ областномъ правленіи получалъ огромное жалованье и большіе подарки отъ русскаго правительства,—а по частымъ сношеніямъ съ Искринымъ, онъ съ нимъ сдружился и назвался кунакомъ его, что всегда не нравилось старому слугѣ Искрина—Семену, который см отрѣлъ на лезгина искоса и называлъ его змѣей. Маматъ-Али былъ однимъ изъ тѣхъ лезгинъ, которые имѣютъ вліяніе на своихъ соотечественниковъ, основанное на уваженіи ихъ къ удальству. Чѣмъ болѣе отчаяннымъ прослылъ кто разбойникомъ, чѣмъ значительнѣе добыча грабежа его, тѣмъ болѣе имѣетъ тотъ права на уваженіе своихъ сосѣдей; они его боятся—и ближайшій къ нему сосѣдъ съ удвоенною осторожностію запираетъ на ночь двери своей сакли и ложится спать не иначе какъ съ заряженнымъ пистолетомъ и кинжаломъ подъ изголовьемъ.

Съ правой стороны Искрина ѣхалъ вѣрный слуга его, Семенъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшаго роста, широкоплечій; свѣтлорусые съ просѣдью усы и бакенбарды въ безпорядкѣ сплетались съ морщинами загорѣлаго лица его. Онъ сопровождалъ своего господина во всѣхъ экспедиціяхъ и былъ всей душой ему преданъ; онъ нѣствовалъ его ребенкомъ и, не смотря на старость своихъ лѣтъ, не хотѣлъ разстаться съ нимъ, когда тотъ былъ посланъ въ Грузію. Типъ тѣхъ старинныхъ дядекъ, которыхъ къ сожалѣнію въ наше время уже не встрѣчаемъ. Ни просьбой, ни приказомъ, ни хитростію не могъ Искринъ добиться, чтобы этотъ упрямый старикъ оставался на мѣстѣ и не слѣдовалъ всюду за нимъ, какъ тѣнь, какъ вѣрная собака. Онъ ѣхалъ на черноморскомъ сѣромъ конѣ, съ вьючными сумами въ торокахъ гусарскаго сѣдла, съ заряженными пистолетами въ кабурахъ; на поясѣ у него висѣлъ кинжалъ, который онъ чаще употреблялъ для приготовленія битковъ въ походѣ; огромная фляжка съ ромомъ болталась у него на ремнѣ черезъ плечо, къ которой, надо сознаться, дядька любилъ прикладываться, чаще чѣмъ его питомецъ; черезъ другое плечо тоже на ремнѣ висѣла длинная кожанная киса съ табакомъ и короткій черешневый чубукъ—къ этому снадобью Семенъ не имѣлъ никакого влеченія и называлъ мерзостью.

Впереди ихъ ѣхало двое лезгинъ и трое сзади. Сверхъ того, Саркизъ армянинъ духанщикъ [1]), отправлявшійся по своимъ торговымъ дѣламъ, просилъ Искрина позволить присоединиться къ его каравану. Искринъ, зная какъ ловки и полезны эти люди на Кавказѣ, былъ очень радъ такому пріобрѣтенію, тѣмъ

*) Солдатская поговорка.

[1]) Содержатель духана или балагана, въ которомъ торгуютъ виномъ и съѣстными припасами.

Библиотека "Руниверс"

болѣе что онъ могъ служить ему переводчикомъ [1]). Дорога шла, извиваясь у подошвы горъ, между кустовъ дикаго жасмина, покрытыхъ бѣлыми цвѣтами, издававшихъ сильнѣйшій ароматъ. Только-что подъѣхали къ лѣсу, вдругъ лезгины, имѣвшіе свои ружья за спиной на ремняхъ, перекинули ихъ очень ловко на правыя плеча въ висячее горизонтальное положеніе, придерживая правою рукой. «Али что запримѣтили?» увидавъ это, сказалъ Семенъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ Маматъ-Али, который уже научился нѣсколько говорить и понимать по русски, и черезъ Саркиза объяснилъ, что это они дѣлаютъ изъ предосторожности, имѣя такимъ образомъ ружье на готовѣ, —такъ что врагъ, мелькнувшій впереди, успѣетъ только развѣ вздохнуть, прежде чѣмъ пронижетъ его пуля. «Эка злоба-то, подумаешь!», бормоталъ Семенъ: «а мы съ этими антихристами дружимся. Кунакъ, другъ-де, говоритъ. Чортъ! Господи прости. Вотъ другъ, такъ ужъ другъ!» продолжалъ онъ, присвиснувъ и кликнулъ: «Мерлушка!» Онъ такъ называлъ бѣлаго пуделя, по свойству его курчавой шерсти,—и собака съ визгомъ бросилась на морду его сѣраго коня. «Ужъ онъ, братъ Саркизъ, къ Сѣрку ни кого не подпуститъ, а походомъ у артельныхъ лошадей сѣно таскаетъ, да ему носитъ».

— Ну это, Власычъ, замѣтилъ Саркизъ, — онъ вѣрно у тебя перенялъ.

Всѣ засмѣялись.

— Прямая ты армяшка, сказалъ раздосадованный старикъ.— По русской пословицѣ: «голодной кумѣ все хлѣбъ на умѣ». Вотъ и ты наровишь, какъ-бы тебѣ что счепаулить [2]), такъ и объ другихъ думаешь. Я, вотъ видишь ты, ломтя хлѣба не съѣмъ, не оставивъ по кусочку Сѣрку да Мерлушкѣ,—ни за что не растанусь съ ними, если баринъ захочетъ продать ихъ. Свои кровныя денежки внесу. А ты, чихирная душа, чай жену отдашь, какъ увидишь деньги... Между тѣмъ вдругъ стало пасмурно, солнце мгновенно скрылось за горы, не давъ даже полюбоваться на великолѣпную картину своего заката, какъ бываетъ въ долинахъ, гдѣ оно оставляетъ какъ бы воспоминаніе о себѣ—слѣдъ—розовый сумракъ. Вѣтеръ вдругъ, какъ бѣшеный звѣрь, вырвался изъ ущелья и нанесъ громаду черныхъ тучъ на темно-голубое небо....

Поднялась страшная буря, дождь полилъ какъ изъ ведра, въ горахъ сдѣлалась ужасная темнота. Потоки съ ревомъ бросились съ горъ и такъ наводнили узенькую дорожку, что путешественники ѣхали, какъ будто вдоль рѣчки. Положеніе Искрина становилось весьма непріятнымъ. Застигнутый въ горахъ ночью и бурей, въ странѣ еще мало извѣстной и наполненной непріятелемъ, онъ не зналъ что дѣлать; ни гдѣ не видно было надежнаго пристанища.

Почтенный нашъ Семенъ, промоченный до костей, не смотря на то, что не разъ прикладывался къ благодѣтельной фляжкѣ, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ и пробуждалъ въ себѣ энергію, думая вслухъ. «Умереть не диковинка, не страшно и не стыдно, говорилъ онъ,—за православную церковь, за батюшку русскаго царя, за мать родную землю, такъ и подобаетъ воину въ битвѣ съ врагами не щадить живота своего; но умереть подъ кинжаломъ этихъ, оборванныхъ разбойниковъ—срамъ, а еще хуже попасть къ нимъ въ полонъ. . Говорятъ—окаянные разрѣжутъ кожу на подошвѣ ногъ, да насуютъ туда конскаго волоса, такъ что и ступить нельзя, водятъ нагишомъ да издѣваются надъ тобой. Господи, помилуй насъ отъ эдакой напасти! Лучше сверзиться въ пропасть, пусть съѣдятъ лютые звѣри. Батюшка, Александръ Андреевичъ! вскричалъ онъ, обращаясь къ Искрину,—пристрѣли ты меня ради Христа, если въ полонъ попадемся. Пусть не достается басурманамъ на поруганіе моя христіанская душа на старости лѣтъ!

— Полно врать, старый! отвѣчалъ ему Искринъ съ досадой.—Развѣ я отдамся въ плѣнъ живой? а покудова я живъ и ты будешь цѣлъ. Богъ милостивъ!—Буря становилась все сильнѣе и сильнѣе. Удары грома съ ужаснымъ гуломъ раздавались въ ущельѣ—и раскаты долго и протяжно грохотали по хребтамъ горъ. Вѣковыя деревья вырывало съ корнемъ и съ трескомъ свергало въ пропасти. Все это повторялось страшнымъ эхомъ. Молнія безпрерывно освѣщала глубину темныхъ ущелій. Въ эти моменты видны были кучки хищныхъ шакаловъ, испуганныхъ бурей, прижавшихся другъ къ другу и присоединявшихъ свои завыванія къ воплямъ стихій.

— А что, Маматъ-Али, спросилъ Искринъ,—случалось-ли тебѣ видѣть такую бурю въ твоихъ путешествіяхъ?.. ты, говорятъ, постранствовалъ таки довольно по Кавказу...

— Бывало! отвѣчалъ тотъ.

— Я думаю, ужъ тебѣ надоѣло шататься, продолжалъ Искринъ, — не взманитъ снова охота покинуть семейство и домъ. Ты богатъ, въ почетѣ, чего-же еще надо.

— Не знаю, отвѣчалъ кунакъ:—бываетъ такое время: одолѣетъ скука. Такъ что бросишь все, да и уѣдешь куда глаза глядятъ. Вотъ, видишь ты, у насъ такой обычай: каждый лезгинъ обязанъ сдѣлать путешествіе, хоть разъ въ жизни. Какъ начинаетъ пробиваться усъ у молодца, онъ сѣдлаетъ коня, снимаетъ со стѣны завѣтное оружіе предковъ и отправляется искать славы и добычи и выростить себѣ бороду. До той поры онъ не найдетъ себѣ жены въ околодкѣ. У насъ дѣвушка не выйдетъ замужъ за человѣка, какой-бы красавецъ онъ ни былъ, покудова онъ не отличится въ ратныхъ подвигахъ; а какъ молодецъ возвратится съ добычей, такъ есть изъ чего и калымъ [1]) внести за невѣсту. Тогда ужъ выбираетъ себѣ въ жены любую дѣвушку—и даже не одну; тогда только онъ и въ джаматѣ [2]) имѣетъ голосъ. А кому посчастливится и понравится ходить за добычей, того ужъ дома не удержишь, покудова старость лѣтъ не усадитъ у домашняго огонька, гдѣ будешь разсказывать молодежи объ своей удали, или покудова не уложитъ охотника навсегда въ неоправленную постель—вражеская пуля. У насъ во всемъ изобиліе, денегъ только нѣтъ; большихъ трудовъ да заботъ прилагать не къ чему, дѣлать нечего, скучно,—и поѣдешь по неволѣ помолодцовать, да поискать добычи.

Вдругъ, утѣшительный, какъ голосъ друга, раздался лай собакъ въ отдаленіи.

— Эй, Саркизко! вскричалъ Семенъ,—никакъ чекалки проклятыя взвыли? плохо, братъ, не сдобровать намъ!

— Нѣтъ, отвѣчалъ Саркизъ,—это собаки лаютъ, видно не подалеку селеніе.

И дѣйствительно въ сторонѣ замелькали огни.

— Посмотри-ка, Маматъ-Али, сказалъ Искринъ:—это должны быть Мацехи. Судя по времени, намъ бы давно ужъ надо быть тамъ; но не мудрено, что мы сбившись съ дороги, объѣхали кругомъ. Маматъ-Али, осмотрѣвшись вокругъ, отвѣчалъ положительно: «Нѣтъ! мы дѣйствительно сбились съ дороги, но какое тутъ селеніе, я рѣшительно не помню.

— Досадно! продолжалъ Искринъ,—а я надѣялся славно поужинать у Цоторъ-Оглы. У него ханымъ [3]) мастерски дѣлаетъ пловъ и шашлыкъ, да я думаю, что для кунака и русской бузы [4]) бутылочка найдется. Надо сказать правду, онъ молодецъ. Какъ ты думаешь, Маматъ-Али?

— Правда, конечно, правда, отвѣчалъ Маматъ-Али.—Поискать такого у насъ въ Джамарахъ [5]), да пожалуй не найдешь. Когда въ джаматѣ что скажетъ, такъ вѣрно; ломай пожалуй себѣ голову на досугѣ, а лучше не придумаешь. Да ему можно пить русскую бузу—у него отецъ-то былъ русскій.

— Какимъ это манеромъ? спросилъ Искринъ: — разскажи пожалуста – это любопытно.

— Вотъ видишь, отца его звали Цоторъ [6]), продолжалъ Маматъ-Али.—Онъ былъ солдатомъ взятъ въ плѣнъ, давно, въ большой Чечнѣ, а проданъ къ намъ въ горы. Его купилъ Гамзатъ-Бекъ за нѣсколько барановъ; днемъ онъ ра-

[1]) На Кавказѣ армяне всѣ знаютъ татарскій языкъ.
[2]) Украсть.

[1]) Калымъ—выкупъ.
[2]) Сходка мірская.
[3]) Жена.
[4]) Буза—напитокъ.
[5]) Джамары—Бѣлоканская область.
[6]) Сидоръ.

Библиотека "Руниверс"

боталъ въ цѣпяхъ, а ночью опускали его въ ровъ, изъ котораго, скованный, онъ выдти не могъ. Онъ сдѣлался боленъ. Дочь Гамзатъ-Бека сжалилась надъ нимъ и стала его лечить. Каждый вечеръ носила ему лекарство и пищу въ ровъ—и онъ выздоровѣлъ. Зюльма въ него влюбилась и продолжала навѣщать его. Гамзатъ-Бекъ, узнавъ объ этомъ, разсердился и велѣлъ казнить дочь свою и его. Присуждено было закидать ихъ каменьями. Когда Цотора привели на площадь—и онъ увидѣлъ Зюльму зарытую стоя по грудь въ землю, онъ поблѣднѣлъ—и какъ онъ былъ силы необыкновенной, то вырвался изъ рукъ стражи, взмахнулъ скованными руками, ударилъ объ камень цѣпью и она разбилась, все это было дѣломъ момента. Стражи хотѣли снова схватить его, но онъ одного убилъ кулакомъ, на которомъ еще остался обрывокъ цѣпи, другаго сбилъ съ ногъ, бросился на колѣни предъ Гамзатъ-Бекомъ и сказалъ: «Ты можешь насъ убить обоихъ—меня и Зюльму,—но за что? Что мы сдѣлали? полюбили другъ друга? Да вѣдь солнце свѣтитъ, рѣка течетъ, человѣкъ любитъ... Я не гяуръ, я правовѣрный [1]); великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его! Пожалѣй дочь свою—она будетъ, можетъ быть, скоро матерью, матерью моего ребенка. Я не уйду отъ нихъ никуда, у меня нѣтъ ни роду, ни племени; я сирота, моя родина далеко отъ сюда—въ Сибири. Тамъ солнце такъ не грѣетъ и луга не покрыты такими цвѣтами, деревья не ломятся отъ такихъ плодовъ. Теперь я твой плѣнникъ,—буду твоимъ сыномъ, заработаю тебѣ вдесятеро. Для меня краше всѣхъ цвѣтовъ—красота Зюльмы, а цвѣтъ глазъ ея ярче солнца краснаго. Прости насъ!». Эти слова такъ растрогали весь джаматъ, что всѣ присутствовавшіе единогласно стали упрашивать Гамзатъ-Бека—и онъ простилъ виновныхъ. Мулла ихъ благословилъ—и вотъ сынъ ихъ, котораго ты знаешь, этотъ самый Цоторъ-Оглы.

Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ.
Рис. Тегаццо, грав. Пуцъ.

— Гдѣ-же отецъ его? спросилъ Искринъ.

— А ужь этого не могу сказать, не знаю навѣрно, отвѣчалъ Маматъ-Али. — Когда русскіе пришли въ Дажры, сдѣлалось всеобщее возстаніе; онъ, говорятъ, былъ взятъ въ плѣнъ. Его судили, какъ бѣглаго, прогнали сквозь строй, но онъ не вынесъ наказанія.

А буря все свирѣпѣла. Хотя эти мѣста во время кампаніи и сдѣлались Искрину довольно знакомыми, но въ такую бурю самая твердая память съ толку собьется. Онъ ни какъ не могъ припомнить, какое селеніе тутъ находилось. «Да поѣдемъ, сказалъ Маматъ-Али:—пристанище путнику, по нашимъ обычаямъ, каждый дать долженъ: вѣдь—путешественникъ, переступившій порогъ дома, есть для хозяина лицо священное». Вдругъ всторонѣ вспыхнуло сильное пламя, за-

[1]) Онъ былъ татаринъ.

Библиотека "Руниверс"

рево освѣтило долину, покрытую лѣсомъ. Огонь сквозилъ въ чащѣ деревьевъ.

— Эй! Семенъ! сказалъ Искринъ:—посмотри-ка, ужъ это не нашъ-ли отрядъ какой-нибудь?.. огонь что-то очень великъ.

— А что, отвѣчалъ слуга,—и впрямь пожалуй такъ.

— А можетъ загорѣлось селеніе, замѣтилъ Саркизъ.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ Маматъ-Али—это не могутъ быть глуходары, имъ время еще не пришло. Они больше осенью пускаются на добычу.

— Поѣдемъ, отвѣчалъ Искринъ.

Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Марія Мекленбургская.
Рис. Тегаццо, грав. Пуцъ.

— Если даже и они, то не ждутъ гостей въ такую бурю; мы съ ними подѣлимся добычей, замѣтилъ Маматъ-Али.

— Чортъ побери! вскричалъ Семенъ,—только и слышишь, что глуходары да глуходары—да что они на деревьяхъ что-ли живутъ, Саркизко спроси-ка у кунака-то.

— Маматъ-Али разсмѣялся и отвѣчалъ: — «глуходарами» называютъ племя живущее въ горахъ, у нихъ земля безплодная, они хлѣба почти не сѣютъ и чрезвычайно бѣдны. Все ихъ достояніе заключается въ небольшомъ количествѣ скота и овецъ. Во время лѣтняго жара мы отгоняемъ свой скотъ къ нимъ и платимъ за сбереженіе. Весь промыселъ ихъ состоитъ въ буркахъ, они добываютъ каменную соль, которую и промѣниваютъ на хлѣбъ жителямъ долинъ. На лѣто остаются у насъ обработывать землю, получаютъ часть собраннаго хлѣба, а по окончаніи полевыхъ работъ остаются въ лѣсахъ и занимаются разбоемъ, покудова не наступитъ зима и не обнажитъ лѣса [1]). Винтовка за спиной, кинжалъ на поясѣ, мѣшокъ кукурузной муки за плечами, десятка два патроновъ за пазухой—и онъ готовъ въ походъ [2]).

ГЛАВА II.

Пожаръ.

Усталые, измученные путешественники, все спускаясь въ долину, пробирались шагъ за шагомъ сквозь чащу лѣса, по узенькой тропинкѣ, направляя свой путь на огонь,—наконецъ услышали шумъ рѣчки и подъѣхали къ берегу. Хотя рѣчки на Кавказѣ вообще мелки и дно имѣютъ каменистое, но во время дождя вдругъ наполняются водой, такъ что переправа чрезъ нихъ дѣлается чрезвычайно трудной и опасной. Быстро, съ шумомъ неслась рѣка, увлекая по теченію обломки деревъ, разбивая ихъ въ щепы о прибрежныя скалы. Освѣщенная заревомъ, она текла какъ густая лава темно-фіолетоваго цвѣта. Всадники смѣло бросились въ кипучія волны рѣки. Тамошнія лошади привычны къ этимъ пе-

[1]) Подошва Кавказскихъ горъ въ южномъ Дагестанѣ покрыта большею частью фруктовымъ лѣсомъ.

[2]) Изъ этого-то народа по большей части составлялись полчища Шихъ-Шабана, Гамзатъ-Бека, Казимуллы и Шамиля.

Библиотека "Руниверс"

реправамъ и сильно борятся съ быстротой потока, то увлекаемыя имъ внизъ по теченію, то выбираясь снова изъ пучины. Вода обмывала ихъ шеи. «Что, братъ, Сѣрко» вздыхая говорилъ Семенъ: «не думали мы съ тобой нынче плавать, да вотъ привелъ Богъ покупаться, нечего дѣлать: отдувайся, голубчикъ мой, усталъ сердечный. Прикажите сударь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Искрину, — этимъ нехристямъ хоть сумы-то наши взять на плеча; здоровы, небось, не околѣютъ! а то подмочимъ пожалуй, да и Сѣрку-то вѣдь больно тяжко, вишь какъ запыхался! Я бы на себя набросилъ—на мнѣ и такъ много кое чего навѣшано; эта прорва-табачище тутъ, какъ бы не подмочить его!». Послѣ довольно долгаго плаванія выбрались наконецъ на берегъ и очутились на хуторахъ. Передъ ними открылось страшное зрѣлище и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпная картина. Отъ грозы загорѣлось нѣсколько шалашей, устроенныхъ изъ плетня и окутанныхъ камышемъ. Это былъ не пожаръ, а фейерверкъ: каждый шалашъ загорался вдругъ кругомъ и, какъ огненная пирамида, исчезалъ въ нѣсколько минутъ... Но ужасенъ былъ плачъ дѣтей, испуганныхъ пожаромъ, крикъ матерей, спасающихъ ихъ отъ огня; страшны были блѣдныя, испуганныя лица, озабоченныя чувствами самосохраненія, мелькавшія какъ тѣни среди этого пламени. Вся картина рѣзко оттѣнялась глубокимъ мракомъ земли и неба. Шалаши были построены не въ порядкѣ и довольно отдаленно одинъ отъ другаго, а промежутки между ними покрыты густымъ лѣсомъ. Деревья, обмокшія отъ дождя, остановили дѣйствіе огня—и пожаръ прекращался. Стволы деревьевъ были оплетены вьющимися растеніями, на вершинѣ ихъ милліоны птичекъ, укрывшихся отъ бури въ чащѣ листьевъ, стаями кружились въ воздухѣ...

Первымъ движеніемъ Искрина было скакать на помощь погибавшимъ, но конь его вдругъ захрапѣлъ и бросился всторону. Искринъ услышалъ слабые стоны, слѣзъ съ коня, наклонился—и увидѣлъ женщину, лежавшую въ густой травѣ; верхняя одежда на ней обгорѣла и еще тлѣлась мѣстами. Волосы въ безпорядкѣ были разметаны по плечамъ ея, на поясѣ висѣлъ маленькій кинжалъ. Она была безъ чувствъ, ребенокъ плакалъ около нея. Маматъ-Али поскакалъ съ товарищами въ селеніе. Саркизъ тоже направилъ свой путь стороной къ мѣсту пожара—въ духѣ промышленности: провѣдать, не будетъ ли какого выгоднаго пріобрѣтенія. Искринъ остался съ своимъ вѣрнымъ Семеномъ возлѣ погибавшей. Онъ почерпнулъ шапкой воды, началъ плескать ей на лицо, потомъ взялъ у старика фляжку съ ромомъ и сталъ растирать ей виски...

— Ну, батюшка, вотъ ужъ это не дѣло такъ не дѣло, ворчалъ Семенъ,—тратить по пустому! Ожить—такъ и безъ того оживетъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ женщина вздохнула.

— Спасена! вскричалъ Искринъ съ радостію.

— Что и говорить, слава Богу, ожила душа некрещеная... Умирала-бы! туда ей и дорога, ворчалъ Семенъ сквозь зубы, держа лошадей въ поводу. Женщина открыла глаза, которые какъ будто чего-то искали. Искринъ догадался и подалъ ей ребенка. Она съ чувствомъ благодарности взглянула на него—и схвативъ поспѣшно ребенка, прижала его къ груди. Малютка сейчасъ обнялъ ручонками ея шею и крѣпко прижался къ ней.

— Ну-ка, Семенъ, сказалъ Искринъ:—теперь привяжи лошадей къ дереву, наруби дровъ и разведи огня.

— Сейчасъ! отвѣчалъ слуга; онъ былъ мастеръ этого дѣла, но мокрыя дрова горѣть не хотѣли, долго возился онъ съ ними, пока наконецъ костеръ дровъ запылалъ. Искринъ разостлалъ бурку и усадилъ на нее бѣдную женщину, которая дрожала какъ въ лихорадкѣ, далъ ей выпить глотокъ рому, и она согрѣлась. Дождь пересталъ, дрова разгорѣлись и огонь освѣтилъ всю картину. Когда Искринъ разглядѣлъ лицо этой женщины, оно поразило его красотой, не смотря на блѣдность, страшную худобу и явные слѣды изнеможенія отъ продолжительныхъ болѣзней; но въ черныхъ глазахъ опушенныхъ длинными рѣсницами, еще не обсохшими отъ слезъ, видѣнъ былъ пламень жизни, исполненный притягательной силы. Искрину стало жарко, не смотря на то, что на немъ тяготѣло обмокшее платье. Ему казалось, что это лицо ему было знакомо. Ему было совѣстно смотрѣть на нее пристально, а не хотѣлось отвести глазъ въ сторону; такъ она была привлекательна.

— Лучше-бы вы, батюшка, объ себѣ позаботились! сказалъ Семенъ, подавая барину сюртукъ, который вынулъ изъ переметной сумы и обогрѣлъ у огня.—На васъ черкеска-то хоть выжми, такъ и льетъ изъ нея!.. Искринъ не отвѣчалъ ему и стоялъ какъ вкопанный, не спуская глазъ съ прекрасной женщины; онъ старался припомнить, гдѣ видѣлъ ее. Она какъ будто осердилась или испугалась: отворотившись отъ молодаго человѣка, она сѣла спиною къ огню и стала распущенными волосами прикрывать грудь свою, ей было стыдно, румянецъ какъ молнія вспыхнулъ на блѣдныхъ щекахъ ея. Это движеніе заставило Искрина отойдти. Но взглянувъ на нее издали, онъ увидѣлъ, что изъ глазъ ея, обращенныхъ на ребенка, катились слезы, а улыбка какъ утренняя заря сквозила на розовыхъ губахъ.

— Полно вамъ, сударь, зариться-то на нее, бормоталъ Семенъ,—вѣдь это грѣхъ! Можетъ въ ней сатана сидитъ, Господи прости! Ишь какъ у нее глаза-то свѣтятся, словно у кошки!..

Освѣщенная сзади, эта картина была превосходна. Лицо женщины было въ тѣни, но абрисъ его и обнаженныхъ плечъ, какъ бы обведенный огненной чертой, отдѣлялся отъ темной массы и лѣса и ночи. Искринъ подошелъ къ ней ближе, она опустила длинныя рѣсницы. Какъ хотѣлось ему заглянуть подъ нихъ, прочесть въ глазахъ повѣсть сердца! Долго онъ на нее глядѣлъ—и чѣмъ больше, тѣмъ сильнѣй было желаніе поговорить съ ней. Но какъ? Онъ не зналъ мѣстнаго нарѣчія. По привычкѣ русскихъ къ скорѣйшему способу знакомства, онъ вынулъ изъ кармана нѣсколько червонцевъ и хотѣлъ дать ихъ красавицѣ, едва прикрытой лохмотьями.

Но можно представить себѣ удивленіе Искрина, когда бѣдная женщина оттолкнула слегка его руку, сказавъ ломанымъ русскимъ языкомъ, которому грузинки умѣютъ придать особенную прелесть: «не обижай меня!», и крупныя слезы градомъ брызнули изъ черныхъ глазъ ея и падали одна за другой на обнаженную грудь. Искринъ быстро опустилъ деньги въ карманъ. Ему было совѣстно, неловко. Семенъ, услыхавъ это, началъ креститься, приговаривая: «Съ нами крестная сила! ну такъ и есть, вѣдь я не ошибся».

— Да кто-же ты? спросилъ женщину изумленный и сконфуженный Искринъ.

— Я грузинка! сквозь слезъ едва могла выговорить бѣдная женщина.

— Прости меня! сказалъ Искринъ,—я не хотѣлъ оскорбить тебя, но, не зная языка, не умѣлъ иначе выразить моего участія къ тебѣ. Еще разъ прошу тебя, прости меня...

— Господи! что это съ нимъ сдѣлалось? Бѣдный баринъ! Она его околдовала, говорилъ Семенъ. И съ этими словами Семенъ горько заплакалъ и повалился къ ногамъ Искрина. «Родимый ты мой! не погуби себя и меня! вѣдь уже сказано, что басурмане... Брось ты ее, да уѣдемъ скорѣй куда глаза глядятъ.

— Полно, Семенъ, что ты съ ума сходишь! отвѣчалъ Искринъ. — Вѣдь она такая же христіанка, какъ и мы съ тобой. Ее вѣрно лезгины въ плѣнъ захватили, надо спасти бѣдняжку.

— Какъ! что ты сударь говоришь? вскричалъ Семенъ,— не ужъ-то? Ахъ, голубка ты моя, Господи прости меня грѣшнаго, а я ругалъ ее, окаянный! Вѣрно ей сердечной варвары напихали въ подошву волосу, что она ходить-то не можетъ.

Грузинка подняла на Искрина свои черные бархатные глаза и протянула ему свою маленькую, нѣжную руку.

Словно пелена спала съ глазъ Искрина.—Майко!.. вскричалъ онъ съ восторгомъ—схватилъ ея руку и хотѣлъ прижать ее къ губамъ, но она быстро отдернула ее и, закрывъ глаза, зарыдала. Малютка испугался и тоже заплакалъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ и принцесса Марія Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

Будущая Великая Княгиня, нынѣ обрученная невѣста Е. И. В. В. К. Владиміра Александровича, происходитъ изъ древняго славянскаго (вендскаго) владѣтельнаго дома Мекленбургъ-Шверинъ. Августѣйшій отецъ ея, съ 7-го марта 1842 года правительствующій Великій Герцогъ Фридрихъ-Францъ II, состоитъ генералъ-инспекторомъ второй армейской инспекціи германскихъ императорскихъ войскъ, принадлежа къ числу князей наиболѣе преданныхъ единству Германіи и отличающихся личною храбростью, какъ это доказано имъ въ минувшую франко-нѣмецкую войну, доставившую имени его неувядаемую славу. Рано умершая первая супруга его была урожденною принцессою Рейсъ-Кестрицкою.

Не впервые роднятся между собою Царствующія Фамиліи Русская и Мекленбургъ-Шверинская. 19 апрѣля 1716 года герцогъ Карлъ Леопольдъ получилъ въ супружество племянницу Петра Великаго, Екатерину Ивановну; а дѣдъ герцогини Маріи, Великій Герцогъ Павелъ Фридрихъ Мекленбургъ-Шверинскій, произошелъ отъ брака между наслѣднымъ принцемъ Лудовикомъ Фридрихомъ и Еленой Павловной, дочерью Императора Павла I. Равно и Августѣйшія бабки нынѣ нарѣченныхъ жениха и невѣсты, Блаженной памяти Императрица Александра Ѳеодоровна (Фридерика Луиза Шарлотта) и Великая Герцогиня-мать Александрина Мекленбургъ-Шверинская были родными сестрами, дочерьми прусскаго короля Фридриха Вильгельма III и королевы Луизы, въ свою очередь происходившей изъ Мекленбургъ-Стрелицкаго дома. Точно также и герцогъ Георгъ Карлъ Лудвигъ (род. 11 января 1824 г.) 16 февраля 1851 года сочетался бракомъ съ Великою Княжною Екатериной Михайловной, дочерью покойнаго Великаго Князя Михаила Павловича. Такимъ образомъ, нынѣшній Великій Герцогъ Фридрихъ Францъ II состоялъ уже въ родствѣ съ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, такъ какъ Августѣйшія матери ихъ были родными сестрами. Вдовствующая Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Александрина, сестра Императора Вильгельма и въ Бозѣ почивающей Императрицы Александры Ѳеодоровны, младшая дочь короля Фридриха-Вильгельма III и королевы Луизы, жива еще. Слѣдовательно, предстоящее бракосочетаніе еще болѣе скрѣпитъ узы родства между Русскою и Нѣмецкою Императорскими Фамиліями. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно впервые породнитъ Германскій Императорскій Домъ съ Орлеанами, такъ какъ графъ Парижскій—сынъ одной изъ принцессъ Мекленбургъ-Шверинскаго дома, извѣстной своимъ несчастіемъ и высокими добродѣтелями Елены Орлеанской. Она была дочерью никогда не вступавшаго на престолъ Великаго Герцога и двоюродной сестрой нынѣшняго правителя.

Великій Князь Владиміръ Александровичъ родился 10 апрѣля 1847 года. Одаренный блестящими способностями, Его Высочество съ успѣхомъ окончилъ научное свое образованіе, къ довершенію котораго не мало способствовалъ покойный профессоръ А. И. Чивилевъ. Молодой Великій Князь дѣятельно занялся военною службою и принималъ горячее участіе во всемъ, что касалось военнаго дѣла, — питая въ тоже время не меньшее сочувствіе къ наукѣ и искусствамъ. Будучи бригадирнымъ командиромъ и генералъ-адъютантомъ Его Величества Императора Всероссійскаго, въ Пруссіи онъ состоитъ шефомъ Тюрингскаго (12) гусарскаго полка. По личной склонности къ изящнымъ искусствамъ, онъ принялъ на себя должность Товарища Президента Императорской Академіи Художествъ въ Петербургѣ, а дальнія путешествія расширили и обогатили его познанія въ наукахъ. Равно знакомый съ архитектурой, пластикой и живописью, онъ выстроилъ себѣ на берегу Невы дворецъ, служащій образцомъ изящнаго художественнаго вкуса. Зданіе это въ флорентійскомъ стилѣ напоминаетъ собою palazzo Strozzi и др. во Флоренціи. Кому изъ русскихъ не знакома чарующая внѣшность Великаго Князя, его высокій ростъ и крѣпкое тѣлесное развитіе, темнорусые, слегка волнистые волосы, обрамляющіе благородное чело, и открытое лицо съ кроткими и благосклонно сіяющими голубыми глазами!..

Августѣйшая невѣста его, Марія Александрина Елизавета Элеонора, старшая дочь Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго Фридриха Франца II и Великой Герцогини Августы Матильды Вильгемины Рейсъ-Шлейцъ-Кестрицкой, родилась 14 мая 1854 года въ Лудвигслустѣ, второй резиденціи Великаго Герцогства. Она имѣетъ Большой Крестъ Вендской короны съ алмазами, королевско-прусскую медаль и баварскій орденъ Терезіи, а при обрученіи съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ получила русскій орденъ Св. Екатерины съ алмазами.

Ясное дѣтство юной герцогини было омрачено тяжелымъ событіемъ: 3 марта 1862 года умерла ея возлюбленная мать. Когда же Великій Герцогъ, желая замѣнить ее осиротѣвшимъ дѣтямъ, 12 мая 1863 года вступилъ въ бракъ съ Анной Вильгеминой Елисаветой Матильдой, дочерью принца Карла Гессенскаго и Рейнскаго, а по ранней кончинѣ ея въ 1865 году женился на Маріи Каролинѣ Августѣ, дочери принца Адольфа Шварцбургъ-Рудольштадтскаго, — боль жестокой утраты, постигшей сердце юной герцогини мало по малу исцѣлилась подъ вліяніемъ нѣжной заботливости ея мачихи. Обычнымъ ея мѣстопребываніемъ былъ Шверинъ—одна изъ самыхъ оживленныхъ резиденцій Германіи; читателямъ «Нивы» знакомъ уже Великогерцогскій замокъ въ Шверинѣ, рисунокъ котораго былъ нами приложенъ въ 1873 году. Здѣсь-то проходила юность герцогини Маріи. Она получила образцовое воспитаніе и достигла замѣчательнаго развитіи своего музыкальнаго таланта. Объ серіозныхъ ея занятіяхъ науками свидѣтельствуютъ успѣхи, оказанные ею подъ руководствомъ д-ра Гартвига въ естествознаніи и главнаго ея наставника д-ра А. Мейера, преподававшаго ей исторію и словесность. Отличательную черту характера молодой герцогини составляетъ глубочайшая религіозность, чѣмъ и объясняется ея преданность вѣрѣ своихъ предковъ. По словамъ «Голоса», будущая Великая Княгиня останется вѣрною протестантской религіи, между тѣмъ какъ дѣти ея будутъ православными. Въ Россійской Императорской Фамиліи это еще первый случай подобнаго рода со времени Петра Великаго, котораго невѣстка, принцесса Шарлотта-Софія Брауншвейгская, также оставалась протестанткою.

Въ Берлинѣ 3-го мая, въ присутствіи Его Величества Государя Императора Александра Николаевича и ихъ Величествъ Императора и Императрицы Германскихъ, послѣдовало объявленіе о помолвкѣ. 6 Мая великогерцогское семейство съ августѣйшимъ женихомъ возвратились въ Шверинъ. Городъ былъ великолѣпно изукрашенъ русскими, мекленбургскими и нѣмецкими флагами, а вечеромъ освѣтился иллюминаціей, въ продолженіе которой всѣ улицы и площади были заняты многочисленными толпами, привѣтствовавшими высоконарѣченныхъ жениха и невѣсту.

Библиотека "Руниверс"

Индоволжская желѣзная дорога.

Цѣль желѣзныхъ дорогъ въ Среднюю Азію: 1) оживленіе этого края, закрѣпленіе его за Россіею и 2) торговля съ Индіею и Китаемъ, притомъ не только собственно русская, но и транзитная торговля всей Европы съ большею частію Азіи—черезъ Россію.

Всѣ проекты этихъ дорогъ дѣлятся на три группы, которыя могутъ быть названы—екатеринбургскою, оренбургскою и саратовскою. Изъ нихъ екатеринбургская представляется важнѣйшею для сношеній съ Сибирью и черезъ нея съ поморьемъ Великаго океана — сѣверовосточнымъ Китаемъ и Японіей. Оренбургская важнѣе для сношеній изъ Европейской Россіи съ Среднею Азіей и для будущихъ связей съ сѣверозападнымъ Китаемъ. А для сношеній большей части Россіи и всей западной Европы, черезъ Россію, съ Остъ-Индіей—саратовская линія настолько важнѣе обѣихъ выше названыхъ, что еслибъ онѣ обѣ уже существовали, то все-таки необходимо нужно было бы построить еще и саратовскую линію: на столько она короче и, для этой торговли, выгоднѣе всѣхъ другихъ. Для самой Средней Азіи и для государственныхъ нуждъ Россіи—эта важная линія незамѣнима восточными, гораздо болѣе кружными: на пути изъ Европы въ Индію саратовская линія короче оренбургской на девятьсотъ, екатеринбургской—на тысячу четыреста верстъ. Заявлено еще нѣсколько направленій къ юго-западу отъ Саратовскаго, но объ нихъ я теперь не намѣренъ распространяться. Всѣмъ имъ болѣе или менѣе свойственны слѣдующія качества: 1) отсутствіе безпрерывности, пересѣченіе морями, 2) переходъ съ запада на востокъ въ тѣхъ широтахъ гдѣ градусы долготы значительно длиннѣе *) и вслѣдствіе того увеличеніе разстоянія, 3) большія трудности для перехода черезъ горы на значительныхъ пространствахъ, 4) малонаселенность и бѣдность большей части этихъ странъ, принадлежащихъ народамъ невѣжественнымъ, государствамъ неблагоустроеннымъ; 5) нѣкоторыя изъ этихъ линій были проектированы съ цѣлію удалить отъ Россіи соединеніе Европы съ Индіею; но всѣ эти проекты тѣмъ несостоятельнѣе, чѣмъ болѣе удаляются отъ Россіи.

Перейдя Волгу у Саратова, моя саратовская линія направляется черезъ городъ Новый-Узень, до Калмыковской, на Уралѣ,—460 верстъ; далѣе по степямъ Уральской области, съ переходомъ черезъ рѣку Эмбу въ урочище Тугай-Камысъ и къ подъему на Усть-Уртъ между родниками Тщеайрикъ (дже—а) и Аще-айрикъ—около 470 верстъ; потомъ 440 в. по Усть-Урту, мимо озера Асмантая, до спуска черезъ Чинкъ, въ урочищѣ Айбугиръ. Все разстояніе отъ Саратова до Айбугира 1.370 в. по русской землѣ. Оттуда 250 в. по Хивинскому ханству—черезъ оба Ургенча, къ будущему мосту черезъ Аму-дарью, недалеко отъ города Питиляка въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка съуживается между крутыми берегами. Далѣе 170 в. по русскому берегу этой рѣки, долина которой въ этой части и на этомъ берегу свободна отъ песковъ. Потомъ 200 верстъ по бухарской землѣ, сначала вдоль Аму до города Кукертли, далѣе по твердому степному грунту поросшему травою и кустарникомъ, черезъ Сорбулакъ и городъ Чаршамбираумитанъ, къ городу Бухарѣ. Все разстояніе отъ Саратова до Бухары 1.990 в., или около двухъ тысячъ верстъ.

Отъ Бухары дорога въ Индію продолжается сначала 500 верстъ по бухарской землѣ, черезъ Карши, до Калач-аба, при впаденіи Кокши въ Аму-дарью; потомъ уже англійскій участокъ дороги: 240 в. по ханству Кундузъ, черезъ городъ Джермъ, до горнаго прохода Нуксанъ; 160 в. по Кафиристану, черезъ города Читраль и Міан-кала; 60 в. по англійскимъ владѣніямъ до города Пишавера; всего 460 верстъ. Все разстояніе отъ Бухары до Пишавера 960 в. Только на англійскомъ участкѣ, у границы Кундуза съ Кафиристаномъ, находятся такія горы, что тамъ нужны будутъ проконы, а все остальное пространство состоитъ почти исключительно изъ ровнинъ. На этомъ же англійскомъ участкѣ предстоитъ также необходимость, а можетъ быть и трудность поладить съ воинственными жителями Кафиристана, производящими свой родъ отъ грековъ Александра Македонскаго; но вѣроятно, окажется возможнымъ провести желѣзную дорогу черезъ ихъ землю, убѣдивъ ихъ къ тому не огненнымъ языкомъ войны, а мирными, добрыми вліяніями,—на это можно разсчитывать тѣмъ скорѣе, чѣмъ дружнѣе будутъ, въ этомъ случаѣ, дѣйствовать Россія и Великобританія вмѣстѣ. У Пишавера находится сѣверозападный конецъ обширной сѣти англійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ Индіи; уже готовая желѣзная дорога направляется отсюда черезъ Аттокъ въ Лягоръ (Lahore) и далѣе. Все разстояніе отъ Саратова до Пишавера 2.950 в., или отъ Волги у Саратова до Инда у Аттока три тысячи верстъ съ небольшимъ.

Отъ города Бухары прямо къ востоку собственно русская желѣзная дорога: 200 верстъ до Самарканда и 280 черезъ Чиназъ или 350 в. черезъ Ходжентъ—до Ташкента. Мѣстность отъ Джизака черезъ Ходжентъ и Пскентъ настолько важнѣе мѣстности по направленію черезъ Чиназъ, что ради того можно строить и ѣздить лишнихъ семдесятъ верстъ. Но не предрѣшая этого вопроса, а принимая ближайшее разстояніе между Самаркандомъ и Ташкентомъ, получимъ: отъ Ташкента черезъ Саратовъ до Москвы 3.278 в., а до города Орла (на пути въ западную Европу) 3.224 в. Если разстояніе между Оренбургомъ и Ташкентомъ принимать въ 1.900 верстъ, то окажется, что отъ Ташкента черезъ Саратовъ ближе, нежели черезъ Оренбургъ: до Москвы на 46, до Орла на 176 в. А линія черезъ Екатеринбургъ гораздо длиннѣе линіи черезъ Оренбургъ.

Разница въ пользу Саратова противъ другихъ сравниваемыхъ линій быстро увеличивается при замѣнѣ Ташкента другими пунктами, такъ: при замѣнѣ его Самаркандомъ прибавляется въ пользу Саратова *двойное* разстояніе между этими городами; а путь въ Индію черезъ Саратовъ ближе нежели:

	черезъ *Оренбургъ*.	*Екатеринбургъ*.
Отъ Москвы на	806 в.	982 в.
» Орла »	926 »	1.394 »

даже не направляя дороги изъ Самарканда на Бухару, а прямо на Карши.

Разстояніе отъ	Орла.			Отъ Москвы.		
до черезъ—	Саратовъ.	Оренбург.	Екатеринб.	Саратовъ.	Оренбург.	Екатеринб.
Ташкента. . .	3,224	3,390	3,858	3,278	3,324	3,500
Самарканда. .	2,944	3,670	4,138	2,998	3,604	3,780
Бухары. . . .	2,744	3,870	4,338	2,798	3,804	3,980
Пишавера. . .	3,704	4,630	5,098	3,758	4,564	4,740

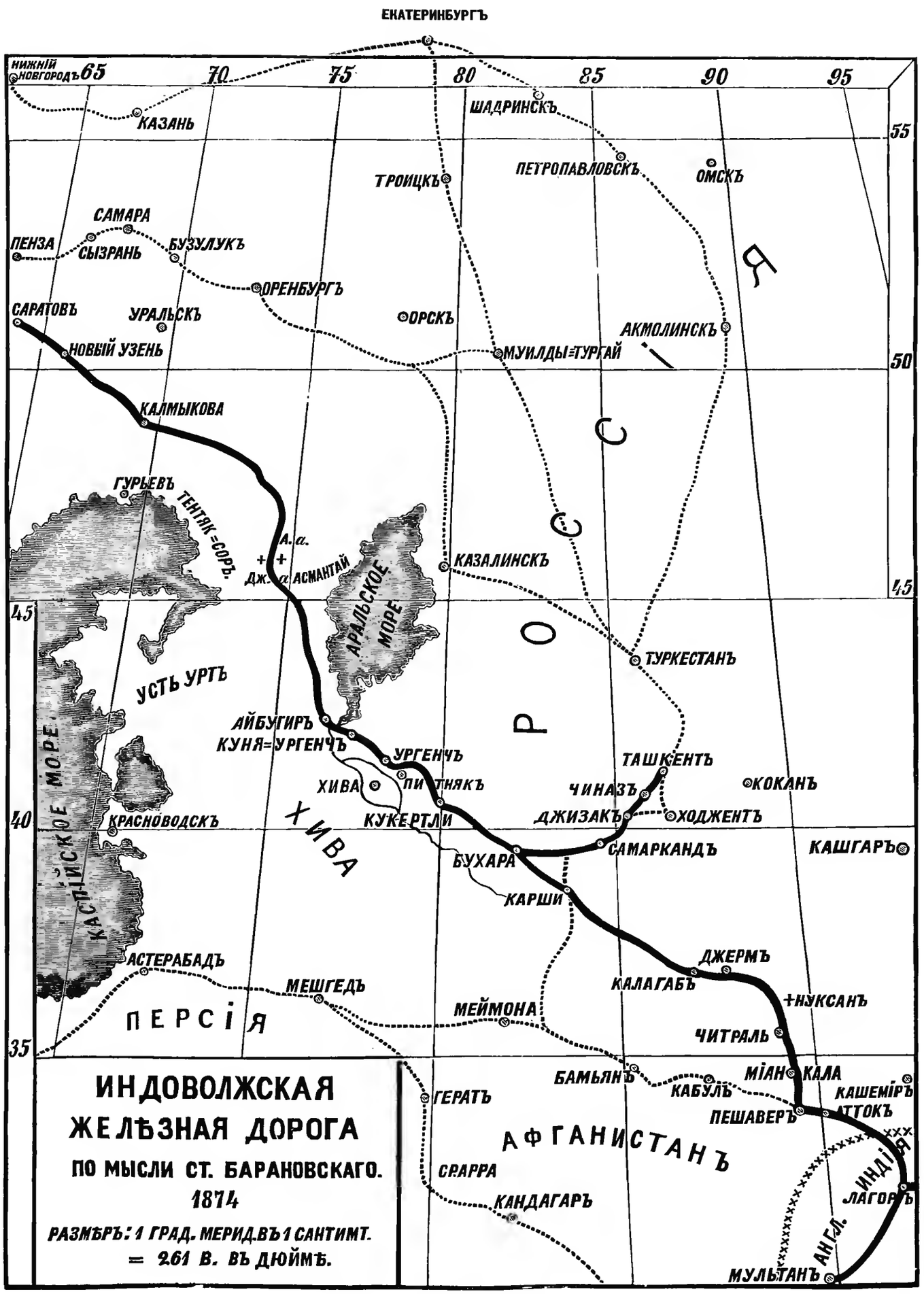
m: 3,324 — 3,278 = 46; *M*: 4,338 — 2,744 = 1,594.

Кромѣ своей относительной краткости, саратовская линія имѣетъ передъ обѣими Заральскими еще то важное преимущество, что проходитъ и черезъ Хивинскій оазисъ и черезъ городъ Бухару и сообщаетъ оба эти ханства на ближайшемъ пути съ центромъ Россіи.

На протяженіи почти въ три съ половиною тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, проектируемыхъ мною отъ Саратова черезъ Бухару до Пишавера и до Ташкента, значительныя горы находятся только на англійскомъ участкѣ — между городами Джермомъ и Пишаверомъ,—вообще только на той части, гдѣ не обойтись безъ проконовъ, по какой бы линіи ни направлять желѣзнодорожное сообщеніе Европы съ Индіей—черезъ Нуксанъ, Бамьянъ или Болаинъ. Самый большой мостъ — на Волгѣ, у Саратова, а мостъ черезъ Волгу необходимъ на каждомъ изъ трехъ направленій черезъ Россію; вообще, мостовъ немного. Болотъ рѣшительно нѣтъ никакихъ. Песковъ сыпучихъ почти нѣтъ, или для уклоненія отъ нихъ понадобятся весьма незначительные изгибы этой линіи—вообще замѣчательной своею прямизною, незначительностію искривленій прямой черты между Саратовомъ и Пишаверомъ. Но на этой линіи встрѣчаются обширныя пространства такихъ земель, гдѣ вѣроятно нужно будетъ устроивать искуственное водоснабженіе и для того прокладывать трубы водопровода и ставить водоподъемныя машины. Мѣстность представляетъ благопріятныя условія для удовлетворительнаго разрѣшенія этой задачи такъ, чтобы возможно было снабжать всѣ станціи и всѣ сторожки хорошею прѣсною водою въ количествѣ достаточномъ не только для развитія паровыхъ силъ, не только для жителей станцій и ихъ домашнихъ животныхъ, но и для постояннаго орошенія огородовъ, садовъ, пашенъ и сѣнокосовъ при всѣхъ станціяхъ, какія будутъ находиться на этихъ маловодныхъ пространствахъ, гдѣ кочевые туземцы и проходящіе караваны довольствуются водою изъ колодцевъ. Единовременный расходъ на устройство искуственнаго водоснабженія, разложенный равномѣрно на всю линію въ двѣ тысячи верстъ—отъ Саратова до Бухары—можетъ увеличить поверстную стоимость дороги процентовъ на восемь. Постоянный расходъ на водоснабженіе будетъ, разумѣется, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ больше жителей будетъ находиться при каждой станціи и чѣмъ большее число поѣздовъ будетъ въ постоянномъ движеніи; но естественно, что чѣмъ больше будетъ требоваться воды, тѣмъ дешевле она будетъ становиться, потому что, при неизчерпаемости воднаго источника дарованнаго природою страны, очевидно: для того, чтобы напр. удвоить ежедневный расходъ воды изъ водопровода, не понадобится удвоивать издержки на поднятіе воды, а только увеличивать въ соразмѣрности. Главный водопроводъ проляжетъ по Усть-Урту, воду же въ него прійдется подымать изъ Аму-дарьи, пустивъ ее опять въ тотъ самый протокъ Лауданъ, по которому она—за двѣнадцать лѣтъ донынѣ—проходила въ бывшее озеро Айбугиръ; легко можно устроиться такъ, чтобы на будущее время Лауданъ былъ постояннымъ проводникомъ воды изъ Аму-дарьи къ тому мѣсту въ урочищѣ Айбугиръ, гдѣ будутъ находиться паровыя водоподъемныя машины для нашего водопровода. Покрытіе этой постоянной издержки должно получаться изъ сборовъ за провозъ пассажировъ и кладей; очевидно, что чѣмъ больше будетъ и тѣхъ и другихъ, тѣмъ на большее число единицъ будетъ разлагаться добавочная издержка по водоснабженію и тѣмъ нечувствительнѣе становиться для каждой. Къ тому-же, естественно, тарифъ будетъ однообразнымъ для цѣлой линіи; слѣдовательно—лишняя издержка на водоснабженіе, если-бы требовалась даже для цѣлой четверти разстоянія, то, разлагаясь на всю линію и тѣмъ раздѣляясь на четыре, она будетъ тѣмъ меньшею на каждую версту. Кромѣ того — добавочный расходъ на водоснабженіе мо-

*) Примѣч. Каждый градусъ долготы подъ 50° с. ш. имѣетъ 67 верстъ, а подъ 25° 95 верстъ.

Библиотека "Руниверс"



Карта Индо-волжской желѣзной дороги. Проектъ Ст. Барановскаго.

Библиотека "Руниверс"

жетъ быть вознаграждаемъ уменьшеніемъ по другимъ статьямъ расходовъ, какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ, вслѣдствіе мѣстныхъ особенностей края. Въ числѣ такихъ особенностей достаточно указать на то, что, вмѣсто покупки земель подъ полотно дороги, тутъ должна быть—на большей части протяженія—продажа земель по обѣ стороны линіи, въ пользу дороги. А изъ постоянныхъ расходовъ, благодаря климату, значительна будетъ экономія на починку дороги и ея принадлежностей. Итакъ, возможно, что несмотря на увеличенный разходъ по водоснабженію, тарифъ этой желѣзной дороги будетъ ничуть не дороже, какъ и на другихъ дорогахъ нашихъ.

Если разсматривать три линіи—екатеринбургскую, оренбургскую и саратовскую—какъ мѣстныя дороги, то конечно, каждую изъ нихъ можно построить и эксплоатировать такъ хозяйственно, чтобы доходами покрывались расходы и производилось погашеніе затраченнаго капитала. Трудно напередъ поручиться — которая изъ этихъ трехъ линій, въ такомъ случаѣ, была-бы болѣе выгодною, или хоть менѣе убыточною; но вопросъ тотчасъ является въ мномъ свѣтѣ, какъ только наступитъ та желанная и неизбѣжная пора, когда сѣть желѣзныхъ дорогъ остъиндскихъ соединится съ такою-же, только гораздо большею, сѣтью европейскою: тогда непремѣнно почувствуется неотразимая потребность въ саратово-бухарской линіи, незамѣнимой никакою другою,—и на эту дорогу не только не понадобится никакихъ доплатъ отъ казны по гарантіи доходовъ, но и по линіямъ уже существующимъ подобныя доплаты прекратятся въ той мѣрѣ, какъ онѣ войдутъ въ болѣе или менѣе живую связь съ индоевропейскою торговлею. Основаніемъ для такихъ надеждъ можетъ послужить слѣдующій расчетъ. На основаніи офиціальныхъ данныхъ, обнародованныхъ нашимъ Министерствомъ Финансовъ, годичный оборотъ индоевропейской морской торговли, въ 1872-мъ году, простирался цѣною на сумму въ 660.000.000 рублей, а на основаніи англійскихъ данныхъ — доходилъ, по вѣсу, до 358,750.000 пудовъ или 5.763.000 тоннъ. Если предположить, что на рельсовый путь поступитъ лишь одна пятая часть этого количества, то ужъ это дастъ 71,750,000 пудовъ. Принимая среднюю цѣну за провозъ товаровъ по $^1/_{30}$ коп. съ пудоверсты (это средняя цѣна по существующимъ тарифамъ), получимъ поверстный валовой сборъ 23,583$^1/_3$ рубля въ годъ, т. е. уже во одной этой уплатѣ за транзитъ наша дорога будетъ уступать полному сбору только на одной изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—на Николаевской, превосходя и Московско-Рязанскую и всѣ остальныя желѣзныя дороги въ Россіи. Но кромѣ транзита будетъ же и русскій и мѣстный товаръ, да еще и пассажиры; если сборъ со всего этого считать только въ одну треть вышеприведенной цифры за транзитъ, то валовой сборъ индоволжской желѣзной дороги составитъ уже 31,444 р. въ годъ на каждую версту; а теперь и на Николаевской дорогѣ валовой приходъ на версту составилъ въ 1872 году только 27,767 рублей. Предметомъ вывоза изъ Индіи будетъ, разумѣется, не то, что теперь въ Средней Азіи называется «бомбейскимъ товаромъ», (т. е. по большей части мануфактурныя произведенія, привозимыя моремъ изъ Европы въ Бомбей), а собственно произведенія Индостана, отправляемыя въ Европу,—если-же европейскія, то привозимыя въ Индію, транзитомъ черезъ Россію.

Индоволжская желѣзная дорога окажетъ громадное вліяніе на всю Россію, возвеличивъ ее и возвысивъ ея торговое значеніе. Теперь мы, для своихъ торговыхъ сношеній съ Остъ-Индіею, пользуемся еще посредничествомъ Англіи и Голландіи; тогда-же наоборотъ—Великобританія и Нидерланды будутъ со своими владѣніями, омываемыми Индѣйскимъ океаномъ, сноситься черезъ Россію—прямѣйшимъ, ближайшимъ, скорѣйшимъ, удобнѣйшимъ и безопаснѣйшимъ путемъ по желѣзной дорогѣ черезъ Саратовъ на Волгѣ и Аттокъ на Индѣ. До какой степени для этой дороги не будетъ опасно соперничество морскихъ путей черезъ Суезъ и вокругъ мыса Доброй-Надежды, легко въ томъ убѣдиться изъ соображенія слѣдующихъ обстоятельствъ.

Возьмемъ примѣръ намъ очень близкій: Финскій заливъ служитъ издавна широкимъ путемъ для морской торговли; тѣмъ не менѣе—вдоль береговъ этого залива построены и небезвыгодно существуютъ двѣ желѣзныя дороги отъ С.-Петербурга—сѣверная до Гангеудда, южная до Балтійскаго порта. Обѣ эти линіи не короче, а каждая длиннѣе морскихъ путей по Финскому заливу; тѣмъ не менѣе соперничество между рельсами и моремъ оказывается рѣшительно въ пользу первыхъ, какъ видно изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ, а именно: Разстояніе отъ С.-Петербурга до Гельсингфорса — моремъ 283 версты, по желѣзной дорогѣ 413 верстъ, значитъ—130 верстъ въ пользу моря, и однако: до открытія желѣзной дороги цѣна за мѣста на пароходахъ была отъ 4-хъ до 13 рублей за мѣсто; а по открытіи желѣзной дороги, теперь отъ 2-хъ до 7-ми р., при цѣнѣ въ вагонахъ отъ 4 р. 13 к. до 12 р. 39 к. за мѣсто. При всемъ томъ пароходство поддерживается тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что пароходы отходятъ и приходятъ въ началѣ дня; а поѣзды желѣзныхъ дорогъ отходятъ утромъ, но приходятъ только вечеромъ и въ Гельсингфорсъ и въ С.-Петербургъ; а вечерній пріѣздъ для многихъ неудобенъ. До какой степени это обстоятельство важно — показываетъ примѣръ на той-же линіи: между С.-Петербургомъ и Выборгомъ на желѣзной дорогѣ бываетъ въ каждый конецъ по два поѣзда въ день, и въ слѣдствіе того — пассажирское пароходство между этими городами прекратилось, находя для себя невозможнымъ соперничать съ желѣзною дорогою.

Помня эти положительныя данныя, сравнимъ между собою сухопутные и морскіе пути изъ Европы въ Индію. Изъ русскихъ портовъ теперь для этой торговли всѣхъ важнѣе Одесса; въ Индіи соотвѣтственное мѣсто — городъ Бомбей. Все разстояніе между Одессою и Бомбеемъ 7,600 в. моремъ черезъ Суезъ. На той линіи желѣзной дороги, по которой Европа будетъ черезъ Саратовъ сообщаться съ Индіей, находятся: на одномъ меридіанѣ съ Одессою, только на 8 и на 9 градусовъ сѣвернѣе: города Орша и Витебскъ; въ Индіи же — на одномъ меридіанѣ съ Бомбеемъ, только на 12 градусовъ сѣвернѣе — Лягоръ (Lahore). Разстояніе между Оршею (или Витебскомъ) и Лягоромъ—по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Саратовъ 4.600 верстъ, т. е. тутъ рельсовый путь на три тысячи верстъ короче морскаго. Сравнимъ плату за перевозку: Русское Общество пароходства и торговли беретъ за мѣсто на пароходѣ между Одессою и Бомбеемъ отъ 66 до 395 рублей; а по желѣзнымъ дорогамъ—за проѣздъ между Лягоромъ и Оршею, или Витебскомъ, прійдется платить отъ 46 до 138 рублей за мѣсто. Правда, въ счетъ платы за каюту перваго класса входятъ и три рубля въ сутки за столъ; что составляетъ на весь переѣздъ 150 р., а за перевозку собственно 240 р.; но и 240 болѣе 138, да кромѣ того, очевидно, что путешественникъ черезъ Саратовъ не принужденъ издерживать на съѣстное 155 рублей, а можетъ удовольствоваться гораздо меньшею суммою, тѣмъ болѣе что и въ пути-то онъ пробудетъ, какъ разъ, впятеро менѣе времени, нежели на переѣздѣ моремъ изъ Бомбея черезъ Суезъ. Между Оршею и Лягоромъ уже находится 1.650 в. готовой желѣзной дороги, остается только построить еще 2950 в. между Саратовомъ и Нишавеpомъ—и тогда?.. не трудно уже и теперь предвидѣть: которому изъ двухъ путей—морскому или желѣзному—труднѣе будетъ соперничать. Другой примѣръ: отъ Калькутты до Калэ моремъ черезъ Суезъ и Гибралтаръ 14.200 в.; по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Саратовъ и Берлинъ—8,900 в. Взаимныя отношенія точно такія же, какъ и при сравненіи Одессы и Бомбея съ Оршей-Лягоромъ, т. е.: желѣзный путь, по длинѣ, относится къ морскому какъ 38 къ 62; легко заключить: опасно-ли и въ этомъ случаѣ для нашей индоволжской линіи соперничество морскихъ путей? Кромѣ краткости разстоянія, въ пользу нашей желѣзной дороги, сравнительно съ морскимъ путемъ, представляются еще слѣдующія соображенія: 1) ѣзда по рельсамъ значительно скорѣе, нежели по водѣ, а время дорого. 2) Наша желѣзная дорога только близъ Аллахабада переходитъ въ тропическую страну, а почти всею своею длиною пролегаетъ въ климатѣ умѣренномъ; морской же путь, на цѣлую половину своей длины, находится въ предѣлахъ жаркаго пояса, съ его ужасными ураганами и другими поводами къ возвышенію страховыхъ премій, какъ по жизненныхъ, такъ и по перевозкѣ товаровъ. И еще: 3) корабли и пароходы принуждены ограничиваться товарами и пассажирами только дальняго переѣзда; а поѣзды желѣзныхъ дорогъ обыкновенно почти на каждой станціи отпускаютъ и принимаютъ какъ пассажировъ, такъ и грузы: важное преимущество!

Въ политическомъ отношеніи саратово-бухарская линія желѣзной дороги будетъ важна тѣмъ, что она рѣшительнѣе всякой другой способна доставить Средней Азіи полное замиреніе, а нашему вліянію тамъ надлежащую прочность. Вмѣстѣ съ тѣмъ она болѣе всякой другой способна подчинить Среднюю Азію господству нашихъ таможенныхъ постановленій, тѣмъ содѣйствовать развитію и процвѣтанію русской промышленности и черезъ то увеличенію народнаго благосостоянія въ нашемъ государствѣ.

Вообще желѣзнодорожное сообщеніе Европы съ Индіей черезъ Россію должно особенно благотворно дѣйствовать на упроченіе дружескихъ отношеній между Англіею и Россіей, между этими двумя державами, которымъ выпала на долю одинаковая судьба: быть проводниками христіанской образованности въ другія части свѣта. Находясь на двухъ противуположныхъ сторонахъ Европы, эти обѣ державы стремились каждая своимъ путемъ къ исполненію исторической задачи—одна черезъ моря, другая черезъ степи; и вотъ теперь имъ предстоитъ сойтись близъ Гималаевъ, на верхнемъ теченіи Аму-дарьи, сойтись для того, чтобы впредь, не ревнуя, а соревнуя, дружно, вмѣстѣ стремиться къ достиженію общей для нихъ, возвышенной цѣли: быть провозвѣстниками вѣчной истины и мира, распространителями и утвердителями христіанской гражданственности въ Азіи.

Противъ желѣзныхъ дорогъ черезъ Среднюю Азію говорятъ: «нужнѣе намъ дороги внутри Россіи, да и тѣ трудно строить, потому что уже существующія ж. д. приносятъ слишкомъ малый доходъ, требуютъ доплатъ отъ казны по гарантіи акцій и облигацій». Но почему же это такъ? отчасти потому, что у нашей сѣти желѣзныхъ дорогъ только одинъ конецъ—на западѣ и нѣтъ другаго на востокѣ, гдѣ естественные концы ея должны быть на берегахъ океановъ Индѣйскаго и Великаго; у перваго изъ нихъ уже и готова сѣть желѣзныхъ дорогъ, развитіемъ неуступающая нашей русской. Соедините Волгу съ Индомъ—и прекратится малодоходность какъ восточныхъ концовъ европейской сѣти (въ Россіи), такъ и сѣверо-западныхъ концовъ остъ-индской сѣти желѣзныхъ дорогъ; тогда явится возможность и сильнѣе нынѣшняго почувствуется надобность въ сооруженіи еще многихъ желѣзныхъ дорогъ внутри Россіи; а что въ этомъ отношеніи намъ остается еще многое впереди—ясно изъ слѣдующей таблички.

Библиотека "Руниверс"

Въ 1872 году было:

Въ государствахъ.	Жителей.	Геогр. кв. миль пространства	Верстъ желѣзн. дорогъ.	По одной верстѣ ж. д. приходилось на чел. жит.	десят. зем.
Европейской Россіи	74,234,745	94,151	13,680	5,287	35,000
Англіи съ Валлисомъ	22,704,108	2,748	16,767	1,354	835
Соед. Шт. Сѣв. Ам.	35,558,371	169,884	104,284	340	8,301

Чтобы видѣть какъ далеко мы отстали отъ тѣхъ и другихъ нашихъ друзей, стоитъ: для сравненія съ Англіею раздѣлить 35,000 на 835, а для сравненія съ Сѣвероамериканскими Соед. Штатами 5,287 на 340; оказывается: намъ, чтобы сравняться съ англичанами нужно увеличить свою сѣть почти въ 42 раза, а чтобы сравняться съ сѣвероамериканцами—въ 15 разъ. Слѣдовательно, нечего намъ бояться какъ бы не настроить слишкомъ много желѣзныхъ дорогъ! Вся наша забота должна быть лишь о томъ, чтобъ строить дороги хозяйливо и хорошо, да еще о томъ, чтобъ строить ихъ въ естественномъ порядкѣ, т. е.: не отлагать въ даль такія дороги, которыя нужно построить какъ можно скорѣе; а къ числу такихъ принадлежитъ, на первомъ планѣ, моя индоволжская желѣзная дорога—соединеніе Саратова черезъ Бухару съ Пишаверомъ.

Это соединеніе, въ три тысячи верстъ желѣзной дороги, свяжетъ между собою двѣ четверти рода человѣческаго: триста миліоновъ европейцевъ съ тремя стами миліонами азіатцевъ; изъ этихъ послѣднихъ 240 миліоновъ живутъ въ англійской Остъ-Индіи, остальные же въ Средней Азіи, частію въ русскихъ и вообще въ перечисленныхъ владѣніяхъ, частію въ сосѣднихъ съ ними: Коканѣ, Кашгарѣ, Кашемирѣ, Кабулистанѣ и вообще на полосѣ земель — включительно отъ Афганистана до Бирмановъ, ближайшихъ сосѣдей Ассама, теперь уже вошедшаго въ составъ Остъ-Индскихъ владѣній Великобританіи. Почти цѣлая половина рода человѣческаго, занимающая страны, различныя по своимъ естественнымъ богатствамъ, будетъ сообщаться — одна четверть съ другою — по нашей индоволжской желѣзной дорогѣ; возможенъ ли тутъ недостатокъ пассажировъ и кладей? Возможно-ли, хоть сколько нибудь уважая своихъ читателей или слушателей, упѣрять, что индоволжской желѣзной дороги не слѣдуетъ строить, потому что по ней некому будетъ ѣздить и нечего возить? Тѣмъ не менѣе, такая мысль была торжественно высказана и въ подтвержденіе ея приводилась невѣроятная и невѣрная вѣсть о томъ, будто англичане, уже построивъ 386 верстъ желѣзной дороги отъ Лягора до Пишавера, рѣшились не пользоваться ею—въ виду того, что за Пишаверомъ, близко отъ этого города начинается—впрочемъ давно и хорошо извѣстная англичанамъ—страна бѣдная, но занятая такими разбойниками, которые недавно убили даже одного англійскаго майора за то, что онъ въѣхалъ въ ихъ землю! Это послѣднее событіе—т. е. убійство — дѣйствительная быль; но ссылка на него сдѣлана была только для того, чтобы показать будто англичане должны бояться афгановъ и слѣдовательно—не начинать ѣзды по своей уже готовой желѣзной дорогѣ изъ Лягора въ Пишаверъ! Это указаніе на убитаго майора было также эффектно, какъ и проведеніе, на словахъ, моей индоволжской линіи—на десятки и даже на сотни верстъ въ сторону отъ яснаго изображенія ея на вывѣшенной картѣ; а это уклоненіе въ сторону дѣлалось для того, чтобы въ непроходимыхъ болотахъ утопить индоволжскую желѣзную дорогу. Но на эти споры нестоитъ тратить дорогое время! Только по случаю указанія на несчастіе, постигшее неосторожнаго англійскаго майора, припомнимъ извѣстный историческій законъ: для того, чтобъ образованныхъ народовъ принуждать къ покоренію свирѣпыхъ оборвышей, у этихъ послѣднихъ всегда бываетъ столько невѣжественнаго задора, чтобы принуждать своихъ сосѣдей къ завоеваніямъ. Этотъ законъ человѣческихъ судебъ долженъ быть особенно хорошо извѣстенъ какъ русскимъ, такъ и англичанамъ, болѣе невольнымъ, нежели охотнымъ завоевателямъ многихъ странъ—въ томъ числѣ и въ Средней Азіи, гдѣ имъ предстоитъ, сошедшись надъ Аму рѣкою, тамъ сказать другъ другу христіанское «миръ вамъ!»

Въ заключеніе еще одно обстоятельство достойно вниманія! Про Екатеринбургъ неизвѣстно еще, скоро ли онъ сомкнется съ общею сѣтью нашихъ желѣзныхъ дорогъ; про Оренбургъ, хоть это и можно уже считать приблизительно извѣстнымъ, но очевидно, что къ началу сооруженія желѣзной дороги между Оренбургомъ и Ташкентомъ едва ли можно приступить, пока не будетъ близка къ своему окончанію постройка дороги между Оренбургомъ и Сызранью; а у Саратова иное дѣло: тутъ готовый рельсовый путь уже въ городѣ, у Волги; къ постройкѣ линіи отъ Саратова до Нового-Узеня можно приступить хоть сейчасъ-же, безотлагательно, и между тѣмъ произвести въ томъ же году надлежащія техническія изысканія для желѣзной дороги до Бухары. Англичане тогда съ своей стороны не замедлятъ заняться своимъ участкомъ отъ Пишавера къ Аму рѣкѣ. Такимъ образомъ рѣшительно можно утверждать, что съ той поры, какъ начнутся работы для желѣзной дороги отъ Саратова къ Новому-Узеню, лѣтъ черезъ пять, рельсовое сообщеніе Европы съ Индіей черезъ Россію будетъ окончательно готово.

Ст. Барановскій.

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

(Продолженіе).

— Эко войско-то!.. ворчалъ одинъ изъ казаковъ,—ну нѣшто такъ стоятъ въ цѣпи? А еще дворяне: панами, тоже, называются!

Согнувшись и ведя лошадей въ поводу, русскіе подошли къ самымъ джарскимъ заборамъ; тутъ Карелинъ оставилъ въ канавѣ казаковъ, а самъ, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ по шоссейной дорогѣ, ведущей на панскій дворъ. Оттуда доносились крикъ и пѣніе; по всѣмъ джарскимъ улицамъ были огни, и въ туманѣ мелькали конныя и пѣшія фигуры.

Карелинъ сообразилъ, что ни одному изъ поляковъ не можетъ прійти въ голову мысль, чтобы русскій драгунъ могъ очутиться одинъ такъ близко отъ нихъ,—а еслибъ они и замѣтили его, то темнота и туманъ не позволили-бы имъ разсмотрѣть костюма, и онъ навѣрное былъ бы принятъ за одного изъ жандармовъ народоваго жонда. Всѣ эти соображенія заставили его смѣло ѣхать впередъ и, если будетъ возможно, то пробраться садами къ самому палацу.

Пристально всматриваясь впередъ, онъ не замѣтилъ, какъ у околицы, совершенно неожиданно, подъѣхалъ къ нему какой-то конный, и громко окликнулъ его по польски:

— Кто ѣдзе?

Карелинъ вздрогнулъ, но тотчасъ же отвѣчалъ по польски, что «то свой».

— Лозунгъ, пане добродзее?...

Что было отвѣчать на подобный вопросъ? Угадать не было возможности; оставалось одно средство отдѣлаться—смерть.

Выхвативъ шашку, Карелинъ быстро бросился на поляка. Тотъ выстрѣлилъ изъ пистолета почти въ упоръ и понесся къ деревнѣ.

Выстрѣлъ и почти надъ самымъ ухомъ провизжавшая пуля—до того разгорячили Карелина, что онъ, забывшись, поскакалъ за повстанцемъ и черезъ нѣсколько шаговъ очутился у него на хвосту. Полякъ повернулся на сѣдлѣ, и выхвативъ изъ за плечъ винтовку, шнырнулъ ее подъ ноги Алмазу. Ударъ пришелся по колѣнямъ коня; онъ упалъ, тотчасъ же вскочилъ на ноги и снова рванулся впередъ. Еще секунда — и полякъ, съ разрубленнымъ на двое лицомъ, тяжело повалился на дорогу.

На выстрѣлъ прискакали казаки. Одинъ изъ нихъ подхватилъ за поводья лошадь убитаго, и всѣ трое поскакали назадъ. За ними, какъ гончія собаки, неслись польскіе кавалеристы; но горбоносые донцы и русскій драгунскій конь скакали лучше. Минутъ черезъ десять отчаянной скачки, преслѣдованіе прекратилось. Скакать прямо въ Заболотцы было невозможно, потому что встревоженная шумомъ цѣпь не пропустила-бы ихъ вторично такъ-же благополучно.

Надо было сдѣлать почти десятиверстный кругъ;—и только съ разсвѣтомъ, на совершенно измученныхъ, едва волочащихъ ноги лошадяхъ, явились они въ Заболотцы къ отряду. Рекогносцировка не удалась...

Рѣшено было немедленно идти къ Джарамъ и атаковать поляковъ. Планъ атаки былъ слѣдующій: Драгуны должны были ворваться въ селеніе мимо панскаго сада; въ этомъ пунктѣ было очень мало строеній, и кавалеристы могли удобно проскакать къ рѣкѣ. Здѣсь они должны были спѣ-

Библиотека "Руниверс"

шиться и занять спускъ къ броду. Такъ какъ Бугъ въ Джарахъ удобопереходимъ только въ одномъ мѣстѣ, то, занявъ бродъ, драгуны не допустили-бы повстанцевъ спасаться, въ случаѣ пораженія, въ Галицію. Пѣхота же должна была, одновременно съ обходнымъ движеніемъ драгунъ, атаковать селеніе. Правда, мы могли наткнуться на силы значительно превышающія составъ нашего отряда, но за то неожиданность нападенія и превосходство оружія служили значительнымъ обезпеченіемъ успѣха атаки.

Покуда собралась цѣпь, прошло около четверти часа. Отрядъ успѣлъ уже выстроиться, и мы быстро пошли къ Джарамъ.

Такъ какъ драгунамъ предстоялъ небольшой обходъ, то они, тотчасъ же по выходѣ изъ Заболотцевъ, отдѣлились отъ пѣхоты и пошли на рысяхъ, огибая Джарскій перелѣсокъ.

Отдохнувшіе пѣхотинцы шли почти бѣгомъ, и минутъ черезъ двадцать, сквозь сѣрый утренній туманъ, показались неясные контуры джарскихъ крышъ.

Польской передовой цѣпи уже не было на томъ мѣстѣ, гдѣ ее ночью встрѣтилъ Карелинъ. Въ самыхъ Джарахъ рѣшительно не было замѣтно ни какого движенія. Съ панскаго двора несся крикъ пѣтуховъ; гдѣ-то скрипѣли ворота; у колодца мычала корова; однимъ словомъ, мы слышали все самые мирные звуки, изобличающіе полное отсутствіе всякой воинственности.

Ясно было, что поляки вышли изъ Джаръ. Весь вопросъ заключался въ томъ: отступили-ли они обратно въ Галицію, или пошли, по границѣ, къ Самоволью; больше имъ некуда было дѣться мимо нашего отряда.

Мигомъ разлетѣлись козаки по деревнѣ—собирать необходимыя свѣдѣнія. Оба Мацпевы поскакали съ ними. Мы стояли въ странномъ недоумѣніи, а между тѣмъ, стало совершенно свѣтло, и мы видѣли вокругъ себя свѣжіе слѣды пребыванія поляковъ. Тамъ лежали сломанныя сабельныя ножны, въ другомъ мѣстѣ чернѣли остатки костра; по грязной улицѣ была разбросана солома и цѣлые овсяные снопы; кое-гдѣ разобраны плетни и заборы,—и мы съ любопытствомъ отыскивали и разсматривали эти признаки ночной стоянки войскъ народоваго жонда.

А между тѣмъ, разосланные казаки стали понемногу собираться къ отряду. Отыскали человѣкъ шесть крестьянъ, разбѣжавшихся отъ страху изъ селенія; они намъ сообщили, что ушли изъ Джаръ еще вчера, вечеромъ, какъ только увидѣли повстанцовъ на противуположномъ берегу Буга, и всю ночь наблюдали за ними изъ выселокъ «Малые Джарки». Между прочимъ, они намъ разсказывали, что поляковъ, сколько они могли замѣтить, «было не мало» и конныхъ и пѣшихъ, что съ ними было много крестьянскихъ повозокъ—и что именно это-то послѣднее обстоятельство и заставило крестьянъ бѣжать изъ Джаръ и увести съ собой рабочихъ лошадей, чтобы поляки не забрали ихъ для своихъ потребностей, что случалось довольно часто, и они уже научены были собственнымъ опытомъ. Они говорили, что передъ самымъ разсвѣтомъ слышали въ Джарахъ шумъ и выстрѣлъ, а потомъ замѣтили большую суматоху по улицамъ, послѣ чего поляки начали собираться и выходить изъ деревни, по самовольской дорогѣ, на Волчій постъ.

Эти свѣдѣнія были довольно обстоятельны. Мы ясно видѣли, что вся банда, очень не задолго передъ нашимъ приходомъ, выступила по границѣ. Надо было, не теряя ни минуты, идти за нею слѣдомъ.

Еще выступая изъ Порицка, маіоръ Ильченко разослалъ съ казаками записки къ дружкопольскому начальнику отряда и въ штабъ сѣверо-западнаго отряда, въ Устилугъ. Разстоянія отъ того и другого пунктовъ были не менѣе сорока верстъ; значить, подкрѣпленіе могло прійти не ранѣе десяти часовъ утра. Было уже семь. Мы ожидали скораго прибытія свѣжихъ силъ, а потому рѣшено было отнюдь не выпускать изъ вида польской партіи и идти, какъ говорится, по пятомъ, не допуская ее перейти обратно за-границу.

Въ авангардъ назначенъ былъ, опять-таки, второй полуэскадронъ, и къ нему человѣкъ пятнадцать козаковъ. Весело раздалась команда: «справа, по три, рысью»,—и драгуны, осматривая на ходу штуцера, потянулись по свѣжимъ слѣдамъ банды. Пройдя съ четверть версты, они повернули къ лѣсу, и скоро скрылись изъ виду, за первыми лѣсными группами.

Минутъ черезъ пять тронулись и остальные, какъ вдругъ мы замѣтили, что отъ малыхъ Джаръ быстро приближается къ намъ небольшой конный отрядъ. Это былъ второй эскадронъ нашего полка, который квартировалъ въ Устилугѣ, и получивъ извѣстіе отъ насъ изъ Порицка, однимъ молодецкимъ переходомъ прошелъ сорока-верстное разстояніе до Джаръ, и явился къ намъ тремя часами ранѣе нежели мы могли ожидать его. Лошади этого эскадрона сильно устали; надо было, непремѣнно, хотя немного освѣжить ихъ и оправить сѣдловку. Скомандовали: «слѣзай»! А для того чтобы Карелинъ съ авангардомъ, вслѣдствіе этой неожиданной остановки, не могъ далеко уйдти отъ отряда,—Ильченко послалъ къ нему казака, съ приказаніемъ остановиться...

Обратимся же къ авангарду. Лишь только онъ отдѣлился отъ отряда, какъ на каждомъ шагу начали попадаться признаки только что-прошедшей банды. Безчисленные слѣды конскихъ копытъ были перемѣшаны съ слѣдами пѣшихъ; вся середина дороги была глубоко изрѣзана колесами тяжело-нагруженныхъ повозокъ; кой-гдѣ валялись потерянныя подковы, брошенная за негодностью, стоптанная обувь, и наконецъ, только-что выпряженная, вѣроятно приставшая, лошадь, стоя у куста березника, жадно глодала мокрые отъ дождя и пожелтѣвшіе листья. Всѣ эти признаки близости поляковъ видимо разгорячали нашихъ драгунъ. Уже нѣсколько разъ приходилось Карелину обращаться къ полуэскадрону съ командами: «поводь! покойнѣе! не скакать»! какъ вдругъ до него донесся короткій сухой звукъ выстрѣла. Ему страннымъ показалось обстоятельство, что выстрѣлъ этотъ былъ слышанъ сзади,—оттуда, гдѣ долженъ былъ находиться нашъ отрядъ. Впрочемъ, развѣ не могъ кто нибудь изъ пѣхотинцевъ выстрѣлить по неосторожности, тѣмъ болѣе что это случается довольно часто, особенно съ молодыми солдатами, при осмотрѣ ружей на ходу. Остановившись именно на этой причинѣ, Карелинъ не обратилъ особеннаго вниманія на выстрѣлъ, и продолжалъ идти съ авангардомъ впередъ, разсчитывая скоро увидѣть всю польскую партію.

Отдѣлившись шаговъ на сто отъ драгунъ, ѣхали впереди два казака; лошади надъ ними начали пугливо поводить ушами, и вдругъ обѣ шарахнулись всторону; казаки едва усидѣли на сѣдлахъ. Близь самой дороги, у куста, положивъ около себя свою двустволку, сидѣлъ высокій худощавый повстанецъ; онъ переобувался—и страшно озадачился, увидѣвъ передъ собой двѣ ненавистныя ему казачьи фигуры. Быстро вскочилъ онъ на ноги, схватилъ свое ружье и прицѣлился въ одного изъ донцовъ; но въ ту же секунду обѣ пики впились ему въ туловище. Полякъ дрогнулъ, судорожно схватился руками за древки пикъ, и мертвый повалился на землю.

Все это было дѣломъ менѣе нежели секунды. Проходя мимо тѣла, драгуны отворачивались отъ него; имъ было непріятно смотрѣть на этотъ худой, длинный трупъ, обезображенный агоніей внезапной смерти.

Это, по видимому, пустое и обыкновенное въ военное время обстоятельство, странно подѣйствовало на расположеніе духа солдатъ. Веселая оживленность тотчасъ же уступила мѣсто тяжелому, тоскливому чувству; у каждаго изъ нихъ промелькнуло въ головѣ, что черезъ нѣсколько минутъ прійдется можетъ-быть и самому валяться коченѣя въ грязи, съ разрубленнымъ черепомъ или пробитою пулей грудью.

Все время нашъ авангардъ шелъ по просѣкѣ шириною сажень въ сорокъ; эта ширина была какъ разъ достаточна для того, чтобы развернуть полуэскадронъ для атаки, имѣя на флангахъ казаковъ. Справа и слѣва тянулся полу-обнаженный отъ листьевъ вѣковой лѣсъ; между громадными стволами дубовъ и буковъ, росъ мелкій кустарникъ орѣшника и березника, что мѣшало-бы кавалеристамъ проходить лѣсомъ

Библиотека "Руниверс"

Лѣсъ. Пейзажъ Ю. Клевера. Рис. на деревѣ Коверзневъ, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

помимо дороги; а между тѣмъ пѣхотинцы могли дѣйствовать въ немъ совершенно удобно. Такъ какъ нашъ авангардъ состоялъ изъ драгунъ, то его и не затрудняла эта неудобопроходимость лѣса; въ случаѣ надобности, Карелинъ всегда могъ спѣшить людей—и съ выгодою воспользоваться этими самыми кустарниками. Всѣ эти обстоятельства значительно ободряли Карелина; онъ зналъ, что если прійдется встрѣтиться съ большимъ числомъ повстанцевъ, то онъ всетаки будетъ въ состояніи удержаться до прибытія отряда.

Близость банды съ каждымъ шагомъ становилось все яснѣй и яснѣй; уже по лѣсу доносился до насъ глухой гулъ движенія большой массы; разстояніе, отдѣлявшее нашихъ отъ повстанцевъ, было, вѣроятно, не болѣе версты. И дѣйствительно, минуты черезъ двѣ, на одномъ изъ поворотовъ просѣки, разомъ открылась передъ глазами Карелина вся партія.

Съ затаеннымъ дыханіемъ, привставши на стременахъ, смотрѣли драгуны на эту пеструю движущуюся массу. Ближе всего къ намъ, въ арьергардѣ банды, шли уланы; яркіе флюгера пикъ колебались надъ фронтомъ. За ними виднѣлись обозы, а дальше, безконечною, извивавшеюся по дорогѣ линіей блестѣли штыки и косы пѣхотинцевъ.

Казалось, въ первую минуту уланы не замѣтили нашего появленія,—они продолжали шагомъ удаляться отъ насъ; потомъ изъ-за фронта выскочили два всадника, послышалась какая-то неясная команда, и поляки, остановившись, медленно повернули къ намъ лицомъ и стали.

Не желая давать непріятелю времени опомниться, Карелинъ быстро развернулъ свой полуэскадронъ, рѣшаясь атаковать уланъ.

Ширина просѣки не позволяла полякамъ развернуть фронтъ болѣе нашего, значитъ шансы этой атаки была равные.

Если уланы будутъ опрокинуты, то они бросятся на свои же обозы и пѣхоту, произойдетъ общій безпорядокъ, а тутъ подойдетъ пѣхота нашего отряда—и общее дѣло завяжется при самыхъ выгодныхъ для насъ условіяхъ. Такъ разсчитывалъ Карелинъ; онъ былъ увѣренъ, что отрядъ нашъ находится не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ авангарда.

— Сабли вонъ! полуэскадронъ рысью—маршъ! скомандывалъ онъ громко и отчетливо, повернувшись на сѣдлѣ къ фронту.

Зашелестѣли вынутые изъ ноженъ клинки, и драгуны бойкою рысью тронулись впередъ, не отрывая глазъ отъ разноцвѣтнаго фронта польскихъ уланъ. Рысь становилось живѣе; половина лошадей галопировала; Карелинъ приподнялъ саблю и сквозь зубы процѣдилъ: «маршъ-маршъ». Но въ ту же секунду, стоявшіе до сихъ поръ неподвижно, уланы повернули направо и налѣво, и какъ вѣеръ разлетѣлись въ стороны.

Прямо передъ несущимися драгунами стоялъ темный фронтъ пѣхоты: всѣ люди были въ черныхъ плащахъ и красныхъ фескахъ; это были пресловутые зуавы Рошбрюна. Вотъ вдоль фронта вспыхнула бѣлая полоса дыма... и страшный, оглушительный залпъ, повторенный по лѣсу тысячами отголосковъ, загрохоталъ въ воздухѣ. Пораженные этою неожиданностью, драгуны стали какъ вкопанные.

Карелинъ обернулся къ фронту; онъ стоялъ неподвижно; нѣсколько лошадей судорожно барахтались на землѣ; кто-то тяжело стоналъ. А между тѣмъ уланы, въ свою очередь, собирались кинуться на нашихъ драгунъ, и съ фронта надвигалась, съ учащенною пальбой, пѣхотная масса. Положеніе критическое: отступать было не возможно, имѣя въ тылу польскихъ уланъ, оставалось спѣшиться. Драгуны живо соскочили съ лошадей, коноводы повернули на-лѣво-кругомъ и понеслись изъ-подъ выстрѣловъ. Поляки ринулись за ними; Карелинъ замѣтилъ это движеніе.

— Бей уланъ, бей коньихъ! закричалъ онъ спѣшившимся людямъ, и въ ту же секунду изъ-за кустовъ загремѣли одиночные выстрѣлы драгунскихъ штуцеровъ. То тамъ, то сямъ валился съ коня кавалеристъ; освобожденныя отъ всадниковъ лошади, какъ бѣшеныя, носились по просѣкѣ. Вдругъ до ушей Карелина донесся громкій мотивъ мазурки; польская пѣхота тѣсно шла, наклонивъ штыки. По обѣимъ сторонамъ, блистая широкими косами, продиралась сквозь кусты безпорядочная орда косиньеровъ.

Что могли сдѣлать сорокъ спѣшенныхъ драгунъ съ этою массой? предстояло столкновеніе, жаркая рукопашная схатка, и за всѣмъ этимъ неизбѣжный результатъ—гибель.

Всѣхъ казаковъ разослалъ Карелинъ къ отряду, съ просьбою спѣшить выручить авангардъ. Уже давно должно было бы прійти подкрѣпленіе, а между тѣмъ его не было и, насколько могъ видѣть глазъ, на просѣкѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака отряда.

Перебѣгая отъ куста къ кусту, отъ одного буковаго ствола къ другому, драгуны шагъ за шагомъ отступали отстрѣливаясь. Съ страшною тоской смотрѣлъ Карелинъ на эти смѣлыя сѣрыя фигуры, какъ онѣ, согнувшись, гдѣ ползкомъ, гдѣ бѣгомъ, переходили съ мѣста на мѣсто. По временамъ они останавливались, покойно подымали штуцера и одиночными мѣткими выстрѣлами отвѣчали на безпорядочный огонь поляковъ. И черезъ нѣсколко минутъ все это должно погибнуть—изъ за его горячности и непредусмотрительности, его одного, Карелина.

Стиснувъ отъ злости зубы, онъ бродилъ между стрѣлками, пристально всматриваясь въ мелькающія между кустовъ группы польской пѣхоты.

Уже косиньеры, махая своимъ оружіемъ, набѣгали на драгунъ. Дѣло доходило до штыковъ, когда въ тылу нашего авангарда послышался топотъ копытъ,—и по просѣкѣ, безпорядочной толпой, показались всадники на рыжихъ лошадяхъ; это былъ второй эскадронъ. Впереди неслось нѣсколько офицеровъ, за ними въ разбродъ, обгоняя другъ друга, съ крикомъ *ура*! скакали драгуны.

Поляки остановились; огонь прекратился, и пѣхота начала свертываться въ каре. Уланы, наклонивъ пики, хотѣли было противопоставить атакѣ атаку, но не выдержали; повернули лошадей и занеслись за свою пѣхоту.

Въ ту же секунду Карелинъ велѣлъ трубачу трубить сигналъ коноводамъ. Зазвенѣла труба, и черезъ нѣсколько минутъ спѣшенные драгуны уже снова сидѣли на своихъ лошадяхъ, глядя вслѣдъ быстро-отступающей къ Самоволью банды.

Н. Каразинъ.

(Продолженіе будетъ.)

Смѣсь.

Юлій Клеверъ, ученикъ Академіи Художествъ. Молодой художникъ, съ картины котораго мы прилагаемъ нынѣ рисунокъ, родился въ Дерптѣ, и на 17-омъ году поступилъ ученикомъ въ С.-Петербургскую Академію Художествъ. Проработавъ цѣлый годъ въ Архитектурномъ классѣ, онъ занялся ландшафтною живописью—и на слѣдующій же годъ получилъ—вскорѣ одна за другою—малую и большую серебряныя медали за этюды и академическіе рисунки.

Въ 1872 году впервые выступилъ онъ передъ публикой съ большимъ произведеніемъ и обратилъ на себя общее вниманіе «зимнимъ видомъ заката, надъ кладбищемъ» (нынѣ принадлежитъ графу Строгонову старшему). Въ слѣдующемъ году онъ написалъ двѣ картины на академическую выставку. Первая изъ нихъ «Лифляндское селеніе вечеромъ» послѣ строгой экспертизы была послана Академіею на вѣнскую всемірную выставку, что являлось уже какъ-бы признаніемъ молодаго таланта, такъ какъ онъ былъ единственнымъ ученикомъ, удостоившимся этой чести. Вторую картину «Ржаное поле поздней осенью» купило Общество поощренія художниковъ. Болѣе мелкія работы его составляютъ собственность графа Строганова, гг. Новосильцова и Солдатенкова, а въ 1874 году одну изъ картинъ его пріобрѣла Ея И. Высочество Великая Княгиня Марія Николаевна. Въ этомъ же году выставлена была и прилагаемая нами картина «Лѣсъ», тотчасъ купленная г. Третьяковымъ, владѣющимъ богатымъ собраніемъ русской школы. Къ

Библиотека "Руниверс"

будущей академической выставкѣ Клеверъ готовитъ уже болѣе значительное произведеніе «Послѣдній лучъ солнца на морѣ весною», эффектъ который чрезвычайно новъ и оригиналенъ. На морѣ видны большія, полурастаявшія льдины, по которымъ развѣшаны рыболовныя сѣти. Вдали рыбачья хижина. На берегу большіе лодки. Рыбакъ снаряжается на ловлю. Клеверъ до сихъ поръ, еще ученикъ Академіи и по всей вѣроятности, получивъ большую золотую медаль, будетъ посланъ заграницу. Въ качествѣ же русскаго пейзажиста имя его уже составлено.

Когда и кѣмъ введено первое огнестрѣльное оружіе. Изобрѣтеніе пороха и огнестрѣльнаго оружія—до сихъ поръ остается предметомъ темныхъ нерѣшенныхъ догадокъ. Спѣшимъ оповѣстить нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія, которыя удалось собрать по этому предмету.

Такъ напримѣръ, извѣстно что еще въ XIV столѣтіи, въ прежнемъ Курфюршествѣ Майнцскомъ ружья были уже извѣстны. Въ 1344 году Курфюрстъ Генрихъ III, изъ графскаго дома Бирненбургъ, пригласилъ въ Ашафенбургъ прибывшаго въ Майнцское Курфюршество огнестрѣлка (ignis sagittarius). Въ Майнцскомъ архивѣ есть рукопись, въ которой говорится о томъ, какъ пріятно было Генриху III-му появленіе стрѣлка въ Курфюршествѣ и какъ занимало его извѣстіе о новооткрытомъ оружіи. Но употребленіе огнестрѣльнаго оружія распространялось весьма медленно; это видно изъ того, что Венеціане, спустя 36 лѣтъ послѣ перваго появленія его въ Майнцѣ, провозгласили изобрѣтателемъ пороха нѣкоего Бертольда Шварца. Эта ошибка дошла и до нашего времени.

Гораздо правдоподобнѣе приписать изобрѣтеніе пороха Сарацинамъ, которые были знакомы съ Греческимъ огнемъ. Ложныя свѣдѣнія о появленіи и употребленіи пороха происходятъ такъ-же отъ того, что изобрѣтеніе его смѣшиваютъ съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, хотя онъ былъ извѣстенъ прежде, какъ гремучее, воспламеняющееся вещество. Еще въ первой половинѣ XIII-го вѣка, Бакопъ, въ сочиненіи своемъ «Ничтожество колдовства» говоритъ: «Можно производить молнію и громъ сколько угодно: стоитъ только взять сѣры, селитры и угля, смѣшать и зажечь. Составъ этотъ производитъ взрывъ, сопровождаемый шумомъ, подобнымъ грому.» Неизвѣстно, откуда почерпнулъ Бакопъ эти свѣдѣнія: самъ-ли онъ былъ изобрѣтателемъ гремучаго пороха, или заимствовалъ описаніе сходнаго съ нимъ воспламеняющагося вещества изъ древней анонимной книги, извѣстной подъ заглавіемъ «Книга огней» (liber ignum). По свидѣтельству многихъ хроникъ, замокъ Хорутъ былъ осажденъ и обстрѣливаемъ порохомъ, въ 1200 году. Что порохъ употреблялся для взрывовъ стѣнъ и каменныхъ строеній, то объ этомъ положительно говоритъ Арнольдъ Любекскій *). Нѣкоторые приписываютъ изобрѣтеніе пороха не Бертольду Шварцу, но одному Фрейбургскому монаху Константину Анельцепу. Вся эта путаница происходитъ отъ того, что изобрѣтеніе пороха принимали за одно съ его усовершенствованіемъ, распространеніемъ и примѣненіемъ.

Древнѣйшія извѣстія объ огнестрѣльномъ оружіи относятся къ XIV-му столѣтію. Дюканю сообщаетъ, что въ спискахъ французской Счетной Камеры въ первый разъ упоминается о порохѣ и пушкахъ подъ 1338 годомъ. Петръ, епископъ Леонскій, и другіе Испанскіе историки разсказываютъ, что при осадѣ Толедо королемъ Альфонсомъ IX Кастильскимъ, въ 1343 году, Мавры и Сарацины имѣли желѣзныя узкія бочки, которыя производили сильный громъ и пламя.—Англичане, по свидѣтельству Іоанна Филопеуса, въ первый разъ употребили пушки въ сраженіи при Кресс въ 1346 году.

Нѣтъ ни какого сомнѣнія, что Сарацины первые ввели порохъ въ Европу, и что до этого времени онъ былъ извѣстенъ въ Азіи, ибо изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія не могло слѣдовать непосредственно за изобрѣтеніемъ пороха, и должно былъ быть значительный промежутокъ времени между открытіемъ пороха и примѣненіемъ его къ стрѣльбѣ, которая въ свою очередь предполагаетъ изобрѣтеніе сложнаго оружія.

Жуанвиль разсказываетъ, что при осадѣ Даміетты въ 1249 году Людовикомъ IX королемъ французскимъ, Турки выставили противъ французскаго войска толстыя и большія бочки, метавшія страшныя греческій огонь, отъ котораго многіе падали замертво. Жуанвиль называетъ здѣсь порохъ греческимъ огнемъ по сходству его съ этимъ послѣднимъ; изъ самаго же описанія Жуанвиля видно ясно, что употребляемое Турками воспламеняющееся вещество было порохъ а не Греческій огонь.

И такъ, должно предположить, что Греческій огонь навелъ на изобрѣтеніе пороха, что Сарацины познакомили съ нимъ Европу, и что французы первые изъ Европейцевъ получили отъ Мавровъ и Сарациновъ понятіе о порохѣ и огнестрѣльномъ оружіи.

Спички, спасшія крестьянина отъ волковъ. Многими несомнѣнными опытами доказано, что волки, медвѣди и вообще большая часть дикихъ звѣрей боятся огня. — Слѣдующій разсказъ еще болѣе можетъ подтвердить это наблюденіе.

Въ одной изъ деревушекъ окраинъ Петербургской губерніи, крестьянинъ пахалъ свой участокъ земли, лежавшій въ лѣсу. Вечерѣло. Утомленный дневнымъ трудомъ, крестьянинъ, оставивъ лошадь въ сохѣ, сѣлъ на камень, досталъ изъ кармана трубку и спички—и лишь только зажегъ одну изъ нихъ, какъ услыхалъ внезапный шорохъ листьевъ, трескъ сучьевъ и движеніе въ лѣсу, заставившіе его обернуться — и что же? то были волки, хитро наблюдавшіе, что было причиною вспышки, и снова приближавшіеся послѣ того уже какъ спичка погасла. Крестьянинъ смекнулъ дѣло, и боясь потерять лошадь и къ тому-же находясь самъ въ опасности, зажегъ другую спичку и снова замѣтилъ, что волки опять испугались вспышки и снова углубились въ лѣсъ.

Тогда крестьянинъ рѣшительно убѣдился въ боязни ихъ къ спичкамъ—и предположеніе это не обмануло его, а рѣшительность, смѣлость и находчивость увѣнчали успѣхомъ его искусное отступленіе. Повторяя безпрестанно свой опытъ, зажигая черезъ нѣкоторое время спички одну за другою, крестьянинъ выходилъ понемногу изъ лѣсу, безпрерывно оттоняя отъ себя волковъ на почтительное разстояніе при каждый вспышкѣ спички.

Подобный-же фактъ, былъ съ однимъ охотникомъ, которому удалось спастись посредствомъ огня отъ медвѣдя.

Одного изъ охотниковъ дикой олончаны *) съ его товарищами темная осенняя ночь застала въ лѣсу, далеко отъ дома и жилаго мѣста. Расположившись переночевать на берегу небольшой рѣчки, охотники разложили костеръ и вскипятивъ воду хотѣли уже приступить къ чаепитію, какъ вдругъ замѣтили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя огромнаго медвѣдя. Охотники немедленно усилили огонь, медвѣдь сталъ ходить вокругъ него, не смѣя идти далѣе. Вдругъ онъ оборотился, бросился въ рѣку, возвратился мокрый къ огню и сталъ на него отряхиваться; потомъ опять обмочился въ рѣкѣ и снова подошелъ къ огню. Эти продѣлки продолжались довольно долго и все тѣмъ же порядкомъ, пока охотники не успѣли перерядить свои ружья пулями во время его прогулокъ—и убили звѣря.

*) Arnoldus Lubecensis. in chron Hsverum, Tom. II p. 707.

*) Олонецкой губерніи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 1-го августа, въ часъ пополудни, изволили прибыть изъ-за границы въ Царское-Село: Его Королевское Высочество Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій и высоко-нарѣченная Невѣста Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Владиміра Александровича Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Марія-Александрина-Елисавета-Эдеонора Мекленбургъ-Шверинская.

Военное и морское дѣло.

— Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ въ «Русск. Инвалидѣ» объ устраиваемой въ Москвѣ станціи почтовыхъ голубей, между прочимъ, видно: по окончательномъ утвержденіи проекта г. Трескина о голубиной почтѣ и по полученіи имъ пособія на осуществленіе проекта деньгами и вещами отъ Военнаго Министерства, выстроено г. Трескинымъ нужное для почтовой станціи зданіе, и къ началу большихъ маневровъ, т. е. къ 24-му августа, онъ надѣется пустить въ дѣло до 40 штукъ выдрессированныхъ голубей, которые и будутъ присоединены къ различнымъ маневрирующимъ отрядамъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ пользовались ими для передачи извѣстій въ Окружный штабъ. Кромѣ того, по окончаніи маневровъ, эти же голуби будутъ сопровождать офицеровъ Генеральнаго штаба во время ихъ осеннихъ поѣздокъ въ окрестностяхъ Москвы.

— Въ скоромъ времени должны начаться работы по очисткѣ Еникальскаго фарватера. Коммисія, назначенная завѣдывать этими работами, прибыла, какъ сообщается въ «Никол. Вѣстн.», въ Керчь еще въ началѣ лѣта. Пароходъ «Генералъ Кауфманъ», купленный у частныхъ лицъ, почти приведенъ въ порядокъ; остановка лишь за землечерпательною машиною и баржами. Каналъ рѣшено прорыть по направленію створной линіи Камышъ-Бурунскихъ огней. Работы промѣрной партіи идутъ очень успѣшно, въ Таманскомъ заливѣ.

— Строившаяся въ Новомъ Адмиралтействѣ двухвинтовая канонирская лодка «Ершъ» спущена 5-го августа со стапеля, въ присутствіи исправляющаго должность главнаго командира С.-Петербургскаго порта.

Библиотека "Руниверс"

— При уборкѣ утромъ 18-го іюля на броненосной батареѣ «Кремль» (на Ревельскомъ рейдѣ) отличительныхъ огней, упалъ въ воду матросъ 5-го флотскаго экипажа Григорій Стародворскій. Въ этотъ моментъ лейтенантъ Леонтьевъ, который только-что успѣлъ прибѣжать на бакъ, нисколько не подумавъ объ опасности, которой могъ самъ подвергнуться, бросился съ планшира бака батареи, не снявъ съ себя ничего изъ одежды, даже сапоговъ, успѣлъ схватить утопавшаго и затѣмъ, держа его въ своихъ ногахъ, подплылъ къ борту батареи и захватился за брошенный ему съ батареи конецъ. Ѣхавшій въ это время на катерѣ подъ парусами съ берега лейтенантъ Энквистъ успѣлъ оказать помощь лейтенанту Леонтьеву, который вмѣстѣ съ утопавшимъ былъ взятъ на катеръ и доставленъ на батарею. За этотъ подвигъ Леонтьевъ награжденъ уже орденомъ св. Станислава 3-й степени и золотой медалью съ надписью «*за спасеніе погибавшихъ*. для ношенія въ петлицѣ на Владимірской лентѣ.

Промышленность.

— Морскіе звѣриные промыслы въ Архангельскомъ уѣздѣ въ настоящемъ году были довольно удовлетворительны только для нѣкоторыхъ промышленниковъ, большинство же изъ нихъ понесли убытки. На промыслы къ морю крестьяне Сюземской и Яренской волостей отправились въ январѣ и до февраля били звѣрей изъ винтовокъ близь береговъ (стрѣльный промыселъ) и съ прибрежныхъ льдинъ, причемъ лодки возвращались на берегъ каждый день; съ февраля же сюземскіе и яренскіе промышленники отправились въ море, гдѣ и оставались до окончанія промысловъ. Съ этого же времени начали промыслы и крестьяне Патракѣевской волости. Всего убито 1449 тюленей, изъ которыхъ добыто около 3700 пудовъ сала, на сумму около 7000 рублей.

— На Мурманскомъ берегу (Архангельской губерніи) ловъ рыбы до іюня, говоря вообще, шелъ довольно успѣшно, несмотря на то, что ему препятствовали сильные вѣтры, но въ концѣ мая и въ началѣ іюня промыслы остановились въ западной сторонѣ Мурманскаго берега по отсутствію близь береговъ мелкой рыбы, служащей для наживки, а на восточной—по причинѣ морскихъ звѣрей, отогнавшихъ рыбу въ море на далекое разстояніе. До появленія звѣрей ловъ рыбы въ становищахъ «Гавриловѣ» и «Тириберкѣ» былъ до такой степени удаченъ, что промышленники выловили рыбы на каждую шняку не менѣе какъ на 500 рублей, а нѣкоторые даже на 800 рублей.

— Морскіе промыслы промышленниковъ Онежскаго уѣзда, отправлявшихся въ Бѣлое морс для боя тюленей, дали въ текущемъ году слѣдующіе результаты: на промыслы изъ Пурнемской волости отправилось 75 человѣкъ на 35 лодкахъ; убито было 98 морскихъ зайцевъ, 309 нерпъ и 2 бѣлуги; вытоплено изъ нихъ сала 390 пуд., которое вмѣстѣ со шкурами продано за 1,300 р. Изъ Золотицкой волости ходили на промыслы 90 человѣкъ на 45 лодкахъ, убито ими 900 лысуновъ, 50 зайцевъ и 400 нерпъ, сѣруновъ и тилисаговъ, вытоплено изъ нихъ сала 1,050 пуд. на сумму 2,100 р.

— Въ нынѣшнемъ году уловъ морской рыбы вблизи Одессы вообще очень хорошъ; на берегу кол. Люсдорфъ ночью со 2-го на 3-е іюля рыболовный заводъ Дубинина поймалъ болѣе 50,000 штукъ скумбріи. Самая лучшая скумбрія продается теперь по 5—6 руб. за тысячу. Въ настоящее время ловится преимущественно эта рыба. Красная рыба: севрюга, бѣлуга, осетры, камбала, теперь ловится въ небольшомъ количествѣ.

Сельское хозяйство.

— Министръ Государственныхъ Имуществъ, признавъ полезнымъ произвести въ Самарской и Екатеринославской губерніяхъ опыты введенія орошенія полей на небольшихъ пространствахъ, съ цѣлью ознакомить населеніе съ простѣйшими способами орошенія земель и съ доступностью его для частныхъ средствъ отдѣльныхъ лицъ или селеній, испросилъ, 13-го мая сего года, Высочайшее соизволеніе на производство такоыхъ опытовъ, съ тѣмъ чтобы они начаты были въ текущемъ году въ Самарской губерніи.

— Экспонентъ іюньской сельско-хозяйственной выставки въ Пензѣ, помѣщикъ Тверской губерніи Д. П. Кожинъ, дешевыя пожарныя трубы котораго въ нѣсколько часовъ были распроданы на выставкѣ и получили значительное число заказовъ, обратился въ комитетъ съ просьбою допустить его на предстоящей въ августѣ мѣсяцѣ сельско-хозяйственной выставкѣ въ Пензѣ произвести публичные опыты: во-первыхъ, обработки торфа, во-вторыхъ, постройки крестьянской избы изъ остатковъ камня безъ употребленія извести, и въ третьихъ, способа устройства глиняныхъ крышъ. Комитетъ принялъ съ благодарностью предложеніе г. Кожина. Затѣмъ къ 15 августа г. Кожинъ обѣщался представить еще пожарныя трубы своихъ системъ цѣною 15—40 руб. за каждую трубу, а также швейныя машины, которыя по его отзыву вполнѣ удовлетворительны, а по цѣнѣ весьма доступны даже для сельскаго портняжества.

— Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кролевецкаго и Городницкаго уѣздовъ Черниговской губерніи появилась *саранча* (gryllus migratorius), къ уничтоженію которой приняты мѣры.

Путешествія и экспедиціи.

— Въ И. Р. Географическомъ обществѣ отъ дѣйствительнаго члена Н. Н. Миклухи-Маклая получено письмо изъ Амбоины отъ 15-го февраля, въ которомъ онъ извѣщаетъ о своемъ вторичномъ отправленіи на Новую-Гвинею. При письмѣ приложена рукопись на нѣмецкомъ языкѣ о языкѣ папуасовъ, предназначенная авторомъ для одного изъ академическихъ изданій. Одновременно получено въ Обществѣ сообщеніе г. Чекановскаго изъ с. Ербохочона на Нижней-Тунгузкѣ отъ 15-го февраля о снаряженіи экспедиціи на Оленекъ. Экспедиція предполагала идти внизъ по р. Нижней-Тунгузкѣ до устья р. Большой-Тыглякитъ, подъ 63° с. ш. и 125° в. д. отъ Ферро; если же и еще подъ этой широтой снѣга оказались бы слишкомъ глубокими, экспедиція предполагала идти главною рѣкою еще далѣе и оставить ее при устьѣ р. Онхочо или Куакангны. Но за полярномъ кругомъ между Леной и Енисеемъ и послѣ съемки рѣкъ Нижней-Тунгузки и Оленека остается еще мѣстность совершенно неизвѣстная, картографія которой доселѣ весьма неопредѣленна и гадательна. Ни теченіе рѣкъ Хатанги и Анабары, ни разстояніе ихъ между собой и отъ Лены и Енисея, ни положеніе устьевъ Енисея, которое на разныхъ картахъ колеблется на 8 градусовъ по долготѣ, ни положеніе озера Есея, служащаго сборнымъ пунктомъ тунгузовъ вилюйскихъ, съ одной стороны, и хатангскихъ и енисейскихъ, съ другой—всѣ эти данныя доселѣ еще положительно неизвѣстны. Поэтому Совѣтъ Общества опредѣлилъ: продолжить экспедицію для изслѣдованія всего пространства между Анабарой и низовьями Енисея, и назначилъ для этой цѣли 3,000 руб. изъ запаснаго капитала Общества, съ тѣмъ чтобы означенная сумма была возвращена въ запасный капиталъ изъ текущихъ суммъ двухъ смѣтныхъ періодовъ 1875 и 1876 годовъ.

Новыя изобрѣтенія.

— «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» указываютъ на несгараемыя крыши, которыя пошли почти во всеобщее употребленіе въ гор. Богодуховѣ, Харьковской губ. Матеріалъ для этихъ крышъ составляетъ жества. Это остатокъ вещества отъ выдѣлки кожъ, состоящій изъ 2 частей золы, 1 части извести, хлѣбной гущи и небольшаго количества шерсти, связывающей все. Чѣмъ больше шерсти или волосъ, тѣмъ жества лучше. До 1861 года жества была въ полнѣйшемъ пренебреженіи, пока наконецъ нѣкоторымъ изъ жителей Богодухова пришла мысль покрыть ею небольшія постройки на дворахъ. Когда во время случившагося въ городѣ опустошительнаго пожара именно эти постройки уцѣлѣли, тогда общее вниманіе обращено было на жеству; принялись крыть ею дома и въ настоящее время берутъ и покупаютъ ее нарасхватъ. Она легка, дешева и не промокаетъ, не возгарается и противостоитъ всякой погодѣ. Стропила для этой крыши ставятъ почаще, на нихъ настилаютъ рѣшетникъ, разводятъ жеству по мѣрѣ надобности водой и размазываютъ по рѣшетнику лопаткой слоями, толщиною отъ 2 до $2^1/_2$ верш. Въ первый годъ жества, высыхая на крышѣ, трескается; затѣмъ она сама собой, помощію дождя, заливаетъ трещины, склеивается, не протекаетъ и не требуетъ поправокъ, что доказываютъ крыши, стоящія уже восемь лѣтъ. Отвердѣвъ на крышѣ, жества принимаетъ видъ известковаго цемента.

СОДЕРЖАНІЕ: Прусскій военный оркестръ гвардейскаго фузелернаго полка (съ портретомъ капельмейстра).—Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. А. Бѣшенцова.—Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Ея Великогерцогское Высочество Герцогиня Марія Мекленбургъ Шверинская (съ двумя портретами)—Индоволжская желѣзная дорога (съ картой). С. Барановскаго.—Порицкъ и Волчій постъ (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863—64 годовъ) Н. Каразина.—Юлій Клеверъ (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя новѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

При этомъ нумерѣ для Гг. Иногородн. подписчиковъ приложено объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева, въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. 9 августа 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 35 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 24-го августа 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

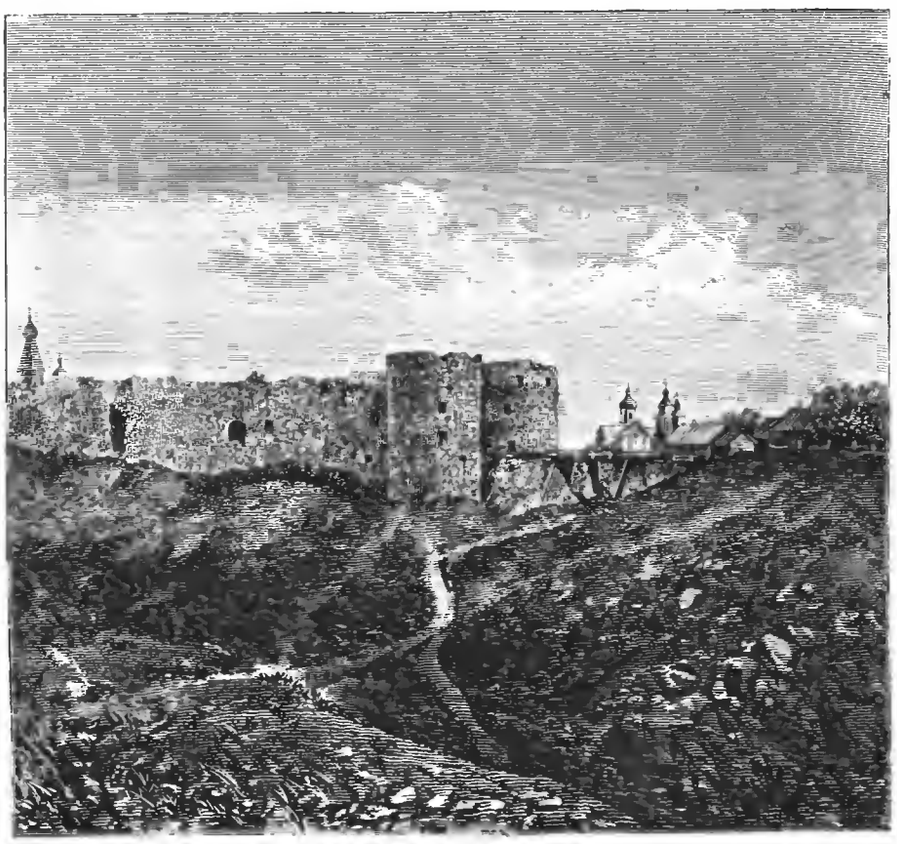
ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Крѣпость Копорье.

Въ Петергофскомъ уѣздѣ, въ 87 верстахъ отъ С.-Петербурга и 12 верстахъ по прямой линіи отъ Финскаго залива, близъ мызы Гревовой, въ имѣньи Д. В. Зиновьева, находятся развалины древней русской крѣпости Копорья. Имя Копорья встрѣчается въ первый разъ въ лѣтописи подъ 1240 г. Послѣ пораженія Биргера Александромъ Невскимъ на берегахъ Невы (15 іюля 1240 г.), Новгородцамъ пришлось бороться съ Тевтонскими рыцарями, которые, утвердившись во Псковѣ, послали ополченіе изъ Латышей и Эстовъ на Водскую страну (Водская страна или Водская пятина занимала пространство С.-Петербургской губерніи и была населена финскими племенами Водью и Ижорой) и, занявъ ее, построили укрѣпленіе въ Новгородскомъ погостѣ Копорье. Рыцари считали уже своимъ достояніемъ Водь и Ижору и отдали эти земли папѣ и католичеству, подчинивъ ихъ власти Эзельскаго епископа. Но въ слѣдующемъ году собралось ополченіе изъ Новгородцевъ и Ладожанъ; Александръ Невскій повелъ ихъ на Копорье, отнялъ его у нѣмцовъ, а городъ, построенный нѣмцами, срылъ до основанія.



Крѣпость Копорье. Съ фотографіи рис. Космаковъ. Грав. Льяманъ.

Вся послѣдующая исторія Копорья и вообще всей Водской пятины наполнена борьбой Великаго Новгорода, а потомъ князей Московскихъ, съ одной стороны, со шведами и ливонскими рыцарями—съ другой. Водская пятина была важна своимъ географическимъ положеніемъ: по ней пролегалъ торговый, водный путь изъ Новгорода въ Европу; отсюда понятно стремленіе нѣмцевъ и шведовъ утвердиться въ Водской пятинѣ.

Въ 1279 г. великій князь Димитрій Александровичъ, сынъ Александра Невскаго, построилъ, съ согласія Новгородскаго вѣча,

Библиотека "Руниверс"

въ Водской пятинѣ городъ Копорье для защиты южныхъ береговъ Финскаго залива отъ высадокъ нѣмцовъ и шведовъ; въ 1280 г. Копорье было окружено каменной стѣной. Крѣпость эта поселила раздоръ между княземъ и Новгородцами: Димитрій, считая Копорье своею личною собственностью, хотѣлъ занять его своею дружиною; Новгородцы не могли допустить, чтобы великій князь владѣлъ укрѣпленнымъ мѣстомъ въ ихъ землѣ, и ссылались на слова договора, заключеннаго съ княземъ: «волостей новгородскихъ своими людьми не держать.» Димитрій привелъ войско, и Новгородцы принуждены были уступить, но скоро имъ представился случай возвратить свою собственность. Междоусобія, возникшія въ великомъ княжествѣ въ 1281 г., принудили Димитрія бѣжать въ Новгородскую землю съ цѣлью запереться въ Копорьѣ: на пути его семейство и бояре были перехвачены Новгородцами, которые объявили, что до тѣхъ поръ не освободятъ ихъ, пока дружина княжеская не выступитъ изъ Копорья. Довмонтъ Псковскій, бывшій въ то время въ Копорьѣ, отказался исполнить это требованіе; тогда Новгородцы осадили Копорье, принудили Довмонта выдти съ людьми княжескими, срыли крѣпость до основанія и раскопали гору (въ 1282 г.).

Въ концѣ XIII столѣтія, когда открылась война со Шведами, Новгородцы сами убѣдились въ необходимости имѣть укрѣпленное мѣсто въ Водской пятинѣ и въ 1297 г. построили каменный городъ Копорье (поставивъ городокъ «Копорье—камень», говоритъ лѣтописецъ).

Хотя въ 1323 г. былъ заключенъ миръ, названный вѣчнымъ, но Новгородцы, предвидя возобновленіе войны и желая обезопасить свои границы, отдали въ 1333 г. князю Норимунту—Глѣбу, Гедиминову сыну, въ кормленіе въ отчину и дѣдину, берега Финскаго залива и Ладожскаго озера съ пригородами: Копорьемъ, Ладогой и другими. Дѣйствительно въ 1337 г. война возобновилась; Новгородцы послали въ Литву звать Норимунта, какъ своего кормленника, но, недовольный новгородскими порядками, Норимунтъ отказался вернуться и даже отозвалъ изъ Орѣшка своего сына. Между тѣмъ Шведы подступили къ Копорью, но были отражены новгородскимъ посадникомъ Ѳедоромъ. Война кончилась миромъ въ Лундѣ; границы остались тѣ же.

Въ 1383 г. Новгородцы отдали въ кормленіе Патрикію, сыну Норимунта, бывшій удѣлъ его отца: Орѣховъ, Корельскъ и половину Копорья; но—скоро мѣстные жители, притѣсняемые Патрикіемъ, послали выборныхъ на вѣче новгородское требовать смѣны его. Славянскій конецъ, обольщенный дарами Патрикія, стоялъ за него на вѣчѣ двора Ярославова, прочіе же концы на Софійскомъ вѣчѣ приняли сторону угнетенныхъ. Послѣ долгихъ споровъ рѣшили вмѣсто прежняго удѣла дать Патрикію Ладогу и Руссу.

Подъ 1399 г. упоминаются, бывшіе въ Новгородѣ во время нашествія Димитрія Донскаго, Василій и Иванъ Ѳедоровичи, князья, называемые Копорскими, потому что имъ Копорье было дано въ кормленіе. Въ 1404 г. Копорье вмѣстѣ съ другими 12 городами поступило въ кормленіе послѣднему Смоленскому князю Юрію, но онъ, тяготясь зависимостью отъ Новгорода, черезъ два года вернулся въ Москву. Въ 1407 г. Ладога, Орѣшекъ и половина Копорья даны въ кормленіе Литовскому князю Лугвенію—Симеону Ольгердовичу, съ тѣмъ чтобы онъ защищалъ Водскую пятину отъ Шведовъ. Въ сосѣдствѣ двухъ могущественныхъ государствъ, Москвы и Литвы, Великій Новгородъ не могъ долго сохранить своей самостоятельности: 15 января 1478 г. пало древнее Новгородское вѣче, Новгородцы присягнули Іоанну, какъ самовластному государю, и всѣ обширныя Новгородскія земли, въ томъ числѣ и Водская пятина, вошли въ составъ Московскаго государства. Съ этого времени начинается русская колонизація Водской пятины: нѣсколько разъ цѣлыя семьи были переселяемы туда изъ внутри Россіи. Туземное финское населеніе, хотя считалось православнымъ, но сохраняло много языческихъ вѣрованій: такъ, оно поклонялось солнцу, лунѣ, звѣздамъ, лѣсамъ, каменьямъ, рѣкамъ, озерамъ, приносило имъ въ жертву скотъ, имѣло жрецовъ называемыхъ арбуями. Къ этимъ остаткамъ старины равнодушно относился Великій Новгородъ, занятый преслѣдованіемъ торговыхъ цѣлей; но съ переходомъ Водской земли во владѣніе Москвы начинается преслѣдованіе языческихъ обрядовъ. Такъ, въ 1534 г. Новгородскимъ архіепископомъ Макаріемъ былъ посланъ въ Копорскій уѣздъ инокъ Илія «искоренять языческую прелесть»: разрушать мольбища, рубить и жечь лѣса и крестить некрещенныхъ.

Въ 1558 г. началась Ливонская война; счастливая для Россіи вначалѣ, она имѣла очень неудачный исходъ: съ избраніемъ Стефана Баторія въ польскіе короли (1575 г.) Русскіе, стали терпѣть неудачи и терять завоеванныя и даже свои земли. Въ то время какъ Стефанъ Баторій осаждалъ Псковъ, шведскій генералъ Понтусъ Делагарди взялъ Нарву, Иваньгородъ, Яму и Копорье; Русскіе принуждены были заключить трехлѣтнее перемиріе со Шведами, за которыми и остались взятые города. Въ царствованіе Ѳедора Ивановича въ 1591 г. война со Шведами возобновилась; на этотъ разъ она была удачна для Русскихъ: по Тявзинскому договору (1595 г.) Россія получила Копорье вмѣстѣ съ Ямой, Иваньгородомъ и Корелой.

Въ 1608 г. Копорье передалось на сторону Тушинскаго вора.

Въ 1611 г., пользуясь смутнымъ временемъ, шведскій генералъ Яковъ Делагарди овладѣлъ Новгородомъ, а Эвертъ Горнъ—Копорьемъ, Ладогой и друг. По избраніи въ 1613 г. Михаила Федоровича на царство, война со Шведами продолжалась еще четыре года; наконецъ 27 февраля 1617 г. былъ заключенъ Столбовскій миръ, по которому Шведы удержали за собой Копорье, Иваньгородъ, Ямы и Орѣшекъ.

Копорскій уѣздъ, разоренный войной и грабежемъ, былъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи: половина удобной земли лежала въ пустошахъ, большая часть населенія была въ бѣгахъ. Копорье вошло въ составъ Ингерманландіи и оставалось подъ властью Швеціи слишкомъ 80 лѣтъ. По возвращеніи изъ-за границы, Петръ объявилъ 19 августа 1700 г. войну Швеціи и двинулъ войска на Ингерманландію; Ямы и Копорье передались русскимъ войскамъ, но послѣ пораженія Русскихъ подъ Нарвою (19 ноября) Шведы снова овладѣли Копорьемъ.

Послѣ взятія 1 мая 1703 г. Ніеншанца, крѣпостцы на берегу Невы, армія Шереметева была направлена на Копорье; въ концѣ мая Шереметевъ началъ обстрѣливать Копорье, и крѣпость сдалась. «Музыка твоя, писалъ царю Шереметевъ,—хорошо играетъ; Шведы горазды танцовать и фортецін отдавать, а еслибы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣлать». Комендантомъ Копорья сдѣланъ Римскій-Корсаковъ, ему же подчинена Ингерманландія.

Въ 1707 г., по возобновленіи войны, шведское войско Либекера разбило подъ Копорьемъ русскій гарнизонъ Фризера, но должно было отступить передъ войскомъ генералъ-адмирала Апраксина. Указами 18 декабря 1708 г. и 21 сентября 1711 г. Ямбургъ и Копорье, вмѣстѣ съ 131, 900 десятинами земли въ ихъ уѣздахъ, отданы во владѣніе князю Меншикову, Ингерманландскому губернатору.

Такимъ образомъ, Копорье, древній городъ Великаго Новгорода, утратилъ навсегда свое самостоятельное существованіе, но уѣздъ его до 1780 г. сохранялъ названіе Копорскаго.

30 Августа 1721 г. былъ заключенъ Ништадтскій миръ. Государство все было раздѣлено на 12 губерній; С.-Петербургская составлена изъ 4 уѣздовъ: С.Петербургскаго, Копорскаго, Ямбургскаго и Шлиссельбургскаго.

Въ 1727 г., крѣпость Копорье отобрана изъ частнаго владѣнія князей Меньшиковыхъ, передана въ казенное вѣдомство и приписана къ губерніи. Указомъ 1 января 1780 г., при новомъ раздѣленіи С.-Петербургской губерніи на 7 уѣздовъ, Копорье приписано къ Ораніенбаумскому уѣзду, а впослѣдствіи къ Петергофскому.

Крѣпость построена на краю крутаго обрыва, который тянется непрерывазсь вдоль южнаго берега Ладожскаго озера и Финскаго залива, отъ Сяси до Нарвы и Ревеля; полагаютъ, что это былъ старинный берегъ Финскаго залива. Крѣпость имѣетъ форму треугольника, югозападная сторона котораго омывается небольшою рѣчкою Копоркою. Копорка начинается въ болотѣ и, не доходя версты до крѣпости, углубляется въ гору и образуетъ оврагъ, отвѣсныя стѣны котораго состоятъ изъ обнаженныхъ слоевъ плитняка. Изъ этого плитняка и построена крѣпость; она имѣетъ четыре башни или бойницы, довольно хорошо сохранившіяся, но стѣны во многихъ мѣстахъ обсыпались, особенно съ югозападной стороны, гдѣ есть довольно значительная брешь. Внутрь крѣпости ведутъ ворота, находящіяся на восточной сторонѣ; сводъ воротъ выложенъ изъ кирпича и сдѣланъ въ недавнее время, такъ какъ плитнякъ разрушался и грозилъ паденіемъ. Внутри лѣвой стороны у воротъ находится кладбище, за нимъ Преображенская каменная церковь, построенная на мѣстѣ деревянной, сгорѣвшей въ 50-хъ годахъ; съ правой стороны у воротъ совершенно разрушенные своды комендантскаго дома, имѣвшаго длину 15 и въ ширину 6 саженей; за комендантскимъ домомъ огороды церковнаго причта; строенія для гарнизона совершенно истреблены временемъ.

Отъ древняго города, лежавшаго внѣ крѣпости на правой сторонѣ оврага, не осталось и слѣдовъ; на его мѣстѣ теперь деревня Пригородная слобода. Въ деревнѣ есть школа, ссудосберегательное товарищество, помѣщается волостное правленіе, кромѣ крѣпостной есть еще двѣ церкви. За деревней, въ верстѣ отъ крѣпости расположена мыза Гревова, купленная въ началѣ нынѣшняго столѣтія В. Н. Зиновьевымъ, отцемъ Д. В. Зиновьева, отъ графовъ Разумовскихъ.

Мы помѣщаемъ видъ крѣпости Копорья, снятый С.-Петербургскимъ фотографомъ г. Каррикомъ. На верху обрыва видна часть крѣпостной стѣны съ двумя башнями, слѣва за стѣною высится глава преображенской церкви. Съ правой стороны на второмъ планѣ за крѣпостью раскинулась пригородная слобода съ одной изъ церквей.

По имени крѣпости Копорья называется одинъ изъ полковъ 1-й пѣхотной дивизіи, а именно 4-й Копорскій наслѣдника принца Саксонскаго, расположенный въ городѣ Гжатскѣ, Смоленской губерніи.

Библиотека "Руниверс"

Сказано что Азія *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА III.

Обѣдъ.

Въ поясненіе предъидущихъ главъ, надо вернуться къ прошлому, къ жизни и событіямъ, которыя могутъ показаться невѣроятными нынѣшнему поколѣнію, но тѣмъ не менѣе мы поведемъ о нихъ разсказъ такъ же просто и безъискуственно, какъ они совершались въ дѣйствительности.

Года за два до описываемыхъ происшествій, въ счастливой Кахетіи жилъ грузинскій князь Омарджидзе; онъ былъ богатымъ землевладѣльцемъ и храбрымъ офицеромъ, служилъ въ русской службѣ въ чинѣ полковника, потомъ много лѣтъ командовалъ грузинской милиціей и былъ не одинъ разъ посылаемъ укрощать бунтовавшихся джарцовъ **).

Окончивъ поприще военной службы, разбитый параличомъ, князь мирно доживалъ остатокъ дней своихъ, въ прекрасномъ помѣстьѣ Синоцхалѣ, живописно расположенномъ на склонѣ горы, покрытой виноградными садами. Домъ князя, каменный, съ плоской крышей, былъ окруженъ крытыми террасами, защищавшими его отъ солнечнаго жара. Снаружи по стѣнамъ дома и колоннамъ террасъ, до самой крыши, вился цвѣтущій плющъ и виноградныя лозы. Съ вершины горъ, покрытыхъ мелкимъ кустарникомъ, вытекалъ источникъ чистой студеной воды, разбивался объ скалу и падалъ съ шумомъ, каскадой, потомъ у подошвы, раздѣлясь на нѣсколько рукавовъ, тихо орошалъ виноградники; но запруженный въ долинѣ, образовалъ огромное озеро, на противоположной сторонѣ котораго широко раскидывалось селеніе князевыхъ крестьянъ. У запруда была построена водяная мельница.

Семейство князя состояло изъ жены его, княгини Тамары, дочери княжны-Майко и сына князя-Ираклія, служившаго въ *** полку и находившагося въ отпуску для излеченія ранъ, полученныхъ имъ въ турецкую войну.

Стоялъ безподобный сентябрскій денекъ, жаръ солнца смягчался осеннимъ вѣтеркомъ, густая зелень садовъ мѣстами уже пестрѣла отъ желтѣвшихъ листьевъ и красноватыхъ плодовъ, еще уцѣлѣвшихъ на деревьяхъ. Въ тѣни винограднаго свода, подъ которымъ висѣли огромныя янтарныя гроздья, на разосланныхъ коврахъ приготовленъ былъ обѣдъ. Вокругъ положены были шелковыя подушки.

Въ концѣ сада находилось длинное, каменное строеніе безъ оконъ, покрытое весьма искусно камышемъ; стѣны его были не высоки и обсыпаны снаружи пескомъ до самой крыши; оно имѣло только одно отверстіе: входъ—и то довольно низкій, и называлось *маранъ* или винохранилище. Внутренность его представляла обширный сарай, въ которомъ возвышалось нѣсколько десятковъ небольшихъ кургановъ изъ песку съ известью, надъ ними стояли врытыя дощечки съ надписями разныхъ годовъ и назначенія. Въ это святилище передъ самымъ обѣдомъ сошолъ хозяинъ съ гостившимъ у него другомъ, княземъ Бурдюкадзе, и толпою слугъ. Князь Омарджидзе приказалъ людямъ разрыть одинъ изъ кургановъ двадцатыхъ годовъ—открылся колодезь вина. Это былъ глиняный кувшинъ, выдѣланный и обозженный въ землѣ, величиною въ нѣсколько сороковыхъ бочекъ. Князь почерпнулъ изъ него вина серебрянымъ азарпешемъ или ковшемъ, украшеннымъ бирюзой и сердоликами, и подалъ его своему старинному пріятелю, сказавъ: *алла верды*. Этотъ кувшинъ заповѣдали отрыть въ день посѣщенія дорогаго гостя; десять лѣтъ это вино не знало свѣта и воздуха—должно быть не дурно. Князь Бурдюкадзе, принявъ азарпешъ съ виномъ, обнялъ своего друга, сказавъ: *якшолъ* *), и выпилъ вино, прищелкивая языкомъ и приговаривая: юфъ, юфъ, юфъ!! Это значило, что вино было дѣйствительно отличное. Друзья, обнявшись, пошли подъ тѣнь виноградниковъ, гдѣ семейство князя ожидало ихъ обѣдать.

Такъ какъ общество, собравшееся за обѣденнымъ столомъ, отнюдь не похоже на тѣ, какія мы привыкли соединять съ мыслью о званомъ обѣдѣ, то мы позволимъ себѣ подробнѣе обрисовать каждаго изъ присутствующихъ. Княгиня Тамара была лѣтъ сорока пяти, высокаго роста и полная; рѣзкія черты восточной красоты ея оживлялись необыкновенно-доброй и чистосердечной улыбкой. Она была въ шелковомъ платьѣ темнаго цвѣта, съ широкимъ пунцовымъ поясомъ; черная богатая повязка, шитая золотомъ и унизанная жемчугомъ плотно обхватывала ея голову, а поверхъ ея лечакъ, или кружевная, закинутая назадъ, вуаль, прикрывала часть ея лица и шеи.

Княжнѣ Майко едва минуло пятнадцать лѣтъ; высокаго роста, стройная, какъ молодая пальма, которая гнется отъ вѣтра, она была замѣчательной красавицей; лицо и полуоткрытая грудь—бѣлизны снѣга нагорнаго, до котораго, свободно пробѣгая, касался только вѣтеръ и на который любопытный взглядъ вблизи и пристально еще не заглядывался. Узенькая бархатная повязка съ гирляндой цвѣтовъ, вышитыхъ бисеромъ, осѣняла это дѣвственное чело; черно-синеватые, мягкіе и глянцовитые, какъ шолкъ, — локоны волосъ ея, ласкаясь около лица, падали на шею античной формы; глаза, какъ у серны съ какимъ-то тайнымъ любопытствомъ скрытно и быстро перебѣгали съ одного предмета на другой; ротъ словно гранатовый цвѣтокъ, съ привѣтной улыбкой, образовалъ на розовыхъ щекахъ ея восхитительныя ямочки; когда она улыбалась, открывались бѣлые зубы, какъ нанизанный на ниткѣ жемчугъ. На ней было шелковое платье малиноваго цвѣта, спереди застегнутое туго крючками, оставляя верхнюю часть груди нѣсколько открытой и возвышенной; полная юбка, во множествѣ складокъ, падала почти до пола, такъ что она должна была, приподнявъ, поддерживать ее, чтобы дать свободу движенію крошечныхъ ногъ, скромно выглядывавшихъ изъ подъ шелковыхъ *непхави* *) голубаго цвѣта, отороченныхъ узенькимъ золотымъ галуномъ; онѣ были обуты въ узорчатые персидскіе чулки и въ сафьянные красивые башмаки—родъ туфель, которыя она сбросила вступая на коверъ.

Мать и дочь почтительно поклонились гостю и сѣли, поджавши подъ себя ноги. У молодыхъ грузинокъ это движеніе совершается чрезвычайно быстро и граціозно;—широкая юбка ихъ платьевъ вдругъ надувается какъ шаръ, и съ шумомъ опадая, драпируетъ члены тѣла.

Князь Бурдюкадзе былъ лѣтъ шестидесяти, средняго росту, полный; одутловатое его лицо было покрыто лакомъ испарины; красный широкій носъ доказывалъ, что онъ не былъ врагомъ кахетинскаго вина; затылокъ въ два яруса лежалъ на засаленномъ позументѣ черкески. Онъ снялъ папахъ и поклонился, голова его была совершенно обнажена отъ волосъ, густыя сѣрыя брови соединялись вмѣстѣ; заплывшіе жиромъ глаза лѣниво изъ-подъ нихъ выглядывали; длинные сѣдые усы прикрывали огромный ротъ и соединялись съ небольшой подстриженной бородой. На князѣ былъ архалукъ, прежде краснаго цвѣта, сверху *чоха* синяго цвѣта, широкіе шаровары верблюжьяго сукна; на ременномъ поясѣ, усажен-

*) Солдатская поговорка.
**) Жители Джаро, Бѣлоканской области.

*) Добрый путь.
*) Шаровары.

Библиотека "Руниверс"

номъ серебряными пуговицами подъ черкью, висѣлъ кинжалъ, котораго рукоятка была обдѣлана въ золотѣ съ бирюзой. Князь очень глупо улыбался, облизывая языкомъ свои усы, на которыхъ всегда были остатки завтрака или обѣда.

Князь Омарджидзе, лѣтъ пятидесяти почти, высокаго роста, худощавый, широкоплечій; смуглое лицо его оттѣнялось черными длинными усами, которые падали на грудь; волосы съ просѣдью были коротко обстрижены, на шеѣ у него висѣлъ Владимірскій крестъ; лѣвая рука подвязана чернымъ платкомъ, лѣвую ногу онъ съ трудомъ ворочалъ—вся сторона была разбита параличомъ, — правою рукою онъ опирался на костыль. Шолковый архалукъ и суконная чоха темнаго цвѣта, обложенная въ нѣсколько рядовъ золотыми галунами, ловко сидѣли на мужественномъ тѣлѣ старика; на головѣ его былъ высокій персидскій папахъ, на поясѣ висѣлъ кинжалъ, съ рукояткою бѣлой слоновой кости.

Подъ лѣвое его плечо поддерживалъ сынъ князь Ираклій. Молодой князь былъ большаго роста и удивительно хорошо сложенъ; прекрасные черты его лица покрывала болѣзненная блѣдность, но высокая грудь, украшенная Георгіевскимъ крестомъ, широкія плечи и мускулистыя руки доказывали крѣпость сложенія и ручались за избытокъ физическихъ силъ; черные тонкіе усы завивались въ кольца; изъ-за ушей висѣли локоны черныхъ волосъ и падали на шею. Маленькій папахъ на головѣ его очень ловко склонялся на правое ухо; пунцоваго цвѣта архалукъ крѣпко стягивалъ стройный его станъ; чоха коричневаго цвѣта была накинута сверху — и длинные рукава ея живописно заброшены за спину; шаровары на немъ были изъ шелковой матеріи, аладжа, зеленаго цвѣта, и грузинскіе сапоги съ кожаными наговицами (острыми носками, загнутыми кверху) заключали нарядъ его.

За ними стоялъ вѣрный нукеръ князя Омарджидзе, старый Зурабъ, статный и здоровый мужчина, на лицѣ имѣвшій шрамъ сабельнаго удара, на груди солдатскій Георгіевскій крестъ. Полдесятка чепархановъ или челядинцевъ, босые въ запачканныхъ архалукахъ, неловко суетились вокругъ господъ; одни приносили подносики, мѣдныя луженыя блюда съ явствами, другіе—мѣдные кувшины съ виномъ.

Обѣдъ состоялъ изъ множества блюдъ. *Бозбаснъ*, или супъ изъ курицы или баранины, съ разными травами и кореньями, имѣющій вкусъ кисловатый; *чихитма*, соусъ, фаршъ изъ курицы завернутой въ виноградныя листья, обжаренные въ маслѣ и *алва*, облитые кислымъ соусомъ; *пловъ* съ фазанами; *шашлыкъ*, куски баранины, жаренной на вертелѣ, обсыпанные порошкомъ называемымъ *тутуба*, имѣющимъ остроту, во вкусѣ нѣсколько кисловатомъ; множество тарелокъ съ разными свѣжими травами, сыромъ, балыкомъ, икрой и копченой шемаей; нѣсколько пирожныхъ; десертъ состоялъ изъ грушъ, называемыхъ *гуляби*, огромныхъ и чрезвычайно сочныхъ, *инжиро* или свѣжихъ фигъ, *кишмиша*, мелкаго винограда розоваго цвѣта, прозрачнаго, тонкокожаго и необыкновенно сладкаго, и множества другихъ фруктовъ.

Противъ каждой особы положенъ былъ *левашъ*, тонко раскатанный изъ тѣста, испеченный блинъ, объ который обыкновенно за обѣдомъ вытирали руки, въ видѣ салфетки *). Зурабъ подносилъ безпрестанно вино въ деревянномъ сосудѣ, называемомъ *кула*—родъ бутылки, у которой дно круглое, такъ что поставить ее нельзя: надо непремѣнно опорожнить. Она дѣлается изъ корня весьма крѣпкаго дерева, называемаго *чандаръ*; когда же изъ нея пьютъ, то вино, проходя чрезъ длинное и узкое ея горло, производитъ журчанье, наводящее дремоту. Обѣдъ былъ, въ восточномъ вкусѣ, гастрономическій, вино отличное, гость и хозяева были очень веселы. Князь Бурдюкадзе не разъ принимался выхвалять красоту Майко и предлагалъ пить за ея здоровье. Поодаль играла грузинская музыка: «*зурна*», уродливыя трубы и прочіе инструменты, невыносимые для образованнаго уха. Слѣпой пѣвецъ, акомпанируя себѣ балалайкой, пѣлъ разныя пѣсни и баллады, и наконецъ импровизировалъ стихи въ честь Майко и ея жениха.

Старики князья, лѣтъ за десять еще назадъ, дали другъ другу слово соединить дѣтей своихъ узами брака, когда они придутъ въ совершенный возрастъ.

У князя Бурдюкадзе былъ сынъ въ Петербургѣ; онъ служилъ въ гвардіи, въ Польшѣ на штурмѣ Варшавы былъ раненъ, но его ожидали домой; то былъ нареченный женихъ Майко.

— А вѣдь я никогда не видалъ, какъ пляшетъ моя будущая невѣстка, сказалъ князь Бурдюказе.—Княгиня, позвольте ей протанцовать—лезгинку.

Княгиня изъявила свое согласіе, но Майко не хотѣла—и только послѣ настоятельнаго требованія отца она встала, взяла тамбуринъ и пошла плясать лезгинку. Сначала ноги ея едва скользили по ковру; казалось, ни одинъ членъ ея тѣла не былъ въ движеніи: она тихо и плавно, какъ лебедь, плыла, или какъ тѣнь неслась мимо зрителей; но вдругъ какъ будто ее укусило какое-то насѣкомое, какъ будто демонъ овладѣлъ ею, — она закружилась и понеслась какъ вихрь, глаза горѣли, лицо пылало, грудь подымалась бурно, и тамбуринъ дрожалъ въ рукахъ. Раздались громкія рукоплесканія; имя Майко, съ выраженіями восторга, потрясало воздухъ; сосуды наполнились виномъ; всѣ обнимались, всѣ чокались, всѣ пили за ея здоровье... Братъ подалъ ей руку, сказавъ: довольно; она опустила тамбуринъ и сдѣлала низкій поклонъ, но она была до того хороша, что няня ея, Марта, не выдержала, прижала ее къ груди своей и осыпала поцѣлуями,—и какъ старики уже порядочно понагрузились и разговоръ становился свободнымъ, княгиня съ Майко отправились въ домъ.

Подали турьи рога, въ которые входила въ каждый бутылка вина—и старики продолжали осушать ихъ. Вечеръ засталъ пирующихъ на томъ-же мѣстѣ. Стемнѣло, но погода была прекрасная; подали свѣчи и зажгли поодаль лагуны. Въ Грузіи бываютъ такіе вечера, что воздухъ дѣлается какъ-бы неподвиженъ, тишина совершенная, листья на деревьяхъ не шевелятся, трава не колышется, вода на озерѣ—какъ-будто застыла, какъ чистое и прозрачное стекло; ни одна струя не пробѣгала по немъ—и какъ въ зеркалѣ отражалась живописная мѣстность и озаренная огнями усадьба.

Зажженныя свѣчи горѣли тихо, какъ въ комнатѣ, огонь на нихъ не колыхался.

— Ну, братъ дружище, говорилъ князь Бурдюкадзе, обнимая стараго князя Омарджидзе и опрокидывая на голову осушенный имъ турій рогъ, — спасибо, угостилъ ты меня, такое винцо, какого давно не пивалъ. Зурна! играй лезгинку, хочу самъ показать... Онъ тяжело поднялся на четнереньки, но грузъ тѣла пересилилъ волю—и онъ упалъ ничкомъ на коверъ. Чепарханы подняли его и усадили опять на мѣсто.

— Полно, братъ, сказалъ князь Омарджидзе усмѣхаясь, —ужъ попляшемъ, Богъ дастъ, на свадьбѣ Майко съ Димитріемъ; у меня есть кувшинъ—ей ровесникъ, такъ и назначенъ быть открытымъ въ день ея свадьбы. Чрезъ мѣсяцъ ей будетъ ровно шестнадцать лѣтъ; настоящіе годы, хотя правда моей Тамарѣ было четырнадцать, когда я на ней женился, да нынче какъ-то народъ обмѣлѣлъ, не то что было въ наше время.

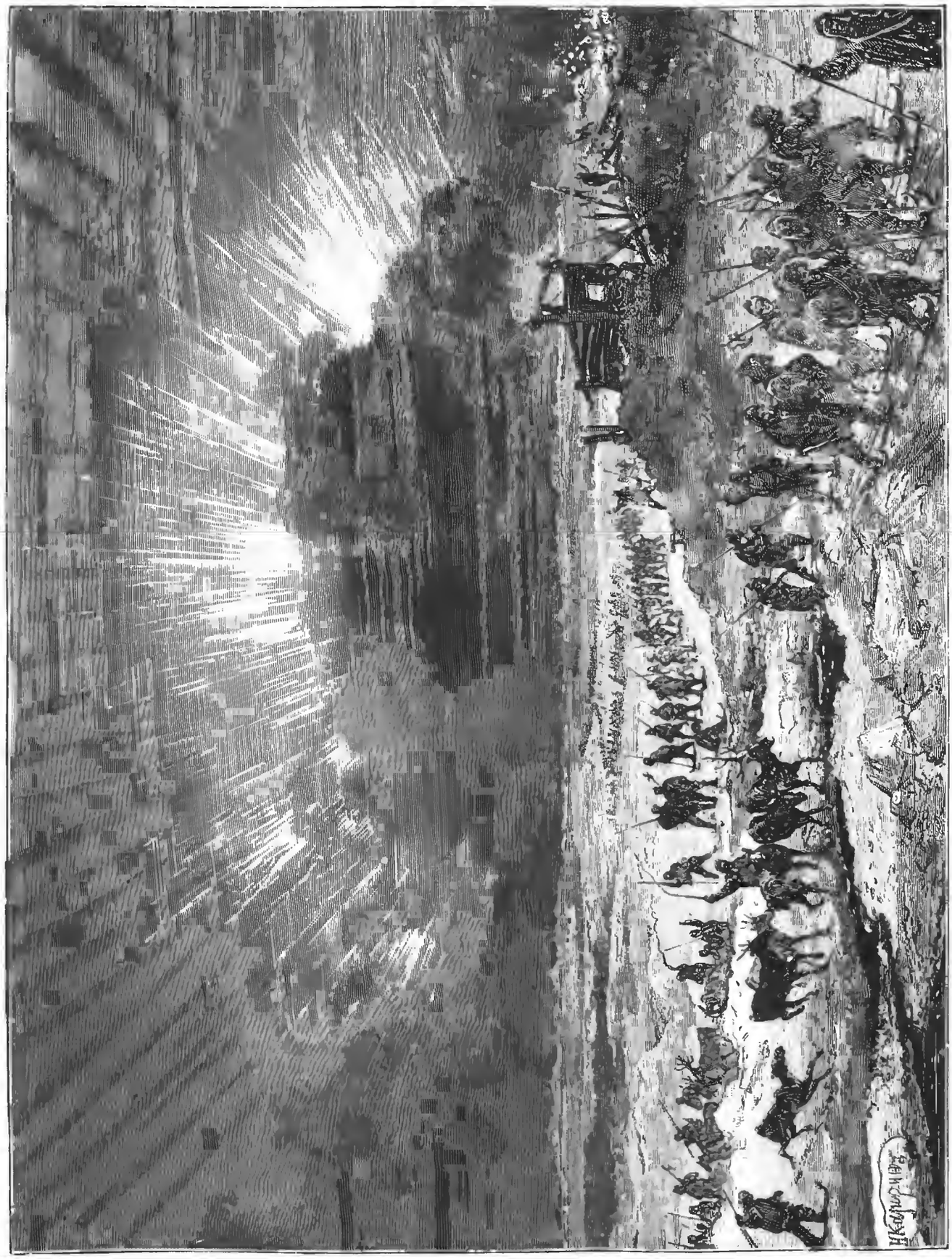
— Ученье ихъ сокрушаетъ, прервалъ князь Бурдюкадзе,— какъ засядетъ за указку, такъ и ростъ остановится, такіе станутъ худые, да блѣдные; а какъ прежде-то, по нашему: пилось бы, да ѣлось, а дѣльце-бы на умъ не шло,—такъ дѣвка-то и добрѣла. Да что объ этомъ говорить! Дмитрій мой пишетъ, что здоровье его поправляется и что скоро пріѣдетъ въ отпускъ... А славная ихъ будетъ пара, вѣдь онъ у меня молодецъ, весь въ меня, не великъ да широкъ.

Вдругъ старый Зурабъ подошелъ къ своему господину, сталъ на колѣна и торопливо заговорилъ ему что-то на ухо.

Князь выслушалъ съ видимымъ волненіемъ, лицо его

*) Очень забавно одинъ путешественникъ французъ написалъ въ своихъ запискахъ: «Грузины, говоритъ онъ,—послѣ обѣда съѣли салфетки, объ которыя вытирали руки».

Библиотека "Руниверс"



Борьба за Неву. IV. Лапландскій походъ на лыжахъ въ 1490 году. Рис. Н. Каразинъ, грав. Ольшевскій.

Библиотека "Руниверс"

омрачилось, онъ грозно расправилъ усы свои и закричалъ: «дружину, живѣй! кто можетъ на коня и собираться за озеромъ у плотины.» Какъ юноша рванулся онъ съ мѣста, но зашатался, и ухватясь за стволъ чинары, онъ съ презрѣніемъ взглянулъ на разбитые параличомъ свои члены—и тихо простонавъ, снова опустился на коверъ; слезы навернулись на глазахъ его—и онъ съ грустью сказалъ:

— Иди, ты, Ираклій, милый сынъ, спасай родину; Лезгины подошли къ Алазанѣ *).

Блѣдное лицо молодаго князя мгновенно покрылось яркимъ румянцемъ. Онъ проворно пошелъ съ дому, гдѣ понемногу поднималась общая суматоха.

Вскорѣ по двору забѣгали вооруженные люди, ведя подъ уздцы осѣдланныхъ лошадей. Князь Ираклій наскоро переодѣлся въ свѣтло-зеленаго цвѣта суконную чоху, обложенную серебрянымъ позументомъ, на поясѣ у него висѣлъ широкій дагестантскій кинжалъ и турецкій пистолетъ съ серебряной отдѣлкой — на красномъ шнуркѣ за поясомъ, чрезъ плечо на ремнѣ шашка и ружье чрезъ другое. Между тѣмъ собралась дружина вооруженныхъ грузинъ, частію пѣшихъ, частію конныхъ; всѣ они были преданы князю Ираклію, всѣ охотно шли на защиту своихъ семействъ и жилищъ, всѣ молча и тихо встали на колѣна съ открытыми головами. Старый князь Омарджидзе, какъ патріархъ посреди ихъ, поднялъ глаза къ небу, сотворилъ молитву и благословилъ ихъ на брань, сказавъ: «помните, что отъ васъ зависитъ участь семействъ вашихъ». Обнявъ князя Ираклія, крѣпко прижалъ его къ своей груди, долго сжималъ его въ своихъ объятіяхъ—и слезы тихо катились изъ глазъ старика на длинные усы. Князь Ираклій, прощаясь съ отцомъ, былъ тоже грустенъ. Никогда прежде, отправляя сына въ походъ, князь Георгій не плакалъ. На этотъ разъ онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

— Богъ да поможетъ тебѣ прогнать эту сволочь, говорилъ старый князь, благословляя сына. Съ усиліемъ и съ тоскливымъ чувствомъ вырвался князь Ираклій изъ объятій отца. Ему подвели походную лошадь; то былъ гнѣдой меренъ, кабардинской породы, который отличался необыкновенно-покойнымъ шагомъ, что называется ходой, и большой силой. Князь проворно вскочилъ на сѣдло.

— Съ Богомъ, впередъ!.. громко крикнулъ онъ—и дружина молча, перекрестясь, покрытая мракомъ ночи, отправилась въ путь.

Князь Ираклій, поручикъ *** гренадерскаго полка, въ турецкую компанію 28 года сдѣлалъ себѣ репутацію храбраго офицера. Онъ былъ всегда въ охотникахъ на штурмахъ. Въ обыденной жизни онъ былъ чрезвычайно сдержанъ, такъ что можно было подозрѣвать въ немъ характеръ холодный, апатичный,—но какъ только раздавался выстрѣлъ, или тревога, онъ оживлялся мгновенно и бросался на встрѣчу опасности. Подъ наружной оболочкой хладнокровія, онъ таилъ характеръ пылкій, даже до запальчивости. Товарищи даже и въ шуткахъ съ нимъ были чрезвычайно осторожны. Въ бивачныхъ оргіяхъ его никто никогда не видалъ пьянымъ. Образованіе его было весьма посредственное, тактическихъ свѣдѣній въ военномъ дѣлѣ онъ не имѣлъ, но какъ дилетантъ любилъ военное ремесло. Отдѣльныхъ командировокъ ему въ полку не давали, но когда надо было идти впередъ, посылали его—и онъ уже не оглядывался назадъ.— Еще въ дѣтствѣ онъ любилъ играть опасностью, что̀ заставляло всегда страшиться за него мать—княгиню Тамару, которая любила его безъ памяти. Отецъ-же его князь Георгій, напротивъ, любовался смѣлостью сына. Когда онъ джигитовалъ на конѣ, то маленькаго Ираклія сажалъ себѣ на шею и мчался съ нимъ въ карьеръ; будучи отличнымъ стрѣлкомъ, онъ сшибалъ стрѣлой, или пробивалъ пулей изъ пистолета папахъ на головѣ сына. Мать уходила въ свою комнату отъ этого зрѣлища, молилась Богу и плакала. Десяти лѣтъ князь Ираклій былъ уже такъ развитъ физически, что ему можно было дать пятнадцать. Онъ смѣло ѣздилъ верхомъ на лошади и стрѣлялъ съ присошка изъ ружья. Однажды, играя съ деревенскими мальчиками, онъ пустилъ въ одного изъ нихъ камушкомъ изъ лука—и такъ несчастливо, что выбилъ ребенку глазъ. Но и тутъ Ираклій не сконфузился, не заплакалъ, не испугался, а только сталъ очень серіозенъ и печаленъ, выпросилъ у отца позволеніе помѣстить раненаго въ своей комнатѣ и привязался къ нему всѣмъ сердцемъ, а когда мальчикъ выздоровѣлъ, онъ съ нимъ не разлучался—и кривой Якубъ, это было имя его, сдѣлался впослѣдствіи вѣрнымъ нукеромъ князя Ираклія. На этотъ разъ князь шелъ навстрѣчу непріятеля какъ-то не охотно. Ему самому казалось это страннымъ; онъ ѣхалъ медленно, опустивъ поводья лошади и понуривъ голову на грудь.—Въ первый разъ ему стало жаль отца и мать, и сестру, и старую няню, и Зураба, и старый домъ, и садъ. Онъ невольно переносился воспоминаньемъ въ дѣтство...

Князь Бурдюкадзе часа черезъ два лишь по выступленіи отряда проснулся отъ тяжелаго сна, протиралъ глаза руками и не вѣрилъ ушамъ своимъ, слушая разсказъ о набѣгѣ. Но на этотъ разъ всталъ на ноги; и покачиваясь ворчалъ сквозь зубы: «Опять видно забушевали! и какъ на бѣду—ни одного Русскаго отряда по близости: всѣ на турецкой границѣ;—дай-ка братъ князь мнѣ провожатыхъ; со мной моихъ только двое, теперь съ малымъ конвоемъ неловко. Я поѣду домой, надо приготовиться принять незванныхъ гостей.

— Не безпокойся, отвѣчалъ князь Омарджидзе,—я тебѣ ручаюсь, что мой Ираклій ихъ далеко не пропуститъ, если только будетъ живъ, а впрочемъ воля Божія. Но во всякомъ случаѣ они далеко забираться не станутъ; я чувствую, что это на меня идутъ съ кровомщеніемъ... Лѣтъ восемь тому назадъ, помнишь, какъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ послалъ меня наказать бунтовавшихся бѣлоканцевъ — и я съ помощію Божіею ихъ укротилъ, а главное-то убилъ Кара-Оглы ихъ предводителя...

— Да, какъ-же помню, помню! отвѣчалъ князь Бурдюкадзе;—у меня тогда жена была на сносяхъ — и я не могъ участвовать въ походѣ.

— Ну вотъ, родственники Кара-Оглы, продолжалъ князь Омарджидзе,—слышно было, и поклялись отмстить мнѣ. Да, пойдемъ-ка въ комнату, я чувствую, что мнѣ не заснуть въ ожиданіи извѣстія объ Ираклiѣ; я разскажу тебѣ объ моемъ походѣ въ Бѣлоканы, оно сократитъ время, а между тѣмъ надо посмотрѣть что̀ дѣлаетъ княгиня. Хотя я и приказалъ Зурабу, чтобы ей ничего не говорили, однако какъ-бы тамъ не проболтались, это можетъ ее растревожить. Друзья отправились въ домъ, князь Бурдюкадзе поддерживалъ князя Омарджидзе, они вошли чрезъ крытую террасу въ большую залу. Въ огромномъ каминѣ пылалъ возъ хворосту и огнемъ своимъ освѣщалъ мрачную комнату, вокругъ которой вдоль стѣны стояли широкіе низенькіе диваны, покрытые турецкими коврами; на нихъ лежали круглыя подушки. Князь Омарджидзе, опираясь на костыли, побрелъ въ женскую половину, и нашелъ княгиню уже спящею; Майко въ своей комнатѣ молилась съ Мартой, которая не утерпѣла, чтобы не разсказать ей о появленіи Лезгинъ и о походѣ молодаго князя; нѣсколько женщинъ, сидя въ кружкѣ на полу, въ дѣвичьей комнатѣ, поджавши ноги подъ себя, робко перешептывались. Когда князь возвратился въ зало, онъ нашелъ своего друга развалившимся на коврѣ у камина и бросавшаго въ него каштаны, которые жарились и лопали, а онъ ихъ доставалъ изъ огня желѣзными щипцами и ѣлъ. Князь Омарджидзе усѣлся возлѣ него, сказавъ: «какая темная ночь, какая тишина въ воздухѣ, ни звука въ окрестности! Грустно мнѣ что-то, какъ будто предчувствіе чего-то не добраго. Что-то мой Ираклій? Господи, сохрани его!.. и слезы навернулись на глазахъ старика.—Давай запьемъ горе и каштаны кахетинскимъ!

Зурабъ подалъ имъ, уже знакомыя намъ, кулы съ виномъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Рѣка.

Библиотека "Руниверс"

Борьба за Неву.

IV. XV вѣкъ. Лапландскій походъ на лыжахъ въ 1496 году.

(Продолженіе.)

Іоаннъ III, лишивъ народное правительство самосуда и независимаго управленія, сталъ такимъ образомъ въ роль непосредственнаго мстителя за отчину Святой Софіи, относительно всѣхъ ея бывшихъ враговъ. Шведы, какъ ближайшіе сосѣди наши по Финляндіи, сперва получили, со стороны московскаго владѣтеля, сдѣлавшагося de facto обладателемъ всея Россіи, подтвержденіе договора въ 1482 году. Но спустя семь лѣтъ послѣдовало заключеніе шведскимъ правительствомъ союза съ Орденомъ противъ Россіи. Іоаннъ же III принялъ дѣятельное участіе въ охраненіи интересовъ датскаго дома, дѣла котораго въ Швеціи были въ положеніи полной безнадежности.

Поводомъ къ открытой брани со стороны Россіи было предъявленіе требованія Іоанномъ на рыбныя ловли на озерѣ Улу, по Ореховецкому трактату предоставленныя пополамъ съ финнами, тогда какъ съ теченіемъ времени условіе это забылось, а шведскіе подданные, привыкнувъ къ мысли объ одиночномъ владѣніи озерными ловлями, не пускали болѣе русскихъ въ свои воды. Жалобы недопускаемыхъ, неуважаемыя мѣстною администраціею, вызвали со стороны Россіи извѣстную экспедицію въ Остеръ-Ботнію.

Такъ по крайней мѣрѣ должны мы считать, неупоминаемый нашими лѣтописями, а извѣстный только изъ финской исторіи, наѣздъ русскихъ на кирхшпили Кэми, Ійіо и Лиминга въ 1490 году. Результаты для Лапландцевъ отъ этого посѣщенія русскихъ были должно быть не такъ чувствительны, чтобы они прекратили отъ того свои коварныя избіенія одиночныхъ промышленниковъ на звѣря, заходившихъ туда изъ двинскаго края. Продолженіе же этихъ побіеній вызвало, пять лѣтъ спустя, грозное истребленіе всей шведской Лапландіи, о чемъ мы поговоримъ далѣе. Не одинъ договоръ дружества съ королемъ Іоанномъ принудилъ Іоанна нашего къ нешуточной войнѣ съ шведами,—какъ силились представить шведскіе историки. А потомъ явились враждебности со стороны правителя Швеціи, Стена Стуре,—разрушившаго, построенный Іоанномъ III противъ Нарвы на скалѣ, надъ Наровою, замокъ Иванъ-городъ,—и вызвали походы русскихъ въ Финляндію, долго тамъ памятные, по грознымъ разгромамъ.

Въ Воскресенской лѣтописи, очень подробно трактующей событія временъ Іоанна III, разсказаны подъ 7004-мъ лѣтомъ отъ созданія міра—двѣ экспедиціи наши въ Финляндію: одна подъ Выборгъ, другая на сѣверъ.

Если-бы изъ финляндской исторіи не узнали мы положительно, что Выборгскій походъ былъ еще осенью 1495 года, то и тогда не могло не быть въ этомъ увѣренности. Лѣтописецъ, описавъ этотъ походъ, уже разсказываетъ прибытіе самаго Іоанна въ Новгородъ, осенью же (окт.—ноября мѣс.). А далѣе, при повѣствованіи объ отправленіи экспедиціи на сѣверъ, эта посылка въ томъ же году (начавшемся съ сентября 1495 г.) названа второю; послѣдовала же она въ январѣ 1496 года. Всякія сомнѣнія впрочемъ разрѣшаетъ разсказъ историка Финляндіи Ирьіо Коскинена.

Онъ говоритъ, что весною еще 1495 года въ Финляндіи сдѣлались извѣстными завоевательные планы Іоанна. Епископъ Абовскій Магнусъ поспѣшилъ со своими людьми явиться на границѣ, думая, что силы противника будутъ такъ же недостаточны, какъ бывало прежде, и что ему можно будетъ бороться съ ними. На этотъ разъ прелатъ жестоко ошибся. Въ праздникъ Вздвиженья Креста, князь Даніилъ Васильевичъ Щеня приблизился къ Выборгу съ десятками тысячъ русскихъ. Еще черезъ недѣлю громадныя массы нашихъ воиновъ разбили станъ на западъ отъ Выборгскаго замка, гдѣ начальствовалъ храбрый Кнутъ Поссе, съ достойными земскими предводителями (лагманами) Генрихомъ Бицъ, Клаусомъ Горнъ, Тенне Тоттомъ и Магнусомъ Фрилле. Поспѣли помощи; укрѣпили берега Кюмени—чтобы не пустить русскихъ дальше на западъ. Епископъ Магнусъ возвратился въ Або и вооружилъ поголовно всѣхъ жителей. Ополченіе финляндское сформировалось такъ скоро, что въ концѣ октября уже двинулось отъ Або на выручку Выборга, передъ которымъ русскіе шанцы уже начали дѣйствіе по замку, съ востока. Изъ громадныхъ пищалей (въ 24 фута длиною) русскіе били крѣпкія стѣны Торкелева сооруженія, истребивъ огнемъ, все что могло горѣть. Штурмъ съ востока однако выдержали защитники Выборга мужественно. Башни при дальнѣйшемъ дѣйствіи стѣнобитныхъ орудій дали трещины и грозили разрушеніемъ, но Поссе не думалъ о сдачѣ. Ноября 30 съ наступленіемъ страшныхъ холодовъ, русскіе воеводы повели вторично на штурмъ свои дружины и ратники уже входили на стѣны, когда отчаянный Поссе подорвалъ подконъ—и часть стѣны взлетѣла на воздухъ съ штурмующими, произведя панику. Русскіе отступили, а 15 декабря и совсѣмъ сняли осаду Выборга. Подъ нимъ палъ нашъ воевода Суббота Андреевичъ Плещеевъ. Во время осады, Стуре успѣлъ переправить на Аландскіе острова, и черезъ нихъ, въ Финляндію, 500 человѣкъ—явившихся для занятія зимнихъ квартиръ около Або, къ Рождеству. Съ начала 1496 года военныя дѣйствія наши между тѣмъ возобновились. Полки наши, обойдя Выборгъ, нестрашный уже въ такомъ положеніи, направились назадъ. При Оловсборгѣ попались нашимъ 70 человѣкъ конниковъ Стуре, неостановившихъ грозныхъ истребителей. Теперешняя Таваттустская губернія (Гемская земля) представляла уже къ половинѣ февраля груды развалинъ и русскіе были въ двухъ дняхъ пути отъ Або. Путь нашихъ полчищъ оставлялъ за собою линію разрушенія на восемьдесятъ миль. Марта 6-го воротились, наконецъ, въ Новгородъ исполнители гнѣва Іоанна.

Но въ то время когда огонь и мечь истреблялъ все на южномъ финскомъ приморьѣ, съ востока на сѣверъ шли новыя партіи разрушителей. Князья Петръ и Иванъ Федоровичи Ушатые съ дружинами Устюжанъ, Двинянъ, Онежанъ и Вожанъ, направлены волею Іоанна на становища враждебныхъ Лапландцевъ, между рѣками Кеми и Торнео. Дойдя до конца Ботническаго залива, воеводы пощадили только погостъ Лиминга (близь нынѣшняго Улеборга) принявшій на подданство Россіи присягу. Прочія племена и погосты всѣ были разрушены и бродячіе инородцы со своими стадами оленей перегнаны за Двину въ Большеземельскую тундру. Такъ что за плѣномъ шведскихъ колонистовъ, поселенныхъ въ этихъ мѣстахъ, и уводомъ Лопарей въ наши предѣлы, сѣверъ Финляндіи надолго обезлюдилъ. Да и вся Финляндія не скоро поправилась послѣ похода воеводъ Іоанна III. Между тѣмъ положеніе правителя ухудшилось отъ этихъ обстоятельствъ. Швеція покорилась датскому королю—и за разрушеніемъ Иванъ-города, шведамъ пришлось у Россіи просить мира на шесть лѣтъ, подписаннаго въ Мартѣ 1497 г., въ Новѣ-городѣ, съ подтвержденіемъ нашихъ старыхъ граней.

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

(Продолженіе).

Тогда только разъяснилось въ чемъ дѣло, открылась причина, почему могъ такъ опоздать отрядъ.

Лишь только пришелъ въ Джары второй эскадронъ, начальникъ нашего отряда послалъ Карелину приказаніе остановиться. Такъ какъ посланный казакъ еще не возвращался, то Ильченко думалъ, что его приказаніе уже исполнено, а казакъ остался въ авангардѣ. Простоявъ въ Джарахъ съ полчаса, отрядъ тронулся шагомъ въ путь, ни какъ не предполагая, чтобы авангардъ могъ такъ далеко уйдти отъ главныхъ силъ. Верстахъ въ трехъ найденъ былъ на дорогѣ распростертый казакъ, тотъ самый который былъ посланъ въ авангардъ; онъ былъ убитъ тѣмъ выстрѣломъ, который слышалъ Карелинъ у себя въ тылу, — вѣроятно какой нибудь отставшій повстанецъ свалилъ изъ-за куста проѣзжавшаго мимо Донца. Вотъ почему авангардъ, не зная ничего объ остановкѣ отряда, зашелъ такъ далеко впередъ—и навѣрное погибъ-бы, ежелибы его не выручилъ прискакавшій сломя голову второй эскадронъ.

О положеніи Карелина отрядъ узналъ отъ прискакавшихъ авангардныхъ казаковъ; тотчасъ-же второй эскадронъ понесся на выручку товарищей, между тѣмъ какъ пѣхота, сбросивъ ранцы, пошла бѣгомъ къ мѣсту авангардной схватки.

Возобновлять нападеніе мы не рѣшились до прибытія отставшихъ верстъ на пять пѣхотинцевъ—и ограничиваясь на-

Библиотека "Руниверс"

блюденіемъ за отступавшими поляками, мы, въ ожиданіи отряда, шагомъ проваживали нашихъ запотѣвшихъ отъ скачки лошадей.

По просѣкѣ кой-гдѣ валялись синіе трупы польскихъ уланъ. Мѣстами виднѣлись и наши сѣрыя шинели. Раненныя лошади силились вскочить на ноги—и съ храпомъ снова падали въ грязь. Казаки подняли нѣсколько раненныхъ уланъ и принесли ихъ къ намъ; такъ какъ они могли еще говорить, то мы, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, узнали, что въ бандѣ было до трехъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ до восьми сотъ кавалеристовъ, и что всею бандою командовалъ графъ Скомаровскій, а частями — Дядушицкій, Крукъ, Рошбрюнъ и Обертынскій съ сыновьями. Значитъ, передъ нами была вся галиційская организація.

Минутъ черезъ десять подошелъ отрядъ; распросы прекратились,—и мы, передавъ раненныхъ на попеченіе ротныхъ фелдшеровъ, продолжали преслѣдованіе до Арсеньевскаго поста, на полу-пути къ Самоволью.

Здѣсь дорога раздѣлялась на двое: одна вѣтвь шла прямо по границѣ, а другая поворачивала нѣсколько влѣво и шла самовольскимъ лѣсомъ на Порицкъ. Слѣдъ банды въ этомъ пунктѣ тоже раздѣлялся на двое; а такъ какъ, по малочисленности нашего отряда, мы не могли преслѣдовать ее по обѣимъ дорогамъ, то и рѣшились продолжать идти къ Самоволью, зная, что чѣмъ дальше поляки будутъ отходить отъ границы, тѣмъ удобнѣе будетъ не допустить ихъ къ обратному переходу въ Галицію.

Оставивъ пѣхотныя роты, оба эскадрона снова пошли на рысяхъ. Мы расчитывали нагнать поляковъ на самовольскомъ полѣ, гдѣ намъ было-бы очень удобно помѣряться силами съ пестрыми сотнями уланъ.

Скоро показалось и Самоволье. У околицы деревни толпились крестьяне; они издали махали намъ своими круглыми соломенными шляпами, показывая ими по направленію на Порицкъ. Вотъ изъ толпы отдѣлилось нѣсколько всадниковъ и поскакали къ намъ; это была подвижная стража*). Каждый стражникъ былъ вооруженъ пикою, на простомъ некрашеномъ древкѣ, а вмѣсто сѣдла служили имъ мѣшки, набитые сѣномъ; они же замѣняли своимъ хозяевамъ и походные фуражные магазины.

У одного изъ стражниковъ висѣло за плечами старое солдатское ружье; это былъ десятникъ. Трушкомъ подскакали они къ намъ на своихъ маленькихъ туземныхъ лошадкахъ, и всѣ разомъ отрапортовали маіору Ильченко, что поляки не заходили къ нимъ въ деревню а поворотили налѣво къ Порицку. Затѣмъ десятникъ объявилъ, что всѣ стражники уже собрались и «всѣмъ войскомъ» ждутъ маіорскаго приказанія: присоединиться-ли имъ къ казакамъ, или идти вмѣстѣ съ драгунами.

Мы невольно улыбались, глядя на эти маленькія, почти безоружныя фигуры; какъ хороши и оригинальны казались они намъ съ своею готовностью биться за дѣло, правоту котораго они ясно сознавали! Не разъ еще послѣ этого приходилось намъ искренно удивляться смѣлости и самоотверженію этихъ темныхъ героевъ народнаго дѣла...

Всѣхъ стражниковъ собралось около нашего отряда до пятидесяти человѣкъ, которыхъ Ильченко и поручилъ одному изъ Мацневыхъ.

Надо было спѣшить къ Порицку—и мы, обогнувъ Самоволье, пошли по направленію виднѣвшихся на горизонтѣ верхушекъ уже знакомаго намъ костела. Дорога шла извиваясь между болотами; мѣстами она была такъ узка, что приходилось проходить справа рядами—и это значительно затрудняло движеніе нашихъ эскадроновъ. Наконецъ, выбравшись къ Порицкимъ полямъ, мы поднялись на небольшой пригорокъ, и съ него увидѣли, верстахъ въ двухъ впереди, хвостъ непріятельской колоны, вступающей въ порицкія заставы. Мы опоздали.

Вдругъ между драгунами поднялась суматоха, раздались голоса: «глядите, уходятъ! вонъ они! ишь какъ удираютъ»! Мы посмотрѣли налѣво и увидѣли, далеко подъ самымъ лѣсомъ, небольшую группу всадниковъ. Они быстро мчались къ Порицку; флюгера на пикахъ мелькали издали красными точками. Вѣроятно это былъ конный пикетъ, который сторожилъ у выхода изъ лѣсу нашъ отрядъ, разсчитывая, что мы пойдемъ за бандой прямо съ Арсеньевскаго поста на Порицкъ.

Разстояніе, отдѣлявшее скачущихъ поляковъ отъ Порицка, было не менѣе того, какое отдѣляло насъ отъ этого мѣстечка. Повстанцевъ можно было отрѣзать и захватить живьемъ, ежели они сдадутся. Тотчасъ же трубачамъ велѣно было сыграть сигналъ «фланкеры»; послышались звонкіе перекаты трубъ, и изъ-за фронта эскадроновъ, съ гикомъ вылетѣли наѣздники и понеслись на-перерѣзъ уланскому пикету. Эскадроны, развернувшись, пошли на рысяхъ за ними.

Тамъ гдѣ арсеньевская дорога выходитъ на иваничевскую, по которой мы вчера шли къ Заболотцамъ, стоялъ высокій католическій крестъ; рѣзкимъ контуромъ рисовался онъ издали на сѣромъ дождливомъ небѣ;—казалось, что онъ-то именно и служилъ цѣлью скачки поляковъ и драгунъ. Къ нему неслись, по арсеньевской дорогѣ, польскіе уланы, зная, что доскакавъ до него, имъ уже легко будетъ вскочить въ заставу мѣстечка, мимо Порицкаго кладбища. Къ нему же, полемъ, какъ спущенные со сворь борзыя, прыгая черезъ межи и рытвины, мчались наши наѣздники. Разстояніе между тѣми и другими, съ каждымъ скачкомъ коней, становилось все менѣе и менѣе; уже они могли различать лица другъ у друга. Вотъ около одного изъ уланъ мелькнулъ дымокъ, раздался легкій звукъ револьвернаго выстрѣла—еще и еще... Но молча скакали драгуны, пригнувшись къ шеямъ лошадей, и опустивъ внизъ свои шашки...

Въ эту минуту мы замѣтили выѣзжавшія изъ-за кладбищенской изгороди стройныя массы польскихъ кавалеристовъ; казалось, что они хотѣли спасти своихъ собратій отъ неизбѣжной гибели. Рысью развернулись они поперегъ дороги, тронулись немного впередъ, и стали, не дойдя шаговъ двухъ сотъ до креста. Ясно было, что они боялись нашихъ эскадроновъ; и дѣйствительно, если бы они только бросились на наѣздниковъ, имъ тотчасъ же пришлось-бы испытать всю тяжесть фланговой кавалерійской атаки. Передъ польскимъ фронтомъ сновали отдѣльные всадники; вѣроятно, кто нибудь изъ начальниковъ банды. Они видимо сдерживали желаніе массы броситься впередъ, и безпрестанно указывали концами своихъ палашей въ нашу сторону.

А между тѣмъ наѣздники одинъ за однимъ перескакивали дорожную канаву. Въ воздухѣ заблистали шашечные клинки, и черезъ нѣсколько секундъ, польскіе уланы валялись по дорогѣ, съ окровавленными, разрубленными на двое лицами.

Здѣсь только мы могли замѣтить, до какой страшной степени доходитъ озлобленіе солдатъ при звукѣ пролетающихъ мимо ушей пуль и при видѣ живой людской крови. Широко раскрывъ глаза, почти задыхаясь отъ волненія, они, съ какимъ-то нечеловѣческимъ крикомъ, кидались на противниковъ, вовсе не сознавая опасности. Плѣнъ въ эту минуту немыслимъ; результатомъ сшибки можетъ быть только смерть кого нибудь изъ двухъ; развѣ какое нибудь чудо

*) Едва только вспыхнуло возстаніе и ясно выразилось полное къ нему нерасположеніе народа, какъ тотчасъ-же во всѣхъ западныхъ губерніяхъ была сформирована изъ крестьянъ подвижная стража. Ея обязанность заключалась въ наблюденіи за проѣзжими дорогами и сельскими заставами, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было расположено войско. Впрочемъ, очень часто стражники присоединялись, конечно по своей собственной волѣ, къ казачьимъ и драгунскимъ разъѣздамъ; а такъ какъ они были очень хорошо знакомы съ окрестною мѣстностью, то своимъ сопутствованіемъ приносили этимъ разъѣздамъ очевидную пользу. Они также собирали и доставляли начальникамъ отрядовъ различныя свѣдѣнія, оказывавшіяся, большею частію, вѣрными; перевозили пакеты изъ одного отряда въ другой, короче: были для насъ одними изъ самыхъ вѣрныхъ и полезныхъ товарищей въ нашей боевой жизни. Въ случаѣ надобности, они собирались въ большія массы, человѣкъ по триста и болѣе, и, не смотря на свое крайне плохое вооруженіе, были страшны повстанцамъ своею природною ненавистью ко всему польскому. Бывали случаи, что они обходились и безъ помощи войскъ; такъ напримѣръ, подъ селеніемъ Таращи въ Кіевской губерніи, польская партія, вышедшая изъ Кіева, была почти уничтожена одними стражниками.

Библиотека "Руниверс"

спасетъ неустоявшаго въ одиночной рубкѣ. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдились, глядя на молодецкое дѣло нашихъ наѣздниковъ. И теперь еще не возможно забыть очевидцу двухъ эпизодовъ, выдѣлившихся какъ-то изъ общей схватки. Почти впереди всѣхъ скакалъ молодой бѣлокурый уланъ; онъ не выдержалъ вида двухъ налетѣвшихъ на него драгунъ, и быстро пригнулся къ шеѣ коня, скрестивъ на головѣ свои руки; въ ту же секунду мы услышали страшный, раздирающій душу вопль: «pardon, pardon»! Оба Мацневы бросились туда, желая спасти повстанца, — но уже было поздно. Немного подальше сзади, на превосходномъ сѣромъ конѣ галиційской породы, скакалъ толстый полякъ; конфедератъ его свалился на затылокъ; на горбатомъ носѣ блестѣли золотые очки. Онъ услышалъ крикъ «pardon» и, широко махая палашомъ, повернулъ къ наѣздникамъ. Вдругъ его конь оступился и забороздилъ мордою грязь— и тотчасъ же на широкій затылокъ поляка опустился клинокъ драгунской шашки. Послѣ мы узнали, что это былъ Обертынскій, одинъ изъ организаторовъ галиційскаго возстанія.

Покончивъ свое дѣло, наѣздники рысью отходили, по одиночкѣ, къ нашему фронту. Сзади всѣхъ, далеко отставши отъ товарищей, тащился пѣшкомъ высокій, широкоплечій драгунъ; онъ велъ за поводъ своего сильно хромавшаго коня. Вотъ отъ польскаго фронта отдѣлились два улана и наклонивъ пики, маршъ-маршъ поскакали къ отставшему. Драгунъ медленно обернулся къ нимъ, снялъ изъ-за плечъ штуцеръ и приложился. Поляки видимо начали сдерживать лошадей—и вдругъ, недоскакавъ шаговъ двадцати до своего пѣшаго противника, круто повернули на-лѣво кругомъ. Драгунъ, безъ выстрѣла, снова забросилъ за плечи свой штуцеръ и зашагалъ къ экскадронамъ. Этотъ послѣдній эпизодъ чрезвычайно выгодно подѣйствовалъ на состояніе нашего духа, смѣнивъ тяжелое впечатлѣніе недавней рѣзни.

А между тѣмъ, вдали по дорогѣ, зачернѣли наши пѣхотинцы. Замѣтивъ ихъ, польская кавалерія начала быстро

Народы Россіи. XXI. Зыряне. Рис. Е. Віола, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

собираться съ фланговъ и потянулась назадъ въ Порицкъ. Скоро она скрылась за заборами и крышами хатъ; кой-гдѣ только въ промежуткахъ, издали, кивали бѣлыя хорунгевки*) идущихъ по гатямъ уланъ. А мы все стояли, не желая отступать и не имѣя возможности броситься въ Порицкъ, тактическія выгоды котораго обратились теперь всѣ противъ насъ. Передъ нами темнѣли полосами болотныя канавы; изъ-за нихъ выглядывало селеніе, а по всему полю посыпались наши донцы, гоняясь за лишенными своихъ всадниковъ галиційскими лошадьми.

Такъ мы стояли, пока не подошла наша пѣхота. Но едва только она стала перестраиваться, на ходу, въ ротныя колоны, какъ по всѣмъ порицкимъ канавамъ забѣгали какія-то черныя точки. Вслѣдъ за тѣмъ забѣлѣлись отъ дыма гребни канавъ и затрещала дробь бѣглой ружейной перестрѣлки. Канавы все болѣе и болѣе наполнялись стрѣлками. Вонъ еще, изъ-за угла кладбищенскаго забора, выбѣжала толпа пестрыхъ человѣчковъ. Вѣеромъ разсыпалась она по ближайшей канавѣ, и выстрѣлы въ ней загремѣли чаще и чаще, а бѣлые клубы дыма слились въ одну сплошную ленту, скрывъ за собою стрѣляющихъ повстанцовъ.

Сперва мы любовались этою красивою, оживленною пальбой, пока совершенно безвредною для насъ. Выстрѣлы бракованныхъ австрійскихъ штуцеровъ, которыми снабжены были повстанцы благосклонностью нашихъ сосѣдей, не достигали нашего фронта; изрѣдка только, какъ нибудь нечаянно долетѣвшая пуля взроетъ землю шагахъ въ десяти передъ фронтомъ — и испуганная ею офицерская лошадь фыркнувъ шарахнется въ сторону. Но вотъ повстанцы, пользуясь закрытіями, все ближе и ближе подбирались къ намъ, перебѣгая, согнувшись, изъ одной канавы въ другую. Громко пронеслась команда: «эскадроны, налѣво-кругомъ, шагомъ», и мы, медленно отойдя шаговъ двѣсти назадъ, снова остановились, повернувшись лицомъ къ Порицку.

Въ отвѣтъ на назойливость польскихъ стрѣлковъ, наши роты разсыпали своихъ. За цѣпью тронулись резервы; и скоро, выбитые ружейнымъ огнемъ, поляки стали отступать изъ ближайшихъ къ намъ канавъ. Дольше всѣхъ краснѣлись фески уже знакомыхъ Карелину зуавовъ; но вотъ и они начали собираться вмѣстѣ, и бѣгомъ пошли вдоль по канавѣ, отступая къ кладбищенскимъ заборамъ. Тогда мы, въ свою очередь, отозвали своихъ стрѣлковъ и, отойдя еще немного назадъ, расположились наблюдать за бандой. Пѣхотинцы составили ружья въ козлы, а драгуны сошли съ лошадей, чтобы хотя немного дать отдохнуть до-нельзя-измученнымъ конямъ.

Положеніе наше было чрезвычайно ненадежное, чтобы не сказать болѣе: передъ нами былъ непріятель, превышающій насъ числомъ, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ. Онъ занималъ превосходную, укрѣпленную позицію; мы же стояли въ открытомъ полѣ. Атаковать Порицкъ нельзя было и думать; все что только можно было сдѣлать—это удерживать непріятеля на мѣстѣ до прибытія отрядовъ изъ Устилуга и Дружкополя; особенно мы разсчитывали на послѣдній: онъ долженъ былъ подойти къ Порицку отъ Милятина, и тогда только оба выхода изъ мѣстечка на границу были-бы заняты; между тѣмъ какъ теперь полякамъ стоило только броситься на милятинскую заставу, и они могли-бы, почти безъ всякихъ потерь, прорваться въ Галицію. Значитъ, мы имѣли возможность удерживать непріятеля только тогда, когда онъ пойдетъ по самовольской дорогѣ,—и еслибъ полякамъ посчастливилось отбросить съ дороги нашъ отрядъ, то по крайней мѣрѣ это обошлось-бы имъ не очень-то дешево. Съ какимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали мы дружкопольцевъ, тѣмъ болѣе что мы знали, какіе тузы польскаго возстанія сидятъ въ Порицкѣ; захвативъ ихъ, мы могли бы, хотя на время, обезпечить спокойствіе края. А пока не занята милятинская дорога, этимъ тузамъ почти ничего не стоило вырваться изъ нашихъ рукъ.

Съ каждымъ часомъ становилось холоднѣе; шедшій до сихъ поръ мелкій дождь обратился въ ледяную крупу; замокшія шинели смерзлись и давно уже потеряли свои согрѣвательныя свойства; холодный вѣтеръ пронизывалъ озябшихъ и голодныхъ солдатъ. Надо было позаботиться найти возможность хотя сколько нибудь дать согрѣться людямъ; поэтому рѣшено было сойдти съ самовольской дороги и занять небольшую деревню Ляхово, не болѣе какъ въ полуверстѣ отъ Порицка. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что отощавшіе драгунскіе кони нуждались въ водопоѣ, а въ ляховскомъ дворѣ были прекрасные и совершенно годные для этого колодцы. Еслибы поляки вышли изъ Порицка, то мы всегда имѣли возможность во-время вернуться на самовольскую дорогу.

Едва только было замѣчено наше движеніе, какъ массы польской конницы снова выдвинулись изъ-за кладбища; два раза они пытались атакавать растянутыя въ своемъ движеніи роты, и оба раза останавливались, видя готовность нашихъ эскадроновъ къ фланговой атакѣ. Между тѣмъ пѣхотинцы уже подходили къ Ляхову; тамъ ихъ встрѣтилъ бѣглый огонь засѣвшихъ за плетнями косиньеровъ и нѣсколькихъ сотенъ польской линейной пѣхоты. Безъ выстрѣла и безъ крика *ура*, молча кинулись обѣ роты къ деревнѣ,—и тотчасъ же выбитые штыками поляки бѣжали въ безпорядкѣ по Ляховской улицѣ, отступая къ Порицку.

Деревня была занята. Мы выставили аванпосты и конную цѣпь, и солдаты весело пошли отогрѣваться въ радушно отпертыя крестьянами хаты. Но, увы! ляховскіе крестьяне только тепломъ и могли угостить нашихъ солдатъ; во всей деревнѣ нельзя было найти ни куска хлѣба; все съѣстное было забрано только-что выгнанными отсюда поляками.

Не прошло и полу часа послѣ занятія Ляхова, какъ изъ Порицка то и дѣло начали выѣзжать конныя партіи, по двѣсти и триста человѣкъ; онѣ видимо вызывали драгунъ въ поле,—и коль скоро какой нибудь изъ нашихъ эскадроновъ выдвигался изъ деревни, поляки тотчасъ поворачивали налѣво кругомъ, и скакали назадъ, заманивая драгунъ подъ выстрѣлы своей пѣхоты. Это стало намъ сильно надоѣдать, тѣмъ болѣе что подобныя атаки, не достигая окончательной цѣли, изнуряли нашихъ лошадей—и безъ того измученныхъ полутора-суточнымъ походомъ.

Странный и невеселый видъ имѣла наша ляховская стоянка. Молча ворочались солдаты между составленныхъ въ козлы ружей; на лицѣ каждаго изъ нихъ рѣзко выражалось сознаніе досаднаго безсилія: передъ ними былъ непріятель, врагъ въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова,—и они почти ничего не могли ему дѣлать. Казалось даже страннымъ, какъ это поляки не рѣшались перейти въ наступательное движеніе; это для нихъ было такъ легко: вѣдь они видѣли наши силы, въ то время когда мы, передъ самымъ ихъ носомъ, прошли къ Ляхову. Они даже могли по одиночкѣ пересчитать всѣхъ своихъ противниковъ; чего же они боялись? И странно, всѣмъ намъ какъ будто-бы хотѣлось этого, совершенно невыгоднаго для насъ, нападенія! Это тяжелое, безпокойное состояніе раздѣлялось также нашимъ маіоромъ; онъ поминутно грызъ свои бѣлые длинные усы—и то и дѣло посылалъ къ Иваничамъ узнать, не идетъ-ли хоть какое нибудь подкрѣпленіе изъ штаба. Но ни по Устилужской, ни по Дружкопольской дорогамъ не было ни слышно ни видно рѣшительно никакого признака движенія. А между тѣмъ времени прошло уже столько, что можно было сдѣлать, по крайней мѣрѣ, три такихъ перехода. Мы всѣ ломали себѣ головы придумывая причины такого страннаго замедленія.

Стемнѣло. Впереди, надъ мѣстечкомъ, показалось красноватое зарево; стало какъ-будто немного теплѣй; снова нашелъ дождь, и отъ болотъ, окружающихъ Порицкъ, поднялся густой бѣловатый туманъ.

Н. Каразинъ.

(Окончаніе будетъ.)

*) Небольшое знамя, формой похожее на наши кавалерійскіе штандарты.

Библиотека "Руниверс"

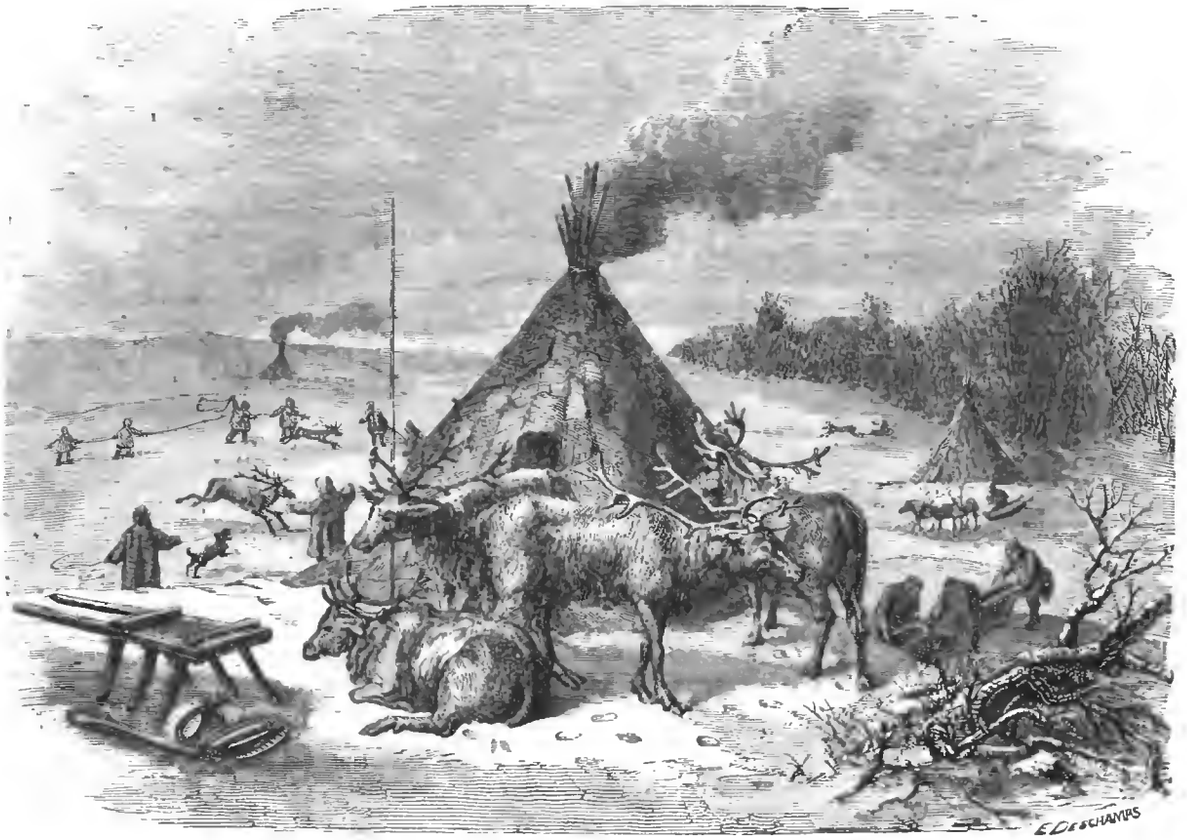
Народы России.

XXI. Зыряне.

Громадныя пустыни европейско-русскаго сѣверо-востока, съ ихъ малоизвѣданною глушью, невольно тянутъ въ свои захолустья нашего охотника и натуралиста, разсчитывающихъ здѣсь на богатую добычу. Это край гдѣ ближайшія разстоянія мѣряются сотнями верстъ, гдѣ между населенными пунктами лежатъ дремучіе лѣса, безмолвныя тундры, громадные отроги уральскихъ горъ, вьются десятки рѣкъ и еще болѣе ручьевъ и притоковъ. Картины этого края необычайно разнообразны. Онѣ захватываютъ въ свои предѣлы все бывшее царство Югорское, т. е. всю южную половину Заичорья и сѣверо-востока Вологодской губерніи. На этомъ пространствѣ путешественникъ встрѣтитъ все. Въ Койнасской и другихъ волостяхъ Архангельской губерніи передъ нимъ раскинутся громадныя зеленые луга, на которыхъ пасутся превосходныя зырянскія лошади—мезенки; дальше, на сотни верстъ къ востоку и неизвѣстно куда на сѣверъ и югъ тянутся лѣса, гдѣ стройная лиственница и сибирскій кедръ считаются совершенно обыкновенными деревьями. Въ глуши этого тѣнистаго царства, какъ на морѣ, невозможно обойдтись безъ компаса. Иначе никакой знатокъ не выберется изъ этой дремучей трущобы. За темными лѣсами лежатъ громадныя рѣки Печора, Ижма и др., судоходныя но пустынныя; дальше еще вздымаются колосальныя горы, шиферные склоны которыхъ сѣро-матовыми глыбами стоятъ надъ поросшими мхами тундрами. Центръ, столица зырянскаго населенія—несомнѣнно село Ижма, раскинутое на правомъ берегу рѣки того же имени, въ 60 верстахъ отъ сліянія ея съ Печорою и въ 700 верстахъ отъ своего уѣзднаго города. Ижма славится на всемъ сѣверѣ богатствомъ своихъ жителей, красотою своихъ церквей, бойкостью торговцевъ—исключительно зырянъ, которые здѣсь вполнѣ обнаружили, что въ дѣлѣ промысла и торговыхъ оборотовъ нѣтъ имъ равныхъ. Ижма раздѣляется на двѣ половины: Катыдъ и Кыйтыдъ (верховье и низовье). Въ центрѣ той и другой слободокъ высятся многочисленныя церкви съ вызолоченными куполами и шпицами. Направо и налѣво отъ нихъ тянется широкая улица, съ которою смыкаются перекрестившіеся во всѣхъ направленіяхъ переулки. Ижма находится въ средоточіи громаднаго пространства содержимыхъ зырянами нивъ. Эти инородцы, не ограничиваясь торговлею и лѣсными промыслами, занимаются кромѣ того, хлѣбопашествомъ и оленеводствомъ. За нивами, уже едва замѣтныя въ сѣрой дымкѣ ровныхъ, гладкихъ далей, чуть синѣютъ заичорскія дебри, до сихъ поръ еще уцѣлѣвшія отъ топора лѣснаго промышленника и отъ пожара, истребившаго въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ лѣса, тянувшіеся прежде на сотни верстъ. Впрочемъ и здѣсь въ сухихъ «обрѣдинахъ» попадаются небольшія выжженыя поляны, на самой серединѣ которыхъ торчатъ черные обгорѣлые силуэты лѣсныхъ великановъ. Съ этими пунктами связаны даже нѣкоторыя преданія зырянъ. Истоминъ, посѣщавшій Ижму и долго жившій здѣсь, говоритъ, что на противоположномъ берегу р. Ижмы разстилаются теряющіеся вдали луга, за ними синѣютъ уступы холмовъ, между которыми красиво разбросаны уютные крестьянскіе домики другого зырянскаго села Мохченги съ каменною приходскою церковью. Съ вершины этого ската можно видѣть въ ясную погоду одну изъ красивѣйшихъ вершинъ Уральскаго хребта, Саблю (Мечь-Камень). Замѣчательно, что въ селеніяхъ Красноборскомъ, Сизябскомъ, Гамскомъ, Могченскомъ, Ижемскомъ, Койнасскомъ, Пылемскомъ, отличающихся многолюдностію, крестьяне, живущіе здѣсь, отличаются домовитостію, довольствомъ и ничего не жалѣютъ на улучшеніе наружной обстановки ихъ быта. У нихъ есть прекрасно содержимыя школы, а въ Ижмѣ къ тому же и ремесленное, открытое зырянами, техническое училище. И все это развилось и устроилось сравнительно еще очень недавно. Зыряне здѣсь—и сами пришельцы. Въ окрестностяхъ ихъ селеній еще и до сихъ поръ находятъ слѣды аборигеновъ этого края: желѣзные заступы, топоры, копачи, копья и другія орудія чрезвычайно странной формы, давно уже неизвѣстной въ Заичорьѣ. А по притокамъ р. Печоры и Ижмы, уже не говоря о болѣе сѣверныхъ рѣкахъ, есть въ берегахъ искуственно вырытыя пещеры, гдѣ нѣкогда жили троглодиты Югры, уже впрочемъ знакомые съ употребленіемъ и производствомъ металловъ, такъ какъ у нихъ находятся различныя орудіи изъ желѣза и бронзы. Судя по преданію, въ моментъ переселенія сюда пермскихъ и вологодскихъ зырянъ, слившихся воедино, на этихъ мѣстахъ жила *Чудь*, которая гостепріимно приняла пришельцевъ. Всѣ эти элементы соединились между собою, образовавъ нынѣшнее населеніе зырянскихъ волостей, и стали торговать съ менѣе культурнымъ племенемъ *самоядью*, *самоѣдами*, разумѣется безпощадно эксплоатируя этихъ оленеводовъ, имѣвшихъ несчастіе въ сношеніяхъ съ зырянами сохранять свою патріархальную честность и наивность. Остатки чудскихъ словъ еще встрѣчаются въ языкѣ зырянъ. Сюда же къ зырянамъ стали переселяться и нѣкоторые самоѣдскіе роды, преимущественно же изъ карачайскихъ или какъ говорятъ ижемцы: аркучей. Разнообразіе элементовъ, смѣшавшихся здѣсь, еще увеличилось, когда во время покоренія Новгорода Іоанномъ III-мъ, сюда бѣжали новгородскіе опальные бояре съ своими «людишками». Христіанство было внесено сюда иноками Троицкой Устьсысольской пустыни, при преемникѣ св. Стефана пермскаго, епископѣ Исаакѣ, около 1397 г. Ижемскіе зыряне называютъ себя Изьва-тасъ (люди при каменной рѣкѣ). Дома свои они строютъ также какъ русскіе, лишь побогаче послѣднихъ; черныхъ избъ съ дымоволоками — въ зырянскихъ селеніяхъ не встрѣтить. Одѣваются они, какъ и русскіе въ Заичорьѣ: въ малицы, совикъ и пимы. Малица родъ мѣшка изъ хорошо выдѣланныхъ шкуръ молодого оленя, шерстью внутрь съ отверстіемъ для головы и рукавами. Поверхъ ея надѣваютъ ситцевую рубаху, сшитую также и такой же длины какъ малица. Воротникъ малицы, рукава и подолъ оторочены оленьимъ выжичьимъ, а иногда и лисьимъ мѣхомъ. Зимою сверхъ малицы надѣваютъ совикъ (парка)—тоже что и малица, но шерстью въ наружу, съ капишономъ изъ оленьяго мѣха же. Пимы—сапоги изъ оленьихъ лапъ, которые затѣйливо украшаются кусочками краснаго сукна и различными мѣхами. Женщины одѣваются точно также, за исключеніемъ рубашекъ, которыя шьются роскошнѣе, иногда даже изъ шелковыхъ матерій. Въ послѣднее время ижемцы и другіе зыряне лѣтомъ усвоили себѣ совершенно русскій крестьянскій костюмъ, а кто побогаче, такъ уже носитъ и «нѣмецкое платье». Но верхомъ франтовства считается носить, не смотря на сухой и знойный день—дождевой зонтикъ, калоши и яркій гарусный шарфъ на шеѣ. Нѣкоторыя зырянки уже носятъ городскія платья, но безъ неизбѣжныхъ «карнолиновъ», которые здѣсь называютъ чортовой клѣткой... Кромѣ того существуетъ еще особенный лѣтній костюмъ охотника, изображенный на нашемъ рисункѣ, который мы опишемъ позже, когда будемъ говорить о промыслахъ и торговыхъ сношеніяхъ зырянъ. Умственныя способности этого племени особенно замѣчательны. Въ школахъ зырянскіе мальчики дѣлаютъ необыкновенно быстрые успѣхи, а одинъ изъ нихъ, бывшій въ школѣ Соловецкаго монастыря, въ самое непродолжительное время усвоилъ себѣ нѣсколько языковъ. Кромѣ того, отличительнымъ нравственнымъ свойствомъ зырянина надо признать необычайную энергію. Они достигаютъ неизмѣнно того, чего добиваются. Разъ задавшись цѣлію, они непремѣнно дойдутъ до нея, какія бы препятствія не стояли у нихъ на дорогѣ. Въ сношеніяхъ съ посторонними, внѣ предѣловъ своего села, зыряне недовѣрчивы, не прочь поднадуть милаго человѣка, обобрать самоѣда или оттягать неправедно оленье стадо у номада; за то у себя дома зыряне—гостепріимны и доступны. Сотни нищихъ каждую зиму прокармливаются въ зырянскихъ селахъ именемъ христовымъ, причемъ положеніе ихъ похоже не на то, которое ждетъ каждаго попрошайку, а на то, котораго въ правѣ желать почетный гость... Но всего болѣе пользуются уваженіемъ въ зырянскомъ населеніи священники. Недаромъ приходы въ этой средѣ считаются болѣе выгодными чѣмъ городскіе. Каждый зырянинъ не ждетъ того, чтобы священникъ пришелъ къ нему на домъ, а самъ несетъ—что можетъ, а не то что ему не жалко. Украшенія зырянскихъ храмовъ отличаются такимъ богатствомъ, что рядомъ съ нимъ никакъ нельзя поставить церкви сѣверо-русскихъ городовъ, даже и такихъ, каковы напримѣръ Архангельскъ и Вологда. Величайшее удовольствіе для зырянина заключается въ поѣздкѣ на саняхъ. Вечеромъ, по окончаніи работъ, по улицамъ ихъ селъ то и дѣло мчатся сани, запряженныя лошадьми или оленями. Ѣздоки перекликаются одни съ другими, поютъ русскія пѣсни, пересмѣиваются. По зимнимъ праздникамъ идутъ въ дѣло—ледяныя горы, съ которыхъ зыряне скатываются внизъ, причемъ въ этомъ удовольствіи принимаютъ участіе даже пожилые люди и старики. По словамъ очевидцевъ, здѣсь бываютъ и вечернія посидѣнки, но они вовсе не похожи на вечеринки русскихъ крестьянъ. Нѣсколько дѣвицъ собираются въ какой либо домъ съ шитьемъ, вязаньемъ, пряжей и проводятъ вечеръ за работой. Ни одинъ мужчина—холостъ ли онъ или женатъ—не въ правѣ войти къ нимъ. Зыряне собираются особо и занимаются разсказами, сказками, рѣдко пѣснями, чаще толками о своихъ нуждахъ, о своемъ бытѣ. Зыряне почти никогда не пляшутъ, покрайнѣй мѣрѣ ижемскіе, хотя въ старину это было для нихъ величайшимъ удовольствіемъ. Въ праздникъ св. Иліи имѣли они обыкновеніе ѣздить на противулежащій островъ, служившій пастбищемъ для скота, и проводили тамъ день въ разныхъ играхъ. Однажды молодежь съѣхалась туда, какъ и всегда, на праздникъ. Погода была прекрасная, солнце въ полномъ блескѣ горѣло въ недоступной высотѣ небесъ, отражаясь въ прозрачныхъ водахъ Ижмы. Начались игры... Однако около полудня показалась съ запада громадная туча. Всѣ собрались, не зная что дѣлать. Ѣхать черезъ рѣку было опасно. Ижма, дотолѣ тихая и спокойная, закипѣла волнами, а гроза поднималась съ ужасающей быстротой. Вихрь порывисто крутился въ воздухѣ, но наконецъ загремѣла буря, во время которой ударомъ грома убило весь скотъ, пасшійся на островѣ. Изъ людей не погибъ никто. Напуганные этимъ случаемъ, зыряне порѣшили навсегда отказаться отъ пляски»... Честность зырянъ, нѣкогда служившая всѣмъ примѣромъ, теперь

Библиотека "Руниверс"

далеко уже не внушаетъ къ нимъ особеннаго довѣрія. Прежде зырянскія керки (избы) и кладовыя никогда не замыкались; «если, говоритъ г. Ф. Арсеньевъ, хозяева выходили изъ дома, такъ клали на скобку дверей палку—признакомъ, что ихъ нѣтъ дома. Сосѣди и посторонніе люди этотъ условный знакъ считали крѣпче всякаго замка и уже не входили въ керку ни подъ какимъ предлогомъ. Бывало, звѣрь подстрѣленный промышленниками одной партіи, добитый и пойманный другою, до слова возвращался первымъ, безъ всякихъ сожалѣній или споровъ. На промыслахъ вся добыча поступала въ складчину, все дѣлилось поровну или же гуртомъ продавалось въ одни руки и деньги также поровну дѣлились между охотниками. При дѣлежѣ не было и помину о томъ, что одинъ настрѣлялъ болѣе, другой менѣе. Отправляясь на промыселъ, зырянинъ оставлялъ свой запасъ на лѣсныхъ тропинкахъ, кладя довольно замѣтные значки, и на возвратномъ пути нерѣдко нахаживалъ въ своихъ складахъ бѣлокъ и рябчиковъ; это значило, что какой нибудь землякъ, истощивъ свои запасы, бралъ частицу у него, за которую платилъ по совѣсти настрѣленною дичью. Ни одинъ охотникъ не пользовался дорогимъ звѣремъ, попавшимъ въ охотничьи снаряды товарища. Воровства у нихъ не было извѣстно, какъ не было даже въ языкѣ слова «воръ». Къ выполненію своихъ обязанностей въ то патріархальное время зыряне относились какъ къ святому дѣлу. Какой нибудь волости, рыбу и въ неподвижныхъ, тинистыхъ, широколиственными лопухами затянутыхъ озерахъ. Главный ловъ—ловъ семги производится преимущественно по Печорѣ и ея притокамъ. Здѣсь ловится лучшій сортъ этой рыбы, за исключеніемъ «порога» (онежскія семги). Желающіе ловить вмѣстѣ на одной тонѣ составляютъ артель. Одни артели осенью ловятъ неводами, другія поплавными. Въ послѣдніе преимущественно идетъ семга, а въ невода, достигающіе иногда отъ 100 до 400 саженъ длины, попадается бѣлая рыба. Пжемскіе зыряне семгу солятъ очень плохо, потому что соль здѣсь чрезвычайно дорога. Семга мѣстнаго улова скупается у зырянъ чердынскими торговцами и отвозится въ Казань, въ Пермь, въ Ирбитъ и Тобольскъ. Весною, только-что вскроются рѣки, зыряне ловятъ рыбу наметами въ оврагахъ, по которымъ между крутыми откосами ихъ береговъ шумно бѣгутъ незамѣтные лѣтомъ потоки. Такимъ образомъ добываются «сиги, харіусы, головни, сороки-косоглазки, ерши, окуни, подъязки и хищная щука, добычливо охотящаяся тутъ же за мелкою рыбой». Ловля производится ночью. Картина этихъ ловель особенно эффектна въ ясныя лунныя ночи, но она не лишена своеобразной прелести и ночью, когда на темной полосѣ рѣки въ разныхъ пунктахъ свѣтятся и привѣтливо мигаютъ десятки огоньковъ, горящихъ у самаго носа промысловыхъ челноковъ. Читатели «Нивы» впрочемъ уже знакомы нѣсколько съ этою картиной, изъ моего очерка «На ловлѣ»



Самоѣды ловятъ оленей. (Къ ст. Зыряне.) Рис. Фламанъ. Грав Дешанъ.

напримѣръ, нужно было внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими волоками отправляется бывало ходокъ съ деньгами пѣшкомъ въ городъ; «казна пуа, казна пуа»! (казну несу) говоритъ онъ встрѣчнымъ—и ему почтительно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, кладетъ суму въ передній уголъ, посохъ на лавку. Хозяинъ ужъ догадался, высылаетъ лишній людъ изъ дома, не знаетъ какъ угостить его. Ходокъ преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, нисколько не безпокоясь о сумѣ, увѣренный что ее никто не унесетъ. Между тѣмъ вѣсть что «казна мунэ» (казна идетъ) мигомъ проносится по деревнѣ—и всѣ прячутся по домамъ, никого не видно на улицахъ». Въ настоящее время далеко не то, замки потребовались—да еще какіе, а въ мѣстныхъ судахъ дѣла о воровствѣ стали обыкновеннымъ явленіемъ.

Въ настоящее время особенно заслуживаютъ вниманія промыслы зырянскаго населенія Архангельской и Вологодской губерній. Что касается до первой изъ нихъ, то занятія этихъ инородцевъ въ ея предѣлахъ достаточно мнѣ знакомы. Положеніе же зырянъ въ Вологодской губерніи прекрасно разработано Ф. Арсеньевымъ, изслѣдованія котораго по этому предмету представляютъ богатый матеріалъ для этнографа. Прежде всего нужно будетъ сказать о рыбныхъ ловляхъ зырянъ, одинаково развитыхъ и на Печорѣ, и по Пжмѣ, и по Колвѣ, и по Щугуру. Точно также зыряне ловятъ

(№ 30 Нивы 1874 г.). Въ водопольe промыселъ становится еще интереснѣе. Вотъ что говоритъ объ этой порѣ Ф. Арсеньевъ: «Въ зырянскомъ краѣ весенніе разливы бываютъ замѣчательно велики. Вычегда и Сысола въ виду Усть-Сысольска представляютъ въ весеннюю пору огромное сплошное водное пространство, синѣющее во всѣ стороны, куда ни посмотришь. Мелкіе кустарники по луговымъ мѣстностямъ, большіе еловые лѣса, растущіе по подоламъ и низамъ—все затопляется разливомъ. Быстрина въ рѣкахъ, скрывающихъ подъ водою свои берега, бываетъ въ это время чрезвычайно сильна; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ береговая окраина возвышается надъ поверхностью воды, происходятъ безпрестанные обвалы. Быстрымъ теченіемъ подмоетъ берегъ, страшная масса въ нѣсколько тысячъ пудовъ рушится съ ужаснымъ шумомъ въ глубину, вода закипитъ—и огромный валъ мчится отъ берега до самой середины рѣки. Глухіе удары, точно подводные пушечные выстрѣлы, то и дѣло раздаются здѣсь въ весенніе разливы по всѣмъ направленіямъ—это береговые обвалы». Рыба расходится по всему пространству въ разлившіяся воды, гдѣ ее и ловятъ въ заплеты (нѣчто въ родѣ заколовъ или заборовъ). Въ теплую погоду сигъ, кумжи, окуни, пельма, щуки, язи, чиры и лещи забираются въ «курьи»—тихіе заливы. Тутъ ихъ ловятъ мережками, и когда вода идетъ на убыль, то рыба направляется въ большія заливы для икромета. Здѣсь зыряне ловятъ её, запирая выходъ

Библиотека "Руниверс"

изъ залива различными способами, но такъ, что ни одной крупной рыбѣ не удасться выбраться вонъ отсюда. Рыба сама облегчаетъ ловъ. Почувствовавъ, что выходъ изъ курьи ей преграждень, она массами наваливается на препятствіе, откуда ее и вылавливаютъ уже неводами, кужами, и вилятъ въ громадномъ количествѣ. Часто зыряне и рѣки перегораживаютъ заборами. Работаютъ зыряне во всѣхъ этихъ случаяхъ безъотходно. Устали для нихъ какъ бы не существуетъ вовсе. «Женщины также стойко переносятъ эти труды, перебрасываясь съ молодыми парнями, окачивая другъ друга водою, перекидываясь различными шуточками. Молодыя бабы и дѣвки смѣло идутъ съ неводомъ въ забродъ. Когда зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются, то закусываютъ сырою рыбою, выдавивъ изъ нея кишки и соскобливъ ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбешка бьется и корчится въ зубахъ зырянина, уписывающаго ее съ величайшимъ наслажденіемъ». До августа мѣсяца ловля рыбы производится подольниками, рыболовной снастью изъ длинной тонкой бичевки, на которую навязаны длинныя лески съ крючьями. Этотъ родъ лова вошелъ здѣсь въ повсемѣстное обыкновеніе послѣ 1845 г., когда во всѣ сѣверныя рѣки, вслѣдствіе открытія шлюзовъ упраздненнаго Екатерининскаго канала, проникла стерлядь изъ Камы, черезъ Вычегду. Мы не остановимся на другихъ способахъ рыбной ловли, употребляемыхъ зырянами, потому что изобрѣтательность этого умнаго племени вполнѣ отразилась въ безконечномъ разнообразіи ихъ. Скажемъ только, что рыбная ловля не только доставляетъ громадныя средства для народнаго продовольствія Заичерскаго края, но и доставляетъ зырянамъ довольно значительныя суммы денегъ, выручаемыхъ отъ продажи продуктовъ этого промысла чердынцамъ на р. Печорѣ и русскимъ купцамъ на Пинежской ярмаркѣ, въ Архангельской губерніи.

Другой, еще болѣе значительный промыселъ зырянъ—охота, для которой эти инородцы употребляютъ винтовки, съ буграми на стволѣ, съ замкомъ устроеннымъ смѣшно и безобразно. Калибръ дула таковъ, что въ него едва можно вогнать пулю съ горошину; такія пули нужны, чтобы не портить шкурки звѣря. Ложе зыряискаго ружья—просто полѣно, кое-какъ обтесанное и неловкое на прикладѣ. Пули дѣлаетъ зырянинъ, откусывая куски отъ свинцоваго прута и зубами уже придаетъ куску круглую форму. Такая винтовка хватаетъ шаговъ на пятьдесятъ, моржовка—на сто двадцать. Зыряне никогда не стрѣляютъ съ руки, а всегда съ сошекъ (съ прикладу). Въ охотѣ зырянина неизбѣжно сопровождаетъ его собака. Начинается лѣсованье (охота) въ послѣднихъ числахъ сентября и продолжается до первыхъ чиселъ апрѣля. Охотники дробятся на партіи, въ 2—5 человѣкъ. Латкинъ говоритъ, что каждый изъ охотниковъ беретъ на свою долю на промыселъ слѣдующіе запасы: 4 пуда сухарей, 1 пудъ сушеныхъ пироговъ съ крупою, 1 пудъ ячной муки, 1 пудъ ржаной муки, 10 фунтовъ крупы, ячной муки 1 пудъ (для собакъ), 12 ф. масла, 3 ф. пороху, 4 ф. свинцу; такимъ образомъ на каждаго промышленника приходится по 10 п. 6 ф. На лѣсованье уходятъ верстъ за 200 отъ своего села, а изъ печорскихъ селъ за 400 и даже за 500 верстъ. Пока рѣки не покрылись льдомъ, провизію, запасы и добычу возятъ на лодкахъ; когда же ихъ застигнетъ зима—содержимое лодокъ выгружается въ нарты, которыя промышленники уже везутъ на себѣ. Прибывъ на операціонный пунктъ охоты, зыряиская партія строитъ при рѣкѣ нывзянъ—лѣсную избушку съ каменкой. Одинокій странникъ по лѣсамъ сѣвера, путешественникъ, охотничья партія, бродячій самоѣдъ—находитъ такіе нывзяны въ самыхъ отдаленныхъ закоулкахъ этихъ дремучихъ дебрей, но преимущественно же въ мѣстахъ живописныхъ. Зырянинъ далеко не равнодушенъ къ красотѣ природы. Г. Ф. Арсеньевъ разсказываетъ, что ему не разъ случалось видѣть, какъ отдыхающій зырянинъ предавался глубокой мечтательности, слѣдя за убѣгающими облаками, закатомъ солнца, журчаніемъ воды, бѣгущей по камешкамъ. Каждый вечеръ партія сходится въ нывзянъ, куда сносятъ добычу промысла. Здѣсь сначала варятъ пищу, потомъ сдираютъ шкуры съ убитыхъ животныхъ, и мясомъ ихъ кормятъ собакъ. Когда кругомъ нывзяна добыча раздробилась, охотники идутъ дальше, въ одну изъ прежнихъ или строютъ новую избу. Въ ноябрѣ они уже возвращаются назадъ, а въ декабрѣ добычу своего промысла отдаютъ скупщикамъ. Главная часть этой добычи: бѣлка, горностай и рябчики. Ихъ бьютъ не только изъ ружей, но и добываютъ въ силки, ловушки, которыя иногда ставятся верстъ за двадцать отъ нывзяна. Часто одинъ охотникъ разставляетъ около 500 штукъ ловушекъ. Иногда при дѣлежѣ на одного охотника достается отъ 400 до 500 бѣлокъ. Еще болѣе чѣмъ бѣлокъ, зыряне добываютъ рябчиковъ, которыхъ бьютъ изъ ружей и тоже ловятъ въ силки (слопы и петли), изъ которыхъ дичь часто вмѣсто охотника достается медвѣдю. За этимъ царемъ сѣверныхъ лѣсовъ промышленники охотиться не любятъ одинъ на одинъ, а бьютъ его партіями. Лисицы попадаются зырянину въ капканы или на приманки, къ которымъ примѣшиваются сулема. Нѣкоторые промышленники здѣсь еще выкармливаютъ лисятъ, вынимая ихъ изъ лисьихъ норокъ...

Смышленность зырянъ и практическій тактъ ихъ нигдѣ такъ хорошо не выразились, какъ въ ихъ отношеніяхъ къ самоѣдамъ. Было время, и очень недавно, когда самоѣды были владѣтелями громадныхъ стадъ, пасшихся въ Больше-Земельской, Мало-Земельской, Тиманской и Канинской тундрахъ. Между ними считался бѣднякомъ—человѣкъ у котораго было тысячи двѣ или три оленей. Нѣкоторые номады владѣли сотнями тысячъ этихъ живот-

Зырянинъ отправляющійся за Уралъ. Рис. Фриманъ. Грав. Этерингтонъ.

Библиотека "Руниверс"

ныхъ; но стоило только самоѣдамъ завести правильныя сношенія съ зырянами, какъ послѣдніе все прибрали къ своимъ рукамъ и стада и богатства самоѣдовъ, такъ что теперь бывшіе ротшильды этого племени—служатъ пастухами у зырянъ, ставшихъ владѣльцами ихъ табуновъ. При помощи водки, торговли мукою, обманывая на каждомъ шагу самоѣда, зырянинъ сдѣлался хозяиномъ тундры, въ которой его воля стала рѣшительницей судьбы бѣднаго племени, нѣкогда царившаго въ этихъ тундрахъ. Повторю здѣсь сказанное мною въ другомъ мѣстѣ: зыряне Могченской, Красноборской, Усть-Кожвинской и другихъ волостей Мезенскаго уѣзда душатъ благосостояніе самоѣдовъ въ глуши, гдѣ надзоръ за ихъ торговою дѣятельностію невозможенъ, гдѣ робкое пассивное племя исконныхъ обладателей Мезенской тундры представляетъ каждому мало-мальски ловкому, юркому и плутоватому торгашу безграничный просторъ для приложенія къ дѣлу своихъ хищническихъ наклонностей. Нечего и говорить, что отношенія между первыми и вторыми являются исключительно въ видѣ грабежа, насилія, спаиванія. Едва ли найдется въ настоящее время средство остановить дальнѣйшее развитіе кабалы, со всѣхъ сторонъ охватившей несчастное полудикое племя, вырождающееся съ поразительною быстротою. Мезенскіе зыряне—нынѣ помѣщики самоѣдовъ. Эта часть зырянскаго племени вышла изъ Яренскаго уѣзда Вологодской губерніи по приглашенію новгородскаго ушкуйника Ластки, получившаго отъ Іоанна Чегвергаго грамоту на заселеніе рѣки Печоры и ея притоковъ. Зыряне осѣли по обоимъ берегамъ рѣки Ижмы, первоначально въ томъ районѣ, который теперь включенъ въ предѣлы Могченгской волости. Сюда же переселены нѣсколько новгородцевъ и семеро самоѣдовъ съ семействами, бросившіе кочевую жизнь. Первая грамота на отдѣльное владѣніе землею была дана новой колоніи царемъ Михаиломъ Федоровичемъ—и въ началѣ зыряне ограничивались только расчисткою лѣсовъ подъ пашни, сѣнокосами и рыбными ловлями по Печорѣ и по Ижмѣ. Только впослѣдствіи—вступивъ въ ближайшія сношенія съ самоѣдами—зыряне поняли всѣ выгоды оленеводства, стали обзаводиться оленями, поручая ихъ самоѣдамъ, такъ какъ отваживаться на поѣздки въ неисходную глушь мезенскихъ (или какъ называли тогда Югорскихъ) тундръ они еще не рѣшались. Одновременно съ этимъ въ тундры стала черезъ зырянъ проникать и водка. Не много погодя, мы уже видимъ зырянъ положительными распорядителями этихъ пустынь и владѣльцами стадъ, принадлежавшихъ прежде самоѣдамъ. Тогда же они принялись и за иной способъ дѣйствій. Самоѣды къ лѣту обыкновенно удаляются на морскіе берега, какъ для спасенія своихъ оленей отъ комаровъ, такъ и для промысловъ. Зыряне, слѣдуя за ними по пятамъ, вытаптывали тѣ моховыя пажити, которыя обезпечивали зимнія продовольствія для оленей. Количество послѣднихъ стало уменьшаться, да и хозяева ихъ, самоѣды, начали послѣ того переходить къ зырянамъ батраками, работниками; спаиваемые, преслѣдуемые, обворованные и ограбленные зырянами, самоѣды дошли до такого печальнаго положенія, что возрожденіе этаго племени стало притчею во языцѣхъ. Они владѣютъ только $^{1}/_{15}$ стадъ, принадлежавшихъ имъ прежде, $^{14}/_{15}$ находится зырянъ и у русскихъ. Какъ тѣ такъ и другіе, не имѣя никакихъ правъ на владѣніе тундрой—на дѣлѣ ея безконтрольные хозяева. Нынче зыряне оттѣсняютъ и чердынскихъ купцовъ, торгующихъ по р. Печорѣ. Они развили у себя замшевое производство, захватили всю торговлю края въ свои руки, понастроили по теченію р. Ижмы богатыя и людныя села, а въ послѣднее время предпріимчивѣйшіе изъ нихъ стали уже показываться въ Чердыни, въ Москвѣ и даже на Макарьевской ярмаркѣ. Зырянинъ на первый взглядъ покажется вамъ и глуповатымъ и дубоватымъ, но вы не вѣрьте этой располагающей къ довѣрію внѣшности. Въ концѣ концовъ онъ оказывается такимъ пройдохой, который навѣрное разъ двадцать обернетъ васъ кругомъ пальца, пока успѣете вы замѣтить это.

На прилагаемыхъ двухъ рисункахъ изображено: на первомъ—суматоха въ самоѣдскомъ кочевьѣ, послѣдовавшая за пріѣздомъ къ этимъ простодушнымъ номадамъ сѣвера—зырянина, промышляющаго торговлею въ тундрѣ. Олени привезшіе его отдыхаютъ у чума, вдали разгружаются нарты съ товаромъ, доставленнымъ имъ, а въ сторонѣ хозяева ловятъ оленя, предназначеннаго на угощеніе плутоватому зырянину, отдыхающему внутри чума. На второмъ рисункѣ изображенъ зырянинъ, торговецъ переваливший за Уральскія горы въ Березовскій округъ Тобольской губерніи, къ остякамъ, которые нынѣ уже мало по малу подпадаютъ во власть, разумѣются экономическую, къ зырянамъ. Третій рисунокъ изображаетъ зырянина охотника и зырянокъ.

В. Немировичъ Данченко.

Смѣсь.

Пожарные въ Константинополѣ. Пожарные въ Константинополѣ образуютъ совершенно независимый классъ (цехъ), который не подчиняется ни военной, ни гражданской администраціи. Классъ этотъ, состоящій преимущественно изъ грековъ, армянъ и албанцевъ, имѣетъ свои обычаи, свои уставы, свои церемоніи и наконецъ свои празднества.

Извѣстно, что городъ Константинополь, такъ часто испытывающій пожары, имѣетъ двѣ каланчи: Серасквера и Галята, оттуда сторожа—бедьи—даютъ знать жителямъ о пожарѣ.

Лишь только онъ возвѣщенъ, какъ пожарные уже стремятся съ быстротою молніи на мѣсто пожара, партіями въ 20, 30 или 40 человѣкъ. Двое или трое несутъ на своихъ плечахъ пожарныя трубы, которыя хотя малы, но отлично дѣйствуютъ.

Пожарные проходятъ улицы подобно смерчу—и бѣда пѣшеходамъ, находящимся на пути!

Но вотъ они передъ огнемъ—и здѣсь-то открывается одинъ изъ коренныхъ недостатковъ этой первобытной еще организаціи.

Пожарные готовы работать, но не иначе, какъ спросивъ предварительно плату за свой трудъ. Однажды договоръ заключенъ—вы можете смѣло разсчитывать на силу, мужество и неустрашимость этихъ людей. Ихъ отважность и смѣлость не имѣетъ границъ.... Однако эта энергія не достаточна; а такъ какъ пишутъ о столькихъ реформахъ въ Турціи, то конечно слѣдовало бы также обратить вниманіе на этотъ классъ и улучшить его, такъ какъ это одинъ изъ значительныхъ недостатковъ Константинополя.

Генрихъ Ковальскій. Генрихъ Ковальскій—піанистъ-композиторъ, не смотря на свое славянское происхожденіе, знаменитость французской школы. Мы воспользуемся случаемъ, чтобы въ немногихъ словахъ разсказать, подъ чьимъ покровительствомъ Генрихъ Ковальскій, этотъ нынѣ столь уважаемый публикою, піанистъ, выступилъ на артистическое поприще. Родившись въ 1842 году, въ Парижѣ, онъ уже 10-ти лѣтъ вступилъ въ консерваторію. Мармонтель и Анатоль Пети были его учителями на фортепіано, Карафа и Робертъ учили его композиціи; профессора были хорошо выбраны, а ученикъ достоинъ ихъ уроковъ. Только въ 1863 году Ковальскій былъ въ первый разъ услышанъ публикою во время своего путешествія по западу Франціи, гдѣ онъ давалъ первые свои концерты. Филармоническія музыкальныя общества Сентъ-Мало, Ренна, Ванна, Нанта, Анжера, Бордо и Байоны, приглашали его на ихъ празднества, и ему, въ этихъ различныхъ поѣздкахъ ничего болѣе не оставалось, какъ только поздравлять себя за тотъ пріемъ, который ему вездѣ дѣлали. Въ 1864 году приглашенный въ Виши, онъ имѣлъ честь представиться французскому императору Наполеону III и Бельгійскому королю.

Наполеонъ III, въ знакъ своего расположенія, велѣлъ вручить ему часы, украшенные его портретомъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ этого, онъ предпринялъ путешествіе по Англіи и Германіи, гдѣ блистательно фигурировалъ въ многихъ концертахъ. По возвращеніи въ Парижъ въ 1866 году, онъ скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ публикою артистовъ, и его имя часто упоминалось въ программахъ великолѣпныхъ праздниковъ, даваемыхъ въ резиденціи, у министровъ морскаго, торговли и земледѣлія, и другихъ высокопоставленныхъ лицъ.

Наконецъ въ 1869 году онъ отправился въ Америку, по которой предпринялъ артистическое путешествіе, посѣтивъ при этомъ сѣверъ и югъ этой страны: Калифорнію и Канаду. Изъ этого послѣдняго путешествія Ковальскій привезъ, кромѣ долларовъ, множество воспоминаній и оригинальныхъ музыкальныхъ сочиненій, которыя онъ впослѣдствіи собралъ въ одинъ томъ и издалъ, озаглавивъ его: A travers l'Amerique. Между этими композиціями особеннаго вниманія заслуживаетъ оригинальная индѣйская пѣсня, слышанная имъ во время его посѣщенія племени тускарора, живущихъ у Ніагарскаго водопада.

Кромѣ его американскихъ сочиненій, Ковальскій—авторъ многочисленныхъ композицій, какъ для фортепіано, такъ и для пѣнія, между которыми замѣтательны: Menuet de Marie Leczinska, l'Invitation à la Polonaise, les Cuirassiers de Reischoffen, и наконецъ les Roses de Bohême, которую называютъ перломъ его ларчика, уже достаточно наполненнаго въ настоящее время для такаго молодаго еще артиста.

Патагонцы, славящіеся своимъ громаднымъ ростомъ, начинаютъ, подобно другимъ первобытнымъ племенамъ, медленно вымирать. Между патагонцами различаютъ три племени: тегуэльховъ или собственно патагонцевъ, пампасовъ и манзанеровъ; послѣдніе составляютъ отпрыскъ хилійскихъ araканцевъ. Тегуэльхи и Пампасы достигаютъ средняго роста около шести футовъ, при соотвѣтственномъ развитіи мускульной системы; Манзанеры меньше ростомъ, но за то болѣе красиваго сложенія. На пространствѣ отъ Ріо-Негро до Магелланова пролива живетъ въ настоящее время до полугоры тысячи душъ тегуэльховъ, 600 пампасовъ и около тысячи манзанеровъ всего до 3.000 человѣкъ.

Библиотека "Руниверс"

Обычай, при различныхъ торжественныхъ случаяхъ дѣлать 101 выстрѣлъ изъ пушки, какъ разсказываютъ нѣкоторые, произошелъ слѣдующимъ образомъ: когда императоръ Максимиліанъ торжественно въѣзжалъ въ Аугсбургъ, то въ честь его должны были сдѣлать 100 выстрѣловъ. Тотъ, кому поручено было считать выстрѣлы, при окончаніи пальбы сбился со счету и незналъ навѣрное: было-ли сдѣлано 100 выстрѣловъ, а потому приказалъ выстрѣлить еще разъ. Послѣ этого императоръ совершилъ въѣздъ въ Нюренбергъ; городъ этотъ хотѣлъ привѣтствовать императора такимъ же образомъ, какъ и Аугсбургъ, но для того, чтобы не отстать отъ послѣдняго, рѣшено было произвести также 101 выстрѣлъ и такимъ образомъ обычай этотъ сохранился и по сіе время. Нѣкоторые же историки приписываютъ происхожденіе этого обычая—древне-германскому обычаю при каждомъ счотѣ прибавлять единицу.

Уваженіе къ памяти основателя республики Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки безгранично—и недавно выразилось въ одномъ любопытномъ фактѣ: мѣстныя власти въ Сен-Луи—торговомъ центрѣ штата Миссури, узнавши, что въ городѣ этомъ живетъ дряхлая старуха, которая помнитъ еще Вашингтона, назначили ей ежемѣсячно вспомоществованіе въ три доллара.

Число бизоновъ въ большихъ степяхъ сѣверной Америки дѣйствительно сильно уменьшились; но все-таки еще стада ихъ въ сотни тысячь головъ постоянно кочуютъ отъ сѣвера къ югу и обратно. Кореспондентъ одной изъ бостонскихъ газетъ встрѣчалъ въ преріяхъ необозримыя стада. Бизоны особенно полюбили телеграфные столбы; они трутъ о нихъ бока и спину и постоянно опрокидываютъ ихъ на землю. Замѣчательно, что стадо бизоновъ никогда не переходитъ черезъ желѣзно-дорожный путь; они бѣгутъ вдоль рельсовъ до тѣхъ поръ, пока найдутъ переходъ гдѣ нибудь подъ высокимъ мостомъ.

Въ Кавудсъ Гопѣ, одной изъ алмазныхъ копей Южной Африки, добыли изъ земли алмазъ, который своею величиною, формой и качествомъ превосходитъ все, что добывали до сихъ поръ. Ему дано названіе «Звѣзды Клана, Вильяма и Викторіи», и великолѣпіемъ своимъ онъ затмѣваетъ знаменитую «Южно-Африканскую звѣзду». Вѣситъ онъ 92 карата, не имѣетъ никакого пятна и цѣнится 60,000 футовъ стерлинговъ. Новая копь, необыкновенно богатая, открыта была на берегу Вааля, въ округѣ Боссофа. Въ теченіи трехъ дней добыли алмазы въ 23½, въ 14½, въ 12, въ 37½ и во 107 каратовъ. Послѣдній — самый огромный изо всѣхъ, доселѣ добытыхъ алмазовъ въ Африкѣ, и его назвали «Дайамондіа». Онъ не такъ чистъ, какъ вышеупомянутый, и цѣнится въ 25,000 фунтовъ стерлинговъ. Изъ Гопгауна извѣщаютъ, что въ тамошнихъ алмазныхъ копяхъ найдено два алмаза, одинъ въ 52, другой 115 каратовъ.

Лондонъ до 1857 года безпокоили ночные воры, которыхъ нападенія и насилія надъ жителями день ото дня увеличивались. Ни тюрьма, ни временная или пожизненная ссылка, ни даже казнь, примѣняемая къ болѣе виновнымъ,—ничто не останавливало дерзости злодѣевъ. Грознѣе всѣхъ другихъ разбойниковъ было страшное общество душителей (garotters), которое выказывало болѣе всѣхъ ихъ упорное сопротивленіе противъ всякихъ средствъ, предпринятыхъ правительствомъ. Напрасно правосудіе англійское употребляло самыя строгія мѣры для ихъ истребленія. Ничто не помогало. Душители постоянно тревожили пѣшеходовъ своимъ нападеніемъ. Всякій, кому только приходилось поздно вечеромъ идти по отдаленнымъ и малонаселеннымъ кварталамъ города, подвергался, при поворотѣ въ какую нибудь улицу, внезапному нападенію душителя, который, схвативъ его за горло, сдавливалъ его своими желѣзными руками все сильнѣе и сильнѣе до тѣхъ поръ, пока несчастный, вынужденный страданіями, не позволялъ себя ограбить.

Для того, чтобы избавить Лондонъ отъ этого бича, нужно было, волей неволей, прибѣгать къ крайнимъ средствамъ. Королевское правительство, тронутое жалобами, которыя оно со всѣхъ сторонъ слышало, рѣшилось заступиться, и, шесть лѣтъ тому назадъ, представило въ парламентъ, требуя примѣненія къ душителямъ наказанія кнутомъ.

Проектъ этотъ былъ принятъ и тотчасъ же приведенъ въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ ночныя нападенія начали мало по малу уменьшаться, а въ настоящее время они столь же рѣдки, какъ прежде были часты.

Душителя, приговореннаго къ наказанію кнутомъ, приводятъ на тюремный дворъ; здѣсь, въ присутствіи шерифа и доктора, обязаннаго соразмѣрять удары съ физическою силою осужденнаго, его привязываютъ къ деревянному столбу, и, обнаживъ его спину, палачъ начинаетъ наносить ему удары кнутомъ съ девятью длинными, узкими ремнями.

Этотъ кнутъ, этотъ страшный cat-o'-nine-tails (девятихвостая кошка), котораго каждый кожанный ремень состоитъ изъ тройнаго узла на концѣ, падая на спину осужденнаго, образуетъ на ней глубокія раны, изъ которыхъ струится кровь. Рѣдко число ударовъ превышаетъ двадцать; часто, послѣ десяти, докторъ приближается къ виновному, щупаетъ пульсъ и приказываетъ прекратить наказаніе.

Конечно, нельзя не содрогнуться при мысли о такомъ ужасномъ родѣ наказанія. Не смотря на то, не слишкомъ торопишься обвинять въ излишней жестокости и безчеловѣчности средство, которое не было употребляемо иначе, какъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, противъ неисправимыхъ злодѣевъ, которымъ даже висѣлица не страшила.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 15 Августа послѣдовалъ торжественный въѣздъ Высоконареченной Невѣсты Е. И. В. В. К. Владиміра Александровича, Ея Высочества Герцогини Мекленбургъ-Шверинской Маріи въ С.-Петербургъ. Для встрѣчи Ея Высочества, всѣ расположенныя въ Петербургѣ и окрестностяхъ войска, кромѣ 24-й пѣхотной дивизіи и 24-й артиллерійской бригады, находящихся въ лагерѣ подъ Краснымъ-Селомъ, были поставлены по всему пути параднаго кортежа. Всѣ войска стояли развернутымъ фронтомъ и были одѣты въ полной парадной формѣ. У вокзала Царскосельской желѣзной дороги уже стояли парадныя золоченныя кареты и фаэтоны, и стояла выстроившись въ двѣ шеренги, тыломъ къ Семеновскому госпиталю, свита Его Величества. Почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа стоялъ около Императорскаго подъѣзда вокзала желѣзной дороги. Почти въ часъ пополудни началась пальба изъ орудій пѣшей артиллеріи, стоявшей на Семеновскомъ плацу. Это было сигналомъ, что Императорскій поѣздъ изъ Царскаго-Села приблизился къ Егерской церкви. Вокзалъ снаружи былъ убранъ флагами, а внутри тропическими растеніями. При выходѣ Ихъ Величествъ и Членовъ Императорской Фамиліи изъ вагоновъ раздались звуки музыки, скрытой за растеніями. Принявъ отъ Великаго Князя Николая Николаевича рапортъ, Государь Императоръ изволилъ лично скомандовать «на караулъ», и парадный кортежъ поѣхалъ впередъ, сопутствуемый звуками народнаго гимна и криками «ура» войскъ и находившихся за войсками массъ народа. Государь Императоръ изволилъ ѣхать по правую сторону, а Великій Князь Владиміръ Александровичъ по лѣвую сторону парадной кареты, въ которой сидѣли Ея Величество Государыня Императрица и Высоконареченная Невѣста Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская Марія. Во второй каретѣ находились Ея Высочество Государыня Цесаревна и Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, и въ третьей—Великія Княгини Александра Петровна и Ольга Ѳеодоровна. Изъ находящихся на пути церквей духовенство выходило на паперти съ крестами и хоругвями. У Казанскаго собора кортежъ остановился; Государь Императоръ изволилъ сойти съ лошади, а Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста и Великія Княгини вышли изъ экипажей и вошли въ соборъ. Когда молитва въ соборѣ была окончена, парадный поѣздъ тронулся далѣе къ Зимнему дворцу, а затѣмъ въѣхалъ во дворъ, въ большія ворота. Высочайшія Особы, по выходѣ изъ экипажей, изволили слѣдовать въ Большую церковь дворца, откуда по окончаніи молитвы отправились во внутренніе покои.

— Высочайшій манифестъ:

Божіею милостію Мы АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій Царь польскій, Великій Князь финляндскій и проч, и проч. и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

По соизволенію Божію и Родительскому Нашему и Любезнѣйшей Супруги Нашей, Государыни Императрицы Маріи Александровны, благословенію, Любезнѣйшій Сынъ Нашъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью владѣтельнаго великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго, Герцогинею Маріею, и въ 16-й день сего августа торжественно совершено въ Нашемъ присутствіи бракосочетаніе Ихъ въ соборной церкви Зимняго дворца, по уставамъ нашей православной церкви.

Возвѣщая о семъ радостномъ для родительскаго сердца Нашего событіи, и повелѣвая Любезнѣйшую Нашу Невѣстку, Супругу Великаго Князя Владиміра Александровича, именовать Великою Княгинею Маріею Павловною, съ титуломъ Императорскаго Высочества, Мы вполнѣ убѣждены, что вѣрные подданные Наши соединятъ теплыя мольбы ихъ съ Нашими къ Всемогущему и Всемилосердному Богу о дарованіи постояннаго, незыблемаго благоденствія Любезнымъ сердцу Нашему Новобрачнымъ.

Библиотека "Руниверс"

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 16-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесятъ четвертое, Царствованія-же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: Учредить съ 1-го іюля 1874 г. 15 новыхъ прогимназій, на основаніи Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г. устава и штата гимназій и прогимназій, въ городахъ: С.-Петербургѣ — двѣ и по одной: въ Москвѣ, Одессѣ, Серпуховѣ, Вольскѣ, Бѣломъ, Суражѣ, Прилукахъ, Коломнѣ, Егорьевскѣ, Рославлѣ, Касимовѣ, Ржевѣ и Ахтыркѣ. Прогимназіи: казанскую, одесскую первую и кіево-подольскую преобразовать, съ того же 1-го іюля 1874 г., въ гимназіи на основаніи устава и штатовъ, Высочайше утвержденныхъ 30-го іюля 1871 г.

— Высочайше повелѣно: Бердянское учебное лѣсничество преобразовать въ образцовое степное лѣсничество, съ цѣлью служить центромъ и образцомъ лѣсоразведенія въ мѣстностяхъ Таврической и смежныхъ губерній, а также содѣйствовать распространенію въ краѣ древоводства и садоводства.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ Ташкентѣ получено недавно предписаніе министерства финансовъ о закрытіи съ 1875 года дѣйствій акцизнаго управленія въ гор. Ташкентѣ и вообще о прекращеніи сборовъ торговыхъ пошлинъ по акцизной системѣ, и о введеніи въ краѣ дѣйствующаго въ Россіи общаго положенія о пошлинахъ, съ нѣкоторыми болѣе или менѣе важными льготными измѣненіями.

— Въ Новочеркаскѣ 9-го іюля открыта коммисія для пересмотра существующаго закона о рыболовствѣ въ войскѣ донскомъ. Коммисія эта займется и составленіемъ новаго проекта Положенія объ этомъ промыслѣ, причемъ ею будутъ принимаемы въ соображеніе заявленія по вопросу о рыболовствѣ частныхъ лицъ, близко знакомыхъ съ этимъ промысломъ.

— 5-го іюля вышелъ въ свѣтъ изданный II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Высочайше одобренный XLV томъ Полнаго Собранія Законовъ, содержащій въ себѣ узаконенія за 1870 годъ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Со времени учрежденія миссіонерской церкви для китайскихъ эмигрантовъ, въ Сарканскомъ выселкѣ, протекло почти пять лѣтъ. Въ это время всѣ эмигранты, окрестившіеся въ Копальскомъ округѣ и принявшіе русское подданство, вошли уже въ составъ русскаго казачьяго населенія области, прочно водворившись въ Сарканѣ и частію въ выселкахъ Карабулакскомъ и Коксуйскомъ. Точно также истекаетъ пятилѣтіе и миссіонерской дѣятельности въ Сарканѣ среди новокрещенныхъ, начавшейся съ октября 1868 года. Результаты этой дѣятельности состоятъ въ слѣдующемъ: за минувшее пятилѣтіе мужская школа въ Сарканѣ воспитала 39 человѣкъ, изъ которыхъ многіе вышли не только умѣющими хорошо говорить по русски и достаточно грамотными, но и сознательно вѣрующими и всецѣло преданными православной вѣрѣ христіанской; одинъ изъ этихъ учениковъ нынѣ исправляетъ при церкви должность псаломщика, и пять человѣкъ обязанности пѣвцовъ при богослуженіи. Сердечное расположеніе эмигрантскаго населенія въ Сарканѣ къ православной вѣрѣ очевидно. Кромѣ 669 чел. обоего пола, водворившихся въ Сарканѣ, остальные новокрещенные, причислившіеся нынѣ къ выселкамъ Карабулакскому и Коксуйскому, вошли въ составъ Коксуйскаго прихода и состоятъ подъ наблюденіемъ коксуйскаго священника о. Знаменскаго. Такимъ образомъ, дѣло воспитанія въ истинахъ христіанства эмигрантовъ въ Копальскомъ округѣ поставлено уже на прочныя начала.

— Въ Вильнѣ 6-го августа праздновалась десятая годовщина существованія Виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства. Послѣ богослуженія происходило общее годичное собраніе братчиковъ, на которомъ, по выслушаніи отчета за 1873—1874 гг., открыта была подписка для членскихъ взносовъ, и затѣмъ произведенъ выборъ членовъ совѣта. Капиталъ братства съ поступившими нынѣ взносами достигаетъ цифры свыше 16,000 р.

— Въ Житомірѣ всѣ работы по постройкѣ новаго православнаго собора окончены. 16-го августа предположено принять зданіе отъ строителя, а 30-го послѣдуетъ освященіе. Новый храмъ можетъ вмѣстить до трехъ тысячъ человѣкъ и по грандіозности постройки и по украшеніямъ составляетъ великолѣпное зданіе.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Въ Рыбинскѣ, въ видахъ охраненія судовъ и пристаней отъ пожаровъ, учреждена въ нынѣшнемъ году рѣчная полиція, состоящая изъ 35 человѣкъ команды. Въ распоряженіи этой полиціи находится пароходъ, на которомъ установлены четыре пожарныя паровыя донки, 8 лодокъ и всѣ необходимые пожарные инструменты. 28-го іюля, начальникъ губерніи на пароходѣ рѣчной полиціи отправился по всѣмъ рыбинскимъ пристанямъ по рр. Волгѣ и Шекснѣ для обозрѣнія порядка разстановки судовъ, сдѣланной уже на основаніи вновь утвержденныхъ правилъ. Во время этого обозрѣнія произведены были нѣсколько разъ примѣрныя пожарныя тревоги для испытанія качествъ и силы паровыхъ пожарныхъ донокъ и умѣнья команды съ ними обращаться. Какъ разстановка судовъ по пристанямъ, такъ и дѣйствія парохода съ донками и команды оказались вполнѣ удовлетворительными.

— 15-го іюля открыта въ Вологдѣ богадѣльня съ лечебницею, названная «Пестеревскою», по имени покойнаго потомств. поч. гражд. В. И. Пестерева, пожертвовавшаго для учрежденія богадѣльни до 9,000 руб. и домъ подъ ея помѣщеніе.

— Клинская городская дума, признавъ необходимымъ, въ видахъ городскаго благоустройства и улучшенія гигіеническихъ условій города, замостить городскую площадь, занимающую пространство въ 950 кв. саж., опредѣлила ассигновать необходимую на сей предметъ сумму изъ общихъ средствъ городской кассы.

— Богородская городская дума (Московской губ.) назначила на замощеніе улицъ въ городѣ 7,693 руб., съ употребленіемъ камня, добываемаго на городскихъ земляхъ.

— Съ 9-го іюля въ гор. Твери открыта контора ассенизаціи для очистки усовершенствованнымъ способомъ нечистотъ съ дворовъ, улицъ и площадей.

— Одесская городская управа, имѣя въ виду сдѣлать доступнымъ для всѣхъ гражданъ и въ особенности для домовладѣльцевъ исполненіе ихъ обязанности содѣйствовать городскому общественному управленію въ устраненіи вреднаго вліянія нечистотъ на здоровье жителей, открываетъ въ разныхъ мѣстахъ города склады для дезинфекціонной массы по доступной для всѣхъ цѣнѣ—30 коп. за пудъ.

— Въ Ставрополѣ, 3-го сего іюля, открыта городская управа, образованная на основаніи Высочайше утвержденнаго 16-го іюня 1870 года Городоваго Положенія.

СПОРТЪ.

— «Кронштадтскій Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія подробности о бурѣ, выдержанной въ морѣ судами флотиліи яхточекъ С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба, отправившейся 21-го іюля, подъ брейдъ-вымпеломъ вице-командора А. И. Лера, для сопровожденія ботиковъ-крейсеровъ Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Когда яхты снялись съ якоря, вѣтеръ былъ свѣжій W; повременамъ моросилъ дождь. За Лондонскимъ маякомъ W началъ крѣпчать, море покрылось бѣлыми зайчиками; за Стирсуденскимъ же маякомъ засвирѣпѣла настоящая буря, и море начало покрываться сплошною массою, но уже не прыгавшихъ зайчиковъ, а высоко, грозно поднимавшихся бѣлыхъ валовъ. Боты-крейсеры и яхты, снявшіеся первыми, успѣли проскочить въ Біоркэ-зундъ прежде нежели буря вполнѣ разыгралась. Полное ея дѣйствіе пришлось испытать флагманской яхтѣ «Заря» и яхтѣ «Рѣзвушка»: W дулъ съ страшною силою; волны поднимались выше половины мачты; безпрестанно налетавшіе съ разныхъ румбовъ шквалы безжалостно клали «Зарю» на бокъ, и не разъ заставляли ее черпать цѣлымъ бортомъ; но на рулѣ сидѣлъ опытный морякъ-любитель Д. И. Маршаловъ, и яхта послѣ семичасовой борьбы отдала якорь въ $1^1/_2$ верстѣ отъ берега острова Біоркэ, на 15 саженяхъ глубины. Въ Койвисто «Заря» нашла стоящими на якорѣ оба бота-крейсера, яхты «Дагмаръ» и «Темзу» и лежащую на боку яхту «Волна», которую 21-го числа сорвало съ двухъ якорей и выбросило на мель; несчастій не произошло.

— Изъ отчета о дѣйствіяхъ Скаковаго общества въ Царствѣ Польскомъ за 1873 годъ видно, что въ прошломъ году участвовалъ въ скачкахъ 29 лошадей, принадлежащія 17 различнымъ коннозаводчикамъ и помѣщикамъ, преимущественно изъ Имперіи и Царства Польскаго. На скачкахъ было взято 23 приза, на сумму до 10,381 руб. 13 лошадьми, принадлежащими 7 владѣльцамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Крѣпость Копорье (съ рисункомъ).—Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. А. Бѣшенцова (продолженіе). — Борьба за Неву. IV. XV вѣкъ. Лапландскій походъ на лыжахъ въ 1496 году (съ рисункомъ). — Порвицкъ и Волчій постъ. (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863—64 годовъ) (продолженіе). Н. Карзина.— Народы Россіи. XXI. Зыряне (съ тремя рисунками). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Встрѣчая въ числѣ нашихъ иногородныхъ полугодовыхъ подписчиковъ (съ 1 Іюля или съ № 27) много новыхъ именъ и имѣя въ виду, что начало нѣкоторыхъ повѣстей и статей было помѣщено въ первомъ полугодіи, редакція „Нивы“ имѣетъ честь увѣдомить гг. подписчиковъ на второе полугодіе, что въ конторѣ ея можно пріобрѣтать и первое полугодіе „Нивы“ (№№ 1—26) высылая 3 руб.

Дозволено цензурою. 21 августа 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 36 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 31-го августа 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*)»

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Николай Николаевичъ Каразинъ.

Ученая экспедиція по теченію Аму-Дарьи, снаряженная весною нынѣшняго года съ цѣлію ближайшаго изслѣдованія недавно-пріобрѣтенныхъ Россіею странъ и народностей, занимаетъ въ настоящее время умы всей читающей публики. Дѣятельное участіе, которое принималъ въ этой экспедиціи даровитый сотрудникъ «Нивы», Николай Николаевичъ Каразинъ, обѣщая много интересныхъ очерковъ и рисунковъ нашему журналу, въ то же время придаетъ новый и такъ сказать общественный интересъ его личности. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы познакомить нашихъ читателей съ жизнью и дѣятельностью художника, давно уже извѣстнаго имъ со стороны его литературнаго и художественнаго таланта.

Каразинъ родился въ 1842 году, и получивъ воспитаніе во 2-мъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, вступилъ на военное поприще. Вся долговременная служба его представляетъ непрерывный рядъ боевыхъ походовъ, что дало ему возможность ближе изучать и въ совершенствѣ усвоить себѣ тревожное житье-бытье русскаго солдата. Сопряженная съ лагерной жизнью постоянная перемѣна мѣстъ, а также частыя поѣздки по Россіи и Азіи помогли ему приглядѣться и къ народному быту посѣщенныхъ имъ странъ. Въ то время Каразинъ еще не думалъ о карьерѣ художника и безъ всякой опредѣленной цѣли набрасывалъ въ своемъ альбомѣ эскизы подорожныхъ мѣстностей и типы различныхъ народностей — единственно въ силу своей артистической натуры, безсознательно пробуждавшагося таланта и врожденной наблюдательности. Такъ совершилъ онъ польскій походъ 1863—1864 годовъ, принимая участіе въ болѣе значительныхъ стычкахъ съ польскими бандами при Джарахъ, Заболотцахъ, Порицкѣ, Волчьемъ постѣ и Грушевѣ, — а затѣмъ и туркестанскій 1865—1871 годовъ, въ теченіи котораго онъ участвовалъ

Николай Николаевичъ Каразинъ, Рис. Тегаццо, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

въ сраженіяхъ при Ухумѣ, Хаятѣ, Яны-курганѣ, Чапакъатѣ, Самаркандѣ, Ургутѣ, Кара-тюбе, Катта-курганѣ, Зарабулакѣ, Карши, Джамѣ и во многихъ другихъ. Главнѣйшими изъ наградъ, полученныхъ имъ за это время, были: золотая сабля за *храбрость* и орденъ Владиміра съ мечами.

Начало литературно-художественной дѣятельности Каразина относится къ 1871 году, когда онъ внезапно выступилъ во всеоружіи двухъ дарованій: какъ живописецъ съ цѣлымъ рядомъ средне-азіатскихъ эскизовъ и какъ писатель—съ перваго произведенія своего завладѣвшій вниманіемъ публики. Съ тѣхъ поръ онъ является однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Нивы», «Illustrated London News», «Всемірной Иллюстраціи», «Бесѣды» и «Дѣла». Въ теченіи съ небольшимъ трехъ лѣтъ, при необыкновенной плодовитости и богатствѣ запасенныхъ матеріаловъ, онъ успѣлъ написать два большихъ романа: «На далекихъ окраинахъ Россіи» и «Въ погоню за наживой», повѣсть «Въ камышахъ» («Нива» 1873 г.), средне-азіатскіе этюды: «Изъ Центральной Азіи», «Рахмедъ-Инанъ-Бекъ Заадинскій», «Зарабулакскія высоты», «Мирза-Кудлай-бай купецъ богатый», «Акъ-томакъ» и множество мелкихъ статей и очерковъ, а въ настоящее время онъ готовитъ къ печати въ «Нивѣ» большой бытовой романъ «Двуногій волкъ». Въ то же короткое время исполнены имъ до 200 рисунковъ на деревѣ, помѣщенныхъ въ различныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, по которымъ и знаетъ его какъ живописца большинство публики — отчасти лишь, такъ какъ спеціальность Каразина составляетъ акварель, а не карандашъ. Надо видѣть его акварельные рисунки, чтобы имѣть полное понятіе объ его талантѣ, которому удивлялись въ Германіи первостепенные хромо-литографы при исполненіи его произведеній на камнѣ для большаго альбома «Хивинскій походъ».

Съ неменьшимъ успѣхомъ писалъ Каразинъ и клеевыми красками—большія историческія картины изъ жизни Петра I, выставленныя на Царицыномъ лугу во время торжества двухсотлѣтняго юбилея Великаго Преобразователя Россіи (взятіе Дербента, Петръ I выковывающій полосу желѣза и др.).

Соединяя въ себѣ наблюдательность этнографа съ талантами писателя и живописца и будучи оріенталистомъ благодаря службѣ въ Средней Азіи, Каразинъ не могъ не обратить на себя вниманія при составленіи ученой экспедиціи въ мѣста его прошлыхъ военныхъ подвиговъ. Онъ принялъ новое назначеніе съ восторгомъ и горячностью, которою отмѣчены всѣ его труды, — и въ началѣ мая былъ уже на пути къ Аму-Дарьѣ. Въ портфелѣ редакціи «Нивы» уже находятся нѣсколько рисунковъ и очерковъ, присланныхъ имъ изъ Казалинска, изъ которыхъ первая серія помѣщается въ нынѣшнемъ нумерѣ.

Сказано что Азія *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА IV.

Было.

Дѣло, объ которомъ упоминалъ и собирался разсказать старый князь, было въ концѣ декабря мѣсяца. Погода стояла прекрасная; походъ былъ превеселый; офицеры собрались какъ на подборъ—ребята славные; пѣсельники въ III. полку были отличные;—но всего болѣе забавлялъ ручной медвѣдь, который въ походѣ всегда отправлялся съ ложечникомъ впереди.

Переправясь благополучно чрезъ рѣку Алазань, отрядъ шелъ всю ночь, не смотря на дурную дорогу, ведшую дремучимъ, допотопнымъ лѣсомъ, мѣстами пересѣкаемомъ лощинами, заросшими высокимъ камышомъ, въ которомъ могъ скрыться человѣкъ на лошади верхомъ. Особенно трудно было перевозить артилерію. Дикіе звѣри стадами разбѣгались, при видѣ войска, при стукѣ лафетныхъ колесъ... На разсвѣтѣ отрядъ вышелъ изъ лѣса и увидалъ передъ собою огромную равнину, огражденную съ обѣихъ сторонъ горами, образовавшими глубокое ущелье, занятое селеніемъ; окруженное садами, оно укрѣплялось каменными завалами. Это были Бѣлоканы.

Утро было ясное, мертвая тишина царствовала въ воздухѣ и окрестностяхъ, какъ будто въ странѣ необитаемой; лазутчики донесли однакоже князю, что въ селеніи, кромѣ жителей, находилось тысячь до десяти горцевъ, спустившихся изъ Джемгутая.

Расположивъ отрядъ въ боевой порядокъ, князь велѣлъ солдатамъ варить кашицу и отдыхать,—между тѣмъ послалъ, находившихся съ нимъ старшинъ изъ другихъ селеній Джарской области, уговаривать бѣлоканцевъ, во избѣжаніе кровопролитія, принять отрядъ съ хлѣбомъ и солью, отчистить селеніе отъ горцевъ и покориться.

Посланные возвратились съ отвѣтомъ, что предводитель мятежниковъ Кара-Оглы и слышать не хотѣлъ о покорности, сказавъ: «великъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его, я слуга ихъ—и скорѣй умру чѣмъ покорюсь *гяурамъ*.» Дѣлать было нечего, приходилось драться; но какъ селеніе было обширно и раздѣлено рѣчкой на двѣ половины, то, не имѣя понятія о позиціи непріятеля, князь не зналъ, съ которой стороны удобнѣе повести атаку, и рѣшился пожертвовать частію кавалеріи, чтобы открыть непріятеля,—вызвалъ охотниковъ, явилось пятьдесятъ человѣкъ молодцовъ на лихихъ коняхъ. При Омарджидзе находился на ординарцахъ молодой князь Джаритовъ, красавецъ собой, славный наѣздникъ, единственный сынъ у матери. Старый князь очень любилъ его и былъ друженъ съ его отцомъ. Молодой князекъ убѣдительно просилъ Омарджидзе поручить ему команду охотниковъ; тотъ долго не рѣшался, но подумавъ, что «тамъ нѣтъ смерти, гдѣ не назначено ее встрѣтить»,—благословилъ его. На сѣромъ карабахскомъ жеребцѣ помчался Джаритовъ по равнинѣ впереди удальцовъ-милиціонеровъ — и въ одно мгновеніе скрылись они изъ глазъ отряда въ густой зелени садовъ.

Между тѣмъ солдаты отдохнули и отрядъ сталъ подвигаться къ селенію. Не прошло получасу времени, какъ Омарджидзе услышалъ сильную ружейную пальбу и повелъ войска въ атаку. Стрѣлки, взявъ ружья на перевѣсъ, бросились на завалы, мигомъ выбили изъ нихъ непріятеля и запяли сады; нѣсколько милиціонеровъ изъ отряда охотниковъ князя Джаритова возвратились раненные и разсказали Омарджидзе, что главныя силы непріятеля находятся за рѣкой въ мечети и въ устроенныхъ около нея завалахъ;—что будучи ранены сами и лошади подъ ними тоже, они не могли слѣдовать за княземъ.

Не получа такимъ образомъ никакихъ свѣдѣній о князѣ Джаритовѣ и его отрядѣ, Омарджидзе былъ сильно огорченъ. Это заставило его поторопиться взять селеніе штурмомъ. Князь тотчасъ послалъ часть отряда въ обходъ селенія, чтобы дѣйствовать въ тылъ непріятелю, а самъ повелъ остальное войско впередъ. Несмотря на перекрестный ружейный огонь, въ улицахъ до того тѣсныхъ, что артилерію ввести въ дѣло было невозможно, — двѣ роты III. полка, ворвались въ селеніе, выбѣжали на площадку и разсыпали стрѣлковъ вдоль рѣчки, опушенной мелкимъ кустарникомъ. На противуположномъ берегу находилась мечеть, огромное ка-

*) Солдатская поговорка.

Библиотека "Руниверс"

менное строеніе, занятое мюридами, тѣлохранителями Кара-Оглы и лучшими избранными людьми изъ его шайки. Изъ бойницъ, продѣланныхъ въ каменныхъ стѣнахъ, осыпало отрядъ страшнымъ огнемъ и людей перебило довольно. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ Омарджидзе услышалъ пушечную пальбу. Не зная, что это значило, онъ поскакалъ туда—и увидѣлъ артилерійскаго поручика Красавина съ двумя орудіями; эта отчаянная голова уговорилъ солдатъ, находившихся въ прикрытіи, разобрать лафеты и на себѣ втащить орудія въ селеніе; въ первую минуту князь хотѣлъ арестовать его, но какъ брешь въ стѣнѣ мечети была уже значительная, то старикъ внезапно повеселѣлъ, обнялъ и расцѣловалъ храбреца, построилъ войска въ колонну и повелъ на приступъ; перешли въ бродъ чрезъ рѣчку, съ громкимъ ура бросились въ брешь и пошла рукопашная: все что оставалось непріятеля въ мечети—было переколото штыками,—но Кара-Оглы успѣлъ уйдти и съ лучшими наѣздниками переправился черезъ рѣчку, заскакалъ въ тылъ нашихъ орудій и ударилъ на нихъ въ шашки. Въ прикрытіи людей оставалось немного, Омарджидзе собралъ конныхъ милиціонеровъ, какъ вихрь налетѣли они на лезгинъ - и рѣзня пошла страшная. Но когда Омарджидзе увидѣлъ въ торокахъ сѣдла Кара-Оглы отрубленную голову князя Джаритова, старый князь освирѣпѣлъ, бросился прямо на него, тотъ встрѣтилъ князя выстрѣломъ изъ пистолета, пуля пробила ему мягкую часть ноги, Омарджидзева попала тому въ глазъ; онъ зашатался, князь воткнулъ ему кинжалъ въ горло, Кара-Оглы повалился на князя... Лезгины, увидавъ это, дали тылъ, но встрѣченные картечью изъ орудій, прибывшихъ съ отрядомъ, посланнымъ въ обходъ селенія въ началѣ дѣла и успѣвшимъ подойти во-время, бѣжавшіе устилали своими трупами берега рѣки и много ихъ уносило быстротою потока. Омарджидзе велѣлъ ударить отбой, но солдаты были до того ожесточены, что не слыхали его и продолжали колоть людей и жечь сакли. Селеніе пылало. Наконецъ ночь мирительнымъ крыломъ своимъ прекратила ужасный бой, не прерывавшійся почти ни на минуту, въ продолженіи цѣлаго дня,—лезгины съ отчаяніемъ защищали колыбель своей свободы, свое разбойничье гнѣздо. Когда войска вышли изъ селенія и расположились биваками на равнинѣ,—было уже совершенно темно;—разложили огромные костры дровъ; запылали виноградныя лозы садовъ Бѣлоканскихъ и сакли, крытыя камышомъ. Эта ночь была прощальной ночью для убитыхъ—съ міромъ, для уцѣлѣвшихъ—съ отшедшими братьями, для лезгинъ — съ буйнымъ разгуломъ ихъ дикой жизни. На другой день Бѣлоканцы прислали избранныхъ ими старшинъ: просить пощады и принесть покорность. Это былъ день Рождества Христова, — но какъ въ отрядѣ не было ни походной церкви, ни священника, то отрядъ, построясь въ каре, молился про себя. Князь поздравилъ солдатъ съ торжественнымъ праздникомъ и побѣдой. Громкое ура огласило селеніе, въ которое вошли съ музыкой и пѣснями.

Но такова безпечность въ характерѣ русскаго солдата: чрезъ часъ все было забыто—и бой, и кровь, и смерть. Закипѣли артельные котлы съ кашицей, цѣлые бараны жарились на горячихъ угольяхъ, открылся рядъ духановъ.—Армяне на это люди неоцѣненные, они какъ вороны всегда слѣдятъ за войскомъ, въ одну минуту у нихъ разбитъ походный шатеръ, огромный бурдюкъ взгроможденъ на присошкахъ и, какъ кровь извнутри его, струей льется *чихирь* благодатный. Солдаты обнявшись, шинели на распашку, фуражки на бекрень, съ трубочками въ зубахъ, толпились около духановъ,—потягивали чихирь, да попѣвали свои родныя пѣсенки,—промѣнивая Армянамъ разныя вещи, отбитыя у непріятеля въ дѣлѣ. Кто лошадь велъ въ поводу, кто былъ обвѣшанъ оружіемъ, кто тащилъ платье, ковры, словомъ: это былъ совершенный базаръ.—Двѣ недѣли простоялъ Омарджидзе съ отрядомъ въ Бѣлоканахъ, сдѣлалъ нѣсколько поисковъ въ горы, гдѣ нашелъ много лезгинъ убитыми и раненными, которыхъ бѣжавшіе Джемутавцы унести не успѣли. Наконецъ, приведя все въ порядокъ, оставилъ надъ Бѣлоканцами пристава и ушолъ.

Когда князь Омарджидзе окончилъ разсказъ свой, было уже близко къ разсвѣту. Отъ Ираклія не было ни вѣсточки. Князь Бурдюкадзе совсѣмъ протрезвился, предчувствуя опасность, и не дождавшись результата похода, поѣхалъ домой, разсказывая дорогой каждому встрѣчному, что весь Дагестанъ поднялся на Кахетію.

Не такъ проводили ночь въ отдаленной части дома, гдѣ находилась комната княжны Майко. Два окна, въ готическомъ вкусѣ, выдавались въ садъ. Они были отворены, но ихъ снаружи закрывала густая тѣнь широколиственныхъ каштановъ и фигъ, вѣтви цвѣтущихъ каприфолій густой гирляндой окаймляли ихъ и пробивались внутрь оконъ.—Свѣжій воздухъ южной ночи наполнялъ комнату ароматомъ, не колебля бѣлыхъ, кисейныхъ занавѣсовъ, которые были опущены. Свѣтъ лампады, теплившейся у распятія, едва мерцалъ, слабо освѣщая стѣны комнаты, чисто и гладко оштукатуренныя особенной массой въ родѣ цемента, имѣющей натуральный цвѣтъ — gris de perle, которую Грузины отлично приготовляютъ; кирпичный полъ былъ устланъ искусно плетеными рогожками, турецкими коврами. На широкомъ низенькомъ диванѣ, покрытомъ панацами и коврами, лежала Майко. Ея бѣлыя, обнаженныя руки обнимали крутую, шелковую подушку и голова покоилась на рукѣ; длинныя косы волосъ, какъ черныя змѣи, изгибаясь, ползли по плечамъ и бѣлой сорочкѣ, къ ногамъ ея. Лицо ея было блѣдно, глаза по временамъ робко обращались къ распятію. Ее томило какое-то неясное предчувствіе. На полу, опираясь локтями на диванъ, сидѣла, поджавши ноги, старуха Марта. Стараясь разсѣять или по крайней мѣрѣ заглушить страхъ неизвѣстности, Марта говорила безъ умолку о предстоящей свадьбѣ, рисуя своей питомицѣ блестящую перспективу въ замужествѣ за молодымъ княземъ Бурдюкадзе, который хоть и не красивъ, толстенекъ, въ отца весь—да за то богатъ какъ падишахъ и станетъ исполнять малѣйшую прихоть красавицы, что она, старая Марта, вынянчала, выхолила на своей груди, всему свѣту на заглядѣнье... Княжна разсѣянно слушала ее, изрѣдка вставляя свое слово—далеко не въ пользу жениха, хотя и примирилась повидимому окончательно съ мыслью о свадьбѣ... Но и сквозь эту покорность судьбѣ, и сквозь страхъ за исходъ боя, и сквозь самый разговоръ ея съ мамкой, неотступно пробивался одинъ образъ—одна и та же мечта преслѣдовала молодую дѣвушку. Видѣлся ей статный юноша, пріятель ея брата, съ добрымъ, ласковымъ взглядомъ, съ чуждыми ей, необыкновенно мягкими и пріятными пріемами... Грезилось ей, какъ вспыхивало красивое лицо его жаркимъ румянцемъ при встрѣчахъ съ ней и въ разговорѣ, когда княжна подаритъ его бывало ясной своей улыбкой... Припоминался ей и голосъ его, въ душу проникающій, его живые разсказы о большихъ городахъ тамъ на далекомъ сѣверѣ, гдѣ все не по нашему, гдѣ такъ много чудесъ и гдѣ ей такъ хотѣлось-бы побывать—не иначе конечно, какъ съ нимъ вмѣстѣ... А онъ погостилъ у нихъ недѣльку-другую—да и поѣхалъ дальше съ своимъ старымъ чудакомъ-дядькой, въ самую глушь горъ, на вражьи племена, подъ пули... Сердце молодой княжны стѣснялось невѣдомой доселѣ болью—и горько, и грустно дѣлалось ей, и жалко становилось ей этого русскаго офицера... и слеза сверкала въ глазахъ, обращенныхъ къ распятію.

Офицеръ этотъ былъ Искринъ.

ГЛАВА V.

Кровомщеніе.

Князь Ираклій тѣмъ временемъ все шелъ да шелъ съ дружиной на встрѣчу лезгинамъ. Ночь была темная, когда отрядъ выбрался изъ садовъ, окружавшихъ селеніе. Въ долинѣ Алазанской волновался, какъ море, густой туманъ, представляя неизмѣримое пространство. Вездѣ царствовала тишина, только отдаленное завываніе шакаловъ оглашало окрестность и наводило какое-то уныніе на отрядъ, медленно подвигавшійся впередъ. Князь не хотѣлъ утомлять людей, разсчитывая сберечь ихъ силы для встрѣчи съ непріятелемъ. Всѣ эти мѣста имъ были совершенно знакомы;

Библиотека "Руниверс"

они знали, гдѣ находился бродъ чрезъ рѣку Алазань, благополучно перебрались чрезъ нее, выславъ авангардъ и боковые патрули; они шли безмолвно лѣсомъ, съ большой осторожностью. Самое непріятное чувство испытывается, когда позиція непріятеля неизвѣстна, когда дѣлаются поиски. Является опасеніе наткнуться на засаду, встрѣтить силы противника далеко превосходящія ваши; —точно также, когда войско отступаетъ и его преслѣдуетъ непріятель, когда надо быть безпрестанно, какъ говорятъ французы: «sur le qui vive.» Тягостно чувство и передъ сраженіемъ. Великое достоинство —быстрота соображенія въ полководцѣ, который не держитъ долго въ напряженномъ состояніи мысли отряда. Когда непріятель открытъ, завязалось сраженіе, чувство самосохраненія, какъ невозможное, — изчезаетъ. Мысль, что надо драться, возбуждаетъ только усиліе разбить непріятеля.

Лѣсъ сталъ рѣдѣть, послышалось ржаніе лошадей, князь остановился, началъ стягивать отрядъ свой; вдругъ передовой патруль далъ знать, что близко лезгины. И дѣйствительно, межъ деревьевъ замелькали огоньки. Ираклій, взявъ нѣсколько человѣкъ, самъ пошелъ впередъ, чтобы осмотрѣть позицію непріятеля; лезгины, не ожидая, вѣроятно, нападенія, усталые, спали крѣпкимъ сномъ. Грузины бросились на нихъ въ шашки, паническій страхъ овладѣлъ внезапно пробужденными, они не успѣли даже взяться за оружіе, вскакивали съ просонокъ, пускались бѣжать и падали подъ ударами; не много изъ нихъ уцѣлѣло. Князь пустился ихъ преслѣдовать, но, увлеченный пылкостію нрава, заскакалъ далеко впередъ и уже въ предгоріяхъ былъ встрѣченъ новой шайкой; разбитая имъ была не что иное, какъ передовой отрядъ. Тутъ увидѣлъ онъ свою ошибку, уже поздно. Со всѣхъ сторонъ изъ темноты выдавались движущіяся кучки конныхъ и пѣшихъ сверкая вооруженіемъ... Князя окружилъ непріятель и спасенія не было никакого, онъ рѣшился дорого отдать жизнь свою. Отовсюду захлопали выстрѣлы, мелькая красноватымъ огнемъ... Грузины дрались какъ бѣшеные звѣри, но непріятель наваливался все свѣжими силами, точно изъ земли выростая... Перестрѣлка умолкла, слышенъ былъ только лязгъ холоднаго оружія. Князь Ираклій, прижавшись спиною къ огромному камню, рубился какъ изступленный; почти вся дружина лежала у ногъ его; человѣкъ пять или шесть еще защищали своего предводителя, какъ вдругъ передъ нимъ очутился всадникъ весь въ желѣзѣ, и пистолетный выстрѣлъ въ упоръ опрокинулъ молодаго князя на тотъ самый камень, что служитъ ему опорой; — это налетѣлъ конный отрядъ абрековъ—и въ мигъ остальные грузины были перебиты... Предводитель лезгинъ Чанко-Оглы самъ отрубилъ голову Ираклія и опуская ее въ торока, проговорилъ: «свезу отцу его въ подарокъ.»

За тѣмъ хищники пустились въ селеніе Циносхале, гдѣ мы оставили стараго князя Омарджидзе, въ ожиданіи извѣстія объ Ираклѣ.

Появленіе непріятеля всѣхъ смутило; въ селеніи оставались жены, дѣти и старики; кто имѣлъ силы бѣжать—скрылись въ окрестныхъ лѣсахъ. Чанко-Оглы ворвался въ домъ князя; нѣсколько человѣкъ служителей тщетно старались защищать входъ, десятокъ выстрѣловъ изъ оконъ не могъ остановить нападающихъ. Слуги тотчасъ были перебиты, и по трупамъ ихъ вошли варвары. Чанко бросилъ окровавленную голову князя Ираклія къ ногамъ отца его, сказавъ со смѣхомъ: «Не хочу дѣлиться добычей со смертію, не хочу похищать тебя изъ рукъ ея; но покуда она не закроетъ глаза твои, на, полюбуйся, поиграй этимъ»... Князь Омарджидзе, блѣдный какъ смерть, протянулъ руку и выстрѣлилъ изъ пистолета въ Чанко-Оглы, но рука его сильно дрожала— пуля ударила въ косякъ двери. Князь перекрестился, сказавъ лишь: «да будетъ воля Твоя» и опустился на диванъ, будучи не въ состояніи болѣе держаться на ногахъ. Чанко-Оглы бросился на него и кинжаломъ отрубилъ ему правую руку. Княгиня Тамара лежала въ крови безъ чувствъ; другой лезгинъ, сдирая съ нее платье и ожерелье, нанесъ ей нѣсколько ранъ кинжаломъ. Майко упала къ ногамъ злодѣя, умоляя его убить ее, но пощадить старуху,—тщетно. «Тебя убить? смѣялся Чанко-Оглы,—нѣтъ, красотка, сорвать такую головку рука не поднимется.» Съ этими словами схватилъ ее, взбросилъ на плечо и вынесъ изъ дому, который уже начало обхватывать пламенемъ. Ее безъ чувствъ положили на арбу, запряженную парою воловъ, и повезли за конвоемъ. Такъ, въ одинъ день, въ одинъ почти мигъ, несчастная Майко потеряла все... Чудовищная пропасть внезапно разверзлась между ея прошлымъ и ея будущимъ...

Когда она пришла въ себя, то дрожала всѣми членами, какъ испуганный ребенокъ, какъ птичка упавшая изъ роднаго гнѣзда. Слышитъ говоръ голосовъ около себя и боится открыть глаза... Не понимая вполнѣ лезгинскаго языка, она могла съ трудомъ однакоже разбирать слѣдующее: «Спасибо! Вы мнѣ сослужили знатную службу, — за то я не беру ничего изъ добычи: она вся ваша. Моя же добыча—эта красавица, голова ея брата и рука ея отца. Я исполнилъ долгъ свой, сдержалъ клятву, данную надъ могилой отца моего, отмстилъ за кровь его. Аллахъ наградитъ васъ за этотъ подвигъ, за то что вы истребили невѣрныхъ! Теперь вы мнѣ не нужны покуда, съ этой голубкой я одинъ отправлюсь... Сядемъ-же вокругъ огня да попируемъ на прощанье, а вы поздравьте меня съ молодой женой»...

Ужасъ овладѣлъ бѣдной дѣвушкой, сердце у нея замерло; она хотѣла бы съ радостію умереть въ это время. Чанко-Оглы подошелъ къ ней и потрясъ сильно за руку. Она старалась не дышать, не показывая признака жизни; но варваръ взялъ головню съ огнемъ и поднесъ къ ея лицу—обгорѣвшія уголья съ брызгомъ осыпали ее, она вскрикнула. Чанко захохоталъ... «Ага, красавица, сказалъ онъ, — ты вздумала обмануть глаза беркута [1]), вырваться изъ когтей его; напрасно!...» Онъ потащилъ ее къ огню, предлагая съ ними ужинать; но не только ѣсть, ей страшно было и смотрѣть на эти варварскія лица. Она съ тоской озирала мрачные своды, въ которыхъ мѣстами уже сдѣлались разсѣлины, поросшія мохомъ и павиликой, висѣвшей надъ ихъ головами; посрединѣ горѣлъ огромный костеръ дровъ, и пламя освѣщало загорѣлыя отъ солнца, закопченыя порохомъ, черныя лица разбойниковъ; — на разосланныхъ буркахъ вокругъ огня одни изъ нихъ сидѣли, другіе лежали въ изорванной одеждѣ, съ пистолетами и кинжалами на поясахъ, у каждаго дымилась коротенькая деревянная трубочка въ зубахъ; звѣрскіе ихъ взгляды были устремлены, какъ у голодныхъ звѣрей, на барана, который жарился надъ грудой жара [2]); другіе, болѣе нетерпѣливые, начинали пить бузу [3]) до ужина. Густой дымъ наполнялъ пещеру. Не смотря на то, Майко узнала ее. Преданіе говоритъ, что она принадлежала каменной стѣнѣ, которая въ древности была построена грузинской царицей Тамарой, для защиты Кахетіи отъ нападенія лезгинъ; мѣстами еще сохранились ея живописныя развалины, по которымъ можно заключить, что она была построена на протяженіи почти ста пятидесяти верстъ вдоль Алазанской долины. Въ этой-то святынѣ расположился Чанко-Оглы съ своими тѣлохранителями; они принялись ужинать и пить, забавляясь ѣдкими насмѣшками надъ Майко, называя ее новобрачной. Разлука съ отцомъ и матерью, рабство самое унизительное, страхъ и недоумѣніе въ ожиданіи ужасной будущности, безъ надежды на спасеніе, привели Майко въ какое-то изнеможеніе; она вся дрожала, а голова и грудь у нея горѣли; тоска палила ея сердце—и слезы у ней какъ-будто высохли, но глаза ея сверкали по временамъ какимъ-то дикимъ огнемъ... Какъ бы тяжело человѣку ни было, а надежда согрѣваетъ его сердце: южная кровь грузинки заговорила въ ней; Майко думала, когда они упьются, воспользоваться ихъ опьяненіемъ, перерѣзать ихъ и бѣжать.

---

[1]) Хищная птица.

[2]) Пропускаютъ сквозь барана длинный деревянный шестъ, концы котораго укрѣпляютъ на присошки; его поворачиваютъ, какъ вертелъ, надъ жаромъ.

[3]) Буза — любимый и весьма хмѣльный напитокъ у лезгинъ. Онъ дѣлается изъ фруктовъ, имѣетъ видъ кислыхъ щей или кваса, также бродитъ и пѣнится, очень вкусенъ; вѣроятно отъ этого произошло у насъ въ простонародьи слово «набузыхаться».

Библиотека "Руниверс"

Волненіе выдало ее... Чанко какъ будто подслушалъ мысль ея—и тотчасъ отрядилъ двоихъ къ отверстію пещеры, сказавъ, что они отвѣчаютъ своею жизнію за несохраненіе его добычи. Послѣдняя единственная надежда къ спасенію исчезла для Майко, какъ потухшій свѣтъ маяка для корабля въ бурю на морѣ. Она рѣшилась предаться на волю провидѣнія и ожидать съ терпѣніемъ своей участи.

Должно было выпить всю горечь чаши, ей предстоявшей. Ужинъ окончился пляской и пѣніемъ, и наконецъ залпомъ изъ ружей,—церемоніей, сопровождающей обыкновенно у азіатцевъ брачныя пиршества... Лезгины всѣ до послѣдняго нукера удалились. При нихъ ей было какъ-то легче, но увидавъ себя наединѣ съ злодѣемъ, она обмерла. На немъ небыло уже ни кольчуги, ни шлема съ наличникомъ, придававшихъ ему видъ зловѣщаго призрака, — но тѣмъ страшнѣе стали звѣрскія черты убійцы ея отца и брата... Онъ медленно приближался къ ней. Какъ описать ужасъ, овладѣвшій ею? — Она стала кричать, плакать, взывать о помощи, но тщетно все; лишь свистъ вѣтра, шумъ рѣки и завываніе шакаловъ отвѣчали ея воплямъ. Еслибы она встрѣтила дикаго звѣря, онъ-бы только растерзалъ ее,—а это былъ человѣкъ-звѣрь. Онъ какъ беззащитную жертву задушилъ ее въ своихъ объятіяхъ —и она лишилась разсудка...

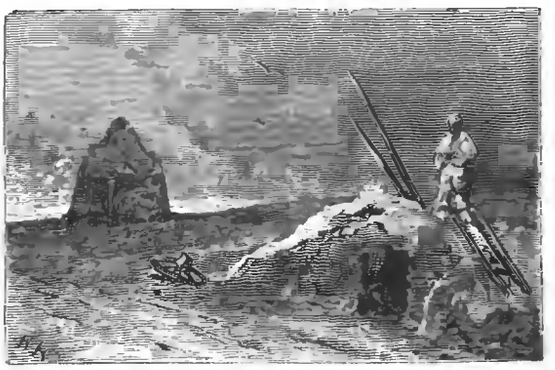
На другой, день южное солнце взошло съ обычнымъ своимъ величіемъ изъ-за фіолетовыхъ горъ, и освѣтило страшную картину разрушенія.

Вчера еще роскошные сады осѣняли скромныя хижины мирныхъ жителей селенія Ципосхале; сегодня листва ихъ пожухла отъ пожара, вездѣ были видны слѣды разрушенія, дымились догоравшія строенія, какъ оставы стояли между ними обгорѣлыя каменныя стѣны и царствовала мертвая тишина;—не видно было лица человѣческаго; кое-гдѣ валялись окровавленные трупы людей; собаки стаями собирались и жалобно выли, оплакивая смерть своихъ хозяевъ и подлизывая пролитую ихъ кровь.

Домъ князя Омарджидзе, обгорѣлый, стоялъ на возвышеніи, какъ старецъ надъ ужасною могилой.

Солнце скрылось, день уже склонялся къ вечеру, туманъ

Поѣздъ Аму-Дарьинской экспедиціи въ сыпучихъ пескахъ, между станціями Кулькудукъ и Акъ-Джулпасъ, ночью во время небольшаго песчанаго урагана. Рис. П. Каразинъ, грав. Стаковскій.



Одна изъ почтовыхъ станцій Орско-Кавалинскаго тракта въ первобытномъ своемъ видѣ (только годъ тому назадъ). Рис. П. Каразинъ, грав. Вольскій.

Та-же почтовая станція въ нынѣшнемъ ея видѣ. Рис. П. Каразинъ, грав. Скрымоскій.

Городъ Кавалинскъ. Видъ съ противоположнаго берега Сыръ-Дарьи. Каменныя верфи и пристань. Рис. П. Каразинъ, грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

подымался отъ озера и сливался въ густую массу со смраднымъ дымомъ, наполнявшимъ воздухъ.

А старый Зурабъ, израненный, съ запекшейся кровью на перевязкахъ ранъ, опираясь на заступъ, стоялъ наклонясь надъ свѣжею, вырытою землею. Слезы изъ глазъ его, потъ съ лица и кровь съ незаживленныхъ ранъ каплями падали въ могилу, которую онъ рылъ для князя и княгини Омарджидзе.

— Боже! говорилъ онъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ стонами и рыданіями, едва переводя духъ отъ изнеможенія,— Боже! пошли мнѣ сколько нибудь жизни, подкрѣпи мои силы...

Онъ, наканунѣ, защищая ихъ, получилъ нѣсколько кинжальныхъ ранъ; истекши кровью, онъ упалъ безъ чувствъ у дверей дома. Лезгины, полагая, что онъ умеръ, бросили его въ числѣ прочихъ труповъ и торопились увезти свою добычу; они оставили одинъ только живой памятникъ свидѣтелемъ своего злодѣянія — это няню похищенной Майко, старуху Марту, которую, ограбивъ, привязали къ дереву. Зурабъ, очувствовавшись уже на другой день, освободилъ ее. Они нашли князя и княгиню умершими въ объятіяхъ другъ друга. Не смотря на тяжелыя, еще не закрывшіяся раны и лихорадочное состояніе, честный старикъ упорно съ твердой волей продолжалъ благочестивый трудъ свой — и съ помощію стараго священника, окончивъ грустную работу, похоронилъ тѣла князя и княгини Омарджидзе, не пережившихъ ужаснаго удара, постигшаго ихъ на старости лѣтъ, и тяжелыхъ ранъ.

Между тѣмъ начали мало по малу возвращаться изъ лѣсовъ разбѣжавшіеся жители на пепелища жилищъ своихъ и устроивать шалаши, чтобы укрыться отъ непогоды наступавшей осени.—Марта была хорошая лекарка и усердно ходила за больнымъ Зурабомъ. Онъ началъ поправляться и наконецъ совершенно выздоровѣлъ, но не могъ оставаться на родинѣ: тяжелы были для него воспоминанія потерь. У него въ саду, подъ вѣковымъ каштановымъ деревомъ, куда уходилъ онъ обыкновенно отдыхать послѣ обѣда, зарытъ былъ небольшой глиняный кувшинъ съ червонцами, добытыми имъ въ походахъ со старымъ княземъ, — которые онъ завѣщалъ на приданое обожаемой Майко, когда она пойдетъ замужъ.

Теперь онъ вырылъ эти деньги, купилъ лошадь, оружіе и отправился къ начальнику милиціи, князю Челикадзе, который былъ родственникъ покойному князю Омарджидзе, зналъ давно Зураба и любилъ его какъ человѣка честнаго, храбраго и преданнаго господамъ своимъ; онъ съ радостію согласился принять его въ ряды своего войска и далъ ему въ команду сотню милиціонеровъ.—Зурабъ поклялся умереть съ оружіемъ въ рукахъ и ждалъ только случая отмстить за погибшее семейство своихъ господъ; участвовалъ во всѣхъ экспедиціяхъ, во всѣхъ схваткахъ съ лезгинами, бывалъ впереди переднихъ и, казалось, искалъ смерти,—но она бѣжала отъ него. Милиціонеры чрезвычайно полюбили его, между ними вошло какъ-бы въ повѣрье, что гдѣ Зурабъ—тамъ и побѣда. Имя Майко сдѣлалось у него призывомъ къ бою, и когда онъ произносилъ въ наступленіи это магическое слово—гибель враговъ становилась неизбѣжною...

Только въ 30-мъ году, при взятіи штурмомъ селенія *Закаталы*, встрѣтилъ онъ Чанко-Оглы; они узнали другъ друга—лезгинъ былъ испуганъ и пораженъ видомъ Зураба, какъ привидѣніемъ. «Шайтанъ! *) шайтанъ!..» закричалъ Чанко и отшатнулся было назадъ, но когда Зурабъ напалъ на него, они схватились какъ звѣри,— это былъ поединокъ безъ выстрѣла; они рѣзались кинжалами—и оба, раненные, упали на землю. Офицеръ *** полка бросился на помощь грузину, но не могъ оторвать умиравшаго Зураба отъ его добычи,—тотъ впился въ горло злодѣя зубами, стиснувъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ.

Въ это время Чанко-Оглы, весь израненный, собралъ послѣднія свои силы, чтобъ достать лежавшій подлѣ него пистолетъ и выстрѣлилъ; пуля пробила ухо Зураба и контузила въ голову офицера, нагнувшагося къ нему. Чанко-Оглы отнесли на перевязочный пунктъ, а тѣло Зураба на другой день похоронили съ военной почестью.

(Продолженіе будетъ).

Аму-Дарьинская ученая экспедиція.

I. Орско-казалинскій почтовый трактъ.

(Путевыя замѣтки члена экспедиціи, **Н. Каразина**.)

Не болѣе какъ три года тому назадъ, каждый путешественникъ, предполагавшій ѣхать — черезъ степь — въ наши Средне-Азіатскія владѣнія, невольно задумывался подъѣзжая къ Орску, откуда ему надо было сворачивать правѣе и оставлять за собою всѣ удобства устроенныхъ почтовыхъ путей, все то, что хотя сколько нибудь можетъ быть названо комфортомъ.

И дѣйствительно, ему нельзя было не задуматься. Передъ нимъ тянулась дорога въ слишкомъ тысячу верстъ длины, дорога пріобрѣтшая себѣ — грозную, неутѣшительную извѣстность.

Чтобы дать понятіе объ этомъ трактѣ — того времени — приведу отрывокъ изъ путевой книжки одного туриста. Этотъ отрывокъ яркими красками рисуетъ всю прелесть Орско-казалинскаго тракта — не носившаго другаго названія какъ «проклятая дорога».

«Первый разъ я проѣзжалъ этою дорогою осенью 1867 года. Это былъ годъ реформъ вновь-завоеваннаго края. Понадобились офицеры, чиновники, всякій рабочій людъ — и понадобились въ громадномъ количествѣ. И вотъ, все это скопилось въ Оренбургѣ, приготовляясь къ степному путешествію. Всѣ гостинницы были переполнены; по почтовымъ дорогамъ тянулись почти непрерывные ряды экипажей. Большинство проѣзжающихъ были люди семейные, а потому можно себѣ представить съ какими запасами путешествовали они, переселяясь въ край отдаленный, въ которомъ, по крайней мѣрѣ на первое время, трудно, даже не возможно было достать что-либо удовлетворяющее европейскому требованію комфорта. Шутники говорили, что въ осень 1867 года было *«великое переселеніе народовъ изъ виленскихъ канцелярій въ ташкентскія»*. Вотъ въ это-то бойкое время пришлось и мнѣ въ первый разъ проѣхать знаменитымъ Орско-казалинскимъ почтовымъ трактомъ.

Едва только я выѣхалъ изъ Орска, какъ сразу почувствовалъ, что надолго распростился со всякимъ удобствомъ. Три чахоточныя клячи, приведенныя мнѣ послѣ двухсуточнаго ожиданія, дотащили меня до станціи только глубокою ночью. Станція эта состояла изъ полуземлянки, наполненной развалинами печки; вороха перегнившей соломы, кишѣвшей паразитами, покрывали полъ. Въ оконныя отверстія врывался сырой осенній вѣтеръ; завалившаяся земляная крыша грозила рухнуть на голову. Оставаться на ночь въ этомъ пріютѣ не было никакой возможности, и я провелъ остатокъ ночи на дворѣ, въ своемъ тарантасѣ.

Дальнѣйшее мое путешествіе было цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній и лишеній. Недостатокъ лошадей, а часто неимѣніе ихъ вовсе—задерживали меня на станціяхъ по суткамъ и даже болѣе; напримѣръ: на станціи «Джалавла» я просидѣлъ четверо сутокъ—и только случайно нанялъ двухъ верблюдовъ у проходящаго невдалекѣ каравана. Все путешествіе мое до Казалинска тянулось пять недѣль, а я еще находился въ сравнительно лучшихъ условіяхъ чѣмъ остальные путешественники. Я ѣхалъ одинъ и налегкѣ,—каково-же было несчастнымъ семейнымъ съ ихъ женами и дѣтьми—часто даже грудными!?.....

*) Чортъ.

Библиотека "Руниверс"

Всѣ станціи были по образцу первой мною описанной. Чаще встрѣчались войлочныя кибитки — старыя, покривившіяся, съ безчисленными отверстіями въ прогорѣлыхъ войлокахъ, не защищавшія вовсе ни отъ дождя ни отъ холода. Наступали холода, выпалъ первый снѣгъ, начались страшные степные бураны.

Положеніе многихъ запоздавшихъ путешественниковъ было отчаянное. На одной изъ станцій, именно какъ теперь помню: «Бугадты-сай», я нашелъ семейство въ самомъ безвыходномъ положеніи. Мужъ — какой-то интендантскій чиновникъ, мертвецки пьяный, должно быть съ горя, находился въ безчувственномъ состояніи и храпѣлъ лежа подъ тарантасомъ. «Вотъ уже вторые сутки такъ-то»!.. жаловалась мнѣ его жена, кормившая грудью — трехмѣсячнаго ребенка. Около нея еще двое дѣтей жались и хныкали отъ холода, забившись подъ какую-то попону. Дѣти просили ѣсть.

Вся провизія вышла; не было даже чаю и сахару; еще вчера вечеромъ доѣли послѣднюю дорожную булку, а впереди оставалось еще болѣе половины дороги. Другое семейство я нашелъ еще въ худшемъ положеніи: на этой станціи не было вовсе никакого жилья — кибитку унесло вѣтромъ, и только кучи навоза, слѣды костровъ, да обломки тѣлежнаго колеса — намекали на мѣсто почтовой станціи. Ближайшій аулъ былъ верстъ за двадцать. Ближе-же не было ни одного живаго существа, кромѣ волковъ, завывавшихъ по ночамъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ несчастныхъ путешественниковъ... Здѣсь тоже истреблены были всѣ дорожные запасы — и дѣти кричали и плакали отъ голода.

Дотащившись кое-какъ до этой плачевной станціи, я задержалъ ямщика-киргиза съ его лошадьми, далъ имъ отдохнуть и верхомъ отправился отыскивать ближайшіе аулы. Ночь захватила меня на дорогѣ — и вернулся я уже на другой день утромъ. Надо было видѣть восторгъ несчастныхъ при видѣ приведенныхъ мною упряжныхъ верблюдовъ и двухъ барашковъ, предназначенныхъ для насыщенія ихъ проголодавшихся желудковъ.

Если у кого нибудь ломался экипажъ, его бросали какъ вещь никуда не годную (о починкѣ нечего было и думать) и продолжали путь верхомъ на верблюдахъ, а иногда и пѣшкомъ, побросавъ на произволъ судьбы свои пожитки.

Во всемъ этомъ, что я пишу, нѣтъ никакаго преувеличенія. Не найдется никого кто-бы могъ упрекнуть меня въ этомъ, но за то найдутся такіе, что найдутъ мое описаніе блѣднымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что испытали они сами своими собственными боками.

Генералъ-губернаторъ, узнавши отъ пріѣзжающихъ о томъ, что творится на Орско-казалинскомъ трактѣ — немедленно распорядился выслать офицеровъ и чиновниковъ, снабженныхъ деньгами, одеждой, провизіей и лекарствами навстрѣчу идущимъ. — Въ числѣ этихъ посланныхъ былъ г. Терентьевъ, который положительно завѣрялъ о томъ, что ему приходилось натыкаться на раздирающія душу катастрофы.

Черезъ три года послѣ этого, именно въ 1870 году, снова пришлось проѣзжать мнѣ этою дорогою... Время года было несравненно лучшее, дѣло было лѣтомъ, и никакого наплыва проѣзжающихъ не было вовсе. Но не смотря на эти, болѣе выгодныя условія, я нашелъ трактъ нисколько не въ лучшемъ состояніи. Тѣ-же станціи — кибитки и землянки, тоже отсутствіе людей и лошадей, тѣ-же суточныя ожиданія. А если приведутъ вамъ наконецъ коней — то или полумертвыхъ, или-же совершенно дикихъ, никогда въ своей жизни не видавшихъ ничего похожаго на экипажъ, и вы рисковали на каждомъ шагу быть искалеченными, не говоря уже о безконечныхъ поломкахъ и окончательной порчѣ экипажа.»

И вотъ, мнѣ пришлось третій разъ промѣрить знакомое разстояніе — и я не узналъ своего стараго Орско-казалинскаго тракта.

А дѣло было какъ нельзя проще; стоило только отдать этотъ трактъ съ торговъ предпріимчивому человѣку, не поскупиться деньгами, а не сдавать его на попеченіе киргизамъ — попеченіе совершенно безконтрольное, тѣмъ болѣе, что съ кочевниками не церемонились и по годамъ не платили имъ ничтожной договорной платы. «*Не за что платить — дурно содержите*» говорили тѣ, кому надлежало расплачиваться. — «*Денегъ не даешь — за что-же тебя содержать хорошо*» оправдывались тѣ, кому слѣдовало получать плату. И такимъ образомъ дѣло шло слишкомъ двадцать лѣтъ, пока настоятельная потребность въ сообщеніи не заставила открыть серіозные торги, по которымъ Оренбургскій купецъ Мякеньковъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, опытный и предпріимчивый хозяинъ, взялъ большую часть степнаго тракта отъ Орска до станціи Джюлпасъ и привелъ его въ прекрасный порядокъ, такъ рѣзко поражающій всякаго, знающаго эту дорогу въ ея первоначальномъ видѣ.

Два рисунка — изображающіе одну и ту же станцію — Истемесъ — въ ея прежнемъ и настоящемъ видѣ уже даютъ довольно ясное понятіе о метаморфозѣ Орско-казалинскаго тракта.

Каждая станція новаго тракта состоитъ изъ большаго, обнесеннаго стѣною двора и трехъ деревянныхъ строеній — среднее изъ нихъ, въ видѣ двухъ-половинной избы — назначается для пріѣзжихъ и смотрителя; — въ боковыхъ помѣщаются ямщики и амбары для фуража и сбруи.

Просторная, чистая и свѣтлая комната съ досчатымъ поломъ; удобная мебель — часы на стѣнѣ — теплая печь, вычищенный на диво самоваръ, блестящая посуда, при всемъ этомъ услужливость смотрителя, возможность достать и свѣжаго молока, и яицъ, и хорошаго хлѣба — все это такъ пріятно дѣйствуетъ на нервы проѣзжающаго, утомленнаго длинною дорогою и монотонностью степнаго ландшафта; а русскій говоръ на дворѣ, торопливая суетня ямщиковъ, побрякиванье сбруи, бубенчиковъ и звонъ русскаго колокольчика, все это заставляетъ забывать васъ, что вы не въ Россіи — а въ самой Азіи, въ центрѣ киргизскихъ степей... за нѣсколько тысячъ верстъ отъ того пункта, съ котораго начали свое многотрудное путешествіе.

Со второй половины дороги, т. е. съ переѣзда черезъ укрѣпленіе «*уральское*» — нынѣшній городъ *Иргизъ* — колоритъ мѣняется. Азія вступаетъ въ свои права. Ярко-зеленая степь смѣняется сыпучими песками — становится жарче и удушливѣй. Вы подъѣзжаете къ знаменитымъ «*кара-кумамъ*»... Здѣсь уже нѣтъ такихъ прекрасныхъ, уютныхъ станцій — нахучее сосновое дерево замѣняютъ сѣрыя стѣны глинобитныхъ домовъ — самаго непривлекательнаго типа, наводящаго тоску и уныніе... Къ довершенію всего удовольствія — вы рѣдко находите хорошую воду... Чай вашъ — единственное дорожное утѣшеніе — мутенъ и съ сильнымъ солоноватымъ вкусомъ, а иногда и съ сѣрнисто-водороднымъ запахомъ... Что дѣлать, терпи... и повинуйся условіямъ природы еще не подчиненной вліянію человѣка (хотя и давно пора бы!)... И съ какимъ удовольствіемъ путешественникъ видитъ наконецъ вдали на горизонтѣ голубоватые силуэты вѣтряныхъ мельницъ, окаймляющихъ городъ Казалинскъ со стороны Орско-казалинскаго тракта!

Рисунокъ, приложенный къ нашему журналу — изображаетъ одинъ изъ скверныхъ моментовъ — переѣзда по этому пути — это удушливый песчаный ураганъ, налетавшій на экипажи путешественниковъ.

Второй подобный рисунокъ представляетъ — единственное бойкое мѣсто города Казалинска — это его пароходную пристань на рѣкѣ Сырѣ — нѣсколько жалкихъ суденышекъ стоятъ у берега на причалахъ; за ними прямыя, скучныя линіи крѣпостнаго вала; за нимъ — крыши казармъ съ безчисленными трубами; за ними группы деревьевъ, которыхъ въ Казалинскѣ на перечетъ — и груды топлива, сваленныя по берегу въ безпорядочныхъ кучкахъ.

Исторія и жизнь Казалинска впрочемъ довольно интересны и стоятъ того, чтобы о нихъ поговорить подробнѣе, что и будетъ сдѣлано впослѣдствіи, при изданіи — путевыхъ записокъ на берега Аральскаго моря, въ дельты Аму и Сыра — этихъ великихъ артерій Средне-азіатскаго міра.

Библиотека "Руниверс"

Порицкъ и Волчій постъ.

(Эпизодъ изъ Польскаго мятежа 1863-го и 1864-го годовъ).

(Окончаніе).

Почти всѣ офицеры собрались въ одной изъ крайнихъ хатъ; кто сидѣлъ на скамьѣ, кто шагалъ изъ угла въ уголъ по тѣсной комнатѣ; большинство тѣснилось у ярко-пылавшей печи, рисуясь на бѣлыхъ стѣнахъ гигантскими фантастическими тѣнями. Иногда широкій лучь краснаго свѣта, прорвавшись между загораживавшими его фигурами, падалъ на четвероугольникъ отворенной настежъ низенькой двери,—и тамъ, на темномъ фонѣ ночи освѣщалась имъ бѣлая голова усталаго коня, блестѣлъ конецъ драгунскаго штуцера, или на минуту показывалось усатое суровое лицо, недовольнаго бездѣйствіемъ, солдата. Здѣсь уже не было той оживленности, какъ наканунѣ, въ заболотскомъ палацѣ; рѣдко вырвется слово, другое, и то прозвучитъ какъ-то странно, какъ-будто оно совершенно лишнее и уже вовсе не кстати нарушило общее тоскливое молчаніе.

Гремя оружіемъ, входили офицеры, только-что вернувшіеся или съ ночнаго обхода передовой цѣпи, или отъ драгунскихъ коновязей, и молча занимали свои мѣста противъ огня, выжимая изъ намокшихъ башлыковъ ручьями бѣжавшую воду. Также точно на смѣну ихъ выходили изъ хаты другіе, застегиваясь плотнѣй на ходу, и почти не взглянувъ на своихъ оставшихся товарищей.

Тяжелая дремота одолѣвала насъ; всѣ начали подыскивать себѣ болѣе удобныя положенія; кто-то уже храпѣлъ, положивъ на руки голову... Какъ вдругъ на дворѣ послышался шумъ; какой-то голосъ громко спрашивалъ: здѣсь-ли маіоръ Ильченко? и нѣсколько фыркающихъ лошадей, остановившись у самаго крыльца, съ шумомъ расплескивали накопившіяся лужи.

Въ хату вошелъ, пригнувшись въ дверяхъ, офицеръ высокаго роста; по голосу мы узнали капитана генеральнаго штаба Краснова.

— Господа! началъ онъ, снимая и отряхивая мокрый башлыкъ,—гдѣ маіоръ? А покуда, ради Бога, водки!... Ну да и холодно же, чортъ его дери! я думалъ замерзну, покуда доѣду къ вамъ. Ну, что же у васъ тутъ дѣлается? разсказывайте-ка, разсказывайте!

— Нѣтъ, вы намъ разскажите-ка, процѣдилъ сквозь зубы Ильченко,—что вы до сихъ поръ дѣлаете тамъ, въ Устилугѣ?

— Какъ что? васъ выручать идемъ, вотъ что!

— Вѣрно черепашьимъ шагомъ?

— Да ужъ тамъ какимъ-бы ни было! наше дѣло подначальное. Идемъ, какъ велятъ; гдѣ тихо, гдѣ скоро, а гдѣ вовсе остановимся.

Вопросы: гдѣ? что? какъ великъ отрядъ? кто его ведетъ? посыпались со всѣхъ сторонъ на Краснова, и вслѣдъ за этимъ, трудно себѣ вообразить то общее удивленіе и ни чѣмъ не сдерживаемую досаду, когда мы узнали, что отрядъ изъ трехъ ротъ пѣхоты, артилерійскаго казачьяго взвода и еще одного эскадрона драгунъ остановился ночевать въ Иваничахъ, не дойдя только десяти верстъ до Порицка. Устилужскимъ отрядомъ командовалъ начальникъ нашего штаба, полковникъ Циклядзе; по словамъ Краснова, онъ не рѣшался пройти съ орудіями до разсвѣта незнакомымъ ему вовсе зеленымъ лѣсомъ; какъ будто онъ не зналъ, что лѣсъ этотъ находится въ тылу нашего отряда,—значитъ, онъ былъ совершенно безопасенъ для прохода.

Ильченко быстро подошелъ къ Краснову:

— Что же вы съ нами дѣлаете? обратился онъ къ нему.— Господа! кто нибудь! берите казаковъ, скачите въ Иваничи, не жалѣйте коня, загоните его если понадобится, и доложите полковнику, что каждая минута дорога, что медля, мы можемъ потерять все дѣло; только скорѣй, ради Бога скорѣй!

Одинъ изъ офицеровъ второго эскадрона всталъ и вышелъ изъ хаты.

Мы всѣ какъ будто ожили. Начали разсчитывать, скороли можетъ прійти Циклядзе; оказалось, что раньше трехъ часовъ нельзя и ожидать, считая часъ на проѣздъ посланнаго и два остальные на движеніе отряда. Мы сильно надѣялись, что поляки еще до утра продержатся въ Порицкѣ.

Прошло часа полтора времени—и пора было выступать на нашу прежнюю позицію. Покуда роты строились, мы вывели изъ деревни драгунъ, и послали собирать ведеты. Скоро все было готово; ждали только прибытія отряда изъ Иваничей. Наконецъ посланный офицеръ вернулся, онъ привезъ приказаніе отъ начальника штаба, идти къ Владиміръ-волынской заставѣ Порицка, атаковать поляковъ съ той стороны, гдѣ они менѣе всего могли ожидать, и отбросить всю банду на Самовольскую дорогу, гдѣ ее долженъ встрѣтить Циклядзе съ своимъ Устилужскимъ отрядомъ. Сигналомъ къ нападенію должны были служить выстрѣлы казачьихъ орудій. Все это было-бы какъ нельзя лучше, если-бы не добавочное приказаніе: не начинать наступательныхъ дѣйствій прежде разсвѣта.

А если полякамъ вздумается начать выступленіе раньше? Тогда намъ приходилось быть безучастными зрителями ихъ движенія. Такъ именно и случилось.

Едва только мы выслушали присланное приказаніе, какъ изъ Порицка донесся до насъ смѣшанный гулъ; тутъ слышанъ былъ и скрипъ возовъ, и говоръ людей, и глухой шумъ движенія, короче: всѣ слишкомъ знакомые намъ звуки, сопровождающіе приготовленіе къ походу. Ясно было, что графъ Скомаровскій не желаетъ дожидаться разсвѣта.

Вторично было послано въ Иваничи извѣстіе объ этомъ обстоятельствѣ, и, черезъ два часа, опять полученъ такой же отвѣтъ, и подтвержденіе приказанія, отнюдь не начинать атаки до прихода Циклядзе. А между тѣмъ офицеръ, собиравшій ведеты, прискакалъ съ извѣстіемъ, что изъ Самовольской заставы замѣтно большое движеніе. Поляки выступали изъ Порицка, а значитъ и изъ нашихъ рукъ.

Мы быстро вышли изъ Ляхова; поднялись на Порицкое поле и, сквозь бѣловатый сумракъ разсвѣта, увидѣли ползущія на Самоволье длинныя, черныя, глухо-шумящія полосы. Атаковать непріятеля мы не имѣли никакого права, потерявъ свободу дѣйствій самостоятельнаго отряда, и вполнѣ завися отъ распоряженій начальника штаба, только-что въ эту минуту выступившаго изъ Иваничей.

Тяжело было на душѣ у каждаго изъ насъ, когда послѣдніе ряды банды скрылись за угломъ Самовольскаго лѣса. Муки Тантала имѣли, должно быть, много общаго съ тѣмъ что мы чувствовали; и странно: когда мы слышали за собой въ рядахъ глухое, недовольное ворчаніе, намъ какъ будто-бы совѣстно было обернуться къ нимъ лицомъ, чтобы унять это невольное нарушеніе дисциплины, казавшееся намъ, въ эту минуту, почти законнымъ. Мы боялись, что вотъ наши солдаты не выдержатъ и не дожидаясь команды, ринутся впередъ; тѣмъ болѣе, что это тревожное, лихорадочное состояніе духа могло легко привести къ этому,—и довольно было одного, самого незначущаго въ другое время, обстоятельства, чтобы разомъ подорвать едва-сдерживаемый нами порядокъ.

Рѣзкій вѣтеръ скоро разогналъ мочившія насъ цѣлую ночь тучи; на востокѣ, изъ конца въ конецъ, блеснула желтая полоса свѣта, и острыя верхушки Порицкаго костела вспыхнули на синемъ утреннемъ небѣ.

— А вонъ и Устилужцы!.. сказалъ кто-то—и все оборотилось назадъ. Отъ темной стѣны зеленаго лѣса отдѣлялись, одна за одной, группы приближавшагося отряда; онъ шелъ медленно; впереди и немного всторонѣ ѣхало нѣсколько всадниковъ: это былъ Циклядзе. Потомъ, стройно двигался, справа по шести, нашъ лейбъ-эскадронъ, на своихъ красивыхъ гнѣдыхъ лошадяхъ; за нимъ зеленѣлись казачьи орудія, ярко

Библиотека "Руниверс"

Маленькіе ночные разбойники. Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

выдѣляясь изъ темной массы окружающей ихъ прислуги; и сзади всѣхъ тянулись пѣхотныя роты, блистая рядами штыковъ, освѣщенныхъ только-что взошедшимъ солнцемъ. Скоро отрядъ подошелъ къ намъ; Ильченко скомандовалъ: «смирно»! и поскакалъ къ начальнику штаба. Тотъ рысью поѣхалъ къ нему навстрѣчу и, поговоривъ немного съ маіоромъ, повернулъ коня къ фронту нашихъ эскадроновъ; прищурившись, посмотрѣлъ онъ на изнуренныя лица драгунъ, и кивнувъ головой, лѣниво поздоровался съ ними. Не дружно и какъ-то хрипло отвѣтили эскадроны на привѣтствіе; на лѣвомъ флангѣ промолчали вовсе. Это не понравилось начальнику штаба; онъ отвернулся и поѣхалъ къ пѣхотинцамъ.

Между тѣмъ, прибывшія роты ставили ружья въ козлы; казаки ворочались около своихъ орудій; а мы, съѣхавшись съ новыми товарищами, въ полголоса толковали о только-что проведенной ночи. Послѣ мы узнали, что начальнику штаба сильно не понравился мрачный и неопрятный видъ нашего отряда. И дѣйствительно, полутора-суточный походъ, почлегъ въ грязи, подъ дождемъ, и почти сорока-часовой постъ оказали-таки свое дѣйствіе; измученные кони, опустивъ головы, лѣниво стояли, отставляя поминутно переднія ноги; солдаты распустили поводья и угрюмо смотрѣли изъ-подъ козырковъ своихъ кепи; покрытые съ ногъ до головы грязью, пѣхотинцы молча оправляли другъ у друга сбившуюся на сторону амуницію. И какая поразительная разница была между нами и свѣжими, румяными, опрятно-одѣтыми рядами Устилужцевъ! имъ не-отъ-чего было потерять свой щегольской видъ; съ комфортомъ прошли они сорока-верстный переходъ изъ Устилуга въ двадцать шесть часовъ, считая почлегъ въ Иваничахъ. Правда, этотъ наружный блескъ вовсе не согласовался съ внутреннимъ состояніемъ духа солдатъ; имъ было не легче нашего, когда они узнали о потерѣ дѣла, которое могло быть однимъ изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ за все время возстанія польскаго панства...

Покуда мы разговаривали съ прибывшими, изъ Порицка показалось необыкновенно оригинальная, весело шумящая толпа; по дорогѣ шли, попарно, странныя, пестро одѣтыя фигуры; тутъ краснѣли и зуавскія шапочки, мелькали бѣлыя конфедератки, кой-гдѣ развѣвались по вѣтру синіе плащи уланъ, но больше всего видно было темныхъ костюмовъ косиньеровъ. По неловкой, колеблющейся походкѣ мы замѣтили, что они были связаны по рукамъ, по два и по три человѣка вмѣстѣ. По бокамъ дороги, спереди и сзади, весело гарцовали подвижные стражники; смѣясь во все горло, они выдѣлывали уморительныя эволюціи своими жалкимъ оружіемъ. Оказалось, что они безъ спроса отдѣлились отъ нашего отряда въ то время, когда онъ выходилъ изъ Ляхова, и ворвавшись, черезъ владиміро-волынскую заставу, въ Порицкъ, разсыпались по всѣмъ, хорошо знакомымъ имъ, закоулкамъ мѣстечка — и позабирали всѣхъ, кто только отсталъ отъ выступившей изъ Порицка банды. Почти всѣ плѣнные были найдены спящими, кто подъ заборами, кто на дворахъ и въ хатахъ. Не одинъ только хмѣль свалилъ съ ногъ попавшихся повстанцевъ; большинство спало тяжелымъ сномъ крайняго утомленія. Одинъ изъ десятниковъ снялъ свою соломенную шляпу и, улыбаясь во весь ротъ, подъѣхалъ къ Ильченко.

— Ваше ско-родые, началъ онъ, — въ Порыцьку нема ни кого изъ ляховъ, бо мы усихъ забралы.

— Да-полно всѣхъ-ли? замѣтилъ улыбаясь маіоръ.

— Тылько панъ Мартыновскій*) съ графскими холопьями и остались; тихъ мы ни забирали. А коли прикажете, то и ихъ заберемъ.

— Ну, покуда не надо, сказалъ Ильченко,—а этихъ берегите хорошенько, чтобы не ушли.

Стражникъ засмѣялся, сказавъ, что ляхи отъ нихъ не утекутъ, и отъѣхалъ къ своимъ товарищамъ.

Между плѣнными особенно обращали на себя вниманіе два высокіе, широко-плечіе блондина; они бодро стояли впереди всѣхъ, красиво драпируясь зуавскими плащами. Кто-то изъ офицеровъ обратился къ нимъ съ французскою фразой. Зуавы переглянулись между собою—и одинъ изъ нихъ, робко заикаясь, отвѣтилъ по польски, что они не понимаютъ. Тогда ихъ спросили по русски: откуда они родомъ? И оказалось, что одинъ изъ окрестностей Львова, а другой—виленскій сѣдельный подмастерье и уроженецъ этого же города. Эти зуавы были не алжирскаго происхожденія, какъ и вся остальная ихъ братья, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, въ чемъ мы убѣдились окончательно впослѣдствіи. За этими псевдо-зуавами стояла смѣшанная группа, человѣкъ изъ десяти. Между ними мы увидѣли мальчика лѣтъ двѣнадцати; онъ сидѣлъ на землѣ и глухо рыдалъ, опустивъ на колѣни голову. Рядомъ съ нимъ стоялъ худощавый, небольшаго роста полякъ. Замѣтивъ, что мы смотримъ на ребенка, онъ сильно толкнулъ его сапогомъ въ бокъ, проворчавъ какую-то брань; его тотчасъ же велѣли связать покрѣпче и держать отдѣльно отъ остальныхъ плѣнныхъ, что́ и было быстро исполнено стражниками съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Всѣхъ остальныхъ развязали и усадили на приведенныя изъ Порицка фурманки. Къ стражникамъ присоединилось нѣсколько казаковъ, и всѣ они окруживъ повозки, тронулись шагомъ къ Владиміръ-Волынску, сдавать плѣнныхъ тамошней слѣдственной коммисіи.

Въ эту минуту мы всѣ вздрогнули какъ будто отъ электрическаго удара: со стороны Волчьяго поста до насъ донеслись звуки выстрѣловъ, потомъ еще—и наконецъ все слилось въ глухіе перекаты отдаленной канонады. Отъ Самоволья неслись къ намъ, во всю прыть лошадей, солдаты пограничной стражи. Тотъ же самый Гениксъ скакалъ впереди всѣхъ; онъ намъ привезъ извѣстіе, что австрійцы загородили дорогу Скомаровскому, и не допускаютъ поляковъ къ обратному переходу въ Галицію. Наше дѣло видимо поправлялось. Надо было спѣшить къ Волчьему посту, гдѣ мы могли настигнуть всю выскользнувшую изъ нашихъ рукъ банду.

Едва только эта вѣсть разнеслась по рядамъ, какъ солдаты быстро вскочили на ноги; усталость была забыта мгновенно; всѣ какъ будто ожили, и не дожидаясь команды, стали строиться, вытягиваясь по дорогѣ. Отдавъ приказаніе трогаться, Циклядзе поѣхалъ впередъ. Драгуны, пропустивъ мимо себя звенящія орудія, двинулись за ними, укрѣпясь на сѣдлахъ и разбирая на ходу поводья.

Скоро мы дошли до Самоволья, и повернули направо по границѣ. Выстрѣлы доносились до насъ яснѣе: то наша пограничная стража перестрѣливалась съ арьергардомъ Скомаровскаго. Капитанъ Красновъ, забравъ съ собою казаковъ, поскакалъ впередъ, узнать въ чемъ дѣло. Эскадроны, обогнавъ пѣхоту, пошли рысью, а за ними, гремя и прыгая по кочкамъ, покатились оба орудія. Пѣхотинцы ускорили шагъ.

Когда мы прошли такимъ образомъ версты три, то увидѣли Краснова, который несся къ намъ навстрѣчу, на своемъ рыжемъ конѣ; онъ былъ безъ фуражки. «Драгунъ! скорѣе драгунъ»! крикнулъ онъ намъ, и поскакалъ дальше къ Циклядзе, который отсталъ отъ насъ съ пѣхотой версты на полторы. Мы прибавили рыси, не понимая, что могло случиться съ казаками. Скоро мы замѣтили въ сторонѣ двухъ казачьихъ лошадей; онѣ были безъ всадниковъ, и путаясь въ поводьяхъ, продирались сквозь густо-растущій кустарникъ. Вотъ впереди показалось человѣкъ шесть донцовъ; они въ безпорядкѣ скакали къ намъ, крича: «драгуны, выручайте нашихъ»! Двое изъ нихъ были забрызганы кровью; самый задній конвульсивно корчился на сѣдлѣ, схватившись обѣими руками за правый бокъ и бросивъ поводья на шею своего коня.

Скоро разъяснилось, въ чемъ дѣло: Красновъ, доскакавъ до отстрѣливающейся пограничной стражи, съ гикомъ ударилъ на ближайшихъ уланъ; тѣ повернули лошадей, и казаки сгоряча занеслись, въ своемъ преслѣдованіи, подъ выстрѣлы пѣхоты. Тогда они бросились назадъ, уланы за

*) Управляющій имѣніями графа Чацкова, постоянно жившій въ Порицкѣ.

Библиотека "Руниверс"

нимк—и усталые донскіе кони не могли унести своихъ хозяевъ отъ насѣвшихъ на нихъ поляковъ. Нѣсколько донцовъ было изрублено; остальные въ безпорядкѣ кинулись въ разныя стороны, спасаясь отъ преслѣдованія.

Драгуны шли насколько хватало рыси лошадей, и минутъ черезъ десять, мы увидѣли передъ собой всю трехъ-тысячную партію Скомаровскаго.

Пограничная линія шла, какъ я уже сказалъ, лѣсомъ. Верстахъ въ восьми отъ Самоволья ее пересѣкало длинное топкое болото, версты на полторы выдающееся въ сторону Галиціи; проѣзжая дорога огибала это болото, и въ одномъ изъ ея изгибовъ стояла полуразрушенная сторожка, которая и называлась Волчьимъ постомъ. Это болото на половину принадлежало австрійцамъ, на половину намъ, о чемъ свидѣтельствовали изрѣдка торчавшіе между кочекъ столбы съ національными цвѣтами и гербами обѣихъ имперій. Въ этомъ именно мѣстѣ мы настигли поляковъ. Первое что мы увидѣли, былъ рядъ выкрашенныхъ зеленой краской парныхъ повозокъ; вокругъ нихъ толпились косиньеры, а нѣсколько конныхъ, повидимому, распоряжались движеніемъ. Увидя насъ, обозы круто свернули всторону, и маршъ-маршемъ бросились къ болоту, думая уйти въ Галицію помимо дороги. Скоро колеса тяжело нагруженныхъ повозокъ зарѣзались въ топкомъ болотномъ грунтѣ; упряжныя лошади, горячо вырываясь изъ-подъ хлеставшихъ ихъ безъ пощады бичей, пробороздили еще шаговъ двадцать и стали, провалившись по брюхо; весь обозъ завязъ, не достигнувъ до спасительныхъ черно-желтыхъ столбовъ. Тогда мы замѣтили большія массы польской пѣхоты, которыя, желая спасти обозъ, шли къ намъ навстрѣчу. Второй и четвертый эскадроны вынеслись на болотную опушку, спѣшили людей, и наступающіе поляки были тотчасъ же встрѣчены мѣткимъ огнемъ драгунскихъ штуцеровъ. Непріятель шелъ, тѣсно сомкнувшись, не останавливаясь и не задерживая шага. Впереди, надъ толпой, на длинномъ погнувшемся древкѣ, полоскалось синее знамя, съ бѣлымъ одноглавымъ орломъ. Правѣе, какъ будто отдѣлившись отъ массы, краснѣли зуавскія фески; они значительно опередили другихъ, и первые кинулись въ штыки на спѣшенныхъ драгунъ втораго эскадрона. Завязалась рукопашная схватка. Въ эту минуту одно изъ орудій выскочило на окраину болота, быстро снялось съ передковъ, и тотчасъ-же мелкій трескъ ружейной пальбы былъ совершенно покрытъ громомъ пушечнаго выстрѣла; вслѣдъ за нимъ раздался второй ударъ... поляки дрогнули и въ безпорядкѣ кинулись вправо, къ своимъ завязшимъ обозамъ. По лѣсу понесся шумъ бѣгущихъ массъ, — и когда разсѣялся немного дымъ нашихъ орудій, мы замѣтили безпорядочную кучу труповъ, изъ которой, какъ-то наискось торчало знакомое намъ синее знамя. Страшную картину увидѣли мы передъ собой: вся середина болота была занята завязшею двухъ-тысячною массой народа; все это, продираясь между повозками, давило другъ друга, и безпорядочно отстрѣливаясь, спасалось въ Галицію. Только на правомъ флангѣ еще держались зуавы, засѣвъ въ кустахъ, близь самой опушки. Нѣсколько разъ драгуны бросались на нихъ, и каждый разъ имъ не удавалось выбить крѣпко-засѣвшаго врага. На самомъ краю болота лежалъ громадный стволъ столѣтняго, вывороченнаго съ корнемъ дуба; его корявыя вѣтви, перепутавшись съ измятымъ, поломаннымъ кустарникомъ, служили крѣпкой засѣкой зуавамъ. Уже два раза отбивали они нашихъ драгунъ, какъ вдругъ сзади ихъ показались нѣсколько сѣрыхъ шинелей; это былъ нашъ общій фаворитъ, шестнадцати-лѣтній юнкеръ Жихаревъ; онъ, съ четырьмя драгунами прорвался стороной, между кустами, и бросился въ тылъ зуавамъ. Закипѣла штыковая рѣзня, и скоро вся опушка была совершенно очищена отъ непріятеля. Тогда только мы замѣтили, далеко, на той сторонѣ болота, длинныя бѣлыя линіи австрійцевъ. Почти вся польская кавалерія была тамъ; Скомаровскій съ своимъ штабомъ велъ переговоры съ начальникомъ австрійскаго отряда.

Наконецъ наша пѣхота подошла къ мѣсту боя. Тотчасъ-же двѣ роты смѣнили драгунъ, и эскадроны снова сѣли на лошадей. Во время смѣны, на правомъ флангѣ очистился промежутокъ, саженей въ полтораста шириной; желая прорваться сквозь нашъ отрядъ, польская кавалерія, вся разомъ, толпой кинулась къ этому мѣсту. Замѣтивъ это, лейбъ-эскадронъ успѣлъ заскакать во флангъ полякамъ и опрокинуть ихъ обратно къ болоту; тогда вся эта безпорядочная конная масса пронеслась подъ выстрѣлами нашихъ ротъ и наткнулась на оба казачьи орудія, которыя тотчасъ-же встрѣтили ее картечными выстрѣлами; а второй эскадронъ, вынесшись изъ-за пушекъ, погналъ разстроенныхъ и совершенно потерявшихся уланъ прямо ко всей, еще не выбравшейся изъ болота бандѣ. Все перепуталось вмѣстѣ, и надъ всею этою живою, ворочавшеюся массой людей и лошадей носился въ воздухѣ тяжелый стонъ раненыхъ, едва заглушаемый трескомъ ружейныхъ выстрѣловъ...

Далеко всторонѣ, на небольшомъ, покрытомъ кустарникомъ пригоркѣ, стоялъ полковникъ Циклядзе. Около него толпилось нѣсколько всадниковъ въ бѣлыхъ мундирахъ; это австрійскій штабъ-офицеръ прискакалъ для переговоровъ съ нашимъ начальникомъ штаба. Оттуда донеслись до насъ звуки отбоя; наши трубачи подхватили, и черезъ нѣсколько минутъ пальба затихла по всей линіи. Поляки положили орудіе.

Тогда поднялась оживленная, шумная суматоха. Одна изъ нашихъ ротъ, закинувъ ружья за плечи, съ пѣснями пошла по болоту вытаскивать завязшіе обозы. Со всѣхъ сторонъ сводили плѣнныхъ. Казаки ловили лошадей и сгоняли ихъ въ общій табунъ; самое разнокалиберное оружіе собиралось и складывалось въ кучи. Только къ вечеру прекратилась эта возня, и все приведено было въ надлежащій порядокъ...

Правда, результаты дѣла были громадны: весь обозъ, оружіе и лошади достались намъ въ руки; почти трехъ-тысячная партія была разсѣяна и окончательно лишена средствъ собраться снова... Но все-таки самыя главныя птицы улетѣли: Скомаровскій, Дядушицкій, Крукъ и всѣ остальные вожди оставили банду, за нѣсколько минутъ до неизбѣжнаго пораженія, и сдались австрійцамъ. Въ тотъ же день они получили свободу — и все удовольствіе побѣды было отравлено для насъ этимъ послѣднимъ пробѣломъ въ ея результатахъ.

На другой день мы снова заняли Порицкъ. Циклядзе ушелъ обратно въ Устилугъ, и все пошло по прежнему, прерываясь только самыми ничтожными пограничными схватками. Нѣсколько десятковъ повстанцевъ, спасшись отъ плѣна у Волчьяго поста, ратовали въ лѣсахъ, уже не въ видахъ какой либо политической цѣли, а только добывая средства для своего ежедневнаго пропитанія...

Кстати, я позволю себѣ разсказать одинъ анекдотъ, тѣмъ болѣе что онъ находится въ прямой связи съ Порицкимъ дѣломъ.

Между хозяйственными строеніями графа Чацкаго, особенно обращаютъ на себя вниманіе, длинными массивными фронтонами, конюшни для упряжныхъ и верховыхъ лошадей. До прихода поляковъ въ Порицкъ, въ нихъ содержалось около восьмидесяти животныхъ, которыя, по своей породѣ, не годились въ полевую работу; за то всѣ безъ исключенія могли поступить въ ряды какой угодно кавалеріи. Эти лошади назывались упряжными, для выѣздовъ самого владѣльца, что не мѣшало имъ быть хорошо выѣзженными подъ-верхъ. Дня за два до Порицкаго дѣла, Чацкій выѣхалъ *по хозяйству*, въ свое Подольское имѣніе, и поляки распоряжались въ Порицкѣ *самостоятельно*. Когда банда выступила изъ мѣстечка, то стойла въ графскихъ конюшняхъ оказались пустыми; кони достигли своего назначенія,—и большинство изъ нихъ, послѣ кроваваго эпизода на Волчьемъ посту, попали *по наслѣдству* подъ казачьи сѣдла. Дней черезъ десять вернулся графъ, и первое что ему бросилось въ глаза, были казаки ведущіе на водопой его *упряжныхъ* лошадей.

Какъ-то вечеромъ, Чацкій, сидя за стаканомъ чаю, въ нашемъ офицерскомъ кружкѣ, завелъ рѣчь о своихъ пустыхъ конюшняхъ и замѣтилъ, что ему кажется немного странымъ (при этомъ онъ чрезвычайно пріятно улыбнулся) такое безцеремонное пользованіе его собственностью.

— Я вполнѣ былъ увѣренъ, что мнѣ возвратятъ этихъ лошадей, добавилъ онъ, обращаясь къ маіору.

Библиотека "Руниверс"

— Конечно, графъ, отвѣчалъ ему маіоръ,—это, вѣроятно такъ-бы и случилось; но у насъ есть старинный обычай, почти вошедшій въ силу закона, отдавать добытыхъ отъ непріятеля лошадей тѣмъ изъ казаковъ, которые лишились своихъ во время боя.

— А если эти лошади не принадлежали непріятелю? замѣтилъ графъ.

— Это какъ-же?

— Да вотъ, напримѣръ, какъ эти? Вѣдь, если я не ошибаюсь, въ *Россіи* существуетъ законъ, говорящій, что взявшій или даже купившій украденную вещь обязанъ возвратить ее владѣльцу, безъ всякаго вознагражденія.

— Вы совершенно правы, графъ, сказалъ Ильченко,—и ежели только вы офиціально заявите, что эти лошади были *украдены* у васъ Скомаровскимъ, то, ручаюсь вамъ честнымъ словомъ, вы будете вполнѣ вознаграждены за вашу потерю.

Чацкій покраснѣлъ и замолчалъ; а черезъ нѣсколько секундъ, сдѣлавъ намъ всѣмъ общій поклонъ, вышелъ изъ комнаты. Заявленія о покражѣ и до сихъ поръ еще отъ него, кажется, не послѣдовало...

Н. Каразинъ.

Маленькіе ночные разбойники.

Жаръ спалъ; вечерѣетъ. Природа какъ бы стихаетъ послѣ усиленной дневной дѣятельности... смолкли безчисленныя полчища пѣвчихъ пернатыхъ. Не слышно ни миловиднаго зяблика, ни маленькой малиновки, не стучитъ своимъ крѣпкимъ носомъ по сухимъ деревьямъ пестрый дятелъ, не перепрыгиваетъ по высокимъ слямъ граціозная неугомонная бѣлка,—все какъ бы разомъ остановилось, заснуло и успокоилось.

Не долго продолжается эта тишина—всего часъ, не больше! Только-что пройдутъ сумерки—и ночь, хотя и свѣтлая, вступитъ въ свои права, какъ снова природа оживится, снова послышатся тысячи неясныхъ звуковъ. Въ воздухѣ у опушекъ лѣса по полямъ заносятся съ жужжаніемъ жуки; въ лѣсахъ, въ деревьяхъ, запоютъ свои тихія, нѣжныя ночныя пташки, въ черемухѣ зальется соловей, въ кустахъ запоетъ краснограудая варакушка; а внизу, на землѣ, въ густой сочной травѣ закипитъ иная, полная тревогъ и трудовъ, жизнь,—жизнь большихъ и малыхъ ночныхъ и полуночныхъ животныхъ.

Вотъ, сильно работая своими твердыми лапами, пробирается трудолюбивый кротъ, приподымая своимъ небольшимъ тѣломъ сравнительно большое количество земли и сооружаетъ свой земляной холмъ; вотъ изъ своей норки тихо выходитъ сосредоточенный ёжъ на охоту за любимыми лягушками, майскими жуками, слизняками и стрекозами; а вотъ и сѣрый зайка, оставивъ свое логово, гдѣ онъ нѣжился такъ долго, пробирается въ какой нибудь огородъ, чтобы пощипать болѣе вкусную капусту и петрушку.

Пройдетъ еще нѣсколько часъ, и когда темнота немного сгустится, покажутся и настоящія ночныя животныя, настоящіе хищники—и большіе и малые. Выбѣгутъ изъ своихъ темныхъ норъ и маленькіе ласки и горностаи, забѣгаютъ по задворкамъ и курятникамъ хорьки, и въ лѣсахъ пойдутъ на добычу лѣсныя куницы и соболи, а въ каменныхъ ущельяхъ ихъ сестры каменныя куницы,—и всѣ пойдутъ на разбой—бить, душить,—всѣ пойдутъ на охоту и всѣ возвратятся къ своимъ семействамъ съ добычей, умертвивъ много полезныхъ домашнихъ и лѣсныхъ птицъ и животныхъ.

Такъ какъ представительницей всѣхъ этихъ маленькихъ ночныхъ разбойниковъ можетъ смѣло назваться куница (какъ по величинѣ, по степени вреда, такъ и по совершенству и по развитію всѣхъ разбойничьихъ качествъ) то мы и займемся описаніемъ ея для характеристики цѣлаго семейства.

Настоящія куницы (Martes) представляютъ, какъ уже было сказано, самый совершенный типъ всего семейства, и соединяютъ въ себѣ всѣ отличительныя черты наружной формы, образа жизни, равно-какъ и всѣ пріемы, свойственные остальнымъ сочленамъ. Въ этихъ животныхъ мы находимъ всѣ качества, необходимыя для истинно-разбойнической жизни.

Тѣла у нихъ длинное, ноги короткія и крѣпкія, пальцы свободные и вооруженные маленькими острыми когтями; голова маленькая и плоская, уши и глаза большіе, зубы крѣпкіе и острые.

Всѣ эти свойства даютъ имъ возможность дѣлать самыя быстрыя движенія: всюду подкрадываться и пролѣзать. Движенія ихъ проворны и вѣрны, онѣ хорошо бѣгаютъ и лазаютъ, отлично плаваютъ, умѣютъ дѣлать большіе прыжки, весьма выносливы и невѣроятно расторопны. Чувства у нихъ также очень развиты, обоняніе тонко, слухъ хорошъ, глаза весьма остры — и, вдобавокъ ко всему, въ вонючихъ желѣзахъ онѣ имѣютъ средство защиты противъ хищныхъ животныхъ, болѣе сильныхъ чѣмъ онѣ сами. Вмѣстѣ съ тѣмъ куницы умны, хитры, лукавы, храбры и мужественны,—слѣдовательно и въ умственномъ отношеніи надѣлены всѣми качествами, могущими сдѣлать прокормленіе себя весьма легкимъ ремесломъ.

Лучшимъ представителемъ группы считается лѣсная куница (Martes abietum), которую называютъ тоже благородной куницей. Животное это очень красиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ къ самымъ вреднымъ изъ всѣхъ мелкихъ хищныхъ породъ Европы. Длина тѣла лѣсной куницы около 20 дюймовъ, длина хвоста—отъ одиннадцати до двѣнадцати, а вышина у загривка и шеи десять дюймовъ. Мѣхъ на всей верхней части тѣла и на хвостѣ темно-бурый, у морды голый, на лбу и щекахъ свѣтлобурый, на бокахъ тѣла и на брюхѣ желтоватый, на ногахъ черно-бурый. Узкая, темнобурая полоса тянется подъ ушами. Между ногами лежитъ рыжеватое пятно съ темнобурыми краями, которое иногда подымается полоской по горлу. Горло и нижняя часть шеи окрашены въ яркій желтый цвѣтъ—и они-то и служатъ отличительными признаками нашей куницы.

Мѣхъ у нея пушистый, мягкій и блестящій. Зимой общій оттѣнокъ мѣха темнѣе чѣмъ лѣтомъ. Самка отличается отъ самца болѣе блѣднымъ цвѣтомъ шерсти на спинѣ и менѣе явственными пятнами. У молодыхъ животныхъ горло и нижняя часть шеи свѣтлѣе.

Родина лѣсной куницы — всѣ лѣсистыя мѣстности сѣверной половины земнаго шара. Живетъ она въ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсахъ и встрѣчается тѣмъ чаще, чѣмъ пустыннѣе лѣсъ. Куница истинно древесное животное и лазитъ въ совершенствѣ: никакое другое хищное животное не превосходитъ ее въ этомъ искуствѣ. Дуплистыя деревья, оставленныя гнѣзда дикихъ голубей, хищныхъ птицъ и бѣлки служатъ ей жилищемъ; рѣдко ищетъ она себѣ убѣжища въ землѣ или въ трещинахъ скалъ.

Въ своемъ гнѣздѣ куница просыпаетъ обыкновенно весь день, но съ темнотой, часто даже тотчасъ послѣ солнечнаго заката, отправляется на разбой и преслѣдуетъ всякое животное, которое въ силахъ одолѣть. Начиная отъ зайца или молодой косули до мыши, ни одно млекопитающее не можетъ считать себя безопаснымъ отъ ея нападеній. Она подкрадывается незамѣтно, бросается на добычу и внезапно душитъ ее. Куница не боится даже нападать на молодаго оленя, прыгая на него съ деревьевъ и перегрызая ему шейныя артеріи. Не менѣе опасна куница и для птичьяго населенія. Всѣ куриныя породы, живущія у насъ, имѣютъ въ ней страшнаго врага. Тихо, безъ малѣйшаго шороха подкрадывается она къ мѣсту ихъ ночлега (все равно: находится ли онъ на деревѣ или на землѣ), и прежде чѣмъ бдительная курица успѣетъ почуять кровожаднаго врага, онъ уже держитъ ее въ своихъ когтяхъ, впивается зубами въ затылокъ и нѣсколькими ударами раздробляетъ шею или перегрызаетъ артеріи и жадно пьетъ вытекающую кровь. Куница гонится открыто только за лаяющими животными и умѣетъ сладить даже съ проворной, ловкой и выносливой бѣлкой. Убѣдившись, что спасти ее отъ дерзкаго разбойника, вьющагося какъ змѣя по ея слѣдамъ, не могутъ ни отчаянные прыжки съ высокаго дерева на землю, ни самое смѣлое бѣгство по тоненькимъ вѣткамъ, изнеможенная бѣлка принуждена бываетъ наконецъ сдаться. За водяными крысами и водяными птицами куница бродитъ по берегамъ прудовъ, озеръ и рѣкъ, а если нужно, то охотится за ними и въ ихъ стихіи—водѣ. На зайцевъ нападаетъ въ норахъ, или когда они выходятъ искать корма. Кромѣ того, разоряетъ птичьи гнѣзда, отыскиваетъ улья и крадетъ медъ; таскаетъ такъ-же плоды и ѣстъ очень охотно какъ всѣ ягоды, растущія на землѣ, такъ груши, вишни и сливы съ деревьевъ. Когда въ лѣсу начинаетъ ощущаться недостатокъ въ пищѣ, она становится смѣлѣе и подходитъ къ человѣческому жилью. Во дворахъ она посѣщаетъ курятники и голубятни—и производитъ тамъ такія опустошенія, на которыя способны только члены ея семьи. Задушивъ несравненно болѣе, чѣмъ ей нужно—иногда цѣлый курятникъ—она съ собой уноситъ какую нибудь одну курицу или одного голубя. Такимъ-то образомъ куница и служитъ бичемъ для всѣхъ маленькихъ животныхъ—и они боятся ее болѣе всякаго другаго хищника.

Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля самка мечетъ отъ трехъ до четырехъ дѣтенышей въ дуплѣ, выстланномъ мохомъ, рѣже въ гнѣздѣ бѣлки или сороки, или въ какомъ нибудь углубленіи скалы. Мать очень нѣжно заботится о своемъ семействѣ, и изъ опасенія потерять свой домъ, никогда не уходитъ далеко отъ него. Послѣ нѣсколькихъ недѣль малютки сопровождаютъ уже свою родительницу на ея ночныхъ разбойничьихъ прогулкахъ, весело и бойко прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку—и плохо приходятся въ это время и дикой и домашней птицѣ. Однако во время этихъ разбойничьихъ прогулокъ старая куница не сводитъ глазъ съ своихъ молодыхъ, и при малѣйшей опасности заставляетъ ихъ поспѣшно обращаться въ бѣгство въ гнѣздо или иное укромное мѣсто.

Библиотека "Руниверс"

Что такъ жадно глядишь на дорогу? Рис. П. Медвѣдевъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Молодыхъ куницъ можно легко выкормить, сначала молокомъ и хлѣбомъ, потомъ мясомъ,—и держать довольно долго. Изъ всѣхъ приручаемыхъ хищныхъ животныхъ онѣ самыя милыя и забавныя, и хотя съ трудомъ теряютъ свою природную дикость, но все-таки приручаются на столько, что узнаютъ своего воспитателя, выказываютъ радость при его появленіи.

За лѣсной куницей охотятся самымъ усерднѣйшимъ образомъ, какъ для того, чтобы положить предѣлъ ея разбоямъ, такъ и для добыванія ея дорогаго мѣха. Всего удачнѣе бываетъ охота по первоснѣжью, потому что въ это время легко отыскать звѣря по слѣду какъ на землѣ, такъ и на сучьяхъ хвойныхъ деревьевъ, покрытыхъ пухлымъ бѣлымъ покрываломъ. Случайно можно куницу найдти и въ лѣсу по черностопу—вытянувшейся во всю длину по вѣткѣ. Тутъ ее легко застрѣлить; даже если первый выстрѣлъ былъ неудаченъ, можно успѣть сшибить ее вторымъ выстрѣломъ, такъ какъ куница не трогается съ мѣста и безстрашно смотритъ въ глаза охотнику. Всякій новый предметъ такъ забавляетъ ее, что ей и въ голову не приходитъ бѣжать.

При охотѣ за лѣсной куницей нужно имѣть съ собой хорошую собаку, которая-бы смѣло бросалась на звѣря и хватала-бы его зубами, не смотря на отчаяные прыжки. Въ капканъ куница попадается довольно легко, если онъ настороженъ свободно и ловко спрятанъ. Для приманки кладется какая нибудь дичь или домашняя птица. Кромѣ капкана нашими крестьянами употребляются особаго рода ловушки, называемыя клепцами. Ловушка эта состоитъ изъ двухъ плотно приходящихся другъ къ другу палокъ, связанныхъ на одномъ концѣ, причемъ другой раздвинутъ распоркой въ ширину и болѣе головы куницы. Къ этой распоркѣ прикрѣпляется приманка и ловушка, привязанная глухимъ концемъ къ дереву, насторожнвается такимъ образомъ, чтобы куница могла достать приманку только просунувъ голову между двумя палками. Какъ только дотроется куница до приманки, какъ распорка выскакиваетъ и животное остается въ тискахъ на радость промышленника. Мѣхъ лѣсной куницы — самый дорогой изъ мѣховъ нашихъ туземныхъ пушныхъ звѣрковъ и уступаетъ по цѣнѣ только собольему, къ которому близко подходитъ по добротѣ.

Разумное воспитаніе дѣтей.

Въ прошлой статьѣ мы опредѣлили, въ чемъ состоитъ задача воспитанія: *въ усовершенствованіи хорошихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ, унаслѣдованныхъ ребенкомъ отъ родителей и въ предохраненіи отъ пороковъ, свойственныхъ его темпераменту.*

Теперь посмотримъ, кто изъ родителей или постороннихъ долженъ исполнить эту высокую и трудную задачу.

Первое, что приходитъ въ голову всякому—это то, что воспитаніе дѣтей въ первомъ возрастѣ (до 7 лѣтъ) есть главнѣйшая обязанность *матери:* она ихъ рожаетъ—она и должна ихъ кормить и воспитывать. Но не все то, что должно быть исполнено, дѣйствительно исполнимо.

Чтобы дѣтей *воспитать*, нужны: умъ, познанія и практическая опытность въ воспитательномъ дѣлѣ. А много-ли найдется матерей, которыя обладаютъ всѣми этими атрибутами, необходимыми для воспитательницы? Много-ли найдется между такъ-называемыми «образованными» женщинами такихъ, которыя имѣли бы хоть элементарное понятіе объ устройствѣ и отправленіяхъ человѣческаго тѣла и первоначальныхъ правилахъ гигіены,—безъ чего не мыслимо разумное воспитаніе? Весьма мало!

Отцамъ большею частью ихъ общественное положеніе не даетъ возможности имѣть постоянный уходъ за дѣтьми въ первые годы ихъ жизни.

Изъ постороннихъ лицъ типомъ воспитательницы дѣтей (въ зажиточномъ классѣ) является *гувернантка*. Мы имѣемъ въ виду не ту гувернантку, которой имя «француженка» и роль которой подходитъ скорѣе къ роли домашней модистки и няни, нежели воспитательницы. Мы говоримъ о русской гувернанткѣ. Какъ извѣстно, въ должность гувернантки обыкновенно идутъ бѣдныя дѣвушки, окончившія гимназію или институтъ. Обладая познаніями — правду сказать весьма элементарными—по части наукъ и языковъ, онѣ всего менѣе знакомы съ тѣмъ, что имѣетъ для гувернантки наибольшую важность — съ педагогикой. Та «педагогика», которая преподается въ женскихъ заведеніяхъ ученицамъ послѣдняго класса, едва-ли заслуживаетъ названія педагогики (науки о воспитаніи): такъ какъ руководствами служатъ тощія учительскія «записки», весь теоретическій курсъ ограничивается 2-мя—3-мя десятками уроковъ, о *практическомъ* же приложеніи педагогическихъ правилъ къ дѣтямъ не можетъ быть и рѣчи.

И вотъ, не имѣя никакого понятія о дѣтской натурѣ, гувернантка ломаетъ ее по своему благоусмотрѣнію или руководствуясь правилами домашней педагогики. Въ рукахъ неопытной гувернантки уродуется характеръ дѣтей: отъ частаго запрещенія того, что дѣтямъ можетъ быть позволено, послѣднія дѣлаются раздражительными, злыми; отъ неумѣстнаго разрѣшенія того, что дѣтямъ разрѣшено быть не должно, они становятся избалованными, капризными; отъ неумѣнія гувернантки отвѣчать на вопросы дѣтей, послѣднія теряютъ любознательность и т. д. И это отъ того, что дѣло мастера боится! Отъ того, что воспитаніе требуетъ такого-же спеціальнаго теоретическаго и *практическаго* изученія, какъ юриспруденція, медицина и проч. Никто не станетъ довѣрять веденіе важнаго процесса не-юристу; равнымъ образомъ, страдающіе серіозною болѣзнію не обратятся за помощію къ не-врачу.

Почему-же воспитаніе дѣтей довѣряютъ такимъ лицамъ, которыя этимъ дѣломъ совсѣмъ не занимались и не имѣютъ о немъ никакого понятія?

Нѣмцы, которые вообще лучшіе семьяне и болѣе заботятся о благѣ своихъ дѣтей, нежели мы, русскіе,—сознали всю нелѣпость и весь вредъ подобнаго безшабашнаго отношенія къ воспитанію дѣтей, и вотъ они устроили такія заведенія, гдѣ спеціально приготовляютъ воспитательницъ. Преподаваніе въ этихъ заведеніяхъ состоитъ изъ теоретическихъ курсовъ и практическихъ. Школою для практическаго изученія дѣтской природы служитъ дѣтскій садъ, безъ котораго не обходится ни одно педагогическое заведеніе. Окончившія эти заведенія послѣ и дѣлаются директрисами дѣтскихъ садовъ или, какъ нѣмцы называютъ ихъ поскромнѣе, садовницами.

Что касается самыхъ дѣтскихъ садовъ, то откладывая до одной изъ будущихъ статей подробное описаніе ихъ устройства и образа воспитанія въ нихъ дѣтей, мы укажемъ только на преимущества, которыя представляетъ воспитаніе дѣтей въ дѣтскомъ саду предъ домашнимъ воспитаніемъ.

1) Дѣти находятся цѣлый день въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ чистаго воздуха и цѣлесообразныхъ движеній.

2) Дѣти находятся въ обществѣ ровесниковъ, что дѣйствуетъ весьма благотворно на ихъ характеръ.

3) Дѣти находятся цѣлый день подъ надзоромъ опытной воспитательницы.

Этихъ преимуществъ—не говоря о множествѣ другихъ, о которыхъ еще будемъ говорить—было достаточно, чтобы дѣтскій садъ сдѣлался въ Германіи общераспространеннымъ, и въ настоящее время не много можно насчитать городовъ, въ которыхъ нѣтъ дѣтскаго сада.—Въ нѣкоторыхъ городахъ (напр. въ Гамбургѣ), кромѣ общественныхъ дѣтскихъ садовъ, существуютъ еще такъ-называемые *семейные* дѣтскіе сады, которые устраиваются общими силами нѣсколькихъ знакомыхъ семействъ.

Спрашивается, отчего бы и у насъ не завести подобныхъ дѣтскихъ садовъ, гдѣ бы дѣти такъ-же воспитывались подъ надзоромъ и руководствомъ опытныхъ—и призванныхъ лицъ? Развѣ трудно обществу любаго города устроить порядочный дѣтскій садъ, гдѣ воспитаніе каждаго ребенка обойдется несравненно дешевлѣ, чѣмъ оно обходится дома при гувернанткѣ? Что касается воспитательницъ, то не дорого также обойдется городу отправить дѣвушку, окончившую гимназію, на два года въ Германію, для практическаго изученія управленія дѣтскимъ садомъ. Эта первая садовница можетъ потомъ быть наставницей другихъ въ дѣлѣ воспитанія, благо въ живомъ матеріалѣ недостатка не будетъ. Такимъ путемъ возникнетъ классъ садовницъ или воспитательницъ—дѣло не въ названіи — и общество отъ этого только будетъ въ выигрышѣ.

Само собою разумѣется, что дѣтскіе сады должны быть приспособлены къ природѣ нашихъ дѣтей, а не пересажены цѣликомъ на нѣмецкій ладъ.

Переходимъ къ другому пункту, играющему существенную роль въ дѣлѣ воспитанія дѣтей и имѣющему рѣшительное вліяніе на всю жизнь послѣднихъ... Мы говоримъ о *любви родителей къ дѣтямъ и послѣдствіяхъ ложнаго направленія этого чувства.*

Авторы «Практическихъ замѣтокъ» вотъ что говорятъ объ этомъ пунктѣ.

«Чувство любви родителей къ своимъ дѣтямъ есть одно изъ самыхъ законныхъ и естественныхъ чувствъ человѣческой природы. Чувство это одинаково присущно народамъ дикимъ, какъ и народамъ цивилизованнымъ. Мы не беремся анализировать здѣсь причину и развитіе этого чувства, это психологическое изслѣдованіе завело бы насъ слишкомъ далеко. Родительская любовь въ отношеніи къ ихъ дѣтямъ обнаруживается слѣдующимъ образомъ: родители, любящіе своихъ дѣтей, желаютъ, чтобъ послѣднимъ было хорошо, чтобъ они были счастливы не только въ то время, когда они находятся подъ ихъ руководствомъ, но и послѣ ихъ дѣтскаго возраста, когда они становятся взрослыми и самостоятельными. Изъ этого слѣдуетъ, что степень любви родителей къ дѣтямъ можетъ измѣряться поступками ихъ относительно послѣднихъ. Чѣмъ болѣе поступки родителя лишены эгоистическихъ цѣлей, а имѣютъ цѣлью счастье дѣтей, тѣмъ болѣе родители любятъ своихъ дѣтей. *Чѣмъ больше родители выносятъ лишеній и страданій изъ-за дѣтей, тѣмъ сильнѣе, возвышеннѣе*

Библиотека "Руниверс"

любовь ихъ. Поэтому любовь родителей, отказывающихъ себѣ въ кускѣ хлѣба ради своихъ дѣтей, имѣетъ несравненно большее значеніе, нежели любовь блаженствующихъ въ роскоши и излишествѣ родителей, осыпающихъ своихъ дѣтей разными драгоцѣнностями. Все это очень хорошо всѣмъ извѣстно и твердится очень часто въ различныхъ варіаціяхъ—и по этому воспитательныя мѣры, предпринимаемыя родителями изъ любви къ своимъ дѣтямъ, считаются до того непогрѣшимыми, что не подвергаются обыкновенно ни малѣйшему обсужденію. Тѣмъ не менѣе, вглядываясь ближе въ отношенія родителей къ дѣтямъ, обнаруживается многое, совершенно не соотвѣтствующее слишкомъ воспѣваемой родительской любви.

Наше обыкновенное рутинное воспитаніе, начиная съ самаго рожденія дитяти, таково, что ведетъ, какъ оказывается при внимательномъ наблюденіи, рѣдко къ благу и къ счастію воспитываемаго ребенка.

Родится ребенокъ. Его тотчасъ оковываютъ въ пеленки до 3, 4 и даже больше мѣсяцевъ. Какъ только ребенку минуло 6 недѣль, иногда еще раньше, онъ уже не любитъ пеленаться и сильно кричитъ при процедурѣ связыванія рукъ и ногъ. Очевидно, онъ недоволенъ, но родители возражаютъ на то, что будущее здоровье и благо дитяти зависитъ именно отъ пеленанія его рукъ и ногъ,—въ противномъ случаѣ, если онѣ останутся несвязанными, ноги будутъ кривыя, вслѣдствіе чего ребенокъ долго не будетъ ходить, — руки-же слѣдуетъ связывать потому, что ребенокъ глупъ, попадаетъ или въ лицо, царапаетъ себя и пугается самъ движеній своихъ-же рукъ и спитъ поэтому безпокойно.

Неопытнаго въ дѣлѣ ухода за дѣтьми подобные аргументы легко могутъ сбить съ толку и онъ долженъ будетъ согласиться съ ними. Въ сущности-же оказывается совсѣмъ не то. Ноги ребенка *никогда* не кривятся оттого, что ихъ не пеленаютъ—и дѣти, неспеленанныя съ самаго рожденія, всегда начинаютъ раньше ходить, нежели тѣ дѣти, которыхъ долго пеленали. Доказательствомъ этому служатъ тѣ страны, въ которыхъ исчезъ глупый обычай пеленанія. Для того, чтобъ дѣти не царапали себѣ лицо руками, существуетъ способъ несравненно болѣе простой и безвредный, нежели связываніе рукъ, а именно частое остриганіе ногтей; что-же касается пугливости дѣтей, непроизвольнаго сокращенія всего тѣла во время притрогиванія руки его къ его же лицу, т. е. внѣшняго выраженія страха, переданнаго по наслѣдству и обнаруживающагося обыкновенно подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній, а у дѣтей подъ вліяніемъ прикосновенія къ ихъ лицу, — то во первыхъ, этой пугливости подвержены не всѣ дѣти, а только дѣти—нервнаго или холерическаго темперамента, и во вторыхъ, чтобы предотвратить такія движенія, которыя рефлекторно вызываютъ сокращеніе всего тѣла, какъ будто при страхѣ,—то для этого стоитъ просто предъ тѣмъ обернуть ребенка пеленкою, но не пеленать. Поклонники пеленанія имѣютъ въ запасѣ еще одинъ на видъ важный доводъ: что нельзя перестать рано пеленать дѣтей, ибо они сами желаютъ быть спеленанными и иначе не засыпаютъ. Это такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что женщины, пріученныя съ дѣтства стягиваться въ корсеты, увѣряютъ, что онѣ не могутъ оставить свои корсеты, не смотря на ихъ желаніе: онѣ чувствуютъ боль въ спинѣ, неловкость и т. д. Такія женщины—уроды, для нихъ сдѣлалось нормою стѣсненное дыханіе; и дѣти, любящія, чтобъ ихъ связывали, также—уроды: они никогда не знали свободы—и понизма этого чувства нарушаетъ обыкновенный ходъ ихъ жизни. Но, вѣроятно, многимъ приходилось видѣть здороваго, не связаннаго младенца, спящаго спокойно и безмятежно, не хуже связаннаго самыми образцовыми свивальниками ребенка. Стало быть, дѣтей мучатъ совершенно даромъ, связывая имъ руки и ноги, ибо никакого блага имъ отъ этого въ будущности не предстоитъ, а напротивъ вслѣдствіе этой причины, они долго не научаются ходить.

Далѣе: принято вообще маленькихъ дѣтей одѣвать очень тепло, чтобы не простудить ихъ. Оказывается, что, не смотря на всё укутыванье, дѣти всего часто заболѣваютъ отъ простуды. Это понятно: чрезмѣрно теплая одежда пріучаетъ кожу къ теплотѣ, и малѣйшая перемѣна температуры, сквозной вѣтеръ, задерживаетъ отправленіе кожи, испарину; предохранять *постоянно* ребенка отъ прикосновенія къ нему холодной атмосферы положительно не возможно—и вотъ ребенокъ заболѣваетъ; но если бы кожа его первоначально не была пріучена къ чрезмѣрной теплотѣ, онъ-бы безнаказанно выдержалъ прикосновеніе холодной температуры. Съ укутываніемъ дѣтей тѣсно связана другая общепринятая, воспитательная мѣра, имѣющая въ виду опять таки благо дитяти и производящая совершенно противоположное дѣйствіе. *Никакая комната не предохраняется столько отъ свѣжаго, открытаго воздуха какъ дѣтская*—и, замѣчательно, чѣмъ меньше питомецъ, тѣмъ больше боятся пропустить къ нему струю свѣжаго воздуха. Весною двойныя рамы оконъ въ дѣтской остаются долѣе всего невыставленными; если въ другихъ комнатахъ зимою открываются изрѣдка форточки для провѣтриванія, въ дѣтской этого никогда не случается, дабы не простудить ребенка; нигдѣ не накаливаются печи до такой степени какъ въ дѣтской,—и все это изъ *любви* къ ребенку. И что же? ребенокъ, разумѣется, въ своей комнатѣ не простуживается, но стоитъ ему лишь сдѣлать одинъ шагъ внѣ ея—и онъ дѣлается жертвою простуды, а иногда и смерти. Мало того, онъ постоянно дышетъ вывѣтреннымъ, испорченнымъ воздухомъ, что придаетъ ему тотъ блѣдный, хилый, вялый видъ, который такъ распространенъ между столичными дѣтьми.

Почему бы, кажется, для той-же цѣли, чтобъ не простудить ребенка, не пріучить его съ самаго рожденья къ умѣренной температурѣ? Послѣднее средство не только бы лучше содѣйствовало цѣли—дѣйствительно не простуживать дѣтей, но имѣло бы еще ту безцѣнную выгоду, что можно было бы безбоязненно открывать окна въ присутствіи ребенка, выпускать испорченный, негодный для дыханія воздухъ и впускать свѣжій, неиспорченный воздухъ, вдыханіе котораго имѣетъ столь важное значеніе для здоровья и общаго благосостоянія ребенка. Сюда же относится *вредная привычка мыть дѣтей теплой водою*, опять таки для того, чтобъ не простудить ихъ,—а на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ скорѣе простудить и сдѣлать ихъ кожу бездѣятельною вялою.

Ребенокъ начинаетъ ходить. Онъ начинаетъ карабкаться на разныя возвышенія, на стулья, лѣстницы, и т. д. Его останавливаютъ на каждомъ шагу: не ходи туда, упадешь! не влѣзай сюда, упадешь! какъ можно такъ карабкаться, вѣдь упадешь—больно будетъ! Ребенокъ только и слышитъ что предостереженія отъ невѣдомой ему опасности и, оставленный на минуту одинъ, дѣйствительно вкарабкается куда нибудь и падаетъ, нанося себѣ на самомъ дѣлѣ значительный вредъ, послѣ чего конечно изчезнетъ всякое желаніе предпринимать столь отважные планы и ребенокъ дѣлается неповоротливымъ, лѣнивымъ, неловкимъ. Почему бы кажется не избрать другаго средства для того, чтобы ребенокъ не ушибся? Пусть научатъ его лазать и карабкаться съ самаго того времени, когда онъ къ тому выказываетъ желаніе. Это весьма легко сдѣлать, стоитъ только быть въ непосредственной близости къ ребенку въ первое время, когда онъ предпринимаетъ свои гимнастическія упражненія,—и въ случаѣ паденія поддерживать его, но не обезкураживать запрещеніями. Ребенокъ упадетъ разъ-другой—и научается лазать, потому что этому искусству весьма легко научается даже малѣйшій ребенокъ. Научившись лазать, ребенокъ можетъ взбираться на доступныя ему возвышенія безъ опасности и во время отсутствія взрослыхъ, а что важнѣе всего: онъ дѣлается смѣлымъ, ловкимъ, сильнымъ, проворнымъ, что конечно скорѣе будетъ содѣйствовать его будущему благосостоянію, нежели робость и неопытность.

Ребенокъ получаетъ желаніе все трогать, осматривать. Всякая вещь въ глазахъ воспитателей опасна для ребенка: самоваръ не трогай—обожжешься, ножницы не трогай—обрѣжешься, пилку не трогай—глазъ выколешь, стаканъ не трогай—разобьешь и обрѣжешься, палку не трогай—ушибешься, песокъ не трогай—глаза засыплешь и т. д. У ребенка все отнимаютъ и суютъ ему въ руки разныя, дѣйствительно безвредныя игрушки. Онъ поневолѣ теряетъ свою первоначальную наблюдательность, живость, любознательность.

Въ виду блага и счастья своего питомца, его сторожатъ аргусовыми глазами—и чуть только питомецъ кашлянетъ—ему даютъ лекарства отъ кашля, онъ ляжетъ на животъ—его лечутъ отъ животной боли, назначаютъ діэту, домашній арестъ и т. п. мѣры. Отъ лекарствъ организмъ ребенка разслабляется, дѣлается чувствителенъ до крайности.

Нѣкоторые родители выражаютъ свою любовь къ дѣтямъ еще тѣмъ, что доставляютъ имъ постоянное удовольствіе ѣсть разныя дорогія лакомства и, изъ сущей любви, дѣлаютъ ихъ обжорами, единственный идеалъ которыхъ лакомыя кушанья.

Иные родители также начинаютъ учить своихъ дѣтей какъ можно раньше читать, писать, говорить наизусть басни и стихи, съ цѣлью, чтобъ дать имъ прочное образованіе и сдѣлать ихъ способными и даровитыми людьми. Жаль только, что средство не соотвѣтствуетъ цѣли, ибо раннее ученіе не только не способствуетъ тому, чтобъ производить даровитыхъ дѣтей, но, напротивъ, способствуетъ тому, чтобъ дѣти получили совершенное отвращеніе къ обученію и образованію; а иногда ребенокъ отъ ранняго обученія просто тупѣетъ, понятія его спутываются, онъ дѣлается мрачнымъ и кончаетъ очень плачевно жизнь.

Что-же выходитъ изъ дѣтей, такимъ образомъ воспитанныхъ? выходитъ, что мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу—разслабленныхъ, хилыхъ дѣтей и вслѣдствіе этого хилыхъ и разслабленныхъ людей. Что же иное можетъ произвести воспитаніе, которое не примѣняетъ дѣтей къ окружающей средѣ, а имѣетъ претензію примѣнять среду къ дѣтямъ?

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Литературный альбомъ. «Тройка» Н. Некрасова.

(Рисунокъ П. Медвѣдева).

Вмѣсто всякихъ объясненій къ прилагаемому рисунку, мы напомнимъ читателямъ нѣсколько строфъ извѣстнаго стихотворенія Некрасова, «Тройка», вдохновившихъ нашего художника.

Что такъ жадно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ?
Знать забила сердечка тревогу,
Все лицо твое вспыхнуло вдругъ...

***

И зачѣмъ ты бѣжишь торопливо
За промчавшейся тройкой во слѣдъ?
На тебя, подбоченясь красиво,
Заглядѣлся проѣзжій корнетъ.

***

На тебя заглядѣться не диво,
Полюбить тебя всякій не прочь,
Вьется алая лента игриво
Въ волосахъ твоихъ черныхъ какъ ночь...

***

Сквозь румянецъ щеки твоей смуглой
Пробивается легкій пушокъ,
Изъ подъ бровки твоей полукруглой
Смотритъ бойко лукавый глазокъ...

Стоитъ красотка и смотритъ затаивъ дыханіе, опираясь на мельничный жорновъ, какъ бы знаменующій ея тяжелую грядущую судьбу, предсказываемую заключительными стихами на то время, когда ее выдадутъ замужъ за немилаго, будетъ бить ее мужъ приверсдникъ и свекровь въ три погибели гнуть....

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— О бывшемъ 18-го августа въ Большомъ театрѣ парадномъ спектаклѣ помѣщены въ «Правит. Вѣстн.» слѣдующія подробности: Залы театра были убраны цвѣтами и растеніями; ярко освѣщенная зрительная зала къ восьми часамъ наполнилась публикою, между которою было много иностранцевъ; въ ложахъ бель-этажа помѣщался дипломатическій корпусъ; остальныя ложи были заняты преимущественно дамами, въ бальныхъ костюмахъ. Спустя нѣсколько времени, въ центральной Императорской ложѣ показался Государь Императоръ и Высокоповобрачные, встрѣченные гимномъ «Боже, Царя храни» и громкими криками «ура». Спектакль состоялъ изъ перваго дѣйствія оперы «Жизнь за Царя» и изъ двухъ картинъ балета «Камарго». По окончаніи спектакля, Государь Императоръ и Особы Императорской Фамиліи возвратились по ярко иллюминованнымъ улицамъ во дворецъ, привѣтствуемые кликами собравшагося народа.

— 20-го августа, въ 7¼ часовъ вечера Его Величество Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Царскаго Села въ Москву въ сопровожденіи Ихъ Королевскихъ Высочествъ Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и Принца Александра Нидерландскаго.

— 21-го августа, въ 7½ часовъ утра, изволили выѣхать изъ Царскаго-Села въ Москву Ея Величество Государыня Императрица, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Сергѣй Александровичъ и Павелъ Александровичъ и Ея Королевское Высочество Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Въ Высочайше утвержденныхъ 8-го апрѣля 1873 года главныхъ основаніяхъ для новаго устройства войскъ между прочимъ было опредѣлено: въ видахъ содержанія войскъ въ мирное время въ большей готовности на случай войны, особенно въ пограничныхъ округахъ, соединять всѣ три рода оружія въ составъ корпусовъ, составляя каждый изъ нихъ изъ 2-хъ или 3-хъ пѣхотныхъ дивизій съ соотвѣтственнымъ числомъ кавалеріи и артиллеріи. Въ военное же время составъ каждаго корпуса дополнять саперами и другими частями.

Во исполненіе сего было поручено главному штабу и главному военно-кодификаціонному Комитету проектировать Положеніе объ управленіи корпусомъ и штаты какъ сего управленія, такъ и управленія начальника артиллеріи въ корпусѣ.

Составленные вслѣдствіе сего проекты положеній и штатовъ, по разсмотрѣніи въ военномъ совѣтѣ, удостоились въ 10-й день сего августа, Высочайшаго утвержденія.

— Государь Императоръ, 20-го сего августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить носить бороды служащимъ во всѣхъ войскахъ, кромѣ гвардіи и гренадеръ, а также лицъ, состоящихъ въ Свитѣ Его Величества и чиновъ главныхъ управленій военнаго министерства.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить носить бороды служащимъ во всѣхъ командахъ морскаго вѣдомства, кромѣ гвардейскаго экипажа, а также лицъ, состоящихъ въ Свитѣ Его Величества, и чиновъ, служащихъ въ учрежденіяхъ морскаго министерства.

— Государь Императоръ 17-го сего августа Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Тѣмъ молодымъ людямъ, которые до изданія устава о воинской повинности состояли уже въ военной службѣ на правахъ вольноопредѣляющихся и были уволены отъ службы по собственному желанію, предоставить поступать нынѣ вновь на службу вольноопредѣляющимися же, не иначе какъ по выполненіи ими условій, установленныхъ на сей предметъ новыми правилами, изложенными въ 1-мъ отдѣлѣ XII главы того же устава и въ 1-мъ приложеніи къ приказу по военному вѣдомству 19-го марта 1874 г., № 101 — и

2. Упомянутыхъ лицъ, въ случаѣ вторичнаго поступленія ихъ нынѣ на службу вольноопредѣляющимися или охотниками, принимать *рядовыми* и удостоивать затѣмъ къ производству въ унтеръ-офицеры и въ офицеры на общихъ основаніяхъ; но прежнюю службу ихъ въ военномъ вѣдомствѣ зачитать въ выслугу установленныхъ новыхъ сроковъ, для производства въ унтеръ-офицеры или въ первый классный чинъ (для охотниковъ), а также для зачисленія въ запасъ арміи.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ помѣщенномъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» описаніи происходившихъ въ началѣ этого мѣсяца большихъ маневровъ между прочимъ говорится: Войска, состоящія на ¼ изъ *молодыхъ солдатъ*, поступившихъ на службу лишь 4—5 мѣсяцевъ тому назадъ, показали себя въ *отличномъ видѣ*. Съ замѣчательною бодростью дѣлали они самые форсированные переходы, останавсь иногда въ теченіе 18—20 часовъ безъ пищи и сохраняя при этомъ полную стройность и образцовый порядокъ; вступая послѣ усиленныхъ переходовъ въ дѣло, маневрировали такъ бойко и ловко, какъ могутъ дѣйствовать только свѣжія войска; наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ маневра, расходились по бивакамъ въ такомъ-же порядкѣ, какъ будто послѣ ученья на Военномъ полѣ. Отсталыхъ не было совсѣмъ; процентъ заболѣвающихъ былъ весьма не великъ; въ каждомъ корпусѣ заболѣвало по восьми человѣкъ въ день, т. е. менѣе чѣмъ по одному на 1.000 человѣкъ. Однимъ словомъ, большіе маневры нынѣшняго года могутъ служить блестящимъ доказательствомъ того, какъ быстро можно образовать отличныхъ солдатъ, имѣя хорошіе кадры, и офицеровъ, знающихъ и любящихъ свое дѣло.

— Въ «Кронштадт. Вѣстникѣ» сообщаютъ, что дѣло устройства мореходныхъ школъ замѣтно подвигается впередъ. Поднятъ вопросъ объ устройствѣ мореходныхъ школъ въ Поти, Ейскѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Къ осени нынѣшняго года, кромѣ уже существующихъ двухъ бѣломорскихъ школъ, ожидается открытіе еще шести новыхъ.

— Въ Николаевѣ 1-го августа происходило освященіе вновь построеннаго морскаго госпиталя. Двухъ-этажное зданіе госпиталя разсчитано на 150 кроватей. Особое вниманіе заслуживаютъ печи; онѣ такъ устроены, что не только отапливаютъ зданіе, но и вентилируютъ и даже регулируютъ влажность воздуха; въ каждой изъ нихъ имѣются ванны для воды, испареніями которой можно доставлять воздуху надлежащую влагу.

— «Кронштадтскому Вѣстнику» телеграфируютъ, что винтовый клиперъ «Всадникъ», 10-го августа, прибылъ изъ Нагасаки въ Владивостокъ. На клиперѣ всѣ благополучно.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— 16-го августа открыта въ Ревелѣ женская трехклассная прогимназія съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ. Изъ 27 экзаменовавшихся дѣвочекъ приняты въ прогимназію 25, въ томъ числѣ 15 въ первый классъ и 10 во второй.

По вѣроисповѣданіямъ, изъ 25 принятыхъ ученицъ 23 принадлежатъ православному и 2 лютеранскому исповѣданію.

12-го августа происходилъ актъ въ Александровской мужской гимназіи, а 6-го въ городскомъ трехклассномъ училищѣ. Съ нынѣшняго года въ гимназіи открывается пятый классъ, и воспитанниковъ къ началу учебнаго года было 105 — большинство православныхъ. Городское трехклассное училище, въ которомъ также все преподаваніе происходитъ на русскомъ языкѣ, переполнено учащимися, преимущественно лютеранами и эстонцами. Успѣхи, сдѣланные ими въ теченіе года въ русскомъ языкѣ, весьма замѣтны. Многіе изъ нихъ, годъ назадъ поступивъ въ училище, ни слова не знали по-русски, теперь же говорятъ довольно правильно.

СОДЕРЖАНІЕ: Николай Николаевичъ Каразинъ (съ портретомъ).—Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть I. А. Бѣшевцова (продолженіе). — Аму-Дарьянская экспедиція. I. Орско-казалинскій почтовый трактъ. Путевыя замѣтки члена экспедиціи, Н. Каразина. — Порецкъ и Волчій постъ. (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863—64 годовъ) (окончаніе). Н. Каразина.—Маленькіе ночные разбойники. (съ рисункомъ).— Разумное воспитаніе дѣтей.—Смѣсь. Литературный альбомъ. «Тройка» Н. Некрасова съ рисункомъ. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою. 29 августа 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 37 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 7-го сентября 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Лапландія.

I

Изъ поѣздки по Варангеръ-фьорду *)

В. И. Немировича-Данченко.

Унылые и мрачные берега Варангеръ-фьорда принадлежали нѣкогда русскимъ. Перечислю здѣсь эти прекрасныя промысловыя ухожья, такъ великодушно отданныя добрымъ сосѣдямъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Крайнее къ востоку—губа Валитова съ хорошею стоянкою для нѣсколькихъ военныхъ бриговъ. Она закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ и безопасна для зимовки небольшаго числа судовъ. Въ двухъ миляхъ къ востоку отъ нея небольшое становище Песчаное, на южной сторонѣ котораго еще стоятъ прежнія русскія промысловыя избы и часовня. Здѣсь могутъ становиться на якорѣ купеческія шкуны. Губа Ровдина, въ 22 миляхъ отъ Печенги, красиво окаймленная большими горами, съ поселкомъ финмановъ и прекрасной якорной стоянкой въ бухтѣ Зеленой. Въ двухъ миляхъ къ сѣверу губа Красная; далѣе лежитъ островъ Шалимъ съ превосходными лугами, а за нимъ находятся три губы: *Паза* (Pasvig fiord), куда впадаетъ славящаяся семужьими ловами рѣка Паза съ притоками, близи нихъ есть слѣды богатыхъ рудъ. Шалимская губа и Овечья съ прекраснымъ вблизи озеромъ Ото-ярви, часть котораго, находящаяся въ русскихъ владѣніяхъ, изображена на нашемъ рисункѣ. Берега всѣхъ трехъ чисты и приглубы. Близь нихъ расположено нѣсколько деревень финманскихъ лопарей; на самыхъ губахъ множество хорошихъ якорныхъ мѣстъ. Губа Нявдема (Kiöfiörd), съ двумя смежными рѣками: Нявдемой и Утеньгой. Тутъ находилось прежде становище русскихъ рыбаковъ — Шапкино, которое даже защищалось русской батареей; слѣды ея видны были еще въ 1826 году. Губа Косая (Kürs-fiörd) съ хорошею якорною стоянкой, губа Вересъ (Bug-fiörd). Мы уже не говоримъ о странѣ лежащей внутрь отъ намѣченной нами береговой полосы, хотя она такова, что тамъ селятся осѣдло норвежцы изъ-болѣе умѣренной полосы, оспаривая землю у финмановъ, ради выгодъ представляемыхъ ею. На всемъ этомъ пространствѣ рыбы ловится гораздо болѣе, чѣмъ на мурманскомъ берегу. Здѣсь, у губы Вересъ, до 1826 г. оканчивалась наша граница. Въ Варангеръ-фьордѣ находятся два города, Варде-гузъ и Вадс-э. Варде-гузъ расположенъ подъ 70° 22′ 16″ сѣверной широты и 31° 06′ 51″ восточной долготы, отъ Гринвича (по Рейнекс). Какъ мы уже говорили — крѣпость здѣсь построена была въ XVI столѣтіи для защиты норвежской границы отъ русскихъ. Тогда она вся состояла изъ деревянной стѣны съ бойницами. Только въ 1735 году выведенъ осмиугольный шанецъ, около ста саженей въ квадратѣ на фундаментѣ изъ тесанаго гранита съ земляным брустверомъ, высотою отъ 3 до 4 саженъ. Рва и внѣшней обороны нѣтъ. На валу доживаютъ свой вѣкъ тридцать двѣ пушки. Въ 1832 году гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ тридцати-пяти человѣкъ, а самаго города не было вовсе. Жило у крѣпости только человѣкъ двадцать промышленниковъ, да стояла небольшая факторія купца рыболова Бродкорта. Теперь здѣсь постояннаго населенія 2200 ч., а лѣтняго 2500, факторій болѣе двадцати, купцовъ болѣе сорока; а Бродкортъ, пере-

Изъ путевого альбома В. Н. Немировича-Данченки. Островъ на озерѣ Ото-Ярви.
Рис. Н. Каразинъ, грав. Путцъ.

*) Авторъ настоящей статьи В. Н. Немировичъ-Данченко въ прошломъ году объѣхалъ Мурманъ, Лапландію, Канинъ носъ и въ нѣсколькихъ направленіяхъ пересѣкъ Сѣверный Ледовитый океанъ. Результаты этого путешествія изложены имъ въ нѣсколькихъ статьяхъ: *Очерки Сѣвера* («Дѣло» № 3 и 4-й 1874 г.) подъ псевдонимомъ В. И. Славянскаго; Соловки («Вѣстникъ Европы»), «За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ» («Отечественныя записки») и другихъ еще приготовляемыхъ къ печати. Нами пріобрѣтено нѣсколько такихъ очерковъ и рисунковъ.

Библиотека "Руниверс"

бивавшійся тогда изо дня въ день, ворочаетъ теперь милліонами, торгуя съ Германіей, Россіей, Франціей, Италіей, Англіей и Америкой. Когда въ 1832 г. крѣпость эту посѣщалъ Рейнеке, единственный промыселъ становища состоялъ въ ловлѣ трески и тюленей. Отсюда посылалось небольшое судно на Шпицбергенъ за моржами. Теперь Вардо отпускаетъ за границу 1.230,228 кило штокфишу, 24,219 бочекъ соленой рыбы, да 422,230 литровъ рыбьяго жиру. Одна торговля его съ Россіей, куда продаются привозимыя сюда изъ Англіи уды, соль и ромъ, занимаетъ 12 большихъ фирмъ. Процвѣтаніе Вардо началось со времени открытія торговли съ русскими (а между тѣмъ эту торговлю считаютъ благодѣяніемъ для Россіи и оправдываютъ ея результатами уступку части Варангеръ-Фьорда Норвегіи) и еще болѣе упрочилось съ 1842 г., когда было разрѣшено иностранные товары продавать прямо съ борта приходящихъ сюда судовъ—кому угодно. Ростъ населенія Вардо явствуетъ изъ нижеслѣдующаго: въ 1825 г. здѣсь считалось съ солдатами 88 ч. жителей, въ 1835—173 чел., въ 1845 — 193 ч., въ 1855 г. — 407 ч., въ 1865 г. — 828 ч., въ 1871 г.—1200 ч. Климатъ здѣсь влажный и холодный. Хотя зимой и не бываетъ морозовъ свыше—17°, за то лѣтомъ температура очень низка: она рѣдко подымается выше+10°. Самый теплый день въ 1873 г. не достигалъ вполнѣ+13°; въ то самое время когда у насъ въ Колѣ, Териберкѣ и другихъ пунктахъ Лапландскаго полуострова стояли жары въ+20,25°, здѣсь термометръ показывалъ только + 7°. Во время моего посѣщенія этого города въ іюлѣ здѣсь было+8°,+5° и +7°. Главнѣйшія фирмы въ Вардо по торговлѣ съ Россіей: Якобсонъ, Сканске, Гольмбо, Бродкортъ, Дезенъ, Майеръ, Ульсенъ. Изъ 800 кораблей, посѣтившихъ эту гавань, шестьсотъ семьдесятъ принадлежали русскимъ судохозяевамъ. Нѣкоторыя суда успѣваютъ побывать здѣсь по два раза, и тогда по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ норвежскаго правительства они считаются за два судна. Только сто двадцать судовъ здѣсь приходилось на долю иностранцевъ. Наши суда вывезли отсюда лишь нѣсколько бочекъ рыбы изъ произведеній самой Норвегіи; все остальное, т. е. 7/8 ихъ грузовъ,—товары, при сбытѣ которыхъ Норвегія только посредничаетъ между оптовыми фирмами Англіи, Германіи и Испаніи, съ одной, и русскими судохозяевами—съ другой стороны, взимая, разумѣется, за свое коммиссіонерство львиную долю. Найди русскіе поморы дорогу въ первые рынки— и Сѣверная Норвегія разомъ потеряетъ свое значеніе для насъ, а необходимые намъ продукты: уды (Англія), соль (Англія и Испанія)—мы будемъ имѣть на три четверти настоящей цѣны дешевле. Самая торговля россійскаго поморья съ Норвегіей поставлена далеко не въ удовлетворительныя условія. Королевское повелѣніе, отъ 13 сентября 1830 г., о торговлѣ въ Финмаркенѣ узаконило слѣдующій порядокъ: привозимый изъ портовъ Бѣлаго моря товаръ дозволяется продавать прямо съ россійскихъ судовъ не только мѣстнымъ жителямъ, но и норвежскимъ судамъ, въ городскихъ портахъ—въ теченіи четырехъ недѣль, а въ рыбачьихъ губахъ—въ теченіи четырнадцати дней. О продажѣ товара мѣстнымъ жителямъ не можетъ быть и рѣчи: по мелочи товаръ продавать запрещено, а на болѣе крупныя покупки не у всякаго хватитъ средствъ. Что касается до продажи товара купцамъ, то въ небольшихъ сѣверо-норвежскихъ городахъ они берутъ наши товары по произвольной, ими самими назначенной цѣнѣ. Русскій поморъ, которому дорого время, дорогъ промыселъ, спѣшитъ какъ можно скорѣе распродать свой товаръ на самыхъ стѣснительныхъ для себя условіяхъ. Норвежцы первое время обыкновенно не сдаются ни на какія условія, а поморы ходятъ и кланяются. Сначала толкнутся къ одному, потомъ къ другому, чешутъ затылки да охаютъ и, въ концѣ концовъ, все-таки сдѣлаютъ такъ, какъ сказано норвежскимъ негоціантомъ. Тутъ въ городахъ они или продаютъ товаръ свой за деньги, или мѣняютъ его на ромъ, уды, соль, снасти. Въ первомъ случаѣ за грузы даютъ векселями, уплата по которымъ производится норвежцами въ сентябрѣ, октябрѣ, январѣ и маѣ или черезъ отдѣленіе государственнаго банка въ Архангельскѣ или черезъ Гамбургъ, Петербургъ и Архангельскъ—конторы Фонтейнеса и Кларка. При этомъ нерѣдко случаются банкротства, и въ утѣшеніе поморскому судохозяину, отдавшему за безцѣнокъ свою муку, остается потерявшій свою цѣнность вексель.

Такова торговля въ городахъ. Кромѣ послѣднихъ, муку и крупу русскіе развозятъ по разнымъ губамъ сѣверо-норвежскаго побережья, мѣняя ее уже на рыбу, приготовленную по русскому способу — russfich. Эта торговля чрезвычайно выгодна для норвежцевъ. Среди лѣта, отъ 1 іюля по 15 августа, нельзя сушить треску, а надо солить ее, на что у норвежскихъ ловцовъ нѣтъ заведеній,—а главное: посоленая и невысушенная рыба *не имѣетъ сбыта за границу, кромѣ Россіи.* Норвежскіе торговцы и это дѣло хотѣли забрать въ свои руки, и тогда, разумѣется, непосредственныя отношенія поморовъ съ жителями и промышленниками губъ совершенно бы прекратились. Не съумѣвъ провести такое ограниченіе законодательнымъ порядкомъ, купцы обставили его иначе. Въ каждой бухтѣ сѣверныхъ округовъ сосѣдняго королевства есть личность, доставляющая промышленникамъ жизненные припасы впередъ еще передъ начатіемъ промысла. За то они обязаны все необходимое брать у него и расплачиваться съ нимъ рыбой. Помимо своего кредитора — промышленники не дѣлаютъ ничего, такъ что русскіе судохозяева имѣютъ возможность вступать въ прямыя отношенія только съ такими кулаками, да съ людьми нѣсколько посостоятельнѣе, которые имѣютъ возможность на собственныя свои средства производить заготовку всего имъ необходимаго. При такой мѣнѣ обыкновенно за пудъ муки норвежцы даютъ два пуда трески (которую еще нужно посолить), а за куль муки идетъ шесть бочекъ соли (44 пуда). Послѣдняя, впрочемъ, иногда понижается въ цѣнѣ, и за куль тогда съ охотою уплачивается 10 боч. или 70 п. Соль, покупаемая въ Англіи по 5 к. пудъ, въ Норвегіи стоитъ по 20 к. пудъ (съ барышомъ 300% на 100). Итого куль муки, за который поморъ платитъ въ Архангельскѣ 8 р. ему приноситъ отъ 9 р. 50 к. до 14 р. Пудъ рыбы поморъ продаетъ въ Архангельскѣ за 90—80 коп. Оптовымъ скупщикамъ (Ширкину и др.), съ вычетомъ денегъ на посолъ, пошлины и фрахтъ, каждый пудъ хлѣба, при промѣнѣ его на рыбу, приноситъ около 45 к. барыша. Разумѣется, такая торговля была бы выгоднѣе, если бы на утлыхъ шкунахъ поморовъ можно было возить болѣе грузовъ, чѣмъ въ нихъ помѣщается теперь. Г. Данилевскій въ своемъ «Изслѣдованіи» между прочимъ говоритъ, что за пудъ муки берутъ наши поморы у норвежцевъ отъ 3 до 5 пудовъ раздѣланной трески и отъ 4 до 30 п. сайды,—что бываютъ случаи, когда финмапы отдаютъ сайду за что бы то ни было, даже и по 50—100 п. за 1 п. муки. Не знаю, *было ли* это когда нибудь прежде, но если было—такъ давно уже и быльемъ поросло. Ссылка на 60-й годъ, сдѣланная изслѣдователемъ,—ставитъ меня въ тупикъ. Я разспрашивалъ многихъ поморовъ и въ Кеми, и въ Сумѣ, и въ Сорокѣ, и въ др. пунктахъ бѣломорскаго побережья, но ни одинъ изъ нихъ (даже старики) не помнили такихъ баснословно-выгодныхъ мѣнъ. Всѣ русскіе товары, ввозимые въ Норвегію, въ округѣ Вардо, Вадсэ и Гаммерфестѣ кромѣ муки, крупы и лѣсу обложены высокими пошлинами, а въ Тромсэ и южнѣе и на эти товары существуетъ пошлинный сборъ.

Всего въ Сѣверную Россію ввезено въ теченіи 1861—1865 гг.

Въ 1861 г.—842,472 кило штокфишу, 42,629 бочекъ сол. рыбы, 145,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 400 кило омаровъ, 38,940 литровъ треск. жиру.

Въ 1862 г.—780,800 кило штокфишу, 36,446 бочекъ сол. рыбы, 273,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 100,000 литровъ треск. жиру, 6,500 кило гуано изъ рыбы.

Въ 1863 г.—2.361,060 кило штокфишу, 276 бочекъ сол. рыбы, 270,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 3,340 кило омаровъ, 91,171 литровъ треск. жиру, 100 кило гуано, 2,322 кило клипфишу и 1,200 боч. свѣжей рыбы.

Въ 1864 г.—673,000 кило штокфишу, 61,169 бочекъ сол. рыбы, 193,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 91,000 литровъ треск. жиру.

Въ 1865 г.—1.181,034 кило штокфишу, 44,694 бочекъ сол. рыбы, 220,000 боч. лѣт. и зимн. сельди, 69,000 литровъ треск. жиру.

Съ кѣмъ изъ поморовъ мнѣ ни случалось сталкиваться — всѣ они только и голосятъ о необходимости завести непосредственныя сношенія съ Англіей. Къ сожалѣнію, все оканчивается добрыми намѣреніями. Даже богатые изъ нихъ, каковы Митрофановы, Антоновы, Норкины, Воронины и др. серіозно не думаютъ объ этомъ: нѣтъ хорошихъ судовъ, пугаетъ дальнее плаваніе, нѣтъ экипажей, а собственные кемскіе и сумскіе шкиперскіе курсы куда какъ плохи. Они едва-ли подготовятъ хорошаго матроса, не говоря уже о шкиперахъ. Да къ тому же многіе боятся новаго дѣла, хоть на словахъ и города берутъ. Изо всѣхъ одинъ только Савинъ въ послѣднее время завелъ непосредственныя отношенія съ Гамбургомъ и Англіей; но вѣдь одинъ въ полѣ не воинъ— и русская торговля, по всей вѣроятности, долго еще будетъ закабалена въ норвежскія руки. А эти руки — нужно признаться — въ ежовыхъ рукавицахъ, и бѣдной русской мухѣ, какъ встарь, такъ и теперь, все приходится пищать въ паутинѣ, разбросанной по сѣверо-норвежскому поморью, пищать, пока не явится паукъ, не высосетъ ее совсѣмъ и не оставитъ болтаться въ назиданіе послѣдующимъ поколѣніямъ.

Не смотря на то, что Вардо городъ небольшой, здѣсь три школы и одна кирка. Дѣвушки при мнѣ выходили изъ мѣстной женской гимназіи. Все это одѣтое весьма неприглядно, не на выставку.

Я заговорилъ съ моимъ проводникомъ о положеніи мѣстныхъ училищъ.

— У насъ всѣ получаютъ обязательное образованіе. Дѣвушка не знающая чтенія, письма и молитвъ— лишается причастія. Лопари — и тѣ всѣ грамотны. У васъ, я думаю, тоже эти номады за послѣднее время стали посѣщать школы.

Я посмотрѣлъ ему въ глаза: не смѣется ли надо мною, и промолчалъ. Какъ было сказать, что между лопарями у насъ ни одного грамотнаго, а въ крестьянствѣ сѣверныхъ губерній грамотные не составляютъ и 6%.

— Да, у васъ въ послѣднее время все двинулось. Сколько въ Архангельскѣ у васъ торговыхъ школъ?

— Ни одной нѣтъ.

— Какъ ни одной? остолбенѣлъ мой собесѣдникъ.— У насъ ежели мало-мальски торговый городъ, сейчасъ-же въ немъ и коммерческое училище открывается...

Норвежецъ только засвисталъ, улыбаясь весьма недвусмысленно.

— Теперь я понимаю отчего у васъ, даже въ такомъ центрѣ отпускныхъ операцій, какъ Архангельскъ, всѣ купцы носятъ нѣмецкія фамиліи, и отчего эти поморы, которые приходятъ къ намъ на своихъ судахъ,—извините пожалуйста,—такъ.... такъ.... мало смышлены.

Библиотека "Руниверс"

Заговорили о возрастающемъ назначеніи Вардо.

— Къ намъ каждое лѣто является до 900 ель съ норвежскими покрученниками. Всѣ они промышляютъ въ окрестностяхъ города. Считайте по 5 чел. на елѣ—выйдетъ 4,500 ч.

— А у насъ на цѣломъ Мурманѣ не болѣе 3,500.

— Ну а на уступленныхъ Россіей берегахъ много-ли норвежцевъ ловятъ рыбу?

— Почти пятьсотъ ель—съ двумя тысячами пятью стами промышленниковъ.

— И хороши промыслы?

— Прекрасные. Я проѣзжалъ на вашъ Мурманъ. Тамъ еще ничего не устроено; да вѣроятно и не воспрещено закономъ бросать въ морѣ внутренностей трески. Такая вездѣ вонь и запущенность. За то въ Норвегіи — повсюду чистота необыкновенная. Берега свободны отъ гніющихъ массъ внутренностей рыбы, вездѣ есть указатель фарватеровъ, рымы; гдѣ необходимо—устроены молы. Такъ, напр., въ Вардо улучшается гавань,—что поручено голландцамъ, которые взяли за это 90,000 спесиновъ; въ Вадсэ устраивается прекрасная набережная, совершенствуется пристань; въ Тромсэ строится театръ. А у насъ такіе торговопромышленные порты, какъ Онега, Кемь, Сума, Сорока—похожи скорѣе на свалявшуюся кучу жалкихъ гнилушекъ, чѣмъ на центры коммерческой и промышленной дѣятельности окрестныхъ районовъ.

Какъ оказалось изъ разсказовъ норвежца, у нихъ вблизи Вардо, Вадсэ и Тромсэ производятся китовые промыслы, очень выгодные, Фойномъ, Петерсеномъ и др. Тутъ же мы слышали, что Фойнъ *продаетъ* свой секретъ китоваго боя московскому купцу Смолину, устроивающему факторію на Мурманѣ. Не знаю, насколько это вѣрно; мнѣ только извѣстно, что Фойнъ не обладаетъ никакимъ секретомъ, а *его* способъ промышлять китовъ давно уже принятъ у англійскихъ китолововъ. Еще было бы безразсуднѣе нанять Фойна въ качествѣ управляющаго этимъ дѣломъ. По общему отзыву, онъ только забралъ бы его въ руки, и, пользуясь имъ, могъ бы еще безнаказаннѣе производить свои промыслы въ нашихъ моряхъ. Норвежцамъ небезъизвѣстно, что, благодаря г. Сидорову и другимъ лицамъ, искренно отстаивающимъ интересы заброшеннаго сѣвера Россіи, русская печать уже обратила вниманіе на эксплоатацію нашихъ морей добрыми сосѣдями. Въ виду этого имъ хотѣлось бы заручиться законнымъ поводомъ къ продолженію такого промысла. А чего же лучше—быть управляющимъ у русскаго купца? Вѣдь управляющій факторіей Паллизена торгуетъ же ромомъ, помимо инструкцій своего хозяина; такъ и господинъ Фойнъ, подъ видомъ благочестія, можетъ производить китобойные промыслы—только еще шире чѣмъ прежде, потому что онъ будетъ уже вести ихъ на законномъ основаніи. Если слухъ, дошедшій до меня, вѣренъ, то гг. Смолинымъ не мѣшало бы подумать объ этомъ прежде, чѣмъ приглашать иностранцевъ «володѣти и правити нами».

Слѣдующій за Вардо, по правому берегу Варангеръ-Фьорда, городъ Вадсе подъ 70°03′58″ с. м. и 29°44′17″ в. д. (отъ Гринв.) еще промышленнѣе и населеннѣе Вардо. Посѣщавшій его въ 1820 г. капитанъ-лейтенантъ Рейненъ такъ отзывается о немъ: Вадсэ—небольшое торговое мѣстечко. Селеніе расположено на выдавшемся отъ материка мыскѣ противу середины островка. Оно состоитъ изъ одного большаго купеческаго дома и нѣсколькихъ финманскихъ хижинъ. Далѣе, въ 1/2 верстѣ живетъ пасторъ. Въ 1826 г. жителей въ немъ было: одинъ купецъ, пасторъ, ландсманъ и 50 финновъ. Въ 1833 году оно было переименовано въ городъ, въ 1835 г. въ немъ уже было 234 ч. жителей, въ 1845 г.—388, въ 1855 г.—886, въ 1865 г.—1344, въ 1871 г.—1800 ч. Теперь здѣсь не одинъ, а около тридцати купцовъ, прекрасная кирка на возвышенной площадкѣ, видны отовсюду въ городѣ, красивые, хотя и не роскошные дома. Вездѣ необыкновенная чистота и опрятность, вездѣ водопроводы. Сюда въ 1873 г. пришло 248 русскихъ и до 60 иностранныхъ судовъ. Тутъ же устроенъ телеграфъ, большой жиротопенный заводъ Фойна, для выдѣлки китоваго жира и гуано изъ китовыхъ тушъ, множество небольшихъ заводовъ для вытопки тресковаго сала. Городъ съ моря очень красивъ. Берегъ и мысъ—образуютъ большую и удобную гавань, изогнутую вродѣ рога. Еще издали цѣликомъ выдѣляется бѣлая кирка своими полувоздушными очертаніями надъ чистенькимъ городкомъ, граціозно раскинувшимся вокругъ голубаго залива. Тутъ было уже гораздо теплѣе. Близь Вадсэ тянется скалистая группа горъ, между которыми лежатъ прелестнѣйшія озера. Одно изъ нихъ необычайно похожее на озеро Пуодзь-элла, находящееся въ русской Лапландіи и срисованное мною съ вершины Хибинскихъ горъ. Это озеро Пуодзь-элла и представлено на нашемъ рисункѣ.

Въ Вадсэ на улицахъ въ первый разъ встрѣчаются финманы, т. е. норвежскіе лопари. Теперь мы не станемъ говорить о нихъ, откладывая это до слѣдующихъ этнографическихъ очерковъ Лапландіи. Также какъ и въ Вардо — туристъ повсюду встрѣчаетъ здѣсь стройный порядокъ, гражданственность, удобства жизни, немыслимыя въ нашихъ сѣверныхъ городахъ, разумѣется, не считая Архангельска.

Семейное счастіе.

Ничто не можетъ быть прекраснѣе и святѣе домашняго очага, любящей молодой четы и дѣтей. Талантливый дюссельдорфскій живописецъ Паульзенъ въ бойко-нарисованной и вѣрно-схваченной картинѣ, копію которой мы предлагаемъ нашимъ читателямъ, передаетъ намъ это неописанное счастіе семейной жизни, благословленной дѣтьми. Здѣсь мы видимъ у стола три поколѣнія вмѣстѣ: бабушку, молодыхъ родителей въ полномъ цвѣтѣ жизни и двухъ прелестныхъ малютокъ, изъ которыхъ одна еще на рукахъ у кормилицы. Фортуна излила на этотъ домъ всѣ свои земныя блага; но къ матеріальному благосостоянію здѣсь еще присоединяется нѣчто, безъ чего внѣшнее счастіе не можетъ дать полнаго удовлетворенія, именно: духъ любви и согласія, тѣсное сліяніе сердецъ молодыхъ супруговъ. Обѣдъ конченъ, на столѣ осталось только вино и фрукты. Старшая малютка только-что сейчасъ допущена въ столовую, и подъ надзоромъ бабушки кушаетъ свою долю лакомствъ; а вотъ появляется на рукахъ кормилицы и самый крошечный членъ семьи, чтобы дополнить собою семейную картину и пошалить нѣсколько минутъ на рукахъ у папаши, — вѣдь послѣднему дѣла не часто позволяютъ заняться съ своими дѣтками; за то какимъ счастіемъ освѣтилось лицо матери при видѣ отцовской нѣжности къ ребенку, и это-то выраженіе придаетъ картинѣ ея несравненную прелесть.

Сказано что Азія *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ I.

Когда Кавказъ увидишь ты,
Остановись съ благоговѣньемъ,
И сердца съ тайнымъ восхищеньемъ
Привѣтствуй чудо красоты.

ГЛАВА VI.

Плѣнъ.

Несчастная Майко, похищенная изъ отчаго дома, была въ состояніи сумасшествія привезена своимъ похитителемъ въ селеніе Закаталы, которое находилось въ горахъ и почиталось однимъ изъ неприступнѣйшихъ мѣстъ южнаго Дагестана. Въ глубинѣ огромнаго ущелья, межъ двухъ чистыхъ, прохладныхъ, шумно-стремящихся потоковъ, образовалась, на возвышеніи обрывистыхъ скалъ, роскошная, цвѣтущая, покрытая фруктовымъ лѣсомъ равнина. Этотъ земной рай заняло общество горцевъ и основало въ немъ (со временъ незапамятныхъ) свое селеніе, выстроило домы изъ дикаго камня двухъэтажные съ бойницами, развело сады фруктовые, хлѣбопашество изобильное и стада огромныя. Все росло да богатѣло, природа давала всего безъ мѣры. Жители этой обѣтованной земли утопали въ лѣни и довольствѣ; у нихъ работали наемщики, а они гарцовали на грабежахъ, или пировали дома. Мужчины — роста и тѣлосложенія атлетическаго, женщины тоже, хотя и не такія красавицы, какъ ихъ описываютъ. Любимымъ промысломъ мужей было: дѣлать набѣги на Кахетію и рѣзать безоружныхъ грузинъ, увозить у нихъ женъ и дѣтей и отгонять стада.

Вотъ что заставило русскихъ въ 1830-мъ году стать въ Закаталахъ твердою ногою.

Долго бѣдная грузинка не могла придти въ себя и лежала

*) Солдатская поговорка.

Библиотека "Руниверс"

въ безпамятствѣ; наконецъ, молодость и крѣпкое тѣлосложеніе взяли свое — и она начала выздоравливать. Возвращеніе памяти было для нея ужасно. Когда она пришла въ сознаніе, то жалѣла, что не осталась навсегда сумасшедшей. Сначала Майко не могла понять: гдѣ она, что съ ней. Въ сторонѣ совершенно невѣдомой, окружена лицами незнакомыми, бытомъ жизни, который и во снѣ не снился ей. Потомъ узнала, что находится въ плѣну и принадлежитъ семейству Чанко-Оглы. Страдая душой, она страдала и тѣломъ. Всякая пища была ей противна. Долго смѣшивала она это событіе, въ болѣзненномъ воображеніи, съ видѣннымъ ею зловѣщимъ сномъ, будто какое-то страшное чудовище растерзало ей грудь, высосало изъ нея кровь и умчало въ безпредѣльное пространство тьмы. Теперь одни лишь черты злодѣя Чанко-Оглы сильно врѣзались въ ея памяти. Какъ неотвязное видѣніе, это лицо ее преслѣдовало, съ ней дѣлались нервные припадки. Но ужасенъ былъ ея испугъ, когда она почувствовала у себя подъ сердцемъ новую жизнь, жизнь другаго существа. Въ это время она поняла, какъ счастлива должна быть женщина, которая, любя избраннаго ея сердцемъ, становится его женой произвольно и сознательно; въ ней же это положеніе возбудило чувство оскорбленнаго самолюбія, униженнаго достоинства женщины и матери, — чувство озлобленія и ненависти, такъ что въ первыя минуты она готова была посягнуть на жизнь ребенка и на свою собственную. Но страхъ суда Божія превозмогъ силу воли человѣческой и спасъ ее отъ ужаснаго преступленія. Она рѣшилась чашу испытанія испить до дна, предавъ себя на волю Провидѣнія. Это положеніе тѣмъ болѣе убивало ее, что самая мысль о возвращеніи на родину казалась ей невозможною. Майко была почти увѣрена, что отца и матери ея уже нѣтъ на свѣтѣ. Запятнанная лобзаніемъ разбойника, магометанина, она не могла уже принадлежать нареченному ей жениху. Круглая сирота, она стала стараться пріучать себя къ новому семейству, къ новому быту, которые въ удѣлъ послала ей судьба.

Но судьба не дала торжествовать злодѣю. Чанко-Оглы раненный Зурабомъ, умеръ. Въ то самое время, какъ русскія пушки гремѣли въ Закаталахъ, грузинка родила сына. Громъ выстрѣловъ производилъ въ ней страшное потрясеніе, она ужасно страдала, но молилась за русскихъ. Долго послѣ не могла встать съ постели, и больная, вмѣстѣ съ семействомъ Чанко-Оглы, бѣжавшимъ въ горы, была перевезена въ тѣ дебри, гдѣ нашелъ ее Искрипъ. Она увядала, потерянная для родныхъ и знакомыхъ. Но какъ человѣкъ одаренъ отъ природы благодѣтельною способностію свыкаться съ своимъ положеніемъ, какъ бы тяжело оно ни было, такъ и она привыкла къ своему настоящему быту, къ средѣ ее окружавшей, и мало-по-малу забыла, что есть другой міръ, иная жизнь, къ которымъ ее приготовляли съ дѣтства. Убѣдившись въ невозможности возвратиться къ нимъ, она какъ-бы успокоилась, пришла въ состояніе апатіи, какого-то отупѣнія, живя только привязанностью къ ребенку, котораго она полюбила тѣмъ болѣе, что одно воспоминаніе объ ея жестокомъ, хотя и минутномъ намѣреніи, приводило ее въ ужасъ. Она думала, что это бѣдное дитя, порожденіе злодѣйства, внушеннаго нечеловѣческой злобой, плодъ ужаснаго насилія, — ни въ чемъ неповинно; но ей казалось, что странное начало этого существа не могло имѣть и конца обыкновеннаго. Ее заранѣе ужасала его будущность, и она къ нему болѣе и болѣе привязывалась, по мѣрѣ сожалѣнія и какъ-бы для восполненія своей разбитой жизни, этого отрицательнаго существованія, этого душевнаго разгрома.

Изъ путеваго альбома В. Н. Немировича-Данченки. Озеро среди горъ, Пуодзь-Элла (съ Хибинской вершины). Рис. Н. Каразинъ, грав. Езерскій.

ЧАСТЬ II.

. . . . . Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно.
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ.
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ ... зачѣмъ?

ГЛАВА I.

Старые знакомые.

Гроза миновала, ночь была тихая, звѣзды ярко блистали на небѣ, воздухъ былъ напоенъ ароматомъ цвѣтовъ, все располагало душу къ нѣгѣ, къ упоенію. Огонь потухалъ, дрова догарали, оставивъ груду разгорѣвшихся угольевъ; отъ жаркой кучи ихъ вѣяло благотворной теплотой. Грузинка лежала на разостланной буркѣ въ сладкой дремотѣ, выраженіе блѣднаго лица ея было спокойно, тонкія черныя брови и длинныя рѣсницы были какъ будто нарисованы мастерскою кистью художника; лицо было оттѣнено густыми,

Библиотека "Руниверс"

Семейное счастіе. Съ картины Ф. Паульсона, грав. Бродамуръ.

Библиотека "Руниверс"

черными волосами, грудь подымалась тихо и правильно; на ней спокойно и счастливо спалъ ребенокъ. Подлѣ Майко сидѣлъ Искринъ. Голова его покоилась на рукѣ, локоть которой опирался на сѣдло: ему не спалось, онъ молча глядѣлъ на грузинку. Семенъ лежалъ поодаль, спиной вверхъ, положивъ голову на своего вѣрнаго пуделя.

Грузинка вдругъ во снѣ закричала и рукой схватила себя за грудь, потомъ проснулась, привстала, бросила вокругъ себя испуганный взоръ, откинула назадъ волосы отъ лица своего и, съ тяжелымъ вздохомъ, сказала: «какой ужасный сонъ!»: но, встрѣтивъ неотступный взглядъ Искрина, она замѣтила безпорядокъ своей одежды, опустила глаза, румянецъ какъ зарево вспыхнулъ на щекахъ ея — и она склонила прекрасную голову на грудь свою, прикрывая ее распущенными волосами.

— Княжна, тихо сказалъ Искринъ.

Грузинка стыдливо исподлобья взглянула на него съ привѣтной улыбкой.

— Скажите, вы помните Зураба?

При этомъ имени, забывъ свой стыдъ, она приподняла голову: глаза ея горѣли, она схватила руку Искрина, вскричавъ: «ради Бога, скажите, гдѣ онъ, гдѣ мой Зурабъ?»

— Вы видите предъ собою человѣка, которому быть можетъ опредѣлило Провидѣніе спасти васъ. Выслушайте: во время штурма Закаталъ я былъ съ охотниками; когда мы бросились въ селеніе, часа въ четыре утра, туманъ былъ такъ еще великъ, что мы не могли видѣть непріятеля, — и тогда только узнали, что окружены имъ, когда насъ осыпало градомъ пуль и каменьевъ изъ саклей и заваловъ, особенно изъ этой проклятой башни Гамзатъ-бека. Начался рукопашный бой, на меня бросился лезгинъ огромнаго роста, съ крашеной бородой и съ разрубленнымъ глазомъ...

— Ахъ! это былъ онъ — Чанко! перебила Майко, закрывъ себѣ лицо руками съ нервнымъ содроганіемъ.

— Послѣ я узналъ, продолжалъ Искринъ, — что это былъ Чанко-Оглы. Я выстрѣлилъ по немъ—пистолетъ осѣкся, я за кинжалъ—не нахожу его на поясѣ; обезоруженный, я ожидалъ смерти и видѣлъ, какъ лезгинъ уже занесъ надъ головой моей шашку, какъ вдругъ раздался крикъ: «Майко, Майко!»... и грузинъ, старикъ, за которымъ неслась толпа милиціонеровъ, какъ звѣрь бросился на Чанко-Оглы; въ одно мгновеніе, раненные, оба они упали на землю въ объятіяхъ другъ друга. Я спѣшилъ съ солдатами освободить моего спасителя, съ трудомъ могли оторвать его отъ его добычи, но прекрасныя черты лица его уже покрылись предсмертною блѣдностію—я не узналъ его. Онъ далъ знакъ рукою, чтобы я къ нему приблизился; я наклонился; онъ собралъ послѣднія свои силы, взглянувъ на меня умоляющимъ взоромъ, какъ-бы хотѣлъ сказать: «ты мнѣ обязанъ жизнію, исполни-же мое завѣщаніе», — едва внятнымъ голосомъ прошепталъ: «Спаси Майко, если она жива», и я почувствовалъ на лицѣ моемъ предсмертный поцѣлуй; это былъ послѣдній въ его жизни. Послѣ я узналъ, что это былъ Зурабъ.

Майко, всплеснувъ руками, опустила голову. «И его не стало, тихо проговорила она. — Бѣдный Зурабъ! онъ былъ нукеромъ отца моего, онъ меня на рукахъ носилъ, когда я была еще ребенкомъ. О Боже! конечно, отца и матушки уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ съ ними ни за что бы не разстался... И она залилась слезами.

— Я, продолжалъ Искринъ, — не могъ тогда понять несвязной рѣчи, темныхъ для меня словъ старика, и приписывалъ ихъ бреду умиравшаго человѣка, но теперь это все для меня разъяснилось. Будучи самъ раненъ, я поручилъ вотъ этому старику, — онъ указалъ на Семена, — отыскать тѣло Зураба и похоронить его.

— Да, батюшка, сказалъ, вслушавшись въ разсказъ и приблизясь къ нимъ, Семенъ, — когда я васъ нашелъ, въ тотъ день вечеромъ, между ранеными, вы были очень слабы и все говорили, какъ во снѣ: «Семенъ, отыщи грузина у башни, который спасъ мнѣ жизнь»; а докторъ нашъ, тотъ одноглазый-то, рябой... какъ-бишь его звали-то?.. рѣжетъ тутъ руки, ноги раненымъ, да въ груду бросаетъ, — словно у собакъ, Господи прости! а самъ смѣется, рябой чортъ, да мнѣ и говоритъ: «что ты его слушаешь! — онъ-де бредитъ въ горячкѣ»; да я его не послушалъ. На другой день съ ефрейторомъ Мироновымъ, — знаете, что нашъ землякъ-то? — мы отъискали тѣло этого грузина и похоронили его. Я думалъ — онъ князь какой, такая на немъ чуха-то нарядная, вся въ галунахъ; много тутъ было мертвыхъ тѣлъ навалено, особенно басурмановъ-то, да мы его узнали по Егорьевскому кресту. Хорошо, что эти проклятые лезгины разбѣжались, а то они его ободрали-бы до нага — и то оружія-то при немъ никакого не было: видно наши казаки приняли его за лезгина. Поставили мы надъ нимъ деревянный крестъ...

— Добрый старикъ! сказала Майко, неожиданно обнявъ Семена и цѣлуя его въ лысую голову.

— Позвольте, матушка, ваше сіятельство, отвѣчалъ старикъ, отворачиваясь, чтобы она не замѣтила его слезъ. — Вѣдь я васъ теперь призналъ. Какъ вы меня въ Циносхалахъ-то чапкомъ изволили чествовать... Не годится такъ обнимать меня, вѣдь я слуга... а что я сдѣлалъ? Исполнилъ только приказаніе барина...

Между тѣмъ грузинка разсказала имъ, какъ она очутилась на берегу рѣки. Пробужденная неистовыми криками семейства Чанко-Оглы, она увидала, что шалашъ ихъ загорѣлся; испуганная, схватила ребенка — и сквозь пламя, опалившее на ней верхнюю одежду, побѣжала сама не зная куда; инстинктъ направилъ путь ея къ рѣкѣ, но въ изнеможеніи силъ, безъ памяти, она упала; мокрая, густая трава, вмѣстѣ съ дождемъ потушила затлѣвшееся на ней платье.

Искринъ не могъ отвести глазъ отъ прекрасной грузинки. Взглядъ его сильнѣе всякихъ словъ выражалъ его чувства. Наконецъ голосомъ, въ дрожащихъ звукахъ котораго слышался какъ-бы отголосокъ, какъ-бы эхо сердечнаго трепета и горячее участіе, сказалъ: «Послушайте, Майко! я долженъ сознаться, что не узналъ васъ: вы измѣнились; но память сердца такъ сильно притягивала меня къ вамъ, что я не могъ оторвать отъ вашего лица моихъ глазъ, побѣдить какую-то необходимость глядѣть на васъ...

— Даже слишкомъ пристально... замѣтила Майко.

— Извините меня, милая княжна, продолжалъ Искринъ, — но это служитъ вамъ доказательствомъ, что не одно обязательство, возложенное на меня завѣщаніемъ покойнаго Зураба и дружба покойнаго вашего брата, а чувство собственнаго сердца внушаетъ мнѣ желаніе спасти васъ и вырвать изъ этого адскаго вертепа. Но я не могу сдѣлать этого противъ вашей воли... Скажите, согласны-ли вы довѣрить мнѣ судьбу свою?

— Благодарю васъ, Искринъ, сказала Майко, взявъ его руку и сжавъ ее крѣпко. — Зачѣмъ? Судьба моя рѣшена, какъ судьба преступника, надъ которымъ исполненъ приговоръ. Будущность моя погибла вмѣстѣ съ прошлымъ. Я васъ узнала съ перваго взгляда, но мнѣ было тяжело и совѣстно назвать себя... Ахъ, если-бы вы знали какъ больно сердцу, когда оно не смѣетъ отозваться другому! Судьба отняла у меня лучшій удѣлъ въ жизни женщины, когда она сознательно можетъ сказать избранному ея сердцемъ: «Я твоя, я никому не принадлежала другому.» Вы не знаете какъ ужасно состояніе подневольной рабы! Зачѣмъ вы возвратили мнѣ жизнь, не спрося: хочу-ли я жить? Или мое несчастіе внушило вамъ это право?

— Княжна, отвѣчалъ Искринъ: — я скажу въ свою очередь: не обижайте меня... То, что я говорю теперь — давно живетъ въ моемъ сердцѣ... Это чувство—высокое и святое чувство... Оно имѣетъ силу предавать забвенію все прошедшее, обновлять настоящее для человѣка, создавать для него будущее, — словомъ, имѣетъ силу возрожденія, но... для этого нужна взаимность: безъ нея оно безсильно. Вотъ почему вы никогда бы не узнали моихъ чувствъ...

— О, какъ же мнѣ жаль васъ!... сказала Майко, склонивъ голову на грудь его, и крупныя слезы, какъ жемчужины по бархату, катились по ея лицу, горѣвшему яркимъ румянцемъ.

Понятно чувство человѣка, къ которому склоняется на грудь

Библиотека "Руниверс"

женщина, какъ-бы прося его защиты, какъ бы поручая ему судьбу свою.

— Теперь выслушайте меня, Майко, сказалъ Искринъ:— когда я увидалъ васъ въ первый разъ въ Циносхалѣ, у васъ въ домѣ, я впервые понялъ чувство любви истинной, въ чистомъ и высокомъ сознаніи. Когда вы плясали, я не умѣлъ выразить восторга, который я чувствовалъ. Я молчалъ, когда другіе выражали свой восторгъ, потому что не могъ говорить; еслибы отъ меня тогда этого потребовали, то подумали-бы, что я онѣмѣлъ.

— А мнѣ было досадно, замѣтила Майко,—я думала, что вамъ не понравился нашъ національный танецъ.

— Я, продолжалъ Искринъ,—по дружбѣ сообщилъ о чувствахъ моихъ вашему брату, но онъ мнѣ сказалъ, что вы уже обручены съ другимъ, и что, по вашимъ обычаямъ, разрывъ между обрученными невозможенъ. Я постарался скрыть отъ него мое горе. Когда онъ заснулъ, я ушелъ изъ дому, бродилъ всю ночь надъ озеромъ, а утромъ уѣхалъ, потому что не имѣлъ силъ оставаться долѣе. Когда пріѣхалъ въ штабъ-квартиру полка, на меня нашла такая тоска, что я не зналъ куда дѣваться. Просился за Кубань, но походъ окончился и войска возвращались. Слухъ о несчастіи, постигшемъ ваше семейство, привелъ меня въ отчаяніе. Чего никогда не дѣлалъ, я началъ пить, проигралъ всѣ деньги, вещи—и не знаю, чѣмъ-бы это окончилось, еслибы не открылся походъ въ Закаталы. Тутъ я былъ раненъ, долго былъ боленъ... Мысль, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, увидать родныхъ — нѣсколько примирила меня съ сердечнымъ горемъ. Теперь вы поймете, что любовь къ вамъ не мгновенное увлеченіе, не вспышка воображенія или порывъ чувственности, а чувство давнишнее, глубокое.

Майко, молча подала ему руку, выражая взглядомъ то, чего языкъ не рѣшался высказать.

— Много мнѣ доставалось за тебя отъ Марты, моей покойной няни, прошептала она, опустивъ глаза. Искринъ съ восторгомъ обнялъ ее и прижалъ къ груди своей.

— Послушайте, Майко, до утра еще много времени, мы успѣемъ быть далеко отъ хуторовъ. Явно я не могу увезти васъ: это сдѣлаетъ бунтъ между жителями, да и спутники мои, лезгины, на это не согласятся; я посажу васъ къ себѣ на лошадь — и съ Богомъ. Его благость сохранитъ насъ.

Майко недовѣрчиво смотрѣла въ глаза Искрину,—она боялась вѣрить перемѣнѣ судьбы своей—такъ освоилась она съ горькой долей; воображеніе никогда и не представляло ей возможности избавленія отъ плѣна, внезапность поразила ее. Она съ грустью взглянула на своего ребенка.

— А этотъ малютка?... спросила она.

— Онъ принадлежитъ семейству Чанко-Оглы, отвѣчалъ Искринъ,—оставьте его у нихъ и приходите сюда. Когда будетъ устроена ваша собственная участь, правительство его вытребуетъ. Васъ я не могу ни на минуту оставить здѣсь. Я измучусь въ неизвѣстности.

Майко горько заплакала, прижала ребенка къ груди своей и осѣнила крестомъ; въ ней боролось еще чувство эгоизма съ чувствомъ матери. Ей стало жаль покинуть это бѣдное твореніе, хотя она и не могла имѣть къ нему того нѣжнаго, невыразимо глубокаго чувства матери, которое есть такъ сказать порожденіе собственнаго счастія,—залогъ взаимности существа любимаго, къ которому мы прикованы всею силою души своей,—того чувства, которое есть сладостное воспоминаніе первой искры любви, павшей на сердце,—когда, лаская на своей груди дитя, молодая красавица узнаетъ въ немъ черты милаго сердцу человѣка... Наконецъ, голосомъ трепещущимъ отъ слезъ, она сказала: «нѣтъ, какъ ни тяжело мое положеніе, я не могу оставить этого бѣдняжку,—она показала на ребенка. Посмотрите какъ онъ хорошъ! Какъ спокойно, какъ безпечно, какъ довѣрчиво спитъ это бѣдное дитя! — Кто знаетъ, что ожидаетъ его въ жизни? Послѣ себя я оставляю ему единственное наслѣдство — мое благословеніе и этотъ кинжалъ, который на мнѣ. Быть можетъ это оружіе спасетъ его отъ гибели, а можетъ быть откроетъ ему путь къ славѣ.»

ГЛАВА II.

Похищеніе.

Быстро и съ шумомъ неслась рѣка по каменьямъ и гуломъ своимъ оглашала мрачное безмолвіе окрестныхъ горъ и лѣса. Лишь хищные звѣри, рыская по лѣсу перекликались вдали какъ часовые. Скучившись въ уцѣлѣвшихъ отъ пожара шалашахъ, переселенцы заснули усталымъ и тяжелымъ сномъ. Все было дико и темно. Искринъ, склонивъ на руку голову, задумчиво смотрѣлъ на бѣгущія волны рѣки. Взоръ его выражалъ озабоченное состояніе. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, на что рѣшиться, какъ увезти Майко съ Богданомъ. Разсудокъ говорилъ: «опасно»; а сердце шептало: «увези!»

Майко поняла тревогу души его, и вдругъ, какъ-бы пробудясь отъ тяжелаго сна, устремила на него свои черные глаза, въ которыхъ горѣлъ огонь сильнаго чувства, протянула ему руку и сказала твердымъ голосомъ: «прощай! оставь меня судьбѣ моей. Я не хочу, я не должна подвергать опасности жизнь твою; она нужна твоей родинѣ, твоему семейству. У меня нѣтъ ни того, ни другаго. Я на тебя не имѣю никакаго права; между нами не можетъ быть ничего общаго. Я не знаю, что со мной стало съ тѣхъ поръ, какъ я мать. Мнѣ кажется, что я ни кого любить не могу. Иди одинъ. Да сохранитъ тебя Богъ! Я буду молиться о тебѣ въ моей неволѣ. Ты молодъ, быть можетъ знатенъ и богатъ; а я... чѣмъ могу я быть для тебя?

— Женой, отвѣчалъ Искринъ, закрывъ лицо руками, изъ подъ которыхъ текли слезы.

— Нѣтъ, никогда! продолжала Майко. — Прости мнѣ минуту увлеченія. Въ первый разъ въ моей жизни — сегодня забилось мое сердце... Мнѣ такъ ново это чувство... такъ незнакомо... Никто еще до сихъ поръ такъ не говорилъ со мною... Въ первый разъ, во время пребыванія моего въ плѣну, блеснулъ мнѣ лучъ надежды на избавленіе; — и голова моя закружилась, разсудокъ отуманился, я въ какомъ-то забвеніи не понимала сама что дѣлаю... Конечно, всякая перемѣна моего положенія можетъ быть для меня только къ лучшему. Не моя будущность меня пугаетъ; но за что я тебя погублю? Ты молодъ, у тебя есть отецъ и мать: они ожидаютъ тебя видѣть въ чинахъ, подготовляютъ тебѣ невѣсту; да они меня проклянутъ!.. Ты спасъ меня отъ смерти, далъ новую жизнь душѣ моей; а я, неблагодарная, отравлю твою? Нѣтъ, нѣтъ! низачто! Благодарю Бога, что Онъ помогъ мнѣ опомниться во время. Прощай!

Она встала и хотѣла идти, но Искринъ бросился къ ней и удержалъ ее силой.

— Не уходи, не покидай меня! говорилъ онъ.—Этимъ ты только и можешь погубить меня. Я чувствую, что не могу жить безъ тебя. Я скорѣй рѣшусь бросить все: отца, мать, родину, службу, нежели разстаться съ тобой, — или застрѣлюсь. Во всемъ, что постигло тебя, — ты невинна! Несчастіе не дѣлаетъ позора; напротивъ, оно возбуждаетъ уваженіе. Воля твоя не принимала участія въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Согласіе твое отдать мнѣ свою руку можетъ только спасти меня. Безъ тебя для меня счастіе немыслимо.

Майко закрыла лицо руками, долго не могла говорить отъ волненья, потомъ тихо опустилась на колѣни, и поднявъ руки къ небу, сквозь слезъ произнесла: «Господи! неужели это испытаніе, или благость Твоя во истину посылаетъ мнѣ счастье? Ты видишь—могу ли я долѣе бороться... Пусть будетъ воля Твоя святая!

— И обратясь къ Искрину она сказала: «бѣжимъ»! — Искринъ цѣловалъ ее руки.

— Дорогая моя, сказалъ онъ: — жизнь наша должна принадлежать взаимно другъ другу. Клянись же и ты съ этой минуты принадлежать мнѣ вмѣстѣ съ Богданомъ, во имя дружбы моей съ твоимъ покойнымъ братомъ и предсмертнаго завѣщанія Зураба. Ежели ты не чувствуешь ко мнѣ сильной привязанности, то я увѣренъ, что ты оцѣнишь всю силу любви моей къ тебѣ.

— Клянусь! отвѣчала Майко, приложивъ ко лбу лезвіе кинжала по восточному обычаю, — быть вѣчно рабой твоей. Только смерть и твоя воля могутъ нарушить эту клятву.

Библиотека "Руниверс"

— Нѣтъ! никогда рабой, а другомъ!.: вскричалъ Искринъ, обнялъ ее и въ радости цѣловалъ Богдана, прижавъ его къ собѣ такъ сильно, что тотъ закричалъ и вцѣпился рученками въ его волосы.

Майко, которую не пускали удаляться отъ жилища, имѣла самыя слабыя понятія о мѣстахъ, окружавшихъ эту дикую пустыню, и не могла дать подробныхъ свѣдѣній, какъ изъ нея выбраться; но соображая ея разсказъ со свѣдѣніями, которыя имѣлись въ отрядѣ черезъ лазутчиковъ о побѣгѣ нѣкоторыхъ изъ закатальскихъ переселенцовъ, Искринъ догадался, что они находятся въ ущельѣ Канисъ-Дари.

Припоминая карту южнаго Дагестана, Искринъ зналъ, что это ущелье соединяется съ Мацехскимъ ущельемъ и должно вывести ихъ на Бѣлоканскую дорогу,—и рѣшился пуститься въ путь.

— Поди, сказалъ онъ Семену, — въ селеніе, посмотри, что дѣлаютъ наши конвойные. Ежели они спятъ, то не буди ихъ. Отыщи Саркизку и приведи его сюда съ лошадью. Да такъ чтобы онъ не пикнулъ—понимаешь?

— Слушаю! отвѣчалъ Семенъ;—будьте покойны. Онъ ушелъ.

Между тѣмъ Искринъ предложилъ Майко ужинать, вынимая изъ переметной сумы кусокъ сыру, хлѣба, жаренаго фазана и бутылку кахетинскаго вина. Ужинъ былъ молчаливъ. Оставшись наединѣ, Искринъ и Майко какъ бы боялись дать свободу своимъ мыслямъ и чувствамъ. Когда чувство истинно и сильно, рѣдко бываетъ оно краснорѣчиво и болтливо,—потому ли что полагаютъ слова неспособными выразить всю силу чувства, или стараются сохранить долѣе это сокровище внутри себя. Сосредоточенное молчаніе и взглядъ выражаютъ его сильнѣе. Искринъ и Майко урывками взглядывали другъ на друга, и когда взгляды ихъ встрѣчались, они опускали глаза, какъ бы боясь взрыва любви, которой они были взаимно полны... Быть можетъ перемѣна ихъ положенія, новизна взаимныхъ отношеній занимала ихъ мысли, каждаго отдѣльно; а можетъ и тайное предчувствіе опасности ихъ тревожило,—но они почти не прикасались къ пищѣ.

Черезъ часъ Семенъ привелъ осѣдланную широкимъ турецкимъ сѣдломъ красивую лошадь Саркиза; а тотъ, поглядывая на него изъ-подлобья, велъ за нимъ въ поводу другую лошадь, навьюченную разнымъ скарбомъ. Вѣрный слуга донесъ, что въ селеніи всѣ спали мертвымъ сномъ.

— Саркизъ! сказалъ Искринъ,—я беру твою лошадь; ты ее получишь въ Бѣлоканахъ.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ удивленный армянинъ:—на что она вамъ?

— Такъ—мнѣ надо, сказалъ Искринъ.—Я за все заплачу, ты меня знаешь.

— На чемъ же я-то поѣду? продолжалъ Саркизъ.—Много кое-чего накупилъ, лошаденку добылъ, вьюкъ тяжелый, насилу везетъ.

— Ну, чай, половину наворовалъ! замѣтилъ Семенъ.

— Ни слова больше!.. прервалъ Искринъ, вынимая изъ кармана деньги.—А если будешь разговаривать—заткну тебѣ ротъ и велю привязать къ дереву,—понимаешь?

Армянинъ посмотрѣлъ на червонцы, которые ему бросилъ Искринъ, и видя, что тотъ не шутитъ, отвѣчалъ: «какъ я смѣю противорѣчить вашей чести! только пожалуйста поберегите моего жеребенка, вѣдь онъ еще молоденькій, а сѣдло то турецкое, хорошее,—купилъ здѣсь, вѣрно отбито въ сраженіи: у лезгинъ такихъ не бываетъ.

—Ну чорта имъ сдѣлается!.. сказалъ Семенъ.—Вѣдь на немъ чай барыня поѣдетъ. Семену, надо полагать, очень не хотѣлось разставаться съ своимъ Сѣрко.

— Какая барыня? спросилъ Саркизъ, не замѣтившій сначала грузинки, которая сидѣла поодаль, но когда увидалъ — посмотрѣлъ на нее съ лукавой улыбкой; и какъ одежда на ней была изорвана и мѣстами прогорѣла—у него сей часъ родилась идея спекуляціи. Такъ странно перемѣшивалось въ этомъ полудикомъ быту потрясающее съ комическимъ...

— Помилуйте, господинъ, сказалъ онъ Искрину,—какъ можно прекрасной ханымъ въ такомъ рубищѣ ѣхать съ русскимъ офицеромъ? У меня есть отличный архалукъ, шаровары, коба... Не угодно ли посмотрѣть?

Онъ вынулъ изъ вьюка весьма нарядный азіатскій женскій костюмъ.

— Ежели съ вами недостаточно денегъ, я вамъ повѣрю въ долгъ. Купите, осчастливьте!

Искринъ обрадовался случаю доставить удовольствіе Майко. Она взяла одежду, предложенную Саркизомъ, отошла въ сторону и за деревьями переодѣлась. Когда она показалась въ новомъ нарядѣ, который удивительно подошелъ къ ея высокому росту, точно былъ на заказъ сшитъ для нея, всѣ глаза невольно остановились на ней,—такъ она была красива. Самъ Семенъ не вытерпѣлъ и съ особымъ акцентомъ вскричалъ: «вотъ такъ барыня!» Парчевой архалукъ, туго застегнутый въ таліи, обрисовывалъ гибкій ее станъ; высокая грудь, какъ будто хотѣла вырваться наружу. Искринъ подошелъ къ ней, взялъ обѣ ея руки, и, пожавъ ихъ съ чувствомъ, сказалъ: «Справедливо говоритъ пословица, что все дѣлается къ лучшему. Если бы не застигла насъ вчерашняя буря, не сбились бы мы съ дороги и никогда бы сюда не попали, и я бы не зналъ о твоемъ существованіи.

— Да, отвѣчала Майко, — можетъ быть меня бы уже не было на свѣтѣ...

— Стало быть такъ Богу угодно. Провидѣніе справедливо, продолжалъ Искринъ.—Помилуй? такой ли ты участи достойна. Нѣтъ, хоть бы мнѣ жизни стоило,—я тебя здѣсь не оставлю,—ѣдемъ». И обратясь къ Семену скомандовалъ «на-конь!». Посадивъ Майко съ Богданомъ на Саркизину лошадь, самъ торопливо вспрыгнулъ на своего коня. Семенъ уже преважно возсѣдалъ на своемъ Сѣрко съ переметными сумами, Мерлушка съ визгомъ бросался на морду лошади.—А ты, Саркизъ, будь нашимъ авангардомъ. Впередъ!..сказалъ Искринъ, боясь оставить за собой трусливаго армянина, чтобы онъ не отсталъ и ради корысти или изъ страха не улизнулъ и не разсказалъ лезгинамъ, куда они направили свой путь. Саркизъ, пожимаясь, вскарабкался на свою вьючную лошаденку и караванъ двинулся.

(Продолженіе будетъ.)

Старинный царскій домашній бытъ.

I. О питіе и о кружкахъ.

Мы уже упоминали — сообщая о столѣ царскомъ — *о дворцахъ* «хлѣбенномъ» и «кормовомъ»; питьями завѣдывалъ *сытный дворецъ*, какъ учрежденіе самостоятельное, служба въ которомъ стояла на одной степени съ двумя предъидущими.

Григорій Карповъ Котошихинъ, подъячій посольскаго приказа при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, бѣжавшій въ Швецію, въ Стокгольмѣ написалъ (1666—7 г.) сочиненіе о современномъ положеніи московскаго государства. Сочиненіе его, найденное въ библіотекѣ упсальскаго университета, издано И. Археографическою коммиссіею, какъ драгоцѣнный матеріалъ для подлиннаго узнанія Россіи и царской администраціи въ XVII вѣкѣ. Въ описаніи Котошихина, раздѣленномъ на XIII главъ, глава VI заключаетъ подробныя извѣстія о дворцовомъ хозяйствѣ, сосредоточенномъ въ казенномъ и конюшенномъ приказахъ, да во дворцахъ кормовомъ, хлѣбенномъ, житенномъ и сытенномъ.

Кормовой дворецъ, со своимъ штатомъ 3 ключниковъ, 15 подключниковъ и 20 стряпчихъ, занятъ былъ исключительно приготовленіемъ стола государю, супругѣ его и дѣтямъ, съ отпускомъ кушаньевъ кому велѣно по книгамъ и годовымъ росписямъ. Готовили «ѣствы» повара съ учениками, имѣя по положенію судомоевъ, водовозовъ и сторожей, всего около 150 человѣкъ. «А розойдется про царя», и царицу,и царевичей, и царевенъ, и бояромъ въ подачи,—*на всякій день, ѣствъ больше трехъ тысячь*, кромѣ иныхъ расходовъ»—заключаетъ Котошихинъ. Съѣстные запасы, какъ мы уже замѣтили—«про царскій обиходъ и въ раздачу, мяса живые и битые всякіе животины, и птицы живые жъ

Библиотека "Руниверс"

и битые всякіе, и сыры и яица, и масло коровье, и льняное, и конопляное, и орѣховое, и крупы гречневыя и просяныя, и иные запасы, которые годятца, уговариваются ставить уговорщики во дворцѣ же, противъ того-же бываютъ ставы дня, *вновые*, тысячь на 30 и на 40 рублевъ и больше» — говоритъ Котошихинъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ 1699 года, расходъ *рядного* дворцоваго кушанья и питья былъ изъ дворцовъ: кормоваго, хлѣбеннаго и сытеннаго. Съ *кормоваго* выдано всякихъ 183,394 ѣствы по цѣнѣ на *20,944 р.*, 27 алт. на пол. 6 ден., т. е. 83½ к., да для тезоименинствъ ихъ государскихъ в'хоромы жъ и святѣйшему патріарху въ посылки и бояромъ и ближнимъ людямъ на подачи, и разныхъ чиновъ людемъ закормки — 1,899 ѣствъ, на 179 руб. (17 алт. 1 д.) 51¼ коп. Всего, стало быть, 185,293 блюда, на 21,124 рубли 35 копѣекъ на рядныя и сверхрядныя дачи.

Хлѣбенный дворецъ, изготовлявшій хлѣбы, калачи и печенья, въ 1699 году отпустилъ 193,598 предмет. рядныхъ, и 2,787 сверхрядныхъ — всего изъ 385 отпусковъ, на 12,391 рублей 34¾ копѣекъ.

А съ *сытнаго дворца* въ 1699 году отпущено *рядныхъ* и *сверхрядныхъ* питей 24,800 ведеръ, 10 кружекъ, 7 чарокъ, по цѣнѣ на 4,545 р. (26 алтынъ 2 деньги). Среднимъ числомъ въ день, больше 67-ми ведеръ.

Такъ было до Петра.

Въ 1700 году Петръ I эти всѣ отпуски значительно сократилъ, взявъ въ военную службу и годныхъ къ ней стольниковъ, чашниковъ, стряпчихъ и ключниковъ. Стряпчихъ однихъ по тремъ дворцамъ къ 1700 году состояло 113 и 236 подключниковъ.

Во время высшаго развитія служебной дѣятельности дворцовъ этихъ, при отцѣ Петра I, Котошихинъ, въ одномъ сытномъ дворцѣ насчитываетъ 40 стряпчихъ, 5 ключниковъ (1 степенный — первое лицо въ штатѣ этого учрежденія), 12 *чарочниковъ* и 50 сытниковъ; сверхъ того до 200 человѣкъ исполнителей: пивоваровъ, медоставовъ, бочкарей и сторожей.

«Сытенный дворъ именуется потому, говоритъ Котошихинъ, что здѣсь «питіе держатъ». «Степенный ключникъ вѣдалъ» царскіе погребы съ питьями, и тѣмъ питьямъ приходъ и расходъ. Также и казну судовую, серебряную, мѣдную и оловянную». При степенномъ ключникѣ состояла канцелярія (приказъ) «для записки приходу и расходу питья, и для сыску и расправы дворовыхъ людей». Степенный ключникъ каждый день долженъ былъ осматривать на дворѣ, ему ввѣренномъ, погреба и питья на нихъ. «И какъ царь или царица (и царевичи, и царевны), станутъ ѣсти»,—въ то время, по словамъ Котошихина, входилъ степенный ключникъ къ нимъ, «съ поставцомъ», и отпускалъ къ столу питье «по чину», какъ въ обѣдъ, такъ и вечеромъ. Степенный ключникъ изъ Москвы никуда не отлучался, а въ походы царскіе ѣздили за него *путные ключники*, по перемѣнамъ, на станахъ.

Въ 1673 году, «для пришествія государева, въ одни подмосковныя села (Семеновское, Преображенское и Коломенское), на дворцовый расходъ и на стрѣльцовъ отпущено 240 ведеръ вина съ анисомъ, да 1880 ведеръ «расхожева». А на *сыченье* въ 6 селъ (Семеновское, Измайлово, Алексѣево, Соколово, Кудрявцево, Домодѣдово) 537 пудъ меда и патоки. Да съ аптекарскаго двора отпущено въ села вина 1,780 ведеръ; на аптекарскій дворъ принято съ волостей было въ это время меду 2,708 пуд., вѣроятно на дѣланье наливокъ. Съ покупнымъ же 4,684¼ пуда.

Что такое громадное количество питья и наливокъ расходовалось въ обиходѣ дворцовомъ въ это время—нисколько не покажется для того удивительнымъ, кому доводилось знакомиться съ составомъ отпусковъ питья ежедневно.

Въ старинномъ царскомъ домашнемъ бытѣ царицъ, напримѣръ, Натальѣ Кирилловнѣ, къ ежедневному столу *въ 35 блюдъ*, отпускалось питья: кубокъ романеи, кубокъ ренскова, кубокъ бастру, да 3 кружки меду: малиноваго, вишневаго и бѣлаго (каждаго сорта по кружкѣ); всего, стало быть, по 3 кубка и по 3 кружки въ день. Да столько же каждому изъ особъ царскаго семейства, не выключая и двухлѣтнихъ младенцевъ (столько же отпускалось въ 1674 г. и царевичу Петру Алексѣевичу, родившемуся 30 мая 1672 года), развѣ съ небольшимъ уменьшеніемъ количества, но отнюдь не качества блюдъ.

Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей требовалось множество прислуги и громадное количество сосудовъ для питья, большею частію изъ цѣнныхъ металловъ съ каменьями.

По сказанію капитана Маржерета у царя Бориса бывали угощенія изъ серебряныхъ сосудовъ за разъ 10,000 человѣкъ. «Вся эта посуда, сообщаетъ удивляющійся такому богатству разсказчикъ—русской работы. Но, кромѣ того, въ казнѣ есть множество серебряной посуды нѣмецкой, англійской, польской, или купленной за рѣдкость издѣлія.»

О драгоцѣнной посудѣ и подаркахъ пословъ мы скажемъ особо, а прежде познакомимъ читателей съ расхожею, или, лучше сказать, съ наиболѣе употребляемою утварью для питья—*кубками* и *кружками*.

Кубкомъ называлась чаша съ крышкою на высокомъ поддонѣ. Этотъ родъ сосудовъ наиболѣе употреблялся для подарковъ или *поминокъ*.

Государь за столомъ, выпивъ самъ чье-либо здоровье изъ присутствующихъ за трапезою, или изъ отсутствовавшихъ—припоминая заслуги того лица и желая почтить его особеннымъ своимъ благоволеніемъ, посылалъ къ удостоеннымъ этой чести на домъ *чашу государеву*, переливъ вино въ кубокъ съ кровлею. Питье за здоровье совершалось виноградным виномъ, чаще всего кипрскимъ или романеею, а впослѣдствіи *малвазіею* или рейнскимъ.

Кубки бывали отъ 1 фута до 7 футовъ вышины. Въ 7 футовъ кубокъ Іоанна IV, нами теперь помѣщаемый; вѣсомъ онъ 48 фунтовъ.

Кубокъ Іоанна Грознаго. Рис. Коверзневъ, грав. Скримосскій.

Впрочемъ необходимо замѣтить, что это самый большой изъ кубковъ, сохранившихся въ Оружейной палатѣ, гдѣ вообще этого рода сосудовъ уцѣлѣло не такъ уже много, какъ было. Главною причиною уменьшенія ихъ была литовская порча, когда властители столицы — поляки, заставляли бояръ, своихъ сторонниковъ, — членовъ правительственной думы, — уплачивать сосудами изъ драгоцѣнныхъ металловъ жалованье войску своему. За всѣми растратами, древнихъ и старинныхъ кубковъ сохранилось *366* въ оружейной палатѣ: серебряныхъ и золотыхъ 292, хрустальныхъ 30, изъ перламутровыхъ раковинъ 19, изъ страусовыхъ яицъ 8, костяныхъ и кокосовыхъ по 5-ти, янтарныхъ 3, изъ агата 2, да по одному изъ серпентина и восточнаго алебастра. При поздравленіи царя Алексѣя Михайловича со вступленіемъ на престолъ, принесли (29 сентября 1645 г.) государю даровъ патріархъ, думные, бояре и всякихъ чиновъ люди—до 200 кубковъ, большею частію замѣчательной работы. Этимъ однимъ приношеніемъ значительно пополнилась царская судовая казна, растраченная въ междуцарствіе. Кромѣ отдариванья царемъ кубками, они еще переливались въ чарки.

Древнѣйшее указаніе въ документахъ о дарсньи кубками встрѣчается въ духовной сына Донскаго (1425). Здѣсь завѣщатель говоритъ, перечисляя свою дорогую движимость — «да каменное судно большое што ми отъ великаго князя отъ Витовта (его тестя) привезъ князь Семенъ (Ямонтъ), да *кубокъ хрустальный*, што мнѣ король (?) прислалъ». У Іоанна III внука Василія Дмитріевича былъ кубокъ въ видѣ пѣтуха (куръ), какъ видно изъ финифтяной своему сыну, а отъ него съ *челмомъ* (другимъ фигурнымъ кубкомъ въ видѣ трехмачтоваго судна съ экипажемъ и парусами, держимаго Атлантомъ, опершимся на якорь — итальянской работы XV вѣка) — достался несчастному сыну его, первому коронованному на Руси, великому князю Дмитрію Ивановичу. Корабль съ поддономъ высотою 37½ англійскихъ дюймовъ, вѣсомъ 21½ фунтъ. Онъ позолоченный.

Кубокъ сдѣланный изъ страусова яйца—поднесенъ Іоанну III новгородскимъ владыкою Ѳеофиломъ въ 1476 году.

Помѣщая изображеніе величайшаго изъ древнихъ кубковъ, мы начинаемъ имъ цѣлую серію рисунковъ съ рѣдкостей хранящихся въ оружейной палатѣ, которые такимъ образомъ составятъ довольно полный альбомъ, небезынтересный для всякаго любителя отечественной археологіи. За обзоромъ столоваго обихода послѣдуютъ изображенія прочей домашней утвари, различныхъ одеждъ и вооруженій, а также предметовъ роскоши, поднесенныхъ московскимъ государямъ иностранными дворами въ различныя эпохи. Каждый изъ такихъ рисунковъ будетъ сопровождаться описаніемъ, дающимъ полное понятіе объ употребленіи, родѣ и времени, къ которому относится изображенная вещь.

Библиотека "Руниверс"

«Тройка.»

(Съ картины Академика **Корзухина**).

Алексѣй Ивановичъ Корзухинъ принадлежитъ къ числу даровитѣйшихъ русскихъ бытовыхъ живописцевъ. Кому изъ посѣтителей ежегодныхъ выставокъ Императорской Академіи Художествъ не знакомы такія произведенія, какъ напр. «Канунъ Рождества» (1869 г.), «Разлука» (1872) и т. д.? Соединяя въ себѣ поразительное мастерство композиціи съ реальной правдой, Корзухинъ въ то же время владѣетъ въ совершенствѣ и техникой своего искуства. Рисунокъ его правиленъ въ самыхъ труднѣйшихъ раккурсахъ, колоритъ естественъ и живъ. Передъ картинами его на выставкѣ всегда собирается толпа — и это пріобрѣтаетъ тѣмъ большее значеніе, что содержаніе ихъ отнюдь не сложно, какъ сама русская жизнь въ ея будничныхъ проявленіяхъ. Едва-ли въ чьихъ произведеніяхъ болѣе оправдывается извѣстный принципъ, что «въ искуствѣ главное: не *что*, а *какъ*, т. е. не то *что* задумано, а *какъ* исполнено.

Взгляните на прилагаемой рисунокъ — чего повидимому проще этой темы? Трое подгулявшихъ крестьянъ идутъ подъ руки по улицѣ на соблазнъ прохожихъ. Вонъ вдали степенный и явно зажиточный старикъ чинно проходитъ съ дочкой, осуждая произнесенъ самымъ движеніемъ руки; другіе съ завистью глядятъ на счастливцевъ. А сами-то главныя лица?

На первомъ планѣ картины рельефно вырисовывается совершенно цѣльная и законченная группа. Посрединѣ ея, съ балалайкой подплясываетъ широколицый въ кудеркахъ парень съ заломленной на бокъ фуражкой. Онъ находится уже въ томъ состояніи, когда человѣкъ пристально смотритъ впередъ, но видѣть ничего не видитъ. Блаженная улыбка бродитъ у него по лицу—и только. Частый переборъ балалайки, да присѣданіе въ тактъ ему — вотъ его счастіе въ эту минуту. Не смотря на жару, жилетка застегнута у него по горло, рубаха на выпускъ, а сверху кафтанъ. Направо отъ этой центральной фигуры, приподнявъ надъ головою шапку и завивъ голову въ кольцо, подплясываетъ другой мужикъ, дѣлающій въ эту минуту какой-то неизобразимый вывертъ каблукомъ. По другую сторону балалайки тщетно старается попасть имъ въ тактъ третій крестьянинъ въ одной рубахѣ на босую ногу. Кажется еще минута—и онъ шлепнется о земь...

Но тѣмъ не менѣе — «міръ исчезъ предъ ними». Что имъ до пересудовъ и зависти ближняго? Каждый счастливъ на свой ладъ и въ мѣру выпитаго имъ вина — и эти-то ощущенія мастерски переданы художникомъ на лицахъ трехъ типическихъ фигуръ.

Глаза—зеркало души.

По Улэ.

Изученіе законовъ и явленій природы сдѣлало громадные шаги. Повсюду проникаетъ испытующій духъ человѣка и стремится все объяснить; само прекрасное подверглось его тщательному анализу для лучшаго изслѣдованія лежащихъ въ немъ основъ. Впрочемъ, что касается чувствъ, то очень часто можно слышать такого рода сужденіе, что холодный и разсчетливый разсудокъ лишь убиваетъ чувства—и поэтому не долженъ вмѣшиваться въ эту область. Въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе это пожалуй и справедливо и, насколько это касается внутренняго міра чувствъ, вѣрно также и для впечатлѣнія прекраснаго. Но съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что самыя чувства можно и должно совершенствовать и развивать, а это послѣднее немыслимо безъ внимательнаго изученія ихъ источниковъ и способа дѣйствія. Развивая такимъ образомъ наши чувства, мы однако нисколько не измѣняемъ ихъ нормальныхъ отправленій: тонкое и облагороженное чувство художника или изслѣдователя доставляетъ не менѣе чистое и непосредственное удовольствіе, чѣмъ грубое и естественное чувство поселянина.

Во всякомъ случаѣ, первое условіе прекраснаго есть простота, внутренняя симметрія и гармонія самыхъ предметовъ. Но еще болѣе, чѣмъ эти внѣшнія обстоятельства, плѣняетъ насъ въ прекрасномъ какое-то неуловимое тождество съ нашимъ духомъ, и только тамъ привлекаетъ и очаровываетъ насъ прекрасное, гдѣ душа предчувствуетъ это внутреннее сродство. Вся природа является намъ выраженіемъ силы, далеко высшей чѣмъ единичный духъ человѣка; ея законы, открываемые намъ въ формахъ предметовъ, ихъ появленіи и исчезновеніи, суть извѣстѣ съ тѣмъ законы нашего мышленія; ея духъ родствененъ нашему. И подобно тому, какъ въ произведеніи искусства идея человѣка, такъ въ природѣ дѣйствуетъ на насъ духъ безконечности и идея цѣлаго. Такимъ образомъ нельзя смотрѣть на любовь къ природѣ, какъ на однѣ мечтательныя грезы и фантазіи.

Есть еще въ насъ таинственное влеченіе, основанное на томъ же стремленіи нашего духа и значительно вліяющее на взаимное сближеніе людей, проявляясь то въ видѣ покоряющаго сердце чувства благоговѣнія, то поэзіи любви и дружбы, то общительности и товарищества. Это есть именно та могучая притягательная сила душъ, которую мы называемъ симпатіею. Мы не въ состояніи ни описывать, ни объяснять, ни доказывать существованіе симпатіи; мы можемъ только ощущать ее. Невольно приковываетъ или отталкиваетъ она случайно встрѣтившихся людей, и вліяніе ея тѣмъ сильнѣе, чѣмъ слабѣе господство надъ глазами холоднаго разсудка. Не благодарность и не безпомощность, а природныя узы связываютъ ребенка съ его матерью. Не разсчетъ руководствуетъ дѣтьми въ ихъ дружбѣ и ссорахъ,—нѣтъ, они подчиняются при этомъ минутному влеченію души и быстрымъ перемѣнамъ, происходящимъ въ ней на пути ея развитія. Но чѣмъ рѣзче обрисовывается для дитяти его будущность, чѣмъ сильнѣе выступаютъ въ насъ самолюбіе, честолюбіе и гордость, тѣмъ съ большею осмотрительностью поддаемся мы вліянію чувства и тѣмъ чаще обманывается въ выборѣ людей, съ помощью которыхъ желаемъ достигнуть нашихъ цѣлей. Гдѣ дѣйствуетъ разсчетъ, тамъ для истинной любви нѣтъ мѣста.

Также какъ въ отношеніи къ людямъ, есть въ насъ симпатія къ самой природѣ, взаимодѣйствіе между сею и нашимъ духомъ, потому что подобно намъ и природа дышетъ жизнью. Это взаимодѣйствіе обусловливается органами, передающими нашей душѣ впечатлѣнія, то привлекающаго, то отталкивающаго характера. Непосредственнаго воздѣйствія на нашу душу вообще не происходитъ, оно совершается только съ помощью чувствъ. Самая симпатія душъ основывается на чувственныхъ впечатлѣніяхъ, такъ какъ форма, воспринимаемая нашими чувствами, отражаетъ въ себѣ сущность и жизнь души. На этомъ послѣднемъ основываются попытки, извѣстныя уже въ древности, судить о духовной жизни человѣка по его наружнымъ формамъ и основывать на устройствѣ черепа, выраженіи и мимикѣ лица и жестикуляціи оцѣнку внутренняго содержанія. Но человѣкъ—гармоническое цѣлое, каждая часть котораго тогда только дѣятельна, когда находится въ полной органической связи со всѣми остальными,—и понятно поэтому, что такого рода цѣлое не можетъ быть цѣнимо на основаніи отдѣльно взятой части. А между тѣмъ нѣтъ такого процесса въ психической жизни человѣка, который бы не отражался на всѣхъ его органахъ (конечно, на одномъ сильнѣе, на другомъ слабѣе), который бы не отпечатлѣвался на всѣхъ формахъ его тѣла. Быстрая походка и сверкающіе глаза характеризуютъ сангвиника, поникшая голова и нетвердыя движенія — меланхолика.

Гнѣвъ сопровождается скрежетомъ зубовъ, морщинистымъ лбомъ и тяжелымъ дыханіемъ; тусклые глаза, полураскрытый ротъ и опущенныя руки обнаруживаютъ печаль, а радость узнается по гладкому лбу, блистающимъ глазамъ и быстрой игрѣ лица. Глубокія борозды лба составляютъ отпечатокъ горести и недовольства жизнью, а рѣзкія черты вокругъ рта и носа свидѣтельствуютъ о зависти, насмѣшливости и упрямствѣ.

Но ничто не можетъ служить болѣе вѣрнымъ руководствомъ при сужденіи о характерѣ человѣка, чѣмъ глазъ, какъ самый нѣжный и дѣятельный посредникъ между внѣшнимъ міромъ и нашею душою. И въ самомъ дѣлѣ, глаза раскрываютъ передъ нами путь жизни, они обнимаютъ однимъ взглядомъ безконечные предѣлы пространства, обрисовываютъ формы предметовъ и воз-

Библиотека "Руниверс"

буждаютъ ощущенія внутри насъ. Безконечное богатство проникаетъ черезъ нихъ изъ наружнаго міра въ нашу душу и постоянно въ нихъ отражается. Они издаютъ отъ себя свѣтъ, съ помощью котораго мы можемъ проникнуть въ темноту чужой души, когда человѣкъ безмолвствуетъ или вкрываетъ отъ насъ истину. Всѣ движенія души какъ бы обрисовываются въ нихъ и становятся видимыми; глаза то омрачаются тѣнью неблагородныхъ помысловъ, то горятъ огнемъ страсти, то свѣтятся матовымъ отблескомъ надежды, то сверкаютъ молніею мгновенной рѣшимости, то ясно свѣтятъ умомъ и мыслью. Они то повелѣваютъ безмолвно, но строго, то утѣшаютъ и успокаиваютъ, то заклинаютъ, то благословляютъ. Они замѣняютъ намъ языкъ, когда чувства не находятъ словъ—и мысль тщетно рвется наружу.

Собственныя отправленія глаза составляютъ воспріятіе свѣта и движеніе. Хотя источникъ свѣта находится внѣ насъ, но впечатлѣніе свѣта является лишь въ нашемъ глазѣ, точно также какъ ощущеніе боли, причиняемой намъ извнѣ уколомъ, рождается только въ насъ самихъ. Движущіяся свѣтовыя волны проникаютъ въ нашъ глазъ съ громадною быстротою сорока тысячъ миль въ секунду и производятъ въ нашемъ зрительномъ нервѣ ощущенія свѣта, подобно тому какъ относительно медленныя колебанія воздуха ощущаются нашимъ слуховымъ нервомъ какъ звуки и тоны. Различною же скоростью свѣтовыхъ волнъ обусловливается происхожденіе различныхъ цвѣтовъ, также какъ и различіе тоновъ зависитъ отъ подобной же причины. Краснымъ кажется намъ свѣтъ дѣлающій четыреста пятьдесятъ восемь, а фіолетовымъ—семьсотъ двадцать семь колебаній въ секунду; между этими двумя крайними предѣлами лежатъ всѣ другіе цвѣта. Одна только нервная оболочка глаза, такъ-называемая сѣтчатка (Retina) воспринимаетъ и ощущаетъ эти колебанія, и никакой другой нервъ не можетъ замѣнять ее въ этомъ отправленіи—въ случаѣ разрушенія или паралича ея, какъ это бываетъ при черномъ бѣльмѣ. Только она одна обладаетъ свойствомъ отвѣчать на раздраженіе—ощущеніемъ свѣта и цвѣтовъ. И не только колебанія эѳира, но и всякая другая раздражающая причина производитъ въ ней свѣтъ; такимъ образомъ, отъ сотрясенія нерва ударомъ въ глазъ—какъ бы сыплются искры, струя электричества является въ видѣ молніи—и самое усиленное біеніе пульса производитъ ряды искръ. Что же касается до самаго глазнаго яблока, въ задней части котораго натянута сѣтчатка, съ его хрусталикомъ, прозрачною роговою оболочкою и преломляющими свѣтъ жидкостями, то все это вмѣстѣ образуетъ только оптическій аппаратъ, служащій для второстепенной цѣли. Посредствомъ этого аппарата достигается именно то, что внѣшніе предметы лишь послѣдовательно обрисовываются на сѣтчаткѣ, безъ чего различныя очертанія сливались бы въ одинъ неясный образъ. Низшія животныя, у которыхъ зрительный нервъ находится прямо подъ прозрачною кожицею, могутъ поэтому ощущать только свѣтъ и темноту, другими словами они могутъ различать только дѣятельное и покойное состояніе.

Переходя теперь къ эффекту красоты цвѣтовъ въ ихъ различныхъ соединеніяхъ и группировкѣ, находимъ, что явленія эти нисколько не обусловливаются, какъ это легко можетъ казаться, внѣшними причинами—въ родѣ предписаній моды и господствующаго вкуса. Наоборотъ, источникомъ ихъ служитъ сама жизнь и потребность въ безпрерывной дѣятельности органа, который притупляясь къ однообразнымъ ощущеніямъ одного цвѣта, вызываетъ все новые и новые заключающіеся въ немъ цвѣта. Вся органическая жизнь основывается на безпрерывныхъ перемѣнахъ, и въ силу этого закона, зрительный нервъ, нуждаясь въ постоянномъ приливѣ новыхъ ощущеній, создаетъ ихъ себѣ самъ, если не находитъ источниковъ изъ внѣшняго міра. Даже глазъ слѣпорожденнаго, въ который не проникаетъ ни одинъ лучъ свѣта и въ которомъ должна была, повидимому, царствовать постоянная ночь, обнимаетъ все разнообразное множество цвѣтовъ, конечно, если только не лишенъ зрительнаго нерва. Правда, слѣпорожденный не наслаждается свѣтомъ солнца и звѣздъ, ему недоступны фантастическія декораціи ландшафтовъ, онъ не любуется великолѣпнымъ закатомъ солнца посреди яркогорящаго пламени, но тѣмъ не менѣе видитъ онъ въ пестрыхъ картинахъ своей фантазіи и свѣтъ, и темноту, и яркіе цвѣта.

И вполнѣ нормальный глазъ удовлетворяетъ своему стремленію къ симметріи цвѣтовъ каждый разъ, когда внѣшній міръ не соотвѣтствуетъ этому условію. Только тогда глазъ находится въ лучшихъ условіяхъ жизни и дѣятельности, когда имѣетъ возможность, переносясь свободно по окрашенной поверхности отъ одного пункта къ другому, воспринимать во всякую минуту другой цвѣтъ и не останавливаясь на немъ до пресыщенія перейдти къ другому,—словомъ, тамъ, гдѣ глазъ встрѣчаетъ быстро смѣняющуюся игру цвѣтовъ, не представляющую впрочемъ слишкомъ рѣзкихъ и противоположныхъ контрастовъ, но постепенно переходящихъ одинъ въ другой и взаимно дополняющихъ. Зритель же переноситъ это субъективное удовольствіе, вытекающее изъ собственной дѣятельности, на внѣшній міръ, находя въ немъ то же согласованіе и симметрію цвѣтовъ. Такимъ образомъ оказывается, что въ области свѣта и цвѣтовъ прекрасное обусловливается дѣятельностью самого зрительнаго нерва—и законы этой дѣятельности суть также законы перваго.

Посредствомъ ощущеній, глазъ, какъ мы видѣли ужс, становится для насъ богатымъ источникомъ прекраснаго; другое, не менѣе важное значеніе, именно какъ отражателя всѣхъ душевныхъ движеній, чувствъ и мыслей, придаетъ глазу его движеніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важны по своему участію самыя окружающія глазъ мускульныя образованія. Смотря потому, сморщены брови или нѣтъ, приподняты кверху или изогнуты дугою, опущенія или приподняты вѣки, и, наконецъ, расширена или съужена глазная щель, мѣняется характеръ освѣщенія глаза, а это послѣднее существенно вліяетъ на самое выраженіе его. Такъ, сверкающій въ глубинѣ глаза огонь становится особенно страшнымъ при рѣзко выдающемся краѣ глазной впадины—отъ тѣни надвигающейся темной массы. Точно также яркій блескъ, отражаемый влажною поверхностью роговой оболочки, переходитъ, при свободно раскрытой щели, въ болѣе мягкій и кроткій свѣтъ.

Совсѣмъ другое значеніе получаетъ движеніе самого глазнаго яблока въ еферѣ ограниченной костяными стѣнками и спереди свободной глазной орбиты. Движеніе это обусловливается шестью мускулами, направленными и начинающимися позади глазнаго яблока и прикрѣпленными по его окружности; своими послѣдовательными, общими или частными сокращеніями, они вращаютъ глазную ось по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Этотъ же мускульный аппаратъ позволяетъ намъ соединять впечатлѣнія обоихъ глазъ въ одно, переносить взглядъ по произволу съ одного пункта на другой и, наконецъ, смотря по надобности, то усиливать, то ослаблять свѣтовое раздраженіе посредствомъ расширенія или съуженія зрачка. Въ этой полнѣйшей свободѣ движенія глаза, или лучше, въ наслажденіи, доставляемомъ намъ этимъ движеніемъ, и заключается вся прелесть употребленія этого аппарата. Мы же, ощущая удовольствіе отъ полной жизненной дѣятельности нашихъ глазныхъ мускуловъ, переносимъ это ощущеніе на мертвыя формы и называемъ ихъ красивыми, когда вызванныя движенія доставили намъ пріятное впечатлѣніе. Такимъ образомъ происходитъ, что, смотря по впечатлѣніямъ, получаемымъ отъ внѣшняго міра, по внутреннимъ побужденіямъ души и по тѣмъ эффектамъ, которые мы желаемъ возбудить,—глазъ то какъ бы ищетъ чего то, то быстро отворачивается, то охотно останавливается. Это же обстоятельство даетъ намъ возможность основывать на наружныхъ движеніяхъ глазъ сужденіе о внутреннемъ состояніи души.

Движеніе по дугообразной линіи—самое пріятное для глазъ, и поэтому свободный мужской взглядъ направляется по дугѣ, идущей вверхъ, а стыдливый женскій взглядъ описываетъ, при опущенныхъ вѣкахъ, дугу внизъ. Когда же взглядъ торопливо и безпокойно переносится по прямой линіи съ одной точки на другую, то такое одностороннее движеніе служитъ признакомъ умственной односторонности, тупости или смущенія. Живой, быстрый взглядъ обнаруживаетъ такой же быстрый ходъ душевныхъ движеній или страстное возбужденіе, а медленный указываетъ на противоположное состояніе души, на внутреннюю вялость и слабость. Когда же игра глазъ достигаетъ высшаго предѣла, то взглядъ получаетъ характеръ чувственнаго, соблазняющаго опьяненія.

При устремленіи взгляда на какой-нибудь предметъ, глазныя оси взаимно приближаются и зрачекъ съуживается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большій интересъ представляетъ для насъ данный предметъ. Когда же глаза останавливаются на близкомъ предметѣ при почти параллельныхъ осяхъ и расширенныхъ зрачкахъ, то взглядъ дѣлается тупымъ и безсмысленнымъ. Онъ становится жаднымъ и пожирающимъ, когда наоборотъ, наклонъ осей больше, чѣмъ этого требуетъ близость предмета. Наконецъ, когда душа охватывается возвышеннымъ стремленіемъ и мысль паритъ въ заоблачныхъ сферахъ, устремляются и глаза вдаль и глазныя оси становятся параллельными.

Мы очень легко переносимъ и даже съ удовольствіемъ чувствуемъ на себѣ спокойный взглядъ другаго, фиксированный же невыносимъ для насъ. Этотъ послѣдній бываетъ разнаго рода: уничтожающій, когда направленъ прямо противъ насъ и смотритъ намъ прямо въ глаза; карающій, который, оставаясь фиксированнымъ, пронизываетъ съ головы до ногъ, наконецъ, завистливый, направляемый сбоку и только слегка скользящій. Презрительный взглядъ вовсе не бываетъ фиксированнымъ, а напротивъ удаляя другъ отъ друга глазныя оси, мы заставляемъ презираемый предметъ какъ бы исчезнуть изъ виду.

Люди, которые поглощены всегда обыденными интересами и не возвышаются изъ сферы ежедневныхъ заботъ въ область созерцанія и изслѣдованія, отличаются незначительною дальностью зрѣнія. Напротивъ взглядъ изслѣдователя широко раскрываетъ зрачки и направляетъ оси параллельно.

Такой же характеръ получаетъ взглядъ въ состояніи изумленія; подъ вліяніемъ поразившаго впечатлѣнія глазъ становится невосприимчивымъ ко всему и тупо осматриваетъ предметъ удивленія; то же самое бываетъ въ состояніи восторга, когда мысль витаетъ въ области безконечнаго, и на смертномъ одрѣ, когда все окружающее сливается для умирающаго въ неясный туманъ. Старикъ и ребенокъ представляютъ такой же взглядъ; первый постепенно освобождается отъ связывающихъ его съ природою оковъ и взоръ его устремленъ вдаль, послѣдній живетъ больше созерцательною жизнью и часто приходитъ въ изумленіе отъ окружающихъ предметовъ.

Точно также приводятся глаза въ быстрое движеніе подъ вліяніемъ страстей. Съ быстротою молніи устремляется гнѣвный

Библиотека "Руниверс"

взоръ; наоборотъ подъ вліяніемъ надежды, любви или тоски глазныя оси все болѣе и болѣе сближаются, какъ бы желая обнять предметъ нашихъ желаній. За то печаль, стыдъ или страхъ заставляютъ глазъ боязливо отступить назадъ; взглядъ какъ бы не смѣетъ ни фиксироваться, ни перенестись дальше, а только удаляется, при съуженномъ зрачкѣ и опущенномъ вѣкѣ, и сосредоточивается въ самомъ себѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что для опытнаго наблюдателя открывается возможность дѣлать на основаніи выраженій глазъ цѣлый рядъ заключеній о внутреннемъ состояніи души и волнующихъ ея чувствахъ. Художникъ пользуется этимъ обстоятельствомъ, придавая извѣстное выраженіе глазамъ въ картинѣ или статуѣ.

Политическое обозрѣніе.

31 августа.

Оканчивая нашу послѣднюю корреспонденцію изъ Вереали, помѣщенную въ № 16 «Нивы», мы сказали слѣдующее: «ни одна изъ политическихъ партій не намѣрена терять вакаціоннаго времени даромъ, но каждая будетъ дѣятельно стремиться ниспровергнуть существующій порядокъ въ пользу своихъ претендентовъ. Вотъ среди какихъ обстоятельствъ соберется снова версальскій парламентъ будущаго 12 мая; понятно, что конституціонные законы возбудятъ жаркія пренія, — но толку не выйдетъ». Затѣмъ мы выразили наше убѣжденіе въ томъ, что съ открытіемъ лѣтней сессіи г. Брой будетъ низвергнутъ, и что произойдутъ важныя перемѣны въ составѣ кабинета. Летекшая сессія парламента вполнѣ доказала справедливость нашихъ словъ: 16 мая г. Брой получилъ неодобреніе своей политики, выразившееся въ 56 голосахъ противъ его проекта конституціи. Затѣмъ преемниками г. Броя въ теченіи трехъ мѣсяцевъ были гг. Фурту. Сиссэ и, наконецъ, генералъ Шабо-Латуръ, который занимаетъ должность перваго министра и въ настоящее время. Всѣ эти перемѣны не имѣли никакого вліянія на внутреннюю политику г. Макъ-Магона, которая отличается едва-ли не большей двусмысленностью, чѣмъ во времена г. Броя. Съ удаленіемъ его отъ дѣлъ въ правительственныхъ кружкахъ полагали, что можно будетъ возстановить парламентское большинство подъ менѣе извѣстной фирмой г. Фурту; между тѣмъ открытіе бонапартистскаго заговора въ прошломъ іюнѣ и слишкомъ явныя симпатіи этого перваго министра къ седанской династіи сдѣлали его въ шесть недѣль болѣе непопулярнымъ чѣмъ г. Броя. Правительственное большинство почти распалось, и новый кабинетъ, не смотря на энергическое требованіе маршала-президента организовать его власть, не рѣшился настаивать у собранія на этомъ столь важномъ пунктѣ при учрежденіи *личнаго* сенатата. Національное собраніе отказалось, слѣдовательно, организовать личныя полномочія маршала на семь лѣтъ, не смотря на знаменитое посланіе, въ которомъ президентъ республики напоминалъ собранію, что въ засѣданіи 20 ноября 1873 года оно добровольно обязалось организовать сенатъ и дать этому учрежденію необходимую санкцію. Проектъ конституціи, предложенный г. Казиміромъ Перье, былъ также отвергнутъ реакціоннымъ большинствомъ собранія и почти всѣмъ кабинетомъ. Почему?—потому, что предложеніе г. Перье организовало республику и провозглашало ее окончательной формой правленія во Франціи. Монархическое большинство парламента вотировало противъ этого предложенія по весьма понятной причинѣ: оно не потеряло надежды возстановить монархію, хотя бы путемъ политическаго недоразумѣнія, которое можно было-бы распутать впослѣдствіи, заручившись силой, какими нибудь ордонансами въ духѣ Карла X. Прошлой осенью, напримѣръ, г. Шеплонъ ѣздилъ къ г. Шамбору, и до того убѣдился въ томъ, что онъ уступитъ бѣлое знамя и сдѣлаетъ необходимыя уступки духу времени, — что заявилъ объ этомъ всѣмъ своимъ политическимъ друзьямъ. Будь на мѣстѣ графа Шамбора кто либо другой, монархія навѣрно была-бы возстановлена, но послѣдній потомокъ Бурбоновъ поступилъ иначе; онъ напечаталъ письмо въ газетѣ «Union», въ которомъ объяснилъ, что онъ сказалъ г. Шеплону *только* слѣдующее: «при въѣздѣ моемъ во Францію я *поклонюсь* съ почтеніемъ трехцвѣтному знамени, но сохраню за собой свободу выбора. Я сдѣлаю всѣ уступки, *какія сочту необходимыми* для блага моей родины. *Это еще не значитъ, чтобы я дѣлалъ тѣ уступки,* которыхъ никто отъ меня не имѣетъ права требовать». Дѣйствительно, это не одно и то же,— и мы съ этимъ вполнѣ согласны.

Теперь спрашивается: неужели г. Шеплонъ въ самомъ дѣлѣ не понялъ того, что говорилъ ему графъ Шамборъ? Судите сами; не нужно при этомъ упускать изъ вниманія того, что въ это время монархическія фракціи, безъ 22 бонапартистовъ, располагали большинствомъ въ 65 голосовъ! Это политическое недоразумѣніе конечно объяснилось бы въ Парижѣ, но какъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Теперь скажемъ два слова о томъ, почему маршалъ-президентъ и его кабинетъ высказались *противъ* предложенія г. Казиміра Перье. Причина также не сложная: г. Макъ Магонъ и его политическіе совѣтники тоже не хотятъ организовать республику, но стремятся только упрочить существующій порядокъ вещей; маршалъ-президентъ желаетъ только расширенія своей личной власти (или проще — семилѣтней диктатуры), съ помощью которой онъ могъ бы укротить революціонный духъ, грозящій погибелью Франціи *). Въ самомъ концѣ прошлой сессіи было внесено предложеніе о распущеніи собранія и о назначеніи новыхъ выборовъ, но оно также было отвергнуто большинствомъ 48 голосовъ.

Видя такой паденъ въ политической дѣятельности собранія, невольно является вопросъ: чего же хотятъ версальскіе законодатели? они отказались организовать республику, выразили нежеланіе расширить семилѣтнія полномочія г. Макъ-Магона, и не желаютъ разойдтись. Какъ бы то ни было, но въ ближайшемъ будущемъ Національное собраніе увидитъ свое безсиліе, такъ какъ раздробленность его воспрепятствуетъ учредить и монархію и республику.

Фіаско, постигшее проектъ организаціи сентенната, побудило президента республики искать симпатіи внѣ стѣнъ версальскаго театра, и съ этой цѣлью онъ предпринялъ поѣздку въ Бретань; офиціальные органы и офиціозная пресса утверждаютъ, что населеніе вездѣ принимало его съ восторгомъ; республиканскія газеты и отчасти бонапартистскія говорятъ другое. Мы не будемъ останавливаться на поѣздкѣ маршала по этой провинціи, такъ какъ она не имѣетъ никакого политическаго значенія: Бретань не составляетъ всю Францію—и каковы бы ни были ея теперешнія политическія убѣжденія, она во всякомъ случаѣ вполнѣ равнодушна къ сентенату—*личному или безличному* (personnel ou impersonnel).

Гораздо важнѣе и серіознѣе по результатамъ будетъ поѣздка маршала-президента въ Ліонъ, Марсель и другіе города южной Франціи, гдѣ большинство населенія республиканское; это путешествіе онъ предприметъ, говорятъ, въ половинѣ сентября. Трудно угадать какой пріемъ встрѣтитъ маршалъ среди республиканскаго населенія этой части Франціи, но достовѣрно можно сказать, что если онъ вернется въ началѣ будущей сессіи къ проекту конституціи г. Казиміра Перье, то республиканцы *всѣхъ оттѣнковъ* окажутся лучшими его союзниками. На легитимистовъ надѣяться нечего, особенно послѣ послѣдняго письма г. Шамбора къ маркизу де Франльё, въ которомъ онъ запрещаетъ своимъ приверженцамъ вотировать le septennat incommutable,—не желая, вѣроятно, «ожидать у порога Сентената, когда Франція пожелаетъ вручить ему свою судьбу», говоря живописнымъ слогомъ г. де Казеновъ де Прадина. Что касается орлеанистовъ, то партія ихъ увеличилась даже переходомъ нѣкоторыхъ легитимистовъ; но на нихъ плохая надежда, ибо во главѣ ихъ стоитъ человѣкъ, который нашелъ, «что тяжкая отвѣтственность за кавитуляцію Меца и несчастный исходъ войны не можетъ падать *цѣликомъ* на одного маршала Базена, *такъ какъ не было строго выработаннаго плана войны.* Говорятъ, маршалъ-президентъ былъ крайне недоволенъ, когда прочелъ эту фразу въ просьбѣ о помилованіи. Что сказать о бонапартистахъ? На нихъ, понятно, ни одна партія разсчитывать не можетъ, а они разсчитываютъ не безъ основанія на сочувствіе сельскаго населенія Франціи особенно послѣ удачныхъ выборовъ въ Па-де-Калэ и Кальвадосѣ. Они группируются вокругъ г. Руэра и Базена, котораго приняла такъ радушно г-жа Бонапартъ къ замкѣ Аренепбергъ.

*) Рѣчь Сиссэ 16 іюля.

Н. Чашниковъ.

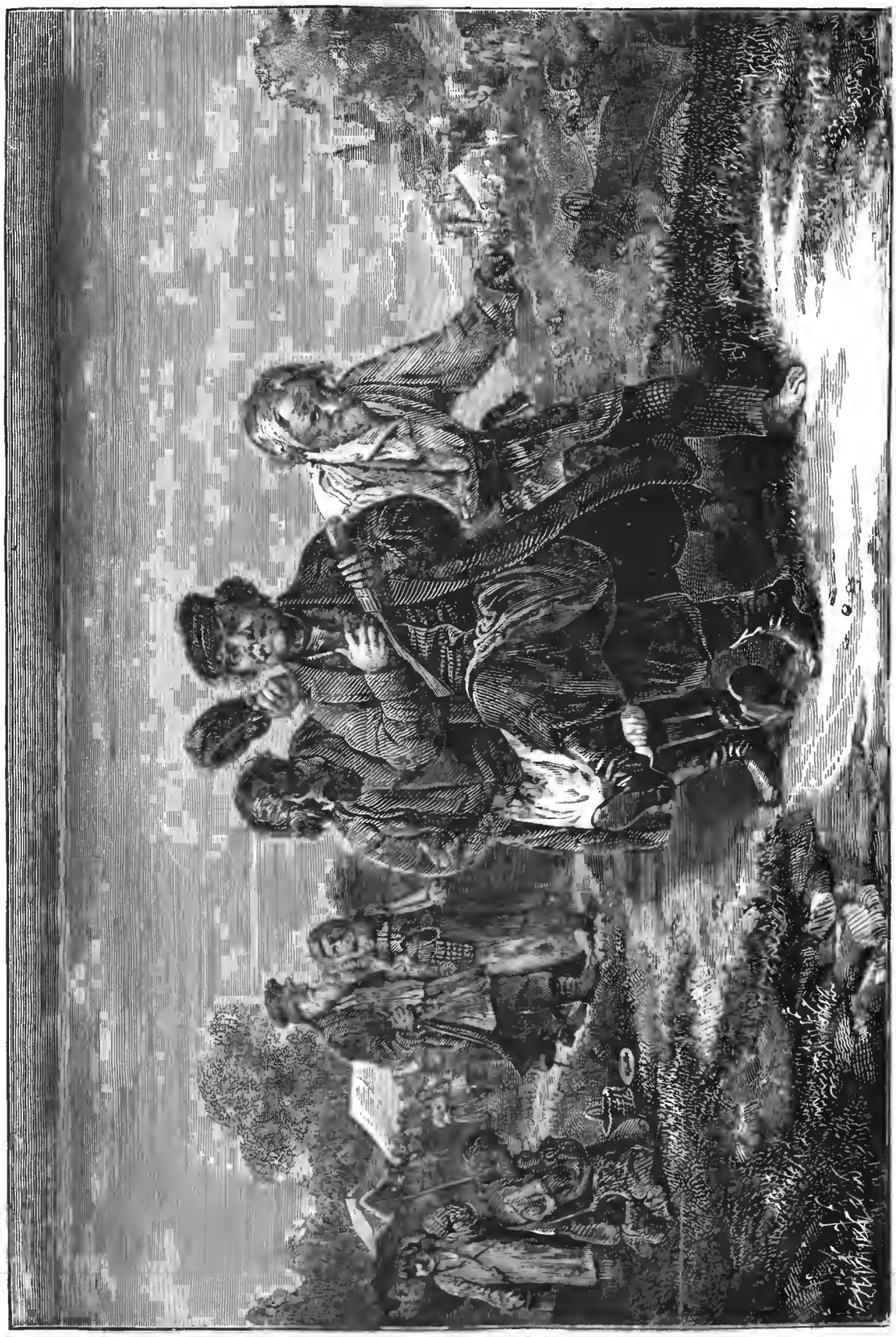
Стихотворенія.

Пѣвецъ.

Чѣмъ тише жизнь, тѣмъ больше пѣсенъ,
Тѣмъ больше сладостныхъ молитвъ;—
Пѣвцамъ столичный городъ тѣсенъ,
Ихъ глушь пустынная манитъ.

Лишь тамъ, у водъ, въ лѣсу дремучемъ,
Среди безбрежія степей,
Пѣвецъ становится могучимъ,
Вдали отъ свѣта и людей;—
Когда въ тиши, въ уединеньи,
По нимъ тоскуя, онъ не разъ

Библиотека "Руниверс"



Тройка. Съ картины академика Корзухина. Рис. П. Чистяковъ, грав. Зайковскій.

Библиотека "Руниверс"

Пошлетъ врагамъ благословленье:—
И примиренья сладкій часъ
Настанетъ; съ нимъ и вдохновенье
На душу тихо низойдетъ—
Пѣвецъ свободно запоетъ...
И все, чѣмъ сердце наболѣло
Среди житейской суеты,
Чего алкало, чѣмъ горѣло—
Всѣ затаенныя мечты,
И пылъ огня страстей кипучихъ,
И обаянье чаръ могучихъ
Царившей вѣчно красоты:—
Все въ жаркой пѣснѣ изливая,
Пѣвецъ душой воспрянетъ вновь,
Его излечитъ глушь святая,
И въ сердцѣ обновитъ любовь.

Мой идеалъ.

Я не ищу богатой доли,
Ни якоря въ умѣ другомъ.
Я не ищу могучей воли,
Не нуженъ мнѣ чужой законъ.
Я не ищу стратей безумныхъ,
Онѣ кипятъ во мнѣ самой.
Я не люблю восторговъ шумныхъ,
И не прельщаюсь красотой.

* * *

Но кто въ себѣ сберегъ отъ вѣка
Всецѣло образъ человѣка,
И чье спокойное чело
Зеркально чисто и свѣтло—
Кто зрѣлъ умомъ, дитя душою,
И скроменъ ясной простотою;—
Кто можетъ вѣрить и любить,
И ближнему во всемъ простить,—

* * *

Предъ тѣмъ я жажду преклониться
Моей свободной головой;—
Мнѣ сладко быть его рабой.
Я съ нимъ душой хотѣла бъ слиться,
Чтобъ жить для цѣли лишь одной:
Любить, беречь его покой,
И въ немъ самой преобразиться.
Но гдѣ же идеалъ такой?...

Къ сердцу.

Что ты бьешься ретивое,
Словно пташка въ западнѣ,
И мучительной тоскою
Бѣлу грудь терзаешь мнѣ?

* * *

Для чего твердишь всечасно,
Что уходитъ вѣкъ златой —
И цвѣтъ юности прекрасный
Не цвѣтетъ уже зимой?

* * *

Но зима еще далеко....
Подожди, быть можетъ лучъ,
Разогнавши мракъ глубокій,
Заблеститъ межъ темныхъ тучъ.

* * *

Ты весною не согрѣто,
Въ буряхъ вся прошла она,
Но какъ знать?—быть можетъ лѣтомъ
Зацвѣтетъ твоя весна....

Къ * * *

Коль ваша жизнь пройдетъ по розамъ,
Минуя колкіе шипы,
Коль обойдутъ васъ бури, грозы,
Удары мѣткіе судьбы:—
Чего дай Богъ!—и я изъ дали
За васъ Творца благословлю;
Но въ случаѣ, когда печали
Заглянутъ къ вамъ—тогда молю,
Чтобъ вы мнѣ слово написали:—
На вашъ призывъ я всей душой
Откликнусь дружбою святой.

П. Гусева.

Смѣсь.

Всемірная выставка въ Филадельфіи. На проэктъ зданія всемірной выставки назначенъ былъ конкурсъ съ преміей. Въ коммисію по дѣламъ выставки вступило 43 проэкта; изъ нихъ выбрали наилучшіе 10, составителямъ которыхъ предложены было разныя измѣненія и улучшенія, предоставляя имъ также возможность познакомиться съ трудами своихъ соперниковъ. Поступившіе во второй разъ проэкты подверглись затѣмъ вторичному разсмотрѣнію Коммиссіи, причемъ окончательно утвержденъ былъ проектъ доставленный Кальвертъ-Воксомъ и Радфордомъ.

При американской всемірной выставкѣ строитель пользуется тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что къ его услугамъ стоитъ теперь богатый запасъ опытовъ, сдѣланныхъ въ Парижѣ и въ Вѣнѣ. Въ Парижѣ, напримѣръ, для различныхъ группъ выставленныхъ предметовъ назначены были концентрическіе поясы; подобная система поясовъ принята и въ Филадельфіи съ тою только разницей, что крайнымъ точкамъ зданія придали не округленную форму, какъ это было въ Парижѣ, а угольную, разсчитывая при этомъ значительно выиграть въ пространствѣ. Отъ вѣнской всемірной выставки заимствовано устройство 12 открытыхъ промежуточныхъ дворовъ; каждый изъ нихъ, однакожъ, не больше, какъ 60 футовъ въ поперечникѣ, что дѣйствительно вполнѣ достаточно для того, чтобы снабжать зданіе надлежащимъ количествомъ свѣта и свѣжаго воздуха и для свободнаго протока воды, которая будетъ стекать съ крышъ. Въ Парижѣ транспортировка предметовъ выставки были чрезвычайно затруднительна, потому что форма зданія не допускала возможности провести желѣзнодорожные рельсы къ различнымъ его частямъ. Въ Филадельфіи же сообщеніе значительно облегчается тѣмъ, что по всей длинѣ зданія три линіи двойныхъ рельсовъ. Парижская выставка страдала также отсутствіемъ общаго внутренняго эфекта; ни на одномъ пунктѣ ея не могло быть сосредоточено особенное вниманіе публики. Посѣтитель никогда не зналъ, гдѣ онъ находится, а круглыя, концентрическія линіи нигдѣ не представляли зрителю болѣе обширнаго вида, чѣмъ на какую нибудь треть и безъ того короткаго діаметра. Въ Вѣнѣ этотъ весьма ощутительный недостатокъ былъ отчасти исправленъ центральнымъ куполомъ ротоиды, имѣвшимъ 333 фута въ діаметрѣ,—и дѣйствительно производившимъ на посѣтителей какое-то величественное, приковывающее впечатлѣніе. Въ Филадельфіи этотъ единственный куполъ замѣняется 20 сводообразными павильонами, изъ которыхъ каждый имѣетъ 240 футовъ въ діаметрѣ; всѣ они соединены между собою арками съ кривизною въ 150 футовъ и дворами съ поперечникомъ въ 60 футовъ.

Различныя части этого зданія образуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ одно нераздѣльное цѣлое, обширнѣйшую залу, удовлетворяющую всѣмъ потребностямъ выставки, со многими особенно выдающимися пунктами, съ прямыми по всей длинѣ и ширинѣ своей путевыми линіями, сообщающимися между собою вездѣ, гдѣ только нужно, діагональными соединительными путями. Посѣтитель нигдѣ не будетъ чувствовать себя стѣсненнымъ, вращаясь вездѣ въ пространствѣ шириною больше чѣмъ въ 200 футовъ, соединенномъ безъ всякихъ промежуточныхъ проходовъ съ подобными пространствами.

Все пространство, занимаемое временнымъ зданіемъ выставки, доходитъ до 22 американскихъ акровъ. Въ составъ его входятъ пять мануфактурныхъ отдѣленій и только часть шестаго отдѣленія. Для произведеній искусства, равно какъ и для паровыхъ машинъ назначены особенныя зданія. Для этой цѣли въ паркѣ построено будетъ одно постоянное зданіе, занимающее пространство въ 3 акра. На планѣ указаны также мѣста, назначенныя для помѣщенія бюро разныхъ націй, имѣющихъ послать на выставку свои произведенія, также помѣщенія для ресторановъ, буфетовъ и т. п. Вершины всѣхъ этихъ зданій будутъ снабжены галереями, гдѣ усталый посѣтитель найдетъ гостепріимный покой, и откуда можно будетъ спокойно наслаждаться общимъ впечатлѣніемъ волнующейся внизу жизни.

Крытыя сѣни окружаютъ со всѣхъ сторонъ зданіе и представляютъ доступъ ко всѣмъ его дверямъ. Устройство путей, по которымъ посѣтители достигнутъ зданія выставки, подлежитъ еще особому разсмотрѣнію коммиссіи. Предлагаютъ провести туда вѣтвь отъ желѣзной дороги по воздушному путепроводу на высотѣ 20 футовъ надъ шоссейной дорогой и панелью, такъ что желѣзнодорожное сообщеніе нисколько не будетъ мѣшать пѣшеходной и ѣдущей на извощикахъ публикѣ. Издержки по этому дѣлу полагаютъ въ 4 милліона долларовъ.

По окончаніи выставки Сѣверная Америка удержитъ за собою гигантскую башню, изображеніе которой и сравнительную высоту ея относительно высочайшихъ зданій всего свѣта, ничего подобнаго не имѣющую себѣ на всемъ земномъ шарѣ,—мы уже предлагали читателямъ въ № 13 «Нивы». То, что составляетъ Калифорнское мамонтовое дерево между всѣми растеніями земли, тѣмъ будетъ Филадельфійская башня между всѣми твореніями рукъ человѣческихъ. Можетъ быть, что посвятятъ ее и полезной цѣли, сдѣлавъ изъ нея астрономическую обсерваторію; благодаря своей необычайной высотѣ, она могла бы также служить отличнымъ мѣстомъ наблюденія надъ явленіями и движеніями въ воздухѣ.

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 г. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 17-й тиражъ 2-го сентября 1874 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 13-го ноября 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го сентября 1874 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
153	45	500	4590	38	1000	8704	38	500	12967	17	500	15020	17	500	17529	33	500
157	42	500	4621	28	500	8718	1	500	13034	49	200000	15023	16	500	17552	28	500
230	19	500	4624	3	500	8759	37	500	13035	20	500	15065	10	500	17596	1	500
249	36	500	4629	9	500	8769	48	5000	13114	26	500	15125	50	500	17608	18	500
300	27	500	4634	34	500	8774	6	500	13154	23	500	15168	41	500	17663	41	500
412	5	500	4690	17	1000	8954	1	10000	13212	26	500	15182	27	500	17693	40	500
478	42	500	4716	29	500	8980	11	500	13213	30	500	15315	41	500	17746	31	500
534	46	5000	4761	2	500	9179	12	500	13236	48	500	15378	49	500	17763	5	500
590	16	500	4765	6	500	9374	5	500	13379	17	500	15391	23	500	17667	49	500
603	32	500	4801	30	500	9408	42	500	13411	29	500	15419	35	500	17884	49	500
652	34	500	4954	26	1000	9497	16	500	13447	41	500	15477	18	500	17942	15	500
669	44	500	5041	24	500	9522	15	500	13460	39	500	15509	30	500	18070	21	1000
692	41	500	5045	12	500	9557	12	500	13679	31	500	15595	20	500	18080	44	500
702	33	500	5137	32	8000	9594	22	500	13715	6	1000	15598	5	500	18175	39	500
822	31	500	5233	40	500	9658	16	500	13736	23	500	15793	22	500	18221	12	500
905	38	500	5237	23	500	9671	34	500	13751	10	500	15882	19	500	18225	14	500
968	4	500	5239	38	500	9771	35	500	13833	1	500	15961	45	500	18225	17	500
1016	44	500	5357	34	1000	9799	50	500	13865	14	500	15968	17	500	18359	19	500
1025	29	500	5360	7	500	9985	15	1000	13943	49	500	16077	8	500	18560	8	500
1049	31	500	5445	16	500	10041	25	500	14013	4	500	16104	30	500	18591	11	500
1071	26	500	5547	3	500	10195	23	500	14025	43	500	16250	1	500	18926	47	500
1230	49	500	5634	36	1000	10185	21	500	14060	8	500	16260	37	500	18988	37	500
1305	2	1000	5666	23	500	10226	11	500	14134	27	8000	16300	18	500	19121	27	1000
1359	4	1000	5699	22	500	10354	9	500	14150	4	1000	16341	28	500	19277	46	500
1454	35	500	5812	11	500	10396	17	500	14193	4	500	16347	36	500	19411	37	500
1578	7	1000	5907	31	500	10425	28	500	14228	5	500	16418	13	25000	19443	35	500
1605	17	500	5996	42	500	10483	9	1000	14306	14	500	16533	47	500	19509	42	500
1622	41	500	6002	14	500	10615	29	500	14430	4	5000	17034	38	500	19517	31	500
1627	32	500	6111	15	500	10641	3	500	14468	31	500	17054	49	500	19605	1	500
1637	45	500	6160	9	500	10671	27	500	14480	3	500	17307	2	500	19790	29	40000
1644	41	500	6185	10	500	10724	25	500	14567	29	5000	17340	32	10000	19888	45	500
1684	23	500	6199	33	500	10751	39	500	14670	4	500	17367	17	500	19924	30	500
1783	23	500	6374	6	1000	10952	4	8000	14875	13	500	17382	5	500	19960	30	500
1825	5	5000	6392	17	500	10998	41	500	15008	5	500	17493	28	500	19965	12	500
1858	8	500	6496	14	500	11176	1	500									
1899	3	500	6519	44	500	11240	11	500									
1918	47	500	6527	34	500	11398	24	500									
1925	30	500	6781	34	500	11470	25	500									
2005	21	500	6826	35	500	11480	37	500									
2085	16	500	6851	12	500	11570	29	500									
2092	19	500	6854	29	1000	11688	25	500									
2168	37	1000	6866	25	500	11772	15	500									
2185	32	500	6893	31	500	11835	23	500									
2226	48	500	7003	49	5000	11910	34	500									
2243	50	8000	7120	21	500	11923	43	500									
2394	38	500	7141	7	500	11986	29	500									
2485	3	500	7180	36	500	11987	36	500									
2628	34	1000	7259	9	1000	12035	44	500									
2636	50	500	7410	44	500	12051	25	500									
2708	37	500	7416	37	500	12073	26	500									
2712	33	500	7474	6	500	12086	39	000									
2779	13	500	7517	16	500	12150	40	500									
2863	10	500	7682	33	500	12155	7	500									
2918	26	1000	7783	14	500	12193	4	500									
3081	22	500	8026	44	500	12195	15	75000									
3096	7	500	8035	38	500	13269	15	8000									
3200	45	500	8091	49	5000	12289	14	500									
3269	11	500	8198	25	500	12365	16	500									
3629	40	500	8204	36	500	12442	36	500									
3685	45	5000	8245	20	500	12494	7	500									
3803	11	500	8329	8	500	12600	45	500									
3808	50	500	8367	44	500	12626	39	500									
4137	8	500	8394	13	10000	12674	50	500									
4560	46	500	8502	3	500	12756	5	500									
4572	32	500	8561	33	500	12822	3	500									
4588	44	500	8653	30	500	12899	47	500									

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1874 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 2-го сентября 1874 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.	Нумера серій.
				13700	17844
1094	3609	8629	10668	15617	18520
1528	3708	8669	10680	16239	18645
1556	5286	9055	10992	16714	18674
1569	5726	9356	11154	16928	18738
2366	6055	9444	11172	17508	19024
2517	6079	9514	11968	17513	19264
2558	6191	9800	12159	17636	19651
2770	8424	10227	12983	17809	19930

Всего 54 серіи, составляющихъ 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ, по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го декабря 1874 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ Одессѣ при Михайло-Семеновскомъ сиротскомъ домѣ существуетъ музей учебныхъ пособій, организованный педагогомъ В. А. Золотовымъ. Этотъ музей основанъ, какъ сообщаютъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ недавнее время, но уже и теперь представляетъ богатую коллекцію. Музеемъ будутъ пользоваться прежде всего учители школы при сиротскомъ домѣ, но онъ будетъ открытъ каждому, кто захочетъ воспользоваться для самообразованія пособіями, которыя по цѣнности своей доступны для пріобрѣтенія только при значительныхъ средствахъ. Другое тоже замѣчательное въ своемъ родѣ учрежденіе, существующее въ Одессѣ, это выставка учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей при одесской земской управѣ.

Ученыя и другія общества.

— По предложенію олонецкаго окружнаго правленія Общества подачи помощи при кораблекрушеніяхъ, лѣсопромышленникъ, потомственный почетный гражданинъ Русановъ изъявилъ желаніе пріобрѣсти для рабочихъ, занимающихся сплавомъ лѣсовъ на его лѣсныхъ заготовкахъ, десять спасательныхъ поясовъ. По полученіи Русановымъ этихъ поясовъ отъ главнаго правленія Общества, они были испытаны на рѣкѣ Водлѣ. Объ этомъ испытаніи довѣренный г. Русанова сообщаетъ слѣдующее: «При спускѣ въ воду рабочаго съ поясомъ въ стоячемъ и спокойномъ положеніи, онъ погружался въ воду только по плечи, а когда ложился на воду, то голова, плечи и спина свободно держались на поверхности воды, такъ что рабочій, поднимая кверху руки и ноги, ниже не погружался. Рабочіе, надъ которыми дѣлались опыты, были въ платьѣ и выбраны изъ здоровыхъ и плотныхъ людей». Поэтому довѣренный г. Русанова считаетъ употребленіе спасательныхъ поясовъ рабочими при сплавѣ лѣсовъ весьма полезнымъ средствомъ отъ нечаяннаго потопленія, тѣмъ болѣе, что поясъ не препятствуетъ свободнымъ движеніямъ въ работѣ.

— Нарвскою спасательною станціею спасенъ, 21-го іюля, въ 9 часовъ вечера, экипажъ германскаго судна «Эбенезе», выброшеннаго сильною бурею (при вѣтрѣ WNW) на береги близъ маяка.

— Въ Конинѣ (Калишской губ.) устроилась проектированная два года тому назадъ пожарная команда изъ охотниковъ. Она состоитъ изъ 50 человѣкъ, большей части молодежи, которые носятъ одинаковую форму, состоящую изъ сѣрой блузы и лакированнаго кожанаго шлема, пріобрѣтенныхъ на доброхотныя приношенія.

ТОРГОВЛЯ.

— Въ половинѣ іюня прибылъ изъ Астрабада въ Хивинскія владѣнія караванъ въ 50 верблюдовъ, къ которому присоединилось 9 верблюдовъ изъ Красноводска, принадлежащихъ купцамъ, торгующимъ въ Петро-Александровскомъ укрѣпленіи. Караванъ этотъ дошелъ до Хивы благополучно, благодаря тому, что поднялся вверхъ по восточному берегу Каспія къ Киндерли и оттуда уже, по южному склону Усть-Уртскихъ горъ, вошелъ въ Хивинскій оазисъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Лапландія. I. Изъ поѣздки по Варангеръ-фьорду. **В. И. Немировича-Данченко** (съ рисунками). — Семейное счастіе (съ рисункомъ).— Сказано что Азія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть 1 я **П. А. Бѣшенцова** (продолженіе). — Старинный домашній царскій бытъ, **П. Петрова** (съ рисункомъ).— «Тройка» (съ рисункомъ).— Глаза—зеркало души (по Уле). Политическое обозрѣніе. — Стихотворенія. **П. Гусевой.** — Смѣсь. — 17-й тиражъ выигр. и погашенія бил. 2-го внутр. 5% займа 1866 г.— Разныя извѣстія.
Парижскія моды за сентябрь мѣсяцъ съ 14 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

НОВООТКРЫТЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ
М. ВАСИЛЬЕВА,
по Михайловской улицѣ, близъ Невскаго просп., домъ No. 4, противъ Европейской Гостиницы.
Большой выборъ новѣйшихъ сочиненій, для пѣнія, фортепьяно и другихъ инструментовъ.
Дешевыя изданія, Петерса, Литольфа, Юргенсона и. др.
Полное собраніе сочиненій русскихъ композиторовъ.
Сочиненія теоретическія и учебныя.
Всѣ ноты и музыкальныя сочиненія, гдѣ бы и кѣмъ бы то ни было изданныя и публикованныя, можно получить въ магазинѣ **М. Васильева** по дешевымъ цѣнамъ.
При покупкѣ ялн выпискѣ нотъ на большую сумму дѣлается уступка.
Всѣ требованія Гг. иногородныхъ исполняются немедленно и съ надлежащею точностью.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ
СО ВСѢМИ НОВЫМИ УСОВЕРШЕСТВОВАНІЯМИ И АПАРАТАМИ
БОЛЬШОЕ УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ
ЛУЧШІЯ, СОЛИДНЫЯ НАСТОЯЩІЯ АМЕРИКАНСКІЯ СЪ ГАРАНТІЕЙ
ФАМИЛЬНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ:
Эліасъ Хау младш. А. . . . . 67 руб. сер.
Виллеръ и Вильсонъ . . . . . 55 » »
Вилькоксъ Гибсъ . . . . . 60 » »
Каждая машина вполнѣ опробованная на работѣ, повышеніе цѣны зависитъ только отъ болѣе элегантной отдѣлки.
Машины для мастерскихъ также по уменьшенной цѣнѣ
РАЗНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ
лучшихъ системъ:
Въ 1 нитку . . . . . отъ 18 до 20 руб. сер.
» 2 нитки . . . . . » 25 » 35 » »
БОЛЬШОЙ АССОРТИМЕНТЪ
машинныхъ иголокъ, бумаги, нитокъ, шелку, машиннаго костянаго масла и проч.
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ
А. КРУМБГОЛЬ.
№ 62. Невскій проспектъ противъ Аничкова дворца.

Вышелъ и розосланъ гг. подписчикамъ 1-го сентября сего года, № 1-й журнала

„МОДНЫЯ ВЫКРОЙКИ“.

Въ составъ его вошло слѣдующее: **А. Цѣльныя вырѣзныя выкройки** (въ натуральную величину: выкройка 1) **визитнаго платья** изъ шелковаго фая, съ тюникомъ изъ крепъ-де-шинъ, гарнированныхъ русскими кружевами; къ нему **шляпка** изъ крепъ-де-шинъ, гарнированная фаемъ и цвѣтами; 2) **шерстянаго платья для домашнихъ вечеровъ**, гарнированнаго той-же матеріей въ тѣнь; 3) **бархатной кофты для гулянья**, гарнированной аграмантомъ и кружевами; 4) **костюма для дѣвочки** отъ 12 до 16 лѣтъ, изъ шерстяной матеріи въ два цвѣта, гарнированнаго бантиками; 5) **осенней драповой тальмы**, гарнированной бахрамой и тесемкой; 6) **доломана изъ трико**, вышитаго шелковымъ шнуркомъ и гарнированнаго кружевами *(для удобства гг. подписчиковъ, рисунокъ вышивки исполненъ въ натуральную величину на самой выкройкѣ)*. Б. а) Дамская прическа для домашнихъ вечеровъ, изъ натуральныхъ волосъ; б) **Домашняя прическа для дѣвушки**, изъ натуральныхъ волосъ; в) **Дамская шляпка** изъ чернаго бархата, гарнированная перьями и цвѣтами; г) **фетровая шляпка для дѣвушки**, гарнированная бархатомъ и перомъ; д) **двѣ женскія фигуры** съ чертежами, для указанія, какъ слѣдуетъ снимать мѣрку. В. **листъ текста**, съ подробнымъ объясненіемъ, какъ должно соединить части патроновъ по вырѣзкамъ, и съ указаніемъ поднятія тюника по размѣру тесемокъ. Г. **Листъ литографированныхъ рисунковъ** разныхъ моделей съ которыхъ нарѣзаны самыя выкройки, съ обозначеніемъ подъ каждымъ рисункомъ матеріала гарнировки, количества аршинъ матеріи, какое требуется на каждую помѣщенную въ журналѣ модель, а также и цѣны ея въ готовомъ видѣ. **Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа.** Каждый № заключаетъ въ себѣ до шести **вырѣзныхъ выкроекъ** въ ростъ человѣка. **Каждаго 1-го числа** прилагается отдѣльная **раскрашенная картинка**, рисованная съ парижскихъ моделей, а **15-го числа** помѣщается **модная хроника** *(обзоръ движенія столичныхъ модъ)*.

Цѣна изданія:

ЗА ГОДЪ ПЯТЬ РУБЛЕЙ

(съ пересылкой во всѣ города Россійской имперіи.)

Подписка на „Модныя выкройки“ продолжается.

Журнальный годъ ихъ начинается съ 1-го сентября 1874 года и оканчивается 1-го сентября 1875 года.

Гг. подписчики, желающіе получить узоръ вышивки для какой-нибудь вещи, **въ такомъ-же родѣ**, какъ помѣщенный въ этомъ № рисунокъ вышивки для доломана *(въ натуральную величину)*, **платятъ за него 3 р., постороннія-же лица 5 р.**

Кромѣ того, всѣ, подписавшіяся на журналъ «Модныя Выкройки» въ первые мѣсяцы журнальнаго года и въ самой редакціи, **могутъ получить** только-что изданный нами *(безъ предварительной цензуры и безъ пропусковъ)* НОВЫЙ РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛА: „ЗАВОЕВАНІЕ ПЛАССАНСА“ въ переводѣ подъ редакціей **Петра Вейнберга**, съ уступкою 65%, т. е. вмѣсто 1 р. 75 коп. платятъ 60 коп., съ пересылкою 80 коп. Главная контора редакціи журнала помѣщается на Михайловской площади д. № 13.

Редакторъ-издатель **ТАРОЧЕШНИКОВЪ.**

Дозволено цензурою. 7 сентября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 38 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 14-го сентября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Стихотворенія.

Дружескій совѣтъ***.

Повѣрьте, молодость однажды
Для цѣлой жизни намъ дана,
Какъ мимолетная весна —
Она пройдетъ,—и въ сердцѣ жажды
Уже не станетъ.—Но порой
Оно болѣзненно сожмется...
Невольный ропотъ шевельнется,
Скучая вѣчной пустотой,
Повѣрьте, тяжко жизни бремя
Влачить безцѣльно одному —
И бобылемъ утратить время,
Не приведи Богъ никому!

* * *

И такъ, коль сердце молодое
Кипитъ желаніемъ любить:
Не тратьте время золотое—
Спѣшите жить—спѣшите жить! —
Пока весна блаженства чашу
Подноситъ щедрою рукой,
Найдите вы подругу вашу
И пейте жизнь изъ чаши той!

На высотѣ.

Онъ для меня какъ звѣздочка высоко,
Какъ божій херувимъ случайно предо мной
Предсталъ—и чудный свѣтъ запалъ въ душѣ глубоко;
И озарилъ мой путь лампадою святой.

* * *

Пусть небеса далеки отъ земли печальной
И звѣзды высоко;—но смертные порой
Ихъ видятъ тамъ, и въ лонѣ водъ зеркальныхъ
Любуются на нихъ—и счастливы судьбой.

Вопли сердца.

Я не ропщу, что не дано
Мнѣ вышнею судьбою
Того, что было лишь одно
Завѣтною мечтою.

* * *

Тебѣ, Творецъ, покорна я,
Иду моей стезею,
И воля вѣчная Твоя
Да будетъ надо мною!

* * *

Но, Боже! не суди меня,
За то что я тоскую,
Что пламень бурнаго огня
Сжигаетъ грудь младую.

* * *

Тоску и жажду утолить
Въ Твоей всесильной власти,
Иль вмѣстѣ съ жизнью погасить
Бушующія страсти.

* * *

Невольный стонъ, Творецъ, прости,
Молю тебя рыдая,
И дай мнѣ силу крестъ нести,
Тебя благословляя.

П. Гусева.

Библиотека "Руниверс"

Сказано что Азія *).

Романъ въ 2-хъ частяхъ. А. Бѣшенцова.

ЧАСТЬ II.

(Окончаніе.)

. . . . . Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ.
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ ... зачѣмъ?

ГЛАВА III.

У родниковъ.

Майко показала имъ бродъ въ рѣкѣ, черезъ который они перебрались благополучно — и скрылись въ ущельи, слѣдуя берегомъ рѣки вверхъ по теченію. Шагъ за шагомъ пробирались они по узенькой тропинкѣ, которая, то поднимаясь на крутизны утесовъ, то опускаясь въ пропасти, — извивалась по краямъ почти отвѣсныхъ обрывовъ. Мѣстами она вовсе прерывалась, загроможденная огромными каменьями, скатившимися съ вершинъ, такъ что путешественники вынуждены были останавливаться передъ этими естественными баррикадами, слѣзать съ лошадей, идти пѣшкомъ. Мѣстоположеніе было чрезвычайно дикое, пустынное. По всему было видно, что это не былъ путь обычный для ноги человѣческой; только орлы, сидѣвшіе на гребняхъ скалъ, съ удивленіемъ смотрѣли на дерзость путешественниковъ. Ущелье узкое и темное, стѣсненное съ обѣихъ сторонъ высокими утесами, какъ бы подпиравшими небо своей вершиной, а подошвой терявшимися въ пропасти, не представляло и признаковъ жизни и растительности. Въ расщелинахъ скалъ изрѣдка и грустно выглядывалъ тощій кустикъ зелени, какъ забытый, одинокій сиротка между страшными громадами дикаго камня, куда не заглядывало солнце, гдѣ и среди дня былъ вѣчный сумракъ. Со всѣхъ сторонъ обхватывало холодомъ и сыростью; лишь съ ревомъ и шумомъ, съ утеса на утесъ, быстро падая каскадами, перескакивая черезъ каменныя преграды, съ бѣлой пѣной, какъ бѣшеный звѣрь, — неслась рѣка, заглушая голосъ путниковъ. Ущелье становилось постепенно шире и шире и, наконецъ, крутымъ поворотомъ вывело ихъ въ Мацехское ущелье, гдѣ картина вдругъ разительно измѣнилась. Та же самая рѣка тихо катила свои серебряныя струи по песчаному ложу — и, раздѣлясь на нѣсколько рукавовъ, обмывала роскошные сады селенія Мацехи. Искринъ старался миновать его, чтобы не возбудить подозрѣнія въ любопытныхъ и ревнивыхъ лезгинахъ, при видѣ женщины-азіятки съ русскимъ офицеромъ, — и сталъ пробираться окольными тропинками. Съ возвышенности горъ, командовавшихъ надъ селеніемъ, видъ былъ безподобный.

Сакли, довольно высокія, были построены изъ дикаго камня сине-сѣроватаго цвѣта, на извести, съ низкой дверью и двойнымъ рядомъ бойницъ, а покрыты чрезвычайно искусно камышомъ. Столѣтнія деревья орѣха и каштана осѣняли ихъ густой тѣнью своей зелени, — между ними живописно возвышались пирамидальные тополи. Гранатныя, миндальныя, абрикосовыя, фиговыя деревья были усѣяны пунцовыми, розовыми и бѣлыми цвѣтами, пестрѣвшими среди зелени и разливавшими ароматъ въ воздухѣ. Утренній свѣжій вѣтерокъ, вырвавшись изъ ущелья, какъ будто ихъ ласкалъ, какъ будто съ ними заговаривалъ. Каждое жилище, окруженное садомъ, обнесено было каменной стѣной и представляло какъ бы особую цитадель. Между ними извивались кривыя и узкія улицы. Въ селеніи еще все спало утреннимъ сномъ, когда наши путешественники, любуясь прелестной картиной, съ трудомъ пробирались по тропинкамъ, пролегавшимъ по склону горы, наконецъ выбрались на дорогу и стали подниматься на гору по отлогому возвышенію. Отъѣхавъ верстъ семь отъ селенія, они увидали вправо отъ дороги родники, которые во время кампаніи сдѣлались всегдашнимъ мѣстомъ приваловъ русскихъ войскъ, при безпрерывномъ почти движеніи отрядовъ между двумя главными пунктами оборонительной линіи, ограждавшей Кахетію отъ набѣговъ горцевъ: крѣпостью Закаталами и редутомъ Бѣлоканскимъ, построенными въ предгоріяхъ южнаго Дагестана. Эти родники вытекали изъ горы, какъ слеза чистою, какъ ледъ холодною струей, падая въ бассейнъ изъ дикаго камня, оштукатуренный цементомъ, который лезгины дѣлаютъ превосходно, такъ что онъ получаетъ видъ мрамора, только не отполированнаго, и не уступаетъ ему въ прочности. Въ горахъ рѣчная вода бываетъ часто вредною отъ примѣси разныхъ почвенныхъ свойствъ и минеральныхъ частицъ,—и мѣстами, гдѣ воды вовсе нѣтъ, изрѣдка встрѣчаются при дорогахъ подобныя водохранилища близь родниковъ, въ которыхъ дознано опытомъ свойство воды безвреднымъ. Они устроены въ видахъ благотворительности, для утоленія жажды путника. Азіятцы дѣлаютъ это въ духѣ религіозномъ, въ надеждѣ стяжать отпущеніе грѣховъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто не благословитъ благодѣтельную руку, освѣжая свои силы въ минуту изнеможенія отъ жажды и жара, почти нестерпимыхъ и приводящихъ въ состояніе страдальческое и болѣзненное?

Майко, обрадованная избавленіемъ отъ плѣна, пораженная неожиданностью этого случая, озабоченная перемѣной своего положенія полная, надежды на будущее, которое рисовало ей воображеніе широкой кистью минувшаго, отуманеннаго безнадежностью возврата, покрытаго мрачной тѣнью неволи, убитаго потерею свободы, — тревожимая страхомъ преслѣдованія и неизвѣстностью исхода встрѣчи со врагами, — была въ томъ возбужденномъ состояніи духа, которое производитъ въ организмѣ физическомъ состояніе нервное, лихорадочное;—не спавши всю ночь, она изнемогла отъ усталости.

— Отдохнемъ здѣсь, сказалъ ей Искринъ. — Это мѣсто служитъ всегдашнимъ приваломъ для русскихъ войскъ. Можетъ быть Богъ пошлетъ намъ кого нибудь на помощь.

— Съ удовольствіемъ!... отвѣчала Майко.

Гора, изъ которой вытекалъ источникъ, покрытая густымъ лѣсомъ, выходила мысомъ на дорогу. Въ задней части этой возвышенности была впадина, родъ грота подъ навѣсомъ утеса. Нельзя было лучше придумать, искусство не могло бы лучше устроить пріюта для отдыха, для наслажденія спокойствіемъ и лѣнью. Онъ былъ защищенъ отъ солнца и отъ любопытнаго взгляда густой зеленью жасминныхъ и розовыхъ кустовъ, усѣянныхъ цвѣтами. Цѣлый хоръ птичекъ пѣлъ торжественную пѣсню проснувшемуся утру. Внутренность грота и дно покрыты были густымъ зеленымъ мохомъ, по которому, извиваясь, поднималась вверхъ дикая жимолость и навилвка, и сплетаясь подъ сводомъ, висѣли фестонами. Этотъ природой устроенный будуаръ—природой же былъ защищенъ, какъ-бы живой стѣной изъ дикихъ акацій и терновнику съ его колючками. Въ этомъ самомъ гротѣ трое казаковъ отсидѣлись нѣсколько сутокъ отъ нападенія шайки горцевъ, покуда не пришла на выручку имъ команда солдатъ. Искринъ зналъ это мѣсто, и расположился тамъ съ Майко и Богданомъ, приказавъ Семеву и Саркизу отвести лошадей въ противоположную сторону, черезъ дорогу, чтобы не возбудить подозрѣнія, — и пошелъ осмотрѣть—все ли безопасно вокругъ. Майко разостлала бурку, положила Богдана, и сама бросилась на походную постель, — развивая свой гибкій станъ и потягиваясь съ наслажденіемъ. При этомъ движеніи тѣла, изъ широкихъ шароваръ какъ будто вырвались на волю очаровательныя крошечныя ножки, и прихотливо расправлялись. Архалукъ растегнулся и обнажились грудь и плечи бѣлизны ослѣпительной, формы безукоризненной; густые длинные волосы разсыпались по нимъ каскадомъ. Она, забросивъ назадъ голову, лѣниво предавалась кейфу и

*) Солдатская поговорка.

Библиотека "Руниверс"

не видала какъ возвратившійся Искринъ подошелъ къ отверстію грота... Молодой человѣкъ стоялъ неподвижно, только взглядъ его говорилъ краснорѣчивѣй самой страсти... Майко въ испугѣ, быстро вскочивъ съ мѣста, сложила руки съ умоляющимъ жестомъ; потупивъ глаза, она молчала, но какъ будто слышалось: «пощади.» Искринъ, приблизясь къ ней, опустился на колѣни, и съ восторгомъ обнимая ея станъ, едва могъ проговорить: «Майко! Майко! не бойся... Сжалься. Вѣдь не любить тебя — надо быть каменнымъ, а полюбя — съ ума сойдешь!..»

Въ ней вспыхнула азіятская кровь, румянецъ покрылъ все лицо и шею и грудь красавицы; и первый поцѣлуй соединилъ неразрывно уста ихъ.

Если бы ихъ спросили: «кто первый подалъ поводъ къ нему, кто былъ виноватъ?»—они по совѣсти отвѣчали бы въ одинъ голосъ: «я»! Они были счастливы. Это былъ мигъ возрожденія для Майко. Взоръ ея горѣлъ восторгомъ и блаженствомъ. На глазахъ дрожали слезы, а улыбка счастія оживляла прекрасное лицо грузинки. Она поняла, что жизнь сердца еще въ первый разъ являлась для нея — не сномъ, не мечтой, а съ полнотой дѣйствительности,—существенно принимала ее въ свои объятія. Она впервые поняла, что жить значитъ не только двигаться, питаться, — а носить въ себѣ чувство любви, не только къ ближнему, но къ близкому и дорогому сердцу — существу. Забывать себя для него, не щадить ничего для его счастія, пренебрегать личной опасностью для его спасенія, раздѣлять съ нимъ горе и радости. Она поняла, что жизнь есть любовь, а любовь самоотверженье, потому что единичнаго счастія быть не можетъ. Страдать ради долга—есть тяжелый подвигъ; страдать ради любви —отрада, уничтожающая подвигъ и муку. Майко была очарована. Казалось, она хотѣла испытать всѣ силы души своей въ эти минуты блаженства. Какъ будто въ первый и въ послѣдній разъ она рвала цвѣты отрады для вѣнка земной жизни — такъ ненасытно, такъ недовольно было для нея этого счастія. Какъ будто она должна была, едва встрѣтивъ его, въ ту-же минуту навѣкъ и разстаться съ нимъ. Неистощимымъ взоромъ, непрерывнымъ вздохомъ, безконечнымъ поцѣлуемъ она, казалось, хотѣла поглотить всю безпредѣльность этого блага. Они оба были въ упоеніи восторга, въ какомъ-то созерцательномъ состояніи, въ которомъ человѣкъ забываетъ прошедшее, не мыслитъ о будущемъ, не заботится объ настоящемъ: онъ только видитъ передъ собой обожаемое существо, слышитъ его дыханіе и лепетъ, ощущаетъ его ласки, чувствуетъ его близость. Они переживали блаженство, когда все сознаніе бытія сосредоточивается въ сердцѣ, его испытывающемъ, — состояніе, въ которомъ отрадно перейдти въ вѣчность.

ГЛАВА IV.

Тревога.

А между тѣмъ на хуторахъ — откуда такъ неожиданно уѣхали бѣглецы, — разсвѣтало... Мракъ начиналъ исчезать, а съ нимъ и туманъ, разгоняемый свѣжимъ утреннимъ вѣтромъ. Мужчины и женщины суетились, собирая разбросанные свои пожитки, уцѣлѣвшіе отъ пожара, сгоняли разбѣжавшійся домашній скотъ и птицу. Лица ихъ были озабочены, каждому было до самого себя. Всѣ жаловались, но ни кто другъ друга не слушалъ. Такова натура человѣка: себялюбіе такъ сильно въ немъ, что заглушаетъ чувство состраданія къ ближнему. Каждый свое горе почитаетъ наибольшимъ; отсюда идетъ пословица: «чужую бѣду, руками разведу; къ своей ума не приложу.» Несчастный обращаетъ въ какое-то утѣшеніе себѣ — горе ближняго, думая что не онъ одинъ страдаетъ; отсюда идетъ другая пословица: «на людяхъ и смерть красна.»

Старуха Фатьма, мать Чанко-Оглы, горько плакала, оглашая лѣсъ жалобными стонами, не находя Майко,— которую она вылечила отъ болѣзни, такъ какъ была очень свѣдуща въ искуствѣ народной медицины, и привязалась къ ней искренно, какъ къ матери ребенка, котораго любила до обожанія, единственнаго внука и дитяти оставшагося послѣ ея сына. Съ потерей ихъ, она теряла послѣднюю привязанность и оставалась одна, круглой сиротой на свѣтѣ. Сѣдые, всклоченные волосы старухи раздувало вѣтромъ; смуглое, худое морщинистое лицо было ужасно блѣдно; посинѣлыя губы дрожали, зубы стучали отъ злобы, какъ въ лихорадкѣ; глаза, налившіеся кровью, страшно блистали, блуждая вокругъ; худыя мускулистыя руки, обтянутыя кожей бураго цвѣта, разсѣкая воздухъ, какъ бы искали чего-то. Она кричала, какъ сумашедшая: «Проклятые гяуры! украли моего Богдана, отняли у меня послѣднюю отраду. Смерть гяурамъ! Аллахъ биллахъ!»

Маматъ-Али, не находя Искрина на берегу рѣки, гдѣ оставилъ его съ вечера, — объѣхалъ вокругъ селенія, осмотрѣлъ въ лѣсу, кричалъ, и не получая отзыва, пришелъ въ сильное смущеніе. Хотя Искринъ наканунѣ самъ отослалъ своихъ провожатыхъ, сказавъ, что онъ прилетъ за ними, чтобы они покойно отдыхали, — но все-таки его пугала отвѣтственность передъ русскимъ правительствомъ. Онъ тревожилъ жителей разспросами,—вотъ почему догадались, что русскій офицеръ увезъ Майко; но жителей смущала всего болѣе мысль, что ихъ убѣжище было открыто. Мигомъ собралось человѣкъ пятьдесятъ вооруженныхъ всадниковъ, раздѣлились на двѣ партіи и пустились въ разныя стороны преслѣдовать Искрина — не смотря на убѣжденія Маматъ-Али не дѣлать этого, который видя, что старанія его безполезны, поспѣшилъ возвратиться въ Закаталы, дабы предупредить начальника отряда.

Одна изъ партій лезгинъ, пустившихся въ погоню за Искринымъ, повстрѣчала Хаджи-муллу. Лезгины разсказали ему обо всемъ случившемся и сообщили свое намѣреніе — убить Искрина. Мулла былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ русскими, служа имъ шпіономъ; зналъ все, что дѣлалось въ русскомъ отрядѣ и ненавидѣлъ лично Искрина, который, замѣтивъ, что мулла былъ въ то же время перемётчикомъ и у лезгинъ, обѣщалъ однажды угостить его нагайками. Мулла обрадовался случаю отомстить Искрину, тотчасъ сообразивъ, что это долженъ быть онъ, потому что слышалъ въ Закаталахъ объ его командировкѣ. Онъ предупредилъ лезгинъ, чтобы они были осторожнѣе, объяснивъ имъ, что по тракту между крѣпостью Закаталами и укрѣпленіемъ Бѣлоканы, они легко могли повстрѣчать команду русскихъ войскъ, которыя часто двигались между этими пунктами, и совѣтывалъ имъ скрыться въ ближайшей балкѣ, а самъ направился уже къ извѣстнымъ намъ родникамъ, зная, что они служатъ обыкновенно для русскихъ войскъ мѣстомъ отдохновенія. Мулла взялъ съ собой провожатаго, который пробирался по гребню горъ, для того чтобы въ случаѣ опасности или благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ могъ по данному знаку муллой — извѣстить своихъ товарищей. Не встрѣтивъ никого у родниковъ, мулла торопился ѣхать далѣе. Одно обстоятельство его смутило немного: джейранъ *), испуганный его провожатымъ, перебѣжалъ ему дорогу, — и хотя онъ по немъ стрѣлялъ, но сдѣлалъ осѣчку — послѣ вчерашняго дождя порохъ отсырѣлъ; а лезгины считаютъ дурной примѣтой, когда звѣрь перебѣгаетъ имъ дорогу. Проѣхавъ до полей Бѣлоканскихъ, и полагая, что Искринъ отправился въ Закаталы, — мулла воротился назадъ.

Долго бы оставались наши путешественники въ гротѣ, предаваясь сладкой лѣни и отдыху, если бы шумъ чего-то упавшаго передъ ними со скалы и крикъ испуганнаго ребенка не вывели ихъ изъ этого кейфа... Майко вскочила, бросилась къ Богдану. Ребенокъ съ улыбкой протянулъ къ ней свои ученки. Искринъ взвелъ курокъ пистолета и кинулся къ выходу изъ пещеры. Осмотрѣвши вокругъ, онъ удостовѣрился, что испугъ ребенка былъ произведенъ джейраномъ, который съ нависшей надъ гротомъ скалы однимъ прыжкомъ очутился у ихъ ногъ. Красивое животное, навострив уши, быстро понеслось подъ гору и мгновенно исчезло изъ вида. Солнце уже давно показалось изъ-за горъ и теплота становилась чувствительной; она на Кавказѣ до того благотворна,

*) Дикая коза.

Библиотека "Руниверс"

что процессъ растительности совершается такъ сказать, въ глазахъ, цвѣтокъ мгновенно распускается, трава тянется изъ земли. Ущелье еще находилось въ тѣни; смыкавшія его съ обѣихъ сторонъ скалы стояли какъ великаны, одѣтые въ темныя мантіи, украшенныя, испещренныя цвѣтами; снѣга, покрывающіе ихъ вершины, какъ сѣдины падали на ихъ могучія плеча. Долина Алазанская, умытая дождемъ во время ночи, какъ юная красавица, вышедшая изъ купальни, разстилалась вдали свѣжая и веселая;—сады и рощи Кахетіи, какъ разбросанные въ безпорядкѣ кудри украшали чело ее, а рѣка Алазань извивалась по ней серебряннымъ поясомъ, упадая къ ногамъ ея... Небо дѣвственное, незапятнанное облачкомъ, раскинуло великолѣпный голубой шатеръ свой надъ этимъ дивнымъ ландшафтомъ. Въ этомъ климатѣ воздухъ такъ бываетъ прозраченъ, что на разстояніи 60 верстъ въ долинѣ можно простымъ глазомъ разглядывать силуэты предметовъ. Майко смотрѣла вдаль, какъ бы окрашенную прозрачнымъ синеватымъ цвѣтомъ. «Тамъ моя родина» сказала она, и слезы тихо катились по ея лицу.—Да, отвѣчалъ Искринъ слѣдившій за ея взглядомъ. — Мы скоро увидимъ ее вблизи.

Наслаждаясь въ тѣни утренней прохладой, освѣженной легкимъ вѣтеркомъ, врывавшимся сквозь чащи зелени, и мелкими потоками воды, падающими съ горы съ шорохомъ на листья кустарниковъ,—они забыли, что это мѣсто не было для нихъ вѣрнымъ пристанищемъ. Искринъ взглянулъ на часы — было десять часовъ; онъ быстро вскочилъ съ своего мѣста, подумавъ, что они долго тутъ пробыли и что оставаться долѣе опасно.

Между тѣмъ онъ былъ въ раздумьѣ, не зная на что рѣшиться и куда направить свой путь: возвратиться ли въ крѣпость Закаталы или ѣхать въ Бѣлоканы; но вспомнивъ что на немъ лежитъ порученіе, онъ, не колеблясь долѣе, рѣшился продолжать свой путь, пошелъ отыскать Семена, который, по свойственной русскому человѣку безпечности, спалъ пригрѣтый солнышкомъ, подъ деревомъ. Вѣрный Мерлушка лежалъ подлѣ лошадей, привязанныхъ къ дереву длинными чумбурами и щипавшихъ траву. Саркизъ укладывалъ разныя вещи на вьюкъ. Искринъ разбудилъ Семена.

— Ахъ, батюшка Александръ Андреевичъ, это вы... отвѣчалъ слуга, лѣниво поднимаясь на ноги. — Куда какъ сладко я заснулъ! Умаялся больно ночью-то. Слышу во снѣ, что Мерлушка лаетъ, а глазъ раскрыть не хочется, да я по лаю догадался, что это онъ по звѣрю.

— Да, братецъ, пора! сказалъ Искринъ,—вѣдь ужъ одиннадцатый часъ. Сѣдлай проворнѣй лошадей.

— Ахъ ты, Господи, экъ я заспался!.. вскричалъ старикъ, крестясь и протирая глаза. —Глядь-ка и впрямь солнышко-то высоко. Сейчасъ, сейчасъ, сударь!—и онъ бросился къ лошадямъ. — А ты чего тутъ зѣвалъ, ворчалъ онъ на Саркиза, —нѣтъ чтобы разбудить: самъ, чай, глазъ не сомкнулъ отъ трусости; все боится, чтобъ не ограбили; туда бы твоему добру и дорога!.. знаешь пословицу: «какъ придетъ, такъ и уйдетъ».

— Экой ты сердитый, Власычъ! отвѣчалъ армянинъ Семену. — Чѣмъ бы спасибо сказать, что я покараулилъ, а онъ еще бранится; а самъ спалъ какъ мертвый, хоть языкъ отрѣжь —не услышитъ. Вѣдь это не то, что на Царскихъ Колодцахъ, гдѣ вы привыкли жить на распашку, — здѣсь не зѣвай!

— Чего, братецъ, отвѣчалъ Семенъ,—и туда окаянные въ прошломъ году затесались; да мы съ ширванцами, да съ драгунами такъ ихъ отпотчивали, что другой разъ не-бойсь не заглянутъ; и мертвыхъ-то своихъ побросали, собаки,—бѣжали безъ оглядки. Да какъ драгуны пустились за ними въ погоню, Господи Твоя воля, что ихъ перебили! Два дня, слышь, тѣла ихъ прибирали. Я тогда говорилъ нашему-то командиру: «напрасно, молъ, ваше превосходительство занимать солдата такой нечистью; подобрали бы ихъ и шакалы». Онъ захохоталъ братецъ, да ударилъ меня по плечу сказавъ: «правда твоя старикъ. Дай-ка водки, помянуть покойниковъ», нечего сказать бравый молодецъ;—да и простой-же!»

ГЛАВА V.

Погоня.

Между тѣмъ лошади были осѣдланы. Наши путешественники пустились рысью по торной дорогѣ.

— До Бѣлоканъ верстъ пятнадцать — лишь бы туда добраться благополучно, а тамъ-то мы внѣ опасности... говорилъ Искринъ, успокоивая уставшую и робкую Майко. Едва успѣли отъѣхать верстъ семь, какъ встрѣтили лезгина верхомъ на маленькой лошадкѣ. Искринъ тотчасъ узналъ въ немъ Хаджи муллу, еще издали, и поскакалъ къ нему на встрѣчу, чтобы разузнать отъ него что нибудь. Этотъ мулла былъ прехитрый человѣкъ, онъ тоже узналъ Искрина, но не торопился къ нему навстрѣчу, а пытливо покругъ осматривалъ. Онъ былъ маленькаго роста съ рыжей и рѣдкой бородой, съ косыми сѣрыми и прелукавыми глазами, въ бѣлой чалмѣ *), горбатый сзади и спереди и хромоногій. Приложивъ руку сперва къ головѣ, потомъ къ сердцу, онъ очень низко поклонился и привѣтствовалъ по-татарски Искрина, когда они поравнялись.

— Здравствуй, мой другъ мулла, отвѣчалъ послѣдній и подозвавъ Саркиза, велѣлъ переводить.

— Ты, который все знаешь, спросилъ онъ муллу, —скажи: куда ѣхать менѣе опасно—въ Бѣлоканы или въ Закаталы?

— Аллахъ вездѣ! я только служитель пророка и не владѣю даромъ предвѣденія. Но въ окрестностяхъ все спокойно; поѣзжай куда хочешь, отвѣчалъ мулла, воздѣвъ глаза къ небу и поднявъ вверхъ руку. — Искринъ зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и слѣдилъ зорко за всѣми движеніями муллы. Вмѣстѣ съ рукой Хаджи, онъ поднялъ голову и увидѣлъ вправо на гребнѣ горы всадника, который изчезъ какъ молнія. Въ одно мгновенье Искринъ схватилъ муллу за шиворотъ, приподнялъ съ сѣдла и такъ сильно тряхнулъ, что тотъ закричалъ: «Аллахъ билляхъ! будь милосердъ; я все сдѣлаю, что прикажешь.»

— Надуешь!.. сказалъ Искринъ, накинувъ ему арканъ на шею и взводя курокъ пистолета. — Теперь ты отвѣчаешь мнѣ за все. Ежели кто коснется хвоста моей лошади, я перваго убью тебя,—понимаешь? Ну поѣзжай же впередъ, да гляди въ оба... и передавъ арканъ Семену, велѣлъ ему смотрѣть за нимъ.

— Не бойсь, не вырвется косой чортъ!.. отвѣчалъ Семенъ, привязавъ конецъ аркана къ своему поясу, весьма довольный порученіемъ. —Ишь вертится, словно кошка, даромъ что колченогій! продолжалъ онъ.—Вотъ ты теперь попрыгай, какъ борзой на сворцѣ; — чуть мигнешь—такъ и сдерну съ лошаденки-то; удавлю, вотъ-те Христосъ удавлю...

Такимъ образомъ проѣхали они еще нѣсколько верстъ. Утесы и крутизны уступали мѣсто отлогой покатости, дорога лежала по зеленѣющимъ холмамъ и склоняясь влѣво вела въ долину. Декорація измѣнилась, передъ глазами открылась даль. Вправо видно было Бѣлоканское ущелье, какъ въ панорамѣ. Оно представляло какъ бы раскинутый на обѣ стороны лиловаго цвѣта шатеръ, вершина котораго была украшена какъ бѣлой чалмой — снѣговой массой, а полы окаймлены, какъ бы зеленой бахрамой густой растительности. Внутри его, по склону горъ, на уступахъ и у подошвы были разбросаны безъ симметріи и порядка, какъ попало, словно сѣно по лугу, крытыя камышомъ сакли огромнаго селенія Бѣлоканы; а въ глубинѣ ущелья на высотѣ, командовавшей мѣстностью, видны были бѣлыя каменныя стѣны русскаго редута.

— Вонъ тамъ конецъ нашей опасности, пристань нашего счастія!.. говорилъ Искринъ, показывая на крѣпость, ободряя Майко и торопя коней.

Вдругъ услыхалъ онъ какъ бы отдаленный гулъ конскаго топота; оглянулся назадъ: вдали взвивалась пыль столбомъ; сердце сжалось у него предчувствіемъ.

«Погоня!» прошепталъ онъ. — Ну, Хаджи, сказалъ онъ муллѣ, — теперь спасай насъ какъ знаешь, а не то,—онъ навелъ дуло пистолета на грудь его,—выбирай любое.» Хаджи, приложивъ руку къ чалмѣ и къ сердцу, сказалъ: «клянусь

*) Знакъ путешествія въ Мекку.

Библиотека "Руниверс"

Еще нѣсколько секундъ!... Картина Андріоли, грав. Холевинскій.

Библиотека "Руниверс"

Аллахомъ и кораномъ, что я удержу эту толпу на нѣсколько минутъ: теперь полдень—время совершать намазъ; а ты спѣши ускакать.

Семенъ съ презрѣніемъ и гнѣвомъ смотрѣлъ на муллу, нетерпѣливо подергивая арканъ и умоляя Искрина: «позвольте, батюшка, вздернуть эту гадину; что на него зарядъ терять!»

Бѣдный мулла былъ страшно блѣденъ, а мѣстами выступили багровыя пятна на лицѣ; крупныя капли пота текли изъ-подъ чалмы; зубы бились какъ въ лихорадкѣ, а глаза умоляли о пощадѣ съ выраженіемъ отчаянія, такъ что Искрину стало жаль его. Притомъ онъ зналъ, что мулла поклявшійся кораномъ—не измѣняетъ клятвѣ; да и Хаджи, у котораго домъ и семья находились въ селеніи Талы, почти подъ выстрѣлами крѣпости Закаталы, былъ всегда въ рукахъ русскихъ;—онъ отпустилъ его къ большому сожалѣнію Семена, который, отвязывая арканъ, ворчалъ: «ну счастливъ твой богъ! кабы да попался нашему командиру, ужъ онъ бы велѣлъ провѣтрить твою шкуру».

Майко не могла держаться на лошади, на всемъ карьерѣ. Искринъ посадилъ ее передъ собой на свою лошадь. Она какъ плющъ обвилась одной рукой вокругъ его шеи, а другой прижала къ груди своего Богдана. Искринъ обнялъ ее гибкій станъ одной рукой; другой прибралъ поводья, сжалъ въ шенкеля коня и гикнулъ почти нечеловѣческимъ голосомъ... Жучокъ, будто понявъ слова хозяина, приложилъ къ шеѣ вострыя уши, глаза налились кровью, ноздри раздулись, одной лапсадой опередилъ всѣхъ и пустился въ карьеръ. Въ отрядѣ эта лошадь въ быстротѣ не имѣла соперниковъ. Въ одно мгновенье онъ скрылся изъ глазъ спутниковъ въ густомъ облакѣ пыли.

— Еще версты двѣ—и мы спасены, думалъ Искринъ, возводя глаза къ небу и творя про себя горячую молитву.—Въ первый разъ мы съ Жучкомъ уходимъ отъ непріятеля. Фу, какое скверное чувство! Опасность впереди не такъ страшна, какъ сзади.

Семенъ хотя и отсталъ, но, позабывъ свою нѣжность къ Сѣрко, усердно погонялъ его плетью. Саркизъ тоже — своего жеребенка. Они вихремъ промчались по долинѣ въ объѣздъ селенія Бѣлоканы, такъ какъ въѣхать въ него значило бы навѣрное отдаться въ руки лезгинъ. Вотъ, наконецъ, передъ ними рѣчка, съ шумомъ бѣгущая почти подъ стѣнами укрѣпленія Бѣлоканы... Усталые кони съ радостью бросились въ воду, плывутъ, — но вдругъ, какъ громъ, раздался залпъ ружейныхъ выстрѣловъ; ихъ осыпало градомъ пуль. Майко застонала и опустилась головой на грудь Искрина. Его ранили въ правую руку, но лѣвая рука, съ напряженнымъ усиліемъ, хотя и съ трудомъ поддерживала опустившееся тѣло Майко, которая судорожно прижала ребенка, такъ что онъ плакалъ отъ боли и отъ испуга. Искринъ, стиснувъ зубы, едва переносилъ боль раны...

Мулла дѣйствительно исполнилъ свое обѣщанье; онъ задержалъ лезгинъ на нѣсколько минутъ, для совершенія полуденнаго намаза, и разувѣрилъ ихъ, что это не Искринъ, что они ошибкой приняли за него совсѣмъ другую личность.

По совершеніи молитвы, лезгины пустились по прямому направленію черезъ селеніе Бѣлоканы, на перерѣзъ пути Искрину, желая удостовѣриться въ истинѣ словъ муллы; но видя, что догнать его не могутъ и догадываясь, что это былъ дѣйствительно онъ самый, — не отваживаясь приближаться къ крѣпости, остались за рѣкой и съ досады сдѣлали залпъ изъ ружей по плывущимъ черезъ рѣку, поворотили въ сторону и скрылись въ балкѣ, покрытой лѣсомъ.

Въ крѣпости били тревогу. Отрядъ становился въ ружье, фитили дымились надъ пушками. Въ люнетѣ, прикрывавшемъ ворота форштата, передовой пикетъ увидѣлъ раненнаго офицера; нѣсколько человѣкъ солдатъ бросились къ нему.

Майко сняли съ лошади; одежда ея была въ крови.

Искринъ думалъ, что это кровь изъ его раны, и что Майко въ обморокѣ.

— Воды ребята, закричалъ онъ,—живѣй!

— Должно убита, ваше благородіе, сказалъ усатый гренадеръ,—пуля попала въ голову; врядъ оживетъ, сердечная.

Съ трудомъ высвободили изъ рукъ ея ребенка, который не былъ раненъ, но вцѣпился въ нее рученками и не хотѣлъ ни къ кому идти. Искринъ какъ-то вдругъ потерялся... Забывъ, что самъ раненъ, онъ глядѣлъ на усатыя лица солдатъ, державшихъ на рукахъ княжну, потомъ бросился къ ней... «Майко, Майко!.. кричалъ онъ какъ безумный.» Майко чуть слышно простонала... Ее положили на носилки и понесли въ крѣпость. Начальникъ гарнизона, полковникъ князь Б., изъ грузинъ, велѣлъ положить ее въ своемъ балаганѣ. Немедленно явился штабъ-лекарь осмотрѣлъ рану— и только плечами пожалъ, отходя...

Искринъ очень ослабѣлъ отъ потери крови, а болѣе его потрясли нравственно слова гренадера; онъ почти безъ памяти былъ отведенъ въ крѣпость и положенъ въ балаганѣ капитана В., его хорошаго пріятеля. Онъ былъ раненъ въ локоть правой руки. Докторъ, перевязывая его, приговаривалъ: «скверно!»

Семенъ плакалъ какъ ребенокъ, самъ легко раненый въ ногу, опираясь на плечо солдата, шелъ за любимымъ имъ господиномъ и бормоталъ: «Вотъ поди ты, ужъ добро бы въ сраженіи, а то на вотъ, ни дай ни вынеси, гдѣ не ждали не гадали—Богъ велѣлъ можетъ животъ положить. Не слушалъ меня! говорилъ: брось ее, уѣдемъ одни, такъ нѣтъ. Охъ-охъ-охъ, видно судьба!

Да, въ такой странѣ, съ такимъ бытомъ, не могло не пустить корней ученіе фатализма. Впрочемъ и раціоналисты до сихъ поръ еще не доказали, чтобы человѣкъ могъ создавать обстоятельства и случаи.

Надо же было, чтобы Майко пережила страшныя событія, описанныя нами, для того чтобъ умереть быть можетъ наканунѣ счастья. Надо было Искрину повстрѣчать женщину, которую онъ такъ страстно полюбилъ и потерять изъ виду, не зная, что съ ней сталось, жива ли она и гдѣ находится, и вдругъ найти ее неожиданно, въ такомъ ужасномъ положеніи, къ которому и холодное сердце сторонняго человѣка не могло отнестись безъ участія. Добросовѣстно ли было бы покинуть это существо, безъ крова и пріюта, безъ помощи и средствъ, на рукахъ невѣжества? Можно ли было выжидать болѣе удобнаго времени и обстоятельствъ для спасенія несчастной жертвы злополучія? Можно ли было надѣяться, что начальство пошлетъ отрядъ войска на выручку одной плѣнной женщины? Понятна становится поспѣшность, съ которой Искринъ бросился собственными силами спасать разъ уже утраченное имъ и случайно найденное сокровище. И такъ, надо сознаться—видно судьба!

Еще нѣсколько секундъ.

(КАРТИНКА).

Время было далеко за-полдень.

На балконѣ роскошной деревенской дачи, въ прохладной тѣни, среди цвѣтовъ, сидѣла хорошенькая, стройная дѣвушка, лѣтъ 18—19. Жаркій лѣтній день отнялъ у нея охоту заняться чѣмъ-бы то ни было: книжка лежала на столикѣ, и вѣтерокъ, какъ будто читая, перелистывалъ иногда ея листки. Кругомъ было все тихо... Дѣвушка то открывала, то закрывала глаза и отмахивалась слабо отъ мухъ вѣткою бѣлаго левкоя. Вдругъ она какъ-бы очнулась: вблизи послышались шаги и, спустя секунду, передъ ступеньками лѣстницы на балконъ, ведущей въ садъ, остановился мальчикъ въ полу-черкескомъ костюмѣ, довольно-таки запыленномъ. Никого не видя на балконѣ, онъ осмотрѣлся и, не безъ робости, рѣшился подняться...

— Отъ Алексѣя Романыча? окликнула его дѣвушка.

Мальчикъ вздрогнулъ и тутъ только увидѣлъ «барышню».

— Точно такъ-съ, отвѣтилъ онъ, подходя къ ней. — Вотъ-съ, Алексѣй Романычъ приказали два письма отдать и подождать отвѣта...

Библиотека "Руниверс"

Два конверта — одинъ бѣлый, другой розовый — очутились въ ручкахъ барышни... Она вспыхнула и даже не рѣшилась взглянуть на пятнадцатилѣтняго черкеса.

— Хорошо. Подождите тутъ...

— Я здѣсь посижу-съ...

Дѣвушка медленными шагами дошла до двери, ведущей въ комнаты, — когда была уже увѣрена, что мальчикъ не можетъ ее видѣть, стремительно бросилась вверхъ по лѣстницѣ въ свою комнату — и заперлась.

Послѣдуемъ за ней въ шапкѣ-невидимкѣ.

— И къ мамà прислалъ письмо и — ко мнѣ!.. воскликнула она. Однако, онъ смѣлъ!.... Неужели *онъ* догадался, что я.... Противный!

Тутъ она поцѣловала розовый конвертъ и торопливо вскрыла его.

«Софья Николаевна, я беру смѣлость послать къ вамъ нѣсколько строкъ (читала она)... Ради Бога, не швырните этой бѣдной бумажки, не дочитавъ до конца, а главное — не сердитесь. Жить въ неизвѣстности, не знать: ошибаешься или нѣтъ— ужасно тяжело. Я хочу разомъ все рѣшить и, если я ошибся, если обманулся—меня завтра-же здѣсь не будетъ. Я далеко уѣду. Переговорить у васъ я не могъ съ вами: ваша maman всегда овладѣетъ мной и усадитъ играть съ собой въ пикетъ... Она и сегодня ждетъ меня, но.... я не буду.... то есть, я-бы хотѣлъ быть лишь на полчаса у васъ сегодня, въ саду, у стараго памятника... ровно въ семь часовъ вечера... Будете тамъ? Если «да», то выйдете къ моему Гришѣ, посланному, *не одну, а съ Ральфомъ*, любимымъ вашимъ вѣрнымъ псомъ, и отдайте ему (не Ральфу, а мальчику) ту книжку, которую я прошу у вашей мамаши. *Это и будетъ отвѣтомъ*. Если-же Гриша мой скажетъ, что вы отдали ему книжку *одну*, т. е. Ральфа при васъ не было, то... Прощайте, Софья Николаевна!»....

Дѣвушка выпрямилась и смяла въ рукѣ розовое письмецо.

— Какъ-же это могъ онъ замѣтить?... Когда?... Неужели, по глазамъ видно, что я... Я васъ ненавижу, милостивый государь! Такъ вы это и знайте!...

Смятый розовый листикъ исчезъ въ карманѣ, а бѣлый конвертъ очутился въ правой рукѣ Софьи Николаевны. Она выбѣжала изъ своей комнаты.

* * *

— Что̀-же, мамà, онъ вамъ пишетъ?

Полная женщина, лѣтъ пятидесяти, съ добродушной физіономіей, опустила руку съ письмомъ и вздохнула. Потомъ она улыбнулась и произнесла:

— Что̀ это ты, Соня, такъ раскраснѣлась?

— Ахъ, жарко, мамà! отвѣтила слегка смутившись Софья Николаевна и стала обмахиваться платкомъ.—Что-же пишетъ вамъ, Алексѣй Романычъ? повторила она.

— Да вотъ—пишетъ, что никакъ не можетъ быть сегодня здѣсь не только къ обѣду, но даже — вечеромъ... Какія-то экстренныя дѣла случились....

— Обманщикъ! сказала про себя дѣвушка.

— Жаль, продолжала maman,—значитъ, сегодня мнѣ и не поиграть въ пикетъ!... Третьяго дня я выиграла, а сегодня, быть можетъ, онъ-бы выигралъ... И вотъ, не пріѣдетъ! Экой какой!... Ахъ, да: я прочла книжку, которую онъ привозилъ двѣ недѣли тому назадъ... Ну, онъ пишетъ, чтобы подателю записки этой отдать книжку, если она не нужна... Возьми ее, Соня, и отдай... Фу, въ самомъ дѣлѣ, какъ жарко!... Посмотри, какъ любимецъ-то твой растянулся! Тутъ, у меня въ будуарѣ прохладно, вотъ онъ и пришелъ сюда лежать!...

Софья Николаевна поглядѣла на большую бѣлую собаку изъ породы англійскихъ водолазовъ, которая растянулась на коврѣ во всю свою длину и лежала на правомъ боку, щуря большіе умные свои глаза. При входѣ своей молодой госпожи, водолазъ посмотрѣлъ на нее вопросительно—и раза два, ради комплимента, махнулъ пушистымъ длиннымъ хвостомъ по ковру.

— О чемъ это ты задумалась?

Голосъ мамаши заставилъ вздрогнуть Софью Николаевну.

— Такъ, мама!... Гдѣ книга?

— Да вотъ—на столѣ.

— А я и не вижу! Ха, ха, ха!

— Скажи посланному, что я завтра буду ждать Алексѣя Романыча.

— Хорошо... Скажу...

Дѣвушка взяла книгу и на мгновеніе пріостановилась...

— Allons, Ральфъ! вдругъ крикнула она и выбѣжала изъ будуара мамаши.

Ральфъ такъ быстро вскочилъ, какъ будто его неожиданно окатили водой, и бросился со всѣхъ ногъ за своей госпожей.

* * *

Часы въ столовой показывали безъ десяти минутъ семь. Генеральша Марья Петровна, мать Софьи Николаевны, сидѣла на балконѣ и, вмѣсто пикета, забавлялась великолѣпной земляникой, кушая ее со сливками и сахаромъ. Изъ столовой вышла Соничка. На головѣ у нея была легкая косынка, въ рукѣ — зонтикъ.

— Это ты—куда? спросила Марья Петровна.

— Пойду въ нашъ старый садъ... Давно не была тамъ, отвѣтила Софья Николаевна.—Впрочемъ, я скоро вернусь... Такъ, захотѣлось прогуляться, а этотъ садъ надоѣлъ... Ну, не будете безъ меня плакать?...

— Сейчасъ заплачу! засмѣялась мамаша.—А развѣ ты земляники не хочешь?....

— Фи, не хочу!

И дѣвушка сбѣжала по ступенькамъ въ садъ.

— Ну, вотъ ужъ и «фи»! пустила ей вслѣдъ Марья Петровна.— Прекрасная земляника, а со сливками — прелесть!...

Но Соничкѣ было не до земляники со сливками: подобная прелесть не могла удержать ее на балконѣ.

— Скучаетъ, произнесла Марья Петровна: — конечно, въ деревнѣ не особенно весело, за то—тихо, покойно... Жаль, сосѣдей по близости нѣтъ порядочныхъ! Ближайшій—Алексѣй Романычъ, но и тотъ въ десяти верстахъ... Ну, и человѣкъ серіозный, солидный, хотя молодой. Ни матери у него, ни сестры — живетъ одинокимъ холостякомъ. Мнѣ-то съ нимъ пріятно въ пикетъ поиграть, ну, а ей скучно.... Да и ему, кажется, скоро выйдетъ срокъ отпуску...

А время летѣло... Часы въ столовой пробили восемь. Марья Петровна встала. Земляника, сливки и сахаръ давно уже были уничтожены ея превосходительствомъ.

— И куда это Соня пропала? подумала она.—Пора ужъ и чай пить.... И какъ это она не устанетъ гулять?

Явилась горничная и доложила, что самоваръ поданъ.

— Хорошо. Ты не видала барышни?....

— Нѣтъ-съ. Онѣ, должно быть, въ старомъ саду....

— Ну, такъ сбѣгай-ка туда и позови ее.

Генеральша пошла въ столовую, а горничная побѣжала въ садъ... Минутъ черезъ пять явилась Софья Николаевна: она вбѣжала веселая, сіяющая...

— Ну, долго-же ты тамъ гуляла!... встрѣтила ее мамаша.—А я вотъ тутъ проскучала безъ тебя!.... Изволь-ка ты сегодня, послѣ чаю, почитать мнѣ что-нибудь вслухъ. Вотъ, если-бы Алексѣй Романычъ былъ, то я-бы съ нимъ въ карточки поиграла.... И, вотъ, вѣдь чувствую: пріѣзжай онъ сегодня — былъ-бы онъ въ выигрышѣ!....

— Да онъ, мама, и такъ выигралъ, проговорила Соничка.

— Что? Какъ.... гдѣ выигралъ?

— То есть.... мы оба выиграли...

— Не понимаю.... Что ты говоришь?

— Ахъ, вы какія!.... Ну, сегодня была.... наша партія!

Софья Николаевна бросилась на шею матери.

— Мамаша, я его люблю, а онъ—меня!....

— Вотъ тебѣ разъ!

— Вы только благословите насъ!

— Каково?.... Да гдѣ-жъ онъ, разбойникъ?!

— Алексѣй Романычъ! крикнула Соничка.

На балконѣ что-то зашумѣло — и въ столовую, галопомъ, съ веселымъ лаемъ, вбѣжалъ Ральфъ, а за нимъ вошелъ Алексѣй Романычъ, видный мужчина, лѣтъ тридцати, въ охотничьемъ костюмѣ.

— А!.. пожалуйте-ка, пожалуйте сюда... заговорила Марья Петровна.

— Повинную голову и мечъ не рубитъ, произнесъ «разбойникъ», подходя къ полной ручкѣ ея превосходительства.

Да, не срубилъ мечъ повинной головы, но не прошло и часу, какъ Алексѣй Романычъ былъ подвергнутъ жесточайшей пыткѣ: Марья Петровна «только немножко» усадила его за пикетъ...

* * *

Счастливый женихъ уѣхалъ на недѣлю въ Петербургъ... Всегда вѣдь найдется о чемъ похлопотать передъ свадьбой! Его отпустили *только* на недѣлю.... шутка-ли: семь дней! 168 часовъ... 10080 минутъ!... На четвертый день Софья Николаевна получила письмо отъ Алексѣя Романыча и небольшую посылку: золотое колечко! и то, и другое привезъ ей черкесъ Гриша. Алексѣй Романычъ писалъ, что вернется на шестой день *непремѣнно*, вечеромъ, часамъ къ восьми, и просилъ (тоже *непремѣнно*) устроить такъ, чтобы встрѣчѣ ихъ никто не помѣшалъ, чтобы первыя минуты встрѣчи были ихъ минутами... Онъ даже и мѣсто указалъ такое: мѣсто перваго свиданія, въ саду, у стараго памятника....

Вотъ и шестой день.... Вотъ и вечеръ! Четверть восьмаго.... Скорѣй туда, въ глубь темнаго сада!.... Какъ съ самаго утра, время безконечно долго тянулось!....

— Ральфъ, allons!

Софья Николаевна съ вѣрнымъ провожатымъ своимъ торопливо сошла съ балкона. Небо хмурилось, подымался вѣтеръ.... Но что ей до этого? Бояться-ли ей дождя, когда она всего больше боится одной только мысли: «ну, а если онъ не пріѣдетъ сегодня?».... Да и что-жъ такое дождь? На головѣ у ней косынка, въ рукѣ—зонтикъ.... а на пальчикѣ — хорошенькое, гладкое колечко—обручальное! Развѣ оно испортится отъ дождя?....

Живо дошла она до стараго памятника и взглянула на свои часики: тридцать одна минута восьмаго.... Утомившись ожидать съ самаго утра, Софья Николаевна стала гораздо спокойнѣе; жгучее нетерпѣніе ослабѣло, да кому-же она старалась увѣрить себя, что онъ будетъ... сердце говорило ей это... Какъ она спокойно, самоувѣренно облокотилась на пьедесталъ колонны; задумчиво глядитъ она въ ту сторону, откуда быстрыми шагами придетъ Алексѣй Романычъ... Но ничего еще не слышно... Вѣтеръ качаетъ деревья, они шумятъ и мѣшаютъ хорошенько прислу-

Библиотека "Руниверс"

шаться: не раздается-ли стукъ копытъ?... Ральфъ лежитъ у ея ногъ, не шелохнется... Неподвижно стоитъ Софья Николаевна; вѣтеръ играетъ ея косынкой, но она опять задумалась — задумалась и не замѣтила, какъ любимецъ ея тихо всталъ и приподнялъ лѣвое ухо... Ральфъ, благодаря своему собачьему чутью, услышалъ что-то знакомое... Однако, онъ еще не совсѣмъ увѣренъ... онъ прислушивается, зорко смотритъ куда-то... Хвостъ его готовъ радостно вильнуть... Да, еще нѣсколько секундъ — и съ громкимъ лаемъ бросится онъ на встрѣчу Алексѣя Романыча!

Цыганка.

Передъ вами—дочь юга, удивительно стройное, гибкое созданіе. Это—цыганка-пѣвунья, вольная птичка, не знающая «ни заботы, ни труда». Она только, что кончила свою пѣсню... Еще звуки дрожатъ въ воздухѣ, а звонкій тамбуринъ повисъ на смуглыхъ пальчикахъ... Сколько граціи! Но дѣвушка не рисуется, не кокетничаетъ: она не можетъ *некрасиво* стоять, у нея не можетъ быть неграціозныхъ позъ.... О чемъ она думаетъ? Да, кажется, ни о чемъ... Играя пальцами въ своихъ темныхъ кудряхъ — глядитъ куда-то, вовсе не обращая вниманія на тѣхъ, кто слушалъ ея пѣсни; она не видитъ, какъ художникъ-туристъ на-скоро срисовываетъ чудную фигуру ея въ свой дорожный альбомъ. Ей хорошо, привольно... Сердце ровно бьется, а высокая крѣпкая грудь такъ легко, свободно дышетъ, и, кажется, этой молодой груди хочется еще больше простора: она рвется, отбрасывая направо и налѣво легкую кофточку.

Но не можетъ быть одной свѣтлой стороны: свѣжесть, молодость такихъ южныхъ цвѣтковъ, вскормленныхъ воздухомъ Италіи, увы—скоротечна! Въ тридцать лѣтъ красавица превращается въ старуху и, нерѣдко, въ довольно таки-безобразную, такъ что трудно повѣрить — неужели, напримѣръ, эти строки могли когда-то къ ней относиться:

Ты вся любовь и вся мечта!....
Полна ты жизни беззатѣйной,
И дышешь нѣгой тиховѣйной,
Огнемъ и свѣтомъ налита!

Да, эти строки къ ней относились, и въ то время, глядя на нее, странствующій сынъ сѣвера невольно напѣвалъ:

Она безгрѣшныхъ сновидѣній
Тебѣ на ложе не пошлетъ,
И для небесъ, какъ добрый геній,
Твоей души не сбережетъ.

Съ ней міръ другой, но міръ прелестный,
Съ ней гаснетъ вѣра въ лучшій край....
Не называй ее небесной
И у земли не отнимай!....

Городъ Казань.

Въ концѣ февраля 1550 года русскія войска покрывали волжскій берегъ, лѣсистый и высокій. Ихъ велъ юный царь Иванъ Васильевичъ, отступая послѣ неудачнаго приступа къ городу Казани. На конѣ, въ сопровожденіи Шигъ-Алея, татарскихъ князей и ближнихъ бояръ, онъ взъѣхалъ на Круглую гору, при устьѣ р. Свіяги. Чудный волжскій видъ, раскрывшійся во всѣ стороны, поразилъ воображеніе юнаго царя; онъ сиялъ шлемъ и сказалъ знаменательныя слова: «здѣсь будетъ городъ христіанскій. Богъ дастъ намъ Казань въ руки!» И въ слѣдующемъ году возникъ Свіяжскъ, что и было, такъ сказать, началомъ настоящаго присоединенія непокорнаго города.

Покореніе Казани было вопросомъ огромной важности въ это время. Сдѣлавшись столицею царей ордынскихъ, она часто, пользуясь междоусобіями между нашими князьями, то входила съ ними въ связи, то измѣняла имъ и дѣлала опустошительные набѣги на наши владѣнія, особенно съ 1438 г., именно съ основанія Казанскаго царства, когда, въ отмщеніе Василію Темному, вторгся въ наши владѣнія Улу Махметъ и былъ даже подъ Москвою, взялъ въ 1445 г. Нижній Новгородъ, осадилъ Муромъ и Суздаль, и самъ великій князь попалъ въ плѣнъ. Затѣмъ всѣ послѣдующія волненія и безпокойства при Касимѣ и Ягунѣ, братьяхъ царя Мамутека, и при Иванѣ Васильевичѣ (1467 г.) до самаго мира испрошеннаго Ибрагимомъ «на всей волѣ государя Московскаго»,—всѣ эти событія дѣлали это сосѣдство невыносимымъ. Надменный духъ хановъ, фанатическая ненависть къ нашей вѣрѣ, жажда къ добычѣ и неустройство въ средѣ самаго царства, гдѣ безпрестанно возводились на престолъ, смѣнялись, изгонялись и умерщвлялись ханы,—все это вызвало со стороны московскаго правительства серіозныя мѣры. Василій Іоанновичъ для стѣсненія Казани заложилъ городъ Василь-Сурскъ — сборный пунктъ для нашихъ войскъ, а сынъ его Иванъ Васильевичъ, какъ сказано выше, — городъ Свіяжскъ.

Юный царь, съ твердостью достойною мудраго правителя, рѣшилъ положить конецъ дѣлу предшествующихъ царствованій. Онъ самъ, во главѣ 60,000 войска, стоялъ подъ Казанью. Горная сторона Волги объявлена была русскою землею, и ханъ изгнанъ намѣстникомъ русскаго царя. Чуваши, мордва, черемисы—присягнули на вѣрность русскому царю; ихъ приписали къ Свіяжску и водили на битвы подъ Казань.

Съ другой стороны поволжье возстало противъ насъ и крымскій ханъ вторгся въ наши владѣнія, но былъ разбитъ подъ Тулою.

3-го іюля войско тронулось въ походъ, а 19-го августа 1552 года было уже противъ Казани. Городъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, отчаянныя вылазки татаръ были отбиты 23, 26 и 29 августа. Въ сентябрѣ былъ взятъ Арскій городокъ, князь Воротынскій послѣ жестокой битвы занялъ часть стѣны и башню. Войска вошли въ городъ, но пошатнулись, встрѣтивъ отчаянный отпоръ со стороны татаръ. Тогда юный царь, со знаменемъ въ рукахъ, сталъ въ воротахъ самъ и примѣромъ своимъ удержалъ и одушевилъ воиновъ. Битва возобновилась, царь Едигеръ былъ взятъ въ плѣнъ и войско его разбито. На другой же день юный побѣдитель торжественно въѣхалъ въ городъ и послѣ молебствія учредилъ въ Казани епархію и судебныя мѣста, назначилъ воеводу, а татаръ переселилъ въ предмѣстья.

Въ 1714 году Петръ 1 учредилъ здѣсь губернію. Въ 1714 Казань была выжжена полчищами Пугачева. Городъ отстроился къ 1815 г., но большой пожаръ опять уничтожилъ его до половины. Въ 1842 году выгорѣла почти вся Казань— и слѣды этого новаго, великаго несчастія и до сихъ поръ еще замѣтны.

Городъ находится на р. Казанкѣ, въ 7 верстахъ отъ берега Волги. Онъ совсѣмъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ была настоящая старая Казань. Тамъ, гдѣ была столица прежняго царства Болгарскаго, теперь видны только немногія развалины. Мѣсто это (въ 100 верстахъ ниже теперешняго города) въ 6 верстахъ отъ лѣваго берега Волги. Современный пароходъ подвозитъ васъ къ древней столицѣ Улу Махмета. Весною Волга и Казанка сливаютъ свои воды вмѣстѣ, покрывъ всѣ низменности и подходятъ подъ самый городъ, который кажется какъ бы стоящимъ на озерѣ.

Казанка омываетъ С.-З. часть города, на которой стоитъ крѣпость или кремль, *изображеніе котораго мы и прилагаемъ*. Онъ стоитъ на высокомъ холмѣ, обведенномъ бульваромъ (купеческимъ), и холмъ этотъ служитъ началомъ цѣпи холмовъ, на которыхъ расположены сѣверная и восточная части города. Основаніе кремля приписывается хану Улу Махмету въ XV столѣтіи. Онъ былъ обнесенъ двойною, деревянною стѣною изъ толстыхъ дубовыхъ бревенъ. Снаружи стѣны вырытъ былъ глубокій ровъ.

Время и пожары уничтожили прежнія постройки совер-

Библиотека "Руниверс"

шенно. Думаютъ, что возвышеніе, на которомъ стоитъ крѣпость, искуственное, ибо подъ стѣнами грунтъ земли изъ дикаго камня, выбитаго плитами. При рытіи основанія для одного зданія находили каменныя ядра. Въ 1556 году, вмѣсто деревянной стѣны, началась постройка каменнаго кремля; остатки же деревянной стѣны существовали даже во времена Анны Іоанновны и были уничтожены по распоряженію тогдашняго казанскаго губернатора, знаменитаго потомъ министра, Волынскаго. Во время вторженія Пугачева въ Казань въ 1774 году стѣны кремля были сильно повреждены. Нынѣшній кремль гораздо меньше древняго, что видно изъ крестнаго хода, который ежегодно совершается по тому пути, гдѣ были старыя стѣны.

Въ Кремлѣ замѣчательны, кромѣ прекраснаго Императорскаго дворца (гдѣ помѣщается начальникъ губерніи), Благовѣщенскій соборъ, основанный Грознымъ, монастырь Спасо-Преображенскій (также основ. въ 1556 г.), церковь Кипріана и Устиніи, церковь Нерукотвореннаго Спаса, присутственныя мѣста (на мѣстѣ древнихъ царскихъ палатъ) и башня Сумбеки.

Это послѣднее очень красивое сооруженіе относятъ татары ко времени царицы Сумбеки, которая играла важную роль въ послѣдніе годы передъ паденіемъ Казанскаго царства. Но это несправедливо, ибо всѣ памятники города относятся ко временамъ русскаго владычества. По стилю архитектуры полагаютъ эту башню построенною при Аннѣ Іоанновнѣ.

Цыганка.

Было между казанскими татарами преданіе, что въ яблокѣ башеннаго шпица будто бы сохраняются какія-то важныя для нихъ бумаги, но въ 1830 году, по приказанію мин. внутр. дѣлъ шаръ былъ снятъ и оказался конечно пустымъ. Высота этой величественной башни до 250 футовъ.

Казань имѣетъ очень красивый, оживленный и благоустроенный видъ. Адмиралтейская слобода соединяется съ городомъ высокой и прекрасной дамбой, которая весной бываетъ, со

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ сторонъ окружена массой воды. Близь нее стоитъ памятникъ на могилѣ воиновъ, убитыхъ подъ Казанью, о которомъ ниже мы сообщимъ подробнѣе.

Въ адмиралтействѣ, основанномъ по повелѣнію Петра въ 1718 году, нынѣ не производится никакихъ работъ. Прежде же тутъ строились суда для каспійской флотиліи и были жилья для рабочихъ. Эти жилья и послужили основаніемъ теперешней слободы. Здѣсь подъ навѣсомъ хранится галера *Тверь*, на которой императрица Екатерина совершила свое знаменитое путешествіе по Волгѣ.

Зилантьевъ монастырь (отъ татарскаго *Зиланъ*—змѣя), построенный на горѣ, въ пещерѣ которой, по преданію, жилъ крылатый змѣй. Вообще мѣсто, гдѣ основана Казань, было изобильно змѣями, чѣмъ, конечно, объясняется и гербъ Казани—черный змѣй на бѣломъ полѣ съ золотою короною.

Далѣе видѣнъ монастырь Кизическихъ чудотворцевъ, среди прекрасной сосновой рощи. На востокъ Арское поле, на которомъ красуются зданія женскаго института, военнаго госпиталя. За ними, тѣнистое и зеленое, общественное кладбище. Влѣво, на крутыхъ и очень живописныхъ холмахъ и обрывахъ, густая березовая роща — любимое мѣсто загородныхъ прогулокъ, лѣтомъ. Эти мѣста носятъ названіе Швейцарій — нѣмецкой и русской. Южнѣе видны два озера Кабана, одно изъ которыхъ соединяется съ Казанкой каналомъ Булакъ.

Параллельно этому каналу идутъ главнѣйшія улицы города—Воскресенская, которая идетъ отъ кремля, оканчиваясь обширными зданіями университета и клиники. Она застроена прекрасными домами, щеголяетъ магазинами и тротуарами. Тутъ возвышаются зданія окружнаго военнаго суда и судебной палаты; здѣсь же самая модная гостиница Комонена. Только неотдѣланная Воскресенская церковь (между прочимъ весьма посѣщаемая), да старое зданіе полицейскаго управленія дѣлаютъ нѣсколько сумрачное впечатлѣніе.

Ниже идетъ Проломная улица. 2 Октября 1552 г. русскія войска взорвали стѣну порохомъ и вломились въ городъ. Этотъ проломъ сдѣланъ былъ со стороны поля—и улица по пути этому, также какъ и ворота татарскаго города, получили названіе Проломныхъ. И теперь даже, когда ворота не существуютъ, церковь Богоявленія на этомъ мѣстѣ называлась «у проломныхъ воротъ». Около дамбы по берегу Казанки построены амбары и лавки, и это мѣсто называется биржей. Обширный гостиный дворъ со сводами идетъ по наклону горы вдоль Воскресенской улицы, внизъ, по такъ-называемому Толчку.

Близь него есть замѣчательная древняя церковь Петра и Павла, которой рисунокъ также прилагается. Между двумя улицами Воскресенскою и Покровскою тянется обширный и глубокій оврагъ, гдѣ было не такъ давно сырое и топкое мѣсто, а теперь прекрасный садикъ и прудъ, называемый Чернымъ озеромъ, гдѣ играетъ музыка и бываютъ гулянья.

Университетъ (осн. въ 1804 г.) придаетъ городу особенное значеніе. Университетскія зданія красиво возвышаются своею колонадою. Памятникъ Державину, бывшій не такъ давно на дворѣ новаго флигеля университета, гораздо болѣе умѣстно перенесенъ на скверъ противъ театра, также очень красиваго зданія. При университетѣ есть обсерваторія, кабинеты физическій, зоологическій, ботаническій садъ съ оранжереями, клиника, химическая лабораторія и проч.

Торговля Казани была въ цвѣтущемъ положеніи еще во времена татаръ. Отличное положеніе города при Волгѣ и Камѣ, на перепутьѣ между Европой и Азіей, должно было развить предпріимчивость. Еще въ XV вѣкѣ сюда съѣзжались со всѣхъ сторонъ купцы обмѣнивать свои произведенія. Избіеніе русскихъ купцовъ на ярмаркѣ 1503 г. и расхищеніе ихъ товаровъ - вѣроятно дурно подѣйствовало на здѣшнюю торговлю, нанеся ей ударъ, отъ котораго она не оправлялась съ тѣхъ поръ и искала себѣ склада въ Василь-Сурскѣ и у Макарья. Съ Петра I, связавшаго каналами два великихъ моря, торговля эта получаетъ новую, громадную жизнь.

Казань имѣетъ теперь много фабрикъ и заводовъ, именно—130, выдѣлывающихъ произведеній почти на $1^1/_2$ милліона въ годъ. Весною усиленіе движенія, барки и суда на пристаняхъ, множество рабочихъ, безпрестанно приходящіе и уходящіе пароходы, грузовые суда и плоты—все это придаетъ городу очень оживленный видъ.

Въ двухъ верстахъ на С.-З. отъ казанскаго кремля, на лѣвомъ берегу рѣки Казанки, есть замѣчательное мѣсто. 2 октября 1552 г. здѣсь стояла ставка Грознаго—и отсюда онъ, съ крестнымъ ходомъ, торжественно вступалъ въ побѣжденную Казань. Убитые, въ этотъ кровавый и трудный день, воины русскіе погребены въ этой горѣ—и царь для ихъ поминовенія основалъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы монастырь, который въ грамотахъ того времени называется *первоначальнымъ и русскимъ кладбищемъ*. Въ 1559 г., по неудобности мѣста (его затопляло весною), монастырь, по царскому повелѣнію, перенесенъ на Зилантову (змѣиную) гору, около версты ниже по рѣкѣ. Надъ могилою же воиновъ была постоянная часовня, въ коей совершались панихиды настоятелемъ монастыря Зилантова.

Въ 1812 г. Зилантова монастыря архимандритъ Макарій пожелалъ увѣковѣчить память воиновъ, построивъ, на собственныя свои средства и на средства усердствующихъ, памятникъ въ видѣ столба, котораго планъ и фасадъ представлены были государю. Императоръ Александръ Павловичъ велѣлъ планъ передѣлать. Это было поручено архитектору Алферову—и дѣло состоялось, съ помощію суммъ прибавленныхъ къ пожертвованію почтеннаго архимандрита членами императорской фамиліи и частными людьми—болѣе 100,000 руб.

Памятникъ приведенъ былъ къ окончанію только въ 1823 г., почти черезъ 300 лѣтъ послѣ взятія Казани.

Памятникъ имѣетъ видъ пирамиды, вышиною около 10 саженъ; съ четырехъ сторонъ его фронтоны на колоннахъ.

Съ сѣверной стороны прекрасный видъ на Кремль и на весь городъ. Весной, онъ стоитъ какъ бы на островѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ водою.

Внутри памятника устроенъ алтарь во имя Нерукотвореннаго Спаса. Во время осады Казани на этомъ мѣстѣ стояло царское знамя съ изображеніемъ этого образа. Внизу памятника подземный ходъ, съ котораго начинается, отдѣленная стѣною, могила убитыхъ, и въ ней множество костей. Колонны, бока пирамиды выстланы вятскимъ бѣлымъ камнемъ. Вверху, въ центрѣ водруженъ крестъ. По четыремъ угламъ устроены келліи.

Казанское купечество, въ виду поврежденія памятника въ 1830 г., взяло на себя исправленіе его и дальнѣйшее содержаніе. Для присмотра за нимъ избраны городскимъ обществомъ два попечителя и въ 1832 г., 2 октября, въ ясный день, произошло торжественно вторичное освѣщеніе возобновленнаго памятника. Торжество, по описанію архимандрита Гавріила, было великолѣпно, народъ стекался во множествѣ, купечество пожертвовало на войско и на церковную ризницу, и «только темнота ночи прекратила любопытство посѣтителей и крики веселаго народа».

Очень любопытны объясненія ученаго архимандрита Гавріила (извѣстнаго своею истор. философіи) императору Николаю Павловичу при посѣщеніи симъ послѣднимъ памятника 19 августа 1836 г.

Въ подземельѣ архимандритъ сказалъ Государю: «это общая могила православныхъ вождей и воиновъ,—чѣмъ глубже, тѣмъ болѣе открывается костей ихъ во всѣхъ направленіяхъ».

Государь спросилъ: «Почему можно удостовѣриться, что отсюда во всѣ стороны продолжается эта могила?»

«Вмѣсто этого деревяннаго помоста, отвѣчалъ настоятель,—желали устроить каменный. Но когда начали рыть, то оказалось, что по множеству костей во всѣ стороны нельзя сдѣлать каменнаго и оставленъ былъ деревянный.

Затѣмъ Государь спросилъ: «Въ такомъ множествѣ не могли ли попасть сюда тѣла татаръ?»

«Не могли, Ваше Величество, ибо тѣла были предварительно разобраны. Это была царская церковь, отсюда начинался подкопъ къ Казани; здѣсь лучшіе воеводы похоронены, послѣ ранъ постриженные передъ смертью въ схиму бывшимъ при царѣ игуменомъ Іоакимомъ. Русскіе могли ли за 2, даже за

Библиотека "Руниверс"

3 и 4 версты возить нарочно своихъ враговъ, которые имѣли не только на одеждѣ, но особенно и на тѣлѣ явные знаки, — возить на такое мѣсто, гдѣ молились они и ихъ царь?»

При строеніи памятника въ Зилантовомъ монастырѣ (къ которому сперва какъ бы принадлежалъ памятникъ) брали кирпичъ, бутъ, матеріалы и перевозили монастырскими средствами. Сборъ пожертвованій производилъ также монастыремъ. Караульщики живутъ при памятникѣ. Каждогодно 2 октября къ памятнику бываетъ крестный ходъ изъ Зилантова монастыря, и совершается здѣсь торжественное богослуженіе съ военнымъ парадомъ.

Внутри монастыря Зилантова и внѣ его вѣковые вязы, липы и дубы придаютъ мѣсту весьма красивый видъ. Съ самаго монастыря, расположеннаго на высокой горѣ и обвиваемаго со всѣхъ сторонъ р. Казанкою, широкій видъ разстилается на луга, пороховой заводъ, городъ и крѣпость.

Н. Боевъ.

Политическое развитіе папской власти.

Папство есть одно изъ величайшихъ явленій средневѣковаго міра. Тѣмъ болѣе оно обращаетъ вниманіе на себя, что оно не есть плодъ глубоко-обдуманнаго и хорошо-выполненнаго плана одного или нѣсколькихъ дѣятелей: — оно есть явленіе чисто историческое. Идея папства, какъ-бы она ни была несогласна съ началами, утвержденными преданіемъ и практикою первыхъ вѣковъ христіанства, имѣетъ за себя твердыя историческія данныя, которыя вполнѣ оправдываютъ ее, даже въ самомъ широкомъ ея развитіи, какъ идею, выработанную исторіею, хотя по этому самому и временную, преходящую. Она возникла какъ послѣдовательный результатъ продолжительнаго періода исторической жизни Италіи. Исторія вѣковъ предшествовавшихъ произвела ее изъ своей плоти и крови, воспитала на своей почвѣ и дала ей силу жизненную на много послѣдующихъ вѣковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и сами римскіе епископы, особенно нѣкоторые изъ нихъ, своими личными достоинствами много содѣйствовали развитію этой идеи, возвышенію и утвержденію своего авторитета и распространенію своего вліянія на дѣла общественныя — церковныя и гражданскія. Но нельзя сказать, чтобы кому-нибудь лично принадлежала честь созданія этого громаднаго зданія среднихъ вѣковъ — папства; — всѣ они начали стремиться къ одной цѣли тогда только, когда сознали и поняли свое положеніе среди западнаго міра, сложившееся силою обстоятельствъ, отъ нихъ лично не зависѣвшихъ, — словомъ, положеніе, выработанное уже самой исторіей Запада вообще и италіанской націи въ частности, — и потому, всѣ и каждый порознь, по мѣрѣ силъ и личнаго пониманія, служили въ этомъ созданіи только помощниками, болѣе или менѣе дѣятельными и понимавшими цѣль и назначеніе своей дѣятельности. И такъ, неоспорима истина, что власть папскую возрастила исторія, — что народы, такъ сказать, поднесли духовенству власть, которою оно пользовалось нѣсколько вѣковъ къ благу самихъ народовъ. — Теперь обратимся къ исторіи и прослѣдимъ главнѣйшіе моменты историческихъ, гражданскихъ событій, имѣвшихъ постепенное, прямое и несомнѣнное вліяніе на политическое развитіе папской власти.

Средствъ, прямо или косвенно, но большею частію вѣрно относившихся къ одной цѣли — къ возвышенію власти римскаго первосвященника, было очень много; но всѣ они, по нашему мнѣнію, могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ, означены двумя рубриками: — это нравственное вліяніе духовной власти на умы средневѣковаго общества — и политическое значеніе римскаго епископа, какъ представителя италіанской національности и какъ самостоятельнаго владѣльца обширной области.

Обращая вниманіе на значеніе римскаго епископа въ ряду другихъ представителей церкви, мы видимъ, что преимущество чести и важность его голоса въ вопросахъ догматики и практики церковной — весьма рано сдѣлались почти неотъемлемымъ достояніемъ римской каѳедры. Ея представители пользуются не только почтеніемъ и любовію народа, но и высокимъ уваженіемъ прочихъ епископовъ. Причина этого заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что, съ одной стороны, мысль о намѣстничествѣ престола св. апостола Петра и дѣятельное участіе въ дѣлахъ церкви Восточной, также покровительство невинно-преслѣдуемымъ епископамъ (напр. св. Аѳанасію В., св. Іоанну Златоусту), съ другой — твердое и неуклонное послѣдованіе православному ученію церкви, ревностное обличеніе ересей въ церкви Восточной, — все это давало римскому епископу весьма важное значеніе во всей церкви, особенно-же въ своемъ западномъ округѣ, во мнѣніи подчиненныхъ ему церквей и въ глазахъ римскаго народа. При томъ-же, римскіе епископы съ самыхъ первыхъ вѣковъ обладали гораздо большими средствами и въ матеріальномъ отношеніи. Такъ еще въ III вѣкѣ они посылали богатую милостыню въ Аравію; а въ V вѣкѣ ихъ богатыя владѣнія и патримоніи находились уже не въ одной Италіи, но и въ Галліи, и въ Испаніи и другихъ странахъ, съ которыхъ они получали ежегодные и весьма большіе доходы; а слѣдовательно, имѣя возможность благотворить бѣднымъ и облегчать общественныя бѣдствія въ трудныя времена, они могли болѣе и болѣе сближаться съ народомъ римскимъ и связываться съ нимъ самымъ твердымъ союзомъ, основаннымъ не только на одномъ уваженіи, но и на искренней любви къ нимъ. Наконецъ, и личныя заслуги многихъ епископовъ Рима для блага общественнаго — весьма много говорили въ пользу ихъ и высоко ставили ихъ въ народномъ мнѣніи. Безъ сомнѣнія, народъ римскій не могъ забыть великихъ услугъ, напримѣръ Льва I, оказанныхъ имъ въ тяжкую годину бѣдствія Италіи — въ страшное нашествіе Аттилы, когда папа своимъ духовнымъ авторитетомъ и силою слова, укротивъ гнѣвъ страшнаго завоевателя, спасъ Римъ отъ его разгрома; — не могла не возбудить въ народѣ римскомъ глубокаго чувства благодарности и преданности и другая услуга этого епископа, когда онъ удержалъ Гензериха отъ опустошенія Рима. Такимъ образомъ, и предпочтительное уваженіе отъ прочихъ епископовъ, и любовь и благодарная преданность римскаго народа, относившагося къ своему епископу съ полною симпатіею, и, наконецъ, матеріальныя средства, дававшія ему возможность благотворить бѣднымъ, — все ставило римскаго епископа еще съ первыхъ вѣковъ христіанства въ положеніе покровительственное, начальственное и высоко представительное.

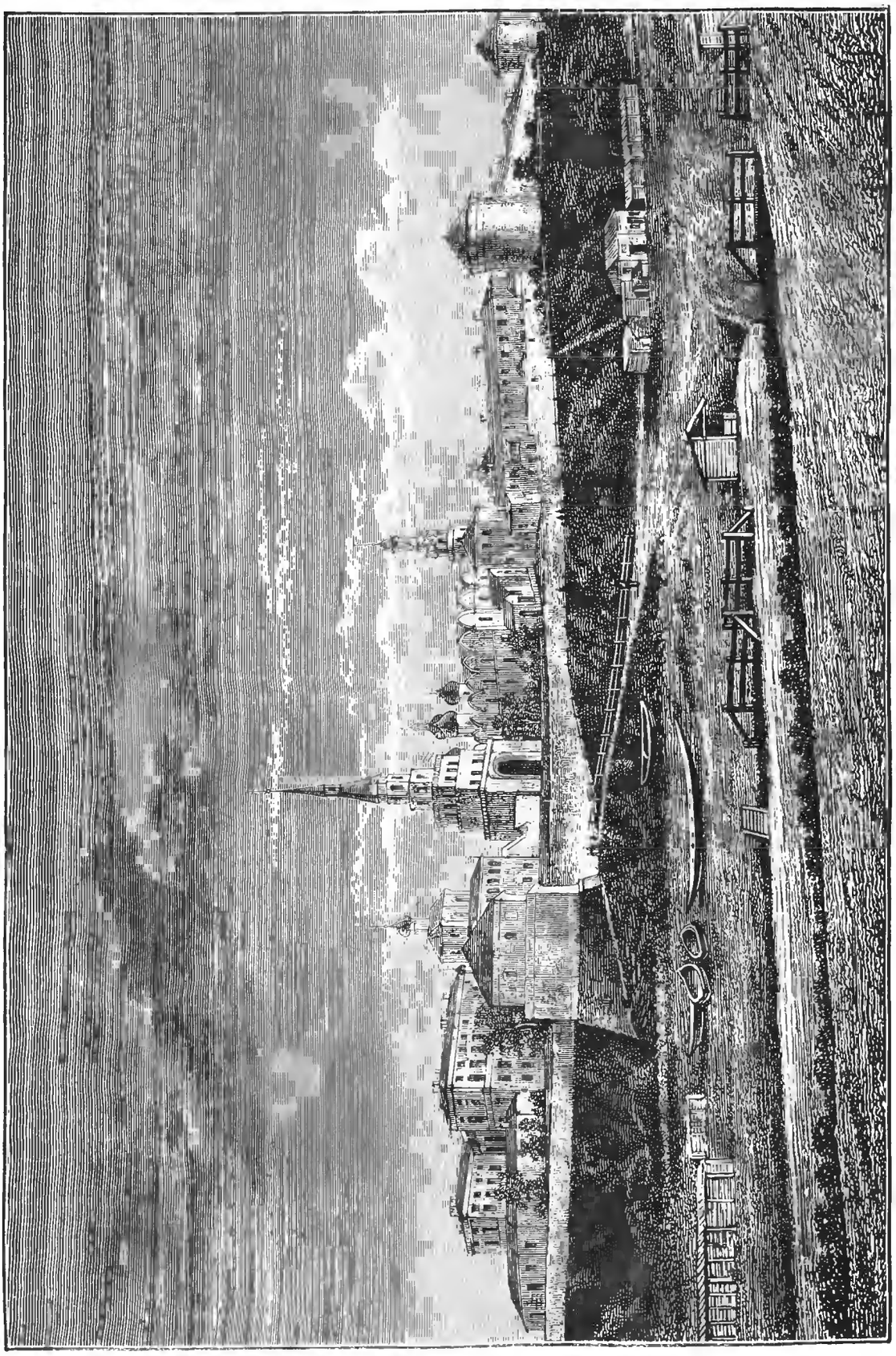
Но полное развитіе папства начинается только съ паденія Римской имперіи. До того времени римскіе епископы, хотя и пользовались предпочтеніемъ и правомъ старѣйшинства, какъ первостоятели столицы міра, и назывались даже, по примѣру прочихъ первостоятелей старшихъ церквей, патріархами, — не смотря, однакожъ, на все это, находились въ полномъ подчиненіи власти императора, и въ присутствіи блеска двора по необходимости оставались въ тѣни. Когда-же не стало въ Римѣ императоровъ и пышность придворной жизни замѣнилась обыкновенной обстановкой областнаго города, — папы явились въ полномъ блескѣ своего величія, окруженные своимъ дворомъ и не подчиняющіеся чуждой власти. Всѣ обстоятельства сложились самымъ благопріятнымъ для нихъ образомъ. Не стѣсняемый присутствіемъ императора и не заслоняемый пышностію его двора, оставшись однимъ высшимъ представителемъ духовной власти на всемъ Западѣ, папа, естественно, пріобрѣталъ въ умахъ народа гораздо болѣе значенія, чѣмъ прочіе патріархи, которыхъ на Востокѣ было четыре, и къ тому-же еще — трое изъ нихъ въ скоромъ времени подпали власти невѣрныхъ, а константинопольскій не имѣлъ самостоятельности при высшемъ авторитетѣ импе-

Библиотека "Руниверс"

ратора; слѣдовательно, уже самымъ разрушеніемъ политическаго бытія западной Римской имперіи воздвигалось величіе другаго зданія — самостоятельной власти римскаго первосвященника. Съ другой стороны, за отсутствіемъ императора, папа становился единственнымъ центромъ, къ которому прививались всѣ симпатіи цѣлаго государства, — единственною личностію, на которую общее народное сознаніе переносило все уваженіе и благоговѣніе, прежде дѣлившееся между нимъ и императоромъ, и дѣлившееся, конечно, не равно. Въ это несчастное для Италіи время, — когда она, разгромленная варварами, распалась на мелкія части, когда разстроенное общество не имѣло для себя никакой точки опоры, — среди всеобщаго разрушенія и безпорядка, идея единства и порядка имѣла осуществленіе свое только въ церковномъ управленіи. По этому, весьма естественно явленіе, что взоры государей и народовъ Запада обращались къ римскому епископу, какъ единственному представителю правильно организованной власти, не тронутой варварами во всемъ западномъ мірѣ, — иногда съ ожиданіемъ умиротворенія, а иногда съ мольбою о защитѣ. И не напрасны были эти ожиданія. Когда феодальная система проникла во весь составъ общества, когда возвысился надъ всѣми классами людей одинъ классъ, обладавшій всѣми преимуществами общественнаго положенія, всѣми выгодами жизни, а въ удѣлъ другимъ оставались труды безъ вознагражденія и терпѣніе безъ надежды на улучшеніе быта, — духовная власть одна въ это время напоминала жестокимъ вассаламъ ихъ человѣческія и христіанскія обязанности, одна давала защиту и убѣжище беззащитнымъ и преданнымъ на произволъ судьбы и своихъ суровыхъ владыкъ рабамъ; одна она могла возставать громко и открыто противъ безпорядковъ и злоупотребленій феодальныхъ владѣльцевъ, и своевольные и буйные вассалы, не признававшіе никакого закона,

Видъ церкви Св. Петра и Павла въ Казани.
Рис. А. де Баръ, грав. Пибаро.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ Кремля въ Казани. Съ фотографіи рис. на деревѣ Космаковъ, грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

никакой власти, трепетали гнѣва безоружнаго римскаго первосвященника.

Къ этому присоединилось еще новое обстоятельство, возвысившее и еще болѣе укрѣпившее общее народное сочувствіе и глубокое благоговѣніе къ папѣ. Папа Григорій Великій рѣшился обратить въ христіанскую вѣру англо-саксовъ. Его миссіонеры, съ пламенною ревностію къ святому дѣлу и съ полною преданностію интересамъ святѣйшаго папы, съ блистательнымъ успѣхомъ исполнили свою миссію. Островитяне скоро приняли христіанство, а съ нимъ вмѣстѣ и глубокую преданность видимому главѣ его на землѣ — къ папѣ. Это пріобрѣтеніе чадъ церкви и вѣрныхъ слугъ папы много содѣйствовало къ утвержденію вліянія его между германскими народами, которые также постепенно все болѣе и болѣе принимали христіанскую вѣру.

Такъ продолжалось до VIII вѣка. Въ этотъ, несчастный для Востока, вѣкъ возникла въ Константинополѣ ересь иконоборства и охватила весь Востокъ, не коснувшись Запада; эта лютая зараза почти цѣлые сто лѣтъ терзала Восточную имперію, а представителю христіанскаго Запада придала особенный блескъ и особенную важность, доставивъ ему случай явиться ревностнымъ и безпристрастнымъ защитникомъ православія на Западѣ и обративъ на него взоры всѣхъ западныхъ христіанъ. За тѣмъ, споры и несогласія, начавшіеся въ половинѣ IX и окончившіеся въ половинѣ X вѣка, между церквами римской и константинопольской изъ-за догматическихъ и каноническихъ разностей вѣроученія, еще болѣе сблизили и, такъ сказать, сплотили весь христіанскій Западъ около своего главы и представителя. Это обстоятельство ясно показало насколько авторитетъ римскаго епископа былъ уже силенъ въ западномъ мірѣ; вѣра въ него и безграничная преданность римскому первосвященнику до того утвердились и окрѣпли въ умахъ народовъ, что они принимали за непогрѣшимый догматъ всякое ученіе и опредѣленіе его: и когда церковные споры кончились совершеннымъ отдѣленіемъ западной церкви отъ восточной, всѣ западные христіане остались вѣрными своему папѣ безъ всякаго разсужденія и выбора между правотою или заблужденіемъ той или другой церкви.

На зенитомъ папскаго величія были крестовые походы. Въ это время, когда государи, какъ покорные слуги, и тысячи знатнѣйшихъ лицъ цѣлаго Запада, и безчисленное множество народа, — послушные гласу папы, подъ его верховнымъ руководствомъ, во имя вѣры, шли освобождать отъ ига сарацинъ Святую Землю, — въ это время, продолжавшееся цѣлыхъ два вѣка, власть папская достигла апогея своего могущества.

Архимандритъ Алексій.

(Окончаніе будетъ.)

Изъ Америки.

(Собственныя корреспонденціи «Нивы»).

Нью-Іоркъ, 12 августа 1874 года, среда.

Любекъ отличается отъ Гамбурга тѣмъ, что въ Любекѣ горничныя ходятъ въ чепчикахъ, сшитыхъ на куклу средняго роста, въ Гамбургѣ же чепчики гораздо больше, но такъ однообразны, какъ будто сенатъ знаменитой ганзейской республики сочинилъ такой мундиръ и сдѣлалъ его обязательнымъ. Это всѣхъ другихъ городовъ въ свѣтѣ Гамбургъ отличается тѣмъ, что въ хорошихъ кафе-ресторанахъ на счетъ ставится за графинъ воды (въ два стакана) — 4 шиллинга, то есть гривенникъ, — и при этомъ вода довольно скверная. Еще нельзя не помянуть Гамбурга за прелестный зоологическій садъ, лежащій рядомъ съ ботаническимъ. Входъ въ одинъ отдѣленъ отъ входа въ другой вириною улицы, саженъ въ десять; но я этого не зналъ и у воротъ ботаническаго сада спросилъ сторожа, нельзя-ли черезъ его садъ пройти въ зоологическій. Онъ съ милою, дружескою улыбкой отвѣчалъ, что можно и что въ другой сторонѣ есть ворота, даже безъ сторожа. Кажется, старому сторожу очень хотѣлось, чтобы хоть кто нибудь хоть ошибкой посѣтилъ его незамысловатый садъ, и потому онъ погрѣшилъ избыткомъ логики въ отвѣтѣ: чтобы вывесть меня изъ заблужденія, онъ могъ просто показать на входъ въ зоологическій садъ, прямо черезъ улицу.

Зоологическій садъ занимаетъ пространство десятинъ въ двадцать и въ самомъ дѣлѣ достоинъ ганзеатической республики. «Какихъ звѣрей, какихъ я птицъ тамъ не видалъ!» Но лучше всѣхъ, занимательнѣе всѣхъ — слонъ и носорогъ. Слоновъ два. Они и носорогъ живутъ въ трехъ разныхъ стойлахъ подъ одной крышей. Открытыя ворота каждаго стойла выходятъ на три разные дворы, отдѣленные одинъ отъ другаго толстыми досками, а отъ зрителей — здоровенною желѣзной рѣшеткой. Слоны оказались не въ тѣлѣ: повидимому, сенатъ скупится на сѣно. За то одинъ изъ слоновъ пользуется удобствомъ постоянныхъ сношеній съ носорогомъ — и для обоихъ это служитъ источникомъ чистѣйшихъ удовольствій. Нельзя не любоваться какъ слонъ поднимается передними ногами на заборъ, отдѣляющій его отъ носорога, задними становится на желѣзную поперечину рѣшотки и хоботомъ гладитъ своего товарища по заключенію, проводитъ имъ по спинѣ, обнимаетъ шею, беретъ за ухо. Носорогъ при этомъ тоже поднимаетъ морду и выражаетъ удовольствіе. Сцена довольно незамысловатая, но она скрашивается громадною величиною дѣйствующихъ лицъ и показываетъ въ то же время, что нѣкоторые зоологи врутъ, увѣряя, будто слонъ и носорогъ — злѣйшіе враги. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ двумъ гигантамъ нечего дѣлить, и потому на полѣ они должны встрѣчаться безъ особенной вражды.

Зоологическій садъ пополняется изъ пожертвованій; имена пожертвователей, большею частію капитановъ кораблей дальняго плаванія, выставляются на рѣшеткахъ звѣрей и птицъ, отлитыми на чугунныхъ дощечкахъ. Когда у насъ въ Питерѣ будетъ порядочный зоологическій садъ, то, вѣроятно, найдутся тоже жертвователи, хотя, по правдѣ сказать, у насъ немного кораблей, предпринимающихъ дальнія плаванія. Водяныя птицы содержатся на огромныхъ прудахъ. Клѣтка хищныхъ птицъ у Гейгардъ въ Питерѣ гораздо богаче гамбургской. Бѣлый мѣдвѣдь помѣщенъ роскошно: у него своя пещера съ солидною рѣшеткой и особый салонъ съ фонтаномъ, гдѣ онъ купается. Отъ этого онъ совершенно бѣлъ, а не желтъ, какъ обыкновенно въ звѣринцахъ. У льва огромная полукруглая клѣтка саженъ въ шесть, съ искусственною скалою и пещерой. Оленей и газелей множество. Кенгуру, точно такой, какой намъ извѣстенъ по картинамъ, поражаетъ совершенно необыкновеннымъ аллюромъ. Онъ прыгаетъ обѣими задними ногами одновременно, какъ гигантская блоха, съ тою только разницей, что скачки очень часты и быстры. Блоха, сколько извѣстно, разсчитываетъ больше на одинъ скачокъ и потомъ долго собирается съ силами, чтобы сдѣлать другой; а кенгуру прыгаетъ въ извѣстномъ направленіи и такъ сказать съ большимъ сознаніемъ цѣли. Русскихъ звѣрей почти нѣтъ; сѣверный олень и лось отсутствуютъ; представителемъ нашихъ медвѣдей служитъ только одинъ трехмѣсячный медвѣжонокъ.

Да, чуть не забылъ достопримѣчательность Гамбурга, отличающую его отъ всѣхъ другихъ городовъ на свѣтѣ. Въ немъ монета представляетъ путаницу и неурядицу необычайныя, непонятныя, такое смѣшаніе языковъ, котораго изучить въ три дня не было возможности. Главная размѣнная мелкая монета шиллингъ датскій. На немъ ясно изображена цифра 16; это значитъ пять шиллинговъ гамбургскихъ. На одну марку этихъ шиллинговъ приходится шестьнадцать. Но рейхс-марка на одну треть больше гамбургской. Сверхъ того, ходятъ Groschen, — ихъ три равняются четыремъ шиллингамъ; да есть еще Gute Groschen, которые подороже. При покупкѣ фунта вишенъ съ талера вамъ даютъ массу сдачи, въ которой есть и монеты съ цифрою 16, которую надо читать 5. А на желѣзной дорогѣ кассиры, опытные счетчики, не рѣдко приходятъ въ отчаяніе, обсчитываясь то въ свою пользу, то въ пользу пассажировъ. Здѣшніе школьники имѣютъ возможность отлично упражняться въ ариѳметическихъ выкладкахъ, получая сдачу съ одной марки при покупкѣ лакомства на одинъ хорошій грошъ. Дѣло учителей ариѳметики значительно упрощено.

Изъ Гамбурга верстъ тридцать внизъ надо было плыть на небольшомъ рѣчномъ пароходѣ, для пересадки на большой, отходившій въ Америку. Пассажировъ было много, большею частію нѣмцы-эмигранты. Они оставляли родину навсегда, и многіе были до крайности печальны. Но заиграла веселая музыка — и лица начали понемногу проясняться. Правда, что музыка была въ родѣ тѣхъ, которою насъ услаждаютъ въ Питерѣ бродячіе музыканты по дворамъ. Но годилась и эта, да можетъ быть эта была еще цѣлесообразнѣе хорошей, потому что диссонансъ, исправно рѣжущій ухо, способенъ отвлечь вниманіе даже отъ чтенія денежнаго контракта или любовнаго письма. Чтобы угодить публикѣ, музыканты заиграли Lieb' Vaterland magst ruhig sein. Пассажиры стали понемногу подпѣвать, многіе расплакались, такъ что капитанъ долженъ былъ прекратить эту пьесу, чтобы не получить совершенно унылыхъ пассажировъ. Нѣсколько веселенькихъ пьесъ съ надлежащимъ количествомъ диссонансовъ изгладили тягостное для отъѣзжавшихъ впечатлѣніе прелестнаго мотива Wacht am Rhein.

Переселенцы оставляли родину подъ впечатлѣніемъ дрянной музыки и общаго прощанья. Берегъ Эльбы на много верстъ внизъ отъ Гамбурга усѣянъ домами и корабельными пристанями. Сначала тянется знаменитая Альтона, которую такъ любилъ гейневскій Гіацинтъ, знаменитый слуга синьора Гумпелино. За Альтоной идетъ длинный-длинный рядъ загородныхъ домовъ

Библиотека "Руниверс"

или дачъ. По флагу нашего пароходa видно было что онъ и куда онъ идетъ, и ни одинъ человѣкъ на берегу изъ рабочихъ, выгружавшихъ товары въ высокіе магазины, изъ людей, гулявшихъ по дорожкамъ дачъ, изъ дамъ, отдыхавшихъ въ высокихъ бесѣдкахъ по нагорному берегу, не пропустилъ насъ, не махая привѣтливо или платкомъ, или шляпой. На нашего брата, простаго путешественника, такія привѣтствія производили пріятное впечатлѣніе, а для переселенцевъ эти послѣднія прощанья и проводы земляковъ были неоцѣненны. Не одна пара глазъ сдѣлалась влажною отъ этихъ послѣднихъ привѣтовъ родины. Бросалась въ глаза одна только группа людей, ни на кого посторонняго не обращавшихъ вниманія. Это были старикъ со старухой, два сына ихъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, жена одного изъ нихъ, молодая дѣвушка, можетъ быть дочь стариковъ, и трое ребятишекъ, дѣти старшаго сына. Они по сторонамъ не смотрѣли, разговаривали только между собой, да старуха съ заботливостью наседки все посматривала, чтобы внуки не отходили далеко. Эти, очевидно, везли отечество съ собой: имъ не съ кѣмъ было прощаться. Гораздо позже, уже дорогой, всматриваясь въ лица переселенцевъ, не трудно было замѣтить, то подъ суровою, то подъ добродушною наружностью, ту энергію, которая нужна для того, чтобы рѣшиться на переселеніе. И если Америку населяютъ каждый годъ многіе десятки тысячъ энергическихъ людей, то ничего нѣтъ мудренаго, что дѣятельность въ ней кипитъ такъ, какъ нигдѣ въ другихъ странахъ земнаго шара. По какой энергіей ни обладай человѣкъ, все-таки разстаться съ родиной навсегда—въ послѣднюю, рѣшительную минуту становится жутко, и лица на Эльбѣ были угрюмѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Когда пересѣли на большой пароходъ, музыка кончилась и каждый занялся важнымъ дѣломъ устройства въ своей каютѣ и въ своей койкѣ: предстояло провести цѣлыя двѣ недѣли въ желѣзномъ пароходѣ, среди незнакомыхъ лицъ и обладающихъ неизвѣстно какими качествами. Поэтому въ первое время пассажиры относились одинъ къ другому недовѣрчиво. Но одинъ жидокъ, понявъ что я русскій, тотчасъ началъ поддѣлываться, предлагая въ Нью-Іоркѣ отличнаго портнаго и вообще принялся факторствовать.

На меня, какъ вѣроятно на большую часть нашихъ соотечественниковъ, океанъ произвелъ очень тягостное впечатлѣніе: воды черезъ-чуръ много: и сегодня вода кругомъ, и завтра, и опять, каждый день, это было невыносимо. По учебникамъ географіи мы знаемъ, что воды на свѣтѣ втрое больше чѣмъ земли, но крайней мѣрѣ на поверхности земнаго шара; но испытать это на дѣлѣ, измѣрить всю ширину Атлантическаго океана собственными глазами оказывается дѣломъ непроходимо-скучнымъ. И приходилось заниматься волнами, потому что въ открытомъ морѣ птицъ не было, а киты попадались тамъ всего раза четыре, да акулы разъ десять. О волнахъ писано немного,—о вѣтрѣ, участвующемъ въ ихъ произведеніи, писано гораздо больше; но это писали большею частію сухопутные люди, или моряки, смотрѣвшіе на вѣтеръ и на волны съ совершенно практической точки зрѣнія. Теорія волнъ еще нетронутое поле для изслѣдованій, и я предлагаю эту задачу—метеорологическимъ обсерваторіямъ, все равно, расположеннымъ близь моря, или среди материковъ, потому что прежде всего нужно изучить вѣтеръ. Въ открытомъ морѣ не трудно замѣтить, что волны не находятся въ прямой зависимости отъ вѣтра, то есть, что величина волны никогда не пропорціональна силѣ вѣтра. Моряки приписываютъ слишкомъ большую сравнительно съ силою вѣтра волну бывшей въ данной полосѣ бурѣ, которая не успѣла улечься. Это очень легкое объясненіе, и во многихъ случаяхъ оно правильно. Но если взять сильный, посредствомъ паровой машины дѣйствующій вентиляторъ и направить горизонтальную струю воздуха вдоль данной поверхности, спокойно стоящей воды, то произойдетъ множество мелкихъ волнъ. Увеличеніе числа оборотовъ вентилятора не увеличитъ высоту волнъ, хотя значительно увеличитъ пѣну. Поэтому на практикѣ вѣтеръ слабый, вѣтеръ свѣжій, вѣтеръ сильный,—все это не важно. Несравненно большее значеніе имѣетъ направленіе вѣтра, то есть *уголъ*, подъ которымъ онъ опускается на поверхность воды. При меньшемъ количествѣ оборотовъ вентилятора, направьте на спокойную поверхность воды плоскую струю воздуха, но такъ, чтобы эта струя съ поверхностью воды образовала нѣкоторый уголъ, напр. въ 3°, волны сдѣлаются выше; уголъ въ 5° подниметъ еще болѣе высокое волненіе. Условіе глубины воды, извѣстное въ метеорологіи, остается при этомъ въ полной силѣ. Внимательное наблюденіе волны на океанѣ прямо наводитъ на мысль объ углѣ паденія вѣтра, и когда мы дойдемъ до установленія *уравненія волны*, этотъ уголъ будетъ стоять на первомъ мѣстѣ. Надѣюсь заняться здѣсь изслѣдованіемъ вопроса объ углѣ паденія вѣтра и постройкою необходимыхъ для этого снарядовъ. Обыкновенныя вѣтромѣрныя вертушки будутъ вставлены въ трубки, наклоненныя подъ различными углами. Но объ этомъ я напишу вамъ впослѣдствіи особо. Замѣчу только, что метеорологи наши могли бы съ большою пользою для теоріи вѣтра заняться этимъ важнымъ вопросомъ: хорошо, если онъ будетъ разработываться на двухъ разныхъ полушаріяхъ.

Между пассажирами первое мѣсто занимали дѣти, по одному уже тому, что они не страдаютъ морскою болѣзнью и, скоро привыкнувъ къ пароходу, возятся, бѣгаютъ, визжатъ и ведутъ себя такъ же свободно, какъ гдѣ нибудь въ общественномъ саду. Всѣ пассажиры занимались ими. Если матери нездоровится, всегда есть пять-шесть человѣкъ, готовыхъ пособить ребенку, накормить его, полакомить, уложить, утѣшить. Дѣвочки лѣтъ десяти страдали морскою болѣзнью наравнѣ съ большими и, бѣдняжки, лежали на палубѣ пластомъ. Въ хорошую погоду все оживало; для пассажировъ третьяго класса выносилась шарманка, игравшая вальсы, и начинался пляскъ такой веселый, что любо было смотрѣть. Нѣмцы и нѣмки плясали до упаду, пока становилось совсѣмъ темно, и въ темнотѣ еще нѣкоторое время продолжался пляскъ. Тутъ же устроилось двѣ партіи: двѣ переселенки нашли себѣ жениховъ и, по прибытіи на мѣста, совершатся торжественные обряды бракосочетанія. Пассажиры перваго класса снисходили до того, что приходили смотрѣть на веселье третьяго класса, а сами по себѣ благонравно скучали. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ исправно всю дорогу играли въ карты, совершенно какъ въ Россіи, съ утра до вечера. Понятно, что среди скуки однообразнаго плаванія, появленіе кита привѣтствовалось общими радостными криками, и пассажиры хватались, кто за лорнетъ, кто за бинокль, кто за очки. А морской гигантъ выбрасывалъ носомъ водяные брызги, и показывалъ свою широкую спину, удивляя громадностью и медленными движеніями. Одинъ только разъ немногимъ пассажирамъ удалось увидать, часу въ шестомъ утра, двухъ китовъ, игравшихъ неподалеку отъ парохода съ легкостью маленькихъ рыбокъ. Какъ двѣ плотички играютъ весной близь мелкаго берега пруда, когда мечутъ икру, такъ разыгрались эти громадныя чудовища. Сначала явился одинъ фонтанъ и возлѣ него всплылъ какъ будто островокъ. За нимъ, изъ глубины, съ разбѣгу поднялся другой—и больше чѣмъ на половину высунувшись изъ воды, граціозно изогнулся головою внизъ, перепрыгнулъ такимъ образомъ черезъ товарища,—и черезъ минуту, выбрызгивая воду, они помчались почти рядомъ, безъ всякихъ повидимому усилій обгоняя пароходъ, шедшій со скоростью двадцати двухъ верстъ въ часъ. Долго еще эти играющіе великаны забавляли матросовъ и немногихъ пассажировъ, которымъ не спалось, и насилу скрылись изъ виду.

Каждый день, вслѣдъ за полуденнымъ наблюденіемъ солнца, капитанъ выставлялъ въ третьемъ, во второмъ и въ первомъ классахъ карточки съ обозначеніемъ долготы и широты мѣста, на которомъ мы находились, а также количества пройденныхъ миль. Немногихъ пассажировъ это занимало; многіе считали, что количество пройденныхъ миль обозначается нѣмецкими миляиы, и составляли себѣ сильно преувеличенное понятіе о длинѣ переѣзда и о быстротѣ нашего хода. Захватило насъ однажды и сильное волненіе, отъ котораго не было возможности улежать въ койкѣ: легче было устоять на ногахъ, особенно на верху, на палубѣ. Волны хлестали черезъ пароходъ, обмывая палубу и всякій разъ перекидываясь черезъ мостикъ, на которомъ стоитъ рулевой и дежурный офицеръ. Это было невыразимо красиво. Громадный почти шестидесяти саженъ въ длину пароходъ переваливался съ волны на волну, какъ сосновое полѣно, случайно плывущее по Невѣ въ бурную погоду, когда перевозы прекращены. Но я самъ вижу, что сравненіе вѣрно только пропорціонально величинѣ. Характеръ океанской волны совершенно другой. Въ такую погоду, когда вѣтру вовсе нѣтъ и только собственное движеніе парохода производитъ на плавателя впечатлѣніе противнаго вѣтра, волна все-таки есть: это чрезвычайно отлогія приливо-отливныя волны. На взглядъ поверхность ихъ наклонена къ горизонту подъ угломъ градусовъ въ шесть, а ширина, то есть разстояніе отъ вершины одной до вершины другой, можетъ быть саженъ сто или полтораста, можетъ быть и двѣсти. Эти размѣры даютъ уже значительную абсолютную высоту волны. На каждую пароходъ взбѣгаетъ и потомъ сбѣгаетъ, что и даетъ плавное, медленное покачивающее движеніе носомъ и кормою, то вверхъ, то внизъ. Если случается, что направленіе парохода не вертикально къ направленію гребня приливо-отливной волны, а пересѣкаетъ его подъ угломъ, то получается движеніе довольно сложное, состоящее изъ первоначальнаго, ныряющаго, переднезадняго и изъ медленнаго переваливанія съ боку на бокъ. Но вотъ пробѣгаетъ струйка самаго легкаго вѣтерка, и на этихъ большихъ, такъ-сказать, нормальныхъ волнахъ, образуется рябь, крошечныя волны на большихъ волнахъ. Такова простѣйшая океанская волна. Самая сложная поднимается, во-первыхъ, болѣе или менѣе сильнымъ вѣтромъ, дующимъ подъ извѣстнымъ угломъ, во-вторыхъ, тѣмъ горизонтальнымъ направленіемъ, какое по необходимости принимаетъ струя воздуха, ударившись о поверхность воды подъ угломъ; какъ важный элементъ входитъ въ эту волну направленіе приливо-отливныхъ волнъ, да еще иногда другое—или вертикальное, или подъ угломъ—направленіе волнъ отъ какой нибудь бури, промчавшейся въ данномъ пунктѣ за нѣсколько часовъ, или присылаемыхъ въ данный пунктъ отъ урагана, проходящаго по сосѣдству. Какъ видите, есть надъ чѣмъ поработать метеорологамъ. Но опять-таки я вдаюсь въ подробности сухой матеріи, занимающей меня въ настоящее время.

Американскій берегъ открылся на тринадцатый день и сначала явился миражемъ. Преломленіе лучей подняло намъ бывшій за горизонтомъ материкъ и показало его нѣсколько выше горизонта. Мало по малу показался материкъ въ самомъ дѣлѣ, и къ концу тринадцатаго дня плаванія, мы пристали къ пристани, перебросили мостикъ и послѣ нѣкоторыхъ формальностей вышли на берегъ.

И вотъ я попалъ подъ 40-вой градусъ сѣв. шир., гдѣ перекки зрѣютъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ арбузы, при страшной здѣшней дороговизнѣ, продаются по 20 копѣекъ. Посмотримъ, какъ здѣсь люди живутъ!

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИНВѢСТІЯ.

26-го августа Ея Величество Государыня Императрица съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями Сергѣемъ и Павломъ Александровичами и Константиномъ, Дмитріемъ и Вячеславомъ Константиновичами благополучно изволила прибыть, въ пять съ половиною часовъ пополудни въ Ливадію.

— 28-го августа Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть, въ полдень, въ Ливадію.

— Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ и Великая Княгиня Марія Павловна, желая облегчить по возможности участь бѣдныхъ жителей С.-Петербурга, изволили пожаловать, по случаю благополучно совершившагося бракосочетанія Ихъ Высочествъ, двѣ тысячи рублей, которые и доставлены въ управленіе с.-петербургскаго градоначальника для раздачи наиболѣе нуждающимся лицамъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ удостоилъ въ Югенгеймѣ, 12-го (24-го) іюня сего года, Высочайшей ратификаціи трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный 20-го марта (1-го апрѣля) 1874 г. между Россіею и Франціею. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на французскую 22-го іюня (4-го іюля) сего года, и договоръ этотъ, на основаніи 21 ст., долженъ за симъ войти немедленно въ дѣйствіе.

— Для завѣдыванія работами по устройству, согласно Высочайше утвержденному проекту, морскаго канала между Кронштадтомъ и С.-Петербургомъ и входа изъ онаго въ р. Неву, со всѣми принадлежностями сихъ канала и входа, учреждается при Министерствѣ Путей Сообщенія особое временное управленіе по устройству С.-Петербургскаго морскаго канала. Управленіе это подчиняется непосредственно министру путей сообщенія.

— Государь Императоръ, 23 го минувшаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ: установленныя Высочайшимъ повелѣніемъ 3-го февраля 1872 года правила объ учрежденіи при с.-петербургской полиціи особаго суда на правахъ полковаго распространить и на варшавскую полицію.

— Высочайше повелѣно: учрежденія, состоявшія подъ покровительствомъ въ Бозѣ почившей Великой Княгини Елены Павловны, соединить въ одинъ нераздѣльный составъ, подъ наименованіемъ «Учрежденія Великой Княгини Елены Павловны». Къ составу учрежденій Великой Княгини Елены Павловны принадлежатъ: 1) Училище св. Елены; 2) Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія; 3) Елисаветинская клиническая больница для малолѣтнихъ дѣтей — и 4) Максимиліановская лѣчебница.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

Для попеченія о бѣдныхъ армянахъ гор. Астрахани учреждается при одной изъ армянскихъ церквей въ Астрахани церковное попечительство о бѣдныхъ. Попечительство состоитъ изъ семи членовъ, трехъ — избираемыхъ на три года общимъ собраніемъ прихожанъ армянскихъ церквей въ гор. Астрахани, двухъ ктиторовъ церквей соборной и Петра и Павла, и одного священнослужителя, назначаемаго епархіальнымъ архіепископомъ.

— Въ настоящемъ году пермскимъ епархіальнымъ начальствомъ было разрѣшено духовенству пермской епархіи заниматься въ своихъ приходахъ оспопрививаніемъ. Первымъ изъ лицъ духовнаго сословія, воспользовавшимся этимъ разрѣшеніемъ, былъ обучившійся оспопрививанію при пермскомъ земскомъ оспенномъ институтѣ діаконъ красноуфимскаго уѣзда, А. А. Бирюковъ. Его примѣру послѣдовалъ затѣмъ діаконъ пермской женской общины О. М. Поповъ.

— 15-го августа Общество врачей ярославской лѣчебницы поднесло наперсный крестъ священнику ярославской Богословской церкви Михаилу Бѣлороссову. Безвозмездные 12-ти лѣтніе труды отца Михаила по лѣчебницѣ постоянно обращали на себя вниманіе членовъ Общества врачей, какъ труды высоко христіанскіе, и потому Общество врачей ходатайствовало предъ высшимъ духовнымъ начальствомъ о Высочайшемъ соизволеніи на дозволеніе ему выразить священнику Бѣлороссову свое уваженіе и признательность поднесеніемъ наперснаго креста съ драгоцѣнными украшеніями отъ его имени.

— Оренбургскимъ муфтіемъ предложено было ахунамъ и имамамъ вѣдомства магометанскаго духовнаго собранія пригласить мусульманъ къ пожертвованіямъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая хлѣба жителей Самарской, Оренбургской и частію Уфимской губерній. Всѣхъ пожертвованій поступило 2,651 р. 43 к.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— 5-го мая сего года открыто въ Ладвинскомъ приходѣ, Петрозаводскаго уѣзда, двухклассное народное училище.

— Въ Харьковѣ, 15-го августа, освящено зданіе, построенное харьковскимъ купцомъ С. А. Клейменовымъ для училища при Св.-Духовскомъ приходѣ.

— Въ Псковѣ, 20-го августа, открыты два новыя учебныя заведенія: учительская семинарія и землемѣрное училище. При первомъ будетъ состоять образцовое начальное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворенія. П. Гусевой. — Сказано что Лэія. Романъ въ двухъ частяхъ. Часть II. А. Бѣшенцова (окончаніе). — Еще нѣсколько секундъ (съ рисункомъ). — Цыганка (съ рисункомъ). — Городъ Казань (съ двумя рисунками). П. БОЕНА. — Политическое развитіе панской власти. Архимандрита Алексія. — Изъ Америки. (Собственныя корреспонденціи «Нивы»). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЛЮБИТЕЛИ
И
ЗНАТОКИ ЧАЯ

симъ извѣщаются, что въ склады извѣстнѣйшаго по своей обширной торговлѣ и превосходному выбору чаевъ: московскаго торговаго дома **ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО**, получены изъ Кяхты и поступили въ оптовую и розничную продажу **СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ** большія партіи свѣжихъ душистыхъ чаевъ, равныхъ которымъ, какъ по ихъ отмѣнно высокому достоинству, такъ и по умѣренной цѣнѣ, никогда еще не бывало въ продажѣ.

Но въ особенности

обращаютъ на себя всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ, имѣвшихъ случай апробовать нижеслѣдующіе новые чаи, отличающіеся своимъ чуднымъ, необыкновенно пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ, а именно: изъ чаевъ черныхъ: № 2-й, Ненхзо-Пеха, 1 руб. 40 коп.; № 3-й, изъ фузы Лозана ососка Фучефу, 1 руб. 60 коп.; № 4-й, высшій сортъ жемчужный Букетъ фучана, 1 руб. 80 коп.; въ особенности же рекомендуются любителямъ изъ отборныхъ: ханскій № 5-й, Царскій Букетъ, въ 2 руб.; № 6-й чуднаго аромата и вкуса Царская Роза, въ 2 руб. 30 к., и, какъ необычайная рѣдкость, равнаго которому по достоинству не существуетъ въ продажѣ № 7-й, Индѣйская Роза, 2 руб. 60 коп.; изъ цвѣточныхъ чаевъ очень хорошіе: № 12-й, Мыюконъ, 2 руб. 10 коп.; № 13-й, отборный, 2 руб. 25 коп., а также лянсины букетные: № 14-й, Мыютанъ-Наджинъ-Пеха, 2 руб. 50 коп.; № 15, Букетный Лянсинъ, въ 2 руб. 70 коп., и въ особенности № 16-й, Букетъ Розы, въ 3 руб., и № 17-й, лянсинъ Китайской Императрицы, въ 3 руб. 25 коп.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай чрезъ почту, съ требованіями своими благоволятъ относиться исключительно по слѣдующему адресу: *Въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго, въ главную контору торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко.* Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ чрезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается конторою на свой счетъ и, сверхъ того, дѣлается уступка 50% съ рубля всѣмъ, выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутой уступки, выписывающимъ чай единовременно на 50 руб., безъ различія губерній, высылается безплатно по выбору — новоизобрѣтенный металлическій «чайникъ», или же «чайница» новой конструкціи, или же серебряная «мѣрка» для чая, или же 1 ф. чая Букетъ розы въ 3 р.

Болѣе 4,000 торговцевъ

въ разныхъ городахъ Имперіи производятъ съ огромнымъ, день-ото-дня возростающимъ, успѣхомъ продажу развѣшанныхъ чаевъ фирмы московскаго торговаго дома О. А. КОРЕЩЕНКО на самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ для себя, такъ и для своихъ покупателей условіяхъ.

Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

Чай по требованію торговцевъ

отпускается развѣшанный на фунты, полуфунты и четверти. Каждый пакетъ, для сохраненія аромата въ чаѣ, завертывается въ олово и въ печатный этикетъ фирмы торговаго дома, на коемъ означена цѣна чая и находится пломба фирмы.

Дозволено цензурою. 14 сентября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 39 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 21-го сентября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

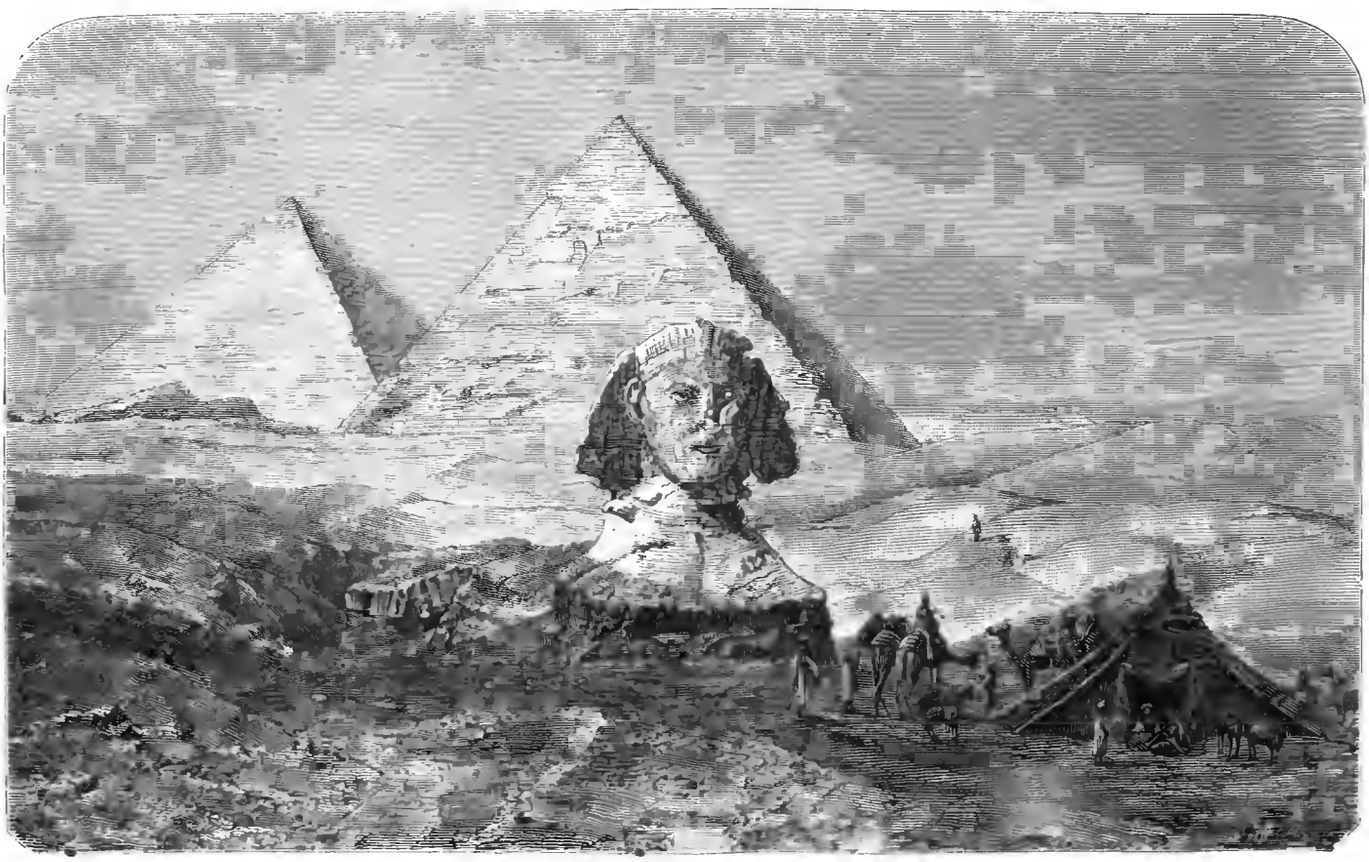
НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.



Египетскія пирамиды. Рис. и грав. Хельмицкій.

Библиотека "Руниверс"

Египетскія пирамиды.

Между памятниками древняго строительнаго искусства, которые своей колоссальной вышиной, массивностью и громаднымъ количествомъ труда, потраченнаго на ихъ сооруженіе, до сихъ поръ возбуждаютъ удивленіе потомства,—первое мѣсто занимаютъ пирамиды. Цѣль ихъ и происхожденіе покрыты глубокимъ мракомъ, хотя въ общихъ чертахъ извѣстно, что онѣ преимущественно имѣли назначеніе служить царскими могилами,—и что время сооруженія тѣхъ 40 пирамидъ, которыя вполнѣ или только отчасти еще сохранились въ Египтѣ, относится приблизительно къ пространству времени между годами 3,500 и 2,100 до Рож. Хрис. Египетскія пирамиды—древнѣйшія, но онѣ не единственныя; путешественники Кальо и Руссегаръ открыли въ Нубіи еще нѣсколько группъ пирамидъ меньшихъ размѣровъ и болѣе поздняго происхожденія; число этихъ послѣднихъ доходитъ въ общей сложности до 180.

Чтобы понять постройку пирамидъ, этихъ гигантскихъ памятниковъ человѣческаго честолюбія и гордости, надо прежде всего бросить взглядъ на древнюю культуру стариннаго Египта, почти не имѣющую ничего себѣ равнаго во всей всемірной исторіи. Египетъ безспорно принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ культурныхъ странъ, а географическое положеніе и особенныя природныя условія наложили на всю его культуру свою особенную печать. Высокія, далеко растянутыя, скалистыя горныя цѣпи, отдѣляютъ его отъ африканской пустыни и предохраняютъ отъ опасности быть засыпаннымъ ея подвижнымъ песчанымъ моремъ, у котораго обитатели этой страны всегда должны были брать съ бою свое существованіе и свои жилища. Но вслѣдствіе недостатка дождя и сухости египетскаго климата, почва его сдѣлалась бы безплодной и необитаемой безъ благословеннаго разлитія Нила, который весной ежегодно затопляетъ низменныя части береговъ, и оставляетъ послѣ убыли воды глубокій слой илу, дающаго плодоноснѣйшую почву. Это полноводіе и разлитіе повторялись ежегодно съ точностью и правильностью непреложнаго закона, въ то время когда въ высокихъ горахъ экваторіальной Африки наступали проливные дожди тропической зимы; а такъ какъ это правильное повтореніе разлитія и его благодѣтельное вліяніе на благосостояніе всей страны, не могло остаться незамѣченнымъ у египтянъ, то вниманіе этого умнаго и осмотрительнаго народа устремилось на изслѣдованіе причинъ этого явленія, на точное вычисленіе времени его возвращенія; это научило людей наблюдать звѣзды, раздѣлять по нимъ времена года и вычислять время. Съ другой же стороны, всевластная нужда научила древнихъ обитателей Египта предохранять свои жилища отъ наводненія, и давать послѣднему такое направленіе, чтобы благодѣтельныя послѣдствія его распространялись по возможности равномѣрно на всю страну, не причиняя ей бѣдствій. И такъ, подъ всесильнымъ давленіемъ нужды, у древнихъ египтянъ необыкновенно рано развилось искусство сооруженія каналовъ, плотинъ и искусственныхъ орошеній, покрывшихъ страну цѣлой сѣтью каналовъ и плотинъ. Безпрерывная борьба съ наносными песками и водяными разлитіями, то благодѣтельнаго, то разрушительнаго Нила, придала народному характеру древнихъ египтянъ особенно серіозное направленіе. Они никогда не забывали, что обязаны своимъ существованіемъ исключительно собственной своей неутомимой дѣятельности, и это—вмѣстѣ съ наблюденіями надъ правильностью и строгой законностью, съ какой ежегодно въ одно и то же время повторялось разлитіе удивительной рѣки,—пріучило весь народъ къ порядку и опредѣленности, развило въ немъ практичность, и тотъ острый, хотя и односторонній умъ и серіозный взглядъ на жизнь, которые отличаютъ древнихъ египтянъ отъ другихъ народовъ древности.

Изучая исторію Египта, мы видимъ, что у египтянъ понятіе о царяхъ и жрецахъ тѣсно совпадало съ ихъ міровоззрѣніемъ, исходившимъ изъ ничтожности и бренности всего земнаго и вслѣдствіе этого возлагавшимъ всѣ свои надежды на существованіе души послѣ смерти. Отсюда происходитъ тотъ культъ смерти, какой мы видимъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и гражданскихъ обычаяхъ древнихъ египтянъ, въ бальзамированіи тѣлъ людей и животныхъ и сохраненіи ихъ въ глубокихъ пещерахъ и каменныхъ гробницахъ, для предохраненія отъ разрушительнаго дѣйствія разложенія. Но не вездѣ встрѣчались такія громадныя скалистыя горы, гдѣ бы можно было вырывать необозримые подземные гроты и пещеры для сохраненія тѣлъ людей и животныхъ, какъ напримѣръ въ скалистыхъ пещерахъ Бени-Гассана въ Среднемъ Египтѣ и еще болѣе скалистыхъ окраинахъ нильской долины въ верхнемъ Египтѣ; въ ровныхъ, песчаныхъ мѣстностяхъ нижняго Египта для сохраненія царскихъ труповъ искусственно сооружались гигантскія постройки, называемыя пирамидами.

Благословенная рѣчная область Нила въ различные періоды заселялась съ юга. Когда именно переселились сюда съ юга древніе египтяне, оставившіе послѣ себя пирамиды и другіе памятники удивительно ранней, высокой, хотя и наивной культуры,—этого мы не знаемъ, и даже едва можемъ предполагать съ достовѣрной точностью. Намъ извѣстно только, что около 2,000 до Рож. Христ., тогдашній Египетъ былъ покоренъ пришедшимъ съ юга дикимъ кочевымъ народомъ, *Гиксами*, который уничтожилъ всѣ памятники искусства, и на развалинахъ погибшей культуры, основалъ новое царство, существовавшее около пяти столѣтій сряду, а потомъ послѣ продолжительной войны покоренное новымъ народомъ изъ центральной Африки. Гиксы разорили большіе города Верхняго Египта, но не могли разрушить такихъ памятниковъ цвѣтущаго времени древне-египетскаго искусства и культуры, какъ пирамиды, пещерныя гробницы въ Бени-Гассанѣ, Эдфу, Монфалу и пр. Итакъ, большая часть ихъ стоитъ еще и по сіе время, спустя слишкомъ 5,000 лѣтъ послѣ своего сооруженія; это памятники того порядка вещей, когда цѣлыя народныя массы въ теченіи вѣковъ трудились для удовлетворенія честолюбію одного человѣка и сооруженія ему гробницы, достойной его имени и славы.

Въ настоящее время нѣтъ болѣе никакого сомнѣнія въ томъ, что большинство египетскихъ пирамидъ служили ничѣмъ инымъ, какъ громадными надгробными памятниками—именно пирамиды Мемфиса и Джизеха, которыя въ теченіи этого столѣтія были нѣсколько разъ основательно изслѣдованы учеными, посвятившими себя изученію древностей. По своей архитектурѣ, пирамиды, какъ извѣстно, представляютъ громадную, четвероугольную въ основаніи, и заостренную кверху каменную массу, четыре угла которой строго соотвѣтствуютъ четыремъ странамъ свѣта. Поверхности четырехъ сторонъ пирамидъ сильно наклонены, такъ что контуры многихъ пирамидъ на горизонтѣ обрисовываются совершенно правильными прямоугольными четвероугольниками, какъ напримѣръ величайшая и почти лучше всѣхъ сохранившаяся пирамида Джизеха и Хеопсова пирамида, которую читатели видятъ на нашей картинѣ.

Больше всего встрѣчается пирамидъ въ Среднемъ Египтѣ, именно на пространствѣ въ восемь нѣмецкихъ миль протяженія отъ сѣверо-востока къ юго-западу, между 30° 2′ и 29° 16′ сѣверной широты, гдѣ онѣ расположены различными группами и массами. Самая сѣверная масса заключаетъ отдѣльную (самую сѣверную) пирамиду Абу-Роаша, напротивъ Геліополиса. Ни строитель ея, ни время ея сооруженія неизвѣстны; отъ нея остались почти однѣ развалины. Далѣе идетъ группа трехъ знаменитыхъ пирамидъ Джизеха, объ которой мы поговоримъ еще подробнѣе. Средняя группа включаетъ въ себѣ пять группъ мемфисскихъ пирамидъ, стоящихъ на обширной песчаной горѣ *Mons Psammices*. Середину этой массы занимаютъ девять Сахарскихъ пирамидъ (семь большихъ, двѣ поменьше); южнѣе стоятъ четыре (три большихъ и одна поменьше) Дагшурскія пирамиды, а къ сѣверо-востоку отъ средней группы, большія (одна изъ нихъ нѣсколько меньше) пирамиды при Абузирѣ; на сѣверо-западъ отъ послѣднихъ находится одиночная пирамида при Совіэбѣ-эль-Арденѣ. Южная главная масса состоитъ изъ шести, или собственно говоря изъ семи пирамидъ, раздѣляющихся на пять группъ, а именно: 1) первая группа изъ двухъ пирамидъ при Лиштѣ; 2) вторая группа изъ двухъ пирамидъ при Мейдупѣ; 3) дальнѣйшая группа изъ двухъ пирамидъ при Біяму; 4) отдѣльная пирамида при Ховарѣ, и 5) одинокая пирамида при Иллахунѣ. Всѣ эти пирамды должны были быть выстроены въ промежутокъ времени между 3,500 и 2,100 годами до Рож. Христ., какъ мы уже упомянули выше, и въ системѣ постройки, въ расположеніи частей, въ наружной отдѣлкѣ, внутреннемъ распредѣленіи, и т. п. удивительно похожи другъ на друга.

Всѣ эти гигантскіяк сооруженія воздвигнутыя въ видѣ компатной массы изъ большихъ плитъ дикаго камня, имѣющихъ отъ 1 2 до 20, иногда даже до 30 футовъ длины и отъ 3 до 4 футовъ въ діаметрѣ. Нѣкоторыя построены даже отчасти изъ кирпича, что представляетъ трудъ постройки еще колоссальнѣе и медленнѣе. Объ величинѣ этихъ громадъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе изъ того, что объемъ маленькой Джизехской пирамиды вычисляется въ 74 милльона кубическихъ футовъ. Художественное чувство, которымъ руководились при сооруженіи этихъ гигантскихъ массъ, было во всякомъ случаѣ весьма наивно и первобытно: тутъ не видно стремленія создать что либо органически живое; это просто нагроможденныя другъ на друга колоссальныя массы, лишенныя всякой органической связи между собой, и долженствующія лишь представлять искусственную гору среди равнины. Эти каменныя массы, снаружи покрывались, правда, гранитными плитами, но нигдѣ нѣтъ слѣдовъ значительныхъ скульптурныхъ украшеній. Входъ внутрь закладывался такой же гранитной плитой. Въ чемъ же состояла внутренность? Только въ нѣсколькихъ узкихъ галлереяхъ, ведущихъ то внизъ, то вверхъ, и выходящихъ въ маленькій склепъ, скрывающій въ себѣ саркофагъ царственнаго строителя. Слѣдовательно пирамиды эти, хотя бы онѣ между прочимъ служили и другимъ, астрономическимъ или какимъ инымъ общеполезнымъ цѣлямъ, все-таки очевидно, были ничѣмъ инымъ, какъ колоссальнѣйшими въ мірѣ надгробными памятниками.

Библиотека "Руниверс"

Впечатлѣніе производимое пирамидами наводитъ какую-то грусть, всегда испытываемую при видѣ смерти или тѣхъ мѣстъ, гдѣ она господствуетъ. Это похоже на впечатлѣніе, производимое римскимъ Колизеемъ:—ничто не говоритъ такъ краснорѣчиво о ничтожности всѣхъ земныхъ вещей, какъ эти колоссальныя гробницы, воздвигнутыя для одного человѣка, пустой мраморный гробъ котораго занимаетъ такое крошечное мѣстечко въ этомъ гигантскомъ цѣломъ — и имени котораго никто не знаетъ больше!

О способѣ постройки пирамидъ были сдѣланы интересныя изслѣдованія. Зданіе строилось уступами, и потомъ, для того чтобы имѣть возможность наложить наружную обвязку, начинали ее *сверху внизъ*.. Извѣстно даже нѣсколько неоконченныхъ пирамидъ, на которыхъ ясно видна ихъ первоначальная террасообразная форма. Далѣе, точнѣйшія изслѣдованія показали, что самыя большія изъ египетскихъ пирамидъ скрываютъ внутри себя основаніе гораздо меньшей пирамиды; впослѣдствіи эта первая постройка была покрыта, какъ футляромъ, новой пирамидой а въ позднѣйшій періодъ, сверхъ этого футляра былъ воздвигнутъ еще второй футляръ, вслѣдствіе чего пирамиды и дошли до своихъ настоящихъ громадныхъ размѣровъ.

Едва ли какой путешественникъ посѣтитъ Каиръ, не посмотрѣвъ трехъ сосѣднихъ пирамидъ Джизеха. Онѣ стоятъ на діагональной линіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, въ 500—600 шагахъ одна отъ другой; ихъ окружаютъ маленькія пирамиды, всѣ онѣ стоятъ на скалистой возвышенности, покрытой глубокимъ слоемъ наноснаго песку; каждая пирамида окружена кладбищемъ, гдѣ покоились, отчасти въ вырытыхъ въ скалахъ нещерахъ, отчасти въ каменныхъ гробницахъ, тѣла родственниковъ, жрецовъ и высшихъ сановниковъ царственнаго строителя. Хеопсова пирамида имѣетъ до 450 рейнскихъ футовъ вышины; каждая сторона ея основанія имѣетъ 710 футовъ длины. Большія свѣтло-желтыя плиты (преимущественно изъ твердаго известняка) лежатъ ступенями, образуя родъ гигантской лѣстницы, по которой можно взойти на самую вершину пирамиды. Но такъ какъ каждая ступеня почти въ метръ вышины, то туристы обыкновенно нанимаютъ арабскихъ феллаховъ, которые берутъ путешественниковъ подъ руки и привычными скачками взбираются съ ними со ступени на ступень. Снизу вершины пирамидъ кажутся совсѣмъ острыми, но въ дѣйствительности онѣ образуютъ наверху площадку въ 9 футовъ и болѣе въ четвероугольникѣ. Футовъ на 30 надъ основной площадью находится входъ внутрь пирамиды; впрочемъ, почти не стоитъ входить туда. Третья изъ большихъ Джизехскихъ пирамидъ меньше двухъ первыхъ, но красивѣе и дороже; она была наполовину построена изъ темно-краснаго съ черными точками гранита, какъ это видно изъ массы лежащихъ кругомъ гранитныхъ глыбъ и обломковъ. Эта пирамида была обнесена стѣной, отдѣлявшей ее отъ другихъ пирамидъ и служившей ей защитой отъ песчаныхъ наносовъ, несшихся съ запада. Всѣ три Джизехскія пирамиды очень хорошо сохранились въ нижнихъ частяхъ, но верхнія части болѣе или менѣе пострадали вслѣдствіе вывѣтриванья. Изъ шести меньшихъ Джизехскихъ пирамидъ, средняя южной группы интереснѣе и значительнѣе всѣхъ, хотя она очевидно неоконнена; она состоитъ изъ трехъ уступовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ до 18 футовъ вышины. Вся ея вышина доходитъ до 82 футовъ, при 152 футахъ длины первоначальнаго основанія. На самой южной изъ египетскихъ пирамидъ, именно на пирамидѣ Эль-Куфы, на югѣ отъ Эдфу, очень отчетливо видно, что она была совершенно ступенеобразно сложена изъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ.

Уже упомянутыя нами пирамиды, найденныя въ *Нубіи* путешественниками Руссегаромъ и Кальо, по всѣмъ признакамъ принадлежатъ позднѣйшему времени; ихъ можно приблизительно отнести къ временамъ Птоломея, но это несомнѣнныя подражанія древнимъ пирамидамъ Средняго Египта. Онѣ расположены въ двухъ группахъ: къ востоку отъ Ассура ихъ стоитъ 96 въ одномъ мѣстѣ, и дальше къ сѣверо-востоку еще 80. Большинство изъ нихъ сильно развалилась и вывѣтрилось; но это происходитъ вслѣдствіе того, что постройка ихъ не такъ массивна, какъ въ древнихъ пирамидахъ, и разсчитана больше на вышину, чѣмъ на массивность. Поднимаясь на 60-футовую высоту при основаніи длиною всего въ 36—40 футовъ, онѣ разумѣется кажутся гораздо тоньше и болѣе подвергнуты вывѣтриванье и разрушенію. Кромѣ того, онѣ отличаются еще тѣмъ, что возведены только изъ тщательно высѣченнаго песчаника, безъ гранитной обшивки, и каждая имѣетъ съ восточной стороны высокій порталъ, внутри и снаружи испещренный гіероглифами. Тѣмъ не менѣе нубійскія пирамиды, имѣютъ то общее съ египетскими, что стоятъ близко отъ Нила—не далѣе часа ѣзды отъ него—и въ отношеніи своихъ частей также преслѣдуютъ извѣстную мистическую систему: онѣ несомнѣнно также служили царскими гробницами; вѣроятно здѣсь покоятся властители Птоломеева дома, такъ какъ одна изъ трехъ группъ, на которыя распадаются эти нубійскія пирамиды, стоитъ на востокъ отъ города Ассура (древняго Некроволиса или города мертвыхъ), а двѣ другія группы у Наги и Мессуры. Но каково бы ни было назначеніе пирамидъ, громадный объемъ и колоссальная массивность этихъ сооруженій даютъ имъ полное право занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ чудесъ, созданныхъ человѣческой изобрѣтательностью и человѣческимъ творчествомъ въ области искусства.

Двѣ встрѣчи.

I.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

Далеко отъ Петербурга, въ глуши Россіи, тамъ, гдѣ еще лѣтъ десять тому назадъ желѣзную дорогу считали навожденіемъ діавольскимъ, а о пароходахъ не иначе говорили, какъ предварительно перекрестясь,—есть у меня небольшая усадьба, вся потонувшая въ зелени заброшенныхъ садовъ, окруженная сочными лугами и золотистымъ просторомъ пышныхъ нивъ. Прежде, бывало, я отходилъ тамъ душою отъ петербургскаго разлада и суеты, воскресалъ «на лонѣ природы» отъ нашей пошлости и злобы...

Съ давняго времени, еще чуть-ли не съ моего прадѣда, освободившаго своихъ крестьянъ на волю — вся окрестность не знала крѣпостного труда. Жили тутъ люди вольные, жили зажиточно. Народъ все былъ смѣтливый, бойкій, смѣлый. Всѣ промыслы уѣзда — попали въ его руки. Мимо ничто не проходило. Скупщики хлѣба, ремесленники, ходоки—все это выходило изъ окрестностей моей усадьбы...

Какъ-то я лѣтъ пять не былъ въ ней.

Помню, послѣ этого промежутка, пріѣхалъ я сюда въ глухую ночь, когда вслѣдъ за отошедшею грозою туманъ клубился по понизьямъ, сѣрая мгла заполоняла рощи и сады, цѣпляясь все выше и выше по вѣтвямъ на деревьяхъ, такъ что ихъ верхушки словно плавали въ ея однообразной массѣ...

— Батюшки!.. встрѣтила меня въ дверяхъ старуха-нянька, на попеченіе которой сданы были и домъ и садъ. Начались обычныя, повторяющіяся при каждой встрѣчѣ сцены. Дѣтскія воспоминанія роемъ нахлынули на душу, и воскресало все давно забытое, къ чему, казалось, и слѣда уже не было, что сплошь поросло чертополохомъ, да бурьяномъ послѣдующихъ впечатлѣній...

— А у насъ-то перемѣнъ, касатикъ мой, у насъ-то! огорчалась нянька.—Ивана Федорова зналъ ты? Хроменькій мужиченко былъ такой?.. Въ купцы вышелъ, брюхо отростилъ, да и величается. Селиванова помнишь? Пастухомъ еще при тятенькѣ твоемъ былъ?.. Таперича съ хлѣбомъ такія дѣла дѣлаетъ—страсть!.. Пора намъ въ могилку, старымъ людямъ... пора!... Чужой вѣкъ заѣдаемъ.

— Полно, няня, еще проживешь долго...

— Ой, ты мой голубчикъ, куда ужъ мнѣ!.. ты бы меня къ кіевскимъ святынямъ отпустилъ помолиться...

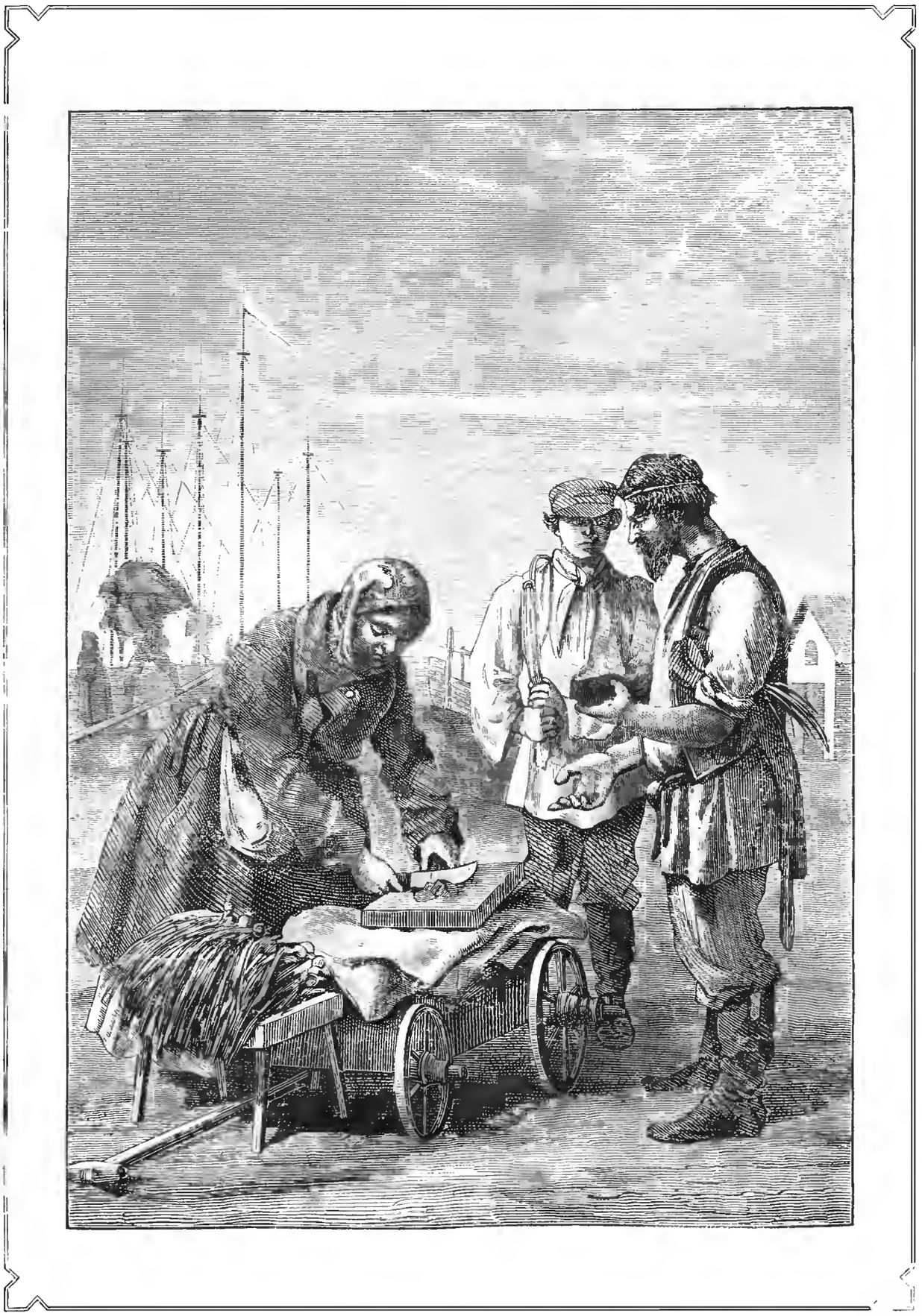
На другой день я всталъ рано и сейчасъ-же вышелъ вонъ. Только-что поднявшееся солнце разогнало сѣрые клубы тумана, нависшаго надъ небольшимъ озеркомъ и рѣчкою Мухояровкой. Длинныя тѣни березъ и липъ привольно ложились на бѣлыя отмели берега, въ свѣтлой листвѣ молодыхъ дубковъ играло солнце, зеленый островокъ стройно подымался въ синихъ неподвижныхъ водахъ. А дальше: ровная, ровная безъ перерыва гладь, засѣянная рожью, съ бурливымъ, извивавшимся въ обрывистыхъ берегахъ потокомъ, синіе туманные очерки далекаго лѣса на небосклонѣ—и надо всѣмъ прозрачныя облака съ розовыми оттѣнками лѣтняго утренника...

Изумруднымъ блескомъ играло солнце въ зеленой листвѣ берега. Свѣтлыя капли росы падали съ листа на листъ, въ густую, кипѣвшую милліонами жизней и звуковъ чащу прибрежной травы. Коралловыя, рубиновыя козявки то и дѣло

Библиотека "Руниверс"

Горячее сердце. Рис. Медвѣдевъ, грав. Напѣръ.

Библиотека "Руниверс"



Горячее сердце съ лукомъ. Рис. Медвѣдевъ, грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

взбѣгали на верхушки зеленыхъ стебельковъ — и шевельнувъ усиками, быстро спускались внизъ. Агатовые и коричневые жучки угрюмо копошились у сѣрыхъ корней лопушника. Упавшая съ дерева гусеница старалась удержаться на травѣ, гнувшейся подъ ея тяжестью. Изъ чашечки колокольчика выползала зеленовато-золотистая букашка—и тихо распустивъ прозрачныя крылья, взлетала на вѣнчикъ недалеко алѣвшей полевой гвоздики. Тутъ-же, прыгая взадъ и впередъ, надувался и неугомонно стрекоталъ кузнечикъ. Изъ-за низкаго кустика вылетѣлъ королекъ и высоко съ жалобнымъ пискомъ кидался за мелкою мушкой, какъ яркая искорка кружившейся на солнцѣ. Мелкая пѣночка вилась надъ своимъ гнѣздомъ, стараясь во что бы то ни стало отогнать назойливую пчелу, усѣвшуюся тутъ-же на благовонный вѣнчикъ бѣлой буквицы. Рой комаровъ тонко звенѣлъ въ воздухѣ, и въ этомъ немолчномъ звонѣ солидно отдѣлялись басовыя ноты большой черносиней мухи...

Вдоль по берегу я шелъ дальше вплоть до невысокаго холма, еще подходя къ которому мнѣ слышались разсѣянные, то быстро перебѣгавшіе, то тихо рокотавшіе и гаснувшіе звуки трехструнной балалайки. Наконецъ, изъ-за дерева передъ мною мелькнула группа, заставившая меня пріостановиться. На верхушкѣ холма сидѣла красивая дѣвушка, вся на припекѣ. Солнце ярко обливало ея густые русые волосы, свѣтилось на стеклянныхъ бусахъ и придавало какой-то огнистый оттѣнокъ загорѣлому лицу деревенской Миньоны, на которомъ страстно горѣли большіе, красиво прорѣзанные, темносиніе глаза. Дѣвушка улыбалась, когда заговаривалъ близко-близко сидѣвшій парень, повидимому не послѣдній представитель сельскаго gentry. Порою онъ перебиралъ струны балалайки, но большею частію откладывалъ ее всторону, обвивая руками охваченный кумачнымъ сарафаномъ станъ дѣвушки. Та и не противилась...

Домой я вернулся уже къ вечеру—и представьте мое изумленіе, когда въ комнатахъ у себя засталъ видѣнную утромъ красавицу.

— Кто это? спросилъ я у няни.

— Неужели-жь не узналъ? Помнишь Машку?

— Боже какъ выросла! — невольно воскликнулъ я, вглядываясь въ красивое лицо дѣвушки, служившей у насъ съ дѣтства и выросшей у насъ въ домѣ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ я уѣхалъ, а черезъ годъ получилъ изъ деревни письмо, въ которомъ меня между прочимъ увѣдомляли, что Марья, ославленная по всему селу своею связью съ парнемъ, которая, разумѣется, не осталась безъ послѣдствій и сдѣлала ее матерью, ушла неизвѣстно куда...

II.

Ходячая народная столовая.

Прошло лѣтъ десять послѣ того.

Я совершенно позабылъ о Марьѣ, пока не встрѣтилъ ее въ Петербургѣ,—но при какихъ условіяхъ, предоставляю узнать читателямъ изъ краткаго наброска, внесеннаго въ мою записную книжку. Тогда было время очерковъ—и пишущіе люди обыкновенно воздерживались отъ передачи своихъ впечатлѣній, ведя разсказъ не отъ своего лица.

Кому не случалось застаиваться подолгу на людныхъ пристаняхъ, гдѣ лѣтомъ ключемъ бьетъ страдная работа нашихъ судовщиковъ, гдѣ грузятся и разгружаются барки, пристаютъ и отходятъ суда, гдѣ до самой поздней ночи стоитъ гулъ и гомонъ суетящейся толпы, сквозь которую, съ палубы судна до ютящагося на противоположной сторонѣ набережной склада, медленно переступаютъ съ тяжелыми ношами за плечами запотѣвшіе и затомившіеся рабочіе? Не дальше какъ въ Петербургѣ вы можете видѣть ту же картину даже на скромной Фонтанкѣ. Только вмѣсто судовъ съ рабочими, нагруженныхъ ссыпными и льняными товарами, вамъ придется увидѣть разгружающіяся дровяныя барки. Остановимся здѣсь. Прислушайтесь и присмотритесь—и вы право не потеряете времени даромъ.

Передъ вами лежитъ широкая панорама, окаймленная высокими домами, церквами и прямыми линіями однообразныхъ казармъ. Жутко даже дѣлается непривычному человѣку на этомъ однообразномъ просторѣ. Прислонясь къ гранитному парапету, я безотчетно глядѣлъ на мутныя струи, сверкающія подъ лучами солнца яркими далеко разсыпанными блестками. Вотъ мимо проплыла лодка съ двумя гимназистами, ловко справляющимися съ веслами. На минуту чистые дѣтскіе голоса, полные заразительнаго задора и веселости, задрожали въ воздухѣ и смолкли. Немного дальше тянется передъ вами сѣрая масса Измайловскаго моста. Здѣсь сгружаютъ дрова въ лѣсные дворы изъ неуклюжихъ свирскихъ барокъ, которыя опростаясь и сами пойдутъ на дрова. По тонкимъ досчатымъ настилкамъ рабочіе таскаютъ ихъ въ тачкахъ къ широкому пустырю, занятому сплошными рядами уже выгруженныхъ дровъ. Десятникъ, управляющій работами, горячится тутъ же, покрикивая на поденщиковъ. Приглядитесь. Часто вы и здѣсь наткнетесь на драму, незамѣтную съ перваго взгляда. Вотъ какой-то юноша, довольно приличный, хотя и плохо одѣтъ, робко напрашивается на работу.

— Да, вы изъ какихъ будете? изумляется десятникъ.

— Изъ мѣщанъ.

— Ссъ!... Что-жъ, должно проворовался, аль безъ мѣста шатаешься?

— Безъ мѣста.

— Бизомѣ-ста!.... Повторилъ близстоявшій рабочій, безцеремонно щупая добротность его сюртука.

— То-то, по мундеру вашего брата видно.... Не больно паратно... Силы-то у тебя фатитъ-ли?

— Силы довольно.

— Тридцать копѣекъ въ день... Вотъ я солдатикамъ по тридцати плачу. Да пачпортъ чтобъ съ собою былъ! Тутъ вотъ городовой стоитъ.

— Хорошо.

— То-то! Изъ-за вашего брата не больно ловко отвѣчать приходится.... Да ты грамотный, что-ли?

— Грамотный.

— Шелъ-бы въ писаря. Эй ты, длиннобородый, чего, шельма, остановился?... Видишь! изъ-за тебя другіе ждутъ...

— Затомился, Иванъ Авксентьичъ...

— Нна! Не стеклянный! —не разобьешься...

Наконецъ жара дѣлается невыносимой и около полудня на набережную является ходячая народная столовая, именно такая, какая изображена на прилагаемомъ рисункѣ (стр. 613 «Нивы»). Невысокая, приземистая, краснощекая бабёнка въ сѣрой солдатской шинели съ споротыми погонами, съ кошелемъ для мѣдяковъ у пояса, подвезла къ самой набережной ручную телѣжку со всевозможною снѣдью. Къ ней уже издали тянутся рабочіе, предварительно закупившіе въ ближайшихъ мелочныхъ лавочкахъ фунтами ржанаго хлѣба. Ресторанъ открывается. На небольшой деревянной скамейкѣ раскладывается лукъ. Сердце съ перцемъ, рубцы, вареныя яйца, печенка и другая неприхотливая снѣдь скрывается подъ сѣрымъ сукномъ, покрывающимъ телѣжку. Тутъ же свѣжіе огурцы, черствые какъ камень калачи и крендели. Короче — чего хочешь, того и просишь.

— Тетка, серіозно всматривается въ содержимое тачки рабочій.

— Что-о, голубчикъ?

— Што этто у те нонѣ за сердце... съ лукомъ, или съ перцемъ?

— Съ лукомъ, родимый, съ лукомъ. У меня завсегда сердце съ лукомъ...

— То-то! строго обрываетъ ее потребитель. — Давакось луку на два гроша.

Два пучка отдѣляются ему. Тотъ сейчасъ-же отправляетъ ихъ подъ мышку и заказываетъ сердца на три копѣйки. Заполучивъ все слѣдуемое, рабочій садится гдѣ нибудь въ тѣни и обѣдаетъ, безучастно поглядывая на проѣзжихъ и прохожихъ, пока послѣдняя луковица и послѣдній кусокъ хлѣба не будутъ окончены.

— Тёта, а тёта! подходитъ другой рабочій.

— Чиво?

Библиотека "Руниверс"

— Аль ты меня не признала?

Баба внимательно всматривается въ него.

— Неужели-жъ запамятовала?

— Не попомню, милай.... Никакъ не упомню.

— Ахъ ты тёта, тёта!... И не стыдно тебѣ?

— Ужъ прости, голубчикъ... Гдѣ-жъ ты меня видывалъ?

— А годовъ пять назадъ луку у те на грошъ купилъ.

Кругомъ раздается хохотъ. Баба брапится....

Случается съ бабами и такого сорта грѣхъ. Залежится и протухнетъ товаръ.

— Хозяйка, а хозяйка! зѣваетъ на нее извощикъ, примостившійся, не смотря на жару, на самый припекъ.

— Чего тебѣ?

— Глико... что эфто у тебя?

— Какъ что? извѣстно, рубецъ...

— Я знаю, рубецъ.... Экъ удивила! А на рубцѣ что?

— Это плѣсень... Опять завелась, подлая.... Жарко, не усмотришь — заводится.

— То-то заводится..... А то—рубецъ!

— Значитъ хорошъ ежели цвѣтетъ, оправдывается баба.

— Ладно, толкуй тамъ!

— Да ты чего лаишси! Возьми черносливъ, весь онъ побѣлѣетъ... Въ кисломъ яблукѣ рази черви водятся?—завсегда въ сладкомъ.

— Это такъ! безпрекословно соглашается автомедонъ.

— Или тапериче ягода: на лучшей ягодѣ червь живетъ.

— Живетъ... Примѣрно—малина.

— Да и въ тебѣ, надо полагать, не мало ихъ. Чего брезгаешь?

— Рази я брезгаю? Такъ, къ слову... Потому не порядокъ это.

— То-то къ слову... людей сомущаешь. Сидѣлъ бы да жралъ... А то тоже—плѣсень... Штожъ ты—плѣсни не видалъ никогда? зѣваетъ въ свою очередь расходившаяся баба.—Экій ты, парень, посмотрю я на тебя, глупый!

— А ты съ чего привязалась? Я потому — нонѣ холера.

— А рази отъ этого холера?—чортъ!...

— Спроси у доктора. Я ихъ не мало возилъ дьяволовъ.

— Зналъ кому повѣрить — доктору, врагу рода человѣческаго... Отъ нечистоты!

Баба-торговка мастерица на всѣ руки. Она все знаетъ, все видѣла—и въ то время, когда рабочій людъ ѣстъ у нея—она разсыпается передъ нимъ, высказывая всѣ свои глубокія познанія о таинствахъ природы. Она сообщитъ ему и о наборѣ, и о новой повинности, и о томъ, что скоро бабъ въ бѣлую армію погонятъ. Спустя часа два или три, телѣжка ея пуста — и она медленно возвращается назадъ, куда нибудь въ подвальную кухню, въ необъятномъ количествѣ заготовляющую нехитрую снѣдь для рабочихъ. До вечера баба съ своею ходячей, народной столовой спитъ, а вечеромъ, когда поденьщики возвращаются назадъ, она уже караулитъ ихъ въ центральныхъ пунктахъ, чтобы начать снова торговлю съѣстными припасами.

* * *

Я думаю, нечего и прибавлять, что въ бабѣ-торговкѣ я узналъ Марью.

В. Немировичъ-Данченко.

Прохожденіе планеты Венеры.

Образованный міръ всѣхъ частей свѣта снаряжаетъ въ настоящее время грандіозную экспедицію въ отдаленнѣйшія страны, гдѣ 27 ноября нынѣшняго года можно будетъ наблюдать рѣдкое и интересное астрономическое явленіе. Повтореніе этого явленія произойдетъ въ 1882 г. и подтвердитъ результаты настоящихъ наблюденій. Но такъ какъ послѣ того, оно повторится еще слишкомъ черезъ столѣтіе — это случится въ 2004 г. — то понятно, какое значеніе придаютъ имѣющему совершиться теперь явленію, тѣмъ болѣе, что оно должно разрѣшить одинъ изъ интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ астрономіи.

Задача заключается въ разрѣшеніи вопроса: *какъ велико разстояніе земли отъ солнца?* Разстояніе это, принимаемое приблизительно въ 20 мильоновъ миль, измѣрить прямо—вещь невозможная, даже при наилучшихъ инструментахъ. Надо пользоваться поэтому вспомогательными средствами, чтобы получить вѣрные результаты непрямымъ путемъ. Такое-то вспомогательное средство и есть именно прохожденіе планеты Венеры передъ дискомъ солнца, которое произойдетъ въ нынѣшнемъ и въ 1882 годахъ—и будетъ видимо въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта.

Планета Венера, яркій блескъ которой мы видимъ теперь на ночномъ небѣ, въ $223^{3}/_{4}$ дня обращается около солнца по эллипсу, лежащему внутри той орбиты, по которой земля совершаетъ около солнца свой годовой путь. Эллипсъ этотъ нѣсколько наклоненъ къ плоскости орбиты земли. Къ одному и тому-же положенію относительно солнца и земли, или, какъ говорятъ астрономы, къ одной и той же фазѣ, она возвращается черезъ каждые 584 дня. При такихъ обстоятельствахъ она должна иногда проходить между солнцемъ и землею, и видна тогда съ земли въ видѣ чернаго, рѣзко очерченнаго кружочка, движущагося по свѣтлому диску солнца. Если бы движеніе обѣихъ планетъ, т. е. Венеры и земли, происходило въ одной и той же плоскости, то явленіе прохожденія Венеры предъ солнцемъ повторялось бы черезъ каждые 584 дня. Но такъ какъ орбиты Венеры и земли наклонены одна къ другой, и такъ какъ кромѣ того, самое положеніе этихъ орбитъ въ пространствѣ періодически измѣняется, то благопріятное совпаденіе обстоятельствъ для этого явленія, случается далеко не такъ часто. Есть только двѣ точки, когда въ очень рѣдкіе моменты, Венера дѣйствительно проходитъ между землей и солнцемъ и представляетъ нашимъ взорамъ явленіе своего прохожденія.

Важность этихъ моментовъ заключается въ томъ, что только точное наблюденіе и измѣреніе ихъ, даетъ возможность астрономическимъ путемъ опредѣлить параллаксъ солнца относительно земли,—а такъ какъ это можетъ служить масштабомъ для *всѣхъ* измѣреній въ безконечномъ міровомъ пространствѣ, то станетъ понятнымъ, отчего наука придаетъ такое высокое значеніе этому явленію и старается употребить всѣ мѣры, чтобы какъ можно правильнѣе воспользоваться имъ.

Но предварительно объяснимъ, что собственно понимается въ астрономіи подъ параллаксомъ солнца относительно земли. Если смотрѣть на шаръ издали, то онъ представляется глазу въ видѣ плоскаго круга. Предположимъ, что изъ центра его и другой точки на его окружности переведены прямыя линіи къ глазу наблюдателя; уголъ, подъ которымъ обѣ эти линіи пересѣкаются въ глазу, обусловливаются двумя обстоятельствами: дальностью разстоянія и величиною шара. Чѣмъ дальше и меньше шаръ, тѣмъ меньше и этотъ уголъ; чѣмъ больше самый шаръ и чѣмъ больше онъ приближается къ глазу наблюдателя, тѣмъ больше становится и уголъ. Ясно, что разстояніе шара отъ наблюдателя находится въ связи съ радіусомъ шара и съ помянутымъ угломъ. Зависимость эта математически опредѣленная, и по двумъ изъ этихъ величинъ можно опредѣлить третью, т. е. зная радіусъ шара и уголъ, подъ которымъ пересѣкаются линіи, мысленно проведенныя, какъ сказано нами, можно съ совершенною точностію вычислить разстояніе шара отъ наблюдателя. Этотъ способъ вычисленій получилъ важное примѣненіе въ астрономіи, такъ какъ при его помощи опредѣляются разстоянія недосягаемыхъ небесныхъ тѣлъ отъ нашей земли. Солнце, луна и всѣ міровыя тѣла, хотя и имѣютъ шарообразный видъ, представляются намъ плоскими кругами; точно также и земля, если бы ея можно было видѣть съ солнца, казалась бы тамъ кружкомъ на небесномъ сводѣ. Тотъ уголъ, подъ которымъ полупоперечникъ кружка, т. е. радіусъ земли, видѣнъ съ солнца, и называется параллаксомъ солнца относительно земли,—и такъ какъ радіусъ земнаго шара извѣстенъ, то стоитъ только съ достаточною точностію опредѣлить параллаксъ солнца относительно земли, чтобы вычислить разстояніе между ними.

Задача эта, однако, далеко не легкая. Уже два столѣтія астрономамъ извѣстенъ фактъ, что количество времени обращенія планетъ зависитъ отъ ихъ отдаленія отъ солнца. Между тѣмъ какъ время обращенія поддается весьма точнымъ наблюденіямъ, разстоянія не могутъ быть непосредственно измѣрены нашими инструментами. Поэтому мы можемъ очень точно опредѣлить отношенія разстояній планетъ къ разстоянію земли отъ солнца; но пока мы не будемъ точно знать послѣдняго, до тѣхъ поръ мы не можемъ съ точностью опредѣлить настоящее разстояніе планетъ отъ насъ. Наоборотъ, если бы мы были въ состояніи вѣрно опредѣлить разстояніе одной какой нибудь планеты, то легкое исчисленіе показало бы намъ отдаленіе солнца, а вмѣстѣ съ этимъ и *всѣхъ* другихъ планетъ.

Моментъ прохожденія Венеры передъ солнцемъ—именно и даетъ счастливый случай съ успѣхомъ предпринять всѣ эти измѣренія.

Библиотека "Руниверс"

Постараемся въ короткихъ словахъ дать понятіе о связи этого явленія съ измѣреніемъ отдаленія солнца.

Пусть буква *З* въ обоихъ фигурахъ на первомъ рисункѣ будетъ изображать землю, *a* и *b*—двѣ точки земнаго шара съ весьма различной географической широтой, буква *B*—Венеру, двигающуюся по своему пути вдоль стрѣлки. Если соединить точки наблюденій *a* и *b* съ *B* и продолжить линіи до солнца *C*, то получатся точки *A* и *B*, гдѣ Венера показывается на солнечномъ дискѣ, будучи видима наблюдателямъ въ *a* и *b*. Для наблюдателя *b*, Венера пройдетъ передъ солнечнымъ дискомъ путь 1 — 2, для наблюдателя же *a*, она покажется передъ солнцемъ на пути 3—4. Какъ показываетъ нижняя фигура, оба эти пути, а особенно разстоянія ихъ отъ поверхности солнца, остаются совершенно одинаковы и тогда, когда земля и Венера будутъ придвинуты ближе къ солнцу, если только отношеніе разстояній обѣихъ планетъ отъ солнца будетъ одинаково, что основывается на извѣстномъ геометрическомъ законѣ.

Извѣстно, что, по закону Кеплера, существуетъ извѣстное отношеніе между большими осями путей двухъ планетъ и между временемъ ихъ обращенія. Примѣняя этотъ законъ, астрономъ всегда можетъ опредѣлить отношеніе разстояній двухъ планетъ отъ солнца, такъ какъ времена ихъ обращенія извѣстны; слѣдовательно можно нарисовать или вычислить разстояніе видимыхъ путей 1, 2 и 3, 4 не зная настоящаго разстоянія земли отъ солнца. Если выбрать его по произволу, то въ силу вышеупомянутаго закона, получится всегда тоже самое разстояніе видимыхъ путей Венеры на солнцѣ. Поэтому мы можемъ сказать, величина *AB* выражается въ разстояніи *ab* двухъ наблюдателей на землѣ. Если же оба наблюдателя опредѣлятъ на солнечномъ дискѣ пути 1, 2 и 3, 4, и потомъ сообщатъ другъ другу свои наблюденія, то будетъ извѣстенъ и уголъ, подъ которымъ является длина *AB* изъ *a* и изъ *b*; а такъ какъ при этомъ намъ извѣстна настоящая величина *AB*, въ земной мѣрѣ, и также видимая величина, то этимъ опредѣляется и отдаленіе линіи *AB* отъ *a* и *b*, и вообще отдаленіе земли отъ солнца въ какой либо изъ принятыхъ мѣръ, метрахъ, миляхъ и т. п.

И такъ, вся система состоитъ въ точномъ наблюденіи мгновеній, какъ вступленія Венеры на дискъ солнца, такъ и выступленія ея, по крайней мѣрѣ въ двухъ точкахъ земнаго шара. Въ 1874 г. продолжительность вступленія этой планеты на солнечный дискъ будетъ не менѣе 29 минутъ, т. е. столько времени пройдетъ отъ перваго углубленія Венеры въ край солнца до полнаго ея появленія въ немъ, или по выраженію астрономовъ, между мгновеніями внѣшняго и внутренняго прикосновеній. При всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ прохожденіяхъ Венеры, астрономическія средства позволяли наблюдать точно одинъ только моментъ внутреннихъ прикосновеній, да и тѣ, по недостатку опыта, были далеко не совершенны. Другое дѣло теперь. Съ тѣхъ поръ наука ушла на цѣлый вѣкъ впередъ, и на этотъ разъ астрономы приступаютъ къ своимъ наблюденіямъ во всеоружіи прежнихъ опытовъ и научныхъ пріобрѣтеній цѣлаго вѣка. Наука имѣетъ теперь чрезвычайно разнообразныя средства, которыя, позволяя увеличить число наблюденій, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность точной провѣрки средняго вывода, полученнаго каждымъ способомъ отдѣльно.

Въ числѣ новыхъ способовъ, находящихся въ распоряженіи современной науки, весьма видное мѣсто занимаетъ фотографія, уже оказавшая столь важныя услуги въ разныхъ отрасляхъ знанія и промышленности. Этотъ способъ былъ разработанъ въ особенности англійскимъ ученымъ Варреномъ Деларю, посвятившимъ болѣе десяти лѣтъ труда фотографическимъ наблюденіемъ солнца. Въ настоящемъ случаѣ Англія намѣрена сдѣлать широкое примѣненіе этого способа. Соединенныя Штаты Сѣверной Америки обратили свое вниманіе исключительно на фотографическій способъ и приготовляютъ десять фотографическихъ экспедицій. Между прочимъ они обратились къ русскому правительству съ просьбою о дозволеніи занять одну станцію на русскомъ берегу Тихаго океана.

Нѣмецкія экспедиціи будутъ дѣлать свои наблюденія преимущественно геліометромъ, инструментомъ, изобрѣтеннымъ французскимъ ученымъ Буге. Геліометръ — это зрительная труба, предметное стекло, которой разрѣзано на двѣ равныя части, въ видѣ двухъ полукруговъ, которые могутъ передвигаться вдоль разрѣза, раздѣляющаго ихъ. Если одна половина будетъ неподвижна, а другая отодвинута, то послѣдняя дѣйствуетъ такъ, какъ будто бы труба была наклонена, пока объективъ не придетъ въ новое положеніе. Слѣдовательно, въ одной половинѣ получится не то изображеніе, какое получится въ другой половинѣ: каждая половина даетъ свое изображеніе, и эти два изображенія не совпадаютъ, а отодвинуты другъ отъ друга, тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше отодвинуты обѣ половины стекла. Если отсчитать насколько должны быть отодвинуты половины, для того напр., чтобы изображеніе солнца отодвинулось на свою собственную ширину, такъ чтобы были видимы два солнечныхъ изображенія одно возлѣ другаго, или одно надъ другимъ, — то получится мѣра солнечнаго поперечника, діаметра. Если же въ то время, какъ Венера будетъ стоять передъ солнцемъ, половины будутъ отодвигаемы до тѣхъ поръ, пока изображеніе Венеры не упадетъ какъ разъ на край сдвинутаго изображенія солнца — то это дастъ намъ точную мѣру разстоянія Венеры отъ солнечнаго края. Но одного разстоянія еще недостаточно для опредѣленія положенія Венеры; должно быть кромѣ того опредѣлено направленіе, въ какомъ она является относительно центра солнца, а направленіе это и есть именно то самое, въ которомъ должны быть передвигаемы обѣ половины предметнаго стекла, чтобы Венера достигла ближайшей точки края сдвинутаго изображенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо опредѣлить время, когда дѣлается это измѣреніе.

Геліометрическій способъ имѣетъ то преимущество, что можетъ быть примѣненъ для измѣренія большихъ разстояній; поэтому онъ особенно выгоденъ для измѣреній во время такъ-называемой наибольшей фазы прохожденія, когда Венера находится въ наибольшемъ разстояніи отъ края солнца.

Обратясь теперь къ нашимъ отечественнымъ приготовленіямъ, мы можемъ сказать, что по полнотѣ, всесторонности и числу предполагаемыхъ наблюденій, русскія экспедиціи оставляютъ за собою всѣ иностранныя. Замѣтимъ при этомъ, что, не смотря на всю обширность задачъ русской коммисіи, всѣ наблюденія будутъ произведены русскими учеными, и на этотъ разъ не нужно будетъ прибѣгать къ вызову иностранныхъ астрономовъ, какъ во время прежнихъ прохожденій.

Чтобы судить, какъ обширно пространство, на которомъ будутъ производиться русскія наблюденія, стоитъ посмотрѣть на разницу температуръ въ различныхъ мѣстахъ наблюденій, въ день прохожденія Венеры. Въ Нерчинскѣ, Благовѣщенскѣ и Кяхтѣ, 27 ноября (9 декабря 1874), бываетъ по меньшей мѣрѣ 20 градусовъ морозу, въ Омскѣ по крайней мѣрѣ 10, между тѣмъ какъ наблюдатели въ Эриванѣ и Тифлисѣ будутъ пользоваться пріятной весенней температурой отъ 9 до 10 градусовъ тепла.

Еще осенью 1869 г. у насъ, по предложенію Академіи наукъ, была учреждена ученая коммиссія, сдѣлавшаяся центромъ всѣхъ русскихъ приготовленій. Для наблюденія прохожденія коммиссія рѣшила примѣнить всѣ существующіе въ настоящее время способы, и на основаніи точныхъ предварительныхъ вычисленій и по тщательномъ изслѣдованіи метеорологическихъ условій различныхъ мѣстностей, окончательно остановила свой выборъ на слѣдующихъ мѣстахъ, какъ на удобнѣйшихъ пунктахъ для производства наблюденій. Мѣста эти раздѣляются на пять группъ: одна въ Приуссурійскомъ краѣ и восточной Сибири, другая въ Забайкальской области, третья въ русскихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ и близь Урала, четвертая на Кавказѣ и около Каспійскаго моря, и пятая въ Крыму. У насъ въ Сибири видно будетъ все явленіе прохожденія Венеры, начиная съ того мгновенія, какъ темное пятно планеты коснется диска солнца до выступленія съ противуположнаго края. Время прохожденія планеты по диску, т. е. продолжительность явленія, для Нерчинска будетъ съ 9 часовъ 50 минутъ утра до 2 часовъ 32 минутъ пополудни, для Иркутска — съ 8 часовъ 41 мин. утра до 1 часу 32 мин. пополудни. Изъ другихъ странъ, гдѣ это явленіе будетъ видимо также вполнѣ, мы упомянемъ лишь важнѣйшіе города въ слѣд. таблицѣ:

явленіе длится:	ч.	м.		ч.	м.	
въ Сиднеѣ . . .	съ 11	52	утра до	4	25	попол.
» Мельбурнѣ	» 11	28	»	4	0	»
» Іокагамѣ . .	» 11	1	»	3	50	»
» Шангаѣ . .	» 9	50	»	2	38	»
» Пекинѣ . . .	» 9	30	»	2	19	»
» Мадрасѣ . .	» 7	12	»	11	53	утра
» Бомбаѣ . . .	» 6	42	»	11	25	»
на Кергуэленскихъ остр.	» 6	32	»	10	59	»

Выхожденіе Венеры изъ солнечнаго диска, т. е. конецъ явленія, будетъ видимо въ Оренбургѣ въ 10 ч. 17 м. утра, въ Астрахани въ 9 ч. 49 м., въ Тифлисѣ въ 9 ч. 36 м.

Каждая изъ этихъ группъ считаетъ въ себѣ по нѣскольку станцій, снабженныхъ всѣми нужными инструментами, которые были заказаны при посредствѣ Пулковской обсерваторіи, находящейся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ заграничными учеными и художниками насчетъ астрономическихъ инструментовъ.

Кромѣ всѣхъ экспедицій снаряжаемыхъ русскимъ правительствомъ и учеными обществами, есть слухъ, что Московскій профессоръ, Ф. А. Бредихинъ, предпринимаетъ частную экспедицію на собственныя средства. Какъ говорятъ, онъ намѣренъ отправиться для своихъ наблюденій прохожденія Венеры въ Египетъ.

Такое явленіе, какъ прохожденіе Венеры передъ дискомъ солнца, само по себѣ конечно имѣетъ интересъ чисто научный. но по тѣмъ важнымъ элементамъ, которыя оно вноситъ въ умственную жизнь человѣчества, оно становится достояніемъ всего образованнаго міра. Какимъ глубокимъ сочувствіемъ должны мы напутствовать людей науки, отправляющихся въ отдаленнѣйшія части свѣта, чтобы обогатить науку и вернуться съ новой побѣдой человѣческаго ума!

Библиотека "Руниверс"

По пути.

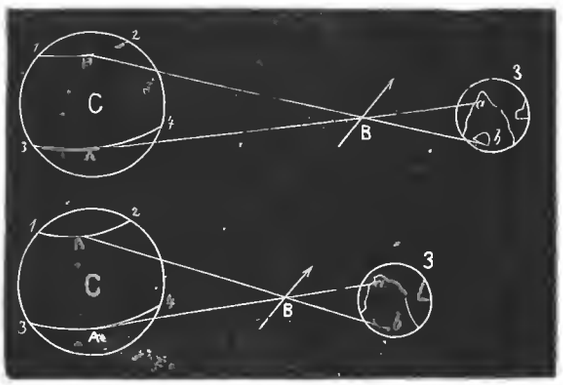
Разсказъ Бертольда Ауэрбаха.

О, какое блаженство ѣхать по Рейну, смотрѣть на оживленные берега, на покрытые виноградомъ склоны, лѣса и замки!

Но самое лучшее человѣкъ все-таки находитъ всегда въ городахъ, гдѣ живетъ столько трудолюбивыхъ и веселыхъ семей. Картина этой жизни дѣйствуетъ такъ освѣжительно, будто ты выпилъ вина изъ винограда, что вьется тутъ по трельяжамъ, — да ужъ тутъ безъ вина и не обойдтись, одними-то вѣдь разговорами не зальешь жажды.

И весело-же побывать тутъ въ домѣ у одной молодой парочки!

На лицевую сторону къ улицѣ, выходитъ лавка съ вызолоченными рамами и разными рѣзными вещицами; надъ мастерской, смотритъ на Рейнъ уютная комнатка, хорошенькая какъ бонбоньерочка; но молодые люди не живутъ въ ней сами, она всегда на готовѣ для гостя.

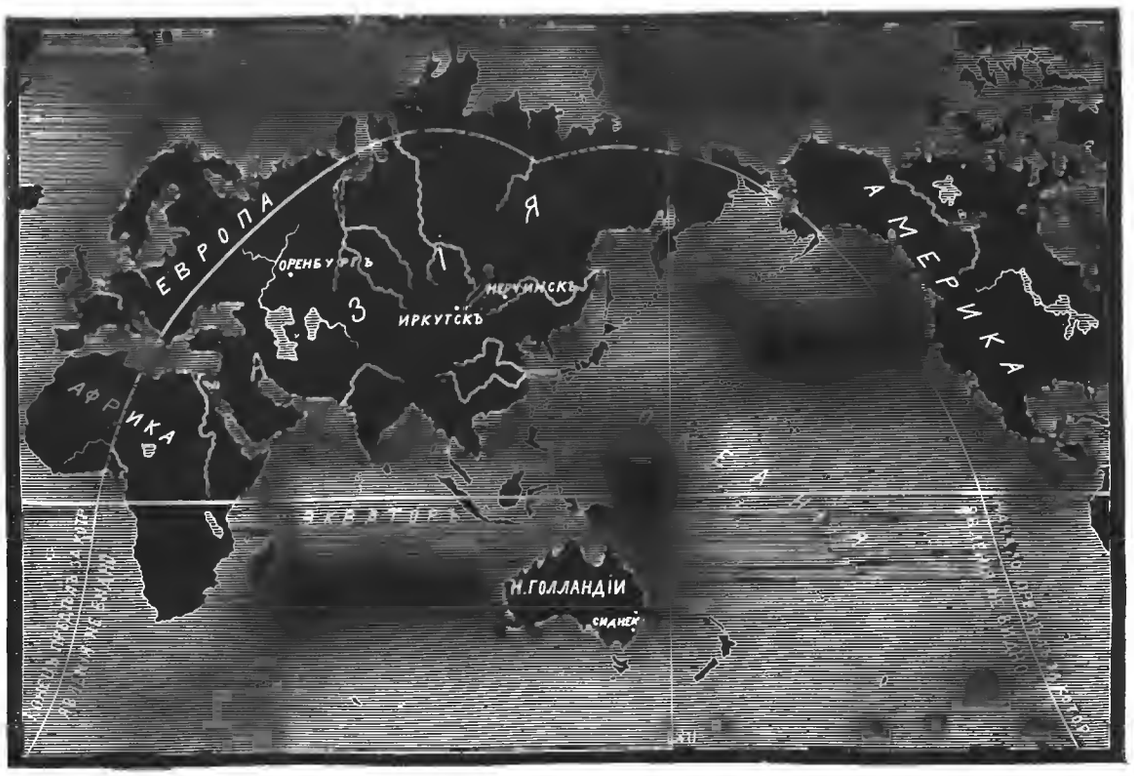


С Солнце. З Земля. В Венера.
Схематическое изображеніе прохожденія планеты Венеры.
Грав. Вейерманъ.

Жила дѣтей спать. На столѣ у большаго окна стоитъ бутылка вина и въ трехъ стаканахъ сверкаетъ золотая влага. Мы чокаемся; молодой человѣкъ — высокій, сильнаго тѣлосложенія — объявляетъ, что сегодня вечеромъ онъ будетъ разсказывать.

Жена ходитъ взадъ и впередъ, да и хорошо дѣлаетъ, потому что этакъ мужу еще свободнѣе разсказывать, и вотъ онъ начинаетъ такъ:

«Очень радъ, что вино вамъ по вкусу,—не важное вино, да изъ своего винограду, нѣтъ въ немъ ни единой фальшивой капельки. Намъ досталась виноградная гора отъ дяди; онъ чуть не всю жизнь провелъ на водѣ, только ничему онъ такъ не радовался, какъ тому, что можетъ назвать своимъ хорошенькій кусочекъ твердой земли, которая даетъ веселый напитокъ. Дядя дожилъ еще до того, что мы пробили



Карта мѣстностей, въ которыхъ видно будетъ прохожденіе Венеры по диску солнца. Грав. К. Вейерманъ.

Пусть и читатель будетъ здѣсь гостемъ, а это прекрасное дѣло; тысячи и десятки тысячъ тѣхъ, кто прочитаетъ это, не стѣснятъ другъ друга, всѣмъ найдется мѣсто.

Хозяинъ пошабашилъ — хозяйка заперла лавку и уловотъ здѣсь въ стѣнѣ окно; до послѣдняго своего часа сидѣлъ онъ тамъ, и говаривалъ вмѣстѣ съ нами: доброе мы сдѣлали дѣло, что впустили сюда солнце; оно свѣтитъ намъ въ домъ и въ сердце, и вдвое отраднѣе, когда и другіе радуются съ нами.

Библиотека "Руниверс"

Мы живемъ себѣ про себя; много надо намъ работать, но по воскресеньямъ и праздникамъ мы уѣзжаемъ загородъ, переѣзжаемъ черезъ Рейнъ и располагаемся въ лѣсу на горахъ; если при этомъ встрѣтишься съ хорошимъ сосѣдомъ, тѣмъ лучше, а если мимо проѣзжаютъ чужіе и любуются на нашъ ландшафтъ, такъ мы думаемъ себѣ: отлично, пусть вамъ нравится; мы понимаемъ что̀ за счастье, что это наша родина?

Я здѣшній уроженецъ, а жена моя оттуда сверху, изъ Пфальца. Вы вѣрно сразу угадали ея пфальцскій выговоръ.

Какъ я узналъ свою жену?

Вотъ какъ было дѣло:

Я вернулся домой съ чужой стороны, учился тамъ своему ремеслу; какъ мнѣ кажется, на чужой сторонѣ кое-что пошло мнѣ въ прокъ. Я не прочь былъ еще годикъ другой попутешествовать — мнѣ всего только было двадцать пять лѣтъ, — но дядя мой, а онъ заступалъ мнѣ мѣсто отца,— я рано потерялъ родителей, — писалъ мнѣ, что лучше въ молодыхъ годахъ основаться бюргеромъ, тогда и вспомнишь какъ вмѣстѣ былъ молодъ съ своими земляками; по твердому его убѣжденію (всякое убѣжденіе было у него твердо, и весь то онъ былъ твердый человѣкъ, здоровая, сильная натура), самое поздное время для женитьбы — это двадцать восемь лѣтъ. Онъ увѣрялъ, что много въ нашемъ вѣку несчастій происходятъ отъ того, что люди женятся слишкомъ поздно; хотя-бы даже и жили какъ слѣдуетъ, такъ всежъ-таки слишкомъ пріучаются быть не-дома, тихая семейная жизнь ужъ не такъ-то нравится, — значитъ, надо было поставить мнѣ свой путевой посохъ въ уголъ, основаться сначала домкомъ, а потомъ взять хорошую жену. Вѣдь вотъ и аистъ тамъ на крышѣ ратуши поступаетъ точно также: сперва онъ прилетаетъ, совьетъ какъ слѣдуетъ быть гнѣздо, а затѣмъ прилетаетъ и самочка.

Такъ вотъ такъ-то вернулся я на родину къ веснѣ; я пришелъ сюда изъ Мюнхена пѣшкомъ, потому что ужъ зналъ, что прощай на всю жизнь холостое странствіе. Весела была весна, цвѣли деревья, пѣли птички, и мнѣ самому было весело. Я нехотя вышелъ изъ Мюнхена, тамъ много есть чего посмотрѣть и чему поучиться, особенно по части моего ремесла: рѣзьбы. И опять-таки я радъ былъ снова быть на своей чудной рейнской родинѣ. Когда я стоялъ тамъ у Мангейма, гдѣ Неккаръ вливается въ Рейнъ, такъ мнѣ казалось, что я долженъ поклониться своему крестному батькѣ, Рейну, какъ старому другу. И Неккаръ-то радъ-радешенекъ влиться въ Рейнъ; онъ протекалъ черезъ такое множество тихихъ лѣсныхъ долинъ, теперь и ему достанется взглянуть на большой свѣтъ.

Такъ я и вернулся на родину, и мой дядя радовался со мной вмѣстѣ, какъ будто-бы я былъ его родной сынъ. Добрякъ сталъ не такъ проворенъ, состарѣлся бѣдняга. Онъ два раза ломалъ себѣ ногу на большомъ плоту, что ходитъ въ Голландію (ужъ навѣрное онъ разъ сто спускался на немъ); его хорошо вылечили, такъ что въ молодые годы онъ ничего и не чувствовалъ, а подъ старость-то и стало оно его допекать. Онъ подъ тѣнью виноградныхъ листьевъ помаленьку потягивалъ не торопясь свой шкаликъ винца. Говорится-то такъ «свой стаканчикъ», только на дѣлѣ-то рѣчь тутъ не объ одномъ: онъ ихъ попивалъ всегда одинъ за другимъ, а всего лучше то, что это было ему ровно ни по чемъ. Ѣсть онъ ѣлъ мало, почитай что одинъ только мякушекъ отъ земмеля *), онъ называлъ это своей «губочкой», и говорилъ что губочку надо хорошенько смочить.

Такимъ-то манеромъ завелъ я себѣ мастерскую, да какъ разъ на мое счастье надо было по ту сторону отдѣлывать дачу какому-то богачу изъ Америки; работа валила ко мнѣ, заработки были хорошіе, да еще и молодъ я былъ вдобавокъ,—чего еще надо человѣку! Я сдѣлался мѣстнымъ бюргеромъ. Мы имѣемъ счастіе не платить общинныхъ податей, потому что у общины столько лѣсу, что въ двадцатитрехлѣтній срокъ ободранные дубы покрываютъ всѣ расходы. Я вамъ это разсказываю по той причинѣ, что потомъ вы увидите, какъ они и мнѣ пригодились.

Вѣдь вы знаете, весной съ молодыхъ дубковъ, просто на просто отростковъ — большихъ-то дубовъ у насъ нѣтъ больше — обдираютъ кожу; дерево либо обугливаютъ, либо распиливъ на мелкіе полѣнья, продаютъ въ большія гостинницы для открытаго огня, когда жарятъ на рѣшеткѣ.

Разъ, это было средь самаго лѣта, я только сдалъ съ рукъ главную работу, отдѣлалъ библіотеку на той дачѣ, вдругъ приходитъ ко мнѣ дядя не въ свои часы, вошелъ въ мастерскую, сѣлъ и смотритъ на меня.

Потомъ говоритъ:

«А что, вѣдь у тебя нѣтъ теперь спѣшной работы? Послушай-ка, Жанъ Батистъ, ты долженъ уѣхать за меня денька на два. Тамъ въ Мангеймѣ умеръ у меня старый пріятель, ты пожалуй что видѣлъ его здѣсь, онъ также морякъ, то есть былъ морякомъ; завтра его хоронятъ, и мнѣ бы хотѣлось отдать ему послѣдную честь. Да съ мѣста-то я не могу двинуться, я заплатанное весло: чуть толчекъ, какъ разъ опять разлечусь пополамъ. Такъ ты и поди за меня, и скажи отъ моего имени дѣтямъ, чтобы они знали, что тамъ внизу, старый другъ ихъ отца, остался еще бродить по бѣлому свѣту.»

Я, конечно, тотчасъ-же собрался; самъ не знаю, какъ это вамъ и сказать: вѣдь дѣло-то было кажись не веселое; но то ли, что я опять пускаюсь эдакъ въ путь по полямъ и селамъ, или что другое — только на сердцѣ у меня было такъ легко и хорошо, будто я шелъ на какой нибудь праздникъ.

Въ предчувствія я не вѣрю. Въ нихъ тысячу разъ ошибаешься; запоминаешь только тѣ, что исполнились, а о другихъ забываешь. Однакожъ тогдашнее предчувствіе было вѣрно. Такъ вотъ, прихожу я въ Мангеймъ, спрашиваю моряка Гроссмана, мнѣ показываютъ на Неккаръ; тамъ стоитъ маленькій домикъ посреди сада съ фруктовыми деревьями. Подъ деревьями стоятъ столы и скамейки для гостей. Гроссманы-то содержали также винный погребокъ.

Вхожу я въ садъ. Тамъ сидитъ народъ, только никто не говоритъ громко, какъ всегда это бываетъ,—и дѣвушка въ высокомъ бѣломъ передникѣ, съ головкой словно у козули, съ блестящими голубыми глазками, приноситъ людямъ ѣду и питье.

Я также сажусь за столъ. Освѣжусь-ка я сначала, думаю себѣ,—да заплачу за то, что съѣмъ; не то, если скажу кто я такой и кто меня прислалъ, такъ съ меня не возмутъ денегъ. Подозвалъ я дѣвушку; она подошла къ моему столу, ласковая такая, кроткая и серіозная; я спросилъ шкаликъ вина и чего нибудь закусить.

Проворно принесла она все это, и все было чисто и опрятно; я и говорю: «Слышалъ я, у васъ покойникъ въ домѣ?« — «Да», отвѣчаетъ дѣвушка, «но нашъ покойный отецъ всегда стоялъ на томъ, чтобы, что ни случись, все бы всегда было въ порядкѣ».

Не мудреныя вѣдь какія вещи говорила дѣвушка, да такъ это у нея выходило, что казалось мнѣ, будто я слышу сладчайшую музыку, и ни слова-то не скажетъ она ни больше ни меньше чѣмъ слѣдуетъ! По глазамъ-то замѣтно было, что въ нихъ только за минуту высохли слезы, но были они такіе спокойные и ясные и умные, что я тогда-же сказалъ себѣ: Да, хотѣлось-бы мнѣ, чтобы всю мою жизнь твои руки давали мнѣ ѣсть и пить; весело поди-ка зарабатывать хлѣбъ, когда такое созданьеце подаетъ тебѣ заработанный кусокъ.

Я заплатилъ счетъ и спросилъ, не ждутъ-ли еще на похороны знакомыхъ издалека. «Да», отвѣчала дѣвушка, «у моего отца былъ старинный другъ тамъ ниже въ Рейнгау. Еще въ послѣднюю минуту онъ вспомнилъ: въ Амстердамѣ я разъ обѣщалъ одному Грейеру — такъ звали моего дядю — что дамъ ему знать, если отправлюсь раньше его. «Смотри, приходи за мной! Приходи поскорѣе!» говаривали мы бывало другъ другу». Такъ разсказывалъ мнѣ отецъ, и мы послали извѣстить этого человѣка».

Я объяснилъ что пришелъ по порученію моего дяди вмѣсто него. Молодая дѣвушка такъ и перемѣнилась въ лицѣ, схва-

*) Маленькій крутлый хлѣбецъ, въ родѣ нашего розана.

Библиотека "Руниверс"

тилась за карманъ, по всему видно, она хотѣла отдать мнѣ назадъ деньги и спросила:

«Зачѣмъ-же не сказали вы мнѣ этого сразу?»

Хоть въ отвѣтъ ей я немножко и прилгалъ, но все-же отчасти-то говорилъ и правду, когда объяснилъ, что пришедши сюда былъ такъ голоденъ и такъ хотѣлось пить, что мнѣ сперва надо было чего нибудь перекусить и выпить; а какъ же бы я это сдѣлалъ, если-бы сразу объявилъ, что пріѣхалъ на похороны?

Я слышалъ, какъ она опять опустила деньги въ карманъ. Потомъ она протянула мнѣ руку и просила добро пожаловать; она повела меня съ собой въ домъ, тамъ представила меня старшему брату, который также былъ морякомъ, потомъ младшему брату, чудо какому красивому мальчику, лѣтъ четырнадцати съ свѣтлыми большими глазами, съ лицомъ до того красивымъ, скажу вамъ — правда, ужъ это черезъ чуръ, только это вѣрно — пожалуй еще красивѣе, чѣмъ у его сестры. Такъ-бы вотъ я и обнялъ и поцѣловалъ мальчика, съ такимъ восхищеніемъ онъ на меня смотрѣлъ, только конечно я удержалъ себя, потому что это не идетъ. Меня отвели къ покойнику, я увидѣлъ тѣло, оно лежало на полу, опрятно прибранное и убранное цвѣтами. Я слышалъ какъ старшій братъ спросилъ сестру, зачѣмъ она отдала отцу самый свой лучшій холстъ, что назначенъ былъ ей въ приданое. Я видѣлъ какъ вся кровь бросилась ей въ лицо, она покраснѣла до волосъ на головѣ и отвѣчала шепотомъ: «Ради Бога, не говори ничего такого. Вѣдь это послѣднее, что мы можемъ для него сдѣлать.»

Дѣвушка звала меня опять идти въ садъ. Старшему брату надо было еще кое-что сдѣлать, я повелъ младшаго брата за руку, онъ такъ хорошо взялъ мою руку. Тамъ мы усѣлись — и дѣвушка говорила такъ хорошо и такъ ясно, что мнѣ казалось, будто я бывалъ здѣсь съ самаго дѣтства. Я сказалъ мальчику, что онъ долженъ умѣть цѣнить счастье имѣть такую сестру, а дѣвушка проговорила:

«Онъ умникъ, это я могу сказать ему прямо въ глаза. Не плачь, тебѣ надо свыкнуться съ тѣмъ, что отецъ умеръ. Если ты иной разъ бывалъ своеволенъ и будешь еще иногда такимъ, такъ это потому что ты еще очень молодъ, и притомъ-же ты потомъ всегда самъ раскаеваешься.

Ну, я долженъ былъ разсказывать о своемъ дѣтствѣ, о своихъ странствованіяхъ, о своемъ ремеслѣ. Я сказалъ, что учился также золоченью.

«Кормитъ-ли такое ремесло въ этакомъ маленькомъ городкѣ?» спросила она.

Я отвѣчалъ, что въ нынѣшнее время работаешь не на одно свое мѣстечко; желѣзныя дороги и пароходы изъ крошечнаго городка открываютъ путь къ большему рынку, работай хоть на весь свѣтъ.

«Вы правду говорите, это справедливо,» отвѣтила дѣвушка, и пока я живу на свѣтѣ, не было для меня похвалы пріятнѣе этой, а скажу вамъ — не смѣйтесь надо мной — я люблю когда мнѣ напрямки говорятъ въ чемъ я ошибаюсь; но самая для меня большая утѣха, когда говоритъ мнѣ человѣкъ: это вѣрно, ты правъ! Рѣдко кто это скажетъ, а она вотъ сказала.

Обратите на это вниманіе: если скажешь ей что нибудь такое, что до этого она не совсѣмъ понимала, она отвѣчаетъ тебѣ такимъ голосомъ, словно поетъ благодарственную молитву. «Вы правду говорите, это справедливо. Я этого раньше такъ хорошо не знала». Виноватъ, я забѣжалъ впередъ, дайте-ка, вернемся назадъ. «Я думаю,» сказала дѣвушка, «что вы и здѣсь можете достать работу, вонъ тамъ живетъ фотографъ, ему требуется много рамокъ».

Не мало удивило меня, какъ эта дѣвушка, въ своемъ собственномъ горѣ, думаетъ и заботится о другихъ.

Она же сейчасъ встала и сказала:

«Теодоръ, проводи ихъ туда, и подожди тамъ съ полъ-часа».

Она поспѣшно ушла, а я пошелъ съ мальчикомъ.

Выходя изъ саду, мы столкнулись съ двумя людьми, несшими гробъ; мальчикъ крѣпче сжалъ мою руку; я догадался, что сестра нарочно отослала брата, чтобы не быть тутъ, когда тѣло будутъ класть въ гробъ.

Я засталъ фотографа въ хлопотахъ, онъ также собирался идти къ покойнику, и я не смѣлъ говорить съ нимъ теперь объ дѣлахъ. Онъ спросилъ мальчика:

«Ну, Теодоръ, рѣшился ты идти ко мнѣ въ ученье?»

«Подождите, что скажетъ Катюша.»

Теперь я узналъ, что дѣвушку зовутъ Катюшей, но меня словно ножемъ рѣзнуло по сердцу, когда фотографъ отвѣтилъ:

«Что я, что Катюша, все равно».

Не женихъ ли онъ дѣвушки?.... Я не могъ долго думать объ этомъ. Мы пошли назадъ, потому что пасторъ и всѣ провожатые уже собрались тамъ.

Катюша надѣла траурное платье, а я стоялъ въ саду въ сторонкѣ и сердился на себя: зачѣмъ лѣзетъ мнѣ въ голову столько мыслей, въ то время какъ хоронятъ человѣка.

Мнѣ назначили почетное мѣсто между провожатыми, я шелъ за дѣтьми покойнаго. Потомъ я слышалъ, что на похоронахъ было много народу, потому что старика всѣ любили и уважали—самъ я ничего не видѣлъ въ тотъ день.

На кладбищѣ пасторъ произнесъ прекрасную рѣчь. Онъ хвалилъ дѣтей, а главное Катюшу. Онъ говорилъ, что она счастлива будетъ на землѣ, потому что вѣрно исполняла пятую заповѣдь и надъ ней всегда будетъ благословеніе ея отца, отошедшаго къ отцу небесному. Я слышалъ, какъ подлѣ меня плакала Катя, но не смѣлъ оглянуться на нее.

Могилу засыпали, мы вернулись домой и меня просили переночевать эту ночь.

Вечеромъ пришелъ фотографъ—и я получилъ отъ него большой заказъ. Катя посмотрѣла на меня большими глазами, когда я сказалъ: «Я точка въ точку представляю свою работу, но только на чистыя деньги».

Съ нами сидѣли и оба брата; фотографъ, который, какъ видно, считалъ себя здѣсь своимъ, очень ловко ввернулъ, что Теодоръ всего лучше забудетъ свое горе, если съ завтрашняго же утра поступитъ къ нему въ ученье. Мальчикъ вопросительно взглянулъ на сестру и та сказала:

«Сегодня ничего нельзя рѣшить; сегодня, въ день похоронъ отца, ни слова больше объ этомъ».

Мнѣ казалось, будто мальчикъ все посматриваетъ то на фотографа, то на меня, и я какъ будто также замѣчалъ, что Катя одобряла глазами мысли брата и слѣдила за его взглядами.

На другое утро, я, совсѣмъ снарядясь въ путь, сидѣлъ съ сестрой и братьями. Собравшись съ духомъ, я сказалъ:

«Я бы также съ радостью взялъ мальчика къ себѣ въ ученье, и научилъ бы его всему, что самъ знаю».

Только успѣлъ я это выговорить, какъ идетъ фотографъ и еще издали кричитъ:

«Теодоръ, я давно тебя жду. Скоро ли ты придешь?»

«Садитесь,» возразила Катюша, и молодой человѣкъ — красавецъ съ густой бородой, онъ смахивалъ на весельчака-студента—сѣлъ, Катюша кажется не хотѣла дальше говорить. Она тихонько шепнула старшему брату:

«Говори ты,» и тотъ началъ:

«Да вотъ, нашъ гость также хочетъ взять ученика, такъ мы разсудили»....

«Что тутъ много разсуждать!» закричалъ фотографъ: «Теодоръ, ты самъ долженъ знать, чего ты хочешь».

«Ваше дѣло я знаю, а того еще не знаю, а рисовать и рѣзать я также люблю. Только вотъ, что я скажу....»

»Хорошо, говори,» перебилъ мальчика фотографъ, «пока ты еще ничего не сказалъ».

У мальчика засвѣтились глаза и онъ воскликнулъ:

«Вотъ что я скажу: я пойду къ тому, къ кому велитъ мнѣ идти Катя».

«Это ты на меня-то сваливаешь отвѣтственность?» воскликнула Катя. «По моему долженъ рѣшить твой старшій братъ.

«Нѣтъ, ужъ рѣшай ты,» возразилъ старшій братъ, «я со всѣмъ согласенъ, что ты скажешь».

«Такъ по моему, иди къ нашему гостю. Извините меня, господинъ Шонауеръ, вы знаете, мы хорошіе друзья и сосѣди, и вѣдь мнѣ пріятно бы было имѣть Теодора тутъ

Библиотека "Руниверс"

подъ рукой; мнѣ самой очень тяжело отсылать его отсюда, но этакъ лучше!

«Я радъ, что ты рѣшила,» воскликнулъ старшій братъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

«У васъ честное лицо. Мы съ полнымъ довѣріемъ отдаемъ къ вамъ нашего младшаго брата,—и что ему понадобится, и что это будетъ стоить, мы ужъ внесемъ все».

Катюша также протянула мнѣ руку и я обѣщалъ ей держать ея брата добросовѣстно и хорошо и сдѣлать для него все, что бы я могъ пожелать для самого себя: И какъ она держала такъ мою руку и сидѣли мы вмѣстѣ, такъ кажется я бы и вскочилъ и бросился къ ней на шею, потому что ужъ тогда что-то во мнѣ говорило: «Эта моя!»

Я остался до обѣда. Мнѣ хотѣлось сейчасъ же взять съ собой Теодора, только мнѣ надо было сдѣлать маленькое путешествіе въ Вормсъ, гдѣ имѣлась у меня въ виду работа, но Катя сказала, послѣ того какъ Теодоръ шепнулъ ей что-то на ухо:

«Я пришлю къ вамъ брата. Мы не даемъ никакихъ удостовѣреній и отъ васъ не требуемъ; между нами довольно одного нашего слова. Теодору очень хочется попутешествовать съ дорожной суммой за спиной; завтра къ полудню онъ будетъ у васъ въ Вормсѣ».

Я пошелъ къ пароходу, сестра и братья провожали меня, я шелъ подлѣ Кати, но и не заикнулся ей о любви, даже того не сказалъ, что я чувствую, какъ она мнѣ довѣряетъ, что отдаетъ мнѣ своего брата.

На другой день Теодоръ явился какъ разъ въ назначенное время. Любо было смотрѣть на мальчика; я прошелъ съ нимъ кончикъ дороги. Что изъ него вышло, вы вѣдь знаете: красивый юноша, что тамъ внизу, въ мастерской работаетъ съ неутомимымъ прилежаніемъ, посвистывая и попѣвая—это Теодоръ.

Осенью пошелъ я вверхъ по рѣкѣ —и Катюша встрѣтила меня какъ родного. Кто первый изъ насъ сказалъ: «Хочешь меня?» Мы оба не знаемъ. Мнѣ кажется, ни она не сказала, ни я, потому это само собой было понятно.

Когда мы женились, Катя сказала мнѣ:

«Одно только меня смущаетъ: вести хозяйство—этого мнѣ мало; я привыкла заработывать.

«Объ этомъ самомъ и я хотѣлъ съ тобой поговорить. Га, ты станешь заработывать, ты моя позолотчица, вотъ тебѣ работа; ты понятливая и ловкая, скоро переймешь это, а потомъ мы заведемъ магазинъ».

Что жъ вамъ разсказывать?

Вѣдь вы ее видите, вѣдь вы знаете ее, она украшаетъ мнѣ жизнь, она помогаетъ мнѣ заработывать и дядя въ послѣднее время часто говаривалъ, что ему хотѣлось бы быть помоложе, только для того, чтобы подольше полюбоваться на наше счастіе—и онъ называлъ ее Катею и позолотчицей.

Да, она украшаетъ жизнь; она нашла, что будетъ лучше, если мы въ задней стѣнѣ пробьемъ окошко на Рейнъ; а разсказывалъ я вамъ, что маленькіе-то стволики ободранныхъ дубковъ продаются въ гостинницы? Катюшѣ пришло въ голову, что намъ лучше выбирать которые получше стволики для себя и дѣлать изъ нихъ тонкія рамы. Этотъ планъ былъ ея. Да, это жизнь! — желаю, чтобы всякій честный и порядочный человѣкъ испыталъ то же; но конечно для этого нужна Катюша, позолотчица!»

Запрещенная охота.

Нѣкоторые животныя избѣгаютъ человѣка, хотя бы онъ даже и не преслѣдовалъ ихъ; другія, напротивъ, ищутъ его сосѣдства и пользуются его особеннымъ покровительствомъ и уваженіемъ. Между этими любимцами, изъ птицъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ ласточкѣ, и только въ нѣкоторыхъ странахъ это преимущество оспариваетъ у нея аистъ. Во всей сѣверной Германіи, Даніи, Голландіи, въ нашихъ западныхъ и новорусскихъ губерніяхъ, аистъ—такое же обыкновенное явленіе, такой же желанный гость, какъ у насъ ласточка. Въ тамошнихъ деревняхъ, аистово гнѣздо на кровлѣ дома есть какъ бы необходимая составная часть постройки; каждый хозяинъ считаетъ своей непремѣнной обязанностью прикрѣпить къ гребню крыши старое колесо, которое аистъ, сердечно благодарный за сооруженіе главныхъ стѣнъ его дома, тотчасъ же увѣнчаетъ обширнымъ гнѣздомъ. Такая любовь къ аисту объясняется отчасти народнымъ суевѣріемъ, будто бы въ домѣ, гдѣ поселится аистъ, никогда не будетъ пожара. Кромѣ того онъ служитъ предвозвѣстникомъ весны; онъ всегда неожиданно появляется въ послѣднихъ числахъ февраля или въ первыхъ марта, а вмѣстѣ съ его появленіемъ наступаютъ и теплые дни—и все начинаетъ оживать въ природѣ. Птица эта съ незапамятныхъ временъ прославлялась въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ; но противъ всѣхъ поэтическихъ прикрасъ, которыми ее такъ щедро надѣляли,—выступили наконецъ и естествоиспытатели съ своими точными изслѣдованіями.

Что аистъ хищникъ—это извѣстно всякому; но такъ какъ человѣкъ прежде всего эгоистъ, то сужденіе его основывается только на томъ: истребляетъ ли длинноногій аистъ то, къ чему человѣкъ равнодушенъ или что приноситъ ему вредъ, или не дѣлаетъ ли ему конкуренціи въ такой области, гдѣ могутъ страдать его собственные интересы. Аистъ всегда находитъ у человѣка самое радушное гостепріимство и живетъ надъ его кровлей въ качествѣ домашняго друга, до тѣхъ поръ пока промыселъ его полезенъ человѣку; но какъ скоро онъ станетъ позволять себѣ охоту, до которой лакомъ, то и ему достается порядкомъ. Вѣдь воробьи и скворцы безъ устали очищаютъ фруктовыя деревья отъ насѣкомыхъ, но когда подъ ихъ надзоромъ фрукты созрѣютъ—и имъ захочется полакомиться и сочными ягодами, то это считается уже преступленіемъ, и хозяинъ фруктоваго сада обращается тогда съ ними какъ съ воришками.

Точно также и сцена, представленная на нашей картинкѣ, не прошла бы даромъ аисту, попадись онъ на своей запрещенной охотѣ охотнику; тотъ и его самого какъ разъ подстрѣлилъ бы за дерзкое предательство. Какъ же можно простить—птица свободно охотится за такой дичью, права на которую человѣкъ предоставилъ исключительно самому себѣ!

Аисту поневолѣ не приходится дремать; не бездѣлица для него прокормить свою семью, и насытить уже нѣсколько подросшихъ дѣтей. Сначала это еще не такъ трудно: дѣтёныши довольствуются червяками и различными насѣкомыми,—но что дальше, то они требуютъ болѣе основательной пищи; тогда-то наступаетъ трудное время для родителей. Не всегда бываетъ имъ легко удовлетворять вѣчно возобновляющійся въ огромныхъ размѣрахъ аппетитъ прожорливыхъ птенцовъ. Мыши, рыбы, лягушки, кроты, ужи и даже ядовитыя змѣи дѣлаются его неизбѣжной добычей. Все это отлично! Но, любезный другъ, зайцевъ и цыплятъ, уточекъ и гусятъ люди любятъ приберегать для себя. Кромѣ этой запретной охоты, аистъ разоряетъ еще иногда гнѣзда нашихъ любимыхъ пѣвцовъ, и похищаетъ оттуда яички и птенцовъ. Впрочемъ и то сказать, негодные мальчишки вездѣ водятся—нельзя же за это обвинять всю молодежь. Понятно, что такія крохи равно ничего не значатъ для аиста. Это дѣлается развѣ ужъ какимъ нибудь избалованнымъ гастрономомъ — или дѣйствительно изъ крайней нужды; просто изъ жестокости аистъ едва ли рѣшится на такой поступокъ.

Говорятъ, будто тигру довольно разъ отвѣдать человѣческой крови, чтобы жаждать ее опять. Но еще неизвѣстно, что тутъ играетъ роль: гастрономическія ли наклонности звѣря, или радость, что самый страшный его врагъ оказывается не непобѣдимымъ. Между тѣмъ, съ другой стороны, наблюденія показываютъ такое ненормальное развитіе аппетита у животныхъ, которое невольно приводитъ насъ въ изумленіе. Что нибудь разъ съѣденное, случайно или отъ нужды, такъ дѣйствуетъ на вкусовые нервы, что животное предается этому лакомству въ чрезмѣрномъ, часто угрожающемъ здоровью количествѣ.

Такъ, одинъ естествоиспытатель разсказываетъ, какъ гуси случайно сдѣлались жадными ѣдоками мяса. Съ одного волка была снята шкура для того чтобы приготовить изъ нея чучелу, а ободранный трупъ волка, по причинѣ вдругъ наступившихъ морозовъ, не могъ быть тотчасъ же убранъ и остался на снѣгу въ саду. Прежде еще чѣмъ вороны и другіе хищники успѣли добраться до замерзшаго какъ камень трупа, къ нему приплелись какъ-то домашніе гуси и сначала только тыкали его клювомъ. Но мало по малу они такъ вошли во вкусъ этого новаго кушанья, что отъ волка остались одни кости. Съ тѣхъ поръ эти гуси выказывали необыкновенную жадность къ мясу; каждый день они съ нетерпѣніемъ ждали мясной пищи, и въ концѣ концовъ навѣрное пришли бы къ такому взгляду, что картофель, овощи и всякія зерна составляютъ лишь приправу мяса.

Сѣрая цапля ловитъ и душитъ воробьевъ, что можно иногда видѣть въ зоологическихъ садахъ. Впрочемъ, на такую охоту она пускается только въ исключительныхъ случаяхъ. Поэтому, весьма вѣроятно, и изъ аистовъ очень не многіе дѣлаютъ подобныя нападенія. Во всякомъ случаѣ, гово-

Библиотека "Руниверс"

рять будто наблюдали, что такіе грѣхи водятся преимущественно за стариками; молодые же аисты, по большей части, ведутъ себя если не вполнѣ безпредно, то по крайней мѣрѣ такъ, что за это еще нельзя безжалостно отказывать имъ въ гостепріимствѣ. А послѣднее давно должно было бы случиться, если бы всѣ аисты были въ самомъ дѣлѣ такими безсовѣстными грабителями, какъ ихъ чернятъ иногда можетъ быть на основаніи отдѣльныхъ наблюденій. На крестьянскомъ дворѣ, по крайней мѣрѣ, длинноногій гость не смѣетъ позволять себѣ слишкомъ много; да иначе ему и не было бы такого дружескаго пріема подъ каждой кровлей. Однимъ словомъ—обвиненія не имѣютъ прочныхъ основаній, всѣ обстоятельства еще не разслѣдованы окончательно. Слѣдовательно, нечего торопиться произносить надъ аистомъ своего приговора.

Совершенно понятно, почему воробей чувствуетъ себя такъ привольно въ нашемъ сосѣдствѣ, также какъ и то, отчего скворецъ охотно поселяется около человѣка; не менѣе понятна привязанность ласточки къ нашимъ хлѣвамъ; —но что заставляетъ аиста поселяться подъ кровлею человѣка — это объяснить гораздо труднѣе. Привязанность эту мы встрѣчаемъ не только въ обыкновеніомъ бѣломъ аистѣ, но даже и въ маленькомъ черномъ аистѣ, уроженцѣ внутренней Африки,—между тѣмъ какъ черный аистъ, водящійся въ восточной Германіи, чрезвычайно робокъ и никогда не вьетъ гнѣзда вблизи людскаго жилья.

Неужели птица въ самомъ дѣлѣ понимаетъ преимущество человѣческаго покровительства, и цѣнитъ его такъ высоко, что безъ размышленій принимаетъ гостепріимное приглашеніе! И удивительное дѣло, аистъ, такой же довѣрчивый, какъ всѣ прочія домашнія птицы на дворѣ его гостепріимнаго хозяина, избѣгаетъ незнакомыхъ людей, особенно въ мало-извѣстныхъ ему мѣстахъ. Что можетъ побудить птицу къ такому тѣсному сближенію съ людьми, которыхъ онъ, и не безъ основаніи, долженъ бы бояться какъ злѣйшихъ враговъ животныхъ? Но онъ не бѣжитъ отъ человѣка, а напротивъ старательно отыскиваетъ его сосѣдство, чтобы довѣрить его защитѣ все, что у него есть самаго дорогаго—своихъ дѣтенышей. Охотники лучше всѣхъ знаютъ, какъ трудно въ поляхъ подойти къ аисту на ружейный выстрѣлъ: онъ быстро улетаетъ—не только отъ человѣка въ охотничьемъ костюмѣ и съ ружьемъ въ рукахъ, но даже мужики и пастухи кажутся ему иногда нѣсколько подозрительными.

Если мы поразспросимъ объ этой птицѣ въ деревняхъ, населенныхъ различными семействами аистовъ, то не услышимъ объ этой птицѣ ничего предосудительнаго. Каждую осень, когда аистъ улетаетъ къ своимъ теплымъ африканскимъ квартирамъ, его напутствуютъ самыми лучшими желаніями, а весной нетерпѣливо ждутъ его возвращенія, и встрѣчаютъ какъ давно ожидаемаго дорогаго друга. Случается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ аистъ не считается такимъ безвреднымъ; можетъ быть въ этомъ бываютъ виноваты тѣ старые озорники, о которыхъ мы говорили, а изъ-за нихъ и всѣ остальные ихъ собратья лишаются довѣрія.

Кромѣ своихъ провинностей по части охоты, аистъ, какъ въ своей домашней, такъ и общественной жизни, далеко не безупреченъ. Какъ внутри домовъ, такъ и на крышахъ, жизнь далека отъ того идеала, осуществленіе котораго такъ отрадно было бы видѣть. Но вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, не всѣ же люди хоть сколько нибудь да не приближаются къ своему идеалу точно также и нашъ аистъ. Одинъ отецъ имѣлъ обыкновеніе говорить своему сыну: «ты отличный малый»—и прибавлялъ къ этому—«но могъ бы быть гораздо лучше!» Это можетъ относиться ко всякому человѣку, столько же сколько и къ аисту. Выраженіе это заслуживаетъ большаго вниманія. Какъ одна любовь и всегдашнія похвалы дѣлаютъ насъ слѣпыми ко многимъ недостаткамъ, такъ, въ свою очередь, непріязнь и вѣчная брань заставляютъ забывать то, что есть въ комъ нибудь дѣйствительно похвальнаго.

Еще въ древности аисту приписывали качества, какими, если вглядѣться въ него поближе, онъ вовсе не обладаетъ, да и не имѣетъ претензіи на это. Римляне и греки смотрѣли на него какъ на образецъ цѣломудрія, супружеской любви, благодарности и благотворительности. Говорилось, будто

Запретная охота. Рис. и грав. Шпехтъ.

Что аистъ схватитъ при случаѣ зайчика, какъ видно на нашей картинкѣ, въ этомъ мы ни капельки не сомнѣваемся, особенно если ему попадутся слабенькія животныя, да притомъ еще отбѣжавшія на эту минуту отъ матери. Но можетъ ли онъ безнаказанно напасть на звѣрковъ, находящихся подъ защитой матки? Въ этомъ мы сомнѣваемся, и не потому только, что намъ не приходилось видѣть этого собственными глазами, а потому что это вообще невѣроятно. То обстоятельство, что съ наступленіемъ зимы аистъ улетаетъ въ теплыя страны—служитъ доказательствомъ, что въ это время года птица, не находитъ себѣ корма; слѣдовательно ея пищею служатъ такія животныя, какъ змѣи, лягушки, черви и рыбы, которыя также какъ и аистъ бѣгутъ отъ холода, или дѣлаются недоступными подъ ледяной корой.

Библиотека "Руниверс"

молодые аисты заботятся о своихъ престарѣлыхъ родителяхъ, и нѣжно ухаживаютъ за ними. Поэтому аѳинскій законодатель Солонъ не могъ придумать лучшаго названія для закона, предназначеннаго въ огражденіе отцовъ отъ неблагодарности дѣтей, какъ назвавъ его *аистовымъ закономъ* (Pelargonia). Но взглядъ на дѣйствительность разрушаетъ всѣ эти иллюзіи. Единственная семейная добродѣтель, выказывавшаяся почти у всѣхъ животныхъ, это материнская любовь,—да и она, у всѣхъ животныхъ не живущихъ обществами, продолжается только до тѣхъ поръ, пока дѣтеныши нуждаются въ материнскихъ заботахъ. Лишь только дѣти выростаютъ, а довольно часто еще и раньше, они идутъ своей дорогой; нерѣдко родители просто принуждаютъ ихъ къ этому, даже прогоняютъ ихъ отъ себя насильно. А любви дѣтей, достигшихъ самостоятельности, къ родителямъ, въ животномъ мірѣ, нѣтъ почти и слѣдовъ, по крайней мѣрѣ сколько нибудь положительныхъ. Скорѣе же можно утверждать, что достаточно самой короткой разлуки, чтобы изгладить какъ у родителей, такъ и у дѣтей, всякое воспоминаніе о тѣсныхъ узахъ родства. Это можно наблюдать даже на нашихъ домашнихъ животныхъ, и притомъ на умнѣйшихъ изъ нихъ, какъ напримѣръ, на собакѣ.

Правда ли, что у аистовъ материнская любовь развита сильнѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ? Не думаемъ, не смотря на удивительно разукрашенный разсказъ объ одной аистовой маткѣ въ Дельфахъ, которая во время пожара, чтобы не оставить своихъ птенцовъ, не хотѣла покинуть гнѣзда, не смотря на то, что весь домъ былъ объятъ пламенемъ, и вмѣстѣ съ своими маленькими погибла въ огнѣ.

Въ чувствѣ благодарности къ людямъ, дающимъ ему пристанище, аисту нельзя отказать. Но развѣ скворецъ и ласточка не выказываютъ этого чувства? Тотъ привѣтствуетъ человѣка щелканіемъ клюва, а эти—первый своимъ веселымъ пѣніемъ, ласточка довѣрчивымъ щебетаньемъ. Все остальное, что разсказывается объ аистѣ — относится больше къ области фантазіи.

Аистъ—такая же птица, какъ и другія, такой же хищникъ, какъ и наша ласточка, высоко цѣнимая нами, потому что она пожираетъ животныхъ, истребленіемъ которыхъ оказываетъ услугу эгоисту человѣку.

Хищническій промыселъ притупляетъ чувства, дѣлаетъ жестокимъ, даже кровожаднымъ. Аистъ идетъ по этому пути постепенно: сначала онъ истребляетъ гадовъ — потомъ попадается ему гнѣздышко пиголицы, онъ раззоряетъ его, — идетъ дальше, тамъ прыгаетъ лягушка, нѣтъ, это жаба; она ему не годится, но его острый клювъ уже поймалъ ее, она все равно должна погибнуть. Онъ способенъ стащить кормъ у зазѣвавшейся куропатки, а попадись ему слабенькій зайчикъ, то онъ живо избавитъ и его отъ робкаго и невѣрнаго существованія, — особенно въ такое время, когда ему надо выкармливать своихъ жадныхъ птенцовъ.

Не менѣе удивительны также разсказы о супружеской вѣрности аиста. Правда, что аистъ вѣренъ своей подругѣ, но нисколько не болѣе и не менѣе, чѣмъ сотни и тысячи другихъ птицъ. Онъ держится патріархальнаго домашняго порядка; за малѣйшій проступокъ, безъ всякаго снисхожденія наказываетъ свою супругу и дѣтей — даже до крови, и часто—какъ серіозно увѣряютъ нѣкоторые—такія супружескія ссоры представляются на разрѣшеніе народнаго собранія.

Какъ жаль, что мы не понимаемъ языка аистовъ! Какія бы вещи мы могли тутъ услышать? Впрочемъ, можетъ быть это и безъ того не трудно отгадать. Развѣ мы сплошь да рядомъ не видимъ, что стоитъ двоимъ побраниться, какъ сейчасъ же собирается цѣлая толпа? одни принимаютъ участіе въ ссорѣ, другіе остаются просто зрителями. Тоже самое мы видимъ у воробьевъ. Осенью, когда они собираются въ зимнее путешествіе и въ собраніи цѣлой стаи пробуютъ крылья молодыхъ птицъ, — тутъ бываютъ жестокія расправы; всѣ до того разгорячаются, что на мѣстѣ собранія рѣдко не остается раненыхъ или мертвыхъ.

Слѣдовательно и въ этомъ прославленномъ аистовомъ судѣ—нѣтъ ничего особеннаго; то же самое наблюдается и у многихъ другихъ птицъ. Можетъ быть у длинноногаго аиста это больше бросается въ глаза, а поэтому и заставляетъ такъ много говорить о себѣ.

Смѣсь.

Калифорнія!—все еще имя это имѣетъ заманчивый звукъ для многихъ, хотя золотое дно страны заключается теперь не въ минеральныхъ сокровищахъ, а въ необыкновенно роскошной производительности почвы. Давно уже потокъ искателей золота и фортуны полился дальше, открывая новыя области для культуры, которая всюду идетъ по пятамъ за ними.

Все еще въ этомъ имени мерещатся золотыя видѣнія, изъ которыхъ богатая фантазія гг. Майнъ Рида и компаніи почерпаетъ матерьялъ къ великому множеству многотемныхъ романовъ. Гамбузино, золотоискатель по профессіи, постоянно играетъ въ нихъ первостепенную роль; таинственная золотая долина, гдѣ скрывается несмѣтное количество благороднаго металла — главная нить, около которой они вертятся. Но настоящая тайна извѣстна немногимъ—и эти немногіе знаютъ какъ цѣнить эти несмѣтныя сокровища, между тѣмъ какъ другіе ставятъ все на карту чтобы завладѣть тайной, и часто самые дерзкіе изъ нихъ погибаютъ въ ту минуту, когда передъ ними начинаетъ разрѣшаться загадка, что пріобрѣтается иногда цѣною крови и преступленія.

Такая таинственная золотая долина, залегшая въ мексиканской области Сенори, привлекала къ себѣ многое множество искателей счастья. Слава, лежащей между Калифорніей и Сонорой, Арицоны, которая въ сущности есть не что иное какъ сѣверная вѣтвь нѣкогда болѣе обширной провинціи Соноры,—облетѣла весь міръ и завлекла сюда тысячи новыхъ авантюристовъ. Но романтическая тайна все еще не разъяснилась, знаменитая золотая долина до сихъ поръ не открыта.

Мы намѣрены повести читателя въ эту таинственную Сонору, но предупреждаемъ его заранѣе, — въ томъ, что мы покажемъ ему, онъ не найдетъ никакихъ золотыхъ видѣній; голая дѣйствительность раскроетъ передъ нимъ картины совершенно противуположныя тѣмъ фантастическимъ образамъ, какіе рисуетъ ему пылкое воображеніе романистовъ.

Великій Океанъ, глубоко вдаваясь въ западный берегъ Америки, образуетъ Багряное море или Калифорнійскій заливъ, принимающій въ себя большую рѣку Ріо Колорадо. Далеко растянутый, доходящій почти до девятаго градуса широты полуостровъ есть Старая Калифорнія, до сихъ поръ еще принадлежащая Мексиканской республикѣ. Но это не то Эльдорадо, къ которому стремятся алчущія золота души; послѣднее лежитъ на сѣверъ отъ Старой Калифорніи и составляетъ часть Соединенныхъ штатовъ. Береговой материкъ, образующій западный край этого большаго залива, принадлежитъ двумъ мексиканскимъ провинціямъ Чиналоѣ и Сонорѣ, а отъ послѣдней отдѣляется вѣтвь упомянутой выше золотой земли Арицоны, составляющей уже территорію Соединенныхъ Штатовъ.

Центромъ движенія внутри залива служитъ городъ *Гваймасъ*. Отсюда идутъ различные пути, какъ на сѣверъ черезъ Гермосильо въ Тубану въ Арицонѣ, такъ и на югъ по береговымъ полосамъ, а равно и чрезъ громадные хребты въ Чилдагую, центръ движенія для всей сѣверней Мексики. Изъ всего этого, въ Гваймасѣ слѣдовало бы ожидать большой жизни. Однако этого нѣтъ; напротивъ, трудно найти мѣсто болѣе унылое и скучное, чѣмъ этотъ городъ.

Мягкія волны океана медленно несутъ корабль по Багряному морю до Гваймаскаго залива. Еще задолго до входа въ гавань, рѣзко выступаетъ контрастъ между веселой, освѣщенной солнцемъ поверхностью моря и мрачно громоздящимися въ воздухѣ гигантскими вершинами предгорій Кордильеровъ, вѣнчающихъ городъ. Разорванныя ихъ верхушки подымаются въ воздухѣ темными, черноватыми массами; ихъ прорѣзываютъ мрачныя ущелья и пропасти; кромѣ нѣсколькихъ малорослыхъ изуродованныхъ пальмъ, ни одно деревцо не украшаетъ голые скалистые склоны.

Передъ самымъ входомъ въ гавань, лежитъ, точно громадный волнорѣзъ, крутой скалистый островъ дель-Пахаро (птичій островъ). До этого мѣста простирается еще ярость океана, когда ему вздумается разгуляться; но дальше за островомъ лежитъ постоянно спокойная вода. Вслѣдствіе этого, Гваймасъ—одна изъ лучшихъ и безопаснѣйшихъ гаваней западныхъ береговъ Америки, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще не принимавшая никакого участія зъ сношеніяхъ съ міромъ. Самая гавань имѣетъ превосходный якорный грунтъ, вода погружена здѣсь въ вѣчный покой, и такъ глубока и пространна, что въ ней могутъ стоять на якорѣ одновременно до двухъ сотъ кораблей во сколько угодно тоннъ.

Трудно представить себѣ, какая жалкая картина ожидаетъ пріѣзжаго, когда онъ вступитъ на берегъ. Отъ мизерной набережной идутъ къ рейду двѣ плотины, онѣ должны изображать собою молъ; черезъ нихъ проходятъ только маленькія шлюпки. Черныя вершины надвигаются къ самому берегу, и не даютъ городу развернуться внутрь. Два ряда хижинъ, выстроенныхъ изъ бамбуковаго тростника, составляютъ рынокъ. Влѣво, съ вершины ближайшей возвышенности, грозится маленькій фортъ; но скорѣе кажется, будто онъ хочетъ просить у вражскихъ пушекъ пощады бѣднымъ лачужкамъ. Надъ домами, вовсе не соотвѣтствующими требованіямъ цивилизаціи,—а такіе дома имѣются здѣсь, потому что тутъ живетъ агентъ французскаго консульства,— возвышается украшенный двумя крестами Кальваріенбергъ, о значеніи котораго сами жители вѣроятно не имѣютъ никакого понятія.

Мы идемъ по молу въ городъ. Нѣсколько блѣдножелтыхъ креоловъ и грязныхъ индѣйцовъ равнодушно глазѣютъ на насъ, даже иностранцы не возбуждаютъ здѣсь никакого вниманія. Безпечность испанско-американской расы нигдѣ не можетъ выказываться рѣзче, чѣмъ здѣсь. Дома удивительнымъ образомъ, почти безъ исключенія, поворачиваются спиной къ гавани; впрочемъ, и безъ того въ стѣнахъ ихъ очень мало оконныхъ отвер-

Библиотека "Руниверс"

стій: да и что за нужда этимъ людямъ смотрѣть на свѣтъ, объ которомъ они ничего не хотятъ знать, и которому до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Замѣтныхъ улицъ только три; онѣ выходятъ лучеобразно отъ набережной. Тамъ и сямъ замѣтно нѣчто похожее на безобразный тротуаръ, но объ мостовой нѣтъ нигдѣ и помину. Въ такой роскоши жители имѣютъ такъ же мало нужды, какъ и въ освѣщеніи города ночью.

Кто же эти жители? Какъ уже сказано, испанскіе креолы, потомки тѣхъ смѣлыхъ завоевателей, которые оставили свое отечество, чтобы открыть Новый Свѣтъ, и подчинить себѣ и своему королю необъятныя владѣнія. Но въ потомкахъ ничего не осталось отъ духа предпріимчивости предковъ. Можетъ быть правда, что тропическая природа, расточительно надѣляющая своихъ дѣтей всѣмъ, что имъ нужно, усыпляетъ дѣятельность, но испанскій креолъ будетъ предаваться ничего не дѣланью даже и тамъ, гдѣ природа всего менѣе щедра для человѣка. Это мы видимъ въ Гваймасѣ.

Жители и этого обиженнаго природой мѣста, точно также ставятъ своимъ лозунгомъ: работа не дѣлаетъ счастливымъ! Они предоставляютъ заботу о всѣхъ жизненныхъ потребностяхъ индѣйцамъ, на которыхъ смотрятъ съ гордымъ презрѣніемъ, какъ на низшихъ существъ. Больше трети всего населенія, не превышающаго въ общей сложности 1500 душъ, составляютъ чистокровные краснокожіе изъ племени Іяки, населяющаго всю окрестную мѣстность. Отставъ отъ своихъ дикихъ степныхъ братьевъ сѣверныхъ прерій, эти краснокожіе сыны природы ведутъ болѣе осѣдлый образъ жизни и представляютъ собой здѣсь преимущественно ремесленный классъ. Какіе только есть въ Гваймасѣ плотники, каменьщики, корабельщики и т. п., почти всѣ они принадлежатъ къ коренному американскому населенію и живутъ въ городѣ временно. Часть года эти гваймаскіе ремесленники проводятъ на родинѣ въ деревняхъ—и если бы между ними ми и бѣлыми возникли какія нибудь затрудненія, то бѣлое населеніе очутилось бы лишеннымъ самыхъ необходимыхъ предметовъ. Но и это не особенно заботитъ креола. Если его сарапа или панталоны придутъ въ состояніе лохмотьевъ, на ногахъ будутъ дырявые сапоги или придется ходить и совсѣмъ босикомъ, онъ съ не меньшей важностью будетъ покуривать свою сигаретти, какъ чистокровный испанецъ, истый сынъ своихъ предковъ.

Забота о доставленіи свѣжей воды также предоставлена почти исключительно краснокожимъ. А снабжать городъ водой не бездѣлица. Кромѣ рѣки Санъ Хозе, впадающей въ море у самаго Гваймаса, но отдѣленной отъ города почти непроходимымъ горнымъ ущельемъ, далеко кругомъ нѣтъ ни ручьевъ, ни источниковъ. Вода получается изъ колодцевъ посредствомъ движущихся на колесахъ черпаленъ. Эти колодцы лежатъ далеко отъ города по дорогѣ въ Гермосильо и доставляютъ необходимую для питья воду; когда же въ жаркое лѣто они высыхаютъ, что случается совсѣмъ не рѣдко, то единственными источниками остаются цистерны съ полу-тухлой водой. По дорогѣ неутомимо расхаживаетъ взадъ и впередъ агвадоръ, играющій такую важную роль во всей испанской Америкѣ, а оселъ его развозитъ по городу драгоцѣнную влагу въ грубыхъ кожаныхъ мѣхахъ.

Нигдѣ такъ не характеристична фигура агвадора, какъ здѣсь. Широкіе панталоны, доходящіе по большей части только до колѣнъ, рубашка, раскрытая на груди, на ногахъ сандаліи, а еще чаще ничего; длинные, взъерошенные волосы повязаны пестрымъ платкомъ; на головѣ необъятная соломенная шляпа, закрывающая своей тѣнью коричневое замазанное лицо. Въ такомъ видѣ агвадоръ облокачивается на своего маленькаго шаршаваго ослёнка, который стоитъ понуря голову и какъ будто размышляя о тяжеломъ ремеслѣ своего хозяина.

Таковъ Гваймасъ, главный пунктъ бассейна Калифорнійскаго залива, преддверіе таинственной Сонры съ ея неисчерпаемыми сокровищами. Тотъ, кѣмъ овладѣетъ золотая горячка подъ впечатлѣніемъ фантастическихъ разсказовъ романистовъ, и увлечетъ его въ эту баснословную страну,—тотъ или безумецъ, или ему нечего терять на бѣломъ свѣтѣ.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ удостоилъ въ Югенгеймѣ, 12-го (24-го) іюня сего года, Высочайшей ратификаціей консульскую конвенцію, заключенную 20-го марта (1-го апрѣля) 1874 года между Россіею и Франціею. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на французскую 22-го іюня (4-го іюля) сего года, и договоръ этотъ на основаніи 17 ст., долженъ засимъ войти немедленно въ дѣйствіе.

— Государь Императоръ удостоилъ въ Югенгеймѣ, 12-го (24-го) іюля сего года, Высочайшей ратификаціи заключенную, 20-го марта (1-го апрѣля) 1874 года, между Россіею и Франціею конвенцію о наслѣдствахъ, остающихся въ одномъ изъ двухъ договаривающихся государствъ послѣ подданныхъ другаго. Эта ратификація, по установленному порядку, обмѣнена въ С.-Петербургѣ на французскую 22-го іюня (4-го іюля) сего года, и договоръ этотъ, на основаніи 15 статьи, долженъ засимъ немедленно войти въ дѣйствіе.

— Государю Императору благоугодно было, 16-го апрѣля сего года, Высочайше повелѣть: 1) Размѣнять съ шведскимъ правительствомъ министерскія декларации о взаимной переуступкѣ городскихъ земель: русской — въ Стокгольмѣ и шведской—въ Москвѣ, и 2) по утвержденіи размѣна министерскими декларациями, сдѣлать надлежащее сношеніе о передачѣ возвращаемаго Швеціею участка земли городу Москвѣ. Во исполненіе перваго пункта изображенной Монаршей воли, подписана Управляющимъ Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ, 23-го мая (4-го іюня) сего года, надлежащая по изъясненному предмету министерская декларація и обмѣнена на таковую же декларацію, подписанную шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ 9-го (21-го) мая текущаго года.

— Государь Императоръ, 29-го минувшаго августа, Высочайше повелѣть соизволилъ изъять отъ разрѣшенія носить бороды корпусъ жандармовъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Согласно Высочайше утвержденному, 10-го минувшаго августа, положенію объ управленіи корпусомъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ нынѣ же образовать управленіе гвардейскаго корпуса съ входящимъ въ оное управленіемъ начальника артиллеріи корпуса, руководствуясь приложенными къ означенному положенію штатами.

— Высочайшимъ приказомъ по военному вѣдомству, въ Ливадіи, 30-го минувшаго августа: Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Александръ Александровичъ произведенъ въ *генералы-отъ-инфантеріи* и *генералы-отъ кавалеріи*, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ и съ назначеніемъ командиромъ гвардейскаго корпуса.

Его Императорское высочество великій князь Владиміръ Александровичъ назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

— Учрежденная по Высочайшему повелѣнію изъ лицъ по усмотрѣнію главнаго начальника оренбургскаго военнаго округа особая коммиссія для разработки главныхъ основаній для установленія порядка отбыванія воинской повинности башкирами Оренбургскаго края, по окончаніи всѣхъ работъ, представила результатъ всѣхъ занятій въ военное министерство.

— Изъ Майкопскаго лагеря пишутъ въ «Русскій Инвалидъ», что войска этого лагеря пополнены *новобранцами* только въ концѣ апрѣля и маѣ, вслѣдствіе чего на строевое образованіе молодыхъ солдатъ и на обученіе ихъ стрѣльбѣ употреблено было всего два съ половиною мѣсяца. Однако, не смотря на этотъ короткій срокъ, новобранцы настолько окрѣпли въ строевомъ образованіи вообще, что въ массѣ совершенно слились съ старослужащими.

— Число приходящихъ въ Кронштадтъ коммерческихъ судовъ въ нынѣшнемъ году значительно болѣе, пишутъ въ «Кронштадтскій Вѣстникъ», нежели въ прошедшемъ. Такъ, въ 1873 году, отъ начала навигаціи и по 18-е августа, прибыло къ порту судовъ: 552 паровыя и 1,253 парусныхъ; нынѣ же, въ тотъ же періодъ времени, пришло паровыхъ 751 и парусныхъ 1,371.

— Въ «Ник. Вѣстникъ» пишутъ изъ Ѳеодосіи, что извѣстный художникъ Айвазовскій предназначаетъ недавно оконченную имъ картину, изображающую одинъ изъ моментовъ бомбардированія Севастополя, въ подарокъ морскому музею въ С.-Петербургѣ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ Новочеркасскѣ открыты 1-го августа кратковременные педагогическіе курсы для учителей приходскихъ училищъ окр. Черкасскаго, 1-го Донскаго, Донецкаго и Міусскаго.

— 30-го августа происходилъ торжественный актъ Императорскаго варшавскаго университета. Изъ прочитаннаго на актѣ отчета о дѣятельности университета за истекшій академическій годъ видно, что университетъ, вступая въ шестой годъ своего существованія, находится почти въ полномъ составѣ. Кругъ дѣятельности профессоровъ въ настоящее время значительно расширился. Многіе изъ нихъ, кромѣ своихъ постоянныхъ занятій при университетѣ, работаютъ и на другихъ поприщахъ ученой дѣятельности, принимая живое участіе въ разнаго рода научныхъ изслѣдованіяхъ Россіи, и мѣстнаго края. Нѣкоторые другіе принимали участіе и въ заграничныхъ съѣздахъ. Въ настоящее время въ университетской библіотекѣ имѣется до 300,000 томовъ; зоологическій музей и нѣкоторые другіе ни въ чемъ не уступаютъ подобнаго рода университетскимъ учрежденіямъ Россіи. Что касается до успѣховъ учащихся, то изъ отчета видно, что студенты серіозно относятся къ дѣлу образованія. Успѣхи въ знаніи студентами изъ поляковъ русскаго языка также значительны; многіе изъ нихъ настолько хорошо владѣютъ русскою рѣчью, что по выговору ихъ не возможно отличить отъ студентовъ чисто-русскаго происхожденія. Изъ числа имѣющихся въ распоряженіи университета стипендій, 22 выдаются изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, 25 изъ спеціальныхъ средствъ университета, а всѣ остальныя изъ частныхъ пожертвованіе. Общая сумма спеціальныхъ пособій составляетъ 20,760 р. 90 коп. Кромѣ того на пособіе наиболѣе нуждающимся студентамъ совѣтъ университета ежегодно назначаетъ

Библиотека "Руниверс"

изъ спеціальныхъ средствъ университета по 1,000 руб. въ годъ.

— 2-го августа Высочайше утвержденъ уставъ музея Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ. Почетный Президентъ музея—Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Музей имѣетъ цѣлію служить наглядною исторіею главныхъ эпохъ русскаго государства и содѣйствовать распространенію свѣдѣній по отечественной исторіи. Въ музеѣ собираются всѣ памятники знаменательныхъ событій отечественной исторіи. Эти памятники въ подлинникахъ, копіякъ или слѣпкахъ, расположенные въ хронологической послѣдовательности, должны представлять по возможности полную картину каждой эпохи съ ея памятниками: религіи, законодательства, науки и литературы, съ предметами искусствъ, ремеслъ промысловъ и вообще со всѣми памятниками бытовой стороны русской жизни, а равно и съ предметами военныхъ и морскихъ силъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

«Земледѣльческ. Газета» сообщаетъ о слѣдующемъ входящемъ въ употребленіе способѣ молотьбы походными молотильными машинами. Крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ *Рязанской губерніи*, въ особенности Скопинскаго, сами дѣлаютъ молотилки. Они возятъ ихъ съ собою вмѣстѣ съ разбирающимся приводомъ. При молотилкахъ этихъ путешествуетъ обыкновенно цѣлый комплектъ рабочикъ, которые при заподрядѣ производятъ молотьбу. Такія молотилки принадлежатъ большею частію не одному, *а цѣлой артели* крестьянъ, которая обыкновенно и путешествуетъ съ ними. Артели такихъ молотильщиковъ уже нѣсколько лѣтъ и прежде обходили всѣ хозяйства большей части уѣздовъ губерніи Тамбовской, проходили отсюда въ губернію Воронежскую и область Войска Донскаго; въ нынѣшній годъ число такихъ молотильщиковъ особенно велико; цѣны, по которымъ они молотятъ, не высоки, обыкновенно 10 копѣекъ съ копны. Работы для нихъ находится очень достаточно. Главное удобство для хозяевъ при этомъ то, что при такой молотьбѣ устраняются всякіе хлопоты по найму рабочихъ и надзору за ними.

— Н. Е. Цабель, директоръ Императорскаго Никитскаго сада, устроилъ въ Ялтѣ складъ для снабженія винодѣловъ и садоводовъ необходимыми для нихъ инструментами и аппаратами. Кромѣ того, въ складѣ этомъ принимаются всевозможные заказы на изготовленіе предметовъ относящихся до садоводства и винодѣлія, а въ извѣстные дни будутъ производиться въ немъ демонстративныя разъясненія для ознакомленія желающихъ съ находящимися въ немъ предметами.

СОДЕРЖАНІЕ: Египетскія пирамиды (съ рисункомъ). — Двѣ встрѣчи (съ двумя рисунками). **В. Немировича-Данченко.** — Прохожденіе планеты Венеры (съ рисункомъ и картою). — По пути. Разсказъ **БЕРДОЛЬДА АУЭРБАХА.** — Запрещенная охота (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ приложено объявленіе отъ книжнаго склада **В. П. Печаткина.**

ОТПЕЧАТАНЪ И ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

безъ предварительной цензуры

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

РОМАНА

„ВТОРАЯ ЖЕНА“.

Соч. М. Марлитта.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Для гг. подписчиковъ «НИВЫ» я уступаю это изданіе съ пересылкою за **1 руб. 30 коп.**

Никогда еще талантъ автора не выказывался съ такой поражающей яркостью, какъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи, которое живыми и блестящими красками рисуетъ придворную жизнь мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ: **въ С.-Петербургѣ** — у Исакова, Базунова, Вольфа, Кожанчикова, Черкесова, Глазунова, Ф. Битепажа, Колесова и Михина; **въ Москвѣ** — у Соловьева (на Страстномъ Бульварѣ) и у издателя «НИВЫ», въ **въ С.-Петербургѣ**, Большая Морская, д. № 9.

А. Ф. Марксъ.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ

ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный

И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою до 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искуствѣ.

Съ требованіемъ обращаться въ С.-Петербургѣ, Фурштатская улица, домъ № 13, въ редакцію Артиллерійскаго Журнала, или къ книгопродавцу Д. Ф. Федорову (Апраксинъ дворъ № 12), и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ Петербурга и Москвы, которымъ дѣлается уступка 20%.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАТОКИ ЧАЯ

симъ извѣщаются, что въ склады извѣстнѣйшаго по своей обширной торговлѣ и превосходному выбору чаевъ: московскаго торговаго дома **ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО**, получены изъ Кяхты и поступили въ оптовую и розничную продажу **СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ** большія партіи свѣжихъ душистыхъ чаевъ, равныхъ которымъ, какъ по ихъ отмѣнно высокому достоинству, такъ и по умѣренной цѣнѣ, никогда еще не бывало въ продажѣ.

Но въ особенности

обращаютъ на себя всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ, имѣвшихъ случай апробовать нижеслѣдующіе новые чаи, отличающіеся своимъ **чуднымъ, необыкновенно пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ**, а именно: изъ чаевъ черныхъ: № 2-й, **Ненхэо-Пеха**, 1 руб. 40 коп.; № 3-й, изъ фузы Лозана ососка **Фучефу**, 1 руб. 60 коп.; № 4-й, высшій сортъ жемчужный **Букетъ фучана**, 1 руб. 80 коп.; **въ особенности же** рекомендуются любителямъ изъ отборныхъ: ханскій № 5-й, **Царскій Букетъ**, въ 2 руб.; № 6-й чуднаго аромата и вкуса **Царская Роза**, въ 2 руб. 30 к., и, какъ **необычайная рѣдкость**, равнаго которому по достоинству не существуетъ въ продажѣ № 7-й, **Индѣйская Роза**, 2 руб. 60 коп.; изъ цвѣточныхъ чаевъ очень хорошіе: № 12-й, **Мыюконъ**, 2 руб. 10 коп.; № 13-й, **отборный**, 2 руб. 25 коп., а также лянсины букетные: № 14-й, **Мыютанъ-Наджинъ-Пеха**, 2 руб. 50 коп.; № 15, **Букетный Лянсинъ**, въ 2 руб. 70 коп., и въ особенности № 16-й, **Букетъ Розы**, въ 3 руб., и № 17-й, лянсинъ **Китайской Императрицы**, въ 3 руб. 25 коп.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай чрезъ почту, съ требованіями своими благоволятъ относиться исключительно по слѣдующему адресу: *Въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго, въ главную контору торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко.* Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ чрезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается конторою на свой счетъ и, сверхъ того, **дѣлается уступка 5%** *) **съ рубля** всѣмъ, выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутой уступки, выписывающимъ чай единовременно на 50 руб., безъ различія губерній, высылается безплатно по выбору — новоизобрѣтенный металлическій **«чайникъ»**, или же **«чайница»** новой конструкціи, или же серебряная **«мѣрка»** для чая, или же 1 ф. чая **Букетъ розы** въ 3 р.

Болѣе 4,000 торговцевъ

въ разныхъ городахъ Имперіи производятъ съ огромнымъ, день-ото-дня возростающимъ, успѣхомъ продажу развѣшанныхъ чаевъ фирмы московскаго торговаго дома **О. А. КОРЕЩЕНКО** на самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ для себя, такъ и для своихъ покупателей условіяхъ.

Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

Чай по требованію торговцевъ

отпускается развѣшаннымъ **на фунты, полуфунты и четверти.** Каждый пакетъ, для сохраненія аромата въ чаѣ, завертывается въ олово и въ печатный этикетъ фирмы торговаго дома, на коемъ означена цѣна чая и находится пломба фирмы.

*) Въ предыдущемъ № „Нивѣ“ ошибочно было напечатано 50 %, вмѣсто слѣдующихъ 5%.

Дозволено цензурою. 21 сентября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 40 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 28-го сентября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

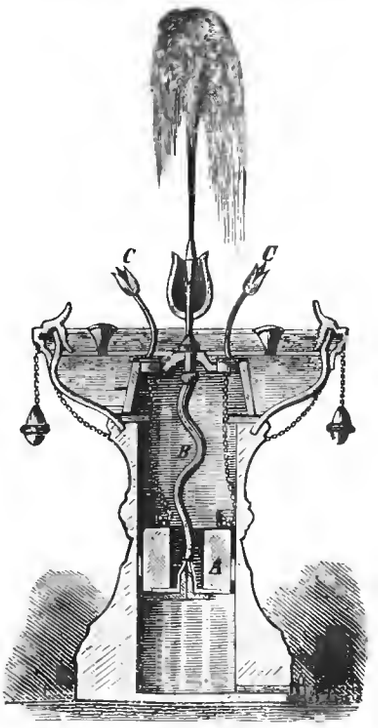
НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Хорошенькое комнатное украшеніе.

Современная художественная промышленность, необыкновенно дѣятельная на новыя изобрѣтенія, пришла къ тому взгляду, что основаніе всего прекраснаго надо искать исключительно въ природѣ; поэтому современное декораціонное искусство поставило себѣ задачей искать свои мотивы въ природѣ. Обвитая зеленымъ плющемъ стѣна, цвѣты свободно поставленные въ просторную вазу, а не безвкусно сжатые въ компактную массу, чистая, прозрачная струя воды, бьющая въ воздухъ, доставляютъ мыслящему человѣку больше удовольствія, чѣмъ изысканный блескъ. Представленный на нашей картинкѣ маленькій фонтанчикъ можетъ служить именно такимъ простымъ но прелестнымъ комнатнымъ украшеніемъ. Устроенъ такимъ способомъ, что можетъ довольно долго дѣйствовать самостоятельно, т. е. безъ особеннаго высоко стоящаго нажимнаго резервуара или водопровода. Устройство его чрезвычайно легко представить, и мы думаемъ, что нашимъ читателямъ интересно будетъ ближе познакомиться съ этимъ хорошенькимъ аппаратомъ.



Фиг. 1. Комнатный фонтанъ. Грав. О. Май. Фиг. 2.

Фиг. 1. представляетъ общій видъ, фиг. 2,—вертикальный разрѣзъ, т. е. внутреннее устройство фонтанчика. Онъ состоитъ изъ изящнаго постамента, который можетъ быть изъ бронзы, литаго чугуна или жженой глины. Внутри этого постамента находится цилиндрическое пустое пространство, въ которомъ помѣщается — какъ насосъ — поршень А,—этотъ послѣдній долженъ быть довольно тяжелъ. Сквозь этотъ поршень проходитъ отверстіе, съ которымъ соединена тоненькая каучуковая трубка В, такъ что какъ скоро поршень давитъ на находящуюся въ цилиндрѣ воду, она безпрепятственно поднимается въ трубку, и бьетъ струей чрезъ находящійся на верху трубки мундштукъ. Чтобы наполнить комнату ароматомъ, можно налить въ воду духовъ. Для приведенія въ дѣйствіе фонтана, поршень А вытягивается посредствомъ цѣпочекъ СС,

Библиотека "Руниверс"

металлическія ручки которыхъ сдѣланы въ формѣ цвѣтовъ; при этомъ находящаяся въ бассейнѣ вода стекаетъ внизъ чрезъ кольцеобразное пространство между трубкой В и отверстіемъ поршня А, для чего означенное отверстіе замыкается внизу подвижнымъ каучуковымъ кружкомъ, открывающимся когда поршень опущенъ. Бассейнъ, разумѣется долженъ быть такой величины, чтобы въ немъ вмѣщалась всѣ находящаяся въ цилиндрѣ и бьющая струей вода, не переходя черезъ край. Прочее устройство этой хорошенькой вещицы, убранство ея цвѣтами и проч. ясно видно на предлагаемой картинѣ.

Что случилось съ Петромъ Петровичемъ.

Разсказъ Н. Боева.

I.

Желѣзные пути потянулись во всѣ стороны и провинція вся перебывала въ Петербургѣ. Нынче не встрѣтишь такихъ дикарей, которые бы не видали Невскаго, памятника Петра и проч. Нынче на вопросъ: «куда вы ѣдете?» наши отвѣчаютъ— «въ Петербургъ», съ такимъ поигрываніемъ трости и съ такимъ равнодушнымъ видомъ, какъ будто это—улицу перейти. Теперь невозможенъ разсказъ про господина, который всю жизнь томился тоской по Петербургѣ—и когда наконецъ съѣздилъ, то впечатлѣнье такъ глубоко въ сердце врѣзалось ему, что онъ на вопросъ о Петербургѣ, потомъ, уже ничего не отвѣчалъ и только сладко и загадочно улыбался. Мотивъ послѣдней опереты Буффонъ нынче вы вдругъ услышите и въ уѣздномъ клубѣ, и предъ началомъ земскаго собранія.

Пріѣзжіе въ Петербургъ отъ насъ бываютъ двухъ родовъ. Одни пріѣзжаютъ — подышать свѣжимъ воздухомъ, хотя попадаютъ большею частію въ такой смрадъ, слякоть и туманъ, что очевидно подъ свѣжимъ воздухомъ разумѣется нѣчто иное. Начинается отыскиваніе старыхъ пріятелей, таинственныя поѣздки съ ними куда-то внѣ района вліянія ихъ негодующихъ супругъ, походы непремѣнно въ Малоярославецъ, гдѣ есть какія-то вещи, которыхъ будто бы нигдѣ больше достать нельзя. Ужасный смрадъ, запахъ кухни, промзглый дымъ, висящій въ этомъ раю пріѣзжихъ, тоже, кажется, нельзя назвать свѣжимъ воздухомъ. Должно быть— свѣжій воздухъ—это тѣ безсвязные, шумные разговоры, шутки съ желто-блѣднымъ усатымъ лакеемъ, перекрестный огонь заказовъ какихъ-то диковинъ, которыя никому особенно не понравились, но о которыхъ потомъ вспоминаютъ съ восторгомъ.

— Нѣтъ, я тебѣ скажу, подали намъ рыбищу—страсть! Потомъ разстегаи... Но листовка—я тебѣ говорю!

И все это въ воображеніи разсказчика принимаетъ небывалые размѣры.

Это лица восторженныя. Они останавливаются въ восхищеніи передъ памятниками и колонадами, по часамъ стоятъ передъ магазинами Кумберга, ѣздятъ «прокатиться» въ желѣзно-конной каретѣ, покупаютъ «по случаю» сочиненія Пушкина и Шелгунова у букиниста выше номинальной цѣны (и гдѣ у нихъ лежатъ потомъ эти книги? Вы ихъ никогда не увидите), и все это продѣлываютъ пріѣзжіе. Петербуржецъ знаетъ все это и не восхищается. Онъ такъ занятъ своими карьерами, тиражами и вакансіями, что ничего не замѣчаетъ. Онъ цѣлые года не смотритъ никакихъ «достопримѣчательностей», которыя кажется только и существуютъ для пріѣзжихъ.

Есть другіе пріѣзжіе—по дѣламъ. Этимъ, по пріѣздѣ, столица сказывается тяжело. Они одиноки съ своей заботой среди мечущейся толпы. Они ищутъ нужныхъ имъ людей, вѣчно не застаютъ ихъ дома, стараются безъ всякой нужды подкупить важныхъ лакеевъ и швейцаровъ; пробуютъ захватить нужное лицо чуть не въ постели или въ коротенькомъ пространствѣ между крыльцомъ и подножкой кареты, наконецъ добываются свиданія, представляются въ толпѣ другихъ просителей, уходятъ отъ нужнаго лица съ ощущеніемъ ненужности свиданія и съ двумя милостивыми словами въ ушахъ. И только уже идя по Невскому, остановясь въ раздумьи и увидѣвъ свое разстроенное лицо въ зеркальномъ стеклѣ магазина, онъ вдругъ хватится, что милостивыя слова ничего не означаютъ и что надо опять начинать съизнова. Спертый воздухъ улицъ давитъ грудь; изо всѣхъ воротъ въ лицо и въ затылокъ дуетъ сквозной вѣтеръ, морщина глубоко перерѣзываетъ лобъ его. А дома, въ номерахъ, такъ стучатъ и звонятъ, такъ гадко, дорого и противно! Обѣдъ такой безвкусный, вино мерзкое, голова тяжела и кружится— и тяжелый сонъ сваливаетъ его на номерную кровать до скучнаго вечера.

Петръ Петровичъ принадлежалъ къ послѣднимъ. Онъ пріѣхалъ по дѣлу, изъ одной, очень далекой, нашей провинціи. Петръ Петровичъ гордился за нашъ край — и жилъ спокойно, когда вдругъ почему-то мѣсто, на которомъ онъ такъ хорошо у насъ усѣлся, было упразднено. Онъ встревожился, задумался, потомъ сказалъ намъ магическое слово «въ Петербургъ». По этому поводу онъ напился съ большой компаніей. Онъ смутно помнилъ потомъ, что со всѣми прощался и цѣловался, потомъ даже зачѣмъ-то разбилъ рюмку и на утро, съ больной головой, потащился въ повозкѣ по снѣгу до ближайшей станціи желѣзной дороги.

И вотъ, въ Петербургѣ онъ переиспыталъ все, о чемъ мы говорили выше. Нигдѣ не чувствуешь себя такъ одинокимъ, какъ въ громадномъ городѣ, въ которомъ нѣтъ интересовъ и нѣтъ знакомыхъ. Молчаливые люди, которымъ до васъ нѣтъ дѣла, какъ тѣни, мелькаютъ мимо. Гремящіе экипажи, санки, звонки омнибусовъ, картинки въ окнахъ магазиновъ, крики кучеровъ—все это сливается въ какую-то безразличную, волнующуюся массу, во что-то не имѣющее для васъ ни малѣйшаго смысла. Все это точно опрокидывается на васъ и тяжело давитъ.

Петръ Петровичъ остановился передъ эстампнымъ магазиномъ, такъ какъ торопиться домой было не-зачѣмъ, и смотрѣлъ, не видя ничего, въ окно. Онъ задумался. За нимъ по тротуару стучали калоши, звенѣли шпоры и сабли по панели, какой-то юркій господинъ зашелъ съ одной стороны и пристально посмотрѣлъ на него...

II.

Когда Петръ Петровичъ скромно отвернулся, юркій господинъ опять зашелъ съ другой стороны и наконецъ вскрикнулъ.

— Петя! другъ! Не стыдно не узнать! а? школьнаго-то друга!.. Какъ, братъ, ты постарѣлъ однако! эку бороду отпустилъ! Откуда, дружище?

Нашъ Петръ Петровичъ— человѣкъ очень добрый, но осторожный. А потому онъ сперва пристально посмотрѣлъ на худенькое, съ узкими бакенами подъ шелковымъ цилиндромъ, лицо, призналъ его на что-то дѣйствительно похожимъ, что ему помнилось изъ дѣтства,—и радушно протянулъ руку. Тотъ говорилъ безъ умолку. Собственно говоря, Петръ Петровичъ былъ радъ этой встрѣчѣ, но боялся показать неприличную радость передъ петербургскимъ товарищемъ.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, Калашниковъ! Ну, что подѣлываешь, какъ поживаешь? Ты вѣдь кажется хотѣлъ тогда въ военную службу?

— Ну вотъ—что военная! Я раздумалъ. Я, братъ, адвокатствую вотъ помаленьку. Вотъ это дѣятельность! Недавно дѣло выигралъ — рубликовъ съ 200 получилъ. Не надо ли тебѣ съ кого взыскать, или нѣтъ ли какого дѣла въ съѣздѣ?

— Сохрани Богъ...

— Ну вотъ, ну вотъ! ахъ, какъ вы всѣ тамъ въ провинціи отстаете! Мировой судъ! а? Какъ можно! Тутъ такіе идеи можно проводить! Да вотъ — я недавно мужика одного защищалъ! Говорилъ, говорилъ — просто, братъ, забылся!

Библиотека "Руниверс"

право! Однако зайдемъ-ко, братъ, куда нибудь—ты не обѣдалъ еще? Вотъ хоть къ Палкину...

Петръ Петровичъ пошелъ охотно, едва поспѣвая за юркимъ товарищемъ. Когда они повернули къ подъѣзду съ Садовой, Калашниковъ вдругъ забѣжалъ навстрѣчу кому-то, раскланялся и опять заговорилъ. Оглянувшись, Петръ Петровичъ увидѣлъ двухъ женщинъ. Одна, полная и немолодая, была въ какомъ-то странномъ короткомъ платьѣ и кофтѣ, въ довольно высокихъ сапогахъ, въ синихъ очкахъ, съ киной книгъ подмышкой. Другая—совсѣмъ молоденькая, миловидная, блѣдная дѣвочка, въ черномъ, съ коротко остриженными волосами,—совершенно такія фигуры, которыхъ «совсѣмъ уже нѣтъ» по усердному увѣренію нашей печати и которыхъ вы преимущественно почему-то встрѣтите въ сборѣ въ Публичной библіотекѣ.

— Откуда вы, Заносцева? началъ Калашниковъ къ старшей.

— Ходили «Дѣло» читать въ библіотеку. Ну и каковъ нашъ сатирикъ? А еще либералъ! Пишетъ, что мы собираемся для того, чтобы читать «Труды вольно-экономическаго общества». Нѣтъ,- это подло—это значитъ унижать...

— Это конечно, это политика... понимаете?.. Политика!

— Я только знаю, что такъ смѣяться подло... Кому это нужна ваша политика? Мы не прячемся... Будете у насъ?

Она смѣшно-развязно, по мужски, подала ему руку. Тоже сдѣлала и дѣвочка, которая вынула очень большую кожаную папиросницу.

— Нѣтъ ли спички, товарищъ? сказала она, закидывая голову, какимъ-то дѣланнымъ голосомъ. Калашниковъ вынулъ спички—и они закурили.

— Это кто съ вами? вслухъ безцеремонно спросила Заносцева, указывая.

— Мой товарищъ—я васъ познакомлю. Мы вмѣстѣ придемъ сегодня.

— Приходите. У насъ вѣдь, батюшка, безъ церемоній. Только бы былъ честно-мыслящій человѣкъ—и ладно! отвѣчала та, пожимая имъ руки.

Петръ Петровичъ очень заинтересовался. Онъ въ первый разъ видѣлъ такихъ. Когда старые товарищи усѣлись у буфета, окруженные табачнымъ дымомъ, чадомъ, бѣгающими лакеями, шумомъ и стукомъ, и сѣрый петербургскій день освѣтилъ ихъ сквозь какія-то мрачно-потемнѣвшія стекла, они выпили водки и Петръ Петровичъ спросилъ:

— Кто это такія?

— О, это братъ тебѣ счастье—такое знакомство! Это такая... біологіей теперь занимается. Переводитъ. Заносцева! Да, впрочемъ, что у васъ тамъ въ берлогѣ знаютъ? Тамъ братъ такое общество встрѣтишь—вотъ ужъ именно! Знаешь Испаніева? Ну вотъ — извѣстный литераторъ! Не знаешь? экой ты! Испаніевъ?! Ну вотъ онъ тамъ бываетъ. Ѣдокъ... не остеръ, но ѣдокъ такъ — просто бѣда! Признаться, я, какъ этого мужика защищалъ — онъ мнѣ эту рѣчь подправилъ. Такія подлецъ шпильки подпустилъ—страсть! «Воровство, кричу, милостивые государи, не можетъ быть разсматриваемо какъ»... Предсѣдатель два раза звонилъ. Право! «Позвольте, говоритъ, прошу васъ обратиться къ дѣлу!» Такая шельма этотъ Испаніевъ. И женщины тамъ есть. Развитіе—первый сортъ!

— Ну, а та кто, молоденькая?

— Та? Эта что!—эта еще пискленокъ. Думаетъ въ Цюрихъ или на акушерскіе курсы, однако еще неизвѣстно. Развитія мало, еще не сложилась. Однако ее выправляютъ. Ужъ эта Заносцева выправитъ! эта выправитъ! Мы туда сегодня же поѣдемъ...

Петръ Петровичъ подумалъ о вечерѣ съ дамами въ Петербургѣ, безпокойно оглядѣлъ свой туалетъ и сознался, что хоть между ними онъ и сходилъ за вполнѣ приличный, однако на такомъ вечерѣ едва ли годится. На Калашниковѣ все какъ будто сидѣло лучше; а ему, онъ чувствовалъ, нашъ Фирсовъ—у котораго мы всѣ пьемъ—подгадилъ сильно.

— Сегодня я не пойду, нерѣшительно сказалъ онъ.

— Это еще отчего? Пустяки, пустяки и пустяки!

— Знаешь, я признаться, думалъ бы заказать что-ли сюртукъ, а то въ этомъ или въ мундирѣ...

— Ничего. Пустяки и пустяки! Тамъ не смотрятъ! Ты только погляди, какъ Испаніевъ ходитъ! Впрочемъ, знаешь, реализмъ нынче, чтобы проникнуть во всѣ слои общества, долженъ облечься въ приличный костюмъ — это современная мысль! Я говорилъ Испаніеву — смѣется, такая шельма! Знаешь, купи сюртукъ въ готовомъ платьѣ, если хочешь, а я за тобой вечеромъ зайду... Идетъ?

Петру Петровичу этотъ совѣтъ очень понравился; онъ долго примѣрялъ послѣ обѣда платье, потомъ пошелъ постричься къ блистательному парикмахеру—и когда оправился передъ зеркаломъ, то почувствовалъ, что, кромѣ уѣзднаго неизбѣжнаго брюшка, остальная фигура стала много приличнѣе.

Здѣсь кстати сказать, что было бы очень жаль, если бы нашего Петра Петровича представили себѣ какимъ нибудь уродомъ. Это красивый мужчина среднихъ лѣтъ, полный и нѣсколько мѣшковатый, что конечно должно отнести къ винѣ нашего портнаго Фирсова и нѣкоторой нашей уѣздной распущенности.

III.

Когда извощикъ вечеромъ подвезъ нашихъ пріятелей къ низенькому домику на Петербургской сторонѣ и Петръ Петровичъ въ окнахъ увидѣлъ тусклое освѣщеніе, то кажется совсѣмъ успокоился насчетъ своего приличія, ибо видѣлъ, что это вечеръ не такой, какъ онъ себѣ воображалъ. Безъ звонка вошли они, незапертою дверью, въ длинный корридоръ, гдѣ было темно и навалено кучами разное платье. Маленькая лампочка чадила и пахла керосиномъ. Какая-то сѣрая, неопредѣленная дѣвица (которую Петръ Петровичъ принялъ сначала за очень дурнаго собой мальчишку) выбѣжала имъ навстрѣчу. Петръ Петровичъ сбросилъ ей на руки пальто и очень сконфузился, когда оно упало на полъ, ибо никто не принялъ. Еще больше сконфузился онъ, когда увидѣлъ потомъ, что эта дѣвица была здѣсь, повидимому, изъ самыхъ рѣзкихъ и «развитыхъ». Въ корридорѣ всѣ двери были растворены и вездѣ былъ народъ, было накурено, ходили изъ комнаты въ комнату и разговаривать прямо садились на кровати. Въ одной комнатѣ побольше—было особенно чадно, дымно, и людно. Говоръ, громкой и неперестающей дробью какой-то, звучалъ въ ушахъ ошеломленнаго Петра Петровича. И ему вдругъ что-то взгрустнулось. «Вотъ, подумалъ онъ: судьба — во всемъ-то этомъ блестящемъ, громадномъ, богатомъ городѣ удалось же попасть именно въ такую трущобу! Что я буду тутъ дѣлать?»

Калашниковъ тотчасъ полетѣлъ по комнатамъ—и голосъ его заслышался въ разныхъ углахъ, то здѣсь то тамъ. Петръ Петровичъ прошелъ въ большую комнату и увидѣлъ много бородатыхъ и странно-одѣтыхъ мужчинъ и такихъ же странныхъ женщинъ, такъ что если бы не несомнѣнная ветхость этихъ костюмовъ, то можно бы подумать, что находишься на какомъ-то костюмированномъ вечерѣ. Тутъ были и грязные смазные сапоги, и красныя рубахи на выпускъ, и люди въ однихъ цвѣтныхъ рубахахъ безъ сертука, подпоясанные ремнями. У женщинъ были волосы острижены, а у мужчинъ отпущены были длинныя космы.... Посреди комнаты у стола сидѣла Заносцева и разливала чай. Разговоръ при появленіи новаго лица прекратился. Всѣ глаза и очки съ такимъ какимъ-то дикимъ любопытствомъ устремились на гостя, такъ что онъ очень смутился—и поставивъ шляпу на окно, присѣлъ къ столу, пожавъ руку Заносцевой, которая обратила на него свои очки и толстое лицо.

— Это еще что за субъектъ? спросилъ кто-то сзади него такъ громко, что онъ обернулся.

— Надо вамъ чаю? спросила Заносцева,—нынче въ нашей комунѣ моя очередь разливать.

— Если будете такъ добры, то позвольте стаканчикъ, сказалъ нашъ деликатный Петръ Петровичъ.

Послышался несдержаный смѣхъ. Петръ Петровичъ еще больше сконфузился. Ему передали какую-то печальную жидкость въ стаканѣ сомнительной чистоты, за который онъ у насъ, въ клубѣ, сдѣлалъ бы строжайшій выговоръ, какъ

Библиотека "Руниверс"

старшина. Здѣсь же онъ, съ нѣкоторымъ страданіемъ, принудилъ себя пить эту смѣсь, въ порывѣ деликатности.

— Что же вы замолчали, Испаніевъ? начала Заносцева. Вотъ видите, продолжала она обращаясь къ Петру Петровичу, — разговоръ у насъ о вліяніи духовенства на народъ.

— Нашла кого спрашивать? фыркнула одна дѣвица.

— У него и видъ какой-то допотопный, почти вслухъ сказалъ кто то.

— Типъ консерватора изъ провинціи!...

Петръ Петровичъ едва успѣвалъ оборачиваться во всѣ стороны какъ звѣрокъ, котораго настигла стая шавокъ.

— Позвольте-съ, началъ онъ, (вспоминая своего пріятеля, нашего отца Никифора),—конечно-съ, духовенство.... однако, нашъ народъ...

— Ха, ха, ха! засмѣялись кругомъ,—ну продолжайте же, Испаніевъ! Что же вы замолчали?!

Поднялся гвалтъ и крикъ. Всѣ другъ на друга наступали и говорили въ одно время. Подъ шумокъ Петръ Петровичъ, на котораго перестали, къ его удовольствію, обращать вниманіе, выбрался въ коридоръ и тоскливо слоняясь, толкая проходящихъ и извиняясь, заглядывалъ въ комнаты. Въ одной изъ нихъ онъ увидѣлъ ту дѣвочку, которую встрѣтилъ съ Заносцевой на улицѣ. Она лежала, подложивъ руку подъ стриженную голову, на диванчикѣ, и курила. Передъ ней, озаренный одинокой свѣчкой, сидѣлъ Калашниковъ и что-то доказывалъ.

— Убирайтесь, говорила она,—мнѣ все равно!...

— Я все таки говорю, продолжалъ тотъ,—что такое ревность? Что это за нелѣпое ощущеніе? Я его не признаю. Пора же намъ покончить наконецъ со всѣми этими старыми фокусами! Наши отцы потому и не были никогда здраво развиты, что уходили во всѣ эти безсмысленныя мелочи! Разсмотримъ: я голоденъ — я ѣмъ въ одной кухмистерской, потомъ въ другой..... Развѣ я опять не могу придти въ первую? Это дико... По прямой ассоціаціи идей...

IV.

— Позвольте къ вамъ присоединиться, вмѣшался Петръ Петровичъ,—о чемъ рѣчь?

— Тутъ мы съ Анной Васильевной разводы разводимъ.... Однако засидѣлся... Пойти туда—я еще и Испаніева не видалъ.

При входѣ Петра Петровича Анна Васильевна не поднялась, а просто протянула ему руку.

Нашъ Петръ Петровичъ очень любилъ дамское общество. Не женился онъ, при слабости сердца, до сихъ поръ кажется только потому, что стѣснялся «объясняться» съ дѣвицами—это было для него ножъ острый. Здѣсь же, въ этой странной обстановкѣ, онъ почувствовалъ себя какъ-то очень развязно и обратился къ лежавшей собесѣдницѣ непринужденно.

— Какой пріятный вечерокъ! началъ онъ,—всѣ говорятъ такъ любопытно... хотя можетъ быть конечно сразу оно.... оригинально....

— Ну ужъ пріятный! Чортъ ихъ всѣхъ возьми! нахмуривъ брови, оборвала она,—надоѣли до смерти! Она привстала, сѣла на стулъ, и энергически проведя рукой по короткимъ волосамъ, закурила папиросу, вглядываясь въ собесѣдника своего.

— Вы что же—другъ Калашникова, что ли?

— Знаете, старые товарищи, я его только сегодня встрѣтилъ.

— Ну, хороши же у васъ старые товарищи!..

— Товарищество-съ, Анна Васильевна, какъ говорится, вещь подневольная... Однако развѣ онъ худой человѣкъ?...

— Скотина!

При такомъ восклицаніи, нѣсколько энергическомъ для дѣвицы, гость взглянулъ съ удивленіемъ ей въ глаза.

— Что вы смотрите? что я такъ говорю-то? Ну да! говорю! Мнѣ надоѣло! Ахъ, какъ надоѣло—все разговоры, все разговоры!

— Понимаю такъ, что вы бы желали избрать какой нибудь опредѣленный родъ дѣятельности или, лучше сказать, жизни? спросилъ Петръ Петровичъ съ какимъ-то страннымъ замираніемъ сердца.

— Ну да — и жизни! И вашъ пріятель скотина! Они все, все разговариваютъ, все на слова переводятъ. Я же докажу имъ! Вообразили себѣ! акушерскіе курсы! какъ же! Долго вы въ Петербургѣ пробудете? вдругъ спросила она,— вы вѣдь проѣздомъ?

— Да, долго, отвѣчалъ гость, встрепенувшись,—вы почему спросили?

— Вотъ что... Вы не смотрите, что я такъ, вдругъ, прямо... Мнѣ кажется, вы хорошій... и что вы не объясните это какъ нибудь... Если у васъ есть знакомые—найдите мнѣ тутъ занятіе. Съ дѣтьми что ли, въ конторѣ... Мнѣ все равно. Честный трудъ какой нибудь... добавила она и покраснѣла.

Этотъ нѣжный румянецъ молодаго лица, эта неожиданная просьба отъ той именно, которая ему такъ нравилась, привели Петра Петровича въ восторженное состояніе. Онъ былъ такъ радъ ея порученію, что, недолго думая, съ тайною мыслью только поддерживать съ нею сношенія,—объявилъ, что знакомые у него есть и что онъ будетъ искать ей занятіе и (главное) заходить и сообщать объ результатахъ своихъ поисковъ и хлопотъ.

— Я потому, оправдывалась она,—что у меня никого нѣтъ... И главное, не говорите объ этомъ Калашникову. Слышите? И потомъ ко мнѣ сюда не ходите. А вотъ что— приходите послѣ завтра утромъ въ читальню. Тамъ вы мнѣ и скажете. Это такъ нужно—слышите? Я благодарна вамъ за готовность... Слышите—Калашникову ни слова! А теперь я туда пойду. Вы не пойдете?

— Нѣтъ-съ, что же мнѣ тамъ!.. Непремѣнно-съ, будьте увѣрены, воскликнулъ онъ, прощаясь съ ней и даже поцѣловалъ ей ручку, которую та рѣзко вырвала у него и покраснѣла.

— Прощайте-съ! Послѣ завтра буду въ читальнѣ и сообщу обо всемъ, добавилъ гость и постарался выбраться незамѣченнымъ, что было вовсе не трудно. Онъ различилъ, среди гула и говора, голоса Заносцевой и Калашникова—и быстро пріискавъ свое пальто, выбрался въ дверь и на крылечко, на свѣжій воздухъ.

Была ясная и лунная осенняя ночь. Морозцемъ сковало уличную грязь. Мѣсяцъ плылъ въ небѣ — такомъ чистомъ и ясномъ, что казалось оно было все подернуто легкою слезою, какъ свѣтлый взоръ человѣческій. Когда на сердцѣ у человѣка хорошо — онъ замѣчаетъ такія вещи, которыя бы прошелъ безъ вниманія въ обыкновенномъ состояніи духа. Если бы мы всѣ могли въ ту минуту, изъ нашего отдаленнаго уѣзднаго клуба, перенестись на деревянные мостки Петербургской стороны, — мы съ удивленіемъ услышали бы, какъ нашъ, никогда не пѣвшій, Петръ Петровичъ страннымъ фальцетомъ что-то напѣваетъ и бормочетъ про себя.

— Славная ночь! говорилъ онъ про себя, шагая по узкимъ доскамъ,—все былъ дождь и какъ вдругъ прояснѣло и звѣздъ столько! Какое прекрасное зданіе! Да! столица даже здѣсь обстроивается! А — чортъ возьми — она премиленькая дѣвочка! Ребенокъ, совсѣмъ ребенокъ—и прямо ко мнѣ обратилась — никакаго пониманія! Ну вдругъ я бы дурной человѣкъ какой былъ! И искать мѣсто! Ахъ, да что-же это я! Онъ даже остановился въ смущеніи: — какъ-же я мѣсто обѣщалъ — увлекся! Гдѣ-же я найду? Навралъ, что знакомые есть! Э, да что! Буду по конторамъ искать! Гдѣ ей самой — ну а я все-же поговорю.... Да и какое ей мѣсто? — акушерскіе курсы! Ха, ха, ха! Какъ она глазками рѣзво распоряжается! Н-да! Миленькая! А отчего Калашникову не говорить? Тутъ что-то.... А все-же премиленькая! И такимъ тоненькимъ голоскомъ: «послѣзавтра утромъ!» А вѣдь это какъ виданіе назначила? Ребенокъ! Ха ха!

«Тобой всечасно любоваться»

запѣлъ онъ. Короче сказать нашъ степенный Петръ Петровичъ былъ заинтересованъ сильно — и городовой бляха № 107, внимательно посмотрѣвшій, съ своего поста на углу, на его необычно-уторопленную походку и размахивающія руки, конечно не подозрѣвалъ, что видитъ передъ собой такъ хорошо настроеннаго человѣка.

Библиотека "Руниверс"

Восходъ солнца въ степи. Рис. П. Каразинъ, грав. Ланкеръ

Библиотека "Руниверс"

V.

Петръ Петровичъ очень дурно спалъ эти двѣ ночи. Но это была не болѣзненная безсонница. Онъ думалъ и думалъ рѣшительно, что пора ему наконецъ устроиться по человѣчески и перестать быть старымъ холостякомъ. Эта дѣвочка, которая ему вдругъ такъ понравилась, казалась ему самою подходящею. Совершенный ребенокъ, къ нему она отнеслась повидимому очень сочувственно, и «никого-то нѣтъ» у ней бѣдной, и «право, право, думалъ онъ,—я былъ-бы хорошимъ мужемъ. Я бы ее любилъ, жила-бы она все-же лучше чѣмъ теперь, а можетъ и меня полюбила-бы, и у насъ вѣдь тамъ добрые люди, и, право, хорошо! Была-бы хозяйка у меня въ дому».

Мечты рисовали ему его спокойный, хорошенькій домикъ у насъ въ городкѣ, молоденькую хозяйку... Онъ видѣлъ какъ они дѣтнимъ вечеромъ сидятъ въ зеленомъ, густомъ палисадникѣ; солнце, закатываясь, отражается въ ярко вычищенной мѣди самовара, воздухъ такой чудесный, свѣжій, вечеръ тихій; гости курятъ, разговариваютъ, хозяйка разливаетъ имъ чай и... и.... и дѣтки звонко кричатъ, играя на дворѣ....

«Одѣть ее, думалъ онъ,—лучше всѣхъ тамъ будетъ, и умненькая, книжки какія-то тамъ читаетъ. Я бы еще одно занятіе взялъ — жалованья-бы прибавилось.... И, право, отлично-бы зажили!» Можно конечно себѣ представить, что при такомъ настроеніи онъ не очень-то ревностно въ конторахъ справлялся объ мѣстахъ. Онъ даже пропустилъ одно представленіе, назначенное ему въ министерствѣ, и пролежалъ долго на диванѣ дома, размышляя какъ-бы приступить къ дѣлу. Можно-ли будетъ ей сказать? Пожалуй разсердится. Однако что же? Онъ вѣдь ничего дурнаго ей не предложитъ — за что же сердиться?

Онъ съ неудовольствіемъ услыхалъ за дверью голосъ Калашникова, котораго онъ началъ въ чемъ-то подозрѣвать относительно предмета своей мечты. Онъ заперъ дверь на ключъ и притаился.

— Дома?

— Не знаю-съ. Все были дома. Должно быть ушли и ключъ взяли съ собой. Постучитесь.

И онъ молча, не двигаясь, слушалъ, какъ Калашниковъ вертѣлъ ручку двери и, поворчавъ что-то, ушелъ наконецъ.

(Окончаніе будетъ.)

Даніель Франсуа Оберъ.

Оберъ, Даніель Франсуа Эспри, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ оперныхъ композиторовъ новѣйшаго времени, родился 29 января 1784 г. въ Казнѣ, куда его родители пріѣхали изъ Парижа. Отецъ его, зажиточный торговецъ эстампами въ Парижѣ, предназначилъ сына своего для комерческой дѣятельности; съ этой цѣлью онъ былъ отправленъ въ Лондонъ учиться. Но комерческія занятія скоро юношѣ надоѣли, и онъ опять вернулся въ Парижъ и началъ испытывать свои силы въ композиціи. Онъ писалъ романсы, тріолы, а преимущественно концерты для віолончелиста Ламора; въ это же время онъ написалъ небольшую оперу «Julie», встрѣтившую всеобщее одобреніе. Поняв, что для болѣе высокихъ твореній его музыкальное образованіе слишкомъ недостаточно, онъ посвятилъ себя подъ руководствомъ Херубини серіознымъ занятіямъ, первымъ плодомъ которыхъ было появленіе обѣдни, откуда онъ впослѣдствіи заимствовалъ молитву для своей оперы «Фенелла». Затѣмъ онъ опять обратился къ драматической музыкѣ, и въ 1813 г. выступилъ открыто сперва на театрѣ Feydeau съ своей оперой въ одномъ дѣйствіи «Le sejour militaire». Произведеніе это однако не понравилось, и Оберъ, казалось, намѣренъ былъ уже совсѣмъ покинуть поприще композитора; а удержало его на немъ только то обстоятельство, что около этого времени его родители, вслѣдствіе нѣсколькихъ банкротствъ, потеряли все свое имущество,—и онъ былъ поставленъ въ необходимость, для обезпеченія своего матеріальнаго существованія, сдѣлать себѣ источникомъ доходовъ то музыкальное искусство, которымъ онъ до сихъ занимался только для своего удовольствія. По этому онъ въ 1819 г. снова выступилъ на сцену съ оперой въ одномъ дѣйствіи «Le testament et les billets doux» въ Opéra comique. Но и эта пьеса не удалась. Только написавши оперу La Bergère chatelaine» (1820) и перенявъ многое у Россини, онъ началъ больше нравиться публикѣ, и тогда онъ написалъ оперы: «Emma», «Leocadie,» «Leicester» и др., которыя имѣли успѣхъ, однако внѣ Франціи не пріобрѣли большой извѣстности. Первыя его оперы, которыя и въ Германіи имѣли успѣхъ, были: «Придворный концертъ» (1824), а еще больше «Снѣгъ» (1624) и «Каменьщикъ и Слесарь» (1825). Написавши потомъ еще нѣсколько оперъ, какъ то: «Fiorilla» (1826), «La Fiancée», которыя въ отдѣльныхъ частяхъ могутъ нравиться, но въ цѣломъ страдаютъ недостаткомъ силы и характерной страсти,—онъ въ 1828 г. выступилъ съ своимъ главнымъ произведеніемъ «La muette de Portici», которое во Франціи, Германіи и даже въ Италіи было принято съ одинаковымъ восторгомъ и поставило Обера во главѣ новаго направленія французской оперы, почти на ряду съ Мейерберомъ. А позднѣйшее произведеніе Обера «Fra-Diavolo» (1829) сдѣлалось любимой пьесой публики. Въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, число которыхъ съ этихъ поръ возрасло до невѣроятности, Оберъ уже не достигалъ болѣе прежней высоты. Лучшими изъ нихъ можно назвать: «Густавъ или Маскарадъ», «La part du diable», «Фальшивые монетчики», «Коронные алмазы», «Сирена», «Марко Спада», «Озеро Фей», «Гандся» и др., а изъ лѣтъ юности оперы: «Дженни Бэлль» и «Манонъ Лескó».

Чтобы вѣрнѣе оцѣнить Обера, нужно видѣть въ немъ француза, который писалъ только для французовъ. Этою его національностью объясняются всѣ его преимущества и слабости. Онъ никаитенъ, живъ, остроуменъ, иногда даже кокетливъ и болтливъ, а главнымъ образомъ онъ старается развеселить себя и другихъ. Глубина чувства ему чужда, онъ не въ состояніи наполнить душу величественными и прекрасными картинами — и муза его не суровая богиня. Но онъ умѣетъ наслаждаться полною, кипучею жизнью, и охотнѣе вращается въ изящныхъ салонахъ среди разряженныхъ мужчинъ и дамъ, чѣмъ мечтаетъ въ одинокія ночи о романтическихъ идеалахъ. По этому-то комическая опера представляетъ ему поле, на которомъ онъ подвизается съ особеннымъ счастьемъ; здѣсь находится совершенно на своемъ мѣстѣ его игривая мелодія, его рѣзко пунктированный темпъ и пикантное созвучіе. «Каменьщикъ и слесарь» и «Фра Діаволо» занимаютъ въ этомъ отношеніи высшее мѣсто. Между его большими и серіозными операми только въ «Фенеллѣ» муза его принимаетъ нѣсколько высшій полетъ; тутъ серіозныя положенія дѣйствующихъ лицъ сопровождаются и серіозною музыкой. Не будемъ уже говорить о томъ, насколько то возбужденное время (вредъ іюльской революціею), въ которое Оберъ писалъ свою «Фенеллу», подѣйствовало на него и насколько счастливое либретто содѣйствовало безпримѣрному успѣху этой оперы; достаточно того, что на всю оперу наброшенъ удивительный колоритъ, что національная характеристика удивительно вѣрно угадана и что въ цѣломъ пьеса проникнута какимъ-то здоровымъ, укрѣпляющимъ чувствомъ;—хотя въ частности строгіе критики находятъ, что краски слишкомъ ярко нанесены и отдѣлка здѣсь и тамъ немного груба. Оберъ въ 1829 г. сдѣлался членомъ Академіи художествъ, потомъ нѣкоторое время пробылъ директоромъ капеллы; въ 1842 г., по смерти Херубини, сдѣланъ директоромъ музыкальной консерваторіи въ Парижѣ, а въ 1853 г. императорскимъ капельмейстеромъ и сенаторомъ.

Звѣздное небо.

Человѣкъ невольно, инстинктивно слѣдуя тайному влеченію своей натуры, подымаетъ глаза къ усѣянному звѣздами ночному небу. Ему хочется проникнуть въ тайну этихъ мерцающихъ небесныхъ свѣтилъ, безмолвно совершающихъ тамъ вверху свои предвѣчные круги. Есть ли человѣкъ, который глядя на ясныя звѣздочки, не думалъ бы: «что вы такое? какъ бы хотѣлось разгадать васъ!» Цѣлыя тысячелѣтія такъ думали мильоны людей, обращая взоры на глубокій небесный сводъ усѣянный звѣздами и страстно желая проникнуть въ тѣ безвредѣльныя выси, изслѣдованіе которыхъ казалось навсегда недоступнымъ человѣческому уму. Но съ теченіемъ времени, благодаря успѣхамъ науки, казавшееся невозможнымъ сдѣлалось дѣйствительностью. Съ маленькой тѣсной обсерваторіи, земли, человѣческій умъ поднялся до тѣхъ далекихъ странъ, гдѣ плывутъ солнца, образующія поясъ Оріона, и гдѣ въ мерцающей полосѣ млечнаго пути движутся миріады міровъ. И человѣкъ узналъ не только настоящее этой видимой для

Библиотека "Руниверс"

насъ частицы вселенной, но передъ нимъ открыто и ея прошедшее. Онъ проникъ своей мыслью за мильоны лѣтъ—и нашелъ, что было время, когда млечнаго пути, который теперь опоясываетъ небо, не существовало,—и что наступитъ время, когда уничтожатся звѣзды, которыя свѣтятъ намъ теперь, какъ онѣ нѣкогда свѣтили сидонскимъ мореплавателямъ, указывая имъ ихъ одинокій путь по грознымъ волнамъ океана.

Древніе, какъ уже замѣчено выше, ничего не знали о свойствѣ звѣздъ и ихъ положеніи, какъ относительно другъ друга, такъ и относительно земли. Въ сочиненіяхъ величайшихъ философовъ древности, мы встрѣчаемъ самыя нелѣпыя понятія о звѣздномъ небѣ. Такъ, Анаксименъ считалъ видимый небесный сводъ стекляннымъ шаромъ, слѣдовательно чѣмъ-то въ родѣ стекляннаго колпака, опрокинутаго надъ землей. По мнѣнію Аристотеля, неподвижныя звѣзды были прикрѣплены къ небесному своду; Птоломей также считалъ ихъ приросшими къ небу, а Демокритъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Метродоромъ учили, что неподвижныя звѣзды укрѣплены на стеклянномъ небѣ какъ гвозди.

Идея твердыхъ шаровъ, къ которымъ неподвижныя звѣзды должны быть прикрѣплены какъ гвозди, родилась у древнихъ вслѣдствіе того, что они, поддаваясь непосредственному впечатлѣнію, думали, будто всѣ звѣзды находятся на одинаковомъ разстояніи отъ насъ, совершенно неподвижны относительно другъ друга, и только всѣ вмѣстѣ ежедневно обходятъ вокругъ земли. Но оба эти понятія совершенно ложны. Уже Кеплеръ, доказавъ, что кометы прорѣзаютъ пути планетъ, уничтожилъ шарообразныя стеклянныя сферы древнихъ.

Въ настоящее время мы знаемъ, что неподвижныя звѣзды находятся въ весьма различныхъ разстояніяхъ отъ земли, и что разстояніе ихъ отъ насъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ свѣтъ ихъ кажется намъ слабѣе. Самыя яркія звѣзды, какъ Сиріусъ, блестящія звѣзды созвѣздія Оріона и проч., находятся гораздо ближе къ землѣ, чѣмъ безчисленныя, крошечныя, едва мерцающія звѣздочки, которыя еще можно видѣть простымъ глазомъ. Понятно какой большой интересъ представляло точное опредѣленіе разстоянія болѣе выдающихся неподвижныхъ звѣздъ, выраженное въ какой нибудь изъ существующихъ у насъ мѣръ, напримѣръ въ миляхъ. И дѣйствительно, астрономы много трудились, чтобы придти въ этомъ отношеніи къ точнымъ результатамъ; но долго всѣ ихъ усилія оставались безъ успѣха. Разстоянія эти оказывались до того громадны, что ихъ невозможно было опредѣлить даже тончайшими инструментами. Творецъ истинной міровой системы, *Коперникъ*, первый попробовалъ измѣрить разстояніе одной изъ неподвижныхъ звѣздъ. Посредствомъ своихъ инструментовъ онъ измѣрилъ міровое пространство на семь тысячъ мильоновъ миль (миля равна 7 верстамъ) вокругъ земли, но не дошелъ до неподвижныхъ звѣздъ—они оказались еще дальше. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, Тихо-де-Браге производилъ наблюденія съ значительно усовершенствованными инструментами, но, даже на отдаленіи шестидесяти тысячъ мильоновъ миль, еще нельзя было достичь до неподвижныхъ звѣздъ. Еще черезъ полтора столѣтія, астрономическіе инструменты такъ усовершенствовались, что знаменитый англійскій наблюдатель *Брадлей* могъ съ точностью опредѣлить разстоянія въ четыре тысячи мильярдовъ миль, но и это еще не хватало до области неподвижныхъ звѣздъ; но онѣ уже были близко. Наконецъ нѣмецкимъ ученымъ удались разрѣшить трудную ладачу.

Фраунгоферъ, бывшій бѣдный ученикъ стекляннаго шлифовальщика, получивъ нѣсколько червонцевъ, которые далъ ему изъ сострадания баварскій король, когда его полумертваго вытащили изъ-подъ обвалившагося домика его хозяина,—такъ умѣлъ употребить эту горсть талеровъ на развитіе своего огромнаго таланта, что года черезъ два стоялъ уже во главѣ оптическаго института, откуда выходили астрономическіе инструменты такого совершенства, какого до тѣхъ поръ еще никогда не видѣлъ свѣтъ. Онъ сдѣлалъ инструментъ въ десять разъ сильнѣе противъ того, какимъ пользовался Брадлей. Разумѣется, этимъ была достигнута только *одна* сторона дѣла, такъ какъ инструментъ требовалъ еще астронома, который бы съумѣлъ какъ слѣдуетъ воспользоваться всѣми его преимуществами. Явился и астрономъ.

Фридрихъ Вильгельмъ *Бессель*, бывшій ученикъ по торговой части въ домѣ Кюмкамиъ и сыновья въ Бременѣ, сдѣлался извѣстенъ ученому міру работами изобличавшими въ немъ значительный талантъ, и черезъ посредничество Гумбольдта былъ назначенъ директоромъ новой обсерваторіи въ Кенигсбергѣ. Въ его-то руки попалъ новый инструментъ Фраунгофера. Въ 1937—1840 годахъ, Бессель примѣнилъ его для измѣренія отдаленія неподвижныхъ звѣздъ. Его наблюденія показали, что звѣзда № 61 въ созвѣздіи Лебеди отдалена отъ насъ на восемь тысячъ мильярдовъ миль.

Съ тѣхъ поръ дѣлалось еще много другихъ опредѣленій отдаленія неподвижныхъ звѣздъ; между прочимъ найдено, что блестящій Сиріусъ отдаленъ отъ насъ на двадцать одну тысячу, звѣзда Вега въ Лирѣ на восемнадцать тысячъ, звѣзда Арктуръ на тридцать двѣ тысячи мильярдовъ миль. Разстоянія эти такъ велики, что мы рѣшительно не въ состояніи составить себѣ какую либо идею объ нихъ. Замѣтимъ только, что звукъ, еслибы напримѣръ онъ могъ достигнуть до Сиріуса, долженъ бы былъ бѣжать къ нему отъ земли тринадцать мильоновъ лѣтъ. Слѣдовательно на посланный туда вопросъ нужно бы было ждать отвѣта двадцать шесть мильоновъ лѣтъ. Тончайшая нитка, какую только возможно выдѣлать, вѣсила бы пять тысячъ мильоновъ центнеровъ (цент. равняется 3 пудамъ), если бы протянуть ее отъ земли къ Сиріусу. Свѣтовой лучъ въ секунду пробѣгаетъ пространство въ сорокъ тысячъ нѣмецкихъ миль, слѣдовательно въ одну секунду онъ больше семи разъ обходитъ землю. Несмотря на эту непостижимую скорость, световому лучу понадобилась бы почти шестнадцать лѣтъ, чтобы отъ Сиріуса дойти до земли. Каждый лучъ свѣта, который достигаетъ нашего глаза съ Сиріуса, вышелъ отъ этой звѣзды уже шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Изъ этого слѣдуетъ далѣе, что, если бы на Сиріусѣ вотъ въ эту минуту, по какой либо причинѣ, вдругъ изсякъ весь его свѣтъ, то мы цѣлыхъ шестнадцать лѣтъ все еще видѣли бы его свѣтящимся, такъ какъ послѣдній изъ его лучей дошелъ бы до насъ только по истеченіи этого времени. Сказанное о Сиріусѣ относится и къ остальнымъ неподвижнымъ звѣздамъ, разумѣется, смотря по ихъ отдаленію отъ насъ. Самыя слабыя изъ нихъ, которыя можно отличить только въ сильнѣйшія зрительныя трубы, и то лишь въ видѣ мерцающихъ точечекъ, стоятъ на такихъ громадныхъ разстояніяхъ отъ насъ, что свѣтовому лучу потребовалось бы отъ трехъ до четырехъ тысячелѣтій, чтобы дойти отъ нихъ къ землѣ. Поэтому совершенно основательно можно сказать, что звѣздное небо представляется нашимъ взорамъ не въ томъ видѣ какъ оно *есть* въ настоящую минуту, а въ томъ какимъ оно *было* много лѣтъ, столѣтій и тысячелѣтій тому назадъ.

Разсматривая громадныя разстоянія, въ какихъ находятся отъ насъ неподвижныя звѣзды, и принимая во вниманіе яркій свѣтъ, который, не смотря на то, онѣ посылаютъ къ намъ,—слѣдуетъ заключить, что эти міровыя тѣла *освѣщаются* не нашимъ солнцемъ, но что всѣ суть сами по себѣ большія свѣтящіяся солнца. Такое заключеніе вполнѣ вѣрно, такъ какъ свѣтъ неподвижныхъ звѣздъ болѣе или менѣе отличается отъ состава нашего солнечнаго свѣта. Мы можемъ сдѣлать еще шагъ дальше и доказать, что свѣтовая сила нашего солнца гораздо слабѣе, чѣмъ у нѣкоторыхъ звѣздъ. Сиріусъ, напримѣръ, какъ уже замѣчено выше, отдаленъ отъ насъ на двадцать одну тысячу мильярдовъ миль, или болѣе, чѣмъ въ милльонъ разъ дальше солнца. Но если бы послѣднее было также далеко отъ насъ, какъ Сиріусъ, то оно казалось бы намъ маленькой звѣздочкой, которая бы имѣла всего одну восемьдесятъ восьмую часть яркости Сиріуса. Значитъ Сиріусъ обладаетъ въ восемьдесятъ восемь разъ большей свѣтовой силой чѣмъ наше солнце, или, другими словами, если бы онъ находился на мѣстѣ нашего солнца, то давалъ бы въ восемьдесятъ восемь разъ больше свѣту, а вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно и тепла, чѣмъ мы получаемъ отъ солнца. Найдено также, что звѣзда Капелла испускаетъ изъ себя свѣту въ триста шестьдесятъ разъ больше, чѣмъ наше солнце. Звѣзда № 61 въ Лебедѣ имѣетъ напротивъ только $^1/_{200}$, другая звѣзда (№ 34 Грумбриджа) даже всего только $^1/_{5000}$ солнечнаго свѣта. Послѣднія звѣзды суть по всей вѣроятности угасшія солнца.

Неподвижныя звѣзды отличаются отъ нашего солнца не только различными степенями яркости; довольно значительная часть ихъ кромѣ того испускаетъ отъ себя свѣтъ не бѣлый, а сильно окрашенный. Есть голубыя, красныя, зеленыя, желтыя звѣзды. Особенно ярки эти цвѣта въ такъ-называемыхъ двойныхъ звѣздахъ. Принадлежащія сюда неподвижныя звѣзды образуютъ совершенно особыя системы, въ которыхъ движутся одно вокругъ другаго два свѣтящихся солнца. Въ очень многихъ случаяхъ оба солнца, образующія такую двойную звѣздную систему, испускаютъ свѣтъ различнаго цвѣта: извѣстны бѣлыя и голубыя, желтыя и красныя, бѣлыя и красныя двойныя звѣзды. Такія звѣзды необыкновенно красивы, если смотрѣть на нихъ въ зрительную трубу. Но каковъ-то видъ на самихъ этихъ двойныхъ звѣздахъ, какъ-то выглядитъ все на планетахъ, которыя принадлежатъ къ такой звѣздной системѣ! Мы можемъ составить себѣ объ этомъ нѣкоторое общее представленіе. Вообразите, какъ фантастично была бы освѣщена земля, если бы наше солнце вмѣсто бѣлаго свѣта свѣтило ярко-краснымъ или блестящимъ зеленымъ цвѣтомъ. Вообразите себѣ такое солнце стоящимъ высоко на небѣ; вся природа залита его пурпуровымъ свѣтомъ; вмѣсто голубаго неба, мы видимъ надъ собой черный небесный сводъ; на поляхъ и лугахъ вмѣсто сочной земли, все также черно и темно. Вдругъ надъ горизонтомъ подымается другое солнце, желтое. Вся картина въ мигъ измѣняется. Все мгновенно окрашивается въ другіе цвѣта, цвѣтные лучи тысячекратно преломляются и отбрасываются. Но мы не будемъ слишкомъ много распространяться о вещахъ, о которыхъ можемъ говорить только гадательно; для насъ достаточно знать, что есть системы, въ которыхъ вмѣсто одного солнца, какъ у насъ, находится по два, и даже по три и по четыре солнца,—что солнца эти часто свѣтятъ совершенно различными свѣтами, и что будь наша планета поставлена въ такія условія — мы имѣли бы разныя пестрыя освѣщенія, вмѣсто ровнаго, мягкаго свѣта, который оживляетъ теперь нашу землю.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи многіе астрономы усердно занимались ближайшимъ изслѣдованіемъ двойныхъ звѣздъ; какіе интересные результаты получились при этомъ, мы укажемъ здѣсь на одномъ примѣрѣ. Въ созвѣздіи Змѣеносца, между прочими, находится одна незначительная звѣздочка, которая при тщательномъ изслѣдованіи въ зрительную трубу оказывается двойной звѣз-

Библиотека "Руниверс"

дой, состоящей изъ одной желтой главной звѣзды и одного пурпуроваго спутника. Эта двойная звѣзда въ первый разъ наблюдалась Гершелемъ въ 1779 г.; дальнѣйшія измѣренія показали, что пурпуровый спутникъ обходитъ главную звѣзду разъ въ девяносто шесть лѣтъ. Далѣе, наблюденія показали, что это двойная звѣзда отдалена отъ насъ на двадцать пять тысячъ пятьсотъ мильярдовъ миль.—что главная звѣзда обладаетъ лишь одной пятой частью свѣтовой силы нашего солнца, обѣ же звѣзды вмѣстѣ своей тяжестью превосходятъ наше солнце въ два и три-четверти раза. Представьте себѣ теперь, черезъ какую бездну перешагнулъ человѣческій умъ, когда, видя на небѣ однѣ крошечныя двѣ точечки, могъ доработаться до такихъ результатовъ!

Но, какъ мы уже видѣли, разстоянія неподвижныхъ звѣздъ отъ насъ такъ необъятно громадны, что воображеніе наше безсильно представить себѣ ихъ. Громадности этихъ разстояній соотвѣтствуетъ и огромное количество неподвижныхъ звѣздъ. Читатель навѣрное не разъ съ изумленіемъ подымалъ голову къ небу, гдѣ, на его глазахъ, загорались то тамъ, то сямъ звѣздочки, одна ярче, другая слабѣе. Внимательный глазъ, кажется, видитъ все новыя и новыя звѣздочки! Онѣ толпятся тѣснѣе и тѣснѣе; кто можетъ ихъ сосчитать, кто опредѣлитъ ихъ мѣсто, кто запишетъ ихъ по порядку! Всѣ почти увѣрены, что подымая глаза къ звѣздному небу, мы видимъ на немъ мильоны звѣздъ; вѣроятно мы очень удивимъ многихъ, когда скажемъ, что еще никогда ни одинъ человѣкъ не видѣлъ простымъ глазомъ больше двухъ тысячъ звѣздъ заразъ. На основаніи точнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій, при чемъ всѣ звѣзды вычислены по порядку, оказывается, что самый дальнозоркій человѣческій глазъ на *всемъ* небесномъ сводѣ можетъ видѣть только шесть тысячъ звѣздъ, включая сюда и южное небо, видимое по ту сторону экватора. Если что поражаетъ въ этомъ числѣ, то это именно его незначительность. Подумаютъ, можетъ быть, что при этомъ исчисленіи забыта та или другая звѣзда. Нѣтъ; мало того, астрономы, въ своей статистикѣ неба, идутъ еще далѣе: они исчислили и привели въ извѣстный порядокъ и систему, не только звѣзды видимыя простымъ глазомъ,—но и опредѣлили то громадное множество неподвижныхъ звѣздъ, которыя могутъ быть видимы лишь въ сильныя зрительныя трубы. Въ этой послѣдней области, то есть области звѣздъ невидимыхъ простому глазу, число ихъ возрастаетъ до безконечности. Но прежде чѣмъ останавливаться на этомъ подробнѣе, считаемъ не лишнимъ нѣкоторыя предварительныя объясненія.

Звѣзды, какъ извѣстно большинству нашихъ читателей, дѣлятся смотря по видимой ихъ яркости на извѣстное число классовъ или величинъ. Самыя яркія звѣзды, какъ Сиріусъ, Вега, Капелла и пр. принадлежатъ къ первой величинѣ; звѣзды, обладающія четвертой долей яркости первыхъ звѣздъ, причисляются ко второй величинѣ; другія еще, имѣющія четвертую часть блеска звѣздъ второй величины, занимаютъ мѣсто третьей величины, и т. д. Простымъ глазомъ можно еще видѣть звѣзды шестой величины; а въ самыя сильныя зрительныя трубы, какія находятся въ распоряженіи современной науки, видны неподвижныя звѣзды шестнадцатой величины. Въ настоящее время, всѣ звѣзды отъ первой до десятой величины, видимыя на сѣверномъ полушаріи, сосчитаны; кромѣ того мѣстоположеніе ихъ опредѣлено такъ точно, что ихъ можно когда угодно безошибочно отыскать на небѣ. Какъ же велико ихъ число? Оно простирается до 314,920, слѣдовательно больше чѣмъ во сто разъ превосходитъ число звѣздъ видимыхъ простымъ глазомъ, на сѣверномъ полушаріи.

Чтобы вывести эти числа, потребовалось почти семь лѣтъ труда, посвященнаго бонской обсерваторіей исключительно этому предмету, и чуть не мильонъ отдѣльныхъ наблюденій. Если мы внимательно вглядимся въ добытый такимъ образомъ длинный рядъ цифръ, то увидимъ, что каждая слѣдующая величина содержитъ въ себѣ почти ровно въ три съ половиной раза столько звѣздъ, сколько находится ихъ въ предъидущей величинѣ. Это наблюденіе даетъ возможность вычислить приблизительно число всѣхъ звѣздъ до шестьнадцатой величины, то есть до того предѣла, куда достаютъ наши зрительныя трубы. Такимъ образомъ, мы находимъ сумму звѣздъ въ 617,000,000. Но число это, какъ оно ни громадно, относится къ одному только сѣверному полушарію; южное же полушаріе считаетъ не менѣе звѣздъ, какъ и сѣверное. Слѣдовательно, общую сумму всѣхъ вообще еще видимыхъ въ сильнѣйшія зрительныя трубы неподвижныхъ звѣздъ можно считать въ тысячу двѣсти мильоновъ.

Число это краснорѣчиво говоритъ о непостижимомъ человѣческому уму пространствѣ звѣзднаго міра. Но, какъ мы уже упоминали, наука съ успѣхомъ достигла до прямаго измѣренія нѣкоторыхъ звѣздъ. Это возможно было только съ ближайшими къ намъ свѣтилами, для измѣренія же маленькихъ далекихъ точекъ у науки недостаетъ прямыхъ средствъ. Здѣсь, какъ показалъ уже Гершель, можно только, пользуясь знаніемъ количества звѣздъ, приблизительно измѣрить ихъ разстояніе отъ насъ. Есть именно большое основаніе предполагать, что среднимъ числомъ всѣ звѣзды находятся въ довольно одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга; нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, болѣе отдалены одна отъ другой, другія менѣе,—но въ общей сложности разница въ этихъ разстояніяхъ почти уравновѣшивается и получается среднее разстояніе. Разъ установивъ его, становится яснымъ, что пространство заключающее извѣстное количество звѣздъ—будетъ тѣмъ обширнѣе, чѣмъ больше это количество; если послѣднее извѣстно, то можно вывести заключеніе и о величинѣ пространства и объ отдаленіи крайнихъ звѣздъ. Такое вычисленіе было сдѣлано на основаніи приведеннаго выше исчисленія звѣздъ—и найдено, что крайнія неподвижныя звѣзды такъ отдалены отъ насъ, что свѣтъ ихъ долженъ бы былъ идти къ намъ отъ трехъ до четырехъ тысячелѣтій, объ чемъ мы уже упоминали выше.

Составляетъ ли это необъятное пространство всю вселенную, или только небольшую часть ея? Такой вопросъ навѣрное самъ собой навязывается читателю. Отвѣтимъ ему, что этотъ громадный звѣздный міръ отнюдь не составляетъ всей вселенной, но только маленькую часть ея,—ту именно, которая находится въ предѣлахъ доступныхъ нашимъ научнымъ инструментамъ. Дальше мерцаютъ еще туманныя пятна, дающія намъ важные намеки насчетъ образованія звѣзднаго неба — и тутъ лежитъ предѣлъ нашихъ изслѣдованій, но только ни въ какомъ случаѣ не предѣлъ міра!

Монъ Сенисъ.

Италію всегда называютъ чудесной страной. Но этого мало; даже дороги ведущія въ Италію имѣютъ нѣчто чудесное, ихъ окружаетъ какое-то таинственное очарованіе, охватывающее насъ своей могущей силой, прежде чѣмъ мы дадимъ себѣ отчетъ, въ чемъ она заключается.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ исторія, Италія считалась земнымъ раемъ. Природа какъ будто сама хотѣла оградить свой любимый уголокъ; она окружила его съ трехъ сторонъ моремъ, а на сѣверѣ загородила гигантскими стѣнами. Но человѣческія страсти бурно пробились черезъ эти преграды, и тѣ грозные альпійскіе проходы, которые не перестаютъ изумлять насъ, — это всемірно-историческія тропинки, проложенныя на этихъ неприступныхъ громадахъ ногами многихъ народовъ.

Въ этомъ-то и заключается ихъ величіе, ихъ очарованіе: дороги эти не были построены одной сильной рукой; ихъ прокладывала страсть, зависть, мщеніе цѣлыхъ народовъ. Италія вѣдь была душой міра, всякій стремился овладѣть ею, это былъ очагъ всей древней культуры, и очагъ этотъ всякій хотѣлъ назвать своимъ. Говоря безъ метафоръ, великія историческія движенія и сильныя страсти, постоянно направляли на Италію враждебные походы, слѣды которыхъ сохранились въ геркулесовскомъ сооруженіи этихъ дорогъ.

Менѣе другихъ извѣстная, хотя древнѣйшая изъ нихъ, это Монъ-Сенисская дорога (*mons cinerum*), получившая свое имя отъ преданія, будто, ужъ много тысячъ лѣтъ тому назадъ, лѣса, покрывавшія эту гору, превратились въ золу.

Когда мы въ настоящее время произносимъ это имя, то намъ, конечно, представляются другія вещи: воображеніе рисуетъ намъ шумный почтовый поѣздъ, проносящійся теперь въ горныхъ глубинахъ; но эта картина настоящаго не первая, которую мы намѣрены развернуть передъ читателями.

Перенесемся сначала къ замкнутому кругомъ, величественному ландшафту. Передъ нами Коттскіе Альпы съ молчаливыми вершинами *Cima del Caro* и *della Sevanna Monginevro*, Гранъ Парадизо и съ строгимъ, знаменитымъ Монъ-Сенисомъ посреди ихъ. Послѣдній образуетъ узелъ, гдѣ встрѣчаются Коттскіе и Грайскіе Альпы; здѣсь лежитъ то пустынное, далеко растянутое плато, черезъ которое издавна пролегалъ военный путь изъ Франціи въ Италію. Высоко надъ пассомъ возвышаются разорванныя скалистыя вершины, почти всегда закутанныя сѣрыми облаками, почти всегда покрытыя глубокимъ снѣгомъ: это вершины Рокчіамелоне и Ла Роншъ, и другихъ тому подобныхъ гигантовъ съ болѣе или менѣе дикими именами. Высота ихъ достигаетъ 11,000 футовъ, а высота плато измѣряется въ семь съ половиной тысячъ футовъ.

Еще кардиналъ Бентиволіо, въ 1648 писавшій въ Венеціи свои мемуары, называетъ Монъ-Сенисъ царемъ Альпъ, и дѣйствительно—есть что-то царственное въ его титанскихъ членахъ, въ мрачныхъ чертахъ его физіономіи, въ полномъ думы уединеніи, въ которомъ онъ царитъ.

Между скалами пробивается низкій кустарникъ, едва кое-гдѣ видна тоненькая березка; яркія альпійскія розы проглядываютъ сквозь темную зелень и въ трещинахъ цвѣтетъ душистая *Viola cenisia*.

Но она цвѣтетъ лишь для того, чтобы отцвѣсть; ни одна человѣческая рука не сорветъ ее. Здѣсь слышенъ только полетъ бѣлой куропатки, да пронзительный свистъ сурка; въ беззвучной тишинѣ слышно только, какъ съ грохотомъ катятся внизъ оторвавшіеся отъ скалъ камни,—видно, какъ орелъ описываетъ въ воз-

Библиотека "Руниверс"

духѣ широкіе круги, но этимъ и кончается жизнь—все остальное мертво.

Подлѣ самой дороги (почти на высотѣ 7000 футовъ) лежитъ маленькое темное озеро, откуда вытекаетъ Сенизія. Въ теченіи семи мѣсяцевъ въ году она покрыта толстымъ льдомъ; но даже и тогда, когда поздняя весна разрываетъ его оковы, когда веселая форель снова выпрыгиваетъ, радуясь солнечнымъ лучамъ,—въ рѣкѣ есть что-то мрачное, какъ мысль о вѣчномъ заточеніи.

А между тѣмъ здѣсь еще другіе плѣнники, кромѣ нѣмыхъ водъ. На восточномъ берегу озера, среди этой голой пустыни, стоитъ маленькій монастырь, который былъ основанъ еще Карловингами, и потомъ возстановленъ Бонапартомъ, такъ любившимъ называть себя наслѣдникомъ Карла Великаго.

Наполеонъ I выстроилъ здѣсь казармы слишкомъ на двѣ тысячи солдатъ. Страшно становится, когда, отдыхая на этихъ опустѣлыхъ скалахъ, представляешь себѣ проходящіе мимо ряды длинныхъ колоннъ усталой, оборванной арміи, измученныхъ лошадей, гремящихъ орудій. Здѣсь послѣдній привалъ; послѣ часоваго отдыха, опять надо пускаться въ тяжелый путь, чтобы спуститься на поле битвы Италіи.

Какой ужасный контрастъ: эта мертвая тишина горъ—и среди нихъ эти грозные военные арсеналы.

Д. Ф. Оберъ, композиторъ.

Библиотека "Руниверс"

По близости монастыря нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ убогихъ хижинъ — здѣсь живутъ одни сторожа, обязанные смотрѣть за исправностью дороги. Для нихъ построено двадцать шесть сторожекъ на самыхъ опасныхъ мѣстахъ дороги; они должны давать у себя пріютъ заблудившимся въ горахъ или застигнутымъ снѣгомъ — и такъ вся ихъ жизнь проходитъ между своими собственными и чужими опасностями.

Страшныя бури свирѣпствуютъ тамъ, когда ломбардскій и савойскій вѣтры встрѣчаются въ горахъ и съ ревомъ сталкиваются другъ съ другомъ, какъ два волка.

Сигналы, обозначающіе занесенную снѣгомъ дорогу, сносятся какъ сухія хворостники: «*Tormenta*» называютъ итальянцы эту бурю.

Вотъ каковъ ландшафтъ Монъ-Сениса. Мы попытались бѣглыми чертами обрисовать непокорную глыбу,—а между тѣмъ, какое множество геройскихъ дѣлъ видѣли эти камни, въ какой глубокой древности былъ проложенъ первый путь черезъ эти вершины!

Бросивъ взглядъ на ландшафтъ, обратимся теперь къ исторіи; то, что мы намѣрены припомнить здѣсь, нѣкогда приковывало къ себѣ вниманіе милльоновъ.

Первый изъ героевъ, перешедшихъ Альпы, былъ вѣроятно Ганнибалъ, великій предводитель Карѳагенянъ. Хотя часто оспаривалось, по какому именно пассу переходилъ онъ Альпы, однако многіе историки называютъ Монъ-Сенисъ — главнымъ образомъ потому, что по ихъ мнѣнію войско его раздѣлилось и пошло разными дорогами. Во всякомъ случаѣ у Галловъ, отъ которыхъ Ганнибалъ собиралъ свѣдѣнія, Монъ-Сенисъ считался лучшимъ переходомъ въ долину По.

Это происходило въ 218 г. до Рожд. Христ. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, но въ горахъ въ эту пору почти зима. Свѣжій снѣгъ лежалъ уже на оледенѣвшихъ скалахъ, а за Ганнибаломъ шло пятидесятитысячное войско, нумидійскіе всадники и слоны.

Спускъ съ этой страшной дороги былъ еще ужаснѣе подъема. Сотни и тысячи людей падали въ бездонныя пропасти, лошади оставались безъ корму, слоны погибали отъ голода. Понадобилось три дня отчаянныхъ усилій чтобы совершить этотъ спускъ, и когда внизу Ганнибалъ сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ, въ нихъ недоставало двадцати тысячъ. Онѣ были погребены въ далекихъ ущельяхъ; это были первыя жертвы, похищенныя Монъ-Сенисомъ у великаго Карѳагена.

Послѣ этого идетъ Помпей, а потомъ Цезарь, объ которомъ разсказываютъ, что въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ онъ выходилъ изъ носилокъ и шелъ съ своими солдатами пѣшкомъ, съ открытой головой въ солнечный зной и бурю. Уже во времена римской имперіи, долина Суза, куда выходитъ монъ-сенисская дорога, пользовалась славой, какъ главная жила движенія: Августъ выстроилъ здѣсь крѣпость, Клавдій и Британикъ проходили по этому пути, и Константинъ шелъ этой же дорогой противъ Максентія.

Но и погибель грозившая всемірной имперіи, когда пробилъ ея часъ, пришла этимъ же путемъ, какъ ни глубоко скрывался онъ въ скалахъ и ущельяхъ; черезъ Альпы перешли тѣ варвары, которымъ суждено было исполнить судъ исторіи надъ павшей монархіей.

Теперь великая картина измѣняется: уже не римляне владычествуютъ въ долинахъ Сузы, но лонгобарды, приведенные сюда Альбоиномъ. Это были исполины съ бѣлокурыми бородами, съ глазами, изъ которыхъ сверкалъ «голубой огонь», — но и они погибли подъ ударами франковъ.

Два раза Пипинъ (въ 755 году) переходилъ Монъ-Сенисъ — и путь, проложенный имъ, цѣлыя столѣтія служилъ путемъ германской славы. Теперь на Монъ-Сенисъ, на «царя Альповъ», ступали германцы: мы видимъ на немъ Карла Великаго и Лудовика Благочестиваго; черезъ этотъ пассъ бѣжалъ Карлъ Лысый, пока не нашелъ убѣжище въ деревенькѣ Авріе, гдѣ онъ умеръ отъ яда, поднесеннаго ему его докторомъ.

За этой картиной слѣдуетъ другая: путь германскаго императора Генриха IV въ Каноссу — шелъ также черезъ Монъ-Сенисъ.

Патеръ Бресчіани оставилъ намъ описаніе этого перехода. Когда Генриху IV было объявлено отлученіе, и рѣшено было свергнуть его съ императорскаго престола, если онъ не получитъ прощенія къ весенѣ, — тогда, нѣкогда столь гордый, двадцатишести-лѣтній монархъ вдругъ собрался въ путешествіе, безъ всякой свиты, кромѣ своей благородной жены, своего ребенка и нѣсколькихъ вѣрныхъ друзей.

Они направились черезъ Бургундію въ Женеву, а оттуда черезъ Альпы въ Мовріенское графство — это было о Рождествѣ; зима была такъ холодна, что виноградники промерзли до самыхъ корней, и Рейнъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ покрытъ льдомъ. Волосы подымаются дыбомъ отъ разсказовъ о разныхъ эпизодахъ этого путешествія. Императоръ предлагалъ тысячи за проводника, но не находилось ни одного охотника: всѣ объявляли, что перейти гору въ это время года — вещь невозможная, а между тѣмъ отъ этого зависѣли трони и жизнь императора.

Генрихъ IV вступилъ на скалы Монъ-Сениса, какъ бѣднѣйшій человѣкъ въ имперіи. Вьючныя животныя, данныя ему однимъ изъ родственниковъ его, графомъ Вильгельмомъ, почти всѣ попадали въ пропасти, далеко не дойдя до вершины: надо было продолжать путь на маленькихъ салазкахъ, связанныхъ изъ еловыхъ вѣтвей. Но и этого скоро не стало; тогда Берта и Конрадъ, маленькія дѣти императора были зашиты въ большіе мѣховые мѣшки, которые тащили на двухъ канатахъ. Генрихъ шелъ подлѣ въ разорванной одеждѣ — съ окровавленными руками и обливающимся кровью сердцемъ!

Вотъ какимъ образомъ путешествовалъ императоръ германскій въ Каноссу въ 1077 году!

По прошествіи же слишкомъ семи столѣтій послѣ этого событія — и одному папѣ пришлось перейдти черезъ Монъ-Сенисъ, въ сопровожденіи жандармовъ и въ самомъ униженномъ положеніи. Эпизодъ этотъ такъ мало извѣстенъ, что мы разскажемъ его, такъ, какъ онъ переданъ у д'Оссонвиля въ его знаменитомъ сочиненіи «*L'église romaine et le premier empire*».

Пій VII жилъ во дворцѣ савойскаго епископа плѣнникомъ Наполеона, какъ 9 іюля 1812 г. пришло повелѣніе привезти его въ Фонтенбло. Его разбудили среди ночи, такъ какъ путешествіе должно было начаться немедленно; когда онъ сталъ колебаться снять свой золотой крестъ, то перерѣзали ленту, на которой былъ надѣтъ этотъ папскій крестъ, и приказали ему надѣть обыкновенное священническое платье.

Жители Савойны ничего не должны были знать объ этомъ путешествіи; служба въ его дворцѣ продолжалась, какъ ни въ чемъ не бывало, у алтаря зажигались свѣчи, во время обѣда носились кушанья къ пустому столу, — а папа, ночью, пѣшкомъ вышелъ изъ города, чтобы перебраться черезъ Монъ-Сенисъ во Францію. На почтовой станціи въ Сузѣ онъ былъ узнанъ; хозяйка окольными путями бросилась впередъ, чтобы предупредить въ монастырѣ, какого имъ надо ждать гостя. Но въ какомъ плачевномъ состояніи пришлось имъ принять его!

Мучительная болѣзнь, которой уже нѣсколько лѣтъ страдалъ Пій VII, до того ухудшилась вслѣдствіе тяжелаго путешествія, что каждый дальнѣйшій шагъ былъ бы сопряженъ съ опасностью жизни; въ два часа ночи, со стонами, почти при послѣднемъ издыханіи, подошелъ онъ къ воротамъ маленькаго монастыря.

Но Лагорзъ, начальствующій жестокимъ путешествіемъ, не зналъ состраданія; онъ послалъ въ Сузу за хирургомъ, и приказалъ ему во что бы то ни стало немедленно сдѣлать операцію.

Докторъ (конечно узнавшій папу) только послѣ величайшихъ просьбъ могъ добиться позволенія, прежде чѣмъ рѣшиться на операцію, испробовать другія средства, и черезъ два дня состояніе папы улучшилось.

«Можетъ онъ ѣхать дальше?» было единственнымъ вопросомъ начальника.

«Да,» отвѣчалъ докторъ, «но не иначе какъ въ сопровожденіи врача, чтобы въ крайнемъ случаѣ можно было его оперировать въ дорогѣ.»

«Прекрасно, такъ я приказываю вамъ сопровождать насъ.»

Экипажъ обложился подушками и одѣялами, умирающаго старца подняли вмѣстѣ съ постелью и уложили въ экипажъ; по лѣвую его руку сѣлъ докторъ; французскіе жандармы конвоировали путешественниковъ.

Врачъ сопровождавшій Пія VII въ этомъ необыкновенномъ путешествіи черезъ Монъ-Сенисъ — чуть не плѣнникъ самъ — былъ докторъ Клараць. Рукопись, въ которой онъ подробно описываетъ эту поѣздку, сохраняется въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ.

Въ концѣ семнадцатаго столѣтія, Монъ-Сенисъ принадлежалъ собственно французамъ, по крайней мѣрѣ въ историческомъ отношеніи: при всѣхъ ожесточенныхъ битвахъ, какія они вели съ Савойскимъ домомъ, при всѣхъ войнахъ, направленныхъ на югъ, Монъ-Сенисъ былъ ихъ естественнымъ путемъ. До сихъ поръ старались повидимому держать тропинку по возможности втайнѣ, и она была такъ узка, что на ней съ трудомъ шли вьючныя животныя; теперь же стали стремиться къ противуположному. Еще въ 1693 г. маршалъ Катина расширилъ ее настолько, что по ней могли ѣхать маленькіе экипажи и легкія орудія — но въ настоящую военную дорогу, какъ есть, она была превращена только Наполеономъ. Его инженеромъ былъ геніальный Джованни Фабраие.

Императоръ самъ три раза перешелъ гору, и его рука, могучая въ созиданіи и въ разрушеніи, создала три огромныя зданія, о которыхъ мы упоминали выше и которыя стоятъ еще и понынѣ въ этой каменной пустынѣ. Это казармы для 2200 солдатъ, со стойлами слишкомъ на 300 лошадей. За то на большомъ камнѣ, крупными буквами написано о подвигѣ великаго Императора.

Монастырь состоитъ подъ управленіемъ епископа Маріеннскаго и подъ надзоромъ пріора и нѣсколькихъ монаховъ; на ремонтъ строеній опускается сумма въ 12.000 франковъ въ годъ.

Въ 1859 г., когда кровопролитная война разгорѣлась на поляхъ Ломбардіи, французы переходили также черезъ Монъ-Сенисъ.

Вотъ о какихъ дѣлахъ и страданіяхъ разсказываютъ намъ здѣсь камни. Отъ дикой пустыни, мы постепенно дошли до многосторонней современной культуры, до того самаго часа, когда побѣдоносный человѣческій умъ сдѣлалъ первый ударъ молотомъ въ глубинѣ горы, и назвалъ своимъ и это непокорное до тѣхъ поръ царство.

Какъ ни могучъ ландшафтъ и какъ ни величественна прошедшая исторія Монъ-Сениса, все-таки величайшимъ его чудомъ остается гигантское сооруженіе, созданное нынѣшнимъ поколѣніемъ и не имѣющее ничего себѣ равнаго даже въ памятникахъ древности. Мы говоримъ о монъ-сенисской желѣзной дорогѣ. Но прежде чѣмъ распространяться объ ней, мы коснемся одной относящейся сюда ошибки. Гора, сквозь которую собственно проведенъ тун-

Библиотека "Руниверс"

нель, не есть Монъ-Сенисъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, но другой хребетъ той большой группы, надъ которой онъ господствуетъ; это, такъ сказать, одинъ изъ вассаловъ Монъ-Сениса. На географическихъ картахъ гора эта обозначается именемъ *Col de Fréjus*, но великое созданіе стало называться именемъ главнаго властелина; весь міръ всегда будетъ говорить о туннелѣ сквозь *Монъ-Сенисъ*, а не сквозь *Монъ-Фрежусъ*, какъ гора называется на самомъ дѣлѣ.

Мысль и все исполненіе этого гигантскаго сооруженія удивительны въ высшей степени. Какъ всѣ великія созданія въ мірѣ— и эта великая идея имѣла свою исторію страданій; у нея былъ даже свой мученикъ, посвятившій всю свою жизнь одной цѣли, оставаясь непонятымъ и не доживъ до исполненія своихъ желаній.

Человѣкъ этотъ былъ инженеръ Жозефъ Медайль изъ Бардоннеша; еще въ 1832 г. онъ представилъ королю Карлу Альберту проектъ, и предполагалъ прорѣзъ Коттскихъ Альповъ почти въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ исполненъ нынѣ.

Проэкту удивлялись какъ чему-то недостижимому, но объ осуществленіи его никому не приходило и въ голову. Но это не пугало отважнаго сына Альповъ. Десять лѣтъ спустя онъ сообщилъ свой проектъ коммерческой палатѣ въ Шамбери; его разсмотрѣли и также нашли въ высшей степени геніальнымъ; но и тутъ его ожидала та же участь—никто не подумалъ о его осуществленіи. Медайль закрылъ глаза гораздо раньше чѣмъ была приведена въ исполненіе мысль всей его жизни—сдѣлать это онъ завѣщалъ потомству.

Только въ 1845 г. пьемонтское правительство обратило серіозное вниманіе на этотъ проектъ, и поручило предварительныя работы бельгійцу Маусу, пріобрѣвшему всемірную извѣстность постройкой генуезской желѣзной дороги. Его работы раздѣлялъ знаменитый геологъ, Анджело Сисмонди.

Кто посмотритъ на карту Грайскихъ и Коттскихъ Альповъ— увидитъ, что сообщеніе между Франціей и Италіей идетъ четырьмя большими долинами. Это долины: Дора Рипаріа, Стура ди Ланцо, Валле дель Орко и Валле делла Дора Балтеа.

Въ одной изъ этихъ долинъ слѣдовало найти путь для новой желѣзной дороги; скоро убѣдились, что первая изъ названныхъ долинъ (именно Дора Рипаріа) представляетъ наименѣе препятствій. Какъ на французской, такъ и на итальянской сторонахъ, она лежитъ въ одномъ направленіи (во Франціи подъ именемъ Валь де л'Аркъ), и между обѣими идетъ поперекъ громадная горная цѣпь, достигающая въ Рокчіамелоне (подымающейся надъ Монъ-Сенисскимъ плато) своей высочайшей вершины.

Слѣдовательно, надо было пробить эту цѣпь заграждавшую путь; возникъ вопросъ о томъ, чтобы выбрать такой пунктъ, гдѣ бы гора была наименѣе широка и камень мягче; такимъ мѣстомъ оказался Коль де Фрежюсъ. Конечнымъ пунктомъ съ итальянской стороны былъ выбранъ Бардоннешъ, съ французской стороны Моданъ.

Выработанный въ мельчайшихъ подробностяхъ проектъ Мауса вскорѣ потерялъ заслуженный имъ интересъ, вслѣдствіе тяжелой войны 1848 и 1849 гг.; возникли новые проекты и также были устраняемы, пока потребность осуществленія этой мысли не сдѣлалась слишкомъ чувствительной. Въ числѣ предстоявшихъ трудностей въ этомъ дѣлѣ, двѣ стояли на первомъ планѣ: какъ пробить камень въ 12.000 метровъ ширины и откуда будутъ получать рабочіе воздухъ, чтобы быть въ состояніи работать въ такой глубинѣ?

Два великія изобрѣтенія разрѣшили эти сомнѣнія: 30 іюля 1855 года даны были патенты Томасу Барлетту на сверлильную машину и на машину Колладона для сгущенія воздуха и передачи его помѣста работы.

Обѣ эти идеи были соединены такъ остроумно, что сжатый воздухъ могъ быть передаваемъ на большія разстоянія, гдѣ онъ одновременно приводилъ въ дѣйствіе машины и доставлялъ рабочимъ необходимый кислородъ. Заслуга этого соединенія принадлежитъ инженерамъ Грандису, Граттони и Соммелье, которые вели техническую часть предпріятія.

Уже 19 іюня 1856 г. (н. с.) малый пьемонтскій парламентъ по настоянію графа Кавура, рѣшилъ отпустить сумму для испытанія сверлильной машины и вотировалъ законъ, по которому Піемонтъ долженъ быть соединенъ съ Савойей посредствомъ бреши, пробитой въ Альпахъ: черезъ годъ законъ этотъ былъ утвержденъ и 31 августа начались работы. Викторъ Эммануилъ самъ зажегъ первую мину; Кавуръ съ одушевленіемъ преслѣдовалъ геніальную мысль, и маленькій Піемонтъ не останавливался ни передъ какими жертвами, чтобы достигнуть ея выполненія.

Но какія жертвы понадобились тутъ! — Работы были начаты въ такой глуши, гдѣ не было ни дорогъ, ни жилья; надо было сначала создать все это.

У обоихъ выходныхъ пунктовъ туннеля были основаны настоящія селенія; къ нимъ была проведена вода изъ большихъ горныхъ ручьевъ въ закрытыхъ чанахъ; были выстроены огромные пороховые магазины, и тысячи людей затолпились въ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда царствовала глубочайшая тишина.

Девять лѣтъ продолжалась работа пробитія туннеля, пока наконецъ Борелли и Конелло не обезпечили своими вѣрными измѣреніями окончательнаго соединенія обѣихъ шахтъ.

Длина всего пробоя, если прибавить сюда два маленькихъ соединительныхъ туннеля, простирается до 12,848 метровъ; ширина туннеля имѣетъ восемь метровъ для двойнаго ряда рельсовъ, подлѣ которыхъ проходитъ два троттуара; сводъ туннеля шести метровъ вышины. Туннель беретъ начало съ французской стороны на высотѣ 1158 метровъ надъ уровнемъ моря, и выходитъ съ итальянской стороны на высотѣ 1291 метра, имѣя самый возвышенной точкой 1294 метра надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, въ самомъ туннелѣ слѣдовало побѣдить подъемъ въ 146 метровъ.

Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробное описаніе всѣхъ значительныхъ машинъ и техническихъ работъ, объ которыхъ кромѣ того много было говорено въ свое время; мы хотимъ только набросать общую величественную картину этого предпріятія и сдѣлать обзоръ производившихся при этомъ работъ.

Во первыхъ было рѣшено: совсѣмъ пробитое пространство— сразу отдѣлывать окончательно. Рельсы постоянно прокладывать до самаго того мѣста, гдѣ производились работы; по нимъ двигались употребляемыя на работахъ машины, тачки вывозившія взорванные камни и перепозившія людей. Подъ рельсами же проходилъ глубокій каналъ скрывавшій трубы, по которымъ проводились во внутренность туннеля воздухъ, свѣтъ и вода; самыя работы производились при газѣ. Для защиты трубъ отъ осколковъ при взрывахъ, каналъ былъ тщательно закрытъ, люди закрывались такъ-называемыми предохранительными дверями, которыя можно было по желанію запирать и отворять. Посредствомъ этого, та часть туннеля, гдѣ дѣлались взрывы, совершенно отдѣлялась отъ готовой части, между тѣмъ какъ порохопой дымъ выносился сжатымъ воздухомъ. При каждой сверильной машинѣ работало 37 человѣкъ рабочихъ, общій персоналъ служащихъ на каждой сторонѣ простирался до 2.000 человѣкъ лѣтомъ и до 1,500 зимой, по большей частью съ семьями, которыя удвоились и утроились здѣсь, пока были окончены работы. Это были уже не мастерскія а цѣлыя населенія.

Чтобы дать приблизительное понятіе объ издержкахъ, какія поглотило устройство этихъ работъ, мы приведемъ здѣсь нѣсколько цифръ изъ отчета Граттона за 1865 годъ, гдѣ значится:

Земля подъ мастерскія	100,000	франковъ
Водопроводы	250,000	»
Помѣщенія для восьми компрессаторовъ.	240,000	»
Машины	480,000	»
Различные матерьялы и запасы .	600,000	»

И такъ далѣе, въ такихъ же размѣрахъ; съ каждой стороны было затрачено по три милльона на однѣ приготовительныя работы, прежде чѣмъ была пробита одна трещина въ туннелѣ. Что касается стоимости послѣдняго, то она доходитъ до почтенной цифры въ 75.000,000 франковъ, изъ которыхъ двадцать шесть пали на дома Франціи, а остальные уплачены Италіей. Сначала для окончанія туннеля былъ 25-ти лѣтній срокъ; но чтобы ускорить работы, Франція въ 1862 г. (послѣ отдѣленія Савойи и Ниццы) гарантировала премію въ 500,000 франковъ за каждый годъ скорѣйшаго окончанія туннеля; въ случаѣ же окончанія его ранѣе пятнадцати лѣтъ каждый сбереженный годъ вознаграждался преміей въ 600,000 франковъ. Такъ какъ туннель былъ оконченъ въ 9 лѣтъ, то Италія выиграла довольно много. Что же касается инженеровъ, то правительство съ своей стороны заключило съ ними условіе, въ силу котораго они получали по 4617 франковъ за метръ, если бы обязались окончить туннель раньше конца 1871 года.

Кстати приведемъ здѣсь нѣкоторыя небезъинтересныя числовыя сравненія: весь сводъ выложенъ камнемъ на два фута толщины, такъ что изъ употребленныхъ на это камня и извести можно бы было провести стѣну отъ Сузы до Флоренціи (приблизительно отъ Петербурга до Пскова); изъ количества сожженнаго пороха можно бы было тринадцать лѣтъ сряду дѣлать каждый день 50,000 ружейныхъ выстрѣловъ; однихъ кирпичей пошло шестнадцать милльоновъ.

Несмотря на колоссальность этихъ работъ, онѣ были приведены къ окончанію скорѣе, чѣмъ предполагали самые смѣлые изъ инженеровъ: 26 декабря 1870 г. пала послѣдняя тоненькая стѣнка раздѣлявшая обѣ шахты.

Уже можно было переговариваться изъ шахты въ шахту; съ обѣихъ сторонъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда взлетитъ послѣдняя мина, и всѣ съ радостными криками бросились черезъ брешь и пожимали другъ другу руки. Это была возвышенная минута, и она обратила бы на себя вниманіе всего міра, если бы ему было время слѣдить за нею. Но тогда подъ подъ Парижемъ стояли прусскіе батальоны, Франція истекала кровію изъ тысячи ранъ, некогда было думать о праздникахъ,

Италія была гораздо счастливѣе въ тѣ дни: она пріобрѣла Римъ и достигла своей цѣли; она окончила предпріятіе, въ возможности котораго сомнѣвались даже великіе умы, и сдѣлала это исключительно благодаря своему генію, своей собственной силѣ. Свидѣтели этого торжества, встрѣтившіеся здѣсь на брешн, могли радостнѣе чѣмъ когда нибудь воскликнуть: *Evviva l'Italia!*

17 сентября 1871 г. была открыта желѣзная дорога черезъ Монъ-Сенисскій туннель, какъ новый мирный союзъ всѣхъ европейскихъ народовъ.

Въ началѣ октября я предпринялъ путешествіе черезъ Монъ-

Библиотека "Руниверс"

Сенисъ; тревожное состояніе духа овладѣло и всѣми пассажирами.

Природа уже сама по себѣ становится суровѣе, мрачнѣе, какъ скоро съ юга Франціи переходишь въ Савойю; горные обрывы становятся все смѣлѣе, и выше и выше подымаются вершины; вмѣсто мягкихъ золотистыхъ тоновъ, лежащихъ на ландшафтѣ Прованса, выступаютъ сумрачныя, темныя краски; горы высоко покрыты еловымъ лѣсомъ, дикіе горные ручьи стремительно несутъ свои холодныя чистыя волны. По дорогѣ разбросаны тамъ и сямъ одинокія хижинки изъ коричневой дресвы; изрѣдка попадается жалкая деревушка, да кое-гдѣ порадуетъ глаза тѣнистый лиственный лѣсъ, гдѣ изстари охотится выносливый на всякія непогоды сардинецъ.

И чѣмъ дальше подвигаемся мы по этой дорогѣ, тѣмъ болѣе дичаетъ и съуживается картина; въ открывающіяся и замыкающіяся на лету боковыя долины—ведутъ уже только узенькія пѣшеходныя тропинки: тысячи признаковъ служатъ свидѣтелями борьбы, съ какою человѣкъ прокладывалъ себѣ путь. Грозно надвигаются на насъ горы, и вдругъ дорога замыкается каменнымъ колоссомъ—двигаться дальше нѣтъ болѣе никакой возможности.

Локомотивъ отчаянно свиститъ, желѣзныя колеса скрипятъ — это Моданъ, послѣдняя станція у самой подошвы Монъ-Сениса.

Здѣсь поѣздъ останавливается почти на цѣлый часъ; изъ просторныхъ открытыхъ вагоновъ 1-го класса (другихъ классовъ нѣтъ на этой дорогѣ) высыпаетъ густая толпа итальянцевъ и французовъ, англичанъ, русскихъ—это смѣсь всевозможныхъ цвѣтовъ и всевозможныхъ нарѣчій. Такъ какъ граница лежитъ посреди туннеля, то здѣсь находится таможня: любезнымъ движеніемъ руки васъ приглашаютъ войти въ залу и открыть чемоданы. Что это за суматоха, что за пестрая смѣсь лицъ! «*Prenez garde!*» кричатъ факчини, въ низкихъ тележкахъ отвозящіе багажъ въ залу; «*Sangue di Christo!*» ругается итальянецъ, у котораго вдругъ куда-то пропала жена; одна пѣвица, ѣдущая въ театръ *Scala* въ Миланѣ, везетъ съ собою девять огромныхъ сундуковъ; сй послѣдней возвращаютъ багажъ.

Впрочемъ, вообще обращаются снисходительно; мой чемоданчикъ безъ осмотра получилъ завѣтный знакъ мѣломъ, безъ котораго никто не смѣетъ оставить залу.

И такъ, я имѣлъ достаточно времени насмотрѣться вокругъ. Моданъ лежитъ въ котловинѣ, не имѣющей и часу въ окружности; вывѣтрившіеся валуны тѣснятся чуть не къ самымъ рельсамъ, и уже послѣ полудня въ долинѣ ложатся съ горъ темныя тѣни. Здѣсь входъ въ туннель; въ этой глуши, гдѣ ничего нѣтъ кромѣ нѣсколькихъ домиковъ оставшихся отъ прежнихъ мастерскихъ, стоитъ великолѣпная станція. Отъ двѣнадцати до пятнадцати ранжирныхъ рельсовъ прекрещиваются здѣсь во всѣ стороны; по нимъ двигаются взадъ и впередъ шипящіе локомотивы и между сотни пассажирскихъ и товарныхъ вагоновъ; около нихъ снуютъ закоптѣлыя лица. Однимъ словомъ, это настоящій міръ циклоповъ среди дикой пустыни.

Какъ внезапно измѣняется картина, когда входишь въ залу вокзала, гдѣ до отхода поѣзда вы обѣдаете за блестящимъ табльдотомъ. Зало освѣщается высокими окнами, стѣны обшиты свѣтлымъ деревомъ, мебель и дверныя драпировки тяжелаго зеленаго дамаса. Вездѣ зеркала и картины; кельнеры стремительно бѣгаютъ съ тончайшими фарфоровыми сервизами, точно въ какомъ нибудь парижскомъ отелѣ. Но обольщеніе продолжается недолго. Раздается второй звонокъ, зовущій насъ опять въ дикую глушь. самые завзятые ѣдоки, отдуваясь, встаютъ изъ-за стола и отвязываютъ повязанныя вокругъ шеи салфетки — пора! И вотъ мы сейчасъ помчимся черезъ Монъ-Сенисъ.

Вмѣсто французскаго поѣзда, на которомъ мы ѣхали до сихъ поръ, на рельсахъ стоитъ итальянскій поѣздъ съ выкрашенными темной краской вагонами и просторными купѣ съ мягкой свѣтлой обивкой, вмѣщающими по восьми пассажировъ. Лампы были уже зажжены, вагонные надсмотрщики тутъ и тамъ пробовали еще оси, потомъ пришелъ еще другой локомотивъ, который долженъ былъ облегчить намъ путь — поѣздъ далъ толчекъ — и мы тронулись.

На всѣхъ лицахъ написано было лихорадочное возбужденіе, возраставшее еще вслѣдствіе того, что предмета общаго любопытства и тревоги иногда не было видно, такъ какъ входъ въ знаменитый туннель лежитъ отвѣсно, футовъ на 200 надъ станціею. Дорога описываетъ двѣ огромнѣйшія дуги, прежде чѣмъ дойти до отверстія. Изгибы эти дѣйствительно могутъ привести въ ужасъ; локомотивъ не мчится, но подымается медленно, точно съ трудомъ одолѣвая каждый шагъ, и мы уже видимъ далеко подъ собой шиферныя кровли Модана, пока онъ вдругъ не очутится подъ самыми нашими ногами

Раздается пронзительный свистъ—точно кричитъ человѣкъ, котораго бы вдругъ толкнули въ потемки; дымъ, бѣшено клубясь, стелется по землѣ, еще одна минута полу-свѣта, потомъ насъ охватываетъ черная мгла, теперь мы вполнѣ въ ея власти.

Мы въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Монъ-Сенисскій туннель; большинство испытываетъ какое-то странное ощущеніе. Это нельзя назвать страхомъ; но вамъ невольно овладѣваетъ безпокойное чувство, когда вы сознаете себя въ непосредственной власти первобытныхъ силъ природы,—когда знаете, что ни одна человѣческая рука не подаетъ вамъ помощи, случись несчастіе на этомъ подземномъ пути. Мы чувствовали, что каждый камень этого свода держитъ въ своихъ рукахъ нашу жизнь,—а природа мститъ иногда человѣку.

Огонь ярко горѣлъ въ купѣ; они освѣщаются большими петролеумовыми лампами съ молочными колпаками; но это дѣйствуетъ только на глаза, а не на состояніе духа. Вѣдь освѣщаютъ-то онѣ ни что другое, какъ именно ту самую тьму, которая заставляетъ насъ испытывать такое непріятное ощущеніе,—и поэтому кажутся, среди этой колоссальной, длинной ночи, жалкими, тусклыми ночниками.

Мы отворили окно; насъ обдало теплымъ, удушливымъ воздухомъ, затруднявшемъ дыханіе; не было ни малѣйшей возможности увидѣть стѣны туннеля и разглядѣть сосѣдній вагонъ. Только и было видно, что волнующіяся массы дыма, когда онѣ проносились у самаго края освѣщенныхъ оконъ; было, право, что-то страшное въ этихъ безформенныхъ ползучихъ клубахъ, которые то проскользывали между колесами, то вдругъ взвивались вверхъ, безпрестанно исчезая и снова выростая передъ вами.

Локомотивъ страшно шумѣлъ; но его шипѣнью и стонамъ, чувствовалось, какія геркулесовскія усилія онъ дѣлалъ, потому что вѣдь внутри туннеля идетъ подъемъ слишкомъ на 400 метровъ. Казалось иногда, будто онъ совсѣмъ останавливается, выбившись изъ силъ; затѣмъ слѣдовалъ сильный толчокъ, и работа начиналась снова.

У насъ же потъ выступилъ на лбу—такъ спертъ былъ воздухъ, такъ подавляла насъ темнота.

Я вынулъ часы, прошло всего только десять минутъ, какъ мы томились въ этой тюрьмѣ: была пройдена едва одна треть пути.

Такъ какъ снаружи нечего было смотрѣть, то я обратилъ свой взглядъ внутрь, то есть не въ душу, а въ купѣ. Я сталъ ближе присматриваться, съ какими сосѣдями свела меня судьба. Дамы, сидѣвшія противъ меня, держали у глазъ платки и покашливали; онѣ не хотѣли показать виду, что плачутъ. Съ самымъ веселымъ оживленіемъ относились къ положенію французы; они всѣ превратились въ зрѣніе и слухъ, и разсказывали тысячи всевозможныхъ подробностей; разумѣется, они считали постройку туннеля не иначе какъ своимъ дѣломъ—и чувствовали себя обязанными исполнять роль хозяевъ въ купѣ. Джонъ Буль, не отнимая глазъ отъ огромнѣйшаго бинокля, смотрѣлъ въ темноту, онъ подымался даже на цыпочки отъ любознательности, безпрестанно бормоталъ: «*Oh, how beautyfull, I'm very much delighted*». (О, великолѣпно, я въ восхищеніи).

«*Oh yes, very beautyfull indeed!* (О да, дѣйствительно великолѣпно), отвѣчалъ его спутникъ, не подымая глазъ отъ газеты, которую началъ читать, какъ только что сѣлъ въ вагонъ. «А какъ нравится вамъ здѣсь въ Монъ-Сенисѣ?» спросилъ я одного американца, протиравшаго себѣ глаза со сна. «Темно», отвѣчалъ онъ и повернулся на другую сторону.

Вотъ приблизительный образчикъ публики наполняющей вагоны Монъ-Сенисской дороги; это пестрая и страшная смѣсь цвѣтовъ, нарѣчій и лицъ; можетъ быть не всѣмъ понравится это международное общество,—но оно неизбѣжно въ путешествіи, какъ фигуры въ картинѣ.

Прошло еще десять минутъ, воздухъ становился все болѣе спертъ и удушливъ; не читалось и не спалось больше; однако мы чувствовали, что достигли высшей точки туннеля; дорога измѣнилась, стала отложе — она спускалась. Локомотивъ помчался съ бѣшеной скоростью, точно хотѣлъ вознаградить потерянное время; маленькія станціи, находящіяся въ глубинѣ туннеля, мелькали какъ огоньки. У нихъ стоятъ сторожа съ потайными фонарями въ рукахъ, служащими знакомъ, что всѣ при своихъ постахъ, потому что видѣть иначе—вещь невозможная.

Что за ужасная жизнь — вдали отъ людей и даже отъ свѣта, радующаго послѣдняго нищаго—и къ этому еще страшная отвѣтственность такой службы. Сторожа мѣняются каждые двѣнадцать часовъ; по возможности они выходятъ иногда на воздухъ черезъ штольни, служащія для вентиляціи; это тѣмъ легче, что сравнительно поѣздовъ черезъ туннель ходитъ не много.

Чѣмъ ближе къ выходу, тѣмъ бѣшенѣе мчался поѣздъ; страшный шумъ заглушалъ все; разговоръ надо было прерывать на каждомъ словѣ.

Каждому невольно приходила мысль: а что если столкнутся поѣзды, или мы сойдемъ съ рельсовъ? Насколько извѣстно, на Монъ-Сенисской дорогѣ до сихъ поръ еще не случалось значительнаго несчастія; говорятъ, будто разъ встрѣтились два поѣзда, однако успѣли во время остановиться, и несчастіе было предупреждено. Не знаю, достовѣренъ ли этотъ разсказъ, и потому оставляю его на отвѣтственности того дорожнаго товарища, который передалъ намъ его—я имѣю только нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, что «онъ самъ былъ свидѣтелемъ», какъ онъ очень усердно увѣрялъ насъ.

Тѣмъ не менѣе разсказъ произвелъ должный эффектъ; французы стали предлагать всѣмъ эфиру — прошла уже двадцать одна минута; издали просвѣчивалъ уже полусвѣтъ, предвѣщавшій близкій выходъ. Локомотивъ стремился къ выходу, какъ пойманный дикій звѣрь, вырвавшійся на волю. Какъ на корабляхъ кричатъ: «Земля, земля!», такъ теперь глаза всѣхъ говорили: «Свѣтъ, свѣтъ!»

Наконецъ мы вышли изъ туннеля. Солнце ослѣпительно сіяло на скалистыхъ вершинахъ, по дорогѣ зеленѣли молодыя сосны и стройныя березки, вблизи шумѣлъ ручей; все вокругъ насъ ожило.

Библиотека "Руниверс"

Гвидо Рени пишетъ портретъ Беатриче Ченчи. Рис и. грав. Гукъ.

Библиотека "Руниверс"

На станціи красовался итальянскій гербъ. «*Bardonnecchia!*» кричитъ кондукторъ, «*si ferme cinque minuti!* (Здѣсь остановки пять минутъ).

И, послѣ длиннаго изгиба, мы еще разъ оглянулись на могучіе каменные порота, составляющіе входъ въ туннель, на эту твердыню, созданную умомъ человѣка; мы видѣли всю пройденную нами горную цѣпь, на вершинѣ которой стоитъ бѣлый крестъ, обозначающій то мѣсто, гдѣ рабочіе обѣихъ сторонъ встрѣтились внутри туннеля.

Въ минуту выхода изъ туннеля, не отъ одной радости вырваться наконецъ на свѣтъ — подымалась наша грудь; она подымалась также отъ гордости и счастья, что живешь въ такое время, которое могло создать подобную вещь.

Политическое обозрѣніе.

Вотъ уже болѣе трехъ недѣль, какъ въ южныхъ штатахъ Сѣверо-американской республики происходятъ весьма серіозныя стычки между бѣлыми плантаторами съ одной стороны и цвѣтнымъ населеніемъ съ другой,—стычки, перешедшія въ нѣкоторыхъ городахъ въ жестокія кровопролитныя столкновенія. Почти во всѣхъ южныхъ штатахъ — въ Тенесси, Луизіанѣ, Арканзасѣ, Миссисипи и проч. — ненависть между бѣлыми и цвѣтными гражданами республики достигла своей крайней степени и грозитъ перейти въ настоящую междоусобную войну. Особенно страшные размѣры приняли волненія въ городѣ Нью-Орлеанѣ, въ штатѣ Луизіана. Губернаторомъ въ этомъ городѣ выбранъ нѣкто Киллогъ, изъ негровъ, котораго бѣлые сильно не взлюбили и подняли знамя бунта. Устрашенный этимъ, губернаторъ обратился въ бѣгство, а бѣлые, завладѣвъ арсеналомъ, открыли рѣзню, безпримѣрную даже въ лѣтописяхъ южныхъ штатовъ. Тогда Киллогъ телеграфировалъ въ Вашингтонъ, къ президенту республики, Гранту, прося у него заступничества. По совѣщаніи съ министрами, Грантъ рѣшился поддержать губернатора и распорядился послать въ Нью-Орлеанъ войско. Между тѣмъ, бѣлые, пользуясь своею побѣдою и бѣгствомъ Киллога, избрали губернатора изъ своей среды, который и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Съ прибытіемъ войскъ правительства, дѣла перемѣнились, и бѣлый губернаторъ долженъ былъ уступить мѣсто законному губернатору изъ черныхъ, который и былъ возстановленъ въ своихъ правахъ. Въ штатѣ Алабамѣ цвѣтное населеніе составило заговоръ противъ бѣлыхъ и поставило себѣ задачею: истребивъ своихъ противниковъ, завладѣть въ то-же время ихъ имуществомъ. Въ штатѣ Тенесси негры провозгласили поголовное избіеніе всѣхъ бѣлыхъ. Въ штатахъ Кентукки, Алабамѣ и Техасѣ, бѣлые, съ своей стороны, въ маскахъ нападаютъ на цѣлыя селенія, обитаемыя неграми, вырѣзываютъ жителей, останавливаютъ поѣзды желѣзныхъ дорогъ и даже производятъ нападенія на церкви. Въ Техасѣ, кромѣ того, не будучи въ состояніи бороться противъ подавляющаго большинства черныхъ, они, въ помощь себѣ, нанимаютъ индійцевъ и мексиканскихъ разбойниковъ. Всѣ эти частныя столкновенія, разжигаемыя племенною ненавистью, грозятъ современемъ перейти въ новую и болѣе жестокую междоусобную войну чѣмъ та, которая была въ Америкѣ 12 лѣтъ тому назадъ.

Что-же за причины подобныхъ столкновеній и есть-ли какая-нибудь возможность освободить отъ нихъ государство? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, необходимо обратиться къ прошедшему. Извѣстно, что по окончаніи знаменитой междоусобной войны сѣвера республики съ плантаторами южныхъ штатовъ за освобожденіе негровъ, считавшихся до сихъ поръ рабами южанъ, чорному населенію этихъ штатовъ дарованы были, кромѣ гражданской и личной свободы, еще и многія изъ политическихъ правъ, которыми до войны пользовались одни только ихъ владѣльцы. Такимъ образомъ, за неграми признана была политическая и соціальная равноправность съ бѣлымъ населеніемъ юга; они получили всѣ права свободныхъ избирателей, а съ ними вмѣстѣ и вліяніе на политическія дѣла не только въ своемъ штатѣ, но и въ цѣломъ государствѣ; даже выборъ главы исполнительной власти въ республикѣ, т. е. президента, поставленъ былъ въ нѣкоторую зависимость отъ большаго или меньшаго расположенія къ нему цвѣтнаго населенія, какъ довольно значительной части избирателей въ цѣломъ союзѣ. Понятное дѣло, что бѣлые, ввиду такихъ обстоятельствъ, не могли быть довольны уже по одному тому, что, понеся значительныя издержки на веденіе войны съ Сѣверомъ и потерявъ даровой трудъ бывшихъ своихъ рабовъ, они, къ довершенію всего, должны были раздѣлить съ ними и свое политическое вліяніе въ странѣ, свою власть и свои политическія и гражданскія права. Съ другой стороны, цвѣтное населеніе юга, скинувъ съ себя оковы вѣковаго рабства, не могло не увлечься такъ щедро и благородно данными ему правами и благами свободы,—и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не могло не злоупотребить всѣмъ этимъ въ ущербъ тому общему дѣлу, для котораго должны работать всѣ, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій. Правительство президента Гранта очень хорошо понимаетъ положеніе дѣлъ на югѣ, а потому и рѣшилось, не выходя изъ предѣловъ конституціи, подать руку помощи и оказать заступничество губернатору Киллогу.

Итакъ, вотъ главнѣйшія изъ причинъ, породившія кровавыя столкновенія въ южныхъ штатахъ великой республики. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этимъ дѣло не кончится, и если суждено будетъ придти къ какому-либо умиротворенію въ настоящее время, то никакъ нельзя поручиться, чтобы не возникло новыхъ и еще большихъ волненій въ будущемъ. Однимъ словомъ, пока будутъ существовать причины, породившія настоящія событія, до тѣхъ поръ будутъ существовать и ихъ послѣдствія.

Въ старомъ свѣтѣ положеніе дѣлъ также не можетъ быть названо нормальнымъ. Извѣстія изъ Франціи, Испаніи и даже Италіи представляются въ особенности неутѣшительными. Въ первой изъ нихъ, съ распущеніемъ Національнаго Собранія, событія нисколько не подвинули впередъ вопроса объ упроченіи той или другой формы правленія, въ чемъ такъ сильно нуждается страна. Путешествіе маршала Макъ-Магона по сѣвернымъ и западнымъ департаментамъ какъ-нельзя лучше показало желанія народа, всѣ классы котораго желаютъ упроченія республиканской формы правленія, какъ единственно-возможной въ настоящее время для Франціи. Въ многочисленныхъ рѣчахъ, которыя пришлось выслушать маршалу, повторялось почти одно и то-же — желаніе упрочить правительственную форму и надежды на мудрость и благодарныя стремленія президента. Впрочемъ, общій характеръ встрѣчъ, овацій и рѣчей въ честь Макъ-Магона показывалъ, что населеніе сочувствуетъ гораздо болѣе республикѣ, нежели ея президенту. — Событія въ Испаніи за послѣднее время носятъ на себѣ прежній, почти безнадежный отпечатокъ: частая перемѣна кабинетовъ обнаруживаетъ неспособность правительства маршала Серрано составить министерство, симпатичное большинству народа, а постоянныя отставки главнокомандующихъ сѣверной арміей—недостатокъ въ дѣятельныхъ и честныхъ генералахъ, преданныхъ интересамъ своей злополучной родины; наконецъ неуспѣшность дѣйствій правительственныхъ войскъ противъ карлизма обнаруживаетъ съ одной стороны недостатокъ энергіи въ самомъ правительствѣ, а съ другой,—тѣ благопріятныя для карлистовъ условія, которыя поддерживаются для нихъ Франціею, свободно пускающею провозъ продуктовъ и боевыхъ запасовъ. Даже признаніе главнѣйшими изъ державъ Европы правительства маршала Серрано мало помогаетъ дѣлу. А тутъ, какъ нарочно, начинаетъ распространяться слухъ, что Германія потому будто-бы не прочь пособить испанскому правительству въ покореніи карлизма, что въ этомъ она имѣетъ свою личную выгоду — замѣщеніе испанскаго престола однимъ изъ принцевъ Гогенцолернскаго дома... — Что касается затѣмъ до Италіи, то въ послѣднее время и тамъ проявились волненія и безпорядки, вызвавшія многочисленные аресты и слѣдствія. Причины этихъ волненій разнообразны и объясняются частью непомѣрною дороговизною предметовъ первой необходимости, утвердившейся въ Италіи и съ году на годъ возрастающей, главнымъ же образомъ — предстоящими выборами въ Парламентъ, для которыхъ каждая изъ итальянскихъ партій старается выставить своихъ кандидатовъ и опредѣлить программу будущихъ своихъ дѣйствій.

Смѣсь.

Беатриче Ченчи. Въ лѣтописяхъ кровавой эпохи Борджіевъ въ Римѣ особенной извѣстностью пользуется драма, разыгравшаяся въ концѣ XVI-го вѣка въ семействѣ Ченчи. Одинъ изъ богатѣйшихъ патриціевъ святаго города, Франческо Ченчи, ослѣпленный страстью къ своей младшей дочери отъ перваго брака, нарушилъ законы божественные и человѣческіе. Обезчещенная, увлекаемая жаждой мести, она составила заговоръ вмѣстѣ съ своей мачихой Лукреціей Петрони и двумя братьями Яковомъ и Бернаромъ на жизнь отца. 9-го сентября 1598 г., при помощи двухъ сбировъ, старикъ былъ ими лишенъ жизни. Слѣдствіе открыло отцеубійство, и по приговору папы Климента VIII, цѣлое семейство Ченчи было брошено въ тюрьму. Братья и мачиха скоро сознались въ преступленіи; одну только Беатриче самыя страшныя пытки не могли ни заставить сознаться въ преступленіи, ни поколебать ея твердости. Об-

Библиотека "Руниверс"

щественное мнѣніе сильно говорило въ пользу обвиняемой, какъ доведенной низостью и жестокостью отца до отчаянія. Но это былъ вѣкъ самыхъ ужасныхъ и весьма частыхъ преступленій, вѣкъ Борджіевъ, и Климентъ VIII считалъ своей обязанностью показать своей столицѣ примѣръ строгости законовъ. Судъ уголовный осудилъ на смерть все семейство Ченчи, а папа помиловалъ только малолѣтняго Бернара. Приговоръ былъ исполненъ надъ обѣими женщинами и Яковомъ 11 сентября 1599 года.—Въ галлереѣ Барберини въ Римѣ находится портретъ, который, какъ думаютъ, снялъ Гвидо Рени въ тюрьмѣ съ молодой Беатриче. Представленная на портретѣ женщина кажется не болѣе какъ двадцатилѣтней; глаза у ней черные, носъ великолѣпно сформированный, губы дѣтскія и цвѣтъ лица чрезвычайно бѣлый. Фарриначчи такъ описываетъ послѣднія минуты Беатриче Ченчи: «по прочтеніи приговора, Беатриче прежде всего потребовала нотаріуса, сдѣлала завѣщаніе, въ которомъ значительныя суммы назначила на дѣла религіозныя и благотворительныя; между прочимъ все свое приданое въ 16 тысячъ талеровъ назначила приданымъ для 50 бѣдныхъ дѣвицъ. Лукреція послѣдовала ея примѣру. Около 8 часовъ вечера обѣ женщины исповѣдовались—и отслушавъ обѣдню, приняли послѣднее причащеніе. На другой день, когда приблизилась минута казни, Беатриче спокойно обратилась къ своей мачихѣ: «Мать, пора намъ надѣть платье кающихся. Поможемъ другъ другу, какъ это всегда у насъ было». — Одѣлись въ черное платье и опоясались веревками. Ночью, наканунѣ казни поставили эшафотъ на мосту св. Ангела. Къ этому-то мѣсту направился печальный кортежъ. Лукреція горько плакала, но лицо Беатриче было спокойно и кротко. По прибытіи на мѣсто, обѣихъ женщинъ ввели на время въ часовню, устроенную для этой цѣли. Прежде казнили Лукрецію, потомъ палачъ приступилъ съ веревкой къ Беатриче, чтобы связать ей руки. Тогда она воскликнула: «О Боже, предай мое тѣло истлѣнію, душѣ только дай безсмертіе!» Потомъ быстрыми и легкими шагами взошла на эшафотъ, стала на колѣни, сама положила голову на плаху. Топоръ упалъ—и все кончилось. Тѣло Беатриче, согласно съ ея волей, было погребено подъ главнымъ алтаремъ въ храмѣ св. Петра.

Вооходъ солнца въ степи послѣ урагана. Всю ночь свирѣпствовалъ страшный ураганъ. Онъ опустошительно пронесся надъ степными балками, гдѣ пріютились легкія кибитки кочевниковъ, взбудоражилъ и расплескалъ воду небольшихъ озеръ — затоковъ, разнесъ въ клочья камышевыя ограды для овецъ, подхватилъ двѣ или три кибитки, и занесъ ихъ войлоки Богъ знаетъ куда-то въ пространство; загналъ верстъ за пятдесятъ въ сторону одичалый конскій табунъ и, надѣлавъ тьму всякихъ бѣдъ, - разразился надъ совершенно мертвою, безлюдною пустынею.

Душный, жаркій вѣтеръ урагана началъ поднимать къ небу столбы крутящейся пыли и песку, захватилъ всю траву, что только не удержалась на своихъ корняхъ, и разомъ стихъ,—словно уступилъ вліянію холоднаго вѣтра, царящаго въ болѣе возвышенныхъ слояхъ. По темному ночному небу—несутся съ невыразимою быстротою клочья разорванныхъ тучъ, успокоивается мало по малу взбаломученая степь.

И вотъ изъ-за чернаго горизонта—разомъ — вспыхнулокровавое зарево и озолотило края разорваныхъ облаковъ. Внизу еще темно и мрачно, а вверху, разгоняя тучи, лучеобразно льются багровыя свѣтовыя волны.

Это волшебное зрѣлище—еще эфектнѣе, еще грандіознѣе кажется отъ тишины и безлюдія степи. Печально стелется она передъ глазами, темная, непривѣтливая... Только надъ павшимъ конемъ, вытянувшимъ ноги въ смертельной судорогѣ, зловѣще порхая и шумя сильными крыльями, носится стая крылатыхъ хищниковъ, спускающихся на этотъ роскошный завтракъ.

Изъ Чимбая (Аму-Дарьинской Области). Газета «Голосъ» сообщаетъ о прибытіи парохода «Перовскій» въ нукусскій лагерь слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія: Пароходъ «Перовскій» пришелъ въ Нукусъ не черезъ устье Аму-Дарьи, а изъ Аральскаго моря вступилъ въ рѣку Яны-Су, поднялся по ней до Даукарскихъ озеръ, потомъ озерами проплылъ до рѣки Куванъ-Джермы и уже по ней достигъ Нукуса и вошелъ въ Аму. На всемъ этомъ пути, наименьшая встрѣченная имъ глубина оказывалась въ 4 фута. Самъ пароходъ Перовскій сидитъ въ водѣ на 3½ фута.

Слѣдовательно, интересный вопросъ о судоходствѣ по рѣкѣ Аму-Дарьѣ рѣшенъ положительно. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что судоходство отъ Нукуса по Аму вполнѣ возможно, а пароходъ «Перовскій» находится уже на пути къ Мешеклы, на бухарской границѣ. Далѣе идти ему не разрѣшено, объ чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ наиболѣе населенныя мѣстности начинаются именно вверхъ отъ Мешеклы. О желѣзной дороги въ Среднюю Азію пока только судятъ да рядятъ; но если пароходы могутъ ходить къ Гисару или по крайней мѣрѣ останавливаться не вдалекѣ отъ него, то тѣ милльоны пудовъ товара, которыя направляются изъ Бухары въ Россію сухимъ путемъ, могли бы, до осуществленія желѣзно-дорожнаго пути, провозиться на пароходахъ до Казалы, откуда до Оренбурга оставалось бы всего 945 верстъ. Выгода громадная въ денежномъ отношеніи, не говоря уже о времени. Путь выбранный «Перовскимъ» короче прежняго, черезъ устье Аму, на 150 или 300 верстъ; это тѣмъ болѣе выгодно, что путь идетъ какъ разъ въ центрѣ населенія чимбайскаго участка, которое главнѣйшимъ образомъ сгруппировано около озеръ Даукара и рѣки Куманъ-Джермы, гдѣ не можетъ быть затрудненія въ доставкѣ пароходамъ топлива и съѣстныхъ припасовъ. При этомъ рыболовство въ озерахъ много выиграло бы отъ удобнаго сбыта рыбы. Цѣны на послѣднюю здѣсь крайне низки: икряный осетръ, вѣсомъ отъ 20 до 30 фунтовъ, продается за 25 коп. Да и вообще торговый путь неизмѣримо выгоднѣе, когда онъ идетъ посреди густаго населенія, чѣмъ тогда, когда онъ идетъ по незаселенной рѣкѣ. Устья Аму безлюдны и раздѣляются на множество рукавовъ, часто мѣняющихъ свою глубину, и весьма опасны для судовъ.

Когда пароходъ «Перовскій» стоялъ на Кушкапя-тау (пристань у горъ, на озерахъ), полковникъ Столѣтовъ и капитанъ лейтенантъ Зубовъ дѣятельно искали проходовъ отъ этой пристани въ Улькунъ-Дарью, чтобы по ней подняться до Нукуса, но въ отысканныхъ ими проходахъ, вода была иногда не болѣе какъ 2—3 фута глубины. Вслѣдствіе этого полковникъ Столѣтовъ искалъ пути по Яны-Су. Когда «Перовскій» подходилъ къ Нукусу, весь лагерь высыпалъ ему на встрѣчу и пароходъ былъ провѣтствованъ салютомъ изъ орудій и музыкой. Офицерамъ его былъ данъ обѣдъ. Чтобы понять эту радость, надо знать о положеніи дѣлъ въ Чимбаѣ. Въ половинѣ мая пріѣхалъ въ Чимбай вновь назначенный туда участковый начальникъ, первымъ дѣломъ котораго было опредѣлить количество населенія чимбайскаго участка. Онъ составилъ формы для народной переписи и раздалъ ихъ правителямъ киргизовъ и каракалпаковъ. Данный имъ мѣсячный срокъ для составленія переписи былъ вполнѣ достаточенъ. Киргизскіе беи составили свои переписи хорошо, но каракалпаки ни за что не хотѣли исполнить этого. Они вообразили, что переписи эти дѣлаются для отдачи всѣхъ ихъ сыновей въ солдаты, для отобранія у нихъ женъ, и т. п. Уѣздный начальникъ давалъ имъ нѣсколько отсрочекъ и успокоивалъ ихъ, какъ могъ. Но разувѣрить этихъ дикарей не было никакой возможности. Недовѣріе ихъ дошло до того, что біи не являлись, когда ихъ требовали, а вслѣдъ за этимъ начали ходить слухи о заговорѣ туркменовъ съ нашими каракалпаками, о поголовномъ возстаніи ихъ противъ насъ. Слухи эти съ каждымъ днемъ усиливались, а мы, съ горстью конвоя, должны были принимать всевозможныя предосторожности. Дерзость туркменовъ дошла до того, что, въ виду нукусскаго лагеря, на той сторонѣ Аму, въ городѣ Ходжейли, начались грабежи и убійства. Неурядицы, увеличиваясь все болѣе и болѣе, вызвали пріѣздъ начальника отдѣла, полковника Иванова, который, явившись въ Чимбаѣ, съ конвоемъ изъ стрѣлковъ, вызвалъ къ себѣ каракалпакскихъ біевъ. Приказъ былъ такъ грозенъ, что они на этотъ разъ не посмѣли не явиться. Г. Ивановъ потребовалъ отъ нихъ списковъ населенія, но они, подъ разными предлогами, отказывались представить ихъ. Полковникъ Ивановъ, за исключеніемъ двухъ, исполнившихъ требованіе, заарестовалъ всѣхъ, окруживъ ихъ стрѣлками. Пока не поставили имъ юрты, они сидѣли въ кружкѣ на землѣ, горячо говоря между собою; когда же стрѣлки зарядили свои ружья, многіе беи поблѣднѣли, ожидая, что ихъ перестрѣляютъ. Нужно было видѣть эту картину, чтобы понять опасность нашего положенія. Дѣло происходило на базарной площади, въ углу которой расположенъ нашъ лагерь, состоявшій изъ 50 стрѣлковъ и 30 казаковъ; на площади, на прилегающихъ къ ней улицахъ, на кровляхъ домовъ, злобно на насъ поглядывая, тѣснились массы туземцевъ, свита и родственники арестованныхъ біевъ.

Біямъ было объявлено, что ихъ не выпустятъ изъ-подъ ареста, пока они не представятъ списковъ, что было исполнено на другой же день. Когда имъ сказали, что списки показываютъ населенія меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, они обѣщали представить дополненіе; если ихъ опять арестовать, то они, вѣроятно, представятъ дополненіе къ дополненію и т. д. Арестъ этотъ еще болѣе озлобилъ противъ насъ населеніе, весьма уважающее своихъ біевъ. Хотя особенныхъ проявленій вражды туземцевъ послѣ того и не было замѣтно, но ходили слухи, что каракалпаки собираются сдѣлать нападеніе на лагерь—и потому станетъ понятнымъ, какъ кстати при этихъ обстоятельствахъ былъ приходъ парохода «Перовскій», такъ какъ это давало возможность при первомъ возстаніи туркменовъ, быстро переправить войска на ту сторону и усмирить ихъ.

Мормонизмъ, повидимому переставшій уже увлекать бѣлыхъ, недавно силился проложить себѣ еще новый путь. Въ послѣднее время, Брайгамъ Юнгъ принялъ къ себѣ индѣйцевъ, кочевавшихъ по территоріи Утаха, и ученіе его о многоженствѣ нашло у краснокожихъ благодарную почву. Вступая въ Общество Мормоновъ, индѣйцы вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ права голоса. Ученіе мормоновъ проповѣдуется также на Сандвичевыхъ островахъ, и, если вѣрить дошедшимъ оттуда слухамъ, дѣлаетъ тамъ значительные успѣхи. Одинъ изъ этихъ миссіонеровъ былъ за свои проповѣди посаженъ въ тюрьму. Тогда двое изъ старшихъ мормоновъ, пришли къ королю, съ просьбой о помилованіи ихъ собрата. Король Давидъ Калакана слушалъ сообщенія обоихъ благочестивыхъ старцевъ съ видимымъ интересомъ. Онъ узналъ, что уже 4347 человѣкъ его подданныхъ обратились въ мормонизмъ, и велѣлъ прислать себѣ мормонскую библію. Надежды обитателей Соленаго озера на обращеніе Его величества весьма велики.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Потомственная почетная гражданка А. В. Полежаева на устройство въ гор. Калязинѣ (Тверской губ.) богадѣльни для бѣдныхъ гражданъ города пожертвовала шесть тысячъ руб.

— Казанскій губернаторъ во время послѣдняго посѣщенія имъ гор. Чистополя подалъ мысль устроить въ этомъ городѣ бульваръ по одной изъ городскихъ улицъ, на которой предпринято было устройство новой мостовой. Эта мысль была принята съ полнымъ сочувствіемъ, и по состоявшейся добровольной между жителями города подпискѣ пожертвовано на сей предметъ 1.700 р., причемъ наиболѣе значительныя пожертвованія принадлежатъ гг. Челышеву (бывшему городскому головѣ) и Чукатову (первый пожертвовалъ 500 р., послѣдній 350 р.). Въ видахъ же скорѣйшаго осуществленія, означенной мысли, Городская Дума, принявъ съ благодарностію пожертвованія, ассигновала и съ своей стороны до 1.000 рублей, съ допущеніемъ расходованія оной въ размѣрѣ дѣйствительной надобности.

— Въ гор. Нижнемъ-Новгородѣ, по соглашенію мѣстныхъ земства, городскаго управленія и общества врачей, предположено учрежденіе врачебно-полицейскаго комитета, съ тѣмъ чтобы исчисленный на содержаніе комитета расходъ въ 8.000 руб. былъ обращенъ, въ видѣ опыта, въ теченіе двухъ лѣтъ, на три источника, по равной части на каждый, а именно на земство, городъ и ярмарочное купечество въ Нижнемъ-Новгородѣ.

— С.-Петербургская Городская Дума опредѣлила предоставить завѣдываніе вновь устроеннымъ Александровскимъ садомъ, въ теченіи 1874—1876 годовъ, Обществу садоводства, съ отпускомъ оному изъ городскихъ средствъ: въ 1874 г. 3.055 р., а въ 1876 и 1876 гг.— по 5.980 р.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

Изъ свѣдѣній о дѣятельности Общества для распространенія св. писанія въ Россіи въ 1873 году между прочимъ видно, что въ теченіи 11 лѣтъ Обществомъ распространено 372,017 экз. книгъ св. писанія.

— 30 іюля утвержденъ управляющимъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уставъ Общества русскихъ драматическихъ писателей. Учрежденіе Общества русскихъ драматическихъ писателей имѣетъ ближайшею цѣлію охраненіе принадлежащаго по закону русскимъ драматическимъ писателямъ и переводчикамъ права разрѣшать публичныя представленія ихъ произведеній. Дальнѣйшая цѣль Общества: содѣйствовать развитію драматической литературы въ Россіи лучшимъ обезпеченіемъ трудящихся на драматическомъ поприщѣ.

— Въ гор. Камышинѣ (Саратовской губ.) открыто 23-го іюня мѣстное правленіе Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Въ члены записалось 52 человѣка.

— 6-го августа открыто въ Вятской губерніи Турекское ссудо-сберегательное товарищество.

— Въ обширныхъ залахъ, по праздничному украшенныхъ въ гостинницѣ Демута, 1-го августа, въ 10 часовъ утра, послѣдовало открытія *четвертаго международнаго фармацевтическаго конгресса*. На конгрессъ этотъ прибыли авторитеты фармацевтической науки и представители фармацевтической практики изъ Австріи, Англіи, Богеміи, Венгріи, Даніи и Франціи.

НЕКРОЛОГЪ.

26 августа, въ 11 часовъ утра, скончался, отъ апоплексическаго удара, извѣстный писатель сочиненій изъ солдатскаго быта и издатель журнала «Досугъ и Дѣло» Александръ Ѳомичъ Погосскій. Постоянно сотрудничая въ журналѣ «Чтеніе для солдатъ», онъ въ 1865 г. основалъ собственное изданіе—«Солдатская бесѣда», а въ 1867 г.— «Досугъ и Дѣло», продолжая его до дня своей кончины. Онъ оставилъ послѣ себя болѣе 50 сочиненій для солдатскаго чтенія, историческій очеркъ обороны Севастополя, въ 3-хъ выпускахъ, и множество черновыхъ набросковъ.

— Кіевскій кореспондентъ «Бирж. Вѣд.» сообщаетъ слѣдующія краткія свѣдѣнія о покойномъ А. Н. Муравьевѣ. Надняхъ здѣсь хоронили А. Н. Муравьева, извѣстнаго автора путешествій по Святымъ мѣстамъ, составителя жизнеописаній святыхъ и т. д. Муравьевскій садъ былъ извѣстенъ каждому кіевскому жителю, и Муравьевъ сдѣлалъ его публичнымъ, не переставая прилагать о немъ попеченій. Кіевская молва называла Муравьева единственнымъ прихожаниномъ церкви Андрея Первозваннаго. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ ея главнымъ патрономъ. Этой церкви Муравьевъ, какъ слышно, отказалъ свою замѣчательную молельню. Говорятъ, въ ней есть иконы, за которыя старообрядцы предлагали покойному по 8,000—10,000 рублей.

ГИГІЕНА.

— Въ числѣ работъ, производившихся въ послѣднее время въ Ташкентской химической лабораторіи, особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе извѣстныхъ въ Заравшанскомъ округѣ Шурскихъ минеральныхъ водъ. Изъ изслѣдованія этого видно, что означенныя воды можно причислить къ кислымъ углекислымъ минеральнымъ водамъ, содержащимъ сѣрнистый водородъ. Образованіе сѣрнистаго водорода весьма легко объяснить разложеніемъ сѣрнокислыхъ солей илистыми веществами и углекислотою почвы.

СОДЕРЖАНІЕ: Хорошенькое комнатное украшеніе (съ двумя рисунками). - Что случилось съ Петромъ Петровичемъ Разсказъ Н. БОЕВА. — Восходъ солнца въ степи (съ рисункомъ). — Звѣздное небо. — Даніель Франсуа Оберъ (съ портретомъ). — Монъ-Сенисъ. — Беатриче Ченчи (съ рисункомъ). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

НОВЫЯ КНИГИ
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ У ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОД. С.-ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ.

3-а дешевое изданіе
ПОЛНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ
иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ
съ указаніемъ корней,
НАСТОЛЬНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА
для всѣхъ и каждаго
ПРИ ЧТЕНІИ КНИГЪ, ЖУРНАЛОВЪ и ГАЗЕТЪ.
Сост. Н. Дубровскій.
Третье дополненное изд. Отпечатан. въ два столбца шрифтомъ болѣе 900 стр. 1874 г. Цѣна 1 руб., въ дер. переплетѣ 1 р. 50 к.

необходимыя всѣ новыя узаконенія
для занимающихся торговлей и промыслами подъ заглавіемъ:
ПОЛНЫЙ СВОДЪ ЗАКОНОВЪ ДЛЯ КУПЕЧЕСТВА
НАСТОЛЬНАЯ КНИГА
для купцовъ, мелкихъ торговцевъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, подрядчиковъ, конкурсныхъ управленій, присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, и вообще для всѣхъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ коммерческими дѣлами.
Сост. по Св. Зак. Ул. о вик. и Судебныхъ Уставамъ изданія Канцеляріи Его Императорскаго Величества, со всѣми позднѣйшими узаконеніями и дополненіями, и разъяснена рѣшеніями кассаціонныхъ департаментовъ Сената, съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ актовъ и бумагъ, законы для Евреевъ, Нѣмцевъ, Франц. и другихъ иностр. торгующ. въ Россіи. — Изданіе большаго формата, болѣе 700 стр. 1873 г. Цѣна 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 руб. съ перес.

Доступн. изданіе
НОВЫЙ САМОУЧИТЕЛЬ
РИСОВАНІЯ, ЧЕРЧЕНІЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
легкій способъ
ВЪ 30 УРОКОВЪ
безъ помощи учителя научиться правильно рисовать, чертить, тушевать и покрывать акварельными красками рисунки.
Сост. подъ редакц. МИКЕЛЬ САНЦІО.
На 28 большихъ листахъ великой бум. и съ приложеніемъ объясняющ. текста на русскомъ языкѣ. Ц. 2 р.

Единственное доступное изданіе въ Россіи
САМОУЧИТЕЛЬ
СТРОИТЕЛЬНАГО ИСКУССТВА,
СПЕЦІАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО
для Архитекторовъ, Техниковъ, Столяровъ, Плотниковъ, Печниковъ, Каменщиковъ, Плантаторовъ, Агрономовъ, Мельниковъ и Домовладѣльцевъ
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ
съ 300 политип. рисунк. въ текстѣ и съ приложен. Атласа на 32 листахъ архитектурныхъ рисунковъ
сост. Техникомъ Строительнаго подъ редакціею бывшаго Архитектора при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Императ. дворцѣ. П. Кашенцовъ.
3-е изд. исправленное и дополненное 1874 г. ч. съ атласомъ 3 р. 50 к., въ пер. 4 р.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ
ПРАКТИЧЕСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ
БАЛЬНЫХЪ ТАНЦЕВЪ
ДЛЯ ОБОЕГО ПОЛА.
ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ ВЫУЧИТЬСЯ ВЪ 7 УРОКОВЪ безъ помощи учителя всѣмъ бальнымъ танцамъ.
Съ 23 рисунками въ текстѣ, четвертое изданіе, съ дополненіемъ характерныхъ танцевъ:
РУССКИХЪ ПЛЯСОКЪ, ВЕНГЕРКИ и МАЗУРКИ
Соч. Де-Колиньяра. 1874 г. Цѣна 1 руб.
при покупкѣ прошу спрашивать 4-е изданіе.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ
ВЕРТЕПЫ И ПРИТОНЫ
РАЗСКАЗЫ
изъ жизни погибшихъ въ волнахъ житейскаго моря.
Соч. Н. Некрасова. СПБ. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. въ пер. 2 р.

Первое въ Россіи изданіе,
ТЕХНИЧЕСКАЯ ШКОЛА
РЕМЕСЛЪ, ИСКУССТВЪ И ПРОМЫСЛОВЪ
ДОСТУПНАЯ ДЛЯ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.
РУКОВОДСТВО
ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ И РЕМЕСЛЕННЫХЪ УЧИЛИЩЪ ВЪ РОССІИ.
ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.
Содерж. обработку дерева и металловъ съ ихъ приѣмами, съ 315-ю политипажами рисунковъ въ текстѣ.
Сост. обществомъ московскихъ техниковъ, подъ редакц. инженеръ-технолога Гомановскаго 1873 г. цѣна 3 р., коленкоровомъ перепл. 4 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА ЛЕГОВА.
ПУТЕШЕСТВІЕ НА КИТЪ СРЕДИ БУРНЫХЪ ВОЛНЪ ОКЕАНА.
Соч. Жюля Сандо, проф. и академика
съ великолѣпн. картинами художн. Конденьмъ. 1873 г., ч. 1 р. 25 к., въ коленкор. перепл. 1 р. 50 к.

СТО ТЫСЯЧЪ ВЕРСТЪ
КРУГОСВѢТНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ
подъ
ВОДОЮ, ЛЬДОМЪ
И СРЕДИ ИСЧЕЗНУВШЕЙ АТЛАНТИДЫ.
Сочиненіе Жюля Верна.
Съ приложен. альбома картинъ подводнаго міра. Въ двухъ частяхъ 350 стр. убористой печати. 1872 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ картинами въ коленк. перепл. 2 р.

Для разсказовъ на театральной сценѣ и на семейныхъ вечерахъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ
ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ ЕВРЕЙСКАГО и НѢМЕЦКАГО БЫТА.
Сочиненіе Мойше Гейнъ и барона Шперлингъ. Въ двухъ частяхъ, съ рисунками. 1872 г. Цѣна 1 руб.

СЦЕНЫ
ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА
Сочиненіе актера
А. М. КРАСОВСКАГО.
Въ двухъ книгахъ. 1873 г. ц. 1 р. 50 к.

СЦЕНЫ
ИЗЪ НАРОДНАГО БЫТА
Сочиненіе Горбунова.
1873 г., изданіе третье. Въ двухъ част. 300 стр. отпеч. на отличн. бум. Ц. 1 р., въ коленк. перепл. 1 р. 50 к.

Прошу гг. иногородныхъ чрезъ почту за всѣми вышеозн. книгами адресоваться въ Москву, въ складъ „Толковаго Словаря“, Ступину.
(адр. Почтамту извѣстенъ) перес. принимаю на свой счетъ и посылаю съ перв. почтою.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе о фильтрующихъ апаратахъ при водопроводахъ отъ Маг. А. Крумбюгеля.

Дозволено цензурою. 27 сентября 1874 г. Изданіе А. Ф. Мариса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 41 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 7-го октября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ подписчикамъ „НИВЫ" на 1874 годъ.

При этомъ нумерѣ, для всѣхъ подписчиковъ «НИВЫ» на 1874 годъ, въ видѣ безплатной преміи прилагается большая гравюра

НЕРОНЪ И ХРИСТІАНСКІЕ МУЧЕНИКИ.

Съ картины Вильгельма фонъ Каульбаха,

текстъ которой помѣщенъ въ настоящемъ нумерѣ.

Гг. подписчики «Нивы», желающіе пріобрѣсти одинъ или нѣсколько экземпляровъ этой гравюры, наклеенной на палку (во избѣжаніе сгибовъ при пересылкѣ), благоволятъ обращаться съ требованіями въ контору редакціи, прилагая за каждый лишній (сверхъ преміи) экземпляръ 1 р. 50 коп.

Озеро-море въ Африкѣ.

Просматривая французскія газеты, а въ особенности тѣ, которыя издаются въ Алжирѣ, невольно наталкиваешься на одинъ, замѣчательный по своей грандіозности, проэктъ. Такъ какъ проэктъ этотъ можетъ легко осуществиться (на что можно надѣяться), то мы сочли долгомъ обратить на него вниманіе нашихъ читателей. Дѣло вотъ въ чемъ: Алжиръ—эта богатая, отчасти плодоносная страна, являющаяся какъ-бы преддверіемъ Франціи, въ настоящее время для самой Франціи—только обуза, лишнее бремя, потому что издержки на нее велики: поглощаетъ она болѣе чѣмъ даетъ. Алжиръ вотъ уже 40 лѣтъ находится въ рукахъ французовъ, а между тѣмъ въ настоящее время населенность его весьма незначительна, т. е. европейцевъ («бѣлокожихъ» жителей) тамъ всего 250,000, изъ которыхъ половина — французовъ; нація эта вообще не можетъ похвастаться колонизаторскимъ талантомъ, ктому же, современные «галлы» не любятъ, какъ это извѣстно, выселяться куда бы то ни было.— Плачевное состояніе Алжира, разумѣется, обратило на себя вниманіе мыслящихъ людей, а потому въ проэктахъ относительно развитія благосостоянія этой области и процвѣтанія ея—недостатка нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, страна эта такъ богата, плодородна, что она одна могла бы дать, напримѣръ, хлопка столько, сколько требуется его теперь на всѣхъ фабрикахъ во Франціи. Если бы занялись тамъ разведеніемъ лѣсовъ, то Алжиръ могъ-бы доставлять великолѣпный строевой лѣсъ (дерево вообще растетъ тамъ хорошо и даже быстро), а въ провинціи Константинѣ часто встрѣчаются пробковыя деревья. Словомъ сказать—Алжиръ могъ-бы сдѣлаться благодатнымъ краемъ во всѣхъ отношеніяхъ, «полной чашей»; даже необозримые пустыри его на югѣ, какъ окраины Сахары, превратились бы въ цвѣтущіе луга, и тамъ закипѣла-бы жизнь, *еслибъ только воды было въ достаточномъ количествѣ*... Но ея-то и нѣтъ, и въ этомъ вся бѣда! Вотъ, добыть воду и берется вышеупомянутый проэктъ, а именно: составители проэкта предлагаютъ устроить громаднѣйшее озеро —*внутреннее море* — длина котораго должна быть по крайней мѣрѣ въ 160 миль, а ширина (на первое время)— 20 миль, но оно можетъ расшириться въ значительной степени по направленію къ югу, какъ показано на маленькой картѣ, помѣщенной въ настоящемъ № нашего журнала. Французское военное министерство распорядилось составить коммисію, которая, по разсмотрѣніи проэкта, дала одобрительный отзывъ, объявивъ, что дѣло это можетъ быть легко выполнено и что издержки, сравнительно представляются незначительными, а именно — по разсчету, придется

Проэктированное озеро-море въ Африкѣ.
Грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

затратить около 4,000.000 талеровъ.—На томъ мѣстѣ, гдѣ думаютъ теперь создать море — оно уже было прежде, во времена давно минувшія, чему доказательствомъ могутъ служить довольно большія пространства занятыя еще солянымъ болотами (онѣ обозначены на нашей картѣ въ верхней части проэктированнаго моря), которыя довольно таки углублены и лежатъ ниже уровня Средиземнаго моря.—И такъ, если прорыть теперь каналъ длиною въ 2½ мили у Габэса при Средиземномъ морѣ, то воды этого послѣдняго вольются во всѣ тѣ углубленія (болотныя ямы) — и явится новое внутреннее море. Генералъ Шанзи, бывшій главою управленія въ Алжирѣ, горячо принялся за это дѣло, такъ что французское національное собраніе ассигновало на предварительныя работы 10000 франковъ. Это новое море—«Южно-Алжирское»—лежало бы частью въ области Туниса, гдѣ находился бы также и самый Габесскій каналъ, несущій воды Средиземнаго моря въ новосозданное. Вышеупомянутыя соляныя болота замѣчательны тѣмъ, что они только по временамъ покрываются горьковатою водою, большею же частью все это зыбкое пространство представляется совершенно сухимъ, причемъ поверхность трясинъ застилается бѣлою пеленой—магнезіей, такъ что подъ знойнымъ небомъ Африки неожиданно можно увидѣть родную картину: степь, покрытую снѣгомъ! Но мужичку новичку, незнакомому съ этою мѣстностью, безъ провожатаго, не слѣдуетъ пускаться по такой *снѣжной*, бѣлой равнинѣ.... Подъ блестящей пеленой изъ магнезіи—настоящая трясина, опасныя топи, потому что ямы страшно глубоки: онѣ засасываютъ одинаково быстро и человѣка, и маленькое животное, напр., мышь. Такъ, въ болотахъ Эль-Джерида (близь Туниса) не мало погибло и людей, и животныхъ. Черезъ Эль-Джеридскую трясину пролегаетъ путь (просто—колея, тропинка) изъ Nifsan'a въ Tonzeur, по которому люди и верблюды могутъ идти только гуськомъ: одинъ шагъ вправо или влѣво отъ колеи—и неосторожный поплатится жизнью, ибо спасти его уже трудно.... Бездна подъ ногами! Однажды погибъ такимъ образомъ цѣлый караванъ, состоящій изъ 100 верблюдовъ,—онъ былъ буквально поглощенъ и исчезъ безслѣдно.... Караванъ шелъ гуськомъ; передовой верблюдъ, вожакъ, какъ-то сбился съ дороги и потонулъ, за нимъ увязъ второй, за вторымъ третій и т. д. Деревья, вырванныя бурей и занесенныя на такія топи, также исчезаютъ въ нихъ, какъ-бы проваливаясь въ бездонную пропасть. Вотъ по этимъ-то болотамъ и ихъ окрестностяхъ и должно разлиться новое море, первыя волны котораго пройдутъ у Габеса, благодаря каналу на перешейкѣ шириною въ 2½ мили. Морю этому предстоитъ играть ту же роль, какую играетъ Балтійское въ сѣверо-восточной Европѣ. Устройство такого громаднаго воднаго бассейна, водовмѣстилища въ пустынѣ, благотворно повліяетъ на самую почву: испаренія моря, превратившись въ миліарды дождевыхъ капель, оросятъ ее—и жизнь закипитъ повсюду. Замѣчательно, что прорытіе Суэзскаго перешейка значительно улучшило тамъ климатъ, а между тѣмъ Суэзскій каналъ сравнительно не особенно великъ; теперь и дожди достаточно обильные выпадаютъ тамъ правильнѣе. И такъ, если этотъ каналъ оказалъ уже столь благотворное вліяніе на улучшеніе климата въ той мѣстности, то какихъ великихъ благъ въ этомъ отношеніи можно ожидать отъ *цѣлаго моря!* Мысль дѣйствительно грандіозная, и самое выполненіе проэкта, т. е. техническія трудности—незначительны. Пожелаемъ же успѣха такому прекрасному предпріятію!

Что случилось съ Петромъ Петровичемъ.

Разсказъ Н. Боева.

(Окончаніе.)

Въ назначенный часъ Петръ Петровичъ быстро одѣлся и отправился въ читальню. Въ первый разъ, въ Петербургѣ, шелъ онъ по улицѣ такимъ шагомъ. Не останавливался онъ уже, какъ прежде, передъ магазинными окнами, разсматривая галстуки, запонки и литографіи слабо-одѣтыхъ женщинъ,—а стремился легкой и скорой стопой.

Читальня, въ которую онъ пришелъ, находилась въ старомъ, одноэтажномъ мрачномъ домѣ, съ тусклыми и темными окнами. Ему ужъ такъ будто суждено было все попадать въ какія-то поры. Безпрестанно раздавались звонки и крики: «требованіе: № 107! Требованіе: 3-ю книгу!» Мальчикъ лазилъ по полкамъ, а лохматый завѣдыватель, съ выраженіемъ какой-то временно-сдержанной, грозной рѣшимости, раздавалъ книги. Въ сосѣдней полутемной комнатѣ человѣка два три ухитрялись какъ-то читать — и между двумя широкими листами развернутыхъ газетъ, Петръ Петровичъ едва разглядѣлъ улыбнувшееся ему личико Анны Васильевны.

— Здраствуйте! сказалъ онъ ей тихонько, пожимая руку,— ну-съ, не могу похвастаться удачей. Ничего не могъ найти! И знаете — какъ вы рѣшаетесь этакъ ѣхать? — какая еще семья и дѣти — какъ-то вы съ ними справитесь!....

— Что-же мнѣ дѣлать? грустно отвѣчала та,—мнѣ выбора нѣтъ; некуда дѣваться — такъ поневолѣ....

— Вы еще кому нибудь сказали бы! Хоть Калашникову, прибавилъ онъ въ видѣ опыта....

— Ни за что! Ему? ни за что! Дрянной человѣкъ, дрянной! вспыхнувъ сказала она быстро и двѣ слезки покатились у нея по щекамъ.

— Однако, что-же онъ такое сдѣлать могъ? Скажите....

— Оставимте его!... А вы все таки-же мнѣ мѣсто ищите, пожалуста....

— Хорошо! Я сегодня опять пойду и завтра-же сообщу вамъ о результатѣ.

И хотя все было кончено о дѣлѣ, но онъ уходить не торопился. Онъ началъ тихонько (къ неудовольствію читающихъ) распрашивать объ ея жизни, обстоятельствахъ, и былъ тронутъ полнымъ одиночествомъ и безпомощностью бѣдной дѣвочки. Не такъ давно умеръ ея отецъ, мастеръ на какомъ-то заводѣ, и она жила пока маленькими полученьями изъ заводской вспомогательной кассы. Скоро и эти выдачи должны были прекратиться — и ей «буквально было некуда дѣваться».

— И вотъ, какъ мнѣ не хочется домой идти! сказала она, чуть не плача, — просто, какъ представишь себѣ это: одна, въ этомъ чуланѣ! Низачто бы не пошла...

— Послушайте Анна Васильевна, сказалъ вдругъ, подумавши, Петръ Петровичъ, — видите въ газетѣ объявлено — нынче идетъ «Фаустъ» — сдѣлайте мнѣ удовольствіе, пойдемте въ театръ. Я человѣкъ тихій, одинокій, мнѣ очень пріятно будетъ сидѣть не одному....

Она сначала повеселѣла, потомъ задумалась.

— У меня и платья такаго нѣтъ, сказала она, — чтобы идти въ театръ; какъ же я пойду?

— Мы на верхъ пойдемъ.

— Хорошо. Пойдемте, согласилась она, повеселѣвъ опять.

— Ахъ, знаете, какое вы мнѣ удовольствіе сдѣлали! Я не знаю, какъ благодарить васъ! Мнѣ будетъ такъ пріятно! Вотъ это прекрасно! Только какъ-же?.. за вами заѣхать?....

— Нѣтъ, не нужно! Въ семь часовъ я васъ буду ждать въ театральныхъ сѣняхъ.....

Не смотря на упорное сопротивленіе Анны Васильевны, обрадованный собесѣдникъ опять поцѣловалъ у ней ручку и полетѣлъ за билетами.

Самъ на себя дивился Петръ Петровичъ — откуда у него взялась такая прыть и подвижность. Едва пообѣдавъ и отъ нетерпѣнья даже не отдохнувъ послѣ обѣда, онъ заторопился въ театръ. Въ сѣняхъ сталъ онъ искать Анну Васильевну. Кругомъ хлопали дверьми и ходили.

— Пожалуйте, кричали кругомъ капельдинеры,—въ кресла!

— Здѣсь-съ!

— Тамъ холодно-съ!

— Пожалуйте-съ! Здѣсь спокойнѣе!

— Господинъ! Пожалуйте пальто!

— Афишки не прикажете-ли?

Въ уголку нашелъ онъ наконецъ Анну Васильевну. Она была въ какомъ-то старенькомъ бурнусикѣ и черной шапочкѣ—и какъ-то пугливо, какъ звѣрокъ, озиралась въ этихъ залитыхъ газовымъ свѣтомъ залахъ театра-дворца, среди этой шумящей толпы.

Когда они взошли наверхъ и усѣлись, спектакль уже на-

Библиотека "Руниверс"

чался: Фаустъ уже снялъ, спрятавшись за высокую спинку кресла, накладную бороду и парикъ, и явился цвѣтущимъ юношей, съ кудрями и гордо поднятой головой, въ блескѣ молодости и силы, въ сообществѣ своего ужаснаго товарища....

Оркестръ гремѣлъ. Анна Васильевна была очень заинтересована, Петръ Петровичъ также. Онъ даже началъ все это какъ-то примѣнять къ себѣ. Вотъ и онъ тоже влюбленъ... Опера его стала какъ-то утверждать въ мысли о женитьбѣ, страстные, нѣжные звуки его разнѣжили...

Онъ не былъ человѣкъ понимающій «сладострастье высокихъ мыслей и стиховъ», но вдохновенное произведеніе великаго поэта и во французской, эффектной оправѣ плѣняетъ и трогаетъ даже самое простое сердце... Какой ужасъ! Силы ада поднялись на чистую, невинную человѣческую душу. Столько коварства и злобы, чтобы погубить такую милую, тихую дѣвочку! Какая чудная лунная ночь! Дѣвушка изливаетъ передъ нимъ всю свою чистую душу и раскрываетъ маленькое, горячее сердечко. Вотъ всѣ ея невинныя горести: умерла ея бѣдная мать, умерла маленькая сестра — ихъ души родныя отлетѣли — и ей было такъ тяжело! Она не знаетъ ни униженій, ни злобы и безсердечія. Она его любитъ... Она все ему сказала... Все! А онъ склоняется надъ бѣдной головкой дѣвочки во всеоружіи дарованной адомъ силы и красоты, змѣиной мудрости и безсердечной холодности! Пусть только я живу! Что мнѣ эта красавица — ребенокъ! Такъ велика и ужасна цѣна, заплаченная за жизнь! Думать ли о всякомъ червякѣ, котораго придется раздавить! Но вотъ величавые звуки хорала... Злой духъ торжествуетъ — и съ ужаснымъ крикомъ бѣдная падаетъ у ступеней храма...

Занавѣсъ опускается, раздаются громкіе аплодисменты. Петръ Петровичъ обвелъ театръ глазами—и вдругъ увидѣлъ, какъ затрепетала и поблѣднѣла Анна Васильевна.

— Что съ вами такое?

— Посмотрите, сказала она, — посмотрите! Видите — въ креслахъ смотритъ сюда въ бинокль? Вѣдь это Калашниковъ?

— Да, да! Онъ! Скажите — какимъ франтомъ!

— Ахъ! какъ же! Онъ меня значитъ увидѣлъ!

— Да, ну такъ что же? Пусть увидѣлъ. Что же такое?

Анна Васильевна откинулась къ спинкѣ скамейки. Петръ Петровичъ вышелъ было покурить и въ дверяхъ встрѣтился съ Калашниковымъ. Тотъ торопливо пробирался къ нему.

— А, здравствуй! Я у тебя былъ, но не засталъ. Какъ ты попалъ въ театръ съ Анной Васильевной?

— Кстати, пойдемъ, на минутку. Хочу посовѣтоваться. У меня есть твердое намѣреніе. Ты можешь мнѣ помочь. Ты съ ней давно знакомъ! Дѣло вотъ въ чемъ — слушай...

И Петръ Петровичъ разсказалъ старому товарищу свои намѣренія, разсказалъ, что дѣвушка ему чрезвычайно нравится и просилъ помочь.

— Ну, какъ ты думаешь? а? А я право былъ бы хорошій мужъ. Ты напрасно объ ней тогда такъ небрежно отзывался. Она премиленькая...

— Да? Небрежно? Будто? Конечно! Что же?.. какъ-то не попадъ говорилъ очевидно-пораженный Калашниковъ, — я иду, прощай, а ты завтра меня подожди. Обо всемъ поговоримъ. Что же?... Я зайду — нужно. А пока — прощай!

— Куда же ты? Постой! Пойдемъ къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Нѣтъ, прощай! Что нужно, будетъ сказано. Завтра непремѣнно у тебя. Жди — а пока прощай!

И Калашниковъ торопливо толкнулся въ толпу.

— Что съ нимъ такое? Убѣжалъ и разстроенъ... Странно!

До конца спектакля онъ думалъ объ этомъ свиданіи, но все же ему было очень весело. Анна Васильевна оправилась и развеселилась.

IV.

Изъ театра Петръ Петровичъ отвезъ Анну Васильевну на извощикѣ домой. Чтобы ей было ловчѣе сидѣть, онъ приладился почти на крылѣ дрожекъ. Петербургскія извощичьи дрожки и мостовыя именно такъ устроены, что не обнявшись съ дамой трудно ѣхать. Это устройство Петръ Петровичъ очень одобрилъ. Дрожки прыгали и гремѣли по камнямъ сильнѣе и фонари мерцали все тусклѣе, по мѣрѣ того какъ они приближались къ домику, гдѣ жила Анна Васильевна. На противуположномъ берегу, ярко горѣли ряды огней. Петръ Петровичъ чувствовалъ себя очень пріятно, цалуя и сжимая молодую ручку, которая тоже отвѣчала пожатіемъ. Благодарность была самая искренняя. Бѣдной дѣвочкѣ это было въ самомъ дѣлѣ большое удовольствіе.

Возвратясь въ номера и зажигая свѣчу, Петръ Петровичъ такъ громко просвисталъ маршъ изъ Фауста, что сосѣдъ, какъ безумный, вскочилъ съ постели, въ померѣ рядомъ, щелкнулъ ключомъ и, выскочивъ въ носкахъ въ коридоръ, крикнулъ:

— Какіе черти тутъ разсвистались! Спать не дадутъ!

И такъ хлопнулъ дверью, что Петръ Петровичъ замолчалъ и проворно юркнулъ подъ одѣяло, въ пріятныхъ размышленіяхъ.

Сны его были тоже очень пріятны: онъ видѣлъ, будто ѣхалъ въ кибиткѣ — и рядомъ съ собою видѣлъ раскраснѣвшуюся отъ морозу Анну Васильевну, въ шубкѣ и платкѣ. Лошади несутся, ямщикъ свиститъ, колокольчикъ рѣзко звонитъ; стучитъ что-то очень громко, а вдали уже видны главы церквей его роднаго городка и зеленая крыша его хорошенькаго домика...

Когда онъ проснулся, отъ пріятнаго сна осталось только непріятное: именно, рѣзкіе звонки жильцовъ въ номерахъ и стукъ очень громкій и, кажется, давно уже продолжавшійся, въ его дверь.

Онъ вскочилъ, отперъ и впустилъ Калашникова, который, разстроенный и какой-то торжественный, вступилъ въ комнату, съ ящичкомъ подъ мышкой и съ портфелемъ свернутымъ трубочкой въ рукахъ.

— Извини, братъ, что застаешь меня такъ... Я халатъ надѣну... Извини...

— Мнѣ все равно. Я буду кратокъ. Я пришелъ объясниться. Ты готовъ?

— Къ чему готовъ? Въ чемъ ты хочешь объясняться?

— Вотъ, возьми, читай! отвѣчалъ тотъ, вынимая какую-то бумагу изъ портфеля.

Петръ Петровичъ сѣлъ, развернулъ бумагу и прочелъ въ недоумѣніи печатный бланкъ: «*Адвокатская контора, совѣты по тяжебнымъ дѣламъ, бѣднымъ даромъ; процентъ умѣренный. Рекомендація боннъ, нянекъ, кучеровъ, управляющихъ; пріисканіе покупателей ..*»

— Какое мнѣ дѣло до всего этого? Зачѣмъ это мнѣ?

— Прочти — чья контора?

— Тутъ написано «Калашниковъ...»

— Прекрасно! Теперь читай еще, продолжалъ тотъ, подавая гербовый исписанный листъ.

Петръ Петровичъ началъ читать:

«*Тысячавосемсотъ... года... мы нижеподписавшіеся, царскосельскій купецъ Шанинъ и... Калашниковъ заключили...*»

— Да что все это такое? зачѣмъ это? Что ты заключилъ условіе и съ нимъ открываешь адвокатную контору? что же? Очень радъ!

— Читай — сколько жалованья мнѣ здѣсь назначено?..

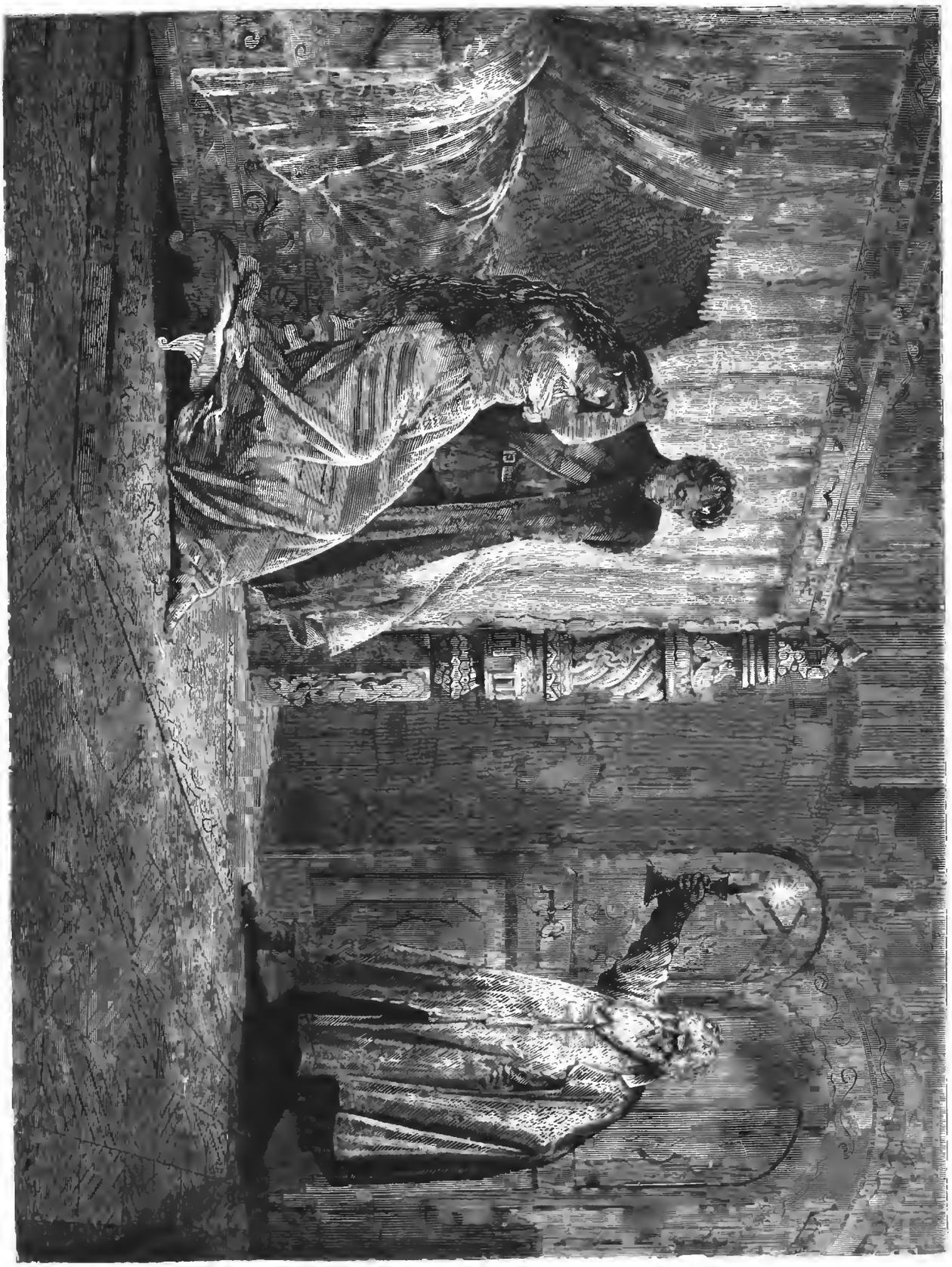
— Двѣ тысячи...

— Прекрасно! Теперь смотри! .. Посѣтитель открылъ ящичекъ и внезапно вынулъ два маленькихъ дешевыхъ револьвера.

Петръ Петровичъ вскочилъ какъ ужаленный. Ему пришла ужасная мысль, что товарищъ сошелъ съ ума. Онъ собрался выбѣжать и крикнуть людей—и стоялъ посреди комнаты въ своемъ халатѣ, блѣдный отъ ужаса...

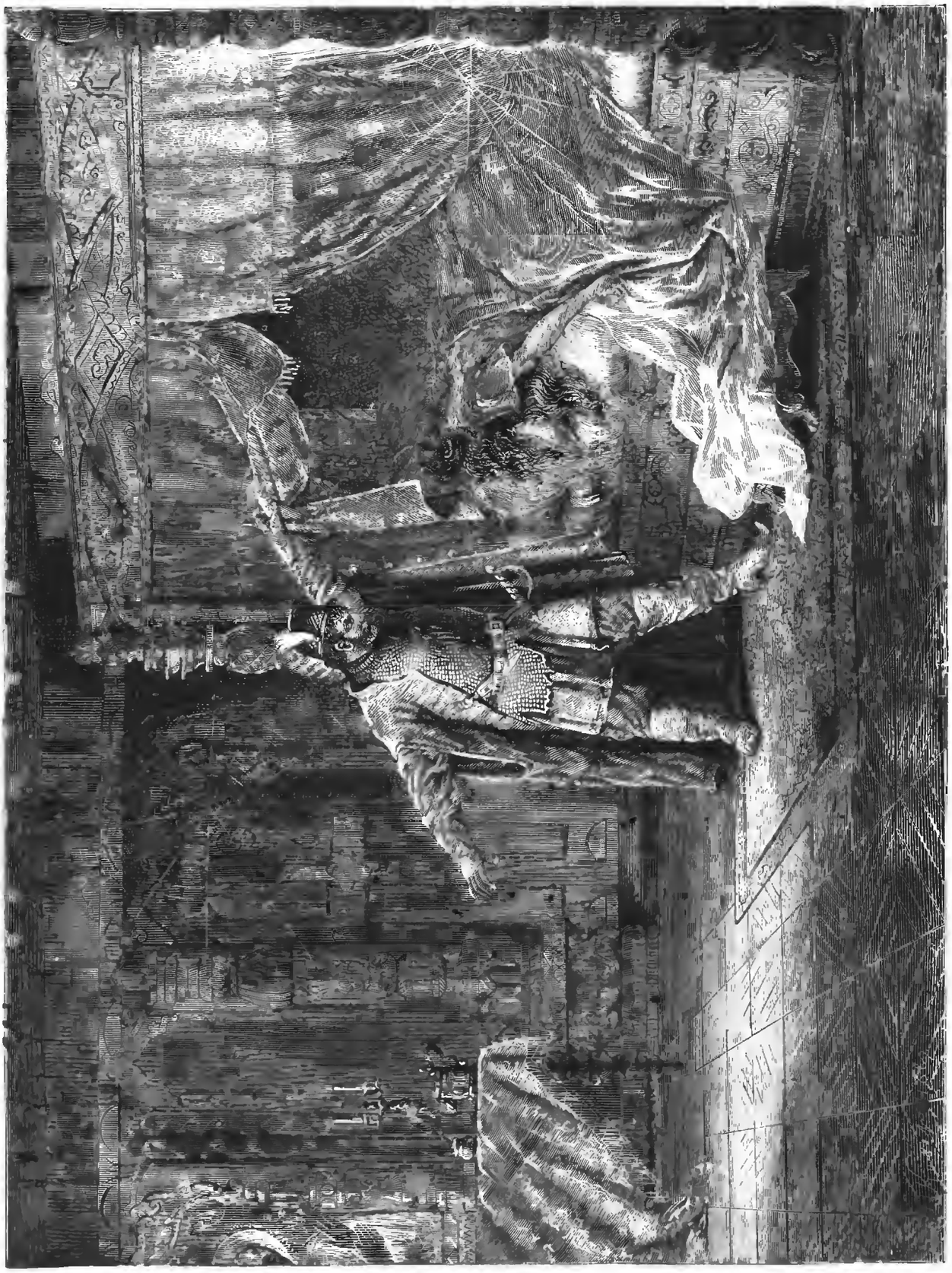
— Ни съ мѣста! сказалъ Калашниковъ, — ты долженъ меня выслушать. Я буду кратокъ. Ты вздумалъ жениться на Аннѣ Васильевнѣ? Я показалъ тебѣ мои средства и виды на будущее. Вопросъ: кто изъ насъ имѣетъ больше шансовъ? Кромѣ того, что выйдя за меня она останется въ средоточіи здравыхъ идей и умственной жизни, —она будетъ имѣть занятіе—замѣть, постоянное занятіе—въ моей конторѣ и—жалованье...

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. «Боярин Орша», Лермонтова. I. Орша въ свѣтлицѣ дочери. Рис. Коверзневъ, грав. Сташковскій.

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ «Боярин Орша», Лермонтова. II. Возвращеніе Арсенія. Рис. Коверзневъ, грав. Сташковскій.

Библиотека "Руниверс"

— Развѣ ты хочешь на ней жениться? Ты не говорилъ объ этомъ ничего.

— Далѣе, не слушая его, быстро продолжалъ Калашниковъ,—если ты добровольно не рѣшишь въ мою пользу, то не смотря на старое товарищество... Нынче наши люди прогресса стрѣляются — были примѣры... Разстояніе шесть шаговъ. Если мнѣ придется тебя поранить — надѣюсь присяжные найдутъ смягчающія обстоятельства... Найдутъ!... Найдутъ, конечно!....

— Ты съ ума сошелъ!... вскричалъ вышедшій изъ себя Петръ Петровичъ,—стану я, видите ли, съ нимъ стрѣляться? Что я—безумный, что ли? И что ты ко мнѣ присталъ? Я крикну людей. Это мое, я думаю, дѣло, хочу я жениться или нѣтъ! Ну, да—хочу! а тебѣ что?

— Постой, опять продолжалъ гость, становясь къ двери,—мнѣ есть дѣло, и я предлагаю тебѣ самую современную раздѣлку... Вспомни случай съ нашимъ извѣстнымъ Шоховымъ...

— Полно же тебѣ, шутъ ты этакой! Что же тутъ современнаго! И что мнѣ за дѣло до какого-то Шохова! Если она тебя любитъ и я тебя убью—что же тебѣ за разсчетъ? А если меня любитъ и ты меня убьешь — она тебѣ этого никогда не проститъ! Наконецъ, это глупо! Это, я думаю, ей рѣшать надо, а не намъ... Ее надо спросить. А то что ты тутъ ко мнѣ присталъ? Какъ мы можемъ это безъ нея рѣшать!..

— Прекрасно! теперь читай! опять сказалъ Калашниковъ, вынимая изъ своего неистощимаго портфеля еще какую-то сложенную бумажку.

— Это еще что такое? Что у тебя въ портфелѣ сколько еще тамъ бумажекъ?

— Читай, повторилъ гость.

И Петръ Петровичъ съ удивленіемъ прочелъ написанныя женской рукой строки:

«Злой человѣкъ! Зачѣмъ было мучить? Разумѣется, я хочу за тебя замужъ. Скорѣй ко мнѣ пріѣзжай... Мнѣ эта квартира до смерти надоѣла. Твоя Анька».

Петръ Петровичъ бросился къ столу, взялъ написанный ея рукою адресъ, сличилъ!... Ея рука! Она писала! Анна Васильевна!...

— Съ этого надо было начать — шутъ ты этакой! Вотъ теперь ты меня убилъ такъ убилъ —дѣйствительно! сказалъ кротко нашъ добрѣйшій Петръ Петровичъ,—а то револьверы и чортъ знаетъ что! Отчего я однако вообразилъ?... И-да, отчего? поди ты!... Ну что же, поздравляю, поздравляю!...

— Прощай! торжественно сказалъ Калашниковъ, собралъ портфель и ящичекъ и стремительно вышелъ.

Петръ Петровичъ принялъ ударъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ. Только почувствовалъ какую-то странную слабость. Случалось-ли вамъ, господа, когда нибудь видѣть разрушенными надежды и мечты, которыми вы жили горячо и искренно. Не говорили-ли вы, что «что-же дѣлать?», что «все хорошо»—и вмѣстѣ съ тѣмъ вы упали духомъ, у васъ какъ-бы кружится голова, васъ ничто не занимаетъ и на сердцѣ точно что-то оборвалось...

Конечно случалось—и вы пожалѣете поэтому нашего друга.

Онъ вышелъ на улицу, самъ не зная зачѣмъ и куда. Все вдругъ потускнѣло и приняло такой будничный, непріятный видъ! Все грустно и озабочено, все торопится, все несносно шумитъ, раздражаетъ нервы и слухъ — стукомъ, звономъ и говоромъ. Все это движеніе опять на него какъ-то опрокидывается и тяжело давитъ....

И вдругъ передъ нимъ появился кто-то и раскланялся.

Петръ Петровичъ въ испугѣ отшатнулся. Не товарищъ-ли опять какой нибудь съ револьверами? Онъ хотѣлъ пройти мимо, но «кто-то» упорно забѣжалъ впередъ.

— Вы меня не помните? Чиновникъ изъ Министерства. Еще вы справляться изволили..

— А?! а что такое вамъ угодно?...

— Помилуйте-съ, какъ что угодно! Что-же вы не являетесь? Мы васъ три дня ждали... Ваше назначеніе состоялось.....

— Состоялось? И прекрасно! Сегодня-же иду къ вамъ.

Петръ Петровичъ быстро закончилъ свои дѣла, залегъ въ спальный вагонъ—и спалъ цѣлые почти сутки безъ просыпу тяжелымъ сномъ и съ тяжестью на сердцѣ.

Скоро мы съ нимъ уже играли на клубномъ уѣздномъ бильярдѣ, а за ужиномъ и стаканомъ вина, милѣйшій Петръ Петровичъ и разсказалъ намъ, что съ нимъ въ Петербургѣ случилось....

Литературный альбомъ.

«Бояринъ Орша» Лермонтова.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша. — Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо — наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день воскресенія Христа
Поцаловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ-же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.
Но Орша нравомъ былъ угрюмъ,
Онъ не любилъ придворный шумъ,

онъ отпросился у царя на покой въ свою вотчину, на крутомъ берегу Днѣпра, на рубежѣ Литвы.

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и серебромъ;
Икону въ ризѣ дорогой
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу —
И занестрѣлись на полу.
Узоры шолковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ божій даръ — младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былова памятникъ живой!

Но вотъ однажды въ темную непогожую ночь, когда Оршу крѣпко одолѣли безсонница и мрачныя думы, позвалъ онъ своего раба-сказочника — и вѣрный Соколъ ввернулъ въ свою сказку ядовитый намекъ, чтобы бояринъ навѣдался посмотрѣть, какъ спитъ его молодая дочь... Бояринъ, отославъ раба, не могъ уже успокоиться...

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча.
И вотъ дрожа идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей....
...И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку, и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ! непорочна дочь моя.
«А ты, Соколъ, ты, рабъ, змѣя,
«За дерзкій хитрый свой намекъ
«Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!..
Онъ слышитъ тихій разговоръ...
...И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцалуя и другой...
Онъ вспыхнулъ; дверь толкнулъ рукой,

Библиотека "Руниверс"

И изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой.
Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились — и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко на цвѣтной коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы...
...Когда-жъ безумца увели
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ, межъ дикихъ скалъ,
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Заточивъ такимъ образомъ свою несчастную дочь, бояринъ заутра приступилъ къ другой расправѣ — надъ виновникомъ своего позора, надъ этимъ Арсеніемъ, котораго онъ взялъ въ домъ ребенкомъ и воспиталъ въ сосѣднемъ монастырѣ подъ строгимъ надзоромъ иноковъ. Здѣсь-же, въ присутствіи игумена и монаховъ, состоялся и судъ надъ неблагодарнымъ пріемышомъ. Но никакія угрозы, ни пытки не могли заставить Арсенія выдать его друзей и сообщниковъ, съ которыми онъ хотѣлъ похитить и увезти дочь оскорбленнаго боярина, — онъ хранилъ упорное молчаніе, а на утро дня, назначеннаго для казни, узника въ монастырской тюрьмѣ не оказалось...

Пришли.... глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый на пескѣ лежалъ
Стальной зазубренный кинжалъ,
И польскій, шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ,
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.
Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они шли къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи...
...«Бѣжалъ!.. Но кто-жъ ему помогъ?
«Конечно люди, а не Богъ!..
«И гдѣ-же онъ нашелъ друзей?
«Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой.

Прошло много времени со дня грозной расправы боярина съ дочерью и бѣгства Арсенія, настала зима, ледъ сковалъ днѣпровскія волны, овраги занесло снѣгомъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить ножи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ,
Садится Орша на коня,
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь воплей женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней,
И каждый съ знаменьемъ креста,
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая порѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гульливая мятель!..

И вотъ, сошлись лицомъ къ лицу двѣ враждебныя силы, Литва и Русь, началась битва, но дружина Орша была слишкомъ малочисленна и вся полегла...

Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей,
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ:
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чорнаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто-жъ онъ? не русскій! и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская звеня,
Стучала по ребрамъ коня...
....Но разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дана,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздохнувши каждый бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше чѣмъ страдалъ...

Блуждая на попскахъ, всадникъ наконецъ подъѣзжаетъ къ одному кургану съ громаднымъ вѣтвистымъ дубомъ...

....Громада тѣлъ,
Обезображенныхъ мечомъ,
Пестрѣла на курганѣ томъ,
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли.
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто-бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ,
И такъ въ раздумьи говорилъ:
«Вотъ мѣсто — мертвый иль живой —
«Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной
«Прижавшись, бѣшеный старикъ
«Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
«Какъ, окруженъ со всѣхъ сторонъ,
«Съ пятью рабами бился онъ.
«И дорого тебѣ Литва
«Досталась эта голова!»
...И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ смотритъ: это онъ!
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ (т. е. Орша) приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
«И я узналъ тебя! узналъ!
«Ни время, ни чужой нарядъ
«Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ,
«И это блѣдное чело,
«Гдѣ преступленіе и зло
«Печать оставили свою.
«Арсеній! — такъ, я узнаю
«Улыбку прежнюю твою
«И въ ней шипящую змѣю...
«... Твой умыселъ постигъ я весь,
«Я знаю для чего ты здѣсь.
«Но, вѣрный родинѣ моей,
«Не отверну теперь очей,
«Хоть ты-бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
«Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ.
«И сожалѣнье и печаль»...

Не отвѣчая на укоризны Орши, Арсеній проситъ его сказать только, гдѣ его дочь, которую онъ поклялся спасти отъ ляховъ, хотя и самъ находится въ ихъ средѣ. Собравъ послѣднія силы, Орша говоритъ ему:

«Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
«Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ,

Библиотека "Руниверс"

»Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
«Покуда милый не придетъ!
«Спѣши... Ужь близокъ мой конецъ;
«Теперь обиженный отецъ
«Для васъ лишь страшенъ какъ мертвецъ!»
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
...Вдругъ потянулся, захрипѣлъ,
И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ!

Арсеній спѣшитъ по указанію; измучивъ коня въѣзжаетъ на широкій дворъ знакомаго ему боярскаго терема, входитъ въ домъ — въ покояхъ темно какъ ночью....

Закрыты ставни: полъ скрипитъ,
Пустая утварь дребезжитъ,
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой бѣлой полосой,
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней.
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей!
И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ.
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь — но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ.
И вынувъ ножъ изъ кушака
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И затрещавъ распался тотъ...
И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.
Онъ руку съ трепетомъ простеръ.
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь — отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто-бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но приближаясь видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Черпѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.
Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ ногу свою....
Увы! теперь онъ былъ-бы радъ,
Когда-бъ быстрѣй чѣмъ мысль иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ!
Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой!..
Густая, длинная коса,
Плечь бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистою такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужь бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ!
«Такъ вотъ все-то что я любилъ!..
«Холодный и бездушный прахъ,
«Горѣвшій на моихъ устахъ,
«Теперь безъ чувства, безъ любви,
«Сожмутъ объятія земли...
....«Теперь осталось мнѣ одно:
«Иду! — куда? Не все-ль равно:
«Та иль другая сторона?
«Здѣсь прахъ ея, но не она!
«Иду отсюда навсегда
«Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
«Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,
«И вьюга слѣдъ завѣетъ мой.»

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

«Двуногій волкъ.»

Въ желтомъ, накаленномъ пескѣ торчалъ деревянный колъ, выкрашенный красною краскою. Нижняя часть этого кола, воткнутая въ песокъ, была окована желѣзомъ, на верхней-же части укрѣплена была короткая поперечная перекладина, — и на ней, нахохлившись, истомленный зноемъ, сидѣлъ красивый охотничій соколъ и дремалъ, задернувъ своими желтоватыми, поперечными вѣками зоркіе, разбойничьи глаза.

Эта птица олицетворяла собою полную неподвижность; начиная отъ красной шапочки на своей маленькой головкѣ и кончая серебряною цѣпочкою, которою она была привязана къ поперечинѣ за лапку, все казалось какимъ-то изваяніемъ... Не шевелился, не звякалъ даже ни одинъ бубенчикъ, украшавшій ожерелокъ на шеѣ сокола, — и, словно нарисованная, виднѣлась короткая, голубоватая тѣнь, отброшенная птицею на горячемъ, красновато-желтомъ фонѣ мертваго песка.

Двѣ борзыя собаки, тощія, почти голыя, высунувъ сухіе, воспаленные языки, лежали на боку, въ растяжку; и еслибы только не чуть замѣтное движеніе ясно-очерчивающихся реберъ, — ихъ скорѣе можно было принять за падаль, чѣмъ за существа живыя, готовыя въ одно мгновеніе, по одному призывному свистку хозяина, вскочить и воззриться въ безконечную степь — и стрѣлою понестись по этимъ волнистымъ, сыпучимъ пескамъ, которымъ, казалось, не предвидится ни конца ни начала.

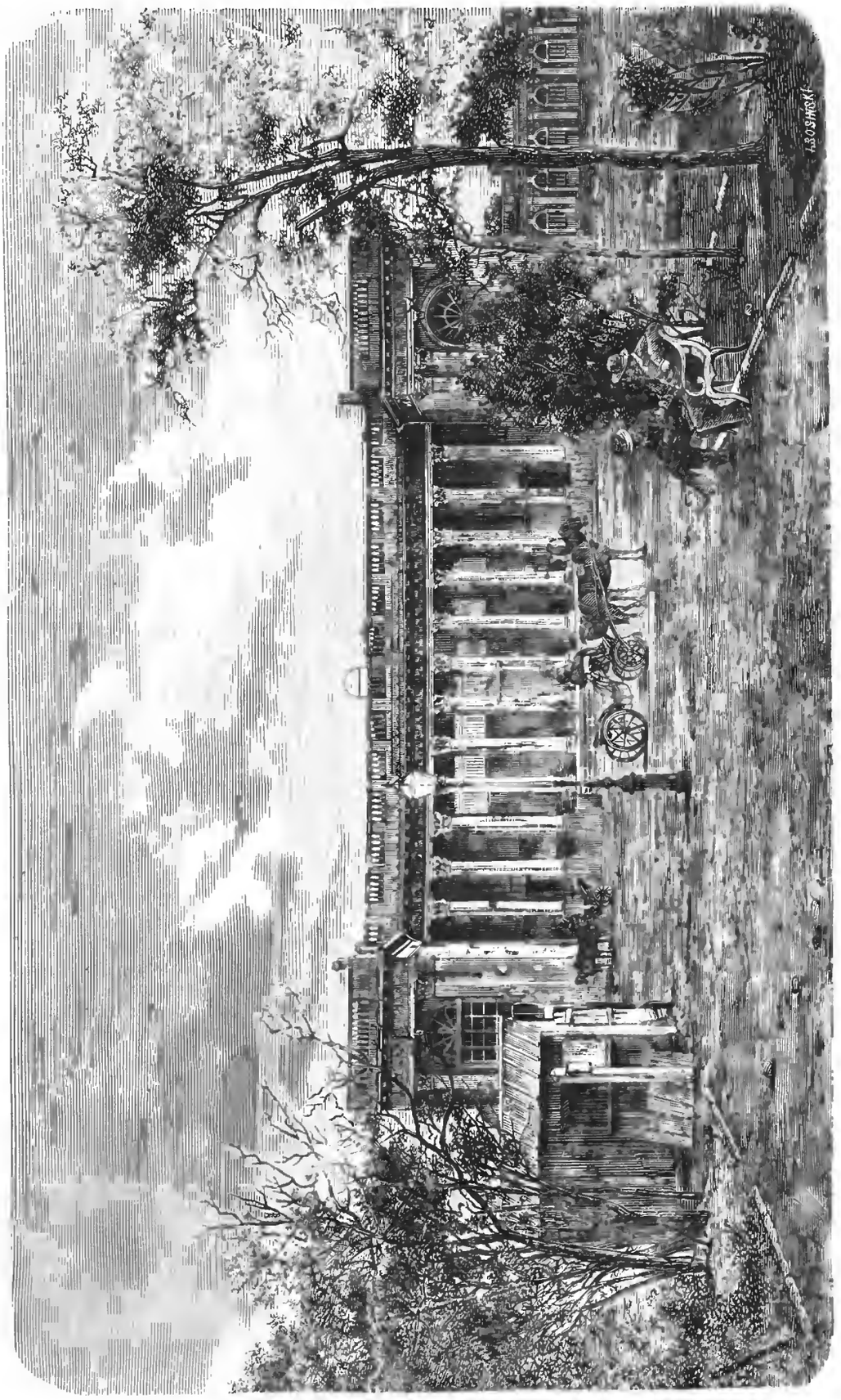
Красивый гордый конь, кровный тюркменскій жеребецъ, не смотря на духоту и палящій зной, покрытый ковровою, теплою попоной, тоже неподвижно стоялъ на своемъ приколѣ, привязанный за сухую жилистую щиколотку передней ноги тонкимъ волосянымъ арканомъ. Поводья дорогой, разукрашенной серебромъ, бирюзою и сердоликами уздечки были слегка притянуты къ высокой рогообразной лукѣ сѣдла и поддерживали красивый изгибъ лебединой шеи.

Остальной конскій тюкъ лежалъ неподалеку, въ самомъ тщательномъ порядкѣ. Видно было, что весьма опытная рука укладывала его, и эта же рука могла въ одно мгновеніе вскинуть его на крупъ коня и ловко приторочить, не смотря на его кажущуюся сложность. Тутъ была пара перемѣтныхъ сумъ «*коржуновъ*», сдѣланныхъ изъ тонкаго, дорогаго хивинскаго ковра, «*кызылъ-тырнакъ*», кожаный чахолъ съ чашками, такъ-называемый «калмыкъ-башъ» или «теркешъ» украшенный длинною кистью изъ сыромятной кожи, тыквенный бальянъ въ серебряной оправѣ съ сѣткою, съ длиннымъ камышевымъ чубукомъ, мѣдный, хитро-чеканенный кунганчикъ, козлиный турсукъ для воды, сборобившійся отъ жара, пара персидскихъ пистолетовъ — длинноствольныхъ съ раструбами на концахъ, и шерстяной, тканый мѣшокъ для ячменя, наполненный до половины.

Кромѣ сокола, коня и борзыхъ собакъ, было еще одно живое существо, хотя бы никто не подумалъ: зачѣмъ живому существу, такъ долго и неподвижно лежать, въ такомъ повидимому неудобномъ положеніи.

Это существо былъ человѣкъ. Онъ лежалъ совершенно навзничь, закинувъ руки себѣ за голову, уставившись глазами

Библиотека "Руниверс"



Биржа въ Одессѣ. Грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

въ безконечную, сѣроватую даль знойнаго, раскаленнаго неба.

Рогатыя поля его войлочной, разрѣзной шапки защищали эти, наискось прорѣзанные, полу-прищуренные глаза и бросали густую тѣнь, раздѣляющую его темно-бронзовое, скуластое лицо какъ разъ на двѣ половины.

На человѣкѣ надѣтъ былъ халатъ изъ верблюжьяго сукна, подъ этимъ халатомъ виднѣлся другой, ярко красный, прошитый по бортамъ золоченымъ галуномъ, — красные же широкіе шаровары такъ и горѣли на солнцѣ своимъ яркимъ узоромъ, вышитымъ разноцвѣтными шелками. Ноги были обуты въ мягкія кожаныя чулки «мусса» съ зелеными пятками и башмаки съ высокими, остроконечными каблуками, окованными сталью съ серебряною насѣчкою...

Рядомъ съ нимъ лежала дорогая сабля «клычъ» въ черныхъ шагреневыхъ ножнахъ, съ бѣлою костяною ручкою, украшенною разноцвѣтными камнями, бирюзою и кистями, двуствольное ружье русской работы и русскій-же револьверъ въ чахлѣ, бѣлымъ шнуркомъ привязанный къ широкому, усаженному бляхами поясу. Кромѣ этого оружія виднѣлась еще цѣлая коллекція ножей, подвѣшанныхъ къ поясу и разныя дорожно-боевыя мелочи: кремни, кресала, проволочные протравники и кошелекъ изъ краснаго сафьяна съ серебряною узорною вышивкою.

Подальше отъ этой неподвижной группы, всторонѣ, въ неглубокой лощинѣ, поросшей сухою колючкою, лежалъ другой конь, безъ сѣдла и сбруи. Широко вытаращилъ этотъ конь свои глаза, уже подернутые холодомъ смерти; судорожно, взбороздивъ песокъ, протянулись окоченѣлыя, длинныя, кованныя по тюркменски ноги.

Здѣсь была уже не временная неподвижность. Это былъ дѣйствительно трупъ. Сомнѣваться въ этомъ невозможно было уже потому, что еслибы кто нибудь вздумалъ присмотрѣться къ поблекшимъ сухимъ ноздрямъ животнаго, — онъ навѣрное замѣтилъ-бы миріады крохотныхъ, несчаныхъ муравьевъ, совершенно безцеремонно забирающихся туда, въ самую глубь, и безнаказанно выползающихъ оттуда, снова на свѣтъ божій.

Да и не стоило присматриваться къ такой мелочи; довольно было только потянуть носомъ воздухъ...

«А хорошо — несъ меня затрави! — пахнетъ... Особенно на тощій желудокъ!... Какъ это дня четыре ничего не поѣшь, — такъ оно весьма пріятно... Съ какой бы только стороны удобнѣе зайдти!?»...

Такъ, вѣроятно, думалъ малорослый степной бродяга-волкъ, довно уже потягивавшій воздухъ въ данномъ направленіи, и все еще не рѣшавшійся выбраться изъ-за песчанаго наноснаго бугорка въ самомъ концѣ лощины и подобраться поближе къ этому лакомому куску, повидимому предназначенному для насыщенія такихъ-же какъ и его, отощалыхъ, истерзанныхъ голодомъ желудковъ.

«И что это *онъ* расположился тутъ съ *своими собаками!* думалъ волкъ, вытянувшись на брюхѣ и еле отдѣливъ отъ земли свою воровскую морду. — «Ну отдохнулъ, поѣлъ самъ, покормилъ коня и ступай своею дорогою; не мѣшай и другимъ поѣсть! Ишь развалился какъ важно, каналья! словно для одного его эта вся степь! Небось, колибы у тебя поднялась такая рѣзь въ брюхѣ... Эхъ! хоть бы кусочекъ рвануть! Авось не замѣтитъ!...

И попробовалъ было волкъ чуточку продвинуться впередъ. Только-только тронулся — глядитъ: пошевелилъ конь своимъ стройнымъ ухомъ; медленно открылся красный, словно кровавый, глазъ у пса... Чу! слышится никакъ глухое, зловѣщее ворчаніе... Смертельный ужасъ охватываетъ все существо мелкаго бродяги, мгновенно заглушая рѣзкій позывъ мучительнаго голода.

Попятился волкъ задомъ, спрятался, проползъ подальше, вскочилъ на ноги — и ходу! по за буграми и песчаными наносами... И долго-долго не рѣшался онъ ближе подходить къ этому мѣсту, откуда, въ жаркомъ степномъ воздухѣ, тянулась такая соблазнительная струя, возбуждавшая первное подергиванье всей его хитрой, осторылой мордочки.

Прошолъ часъ, прошолъ другой... Прошолъ и страхъ волчій, и еще злѣе заворочался голодъ въ его внутренностяхъ. Снова подкрался волкъ... глядитъ: — также неподвижно стоитъ конь, на тѣхъ на мѣстахъ лежатъ ненавистныя собаки, словно мертвое чучело для приманки торчитъ соколъ на свой перекладинѣ, — и, не пошевельнувшись ни однимъ мускуломъ, не мѣняя своего положенія, бездушнымъ трупомъ лежитъ, разтянувшись на пескѣ, отдыхающій батырь...

И взяло раздумье отощалаго звѣря... «Что за дьяволъ!... вѣдь это онъ съ самаго утра лежитъ такъ! Ужъ не думаетъ ли онъ, что снова вскочитъ на ноги — павшій конь... и вотъ теперь онъ поджидаетъ его, не рѣшаясь продолжать свой путь на одной только лошади...»

Къ западу склонялось жгучее солнце. Багровыя сумерки расползались понизу; чуть-чуть потянуло прохладою. Пожарнымъ заревомъ вспыхнулъ горизонтъ, и, словно политые свѣжею кровью, заалѣлись вершины бугровъ и наносовъ, — вершины отдѣльныхъ, разбросанныхъ по степи камней, отбрасывая отъ себя безконечно-длинныя, расползающіяся тѣни...

Поднялся батырь, сѣлъ, кругомъ осмотрѣлся... Протеръ кулакомъ свои глаза, поправилъ рогатую шапку на головѣ, и разомъ вскочивъ на ноги, машинально хватился за оружіе...

Фыркнулъ конь и метнулся на приколѣ; словно ужаленныя змѣею вскочили псы и дико завыли; загремѣли бубенцы на соколиномъ ожерелкѣ...

— Пора въ дорогу! на одномъ доѣду, коли тотъ не вынесъ. Эхъ ты, русская кляча!... произнесъ про себя батырь, и пошелъ, шатаясь, къ своимъ вьюкамъ, гдѣ, замѣтнѣе всего, торчалъ длинный чубукъ его дорожнаго кальяна.

Здѣсь онъ привелъ въ порядокъ курительный приборъ, прочистилъ сѣтку, наложилъ свѣжаго табаку изъ замшеваго мѣшка, высѣкъ огня и захрипѣлъ на всю степь, пуская густую струю бѣловатаго дыма.

Темнѣе и темнѣе становилось кругомъ; погасли и верхушки холмовъ. Синеватый туманъ поднялся со дна лощинъ и промоинъ.

Задумался батырь, тусклыми, сонными глазами глядя на степь, сквозь густую пелену табачнаго дыма...

Когда одинокій конь видитъ, или даже чуетъ, приближеніе другаго коня — онъ самъ не свой; то рвется на привязи, то мечется изъ стороны въ сторону, то вытягиваетъ длинную шею, раздуваетъ ноздри, прядетъ ушами, тихо, привѣтливо ржетъ, волнуется и на мгновеніе замираетъ въ выжидательной позѣ, словно статуя, прислушиваясь къ приближающемуся топоту, приглядываясь къ издали замѣтнымъ взмахамъ хвоста и гривы незнакомаго животнаго.

И собаки не могутъ покойно — словно не замѣчая — относиться къ приближенію чуждаго всадника. Лай сейчасъ поднимутъ, то грозный, злой, то веселый, привѣтливый на встрѣчу понесутся вперегонку. Не нужно ихъ и наускивать!...

Въ настоящую же минуту и конь и псы оставались въ полнѣйшемъ покоѣ — а между тѣмъ, къ бивуаку, тихо, не слышно вовсе, подъѣзжалъ — всадникъ. Батырь ясно видѣлъ его между клубами дыма, застилавшими степь передъ его глазами.

Онъ видѣлъ, какъ ровною поступью еще не утомленнаго коня, не разбирая дороги, прямо на него такъ и рѣзалъ всадникъ, полуголый, въ однихъ кожаныхъ штанахъ. Его босыя ноги упирались въ обвернутыя войлокомъ деревянныя стремена. Руки у этого всадника не держали ни поводьевъ, ни плети; онѣ, словно параличемъ разбитыя, безжизненно висѣли по сторонамъ его въ-струну-вытянутаго тѣла. На головѣ всадника не было шапки, и батырь ясно видѣлъ его багровосинее, налитое кровью, лицо съ вытаращенными пожелтѣвшими бѣлками глазъ, съ распухшимъ концомъ языка, судорожно закушеннаго между оскаленными зубами. На затылкѣ всадника виднѣлся узелъ волосянаго аркана, и отъ этого узла, вдоль спины, болтался — конецъ его, оборванный и размочалившійся отъ постояннаго ерзанья по деревянному арчаку непокрытаго попопою, киргизскаго сѣдла.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Одесса.

Въ отдаленныя времена, когда востокъ и западъ Европы были незнакомы древнему міру, предпріимчивый духъ Эллады рано познакомился съ побережьями Чернаго моря. Торговля и промышленность, открывавшія въ этихъ странахъ дорогу къ богатымъ златоноснымъ нивамъ, прокладывали путь къ болѣе основательному знакомству съ далекими странами сѣвера. Оттого-то въ туманной дали прошедшаго мы встрѣчаемъ уже надъ древнимъ Понтомъ греческія колоніи, которыя еще тогда были основаны, когда вся страна была занята Кимерійцами, народомъ, котораго остатки теперь сохранились на Крыму подъ именемъ Тавровъ. Эти греческія колоніи дошли до высокой степени могущества и просуществовали много вѣковъ, пока наконецъ паденіе Римскаго государства не потрясло основъ ихъ существованія. Во время переселенія народовъ, когда все новые и новые народы, какъ волна за волной, приходили въ эти страны, исчезли и эти колоніи, поглощенныя Скиѳами, Гуннами и прочими народами. Историческое значеніе черноморскаго края во все продолженіе среднихъ вѣковъ чрезвычайно важно для историка, потому что здѣсь выработались начала европейской культуры; здѣсь въ борьбѣ народовъ созрѣли сѣмена будущаго величія Арійскаго племени. Послѣ переселенія народовъ, когда каждый народъ занялъ опредѣленную мѣстность, воскресли и греческія колоніи, и хотя не достигли прежняго блеска, однако завязали обширныя торговыя сношенія съ востокомъ. Но не долго это продолжалось: Генуя и Венеція подорвали ихъ торговлю. Потомъ крестовые походы опять оживили эти страны и опять не надолго. Открытіе Америки перенесло всю торговую жизнь Европы съ востока на западъ. Наконецъ турки, захватившіе Балканскій полуостровъ, и татары, покрывшіе своими кочевьями весь сѣверный берегъ Чернаго моря, погасили и остатки торговли и древней греческой цивилизаціи. По мѣрѣ того какъ турки оттѣснялись отъ береговъ Чернаго моря, мало по малу началось и вліяніе европейской культуры на народонаселеніе, одичавшее подъ ярмомъ исповѣдниковъ Корана. Со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира Россія получила берега Чернаго моря отъ Керчи до Очакова, а вслѣдствіе мира въ Яссахъ и земля очаковская была присоединена къ Россіи. Все это громадное пространство состоитъ изъ безлѣсныхъ травянистыхъ степей, перерѣзанныхъ множествомъ большихъ и малыхъ рѣкъ и покрытыхъ могилами и курганами. Нужно было много труда и хлопотъ, чтобы заселить этотъ дикій край. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ теперь Одесса, въ концѣ прошедшаго столѣтія стояла небольшая деревня съ маленькой крѣпостцей, которую взялъ генералъ І. Де-Рибасъ, въ 1789 году. Послѣ окончательнаго занятія этихъ странъ русскими, Екатерина II велѣла основать нѣсколько храмовъ и построить крѣпость для защиты гавани. Названіе свое городъ получилъ отъ древне-греческой колоніи Odessos, которую вспоминаетъ Арріанъ въ своемъ сочиненіи Periplus Ponti Eux. § 36). Послѣ смерти Екатерины цѣлый черноморскій край получилъ названіе Новороссійскаго, съ главнымъ городомъ Одессой. Выгодная для кораблей гавань, пожалованіе городу различныхъ привилегій и въ особенности объявленіе его на 50 лѣтъ Porto-Franco собрали въ короткое время множество народа, преимущественно грековъ, итальянцевъ и албанцевъ.

Въ 1802 году этотъ край былъ раздѣленъ на три губерніи: Екатеринославскую, Таврическую и Николаевскую (потомъ переименованную въ Херсонскую), въ составъ которой входитъ и Одесса, какъ уѣздный городъ. Богатство и величина города кромѣ привилегій и выгодъ гавани обязаны еще французскому эмигранту, потомку знаменитаго кардинала, Ришельё, который сдѣлалъ много благодѣяній для города, такъ что теперь благодарное населеніе воздвигло ему на бульварѣ великолѣпный памятникъ. Съ этого же времени колонисты изъ разныхъ уголковъ Европы, преимущественно изъ южной Германіи, заселяютъ до того времени пустынныя прибрежья Чернаго моря. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ города росла и потребность образованія, и каждая народность устроила для себя отдѣльныя училища; такимъ образомъ произошло такое множество самыхъ разноязычныхъ училищъ. Въ 1809 году былъ построенъ театръ, въ которомъ играли на языкахъ русскомъ, французскомъ и польскомъ. Въ 1812 г. чума, появившаяся незванной гостьей въ Одессу, унесла нѣсколько тысячъ жертвъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ вспыхнула въ Греціи война за независимость — и тысячи семействъ, бѣжавшихъ отъ жестокихъ турокъ, вознаградили съ избыткомъ убыль въ народонаселеніи. Съ этого времени Одесса новыя гигантскимъ шагомъ впередъ, торговля и промышленность съ каждымъ днемъ принимали все большіе и большіе размѣры, и наконецъ въ отношеніи торговомъ и научномъ она сдѣлалась главной артеріей новороссійскаго края. Въ настоящее время Одесса имѣетъ 150,000 жителей и занимаетъ до 32 квадр. верстъ. Построена она на высокомъ, обрывистомъ берегу Чернаго моря; улицы все ровныя и широкія; садовъ очень мало и только нѣсколько улицъ обсажено на половину засохшими деревьями; есть даже одинъ общественный садъ, въ которомъ днемъ никого не встрѣтишь, вслѣдствіе недостатка въ тѣни, а ночью всякій порядочный человѣкъ его обходитъ вслѣдствіе уже другаго рода неудобствъ. Искрасивый видъ представляетъ Одесса, если въѣзжаешь въ нее по желѣзной дорогѣ: малые дома, небольшое число мостовыхъ — все это производитъ непріятное впечатлѣніе. Климатъ ея нездоровъ: постоянные вихри, пыль ужасная, грязь зимою и осенью поражали еще Пушкина, который говорилъ, что *Одесса зимою чернильница а лѣтомъ песочница*, недостатокъ въ хорошей водѣ — всѣ эти условія развиваютъ пропасть болѣзней, изъ которыхъ ревматизмъ и лихорадка уносятъ самое большее число жертвъ. Трудно найдти городъ, въ которомъ было бы столько различныхъ народностей; здѣсь можно встрѣтить, кромѣ всѣхъ народовъ Европы, и персовъ и татаръ и арабовъ и караимовъ и армянъ, и все это въ ихъ національныхъ костюмахъ. Публичныя библіотеки, множество газетъ и періодическихъ изданій на всевозможныхъ языкахъ и наконецъ нѣсколько мѣстныхъ газетъ и труды археологическаго общества удовлетворяютъ любознательность жителей. Во всемъ черноморскомъ краѣ въ землѣ лежитъ много драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ, и потому археологическое общество, хотя существуетъ всего около тридцати лѣтъ, разъяснило много темныхъ вопросовъ въ исторіи. Существуетъ здѣсь и общество сельскаго хозяйства, которое оказало много услугъ этому краю. Одессу справедливо называютъ еврейскимъ городомъ, по крайней мѣрѣ двѣ трети народонаселенія состоитъ изъ евреевъ. Къ чести этого народа нужно замѣтить, что между ними господствуетъ полнѣйшая солидарность, которой и намъ не мѣшало бы позаимствоваться; у нихъ пропасть большихъ и малыхъ училищъ, богадѣленъ и пріютовъ. Есть у нихъ и синагога, которая славится на всю Европу своимъ богатствомъ и великолѣпныхъ хоромъ пѣвцовъ.

Между всѣми учебными заведеніями высшее мѣсто безъ сомнѣнія занимаетъ университетъ, который передѣлали изъ лицея Ришелье, въ 1871 году, но, къ сожалѣнію, нѣсколько каѳедръ еще незанято.

Торговый характеръ Одессы выражается даже и въ ея постройкахъ; самая обширная и великолѣпная постройка — это биржа, построенная архитекторомъ Gnarenghi. Она стоитъ на самомъ многолюдномъ мѣстѣ Одессы, на бульварѣ. Обширные размѣры этого зданія позволяютъ помѣститься въ немъ нѣсколькимъ городскимъ судебнымъ мѣстамъ. Кромѣ того, въ немъ находится громадная зала для совѣщаній городской думы. Соединеніе Одессы съ западомъ желѣзной дорогой и прорытіе Суэзскаго канала сдѣлаютъ, если уже не сдѣлали, изъ Одессы одинъ изъ самыхъ важныхъ торговыхъ пунктовъ на всемъ южномъ берегу Европы.

И такъ, если бы не постоянная пыль, не вихри, бѣшенно дующіе въ этихъ странахъ, если бы наконецъ побольше образованія въ обществѣ, Одесса занимала бы не послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ городовъ.

Неронъ и христіанскіе мученики.

Знаменитая картина Каульбаха, которую мы предлагаемъ читателямъ въ гравюрѣ, изображаетъ историческій моментъ перехода изъ древнеязыческой въ новую христіанскую вѣру — и притомъ въ полномъ блескѣ всеобъемлющей фантазіи великаго художника.

Въ самомъ началѣ этой новой эры, въ 37 году по Р. Х., въ собственно-такъ-называемой Италіи (Italia propria), въ области Лаціумъ (нынѣшняя Кампанья ди Рома), въ приморскомъ городѣ Анціумѣ, проживала замѣчательная чета: Луцій Домицій Агенобарбъ, славившійся мотовствомъ, распущенностью и жестокостью, съ женою своей Агриппиною, которая соединяла въ себѣ всѣ пороки женщины, — такъ что мужъ ея однажды сказалъ при всѣхъ, будто бы отъ подобнаго брака можетъ произойдти только чудовище. И вотъ, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, 15 декабря того же года, родился ребенокъ, названный Луціемъ Домиціемъ Нерономъ. Всего трехъ лѣтъ отъ роду онъ лишился отца, и ограбленный сопаслѣдникомъ-дядей его, Калигулой, росъ безъ всякаго присмотра и воспитанія у тетки своей, Лепиды, такъ какъ Агриппина въ это время находилась въ изгнаніи. До 12-ти

Библиотека "Руниверс"

лѣтняго возраста единственными наставниками острока были цирульникъ и танцовщикъ, едвали не самые развращенные типы тогдашняго общества. Но вдругъ эта темная, безвѣстная судьба перемѣнилась...

Императоръ Клавдій, истощенный излишествами всякаго рода, полупомѣшанный старикъ, привыкшій къ тому чтобъ имъ управляли женщины, казнивъ свою жену, знаменитую безстыдными неистовствами, Мессалину, которая при жизни его вышла замужъ за другаго и публично праздновала свадьбу, вступилъ въ новый бракъ — со вдовой Агенобарба, Агриппиной, усыновилъ Нерона и четырнадцати-лѣтняго мальчика сдѣлалъ консуломъ, princeps juventutis. Честолюбивая Агриппина не довольствовалась этимъ; еще съ первыхъ дней замужства она всѣми силами стала стремиться къ одной завѣтной цѣли: отдалить законнаго наслѣдника императора, сына его, Британника, и доставить престолъ Нерону. Въ этихъ видахъ она вызвала изъ ссылки на островѣ Корсикѣ Сенеку и доставила ему должность претора, поручивъ философу воспитаніе 12-ти лѣтняго Нерона, — а другаго приверженца своего, Бурра, сдѣлала начальникомъ преторіанской стражи, отъ которой въ то время уже вполнѣ зависѣло возведеніе новыхъ императоровъ на престолъ. Съ помощью этихъ людей, Агриппинѣ удалось женить Нерона, которому едва минуло 16 лѣтъ, на дочери императора Октавіи, а Британника совершенно удалить отъ двора. Съ этихъ поръ Агриппина уже не знала предѣловъ своему властолюбію и гордости; насиліемъ избавлялась она отъ тѣхъ, кто возставалъ противъ нея — а наконецъ пробилъ часъ и для самого Клавдія. Боясь, чтобы временщики не уговорили сумасшедшаго Клавдія погубить и вторую жену какъ развратную Мессалину, императрица рѣшилась предупредить его — и отравила мужа. Тотчасъ по смерти императора, Бурръ повелъ Нерона въ лагерь преторіанцевъ и купилъ ему престолъ за сумму, которая со времени Клавдія стала таксой.

И вотъ, на семнадцатомъ году, не получивъ никакого образованія въ смыслѣ государственномъ, за то умѣя кое-какъ рисовать, ваять, пѣть, отлично ѣздить верхомъ и править лошадьми въ колесницахъ, Неронъ становится самодержавнымъ владыкою Рима.

Что же такое былъ этотъ Римъ, котораго сенатъ безпрекословно призналъ новаго императора? Наружное великолѣпіе столицы міра возрастало съ каждымъ днемъ: семь холмовъ, Авентинская гора, Капитолинъ, Палатинская, Целій, Эсквилинъ, Виминалъ и Квириналъ служили подножіемъ древнему городу. Между Палатиномъ и Капитолиномъ въ долинѣ лежалъ Римскій Форумъ (forum romanum), площадь, на которой высился *Капитолій*, главный въ городѣ храмъ Юпитера, Юноны и Минервы подъ одною кровлей, съ крѣпостью и знаменитой тарпейской скалой, съ которой свергали преступниковъ; Капитолій облегало торжище съ базиликой Порціевой, храмомъ Кастора и Цезаря, храмомъ Весты, базиликой Цезаря, съ рострами (носовыми частями кораблей) передъ нею, храмъ Сатурновъ и государственная тюрьма. Къ сѣверозападу отъ Капитолина простиралось Марсово поле съ занимавшимъ большую часть его Фламиніевымъ циркомъ; здѣсь находились на Садовомъ холмѣ Лукулловы сады, тріумфальныя ворота, мавзолей императора Августа, амфитеатръ Статилія Тавра и циркъ Агональный. При подошвѣ Палатина высился величайшій циркъ (Circus Maximus), окруженный множествомъ холмовъ. Отъ него простирался общенародный прудъ, писцины (piscina publica), меньшая но многолюднѣйшая часть города съ храмомъ Благой богини (bonae deae). На вершинѣ и склонахъ Палатина располагались дворцы Нерона, Катилины и Тиверія, домъ Цицерона, храмы Аполлона, Юпитера Статора. Есквилинская часть города съ башнею Виминаломъ заключала въ себѣ обѣ эти горы съ лагеремъ преторіанцевъ, великолѣпными садами Мецената и Сестерціемъ, гдѣ казнимы были простонародные преступники. Отъ Виминальской и Эсквилинской горъ шла Святая Дорога (Via Sacra) мимо Палатина на торжище — славная улица въ Римѣ. У высокой тропинки на Квиринальской горѣ находилось *поле нечестивыхъ*, гдѣ нецѣломудренныя весталки зарывались въ землю живыми. На Авентинской горѣ высились храмы *богини Свободы*, *Юноны царицы* и *Діаны*, а подъ горою при Тибрѣ было рыбное торжище и корабельная верфь. На затибрской сторонѣ разстилались сады Цезаря и Тиверія, съ гробницею Нумы. Восемь мостовъ перекидывалось черезъ мутножелтыя воды Тибра. Изъ 14 водопроводовъ древнѣйшій былъ Аппіевъ, лучшая же вода текла въ Марціевомъ.

Но чѣмъ сталъ этотъ вѣчный городъ, владыка міра, въ которомъ былъ возможенъ такой повелитель, какъ Неронъ? Увы! Древней простоты и строгости римскихъ нравовъ не было и въ поминѣ. Безумная роскошь предшественниковъ Нерона развратила всю знать; вмѣсто прежнихъ патриціевъ, отцовъ отечества, государственныя должности занимали продажные, изнѣженные, развратные любимцы, выскочки, нерѣдко отпущенники, владѣвшіе несмѣтными награбленными богатствами и проводившіе время въ обжорствѣ, пьянствѣ. Права открыто попирались наглымъ произволомъ. Семьи не существовало, такъ какъ зараза не пощадила ни женщинъ, ни дѣтей. Кто бы узналъ древнихъ степенныхъ матронъ римскихъ въ этихъ женахъ-матеряхъ, которыя, бросивъ домъ и дѣтей на попеченіе рабовъ и наемниковъ, разодѣтыя въ прозрачныхъ одѣяніяхъ изъ тончайшаго шелка, жадно стремились въ циркъ любоваться боемъ гладіаторовъ, предпочитая ихъ знатнѣйшимъ всадникамъ и гражданамъ,—а дома въ подражаніе мужьямъ, опьяненныя фалернскимъ, устроивали свои собственныя оргіи, еще болѣе возмутительныя. Народъ, слѣдуя примѣру знатныхъ, обратился въ стаю звѣрей, требовалъ только привознаго *хлѣба* и кровавыхъ *зрѣлищъ*... Ночью по улицамъ вѣчнаго города страшно было ходить; ничто не спасало отъ насилія и грабежей; самые храмы осквернялись неслыханными безумствами; весталки существовали только по имени.

Не смотря на то и къ удивленію немногихъ добрыхъ гражданъ, первые годы владычества Неронова отличались кротостью и благоразуміемъ. Въ началѣ онъ передалъ бразды правленія въ руки Агриппины, но скоро Бурру и Сенекѣ удалось вырвать у нея власть и подчинить молодаго императора своему вліянію. Оба государственные мужа воспользовались своимъ положеніемъ для проведенія здоровыхъ реформъ въ государственномъ бытѣ и управленіи. Самъ Неронъ на первыхъ порахъ выказывалъ такое мягкосердечіе, что однажды, подписывая смертный приговоръ, сказалъ: «какъ я несчастливъ, что умѣю писать». Но Агриппина была не такая женщина, чтобы даромъ уступить свою власть; она стала грозить передачею престола Британнику — и деспотъ проснулся въ Неронѣ. Несчастный Британникъ былъ отравленъ за императорскимъ столомъ, предъ глазами гостей — и ядъ подѣйствовалъ такъ быстро, что юноша палъ мертвымъ, едва попробовавъ отравы. Какъ будто тигръ, отвѣдавшій крови, Неронъ съ этого времени, предается самому распущенному образу жизни и дѣлается игрушкой негодяевъ. По ночамъ, въ сопровожденіи буйной молодежи, ходилъ онъ по улицамъ Рима, совершая самыя гнусныя безчинства надъ мирными гражданами, ихъ женами и дочерьми. Изъ оскорбленнаго тщеславія или простой подозрительности онъ позволялъ себѣ самыя возмутительныя жестокости. Агриппинѣ нечего было и помышлять о возвращеніи своего вліянія; у нея даже была отнята ея гвардія — и такъ какъ она не могла скрыть своей ярости, то Неронъ убѣдился, что только смертью ея можетъ обезпечить свою власть. По требованію своей наложницы, Поппеи Сабины, онъ порвалъ въ сердцѣ своемъ кровную связь и приказалъ въ 59 году умертвить родную свою мать. Разсказываютъ, что съ этою цѣлью онъ устроилъ великолѣпный пиръ, на которомъ отпущенники его изображали боговъ и богинь Олимпа,—Неронъ же, явившись въ нарядѣ Аполлона, разогналъ ихъ—и себя объявилъ единственнымъ богомъ; на этотъ-то пиръ пригласилъ онъ Агриппину, давъ тайное повелѣніе отпущеннику Анницету утопить ее во время переѣзда на кораблѣ, котораго палуба раздвигалась. Но Агриппина спаслась и явилась на пиръ въ видѣ Венеры. Тогда Неронъ приказалъ умертвить ее самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ 62 году та же участь постигла и супругу его, Октавію. Поппея не успокоилась до тѣхъ поръ, по-

Библиотека "Руниверс"

ка несчастная Октавія, осыпанная оскорбленіями и позорно оклеветанная, была казнена по приказанію Нерона. Сенека, по смерти Бурра, потерялъ всякое значеніе и долженъ былъ удалиться отъ двора. Мѣсто Бурра и Сенеки заняли гнусный Феній Руфъ и кровожадный Тигеллинъ, а молодой императоръ, которымъ овладѣло какое-то бѣшенство жестокости, сталъ окончательно добычею своего безумія и пороковъ. Онъ женился на Поппеѣ Сабинѣ, такой же безумной и жестокой развратницѣ какъ и самъ, но въ одну изъ минутъ бѣшенства убилъ ее толчкомъ ноги.

При чтеніи этихъ ужасовъ, умъ отказывается понять, какимъ образомъ могъ удержаться на тронѣ этотъ деспотъ, оскорблявшій и казнившій безъ счета почетнѣйшихъ гражданъ Рима. Но дѣло въ томъ, что Неронъ не боялся заговоровъ, пока войско и чернь были на его сторонѣ. А солдаты любили Нерона за его щедрость, народъ боготворилъ его за блистательныя зрѣлища, которыми онъ тѣшилъ праздную чернь...

Ворота и городская стѣна въ Пекинѣ.

Неронъ былъ своеволенъ, жестокъ и развратенъ, но главной чертой его характера было тщеславіе, доходившее до смѣшнаго ребячества. Участвуя въ азартныхъ играхъ въ кости, онъ ставилъ на одинъ ударъ до 400,000 сестерцій. Желая прослыть великимъ музыкантомъ и поэтомъ, онъ являлся въ этихъ роляхъ публично, прибѣгая ко всѣмъ уловкамъ настоящаго актера, что въ Римѣ считалось верхомъ неприличія даже для простаго гражданина. Изъ молодыхъ всадниковъ онъ образовалъ толпу, обязанную рукоплескать ему, когда онъ пѣлъ или декламировалъ свои стихи. Въ циркѣ являлся онъ на публичныхъ играхъ въ качествѣ возничаго бѣговыхъ колесницъ, заставляя и другихъ знатныхъ римлянъ принимать участіе въ этомъ позорищѣ. Въ какой степени и безъ того развратное римское общество было деморализовано императоромъ—можно заключить изъ того, что Неронъ заставлялъ сенаторовъ и всадниковъ выходить передъ чернью гладіаторами, которые были наріями тогдашнями общества, или играть пантомимы съ непристойными жестами. До сихъ поръ еще хоть въ провинціяхъ кое-гдѣ уцѣлѣли добрые нравы, но Неронъ, не довольствуясь мѣстною славой, сталъ переѣзжать изъ Рима въ Неаполь, по окрестнымъ городомъ и даже въ Грецію, показывая свои таланты пѣвца и музыканта, причемъ греки поднесли ему до 1800 вѣнковъ...

Въ іюлѣ 64 года, желая имѣть понятіе о пожарѣ Трои, Неронъ приказалъ зажечь... Римъ, который онъ хотѣлъ выстроить заново и еще великолѣпнѣй. Страшное зрѣлище представлялъ вѣчный городъ, ставшій добычей огня. Пожаръ начался съ Величайшаго цирка (circus maximus), который стоялъ весь въ пламени; горѣли Палатинъ, Форумъ, висцины, дымились Целій и Эсквилинъ, весь Римъ казался огненнымъ моремъ... Улицы были въ то время извилисты и узки, разъяренная стихія находила себѣ страшную пищу въ тѣснотѣ и скученности зданій, деревянные своды и балки потолковъ вспыхивали какъ солома. Цѣлыя ряды домовъ надали, загромождая улицу каменьями, кирпичъ трещалъ и разсыпался, тесаный камень лопался и разлетался во всѣ стороны, а поднявшійся вихрь гналъ пламя дальше и дальше... Огненные языки словно лизали стѣны дворцовъ и хижинъ, храмовъ и залъ, всюду находя горючій матеріалъ. Съ грохотомъ осѣдали и рушились крыши, въ глухомъ гулѣ валились колонны и портики; растопленная бронза статуй адскими ручьями текла по улицамъ, которыя были биткомъ набиты народомъ. Наскоро хватая домашнихъ пенатовъ и кое какія пожитки, перепуганные жители спѣшили выбраться изъ горѣвшихъ зданій; съ плачемъ и воплями бѣгали изъ улицы въ улицу, ища выхода изъ пламеннаго лабиринта, но отовсюду палило удушливымъ зноемъ, всѣ переходы замыкались грудами дымящихся развалинъ. Женщины и дѣти искали убѣжища въ храмѣ Аполлона—стѣны его рухнули и погребли цѣлую толпу своими обломками. Ночь настала среди этихъ ужасовъ, небо сплошь озарилось кровавымъ

Библиотека "Руниверс"

заревомъ, миріады искръ и головней, носившихся въ воздухѣ, походили на безчисленный сонмъ падающихъ звѣздъ. Подхватываемыя вѣтромъ онѣ уносились за городъ—и тамъ огненнымъ дождемъ сѣялись по равнинѣ...

Геркулесова роща сплошь пылала, каждое дерево казалось горящимъ факеломъ... Пали высокіе арки Марціева и Тепульскаго водопроводовъ, вода хлынула изъ водохранилищъ колтеллы и трубъ форума—вопли ужаса раздались въ злосчастномъ городѣ, потоки мутной воды неслись по Сакра Віа (священный путь), унося и разрушая съ собою все уцѣлѣвшее.

Авентинская гора чернымъ страшилищемъ вырѣзывалась на багровомъ заревѣ. Въ амфитеатрѣ Статилія Тавра тѣснились несчастные обыватели IX округа... Вся арена громаднаго цирка заставлена была домашнею утварью, узлами, завалена одеждами, товарами, съѣстными припасами; тамъ и сямъ возились около нихъ цѣлыя семейства, оставшіяся безъ крова. Но огненный дождь проникалъ и сюда, разростаясь съ невѣроятною быстротой—и скоро эти груды какъ попало брошеннаго добра—задымились и запылали... Тогда все живое съ воплями ринулось къ верхнимъ галереямъ; женщины, дѣти и мужи, тѣснясь и давя другъ друга, лѣзли по ступенямъ, преслѣдуемые по пятамъ огнемъ амфитеатра, пока первые прибывшіе на вершину и тѣснимые задними стали кидаться сверху—и разбиваясь о карнизы, выступы, страшно обезображенные падали на мостовую... Стѣны зданія, раскаленныя пожаромъ, рухнули только на вторую ночь, заваливъ окрестность обломками...

Семь дней и ночей неистовствовалъ пожаръ, особенно по рынкамъ въ лавкахъ купцовъ и покинутыхъ рабочими ремесленныхъ зданіяхъ. Ревъ скота, ржаніе заблудшихъ лошадей, бѣгавшихъ по развалинамъ, вой собакъ и вопли жителей сливались въ ужасающій гулъ... Улицы были завалены мертвыми тѣлами, труны рабовъ и владыкъ, друзей и враговъ перемѣшались въ сплошную груду...

А Неронъ, поднявшись на крышу высокаго зданія, любовался пожаромъ и декламировалъ стихи о пожарѣ Трои, не подозрѣвая, что всему есть предѣлъ и что это страшное бѣдствіе будетъ стоить ему любви народной...

Между тѣмъ, пока такимъ образомъ разлагались всѣ основы древняго міра, еще со временъ Октавіана Августа, перваго императора, стали все чаще и многочисленнѣе попадаться въ густой толпѣ развратнаго населенія — странные люди. Они не принимали участія въ пирахъ, ихъ не встрѣчали въ многолюдныхъ сборищахъ цирка и форума; бѣдно и скромно одѣтые проходили они по-стогнамъ вѣчнаго города, никогда не заглядывая въ храмы боговъ и упорно отказываясь отъ поклоненія этимъ, по ихъ выраженію, мраморамъ-издѣлію рукъ человѣческихъ... Когда ихъ укоряли въ нечестіи, заключали въ тюрьмы, предавали пыткамъ, они называли себя послѣдователями кого-то распятаго на крестѣ и поучали своихъ притѣснителей неслыханнымъ вещамъ — любви къ ближнему и къ врагамъ. Римскіе граждане, очень хорошо знавшіе, что *homo hominem lupus* (человѣкъ человѣку волкъ, т. е. врагъ), не любили этихъ людей чуждавшихся жизни, считали ихъ сначала безумцами, потомъ опасными мечтателями, потомъ враждебной государству сектой... А люди эти, предводимые какими-то рыбарями, все множились и множились, привлекали къ себѣ рабовъ, угнетенныхъ, плѣнныхъ и чужеземцевъ безъ различія состояній, женъ и дочерей сановниковъ — и наконецъ узнали, что къ средѣ ихъ вслѣдъ за гражданиномъ римскимъ Савломъ начинаютъ примыкать и всадники и патриціи.... То были *христіане*, провозвѣстники новаго начала, долженствовавшаго разрушить старый міръ и обновить дряхлое общество свѣтомъ новаго ученія. Старый міръ инстинктивно почувствовалъ свой конецъ — и началъ травить христіанъ въ циркахъ, предавая ихъ сотнями на растерзаніе дикимъ звѣрямъ...

На этихъ-то отверженцевъ задумалъ Неронъ взвалить отвѣтственность за пожаръ Рима. Онъ обвинилъ ихъ въ поджогѣ — и началось гоненіе небывалое. Съ яростью отчаянія кинулась чернь на мнимыхъ виновниковъ бѣдствія, избивали безъ различія женъ и мужей и дѣтей неповинныхъ, не вѣдая что творятъ, ибо Христосъ никому въ Римѣ не былъ извѣстенъ....

Но и это послѣднее злодѣяніе не спасло Нерона. Онъ вскорѣ погибъ жертвою заговора преторіанцевъ, которымъ онъ былъ обязанъ престоломъ—и не заплатилъ жалованья, отстраивая себѣ новый золотой дворецъ послѣ пожара. Вѣрный себѣ до конца, даже умирая подъ ножемъ наемника, онъ не могъ удержаться чтобъ не воскликнуть: «какого художника теряетъ во мнѣ міръ!»

Такимъ-то именно изображаетъ его и Каульбахъ въ своемъ созданіи. Императоръ является на террасѣ своего дворца, во всемъ оньяненіи власти, въ одеждѣ и лучистомъ вѣнцѣ Аполлона, повелителя музъ; любимый рабъ держитъ ему лиру, а онъ поднимаетъ заздравный кубокъ, межъ тѣмъ какъ цѣлый сонмъ сладострастныхъ римлянокъ и греческихъ наложницъ спѣшитъ къ нему съ кимвалами, дабы наименовать его богомъ, принести ему дары и самихъ себя въ жертву. Съ возгласами ихъ сливаются клики оргіи во дворцѣ. Префектъ Рима, кровожадный Тигеллинъ, рукоплещетъ своему владыкѣ. Но болѣе строгіе римляне, маститый сенаторъ, котораго Неронъ унизилъ до позорной должности чтеца его стиховъ, люди древнереспубликанскихъ нравовъ, граждане патріоты — со скорбью и негодованіемъ глядятъ на него; въ самыхъ позахъ ихъ чуется грозный заговоръ.

На переднемъ планѣ картины видна мученическая смерть христіанъ, обвиненныхъ въ пожарѣ Рима. Слѣва одинъ изъ нихъ, одѣтый въ звѣриную шкуру и привязанный къ столбу, будетъ облитъ смолою и станетъ «горѣть какъ факелъ» по сказанію римскихъ историковъ. Жена подаетъ ему ребенка для прощальнаго поцѣлуя. Посрединѣ Петръ Апостолъ, по свят. преданію погибшій въ Римѣ мученическою смертію—распятый на крестѣ, который поднимаютъ солдаты. Распятъ онъ головою внизъ, какъ самъ того требовалъ, считая себя недостойнымъ одинаковой казни съ своимъ божественнымъ учителемъ. Вѣрные приверженцы его съ безстрашнымъ благоговѣніемъ тѣснятся возлѣ него, лобзая чело страдальца за вѣру будущихъ поколѣній. На всѣхъ сподвижникахъ Петра еврейская одежда; греки же окружаютъ бывшаго военачальника римлянъ, а нынѣ апостола язычниковъ, Павла. Въ священной ревности онъ мужественно гремитъ проповѣдью противъ происходящаго на террасѣ, а ликторъ уже замѣтилъ его и указываетъ на него своимъ топоромъ; стражъ бичуетъ юношу, который громко требуетъ правосудія и милости. Другіе христіане поражены горемъ. Нѣсколько дѣвъ, глубоко возмущенныя зрѣлищемъ, бѣгутъ къ ступенямъ террасы, гдѣ онѣ увидали одну изъ своихъ-же, гречанку, которая, измѣнивъ кровнымъ, спѣшитъ за язычницами примкнуть къ нечестивому сонмищу—но вдругъ, пораженная стыдомъ, остановилась на ступеняхъ террасы и старается прикрыть свою наготу. Возлѣ нея германскіе воины такъ же мало обращаютъ вниманія на роскошь двора, какъ и маститые римляне. Одинъ изъ нихъ задумчиво смотритъ на Павла и какъ бы прислушивается ухомъ къ разящей проповѣди...

Христіане въ своемъ духовномъ величіи противупоставляются чувственной красотѣ язычества—и если ему еще принадлежитъ настоящее—то за ними будущность: подобно тому какъ теперь евреи и греки уже примкнули къ новой религіи, такъ спасетъ она нѣкогда самихъ римлянъ и германцевъ. Художникъ геніально соединилъ въ своей картинѣ всѣ 4 тогдашнія культурныя націи. Чувствуется, что уже близко время, когда они взаимно признаютъ себя братьями, протянутъ другъ другу объятья и сольются въ одну великую семью человѣчества—обновленнаго христіанствомъ.

Библиотека "Руниверс"

Прогулка по Пекину.

(Барона Александра Гюбера).

Столица Срединнаго царства состоитъ изъ двухъ частей: Татарскаго и Китайскаго городовъ. Планъ ея представляетъ намъ два параллелограмма, изъ которыхъ одинъ, образующій Татарскій городъ, своею короткою стороною перпендикулярно опирается на длинной сторонѣ другаго параллелограмма, Китайскаго города. Эти названія недавно еще дѣйствительно соотвѣтствовали существовавшему прежде разграниченію между побѣдителями и побѣжденными, между сѣверными пришельцами и туземными китайцами.

Въ настоящее время многіе изъ послѣднихъ поселились въ Татарскомъ городѣ, и если всесильное время не успѣло еще окончательно изгладить взаимную враждебность этихъ двухъ племенъ, то по крайней мѣрѣ значительно смягчило ее. Въ центрѣ Татарскаго города лежитъ Императорскій дворецъ, именуемый также Императорскимъ или Запрещеннымъ городомъ. Онъ окруженъ высокими стѣнами, и, какъ показываетъ уже его названіе, входъ въ него обыкновеннымъ смертнымъ строго воспрещается. Высокія голыя стѣны безъ всякихъ украшеній—скрываютъ обиталища здѣшнихъ богачей отъ завистливыхъ взоровъ мимопроходящихъ. Дома же, выставленные на показъ, представляютъ собою невзрачныя мазанки безъ всякихъ архитектурныхъ затѣй.

Въ Китайскомъ городѣ, гдѣ преимущественно сосредоточена вся торговля и промышленность столицы, можно встрѣчать цѣлыя улицы, состоящія изъ однихъ только лавокъ. Послѣднія богато снабжены всевозможными произведеніями страны, но за то весьма скудно европейскими товарами. Повсюду блистаютъ аптеки, чайные и табачные магазины великолѣпіемъ позолоченныхъ и лакированныхъ товаровъ и колоссальными вывѣсками, покрытыми исполинскими надписями. Вывѣски обыкновенно привѣшиваются на вертикальныхъ шестахъ, поставленныхъ у входа въ магазинъ.

Необозримо-длинныя улицы, которыя тянутся въ Татарскомъ городѣ въ прямомъ направленіи отъ сѣвера къ югу, бываютъ то совершенно безлюдными и опустѣлыми, то ужь очень оживленными; проходятъ то между бѣдными, развалившимися хижинами, то между щегольскими магазинами и голыми стѣнами, за которыми прячутся роскошные дворцы. Такимъ образомъ путнику постоянно приходится странствовать все въ прямомъ направленіи, которое сплошь и рядомъ здѣсь преобладаетъ, переходя попеременно отъ жилищъ нищеты къ хоромамъ изобилія; но первая выставлена напоказъ, второе же тщательно скрываетъ себя. Большія улицы представляющія широкія насыпныя дороги, были когда-то всѣ вымощены мраморными плитами; но теперь все въ упадкѣ. Храмы содержатся весьма плохо, а присутственныя мѣста, въ которыхъ засѣдаютъ высшіе мандарины, мало, или вовсе не отличаются отъ провинціальныхъ «ямеиовъ». Послѣдніе обыкновенно обведены палисадниками, большія ворота которыхъ украшены грубо-нарисованнымъ дракономъ; возлѣ нихъ одинъ или два флага, а на порогѣ толпа просителей. Общественныя зданія, даже само министерство, такъ-называемое «Тмунгли-Ямеиъ», не отличаются особенною опрятностью. Пыль, эта злая, навязчивая гостья, проникла и туда, покрывая густымъ слоемъ всю его внутренность и насыщая его атмосферу какимъ-то противнымъ и ѣдкимъ запахомъ. И не мудрено: эта пыль прежде чѣмъ успѣетъ водвориться въ этихъ высокихъ и пышныхъ хоромахъ, долгое время гнѣздилась въ грязныхъ конурахъ бѣднаго народа, или носилась вихремъ по улицамъ Пекина, которыя во многихъ мѣстахъ представляютъ не что иное, какъ огромныя кучи навоза.

Прогулка по Пекину можетъ считаться по истинѣ смѣлымъ подвигомъ, по крайней мѣрѣ это вещь далеко не удобоисполнимая. Ходишь ли пѣшкомъ, иль ѣздишь верхомъ, у тебя даже не хватаетъ времени, чтобы хоть что нибудь порядкомъ осмотрѣть; а между тѣмъ, если не все то, что увидишь здѣсь—прекрасно, то по крайней мѣрѣ все какъ-то ново, своеобразно, стало быть и интересно. Но не то, что пріятно или интересно—привлекаетъ ваше вниманіе. Нисколько! На каждомъ шагу приходится осмотрительно обойдти то какую нибудь яму, прорытую дождемъ въ шоссейной насыпи, то глубокую выбоину, образуемую постоянной ѣздой по глинистой почвѣ; а то — и даже довольно часто—приходится переправляться во узкимъ шатающимся доскамъ черезъ черные вонючіе ручейки, тамъ и сямъ протекающіе поперекъ дороги. Наконецъ, и это чаще всего, вы поминутно осуждены уступать дорогу верблюдамъ, то и дѣло попадающимся вамъ на пути. Здѣшніе верблюды двугорбы и величиною съ средняго слона. Длинными вереницами они тянутся по улицамъ столицы; вожаки ихъ обыкновенно монголы, коренастые парни, съ четырехугольною головою, приплюснутымъ носикомъ, простодушною улыбкою на вздутыхъ губахъ и открытымъ, честнымъ лицомъ. Не менѣе препятствій причиняютъ движенію и фіакры: на каждомъ шагу они просто замыкаютъ дорогу. Это одноконная или двуконная телѣжка, на которой устроена палатка въ родѣ коробоваго свода; спереди натянуто нѣчто въ родѣ навѣса изъ парусиннаго полотна, для защиты извощика и лошадей. Многочисленность ихъ объясняется существующимъ въ Китаѣ закономъ, по которому лицамъ извѣстнаго званія и чина запрещается употребленіе носилокъ. Но вотъ пронеслись мимо насъ и носилки. Ихъ несутъ четверо «кули»; посильщики бѣгутъ скорымъ шагомъ, а за ними слѣдуетъ цѣлая дюжина ливрейныхъ слугъ,—но что за ливреи! Почти столько же заношены и столько же испачканы грязью, какъ и сами носилки. За то покоющійся на нихъ мандаринъ смотритъ довольно элегантнымъ бариномъ съ гладко выбритыми щеками и чистообмытыми руками, въ свѣжемъ бѣльѣ и изысканномъ туалетѣ. Колоссальныя очки сидятъ верхомъ у него на носу, а самъ онъ видимо погруженъ въ свое чтеніе. Это былъ, какъ мнѣ сказали, одинъ изъ совѣтниковъ, отправляющійся на засѣданіе и по дорогѣ приготовляющій свой докладъ. Уличная давка задержала насъ нѣсколько минутъ возлѣ его носилокъ. Съ презрительнымъ взглядомъ онъ измѣрилъ насъ съ головы до ногъ—и за тѣмъ опять обратился къ своимъ бумагамъ.

Вскорѣ мы очутились въ полнѣйшей невозможности какъ нибудь пробираться впередъ и принуждены были направить свой путь по одной изъ уединенныхъ улицъ, идущихъ вдоль по стѣнамъ «Запрещеннаго города», но тамъ ожидали насъ новыя затрудненія. Предъ нами открылась мѣщанская свадебная процессія; впереди женихъ съ невѣстою, за ними родные, друзья, приглашенные, всѣ въ фіакрахъ. Подобное зрѣлище можно видѣть въ Парижѣ только въ Булонскомъ лѣсу.

Цѣлые часы блуждали мы такимъ образомъ, но часы пролетѣли для насъ какъ минуты. Наши монгольскія верховыя лошади, за исключеніемъ нѣкоторыхъ припадковъ истерпѣнія, вели себя отлично, и мы помчались вдоль запрещеннаго города. Послѣдній расположенъ довольно неуклюжо въ центрѣ параллелограмма и заставляетъ поэтому обыкновенныхъ смертныхъ, которымъ представляется надобность отправиться въ сѣверныя части татарскаго города, дѣлать значительные круги. Мы завернули въ одинъ изъ большихъ переулковъ, и тутъ на нашу долю досталось величественное зрѣлище большой похоронной процессіи. Я сначала подумалъ, что тутъ хоронятъ если не императорскаго принца, то по крайней мѣрѣ ужъ какого нибудь министра; но меня скоро вывели изъ заблужденія: отправляемый съ такимъ шикомъ къ своимъ праотцамъ былъ не больше какъ одинъ изъ низшихъ чиновниковъ четвертой категоріи. Почитаніе умершихъ и сильно развитый семейный духъ, составляющій, какъ извѣстно, главную добродѣтель китайцевъ, объясняютъ излишнюю роскошь, которою сопровождаются здѣсь похороны. Многія семейства израсходуютъ при подобныхъ случаяхъ гораздо больше, чѣмъ позволяетъ имъ ихъ состояніе; нѣкоторыя даже просто раззоряются въ конецъ. Надъ гробомъ несутъ балдахинъ изъ ярко-краснаго сукна, весь покрытый какими-то странными фигурами, вышитыми золотомъ. Предъ, гробомъ въ пустой каретѣ съ бѣлой обшивкой, ѣдетъ душа покойника. Родственники слѣдуютъ за гробомъ въ фіакрахъ. Все одѣто въ траурѣ; даже кучера привязали лоскутки бѣлаго сукна къ своимъ шляпамъ. Родственники и друзья умершаго такъ и смотрѣли нищими, между тѣмъ какъ покойникъ такъ пышно расширился съ міромъ, что подумаешь, Богъ вѣсть какимъ важнымъ бариномъ онъ былъ при жизни. Пышности гроба соотвѣтствовало огромное число и богатая отдѣлка хоругвей, зонтиковъ, позолоченныхъ и лакированныхъ копій, которыя несли мужчины, шедшіе попарно по обѣимъ сторонамъ гроба. Зонтики эти, названные мною такъ за неимѣніемъ другаго, болѣе подходящаго для этой странной вещи названія, состоятъ изъ висячихъ на длинныхъ палкахъ кувшинообразныхъ мѣшечковъ изъ шелковой матеріи ярко-краснаго или голубаго цвѣта, покрытыхъ золотомъ вышитыми надписями, разными фантастическими орнаментами, драконами и прочими чудовищами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гроба шествуетъ толпа молодцовъ, облеченныхъ въ костюмѣ нашихъ средневѣковыхъ шутовъ: ихъ фуфайки, до-нельзя узкіе панталоны и рѣшительно дурацкіе колпаки—все ярко-краснаго цвѣта. Эта забавная шайка бьетъ въ «гонги», регулируя этимъ равномѣрность движенія процессіи. Многолюдный оркестръ сопровождаетъ торжественное шествіе своею игрою, т. е. наполняетъ воздухъ какимъ-то рѣзкимъ неблагозвучнымъ шумомъ.

(Окончаніе будетъ.)

Окончаніе текста «модъ» за октябрь 1874 года.

№ 12. Обтяжное пальто для молодой дѣвушки. Предлагаемая нами модель пальто особенно хороша для молодыхъ дѣвушекъ. Это пальто сдѣлано изъ тонкаго бархатнаго драпа и застегивается на бокъ съ лѣвой стороны массивными бассонными пуговицами. На широкомъ рукавномъ обшлагѣ положенъ у локтеваго шва отворотъ, отдѣланный широкимъ біэ изъ фая и прикрѣпленный къ обшлагу тремя пуго-

Библиотека "Руниверс"

вицами. Талія стянута шагреневымъ кушакомъ съ серебряной оксидированной пряжкой. Галстучекъ изъ голубаго Crêpe de Chine. Стоячій полотняный воротничекъ, съ расходящимися у шеи кончиками. Гладкія полотняные манжеты.

№ 13—14. Осеннія шляпы для молоденькихъ дѣвочекъ. Шляночка № 13 изъ бѣлаго поярка, оторочена свѣтло-голубымъ бархатомъ. Вокругъ полей положенъ въ видѣ вѣнка рюшъ изъ свѣтлоголубаго тюркуаза, заканчивающійся на боку большимъ голубымъ бантомъ съ перламутровой пряжкой. Донышко украшено голубымъ страусовымъ перомъ.

Шляночка № 14, изъ свѣтло-сѣраго легкаго поярка: изогнутыя поля оторочены темно-сѣрымъ бархатомъ, а кругомъ положена свѣтлая сѣрая тафтяная рюшка съ высѣчкой. Сзади она соединяется бантомъ изъ темно-сѣрыхъ бархатныхъ лентъ. Букетъ блѣдно-розовыхъ шиповниковъ приколотъ съ лѣваго бока шляпы.

№ 16 и 18. Дамскіе панталоны изъ тонкаго бѣлаго шертинга съ нарядной отдѣлкой. На нашей модели представлена отдѣлка въ 7 сант. ширины, состоящая изъ буфъ съ вышитой прошивкой въ промежуткахъ. Буфы имѣютъ 2½ сант. ширины каждая; они идутъ въ косомъ направленіи; ширина отдѣляющей ихъ одна отъ другой прошивки 1 сант. Отдѣлка заканчивается съ обоихъ краевъ узенькой вышивкой, и заключается окончательно воланомъ въ 6 сант. ширины, который обшитъ широкой вышивкой.

Панталоны № 18 отдѣланы въ другомъ родѣ. Отдѣлка ихъ не менѣе роскошна, чѣмъ первая. Для исполненія ея надо поступить слѣдующимъ образомъ: берется сшитая складочками полоска 4 сант. ширины и 7 длины, и немного скругляется по одной долевой сторонѣ; къ этой сторонѣ пришивается вышитая прошивка, которую, чтобъ она не стягивала, слегка посаживаютъ на фестонѣ; къ прошивкѣ присоединяется вышивка. Такіе фестоны пришиваются одинъ къ другому и образуютъ отдѣлку. Шовъ, соединяющій ее собственно съ панталонами, скрытъ широкой вышитой прошивкой. Верхъ панталонъ прошивается сборками къ двойной кокеткѣ. Тесемки или просто пришиваются къ кокеткѣ, или продергиваются внутрь сант. на 12, такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было стягивать.

№ 17. Бѣлая фланелевая юбка съ голубыми мушками. Юбка эта кроится точно также какъ и та, описаніе которой дано подъ № 11, только отдѣлка этой гораздо проще. Она состоитъ просто изъ вырѣзанныхъ на подолѣ фестоновъ, выметанныхъ голубой шерстью. Поверхъ ихъ идетъ легкая вышивка голубой же царской шерстью. Юбка пришивается къ двойной полотняной кокеткѣ, на вздержкѣ, или просто на тесемкахъ по желанію.

№ 19. Нарядный туалетъ изъ голубаго атласа съ отдѣлкой изъ песочнаго фая и небѣленыхъ кружевъ. Ширина юбки дѣлается въ 3 метра 50 сант., длина подобранныхъ буфой заднихъ полотнищъ 1 метръ 60 сант., передняя длина 1 метръ. Переднее полотнище, имѣющее въ подолѣ 56 сант. ширины, скошено кверху до 24 сант. Отдѣлка его состоитъ изъ шести біэ песочнаго фая, каждое въ 4½ сант. ширины; онѣ обшиты такой же ширины небѣленымъ гипюромъ. Боковыя полотнища отдѣланы тремя идущими вдоль всей юбки буфами песочнаго фая, отдѣленными одна отъ другой узенькимъ голубымъ біэ; ихъ заканчиваютъ съ обѣихъ сторонъ собранные, узенькіе воланчики. Въ буфовой отдѣлкѣ имѣющей на подолѣ 18½ сант. ширины, и нѣсколько съуживающейся кверху, присоединяются три голубые волана, каждый по 12 сант. ширины, которые положены на заднихъ полотнищахъ. Каждый воланъ граничитъ на верху буфой песочнаго фая, верхняя часть которой образуетъ воланчикъ, отдѣленный отъ буфы голубымъ біэ. Песочнаго цвѣта шарфъ подхватываетъ пышную буфу двухъ прямыхъ заднихъ полотнищъ, каждая по 65 сант. ширины. Лифъ сшитъ прямой спереди, а сзади расходящійся вѣеромъ; послѣдній показываетъ песочнаго цвѣта отвороты, обшитые узенькимъ голубымъ біэ и пристегнутые къ баскѣ голубой пуговицей. Небѣленое гипюровое кружево заканчиваетъ баску. Къ правому плечу прикрѣплены три небѣленаго цвѣта шнурка, которые придержаны у таліи бассонным арафомъ. Локтевой рукавъ отдѣланъ широкимъ отворотомъ песочнаго фая съ голубой оторочкой и небѣленымъ гипюромъ. Этого же цвѣта перчатки на трехъ пуговкахъ. Въ волосахъ голубой бантъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Озеро-море въ Африкѣ (съ картою). — Что случилось съ Петромъ Петровичемъ. Разсказъ **Н. БОЕВА** (окончаніе). — Литературный альбомъ. «Боярина Орша» Лермонтова (съ двумя рисунками). — Дикій волкъ. Романъ **Н. Каразина** Часть 1. — Одесса (съ рисункомъ). — Неронъ и христіанскіе мученики (съ гравюрой-безплатной преміей). — Прогулка по Пекину (съ рисункомъ). — Окончаніе текста «Моды» за октябрь 1874 года.

Парижскія моды за октябрь мѣсяцъ съ 19 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

МАГАЗИНЪ К. ЗЕЙФЕРТЪ

рекомендуетъ: **воздушные клозеты**, устраняющіе дурной запахъ посредствомъ сквознаго воздуха, **ватеръ клозеты, ванны, вентиляторы, керосиновые аппараты** для изготовленія кушанья, **машинки** для стирки бѣлья, **спиртовые кофейники** и разныя тому подобныя вещи.

На углу Вознесенскаго проспекта, близъ Офицерской улицы, домъ № 13/2.

ЛЮБИТЕЛИ И ЗНАТОКИ ЧАЯ

симъ извѣщаются, что въ склады извѣстнѣйшаго по своей обширной торговлѣ и превосходному выбору чаевъ: московскаго торговаго дома **ОЛЬГИ АРСЕНЬЕВНЫ КОРЕЩЕНКО**, получены изъ Кяхты и поступили въ оптовую и розничную продажу **СОБСТВЕННОЙ ВЫПИСКИ** большія партіи свѣжихъ душистыхъ чаевъ, равныхъ которымъ, какъ по ихъ отмѣнно высокому достоинству, такъ и по умѣренной цѣнѣ, никогда еще не бывало въ продажѣ.

Но въ особенности

обращаютъ на себя всеобщее вниманіе любителей и знатоковъ, имѣвшихъ случай апробовать нижеслѣдующіе новые чаи, отличающіеся своимъ **чуднымъ, необыкновенно пріятнымъ вкусомъ и ароматомъ**, а именно: изъ чаевъ черныхъ: № 2-й, **Ненхэо-Пеха**, 1 руб. 40 коп.; № 3-й, изъ фуны Лозана ососка **Фучефу**, 1 руб. 60 коп.; № 4-й, высшій сортъ жемчужный **Букетъ фучана**, 1 руб. 80 коп.; **въ особенности же** рекомендуются любителямъ изъ отборныхъ: ханскій № 5-й, **Царскій Букетъ**, въ 2 руб.; № 6-й чуднаго аромата и вкуса **Царская Роза**, въ 2 руб. 30 к., и, какъ **необычайная рѣдкость**, равнаго которому по достоинству не существуетъ въ продажѣ № 7-й, **Индѣйская Роза**, 2 руб. 60 коп.; изъ цвѣточныхъ чаевъ очень хорошіе: № 12-й, **Мыюконъ**, 2 руб. 10 коп.; № 13-й, **отборный**, 2 руб. 25 коп., а также лянсины букетные: № 14-й, **Мыютанъ-Наджинъ-Пеха**, 2 руб. 50 коп.; № 15, **Букетный Лянсинъ**, въ 2 руб. 70 коп., и въ особенности № 16-й, **Букетъ Розы**, въ 3 руб., и № 17-й, лянсинъ **Китайской Императрицы**, въ 3 руб. 25 коп.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

желающіе выписывать чай чрезъ почту, съ требованіями своими благоволятъ относиться исключительно по слѣдующему адресу: *Въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, въ д. Торлецкаго, въ главную контору торговаго дома Ольги Арсеньевны Корещенко.* Требованіе выполняется въ тотъ же день, когда получено.

Пересылка чаевъ чрезъ почту

во всѣ города и области Имперіи принимается конторою на свой счетъ и, сверхъ того, **дѣлается уступка 5% съ рубля** всѣмъ, выписывающимъ изъ ближнихъ губерній на 25 руб., а изъ отдаленныхъ на 50 руб.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутой уступки, выписывающимъ чай единовременно на 50 руб., безъ различія губерній, высылается безплатно по выбору — новоизобрѣтенный металлическій **«чайникъ»**, или же **«чайница»** новой конструкціи, или же серебряная **«мѣрка»** для чая, или же 1 ф. чая **Букетъ розы** въ 3 р.

Болѣе 4,000 торговцевъ

въ разныхъ городахъ Имперіи производятъ съ огромнымъ, день-ото-дня возростающимъ, успѣхомъ продажу развѣшанныхъ чаевъ фирмы московскаго торговаго дома **О. А. КОРЕЩЕНКО** на самыхъ выгоднѣйшихъ, какъ для себя, такъ и для своихъ покупателей условіяхъ.

Въ города, гдѣ существуютъ отдѣленія транспортныхъ конторъ, или на станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ производится выдача клади, съ переводомъ полученія денегъ — высылка чая можетъ быть сдѣлана при полученіи отъ требователя задатка, въ размѣрѣ 10%, а остальные 90% уплачиваются транспортной конторѣ или желѣзнодорожному управленію при полученіи товара на мѣстѣ назначенія.

Чай по требованію торговцевъ

отпускается развѣшаннымъ на фунты, полуфунты и четверти. Каждый пакетъ, для сохраненія аромата въ чаѣ, завертывается въ олово и въ печатный этикетъ фирмы торговаго дома, на коемъ означена цѣна чая и находится пломба фирмы.

Дозволено цензурою. 3 октября 1874 г. Издаѣіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 58.

Библиотека "Руниверс"

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 Сентября 1874 года.

Тип. В. Вязлинга, Англійскій пр., д. № 10.

НЕРОНЪ И ХРИСТІАНСКІЕ МУЧЕНИКИ ВЪ РИМѢ.

Картина Вильгельма фонъ Каульбаха.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ НА 1874 Г.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 42 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 14-го октября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

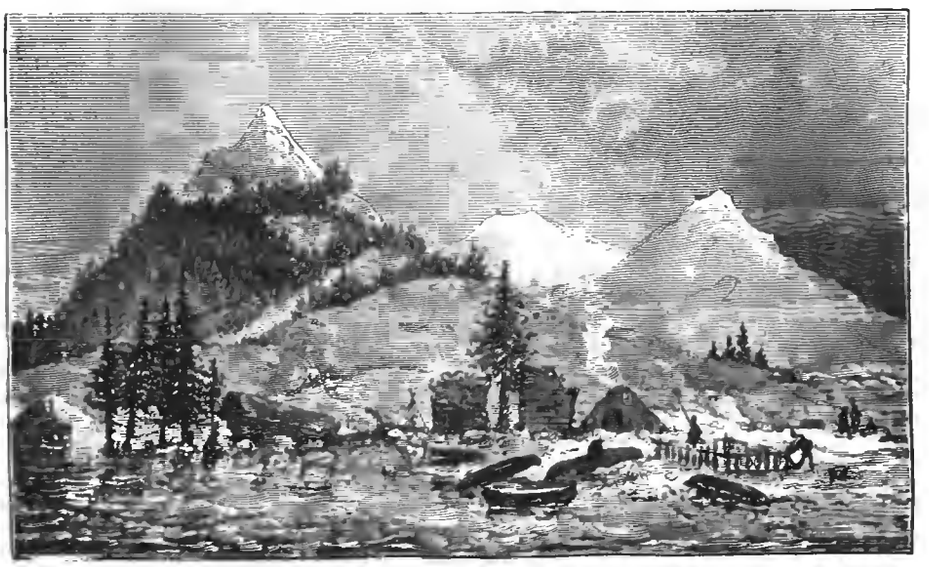
ПОДПИСКА на 1874 годъ продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ и на 1875 годъ, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже въ 1874 году вышедшіе №№.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

Рыжая, тощая лошадь, повѣсивъ голову, кивая своимъ лысымъ лбомъ на каждомъ шагу, шла не шла, а словно только такъ ноги переставляла. Она даже земли не касалась. Сухой бурьянъ и колючки не гнулись и не шуршали подъ ея ногами. Черезъ рытвину перешла она—и не спустилась на ея дно, а словно по воздуху перебрела съ одного берега на другой.



Изъ путеваго альбома Немировича-Данченко. Почтовая станція въ русской Лапландіи, лѣтомъ, когда сообщеніе бываетъ лишь на лодкахъ и пѣшкомъ. Рис. Н. Каразинъ, грав. Ольшевскій.

Чудно какъ-то ѣдетъ чудный всадникъ: казалось давно-бъ ему пора прямо наткнуться на курящаго кальянъ батыря, а между тѣмъ не уменьшается да и не увеличивается промежутокъ между тѣмъ и другимъ... Всадникъ словно на одномъ мѣстѣ держится, словно остановился, и только такъ, для примѣра, переступаютъ расходившіяся ноги, киваетъ разкивавшаяся лысая конская морда...

Библиотека "Руниверс"

Одна только пара глазъ, неподвижно уставившаяся на дымъ, видѣла этого всадника; ни тюркменскій жеребецъ, ни собаки, ни даже соколъ изъ-подъ своей красной шапочки не видали его вовсе. Они и не слышали его, и не чуяли. Передъ ними мертво и тихо разстилалась во мракѣ безконечная пустыня — и спокойно оставались они на своихъ мѣстахъ. Какое имъ дѣло до того, что, подъ одуряющимъ вліяніемъ «ганаши» грезится ихъ хозяину!

— Оставь ты меня, *Юнусъ*, оставь! чуть слышно шевелятся губы батыря.—Ну, что ты все за мною гоняешься?.. Ну, чего ты отъ меня хочешь? Ну, виноватъ я передъ тобою... Продалъ тебя!... Продалъ!.. Да, продалъ!.. Уйди... Уйди... Оставь!...

И батырь опрокинулъ кальянъ порывистымъ движеніемъ назадъ. Онъ отшатнулся, уперся локтями въ землю и все не спускалъ глазъ съ одного и того же мѣста, ничего не замѣчая кругомъ... не замѣчая даже, какъ дымитъ и тлѣетъ пола его верблюжьяго халата отъ выпавшаго изъ сѣтки горячаго угля.

ГЛАВА II.

На добромъ мѣстѣ добрые люди.

— Мирза!..

— Эге?

— Ты не спишь?

— Зачѣмъ спать!. Днемъ выспался... Все въ ту сторону гляжу.

— Что видишь хорошаго?

— Понизу темь одна, на верху—звѣзды... Больше ничего не видно.....

— Да и не увидишь!

— Пріѣдетъ. Если не этою ночью—завтра пріѣдетъ.. Ужъ это вѣрно! Такъ вѣрно какъ меня зовутъ-вотъ—Османъ, тебя—Шарипъ, земляка твоего коряваго—Саидъ-бае...

— Пора-бы! Одвуконь на четвертыя сутки попасть можно—съ текинскихъ кочевокъ, а мы здѣсь вотъ уже скоро шестой разъ восходъ солнца увидимъ; у меня, вонъ, въ торбахъ послѣдняя горсть ячменя вчера вышла.

— Можетъ на пути что повстрѣчалось?! Въ дорогѣ все случается...и хорошее и худое....

— Худое-то еще скорѣе. Особенно когда за плечами черный духъ гнѣздится..

— Духъ... ишь ты!

— А то, скажешь, нѣтъ!—Мало онъ его изъ одного конца степей въ другой перегоняетъ... То-то.. небось я видѣлъ!. Да и не я одинъ..

— Что ты видѣлъ, Мирза?

— Что? ночь теперь—вотъ что. Днемъ разскажу...

— Пустое болтаютъ...Эхъ-эхъ-эхъ! На все воля Аллаха!...

— Свѣтать начнетъ скоро! что-то холодновато стоповится.

— Да! поверху вѣтромъ тянетъ. Слышишь, какъ шуршитъ колючка?. Оно всегда такъ подъ утро....

Такъ переговаривались, больше отъ скуки, джигиты Османъ и Шарипъ, величая другъ друга аристократическимъ титуломъ «мирзы».

Одинъ изъ нихъ лежалъ ничкомъ, на брюхѣ, на самомъ гребнѣ каменистаго берега сухой балки, и, покрывшись съ головою суконнымъ халатомъ, выглядывалъ изъ-подъ него, силясь что либо разсмотрѣть въ этомъ мракѣ туманной, непроглядной, настоящей степной ночи. Другой джигитъ лежалъ немного пониже, на полу-скатѣ и тоже съежившись подъ теплымъ халатомъ.

Обоимъ не спалось—также, вѣроятно, какъ и тѣмъ четыремъ джигитамъ, темноватые, неясные силуэты которыхъ рисовались совсѣмъ уже внизу, на самомъ днѣ лощины, гдѣ чуть-чуть краснѣли остатки костра, отбрасывая на сложенное оружіе и сбрую легкіе металическіе отблески.

Это была маленькая партія бродячихъ «Яу», вотъ уже нѣсколько дней бивакирующая въ балкѣ «Учь-кудукъ» (Три колодца), названной такъ потому, что по близости ея находились, да и теперь еще находятся, три полузасыпанныя пескомъ ямы, въ которыхъ періодически скопляется небольшое количество мутной, солоноватой воды, достаточное для удовлетворенія десятка-другаго жаждущихъ желудковъ.

Вода эта была очень дурная—«джаманъ-су»; люди должны были быть слишкомъ неприхотливыми чтобы ее пить, или-же умирать отъ жажды. Лошади пили ее неохотно, маленькими глотками, видимо только изъ необходимости; верблюды—не пренебрегали и съ большимъ апетитомъ вылизывали даже вонючую, илистую грязь, остававшуюся на днѣ колодца.

Кругомъ—выжженная солнцемъ пустыня, сѣрая, угрюмая... Вѣтры по ней гуляютъ своенравные, непостоянные, и по всѣмъ направленіямъ гоняютъ пыльные столбы, засыпающіе глаза путникамъ, захватывающіе на своемъ полетѣ и сѣдую полынь, и шаровидное перекати-поле, и высохшій пометъ—и птичьи перья, оставшіяся послѣ орлинаго обѣда, и даже клочекъ какой-то синей бумаги, брошенный проѣзжимъ человѣкомъ...

Лѣтомъ—безлюдье, жаръ, золистая пыль, безводица-безкормица и тощіе голодные волки... Зимою опять безлюдье, гололедка, суровая заметь и тѣ же тощіе голодные волки, озлившіеся подъ вліяніемъ мучительнаго голода до того, что другъ на друга бросаются, ради куска жилистаго, сухаго мяса.

Недоброю славою пользуется это непривѣтливое, мертвое урочище... Да и неоткуда было ему набраться хорошей, доброй молвы!..

Большіе караваны далеко стороною обходятъ это проклятое мѣсто; выбираютъ они дорогу хоть и подальше, да гдѣ бы воды было побольше. Маленькіе караваны—тѣ другаго опасаются и держатъ путь гдѣ полюднѣе.. Да какъ и не опасаться имъ, когда на «Учь-кудукѣ» того и гляди наткнешься на хорошихъ людей, такихъ вотъ какъ и теперь здѣсь засѣли... А отъ этихъ хорошихъ людей—чѣмъ дальше тѣмъ лучше!

— Дорога намъ скоро длинная будетъ!. началъ помолчавъ немного Османъ.—Эй, Мирза! ты слышишь, что-ли?!

— А что?! а я было вздремнулъ... Кто, ты говоришь, кого пырнулъ?

— Очнись! Тебя шайтанъ своимъ кривымъ рогомъ. Далеко, я говорю, идти намъ придется.

— Ничего недалеко, мы туда къ нимъ не пойдемъ; мы на Адамъ-крылганѣ Садыка ждать будемъ. А тамъ, слышь, ханъ не приказалъ русскихъ до тѣхъ поръ трогать, пока въ самые пески съ хвостомъ не уберутся.

— Пески для нихъ смерть, пески и для насъ смерть... задумался вслухъ Османъ.

— Небось не помремъ, мы стороною...Слышишь?

— Что!...

— Лошадь бѣжитъ.

— Тс!.. Да ну, не возись!..

Оба джигита прилегли ухомъ къ землѣ и принялись слушать. Секунды три была мертвая тишина, прерываемая только легкимъ потрескиваніемъ огня внизу и шелестомъ утренняго, предразсвѣтнаго вѣтра...

— Четыре ноги—надо восемь...приподнялъ голову Османъ.

— Четыре.. согласился Шарипъ.

Размѣнявшись этими лаконическими замѣчаніями, джигиты снова принялись слушать.

Блѣдная полоса свѣта протянулась на горизонтѣ; блѣднѣе и блѣднѣе становилось мерцаніе звѣздъ, и гасли онѣ совсѣмъ, захваченныя этой полосою, всѣ болѣе и болѣе разгарающеюся. Утренняя зоря сметала съ небосклона всѣ эти мелкія искры свѣта: только одна звѣзда долго еще боролась, вспыхивая алмазомъ, вздрагивая своими мигающими лучами... Потухла и она... Розовымъ блескомъ загорѣлось полнеба... Золотистый свѣтъ полился по степи, гоня передъ собою голубоватыя, дымчатыя тѣни....

— Вонъ онъ!.. крикнулъ Османъ..

— Ѣдетъ! произнесъ Шарипъ.

И это восклицаніе разомъ подняло на ноги всѣхъ его товарищей, и заставило ихъ выбраться изъ своего оврага.

— Лошадь одна... человѣка нѣтъ... лошадь его... гнѣдой аргамакъ... бѣлаго коня нѣтъ... сѣдло на боку... Была бѣда.... На все воля Аллаха!...

Проговоривъ эту обрывистую рѣчь, Шарипъ поправилъ

Библиотека "Руниверс"

поясъ, подтянулъ халатъ и пошелъ потихоньку къ своимъ конямъ, стоявшимъ неподалеку, на приколахъ...

Три человѣка уже неслись во всю прыть своихъ лошадей къ одинокому аргамаку со сбившимся на-сторону дорогимъ сѣдломъ.

Испуганно, тревожно поглядѣлъ имъ навстрѣчу — аргамакъ... повелъ ушами, попятился, фыркнулъ и сталъ, распознавъ наконецъ — должно быть знакомыхъ коней, знакомыхъ джигитовъ.

Пришели аргамака на мѣсто стоянки, окружили, начали осматривать...

— Крови нѣтъ... конь не тронутъ ни пулею, ни клынчемъ, ни пикою... конь въ бою не былъ... сообщилъ свои замѣчанія Османъ-джигитъ.

— Да, конь въ бою не былъ!... подтвердилъ это замѣчаніе старый, бѣлый совсѣмъ разбойникъ, пристально посмотрѣвъ въ большіе черные глаза кровной лошади..

— Да его ли это конь?... усумнилась какая-то ржавая кольчуга....

Даже и слова никто не сказалъ на это.... Всѣ только покосились на чудака и презрительно сплюнули....

Кто изъ ихняго брата—степныхъ бродягъ—не зналъ батыря «Атамъ-кула», что бѣжалъ отъ русскихъ! — кто не видалъ его на этомъ лихомъ аргамакѣ, которому по всему правому берегу «Аму»—не находилось ровнаго!...

Озадачились «Яу»—порастерялись немного; — на всякаго изъ нихъ напало тяжелое раздумье... Ждали батыря-Атамъ-кула... *Слово* онъ имъ прислалъ, что будетъ къ этому времени на Учь-кудукѣ.... «Вотъ, пріѣдетъ-мирза» думалъ каждый изъ нихъ: «пріѣдетъ, заберетъ ихъ, на «Трехлапомъ-верблюдѣ» (названіе другаго сосѣдняго колодца)—еще семерыхъ захватитъ... Дальше къ «Хала-атъ» еще партія ждетъ... Вотъ, соберетъ мирза Атамъ-кулъ ихъ всѣхъ подъ свой бунчукъ ... Поведетъ.... куда поведетъ?... а Аллахъ знаетъ куда!... про то имъ и знать нечего; его—Атамкулова—забота.... А теперь вотъ что-же! какъ теперь?!... Вмѣсто батыря—одинъ конь пришелъ... Что тутъ дѣлать будешь!?..»

Долго совѣщались нерѣшительные, оробѣвшіе бродяги—да ужь Османъ всѣхъ выручилъ....

И по его слову — сѣли всѣ на своихъ коней, захватили прибылаго аргамака съ собою и пошли легкою трусцею—по слѣду, что остался отъ кованныхъ ногъ — коня Атамкулова.

— Можетъ узнаемъ, что намъ знать нужно!... говорилъ Османъ. — Можетъ еще самаго отыщемъ.... сообщалъ онъ свои надежды....

— Дохлаго?... буркнулъ бѣлобородый.

— А хоть бы и дохлаго.... заговорила вдругъ ржавая кольчуга. — Халаты на немъ хорошіе... клынчь... топанчи... ножи... кошель есть съ деньгами; — зачѣмъ имъ пропадать безъ проку? ..

И въ этомъ восклицаніи выразилась... вся внаружу вылилась волчья натура бродяги, всѣ его совершенно волчьи помышленія...

Бредетъ гуськомъ вереница голодныхъ звѣрей... Старый, опытный волкъ идетъ передомъ... Чу!... выстрѣлъ.... Шарахнулись звѣри, озираются... еще путемъ и врага не разсмотрѣли, а уже накинулись на своего вожака, околѣвающаго съ кускомъ свинца подъ лѣвою лопаткою.... «Зачѣмъ-молъ даромъ пропадать мясу?.. Тамъ еще будетъ либо нѣтъ, а тутъ вотъ готовое!»

И вотъ, такая же точно вереница потянулась изъ балки «Учь-кудукъ» въ ту сторону, куда Османъ съ Шарипомъ всю ночь проглядѣли, поджидая себѣ вожака — мирзу «Атамъ-кула».

ГЛАВА III.

Передъ грозою.

Года четыре тому назадъ, еще послѣ бухарскаго погрома, начали по всѣмъ степямъ ходить тревожные, предостерегательные слухи.

Во всѣхъ свободныхъ, кочевыхъ аулахъ, державшихъ болѣе или менѣе сторону Хивы, только и думали о томъ, что скоро придется опять браться за оружіе и продолжать борьбу, Богъ вѣсть когда начавшуюся — Богъ вѣсть когда кончащуюся... Они были увѣрены, что *Самаркандъ* и *Зора-Булакъ* *), подорвавшіе такъ бухарскаго эмира, не пройдутъ безслѣдно и для ихъ хана, котораго большинство порицало за его слабую поддержку сосѣдняго правителя въ войнѣ съ «бѣлыми рубахами.» **)

Враждебные Россіи «*роды*» были убѣждены, что эта уклончивость и нерѣшительность хана—были умышленны.

«Погоди!.. пойдутъ и на тебя русскіе—тогда изъ Бухары тебѣ тѣмъ-же откликнутся!» слышалось въ средѣ кочевниковъ, гудѣло подъ войлочными крышами изъ кибитокъ и желомеекъ, носилось съ вѣтромъ по степи и залетало даже къ роскошныя сакли самихъ приближенныхъ хана.

Чодоры, Солоры, Кара, даже отдаленные Теке открыто готовились къ войнѣ; мирные узбеки, земледѣльцы и садоводы хивинскаго оазиса—тоже брались за оружіе; послѣдніе не знали, впрочемъ, противъ кого придется употреблять эти допотопные фитильные мултуки, эти кривые, серпообразные клынчи и тростниковыя пики —противъ ли бѣлыхъ рубахъ,—которыя еще, впрочемъ, не показывались,—или-же противъ своихъ буйныхъ кочевыхъ сосѣдей, тюркменъ, уже дававшимъ знать по окраинамъ о своей готовности ополчиться за вѣру, пророка, за самобытность своихъ обычаевъ, за свою необузданную волю, прикрывая все это благонамѣренной маской своихъ обязанностей относительно хивинскаго хана, ихъ феодала.

Положеніе хана въ данное время было самое странное, почти комическое. Шахъ Назаръ, въ своихъ изустныхъ разсказахъ о положеніи дѣлъ въ хивинскомъ дворцѣ въ это смутное время, такъ обрисовываетъ это положеніе.

У хана Сеидъ-Магомедъ-Рахима—два уха и одинъ мозгъ, двѣ руки и одно тѣло. Въ одно ухо говорятъ ему одно, въ другое —другое; за одну руку тащутъ тюркмены въ поле, за другую—узбеки дома удерживаютъ. Что было дѣлать хану? Или пополамъ разорваться, или на одну какую-либо сторону склониться. Чья сторона сильнѣе? Узбеки просятъ: «Не ходи! не затрогивай! пожалѣй наши поля, сады, огороды, дома наши и наши семьи.» Тюркмены—шайтановы правнуки; тѣмъ беречь нечего, кричатъ: «Иди!.. чего боишься? или насъ не знаешь? Не пройдетъ и двухъ лунъ, какъ мы привеземъ тебѣ полные коржуны русскихъ головъ; всѣ пески уложимъ бѣлыми рубахами. А не пойдешь—такъ тебѣ-же хуже будетъ!.. А вотъ тебѣ пока отъ насъ задатокъ, чтобы ты не забывалъ, какое такое войско мы изъ себя изображаемъ..»

И въ ханскую лѣтнюю ставку то и дѣло стали приходить жалобы отъ мирныхъ узбековъ: тамъ Чодоры скотъ отогнали; тамъ Кара цѣлый кишлакъ ограбили и всѣхъ дѣвокъ съ собою угнали; тамъ каики на Аму-Дарьѣ захватили и такую цѣну за перевозъ берутъ, что выходитъ одинъ грабежъ и раззореніе. «А что ханъ Рахимъ могъ противъ нихъ сдѣлать»!

«Вотъ, погодите, писалъ онъ къ кочевникамъ по лѣвому берегу. Придутъ русскіе, встрѣтимъ ихъ войною... не помрюсь! А не придутъ — не мнѣ же самому начинать!»

Узбеки въ тайнѣ радовались, узнавъ объ этомъ письмѣ... Они были увѣрены, что бѣлыя рубахи сами не начнутъ враждебныхъ дѣйствій.

— Придутъ скоро! утѣшали себя тюркмены. — А будутъ мѣшкать — поторопимъ... за живое задѣнемъ, такъ вызовемъ!...

И вотъ началось это систематическое задѣваніе за живое. Эмисары Хивы, подосланные, конечно, партіей желавшей войны во что-бы то ни стало, разсыпались по степямъ и начали показываться въ средѣ кочевыхъ народовъ, подчиненныхъ намъ уже десятки лѣтъ.

Эти ловкіе «ищейки», у которыхъ были «длинные носы и гибкіе языки, смѣлость тигра, жадность волка, хитрость

*) 1 мая 1868 года и 2 іюня того же года въ Самаркандѣ и 2 іюня подъ Зарабулакомъ—страшные военные удары заравшанскаго похода, рѣшившіе участь Бухарскаго ханства.

**) Такъ обыкновенно называютъ русскихъ по цвѣту ихъ одежды.

Библиотека "Руниверс"

лисицы и прыткость зайца» *), пробирались песками между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; они доходили даже до «Эмбы» и волновали киргизовъ, подстрекая ихъ къ поголовному возстанію, обѣщая со стороны хивинскаго хана самую дѣятельную поддержку и покровительство.

Кочевники слушали этихъ эмисаровъ съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ. Старики подсмѣивались и недовѣрчиво покачивали головами. Они хорошо помнили еще неудачные опыты прежнихъ лѣтъ. Молодежь, пожалуй, и не прочь бы идти на призывъ, но воздерживалась пока, видя недовѣріе старшихъ. Послѣдніе взяли перевѣсъ—и большинство подстрекацій не достигло желанныхъ результатовъ.

Но зато, около этихъ бродячихъ, удалыхъ головъ сгруппировались тѣ, въ комъ проснулась, уснувшая было, жажда къ грабежу и набѣгамъ, къ разнообразію и превратностямъ боевой, попросту разбойничьей жизни.

Въ пескахъ «малыхъ и большихъ Барсуковъ» сформировались небольшія шайки барантачей и начались частые «поиски» на казалинскихъ караванныхъ путяхъ. Чаще и чаще стали въ форты доходить слухи о дорожныхъ безчинствахъ. Случались даже нападенія на почтовыя станціи Орско-казалинскаго тракта. Такъ пострадали нѣсколько станцій въ Каракумахъ, откуда были отогнаны лошади и уведены въ плѣнъ казаки, находившіеся въ станціонныхъ кибиткахъ.

Въ Казалинскъ то и дѣло стали привозить раненыхъ и убитыхъ съ дороги. Начинала развиваться повсемѣстная паника.

Купцы требовали себѣ защиты вооруженной силы и, не получая ея, останавливали торговлю.

Маленькіе конные отряды, высланные въ степь, безплодно гонялись «за вѣтромъ въ полѣ» (по удачному выраженію казаковъ), томили себя, томили своихъ коней—и возвращались на стоянки, не достигнувъ никакихъ опредѣленныхъ результатовъ.

Весь награбленный товаръ, отогнанный скотъ, плѣнные люди— все свозилось къ Хивѣ и ея окрестнымъ селеніямъ, и на тамошнихъ рынкахъ находило себѣ покупателей.

Совершенно независимое отъ ироисковъ Хивы, возстаніе въ степяхъ Средней орды 1870-го года нашло себѣ на берегахъ «Аму» самое горячее сочувствіе. Отдѣльныя лица, виновные «*роды*» и аулы откочевывали къ этой рѣкѣ и спасались отъ заслуженнаго возмездія.

Громкое по разбоямъ имя Садыка — племянникъ извѣстнаго *Аблая-кенисара*—опять загремѣло по степямъ, и потянулись со всѣхъ концовъ безшабашные бездомники-бродяги, собираясь подъ его знакомые значки.

Въ отвѣтъ на запросы русскихъ властей, хивинскій ханъ отвѣчалъ, что онъ всѣмъ этимъ безчинствамъ не причина,— что ему самому плохо приходится отъ этихъ разбоевъ; а справиться съ тюркменами онъ, молъ, не въ силахъ. «Пускай, молъ, сами русскіе попробуютъ съ ними поладить!» добавлялъ онъ не безъ двусмысленности.

И въ то же время, изъ лѣтняго ханскаго дворца, ежедневно скакали гонцы къ бухарскому эмиру — съ письмами и цѣнными подарками.

Сеидъ Магомедъ Рахимъ ханъ спрашивалъ эмира Мозафара, что думаетъ дѣлать этотъ послѣдній, если русскіе пойдутъ на Хиву мимо предѣловъ его ханства.

Партія войны въ Бухарѣ тоже подняла голову и начала шумѣть. Но эмиру Мозафару слишкомъ памятны были бѣдствія 1868 года. Онъ не могъ забыть Самарканда и Зорабулака, не могъ забыть и рыцарскаго возмездія «Карши» и Шегрисябзъ»... Теперь эмиръ зналъ что дѣлать—и нѣсколько особенно крикливыхъ головъ, отдѣленныхъ отъ своихъ туловищъ, разомъ успокоили воинственныхъ проповѣдниковъ.

А надъ безконечными степями «злой туманъ» все сгущался и сгущался, и въ этомъ «зломъ туманѣ» слышался — возбуждающій запахъ крови...

Долго тянулось это смутное время: гроза скопившаяся надъ головами — томила только и не разражалась... Кому было плохо, кому хорошо...

Первые робко жались по своимъ домамъ и кибиткамъ и стягивали поближе свои разбросанные стада и табуны. Послѣдніе рыскали по степямъ, особенно по тѣмъ, гдѣ разсчитывали прежде всего столкнуться съ бѣлыми рубахами.

Въ пустыняхъ «Кизилъ-кумъ» стало людпѣе.

Это обстоятельство не трудно было замѣтить сразу. Даже волковъ и орловъ-стервятниковъ стало какъ будто больше въ этихъ роковыхъ мѣстностяхъ.

Четвероногіе и крылатые хищники должно быть предчувствовали скорую добычу.

И вотъ, съ востока, изъ-за Нуратынъ-тау, порывы степнаго вѣтра, вмѣстѣ съ пескомъ и клубами перекати-поля, донесли тревожный кликъ:

— Идутъ бѣлыя рубахи!...

ГЛАВА IV.

«Заметались.»

И двухъ угоновъ, какъ слѣдуетъ, не успѣла сдѣлать учькудукская шайка... Придержали коней, перевели духъ, хотѣли было опять тронуть, смотрятъ — а на горизонтѣ, на самомъ томъ краю, гдѣ дрожитъ и волнуется туманная, дрожащая полоса озера-миража, замелькали черныя, крохотныя точки...

Первый замѣтилъ ихъ зоркій Османъ, перегнулся на сѣдлѣ назадъ — онъ рысилъ въ головѣ, и тревожно произнесъ: — А то что?

— Наши... отвѣчалъ ему сосѣдній джигитъ. А самъ поблѣднѣлъ какъ пыль на дорогѣ, и мултукъ свой изъ-за плеча сталъ поспѣшно отпутывать.

Встревожились бродяги, въ кучу сбились и стали...

— Что-же ты это? усмѣхнулся сквозь зубы Османъ, кивнувъ на оружіе, — по своимъ чтоли хочешь?.. Вѣдь наши?!

— Гонятъ шибко... за ними *тѣ* идутъ... это вѣрно... Ишь какъ, гляди, гляди! Ишь какъ лошадей нахлестываютъ!

— На утёкъ! крикнулъ Шаринъ и закачался на сѣдлѣ отъ смѣха.

Такъ охотно послушались барантачи этого крика... шарахнулись съ мѣста въ карьеръ, да замѣтили, что самъ Шаринъ не трогался... удержали лошадей и назадъ по одиночкѣ вернулись.

— Ловко, пріятели, ловко!.. Ай да батыри!... хо-хо-хо! покачивался Шаринъ.—Ой, якши! бекъ якши!... Ахъ вы чортовы дѣти!...

— Самъ то ты, должно быть, близко бѣлыхъ рубахъ не былъ. А то бы не дралъ такъ глотку! отгрызнулся одинъ изъ джигитовъ.

— О-хо-хо! А ну-ко... я погляжу, какъ вы на русскихъ... такъ ли вотъ какъ и теперь, по одному клику мирзы Садыка кинетесь?... Погляжу, погляжу!

— Гляди вонъ лучше туда... видишь?.. Вѣдь это наши съ «Трехлапаго верблюда», съ ними еще народъ...

— Съ «Хала-атъ» тоже съ ними! крикнулъ Османъ.—Вонъ Байтакъ — тамыръ мой! я его по конскому скоку узнаю... Ишь какъ машетъ! совсѣмъ какъ козелъ. Вонъ-вонъ... Ну, что нибудь да не ладно!...

Разстояніе между тѣми что скакали и тѣми что стояли на мѣстѣ — становилось все менѣе и менѣе.

Масть лошадей уже различалась довольно легко... можно было видѣть, какъ яростно нахлестывали они своихъ измученныхъ коней.

— И чего это они такъ дуютъ? недоумѣвалъ Османъ.

Два джигита значительно опередили другихъ и скакали рядомъ, почти бокъ о бокъ... Коржуны вьючные у одного оторвались — отъ быстрой ѣзды, а можетъ и не были совсѣмъ приторочены отъ спѣху; джигитъ ихъ одною рукою придерживалъ... Лица обоихъ были тревожныя... глаза пугливо бѣгали по сторонамъ, словно отыскивали что-то на горизонтѣ... Пересохшія — отъ быстраго движенія — растрескавшіяся губы были полураскрыты, жидкія бороды встрепаны и густо напудрены степною пылью... Взмыленныя лошади тяжело

*) Буквальной переводъ — отрывокъ изъ одной писаной инструкціи, найденной при одномъ изъ попавшихся эмисаровъ.

Библиотека "Руниверс"

Воспоминаніе о Каирѣ (Souvenir de Cairo). Съ картина Жерома, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

дышали на скаку — особенно одна, у которой изъ воспаленныхъ ноздрей, вмѣстѣ съ каплями крови, горячій воздухъ вырывался — съ какимъ-то порывистымъ, хриплымъ свистомъ.

— Загналъ! рѣшилъ Шаринъ, услыхавъ еще издали этотъ звукъ...

— Что новаго?!... гаркнулъ имъ навстрѣчу во все горло Османъ...

Подскакалъ первый... осадилъ коня... хотѣлъ сказать что-то... да только махнулъ рукою въ сторону Учь-кудука и хотѣлъ было гнать дальше...

— Русскіе!.. словно выстрѣлилъ другой... и перелетѣлъ черезъ голову лошади, со всего маху вспахавшей своей мордою рыхлую почву...

Несчастное загнанное животное не выдержало таки и невольно измѣнило своему хозяину...

Тревожный говоръ пошелъ по всей кучкѣ всадниковъ... одинъ за другимъ подскакивали остальные бѣглецы. Скоро набралось человѣкъ двадцать...

Между прибывшими были два настоящихъ-тюркмена съ того берега Аму-дарьи. Они были въ полосатыхъ халатахъ — бѣлыхъ съ краснымъ, и въ высокихъ бараньихъ шапкахъ. Оба они скакали позади всѣхъ, — но не потому, чтобы это зависило отъ слабости ихъ лошадей... а потому, что такъ сами хотѣли... Поводья-ихъ были натянуты — тонкія цѣпныя удила рвали рты разгорячившихся, порывающихся впередъ лошадей...

— Къ Учь-кудуку гони! повелительно крикнулъ одинъ.

— Дорогою — говорить будемъ! произнесъ другой... *Атамкуловы?..* добавилъ онъ, обращаясь къ Шарину.

— *Можетъ и его!* отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— Гдѣ самъ?..

— А мы вотъ тебя спросить хотѣли объ этомъ...

— Гм!.. откашлялся тюркменъ и передернулъ поводья.

— Гайда, гайда!.. крикнулъ другой.

Сбились всѣ въ кучу, — погнали...

— Русскіе... на «Хала-атъ» пришли!.. Матъ-муратъ опоздалъ, не прикрылъ дороги... Ніазъ и Садыкъ, слышали, на Минъ-булакѣ ихъ дожидаются... говорилъ отрывисто тюркменъ. — *Вороны!* на «Трехъ-лапаго верблюда» казаки пришли — насъ сбили... На «Учъ-кудукъ» прійдутъ — мы тогда совсѣмъ безъ воды останемся... День этотъ можетъ нашъ... надо покормить коней, напоить ихъ и воды въ турсуки набрать, — пока еще тѣ не пришли... гяуры! А то опоздаемъ!.. Они идутъ тихо, да безъ устали... *много дороги подъ себя забираютъ...* Повозокъ нѣтъ съ ними... Верблюдовъ много!.. Въ два часа по всему каравану не проѣдешь... Много животовъ идетъ — много воды потребуютъ... Отгонятъ насъ отъ колодцевъ, — тогда хоть десять Садыковъ приходи, безъ боя на Аму отступать прійдется...

— Вода въ степи — жизнь... Воды нѣтъ — смерть! лаконически произнесъ другой тюркменъ...

И эти слова какъ-то странно подѣйствовали на сердца степныхъ бродягъ... Имъ стало жутко... Нѣкоторые даже вздрогнули — и оглянулись... Всѣ безъ исключенія поддали лошадей...

Эта паника, охватившая бѣглецовъ съ «Трехълапаго верблюда», сообщилась и учь-кудукскимъ бѣглецамъ... Теперь уже всѣ скакали — скакали какъ отъ степнаго пожара, какъ отъ розлива водъ... Скакали какъ сайгаки отъ свиста охотничьей пули... неслись какъ дикіе тарпаны отъ звенящаго размаха арканной петли...

Они спѣшили захватить эту гнилую, соленую воду — въ которой была жизнь... Они робко косились на безводную, знойную, спаленную солнцемъ степь — гдѣ была смерть...

И кромѣ нихъ по степи метались такія-же маленькія конныя партія; рыскали одиночные, разстерявшіеся всадники.

Бѣлыхъ рубахъ ждали — бѣлыя рубахи пришли словно нежданныя... Это былъ расплохъ, но расплохъ странный — къ которому степь цѣлыхъ четыре года готовилась...

«Вода — жизнь!.. безъ воды — смерть!»

Въ этихъ словахъ тюркмена было что-то пророческое.

ГЛАВА V.

Лагерь «Бѣлыхъ рубахъ.»

Эти желтые, сыпучіе барханы, по которымъ носился-жаркій, порывистый вѣтеръ, сметая и разнося по степи ихъ зыбкія вершины, никогда еще не видали столько людей!.. и людей совершенно чуждыхъ имъ, незнакомыхъ; одѣтыхъ въ короткія бѣлыя рубахи и красныя кожаныя шаровары; вооруженныхъ винтовками Бердана; людей въ первый разъ пришедшихъ на эти мѣста — и расположившихся здѣсь, на этихъ *барханахъ*, совсѣмъ какъ у себя дома — похозяйски.

Широко раскинулся ихъ бивуакъ... Всюду, у подножій холмовъ виднѣлись металическія рогатки составленнаго въ козлы оружія... красныя тряпки значковъ, потрепанныхъ таки непогодою... Тамъ и сямъ дымились маленькіе костерчики; мѣстами поднимались вершины палатокъ... Неподвижно, увязнувъ въ песокъ — почти по ступицу—стояли орудія; за ними ряды зеленыхъ ящиковъ, за ними вереницы приземистыхъ, неуклюжихъ лошадей въ коновязяхъ... Потомъ опять — ряди ружейныхъ козелъ, опять значки, опять какія-то шатры, навѣсы и палатки... И между всѣмъ этимъ, снующія по всѣмъ направленіямъ, толпящіяся въ кучкахъ, лежащія въ растяжку, сидящія на корточкахъ, все чѣмъ-то занятыя, суетливыя на бивуакахъ, спокойныя въ *дѣлѣ*, «бѣлыя рубахи».

На вершинахъ отдѣльныхъ, болѣе возвышенныхъ барханов торчали одиночные часовые пѣшіе... Подальше чуть-чуть виднѣлись сквозь пыль и дымъ костровъ конные пикеты... одиночные всадники рыскали отъ одного пикета къ другому... выѣзжали за нихъ, взбирались на пригорки и все вглядывались въ даль, словно дожидаясь чего-то, что неизбѣжно должно появиться на этомъ зеленомъ, волнообразномъ горизонтѣ...

У черныхъ зіяющихъ отверстій — колодцевъ — больше всего толпилось народу, больше всего слышалось голосовъ и шуму... Шли къ нимъ, шли отъ нихъ. Къ нимъ шли бѣгомъ, помахивая пустыми котелками, ведерками, чайниками и всякой походною посудою; отъ нихъ шли потихоньку, неторопясь, — бережно неся съ трудомъ добытую воду.

Колодцы находились не въ одномъ мѣстѣ; они были разсыпаны по извилистымъ лощинамъ. Еслибъ соединить эти точки, то получилась-бы ломаная линія того самаго вида, въ какомъ представлялся весь бивуакъ, если на него смотрѣть сверху, съ высоты полета тѣхъ двухъ орловъ, что съ самой первой стоянки слѣдили за отрядомъ и теперь носились надъ нимъ, словно выбирая себѣ подходящую добычу...

Вся дѣятельность бивуака, вся его общественная жизнь, всѣ живые интересы сосредоточивались у колодцевъ...

Эти колодцы были его нервные узлы.

Еще вчера пришелъ туркестанскій отрядъ на урочища Хала-ата. Всѣ знали, что отсюда идти дальше прійдется еще не скоро; а потому всякій старался устроиться покойнѣй, поудобнѣй — если только возможны покой и удобства на этой ужасной, проклятой небомъ мѣстности.

Впереди, то есть въ той сторонѣ, куда глядѣли пушечныя жерла, заложенныя деревянными втулками, разстилалась совершенно невѣдомая пустыня, страшная по своимъ мрачнымъ легендамъ, по тѣмъ разсказамъ, которые передавались бывалыми людьми, съ таинственнымъ, почти суевѣрнымъ ужасомъ.

— Смотри... видишь?.. говорилъ тихонько бывалый джигитъ-туземецъ своему русскому тамыру (пріятелю).

— Чего смотрѣть-то?! сплевывалъ тотъ послѣ богатырской затяжки махоркою: — одинъ песокъ — ничего больше!..

— Смотри! Тамъ вонъ нынче горы, а тамъ лощины, указывалъ джигитъ вдаль своимъ крючковатымъ, чернымъ, словно обуглившимся пальцемъ, — подымется ночью ураганъ... посмотришь что завтра будетъ... Тамъ, гдѣ гора была — будетъ лощина, гдѣ лощина — гора...

— Ну, а дорога-то какова? освѣдомился «тамыръ».

— Дорога?... дороги нѣтъ... Тамъ нѣтъ дороги... Тамъ дорога та, по которой поведетъ тебя воля Аллаха!... другой нѣтъ дороги...

Библиотека "Руниверс"

— Ну, сторона!...

— Зачѣмъ туда идти?!... не надо! Ни человѣкъ, ни верблюдъ, ни лошадь не стернитъ...

— Ишь ты!...

— Слышалъ я, братцы мои, ротный сказывалъ... Амиръ бухарскій однова раза войско свое повелъ туда, значитъ, — и все это войско его пескомъ занесло, такъ и не знаютъ до сей поры, гдѣ оно сгинуло... слышится еще молодой голосъ, въ другомъ кружкѣ «бѣлыхъ рубахъ»...

— Ври больше! сурово обрѣзываетъ его обросшій щетиною, угреватый унтеръ...

— Адамъ-крылганомъ прозывается... разсказываетъ кто-то въ третьемъ мѣстѣ, — а по нашему слово это человѣчью погибель означаетъ.

— А вотъ мы поглядимъ эту «человѣчью погибель»! бахвалится бойкій горнистъ.— Не по такимъ палестинамъ хаживали!... Что братъ, Косолапкинъ, аль прогнали отъ колодцевъ, съ чайниками-то?... Что пустую посуду приволокъ?...

— Прогнали... ворчитъ недовольный Косолапкинъ.— Нѣтъ, не прогнали!... Дорогою стрѣлки вылокали... «Ты, говорятъ, еще сходишь, а намъ въ цѣпь надоть — неколи»!...

— Эко горе! Давай я смахаю...

— И птица туда не летитъ, братцы мои, и звѣрь не бѣжитъ... опять слышится сдержаный, боязливый голосъ.

— Перво на перво судьба — а второе — начальство. Прикажутъ пройти, пройдемъ. А коли, ежели птица не летитъ — ну и пущай ее! — потому — намъ она совсѣмъ не требуется!... отчеканиваетъ статный фельдфебель съ двумя георгіевскими крестами.— Кошмы разстилать!.. Вздору не болтать! Вторая смѣна становись въ ружье — живо!... покрикиваетъ онъ, сидя на неразобранномъ еще тюкѣ.

Солдаты были покойны, такъ покрайнѣй мѣрѣ казалось всякому, кто бы только ни взглянулъ на эти усатыя и безусыя лица, то загорѣлыя — почти бронзовыя, то матово-блѣдныя — словно чахоточныя, то расплывшіяся красныя, обрамленныя щетинистыми бакенбардами, всѣ безъ исключенія занятыя, повидимому, исключительно — обыденными интересами: разсчисткою старыхъ, полузасыпанныхъ колодцевъ, рытьемъ новыхъ, добываніемъ воды, потребность въ которой не истощалась, а напротивъ все увеличивалась и увеличивалась... Колодцы едва могли удовлетворять ее. На вершинѣ пологаго кургана закладывалось небольшое укрѣпленіе, воздвигалась какая-то сторожевая башня, поднимающаяся мало по малу надъ окрестной пустыней... Кое гдѣ трещалъ барабанъ, гдѣ-то завывала унылая, надтреснутая труба. Хоръ пѣсенниковъ начиналъ было тянуть что-то охрипшими, словно задавленными голосами — да бросилъ... Видно не до пѣсень было!..

Не смотря на этотъ наружно-покойный видъ, на сердцѣ у каждаго шевелилось скверное чувство...

И эти прищуренныя, нѣсколько воспаленныя отъ жара и пыли глаза, отрываясь отъ обыденной работы, все чаще и чаще поглядывали въ даль — въ эти безконечные сыпучіе пески, въ ту сторону, гдѣ находилось урочище «Адамъ-крылганъ» — что значитъ «человѣчья погибель».

И въ офицерскіе шатры заглядывало это тревожное безпокойство... Все въ русскомъ лагерѣ боялось этихъ роковыхъ песковъ, и все рвалось туда. За спиною остались цвѣтущія, населенныя мѣста, — полныя жизни, — впереди простирались пески, гдѣ царила смерть. Еслибъ каждому изъ нихъ предоставили свободный выборъ — идти назадъ или впередъ, то не нашлось бы ни одного человѣка, пожелавшаго бы возвратиться.

Строили укрѣпленія, — значитъ предполагали оставить въ немъ небольшой гарнизонъ. Это было необходимо — всѣ знали это. И хуже песковъ, хуже пятидесяти-градуснаго жара — хуже смертельной жажды, хуже всего на свѣтѣ, — боялись только одного, чтобы не вынуть жребія «оставаться».

Больные собирались съ силами, — бодрились и притворялись здоровыми; слабые старались казаться сильными...

Они строили эти приземистыя — глиняныя стѣны, — эту башню - и проклинали свою — неизбѣжную работу...

Это все были русскіе солдаты, мало того, это были старые батальоны туркестанскихъ «бѣлыхъ рубахъ»; въ ихъ рядахъ были герои Ташкента, Уратюбе, Джюзака, Ирджара, Самарканда, Ургута, Шегри-сябзя, Каршей и Зорабулака.

Рѣдко можно было встрѣтить — рубаху, не украшенную грязной, затасканной полосатой лентой.

Лапландія.

II.

Было ясное, чистое утро.

Съ часъ тому назадъ тучки сбѣжали съ неба, паръ клубившійся на днѣ долинъ разсѣялся въ тепломъ воздухѣ, и яркое солнце поднялось надъ горными высями, со всѣхъ сторонъ оцѣпившими озеро Имандру. Откосы и склоны горъ сіяли фіолетовымъ свѣтомъ, по этому красивому фону черными тѣнями выдѣлялись ущелья и разсѣлины. Дальнія горы Мохчь-тундры казались клубами дыму, а Волчьи-вараки едва-едва голубѣли на самомъ краю горизонта. Я не могу передать всей красоты этого оригинальнаго полярнаго пейзажа, постоянно мѣнявшаго передъ моими глазами свои очертанія. Однообразіе его деталей придавало картинѣ еще болѣе дикаго величія. Вода, камень да лѣсъ, но въ какихъ сочетаніяхъ развертывались они передо мною! Не вѣрилось глазамъ, что бы вся эта красота была подъ 68° с. ш., — острова, эти низменные сплошь поросшіе зеленою чащею острова, одни они скрасили бы самую суровую природу, одни они придали бы ей что-то неуловимое, улыбающееся, ласкающее.

Часто когда мы выплывали на середину озера и изъ-за ближайшихъ береговыхъ горъ выдвигались другія, взглядъ невольно останавливался на нхъ причудливыхъ очертаніяхъ. Громады — одни надъ другими плавали въ блескѣ солнечнаго дня. Словно въ густой толпѣ народа видны только головы да шапки, здѣсь были доступны глазу одни вершины да нетающіе льды, словно золотые и серебряные вѣнцы, сверкавшіе на нихъ.

— И это за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, это чуть не у полюса! повторялъ я, изумляясь со всякимъ новымъ поворотомъ лодки, съ каждою верстою, съ каждымъ измѣненіемъ въ расположеніи свѣта и тѣни.

Лопари гребли бойко, грузно наваливались на весла, глубоко загребали воду и съ силою откидывались назадъ. Съ каждымъ движеніемъ весла, лодка скрипѣла и быстро шла впередъ по остеклѣвшему простору озера. Нигдѣ не было видно жилья. Ни тупы, ни вѣжи. Только одна наша лодка нарушала недвижное спокойствіе пустыни и безлюдья, только наши голоса звучали на этомъ дѣвственномъ просторѣ. За весь день намъ попались только два живыя существа, за исключеніемъ чаекъ, высоко, словно серебряныя искры, рѣявшихъ надъ озеромъ. Первое было—олень, ярко обрисовавшійся на песчаномъ миніатюрномъ островкѣ. Съ какимъ изумленіемъ животное вперило на насъ глаза, но одна минута — и оно уже плыло къ берегу, закинувъ рога на спину и граціозно то подымаясь, то опускаясь на зеркалѣ Имандры. Въ другой разъ мы пристали къ берегу, чтобы разложить костеръ да сварить рыбу—и носомъ къ носу столкнулись съ лакомившимся морошкою медвѣдемъ. Косматый пустынникъ опѣшилъ, онъ что-то буркнулъ про себя, зажалъ хвостъ, какъ собака, и неуклюже повернувшись ударился въ чащу, переваливаясь и злобно оглядываясь на насъ.

Прелестнѣе этой береговой косы, на которую мы высадились, и представить себѣ трудно. Вся она тонула въ зелени. Ели; все пространство между ними заткали бѣлый мохъ, мягкія пуховины котораго едва слышно хрустѣли подъ ногою; гдѣ нибудь золотится на солнцѣ кудрявая березка между елями, точно рѣзвый мальчишка со солнечнымъ лучемъ въ глазахъ, съ солнечнымъ лучемъ въ улыбкѣ, забѣжавшій случайно въ толпу солидныхъ и важныхъ особъ, занятыхъ разрѣшеніемъ высшихъ вопросовъ. У самой воды поднимались трубочки дикаго лука, невинныя незабудки стыдливо прятали свои глупенькія глазки въ траву, да золотые лютики нахально кивали намъ отовсюду.

— Экое это мѣсто у васъ красивое! обратился я къ лопарямъ.

— Да мѣсто хорошее... только...

И они заговорили между собою по своему.

— Что только?..

— Такъ было тутъ дѣло такое.

— Нехорошее дѣло было.

— Разсказывайте.

— Не ко времю бы и вспоминать.

— Отчего не ко времю? не бѣда.

Тѣ переглянулись.

Библиотека "Руниверс"

— Ваши русскіе... О нихъ и рѣчь идетъ.

— Что-жъ? у насъ вѣдь и пословица есть— въ семьѣ не безъ урода.

— Тутъ, братъ, такое дурное вышло дѣло, началъ разсказывать мнѣ старикъ лопарь,— что и говоритъ-то жутко. Вонъ видишь ту вараку?

Вдали, на противоположномъ берегу Имандры, вся въ свѣту рисовалась передъ мною граціозная конусообразная гора. До половины она была покрыта лѣсомъ, дальше тонко очерчивалась на синемъ фонѣ неба ея ягелевая вершина.

— Вижу.

— Ну, такъ вотъ на самой верхушкѣ этой горы стояла вѣжа. Промышлялъ въ ней старикъ лопарь съ семьей. Лѣтомъ здѣсь, зимой они въ свой погостъ уходили. Въ Экъ-островъ. Слыхалъ про него? Здѣсь каждое утро сойдутъ бывало внизъ, закинутъ сѣти, вытащатъ что Господь дастъ на варю, да потомъ цѣлый день и отдыхаютъ. Женщины корзины изъ бересты плетутъ, сыновья въ лѣса уйдутъ, старикъ спитъ въ вѣжѣ... И счастливы были, чего больше лопарю? Сытъ сегодня, а завтра Богъ тоже не обидитъ, тоже рыбки пошлетъ... Въ семьѣ этой дочь одна была, красавица. Поди по всей лопской землѣ, какъ ее ни изойди,—такой не встрѣтишь. Такъ ее «Божіей дѣвушкой» и звали. Зимой въ туну къ ея отцу со всѣхъ погостовъ райбы съ женихами съѣзжались, да все замужъ не шла...

— Молода была?

— Нѣтъ. Лѣтъ четырнадцать ужъ, поди, считала...

— Разбирала тоже, вмѣшался другой лопарь.

— Жениха какъ оленя высматривала, когда покупаютъ его. У этого носъ толстъ, тотъ грязно ходитъ, этотъ съ дѣвушками веселиться не мастеръ, а тотъ пѣсенъ пѣть не умѣетъ.

— А она пѣла?

— Какъ ещё! Бывало какъ заноетъ — старики плачутъ. Сколько разъ я ее слышалъ! Станетъ гдѣ нибудь на горѣ, да оттуда на весь просторъ и выпѣваетъ. Сладко да хорошо такъ. Вѣкъ бы слушалъ ее и не ушелъ бы отсюда... Да вотъ поди же не далъ Богъ ей счастья...

— А все промышленники виноваты...

— Чѣмъ?

— Разъ подъ осень артель ворочалась съ Мурмана. Только у самаго этого мѣста молодой промышленникъ и заболѣлъ. Что съ нимъ сдѣлалось — Господь его вѣдаетъ. Только идти ему дальше нельзя было, его старикъ и принялъ въ свою вѣжу.

— Откуда-то парень былъ?

— Кандалацкій... Изъ села, изъ Кандалакши..

— Молодой.

— Годочковъ семнадцать, красивый такой... хорошій.

— И скромный, не пьяница.

— Не то-что изъ нашихъ бываютъ такіе, что упаси Господи! Не знаешь куда и дѣваться!

— Остался онъ у нихъ, выздоровѣлъ. Сталъ жить до зимняго пути. Днемъ-то съ сыновьями рыбу ловилъ, а вечеромъ съ дѣвушкой пѣсни пѣлъ.

— Васко онъ пѣсни пѣвалъ!

— Заслушаешься.

— Опослѣ мы и не слыхали, чтобъ такъ кто могъ пѣть...

— Онъ ее своимъ пѣснямъ училъ, а она его — своимъ. Такъ и заливаются оба. Только его русскія-то пѣсни лучше были. Какъ бывало зальется, такъ и не хочешь слушать а не оторвешься...И все то въ голову приходитъ и синь морская, и лѣса наши, и горы каменныя, а пѣсня то ужъ высоко-высоко, что твоя чайка залетаетъ.

— Бывало и такъ, онъ станетъ на той вонъ скалѣ, а она зайдетъ на эту... указалъ онъ на два острова, подымавшіеся невдалекѣ одинъ отъ другого. Эти были голые камни. Черные, горбившіеся надъ водою, разлапистыя.—Оба и начнутъ пѣть. Сначала она свою, а потомъ онъ — русскую. Пѣсни-то по водѣ далеко слышны. Хорошо было!..

— Что тутъ долго толковать! Слюбились онѣ. Дѣвку то онъ изгубилъ... Веселая бывало все такая ходитъ а тутъ потемнѣла, голову все въ низъ держитъ, на отца не взглянетъ Онъ изъ богатыхъ былъ, думала не женится.

— А родные ничего не замѣтили?

— Что имъ замѣчать-то? У насъ не вмѣшиваются, думаютъ, дѣвка сама себя сбережетъ.

— Только прошла осень, пошелъ снѣжокъ, милый дружочекъ по первопутничку и уѣхалъ въ саикахъ-кережкахъ. Только какъ разставаться съ нею, такъ нообѣщалъ наслѣдокъ скоро сватовъ прислать. Пѣли это они послѣдній вечеръ — плакать всѣмъ хотѣлось, такъ невесело было... Ее едва оторвали отъ него, какъ прощаться стала... Уѣхалъ... Прошелъ мѣсяцъ, другой прошелъ—а его нѣтъ какъ нѣтъ... Наши по дѣламъ побывали въ Кандалакшѣ, видѣли его, только онъ и не поминаетъ объ дѣвушкѣ. Видно забылъ совсѣмъ.

— Да и какъ русскому на лопкѣ жениться—свои же засмѣютъ!

— Бѣда!.. Случается это, правда, только на рѣдкость бѣдный какой нибудь развѣ, которому все равно. Ну, точно —женится. А кто не нуждается—что тому сраму на себя принимать.

Сознаніе приниженности своей, выраженное лопарями, тяжело на меня подѣйствовало.

Дѣвушку-то по всѣмъ погостамъ ославили. Нигдѣ ей покою не было. Особенно наши старухи! Парни жалѣли, да что подѣлаешь! Ей можетъ наша жалость еще больнѣй, чѣмъ смѣшки старухъ была! Терпѣла она терпѣла, да и пропала... Стали искать, и въ горѣ искали, и въ лѣсу, и на замерзшихъ озерахъ смотрѣли— нѣтъ дѣвушки. Пустились въ Кандалакшу, не туда ли спряталась — и тамъ не видать. Ни слуху, ни духу. Поплакали родители, да и забыли. Лѣтомъ, на этое самое мѣсто пришли промышлять—вѣжу разбили...

Лопарь потупился и продолжалъ уже какъ-то нехотя.

— Тутъ и вышло это... грѣхъ ея тяжкій. Разъ братья по Имандрѣ поднялись дальше, это будетъ на бродное Кентище, теперь тамъ станція казенная стоитъ. Сегодня увидимъ. Вышли они тутъ на берегъ и сѣли отдохнуть. Только смотрятъ они въ лѣсъ: «что бы это, говорятъ, было тамъ, ишь вороны такъ и вымываютъ.» Подумали, пошли... Что же ты думалъ, сестренку свою и сыскали, да какъ!.. И говорить-то тяжко...

— Эко бѣдная! вмѣшался другой.—Худо ей было должно быть.

— Лежитъ она на землѣ, вся волками да вороньемъ объѣденная. Только по шапкѣ мѣховой сестру узнали. Одна кожа да коса черная... Шла она должно быть зимою, туда, на старое мѣсто, гдѣ съ парнемъ слюбилась, да силы и не хватило, устала. Здѣсь и замерзла...

— Такая жалость была! Какъ вернулись съ лѣтняго промысла въ погостъ, да разсказали тамъ, такъ всѣ — и свои и чужіе —ревомъ ревѣли. Такъ любили ее всѣ...

— Ну, а парень-то что?

— Послѣ видѣли его, шелъ на промысла, веселый такой. Ему что!

— Братья, отецъ дѣвушки, или кто-нибудь изъ родныхъ ея, видѣли его?

— Родные и видѣли.

— И ничего?

— Что ты ему сдѣлаешь?

— Да и что дѣлать!.. Господь его въ свое время накажетъ, вмѣшался старикъ лопарь,—а намъ въ его Божье дѣло мѣшаться не слѣдъ. Это вѣрно.

Къ вечеру мы подъѣзжали къ этому «кентищу», гдѣ розыгрался послѣдній актъ этой драмы. На берегу у подножія громадной конусообразной вараки, острая вершина которой высоко подымалась изъ обступившаго ее со всѣхъ сторонъ лѣса, стояли туны казенной станціи. Вся эта мѣстность изображена на нашемъ рисункѣ. Красивая мѣстность потеряла теперь въ моихъ глазахъ все свое обаяніе. Отъ нее вѣяло смертью, тоскою и горемъ!

А ночь уже сходила, и гдѣ-то далеко-далеко сверкало отраженіе костра на водѣ.

В. Немировичъ-Данченко.

Кольчатый ужъ и травяная лягушка.

Пейзажисту, при его этюдахъ съ натуры, чаще чѣмъ кому либо, исключая развѣ охотника, представляются случаи наблюдать жизнь и нравы животныхъ въ лѣсахъ и поляхъ. Художникъ, отыскавъ то, что ему кажется достойнымъ его кисти или карандаша, и усѣвшись на своемъ походномъ стулѣ, а нѣтъ на нѣ, или просто на дерновой или обросшей мхомъ кочкѣ, закуривъ сигару, иногда необходимую, чтобы отогнать навязчивыхъ комаровъ, и разложивъ вокругъ себя и у себя на колѣняхъ свои рисовальныя принадлежности,— знать ничего не знаетъ обо всемъ остальномъ мірѣ; онъ принялся за работу. Сидитъ онъ тутъ точно прикованный, только рука его движется, да по временамъ голова склоняется то въ одну, то въ другую сторону. Онъ весь отдался желанію схватить на бумагу или на полотно прелесть освѣщенія какой нибудь группы деревьевъ, или нѣжный, прозрачный туманъ весенняго утра, или багряное зарево заката. Вокругъ углубленнаго въ свое занятіе художника, вся природа остается погруженной въ такую же тишину, какъ и до его прихода, когда рѣдкія вѣки и не подозрѣвали, что подъ ихъ высокими владѣніями, помѣститъ свой тронъ человѣкъ. Изъ-за густыхъ вѣтвей, маленькіе звѣрки любопытно и боязливо посматриваютъ на странныя палочки и бѣлые листья, по которымъ то и дѣло мажетъ большой незнакомецъ тамъ внизу. Но такъ какъ послѣдній не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, то и они скоро начинаютъ поступать точно также относительно его, и скоро до такой степени убѣждаются въ его безвредности, что продолжаютъ свои прерванныя забавы подъ бокомъ у него, у него подъ ногами, надъ самой его головой. Такое же довѣріе возбуждаетъ къ себѣ незнакомецъ и въ другихъ лѣсныхъ животныхъ. Самыя робкія изъ нихъ, какъ напримѣръ зайцы, кролики, отваживаются подходить совсѣмъ близко къ нему—и пугаются только, когда вдругъ перевернется листъ бумаги, раздастся громкое чиханье, или когда художникъ сдѣлаетъ какое-нибудь подозрительное движеніе. Однако слѣдующее за тѣмъ бѣгство показываетъ, что страхъ былъ не слишкомъ великъ; черезъ нѣсколько минутъ бѣглецы

Библиотека "Руниверс"

еще ближе подходятъ къ интересующему ихъ представителю человѣческой расы — и дѣлаютъ свои наблюденія надъ этимъ безвреднымъ экземпляромъ. Но не только такіе крупные звѣрки, даже самые крошечные лѣсные обитатели, нисколько не стѣсняются присутствіемъ незнакомца. Пернатый лѣсной хоръ не прерываетъ своихъ пѣсенъ, маленькая мышка съ своими родственницами, орѣшковой соней и бѣлкой, не прячутся по норкамъ. Вотъ одинъ изъ этихъ маленькихъ звѣрковъ усѣлся не дальше, какъ на шагъ отъ равнодушнаго, повидимому, наблюдателя. Звѣрокъ, на манеръ векши, сидитъ на заднихъ лапкахъ; хорошенькими, маленькими передними лапками сначала онъ граціозно моетъ свою мордочку, потомъ раза два старательно проводитъ подъ ушками; послѣ этого умыванья онъ беретъ орѣхъ или жолудь, и такъ беззаботно принимается за свой обѣдъ, какъ будто бы вблизи его и не думало быть никакого огромнаго живописца. Но тотъ, кто думаетъ, что звѣрокъ вовсе не замѣчаетъ этого человѣка, очень ошибется. Умные, подвижные, темные глазки часто посматриваютъ въ сторону незнакомой фигуры, зорко слѣдя за каждымъ подозрительнымъ движеніемъ. Если таковаго не оказывается, то обѣдъ спокойно продолжается, и затѣмъ, чисто по восточному, слѣдуетъ такое же тщательное умыванье. Еще разъ умные глазки внимательно осматриваютъ незнакомца, и—шушушу! звѣрокъ исчезъ.

Если вниманіе художника исключительно обращено на свѣтовые эффекты, то разумѣется ему некогда заниматься посторонними вещами. Но чаще всего онъ выбираетъ такіе сюжеты и такое время дня, что ему можно нѣсколько часовъ сряду заниматься однимъ предметомъ. Тогда онъ невольно обращаетъ вниманіе на разныя разности, случайно попадающіяся ему на глаза. Но сцены, которыя ему приходится наблюдать, не всегда бываютъ мирнаго характера. Борьба за существованіе и за подругу сердца —часто бываютъ причинами жаркихъ схватокъ, нерѣдко ведущихъ за собой кровопролитіе. При моихъ странствіяхъ, мнѣ не разъ случалось бывать свидѣтелемъ такихъ сраженій. Такъ, разъ, на моихъ глазахъ, два самца ящерицъ, вѣроятно вслѣдствіе ревности, ожесточенно сражались другъ съ другомъ, изумительно извиваясь своимъ гибкимъ, ярко зеленымъ тѣломъ, или подпрыгивая чуть не на аршинъ величины. Ежъ

Кольчатый ужъ и травяная лягушка. Рис. Шпехтъ, грав. О. Ротъ.

въ битвѣ съ гадюкой, также былъ разъ предметомъ моихъ наблюденій, не говоря о многихъ другихъ сценахъ въ подобномъ родѣ. Поводомъ къ нашей картинкѣ послужила одна сцена борьбы кольчатаго ужа съ лягушкой. Мы здѣсь дополнимъ словами тѣ подробности этой битвы, которыя не могли быть переданы на картинѣ.

Былъ жаркій іюльскій день. Полуденное солнце стояло вертикально надъ полями; въ

Библиотека "Руниверс"

лѣсу, окаймлявшемъ берега почти высохшаго ручья, царила тишина. Я комфортабельно улегся на мягкомъ мху подъ старымъ букомъ. Скромный завтракъ, взятый мной на всякій случай, если бы пришлось засидѣться въ лѣсу, только что былъ уничтоженъ, какъ вдругъ—раздается звукъ, какого я еще никогда не слыхивалъ, и какъ разъ возлѣ меня. Это былъ звукъ, похожій на болѣзненный пискъ маленькаго ребенка, жалобный, протяжный пискъ. Что никакого ребенка вблизи меня не было—въ этомъ я былъ убѣжденъ, потому что, только лишь передъ этимъ я кругомъ обошелъ все это мѣсто, будучи привлеченъ чудеснымъ запахомъ земляники. Въ нѣсколько шаговъ я былъ на мѣстѣ, откуда слышался пискъ. Тутъ моимъ удивленнымъ глазамъ представилась картина, живо вызвавшая въ моемъ воображеніи сказку о «львиномъ рыцарѣ», которую я съ увлеченіемъ читалъ въ дѣтствѣ. Въ ней именно представляется борьба удава со львомъ и спасеніе льва рыцаремъ. Конечно, еще въ школѣ идеалъ мой былъ разрушенъ, такъ какъ я узналъ, что удавъ никогда не нападаетъ на льва. Тѣмъ болѣе я былъ пораженъ, увидѣвъ въ нѣкоторомъ родѣ осуществленіе моихъ дѣтскихъ грезъ. Разница заключалась лишь въ томъ, что вмѣсто удава фигурировалъ его очень скромный и очень дальній родственникъ, а роль льва, очевидно не по доброй волѣ, исполняла жирная коричневая лягушка. Натуралисты конечно правы, признавая за амфибіями весьма мало ума, вслѣдствіе очень слабаго развитія мозговаго вещества у этого класса животныхъ. Лягушка была очевидно слишкомъ велика для ужа. Вмѣсто того, чтобы напасть на нее съ головы, онъ прежде всего схватилъ ее за правую ногу, оставивъ въ покоѣ лѣвую, которая между тѣмъ неутомимо била въ тактъ жалобнымъ звукамъ своей владѣтельницы. Мой миніатюрный удавъ должно быть не боялся щекотки, потому что правая лапа неутомимо ерзала въ его растянутой глоткѣ. Но ни пискъ, ни барахтанье не помогали. Процедура проглатыванья шла своимъ правильнымъ, довольно медленнымъ путемъ. Бѣдная лягушка уже почти до половины была втянута въ адскую пасть. Правая нога была уже проглочена до колѣна, а лѣвая крѣпко сжата страшнымъ кольчатымъ тѣломъ. Но тутъ появился львиный рыцарь. Толчкомъ палки я далъ ужу знать о своемъ присутствіи—и лягушка была выпущена изъ змѣиныхъ колецъ быстрѣе, чѣмъ была втянута ими. Непріятель очевидно хотѣлъ поскорѣе отдѣлаться отъ пищавшей изо всѣхъ силъ лягушки, которая мѣшала его собственному бѣгству. Такъ какъ теперь желанія обѣихъ сторонъ вполнѣ сходились, то есть обѣ хотѣли разойтись по возможности скорѣе, то дѣло быстро пошло на ладъ. Лягушка была свободна. Сдѣлавъ еще прыжка два на мѣстѣ—отъ радости что ли, не смѣю утверждать — она огромнѣйшими скачками исчезла изъ виду. О благодарности жалкая лягушка не имѣла ни малѣйшаго понятія. Какъ, напротивъ того, благородно поступилъ въ сказкѣ левъ съ рыцаремъ! Онъ всюду, какъ собака, ходилъ за своимъ спасителемъ, и когда его не пустили на корабль, на которомъ господинъ его уѣзжалъ на родину, то благородное созданіе бросилось въ море. Лягушка начала съ конца; она прежде всего бросилась, если не въ море, то въ лужу, образуемую ручьемъ въ болѣе глубокомъ мѣстѣ. Змѣя еще раньше лягушки привела въ исполненіе ту же самую мысль. Обѣ исчезли въ мутной водѣ.

Для тѣхъ, кому всегда хочется знать, какъ кончается исторія, комически или трагически, мы прибавимъ отъ себя: лягушка еще «попадется».

Историческое развитіе папской власти.

(Окончаніе.)

Рядомъ съ возвышеніемъ и распространеніемъ нравственнаго вліянія папъ въ умахъ западныхъ христіанъ, тѣмъ-же историческимъ путемъ шло и политическое возвышеніе ихъ,—пріобрѣтеніе и постепенное приращеніе владѣній, а вслѣдствіе этого—сознаніе своихъ силъ и стремленіе къ независимости отъ власти государя, стремленіе къ тому, чтобы въ одномъ своемъ лицѣ соединить верховный авторитетъ церкви съ самодержавіемъ государя.

Чтобы яснѣе обрисовать политическую дѣятельность папъ, намъ нужно возвратиться нѣсколько назадъ и бросить взглядъ на общее политическое устройство имперіи. Обращая вниманіе на отношеніе между духовною и свѣтскою властію на Востокѣ, мы замѣчаемъ значительный перевѣсъ послѣдней надъ первою. Основаніе такого преобладанія лежало отчасти въ личномъ характерѣ нѣкоторыхъ императоровъ и въ ихъ личныхъ цѣляхъ; но главнымъ образомъ — въ духѣ государственнаго устройства, въ современныхъ понятіяхъ о верховномъ правѣ императорской власти, въ современныхъ идеяхъ централизаціи. Личность въ это время уничтожилась, стягивались всѣ силы умственныя и нравственныя къ одному центру—все воплощалось въ одной идеѣ государства: личная свобода не имѣла никакого значенія въ духѣ такого устройства; каждый человѣкъ имѣлъ въ немъ значеніе только въ качествѣ гражданина,—все это подчинялось одной всемогущей государственной власти. Понятно, что такое устройство цѣликомъ было пересажено на Востокъ съ римской-языческой почвы. Но, тѣмъ не менѣе, и по освѣщеніи этой жизни свѣтомъ христіанства, идея централизаціи осталась основнымъ правиломъ политики для византійскихъ императоровъ. И въ ново-римской имперіи личность императора стоитъ гораздо выше всякаго другаго авторитета, составляетъ центръ, около котораго вращаются и отъ котораго исходятъ начала всей государственной жизни. Императору же принадлежитъ инициатива и въ дѣлахъ духовныхъ. Конечно, совершенное преобладаніе свѣтскаго авторитета надъ духовнымъ не было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой инициативы; но, тѣмъ не менѣе, во всѣхъ дѣйствіяхъ самыхъ лучшихъ государей—каковы Константинъ и Юстиніанъ—нельзя не видѣть перевѣса свѣтскаго начала надъ духовнымъ. Этотъ перевѣсъ яснѣе открылся, когда религіозныя вѣрованія начали раздѣлять эти двѣ власти. Борьба императоровъ съ патріархами всегда оканчивается гибелью послѣднихъ. Личности въ родѣ Анастасія, Льва Исаврянина, Копронима и др. представляютъ особенно рѣзкіе примѣры деспотизма и совершеннаго преобладанія императорской власти надъ духовною. При самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ (напр. съ X в.), высокій авторитетъ императора всегда оставляетъ въ тѣни достоинство патріарха.

Совершенно подъ иными условіями сложилась жизнь Рима послѣ паденія Западной Римской имперіи; здѣсь явились иныя отношенія и власти свѣтской къ духовной. Въ Константинополѣ идея императора во все время существованія имперіи остается на равной высотѣ; напротивъ, въ Римѣ, который съ паденіемъ имперіи получилъ характеръ областнаго города, сталъ вдали отъ императора,—авторитетъ его болѣе и болѣе понижается; симпатія къ византійскому двору—то по недостатку сочувствія его къ интересамъ Италіи, то по несогласію религіозныхъ вѣрованій,—постепенно охлаждается. Не смотря на страшное опустошеніе, на крайнее безсиліе и истощеніе внѣшнихъ и внутреннихъ силъ, Италія не теряетъ чувства своей національности; мало по-малу, пользуясь всѣми возможными случаями, она освобождается отъ вліянія имперіи и варваровъ и, наконецъ, оружіе Карла Великаго окончательно освобождаетъ ее отъ тягостнаго посторонняго вліянія и даетъ, давно желанную и стоившую ей вѣковыхъ усилій, національную самостоятельность. Эту трех-вѣковую борьбу за свою независимость Италія ведетъ подъ знаменемъ своего національнаго авторитета—римскаго епископа. Повидимому, безъ всякихъ притязаній, изъ одного побужденія дѣйствовать въ пользу бѣдствующаго отечества, принимаютъ на себя высокую общественную роль епископы Рима. Но подъ ихъ мудрымъ руководствомъ, ихъ дѣятельною помощію, которая и прежде неоднократно спасала Римъ среди трудныхъ обстоятельствъ, ихъ участіемъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, которое они по необходимости должны были брать на себя, по недостатку сочувствія свѣтской власти, — была спасена Италія. Это не осталось забытымъ въ памяти народа!

Хотя не легкая доля выпадала для римскаго епископа въ этомъ великомъ дѣлѣ,—много было потребно дѣятельности разумной, обдуманной и осторожной,— но епископы римскіе съ честію оправдали надежды націи. Вотъ что говоритъ исторія. Антипатія римлянъ къ варварамъ возрасла до послѣдней степени; они начали хлопотать о томъ, что лучше подчиниться единовѣрнымъ грекамъ, чѣмъ быть въ порабощеніи у варваровъ. Но нужно было вести это дѣло, сколько возможно, благовиднымъ образомъ, чтобы не навлечь подозрѣнія враговъ. Начинается переписка у епископовъ римскихъ съ

Библиотека "Руниверс"

императорами. Нужно замѣтить, что готскіе короли благосклонно относились къ духовной власти, считали ее безопасною для себя. И вотъ, чѣмъ менѣе могли навлечь на себя подозрѣнія въ этомъ дѣлѣ римскіе епископы, тѣмъ они усерднѣе приняли на себя эту трудную обязанность. Далѣе, самъ епископъ римскій Іоаннъ, вмѣстѣ съ другими послами Теодорика, отправляется къ императору Юстину, съ порученіемъ Теодорика ходатайствовать предъ императоромъ за аріанъ. Но если принять во вниманіе тогдашнее отношеніе римлянъ къ аріанству—совершенно невозможно предполагать, чтобы римскій епископъ сталъ дѣйствовать въ пользу ненавистнаго аріанства. Іоаннъ палъ жертвою гнѣва Теодорика за тайную измѣну. Этого обстоятельства нельзя иначе объяснить, какъ предположивъ, что епископъ дѣйствовалъ вовсе не въ видахъ своего государя,—что подтверждается между прочимъ и особенно-ласковымъ и даже торжественнымъ пріемомъ его при византійскомъ дворѣ. Затѣмъ, мы видимъ второе посольство къ императору Юстиніану (въ 536 году), въ которомъ участвуетъ также римскій епископъ Агапитъ, отправляющееся въ Константинополь для переговоровъ. Но о чемъ? Неужели снова о пользахъ готовъ и царя ихъ? При тѣхъ отношеніяхъ, какіи существовали въ это время между побѣдителями и побѣжденными, нельзя предположить этого. Не къ тому располагали внутреннія обстоятельства Италіи. Незадолго предъ тѣмъ пріѣзжали послы изъ Константинополя для разсужденіи «о дѣлахъ вѣры». Это посольство и въ отвѣтъ ему отправленное изъ Рима, во главѣ котораго былъ самъ папа, приводятъ къ той мысли, что во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ римскій епископъ дѣйствовалъ въ пользу италіанской національности. И послѣдствія этихъ переговоровъ показали, что римскій епископъ былъ во главѣ національнаго движенія; онъ былъ главнымъ и единственнымъ посредникомъ (между римлянами и королемъ готовъ) и политическимъ представителемъ всей націи римской (предъ дворомъ византійскимъ); и нужно сознаться, съ честію великаго дипломата исполнилъ свое дѣло. Возвращеніе древняго достоянія константинопольскаго императора совершилось тоже при его содѣйствіи: онъ, можно сказать, отворилъ (или убѣдилъ народъ отворить) ворота Рима полководцамъ Юстиніана, которые, овладѣвъ Римомъ, истребили почти всѣхъ готовъ. Далѣе, не безъ причины Нарцесъ, стѣсненный въ Римѣ готами, посылаетъ римскаго епископа Вигилія просить у императора подкрѣпленія; не безъ причины родилась къ нему довѣренность и Юстиніана, простиравшаяся до того, что онъ узаконилъ за римскимъ епископомъ право наблюденія за поведеніемъ гражданскихъ правителей и чиновниковъ, контроль надъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ страны. Всѣ эти факты ясно показываютъ то политическое значеніе, какое имѣлъ римскій епископъ и какъ смотрѣли на него короли готскіе и Юстиніанъ.

Со времени Григорія Великаго римскій престолъ получаетъ значеніе въ высшей степени національное и восходитъ на степень первой общественной власти въ Италіи. Такъ продолжалось VII вѣкъ. Въ этотъ періодъ времени — отъ святительства Григорія Великаго до достойнаго преемника его величія Григорія II, — подъ мирнымъ и благодѣтельнымъ надзоромъ своего епископа и умѣреннымъ владычествомъ византійскаго императора,—окрылилась и окрѣпла національность Италіи; переродившись въ годину испытаній и вѣковыхъ (прошедшихъ) бѣдствій, она воспитала въ себѣ сознаніе своихъ силъ и любовь къ свободѣ. И когда наступило время показать свои силы, она выказала всю свою энергію и любовь къ своему воспитателю и, такъ сказать, опекуну ея задушевныхъ сокровищъ—къ римскому епископу. Это было въ VIII вѣкѣ. Въ это время на престолѣ константинопольскомъ, къ несчастію всей имперіи, былъ Левъ Исаврянинъ, сильный только своимъ непобѣдимымъ упорствомъ и безпощаднымъ деспотизмомъ. Онъ первый подалъ поводъ къ самому энергическому проявленію національной антипатіи Италіи къ ея слабымъ и нерадивымъ обладателямъ. При всей своей внутренней и внѣшней слабости византійскіе императоры требовали одной покорности имъ, и не разъ заставляли чувствовать свою власть самымъ ощутительнымъ образомъ. Левъ Исаврянинъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ идеи самодержавія, или лучше: самовластвованія. Его эдиктъ противъ иконопочитанія встрѣченъ былъ въ Италіи самымъ недружелюбнымъ образомъ. Григорій II не упустилъ благопріятнаго случая отдалиться отъ посторонняго вліянія. Въ отвѣтъ на указъ императора противъ иконопочитанія, онъ настойчиво и сильно упрекаетъ его въ безбожіи—какъ духовный, и съ тѣмъ вмѣстѣ угрожаетъ отпаденіемъ Италіи отъ его власти—какъ человѣкъ, который чувствуетъ себя въ силахъ опредѣлять и политическую судьбу этой страны. Встрѣтивъ такую сильную оппозицію, Левъ покушается низложить непокорнаго епископа силою своей императорской власти — и встрѣчаетъ еще сильнѣйшую преграду въ безграничной любви народа къ своему епископу, своему національному авторитету,—любви, готовой на смерть за своего пастыря. Дѣло не обошлось даже безъ кровопролитія: лицъ, подозрѣваемыхъ въ замыслѣ противъ святителя, народъ нѣкоторыхъ убилъ, а нѣкоторыхъ сослалъ въ заточеніе. Это обстоятельство, въ связи съ другими предшествовавшими посягательствами греческимъ императоровъ противъ національныхъ интересовъ Италіи, при ихъ личной слабости и холодности къ римской націи, — все это, взятое вмѣстѣ съ разностію въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, было довольно сильно для того, чтобы ися симпатія римской Италіи безъ раздѣла отнеслась къ римскому престолу, — что-бы въ немъ, а не во власти греческой, такъ мало принимавшей участія въ судьбѣ Италіи, она видѣла надежную опору своихъ политическихъ интересовъ. Антипатіи къ греческой и всякой другой посторонней власти отдѣлила западный міръ отъ восточнаго— и создала въ лицѣ римскаго епископа свою собственную національную, политическую власть. Начавшееся несогласіе Востока съ Западомъ въ предѣлахъ религіозныхъ вѣрованій и въ практикѣ церковной и, въ продолженіе двухвѣковыхъ споровъ и раздѣленій, постоянно усиливавшееся, кончилось совершеннымъ отдѣленіемъ западной церкви отъ восточной; а вслѣдъ за тѣмъ уничтожились и послѣднія отношенія Рима къ Константинополю,—и римскіе епископы, а съ ними и вся римская нація, совершенно сбросили съ себя и послѣднюю тѣнь зависимости и подчиненія, въ какомъ находились еще къ восточнымъ императорамъ.

Постепенный ходъ историческихъ событій, невидимо для современниковъ, но за то наглядно для послѣдующихъ поколѣній, клонился къ постепенному приращенію власти римскаго первосвященника. Самая феодальная система, своей отрицательной стороной, очень много послужила къ усиленію этой власти. Своеволіе и безпорядки вассаловъ имѣли свое глубокое вліяніе на все общество. При болѣе или менѣе тѣсномъ объединеніи побѣдителей съ побѣжденными, духъ первыхъ перешелъ и къ послѣднимъ, заразилъ и духовное сословіе. Съ появленіемъ леновъ свѣтскихъ, появились и духовные. Многіе изъ варваровъ вошли въ духовное сословіе и сдѣлались священниками; епископы въ своихъ епархіяхъ и аббаты въ своихъ монастыряхъ сдѣлались сами вассалами, а низшіе духовные члены—ихъ подвассалами. Необузданность и своеволіе вассаловъ свѣтскихъ заразили и духовенство, и самая чистота вѣры помрачилась отъ наплыва такихъ враждебныхъ къ ней элементовъ, которые соединялись только въ двухъ пунктахъ—невѣжествѣ и суевѣріи и поддерживались однимъ началомъ—корыстолюбіемъ. Общее сознаніе народнаго духа не могло оставаться хладнокровнымъ при подобныхъ явленіяхъ; настояла потребность уврачевать язвы общества, очистить нравы высшихъ сословій—духовнаго и свѣтскаго; а это возможно только при централизаціи той и другой верховной власти—духовной и свѣтской. И вотъ, въ геніальномъ умѣ одного человѣка раждается мысль объединить общество гражданское единствомъ самодержавной власти, а для церковнаго управленія возвысить и образовать центральную власть въ лицѣ римскаго первосвященника.

Мысли и начинанія великихъ людей не пропадаютъ; не пропалъ для послѣдующихъ поколѣній и планъ Карла Великаго — объединить духовное общество, создавши среди его центральную власть. Онъ самъ первый приложилъ къ дѣлу свой планъ преобразованія европейскаго общества, и въ ду-

Библиотека "Руниверс"

ховномъ и гражданскомъ отношеніяхъ.—Стѣсняемые съ разныхъ сторонъ варварами, римскіе епископы, какъ представители всей римской націи, напрасно обращаются съ мольбою о защитѣ къ греческимъ императорамъ. Слабые сами по себѣ и тревожимые въ разныхъ предѣлахъ своей слабѣющей имперіи разными непріязненными народами, и въ особенности магометанами, императоры греческіе не могутъ защитить Запада, если бы и питали къ нему сочувствіе. Это даетъ поводъ римскимъ епископамъ входить въ сношенія съ королями новообразовавшихся западныхъ державъ, особенно съ королями франковъ. Изъ этихъ сношеній, обусловливаемыхъ взаимною выгодою, составляются союзы, обезпечивающіе ту и другую сторону. Римскій епископъ ищетъ защиты отъ нападеній варваровъ (лонгобардовъ), франки помогаютъ избавиться отъ нихъ; желая добиться большаго расположенія, римскій епископъ входитъ въ сношенія съ усилившимися, во время слабости французскихъ королей, палатными мэрами — и возводитъ благодѣтельствующую ему фамилію въ царское достоинство посредствомъ священнаго мѵропомазанія. За такую услугу платится тоже услугою — папа получаетъ отнятый у лонгобардовъ Равенскій экзархатъ, и, такимъ образомъ, къ прежней важности и величію власти прибавляется власть свѣтскаго владѣльца обширной области, на правахъ независимаго государя. Этотъ союзъ, основанный на взаимныхъ выгодахъ, укрѣпляется еще болѣе послѣдующими событіями. По просьбѣ Адріана I, Карлъ Великій идетъ съ войскомъ въ Италію, окончательно уничтожаетъ королевство лонгобардское и увеличиваетъ владѣнія римскаго епископа присоединеніемъ къ нимъ новыхъ земель. За такія пожертвованія и знаки высокаго уваженія, Карлъ, въ свою очередь, получаетъ изъ рукъ Льва III корону римскаго императора, которая имѣла особенно-важное значеніе для Карла, какъ средство къ выполненію давно-задуманнаго имъ плана — чрезъ объединеніе всѣхъ слоевъ общества подъ самодержавною властію дать новый видъ устройству политической жизни Европы. Это событіе 800 года, 25 декабря, имѣло такое дѣйствіе на умы народа, что простой народъ сталъ считать папу хранителемъ и обладателемъ римской короны, имѣющимъ право возлагать ее на главу достойную ея. Понялъ это и самъ Карлъ, когда, какъ бы для ослабленія столь сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на умы народа его коронованіемъ, самъ короновалъ своего сына Людовика; но и папы тоже не опустили изъ виду столь благопріятнаго для нихъ обстоятельства. По смерти Карла, преемникъ Льва III Стефанъ IV снова коронуетъ Людовика, и затѣмъ всѣ послѣдующіе папы съ особенною заботливостію совершаютъ обрядъ коронованія надъ потомками Людовика. Послѣ этого не мудрено, что всѣ, начиная съ императоровъ, и вассалы и народъ—привыкли думать, что санъ императорскій есть даръ римскаго первосвященника. Тѣмъ болѣе сами епископы римскіе не могли не понять положенія, въ которое ставило ихъ общее народное сознаніе, сознаніе цѣлаго Запада. Они уже смѣлѣе высказываютъ притязанія свои на независимость. Императоры между тѣмъ все болѣе и болѣе слабѣютъ, такъ что римскіе епископы почти безъ труда распространяютъ свою власть надъ всѣми потомками Карла, и не только въ своихъ владѣніяхъ, но и во всемъ Западѣ становятся самодержавными государями, судьями и рѣшителями участи государей. Такъ, не болѣе какъ черезъ полвѣка по смерти Карла, папа Николай I является судьею внука Карлова Лотаря въ распрѣ съ его супругою и отлучаетъ его отъ церкви.

За тѣмъ проходятъ два вѣка безъ всякаго особеннаго приращенія власти римскихъ епископовъ. То были вѣка слабыхъ представителей, — не величія, но упадка нравственнаго, —потому что въ матеріальномъ отношеніи, при всей внутренней слабости и растлѣнности нравовъ представителей власти, самая власть не ослабѣла и не потеряла своего великаго значенія, какъ созданіе не одного личнаго генія, а крѣпкое созданіе много-вѣковой исторіи. То были вѣка спора церквей, окончившагося совершеннымъ отпаденіемъ, какъ мы сказали, западной церкви отъ восточной.

Вскорѣ послѣ этого, великаго и богатаго своими послѣдствіями, событія, является на римскомъ престолѣ человѣкъ геніальный, стоящій выше всѣхъ своихъ предшественниковъ и своею обширною ученостью и строгой нравственностію, соединявшій со всѣми личными достоинствами и многолѣтнюю опытность въ дѣлахъ церковныхъ и политическихъ. Этотъ человѣкъ — Григорій VII Гильдебрандъ. Начавши свое воспитаніе съ самаго низкаго послушанія монашеской жизни, онъ воспиталъ въ себѣ твердую волю и непреклонный характеръ: все передумалъ, все перечувствовалъ въ тишинѣ монастырской келіи и испробовалъ свои силы во время правленія многихъ своихъ предшественниковъ, бывши ихъ вѣрнымъ помощникомъ и главнымъ заправителемъ всѣхъ дѣлъ въ санѣ кардинала. По принятіи папской тіары, онъ пошелъ къ своей цѣли путемъ вѣрно обдуманнымъ и расчитаннымъ. Всѣ средства были уже подготовлены заранѣе предшествовавшими обстоятельствами, оставалось только умѣючи воспользоваться ими, — и онъ блестящимъ образомъ употребилъ въ дѣло всѣ эти средства. Мы не будемъ здѣсь говорить о дѣятельности этого геніальнаго человѣка вообще, а укажемъ только на планъ его дѣйствій и на результатъ ихъ. Планъ его дѣйствій былъ таковъ: ввести больше чистоты и нравственности въ церковь и церковію преобразовать общество,—подчинить свѣтскій міръ церкви, а церковь — папскому престолу. Начавши безбрачіемъ священниковъ, онъ кончилъ совершенною независимостію духовенства отъ власти императорской. Его знаменитая борьба съ Генрихомъ IV за право инвеституры, унизившая и уничтожившая послѣдняго въ глазахъ всего Запада, возвысила до громадныхъ размѣровъ значеніе папъ и заставила думать, что съ этою властію невозможна и напрасна борьба свѣтскихъ государей. Въ лицѣ Генриха IV власть императорская смирилась предъ властію римскаго первосвященника. Если Григорій VII не дожилъ до полнаго осуществленія своего широкаго плана, то по крайней мѣрѣ пережилъ полное уничиженіе сана императорскаго предъ саномъ римскаго первосвященника, и оставилъ своимъ преемникамъ вѣрный путь къ верховному самодержавію своей духовной и свѣтской власти.—Такъ рѣшено было первенство папской власти не только надъ мѣстными духовными властями въ Западной Европѣ, но и надъ властію свѣтскою. И управленіе церковное, основанное доселѣ на правахъ феодальной аристократіи, превратилось въ монархію:— папа неограниченно царствовалъ надъ всѣмъ западнымъ духовенствомъ.

Такимъ образомъ, на основаніи началъ, положенныхъ Григоріемъ, папская власть безпрерывно возростала. Крестовые походы, спустя 20 лѣтъ по смерти Григорія VII начавшіеся, еще болѣе возвысили и укрѣпили ее. Зенитомъ папскаго могущества было первосвященство Иннокентія III. Все что Григорій VII приготовилъ для самодержавія своей власти въ теоріи, то Иннокентій III выполнилъ на практикѣ: граждане Рима, зависѣвшіе до того отъ императора, даютъ присягу на вѣрность папѣ Иннокентію какъ своему законному государю. Этого мало: Иннокентій самовластно распоряжается коронами государей. Отлучаетъ отъ церкви французскаго короля Филиппа-Августа, возлагаетъ богемскую корону на Перемысла, вѣнчаетъ аррагонскаго короля и царя болгарскаго; вновь ополчаетъ Европу на Азію, и крестоносцы, имъ двинутые, завоевываютъ Греческую имперію и повергаютъ ее къ подножію его престола; повелѣваетъ англійскому королю Іоанну Безземельному признать себя подданнымъ папы, а свое государство—областію, отъ папы ему пожалованную; отнимаетъ императорскую корону у Оттона IV и возлагаетъ ее на Фридриха II Гогенштауфена.—Вся Западная Европа представляетъ при Иннокентіѣ III одну обширную монархію, въ которой одинъ безграничный самодержецъ — папа. Духовное сословіе и въ особенности монашескіе ордена: доминиканскій и францисканскій,—изъ которыхъ первый дѣйствовалъ въ высшихъ классахъ общества и воспитывалъ покорность папѣ въ будущихъ поколѣніяхъ, а послѣдній держалъ простой народъ въ слѣпомъ благоговѣніи къ себѣ и къ папѣ,—разлитые по всему пространству Европы, представляютъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ и усерднѣйшихъ слугъ, преданныхъ единственно видамъ и выгодамъ своего владыки, съ пассив-

Библиотека "Руниверс"

Живой телеграфъ. Рис. Греглера, грав. Пейнс.

Библиотека "Руниверс"

нымъ стремленіемъ исполняющихъ святую волю, для нихъ, святѣйшаго отца и намѣстника апостольскаго. А свѣтскія сословія, то связываемыя клятвами и угрозами страшнаго Ватикана, то обезпечиваемыя на будущее время и разрѣшаемыя за протекшую жизнь во всѣхъ нравственныхъ проступкахъ, обильно раздаваемыми индульгенціями отъ руки намѣстника Христова на землѣ,—или спѣшатъ, подъ знаменіемъ креста, освобождать Святую Землю, или, что еще хуже, въ безпечности предаются всѣмъ возможнымъ порокамъ и представляютъ безсловесное стадо, которое пасущій ведетъ туда, куда ему угодно.

История возрастила и развила папство; но она-же, и по тѣмъ-же законамъ преемственности, и свела папъ съ ихъ высокаго пьедестала. Крестовые походы были послѣднею ступенью къ могуществу для папской власти; но въ нихъ-же, подъ блестящей наружностью прекраснаго и зрѣлаго плода вѣковой дѣятельности папъ, зародился и тотъ червь, который подточилъ впослѣдствіи это громадное тѣло... Во время странствій въ Святую Землю отрезвились умы народовъ: въ нихъ глубоко запало сѣмя сомнѣнія на счетъ законности безграничнаго владычества папъ; родилась свѣтлая мысль, что папская власть сдѣлала свое дѣло, выполнила свое назначеніе для воспитанія молодыхъ народностей подъ сѣнію христіанскаго ученія и своей опекунской заботливости, совершила свой историческій путь, дошла до того Рубикона, переступивши за который она становилась уже не властію благодѣтельною, а противу-человѣческимъ и противу-христіанскимъ порабощеніемъ,—порабощеніемъ, простиравшимся не только на внѣшнюю, но и на самую внутреннюю, духовную жизнь человѣка... Въ лицѣ Бенедикта VIII, папская власть, въ самомъ апогеѣ своего величія, получила первый ударъ, тѣмъ болѣе чувствительный, что онъ былъ неожиданъ: эта власть въ упоеніи своего величія дошла до того состоянія, въ которомъ человѣкъ не думаетъ о возможности какой-либо опасности.

Архимандритъ Алексій.

Прогулка по Пекину.

(Барона Александра Гюбнера).

(Окончаніе.)

Равнодушіе мимопроходящей публики образуетъ съ этой чрезмѣрной пышностью поразительный контрастъ. Никто даже не останавливается; рѣдко, если кто-нибудь злобно посмотритъ на шествіе, да и то потому, что занятые люди неохотно переносятъ всякую задержку на улицѣ. И не мудрено: подобныя ежедневно повторяющіяся зрѣлища усвѣваютъ всѣмъ надоѣсть до-нельзя. Ими интересуются только родственники покойнаго, а больше всѣхъ его близкіе родные, на карманѣ которыхъ подобная исторія отзывается болѣе чѣмъ чувствительно.

Не смотря на эти и подобныя имъ препятствія и затрудненія, я весьма охотно расхаживалъ по улицамъ Пекина, потому что все происходитъ здѣсь какъ-то совершенно иначе, чѣмъ у насъ.

Мы находились въ одной улицѣ, ведущей къ запрещенному городу. Широко растворенные ворота послѣдняго позволяли мнѣ бросить взглядъ на освященныя мѣста. Но они оказались похожими на неосвященный Пекинъ, какъ двѣ капли воды.

Вдругъ мы услышали позади насъ шумъ. Огромная толпа народа собралась вокругъ одного оборваннаго, почти голаго парня и одной женщины, которая въ бѣшеномъ изступленіи осыпала его ругательствами. Мужчина этотъ ее обокралъ; вещественныя доказательства совершеннаго преступленія находились еще въ его рукахъ. Отвратительно грубая сцена! Но вдругъ воцарилась тишина. На сцену выступаетъ какой-то старикъ; его походка граціозна и полна достоинства, а лицо дышетъ кротостью и нѣжностью. Съ благосклоннымъ взоромъ осматриваетъ онъ обвиняемаго, обращаетъ къ нему нѣсколько вопросовъ, дотрогивается до его плечъ и удаляется. Толпа съ благоговѣніемъ уступаетъ ему дорогу. На разстояніи около 200 шаговъ слѣдуетъ за нимъ преступникъ, съ поникшей головой и скрещенными на груди руками. Почтенный старикъ этотъ — полицейскій чиновникъ. Несчастный воръ, совѣсть котораго вѣроятно была отягчена еще какими нибудь преступленіями, былъ такимъ образомъ арестованъ; его путь лежитъ къ темницѣ; онъ знаетъ, что ожидаетъ его: бамбуковая трость, пытки, голодъ, болѣзнь и смерть.

За уединенными прогулкамъ, предпринятыми мною пѣшкомъ, послѣдовали верховыя партіи въ обществѣ многочисленной молодежи. У всѣхъ насъ были великолѣпныя верховыя лошади. Эти монгольскія «пони» отличаются быстрою поступью и ретивою наружностью; часто любятъ подыматься на дыбы и, закусивъ удила, мчаться съ ѣздокомъ, чего нельзя не простить этимъ буйнымъ дѣтямъ степи, гордымъ благородной кровью, текущей въ ихъ жилахъ.

Кавалькада прошла китайскій городъ по всей его ширинѣ и достигла наконецъ большой, неправильной площадки; на противоположной сторонѣ ея мы увидѣли Тіенъ-танъ или храмъ Неба, посѣщаемый разъ въ году Богдыханомъ, но оставленный и забытый во все остальное время. Врата его обыкновенно заперты, особенно для иностранцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые посѣтившіе его американскіе путешественники позволили себѣ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, устроить пикникъ на алтарѣ «ежегоднаго жертвоприношенія». Къ счастію существуютъ нѣкоторыя средства, помощью которыхъ можно вступить въ сдѣлку съ Небомъ, или лучше сказать, съ стражами храма, который носитъ на себя это имя. Легко, конечно, это не дѣлается; тутъ требуется совокупное дѣйствіе хитрости, насилія и денегъ. Когда мы приблизились къ храму—ворота его, по счастливой случайности, стояли отворенными. По совѣту одного господина, служившаго намъ проводникомъ, мы сдѣлали видъ, будто желаемъ проѣхать мимо. Между тѣмъ этотъ другъ нашъ внезапно наскочилъ на стоявшихъ у воротъ стражей, которые съ страшными криками старались задержать его, ловко пробилъ себѣ дорогу черезъ эту маленькую толпу и счастливо проникъ въ предхраміе. Его примѣру послѣдовали и мы, конечно, съ не менѣе благопріятнымъ результатомъ.

Нашъ другъ своими зоркими глазами вскорѣ замѣтилъ и другія открыто стоявшія ворота, мы пришпорили лошадей и спустя нѣсколько секундъ находились уже во второй внутренней оградѣ. Тутъ окружила насъ цѣлая толпа рабовъ, исполняющихъ должность храмохранителей. Люди эти, не отличавшіеся особенно приличною наружностью, встрѣтили насъ дружнымъ и дикимъ ревомъ. Ливреи ихъ были сильно изношены, а относительно опрятности тоже оставляли кое-чего еще желать. Но вотъ, наконецъ, завязались переговоры, самый пріятный случай для переводчиковъ—пустить въ ходъ свои дипломатическія дарованія и знаніе языковъ. Китайцы вскорѣ понизили свой голосъ на нѣсколько октавъ и въ знакъ почтительности опустили свои косы на плечо (во время работы у простаго народа косы остаются обвитыми вокругъ головы). Послѣ еще одного краткаго обмѣна мыслей, злобное выраженіе ихъ лицъ окончательно уступило мѣсто дружелюбному скаленію зубовъ и самымъ приторнымъ изъявленіямъ вѣжливости. Однимъ словомъ, мы стали уже понимать другъ друга. Дѣло было въ томъ, чтобы приблизительно сосчитать число бамбуковыхъ ударовъ, имѣющихъ выпасть на долю стражей за беззаконное допущеніе въ храмъ «чужихъ діаволовъ», и созразмѣрно этому опредѣлить слѣдуемую имъ за эту боль плату. Когда, къ обоюдному удовольствію, дѣло наконецъ уладилось, насъ впустили, умоляя при этомъ ничего не портить и ничего не унести съ собою, иначе дѣло ужь не обойдется одними бамбуковыми ударами, тутъ не ровно и голову тебѣ отрубятъ, «а это, понимаете ли вы» говорили они съ плачевнымъ видомъ: «вещь далеко ужь не шуточная».

Храмъ Неба съ своимъ паркомъ и дворами, окруженными стѣнами и рвами, занимаетъ двѣ мили въ окружности. Роща его, состоящая изъ кедровъ и хвойныхъ деревьевъ, смотритъ совершенно одичалой, напоминая собою дѣвственный лѣсъ. Самое замѣчательное зданіе—это святилище ежегоднаго жертвоприношенія, воздвигнутое въ срединѣ прошлаго столѣтія. На совершенно круглой террасѣ возвышается круглый же, или, точнѣе сказать, многоугольный храмъ, окруженный тремя концентрическими мраморными балюстрадами. Стѣны въ немъ замѣнены рѣшеткою фантастической рѣзной работы, украшенной лазуровою эмалью. Три крыши, поставленныхъ одна надъ другой въ родѣ сложнаго зонтика, покрыты синими кирпичами. Странное это зданіе смотритъ какъ-то элегантно, а вмѣстѣ съ тѣмъ до вычурности искусственно и грубо, поражая глаза самыми странными и неожиданными перекрещиваніями своихъ линій, успокоивая его въ то же время самою нѣжною гармоніей цвѣтовъ. Какъ пріятно сливаются тамъ бѣлизна мраморныхъ балюстрадъ съ чериобурымъ оттѣнкомъ рѣшетчатыхъ стѣнъ и темною лазурью покрывающей ихъ снаружи эмали. Если смотрѣть на это издали, то эфектъ становится еще поразительнѣе; легкія извилистыя линіи балюстрадъ въ сочетаніи съ видимо къ нимъ приближающимися извилинами трехъ зонтичныхъ крышъ, дѣйствительно производятъ какое-то своеобразное невыразимое впечатлѣніе. Вы готовы даже удивляться изобрѣтательности и игривой фантазіи архитектора,—хотя на самомъ дѣлѣ эти замѣчательные эфекты нисколько не обязаны ему своимъ происхожденіемъ; они вызываются просто грандіозными размѣрами зданія и за-

Библиотека "Руниверс"

конами оптики. Воображеніе же китайцевъ тутъ собственно ни при чемъ.

Внутренность храма недоступна обыкновеннымъ смертнымъ; только Богдыханъ, принцы крови и его свита могутъ туда проникать. Колоссальные замки препятствовали и намъ переступить порогъ святилища. Къ счастію, храмохранители нашли, что не стоитъ труда насъ проводить. Увѣренные съ одной стороны въ неизбѣжности ожидающихъ ихъ бамбуковыхъ ударовъ, съ другой стороны увѣренные также въ полученіи обѣщанной нами награды, часть которой была имъ уже вручена въ видѣ задатка, они предоставили намъ полную возможность распоряжаться въ храмѣ Неба по нашему благоусмотрѣнію. Мы начали тщательно осматривать всѣ замки—и къ нашему величайшему удовольствію одна дверь отворилась, и мы вступили въ святилище. Четыре деревянныхъ колонны, богато украшенныхъ рѣзною работою и живописью, и связанныхъ вверху четырьмя перекладинами подобной же отдѣлки, поддерживаютъ украшенную инкрустрами галлерею, на которой покоится громадный куполъ. Послѣдній, насколько я могъ различать при слабомъ свѣтѣ, казался сплошь осѣвшимъ и подобно колонамъ и инкрустрамъ покрытъ рѣзною работою и лакомъ. Это единственный куполъ, который я видѣлъ во всемъ Китаѣ. Только здѣсь, при помощи рѣзкаго контраста между таинственнымъ полумракомъ внутри и яркостью дневнаго свѣта снаружи, насъ поразила удивительная красота и разнообразіе рѣшетки, замѣняющей, какъ я уже сказалъ, стѣны храма и представляющейся глазу, обращенному на нее изнутри, въ видѣ грандіозной паутины.

Ни одного кумира мы не замѣтили въ храмѣ и вообще ничего такого, что могло бы напомнить о томъ, что это мѣсто посвящено молитвамъ. Это великолѣпный кіоскъ, достойный служить мѣстомъ свиданія между властителемъ неба и повелителемъ земли.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ храма возвышается открытый алтарь, на которомъ совершается ежегодное жертвоприношеніе: это круглая платформа изъ бѣлаго мрамора, вышиною въ 30 футовъ и составленная изъ трехъ террасъ, имѣющихъ въ діаметрѣ 120, 90 и 60 футовъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ храма, преобладаетъ тройственность чиселъ. Колѣна лѣстницы состоятъ изъ трехъ, девяти, или двѣнадцати ступеней, — всегда произведеніе отъ умноженія на три. Подобное же отношеніе мы замѣчаемъ въ прочихъ элементахъ этого зданія: каменныхъ плитахъ мостовой, перилахъ галлереи, и т. д. Въ храмѣ «Земли», который находится за сѣверной частью городской стѣны, два образуетъ основное число. Въ этомъ нужно видѣть совокупное вліяніе китайской теологіи и геометріи; но никто однакожь не могъ мнѣ объяснить таинственный смыслъ этихъ основныхъ чиселъ.

Живой телеграфъ.

Въ комнату ключницы, Мавры Панкратьевны, вбѣжалъ казачокъ Митя и доложилъ:

— Тетенька-съ, сватьбы не будетъ-съ!

— Что? Что ты врешь?

— Вѣрно-съ! Баринъ съ барыней въ гостиной . . . баталія идетъ . . У дверей Маша и Григорій Петровичъ слушаютъ . . Чудесно слышно! А барышня ушла въ свою комнату . . въ слезахъ – и заперлась . . Самъ видѣлъ!

Мавра Панкратьевна, дама довольно плотная, круглая, въ чепчикѣ, въ чистомъ фартукѣ, только расположилась было испить кофейку—настоящаго мокскаго (не даромъ она была *ключницей)* — и вотъ не удалось: ну, какъ не пойти? Однако, она и виду не показала, что крѣпко заинтересовалась такой новостью: наморщивъ съ трудомъ брови, она встала и проговорила:

— И ты—дуракъ, да и Маша-то съ Григорьемъ—хороши . . Подслушивать! Ну, хочешь кофею? Садись, пострѣлъ.

Митя вытаращилъ глаза . . Кофеемъ угощаетъ? Никогда этого не было . . Ну-да ладно, не обманешь! Я духомъ выпью и опять туда! . . подумалъ онъ, и вслухъ сказалъ:

— Хочу-съ . . Только, тетенька, я не подслушивалъ . . Какъ можно! Это вотъ они . .

— Ну, ну . . Въ накладку что-ли?

— Въ накладку-съ позвольте . .

Мальчикъ присѣлъ къ столу, а Мавра Панкратьевна, наливъ ему большую чашку кофе, вышла изъ комнаты, забывъ даже пріубрать сахарницу.

***

Въ роскошно-убранной гостиной, на диванѣ полулежала дама, лѣтъ подъ сорокъ, въ утреннемъ неглиже. Она обмахивалась платкомъ и, какъ видно, была взволнована. Прислонившись къ камину, стоялъ господинъ, уже пожилыхъ лѣтъ, но еще крѣпкій, молодцоватый, въ сюртукѣ, съ орденомъ на шеѣ. Это—супружеская чета: Софья Николаевна и левъ Михайловичъ Ландышевы.

— Не хочу, не хочу — и баста!

— Ахъ, зачѣмъ ты кричишь? . . И все-таки скажу: ты всегда былъ упрямъ – да! Всегда мнѣ на перекоръ . . даже въ пустякахъ! говорила нараспѣвъ Софья Николаевна.

— Всегда! Что за манера преувеличивать! По твоему это пустяки? горячился супругъ. — Ни ты, ни Зина – обѣ вы не понимаете жизни . . . Вы все строите на плохихъ романахъ . . . Да! Ну, а потомъ случись что—«ахъ! ахъ! Вообразите! Imaginez-vous . . Figurez-vous! Кто бы могъ подумать?!» . . . И пойдете хныкать! . . А кто виноватъ? . .

— Но вѣдь они любятъ другъ друга . . . Пойми ты это!

— Ха, ха, ха! . . . Ей – семнадцать, ему — двадцать три! Да они вѣдь такъ разъ десять еще влюбятся . . . Помилуй, стоитъ ли на такую любовь вниманіе обращать? . . Зина только что вышла изъ института . . . Ну, я даже вѣрю, что она увлечена имъ, но . . . и только! А самъ-то спиньоръ — да я пари готовъ держать, что онъ вовсе и не любитъ ее! Роль разыгрываетъ . . Вообще — не партія! Скверный мальчишка . . . Ну, и мамаша—хороша.

— Сквернымъ мальчишкомъ назвалъ графа, насчетъ графини тоже, шепнула горничная Маша, ближе подвигаясь къ двери.

— Что . . что? пролепетала ключница.

— Какъ не любитъ? воскликнула Софья Николаевна.—Ты послѣ этого ничего не видишь!

— Все, матушка, вижу! заговорилъ Левъ Михайлычъ. — Развѣ трудно влюбленнымъ представиться? . . Полно! . . Повторяю: его сіятельство, Леонидъ Сергѣичъ, и мамаша его — Юлія Александровна—просто хотятъ дѣлишки свои поправить! И вотъ — единственное средство: жениться на богатой! . .

— Въ самый центръ! произнесъ тихо камердинеръ Григорій Петровичъ,

— Если и такъ, то чтожъ такое! . . А связи? . . И наша Зина будетъ графиней . .

— Ну, я Зину люблю разумнѣе твоего . . Я не хочу, чтобы она была несчастной графиней! Отдавать дочь для поправки обстоятельствъ хоть-бы и графа . . Никогда! Это своего рода убійство! . .

Онъ даже топнулъ ногой.

— Что . . что? шопотомъ спросила ключница.

— Убью, говоритъ, его! шепнула горничная.

— Да вы-бы, Мавра Панкратьевна, поближе-съ! проговорилъ камердинеръ, прикрывъ ротъ пальцами.

— А ты ужъ тутъ? съ неудовольствіемъ произнесла Мавра Панкратьевна, почуявъ сзади себя Митю.

— Я ужъ выпилъ-съ . .

— Ступай, ступай! Нѣчего тутъ . . Снеси кофейникъ на плиту.

— Шт. . .! Тише вы тамъ! прошипѣла Маша, махнувъ лѣвой рукой.

— Я говорить съ вами не хочу, потому что вы ногой топаете! рѣзкимъ голосомъ замѣтила Софья Николаевна, смѣнивъ „ты“ на „вы.“ — Но я вамъ одно скажу: расходиться съ Юліей Александровной не слѣдовало-бы . . Брать ея—вы сами знаете—какой тузъ . . . Ну, а у васъ дѣла . . . Понимаете? . . .

— Конечно! Затѣмъ-же расходиться? Мы и не будемъ ссориться . . .

— Да вѣдь вы-же не хотите этого брака? Придется отказать? . . . Ну, какже? . . . А графиня уже намекнула насчетъ обрученія . .

— Э, все это можно устроить. . .

— О, вы вѣдь такой тонкій дипломатъ . . Бисмаркъ!

— Что? спросила ключница, дернувъ за фалду Григорія Петровича.

— Бисмаркъ, говоритъ, хотѣлъ быть на сватьбѣ, а ты, говоритъ, разстроиваешь. . . передалъ сквозь пальцы камердинеръ.

— Обручить? удивилась Софья Николаевна.

— Да, я думаю, что можно даже обручить ихъ, подвердилъ Левъ Михайлычъ, — а послѣ обрученія я отправлю Зину за границу . . . на годъ, напримѣръ, лѣчиться! Она и забудетъ его . . . Ольга Михайловна ѣдетъ въ Палермо — вотъ я и пошлю ее съ ней. Его сіятельство останется здѣсь—и, повѣрь мнѣ, полгода не пройдетъ, онъ, для поправки обстоятельствъ, женится на другой . . . Ждать ему нельзя! Самъ кольцо возвратитъ! . .

— Но въ такомъ случаѣ и я поѣду въ Палермо!

Глаза г-жи Ландышевой засіяли.

— Поѣзжайте! Я не прочь...

Опять камердинера дернули за фалду.

— Куда они, Григорій Петровичъ?

— Тссс! Прямо въ Палермо...

— Ловко! почти вслухъ замѣтилъ Митя, и сейчасъ-же почувствовалъ свое ухо въ плѣну у «тетеньки.»

— Но вѣдь Зина... здорова, заговорила мягкимъ тономъ Софья Николаевна,—какъ-то неловко выйдетъ...

— А докторъ нашъ — Эдуардъ Андреичъ — на что? Онъ такіе резоны подведетъ... Объ этомъ говорить нѣчего! Главное—обрученіе успокоитъ ихъ: они увидятъ, что мы рады предложенію... Разумѣется, вѣдь мы отпускаемъ дочь лишь на три, на четыре мѣсяца... *не больше!* Ну, а потомъ, понимаешь, еще три... еще четыре... Ты съ графиней будь какъ можно повнимательнѣе, полюбезнѣе... Кстати: послѣзавтра твое рожденье... Вотъ и прекрасно! Сдѣлаемъ вечеръ. Они у насъ будутъ непремѣнно; и намъ нужно...

— Мавра Панкратьевна, балъ у насъ! не утерпѣлъ Григорій Петровичъ, дернувъ ключницу за фартукъ.

— А Зина еще ребенокъ, продолжалъ Левъ Михайлычъ.—Она охотно промѣняетъ своего Леонида на поѣздку за границу... Вотъ, увидишь! Я даже дамъ *взаймы* ему немножко денегъ... Утѣшится! И мы къ концу года — побѣдимъ!

Библиотека "Руниверс"

— Но Зину твой отказъ очень разстроилъ... Пожалуй и въ самомъ дѣлѣ заболѣетъ...

— Ничего! Скажемъ ей теперь, что *согласны*... Да вотъ я самъ къ ней пойду, ну, утѣшу, и поѣду даже съ ней прогуляться...

— Хорошо, но постой... Ты ей скажи...

— Да, да! Знаю, знаю!

Тутъ Маша отскочила отъ дверей такъ быстро, что треснулась головой о правое ухо камердинера, который отъ испуга и боли чуть не вскрикнулъ, выронилъ метелку и налетѣлъ на неповоротливую Мавру Панкратьевну... Ключница, увидѣвъ, какъ мимо нея шмыгнула горничная, хотѣла обратиться въ бѣгство, но ей подъ ноги попалъ Митя, а сзади толкнулъ Григорій Петровичъ... Почтенная дама потеряла равновѣсіе и придавила собой казачка, что дало возможность камердинеру перескочить черезъ нихъ. Но Митя выкарабкался изъ-подъ теплой живой перины, и ключница была спасена.

Левъ Михайлычъ, съ улыбкой, веселый, вышелъ поспѣшно изъ гостиной. Замѣтивъ на полу метелку, онъ подошелъ къ сонеткѣ и позвонилъ. Камердинеръ явился.

— Это зачѣмъ тутъ? спросилъ баринъ, указавъ ногой на метелку.

Григорій Петровичъ вспыхнулъ, бросился — и поднялъ.

— Должно быть Митька-съ обронилъ...

— Вели закладывать коляску!

— Слушаю-съ.

* * *

Утромъ, на другой день, графиня Юлія Александровна, какъ только проснулась — сейчасъ освѣдомилась: дома-ли Леонидъ Сергѣичъ?

— Дома-съ, доложила горничная.

— Позовите его сюда.

Блестящій Леонидъ не замедлилъ предстать...

— Сядь, мой другъ, побесѣдуемъ..

Бесѣда (на французскомъ діалектѣ) продолжалась полчаса, графъ сначала смѣялся, но потомъ слегка сдвинулъ брови...

— Будьте спокойны, maman, произнесъ онъ наконецъ, вставая и цѣлуя руку матери: — если онъ — Бисмаркъ, то вѣдь и мы съ вами Талейраны... Если все это дѣйствительно правда, или даже правда отчасти, то... ха, ха, ха! Посмотримъ!.. Это интересно!...

— Но, мой другъ, не надо и виду показывать...

— О, конечно, maman!

— Не забудь-же взять браслетъ...

— Не забуду.

И, щелкнувъ шпорами, Леонидъ Сергѣичъ вышелъ изъ будуара своей maman.

Смѣсь.

Жанъ-Леонъ Жеромъ—одинъ изъ любимѣйшихъ, извѣстнѣйшихъ живописцевъ во Франціи. Родился онъ въ Везулѣ въ 1824 г. Ученикъ Поля Делароша — онъ принадлежитъ къ той группѣ художниковъ, которые преимущественно пишутъ бытовыя картины, «картины нравовъ», и въ особенности любятъ изображать жизнь Востока — древняго и современнаго. Рисунокъ у него чрезвычайно правиленъ; онъ отличный наблюдатель, и не пропуститъ ни одной мелочи (иную слѣдовало бы и обойти); то, что видитъ онъ — непремѣнно и передастъ, даже въ ущербъ эстетическому чувству. Кромѣ этого, у него есть замашка выбирать сюжеты для своихъ картинъ такіе, которые грубо затрогивали бы чувственную сторону зрителя, при чемъ онъ даже намѣренно старается усилить въ зрителѣ такое ощущеніе, и старанія его не пропадаютъ даромъ: его рисовка такова, что дѣйствительно настраиваетъ нервы въ желанномъ направленіи... Оттого-то произведенія Жерома высоко такъ и цѣнятся; за картины его даютъ даже небывалыя цѣны, такъ напр., за картину «Клеопатра у Цезаря» онъ получилъ 40,000 франковъ.

Жеромъ—хорошій антикварій. Изъ деталей картинъ его (историческихъ) видно, что онъ прекрасно знакомъ съ древностями, знаетъ до мелочей обстановку, имъ изображаемую. Фигуры его живы, выразительны, но въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ ему приходилось сочинять, фантазировать, гдѣ онъ не могъ пользоваться натурой—лица и позы не совсѣмъ удовлетворительны; за то картины, изображающія нравы современнаго востока—безукоризненно хороши во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ живописецъ-техникъ, Жеромъ тоже замѣчателенъ: кисть его мягка, нѣжна, колоритъ великолѣпенъ, отдѣлка изящна и тщательна до того, что производитъ даже непріятное впечатлѣніе, ибо невольно спрашиваешь себя: художникъ съ такою любовью трудился, такъ усидчиво, старательно работалъ — но развѣ стоитъ избранный сюжетъ такой удивительной отдѣлки?.. Иныя картины Жерома, исполненныя, какъ видно, съ самоусажденіемъ, просто возмущаютъ своею излишнею непринужденностью (Римскій лупанаръ): онъ смѣло, прямо изображаетъ то, о чемъ историкъ-лѣтописецъ не безъ робости рѣшается упомянуть лишь двумя-тремя строками, и то придавъ словамъ своимъ мрачный оттѣнокъ... Безъ ошибки можно сказать, что Жеромъ пишетъ свои картины не по вдохновенію, душа его тутъ не причастна, священный огонь творчества не вспыхиваетъ въ немъ, произведенія его — плоды не пылкой фантазіи, а холоднаго разсчета: онъ бьетъ на эффектъ, жаждетъ успѣха, славы, и не останавливается въ выборѣ средствъ для этой цѣли, угождая вкусамъ современной публики, увы —неразборчивой, падкой къ вещамъ далеко не похвальнымъ... Жеромъ пріобрѣлъ настоящую извѣстность картиной своей «Дуэль послѣ маскарада» (между Пьерро и Арлекиномъ), которая была послана имъ на выставку 1857 г. Дѣйствительно, сцена эта, полная трагизма, передана имъ поразительно правдиво; она заставитъ призадуматься... Изъ другихъ, болѣе замѣчательныхъ картинъ его, назовемъ слѣдующія: «Сократъ посѣщаетъ Алкивіада у Асиазіи», «Фрина передъ судилищемъ, обнажаемая своимъ защитникомъ», «Два авгура, готовые прыснуть отъ смѣха (по Катону)», «Клеопатра у Цезаря», «Смерть Цезаря», «Гладіаторы, идущіе на смерть и привѣтствующія императора Вителлія», и изъ бытовыхъ картинъ востока: «Турецкій мясникъ въ Іерусалимѣ», «Альмэя, публичная плясунья», «Арнауты за шахматами», «Невольничій рынокъ...»

Замѣчательно, что Жеромъ не идетъ впередъ, талантъ его не развивается: какъ рисовалъ онъ прежде, такъ рисуетъ и теперь —ни хуже, ни лучше, т. е. никакой новой особенности, какъ художникъ, не проявляетъ онъ.

Ж. Л. Жеромъ имѣетъ нѣсколько золотыхъ медалей, а всемірная парижская выставка 1867 г. (на ней было 13 картинъ его) сдѣлала его кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона.

Въ настоящемъ № «Нивы» мы помѣстили снимокъ съ одной изъ картинъ Жерома — «Изъ воспоминаній о Капрѣ». Передъ вами — капрская красавица. Сидитъ она въ какомъ-то лѣниво-сладкомъ раздумьи... Оставивъ трубку (можетъ быть съ опіумомъ) и охвативъ колѣно обѣими руками, она млѣетъ, грезитъ о чемъ-то...

СОДЕРЖАНІЕ: — Двуногій волкъ. Романъ **Н. Каразина**. Часть I (продолженіе). — Лапландія. II (съ рисункомъ). **В. Немировичъ-Данченко**. — Кольчатый ужъ и травяная лягушка (съ рисункомъ). — Историческое развитіе папской власти (окончаніе). **Архимандрита Алексія**. — Прогулка по Пекину (окончаніе). — Живой телеграфъ (съ рисункомъ). Смѣсь. Жанъ-Леонъ Жеромъ (съ рисункомъ).

Редакторъ В. Клюшниковъ.

МАГАЗИНЪ К. ЗЕЙФЕРТЪ

рекомендуетъ **Керосиновыя лампы** и всѣ къ нимъ принадлежности; отъ низкихъ цѣнъ **еще 20%** скидки.

На углу Вознесенскаго проспекта, домъ № 13/2 близь Офицерской улицы. Тутъ же продается **Богемскій хрусталь** и **Англійскій фаянсъ** по сходнымъ цѣнамъ.

ПОДСТАКАННИКИ разныхъ новѣйшихъ фасоновъ въ большомъ выборѣ изъ лучшаго качества мельхіора можно найдти въ магазинѣ

Александра Качъ,

на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы № 3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ по требованію иллюстрированные каталоги, безплатно.

Извѣстный фабрикантъ

ФЕЙРИХЪ

ВЪ ЛЕЙПЦИГѢ,

спеціально работающій піанино, назначилъ меня своимъ единственнымъ агентомъ въ Москвѣ. Піанино его, цѣною въ 360, 375, 400 и 475 руб., необыкновенно изящны и прочны. За упаковку 10 рублей.

Ручательство за прочность.

Нижеподписавшійся состоитъ единственнымъ агентомъ придворной фабрики **Я. Беккера**, поставщика двора **Ихъ Императорскихъ Величествъ** и поставщика двора **Императора Австрійскаго**. Цѣны кабинетной рояли новой конструкціи 550 руб., салонная рояль американской системы 750 и 800 руб., концертная рояль орѣховаго дерева 675 руб., новой конструкціи палисандроваго дерева 850 руб., концертная рояль американской системы въ 1,100, 1,200 и 1,300 рублей.

Единственный складъ настоящихъ американскихъ роялей и піанино извѣстной фабрики Штейнвей и сыновья въ Нью-Йоркѣ, цѣною отъ 875 до 2,200 руб.

П. Юргенсонъ,

музыкальный торговецъ, московскій 1 гильдій купецъ.

Москва, Петровка № 6.

При этомъ № прилагается для **ГГ. иногородныхъ подписчиковъ** объявленіе отъ книгопродавца Екшурскаго.

Дозволено цензурою. 9 октября 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 58.

Библиотека Руниверс

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

№ 43 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 21-го октября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Карта сѣверныхъ полярныхъ странъ съ показаніемъ крайнихъ предѣловъ, которыхъ достигали экспедиціи Парри, Пайера и кап. Голла. Грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Австрійская полярная экспедиція *).

Статья Юлія Пайера въ «Neue Freie Presse.»

Какъ извѣстно, настоящая цѣль австрійско-венгерской сѣверо-полярной экспедиціи, описаніе которой слѣдуетъ ниже, заключалась въ открытіи сѣверо-восточнаго проѣзда, а никакъ не новыхъ земель на сѣверо-востокъ отъ Шпицбергена и Гиллисовой земли, хотя результаты предварительной экспедиціи во многихъ отношеніяхъ заставляли предполагать объ ихъ существованіи. И такъ, экспедиція 1872—1874 годовъ нашла землю, которой не искала, и не открыла проѣзда, котораго искала. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо откровенно признаться, что начертанный нами планъ сѣверо-восточнаго проѣзда основывался отчасти на нѣкоторыхъ ложныхъ предположеніяхъ.

Необыкновенно высокая широта 78° 45', достигнутая предварительной экспедиціей (1871 г.) въ открытомъ морѣ между Шпицбергеномъ и Новой Землей, и благопріятныя извѣстія, постоянно получаемыя отъ норвежскихъ мореплавателей о судоходности Карскаго моря, не имѣвшаго до сихъ поръ хорошей славы,—послужили данными, на которыхъ былъ построенъ планъ австрійской экспедиціи. Но мысль объ «открытомъ полярномъ морѣ» была совершенно чужда ей. Необыкновенно неблагопріятное лѣто 1872 года уже черезъ недѣлю послѣ переступленія ледяной границы, въ громаднѣйшемъ разстояніи отъ предполагаемаго проѣзда, разрушило всѣ мореходные планы предпріятія. Дѣйствительно, кораблямъ нынѣшней конструкціи невозможно достигнуть ни сѣверо-восточнаго, ни сѣверо-западнаго проѣзда, также какъ и самаго полюса. Больше того, нынѣшнимъ судамъ въ сущности даже невозможно добровольно проникнуть въ болѣе глубокую полярную область. Впрочемъ, этимъ высказывается не болѣе какъ личное мнѣніе. Благосклонная судьба насильно удержала насъ отъ исполненія нашего плана, и избавила этимъ отъ горькаго чувства разочарованія: послѣ долгихъ страданій, ни съ чѣмъ вернуться въ отечество.

Предлагаемое описаніе экспедиціи дастъ не болѣе какъ поверхностную картину всего видѣннаго и пережитаго. Такъ какъ неутомимые труды гг. Вейпрехта. Ореля и Броша по части метеорологіи и магнетизма не могутъ входить сюда, то, чтобы не утомлять читателя побочными обстоятельствами, мы сосредоточимъ нашъ разсказъ главнымъ образомъ на открытіи и объѣздѣ новой земли**) до самой большой достигнутой широты.

Экспедиція, снаряженная почти на три года, 13 іюня 1872 г. оставила Бременскую гавань на винтовомъ пароходѣ «Тегеттгофъ» (около 220 тоннъ) съ экипажемъ изъ 24 человѣкъ, и послѣ 21-дневнаго плаванія достигла Тромсэ. Здѣсь былъ взятъ на пароходъ норвежскій полярный мореплаватель, капитанъ Карлсенъ, знаменитый китоловъ и знатокъ Ледовитаго океана. Кромѣ того были сдѣланы еще нѣкоторыя дополненія въ снаряженіи, и утромъ 14 іюля, мы оставили Тромсэ и направили свой путь къ Новой Землѣ. Черезъ нѣсколько дней мы прошли Нордкапъ; въ концѣ іюля, около 74¼ градуса широты показалась вдали ледяная граница.

Но тутъ, на первыхъ же порахъ, нашему плаванію во льду представились неожиданныя затрудненія. Нѣсколько дней мы стояли неподвижно, кругомъ стиснутые льдомъ (въ концѣ августа); освободясь отъ него, мы пошли по береговой линіи Новой Земли (75 град. сѣв. шир.). Между тѣмъ постоянно низкая температура лѣтнихъ мѣсяцевъ и огромныя массы льда указывали на то, что лѣто 1872 г. будетъ совершенно противоположно предъидущему. Съ трудомъ держали мы свой курсъ вдоль берега, и только на высотѣ Вильгельмовыхъ острововъ вошли въ болѣе открытую воду. Еще нѣсколько южнѣе ихъ, встрѣтились мы съ норвежской яхтой «Нобьоринъ», на которой графъ Вильчекъ и баронъ Штернекъ совершили трудный переѣздъ отъ Шпицбергена, чтобы доставить намъ запасъ провизіи у Нассаускаго мыса.

Оба наши судна поѣхали вмѣстѣ до низменныхъ острововъ Барепса; здѣсь сплошныя массы льда держали насъ на одномъ мѣстѣ цѣлую недѣлю.

16 августа, графъ Вильчекъ устроилъ для нашей провизіи депо въ узкомъ, недоступномъ для медвѣдей, скалистомъ ущельѣ. 21 августа, во льду показались нѣкоторыя, повидимому благопріятныя перемѣны; мы распрощались съ «Нобьоромъ», и въ сумрачную погоду двинулись къ сѣверу, къ нашей далекой цѣли — передъ нами лежалъ до нея путь къ 2,000 миль слишкомъ... Но какъ тщетны оказались всѣ наши надежды! Вечеромъ же мы были заперты льдомъ на цѣлыхъ два года! Мрачно и безнадежно было наше положеніе, и казалось судьба наша была рѣшена: изъ изслѣдователей мы превратились въ пассажировъ ледяной глыбы.

Необыкновенно сильные осенніе морозы 1872 года быстро сплачивали окружающія насъ льдины, въ одну твердую ледяную массу, которую ни прорѣзать, ни прорвать не было ни малѣйшей возможности. Прикованные къ своей льдинѣ, мы, въ теченіи сентября и октября, невольно неслись къ сѣверу, и наконецъ потеряли изъ виду и слѣдъ земли.

Какъ ни было наше состояніе печально само по себѣ, 13 октября оно сдѣлалось еще тяжелѣе; окружающіе насъ льды вдругъ проснулись изъ своей летаргіи, и наше судно почти ежедневно подвергалось страшнѣйшимъ напорамъ льда. Они часто вызывали насъ на палубу, чтобы быть на готовѣ оставить судно, въ случаѣ если бы оно пошло ко дну — и идти во мракѣ полярной ночи, не зная куда! Однако пароходъ не пошелъ ко дну, а напротивъ, напоромъ льда его все больше и больше подымало вверхъ противъ его обыкновенной ватерлиніи; тѣмъ не менѣе состояніе его въ этой угрожающей обстановкѣ было для насъ предметомъ постоянной заботы.

Всѣ приготовленія къ перезимовкѣ были уже готовы. Корабль частію былъ уже разснащенъ, съ оставленіемъ только нѣсколькихъ парусовъ; палуба засыпана снѣгомъ, кузовъ обведенъ ледяной стѣной, которая постоянно исправлялась, какъ скоро получала поврежденія отъ ледяныхъ напоровъ, а передняя часть судна накрыта шатромъ. Только кормовая часть его, по случаю постоянныхъ работъ, оставалась незакрытой. Поэтому для насъ было большимъ счастьемъ, что судьба пощадила насъ отъ тѣхъ страшныхъ снѣговыхъ бурь, какія мы испытали въ 1869 — 1870 годахъ въ Гренландіи, во время второй нѣмецкой полярной экспедиціи. Собакъ — ихъ оставалось у насъ всего семь — мы помѣстили на палубѣ въ наполненныхъ соломой ящикахъ. У насъ были учреждаемы правильные, смѣнявшіеся черезъ каждые два часа, метеорологическіе наблюдательные посты, въ коихъ принимали участіе гг. лейтенантъ Брошъ, поручикъ Орель, капитанъ Карлсенъ, боцманъ Лузина и машинистъ Киршъ; кромѣ того, опасность нашего положенія требовала постояннаго присутствія караульнаго на палубѣ. Онъ всегда во время давалъ намъ знать о приближеніи бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ мы въ теченіи экспедиціи убили и съѣли 67 штукъ. Не смотря на это важное подспорье, санитарныя условія на нашемъ суднѣ, въ первую зиму оставляли желать многаго, и дѣлали не очень-то завидной дѣятельность нашего превосходнаго доктора, полковаго врача Кенеса. Никакія старанія не могли отвратить скорбута и болѣзней легкихъ—первый развивался отчасти вслѣдствіе нравственнаго подавленія, вызываемаго нашимъ положеніемъ. Съ улучшеніемъ его и съ наступленіемъ тяжелыхъ лѣтнихъ работъ на льду, стала исчезать и болѣзнь.

28 октября солнце скрылось — на сто девять дней. Мы построили недалеко отъ корабля домъ изъ каменнаго угля, съ цѣлію найти тамъ первое прибѣжище, въ случаѣ гибели корабля, подвергаемаго почти ежедневнымъ нападеніямъ ледяныхъ массъ. Но въ вечеръ передъ Рождествомъ нашъ спасительный пріютъ былъ разрушенъ двинувшимся льдомъ, и мы должны были считать за особенную милость свыше, что намъ еще довелось провести въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ этотъ вечеръ, такъ весело празднуемый въ отечествѣ.

Наступилъ первый день 1873 года, но онъ не принесъ никакой новой надежды; насъ несло все дальше на сѣверъ и востокъ; мы достигли уже почти 78 градуса широты и 73 градуса долготы. Теперь становилось весьма вѣроятнымъ, что насъ занесетъ къ сѣверному берегу Сибири.

Случилось однако же иначе, потому что вѣтеръ перемѣнился и понесъ насъ къ сѣверо западу 15 февраля, солнце въ первый разъ снова появилось на горизонтѣ, а съ 25 февраля пытка причиняемая намъ ледяными напорами вдругъ кончилась и уже не возвращалась больше, между тѣмъ какъ вокругъ поднятаго шерхъ и наклоненнаго на лѣвый бокъ судна столпились цѣлыя горы крутыхъ ледяныхъ утесовъ. Холодъ все возрасталъ, и только къ концу февраля достигъ высшей точки на 37 градусовъ Реомюра. Неизобразимо великолѣпное сѣверное сіяніе, свѣтившее намъ до сихъ поръ, стало быстро уменьшаться по мѣрѣ того, какъ увеличивались дни.

Съ наступленіемъ лѣта 1873 года, увеличилась такъ давно питаемая нами надежда на то, что наша глыба разсѣется и мы будемъ наконецъ освобождены. Въ стараніяхъ по возможности ускорить это событіе, прошли мѣсяцы іюль и августъ, посвященные тяжелой работѣ прорубанію льда, чтобы освободить корабль отъ его ледяныхъ оковъ. Но нѣсколько разъ проталкиваемый внизъ ледъ въ 40 футовъ толщины, дѣлалъ тщетными всѣ наши усилія; высоко приподнятая кормовая часть корабля продолжала лежать неподвижно на громадной ледяной площади. Къ этому прибавилось еще то обстоятельство, что въ теченіи лѣта окружавшія насъ снѣжныя и ледяныя массы понизились на двѣ и два три сажени. Корабль вслѣдствіе этого, лежалъ на семь футовъ выше нормальной ватерлиніи, и мы избѣгли опасности перевернуться на бокъ—только благодаря укрѣпленію мачтъ крѣпкими лисельшпиртамъ.

Сѣверные вѣтры, дувшіе въ теченіи іюля мѣсяца, подвинули насъ нѣсколько на югъ (подъ 79 град. сѣверной широты), но въ августѣ задули южные вѣтры, и мы снова понеслись на сѣверъ. Съ каждымъ днемъ уменьшались питаемыя нами до сихъ поръ

*) Статья эта была отослана Пайеромъ въ редакцію «Neue Freie Presse» немедленно по прибытіи въ Гардо, т. е. въ такую минуту, когда члены экспедиціи ничего не знали о грандіозномъ успѣхѣ американской экспедиціи капитана Голла. Узнавъ объ ней въ послѣдствіи, Пайеръ поспѣшилъ написать въ «Neue Freie Presse» письмо, въ которомъ беретъ назадъ все сказанное въ его первой статьѣ относительно самой крайней широты и самыхъ сѣверныхъ странъ, когда либо достигнутыхъ, признавая, что въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ американской экспедиціи.

**) Не слѣдуетъ смѣшивать съ островами „Новая Земля", принадлежащими Россіи, о которыхъ говорится ниже.

Библиотека "Руниверс"

надежды на прорывъ льда, хотя мы нерѣдко слышали, невдалекѣ отъ нашей глыбы, такъ хорошо знакомый ледяной шорохъ, и темныя полосы на горизонтѣ говорили о томъ, что тамъ есть прорывы и полыя мѣста. Но они должны были оставаться недосягаемыми для насъ.

Съ грустной рѣшимостью ждали мы приближенія второй зимовки, такой же безплодной и съ тѣми же угрожающими опасностями, какъ вдругъ положеніе наше неожиданно измѣнилось вполнѣ въ нашу пользу. Уже давно глыба наша занесла насъ въ такую область, куда до сихъ поръ никогда еще не ступала человѣческая нога. Но до сихъ поръ мы тщетно искали неизвѣстныхъ земель. Можно судить по этому, какимъ радостнымъ и важнымъ событіемъ было для экспедиціи, когда 31 августа, въ разстояніи около 14 морскихъ миль, на сѣверѣ вдругъ выныривали изъ тумана высокіе берега земли. Южный фасадъ главной массы долженъ былъ по видимому принадлежать 80 градусу. Вмѣстѣ съ этимъ мы въ первый разъ увидѣли вокругъ себя множество айсбергов (ледяныхъ горъ).

Мы невольно тогчасъ же устремились къ землѣ — разумѣется не далѣе какъ на одну морскую милю — до края нашей глыбы, хотя мы знали, что безчисленныя проталины дѣлали желанную землю недостижимой для насъ. Мы испытывали танталову муку, цѣлые мѣсяцы имѣя въ виду неизвѣстную еще, пространную землю, возможность новыхъ рѣдкихъ въ полярной исторіи открытій, и не смѣя приблизиться къ горячаго желанной цѣли. Корабль все еще безъ отдыха несло каждымъ вѣтромъ, и если бы кто оставилъ несущую насъ глыбу, тотъ былъ бы отрѣзанъ отъ нея и ему предстояло погибнуть. Однако къ концу октября случилось такъ, что мы очутились всего миляхъ въ трехъ разстояніи отъ одпаго изъ предшествующихъ материку островов. Тутъ мы уже не останавливаясь ни передъ какими разсужденіями, рѣшились на высадку, и по расколотому въ тысячи мѣстахъ, нава ленному грудами льду, вступили на землю подъ 79 градусомъ 54 минутами. Ледяной покровъ не выше какъ по щиколку внизу берега, указывалъ на періодическія скопленія береговой воды въ прошедшее лѣто. Едвали можно себѣ представить болѣе печальный, болѣе пустынный островъ, чѣмъ тотъ, на которомъ мы были теперь; крѣпко замерзшіе клочки земли были покрыты снѣгомъ и льдомъ, но значеніе его для насъ было такъ велико, что, въ ожиданіи дальнѣйшихъ открытій, мы назвали его именемъ основателя экспедиціи, графа Вильчека.

Солнце во второй разъ оставило насъ 22 октября; но, въ немногіе часы просвѣта слѣдующей недѣли, мы рѣшились предпринять еще нѣсколько экскурсій, миль на десять отъ корабля, впрочемъ не расширивъ этимъ нашихъ представленій объ видѣ новооткрытой земли. Что это такое, небольшіе острова, или материкъ? А тѣ бѣлыя возвышенныя плоскости между вершинами, гетчеры или нѣтъ? Никто не умѣлъ отвѣчать на это.

Само собою разумѣется, всѣ наши стремленія клонились къ разрѣшенію этихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, наступившая полярная ночь отняла у насъ всякую возможность изслѣдованій материка, — и до весны 1874 года, въ виду предположенныхъ путешествій съ цѣлію открытій, мы опасались чтобы сѣверные вѣтры снова не отнесли насъ далеко отъ земли, которую мы собирались изслѣдовать. Но съ этихъ поръ счастіе не измѣняло намъ больше. Полярная ночь, продолжавшаяся на этотъ разъ 125 дней, прошла безъ прошлогодныхъ ужасовъ; ледъ больше такъ не напиралъ на насъ — и безпріютный корабль, оставаясь прикованнымъ къ своей льдинѣ, спокойно лежалъ въ окраинахъ береговаго льда.

Такой поворотъ имѣлъ для экспедиціи самыя рѣшительныя послѣдствія. Онъ оживилъ наши надежды, облегчилъ наше существованіе и позволилъ продолжать съ величайшей добросовѣстностью производимыя всю зиму наблюденія надъ магнитомъ, въ чемъ, какъ уже было упомянуто, принимали участіе гг. Вейврехтъ, Брошъ и Орель. Послѣдній кромѣ того опредѣлилъ, изъ большаго ряда абсолютныхъ опредѣленій мѣстности, долготу и широту этой второй зимовки подъ 59 градусомъ В. Д. и 79 градусомъ С. Ш. Для спектральнo-аналитическихъ наблюденій такъ ярко-свѣтившаго въ обѣ зимы сѣвернаго сіянія, взятый изъ Мюнхена аппаратъ оказался слишкомъ слабымъ.

Зима 1873 — 1874 годовъ была гораздо снѣжнѣе предъидущей. Когда полярная ночь достигла высшей точки, день уже ни чѣмъ нельзя было отличить отъ ночи, и мы на нѣсколько недѣль были погружены въ полнѣйшій мракъ. Рождество мы отпраздновали въ выстроенномъ изъ снѣга домикѣ. Затѣмъ опять наступила сильная стужа, и цѣлыя недѣли, какъ и въ прошедшую зиму, ртуть была замерзши. Бѣлые медвѣди попрежнему часто посѣщали насъ, бродя около самаго корабля. Мы стрѣляли въ нихъ съ борта. Около 1,200 фунтовъ свѣжаго мяса, полученнаго отъ 67 убитыхъ нами медвѣдей, послужило весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ скорбута. Заботливость нашего доктора, достойнаго представителя Венгріи, и благодѣтельное вліяніе снова появившагося (24 февраля) солнца — отвратили отъ большинства заболѣвшихъ опасность продолжительныхъ страданій. Но мы имѣли слишкомъ большое основаніе бояться, что бы на третью зиму, съ истощеніемъ медицинскихъ средствъ, состояніе здоровья на кораблѣ не приняло угрожающаго характера. Эти опасенія и печальная увѣренность въ томъ, что и слѣдующее лѣто корабль нашъ будетъ носиться вмѣстѣ съ своей летающей льдиной, и наконецъ весьма вѣроятное предположеніе, что, при таяніи льда, корабль, вслѣдствіе его слишкомъ высокаго подъема, долженъ перевернуться, — все это привело насъ къ рѣшимости оставить его въ концѣ мая и попытаться вернуться въ Европу съ помощію нашихъ лодокъ и санокъ.

Между тѣмъ рѣшено было предпринимать большія санныя путешествія для изслѣдованія материка. Счастливое исполненіе этого намѣренія зависѣло, разумѣется, чисто отъ случая, потому что если бы корабль отнесло прочь, раньше возвращенія уѣхавшей партіи, то послѣдняя безъ сомнѣнія была бы обречена на гибель, — а люди оставшіеся на кораблѣ были бы чувствительно ослаблены. Но открытіе лежащей передъ нами загадочной земли было для экспедиціи такъ важно, что во что бы то ни стало надо было рѣшиться предпринять дальнія путешествія.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ. Погода все еще была неблагопріятна, холодъ страшно великъ, полуденная высота солнца незначительна, — но всѣ эти обстоятельства только предостерегали насъ не терять больше времени. И такъ, 10 марта, тирольцы Галлеръ и Клоцъ, четыре матроса, три собаки и я, оставили корабль, на однихъ изъ нашихъ саней объѣздили въ сѣверо восточномъ направленіи берегъ западной части главнаго материка, взобрались на высокіе мысы Тегетгофъ и Макъ Клинтокъ (2,500 фут.) и прошли живописный Норденскьольдъ-Фьордъ, на заднемъ планѣ котораго подымалась колоссальная ледяная стѣна — окраина Зопклярскаго ледника.

Открытая земля была лишена всякой жизни; съ пустынныхъ горныхъ вершинъ спускалось множество громадныхъ гетчеровъ, и сверкающія ихъ массы смѣло возвышались надъ крутыми коническими вершинами и площадами преобладающей долеритной формаціи. Все было окутано ослѣпительно-бѣлымъ покровомъ: симметрическіе ряды горныхъ уступовъ были точно обсахарены. Нигдѣ, (чего нѣтъ даже въ Гренландіи, Шпицбергенѣ и Новой Землѣ) камень не выступалъ здѣсь въ своемъ натуральномъ колоритѣ. Это слѣдуетъ приписать большому количеству снѣговъ и сгущенію ихъ на холодныхъ стѣнахъ. Необыкновенная влажность воздуха была также причиной того, что мы ошибались въ разстояніяхъ, считая ихъ, совершенно наоборотъ обычному опыту въ арктическихъ странахъ, гораздо большими, чѣмъ онѣ были въ дѣйствительности; къ этому присоединялась еще рѣдкость вполнѣ ясныхъ дней.

Низкая температура, неизмѣнно державшаяся во время этого путешествія, требовала съ нашей стороны величайшихъ предосторожностей, такъ какъ минимумъ ея былъ —40 градусовъ Реомюра (на палубѣ — 37 градусовъ). Наши ночлеги въ палаткахъ были очень мучительны; не менѣе тяжелъ былъ переходъ Зопкларскаго гетчера, не смотря на полное отсутствіе вѣтра. Вся наша одежда оледенѣла какъ колъ — и крѣпчайшій ромъ повидимому потерялъ всякую силу и замерзъ въ твердую массу.

Возвратясь 16-го марта къ кораблю, мы принялись за приготовленія ко второму путешествію, которое должно было продолжаться 30 дней и имѣть своею цѣлью изслѣдованіе протяженія земли на сѣверъ. Черезъ три дня одинъ изъ нашихъ товарищей, машинистъ Кришъ, выбылъ изъ нашей среды. Онъ умеръ отъ продолжительной легочной чахотки, усложненной скорбутомъ, и 17-го марта мы проводили его на саняхъ къ его одинокой могилѣ на дальнемъ сѣверѣ, между базальтовыми столбами, съ скромно подымающимся надъ ней простымъ деревяннымъ крестомъ.

Мы выступили въ наше путешествіе на сѣверъ 24 марта утромъ. Партія состояла изъ г. Ореля, тирольцевъ Галлера и Клоца, матросовъ Заниновича, Суссича, Лукиновича и меня. Къ сожалѣнію, собаки уже не могли быть самостоятельно пущены въ дѣло, съ нами было взято только три сильныхъ собаки въ большихъ саняхъ съ грузомъ въ 16 центнеровъ, остальныя животныя частію околѣли, частію сдѣлались неспособны къ работѣ. Но польза немногихъ оставшихся животныхъ была для насъ громадна. Сверхъ всякаго ожиданія, температура въ теченіи всего этого путешествія не стояла ниже — 26 градусовъ Реомюра; но за то снѣга и сырость, трещины во льду, залитія нашей дороги морской водой — готовили намъ много непріятностей впереди.

Безъ рисунковъ подробности этого путешествія могутъ быть переданы лишь поверхностно; это относится особенно къ топографическому описанію его. Поэтому достаточно будетъ пока сказать, что открытая земля равняется по изслѣдованному до сихъ поръ протяженію — приблизительно Шпицбергену и состоитъ изъ нѣсколькихъ значительныхъ составныхъ частей: главная ея масса на востокѣ, Вильчекова земля, и на западѣ земля Зичи — ихъ прорѣзаетъ множество проливовъ, омывающихъ многочисленныя группы островов.

Огромный проливъ — Австрія-Зундъ — раздѣляетъ эти двѣ главныя массы въ ихъ длину, начинаясь отъ мыса Ганзы, направляется къ сѣверу и развѣтвляется подъ 82°, сѣв. шир. у земли Кронпринца Рудольфа; широкій, направленный на сѣверо-востокъ рукавъ его — мы могли прослѣдить до мыса Песта на глубочайшемъ сѣверѣ.

Преобладающую каменную породу составляетъ вездѣ долеритъ. Его горизонтальные этажи и крутые усѣченные конусы придаютъ странѣ своеобразный характеръ. Ея геологическое сродство съ сѣверо-восточной Гренландіей несомнѣнно. Средняя высота горъ равняется 2—3000 футовъ, только на юго-западѣ горы подымаются до 5000 футовъ. Всѣ громадныя долины, между горными цѣпями, покрыты гетчерами, тѣхъ колоссальныхъ размѣровъ, какіе извѣстны только арктическому міру. Ихъ ежедневное движеніе могло быть непосредственно измѣрено лишь въ немногихъ случаяхъ. Обрывы во сто и въ двѣсти футовъ составъ-

Библиотека "Руниверс"

ляютъ обыкновенную береговую кайму. Довеглетчеръ, на Вильчековой землѣ, по ширинѣ не уступаетъ глетчеру Гумбольдта и каналу Кеннеди.

Растительность здѣсь гораздо ниже чѣмъ на Шпицбергенѣ, въ Гренландіи и на Новой Землѣ. Въ этомъ отношеніи едва ли есть на свѣтѣ другая такая бѣдная земля. Плоучій лѣсъ, преимущественно очень старый, встрѣчался еще довольно часто, но всегда въ небольшомъ количествѣ. Земля, само собою разумѣется, необитаема, а на южной сторонѣ, за исключеніемъ медвѣдей, на ней не замѣтно даже никакой животной жизни. Многія мѣста новооткрытой земли очень живописны, хотя на нихъ и лежитъ оцѣпенѣлость полярной природы. Наши послѣдующія санныя поѣздки убѣдили насъ, какія затрудненія предстоятъ будущимъ экспедиціямъ въ отысканіи зимней гавани, ибо мы нигдѣ не могли отыскать подходящаго для этой цѣли мѣста.

При постоянно туманной атмосферѣ, безъ восхожденія на высокія горы намъ не было бы никакой возможности опредѣлить путь по Австрія-Зунду, направляя его прямо на сѣверъ. Но восхожденія на горы: Капъ Кольдевей 80 град. 15 минутъ, Капъ Франкфуртъ 80 град. 5 мин. сѣверной широты, Капъ Риттеръ 80 град. 45 минутъ, Капъ Кенъ 81 град. 10 мин., Капъ Флигели 82 град. 5 минутъ, въ сомнительныхъ случаяхъ чрезвычайно облегчали намъ оріентированіе въ выборѣ дороги.

Отъ одной земли къ другой распространялась замкнутая ледяная плоскость, усѣянная безчисленными айсбергами; она очевидно была новѣйшаго происхожденія; во многихъ мѣстахъ ее пересѣкали разщелины и широкіе барьеры нагроможденнаго льда (*Torossy*, *hummocks*), переходъ черезъ которые былъ сопряженъ съ большой тратой силъ и времени. Черезъ нихъ-же лежалъ нашъ путь; начиная отъ Капа Франкфурта, входныхъ воротъ упомянутаго выше громаднаго пролива, мы пускались въ область, на счетъ которой предъидущія нашъ санныя путешествія не дали намъ никакихъ указаній.

Пропуская всѣ подробности, достаточно будетъ упомянуть, что 26-го марта мы вступили на огромнѣйшій островъ Сальмъ, перейдя 80 град. широты, 3-го апрѣля перешли 81 град.; а черезъ пять дней, достигнувъ 81 град. 37 минутъ, могли льстить себя увѣренностью, что такъ близко придвинулись сухимъ путемъ къ сѣверному полюсу, какъ это еще ни кому ни удавалось до сихъ поръ.

На юго-восточной сторонѣ земли Кронпринца Рудольфа, мы обогнули новый проливъ огромнѣйшихъ размѣровъ, такъ какъ онъ обѣщалъ привести насъ прямо на сѣверъ. Но здѣсь мы очутились посреди хаоса нагроможденныхъ другъ на друга ледяныхъ осколковъ, черезъ которые мы нѣсколько дней прокладывали путь съ неимовѣрными усиліями. Наконецъ ледяныя глыбы стали непреодолимыми, и мы принуждены были вернуться назадъ на западъ къ Австрія-Зунду. Также какъ и вездѣ, мы встрѣчали здѣсь много бѣлыхъ медвѣдей, и, благодаря чуть не ежедневной практикѣ, пули наши всегда безъ промаха попадали въ нихъ.

Уменьшеніе провизіи и вообще небольшое количество времени, остававшееся для путешествія на сѣверъ, вызвало необходимость усиленныхъ маршей и кромѣ того раздѣленія общества. Большіе сани и часть людей подъ предводительствомъ тирольца Галлера остались подъ 81 град. 38 мин. у Капа Шрётера, а Орель, Заиновичъ и я поѣхали съ нашими собаками дальше. Ближайшей нашей цѣлью былъ переходъ въ прямомъ сѣверномъ направленіи лежащей передъ нами земли Кронпринца Рудольфа. Осуществить это можно было не иначе какъ перейдя могучій Миддендорфскій ледникъ, а такъ какъ въ это время года онъ не представлялъ большихъ опасностей, то мы не теряя времени пустились въ этотъ трудный путь. Послѣ утомительной дороги вдоль протянутой на нѣсколько миль обрывистой стѣны глетчера, мы наконецъ достигли его поверхности. Но едва успѣли мы пройти нѣсколько сотъ шаговъ, какъ огромный провалъ поглотилъ Заиновича, собакъ и тяжело нагруженные сани. Мы спаслись изъ этого отчаяннаго положенія, вдали отъ всякой человѣческой помощи, единственно по милости одной изъ тѣхъ особенныхъ случайностей, которыя въ горахъ всегда идутъ слѣдомъ за опасностями. Дѣйствительно, мы были такъ счастливы, что на другой же день, почти безъ всякихъ потерь, могли уже продолжать свое путешествіе — но только уже не по глетчеру.

Большой объѣздъ привелъ насъ къ западному берегу земли Кронпринца Рудольфа, и вдоль этого берега мы выбрали теперь нашу третью дорогу къ сѣверу.

Между тѣмъ въ природѣ произошла поразительная перемѣна — на сѣверѣ показалось темно-синее водное небо *). Около солнца собирались мутные желтые пары, температура поднялась, дорога размякла, безшумно сжимались подъ нами рыхлыя снѣжинки; еще раньше мы замѣтили появленіе здѣсь птицъ съ сѣвера, теперь же всѣ скалы земли Кронпринца Рудольфа были усѣяны тысячами чистиковъ, пингвиновъ, и пр. Они подымались въ воздухъ огромными стаями, и каждый кусочекъ земли, гдѣ свѣтило солнце, былъ оживленъ веселымъ чириканьемъ и пѣньемъ. Вездѣ стали показываться слѣды медвѣдей, зайцевъ и лисицъ, а на льду играло множество тюленей. Какъ ни вѣроятной казалась близость открытой воды, но наши печальные опыты закалили насъ противъ всѣхъ обольщеній «открытаго полярнаго моря».

Теперь наша дорога сдѣлалась въ высшей степени ненадежна. Зимней ледяной коры уже не было больше, оставался одинъ молодой ледокъ, какъ будто посыпанный солью, отъ одного до двухъ дюймовъ толщины, очень хрупкій и покрытый слоемъ осколковъ новѣйшаго образованія. Мы привязались къ канату, перенесли по одиночкѣ всѣ вещи, и пробивая дорогу сѣкирами, безпрестанно ощупывали ледяной покровъ. Миновавъ Алькенъ Капъ, мы пришли къ двумъ одинокимъ башнямъ Зейлеинъ Капа. Здѣсь начиналась открытая вода.

Міръ этотъ носилъ на себѣ печать возвышенной красоты. Съ высокаго берега разстилалось передъ глазами темное море, усѣянное алмазами своихъ айсберговъ. Надъ ними лежали тяжелыя тучи, сквозь которыя, на сверкающую воду, пробивались тамъ и сямъ яркіе лучи солнца; надъ этимъ солнцемъ возвышалось еще второе солнце, только нѣсколько блѣднѣе перваго, а сквозь колеблющійся туманъ въ немзмѣримой повидимому высотѣ подимались ледяныя горы земли Кронпринца Рудольца, окруженныя розовыми тѣнями.

12-го апрѣля было послѣднимъ днемъ нашего проникновенія къ сѣверу. День этотъ хотя и не былъ совсѣмъ ясенъ, но все-таки веселѣе чѣмъ большая часть его предшественниковъ. Температура поднялась до — 11 градусовъ Реомюра.

Прежняя дорога по покрытому молодымъ льдомъ морю, у Зейлеинъ Капа, была теперь совершенно непроходима, и это принудило насъ продолжать путь черезъ горы.

Передъ отъѣздомъ, въ предосторожность отъ снующихъ повсюду медвѣдей, мы зарыли нашъ багажъ въ одну изъ трещинъ глетчера, на мѣстѣ нашего ночлега, и послѣ этого направились съ своими собаками черезъ снѣжную равнину (на высотѣ отъ 1000 до 3000 футовъ) къ береговой цѣпи. Мы оставили сани на скалистомъ выступѣ Капъ Германія (81 град. 57 мин. меридіональной высоты), и слѣдуя по береговой линіи по направленію къ сѣверо-востоку, привязавшись къ канату, прошли мы черезъ одинъ изъ глетчеровъ, спускавшійся гигантскими уступами къ береговой водѣ. Возраставшая опасность пути, частыя трещины, превалы, и увѣренность въ достиженіи послѣ пятимасоваго марша широты 82 град. 5 минутъ—заставили насъ наконецъ остановиться на Капѣ Флигели.

Видъ, открывавшійся намъ этой высоты, представлялъ одну изъ тѣхъ картинъ, пристрастная оцѣнка которыхъ сдѣлала вопросъ о свойствахъ внутренней полярной области предметомъ оживленныхъ споровъ. Вдоль берега тянулся широкій водяной бассейнъ; онъ былъ во многихъ мѣстахъ покрытъ льдомъ недавняго происхожденія, между тѣмъ какъ на горизонтѣ, съ запада на сѣверъ, тянулась полоса плоучаго льда умѣренной толщины. Взвѣсивъ раньше время года и господствовавшій въ ту минуту западный вѣтеръ, не было никакой причины считать эту часть моря менѣе судоходной лѣтомъ, чѣмъ извѣстныя полыньи, считаемыя за признаки открытаго полярнаго моря.

Однако свидѣтельство какого нибудь одного часа не можетъ опровергнуть возраженій основанныхъ на многочисленныхъ опытахъ. Даже не принимая въ разсчетъ теперешняго временнаго препятствія отъ молодаго льда, все таки можно было утвердительно сказать, что корабль, перемѣщенный къ сѣверному берегу земли Зичи, могъ бы проникнуть на сѣверъ лишь на 10—20 морскихъ миль, насколько приблизительно можно было прослѣдить съ нашей точки проѣзды въ плоучемъ льду. Но насколько ему трудно было бы объѣхать Австрія-Зундъ во 100 миль длины, на столько же вѣроятно, что выше къ сѣверу ему бы ничего не встрѣтилось кромѣ сплошныхъ льдовъ.

Я такъ долго распространялся объ этомъ предметѣ, потому что считаю весьма важнымъ, къ наблюденію открытой воды въ такой высокой широтѣ, присоединить всѣ эти соображенія, понижающія ея значеніе для мореплаванія. Для продолженія серіозныхъ полярныхъ изслѣдованій ничто не можетъ быть опаснѣе легкомысленныхъ, необдуманныхъ заключеній; онѣ приводятъ къ безчисленнымъ замѣшательствамъ, поддерживаютъ старыя гипотезы, а что всего хуже, готовятъ довѣрчивымъ послѣдователямъ ихъ тяжкія затрудненія и судьбы.

Но передъ нами предсталъ фактъ гораздо интереснѣе безполезнаго вопроса о судоходности этой далекой части Ледовитаго океана: отъ сѣверо-запада къ сѣверо-востоку открылись за 83 град. сѣв. шир. новыя пространныя земли, покрытыя горами. Грандіозный мысъ, получившій названіе Вѣнскаго мыса, обозначаетъ крайнюю, извѣстную сѣверо-восточную точку земнаго шара; а справедливость и благодарность продиктовали для этой далекой земли названіе Петермановой.

Не желая создавать какой либо теоріи касательно раздѣленія земли у полюса или соединенія Гиллисовой земли съ Новой землей, я замѣчу только, что, какъ развитіе береговъ, такъ и глетчеровъ вокругъ насъ, производило впечатлѣніе обширныхъ составныхъ земель,—и такимъ образомъ отчасти подтверждало мнѣніе Петермана о существованіи внутренняго арктическаго архипелага. Но въ геологическомъ отношеніи онѣ имѣютъ мало сходствъ съ группой Шпицбергена, а скорѣе, какъ уже было упомянуто выше, подходятъ къ Восточной Гренландіи. Замѣчательно безчисленное множество айсберговъ во всѣхъ здѣшнихъ проливахъ, и напротивъ отсутствіе ихъ на югѣ, то есть въ морѣ омывающемъ Новую Землю. Мы не имѣемъ фактовъ на то, чтобы приписать это теченіямъ, а между тѣмъ это отсутствіе айсберговъ въ морѣ Новой Земли какъ бы указываетъ на сплавъ ихъ къ сѣверу.

Далеко зашло мирное соперничество образованныхъ націй въ расширеніе географи-

*) Небо отражающее воду. Подъ этими высокими широтами, у горизонта, видъ неба раскинутаго надъ водою отличается отъ его вида надъ льдами.

Библиотека "Руниверс"

Серіозная книга. Съ картины М. А. Тулмуша. Гравюра эта пріобрѣтена нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гупилемъ и Ко.

Библиотека "Руниверс"

ческихъ познаній, водрузивъ свое знамя на отдаленнѣйшемъ мысѣ сѣвера. Въ первый разъ еще на такой высокой широтѣ, ни кѣмъ еще не достигнутой сухимъ путемъ, *) развѣвался австрійско-венгерскій флагъ.

Оставивъ знакъ нашего присутствія на этомъ мощномъ утесѣ, мы направились въ обратный путь къ кораблю — ждавшему насъ въ ста шестидесяти миляхъ къ югу.

Благодаря усиленнымъ маршамъ и освобожденію отъ всѣхъ тяжестей, кромѣ палатки и провіанта, мы скоро соединились съ нашими товарищами, ожидавшими насъ съ большимъ страхомъ. При восхожденіи на одну гору, мы перешли ледникъ величественнаго и большаго Ладенбургскаго острова. По проходя (3 апрѣля) Мысъ Риттеръ въ 80 град. 45 мин. мы были встревожены открытіемъ, что морская вода всюдѣ проникала нижній снѣжный слой, и опять увидѣли передъ собой темное водное небо, и именно надъ устьемъ большаго Маргамскаго пролива. Ложась спать, мы услышали хорошо знакомый трескъ ледяныхъ пазисковъ и прибоя.

На слѣдующій день мы, безъ всякаго судна, стояли на берегу открытой воды, быстро стремившейся къ сѣверу. Южная часть Австрія Зунда превратилась въ открытое море, и водяная зыбь на тридцать шаговъ набѣгала на ледяной берегъ. Проблуждавъ два дня въ страшную снѣжную вьюгу, намъ удалось обойти эту пропасть сухимъ путемъ, вдоль далеко растянутыхъ стѣнъ глетчера, и 21 апрѣля, мы съ отраднымъ чувствомъ увидѣли еще неповрежденный, спасительный для насъ ледяной путь у Капа Франкфурта. 26 апрѣля мы освободились отъ другой, не менѣе тяжелой заботы, убѣдившись, что корабль нашъ не былъ отнесенъ. Мы нашли его на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ оставили, на южной сторонѣ Вильчекова острова. Нѣсколько дней было употреблено для отдыха, такъ какъ несоразмѣрность напряженія и покоя сильно истощила наши силы. Отъ восьми до десяти часовъ въ день мы тащили сани, и спали только пять часовъ въ сутки.

Третье путешествіе, предпринятое въ началѣ мая гг. Брошемъ, Галлеромъ и мною, было направлено на западъ. Въ сорока миляхъ отъ корабля, высокая гора Капъ-Брюнъ, дала возможность сдѣлать важныя заключенія о значительномъ протяженіи земли въ этомъ направленіи. Его можно было прослѣдить почти до 46 град. восточной долготы; это прорѣзанная многочисленными проливами, гористая страна съ характеромъ раздвоенныхъ першинъ; высшая ея точка, Гумбольдтъ-Шпитце, лежитъ на 5,000 футахъ высоты надъ уровнемъ моря. Толстый сплошной ледъ покрывалъ море къ югу до горизонта — печальное зрѣлище въ виду предстоящаго возвращенія въ отечество.

По окончаніи этого путешествія и измѣренія базиса льда, сдѣланнаго г. Вейпрехтомъ, при данныхъ обстоятельствахъ, экспедиція должна была отказаться отъ своихъ задачъ, и мы ни объ чемъ больше не думали какъ о возвращеніи въ Европу.

Время до отъѣзда было посвящено исключительно отдыху. Потомъ мы простились съ могилой нашего погибшаго товарища и съ землей, которая, чтобы обезпечить намъ возвратный путь, въ веселомъ расположеніи духа, подарила намъ ледяную глыбу.

20 мая къ кораблю были прибиты флаги, и начался нашъ возвратный путь въ отечество. Мы были снаряжены самымъ скуднымъ образомъ, такъ какъ въ нашихъ обстоятельствахъ нечего было и помышлять о какихъ либо удобствахъ. Никто изъ насъ не имѣлъ никакой собственности, кромѣ одежды, которая была на себѣ и одного одѣяла. Четыре лодки, всѣ на полозьяхъ, и трое большихъ саней съ 17½ центнерами груза, помѣщали въ себѣ всѣ наши снаряды и провіантъ на три, четыре мѣсяца. Сначала, по причинѣ глубокаго снѣга, необходимо было транспортировать (тащить) нашу кладь въ три пріема. Послѣ того, какъ была достигнута окраина еще твердаго береговаго льда, начались перебиранья съ лодками и санями съ одной льдины на другую и переправы черезъ разщелины. Упорные южные вѣтры уничтожали ничтожные успѣхи, до какихъ мы добивались этимъ способомъ, и по истеченіи втораго мѣсяца, разстояніе отдѣлявшее насъ отъ корабля, не превышало двухъ нѣмецкихъ миль. Становилось вѣроятнымъ, что послѣ долгой, тяжелой борьбы со льдомъ, намъ ничего не предстоитъ впереди, кромѣ безнадежнаго возвращенія къ кораблю и еще третьей зимы на немъ—безъ всякой надежды, и только съ отчаяннымъ ожиданіемъ вѣрной гибели.

Ледъ былъ какъ скованъ; нѣсколько разъ мы по недѣли неподвижно стояли въ нашихъ лодкахъ на той или другой льдинѣ, въ ожиданіи, когда сй заблагоразсудится раздвинуться. Однако сѣверные вѣтры во второй половинѣ іюля расширили нѣсколько водяныхъ протоковъ и полыней; продолжительные дожди уменьшили силу льда, и такимъ образомъ, въ теченіи двадцати дней, мы пробились на шестьдесятъ миль впередъ, то переѣзжая по льдинамъ, то отталкиваясь отъ нихъ баграми, то идя на веслахъ, и даже мѣстами на парусахъ. Все убѣждало насъ въ невозможности подойти къ новооткрытой землѣ на кораблѣ.

Въ началѣ августа мы сдѣлали первое наблюденіе въ уменьшеніи толщины льда — обыкновенный признакъ близости открытаго моря, — и всѣ надежды наши снова ожили. Правда, новый пятидневный плѣнъ во льду, готовъ былъ уничтожить и ихъ. По 13 августа мы освободились изъ нашего плѣна и достигли крайней ледяной границы уже 14 августа, въ изумительно высокой широтѣ 77 град. 40 минутъ. Это было первымъ ручательствомъ нашего спасенія. Такое сѣверное положеніе ледяной границы, убѣдило насъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ необыкновенно благопріятномъ ледяномъ годѣ 1874, чему единственно мы и были обязаны своей удачей. Наше освобожденіе изо льда было послѣднимъ актомъ цѣлаго ряда счастливыхъ случайностей, спасавшихъ насъ изъ отчаянныхъ положеній. При благопріятной погодѣ, поплыли мы по свободному отъ льда морю вдоль западнаго берега Новой Земли: 18 августа, у Адмиралтейскаго полуострова, въ первый разъ снова вступили на землю, и вечеромъ 24 августа — слѣдовательно черезъ 96 дней послѣ того, какъ оставили свой корабль — нашли въ заливѣ Дуденъ-Бай, русскую шкуну «Николай» (капитанъ Ф. Воронинъ) — гдѣ мы были приняты съ тѣмъ теплымъ радушіемъ, которое отличаетъ русскій народъ. Быстрый переѣздъ доставилъ насъ 3 сентября 1874 г. въ Вардо въ Норвегіи, на гостепріимную землю которой мы вступили въ три часа пополудни — съ тѣмъ отраднымъ чувствомъ, какое испытываетъ человѣкъ, избавясь наконецъ отъ всѣхъ сомнѣній и напастей. Наше путешествіе вдоль береговъ Норвегіи было цѣлымъ рядомъ праздниковъ; всѣ города были увѣшаны флагами, набережныя полны народа, привѣтствовавшаго насъ безконечными криками.

*) Примѣч. Это было писано въ то время, когда гг. Пайеръ и Вейпрехтъ еще не могли знать объ результатахъ Американовской экспедиціи капитана Голла.

«Двуногій волкъ»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА VI.

Плѣнный.

Уральская казачья полусотня, посланная еще третьяго дня на рекогносцировку въ окрестности Хала-ата, только-что возвратилась въ лагерь.

Казаки вываживали потныхъ, запыленныхъ лошадей и расправляли свои усталыя отъ долгой ѣзды ноги. Небольшая группа, человѣкъ шесть, оставалась еще на коняхъ, окружая какого-то страннаго всадника.

Этотъ всадникъ по костюму рѣзко отличался отъ его окружавшихъ. Онъ сидѣлъ на сѣдлѣ не по своей собственной волѣ; ноги его были связаны веревкою подъ брюхомъ лошади, руки скручены за спиною. Недовѣрчиво, боязливо смотрѣлъ онъ и, словно пойманный волкъ, озирался по сторонамъ изъ-подъ своей рогатой войлочной шапки. Верблюжій халатъ на немъ былъ изорванъ и мѣстами даже окровавленъ. Эти лоскутья, — эти черныя пятна, — наконецъ эти синяки на лицѣ и подбитый глазъ — свидѣтельствовали ясно о той усиленной борьбѣ, которую выдержалъ онъ прежде чѣмъ отдаться во вражескія руки...

Кромѣ этихъ синяковъ и ссадинъ, все лицо его было покрыто пылью, превратившеюся отъ пота въ полосы грязи. Трудно было разсмотрѣть черты этого скуластаго лица подъ этой отвратительной маскою.

Около лошади плѣннаго вертѣлись двѣ борзыя собаки, одна съ перебитою ногою, и поднявъ кверху свои острыя морды, жалобно выли, глядя на всадника.

Одинъ изъ казаковъ держалъ у себя на плечѣ охотничьяго сокола въ красной шапочкѣ; за сѣдломъ у другаго приторочено было, связанное вмѣстѣ въ общій пучокъ, оружіе пойманнаго.

Командиръ пришедшей полусотни поѣхалъ съ докладомъ къ начальнику отряда. Чуть не со всего лагеря собрались пѣхотинцы, артиллеристы и казаки—смотрѣть на попавшагося батыря. Пришли и туземцы, киргизы лаучи изъ верблюжьяго обоза, взглянуть: какого молъ звѣря изловили бородатые уральцы?

Заходили справа, заходили слѣва, сзади, спереди, разсматривали во всѣхъ подробностяхъ, руками даже потрогивали; казаковъ разспрашивали...

— Гдѣ сцапали? освѣдомился тощій артиллеристъ, глядя

Библиотека "Руниверс"

на плѣннаго въ упоръ, и пощупывая даже его угловатыя колѣна, вздрагивавшія отъ этого прикосновенія.

— Ишь какого! удивлялся приземистый пѣхотинецъ, поскребывая свой дубленый затылокъ.

— Верстовъ, почитай, за сорокъ отсюда. Страсть бился какъ, когда брали... Насилу справились! говорилъ одинъ изъ конвойныхъ казаковъ.

— Что-же, поймали что-ли — али какъ? допрашивалъ артилеристъ.

— На соннаго наскочили... А то бы гдѣ поймать! Конь, это, у него лихой, здоровенный аргамакъ; тутъ-же на приколѣ стоялъ, да вырвался, чортовъ сынъ; такъ и удралъ въ пески... Не догнали!..

— Удралъ?!.. А-а! жалость какая!..

— Со всѣмъ, значитъ, снарядомъ захватили, пояснялъ другой уралецъ.—И кальянъ это у него заправленъ былъ... Сбруя, вся какъ есть, въ порядкѣ сложена; самъ навзничь лежитъ, къ верху носомъ и на всю степь дрыхнетъ. Мы бы такъ и связали его соннаго, да вотъ эти псы «поштрѣли ихъ лукавый»! все дѣло изпакостили. Ну, проснулся это онъ; какъ вскочитъ на ноги, да къ лошади. А Сысоевъ урядникъ, вонъ эптотъ самый, что съ командиромъ поѣхалъ, какъ налетитъ на него; конемъ съ ногъ сшибъ и самъ свалился... Такъ оба по песку и покатились.

— Подпруга лопнула у него; какъ тутъ усидишь! отозвался одинъ изъ казаковъ.

— И такая-то, братцы мои, свалка поднялась у насъ... Страсть!

— Силенъ значитъ?

— Волкъ матерой, одно слого, медвѣдь да и шабашъ! Подходу просто не даетъ... Бились мы бились! — Пристрѣлить было хотѣли; Басюнъ уже винтовку снялъ съ плеча, намѣрился — да сотенный говоритъ, что бы ни боже мой!.. живьемъ чтобы взять, непрекословно... Ну, опять возиться начали...

— А тотъ-то что? не стрѣлялъ развѣ?

— Стрѣльнулъ раза-два, успѣлъ... Мнѣ вотъ маленько бедро ссадило. Нашъ косоглазый арканъ на него сзади накинулъ — ну и сладили.

— Откуда родомъ?

— Изъ-за Аму-дарьи, сказывалъ. Да нѣшто ему можно вѣрить? Теперь вотъ по степи ихъ видимо не видимо... сила таскается; что мы слѣдовъ видѣли, страсть!

— Вчера ночью къ цѣпи нашей подъѣзжали четверо. Постояли-постояли на барканѣ — и прочь поѣхали, замѣтилъ пѣхотинецъ.

— На «Трех-лапаго верблюда» пришли мы. Тамъ тоже была ихняя стоянка; сами ушли; одинъ колодецъ обвалили, каторжные, въ другой дохлую собаку кинули, третій цѣлъ остался. Орда треклятая. Ишь!

Казакъ притворно замахнулся на плѣннаго; тотъ заморгалъ глазами и конвульсивно отшатнулся.

— Небось, дуракъ, не трону!.. успокоилъ его казакъ.

Кое-кто въ толпѣ засмѣялись. Начали расходиться мало по малу. Любопытство было удовлетворено.

Вернулся «сотенный» изъ генеральской ставки; сняли съ сѣдла несчастнаго батыря, развязали ему ноги, руки распустили. Тотъ тяжело опустился на песокъ, легъ ничкомъ и потянулъ себѣ на голову отрепья своего халата. Два часовыхъ казака — пѣшихъ — стали около него; прочіе повели своихъ лошадей въ общіе коновязи.

Въ эту минуту — изъ удаляющейся толпы зрителей выдѣлился одинъ туземецъ лауча, совсѣмъ почти голый, только въ мѣховомъ бараньемъ малахаѣ на головѣ и короткихъ кожаныхъ, истертыхъ до-нельзя штанахъ,—подошелъ шага на три къ лежащему, сѣлъ на корточки и, подперши голову руками, принялся его разглядывать, не сводя съ того мѣста, гдѣ подъ халатомъ должно было быть лицо его, пристальнаго, сосредоточеннаго на одномъ только этомъ пунктѣ, взгляда...

— Ты чего? огрызнулся часовой казакъ.

— Я тебѣ развѣ мѣшаю? почти шопотомъ произнесъ лауча.

— Пущай сидитъ — коли дѣлать ему больше нечего! произнесъ другой часовой.

— Пущай сидитъ! согласился первый.

Всѣ въ лагерѣ хорошо знали стараго лаучу-Досцана; — знали его и въ конномъ и пѣшемъ бивуакѣ, знали его и въ пушечномъ обозѣ. Всѣ знали и были увѣрены, что ничего худаго онъ не сдѣлаетъ, а хорошаго — по своей части, какъ верблюдовожатый,—онъ дѣлалъ не мало.

И послѣднее обстоятельство нисколько не показалось казакамъ подозрительнымъ. Досцанъ сидѣлъ и никого не трогалъ, и его никто не трогалъ и не сгонялъ съ мѣста, не прерывалъ его странныхъ наблюденій надъ спавшимъ, а можетъ быть притворившимся спящимъ, плѣннымъ батыремъ.

ГЛАВА VII.

Сестра милосердія.

Хриплый, отвратительный ревъ верблюдовъ, то злобный, то пронзительно-болѣзненный, фырканье, сапъ и отрыганіе жвачки... Ржаніе лошадей, вытье и лай собакъ... Грубые, охрипшіе мужскіе голоса... Изрѣдка выстрѣлы... Топотъ копытъ, тяжелые шаги по сыпучему песку, стукотня саперныхъ лопатъ и кирокъ... Вотъ звуки, наполняющія воздухъ на всемъ протяженіи русскаго лагеря, разносящіеся по печальнымъ окрестностямъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ, пескомъ и пылью. Сурово, непривѣтливо поражали они ухо. Ничего въ нихъ не было отраднаго,—ничего такого, что бы хотя сколько нибудь ласкало слухъ, на чемъ могло-бы отдохнуть тоскливое, сдержанно бьющееся сердце.

Все здѣсь говорило о томъ, что не для мира, не для вѣселья и покоя собрались сюда всѣ эти живыя существа.

Но вотъ въ жаркомъ воздухѣ прозвучала какая-то странная нота.

Это былъ звукъ слабый, едва слышный. Онъ могъ бы быть неожиданнымъ; онъ могъ изумить, озадачить каждаго, до чьего бы уха онъ ни коснулся.

Этотъ звукъ совершенно не подходилъ ко всей обстановкѣ; онъ былъ чуждъ, несвойствененъ всему тому, что видѣлъ глазъ. Въ общемъ хорѣ прозвучалъ поражающій диссонансъ.

Все кругомъ говорило о войнѣ, — этотъ же звукъ напоминалъ о томъ, что прямо противуположно ей: о семьѣ, о любви, о мирѣ.

Это былъ плачъ ребенка.

И этотъ звукъ тотчасъ же вызвалъ другой, — такой-же нѣжный, ласковый, полный самой могучей, чарующей гармоніи — голосъ женщины.

Шагахъ въ двадцати отъ одного изъ колодцевъ, защищенная отъ вѣтра гребнемъ холма, стояла небольшая коническая палатка туземнаго покроя. По наружному виду палатка эта не представляла собою ничего такого, что бы отличало ее отъ прочихъ: тѣ же туго-натянутыя веревки, тѣ же грубые швы, тянущіеся отъ верхней шишки до самаго низу; тѣ же сугробы песку, напирающіе на нее съ подвѣтренной стороны. Все то же, что и у той, и другой и у третьей...

Эта палатка обладала, впрочемъ, какой-то особой нравственной силою. Всѣ, проходя мимо другихъ палатокъ, относились къ нимъ совершенно равнодушно; никакого измѣненія не замѣчалось въ выраженіи лицъ проходящихъ, развѣ только привычная рука машинально дотрогивалась до козырька холщевой фуражки—и то только если въ откинутой палаточной полѣ, въ этомъ узкомъ темноватомъ треугольникѣ, виднѣлся офицерскій погонъ, блестѣла пуговица, торчалъ сапогъ со шпорою или какой нибудь подобный признакъ начальства.

Совсѣмъ другое явленіе совершалось здѣсь. На эту палатку смотрѣли; въ этой палаткѣ прислушивались, даже торопливый шагъ задерживали. Суровый, нахмуренный взглядъ становился мягче, привѣтливѣй; на пересохшихъ губахъ мелькало даже что-то, весьма близко похожее на улыбку.

А если и здѣсь откидывались входныя полы, то уже просто прикладываніе руки къ козырьку, казалось, не имѣло ни мѣста, ни смысла. Какъ передъ чѣмъ-то чтимымъ, святымъ, какъ передъ алтаремъ обнажались гладко остриженныя «не ладно кроеныя да крѣпко сшитыя» простыя солдатскія головы.

Библиотека "Руниверс"

Внутреннее убранство этой палатки — значительно отличалось отъ прочихъ. Прежде всѣго бросилось въ глаза полное отсутствіе оружія; здѣшнимъ обитателямъ оно было совершенно лишнее. Затѣмъ, ковры и войлоки, покрывавшіе землю были чисто выметены и не засыпаны, какъ обыкновенно, окурками сигаръ и папиросъ, погнутыми, исковерканными картами, кусками мѣлу и наскоро-смахнутыми со стола объѣдками. Внутреннія стѣнки палатки изъ полосатаго «адрасса» не были заплеваны; большая, складная желѣзная кровать была, поверхъ ковра, покрыта чистымъ бѣлымъ одѣяломъ, и бѣлая навлока на подушкѣ поражала своею свѣжестью. Большіе вьючные сундуки, обитые кожею и окованные желѣзомъ, служили диванами и креслами. Въ углу стояла деревянная баклага съ водою, прикрытая отъ песку и пыли, врывающейся даже и въ это опрятное жилище. Каждая мѣлочь: крохотное зеркальце, повѣшенное на колокъ полотенце, походные чайники, стаканы, погребецъ съ посудою, — все носило на себѣ печать уютности и комфорта; во всемъ видна было предупредительная, опытная рука, — рука хозяйки — женщины.

Въ свѣтло-сѣромъ каленкоровомъ платьѣ, короткомъ и почти въ обтяжку, въ бѣломъ кисейномъ платкѣ на головѣ, сидѣла на кровати сама хозяйка и что-то говорила ребенку, мальчику лѣтъ двухъ-трехъ (можетъ быть немного болѣе), сидѣвшему у ней на колѣняхъ.

Мальчикъ капризился и хныкалъ, видимо безъ всякой особенной причины, а просто такъ, потому что ему пришла охота похныкать, похандрить немножко. Женщина старалась какъ нибудь разсѣять эту дѣтскую хандру, разогнать набѣжавшее хмурое облачко.

Прекрасные, большіе сѣрые глаза женщины смотрѣли на ребенка съ такою нѣжностью, съ такимъ глубокимъ, любящимъ выраженіемъ, что не трудно было догадаться, какая связь была между тою и другимъ. Только мать можетъ смотрѣть такъ; такіе глаза могутъ быть только у матери.

Загрубѣлыя, но безукоризненно чистыя руки женщины гладили мальчика по его свѣтло-русой головкѣ, трепали эти пухлыя розовыя щечки; тонкіе пальцы щекотали его подъ горлышкомъ. Улыбка скользила по загорѣлому лицу. Въ этой улыбкѣ было много любви, кротости. Въ этой улыбкѣ было много отраднаго, успокоивающаго, но въ ней не было ничего, что бы хотя немного напоминало веселье и радость. Въ ней не было и горя, не было ничего грустнаго, горькаго. Это было какая-то странная, безплотная улыбка.

Такъ улыбаться могутъ только ангелы.

А эта женщина было дѣйствительно ангелъ для всѣхъ тѣхъ, кто ее окружалъ.

Это была, знакомая уже намъ*), Наталья Мартыновна Чижикова, дочь «стараго пушкаря» — героиня не боявшаяся лишеній и опасностей тяжелаго похода, смѣло взявшая на себя, на свои слабыя силы, тяжелую, но за то — святую задачу.

Она знала, что въ самыя тяжелыя минуты болѣзненныхъ страданій, въ тоскливыя минуты смертельной агоніи, въ минуты унынія и безнадежности, — ея участіе, ея уходъ, ласка, успокоивающее слово святой любви и надежды — не разъ еще понадобятся для этихъ грубыхъ съ виду, чуткихъ своимъ простымъ сердцемъ, скромныхъ, безъизвѣстныхъ героевъ: тѣхъ самыхъ, что въ грязныхъ бѣлыхъ рубахахъ, въ вытертыхъ кожаныхъ штанахъ, въ сапогахъ, закорузлыхъ отъ жара, снуютъ мимо ея палатки, снимая свои холщевыя шапки съ назатыльниками.

Материнская любовь къ человѣчеству, преимущественно къ человѣчеству страдающему, заставила ее идти. Материнская любовь къ своему ребенку не позволила ей съ нимъ разстаться.

Вотъ почему и мать и сынъ вмѣстѣ находились въ этомъ, суровомъ боевомъ лагерѣ — раскинувшемся посреди песковъ, подъ знойнымъ, раскаленнымъ, мглистымъ, безцвѣтнымъ небомъ.

*) Повѣсть «Въ камышахъ.»

ГЛАВА VIII.

Въ офицерскомъ кружкѣ.

Стемнѣло. Въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то, весьма мало, но все таки похожимъ на свѣжесть.

Передъ одною изъ офицерскихъ палатокъ былъ разостланъ на пескѣ большой пестрый коверъ — и на немъ сидѣли и полулежали человѣкъ десять офицеровъ. Они пили мутный, солоноватый чай и пускали въ воздухъ струи табачнаго дыму.

Эта относительная ночная свѣжесть вызвала ихъ изъ своихъ душныхъ палатокъ; скука согнала ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Разговоръ шелъ вяло, неоживленно; должно быть обо всемъ было переговорено, — но уже давно, а новаго матерьяла не представлялось.

Неподалеку два денщика подогрѣвали маленькіе походные самоварчики, подкидывая въ ихъ трубы кусочки высохшаго помета, распространявшаго вокругъ особый горѣлый запахъ, свойственный только этому роду топлива. На желѣзномъ таганѣ кипятилось какое-то мясное варево и шипя сбѣгало, обливая края и бока закопченой кострюли. Сквозь полотно палатки мигалъ огонекъ свѣчи и очерчивалась темная силуэтная тѣнь чьей-то спины и локтя руки, пишущей что-то, судя по ея движенію. Кудлатая собака безъ хвоста, высунувъ набокъ языкъ и прищуривъ глаза, преусерднымъ образомъ служила, хотя ее никто не просилъ объ этомъ. Заблудшій ишакъ, хлопая ушами, бродилъ вокругъ, безпрестанно спотыкаясь и путаясь въ натянутыхъ палаточныхъ веревкахъ. Солдатскіе огоньки мигали въ почтительномъ отдаленіи отъ начальства; а подальше, за поясными группами сидящихъ и лежащихъ человѣческихъ фигуръ, искрились красноватые металическіе блики на концахъ штыковъ составленныхъ въ козлы ружей.

— Какъ выдрыхнешся, эдакъ, днемъ, — къ ночи никакого сна нѣту... Скука! произнесъ маіоръ Пуговицынъ, и тутъ-же едва не свихнулъ челюсти отъ зѣвоты, растянувшей чуть не до ушей его усатый ротъ, и вызвавшей на его заспанные глаза какую-то влажность.

— Смэр-ть! согласился съ нимъ его товарищъ, маіоръ Бирнансъ. — Никакого развлеченія, кромѣ нашей фортификаціонной работы, которая, если не ошибаюсь, приближается къ окончанію.

Маіоръ Бирнансъ родился въ Россіи, мало того: въ Сибири, совершенно не зналъ нѣмецкаго языка, но говорилъ по русски, все таки, съ нѣмецкимъ акцентомъ и даже не совсѣмъ правильно. Такова уже, должно быть, сила породы.

— Знаете-ли, господа, чего-бы мнѣ хотѣлось?... заговорилъ, приподнявшись немного, поручикъ Кустиковъ, сконфузился и остановился.

— Прохоръ — чаю! пробасили рыжія бакенбарды.

— И будемъ мы стоять здѣсь до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ отрядъ изъ «большаго форта», произнесъ адъютантъ Лохматовъ, лежа на животѣ и пощелкивая шпорами.

— Дабы продолжать наступательное движеніе соединенными силами... пояснилъ маіоръ Бирнансъ.

— Знаете-ли, господа,... началъ опять поручикъ Кустиковъ.

— Да, братъ, постойка, остановилъ его Пуговицынъ. — Я, вотъ, хотѣлъ все спросить тебя — за что это тебя сегодня Наталья Мартыновна за ухо выдрала?

Всѣ засмѣялись.

— Шадрину грабанщику въ морду далъ... Наталья Мартыновна видѣла должно быть, подозвала... ну и...

— И взлупку дала — превосходно!.. Прохоръ, чаю!..

— Господа, что-то тамъ на правомъ флангѣ стрѣляли сегодня. Вы не слышали?

— А чортъ его знаетъ! Должно быть въ цѣпи отъ скуки забавлялись. Опять какъ третьяго дня, по орламъ, надо полагать!

— Тревогу на весь лагерь только даромъ подняли.

— Не по орламъ, а тюркмены близко шляются, замѣтилъ адъютантъ. — Я самъ трехъ вдали видѣлъ. Съ той стороны, вонъ, гдѣ наши верблюды пасутся, подъѣзжали. Генералъ приказалъ «полу-сотнѣ» выдвинуться имъ навстрѣчу.

Библиотека "Руниверс"

Какой-то казачій офицеръ, съ костылемъ въ рукахъ, подошелъ къ офицерской группѣ и сталъ сзади, вслушиваясь въ разговоръ.

— Мои джигиты говорили... началъ онъ.

— Да, тотъ который, передразнилъ его казакъ.—Нашъ Атамкулка... Вотъ-бы поймать шельмеца!...

На лицѣ казака показалась болѣзненная гримаса. Онъ нагнулся и потеръ свое больное колѣно.

Флора. Статуя Симони. Рис. Тегаццо, грав. Регульскій.

Всѣ обернулись въ его сторону.

— Да, джигиты говорили: Садыкъ подошелъ и стоитъ на слѣдующихъ колодцахъ. Народу съ нимъ тысячи полторы... Атамкулъ тоже съ ними...

— Какой это Атамкулъ?... Это тотъ который... началъ маіоръ Бирнапсъ.

— Что ноги? спросили рыжія бакенбарды.

— Ничего, пѣшкомъ ходить тяжело... наконѣ, ничего, можно..

— Вѣдь этакое животное! произнесъ Пуговицынъ.— Былъ, чортовъ сынъ, простой лауча... джигитъ каналья... Дали скоту крестъ, въ офицеры произвели. Совсѣмъ было обрусѣлъ. Да вдругъ, на-ко вотъ, бацъ!... тягу далъ...

Библиотека "Руниверс"

— Замотался, я слышалъ; его, вѣдь, за какими-то сборами посылали къ кочевникамъ.

— Просто проворовался! замѣтилъ казакъ. — Теперь у нихъ однимъ изъ предводителей считается.

— Припоминаю, началъ Бирпансъ.—У полковника Горластаго, еще въ Самаркандскомъ походѣ, играли въ карты...

— Эка диковина! перебилъ его Пуговицынъ.—Ты вотъ припомни такой походъ, въ которомъ не играли бы въ карты...

— Я говорю, что я припоминаю... Я металъ — многіе господа штабъ и оберъ офицеры мнѣ понтировали...

— Ну?

— Понтировалъ совмѣстно съ ними и Атамкулъ, и за нимъ сто десять рублей осталось, кои онъ и по сіе время...

Раздался общій взрывъ хохота.

— Вотъ тебѣ теперь отличный случай, послышался голосъ изъ палатки. — Возьми его въ плѣнъ и взыщи.

— И взыщу, серіозно произнесъ маіоръ.

— Что, господа, если его поймаютъ — повѣсятъ или разстрѣляютъ? освѣдомился поручикъ Кустиковъ.

— Разстрѣляютъ, — потому — всетаки бывшій офицеръ.

— А кромѣ того, предварительно на четверть часа повѣсятъ. Это уже за неуплату карточнаго долга... сострили рыжія бакенбарды — и сами поспѣшили засмѣяться своей остротѣ.

Помолчали всѣ немного.

— Вотъ кстати! началъ адъютантъ.—Надо будетъ завтра объ этомъ Натальѣ Мартыновнѣ сказать...

— О чемъ это?...

— Да вотъ насчетъ Атамкула. Вѣдь это ея самый надоѣдливый поклонникъ былъ. Я помню, говорить не могъ даже, когда ее видѣлъ. Глаза, это, у него разгорятся, самъ весь дрожитъ... Разъ, мы съ Спѣлохватовымъ насилу оттащили его...

— Вотъ какъ!.. началъ было хромой казакъ... и словно подавился своими словами

— Все просилъ замужъ за него выйдти; десять тысячъ барановъ въ калымъ предлагалъ...

— Разъ меня чуть ножомъ не пырнулъ изъ ревности, улыбнулся офицеръ-стрѣлокъ. —Ночь была темная... поздно... ни зги не видать... Мы еще тогда на вечерѣ были у комендапта... Ну, Наталья Мартыновна просила меня проводить ее до квартиры... А этотъ, скотъ, за нами слѣдомъ... просто совсѣмъ какъ бѣшеный сталъ... Хорошо еще, что насъ Трубаченко съ Бабаджакомъ догнали...

— Да я бы его убилъ, подлеца, на мѣстѣ... не выдержалъ казакъ.— Я бы его...

Онъ продвинулся впередъ, неловко-переставляя свою ногу; костыль, на который онъ опирался, — вздрагивалъ и буравилъ песокъ своимъ окованнымъ наконечникомъ.

— Звѣрь-дикарь... за что его убивать? произнесъ чей-то покойный голосъ.

— А все таки поймать его слѣдовало-бы... Поймать и для примѣра...

Маіоръ Пуговицынъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою.

— Часа три тому назадъ, говорилъ тотъ-же спокойный голосъ,— я думалъ, что Атамкулъ попался уже намъ въ руки. Я даже заговорилъ съ нимъ, то есть пытался заговорить... Онъ не отвѣчалъ. Рожу распознать почти не возможно... Обросъ и весь въ шрамахъ, опять грязь, кровь. Посмотрю завтра, когда его вымоютъ немного.

— Я самъ замѣтилъ, заговорилъ адъютантъ.—Когда снимали его съ лошади, онъ шагнулъ,—помните, онъ немного правую ногу оттягивалъ?—ну, вотъ и теперь...

— Ну, это, положимъ, не доказательство, произнесъ Пуговицынъ.—Когда у человѣка нѣсколько часовъ подъ рядъ ноги скручены арканомъ—что же тутъ удивительнаго, что онъ ихъ оттягивать будетъ находу?.. Это не доказательство.

— Это о томъ батырѣ вы говорите, что уральцы привезли?.. Ну какой же это Атамкулъ?! Я его очень хорошо помню, этотъ и ростомъ ниже и по русски совсѣмъ не говоритъ; а что на счетъ рожи... вздоръ! эти косоглазые всѣ на одинъ покрой.

— Это вѣрно! подтвердилъ маіоръ Бирпансъ. — Я своихъ джигитовъ, не всѣхъ конечно, но трехъ изъ нихъ, только по халатамъ и отличаю.

— А все таки это обстоятельство подозрительно, глубокомысленно произнесъ офицеръ съ погонами генеральнаго штаба.— Надо все это привести въ полную ясность... допросить, изслѣдовать фактъ, однимъ словомъ...

— «Моментъ», словно про себя произнесли рыжія бакенбарды.

Офицеръ генеральнаго штаба поднялъ голову, сдвинулъ брови, презрительно пожалъ плечами и тоже словно про себя произнесъ:

— Свинья. .

— Господа — господа... возвысилъ голосъ Пуговицынъ и придержалъ руку бакенбардиста, потянувшуюся было за бутылкою.

Эта бутылка была пуста... Всѣ отлично знали объ этомъ, зналъ также и тотъ, кому она понадобилась. Значитъ маіоръ очень хорошо сдѣлалъ, помѣшавъ рыжимъ бакенбардамъ дать бутылкѣ несвойственное ей назначеніе.

— Шиломординъ — не дури, брось! А хорошая, господа, сегодня ночь, знаете-ли, какъ будто прохладнѣй вчерашняго... Вася, ну-ко хвати «Горныя вершины», ну-ко затягивай!...

— Но вѣдь, однако... бормоталъ обиженный и, приподнявшись на колѣнахъ, всматривался въ темноту. — Однако, это чортъ знаетъ что такое... ишь вѣдь! удралъ!

«Горныя вершины — спятъ во мглѣ ночной!..»

затянулъ тенорокъ поручикъ Кустиковъ

Тихія долины...

въ разладъ подтянули нѣсколько голосовъ,

— Я тѣ дамъ «свинью»! все еще не могли успокоиться рыжія бакенбарды, и, поймавъ тонъ пѣсни, рявкнули басомъ...

«Не шумя-ятъ листы...»

— Ну и принялись они его колошматить, разсказывалъ шопотомъ одинъ деньщикъ другому какіе-то эпизоды изъ прежней деревенской жизни.

— За что это? спрашивалъ тотъ.

— Да за то же.

— Это за сноху-то, за бабу?

— А то нѣтъ?.. таперича если онъ свекоръ, ну, значитъ, и шабашъ... Опять же сыновья узнали... А ломъ-то въ углу стоялъ.

— Важно! смотри-вонъ карій бьется, не запутался-ли?

— А ну его!.

— Бей, бей ее! Дави! сапогомъ, сапогомъ! такъ, разъ! Ну еще! уйдетъ, уйдетъ, эко живучая; сдерни коверъ! гляди въ чемоданы залѣзетъ... Ахъ ты! готово! послышались энергичныя, оживленныя восклицанія и усиленная возня въ палаткѣ.

Это туда, на свѣтъ фонаря, заползла громадная фаланга и вызвала своимъ появленіемъ обычную, чуть не ежедневную охоту... Отвратительное насѣкомое преслѣдовалось съ ожесточеніемъ.

(Продолженіе будетъ.)

Серіозная книга.

(КАРТИНКА).

Было далеко за-полдень. По изящной залѣ медленнымъ шагомъ ходили двѣ молодыя женщины въ домашнихъ, но весьма изящныхъ платьяхъ. Каблучки туфелекъ ихъ слегка постукивали по блестящимъ квадратамъ паркета. Отраженіе на немъ двухъ стройныхъ фигуръ въ видѣ легкаго облака слѣдовало за ними, плывя и колыхаясь... Казалось, двѣ нимфы, переряженныя въ модныя платья, скользили по гладкой поверхности свѣтложелтаго озера

Но это не нимфы прогуливались, а двѣ кузины, изъ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

одна была замужняя, другая — дѣвица. Первую звали Еленой Ивановной, вторую — просто мадемуазель Nadine. На Еленѣ Ивановнѣ было темное платье съ свѣтлымъ тюникомъ, на мадемуазель Nadine — свѣтленькое, отдѣланное бантами. Онѣ вели довольно оживленную бесѣду.

— Ну, довольно объ этомъ маскарадѣ! произнесла наконецъ Nadine махнувъ рукой.—Что-то я хотѣла тебѣ сказать... Постой-ка... Да! знаешь, Hélène, надо-бы проучить твоего почтеннѣйшаго супруга... непремѣнно!

— Это за что-же? спросила Елена Ивановна.

— А за вчерашнее-то? забыла?

И облачко, скользящее по паркету, заколебалось и остановилось.

— Да вѣдь онъ вчера вечеромъ и тебя и меня публично такъ-сказать пристыдилъ! Говоритъ: «вы, женщины, только пустячки и читаете, а отъ серіозной книги какъ отъ чумы бѣжите»... Каково?..

— То есть... видишь-ли, Nadine, онъ отчасти... правъ...

— Ахъ, я знаю, что мы мало читаемъ серіозныхъ книгъ! Да не въ томъ дѣло... Нѣтъ! твой почтеннѣйшій мужненекъ говорилъ совсѣмъ не въ этомъ смыслѣ...

— Въ какомъ же?

— А вотъ въ какомъ: что мы — представь! — неспособны даже и читать-то что нибудь серіозное, и интереса-то у насъ ни къ чему солидному нѣтъ!... Ужасъ!...

— Неужели?.. Ахъ, онъ варваръ! Да, да, вѣдь дѣйствительно онъ говорилъ это!... Припоминаю...

— Ну и слѣдуетъ проучить, и этакъ, знаешь, тонко... Ужасные они резонёры! И вѣдь съ какимъ апломбомъ изволилъ выражаться!... Сейчасъ видно, что лысина есть...

— Ну — ужъ и лысина! Такъ... лысинка... Впрочемъ, проучить надо... Только какъ же-бы это устроить?..

И снова по свѣтложелтой блестящей поверхности заскользили плавно двѣ стройныя фигуры.

— Я думаю, самое лучшее вотъ что, заговорила Nadine:—пойдти въ кабинетъ (вѣдь Николай Петровичъ уѣхалъ). достать тамъ серіозную книгу и засѣсть за чтеніе. Въ самомъ дѣлѣ, погода сегодня скверная, а до четырехъ часовъ еще далеко... Идемъ туда!

— Хорошо... Ну, засядемъ мы за чтеніе, а потомъ что? Какъ-же проучить-то?...

— Очень легко! Возьмемъ мы книгу и отправимся въ твой будуаръ. Тамъ, за ширмами, сядемъ на диванъ и я стану читать вслухъ... Къ обѣду явится почтеннѣйшій Николай Петровичъ и, узнавъ что мы дома, навѣрно придетъ сюда... По издали еще— представь! — услышитъ, что я читаю что-то вслухъ... Отлично! «А! подумаетъ, вѣрно романчикъ какой нибудь пожираютъ...» И вотъ, на цыпочкахъ подкрадется онъ къ ширмамъ.

— И устыдится! подхватила Елена Ивановна.

— Навѣрно устыдится! Еще-бы! Услышитъ вѣдь, что я читаю, а ты слушаешь, пресерь-о-зную вещь... Сушь какую нибудь чрезвычайную!... Ну и уйдетъ потихоньку, а мы, за обѣдомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и станемъ говорить о прочитанномъ... Чудесно—а?...

— Идемъ-же, Nadine, за книгой, идемъ! О, какая ты у меня умница!...

Кузины упорхнули въ кабинетъ.

— Иностранную или русскую? спросила Nadine, отворивъ большой книжный шкафъ.

— Русскую, только не очень толстую.

— Ну, конечно, не толстую, а то руку оттянетъ.

— Русскія, кажется, на верхней полкѣ. Вотъ тебѣ стулъ — полѣзай. Не упади!

— Влѣзла. Не упаду. Я буду по корешкамъ читать. Ну, вотъ... «Маклеодъ. Политическая экономія»...

— А большая?

— Ахъ — да — большая...

— Посмотри-ка направо... вонъ — вонъ — толстенькая, маленькая... Какая?

— Это? «Объ искусствѣ» Прудона... Маленькая, да в вѣрно что нибудь такое легонькое, французское...

— Ну, не надо. Читай дальше.

— «Лѣсъ» Росомесслера... У-у!

— Заберешься въ лѣсъ и не выберешься! Оставь!

— Германа Фи-зі о-логія... Это что за птица?

— Это, ma chère, что нибудь о желудкѣ или кишкахъ. . Ну, ее! Все не то. Нѣтъ, знаешь, что нибудь этакое чтобы о всемъ было тамъ... и серіозное...

— Вотъ, «Единство рода человѣческое»... Катрфажъ...

— Не хочу «Единства»... Рядомъ-то, въ фіолетовомъ переплетѣ, что?

— Шилль... Современная теорія финансовъ .. И-ну!

— Такой хорошенькій переплетъ — и такая дрянь!

— А вотъ, не особенно толстая и небольшая.. «Первобытная культура» Едуарда Б. Тэйлора... Томъ первый.

— Какъ? «Первобытная»? Ухъ!.. Ну-ка, вынь...

Nadine съ трудомъ вытащила «культуру» и прошла:

— «Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, искуства... и обычаевъ»... Переводъ съ англійскаго Коровчевскаго... Ужъ взять эту?

— Давай, давай! И миѳологія, и религія, и философія — все тамъ есть! Должно быть интересно.

Nadine спрыгнула со стула, держа въ рукѣ «Первобытную культуру».

— Ну, маршъ въ будуаръ!

Прелестныя кузины, достигнувъ будуара, расположились рядомъ на диванчикѣ, стоявшемъ за ширмами.

— Который часъ? спросила Елена Ивановна.

— Четверть третьяго. Ну, какъ же — сначала?

— Зачѣмъ-же? Нѣтъ.. вѣдь онъ можетъ подумать, что мы именно послѣ вчерашнихъ его резонёрствъ и принялись нарочно за серіозное чтеніе... Напротивъ, пусть онъ увидитъ, что книгу эту мы уже да-а-вно читаемъ тихонько отъ него и ужъ дошли до половины! Раскрой на половинѣ и начинай.

— Ну, хорошо. А что-жъ, можетъ быть, книга и въ самомъ дѣлѣ интересная? Тогда вѣдь можно будетъ и сначала... Дѣйствительно, все романы да романы—надоѣло! Надо болѣе «питательную умственную пищу», какъ выразился Николай Петровичъ...

— Усядься, Nadine, поудобнѣе. Устанешь — дай мнѣ, я стану читать. Постой-ка, я положу ноги на скамеечку и сяду поглубже... Одну подушку подъ голову — вотъ такъ! А ты на меня — головой на плечо... Ну, хорошо?

— Отлично! Начинаю.

Елена Ивановна закинула голову на подушку и прищурила глаза. Чтеніе началось. Прошло полчаса.

— Лёля! Ты это что-же?...

— А что?

— Кажется, не слушаешь... о другомъ думаешь?

— Ну — вотъ! Какъ не слушаю... Помилуй! Очень даже интересно... Я ни одного слова не пропустила. Ты сейчасъ прочла: «Отмѣчая подобное обстоятельство у дикарей и дѣтей...»

— «У дикарей и дѣтей», продолжала Nadine: — «мы приходимъ къ интереснымъ вопросамъ, каса...каса-а...

— Что съ тобой? Ты, кажется, зѣвнула?

— Вообрази — до слёзъ даже! Но это ничего. Слушай.... «касающимся исторіи первобытной грамматики. В. Ф. Гумбольдтъ обратилъ вниманіе на аналогію между...» А вотъ и ты зѣвнула!

— Это я отъ тебя! Ты — первая... Ну-ну, на что-же Гумбольдтъ вниманіе обратилъ?

— «...на аналогію между значеніемъ у дикарей 3, въ смыслѣ «многіе», и грамматическимъ употребленіемъ 3 для образованія превосходной степени, въ формахъ; обыкновенными примѣрами могутъ служить» —

Nadine, устыдившись зѣвка, энергически принялась за чтеніе, даже увлеклась, а Елена Ивановна, замѣтивъ это и убаюкиваемая голосомъ кузины, стала мечтать о чемъ-то, только не о превосходной степени и не о грамматическихъ формахъ... Ей такъ было сладко, мягко, удобно, что она ни двигаться, ни говорить уже не хотѣла, а потому уловивъ какое нибудь слово, повторяла его нарочно, чтобы обмануть Nadine, предупредить ее... Жаль было Еленѣ Ивановнѣ разстаться съ міромъ чудныхъ грёзъ...

— «Когда двѣ расы различныхъ уровней культуры приходятъ въ соприкосновеніе»... читала Nadine...

— «Приходятъ въ соприкосновеніе», проговорила Елена Ивановна, поймавъ эти слова, но уже ничего не понимая... Она была уже не на диванѣ, а гдѣ-то, въ какой-то освѣщенной залѣ... Толпа... Звуки Штраусовскаго вальса... Говоръ... Бряцанье шпоръ... Вотъ, графъ Сержъ подлетаетъ къ ней... Рука ея на его плечѣ... И они понеслись, закружились... Ноги не касаются паркета... Вальсъ въ воздухѣ!... О, какъ хорошо!.. Она чувствуетъ жаркое дыханье Сержа... — «...приходятъ въ соприкосновеніе, тогда болѣе грубый народъ усвоиваетъ новыя искуства и знанія... (голосъ Nadine слабѣлъ), но въ то-же самое время его собственная культура обыкновенно оста-на-вли-ва...»

И Nadine остановилась. Все смолкло...

— Странно, думала Елена Ивановна, — какой этотъ Сержъ! Танцуетъ вальсъ — и положилъ голову на мое плечо. . И какимъ образомъ на правое?—Тяжело и жарко... Но—ахъ, какой вальсъ!...

. . . . . .

Давно въ четыре часа пріѣхалъ Николай Петровичъ и, узнавъ, что «барыня» дома, приказалъ подавать супъ. Выйдя изъ кабинета и не найдя никого въ залѣ, онъ отправился въ гостиную, но и въ гостиной—ни души... Не въ столовой-ли онѣ, въ ожиданіи обѣда?

— И тутъ ихъ нѣтъ!... Ну, такъ вѣрно тамъ...

Николай Петровичъ тихо пробрался въ будуаръ... Никого!

— Да гдѣ-жъ это онѣ? прошепталъ онъ и остановился среди будуара — и вдругъ тоненькій свистъ долетѣлъ до его слуха... Кто-то гдѣ-то слегка сопѣлъ носомъ...

Супругъ Елены Ивановны на цыпочкахъ подкрался къ ширмамъ, заглянулъ—и увидѣлъ картинку, живую картинку, копію съ которой читатель можетъ увидѣть въ настоящемъ нумерѣ «Нивы»...

— Не притворяются-ли онѣ? мелькнуло въ головѣ Николая Петровича — и онъ нагнулся...

Нѣтъ, онѣ дѣйствительно сладко почивали; дыханіе ихъ было такое тихое, ровное, только носикъ Nadine слегка посвистывалъ...

— Не заснули-ли это онѣ за серіозной книгой?...

Заглянулъ онъ въ книгу — да, «Первобытная культура»!...

Въ эту самую минуту въ дверяхъ будуара появился лакей и довольно громко доложилъ:

— Кушать подано!

Библиотека "Руниверс"

Какъ ихъ судить?

(Разсказъ изъ уголовной хроники) А. Шкляревскаго.

I.

Около двѣнадцати часовъ, довольно свѣжимъ августовскимъ утромъ, по пассажу на Невскомъ проспектѣ, въ числѣ прочихъ прогуливавшихся, шелъ высокій и стройный господинъ, въ форменномъ пальто военнаго врача, лѣтъ тридцати пяти, красивый собою, но совершенно сѣдой, почти бѣлый, что придавало необыкновенную, своеобразную прелесть его правильнымъ чертамъ и блестящему взгляду. Онъ велъ подъ руку прелестную блондинку, миніатюрнаго роста, съ нѣсколько гордымъ выраженіемъ личика, съ синими, слегка прищуренными глазками и замѣчательно-роскошными волосами пепельнаго цвѣта. Дойдя до средины пассажа, они остановились у магазина, въ которомъ были выставлены карточки разныхъ европейскихъ знаменитостей, и начали ихъ разсматривать. Вѣроятно съ подобною же цѣлію, около этого магазина остановился отставной генералъ, сухощавый старикъ, средняго роста, съ сѣдыми бакенбардами и непріятными сѣро-карими, быстро бѣгавшими глазами, изъ-подъ нависшихъ, густыхъ бровей. Разсмотрѣвъ двѣ-три карточки, старикъ хотѣлъ уже идти далѣе, какъ вдругъ, взглянувъ нечаянно на блондинку, словно оцѣпенѣлъ, отскочилъ на два шага и поднявъ съ изумленнымъ жестомъ руку, устремилъ на нее странный и испуганный взглядъ широко-раскрытыхъ глазъ. Врачъ и его спутница въ это время разговаривали между собою и не замѣчали происходившаго вокругъ нихъ. Между тѣмъ, какъ бы не довѣряя видѣнному, старикъ протеръ глаза, перешелъ на другую сторону и сталъ еще пристальнѣе всматриваться въ блондинку, съ тѣмъ же выраженіемъ изумленія и ужаса. —Такъ, такъ! шепталъ старикъ, ломая пальцы рукъ.—Это она... и сомнѣній не можетъ быть... Алевтина! прибавилъ онъ громко.

При этомъ имени молодая женщина обернулась и вопросительно взглянула на генерала. Вслѣдъ за тѣмъ, она въ страхѣ прижалась къ своему кавалеру, прошептавъ дрожащимъ голосомъ: «Онъ!..»

— Алевтина!.. повторилъ онъ еще разъ.

— Что вамъ угодно? спросилъ его врачъ взволнованнымъ голосомъ. Лицо его стало болѣзненно блѣдно, какъ у мертвеца, безъ всякихъ признаковъ жизни, но черные глаза его ярко сверкали.

— Это—моя жена!.. вскричалъ генералъ.

— Ошибаетесь... возразилъ врачъ, стараясь сохранить какъ можно болѣе хладнокровія. —Это моя жена... Я женатъ на ней десятый годъ.

— А я все таки утверждаю, что это моя жена... Ее зовутъ Алевтина Михайловна.

— Можетъ быть, но я не намѣренъ сообщать имя и отечество своей жены каждому встрѣчному. Вѣроятно, вы введены въ заблужденіе сходствомъ физіономій... Пойдемъ! обратился врачъ къ своей дамѣ.

— Нѣтъ, я васъ не выпущу, милостивый государь, рѣшительно объявилъ старикъ, схвативъ врача за рукавъ пальто. —Господинъ полицейскій офицеръ! пожалуйте сюда!.. крикнулъ онъ, — господа присутствующіе! прошу васъ быть свидѣтелями... Я Захаръ Матвѣевичъ Дребезгинъ...

Состязавшихся обступила густая толпа любопытныхъ. Подошелъ и полицейскій офицеръ. Дребезгинъ сталъ просить о задержаніи врача и дамы, дрожавшей и прильнувшей къ его плечу, съ опущенными отъ стыда глазами.

— Повторяю вамъ, что вы въ заблужденіи... можетъ быть по наружному сходству. Говорю вамъ, что я женатъ уже десять лѣтъ, у меня трое дѣтей. Мы всего три дни какъ пріѣхали въ Петербургъ изъ провинціи, убѣждалъ врачъ.

— А я вамъ говорю, что эта особа все таки моя жена, десять лѣтъ тому назадъ умершая...

Такое заявленіе изумило толпу.

— Г. полицейскій офицеръ! обратится къ нему врачъ,— моей женѣ дурно, пропустите насъ... Развѣ вы не видите, что несчастный помѣшанъ?

Полицейскій офицеръ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ было дать дорогу врачу, но Дребезгинъ стремительно подскочилъ къ дамѣ и, взявъ ее за руку, грозно спросилъ:

— Алевтина! признайся — это ты?.. Не думай, чтобы я оставилъ тебя безъ преслѣдованія... Я докажу, что ты моя жена.

Дама ничего не отвѣчала; она только вскрикнула и упала въ обморокъ. Врачъ внѣ себя бросился приводить ее въ чувство, произнося дрожащимъ голосомъ странныя слова: «онъ убьетъ ее во второй разъ»!.. Это обстоятельство задержало незнакомцевъ въ пассажѣ на нѣкоторое время, въ продолженіи котораго Дребезгинъ успѣлъ убѣдить полицейскихъ властей, что онъ въ здравомъ умѣ, и просилъ: не выпуская полковаго врача, сейчасъ же собрать свѣдѣнія, кто именно онъ и его спутница и гдѣ они квартируютъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ квартиру оберъ-полицеймейстера просить его помощи въ розыскахъ.

По сдѣланнымъ полиціею дознаніямъ, мужчина, проходившій съ дамой по пассажу, оказался дѣйствительно военнымъ врачомъ, надворнымъ совѣтникомъ Владиміромъ Александровичемъ Заварницкимъ, а дама — его женой Алевтиной Константиновной Заварницкой, по прежней дѣвичьей фамиліи Воскресенской, происходившей изъ купеческаго званія. Заварницкій былъ женатъ на ней девять лѣтъ и три мѣсяца и имѣлъ отъ нея дочь и двухъ сыновей. Семейство это прибыло въ Петербургъ дня за три до происшествія въ пассажѣ и остановилось на Невскомъ проспектѣ, въ скромномъ нумерѣ «Преображенской» гостинницы. Казалось, такія свѣдѣнія должны были поселить въ Дребезгинѣ сомнѣніе относительно тождества личности докторши Заварницкой съ его женою,—но Дребезгинъ твердо стоялъ на своемъ и подалъ прошеніе въ Окружный судъ о разбирательствѣ этого дѣла, ссылаясь на многочисленныхъ свидѣтелей, которые, при очныхъ ставкахъ съ ними надворной совѣтницы Алевтины Константиновны Заварницкой, не преминутъ узнать въ ней его покойную жену Алевтину Михайловну Дребезгину, урожденную баронесу Цадебель, похороненную въ такомъ-то году, въ его фамильномъ склепѣ, въ деревнѣ Екатериновкѣ Новогрунтовскаго уѣзда, Черноземской губерніи. Началось слѣдствіе. Заварницкіе были обязаны подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга. Въ слободу Екатериновку былъ командированъ со стороны окружнаго суда особый чиновникъ, который при освидѣтельствованіи фамильнаго склепа Дребезгиныхъ, въ присутствіи мѣстныхъ властей, не нашелъ никакихъ слѣдовъ праха въ гробѣ умершей Алевтины Михайловны Дребезгиной, урожденной баронесы Цадебель... Вскорѣ дальнѣйшее производство этого дѣла было передано по мѣсту совершенія преступленія въ мѣстный Окружной судъ.

II.

Предки Цадебелей были истые уроженцы Лифляндіи, но теперь на прежнее происхожденіе ихъ указывала лишь фамилія, да бѣлокурые, пепельные волосы и голубые глаза. Баронъ Михаилъ Федоровичъ Цадебель, заслуженный и раненый полковникъ, умеръ въ среднихъ лѣтахъ, черезъ годъ послѣ смерти жены, оставившей ему трехлѣтнюю дочь, Алевтину. Оставшись круглой сиротою, дѣвочка перешла на житье къ своему опекуну, дядѣ, брату матери, статскому совѣтнику Василію Ивановичу Мономахову, человѣку хотя и очень доброму, но въ высшей степени тщеславному. Алевтинѣ, послѣ смерти отца, осталось довольно значительное состояніе, заключавшееся въ двумъ огромныхъ домахъ въ Петербургѣ, въ разномъ движимомъ имуществѣ, въ вещахъ и шестидесяти

Библиотека "Руниверс"

Свой самоваръ. Картина Ивона.

Библиотека "Руниверс"

тысячахъ рублей. Это состояніе давало Алевтинѣ полную возможность получить прекрасное домашнее воспитаніе, но Мономаховъ считалъ приличнѣйшимъ дать образованіе дочери такого заслуженнаго офицера, какъ его шуринъ, не иначе какъ въ Патріотическомъ институтѣ,—и Алевтина въ извѣстные годы была принята въ это заведеніе, гдѣ и кончила полный курсъ; послѣ чего возвратилась въ домъ дяди. У Алевтины было много прекрасныхъ задатковъ: она имѣла горячее, любящее сердце, жаждавшее чувства, симпатизировала всякому горю и страданію; къ этимъ качествамъ присоединялись свѣтлый, природный умъ и тихій характеръ. Молодая головка ея была чужда праздныхъ мечтаній, фантазій и иллюзій. Какъ всякая богатая дѣвушка извѣстнаго круга, она была окружена такою обстановкой, при которой весьма скоро отдѣлалась отъ институтской наивности и, ознакомилась съ дѣйствительной жизнью, по крайней мѣрѣ въ той сферѣ, гдѣ ей пришлось вращаться. На толпу же, которую она видѣла лишь мелькомъ на улицѣ, она усвоила себѣ особенные взгляды, высокомѣрно благосклонные, считая себя существомъ противъ нея высшимъ. Впрочемъ, съ однимъ изъ людей этой толпы Алевтинѣ пришлось встрѣчаться чаще, чѣмъ она быть можетъ желала на первыхъ порахъ. Въ то время, когда Алевтина вторично поселилась у дяди, въ этомъ домѣ явилось новое лицо, жившее у Мономахова въ качествѣ домашняго учителя его малолѣтняго сына. Это былъ Владиміръ Александровичъ Заварницкій, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ, недавно кончившій курсъ въ Медико-хирургической академіи. Алевтинѣ Михайловнѣ тогда было всего шестнадцать. Заварницкаго въ домѣ Мономахова всѣ считали за человѣка холоднаго, сухаго и разсудительнаго, а потому относились къ нему весьма довѣрчиво. Сынъ бѣднаго деревенскаго пономаря какой-то дальней губерніи, Заварницкій, съ самаго ранняго дѣтства, сталъ проходить тяжелую школу жатейскихъ нуждъ. Десяти-одинадцати лѣтъ, воспитываясь еще въ духовномъ уѣздномъ училищѣ, маленькій Владиміръ Заварницкій, стоя на квартирѣ въ концѣ города у старой солдатки, которой отецъ его выплачивалъ за квартированіе сына два рубля въ мѣсяцъ натурою, т. е мукою, крупою, пшеномъ и пр., — зналъ уже, что значитъ порою сварить себѣ обѣдъ, выстирать бѣлье, нарубить дровъ и сбѣгать къ сосѣдямъ, наносить воды, чтобы заработать нѣсколько копѣекъ, нужныхъ ему для покупки сальной свѣчи для вечернихъ занятій и необходимыхъ ученическихъ принадлежностей, бумаги, перьевъ и т. п... По окончаніи курса въ семинаріи, гдѣ Заварницкій воспитывался на казенный счетъ въ бурсѣ, онъ задумалъ поступить въ Медико-хирургическую академію и съ этою цѣлью двинулся въ Петербургъ пѣшкомъ, за нѣсколько сотъ верстъ, съ единственною надеждою найти себѣ на первыхъ порахъ въ Петербургѣ пріютъ въ домѣ одного дальняго родственника, служившаго діакономъ въ какой-то приходской церкви. Списываться съ этимъ родственникомъ Заварницкій счелъ неблагоразумнымъ, такъ какъ по письменной просьбѣ діаконъ могъ учтиво отказать въ гостепріимствѣ; явясь же внезапно, онъ ставилъ его въ необходимость дать ему у себя въ квартирѣ прибѣжище, хотя на нѣсколько дней. Къ счастью его, діаконъ жилъ зажиточно и имѣлъ кучу дѣтей—подростковъ; вслѣдствіе этого, онъ не только не отказалъ своему родственнику въ пріютѣ на первыхъ порахъ, но далъ ему отдѣльную комнату и предложилъ столъ съ тѣмъ, чтобы Заварницкій занимался съ его дѣтьми. Заварницкій прожилъ у него болѣе трехъ лѣтъ, съ каждымъ годомъ постепенно улучшая свое положеніе; онъ успѣвалъ и посѣщать лекціи въ академіи, и заниматься діаконскими дѣтьми, и давать еще частные уроки,—такъ какъ діаконъ, въ отплату за успѣшное занятіе Заварницкаго съ его дѣтьми, вездѣ въ богатыхъ домахъ по приходу рекомендовалъ своего родственника умницей и способнымъ учителемъ. На четвертый годъ Заварницкій перешелъ отъ діакона давать уроки въ домъ одной графини, а оттуда, по рекомендаціи послѣдней, поступилъ наконецъ къ Мономаховымъ. При всемъ томъ, среди постоянныхъ занятій, въ которыхъ проходила его жизнь, молодой человѣкъ не успѣлъ еще присмотрѣться къ быту того общества, куда толкнула его судьба, —и многіе обычаи и порядки въ этомъ домѣ казались Заварницкому крайне тяжелы.

Мѣсто въ домѣ Мономаховыхъ было для него выгодно и онъ дорожилъ имъ. Заварницкій разсчитывалъ, по окончаніи курса въ академіи и по протекціи Мономахова, занять мѣсто врача по своему желанію и имѣть практику.

Съ самаго начала знакомство между Заварницкимъ и Алевтиною ограничивалось лишь поклонами; но красивая наружность молодаго человѣка, не смотря на замѣтную угловатость и застѣнчивость, повидимому производила на нее нѣкоторое впечатлѣніе. Въ первый разъ Алевтина заговорила съ нимъ въ учебной комнатѣ, потомъ изрѣдка встрѣчала его въ саду, когда онъ водилъ гулять ея двоюроднаго брата. Мало по малу молодые люди перестали чуждаться другъ друга, и Алевтина, къ удивленію своему, съ каждымъ днемъ открывала въ своемъ собесѣдникѣ все новыя и новыя достоинства. Вскорѣ видѣть его, говорить съ нимъ стало для нея ежедневною потребностью — хотя и далеко несознаваемою. На Заварницкаго же она съ перваго дня произвела впечатлѣніе поражающее; при красотѣ своей она обладала какой-то особенной, совершенно своеобразной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, естественной граціей—и такъ мало походила ею на другихъ, бывавшихъ въ домѣ Мономахова дѣвушекъ, что всякій незнакомый человѣкъ не могъ не увлечься ею съ перваго взгляда. Но, какъ человѣкъ живший своимъ трудомъ и не глупый, Заварницкій ясно видѣлъ, какая бездна лежитъ между нимъ и Алевтиною, — а потому старался держаться отъ нея въ отдаленіи и даже заставлялъ себя смотрѣть на нее съ невыгодной для нея точки зрѣнія. Однако, все это предубѣжденіе Заварницкаго противъ Алевтины не послужило ни къ чему, — дѣвушка успѣла, безъ всякой хитрости или намѣреннаго плана, уничтожить эти непріязненныя къ ней чувства, единственно силою своей привлекательности и простоты обращенія. Заварницкому, впрочемъ, по крайней его неопытности въ женщинахъ, стало казаться, что онъ имѣетъ дѣло не съ свѣтскою дѣвушкой, а еще съ простодушнымъ ребенкомъ, на котораго еще можно влять...

Тутъ самонадѣянное воображеніе юноши окончательно разыгрывалось — и онъ невольно поддавался его обольстительнымъ иллюзіямъ...

Въ сущности дѣло было гораздо проще: молодой человѣкъ влюбился со всѣмъ пыломъ непочатаго чувства и какъ это рѣдкое въ наши времена явленіе еще рѣже не находитъ себѣ отзыва въ чистыхъ женственныхъ натурахъ, то и Алевтинѣ молодой человѣкъ нравился все больше и больше. Она невольно обратила вниманіе на его ровность характера и серіозную преданность дѣлу, и нечувствительно сама начала дѣлать первые шаги къ сближенію, посѣщая будто бы изъ любопытства классную комнату во время уроковъ ея брата... Алевтина была въ томъ періодѣ возраста, когда дѣвушка болѣе всего расположена поддаться обаянію любви. Искра этого чувства безсознательно зажглась въ ней, а постоянное присутствіе Заварницкаго еще болѣе питало и раздувало этотъ огонекъ. Алевтина сама удивлялась порою тому, что если ее и поражали внѣшнимъ лоскомъ и остроуміемъ другіе мужчины, то по прошествіи нѣсколькихъ дней впечатлѣніе это уменьшалось, а потомъ и вовсе изглаживалось; Заварницкаго же она видѣла каждый день и по нѣскольку разъ, а между тѣмъ онъ съ утра до вечера не выходилъ изъ ея головы. Она начала краснѣть при его приближеніи, руки ея стали дрожать касаясь его руки—и, если ей приходилось присутствовать при дѣланныхъ теткою ея репримандахъ Заварницкому, она невыносимо страдала и мѣнялась въ лицѣ. Заварницкій все это видѣлъ, замѣчалъ и чувствовалъ. Пылкая натура молодаго человѣка просиулась: онъ забылъ все свое благоразуміе и разъединяющую его съ любимою дѣвушкою бездну. Послѣ одной изъ подобныхъ сценъ съ мадамъ Мономаховою, при которой Алевтина заявила такое неподдѣльное къ нему чувство, онъ не могъ удержаться, чтобы столкнувшись съ ней tête à tête не поблагодарить ее— и здѣсь съ языка его слетѣло полное признаніе. Въ другое время, при всей любви къ Заварницкому, молодая дѣвушка,

Библиотека "Руниверс"

по робости своей, не дала бы ему рѣшительнаго отвѣта въ своемъ чувствѣ — или бы замявъ отвѣтъ, или бы отвѣчавъ краскою, замѣшательствомъ, слезами и уходомъ; но, находясь подъ вліяніемъ глубокаго состраданія и сожалѣнія къ молодому человѣку, за безвинно перепосимые имъ капризы, она высказала ему роковое: «вы также дороги мнѣ», и на долю Заварницкаго выпалъ ея первый дѣвственный поцалуй... На другой день они оба были въ смущеніи, преимущественно же Заварницкій, проведшій одну изъ самыхъ безпокойныхъ ночей въ своей жизни. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, раскаявающихся въ томъ или другомъ необдуманномъ поступкѣ. Если бы въ Петербургѣ ему не пришлось поступить въ академію и найти пріютъ, онъ искалъ бы себѣ какого нибудь другаго занятія, но и погибая, онъ никогда не издавалъ бы безплодныхъ сѣтованій на то, что пошелъ въ такую даль безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія...

Къ чести Заварницкаго должно прибавить, что богатство Алевтины Цадебель здѣсь вовсе не играло ни какой роли; напротивъ, оно казалось ему однимъ лишнимъ препятствіемъ къ ихъ супружескому счастію. У людей, подобныхъ Заварницкому, есть свои особенные взгляды на деньги: привыкнувъ съ дѣтства заработывать каждую копѣйку тяжкимъ трудомъ, Заварницкій, не пренебрегалъ деньгами и даже дорожилъ ими, но только въ такомъ случаѣ, если онъ заработалъ ихъ; деньги же, случайно доставшіяся ему, какъ-то оскорбляли его самолюбіе...

Главнымъ препятствіемъ къ счастливому своему браку съ Алевтиной — Заварницкій считалъ ея происхожденіе и среду. Онъ боялся, чтобы Алевтина, по прошествіи извѣстнаго времени, не пожалѣла о ней, и что это могутъ навѣять на нее посторонніе, ея родственники и друзья. Только этого одного вопроса до признанія Алевтинѣ онъ не рѣшилъ. Что касается до матеріальныхъ препятствій къ браку, то ему, какъ и всякому юношѣ, они казались очень ничтожными — и онъ думалъ устранить ихъ безъ всякихъ затрудненій. Ему нужно было лишь одно согласіе Алевтины. И въ самомъ дѣлѣ, *о чемъ бы*, казалось, ему задумываться? До окончанія полнаго курса въ академіи Заварницкому оставалось немного, по нѣсколькимъ предметамъ онъ уже выдержалъ экзаменъ, а далѣе онъ надѣялся получить мѣсто полковаго врача внѣ Петербурга — и затѣмъ повѣнчаться съ Алевтиною, при содѣйствіи одного своего товарища, молодаго священника, безъ всякихъ предварительныхъ разговоровъ объ этомъ съ Мономаховыми, согласія которыхъ онъ никогда не надѣялся получить. Относительно-же, могущихъ быть, судебныхъ преслѣдованій онъ особенно не тревожился. Убѣдить Алевтину — оставить домъ опекуна и согласиться соединить съ нимъ свою судьбу ему казалось легко. Но это самое и останавливало Заварницкаго и заставило его провести безсонную ночь... Онъ считалъ низкимъ и безчестнымъ воспользоваться простодушіемъ и наивностью молоденькой дѣвушки; онъ желалъ, чтобы она рѣшилась на это вполнѣ зрѣло и сознательно, — а для этого ему, изволите ли видѣть, нужно ее честно познакомить съ жизнію и съ будущей ея обстановкой и обязанностями, какъ жены врача. Но какъ планъ этотъ требовалъ времени, то для выполненія его Заварницкій предположилъ, по окончаніи курса въ академіи, остаться еще на годъ въ домѣ Мономаховыхъ учителемъ и домашнимъ врачомъ.

Золотая юность! у кого не бывало такихъ или подобныхъ завѣтныхъ, затаенныхъ, — но тѣмъ не менѣе — увы! — неисполнимыхъ замысловъ.

Смѣсь.

Флора

(статуя Симони, находившаяся на Вѣнской всемірной выставкѣ).

—

Миѳъ о Флорѣ принадлежитъ къ числу граціознѣйшихъ эпизодовъ изъ ѳеогоніи древнихъ грековъ. Въ немъ олицетворяется весна съ ея первымъ теплымъ дуновеніемъ, которое оживляетъ растительность и заставляетъ распускаться цвѣты. Зефиръ, вѣчно юный-богъ, теплый западный вѣтеръ, сынъ Эола и пурпурно-перстой Эосъ (зари), прельстясь красотою нимфы Хлорисъ (зелень), долго и страстно ее преслѣдовалъ, настигъ ее, сдѣлалъ своею супругою подъ именемъ *Флоры* и далъ ей власть надъ всѣмъ царствомъ цвѣтовъ. Раздѣливъ пламень его страсти, Флора подарила Зефиру сына Карпія, который былъ избранъ Зевсомъ въ представители всѣхъ плодовъ и овощей. Культъ Флоры былъ введенъ въ Римѣ сабинскимъ царемъ Титомъ Тацiемъ, а Нума Помпилій воздвигъ ей даже особый алтарь. Празднества въ честь ея, такъ-называемыя Флоралiи, установлены Тарквиніемъ Гордымъ и торжествовались ежегодно съ 28 Апрѣля до 1 Мая, подъ надзоромъ эдилей, которые раздавали народу горохъ и бобы. Домà и самъ горожане украшались цвѣтами, женщины въ противность всегдашнему обычаю одѣвались въ яркія ткани; дни проходили въ пѣніи, пляскахъ и пирахъ. Сопряженныя съ праздникомъ игры производились въ особомъ циркѣ, позади горы Квиринала, неподалеку отъ храма Флоры, и тянулись часто за полночь, при свѣтѣ факеловъ, не отличаясь особенной нравственностью. Флору изображаютъ обыкновенно весьма юною дѣвой, похожею на Діану, но съ цвѣтами на головѣ и въ рукахъ. Между значимыми знаменитѣйшая — *фарнезская*. Прилагаемая копія съ новѣйшаго воспроизведенія ея скульпторомъ Симони также чрезвычайно изящно изображаетъ богиню цвѣтовъ.

Свой самоваръ.

(Съ картины Ивона).

—

Въ неприхотливомъ быту русскаго крестьянина, чаепитіе составляетъ не повседневную потребность, а какъ-бы лакомство, которымъ угощаютъ почетнѣйшихъ гостей; сами же хозяева, покрайнѣй мѣрѣ большая часть, пьютъ чай лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Не даромъ у насъ и просятъ не на водку, а на чаекъ — развѣ нахалъ какой нибудь брякнетъ начистоту. Не далеко время, когда во многихъ деревняхъ нечего было и думать раздобыться самоваромъ — этимъ національно-русскимъ изобрѣтеніемъ, до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ заграницею. Бывало, послѣ долгой двадцативерстной ѣзды отъ станціи до станціи гдѣ нибудь въ глуши нашего пространнаго отечества, первой вопросъ ямщику при въѣздѣ въ деревню: «у кого тутъ есть самоваръ? — вели». Такимъ образомъ, обзаведясь самоваромъ, крестьянинъ какъ бы полагалъ краеугольный камень своего благосостоянія. Случалось конечно путнику останавливаться и у безсамоварныхъ хозяевъ, но тогда имъ приходилось бѣжать къ зажиточнымъ сосѣдямъ, выпрашивать и вымаливать съ поклонами эту необходимую утварь, которою ссужали далеко не охотно — потому *тятка хитрая — того и гляди распаяется, потечетъ*, а во вторыхъ и на проѣзжаго обладатели самовара смотрѣли, какъ на свою неотъемлемую собственность, незаконно перебиваемую. Въ женскомъ-же населеніи избы самоваръ составлялъ и гордость и роскошь, источникъ чистѣйшихъ наслажденій, пользовался почетнымъ мѣстомъ и старательнѣйшимъ уходомъ... Чѣмъ только не чистили это издѣліе тульскихъ фабрикъ!.. и кирпичомъ-то, и золой, и бузиннымъ-то сокомъ, и мыломъ, и деревяннымъ масломъ...

Понятно, какую эпоху въ жизни крестьянской избы составляло пріобрѣтеніе *своего* самовара! Вотъ эти-то блаженныя минуты и вдохновили художника, съ картины котораго мы представляемъ вѣрный снимокъ. Передъ ними мужъ и жена, только-что обновившіе дорогаго гостя, залученнаго наконецъ послѣ столькихъ жертвъ и усилій. Массивный пузатый самоваръ кипитъ на столѣ во всю ивановскую, пуская клубы пара, жужжа пчелой и замирая тонкими пронзительными нотками... Хозяинъ сталъ какъ-то степеннѣе, внушительнѣе, осанистѣй; онъ серіозно и задумчиво глядитъ на столъ, разсчитывая будущіе барыши, ребятишкамъ на молочишко, — а баба просто млѣетъ отъ восторга, умильно поглядывая на чайникъ... Да и какъ же иначе, сами посудите, въ кои-то вѣки бывало сведетъ мужъ гдѣ нибудь на ярмаркѣ въ трактиръ чайку напиться — и то больше *въ прилядку* на сахаръ, чѣмъ въ прикуску — а теперь хоть каждый день пей тихомолкомъ, только-бъ хозяинъ не видалъ!.. «Ну, держись же, Сидориха!.. вспоминаетъ про себя хозяйка, — я те припомню теперь, какъ ты передо иной чванилась да фардыбачила своимъ самоваромъ... Понѣ и у меня *свой*!.. Тетку Матрену безпремѣнно угостить надоть», продолжаетъ она раскидывать умомъ, — «такъ и быть ужь маковыхъ бубликовъ захвачу на пятакъ, Аришу позовемъ... Вотъ мужикъ-отъ уйдетъ въ поле — дай-ка срокъ!» И блаженная улыбка широко разползается по сіяющему лицу. Вся семья довольна. Каждый счастливъ по своему — одно слово: «*свой самоваръ!..*»

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «Ливадія, 3-го октября, четвергъ. Государь Императоръ изволилъ получить по телеграфу извѣстіе, что Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Марія Александровна герцогиня Эдинбургская благополучно разрѣшилась сегодня отъ бремени сыномъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— По всеподданнѣйшему докладу Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ послѣдовало, въ 18-й день сего сентября, Высочайшее соизволеніе на открытіе повсемѣстной подписки въ пользу жителей Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ объявляетъ, что жертвуемыя на означенный предметъ деньги должны быть обращаемы въ Херсонскую Губернскую Земскую Управу.

— Государь Императоръ, 18-го минувшаго сентября, Высочайше повелѣть соизволилъ: Уволить нынѣ въ безсрочный отпускъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, выслужившихъ къ 1-му января настоящаго года установленные для того сроки.

— 30-го минувшаго сентября въ общемъ собраніи Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената разсматривались жалобы арестантовъ: Долгушина, Дмоховскаго, Папина, Плотникова и Гамова, на приговоръ о нихъ особаго присутствія по дѣлу о написаніи и распространеніи прокламацій возмутительнаго содержанія. Общее Собраніе опредѣлило: не усматривая нарушенія 251 ст. Улож. о наказ. и на основаніи 912 ст. Уст. Угол. Суд., жалобы подсудимыхъ оставить безъ послѣдствій.

— Для доставленія возможности дамамъ, путешествующимъ по желѣзнымъ дорогамъ, оставаться исключительно въ дамскомъ обществѣ, Министръ Путей Сообщенія, по примѣру порядковъ, существующихъ на нѣкоторыхъ русскихъ и на большей части заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ, приказать изволилъ, чтобы на всѣхъ русскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ поѣздахъ имѣлись съ надлежащими надписями особыя отдѣленія въ пассажирскихъ вагонахъ первыхъ двухъ классовъ для помѣщенія дамъ, желающимъ оставаться исключительно въ дамскомъ обществѣ. Въ эти отдѣленія мущины, хотя и сопровождающіе дамъ, не должны быть допускаемы.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Государь Императоръ, 20-го минувшаго іюля, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе св. Синода объ учрежденіи при Троицкой церкви с. Новаго, Галичскаго уѣзда, Костромской епархіи, женской общины.

— Постройка церкви во имя св. Алексѣя Митрополита на Мурманскомъ берегу въ становищѣ «Еретики», начатая въ 1872 году кольскимъ мѣщаниномъ М. В. Хипагинымъ, въ память посѣщенія этого становища Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, нынѣ окончена, какъ сообщается въ «Арханг. Губ. Вѣд-». 11-го іюля церковь освящена.

— Въ Радзивиловѣ (Волынск. губ.), 15-го сентября, освященъ вновь построенный храмъ во имя св. Александра Невскаго.

— Съ 1864 г. по іюнь 1874 г. въ Подольской губерніи устроено и разрѣшено къ производству построекъ новыхъ каменныхъ и деревянныхъ церквей на средства прихожанъ 135; капитально исправлено каменныхъ и деревянныхъ церквей, съ устройствомъ колоколень, 131—всего на сумму до 1,000,000 р. с. Кромѣ этого починено и исправлено прихожанами существующихъ церквей, безъ измѣненія ихъ наружнаго вида, съ разрѣшенія мѣстнаго духовнаго начальства, 570, на сумму до 4,000,000 р. с. Съ пособіемъ отъ казны и исключительно на ея средства выстроено и строится 102 каменыя и деревянныя церкви. Самими прихожанами израсходовано на начатіе построекъ и пожертвованія до 400,000 руб.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ Глуховѣ, Черниговской губерніи, открывается учительскій институтъ для приготовленія учителей въ городскія училища Киевскаго учебнаго округа. Въ институтъ принимаются молодые люди всѣхъ званій и состояній, не моложе 16 лѣтъ: успѣшно кончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній — безъ экзамена, некончившіе курса и получившіе домашнее образованіе — по экзамену.

СОДЕРЖАНІЕ: — Австрійская сѣверо-полярная экспедиція. Письмо г. Пайера въ *Neue Freie Presse* (съ картою сѣверополярныхъ странъ). — Двуногій волкъ. Романъ Н. Каразина. Часть 1 (продолженіе) — Серіозная книга (съ рисункомъ). — Какъ ихъ судить? (разсказъ изъ уголовной хроники) А. Шкляревскаго. — Флора (статуя Симонъ, находившаяся на Вѣнской всемірной выставкѣ) (съ рисункомъ). — Свой самоваръ (съ рисункомъ). — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Не состоитъ теперь при полномъ совершенствѣ мельхіоровыхъ издѣлій покупать серебро и тѣмъ болѣе если старыя вещи примутъ на фабрикѣ **Александра Качъ**, за полъ цѣны обратно. Магазинъ на Невскомъ напротивъ Думы, въ д. Рогова, № 3/36.
Иллюстрированные каталоги высылаютъ по требованію гг. иногородныхъ безплатно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Новое дешевое пересмотрѣнное К. Клиндвортомъ изданіе сочиненій для фортеніано.

Ф. ШОПЕНА,

соч. 1 «Рондо», цѣна 45 коп., соч. 2 «Варіяціи на дуэтъ изъ Донъ Жуана» 1 руб., соч. 4 «Соната» 1 руб., соч. 5 «Рондо-мазурка», 50 к., соч. 6 «Четыре мазурки», 30 коп., соч. 6 и 7 «Двѣ мазурки», 20 к., соч. 8 «Пять мазурокъ», 30 к., соч. 9 «Три ноктюрна», 45 к., соч. 10 Двѣнадцать этюдовъ въ 2 тетр. кажд. по 1 руб., соч. 11 «Первый концертъ», 1 руб. 80 коп. Всѣ эти соч. въ 1 книгѣ 3 руб., по подпискѣ 2 руб. 50 к.

Соч. 12 «Варіаціи на темы Герольда», 45 к., соч. 13 «Большая фантазія на польскія пѣсни», 60 к., соч. 14 «Краковякъ», 75 к., соч. 15 «Три ноктюрна», 45 к., соч. 16 «Рондо», 60 к., соч. 17 «Четыре мазурки» 35 к., соч. 18 «Первый вальсъ», 30 к., соч. 19 «Болеро», 45 к., соч. 20 «Первое скерцо», 50 коп. Всѣ эти соч. въ 1 книгѣ цѣна 3 руб., по подпискѣ 2 р. 50 к.

Всѣ 14 вальсовъ Шопена 1 руб.

Эти-же вальсы въ отдѣльныхъ нумерахъ: № 1—30 к., № 2—35 к., № 3—20 к., № 4—20 к., № 5—30 к., № 6—20 к., № 7—20 к., № 8—20 к., № 9 и 10 вмѣстѣ 30 к., № 11, 12 и 13 вмѣстѣ 30 к., № 14—20 к.

Въ музыкальной торговлѣ П. Юргенсона, *въ Москвѣ*, Петровка № 6.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА на 1874 годъ продолжается на тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ и на 1875 годъ, и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже въ 1874 году вышедшіе №№.

Дозволено цензурою. 15 октября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 58.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

№ 44 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 28-го октября 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи. . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ" **А. Ф. МАРКСЪ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. незначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Для удобства Гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются при этомъ № Нивы Подписной Бланкъ и КОНВЕРТЫ съ печатнымъ адресомъ Редакціи для ВОЗОБНОВЛЕНІЯ подписки на нашъ журналъ въ 1875 году.

Керосиновыя печи

Многіе изъ подписчиковъ «Нивы» обращались къ намъ съ запросомъ относительно публикацій о керосиновыхъ печахъ, встрѣчающихся во всѣхъ газетахъ. Спѣша удовлетворить любознательности нашихъ читателей, мы ознакомились съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ на дѣлѣ и теперь можемъ подѣлиться добытыми свѣдѣніями.

Керосиновая печь состоитъ изъ низенькаго, четвероугольнаго, наглухо запаяннаго жестянаго резервуара, съ круглымъ отверстіемъ въ одномъ изъ угловъ верхней стѣнки, въ которое наливается керосинъ и завинчивается круглой же крышечкой. Около средины верхней стѣнки резервуара утверждены двѣ поперечно стоящія жестяныя горѣлки для свѣтиленъ, поднимающихся помощью винта, какъ въ керосиновыхъ лампахъ, — только свѣтильни въ печи значительно шире обыкновенныхъ ламповыхъ, почти въ ладонь ширины. На верхней же стѣнкѣ резервуара укрѣплены четыре стойки, поддерживающія вторую часть печи — собственно плиту, которую можно снимать со стоекъ и опять ставить.

Керосиновая печь о двухъ канфоркахъ. Грав. Бергъ.

Съ боковъ резервуара укрѣплены двѣ высокія ручки для переноса аппарата вмѣстѣ съ плитою. Эта плита имѣетъ овальную форму, какъ видно на рисункѣ, и раздѣляется внутри на 2 этажа. Дно ея образуетъ частая металлическая сѣтка, съ двумя узкими прорѣзами—какъ разъ надъ горѣлками резервуара—такъ что, когда плита ставится на стойки резервуара, горѣлки проходятъ сквозь прорѣзы сѣтчатаго дна въ нижнее отдѣленіе плиты; оно отдѣлено отъ верхняго плотной чугунной перегородкой съ выпуклыми прорѣзными колпачками надъ горѣлками и свѣтильнями, какъ въ лампахъ. Верхнее отдѣленіе плиты гораздо обширнѣе нижняго, и въ немъ прорѣзаны съ боку два круглыя оконца со стеклами, чтобы можно было въ нихъ смотрѣть на пламя и регулировать его снизу помощью вышеупомя-

Библиотека "Руниверс"

нутыхъ винтовъ у горѣлокъ резервуара. Верхнее отдѣленіе плиты устроено какъ въ обыкновенной плитѣ,—съ круглыми прорѣзами канфорокъ для ставленія на нихъ кострюль, сковородъ и т. п. Обѣ круглыя канфорки могутъ быть соединены въ одну овальную для рыбной кострюли, помощью снимающейся перегородочки. Есть печи въ двѣ, четыре и шесть канфорокъ (а также и въ одну съ одной горѣлкой).

Мы будемъ говорить о двухъ-канфорочной печи, какъ самой удобной для небольшихъ хозяйствъ, для перевозки съ собой въ походъ, на охоту и т. п. Величина всей печи, поставленной на резервуаръ (т. е. вмѣстѣ съ нимъ), 6 вершковъ длины, 3 вершка ширины и 5 вершковъ вышины. Весь аппаратъ съ принадлежащими къ нему: сковородой, двумя круглыми кострюльками, одной овальной кострюлей для рыбы, металлическимъ чайникомъ и паровымъ кофейникомъ—стоитъ у Крумбюгеля 12 руб.

При готовленьи кушанья поступаютъ слѣдующимъ образомъ: снимаютъ плиту съ резервуара, наливаютъ въ него потребное количество керосина (по возможности столько, сколько нужно по разсчету времени горѣнія, къ чему скоро приспособляются послѣ нѣсколькихъ опытовъ) и завинчиваютъ крышечку отверстія. Затѣмъ приподнимаютъ изъ горѣлокъ свѣтильни, которыя должны быть обрѣзаны какъ можно ровнѣй по горѣлкѣ, зажигаютъ ихъ—и затѣмъ акуратно ставятъ плиту, чтобы зажженныя свѣтильни прошли въ прорѣзы дна не погасивъ. Уставивъ плиту, смотрятъ въ ея оконца и доводятъ пламя до желаемой силы. Слишкомъ сильное пламя даетъ копоть и крѣпкій запахъ керосина, а слѣдовательно возможно только въ кухнѣ или на открытомъ воздухѣ. Умѣренное пламя вовсе не даетъ копоти и весьма мало запаха, такъ что при этомъ условіи кушанье можетъ готовиться на самомъ обѣденномъ столѣ. *Затопивъ* такимъ образомъ печь, приступаютъ къ варенью и жаренью блюдъ обыкновеннымъ порядкомъ. Только надо замѣтить, что если готовится одно блюдо, т. е. занята одна только канфорка,—то на другую надо поставить хоть чайникъ съ водой, для того, чтобы тепло не уходило даромъ въ ея отверстіе.

Вода въ чайникѣ или кострюлѣ закипаетъ въ теченіи 15—40 минутъ, смотря по величинѣ пламени. Картофель совершенно уваривается въ теченіи часа, будучи положенъ въ совершенно холодную воду. Бифстекъ жарится полчаса.

По окончаніи стряпни, надо перетереть весь аппаратъ, а въ особенности резервуаръ слѣдуетъ содержать какъ можно чище.

Кофейникъ состоитъ изъ жестянаго резервуара для воды, перегороженнаго на два отдѣленія, и цилиндрическаго ящичка съ трубкой для кофе. Изъ верхняго отдѣленія резервуара въ нижнее въ центрѣ перегородки ведетъ, узкая, вертикальная открытая съ обоихъ концовъ трубка, поднимающаяся нѣсколько надъ перегородкою въ верхнемъ отдѣленіи. Черезъ нее наливается въ нижнее отдѣленіе вода до самаго верхняго края трубки. Затѣмъ въ эту трубку вставляется трубка цилиндрическаго ящичка, который предварительно доверху насыпается смолотымъ кофе, накрывается сверху сѣтчатымъ металлическимъ кружкомъ и фланелью и крѣпко привинчивается колескомъ на стержнѣ. Кофейникъ накрывается сверху стекляннымъ колпакомъ и ставится на плиту. Пары, образующіеся въ нижнемъ отдѣленіи резервуара, давя на горячую воду, заставляютъ ее подниматься въ трубку цилиндрическаго ящичка и въ самый ящичекъ; такимъ образомъ кофе варится, кипитъ и начинаетъ стекать сквозь сѣтку и фланель въ верхнее отдѣленіе резервуара. Это уже готовый кофе—и теперь надо лишь подождать, чтобъ его накопилось сколько нужно, для того, чтобы отворить кранъ верхняго отдѣленія резервуара и нацѣдить чашку или стаканъ.

Это въ особенности незамѣнимый аппаратъ для любителей кофе на охотѣ или въ походѣ. Дома же на этой печи можно готовить кофе и въ обыкновенномъ кофейникѣ.

Какъ мы уже сказали, керосиновая печь чрезвычайно удобна для небольшихъ хозяйствъ, для меблированныхъ комнатъ, а также въ случаѣ поздняго возвращенія изъ театра или съ бала, если не желаютъ поднимать на ноги прислугу изъ-за какой нибудь чашки чаю, куска бифстека или десятка яицъ.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА IX.

Тѣни.

Казакъ съ костылемъ шагалъ, между тѣмъ, по бивуаку, лавируя между рядами спящихъ солдатъ, шагая черезъ веревки палатокъ, осторожно обходя стоящихъ на приколахъ офицерскихъ лошадей, прижимающихъ уши и подозрительно косящихся на проходившую мимо ихъ темную хромую фигуру. Онъ прошелъ уже всю лѣвую половину бивуака, обогнулъ песчаный гребень, поровнялся съ колодцами,—у которыхъ, несмотря на позднее время ночи, все еще была оживленная толпа жаждущихъ, и сквозь говоръ отчетливо слышался скрипъ веревки, огибающей блокъ, и плескъ воды, выливаемой въ турсуки,—остановилъ одного солдата съ ведромъ наполненнымъ до половины, хлебнулъ изъ него и произнесъ.

— А, стала какъ будто свѣтлѣе — чище...

— Точно такъ, ваше благородіе, таперича послаще пошла, а спервопачалу—страсть солона была! отвѣчалъ солдатъ.

— Ну волоки, дальше... спасибо!

— На доброе здоровье!..

Солдатъ, оттопыривъ свободную руку и перегнувшись на бокъ, торопливо зашагалъ дальше; офицеръ постоялъ на мѣстѣ, словно въ раздумьѣ, и снова пошелъ по тому-же направленію, то исчезая въ темнотѣ, то освѣщаясь свѣтомъ костровъ, снова пропадая и снова обрисовываясь. Онъ шелъ все вдоль бивуака, и наконецъ остановился прямо противъ небольшой палатки, не доходя до нея шаговъ десять.

Здѣсь онъ осторожно сѣлъ на песокъ, устроилъ покойнѣй свою больную ногу, и задумчиво сталъ смотрѣть на то, что было передъ его глазами.

Палатка была освѣщена внутри. На четвероугольномъ красновато-сѣромъ фонѣ палатки, какъ на щитѣ волшебнаго фонаря двигались темные силуэты. Силуэтовъ этихъ было два, и хотя очертанія ихъ были не совсѣмъ ясны, но всякій, самый непроницательный даже, наблюдатель могъ бы смѣло рѣшить, что одна изъ этихъ фигуръ была женщина, другая — ребенокъ.

Ребенокъ былъ на рукахъ у женщины. Повременамъ она его приподнимала, подхвативъ подъ мышки. Такъ обыкновенно подбрасываютъ дѣтей, когда съ ними играютъ. При этомъ движеніи маленькія ножки энергично болтались въ воздухѣ, уморительно рисуясь на полотнѣ палатки.

Обѣ тѣни, вообще, принимали часто чрезвычайно странныя, даже уродливыя очертанія. То носъ вытягивался, вдругъ, какъ-то необыкновенно длинно, переламывался на угловомъ ивѣ и тянулся дальше, совсѣмъ уже по другому направленію,—то кисть руки со всѣми своими пятью пальцами, словно гигантскій темный паукъ, захватывала собою всю палатку; складка платка на головѣ, прядка волосъ, отдѣлившаяся на лбу вдругъ превращались въ какіе-то безобразные рога и затѣмъ снова принимали на мгновеніе свои естественныя формы.

Проходящіе мимо не обращали вниманія на эту дикую фантасмагорію, но еслибы кто нибудь изъ нихъ вздумалъ наблюдать за нею повнимательнѣй, онъ навѣрно не удержался-бы отъ веселой улыбки, а пожалуй даже и отъ взрыва гомерическаго хохота.

Помню, я разъ наблюдалъ подобную сцену, послѣ одного боя, залившаго кровью чуть не десяти-верстное пространство. Это былъ одинъ изъ тѣхъ колоссальныхъ, наводившихъ на всю мѣстности роковую панику, незабываемыхъ вѣками, погромовъ, въ которыхъ, благодаря усовершенствованному цивилизаціей оружію, гибнетъ очень мало *нашихъ* и черезъ чуръ уже много *ихнихъ*.

Ночью, незадолго до разсвѣта, утомленный кровавымъ сценами дня, я сидѣлъ на складномъ стулѣ, не подалеку отъ палатки одного изъ раненыхъ офицеровъ и наблюдалъ за этою палаткою. Какія уродливыя, комичныя каррикатуры рисовались на грязномъ, забрызганномъ кровью холстѣ!

— Я умру... да!... тоскливо шепталъ раненый. — У меня, тамъ, дочь есть. Ой!.. Она одна у чужихъ... Ба-

Библиотека "Руниверс"

тюшки!.. Ой, ой! горитъ все!.. спасите, докторъ! ну-же!.. Я не хочу умирать... я не могу... не смѣю...

— Ну, ничего, ничего... поправитесь еще... что-же такое?.. чего тутъ! Пустяки... бормоталъ какую-то успокоительную нелѣпицу докторъ.

— И за этою кратковременною жизнью, темною, полною страданій, горя, воздыханій — есть другая, вѣчная! торжественно декламировалъ голосъ священника.

— Что мнѣ до той жизни!.. Я теперь жить хочу... теперь... моя дочка... Надя... хрипѣлъ и захлебывался голосъ, въ которомъ уже слышались всѣ признаки смертельной агоніи.

А на полотнѣ, туда, сюда, вправо, влѣво, вверхъ и внизъ неистовствовали и метались безобразные, смѣшные силуэты.

Хмѣльная пляска въ присядку подъ напѣвъ «вѣчная память»...

. . . . . .

Глаза хромаго казака были пристально устремлены на палатку и слѣдили за движеніемъ тѣней. Они не замѣчали уродливости формъ; они, сквозь двойной холстъ, видѣли то, чего не могли видѣть ничьи другіе. Передъ нимъ носились граціозные, стройные образы. Его слухъ поражали милые, дорогіе звуки...

Люди—мужчины, столько времени не видавшіе ничего, что хотя сколько нибудь напоминало-бы женщину, обставленные всѣми условіями, предрасполагающими къ разнузданности животной страсти: жаркій климатъ, возбуждающій воздухъ весны, обиліе мясной пищи, непрерывное возбужденіе всей нервной системы видомъ крови и разнообразіемъ событій,—люди, у которыхъ одно слово — «женщина» мгновенно вызывало цѣлый рядъ страстныхъ, циническихъ иллюзій,— эти люди могли-ли покойно относиться къ присутствію женщины среди ихъ лагеря, и женщины молодой, красивой? Казалось, это присутствіе должно было вызвать всѣ страсти,—и эти страсти, сосредоточенныя на одномъ только предметѣ, должны были-бы разразиться цѣлымъ рядомъ преступныхъ столкновеній.

Ничего этого не было здѣсь, въ лагерѣ, расположенномъ въ пескахъ, въ преддверіи Адамъ-крылгана.

Если у кого нибудь и начинало копошиться грязное чувство — тотъ старался задавить его, уничтожить прежде чѣмъ оно могло бы развиться въ осязательную форму. Онъ часто дѣлалъ это изъ боязни, что его, уличеннаго въ святототствѣ, побьютъ камнями...

Понятно, что это побитіе могли быть только нравственное. Но Богъ вѣсть что бы предпочелъ уличенный: простой ли камень, пущенный въ високъ сильною рукою, или же то презрѣніе, ту печать отверженія, которая немедленно легла бы на него, — тотъ нѣмой укоръ, который бы онъ видѣлъ въ взглядѣ каждаго встрѣчнаго.

Монахи аскеты часто видятъ на мрачныхъ стѣнахъ своихъ храмовъ чудныя черты женщины въ образѣ Богоматери; развѣ эти черты волнуютъ ихъ кровь, развѣ они возбуждаютъ въ нихъ животное чувство?...

Наташа, съ своею спокойною, грустною улыбкою, съ своими чудными глазами всегда устремленными туда, гдѣ царитъ страданіе и горе, Наташа — мать съ своимъ крошкою сыномъ на рукахъ, въ глазахъ всѣхъ этихъ людей, ее окружающихъ, не была женщиною.

И то чувство глубокой любви, которое свѣтилось въ глазахъ хромаго казака, было слишкомъ похоже на боготвореніе.

Дикарь язычникъ такими глазами смотритъ на свое доброе божество, когда проситъ у него защиты отъ другаго божества, не менѣе могучаго, но злаго...

Затихли голоса, мгновенно погасъ свѣтъ, исчезли движущіяся тѣни. А казакъ все находился на томъ-же мѣстѣ, только припалъ на локоть и вытянулся во всю длину на мягкомъ пескѣ, все еще тепломъ, несмотря на ночную прохладу.

— Что-ты?! вздрогнулъ онъ и приподнялся.

— Это я, ваше благородіе, войлочекъ принесъ вамъ и подушку сѣдельную, говорила стоявшая передъ нимъ высокая, темная фигура.

Казакъ узналъ старика, деньщика покойнаго «стараго пушкаря», неизмѣннаго дядьку и спутника его дочери.

— Спасибо, Дементій, спасибо! заговорилъ онъ, немного смѣшавшись.

— Да лагеря вашего казачьяго далеко, говорилъ Дементій, разстилая войлокъ, — а тутъ все одно... А я къ лошадямъ пойду.

— Ну, что Наталья Мартыновна? что Петя?.. началъ было казакъ.

— А слава Богу! ничего.. произнесъ старикъ и пошелъ себѣ по своему дѣлу, улыбаясь и ворча сквозь сизые, косматые усы.

— Вѣдь ишь ты!... которую уже ночь такъ-то!..

ГЛАВА X.

Что разсказывалъ старый лауча Досщакъ своимъ товарищамъ.

Въ сторонѣ отъ верблюжьяго обоза, въ рытвинѣ, гдѣ не такъ задувало вѣтромъ пламя костра, у огонька, уже потухающаго, сгруппировалось нѣсколько полуголыхъ, темныхъ какъ старая бронза, худыхъ какъ скелеты, тѣлъ. То эти тѣла казались совсѣмъ черными, когда загораживали огонь отъ глазъ наблюдателя, то по нимъ скользилъ красноватый свѣтъ, рѣзко очерчивая глубокими тѣнями впадины подъ мышками и между реберъ. Мелькнетъ конецъ какой-то тряпки, намотанной на головѣ, и скроется,—заискрится бляха на рукояткѣ ножа и потухнетъ,—протянется костлявая рука надъ огнемъ, кинетъ туда горсть сухаго навоза и исчезнетъ въ общемъ тонѣ темной, южной ночи.

Говоръ тихій, гортанный слышится въ той сторонѣ, шипитъ и бурлитъ въ плоскомъ котлѣ на треножкѣ, и паръ красноватый чуть-чуть поднимается оттуда. Хрипитъ и сопитъ незатѣйливый кальянъ изъ тыквы-горлянки, и медленно переходитъ изъ рукъ въ руки. Вздохнетъ кто нибудь полною грудью, протяжно такъ, словно завесь жаркій, томительный день отдыхаться хочетъ, сплюнетъ другой накопившуюся слюну отъ табачной жвачки и прокашляется, затянетъ въ полголоса третій безконечную весню, съ неизбѣжнымъ припѣвомъ «Адалай-га», да сразу и кончитъ, на первой-же строфѣ импровизаціи. Все видно давно перепѣлось. Зѣвнутъ уже разомъ нѣсколько ртовъ—и Аллаха съ его пророками при этомъ непремѣнно помянутъ. И снова стихнутъ всѣ, словно сговорились; и слышенъ тогда только трескъ огня до легкій шелестъ чего-то невидимо ползущаго по песку, изъ мрака, на заманчивый свѣтъ костра пробирающагося. Тутъ засѣли лаучи коротать лѣтнюю ночь, благо днемъ достаточно выспались.

— Досщакъ пришелъ? проговорилъ одинъ.

— Не пришелъ, отвѣтилъ другой.

— Не пришелъ, подтвердилъ третій.

И снова воцарилось молчаніе.

Къ свѣту дѣло подходило. «Плеяда» поднималась надъ горизонтомъ, «поясъ Оріона» такъ и сверкалъ своими тремя звѣздами, почти навзничь запрокинулась «Большая медвѣдица». Скоро сѣроватый отблескъ протянется надъ восточнымъ горизонтомъ, предвѣстникъ разсвѣта... Легкіе шаги по мягкому песку приближались къ костру, темная фигура вырисовалась неподалеку.

— Досщакъ ты?

— Я, отвѣтила фигура. — Да, это я, Досщакъ, какъ ты вотъ Алай, ты Узень, ты Шаришъ... у всякаго есть свое имя... И тотъ кто лежитъ тамъ, кого казаки поймали и теперь стерегутъ, только плохо,—тоже свое имя имѣетъ...

— Ѣсть хочешь?

— Я-то? Я хочу ѣсть! очень хочу!.. И тотъ хочетъ, да только сказать объ этомъ не смѣетъ. Онъ и лица своего показать не смѣетъ, боится... А потому и боится, что его зовутъ не Досщакомъ какъ меня, не Алаемъ какъ тебя, не Узенемъ, не Шарипомъ какъ васъ вотъ двоихъ, а иначе...

Библиотека "Руниверс"

Еслибъ его не звали такъ, какъ зовутъ, — чего бы ему бояться?..

Проговорилъ это Досщакъ и сѣлъ къ котлу, сиялъ крышку, запустилъ туда руку, не горячо-ли,— вынулъ оттуда и начисто облизалъ свои пальцы.

— Кто-же лежитъ «тамъ»? спросилъ Алай.

— Какъ-же зовутъ его? обернулся Шаринъ.

— Досщакъ намъ скажетъ, заявилъ не безъ увѣренности Узень.

— Скажетъ, лаконически произнесъ Шаринъ и началъ ѣсть.

И остальные придвинулись поближе къ котлу и запустили туда руки. Они только и ждали прихода Досщака, чтобъ начать ѣсть свою болтушку изъ муки, солоноватой воды и пригоршни солдатскихъ сухарей, захваченныхъ Узенемъ изъ казеннаго, верблюжьяго вьюка.

— Тогда мы жили около «Токмака» по рѣкѣ «Чу», только повыше, въ самыхъ горахъ стояли наши аулы, разсказывалъ Досщакъ послѣ ужина. — Своей кибитки у меня не было, хозяйства тоже никакого. Послѣ смерти моей второй жены ничего и заводить не хотѣлось. Пріютился же я у одного богатаго человѣка; біемъ онъ былъ...

— Бикетаемъ звали, перебилъ Узень.

— Бикетаемъ. Вотъ у него-то я и жилъ. Надъ всѣми его стадами и табунами надзоръ имѣлъ; да и съ самимъ Бикетаемъ, старикомъ, мы въ большой дружбѣ жили. И ему хорошо и мнѣ тоже было. Да, хорошее тогда было время!..

Досщакъ вздохнулъ и потянулъ изъ кальяна; потомъ сплюнулъ по обыкновенію и продолжалъ.

— Было у Бикетая два сына: старшему двадцать лѣтъ ровно тогда было, а младшему пошелъ только четырнадцатый. Старикъ младшаго любилъ очень, крѣпко любилъ, а старшаго нѣтъ. Да и не за что любить было того; ужь очень онъ былъ человѣкъ нехорошій!.. Нашему муллѣ, старому Гассуиу, разъ въ бороду плюнулъ... Отецъ бить его хотѣлъ; онъ покосился на свой ножъ и говоритъ: «вотъ только тронь, хоть пальцемъ»... Разбойникъ!..

— Ой-ой! покачали головами слушатели.

— Да. Сколько бѣдъ, сколько зла всему аулу нашему отъ него приходилось, да и другимъ сосѣдямъ тоже доставалась не мало! У насъ горная сторона, глушь. Всякаго народа бездомнаго, бродячаго много шляется,—и отъ этихъ людей, все ровно что отъ волковъ, оберегаться надо. А тутъ мы узнали, что старшій Бикетаевъ сынъ заодно съ тѣми бродягами, на ихъ силу и опирается больше. Начались грабежи по тогдашней русской границѣ... Говорятъ, мы причиною. На насъ солдатъ посылали, разореніе какое терпѣли мы тогда! а все этотъ проклятый подеодилъ... На стараго Бикетая напустились тогда. «Уйми!» говорятъ, «ты отецъ». «Уймите сами, отвѣчалъ Бикетай,—я отъ него отступился». Ну, хотѣли унять... А тутъ, кстати, еще пакость одна случилась. Въ сосѣднемъ аулѣ, разъ ночью, невѣсту украли, хорошую дѣвку, красивую. Погнали по слѣду, не догнали... Такъ и пропала дѣвка. Узнали уже послѣ, что помогъ всему этому дѣлу Атамкулъ, старшій-то сынъ Бикетаевъ.

«Пріѣхалъ къ отцу женихъ, говоритъ: «мнѣ твой сынъ обиду нанесъ; я его убью!» «Убей», говоритъ Бикетай. «Не будетъ», говоритъ женихъ, «*крови отъ тебя на семью нашу?*»...*) «Не будетъ», говоритъ Бикетай, «я отъ него отрекся. Не сынъ онъ мнѣ больше!»

«Поѣхалъ тогда женихъ въ горы, Атамкула искать, да такъ и не возвращался больше. А черезъ два дня самъ Атамкулъ пеpнулся. «Поѣзжайте, тѣло Ахметово уберите; его, говоритъ, убилъ кто-то, а можетъ и самъ какъ нибудь убился»... Вотъ и уняли!».

«Долго онъ такъ-то мучилъ всѣхъ насъ, просто чернею болѣнью въ аулахъ нашихъ считался. И не звали его иначе какъ «проклятый»... Семь лѣтъ бились мы съ нимъ такъ-то, на восьмой самъ ушелъ».

*) Кровавая месть, переходящая изъ рода въ родъ по завѣщанію.

«Проходили тогда мимо Токмака «бѣлыя рубахи». «Аулье-Ата» воевать хотѣли. Велъ ихъ генералъ. У него всякому джигиту, кто только хотѣлъ идти при немъ, находилось мѣсто. Съ нимъ и ушелъ Атамкулъ; такъ и пропалъ безъ вѣсти, просто какъ умеръ совсѣмъ. Не слышно о немъ ничего не было, не видалъ его никто больше изъ нашихъ. Покойно стало по всей окружности. Благодарили мы тогда Аллаха; и къ святому, что на обрывѣ могила стоитъ, у самой караванной дороги, всѣмъ ауломъ молиться ѣздили... Такъ-то рады всѣ были, что съ «проклятымъ» своимъ развязались!»

«Остался тогда при Бикетаѣ одинъ только младшій сынъ Юнусъ... этотъ хорошій джигитъ былъ, добрый, ласковый, и меня старика «дядею» называлъ».

«А любилъ я Юнуса не меньше какъ и самъ отецъ любилъ его»..

«Прошелъ годъ, прошелъ—другой... третій прошелъ,—все какъ слѣдуетъ время шло, какъ Аллахъ всемогущій указываетъ... Умеръ старый Бикетай, и все что послѣ него осталось — все Юнусу переходило по волѣ умершаго... Старшему-то Атамкулу ни одной овцы даже паршивой не отказано... Всѣ мы рѣшили тогда, что такъ и слѣдуетъ. Прошелъ еще годъ, а за нимъ еще; сосватали Юнусу дѣвку изъ хорошаго рода,—пришла вѣсть и объ Атамкулѣ»..

«Узнаемъ мы, что нашъ «проклятый» въ большіе люди вышелъ у русскихъ... чинъ ему дали съ золотыми наплечниками, крестъ съ птицею... а потомъ еще старше чѣмъ-то сдѣлали; и кто видалъ его—говорилъ, что такой изъ себя важный сталъ, что важнѣе Алматинскаго бія, у котораго тоже золотые наплечники были... Задумался Юнусъ, да такъ, что и объ дѣвкѣ невѣстѣ пересталъ говорить... не пьетъ кумысу, не ѣстъ ничего... плохо спитъ даже, и все сидитъ въ кибиткѣ, да думаетъ»...

«Понялъ я тогда, о чемъ онъ задумался; да и сказать ему объ этомъ страшно; думать даже боюсь... Ну вотъ будто мое сердце все напередъ чувствовало».

«Я молчу, все жду:—вотъ самъ Юнусъ заговоритъ.... Заговорилъ мой Юнусъ».

— «Что, говоритъ, я здѣсь?... ничего! простой киргизъ—только! Что въ томъ проку что у меня скота и всего много, а на что мнѣ это все одному-то..?»—«Какъ на что,—говорю я ему, — вотъ женишься; семья будетъ, дѣти... Будешь жить какъ отецъ твой жилъ,—богато, привольно»... «Я, говоритъ, въ джигиты къ русскимъ пойду—тамъ война идетъ у нихъ. Я не хуже брата въ большіе люди выйду»... Такъ онъ меня тогда этимъ словомъ и срѣзалъ».

«Долго я его тогда уговаривалъ: не я одинъ—много стариковъ приходило говорить со мною... черезъ мѣсяцъ собираться началъ»..

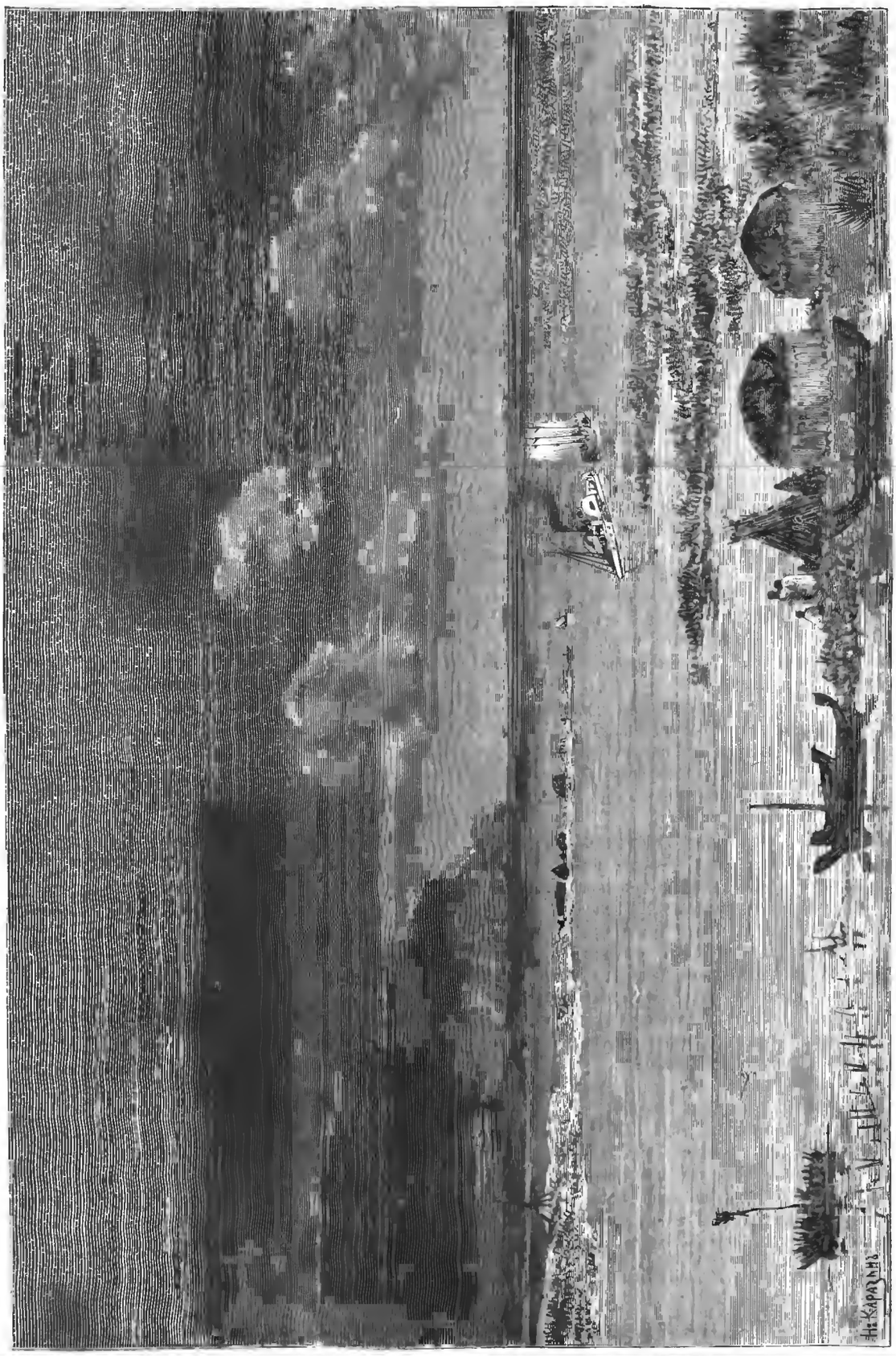
— Это Юнусъ-то?

— Юнусъ.... Сталъ и я собираться... Думаю—не оставлю его, ни на одинъ мигъ изъ глазъ не выпущу... Оно бы ничего!.. отчего не пойти—коли бы тамъ брата старшаго не было!.. А слышали мы тогда, что этотъ, старшій-то, сильно золъ на Юнуса, что наслѣдство не пополамъ, а ему одному осталось... Атамкула я и боялся пуще всего... Ну, думаю, Аллахъ не попустить зла!... Поѣхали».

Разсказчикъ перевелъ духъ — и опять попыхтѣлъ кальяномъ... Полоса свѣта на востокѣ все расползалась и расползалась, — и отъ контраста съ этимъ блѣднымъ золотистымъ свѣтомъ, внизу, особенно въ лощинахъ, стало еще темнѣе! Только тамъ и сямъ, на самомъ краю, словно разставленные столбики, зачернѣлись часовые, медленно похаживающіе по своимъ утоптаннымъ за ночь дорожкамъ...

— Много земли отошло за то время подъ Бѣлаго царя, продолжалъ Досщакъ,—мы и не знали тогда объ этомъ хорошенько. «Аулье-Ата» проѣхали—тамъ давно уже поселились русскіе; въ Чимкентъ пріѣхали — тамъ уже и крѣпость построили; въ Ташкентѣ—цѣлый городъ построили они, больше прежняго, бухарскаго... «Гдѣ война?» спрашиваемъ.—«Въ Самаркандѣ», говорятъ, «даже дальше!»... Поѣхали и мы въ Самаркандъ... Долго ли ѣхали, не помню,—однако пріѣхали, хвала Аллаху, благополучно.

Библиотека "Руниверс"



Ученая экспедиція на Аму-Дарью. I. Входъ въ дельту Аму-Дарьи (въ устье Улькунъ-Дарьи) **на пароходѣ экспедиціи.**

Рисов. членъ экспедиціи П. Каразинъ, грав. Станковскій.

Библиотека "Руниверс"

«Начальникъ въ Самаркандѣ былъ тогда строгій.—На головѣ у него шапочка черная была, на носу стекла носилъ круглыя съ золотыми рамками... Я, потомъ припомнилъ, еще прежде видалъ его въ Алматахъ, только онъ тогда былъ моложе... Прежде чѣмъ къ начальнику идти, объ Атамкулѣ справились, говорятъ намъ—«здѣсь, только уѣхалъ верстъ за сто, скоро назадъ будетъ». А рѣшили мы тогда, не поговоривъ съ Атамкуломъ, никакого дѣла не начинать. «Ты, молъ, старшій братъ—ты и укажи какъ дѣлать»—задобрить хотѣли его тѣмъ, что совѣта у него просимъ.—Пріѣхалъ наконецъ Атамкулъ».

«Не сразу узнали мы его... Даже ростомъ показался онъ намъ выше на цѣлую голову... Свои уже джигиты у него были—и много... Казаки даже русскіе были у него подъ начальствомъ, цѣлая сотня. Но русски такъ и рѣжетъ.... вино пьетъ съ начальниками и за руку съ самимъ генераломъ здоровается»...

«Пошелъ я напередъ; Юнусу дожидаться велѣлъ.—Думаю: «дай прежде вывѣдаю, что у него на душѣ такое?»...—«Чего принесло?»... такъ и бухнулъ онъ мнѣ съ перваго раза.... Сказалъ я ему... «Инь ты!» говоритъ.—«Теперь братъ Юнусъ человѣкъ богатый..... а въ джигиты простые лѣзетъ..... странно!...» Сказалъ онъ это, а самъ такъ зло усмѣхнулся, что у меня даже въ животѣ все застыло... Молчу—жду... «Ну ладно, говоритъ, пускай съ моими идетъ;—я тамъ послѣ можетъ и генералу скажу. Гдѣ, спрашиваетъ, остановились?».. «На базарѣ, за городомъ, говорю, пустая сакля со дворомъ тамъ есть,—гдѣ еще три тополя растутъ,—тутъ и остановились».... «Хорошо, вечеромъ самъ пріѣду. Прощай, старая собака!»... Это онъ мнѣ-то... Ну и взорвало же меня это слово! то есть если бы не Юнусъ, не его дѣло, такъ бы и вцѣпился ему въ его горло, благо бороду онъ обрилъ, поганецъ, по русскому обычаю... Ушелъ я отъ него... Слышу тотъ кричитъ въ догонку: «Эй-ты, такъ послѣ отца, дурака, много добра Юнускѣ досталось?».. Я уже промолчалъ на это»..

«Братья вечеромъ свидѣлись... Ничего, безъ ссоры. Обнялись даже... только все у Атамкула губы не ладно сжимались, все онъ что-то зло на него поглядывалъ»...

«А черезъ два дня, слышимъ, въ походъ собираются русскіе. Уже не противъ Эмира, а за него; городъ «Карши» отнимать, что сынъ старшій эмировъ отъ отца отбилъ... Пошли и мы»..

«Прошли свою землю; разсыпались джигиты по кишлакамъ, по чужимъ-то. Ну, извѣстно война! Грабить начали, скотину отбивать и все прочее... Къ генералу съ жалобою пришли отъ тѣхъ — отъ бухарскихъ жителей... Генералъ велѣлъ, чтобъ не трогали... А генералъ это такой былъ, что ежели что велитъ, такъ ужь никто не смѣй ослушаться. Прошелъ день... Лагеремъ стали наши около Джама... опять пришли съ жалобами—разсердился генералъ; спрашиваетъ: «кто»?—узнали его офицеры, говорятъ: «Атамкулова джигиты»... Позвалъ онъ Атамкула,—тотъ пришелъ; стоитъ блѣдный такой, даже дрожитъ, даромъ что важный... И велѣлъ ему генералъ сказать своимъ джигитамъ, что перваго, кто только поѣдетъ барантовать, для примѣра прочимъ повѣсить. Это мы уже послѣ узнали, въ томъ и бѣда вся вышла»...

«Только выступили мы къ Каршамъ; началась перестрѣлка. Джигиты наши всѣ врозь! Атамкулъ при генералѣ... Ищу я Юнуса, нѣтъ Юнуса... страхъ на меня напалъ такой, что коня подъ собою не слышу... Къ вечеру уже глядимъ: ѣдетъ Юнусъ, и четырехъ коровъ передъ собою гонитъ, да верблюда ведетъ въ поводу, и какъ разъ мимо генеральской ставки... Увидалъ строгій генералъ... «Повѣсить!» говоритъ. Я такъ и обмеръ»...

А у генерала, что сказано то и сдѣлано... Сбилъ я сейчасъ народъ, бросились мы въ палатку генеральскую.... человѣкъ пятнадцать... всѣ на колѣни!... «Прости! говоримъ, для перваго раза, онъ еще совсѣмъ молодой... не зналъ ничего, ему братъ и не говорилъ объ твоемъ строгомъ приказѣ».... «Какой братъ?» спрашиваетъ генералъ.—Атамкулъ, говоримъ... «Я и не зналъ, что у него братъ есть... Это братъ твой?» спрашиваетъ у Атамкула... А тотъ—о, проклятый! о, чтобы кости его ни на землѣ, ни подъ землею не знали покоя, чтобъ его заживо огненная болѣзнь пожрала! — тотъ отказался... «Нѣтъ, говоритъ, я его не знаю—это не мой братъ».. «Все ровно—повѣсить!» сказалъ генералъ и даже бровью не повелъ... Повели бѣднаго Юнуса... Опять стали просить мы, клялись, что это братъ Атамкула, чтобъ ради заслугъ братнихъ... «Это братъ твой?» еще разъ спросилъ генералъ, Атамкулъ засмѣялся и говоритъ: «Такихъ братьевъ много у меня найдется. Всякій пріѣдетъ, да братомъ называться пожалуй станетъ»... Нахмурился генералъ и сказалъ свое послѣднее слово. «Если это братъ твой—я прощу его»... Кинулись мы тогда всѣ въ ноги Атамкулу... сапоги его цѣловали, просили всѣмъ что ни на есть, заклинали... ждемъ... А ужъ тамъ казаки веревку приготовили, Юнуса къ дереву подтащили... все готово... А мы—ждемъ слова Атамкулова. Стоитъ онъ, въ землю потупился, молчитъ. Темный такой лицомъ сталъ, вотъ какъ земля... То на генерала покосится то на насъ, то въ ту сторону гдѣ Юнуса связаннаго держали»...

«Молитву начали мы тогда Аллаху всемогущему... Отвернулся генералъ и пошелъ въ свою палатку... У самаго входа остановился, посмотрѣлъ на Атамкула и проговорилъ: «Ну?» Мы такъ и затаили духъ».....

«Нѣтъ, онъ не братъ мой», тихо-тихо проговорилъ Атамкулъ... Только чуть губы зашевелились у него... Однако всѣ мы, сколько ни на есть, хорошо эти слова его послѣднія слышали»..

«Повѣсили Юнуса! Ушелъ я тогда отъ русскихъ... далеко ушелъ—и только издали присматривался... Все злодѣя этого изъ виду не упускалъ, все слѣдилъ за нимъ, за каждымъ его шагомъ и ждалъ, когда справедливый Аллахъ пошлетъ на него свою кару».

Замолчалъ Досщакъ и подкинулъ въ огонь еще горстку помета...

— Ну, чтожъ дальше? спросилъ Узень...

— Я дождался! произнесъ Досщакъ и понурилъ свою голову. Понурили свои головы и слушатели.

Поняли они теперь, почему «тотъ, связанный» боится, чтобъ не узнали его, не узнали его имени...

Послышались глухіе барабанные перекаты; труба взвыла въ казачьихъ коновязяхъ. Свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралось небо на востокѣ; по вершинамъ холмовъ заиграли лучи восходящаго солнца, ниже спустились,—и загорѣлись рогатки солдатскихъ ружей... Зашевелился лагерь «бѣлыхъ рубахъ», и принялся за свою обыденную работу...

Скоротали лѣтнюю ночь лучи и разбрелись во всѣ стороны, кому куда надо. Только скоро всѣ въ одно мѣсто собрались... Тамъ и Досщака стараго нашли... Много народу столпилось около «связаннаго». Его подняли на ноги и собирались вести къ допросу въ генеральскую ставку...

(Продолженіе будетъ).

Ученая экспедиція на Аму-Дарью.

Члена экспедиціи, Н. Каразина.

II.

Мы приближались къ устью великой рѣки средиеазіатскаго міра; эта близость наглядно выразилась въ измѣненіи цвѣта воды, окружавшей нашъ пароходъ. Прелестно-изумрудный цвѣтъ прозрачныхъ морскихъ волнъ, смѣнился—глинисто-желтымъ, мутнымъ.

Собственно Аму-Дарья не доходитъ до Аральскаго моря, по-крайней мѣрѣ, на 300 верстъ. Она раздѣляется на нѣсколько

Библиотека "Руниверс"

большихъ рукавовъ, почти самостоятельныхъ рѣкъ, имѣющихъ даже свои собственныя названія,—эти рукава заливаютъ своими водами громадный треугольникъ—знаменитую Аму-Дарьинскую дельту, изслѣдованіе которой составляло цѣль экспедиціи.

Самый правый и длиннѣйшій изъ рукавовъ—есть Янги-су, онъ доходитъ до моря и вливается въ него близь залива Туизебосъ. Крайній лѣвый—Тагдыкъ, орошаетъ поля Тюркменъ-Іомудовъ и другихъ родовъ и не доходитъ до моря, потому что весь расходуется на орошеніе. Между этими двумя протоками—тянутся Куванъ-Джорма—«Улькунъ-Дарья» съ его рукавомъ «Кичкене» и множество мелкихъ протоковъ и каналовъ, заливающихъ дельту безконечнымъ воднымъ лабиринтомъ.

Почти отъ своихъ верховьевъ, до самаго мѣста развѣтвленія, Аму-Дарья—хорошо судоходна; но отъ мѣста развѣтвленія—къ морю до сихъ поръ не было еще найдено прохода, и судоходство Аму, вслѣдствіе запертыхъ устьевъ, приносило не очень-то много выгодъ для насъ, занявшихъ, въ силу послѣднихъ военныхъ событій, эту территорію.

Надо было найдти выходъ въ море для нашихъ пароходовъ: это тоже составляло одну изъ главнѣйшихъ задачъ нашей программы.

Въ сильные морскіе бинокли мы замѣтили наконецъ на горизонтѣ тонкую черточку,—это была вѣха—указатель входа въ устье.

Берега Аральскаго моря, особенно съ той стороны гдѣ вливаются въ него Амударьинскіе протоки, совершенно плоски; это просто обсохшія отмели наноснаго песку, покрытыя кое гдѣ камышемъ, единственною растительностью поморья. Кромѣ этихъ открытыхъ отмелей, есть еще множество подводныхъ, опасныхъ для судоходства тѣмъ, что онѣ не имѣютъ постоянно-опредѣленнаго мѣста, а переползаютъ съ мѣста на мѣсто, подчиняясь теченію воды и силѣ прибоя морскихъ волнъ.

Первый рисунокъ, помѣщенный въ настоящемъ № нашего журнала, изображаетъ входъ изъ моря въ рукавъ «Улькунъ-Дарья». Совершенно плоскія отмели, почти обнаженныя, любимый пріютъ морскихъ птицъ: чаекъ, рыболововъ и прибрежныхъ куличковъ,—занимаютъ всѣ первые и дальніе планы картины. Ближе всего стоянка каракалпаковъ (это преобладающее населеніе дельты), около нея нѣсколько оригинальныхъ туземныхъ лодокъ, каиковъ съ сильно загнутыми носовыми и кормовыми частями, на которыхъ каракалпаки переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, перекочевываютъ на водѣ, а также и рыбачатъ, что составляетъ одинъ изъ главныхъ ихъ промысловъ. Подальше, на далеко вдающейся въ воду песчаной косѣ, дымится другая стоянка, побольше первой и поблагоустроеннѣе. То уже русскіе рыболовы, пришедшіе изъ устья Сыръ-Дарьи, устроили свою рыболовную станцію. Рыбы, преимущественно осетровъ и сомовъ, водится въ Аму множество, и пользуясь болѣе усовершенствованными снарядами для ловли, русскіе рыбаки являются для туземцевъ опасными конкурентами.

Еще дальше, почти на послѣднемъ планѣ картины, видѣнъ пароходъ «Самаркандъ», съ двумя баржами на буксирахъ. На его палубѣ всѣ члены экспедиціи и прибыли въ первый разъ къ предѣламъ страны, предназначенной для научнаго изслѣдованія. За пароходомъ ровною лентою тянется Аральское море, рѣзко отдѣлясь своею синевою отъ знойно сѣраго неба. День жаркій, тихій, вода какъ зеркало—не шелохнется, по небу плывутъ небольшія облачка,—это почти обыкновенная постоянная погода въ продолженіи восьми-мѣсячнаго лѣта.

Дожди выпадаютъ въ этой мѣстности рѣдко, не смотря даже на обиліе водяныхъ испареній,—такъ великъ жаръ окружающихъ песчаныхъ пустынь, поглощающихъ эти испаренія, едва только они начнутъ насыщать нагрѣтый воздухъ. Сухія грозы съ сильными ударами грома и буйными порывами вѣтра—явленіе здѣсь очень частое и наноситъ мѣстнымъ хлѣбопашцамъ не мало вреда, особенно тѣмъ изъ нихъ, чьи плантаціи лежатъ близко отъ границы орошенныхъ водою земель съ безводными, мертвыми, сыпучими песками.

При помѣщеніи слѣдующихъ рисунковъ, я подробно поговорю объ этой интересной борьбѣ песковъ съ воздѣланною землею или, правильнѣе, съ исполинскими трудами каракалпака земледѣльца.

Самыя важныя препятствія для хорошаго судоходства по протокамъ дельты—это мелководья и камышевыя заросли. Послѣднія достигаютъ здѣсь такихъ размѣровъ, о которыхъ развѣ только индѣйскіе джунгли могутъ дать относительное понятіе. Слѣдуя вверхъ по Улькунъ-Дарьѣ и пройдя крѣпостцу Акъ-Кола, знаменитую по бою съ нашими пароходами въ 1873 году во время хивинскаго похода, мы на другой день къ утру вошли въ озера Сары и Каракуль, образовавшіяся отъ разлива Улькунъ-Дарьи далеко въ обѣ стороны.

Видъ этого гигантскаго озера былъ положительно грандіозенъ. Громадныя пространства открытой воды разстилались передъ нами; глубина превосходная, суда идутъ безпрепятственно—но эти препятствія уже впереди—они видны. Ярко зеленая полоса тянется по всему горизонту, — это гигантскіе камыши— они ростутъ на днѣ, на глубинѣ девяти, двѣнадцати и даже болѣе футовъ, а надъ поверхностью воды достигаютъ росту до двадцати пяти футовъ. Цвѣтовыя метелки достигаютъ почти половины пароходныхъ трубъ. Это непроходимыя чащи зеленыхъ островковъ, между которыми извивается цѣлый лабиринтъ безчисленныхъ проходовъ, доступныхъ для туземной лодки, но не для нашихъ большихъ пароходовъ. Разчистка этихъ камышей немыслима: чудовищная растительность, возобновляясь ежегодно, разобьетъ въ прахъ всѣ усилія человѣческихъ рукъ, всѣ усилія приспособленныхъ машинъ, и потребуетъ безплодной затраты суммъ — и суммъ весьма солидныхъ, годныхъ на другое, болѣе полезное по результатамъ, дѣло.

Міріады комаровъ наполняютъ воздухъ этихъ зеленыхъ лабиринтовъ. Тысячи птичекъ живутъ въ этихъ камышахъ какъ въ лѣсу, вьютъ гнѣзда межъ его стеблями и носятся надъ водою, наполняя воздухъ разнообразными звуками. Онѣ покойны за цѣлость своихъ яицъ, а впослѣдствіи птенцовъ; никакой сухопутный врагъ не проберется къ ихъ гнѣздамъ. — Рыба плаваетъ цѣлыми колонами; словно темныя бревна, виднѣются сквозь прозрачную воду большеголовые сомы, шныряютъ щуки и всякая мелкая рыба, заходятъ и осетры для метанія икры. Эти рыбы любятъ пользоваться затишьемъ и покоемъ защищенныхъ камышами водъ.

И люди селятся здѣсь на водѣ—только не навсегда, а на время, лѣтомъ, ради рыбной ловли. Они устроиваютъ свое жилище слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: подплываютъ на лодкахъ къ большой группѣ камышей, подрѣзываютъ ихъ на четверть аршина отъ воды—и на ихъ комли, какъ на частую упругую щетку, настилаютъ срѣзанное. Образуется плотъ на сваяхъ, хотя и тонкихъ, но за то многочисленныхъ и этотъ помостъ свободно сдерживаетъ тяжесть нѣсколькихъ человѣкъ и ихъ домашняго скарба.

Надъ помостомъ, на привязанныхъ подъ водою шестахъ, настилается легкая крыша, защищающая отъ солнечнаго зноя. Такимъ образомъ всѣ неудобства устранены, кромѣ комаровъ, отъ которыхъ не всегда спасешься даже подъ плотнымъ холщевымъ пологомъ.

На такой же помостъ насыпаютъ въ одномъ мѣстѣ земли и песку, привезеннаго съ собою для этой цѣли съ твердой земли, и на этомъ слоѣ несгораемаго вещества раскладывается огонь для варки пищи и для дымокуровъ, то есть костровъ для дыма (тоже средство борьбы человѣка съ міріадами злыхъ и кровожадныхъ насѣкомыхъ).

Второй нашъ рисунокъ изображаетъ такую рыбачью стоянку въ озерахъ Саракуль. На первомъ планѣ оригинальная вѣха для обозначенія прохода; это просто въ пучекъ связанная охапка камышевыхъ стеблей—и дешево, и просто, и издали видно. У навѣса привязаны лодки рыбаковъ, сами рыбаки заняты своимъ дѣломъ въ шалашѣ,—а вонъ, подальше, висятъ и результаты ихъ ловли: повѣшенная для провяливанія на солнцѣ рыба.

За этими камышами — чуть виднѣется — горная полоска Кусконъ Тау — на нашемъ рисункѣ ихъ не можетъ быть видно, онѣ значительно дальше. Намъ не удалось пробраться къ ихъ подножью на пароходѣ. Самаркандъ сталъ, за полною невозможностью продолжать путь дальше, и мы достигли берега уже въ гребныхъ шлюбкахъ.

Библиотека "Руниверс"

Отсюда начинается уже сухопутное путешествіе — на коняхъ, на арбахъ и пѣшкомъ, изрѣдка приходится пользоваться и туземными канками—лодками. Вообще путешествіе предстоитъ и разнообразное и въ высшей степени интересное.

(Продолженіе будетъ).

Какъ ихъ судить?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

III.

Къ выполненію своего плана, Заварницкій приступилъ тотчасъ-же послѣ рѣшенія объ этомъ. Онъ началъ доставленіемъ Алевтинѣ книгъ, первоначально преимущественно беллетристическаго содержанія, въ которыхъ или трактаты о жизни, — и при бесѣдахъ о нихъ, онъ знакомилъ Алевтину съ своими взглядами и теоріями. Такъ прошло мѣсяца два или три, за которые Заварницкій уже успѣлъ окончить курсъ въ академіи. Вдругъ, внезапно, всѣ планы Заварницкаго были разрушены... Въ числѣ частныхъ посѣтителей Мономаховыхъ былъ Захаръ Матвѣевичъ Дребезгинъ, оказывавшій Алевтинѣ постоянно глубокіе знаки вниманія и уваженія, которые она, ничего не подозрѣвая, принимала съ благодарностью и любезностью. Дребезгинъ въ то время былъ еще не такой старикъ, какимъ мы видѣли его въ пассажѣ, хотя ему и тогда уже было за пятьдесятъ лѣтъ; молодцеватости его много способствовали: корсетъ, носимый имъ, и заграничная краска, которою онъ чернилъ свои волосы, усы и баки. Въ одинъ день, предъ обѣдомъ, Алевтина была приглашена въ кабинетъ M-me Мономаховой. Дѣвушка знала, что тетка ея звала кого нибудь въ свои покои лишь въ особенно важныхъ и экстренныхъ случаяхъ, а потому пошла къ ней не безъ волненія, какъ бы предчувствуя что-то недоброе. Мономахова была полная, дородная и весьма скучная особа, говорившая докторальнымъ тономъ и съ мельчайшими, совершенно ненужными подробностями. Но тѣмъ не менѣе очень не глупая, характерная, державшая въ рукахъ мужа и настойчивая въ своихъ требованіяхъ, когда хотѣла поставить что нибудь по своему желанію. Рѣчь свою къ Алевтинѣ она повела также издалека. Тетка долго распространялась передъ своею племянницею о знатности дома бароновъ Цадебелей, происходящей отъ знаменитыхъ ливонскихъ рыцарей, о положеніи дѣвушки ея круга и званія, о необходимости сдѣлать приличную партію, наконецъ, о родѣ и заслугахъ Дребезгина, и кончила объявленіемъ о сдѣланномъ имъ предложеніи Алевтинѣ. Эта длинная рѣчь, заставившая въ началѣ скучать Алевтину, а въ концѣ краснѣть и блѣднѣть, принесла однако-же своего длинотою ту пользу, что дѣвушка успѣла приготовиться, что̀ отвѣчать теткѣ.

— Дня чрезъ три, ma tante, робко проговорила дѣвушка, нагнувъ покраснѣвшую головку и теребя кружева носоваго платка, — я скажу вамъ отвѣтъ... Я соображу...

— Со-обра-а-жжу!?... удивленно воскликнула M-me Мономахова,— давно-ли это такія молоденькія дѣвушки, какъ ты, стали соображать?... Кажется, я и твой дядя, безъ воли котораго, по духовному завѣщанію твоего отца, ты не имѣешь права выдти замужъ,—умнѣе и опытнѣе тебя въ этомъ дѣлѣ. Партія съ Дребезгинымъ — такая приличная въ настоящее время, какую трудно и найти... Самъ Богъ, какъ сиротѣ, посылаетъ тебѣ счастіе. Конечно, ты невѣста съ приданымъ, но по своему званію далеко не съ огромнымъ... И ты всего не знаешь: теперь не прошлое время: всѣ дворяне-помѣщики страшно разорены; они проживаютъ, ничего не наживая... Сдѣлай тебѣ предложеніе графъ Улусовъ, князь Вѣжинъ или баронъ фонъ Ригель я бы еще призадумалась, не пойдетъ-ли твое приданое на уплату долговъ... Но Дребезгинъ—это дѣло совершенно другаго рода... Эта медленность очень повредитъ тебѣ въ его глазахъ... Какъ онъ на это еще посмотритъ! Мой совѣтъ сейчасъ-же принять его предложеніе; такъ точно думаетъ и твой дядя...

— Но, тетя!... я умоляю васъ! И молодая дѣвушка бросилась цѣловать пухлыя ручки своей тетки... M-me Мономахова крайне любила это и смягчилась; она даже нашла отвѣтъ племянницы весьма благоразумнымъ.

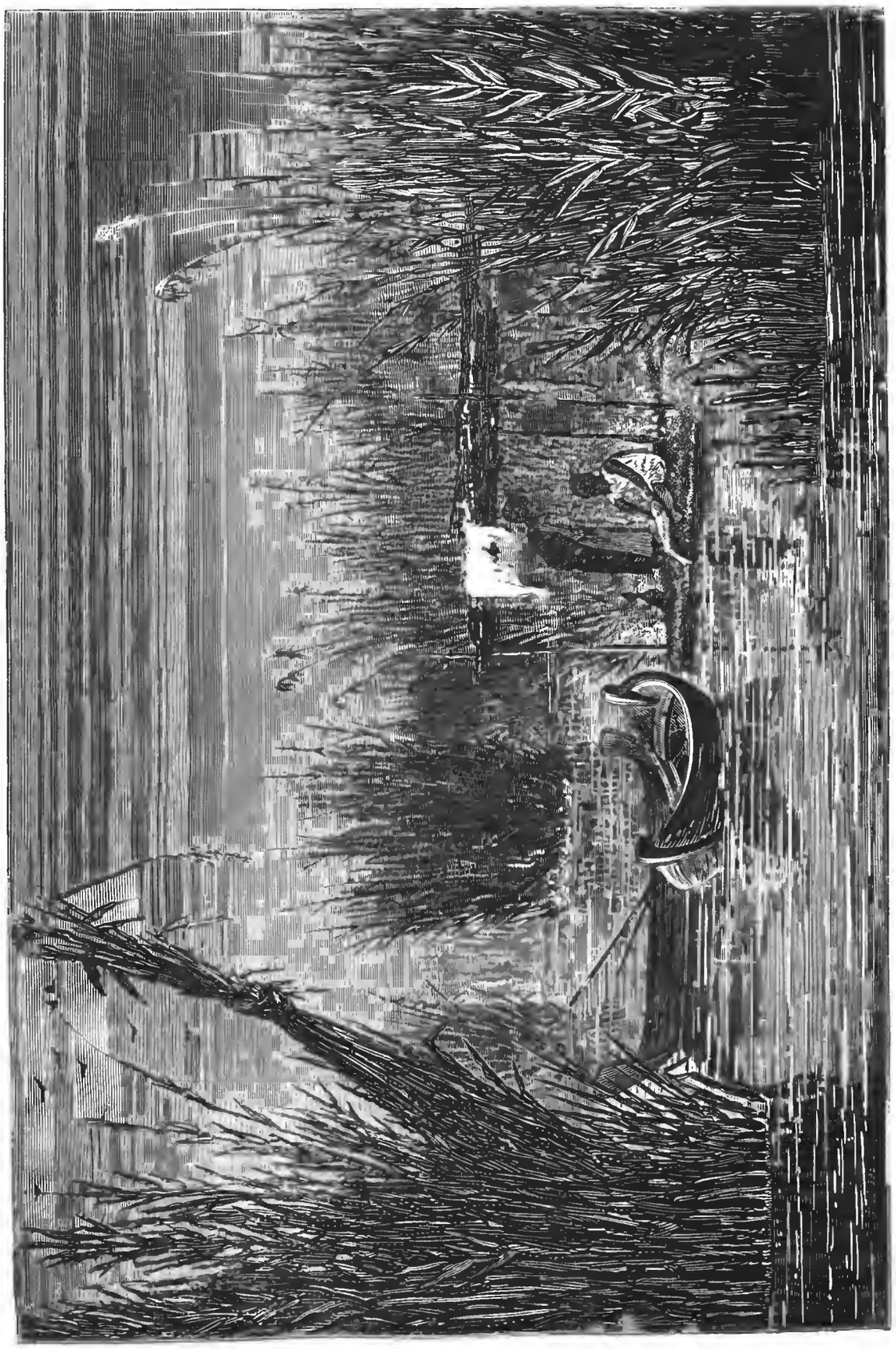
— Ну, ступай: Богъ съ тобою, вертушка, порѣшись, но смотри, чтобы чрезъ три дня я могла дать Захару Матвѣевичу твое согласіе.

Но Алевтина пошла не рѣшиться. Въ сердцѣ своемъ дѣвушка рѣшила непремѣнно отказать въ своей рукѣ Дребезгину,—но она ждала отъ тетки и дяди разныхъ сценъ, непріятностей, не знала какъ избѣжать ихъ, а потому задумала прибѣгнуть къ совѣту Заварницкаго и попросить его научить, какъ ей дѣйствовать. Это и была причина, по которой Алевтина просила у тетки трехдневной отсрочки. Предложеніе Дребезгина, само собою разумѣется, огорчило дѣвушку, но не въ такой степени, въ какой можно было предположить, потому что отношенія ея къ Заварницкому въ то время были въ такомъ положеніи, что она хотя со страхомъ, но не безъ примѣси радости, встрѣтила эту непріятность, какъ кризисъ который выяснитъ ихъ. Алевтина не понимала: любитъ или нѣтъ ее Заварницкій? Послѣ страстной сцены въ саду, онъ какъ будто перемѣнился и сдѣлался еще серіознѣе. На другой день, встрѣтясь съ нимъ, Алевтина ждала отъ него тѣхъ-же страстныхъ порывовъ — и ломала голову, какъ бы сколько-нибудь удержать ихъ; вмѣсто того, онъ подошелъ къ ней хотя и блѣдный, но довольно спокойный, держа въ рукѣ два небольшихъ томика книгъ, которые предложилъ ей прочесть, ни слова не напоминалъ о вчерашнемъ и повелъ рѣчь о постороннемъ предметѣ, какъ будто между ними ничего не было. Это даже оскорбило дѣвушку... Въ послѣдующія, весьма частыя свиданія съ Алевтиной, Заварницкій бесѣдовалъ съ нею или о книгахъ, или о научныхъ предметахъ, или расказывалъ ей эпизоды изъ собственной жизни, жизни своихъ товарищей и знакомыхъ—и ни единаго слова о любви!... Бѣдная дѣвушка не знала, что̀ ей и думать о признаніи Заварницкаго.

Какъ всякая женщина, какъ бы она молода ни была, Алевтина пустила въ ходъ и кокетство, но Заварницкій посмотрѣлъ на это странно. Рѣдкій день она не слышала отъ другихъ самой восторженной похвалы своей красотѣ, но Заварницкій какъ бы далъ слово не замѣчать ея... Ни занятія, ни серіозное чтеніе, доставляемое ей Заварницкимъ, не могли отвлечь ее отъ постоянной мысли объ одномъ и томъ же—о разрѣшеніи мучившаго ее вопроса: любима она или нѣтъ?... Чувство ея, поджигаемое препятствіями и самолюбіемъ, достигло полнаго разгара. Оно же крѣпло и у Заварницкаго, хотя отъ другихъ причинъ. Правда, когда Алевтина воодушевлялась чѣмъ нибудь и говорила, она замѣчала, что Заварницкій пожиралъ ее глазами и въ нихъ сверкала страсть. Въ рукѣ своей она чувствовала его руку всегда дрожавшей, то горячую, то холодную какъ ледъ. Она замѣчала, что при прощаніи съ нею, когда они бывали tête à tête, онъ находился въ какомъ-то нервномъ, доходящемъ до неловкости состояніи и порою хотѣлъ что-то сказать, обнять ее даже, но поспѣшно сейчасъ-же уходилъ... Что̀ бы отвѣчала Заварницкому Алевтина, еслибы онъ ей высказалъ свои планы и сдѣлалъ предложеніе,—этого дѣвушка сама не знала и не разсуждала объ этомъ предметѣ; но ей хотѣлось, чтобы Заварницкій сдѣлалъ это предложеніе и желала еще разъ услышать прежнее признаніе.... Заварницкій не дѣлалъ этого, не просилъ поцѣлуя и сталъ избѣгать tête à tête, призывая къ себѣ на защиту въ этихъ случаяхъ — или своего ученика, или зачѣмъ нибудь прислугу...

— Что-то онъ скажетъ мнѣ, когда я ему сообщу предло-

Библиотека "Руниверс"



Ученая экспедиція на Аму-Дарью. II. Рыбачья стоянка въ камышахъ озера Сары-Куль.

Рис. членъ экспедиціи Н. Каразинъ, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

женіе Дреоезгина?... волновалась Алевтина, по выходѣ изъ кабинета тетки, идя съ опущенной головкой и сильно бьющимся сердцемъ въ садъ, единственное мѣсто, гдѣ она могла говорить съ Заварницкимъ на свободѣ. Увидя ее, молодой человѣкъ далъ какое-то занятіе своему ученику, около китайской бесѣдки, и пошелъ навстрѣчу дѣвушки.

— Что съ вами? спросилъ ее Заварницкій, замѣтя ея раскраснѣвшееся личико со слѣдами недавнихъ слезъ.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами... сообщить новость.

— Сдѣлайте милость! говорите, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ участіемъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ.

«Скажу ему все сразу,» блеснуло въ умѣ дѣвушки, — «посмотрю, какое произведетъ это извѣстіе впечатлѣніе на него.»

— Мнѣ Дребезгинъ сдѣлалъ предложеніе, онъ проситъ моей руки...

— Что-о?!.. предложеніе!?... вскричалъ Заварницкій, останавливаясь передъ нею и устремивъ на нее глаза въ величайшемъ изумленіи.

— Меня сейчасъ позвала къ себѣ тетенька и просила отвѣта...

— Я не ожидалъ этого... а долженъ былъ... Но что же вы ей отвѣчали?...

Заварницкій какъ бы превратился въ статую слуху.

— Я отвѣчала ей, что чрезъ три дня непремѣнно сообщу рѣшительный отвѣтъ Дребезгину.

— А! произнесъ съ глубокимъ вздохомъ Заварницкій, прикладывая руку къ горѣвшему лбу и дѣлая нѣсколько шаговъ по аллеѣ. — Вы очень благоразумная дѣвица... обратился онъ къ Алевтинѣ,—вашъ отвѣтъ дѣлаетъ вамъ честь... Жалко, что вы при этомъ не прибавили: воля старшихъ намъ священна...

— Я хотѣла за это время обдумать, обсудить, говорила растерявшись Алевтина, замѣтя въ словахъ его желчь и иронію.

— Конечно, конечно... перебилъ ее Заварницкій.

— Мнѣ хотѣлось посовѣтоваться съ вами...

— Мой совѣтъ: что-же? выходите, Дребезгинъ прекрасная партія...

Внезапная новость о предложеніи Дребезгина, а преимущественно отвѣтъ Алевтины, давшій ему поводъ заключить, что она приняла это предложеніе какъ вещь возможную, а не дала тотчасъ же полнѣйшаго отказа, слѣдовательно, онъ обманулся въ ней и она не любила его, — такъ ошеломили и раздражили Заварницкаго, что онъ потерялъ всякое сознаніе своихъ словъ, въ груди его бушевала цѣлая буря злобы, которую онъ изливалъ въ желчныхъ сарказмахъ надъ бѣдной дѣвушкой. Ревность, обманутое чувство, оскорбленное самолюбіе — все заговорило въ немъ сразу. Онъ былъ въ своихъ выраженіяхъ грубъ какъ мальчишка.

— У васъ есть, продолжалъ Заварницкій, — капиталъ, у Дребезгина — имѣніе. Одно къ одному очень хорошо. Заживете припѣваючи. Медовой мѣсяцъ проведете въ имѣніи а далѣе поѣдете за границу, въ Италію... Вообще, вамъ замужемъ будетъ не скучно...

— Вы оскорбляете меня, промолвила Алевтина, готовая разразиться слезами.

— Знаете что?.. горячо перебилъ ее Заварницкій, — есть понятія, на которыхъ если два человѣка расходятся во взглядахъ, то это показываетъ, что между ними нѣтъ ничего общаго... Есть также вопросы, на которые есть только два честныхъ отвѣта: да или нѣтъ, — какого же нибудь раздумья объ нихъ быть не можетъ... Вы сказали вашей тетенькѣ, что дадите отвѣтъ Дребезгину чрезъ три дня, то есть чтобы она дала вамъ время подумать: быть или не быть вамъ его женою... Этого для меня довольно!... Простите меня за откровенность. Забудьте все, что происходило между нами... Выбросьте изъ головы... Это будетъ вамъ же полезно... Я ошибся, глупо ошибся... Прощайте!...

— Владиміръ!... остановила его дѣвушка, схватывая молодаго человѣка за руку, въ слезахъ, — ты не понялъ меня...

— Алевтина!... послышался голосъ М-ше Мономаховой вблизи бесѣдки, прежде чѣмъ Заварницкій успѣлъ придти въ себя отъ неожиданнаго признанія и дать дѣвушкѣ отвѣтъ. Молодые люди поспѣшно отскочили другъ отъ друга.

— М-г Заварницкій!... продолжалъ звать тотъ же голосъ, — пожалуйте сюда...

Заварницкій вышелъ изъ бесѣдки. Мономахова стояла не далеко отъ входа, сильно взволнованная и злобно смотрѣла на молодаго человѣка.

— Вы плохо исполняете ваши обязанности, замѣтила она ему, — дурно смотрите за вашимъ воспитанникомъ... Мальчикъ безъ присмотра лазитъ по деревьямъ и можетъ сломать себѣ шею. Уведите Коко въ его комнату и не смѣйте мнѣ показываться на глаза, пока не позовутъ васъ...

Заварницкій хотѣлъ что-то отвѣчать ей, но она отвернулась, откинула голову назадъ и величественно пошла въ бесѣдку.

— Я никакъ не ожидала этого отъ тебя, Алевтина, — сказала М-ше Мономахова, обращаясь къ своей племянницѣ, когда Заварницкій удалился исполнять отданное ему приказаніе.

— Тетя! вы подслушивали нашъ разговоръ?!...

— Подслушивала?! Ты забываешься, Алевтина! Я вышла въ садъ отыскать тебя, чтобы развлечься, но, подходя къ бесѣдкѣ, услышала голосъ Заварницкаго, который говоритъ, какъ мужики, чрезвычайно громко, упоминаніе фамиліи Дребезгина... и невольно остановилась...

— Тетя! я должна тебѣ признаться, заговорила плачущая Алевтина, подходя къ m-me Мономаховой, — что...

— Пожалуйста, оставьте, — поспѣшно остановила ее тетка, — мнѣ вовсе не нужны никакія ваши признанія... Я ничего не слышала... Я недовольна тобою за то, что ты говорила о своихъ семейныхъ дѣлахъ съ человѣкомъ совершенно чуждымъ намъ. Ты должна помнить, кто ты. Но оставимъ разговоръ объ этомъ. Я прощаю тебя, будучи твердо увѣрена, что впередъ ты будешь мнѣ всегда послушна. Ошибки въ молодости бываютъ, но въ жилахъ твоихъ та же рыцарская кровь Цадебелей, что и въ моихъ. Тебѣ нужно озаботиться своимъ алетомъ къ обѣду. У насъ сегодня будутъ гости и въ то ь числѣ Дребезгинъ. Пойдемъ.

Дорогою къ дому М-ше Мономахова занимала свою племянницу разговорами о постороннихъ предметахъ и не дала ей самой сказать слова.

За обѣдомъ у Мономаховыхъ было очень весело; одна только Алевтина сидѣла, свѣсивъ головку—и съ яркопылавшими щеками, что дало возможность Дребезгину сказать ей комплиментъ, что она настоящая роза. Заварницкій на обѣдѣ не присутствовалъ; гости конечно и не замѣтили этого. Вечеромъ того же дня въ домѣ Мономаховыхъ происходило двѣ аудіенціи: одна въ кабинетѣ М-ше Мономаховой съ Дребезгинымъ, которому она сообщила пріятную вѣсть, что племянница ея согласна на его предложеніе, но чтобы онъ сдѣлалъ его формально самой Алевтинѣ чрезъ нѣкоторое время, когда она ему скажетъ, къ каковой отсрочкѣ М-ше Мономахова подъискала благовидный предлогъ. Другая аудіенція давалась въ кабинетѣ мужа ея, г. Мономаховымъ— Заварницкому. Послѣднему было объявлено, что услуги его болѣе не нужны въ домѣ Мономаховыхъ, такъ какъ они рѣшили дать сыну другое воспитаніе, болѣе соотвѣтствующее ихъ положенію въ обществѣ, — и для этой цѣли пригласили двухъ учителей, которые съ завтрашняго же утра приступятъ къ своимъ занятіямъ—и одинъ изъ нихъ займетъ ту комнату, въ которой теперь живетъ Заварницкій, а потому онъ чрезвычайно бы обязалъ, если бы очистилъ эту комнату завтра утромъ, какъ можно ранѣе,—такъ что онъ, Мономаховъ, можетъ быть завтра и не успѣетъ попрощаться съ нимъ, а потому дѣлаетъ это сегодня, а М-ше Мономахова поручила ему благодарить его и пожелать всего лучшаго. При этомъ Заварницкому вручены были заслуженныя имъ деньги всѣ сполна и самымъ деликатнѣйшимъ образомъ. Прощаясь, Мономаховъ снабдилъ Заварницкаго дружескимъ совѣтомъ: ѣхать поскорѣе изъ Петербурга въ провинцію. «Если для полученія тамъ мѣста,—говорилъ онъ, — вамъ нужно рекомендательное письмо къ кому-либо, отъ меня собственно, или отъ моихъ знакомыхъ, обратитесь прямо ко мнѣ письмомъ по городской почтѣ

Библиотека "Руниверс"

и вы получите, по городской же почтѣ, все нужное. Поѣдете въ провинцію, присовокупилъ Мономаховъ, провожая своего гостя за дверь,—гляди, годика чрезъ два женитесь на любимой особѣ, обзаведетесь дѣтьми и будете счастливы»...

Изъ кабинета г. Мономахова Заварницкій вошелъ въ свою комнату, надѣлъ пальто и шляпу, приказалъ человѣку убрать всѣ его вещи въ чемоданъ, шкатулку и саквояжъ, и безцѣльно вышелъ на улицу. Онъ понялъ, что двери дома Мономаховыхъ предъ нимъ закрылись навсегда. На утро онъ рано прислалъ за своими вещами и ихъ перевезли въ маленькій и грязный трактиръ на Выборгской сторонѣ, вблизи зданія Медико-хирургической академіи...

— Кузина, ты знаешь, отрапортовалъ Алевтинѣ ея кузенъ, — Владиміра Александровича уже у насъ нѣтъ... Уѣхалъ; мнѣ объ этомъ сейчасъ передала мама. Завтра же у меня будетъ другой учитель-гувернеръ... Гадкій Владиміръ Александровичъ и не попрощался, а мнѣ все таки жаль его. Кузина, ты любила Владиміра Александровича? наивно прибавилъ мальчикъ.

— Послушай, Коко, ты навѣрно знаешь, что онъ уѣхалъ?

— Да, я былъ въ его комнатѣ — она пуста... Если хочешь, пойдемъ вмѣстѣ туда, тамъ никого нѣтъ.

Алевтина молча пошла съ кузеномъ; но, вошедши въ бывшую комнату Заварницкаго, она, подъ какимъ-то предлогомъ, выслала мальчика—и опустившись въ кресло, залилась слезами...

Чрезъ день, къ Мономаховымъ, въ эту комнату переселился новый наставникъ Коко, М-г Пивоваровъ, довольно плотный и красивый брюнетъ, мужчина подъ сорокъ лѣтъ, съ кудрявой головой, въ усахъ и эспаньолкѣ, съ лицомъ пожунровавшаго на своемъ вѣку.

Разставшись безъ объясненій и такъ загадочно съ Заварницкимъ, Алевтина не знала чему приписать его внезапное изчезновеніе изъ дома Мономаховыхъ: собственному ли его желанію или приказанію своихъ родныхъ? Сердце ея приписывало причину послѣднему, но въ то же время вспоминались гнѣвныя, твердо произнесенныя молодымъ человѣкомъ слова, что между ними нѣтъ ничего общаго. Узнать же отъ окружающихъ объ отъѣздѣ Заварницкаго не было никакой возможности. Мономахова давала понимать ей, что онъ какъ бы самъ уѣхалъ; а горничная, приставленная къ ней, передавала, что Заварницкій поссорился съ барыней, а потомъ въ кабинетѣ съ бариномъ изъ-за денегъ—и уѣхалъ. Головка ея строила много хитрыхъ плановъ, какъ бы имѣть свѣдѣнія о любимомъ человѣкѣ, но всѣ пути для нея были закрыты. Она рискнула довѣриться горничной и послала ее за справкой въ адресный столъ, но, благодаря безпечности дворника, ей принесли листочекъ, въ которомъ мѣстожительство Заварницкаго значилось по прежнему въ домѣ Мономаховыхъ. Безпокойное состояніе дѣвушки еще усиливалось тревожнымъ ожиданіемъ, что согласно данному теткѣ слову, та не сегодня — завтра попроситъ у нея рѣшительнаго отвѣта Дребезгину, который при ея отказѣ неминуемо вызоветъ потокъ словъ, убѣжденій, упрековъ и разныхъ другихъ непріятностей; однако прошло болѣе трехъ дней, а М-me Мономахова не напоминала своей племянницѣ ни о Дребезгинѣ, ни о данномъ ей обѣщаніи. Но за то, по отъѣздѣ Заварницкаго, между Мономаховыми, въ присутствіи Алевтины, сталъ любимой тэмой разговоръ о печальныхъ послѣдствіяхъ брака людей изъ разной среды и разныхъ понятій, въ особенности о тяжкомъ положеніи молодой женщины изъ высшаго общества, вступившей въ низшій кружокъ... Догадывался ли Пивоваровъ о причинѣ симпатіи Мономаховыхъ къ этой тэмѣ, такъ какъ до него могли дойдти кой-какія сплетни, или, подмѣтивъ конекъ своихъ патроновъ, онъ дѣлалъ это изъ желанія прислужиться,—но только Пивоваровъ принималъ дѣятельное участіе въ этихъ разговорахъ и, зная провинціальную жизнь и бытъ средняго кружка чиновниковъ, мастерски передавалъ всѣ подмѣченныя имъ въ этомъ слою — дурныя стороны, которыя дѣйствительно могли поселить въ головѣ молодой, неопытной и богатой дѣвушки отталкивающее чувство къ такому обществу, среди котораго глохли и дарованіе и добрыя качества. Поэтому Пивоваровъ приводилъ безчисленные примѣры, какъ перемѣнялись до неузнаваемости молодые люди, проживавшіе въ этомъ кругу только нѣсколько лѣтъ. Заварницкій рисовалъ этотъ кругъ еще болѣе мрачными красками, но, взявшись вести дѣло развитія молодой дѣвушки, имѣвшей лишь одни хорошіе задатки, Заварницкій по недостатку времени не успѣлъ указать ей — какъ на хорошія стороны средняго круга, такъ и на то нравственное довольство и счастіе, какое чувствуетъ человѣкъ при честномъ исполненіи взятыхъ имъ на себя обязанностей. Къ сожалѣнію, Алевтина, слушая разсказы дяди, тетки и Пивоварова, вспомнила только мрачныя описанія Заварницкаго — и задумалась...

На Заварницкаго катастрофа произвела еще большее впечатлѣніе, чѣмъ на Алевтину. Онъ страстно любилъ дѣвушку, увлекся планами, достигалъ ихъ — и вдругъ, словно по волшебству, все это рухнуло. На прощаньи онъ не понялъ Алевтину, незаслуженно оскорбилъ ее, не успѣлъ объясниться и выслушалъ полное ее признаніе, какъ бы для того, чтобы болѣе никогда ее не видѣть. Онъ бѣсился, злобствовалъ и рѣшительно былъ безсиленъ какимъ нибудь образомъ выйдти изъ своего положенія. Домъ Мономаховыхъ былъ для него закрытъ, какъ заколдованный замокъ. Всѣ усилія проникнуть въ него были тщетны. Онъ проклиналъ свое затворничество, замкнутость и нелюдимость: когда онъ жилъ у Мономаховыхъ, онъ всегда былъ невнимателенъ къ прислугѣ, а женскую половину ея и вовсе не зналъ. Ему не чрезъ кого было узнать, что дѣлается въ домѣ Мономаховыхъ или передать туда письмо къ Алевтинѣ. Писать же по городской почтѣ онъ боялся, чтобы не компрометтировать дѣвушки. Заварницкій былъ въ томъ отупѣніи, въ какое обыкновенно впадаютъ мальчики, чѣмъ нибудь сильно ошеломленные и ставшіе сразу въ безвыходное положеніе. Въ такомъ состояніи онъ пробылъ около трехъ недѣль или болѣе. Наконецъ, мысли его стали проясняться; Заварницкій вспомнилъ о замѣченной имъ къ себѣ привязанности казачка въ домѣ Мономаховыхъ, котораго онъ случайно выучилъ грамотѣ, а прошлую зиму вылечилъ отъ воспаленія въ легкихъ. Какъ ни шатка и опасна была надежда на него, но Заварницкій, не видя другаго исхода, рѣшился довѣриться ей. Онъ написалъ Алевтинѣ короткое письмо, собственно заключавшееся въ вопросѣ, позволитъ ли она ему писать къ ней, — а также, какой она находитъ къ этому лучшій путь, да сообщилъ свой адресъ. Бѣдный Заварницкій съ этимъ письмомъ проходилъ нѣсколько дней вблизи дома Мономаховыхъ, боясь встрѣтится съ членами семьи, и выглядывалъ изъ-за угла сосѣднихъ улицъ, не спуская глазъ съ оконъ, въ ожиданіи —не выбѣжитъ ли изъ воротъ за какой нибудь мелкой покупкой желанный казачокъ; но тотъ все не являлся. Взамѣнъ этого разъ ему удалось видѣть Алевтину, поѣхавшую съ теткой въ каретѣ. Въ послѣдній день Заварницкій совсѣмъ отчаявался видѣть мальчика—и предположивъ, что онъ вѣроятно болѣлъ и потому не показывается, собрался идти домой.

— Владиміру Александровичу мое почтеніе! раздался надъ самымъ его ухомъ звонкій голосъ.

Заварницкій оглянулся; предъ нимъ стоялъ казачокъ.

— А, милый! а я тебя жду...

— Меня-съ? что прикажете?...

Затрудняясь такъ быстро изложить свое важное порученіе мальчику, Заварницкій хотѣлъ было приготовить его къ нему и началъ неизбѣжнымъ вступленіемъ: — Вотъ, видишь-ли, ты не думай, чтобы это были какія нибудь глупости, или...

— Охъ! Владиміръ Александровичъ, перебилъ его мальчикъ, — говорите скорѣе, или скажите, гдѣ вы живете, я къ вамъ ужотко приду и что угодно для васъ сдѣлаю,—а то, ей Богу, не время... Я и то опоздалъ; боюсь, чтобы отъ дворецкаго орѣховъ не было. Сегодня у насъ гости. Барышню Алевтину Михайловну просватали за Дребезгина... Такія хлопоты...

— Ничего не нужно! проворчалъ ему въ отвѣтъ, стиснувъ зубы, Заварницкій и быстро пошелъ отъ мальчика по панели въ противоположную сторону дома Мономаховыхъ.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого, въ одинъ пасмурный ноябр-

Библиотека "Руниверс"

скій вечеръ, когда въ Казанскомъ соборѣ былъ совершаемъ обрядъ бракосочетанія Захара Матвѣевича Дребезгина съ дѣвицею баронесою Алевтиною Михайловною фонъ Цадебель, къ вокзалу Николаевской желѣзной дороги подъѣхалъ, чтобы отправиться съ отходившимъ поѣздомъ, худощавый молодой человѣкъ въ форменномъ пальто военнаго врача. Это былъ Владиміръ Александровичъ Заварницкій, опредѣленный военно-медицинскимъ департаментомъ, по собственной просьбѣ, баталіоннымъ врачомъ Д-скаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на стоянкѣ въ С-ой губерніи.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Впечатлѣнія русскаго путешественника.

Отъ Кіева до Женевы.

II *.

Выѣздъ изъ Вѣны. — Обычаи кондукторовъ на баварскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Первыя впечатлѣнія въ Швейцаріи: школьные праздники, музыкальный праздникъ въ Цюрихѣ, праздникъ пожарныхъ въ Бернѣ. — Замѣчательное учрежденіе и замѣчательная борьба за идею, положенная въ его основаніе. — Нѣчто объ англичанахъ и ихъ страсти къ путешествіямъ. — Монъ-Бланъ; glacier des Bossone и другіе ледники; цѣпь Монъ-Блана и проч.

Дальнѣйшій путь мой лежалъ на Мюнхенъ, Линдау, черезъ Боденское озеро, въ Швейцарію. Не имѣя надобности особенно торопиться, я порѣшилъ выѣхать изъ Вѣны съ вечернимъ пассажирскимъ поѣздомъ, чтобы черезъ день, на разсвѣтѣ уже, увидать гостепріимные берега «Гельвеціи счастливой». Ночь, проведенная въ вагонѣ, хотя бы и втораго класса, всѣмъ хорошо извѣстна, а потому распространяться объ этомъ не стану; скажу только, что услужливость баварскихъ кондукторовъ помогла мнѣ нѣсколько облегчить свое положеніе, которое, безъ того, оказалось бы не очень-то красивымъ. Впрочемъ, если уже зашла рѣчь объ этахъ почтенныхъ германцахъ, то не мѣшаетъ, при семъ удобномъ случаѣ, помянуть ихъ и не добрымъ словомъ, тѣмъ болѣе что они этого совершенно заслуживаютъ за слѣдующій обычай свой. Приходитъ поѣздъ на станцію, гдѣ, положимъ, назначена остановка въ четверть часа; пассажиры выступаютъ изъ вагоновъ; съ особеннымъ удовольствіемъ, послѣ долгаго сидѣнья въ душныхъ вагонахъ, расправляютъ свои уставшіе члены; отправляются въ буфетъ закусить и освѣжиться. Но едва только успѣли они тамъ расположиться, какъ вдругъ звонокъ — и ихъ очень вѣжливо приглашаютъ обратно въ вагоны. Оказывается, что, вмѣсто назначенныхъ по росписанію 15-ти минутъ, злополучнымъ пассажирамъ дали отдыха только 7–8 минутъ. Путешественниковъ, какъ овецъ, загоняютъ въ вагоны и запираютъ ихъ тамъ *на-ключъ*; не думайте, однако, чтобы поѣздъ сейчасъ же отправился въ путь... Ни чуть не бывало! Вагоны стоятъ себѣ неподвижно еще добрыхъ 6 — 7 минутъ на палящемъ солнцѣ; впереди, въ утѣшеніе имъ, шипитъ машина, а кондукторы, пользуясь свободою, преспокойно тянутъ пиво въ ближайшей портерной. На одной изъ станцій, я вздумалъ было запротестовать противъ такого безцеремоннаго обращенія съ публикой,—такъ куда тебѣ! и слушать не хотятъ. Волей-неволей долженъ былъ покориться общей участи и войдти въ вагонъ.

«Lindau! Bodensee! Bitte meine Herren aussteigen!» прокричалъ толстый кондукторъ, отворяя дверцы вагоновъ,—и пассажиры, потягиваясь, кряхтя и зѣвая, стали торопливо собирать свои вещи и выходить на свѣжій утренній воздухъ. Солнце еще не всходило, но розовая полоска на восточной сторонѣ неба давала знать о скоромъ его появленіи. Надъ озеромъ стоялъ туманъ и своею прохладною сыростью пронизывалъ насъ насквозь. У берега, разводя пары, стоялъ пароходъ, принадлежащій швейцарской компаніи, съ краснымъ республиканскимъ флагомъ на бугшпритѣ. Черезъ четверть часа насъ охватило приволье озера, широко раскинувшагося передъ глазами во всей своей величавой красотѣ, съ далекой синевой горъ на горизонтѣ, по которымъ уже начиналъ скользить первый лучъ восходящаго солнца,—съ едва замѣтными бѣлѣющимися поселеніями по берегамъ и съ легкою утреннею зыбью. Добрый часъ употребили мы на переѣздъ къ швейцарской станціи Романсгорнъ, находящейся по ту сторону Боденскаго озера,—и, по прибытіи туда, должны были еще около часа дожидаться прихода поѣзда изъ Базеля, чтобы на немъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Съ первыхъ же шаговъ можно было замѣтить, что мы прибыли въ страну школъ: на стѣнахъ станціонной залы, по корридорамъ и на дебаркадерѣ наклеены многочисленныя объявленія о разныхъ лустъ-цугахъ, о сбавкѣ цѣнъ на мѣста для учащейся молодежи, которая, подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, отправляется на экскурсіи и прогулки въ горы и разныя примѣчательныя мѣста; тутъ же встрѣтили мы и родителей прибывшихъ изъ далекихъ странъ съ спеціальною цѣлью — помѣстить своихъ дѣтей въ одно изъ многочисленныхъ учебныхъ заведеній Швейцаріи, и самихъ юныхъ птенцовъ, въ легкихъ соломенныхъ шляпахъ и съ длинными альпійскими палками въ рукахъ. Свѣжія ихъ лица и какая-то здоровая веселость пріятно на насъ подѣйствовали. Разговорившись съ однимъ изъ русскихъ, подобно мнѣ, дожидавшимся базельскаго поѣзда, я узналъ, что и онъ везетъ двухъ сыновей учиться на родинѣ Песталоцци.

— Вотъ, какъ видите, говорилъ онъ, указывая на двухъ мальчиковъ, лѣтъ 12 — 10, съ любопытствомъ и какимъ-то безсознательнымъ вниманіемъ посматривавшихъ по сторонамъ и старавшихся держаться поближе къ отцу, — везу моихъ наслѣдниковъ учиться уму-разуму. Думаю помѣстить ихъ гдѣ-нибудь въ Цюрихѣ или въ Бернѣ. Говорятъ, хорошо учатъ въ Лозаннѣ, да какъ-то къ нѣмцамъ больше довѣрія имѣешь: они въ этомъ вѣдь собаку съѣли. Французы— Богъ ихъ знаетъ—какъ-то ужь очень непостоянны; а французскій языкъ отъ нихъ не уйдетъ: вѣдь его преподаютъ и въ нѣмецкихъ школахъ?...

Путешествіе отъ Боденскаго озера до Цюриха, гдѣ я предполагалъ сдѣлать для себя отдыхъ, было, можно сказать, настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ для школъ и учащейся молодости. Всю дорогу въ разныхъ вагонахъ раздавались пѣсни, веселые клики, смѣхъ и звонкій говоръ нѣсколькихъ десятковъ мальчиковъ и дѣвочекъ, отправлявшихся въ горы, на прогулку, вмѣстѣ со своими наставниками и наставницами. Куда мы только ни пріѣзжали,—вездѣ насъ встрѣчали новыя партіи школьниковъ, пѣсни, общее одушевленіе и общая непринужденная веселость.

Цюрихъ, этотъ серіозный, ученый городъ, несмотря на прелестное свое озеро, мнѣ не понравился—можетъ быть благодаря тѣснотѣ своихъ улицъ и скученности домовъ, съ характеристическими зелеными маркизами и жалузи. Въ день моего прибытія туда, городъ праздновалъ собраніе музыкантовъ (Musikverein), на который попалъ и я, въ качествѣ простаго зрителя. Заплативъ франкъ, усѣлся я за столомъ въ громадной залѣ, устроенной въ видѣ обширнаго балагана, съ видомъ на озеро, убранной флагами и гербами республики и всѣхъ ея кантоновъ, съ высокой эстрадой посрединѣ для музыкантовъ и съ немалымъ числомъ буфетовъ по угламъ. Собраніе было многочисленное: представители разныхъ музыкальныхъ обществъ Швейцаріи, съ разноцвѣтными ленточками и бантами въ петлицахъ, множество любителей и постороннихъ лицъ обоего пола, наконецъ, цѣлые хоры мальчиковъ и дѣвочекъ,—все это сидѣло за столами, пило вино, пиво, кофе, зельтерскую воду и прочее, и внимало громадному прекрасно-составленному оркестру-мойстру, исполнявшему хотя и не классическія, но любимыя публикою пьесы большею частью нѣмецкихъ композиторовъ. Прослушавъ нѣсколько нумеровъ программы этого музыкальнаго праздника, приведшихъ меня въ усталость оглушительнымъ громомъ барабановъ и трескотней нѣсколькихъ десятковъ трубъ, я хотѣлъ было уже оставить залу, какъ вниманіе мое остановила на себѣ толпа зрителей, собравшаяся въ одномъ изъ угловъ и образовавшая кружокъ. Въ серединѣ его составился дѣтскій хоръ, подъ управленіемъ одного изъ учителей, довольно еще молодаго человѣка. Пѣніе было несовсѣмъ стройное, но публика, въ видѣ поощренія, разражалась рукоплесканіями. По окончаніи пѣнія, состоявшаго изъ школьныхъ и патріотическихъ пѣсенъ, молодое поколѣніе усѣлось за близъ-стоявшими столами и принялось за брудершафтъ: немедленно составилась складчина, на столѣ явились цѣлые графины мѣстнаго вина и пошла круговая. Не безъ удивленія, признаюсь, смотрѣлъ я, какъ не только товарищи, но даже сами наставники убѣждали пить и даже настаивали на этомъ 8—10 лѣтнихъ дѣтей, несмотря на отнѣкиваніе и очевидное нежеланіе сихъ послѣднихъ. Но видно здѣсь это въ обычаѣ, думалъ я, а противъ обычая также трудно бороться, какъ трудно плыть противъ быстраго теченія рѣки, на которой не мало стремнинъ, водопадовъ и пороговъ.

Въ Бернѣ меня ожидало новое торжество — праздникъ пожарныхъ. Уже одного бѣглаго взгляда на городъ было достаточно, чтобы заключить, что приготовляется нѣчто необыкновенное. На перекресткахъ главныхъ улицъ воздвигнуты тріумфальныя арки, съ убранными зеленью щитами, гербами, флагами и съ высоко стоящими транспарантами, на которыхъ значилась надпись: «*Willkommen!*» Флаги, ковры и гирлянды изъ еловыхъ вѣтокъ съ бумажными цвѣтами на домахъ, мостахъ и памятникахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на щитахъ, красиво убранныхъ зеленью, красовались даже стихотворныя привѣтствія на нѣмецкомъ языкѣ, иногда даже юмористическаго содержанія. Одинъ стихотворецъ, напримѣръ, заканчиваетъ свое хитросплетеніе увѣреніемъ, что «какъ вы (пожарные) ни сильны въ своихъ средствахъ потушить какой угодно огонь, но вамъ все-таки не потушить огня признательности къ вашимъ подвигамъ, горящаго въ сердцахъ нашихъ!» Отдохнувъ въ одномъ изъ отелей средней руки, я отправился осматривать городъ и, какъ спеціалистъ по части педагогическаго дѣла, пожелалъ посѣтить прежде всего мѣстныя учебныя заве-

*) См. 31-й № «Нивы» за 1874 г.

Библиотека "Руниверс"

денія, которыми такъ славится кантонъ Бернъ и которыя дѣйствительно заслуживаютъ такой извѣстности. Не имѣя точнаго адреса бернской учительской семинаріи, я долженъ былъ обратиться къ помощи гида, который привелъ меня къ большому, весьма красивой архитектуры, трехъэтажному зданію, одиноко стоящему на возвышенномъ мѣстѣ, за рѣкой Ааромъ, почти на самой окраинѣ города. Меня провели къ директору семинаріи, въ его кабинетъ, гдѣ я нашелъ почтеннаго швейцарца, съ классической ермолкой на головѣ, окруженнаго книгами, тетрадями, брошюрами, фоліантами, физическими приборами, чучелами птицъ и проч. Онъ принялъ меня очень любезно; но съ первыхъ же словъ далъ мнѣ замѣтить, что не привело-ли меня къ нимъ, въ семинарію, недоразумѣніе, случающееся со многими иностранцами, которые пріѣзжаютъ въ Бернъ, чтобы видѣть *казенныя* учительскія семинаріи, содержащіяся на средства кантона.

—Наша семинарія, объяснилъ онъ мнѣ,—есть заведеніе, устроенное и поддерживаемое усиліями частныхъ лицъ, небольшаго кружка, состоящаго изъ искреннихъ друзей христіанства (Christliche Freunde), а потому и называется она *Евангелической* учительской семинаріей. Цѣль ея—истиннымъ свѣтомъ христовой религіи противодѣйствовать тому раціоналистическому преподаванію религіи, которое ведется въ кантональныхъ учительскихъ семинаріяхъ. У насъ въ Бернѣ считается 4 учительскихъ семинаріи, изъ которыхъ двѣ правительственныхъ и двѣ нашихъ: одна мужская и одна женская. Не подумайте, однако, чтобы наши учебныя заведенія преслѣдовали какія-либо узкія цѣли какой-нибудь религіозной секты. Совсѣмъ напротивъ! Не питая вражды ни къ какому изъ существующихъ знаній, мы желаемъ только сохранить преподаваніе религіи въ томъ видѣ, въ какомъ она должна преподаваться по ученію отцовъ нашей церкви, чуждая произвольныхъ толкованій и матеріалистическаго объясненія. Вы сейчасъ увидите, какъ у насъ ведется дѣло.—и съ этими словами онъ всталъ и пригласилъ меня вмѣстѣ осмотрѣть заведеніе. Здѣсь не мѣсто, конечно, распространяться о всемъ мною видѣнномъ и слышанномъ въ этомъ прекрасномъ учрежденіи,—для этого существуютъ спеціальные педагогическіе журналы. Скажу только, что Бернская евангелическая семинарія обставлена всевозможными удобствами, имѣетъ весьма широкую программу, обнимающую собою не только нѣмецкій языкъ съ литературой, педагогику съ психологіей, училищевѣдѣніемъ и исто-

Молодая гречанка съ вѣеромъ. Картина дэль Акуа. Грав. Домсъ.

Библиотека "Руниверс"

ріей педагогики, ариѳметику и пѣніе, — но даже алгебру, геометрію, физику, химію, естественную исторію, географію, исторію Швейцаріи и всеобщую, французскій языкъ, музыку (на органѣ, фортепьяно и скрипкѣ), рисованіе и гимнастику; при семинаріи находятся: небольшая обсерваторія, физическій кабинетъ, обширная библіотека, химическая лабораторія, огородъ съ садомъ, гимнастическая зала, зала для общихъ собраній евангелической общины, ванныя и проч., и проч. Все это поддерживается въ примѣрномъ порядкѣ и чистотѣ. Даже поверхностный осмотръ заведенія показалъ уже намъ, что кружокъ, которому оно обязано своимъ существованіемъ, не щадитъ средствъ для правильной постановки учебнаго дѣла въ семинаріи—и все это дѣлается не ради личныхъ выгодъ кого-либо, не изъ тщеславія, не ради даже интересовъ своего кружка,—а ради одной только *идеи*! Вообще, удивительные факты представляетъ намъ жизнь этого маленькаго государства, сильнаго своимъ просвѣщеніемъ и свободою, своими обычаями и установленіями, наконецъ, своей исторіею и преданіями славнаго прошлаго, въ которомъ есть что вспомнить, есть чему сочувствовать и чему подражать.

Послѣ трехдневнаго пребыванія въ Бернѣ, въ продолженіе котораго я успѣлъ осмотрѣть еще правительственную учительскую семинарію (въ селеніи Мюнхенбухзее, близь второй станціи отъ Берна, гдѣ когда-то былъ директоромъ Песталоцци) и одинъ частный дѣтскій садъ,—мнѣ предстояло двинуться по югозападной желѣзной дорогѣ, въ направленіи къ Лозаннѣ и Женевѣ. Въ вагонѣ со мной помѣстились нѣсколько семействъ путешественниковъ и въ томъ числѣ неизбѣжные англичане, съ красными гидами въ рукахъ и съ крайнимъ безвкусіемъ въ костюмахъ. Меня не одинъ разъ поражала эта постоянная пестрота въ одеждѣ и неумѣніе воспользоваться лучшими сторонами моды именно въ англичанкахъ и пруссачкахъ,—и если бы кому нибудь вздумалось писать исторію культуры этихъ двухъ націй по ихъ модамъ и вообще умѣнію одѣваться, то невыгодное понятіе пріобрѣли бы о нихъ читатели, такъ какъ обѣ эти націи пришлось бы поставить чуть ли не въ хвостѣ всѣхъ европейскихъ народовъ. Пресловутая страсть англичанъ ко всякаго рода путешествіямъ также не можетъ составить особенно выгодное о нихъ мнѣніе. Согласитесь, что постоянные переѣзды съ одного мѣста на другое, постоянная перемѣна впечатлѣній, возбуждаемая болѣе любопытствомъ, нежели любознательностію, поверхностный обзоръ всего встрѣчающагося не показываютъ еще особенно серіозной потребности,—а напротивъ того, въ состояніи только охладить и притупить всякое живое чувство, сдѣлать его невосприимчивымъ даже къ болѣе сильнымъ впечатлѣніямъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является поверхностность, легкость и въ концѣ концовъ—скука и разочарованіе. Такъ оно въ дѣйствительности и бываетъ. Я видѣлъ англичанокъ, равнодушно взиравшихъ даже на панораму Монъ-Блана.

Монъ-Бланъ! Сколько значенія и смысла заключаютъ въ себѣ два эти слова—для тѣхъ кто видѣлъ это поразительное и чудное своей дикой красотой явленіе природы! Въ бытность мою въ Женевѣ—и въ 1868 году, и теперь, меня сильно подмывало посмотрѣть знаменитый Монъ-Бланъ и его ледники, и вотъ, выбравъ удобный день и ясную погоду, я отправился туда, въ обществѣ все тѣхъ-же англичанъ и американцевъ. Ѣзды въ дилижансѣ отъ Женевы до Шамуни считаютъ 7 часовъ: но на самомъ дѣлѣ это разстояніе приходится дѣлать не менѣе какъ въ 9 часовъ, такъ какъ дорога отъ мѣстечка Сальшъ, извѣстнаго своими минеральными водами, до подошвы Монъ-Блана идетъ, не прерываясь, все въ гору, и подъемъ этотъ столь значителенъ, что на него употребляютъ обыкновенно около $2^1/_2$ часовъ лишнихъ. Хотя вершина Монъ-Блана въ ясные дни видна и изъ Женевы, т. е. за 60 верстъ, но совершенно отчетливо ее можно разсмотрѣть лишь за небольшимъ французскимъ городкомъ Бонвилемъ, на разстояніи 35 верстъ отъ Шамуни. Дорога отъ Женевы до подошвы Монъ-Блана идетъ по прелестной долинѣ рѣки Арвы, берущей свое начало изъ ледниковъ этого царя горъ; постоянно и причудливо извивается она между горъ, которыя то надвигаются на нее своими темными громадами, то разступаются передъ нею. Деревни и селенія слѣдуютъ очень часто одно за другимъ; въ этой мѣстности особенно много кретиновъ, съ зобами необычайныхъ размѣровъ. Но вотъ, за Сальшомъ, лошади пошли шагомъ, кучеръ слѣзъ съ козелъ и, закуривъ сигару, пошелъ около экипажа, изрѣдка похлопывая бичемъ и выкрикивая свое обычное слово «Ниє!» Мы стали подниматься въ гору. Панорама Монъ-Блана, несмотря на то, что ею еще раньше любуешься цѣлыхъ $1^1/_2$ часа, при въѣздѣ въ долину Шамуни производитъ сильное впечатлѣніе. Чувство, ею возбуждаемое, похоже на чувство благоговѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ на жуткость, ощущаемую при видѣ всего страшнаго, и на любопытство, соединенное съ какимъ-то безцвѣтнымъ чувствомъ, которое и разобрать не умѣешь, но которое совершенно приковываетъ васъ къ чудной картинѣ.

Не имѣя возможности остаться въ Шамуни болѣе двухъ сутокъ, я съ вечера того дня, въ который прибылъ туда, составилъ себѣ планъ осмотра ледниковъ и окружающихъ Монъ-Бланъ вершинъ, положивъ ограничиться лишь наиболѣе доступными изъ нихъ. Самымъ ближайшимъ къ Шамуни ледникомъ считается Glacier des Bossons, а потомъ Montanvert, вмѣстѣ съ знаменитымъ Mer de Glace (ледяное море).

Отправившись съ утра по направленію къ югозападу, я дошелъ до небольшой деревушки въ недалекомъ разстояніи отъ Cascades du Dard; здѣсь взялъ себѣ проводника, съ которымъ мы поднялись до вершины этого водопада, позавтракали тамъ свѣжею земляникой и, послѣ краткаго отдыха, стали взбираться снова, къ леднику des Bossons, который находится у самой подошвы Монъ-Блана. Подъемъ этотъ не представляетъ почти никакой опасности, несмотря на груды камней, изъ которыхъ нѣкоторые величиною съ домъ, разсѣянныхъ по скатамъ и вокругъ ледника, и на живые мостики, перекинутые черезъ стремнины и шумящіе внизу водопады. Наконецъ, мы вступаемъ на ледникъ; къ ногамъ моимъ привязываютъ желѣзные клещи (crampons); въ рукахъ у меня альпійская палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ, а у пояса обхватываетъ крѣпкая шелковая веревка, которая другимъ концомъ прикрѣплена къ поясу проводника. Впереди насъ идетъ другой проводникъ и киркой рубитъ на льду ступеньки; въ нихъ мы стараемся попадать ногами. Поверхность ледника представляетъ столько неровностей, глубъ и трещинъ (crevasses), что каждую минуту надо остерегаться, чтобы не упасть и не скатиться внизъ. Впрочемъ, трещины въ нижней части этого ледника ничто въ сравненіи съ трещинами, находящимися въ верхней его половинѣ, у Grands Mulets и выше. Внутри ледника des Bossons, глубина котораго равняется отъ 110—140 аршинъ, смѣтливые савояры вырубили цѣлый коридоръ, за входъ въ который взимаютъ по 1 франку съ человѣка. Перебравшись на ту сторону ледника и прислушавшись къ шуму водопада, который глухо отдается подъ толщею льда, мы принуждены были снова карабкаться по скалѣ и наконецъ достигли небольшаго шалэ, построеннаго на вершинѣ скалы для отдыха путешественниковъ. Здѣсь, за стаканомъ порядочнаго вина, проводникъ мой далъ волю своимъ воспоминаніямъ и разсказалъ преданіе объ извѣстномъ Пьерѣ Бальма, проводникѣ, который первый и притомъ одинъ-одинехонекъ добрался до вершины Монъ-Блана (въ 1786 году). Усталый, не чувствуя подъ собою ногъ, въ изорванной одеждѣ, съ исцарапанными въ кровь лицомъ и руками, дотащился онъ, послѣ трехдневнаго отсутствія, домой, въ свое убогое шалэ, въ Шамуни, и первымъ дѣломъ попросилъ у жены своей ѣсть. Та накрыла ужинъ, и мужъ съ аппетитомъ человѣка, бывшаго цѣлыя сутки безъ пищи, сталъ ѣсть. Но раскрывъ затѣмъ котомку мужа, она, къ великому удивленію своему, увидала, что почти вся провизія, данная ею на дорогу, осталась нетронутою... «Такова, заключилъ мой проводникъ, была энергія въ этомъ человѣкѣ: желаніе достигнуть вершины Монъ-Блана—побывать тамъ, гдѣ еще никогда не ступала нога человѣческая,—и опасности путешествія были такъ велики, что ему не до ѣды было въ то время.»

Дѣйствительно, несмотря на сильныя облегченія, сдѣланныя въ послѣдніе годы для желающихъ достигнуть вершины Монъ-Блана все-таки число тѣхъ изъ нихъ, которымъ удается это смѣлое предпріятіе, не превышаетъ 30 человѣкъ ежегодно. По свѣдѣніямъ, собираемымъ на мѣстѣ, съ 1786 по 1868 годъ, значитъ, за 82 года, на Монъ-Бланѣ и на его скатахъ были только 516 человѣкъ, въ томъ числѣ трое русскихъ, изъ которыхъ одинъ, именно докторъ Гаммель, едва не сдѣлался жертвою величественнаго «царя горъ» и собственной безумной отваги. Трупъ одного изъ его проводниковъ нашли черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ въ ледникѣ des Bossons, въ нижней его части, находящейся въ долинѣ, тогда какъ онъ былъ ниспровергнутъ обваломъ въ ледяную пропасть, находящуюся почти у самой вершины Монъ-Блана. Находка его внизу, почти у подошвы горы, показываетъ, что трупъ спустился сюда вмѣстѣ съ ледникомъ, который, хотя и очень медленно, но все-таки мало-по-малу сползаетъ въ долину, отъ времени до времени производя опустошительные обвалы и наводненія.

На другой день погода перемѣнилась, и вставъ по утру, я уже не могъ разглядѣть не только вершины Монъ-Блана, но даже и всей цѣпи горъ, его окружающихъ: все было покрыто тучами и начиналъ накрапывать холодный дождикъ.

П. С.

Политическое обозрѣніе.

Парижъ. 2 (14) октября.

(*Собственныя корреспонденціи «Нивы»*).

Выборы въ департаментѣ Мозы и Луары, минувшаго 27 сентября, представляютъ наиболѣе крупное событіе во Франціи за послѣднее время. Несмотря на то, что правительство открыто поддерживало г. Брюа, населеніе этого департамента выбрало все таки республиканца г. Майлье большинствомъ четырехъ тысячъ голосовъ. Кромѣ правительства и орлеанистовъ, г. Брюа поддерживали также и бонапартисты; обѣ враждебныя партіи порѣшили примириться на время ради спасенія знаменитаго „ordre

Библиотека "Руниверс"

moral", которому совершенно не сочувствуютъ избиратели въ томъ видѣ, въ какомъ понимаютъ его версальскіе реакціонеры. Любезность приверженцевъ соединенной династіи дошла до того, что они они *уступили гуртомъ* своихъ избирателей сентеналисту Брюа, такъ какъ чистокровный бонапартистъ г. Берже взялъ назадъ свою кандидатуру. Передъ выборами пропаганда велась обѣими партіями съ умилительнымъ единодушіемъ въ пользу сентената, которому, повидимому, приходится существовать только подобными компромиссами. Чего-чего не сулили клевреты герцоговъ-академиковъ и герцоговъ-банкротовъ далеко не малолѣтнимъ обитателямъ Мены и Лауры, обѣщали и школы и желѣзныя дороги и прочія блага,—но ничто не помогло: большинство населенія отвернулось съ одинаковымъ презрѣніемъ и отъ буржуазнаго режима 40-хъ годовъ, cette meilleure des republiques *), представителемъ котораго являлся г. Брюа, и отъ новыхъ покровителей его—политическихъ авантюристовъ второй имперіи. Франція очевидно устала отъ политическихъ экспериментовъ, она не желаетъ возвращаться ни къ старому режиму и воскрешать кабинеты Вильѣля и Полиньяка (т. е. къ господству клерикаловъ, іезуитовъ, и къ ограниченію политическихъ правъ),—ни къ либеральной монархіи, которая стремилась въ теченіи 18 лѣтъ только къ ограниченію избирательнаго права путемъ высокаго избирательнаго ценза. Цѣлая плеяда дѣятелей въ царствованіи Луи Филиппа прошла безслѣдно для французскаго общества. И конституціоналисты какъ напр., Бенжаменъ Констанъ, Шатобріанъ, и доктринеры какъ Ройе Колярь, маркизъ де Серръ, герцогъ Брой-отецъ и во главѣ ихъ г. Гизо недавно сошедшій въ могилу,—всѣ они старались примирить два непримиримые принципа, а именно: полную парламентскую свободу и свободу прессы—съ перствомъ и сильною исполнительною королевскою властью. Въ основѣ такого политическаго порядка должно было лежать ограниченное цензомъ избирательное право.. И что-жъ вышло? эта остроумная система, къ сожалѣнію, привела къ крайнимъ теоріямъ, начало которымъ положили Сенъ Симонъ и Фуррье, а затѣмъ къ революціонному погрому 1848 года. Г. Гизо сошелъ со сцены, упрекая Францію въ неблагодарности, и поселился въ Val Richer; Луи Филиппъ отправился въ Англію; а г. Ламартинъ мѣтко охарактеризовалъ революцію 48 г., сказавъ: „c'est la révolution du mepris". Переходя ко второй имперіи, которая дебютировала государственнымъ переворотомъ и безцѣльнымъ кровопролитіемъ, мы можемъ смѣло сказать, что огромное большинство французскаго народа не сожалѣетъ о томъ, что она погибла подъ Седаномъ. Если среди сельскаго населенія и встрѣчаются симпатіи къ этому режиму, то только потому, что гг. бонапартисты не щадятъ ни трудовъ ни усилій чтобы поддерживать пропаганду. Франція желаетъ покоя; а вторая имперія была рядомъ безполезныхъ войнъ, которыя окончились потерею двухъ провинцій. Вся страна отъ Калэ до Тулона, когда только ее спрашивали, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, заявляла весьма краснорѣчивымъ образомъ, что она желаетъ республики. Со 2 іюня 1871 года по 14 сентября 1873 года, частичные выборы происходили 18 разъ въ 69 департаментахъ (всѣхъ 86) и трехъ колоніяхъ; число всѣхъ избранныхъ депутатовъ за этотъ періодъ—183; изъ нихъ республиканцевъ 151, монархистовъ 32. Эти 69 департаментовъ представляютъ республиканское большинство въ 2,600,000 голосовъ. Выборы въ генеральные совѣты, происходившіе 4 октября, приводятъ къ тому же заключенію; число вотирующихъ за республиканскихъ кандидатовъ постепенно возрастаетъ не только въ городахъ но и въ деревняхъ. Изъ 1,400 кандидатовъ, 680 выбрали республиканцевъ; другая половина приходится на *три* монархическія фракціи. Въ департаментѣ Сены и Уазы выборы назначены 18 октября, кандидатовъ—двое: г. Сенаръ и герцогъ Падуанскій. Нѣтъ сомнѣнія, что г. Сенаръ будетъ избранъ, такъ какъ делегаты почти всѣхъ кантоновъ поддерживаютъ его кандидатуру. Мы присутствовали на послѣднемъ засѣданіи избирательнаго комитета въ Версали (8 октября) и слышали рѣчь г. Сенара, въ которой онъ очертилъ яркими красками ту гибельную политику, представителемъ которой является герцогъ Падуанскій—бонапартистъ, открыто заявившій свои политическія симпатіи въ profession de foi къ своимъ избирателямъ. Г. Сенаръ, какъ бывшій президентъ учредительнаго собранія 1848 года и нѣсколько позднѣе какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ полную возможность изучить и парламентскую тактику, и практическую дѣятельность бонапартистовъ, которыхъ всегда преслѣдовалъ; онъ обратилъ вниманіе слушателей на то и на другое—и закончилъ тѣмъ, что онъ будетъ стремиться къ учрежденію республики, оберегая всѣ установившіеся интересы (tout les interêts acquis). Герцогъ Падуанскій, или проще г. Ариджи, былъ префектомъ департамента Сены и Уазы послѣ декабрскаго переворота и стяжалъ себѣ извѣстность среди теперешнихъ своихъ избирателей, тѣмъ что представилъ Луи Наполеону списокъ „des suspects" въ которомъ было записано около двухъ тысячъ человѣкъ. Бывшій императоръ нашелъ, говорятъ, что г. Ариджи слишкомъ поусердствовалъ, и поручилъ провѣрку списка г. Морни. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ несложная біографія кандидата de l'ordre moral, котораго поддерживаетъ слегка даже правительство.

На вмѣшательство правительства въ выборы—журналы всѣхъ партій смотрятъ какъ на возстановленіе оффиціальныхъ кандидатуръ, и порицаютъ почти единодушно это возвращеніе къ традиціямъ второй имперіи. Это вмѣшательство и послужило поводомъ къ запросу г. де-Маги въ послѣднемъ засѣданіи постоянной комиссіи 1 октября. Министръ юстиціи г. Тайльянъ, съ наивностью достойной лучшей доли, отвѣчалъ г. де-Маги, что правительство ни чуть не вмѣшивается въ дѣла выборовъ, что оно *только* рекомендуетъ избирателямъ нѣкоторыя личности пользующіяся его довѣріемъ. Какъ видите, люди заправляющіе судьбами Франціи готовы даже примириться, подобно, г. де-Монталамберу въ 1851 г., съ политикой второй имперіи лишь бы только повредить республикѣ.

Между тѣмъ лучшіе умы современной Франціи, принадлежавшіе нѣкогда къ лагерю конституціоналистовъ, перешли открыто на сторону республики; изъ нихъ наиболѣе видная личность, безъ сомнѣнія, г. Тьеръ. Въ своей рѣчи, произнесенной въ Греноблѣ, знаменитый старикъ сдѣлалъ то же прямодушное заявленіе въ пользу республики, что и въ посланіи 13 ноября 1873 года, которое безъ сомнѣнія составитъ самую блестящую страницу въ исторіи Франціи въ глазахъ безпристрастнаго потомства. Въ настоящее время г. Тьеръ путешествуетъ по Италіи и встрѣчаетъ всюду радушный и почтительный пріемъ; бывшій президентъ живетъ столь же согласно съ потребностями новаго времени въ своемъ отечествѣ, сколько и съ движеніемъ международныхъ идей,—вотъ почему г. Тьеръ, не смотря на отозваніе фрегата Ореноко, т. е. на прекращеніе французскаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла которому онъ долго противился, все таки видится съ государственными людьми Италіи, и старается возстановить дружескія отношенія этой страны, съ Франціей, на болѣе широкихъ и правомѣрныхъ основаніяхъ.

Между тѣмъ какъ г. Тьеръ совершаетъ свою патріотическую миссію, правительство 24 мая пожинаетъ плоды своей клерикальной политики на Пиренейской границѣ, и старается увернуться съ возможно-меньшимъ скандаломъ отъ меморандума г. Серрано *). Президентъ испанской республики жалуется на политику всѣхъ четырехъ правительствъ Франціи за послѣднее время, т. е. на вторую имперію, на правительство 4 сентября, на г. Тьера, но болѣе всего на правительство 24 мая, которое по его мнѣнію наиболѣе всѣхъ поддерживало карлистовъ, дозволяя имъ tacite заводить комитеты въ По, Байонѣ, Перпиньянѣ, и вовсе не слѣдя за подвозомъ оружія, по рѣкѣ Бидасоа. Эти замѣчанія отчасти справедливы, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что г. префектъ Надальякъ,—этотъ Ореноко префектовъ, по остроумному выраженію г. Эмиля де-Жирардена,—сильно потворствовалъ карлистамъ и дозволялъ имъ собираться *даже* у себя въ домѣ. Намъ кажется, что по прочтеніи меморандума г. Серрано, французскому правительству 24 мая останется только смѣнить пограничныхъ префектовъ въ родѣ г. Надальяка и коми. Это будетъ и не трудно и не особенно щекотливо на томъ основаніи, что теперешнее правительство недавно признало офиціально испанскую республику—въ краткой аллокуціи недавно назначеннаго имъ посланника г. Шодорди.

Кромѣ этого непріятнаго пассажа для французской дипломатіи въ духѣ г. Бенедетти, французскому правительству предстоитъ новое фіаско на выборахъ 18 октября въ департаментахъ Па-де-Калэ и приморскихъ Альпъ, въ которыхъ кандидатами являются три республиканца; въ первомъ г. Франсуа Брамъ, а во второмъ гг. Леонъ Шири и Медесенъ; монархисты и сентеналисты не выставили до сихъ поръ ни одного сколько нибудь серіознаго кандидата, который могъ бы имѣть шансы на успѣхъ. Упоминать о гг. Фіеве и Делисъ-Ангронѣ — не стоитъ, такъ какъ ихъ никто не знаетъ кромѣ нѣсколькихъ орлеанистовъ, покорныхъ передъ непогрѣшимымъ для нихъ г. Броемъ. И такъ, приверженцевъ de l'ordre moral, какъ его понимаютъ версальскіе реакціонеры, не существуетъ болѣе въ массѣ французскихъ избирателей; но консерваторовъ-республиканцевъ, раздѣляющихъ политическія убѣжденія гг. Тьера и Казиміра Перье,—много. Этой массѣ и принадлежитъ ближайшее будущее во Франціи. Но пока ей придется испытать еще разъ министерство г. Брюя, который соединится по всей вѣроятности съ г. д'Одиффре Пакье, врагомъ бонапартистовъ, чтобы придать болѣе популярности сентенату,—хотя и это учрежденіе нужно поддерживать, по его мнѣнію, только до того времени, когда станетъ возможна другая болѣе удовлетворяющая его политическая комбинація, въ которой главныя роли выпадутъ на долю предпріимчивыхъ герцоговъ, неразборчивыхъ на средства для достиженія цѣли. Что касается легитимистовъ, то они держатся въ сторонѣ отъ избирательной борьбы, и намѣрены напомнить міру о своемъ существованіи только запросомъ правительству объ отозваніи фрегата Ореноко, въ завтрашнемъ засѣданіи постоянной комиссіи. Республиканскіе депутаты, собирающіеся сегодня вечеромъ въ своемъ помѣщеніи въ улицѣ de la Sourdière и у г. Жюля Симона, намѣрены не вмѣшиваться въ семейныя дѣла гг. монархистовъ и созданнаго ими правительства.

Въ **Германіи**, за отсутствіемъ парламентской борьбы, такъ какъ вакаціи еще не окончились, весь интересъ общества сосредоточился на нотѣ датскаго кабинета, въ которой идетъ рѣчь объ исполненіи 5 статьи Пражскаго трактата 1866 года, т. е. о возвращеніи Даніи сѣвернаго Шлезвига. Мы полагаемъ, что князь Бисмаркъ, съ свойствен-

*) Слова произнесенныя генераломъ Лафайэтомъ, когда онъ указалъ народу новаго короля.

*) Замѣтимъ мимоходомъ, что торжественная форма меморандума крайне безтактна послѣ признанія Франціей испанской республики.

Библиотека "Руниверс"

нымъ ему политическимъ тактомъ, не затруднится удовлетворить желаніямъ датскаго кабинета, тѣмъ болѣе что въ вопросѣ о проведеніи окончательной демаркаціонной линіи Данія будетъ сговорчива. Что касается до посредничества двухъ великихъ державъ, Англіи и Россіи, то оно ограничивается только тѣми обязательствами, которыя Пруссія добровольно взяла на себя при подписаніи Пражскаго трактата. Арестъ графа Арнима, бывшаго посланникомъ въ Парижѣ, надѣлалъ также много шума. Читателямъ извѣстно изъ газетъ, что г. Арнимъ арестованъ за утайку документовъ, которыхъ не нашелъ князь Гогенлое въ архивѣ прусскаго посольства въ Парижѣ; г. Арнимъ заявилъ, что это была частная переписка, которую онъ не считаетъ нужнымъ возвращать. Виновность г. Арнима будетъ слѣдовательно доказана тогда, когда судъ признаетъ, что письма г. Бисмарка имѣли характеръ офиціальныхъ сообщеній канцлера имперіи къ посланнику. Между тѣмъ г. Арнимъ сидитъ подъ арестомъ; судъ отказалъ его роднымъ отпустить его на поруки съ залогомъ въ 500 тысячъ талеровъ. Сегодняшнія телеграмы изъ Берлина сообщаютъ, что на основаніи докторскаго осмотра судъ постановилъ перевести г. Арнима изъ тюрьмы въ больницу, гдѣ ему приготовлено помѣщеніе. Нѣмецкія газеты утверждаютъ, что г. Арнимъ рѣшился пока не возвращать канцлеру его писемъ, а англійскія газеты говорятъ, что они даже не у него а у кого-либо изъ его клерикальныхъ друзей въ Венгріи или Италіи. Затѣмъ „*Times*", говоритъ, что конфиденціальная сообщенія сѣверогерманскаго канцлера къ г. Арниму касались не одной Франціи, но и *другихъ* державъ. Извѣстіе объ обращеніи въ католицизмъ вдовствующей баварской королевы не подлежитъ сомнѣнію. Это обстоятельство чрезвычайно встревожило многочисленныхъ родныхъ королевы, исповѣдующихъ протестантскую религію. Что касается прессы, то она можетъ быть не безъ основанія сѣтуетъ на это обращеніе съ точки зрѣнія нѣмецкаго патріотизма. Такъ, напримѣръ, газета „*Tribune*" негодуетъ на „слабую женщину давшую себя опутать интриганамъ и папистамъ". „*National-Zeitung*" скорбитъ о томъ, что принцесса крови, воспитанная въ духѣ протестантской вѣры, „обратилась къ ученію той церкви, которая полуразрушена папствомъ, и готова превратиться въ прахъ". Въ Ватиканѣ, говорятъ, торжествуютъ по случаю обращенія королевы Маріи въ католицизмъ, но по нашему мнѣнію совершенно напрасно, такъ какъ французскій флагъ не развѣвается болѣе въ итальянскихъ водахъ.

Н. Чапниковъ.

Смѣсь.

Гречанка

(съ картины дэль Акуа.)

Читающей, образованной публикѣ, конечно, извѣстно, какая роль выпала Греціи въ исторіи человѣчества. Положеніе страны этой на югѣ Европы, климатическія условія, благодатная почва, прекрасное небурливое море — все это благопріятствовало всестороннему развитію древняго грека. И на этомъ небольшомъ, вмѣстѣ съ островами, кускѣ земли, сравнительно напр. съ Индіей (также полуостровомъ), развились и цивилизація, и наука, и искуство. Греція была такимъ свѣточемъ, такой передовой страной во времена оны, что гордый, великолѣпный императорскій Римъ принималъ съ распростертыми объятіями сыновей ея, являвшихся въ вѣчный городъ въ качествѣ профессоровъ, учителей и наставниковъ... Но вѣка шли... Много прибавилось страницъ въ дневникѣ человѣчества, и вотъ теперь, въ второй половинѣ XIX столѣтія, о Греціи, этой почтенной «классической» старушкѣ — почти и не слышно!.. Все перемѣнилось,— однако она *на видъ* все также моложава, цвѣтуща, тепла и роскошна: тамъ до сихъ поръ Фебъ свѣтелъ и ярокъ, небеса лазурносини, и дышется тамъ легко, и по прежнему тамъ —

«На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ;
Дикой воли полна
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ»...

А что-же сталось тамъ съ человѣкомъ?.. Взгляните на современную гречанку, на эту молодую, стройную, прелестную женщину! Силой, здоровьемъ, свѣжестью вѣетъ отъ нея... Какая роскошная *собственная* коса, а ручки — словно изъ мрамора выточены! Неужели она менѣе стройна, менѣе изящна чѣмъ классическая Аспазія?

Конечно, такого костюма не имѣли ни Фрины, ни Аспазіи; на нашей гречанкѣ (можетъ быть уроженкѣ нынѣшнихъ Аѳинъ или о. Крита) костюмъ національно-современный. Гречанки обыкновенно носятъ платье съ широкими рукавами (фустани); волосы у нихъ бываютъ распущены, а голову онѣ накрываютъ или платкомъ, или плоской шапочкой, вышитой шелками. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. о. Крита, женщины ходятъ въ смѣшанной одеждѣ, т. е. венеціанско-турецкой. Головная повязка бываетъ или изъ бумажной или изъ шелковой ткани. Одинъ конецъ такой повязки спускается по спинѣ, а другой — падаетъ на грудь; вязаные воротнички покрываютъ оба плеча и часть груди; юбка (софори) преимущественно — краснаго цвѣта. У богатыхъ женщинъ она бываетъ шелковая или суконная, а у бѣдныхъ — шерстяная или бумажная. Къ «софори» всегда надѣваютъ сорочку съ рукавчиками и сборчатымъ воротничкомъ, а наверхъ — короткую кофту съ широкими «фустани», украшенную великолѣпно-вышитыми узорами. На шеѣ носятъ серебряное или золотое ожерелье (ботонія), а на рукахъ — браслеты. — Нынѣшняя греческая молодежь, а въ особенности кандіотская, чрезвычайно любитъ поплясать, а потому художникъ весьма кстати вложилъ въ правую руку своей красавицы-гречанки четырехъ-угольный вѣеръ *). Очень можетъ быть, что она уже потанцовала, немножко разгорячилась, и вотъ теперь обмахивается вѣеромъ, поджидая чернокудраго кавалера, чтобы завязать съ нимъ на танцовальномъ вечерѣ интересный разговоръ — бесѣду въ стихотворной формѣ... Да, молодые крестьяне, танцуя, до того увлекаются, что начинаютъ говорить стихами!.. Эммануилъ Пападаки, кандіотскій грекъ, упоминая въ книжкѣ своей «Островъ Кандія» о народныхъ пѣсняхъ Критянъ, говоритъ, что часто разговоръ танцующихъ принимаетъ поэтическую, стихотворную форму. Онъ, по большей части, начинается въ родѣ этого:

Кавалеръ.

«Скажи мнѣ, раскрывъ свои алыя нѣжныя губки,
Ты любишь меня, иль въ любви увѣряешь для шутки?»

Дама.

«Люблю я тебя, дорогой мой, сердечный,
Мнѣ сердце мое говоритъ о любви безконечной!»

*) Фамилія художника, нарисовавшаго картину эту мастерскою красками, М. Дел'Аккуа (M. Dell'Acqua), и это одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній его великолѣпной кисти, отличающеяся свѣжестью и колоритомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: — Керосиновыя лампы (съ рисункомъ).— Двуногій волкъ. Романъ Н. Каразина (продолженіе).— Ученыя экспедиціи на Аму-Дарью. II. Члена экспедиціи Н. Каразина (съ 2 рисунками). — Какъ ихъ судитъ? (разсказъ изъ уголовной хроники) А. Шкляревскаго (продолженіе). — Впечатлѣнія русскаго туриста. Отъ Кіева до Женевы. II. П. С. — Политическое обозрѣніе (собственныя корреспонденціи „Нивы") Н. Чапникова.— Смѣсь. Гречанка съ вѣеромъ (съ рисункомъ).

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

КАРЛЪ **БАУХЪ.**

Принимаетъ больныхъ ежедневно, отъ 10 час. до 5 час. Пломбировніе и вставленіе зубовъ и цѣлыхъ челюстей по самой новѣйшей американской методѣ.

Большая Морская, домъ № 9.

Очень много полезнаго и не дорого изъ мельхіоровыхъ и другихъ вещицъ для хозяйства можно найти изящной работы въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ, напротивъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы № 3—36.

Гг. иногородныемъ высылаютъ иллюстрированные каталоги по требованію безплатно.

ПОСТОЯННЫЙ СОТРУДНИКЪ „НИВЫ",

художникъ

П. Ф. КОВЕРЗНЕВЪ,

посредствомъ извѣстной ему одному методы, пишетъ **портреты натуральной величины**, нисколько не уступающіе фотографическимъ снимкамъ, за 10 руб. съ персоны,—и для этого ему только нужно фотографическую кабинетную карточку желающаго снятся.

Адресъ: **Петербургская сторона, Шамшева ул., д. № 11.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

При этомъ номерѣ для гг. иногородн. подписчиковъ прилагается объявленіе отъ книжн. маг. г. Леухина.

Дозволено цензурою. 20 октября 1874 г. Изданіе А. Ф. Мариса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе. Вознесен. пр., д. № 58.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

№ 45 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 4-го ноября 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

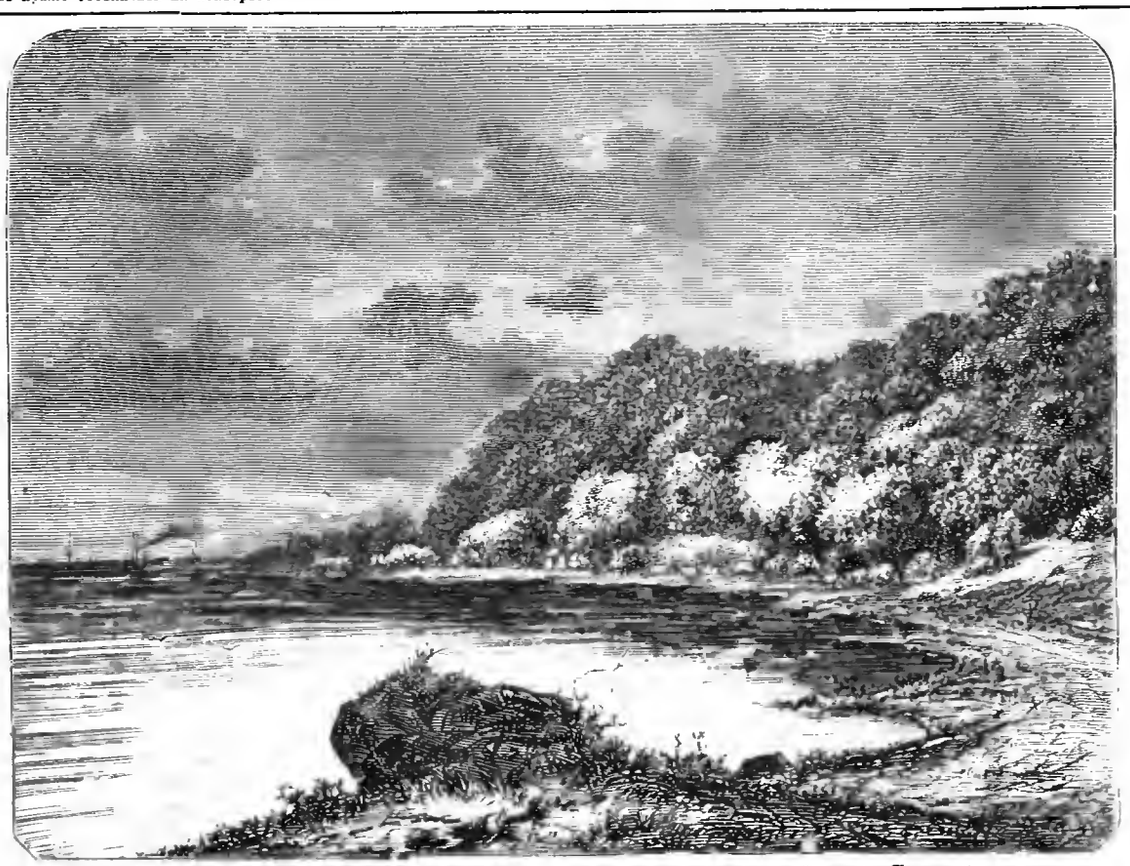
III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи. . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.



Виды Волги. I. Жегулевскія горы. Изъ путеваго альбома профессора Боголюбова. Рисовалъ И. Космаковъ. Грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

На Волгѣ.

I. Жегулевскія горы.

Ю. И. ПОЛЯНСКАГО.

Есть горы, которыя прежде всего замѣчательны какъ горы, о нихъ вы можете встрѣтить нѣсколько страницъ въ любой географіи, гдѣ будутъ перечислены ледники, горныя вершины, проходы и рѣки берущія начало въ этихъ горахъ. Совсѣмъ не то возвышенности средней Россіи—вотъ хоть бы Жегулевскія горы. „Что такое за Жегулевскія горы?“ можетъ спросить кто-нибудь изъ читателей и потянется пожалуй за Семеновскимъ или другимъ словаремъ, если таковой окажется близко „Я что-то не помню въ географіи никакихъ Жегулевскихъ горъ“ скажетъ тотъ же читатель и рѣшитъ, что онѣ не представляютъ должно быть ничего замѣчательнаго, что это какія нибудь незначительныя горы, потому что ихъ съ трудомъ отыщешь даже въ географическомъ словарѣ. Вотъ Валдайскія, Общій Сыртъ—тѣ извѣстны изъ учебниковъ, а Жегулевскія... На первый разъ скажу вамъ только одно, что Жегулевскія горы находятся въ Симбирской губерніи, въ Сызранскомъ уѣздѣ, и на картахъ средней величины окрашиваютъ въ темный цвѣтъ сѣверную сторону такъ-называемой Самарской луки. Затѣмъ я вынужденъ согласиться съ читателемъ, что Жегули, какъ горы, занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ даже въ Европейской Россіи: это дало имъ право не попасть на страницы учебниковъ и не выпустить изъ себя ни одной рѣки. На взглядъ горнаго жителя, Жегули—не болѣе какъ холмы, покрытые лѣсомъ, и только Палласу, которому страхъ надоѣлъ переѣздъ по однообразной русской равнинѣ, онѣ могли показаться *превысокими горами*, да развѣ еще Симбирскимъ старожиламъ. Зато на Волгѣ выше этихъ горъ вы не найдете, мѣста живописнѣе—тоже; но вѣдь извѣстно, по какой скучной плоскости тихо подвигается наша кормная рѣка. «Тогда не стоитъ и говорить о нихъ!» воскликнетъ иной нетерѣливый читатель и можетъ быть даже недовольный читатель. Я попрошу его меня выслушать. Пусть Жегулевскія горы не заслуживаютъ названія горъ — точно такъ же какъ и многія провинціальныя *Швейцаріи* съ десяткомъ сосенъ и двумя оврагами не заслуживаютъ такого громкаго прозвища; но за Жегулями останется старая слава, память о смутномъ прошломъ, цѣлая страница въ исторіи русскаго простолюдина.

«Ужъ этому будетъ, какъ тебѣ сказать, лѣтъ тридцать, ведетъ свою рѣчь жегулевскій бывалецъ, старикъ Максимъ, сидя около караулки и наковыривая лапоть.— жилъ знакомый мнѣ человѣкъ на купецкомъ заводѣ, въ Жегулевыхъ горахъ, возлѣ Отвариаго—шадрикъ гналъ, у самой Волги двѣ избенки стояли: въ одной столярная была, рыбакъ еще въ ней съ женой жилъ, а въ другой онъ съ хозяиномъ Иваномъ Митричемъ, за прикащика при немъ состоялъ, Финогеномъ звали; такъ вотъ онъ мнѣ разсказывалъ, что съ нимъ было отъ этихъ отъ разбойниковъ. «Вышелъ говоритъ, это я разъ зачѣмъ-то изъ избы, дѣло было къ вечеру; кругомъ, извѣстное дѣло, все лѣсъ; вышелъ—глядь: встрѣчь незнаемый человѣкъ идетъ, бравый такой, рубаха красная и ножъ за поясомъ большущій.

— Финогенъ! это ты? спрашиваетъ.

— Я, говорю.

— Гдѣ нашъ старшій прикащикъ?

— Онъ, говорю, въ Ставрополь уѣхалъ.

— А Иванъ Митричъ дома будетъ?

— Дома.

— Что, къ вамъ въ гости можно? Поди спроси. Скажи, что одинъ человѣкъ мало повидать его хочетъ.

Иду къ хозяину, дѣлать нечего; говорю: такъ и такъ, человѣкъ изъ лѣсу вышелъ, въ гости просится и ножикъ при немъ, говорю.

— Великъ ли? спрашиваетъ.

— Да по-грудь, говорю, будетъ.

— Зови! дѣлать нечего.

А гость ужъ на крыльцѣ стоитъ, вошелъ въ горницу.

— Здравствуй, Иванъ Митричъ, говоритъ. Что не радостно гостя встрѣчаешь?

— Прошу милости, садись.

— Чай погостишь чѣмъ нибудь?

— Радъ бы да нечѣмъ.

— Ну, когда у купца нечѣмъ! Водка есть?

— Этого-то есть.

— Хлѣбъ есть?

— Есть.

— Чего же, говоритъ, намъ больше и надо?

Сѣлъ. Хозяинъ меня къ сторонкѣ отозвалъ: «Финогенъ, говоритъ, сходи принеси». Принесъ я графинчикъ. Гость налилъ, сперва хозяину поднесъ: «Пейте, Иванъ Митричъ»!

— Помилуйте, говоритъ, вы гость.

— Этого заводу нѣтъ, чтобы гость прежде хозяина пилъ.

Ну Иванъ Митричъ стаканъ выпилъ, другой ему налилъ; колыхнули по три стаканчика—графинъ пустой

„Чтоже, Иванъ Митричъ, распорядись еще принести!—тотъ опять: «Финогенъ! принеси еще!» Я еще сбѣгалъ, и этотъ выпили. Третій спросилъ. Пошелъ разговоръ; захмѣлѣли, знаешь, маленько. На грѣхъ закуски и не хватило: пшеничный хлѣбъ весь вышелъ. Будь закуска хорошая—гляди, больше бы выпили.

Иванъ Митричъ хмѣленъ, а должно что смекнулъ дѣлами: улучилъ время да къ Волгѣ, сѣлъ въ лодку—айда! Остался я одинъ: рыбакъ на ватагѣ былъ. Ну да думаю: съ меня взять нечего—весь тутъ. Малость времени прошла—гостенёкъ спрашиваетъ: «Финогенъ! гдѣ хозяинъ то?“ Не знаю, говорю. „Что его долго нѣтъ. Поди посмотри, нешто такъ гостей однихъ оставляютъ? Пригласилъ да и бросилъ!

Вышелъ это я, будто ищу, смотрю. Прихожу въ избу. „Уѣхалъ, говорю, на ту сторону; хлѣба нѣтъ, такъ видно за хлѣбомъ поѣхалъ.

„Ахъ, говоритъ, дуракъ! велика надобность! нешто я бы сталъ его держать дурака?» Посидѣлъ еще малость, графинчикъ допилъ.

„Не умѣете, говоритъ, вы гостя запять такъ спать укладывайте—чай ужъ поздно. Гдѣ ты меня, Финогенъ, положишь?»

«Гдѣ, говорю, угодно милости твоей будетъ.»

Прошла ночь. Пришелъ я, навѣдался: сидитъ нашъ гость — меня кличетъ: „Финогенъ!“ — Что, говорю, угодно? „Поди сюда — подай одѣться, рази не видишь, гость проснулся?“ Подалъ я ему одѣться.

— Гдѣ мое орудіе? спрашиваетъ.—Вотъ, говорю.—А имѣнье мое цѣло? — Подалъ ему поясъ. „Спасибо тебѣ, Финогенъ!“

Умылся, все какъ надо.—Опохмѣлиться есть?

— Не знаю, говорю, вотъ схожу посмотрю. Принесъ водки. Выпилъ онъ.

„Ну теперь, Финогенъ, пойдемъ на Волгу—разгуляться: може не увидимъ ли кого, не проѣдетъ ли кто“.

Вышли на берегъ—смотримъ. Только и плыветъ расшива съ народомъ. Крикнулъ гость что-то по своему, съ расшивы лодку подали, на лодкѣ голову сахару привезли и золотой. „Финогенъ! принимай, выноси на берегъ». Я было замялся. «Полно, говоритъ, рази они тебя-купца за грабителя сочтутъ: они чай видятъ, кто съ тобой.“—Мелко было, такъ лодка къ берегу не могла вплоть подойти—вошелъ гость въ воду самъ и принялъ все. Другая расшива прошла—и та лодку прислала—и на лодкѣ опять стало-быть голова сахару и золотой. Постояли еще малость—на завознѣ рабочаго люду съ полсотни плыветъ—онъ и крикнулъ: «эй, ребята! Посадите меня-молодца съ собой, свезите до Самары, возьмите сколь хотите!» Тѣ причалили—онъ: «Прощай Финогенъ! Ивану Митричу кланяйся!» Отгрянулъ отъ берега да какъ гаркнетъ: «Пріударь, ребята! бродяга сѣлъ!»—Только его и видѣлъ я. Послѣ, дня видно черезъ три, опять въ лѣсу троихъ встрѣтилъ, спрашивали гдѣ товарищъ, убить грозили, говорили что онъ денегъ съ собой много увезъ, поклепъ взводили на насъ, что будто мы его ограбили, а послѣ крѣпко нашего гостя ругали: зачѣмъ уплылъ. Спросили рыбы да калача; огонь развели, щербу я имъ сварилъ. Взяли они всю жижу наземь вылили, калачъ съ рыбой въ платокъ завязали и ушли.

Такъ после того, сказывалъ Финогенъ, скоро слухъ прошелъ, что перваго-то разбойника въ Самарѣ изловили; онъ барина вишь ограбилъ—приглушилъ его чѣмъ то, взялъ деньги-то, а картузъ свой и позабылъ. По картузу и дознались. Поймали въ кабакѣ на пристани: кутилъ все.

«А вотъ въ старые годы, баринъ, разбойникамъ, слышно, во все страху не было» заканчиваетъ Максимъ, старательно подхватывая качедыкомъ лапотное лычко.

«Въ Жегулевскихъ горахъ мы остановимся»... вдругъ припоминается вамъ, читатель, изъ одной разбойничьей-удалой пѣсни—и подвиги волжской вольницы со всѣми романическими и варварскими подробностями встаютъ передъ вашими глазами. Для васъ теперь ясно значеніе Жегулевскихъ горъ. Вспомните, что начиная съ XVI столѣтія, рядомъ съ проникновеніемъ на востокъ русской колонизаціи, шли непрерывные разбои на торговой Волгѣ. Разбои эти, не смотря на строгости закона, не прекращались вплоть до половины нынѣшняго столѣтія. Узломъ были Жегули. Сюда стали бѣгать съ XVIII столѣтія раскольники. Всѣ недовольные шли сюда на Волгу, въ Жегулевскія горы, какъ мѣсто самое удобное для укрывательства. Русская удаль съ Яика и Дона не разъ являлась сюда *порадѣть своимъ зипунамъ* вмѣстѣ съ волжскими *казаками*. Порядки удѣльной Руси становились въ перерѣзъ новымъ порядкамъ Руси Московской, и Жегули давали убѣжище своимъ протестантамъ. Послѣдніе, въ лицѣ вольницы, всячески старались поживиться насчетъ государства, складывавшійся строй котораго стѣ-

Библиотека "Руниверс"

снялъ понемногу ихъ права. Олеарій, проѣзжавшій Волгой въ первой половинѣ XVII столѣтія, говоритъ, что разбойникамъ было удобно наблюдать за приближеніемъ торговыхъ судовъ — съ вершинъ Жегулевскихъ горъ. «Въ этихъ опасныхъ для торговли мѣстахъ, еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, велѣно ставить охранные острожки присылнымъ воеводамъ, съ цѣлью оберегать рыбныхъ ловцовъ и прочихъ людей. Законъ предписывалъ рѣзать языки, истязать всячески за разбой—но мѣры такого рода не помогали. Государство было почти безсильно, когда разразился Стенькинъ бунтъ. Живописныя Жегулевскія горы полны славой имени этого разбойника. Здѣсь нѣсколько бугровъ и изрядное количество пещеръ носитъ названіе Стенькиныхъ. По народному преданію, которое варьируется на всѣ лады. Стенька живъ и сидитъ въ своихъ любимыхъ горахъ —гдѣ его каждую ночь за тяжкіе грѣхи мучитъ притегная нечистая сила. И долго будетъ мучаться Стенька, пока не исполнятся положеные года, пока не отроется богатый кладъ положенный имъ въ лѣсу. и не изрекутъ Стенькѣ вѣчную память. При Петрѣ и его наслѣдникахъ преслѣдованія за разбой продолжались, въ Жегули посылались сыщики, по лѣсамъ устраивались облавы; позже завели особыя лодки для охраненія мѣстныхъ жителей отъ разбоевъ; на лодки сажалась команда, ставились пушки. Черезъ сто лѣтъ послѣ Разина, народныя массы опять всколыхнулъ страшный Пугачевскій бунтъ. Жегули приняли въ себя разсѣянныя шайки пугачевцевъ, точно такъ же какъ столѣтіе назадъ пріютили бѣжавшихъ изъ подъ Симбирска раницевъ съ Ѳедькой Шелудякомъ. Жегулевскіе разбои прекратились только въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, съ учрежденіемъ пароходства по Волгѣ. *Шалить*, по мѣстному выраженію, перестали. И такъ, Жегулевскія горы, очень незначительныя въ географіи, играли видную роль въ исторіи русской жизни; онѣ. благодаря своимъ мѣстнымъ условіямъ, своему положенію, затянули, если можно такъ выразиться, смутное время на два лишнихъ столѣтія, надѣлали хлопотъ правительству. Онѣ же помогали осуществленію своеобразныхъ народныхъ идеаловъ: старца-труженика и удальца-разбойника. Кромѣ разбойниковъ и старцевъ, на-роду памятны еще жегулевскіе клады. Горы хранятъ ихъ въ себѣ въ несмѣтномъ количествѣ. «Чего только на свѣтѣ нѣтъ — того и въ Жегуляхъ нѣтъ», говорятъ мѣстные крестьяне и продолжаютъ довольствоваться воздѣлываньемъ клочка земли, пилкой дровъ и ломкой бѣлаго камня, отъ котораго Жегули получили названіе Бѣлыхъ горъ. Но не всѣ довольствуются обыденными доходами, есть любители кладовъ — кладоискатели. По ихъ рукамъ ходятъ кладныя записи, съ подробностями о томъ, гдѣ что положено и какъ взять. «*Приступаю я рабъ Божій къ покмижъ сей*, читаетъ гдѣ нибудь въ лѣсной трущобѣ, съ заступомъ въ рукахъ, безстрашный кладоискатель. «*окружаю въ ширину и глубину Божьимъ словомъ, пошли мнѣ, Господи, помощника Архинела Уріила отогнать демонскую силу...*» Страшное дѣло рыть кладъ: онъ зарывался душегубцами при разныхъ заклятіяхъ. Однако искатели находятся—не такъ давно славился въ Жегуляхъ Блохинъ.

Будущему изъ Симбирска въ Самару—пріятно увидать рѣзкую перемѣну праваго берега, въ какой нибудь сотнѣ верстъ отъ послѣдняго города. Невысокіе холмы, покрытые лѣсками, вдругъ поднимаются выше и выше, громоздятся другъ на друга, рѣка съуживается и надъ бѣгущимъ пароходомъ висятъ крутые склоны лѣсистыхъ горъ. Проѣзжему бросаются мѣстами въ глаза и голый камень гдѣ-то высоко надъ головой—и широкая пещерообразная разсѣлина, и темное заросшее лѣсомъ ущелье. За круглыми зелеными возвышенностями идутъ, расходясь не далеко вглубь и давая мѣсто долинамъ, опять такія же лѣсистыя возвышенности. Раза два три мелькнетъ людское жилье, а дальше опять узкая полоса песчанаго берега и крутые зеленые склоны. «Вотъ они Жегули-то, мимо идемъ» замѣтитъ вамъ кто нибудь изъ пассажировъ 3-го класса, если вы позаботитесь рано утромъ выйти на палубу. Поразговоритесь съ нимъ - и вы навѣрное услышите немало страшныхъ разсказовъ про эти зеленыя горы. До сихъ поръ ни пароходы, ни горсть заброшенныхъ сюда людей — не могутъ оживить здѣшней пустынной дикой мѣстности. Жегули однообразно тянутся на протяженіи чуть не сотни верстъ. Это известковая огромная плотина, заставившая Волгу повернуть вправо и описать Самарскую луку въ 200 верстъ. Это огромный крюкъ. Горный рельефъ Жегулей, какъ я уже сказалъ, имѣетъ закругленныя волнообразныя формы; отвѣсовъ почти нѣтъ, того что мы разумѣемъ подъ словомъ скала—тоже; все *шишки, шишаны, бугры, курганы* и *лбищи*. Камень рыхлъ и легко поддается времени. Нѣтъ ни одной вершины въ 800 футовъ. На западѣ, около Усинскаго устья, можно указать на Молодецкій курганъ (100 саж.), названный такъ потому, что молодежь села старыхъ Жегулей сходилась сюда въ праздники веселиться, - а на востокѣ высшая точка всего хребта — Сѣрная гора (110 с.). около которой въ прошломъ столѣтіи добывали сѣру. Между этими крайними пунктами тянутся расходясь въ глубь материка невысокими холмами — настоящіе Жегули, въ отличіе отъ Усоевскихъ горъ, лежащихъ по другую сторону рѣчки Усы. Когда волжская вольница хотѣла неожиданно напасть на торговое судно, она выбирала кратчайшій путь—рѣчку, Усу и съ южной части луки отъ Переволоки, гдѣ перетаскивала лодки, въ нѣсколько часовъ попадала — къ Молодецкому кургану, на сѣверную сторону. Страшное: «Сарынь на кичку!» пускалось успѣшно въ ходъ. Въ двухъ верстахъ отъ устья Усы, въ глубинѣ долины лежитъ село Жегулиха, — прежде оно стояло у самой воды, но живописные разливы часто забирающіеся въ Жегулевскія ущелья (*бараки*) — вынудили жителей переселиться выше, въ безводную мѣстность. Промыслы здѣшнихъ крестьянъ: земледѣліе, ломка и пережиганіе извести. Кромѣ послѣдней въ горахъ есть сѣра. гагатъ и колчеданъ, нерѣдко вводящій мѣстныхъ жителей въ заблужденіе, благодаря своему золотому блеску. Около Морквашь, лежащихъ восточнѣе между Лысой горой и Могутовскимъ кряжемъ—очень большія каменоломни. Много рабочихъ рукъ занимается также пилкой дровъ на пароходы. Лѣсъ въ Жегуляхъ преимущественно дровяной: дубъ, осина, осокорь, вязъ и изрѣдка по гребнямъ горъ—сосна. Морквашп—самое живописное селенье въ Жегулевскихъ горахъ. — Здѣсь, на вершинѣ крутой Лысой горы (80 с.), сохранился единственный историческій памятникъ прошлаго—какая-то надпись 1720 года; надпись Петра стерлась.

Несмотря на свое однообразіе, на эти курганы, перерѣзанные неширокими *бараками*, куда въ разливы далеко забирается Волга, на отсутствіе страшныхъ по неприступности скалъ—Жегули все таки самое красивое мѣсто на Волгѣ—и въ историческомъ отношеніи, какъ видите, одно изъ замѣчательныхъ. Безлюдье придаетъ ихъ ландшафту своеобразную дикую окраску. Когда будете на Волгѣ, читатель, стоитъ взглянуть на Жегули. дать на нихъ отдохнуть глазамъ. Бояться ихъ теперь нечего: про разбои нѣтъ и помину; старцы-труженики кто говоритъ перевелись совсѣмъ, кто—обратились въ шатуновъ, т. е. такихъ людей которымъ нѣтъ особой охоты встрѣчаться съ людьми незнакомыми; медвѣди еще попадаются,—но далеко, въ восточномъ углу, за Бахиловкой, гдѣ ихъ пожалуй скоро переколотитъ Мордва. Кстати о національностяхъ, Жегули и ихъ окрестности населены сброднымъ народомъ, всѣ здѣшнія мѣста заняли переселенцы изъ разныхъ губерній и инородцы. Такъ, въ Бахиловкѣ Мордва. Въ Старомъ Отварномъ, по другую сторону Могутовскаго кряжа, версты 2 отъ Морквашъ поселились хохлы. Заселеніе Самарской луки началось въ XVI столѣтіи съ Надѣинскаго Усолья (теперешнее имѣнье Орловыхъ Давыдовыхъ). Въ него, къ соляным ключамъ, прибыли промышленники съ Камы, поставили здѣсь первую крѣпостцу и основали немудреный заводъ. Около Усолья же данъ былъ первый счастливый отпоръ кочевникамъ; здѣсь сложилось даже объ этомъ цѣлое преданіе:

«По старымъ разсказамъ, въ Усольи жила
Одна богатырка въ то время—
Она отъ Усолья на степь угнала
Ногайское хищное племя».

Скажу я словами стихотворенія, тема котораго не такъ давно была взята изъ преданія объ *Усолкѣ*.

Если вы останетесь недовольны скромными красотами Жегулевскихъ горъ — переѣзжайте на другой берегъ Волги и посмотрите Соколовы горы: тамъ больше живописныхъ мѣстъ, говорятъ мѣстные художники, — нѣтъ жегулевскаго однообразія и больше пещеръ. Вѣдь, какъ хотите, въ горахъ это главное.

ГИНЕКЕУМЪ.

(ПО ГЭЛЛЮ).

Вглядитесь въ прилагаемый рисунокъ: гдѣ мы? Въ какой міръ переноситъ насъ творческая фантазія художника? Уже съ одного бѣглаго взгляда на костюмы изображенныхъ лицъ видно, что мы имѣемъ дѣло не съ современною намъ цивилизаціею. Ни въ чемъ такъ рѣзко не поражаетъ разница культурныхъ формъ новаго времени относительно классической древности — какъ въ одеждѣ. Благодаря не столько неблагопріятному климату, сколько свойственному нашему времени стремленію исключительно къ *пользѣ* безъ малѣйшаго чувства *красоты* и *естественности* — наше платье лишено всякаго изящества и повидимому для того лишь предназначено чтобы мѣшкообразно кутать и карикатурить всѣ формы тѣла. Древнимъ же, напротивъ, не только южный воздухъ позволялъ обходиться безъ всего лишняго въ одеждѣ, оставляя неприкрытыми руки и ноги,—но присущее имъ, такъ-сказать, естественно-прирожденное имъ чувство изящнаго заставляло ихъ выбирать одѣянія, которыя, ниспадая и драпируясь широкими складками, пластично выдѣляли всѣ формы тѣла, облегая ихъ и мѣняя складъ свой при каждомъ движеніи, что придавало необыкновенную красоту и достоинство всей осанкѣ. Народъ, изображенный на нашемъ рисункѣ, употреблялъ только два рода одѣяній: носимый на тѣлѣ, на подобіе рубашки, *хитонъ*, и накидываемый сверху *гиматій*. Незначительная разница въ покроѣ отли-

Библиотека "Руниверс"

чала различныя племена этого народа-художника. Общій для обоихъ половъ хитонъ былъ или короткій, безъ рукавовъ и шерстяной, какъ у дѣвицы, изображенной на лѣвой сторонѣ рисунка и держащей подъ руки ребенка,—или длинный, въ широкихъ складкахъ, съ рукавами, полотняный, какъ у матери, которая сидитъ посреди группы. Первый носили Доряне, второй — Іоняне, которыхъ уже Гомеръ называетъ «долгохитонными». Впрочемъ у аѳинянъ послѣдняго рода хитонъ вошелъ въ употребленіе лишь въ позднѣйшія времена изнѣженности. Дорическій хитонъ не зашивался у рукавовъ и слѣдовательно не надѣвался черезъ голову, какъ у Іонянъ, а состоялъ изъ отдѣльныхъ полотнищъ — передняго и задняго, которыя на плечѣ и вѣроятно вдоль всего бока застегивались аграфами (застежками). Заимствованный съ этого образца, мужской аѳинскій хитонъ сшивался въ нижней половинѣ. Неизбѣжною принадлежностью хитона былъ поясъ, который позволялъ укорачивать одежду по желанію и образовать надъ поясомъ пазуху, служившую уже во времена Гомера карманомъ. Хотя эта одежда давала полную свободу рукамъ, но грекамъ и этого казалось мало, — а потому рабочіе застегивали хитонъ только на лѣвомъ плечѣ, оставляя правую сторону обѣихъ полотнищъ ниспадать на спину и грудь, какъ у дѣвицы, прилегшей на колѣна матери семейства, съ лѣвой стороны рисунка. Послѣ Аристофана стали уже прививать настоящіе рукава, сначала короткіе, а потомъ, на манеръ кельтовъ и восточныхъ народовъ, доходившіе до самой кисти руки.

Хитонъ былъ домашней одеждой, чѣмъ-то вродѣ халата. Изъ дому же въ одномъ хитонѣ выходили только рабочіе и дѣти, такъ какъ человѣкъ *въ одномъ хитонѣ* и *голый*— у грековъ были синонимы.

Что *гиматій* составлялъ главную часть одежды—это видно изъ того, что отсутствіе хитона считалось только признакомъ бѣдности или болѣе строгаго образа жизни: за это именно превозносили Сократа, Клеанта, Агезилая и Фокіона. Гиматій состоялъ изъ большаго, продолговато - четвероугольнаго куска шерстяной ткани. Манера драпироваться имъ ясно видна на отцѣ семейства, который стоитъ въ лѣвомъ дальнемъ углу картины. Одинъ конецъ ткани набрасывался сзади изъ-за спины черезъ лѣвое плечо и придерживался на груди лѣвою рукою; затѣмъ правою рукою гиматій навлекался на всю спину - и черезъ правое плечо или подъ правое плечо переходилъ на грудь, откуда снова конецъ его закидывался черезъ лѣвое плечо на спину. Только на прилагаемомъ рисункѣ гиматій задрапированъ не съ лѣва на право, а справа на лѣво, что можно было дозволить себѣ лишь дома, на людяхъ же считалось нарушеніемъ укоренившагося обычая. Умѣніе ловко и красиво драпироваться гиматіемъ, какъ въ наши дни плэдомъ, требовало частаго упражненія и считалось необходимымъ отличіемъ образованнаго человѣка. Спусканіе гиматія до того чтобъ онъ волочился по землѣ — служило признакомъ напыщенности и роскоши. Еще неприличнѣе было приподнимать гиматій до колѣнъ, но при спѣшномъ бѣгѣ онъ закидывался назадъ за спину. Бѣдные носили лѣтомъ и зимою ту же самую одежду; богатые мѣняли ткань сообразно времени года. Что касается цвѣта мужскихъ одѣяній, то какъ хитонъ, такъ и гиматій большею частію были бѣлые; темный гиматій надѣвался во время траура. Но это не исключало и другихъ цвѣтовъ. Такъ, аѳиняне, замѣтивъ, что молодой Клеантъ, въ качествѣ вождя эфебовъ, явился на праздникъ безъ хитона, подарили ему это одѣяніе шафраннаго цвѣта. Комикъ Анаксандридъ, философъ Эвмедоклъ, софисты Гиппіасъ и Горгій, живописецъ Парразій носили пурпурный гиматій. На разноцвѣтность одеждъ указываютъ и найденныя статуетки, различно раскрашенныя.

Изготовленіемъ одежды, какъ въ героическія времена такъ и впослѣдствіи, занималась хозяйка дома и ея рабыни. Женскій нарядъ былъ гораздо разнообразнѣе мужскаго, но сводился къ тѣмъ же двумъ типамъ — хитону и гиматію, какъ и мужской. Спартанскія дѣвушки носили хитонъ несшитый даже и ниже пояса, такъ что ихъ называли «наго-бедрыми». Когда же у афинянокъ вошелъ въ употребленіе длинный іоническій хитонъ, нижняя половина его была постоянно зашита; верхняя же состояла изъ двухъ полотнищъ, застегивавшихся на плечахъ и безъ рукавовъ. Эта одежда шилась гораздо длиннѣе роста женщины и лишняя ткань поднималась складками за поясъ, образуя пазуху. Когда же хитонъ получилъ длинные рукава, эта пазуха стала отдѣльнымъ накидковиднымъ нарядомъ. Подъ этимъ длиннымъ хитономъ, аѳинянки впослѣдствіи стали носить другой короткій изъ болѣе легкой ткани, прозрачной кисеи съ острова Аморгоса.

Женскій гиматій былъ до того похожъ на мужской, что жена Фокіона часто щеголяла въ мужниномъ, а Сократъ однажды явился въ публичное сборище, закутанный въ гиматій Ксантиппы. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ моды, женскій гиматій кроился все короче и наконецъ уменьшился до шалеобразныхъ платковъ. Женскія одежды были гораздо разноцвѣтнѣе, встрѣчались даже пестрыя, полосатыя, расшитыя галунами и звѣздочками; но, какъ и во всѣ времена, слишкомъ яркая пестрота обличала дурной вкусъ, составляя характеристичную принадлежность гетеръ. Самымъ приличнымъ цвѣтомъ считался бѣлый. Спартанкамъ строго запрещены были цвѣтныя платья и золотыя украшенія, а въ Сиракузахъ облагались пенею (штрафомъ) платья обшитыя пурпуровой каймой. Кромѣ названныхъ тканей, надо упомянуть о шелковой дымкѣ съ острова Коса, изъ которой приготовлялись одежды, славившіяся своей нескромностью и которыми часто пользовались художники въ своихъ картинахъ для изображенія просвѣчивающихъ формъ тѣла, хотя и прикрытыхъ одѣяніемъ. Сверхъ того употреблялась такъ называемая грудная сѣтка, замѣнявшая гречанкамъ корсетъ. Обувь заключалась въ сандаліяхъ и котурнахъ (башмакахъ).

И такъ, прилагаемый рисунокъ переноситъ насъ въ лоно домашней греческой жизни. Войдемъ же въ это жилище, не смотря на обычай запрещавшій вступать въ чужой домъ безъ позволенія, хотя наружныя двери его цѣлый день были отворены. Это обыкновеніе укоренилось изъ уваженія къ женской половинѣ семьи, какъ говоритъ Плутархъ: «Чтобы не застать врасплохъ хозяйку дома или дѣвственную дщерь, или не попасть на ссору рабынь между собой», — и соблюдалось такъ строго, что въ отсутствіи хозяина, даже въ случаѣ крайней нужды, не рѣшались переступать порогъ чужаго жилища. Спартанцы при посѣщеніи не стучались, но громко звали хозяина по имени, а въ позднѣйшее время у дверей стоялъ привратникъ. Въ большей части частныхъ домовъ за входною дверью тотчасъ слѣдовалъ внутренній четырехугольный дворъ, окруженный съ четырехъ сторонъ колоннадой (перистиль), на которую выходили двери отдѣльныхъ покоевъ. По срединѣ двора, называвшагося *авлою* (Aula), стоялъ алтарь домашняго Зевса, а если не было отдѣльной кухни, то и очагъ, какъ алтарь Гестіи. Здѣсь принимали гостей; здѣсь же, въ отсутствіи посторонныхъ, собиралась женская половина семьи и дѣти; тутъ праздновались домашнія торжества и приносились жертвы. Такъ какъ входная дверь устраивалась обыкновенно съ южной стороны, дабы зимой въ заднюю часть авлы свѣтило солнце, а лѣтомъ на переднюю часть ея падала тѣнь колонады,—то понятно, что главныя покои—спальня хозяевъ и столовая располагались на сторонѣ противуположной входу. Справа и слѣва, по боковымъ фасадамъ двора шли помѣщенія для мужской прислуги, комнаты для гостей, а въ небольшихъ домахъ и кладовыя съ кухней. Гдѣ же мѣсто дозволяло—хозяйственное отдѣленіе дома помѣщалось позади авлы. Въ такомъ случаѣ у хозяйки дома было какъ бы свое государство, въ которомъ она проводила большую часть дня—правя дѣлами, надзирая надъ рабынями и за кухней, не ограничиваясь тѣснымъ заключеніемъ въ женской половинѣ, такъ-называемомъ *гинекеумѣ*. Это послѣднее помѣщеніе отдѣлялось отъ мужскаго накрѣпко запираемой дверью, а во времена роскоши даже окружалось особеннымъ перистилемъ. Нерѣдко гинекеуму отводился верхній этажъ дома, который былъ совершенно подобенъ нижнему.

Комнаты были невелики, приблизительно въ 4 или 5 разъ менѣе нашихъ залъ и гостиныхъ у зажиточныхъ людей. Стѣны втеченіи долгаго времени, начиная съ Гомера, покрывались только бѣлой известкой. Алкивіадъ впервые заставилъ живописца Агатархоса расписать свой домъ фресками. Это нововведеніе, сильно порицаемое Ксенофонтомъ и Платономъ, нашло себѣ подражателей, и вскорѣ уже нерасписанные покои считались признакомъ бѣдности. Наружныя же стѣны оставались бѣлыми—и только у Фокіона были обиты мѣдью. Полъ былъ сплошь мощенный плитами; лишь съ македонской эпохи, въ богатыхъ домахъ являются полы мозаичные. Во многихъ комнатахъ двери замѣнялись драпировкой и занавѣсами, какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ. Нѣкоторыя двери, въ особенности отъ кладовыхъ, для безопасности запечатывались воскомъ; но какъ въ прежнее время можно было за три обола достать фальшивую печать, то хозяева дома стали заказывать себѣ болѣе искусно выработанныя печати на перстняхъ. Философъ Лакидесъ и тутъ впрочемъ попалъ въ просакъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, запечатавъ дверь кладовой, кидать въ нее чрезъ маленькое окошечко самый перстень—и уходилъ въ полной увѣренности за цѣлость своихъ припасовъ; но рабы догадались: они взламывали печать, входили въ кладовую и затѣмъ взявъ что нужно—брали самый перстень, запечатывали имъ дверь снова и тѣмъ же порядкомъ бросали его въ окошечко.

Примыкающіе къ городскимъ домамъ сады наполнялись цвѣтами и овощью. *Хвастунъ* у Теофраста («Характеры») чванится множествомъ и нѣжностью огородныхъ растеній въ его саду. Цвѣтоводство ограничивалось розами, фіалками, гіацинтами, крокусами и лиліями, которыя сѣялись по множествѣ ради гирляндъ и вѣнковъ, необходимыхъ на праздникахъ и пирахъ.

Женская половина дома, гинекеумъ, какъ мы уже сказали, находилась въ самой задней, отдаленной части дома. Здѣсь проводила свое время хозяйка, жена, подруга жизни древняго грека. Отъ свободы греческой женщины временъ Гомера ничего не осталось въ времена историческія. Уже Солонъ, въ числѣ прочихъ своихъ законовъ, издалъ слѣдующій «признававшій *недѣйствительнымъ* все что сдѣлано будетъ по совѣту или внушенію женщины». Такъ какъ посѣщеніе публичныхъ школъ считалось несовмѣстнымъ со стыдливостью дѣвушекъ, то дочери грековъ получали самое лишь элементарное образованіе отъ матерей и мамокъ. Только въ высшихъ сословіяхъ обучались онѣ чтенію, письму и нѣкоторымъ понятіямъ о миѳологіи. Главнымъ дѣломъ было знаніе женскихъ работъ: пряденья, тканья, шитья и проч. Научно-образованныхъ женщинъ (за исключеніемъ весьма немногихъ, какъ Сафо, Аспазія) совсѣмъ не встрѣчается въ исторіи Греціи. Да и къ чему приложила бы тогдашняя гречанка свои свѣдѣнія? Такъ-называемаго *большаго свѣта* вовсе не существовало въ тѣ времена: не было ни баловъ, ни концертовъ, ни званыхъ вечеровъ. Въ полномъ уединеніи, отдѣленныя отъ внѣшняго міра и преимущественно отъ мужчинъ стѣнами

Библиотека "Руниверс"

Гинекеумъ, женское отдѣленіе греческаго дома.

Съ картины П. Кумаиса. Грав. Регульскій.

Библиотека "Руниверс"

гинекеума, аѳинянки такъ и назывались «замкнутыми», въ «тѣни возрощенными»; по этому самый цвѣтъ лица ихъ не отличался здоровьемъ, и онѣ усиленно прибѣгали къ помощи румянъ и притираній. Уединеніе жены-домохранительницы изображалъ даже Фидій символомъ черепахи, служившей подноженіемъ статуѣ его Афродиты-Уранія. Лишь на нѣкоторыхъ религіозныхъ торжествахъ и другихъ процессіяхъ изрѣдка появлялись благородныя аѳинскія дѣвы, неся на головѣ священные сосуды, межъ тѣмъ какъ дочери низшихъ сословій держали надъ ними зонтики. Только въ такихъ исключительныхъ случаяхъ и возможно было знакомство между молодыми людьми обоего пола. Понятно, что при такихъ порядкахъ молодыя женщины по выходѣ замужъ (съ пятнадцати-лѣтняго возраста) проявляли крайнюю неопытность—и дальнѣйшее воспитаніе ихъ лежало уже на обязанности мужа, котораго невѣста вовсе не знала до свадьбы. Большею частію отецъ отыскивалъ невѣсту своему сыну, принимая гораздо болѣе во вниманіе ея родъ и богатство, чѣмъ взаимную склонность. Нечему дивиться, если домашній бытъ новобрачныхъ часто омрачался облаками и грозными тучами. Но этому Платонъ и предлагалъ учрежденіе особенныхъ игръ, на которыхъ юноши и дѣвы въ танцахъ могли-бы знакомиться другъ съ другомъ. Но какъ ни рѣдки были браки по склонности — вполнѣ отрицать ихъ нельзя, такъ какъ онѣ изображаются во многихъ комедіяхъ, безъ сомнѣнія черпавшихъ свое содержаніе изъ дѣйствительной жизни. Обыкновеннѣйшей канвой ихъ служитъ страстная любовь молодаго аѳинянина къ незнакомкѣ, которая впослѣдствіи оказывается пропавшей дочерью богача. Кто не помнитъ трогательной привязанности княжескаго сына, Гемона, къ великодушной Антигонѣ у Софокла? Есть и другія доказательства. Такъ напр., въ плутарховомъ «жизнеописаніи Кимона» читаемъ: «Когда-же Калліасъ, зажиточный аѳинянинъ, влюбленный въ Эльпиннику, предложилъ заплатить пеню (штрафъ) за ея отца, то она согласилась—и братъ ея Кимонъ выдалъ ее за Калліаса замужъ.» Извѣстно также, что самъ Кимонъ безмѣрно любилъ жену свою, Изодику, и былъ неутѣшенъ по смерти ея. Только любовь эту отнюдь не должно представлять себѣ въ формѣ новѣйшаго романтизма; она возникала и развивалась на почвѣ естественности, чувственныхъ воззрѣній древняго грека на міръ, и никогда не достигала мечтательной апоѳеозы. Не рѣдко возникала она уже послѣ свадьбы, какъ въ «свекрови» Терренція, гдѣ Памфилъ, привлеченный благородными качествами своей сначала-презираемой жены, мало по малу оставляетъ свою наложницу. Вотъ такую-то счастливую чету изображаетъ и нашъ рисунокъ.

Совершенно иное было положеніе женщины у Дорическаго племени. Спартанское воспитаніе женщинъ вполнѣ соотвѣтствовало всей государственной системѣ этого народа. Съ цѣлію возростить крѣпкое, сильное населеніе въ странѣ, здѣсь заставляли дѣвушекъ принимать участіе во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ и смѣло вмѣшиваться въ толпу мужчинъ на площадяхъ, не кутаясь въ долгополыя одежды. О томъ что Ликургъ достигъ своей цѣли — свидѣтельствуетъ всеобщее поклоненіе красотѣ спартанокъ. Замужнія женщины впрочемъ и здѣсь пользовались уже меньшею свободою въ обращеніи съ мужчинами, такъ какъ, по выраженію одной спартанки, «дѣвушкѣ надо было сначала выискать себѣ мужа, женѣ же оставалось только сохранить его», что было вовсе не легко при распространеніи гетеръ во всей Греціи. Хотя спартанки предоставляли пряжу и тканье невольницамъ, но тѣмъ не менѣе все домоправленіе лежало на нихъ,— и когда плѣнную спартанку однажды спросили: «чему она училась?» та отвѣчала: «хорошо управлять домомъ». Вліяніе ихъ на мужчинъ было такъ велико, что прочіе греки смѣялись надъ «спартанскимъ женовластіемъ». Плутархъ разсказываетъ, будто бы одна чужеземка сказала женѣ Леонида, что «однѣ спартанки повелѣваютъ мужамъ»; гордая супруга героя отвѣтила, что «однѣ лишь спартанки и родятъ мужей».

Каково бы ни было различіе Дорянъ и Іонянъ, но женщина въ Греціи никогда не падала такъ низко, какъ римлянки временъ цесаризма,— и въ то время, когда Ювеналъ не находилъ словъ для порицанія распущенности римской семейной жизни, въ Аѳинахъ сплошь и рядомъ еще встрѣчались мирные домашніе очаги, подобные изображенному на нашемъ рисункѣ.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Переметка.

Въ лощинкѣ, между двумя грядами песчаныхъ наносовъ, за четверть версты впереди цѣпи парныхъ часовыхъ, залегъ небольшой «секретъ» изъ десяти стрѣлковъ съ офицеромъ.

Дѣло было подъ-утро, начинаетъ брежжить сѣроватый свѣтъ надъ восточнымъ горизонтомъ; началось легкое движеніе въ лагерѣ, невидное для «залегшихъ», потому что лагерь скрытъ былъ отъ нихъ буграми и туманною дымкою, но за то хорошо слышное для ихъ привычнаго уха.

Солдаты сильно утомились за ночь продолжительною, упорною борьбою съ самою неотвязною сонливостью. Если часовой, стоя и прохаживаясь, не всегда можетъ удержаться отъ подозрительнаго кивка носомъ, то каково же бороться со сномъ, лежа въ очень удобной позѣ, закутавшись въ теплыя шинели!.. А бороться пришлось всю ночь—и зорко поглядывать, во всѣ двадцать два глаза, за тою чертою, что едва отдѣляла горизонтъ: — не покажется ли на той, относительно свѣтлой, полоскѣ подозрительная черная точка, — чутко прислушиваться, не услышатъ ли топота конскихъ копытъ, или легкаго шороха ползущаго по песку тѣла.

Но въ этомъ «секретѣ» все были охотники, любители ночныхъ и всякихъ приключеній,—а потому, находившемуся при нихъ офицеру совершенно лишнее было наблюдать за своими подчиненными, не заснулъ ли кто-нибудь изъ нихъ, убаюканный этою мертвою тишиною и неподвижностью.

Съ разсвѣтомъ—стрѣлки могли возвратиться въ лагерь (секретъ днемъ не имѣетъ никакого значенія). Имъ предоставляется право хорошо выспаться послѣ трудовой ночи, а потому, понятно, съ какимъ удовольствіемъ наблюдали солдаты — и за расширяющеюся полосою утренняго свѣта, и за увеличивающимся съ каждою минутою движеніемъ въ лагерѣ.

— Гляди! шепнулъ одинъ стрѣлокъ, тихо, словно про себя, не оборачиваясь къ своимъ товарищамъ, не мѣняя своей лежачей позы, прямо въ упоръ глядя куда-то впередъ, въ пространство.

Всѣ и безъ этого предостереженія «глядѣли», и вѣрно всѣ увидѣли разомъ то, что видѣлъ сказавшій. Всѣ словно зарыться поглубже въ песокъ хотѣли, такъ плотно прижались они къ землѣ и затаили дыханіе... Только пальцы лѣвой руки сильно стискивали ружейные стволы, — да указательный палецъ правой руки—чуть-чуть ощупывалъ гладкую поверхность спускового крючка.

Это залегли тигры, когда они подстерегаютъ подходящую къ водѣ добычу... Такіе же, вытянувшіеся во всю длину тѣла, такіе же замершіе, неподвижные, — только двуногіе и сѣрые, а не четвероногіе и полосатые.

На холмъ, на самую его верхушку, что виднѣлась темнымъ силуэтомъ передъ глазами стрѣлковъ, выскакала черная точка—всадникъ,—постояла мгновеніе и скрылась. Неопытный глазъ не могъ бы съ увѣренностью опредѣлить, куда она спряталась: назадъ-ли спустилась, за бугоръ, или перевалилась на эту сторону; но опытный глазъ ясно видѣлъ послѣднее.

Вслѣдъ за этою точкою, на бугрѣ показалась цѣлая группа, но уже не пряталась, а такъ и осталась, занявъ вершину и гарцуя по ней въ разныхъ направленіяхъ.

— Слышь! также тихо сказалъ первый стрѣлокъ, тотъ-же что и сказалъ «гляди», и опять напрасно предупредилъ, потому что и безъ того всѣ хорошо слышали.

Они слышали топотъ. Топотъ торопливый, топотъ коня усталаго, сбивающагося съ ноги на скаку, топотъ быстро приближающійся съ каждою минутою.

Шесть человѣкъ изъ секрета сбросили шинели, быстро поползли вправо, на перерѣзъ скачущему; остальные не спускали глазъ съ бархана.

А всадникъ былъ уже близко. Онъ внимательно осматривался вокругъ себя, конь его фыркалъ и подозрительно озирался, вытягивалъ сухую, красивую морду по вѣтру—и прялъ ушами; всадникъ былъ вооруженъ, но отцѣпилъ свое оружіе

Библиотека "Руниверс"

и держалъ его въ пучкѣ, подъ лѣвой мышкою, такъ какъ держать вещь, которую употребить въ дѣло — въ виду не имѣютъ.

— Переметка, шепнулъ одинъ стрѣлокъ другому.

— Должно полагать; тѣ, видно, гнались за нимъ, да не догнали, шепнулъ другой, — а дальше гнать боятся; стали.

Всадникъ тронулъ копя впередъ, конь взвился на дыбы, сильно осѣлъ на заднія ноги, всадникъ свалился, или, вѣрнѣе, его сняли съ сѣдла... Онъ не могъ крикнуть, потому что ротъ у него зажали двѣ сильныя мозолистыя ладони,—не могъ пошевелиться, потому что его мгновенно обвила и скрутила тонкая, упругая веревка, такъ и впившаяся въ его смуглое, бронзовое тѣло.

Звонко, словно серебряная струна звякнула въ утреннемъ воздухѣ, донеслась изъ лагеря сигнальная труба: «снимать секреты!»

— Ну, слава те Господи! съ удовольствіемъ вздохнулъ одинъ изъ стрѣлковъ, — нонѣшнюю ночь хоша не даромъ маялись, послалъ Господь какую ни на есть дичину.

Привели пойманнаго въ лагерь, разглядѣли «дичину»: лицо у него не киргизское — и не узбекское, на тюркмена тоже не похоже: глаза большіе, черные, брови густыя — дугою, борода длинная, густая, курчавая, хоть и сѣдая отъ пыли, однако черная какъ смоль — по натурѣ. Самъ пойманный,— одѣтъ въ рваный халатъ, самый бѣдный, ноги босыя, желѣзными стременами до крови стертыя; оружіе плохонькое; клынчь въ протершихся ножнахъ и мултукъ короткій съ кремнемъ; — конь же у него такой, что и за пятсотъ «тилей» *) не легко купить, и уздечка съ сѣдломъ на конѣ вся чеканенымъ узоромъ серебрянымъ и бирюзою украшены. Всадникъ былъ не по коню,— и это обстоятельство показалось страннымъ.

— Я «иране» (персіянинъ), разсказывалъ пойманный, — служилъ конюхомъ у самого Матъ-Мурада. Слышалъ, что русскіе близко — идутъ моихъ земляковъ освобождать — теперь я бѣжалъ отъ хозяина и коня у него укралъ со всею сбруею. За мной долго гнались, до самаго почти русскаго лагеря, да не догнали, потому что такой лошади, что была подо мною, нѣтъ равной во всей конницѣ Матъ-Мурада. Меня еслибъ поймали — шкуру съ живаго содрали-бы, да и теперь, если попадусь какъ нибудь въ ихъ руки — пропаду... Все мнѣ спасеніе у русскихъ, и служить я буду имъ усердно. Каждую каплю крови своей отдамъ въ жертву русскимъ... А служить хорошо я умѣю. Всѣ дороги хорошо знаю; все, что дѣлается у нихъ, — все знаю... Сколько у нихъ войска, сколько пушекъ, — все знаю; у меня даже для памяти все на бумагѣ записано...

И пойманный персіянинъ, — перебѣжчикъ или переметка, какъ ихъ называютъ солдаты, — вытащилъ изъ-за пазухи лоскутокъ желтоватой бумаги, тщательно, мелко исписанный, красивымъ персидскимъ шрифтомъ.

Спросили стрѣлковъ, тѣхъ, что были въ секретѣ, — говорятъ: «точно гнались за нимъ человѣкъ десять, можетъ и больше, сами видѣли...

— Вотъ одинъ выстрѣлилъ въ меня, продолжалъ иранецъ, —смотрите, вотъ и знакъ отъ пули. Вотъ, глядите.

Онъ снялъ халатъ съ одного плеча, и всѣ видѣли красный, словно обожженый знакъ отъ скользнувшей по тѣлу пули.

— Ну хорошо, сказалъ ему генералъ.— Будь спокоенъ, служи намъ хорошо и тебѣ будетъ хорошо — мы тебя хивинцамъ не выдадимъ, а измѣнишь — сами повѣсимъ... такъ и знай!

Толмачъ перевелъ иранцу — эту рѣчь, — тотъ сдѣлалъ низкій поклонъ, приложивъ обѣ руки къ сердцу, просіялъ весь отъ радости и попросилъ только одной милости: — не отнимать у него *его* лошади. На это тоже согласились. Но, на всякій случай, замѣтили ему, что за нимъ будутъ очень зорко приглядывать, пока не убѣдятся въ его вѣрности.

*) Хивинская золотая монета въ рубль восемьдесятъ копѣекъ.

Иранца велѣно было отвести въ бивуакъ туземныхъ милиціонеровъ джигитовъ, и онъ, довольный совершенно своимъ положеніемъ, пошелъ черезъ весь лагерь, сопровождаемый двумя пѣшими казаками.

Голову свою иранецъ держалъ прямо, а глаза его такъ и бѣгали по сторонамъ, такъ и выглядывали все, что только есть въ лагерѣ. И вотъ, видитъ онъ: стоитъ часовой, около него сидитъ на пескѣ человѣкъ, «тотъ кто имени своего назвать боится»; голова у человѣка этого внизъ опущена, на колѣни, лица не видно...

— Скверный народъ хивинцы! чтобъ имъ всѣмъ передохнуть — отъ стараго до малаго! громко сказалъ иранецъ и засмѣялся.

Услышалъ эти слова сидящій, поднялъ голову, взглянулъ и вздрогнулъ, глаза у него широко раскрылись.

— Аллахъ да поможетъ тебѣ послѣ завтра... жди и готовъ будь! произнесъ иранецъ, только теперь онъ сказалъ это по персидски, а передъ тѣмъ говорилъ все узбекскимъ нарѣчіемъ.

Казаки, что вели его, хорошо понимали все, что говорилъ онъ прежде; этихъ-же послѣднихъ словъ не поняли вовсе.

— Это онъ ругаетъ его, надо полагать, замѣтилъ одинъ казакъ другому, — ну, и не любятъ-же эти иранцы хивинскаго человѣка — страсть!

— Кто любитъ кнутъ да палку! замѣтилъ не безъ основанія другой.

А «сидящій» опять поникъ головою, и никтобъ не замѣтилъ того оживленія, что на секунду вспыхнуло на его лицѣ и заронило въ его сердцѣ искру надежды на спасеніе.

Въ то же утро пришелъ Досщакъ-лауча въ свой верблюжій станъ. Онъ опять ходилъ провѣдать того человѣка, что имени своего боится.

— Ну что? полюбопытствовалъ Узень.

— Какъ это просты русскіе, Аллахъ ихъ бережетъ! всякому бѣглому, что съ вѣтра нарвался, такъ сразу и вѣрятъ на слово. Надо глядѣть зорко, — какъ бы чего худаго не вышло!

Хлопотъ было лаучьимъ много въ то утро. Верблюдовъ — тысячи двѣ штукъ— надо было въ степь вывести близъ лагеря на пастбу. Благо въ степи было тихо, и разъѣзды принесли самые успокоительныя вѣсти.

«Все-молъ спокойно и обстоитъ благополучно!»

ГЛАВА XII.

Работники ограбленнаго каравана

Вотъ уже третій день, какъ былъ пойманъ казаками неизвѣстный батырь. Его допросили, узнали все, что могъ только сообщить попавшійся въ плѣнъ простой джигитъ, и оставили на время въ покоѣ, какъ обыкновеннаго плѣннаго... Но вотъ, по лагерю стали все болѣе и болѣе распространяться слухи о томъ, кто такой этотъ плѣнный. Было много знавшихъ лично Атамкула, еще въ то время, когда онъ находился на русской службѣ; были между ними и такіе, что очень коротко его знали—и не могли бы ошибиться, встрѣтивъ его теперь, спустя почти пять лѣтъ. Но... и тутъ явились сейчасъ безчисленныя «но», мѣшавшія высказаться точно и опредѣленно, тѣмъ болѣе что это рѣшительное признаніе личности Атамкула равнялось для него смертному приговору.

А кому охота взять на свою совѣсть этотъ приговоръ, когда шевелится, хотя бы самая микроскопическая, капля сомнѣнія!

Причинъ же — объяснять все только однимъ сходствомъ — было слишкомъ много. Какимъ, напримѣръ, образомъ можно было допустить въ откровенномъ, грубомъ и нѣсколько простоватомъ Атамкулѣ, какимъ его всѣ знали, такое самообладаніе и находчивость во всѣхъ испытаніяхъ, такое тонкое искуство замаскировать свое лицо, замаскировать всѣ привычки, знакомыя движенія,—однимъ словомъ: все, что только могло хотя сколько нибудь его выдать?

Его, совершенно неожиданно, громко называли сзади, —

Библиотека "Руниверс"

онъ не оборачивался, и даже движеніемъ плечь не выдавалъ себя; — его распрашивали о разныхъ предметахъ, незамѣтно наводя на что нибудь подозрительное, — и этого подозрительнаго не высказывалось ни въ одномъ его словѣ...

Лицомъ онъ былъ похожъ на Атамкула, это правда, но борода, хотя и жидкая, — киргизская, — нѣсколько его измѣняла... *Тотъ* былъ краснощекій, откормленный, лоснящійся, съ наглымъ взглядомъ и самоувѣренными движеніями; *этотъ* былъ худъ, блѣденъ, держался сутуловато и казался даже много ниже ростомъ... А тутъ еще шрамъ на лицѣ совершенно искажалъ черты и придавалъ имъ особенное выраженіе. *Тотъ* говорилъ громко и звучно; *этотъ* — какъ-то глухо, словно слова вылетали изъ самой глубины разбитой, чахоточной груди... А не смотря на все это многіе говорили:

— Однако, чортъ его побери, до какой степени похожъ, бестія!

И «бестія» оставался простымъ джигитомъ изъ шайки Садика, слышавшимъ что-то объ Атамкулѣ, но никогда не видавшимъ его лично.

Два только лица, во всемъ лагерѣ, не сомнѣвались въ его личности: — однимъ изъ нихъ былъ, какъ уже извѣстно, Досщакъ, — молчавшій до поры до времени; другимъ — Наташа, молчавшая изъ человѣколюбія...

А между тѣмъ въ русскій лагерь прибыли еще новыя личности. По той дорогѣ, откуда пришелъ русскій отрядъ, показались четыре пѣшихъ человѣка: — одинъ изъ нихъ былъ раненъ чѣмъ-то острымъ по головѣ, трое другихъ — здоровые. Всѣ были почти голы, только кожаные шаровары прикрывали ихъ наготу; всѣ были сильно измучены продолжительною ходьбою, и повалились на землю, едва только добрели до русской цѣпи. Ихъ, конечно, взяли и привели въ лагерь.

Это оказались бухарскіе подданные, работники одного изъ тамошнихъ купцовъ, шедшіе съ караваномъ изъ «Нуръ-ата», ограбленнымъ бродячими шайками. Они разсказывали, какъ на нихъ напали человѣкъ сто конныхъ джигитовъ, отобрали верблюдовъ съ товарами, двухъ людей убили совсѣмъ, а одного ранили, вотъ этого самаго, что пришелъ съ нами, — и обобрали всю ихъ одежду, оставивъ только шаровары.

Они просили у русскихъ — прежде всего пить и ѣсть, такъ какъ, вотъ уже вторыя сутки, они не пили и не ѣли; затѣмъ, они просили, какъ милости, пріюта, т. е. позволенія идти пока съ русскими, — а тамъ они увидятъ, что имъ будетъ предстоять удобнаго къ возврату на родину.

Дѣйствительно, по слухамъ, знали уже въ лагерѣ, что какой-то караванъ изъ Бухары былъ ограбленъ тюркменами, и рѣшили, что эти люди и есть изъ того разграбленнаго каравана.

Прибывшихъ напоили, накормили и позволили оставаться. Они были очень довольны, благословляли русскихъ и молили Аллаха о ниспосланія имъ всего хорошаго.

Иранецъ-переметка прежде всѣхъ познакомился съ ними, много разспрашивалъ ихъ, самъ разсказывалъ, и въ тотъ же день они стали друзьями. Къ тому-же, между прибывшими оказалось тоже два персіянина, земляки, а это служило совершенно достаточнымъ поводомъ къ сближенію. Русскіе солдаты вообще очень дружелюбно относятся къ туземцамъ, особенно пострадавшимъ, — и въ тотъ же день стали называть ихъ «тамырами» (пріятелями).

Въ тотъ же день всѣ и забыли объ этихъ пострадавшихъ, и они совершенно безпрепятственно ходили по всему лагерю, — все видѣли, и, конечно, не могли не замѣтить также и плѣннаго батыря, съ которымъ пытались даже заговаривать.

И опять одинъ старый Досщакъ, брюзга и ворчунъ, былъ очень недоволенъ положеніемъ дѣлъ, — такъ недоволенъ, что рѣшился даже преодолѣть свой страхъ къ высоко-поставленнымъ лицамъ, надѣлъ свой новый красный халатъ, долго молился, стоя на колѣнахъ, на разостланной кошемкѣ, махнулъ рѣшительно рукою, да и пошелъ — по лагерю, направляясь прямо къ большой палаткѣ, у которой легонько покачивалось, полинялое отъ дождя и солнца, красное знамя съ семью бѣлыми звѣздами.

ГЛАВА XIII.

Доносъ.

Пришлось тутъ Досщаку лавировать, пока не увидѣлъ онъ ставки — цѣли своего хожденія... Тутъ надо обойдти длинный рядъ ружейныхъ козелъ, мимо котораго бродитъ задумчивый часовой, — тамъ тюки какіе-то сложены въ порядкѣ — тоже обходить надо... Большой крюкъ далъ онъ, огибая артилерійскій паркъ, наткнулся на лазаретные шатры — опять обходи стороною... Споткнулся Досщакъ на протянутыя палаточныя веревки, — палатка дрогнула, — его выругали... Солдаты знакомые заговаривали съ нимъ мимоходомъ, да и незнакомые то и дѣло приставали...

— Эй, тамыръ, куда?

— А, другъ! старый огрызокъ! чаю хочешь? иди сюда, красный чортъ, съ сахаромъ дамъ; садись!...

— Гляди, ребята, онъ съ медалью... вишь на халатѣ болтается. Досщанка, здраствуй, правдивая душа!

— Осторожнѣй, лѣшій, — ружья поваляешь!...

Подобные возгласы со всѣхъ сторонъ сыпались на Досщака; а онъ все шелъ да шелъ, не заговаривая ни съ кѣмъ, даже не оборачиваясь на всѣ эти восклицанія и призывы, — и наконецъ, дошелъ.

Вотъ и значокъ красный, экъ у него края отрепаны! бывалъ въ передѣлахъ; вотъ и часовой стрѣлокъ стоитъ; кострюлька мѣдная такъ и горитъ на солнцѣ, паръ отъ нея идетъ, огонекъ дымится подъ желѣзнымъ таганомъ... Денщикъ бутылку откупориваетъ и полою своего кителя горлышко обтираетъ... Казачій офицеръ, только что вышелъ должно быть, на лошадь садится; а лошадь пятится задомъ, тому и не ловко... Однако сѣлъ, чуть не наѣхалъ на Досщака, едва тотъ посторонился... Вотъ еще кто-то изъ палатки выходитъ, гремя саблею; бумаги изъ портфейля выронилъ — ихъ и подхватило вѣтромъ... казаки откуда-то выскочили, подбирать начали, — одну бумагу и Досщакъ поднялъ, подалъ, а самъ сказать что-то хотѣлъ, да побоялся должно быть и промолчалъ... «Ну да и вѣтеръ съ утра нынче — просто такъ и рветъ!» замѣтилъ кто-то... «Начальника кавалеріи пригласить ко мнѣ!» — говорилъ пріятный баритонъ въ палаткѣ... «Нарѣжь кусками — да и подавай», говоритъ кто-то за палаткою...

— Тебѣ что надо?

Досщакъ обомлѣлъ.

Усатая физіономія прямо въ лицо ему смотритъ, глазъ не спускаетъ, да скверно такъ, ну сейчасъ вотъ зубы оскалитъ, ротъ разинетъ и... цапъ! — пропалъ тогда старый Досщакъ Лауча вмѣстѣ съ своимъ краснымъ халатомъ, съ медалью, съ бараньей шапкою, что мнетъ и коверкаетъ въ закорузлыхъ рукахъ.

— Знакомая морда! думаетъ Досщакъ, — въ обозѣ видалъ; разъ даже нагайкою ударилъ, только не больно... Джандаралъ пада — арзымъ-баръ *)! произнесъ онъ рѣшительно и громко, и сѣлъ на песокъ, противъ самаго входа, принявъ обычную, почтительную позу.

Досщакъ говорилъ по русски очень дурно, однако могъ объясниться объ всемъ довольно понятно. Онъ, въ виду важности дѣла, рѣшился вести съ генераломъ разговоръ по русски, чтобъ избѣжать толмача, переводчика, которому обыкновенно туземцы не очень-то довѣряютъ.

Не успѣлъ Досщакъ произнести эти слова, какъ генералъ самъ вышелъ за чѣмъ-то изъ палатки; красный халатъ сразу бросился ему въ глаза...

— Что тебѣ? громко спросилъ генералъ.

— Когда Атамкулка вѣшать будешь? сразу повелъ дѣло Досщакъ, поднялся на ноги и большой кулдукъ (поклонъ) отвѣсилъ.

Засмѣялся генералъ, даже жилетъ бѣлый съ золотою цѣпью запрыгалъ у него на желудкѣ.

— Поймай, приведи — тогда и повѣшу, произнесъ гене-

*) Просьба есть.

Библиотека "Руниверс"

ралъ смѣясь.— Я этого чудака помню, это заклятый врагъ Атамкула — я помню, кто-то говорилъ мнѣ...

— Точно такъ, ваше п—тво! почтительно говорилъ кто-то очень маленькій, за генеральскою спиною. — Это было, ваше п — тво, на переходѣ къ Нур-еку; огни тогда разложили обогрѣть озябшихъ людей...

— Джандаралъ! заговорилъ Досщакъ, — джандаралъ, зачимъ не вѣшалъ Атамкулка? зачимъ поймалъ — не вѣшалъ?... убижалъ будетъ Атамкулка — нельзя будетъ вѣшать. Атамкулка скоро убижалъ будетъ; — одинъ день, два день — убижалъ... Нехорошіе люди въ лагерѣ есть: — одинъ человѣкъ не хорошій, четыре не хорошій — Атамкулъ возьметъ и убижалъ будетъ. Сичасъ, джандаралъ, вѣшать Атамкулка — тогда не будетъ убижалъ.

Въ этой рѣчи лауча, не смотря на комизмъ выговора и положеній, было такъ много искренности, такъ много неподдѣльнаго увлеченія и настойчивости, дышала такая увѣренность въ справедливости сказаннаго, что генералъ невольно нахмурился и задумался на минуту.

— Да ты почему же говоришь, что *это* Атамкулъ? — можетъ быть это и не онъ, произнесъ генералъ.

— Пускай Атамкулка приводилъ — Досщанка показалъ будитъ.

— Распорядитесь, сказалъ генералъ тому маленькому, что стоялъ сзади. — Садись, обратился онъ къ Досщаку.

Лауча тотчасъ же сѣлъ и словно закоченѣлъ, словно это сидѣлъ на пескѣ не живой человѣкъ, а манекенъ въ костюмѣ — генералъ опять шагнулъ въ палатку,— маленькій человѣкъ побѣжалъ куда-то въ сторону.

Народы Россіи. XXII. Бѣлоруссы Минской губерніи.

— «Аллахъ всемогущій, всезнающій, справедливый! не дай злому дѣлу смѣяться надъ добрымъ, не клади черную грязь на чистую голову мою... Аллахъ великій, ты одинъ Богъ надъ всѣмъ міромъ, и нѣтъ кромѣ тебя другаго!...» тихо бормоталъ Досщакъ, едва шевеля своими сухими, старческими губами.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Народы России.

XXII. Бѣлоруссы Минской губерніи.

Бѣлоруссы, занимающіе сѣверо-западный край Россіи, считаютъ свое происхожденіе отъ тѣхъ двухъ великихъ отраслей восточныхъ славянъ, кривичей и дреговичей, которыя только послѣ раздѣловъ Польши, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, были присоединены къ своей родинѣ, послѣ долголѣтняго политическаго отдѣленія отъ своихъ восточныхъ братьевъ и смѣшенія ихъ съ туземными жителями великаго княжества Литовскаго и царства Польскаго. Но это политическое соединеніе стало истинно-національнымъ только съ 1839 года, когда почти всѣ русскіе жители теперешнихъ бѣлорусскихъ губерній — уніаты—примкнули къ лону православной церкви. Поэтому теперь вѣроисповѣданіе есть самый вѣрный признакъ ихъ національности; бѣлоруссы православнаго исповѣданія и русины представляютъ рѣзкій контрастъ съ католиками литовцами и поляками

Вліяніе католиковъ, въ особенности іезуитовъ; водвореніе многихъ польскихъ дворянъ, которые пріобрѣли себѣ большею частью земли въ Бѣлоруссіи; множество мелкой шляхты и польской челяди; наконецъ вліяніе евреевъ, осѣвшихъ здѣсь испоконъ вѣка, — все это наложило на коренныхъ жителей бѣлорусскихъ губерній особенный отпечатокъ, отличающій ихъ отъ другихъ русскихъ. Это становится еще очевиднѣе при сравненіи ихъ съ тѣми изъ русскихъ, разсѣянныхъ въ этихъ краяхъ, предки которыхъ, преслѣдуемые за расколъ, нашли здѣсь убѣжище въ блестящій періодъ польской исторіи,—ибо ихъ потомки остались чисто русскими, какъ по наружности, такъ и по нравамъ и даже по языку.

Въ Бѣлоруссіи не встрѣтишь людей крѣпкаго тѣлосложенія, ни многочисленныхъ семействъ, ни патріархальныхъ обычаевъ крестьянъ Великороссіи. Бѣлорусскій крестьянинъ, возвратившись послѣ тяжелаго деннаго труда въ свою жалкую хижину, находитъ только кружку воды для утоленія жажды и кусокъ черстваго хлѣба, чтобы подкрѣпить свои силы. Въ праздничные и базарные дни они толпою отправляются въ ближайшій городъ или мѣстечко. Отслушавъ обѣдню и продавъ всѣ свои продукты, часто даже провизію, они собираются въ корчмы, гдѣ евреи-содержатели, хитростію и ложными обѣщаніями, ловко выжимаютъ у нихъ деньги. По отношенію къ цивилизаціи и благосостоянію, бѣлорусскій крестьянинъ стоитъ гораздо ниже крестьянъ другихъ мѣстностей. Но не смотря на свою грубость и нищету, бѣлорусскій крестьянинъ въ высшей степени добродушенъ, грабежъ и убійство ему незнакомы.

Бѣлоруссія далеко не такая безплодная страна, какъ вообще предполагаютъ; но тамъ въ высшей степени пренебрегаютъ обработкой почвы. Если бы осушить необъятныя пространства болотъ, о чемъ теперь такъ хлопочатъ,—этотъ край могъ бы быть очень богатъ, обладая множествомъ судоходныхъ рѣкъ, лѣсами и почвой, иногда очень плодородной, требующей только удобренія и прилежанія крестьянъ. Бѣлоруссію можно сравнить съ бѣдной красавицей, которая разомъ должна получить богатое наслѣдство. Но физическія преимущества страны только тогда имѣютъ значеніе, когда ихъ оживляетъ нравственная сила. Поэтому для полученія какого нибудь успѣшнаго результата—безусловно необходимо распространеніе просвѣщенія; только вызвавъ человѣка изъ сонливости можно возбудить въ немъ промышленную дѣятельность, улучшить обработку земли и возвысить его въ собственныхъ глазахъ.

Что касается нарѣчія бѣлорусскаго, то въ XIV вѣкѣ языкъ этотъ содержалъ въ себѣ значительную примѣсь польскаго. Оффиціальный языкъ господствовавшій при дворѣ великихъ князей литовскихъ, на которомъ писались законы и указы, многимъ отличался отъ употребляемаго нынѣ въ низшемъ классѣ народа, такъ что нѣкоторые его называютъ русско-литовскимъ. Нарѣчіе собственно бѣлоруссовъ отличается вообще отъ языка русиновъ большимъ сродствомъ съ великорусскимъ.

Если бѣлорусскій крестьянинъ, живя на почвѣ довольно плодородной, часто однако подвергается чувствительнымъ лишеніямъ, то это происходитъ отъ ограниченности его ума и отъ недостатка предпріимчивости. Онъ совершенно, такъ сказать, порабощенъ своей печальной глыбѣ земли, и даже боится далеко отходить отъ своей деревни. Если жатва была удачна, онъ заваливается на печь и лежитъ тамъ по цѣлымъ недѣлямъ, спитъ, пьетъ и въ глубочайшей безпечности наслаждается благами, которыя ему Богъ послалъ.

Крестьянинъ этого края малъ ростомъ и худъ; глаза у него сѣрые; волосы желтоватаго цвѣта, спутаны и нерѣдко обезображены страшною болѣзнью: колтуномъ. Домà ихъ крыты соломою, рѣдко дранью; въ нихъ нѣтъ ни печныхъ трубъ, ни половъ. Вся обстановка этихъ курныхъ избъ ограничивается столомъ и скамьями, замѣняющими кровати. Близь двери находится ручная мельница. Обыкновенной пищей крестьянина служитъ хлѣбъ и картофельная похлебка. Нерѣдко хлѣбъ и картофель составляютъ его единственную пищу. Во время неурожая, бѣлоруссъ довольствуется даже чѣмъ-то въ родѣ мучной болтушки или лебеды сваренной въ водѣ съ горстью муки. Квасъ, какъ и у великоруссовъ, въ большемъ употребленіи. Мясо появляется лишь изрѣдка и только зимою, когда бьютъ свиней, что впрочемъ случается довольно рѣдко, ибо эти животныя еще поросятами скупаются евреями-барышниками. Можно назвать уже довольно состоятельнымъ того крестьянина, который въ силахъ прокормить кабана отъ жатвы до жатвы.

Одежда мужчинъ состоитъ главнымъ образомъ изъ холщевой рубахи и свитки свѣтло-сѣраго сукна домашняго издѣлія; эта свитка подпоясывается ремнемъ. Зимою носятъ овчинный тулупъ. Голову они покрываютъ лѣтомъ шляпкомъ изъ бѣлаго войлока, цилиндрической формы на подобіе низенькой шляпы безъ полей, а зимою—мѣховой шапкой. Ноги обертываютъ себѣ онучами; обувь ихъ — лапти. Женщины носятъ такую же свитку, какъ и мужчины, или платье польскаго покроя; лѣтомъ онѣ носятъ пестрыя юпки. Голову онѣ обвертываютъ платкомъ изъ грубаго холста, концы котораго падаютъ на спину. Женщины также бѣлокуры, какъ мужчины, круглолицы и почти всѣ нѣсколько падки на водку.

Крестьянскій скотъ мелокъ и хилъ; лошади не крупнѣе обыкновенныхъ коровъ, но весьма выносливы, тѣмъ болѣе, что имъ не даютъ рости и развиваться, рано начиная употреблять на работы. Тѣлеги ихъ малы и безъ всякой оковки. Такого рода печальная жизнь, происшедшая отъ неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, отразилась и въ народной поэзіи. Въ ней слышится что-то удрученное, какая-то подавленная скорбь. Рѣдко услышишь веселую мелодію; она большею частью протяжна, заунывна и монотонна, какъ и самый инструментъ: дудка, нѣчто въ родѣ волынки. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой страны пѣсни сохранили еще слѣды язычества. Это легко объясняется тѣмъ, что идолы и языческіе храмы древнихъ славянъ находились въ областяхъ Днѣпра, Припети, Сожа и верховьевъ западной Двины. У бѣлоруссовъ сохранились нѣкоторые обычаи, игры, привычки и поговорки, указывающіе ясно на языческую древность. Во многихъ пѣсняхъ остался даже тотъ самый напѣвъ, что былъ и до христіанской эры.

Борьба за Неву.

П. ПЕТРОВА.

V. Скопинъ Шуйскій и Делагарди.

Отъ разореній русскими нескоро поправилась Финляндія и по заключеніи мира въ 1504 году; страна истощенная налогами короля Ганса не могла ожидать скорой перемѣны къ лучшему и при подтвержденіи царемъ Василіемъ, въ 1510 году, мира съ Швеціею на продолжительный шестидесятилѣтній срокъ. Всѣ хорошо понимали и тогда, что срочный миръ ничѣмъ не гарантируетъ вторженія со стороны названнаго друга, когда обстоятельства дѣлаютъ безнаказаннымъ подобное нарушеніе договора. А Швеція въ правленіе Сваите Стуре, королей Іоанна и Христіана II датскихъ была вполнѣ въ безпомощномъ состояніи, такъ какъ борьба за обладаніе территоріей лишала возможности что либо предпринимать для внѣшней защиты государства, — тѣмъ болѣе когда русскіе держали сторону датскихъ королей и видѣли въ патріотической борьбѣ шведовъ—бунтъ противъ законнаго признаннаго государя. Еще Іоаннъ III разорвалъ связи торговыя съ ганзейцами, а между тѣмъ купцы Ганзы не могли обходиться безъ русскихъ товаровъ и стали ихъ получать при посредствѣ финляндскихъ торговцевъ, наживавшихся несомнѣнно, но за то и платившихся потерею своихъ приб тковъ при всякой передрягѣ и распрѣ съ русскими, или охлажденіи ихъ къ шведскому правительству. Охлажденіе же очень естественно поддерживалось простымъ сознаніемъ, что эсты и шведы извлекаютъ большія выгоды изъ сѣверной торговли. А въ видахъ большаго процвѣтанія ея—для шведовъ было важнѣе всего обезпечить за собою обладаніе корельскими погостами, между Выборгомъ и Ладожскимъ озеромъ, да и вообще мѣстностью, прилежащею къ Невѣ, составляющей лучшій и удобнѣйшій сплавный путь изъ Руси въ Балтику. Въ этихъ стремленіяхъ нашихъ соперниковъ, естественными преградами вліянія ихъ оказывались если не племенная рознь финскихъ племенъ, подданныхъ русскихъ и шведскихъ, жившихъ на данной мѣстности, то разность исповѣданія этихъ инородцевъ, большая часть которыхъ на сѣверѣ приняла христіанство отъ восточныхъ миссіонеровъ и твердо держалась своихъ вѣрованій, не поддаваясь уловкамъ католическихъ позднѣйшихъ пришель-

Библиотека "Руниверс"

цовъ. Поддерживали эту твердость въ иновѣрцахъ православные скиты и монастыри въ озерной и лѣсистой мѣстности Ладожской и Онежской. Поэтому на монастыри чаще всего направляемы были враждебныя дѣйствія католиковъ-шведовъ, а въ возмездіе за вредъ ими наносимый расплачивались передъ русскими финскія селенія— даже далеко отстоящія въ глубинѣ страны и на сѣверѣ ея. Между тѣмъ колонизація монашества все больше и больше подавалась на сѣверъ и западъ, а за нею слѣдомъ шло сооруженіе острововъ властями московскими на берегахъ моря и озеръ, сокращая промежуточное пространство между Сѣверною Двиною, оксаномъ и великою озерною областью, неприметно входившею съ сердце Финляндіи. Застройка Колы (острога) и монастырей Соловецкаго и Валаамскаго въ XV вѣкѣ показываетъ намъ цѣль и направленіе русской народности и вѣры, стремившихся утвердиться въ земляхъ Финскаго племени, идя съ востока на западъ,—тогда какъ шведы шли обратно, увлекаемые тѣми же побужденіями, неся свои кѣрованія и думая достигнуть успѣха такими же путями, какъ и мы. Съ установленіемъ въ Швеціи прочнаго національнаго правительства въ лицѣ освободителя отечества—Густава Вазы, яснѣе сознаваться должны были прямые интересы обладателей Финляндіи—и на эту страну очень естественно могли обратиться взоры дальновидной администраціи, чтобы достигнуть предположенной цѣли надежными средствами. Король Густавъ, какъ извѣстно, давалъ большой вѣсъ совѣтамъ и мѣропріятіямъ, предлагаемымъ мѣстными правителями, а такія роли въ Финляндіи исполняли туземные аристократы — братья Флеминги и Граббе. Между тѣмъ они могли только еще больше поддерживать враждебность противъ Россіи, а никакъ уже не ослаблять ее. Такъ, напримѣръ, они сквозь пальцы смотрѣли на непріязненныя выходки пограничныхъ обитателей своихъ владѣній противъ русскихъ подданныхъ, не слушая ихъ жалобъ или не давая имъ удовлетворенія, не лови разбойниковъ въ Гадерландѣ. Неудовольствія наши противъ шведовъ росли и, наконецъ, разразились походомъ покорителя Казани къ Выборгу, въ январѣ 1555 года. Два несчастія—потопленіе на Ревонхэнтѣ и въ озерѣ Ланвезн при взломѣ льда отъ тяжести двигавшейся массы людей и обозовъ—не остановили движенія русскихъ силъ, и въ мартѣ, воевода Иванъ Бибиковъ будто бы понесъ пораженіе отъ Фогта Кивеннапы Іогана Магнусзона при деревнѣ Ютсельке. Лѣтомъ же (1555 г.) шведскій адмиралъ Якобъ Багге крейсируя въ Финскомъ заливѣ произвелъ рекогносцировку всего теченія Невы, слѣдствіемъ которой было убѣжденіе въ легкости отнятія у русскихъ Ингерманландіи даже, не только Кареліи: стоило овладѣть только Орѣховцемъ; но наше войско не только этого не допустило, а даже принудило храбраго адмирала и совсѣмъ уйти домой, послѣ двухнедѣльной стоянки на Невѣ (сент. 1555 г.). Густавъ Ваза, по первымъ вѣстямъ своего военачальника ожидавъ не то услышать, прибылъ въ Финляндію и не безъ хлопотъ и заботъ успѣлъ сосредоточить бѣжавшихъ съ Невы своихъ воиновъ, въ Або. Расположивъ войско на зимнія квартиры въ Остеръ-Ботніи, король призвалъ на защиту Финляндіи крестьянство, образовавъ изъ него ополченія и съ этими средствами приготовившись къ отпору русскихъ. Онъ не ошибся въ необходимости сбора всѣхъ мѣстныхъ силъ. Воеводы: князь Щепятевъ и Палецкой, по словамъ шведовъ съ 50,000 человѣкъ, въ срединѣ зимы 1556 г. явились передъ Выборгомъ и предали страну на далекое пространство разоренію. Передовыя шведскія силы сожгли укрѣпленія при Кивеннапѣ и отошли далѣе, предоставивъ осаждать крѣпкій Выборгъ непріятелю. Въ темную ночь, впрочемъ, сдѣлана была попытка провезти въ Выборгъ фуражъ, но русскіе не дремали — схватили всю партію, получивъ большое число плѣнныхъ обоего пола. Король упалъ духомъ и хотѣлъ совсѣмъ бросить Финляндію, населеніе которой оказывалось неспособно дать отпоръ непріятелю. Но на счастье шведовъ и на наше несчастье, Грозный не думалъ серіезно простирать непріязненныя дѣйствія, далѣе острастки грабителямъ и отместки за убійства невинныхъ промышленниковъ. Наведя ужасъ на шведовъ, русское войско не двигалось отъ Выборга, чтобы воспользоваться паникою враговъ и ихъ разсѣяніемъ на далекое пространство. Такъ что дѣла и за бѣгствомъ короля въ столицу его, при сынѣ королевскомъ принцѣ Іоаннѣ, не только не ухудшились, а скорѣе поправляться начали, и когда первый припадокъ страха прошелъ у правителей Финляндіи,—они стали думать о возможности покончить неудачную войну выгоднымъ миромъ и нарядили посольство при графѣ Лейнгувудѣ изъ двухъ епископовъ (Лаврентія Петри Упсальскаго и Абовскаго Агриколы) къ концу памятнаго пораженіями года. Весною 1557 г., послы заключили дѣйствительно на 40 лѣтъ миръ съ Іоанномъ IV,— задумавшимъ больше не откладывать ливонской войны. И эта-то война сдѣлала Грознаго больше чѣмъ уступчивымъ и снисходительнымъ къ представленіямъ державы болѣе для насъ опасной, чѣмъ колебавшаяся уже Ливонія.

Мало того, царь Іоаннъ думалъ найдти въ королѣ Эрикѣ XIV себѣ помощника въ борьбѣ съ Ливоніею, и шведскія войска дѣйствительно разбили подъ стѣнами Ревеля (1566 г.) поляковъ, по договору съ Кетлеромъ сдѣлавшихся обладателями остзейскаго края; но эта дружба кончилась съ низверженіемъ старшаго сына Густава Вазы, братомъ его Іоанномъ, успѣвшимъ даже заключить низверженнаго государя въ Абовскомъ замкѣ. Но боязнь чтобы оттуда не освободила Эрика рука Грознаго—повліяла и на перемѣну мѣста заключенія несчастнаго короля — его перевели въ Грипс-Гольмъ. Съ похитителемъ шведскаго престола Іоаннъ Грозный не хотѣлъ жить въ мирѣ, и епископъ Юстенъ напрасно ѣздилъ въ Москву съ предложеніями союза дружбы и отложенія враждебности. Шведы открыли съ своей стороны кампанію въ Эстоніи. Взятіе Вейсенштейна нами было для нихъ потерей, но Оксзонъ Тоттъ въ томъ же году выигралъ дѣло при Лоде (Лукку-Липпа) и этимъ поднялъ духъ шведовъ, на другой сторонѣ залива терпѣвшихъ постоянныя пораженія до того времени, а тутъ тоже перешедшихъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Флемингъ въ этомъ году (1573 г.) разореніемъ около Кексгольма и во всей приневской сторонѣ, отплатилъ за опустошеніе сѣвернаго берега Финскаго залива отъ Выборга до Гельсингфорса. За этимъ же обоюднымъ квитаньемъ послѣдовало двухлѣтнее перемиріе, заключенное 13 іюля 1575 г. Шведы остались владѣтелями Ревеля.

Раньше наступленія даже срока русскія силы осадили Ревель (въ январѣ 1577 г.), и пока отбивались его защитники,—отецъ и сынъ Горны,—конный наѣздъ нашъ перемахнулъ по льду черезъ заливъ (въ февралѣ) и опустошилъ весь берегъ между Борго и Инго (въ Нюландской губерніи). Клаусъ Акесонъ, правитель Финляндіи да Тоттъ и Германъ Флемингъ, комендантъ Выборга, не скоро успѣли сформировать кое-какія силы, но ничего съ ними путнаго не совершили, а пожалуй поспособствовали расширить театръ наѣздовъ воинскихъ до Ботническаго залива, — тогда какъ земскіе предводители — особенно Томасъ Тенойненъ изъ Эйрянэе—имѣли больше удачи въ партизанскихъ набѣгахъ на Новгородскіе ижорскіе погосты, сдѣлавшись грозою ихъ. Въ 1579 г. шведскій адмиралъ Гилленгладъ, войдя въ Нарову, истребилъ посадъ Ивангородской, но не взялъ, снявъ осаду города. Въ такихъ обстоятельствахъ, въ 1580 году французскій дворянинъ Понтусъ Дела-Гарди вступилъ въ шведскую службу, обласканъ былъ королемъ Іоанномъ и сдѣлался зятемъ его (женившись на незаконной дочери короля). Храброму Делагарди царственный тесть ввѣрилъ главное начальство надъ шведскими войсками въ Финляндіи и въ концѣ октября 1580 года изъ Выборга онъ уже пришелъ къ Корелламъ и взялъ этотъ городъ, нашъ единственный передовой оплотъ за Невою. Съ начала 1581 года Делагарди явился въ Эстляндіи и одинъ за другимъ побралъ у русскихъ всѣ города, ими завоеванные: 4 марта Раковоръ (Везенбергъ), 7-го Толсбургъ, Леаль (27 іюля), Лоде (22 іюля), Гапсаль (9 августа), Нарву, Ивангородъ (17 октября), Яму (28 октября) и Копорье (10 окт.). Благодаря блистательному мужеству зятя, король Іоаннъ сталъ теперь титуловаться: «Божіею милостію король Шведскій, Готскій и Вендскій, великій князь Финляндіи, король Ингерманландіи и Шелонской пятины въ Россіи, также герцогъ Эстовъ въ Ливоніи».

Между тѣмъ, въ февралѣ 1581 г. комендантъ пишлотскій Клаусъ Германъ Флемингъ черезъ озера Пелъки и Сунгсамо сдѣлалъ набѣгъ на Олонецкіе погосты, а воротясь оттуда весною, лѣтомъ разорилъ Сермаксу и еще 6 погостовъ нашихъ. Всѣ семнадцать наѣздовъ русскихъ въ карельскую сторону (въ первой половинѣ 1582 г.) шведы называютъ неудачными, не помѣшавшими осадѣ Делагардіемъ Орѣховца; между тѣмъ обложеніе этой крѣпости нашей за неприбытіемъ къ войску военачальника—началось осенью и приступъ сдѣлалъ въ крайности, при распространившейся въ войскѣ осаждающихъ повальной болѣзни отъ сырой погоды и недостатка прикрытія. Приступъ этотъ (18 октября) былъ неудаченъ, а осенью еще разъ, шведы были побиты въ селѣ Ляпицахъ (Водской пятины). Это извѣстіе порадовало грустнаго Іоанна и онъ прислалъ войску въ награду золотыя медали съ своими ближними людьми. Бой при Ляпицахъ начали сами воеводы Хворостининъ и Безднинъ, и не только одержали поверхность, но разбили совершенно Де-Лагарди, хотя шведскій историкъ не упоминаетъ о неудачѣ, приводя разсказъ о боѣ съ русскими въ Водской пятинѣ. Настолько неопредѣленные результаты борьбы за Неву были послѣднимъ дѣяніемъ при жизни Іоанна Грознаго. Заключено было тогда перемиріе, а съ окончаніемъ его при царѣ Ѳедорѣ уже, 28 декабря 1586 г., съѣхались уполномоченные наши и шведскіе, на устьѣ рѣкѣ Плюсы (близъ Нарвы) и опять заключили четырехлѣтнее перемиріе, съ тѣмъ чтобы въ этотъ срокъ заключить прочный миръ.

Обстоятельства сложились иначе. Король Іоаннъ въ письмѣ къ царю Ѳедору употребилъ выраженія не совсѣмъ почтительныя объ Іоаннѣ Грозномъ, и это привело къ раздраженію сына государя. Ѳедоръ въ началѣ 1590 года послалъ многочисленное войско въ Новгородъ и Нарву и 26 января взялъ Яму на договоръ. Губернаторъ шведскій Баннеръ отступилъ къ Везенбергу. Ѳедоръ самъ принялъ начальство надъ войскомъ и началъ осаду Нарвы (4 февраля). Февраля 19-го приступъ къ Нарвѣ былъ отбитъ, но съ потерею половины гарнизона, и затѣмъ начато безпощадное обстрѣливанье крѣпости. Шведы изнемогли и черезъ шесть дней сдали городъ, за выпускъ свой договорившись отдать Иваньгородъ, Яму и Копорье. По заключеніи перемирія царь уѣхалъ въ Москву. Но отъѣздѣ же его шведскіе уполномоченные начали споры о граничной чертѣ и никакъ не могли придти къ соглашенію. Тѣмъ временемъ, главный начальникъ шведскихъ войскъ въ Эстляндіи, нарушивъ договоръ, осадилъ Иванъ-городъ, но, съ приближеніемъ многочисленнаго русскаго войска изъ Новагорода, постыдно бѣжалъ. Въ этихъ перекорахъ и враждебно-

Библиотека "Руниверс"

стяхъ прошелъ весь 1590 годъ, въ концѣ котораго, по заключенному съ Сигизмундомъ польскимъ договору, русскіе не должны были безъ поляковъ идти на шведовъ въ Эстляндію и шведы обязались на нихъ не нападать. Между тѣмъ, покуда повезли въ Москву еще это условіе, одинъ изъ шведскихъ военачальниковъ, Гринъ, вздумалъ внезапно напасть на Новгородъ, но за шесть миль отъ него передумалъ свой отчаянный набѣгъ и на возвратномъ пути чуть не погибъ совсѣмъ, изморивъ войско отъ голода, стужи и заразы. Миръ не состоялся, а первенствіе непріятелемъ нашимъ, подобными же затѣями какъ Гринова нашествіе, безпрестанно нарушалось. Одна партія шведовъ изъ Каяны прошла по берегу Бѣлаго моря, неся опустошеніе, и приступая къ Соловецкому монастырю, заняла Сумевой острогъ. Посланы были туда воеводы князья Андрей и Григорій Волконскіе. Первый изъ нихъ занялъ Соловецкую обитель, а второй выбилъ шведовъ изъ Сумскаго острога, захвативъ у нихъ орудія. Прогнанные здѣсь, шведы бросились къ Печенгскому монастырю, разграбили и сожгли его. Слѣдомъ за грабителями пустился князь Григорій Волконскій — и не доходя до границы шведской, вступилъ въ княнскую землю, заплативъ разореніемъ за разореніе поморья (1592 г.). Набѣгъ на Бѣломорскіе берега заставилъ царя Ѳедора послать еще разъ большое войско на шведовъ и въ Ижорскую землю. Начальство надъ нашими войсками принялъ князь Мстиславскій и повелъ онъ ихъ къ Выборгу, черезъ Орѣшекъ. Съ 6 января началась осада крѣпкаго замка, 30-го отбита вылазка изъ него, по дальнѣйшихъ подвиговъ воевода не думалъ оказывать и отступилъ въ Лавритской погостъ, откуда, разсылая отряды для разоренія мѣстности, пришелъ въ Орѣшекъ (15 марта). Причиною этого неожиданнаго отступленія была распря воеводъ князя Ѳ. М. Трубецкого и Годуновыхъ, прогнѣвавшихъ этимъ государя. Если мы, впрочемъ, не могли хвалиться большею удачею въ дѣлахъ со шведами, то и они,—все потерявъ, что завоевано было храбрымъ Дела Гарди,—еще менѣе могли ожидать для себя выгоды отъ продолженія войны; поэтому, въ январѣ 1595 года послѣдовалъ новый съѣздъ уполномоченныхъ отъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и, «по многихъ спорахъ» шведы уступили намъ Карелу—вѣчное яблоко раздора—и подписали миръ (17 января 1595 г.). Съ нашей стороны были: окольничій князь П. С. Туренинъ и дворянинъ Е. М. Пушкинъ съ дьяками Клобуковымъ и Дмитріевымъ. Съ шведской же стороны заключали миръ Ст. Баперъ, Эранъ Бойе, Арвидъ Столармъ, да секретари Рашъ и Крэнкъ. Съѣздъ былъ въ Тявзинскомъ погостѣ на р. Паровѣ, ниже Ивангорода. Въ условіяхъ обоюднаго мира мы обязались не требовать Нарвы и Эстляндіи; шведы—Карелы, ими теперь намъ уступаемой. Дань же брать королю съ корелъ, жившихъ «между Восточною Ботніею» и Варангеръ Фіордомъ въ Лапоніи, а русскому царю—«съ Лопарей, принадлежащихъ областямъ Двинской, Корельской и къ городу Колѣ». Словомъ сказать, Швеція отступалась отъ всѣхъ Корелъ приладожскихъ и ограничила свои требованія съ запада рѣкою Паровою. Такъ кончилась вѣ коваяборьба за Приладожскіе погосты въ нашу пользу—и всѣ готовы были видѣть въ тявзинскомъ договорѣ полную гарантію продолжительности дружелюбія между двумя сѣверными сосѣдями, когда не представлялось уже повода къ распри.

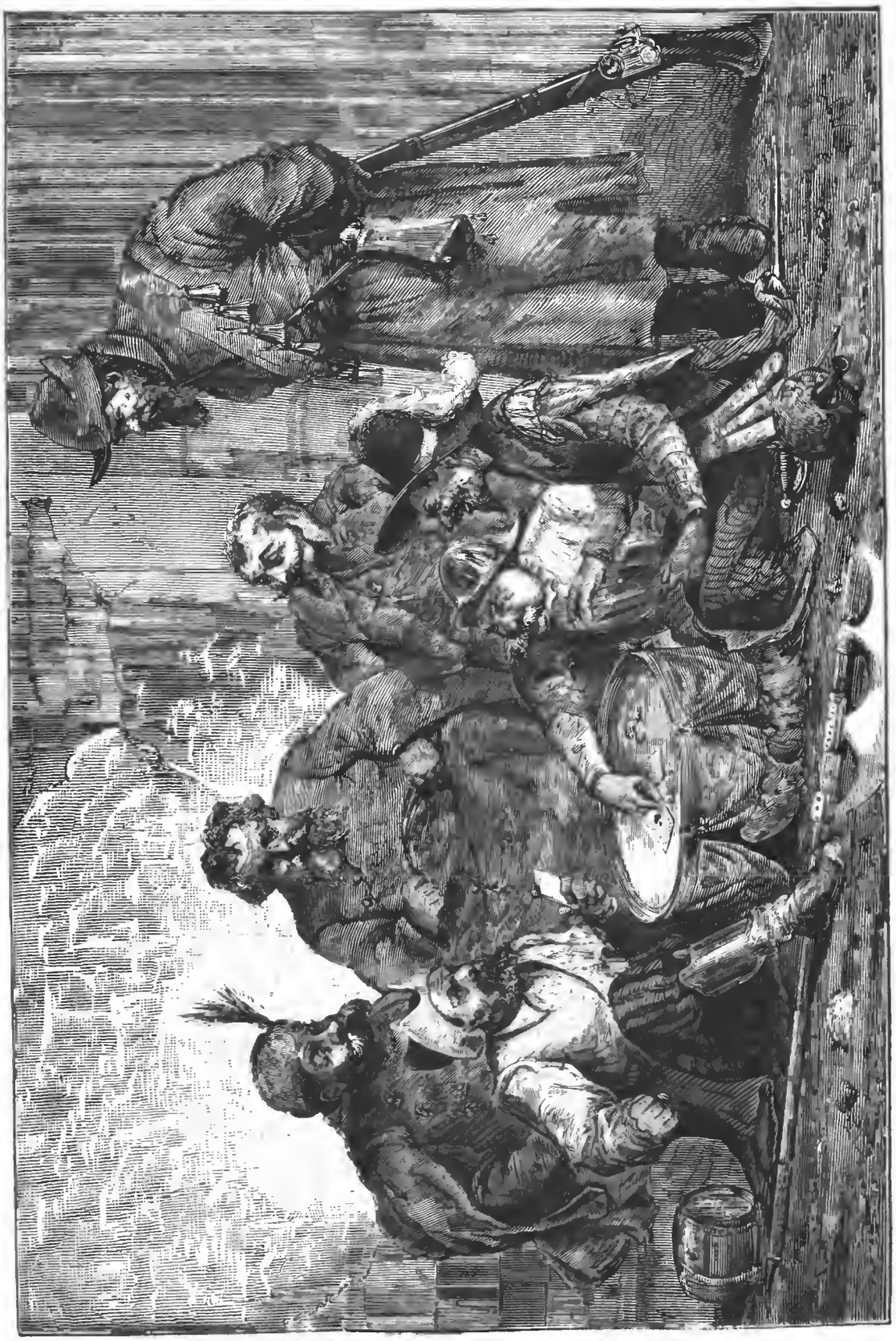
Судьбы провидѣнія судили иначе. Нужно было смутою перваго самозванца и истребленіемъ рода царя Бориса—только начаться бѣдамъ Россіи, а закончиться имъ послѣ тяжкихъ жертвъ междуцарствія и народнаго возстанія на защиту отечества — общимъ порывомъ отраднаго чувства любви къ родинѣ. До этого вожделеннаго событія — «умиренія земли русской», пришлось увидѣть патріотамъ отторженіе большей части Новгородской области за широко-высчитываемый гонораріи шведамъ, давшимъ только пять тысячь вспомогательнаго войска царю Василію Шуйскому, въ 1609 году. А эта горсть чужестранцевъ надѣлавшихъ пожалуй больше вреда чѣмъ пользы и потомъ перешедшихъ къ врагамъ нашимъ—понадобилась царю, выбранному Москвою, для разогнанія всякой сволочи, грабившей и безчинствовавшей подъ знаменемъ самозванца — Тушинскаго царика, осадившаго столицу. Тогда и король польскій вторгнулся въ наши предѣлы съ запада, тоже заявляя требованіе уступки Смоленска за кровь поляковъ, перебитыхъ при истребленіи перваго самозванца, который явился къ намъ при поддержкѣ скопищъ поляковъ, тогда какъ съ Польшею считался у насъ вѣчный миръ. Вотъ откуда бѣды разразились подъ несчастною Русью и привели за собою тяжелую расплату частью территоріи нашей.

Мы впрочемъ не должны, описывая «борьбу за Неву», касаться чего-либо другаго, что не тѣсно связано съ вопросомъ объ Ижорской землѣ, а потому переходимъ прямо къ просьбѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго.

Когда, какъ мы уже сказали, Тушинскій царикъ настолько усилилъ шайки своихъ приверженцевъ, что сталъ держать въ осадѣ Москву, а поляки и Мнишекъ съ дочерью, отправленные съ королевскими послами, оказались перешедшими на сторону самозванца,—царь Василій послалъ своего племянника, князя Михаила Васильевича Скопина въ Новгородъ собирать войско и нарядить посольство въ Швецію для найма тамъ и въ Германіи—ратниковъ. Это было въ 1609 году осенью. Скопинъ послалъ въ Швецію своего шурина Семена Васильевича Головина съ дьякомъ Васильевымъ. Въ началѣ января 1609 г. (3 янв.) король Карлъ IX уже писалъ грамоту въ Новгородъ, гдѣ говорится, что назначается главнымъ начальникомъ вспомогательнаго войска въ Россію графъ Іохимъ Фридрихъ Мансфельдтъ. Февраля 28, 1609 г., въ Выборгѣ посланные Скопина подписали договоръ о томъ, что король даетъ 2,000 чел. конницы и 3,000 чел. пѣхоты царю— и царь платитъ этому войску по 100,000 эфимковъ въ мѣсяцъ до вступленія въ Москву; въ столицѣ же плата удвоивается. Говорилось въ договорѣ, что присылка помощи дѣлается королемъ «по дружбѣ и въ надеждѣ, что царь въ случаѣ надобности окажетъ такую же помощь войскамъ Швеціи; а спустя нѣсколько времени, шведы заявили, что и русскіе должны, черезъ 11 недѣль послѣ движенія шведскихъ войскъ съ рубежа на службу царскую,—«отдать Швеціи вѣчно» Корелу—за ту же благодать и благовременную помощь. Крайность положенія заставила Скопина согласиться признать эту явную недобросовѣстность названныхъ друзей. Вѣроятно онъ думалъ, если поправятся обстоятельства—все поправить какъ слѣдуетъ; но уступленнаго волею или неволею воротить ему не пришлось и поправить можетъ быть невольный промахъ (кажется, дѣло шло сперва о томъ, чтобы Корелу отдать въ обезпеченіе уплаты не больше, а не вѣчно) — тоже. Или можетъ быть за уступку-то Корелъ, вмѣсто 5,000 человѣкъ, король и далъ 12,000 (8,000 чел. конницы и 4,000 чел. пѣхоты), съ которыми Скопинъ и выступилъ изъ Выборга 3 марта 1609 года, къ Новугороду. Но, не доходя до Орѣшка еще, Скопинъ узналъ о предательствѣ воеводы Иванъ-городскаго, принявшаго какъ и псковитяне сторону самозванца, и о сомнительной вѣрности самого Новагорода законному царю. Воевода же Орѣшковскій Михайло Глѣбовичь Салтыковъ-Рубецъ, сторонникъ Сигизмунда, лично Скопину оказывалъ явную непріязнь, не впуская царскаго уполномоченнаго даже въ крѣпость свою. Благодаря митрополиту Исидору, неблагопріятные дѣлу русскому навѣты враговъ порядка и сѣятелей смутъ, не подѣйствовали и Новгородъ принялъ Скопина съ почетомъ, даже далъ дружину для приведенія Пскова къ покорности; дружина эта нанесла пораженіе возмутившимся Псковитянамъ, но не обратила ихъ. Они заперлись въ городѣ и приготовились къ осадѣ. Скопину нѣкогда было ею заниматься, а нужно было спѣшить къ Москвѣ. Между тѣмъ сторонникъ Самозванца, ляхъ Кернозицкій успѣлъ подойдти къ Новугороду съ 4,000 челов. войска и остановиться на Хутыни. Эта вздорная попытка его между тѣмъ ни къ чему не привела и заставила бѣжать самого, съ приближеніемъ войска Скопина. Апрѣля 5 вступили въ Новгородъ и шведскія вспомогательныя войска, предводимые сыномъ героя (нашедшаго смерть при переправѣ черезъ Паровъ въ 1585 г.) Понтуса Дела Гарди—Яковомъ. Часть шведовъ немедленно послана занять Старую Русу—чтобы запереть литовцамъ доступъ къ Новугороду и во флангъ главной арміи. Это порученіе дано храброму Эверту Горну; а онъ, найдя въ Русѣ литовцевъ, не только выбилъ ихъ оттуда, но преслѣдуя очистилъ еще и Торопецъ, привсдя жителей къ присягѣ Василію. Изъ Торопца же двинувшись на соединеніе со Скопинымъ, Горнъ нашелъ Кернозицкаго у Тропцы на Холковицѣ и побилъ литовцевъ тамъ на голову, взявъ приступомъ и монастырь, гдѣ они думали укрыться.

Другая партія, посланная Скопинымъ, очистила Торжокъ; новыя же силы Литвы подъ начальствомъ Зборовскаго опять пришли туда отъ Твери—и тогда Скопинъ и Горнъ разбили ихъ здѣсь на голову. Вслѣдъ за тѣмъ подошелъ и Скопинъ къ Торжку. Тушинцы между тѣмъ 25 іюля вздумали напасть на Москву, но вмѣсто ожидаемаго торжества нашли пораженіе. Затѣмъ, 13 іюля Скопинъ взялъ Тверь, но не хотѣлъ вдосталь добить литовцевъ. Изъ-за его отказа въ этомъ произошелъ разладъ съ Делагарди, который затѣмъ поворотилъ назадъ къ Новугороду. Уже въ Крестцахъ посланные Скопинымъ могли уговорить храбреца воротиться и идти къ Москвѣ. Скопинъ 29 іюля пришелъ къ Калязину монастырю; а Делагарди, занявъ острогъ въ Твери, оставленный поляками, не хотѣлъ итти далѣе, жалуясь на недоплату денегъ по условію, и за тѣмъ, отправивъ къ царю съ грамотою двоихъ изъ своихъ, ушелъ снова въ Торжекъ (2 авг.). Между тѣмъ Скопинъ заключилъ съ шведскимъ полковникомъ Земе — при немъ остававшимся съ честью войска — договоръ (21 августа 1609 г.) о сдачѣ Карелъ, не медленно по явкѣ въ Москву Делагардія. Самъ царь его убѣждалъ двинуться, увѣряя что въ Москвѣ будетъ полная расплата, а Скопинъ послалъ 11,000 рублей соболями и деньгами. Между тѣмъ въ Псковѣ вспыхнулъ мятежъ въ пользу Самозванца, а литовскіе вожди его: Зборовскій, Сапѣга, Лисовскій и Заруцкой—подошли къ Скопину стоявшему въ Калязинѣ монастырѣ—и заставили его дать сраженіе на правомъ берегу Жабны, гдѣ онъ разбилъ ихъ на голову и гналъ до Рябова монастыря. Слѣдствіемъ этой побѣды было новое пораженіе литовцевъ Лаврскими защитниками, ободрившимися при радостной вѣсти. Наконецъ 16 сентября, Дела Гарди пришелъ въ Калязинъ, увидя что и безъ него справились. Шведы здѣсь были удовлетворены жалованьемъ и со Скопинымъ пришли въ Переяславль, а самъ Скопинъ въ Александровскую слободу, послалъ оттуда 900 ратниковъ на помощь Лаврѣ (19 окт.), а самъ выдержалъ бой въ слободѣ съ литовцами—и сперва разбитый, потомъ самъ имъ нанесъ пораженіе—опять безъ пособія Дела-Гарди. Дѣла Москвы, оцѣпленной скопищами тушинцевъ, поправились только съ бѣгствомъ царика въ Калуги. Черезъ недѣлю послѣ того Валуевъ, посланный Скопинымъ, напалъ на таборы осаждавшихъ Лавру Троицкую и заставилъ Сонѣгу съ Лисовскимъ послѣ упорнаго боя

Библиотека "Руниверс"



Борьба за Неву. V. Шведы Делагарди и ратники Шуйскаго. Лагерь подъ Коломенскимъ.

Рис. А. Густавсонъ. Грав. Заблоцкій.

Библиотека "Руниверс"

бѣжать оттуда (12 янв. 1610 г.). Сапѣга ушелъ въ Волоколамскъ, а Дмитровъ очищенъ княземъ Куракинымъ, поразившимъ здѣсь литовцевъ (7 февр. 1610 г.), а марта 12 вступилъ Скопинъ въ Москву. Освободитель лавры—Валуевъ между тѣмъ настигъ литовцевъ, очистившихъ уже Волоцкой монастырь, разбилъ ихъ и освободилъ плѣненнаго митрополита Филарета, тогда какъ Шведы взяли только Старицу и Ржевъ и осадили Бѣлый, при которомъ между наемщиками въ вспомогательномъ корпусѣ стали чаще оказываться перебѣжчики къ полякамъ. Скопинъ уже скоро долженъ былъ оставить столицу, чтобы ѣхать подъ Смоленскъ, осаждаемый Сигизмундомъ, — но вдругъ, внезапно умеръ 22 апр., какъ думали многіе современники, отъ яда, даннаго въ винѣ женою дяди—князя Дмитрія Шуйскаго.

Подозрѣваемаго въ гибели героя Михаила Скопина, этого самаго Дмитрія Шуйскаго, царь Василій сдѣлалъ военачальникомъ, отправивъ его со шведскими войсками. Придя къ Клушину — гдѣ Валуевымъ построенъ острогъ и послѣдовало соединеніе со шведами подъ начальствомъ Горна,—кн. Дмитрій Шуйскій осажденъ требованіями наемниковъ: денегъ! Неопытный вождь рѣзко отказалъ просителямъ и возбудилъ противъ себя общее раздраженіе праздныхъ искателей приключеній, удерживаемыхъ только корыстью въ станѣ, гдѣ все имъ было чуждо. О дисциплинѣ нечего и спрашивать; о совѣсти — меньше того. Бродяги пьянствовали, проигрывались, нуждались всячески—въ грошъ не ставили дѣлаемыя имъ обѣщанія безъ звонкихъ доказательствъ. Отказъ въ деньгахъ такимъ людямъ могъ прежде всего, какъ и случилось,—привести ихъ въ измѣнѣ. Горнъ не устыдился войти въ сношеніе съ гетманомъ Жолкѣвскимъ и предложить ему идти прямо на русскихъ, потому что они шведы не хотятъ имъ помогать и не будутъ биться. Жолкѣвскій не заставилъ себя просить: соединился со Зборовскимъ и прочими тушинцами и подступилъ къ Цареву Займищу, и на разсвѣтѣ 24 іюня напалъ при Клушинѣ на Шуйскаго. Наемники предатели выдали—и русскіе разбиты наголову. Мало того, мнимые друзья шведы тоже помогали литовцамъ бить русскихъ и грабить казну.

Какъ ихъ судить?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

IV.

Въ семи верстахъ отъ города Новогрудкова, по большой дорогѣ на Москву, лежитъ помѣщичье имѣніе Екатериновка, со тремя тысячами жителей малороссіянъ, замѣчательное по своему красивому мѣстоположенію и наружному виду. Особенно хороша Екатериновка въ лѣтнее время, когда распускаются деревья, и въ зелени скромно и кокетливо выглядываютъ маленькіе, бѣленые, крестьянскіе домики. По срединѣ Екатериновки лежитъ обширный паркъ, окруженный каменной оградой и примыкающій къ быстрой и свѣтлой рѣкѣ Грунтовкѣ, омывающей Екатериновку. Господскій домъ находился въ оградѣ, въ началѣ парка. Это было огромное зданіе, съ претензіями на готическій вкусъ, но, въ своемъ родѣ, очень красивое и, по своей огромности, сравнительно съ другими зданіями въ Екатериновкѣ, даже величественное; бѣлый цвѣтъ его, рельефно обозначавшійся среди окружавшей его зелени, придавалъ ему много красоты. Отъ воротъ въ оградѣ, со львами и прочими атрибутами, до параднаго подѣзда въ домѣ, шла густая, тополевая алея, усыпанная желтымъ пескомъ. Владѣлецъ этого имѣнія, Захаръ Матвѣевичъ Дребезгинъ, жилъ постоянно въ Петербургѣ,—и поэтому господскій домъ, послѣ смерти его родителей, былъ нѣсколько лѣтъ необитаемъ и находился въ крайнемъ запустѣніи; но женившись и проведя лѣто, въ первый годъ супружества, съ молодою женою за границею, Дребезгинъ на второй годъ избралъ для своей лѣтней резиденціи Екатериновку, отдавъ ей предпочтеніе предъ другими своими владѣніями, за обширность дома и красивое мѣстоположеніе. Въ эти полтора года замужества, Алевтина Михайловна крайне перемѣнилась, какъ по наружности, такъ и по характеру. Она все еще была прелестна; но нѣжный карминный румянецъ ея пухленькихъ щочекъ исчезъ, щочки втянуло и рѣзко обозначились линіи, синіе глаза утратили свой блескъ, а голосъ — звучность, только бюстъ ея сдѣлался еще роскошнѣе и заманчиво обрисовывался при тонкой таліи. Алевтина Михайловна была глубоко несчастлива въ этомъ бракѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, и самы Мономаховы сознавали, что сдѣлали большую ошибку, отдавъ ее за Дребезгина. Онъ вовсе даже не былъ настолько богатъ, какъ они предполагали. Дребезгинъ дѣйствительно имѣлъ нѣсколько имѣній въ разныхъ губерніяхъ, но незначительныхъ, и изъ нихъ самымъ большимъ была Екатериновка; всѣ они принадлежали ему лишь номинально. Мономаховы не знали, что, служа въ гусарахъ и разъѣзжая по теплымъ водамъ въ Германіи, Дребезгинъ тратилъ суммы не по средствамъ и имѣлъ несчастную страсть къ игрѣ; деньги доставлялись ему на этотъ предметъ управляющими за страшные проценты,—вскорѣ долги стали превышать стоимость имѣній; кромѣ того, они были совершенно разорены въ хозяйствѣ и, при дурномъ управленіи, приносили весьма мало дохода. Однако, въ надеждѣ составить выгодную партію, Дребезгинъ употреблялъ всевозможныя мѣры удержать ихъ, для видимости своего состоянія, за собою. Приданое Алевтины въ шестьдесять тысячъ рублей наличными денегами онъ считалъ очень незначительнымъ и пренебрегъ-бы имъ, если бы дѣла его въ то время не дошли до ликвидаціи, или если бы онъ имѣлъ въ виду другую невѣсту; къ тому-же, онъ разсчитывалъ, при неопытности Алевтины, на продажу двухъ каменныхъ ея домовъ, приносившихъ, въ общей сложности, въ годъ до сорока тысячъ. По полученіи послѣ свадьбы наличныхъ денегъ, Дребезгинъ тотчасъ же употребилъ ихъ на уплату части своихъ долговъ. Что же касается до продажи домовъ, то онъ крайне ошибся въ расчетѣ: онъ предполагалъ, что, женившись на Алевтинѣ, онъ вмѣстѣ съ этимъ дѣлался, съ ея согласія и по закону, опекуномъ или попечителемъ надъ нею, какъ надъ несовершеннолѣтнею, которая не могла располагать своимъ состояніемъ до 21 года; такимъ образомъ, онъ устранилъ бы Мономаховыхъ и, убѣдивъ или упросивъ Алевтину, могъ бы располагать ея собственностью по произволу. Но имѣніе барона Цадебеля было не родовое, а благопріобрѣтенное, а потому распоряженіе оставшимся послѣ смерти его имуществомъ совершенно зависѣло отъ воли завѣщателя,—въ духовномъ же завѣщаніи барона Цадебеля, относительно домовъ, было сказано, что они должны находиться подъ управленіемъ Мономаховыхъ, даже и по выходѣ Алевтины замужъ, до достиженія ею полныхъ двадцати пяти лѣтъ, послѣ которыхъ она могла всецѣло располагать ихъ продажею и прочее. Мономаховы же, при первомъ предложеніи Дребезгина о продажѣ домовъ Алевтины, отвѣчали полнымъ отказомъ, зная уже въ то время о его разстроенныхъ дѣлахъ. Этотъ отказъ поселилъ у Дребезгина страшное озлобленіе – какъ на Мономаховыхъ, такъ и на ни въ чемъ неповинную свою жену.

Встрѣчаясь съ Дребезгинымъ въ обществѣ, его легко можно было счесть за образованнаго человѣка. Въ кабинетѣ его всегда обрѣталось два-три періодическихъ изданія за послѣднее время, изъ которыхъ немногіе листочки были разрѣзаны и разорваны, и нѣсколько лучшихъ газетъ; но на самомъ дѣлѣ Дребезгинъ читалъ лишь со вниманіемъ одинъ «Русскій Инвалидъ»,—въ прочихъ газетахъ только просматривались новости дня, да нѣкоторыя объявленія—и въ томъ числѣ извѣщенія о погребеніяхъ. Что же касается до журналовъ, то они брались въ руки на сонъ грядущій—и сначала осматривалось въ нихъ заглавіе, потомъ выбиралась статейка въ смѣси или беллестристикѣ—и прочитывалась страничка, или много двѣ, послѣ чего книга упадала изъ рукъ и онъ засыпалъ. Иногда эта страничка такъ и забывалась, а иногда приходила на память, и онъ говорилъ о ней въ обществѣ. Да и читать-то Дребезгину рѣшительно не было времени. Дребезгинъ обыкновенно вставалъ въ одиннадцатомъ часу,

Библиотека "Руниверс"

пилъ чай, умывался, одѣвался и уѣзжалъ изъ дому на цѣлый день до ночи, то по службѣ, то съ визитами, то въ театръ и проч.; при такой жизни, квартира ему нужна была только собственно для ночлега, а обѣдъ приготовлялся поваромъ на случай,—но Дребезгинъ обѣдалъ постоянно у Бореля, Дюссо, Палкина или у Доминика и изрѣдка у кого изъ знакомыхъ. Пробыть дома цѣлый день онъ считалъ арестомъ. Отвыкнутъ отъ этаго образа жизни, продолжавшагося десятки лѣтъ, Дребезгинъ не имѣлъ силъ. Алевтина, вскорости послѣ своего замужества, не видала своего мужа по нѣсколько дней. Это былъ старый заматерѣлый холостякъ, и присутствіе въ его домѣ женщины крайне тяготило его. Онъ былъ всегда къ женщинамъ до nec plus ultra вѣжливъ, внимателенъ, подчасъ пускался въ разговоры; но задушевный взглядъ его на нихъ состоялъ въ томъ, что это какія-то странныя существа, которымъ мужчины обязаны улыбаться, говорить съ ними преимущественно о пустякахъ,—а если о чемъ съ ними разсуждается серіозно, то это дѣлается такъ себѣ, для чего-то, чтобы и себя показать и доставить имъ удовольствіе, что, молъ, вотъ какъ я тебя считаю, даже о дѣлѣ говорю... Между тѣмъ, Дребезгинъ былъ большой поклонникъ женской красоты и проживалъ на извѣстныхъ женщинъ огромные куши; взглядъ его на красоту былъ оригинальный: такая молоденькая и очаровательная дѣвушка, какъ Алевтина, могла понравиться ему лишь на мгновеніе, и онъ скучалъ въ ея обществѣ. Вышедши за Дребезгина за мужъ, Алевтина не нашла въ немъ ни одного звѣна, которое могли бы привязать ее къ нему.

Однажды, вскорѣ послѣ выхода въ замужество, когда Дребезгины еще жили въ Петербургѣ, Алевтина сидѣла въ обширной квартирѣ одна.

— Г. Пивоваровъ, доложилъ ей человѣкъ,—привезъ вамъ ноты отъ ея превосходительства и желаютъ васъ видѣть лично.

— Проси, сказала Алевтина, слегка пожавъ плечами отъ недоумѣнія при желаніи Пивоварова, не пользовавшагося ея благосклонностью, видѣть ее. Пивоваровъ явился. Передавая ноты Алевтинѣ, онъ оставилъ еще въ своихъ рукахъ какой-то свертокъ, похожій на большую тетрадь, скрученную въ трубочку. Алевтина замѣтила, что Пивоваровъ находился въ большомъ смущеніи.

— Это у васъ тоже ноты? спросила Алевтина, въ надеждѣ избавить его отъ замѣшательства.

— Нѣтъ-съ... Перебирая вчера свой письменный столъ, находящійся въ большомъ безпорядкѣ, я въ одномъ изъ ящиковъ его нашелъ вотъ эту тетрадь, вѣроятно позабытую бывшимъ моимъ предмѣстникомъ, г. Заварницкимъ... Это нѣчто въ родѣ его дневника и записки нѣкоторыхъ мыслей о воспитаніи... Мнѣ неизвѣстенъ адресъ г. Заварницкаго; говорятъ, его давно уже нѣтъ въ Петербургѣ, онъ уѣхалъ въ провинцію.

— Мнѣ тоже это неизвѣстно... Я не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній. Ближе вамъ было-бы спросить у дяди или тети; можетъ быть, они знаютъ, замѣтила покраснѣвъ Алевтина.

— Но, отвѣчалъ Пивоваровъ;—я бы не желалъ передать имъ...

— Въ такомъ случаѣ, самое лучшее сжечь эту тетрадь, проговорила Алевтина, поблѣднѣвъ и презрительно смотря на него. Если бы она сама нашла эту тетрадь—она берегла бы ее какъ дорогую вещь и хранила бы у себя; но предложеніе Пивоварова, повидимому желавшаго отдать ее, казалось ей наглостью, и она боялась какой нибудь ловушки. Положеніе Пивоварова было также затруднительно: нашедши тетрадь и пробѣжавъ нѣкоторыя мѣста, Пивоваровъ догадался о происходившемъ въ домѣ Мономаховыхъ, до его пріѣзда, между Алевтиною и Заварницкимъ,—и по вѣтренности своей, не подумавъ, какъ примется его предложеніе, захотѣлъ подслужиться, на всякій случай, подарить ей эту тетрадь.

— Алевтина Михайловна, отвѣчалъ Дребезгиной, краснѣя и утирая выступавшій потъ, Пивоваровъ:—я знаю, что поступилъ чрезвычайно глупо, осмѣлившись принести къ вамъ эту тетрадь, но клянусь вамъ, я не имѣлъ другой мысли, какъ доставить вамъ минутное развлеченіе. Тетенька ва шамнѣ говорила, что Заварницкій былъ человѣкъ развитой и умный, съ которымъ вы любили бесѣдовать; потомъ какая-то неисправность его заставила ея превосходительство, въ пылу гнѣва, отказать ему отъ мѣста. Поэтому я предположилъ, что вамъ не безъинтересно прочесть будетъ нѣкоторые искренные взгляды, изложенные для самого себя, человѣкомъ, съ которымъ вы когда-то бесѣдовали. Клянусь, я говорю истинную правду... Не наказывайте же меня незаслуженнымъ подозрѣніемъ... Самъ я прочелъ въ рукописи только первый листочекъ...

Алевтина Михайловна слушала его со вниманіемъ и находила искренность въ тонѣ его словъ; тѣмъ не менѣе она приготовила ему рѣзкій отвѣтъ и отказъ отъ тетради, но сама не зная какъ сказала совсѣмъ другое.

— Пожалуй, проговорила она громко Пивоварову,—оставьте тетрадь у меня.

Пивоваровъ сейчасъ-же и откланялся. Рукопись Заварницкаго носила общее заглавіе: «Notes», въ ней были длинныя разсужденія о воспитаніи, рецензіи на новѣйшія книги и на поляхъ короткія замѣтки, что взять въ библіотекѣ. Тетрадь съ перваго взгляда представляла хаосъ, но Алевтина, перечитывая ее, какъ-бы переживала прошлое и видѣла Заварницкаго предъ глазами. Здѣсь было все то, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ нею, даже значились книги, которыя онъ совѣтовалъ и давалъ ей читать. Но со второй половины тетради—мысли и взгляды ей стали попадаться новые, незнакомые. Алевтина поняла, что тетрадь эта была обдуманный планъ полнаго ея перевоспитанія — и не могла не улыбнуться. Въ каждой замѣткѣ она видѣла заботливость о ней любимаго человѣка, желаніе сдѣлать ее счастливою,—хоть и по своему, но все же счастливою. Она увидѣла, что Заварницкому, по краткости времени, удалось только начать свое дѣло, а потому ранѣе исполненія своего плана этотъ благородный человѣкъ не смѣлъ ей сдѣлать никакихъ предложеній; но что онъ любилъ ее — это ей подсказалъ женскій инстинктъ—въ сценѣ при прощаніи, въ его раздраженіи и горькихъ упрекахъ при извѣстіи о женихѣ, наконецъ, въ тѣхъ моментахъ, когда молодой человѣкъ едва сдерживалъ порывъ своихъ чувствъ. Алевтина упрекала его лишь въ томъ, зачѣмъ онъ такъ медленно велъ свое дѣло, упрекала себя въ нерѣшительности и сѣтовала на несчастіе, что ей ранѣе, до свадьбы, не попалась въ руки эта рукопись.

— О! я бы тогда имѣла силы, восклицала Алевтина, —къ отказу, и не посмотрѣла-бы на всѣ просьбы и убѣжденія Мономаховыхъ!..

(Продолженіе въ слѣд. №).

Разныя извѣстія.

Народное просвѣщеніе.

— Государь Императоръ, 27-го іюля сего года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе въ Кіевской Духовной Академіи стипендій подъ наименованіемъ «Варваринской» на проценты съ пожертвованнаго вдовою штабсъ-капитана Варварою Львовою капитала въ 4,000 рублей.

— Въ «Одес. Вѣстн.» пишутъ, что приливъ учащихся въ одесскія учебныя заведенія въ настоящемъ году такъ великъ, что ни въ реальномъ училищѣ, ни въ правительственныхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ первомъ классѣ нѣтъ ни одной вакансіи. Прочіе классы, особенно низшіе, также переполнены.

— Въ Витебскѣ, въ февралѣ сего года, мѣстнымъ благотворительнымъ Обществомъ открыта первая въ городѣ библіотека для чтенія.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 1 сентября учительская семинарія въ Псковѣ; 3 сентября двухклассныя училища въ селѣ Удосоло Ямбургскаго уѣзда и Путиловское въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ; 12 сент. въ Пензѣ учительская семинарія; 20 сент. въ Старой Ладогѣ одноклассное училище; въ Новгородской губерніи открыты въ теченіе сентября двухклассныя училища Вѣдомства

Библиотека "Руниверс"

Министерства Народнаго Просвѣщенія: *Расторопповское* въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Коростынсков* въ Старорусскомъ и *Молвотицкое* въ Демьянскомъ.

— Въ Харьковѣ, въ зданіи 3-й гимназіи, начались народныя воскресныя чтенія о предметахъ христіанской вѣры и нравственности.

Военное и морское дѣло.

— Изъ Закаспійскаго военнаго отдѣла сообщаютъ въ газету «Кавказъ», что всѣ туркмены-іомуды, находившіеся въ рабствѣ у персіянъ, нынѣ освобождены отъ плѣна.

— 18-го сентября произведена была въ Кронштадтѣ, какъ сообщаетъ «Кронштадтскій Вѣстникъ», первая проба машины двухбашеннаго броненоснаго корабля «Петръ Великій». Машина эта, въ 2,400 нарицательныхъ силъ, самая сильная изъ машинъ всего міра, когда либо поставленныхъ на броненосцахъ. Съ самаго начала дѣйствіе машины было безукоризненно. Она работала въ продолженіе 8 часовъ и ни разу не приходилось останавливать хода.

— Винтовый 12-ти-пушечный фрегатъ «*Свѣтлана*», подъ командою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, прибылъ въ *Кронштадтъ* 21-го сентября, послѣ необыкновенно быстраго и счастливаго, какъ сообщается въ «Крон. Вѣстникѣ», перехода. Фрегатъ вышелъ изъ *Копенгагена* 18-го сего сентября.

— Паровая яхта-шхуна Государя Наслѣдника Цесаревича «Царевна» получила недавно приказаніе, пишутъ въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ», отправиться въ Черное море, гдѣ она и будетъ зимовать.

— 20-го сентября пришла, какъ сообщаютъ въ «Крон. Вѣстн.», въ Кронштадтъ изъ Архангельска винтовая шкуна «Полярная Звѣзда», присланная для постановки на ней новыхъ котловъ. Шхуна вышла изъ Архангельска 29-го іюня и, имѣя невполнѣ надежную машину, слѣдовала все время норвежскими шхерами, начиная отъ Гаммерфеста до Бергена, заходя на пути въ Дронтхеймъ и Христіанзандъ. Плаваніе живописными и разнообразными норвежскими шхерами принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ, какія только можно сдѣлать въ Европѣ, и въ этомъ отношеніи нѣтъ сомнѣнія, что оно было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ для нашихъ моряковъ.

— Построенный недавно въ Кронштадтской шлюпочной мастерской паровой катеръ, для Князя Черногорскаго, снабженъ машиной, изготовленной на Кронштадтскомъ пароходномъ заводѣ. Онъ выстроенъ по чертежу пароваго катера «Птичка», принадлежащаго Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генералъ-Адмиралу, и былъ уже испытанъ на водѣ какъ въ гавани, такъ и на рейдѣ.

Пути сообщенія и телеграфы.

— Телеграфная корреспонденція между Россіею и Австріею до настоящаго времени передавалась при посредствѣ нашихъ телеграфныхъ станцій въ Варшавѣ и Житомірѣ и австрійскихъ станцій въ Краковѣ и Лембергѣ. Нынѣ, по соглашенію съ австрійскимъ правительствомъ, учреждена прямая непосредственная передача депешъ между Варшавою и Вѣною и между Кіевомъ и Лембергомъ.

— Телеграфная линія между Кадниковомъ и Устюгомъ (Вологодской губерніи) совершенно устроена, и 27-го іюля на Кадниковской станціи открытъ пріемъ депешъ: Линія эта продолжится до Вологды и соединитъ ее такимъ образомъ съ Архангельскомъ, а этотъ послѣдній со всею телеграфною сѣтью внутреннихъ губерній.

— 3-го сентября открытъ послѣдній участокъ Вологодско-Устюжской телеграфной линіи установленіемъ телеграфнаго сообщенія между Тотьмой и Устюгомъ.

— 1-го сентября на Пензенскую станцію Моршанско-Сызранской желѣзной дороги пришелъ первый поѣздъ изъ города Моршанска. 25-го сентября ожидалось открытіе пассажирскаго движенія.

— Работы по устройству новаго желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Вислу въ настоящее время идутъ, по словамъ «Варш. Дневн.», весьма быстро. Мостъ этотъ строится по американской системѣ, и будетъ лежать на восьми каменныхъ быкахъ и концами своими опираться на два береговые устоя. Вся длина моста составитъ 237 саженъ, а высота 8. Онъ будетъ имѣть два яруса, изъ которыхъ верхній предназначенъ исключительно для желѣзной дороги, а нижній будетъ приспособленъ къ обыкновенной ѣздѣ. Постройку моста взяла на себя Компанія Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ; число рабочихъ на мосту въ настоящее время доходитъ до 350 человѣкъ.

— Отъ Орска до станціи Терекли на казалинскомъ трактѣ открылось, какъ сообщаютъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», правильное сообщеніе, подъ именемъ орско-тереклинскаго тракта. Прежде этотъ почтовый трактъ содержимъ былъ киргизами весьма неисправно, а теперь отданъ съ торговъ частному лицу на 12 лѣтъ. Станціи со службами выстроены удобно и красиво; экипажи и лошади въ полной исправности.

Земская хроника.

— Пермское губернское земское собраніе послѣдняго очереднаго созыва постановило: принять, въ видѣ временной мѣры, содержаніе сибирскаго тракта въ 1874 году на губернскій сборъ; внести на этотъ предметъ въ смѣту губернскихъ потребностей 239,000 р. и предоставить Пермскому и Оханскому земствамъ внесенныя ими въ уѣздныя смѣты: первымъ 10.000 р. и вторымъ—7.000 р. на предметъ содержанія ими тракта на протяженіи отъ города Перми до границы Вятской губерніи—расходовать по назначенію, съ тѣмъ чтобы сдѣлать имъ на означенныя суммы зачетъ по губернской смѣтѣ на 1875 годъ. Такимъ образомъ, на все протяженіе сибирскаго тракта отъ границы Вятской до границы Тобольской губерніи, т. е. на 732 версты, предположено израсходовать 256.000 р. Наконецъ, въ виду государственнаго значенія тракта и того, что ассигнованной суммы недостаточно на капитальную ремонтировку и поддержаніе его, а назначеніе большей суммы было бы обременительно для губерніи, Губернское Собраніе постановило ходатайствовать о перечисленіи тракта въ разрядъ государственныхъ путей сообщенія, или о назначеніи Пермскому земству субсидіи изъ государственнаго сбора на содержаніе тракта въ размѣрѣ 200.000. За симъ пермскимъ губернаторомъ сообщено въ послѣднее время Губернской Управѣ, что Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ о назначеніи субсидіи Пермскому земству на содержаніе сибирскаго тракта, не встрѣтилъ съ своей стороны препятствій къ оказанію земству для означенной надобности и на предположенныхъ Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ основаніяхъ временнаго, впредь до открытія Уральской желѣзной дороги, пособія изъ государственнаго земскаго сбора, въ размѣрѣ 200.000 руб. въ годъ, начавъ производство его пособія съ іюля текущаго года. Съ наступленіемъ хорошей погоды, приступлено въ Екатеринбургскомъ, Кунгурскомъ и Пермскомъ уѣздахъ къ разсыпкѣ хряща.

СОДЕРЖАНІЕ: На Волгѣ. I. Жегулевскія горы. Ю. Ф. Полянскаго (съ рисункомъ). — Гивекеумъ (съ рисункомъ). — Двуногій волкъ. Романъ Н. Каразина. Часть I. (продолженіе). — Народы Россіи XXII. Бѣлоруссы Минской губерніи (съ рисункомъ). — Борьба за Неву. V. Скопинъ Шуйскій и Делагарди (съ рисункомъ). П. Н. Петрова. — Какъ ихъ судить? Разсказъ изъ уголовной хроники) А. Шкларевскаго (продолженіе). — Разныя извѣстія.

Моды за Ноябрь съ 12 рисунками.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Петровка № 6, въ Москвѣ.

Только что вышло изъ печати и продается:

РУКОВОДСТВО КЪ ХОРОВОМУ ПѢНІЮ ПО ЦИФИРНОЙ МЕТОДѢ ШЕВЕ,

составленное для народныхъ школъ

К. АЛЬБРЕХТОМЪ.

ВЫПУСКЪ III.

Содержаніе: 1. Упражненіе въ чтеніи звуковыхъ знаковъ. 2. Изученіе энгармоническихъ гаммъ. 3. Сравнительная таблица гаммъ. 4. О переходахъ. 5. Упражненія въ чтеніи интерваловъ, 7. Двухголосныя упражненія изъ сольфеджіо Берталотти. 8. Четырнадцать русскихъ пѣсенъ. 9. Шесть трехголосныхъ хоровъ, въ томъ числѣ хоръ изъ оперы «Жизнь за Царя» Глинки. 10. Обѣдня съ приложеніемъ литургіи св. Іоанна Златоуста, переложенная на цифры П. П. Ѳаворскимъ, для четырехъ голосовъ. Цѣна 40 коп. Выпускъ 1-й (5-е изданіе) — цѣна 40 к. Выпускъ 2-й — цѣна 40 коп.

Требованія на всѣ три выпуска, а равно и послѣдующіе адресуются непосредственно въ музыкальный магазинъ **Петра Ивановича Юргенсона**, Петровка № 6, въ Москвѣ.

Выписывающимъ 10 и болѣе экземпляровъ дѣлается уступка 25%; выписывающимъ 100 и болѣе экземпляровъ уступаются 33⅓%.

Кому угодно пріобрѣсти хорошаго качества мельхіоровые столовые и чайные приборы, найдетъ въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы, самый изящный выборъ этого рода издѣлій.

Гг. иногороднымъ высылаютъ иллюстрированные каталоги по требованію безплатно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

При этомъ № для всѣхъ иногородн. подписч. приложены объявленія: отъ Ф. В. Аплаксина и г. Ступина.

Дозволено цензурою. 25 октября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 46 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 10-го ноября 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ" А. Ф. МАРКСЪ.

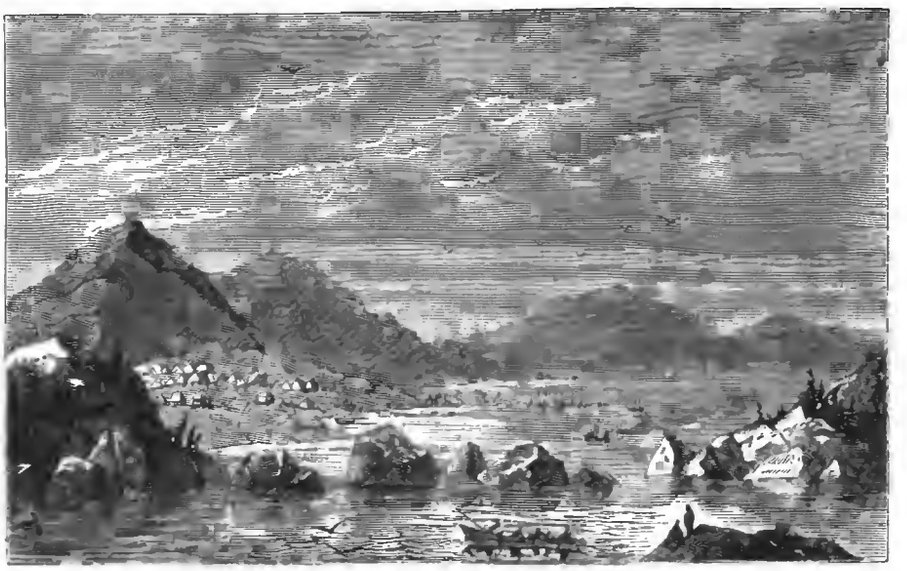
*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Лапландія.

III.

Ясная сентябрская ночь свѣтила всѣми своими звѣздами надъ крутыми горами и безлюдными долинами. Тускло серебрились недвижныя озера, гдѣ то звенѣли потоки, да глухой шумъ рѣки наполнялъ всю окрестность. Вдали, повитые туманами, едва виднѣлись вершины морскаго берега. По сторонамъ, словно щели, ложились узкія пространства между возвышенностями, окаймлявшими здѣсь Паль-озеро.

Лодка наша плыла тихо, чуть слышно. Я не торопилъ гребцовъ. Любуясь этою ночью, этою красивою окрестностію, я не замѣчалъ какъ шло время. Невыразимо пріятно было вглядываться въ таинственный сумракъ деревъ, раины которыхъ скрадывали очертанія озерныхъ островов. На берегахъ — тѣ же лѣса, но еще темнѣе и гуще. Изрѣдка лунный лучъ, скользя по ихъ чащѣ, выхватывалъ изъ мрака бѣлую березу — и стволъ ея, словно серебряный, такъ и выдѣлялся на темномъ фонѣ остальной массы дѣвственнаго сѣвернаго лѣса.



Изъ путеваго альбома В. И. Немировича-Данченки.
Бѣломорское село (въ русской Лапландіи. Рис. Н. Каразинъ, грав. Сташковскій.

Проѣзжая за однимъ островомъ, мы замѣтили яркій костеръ, горѣвшій на его берегу. Въ багровомъ перебѣгающемъ свѣтѣ рѣзко намѣчивались черныя очертанія лопарской вѣжи, какой-то конусообразный амбаръ, рядъ палтуховъ съ повѣшенною рыбой. Потомъ огонь разгорался съ другой стороны; изъ тьмы выдѣлялась мрачная стѣна сплошнаго лѣса и какая-то сѣрая скала, а вѣжа и вся непригляднаа обстановка лопарскаго житья уходили въ мракъ. На самомъ багровомъ пятнѣ костра выдѣлялась темная фигура человѣка.

— Мошниковъ? крикнулъ мой гребецъ.

Библиотека "Руниверс"

— Нно!... донеслось съ берега.

— Чего не спишь?

— Уху варю. Пристава-ай!...

Я повернулъ руль, и мы пристали къ острову. Носъ лопарскаго тройника, съ глухимъ шорохомъ, врѣзался въ береговый песокъ. Лодка на минуту качнулась и прочно засѣла въ мягкое разсыпчатое ложе.

Мы вышли.

Прямо изъ-подъ ногъ у меня шарахнулось всторону что-то живое. Смотрю, вглядываюсь—оказывается—овца. Собаченка, привязанная къ колышкамъ у вѣжи, тявкнула съ просонокъ и завернулась еще комфортабельнѣе, запрятавъ носъ въ мягкое брюхо.

— Милости просимъ!

— Ну, дай Богъ! привѣтствовали хозяйку мои гребцы.

— Ладно... Васъ пусть Господь не оставитъ.

— Каковъ промыселъ?

— Промыслъ былъ баскій. Сиговъ не порато много ловилось. Ну а кунфъ, харіусовъ, сколько хошь! Щуки этой тоже напопадало.

— На зиму вялили?.

— Вотъ онъ цѣлый амбаръ... Да что, Господь поди на зиму не оставитъ! Оленя, волка, лисицу пошлетъ.

Изъ вѣжи вышла на голосъ старушонка. Точно баба-яга. Костлявая, горбатенькая. Лицо—въ кулачокъ и сама такая маленькая.

— Ишь хозяйка—и та проснулась... замѣтилъ кто-то.

— Мать тебѣ будетъ? спросилъ гребецъ у лопаря.

— Нѣтъ, жена.

— Что старая такая?

— У нихъ, у лопарей зачастую молодые на старыхъ женятся, а то старые на молодой—тоже бываетъ.

— Поди богатую взялъ.

— Богатую, оживился лопарь.—Двѣ овцы, четыре оленя есть.

Мы невольно подивились лопарскому «богатству». Эта ничтожная цифра считалась здѣсь «капиталомъ».

Костеръ мало по малу догоралъ. Окрестность все больше погружалась во мракъ. Уже изчезли и контуры ближайшаго лѣса и очертанія сѣрой скалы. Только слегка подернутая свѣтомъ мѣсяца, подвижная поверхность Паль-озера, еще серебрившаяся передъ нами вплоть до туманныхъ линій восточнаго берега, казавшагося отсюда тонкою нитью лежавшаго на водѣ тумана.

— Завтра, поди, въ Оленицѣ будете? обратился къ намъ лопарь, когда мы, оставивъ костеръ, садились уже въ лодку.

— Будемъ.

— То-то. Ивана Андреева знаешь? обратился онъ къ гребцу.

— Знаю.

— Нонѣ дочь вонъ моей жены, отъ перваго мужа, замужъ за него вышла... Такъ кланяйся, не забудь. Скажи, чтобы у насъ побывала.

— Ладно.

— А это вотъ, чтобы не забывалось.

И нѣсколько жирныхъ харіусовъ, да три желтоватыя, пестрыя кумжи, брошенныя рыболовомъ, грузно плюхнули о дно лодки.

— Ну спасибо, Мошниковъ, то-то уха у насъ будетъ!

— Уха будетъ хорошая. Сиговъ бы далъ, да не уродилъ Господь. Нѣтъ ихъ нонѣ вовсе.

— И на томъ спасибо!

Скоро островъ отошелъ назадъ и скоро мгла расползалась все шире и шире, небо блекло, звѣзды пропадали... Съ сѣвера потянуло холоднымъ вѣтромъ.

Близилось утро.

Я завернулся въ оленьи мѣха и заснулъ.

Когда я проснулся, солнце стояло уже высоко.

Свѣжая горная и лѣсная глушь охватывала меня со всѣхъ сторонъ.

Мы плыли по безымянной рѣкѣ, вытекавшей изъ широкаго озера и (обогнувъ извилинами поросшіе соснами и березами вараки) впадавшей въ Кандалакскую губу Бѣлаго моря. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ лодку нашу кружило въ порогахъ; въ одномъ мѣстѣ, по недостатку кормщика, ее даже ударило о скалу — да все обошлось благополучно.

Спустя немного лодку вынесло въ губу.

Морскія волны здѣсь были едва замѣтны. Только широкій просторъ залива, до пропитанный запахомъ водорослей вѣтеръ отличалъ губу отъ озера, которое мы недавно оставили за собою. Входъ въ губу былъ необычайно узокъ. Онъ былъ совершенно замкнутъ грядою скалъ, тянувшихся съ одного берега къ другому. Между ними оставался только узкій проходъ, словно щель, въ которую должна была войдти наша лодка. За скалами виднѣлась Оленница, разбросанная на куполообразномъ холмѣ берега. Надъ избами, безпорядочно разбросанными по берегу, вздымались крутыя горы морскаго берега. Въ бухтѣ стояли нѣсколько шхунъ. На вершинахъ скалъ кое-гдѣ были кресты, показывавшіе входы въ губу.

Село это изображено на нашемъ рисункѣ.

В. Н.-Д.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XIV.

«Атамкулъ!»

Наташа, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, вышла изъ своей палатки и прогуливалась по громадному, хорошо ей знакомому лагерю. Хромой казакъ, прихрамывая съ своимъ костылемъ, шелъ рядомъ съ нею и заигрывалъ съ маленькимъ Петею. Ребенокъ крѣпко уцѣпился за платье матери, стараясь подлаживать свои крошечные ножки къ шагамъ взрослыхъ; ему это было не слишкомъ трудно, потому что Наташа сама шла, приравниваясь къ сыну,—и вся прогуливающаяся группа подвигалась впередъ очень медленно.

Давнымъ давно переговорили обо всемъ интересномъ, и за неимѣніемъ въ данную минуту матерьяловъ для разговора, шли молча; кто-то вполголоса напѣвалъ какой-то маршъ, всѣ машинально шли въ тактъ этому напѣву.

— Петя, прервалъ молчаніе казакъ,—садись ко мнѣ верхомъ на плеча,—я понесу. Ну полѣзай, молодецъ,—Кустиковъ, да посадите его...

— Не хацу!.. увернулся ребенокъ, и еще крѣпче ухватился за платье,—я пискомъ!.. пискомъ!..

— Ничего, пусть привыкаетъ ходить, говорила Наташа. — Ну, что твоя спина, Карповъ? обратилась она къ молодому солдату-линейцу, надорвавшемуся недавно, при вытягиваніи изъ колодца тяжелой бадьи съ водою.

— Прошло, матушка, Наталья Мартыновна, какъ рукою сняло! весело отвѣчалъ солдатъ, вскочивъ на ноги и вытянувшись въ струнку.

— Они отъ одного слова вашего выздоравливаютъ; вы намъ-докторамъ просто практику отбиваете... шутилъ старичекъ докторъ въ сѣромъ нанковомъ кителѣ, выходя изъ ближайшей палатки и присоединяясь къ прогуливающимся.

— Да ужъ, конечно, для солдата ласковое слово да чарка водки полезнѣй цѣлаго пуда вашего поганаго аптечнаго снадобья, отъ котораго у меня до сихъ поръ во рту горько, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Вотъ моя нога все хуже и хуже... Какъ прійдется совсѣмъ отрѣзать... э-эхъ! грустно произнесъ казакъ.—Давно бы пулю въ лобъ пустилъ, если бы...

— Наталья Мартыновна полечите его ласк... началъ было тотъ же офицеръ, да и замолчалъ, словно проглотилъ остальное, что хотѣлъ сказать, такъ строго взглянула на него Наташа.

— Дисентерія полегчала, много тише стала; скорпіоны восьмерыхъ покусали, палецъ указательный отмахнулъ сегодня барабанщику, двѣ бутылки портвейну изъ аптеки украли... докладывалъ докторъ.

— Эге! смотрите, господа, что это за сходбище у генерала? посмотрите народу сколько! пойдемъ и мы туда! вскрикнулъ Кустиковъ.

— Крайне интересно узнать—въ чемъ состоитъ дѣло, замѣтилъ маіоръ Бирнапсъ.

— Пойдемте, сказала покойно Наташа.

И вся группа, свернувъ мимо длинныхъ артиллерійскихъ коновязей, направилась къ генеральской ставкѣ.

А передъ генеральскими палатками, дѣйствительно, собралась довольно значительная толпа и полукругомъ стояла передъ лицевою стороною главнаго шатра, слѣдя съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за всѣмъ, что тамъ происходило.

Передніе ряды толпы занимали преимущественно офицеры, за ними стояло нѣсколько пѣхотинцевъ въ амуниціи и съ ружьями, десятка два казаковъ и больше всего туземныхъ джигитовъ-милиціонеровъ, красиво пестрившихъ толпу своими яркими халатами. Конные подъѣзжали сзади и останавлива-

Библиотека "Руниверс"

лись, приподнимаясь на стременахъ и глядя, съ высоты своихъ сѣделъ, черезъ головы переднихъ. Со всѣхъ сторонъ все прибывали и прибывали новые любопытные, такъ что, когда подошла Наталья Мартыновна,—ей, не смотря на полнѣйшую готовность, съ большимъ трудомъ расчистилась узкая дорожка, по которой и прошла она съ своими спутниками.

Генералъ сидѣлъ у входа въ палатку, на складномъ желѣзномъ стулѣ; около него и сзади стояли нѣсколько штабныхъ офицеровъ; въ темномъ четвероугольникѣ палаточнаго входа виднѣлись еще неясныя фигуры.

Шагахъ въ трехъ, не болѣе, передъ генераломъ стоялъ плѣнникъ; онъ не былъ связанъ, и руки его свободно были опущены по сторонамъ тѣла; голова плѣнника была нѣсколько нагнута напередъ, весь корпусъ былъ какъ-то странно сгорбленъ, даже колѣна чуть-чуть согнулись и слегка вздрагивали, можетъ быть отъ усталости, а можетъ и отъ скрытаго волненія; мозолистыя, босыя ноги плотно врылись въ песокъ и словно закаменѣли тамъ, не мѣняя ни на минуту своего положенія; пальцы рукъ нетерпѣливо перебирали грязное тряпье халата; гладко обритая голова была совершенно обнажена, ея не прикрывала даже обыкновенная тюбетейка; нѣсколько грязныхъ струпьевъ и продольный, заживающій уже шрамъ, виднѣлись на этомъ угловатомъ, кровномъ монгольскомъ черепѣ; глаза глядѣли изъ-подлобья, прямо въ упоръ на генерала,— и глядѣли довольно спокойно, почти апатично...

Рядомъ съ нимъ стояли два пѣхотинца съ ружьями у ноги и казакъ съ обнаженною шашкою; позади ихъ — немного свободнаго мѣста, а потомъ — плотно сдвинутые, замершіе въ неподвижности передніе ряды зрителей. Досщака лаучи пока не было видно.

— Конечно, сходство большое, говорилъ генералъ по французски,—но больше данныхъ, что это не онъ. Еслибъ не заявленіе этого лаучи, чортъ бы его взялъ! я пока еще ихъ не сводилъ вмѣстѣ, а надо... генералъ сдѣлалъ досадливый, нетерпѣливый жестъ,—нельзя же!.. И зачѣмъ этотъ дуракъ попался!..

— Можно позвать этого иранца, что вчера поймали; онъ долженъ знать Атамкула —въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть въ настоящее время, посовѣтовалъ одинъ изъ штабъ-офицеровъ съ золотыми погонами на помятомъ кителѣ,—у Матъ-Ніаза онъ видѣлъ вѣроятно его...

— Распорядитесь...

— Ну, конечно это Атамкулъ... говорилъ кто-то въ палаткѣ, въ полголоса,—какъ онъ тамъ ни присѣдай, какъ ни увертывайся, а это *онъ*. Я готовъ даже держать какое угодно пари!

— Пойдите заявите ваше мнѣніе; вы такъ увѣренно говорите...

— Ну его къ чорту!..

— То-то!.. Какія это доказательства неопровержимыя — представитъ Досщакъ? интересно! Я думаю: вздоръ какой-нибудь.

— Онъ такъ увѣренъ... Тьфу! мнѣ даже смотрѣть жалко на этого несчастнаго... Повѣсятъ подлеца непремѣнно. А это еще кого привели?.. тоже свидѣтель должно быть; рожа знакомая.

— Это перебѣжчикъ, что вчера поймали, персіянинъ... Слушайте, слушайте!

Изъ-за палатки, униженно припадая, согнувшись почти въ дугу, проскользнулъ иранецъ—онъ былъ блѣденъ, скорѣе какого-то пепельнаго цвѣта, и дрожалъ какъ въ лихорадкѣ... Онъ не зналъ зачѣмъ его позвали, и, увидавъ плѣнника, видимо растерялся, даже назадъ попятился.

— Иди! толкнулъ его сзади колѣномъ приземистый казакъ-уралецъ.

— Здравствуй! сказалъ генералъ.

Иранецъ задрожалъ и опустился на корточки.

— Ты знаешь этого человѣка? спросилъ генералъ, кивнувъ въ ту сторону.—Экъ онъ струсилъ! обратился онъ къ штабъ-офицеру...

Иранецъ молчалъ и блуждающими глазами посматривалъ по сторонамъ, видимо избѣгая того пункта, на который ему указывали.

— Туда гляди! толкнулъ его казакъ.

— Кто это? повторилъ свой вопросъ генералъ.—Ну, не бойся! чего боишься?.. Посмотри хорошенько и скажи, кто это... Переведите ему.

Маленькаго роста офицеръ—съ нерусскимъ типомъ смуглаго лица—перевелъ. Иранецъ внимательно слушалъ, бѣгло взглянулъ на плѣнника и замоталъ головою.

— Я не знаю его... Это хивинскій человѣкъ—я знаю, а кто онъ—не знаю.

— Ты знаешь въ лицо Атамкула, того, что отъ насъ бѣжалъ и теперь служитъ у хивинскаго хана? допрашивалъ переводчикъ.

— Атамкула? повторилъ вопросъ иранецъ.

— Ну да.

— Того, что большой начальникъ у русскихъ былъ — онъ большой человѣкъ у хана — Атамкулъ-датха! *) Я видѣлъ Атамкула, я знаю его... какъ мнѣ не знать Атамкула!.. Три раза,—нѣтъ, четыре,—да, такъ точно, четыре раза солнце всходило, послѣ того какъ Атамкулъ велѣлъ мнѣ сто палокъ дать, да я ушелъ... Я знаю хорошо Атамкула...

Всѣ невольно улыбнулись. Въ толпѣ послышался даже сдержанный смѣхъ. У всѣхъ на душѣ какъ-то стало легче...

— Что, батенька, это Атамкулъ, да? вы такъ же увѣрены и теперь? хотите, можетъ быть, на двѣ бутылки и консервъ съ омаромъ!.. тихо, но не безъ ядовитости, говорилъ голосъ въ палаткѣ.

— А, чортъ! мнѣ это рѣшительно все равно!..

— Вретъ, братцы, этотъ иранецъ! шепталъ одинъ изъ казаковъ своимъ товарищамъ, — видимо дурака ломаетъ; и какъ это господа только вѣрятъ!

— Вѣшать, аль къ разстрѣлу?.. освѣдомлялся молодой пѣхотинецъ.

— Пластовать, а потомъ шкуру спущать ремнями... Тебѣ что пріятнѣй будетъ—ась?

— Тише—тамъ!

— Гдѣ теперь Атамкулъ? спросилъ генералъ иранца.

— Атамкулъ теперь, какъ мнѣ знать, гдѣ онъ теперь? — четыре раза солнце всходило, былъ Атамкулъ у Матъ-Ніаза; четыре тысячи коннаго народу, четыре тысячи пѣшаго и сто пушекъ у Атамкула было. Атамкулъ-датха большой человѣкъ у хивинскаго хана.

— Прогоните этого дурака!

— Пошелъ, пошелъ—ну уходи, благо цѣлъ!..

Иранцу не дали даже и докланяться какъ слѣдуетъ — по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета—и выпроводили съ арены.

Передъ плѣнникомъ появился новый свидѣтель: свидѣтель этотъ былъ все время за палаткою и его не видно было; свидѣтель этотъ все слышалъ — и ждалъ... Онъ подошелъ теперь къ плѣнному сзади, совершенно неожиданно, и дотронулся до его плеча, — тотъ быстро обернулся, зашатался и поднялъ руки... Онъ будто бы хотѣлъ, — такъ по крайней мѣрѣ показалось всѣмъ, кто замѣтилъ этотъ жестъ, — онъ хотѣлъ закрыть руками свое лицо. Онъ опомнился—и его ладони остались на половинѣ дороги...

— Здравствуй, Атамкулъ!.. Вотъ мы опять увидѣлись, произнесъ Досщакъ,—здравствуй!.. Братъ твой Юнусъ прислалъ меня тебя провѣдать... Джандаралъ, вѣшай пожалиста Атамкулка...

— Я тебя не знаю... хрипло, давясь своими словами, произнесъ плѣнникъ.

— Нѣтъ, ты меня хорошо знаешь.

Досщакъ отошелъ отъ плѣнника, посмотрѣлъ на него еще разъ, долго такъ, прямо въ упоръ, и обратился къ генералу.

— Атамкулъ маленькій былъ, вотъ такой!—Досщакъ показалъ рукою на аршинъ отъ земли, — и Юнусъ, братъ его, маленькій былъ, еще меньше... Я у отца ихъ служилъ, мыть водилъ ихъ — и отца старика мылъ... Я ихъ всѣхъ

---

*) Датха — одинъ изъ крупныхъ военныхъ чиновъ.

Библиотека "Руниверс"

Сумасшедшій домъ. Картина В. фонъ-Каульбаха. Рис. и грав. Бренъ-д'амуръ.

Библиотека "Руниверс"

трехъ знаю, и мать знаю,—всѣхъ знаю... У отца на спинѣ, какъ разъ между лопатокъ, на ладонь отъ поясницы—пятно есть, темное, — какъ войлокъ этотъ, — такого вида какъ луна, когда она въ первый разъ показывается на небѣ... вотъ такъ!

И Досщакъ нагнулся и начертилъ пальцемъ на пескѣ форму полумѣсяца.

— Я говорю по русски; — ты тоже знаешь по русски и понимаешь, о чемъ говорю я,—ты теперь съѣсть меня хочешь, да зубы коротки,—хоть ты и не человѣкъ, а волкъ... Да, ты волкъ, — ты даже хуже волка, обратился Досщакъ къ плѣннику.—У старшаго сына, вотъ у него, у Атамкула тоже на спинѣ, на томъ же мѣстѣ—такое же пятно есть... Прикажи, джандаралъ, съ него халатъ снять и рубаху.

Досщакъ замолчалъ, отошелъ въ сторону и спокойно сѣлъ на песокъ. Онъ сдѣлалъ свое дѣло—и теперь ждалъ, чѣмъ все это разрѣшится.

— Раздѣть!

Въ одно мгновеніе нѣсколько рукъ протянулось къ плѣннику; тотъ сильно рванулся—одинъ солдатъ упалъ, другой отскочилъ, хватаясь за бокъ.

— Силенъ, дьяволъ!

— Навались! разомъ!

Навалились... Несчастный захрипѣлъ и упалъ на колѣна. Съ него сорвали халатъ и рубаху... его подняли на ноги и повернули спиною...

— Вотъ это пятно! сразу нашелъ переводчикъ и ткнулъ туда пальцемъ. Отъ этого прикосновенія, по обнаженной спинѣ пробѣжала нервная дрожь..

— Да, это положительное доказательство, произнесъ штабъ-офицеръ.

— Сейчасъ вѣшать будешь, джандаралъ?

— Экъ торопится!

— А если это несчастная случайность? произнесъ генералъ опять по французски.—Показаніе простаго лаучи, видимо озлобленнаго на этого человѣка, — Атамкулъ онъ или нѣтъ — это все равно... Весьма возможно, что Досщакъ хочетъ за что-то мстить ему... Если онъ для своей цѣли рядитъ его въ Атамкулову шкуру?... Странно, что ни одинъ солдатъ, ни одинъ офицеръ... а вѣдь его многіе изъ васъ, господа, хорошо знали...

Въ эту-то минуту въ кругъ вошла Наталья Мартыновна.

Наташа взяла сына на руки, когда проходила черезъ толпу, — хромой казакъ не успѣлъ въ этомъ предупредить ее. Ребенокъ испугался такого многочисленнаго общества, обвилъ рученками шею матери и глядѣлъ кругомъ широко-раскрытыми глазками... Продѣвая руку въ рукавъ халата, плѣнникъ повернулъ голову—и увидѣлъ женщину...

Онъ взглянулъ на нее. Этотъ взглядъ былъ странный... въ немъ сверкнула самая жгучая, дикая страсть... Этотъ взглядъ былъ мгновенный, но его успѣлъ уловить хромой казакъ.

— Атамкулъ! вскрикнулъ онъ громко.

Наташа вздрогнула и опустила ребенка на землю.

— Атамкулъ—Атамкулъ... никакого нѣтъ сомнѣнія... это Атамкулъ, заговорили кругомъ голоса. Всѣ почти давно убѣждены были въ этомъ и молчали, словно ихъ что-то сдерживало—и это *что-то* прорвалось разомъ, когда казакъ назвалъ его громко... Быть можетъ каждый изъ нихъ думалъ въ эту минуту:—«не я первый!»

— А Атамкулъ, такъ Атамкулъ —чортъ его возьми!.. всталъ со стула генералъ.—Кричатъ во все горло: «Атамкулъ, Атамкулъ»!.. будто я самъ давно не вижу, что Атамкулъ... ворчалъ онъ про себя, уходя въ палатку.—Подъ строгій караулъ—и дать знать въ военно-судную коммиссію... слышались уже оттуда сухія отрывистыя приказанія...

— Онъ погибъ? тихо спросила Наташа.

— Да, уже теперь не вывернится, пробасилъ капитанъ Пуговицынъ.

Хромой казакъ стоялъ какъ ошеломленный, прижавъ кулакъ къ своему пылающему лбу.

Необузданная, дикая страсть къ женщинѣ вызвала предательскій взглядъ, — этотъ взглядъ проскользнулъ бы не замѣтнымъ, не понятнымъ для толпы; но та же глубокая страсть сдѣлала его понятнымъ для хромого казака, и вырвала у него это роковое восклицаніе.

— Кровь Юнуса взыщется!.. торжественно объявилъ Досщакъ своимъ товарищамъ, въ тотъ же вечеръ.

ГЛАВА XV.

Ката-джиль *).

Часа два послѣ полудня, странная духота стала распространяться въ воздухѣ. Это не былъ обыкновенный солнечный жаръ; это было что-то иное, до сихъ поръ еще «бѣлыми рубахами» не испытанное... Дышать становилось все труднѣе и труднѣе, тѣло покрывалось сильною испариною, весь организмъ слабѣлъ, а между тѣмъ кровь обращалась быстрѣе и сердце билось усиленнѣе... Клонило ко сну — а сна не было... Жажда усилилась до невѣроятной степени, и у колодцевъ толпилось несравненно больше народу чѣмъ прежде... Накаленный, неподвижный воздухъ — словно давилъ все, что находится на землѣ, и располагалъ къ лѣни, къ полному бездѣйствію... Всякая работа валилась изъ рукъ, тоскливое чувство овладѣло всѣмъ; всѣ испытывали на яву давящій, невыносимый кошмаръ.

И животныя, видимо, раздѣляли это чувство съ человѣкомъ: всѣ въ поту, уставивъ неподвижно безцвѣтные, словно мертвые глаза, широко раздувъ кроваво-красныя ноздри, тревожно насторожив уши, стояли лошади въ своихъ коновязяхъ и не ѣли корма. Ноги у нихъ подгибались, но онѣ не ложились и инстинктивно повертывались крупами всѣ въ одну и ту же сторону—къ сѣверо-западу.

Собаки зарывались въ песокъ и жалобно выли. Верблюды—тѣ всѣ полегли, вытянули головы, и странное дѣло, крупами къ тому же сѣверо-западу.

Если всадникамъ приходилось ѣхать на сѣверо-западъ, лошади шли неохотно, упирались, и тотчасъ же сами поворачивали назадъ, едва только на одну секунду, ослабѣвалъ поводъ и отдѣлялись отъ взмыленныхъ боковъ острыя, понуждающія шпоры. Тѣ же, которымъ приходилось ѣхать въ обратную сторону, едва могли сдерживать прыть своихъ коней, не въ мѣру уже порывающихся впередъ.

Ишаки сбились въ кучи и пронзительно орали... Этотъ ревъ вмѣстѣ съ унылымъ вытьемъ собакъ еще болѣе усиливалъ общую тоску и наводилъ на людей уныніе...

Природа готовила что-то нехорошее. Это нехорошее, очевидно, должно было прійдти съ сѣверо-запада.

А между тѣмъ въ воздухѣ было тихо; вѣтеръ, расходившійся такъ накануне и нагнавшій заночь цѣлые бугры песку, совершенно стихъ и въ настоящую минуту пламя свѣчи, зазженной прямо на открытомъ воздухѣ, было неподвижно, словно въ стеклянномъ футлярѣ.

Небо стало какого-то красновато-желтаго цвѣта и солнечный дискъ сквозилъ мутнымъ шаромъ безъ лучей, безъ блеска; на него можно было смотрѣть совершенно свободно, словно сквозь стекло закопченное.

Такъ продолжалось часовъ до семи вечера.

Чѣмъ болѣе склонялось солнце къ западу, тѣмъ оно становилось все багровѣе и багровѣе, и этотъ кровавый свѣтъ разливался по скатамъ холмовъ, очерчивая противуположные скаты темными, синеватыми тѣнями.

Грозная черная стѣна поднималась изъ-за горизонта, поднималась медленно, расползаясь направо и налѣво, мало по малу захватывая половину всего горизонта...

Вотъ, эта стѣна поравнялась съ солнцемъ. Багровый дискъ спрятался за нее на половину, вотъ и совсѣмъ скрылся — и густые сумерки настали почти мгновенно...

— Крѣпить палатки, смотрѣть за ружейными козлами въ оба... огней не раскладывать, которые есть — тушить!... раздовались тревожныя приказанія...

— «Ката-джиль—ката-джиль!» говорили туземцы, отыски-

*) Большой вѣтеръ.

Библиотека "Руниверс"

вая себѣ пріютъ между тяжелыми тюками верблюжьихъ вьюковъ.

— Ну, братцы, держись эту ночь! такой ураганъ будетъ — страсть! переговаривались бѣлыя рубахи.

Первый порывъ вѣтра разразился спустя полчаса послѣ солнечнаго заката. Это былъ шквалъ, налетѣвшій разомъ, но также разомъ стихнувшій. Онъ принесъ съ собою тучи мелкой песчаной пыли, повалялъ нѣсколько ружейныхъ козелъ и сорвалъ крышу съ одной изъ палатокъ; безпорядокъ въ лагерѣ, произведенный этимъ сухимъ шкваломъ — отъ темноты казался несравненно большимъ... Послышались тревожные возгласы, засновали по всѣмъ направленіямъ темныя фигуры, ловящія свои сорванныя шапки, натыкающіяся другъ на другу, падающія,— вскакивающія снова на ноги и снова куда-то бѣгущія...

Еще разразился ударъ, вслѣдъ за нимъ другой гораздо большій... По черному небу забѣгали красноватыя, огненныя пятна, словно оно накаливалось мѣстами. Послышался глухой, словно подземный гулъ — и въ воздухѣ сильно запахло сѣрою.

Теперь уже крупный степной песокъ несся вмѣстѣ съ вѣтромъ; этотъ песокъ обжигалъ лицо, руки, шею, затылки,— все незащищенное одеждою...

Чади дико ржали и рвались на своихъ коновязяхъ... «Крѣпи приколы! береги коней, сохрани Богъ разбѣгутся!»— то и дѣло слышались во мракѣ предостерегающіе возгласы казаковъ и артилеристовъ.

Удары урагана все усиливались и усиливались... Всякъ занятъ былъ только однимъ: это удержаться на ногахъ, удержать то, что̀ ему ввѣрено. Ничего невозможно было разобрать въ этомъ свирѣпствующемъ хаосѣ... Чу!.. такъ и есть... это выстрѣлъ! Это звукъ слишкомъ хорошо знакомый, чтобы не различить его въ бѣшеномъ свистѣ и ревѣ бури... Вотъ другой... третій... Звукъ сигнальной трубы пронзительно прозвонилъ, оборвался, — еще разъ прозвонилъ, едва слышно, словно отголосокъ далеко крикнувшей птицы...

Тревога!.. Тревога въ такую страшную минуту...

— Сюда, братцы!.. помогите! раздался отчаянный, задавленный голосъ.

Голосъ этотъ донесся оттуда, гдѣ былъ связанный Атамкулъ. Караульные солдаты бросились въ ту сторону. Темно, ничего не видно, песокъ засыпаетъ глаза... Прямо передъ однимъ изъ нихъ, словно изъ-подъ земли поднялась массивная, темная фигура и шарахнулась въ сторону.

— Лови! лови!... Эй, чортъ, чего меня схватилъ, не видишь чтоли?... А врешь, не уйдешь!...

— Атамкулка убѣгъ!

— Умираю, братцы! охъ, смерть моя пришла! охъ, тошнехонько!... Господи!... стоналъ кто-то, корчась на пескѣ въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

— Ихъ много было, много — человѣкъ пять. Трое сразу навалились на часоваго. Я видѣлъ своими глазами... послать за докторомъ; носилки несите, чтоли!

— Помретъ и такъ, ужъ не дышитъ... кончился!

— Упокой Господи!

Новый порывъ вѣтра принесъ новые волны сыпучаго, горячаго песка.

— Живьемъ засыплетъ, Пресвятая Богородица помилуй!.. слышится невдалекѣ жалобной голосъ оробѣвшаго солдатика, рекрута, новичка еще въ степныхъ передѣлахъ.

Старый Дементій, еще заблаговременно, засвѣтло, хорошо укрѣпилъ палатку свой барыни. Онъ обнесъ ея двойною веревкою, крѣпко вколотилъ колья, вбилъ еще пару, на всякъ случай, для прочности, и осмотрѣвъ работу, рѣшилъ что «выдержитъ».

— Вы, матушка Наталья Мартыновна, не сумлѣвайтесь, не унесетъ, крѣпко! извольте покойно почивать съ Петею... и не услышите заночь-то, а ужь я постерегу, доложилъ онъ своей госпожѣ, съ безпокойствомъ поглядывавшей на подозрительное небо.

— Не за себя я боюсь, Дементій, не за себя... произнесла Наташа.

— Знаю, матушка ваше благородіе, знаю. Я вотъ пока чайнички согрѣю; оно хоша и невелѣно огней раскладывать, да я тихимъ манеромъ, въ ямочкѣ,—никто и не увидитъ...

Пошелъ старикъ распоряжаться «тихимъ манеромъ, въ ямочкѣ» — выглянула еще разъ изъ палатки Наталья Мартыновна. Темнѣетъ быстро. . даже страшно становится.

Ею овладѣло тоскливое безпокойство, безотчетное какое-то, будто предчувствіе чего нибудь недобраго — роковаго.

— Петя, милый, ты не бойся, ласкала она ребенка, — это пустяки: это вѣтеръ большой будетъ, онъ пройдетъ и будетъ хорошо такъ, прохладно... вѣдь тебѣ очень жарко было сегодня?.. да?..

— Залко... лепеталъ ребенокъ, лѣниво потягиваясь на кровати, въ одной рубашенкѣ съ растегнутымъ воротомъ.— Мама, пить чаю хочу... мама, дай чаю...

— Сейчасъ, крошка, сейчасъ; Дементій пошелъ сварить чаю, принесетъ, мы и будемъ пить съ кисленькими конфетками. Ты любишь кисленькія конфетки? да?

— Кисленькія... повторилъ ребенокъ.

— Милый мальчикъ мой!..

Наташа взяла сына на руки и крѣпко сжала его въ своихъ объятіяхъ. Ею овладѣлъ какой-то странный усиленный припадокъ любви и нѣжности къ своему ребенку; она покрывала его поцѣлуями.

Вся палатка вдругъ затряслась, стѣнки ея вздулись какъ паруса, что-то лопнуло спаружи.

— Держи, держи! — ребята, подсоби это... слышался тревожный голосъ Дементія. — Ну и вѣтрище-же! эдакій арканъ какъ ножемъ... Ничего, не робейте, матушка, — удержимъ!...

Порывъ вѣтра затушилъ свѣчу, — стало темно какъ въ могилѣ, ребенокъ заплакалъ...

— Свѣтоприставленіе — одно слово! говорилъ старикъ.— Осторожнѣе, дьяволы, задавите! Не видятъ, ашалѣли, такъ и прутъ... на человѣка... Что ты, что ты?!... Ой, батюшки!...

Нѣсколько конныхъ фигуръ наскакали прямо на палатку и сбили съ ногъ старика. Вдругъ вся палатка сильно нагнулась на сторону, послѣднія веревки лопнули, полы распахнулись, крыша поднялась вертикально и улетѣла по вѣтру; словно крыло какого-то гигантскаго чудища — мелькнуло въ воздухѣ громадное полотно и скрылось... Въ ту же минуту Наташа, испуганная, ошеломленная, крѣпко прижавшая ребенка, почувствовала какъ ее стиснули за талію двѣ чужія руки и потащили... чье-то горячее, непріятное дыханье пахнуло ей въ самое лицо... Надъ самымъ ухомъ слышала она киргизскую рѣчь: «тащи — вяжи на сѣдло — проворнѣе!...» Этотъ голосъ былъ ей хорошо знакомъ, она узнала говорившаго—и пронзительно, съ невыразимымъ отчаяніемъ вскрикнула: «спасите, помогите!...»

Ноги у нея уже не стояли на землѣ... Она чувствовала, какъ ее подняли и втягивали на лошадь. Ребенокъ вывалился у нея изъ рукъ. Наташа отчаянно рванулась и вцѣпилась зубами за то, что̀ ей первое попалось.

Кто-то застоналъ, — уперся ей въ лобъ ладонью и отогнулъ ея голову.

Наташа потеряла сознаніе.

Хромой казакъ, верхомъ на своемъ «степнякѣ», пробирался сквозь всю эту сумятицу. Вокругъ него толпились пѣшіе и конные, переговариваясь и окликая другъ друга. Онъ ѣхалъ шагомъ, осторожно, перегнувшись на сѣдлѣ и пристально всматриваясь въ эту непроницаемую мглу волнующагося песка и пыли. Онъ направлялся къ знакомой ему палаткѣ,

Библиотека "Руниверс"

но потерялъ теперь должное направленіе и, съ отчаяніемъ въ душѣ, проклиналъ свою разсѣянность. Какъ теперь отыскать ее?.. гдѣ она? Онъ даже не зналъ, гдѣ югъ, гдѣ сѣверъ...

Вотъ онъ наткнулся на фронтъ пѣхотинцевъ, стоящихъ въ ружьѣ. Длинные ряды едва-едва виднѣлись. Онъ окликнулъ:

— Какая часть?

— Третій стрѣлковый батальонъ.

— На своемъ мѣстѣ стоите, или пришли откуда?

— На своемъ.

— А! значитъ надо ѣхать значительно правѣе, думалъ и соображалъ казакъ, — здѣсь сейчасъ будутъ саперы,— вотъ это, кажется, они и есть; гдѣ же ящики зарядные? они должны быть впереди, а за ними...

— Какая часть?...

Что-то круглое подкатилось подъ ноги коня, — тотъ взвился на дыбы и отскочилъ.

— Господи! въ такую пору и я не при ней... Что-то она теперь, бѣдная, дѣлаетъ!... тоскливо шепталъ казакъ. — Ну, степнякъ, иди другъ смѣлѣе, не упирайся...

Словно фейерверкъ вспыхнули краснымъ снопомъ огненныя искры и съ трескомъ понеслись по вѣтру. Это разнесло притушенный костеръ на одной изъ походныхъ кухонь.

— Сюда, сюда, теперь вѣрно! обрадовался казакъ, узнавъ наконецъ мѣстность.

Вдругъ до его слуха долетѣлъ пронзительный вопль. Это былъ вопль женскій, а женщина только одна и была во всемъ лагерѣ.

Не разбирая теперь уже ничего, втиснувъ шпоры въ бока лошади, гикнувъ такъ, что чуть не лопнуло у него въ горлѣ, ринулся казакъ прямо на этотъ призывный вопль и врѣзался въ самую свалку...

Какого-то коннаго окружили и тащили съ сѣдла; другой, тоже конный, свирѣпо отбивался, пробираясь черезъ толпу; онъ тоже скоро упалъ, а лошадь брыкалась и рвалась, схваченная за поводья нѣсколькими руками.

— Не бей, живьемъ захватывай! распоряжался чей-то густой басъ.—Главное, того подлеца не упусти... Лови, лови!...

— Наталья Мартыновна! гдѣ вы? во все горло крикнулъ хромой казакъ.

— Здѣсь, здѣсь! отвѣчали мужскіе голоса.

Казакъ не слѣзъ, а скорѣе свалился съ лошади, бросилъ ея на произволъ судьбы, хотѣлъ побѣжать, но больная нога дала себя почувствовать разомъ. Онъ стиснулъ зубы отъ боли и поспѣшно заковылялъ туда, гдѣ крикнули «здѣсь!»

Нѣсколько человѣкъ хлопотали и суетились надъ чѣмъ то, лежащимъ на пескѣ; хромому казаку такъ и мелькнуло въ глаза свѣтлое платье Наташи. Она лежала неподвижно, безъ всякихъ признаковъ жизни...

— Убита! зарыдалъ казакъ и опустился около тѣла.

— Жива, Богъ съ вами! обмерла только съ перепугу... Ребенка отыскали? нѣтъ? Ребенка ищите, ребенка!...

— И меня около нея не было! рыдалъ казакъ.—Господи, не допусти — помилуй!...

(Продолженіе въ слѣд. №).

«Домъ сумасшедшихъ».

КАРТИНА В. фонъ КАУЛЬБАХА.

Въ № 16 нашего журнала за текущій годъ были помѣщены портретъ и краткая біографія знаменитаго художника новѣйшаго времени — Вильгельма ф. Каульбаха, при чемъ было сказано нѣсколько словъ объ артистической его дѣятельности. Помѣщая въ настоящемъ номерѣ снимокъ съ картины его «Домъ сумасшедшихъ», мы должны теперь хотя нѣсколько познакомить читателя съ личностью самого Каульбаха, который, какъ извѣстно, 8-го Апрѣля нынѣшняго года умеръ въ Берлинѣ почти скоропостижно, окруженный счастьемъ, довольствомъ, богатствомъ и громкой, вполнѣ заслуженной, славой. Одинъ изъ почитателей таланта его, человѣкъ близко знавшій Каульбаха, говоритъ, что въ высокой, стройной фигурѣ его было что-то величественное, обаятельное, и при томъ онъ обладалъ замѣчательною гибкостью тѣла, такъ что необыкновенная его ловкость, живость движеній — иногда непріятно напоминали сильнаго, гибкаго ягуара. Голова у Каульбаха была удивительно круглая, а лицо, сравнительно съ головой, маленькое, всегда свѣжее; черты мягкія; носъ, съ небольшимъ горбикомъ, круто опускался къ прекраснымъ, даже изящно-очерченнымъ губамъ, на которыхъ постоянно играла тонкая улыбка или что-то въ родѣ странной гримасы, выражавшей какую-то горечь, жесткость и безконечное презрѣніе къ людямъ. Изъ-подъ густыхъ бровей его проницательно глядѣли замѣчательно-спокойные голубые глаза. — Вотъ что разсказываетъ о первомъ знакомствѣ своемъ съ Каульбахомъ вышеупомянутый почитатель его таланта:

Я познакомился съ Каульбахомъ въ 1869 году, и именно въ мастерской его, помѣщавшейся въ зданіи Мюнхенской академіи. Чтобъ попасть въ нее — не нужно было никакихъ формальностей: доступъ въ мастерскую художника былъ открытъ всякому. Мнѣ не вѣрилось, когда я очутился передъ воротами, похожими на ворота какого-то сарая, что за ними-то непосредственно и слѣдуетъ рабочая комната Каульбаха,— но вотъ сторожъ отворилъ эти ворота... Я перешагнулъ и, увидѣвъ мелькомъ обычную обстановку мастерской живописца, убѣдился, что дѣйствительно попалъ туда, куда шелъ,—а также убѣдился и въ томъ, что въ самомъ дѣлѣ очутился въ какомъ-то каретномъ сараѣ, обращенномъ въ студію... Да, тутъ-то и работалъ Каульбахъ! Это была высокая, чисто выбѣленная комната, освѣщаемая сверху. Прежде всего бросалась въ глаза грамадная гипсовая фигура Аполлона Бельведерскаго, который, казалось, смотрѣлъ на царствующій кругомъ его безпорядокъ: мольберты, палитры, кисти, банки, горшечки, гипсовыя головы, руки, ноги — все это было какъ-то перемѣшано, разбросано, словомъ сказать—представляло нѣчто хаотическое... Одно только мѣстечко было разчищено какъ слѣдуетъ: тамъ стоялъ Каульбахъ, въ высокой шляпѣ и лѣтнемъ пальто, застегнутомъ доверху (въ этомъ сараѣ и лѣтомъ бывало довольно таки прохладно) и рисовалъ на картонѣ «Ромео и Юлію». Какъ видно было, дѣло что-то не ладилось... Художника смущала согнутая нога Ромео, именно — въ колѣнѣ. Я молча поклонился ему и отошелъ подальше, чтобы не мѣшать. Каульбахъ весело подмигнулъ мнѣ и продолжалъ чертить колѣно Ромео; сдѣлавъ нѣсколько штриховъ, онъ стиралъ ихъ и снова принимался рисовать, и потомъ опять уничтожалъ начерченное. Я не подавалъ виду, что наблюдаю за нимъ, разсматривалъ нѣкоторыя картины, эскизы, портретъ Листа—и, признаться сказать, ничего не видѣлъ, потому что смотрѣлъ исподтишка на Каульбаха... Вдругъ онъ положилъ карандашъ и, повернувшись ко мнѣ, спросилъ: — «Вы тоже живописецъ?» Я отвѣтилъ отрицательно. — «Ну, тѣмъ лучше! Можетъ быть вы мнѣ поможете. Скажите, чего вотъ тутъ не достаетъ — въ этомъ колѣнѣ?» Я подошелъ, а Каульбахъ, снова взявъ карандашъ, казалось съ нетерпѣніемъ ждалъ моего отвѣта.— Мнѣ кажется, началъ я,—что вотъ тутъ, повыше колѣнной чашки, потомъ у берцовой кости и у икры — мяса много...—«Вѣрно!», воскликнулъ Каульбахъ съ свойственною ему живостью:— въ этомъ вся и ошибка!» — Онъ взялъ корку хлѣба и сейчасъ-же, по моему указанію, исправилъ нарисованное колѣно. Какъ хотите, а черта такая характеристична! Художникъ принялъ совѣтъ отъ человѣка, объявившаго ему, что онъ не живописецъ,—и принялъ потому, что нашелъ сдѣланное замѣчаніе справедливымъ, — это уже одно показываетъ, какъ Каульбахъ серіозно работалъ, съ какою любовью относился онъ къ своему дѣлу. Продолжая чертить фигуру Ромео, онъ завязалъ со мною оживленный разговоръ и, болтая, страшно курилъ. Манера говорить была у него такая-же, какъ у Гейне: Каульбахъ ловко возвращался къ старой темѣ, дѣлалъ мѣткія сравненія, освѣщая искрами юмора новый предметъ разговора; но вообще остроты его были грубѣе и злѣе остротъ Гейне, потому что онъ не обладалъ тою граціозною игривостью рѣчи, какая была у творца «Atta Troll» и «Германіи», за то кисть Каульбаха отличалась этою особенностью языка нѣмецкаго поэта. Каульбахъ говорилъ коротенькими фразами и по большей части колючаго свойства; замѣчательно, что и рисовалъ онъ также коротенькими штрихами. Бесѣдуя съ нимъ, нельзя было не замѣтить, о чемъ-бы ни шла рѣчь, что этотъ человѣкъ много въ жизни своей перенесъ, о многомъ серіозно, глубоко передумалъ... Любая его коротенькая фразка сопровождалась особеннымъ сверканіемъ глазъ, при чемъ онъ сжималъ тонкія губы, что вмѣстѣ придавало его лицу что-то хищное, кошачье... Тѣ, которые относились къ нему враждебно, подмѣтивъ въ немъ эту черту, сравнивали его съ тигромъ, готовящимся къ прыжку... Да, по правдѣ сказать, Каульбахъ и не былъ овечкой. Могучій ратоборецъ въ

Библиотека "Руниверс"

Осенней порой. Рис. О. Шпехтъ, грав. Л. Руффъ.

Библиотека "Руниверс"

области духовнаго міра, онъ имѣлъ всегда при себѣ хорошо отточенный мечъ, и, подобно архангелу Михаилу (на послѣдней своей картинѣ), готовъ былъ разить этимъ мечомъ гидру зла и неправды. Такое впечатлѣніе получилъ я послѣ первой нашей встрѣчи, такимъ оно и осталось даже тогда, когда я короче познакомился съ Каульбахомъ, когда видѣлъ его въ роли обворожительно-любезнаго хозяина. Дома онъ былъ дѣйствительно великодушнымъ человѣкомъ, обнаруживавшимъ и умъ, и ученость, солидное образованіе и свѣтскій тактъ; за то среди мастерской — Каульбахъ какъ-бы уходилъ въ себя и, такъ сказать, обращался въ заряженную лейденскую банку: дотронешься только—и почувствуешь искру... Искры эти иногда сверкали только, а случалось — били прямо не въ бровь, а въ глазъ. Тутъ — царствовали его карандашъ и кисть; отсюда мысли его и взгляды, въ живыхъ образахъ, вылетали въ міръ и дѣлались достояніемъ германскаго народа,— а онъ любилъ этотъ народъ до послѣдней минуты своей жизни!... И это былъ тотъ самый человѣкъ, который когда-то, будучи юношей, сидѣлъ на холмѣ подъ деревомъ, въ виду Мюльгейма, смотрѣлъ на разстилавшійся передъ нимъ городъ и плакалъ, потому что былъ... голоденъ! Усталый, голодный, съ босыми израненными ногами, Каульбахъ слёзно горевалъ о томъ, что никто не покупаетъ разрисованныхъ его чашекъ... Талантъ, прилежаніе, энергія въ трудѣ не только обогатили его, но и сдѣлали имя его славнымъ и незабвеннымъ!...

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ по поводу картины «Домъ съумасшедшихъ». Случай, благодаря которому картина эта была нарисована Каульбахомъ, довольно рѣзко характеризуетъ его. Однажды вечеромъ молодой Каульбахъ и докторъ, состоящій при домѣ умалишенныхъ близь Дюссельдорфа, сидѣли и бесѣдовали. Врачъ-психіатръ разсказывалъ трагическіе эпизоды и потрясающія сцены изъ жизни «поврежденныхъ». Каульбахъ не могъ забыть этого вечера: разсказы доктора произвели на него слишкомъ глубокое впечатлѣніе... Да, и онъ вѣдь былъ «человѣкъ», и въ его груди шевелились тѣ же необузданныя страсти, тѣ же зародыши можетъ быть безумныхъ стремленій, которыя, развившись, довели *другихъ* до страшнаго состоянія сна съ открытыми глазами... Каульбахъ сталъ бояться своего собственнаго сердца, своихъ мыслей. Картины и сцены изъ жизни умалишенныхъ тревожили его и днемъ и ночью, какъ-бы грозно предостерегая его и наглядно поучая, съ цѣлью укротить сердце... Онъ не успокоился даже и послѣ того, какъ уѣхалъ изъ Дюссельдорфа и поселился въ Мюнхенѣ, нанявъ жалкую комнату на чердакѣ. Тутъ-то и пришла ему въ голову мысль освободиться отъ преслѣдованія подавляющихъ образовъ безумія, представивъ ихъ въ художественномъ произведеніи. Каульбахъ нѣсколько разъ нарочно посѣщалъ домъ умалишенныхъ близь Мюнхена, изучалъ тамъ больныхъ, наблюдалъ ихъ,—и вотъ, наконецъ, задуманная имъ картина была нарисована... Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь въ нее: сколько жизни, правды въ этихъ фигурахъ!... И художникъ добился таки главной своей цѣли: излѣчился, освободился отъ тревожившихъ его «демоновъ», какъ только картина эта была имъ окончена. Какой-то издатель-аферистъ предложилъ сейчасъ-же молодому Каульбаху нарисовать цѣлый рядъ такихъ «съумасшедшихъ» картинъ и обѣщалъ за этотъ трудъ хорошее вознагражденіе. Каульбахъ отвѣтилъ ему, что готовъ съ удовольствіемъ нарисовать хоть цѣлую галлерею картинъ изъ исторіи Германіи, но изображать сумасшедшихъ — больше уже не желаетъ и не можетъ. Заказчикъ заупрямился. — «Нѣтъ, зачѣмъ-же на историческіе сюжеты?» возразилъ онъ: — «Я потому не могу согласиться на это, что вы вѣдь собственно блистательно доказали, обнаружили другой талантъ, т. е. изображать безумныхъ... Право, вы бы лучше сдѣлали, если-бы продолжали работать въ этомъ направленіи, не забираясь въ другія области».— «Если-бы я согласился на ваше предложеніе», сказалъ на это Каульбахъ, — «то мнѣ бы пришлось во второй-же моей картинѣ «съумасшедшихъ» изобразить васъ самихъ; ну, а это, полагаю, было-бы вамъ не совсѣмъ пріятно»...

Послѣ такого отвѣта, разумѣется, издатель-аферистъ оставилъ въ покоѣ художника.

Осенней порой.

Нашъ европейскій олень—одинъ изъ крупныхъ представителей своего рода: по росту онъ уступаетъ лишь канадскому и персидскому; всѣ остальные виды меньше его. Это стройное, сильно сложенное животное до сихъ поръ еще водится почти во всей Европѣ, за исключеніемъ крайняго сѣвера, и въ большей части Азіи. Съ сѣвера предѣлы его распространенія: 65° с. ш. въ Европѣ и 55° въ Азіи; на югѣ же область его ограничена Кавказомъ и Манджуріей. Правда, что въ густо населенныхъ мѣстностяхъ Европы—олени почти вовсе перевелись и содержатся лишь въ охотничьихъ паркахъ для королевскихъ охотъ; но за то ихъ очень много еще въ Венгріи и въ Галиціи, Богеміи, Моравіи, Каринтіи, Штиріи, т. е. почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ Австріи, и у насъ въ Польшѣ, Семипалатинской области, а больше всего на Кавказѣ.

Какъ извѣстно, у настоящихъ оленей рогами снабжены только самцы. Рога ихъ крупно-вѣтвистые и сидятъ на короткой дудкѣ или такъ-называемомъ пнѣ. Главныя двѣ вѣтви загибаются отъ самаго корня въ довольно крутую дугу назадъ и кнаружи. На передней сторонѣ каждой изъ главныхъ вѣтвей выступаетъ прежде всего по глазному отростку, который направляется впередъ и вверхъ: это страшное оборонительное и наступательное оружіе оленя; будучи раздраженъ или доведенъ до крайности, олень внезапно нагибаетъ голову, направляетъ концы глазныхъ отростковъ на своего врага и затѣмъ бросается на него съ такой быстротой, что рѣдко удается спастись. Непосредственно надъ глазными выступаютъ ушные отростки; на срединѣ главныхъ вѣтвей сидятъ средніе отростки, а на внѣшнемъ концѣ главныхъ вѣтвей образуется цѣлый вѣнчикъ, представляющій разнообразныя формы, смотря по возрасту и индивидуальнымъ особенностямъ оленя.

Глаза у него средней величины, чрезвычайно живые; слезныя ямочки спускаются косвенно къ углу рта, образуя узкое продолговатое углубленіе, на внутреннихъ стѣнкахъ котораго выдѣляется жирная киселеобразная масса — знаменитыя *слезы* оленя, по разсказамъ охотниковъ проливаемыя имъ въ предсмертныхъ мукахъ; но на самомъ дѣлѣ животное выдѣляетъ ихъ треніемъ о деревья.

Окраска оленя различна, смотря по времени года, полу и возрасту. Зимою шерсть его сѣро-буроватая, а лѣтомъ рыжевато-бурая; подшерстокъ исиельно-сѣрый. Но встрѣчаются нерѣдко самые разнообразные переходы и измѣненія въ цвѣтѣ.

Лѣтомъ олени предпочитаютъ гористыя мѣстности ровнымъ и особенно охотно держатся въ сплошныхъ лѣсахъ, преимущественно въ лиственныхъ. Здѣсь они собираются въ большія или меньшія стада, за исключеніемъ старыхъ, сильныхъ оленей, которые живутъ отдѣльно; но въ концѣ августа, во время спариванья, и они присоединяются къ стадамъ. Время это длится три недѣли, и затѣмъ болѣе сильные снова уединяются. Вотъ такого-то оленя-одинца и изображаетъ нашъ рисунокъ въ началѣ осени, когда непогода заставляетъ его спуститься съ горъ и держаться въ низкомъ кустарникѣ равнинъ. Днемъ онъ лежитъ обыкновенно, спрятавшись въ своемъ логовѣ, подъ вечеръ выходитъ на пастьбу и бѣжитъ скоро, крупною или мелкою рысью; возвращается же подъ утро медленною ходою. Всѣ движенія оленя легки, красивы и привлекательны: особенно, самецъ отличается своей благородной осанкой. Изъ внѣшнихъ чувствъ его преимущественно развиты слухъ, обоняніе и зрѣніе, что, къ несчастью, слишкомъ хорошо извѣстно каждому охотнику. Боязливость оленя вѣроятно вытекаетъ изъ опыта, который научилъ его считать человѣка злѣйшимъ своимъ непріятелемъ. Кромѣ этого послѣдняго, врагами оленя можно назвать волка, рысь, россомаху и медвѣдя. Волки стадами преслѣдуютъ оленя при глубокомъ снѣгѣ, устраивая настоящую травлю; рысь и россомаха бросаются оленю на шею съ вершины деревъ.

Оленей, пойманныхъ съ молоду, легко приручить; самки ласковы и послушны всю жизнь, самцы же съ возрастомъ становятся дики и злы—и нерѣдко убиваютъ людей.

Судебная хроника.

Дѣло игуменьи Митрофаніи въ московскомъ Окружномъ судѣ.

Дѣло это, имѣющее глубокій общественный интересъ, началось разборомъ 5-го октября. Болѣе чѣмъ за годъ до судебнаго его разбирательства, о немъ ходили разные толки, находившіе для себя мѣсто даже въ періодическихъ изданіяхъ нашихъ; всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будетъ назначенъ день для разсмотрѣнія этого дѣла въ московскомъ судѣ, и заранѣе готовили себя къ особому виду наслажденія, вызываемому публичнымъ разбирательствомъ всякаго скандалезнаго процесса. Дѣйствительно, какъ только сталъ извѣстнымъ день назначенный для разсмотрѣнія дѣла игуменьи Митрофаніи, тысячи народа устремились къ подъѣзду Окружнаго суда, въ надеждѣ попасть на интересное зрѣлище, увидать знаменитую подсудимую вмѣстѣ съ ея сообщниками, и услыхать повѣствованіе о той грандіозной сѣти злоупотребленій, которыя современемъ составятъ цѣлую эпопею нашихъ дней и во

Библиотека "Руниверс"

всякомъ случаѣ представитъ интересный и драгоцѣнный матеріялъ для характеристики современной намъ жизни.—Разбирательство это происходило при слѣдующей судебной обстановкѣ: предсѣдатель: г. Дрейеръ; члены суда: гг. Рингъ и Щенкинъ; обвинители: гг. Жуковъ и Смирновъ; Игуменью Митрофанію защищали гг. Шайкевичъ и Щелкаевъ, а остальныхъ подсудимыхъ—гг. Харитоновъ, Пржевальскій, Кейкуатовъ и Френкель. Свидѣтелей по этому дѣлу вызвано 103 человѣка. Въ составъ присяжныхъ вошли 7 купцовъ и 5 крестьянъ.

Сущность обвиненія игуменьи Митрофаніи и ея сообщниковъ заключается въ слѣдующемъ:

I. 30-го марта 1873 года, московскій Окружной судъ увѣдомилъ прокурора московскаго Окружнаго суда, что въ Сиротскомъ судѣ учреждена опека надъ имѣніемъ и личностью почетной гражданки Прасковьи Ильиничны Медынцевой. Опека надъ этою личностью учреждена, какъ видно изъ указа Сената, вслѣдствіе ея нетрезваго поведенія и расточительной жизни,—по требованію мужа, засвидѣтельствованному дозираніемъ полиціи и собраніемъ выборныхъ отъ купеческаго общества, удостовѣрившихъ, что Медынцева своимъ скандальнымъ образомъ жизни вынудила своихъ сына и мужа удалиться изъ дома, окружила себя людьми неблагонамѣренными, изъ корыстныхъ видовъ содѣйствующими ей вести такую жизнь, отъ которой состояніе ея должно подвергнуться неминуемой растратѣ. Состояніе же у Медынцевой было весьма значительное, а именно: недвижимая собственность, оцѣненная въ 283,930 руб. и приносящая ежегоднаго дохода болѣе 21,000 рублей, капиталъ въ облигаціяхъ кредит. общества на сумму свыше 16,500 руб., наличными деньгами слишкомъ 8,000 р., драгоцѣнныхъ вещей на сумму свыше 20,000 р. и въ векселяхъ на 30,000 рублей; всего на сумму болѣе чѣмъ 358,000 р. Желая избавиться отъ опеки, Медынцева стала хлопотать о снятіи ея у разныхъ лицъ и учрежденій,—но безуспѣшно. Тогда она, по совѣту и рекомендаціи квартальнаго надзирателя Ловягина, обратилась къ покровительству игуменьи Серпуховскаго Владычняго монастыря Митрофаніи, какъ урожденной баронессѣ Розенъ (дочери бывшаго намѣстника Кавказскаго), имѣющей большія связи, съ просьбой оказать ей, Медынцевой, содѣйствіе въ снятіи съ нея опеки. Съ этою цѣлью Медынцева съ Ловягинымъ была у игуменьи нѣсколько разъ, и игуменья Митрофанія, обѣщая ей свое содѣйствіе, предложила переѣхать жить къ ней,—что Медынцева и исполнила, поселившись у игуменьи съ своимъ лакеемъ Михаиломъ Ефимовымъ, который знаетъ всѣ ея дѣла и вообще близокъ къ ней. Прожила она у игуменьи два года, именно до іюня 1872 года. Живя въ монастырѣ и проводя время почти неразлучно съ игуменьей, она совершенно подчинилась ея вліянію, исполняя всѣ ея приказанія и не смѣя ей ни въ чемъ перечить. За все время пребыванія своего въ монастырѣ, она получила отъ опекуна своего Макарова не болѣе 600 р. сер. и постоянно слышала отъ него, что остальныя деньги употребляются имъ на хлопоты по снятію опеки. Игуменья Митрофанія обѣщала лично ходатайствовать у Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы о снятіи съ Медынцевой опеки. Поэтому, всѣ прошенія по дѣлу Медынцевой подавала сама игуменья, и для этого требовала отъ Медынцевой подписи ея на листахъ чистой бумаги, увѣряя, что все это записки къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ. Довѣряя во всемъ игуменьѣ, не смѣя ей ни въ чемъ прекословить и не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, Медынцева подписала много такихъ листковъ чистой бумаги, съ нарисованными на одной сторонѣ столбиками. Получая такимъ образомъ бланковыя подписи Медынцевой, игуменья, вписывая на этихъ листкахъ текстъ, обращала ихъ потомъ въ векселя на имя разныхъ приближенныхъ къ себѣ лицъ, какъ-то: зубнаго врача Трахтенберга, временнаго сапожковскаго купца Якова Красныхъ, двухъ монахинь, московскихъ купцовъ Грязнова и Перепелова и другихъ. Всего къ суду представлено 16 векселей, подписанныхъ Медынцевой, на сумму 237,000 рублей сер. Векселя эти игумен. Митрофанія пускала въ оборотъ и получала за нихъ деньги, которыя неизвѣстно куда употребила. А чтобы эти векселя имѣли силу, тексты на нихъ выставлялись задними числами, предшествующими учрежденію надъ Медынцевой опеки. Кромѣ бланковыхъ подписей на чистой вексельной бумагѣ, игуменья требовала отъ Медынцевой и настоящихъ векселей: такъ, когда игуменья, по возвращеніи своемъ изъ Петербурга въ Москву, объявила ей, что Сенатъ отказалъ въ снятіи съ нея опеки и что необходимо выдать одному лицу, для поправленія дѣла, 50 тысячъ рублей, то Медынцева подписала 5 векселей на вышеозначенную сумму, текстъ которыхъ былъ уже написанъ заранѣе игуменьей Митрофаніей. Кромѣ того, Медынцева обвиняетъ игум. Митрофанію еще въ присвоеніи принадлежащихъ ей, Медынцевой, шубы и муфты, цѣною около 400 р. Вещи эти, по словамъ игуменьи, были въ залогѣ, тогда-какъ по разслѣдованію оказалось, что онѣ были по ея приказанію проданы одною изъ приближенныхъ къ ней монахинь. Но этимъ дѣйствія игуменьи Митрофаніи, по отношенію къ Медынцевой, не кончились: желая воспользоваться и самымъ ея недвижимымъ имуществомъ, игуменья предложила Медынцевой сдѣлать выдѣлъ имѣнія сыну ея Николаю Медынцеву, а между тѣмъ сама вошла съ этимъ послѣднимъ въ соглашеніе, чтобы, въ случаѣ выдѣла, онъ обязался пожертвовать Владычне-Покровской Общинѣ сестеръ милосердія домъ городской части близъ Ильинки, цѣнностью въ 120,000 р., и деньгами 50,000 рублей,—и получила отъ него въ томъ росписки. Но выдѣлъ этотъ не состоялся, ибо Сиротскій судъ призналъ такое желаніе Медынцевой безцѣльнымъ и въ удовлетвореніи его отказалъ. Между тѣмъ, видя, что опеку не снимаютъ, Медынцева рѣшилась оставить монастырь, разсчиталась съ игуменьей и переѣхала въ свой домъ, въ іюнѣ 1872 года. Какъ только это совершилось, къ Медынцевой явилась игуменья, и потребовала отъ нея росписку въ томъ, что она, игуменья, содержала Медынцеву на свой счетъ въ продолженіи одного года и 9 мѣсяцевъ и что всѣ бумаги, въ разное время подписанныя Медынцевой, подписаны ею въ трезвомъ состояніи и твердой памяти. Затѣмъ, около масляной недѣли 1873 года, у Медынцевой были опекунъ ея и близкій къ игуменьѣ Митрофаніи человѣкъ, купецъ Макаровъ, и нотаріусъ Подховщиковъ, и убѣждали ее расписаться въ какой-то книгѣ, сказавъ, что это о векселяхъ. Уступая ихъ просьбамъ и убѣжденіямъ, она расписалась въ книгѣ и на какой-то бумагѣ, которая впослѣдствіи оказалась признаніемъ со стороны Медынцевой долговыхъ обязательствъ на сумму 150,000 рублей. По настоянію другаго своего опекуна, Гатцука, Медынцева запротестовала, объявивъ, что вовлечена сказанными лицами въ обманъ; а Сиротскій судъ, вытребовавъ объясненія отъ опекуновъ Макарова и Гатцука, нашелъ, что въ дѣйствіяхъ перваго изъ нихъ усматривается вымогательство отъ Медынцевой признанія ею долговыхъ обязательствъ и вовлеченіе ея, путемъ обмана, въ невыгодныя сдѣлки, почему и передалъ все дѣло на распоряженіе прокурора московскаго Окружнаго суда. Изъ допроса свидѣтелей и самой подсудимой оказывается, что векселями Медынцевой игуменья, между прочимъ, расплачивалась съ поставщиками различныхъ продуктовъ для монастыря, а также съ подрядчиками, исполнявшими различныя работы для Общины и монастыря; и что въ обманномъ взятіи отъ Медынцевой векселей принималъ участіе также, кромѣ игуменьи Митрофаніи, и купецъ Макаровъ. Сама же игуменья, въ свое оправданіе, заявила, что векселей у Медынцевой не выманивала и бланковыхъ подписей отъ нея не требовала; держала же ее при себѣ съ тѣмъ, чтобы предостеречь ее отъ всего дурнаго и водворить миръ въ ихъ семьѣ. Дѣйствія же свои по дисконту векселей Медынцевой объяснила желаніемъ выручить потраченную ею на хлопоты по дѣлу и на содержаніе Медынцевой сумму, въ размѣрѣ 33,000 рублей сер. На основаніи всего вышеизложеннаго, игуменія Митрофанія уличается въ томъ, 1) что выманила у Медынцевой, путемъ обмана и пользуясь положеніемъ Медынцевой, бланковыя надписи и векселя и обратила ихъ въ свою пользу; 2) что, выманивъ эти бланки, дала имъ, противно желанію Медынцевой, назначеніе, обративъ ихъ въ векселя и написавъ векселя эти задними числами; 3) при содѣйствіи Трахтенберга и опекуна Макарова, путемъ обмана, получила свыше 300 р. изъ опекунскаго управленія Медынцевой, и 4) присвоила себѣ отданныя ей на храненіе вещи Медынцевой. Въ тѣхъ же преступленіяхъ уличается и купецъ Макаровъ, а зубной врачъ Трахтенбергъ, серпуховскій купецъ Махалинъ и временно сапожковскій купецъ Красныхъ—въ содѣйствіи первымъ двумъ при совершеніи ими вышеуказанныхъ преступныхъ дѣяній.

II. Столь же видную роль играла игуменья Митрофанія въ другомъ интересномъ дѣлѣ—въ дѣлѣ о подлогѣ векселей отъ имени петербургскаго купца Лебедева и бланковой надписи отъ имени московскаго купца Макарова. Все это происходило при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ контору московскаго купца Чебарова, въ январѣ прошлаго года, представлены были къ учету четыре векселя, на сумму 14,000 рублей, выданные петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ Лебедевымъ на имя почетнаго гражданина Даніельсона и купца Макарова, съ бланковыми надписями послѣднихъ; между этими векселями одинъ былъ отъ имени Даніельсона на имя архангельскаго 1-й гильдіи купца Попова, съ его бланковой надписью, на сумму 8,000 р. Всѣ четыре векселя писаны въ Москвѣ въ іюнѣ и октябрѣ 1872 года. На слѣдующій день, утромъ, Лебедевъ заявилъ, что векселя эти подложны. Лица, представившія векселя эти, показали, что они пріобрѣли ихъ отъ игуменьи Митрофаніи и имѣютъ отъ нея удостовѣреніе въ томъ, что за вѣрность подписей векселедателей и бланкодателей—она, иг. Митрофанія, ручается и отвѣчаетъ, а одинъ изъ представившихъ векселя прибавилъ, кромѣ того, что уплату по нимъ произведетъ не Лебедевъ, а игум. Митрофанія изъ церковной кружки. Подложность подписи Лебедева на векселяхъ подтвердили многіе изъ лицъ, хорошо знающихъ торговыя дѣла Лебедева и его подпись. Самъ Лебедевъ объяснилъ, что въ Москвѣ онъ не былъ уже года три или четыре, векселя выдаетъ только лѣсоторговцамъ, съ которыми обыкновенно имѣетъ дѣла, что Макарова и Даніельсона вовсе не знаетъ, игуменью же Митрофанію знаетъ, такъ-какъ состоитъ членомъ с.-петербургской Общины сестеръ милосердія, давалъ ей иногда деньги взаймы небольшими суммами, но самъ у нея никогда денегъ не занималъ и векселя ей не давалъ. Векселями онъ никогда не жертвовалъ, ибо всегда имѣетъ свободныхъ денегъ на текущемъ счету до 25,000 руб. Съ другой стороны, купецъ Макаровъ, тотъ самый который принималъ столь дѣятельное участіе въ признаніи Медынцевой вынужденныхъ въ свѣтъ игуменьею Митрофаніей векселей ея, показалъ, что бланковая надпись отъ его имени на одномъ изъ векселей Лебедева — подложная, что Лебедева онъ вовсе не

Библиотека "Руниверс"

знаетъ и векселей съ него никогда не бралъ. Къ своему показанію Макаровъ добавилъ, что никогда не слыхалъ отъ матушки игуменьи, чтобъ у нея были векселя Лебедева, на его, Макарова, имя. Спрошенная въ качествѣ обвиняемой, игуменья Митрофанія, не признавая себя виновной въ подлогѣ векселей Лебедева, объяснила, что, задумавъ устройство московской Покровской Общины сестеръ милосердія рѣшительно безъ всякихъ денежныхъ средствъ, она старалась привлекать жертвователей преимущественно изъ среды богатаго купечества, посредствомъ исходатайствованія имъ высочайшихъ наградъ. При этомъ, желая обезпечить поступленіе обѣщанныхъ жертвователями денегъ, она брала съ нихъ векселя на имя разныхъ преданныхъ ей лицъ, по большей части изъ служащихъ въ Общинѣ, и даже получила отъ своихъ «благодѣтелей», какъ она ихъ называла, вексельные бланки, т. е. чистые листы вексельной бумаги, на которыхъ находилась только или подпись, или бланковая надпись. Когда наступала нужда въ деньгахъ, бланки обращались въ векселя, которые и поступали въ оборотъ при помощи тѣхъ же агентовъ ея, игуменьи Митрофаніи. По ея словамъ, Лебедевъ выдалъ ей въ разное время тысячъ на пятьдесятъ вексельныхъ бланокъ, которыми она пользовалась по мѣрѣ надобности и выкупала при наступленіи сроковъ, а по нѣкоторымъ платилъ самъ Лебедевъ. Показанія монахинь и лицъ, на которыхъ сослалась игуменья, не только не подтвердили ея словъ, но вызвали еще больше противорѣчій въ собственныхъ ея объясненіяхъ. Вышеозначенные векселя Лебедева четыре раза были подвергнуты чрезъ экспертовъ сличенію съ образцами несомнѣннаго почерка Лебедева и Макарова, и эксперты нашли, что подписи Лебедева на векселяхъ не имѣютъ никакого сходства съ его несомнѣнными подписями, хотя, конечно, видно стараніе поддѣлаться подъ настоящій почеркъ,—что текстъ векселей писанъ несомнѣнно рукою самой игуменьи Митрофаніи и что подписи на векселяхъ отъ имени Лебедева *также имѣютъ сходство съ ея рукою*. Подпись Макарова на одномъ изъ векселей эксперты признали также не имѣющею сходства съ его несомнѣннымъ почеркомъ. Такимъ образомъ, вышеизложенными обстоятельствами сего дѣла, игуменья Митрофанія уличается въ подлогѣ векселей отъ имени купца Лебедева и бланковой надписи отъ имени купца Макарова.

III. Но «вѣнцомъ» всѣхъ дѣяній игум. Митрофаніи является дѣло ея съ извѣстными московскими капиталистами и сектантами, братьями Солодовниковыми. Въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, потомственный почетный гражданинъ Василій Герасимовъ Солодовниковъ, жалобою на имя прокурора московскаго окружн. суда, заявилъ, что въ управу благочинія и коммерческій судъ за послѣднее время стали поступать ко взысканію векселя покойнаго брата его, мануфактуръ-совѣтника Михаила Солодовникова, выданные на имя серпуховскаго 2-й гильдіи купца Алексѣя Махалина, тогда какъ покойный никогда и никакихъ дѣлъ съ послѣднимъ не имѣлъ; поэтому Василій Солодовниковъ просилъ о производствѣ слѣдствія о подлогѣ означенныхъ векселей со стороны Махалина. Вскорѣ затѣмъ къ прокурору суда поступило гражданское дѣло по иску, предъявленному къ наслѣдникамъ того же Солодовникова отъ имени начальницы Покровской Общины сестеръ милосердія, игуменьи Митрофаніи, по роспискѣ въ 480,000 руб., съ неустойкою въ 100 тысячъ рублей, вслѣдствіе заявленнаго отвѣтчиками обвиненія игуменьи Митрофаніи въ подлогѣ означеннаго документа. Спрошенный по этому дѣлу, купецъ Махалинъ, который оказался арендаторомъ мыльнаго завода, принадлежащаго Серпуховскому монастырю, при предъявленіи ему 62 векселей Солодовникова, выданныхъ на его, Махалина, имя, вмѣстѣ съ удостовѣреніями отъ игум. Митрофаніи въ томъ, что эти векселя не подложны,—показалъ, что лично съ Солодовниковымъ онъ никакихъ дѣлъ не имѣлъ и лично отъ него никакихъ векселей не получалъ; получилъ же ихъ отъ игум. Митрофаніи, съ которою давно знакомъ, и, по ея просьбѣ, поставилъ на нихъ свои безоборотные бланки. Другіе свидѣтели показали, что они пріобрѣтали векселя Солодовникова покупкою ихъ у той же игуменьи Митрофаніи или у Махалина, платя за нихъ не дороже 75 к. за рубль, или же получали векселя непосредственно отъ игуменьи, въ счетъ платежа за работы ихъ по Общинѣ; въ обоихъ этихъ случаяхъ игуменья выдавала имъ также удостовѣренія на бланкахъ Общины и за ея печатью въ томъ, что передаваемые векселя не подложны. Привлеченная къ слѣдствію по этому дѣлу, игуменья Митрофанія объяснила, что означенные векселя составляютъ только часть сдѣланнаго покойнымъ Солодовниковымъ пожертвованія въ пользу Покровской Общины сестеръ милосердія и Серпуховскаго монастыря. Съ покойнымъ Солодовниковымъ она познакомилась давно, такъ какъ онъ жертвовалъ ей неоднократно на три общины, находящіяся въ ея вѣдѣніи. Сношенія ея съ нимъ сдѣлались особенно близкими въ декабрѣ 1870 года, когда возгорѣлось въ Москвѣ дѣло о скопцахъ—и Солодовниковъ, опасаясь ареста, прибѣгнулъ къ помощи игуменьи Митрофаніи, прося у нея заступничества и ходатайства предъ Ея Императорскимъ Величествомъ. Исполнить просьбу Солодовникова лично ей было нельзя, а потому она вошла въ сношенія съ адвокатами Горденомъ и Серебрянымъ. Эти потребовали прежде всего денегъ. Солодовниковъ, по словамъ игуменьи, выслалъ для этой цѣли сначала 75,000 руб., а когда этого оказалось недостаточно—еще 100,000 руб. и дополнительныхъ 7 или 8 тысячъ, которыя адвокатъ Серебрянный потерялъ на курсѣ отъ продажи процентныхъ бумагъ. Обѣ послѣднія суммы присланы были, какъ увѣряетъ игум. Митрофанія, вексельными бланками за подписью покойнаго Солодовникова. Не смотря, однако, на ея заступничество и на хлопоты адвокатовъ, дѣло не пришло къ желанному результату, ибо 7 января Солодовниковъ былъ арестованъ. Спрошенный на слѣдствіи, адвокатъ Серебрянный показалъ, что онъ никакихъ денегъ, векселей или вексельныхъ бланковъ отъ Солодовникова не получалъ и вести его дѣла не брался; но это показаніе опровергается показаніемъ прикащика покойнаго Солодовника, служившаго у него 30 лѣтъ, Простякова, который утверждаетъ, что Серебрянный дѣйствительно получилъ деньги съ Солодовникова по бланковымъ векселямъ послѣдняго, и что на хлопоты по дѣлу этому покойный хозяинъ его истратилъ це 205,000 руб., какъ доказываетъ игумен. Митрофанія, а 285,000 р., которыя прошли черезъ ея руки. Что касается до пожертвованій Солодовникова въ періодъ времени отъ 1866 по іюнь 1870 г., то игуменьею Митрофаніей представлены были разныя письма и росписки; но подлинность этихъ документовъ была также заподозрѣна. Поэтому, принуждены были прибѣгнуть къ экспертизѣ, которою два раза производилось сличеніе почерка покойнаго на двухъ несомнѣнныхъ документахъ Солодовникова—съ подписью его на заподозрѣнныхъ бумагахъ и векселяхъ. Оба раза эксперты пришли къ единогласному заключенію о несомнѣнной подложности всѣхъ этихъ документовъ и заявили, что всѣ они представляютъ весьма грубую поддѣлку подъ руку покойнаго Солодовникова. По мнѣнію экспертовъ, почеркъ на подложныхъ документахъ есть искаженный и *многія буквы и росчерки напоминаютъ почеркъ игуменьи Митрофаніи*. Противъ этой экспертизы игум. Митрофанія выразила убѣжденіе, что эксперты были подкуплены. При осмотрѣ приходо-расходной книги монастыря, оказались многія неисправности, подчистки и даже подлогъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго, обвиняются:

1) Начальница московской епархіальной Владычне-покровской общины сестеръ милосердія и серпух. Влад. монастыря игуменья Митрофанія въ совершеніи преступныхъ дѣйствій, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1160, 1692, 1694, 1688, 1682 и 3 п. 1671 Улож. о наказ.

2) Московскій 2-й гильдіи купецъ П. В. Макаровъ—въ совершеніи преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 1694, 1160, 1682, 3 п. 1671 и 598 Улож. о наказ.

3) Серпуховскій 2-й гильдіи купецъ Алексѣй Махалинъ—въ соучастіи съ игуменьей Митрофаніей въ совершеніи преступныхъ дѣяній, предусмотрѣнныхъ ст. 1160, 1694 и 1671 Улож. о наказ.

4) Зубной врачъ Левъ Дан. Трахтенбергъ и временно сапожковскій купецъ Яковъ Гр. Красныхъ—въ соучастіи съ игуменьей Митрофаніей въ совершеніи дѣяній: первый—предусмотрѣнныхъ ст. 1160, 1671, 1694, 1688 Улож. о наказ., а второй - 1160, 1694 Улож. о наказ.; — почему всѣ они, согласно 201 ст. Уст. Угол. судопр., преданы были суду московскаго Окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

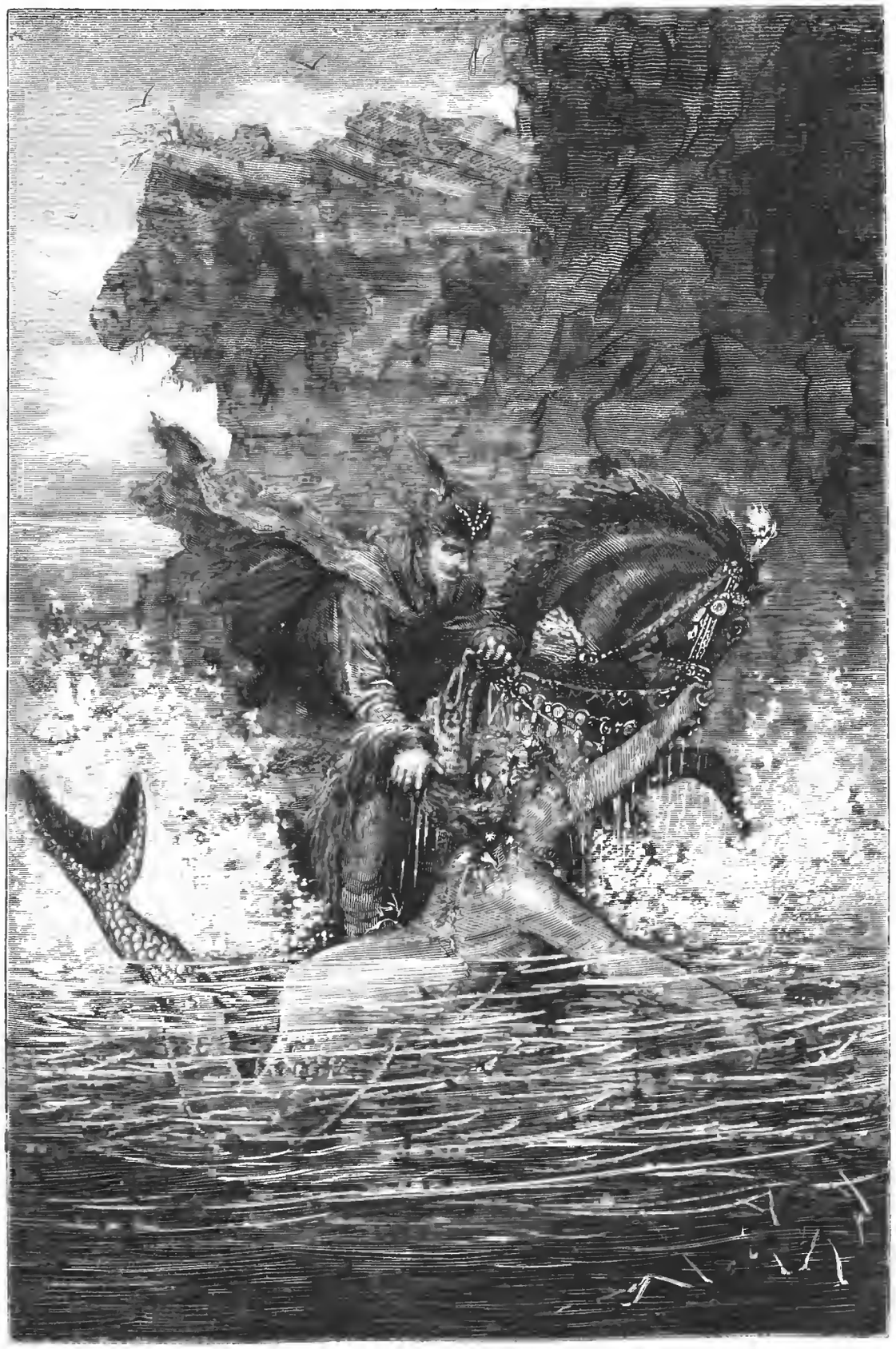
(Окончаніе въ слѣдующемъ №)

Политическое обозрѣніе.

I.

Въ концѣ прошлаго сентября, въ Пруссіи произошло событіе, надѣлавшее много шума, и впечатлѣніе котораго еще до сихъ поръ не изгладилось. Событіе это не только выдается изъ ряда обыкновенныхъ, но представляетъ собою фактъ даже небывалый въ лѣтописяхъ многихъ европейскихъ государствъ. Мы говоримъ объ арестѣ бывшаго германскаго посланника въ Парижѣ, графа Гарри Арнима. Но прежде чѣмъ мы разскажемъ о подробностяхъ этого ареста и о поводахъ къ нему, намъ необходимо бросить взглядъ на самую личность арестованнаго, опредѣлить характеръ ея и то положеніе, которое занималъ онъ между государственными дѣятелями современной Германіи. Графъ Арнимъ, безспорно, принадлежитъ къ числу наиболѣе способныхъ, умныхъ и самостоятельныхъ людей германской дипломатіи. Замѣчательныя способности его, какъ дипломата, сразу выдвинули его на первый планъ. Онъ былъ представителемъ Германіи при римскомъ дворѣ какъ-разъ во время извѣстнаго вселенскаго собора, провозгласившаго догматъ о папской непогрѣшимости, и одинъ изъ первыхъ возсталъ противъ этого догмата. По окончаніи войны съ Франціей, графъ Арнимъ былъ назначенъ представителемъ Германіи на брюссельской конференціи, для веденія мирныхъ переговоровъ,—и хотя переговоры эти, какъ извѣстно, не привели къ желаемымъ княземъ Бисмаркомъ результатамъ, но графъ Арнимъ не потерялъ отъ этого своего вѣса въ дипломатіи и, благодаря могущественному покровительству императора Вильгельма, занялъ потомъ важный постъ германскаго посла въ Парижѣ. Во время своей дипломатической карьеры, графъ очень часто и по разнымъ поводамъ

Библиотека "Руниверс"



Литературный альбомъ. «Морская Царевна» Лермонтова.

Рис. Коверзиевъ, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

имѣлъ столкновенія съ княземъ Бисмаркомъ. Первое столкновеніе между ними произошло по поводу отношеній берлинскаго кабинета къ провозглашенію догмата папской непогрѣшимости; въ этомъ вопросѣ графъ Арнимъ позволялъ себѣ выразить несогласіе съ рѣзкими мѣрами князя Бисмарка, предложивъ ему политику болѣе умѣренную. Поводомъ ко второму столкновенію была медленность дѣйствій брюссельской конференціи по заключенію мирнаго трактата между Германіей и Франціей, послѣдствіемъ чего было то, что князь Бисмаркъ, отстранивъ Арнима отъ переговоровъ, самъ взялся за дѣло, которое и было кончено имъ въ три дня. Но яблокомъ полнѣйшаго раздора между этими двумя государственными дѣятелями послужила разница во взглядахъ ихъ на отношенія между Германіей, какъ побѣдительницей, и Франціей, какъ побѣжденной. Такъ, между прочимъ, когда графу Арниму, въ бытность его германскимъ посланникомъ въ Парижѣ, предписано было протестовать противъ нѣкоторыхъ мѣръ французскаго правительства, благопріятныхъ крайнимъ сторонникамъ римскаго духовенства,—то онъ, остановившись исполненіемъ данныхъ ему инструкцій, послалъ князю Бисмарку свое особое мнѣніе по этому поводу, но получилъ отказъ съ выраженіемъ неудовольствія. По словамъ нѣкоторыхъ безпристрастныхъ газетъ, взаимное нерасположеніе между этими государственными дѣятелями имѣетъ своимъ источникомъ разницу въ политикѣ каждаго изъ нихъ. Князь Бисмаркъ, говорятъ эти газеты, государственный интересъ, интересъ и благо свое родины ставитъ выше интересовъ и цѣлей не только отдѣльныхъ личностей, но даже и своихъ собственныхъ; въ видахъ этого, онъ не останавливается ни передъ какими жертвами—и, разъ задумавъ какое-нибудь дѣло, идетъ къ цѣли неуклонно и рѣшительно,—чѣмъ, конечно, не мало раздражаетъ людей, которые привыкли въ мутной водѣ ловить рыбу и которые о своихъ личныхъ выгодахъ и цѣляхъ не забываютъ даже при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ своей родины. Средства, употребляемыя «желѣзнымъ княземъ» (какъ называютъ Бисмарка нѣмецкіе либералы) для доставленія успѣха своей политикѣ, не нравятся также и прогрессистской партіи, которая не одобряетъ никакихъ крутыхъ мѣръ и насилія надъ личностью гражданина; но она прощаетъ ему его крутую политику за прямодушіе, рѣшимость и послѣдовательность во всѣхъ его дѣйствіяхъ и сходится съ нимъ въ стремленіи ко благу своего отечества. Совсѣмъ противное представляетъ намъ политика графа Арнима: этотъ человѣкъ интересъ своей партіи (консервативной) и свой личный ставитъ на первый планъ, разсчитывая, доставивъ преобладаніе своей партіи и восторжествовавъ надъ своими противниками, тѣмъ самымъ принести великую услугу отечеству и народу. Какъ бы то ни было, но усиленіе вліянія графа Арнима среди консервативной партіи, которая выбрала его даже своимъ вождемъ, показалось князю Бисмарку опаснымъ,—и вотъ онъ, какъ утверждаютъ, рѣшился уничтожить своего противника совершенно.

Поводомъ къ арестованію графа послужилъ отказъ его выдать важные документы, имѣющіе оффиціальное значеніе и касающіеся различныхъ вопросовъ международныхъ сношеній Германіи съ Франціей. Когда на мѣсто Арнима посланъ былъ въ Парижъ князь Гогенлоэ, то этотъ послѣдній, по прибытіи на мѣсто и при ревизіи архива иностранныхъ дѣлъ, не нашелъ тамъ нѣкихъ оффиціальныхъ документовъ, именно переписки князя Бисмарка съ графомъ Арнимомъ, о которыхъ сказано выше. Не найдя ихъ, онъ донесъ объ этомъ государственному канцлеру, а тотъ, черезъ государственнаго прокурора, обратился съ запросомъ къ графу Арниму. За отказомъ этого послѣдняго выдать требуемые документы, произведенъ былъ въ Штеттинскомъ имѣніи его, Нассенгайде, строгій обыскъ, причемъ, конечно, желаемыхъ бумагъ не найдено. Тогда принуждены были арестовать графа и отвезти его въ берлинскую тюрьму, гдѣ онъ находится и по сіе время, въ ожиданіи суда и слѣдствія надъ нимъ. Произведенные затѣмъ строжайшіе обыски въ его квартирѣ въ Берлинѣ, у его тещи и сына, молодаго поручика гвардіи, не привели ни къ чему, и таинственная переписка по прежнему остается въ рукахъ графа. Нечего и говорить, какое сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ арестъ на общественное мнѣніе всей Европы. Большинство находитъ, что въ дѣлѣ этомъ не обошлось безъ чувства личной мести и недоброжелательства, и что во всякомъ случаѣ не было необходимости прибѣгать къ столь крайней мѣрѣ, какъ арестъ такого вліятельнаго и высокопоставленнаго лица, какъ графъ Арнимъ. Какъ бы ни былъ виновенъ этотъ человѣкъ, съ точки зрѣнія государственнаго права, но скандализировать его передъ лицомъ всей европейской дипломатіи—по меньшей мѣрѣ опрометчиво. Общественное мнѣніе отнеслось къ этому поступку такъ враждебно, что стало даже заподозривать берлинскій городской судъ въ томъ, не находится ли онъ подъ вліяніемъ могущественнаго государственнаго канцлера, отъ котораго, будто-бы, получаетъ инструкціи, какъ дѣйствовать въ настоящемъ дѣлѣ. По этому поводу, въ берлинской оффиціальной газетѣ появилось заявленіе предсѣдателя этого суда, въ которомъ возвѣщается, что самостоятельность городскаго суда не подлежитъ никакому сомнѣнію и что онъ, въ вопросѣ объ арестованіи графа Арнима, равно-какъ и въ дѣлѣ обысковъ, стоялъ и продолжаетъ стоять единственно на почвѣ закона, и что никакія внѣшнія давленія не могутъ вліять на его рѣшенія. Несмотря на эти увѣренія, скептики продолжаютъ утверждать свое, прибавляя при этомъ, что хотя, основываясь на преданіи, il y a des juges à Berlin, но что, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать и другой французской пословицы — qui s'excuse—s'accuse!...

Борьба между церковью и правительствомъ въ Пруссіи и Австріи, о которой мы столько разъ давали уже отчетъ нашимъ читателямъ, съ теченіемъ времени не только не унимается, но еще больше возрастаетъ. Упорная политика духовенства, вочто бы то ни стало желающаго сохранить свои права въ отношеніи къ приходу и къ свѣтскимъ властямъ, сильно раздражаетъ правительство, заставляя его прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ, какъ аресты епископовъ, конфискація ихъ имущества, штрафы, заключенія въ тюрьму и т. д. Удаляя съ приходовъ священниковъ, незаконно назначенныхъ епископами, правительство назначаетъ на ихъ мѣста лицъ, выбранныхъ имъ, но не излюбленныхъ паствою. Вслѣдствіе этого, водвореніе сихъ послѣднихъ встрѣчаетъ сильное неудовольствіе въ прихожанахъ, которое въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Познани перешло даже въ открытое сопротивленіе: прежній, назначенный епископомъ священникъ, въ одной изъ тамошнихъ общинъ, отказался выдать новому ключи отъ церкви, почему принуждены были взломать церковныя двери; но во время самаго богослуженія въ церковь ворвалась толпа народа, съ хоругвями, образами и проч. и начался такой гамъ, сопровождаемый проклятіями, что нельзя было кончить службы. Впрочемъ, свѣтскія власти распорядилось приводомъ войска, и наружный порядокъ былъ возстановленъ лишь съ помощью грубой силы.

Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе о новомъ кровавомъ столкновеніи между турками и черногорцами. Поводомъ къ столкновенію послужило убійство однимъ туркомъ другаго. Несмотря на полную невинность въ этомъ дѣлѣ черногорцевъ, турки, съ оружіемъ въ рукахъ, напали на монастырь въ Пиперы, умертвили архимандрита его, 17 черногорцевъ и нѣсколько женщинъ.

II. (*Собственныя корреспонденціи «Нивы»*).

Парижъ, 29 (17) октября.

Выборы въ департаментѣ приморскихъ Альпъ окончились торжествомъ для республиканской партіи, потому что гг. Шири и Медесенъ были выбраны огромнымъ большинствомъ голосовъ. Кандидаты *de l'ordre moral*—сепаратисты гг. Руассаръ и Дюранди, не смотря на поддержку префекта г. Вильнёвъ-Баржемона, и на заявленіе преданности сентенату, все-таки потерпѣли фіаско и остались въ глазахъ своихъ избирателей тѣмъ, что они есть, т. е. сепаратистами и врагами Франціи. Думали ли эти господа серіозно примкнуть къ сепаратистскому движенію въ Ниццѣ или скомпрометировали себя безтактнымъ поведеніемъ—рѣшить трудно; достовѣрно только то, что они плохіе патріоты и что политическая карьера ихъ можетъ считаться оконченною. Подобные типы представляютъ впрочемъ довольно заурядное явленіе въ общественной жизни присоединенныхъ странъ. Въ департаментѣ Па-де-Калэ бонапартистъ г. Делисъ-Ангранъ получилъ на выборахъ три тысячи голосовъ больше, чѣмъ республиканскій кандидатъ г. Франсуа Брамъ; но такъ какъ ни тотъ ни другой не получилъ абсолютнаго большинства голосовъ, то перебаллотировка назначена 1 ноября. Третій кандидатъ, легитимистъ г. Жонгле-де-Линь не явится на перебаллотировку, такъ что окончательный результатъ выборовъ въ Па-де-Калэ находится въ рукахъ его избирателей. Въ своемъ циркулярѣ г. Жонгле-де-Линь совѣтуетъ избирателямъ воздержаться отъ подачи голосовъ въ пользу того или другаго кандидата; несомнѣнно, однако, что изъ 18 тысячъ избирателей г. Жонгле отдѣлится группа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но за кого будутъ вотировать эти легитимисты — рѣшить трудно. Газета Па-де-Калэ—органъ мѣстныхъ легитимистовъ—говоритъ, что тѣ, которые рѣшатся вотировать, несомнѣнно подадутъ голоса за г. Франсуа Брама. Тѣмъ не менѣе выборъ этого республиканскаго кандидата подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ бонапартистская партія очень многочисленна въ этомъ департаментѣ, который республиканцы называютъ не безъ основанія сѣверкой Корсикой. Вообще, до сихъ поръ бонапартисты дѣйствовали съ удивительнымъ единодушіемъ, но и среди ихъ проявился расколъ. Г. Жеромъ Бонапартъ, заболотированный въ Аяччіо въ должность президента генеральнаго совѣта, отдѣлился отъ чизльгёрстской партіи, и составляетъ отнынѣ купно съ г. Морисомъ Ришаромъ отдѣльную партію,—какъ видите, не многочисленную. Въ письмѣ къ своимъ корсиканскимъ избирателямъ г. Жеромъ Бонапартъ находитъ, что чизльгёрстская партія позволяетъ себѣ слишкомъ много, что послѣ сдѣланныхъ ошибокъ ей всего приличнѣй было бы молчать, что она-де до сихъ поръ мечтаетъ только о насильственныхъ переворотахъ и ссылкахъ,—но что онъ, Жеромъ Бонапартъ—человѣкъ истинно либеральный, готовый подчиняться всякой формѣ правленія, которую Франція установитъ посредствомъ свободной подачи голосовъ. Подобный апломбъ по истинѣ изумителенъ. Всему міру извѣстно, что послѣ государственнаго переворота на г. Жерома Бонапарта посыпались всякія мірскія блага, которыми онъ пользовался въ теченіи 17 лѣтъ. Любопытно знать, кого могъ онъ прельстить своей либеральной болтовней, котерая идетъ совершенно въ разрѣзъ съ его прошлымъ! Ужъ не мѣтитъ ли онъ попасть въ правый центръ, ухватившись за то обстоятельство, что правительственная партія обратилась къ *благонамѣреннымъ* людямъ *всѣхъ партій* для организаціи сентената? Но въ томъ-то и бѣда,

Библиотека "Руниверс"

что не принадлежа болѣе къ чизльгерстской партіи г. Жеромъ Бонапартъ сталъ совершенно безполезенъ, какъ человѣкъ непопулярный и вдобавокъ совершенно изолированный. Что касается переговоровъ о соглашеніи, которые ведутся теперь между обоими центрами,—то имъ не слѣдуетъ придавать большаго значенія. Эта примирительная наклонность всегда проявляется передъ зимней сессіей и не приводитъ ни къ какимъ результатамъ. Да и можетъ ли быть иначе: партія предпріимчивыхъ герцоговъ заявляетъ постоянно скромное желаніе сдѣлаться либеральными нэрами и засѣдать въ верхней палатѣ обставленной обширными прерогативами; потомки *короля-гражданина*, стоящіе во главѣ этой партіи, желаютъ по меньшей мѣрѣ пожизненнаго президентства для одного изъ членовъ своего дома, и сверхъ того не прочь отъ пріятной перспективы маленькаго и по возможности безобиднаго coup d'état; лѣвый центръ твердитъ свое, а именно: окончательное провозглашеніе республики во Франціи, путемъ организаціи республиканскихъ учрежденій,—а затѣмъ, въ программу его входятъ новые всеобщіе выборы, которые дадутъ странѣ вполнѣ популярную палату; вотъ эта палата и будетъ въ состояніи, по убѣжденію дѣятелей лѣваго центра, поддерживать и развивать республиканскія учрежденія. Лѣвый центръ соглашается на верхнюю палату (проектъ конституціи г. К. Перье) безъ личныхъ прерогативъ ея членовъ, а правый центръ упорствуетъ; лѣвый центръ стоитъ за свободу всеобщей подачи голосовъ,—правый центръ, оставаясь при теоріи de la vile multitude, желаетъ обуздать и просвѣтить le suffrage universel. Сверхъ того, герцоги-доктринеры находятъ, что безъ осаднаго положенія порядокъ во Франціи немыслимъ; не будь этого благодѣтельнаго учрежденія — города, пригороды и вѣси ихъ любезнаго отечества представляли бы нынѣ обширное пожарище. Лѣвый центръ отвѣчаетъ на это, что осадное положеніе новое не нужно, такъ какъ страна достаточно доказываетъ умѣренность своихъ политическихъ стремленій выборомъ столь консервативныхъ республиканцевъ, какъ гг. Кальмонъ, Майлье, Сенаръ, Медесенъ, Шнри, Рамо и другіе въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ. Почтенные члены обоихъ центровъ дѣлаютъ нынѣшнюю осенью новую попытку къ соглашенію, изъ которой, повторимъ еще разъ, врядъ ли что нибудь выйдетъ. Бонапартисты въ эти темные вечера обдѣлываютъ въ тихомолку свои дѣлишки; всякій разъ, какъ соглашеніе съ лѣвымъ центромъ не состоится, правительственная партія т. е. правый центръ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, чтобъ образовать хоть какое-нибудь большинство для открывающейся сессіи и обращается сперва къ легитимистамъ, которыхъ легче всего провести; тогда, изъ среды chevau-legers отдѣляется обыкновенно человѣкъ 20—30 наиболѣе легковѣрныхъ... Затѣмъ, правый центръ обращается къ бонапартистамъ. Здѣсь задача становится затруднительнѣе, такъ какъ одними посулами съ этими господами ничего не сдѣлаешь, каждая услуга ихъ имѣетъ опредѣленную мѣновую стоимость,—напр. 24 мая 1873 г. для сверженія г. Тьера понадобилось 22 голоса, и бонапартисты съ удовольствіемъ предложили свои услуги г. Брою на слѣдующихъ условіяхъ: новое правительство предоставитъ имъ три министерскихъ портфеля, 15 префектуръ (всѣхъ 86), 28 суперфектуръ, и обязуется сохранять полнѣйшій нейтралитетъ при избраніи мэровъ (даже помощи не просятъ!); г. Брой согласился—и на слѣдующій день гг. Мань, дю-Барраль и Десселиньи получили обѣщанные портфели; префектуры и суперфектуры были розданы по указанію г. Руэра, который попалъ даже въ тайные совѣтники. Передъ вотировкой семилѣтнихъ полномочій г. Макъ-Магона, кабинетъ г. Броя согласился по настоянію того же Руэра способствовать бонапартистскимъ кандидатурамъ, дозволить чизльгерстскимъ изгнанникамъ пріѣзжать во Францію, если они того пожелаютъ, и возвратить немедленно китайскій музей г-жѣ Бонапартъ. Г. Брой и на это согласился; результатомъ этой политики было то, что въ Кальвадосѣ и На-де-Калэ выбраны были нынче лѣтомъ два бонапартиста, что въ Парижѣ былъ открытъ бонапартистскій заговоръ въ концѣ прошлаго іюня, слѣдствіемъ котораго были уличные безпорядки на станціи Сенъ-Лазаръ; что же касается китайскаго музея, то онъ давно находится въ Чизльгерстѣ, между тѣмъ какъ вопросъ о томъ, составляетъ ли онъ частную собственность семейства Бонапарта или національную, далеко не выясненъ. Любопытно знать, какіе уступки бонапартистамъ можетъ сдѣлать теперешній кабинетъ, если услуги ихъ окажутся необходимы? Вчерашнее засѣданіе постоянной коммисіи было довольно оживленное. Г. д'Абовиль поставилъ вопросъ о томъ, какого рода обязательства приняла на себя Франція на брюссельскомъ конгрессѣ, и указалъ при этомъ на осторожную политику Англіи, которая рѣшительно отклонила отъ себя обязательство соблюдать правила выработанныя конгрессомъ, такъ какъ уполномоченный ея подписался подъ протоколомъ засѣданій въ качествѣ *простаго свидѣтеля*. Г. хранитель печати отвѣчалъ, за отсутствіемъ г. Деказа, что ему неизвѣстно: приняла ли Франція какія либо обязательства, но что полные отчеты засѣданій конгресса появятся на дняхъ въ «Journal Officiel».

Германскій парламентъ открылъ свои засѣданія вчера, 29 октября. Тронная рѣчь императора заключаетъ увѣренія въ томъ, что имперія находится въ дружескихъ сношеніяхъ со всѣми державами и что *вполнѣ* дружескія отношенія съ самыми могущественными изъ нихъ облегчатъ Германіи возможность поддержать миръ въ Европѣ. Но, добавилъ царственный ораторъ, законы объ организаціи ландштурма, о призывѣ подъ знамена, и о способѣ скорѣйшей мобилизаціи войскъ, всетаки необходимы «для того чтобы заставить *умолкнуть несправедливыя подозрѣнія* касательно нашихъ намѣреній, и въ случаѣ нужды, *когда эти подозрѣнія перейдутъ въ дѣйствія*, чтобъ имѣть возможность дать надлежащій отпоръ. Дополнительное предложеніе, «когда эти подозрѣнія перейдутъ въ дѣйствія» имѣетъ конечно успокоительное вліяніе, не смотря на «несправедливыя подозрѣнія» и на вытекающую изъ этого необходимость усилить армію; это вставное предложеніе показываетъ ясно, что Германія не нарушитъ первая мира. Затѣмъ, императоръ объявилъ, что правительство приняло всѣ мѣры чтобъ выработать обще-германскій кодексъ гражданскаго права, въ которомъ чувствуется большая необходимость въ настоящее время. И дѣйствительно, не смотря на глубокое уваженіе наше къ Римскому праву, мы думаемъ что юридическіе принципы имъ выработанные во многомъ устарѣли, исключая отдѣла объ обязательствахъ *), —такъ что юридическія понятія и формы сложившіяся у всѣхъ народовъ при современныхъ отношеніяхъ имѣютъ право быть собраны въ одно стройное цѣлое. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что германскій кодексъ будетъ однимъ изъ образцовыхъ въ Европѣ, — и отъ души радуемся этому. Мы всегда думали, что родина Канта, Лейбница, Гегеля, Гёте и Гейне, можетъ принести громадную пользу человѣчеству, подъ условіемъ мирнаго развитія ея національной жизни.

Н. Чашниковъ.

*) Который вездѣ уже пополненъ.

Смѣсь.

Литературный альбомъ.

«МОРСКАЯ ЦАРЕВНА» ЛЕРМОНТОВА.

Ни одному изъ европейскихъ народовъ не чуждъ мнѣ о *морской царевнѣ*, являющійся то въ первобытной простотѣ сагъ, то въ поэтической обработкѣ позднѣйшихъ временъ и писателей, напр. въ формѣ очаровательной сказки Андерсена—или въ романтической поэмѣ «Ундина» и проч. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и нашъ русскій поэтъ удѣлилъ этому граціозному вымыслу частицу своего вдохновенія.—Выѣхалъ царевичъ на берегъ моря купать своего коня; гордо высятся вокругъ него прибрежныя скалы, озаряемыя вечернимъ солнцемъ, съ глухимъ ропотомъ набѣгаютъ на нихъ волны морскія, дробятся объ утесъ и осыпаютъ его брызгами бѣлой пѣны... Заглядѣлся царевичъ, задумался—и слышитъ вдругъ въ этомъ говорѣ волнъ, кто-то зоветъ его. Не почудилось ли ему? Нѣтъ, вотъ и конь испугался чего-то, насторожилъ уши, бьется и брызжетъ пѣной во всѣ стороны...

Слышитъ царевичъ: «я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?»

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова;
Въ косу вплелася морская трава.

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: «Добро же, постой!»
За косу ловко схватилъ онъ рукой...

Схватилъ царевичъ дорогую добычу, и не взирая на мольбы и стоны ея, смѣло плыветъ къ берегу, скликаетъ своихъ товарищей, спѣша похвастаться удачей. Въ самомъ дѣлѣ, кому не вскружитъ головы такой подвигъ?—похитить дочь у морскаго царя, у этого страшнаго чудища, который по ночамъ лишь выходитъ изрѣдка на морской берегъ погрѣться на мѣсяцѣ съ своими богатырями, разчесать свою длинную сѣдую бороду, перепутанную прибрежной осокой!... Да еще какую дочь-то—первую красавицу въ мірѣ! Такъ велико самообольщеніе царевича, что онъ ужъ и не оглядывается на свою добычу,—а прямо обращается къ лихимъ друзьямъ своимъ съ похвальбою...: Но тѣ стоятъ предъ нимъ въ смущеніи и страхѣ, не находя словъ какъ отвѣтить царевичу. Оглянулся онъ наконецъ—и вопль ужаса вырвался изъ его стѣсненной груди... Передъ нимъ, вмѣсто дѣвы-красы, лежитъ на пескѣ чудо морское съ зеленымъ хвостомъ, покрытымъ змѣиной чешуею; судорожно свиваются и замирая трепещутъ его кольца; съ чела струями сбѣгаетъ пѣна, очи одѣты предсмертною мглой, блѣдныя руки хватаютъ песокъ и на устахъ ея шевелятся непонятные упреки...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Указомъ Прав. Сенату отъ 1-го октября 1874 г. Высочайше повелѣно: для пополненія арміи и флота призвать въ 1875 г., въ предписанномъ Уставомъ о воинской повинности порядкѣ, *сто пятьдесятъ тысячъ* человѣкъ, полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ въ предстоящій призывъ освобождающія отъ службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени.

— Указомъ Прав. Сенату отъ 12-го октября 1874 г. Высочайше повелѣно: Управленіе Кутаисскою губерніею установить на общемъ, существующемъ въ Имперіи основаніи замѣною званія кутаисскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частью, званіемъ кутаисскаго губернатора, сохранивъ при этомъ подчиненіе Управленія означенною губерніею Намѣстнику Кавказскому на правилахъ, изданныхъ для губерній Закавказскаго Края.

Народное просвѣщеніе.

— Его Императорскому Высочеству Намѣстнику Кавказскому благоугодно было сообщить Министерству Внутреннихъ Дѣлъ о предположеніи Святѣйшаго Патріарха-Католикоса всѣхъ Армянъ устроить при Эчміадзинскомъ монастырѣ Духовную Академію на основаніи составленнаго Его Святейшествомъ проекта правилъ. Представленныя Его Величеству при журналѣ Кавказскаго комитета, правила Эдміадзинской Армянской Духовной Академіи удостоены 1-го октября Высочайшаго утвержденія.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 26-го августа въ Бѣлгородѣ Курской губ. гимназія (въ составѣ 4-хъ низшихъ классовъ и приготовительнаго), 30-го августа въ Мелитополѣ Таврической губ. реальное училище, 12-го сентября въ с. Промзинѣ Симбирской губ. Алатырскаго уѣзда двуклассное начальное народное училище, 22-го сентября въ Прилукахъ Полтавской губ. четырехклассная прогимназія, 26-го сентября въ С.-Петербургѣ шестая четырехклассная прогимназія, и въ Новгородской губ. Устюгскаго уѣзда въ с. Трегубовѣ одноклассное сельское училище; въ сентябрѣ же открыты прогимназіи: Егорьевская въ Казанской губ., Касимовская въ Рязанской губ., Рославльская въ Смоленской и Бѣльская въ Гродненской; 2-го октября въ Балтійскомъ портѣ церковно-приходская школа при православной церкви св. Георгія, 6-го октября въ Одессѣ 2-я классическая гимназія, въ Житомірѣ женская ремесленная школа.

— На открытое 6-го октября, первое послѣ каникулъ народное чтеніе въ Соляномъ-Городкѣ явилось слушателей 460 платныхъ и болѣе 50 безплатныхъ. Въ 1872 году на первое чтеніе явилось 165 слушателей, въ 1873 г. — 350. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ нынѣшнемъ году на уличныхъ афишахъ объ открытіи чтеній объявлено не было, а коммисія ограничилась объявленіемъ о нихъ въ газетахъ и на дверяхъ музея.

Военное и морское дѣло.

— Изъ Аму-дарьинскаго отдѣла сообщаютъ въ «Русскій Инвалидъ» отъ 23-го сентября, что на лѣвомъ берегу Аму, въ Хивинскомъ ханствѣ, положеніе дѣлъ весьма натянуто. Грабежи туркменъ начинаются даже въ окрестностяхъ Хивы. Туркмены-теке изъ Мерва тоже начинаютъ высылать свои шайки; одна изъ нихъ, человѣкъ въ 200, ограбила узбековъ и ата-туркменъ къ югу отъ Питняка. Есть слухъ о намѣреніи шаекъ теке перебраться на нашъ правый берегъ, несмотря на то, что около Кукертли (близь Аму-дарьи. въ бухарскихъ предѣлахъ) выставленъ бухарскій караулъ. Кажется, придется снова повторить январскій набѣгъ на лѣвый берегъ рѣки, чтобы привести къ порядку хивинскихъ туркменъ. Ханъ проситъ нашей помощи.

Почтовый ящикъ.

Барону Р... въ г Свенціаны.

По поводу полученія иногда нашими подписчиками неполныхъ нумеровъ «Нивы» мы уже неоднократно обращались въ Почтовый Департаментъ съ просьбою дозволить намъ высылать нумера «Нивы» гг. иногороднымъ подписчикамъ въ глухихъ заклеенныхъ конвертахъ, но на эти просьбы получали отказъ,—почему и находимся вынужденными заявить объ этомъ своимъ подписчикамъ, чтобы разъ навсегда оградить себя отъ незаслуженныхъ упрековъ подписчиковъ, которые полагаютъ, что редакція, посылая въ открытыхъ бандеролляхъ, выгадываетъ тѣмъ какія нибудь копейки.

СОДЕРЖАНІЕ: Лапландія III. В. И. Немировича-Данченко (съ рисункомъ). — Двуногій волкъ. Романъ И. Каразина (продолженіе). — Домъ сумасшедшихъ. Картина В. ф Каульбаха (съ рисункомъ). — Осенней порой (съ рисункомъ).—Судебная хроника. Дѣло игуменьи Митрофаніи въ московскомъ Окружномъ судѣ. — Политическое обозрѣніе и собственныя корреспонденціи «Нивы». Н. Чашникова — Литературный альбомъ. «Морская царевна» Лермонтова (съ рисункомъ). Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

*) Компаніи пожаловано, наименованіе поставщика Императорско-Королевскаго Австрійскаго Двора.

МЯСНОЙ ЭКСТРАКТЪ КОМПАНІИ ЛИБИХА*)
изъ ФРАИ-БЕНТОСА (въ Южной Америкѣ).
Четыре золотыя медали: Парижъ 1867 (?), Гавръ 1868, Москва (большая) 1872.
Три почетныхъ диплома: Амстердамъ 1869, Парижъ 1872, Вѣна 1873.
Дипломъ „Внѣ конкурса" Ліонъ 1872.

Мясной экстрактъ Либиха не портится и служитъ преимущественно:
Въ домашнемъ обиходѣ: для немедленной придачи супамъ надлежащей крѣпости или для дешеваго ихъ приготовленія съ помощью овощей и костей (какъ свѣжихъ, такъ и отъ жаркаго)
Въ кухнѣ болѣе утонченной: для придачи крѣпкимъ бульонамъ (консомме), соусамъ, рагу, и т. п. особенно пріятнаго вкуса.
„На производство одной фунтовой банки мясного экстракта Компаніи Либиха затрачиваются одинъ пудъ и десять фунтовъ лучшей говядины" (см. указаніе употребленія).

НАСТОЯЩІМЪ следуетъ признать экстрактъ только тогда, когда на этикетѣ каждой банки изображено синею красною: Liebig

Главные Агенты для Россіи: Братья Фохтъ, въ С.-Петербургѣ, В. О., 3 лин., д. Юнкера.
Продается: у Бр. Елисеевыхъ, Я. А. Фохтъ, С. Г. Смурова, Штоль и Шмидтъ, Г. А. Гауфъ и Ко., въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими Товарами и въ другихъ колоніальныхъ, фруктовыхъ и москотильныхъ магазинахъ также и въ аптекахъ.
Каждая банка имѣетъ русское указаніе употребленія и русскую этикетку съ подписью названныхъ Главныхъ Агентовъ: Братья Фохтъ

Чайники, кофейники, сахарницы и сливочники изъ бѣлаго Британскаго металла, никогда неизмѣняющагося, въ магазинѣ мельхіоровыхъ издѣлій

Александра Качъ. Чайники отъ 2½ до 3½ р. Александра Качъ.
Кофейники 3½ » 5 »
Сахарницы 3 » 4½ »
Сливочники 1 » 1½ »

На Невскомъ противъ Думы, въ д. Европейской Гостинницы. Гг. иногородныхъ, прошу присылать при каждомъ рублѣ за 1 фунтъ портовыхъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

При этомъ нумерѣ прилагается полное объявленіе о подпискѣ на „НИВУ" въ 1875 году, на каковое мы просимъ гг. подписчиковъ обратить вниманіе, такъ какъ въ немъ перечислены всѣ наши изданія, которыя мы для нашихъ подписчиковъ продаемъ по значительно уменьшенной цѣнѣ. Гг. подписчики весьма обязали бы насъ, принявъ на себя трудъ ознакомить съ этимъ объявленіемъ кругъ своего общества.

При этомъ № для гг. иногородныхъ подписчиковъ прилагаются объявленія: отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ, и отъ Манухина.

Дозволено цензурою, 4 ноября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесенск. пр., д. № 58

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 47 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 18-го ноября 1874 года. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

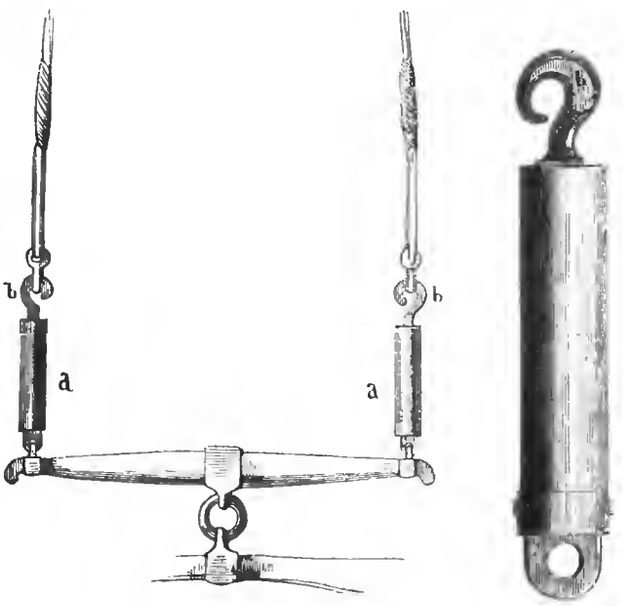
IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи. . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.
Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

Къ слѣдующему (декабрскому) выпуску „Парижскихъ Модъ“ (который будетъ приложенъ при 49 или 50 № „Нивы“) мы прибавимъ особые чертежи **выкроекъ для трехъ костюмовъ.** Подобные чертежи будутъ прилагаться и въ **1875** году, **безъ возвышенія подписной цѣны.**

ФЕРМАНОВЪ АППАРАТЪ ДЛЯ СБЕРЕЖЕНІЯ ЛОШАДИНОЙ СИЛЫ.

Извѣстно, что сдвинуть тяжелонагруженный возъ съ мѣста—гораздо труднѣе, нежели везти его потомъ, когда онъ уже приведенъ въ движеніе, — поэтому и сила, потребная для подъема съ мѣста, гораздо значительнѣе той, которая тратится въ пути. Количество силы, потребной для приведенія воза въ движеніе, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ скорѣе тѣлега переходитъ изъ состоянія покоя въ путевую скорость,—и по произведеннымъ опытамъ вдвое и даже втрое превосходитъ силу, съ которой лошадь везетъ разошедшійся возъ. При тяжелыхъ грузахъ, лошади, всегда старающіяся поднять возъ какъ можно скорѣе, не въ состояніи приложить всей потребной для того силы и стараются сразу рвануть его, обрушиваясь всей тяжестью тѣла въ хомутъ. При этомъ онѣ выбиваются изъ силъ и нерѣдко получаютъ ссадины, не говоря о порчѣ збруи и тѣлеги. Для устраненія этихъ неблагопріятныхъ условій, инженеръ Ферманъ въ Потсдамѣ изобрѣлъ слѣдующій аппаратъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Какъ видно на фиг. 1 a—a, аппараты прикрѣпляются между постромками и валькомъ, такъ что на каждую лошадь нужно два аппарата; при русской упряжи они должны быть укрѣплены между оглоблей и осью. Аппаратъ (фиг. 2) состоитъ изъ снабженнаго осью цилиндрическаго футляра, наполненнаго кольцами изъ каучука въ перемежку съ жестяными кружками. На послѣднемъ, т. е. самомъ заднемъ кружкѣ укрѣпленъ стержень, который, проходя сквозь каучуковыя кольца и прочіе жестяные кружки, выступаетъ съ передняго конца изъ цилиндрическаго футляра и посредствомъ крючка b прицѣпляется къ постромкѣ. Понятно, что лошадь, начиная сдвигать возъ, прежде всего дѣйствуетъ на стержень, вытягивая его изъ аппарата и сжимая такимъ образомъ каучуковыя кольца къ переднему концу футляра; когда же возъ придетъ въ движеніе, не требующее уже прежней силы, то кольца эти



Фиг. 1. Фиг. 2.

Ферманов аппаратъ для сбереженія лошадиной силы. Грав. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

вслѣдствіе своей упругости снова расширяются и втягиваютъ стержень въ аппаратъ. Такимъ образомъ, этотъ послѣдній устанавляетъ эластическую связь между лошадью и возомъ. Опытъ показываетъ, что при этомъ не только подъемъ воза съ мѣста значительно облегчается, но что и толчки на неровностяхъ дороги ослабляются и не утомляютъ лошадь. По этому выгоды, представляемыя этимъ аппаратомъ, неоцѣненны: лошадь гораздо спокойнѣе и охотнѣе подпимаетъ возъ, такъ какъ, вслѣдствіе упругости аппарата, ей съ перваго легкаго усилія кажется, что возъ уже пришелъ въ движеніе, и затѣмъ она постепенно напрягаетъ свои мускулы, стягивая болѣе и болѣе каучуковыя кольца, пока не достигнетъ надлежащей силы, достаточной для сдвинутія самаго воза. Изъ точныхъ опытовъ оказывается, что съ аппаратомъ поднятіе воза облегчается на 11—17%, что средняя сила лошади потребная для перевоза уменьшается на 18—20%, и что вредное дѣйствіе толчковъ на ухабахъ и рытвинахъ ослабляется на 22—33%. Кромѣ того, аппаратъ значительно сберегаетъ ремни сбруи. Аппаратъ равно приложимъ и для обыкновенныхъ городскихъ экипажей. Получать его можно у Фермана и Шванка въ Берлинѣ (Oranienstrasse, 56) и у д-ра Сельника, складъ въ Лейпцигѣ (Pfaffendorferstrasse, 21).

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XVI.

Печальное утро.

Наступило утро, сѣрое, иглистое, удушливое.

Порывы урагана значительно ослабѣли, но по всему лагерю все еще носились цѣлыя тучи песку и пыли. Ураганъ стихъ и замѣнился ровнымъ вѣтромъ, нагонявшимъ на лагерь эти тучи, слѣпившія глаза, затрудняющія дыханіе, мѣшающія ясно видѣть, даже на небольшихъ разстояніяхъ.

Принялись кое-какъ исправлять ночныя поврежденія, — ставить сорванныя палатки, собирать все разнесенное вихремъ по степи. Разослали по разнымъ направленіямъ усиленные козачьи разъѣзды.

Вѣсть о случившемся ночью несчастіи облетѣла уже весь лагерь. Тяжело было на сердцѣ у всѣхъ, отъ генерала до послѣдняго солдата; грусть и тоска отражались въ каждомъ взглядѣ, а подчасъ и слезинки сбѣгали по загорѣлымъ лицамъ, оставляя на щекахъ грязныя отъ пыли полосы. Не нашлось бы ни одного, кто-бы не желалъ, цѣною какого угодно самопожертвованія, помочь горю,—а помочь, всякій ясно сознавалъ, не было ни какой возможности, по крайней мѣрѣ въ данную минуту.

Когда разсвѣло на столько, что можно было разсмотрѣть слѣды ночной катастрофы, дѣло оказалось въ слѣдующемъ положеніи:

Палатка Натальи Мартыновны было повалена вѣтромъ; одною своею стѣнкою она прикрыла все тамъ находившееся; рѣзкими углами выступали изъ-подъ полотна спинка желѣзной кровати, углы чемодановъ, еще какой-то кованный желѣзомъ уголъ, прорвавшій полотно, и разные другіе предметы незатѣйливаго, походнаго быта.

Крыша отнесена было шаговъ на двадцать и застряла въ песчаномъ наносѣ, уткнувшись въ него концами своихъ заостренныхъ реберъ; словно громадный, исковерканный бурею, зеленый зонтикъ—виднѣлась она сквозь пыль, все еще парусила и вздрагивала отъ ударовъ вѣтра.

Другая стѣнка, разорванная пополамъ, лежала ближе; изъ подъ нея торчали до колѣнъ босыя ноги, одѣтыя въ рваныя кожаныя чамбары; вытащили—оказался трупъ съ проколотымъ штыкомъ бокомъ, съ головою, размозженной ударомъ увѣсистаго приклада. Присмотрѣлись—узнали: это былъ одинъ изъ тѣхъ четырехъ мнимыхъ работниковъ бухарскаго купца, изъ разграбленнаго каравана...

Немного подальше, солдаты, тѣсною толпою, обступили еще одного лежащаго: это былъ старикъ Дементій, оглушенный ударомъ въ голову; несчастный лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни; въ конвульсивно-сжатомъ кулакѣ его виднѣлся клокъ верблюжьяго сукна—цѣлая пола халатная.

Три солдата тащили волокомъ по песку еще одного убитаго; за тѣломъ безобразно волочились оборванные лоскутья халата, перемазанные кровью и грязью...

— Иранца того, собаку, ухлопали, говорили тащившіе.— Онъ, видно, не тутъ околѣлъ, — подальше отползъ; мы его, инда, у самой цѣпи отыскали...

— Тамъ за цѣпью лошадь подстрѣленная лежитъ, но изъ нашихъ, замѣтилъ казакъ, сопровождавшій тащившихъ. — Знать, дьяволы, къ Адамъ-Крылгану погнали; слѣду-то, окромя этой падали, не видать, — все чисто замело ураганомъ!...

Въ карауленѣ, гдѣ находился Атамкулъ, нашли трупъ солдата часоваго, самого же плѣнника и слѣдъ простылъ; два три отпечатка босыхъ ногъ виднѣлось тутъ же,—Богъ вѣсть какъ эти отпечатки уцѣлѣли...

Ясное дѣло было, кто былъ виновникъ всего произшедшаго. Атамкулъ не удовольствовался представившимся ему случаемъ къ побѣгу и спасенію, онъ еще хотѣлъ захватить съ собою слишкомъ дорогую, богатую добычу. Онъ и захватилъ ее, только отчасти. Маленькаго Пети нигдѣ не могли отыскать, ни живаго—ни мертваго.

Наташу привели въ чувство. Она не плакала, не жаловалась,—она молчала; но въ этомъ безмолвіи было столько страданій, столько горя, что ни у кого изъ окружающихъ не хватало силы не только пытаться утѣшать ея словами, но даже смотрѣть на нее... Также молча, потупивъ глаза въ землю, стояли вокругъ нея офицеры...

— Да вы бы... началъ было одинъ изъ нихъ, разрыдался вдругъ какъ ребенокъ и ушелъ поскорѣе подальше,—что, молъ, еще больше разстраивать, своими, неумѣстными слезами...

Словно окаменѣвшая статуя, сидѣла Наташа на одномъ изъ чемодановъ; глаза ея смотрѣли апатично, безъжизненно словно стеклянные; густая прядь русыхъ волосъ свисла со лба на лицо; обнаженное плечо виднѣлось сквозь, разорванное во время борьбы, платье... Это плечо слегка вздрагивало, только вѣрно не отъ холода.

Кустиковъ снялъ съ себя пальто и накинулъ его на плечи Наташи, она даже и не замѣтила этого...

Солдаты ставили ея палатку и переговаривались шопотомъ; толстенькій докторъ примачивалъ голову Дементію; фельдшеръ изъ жидковъ суетливо приготовлялъ инструменты для кровопусканія и шепотомъ спрашивалъ «полотенчика и чашечку»...

Поставили палатку, исправили поврежденія, привели все въ порядокъ.

— Ну, голубушка моя, пойдемте, родная... подошелъ къ Наташѣ докторъ. — Лягте въ постельку, отдохните, капельки дамъ вамъ, пріймите... Ну, пойдемте-же...

— Куда?... глухо такъ, почти безсознательно произнесла Наташа...

— Господа, подсобите поднять, возьмите вотъ такъ подъ мышки, суетился докторъ.—Ну, вотъ и отлично... да лягте-же, лягте... Дастъ Богъ оправитесь, ободритесь; вѣдь вы молодецъ у насъ... А тамъ можетъ все къ лучшему... можетъ найдутъ...

Наташа громко, пронзительно крикнула и опять впала въ безпамятство.

— Эхъ, я скотина! ударилъ себя по лбу докторъ. — Это я ее словомъ «найдутъ» донялъ такъ... Ахъ я старый дуракъ!...

Библиотека "Руниверс"

Остановившаяся у палатки лошадь храпнула и начала рыть песокъ ногою. Съ сѣдла слѣзъ генералъ, бросилъ казаку поводья и вошелъ въ палатку.

— Ну, что? какъ?... началъ онъ, осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на лежащую уже на кровати Наталью Мартыновну, развелъ руками и вышелъ...

А разъѣзды еще не возвращались. Хромой казакъ былъ въ одномъ изъ нихъ... Онъ еще до разсвѣта ушелъ съ своею полусотнею... Отъ него было уже двѣ вѣсти въ лагерь: одну привезъ казакъ, съ просьбою выслать вслѣдъ за нимъ какое нибудь подкрѣпленіе, на всякъ случай; другую вѣсть привезъ джигитъ туземецъ, — и эта послѣдняя вѣсть заронила въ души оставшихся въ лагерѣ свѣтлую искру—надежды.

«Я на слѣду» только и было сказано въ запискѣ карандашемъ на клочкѣ газетной бумаги.

О всемъ случившемся уже производилась самое тщательное слѣдствіе.

ГЛАВА XVII.

Въ разъѣздѣ.

Полною рысью гнали казаки. Полу-сотня растянулась на большое разстояніе... Всадники, нагибаясь съ сѣделъ, приприглядывались къ каждому слѣдку на пескѣ, къ каждой подозрительной ямкѣ, пристально всматривались вдаль, оглядывались по сторонамъ,—и все гнали и гнали впередъ безостановочно, похлестывая нагайками своихъ коренастыхъ мошнатчковъ, худо поенныхъ, худо кормленныхъ, безотвѣтныхъ, всевыносливыхъ...

Хромой казакъ несся впереди; около него, привставъ на стременахъ, подпрыгивалъ молодой юнкеръ-казакъ и старикъ урядникъ съ роскидистою бородою, рыжею съ просѣдью; на армячинной рубахѣ его виднѣлись два креста...

Всѣ внимательно слушали, еще того внимательнѣе вглядывались, изрѣдка перебрасывались короткими замѣчаніями...

Эта полусотня очень похожа на стаю гончихъ впущенныхъ въ кнею *); даже это отрывочное переговариваніе напоминало нѣсколько тявканье и ворчню собакъ, еще не попавшихъ на слѣдъ; что называется—не справившихся...

— Замело! потрясъ головою урядникъ съ крестами и подхлеснулъ своего бѣлоногаго...

— Не слишкомъ ли забрали мы вправо, эссаулъ? перѣшительно вставилъ свое замѣчаніе юнкеръ.

— Въ самый разъ гонимъ, авторитетно произнесъ урядникъ,—больше никуда, какъ «туда».

А эссаулъ ничего не отвѣчалъ, глаза его пристально устремлены были впередъ, на ту черту, что уже ясно опредѣлилась разсвѣтомъ, волнистою темною линіею...

— Коли «они» на нашихъ коняхъ дуютъ, что у насъ въ лагерѣ украли, говорилъ урядникъ,—то далеко не уйдутъ... а коли имъ тутъ свѣжихъ подготовили, — ну, тогда «пошстрѣли-те въ бороду» скверное дѣло! что вѣтеръ въ полѣ, что тюркменъ въ степи,—все едино.

— Стой!..

Одинъ изъ казаковъ чуть не кубаремъ свалился съ лошади, присѣлъ песокъ... разглядываетъ...

— Это что, братцы?..

Остановились.

— Кованная, али нѣтъ?

— Наша подкова—оренбургской ковки... это наша.

— Они!

Песчаный наносъ, словно ворвавшійся въ промежутокъ между двухъ барховновъ, пересѣкалъ дорогу, а за этимъ наносомъ виднѣлась полоса чистая, съ которой все смело вѣтромъ, и на этой полосѣ ясно сохранились нѣсколько конскихъ слѣдовъ... Эти-то слѣды и разсматривали теперь остановившіеся казаки...

— Они!—кому быть другому?!..

Джигитъ-туземецъ и Досщакъ-лауча находились при этомъ же разъѣздѣ. Оба всадника значительно опередили полусотню... Старикъ Досщакъ такъ и носился передъ казаками, какъ борзой песъ передъ гончими; то онъ вскакивалъ на гребни барховновъ, приглядывался, принюхивался, прислушивался, то снова пускался въ лощину, исчезалъ на нѣкоторое время, и снова появлялся гдѣ-нибудь,—совершенно тамъ, гдѣ его не ожидали.

— Экъ старается нашъ Досщанка! покачивали головами казаки, слѣдя за юркимъ наѣздникомъ.

— Эй, тюра (начальникъ), это что? подскакалъ онъ къ хромому казаку, держа въ рукѣ замаранную, красную ленточку... —За тѣмъ вонъ бархономъ—мало-мало стоялъ, лошадь дышать давалъ—песокъ мокрый—и это вотъ лежалъ...

— Поясокъ Петинъ, вздохнулъ казакъ; глаза у него вспыхнули, даже на щекахъ показался пятнистый румянецъ...

Пользуясь минутной остановкой, казачьи кони перевели духъ, нѣкоторые успѣли поваляться на пескѣ (привычка степныхъ лошадей), встряхнулись и погнали дальше.

Отсюда-то хромой казакъ послалъ джигита въ лагерь съ своею короткою, лаконическою запискою.

Направленіе, выбранное погонею, оказалось вѣрнымъ. Подошли къ тому мѣсту, о которомъ говорилъ Досщакъ... Да, такъ; это они здѣсь останавливались... Слѣды были только трехъ лошадей; съ Атамкуломъ должно было быть пять человѣкъ, онъ шестой; два трупа осталось въ лагерѣ, конскій трупъ найденъ одинъ, значитъ — на трехъ лошадяхъ было четыре всадника, на одной изъ нихъ сидѣло двое... Свѣжихъ лошадей не было заготовлено, какъ предполагалъ урядникъ... Бѣглецы, на основаніи всѣхъ этихъ соображеній, не должны быть далеко,—кони ихъ утомились, особенно тотъ, что несъ на своей спинѣ двухъ... Кромѣ этихъ слѣдовъ, никакихъ другихъ не было; это доказывало отсутствіе по близости непріятельскихъ партій... Да если бы и встрѣтилась небольшая партія въ сто, или нѣсколько болѣе, всадниковъ, то для хорошо вооруженной казачьей полусотни она была не страшна... Оставалось не терять времени—его и не теряли.

Ободренные первою удачею, казаки съ новой энергіею продолжали преслѣдованье...

Вотъ еще что-то виднѣется впереди... Это лежитъ павшая лошадь... Ноги животнаго судорожно вытянуты, брюхо вздулось, какъ бочка, глаза на выкатѣ... Съ одной стороны навалило на трупъ цѣлый сугробъ песку...

— Знать давно лежитъ она тутъ, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ, указывая на этотъ наносъ.

— Теплая еще... освидѣтельствовалъ урядникъ. — Песокъ что! песку долго ли занести, коли вѣтеръ силенъ... Околѣла коняка може полчаса времени—не больше... Вотъ и ногу согнуть можно; не закостенѣла...

Опять видѣнъ слѣдъ... Теперь уже между отпечатками копытъ нашли и отпечатки босыхъ ногъ. Шагъ широкій, размашистый; пальцы глубоко уходятъ въ песокъ, пятки чуть къ нему прикасаются. Бѣжитъ разбойникъ за стремя держась, отъ того и шагаетъ такъ широко... Теперь близко. Эдакимъ манеромъ далеко не уйдутъ...

Лицо хромаго казака сіяло надеждою, радостью... «Еще нѣсколько минутъ», думалъ онъ... «Вотъ, можетъ, за тѣми бархонами»...

— Гей! словно изъ одной груди вылетѣлъ общій крикъ—крикъ изумленія, восторга... Досщакъ лауча взвизгнулъ, словно его въ бокъ кольнули...

Не болѣе, какъ въ ста шагахъ впереди ихъ, изъ лощины, вялою, утомленною рысью выѣхалъ всадникъ... Всѣ разомъ узнали эту широкую, сутуловатую спину... Всадникъ одною рукою обхватилъ что-то маленькое, завернутое въ халатную полу, въ этой же рукѣ были у него поводья; другая рука, вооруженная плетью, безпощадно била несчастную лошадь по головѣ, по крупу, подъ брюхо, по чемъ ни попало... За этимъ всадникомъ, цѣпляясь за песокъ руками выбиралось изъ лощины двое пѣшихъ, въ однихъ рубахахъ... они озирались, какъ волки и силились догнать передняго, чтобы снова уцѣпиться за стремена... Еще показался всадникъ, но у него лошадь уже шла шагомъ, качаясь подъ сѣдломъ, готовая уже пасть отъ изнеможенья.

*) Захваченный для облавы участокъ лѣса — называется кнеею на охотничьемъ жаргонѣ.

Библиотека "Руниверс"

Казаки гикнули и поддали въ карьеръ.

Но въ то же мгновеніе другой гикъ, болѣе громкій, рѣзкій, оглушительный, пронесся по песчанымъ барханамъ, вылетѣлъ изъ каждой лощины.

Все кругомъ запестрѣло черными высокими шапками, грязно-красными халатами... Загудѣла степь отъ топота безчисленныхъ конскихъ ногъ...

Полусотня сбилась въ кучу... казаки инстинктивно послѣзали съ лошадей... Партія тюркменъ, въ нѣсколько сотъ человѣкъ, сплошнымъ кольцемъ окружила полусотню и охватила уральцевъ справа, слѣва, сзади и спереди.

— А! поштрѣли-тѣ въ бороду! проворчалъ старикъ-урядникъ и закачался на сѣдлѣ...

— Убили, убили... братцы!.. какъ снопъ повалился съ сѣдла еще одинъ изъ казаковъ.

— Держись плотнѣй!.. коней береги!.. не выпускай поводьевъ! крикнулъ хромой казакъ.—Не робѣй!.. Отобьемся!..

Первые выстрѣлы не были слышны казакамъ.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Литературный альбомъ.

«Бѣсы» Пушкина.

Желѣзная дорога какъ-бы сдвинула между собой далекіе углы нашего необъятнаго отечества, но убила всякую поэзію въ путешествіи. Можно ли разсчитывать на какія-либо ощущенія, когда прямо изъ комнатъ своего дома, въ самомъ разгарѣ зимы, переходишь въ теплую комнату вагона и черезъ пять-шесть часовъ пріятной бесѣды въ многолюдномъ обществѣ выходишь на дебаркадерѣ верстъ за двѣсти отъ мѣста отправленія? То ли дѣло была ѣзда зимой на почтовыхъ, въ мятель, въ пустынныхъ трущобахъ какой-нибудь глуши, со всѣми опасностями недобрыхъ встрѣчъ? У страха глаза велики: даже деревья принимали во мглѣ видъ грозныхъ призраковъ, самый снѣгъ оживлялся и принималъ тѣлесныя формы... Но предоставимъ говорить нашему поэту.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду-ѣду въ чистомъ полѣ,
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Страшно, страшно по неволѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!... — «Нѣтъ мочи:
Коиямъ, баринъ, тяжело!
Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
Всѣ дороги занесло;
Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно
Да кружитъ по сторонамъ».

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
Дуетъ, плюетъ на меня;
Вонъ-теперь въ оврагъ толкаетъ
Одичалаго коня;
Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ въ тьмѣ пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ;
Колокольчикъ вдругъ умолкъ;
Кони стали... — Что тамъ въ полѣ? —
«Кто ихъ знаетъ: пень, иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе хранятъ;
Вонъ ужь онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ, куда ихъ гонятъ?
Что тамъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдьму ль замужъ отдаютъ?

Мчатся тучи, вьются тучи,
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій,
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ,
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ,
Надрывая сердце мнѣ...

Какъ ихъ судить?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Продолженіе).

Вскорѣ Дребезгинъ повезъ жену за границу. Поѣздка эта не принесла никакого удовольствія молодой женщинѣ: она ѣхала съ человѣкомъ, къ которому чувствовала отвращеніе. При видѣ очаровательнаго ландшафта, историческаго памятника или замѣчательной картины, ей не съ кѣмъ было подѣлиться впечатлѣніемъ, разспросить и побесѣдовать. Зимою, въ Петербургѣ, Алевтина заболѣла; а потомъ хотя и выздоровѣла, но съ наступленіемъ весны ее посѣтила загадочная болѣзнь, безсонница, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, и всѣ прописываемыя ей медицинскія средства почти не приносили пользы. Врачи посовѣтовали мужу ѣхать на югъ, и Дребезгинъ избралъ Екатериновку. Свѣжій деревенскій воздухъ, въ которомъ постоянно находилась Алевтина Михайловна, и довольно дальнія прогулки на лошади — поправили ея здоровье весьма значительно, однако сонъ у ней все еще не появлялся въ надлежащей мѣрѣ. Екатериновка приходомъ была приписана къ городу и, для исполненія духовныхъ требъ, екатериновцы должны были отправляться въ городъ за семь верстъ. Объ учрежденіи въ Екатериновкѣ церкви или молитвеннаго дома хлопоталъ и мѣстный благочинный и сами жители, но они принуждены были отложить выполненіе этого намѣренія на нѣсколько лѣтъ. Алевтина ломала голову, какъ бы помочь имъ, совѣтовалась съ благочиннымъ, сельскимъ старшиною и стариками, пользовавшимися довѣренностью односельцевъ, но видѣла одинъ исходъ — въ денежномъ вспомоществованіи, покрайней мѣрѣ, въ пять тысячъ рублей серебромъ,—и Алевтина дала имъ торжественное слово въ самомъ непродолжительномъ времени помочь этими деньгами. Она рѣшилась испросить эти деньги у мужа, а въ случаѣ его отказа обратиться къ Мономаховымъ, съ

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. «Бѣсы» Пушкина. Рис. Н. Каразинъ, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ, чтобы потомъ онѣ были удержаны изъ дохода отъ домовъ. Она твердо была убѣждена, что Мономаховы не откажутъ въ ея просьбѣ, тѣмъ болѣе что они неоднократно убѣждали ее получать самой доходъ и выдавать его отъ себя мужу, по своему усмотрѣнію; но, въ избѣжаніи домашнихъ ссоръ, Алевтина не согласилась на это. Для приступа къ своей просьбѣ молодая женщина ждала добраго расположенія духа Дребезгина, питая слабую надежду, что, можетъ быть, дѣло между ними кончится мирно. Въ одинъ день Дребезгинъ былъ особенно веселъ; наканунѣ онъ былъ на пмянинахъ у мѣстнаго предводителя дворянства, имѣвшаго у себя хорошій конскій заводъ, и выигралъ у него въ карты чистой англійской породы скаковую лошадь подъ дамское сѣдло. Послѣ обѣда Алевтина собралась кататься на своей лошади, подаренной ей мужемъ, когда онъ еще былъ женихомъ.

— Если лучше осѣдлать новую, не бойся! предложилъ ей Дребезгинъ, — я самъ поѣду тебя провожать.

Алевтина согласилась. У нея блеснула мысль во время прогулки, пользуясь его расположеніемъ духа, передать свою просьбу.

Супруги благополучно выѣхали изъ Екатериновки и направили свой путь по дорогѣ къ городу легкой рысцей. Разговоръ поддерживалъ Дребезгинъ, съ увлеченіемъ разсказывавшій своей женѣ, какимъ образомъ онъ выигралъ на трефоваго валета у предводителя лошадь. Потомъ они пустили лошадей въ галопъ, достигнули города, проѣхали по немъ нѣсколько улицъ и повернули обратно. На возвратномъ пути лошади шли шагомъ. Алевтина обратила вниманіе мужа на красивое мѣстоположеніе вообще, затѣмъ на живописность Екатериновки въ особенности и перешла къ желанію ея жителей построить церковь или молитвенный домъ.

— Прошу тебя: пожалуйста, помоги имъ! Уважь эту первую мою, настойчивую просьбу.

— У меня нѣтъ на это средствъ.

— Нужно немного... Всего пять тысячъ.

— Пять тысячъ? Ты шутишь!.. Дребезгинъ захохоталъ.

— Мнѣ кажется, замѣтила Алевтина, — эту сумму можно употребить изъ получаемыхъ много ежегодно сорока тысячъ рублей. Мы живемъ очень скромно и едва ли издерживаемъ въ мѣсяцъ болѣе тысячи.

— Вы начинаете со мною считаться? злобно спросилъ ее Дребезгинъ.

— Нѣтъ... Но мнѣ необходимо имѣть эту сумму, пять тысячъ, и вы непремѣнно должны мнѣ ее выдать, такъ какъ я дала слово жителямъ дать имъ на постройку молитвеннаго дома.

— Вы дали слово? а подумали-ли вы, что я могу вамъ отказать?.. Вы, пожалуйста, выкиньте это изъ головы и знайте, предупреждаю васъ разъ навсегда, что на удовлетвореніе вашихъ прихотей я вамъ не буду давать ни копѣйки. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, я связалъ себя съ вами!

— Отъ васъ зависитъ, отвѣчала ему молодая женщина, вся измѣнясь въ лицѣ отъ этихъ грубыхъ и жестокихъ словъ, — разстаться со мною, чему я буду очень рада. Послѣ вашихъ словъ я вовсе не желаю жить съ вами подъ одною кровлею и приму къ этому мѣры. Но предупреждаю васъ, что, во всякомъ случаѣ, съ этого дня я сама буду распоряжаться своими деньгами, то есть, оставлять извѣстную сумму на свои нужды, а остальное отдавать вамъ на прокормленіе меня, пока мы не устроимъ судьбу свою раздѣльно. Я завтра же напишу Мономаховымъ.

— Вы не посмѣете это сдѣлать, произнесъ Дребезгинъ, стиснувъ зубы.

— Посмотримъ!

— Я вамъ приказываю... А иначе...

Алевтина засмѣялась. Смѣхъ этотъ раздражилъ ея мужа.

— А иначе, повторилъ онъ въ азартѣ, поднявъ высоко надъ головою правую руку съ хлыстомъ, — а иначе... и не кончивъ фразы, онъ со всего размаха опустилъ хлыстъ на крупъ лошади Алевтины... Непривычная къ такимъ ударамъ лошадь вздрогнула, взвилась на дыбы и, закусивъ удила, помчалась по полю, свернувъ съ дороги, неся на себѣ бившуюся въ сѣдлѣ молодую женщину... Дребезгинъ стоялъ въ ужасѣ, не шевелясь, но потомъ опомнился и пустился за женою; онъ видѣлъ какъ лошадь помчалась къ мѣловой горѣ, перескочила оврагъ и побѣжала легкой рысцой, но уже безъ амазонки... Когда Дребезгинъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала жена его, — она была безъ чувствъ, распростертая на землѣ; подъ головой ея лежалъ булыжникъ въ массѣ темной крови. Дребезгинъ оглянулся, нѣтъ ли гдѣ воды, чтобы подать женѣ какую нибудь помощь, — постоялъ въ нерѣшительности, не зная, взять-ли ему жену съ собою или скакать въ городъ за врачомъ... Послѣднее онъ счелъ лучшимъ, а потому вскочилъ на лошадь и помчался къ городу; но, выскакавъ на дорогу, Дребезгинъ перемѣнилъ свое намѣреніе: навстрѣчу ему ѣхали верхами трое молодыхъ офицеровъ, изъ которыхъ въ одномъ, по особой формѣ на немъ, онъ узналъ врача. Дребезгинъ сейчасъ-же остановилъ его, разсказалъ о несчастномъ происшествіи, умолчавъ конечно о причинѣ его, и просилъ немедленной помощи. Онъ не замѣтилъ, какъ измѣнилось лицо молодаго врача, когда онъ подъѣхалъ къ нему и началъ излагать свою просьбу. Врачъ даже не дослушалъ до конца разсказъ, онъ только попросилъ его съѣздить за экипажемъ для больной и поскакалъ къ мѣсту, гдѣ произошелъ несчастный случай, попросивъ слѣдовать за собою одного изъ офицеровъ, молодого грузина, служившаго въ ихъ полку казначеемъ, князя Кохтаева, — для того, чтобы въ случаѣ надобности, его можно было послать за помощью въ городскую аптеку.

— Не безпокойтесь, если только есть какая нибудь возможность спасти вашу супругу, положитесь вполнѣ на нашего врача... М-г Заварницкій — рѣдкій хирургъ и прекрасный врачъ, замѣтилъ оставшійся съ Дребезгинымъ офицеръ.

— Все такъ... Я вѣрю... Но мнѣ бы хотѣлось консультаціи... Сдѣлайте милость, обяжите меня, поѣзжайте въ городъ пригласить отъ моего имени уѣзднаго врача... Я-же поскачу въ деревню, распоряжусь объ экипажѣ, чтобы перевести жену въ домъ, и захвачу съ собою все нужное...

Офицеръ увѣрилъ Дребезгина въ готовности служить. Доскакавъ до Алевтины, они распрощались и повернули въ разныя стороны. Заварницкій, спрыгнувъ съ лошади, на мгновеніе остановился и упалъ на колѣни...

— Знаешь-ли ты, кто это? спросилъ онъ князя Кохтаева.

— Она?

— Да!

— Я же давно тебѣ говорилъ о пріѣздѣ Дребезгина. Ты говорилъ, что это не тотъ?

— Я скрывалъ отъ тебя... Слава Богу, вскричалъ онъ, осмотрѣвъ лежащую, — она будетъ жива!.. Черепъ поврежденъ слегка, контуженъ; немедленной опасности никакой нѣтъ... Она въ обморокѣ, который, можетъ быть продолжителенъ... Нужно скорѣе сдѣлать перевязку... Она не дышетъ...

Заварницкій поспѣшно сдѣлалъ изъ носоваго платка перевязку на голову больной, скинулъ съ себя пальто, переложилъ Алевтину на другое мѣсто въ удобную позу и началъ качать ея руки, для возбужденія искуственнаго дыханія.

— Хорошо, сказалъ, немного погодя, Заварницкій, — всѣ жизненныя отправленія есть, пульсъ бьется... Нужно уложить ее поудобнѣе, позаботиться о ранѣ и доставить ей покой. Если она страдала безсонницей, то можетъ проспать нѣсколько дней. Я думаю, что кровь бросать совершенно излишне, хотя у меня инструменты съ собою. Отдохнемъ, князь. Но, Боже! какъ она перемѣнилась!...

— Какая прелестная женщина! замѣтилъ князь Кохтаевъ, стоя поодаль Алевтины и любуясь ею.

— Прелестна?... спросилъ его Заварницкій, — если-бы ты видѣлъ ее прежде! Прежнюю цвѣтущую здоровьемъ дѣвушку и узнать нельзя въ ней, за эти полтора-два года. Она, должно быть, глубоко несчастна!...

Князь Кохтаевъ, съ которымъ онъ былъ очень друженъ, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на печальное лицо доктора и на

Библиотека "Руниверс"

его заботливость о больной, пуская огромные клубы дыма отъ сигары.

Заварницкій вынулъ памятную книжку, вырвалъ листокъ и написалъ на немъ рецептъ.

Друзья разстались. Чрезъ нѣсколько минутъ прискакалъ Дребезгинъ, затѣмъ пріѣхали уѣздный врачъ и товарищъ Заварницкаго и по дорогѣ показалась мчавшаяся карета. Уѣздный врачъ, господинъ Шниперовъ, былъ толстый, не молодыхъ лѣтъ мужчина, твердо державшійся старыхъ пріемовъ въ медицинѣ,—тогда какъ Заварницкій, въ большинствѣ случаевъ, строго держался новой системы; кромѣ того, конкуренція Заварницкаго подрывала значительно его практику,—поэтому Шниперовъ, при всякой возможности, не пропускалъ случая выставить своего собрата въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ въ глазахъ публики, состоявшей изъ полныхъ профановъ въ ихъ спеціальности. Шниперовъ познакомился съ Дребезгинымъ у предводителя дворянства, ведя крупную карточную игру, а послѣ знакомства сталъ посѣщать его въ качествѣ домашняго врача, хотя и не получалъ на это офиціальнаго приглашенія. Выслушавъ снисходительно взглядъ Заварницкаго на болѣзнь Дребезгиной и о тѣхъ мѣрахъ, которыя тотъ принялъ, Шниперовъ пришелъ въ ужасъ, когда узналъ, что при Заварницкомъ были инструменты для кровопусканія, и онъ все-таки не бросилъ ей кровь.

— Если она умретъ, вы, милостивый государь, ея убійца! кричалъ горячась Шниперовъ,—я не отвѣчаю за ея жизнь... Нужно, сейчасъ-же, пустить кровь — и онъ приступилъ къ операціи.

— Но, помилуйте! возражалъ Заварницкій, — вы только напрасно лишите ее крови, обезсилите и, можетъ быть, сдѣлаете этимъ общую потерю силъ и обморокъ гораздо продолжительнѣе... Всѣ признаки полной жизни у нея есть. По моему мнѣнію, ей болѣе ничего не нужно, какъ компрессы на голову, растираніе полости груди и висковъ, а главное — покой.

— Вы думаете?... спросилъ его съ миной величайшаго сожалѣнія Шниперовъ и отвернулся. Дребезгинъ замѣтно раздѣлялъ мнѣніе Шниперова. Заварницкому не оставалось ничего болѣе какъ раскланяться, что̀ онъ бы не замедлилъ и выполнить, если бы дѣло не шло о жизни любимой имъ женщины. Видя, что онъ не удаляется, Шниперовъ бросалъ на него насмѣшливые взгляды. Бросили кровь. Жаръ у больной дѣйствительно уменьшился, но за то градусъ пульса понизился. На рану наложили пластырь. Послѣ этого, больную бережно перенесли на носилкахъ въ карету. Собираясь двинуться въ путь, Дребезгинъ обратился къ Заварницкому. Онъ совершенно не помнилъ, что видалъ его нѣсколько разъ въ домѣ Мономаховыхъ.

— Очень вамъ благодаренъ, докторъ! сказалъ онъ, подавая ему руку. Заварницкій почувствовалъ въ ней ассигнацію.

— За что-же? спросилъ онъ,—я не оказалъ вашей супругѣ никакой помощи.

— Я отнялъ у васъ время...

Заварницкій угрюмо поклонился и, повернувшись къ лошади, сталъ садиться. Но онъ не уѣхалъ до тѣхъ поръ, пока отъѣзжавшая карета не скрылась изъ виду... При въѣздѣ въ городъ, имъ повстрѣчался скачущій во весь опоръ князь Кохтаевъ съ пузырькомъ въ рукѣ.

— Задержали въ проклятой аптекѣ, крикнулъ онъ Заварницкому,— чортъ знаетъ, сколько времени... но, видя свѣсившуюся голову врача, ѣхавшаго на лошади шагомъ, князь замолчалъ и поѣхалъ рядомъ съ другимъ товарищемъ.

— Отчего Заварницкій не при больной? спросилъ онъ его.

— Я привезъ Шниперова, отвѣчалъ офицеръ,—и Дребезгинъ предпочелъ его Заварницкому... Что сдѣлалось съ нимъ? продолжалъ онъ:—Заварницкій даже не отвѣчалъ мнѣ дорогой на мои вопросы... Неужели онъ такъ огорчился замѣчаніями Шниперова? Они поспорили: слѣдовало-ли, или нѣтъ, больной бросить кровь.

— Не мѣшай ему, посовѣтовалъ князь своему товарищу:— на него, ты знаешь, находитъ иногда тоска... Поѣзжай-ка лучше домой, а я возьму его къ себѣ.

Около ограды одной церкви Заварницкій остановился и, слѣзши съ лошади, опустилъ въ прибитую къ воротамъ кружку данныя ему Дребезгинымъ деньги.

На утро, по всему Новогрунтовску пролетѣла вѣсть, что молодая Дребезгина изъ Екатериновки, вчера вечеромъ упавшая съ лошади, уже умерла,—и виновникомъ ея смерти былъ полковой врачъ Заварницкій, который во-время не бросилъ ей кровь, хотя нужные къ тому инструменты были при немъ. Говорили, что когда ее привезли въ имѣніе, въ домъ,—она, мало-по-малу, стала приходить въ омертвѣніе, которое становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ, и наконецъ умерла.

— Быть не можетъ! вскричалъ Заварницкій, когда до ушей его долетѣла эта вѣсть, — они заблуждаются... Прикажи мнѣ осѣдлать лошадь, попросилъ онъ князя,— я сейчасъ-же туда ѣду...

И Заварницкій помчался.

Князь Кохтаевъ занималъ въ Новогрунтовскѣ, для холостаго человѣка, обширную квартиру, состоящую изъ большаго отдѣланнаго дома, со множествомъ комнатъ и мезониномъ. Онъ имѣлъ хорошее состояніе и веселый, сообщительный характеръ, доставившій ему любовь всего полка, но особой дружбой его пользовался одинъ Заварницкій, къ знаніямъ котораго князь Кохтаевъ питалъ безпредѣльное уваженіе. Въ дѣтствѣ своемъ князь былъ очень бѣденъ и получилъ самое незначительное образованіе; состояніе досталось ему отъ дяди уже впослѣдствіи, когда онъ состоялъ на службѣ. Этотъ недостатокъ образованія составлялъ больное мѣсто самолюбія князя, онъ стыдился своего невѣжества, желалъ пополнить сумму своихъ знаній,—но ложный стыдъ, боязнь насмѣшекъ товарищей мѣшали ему пригласить къ себѣ учителя; изъ среды же ихъ онъ не видѣлъ человѣка, которому онъ могъ бы довѣриться и который владѣлъ бы достаточнымъ знаніемъ и педагогическими способностями. Когда-же въ полкъ ихъ прибылъ Заварницкій, князь Кохтаевъ призналъ его именно за такого человѣка, который былъ ему нуженъ. Заварницкій также угадалъ желаніе князя и, въ разговорѣ наединѣ, предложилъ ему свои услуги. Работы Заварницкому съ княземъ было много; пришлось начать почти съ азбуки. Все это дѣлалось въ секретѣ отъ товарищей. Князь былъ понятливъ, учился прилежно и, какъ мальчикъ, съ довѣріемъ къ знаніямъ и съ почтеніемъ, глядѣлъ на своего наставника. Князь и Заварницкій были ровесники по годамъ; въ натурахъ ихъ было много общаго; каждый изъ нихъ находилъ въ другомъ симпатическія стороны. Къ тому-же, и у князя была довольно грустная повѣсть любви, которою онъ хотѣлъ подѣлиться съ другомъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ они повѣрили другъ другу свои тайны, и между ними завязалась тѣсная дружба.

Князь Кохтаевъ тревожно прохаживался по кабинету, съ нетерпѣніемъ поджидая возвращенія Заварницкаго изъ Екатериновки. Часы казались ему цѣлыми сутками.

— Ну, что? спросилъ онъ, когда Заварницкій вошелъ въ комнату и кинувъ на столъ кепи, утомленный бросился на диванъ, — видѣлъ? правда?...

— Да... Ее считаютъ мертвою.

— А ты?...

— Сомнѣваюсь... Убѣжденъ даже, что она жива... Я говорилъ объ этомъ, но меня не слушаютъ. При ней Шниперовъ... Ее завтра хоронятъ... Я не знаю, на что мнѣ рѣшиться; здѣсь не послушаютъ моего офиціальнаго протеста... Нужно удержать погребеніе силою... Помоги мнѣ! посовѣтуй! сказалъ умоляющимъ голосомъ, рыдая Заварницкій, привставъ съ дивана и охватывая руками шею Кохтаева.— Я такъ разстроенъ, что ничего не придумаю...

— Успокойся! утѣшалъ его князь, усаживая на прежнее мѣсто,— даю тебѣ слово, что я не брошу тебя, какой-бы ни подвергнулся отвѣтственности... Подожди... Не принимай никакихъ мѣръ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не возвращусь изъ Екатериновки. Ты еще не былъ сегодня въ полковомъ лазаретѣ? Поѣзжай туда и осмотри больныхъ, а я поѣду въ Екатериновку... Часа черезъ два я уже буду дома.

Библиотека "Руниверс"

Заварницкій послѣдовалъ совѣту князя и машинально взялся за кепи...

Возвратившись изъ лазарета, онъ еще не засталъ князя дома, хотя они выѣхали вмѣстѣ. Князь возвратился гораздо позже обѣщаннаго, на губахъ его играла улыбка.

— Неужели жива? замѣтя его, спросилъ обрадованный Заварницкій.

— Нѣтъ!... Но, если ты не ошибаешься, то и слава Богу! Пусть ее хоронятъ!...

— Что это значитъ? ты смѣешься надо мной—и въ такое время! укоризненно произнесъ Заварницкій.

— Ты это сейчасъ узнаешь, отвѣчалъ Кохтаевъ, запирая дверь въ кабинета на ключъ, чтобы ихъ никто не могъ слышать...

V.

Алевтину Михайловну Дребезгину хоронили съ большими церемоніями и торжественностью, въ сопровожденіи городскаго духовенства со всѣхъ церквей, соборныхъ пѣвчихъ и множества сосѣдей. За печальной процессіей слѣдовали длинные ряды экипажей окрестныхъ помѣщиковъ и городскихъ жителей; со всѣхъ сторонъ ее окружали массы любопытныхъ разныхъ лѣтъ, половъ и званія, начиная отъ дома Дребезгина въ Екатериновкѣ до городскаго кладбища, находившагося при въѣздѣ въ Новогрунтовскъ,—гдѣ Алевтина Михайловна и была погребена въ склепѣ большой фамильной часовни, выстроенной еще предками Дребезгина, которые вѣроятно имѣли постоянное пребываніе въ Новогрунтовскѣ. На деревенскомъ кладбищѣ, въ Екатериновкѣ, не былъ похороненъ ни одинъ изъ Дребезгиныхъ. Лицо Дребезгина при церемоніи было очень печально, и онъ шелъ все время за гробомъ съ непокрытою головою, поддерживаемый съ одной стороны подъ руку Шниперовымъ, а съ другой — уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Гробъ сначала былъ снесенъ въ кладбищенскую церковь, а оттуда, по совершеніи обѣдни и отпѣванія, отнесенъ въ склепъ часовни. Убранная въ гробу гирляндами свѣжихъ розъ, въ бѣломъ платьѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, съ тонкой улыбкой на губахъ и живымъ румянцемъ, Алевтина казалось не мертвою, а счастливой невѣстой, уснувшей въ подвѣнечномъ платьѣ, въ веселыхъ грезахъ. «Точно живая, точно живая...» слышался шопотъ повсюду, но Шниперовъ такъ презрительно посматривалъ на произносившихъ это, какъ будто говорилъ: «Невѣжды, вы ничего не понимаете... Ужъ я лучше васъ знаю, что она умерла». И шопотъ умолкалъ. При пѣніи погребальнаго канона Дребезгинъ выронилъ нѣсколько слезъ. Въ числѣ присутствовавшихъ при погребеніи находились и Заварницкій съ княземъ Кохтаевымъ. Они имѣли крайне тревожныя физіономіи и не спускали глаза съ усопшей до самаго того времени, пока закрыли крышку гроба. Бросивъ по обычаю на гробъ своей жены небольшую горсть земли, Дребезгинъ уѣхалъ съ кладбища въ Екатериновку, гдѣ былъ приготовленъ для приглашенныхъ погребальный столъ. Вслѣдъ за нимъ стали уѣзжать и расходиться зрители... На кладбищѣ остались только въ часовнѣ Заварницкій, князь Кохтаевъ и мастеровые, приступившіе къ задѣлкѣ склепа... Когда эта работа была окончена, часовню заперли на ключъ и доставили его въ Екатериновку — помѣщику. Похоронивъ жену, Дребезгинъ на другой же день уѣхалъ въ Петербургъ. О смерти своей жены онъ не извѣщалъ Мономаховыхъ, потому что они были въ то время заграницею и, слѣдовательно, не могли пріѣхать на погребеніе племянницы. Вообще Дребезгинъ, не любившій никакихъ церемоній, торопился похоронами, чтобы поскорѣе все кончить.

Новогрунтовское кладбище, какъ обыкновенно водится въ уѣздныхъ городахъ, было въ очень жалкомъ видѣ. Оно было обнесено невысокой каменной оградой, мѣстами разрушенной, такъ что въ бреши ея входили и люди и животныя; деревянные ворота давно упали съ петлей и, провалявшись нѣсколько мѣсяцевъ на землѣ, были разобраны бѣдными кладбищенскими сосѣдами на топливо. Въ караулкѣ на кладбищѣ при церкви находился сторожъ, дряхлый инвалидъ, еле двигавшій ноги, съ медалью за 1812 годъ, глухой, исправлявшій свою должность лишь днемъ, тѣмъ, что выгонялъ забредшихъ на кладбище животныхъ; ночью же онъ спокойно и сладко спалъ, въ полной увѣренности, что его покой не можетъ ни кѣмъ быть нарушенъ. Окраины уѣздныхъ городовъ всегда представляютъ маленькіе домишки отъ одного до трехъ оконъ, на половину вросшіе въ землю, землянки и лачужки, наполненныя самымъ бѣднымъ городскимъ людомъ, который проработавъ съ ранняго утра часовъ съ 6-ти, цѣлый день до 6-ти часовъ вечера, въ это время ужинаетъ засвѣтло, чтобы обойдтись безъ свѣчей, и укладывается спать; такъ, что въ девять часовъ вечера въ этихъ мѣстностяхъ нельзя встрѣтить живой души на улицахъ.

Около двѣнадцати часовъ ночи, въ день погребенія Дребезгиной, къ оградѣ Новогрунтовскаго кладбища, со стороны выходившей въ поле, подъѣхалъ экипажъ, запряженный парою лошадей. Изъ экипажа вышло двое мужчинъ въ военныхъ шинеляхъ, держа подъ полами заступы, и въ брешь прошли на кладбище по направленію къ часовнѣ. Ночь была очень темная, небо покрыто тучами и шумѣлъ проливной дождь; такъ что еслибы сторожъ проснулся и вышелъ бы изъ караулки—и тогда онъ едва ли бы могъ замѣтить проходившихъ. Они отперли бывшимъ съ ними ключомъ часовню, зажгли потайный фонарь и принялись усердно за работу—разрытіе склепа.

Когда крышка съ гроба была снята, Заварницкій долго присматривался къ покойницѣ.

— Что? спросилъ у него князь Кохтаевъ.

— Она не просыпалась. Сколько адскихъ мукъ я перенесъ въ эти часы!..

— Ты... посѣдѣлъ... тихо замѣтилъ Кохтаевъ.

— Она могла задохнуться... Мы приняли ничтожныя мѣры... Я проклиналъ себя за свое рѣшеніе и тебя за совѣтъ... Ты не знаешь, чѣмъ могло кончиться дѣло... Но, Господи! ты не захотѣлъ столько жертвъ и смиловался. Знай, Кохтаевъ, что если-бы мы нашли ее мертвою, я бы не вышелъ изъ часовни... Заварницкій вынулъ изъ кармана револьверъ и показалъ товарищу. Тотъ понялъ его и вздрогнулъ.

Вынувъ тѣло изъ гроба, молодые люди укутали его своими шинелями, послѣ чего вновь закрыли гробъ и задѣлали склепъ. За тѣмъ часовня была заперта, тѣло отнесено въ экипажъ и отвезено въ квартиру князя Кохтаева, въ мезонинъ, гдѣ съ этого времени и поселился Заварницкій.

Прошла недѣля, другая, но спавшая летаргическимъ сномъ Алевтина не просыпалась. Князь Кохтаевъ началъ предполагать, что его другъ или заблуждается, или помѣшался,—но Заварницкій, не видя разложенія трупа, не терялъ надежды. Онъ до такой степени измѣнился за это время, что его съ трудомъ можно было узнать, онъ сталъ болѣе похожъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка: впалые глаза смотрѣли дико, лицо осунулось, волосы приподнялись какъ у помѣшаннаго, въ движеніяхъ явилась какая-то неувѣренность и торопливость; каждая бездѣлица, малѣйшее противорѣчіе выводили его изъ себя и повергали въ бѣшенство. Заварницкій выходилъ изъ мезонина только въ лазаретъ по службѣ, отъ прочей практики онъ совершенно отказался—и цѣлые дни и ночи просиживалъ около спящей, ожидая ея пробужденія. Въ комнаты въ мезонинъ входилъ только князь Кохтаевъ, дежурившій при Алевтинѣ во время ухода Заварницкаго въ лазаретъ, и деньщикъ изъ татаръ, посвященный въ тайну, отличавшійся необыкновенною преданностью къ Кохтаеву. Чтобы объяснить истинную причину затворничества Заварницкаго, самъ онъ и Кохтаевъ объявили товарищамъ, что онъ занятъ приготовленіемъ къ экзамену и дисертаціей на степень доктора медицины и хирургіи. По этому его никто не тревожилъ посѣщеніемъ и не безпокоилъ разспросами о рѣзкой перемѣнѣ его характера.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Золотое кадило въ ризницѣ Архангельскаго собора въ Москвѣ,

устроенное на поминокъ по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ (1598).

Кадило, котораго изображеніе мы теперь помѣщаемъ въ точномъ снимкѣ, напоминаетъ прекращеніе Рюрикова рода владѣтелей Руси, послѣ 736-лѣтняго правленія въ Новгородѣ, Кіевѣ, Владимірѣ, Костромѣ, Твери и Москвѣ. По одному уже этому обстоятельству подобная древность должна привлечь на себя вниманіе любознательныхъ патріотовъ; но оригинальность ея формы и соотвѣтствіе съ характеромъ лица поминаемаго — еще болѣе возвышаютъ цѣнность священной утвари, не говоря уже объ интересѣ, возбуждаемомъ чисто техническими достоинствами выполненія. Всѣ эти особенности въ примѣненіи къ одной вещи—утвари, заставляютъ насъ, говоря о ней, коснуться характеристики лица, приводимаго ею на память,— состоянія техники золотаго дѣла въ его время въ Москвѣ и состоянія вообще москвичей, какъ подданныхъ государя всей Россіи въ эпоху передъ возбужденіемъ смутъ, больше двадцати лѣтъ потрясавшихъ общее спокойствіе и безопасность государства, которому не разъ грозила величайшая опасность, устраняемая только беззавѣтнымъ патріотизмомъ истинныхъ сыновъ отечества.

Скажемъ прежде всего о самомъ предметѣ, возбуждающемъ наши настоящія припоминанія.

Кадило устроила вдова царя Ѳедора Ивановича—царица Ирина (по постриженіи Александра) Ѳедоровна, урожденная Годунова, въ Архангельскій соборъ на поминокъ души супруга, перешедшаго съ престола занимаемаго имъ (хотя и по имени только) въ теченіи 14 лѣтъ въ иной, лучшій міръ 7 января 1598 года. Уже самое вступленіе царицы-вдовы въ монашество непосредственно по потерѣ мужа, въ лѣтахъ далеко не старыхъ, указываетъ прямо на ея религіозность, можетъ быть, даже не совсѣмъ заобычную и въ XVI вѣкѣ въ православной Москвѣ. А если мы прибавимъ, что характеръ и правила царственной супруги ни чѣмъ не рознились отъ наклонностей мужа-царя, современниками называемаго «постникомъ и молчальникомъ,» — то самъ собою разрѣшается вопросъ о выборѣ предмета напоминаній о немъ исключительно между предметами и принадлежностями богослуженія. Дѣйствительно, ни по одномъ государѣ не устроено столько цѣнныхъ церковныхъ вещей на поминокъ, какъ по царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, вся жизнь котораго прошла въ обиходномъ отправленіи церковныхъ обрядовъ и моленій — при чемъ любилъ онъ даже и самъ звонить въ колокола августѣйшими своими, скипродержательными дланями, до свѣта поднимаясь къ утрени. Между тѣмъ онъ былъ человѣкъ болѣзненный, и ему больше всѣхъ нужно было оставаться въ теплѣ и даже въ постели. Болѣзненное же расположеніе и слабосиліе съ дѣтства помѣшало, разумѣется, простирать далеко и его книжную мудрость, въ которой первое мѣсто поэтому заняло знаніе наизусть молитвъ и церковнаго обихода, безъ углубленія во внутренній смыслъ твердо-заученнаго. Слѣдовательно, представляясь религіознымъ современникамъ—подданнымъ своимъ—образцомъ христіанскаго благочестія, царь Ѳедоръ Ивановичъ не имѣлъ ни одного изъ качествъ необходимыхъ государю. Что же было бы съ Россіею, если бы промыслъ не снабдилъ—слабаго здоровьемъ и умственными силами порфироноснаго сына Грознаго, на которомъ пресѣклось потомство Рюрика,—братомъ жены его, надѣленнымъ всѣми тѣми качествами, которыхъ не доставало самому вѣнценосцу!.. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, по самому родству своему, оказывался бы и при болѣе самостоятельномъ и талантливомъ монархѣ ближайшимъ совѣтникомъ его, по уму и знаніямъ порядковъ администраціи стоя выше всѣхъ своихъ современниковъ. При царѣ же Ѳедорѣ—младенцѣ во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ—роль Бориса сдѣлалась первою въ государствѣ: все подчинилось его волѣ, исключая царя и царицы — сестры, нѣжно любившей брата. За охраною его заботливости слабый государь могъ продолжать—и неся корону—ту же роль богомольца - обиходника, съ которой сжился онъ съ дѣтства, слѣдуя за отцомъ, къ церковнымъ службамъ, строго и пунктуально. Правда, что Грозный переходилъ изъ храма въ подземелья и застѣнки, не рѣдко; любилъ и топить мрачныя представленія больной мысли—въ обильныхъ изліяніяхъ за столомъ, — но эти обѣ послѣднія черты обихода отца не входили въ кругъ обязанностей сына, содержимаго въ страхѣ и едва ли способнаго когда нибудь и чѣмъ нибудь заявить потребность личнаго стремленія или сильнаго желанія. Съ нимъ, поэтому, и не могло послѣдовать ничего способнаго вредно повліять на здоровье или сокращеніе вялаго существованія, кромѣ самой машинальности простыхъ жизненныхъ отправленій. До 28-лѣтняго возраста онъ и не мечталъ о высокой роли правителя, которая досталась ему за раннею смертью энергическаго старшаго брата. Наслѣдовавъ же отцовскій престолъ, лицо, и вообще обладавшее отсутствіемъ характера, разумѣется, не могло не подчиниться вліянію жены, и черезъ нея—брата. Жена, данная отцомъ царевичу Ѳедору Ивановичу, была болѣе супруга самостоятельна, и во время царствованія мужа, по словамъ Флетчера, «принимала участіе въ общественныхъ дѣлахъ правленія». Впрочемъ, ея участіе выказывалось въ мнованіи и облегченіи участи виновныхъ; поэтому съ именемъ царицы Ирины, въ воображеніи подданныхъ, соединялся образъ общей благодѣтельницы, которая, разсыпая щедроты и милости, не упоминала даже мужа.

Ея вѣроятно вліянію, какъ женщины религіозной,—лишенной отрады воспитать дѣтей своихъ и отъ того тѣснѣе прилѣпившейся къ церкви, — обязана Россія учрежденіемъ патріаршества. Выборъ же лица перваго патріарха, безъ сомнѣнія, принадлежалъ дальновидному ея брату-правителю, въ Іовѣ видѣвшему соединеніе всѣхъ качествъ, ему казавшихся для извѣстной цѣли нужными. Это и не могло быть иначе, при тѣхъ условіяхъ, въ рамки которыхъ поставлена набожная царица при супругѣ. Флетчеръ, напримѣръ, разсказываетъ, что царь Ѳедоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра и ждалъ духовника своего въ спальнѣ, куда и днемъ не достигалъ свѣтъ солнечный, а вѣчно царствовалъ полумракъ отъ лампаднаго освѣщенія у иконъ. Для болѣе удобнаго предаванія себя религіознымъ упражненіямъ, царь съ супругою и жили на разныхъ половинахъ; онъ проводилъ время съ женою не часто, больше и являясь въ ея палаты только на часокъ въ вечернее время, когда тамъ кривлялись и паясничали шуты. Поглазѣвъ на грубые пируэты этихъ увеселителей, царь Ѳедоръ уживалъ только у жены, и спѣшилъ къ себѣ ложиться спать, боясь опоз-

Золотое кадило Архангельскаго собора въ Москвѣ.
Рис. Жерлье, грав. Гюйо.

Библиотека "Руниверс"

дать къ утренней службѣ въ домовой церкви, куда являлась и царица со своей половины; иногда, впрочемъ, государь, помолившись и поцѣловавъ поданный духовникомъ крестъ, шелъ самъ на встрѣчу женѣ, чтобы сопровождать ея величество въ храмъ Божій. Придя же отъ утрени, въ то время длившейся обыкновенно часа три, царь садился отдыхать въ большія кресла и въ это время являлись къ нему приближенные—большею частію монахи и странники — поздравлять съ добрымъ утромъ. Здѣсь, въ креслахъ, просиживалъ государь до звона къ обѣдни, начинавшейся во дворцѣ въ 9 часовъ утра; а воротясь изъ церкви—часовъ въ 11—обѣдалъ и ложился спать до вечерни, которую регулярно же отставалъ. И уже, придя къ себѣ, послѣ вечерни, царь Ѳедоръ прихаживалъ на вечеръ къ женѣ. Обѣдали вмѣстѣ и ночевали супруги только на день *заговѣнья* — передъ постами. Изъ Москвы на богомолье въ подстолничные монастыри ѣзжалъ государь каждую недѣлю. Въ праздникъ взбирался на колокольню трезвонить, для развлеченія. И этому московскому наслажденію—не послѣднему если еще не первому во вкусахъ царя Ѳедора—обязана древняя столица застройкою Ивановской колокольни, не доведенной впрочемъ до конца при дняхъ набожнаго Ѳедора, но уже довершенной при умномъ его преемникѣ, въ тяжелую годину голода.

Съ такимъ взглядомъ на жизнь, и съ такими вкусами и стремленіями, какъ у царя Ѳедора,—чѣмъ же было всего лучше почтить его память и устроить цѣнный вкладъ по душѣ его въ церковь, гдѣ покоятся его остатки, какъ не утварями церковными и не богослужебными принадлежностями высокой цѣны? Общій обычай, самъ по себѣ, при этомъ соблюдался, но еще болѣе удовлетворялось и личное, сердечное влеченіе самой устроительницы.

Царица Ирина дѣйствительно такъ и поступила. Доказательствомъ можетъ служить вся обширность ею устроеннаго и разосланнаго по церквамъ, на поминки супруга-богомольца.

Въ одномъ Архангельскомъ соборѣ, кромѣ кадила — давшаго намъ случай поговорить о царѣ и его жизни и характерѣ,—есть: потиръ драгоцѣнный, золотой, составляющій дружку къ кадилу, по рисунку орнамента и по подписи на поддонѣ: «повелѣніемъ благовѣрныя великія государыни, царицы и великія княгини Ірины Ѳеодоровны всея Русіи, сдѣланъ сей потиръ по великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всея Русіи самодержцѣ, въ церковь Архангела Михаила, къ *его царскому гробу*» 106 года (т. е. 7106 отъ сотв. міра, а нашего счета 1598). Съ перемѣною только слова «потиръ» на «кадило»—такая же подпись вырѣзана и на предметѣ нашего настоящаго описанія. Кадило это украшеное орнаментомъ—подъ чернью,—имѣетъ форму однокупольнаго храма съ главою, оканчивающеюся крестомъ, къ которому прикрѣплена одна вѣтвь цѣпочки. Четыре вѣтви прилажены колечками по четыремъ угламъ скругленной подкупольной части храма, снабженной, какъ куполъ, въ подобіе оконъ съ рѣшетками,—отверстіями для пропуска дыма кадильнаго. Для того же, впрочемъ, еще есть прорѣзы въ самомъ закругленіи подкупольномъ, украшенномъ вставными камнями въ гнѣздахъ, обдѣланныхъ въ фигурныя порѣзныя рамки, представляющія какъ бы романскія тройныя арки, въ видѣ наличниковъ вѣнчающія мнимыя окна, тоже обдѣланныя *арками* и обставленныя колонками, какъ бы поддерживающими пять арокъ. Тогда какъ осьмиугольная нижняя часть кадила, непосредственно утвержденная на пьедесталѣ или плоскомъ отходящемъ далеко основаніи (чтобы кадило могло стоять на плоскости)—представляетъ на каждой грани своей по образку.

Вѣсомъ кадило 4 фунта 33½ золотника. Кромѣ кадила и потира, — на гробницу царя Ѳедора положенъ вдовою его дорогой покровъ, по оцѣнкѣ 1789 г. признанный стоимостью въ 23,057 р. Онъ бархатный, вынизанъ жемчугомъ, разшитъ дробницами и украшенъ драгоцѣнными камнями, съ надписью: «нагъ изыдохъ на плачъ сей младенецъ сый, нагъ и отъиду паки: что труждаюсь и смущаюсь, видя, вѣдая кое житія сего довства? како шествуемъ всѣ равнымъ образомъ отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тьму ночную; отъ чрева матери и съ плачемъ горестнымъ: зачало и конецъ плачь. Кая потреба суетнымъ свѣта сего? Сонъ, сѣнь, мечтаніе, красота житейская; вся суета человѣческая, елико не пребываютъ по смерти: не пребываетъ богатство, пользуетъ слава сего житія яко сонъ, яко сѣнь и яко прахъ проходитъ. Господи! преставльшагося отъ насъ раба своего, благовѣрнаго великаго государя, царя и в. кн. Ѳедора Іоанновича всея Русіи самодержца, со всѣми святыми въ царствіи своемъ упокой!»

Въ этой подписи вполнѣ высказались убѣжденія и взгляды на жизнь царственной четы: царицы Ирины и царя Ѳедора, одинаково, какъ видно, относившихся къ своему величію.

Италія.

Путешествіе отъ Альповъ до Этны.

Подъ этимъ заглавіемъ появились на дняхъ въ Штутгардтѣ первые выпуски роскошнаго изданія Энгельгорна — иллюстрированнаго описанія Италіи—въ формѣ путешествія. Страна и народъ, исторія, искусство, прошлое и настоящее Италіи являются здѣсь одновременно въ блестящихъ очеркахъ бойкимъ перомъ и карандашемъ художника.

Много было писано нѣмцами объ Италіи, немало разработано и спеціальныхъ сторонъ этой колыбели искусствъ, особенно классиками Карстеномъ, Винкельманомъ, Гёте, Штаромъ, Грегоровіусомъ и проч. Но никогда еще не являлось труда, до такой степени всесторонне исчерпывающаго предметъ—и даже вдвойнѣ—словомъ и живописью, какъ въ вышеупомянутомъ изданіи. Форма живописнаго путешествія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ цѣли этой книги. Нашему времени не особенно по вкусу тяжело-нагруженныя педантической ученостью, медленно шагъ за шагомъ подвигающіяся экспедиціи въ область изслѣдованій; мы предпочитаемъ обозрѣвать ее на легкѣ, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Но, само собой разумѣется, образованная публика желаетъ ознакомиться съ посѣщаемыми мѣстностями. Она хочетъ по возможности изучить страну и людей, заглянуть въ ихъ прошлое, освоиться такъ сказать съ исторической подкладкой. Вотъ этимъ-то потребностямъ и отвѣчаетъ вполнѣ предпринимаемое изданіе. Писатель, изслѣдователь и живописецъ идутъ въ немъ рука объ руку, взаимно восполняя другъ друга, устраняя такимъ образомъ всякое поверхностное легкомысліе и обнаруживая въ совокупности острую наблюдательность, при обиліи серіозныхъ познаній и тщательности антикварія. Въ самомъ дѣлѣ, литературная часть изданія ведется такими авторитетами, какъ *Карлъ Штилеръ*, извѣстный спеціалистъ по части горъ, а потому и посвятившій себя въ этомъ трудѣ отдѣлу Верхней Италіи, — *Эдуардъ Паулусъ*, біографъ и собратъ поэта Уланда, обработывающій Тоскану, и наконецъ *Вольдемаръ Каденъ*, взявшійся описать Римъ и Сицилію, основательное знаніе которыхъ заявлено имъ въ послѣднихъ его трудахъ «Народныя пѣсни Калабріи» и «Народная жизнь въ Неаполѣ» Что касается художественнаго отдѣла изданія, то въ немъ принимаютъ участіе Каламъ, Клоссъ, Каульбахъ, Келлеръ, Пассини, Фидлеръ, Дилль, Петерсъ, Шикъ, Скарбина, Вернеръ и множество другихъ знаменитыхъ живописцевъ.

Всегда стараясь по возможности знакомить читателей «Нивы» съ замѣчательными явленіями въ области западнаго искусства, мы поспѣшили пріобрѣсть нѣсколько рисунковъ этого роскошнаго изданія, изъ которыхъ два и прилагаются въ нынѣшнемъ нумерѣ.

Первый изъ нихъ изображаетъ — Валеджіо, городъ въ Венеціанской провинціи Верона, на рѣкѣ Минчіо. Здѣсь довольно много церквей, замѣчательны: старый замокъ въ развалинахъ и дворецъ Гваріенти, въ которомъ есть прекрасныя картины. Въ городѣ болѣе 6,000 жителей, главнѣйшая промышленность—шелководство. 29 мая 1796 г. Наполеонъ I Бонапартъ одержалъ при Валеджіо блестящую побѣду надъ Австрійцами.

На второмъ рисункѣ представленъ Торре-дель-Греко, одинъ изъ пригородовъ Неаполя, мѣстечко на югозападномъ склонѣ Везувія, у Неаполитанскаго залива, станція желѣзной дороги изъ Неаполя въ Салерно. Этотъ городокъ, кромѣ многочисленныхъ церквей и виллъ, замѣчателенъ коралловыми издѣліями, ловлями тунцовъ, сардинокъ, устрицъ и коралловъ, винодѣліемъ и обширнымъ судоходствомъ. Въ немъ болѣе 18,000 жителей. Торре-дель-Греко основанъ императоромъ Фридрихомъ II на развалинахъ римскихъ построекъ, и съ тѣхъ поръ принадлежитъ къ числу городовъ, наиболѣе страдающихъ отъ изверженій Везувія. Дома въ немъ стоятъ на лавовыхъ потокахъ 1794 года и выстроены изъ черной лавы. Растресканная масса базальта служитъ моломъ для небольшихъ кораблей. Въ море изъ Торре-дель-Греко открывается великолѣпный видъ на берега Сорренто и островъ Каири, а по направленію материка—на зеленѣющіе склоны Везувія съ построеннымъ здѣсь въ 1604 году монастыремъ Камальдоли на одномъ изъ побочныхъ кратеровъ огнедышащей горы. Изъ Торре-дель-Греко ведетъ пѣшеходная тропинка на самую вершину Везувія, вдоль края лавовыхъ потоковъ 1794 года, направленіе которыхъ ясно видно въ отдѣльныхъ кускахъ лавы и многочисленныхъ шлакахъ, покрытыхъ мхомъ и лишаями, но безъ травы и деревьевъ. Нѣсколько выше видна голая лава 1861 г., которая почти совершенно разрушила Торре-дель-Греко. Окрестные виноградники славятся знаменитымъ виномъ — Lacrima Christi.

Библиотека "Руниверс"

Борьба за Неву.

II. ПЕТРОВА.

V. Скопинъ Шуйскій и Делагарди.

(Продолженіе).

Увѣнчавъ свою мнимую помощь — измѣною, вспомогательныя войска шведскія отошли въ Новгородскую область, гдѣ, прослышавъ о низверженіи царя Василья въ Москвѣ, Дела-Гарди предложилъ въ кандидаты на престолъ русскій сына своего короля, но, дѣлая предложенія, не терялъ удобнаго случая и, проходя по Волхову къ Ладожскому озеру, овладѣлъ крѣпостью Ладогой, а затѣмъ пошелъ осаждать Кексгольмъ—Корелу (за взаимными перекорами шведамъ не сдаваемый). О предложеніи шведовъ изъ Новгорода увѣдомили Москву. Тѣмъ временемъ, въ столицѣ уже состоялось рѣшеніе о выборѣ въ цари сына польскаго короля Сигизмунда—пятнадцатилѣтняго принца Владислава. Съ вѣстью объ этомъ избраніи и съ отрядомъ войска для охраны области и города отъ шведскихъ нападеній, посланъ—съ назначеніемъ въ Новгородскіе воеводы — Иванъ Михайловичъ Салтыковъ, сынъ горячаго сторонника Сигизмунда (Михаила Глѣбовича—Рубца-Салтыкова). Прибывъ въ Бѣжецкъ, Иванъ М. Салтыковъ увѣдомилъ воеводъ новгородскихъ и митрополита объ избраніи Москвою Владислава и просилъ приводить на вѣрность ему народъ къ присягѣ, увѣдомляя о своемъ походѣ и назначеніи. На это ему отвѣтили, что въ городъ его не впустятъ до тѣхъ поръ, пока посланные отъ пяти концовъ Новагорода старосты не привезутъ изъ Москвы списка съ договорной грамоты и приговора земскаго о выборѣ Владислава. Чтобы убѣдить въ своей вѣрности дѣлу родному, Салтыковъ отослалъ отъ себя изъ Бѣжецка поляковъ, но подойдя къ городу, все же не былъ впущенъ и остановясь на Хутынѣ, устроилъ тамъ заставу отъ шведовъ (19 октября), а на слѣдующій день, посланный въ Москву новгородской староста Шоринъ привезъ крестоцѣловальную запись изъ столицы—на вѣрность Владиславу. Привозъ этого документа убѣдилъ митрополита и властей въ законности заявленій Салтыкова и воеводу пригласили въ городъ, — заставивъ впрочемъ присягнуть, что онъ не введетъ литовцевъ въ Новгородъ и будетъ защищать его отъ шведовъ и своихъ измѣнниковъ (сторонниковъ Самозванца, которому покорился Псковъ, и другіе города: Иванъ-городъ, Ямы, Копорье, Орѣшекъ). Въ эти города (впущенный въ Новгородъ 19 октября 1610 г.), Салтыковъ разослалъ увѣщанія, предлагая покориться законновзбранному въ государи земскимъ приговоромъ въ Москвѣ. Чтобы подѣйствовать и дѣломъ, а не однимъ словомъ, Салтыковъ отрядилъ воеводу Григорья Леонт. Валуева съ войскомъ въ Торопецъ и Великіе Луки (гдѣ его не приняли и приготовились биться). Между тѣмъ, въ партіи приверженцевъ Самозванца произошелъ расколъ, и у Лисовскаго съ Просовѣцкимъ дошло до драки по дорогѣ отъ Иванъ-Города до Пскова; слѣдствіемъ чего былъ отходъ казаковъ и Просовѣцкаго, приславшаго Салтыкову отрядъ татаръ (изъ-подъ Пскова). Торопецкой же воевода Александръ Чоглоковъ увѣдомилъ, что принявъ присягу Владиславу жители не избавляются отъ тиранства и грабежей польскихъ шаекъ - и потому намѣрены биться съ ними, отказываясь отъ признанія королевича государемъ. Предписавъ воеводѣ Рудницкому идти на партію Самозванца къ Пскову, Салтыковъ написалъ и Дела-Гарди, прося его оставить Ладогу, если не желаютъ быть признаваемы за враговъ и встрѣчаемы съ оружіемъ.

Просовѣцкій, между тѣмъ, соединясь съ Валуевымъ, взялъ г. Великіе Луки приступомъ и сжогъ его. Делагарди, съ своей стороны, отъ 30 января 1611 г. написалъ во Псковъ, Иванъ-Городъ и прочія мѣста на шведскомъ рубежѣ, что жителямъ лучше принять подданство ихъ короля или выбрать на престолъ его сына, чтобы избавиться отъ разоренія, наносимаго предводителями шаекъ, противъ которыхъ онъ берется защищать его послушавшихъ. Дѣйствительно, эти города и отреклись признать Владислава, надѣясь на защиту шведовъ. Отъ нихъ между тѣмъ Салтыковъ отнялъ Ладогу, но успѣхи его остановлены были возстаніемъ въ Новѣгородѣ, въ его отсутствіе, что заставило воеводу прямо съ береговъ Ладожскаго озера направиться къ Москвѣ, хотя походъ этотъ ему не удался. Новгородцы убѣдили его воротиться, обѣщали полную безопасность, а когда онъ явился въ Новѣгородѣ, нарушили обѣщаніе, подвергли пыткамъ и посадили на колъ — можно вполнѣ быть увѣреннымъ — безвинно; развѣ за то, что онъ сынъ — предателя отчизны. Съ исчезновеніемъ всякой опасности — въ лицѣ Салтыкова, Дела-Гарди успѣлъ (2 марта 1611 г.) овладѣть Карелою и этимъ развязать себѣ руки для дальнѣйшихъ завоеваній.

Подъ Москвою уже собрались защитники родины: Ляпуновъ и Трубецкой, съ Заруцкимъ (покуда не высказывавшимъ своихъ замысловъ). Они, узнавъ о гибели Салтыкова, послали въ Новгородъ воеводу В. И. Бутурлина, оказавшагося къ несчастію вѣтренымъ и крайне сомнительнымъ вождемъ въ пониманіи обязанностей къ родинѣ. Съ наступленіемъ лѣта, отъ Карелы Делагарди спустился на югъ - и подойдя къ Новугороду, возобновилъ предложеніе объ избраніи на московскій престолъ слабаго сына короля Карла IX. Съ такимъ же порученіемъ послалъ онъ и къ Москвѣ, въ станъ земскихъ воеводъ, Эрана Бромме. Присылка эта до того имѣла успѣхъ, что вожди земскіе рѣшились отрядить въ Новгородъ князя П. Ѳ. Троекурова, Б. С. Собакина и дьяка С. В. Зиновьева: условиться о предложеніи короны шведскому королевичу Филиппу. Въ это тяжелое время, видя какъ легко принимается и получаетъ ходъ любое провозглашеніе избранія въ самодержцы всея Россіи въ мятежномъ станѣ осаждателей столицы, Заруцкій задумалъ создать и своего претендента — въ лицѣ сына Марины, проклинаемаго патріархомъ. Іюль мѣсяцъ 1611 года былъ самымъ тяжелымъ временемъ изъ всего пережитаго народомъ въ междуцарствіе - исключая разумѣется побоища поляками въ мартѣ, во вторникъ на страстной недѣлѣ. Коварство Заруцкаго и Гонсѣвскаго довело до смерти Прокофья Ляпунова — и взятъ Делагардіемъ Новгородъ, по волѣ воеводъ, особенно Бутурлина-вѣтреника.

На Хутынѣ — за семь верстъ до Новагорода, гдѣ устроена была застава отъ шведовъ Салтыковымъ — остановился лагеремъ шведскій вождь Делагарди. Воеводы Бутурлинъ и кн. Одоевской смотрѣли на Делагарди не какъ на врага, а какъ на помощника - и разгульный Бутурлинъ позволялъ себѣ ѣздить въ шведскій лагерь бражничать. У представителей военной силы въ Новѣгородѣ съ шведскими ратниками было тоже больше согласія, чѣмъ со своими горожанами. Лагерь Делагарди перенесенъ и на Колмово, ни въ комъ не возбудивъ подозрѣнія; но самъ предводитель шведовъ не терялъ ни на минуту изъ вида своего плана, подъискивая орудія для его осуществленія. Орудіемъ оказался шведъ Ивашко Швалъ, плѣнникъ Лутохина. Зная, что охраненіе стѣнъ худое и стража у воротъ еще болѣе слабая, онъ договорился съ Делагарди провести шведовъ въ городъ черезъ ворота отъ Чудницевой улицы—и въ ночь на 17 іюля привелъ въ исполненіе свой злодѣйскій замыселъ. Вступивъ свободно въ городъ, шведы принялись рубить военныхъ людей, и при крикахъ жертвъ этого убійства проснулись горожане—плѣнниками. Нашлись патріоты — новгородцы, которые и застигнутые въ домахъ своихъ, не могши выйти изъ нихъ, отреклись сдаться шведамъ - и погибли, предпочтя смерть безславію. Жертвъ такихъ было множество, и сопротивленіе шведамъ было отчаянное. Первымъ изъ этихъ жертвъ патріотизма оказывается софійскій протопопъ Аммосъ. Находясь подъ запрещеніемъ митрополита, за какой-то проступокъ, мужественный пастырь выдерживалъ осаду своего дома отъ шведовъ, перебилъ ихъ множество и погибъ въ огнѣ, когда при невозможности взять его, домъ подожгли непріятели. Митрополитъ Исидоръ, ходя по стѣнѣ и видя мужество Аимоса, издали послалъ ему заочное разрѣшеніе и благословеніе; черезъ минуту рухнуло строеніеи погребло доблестнаго гражданина родины. Воевода князь И. Н. Одоевскій былъ не въ безстрашнаго іерея. Съ одной стороны, крайнее затрудненіе противостать военной силѣ, допущенной въ городъ, а съ другой стороны, вѣроятнѣе всего неумѣнье взяться за дѣло, да и корыстные виды — заставили его подписать позорный договоръ о сдачѣ Новагорода шведамъ. За эту подпись недостойный воевода получилъ отъ шведскаго короля въ вотчину Славятинскій погостъ въ Старорусскомъ уѣздѣ, съ 500 дворовъ и соотвѣтствующимъ количествомъ земли. Не найдись этого документа въ шведскомъ госуд. архивѣ - можно бы было еще сомнѣваться въ честности Одоевскаго. Товарищъ же его—Бутурлинъ, пограбивъ нѣмецкія лавки, совсѣмъ ушелъ изъ Новагорода, какъ правый, въ Бронницы и оттуда въ Романовъ. Безъ договора не такъ бы легко овладѣть Дела-Гардію Софійскимъ дѣтинцемъ, безъ новой измѣны; какъ же за сдачу крѣпости, господствовавшей надъ городомъ, не отдать чужаго погоста? Митрополитъ Исидоръ можетъ быть вѣрилъ вѣрности дачи въ цари намъ Филиппа, на имя котораго сдавали крѣпость «въ обезпеченіе». Со смертью же Карла IX и воцареніемъ Густава Адольфа, едва-ли шведское правительство думало отдавать русскимъ легкое свое пріобрѣтеніе. За королевичемъ, одновременно со сдачею дѣтинца, наряженъ въ посольство архимандритъ Никандръ, но дѣло дальше этого наряда и пріѣзда депутаціи въ Выборгъ—не двинулось. Да со стороны Дела-Гарди хлопотать объ этомъ не было и въ расчетахъ: онъ продолжаетъ, пославъ Горна, забирать города русскіе—Орѣшекъ, Иваньгородъ, Яму, Копорье, Ладогу (вновь), Тихвинъ, Старую Русу, Порховъ и Гдовъ,—вездѣ ставя своихъ начальниковъ. Между тѣмъ изъ Новагорода продолжаютъ разсылаться грамоты въ Сибирь и восточный край—отъ имени названнаго короля Филиппа, котораго города признавать были непрочь, выговаривая только прежде всего необходимое условіе—принятіе имъ православія. Такой отвѣтъ намъ извѣстенъ изъ Ярославля, отъ гражданъ и митрополита Кирилла, заявлявшихъ, впрочемъ, при этомъ требованія отъ шведовъ содѣйствія для очищенія русской земли отъ враговъ, — думая, вѣроятно, затѣмъ рѣшить, что будетъ выгоднѣе? Мысль о русскомъ избранникѣ теперь уже начинала вол-

Библиотека "Руниверс"

повать чувства патріотовъ. Въ августѣ 1612 г. мы видимъ отказъ на предложеніе иностранныхъ ратниковъ, желавшихъ нашей службы и явившихся къ Архангельску. Дѣло спасенія отечества уже оказалось теперь почти довершеннымъ и медленность шведовъ со своимъ кандидатомъ испортила его дѣло. Когда уже выборъ Михаила рѣшенъ былъ земскимъ соборомъ, изъ Новгорода явился посланный Делагарди—Богданъ Дубровскій, что королевичъ вступаетъ въ русскіе предѣлы на пути въ Новгородъ, но, на это, очень естественно и долженъ былъ послѣдовать отказъ. Ссылка на отписку ярославцевъ оказалась недѣйствительною, затѣмъ, что исполненія заявленныхъ тамъ условій съ шведской стороны не было. «А теперь» говорили члены земскаго совѣта, «Богъ очистилъ московское государство: мы рады, съ помощью Божіею, биться противу васъ и идти для очищенія Новгородской области».

За этимъ отвѣтомъ выступилъ вопросъ о возвратѣ захваченнаго, правдою и неправдою. Шведы наотрѣзъ отказали въ нашихъ, по этому случаю, требованіяхъ, — посовѣстясь, впрочемъ, назвать свои захваты законными пріобрѣтеніями. Они заявили, что взятыя земли удерживаются за недоплату денегъ вспомогательному войску, по выборгскому договору, и за «великіе въ походѣ ихъ претерпѣнные убытки». Стало быть, дальше изворота, ничего не нашли сами враги наши удобнаго подтвердить права ихъ на Неву.

Съ воцареніемъ Михаила была уже другая пора и другія обстоятельства на Руси. Шведскій маршалъ Горнъ и полковникъ Делявиль изъ Новгорода пришли въ сентябрѣ 1613 г. къ Тихвину и начали осаду этого города, но вылазка осажденныхъ, въ праздникъ Вздвиженья креста, кончилось побіеніемъ на голову пришедшихъ осаждателей, затѣмъ и удалившихся къ «Невскому устью». Наши хлопоты съ сосѣдями этимъ, впрочемъ, не кончились. Въ 1615 году самъ Густавъ Адольфъ прибылъ изъ Стокгольма въ Нарву (8 іюля) и осадилъ Псковъ, подвергая крѣпкія стѣны его, выдержавшія штурмы Баторія, — страшному обстрѣливанію изъ мортиръ. Противъ будущаго защитника дѣла нѣмецкаго лютерзиства, царь отрядилъ воеводъ: боярина Шереметьева и князя Ахамашукова-Черкасскаго (25 авг.), но прежде чѣмъ они могли прибыть на мѣсто, псковичи со своими воеводами: Морозовымъ, Бутурлинымъ и княземъ Аѳ. Ѳ. Гагаринымъ отбили приступы короля и принудили его съ наступленіемъ осени удалиться (7 окт.) въ Финляндію. Между тѣмъ шведскія притѣсненія довели новгородцевъ до отчаянія. Опустошеніе полное Софійской стороны и сохраненіе немногихъ церквей на торговой—казалось еще мало обладателямъ Волховской столицы нѣкогда вольнаго народа, наконецъ возставшаго противъ своихъ притѣснителей подъ начальствомъ князя Никифора Мещерскаго. Шведы этими послѣдними притѣсненіями вымогали присягу королю Густаву-Адольфу, грозя смертью ослушникамъ, но видя рѣшимость дорого продать жизнь и соединеніе въ одну толпу противившихся, предложили сами имъ сослаться съ Москвою. Князь Никифоръ, разумѣется, былъ шведами арестованъ, но число отрекавшихся отъ присяги королю росло въ Новгородѣ. Тогда изъ него наряжено посольство въ Москву изъ дворянъ: Якова Боборыкина и Матвѣя Муравьева, съ хутынскимъ архимандритомъ Кипріяномъ. Выборные новгородскіе представили на аудіенціи царю въ Москвѣ (на дворѣ царскомъ у Рождества) слезную жалобу и просьбу согражданъ: чтобы государь вступился за новгородское государство, чтобы и вдосталь не погибли бѣдные жители. Царь обѣщалъ полное забвеніе винъ отдавшимъ Новгородъ, принялъ перечень обидъ оказываемыхъ шведами и послалъ тайныя грамоты митрополиту и начальнымъ людямъ о своей къ нимъ благосклонности. Грамоты эти попали по назначенію. Шведскіе начальники дознались о нихъ и посадили за караулъ депутатовъ, особенно гѣсня архимандрита. По смыслу же предъявленныхъ новгородцами жалобъ на съѣздъ съ шведами, въ Пески — устроенный при содѣйствіи англійскаго посла Мерика, даны наказы уполномоченнымъ: Мезецкому и Зюзину. Съѣздъ этотъ, впрочемъ, не состоялся, а на второй назначены князь Хованскій и Вельяминовъ. Мѣстомъ этого втораго съѣзда назначено село Столбово, близъ Тихвина, и въ немъ-то 1617 г. 27 февраля подписанъ вѣчный миръ Швеціи съ Россіею. По трактату сдѣланы обоюдныя уступки: шведскій король уступилъ намъ Новгородъ съ уѣздомъ, а мы Швеціи въ обмѣнъ отдали полосу земли за Невой съ городами Орѣшкомъ, Копорьемъ, Ямами и Ивангородомъ, потерявъ невскій выходъ въ Балтійское море.

Боргеттскій мость (Ponte del Borghetto) **близъ Валеджіо.** Изъ иллюстрированнаго изданія «Италія». Энгельгорна.

Рис. Бертольдъ, грав. Клосъ.

Библиотека "Руниверс"

Пиніевый лѣсокъ близъ Торре дель Грекo. Изъ иллюстрированнаго изданія «Италія» Гнельторна. Рис. Гейтенмюллеръ, грав. Клосъ.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Молочная мука химика Нестле въ Веве. Извѣстно, что материнское молоко—самая естественная и лучшая пища для дѣтей въ первые годы ихъ жизни; но также извѣстно и то, что иногда все количество молока матери не въ состояніи удовлетворить новорожденнаго, не говоря уже, конечно, о тѣхъ матеряхъ, которыя по природѣ или вслѣдствіе болѣзни почти вовсе лишены молока; — а потому причину необыкновенной смертности дѣтей, свойственной этому возрасту, можно безусловно отнести къ неудовлетворительному ихъ кормленію. Замѣнять же материнское молоко коровьимъ, какъ казалось-бы самымъ подходящимъ средствомъ, тоже нельзя, потому что оно содержитъ въ себѣ большое количество казеина, который затрудняетъ пищевареніе; а разбавленное, какъ-то дѣлаютъ, на половину съ сахарной водой, оно хотя и дѣлается удобоваримымъ, но за то недостаточно питательнымъ. Такія-же неудобства представляютъ и прочія употребляющіяся въ этихъ случаяхъ средства, какъ напр. смѣсь молока съ желудянымъ кофе, арроутъ и другія крахмалистыя вещества и проч. и проч.

И вотъ, пополнить этотъ пробѣлъ, предотвратить смертность дѣтей старались всѣ ученые и спеціалисты Европы, но это имъ до сихъ поръ, можно сказать, не удавалось, потому что хотя и находились разные молочные экстракты, но все-таки они не могли замѣнить материнское молоко. Въ настоящее-же время задача эта, можно сказать, почти что разрѣшена. Химикъ Генрихъ Нестле въ Веве (Vevay), послѣ многихъ химическихъ опытовъ и изслѣдованій, приготовляетъ изъ пшеничной муки и молока, посредствомъ водяныхъ паровъ, такъ называемую «молочную муку», которая по своимъ свойствамъ совершенно замѣняетъ материнское молоко и которую *достаточно только развести водою* и *прокипятить нѣсколько минутъ*, чтобы получить вполнѣ удовлетворительную пищу. Столовая ложка (2 лота) этой молочной муки, разбавленная въ шести ложкахъ воды, даетъ кашицу, которою кормятъ ребенка, смотря по возрасту, отъ 2—3 разъ въ день. А если взять отъ 8—10 ложекъ воды на одну ложку муки, то получится отличное молоко для питія, дающееся дѣтямъ въ промежуткахъ времени между отдѣльными кормленіями. При этомъ за самое главное правило необходимо принять умѣренность при каждомъ отдѣльномъ кормленіи.

Мы позволяемъ себѣ говорить о изобрѣтеніи химика Нестле потому, что надъ этой мукой производили опыты всѣ ученые авторитеты Европы, какъ напр. знаменитый парижскій химикъ А. П. Барраль, П. П. Гулль, Мартинъ и проч.,—и найдя ее совершенно не уступающею по своимъ питательнымъ элементамъ материнскому молоку, фактически засвидѣтельствовали то своими письмами къ г-ну Нестле *), а профессоръ медицинскаго факультета парижской академіи докторъ Моно даже написалъ въ «France medicale» статью, въ которой онъ обстоятельно доказывалъ пользу «молочной муки» Генриха Нестле.

Замѣтка о календарѣ Гатцука. Когда въ послѣднее время общество сознало потребность календарей, а правительство разрѣшило ихъ выпускъ всякому, то годъ отъ году ихъ стало появляться всебольше и разнообразнѣе. Изъ числа дешевѣйшихъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто календарь Гатцука, который, не смотря на дешевизну (15 к.), даетъ такія обширныя свѣдѣнія, что невольно дѣлается необходимостью для каждаго и совершенно замѣняетъ прочіе толстые календари, стоющіе въ десять разъ дороже. Это календарь въ полномъ смыслѣ этого слова. Чего вы только въ немъ не находите?... Одна первая оберточная страничка для иного уже цѣлый курсъ, такъ какъ въ ней означены всѣ главнѣйшія событія изъ русской исторіи. Затѣмъ, кромѣ безчисленныхъ и съ большимъ искусствомъ расположенныхъ свѣдѣній вы встрѣчаете великолѣпно выполненныя гравюры разныхъ высокопоставленныхъ и замѣчательныхъ лицъ; а также нельзя оставить безъ вниманія и приложенную при немъ новѣйшую карту сѣверо-западнаго населенія Россіи, въ которой каждая національность наглядно отмѣчена красками.

Новоизобрѣтенный самодѣйствующій огнегасительный аппаратъ. Въ Петербургѣ уже нѣсколько разъ производились испытанія новаго огнегасительнаго аппарата, изобрѣтеннаго Дикомъ, и получившаго уже большое примѣненіе за границей. Испытанія эти дали поразительные результаты. Первый публичный опытъ былъ произведенъ на Марсовомъ полѣ, при многочисленномъ стеченіи публики, надъ костромъ, имѣвшемъ шаговъ восемь въ длину, шага два въ ширину, слишкомъ десять футовъ въ вышину. Онъ былъ сложенъ изъ тонкихъ досокъ и бочекъ, пропитанныхъ дегтемъ и керосиномъ. Костеръ, объятый со всѣхъ сторонъ пламенемъ, въ нѣсколько секундъ былъ потушенъ двумя людьми, у которыхъ было надѣто на плечахъ по такому аппарату. Второй опытъ производился надъ дегтемъ и керосиномъ. Нѣсколько квадратныхъ саженъ было отгорожено планками около трехъ вершковъ вышины. Все это пространство наполнили дегтемъ, а сверхъ него налили еще значительное количество смолы, и все это было подожжено. Поднялось огромнѣйшее пламя. Посредствомъ новаго аппарата, только что вспыхнувшій страшный огонь въ нѣсколько секундъ былъ потушенъ. Должно быть на каланчахъ увидѣли дымъ, потому что на площадь вдругъ прискакала пожарная команда, что очень разсмѣшило публику.

Снаружи диковскій аппаратъ имѣетъ видъ круглаго боченка, вмѣщающаго, смотря по его величинѣ, отъ 2 до 4 ведеръ воды. Одинъ человѣкъ очень легко можетъ нести его на спинѣ. Вся тяжесть аппарата, который дѣлается разныхъ величинъ, равняется 80 до 125 фунтовъ. Внутреннее его устройство чрезвычайно просто; приборъ состоитъ изъ желѣзнаго цилиндра, верхнее дно котораго герметически завинчивается крышкой, а внизу стѣнки придѣлана трубка съ краномъ. Цилиндръ наполняется водою, въ которой растворяется небольшое количество углекислой соды, а ко дну крышки прикрѣпляется наглухо-закрытая стеклянная бутылка съ сѣрной кислотой. По закупоркѣ цилиндра ударяютъ молоткомъ въ пуговку, находящуюся поверхъ крышки, и разбиваютъ такимъ способомъ бутылку. Сѣрная кислота, выйдя изъ бутылки, соединяется въ цилиндрѣ съ растворомъ двууглекислой соды, образуетъ углекислоту, которая насыщаетъ собою воду. Выпрыскиванье этого раствора изъ цилиндра производится посредствомъ упомянутой выше трубки, къ которой привинчивается соотвѣтствующей длины пожарный рукавъ. Правой рукой направляется рукавъ противъ огня, между тѣмъ какъ лѣвой придерживается клапанъ, чтобы выпускать огнегасительную жидкость въ большомъ или меньшемъ количествѣ, или совсѣмъ запереть кранъ, смотря по надобности. Дѣйствіе состава Дика объясняется свойствомъ углекислоты, которая, будучи тяжелѣе воздуха, вытѣсняетъ изъ него кислородъ, чѣмъ у огня и отнимается возможность горѣнія.

Аппаратъ Дика, изготовляемый гг. Лиманомъ и К° въ Глазговѣ, въ Англіи, вѣроятно обратитъ на себя вниманіе и у насъ, тѣмъ болѣе, что недорогая цѣна его, отъ 65 руб., очень облегчаетъ его пріобрѣтеніе. Магазины, особенно склады легко воспламеняющихся веществъ, должны быть много обязаны этому послѣднему изобрѣтенію. Бываютъ случаи, когда вода ничего не можетъ сдѣлать съ огнемъ; диковскій же аппаратъ всегда окажется дѣйствительнымъ, такъ какъ онъ употребляетъ въ дѣло злѣйшаго врага огня: углекислоту. Само собою разумѣется, что посредствомъ этого аппарата тушится только небольшой огонь, когда пожаръ еще въ началѣ; но вѣдь всякій большой пожаръ начинается съ маленькаго, и если противъ этого послѣдняго есть подъ рукой скорая и дѣйствительная помощь, то огонь не приметъ такихъ размѣровъ, чтобы причинить много вреда.

Въ Лузіанѣ смертная казнь замѣняется слѣдующимъ наказаніемъ: убійцъ запираютъ въ отдѣльныя кельи. Передъ каждой кельей есть маленькое пространство, гдѣ они могутъ работать. Преступникъ считается какъ бы мертвымъ для своихъ родныхъ и знакомыхъ, даже для тюремныхъ служителей, которые не смѣютъ сказать съ нимъ ни одного слова, пока длится срокъ наказанія. Кельи выкрашены чернымъ, на дверяхъ лицомъ къ преступнику, большими буквами сдѣлана надпись: «Въ этой кельѣ заперть, для того чтобы проводить свою жизнь въ одиночествѣ и раскаяніи, такой-то обвиненный за убійство такого-то.

Золото чрезвычайно растяжимо. Изъ одного *грана* золота можно вытянуть нитку въ 500 футовъ длины. Но кромѣ того, не смотря на свою мягкость, оно такъ крѣпко, что на золотой проволочкѣ отъ 2 до 3 футовъ длины можно повѣсить тяжесть въ 16 футовъ вѣсу. Такъ называемые золотобиты, мастера, которые дѣлаютъ листовое золото, имѣющее лишь ничтожную примѣсь серебра или мѣди $^1/_{80}$ проц., — выкатывая или выбивая его изъ очень маленькихъ кусочковъ золота, выдѣлываютъ листы баснословной тонкости. Эти листики, послѣ вальцованья, обработываются еще на мраморныхъ или гранитныхъ доскахъ въ квадраты около 3-хъ дюймовъ въ діаметрѣ, толщиною едва въ $^1/_{2000}$ линіи.

Опіумъ въ Америкѣ распространяется все болѣе и болѣе, какъ сознаются сами американскія газеты. Проповѣдники и адвокаты часто прибѣгаютъ къ опіуму, какъ къ возбуждающему средству, и многіе ораторы обязаны своимъ краснорѣчіемъ употребленію этого наркотическаго вещества. Журналисты, пишущіе въ агитаціонныхъ журналахъ, приводятъ себя въ надлежащую степень возбужденія употребленіемъ опіума. Къ этому-же прибѣгаютъ нервныя знатныя дамы, особенно передъ тѣмъ какъ ѣхать въ общество или на балъ. Употребляющему опіумъ не для чего носить съ собой бутылку или бояться, что дыханіе его будетъ пахнуть водкой. Онъ отлично можетъ помѣстить весь свой запасъ въ жилетный карманъ и понемножку употреблять его незамѣтнымъ образомъ. Между тѣмъ извѣстно, какъ гибельно дѣйствіе опіума; онъ разрушаетъ свои жертвы и нравственно и физически. Изъ таможенной статистики видно, что въ Соединенные штаты привозится теперь 250,000 фунтовъ опіума въ годъ, въ десять разъ больше чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. По удостовѣренію врачей и аптекарей и половины этой массы не идетъ для медицинскихъ цѣлей. Множество аптекарей продаютъ опіумъ и морфій безъ докторскаго предписанія, фактъ, который они нисколько и не думаютъ оспаривать.

*) Смотр. Брошюра о кормленіи дѣтей швейцарскою молочною мукою.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

Военное и морское дѣло.

— Укрѣпленіе въ Нукусѣ почти совершенно готово. Веркамъ дана такая сильная профиль и артиллерійская оборона, что въ случаѣ надобности внутри укрѣпленія для защиты можетъ быть оставлено въ гарнизонѣ не болѣе роты пѣхоты, при четырехъ крѣпостныхъ орудіяхъ; остальныя войска могутъ быть выведены въ поле, со взводомъ подвижной артиллеріи. Внутри укрѣпленія вырыты два многоводные колодца, изъ которыхъ одинъ съ совершенно прѣсною водой, другой съ нѣсколько солоноватою. На эспланадѣ передъ Петро-Александровскимъ укрѣпленіемъ, саженяхъ въ ста отъ верковъ, за минувшее лѣто выросла цѣлая слободка, въ которой находятся дома семейныхъ солдатъ; есть также дома офицерскіе и частныхъ лицъ и торговцевъ. Начал никомъ отдѣла устроена школа для солдатскихъ дѣтей и строится клубъ для офицеровъ.

— Изъ приводимыхъ «Рус. Инв.» свѣдѣній о санитарномъ состояніи русской арміи въ послѣднее время, видно между прочимъ, что общая заболѣваемость въ русской арміи значительно ниже, чѣмъ въ арміяхъ другихъ государствъ. Число тяжело-заболѣвшихъ у насъ почти одинаково съ другими арміями, а иногда и менѣе, напримѣръ: въ Пруссіи въ 1869 году число тяжело-заболѣвшихъ достигало 486 на 1.000 человѣкъ, во Франціи въ 1867 году 604 на 1.000 человѣкъ, тогда какъ у насъ въ томъ же году число это доходило только до 543 на 1.000.

При сравненіи средняго числа постоянно-больныхъ въ нашей арміи въ послѣднее время съ числомъ больныхъ въ другихъ европейскихъ арміяхъ оказывается, что и въ этомъ отношеніи русская армія находится въ весьма выгодномъ положеніи.

Въ теченіе 30 лѣтъ смертность въ арміи уменьшилась въ $2^1/_2$ раза, и вообще нынѣ не превышаетъ $^1/_2$% изъ наличнаго состава арміи. Самая слабая смертность оказывается на востокѣ — въ Восточно-Сибирскомъ и Оренбургскомъ округахъ, а на западѣ — въ Финляндскомъ и Варшавскомъ.

— 27-го октября вышелъ изъ Кронштадта въ Тихій океанъ винтовый 8-ми пушечный корветъ «Баянъ» подъ командою капитанъ-лейтенанта Р. Р. Боиля 3-го. На корветѣ этомъ отправленъ, какъ сообщаютъ въ «Крон. Вѣст.» паровой вельботъ для Черногорскаго Князя. Вельботъ будетъ сданъ въ одномъ изъ портовъ Адріатическаго моря.

Торговля.

— Въ «Оренб. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что въ послѣднихъ числахъ апрѣля, жители Оренбурга не безъ удовольствія встрѣтили и проводили прошедшія по Уралу пять барокъ. Это небывалое явленіе, такъ какъ Уралъ до этого случая считался здѣсь несудоходнымъ. Попробовалъ провести барки купецъ Ванюшинъ: пользуясь весеннимъ разливомъ Урала, онъ отправилъ на баркахъ въ Уральскъ до 100,000 пудовъ хлѣба (лучшей кубанки), закупленнаго имъ зимою въ Верхне-Уральскѣ.

— По словамъ варшавскихъ газетъ, съ открытіемъ Кіево-Брестской желѣзной дороги, значительно увеличился изъ западныхъ губерній вывозъ воловъ и вообще убойнаго скота чрезъ Привислянскій край въ Пруссію, и начинается привозъ строительнаго матеріала изъ лѣсовъ Галиціи.

— На бывшую въ этомъ году шерстяную ярмарку въ Варшавѣ было привезено шерсти 43,460 пудовъ 5 фунтовъ, болѣе чѣмъ въ прошломъ году на 5,062 пуда 32 фунта. Вообще мойка была удовлетворительная, а во многихъ партіяхъ даже очень хорошая; за эти послѣднія платили дороже, чѣмъ въ 1872 году. Среднія цѣны были: за высоко-тонкую хорошей мойки 100—120 талеровъ, за тонкую хорошей мойки 90—105, за средне-тонкую хорошей мойки 74—85, за среднюю 60—72, за обыкновенную, но хорошей мойки 46—56 талеровъ. Изъ всего количества привезенной шерсти въ послѣдній день ярмарки, оказалось проданной $^2/_3$, а остальное оставлено коммиссіонерамъ.

— Іюльская ярмарка въ Ярмолинцахъ была очень оживлена; заключено много хлѣбныхъ сдѣлокъ по хорошимъ цѣнамъ.

Гигіена.

— На правомъ берегу рѣки Кашъ, въ 65 верстахъ отъ Кульджи, находятся Мазарскіе горячіе ключи, имѣющіе большое значеніе для всего населенія Кульджи, по своимъ превосходнымъ цѣлебнымъ свойствамъ. Туземцы лечатся водами этихъ источниковъ отъ ревматизма, спазмъ и т. д.

Земская хроника.

— Созванное на 31-е іюля, для обсужденія мѣръ, какія необходимо принять для обезпеченія будущихъ посѣвовъ и продовольствія пострадавшаго отъ неурожая населенія Тираспольскаго уѣзда, чрезвычайное Уѣздное Земское Собраніе, по разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ о нуждахъ населенія, которыя могли быть собраны въ короткое время Уѣздною Управою, и въ виду сдѣланныхъ прибывшими въ Собраніе гласными заявленій по тому же предмету, пришло къ тому заключенію, что за истощеніемъ, по случаю бывшаго въ прошломъ году неурожая въ Тираспольскомъ и нѣкоторыхъ друг. хъ уѣздахъ Херсонской губерніи, какъ сельскихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ и губернскаго продовольственнаго капитала, представляется нынѣ необходимымъ ходатайствовать о назначеніи для Тираспольскаго уѣзда правительственной ссуды на обсѣмененіе полей и продовольствіе изъ суммъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала. Собраніе опредѣлило размѣръ ссуды: на озимые посѣвы въ 6.250 четвертей на 50.000 р., яровые въ 35.750 четвертей на 284.000 р. и на продовольствіе для $^3/_4$ части населенія, т. е. 22 500 душъ, полагая по 1 п. 20 ф. хлѣба въ мѣсяцъ въ теченіи 8 мѣсяцевъ, на 225.000 р., а всего на 559.000 р. Независимо отъ назначенія этой ссуды, постановлено также ходатайствовать о разрѣшеніи повсемѣстной по Имперіи подписки въ пользу пострадавшихъ отъ двухлѣтняго неурожая въ Тираспольскомъ уѣздѣ, для выдачи изъ собираемыхъ по подпискѣ суммъ нуждающимся безвозвратныхъ пособій. Херсонская Губернская Земская Управа по полученіи постановленія Уѣзднаго Земскаго Собранія тогда же отпустила въ распоряженіе Уѣздной Управы испрашиваемые Собраніемъ на обсѣмененіе *озимыхъ* полей 50 000 руб. изъ наличныхъ суммъ губернскаго продовольственнаго капитала, поступившихъ въ настоящемъ году въ возвратъ выданныхъ изъ онаго въ 1870, 1871 и 1872 гг. ссудъ; что же касается ссуды на обсѣмененіе *яровыхъ* полей и на продовольствіе въ количествѣ 509.000 руб., то вопросъ о необходимости отпуска ея изъ общаго по Имперіи продовольственнаго капитала Губернская-Управа предположила представить на обсужденіе Губернскаго Земскаго Собранія, которое имѣетъ быть созвано на 4-е октября. За симъ Губернская Земская Управа съ своей стороны нашла необходимымъ нынѣ же ходатайствовать какъ о разрѣшеніи повсемѣстной подписки въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая жителей Тираспольскаго уѣзда, такъ и объ открытіи нынѣшнею же осенью работъ по проведенію желѣзной дороги отъ Маякъ на Одессу и Мелитополь съ вѣтвію на Херсонъ, дабы тѣмъ предоставить населенію возможность получить заработки, которые послужили бы къ уменьшенію количества ссудъ, а слѣдовательно и будущаго долга крестьянъ, о чемъ и сообщено на усмотрѣніе Министра Путей Сообщенія.

Городская хроника.

— По сообщаемымъ въ «Рус. Инв.» свѣдѣніямъ, пожаръ въ Кронштадтѣ начался (20-го октября) въ одномъ изъ домовъ на Купеческой улицѣ, отъ опрокинутой горѣвшей керосиновой лампы. Вся площадь пожара составляетъ прямоугольникъ длиною до 250 и шириною до 150 саженъ. Въ 3 часа ночи остановилось дальнѣйшее распространеніе огня. Въ «Кронш. Вѣстникѣ» сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія о мѣрахъ, принятыхъ къ оказанію пособія пострадавшимъ отъ пожара: Образована съ означенною цѣлію особая коммисія подъ предсѣдательствомъ начальника Штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта, Свиты Его Величества контръ-адмирала Ѳедоровскаго. На коммисію эту возложено собрать полныя свѣдѣнія о лицахъ и семействахъ, имѣющихъ настоятельную надобность въ немедленномъ пособіи и помощи продовольствіемъ и помѣщеніемъ, и распредѣлить тѣ денежныя и матеріальныя средства, которыя будутъ предоставлены на этотъ предметъ коммисіи. Число пожертвованій въ пользу жителей Кронштадта, пострадавшихъ отъ пожара, дошло, какъ сообщаютъ въ послѣднемъ нумерѣ «Крон. Вѣстника», до 17.135 рублей. Кромѣ денежныхъ пожертвованій поступаютъ также пожертвованія съѣстными припасами и одеждой. Въ этомъ отношеніи самое значительное пожертвованіе было сдѣлано генералъ-адъютантомъ Треповымъ, приславшимъ на другой день пожара 50 кулей муки, 10 кулей крупы, 30 пудовъ свѣжей говядины, 32 пуда солонины и другихъ припасовъ. Кронштадтское благородное Общество организовало временную столовую для пострадавшихъ отъ пожара; около 50 человѣкъ были накормлены ужиномъ уже 21-го октября, а 22-го числа изготовленъ былъ обѣдъ и ужинъ на 150 человѣкъ. Самое большое затрудненіе встрѣчается въ пріисканіи помѣщеній Во всѣхъ казармахъ, всѣ сколько нибудь свободныя помѣщенія отданы офицерамъ и чиновникамъ, пострадавшимъ отъ пожара. Главный командиръ отдалъ въ полное распоряженіе погорѣльцамъ всѣ свои домики въ Лѣтнемъ саду и очистилъ часть своей квартиры въ верхнемъ этажѣ. Въ офицерскихъ столовыхъ и клубахъ, въ казармахъ сухопутныхъ войскъ также размѣщаются офицеры, пострадавшіе отъ пожара. Офицеры, у которыхъ квартиры остались цѣлы, уже пустили къ себѣ своихъ товарищей — и есть сравнительно небольшія квартиры, въ которыхъ по два и по три семейства. Пакснецъ, для совершенно бездомныхъ очищены залы Городской Думы и кромѣ того весьма многіе размѣщены въ казармахъ и частными благотворителями въ своихъ квартирахъ. Въ виду такого значительнаго требованія на помѣщенія, коммисія, назначенная военнымъ губернаторомъ, уже соединившаяся съ представителями, избранными Городской Думой, составила соображеніе о немедленной постройкѣ теплыхъ бараковъ примѣрно на 600 человѣкъ, наиболѣе нуждающихся въ помѣщеніи. На покупку одежды для бѣдныхъ погорѣльцевъ коимисіей отпущено уже 600 рублей.

Почтовый ящикъ.

Гг. подписчикамъ «Нивы».

По почтовымъ правиламъ, жалобы на неполученіе нумеровъ принимаются только до выхода слѣдующаго нумера, а потому гг. подписчики, требуя неполученные нумера, благоволятъ прилагать по 20 к. за каждый нумеръ, такъ какъ по прошествіи срока почта не отвѣчаетъ и редакція должна вторично высылать нумера, что конечно, стоитъ денегъ. А во избѣжаніе лишней переписки и траты почтовыхъ денегъ, редакція проситъ требованіе неполученныхъ или утраченныхъ нумеровъ на текущій годъ (исключая только № 1 и 3, которые всѣ распроданы) присылать вмѣстѣ съ подпиской.

СОДЕРЖАНІЕ: Фермановъ аппаратъ для сбереженія лошадиной силы (съ рисункомъ). — Двуногій волкъ. Романъ **Н. Каразина** (продолженіе).—Литературный Альбомъ. „Бѣсы" Пушкина (съ рисункомъ).—Какъ ихъ судить? разсказъ изъ уголовной хроники **А. Шкляревскаго**.—Золотое кадило въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ (съ рисункомъ). — Борьба за Неву. V. Скопинъ Шуйскій и Делагарди **П. П. Петрова** — Италія. Живописное путешествіе отъ Альповъ до Этны (съ двумя рисунками).—Смѣсь.—Разныя извѣстія — Почтовый ящикъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Библиотека "Руниверс"

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА

НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже во всеобщее употребленіе, весьма легко перевариваемо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,
2) при отниманіи ребенка отъ груди и
3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

У АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у Штоля и Шмидта, въ спб. — химической лабораторіи русскаго общества торговли аптекарскими товарами, у Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце, — у Я. А. Фохта, — у Каушмана, Вас. остр., — у В. Баландина, Литейная, д. № 57-й, у Ушакова — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи.

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПІАНО

по 1 руб. 85 коп. каждая.

Фаустъ, Троваторе, Марта, Фра-діаволо, Травіата, Пуритане, Лукреція, Риголетто, Дочь полка, Донъ-Пасквале, Балъ Маскарадъ, Черное Домино, Динора, Бриллiанты Короны, Миллеръ и пр

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО ВЪ 2 РУКИ

по 75 коп. каждая.

Робортъ-дьяволъ, Лукреція, Троваторе, Донъ-Пасквале, Фра-діаволо, Риголетто, Цампа, Герцогиня Герольштейнская, Балъ-Маскарадъ, Травіата, Марта, Черное Домино, Бриллiанты Короны, Фенелла, Вильгельмъ Тель, Нерикола или Птицы Пѣвчія, Принцесса Требизондская, Разбойники и др., можно получать

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. ЮРГЕНСОНА,

Москва. Петровка, № 6.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, только что поступила въ продажу:

Составленная Н. А. **КОЛОМІЙЦОВОЮ**,

Новая настольная книга для молодыхъ хозяекъ:

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ, ДЕШЕВЫЙ И ВКУСНЫЙ СТОЛЪ.

Содержащая въ себѣ **триста семьдесятъ** рецептовъ употребительнѣйшихъ блюдъ съ подробнымъ алфавитнымъ указателемъ.

Главный складъ изданія въ Гостинномъ дворѣ, по Невскому просп., въ книжномъ магазинѣ Колесова и Михина, № 22.

Цѣна **два рубля**. Вѣсовыхъ за 3 фунта.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ

ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный

И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою до 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искусствѣ.

Съ требованіемъ обращаться въ С.-Петербургъ, Фурштатская улица, домъ № 13, въ редакцію Артиллерійскаго Журнала.

Съ конца прошлаго года выходитъ въ С.-Петербургѣ, предпринятое дамскимъ кружкомъ, изданіе подъ названіемъ:

„ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ".

Тщательный выборъ литературныхъ произведеній, представляющихъ особенный интересъ. Изящная внѣшность. Удобный форматъ. Каждое произведеніе помѣщается вполнѣ въ одномъ или нѣсколькихъ томахъ и поступаетъ въ отдѣльную продажу. Вышли 14 томовъ, въ которыхъ напечатаны слѣдующія произведенія, поступившія въ продажу по нижеозначенной цѣнѣ:

I. **РАЗСКАЗЫ БРЕТЪ-ГАРТА**, изъ американской жизни. 1 т. Ц. 1 р. 50 к.
II. **ИСКУПЛЕНІЕ**. Романъ **Фанни Левальдъ**, изъ остзейскаго быта. 2 т. Ц. 2 р. 86 к.
III. **ЗЛИГОНЫ ВЪ РЕМЕРѢ**. Романъ **Гр. Самарова**, изъ политическихъ событій минувшаго десятилѣтія. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.
IV. **ДВѢ ИМПЕРАТОРСКІЯ КОРОНЫ**. Тоже. 2 т. Ц. 2 р.
V. **ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ ЛЕГІОНОВЪ**. Тоже. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.
VI. **ВАЛДФРИДЪ**. Романъ **Бертольда Ауэрбаха**, изъ франко-германской войны. Переводъ съ рукописи. 3 т. Ц. 3 р. 50 к.
VII. **БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ**. Романъ **В. Клюшникова**, изъ московской жизни. 1 т. Ц. 2 р.
VIII. **ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ**. Томъ I, заключающій въ себѣ четыре пьесы въ русскомъ переводѣ, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію на театрахъ. Ц. 2 р.

Убѣдившись изъ опыта въ возможности продолжать изданіе безостановочно, редакція, для болѣе удобнаго распространенія издаваемыхъ ею книгъ, открываетъ нынѣ подписку на 20 и 10 томовъ своего изданія, по цѣнѣ общедоступной для всѣхъ любителей легкаго чтенія, значительно пониженной противу цѣнъ отдѣльной продажи, а именно:

За 20 томовъ 12 р., съ дост. и перес. 13 р,
» 10 » 6 » » » » 7 »

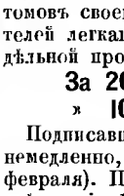
Подписавшіеся на 20 томовъ, получаютъ вышедшіе 14 томовъ немедленно, а остальные 6 т. въ ближайшіе мѣсяцы (не позже февраля). По выходѣ 20-го тома будетъ объявлена подписка на слѣдующіе 10 и 20 томовъ, — *на которые подписная цѣна, для подписчиковъ теперешней первой серіи, ни въ какомъ случаѣ не будетъ возвышена.*

Подписавшіеся на 10 томовъ—могутъ получить ихъ или изъ числа вышедшихъ 14 томовъ по собственному выбору, или частію изъ нихъ, а частію изъ остальныхъ 6 томовъ, которыми будетъ закончена настоящая серія (XV—XX).

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Базунова, Исакова, Битенажа, Колесова и Михина, въ «Русской Книжной Торговлѣ» и въ редакціи «Для Легкаго Чтенія»: на Николаевской, домъ № 64, кварт. № 1.

Подписка на 10 том. принимается исключительно въ редакціи.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, а также у другихъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ, вышеозначенныя книги продаются отдѣльно.



ПОДСТАКАННИКИ разныхъ новѣйшихъ фасоновъ въ большомъ выборѣ изъ лучшаго качества мельхіора можно найдти въ магазинѣ

Александра Качъ,

на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы № 3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ по требованію иллюстрирбе.оги, тнонные каталзплаова

ОТПЕЧАТАНЪ И ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

безъ предварительной цензуры

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

РОМАНА

„ВТОРАЯ ЖЕНА"

Соч. М. Марлитта.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Для гг. подписчиковъ «НИВЫ» я уступаю это изданіе съ пересылкою за 1 руб 30 коп.

Никогда еще талантъ автора не выказывался съ такой поражающей яркостью, какъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи, которое живыми и блестящими красками рисуетъ придворную жизнь мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ: **въ С.-Петербургѣ** — у Исакова, Базунова, Вольфа, Кожанчикова, Черкесова, Глазунова, Ф. Битенажа, Колесова и Михина; **въ Москвѣ** — у Соловьева (на Страстномъ Бульварѣ) и у издателя «НИВЫ», въ **въ С.-Петербургѣ**, Большая Морская, д. № 9.

А. Ф. Марксъ.

При этомъ № прилагается для иногородн. подписч. объявленіе книгопрод. **Александра Ивановича Манухина**, въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. 12 ноября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
№ 48 1874
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
Выданъ 25-го ноября 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ «Нивы» 15 коп. съ пересылкою 20 коп.

Михаилъ Ивановичъ Глинка.

Знаменитый композиторъ и основатель русской оперы, М. И. Глинка родился 20 іюля 1804 года, въ селѣ Новоспасскомъ, Смоленской губерніи. По слабости здоровья, первоначальное воспитаніе получилъ онъ домашнее и уже съ дѣтства обнаруживалъ большія способности. Въ 1813 году онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ благородный пансіонъ при университетѣ. Здѣсь онъ преимущественно занимался музыкою, изучая теорію у скрипача Зейпера и піаниста Мейера. Пріѣзжая на праздники домой, онъ усовершенствовалъ свои познанія при домашней капеллѣ своего дѣда и достигъ замѣчательныхъ успѣховъ въ дирижированіи и управленіи оркестромъ. Окончивъ курсъ ученія въ 1824 году, Глинка вступилъ въ статскую службу, а вскорѣ затѣмъ вышли изъ печати первые его сочиненія—*романсы*, которыхъ до 1830 года онъ написалъ семнадцать нумеровъ. Въ то же время, Михаилъ Ивановичъ прилежно изучалъ теорію гармоніи и контрапункта.

Въ 1830 г., Глинка предпринялъ путешествіе за границу, вмѣстѣ съ пріятелемъ своимъ, пѣвцомъ Ивановымъ (теноръ), посѣтилъ Берлинъ и другіе нѣмецкіе города, долго жилъ въ Миланѣ, посѣщая тамошнюю консерваторію, и вмѣстѣ съ Ивановымъ учился пѣнію. Въ 1832 году въ Неаполѣ разстался онъ съ Ивановымъ, который выступилъ со славою въ Парижѣ, а самъ провелъ еще годъ въ Миланѣ, гдѣ было издано имъ еще нѣсколько романсовъ. Въ 1833 г., Глинка пріѣхалъ въ Вѣну. Познакомясь здѣсь съ славянскою музыкою, онъ, въ тоскѣ по родинѣ, впервые напалъ на мысль о самостоятельной русской музыкѣ. Отсюда онъ проѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ въ зиму 1833 года учился у профессора гармоніи Дена, и наконецъ въ 1834 г., вернулся въ Петербургъ. Здѣсь онъ часто бесѣдовалъ о своихъ замыслахъ относительно народной музыки съ пріятелями своими, особенно съ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Зимою 1834 г. принялся онъ за свою знаменитую оперу «Жизнь за царя», которую и окончилъ въ 1836 году.

Михаилъ Ивановичъ Глинка, композиторъ.

Съ фотографіи грав. Іосифъ Мукаровскій.

Опера эта (3 акта и эпилогъ въ двухъ картинахъ) составляетъ эпоху въ жизни Глинки и въ исторіи русской музыки. Ни до «Жизни за царя», ни впослѣдствіи не являлось уже ничего подобнаго. Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ Глинкѣ бриллiантовый перстень, а въ 1837 году назначилъ его придворнымъ капельмейстеромъ.

Достигнувъ осуществленія своихъ замысловъ, Глинка не переставалъ работать, хотя новое положеніе и домашнія обстоятельства отнимали у него много времени. Промежутокъ 1836—44 годовъ составляетъ періодъ его наибольшей плодовитости. Въ 1842 году явилась вторая опера его «Руслань и Людмила» (въ 5 дѣйствіяхъ), заимствованная изъ поэмы Пушкина, замѣчательная не столько въ цѣломъ,

Библиотека "Руниверс"

сколько отдѣльными частями, какъ напр.: маршъ Черномора, лезгинка, баллада Финна, арія Ратмира и проч. и проч. Музыкальная часть этой оперы мѣстами даже превосходитъ «Жизнь за царя» относительно законченности обработки, но неэфектная постановка и прочія внѣшнія условія не доставили ей такой популярности, какъ «Жизни за царя», которая черезъ двадцать лѣтъ стала любимѣйшею нашей оперой. Въ 1843 году написаны Глинкою увертюра и сцены къ трагедіи-Кукольника «Князь Холмскій», и много романсовъ, изъ которыхъ многіе, благодаря Францу Шуберту, извѣстны во всей Европѣ.

Въ 1844 году Глинка снова поѣхалъ за границу, посѣтилъ Парижъ и подружился съ Берліозомъ и другими музыкантами, отзывавшимися съ большой похвалой о его произведеніяхъ. Когда же нѣкоторые журналы начали трунить надъ нимъ, Глинка отправился въ Испанію, гдѣ и прожилъ до 1847 года, собирая и изучая испанскіе мотивы. Во время пребыванія своего въ Мадридѣ, къ концу 1847 года, написалъ онъ знаменитую *Аррагонскую Хоту* (Iota aragonese), симфоническую фантазію на испанскіе мотивы. Возвратясь въ 1847 году въ Россію, онъ прожилъ нѣкоторое время на родинѣ своей близъ Смоленска, гдѣ сочинилъ нѣсколько романсовъ; а потомъ жилъ два года въ Варшавѣ, гдѣ, кромѣ увертюры «Воспоминаніе о Севильѣ», написалъ знаменитое скерцо на мотивъ русской пѣсни—«Камаринской». Съ 1848 года Глинка жилъ попеременно то въ Петербургѣ, то въ Парижѣ и Берлинѣ, занимаясь компонованіемъ, а въ 1856 году въ Берлинѣ у Дена и церковною музыкою. Но уже здоровье его было окончательно потрясено семейнымъ несчастіемъ, и 3 февраля 1857 года не стало великаго русскаго композитора—онъ умеръ въ Берлинѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ произведеній его, считается еще до 70 вокальныхъ пьесъ, а также и русскій народный гимнъ на слова Жуковскаго.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XVIII.

Выручка.

Изъ лагеря вышло «подкрѣпленіе».

Подкрѣпленіе это послано было на всякій случай; вышедшіе не знали еще, что этотъ случай уже представился. Верстъ за двѣнадцать, а можетъ быть и болѣе, какъ предполагали въ отрядѣ, могли уйдти казаки, — верстъ за пять уже могли-бы быть слышны выстрѣлы, особенно при благопріятномъ вѣтрѣ; отрядъ прошелъ почти столько-же, даже больше,—ничего не слыхать, должно быть все обстоитъ благополучно...

Такъ думали въ высланномъ отрядѣ, а потому шли ровно, не спѣша, сберегая силы людей и коней,—тѣмъ болѣе, что по сыпучему песку, да еще въ жаръ, идти трудновато.

Впереди шла казачья сотня, за нею рота пѣхотинцевъ, послѣдніе поотстали значительно (пѣшій конному не товарищъ).

— Конечно, говорилъ капитанъ Пуговицынъ (онъ велъ эту роту),—рекогносцировка—нелишнее дѣло, отчего не пройдтись, а все таки—вздоръ, прошляемся даромъ. Толкуютъ—провалъ ихъ побери!—«ночное нападеніе», демонстрація какая-то.... партіи тамъ большія подходили... все чепуха!... Всю суматоху Атамкулка натворилъ «со товарищи»... А ловкая же бестія этотъ иранецъ!

— Поплатился!... замѣтилъ Кустиковъ.

— Поплатился... Ну, да это уже такъ несчастная случайность, пуля въ догонку... Темно какъ у арапа въ желудкѣ... Хорошо, что еще своихъ не задѣла!

— Головинъ сейчасъ же погналъ слѣдомъ... можетъ быть догонятъ... поймаютъ Атамкула, выручатъ Петю... Ахъ, Господи, чего бы я не далъ, чтобы такъ случилось!

— Третное жалованье отдашь? улыбнулся Пуговицынъ.

— Ну, полно, вы все шутите... А тутъ ей Богу не до того!... А хорошо быть казакомъ, кавалеристомъ!...

— Что такъ?

— Я бы сейчасъ, вмѣстѣ съ Головинымъ, поскакалъ.... О!—я бы всѣ уголки обшарилъ... все бы осмотрѣлъ, догналъ бы... А то-вотъ тащись съ пѣшими, по двѣ версты въ часъ; а тамъ казаки все кончатъ безъ насъ...

— Небось, безъ насъ не обойдется...

— Тоска, скука!

— Да, братъ, терпѣніе требуется... Не отставать тамъ! Эй, четвертый взводъ, чего растянулись?.. Унтеръ-офицера чего смотрятъ!... пріостановилъ капитанъ своего мохнатаго конька и оглянулся назадъ, на хвостъ колоны.

Усталые солдаты стали подбѣгать и подравниваться къ шагу переднихъ.

— Эй, Прошка! неужли-жъ ты, косолапый чортъ, на ходу трубки набить не можешь? гаркнулъ басомъ унтеръ Бубновъ.

— Табакъ просыпалъ, дяденька.... я сейчасъ, однимъ духомъ!

— Не оттягивать!... прикрикнулъ отъ себя—Кустиковъ..

— А хорошо бы, знаешь, братъ, заговорилъ опять Пуговицынъ, немного спустя,—хорошо-бы: — Наталья Мартыновна, сидитъ тамъ—убивается,—шутка-ли—горе какое, не всякая мать пережить въ состояніи,—потеряла уже всякую надежду;—полное отчаяніе... Вдругъ, всадникъ на взмыленномъ конѣ подъѣзжаетъ къ палаткѣ, слѣзаетъ и подаетъ ей потеряннаго сына. «Возьмите, вотъ онъ, онъ живъ, здоровъ»... Знаешь, что?—хорошо-бы еслибъ при этомъ легкая рана какая-нибудь, въ руку ли что-ли или въ плечо, чтобъ не опасно и не слишкомъ больно... крови пожалуй побольше,—это не мѣшаетъ для декораціи... А?—хорошо-бы?

И капитанъ нагнулся съ лошади и потрепалъ по плечу молодаго офицера, шутливо посмѣиваясь сквозь густые клубы табачнаго дыма—дешевой сигары.

— Шутите вы все... а мнѣ такъ горько, такъ грустно, какъ только вспомню...

— Грустно!... А мнѣ, думаетъ, весело! Только вотъ, сколько васъ тамъ около нея ни было, всѣ вы чуть не расхныкались, рожи повытянули, а отъ того ей не легче... Знаю я эту барыню, давно знаю, она умѣетъ горе переносить, она въ этомъ опытна... Она васъ всѣхъ покрѣпче... Сразу-то ее точно громомъ хватило, а вотъ погодите, оправится — она сама лучше васъ найдетъ, что дѣлать надо, какъ поступить.. Она въ утѣшеніяхъ да въ слезахъ сочувственныхъ не нуждается, и ваши рожи постныя ей будутъ вовсе не кстати...

Пуговицынъ замолчалъ—и усиленно пыхнувъ нѣсколько разъ своею сигарою, швырнулъ окурокъ на песокъ...

— Что-то пріостановились наши казаки, тише пошли! мы догонять начинаемъ, проворчалъ онъ, прищурясь изъ-подъ длиннаго козырька своей шапки.— Да-съ, дѣло дрянь, Атамкулку не догонятъ, не для того онъ ушелъ, чтобы опять попасться... знаю я этого волка,—не найдете вы и мальчишку нашего; хорошо еще что мать выручили!..

— Нѣтъ надежды? не то спросилъ, не то такъ машинально произнесъ Кустиковъ.

— Я не говорю... мало-ли чего не бываетъ! пожалъ плечами Пуговицынъ.— Гляди,—сюда скачутъ никакъ?...

— Сюда... двое... что случилось?... Вы слышите?

На лицѣ молодаго офицера промелькнуло тревожное выраженіе... Солдаты поддали шагу; они почти бѣжали... Они забыли усталость, они забыли, что ноги ихъ по щиколотку уходятъ въ песокъ... Вся рота теперь уже положительно шла бѣгомъ; многіе на бѣгу осматривали замки своихъ ружей...

— Выстрѣлы! произнесъ Пуговицынъ.

— Палятъ, братцы, палятъ, — казаки спѣшиваются, что такое! гляди—и наши казаки палить начали...

— Замашка такая! легче однако, братцы, гляди, загорстишься—съ ногъ свалитъ...

— Наддай, наддай... Эва какъ пальнулъ!...

Библиотека "Руниверс"

— Полконетъ *), надо полагать...

Перебрасывались солдаты замѣчаніями, задыхаясь отъ бѣга, прихватывая свободными руками свои мѣшки и патронныя сумочки...

Кустиковъ вытянулъ плетью свою лошадку и понесся впередъ, безпощадно колотя животное и коблуками и нагайкою... Онъ уже ничего не видалъ, не слышалъ, кромѣ отдаленныхъ звуковъ, выстрѣловъ, кромѣ этой сотни казаковъ ихъ отряда, остановившейся какъ разъ на гребнѣ песчанаго наноса... Эти казаки то слѣзали съ сѣделъ, то снова садились, подвинулись немного вправо, потомъ назадъ отошли, опять впередъ на гребень выдвинулись... Они, видимо, были въ нерѣшительности и поджидали пѣхоту, постоянный оплотъ казаковъ, когда дѣло имъ кажется не по силамъ...

А этотъ оплотъ, горсть бѣлыхъ рубахъ, маленькая кучка, человѣкъ въ семьдесятъ, подходила быстро,—и въ этомъ подходѣ, въ противуположность казакамъ, не было ничего похожаго на сомнѣніе, на нерѣшительность.

«Бѣлыя рубахи» знали куда идутъ и что будутъ дѣлать..

— Не пори горячки!... легче! поспѣемъ... небось не уйдутъ! слышался спокойный басъ капитана Пуговицына.

Онъ только-что закурилъ новую сигару, тщательно откусивъ, за неимѣніемъ ножа, ея кончикъ.

Вышли на гребень «бѣлыя рубахи»; теперь все видно.

Всѣ бархоны впереди усѣяны всадниками, — халаты на всадникахъ темно-красные, всѣ какъ одинъ, шапки черныя.. То они съѣзжаются въ кучи,—то опять разбѣгаются въ розсыпную; гацуютъ, горячатъ своихъ долгоногихъ коней, покрытыхъ попонами... Вонъ съѣхалась кучка побольше... два значка треугольные надъ нею виднѣются...

Всадники выносятся впередъ, на полномъ скаку осаживаютъ коней, и назадъ несутся еще скорѣе... Каждый разъ, когда остановится всадникъ,—вспыхиваетъ бѣлый клубочекъ дыма—и слышенъ короткій, обровистый звукъ выстрѣла.... Тамъ и сямъ, безпрестанно вспыхиваютъ такіе клубочки, летятъ по вѣтру, разносятся, сливаются въ длинныя полосы, —и стелятся эти полосы надъ песчаными холмами, поднимаясь все выше и выше...

Все въ одну и ту же сторону выскакиваютъ джигиты.. Они бьются съ кѣмъ-то, а съ кѣмъ—не видно; должно быть за тѣмъ вонъ холмомъ скрытъ невидимый врагъ...

— Тамъ Головинъ съ своею полусотнею, говоритъ казачій офицеръ,—это на него такъ насѣдаютъ...

— «Вдарить» бы намъ отсѣлева разомъ!...

— Опасно! Вишь ихъ нѣдь сколько... Какъ бы чего.... Подождемъ пѣхоту...

— Тоже поди-сунься, — разчешутъ... Нѣшто пальнуть!...

— Не замай... погоди...

Переговариваются казаки и нерѣшительно толкутся на мѣстѣ. Подошла рота; ободрились, на коней сѣли. Сотникъ поѣхалъ къ Пуговицыну...

— Здравствуйте, капитанъ!

Командиръ сотни приложилъ всю пятерню къ козырьку своей шапки и не безъ ловкости перегнулся на сѣдлѣ; вышло что-то вродѣ поклона.

— Непріятель въ весьма громадномъ количествѣ, продолжалъ онъ,—видимо-невидимо! при семъ неравенствѣ силъ, соблюдая, примѣрно осторожность въ наступленіи и все прочее....

— Горнистъ, дуй наступленіе! произнесъ Пуговицынъ, не обращая вниманія на красиорѣчіе казачьего офицера.

Дунулъ горнистъ въ свой рожокъ,—ничего не выходитъ, засорило; продулъ малость, откашлялся... завылъ сигнальный рожокъ, подтворилъ ему барабанъ, началась атака...

Нѣсколько паръ стрѣлковъ выбѣжали впередъ. Странно было смотрѣть на эту горсть пѣшихъ людей, такъ самоувѣренно идущихъ противъ непріятеля, разъ въ десять превышавшаго ея силы.

Сплотившись въ небольшую колону, подъ звуки какой-то ерунды, выбиваемой двумя барабанами и надтреснутымъ рожкомъ,—шли впередъ «бѣлыя рубахи».

— Огонь! проговорилъ Пуговицынъ, не выпуская сигары...

Нѣсколько солдатъ изъ цѣпи пріостановились, одинъ на землю даже присѣлъ... приложились.. Гулко пронесся первый выстрѣлъ «берданки», за нимъ второй... Уныло провизжали въ воздухѣ пули.

Тронулась и сотня, шагомъ впередъ, не обгоняя, впрочемъ, пѣхоту...

— Какъ скомандую — такъ сразу чтобъ въ карьеръ — одначе съ оглядкою—прислушивайся,—какъ скомандую «стой, къ пѣшей оборонѣ!»—такъ чтобы сразу тоже,... дѣлалъ наставленіе сотенный командиръ, рисуясь передъ своимъ фронтомъ.

— Сопрѣлъ, братъ, страсть, столько-то бѣжамши; рубаху теперь хоть выжми, сообщалъ шепотомъ пѣхотинецъ своему товарищу...

Маленькій отрядъ все подавался и подавался впередъ, безостановочно, неуклонно, неотразимо, прямо—въ центръ раскинувшагося по бархонамъ непріятеля,—прямо туда, гдѣ гуще были толпы, гдѣ колыхались два треугольные значка.... За этимъ центромъ какъ разъ приходился тотъ бархонъ, охваченный тюркменами, на которомъ сосредоточены были до сихъ поръ всѣ ихъ выстрѣлы, все ихъ вниманіе.

А изъ-за этого бархона выдвигалась уже небольшая кучка людей; они вели въ поводу своихъ коней, по три и по четыре на человѣка,—а прочіе, окруживъ коноводовъ жиденькою цѣпью, отстрѣливались изъ своихъ маленькихъ винтовокъ.

Хромой казакъ услышалъ выстрѣлы подмоги и рѣшился вывесть свою полусотню изъ занятой ею позиціи.

При звукѣ первыхъ выстрѣловъ пѣхоты, тюркмены заволновались и разомкнули свое живое кольцо... Изрѣдко только долетали со свистомъ ихъ маленькія пульки и глухо шлепались о песокъ, невдалекѣ отъ колоны... Нѣсколько подстрѣленныхъ лошадей валялись тамъ и сямъ, нѣкоторыя изъ нихъ пытались встать на ноги, приподнимались и снова падали; нѣсколько человѣческихъ труповъ,—то ничкомъ, то крестообразно навзничь, краснѣлись на желтомъ фонѣ песка, къ этимъ тѣламъ подскакивали наѣздники, нагибались, не слѣзая съ сѣделъ втаскивали ихъ на крупъ коней —и рысцею догоняли отступающихъ товарищей... Свободные отъ всадниковъ лошади носились по бархонамъ, съ растрепанными сѣдельными вьюками, и звонко ржали; за ними гонялись, ловили ихъ за поводья, или-же просто гнали вслѣдъ за прочими.

— Эхъ, кабы словить аргамачковъ пары двѣ! завистливо поглядывали казаки и не рѣшались отдѣлиться отъ фронта для этой ловли.

И гдѣ же было казаку, на его маленькомъ мошгачкѣ, рискнуть конь на конь сцѣпиться съ джигитомъ тюркменомъ, подъ которымъ горячій, выдресированный на диво—аргамакъ, прыгающій черезъ двухсаженныя канавы, черезъ стѣнки въ ростъ человѣка,—прыгающій такъ свободно, какъ будто этихъ препятствій и не существуетъ.

— Въ кучѣ-то ничего, отсидѣться можно, а врозсыпь — оборони Господь! разнесутъ, собаки, «поштрѣли ихъ въ пузо!» разсуждаетъ, и совершенно справедливо, осторожное казачье войско.

— Потрепали!! подъѣхалъ Пуговщинъ къ хромому казаку и протянулъ ему руку.

— Да, братъ, спасибо выручилъ... Бѣда какъ стиснули! патроны разстрѣляли,—думали—конецъ пришелъ! говорилъ казакъ...

— Много потери?

— Шесть—и съ десятокъ коней: которыхъ побили—которые повырвались... А вѣдь я «его» нагналъ «проклятаго»; вѣдь я чуть не въ рукахъ держалъ его... Петю было выручилъ... Эхъ, судьба-судьба!

И Головинъ отвернулся и вытеръ глаза рукавомъ кителя...

— Теперь уже пиши пропало! грустно добавилъ онъ. — Ну, а что тамъ—какъ?...

— Пріѣдешь—увидишь, угрюмо произнесъ Пуговицынъ.

*) Фальконетъ—большое ружье на подставкахъ, туземное оружіе.

Библиотека "Руниверс"

— Въ какомъ порядкѣ отступленіе полагается?.. Будетъ отъ васъ, капитанъ, ордеръ на сей предметъ?...

— Лошадей давайте подъ тѣла и раненыхъ—какого еще вамъ ордера! досадливо проворчалъ капитанъ и скомандовалъ своимъ:

— Съ Богомъ, братцы!

Небольшой отрядъ сталъ отступать по направленію къ лагерю. Тюркмены не преслѣдовали. — Они видѣли «бѣлыхъ рубахъ» — они знали уже ихъ, и только издали рѣшались задѣвать, посылая на вѣтеръ свои шальныя пульки.

ГЛАВА XIX.

Ожиданіе.

Тотчасъ же, какъ была получена въ лагерѣ лаконическая записка Головина,—ее, первымъ дѣломъ, показали Наташѣ.

— Онъ найденъ, спасенъ... его отняли?! проговорила она, задыхаясь. —Да говорите же, говорите...

Нервная дрожь охватила ея всю, щеки вспыхнули, глаза загорѣлись живымъ блескомъ... Она вся словно преобразилась и бросилась къ выходу палатки.

— Да кудажъ вы, Наталья Мартыновна? — куда, матушка?... остановилъ ее докторъ. —Да вы постойте, чего вы...

— Я сама поѣду. Лошадь мою, ради Бога, лошадь... Дементій, сѣдлай... скорѣе, скорѣе!...

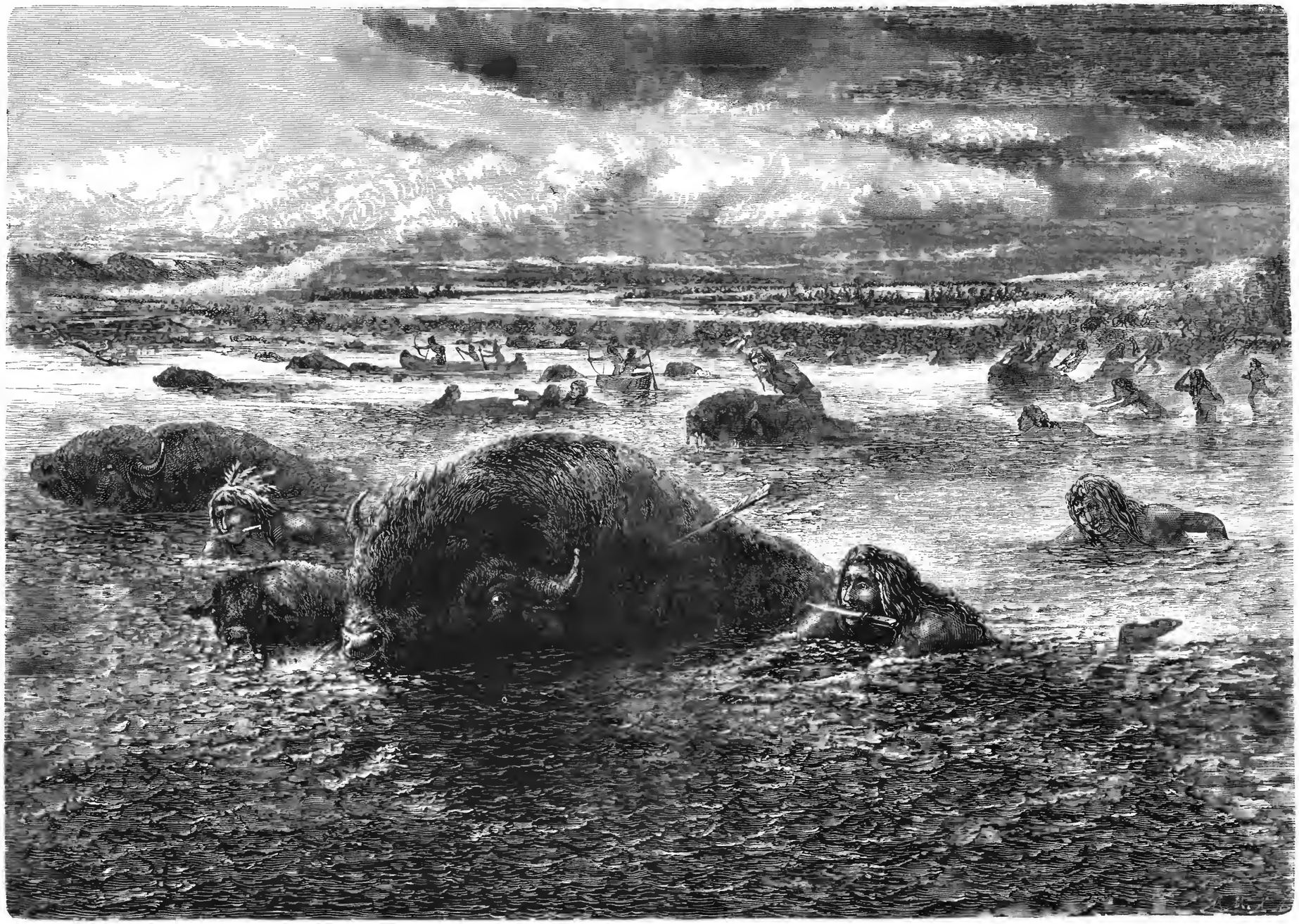
Наташа заметалась по палаткѣ... Она чего-то искала; она совершенно растерялась — и только машинально повторяла:— «лошадь, скорѣе, скорѣе!»... Она говорила это все тише и тише, наконецъ почти шепотомъ... пошатнулась — докторъ поддержалъ ее и подвелъ опять къ постели.

Наталья Мартыновна опять стала приходить въ безпамятство; сильное нервное потрясеніе, произведенное запискою, вызвало этотъ энергичный порывъ,—за этимъ порывомъ наступило полное ослабленіе всего организма.

— Ну вотъ видите, хорошо... говорилъ докторъ.—А еще сами скакать собрались... сѣдлать велѣли Дементію,—а Дементій вашъ...

Докторъ не договорилъ, сообразивъ, что разсказывать ей о бѣдномъ старикѣ въ данную минуту совсѣмъ будетъ неумѣстно.

— Головинъ пока на слѣдъ напалъ только, продолжалъ



Стадо бизоновъ, преслѣдуемое американскими краснокожими.

— Ну вотъ и слава Богу! онъ навѣрное догонитъ ихъ теперь—и все будетъ благополучно... Къ ночи, вѣрно, назадъ вернутся, привезутъ вамъ Петю... А ужь какъ теперь сторожить мы васъ будемъ — право! Изъ офицеровъ караулъ

къ вашей палаточкѣ назначимъ, всю окружимъ... А вы, голубушка наша, успокойтесь, лежите смирно; вотъ я вамъ опять примочу головку уксусомъ, это хорошо! Вотъ такъ... что надорвался у колодца, замѣнившій пока старика Дементія...

— Горяченькаго чайку съ краснымъ виномъ выпейте... Вотъ я самъ напою васъ... вотъ хорошо, вотъ прекрасно!.. Эге, что это? опять глазки мокрые, — стыдно!.. Ну-ко я ихъ оботру...

Докторъ вытащилъ изъ своего кармана платокъ, грязный, порванный, взглянулъ на него и опять въ карманъ спряталъ — не годится значитъ..... Схватился за полу своего кителя — еще того хуже вышло.

— Э-эхъ! крякнулъ онъ и началъ осматриваться. Ну вотъ, вотъ (онъ нашелъ полотенцо, относительно чистое), вотъ хорошо. Ну и надѣлали же вы, родная, всему-то лагерю горя. Всѣ справляться ходятъ, солдатики пріуныли совсѣмъ, озлились страсть какъ. Вотъ бы ихъ теперь въ дѣло пустить!... отъ генерала шестой разъ присылаютъ справиться;—самъ пріѣзжалъ два раза... У «Горластаго», проходилъ мимо, въ карты даже не дуются... Такой переворотъ... Тише, тише, братъ, легонько! проговорилъ докторъ, уже шопотомъ, Карпову, вошедшему съ подносикомъ, на которомъ стояли маленькій мѣдный чайникъ и стаканъ въ серебряной кружкѣ. — Тс!.. не разбуди... Боже тебя сохрани!.. Выйди, братецъ, и кругомъ тамъ скажи, чтобы тихо, ни-гу-гу... такъ и скажи—започивала...

И докторъ неловко поднялся съ кровати, — на цыпочкахъ отошелъ въ уголъ палатки, осторожно опустился на складной стулъ, покосился еще разъ на больную — и тихонько, чтобъ не шелестить бумагою, вытащилъ изъ кармана и развернулъ затасканный, скомканный листъ — новый номеръ «Русскаго Инвалида», вышедшій всего только семь съ половиною мѣсяцевъ тому назадъ.

Карпушка, что, готово тамъ у тебя?... давай, коли готово!...

— Сей минутъ, ваше высокоблагородіе, — сичасъ поспѣетъ, отозвался изъ-за палатки Карпушка, тотъ самый солдатикъ,

Весь лагерь, съ самымъ жгучимъ нетерпѣніемъ, ожидалъ возвращенія Головина и его полусотни.

На всѣхъ барханахъ, съ вершины которыхъ можно было видѣть подальше, толпился народъ, пѣшій и конный,—и всѣ

Библиотека "Руниверс"

не спускали глазъ съ той стороны, откуда должны были вернуться казаки.

Солнце жгло невыносимо, на него не обращали вниманія и не прятались въ тѣнь палатокъ... На башенкѣ, которую возвели уже до верха, на стѣнкахъ новаго укрѣпленія, всюду виднѣлись бѣлыя рубахи солдатъ и кителя офицеровъ... Поминутно къ этимъ группамъ подходили все новые и новые наблюдатели.

— Ну что, не видать еще? спрашивали они, щурились и прикрывали отъ солнца глаза рукою, приглядываясь къ холмистому горизонту.

— Не видно что-то...

— Отошли знать далеко.

— Пымаютъ, аль не пымаютъ?

— Ахъ ты, Владычица небесная! вотъ бы важно...

— Коли ежели пымаютъ, чай, молебенъ служить будутъ!

— А «сама»-то что, какъ? не видали братцы?

— Гляди, гляди—пыль никакъ!.. эвося видишь?

— Капитанъ, одолжите на минуту вашего бинокля... я только взгляну; на одну секундочку.

— Идутъ!..

— Нѣтъ, это такъ, вѣтеръ носитъ песокъ... Вишь, вонъ, поулеглось—и опять ничего не видно.

— Раньше ночи не вернутся,—это вѣрно...

Носился смутный говоръ по бархонамъ урочища Хала-Атъ, по гребнямъ вновь-возведеннаго Георгіевскаго укрѣпленія.

Цѣлый день прошелъ въ этомъ томительномъ, нетерпѣливомъ ожиданіи. Солнце стало опять какъ-то подозрительно закатываться; опять подулъ вѣтеръ и затуманилъ горизонтъ облаками пыли... Темнѣть начало; не возвращается что-то Головнинъ съ своею полусотнею. Отъ Пуговицына тоже нѣтъ извѣстій...

— Далеко же зашли, однако! думаютъ въ лагерѣ.

Всѣми начало одолѣвать безпокойство: «ужь не случилось ли чего нибудь съ ними въ самомъ дѣлѣ?..».

Заискрились огоньки въ темнотѣ; конское ржанье чуть-чуть донеслось по вѣтру—ему отвѣтили въ лагерныхъ коновязяхъ... Только что за диво!.. видимое дѣло наши возвращаются, наконецъ; только что же пѣсень не слышно? не въ обычаѣ туркестанцевъ возвращаться домой безъ пѣсень съ барабаннымъ подбоемъ и бубнами...

— Видно, плохо дѣло, не до пѣсень... опять думаютъ въ лагерѣ. Пріуныли всѣ, голоса смолкли, ждутъ, къ темнотѣ приглядываются.

А оттуда, между бархонами, движутся темныя массы, одна пониже — пѣхота, другая повыше — кавалерія... Отдѣльные точки отходятъ отъ этихъ массъ, быстрѣе приближаются къ лагерю. Въ передовой цѣпи окликъ слышится... Все такъ и ринулось изъ лагеря навстрѣчу.

Вернулся капитанъ Пуговицынъ со своею ротою; вернулись казаки, что съ нимъ ходили; вернулся и Головнинъ съ полусотнею, и прямо поѣхалъ къ генеральской ставкѣ.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Охота за бизонами.

Исторія Сѣверной Америки такъ еще нова, что въ ней почти нѣтъ того, что мы называемъ легендарнымъ, романтическимъ; однако-же практическіе, дѣловые американцы, эти серіозные янки, не прочь помечтать о томъ, что носитъ на себѣ, если не печать таинственности, то во всякомъ случаѣ красуется въ небольшомъ романтическомъ плащѣ, способномъ разжечь ихъ воображеніе. — Словомъ сказать, для нашихъ заатлантическихъ друзей слова «далекій западъ» означаютъ тоже, что для насъ средневѣковое рыцарство. Но что-же собственно значитъ это выраженіе — *далекій западъ*? Тридцать лѣтъ тому назадъ «далекимъ западомъ» называли луговыя степи, лежащія къ западу отъ Миссисипи, и земли по верховьямъ рѣкъ Миссури и Ла-Платы. Тамъ бродили торговцы мѣхами, всякого рода охотники и искатели приключеній — безпокойныя головы, которыя въ бытность свою въ восточныхъ штатахъ не поладили съ гражданскимъ порядкомъ, поссорились съ закономъ и устремились за рубежъ цивилизаціи, гдѣ и зажили съ индѣйцами. Тутъ они занялись охотою за бизонами, торговлею, что не мѣшало имъ драться сколько душѣ было угодно. Теперь эти степи и земли превращены въ оживленныя мѣстности: тамъ и сямъ со свистомъ летятъ локомотивы, увлекая за собою цѣпь вагоновъ; по рѣкамъ скользятъ пароходы, пуская клубы дыма; а мѣстами, по береговой полосѣ, раскинулись города и мѣстечки, выросшія словно грибы изъ земли. Что касается «краснокожихъ», то они оттѣснены «бѣлыми» далеко на западъ,—а если и случается встрѣтиться съ горстью индѣйцевъ, то въ нихъ уже не увидишь тѣхъ воинственныхъ рыцарей, о которыхъ такъ много разсказывали намъ Куперъ, Майнъ-Ридъ, Герштеккеръ, Мельгаузенъ и др. Эти индѣйцы скорѣе просто—жалкіе нищіе, пьяницы и по большей части порядочные негодяи. Въ настоящее время «далекимъ западомъ» называютъ плоскія возвышенности и предгорія у восточной подошвы Скалистыхъ горъ и новыя земли, лежащія между западнымъ склономъ этихъ горъ и берегами Тихаго океана — территоріи: Идаго, Колорадо, Монтана и др., а также штаты: Канзасъ, Небраска, Орегонъ и пр. — Но обратимся теперь къ бизонамъ.

Бизонъ или «американскій буйволъ» между сѣверо-американскими животными—то же, что зубръ въ Европѣ (въ Бѣловѣжской пущѣ), т. е. великанъ между всѣми сухопутными млекопитающими. Длина быка — $8^1/_2$ и даже 9 футовъ, не считая хвоста. По наружности и осанкѣ бизонъ очень похожъ на зубра, даже и цвѣтъ шерсти почти такой же. Было время, когда бизонъ былъ распространенъ по всей почти сѣверной части западной половины земли,—а теперь уже исчезъ во многихъ странахъ. Съ году на годъ его оттѣсняютъ далѣе и далѣе и ограничиваютъ все болѣе и болѣе его прежнія владѣнія. Бѣлые и индѣйцы, говоритъ Брэмъ, соединились съ волкомъ въ преслѣдованіи бизона, и изъ трехъ злыхъ враговъ его самый *человѣчный* еще—волкъ. Онъ по крайней мѣрѣ уничтожаетъ столько, сколько ему нужно для утоленія голода,—тогда какъ человѣкъ истребляетъ бизона безпощадно и опустошаетъ его стада, когда не имѣетъ въ томъ ни малѣйшей нужды. Когда европейцы начали селиться въ сѣверной Америкѣ, бизонъ водился на берегахъ Атлантическаго океана; но уже въ началѣ XVIII вѣка считалось замѣчательнымъ происшествіемъ, когда однажды на мызѣ Фиръ-Риверъ убили бизона. Въ концѣ прошлаго столѣтія эти животныя были многочисленны въ Кентуки и на западѣ Пенсильваніи; теперь они едва-ли водятся еще въ Луизіанѣ и Арканзасѣ. Прежде ихъ сѣверной границей было большое Невольничье озеро подъ 60° широты, а западной — Скалистыя горы; теперь бизонъ поднялся уже до 65° сѣвер. шир., отыскивая въ пустыняхъ защиту отъ гоненій и проложивъ себѣ трудную дорогу черезъ высокія горы, чтобы укрыться на равнинахъ запада. Но и это его не спасетъ: индѣйцы и бѣлые преслѣдуютъ его неутомимо; истребленіе идетъ неудержимо впередъ. Въ настоящее время можно считать мѣсто-пребываніемъ бизона страны къ сѣверу и западу отъ Миссури. Тутъ онъ до сихъ поръ встрѣчается въ громадномъ числѣ. Фребель въ 1858 г. ѣхалъ съ караваномъ съ Миссури въ Мексику и *цѣлыхъ восемь дней караванъ этотъ шелъ мимо безконечнаго ряда стадъ бизоновъ*. Мельгаузенъ видѣлъ таже сотни тысячъ бизоновъ на безконечныхъ луговыхъ степяхъ къ западу отъ Миссури,—это были такія массы, что равнина, насколько могъ обнять глазъ, *казалась черною;* опредѣлить ихъ число можно было только отчасти, раздѣливъ пространство, покрытое животными, на квадратныя мили.—Смотря по времени года, мѣняется мѣстопребываніе бизоновъ. Лѣтомъ они разсыпаются по широкимъ степямъ, зимой сходятся ближе и отправляются въ лѣсистыя мѣстности. Кочующія стада даютъ знать о себѣ даже тогда, когда глазъ ихъ уже не видитъ: за ними бѣгутъ стаи голодныхъ волковъ, несутся въ воздухѣ орлы, грифы и вороны, и какъ тѣ, такъ и другіе въ накладѣ не остаются. Бизоны при своихъ переходахъ придерживаются повидимому извѣстныхъ дорогъ. Въ мѣстахъ, гдѣ они разъ поселились—они весьма правильно ходятъ взадъ и впередъ отъ луговъ къ рѣкамъ на водопой или для купанья. *Дороги буйволовъ* идутъ почти всегда въ прямомъ направленіи, сотнями рядовъ, перерѣзываютъ горные потоки и рѣки въ мѣстахъ, гдѣ берегъ удобенъ для спуска и всхода, и тянутся по степямъ на многія мили. — Мы уже сказали, что самымъ жестокимъ врагомъ бизона является человѣкъ, какъ туземный житель, такъ и переселенецъ, хотя, сказать по правдѣ, «бѣлый» подалъ первый знакъ къ истребленію бизона. «Волосистый, густой мѣхъ животнаго, его жирное мясо очень понравились «бѣлымъ» (пишетъ Мельгаузенъ), и они стали разсчитывать на большую прибыль отъ того и другаго. Для своей цѣли они постарались возбудить въ жителяхъ степей жажду къ блестящимъ или одуряющимъ продуктамъ своей родины и стали платить имъ этими бездѣлками за добычу ихъ охотъ. Тутъ и началось страшное истребленіе бизоновъ... Безпечный индѣецъ не думаетъ о будущемъ: онъ живетъ только настоящимъ и его удовольствіями.

Библиотека "Руниверс"

Теперь ему не нужно уже поощреній къ охотѣ — онъ будетъ преслѣдовать бизона, пока не убьетъ послѣдняго... Безъ всякаго сомнѣнія, не далеко уже то время, когда громадныя стада бизоновъ будутъ жить только въ воспоминаніяхъ, и 300,000 голодныхъ индѣйцевъ, лишенныхъ пищи, вмѣстѣ съ милліонами волковъ, сдѣлаются бичемъ окрестныхъ колоній и, конечно, будутъ истреблены.

Картинка наша изображаетъ одну изъ охотъ на бизоновъ. Въ жаркій іюльскій вечеръ цѣлое стадо животныхъ подошло къ Миссури, чтобы напиться и выкупаться. Индѣйцы напали на нихъ врасплохъ; бизоны бросились въ волны, чтобы переплыть рѣку, а краснокожіе за ними—кто вплавь, кто въ лодкѣ—и началась бойня.

Новая Русская церковь въ Дрезденѣ.

8 іюня текущаго года происходило въ Дрезденѣ на Королевской улицѣ освященіе православной церкви. Она уже вполнѣ окончена, и постройка ея продолжалась менѣе двухъ лѣтъ. Скорое окончаніе этого произведенія архитектуры показываетъ, что въ состояніи сдѣлать энергія и пожертвованія!

Этотъ храмъ выстроенъ на вклады дрезденскихъ православныхъ прихожанъ, на подарки и пожертвованія членовъ Августѣйшей Императорской Фамиліи, Синода и на приношенія дрезденскихъ протестантовъ. Вольнеръ, лютеранинъ, подарилъ православному приходу г. Дрездена, мѣсто на которомъ возвышается теперь эта церковь. Одинъ изъ членовъ этого прихода, г. Викулинъ пожертвовалъ на построеніе церкви капиталъ въ 160,000 талеровъ (около 180,000 р). г. Образцовъ прибавилъ къ подаренному уже. г. Вольнеромъ мѣсту еще около 1200 аршинъ земли, для постройки на нихъ дома для священно-служителей. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ подарилъ церкви серебряную утварь. Отъ Синода было получено 6000 рублей пособія. Особенно много заботъ о храмѣ было выказано со стороны русскаго посланника г. Коцебу, который сильно заинтересовался этимъ предпріятіемъ. Сперва переговоры русской общины съ городскою Дрезденскою думой объ уступкѣ мѣста для постройки какъ и просьба о денежномъ пособіи не привели къ успѣшному результату; но наконецъ, что-бы не отстать въ пожертвованіяхъ отъ русскихъ и протестантовъ Дрездена, она рѣшилась на нѣкоторое содѣйствіе проекту—какъ то: на проведеніе въ церковь газа, на хорошее содержаніе улицъ по близости храма, и кромѣ всего этого отказалась отъ права взиманія налога на наемную плату за землю.

Церковь выстроена по плану и чертежамъ русскаго придворнаго архитектора, статскаго совѣтника Боссе. Послѣдній, надо заявить, сдѣлалъ и довольно значительныя вклады изъ собственныхъ средствъ. Самая постройка производилась подъ руководствомъ професора Вильгельма Вейсбаха. Живопись на внѣшнихъ стѣнахъ принадлежитъ кисти художника Юнкера. Иконостасъ работы професора Джемса Маршаля. Мраморныя изваянія вышли изъ мастерской Юлія Гёзеля. Позолота принадлежитъ придворному золотыхъ дѣлъ мастеру Вильгоферу. Работы изъ дерева сдѣланы столяромъ-художникомъ Драхе; большой же колоколъ въ 71 пудъ вѣсомъ, отличающійся необыкновенно пріятнымъ звукомъ, отлитъ дрезденскимъ литейщикомъ Гроссомъ. Всѣ рисунки разныхъ украшеній и бронзовыхъ работъ составлены тѣмъ же статскимъ совѣтникомъ Боссе.

Вотъ перечень именъ всѣхъ лицъ, содѣйствовавшихъ постройкѣ русской церкви въ Дрезденѣ, кто своимъ временемъ, кто искусствомъ, кто деньгами. Ихъ соединенныхъ усиліямъ дѣйствительно удалось воздвигнуть художественное произведеніе — церковь въ русско-византійскомъ стилѣ съ его изящностью и простотою. Какъ по своему внѣшнему виду, куполу и колокольнѣ, такъ и по своему внутреннему устройству оно представляетъ вполнѣ русскій православный храмъ. Это первый въ этомъ стилѣ храмъ Господень, принадлежащій греческо-россійской церкви въ Средней Европѣ.

Разсмотримъ теперь внутренность этой красивой и въ то же время простой церкви. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ внѣшнему виду. Поднявшись на 15 ступеней, которыя ведутъ къ главному входу, входимъ въ простой по убранству, но прекрасный притворъ. Притворъ ведетъ въ самую внутренность храма. Передъ вашими глазами открывается иконостасъ, отдѣляющій церковь отъ алтаря, помѣщающагося къ восточной сторонѣ церкви. Вообще можно сказать, что строители при устройствѣ Дрезденской церкви руководствовались тѣми правилами, по которымъ устроена внутренность всѣхъ православныхъ храмовъ. Образцомъ для этой церкви служили русскіе храмы, выстроенные въ строго византійскомъ стилѣ. Внутренность этой церкви раздѣлена на двѣ части (какъ и во всѣхъ православныхъ храмахъ) иконостасомъ, устроеннымъ на возвышеніи съ выдающимся амвономъ; по бокамъ солеи устроены мѣста для пѣвчихъ. Амвонъ этотъ вымощенъ мраморной мозаикой черно-желтаго цвѣта. Иконостасъ и рѣшетка отдѣляющая амвонъ отъ остальной церкви—сдѣланы также изъ каррарскаго мрамора. Надъ царскими дверьми виднѣется изображеніе тайной вечери. Сѣверная дверь украшена изображеніемъ Архангела Гавріила, южная—Архистратига Михаила. Въ отворенныя царскія двери видна задняя стѣна съ большимъ окномъ, на стеклахъ котораго написано прекрасное изображеніе Вознесенія Христова. Кромѣ вышепомянутыхъ иконъ, на иконостасѣ находятся изображенія: I. Христа, св. Симеона Дивногорскаго (въ честь котораго и выстроенъ этотъ храмъ), Св. Великаго князя Александра Невскаго, преподобнаго Митрофанія Кіевскаго, св. Чудотворца Николая, икона Божіей Матери и четырехъ евангелистовъ. Надъ образомъ св. Симеона виднѣется на серебряной лентѣ надпись на русскомъ языкѣ о посвященіи попечителю храма Семену Семеновичу Викулину.

Г. Викулинъ (выбранный попечителемъ дрезденской церкви) пожертвовалъ, какъ уже сказано, на постройку храма капиталъ въ 180 тысячъ рублей, а потому эта церковь посвящена св. Симеону, его патрону. Общее благолѣпіе дополняютъ стоящіе передъ иконостасомъ четыре позолоченные подсвѣчника.

Внутренность вообще устроена съ большею гармоніей. Замѣтно полное согласіе частей. Колонки въ русскомъ стилѣ унизываютъ края различныхъ частей амвона. Окна завѣшены красными шторами, такъ что солнечные лучи, проходя въ церковь, придаютъ оттѣнокъ краснаго цвѣта, свѣтлымъ стѣнамъ, иконамъ и позолотѣ, мраморной балюстрадѣ и мозаичному полу; тѣ же лучи, проходя чрезъ окна купола и падая на изображеніе Тайной вечери, придаютъ ей какой-то розоватый отсвѣтъ, такъ что кажется будто она прозрачна. Чтобы не забыть еще достоинство этой церкви! Она обладаетъ замѣчательнымъ резонансомъ. Голоса пѣвческаго хора, которые тамъ слышатся во время воскресной литургіи, очень согласны и вполнѣ гармонируютъ съ величиною церкви. Лучшаго резонанса нигдѣ не встрѣчается.

Какъ ихъ судить?

Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляревскаго.

(Окончаніе).

Окончивалась третья недѣля летаргическаго сна Алевтины. 28-го іюля офицеры Д—скаго полка праздновали свой полковой праздникъ. Утромъ была закуска и обѣдъ у полковаго командира, а вечеромъ они забрались къ казначею; появились карты, полилось вино, смѣхъ, шумные разговоры и тосты, все замѣтно усиливавшіеся по мѣрѣ исчезновенія вина въ бутылкахъ и дѣйствія хмѣля въ головахъ пирующихъ; какъ вдругъ, подъ конецъ вечера, полковому адъютанту блеснула новая фантазія: сдѣлать неожиданный сюрпризъ хозяину—и онъ по секрету отъ него послалъ за полковыми музыкантами, которые не замедлили явиться, и цѣлый оркестръ неожиданно грянулъ подъ окнами квартиры полковаго казначея. Заварницкій въ это время сидѣлъ около спящей и читалъ, заперевъ двери въ мезонинъ на ключъ, чтобы къ нему не вошелъ кто либо изъ подкутившихъ товарищей. Шумъ и крики внизу доставляли ему величайшее мученье; онъ боялся потревожить Алевтину, опасаясь, согласно прочитанному имъ въ одномъ англійскомъ журналѣ, что насильственное пробужденіе можетъ вызвать у больной другіе болѣзненные симптомы, гораздо опаснѣйшіе по послѣдствіямъ, напримѣръ, припадки падучей болѣзни и проч., какихъ случаевъ приводилось въ этомъ сочиненіи очень много. Но деликатность не позволяла ему просить князя Кохтаева уменьшить по возможности оргію; когда же раздался оркестръ, Заварницкій съ бѣшенствомъ вскочилъ со стула и хотѣлъ бѣжать къ Кохтаеву... Онъ уже взялся было за ручку двери, но что-то невольно заставило его остановиться и оглянуться назадъ. Ему показалось, будто Алевтина шевельнулась... Не

Библиотека "Руниверс"

довѣряя глазамъ своимъ, Заварницкій замеръ на мѣстѣ.. Дребезгина дѣйствительно еще разъ дрогнула и вдругъ приподнялась до половины, обвела изумленными глазами комнату, протерла ихъ въ недоумѣніи рукой, пробормотала нѣсколько непонятныхъ словъ и упала вновь на подушку, какъ будто-бы отъ сильной головной боли. Заварницкій поспѣшилъ скорѣе дать ей эфиру, ранѣе онъ его почему-то не употреблялъ и ждалъ натуральнаго исхода сна; чрезъ нѣсколько минутъ Алевтина приподнялась во второй разъ. — «Гдѣ это я?...» произнесла она, вполнѣ явственно.

— У врача, отвѣчалъ ей Заварницкій съ радостною дрожью въ голосѣ и съ боязнію, чтобы Дребезгина не потребовала сейчасъ же отправки ее въ Екатериновку. — Ради Бога, Алевтина Михайловна, умолялъ онъ ее,—ни о чемъ не распрашивайте меня сегодня!... Поговоримъ, когда вы успокоитесь... Я такъ счастливъ вашимъ возвращеніемъ къ жизни... Заварницкій закрылъ рукою лицо, чтобы скрыть слезы.— Довѣрьтесь мнѣ—и я все сдѣлаю по вашему приказанію... Не знаю, узнали-ли вы меня...

— Я помню и знаю все, отвѣчала ему Алевтина,—но что это съ вами, какъ вы перемѣнились?... Она протянула ему свою нѣжную тонкую руку, которую онъ съ трепетомъ поцаловалъ.

— Всякое волненіе вамъ вредно, замѣтилъ Заварницкій молодой женщинѣ.—Скажите, что вы чувствуете въ настоящее время?...

— У меня только голова тяжела... а второе... мнѣ совѣстно признаться: я хочу ѣсть...

Заварницкій поспѣшно приложилъ примочку къ ея головѣ и побѣжалъ за бульономъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ силы Дребезгиной поправились настолько, что она могла пройдтись по комнатѣ, опираясь на руку Заварницкаго. Она разсказала ему, что, впавши въ обморокъ, при паденіи съ лошади, она рѣшительно была въ полномъ сознаніи, слышала разговоръ съ Кохтаевымъ, чувствовала, какъ ее везли домой,—но потомъ впала въ забвеніе, которое начало было проходить при ея погребеніи; она знала, что ее хоронятъ живую, хотѣла сдѣлать движеніе, крикнуть, но не могла. Она говорила, что состояніе ея въ то время весьма похоже на то, какое чувствуетъ человѣкъ во время кошмара или сильнаго прилива крови къ головѣ во время сна. Сознаніе въ продолженіе періода сна являлось у нея нѣсколько разъ—и такъ же прекращалось. Напримѣръ, она слышала, какъ опускали въ склепъ гробъ и какъ ударились о сводъ глыбы земли,—но потомъ, послѣ сильнаго напряженія крикнуть, ей казалось, что вся она погружается въ какую-то тьму и всѣ отправленія чувствъ съ этого момента у ней прекратились; за тѣмъ, когда Заварницкій и Кохтаевъ переносили ее въ экипажъ и въ мезонинъ, она хорошо сознавала, что съ нею дѣлаютъ и слышала ихъ разговоръ,—а когда была принесена и положена въ постель, то вновь почувствовала себя куда-то опускаемою въ тьму—и сознаніе прекратилось. Послѣ этого сознаніе являлось у ней еще раза два, но на непродолжительныя мгновенія. Иногда даже слухъ ея дѣлался чрезвычайно тонокъ—и она слышала громкій разговоръ на улицѣ, игру на шарманкѣ или скрынъ тѣлегъ и лай собакъ. Полному же пробужденію ея предшествовалъ необыкновенный шумъ въ ушахъ, заставившій ее вздрогнуть—и съ этого момента она пріобрѣла силу воли надъ нервной системой. Самымъ ощутительнымъ послѣдствіемъ ея сна была сильная головная боль, продолжавшаяся около недѣли, и слабость въ ногахъ; кромѣ того, у ней явился чрезмѣрный апетитъ. Радость князя Кохтаева за счастіе своего друга не имѣла границъ. Пылкій горецъ сулилъ имъ горы счастія. Онъ тотчасъ же озаботился съ Заварницкимъ доставить Алевтинѣ Михайловнѣ гардеробъ и все для нея необходимое.

Изъ прошлой жизни Алевтины Михайловны съ своимъ первымъ мужемъ, изъ послѣдняго разговора ея съ нимъ во время несчастной прогулки, можно было заключить, что онъ тяготился женою и былъ бы согласенъ на разводъ съ нею. Первое было вполнѣ справедливо: Дребезгинъ принадлежалъ къ людямъ, которые не могутъ переносить присутствія около себя никакой порядочной женщины, но на разводъ съ Алевтиной онъ едва-ли бы согласился: ему нужны были деньги своей жены, иначе ему приходилось погибать,—а потому онъ употребилъ-бы всѣ мѣры чтобъ не выпускать изъ рукъ своей жертвы. Если Дребезгинъ обращался съ своею женою деспотически, то разсчитывалъ этимъ путемъ, надѣясь на ея дѣтство и незнаніе жизни, крѣпче взять ее въ руки, чтобы быть полнымъ властелиномъ ея состоянія,—но встрѣтя серіозную опозицію, онъ одумался бы и употребилъ бы другой пріемъ и тонъ. О разводѣ же онъ во всякомъ случаѣ и не думалъ.

О денежныхъ обстоятельствахъ ея мужа Алевтинѣ Михайловнѣ разсказывали Мономаховы, характеръ же его она безошибочно поняла сама; поэтому, пробудившись отъ летаргическаго сна и поправившись въ здоровьѣ, она не обратилась къ мысли о разводѣ. Дѣла Дребезгина, послѣ смерти его жены, приняли самое плачевное положеніе, въ которомъ онъ до тѣхъ поръ еще не находился: кредиторы, какъ бы условившись, всѣ единодушно подали векселя ко взысканію, не давая ни малѣйшей отсрочки,—и онъ кое-какъ успѣлъ расплатиться съ ними, оставшись совершенно нищимъ; всѣ имѣнія пошли на уплату долговъ и не принадлежали уже болѣе ему. По службѣ открылись также денежные недочеты, вслѣдствіе которыхъ его попросили подать въ отставку,—но были на столько милостивы, что не лишили его пенсіона, на который онъ и существовалъ. Но самымъ тягостнымъ для него бременемъ, мѣшавшимъ возможности сдѣлать какую-либо спекуляцію, былъ искъ на него Мономахова, требовавшаго возвращенія приданаго жены, состоявшаго кромѣ денегъ, въ вещахъ, экипажахъ, лошадяхъ, бриліантахъ и тому подобнаго, на очень крупную сумму,—въ пользу своихъ дѣтей. Пока еще было старое судопроизводство, Дребезгинъ, съ помощію совѣтовъ разныхъ крючковъ, отдѣлывался, отписывался и тянулъ дѣло въ продолженіи долгихъ лѣтъ; но, вотъ, на бѣду его и многихъ ему подобныхъ, открылись новыя судебныя учрежденія—и Мономаховъ прибѣгнулъ къ гласному судопроизводству. Дѣло это уже разбиралось въ окружномъ судѣ, рѣшено не въ пользу Дребезгина—и онъ только для проволочки времени подалъ на кассацію, какъ вдругъ встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ Алевтину...

ГЛАВА VI.

— Изъ всего моего имущества въ прошлой жизни, сказала однажды Алевтина Михайловна, бесѣдуя послѣ своего выздоровленія съ Заварницкимъ и княземъ Кохтаевымъ, — я бы желала имѣть одну вещь.

— Какую? живо спросили они.

— Вашу тетрадку, которую вы забыли въ письменномъ столѣ, уѣзжая отъ Мономаховыхъ, отвѣчала Алевтина, обращаясь къ Заварницкому.

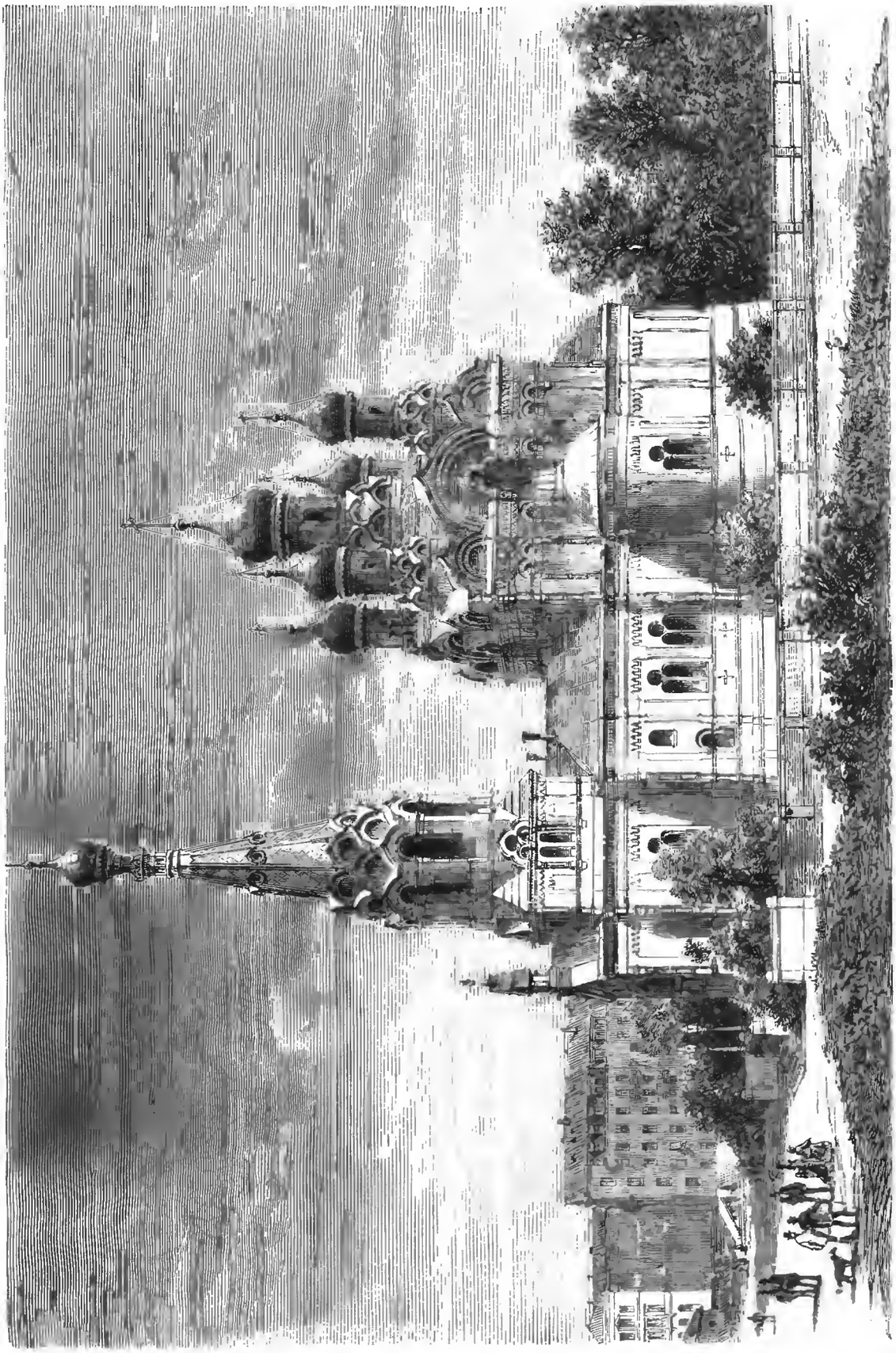
— А вы читали ее?

— Да. Это были единственныя минуты, въ которыя я оживала. О! я многое перенесла за это время и стала совсѣмъ не той, какой вы знали меня у Мономаховыхъ. Къ несчастію, я прочла вашу тетрадку, когда уже была замужемъ.

Слова эти заставили сильнѣе забиться сердце Заварницкаго... Онъ видѣлъ уваженіе и расположеніе къ себѣ Алевтины, читалъ въ глазахъ ея любовь къ себѣ, но не слыхалъ еще ея рѣшенія о своей будущности и боялся заводить съ нею рѣчь объ этомъ предметѣ. А между тѣмъ уже наступило время полнаго ея выздоровленія, и благоразуміе говорило, что нужно что-нибудь предпринять, такъ какъ въ такомъ положеніи и обстановкѣ нельзя было долго оставаться. Послѣднія же слова Алевтины давали Заварницкому надежду, что она не возвратится къ своей прошлой жизни. Князь Кохтаевъ понялъ, что между молодыми людьми наступила минута для объясненія и рѣшенія разъ навсегда своей судьбы, а потому, молча, вышелъ изъ комнаты, оставивъ ихъ вдвоемъ.

— Да, заговорила вновь Алевтина, — я чувствую, что я ожила для лучшей и живой жизни... Но я не знаю, какъ

Библиотека "Руниверс"



Новая русская церковь въ Дрезденѣ. Съ фотографіи грав. Ремлеръ.

Библиотека "Руниверс"

выдти на улицу, явиться на свѣтъ, начать первый шагъ... Укажите мнѣ дорогу... Спасите меня!... Молодая женщина склонила свое заплаканное лицо къ Заварницкому.

— Алевтина! вы знаете мои чувства...

— Я не хочу, продолжала Алевтина, — возвращаться ни къ мужу, ни къ роднымъ... прежнее общество меня нисколько не интересуетъ... Возвратиться къ нимъ — значитъ разстаться со всѣми своими золотыми мечтами... Довольно!.... Я и то много выстрадала... Къ чему мнѣ скрываться предъ вами долѣе, когда вы вѣроятно давно уже все видите: я любила васъ дѣвушкой, любила за все время своего замужества, люблю и теперь...

— Будь моею, будь моимъ счастіемъ, радостью, жизнью!... твердилъ Заварницкій, страстно обнимая молодую женщину.

— Но какъ же это мы устроимъ?... спросила Алевтина, когда восторженное состояніе ихъ нѣсколько улеглось.

— Я объ этомъ много думалъ и составилъ планъ, но ничего еще не предпринялъ, не зная твоего рѣшенія...

— Могъ ли ты въ немъ сомнѣваться!... сказала ему съ укоромъ Алевтина.

Заварницкій съ чувствомъ поцѣловалъ ей руку.

— Мнѣ нужно посовѣтоваться, замѣтилъ онъ, — съ Кохтаевымъ; я бы желалъ уладить дѣло какъ можно скорѣе.

На совѣтѣ молодые люди рѣшили между собою слѣдующее: Заварницкій завтра же долженъ будетъ подать полковому командиру два прошенія, одно объ отпускѣ на 28 дней, а другое объ отставкѣ, — первое нужно было ему для того чтобы имѣть документъ о званіи, для совершенія брачнаго обряда и для выѣзда, а второе для опредѣленія на службу въ другой мѣстности; затѣмъ, онъ долженъ немедленно повѣнчаться...

— Но какой же священникъ согласится на это? спросилъ Заварницкій.

— Я спрашивалъ полковаго священника, видѣлъ ли онъ когда въ лицо генеральшу Дребезгину, отвѣчалъ Кохтаевъ — и получилъ отвѣтъ: нѣтъ. Поэтому мы можемъ отъ него скрыть званіе Алевтины Михайловны, и она можетъ перевѣнчаться подъ псевдонимомъ. Устройство же этого дѣла въ другомъ мѣстѣ представляетъ очень много затрудненій.

Затѣмъ, послѣ вѣнчанія Заварницкій долженъ былъ тотчасъ же уѣхать куда-нибудь подальше, найти себѣ тамъ мѣсто и зажить съ женою новой жизнью.

Планы молодыхъ людей, хотя съ разными затрудненіями и препятствіями, сбылись. Они нашли старое метрическое свидѣтельство какой-то купеческой дочери Алевтины Константиновны Воскресенской, ровесницы Алевтины, которая и была повѣнчана подъ этимъ именемъ съ Заварницкимъ. Обрядъ происходилъ въ ночное время и въ глубокой тайнѣ. Въ слѣдующую ночь Заварницкій выѣхалъ съ своею женою изъ Новогрунтовска навсегда. Они поселились въ одномъ изъ губернскихъ городовъ югозападной Россіи. При любви къ мужу и руководствѣ его практическими совѣтами, выработанными опытомъ жизни, Алевтина скоро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ небогатой женщины, жены врача. Окруживъ заботливостью его домашнюю обстановку, чтобы онъ находилъ въ ней удовольствіе въ минуты отдыха и пріобрѣталъ бы силы къ дальнѣйшимъ трудамъ, — находясь въ постоянныхъ трудахъ и занятіяхъ, Заварницкая, казалось, забыла о своемъ прошломъ и была совершенно счастлива. Одна только мысль о разлукѣ съ мужемъ, въ случаѣ войны, иногда возмущала ея спокойствіе; но она не рѣшалась просить его о перемѣнѣ службы, зная на этотъ предметъ его твердыя убѣжденія. Заварницкій занимался своею спеціальностію очень серіозно, выдержалъ экзаменъ на доктора медицины и хирургіи и написалъ нѣсколько дѣльныхъ брошюръ по медицинѣ, которыя обратили на себя такое значительное вниманіе въ Петербургѣ, что, при открытіи тамъ вакансіи, Заварницкій былъ вызванъ туда для занятія гораздо высшаго мѣста сравнительно съ его должностью въ полку батальоннаго врача. Но назначеніе это не особенно обрадовало Заварницкихъ, имъ тяжело было разстаться съ тѣмъ городомъ, гдѣ они пользовались общей любовью и уваженіемъ и гдѣ были такъ счастливы. Не смотря на то, Заварницкій не могъ отказаться отъ этого вызова и принялъ его, въ виду дальнѣйшихъ служебныхъ шансовъ и полной возможности доставить въ Петербургѣ дѣтямъ высшее образованіе, по выбору и подъ своимъ наблюденіемъ. Что же касается до предчувствій Алевтины, то Заварницкій успокоивалъ жену, что они будутъ находиться въ совершенно другомъ кругу общества — и десять лѣтъ такъ значительно измѣнили наружность, что старинныя ея знакомыя найдутъ у ней, встрѣчаясь на улицѣ, лишь сходство съ прежней баронесой Цадебель или генеральшей Дребезгиной.

Но мы видѣли, что Дребезгинъ узналъ свою жену въ Пассажѣ, почти съ перваго взгляда.

ГЛАВА VII.

Въ день, въ который происходило въ окружномъ судѣ разбирательство дѣла о бракѣ Заварницкихъ, почти съ семи часовъ утра (не смотря на то, что разбирательство было назначено въ двѣнадцать) большая часть городскаго населенія спѣшила къ зданію Окружнаго суда, чтобы занять мѣста поудобнѣе и получше. Не только зала, прилегающія къ ней комнаты и коридоръ окружнаго суда были переполнены народомъ, но масса его находилась и во дворѣ, и на улицѣ. Особое любопытство было возбуждено преимущественно у прекрасной половины общества, изъ которыхъ многія смотрѣли на Алевтину Михайловну, какъ на страшное чудовище, которое не довольствовалось однимъ мужемъ, а другія — слышавшія о ея летаргическомъ снѣ — считали ее то притворщицей, то невинной жертвой Заварницкаго.

Заварницкіе сидѣли на скамьѣ подсудимыхъ, съ опущенными головами. Публикѣ казалось, что Алевтина была въ менѣе тревожномъ состояніи духа, чѣмъ ея второй мужъ. На самомъ дѣлѣ это рѣшить было очень трудно, потому что оба они были чрезвычайно взволнованы. Нахмуренный и задумчивый Заварницкій все время ни разу не взглянулъ на публику; онъ уныло смотрѣлъ внизъ и только изрѣдка подымалъ свои глаза на судей, но вмѣстѣ съ этимъ онъ наблюдалъ, что дѣлается съ его женою — и когда замѣчалъ на ея лицѣ внезапную блѣдность или тревогу въ глазахъ, онъ шепталъ ей подкрѣпленіе и ободреніе. Лицо Алевтины мѣнялось неоднократно, щеки ея то блѣднѣли, то покрывались румянцемъ; иногда она посматривала на публику съ какимъ-то страннымъ — не то самодовольнымъ, не то вызывающимъ взглядомъ. То вдругъ въ воображеніи ея возникали мрачныя картины ссылки въ Сибирь, со всѣми ужасами и лишеніями. Но болѣе всего Заварницкіе страдали за будущность своихъ дѣтей. Въ окружной залѣ, въ числѣ свидѣтелей, находились Мономаховы и князь Кохтаевъ; священикъ же вѣнчавшій Заварницкихъ — умеръ, а деньщикъ изъ татаръ — по розыску не оказался. Послѣднія два лица были вызваны, какъ подписавшіе обыскъ въ книгѣ при совершеніи брачнаго обряда. Въ виду очныхъ ставокъ съ Мономаховыми и со многими своими знакомыми, Алевтина Михайловна созналась, въ показаніи у судебнаго слѣдователя, что она дѣйствительно урожденная баронеса Цадебель и бывшая жена Дребезгина... Заварницкій также показалъ, что онъ женился на ней зная, что она состояла въ замужествѣ, — и скрылъ только о томъ, какое непосредственное участіе въ судьбѣ ихъ принималъ князь Кохтаевъ. Отъ защиты Заварницкіе отказались, полагаясь на совѣсть присяжныхъ засѣдателей и безпристрастіе судей. Послѣ обычныхъ формальностей былъ прочитанъ обвинительный актъ, главнымъ образомъ основанный на признаніи самихъ подсудимыхъ; потомъ начался допросъ свидѣтелей. Дребезгинъ, разсказывая о смерти своей жены, упомянулъ при этомъ, что Заварницкій протестовалъ противъ похоронъ его жены, доказывая, что она въ обморокѣ, — но докторъ Шниперовъ убѣдилъ его въ противномъ. Изъ этого Дребезгинъ выводилъ заключенія въ сугубой виновности Заварницкаго, не принимавшаго мѣръ и не настаивавшаго на непогребеніи его жены, въ виду своихъ преступныхъ замысловъ. Въ словахъ его можно было видѣть желаніе возвратить себѣ обратно

Библиотека "Руниверс"

свою жену и, въ то же время, сознаніе, что этого быть не можетъ и какое-то странное оправданіе: изъ-за чего затѣяно имъ настоящее дѣло... Впослѣдствіи Дребезгинъ самъ уже сожалѣлъ объ этомъ, но послѣ его первыхъ заявленій судебной власти дѣло не могло быть прекращено. Предсѣдатель суда нѣсколько разъ останавливалъ разсужденія и умозаключенія Дребезгина. Показаніе Шниперова ограничились заявленіемъ, что летаргическій сонъ еще не изслѣдованъ въ медицинѣ, а потому ему легко было ошибиться и принять спящую за мертвую. Затѣмъ былъ спрошенъ князь Кохтаевъ, говорившій много и съ увлеченіемъ; по выслушаніи этого свидѣтеля, прокуроръ всталъ и заявилъ суду, что князь Кохтаевъ долженъ быть привлеченъ къ суду не какъ свидѣтель, но къ отвѣтственности, какъ соучастникъ въ преступленіи, что онъ ясно обнаружилъ въ своемъ показаніи. Это обыкновенное въ подобныхъ случаяхъ заявленіе до того испугало Алевтину, что она стала смотрѣть на прокурора, какъ на своего врага. Мономаховы въ своемъ показаніи сообщили, что племянница ихъ неохотно шла за Дребезгина и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя были между супругами, причемъ личность Дребезгина была выставлена въ очень нелестныхъ для него краскахъ. Обвинительная рѣчь прокурора длилась не долго, такъ какъ факты говорили сами за себя. Потомъ предсѣдатель суда обратился съ вопросомъ къ подсудимымъ: что могутъ они добавить въ свое оправданіе? Встревоженная обвинительною рѣчью прокурора, Алевтина встала со скамейки подсудимыхъ, гораздо болѣе похожая на мертвую въ это время, чѣмъ она походила во время летаргіи,—и взволнованнымъ умоляющимъ голосомъ попросила выслушать ея печальную исторію до втораго замужества. Она не пропустила ни одной странички изъ этого періода ея жизни... Разсказала о любви къ себѣ Заварницкаго, о его вліяніи на нее, о своемъ развитіи, несчастномъ замужествѣ, обращеніи съ нею перваго мужа и его характерѣ, объ ожидавшей ее дальнѣйшей участи въ этомъ бракѣ, о пренебреженіи мужа къ ея жизни въ виду заявленія доктора, что она не умерла,—наконецъ о заботливости во время ея сна Заварницкаго, чувствахъ его къ ней и полной надеждѣ на счастіе ея съ любимымъ человѣкомъ, которая и оправдалось на дѣлѣ. Въ заключеніе Алевтина упомянула о дѣтяхъ, о заслугахъ своего втораго мужа. Эта умоляющая рѣчь женщины, чуждая всякихъ афектацій и холодныхъ юридическихъ умозаключеній, лилась прямо въ сердце и произвела на слушателей потрясающее дѣйствіе. Въ залѣ царила глубочайшая тишина. Глаза публики были влажны; сами судьи и присяжные засѣдатели употребляли большія усилія, чтобы сохранить свои нервы въ надлежащемъ порядкѣ. Заварницкій къ словамъ жены въ свое оправданіе добавилъ, что онъ не могъ остановить погребеніе при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился, и что заранѣе обдуманнаго плана, до пробужденія его жены изъ летаргическаго сна, на бракъ съ нею у него быть не могло, такъ какъ по выходѣ ея въ замужество, за Дребезгина, онъ не видался съ нею, не переписывался, а потому и не могъ знать, сохранила ли она къ нему тѣ чувства, которыя питала въ дѣвушкахъ. Кромѣ того, если бы по пробужденіи своемъ жена его, хотя однимъ словомъ, высказала бы ему желаніе возвратиться къ первому мужу или къ своимъ роднымъ, онъ безпрекословно выполнилъ бы ея желаніе, не высказывая на этотъ счетъ никакого своего взгляда. Но, страстно любя женщину и будучи любимымъ ею взаимно, лишить ее и себя счастія и отдать безъ ея согласія другому человѣку, съ которымъ нѣтъ ничего общаго,—онъ считалъ двойнымъ убійствомъ и не могъ отказаться отъ счастія, которое не причинило никому матерьяльнаго или нравственнаго урона... Корыстныхъ же побужденій къ этому браку у него, само собою разумѣется, не было.

Между тѣмъ, предсѣдатель обратился съ обычною увѣщевательною рѣчью о безпристрастіи къ присяжнымъ засѣдателямъ, которые тотчасъ же удалились и чрезъ пятнадцать минутъ вынесли слѣдующіе вердикты: о Заварницкой — «виновна, но заслуживаетъ снисхожденія» и о Заварницкомъ: «да, виновенъ».

Въ залѣ воцарилась тишина.

Отъ автора. Къ сожалѣнію, я не знаю, чѣмъ окончательно рѣшилось это дѣло. Говорятъ, что Заварницкіе были помилованы.

Арль въ южной Франціи и его дѣвушки.

Посылаю это письмо изъ южной Франціи, гдѣ апельсиновыя деревья въ полномъ цвѣту и воздухъ пропитанъ какимъ-то благоуханіемъ. Рона, обмывая остатки древне-римскаго моста, спокойно и медленно, полузасыпанная пескомъ, пробиваетъ себѣ дорогу къ средиземному морю.

«Моя жена изъ Арля», замѣтилъ съ весьма самодовольнымъ лицомъ мой спутникъ, житель Марселя, ѣхавшій изъ Тараскона на югъ. Для француза эти слова весьма понятны—они означаютъ: «моя жена - красавица». Такъ какъ я и прежде слыхалъ о красавицахъ арелаткахъ, то и порѣшилъ убѣдиться на самомъ мѣстѣ въ справедливости этихъ словъ.

Уже у воксала, на лѣвомъ берегу Роны, бросились мнѣ въ глаза нѣсколько красивыхъ дѣвушекъ въ простенькихъ платьяхъ, которыхъ я впрочемъ обогналъ, такъ какъ время клонилось къ вечеру, а мнѣ хотѣлось еще до захода солнца нѣсколько познакомиться съ мѣстностью.

Минувъ полуразвалившіяся тріумфальныя ворота, спѣшу я по улицѣ Вильневъ къ развалинамъ величественнаго древнеримскаго амфитеатра, въ 43 рядахъ котораго помѣщалось до 23,000 зрителей,—куда еще и теперь собираются жители города, посмотрѣть на бой быковъ. Но въ настоящее время я занятъ не античностями. Мнѣ хочется обозрѣть мѣстность, поэтому влѣзаю на одну изъ башень, пристроенныхъ къ театру сарацинами, пришедшими изъ Африки и покорившими туземныхъ христіянъ. Тамъ внизу кишитъ народъ, бушуетъ Рона, по рѣкамъ и каналамъ плывутъ разукрашенные корабли и лодки; изъ Тараскона мчится поѣздъ, со стороны моря дуетъ освѣжающій морской вѣтеръ. Въ дали туманной, на сѣверѣ виднѣется Авиньонъ; изъ бѣлой пелены рѣзко выдается башня древняго рыцарскаго замка, у ногъ же—развалины огромнаго монастыря Монтажуръ, построеннаго однимъ изъ Меровинговъ и увеличеннаго Карломъ великимъ.

Внизу городъ, озаренный лучами заходящаго солнца, блеститъ не только роскошью, но и пластичной красотой римскаго міра. Болѣе всего бросается въ глаза огромный амфитеатръ, распростертый у моихъ ногъ. Какія огромныя средства употребляли Римляне, чтобы удовлетворить своимъ кровожаднымъ прихотямъ, усладить себя кровавыми гладіаторскими играми.

Теперь все въ запустѣньи; вѣтеръ играетъ съ растеніями, обросшими стѣны, и свиститъ въ аркахъ съ какимъ-то заунывнымъ стономъ; отъ сводовъ, трещинъ вѣетъ томительнымъ безмолвіемъ. Этотъ амфитеатръ служилъ крѣпостью, то Сарацинамъ, то городскимъ партіямъ, и кто имъ обладалъ — владѣлъ всѣмъ городомъ.

Къ закату солнца, я, ознакомившись съ мѣстностью, отправился въ гостинницу. Завтра воскресенье! и я пойду смотрѣть на жителей, наряженныхъ и роскошно убранныхъ, идущихъ къ обѣдни.

Соборъ Св. Трофима построенъ въ древне-римскомъ стилѣ, съ готическими башнями, и разукрашенъ различными произведеніями скульптуры. По обѣ стороны роскошнаго порталя стоятъ мужчины и разсматриваютъ дѣвушекъ Арля, приходящихъ въ церковь. Красавицы довольно милостивы; постоянно ходитъ въ однѣ и тѣ же двери, зная, что все здѣсь съ нетерпѣніемъ ихъ ждетъ. Онѣ дѣлаютъ видъ, будто ничего не замѣчаютъ, всегда скромны и серіозны, но тѣмъ не менѣе никогда не обходятъ этихъ дверей. Тамъ же помѣстился и я, озирая дѣвушекъ Арля.

Правда, римскій міръ давно уже исчезли въ Арлѣ, но подобно току какъ изъ трещинъ въ развалинахъ амфитеатра произрастаютъ роскошные цвѣты — жизнь изъ смерти, точно такъ же въ лицѣ дѣвицъ Арля воскресаетъ древнеклассическая красота. Теперь только понялъ я слова моего тарасконскаго спутника: «моя жена изъ Арля». Не удивительно, что прекрасныя арелатки возбуждаютъ зависть въ своихъ менѣе красивыхъ соотечественникахъ. Рядомъ со мною въ дверяхъ стояли мужчины, пришедшіе изъ далека, чтобы только посмотрѣть на товаръ, о которомъ такъ не любятъ вспоминать прочія француженки

Въ чертахъ лица этихъ дѣвушекъ преобладаетъ прекрасный греческій типъ, что въ

Библиотека "Руниверс"

совокупности съ горделивой осанкой такъ превозносится всѣми туристами. Главная же прелесть арелатокъ заключается въ чудныхъ, умныхъ глазахъ—то темныхъ, то голубыхъ, окаймленныхъ длинными бархатными рѣсницами. Прелестный ротикъ съ рядомъ жемчужныхъ зубовъ вполнѣ гармонируетъ съ глазами. Этимъ женщинамъ по ихъ красотѣ несомнѣнно принадлежитъ пальма первенства между всѣми южанками. Какъ бы ни были прелестны и граціозны француженки въ южной Франціи, но этой гордой походкѣ, королевской осанкѣ, этому смуглому лицу и темной прелести глазъ нѣтъ ничего подобнаго.

Горожанки, о которыхъ я собственно и говорю, имѣютъ обыкновеніе носить одежду, выказывающую ихъ красоту въ настоящемъ свѣтѣ; однако печально, что парижскія моды начинаютъ распространяться между ними все болѣе и болѣе, въ чемъ меня убѣдили прекрасныя богомолки. На головѣ у арелатокъ красуется маленькій чепчикъ. Волосы, завязанные въ узелъ и поддерживаемые широкою бархатною лентою, живописно ниспадаютъ на плечи. Чепчикъ вмѣстѣ съ лентою образуетъ какъ бы шапочку, составляющую пріятный контрастъ съ нѣжнымъ лицомъ. Изъ-подъ нея видиѣются то темные, то свѣтлые волосы. Шея нѣсколько обнажена, такъ какъ бѣлый кружевной платокъ обыкновенно сзади и спереди весьма спущенъ. Ихъ юбка и кофта весьма идутъ къ остальному туалету; — несомнѣнно, что дѣвушки, носящія этотъ костюмъ, вполнѣ оцѣниваютъ его превосходство.

Мнѣ удалось видѣть на Королевской улицѣ и на Ронскомъ мосту красавицъ, такъ смиренно сидѣвшихъ въ церкви, теперь весело болтавшихъ на провансальскомъ нарѣчіи (языкѣ трубадуровъ). Послѣ чего невольно кажется, что арелатки первенствуютъ также и въ нравственномъ отношеніи, что ихъ рѣчь какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ ихъ прекраснымъ ртомъ. Сколько здѣсь моделей, достойныхъ кисти художника: и служанка, метущая комнату, и лавочница, горожанка, идущая съ рынка, и двѣ подруги, болтающія о письмѣ среди развалинъ амфитеатра,—все чаруетъ глаза.

Не смотря на все это, я долженъ обнажить и нѣсколько мрачную сторону, которая умѣритъ увлеченіе и настроитъ насъ въ пользу соотечественницъ—сѣверянокъ. Арелатки уже 25-ти лѣтъ начинаютъ старѣть, въ 30 же лѣтъ становятся весьма пожилыми, между тѣмъ какъ наши жены еще въ этомъ возрастѣ въ полной силѣ. Поэтому обращаю мой взоръ и сердце къ сѣверу, къ женамъ и дѣвушкамъ нашей родины; ихъ красота, хотя и не столь поразительна, за то несравненно продолжительнѣе.

Смѣсь.

Изъ Казани пишутъ, что туда пріѣхало нѣсколько англичанъ, которые за безцѣнцу скупили лежавшій безъ употребленія голубиный пометъ, уложили это драгоцѣнное гуано въ 3000 мѣшковъ по 9 пудовъ каждый и отослали въ свое отечество. При этомъ естественно приходитъ въ голову, что вѣдь и русскіе поля точно также могли бы воспользоваться этимъ сокровищемъ, какъ и луга Альбіона; отчего же у насъ не нашлось никого, кто бы вздумалъ употребить съ пользой удобреніе тысячами-летающихъ надъ городомъ птицъ?

Какими способами доставляется карлистамъ оружіе и военные снаряды. Въ «*Times*» напечатано объ этомъ предметѣ письмо, содержащее въ себѣ довольно интересныя подробности, которыя мы передадимъ здѣсь нашимъ читателямъ.

Пребываніе въ теченіи 18 мѣсяцевъ въ Испаніи убѣдило меня, говоритъ авторъ письма, что французскому правительству гораздо труднѣе препятствовать ввозу оружія для карлистовъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Тайный ввозъ оружія и военныхъ матерьяловъ доведенъ до высшей степени совершенства, главнымъ образомъ благодаря стараніямъ проживающихъ во Франціи испанцевъ, а также содѣйствію французскихъ легитимистовъ. Общее мнѣніе, что главнымъ ввознымъ пунктомъ военной контрабанды служитъ устье Бидассоа, несправедливо, такъ какъ морское транспортированіе было бы противно интересамъ контрабандистскихъ обществъ. Контрабандисты составляютъ большинство населенія въ пограничныхъ горахъ, поэтому необходимо чтобы они всегда были заняты и пользовались хорошимъ расположеніемъ духа. Главная масса ввозимаго въ Испанію оружія идетъ черезъ Бордо и Нантъ. То, что идетъ изъ Бордо, скрывается въ винныхъ бочкахъ; вещи же отправляемыя изъ Нанта моремъ упакованы въ ящики, наложенные сверху въ нѣсколько рядовъ коробочками сардинокъ. Посылки эти адресуются винным и сардиночнымъ торговцамъ въ Байонѣ, Сенъ-Жанъ-де-Люцѣ, Пассажесѣ и Санъ-Себастьянѣ, а отсюда онѣ уже доставляются сухимъ путемъ къ мѣстамъ своего назначенія. Прямыя отправки оружія и снарядовъ рѣдки. Обыкновенно для этого выбираются гавани Гуэтаиа, Ла Аренасъ у Португалеты и Санъ-Винченте де-ла-Баркера въ провинціи Санатера.

Но, какъ уже замѣчено, самые значительные транспорты доставляются сухимъ путемъ. Они принимаются купцами и частными лицами, во всевозможныхъ видахъ и формахъ. Разъ при мнѣ въ одну гостинницу было привезено огромное количество патроновъ, упакованныхъ подъ видомъ швейцарскаго сыра; далѣе, ящики съ ружейными стволами шли за макароны; пустыя желѣзныя колонки были наполнены штыками, и наконецъ тюки трески, заключавшіе въ себѣ больше стали, чѣмъ рыбы. Во всевозможныхъ формахъ, подъ всевозможными масками, пересылаются вышеозначенные предметы, и передаются въ руки контрабандистовъ черезъ посредство довѣренныхъ агентовъ. Въ случаѣ конфискаціи посылки, убытокъ принимаютъ на себя контрабандисты; понятно, что при такихъ условіяхъ, они дѣлаютъ все что только возможно, чтобы свести рискъ до крайняго минимума. Каждый контрабандистъ знаетъ страну, какъ свои пять пальцевъ. У нихъ въ каждой деревнѣ, въ каждомъ кабачкѣ, есть свои шпіоны: ихъ передовые и сторожевые отряды отлично организованы, такъ что они узнаютъ о всякой опасности съ наименьшей потерей времени. Извѣстія эти передаются имъ съ неимовѣрной быстротой, и конфискація транспортовъ, кромѣ такихъ которые нарочно подсовываются таможеннымъ чиновникамъ для прикрытія другихъ, болѣе важныхъ посылокъ, весьма рѣдка. Всѣ контрабандисты организованы въ банды, имѣющія во главѣ своего начальника. Этотъ начальникъ отвѣчаетъ за транспортъ и устраиваетъ дѣла съ агентами. У каждаго изъ этихъ предводителей находится человѣкъ до 200 подчиненныхъ, и такъ какъ послѣдніе постоянно день и ночь заняты своимъ дѣломъ, то можно судить о той массѣ оружія, которая переходитъ черезъ границу.

Главные пункты, черезъ которые провозятся эти посылки въ Испанію, суть горные проходы у Вера, Пена, Платы, Даукаринси, Іаки (въ Аррагоніи) и въ особенности Бургъ-Мадамъ при Пюисердѣ, гдѣ отдѣльной кусочекъ испанскихъ владѣній на французской почвѣ, Оливія, соединяется съ Каталоніей посредствомъ нейтральной дороги, по которой можетъ идти что угодно. Затѣмъ дорога изъ Перинъяна въ Герону и портъ Вандресъ, мѣсто нагрузки и разгрузки испанскихъ судовъ, и проч. Подлѣ этихъ главныхъ переходовъ, вся пограничная линія свободна, такъ какъ испанцы или вовсе ее не охраняютъ, или охраняютъ такъ мало, что о серіозномъ препятствіи для ввоза оружія не можетъ быть и рѣчи. Я своими глазами видѣлъ, какъ контрабандисты предружески разговаривали съ республиканскими солдатами, хотя послѣдніе отлично знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Разъ одинъ контрабандистъ весьма обязательно сталъ показывать, стоявшему на своемъ посту солдату, одно изъ ввозимыхъ имъ ружей, и послѣ того какъ солдатъ достаточно налюбовался имъ, оно было положено къ остальнымъ. При такихъ наивныхъ порядкахъ, я не могъ удержаться отъ смѣха. Солдатъ и контрабандистъ также засмѣялись и солдатъ замѣтилъ: «*Che volete*» (что вы хотите)? Я не трусъ и въ открытомъ полѣ не задумаюсь подставить свой лобъ подъ пулю. Но стоять здѣсь для того, чтобы первый встрѣчный подстрѣлилъ васъ, какъ куропатку,—нѣтъ, сеньоръ, на это я не согласенъ. Другіе тамъ на гауптвахтѣ подъ крѣпкими баррикадами, да и то, если бы я выстрѣлилъ, или въ меня бы выстрѣлили, такъ они какъ бы поскорѣе всѣ двери на запоръ. Поэтому то, ни я не стрѣляю, ни въ меня не стрѣляютъ. Мы ужъ всячески пробовали какъ тутъ поступать».

Въ такомъ точно положеніи, съ большей или меньшей разницей, находятся дѣла по всей границѣ. Единственнымъ средствомъ уменьшить эти безпорядки было бы, если бы французское правительство объявило всю границу въ осадномъ положеніи.

Военный духъ въ нѣмецкихъ гимназіяхъ.—Въ виду введенія устава общей воинской повинности, многія изъ нѣмецкихъ гимназій частію уже ввели съ конца прошлаго года, отчасти вводятъ въ нынѣшнемъ учебномъ году, въ число гимнастическихъ упражненій, военныя упражненія,—съ цѣлію, молодымъ людямъ, кончающимъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ и по лѣтамъ подходящимъ къ отбытію воинской повинности, облегчить занятіе первоначальнымъ военнымъ воспитаніемъ, необходимымъ для полученія унтеръ-офицерскаго званія.—Съ этою цѣлью дирекціи вышеупомянутыхъ гимназій завели или заводятъ 2 раза въ недѣлю военные уроки по два часа каждый, въ которыхъ подъ присмотромъ какого нибудь стараго строеваго унтерофицера ученики послѣдняго класса обоихъ паралелей обучаются ружейнымъ пріемамъ начальному фронту, военной гимнастикѣ, однимъ словомъ: всему тому—чему обучается рекрутъ или всякій новобранецъ въ продолженіи 3-мѣсячнаго обученія.

Въ училищѣ при церкви Святаго Петра, гдѣ эти военные классы уже введены съ конца прошлаго года, для этихъ занятій приняты особаго рода мундиры въ видѣ военнаго кителя изъ небѣленой холстины съ гладкими серебряными пуговицами. Кителя эти, кромѣ однообразія фронта, при которомъ гораздо легче замѣчать разныя ошибки въ пріемахъ, служатъ такъ-же сбереженіемъ носильнаго платья.

Entre chien et loup. Такъ называютъ французы сумерки, и названіе какъ нельзя болѣе подходитъ къ этому времени дня, потому что въ это время и происходитъ война волковъ съ собаками, о которой я и хочу разсказать нѣсколько словъ.

Библиотека "Руниверс"

Волки необыкновенно хитры и могутъ быть отнесены къ разряду умнѣйшихъ хищныхъ животныхъ. Въ этомъ легко убѣдиться, разсмотрѣвъ привычки ихъ и ихъ бытъ. Волки, какъ извѣстно, живутъ цѣлыми выводками, составляющими одно нераздѣльное цѣлое или общество, самобытность котораго поддерживается правилами и постановленіями, какъ-бы коренными законами, переходящими изъ рода въ родъ: такъ напримѣръ, старшимъ всегда давать преимущество надъ младшими, а этимъ—имъ повиноваться; мѣста для жительства избирать какъ можно болѣе скрытыя и недоступныя человѣку; этому послѣднему не причинять вреда, если онъ живетъ по сосѣдству съ волками, но даже стараться пріобрѣтать его расположеніе, чтобы такимъ образомъ избѣжать его преслѣдованія, а потому всѣ нападенія производить внѣ округа жительства, границы котораго защищать отъ набѣговъ волковъ другою выводка—и не допуская ихъ до набѣговъ, тѣмъ самымъ скрывать и свое присутствіе отъ человѣка. Много есть еще другихъ статей волчьяго устава, доказывающихъ чрезвычайную распорядительность, хитрую осторожность и обдуманность во всѣхъ дѣйствіяхъ волковъ.

Все это относится только къ внутреннему, домашнему устройству ихъ общества.

Разсмотримъ теперь внѣшній бытъ и тактическія способности волковъ.

Волки имѣютъ замѣчательнѣйшую способность добывать себѣ небольшія поживы и заслуживаютъ удивленіе за свою стратегію и тактику.

Они никогда не нападаютъ всѣми силами безъ нужды и устроиваютъ свои отряды совершенно какъ люди. У нихъ есть свои патрули, есть авангарды и арріергарды. Гдѣ потребна сила—тамъ они дѣйствуютъ совокупно; гдѣ нужна хитрость—тамъ дѣло кончается или патрулемъ или авангардомъ, который, скрывъ свои настоящія силы, сначала старается завлечь жертву въ засаду. Такъ напримѣръ, волкъ, подкрадываясь къ обозу, остановившемуся близь лѣса, тихо и скромно подходитъ къ подводамъ, и какъ

Арль въ южной Франціи и его дѣвушки. Рис. Владиміръ Фридрихъ, грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

бы ласкаясь, старается принять на себя видъ обыкновенной собаки, а самъ только и высматриваетъ, гдѣ бы что стащить. Подъ возомъ отдыхаетъ усталая отъ похода собака, волкъ быстро бросается на нее и утаскиваетъ съ собой въ лѣсъ. Такимъ-же образомъ волкъ обманываетъ и лошадь или жеребенка; намѣреваясь задушить ее, онъ прикидывается собакой. Лошадь подпускаетъ волка на близкое разстояніе и дѣлается его добычею. При нападеніи на стадо овецъ, волки иногда дѣлаютъ фальшивыя аттаки, выславъ впередъ нѣсколько изъ своихъ, которые аттакуя извѣстный пунктъ стараются отвлечь вниманіе пастуха. Главныя же силы, между тѣмъ, бросаются въ стадо и почти всегда достигаютъ своей цѣли. Много еще другихъ примѣровъ удивительнаго искусства, съ какимъ волки обманываютъ свою жертву, прежде чѣмъ нападаютъ на нее.

Лѣтомъ, когда стадо на пастбищахъ и лошади частью на подножномъ корму — волкамъ открыто обширное поле для хищничества, не всегда, впрочемъ удачнаго; но осенью, когда стада начинаютъ понемногу оставлять поля, и зимою, когда домашнія животныя заперты въ хлѣвахъ, обезпечивающихъ ихъ покой — тогда волки ведутъ другаго рода войну, именно—съ деревенскими собаками, служащими для нихъ, въ это время года, почти вѣрною добычею. Въ этой-то войнѣ особенно обнаруживаются всѣ свойства волковъ: хитрость, ловкость, проворство и смышленность, почти всегда рѣшающія дѣло въ ихъ пользу. Французское выраженіе entre chien et loup, т. е. сумерки объясняется постоянною войною, которую волки ведутъ въ это время дня съ собаками. Эти послѣднія, угадывая чутьемъ присутствіе волковъ, сначала обыкновенно лаютъ, а потомъ сбираются ближе къ тому мѣсту, куда обыкновенно подходятъ волки въ сумерки, т. е. къ деревнѣ.

Тутъ-то можно подивиться тактикѣ волковъ и искусству, съ какимъ они завлекаютъ жертву въ свою засаду. Подойдя почти къ самой деревнѣ, волки высылаютъ впередъ 2-хъ 3-хъ, часто одного изъ своихъ, и остальными силами устроиваютъ засаду нѣсколько далѣе. Собаки сначала боятся, волкъ-же посланный въ авангардъ тотчасъ же принимаетъ смиренный видъ, притворяется слабымъ, жмется, потихонку отступаетъ, оглядывается назадъ и завлекаетъ такимъ образомъ собакъ въ преслѣдованіе, направляетъ ихъ къ засадѣ. Какъ только волки увидятъ, что собаки близко отъ нихъ и отступить не успѣютъ, — то немедленно выскакиваютъ изъ засады, производятъ быстрое нападеніе и захватываютъ неосторожныхъ собакъ..

Не есть ли это доказательство присутствія тонкой смѣтливости, какъ бы сознательной тактики у волковъ? Живя въ деревнѣ, нетрудно замѣтить это въ сумерки entre chien et loup.

Противоядіе фосфору. Противъ отравы фосфоромъ рекомендуется терпентинное масло, которое уже было съ успѣхомъ примѣнено въ одномъ изъ такихъ случаевъ въ Америкѣ и двухъ во Франціи. Недавно д-ръ Келеръ въ Галле, въ одномъ случаѣ отравленія фосфоромъ отъ спичекъ, при чемъ между отравленіемъ и поданіемъ медицинской помощи прошло десять часовъ, далъ большой пріемъ терпентиннаго масла, и этимъ спасъ жизнь отравленной особѣ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Телеграмма изъ Парижа отъ 13-го (25-го ноября). Государыня Императрица, по разстроившемуся сильною простудою здоровью и вслѣдствіе признанной лейбъ медикомъ Боткинымъ необходимости провести нѣкоторое время на югѣ, изволила отправиться вчера, во вторникъ, изъ Лондона въ с.-Ремо, на берегу Средиземнаго моря. Ея Величество по прибытіи въ Парижъ изволила остановиться въ домѣ Русскаго Посольства на ночлегъ и одинъ день отдыха. Состояніе здоровья Государыни Императрицы хотя и требуетъ большихъ предосторожностей, но, благодаря Бога, не внушаетъ серіозныхъ опасеній.

Дѣйствія правительства.

— 2 Октября Высочайше повелѣно: для приведенія въ точную извѣстность мужскаго еврейскаго населенія до двадцатипятилѣтняго возраста включительно, перепись евреевъ мужескаго пола произвести по всей Имперіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго, по мѣсту жительства и пребыванія евреевъ въ день производства переписи, съ обозначеніемъ возраста каждаго.

Дѣла церкви.

—Изъ помѣщенныхъ въ отчетѣ за 1872 — 1873 г. Казанскаго братства св. Гурія свѣдѣній видно между прочимъ, что дѣятельность братства въ отчетномъ году не ограничивалась только обученіемъ инородческихъ дѣтей и дѣтей старообрядцевъ въ братскихъ школахъ, но братство стремилось къ достиженію своихъ цѣлей путемъ открытыхъ собесѣдованій объ истинахъ христіанской вѣры. Такъ, съ октября 1871 г. были начаты и продолжались въ теченіи всего отчетнаго года публичныя бесѣды съ старообрядцами въ Казани, а втеченіи Великаго поста были прочитаны Профессоромъ Духовной Академіи Ивановскимъ четыре публичныя лекціи, въ которыхъ излагалось догматическое ученіе православной Церкви. По отзыву епархіальнаго начальства, вліяніе бесѣдъ очень благотворно отразилось не только на раскольникахъ, но и на православныхъ, посѣщавшихъ бесѣды, доказательствомъ чему служатъ обращенія старообрядцевъ къ православной церкви, число которыхъ въ отчетномъ году достигало до 19. Въ настоящемъ году бесѣды продолжаются.

— Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ вѣденіи своемъ сообщилъ Правительствующему Сенату, что Государь Императоръ, 17 Сентября сего года, Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленія Святѣйшаго Синода объ упраздненіи монастырей Литовской епархіи: Борунскаго, Тороканскаго и Березвечскаго.

— «Новгородскія Губ. Вѣдомости» сообщаютъ о произведенныхъ недавно закладкахъ церквей при тюремныхъ замкахъ Демянскомъ и Старорусскомъ.

Земская хроника.

— Вятское Уѣзд. Зем. Собраніе, открытое 20 минувшаго сентября, въ виду плохаго урожая въ нынѣшнее лѣто хлѣбовъ въ Вятскомъ у., поручило Уѣзд. Управѣ ходатайствовать предъ Губ. Собраніемъ объ отпускѣ на будущій годъ изъ продовольственнаго капитала въ пособіе нуждающимся 20,000 р., но съ тѣмъ чтобы деньги эти выдавались единственно на обсѣмененіе полей, а для продовольствія населенія хлѣбъ долженъ быть выдаваемъ изъ запасныхъ магазиновъ.

— Епифанское Уѣзд., Тульск. губ., Земское Собраніе, въ засѣданіи 1 Сентября, по выслушаніи доклада Уѣзд. о принятіи мѣръ къ устраненію могущаго случиться недостатка въ продольствіи, постановила: просить Губ. Собраніе ассигновать для Епифановскаго у., на этотъ предметъ 10,000 р. изъ продовольственнаго капитала.

— Богородицкое Уѣзд. Собраніе, по выслушанію доклада Уѣзд. Управы о принятіи мѣръ къ продовольствію населенія уѣзда и къ обсѣмененію полей, вслѣдствіе заявленія нѣкоторыхъ изъ гласныхъ что въ уѣздѣ предвидится недоборъ въ яровомъ хлебѣ для обсѣмененія полей, постановило поручить Управѣ ходатайствовать о выдачѣ на этотъ предметъ ссуды изъ продовольственнаго капитала въ такомъ размѣрѣ, какой она признаетъ необходимымъ.

— Крестьяне д. Зиргановой, Стерлитамакскаго у. (Уфимской губ.), постановили: просить о закрытіи питейнаго заведенія въ ихъ селеніяхъ.

— Каширское Уѣздное Тульск. губ. Земское Собраніе, въ засѣданіи 12-го минувшаго Сентября, постановило возбудить ходатайство, чтобы имѣнія, какія въ районѣ города и уѣзда будутъ признаны выморочными, были предоставляемы въ пользу земства; равнымъ образомъ, чтобы переданы были также въ вѣдѣніе земства и тѣ имѣнія, которыя уже отошли въ казну, какъ выморочныя.

— Новомосковское Уѣздное, Екатеринославской Губ., Земское Собраніе, въ засѣданіи 2-го Августа, постановило ходатайствовать чрезъ Губ. Зем. Собраніе о скорѣйшей передачѣ Днѣпровскаго моста и Днѣпровской переправы изъ Вѣдомства Путей Сообщенія въ вѣдѣніе земства.

— Калужское Уѣзд. Зем. Собраніе, обсуждая вопросъ о принятіи мѣръ къ улучшенію породы крестьянскихъ лошадей, постановило просить Главное Управленіе Коннозаводства о присылѣ въ Калужскій уѣздъ до 10 жеребцовъ, съ тѣмъ что содержаніе ихъ земство принимаетъ на свой счетъ.

— Звенигородское Уѣздное, Московской губ., Земское Собраніе открытое 27-го минувшаго сентября, положило отмѣнить круговую поруку при взысканія денегъ за леченіе въ земскихъ больницахъ несостоятельныхъ лицъ сельскаго населенія.

— Въ Ярославлѣ, 15-го сентября, открыта земская повивальная школа при лечебницѣ Общества врачей. Число ученицъ стипендіатокъ Земскихъ Управъ Ярославской губерніи простирается до 24 и вольно-опредѣляющихся 10. Онѣ слушаютъ весь курсъ, продолжающійся два года, безплатно.

Городская хроника.

— Предсѣдатель Коммисіи, учрежденной для помощи пострадавшимъ отъ пожара въ Кронштадтѣ, Свиты Его Величества контръ-адмиралъ М. Я. Ѳедоровскій въ засѣданіи 6 го ноября сообщилъ, пишутъ въ «Крон. Вѣстникѣ», о новой помощи, оказанной погорѣльцамъ: Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ пожаловалъ въ пособіе жителямъ Кронштадта, пострадавшимъ отъ пожара, три тысячи руб., Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княгиня Марія Павловна и Великія Князья Сергѣй и Павелъ Александровичи пожаловали одну тысячу рублей.

Цифра пожертвованій въ пользу погорѣльцевъ увеличивается съ каждымъ днемъ и въ настоящее время доходитъ до 35.088 руб. Цифра пострадавшихъ отъ пожара и получившихъ пособіе деньгами, одеждою и помѣщеніемъ простирается до 1 957 чел.

— Потомственный почетный гражданинъ В. П. Аваевъ, въ дополненіе къ пожертвованному имъ для основанія въ гор. Тверп больницы капиталу во сто тысячъ руб., пожертвовалъ недавно на тотъ же предметъ еще десять тысячъ руб., причемъ заявилъ, что если назначенныхъ имъ при пожертвованіи 100.000 руб. на покупку дома и первоначальное устройство больницы десяти тысячъ р. будетъ недостаточно, то недостатокъ этотъ онъ принимаетъ на свой счетъ.

Библиотека "Руниверс"

— Почетный гражданинъ А. С. Щоголевъ представилъ с.-петербургскому градоначальнику три тысячи рублей для обращенія ихъ съ благотворительною цѣлію, по усмотрѣнію генералъ-адъютанта Трепова.

— По примѣру прошлаго года, с.-петербургскій градоначальникъ, въ видахъ предоставленія возможности бѣднымъ жителямъ Галерной гавани получать за дешевую плату здоровую горячую пищу, нашелъ возможнымъ, какъ сообщаютъ въ «Вѣд. С.-Петерб. Градоначальства», устроить въ предоставленныхъ Морскимъ Вѣдомствомъ строеніяхъ въ Галерной гавани столовую для приготовленія дешевыхъ обѣдовъ. Столовая эта открыта съ 1-го ноября; обѣдъ въ ней въ одно блюдо съ фунтомъ хлѣба стоитъ три коп. и въ два блюда — пять коп. Независимо сего, имѣются еще особые билеты по удешевленной цѣнѣ на пользованіе обѣдовъ въ теченіе 30-тидневнаго срока со дня пріобрѣтенія билета.

— Харьковскій Окружный Судъ, отводя въ занимаемомъ имъ помѣщеніи комнату для присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ поставилъ условіемъ, какъ сообщаютъ мѣстныя вѣдомости, чтобы присяжные повѣренные и ихъ помощники установили между собою дежурство для подачи совѣтовъ тяжущимся и подсудимымъ. Дежурства эти въ настоящее время уже установлены.

Ученыя и другія общества.

— Общество англичанъ, живущихъ въ С.-Петербургѣ, поднесло въ подарокъ Герцогу и Герцогинѣ Эдинбургскимъ, по случаю бракосочетанія Ихъ Высочествъ, двѣ спасательныя лодки системы Пика, постройка Форреста съ сыновьями. Лодки эти имѣютъ длины 33 фута, самовыправляющіяся, стоимость ихъ около 10.000 рублей. Ихъ Высочества изволили пожаловать эти лодки Обществу поданія помощи при кораблекрушеніяхъ въ Россіи.

Въ четвергъ 10-го октября въ ½ втораго часа по полудни означенныя лодки были торжественно отправлены изъ Главнаго Адмиралтейства по конно-желѣзной дорогѣ на станцію Николаевской желѣзной дороги, откуда онѣ препровождаются одна въ Черное море, а другая въ Балтійское, на островъ Эзель.

— Николаевское Окружное Правленіе Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ увѣдомило Главное Правленіе, что княгиня Церетелева (г-жа Лавровская) по собственной своей инициативѣ дала въ Николаевѣ концертъ въ пользу Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, доходъ съ котораго составилъ 400 руб. По докладѣ о семъ Ея Императорскому Высочеству Августѣйшей Покровительницѣ Общества, Государыня Цесаревна повелѣть соизволила благодарить княгиню Церетелеву отъ Августѣйшаго Ея Высочества Имени, что и было исполнено предсѣдателемъ Общества, генералъ-адъютантомъ Посьетомъ.

— Старшина спасательной станціи на островѣ Оденсгольмѣ, учрежденной Обществомъ поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, сообщаетъ, что 20-го сентября, ночью, въ половинѣ двѣнадцатаго часа, ему было дано знать съ Оденсгольмскаго маяка, что вблизи его сѣло на мель судно и что оно нуждается въ помощи. По полученіи объ этомъ извѣстія спасательная лодка была спущена на воду. Потерпѣвшее крушеніе судно, двухмачтовый галліотъ «Дельфинъ», сидѣло кормою на глубинѣ 10 футовъ; оно шло съ грузомъ алебастра (15.500 пудовъ) изъ Риги въ С.-Петербургъ и экипажъ его состоялъ изъ пяти матросовъ. По прибытіи лодки къ судну, оказалось, что на немъ семь человѣкъ рабочихъ, прибывшихъ съ Оденсгольмскаго маяка, занимались ужъ выбрасываніемъ груза въ море. По облегченіи судна съ пособіемъ со стороны спасательной лодки, оно въ 3½ часа утра снялось съ мели и отправилось далѣе по своему назначенію.

— Въ Турекѣ (Калишской губерніи) составилась пожарная команда изъ охотниковъ, число которыхъ простирается до 150.

Новыя изобрѣтенія.

— Въ «Zeitung für Lothringen» сообщаютъ о приготовленіи вновь изобрѣтеннаго продукта, упругаго стекла. Открытіе этого стекла сдѣлано г. Лабасти. Во Франціи уже взяты на него привилегіи. Въ Бургѣ основалось товарищество, управляющимъ котораго избранъ изобрѣтатель. Постройка доменной печи быстро подвигается впередъ; ожидаютъ, что произведенія новаго завода появятся этою зимою. Опыты, произведенные надъ стеклянными издѣліями въ Понденѣ, дали удовлетворительные результаты. Эластическое стекло имѣетъ въ толщину лишь 1½ линіи и сопротивляется паденію груза въ 70 золотниковъ съ высоты 2 саженъ. Если его сильно бросить объ полъ, то оно отскакиваетъ не разбиваясь и притомъ издаетъ звукъ подобно металлической пластинкѣ; кромѣ того на него не дѣйствуетъ сильнѣйшій жаръ. Понятно, что подобное стекло найдетъ себѣ обширное техническое примѣненіе. Заводъ думаетъ сперва изготовлять домашнія вещи и вытѣснить изъ употребленія желѣзо и мѣдь. Мысль о возможности изобрѣтенія упругаго стекла существовала уже давно, но практическія попытки ограничивались лишь изготовленіемъ стеклянныхъ нитокъ для тканья изъ нихъ матеріи на одежду».

Почтовый ящикъ.

Г-ну С..... въ Москву.

Въ отвѣтъ на письмо Ваше редакція увѣдомляетъ, что портретъ игуменьи Митрофаніи, не можетъ быть напечатанъ въ «Нивѣ» по совершенно независящимъ отъ насъ причинамъ.

Г-ну Тр..... въ мѣстечко Обуховъ.

Просимые вами нумера, къ сожалѣнію, редакціи не знаетъ куда выслать, такъ какъ по дорожнику м. Обуховъ не значится, а ближайшаго къ нему почтоваго пункта вы въ письмѣ не написали.

СОДЕРЖАНІЕ: Михаилъ Ивановичъ Глинка (съ портретомъ). — Двуногій волкъ. Романъ Н. Каразина (продолженіе). — Охота на бизоновъ (съ рисункомъ). — Какъ ихъ судить? Разсказъ изъ уголовной хроники А. Шкляренскаго (окончаніе). — Новая русская церковь въ Дрезденѣ (съ рисункомъ). — Арль въ южной Франціи и его дѣвушки (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія — Почтовый ящикъ.

Редакторъ В. Клюшникоиъ.

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА.

ШВЕЙЦАРСКАЯ ДѢТСКАЯ МОЛОЧНАЯ МУКА

ГЕНРИХА НЕСТЛЕ,

ДЛЯ ВСКОРМЛЕНІЯ ГРУДНЫХЪ ДѢТЕЙ.

Лучшее изъ всѣхъ донынѣ изобрѣтенныхъ средствъ, замѣняющихъ материнское молоко.

Это средство, вошедшее уже по всеобщее употребленіе, весьма легко перевариваемо, не подвержено порчѣ; способъ приготовленія его весьма простъ и оно охотно берется ребенкомъ.

Рекомендуется поэтому въ особенности:

1) въ помощь кормленія слабой матери или кормилицѣ,

2) при отниманіи ребенка отъ груди и

3) въ путешествіяхъ съ дѣтьми.

Цѣна 1 р. за жестянку, содержащую 1 тамож. ф. муки.

ГЛАВНЫЯ ДЕПО:

У АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, единственнаго агента для всей Россіи, у Вознесенскаго моста, д. № 25, у **Штоля и Шмидта**, въ спб. — **химической лабораторіи** русскаго общества торговли **аптекарскими товарами**, у **Рулковіуса и Гольма, Шредера и Шульце**, — у **Я. А. Фохта**, — у **Каушмана**, Вас. остр., — у **В. Баландина**, Литейная, д. № 57-й, у **Ушакова** — Гост. Дворъ, д. № 33, и во всѣхъ аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россійской имперіи. 26—2.

Въ магазинахъ А. Черкесова и Ком., Кожанчикова и другихъ поступили въ продажу книги:

ЖИЗНЬ МАГОМЕТА,

съ изложеніемъ его ученія, заключающагося въ Коранѣ.

СОЧ. ВАШИНГТОНА-ИРВИНГА,

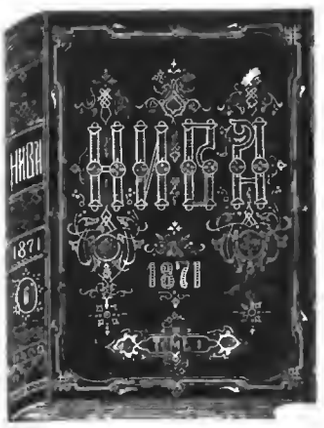
переводъ съ англ., подъ редакціей **М. А. Антоновича.** Изданіе Н. Трапезникова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою и въ переплетѣ 2 руб.

ПАРИЖЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

Приключеніе д-ра Рене Лефевра.

Соч. Эдуарда Лабулэ.

Полный переводъ (35 главъ), съ 27-го французскаго изданія. Изд. Н. Трапезникова. Спб. 1874 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.**, съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г., которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

Библиотека "Руниверс"

Съ конца прошлаго года выходитъ въ С.-Петербургѣ, предпринятое дамскимъ кружкомъ, изданіе подъ названіемъ:

„ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ".

Тщательный выборъ литературныхъ произведеній, представляющихъ особенный интересъ. Изящная внѣшность. Удобный форматъ. Каждое произведеніе помѣщается вполнѣ въ одномъ или нѣсколькихъ томахъ и поступаетъ въ отдѣльную продажу. Вышли 14 томовъ, въ которыхъ напечатаны слѣдующія произведенія, поступившія въ продажу по нижеозначенной цѣнѣ:

I. **РАЗСКАЗЫ БРЕТЪ-ГАРТА**, изъ американской жизни. 1 т. Ц. 1 р. 50 к.
II. **ИСКУПЛЕНІЕ.** Романъ **Фанни Левальдъ**, изъ остзейскаго быта. 2 т. Ц. 2 р. 86 к.
III. **ЗЛИГОКЫ ВЪ РЁМЕРѢ.** Романъ **Гр. Самарова**, изъ политическихъ событій минувшаго десятилѣтія. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.
IV. **ДВѢ ИМПЕРАТОРСКІЯ КОРОНЫ.** Тоже. 2 т. Ц. 2 р.
V. **ПОСЛѢДНЕЕ ПРОЩАНІЕ ЛЕГІОНОВЪ.** Тоже. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.
VI. **ВАЛДФРИДЪ.** Романъ **Бертольда Аузрбаха**, изъ франко-германской войны. Переводъ съ рукописи. 3 т. Ц. 3 р. 50 к.
VII. **БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ.** Романъ **В. Клюшникова**, изъ московской жизни. 1 т. Ц. 2 р.
VIII. **ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.** Томъ I, заключающій въ себѣ четыре пьесы въ русскомъ переводѣ, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію на театрахъ. Ц. 2 р.

Убѣдившись изъ опыта въ возможности продолжать изданіе безостановочно, редакція, для болѣе удобнаго распространенія издаваемыхъ ею книгъ, открываетъ нынѣ подписку на 20 и 10 томовъ своего изданія, по цѣнѣ общедоступной для всѣхъ любителей легкаго чтенія, значительно пониженной противу цѣнъ отдѣльной продажи, а именно:

За 20 томовъ 12 р., съ дост. и перес. 13 р,
» 10 » 6 » » » » 7 »

Подписавшіеся на 20 томовъ, получаютъ вышедшіе 14 томовъ немедленно, а остальные 6 т. въ ближайшіе мѣсяцы (не позже февраля). По выходѣ 20-го тома будетъ объявлена подписка на слѣдующіе 10 и 20 томовъ, — *на которые подписная цѣна, для подписчиковъ теперешней первой серіи, ни въ какомъ случаѣ не будетъ возвышена.*

Подписавшіеся на 10 томовъ—могутъ получить ихъ или изъ числа вышедшихъ 14 томовъ по собственному выбору, или частію изъ нихъ, а частію изъ остальныхъ 6 томовъ, которыми будетъ закончена настоящая серія (XV—XX).

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Базунова, Исакова, Битепажа, Колесова и Михина, въ «Русской Книжной Торговлѣ» и въ редакціи «Для Легкаго Чтенія»: на Николаевской, домъ № 64, кварт. № 1.

Подписка на 10 том. принимается исключительно въ редакціи.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, а также у другихъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ, вышеозначенныя книги продаются отдѣльно.

Не состоитъ теперь при полномъ совершенствѣ мельхіоровыхъ издѣлій покупать серебро и тѣмъ болѣе если старыя вещи примутъ на фабрикѣ **Александра Качъ**, за полъ цѣны обратно. Магазинъ на Невскомъ напротивъ Думы, въ д. Рогова, № 3/36.

Иллюстрированные каталоги высылаютъ по требованію гг. иногородныхъ безплатно.

РУССКО-НѢМЕЦКІЙ

ВОЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

составленный

И. С. Кузнецовымъ.

С.-Петербургъ. 1872 года. Цѣна 5 рублей, съ пересылкою до 6 рублей.

Это есть первый техническій Словарь въ нашей литературѣ съ языка отечественнаго на языкъ иностранный и онъ заключаетъ въ себѣ слова употребляемыя въ артиллеріи, фортификаціи, математикѣ, физикѣ, химіи, металлургіи, горномъ дѣлѣ, морскомъ дѣлѣ и вообще въ военномъ искуствѣ.

Съ требованіемъ обращаться въ С.-Петербургъ, Фурштатская улица, домъ № 13, въ редакцію Артиллерійскаго Журнала.

ПОСТОЯННЫЙ СОТРУДНИКЪ „НИВЫ",

художникъ

П. Ф. КОВЕРЗНЕВЪ,

посредствомъ извѣстной ему одному методы, пишетъ **портреты натуральной величины**, нисколько не уступающіе фотографическимъ снимкамъ, за 10 руб. съ персоны,—и для этого ему только нужно фотографическую кабинетную карточку желающаго сняться.

Адресъ: **Петербургская сторона, Шамшева ул., д. № 11.**

ОТПЕЧАТАНЪ И ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

безъ предварительной цензуры

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

РОМАНА

„ВТОРАЯ ЖЕНА".

Соч. М. Марлитта.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Для гг. подписчиковъ «НИВЫ» я уступаю это изданіе съ пересылкою за **1 руб. 30 коп.**

Никогда еще талантъ автора не выказывался съ такой поражающей яркостью, какъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи, которое живыми и блестящими красками рисуетъ придворную жизнь мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ.

Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ: **въ С.-Петербургѣ** — у Исакова, Базунова, Вольфа, Кожанчикова, Черкесова, Глазунова, Ф. Битепажа, Колесова и Михина; **въ Москвѣ** — у Соловьева (на Страстномъ Бульварѣ) и у издателя «НИВЫ», въ **С.-Петербургѣ**, Большая Морская, д. № 9.

А. Ф. Марксъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на **1875** годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА **1875** ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.
II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.
III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.
IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ ковторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ" **А. Ф. МАРКСЪ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера.

При этомъ № приложено для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ книгопр. С. И. Леухина.

Дозволено цензурою, 19 ноября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 55.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 49 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 2-го декабря 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цѣна этого № «Нивы» 40 коп. съ пересылкою 45 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи. . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

При семъ № «Нивы» прилагается, для всѣхъ подписч., ПЯТАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1875 ГОДЪ,

Печатанъ двумя красками. Гг. желающіе, кромѣ прилагаемаго экземп., еще пріобрѣсть экз. благоволятъ высылать за каждый экз. *25 к. почтовыми марками.*

Виды Волги. II. Царевъ бугоръ. Съ акварели проф. Боголюбова. Рис. Космаковъ, грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

Виды Волги. Царевъ бугоръ.

Царевъ бугоръ или *Царевъ курганъ*— дикая известковая скала продолговатой круглой формы, съ очень крутыми склонами, стоитъ на Волгѣ, верстъ двадцать выше Самары, совершенно особнякомъ отъ Соколовыхъ или Сокольихъ горъ лѣваго берега. Очертаніе ея дѣйствительно напоминаетъ проѣзжающему одинъ изъ тѣхъ кургановъ, которые такъ часто попадаются въ приволжскихъ степяхъ. Въ окружности Царевъ бугоръ будетъ съ полверсты, а вышиной всего двадцать саженъ. Онъ почти весь обнаженъ—и этимъ сильно разнится отъ Жегулевскихъ горъ, съ которыми сходенъ по составу. Огромныя плиты сѣраго известняка далеко видны съ Волги, но зелени нѣтъ совсѣмъ. Лишь на сѣверной сторонѣ, къ селенію Царевщинѣ, по кургану растутъ деревья, да у подошвы остались слѣды прежнихъ, когда-то дремучихъ лѣсовъ. Почти отовсюду Царевъ бугоръ отрѣзанъ водой. На 1607-й верстѣ своего теченія Волга принимаетъ незначительную рѣчку Сокъ, которая вытекаетъ изъ Бугурусланскаго уѣзда. Сам. губ. Сокъ течетъ всего съ небольшимъ 200 верстъ и несудоходенъ; онъ съ двухъ сторонъ обтекаетъ Царевъ бугоръ. На западѣ мимо него вьется другая рѣчка—Куруль. Къ Царевщинѣ и Волгѣ бугоръ обрывается довольно круто, и видъ съ его нѣсколько заостреной вершины великолѣпенъ: видна рѣка на далекое разстояніе, видны и Жегулевскія горы. Весной, въ большой розливъ, кажется будто величавый бугоръ выходитъ изъ самой середины Волги и перегораживаетъ путь идущему внизъ пароходу. Кто незнакомъ съ прихотью изгибовъ русской рѣки—тому очень легко ошибиться и повѣрить глазу.

Въ народѣ живы два преданія о Царевомъ бугрѣ. Одно объясняетъ по своему, откуда взялся *бугоръ*, другое—почему онъ прозывается *Царевымъ*.

Давно, очень давно, говоритъ первое преданіе,—въ незапамятныя времена, шелъ здѣшними мѣстами сильный воитель-царь и велъ за собою страшную воинскую силу. Довелъ до большой рѣки и остановился. Хотѣлось ли ему узнать какъ велика его ратная сила, или просто память о себѣ оставить—только воитель приказалъ каждому воину принести на берегъ по шапкѣ земли. Приказаніе было тотчасъ исполнено—и на ровномъ мѣстѣ, у Волги, выросъ превысокій курганъ, который стало видно на много верстъ кругомъ. Увидалъ воитель, что сила у него несмѣтная и повелъ ее дальше. А курганъ остался съ тѣхъ поръ на долгія времена безмолвнымъ свидѣтелемъ грядущихъ событій, которыя незамедлили прибавить многое къ его славѣ.—Другіе разсказываютъ иначе и говорятъ, что онъ насыпанъ былъ надъ тѣломъ умершаго здѣсь начальника.

Второе преданіе правдоподобнѣе, болѣе изобилуетъ подробностями и относится къ первой половинѣ прошлаго столѣтія.—Лѣтъ двѣсти назадъ, передаетъ оно,—вокругъ теперешняго Царева бугра росли большія лѣса, да и на немъ тоже виднѣлись мѣстами зеленыя поляны и свѣтлыя озера. Теперь поубавилось всего: отъ прежнихъ одно озеро осталось, а лѣса почти всѣ вырубили. Самарскій край въ то время былъ мало заселенъ—на сотни верстъ въ иномъ мѣстѣ шла нетронутая сохой степь; рѣдко гдѣ виднѣлся хуторъ или двѣ-три избы. Въ глубинѣ лѣса одиноко высился мрачный курганъ, мѣстами густо опушенный темнымъ лѣсомъ; за нимъ въ ненастные дни шумѣла Волга. Извѣстно, что въ Самарскій край съ давнихъ поръ стекалось много народу, бѣглаго, еще неосѣвшаго люду. Кто бѣжалъ отъ помѣщичьяго гнѣва, кто отъ кары закона. Бѣжали изъ барской передней, изъ острога, съ судовъ отъ хозяина... и все въ привольный Самарскій край, въ лѣса и горы.—Въ одной изъ такихъ шаекъ шелъ старый Черняк съ сыномъ. Оба они бѣжали изъ острога. Неизвѣстно за что сидѣли они въ немъ: за вину или по наговору.—Черняку знакомы были всѣ пути и дорожки здѣшняго края, къ нимъ скоро примкнула толпа другихъ бѣглецовъ. Черняк сталъ вожакомъ—предводителемъ шайки. Онъ уговорилъ товарищей и взялъ съ нихъ клятву не заниматься разбоемъ, чтобы не накликать новой бѣды на свои головы, кормиться промысломъ, товарищей не выдавать, а поселиться въ землянкахъ и жить до времени тайно, никого не трогая. Бѣглые боялись царскихъ сыщиковъ. «Звѣря въ лѣсахъ много, съ голоду не умремъ!» увѣрялъ Черняк и привелъ ихъ къ подошвѣ высокаго, покрытаго лѣсомъ кургана. «Злой татаринъ и касакъ насъ здѣсь не тронутъ, а сыщики не доберутся: рѣшили всѣ и начали рыть землянки, дѣлать засѣки, мѣсто было глухое, дикое. Началась суровая охотничья жизнь. Долго ли коротко ли шла она, только оказался одинъ недовольный. Не разъ случалось что неслушалъ онъ совѣтовъ и приказаній Черняка: другой воли хотѣлось ему, иной жизни. Пропалъ онъ какъ-то и долго не показывался. Догадался Черняк, что недобрымъ дѣломъ сталъ заниматься товарищъ, что забылъ онъ данную клятву,—созвалъ кругъ и рѣшилъ на первый разъ постегать ослушника, что бы не занимался впередъ разбоемъ, не портилъ общаго дѣла. Послѣ наказанья товарищъ скоро опять убѣжалъ.—«Быть худу!» сказалъ Черняк. Слова его оправдались. Наказанный разбойникъ убѣжалъ въ городокъ Самару, къ тамошнему воеводѣ и донесъ на своихъ товарищей. Воевода набралъ съ сотню солдатъ, захватилъ съ собою небольшое орудіе и тронулся въ путь «Сдайтесь, разбойники!» крикнулъ воевода, подойдя къ кургану—«у меня солдаты и пушка!»—Мы не разбойники, отвѣчалъ Черняк и первую пулю послалъ доносчику; тотъ упалъ, обливаясь кровью. «Попробуйте взять! у насъ на каждомъ шагу засѣки!» Началась перестрѣлка, а послѣ дошло до рукопашной. Храбро дрались бѣглые, но солдатъ было много. По лѣсу звонко раскатывались пушечные выстрѣлы. Кто-то изъ осаждавшихъ ранилъ Черняка. —А по Волгѣ тѣмъ временемъ плыли разукрашенныя суда, обитыя краснымъ сукномъ; на судахъ сидѣли статные гребцы въ богатыхъ нарядахъ. Одно судно было лучше другихъ разукрашено: на немъ ѣхалъ самъ царь Петръ со своей блестящей свитой. Услыхавъ выстрѣлы, онъ вышелъ на палубу и велѣлъ причалить къ кургану.—Выстрѣлы все раздавались. Петръ безстрашно пошелъ на нихъ и встрѣтилъ Самарскаго воеводу. «Въ кого стрѣляютъ?» спросилъ грозный царь. Воевода струсилъ и отвѣтилъ, что въ разбойниковъ.—Какіе у васъ здѣсь разбойники? Отчего край незаселенъ?—Мѣста дикія—боятся селиться, отвѣчалъ воевода.—«А чья вина какъ не твоя?» крикнулъ Петръ и замахнулся на воеводу палкой. Схватка между тѣмъ кончилась—солдаты остались побѣдителями. Петръ подошелъ къ умиравшему отъ раны Черняку и узналъ отъ него все. Умиравшій просилъ царя принять сына на свою службу. Оставшіеся получили прощеніе. За тѣмъ царь потребовалъ топоръ, срубилъ росшее по близости дерево, сдѣлалъ изъ него крестъ и поставилъ на самой вышкѣ кургана, а уцѣлѣвшихъ бѣглыхъ велѣлъ поселить возлѣ. Съ той поры курганъ носитъ названіе Царева бугра, а поселенье—Царевщины. Въ ней теперь живетъ до семи сотъ душъ крестьянъ. Другіе прибавляютъ, что Петръ будто бы долго пировалъ на вершинѣ кургана.

Берега Волги — иллюстраціи къ *народной исторіи*; по нимъ разбросаны урочища, бугры, овраги, пещеры, отчасти *городки* и могилы; около нихъ-то вѣчно-свѣжимъ роемъ и вьются народныя легенды и сказанія—Царевъ бугоръ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду этихъ безъискуственныхъ памятниковъ прошлаго.

Совѣтъ министровъ у г-жи де-Ментэнонъ.

Едва-ли движеніе рукой, вооруженной перомъ, было когда либо такимъ роковымъ, какъ въ день 18-го октября 1685 года,—въ тотъ именно день, когда Людовикъ XIV, король французскій, подмахнулъ свое имя подъ указомъ, совершенно погубившимъ Нантскій Эдиктъ... Мгновеніе—и нѣсколько черточекъ, оставленныхъ на бумагѣ, уничтожили этотъ великій, славный манифестъ короля Генриха IV, обезпечивающій во Франціи свободу вѣроисповѣданія.

Послѣ смерти Генриха, убитаго Равальякомъ, сейчасъ-же начались преслѣдованія гугенотовъ,—и одною изъ главныхъ, существенныхъ мѣръ къ уничтоженію ихъ была слѣдующая: на учительскія мѣста стали сажать исключительно отцовъ іезуитовъ,—людей, конечно, ревностныхъ и весьма интеллигентныхъ. Въ 1630 г. обнародованъ былъ законъ, надѣлавшій много шума: судъ въ Шалонѣ на Саонѣ постановилъ, что ни одинъ протестантъ не можетъ пользоваться цеховыми правами. Въ 1642 г. на французскій тронъ сѣлъ Людовикъ XIV, а черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ своего воцаренія онъ одобрилъ такое мѣропріятіе: *ни одна женщина или дѣвушка, если онѣ гугенотки, не имѣютъ права за деньги шить или вязать*. Запрещеніе это относилось собственно къ торговкамъ бѣльемъ, модисткамъ-швеямъ, жившимъ въ Парижѣ. День своего совершеннолѣтія Людовикъ отпраздновалъ еще тѣмъ, что обнаружилъ новое посягательство на права гугенотовъ, а именно: жители города Нима платили извѣстную сумму денегъ на содержаніе католическаго и протестантскаго госпиталей, причемъ и католики, и протестанты вносили по равной суммѣ; но король произвольно увеличилъ эту подать,—и такъ какъ протестанты составляли болѣе двухъ третей народонаселенія въ упомянутомъ городѣ, то имъ и пришлось поэтому содержать на свой счетъ оба госпиталя.—Прошло четыре мѣсяца послѣ этого—и явилось новое повелѣніе, гласившее, что только католики могутъ быть старшинами ремесленныхъ цеховъ; а спустя еще четыре мѣсяца

Библиотека "Руниверс"

Людовикъ запретилъ протестантамъ отправлять депутаціи «ко двору его величества», т. е. отказалъ имъ въ пріемѣ. Бумага эта была помѣчена 19-го декабря, а на другой день—новое повелѣніе: «только католики могутъ быть назначаемы на мѣста начальниковъ госпиталей». — Дѣло дошло до того, что стали преслѣдовать и притѣснять даже умершихъ гугенотовъ,—а именно: въ 1662 повелѣно было протестантамъ хоронить своихъ покойниковъ только до разсвѣта или послѣ заката солнца... Черезъ два года новое запрещеніе: «лавочники не имѣютъ права брать къ себѣ учениковъ изъ протестантовъ». Въ 1665 это самое было запрещено цеху золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Затѣмъ, «протестантъ не можетъ занимать должности швейцара въ казенныхъ домахъ»... «Если какая либо католическая процессія идетъ мимо протестантской церкви, то поющіе и молящіеся «еретики» должны тотчасъ-же пріостановить свое богослуженіе». Съ 1670 года удары на протестантовъ посыпались чаще и сильнѣе: реформатскіе врачи исключены изъ Руанской коллегіи; въ 1671 г. французскій гербъ снятъ съ реформатскихъ храмовъ; въ 1680—запрещено женщинамъ-реформаткамъ заниматься акушерствомъ, а въ слѣдующемъ—закрыта коллегія въ Седанѣ, послѣдняя, остававшаяся еще у протестантовъ во Франціи. Въ 1682 — король объявляетъ нотаріусовъ, повѣренныхъ по дѣламъ, судейскихъ служителей и сержантовъ протестантскаго вѣроисповѣданія—негодными и неспособными къ отправленію занимаемыхъ ими должностей и лишаетъ ихъ мѣстъ. Затѣмъ, тоже объявлено лицамъ протестантскаго вѣроисповѣданія, занимающимъ секретарскія мѣста. Въ 1684 г. рука Людовика еще пуще расходилась: *всѣ* протестанты были объявлены негодными, неспособными къ какой-бы то ни было должности, а въ слѣдующемъ—приказано было всѣмъ кальвинистамъ, владѣющимъ привилегіями, продать таковыя въ теченіи четырехъ недѣль... Однимъ словомъ — преслѣдованіе было приведено въ систему, такъ организовано, что гугенотъ со дня рожденія и до самой своей смерти не былъ оставляемъ въ покоѣ: жизнь его, какъ гражданина и члена общества, была отравлена... Дѣти не смѣли посѣщать школу, да для нихъ и учителей не было; молодымъ людямъ не было доступу къ коронной службѣ; протестанты видѣли, какъ церкви ихъ закрываются; они видѣли, что имущество ихъ не находится уже подъ покровительствомъ закона.... Гонители постарались даже омрачить послѣднія минуты умирающаго протестанта: протестантъ, разставаясь съ жизнью, *зналъ*, что только въ очень рѣдкихъ случаяхъ дозволялось хоронить «еретика» тамъ, гдѣ уже похоронены родные его... Да и самыя похороны должны были совершаться въ потемкахъ!...

И такъ, почва была достаточно хорошо разрыхлена, чтобы принять въ себя тѣ пагубныя сѣмена, которыя и были брошены въ нее въ 1685 г. Но, какъ-же, однако, случилось, что король рѣшился нанести протестантамъ послѣдній, всесокрушающій ударъ, и главное: въ такое время, когда на политическомъ горизонтѣ показались грозовыя тучи, что̀ могло-бы заставить призадуматься даже и Людовика XIV? А случилось это очень просто: госпожа де-Ментэнонъ, открыто-признанная любовница короля, задумала выйти замужъ за Людовика XIV и сдѣлаться королевой Франціи.

Франциска д'Обиньи, маркиза де Ментэнонъ, была внучкой извѣстнаго Агриппы, прославившагося мужествомъ своимъ и умомъ, а также самоотверженіемъ на службѣ Генриху IV. Отецъ Франциски былъ кальвинистомъ — и этого достаточно было, чтобы запрятать его въ тюрьму... Придравшись къ чему-то, правительство распорядилось въ 1632 г. заключить его въ казематъ въ Niort'ѣ. Жена арестанта, будучи беременной, посѣтила его — и тутъ-то, въ тюремномъ полумракѣ, на соломѣ, служившей постелью заключеннаго, бѣдная женщина разрѣшилась отъ бремени—дѣвочкой.

Дѣвочка эта, явившаяся на свѣтъ въ безотрадной тюрьмѣ, гдѣ первой постелькой для нея была полусгнившая солома арестанта — отца ея, была — Франциска д' Обиньи. Прошло пять лѣтъ—и д'Обиньи былъ освобожденъ. Первымъ дѣломъ его было взять семейство свое — и покинуть Францію.

Задумано-сдѣлано.

Убѣжищемъ гугенотскаго семейства былъ избранъ островъ Мартиника, — и вотъ несется корабль по бурнымъ волнамъ разбушевавшагося моря, ураганъ реветъ.... Маленькая Франциска лежитъ на палубѣ корабля среди мокрыхъ снастей... Она почти уже трупъ, она безнадежна.... «Эй, за бортъ ее! Дѣвчонка умерла!» кричитъ пьяный матросъ плачущей матери и схватываетъ ребенка, чтобы швырнуть его въ волны... Г-жѣ д'Обиньи удалось вырвать изъ рукъ этого дикаря дочь свою, повидимому уже мертвую.... Она хочетъ проститься, въ послѣдній разъ поцѣловать дѣвочку въ побѣлѣвшія ея губки, она прижимаетъ къ груди маленькое окоченѣвшее тѣльцо малютки—и вдругъ чувствуетъ, что сердечко Франциски слабо бьется... Она жива, не умерла!... Взволнованная мать оттолкнула матроса — и такимъ образомъ Франциска была спасена. Спустя двѣ недѣли, новая бѣда готова была обрушиться на ихъ головы: за кораблемъ ихъ погнались алжирскіе пираты, но, благодаря легкости и отличному устройству судна, имъ удалось спастись. Впрочемъ морскіе разбойники все-таки настигли-бы корабль, если бы на ихъ бригѣ не сломалась стеньга, что̀ принудило ихъ остановиться; починивъ, что̀ было нужно, пираты не могли уже догнать корабля, и Франциска, прелестная дѣвочка, избѣжала страшной участи—быть проданной гдѣ нибудь на невольничьемъ рынкѣ Алжира, Туниса или Триполи. — Корабль остановился у о. Мартиники; семейство д'Обиньи высадилось тутъ. На островѣ этомъ Франциска три раза подвергались опасности свалиться со скалы и утонуть, а однажды была на волосокъ отъ смерти: выйдя изъ комнаты въ сѣни, она увидѣла на порогѣ огромную змѣю, которая, неожиданно появившись, сейчасъ-же обратила вниманіе на дѣвочку, устремивъ на нее свои сверкающіе глаза. Франциска не смѣла двинуться съ мѣста; она слышала какъ-то, что стоитъ только шевельнуться — и змѣя тотчасъ-же бросится на свою жертву... Ни жива, ни мертва стояла она передъ чудовищемъ, которое, будучи увѣрено, что добыча не уйдетъ, медленно подвигалось впередъ—и вдругъ остановилось... Гадина эта встрѣтила на пути своемъ къ Францискѣ большую чашку съ молокомъ и, недолго думая, окунула туда морду и стала жадно тянуть сладкую влагу. Франциска бросилась къ двери и захлопнула ее за собой.— Послѣ смерти отца, она, вмѣстѣ съ матерью, вернулась во Францію. Плохо имъ жилось, онѣ почти были нищія, и г-жа д'Обиньи напрягала всѣ усилія, чтобы поправить свои обстоятельства, ходила, просила помощи — но все было тщетно. Она опять отправилась на Мартинику, но уже безъ дочери, потому что кредиторы покойнаго ея мужа оставили дѣвочку у себя, *въ видѣ залога*, такъ какъ ничего больше не могли взять съ вдовы д'Обиньи. Но что̀-же дѣлать съ такимъ «живымъ» залогомъ? Франциска даже и милостыни просить не умѣла... Однако, внучку знаменитаго Агриппы не хотѣли оставить на произволъ судьбы, бросить среди улицы. Г-жа де Нэльянъ, старая, завзятая католичка, жадно ухватилась за сиротку; она взглянула на Франциску какъ на счастливую находку: вѣдь дѣвочка эта была дочерью кальвиниста, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, и внучкой ревностнѣйшаго гугенота. Неизвѣстно, какимъ образомъ Францискѣ удалось не измѣнить вѣрѣ своихъ родителей, но извѣстно, что ее хотѣли принудить отказаться отъ ученія Кальвина, нарочно взваливая на нее тяжелую, непосильную работу. Прелестная дѣвушка была просто на просто батрачкой и должна была работать въ полѣ. Тутъ ей стала грозить новая опасность, почти такая-же гибельная, какъ прежнія двѣ: во время бури на морѣ и тогда, когда она натолкнулась на змѣю..... Это новая опасность была — *любовь*. Молодой крестьянинъ влюбился въ Франциску и признался ей въ любви, а дѣвушка, какъ кажется, тоже была къ нему неравнодушна. Г-жа де Нэльянъ, не долго думая, отослала питомицу свою въ Парижъ, гдѣ и распорядилась запрятать ее въ монастырь «Добраго Сердца». Франциска не долго оставалась тамъ: «добросердечныя» монахини выпроводили прелестную четырнадцатилѣтнюю дѣвушку изъ своего тихаго, святаго убѣжи-

Библиотека "Руниверс"

ща,—выпроводили потому, что мадамъ де-Нэльянъ маловато платила за нее монастырю. И вотъ, она снова очутилась подъ открытымъ небомъ... Тогда покровительница ея помѣстила ее въ обитель Урсулинскихъ монахинь, находившуюся въ улицѣ Сенъ-Жакъ.

Съ этого времени судьба Франциски перемѣнилась: произошелъ крутой поворотъ, и она попала съ узкой колеи на широкую дорогу. Какъ-то разъ г-жа Нэйльянъ взяла ее съ собой въ гости къ поэту Скаррону. Преостроумный человѣкъ это былъ Скарронъ и сверхъ того — калѣка. Онъ самъ себя называлъ «убогимъ королевы», потому что королева-мать облагодѣтельствовала его: она велѣла выдавать ему пенсіонъ въ 1500 ливровъ за то, что «убогенькій» ея презло нападалъ на всѣхъ придворныхъ и вообще ехидно потѣшался насчетъ всего придворнаго. Саркастическія его выходки были для многихъ хуже горькой рѣдьки. Словомъ — личность была забавная. Ну, а что, если такой калѣка, котораго возятъ въ креслѣ, да вдругъ женится на молоденькой хорошенькой дѣвушкѣ?... Мысль эта показалась Скаррону въ высшей степени оригинальной, а потому онъ и порѣшилъ предложить свою руку Францискѣ—и предложилъ... Та сначала отринула предложеніе, но потомъ — дала свое согласіе. Слѣдуетъ замѣтить, что будущая госпожа Скарронъ въ это время жила уже у извѣстной Нинонъ де Ланкло и была уже знакома съ Вилларсо, а шевалье де Мэрэ успѣлъ даже открыться ей въ любви; но она, отстранивъ всѣхъ поклонниковъ, избрала себѣ въ супруги — Скаррона, калѣку. И вотъ, около этой странной четы сталъ группироваться кружокъ блестящихъ остроумныхъ людей. M-me Скарронъ была душой этого общества: всѣ восхищались ея любезностью, красотою и въ то же время удивлялись и восхваляли ее за ту любовь и заботливость, какія обнаруживаетъ она, ухаживая за своимъ убогимъ мужемъ. Молодая женщина съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за всѣми его работами; она одна пишетъ подъ его диктовку и находитъ время учиться у мужа языкомъ латинскому, испанскому и итальянскому, да кромѣ того беретъ у него уроки «разговора», ибо говорить—искуство трудное.... И все ей легко дается; блестящія способности ея быстро развиваются.

Послѣ смерти Скаррона, королева-мать оставила за ней пенсію его. Молодой вдовѣ вполнѣ хватаетъ этихъ 1500 ливровъ, такъ что она на предложеніе оберъ-интенданта Фукэ, этого Креза Франціи, выйти за него за-мужъ, отвѣчаетъ отказомъ. Но вотъ не стало королевы-матери — и прелестная M-me Скарронъ попала въ прескверное положеніе, такъ какъ выдача ей пенсіона была прекращена... Она очутилась такъ-сказать опять на улицѣ; обстоятельства ея были такъ же плохи, какъ тогда, когда ей пришлось покинуть монастырь «добросердечныхъ» монахинь. Нѣсколько разъ она обращалась съ просьбою о помощи къ королю Людовику XIV, но изъ этого ничего не выходило. Когда король получилъ пятое ея прошеніе, то даже воскликнулъ: «Опять эта несносная Скарронъ проситъ!» Это восклицаніе такъ же любопытно, какъ и анекдотъ, разсказанный однажды его величествомъ еще задолго до появленія г-жи де Ментэнонъ при Дворѣ. Вотъ что сообщилъ король герцогу де Креки: «Какъ-то разъ въ Италіи составляли мой гороскопъ. И знаете что? Дураки эти астрологи, право! Какъ-бы вы думали, что они мнѣ напророчили? Что я, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, женюсь на старой ханжѣ и до гроба съ ней не разстанусь... Ну, можетъ ли быть что-нибудь нелѣпѣе этого!?...» Король при этомъ смѣялся отъ всей души; хохоталъ, разумѣется, и герцогъ де Креки...

А въ это самое время госпожа Скарронъ вступила въ совершенно-новый фазисъ своей жизни: она сдѣлалась воспитательницей дѣтей короля и г-жи де Монтэспанъ. Но какимъ образомъ попала наша героиня на такое мѣсто?...

На это можно отвѣтить только восклицаніемъ: странная игра случая! Дѣло въ томъ, что сама фаворитка, madame де Монтэспанъ, пригласила Франциску Скарронъ надзирать за своими дѣтьми... Прелестная вдовушка, произвела пріятное впечатлѣніе на Монтэспанъ, а затѣмъ эта могущественная дама, попавъ какъ-то разъ въ пріятнѣйшее расположеніе духа, не только вернула Францискѣ прежній ея пенсіонъ, но еще выхлопотала ей добавочныхъ 500 ливровъ.

Скарронъ снова появилась въ свѣтѣ. Эта кругленькая сумма обезпечила ее.

Франциски было теперь 26 лѣтъ. Эта высокая, стройная женщина, съ чудными блестящими глазами, съ великолѣпнымъ цвѣтомъ лица — производила достодолжный эффектъ. Она мастерски умѣла разыгрывать роль смиренной овечки — и всѣ вдались въ обманъ. «Желаніе завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ, пріобрѣсть имя—было постояннымъ страстнымъ моимъ стремленіемъ», такъ говорила Ментэнонъ впослѣдствіи,—а потому предоставляемъ судить читателю, какихъ усилій стоило ей сдерживать себя, быть тише воды, ниже травы. Являясь въ большой свѣтъ (гдѣ уже она прежде блистала), Франциска должна была вести себя скромно, смиренно, да къ тому-же ее всегда почти сопровождалъ аббатъ Гобэленъ, докторъ и членъ Сорбонны, бывшій кавалерійскій капитанъ... Аббатъ этотъ былъ такъ же строгъ теперь къ духовнымъ своимъ чадамъ, какъ прежде — къ солдатамъ; впрочемъ, строгость его не простиралась такъ далеко, чтобъ онъ счелъ за нужное воспретить молодой Скарронъ воспитывать дѣтей короля...

Монтэспанъ поручила г-жѣ де Тіанжъ выпытать у Франциски, заставить ее высказаться касательно того, какъ смотритъ она на принятыя ею обязанности... на *эту* должность?... Прелестная лицемѣрка отвѣтила г-жѣ Тіанжъ: «Если это дѣти короля — я охотно стану смотрѣть за ними, но я не допущу, чтобы мнѣ навязали дѣтей Монтэспанъ. Тутъ уже нужно королевское приказаніе»... Разумѣется, такой отвѣтъ былъ переданъ Людовику, который никакъ ни хотѣлъ дозволить Францискѣ Скарронъ быть гувернанткой его дѣтей; онъ считалъ ее «ученой», а ученыхъ женщинъ король не терпѣлъ. Но, тѣмъ не менѣе, «королевское приказаніе» послѣдовало... Скарронъ сдѣлалась воспитательницей дѣтей Людовика. 2000 ливровъ были оставлены за ней и кромѣ этого въ ея распоряженіе отданъ былъ домъ по близости Вожирара, гдѣ обитали дѣти, порученныя ея попеченію. Франциска весьма добросовѣстно ухаживала за своими юными питомцами. Общества она избѣгала, чтобы лучше сохранить тайну. Нѣкоторые изъ друзей ея хотя и имѣли кое-какія подозрѣнія на этотъ счетъ, но съ разспросами не лѣзли къ ней, а въ Вожирарѣ всѣ считали питомцевъ Скарронъ за ея собственныхъ дѣтей. Король, какъ-бы случайно прогуливаясь въ окрестностяхъ Вожирара (на самомъ-же дѣлѣ, чтобы повидать своихъ птенцовъ), познакомился тамъ съ Франциской; а спустя нѣсколько времени онъ даже разрѣшилъ ей сопровождать герцога дю Мэна на воды въ Барэжъ. Когда юный герцогъ вернулся изъ Барэжа, Людовикъ, поговоривъ съ нимъ, нашелъ его преумнымъ мальчикомъ. — «Еще-бы, какъ-же мнѣ не быть умнымъ», сказалъ герцогъ — «когда около меня была дама, олицетворяющая самый разумъ!...» — «Ну, такъ вотъ что», замѣтилъ король, — «скажите этой дамѣ, что сегодня вечеромъ вы дадите ей за ея конфетки сто тысячъ франковъ». — Франциска Скарронъ такимъ образомъ сразу получила цѣлое состояніе, а спустя два дня ей былъ назначенъ пенсіонъ, да кромѣ этого ей разрѣшено было являться ко двору. Монтэспанъ помогла прелестной вдовушкѣ весьма дешево купить помѣстье «Ментэнонъ»... Старшій изъ ея питомцевъ умеръ, и когда король узналъ, какъ искренно горюетъ г-жа де Ментэнонъ, какъ горько оплакиваетъ она смерть мальчика, — сказалъ: «Эта женщина умѣетъ любить... Пріятно должно быть сдѣлаться ея любимцемъ, быть любимымъ ею»!...

Положеніе гувернантки вообще не представляетъ особенныхъ удовольствій, а потому и на долю Франциски выпадали тяжелые дни: Монтэспанъ частенько ссорилась съ гувернанткой своей, выходили непріятности, дрязги... Король сначала (въ первое время гувернантства Скарронъ) часто говорилъ Монтэспанъ: — «Ахъ, Боже мой! Ну, прогоните эту женщину! Вѣдь вы — госпожа.» А теперь уже было не

Библиотека "Руниверс"

Совѣтъ министровъ у г-жи Ментенонъ. Съ картины І. Жильбера, грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

тò: теперь сама Ментэнонъ чуть чтò — угрожала уйдти... Питомцы, заслышавъ такую угрозу, принимались плакать; мысль о разлукѣ съ ней приводила ихъ въ ужасъ, такъ что серіозно опасались за здоровье дѣтей... Франциска знала, куда ей нужно было направлять удары — и оставалась по прежнему при дѣтяхъ, чтò и радовало всѣхъ. Она даже опередила теперь госпожу Монтэспанъ, потому что ей, Ментэнонъ, король поручилъ представлять отчетъ о воспитаніи дѣтей.

Фаворитка была, конечно, настолько опытна, что сейчасъ же увидѣла въ бывшей вдовушкѣ Скарронъ — свою соперницу.

Монтэспанъ стала стараться всѣми силами отравить жизнь опасной гувернантки, она придиралась къ ней, мучила ее; но у прелестной мученицы спинка была довольно таки крѣпкая, и Франциска охотно дозволила взвалить себѣ на плечи тяжелое бремя, потому что руки, которыя взваливали на нее этотъ крестъ — принадлежали «королевской фавориткѣ»...

«Ужасныя сцены происходятъ теперь между мной и Монтэспанъ (пишетъ Ментэнонъ къ г-жѣ де Севиньи), и вотъ вчера самъ король былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ сценъ»... О силѣ впечатлѣнія, производимаго теперь Франциской на Людовика, можно составить себѣ надлежащее понятіе на основаніи слѣдующаго обстоятельства: вѣроятно, для того, чтобы *тѣ* сцены не были такъ *ужасны* для Ментэнонъ, король соизволилъ распорядиться назначить ее придворныя дамы къ дофинѣ... Новая придворная дама заняла при дворѣ принадлежащее ей мѣсто. Съ этого времени на Франциску де Ментэнонъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на побѣдительницу, которая ловко отстраняла всѣхъ искательницъ благосклонности короля. Придворные такъ и смотрѣли на нее; они называли ее уже не «madame de Maintenon», а «madame de Maintenant». Замѣчательна была манера ея держаться при своемъ поступательномъ движеніи на пути къ могуществу. Она всегда вела себя чрезвычайно скромно, тихо, такъ что всѣ окружающіе старались услужить ей, угодить; сама королева оказывала прелестной вдовѣ благосклонность и приказала даже, чтобы и прочіе относились къ ней почтительно. Ея величество радовалась, что карьера бѣдной Скарронъ такъ хорошо устроивается, и ей было пріятно, что король къ этой вдовѣ относится благосклонно. Королева смотрѣла на любовь своего супруга къ Ментэнонъ какъ на чистое, платоническое чувство, невинное, безстрастное... Ея величество подарила свой портретъ Франискѣ, которая была такъ къ ней близка, что удостоилась присутствовать при ея кончинѣ...

Поѣздка въ Фантэнеблò (1683 г.) вознесла г-жу Ментэнонъ на высшую ступень королевской милости. Какъ она умѣла ладить съ Людовикомъ — это хорошо видно изъ слѣдующаго мѣста въ одномъ изъ ея писемъ: «Король всегда уходитъ отъ меня грустнымъ, опечаленнымъ, но никогда «безнадежнымъ» я его не отпускаю»... Возвышеніе вдовы Скарронъ, конечно, всѣми было замѣчено, хотя она не обнаруживала еще и тѣни гордости. Ментэнонъ слишкомъ широко расположилась въ сердцѣ Людовика, такъ что уже тамъ никому больше и уголка не было. Король положительно не могъ теперь жить безъ этой женщины, къ которой дѣти его отъ Монтэспанъ были сильнѣе привязаны чѣмъ къ родной своей матери; онъ самъ тѣмъ болѣе привязался къ Франискѣ, что прежней фарфоритки его уже не было: она, по распоряженію Людовика, была отправлена въ монастырь св. Іосифа, гдѣ и подвизалась теперь въ покаяніи и молитвѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ Ментэнонъ оффиціально была объявлена придворной дамой и пріобрѣла прочную благосклонность короля — она сдѣлалась постоянной собесѣдницей его. Въ важнѣйшихъ случаяхъ къ ней обращались за совѣтомъ; всѣ заискивали у нея... Какъ ни противились члены королевской фамиліи, но Людовикъ всегда ставилъ на своемъ и приглашалъ новую свою фаворитку присутствовать на всѣхъ собраніяхъ, — а она... она смиренно повиновалась, и съ выраженіемъ кроткой покорности сносила странное обращеніе съ него дофина и принцессъ, герцогини Орлеанской и прочихъ ея враговъ... Но подъ этой овечьей кротостью таилась смѣлая львица! Настоящіе помыслы и замыслы Франциски были поистинѣ громадныхъ размѣровъ и далеко не смиреннаго свойства... О, если бы только осуществились ея планы! Ну, тогда она покажетъ себя.. Она съумѣетъ стереть съ лица земли любаго изъ враговъ своихъ, еслибы даже дѣло коснулось самаго дофина...

Намъ пора теперь повести рѣчь о томъ, чтò подало поводъ къ настоящей бесѣдѣ нашей съ читателемъ. Мы дошли въ разсказѣ нашемъ до 1685 года. Вотъ въ это-то именно время голова г-жи Ментэнонъ была занята разработкою сразу двухъ важнѣйшихъ своихъ плановъ: во 1) уничтоженія Нантскаго эдикта и во 2) возведенія собственной особы въ санъ законной супруги короля... Да, она хотѣла сдѣлаться королевой Франціи! И такъ, чтобы достигнуть успѣха въ пріобрѣтеніи короны, она должна была постараться прежде всего осуществить *первый* планъ. Мы уже замѣтили выше, что почва была достаточно хорошо разрыхлена, чтобы принять въ себя тѣ пагубныя сѣмена, которыя и были брошены затѣмъ рукою Людовика; но, во всякомъ случаѣ, тутъ необходима было помощь со стороны фаворитки, чтобы убѣдить короля рѣшиться сдѣлать такой шагъ, нанести послѣдній ударъ французскимъ гугенотамъ... Вотъ, если ей удастся это обдѣлить, то она можетъ разсчитывать тогда на сильную поддержку въ достиженіи самой дорогой, желанной своей цѣли; а эту поддержку обѣщалъ ей духовникъ короля — умный, ловкій іезуитъ — отецъ Ла-Шезъ, давнишній ея союзникъ.

Г-жа де Ментэнонъ думала, что трудно будетъ уломать короля, заставить его уничтожить Нантскій эдиктъ, но на самомъ дѣлѣ Людовикъ весьма мало противился этому... Отецъ Ла-Шезъ, купно со своими помощниками — духовными и свѣтскими, тоже не дремалъ и дѣлалъ свое дѣло. И вотъ, 18-го октября разразился ударъ, причинившій столько зла и бѣдствій какъ гугенотамъ, такъ и самой Франціи... Когда дѣло это такъ счастливо было окончено, г-жа Ментэнонъ потребовала обѣщанной поддержки: «услуги за услугу»... Отецъ Ла-Шезъ, желая поквитаться съ фавориткой, какъ духовникъ короля, воспользовался исповѣдью, чтобы исподволь повліять на совѣсть Людовика. Ментэнонъ заручилась, такимъ образомъ, нравственнымъ элементомъ въ этомъ дѣлѣ, и ужъ король не могъ тутъ ничего подѣлать... Бывшая гувернантка его дѣтей стала теперь для него просто необходимостью, однимъ изъ условій жизни: потерять ее — тоже самое чтò умереть!... Да король и не скрывалъ передъ духовнымъ отцомъ расположенія своего къ фавориткѣ, Такая игра была не трудна для патера Ла-Шеза — и онъ прямо предложилъ его величеству вступить въ тайный бракъ съ г-жей Ментэнонъ. Призадумался Людовикъ... А Франциска тѣмъ временемъ удалилась отъ двора, потому что въ груди ея шла борьба сердца съ совѣстью,—ну, а вѣдь сердце могло легко одержать верхъ... Какъ же было не уйдти отъ соблазна, не бѣжать отъ демона-искусителя?

Герцогъ дю Мэнъ былъ крайне этимъ недоволенъ... Наконецъ, его просьбы, убѣдительныя рѣчи Ла-Шеза и извѣстнаго Боссюэта, а также многихъ другихъ вліятельныхъ особъ, убѣдили короля сдѣлать тотъ шагъ, къ которому уже давно толкало его собственное сердце.

Тутъ, вѣроятно, Ментэнонъ въ первый разъ измѣнила себѣ, не выдержала, ибо благоразуміе покинуло ее — и она стала болтать о томъ, о чемъ не слѣдовало.... Поднялась тревога. Дофинъ первый явился къ своему отцу и умолялъ его не вступать въ такой бракъ, такъ какъ подобный союзъ сдѣлалъ-бы могущественнаго короля Франціи посмѣшищемъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Фенелонъ и Лувуа говорили въ томъ же смыслѣ и въ томъ-же духѣ, причемъ послѣдній даже публично заявлялъ свои взгляды на этотъ предметъ. Вотъ тутъ-то и кроется главная причина вражды между Лувуа и Ментэнонъ. Сторонники осуществленія вышеупомянутаго тайнаго брака принялись работать теперь еще усерднѣе въ пользу фаворитки. Они напрягали всѣ усилія, чтобы перетянуть

Библиотека "Руниверс"

дофина на свою сторону, обѣщая ему за это выхлопотать незаконной его дочери (которую онъ очень любилъ) всѣ права законной; но «Monseigneur» вытолкалъ за дверь непрошенныхъ благодѣтелей. Очень можетъ быть, что подобное сопротивленіе и такія «мелкія препятствія» раздражали только Людовика — и онъ порѣшилъ, не откладывая дѣла въ ящикъ, обвѣнчаться съ Франциской Ментэнонъ. Въ одну изъ ночей 1686 года (ни мѣсяца, ни числа неизвѣстно) господа де Монтшеврёль и епископъ парижскій де Гарлей получили повѣстку явиться въ Версаль—прямо въ кабинетъ его величества. Явившись туда, они уже нашли тамъ патера Ла-Шеза, камердинера Бонтана—и министра Лувуа. Въ кабинетѣ былъ устроенъ алтарь. Прошло нѣсколько минутъ — дверь отворилась — и Людовикъ XIV, ведя за руку Ментэнонъ, вошелъ въ комнату. Оба они опустились на колѣни передъ алтаремъ, а затѣмъ отецъ Ла-Шезъ совершилъ обрядъ вѣнчанія... Лувуа уступилъ просьбамъ короля: онъ явился въ качествѣ свидѣтеля; однако Людовикъ долженъ былъ дать честное слово министру, что бракъ этотъ навсегда останется тайной, что объявленія о такомъ союзѣ никогда не послѣдуетъ... Не смотря на это, на другой-же день весь Версаль говорилъ о свадьбѣ короля, а миръ и согласіе среди королевской семьи были навсегда нарушены.... Правда, самъ Людовикъ никогда ни одимъ словомъ не касался этого предмета — и на вопросы дѣтей не давалъ никакихъ объяснительныхъ отвѣтовъ; но какъ-бы то ни было, а все показывало, что фактъ этотъ существовалъ, что король *какъ слѣдуетъ* былъ повѣнчанъ съ вдовой Скаррона..... Такъ, напр., комнаты Ментэнонъ находились въ томъ-же этажѣ, гдѣ были королевскіе покои, а въ капеллѣ она сидѣла на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно помѣщалась покойная королева. Людовикъ не иначе называлъ Ментэнонъ, какъ «madame». *Вторая жена* его сидѣла въ креслѣ въ присутствіи всей королевской фамиліи, даже оставалась сидѣть при англійской королевѣ,—но вставала только при появленіи дофина, который, впрочемъ, рѣдко заходилъ на половину Ментэнонъ... Она ненавидѣла наслѣдника престола. И такъ, вставая только передъ нимъ, Ментэнонъ на всѣхъ аудіенціяхъ преспокойно оставалась въ креслѣ... Но что все болѣе убѣждало придворныхъ въ томъ, что бывшая Скарронъ дѣйствительно тайная королева Франціи—такъ это то, что она постоянно присутствовала на совѣтѣ министровъ.

Вотъ, передъ вами великолѣпная зала совѣта. Около мраморнаго камина, съ венеціанскимъ зеркаломъ, сидитъ Франциска, въ темномъ бархатномъ платьѣ, на мягкомъ позолоченномъ креслѣ, украшенномъ дорогою рѣзьбою. Китайскія ширмы, обтянутыя драгоцѣнной матеріей, служатъ какъ-бы фономъ для величественной фигуры Ментэнонъ... Глаза ея какъ-то предумышленно-холодно, не-хотя, отрываются отъ какой-то вышивки, которую она держитъ на колѣняхъ... Разумѣется, эти изящныя ручки только такъ, для виду, заняты были глупой работой... Когда она слегка приподнимаетъ голову, прислушиваясь къ рѣчамъ министровъ, бриллiанты ожерелья и креста сверкаютъ на бархатѣ платья при малѣйшемъ ея движеніи... Иногда она вдругъ наклонится, чтобы поласкать собачку, но на самомъ дѣлѣ собачка вовсе не интересуетъ ее.... Это не больше какъ тонкій маневръ: ей хочется получше разслышать слова г. де Сеньелэ, который заговорилъ что-то въ полголоса. Рядомъ съ Франциской, нѣсколько оборотясь къ ней, сидитъ у стола Людовикъ. На немъ кафтанъ изъ темнокоричневаго бархата, великолѣпно расшитый, съ серебряными пуговками; подъ кафтаномъ блѣдно-зеленый жилетъ, по которому справа на лѣво идетъ голубая орденская лента; на башмакахъ поблескиваютъ бриллiантовыя пряжки *). Между Людовикомъ и его министрами завязался оживленный разговоръ: они спорили о томъ, послать-ли флотилію на помощь англійскому королю Іакову, лишенному короны?... Лувуа стоитъ у стола нѣсколько нагнувшись. Онъ говорилъ *противъ* отправки флотиліи, другіе министры—Сеньелэ, Шамильяръ, Индентантъ, Вуазенъ и Барбье (будущій министръ) дали уклончивый отвѣтъ, потому что—*она*, маркиза, ничего еще не сказала по сему предмету.... Они поглядывали на нее.... А не сказала она потому, что король не спрашивалъ еще ея мнѣнія... Она молчитъ... Франциска стала такой скромницей съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась королевой; но она знаетъ, что всякое повелѣніе, а слѣдовательно и тотъ приказъ, который находится въ рукѣ короля, не выйдетъ изъ этой залы раньше, чѣмъ слѣдуетъ, т. е. выйдетъ тогда только, когда *постоянный совѣтникъ* Людовика — сама Франциска — скажетъ свое слово... Лувуа держитъ перо на готовѣ. Онъ также хорошо знаетъ, что тутъ все зависитъ отъ маркизы, и понимаетъ, что бороться съ успѣхомъ противъ этой женщины невозможно; но министръ исполнилъ свой долгъ, такъ какъ считалъ нужнымъ говорить противъ желанія короля.

Если Людовикъ послушается совѣта маркизы, то ужъ не потерпитъ дальнѣйшихъ противорѣчій со стороны Лувуа; министръ это знаетъ, а потому и держитъ перо на готовѣ, чтобы поднести его монарху. Взоры всѣхъ стремлены на даму, сидящую въ позолоченномъ креслѣ... Вотъ король поворачивается къ ней... Всѣ присутствующіе знаютъ напередъ, что за симъ произойдетъ; они знаютъ, что всѣ эти письма, заявленія, цифровыя данныя не будутъ имѣть никакого значенія, если г-жа де Ментэнонъ не захочетъ обратить на нихъ вниманія... Министры даже произносятъ ту фразу, которую король сейчасъ проговоритъ,—и не ошибаются!... «Ну, прежде, чѣмъ намъ рѣшать», говоритъ Людовикъ, обращаясь къ Лувуа,—«спросимъ, маркизъ, у самаго «разума», какъ онъ думаетъ онъ этомъ?» «Гм.! Гм.!у» произноситъ Лувуа... Говоря «разумъ», король всегда при этомъ подразумѣваетъ г-жу де Ментэнонъ, что, конечно, не очень-то лестно относительно совѣтниковъ монарха, но они уже привыкли къ этому. Теперь Людовикъ обращается къ маркизѣ... Когда онъ заговорилъ съ ней — она подняла голову нѣсколько удивленно, какъ будто до этой минуты ее исключительно занимала одна только вышивка, а до преній ей и дѣла не было... Прекрасная рука ея небрежно опускается на платье... Франциска, повидимому, равнодушно слушаетъ его величество.

— И такъ, какгое вы мнѣнія? почтительнымъ тономъ спрашиваетъ король въ заключеніе.

— Повелите вооружить флотилію, государь, отвѣчаетъ маркиза кроткимъ голосомъ и прибавляетъ:

— Я-бы сдѣлала такъ, если-бы могла приказывать, какъ вы...

Проговоривъ эти слова, Ментэнонъ тотчасъ снова опускаетъ голову и принимается за вышивку.

Король подписываетъ бумагу, за нимъ министры подписываютъ свои имена, а Лувуа чуть не скрежещетъ зубами отъ ярости.... Но дѣло сдѣлано: флотилія вооружается, Іакову будетъ оказана помощь—потому, что такъ рѣшила госпожа де Ментэнонъ, такъ изрекъ самъ «разумъ».—Флотилія, конечно, пришла слишкомъ поздно, но Лувуа тѣмъ не менѣе потерпѣлъ пораженіе, ибо мнѣніе его не было принято королемъ. Онъ утѣшалъ себя тою мыслью, что Яковъ все-таки не могъ воспользоваться помощью Франціи, какъ хотѣла Ментэнонъ,—и задумалъ теперь направить короля на несчастный Пфальцъ, и безъ того ужъ страшно пострадавшій при Тюреннѣ.

И такъ, бумага... была подписана, Лувуа скрипѣлъ зубами, а маркиза де Ментэнонъ, дочь тюремнаго арестанта въ Niort'ѣ, вдова убогаго Скаррона, бывшая гувернатка съ жалованьемъ въ 1500 ливровъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сложивъ свою работу, встала съ кресла, чтобы удалиться изъ зала совѣта. Король тоже всталъ, чтобы проводить ее. Доведя свою вторую супругу до дверей, онъ поцѣловалъ ея руку и проговорилъ:—«Madame, я чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашъ всегда добрый совѣтъ. Сегодня вы, вѣроятно, опять замѣтили, какъ господа министры дивились вашему быстрому, правдивому рѣшенію?...»

— Ахъ, государь, вы, право конфузите меня! тихо от-

*) Художникъ, нарисовавшій эту великолѣпную картину, сдѣлалъ маленькую ошибку, а именно: Людовикъ XIV носилъ ленту всегда *подъ* кафтаномъ.

Библиотека "Руниверс"

вѣчала Ментэнонъ, дѣлая смиренный поклонъ: — да и смѣю-ли я думать, что *мнѣ* станутъ удивляться?... Вы изволили милостиво обратиться ко мнѣ—и я повиновалась: отвѣтила вамъ. Да, наконецъ, вѣдь ужъ можно научиться думать немножко, когда имѣешь счастье ежедневно бесѣдовать съ величайшимъ королемъ въ мірѣ!»...

«Старуха-то эта отъ всей души желаетъ, чтобы этотъ проклятый бракъ былъ объявленъ, но король ни за что не соглашается на это», такъ пишетъ герцогиня Орлеанская, употребляя и въ письмѣ свою обычную грубую манеру выражаться. Герцогиня не ошибалась: дѣйствительно, Ментэнонъ, сдѣлавшись *тайной* королевой, пожелала быть и *явной*. Дю Мэнъ и Боссюэтъ лѣзли изъ кожи, чтобы устроить это дѣло; король уже колебался, но на этотъ разъ побѣда осталась на сторонѣ Лувуа.... Нужно-же было ему отомстить г-жѣ Ментэнонъ за всѣ понесенныя имъ пораженія! Онъ отправился къ королю вмѣстѣ съ архіепископомъ Гарлей и, бросившись къ ногамъ Людовика, умолялъ его не объявлять о второмъ бракѣ. Король выслалъ вонъ всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ, но выгнанные спрятались такимъ образомъ, что могли не только все видѣть (благодаря большому зеркалу, висѣвшему противъ дверей), но и прекрасно все слышать... Тутъ только придворные навѣрняка узнали, что г-жа де Ментэнонъ была дѣйствительно законной женой Людовика XIV.

Король крѣпко разсердился на Лувуа, но министръ не оробѣлъ — даже тогда, когда Людовикъ отпихнулъ его, чтобы пройдти къ двери. Маркизъ обнажилъ свою шпагу и, подавая ее монарху, воскликнулъ:

— «Убейте меня, государь! Лучше мнѣ умереть, чѣмъ дожить до той минуты, когда король мой нарушитъ данное имъ *слово!* Онъ далъ слово мнѣ или—лучше сказать—самому себѣ!»...

Людовикъ дрогнулъ и отступилъ, но потомъ топнулъ ногой и снова двинулся впередъ... Тутъ Лувуа дерзнулъ ужъ схватить короля за полу кафтана...

— Государь, та женщина не можетъ быть объявлена королевой Франціи, которая принимала милостыню отъ Монтэспанъ!... Нѣтъ, вы не можете сдѣлать этого!...

Произнося такія слова, Лувуа сильно рисковалъ.... Тутъ риска была больше чѣмъ на пороховой минѣ, только-что подожженной, по которой смѣльчакъ рѣшался-бы медленно пройти... Но министръ рискнулъ и—выигралъ. Да, король былъ истый дворянинъ: онъ сдержалъ свое слово и даже *вновь* обѣщалъ Лувуа сохранить въ тайнѣ свой второй бракъ. Маркизъ торжествовалъ, а «маркиза» (не прошло и часу послѣ этой сцены) знала уже все до мельчайшихъ подробностей, что произошло между королемъ и его министромъ. И такъ, всѣ ея старанія не привели ни къ чему, «завѣтное желаніе никогда уже не осуществится»... Но Франциска Ментэнонъ съумѣла таки опять отомстить своему врагу: ей удалось такъ сильно поссорить короля съ Лувуа, что Людовикъ, забывшись, чуть не треснулъ министра лопаткой, съ которой ссыпаютъ уголья въ каминъ.

16-го іюля 1687 г. маркиза освободилась отъ непримиримаго своего врага: Лувуа скоропостижно умеръ отъ апоплексическаго удара... Странная молва ходила тогда въ городѣ.. Сенъ-Симонъ увѣряетъ, что при вскрытіи Марешалемъ трупа министра—въ желудкѣ покойнаго былъ найденъ ядъ. Лувуа, будучи полнокровнымъ, пилъ очень много воды, а потому въ комнатѣ его постоянно стоялъ графинъ съ водой. Незадолго до его внезапной смерти въ комнаты этой былъ полотеръ.... Полотера арестовали, но онъ, пробывъ въ тюрьмѣ всего четыре дня, былъ освобожденъ именнымъ повелѣніемъ короля, а затѣмъ было приказано: сжечь всѣ бумаги, касающіяся предварительнаго слѣдствія по этому дѣлу, и самый процессъ прекратить.

«Я не знаю, правда-ли то (пишетъ герцогиня Орлеанская), что Ментэнонъ велѣла отравить Лувуа, но что онъ былъ отравленъ—это вѣрно, и будто-бы отравилъ его самъ докторъ. Умирая, Лувуа сказалъ: «Je meurs empoisonné, je l'ai bien mérité, pour avoir empoisonné mon maître»... (Я умираю отравленнымъ; я заслужилъ это, ибо самъ отравилъ моего господина). Если она (Ментэнонъ) отравила Лувуа, то сдѣлала это потому, что онъ сталъ дѣйствовать на перекоръ ей и все старался образумить короля, который имѣлъ слабость пересказывать старухѣ своей каждое слово... Этимъ и объясняется все дѣло. Лувуа — это былъ злой демонъ, который ни Бога, ни дьявола не боялся, но нужно отдать ему справедливость: королю своему онъ хорошо служилъ».

Крылатый рыбакъ.

Осень. Денекъ выдался теплый. Въ камышахъ удивительно тихо.... Ни малѣйшаго вѣтерка, и тростниковый лѣсъ стоитъ какъ заколдованный; даже трава не шелохнется.... Если такой осенній день кромѣ того довольно ясенъ, то наблюдатель, одаренный хорошимъ зрѣніемъ, издалека можетъ разсмотрѣть маленькую компанію цапель, разсыпавшихся въ камышахъ съ цѣлью добыть себѣ пищу. Но если онъ пожелаетъ приблизиться къ нимъ, то цапли, заслышавъ шумъ, тотчасъ же оставляютъ свою охоту, вытягиваютъ шею нѣсколько въ бокъ, прислушиваются и высматриваютъ. Въ такомъ положеніи онѣ стоятъ до того неподвижно, что человѣкъ неопытный легко можетъ принять ихъ за торчащіе древесные пни. Сѣрая цапля — птица чрезвычайно робкая; она, кажется, только и думаетъ о своей безопасности. Стоя неподвижно, чтобы не быть замѣченной, она въ то-же время зорко слѣдитъ за всѣмъ, и до тѣхъ поръ не шевельнется, пока опасность не минуетъ или не заставитъ ее искать спасенія. Уже въ этомъ видны основныя черты характера сѣрой цапли: робость и подозрительность. Она всегда спасается заблаговременно; хотя бѣда еще далеко и опасаться собственно нечего—цапля тѣмъ не менѣе дѣлаетъ нѣсколько прыжковъ, тяжело взмахиваетъ крыльями и, неуклюже описывая въ воздухѣ небольшую дугу, устремляется вверхъ все выше и выше. Чтобы перелетѣть съ одного мѣста на другое, на разстояніе даже нѣсколькихъ шаговъ, эта хитрая, осторожная птица нарочно высоко взлетаетъ, желая обмануть этимъ наблюдателя. Испуганныя цапли, перелетѣвъ куда нибудь подальше, уже ни за что, въ продолженіи цѣлаго дня, не вернутся на покинутое мѣсто, еслибы даже оно имъ и очень нравилось, а особенно въ томъ случаѣ, если онѣ были напуганы ружейными выстрѣлами: Этотъ трескъ для нихъ хуже раскатовъ грома! Нервы ихъ положительно не выносятъ стрѣльбы.... Выбравъ себѣ мѣстечко гдѣ нибудь на возвышенности и вооружившись зрительной трубой, можно довольно хорошо наблюдать нравы и обычаи этой птицы. Когда заря уже занялась, утро наступило, цапля начинаетъ особенно энергически проявлять свою дѣятельность, главная цѣль которой пріобрѣтеніе пищи. Послѣ, напримѣръ, разлива рѣкъ, въ ямахъ болотистой мѣстности остается вода, и вотъ тутъ-то «крылатый рыбакъ» весьма быстро открываетъ рѣчныхъ обитателей и бьетъ ихъ напропалую. Чрезвычайно странную фигуру представляетъ эта некрасивая птица, когда стоитъ насторожѣ. На длинныхъ ногахъ, похожихъ на ходули, покоится тѣло ея, а вытянутая шея закидывается назадъ, причемъ голова, съ длиннымъ острымъ клювомъ, или опускается, или горизонтальна. Въ такой позѣ стоитъ цапля, повидимому погруженная въ самыя невинныя размышленія и наслаждающая полнѣйшимъ покоемъ; но это только такъ кажется.. На самомъ дѣлѣ, въ сердцѣ ея таятся самыя хищническія намѣренія: она страстно желаетъ добычи и только ждетъ благопріятной минуты, чтобы обнаружить самымъ недвусмысленнымъ образомъ настоящій свой нравъ. Другія хищныя животныя, не смотря даже на извѣстную степень самообладанія, выходя на разбой и выжидая добычи, не могутъ скрыть душевнаго своего настроенія: вся фигура ихъ обнаруживаетъ напряженность, мускулы подергиваются, глаза горятъ.... Ничего такого вы не замѣтите въ сѣрой цаплѣ, вышедшей на охоту; развѣ только посмотрите на ея золотисто-желтые глаза, которые хотя и спокойны, но зорко поглядываютъ на воду, что даже какъ-то и не идетъ къ такой флегматической фигурѣ. Однако, крылатый нашъ рыбакъ чрезвычайно ловокъ: онъ отлично владѣетъ своей шеей, закинутой на спину. Клювъ его съ быстротою бьетъ въ цѣль, причемъ нерѣдко не только голова, но и часть шеи погружается въ воду. Такъ какъ при такомъ ударѣ нарушается равновѣсіе тѣла, то цапля сейчасъ-же начинаетъ махать крыльями, что единственно и помогаетъ ей удержаться на ногахъ. Но случается (конечно, въ увлеченіи) что она такъ сильно и глубоко запуститъ свое оружіе въ воду, что ужъ и крылья тутъ помочь не могутъ—тогда цапля кувыркается и летитъ вверхъ ногами. Чтобъ подняться, ей приходится въ такомъ случаѣ сильно ударять крыльями по водѣ.... Брызги летятъ

Библиотека "Руниверс"

во всѣ стороны, и, послѣ нѣкоторыхъ усилій, крылатый рыбакъ взлетаетъ. Довольно забавное выходитъ зрѣлище!... Цапля не только подкарауливаетъ добычу, но и сама подкрадывается къ ней, а иногда даже заставляетъ свою жертву выйдти изъ убѣжища. Длинные пальцы этой птицы позволяютъ ей смѣло ходить по болотистой поверхности; идя по трясинѣ, она никогда не провалится; поэтому ее скорѣе можно встрѣтить на берегахъ рѣчекъ, ручейковъ, небольшихъ прудовъ, вообще тамъ, гдѣ вода мелка. Охотясь за рыбой, цапля бьетъ клювомъ въ то мѣсто въ водѣ, гдѣ рыба, по разсчету времени, *должна быть* въ слѣдующее мгновеніе; иначе, конечно, ей, цаплѣ, пришлось-бы промахнуться, не смотря на необыкновенную быстроту удара. Такъ точно цѣлятся и охотники за пернатой дичью, желая подстрѣлить на лету какую нибудь птичку. Такой разсчетъ при направленіи удара вообще въ ходу въ царствѣ животныхъ. Опытная кошка, напримѣръ, преслѣдуя птицу и видя, что та намѣревается вспорхнуть, разсчитываетъ свой прыжокъ такъ, чтобы ударить когтями ее не тамъ, гдѣ она сидитъ, а тамъ, гдѣ птица будетъ въ слѣдующее мгновеніе. — Цапли обыкновенно охотятся на мелкую рыбу—такъ, величиною въ палецъ или кисть руки. Вытащивъ рыбку изъ воды, крылатый рыболовъ тотчасъ же подбрасываетъ ее клювомъ, причемъ наровитъ подбросить такъ, чтобы голова жертвы была обращена прямо къ нему, потому что иначе ему неудобно проглотить ее. Случалось, что цапля, поймавъ щуку вѣсомъ въ четверть фунта, долго подкидываетъ ее, видимо стараясь датьей надлежащее направленіе, пока, наконецъ, не добьется своего. Разсказываютъ, что находили щукъ еще большихъ размѣровъ съ явными слѣдами ударовъ клюва цапли—истрепанныхъ, разорванныхъ, что можетъ служить доказательствомъ, что страсть къ хищничеству у этой птицы сильно развита: не думая о томъ, въ состояніи-ли она глотнуть большую рыбу, цапля все-таки бьетъ ее и, поймавъ, начинаетъ подбрасывать. Все, что только шевелится, движется около нея — рыба, ящерица, черви, насѣкомыя, мышь, даже маленькія птички — пробуждаетъ сейчасъ-же въ ней самые хищническіе инстинкты. Какую бы охоту цапля не предприняла— на первомъ планѣ у нея всегда лукавство. Эта особенность ея характера поистинѣ удивительно какъ рѣзко обнаруживается во всей ея фигурѣ. Умѣя отлично обмануть, ловко притвориться, она всегда достигаетъ цѣли по «кривой дорожкѣ».... Птицы, высиживающія своихъ птенцовъ по берегамъ рѣкъ, ручьевъ, около озеръ и прудовъ, нерѣдко погибаютъ отъ остраго клюва крылатаго рыболова.

Достается отъ него даже и бекасамъ. Цапля, путешествуя по лугамъ, похищаетъ не только яйца, но и самихъ птенцовъ. Она не знаетъ неудачи, потому что обладаетъ легкою поступью, зоркостью недремлющаго ока и рѣшимостью при нападеніи. Коварство свое она обнаруживаетъ также при самооборонѣ, къ которой прибѣгаетъ однако въ крайнихъ случаяхъ, когда уже необходимость заставитъ ее защищаться. Тутъ цапли старается всегда нанести ударъ опаснымъ своимъ клювомъ прямо въ физіономію противника и преимущественно—въ глаза.... Горе тогда атакующему ее! Рѣдко-рѣдко даетъ она промахъ.— Сѣрыя цапли живутъ между собою дружно. Охотясь, напримѣръ, гдѣ нибудь сообща, онѣ не завидуютъ другъ другу въ удачѣ, не спорятъ изъ-за мѣста и никогда одна у другой не вырветъ лакомаго куска. Однако, бываютъ и между ними поединки, что случается, впрочемъ, только со старыми цаплями. Битва обыкновенно начинается надъ землей, во время полета. Сражаются клювами: бьются до тѣхъ поръ, пока совершенно истомятся и тогда опускаются на землю, что бы отдохнуть. При такихъ поединкахъ другія цапли остаются хладнокровными зрителями; онѣ вполнѣ безучастно относятся къ дракѣ «своихъ»... Пусть, молъ, дерутся! Зачѣмъ мѣшать?... Но вообще живутъ онѣ миролюбиво. Цапли, большой компаньей (штукъ до ста), отправляются на опушку лѣса для высиживанья. Иногда избранное ими мѣсто довольно далеко отстоитъ отъ болотъ; но уже если разъ оно ими избрано, то онѣ, не смотря на гоненія, ежегодно посѣщаютъ его. На крѣпкихъ вѣтвяхъ дерева, именно у развѣтвленій, вьютъ эти птицы свои безъискуственныя гнѣзда на довольно близкомъ разстояніи одно отъ другаго. Гнѣзда ежегодно поправляются. Такія резиденціи цапель являются въ далеко-непривлекательномъ видѣ: нечистота, неопрятность тутъ на первомъ планѣ, такъ что вся ихъ прожорливость сразу бросается въ глаза. Юныя цапли съ удиви-

Крылатый рыбакъ. Съ картины Зигвальда Даля. Грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

тильною жадностью проглатываютъ пищу, въ изобиліи доставляемую имъ родителями; въ попыхахъ, торопясь, онѣ роняютъ рыбу изъ гнѣзда, которая впослѣдствіи загниваетъ и вмѣстѣ съ экскрементами ихъ, похожими на куски извести, заражаетъ окружающій воздухъ. Пестрая картина представляется глазамъ наблюдателя, когда птенцы, послѣ четырехнедѣльнаго пребыванія въ гнѣздѣ, выходятъ на свѣтъ Божій и становятся рядышкомъ со взрослыми. На тонкихъ высокихъ ногахъ почти отвѣсно покоится тѣло, а шея совершенно лежитъ на спинѣ, клювъ же плотно прилегаетъ къ передней части шеи. Нѣкоторыя цапли стоятъ на одной ногѣ, подобравъ другую. Вся эта компанія не издаетъ ни малѣйшаго звука, но если какая нибудь опасность начинаетъ угрожать, то взрослыя, въ видахъ продостереженія, выкрикиваетъ «ка-а». Звукъ этотъ походитъ на визгъ пилы; на другой либо манеръ онѣ не умѣютъ кричать.... Въ этомъ «ка-а» заключаются всѣ вокально-музыкальныя способности сѣрой цапли. Когда молодые «крылатые рыбаки» настолько окрѣпнутъ, что уже въ состояніи летать, то вмѣстѣ со «старшими» отправляются на обычную свою ловлю. Очевидцы говорятъ, что молодая цапля не легко съ разу выучивается *какъ слѣдуетъ* ловить и глотать рыбу; на первыхъ порахъ она часто дѣлаетъ промахи—и только уже послѣ долгихъ упражненій въ клеваньи и подбрасываньи своей жертвы становится настоящимъ ловкимъ рыболовомъ.

Латинское названіе этой птицы — Ardea cinerea.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XX.

Кореспондентъ New-York's Herald.

Одиноко, уныло, непривѣтливо торчали круглыя башенки вновь построеннаго форта. Окруженное бархонами мертваго, сыпучаго песку, Хала-ата казалось какимъ-то забытымъ могильнымъ памятникомъ.

Горсть людей, оставленная въ этомъ фортѣ, уныло смотрѣла на степь съ высоты стѣнокъ, въ ту безконечную даль, гдѣ скрылись уже послѣдніе остатки хвоста ушедшей колоны.

Тихо, печально было въ укрѣпленіи; ни пѣсень, ни говора... лица у всѣхъ были пасмурныя, грустныя.... Самая злая тоска, самая жгучая досада и жалоба на слѣпой жребій—такъ и сквозили въ выраженіяхъ этихъ смуглыхъ, загорѣлыхъ физіономій, на которыхъ не отражались до сихъ поръ никакія чисто-физическія лишенія, но зато съ большей силою отразилось лишеніе нравственное—«оставаться» когда другіе «ушли».

А куда ушли тѣ? очень можетъ быть, что въ тѣхъ самыхъ пескахъ, что тянутся на юго-западъ,—въ этомъ страшномъ урочищѣ, заклейменнымъ грозвымъ именемъ Адамъ-Крылганъ, всѣ ушедшіе найдутъ себѣ могилу; можетъ быть цѣлый рядъ мучительнѣйшихъ лишеній и страданій будетъ предшествовать этой могилѣ...

Все можетъ быть.

Однако тѣ, что ушли—были веселы, бодры, отважно глядѣли впередъ; кипучая жизнь и энергія сверкала у нихъ въ въ глазахъ...

Тѣ, что остались, — считали себя точно заживо погребенными.

Слѣды громаднаго лагеря, еще не занесенные пескомъ, еще болѣе усиливали эту тоску одиночества...

Вонъ—виднѣются утоптанные четвероугольники, гдѣ стояли палатки; вонъ, длинною полосою видны остатки корма, смѣшанные съ навозомъ,—это бывшія коновязи... Вонъ колесныя борозды,—тамъ прошли орудія... Въ лощинахъ чернѣютъ обвалившіяся, закопченыя печи, гдѣ варилась неприхотливая солдатская пища... Клочья войлокопъ и соломенныхъ рогожъ, обрывки веревокъ, лоскутки бумаги и цвѣтныхъ тряпокъ, пестрили песокъ... Словно алмазы сверкали на солнцѣ осколки битой посуды... Два-три туземца-оборвыша, словно шакалы, бродили по всему этому пространству, нагибались,—подбирали то, что имъ было нужно, оглядывались на фортъ, словно воры, и снова принимались за поиски...

Десятка два верблюдовъ, оставленныхъ за слабостью, виднѣлись на бархопахъ, гдѣ они тщетно отыскивали себѣ на прокормъ—хотя какую-нибудь сухую былинку... Все давно было вытравлено въ окрестностяхъ форта и искать-то нечего; подальше отойти-бы, да страшно:—стаи волковъ, такихъ же голодныхъ, остервенѣлыхъ, бродятъ тамъ, привлеченные, запахомъ отъ разлагающихся труповъ, верблюжьихъ и конскихъ, валяющихся за бархонами... А этихъ жертвъ голода и чрезмѣрныхъ усилій набралось не мало—и окружили они фортъ «Хала-ата» своею зловонною, заражающей воздухъ цѣпью...

Вотъ уже третій день какъ ушли бѣлыя рубахи, третій день какъ улеглись столбы пыли, долго виднѣвшіеся на горизонтѣ.... Вѣстей нѣтъ,—ни оттуда ни отсюда... скука,—тоска!

А дни-то тянутся какіе длинные — изъ одного пожалуй цѣлую недѣлю выкроить можно!

Кончится день—темнота охватитъ окрестность, загорятся огни въ фортѣ; спать бы теперь, коротать во снѣ тихоползущее время,—а сна нѣтъ... тоска гложетъ сердце и гонитъ этотъ спасительный сонъ прочь; и также какъ и днемъ—бродятъ по стѣнкамъ молчаливыя тѣни...

Мяса нѣтъ; давно уже послѣднее вышло... сухарей довольно-бы, да больно они выглядываютъ неапетитно... Да все бы это еще полгоря, все бы «наплевать», еслибъ только скорѣе прислали спасительную смѣну, скорѣе бы услышать приказъ-благовѣстъ: «Выступать вслѣдъ за отрядомъ».

— Эка темь! произнесъ часовой, сойдясь носъ съ носомъ съ товарищемъ своимъ, другимъ часовымъ, какъ разъ на углу, у орудія.

— Темь! согласился товарищъ.

Оба повернулись спинами другъ къ другу и опять разошлись по стѣнкамъ...

— Чу-кось! братъ,—слышишь? снова, при встрѣчѣ, произнесъ первый.

— Поглядывай!... произнесъ второй.

Теперь они уже не расходились, а остановились на мѣстѣ, замолчали и стали прислушиваться; одинъ даже присѣлъ, чтобы на свѣтъ виднѣе было.

— Топочетъ, тихо шепнулъ одинъ.

— Три копя бѣгутъ—сюда подходятъ... Кто бы это?... Вишь ты съ какой стороны подъѣзжаютъ...

— Бродяги, чай...

— Нѣтъ, прямо на фортъ прутъ; надо быть почта, аль курьеръ какой...

— Гляди!

Невдалекѣ обрисовались три темные силуэта: два повыше, одинъ ниже;—два повыше—это были всадники,—пониже—лошадь, навьюченная чѣмъ-то. За плечами у всадниковъ торчали концы карабиновъ.

Костюма въ темнотѣ разсмотрѣть не было никакой возможности.

— Кто идетъ? раздался громкій окликъ съ верхушки сторожевой башенки.

— Кто идетъ? послышалось со стѣнъ.

На стѣнахъ, кромѣ часовыхъ, появились силуэты любопытныхъ, поднятыхъ на ноги этими окликами.

Всадники остановились шагахъ въ двадцати.

Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, другой оставался на сѣдлѣ.

— Ми свой... наши; ми — хорошій человѣкъ.... тохта!

Библиотека "Руниверс"

(постой), ни стрѣляй пожалуста... торопливо заговорилъ слѣзшій съ лошади.

— Nous sommes vos amis... Ne bien! Ou est-monsieur le chef du camp?... произнесъ громко и отчетливо—сидящій на конѣ. — Шарикъ, обратился онъ къ своему спутнику, уже по русски,—огонь, чай... бутылка и коверъ...

Отдавъ эти приказанія, всадникъ неторопливо слѣзъ съ лошади, поправилъ ноги, присѣлъ на песокъ—и акуратно, не спѣша, размѣривая всякое движеніе, вытащилъ изъ сумки сигару и ножичекъ, обрѣзалъ кончикъ, зажегъ спичку, ярко вспыхнувшую во мракѣ и на мгновеніе освѣтившую конецъ носа, рыжеватые усы и короткую подстриженную прямоугольникомъ бороду, и принялся курить, распространяя въ ночномъ воздухѣ ароматическій запахъ дорогой гаванны.

— Что за шута такого принесло—диковина! озадачились было солдаты.—Что это онъ пробормоталъ такое,—по нѣмецкому знать!..

— Ты Васька не понялъ?

— Ну-те къ лѣшему!... Шелдыханъ-балдаганъ, поди самъ разбери!...покачалъ головою Васька. — Одначе, ребята, подь кто доложь полковнику, въ самъ-дѣлѣ...

Но докладывать не было никакой надобности:—нѣсколько офицеровъ подходили уже къ толпѣ, собравшейся около пріѣзжихъ.

— Что тамъ такое? раздался голосъ полковника. Солдаты разступились и почтительно дали дорогу.

Черезъ полчаса, въ одной изъ офицерскихъ палатокъ, попросторнѣе прочихъ,—при яркомъ освѣщеніи костра, разложеннаго у входа,—пріѣзжій сидѣлъ уже на коврѣ, съ стаканомъ чая въ рукахъ, разсказывая о своихъ похожденіяхъ,—смѣясь и весело болтая съ собравшимися вокругъ него офицерствомъ.

Разговоръ шелъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.—Но русски-же пріѣзжій зналъ только тѣ слова, которыя произнесъ, отдавая приказаніе своему слугѣ—джигиту—киргизу изъ «Перовска»; кромѣ этого онъ зналъ еще: «сколько верста,—кушать,—буди-рано»—и только недавно обогатилъ свои познанія русскаго языка словомъ—«ухъ-жарко!».. Далѣе этихъ словъ познанія его не простирались.

Одѣтъ онъ былъ весь въ свѣтло-сѣромъ; фуражка у него была американскаго покроя съ широкимъ назатыльникомъ,—высокіе сапоги съ толстыми подошвами, стянутые ремнями выше колѣна, дополняли его костюмъ; за плечами—на перевязи висѣлъ короткій карабинъ, стрѣляющій чуть не сорокъ разъ въ минуту,—пара револьверовъ у пояса, сумочка черезъ другое плечо, футляръ съ биноклемъ и записная книжка, тоже на ремешкѣ и въ футлярѣ.

Его приземистая, широкоплечая фигура показывала необыкновенную ловкость, выносливость и силу; умные темно-сѣрые глаза смотрѣли покойно и весело, стрижка усовъ и бороды обличала въ немъ кровнаго янки.

— Мистеръ Генри Блэкъ.. кореспондентъ—New-Jorks-Herald.. отрекомендовался онъ на вопросъ полковника, начальника хала-атинскаго форта...

Онъ разсказывалъ, какъ онъ одинъ, съ своимъ киргизомъ, проѣхалъ болѣе тысячи верстъ степью, руководясь только картою и компасомъ, не довѣряясь особенно знанію дороги своего проводника; какъ онъ прибылъ, наконецъ, на Халаата, разсчитывая здѣсь найти всѣ русскія войска и ихъ начальника; что онъ очень жалѣетъ, что отрядъ этотъ уже ушелъ,—но это не бѣда;—онъ увѣренъ, что скоро нагонитъ его на пути—и завтра же чуть свѣтъ выѣдетъ въ дорогу, опять тѣмъ же способомъ, какъ и сюда пріѣхалъ.

— Ну нѣтъ, братъ, отсюда-то мы тебя не выпустимъ, какъ бы про себя, однако вслухъ, произнесъ полковникъ по русски.—Кто его знаетъ—что ты за гусь, еще отвѣчать за тебя прійдется...

— A la votre!... пріятно улыбнулся полковнику м-ръ Генри Блэкъ, словно въ отвѣтъ на его замѣчаніе... и залпомъ выпилъ рому изъ походнаго серебрянаго стаканчика...

Сообщили пріѣзжему—насколько только можно было смягчить и усладить — рѣшеніе начальника форта задержать кореспондента New Jork's Herald'a въ фортѣ, пока не напишутъ въ отрядъ къ главнокомандующему и не получатъ отъ него отвѣта, сообразно съ которымъ и поступятъ; а пока, молъ, просятъ уважаемаго гостя принять радушное гостепріимство въ укрѣпленіи, предлагая къ его услугамъ все, что имѣютъ сами—относительно комфорта и прочаго...

М-ръ Генри Блэкъ слегка озадачился, выслушавъ это заявленіе, сначала было немного нахмурился, но скоро оправился, развеселился по прежнему — и пошелъ разсказывать различные эпизоды изъ своего труднаго и обильнаго приключеніями путешествія...

Время было однако спать — американецъ наотрѣзъ отказался отъ палатки и складной кровати, говоря, что привыкъ уже къ своему ковру,—переговорилъ съ своимъ джигитомъ,—легъ въ разтяжку, закурилъ на сонъ грядущій сигару, отмѣтилъ, что слѣдуетъ въ записной книжкѣ, — и крѣпко заснулъ, оглашая тишину ночи здоровымъ, басовымъ храпомъ.

Къ утру кореспондента New Jork's Herald—въ укрѣпленіи не оказалось. Онъ уѣхалъ еще за часъ до разсвѣта, въ ту сторону — куда ушелъ отрядъ, оставивъ начальнику форта короткую, но весьма любезную записку, гдѣ говорилъ, что очень благодаритъ за вниманіе и гостепріимство, оказанное ему въ фортѣ, — и надѣется, если не скоро, то навѣрное въ Хивѣ увидѣться снова съ своими хала-атинскими друзьями.

— Да это просто дьяволъ! рѣшилъ полковникъ, прочитавъ записку...

— А молодецъ!.. замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ...

— Свободенъ какъ птица—счастливецъ! вздохнулъ другой.

— Вотъ перехватятъ его въ дорогѣ, да на-колъ посадятъ, а то пожалуй еще чего бы хуже не было!.. мрачно замѣтилъ третій.

Но полковникъ возразилъ на это, что хуже того какъ посадятъ на колъ — уже не можетъ быть положенія.

Такъ и согласились всѣ на этомъ, поговорили еще немного и предались своимъ обыденномъ занятіямъ: скучать, хандрать, поглядывать вдаль и поджидать спасительной смѣны.

ГЛАВА XXII.

«Бѣлая рубаха»

Вотъ уже не одинъ день какъ идутъ «бѣлыя рубахи» сыпучими песками.

Впередъ идетъ авангардъ: казаки и пѣхоты немного... Идутъ они бодро, особой устали почти незамѣтно... Только ближе присмотрѣться надо къ этимъ исхудалымъ лицамъ, къ этимъ конямъ, у которыхъ давно уже сквозятъ ребра и бока подвело отъ недостатка питья и корма.. За авангардомъ тянутся остальныя массы... Пыль тучами носится надъ ними.

Не слышно—ни конскаго топота, ни пѣшаго шага, ни колеснаго грохота орудій;—мягкій песокъ заглушаетъ эти звуки,—и только тяжелое дыханье, да усталый храпъ измученныхъ лошадей слышатся въ этихъ пыльныхъ тучахъ.

Росту солдатъ небольшаго, сложенъ кремнемъ, идетъ твердо, хотя подъ ногами и мягко,—спину согнулъ немного;—вѣдь на этой спинѣ—и мѣшокъ съ пожитками, и сухари на трое сутокъ, и сапоги запасные, и шинель свернутая, всего безъ малаго полтора пуда, да еще у пояса сумки съ патронами,—берданка въ рукахъ.. А палатки переносныя, а бутылки съ водою, зашитыя въ попону?.. Все ничего! спина привыкла уже давно къ этому вьюку, словно верблюдъ къ своему сѣдлу.. Сколько уже тысячъ верстъ отмѣрили «бѣлыя рубахи» подъ этимъ вьюкомъ—и не считаютъ они уже этихъ верстъ: — сколько сзади осталось, сколько еще предстоитъ впереди...

Ночь не доспитъ — ничего: ѣсть почти нечего — не бѣда: питья нѣту — это скверно, однако обойдутся..

Выбьется изъ силъ солдатъ—умретъ безъ ропота;—по-

Библиотека "Руниверс"

хоронять его другіе, дальше пойдутъ... И ни изъ одной груди не вырвется-упрека, не вырвется раскаянія—не прозвучитъ тоскливая жалоба..

Вотъ казачья сила—та другое дѣло: ее къ своему очагу да семьѣ, къ станицѣ такъ и тянетъ.

Скажи казаку:—а домой хочешь?.. чѣмъ тебѣ въ походъ идти,—оставайся, братъ, дома..

Такъ и просіяетъ казакъ, такъ и расползется по его лицу широкая улыбка.. Заторопится сборами такъ, что горитъ все у него въ рукахъ..

Скажи это «бѣлой рубахѣ», скажи ей: «Тебѣ оставаться!»,—бродитъ бѣдный солдатъ послѣ такого приговора какъ въ воду опущенный;—не ѣстъ, не пьетъ, тоскуетъ—и съ самою жгучею завистью поглядываетъ на тѣхъ счастливцевъ, что въ далекій походъ собираются..

Такова-то «бѣлая рубаха!»

ГЛАВА XXIII.

Слѣды.

Небольшая степная шайка, въ двадцать коней и десять всадниковъ, такъ какъ каждый былъ о дву-конь, прорвалась между фортомъ Хала-ата и русскими войсками, и шла теперь по ихъ слѣду.

Это не были опасные соперники,—это были просто волки, трусливые, готовые уступить тотчасъ же свою дорогу передъ малѣйшею для нихъ опасностью.

Они шли по слѣдамъ, разсчитывая, что на ихъ долю выпадетъ какая нибудь случайная добыча:—верблюдъ ли пристанетъ или упадетъ отъ изнеможенія,—вьюкъ ли какой нибудь бросятъ, потеряютъ-ли что нибудь; а можетъ и зазѣвается отсталый человѣкъ и дастъ накинуть себѣ на шею веревочную петлю аркана.

Шайка шла вразбродъ, рысцою, не спѣша очень, чтобы не догнать колоны, однако и не медля, чтобъ ея сзади самоё не догнали...

Разбойники зорко глядѣли впередъ, глядѣли по сторонамъ, а чаще всего назадъ оглядывались.

Широкою полосою видѣлись передъ ними слѣды прошедшихъ войскъ... Степные вѣтры не задули, не закрыли пескомъ эти страшные слѣды; и передъ глазами барантачей развертывалась ужасающая картина человѣческихъ страданій и выносливости.

Темными, зловонными массами виднѣлись на красноватомъ пескѣ—трупы павшихъ верблюдовъ... Тамъ и сямъ виднѣлись и конскія тѣла... Попадались лошади, которыя еще держались на ногахъ,—но уже стояли совершенно неподвижно, готовыя съ минуты на минуту рухнуть на горячій песокъ, съ тѣмъ чтобы уже больше никогда не подниматься... Глаза такого несчастнаго животнаго потеряли уже свой живой блескъ, они глядѣли мутно куда-то въ пространство. Лошади эти даже головы не поворачивали, ухомъ не шевелили, когда подъѣзжалъ къ нимъ барантачъ, разсчитывая поживиться брошеннымъ... И часто одно первое понуканіе разбойника вело за собою паденіе животнаго на землю...

Попадались разбойникамъ и слѣды какихъ-то странныхъ костровъ; громадными черными пятнами виднѣлись они еще издалека,—и вѣтеръ разносилъ по степи пепелъ и обуглившіеся комья...

Видно было, что не для тепла, не для варки пищи раскладывались эти громадные огни...

Случалось, что еще не успѣвало дотлѣть горѣвшее, и въ этомъ пожарищѣ виднѣлись клочья обгорѣлыхъ войлоковъ,—обрывки веревокъ, исковерканныя, раскаленныя желѣзныя части...

Это «бѣлыя рубахи» жгли за собою безъ разбора все то, что не могли уже поднять оставшіеся въ живыхъ верблюды,—все то, что должно было быть брошено.

Имъ сказали, что каждая мелочь, каждый пустякъ, попавшійся въ руки непріятеля, будетъ считаться «трофеемъ», а бѣлыя рубахи никогда во вражескихъ рукахъ трофеевъ не оставляютъ.

— Ишь, дьяволы, собаки! проворчалъ одинъ изъ разбойниковъ,—все пожгли—чтобъ намъ не осталось... и швырнулъ на песокъ только-что поднятый лоскутъ, за его окончательною негодностью.

— Сколько верблюдовъ пало—Аллахъ, Аллахъ! замѣтилъ другой.—Вчера я заѣзжалъ состоронъ, поднялся на бугоръ и видѣлъ, какъ шли ихъ караваны... Сколько ихъ!..

— Да, подъѣхалъ къ нимъ третій. — На три часа пути въ длину — вся дорога покрыта была ими... Если половина ихъ дойдетъ только до Аму-дарьи—и то на ста каикахъ не перевезутъ ихъ на ту сторону.

— Не дойдутъ они до воды!.. задумчиво произнесъ старикъ въ рваномъ халатѣ, въ большой косматой шапкѣ,—нельзя дойдти... въ колодцахъ воды на сто животовъ, а ихъ тысячи... Гдѣ эти колодцы — они даже не знаютъ...

— Да какже! — не знаютъ! недовѣрчиво покачалъ головою одинъ.—Съ прежнихъ колодцевъ согнали Садыка,—согнали всѣхъ нашихъ,—значитъ знали... У нихъ, я слышалъ, трубы такія есть, что за тысячу верстъ все видно;—у нихъ книги такія есть, что все въ нихъ написано...

— За нами Аллахъ, — за ними шайтанъ! произнесъ старикъ, — Аллахъ сильнѣе шайтана... Увидите, что вотъ мы теперь все верблюдовъ да лошадей палыхъ видимъ, а скоро и люди будутъ встрѣчаться...

— Здѣсь я вижу другіе слѣды, подъѣхалъ въ эту минуту тотъ, что шелъ правѣе всѣхъ, стороною. — Вотъ, смотрите, указалъ онъ на песокъ,—эти прошли давно—еще вчера, — а эти только сегодня; тѣхъ много — не перечесть, — этихъ только двѣнадцать ногъ... три коня бѣжали здѣсь... два подъ сѣдлами, одинъ такъ, просто въ поводу — вотъ его ноги... Ихъ только двое идутъ—и они не съ тѣми, а одни, — насъ десять...

— Насъ десять, повторили нѣсколько голосовъ.

Бандиты очень хорошо поняли, что хотѣлъ сказать ихъ товарищъ — словами: «насъ десять»,

— Не поймаемъ, замѣтилъ старикъ, — кони у насъ плохіе, а эти на добрыхъ бѣгутъ, — видишь, какъ широко шагаютъ!

— Эхъ, кабы мы ихъ раньше увидѣли!...

— На одного тигра десяти волковъ мало... опять произнесъ старикъ...

— «Вечеромъ узнаютъ каковъ день былъ», отвѣтилъ ему пословицею тотъ, кто первый отыскалъ эти одинокіе слѣды...

— Гонимъ!

И вся шайка сбилась въ кучу и пошла — гораздо быстрѣе...

Волки погнали по слѣду тигровому... Этотъ слѣдъ былъ оставленъ кореспондентомъ »New-Iork's Herald» и его слугою...

М-ръ Генри Блэкъ и не подозрѣвалъ въ эту минуту, что по немъ открыта безпощадная травля.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Зимой.

«Деревня лѣтомъ — рай, говоритъ пословица — и ничего не прибавляетъ къ этому опредѣленію относительно зимы, быть можетъ потому, что и прибавить нечего: все будетъ слабо въ сравненіи съ дѣйствительностью. Зима, вносящая такое оживленіе въ большіе города, въ деревнѣ сопровождается полнымъ засыпаніемъ природы—и сонъ этотъ весьма близокъ къ смерти. Уже въ концѣ осени чуется какое-то оскудѣніе жизни во всей окрестности. Лѣсъ облетѣлъ и пустынно сквозятъ обнаженные стволы и вѣтви деревьевъ, трава пожолкла и сплошь усѣяна бурой сухою листвой; не слышно веселаго щебета лѣтнихъ залетныхъ обитателей его. Лишь

Библиотека "Руниверс"

Зимняя погодушка. Картинка съ натуры. Грав. А. Пейне.

Библиотека "Руниверс"

изрѣдка звенитъ высоко-высоко на голыхъ вершинахъ посвистъ синицы, или скрипитъ снигирь въ кустарникѣ, да дятлы какъ-то громче стали постукивать — это значитъ, что мелкіе пестрые улетѣли на зиму, а на смѣну явились крупные черные, величиной съ галку, которые зимуютъ въ нашихъ краяхъ, попадаясь впрочемъ не часто, въ одиночку или парочками. Заяцъ давно вылинялъ и, какъ бы стыдясь показываться *въ бѣломъ*, прячется до перваго снѣга... И вотъ, показались эти давно ожидаемыя снѣжинки, закружились въ воздухѣ, потемнѣло въ небѣ, чаще и чаще валитъ снѣгъ, вьются легкіе хлопья, словно непроглядный рой бѣлыхъ бабочекъ — и всюду въ поляхъ, по оврагамъ, въ лѣсу, на улицѣ, на крышахъ избъ примѣтно блѣднѣютъ первоначальныя краски, сливаясь въ общій тонъ, бѣлый какъ бумага и скрадывающій перспективу и разстоянія...

Словно бѣлая простыня разостлана по всей окрестности... Тамъ и сямъ еще черными пятнами торчатъ изъ нея кусты и деревья но, погодите: подморозитъ — замшатся инеемъ вѣтки, заледенѣютъ — и все одѣнется сплошнымъ бѣлымъ саваномъ....

Стала зима. Замолкли и послѣдніе звуки въ лѣсу, приглушенные снѣгомъ. Только вѣтеръ свиститъ по дуплам деревьевъ, да волки подъ вечеръ заводятъ свою унылую пѣсню....

А люди?.. Забились по избамъ. всѣ работы давно покончены; кто помоложе да посильнѣй изъ мужчинъ — разбрелись на отхожіе промысла; остались старый да малый — да бабы ... А холодъ все крѣпчаетъ, дрова на исходѣ — надо снову припасать — и вотъ, волей-неволей отправляется бабенка въ лѣсъ подбирать валежникъ да хворостъ и тащитъ на спинѣ чуть посильную ношу... Въ деревняхъ и селеніяхъ — житье еще туда-сюда: тутъ и посиденки устраиваются и свадьбы, и святки подойдутъ съ масляницей — на людяхъ и смерть красна, говорятъ. А каково тѣмъ, кто обреченъ коротать зиму-зимушку въ глуши, въ одиночествѣ, какъ напр. лѣсничіе или сторожа на желѣзнодорожныхъ будочкахъ?.... Жутко и сиротливо жмется домишко въ чащѣ лѣса, занесло его со всѣхъ сторонъ снѣгомъ, а поднимется мятель — накидаетъ сугробовъ подъ самыя подъ окна и стекла запорошитъ; — проснутся люди и не знаютъ: день или ночь; выйдутъ на крылечко, а дальше и дороги нѣтъ,—надо прокладывать заступами да лопатами, раскапывая цѣлый корридоръ до погреба или амбара; вечеромъ выйдешь на погребицу, поднимется вьюга, закрутитъ-замутитъ, зги не видать — и заблуживаются люди въ трехъ шагахъ отъ дому, попадая въ противоположную сторону и часто заходя на цѣлыя версты отъ усадьбы...

Да; нерадостно наступленіе *зимняго сезона* въ такихъ закоулкахъ!..

Смѣсь.

Положеніе церковныхъ дѣлъ въ Бразиліи. Англійскія газеты передаютъ рѣчь, которую говорилъ въ палатѣ патеръ *Іоако Миноэль*, депутатъ провинціи Ріо Гранде-де-норте, по случаю дебатовъ о распоряженіяхъ императорскаго правительства противъ епископовъ *Пернамбуко* и *Парры*. Рѣчь эта чрезвычайно интересна тѣмъ, что онъ не только показываетъ до чего дошло и до чего еще можетъ дойти самовольство этихъ епископовъ,— но кромѣ того еще тѣмъ, что въ ней священникъ вооружается за правду и громко признаетъ справедливость правительства,—мало того, побуждаетъ его неуклонно идти по разъ-избранному пути, не давая себя запугивать никакими угрозами.

«Если вы желаете выслушать мое мнѣніе о спорѣ затѣянномъ епископами, — спорѣ столь же безплоднымъ, сколько вреднымъ для церкви и религіи,—то я долженъ прежде всего изобразить тѣ грустныя и плачевныя обстоятельства, въ какихъ находится въ настоящее время пернамбукская епархія. Я недавно посѣтилъ эту епархію, и своими собственными глазами видѣлъ печальную картину неурядицъ и анархіи, въ какую повергнуты теперь всѣ церковныя дѣла этой провинціи,—и долженъ объявить палатѣ, что если всѣ бразильскіе епископы послѣдуютъ примѣру Дона Виталя (чего, надо надѣяться, они не сдѣлаютъ)—то долгъ, честь и патріотизмъ требуютъ, чтобы правительство понудило законодательныя учрежденія имперіи принять энергическія предупредительныя мѣры, если оно хочетъ помочь тому злу, отъ котораго такъ страдаетъ народъ. Господа депутаты! Въ настоящее время, въ провинціи Пернамбуко положеніе духовенства ужасно. Чтобы подать умирающему послѣднее напутствіе церкви—викаріи ходятъ теперь по улицамъ съ покрытыми головами, въ наглухо застегнутыхъ до самаго подбородка рясахъ, безъ всякаго уваженія засунувъ святые дары въ карманъ, какъ будто мы живетъ во времена всеобщаго преслѣдованія. Праздники тамъ совсѣмъ изгнаны. Божественная служба не совершается явно. Все отмѣнено, запрещено, вездѣ хаосъ, анархія и профанація! То, что еще совершается въ церкви, можно скорѣе назвать пародіей на настоящее богослуженіе. Все духовенство приведено въ трепетъ и лишено всякаго значенія. Если я говорю это, то говорю потому, что моя совѣсть, какъ бразильца и какъ священника, заставляетъ меня поставить васъ въ извѣстность фактовъ, возбуждающихъ неудовольствія, ненависть и раздоры, даже месть и гоненія,—разжигающихъ страсти, вредящихъ религіи и нарушающихъ общественное спокойствіе. Положеніе тамошняго духовенства самое прискорбное; со священниками обращаются, какъ съ полицейскими солдатами. Епископъ объявляетъ: «Преподобный такой-то немедленно переводится туда-то и туда-то!» Если бѣдный священникъ осмѣлится сдѣлать какое-либо возраженіе, или привести какую нибудь уважительную причину, почему онъ тотчасъ же не можетъ исполнить приказанія, то его немедленно же отставляютъ отъ мѣста. Каждый священникъ ежеминутно долженъ быть готовъ надѣть на спину дорожную сумку и отправляться, куда епископу заблагоразсудится послать его. Никто не можетъ быть увѣренъ въ своемъ положеніи, никто не можетъ строить никакихъ плановъ на будущее. Ни одинъ священникъ, посадившій весной коченъ капусты, не увѣренъ, что ему придется ѣсть ее осенью. Больше шести мѣсяцевъ ни одинъ священникъ не остается на своемъ мѣстѣ. Повелительные циркуляры и тонъ, какимъ священники призываются въ епископскій дворецъ, и форма, въ какой они увольняются отъ должностей, повидимому разсчитаны на то, чтобы навести паническій страхъ на все низшее духовенство, чтобы оно не вздумало колебаться или оказывать сопротивленіе. Приказы дона Виталя рѣшительны и деспотичны: «По прочтеніи этого, ваше преподобіе имѣете явиться ко мнѣ; для какой цѣли—вамъ будетъ сообщено!» При этомъ я долженъ еще замѣтить, что такіе же приказы, и въ такой же непреклонной формѣ, посылаются въ самыя отдаленныя мѣста епархіи. Если по какой нибудь причинѣ, священникъ не можетъ немедленно исполнить приказанія епископа. то онъ получаетъ другое письмо: «По сему ваше преподобіе увольняетесь отъ вашего мѣста!» Такъ какъ не у всѣхъ изъ моихъ собратьевъ хватаетъ мужества возставать и громко протестовать противъ такихъ деспотическихъ распоряженій, то на вицъ выходитъ такъ, какъ будто бы все пернамбукское духовенство довольно такими порядками. Но на дѣлѣ всѣ мы вооружены противъ него. Не разъ говорилось, какъ здѣсь въ палатѣ, такъ и въ публикѣ, что правительство отняло у духовенства средства, чтобы подчинить его себѣ голодомъ. Но, господа депутаты, дѣло выходитъ наоборотъ. Не правительство, а епископъ примѣняетъ такое средство; онъ принимаетъ крайнія и насильственныя мѣры для того, чтобы вынудить согласіе съ своимъ образомъ дѣйствій и добиться одобрительныхъ адресовъ. Невозможно себѣ представить, что тамъ творится. Произвольныя увольненія, запрещенія исповѣдывать и говорить проповѣди! Мы, бразильскіе священники, ни чѣмъ не охранены противъ этого произвола. Надъ нашими головами постоянно виситъ грозный Дамокловъ мечъ, господа депутаты! Уваженіе къ законамъ церкви и повиновеніе высшимъ, у всѣхъ на устахъ—и совершенно справедливо! Но каноническій законъ говоритъ: «ни одно священническое мѣсто не должно оставаться незанятымъ», и рядомъ съ каноническимъ, гражданскій законъ Бразиліи опредѣляетъ доходы духовенства; а въ настоящее время, ни одинъ изъ этихъ законовъ не имѣетъ силы. Оба превратились въ мертвую букву: ни тотъ, ни другой не исполняются. Неужели правительство не видитъ, что епископы пользуются этимъ. какъ могущественнѣйшимъ и опаснѣйшимъ орудіемъ, съ которымъ они могутъ продолжать борьбу до безконечности? Неужели же оно не понимаетъ, что отсылаемые и увольняемые священники составляютъ подвижную армію епископовъ. которые держатъ ее въ своихъ рукахъ, такъ какъ совершенно въ ихъ власти у каждаго своего противника отнять кусокъ хлѣба и отдать его другому. Это своего рода войско—вполнѣ обученное войско, которое духовное начальство можетъ употреблять для всѣхъ своихъ маневровъ.»

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ палатѣ, что правительство приметъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы вернуть забывшихся епископовъ на путь закона.

Итальянскій профессоръ Панчери, читавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ лекціи въ Павіанскомъ университетѣ, въ настоящее время профессоръ неаполитанскаго университета, вернулся недавно изъ научнаго путешествія въ Пинетъ, и читалъ въ неаполитанской академіи наукъ свои изслѣдованія о змѣяхъ. Его описаніе очковой *змѣи (найя)* возбудило всеобщее удивленіе. Профессоръ Панчери привезъ нѣсколько живыхъ экземпляровъ этой змѣиной породы. Особенность этой змѣи состоитъ въ томъ, что если ее довольно сильно ущипнуть въ извѣстномъ мѣстѣ на шеѣ, то она вытягивается и лежитъ неподвижно какъ камень, если же придавить ей то же самое мѣсто въ другомъ направленіи, къ ней мгновенно возвращается ея прежняя живость.

Самы прочныя красныя чернила. Такія чернила добываются изъ кармина, растертаго съ небольшимъ количествомъ раствора водянаго стекла и разведеннаго потомъ растворомъ водяного стекла на столько, чтобы получилась жидкость, такой густоты, какъ обыкновенныя хорошія чернила. Написанное этими чернилами высыхаетъ чрезвычайно быстро и получаетъ отличный блескъ. Чернила эти, само собою разумѣется, должны быть какъ можно лучше защищены отъ вліянія внѣшняго воздуха, и сохраняемы въ то время когда не употребляются, въ стеклянномъ пузырькѣ, закрытомъ пропитанной масломъ пробкой.

Библиотека "Руниверс"

Мароготы. Между смѣшаннымъ населеніемъ Испаніи — мароготы принадлежатъ можетъ быть къ самому удивительному племени. У нихъ свои особые нравы, свой костюмъ, и они никогда не вступаютъ въ браки въ испанцами. Костюмъ ихъ состоитъ изъ длиннаго, узкаго камзола съ широкимъ кушакомъ и короткихъ доходящихъ только до колѣнъ панталонъ, сапоговъ, штиблетъ, и само собою разумѣется неизбѣжнаго въ Испаніи сомбреро, широкополой національной шляпы. Безъ всякаго сомнѣнія, это остатки тѣхъ готовъ, которые послѣ своего вторженія въ Испанію смѣшались съ маврами, на что указываетъ уже и самое имя мароготы, «мавританскіе готы», а также и религіозные обряды, обычаи, одежда, сохранившіеся довольно вѣрно до настоящаго времени. Но съ перваго же взгляда видно, что кровь ихъ смѣшана съ кровью дикихъ сыновъ пустыни; даже въ Норвегіи едва-ли найдутся типы болѣе рѣзко обличающіе готское происхожденіе. Долго жили они въ своемъ новомъ отечествѣ мирными, трудолюбивыми подданными, пока безчисленныя притѣсненія, какія обрушились на нихъ во время Филиппа II, между 1568—70 годами, не вскипятили ихъ горячую кровь и не принудили ихъ къ возстанію. Послѣдствіемъ его было изгнаніе около 120,000 человѣкъ ихъ племени изъ предѣловъ Испаніи; такая же судьба постигла ихъ въ царствованіе Филиппа III., такъ что почти цѣлый милліонъ мароготовъ покинулъ Испанію и поселился въ Африкѣ. Разрѣженные остатки ихъ разсѣялись по разнымъ городамъ Андалузіи и Арагоніи, гдѣ мароготы пользуются большимъ уваженіемъ за ихъ вѣрность и честность. Эти сильные люди, атлетическаго сложенія, но они неповоротливы и вялы; черты ихъ лица, хотя по большей части довольно правильны, не имѣютъ никакого выраженія. Они говорятъ медленно; въ ихъ разговорѣ никогда не услышишь живыхъ, остроумныхъ оборотовъ, такъ обыкновенныхъ въ рѣчи другихъ испанцевъ. Выговоръ ихъ грубъ и тяжелъ; слушая ихъ, можно подумать, что это какой нибудь нѣмецъ или англичанинъ силится говорить по испански. Обыкновенно они весьма флегматичны, и ихъ не скоро разсердишь; но тѣмъ опаснѣе и необузданнѣе они въ возбужденномъ состояніи. Мужчины почти вовсе не занимаются земледѣліемъ, предоставляя его исключительно женщинамъ, которыя обрабатываютъ каменистую почву и собираютъ скудную жатву. Мужчины всѣ арріеросы или извощики, и считаютъ за стыдъ заниматься чѣмъ либо инымъ. Въ Испаніи, на каждой большой дорогѣ, особенно на той, что лежитъ на сѣверъ отъ пограничныхъ горъ между обѣими Кастиліями, ихъ всегда можно видѣть группами по пяти шести человѣкъ на тяжело-нагруженныхъ мулахъ. Короче сказать, почти вся торговля одной половины Испаніи идетъ черезъ руки мароготовъ. Честность ихъ въ отношеніи довѣренныхъ имъ вещей такъ велика, что никто, привыкшій имѣть съ ними дѣло, никогда не задумается довѣрить мароготу транспортировать хоть цѣлую бочку золота отъ Бискайскаго моря до Мадрида, такъ какъ очень хорошо знаетъ, что, если кладь будетъ попорчена, или изъ нея убудетъ хоть крупинка, то ужъ никакъ не по винѣ извощика. Къ тому же, надо быть ужъ слишкомъ смѣлымъ разбойникомъ, чтобы вырвать у марагота его кладь, потому что онъ будетъ защищать ее до тѣхъ поръ, пока въ состояніи будетъ двигаться,—а нѣтъ такъ закроетъ ее своимъ тѣломъ, если его повалятъ въ то время, какъ онъ будетъ заряжать свой длинный карабинъ. Но, не смотря на тупость мароготовъ въ другихъ отношеніяхъ, тутъ они очень хорошо понимаютъ свое преимущество; они берутъ двойную цѣну противъ всѣхъ прочихъ испанскихъ арріеросовъ; однимъ ремесломъ перевозки товаровъ они наживаютъ большія деньги, за то и предаются удовольствіямъ, которыя умѣренный испанецъ позволяетъ себѣ очень рѣдко; они любятъ попивать горячительные напитки, хорошо и много поѣсть, что не мало способствуетъ ихъ тучности. Нѣкоторые изъ нихъ оставляли послѣ своей смерти огромныя состоянія, завѣщаемыя по большей части на сооруженіе и украшеніе церквей. Съ восточной стороны собора въ Асторгѣ стоитъ колоссальная статуя одного марагота, бывшаго также извощикомъ и пожертвовавшаго большую сумму въ пользу церкви.

Раскопки въ Колизеѣ. Энергически производимыя раскопки величественныхъ остатковъ римскаго строительнаго искуства привели въ послѣднее время къ интереснымъ открытіямъ. Только теперь опредѣлена настоящая глубина арены, также какъ и вышина всего зданія. До сихъ поръ археологи ошибались на бездѣлицу—на шесть саженъ. При раскопкахъ на этой глубинѣ, наткнулись на великолѣпную древнюю римскую мостовую, слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь находилась арена. Все зданіе представляется поэтому еще болѣе гигантскимъ. Кромѣ этого, въ послѣднее время сдѣланы открытія еще болѣе значительныя. Открыли широкую, хорошо сохранившуюся галлерею, которая продолжается съ наружной стороны Колизея. Думаютъ, что эта галлерея соединяла величественное зданіе съ звѣринцемъ, въ которомъ содержались болѣе благородныя животныя. Отрытыя до сихъ поръ клѣтки внутри Колизея—не такого рода, чтобы можно было предположить, что въ нихъ могли содержаться звѣри, стоившіе до 4,000 сестерцій. Дорогія животныя ни какъ не могли бы долго въ нихъ оставаться, а изъ древнихъ римскихъ сочиненій мы видимъ, что римляне очень заботливо ухаживали за за своими львами и тиграми, именно вслѣдствіе того, что они были очень дороги. Клѣтки, найденныя прежде внутри Колизея очень тѣсны, большіе звѣри не могли въ нихъ помѣщаться; вѣроятнѣе всего, онѣ назначались для звѣрей некрупныхъ породъ. Если общее мнѣніе подтвердится и дѣйствительно будетъ открыто больше зданіе съ клѣтками, то это будетъ большимъ обогащеніемъ для Археологіи. Важныхъ скульптурныхъ вещей до сихъ поръ еще не открыто; въ этомъ отношеніи, результаты раскопокъ ограничиваются нѣсколькими довольно хорошо сохранившимися, но грубыми и безвкусными фрагментами. Но за той найдено безчисленное множество человѣческихъ костей, частію окаменѣлыхъ. Надѣются въ теченіи года изслѣдовать все внутреннее пространство Колизея, и, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что при этомъ будетъ найдено нѣсколько художественныхъ сокровищъ. Въ прошедшія времена, большая часть статуй и проч., украшавшихъ Колизей, были уничтожены—цѣлыя части города (какъ напримѣръ Кампо Бакчине) выстроены изъ матеріяловъ, добытыхъ изъ Колизея. Тѣмъ не менѣе есть еще надежда, что нѣкоторыя вещи избѣгли разрушенія.

Средства животныхъ передавать свои мысли. Въ англійскихъ газетахъ, мы читали слѣдующій интересный разсказъ изъ жизни животныхъ. Въ погребѣ у одного сливочнаго торговца стояла высокая бочка, въ которой оставалось немного сыру. Когда разъ пошли ее освидѣтельствовать, то сыру въ ней не оказалось, но вмѣсто него въ бочкѣ было цѣлое полчище крысъ, которыя съѣли сыръ, и не могли выбраться понъ изъ бочки. Принесли кошку; та посмотрѣла въ бочку и убѣжала. Вскорѣ она вернулась назадъ съ другою кошкой. Обѣ сверкающими глазами смотрѣли на добычу, пошипѣли, поворчали, и убѣжали прочь. Наконецъ онѣ вернулись съ третьей кошкой, и теперь, не колеблясь, прыгнули въ бочку. Однако онѣ не разсчитали своихъ силъ. Двѣ кошки были загрызены, и едва-едва удалось спасти третью отъ отвратительныхъ животныхъ.

Пуля въ головѣ. Нѣмецкія газеты передаютъ объ одномъ въ высшей степени замѣчательномъ хирургическомъ случаѣ, который засвидѣтельствованъ вполнѣ надежными спеціалистами. Дѣло было въ маленькой общинѣ Св. Маргариты въ Штейермаркѣ. Въ деревнѣ праздновалась свадьба, и, какъ обыкновенно бываетъ на такихъ праздникахъ, деревенская молодежь много стрѣляла изъ ружьевъ и пистолетовъ. Невѣстинъ братъ особенно отличался въ этой забавѣ, онъ не переставая стрѣлялъ изъ револьвера, который безъ всякой надобности заряженъ былъ коническими пулями. Такъ какъ револьверъ вещь очень мало извѣстная въ деревнѣ, то всѣ съ любопытствомъ толпились около его обладателя, прося его объяснить имъ устройство оружія, осматривали его и даже пробовали. Между неопытными была и невѣста, которая, вслѣдствіе увѣренія брата, что револьверъ не заряженъ, нажала курокъ—и всадила несчастному брату пулю въ лобъ. Револьверъ оказался заряженнымъ; зарядъ попалъ молодому человѣку, стоявшему въ двухъ шагахъ отъ невѣсты, въ лобъ выше переносицы. Однако раненый, хотя кровь ручьемъ полилась у него по лицу, не упалъ а напротивъ побѣжалъ къ колодцу, собственными руками обмылъ рану, затѣмъ два дня прикладывалъ къ ней холодные компрессы — и на третій день сидѣлъ какъ ни въ чемъ не бывало съ гостями, еще пировавшими на свадьбѣ. На пятый день въ это мѣстечко пріѣхалъ изъ Граца извѣстный операторъ, и дѣйствительно нашелъ пулю засѣвшей на $1^1/_2$ дюйма глубины въ клинообразной кости, и могъ удалить только небольшую ея часть. Послѣ операціи, паціентъ тотчасъ же пришелъ въ себя и выпилъ стаканъ вина за здравіе доктора. Со времени этого происшествія прошло нѣколько мѣсяцевъ. Пуля до сихъ поръ сидитъ въ головѣ у молодаго человѣка, и онъ не чувствуетъ ни боли ни даже какого либо непріятнаго ощущенія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Воздухъ въ Санъ-Ремо повидимому весьма благопріятенъ для состоянія здоровья Государыни Императрицы. Домъ, занимаемый Ея Величествомъ, расположенъ хорошо и удобно. Императрица изволила прогуливаться въ открытомъ экипажѣ. Успѣхи въ поправленіи здоровья Ея Величества даютъ надежду, что нѣсколькихъ недѣль будетъ достаточно для совершеннаго исцѣленія.

Военное и морское дѣло.

— Государь Императоръ, 12-го сего октября, Высочайше разрѣшить соизволилъ уволить нижнихъ чиновъ Морскаго Вѣдомства: 1. Въ безсрочный отпускъ (запасъ флота), выслуживающихъ къ 1-му января 1875 года 10 лѣтъ и 2. Въ кратковременный отпускъ по 1-е апрѣля 1875 г. изъ всѣхъ вообще командъ и частей въ числѣ, какое признано будетъ возможнымъ по усмотрѣнію ближайшаго начальства. Съ судовъ, находящихся въ плаваніи, произвести увольненіе по окончаніи кампаніи, закончивъ его одновременно съ поступленіемъ въ команды новобранцевъ.

— Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» пишутъ, что испытаніе новой лодки «Ершъ» удалось какъ нельзя лучше. Лодка эта, построенная изъ дерева и желѣза, принадлежитъ къ разряду тѣхъ маленькихъ лодокъ, которыя называются англичанами пловучими

Библиотека "Руниверс"

станками для нарѣзныхъ орудій большаго калибра. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя всего 290 строевыхъ тоннъ, лодка «Ершъ» носитъ громадное 11-ти дюймовое орудіе въ 1.752 пуда, со станкомъ въ 300 пудовъ и, какъ оказалось на дѣлѣ, управляется этимъ орудіемъ очень хорошо на большомъ волненіи и при весьма свѣжемъ вѣтрѣ.

— Въ той же газетѣ помѣщена слѣдующая выписка изъ рапорта начальника гидрографической части въ портахъ Восточнаго океана, отъ 16-го іюля сего года: Купецъ 1-й гильдіи Филипеусъ сообщаетъ, что по прибытіи его въ іюнѣ 1873 года къ курильскому селенію лежащему на SW сторонѣ острова Шіяшкотана, въ группѣ Курильскихъ острововъ, жители извѣстили его, что 29-го августа прошлаго года сопка, находящаяся на сѣверной сторонѣ острова, съ большимъ трескомъ загорѣлась и выброшеннымъ ею потокомъ лавы залила юрты, расположенныя на сѣверномъ скатѣ острова. При изверженіи этомъ погибло 15 курильцевъ, и у SW оконечности того же острова, въ полумилѣ отъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ была глубина 4 саж. и гдѣ Филипеусъ съ пароходомъ неоднократно становился на якорь, нынѣ образовалась мель, далеко выдающаяся въ море. 24-го іюня 1873 года. когда г. Филиппеусъ проходилъ мимо сѣверной части острова, изверженіе сопки еще продолжалось.

— На границахъ Хивинскаго ханства повсюду большіе безпорядки. По полученнымъ «Русскимъ Инвалидомъ» свѣдѣніямъ изъ Аму-дарьинскаго отдѣла, всѣ четыре отдѣленія мервскихъ теке (бакши, сышла, бекъ и вакиль) живутъ между собою въ раздорѣ. Грабежи и разбои между ними постоянны; правящіе ими ханы потеряли всякое значеніе. Какъ и въ прошломъ году, текинцы собираются выслать сильныя партіи на правый берегъ средняго теченія Аму для грабежа каравановъ, не смотря на то, что въ этой мѣстности находится бухарскій караулъ. Вслѣдствіе безпорядковъ между мервскими теке, Хива давно уже не посылаетъ каравановъ въ Мервъ. Бухара торгуетъ мало и то благодаря тому, что держитъ у себя заложниками нѣсколькихъ почетныхъ старшинъ мервскихъ теке.

— Изъ Аму-дарьинскаго отдѣла корреспондентъ «Русскаго Инвалида» сообщаетъ въ эту газету отъ 14-го октября: На лѣвомъ берегу Аму-дарьи продолжаются безпорядки; на правомъ все благополучно. Состояніе здоровья въ русскихъ войскахъ очень хорошо. Въ настоящее время войска на Аму-дарьѣ поставлены совсѣмъ въ иныя условія, нежели въ прошломъ году: теперь здѣсь зародилась своего рода жизнь. Вновь возведенное укрѣпленіе въ Нукусѣ построено солидно и безусловно крѣпко, въ смыслѣ военномъ, для весьма небольшаго гарнизона. Ровъ сдѣланъ туземцами за плату; они же возводятъ двухъаршинную дамбу вокругъ береговъ для предохраненія крѣпости отъ наводненія.

— Число офицеровъ, изъявившихъ желаніе поступить въ текущемъ году въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, было, какъ сообщается въ «Русскомъ Инвалидѣ», значительно больше, нежели въ прежніе годы, и простиралось до 57 человѣкъ, не считая геодезистовъ, которыхъ въ этомъ году было 12 человѣкъ. Но изъ общаго числа къ началу экзаменовъ совсѣмъ не явилось въ Академію 6 офицеровъ; изъ остальныхъ же продолжали экзаменъ до конца въ общее отдѣленіе только 38 человѣкъ.

Желѣзныя дороги и телеграфы.

— Телеграфнымъ Департаментомъ объявлено было, что Общество «Brasilian Submarine Telegraph C.» устраиваетъ подводную телеграфную линію между Европою и Южною Америкою, и что по первому участку этой линіи, отъ Лиссабона до ос. св Винцента, (въ Атлантическомъ океанѣ) открыта передача депешъ. Нынѣ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, новая подводная линія доведена до Пернамбуко, гдѣ соединена съ телеграфными линіями, устроенными вдоль восточнаго берега Южной Америки, между городами: Пала, Багія, Ріо-Жанейро, Монтевидео и Буэносъ-Айресомъ.

— 12-го сего октября открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ на Моршанско-Сызранской желѣзной дорогѣ отъ гор. Моршанска до Сызрани, на протяженіи 484¾ верстъ.

— 14-го сего октября открыто правильное движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ по третьему участку Лозово-Севастопольской желѣзной дороги отъ ст. Мелитополь до ст. Симферополь, на протяженіи 228¾ верстъ.

— «Самар. Губ. Вѣд.» сообщаютъ, что на дняхъ прибылъ въ Самару инженеръ, командированный Правленіемъ Уральско-Самарской конно-желѣзной дороги въ Самарскую губернію и Уральскую область для производства окончательныхъ изысканій по линіи этой дороги.

Торговля.

— Отпускъ хлѣбнаго товара изъ Россіи по 1-е іюля 1874 года достигъ, какъ сообщаютъ въ «Одес. Вѣстн.», огромной цифры 14.316.928 четвертей. Отпускъ въ первое полугодіе 1873 года дошелъ уже до значительной цифры 8.197.456 четвертей, но и онъ на 6.119.472 четв. или на 74³/₁₀% оказался менѣе отпуска 1874 года. Главное увеличеніе отпуска относится до ржи, которой отпущено 6.225.378 четв., или на 4.019.103 четв. болѣе 1873 года.

— Съ 1-го января по 1-е сентября сего года изъ С.-Петербургской портовой, Одесской, Московской, Вержболовской, Варшавской и Иркутской таможень выпущено чая: цвѣточнаго 1.662 пуда, торговаго 623.784 пуда и кирпичнаго 225.064 пуда.

— Изъ Подволочиска сообщаютъ въ газету «Кіевлянинъ», что въ августѣ настоящаго года вывезено изъ-за границы для Одесской желѣзной дороги очень много минеральнаго топлива.

— Цѣны на зерновой хлѣбъ въ Николаевѣ понизились, по словамъ мѣстнаго «Вѣстника», до баснословной цифры: 10 октября, напримѣръ, гирка хорошаго качества была продано отъ 68 до 71 к. пудъ; рожь продается по 45—52 к. пудъ, а между тѣмъ цѣны на печеный хлѣбъ не понижаются нисколько противъ прошлогоднихъ, когда пшеница продавалась по 12—13 р. четверть.

— 18-го октября окончена рѣзка скота на салотопенныхъ заводахъ Самары. Всего съ начала рѣзки (9-го сентября) убито 222.949 барановъ. Хотя скотъ этотъ рѣжутъ здѣсь главнымъ образомъ для сала, но гуртопромышленники извлекаютъ немаловажную выгоду отъ продажи шкуръ и убитыхъ животныхъ и проч.

— Въ Астрахани въ теченіе сентября продано на Калмыцкомъ базарѣ скота: верблюдовъ 23, лошадей 38, рогатаго скота 1.469, барановъ 5.383 и козъ 317.

— Какъ на одно изъ обнаружившихся уже послѣдствій обмеленія днѣпровскаго бассейна, «Кіевскія Губернскія вѣдомости» указываютъ на сокращеніе въ Кіевской губерніи торговли, производимой посредствомъ водянаго пути. Такъ общій балансъ ввоза въ губернію и отпуска изъ неатоваровъ водянымъ путемъ за два послѣдніе года представляется въ слѣдующихъ числахъ

	Въ 1872 году.	Въ 1873 году.
Отпускъ на .	6.321.506 р.	4.940.293 р.
Ввозъ . . .	3.674.848 »	3.631.137 »
Итого .	9.996.355 р.	8.571.430 р.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ цифръ, отпускъ изъ губерніи въ теченіе одного года упалъ на 1.381.213 рублей, а ввозъ на 43.712 руб., или, говоря иначе, отпускъ сократился на 22 почти процента и ввозъ на 2% слишкомъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ сократилось и количество грузившихся судовъ и плотовъ въ предѣлахъ губерніи.

Промышленность.

— «Иркут. Губ. Вѣдом.». сообщаютъ объ открытіи и заявкѣ 16 золотыхъ пріисковъ въ областяхъ Забайкальской, Амурской и Приморской.

— О золотопромышленности въ Енисейской губерніи за 1873 годъ помѣщены въ мѣстн. губ. вѣд. слѣдующія свѣдѣнія: Работы и развѣдки производились на 286 пріискахъ, на которыхъ *вынуто песку* 274.833½ кубическія сажени, а промыто 327.825.073 пуд. Всего добыто шлиховаго золота 441 п. 10 ф. 74 зол. 52 д. Сложное содержаніе золота въ ста пудахъ песку было по среднему выводу на всѣхъ пріискахъ 51 доля. Самые богатые, относительно, по содержанію въ 1873 г. оказались пріиски *Бирюсинской системы* (въ 100 п. 79 дол.), а самые бѣдные Ачинскаго округа (23 доли). Въ 1873 г. добыто золота менѣе чѣмъ въ 1871 г., на 25 п. 11 ф.

— Работающая на восточномъ берегу Каспія промѣрная партія, снаряженная Гидрографическимъ Департаментомъ Морскаго Министерства для изслѣдованія Михайловскаго залива и восточнаго прибрежья Каспійскаго моря отъ Красноводска до форта Александровскаго, встрѣтила на 50 верстъ южнѣе Карабугазскаго пролива, на глубинѣ 8 саженъ, противъ мыса Карасингиръ, нѣсколько нефтяныхъ фонтановъ, выходящихъ со дна моря.

— Въ настоящее время туркмены ауловъ, сосѣднихъ къ Красноводску, и челекенскіе весьма охотно нанимаются—пишутъ въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ»—на работы буровыхъ нефтяныхъ скважинъ, а также для подвоза камня для красноводскихъ построекъ. Привлеченіе здѣшнихъ кочевниковъ къ работамъ должно имѣть во всякомъ случаѣ важное на нихъ вліяніе.

— О результатахъ работъ на однихъ изъ разработываемыхъ въ Туркестанскомъ Краѣ копей каменнаго угля, именно на копяхъ г. Фовицкаго, сообщаются «Туркестанскими Вѣдомостями» слѣдующія свѣдѣнія: Съ 1868 по 1874 г. включительно добыто каменнаго угля 266.500 пуд. Уголь этотъ былъ отпущенъ: на суда Аральской флотиліи 16.000 пуд., на отопленіе казармъ въ Ходжентѣ 179.500 пуд. на фабрики и заводы въ Ходжентѣ 53.500 пуд.; продано частнымъ лицамъ 11.200 пуд., израсходовано на самой копи 6.300 пуд.; всего 266.500 пуд. Добыча угля увеличивалась съ каждымъ годомъ, и съ 1868 до 1873 года возрасла почти въ 4½ раза. Въ 1874 году не было требованіи угля на ходжентскія фабрики: шелкомотальную фабрику Московско-Ташкентскаго Товарищества и на стеклянный заводъ г. Исаева.

Несчастія.

— Въ Севастополѣ два мальчика нашли недавно бомбу и стали катать ее по камнямъ. отчего произошелъ взрывъ, и одного изъ мальчиковъ убило на мѣстѣ, оторвавъ половину головы, а другаго легко ранило.

СОДЕРЖАНІЕ: На Волгѣ. П. Царевъ бугоръ (съ рисункомъ). — Совѣтъ министровъ у г-жи де-Ментенонъ (съ рисункомъ). — Крылатый рыбакъ (съ рисункомъ). — Двуногій волкъ. Романъ Н. Каразина (продолженіе). — Зимой (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Премія стѣннаго календаря на 1875 годъ.
Приложеніе объявленій «Нивы».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

При этомъ № приложены для всѣхъ гг. подписчиковъ объявленія: отъ А. Ильина и объ изданіи газеты „Новое Время“.

Дозволено цензурою. 27 ноября 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 58.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ,

№ 50 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 9-го декабря 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цѣна этого № «Нивы» 40 коп. съ пересылкою 45 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера.

Городъ Вятка. Съ фотографіи Рисов. Космаковъ, грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Городъ Вятка.

На предлагаемомъ рисункѣ вида города Вятки, конечно, прежде всего бросается въ огромное бѣлое зданіе гостинницы Пуссета, за нимъ Александровскій Соборъ, а на лѣво отъ послѣдняго церковь Стефана Пермскаго; но особенно хорошъ общій видъ города Вятки, расположеннаго на лѣвомъ нагорномъ берегу рѣки того-же названія, когда вы смотрите на него съ противоположнаго берега. Окаймленный горами, покрытыми перелѣсками, полями и селеніями, передъ вами разстилается обширный городъ съ правильно расположенными по скалистымъ холмамъ улицами, великолѣпными зданіями присутственныхъ мѣстъ, красивыми церквами, домами кафедральнаго духовенства и, наконецъ, огромными соборами, изъ которыхъ такъ рельефно выступаетъ Александро-Невскій Соборъ. Смотря на это величественное зданіе, стоящее особнякомъ на широкой площади, съ его необыкновенной архитектурой, въ которой какая-то смѣсь византійскаго, готическаго и новѣйшаго стилей, вы невольно захотите узнать давнопрошедшее этого города, заглянуть въ его происхожденіе.

Вятка или, какъ его прежде называли, Хлыновъ, принадлежащій къ одной изъ сѣверовосточныхъ частей Европейской Россіи, былъ основанъ въ концѣ двѣнадцатаго вѣка, въ 1181 году новгородскими выходцами, въ честь которыхъ татары и черемисы и до сихъ поръ его называютъ Ноуградъ.

Основатели эти, боясь набѣговъ Вотяковъ и Черемисовъ, построили его на высокомъ, крутомъ, перерѣзанномъ тремя падями берегу Вятки, близъ устья рѣки Хлыновицы, на возвышенности отдѣленной отъ горы Кикиморской глубокимъ оврагомъ, называемымъ Загоромъ. Но въ это время Хлыновъ имѣлъ видъ простаго четвероугольника, стѣны котораго были застроены сплошными жилыми домами, защищеннаго съ сѣвера, запада и юга глубокими рвами, а съ востока утесистою высокою горою. Потомъ онъ сталъ все больше и больше расширяться на взгорье по краямъ болота, которое, впрочемъ, теперь уже высохло и на его мѣстѣ устроена торговая площадь, лавки и Спасскій Соборъ. Такимъ образомъ, основанный новгородцами Хлыновъ обезпечилъ имъ дальнѣйшее существованіе въ Вятскомъ краѣ.

Но самостоятельность Хлынова, счастливо выдерживавшаго не только набѣги Вотяковъ, а даже не сдававшагося русскимъ князьямъ, продолжалась только до нашествія Тохтамыша. Въ 1391 году Хлыновъ потерпѣлъ сильное разореніе отъ царевича Бектута. А въ 1471 г. Вятская область уже находилась въ нѣкоторой зависимости отъ Московскихъ князей, такъ что при Василіѣ Темномъ вятчане съ устюжанами взяли г. Сарай уже подъ предворительствомъ Московскихъ воеводъ — Бориса Слѣпца и Князя Ивана Оболенскаго. Затѣмъ въ 1477 г. казанскіе татары разорили Вятскую область и взяли нѣсколько городовъ. Въ 1489 году, при царѣ Іоаннѣ III, Вятка окончательно подчинилась Московскому княжеству.

При первомъ московскомъ воеводѣ Овцынѣ, извѣстномъ по присоединеніи Вятки къ Московскому Государству, въ Хлыновѣ былъ устроенъ Успенскій мужской монастырь—и по свидѣтельству лѣтописцевъ за 1629 годъ, городъ имѣлъ тогда 17 церквей, Новодѣвичій монастырь съ церковью Благовѣщенія, церковныхъ дворовъ 50, тяглыхъ 390, нищихъ 82, пушкарскихъ дворовъ 15, бобыльскихъ 80, пустыхъ 30. Кромѣ того въ городѣ былъ воеводскій домъ и нѣсколько дворовъ подъячихъ и дьячковъ.

Въ 1658 году учреждена Вятская епархія.

Въ 1664 году прибылъ въ Вятку воеводою Петръ Дорошенко, человѣкъ знаменитый въ исторіи, любимецъ малороссійскихъ казаковъ. Сдѣлавшись гетманомъ, Дорошенко неоднократно разбивалъ значительныя силы поляковъ, но затѣялъ борьбу въ Россіей, потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ сдаться.

Въ 1708 г., при раздѣленіи Петромъ Великимъ Россіи на губерніи, Хлыновъ съ четырьмя пригородами приписанъ къ Сибирской Губерніи. Въ 1719 году Вятка составляла отдѣльную провинцію той-же губерніи, а въ 1827 году провинція приписана къ Казанской Губерніи. Въ 1780 году Хлыновъ переименованъ въ Вятку и сдѣланъ главнымъ городомъ Вятскаго Намѣстничества, въ 1796 г. при переименованіи Вятскаго Намѣстничества въ губернію г. Вятка назначенъ губернскимъ городомъ.

Начало христіанства въ городѣ Вяткѣ лѣтописецъ относитъ къ XII вѣку и приписываетъ тѣмъ-же новогородскимъ выходцамъ, которые ее основали. Но Новгородцы ничего особеннаго своимъ пришествіемъ въ эту страну, населенную язычниками, для христіанства не сдѣлали, такъ что нравственное перерожденіе вятскаго народа совершилось не ранѣе половины XVI вѣка, когда сюда пришелъ св. Трифонъ, энергично содѣйствовавшій развитію христіанства.

На этомъ мы покончимъ съ историческими воспоминаніями о городѣ Вяткѣ и скажемъ нѣсколько словъ о его теперешнемъ состояніи.

По статистическимъ даннымъ 1871 года, въ Вяткѣ считалось народоселенія 20,275 душъ обоего пола. Въ настоящее время въ Вяткѣ находится 23 церкви, въ томъ числѣ 7 приходскихъ церквей, 6 домовыхъ, 2 монастыря: мужской Успенскій Трифонопъ и дѣвичій Преображенскій, основанныхъ въ 1864 г., 5 Соборовъ: Спасскій, Кафедральный, Александровскій, Троицкій и Воскресенскій, котораго начало строенія относятъ ко времени основанія древняго города на его нынѣшнемъ мѣстѣ. Сверхъ того, въ городѣ есть тюремный замокъ и арестантское отдѣленіе, которое своею обширностью и удобностію помѣщенія заслуживаетъ вниманія. Еще есть двѣ библіотеки: одна — публичная, содер- 13000 томовъ, при которой въ 1867 году открытъ музей, состоящій изъ пяти отдѣловъ, а въ 1872 году безплатныя школы: музыкальная и рисовальная, и другая—епархіальная, при кафедральномъ соборѣ, открытая въ 1870 году; а также есть 6 типографій и 2 литографіи. Возлѣ присутственныхъ мѣстъ находится Александровскій садъ, расположенный на берегу Вятки, названный въ честь посѣщенія Вятки Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 1837 г. Въ частныхъ зданіи гор. Вятки замѣчателенъ на Александровской площади домъ почетнаго гражданина Я. А. Прозорова, славящійся своей архитектурой.

Торговая дѣятельность Вятки теперь довольно значительна; по свѣдѣніямъ 1871 года извѣстно, что отправлено было товаровъ изъ Вятки на сумму 2,142,000 руб. сер., привезено же на сумму 1,675,000 руб. сер., такъ что отпускъ товара превышаетъ ввозъ на сумму 467,000 руб. с. Главнымъ-же предметомъ торговли должны считаться хлѣбныя произрастенія. Что-же касается фабричной промышленности города, то она очень бѣдна, такъ какъ въ Вяткѣ фабрикъ не существуетъ, а есть 36 заводовъ, изъ которыхъ нѣсколько свѣчныхъ, кожевенныхъ, водочныхъ, спичечныхъ, одинъ химическій, клеевареный и мыловареный.

При Вятскомъ арестантскомъ отдѣленіи основана недавно, по инициативѣ Вятскаго губернатора В. И. Чарыкова, мастерская для производства разнаго вида гармоникъ, въ которой, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, былъ изготовленъ въ 1872 году инструментъ на подобіе «гармоніума» — такой-же конструкціи въ 4½ окт. и названъ *духовнымъ фортепіано для народныхъ школъ*. Одинъ изъ инструментовъ, сдѣланныхъ арестантами, представленъ былъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ на Московскую политехническую выставку, гдѣ по своей оригинальности, дешевой цѣнѣ (35 руб.) и назначенію не остался незамѣченнымъ со стороны посѣтителей выставки и даже литературы; а экспертиза выставки удостоила Вятское исправительное отдѣленіе бронзовою медалью.

Отъ Петербурга Вятка находится на разстояніи 1486 верстъ, изъ которыхъ приходится проѣхать только 585 верстъ по большой дорогѣ отъ Нижняго Новгорода. Впрочемъ, съ открытіемъ весною 1873 года правильныхъ еженедѣльныхъ рейсовъ между Вяткою и Казанью сообщеніе сдѣлалось гораздо удобнѣе и пріятнѣе прежняго.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XXII.

Адамъ-Крылганъ.

Бѣлыя рубахи пришли къ Адамъ-Крылгану.

Въ этомъ мѣстѣ песчаные бархоны сдвинулись кольцомъ, образовавъ въ серединѣ просторную котловину.

Словно накаленная печь, вѣяла удушливымъ, сухимъ жаромъ эта котловина. На самомъ днѣ ея зіяли черными точками небольшія отверстія колодцевъ. Ихъ было не много; они были глубоки и узки. Воду надо было доставать ведрами, пуская ихъ въ глубь колодцевъ на длинныхъ веревкахъ:—способъ трудный, утомительный, медленный.

А тысячи жаждущихъ пришли къ этимъ колодцамъ... Пить и пить — это была одна преобладающая мысль у всѣхъ... «Воды!»—это было единственное слово, произносимое пересохшими языками.

А воду эту доставали капля по каплѣ.

Колодцы оберегались какъ святыня. У нихъ поставлены были караулы. Очередь въ питьѣ, разъ установленная, не измѣнялась ни для кого, ни въ какомъ случаѣ. Генералъ и послѣдній солдатъ были равны въ этой очереди.

Библиотека "Руниверс"

Еслибы жизнь кого нибудь держалась на одномъ волоскѣ, еслибъ она зависѣла отъ одного глотка воды, отданнаго не въ свою очередь,—его бы не отдали.

Потому что жизнь каждаго была тоже въ такомъ точно положеніи.

И не смотря на все это, даже этихъ взвѣшенныхъ и размѣренныхъ капель—не хватало. Колодцевъ оказалось менѣе чѣмъ ожидали.

Трудно даже было назвать водою то, что извлекалось изъ колодцевъ. Мутно-желтая, густая, съ противнымъ гнилымъ вкусомъ, эта вода пилась съ жадностью и тщательно вылизывалось даже мокрое дно посуды. Въ одномъ изъ колодцевъ нашли дохлую собаку. Отвратительный, разбухшій трупъ животнаго, вытащенный на песокъ, заражалъ воздухъ; отъ этого оскверненнаго колодца сразу всѣ инстинктивно отшатнулись, но жажда побѣдила эту брезгливость, и воиючую воду пили; ради стакана этой воды, готовы были отдать все, что имѣли...

Обезсиленные длиннымъ, тяжелымъ походомъ, люди – по десяти и болѣе часовъ—какъ тѣни стояли у колодцевъ, ожидая очереди; и боялись они отойдти отъ нихъ, боялись сѣсть, боялись отдыхать, чтобы какъ нибудь не пропустить очереди. А они знали, что пропустить этой очереди нельзя: офицеры съ именными списками въ рукахъ распоряжались раздачей и всякій заснувшій, въ свое время былъ бы разбуженъ. Но это была безсознательная боязнь... потому что эти колодцы были единственный источникъ жизни; — безъ нихъ кругомъ безпощадная, неминуемая смерть, потому что возвратиться уже не было силы...

Изнуренные люди, измученные, двухсуточною жаждою, не перенесли-бы того пути, что прошли; а кто упадетъ дорогой, тотъ уже больше на ноги не встанетъ.

Это всѣ хорошо знали.

Пришелъ на Адамъ-Крылганъ не весь отрядъ; пришли только пѣшіе люди; казаки съ своими лошадьми остались пока на прежнихъ колодцахъ, и должны были прійти сюда, когда пѣхота выступитъ дальше. Еслибы и тѣ и другіе очутились здѣсь вмѣстѣ,—то пришлось бы этому урочищу оправдать второй разъ свое страшное названіе: «Адамъ-Крылганъ—(человѣчья погибель.)

И вдругъ, раздался крикъ—полный отчаянія крикъ, отъ котораго потемнѣло въ глазахъ у каждаго.

—Кавалерія идетъ... она вонъ за тѣми барханами!»

Еще лишняя тысяча жаждущихъ людей, еще столько же лошадей, едва дотащившихъ сюда свои ноги...

И эти вновь-пришедшіе разсчитывали на воду колодцевъ Адамъ-Крылганъ; они хотѣли пить сами, хотѣли напоить своихъ лошадей,—когда еще не были удовлетворены всѣ тѣ, которые пришли сюда сутками раньше.

Неожиданный приходъ кавалеріи—былъ чьей-то роковой ошибкой.

Паника быстро начала распространяться по войскамъ. Эта паника могла разразиться общей деморализаціей... По инстинктивному чувству самохраненія, каждый могъ бы, съ оружіемъ въ рукахъ, броситься добывать себѣ воду... Сильный задавилъ бы слабаго, подчиненный не призналъ бы въ этой смертельной борьбѣ своего начальника, дисциплина разлетѣлась бы какъ дымъ, — и окрестности «Адамъ-Крылгана» представили бы такую полную ужаса картину человѣческаго изступленія, что трагическая легенда прежняго времени поблѣднѣла бы предъ настоящей.

И все это было бы такъ, еслибы это были другіе люди. Но это были батальоны «бѣлыхъ рубахъ», а они умѣли гибнуть, не теряя человѣческаго достоинства.

Собрался экстренный военный совѣтъ... Сѣдой старикъ, имя котораго заняло теперь лучшія страницы исторіи русскаго оружія, сталъ во главѣ этого совѣта . . . . . .

ГЛАВА XXIII.

Досщакъ и его бутылка.

Опять, какъ тотъ разъ, предшествовавшій допросу Атамкула, черезъ бивуакъ пробирался лауча Досщакъ, и опять прямо къ генеральской ставкѣ.

Въ очереди къ водѣ забыты были — туземцы — лаучи и джигиты при отрядѣ; съ запекшимися губами, съ помутившимися глазами, безъ силъ, безъ голоса, многіе изъ нихъ уже корчились на пескѣ, въ предсмертной агоніи... «Су—су» (*)—это все, что можно было разслышать въ ихъ хрипящемъ шепотѣ...

Шатаясь и падая не разъ, пробирался Досщакъ къ генералу, ходатайствовать за своихъ несчастныхъ товарищей.

— Назадъ! остановилъ его часовой.

— Пускай пожалиста, пускай!.. просился Досщакъ, силясь отстранить ружье загородившее ему дорогу...

— Назадъ! еще разъ произнесъ часовой, только не такъ уже рѣшительно и грозно, какъ первый разъ.

— Ты пустилъ—человѣкъ умираетъ. . проговорилъ лауча, и сѣлъ на песокъ, у самыхъ ногъ часового.

Въ этомъ движеніи было столько рѣшимости дождаться во что бы то ни стало нужныхъ результатовъ... Въ этомъ взглядѣ старческихъ глазъ, сверкнувшихъ какимъ-то живымъ блескомъ, виднѣлось такое убѣжденіе въ необходимости видѣть того къ кому пришелъ Досщакъ, что солдатъ опустилъ ружье испросилъ:

— Что тебѣ надо?..

Вышелъ другой солдатъ изъ палатки, еще кое-кто подошли къ старику. Вышелъ и генералъ.

— На сѣверъ отсюда... вонъ туда! говорилъ генералу Досщакъ,—хорошій конь — одинъ часъ ходу—еще есть колодцы... Ихъ вы не знаете,—я знаю... Я вспомнилъ... Я узналъ это мѣсто... Давно, очень давно, я былъ здѣсь... это вѣрно! тамъ должны быть колодцы... Скажи, джандаралъ, своимъ солдатамъ; пусть идутъ они сзади; — я, Досщакъ, пойду впереди... я приведу ихъ къ водѣ... Здѣсь воды мало—людей много... Одни люди здѣсь, другіе тамъ,—для всѣхъ воды будетъ довольно... Послушай меня, скажи своимъ солдатамъ, чтобы шли за старымъ Досщанкою... А теперь дай воды—моимъ людямъ, они умираютъ, прикажи имъ только мокрымъ поясомъ губы помазать... Джандаралъ... сжалься надъ ними!..

Такъ говорилъ старикъ, то поднимаясь съ колѣнъ, то снова падая... А въ то же время еще человѣка два изъ джигитовъ, что оказались посильнѣе, подползли сзади—и приподнявшись на локтяхъ, смотрѣли на генерала, какъ голодная забитая собака смотритъ на своего хозяина...

— Я еще и самъ не пилъ, спокойно и твердо произнесъ генералъ. — Я вамъ отдамъ свою воду, когда дойдетъ моя очередь; другой воды для васъ мнѣ взять не откуда.

Солдатъ, стоявшій на часахъ, вдругъ пошатнулся... ружье выпало у него изъ рукъ... онъ пошатнулся еще разъ — и какъ снопъ, ничкомъ, повалился на землю. Его поразилъ солнечный лучъ...

— Воды, скорѣе воды.. къ вискамъ и въ ротъ!.. заторопился одинъ изъ офицеровъ...

А откуда взять этой воды?... Странное требованіе, вылетѣвшее совершенно безсознательно, машинально. Даже самъ крикнувшій словно сконфузился своей ошибки и, смущенный, отвернулся въ сторону..

Наталья Мартыновна, богъ вѣсть откуда явившаяся, совершенно неожиданно для всѣхъ, очутилась около упавшаго...

У нея въ рукахъ была маленькая бутылочка съ закругленнымъ дномъ.. она уже намочила платокъ и покрыла имъ голову солдата, она даже зубы ему разжала и силилась вставить туда горлышко своей бутылки...

А тутъ умирающіе джигиты увидѣли, какъ сверкнуло на солнце зеленоватое стекло... Собравъ послѣднія силы, они доползли до Наташи и крѣпко ухватились за ея платье...

Солдаты подошли чтобы ихъ оттащить.

— Оставьте... тихо произнесла Наталья Мартыновна, — тутъ и для нихъ останется по каплѣ—имъ вѣдь много не нужно... Держите имъ только руки, чтобъ они у меня бутылки не вырвали... Вотъ такъ...

(*) «Су»—Вода.

Библиотека "Руниверс"

И солдаты держали крѣпко руки джигитовъ, пока Наташа вливала тѣмъ въ ротъ остатки изъ бутылки,—а сами готовы были также точно судорожно сжать зубами горлышко спасительнаго сосуда.. готовы были вырвать сами эту бутылку.

Джигиты, плакали и цѣловали слѣды, оставшіеся на пескѣ отъ ногъ женщины.. Солдаты крестились ей вслѣдъ...

Колыхнулъ вѣтеръ концы легкой кисейной косынки на головѣ Наташи, — концы эти развѣвались изъ-за ея плечъ.... Страшный зной, эта дрожащая мгла, туманила зрѣніе и мѣшала ясно видѣть предметы, измѣняя ихъ очертанія...

Должно быть по этой причинѣ концы косынки казались всѣмъ длинными, свѣтлыми крыльями.....

Повѣрить прямо на слово Досщаку—въ томъ, что сообщилъ онъ на счетъ какихъ-то другихъ колодцевъ,—было невозможно. Тѣмъ болѣе, довѣрившись ему, послать часть отряда на эти другіе колодцы... Лауча былъ здѣсь уже давно... онъ самъ говорилъ, что много времени прошло уже съ тѣхъ поръ; — этихъ колодцевъ могло уже не существовать теперь, хотя бы они въ то время и были...

Ему сообщили эти соображенія...

— Дай мнѣ лошадь, джандаралъ, говорилъ онъ,—хорошую лошадь... Видишь вотъ бутылка...

Досщакъ вытащилъ изъ-за пазухи халата бутылку, обшитую войлокомъ...

— Видишь, продолжалъ онъ,—эта бутылка пуста.. на — посмотри самъ... Въ ней нѣтъ ни капли, — въ ней давно уже нѣтъ ничего... О, если бы тамъ что нибудь было!.. Я пойду одинъ; если меня не убьютъ тюркмены, тамъ у тѣхъ колодцевъ, я вернусь и привезу тебѣ эту бутылку полную... Ну, тогда... тогда ты пошлешь людей за мною—пошлешь?

Возражать противъ этого предложенія было невозможно.

Досщаку дали лошадь—и онъ поѣхалъ.

ГЛАВА XXIV.

На другихъ колодцахъ.

Пусто, мертво было въ этой песчаной пустынѣ, когда Досщакъ выѣхалъ изъ лагеря; послѣдній говоръ и шумъ бивуака давно уже стихъ за барханами...

Изнуренная лошадь, хотя и хорошая, тихо шла подъ сѣдокомъ, не слушая ни толчковъ коблуками подъ исхудалые бока, ни ударовъ плети нетерпѣливаго джигита.

Пристально всматривался Досщакъ въ окрестность... Все одно и то же:— одинъ песчаный холмъ смѣняется другимъ, одинъ волнообразный гребень другимъ, точно такимъ же, словно по одной формѣ отлитымъ... Рѣзко граничитъ желтый песокъ съ сѣровато-синимъ, безоблачнымъ небомъ... Пусто на землѣ, пусто и на небѣ: ни облачка, ни птицы... Зачѣмъ сюда летать вольной твари—въ эту страну смерти?!.. Съ чуть слышнымъ шорохомъ ползаютъ по песку большія, головастыя ящерицы, тѣмъ должно быть воды не надо!—и смотрятъ гадины на проѣзжающаго мимо человѣка, смотрятъ и не прячутся... «И зачѣмъ это тебя принесло сюда?» должно-быть думаютъ эти ящерицы,—«роясь въ пескѣ, мы и такъ много уже костей находили — и конскихъ, и людскихъ, и верблюжьихъ... должно быть тебѣ увеличить число этихъ костей хочется!».....

— Гайда, гайда! подгоняетъ Досщакъ своего коня.—Этакъ мы съ тобою не скоро до воды доѣдемъ...

Не узнаетъ лауча мѣстности, а ужъ какъ онъ на это памятенъ!.—Вотъ на томъ бугрѣ большой бѣлый камень торчалъ... Гдѣ же онъ?.. Вѣрно пескомъ занесло... Теперь бы все подъ гору должна быть дорога,—нѣтъ, все такъ же...

— А ну какъ не найду? подумалъ старикъ и назадъ оглянулся.

Проложенный его лошадью слѣдъ далеко-далеко тянется, пропадая въ мглѣ — верстъ пять уже отъѣхалъ всадникъ... Пожалуй уже половина пути осталось только.

Осмотрѣлъ лауча свою бутылку—здѣсь; ощупалъ за сѣдломъ—тутъ ли арканъ,—тутъ, все въ порядкѣ. Осмотрѣлся самъ: конь киргизскимъ сѣдломъ осѣдланъ, узда тоже самая простая; на джигитѣ халатъ такой же какъ и на всякомъ тюркменѣ, такая-же шапка баранья, клынчь (шашка) торчитъ сбоку, на поясѣ...

— А хорошо что я все это устроилъ, покрайности съ тюркменами встрѣчусь, за своего признаютъ... Тс!.....

Два всадника ѣдутъ, также потихоньку, — между собою разговариваютъ... Вонъ еще одинъ изъ-за холма выѣзжаетъ.. Вонъ и впереди кучка виднѣется...

Ѣдетъ себѣ покойно Досщакъ, дѣлаетъ видъ, что и вниманія на тѣхъ не обращаетъ.

— Ѣздили на русскихъ смотрѣть, говорилъ одинъ изъ всадниковъ,—близко не подъѣзжали—у нихъ ружья проклятыя, далеко хватаютъ.. а издали ничего не видно...

— Я пушки видѣлъ... Блестятъ на солнцѣ, такъ и замѣтно, произнесъ другой.—А не много у нихъ этихъ пушекъ — у нашего хана больше...

— У нашего хана больше, замѣтилъ и отъ себя Досщакъ.

Поглядѣлъ на него — тюркменъ, зорко такъ, и отвернулся...

— Давно коня поилъ? спросилъ у Досщака другой.

— Давно, еще до свѣту; думалъ: тамъ еще напою разъ, своихъ застану,—а ужъ тамъ русскіе—такъ и отъѣхалъ ни съ чѣмъ... Пошли Аллахъ всякіе бѣды на ихъ головы!.. Заморилъ совсѣмъ жеребца.. Ну, да ничего, на Алты-кудукѣ напою.. Вы давно оттуда..?

— Съ полудня... Ты самъ изъ чьихъ?.

— Я Божій... уклончиво отвѣтилъ Досщакъ.

Поѣхали джигиты молча.. Теперь уже Досщакъ старался не отставать отъ нихъ; онъ зналъ, куда они ѣдутъ. Ему тоже туда надо было. Только объ одномъ онъ думалъ: какъ-бы назадъ вернуться, воды въ свою бутылку набравши...

— Темная ночь, да воля Аллаха, что будетъ, то будетъ!, рѣшилъ онъ и вполголоса затянулъ длинную монотонную пѣсню.....

Густымъ столбомъ вилась пыль надъ котловиной; много коннаго народу толпилось тамъ: сотни четыре коней, если не больше. Эти всадники бивакировали вокругъ колодцевъ, поставивъ коней на приколы и сидя въ кружкахъ у самыхъ отверстій.. Кожаныя ведра спускались въ эти отверстія, на длинныхъ волосяныхъ арканахъ, и назадъ вытягивались. Вода плескала черезъ край и смачивала отсырѣвшій песокъ— задрожалъ Досщакъ, увидавъ эту воду,—и конь его рванулся какъ бѣшеный, широко вздувъ красныя какъ кровь ноздри.

Лауча едва сдерживалъ прыть своей лошади; онъ тихонько слѣзъ, расправилъ ноги и сталъ арканъ отъ сѣдла отвязывать...

— Эхъ, ведро потерялъ, вотъ горе! произнесъ онъ громко.—Мулла! обратился онъ къ дюжему джигиту у колодца,— дай своего, коня напоить...

— Бери, произнесъ джигитъ, оставилъ ведро на пескѣ, а самъ отошелъ въ сторону...

Тихо, не торопясь, принялся Досщакъ распутывать веревку, заглянулъ въ колодецъ, почесался.. поплевалъ на руки, сталъ было ведро спускать—опять вытащилъ,—а зубы его такъ и стучали другъ о друга, глаза такъ и горѣли, устремленные на черное, сіяющее отверстіе...

— Будешь торопиться — еще пожалуй подумаютъ что... счастье еще, что народъ все сборный, отъ значковъ отсталые, ну имъ и нѣтъ дѣла до чужаго человѣка: за такую же бродячую собаку, какъ и они сами, принимаютъ...

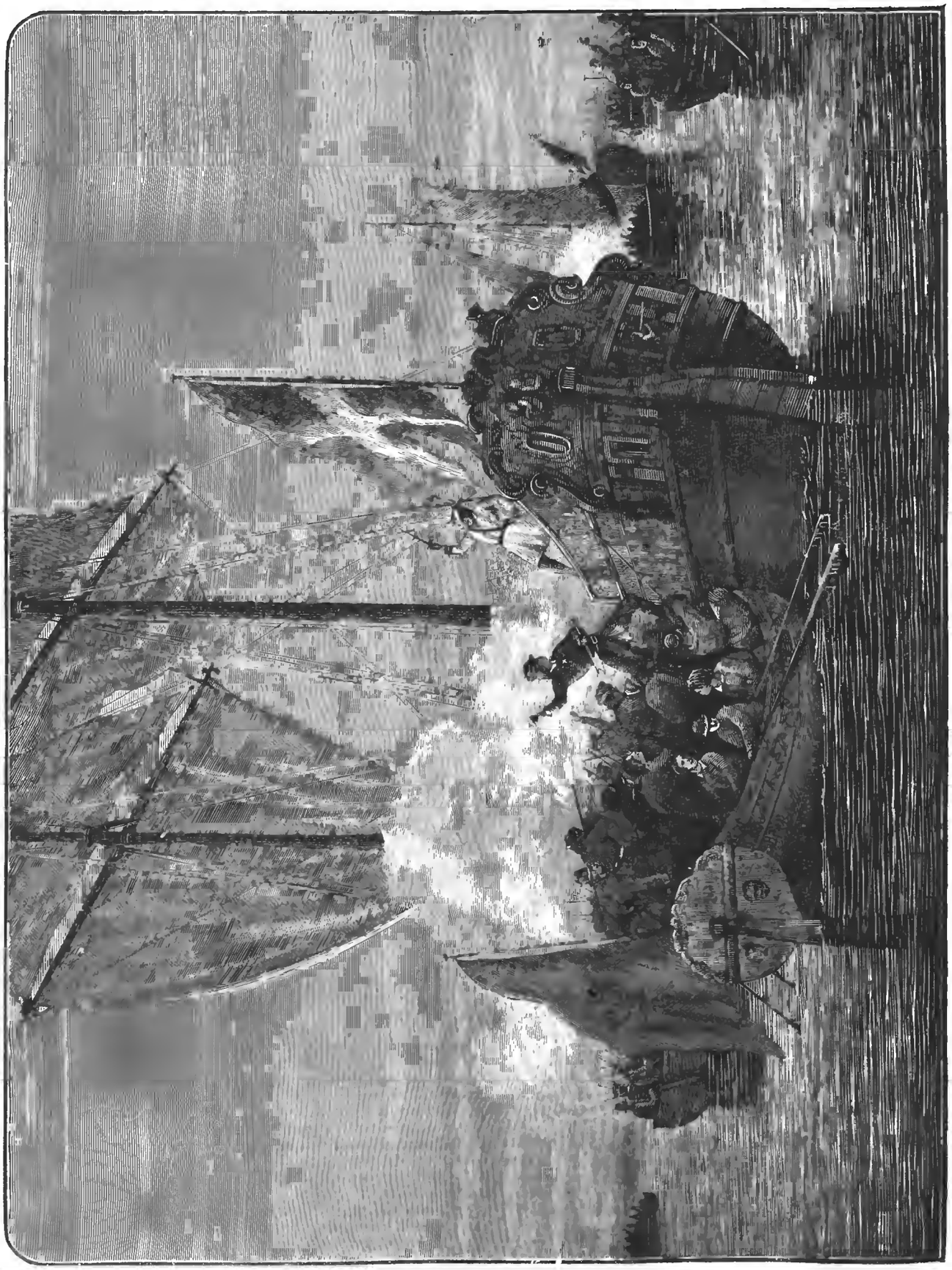
Выволокъ Досщакъ полное ведро... отхлебнулъ самъ, напоилъ лошадь—та чуть съ ногъ его не свалила, такъ на это ведро кинулась...

— Ну, будетъ, а то лопнешь, пожалуй! прикрикнулъ лауча и отнялъ ведро, выплеснулъ осадокъ на песокъ и прилегъ, намотавъ себѣ на руку длинный поводъ.

А ужъ солнце стало закатываться.. Синія тѣни поползли по песку — потемнѣло въ лощинѣ и сырью пахнуло отъ колодцевъ...

— Эка благодать, эко счастье мнѣ!—а тамъ?... И задумал-

Библиотека "Руниверс"



Борьба за Неву. VI. Первая морская битва Петра I въ устьѣ Невы 1703 г. Взятіе Петромъ на абордажъ шнявы «Астрильдъ» и бота «Гедань».
Съ картины профессора Лагоріо (выставленной на юбилеѣ Петра I, въ С.-Петербургѣ, на Царицыномъ лугу. 30 мая 1872 г.) Рис. Коверзневъ. грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

ся Досщакъ, припоминая, что творится тамъ, на оставленныхъ имъ колодцахъ.

— А прійди на *это* мѣсто разомъ столько-же народу—и здѣсь было бы то же самое.—Половину, разсчитываетъ Досщакъ,—все-таки перевести можно.

Еще разъ подошелъ онъ къ жерлу, еще разъ коня напоилъ, самъ напился, въ бутылку набралъ украдкой.. (Теперь это легко было сдѣлать, потому что въ сгустившихся сумеркахъ трудно было разсмотрѣть такія мелочи.) и сталъ опять въ дорогу собираться...

Вдругъ до ушей Досщака долетѣло слово, заставившее его сначала вздрогнуть, а потомъ сосредоточить все свое вниманіе на томъ, что говорилось неподалеку.

— Не вѣрятъ они ему и боятся... говорилъ кто-то въ темнотѣ.

— Кого боятся..? Спрашивалъ другой.

— Да все его же, Атамкула.. я самъ слышалъ, какъ у Матъ-ніаза говорили, что хорошо бы еслибъ шайтанъ свернулъ ему шею...

— Мало ли всякаго вздору съ языка слетаетъ!..

— Такъ-то такъ, а все не вѣрятъ... А какъ онъ опять передастся русскимъ – они вѣдь не очень зло помнятъ... Тутъ еще говорили, что будто Атамкулъ бумагу посылалъ русскимъ и отъ нихъ получалъ...

— И то можетъ быть.. Я вотъ слышалъ, какъ онъ ушелъ отъ нихъ—увезъ съ собою кого-то,—дѣвку, говорили,—а можетъ и врали...

— Нѣтъ, мальчика...

— А ханъ что—не слыхать?.

— Ханъ къ нему милостивъ.. Вотъ это-то больше всего Матъ-ніазу досадно... Садыкъ тоже на него зубы точитъ, еще за старое. Они передъ ханомъ-то помирились, а вѣдь Садыка всякъ знаетъ, онъ обиды во всю жизнь не прощаетъ...

— Вѣрно!—Куда же отсюда?

— На Сардиба-куль сказывали...

Примолкли голоса... Опять потомъ стали говорить, только тише.. Некогда было Досщаку все переслушивать,—взялъ онъ лошадь за поводъ и потихоньку повелъ ее, отъ колодцевъ подальше.

Какъ никто не обратилъ вниманія на Досщака при его появленіи, такъ и теперь никто и головы не обернулъ, когда онъ снова сѣлъ на коня и выѣхалъ съ бивуака.

Свѣжѣе дышалось ночью, добрѣе шелъ въ волю напоенный конь,—и скоро багровое зарево, пятнами вспыхивающее надъ горизонтомъ, указало Досщаку куда держать дорогу.

(Продолженіе будетъ).

Борьба за Неву.

II. ПЕТРОВА.

VI. Владѣніе шведами и потеря ими Невы.

(Окончаніе).

Получивъ — къ коронаціи своей, послѣдовавшей весною 1617 г. такой блистательный подарокъ, какъ Ингерманландія (по Столбовскому миру), шведскій король Густавъ Адольфъ задумалъ прежде всего новое случайное пріобрѣтеніе прочнѣе прикрѣпить къ королевству. Съ этою цѣлію (такъ какъ самъ король былъ усердный лютеранинъ,) Густавъ II Адольфъ находилъ всего вѣрнѣе путь —въ пропагандированіи лютеранства между русскимъ православнымъ населеніемъ Водской пятины, гдѣ большая часть помѣщиковъ, въ видахъ сохраненія земли и имущества, не подумала воспользоваться правомъ свободнаго переселенія въ русскіе предѣлы съ теченіемъ льготныхъ лѣтъ. Съ крестьянами дѣло было иное. Большая часть русскихъ земледѣльцевъ оставили шведскіе предѣлы и, слѣдовательно, помѣщичью землю безъ достаточной обработки по неимѣнію для того рукъ. Такое же положеніе вызвало со стороны шведовъ самыя блестящія предложенія нѣмецкимъ колонистамъ и вызовъ ихъ занять пустопорожнія мѣстности приневскихъ болотъ, расписываемыя самыми обольстительными красками; шведы старались выставить извѣстную намъ не по слуху, безплодную или мало годную для посѣвовъ глинистую почву—самою благодатною, сулившею золотые барыши. Эти пѣсни сирены однако привлекли очень не многихъ изъ сильно утѣсняемыхъ въ отечествѣ за вѣру нѣмецкихъ лютеранъ, польстившихся на широту королевскихъ привилегій. Такъ что и съ наплывомъ нѣмецкихъ колонистовъ—рѣдкость населенія сороковерстной полосы отъ Невы, принадлежавшей шведамъ, побудила правительство въ подспорье неудававшейся колонизаціи, завести въ отдаленной отъ столицы ихъ Ингерманландіи—колоніи высылаемыхъ за провинности шведовъ, большею частію уже не сельскихъ, а городскихъ обывателей, которымъ пахнные земли или разведеніе огородовъ было совсѣмъ не съ руки.

Это, впрочемъ, какъ намъ кажется, не было невыгодно ни для населенія, ни для видовъ правительства, и не въ противорѣчіи съ общими существенными пользами государства, не вдругъ, къ несчастію, прозрѣвшаго: въ чемъ здѣсь заключается прямая выгода Швеціи?– *Невскій путь*—единственная удобная и краткая торговая дорога для направленія восточныхъ товаровъ въ Европу, въ сѣверномъ направленіи, безконечно выше всякихъ фантастическихъ ожиданій барыша отъ земледѣлія по безплодію почвы. Причину же неполнаго взвѣшиванія стокгольмскимъ правительствомъ настолько существенно выгодной отрасли приращенія государственныхъ доходовъ бѣдной Швеціи—какъ таможни при развитіи невскаго торговаго мореходства,—слѣдуетъ искать въ какомъ-то трудно-объясняемомъ пристрастіи къ Выборгу, получившему раньше право морскаго иностраннаго торга. Этимъ же правомъ, какъ извѣстно, шведское правительство распоряжалось по какимъ-то мотивамъ, если съ одной стороны имѣющимъ мѣсто въ вопросѣ о пользѣ и доходности самаго города,—за то, съ другой, забывавшимъ общегосударственную невыгоду отъ подобной монополіи однихъ ко вреду, другихъ и къ наживѣ частными лицами съ ущербомъ для государственной казны. На практикѣ подобное неволенье фактовъ и ошибочное направленіе естественнаго хода вещей не только не принесло пользы, но даже выказало все безсиліе администраціи противостать теченію дѣлъ, назначенному такъ сказать самою природою, мѣстнымъ положеніемъ Невы и Выборскаго залива—послѣ борьбы, разумѣется, продолжавшейся не одно десятилѣтіе. Въ концѣ концовъ, за всѣми противодѣйствіями закона и предписаній администраціи, она сама отступилась отъ прежняго ложнаго взгляда на осязательно простой вопросъ, который постоянно разрѣшался съ приведеніемъ несокрушаемыхъ аргументовъ мѣстнымъ генералъ-губернаторомъ Ингерманландіи. А насчетъ значенія Невы—въ смыслѣ единственнаго сплава къ морю русскихъ товаровъ—очевидецъ хода дѣлъ не могъ быть пристрастенъ при ежеминутныхъ затрудненіяхъ въ примѣненіи дѣйствующихъ постановленій, направленныхъ къ исключительной выгодѣ одного Выборга.

Во время же такой борьбы за первенство Выборга въ вопросѣ о русской торговлѣ, выросталъ и крѣпъ, несмотря на всевозможныя затрудненія представляемыя шведскимъ правительствомъ, Невскій городъ –*Ніэнъ-Шанцъ*, начало котораго слѣдуетъ относить ко времени обратнаго похода младшаго Делагарди, изъ внутреннихъ русскихъ областей, по низверженіи царя Василія Шуйскаго. Въ описаніи движенія отъ Волхова шведскихъ вспомогательныхъ войскъ въ свои предѣлы, говорится, что Делагарди «самъ задержалъ на рѣкѣ Невѣ два судна, нагруженныя солью *въ городѣ*, и велѣлъ поспѣшить туда съ транспортными судами, для перевозки добычи». Орѣховецъ въ это время еще былъ въ рукахъ у русскихъ, и на Невѣ никакихъ другихъ городовъ, кромѣ Орѣховца и Ніэн-Шанца—не было. Слѣдовательно, неназванный по имени городъ на Невѣ былъ прямо—Ніэншанцъ; разумѣется, только возникшій въ формѣ укрѣпленія, но на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы находимъ его и въ послѣдствіи. Спустя послѣ того 22 года (въ 1632 году 17 іюня) только—шведское правительство даровало жителямъ его привилегію и права городскихъ сословій, съ освобожденіемъ на шесть лѣтъ отъ податей и повинностей и др. еще правами и обѣщаніями. А какъ только узнали въ Выборгѣ о привилегіи Ніэншанцу—тотчасъ заявили претензію на это будто бы уменьшеніе своихъ правъ. Не ограничившись и этимъ, граждане Выборга самоуправно пришли во время навигаціи на Неву и начали торговать съ русскими; но мѣстные обыватели новаго города прогнали пришельцевъ, еще болѣе подбавивъ жолчи въ обоюдныя съ ними отношенія,—а сами, въ свою очередь, пустились отвлекать зимнихъ комерсантовъ отъ соперничествующихъ купцовъ Выборгскихъ. Распря изъ-за взаимныхъ выгодъ русской торговли рѣшена правительствомъ въ 1635 году въ пользу Ніэншанца наложеніемъ высокой пошлины въ Выборгѣ на русскіе товары, съ позволеніемъ, впрочемъ, Выборгскимъ купцамъ торговать въ Ніэнѣ.

Три же года спустя (6-го мая 1638 года) секретнымъ повелѣніемъ предписано мѣстнымъ земскимъ властямъ не давать у Ніэна нагружать и разгружать иностранные корабли подъ опасеніемъ

Библиотека "Руниверс"

конфискаціи судна и груза. — Въ то же время правительство разсылало усиленно приглашенія и зазывы колонистамъ иностраннымъ въ Невскій городъ, ставя переселенцевъ въ положеніе полной неувѣренности: что съ ними послѣдуетъ, при такомъ разногласіи закона изданнаго съ посылаемыми затѣмъ инструкціями? Правители Швеціи, впрочемъ, скоро спохватились, понявъ что сдѣлали фальшивый шагъ,—и 28-го сентября того же года отмѣнивъ запрещеніе иностраннымъ судамъ брать и отдавать грузы въ Ніэнѣ, еще больше прежняго расширили права Невскаго города—дозволеніемъ гражданамъ вести морской иностранный торгъ и производить свободно плаваніе въ предѣлахъ Швеціи и внѣ ея. При этомъ даны: *12-ти лѣтняя* льгота отъ платежа ввозной пошлины (малой), отъ *печныхъ денегъ* (подымной подати), сбора съ пивоваренія и винокуренія, и свобода отъ всѣхъ обыкновенныхъ гражданскихъ повинностей. Такія широкія права давались впрочемъ подъ условіемъ гражданства въ Ніэнѣ съ поручительствомъ за неудаленіе изъ него съ истеченіемъ льготнаго срока. Историкъ «Невы и Ніэншанца», пасторъ Гиппингъ приписываетъ пожалованіе гражданамъ Ніэна настолько важныхъ правъ: засвидѣтельствованію передъ правительствомъ генералъ-губернатора Браге блистательной будущности невскаго пути; въ чемъ достойный администраторъ убѣдился при личномъ посѣщеніи всѣхъ приморскихъ пунктовъ Финскаго залива, изъ которыхъ самое выгоднѣйшее положеніе для торговли имѣлъ Невскій выходъ въ море. Убѣжденное въ этомъ вполнѣ, правительство спустя 4 года (20-го сентября 1642 года) установило порядокъ мѣстнаго гражданскаго управленія и дало Невскому городу гербъ: левъ стоящій между двумя рѣками и держащій въ правой лапѣ мечъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ двѣнадцатилѣтняя привилегія 1638 г. продолжена еще 12 лѣтъ (не включая истекшаго времени) и, что самое главное, — даны права Ніэну, равныя съ Выборгомъ и Нарвою по ввозу товаровъ и вывозу ихъ за предѣлы Швеціи. Въ самомъ городѣ дозволено магистрату имѣть свою коитору для торговли напитками, разрѣшенъ въ пользу городовой кассы сборъ *десятаго пфеннига* (съ вывознаго изъ города имущества, доставшагося по наслѣдству), Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, существенно способствовавшимъ увеличенію доходовъ города Ніэна, въ немъ завелись превосходныя (по времени) гостинницы для пріѣзжающихъ (отъ города-же) и почтовые дворы въ окрестностяхъ съ удобствомъ для проѣзжающихъ. Для того-же чтобы больше и успѣшнѣе развивалась городская промышленность, послѣдовало запрещеніе производить всякія ремесла въ раіонѣ 4-хъ миль отъ города. Съ цѣлью побужденія къ торговой дѣятельности, запрещено вступать въ торгъ членамъ управленія и чиновникамъ правительства, а купцамъ и торгующимъ запрещено добиваться административныхъ должностей. Наконецъ, для полнаго безмятежнаго покоя, дававшаго бы возможность всецѣло заниматься выгодною для государства коммерціею, граждане Ніэна изъяты изъ общаго круга дѣйствіи закона и освобождены отъ непріятныхъ слѣдствій тогдашней судебной процедуры: никто не могъ лишить свободы ніэнца—и заключеніе внѣ его дома положено только въ случаѣ доказаннаго обвиненія въ оскорбленіи величества. Можно положительно сказать, что подобные права торговаго города, тѣмъ болѣе въ то время,—должны были заставить въ немъ селиться всѣхъ, кому средства давали возможность ни въ чемъ себѣ не отказывать и не желать ни въ чемъ стѣсненія своихъ наклонностей, безъ вреда, разумѣется, кому бы то ни было, но съ полною гарантіею свободы личныхъ дѣйствій, въ самомъ широкомъ примѣненіи. Не удивительно что городъ при такомъ устройствѣ и съ подобными преимуществами, на единственной въ мірѣ по выгодности сплавной торговой дорогѣ, сталъ рости на удивленье современникамъ, а богатства его, для умѣренныхъ достатковъ скромной Швеціи получали размѣры даже шире, чѣмъ они оказывались на самомъ дѣлѣ, возбуждая зависть во всѣхъ прочихъ городахъ королевства. Королева Христина, напримѣръ,—считая что всѣ возможныя блага преподаны Невскому городу съ лихвою,—ни за что не хотѣла измѣнить, ни на іоту, прежде дарованныхъ положеній, не обращая вниманія на ходатайство ніэнцевъ объ отмѣнѣ или устраненіи неудовольствъ и затрудненій возникавшихъ для нихъ отъ двойственности пошлины, платимой ими съ однихъ русскихъ товаровъ по лифляндскому, а а съ другихъ (иностранныхъ и шведскихъ) по шведскому таможенному уставу, въ одномъ городѣ. То, правда, что важнѣйшая статья въ торговлѣ Ніэншанца — *соль* — обложена была самымъ малымъ процентнымъ сборомъ, за уплатою котораго съ отпускавшагося товара купцы невскаго города получали большую прибыль, чѣмъ собратья ихъ въ другихъ городахъ. Пошлина же съ русскихъ товаровъ нарочно возвышалась болѣе и болѣе, и на ходатайство нашего даже и правительства, о сбавкѣ, — шведское не хотѣло дѣлать никакой уступки. Въ замѣнъ ея, на просьбы предъявленныя русскимъ посольствомъ,—отправленнымъ въ Стокгольмъ съ извѣстіемъ о воцареніи царя Алексѣя, — шведское правительство разрѣшило г. Ніэну устраивать ежегодно въ теченіе трехъ недѣль ярмарку, гдѣ безпошлинно продавались товары русскіе и шведскіе; но исключительно для употребленія въ предѣлахъ королевства, безъ отпуска за границу (постановл. 31-го августа 1646 г.). Подобное же право, предоставленное въ 1636 г. главному городу Финляндіи—Або—сдѣлало его первымъ торговымъ пунктомъ, наиболѣе населеннымъ въ цѣлой странѣ, до пожаровъ уже въ настоящемъ вѣкѣ. По аналогіи, можно было пророчить отъ ярмарки на Невѣ и Ніэну то же, если еще небольшое подспорье развитію его богатства и населенности. Въ оправданіе упорства королевы Христины, не склонившейся на царскія ходатайства о сбавкѣ пошлины съ русскихъ ввозныхъ товаровъ въ Ніэнъ,—мы позволимъ себѣ только заявить, что сборъ съ нихъ составлялъ единственную ея доходную статью, кромѣ установленнаго отпуска отъ государства на содержаніе двора королевскаго; стало быть, уменьшеніе пошлины русской, существенно подрѣзывало королевскіе, и безъ того необширные, ресурсы.

Отказъ же въ требованіи черезъ пословъ, считаемомъ царемъ Алексѣемъ вполнѣ законнымъ, произвелъ остуду съ его стороны къ шведскому правительству, нуждавшемуся въ русскомъ хлѣбѣ для своихъ сѣверныхъ областей, граничившихъ съ нашими олонецкими волостями; такъ что одно время выпускъ отъ насъ за шведскую границу скота и предметовъ первой необходимости былъ даже совершенно остановленъ. Изъ претензій ніэншанцкихъ жителей, поверженныхъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе королевы и ею отклоненныхъ (одновременно съ ходатайствомъ русскаго посольства о сбавкѣ ввозной пошлины на наши товары) мы позволилъ себѣ здѣсь указать два пункта, дающіе понятіе о современномъ развитіи Невскаго города. Граждане, между прочимъ, ходатайствовали «объ уменьшеніи пошлинъ *на сосновые корабли* (ими строенные на Невѣ изъ здѣшняго лѣса) и каменные дома.» Единичные случаи не вызвали бы подобнаго ходатайства—слѣдовательно строилось въ Ніэнѣ *много кораблей* для морскаго отпуска товаровъ, и вѣроятно было въ городѣ довольно каменныхъ домовъ въ это время, да имѣлась и въ виду постройка новыхъ, когда запасались облегченіемъ, имѣющимъ мѣсто въ будущемъ. Слѣдовательно, невскій городъ, существуя меньше четырехъ десятилѣтій, обогналъ въ ростѣ всѣ прочіе города королевства, имѣвшіе уже не одинъ вѣкъ продолжавшуюся исторію.

Отвергая же излишнія ходатайства выростающаго города, королева тѣмъ не менѣе наконецъ склонилась на частное мѣропріятіе въ его пользу. Резолюціей 15 сентября 1647 г., ея величество, царственная дочь Густава II Адольфа, дала новую привилегію Ніэншанцу съ уставомъ таможеннымъ, для него обязательнымъ вмѣстѣ съ Нарвою и Ревелемъ. Въ то же время дана городу земля для сѣнокоса и выгона, въ количествѣ $3^5/_{16}$, *обжи*, $^2/_3$ шведскаго манталя въ Спасскомъ погостѣ, Орѣховскаго лена, кромѣ земель, отведенныхъ для той же цѣли чинамъ крѣпостнаго гарнизона.

Въ это время уже (съ 1642 г.) Орѣховскій ленъ не отдѣлялся болѣе отъ Ямско-копорскаго и управлялся съ ними однимъ губернаторомъ нарвскимъ, тогда какъ высшую власть надъ всѣмъ заморскимъ краемъ шведскаго государства, исключая Финляндіи, представлялъ «генералъ губернаторъ Лифляндіи, Ингерманландіи и Кореліи». Первымъ изъ нихъ былъ (съ 1629 по 1634 г.) наставникъ Густава-Адольфа Іоганъ Бентсонъ Шютте, владѣлецъ Дудергофа, умершій въ 1635 году. При самомъ же присоединеніи, по Столбовскому миру уступленной русскими Швеціи приневской стороны, она раздѣлена была на двѣ губерніи: Кексгольмскую и Нарвскую (заключавшую лены: Копорье, Ямы и Орѣшекъ съ городомъ Нарвою и небольшою полосою къ нему отрѣзанною отъ герцогства Эстляндскаго). Корельскій *ленъ* (округъ) заключалъ 14 погостовъ: Каргалскій, Толдожскій, Радчинскій, Григорьевскій, Замошскій, Дятлинскій, Кипеньскій, Вздылицкій, Суйдовскій, Орлинскій, Гришенскій, Зарѣцкой (на Лугѣ) и Озерицкой, какъ видно по писцовымъ шведскимъ книгамъ 1618—23 г. Ямскій же округъ имѣлъ четыре погоста: Озерецкой, Врудской, Ястребинскій и Опольскій. А къ Нарвѣ приписанъ былъ (составляя Ивангородскій округъ) одинъ Петровскій погостъ съ мѣстностью, извѣстною у шведовъ подъ именемъ Алентаки. О Нетеборгскомъ округѣ имѣемъ мы не совсѣмъ полныя свѣдѣнія, хотя знаемъ, что въ немъ были 4 погоста: Ижорскій, Дудергофскій, Спаскій и Троицкій. Наконецъ Корельскій округъ (Кексгольмскій ленъ) заключалъ два погоста: Крестовскій и Подгородный. Всего 25 погостовъ съ православными церквами и въ каждомъ погостѣ отъ 10 до 15 деревень съ большинствомъ исповѣдниковъ православія.

Зная неумѣстность трактованія подробностей въ настолько бѣгломъ очеркѣ какъ нашъ, да къ тому еще посвященномъ одному обзору борьбы русскихъ съ шведами за обладаніе невскимъ путемъ,—мы удерживаемся отъ представленія системы шведской политики, направленной для отвлеченія отъ вѣры отцовъ—православнаго населенія Водской пятины. Полагаемъ, впрочемъ, что здѣсь будетъ очень кстати указаніе на притѣсненія, дѣлаемыя администраціею этимъ бѣднымъ людямъ при добываніи русскихъ священниковъ,—хотя въ Столбовскомъ договорѣ прямо говорилось о предоставленіи русскимъ людямъ свободнаго избранія и непрепятствованіи со стороны шведовъ поставленія духовныхъ пастырей въ православные приневскіе погосты новгородскимъ митрополитомъ, изъ епархіи котораго они никогда не исключались. Самъ Густавъ-Адольфъ, какъ мы выше замѣтили уже, былъ горячій послѣдователь Лютера и считая свое исповѣданіе лучшимъ въ мірѣ, не могъ удержаться отъ нарушенія въ дѣлѣ вѣры условленныхъ въ договорѣ гарантій исповѣдникамъ восточной церкви. Придирки къ русскимъ священникамъ и вытѣсненіе ихъ изъ приходовъ было первою мѣрою, противорѣчившею договору. А недаваніе пропусковъ для проѣзда въ Новгородъ ставленникамъ, конечно было уже слабѣйшимъ, но еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ обращенію въ лютеранство русскихъ поселянъ. Имъ предлагали учиться въ школахъ у пасторовъ и катехизисы

Библиотека "Руниверс"

лютеранскіе, принятые въ руководство тамъ для преподаванія истинъ вѣры, нарочно печатались на русскомъ языкѣ, славянскими буквами, чтобы подлогъ былъ меньше примѣтенъ. За отсутствіемъ православныхъ священниковъ, предлагали волею-неволею обращаться за требами въ пасторатъ. Но всѣ эти ухищренія не привели къ уничтоженію въ бѣдномъ, притѣсняемомъ, сельскомъ сословіи связи съ Русью и православіемъ. Между тѣмъ нарушеніе Столбовскаго трактата въ самомъ важномъ для московскихъ государей пунктѣ - враждебныхъ мѣрахъ и пропагандѣ противъ горячо почитаемой и твердо содержимой вѣры православной восточнаго исповѣданія — побудило наконецъ царя Алексѣя Михайловича объявить войну преемнику Христины, воинственному Карлу-Густаву; въ союзѣ съ Польшею. Еще заключивъ съ нею перемиріе и назначивъ съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія трактата о дружбѣ и взаимной помощи, царь изъ Полоцка, лѣтомъ 1656 года, двинулся осаждать Ригу. Двухъмѣсячная осада въ октябрѣ однако была снята здѣсь; но Дерптъ, менѣе крѣпкій, завоеванъ нами послѣ десятинедѣльнаго сопротивленія. Осада же крѣпостей въ Ингерманландіи—Нетеборга и Кексгольма,—за позднимъ временемъ года оставлена. Новый 1657 годъ начался въ Лифляндіи нашими неудачами, но лѣтомъ дѣла наши поправились. Послѣ дѣйствительной или мнимой побѣды Делагарди надъ нами при Перновѣ, онъ хотѣлъ взять Дерптъ, но долженъ былъ отойдти къ Нарвѣ,—и переправившись черезъ эту рѣку, устремился къ Гдову, но здѣсь встрѣтилъ царское войско и бѣжалъ въ Эстляндію, можно сказать постыдно. Русскіе, до того имъ презираемые, преслѣдовали его и били при каждомъ его замедленіи и встрѣчѣ съ нами, такъ что невольное отступленіе за Нарву совершилъ шведскій военачальникъ съ потерею лучшихъ людей, и, главное, болѣе надежныхъ офицеровъ. Храброму генералъ-губернатору Ингерманландіи Горну удалось однако отбить отъ Ямъ русскій осадный отрядъ, а начальники шведскаго войска въ Эстляндіи, показываясь въ окрестностяхъ Дерпта, не давали осаждающимъ отходить отъ него на значительное разстояніе. Такъ прошла вся зима, а въ мартѣ 1658 г. царь Алексѣй Михайловичъ далъ указъ князю Хованскому вступить въ переговоры о перемиріи съ шведскимъ губернаторомъ въ Нарвѣ. Апрѣля 23-го 1658 г. перемиріе близъ Нарвы было подписано уполномоченными обѣихъ сторонъ, съ возвращеніемъ взятыхъ плѣнныхъ. Скорѣе всего къ этой уступкѣ принудило государя положеніе дѣлъ въ Малороссіи. При возстаніи Выговскаго еще невыяснившемся, могло казаться оно болѣе опаснымъ, тогда какъ разнесся слухъ о заключеніи Карломъ Густавомъ шведскимъ трактата съ Даніею въ Роскильде. Безпорядки, возбужденные бунтомъ гетмана, отвлекли наши силы съ сѣвера на югъ, гдѣ польская интрига тоже не дремала—и въ тревожномъ ожиданіи бѣды скорѣе, чѣмъ скораго успокоенія смуты, прошелъ весь этотъ годъ и—слѣдующій. Уже къ концу его (20-го декабря) князь Иванъ Семеновичъ Прозорскій, а съ шведской стороны Густавъ Біелке, — въ Эстляндіи, въ урочищѣ Вельясаари «межъ Сыренска и Ругодева за Наровой», подписали трехлѣтнее перемиріе. До истеченія же срока его состоялся вѣчный миръ у насъ со шведами, подписанный тѣми же уполномоченными въ Кардисѣ. По этому миру мы отдали всѣ завоеванные города въ Лифляндіи, ничего не выговоривъ себѣ въ отмѣну Столбовскаго договора.

Неудачно кончившаяся для насъ эта попытка на возвратъ уступленнаго шведамъ, въ дни усмиренія смутъ, началась между тѣмъ грозою для шведовъ. Партія наша, спустившаяся въ ладьяхъ изъ Ладожскаго озера въ Неву для осады Нетеборга, хотя не взяла крѣпости, но внезапно ночью сдѣлавъ набѣгъ на Нізншанцъ, обратила въ пепелъ его новенькія, красивыя зданія, предавъ имущество обывателей грабежу. Въ Сердоболѣ конный отрядъ, тоже налетѣвъ какъ снѣгъ на голову, взялъ богатую контрибуцію, овладѣвъ множествомъ судовъ съ хлѣбомъ. Отъ русскихъ разъѣздовъ много доставалось въ это время и пасторатамъ — центрамъ лютеранской пропаганды и притѣсненій исповѣдниковъ православія. Церкви лютеранскія были сожигаемы, а имущество пасторовъ уничтожаемо повсюду — невѣсткѣ ни отместку. Не меньше страдали и помѣщичьи усадьбы. Силъ, для отпора намъ, шведы сперва здѣсь имѣли такъ мало, что какъ милости просили только одной тысячи человѣкъ у короля. Мужественный Горнъ, поручился съ этою горстью: отстоять Нарву и окрестности ея.

Въ Выборгѣ заперлись поголовно-вооружившіеся жители, не выключая даже гимназистовъ. Но скоро собралось ополченіе и предводитель финской арміи Леіонгувудъ, придя въ Нізншанцъ, далъ знать въ Нарву Горну и успѣлъ съ нимъ соединясь отстоять Ямы. Въ Нетеборгѣ комендантъ Граве смертью своею запечатлѣлъ вѣрность своему королю и успѣлъ возбудить въ осажденныхъ такое мужество, что 120 человѣкъ гарнизона до конца отсидѣлись за стѣнами. Шведы намъ платили тоже опустошеніями. Одна партія ихъ подъ начальствомъ Крузе разорила Обонежскіе погосты, а другая подходила къ Колѣ. Такъ что война Алексѣя Михайловича съ Карломъ Густавомъ была собственно безрезультатною потерею людей и разореніемъ странъ у обѣихъ воюющихъ державъ.

Отдѣлавшись отъ всѣхъ враговъ, Швеція скоро послѣ мира въ Кардисѣ, хотѣла было сама начать, одна, борьбу съ царемъ Алексѣемъ (1664 г.). Король предложилъ на обсужденіе государственнаго совѣта вопросъ о войнѣ, поводомъ къ которой представлялись споры о граничной чертѣ. Въ Стокгольмѣ представляли кажется дѣла наши въ это время худшими чѣмъ онѣ были и разсчитывали на набѣгъ татаръ, будто бы лишившій царя силъ для отпора со стороны Невы. Но благоразумные совѣтники королевскіе отклонили щекотливое предложеніе, успѣвъ доказать опрометчивость разсчета на русское безсиліе при наступательной войнѣ со стороны Швеціи.

И это былъ послѣдній случай разорвать прекрасно устроившееся для Швеціи, а не для насъ конечно уже, положеніе дѣлъ— до Петра I, съ самой молодости горевавшаго о потерѣ Невы. Петровскіе походы, впрочемъ, такъ извѣстны, что мы не будемъ здѣсь входить въ особыя подробности ихъ и по части овладѣнія невскимъ проходомъ изъ Ладоги въ Балтику.

Испытавъ безплодно средства добыть у Швеціи невскій проходъ мирнымъ путемъ дипломатическихъ сношеній, Петръ I во время перваго путешествія своего по Европѣ сойдясь съ польскимъ королемъ — саксонскимъ курфирстомъ — Августомъ II, принялъ участіе въ состоявшемся тройномъ союзѣ сѣверныхъ державъ (Даніи и Польши съ Россіею) противъ Швеціи. Согласно взаимному договору о поддержкѣ, онъ на другой же день по полученіи въ Москвѣ ратификаціи мира съ турками, 19-го августа 1700 года объявилъ войну шведскому королю. Приготовленія дѣлались исподоволь, давно уже, и, вслѣдъ за объявленіемъ войны двинуты достаточныя силы къ сѣверо-западной окраинѣ русскихъ владѣній. Сентября 23-го самъ государь явился уже къ войску, расположенному у Нарвы за три недѣли ранѣе. Съ 20-го октября осаждающіе Нарву открыли по укрѣпленіямъ ея артиллерійскій огонь, но большаго вреда обстрѣливаніемъ изъ полевыхъ орудій не могли нанести крѣпкимъ стѣнамъ города, не разъ уже выдерживавшаго осады наши. Осень стояла дождливая; пути для транспортировки тяжелой артиллеріи были совершенно непроходимы въ болотистой сторонѣ, какова Ингерманландія. По этому подвозъ артиллерійскаго обоза замедлился и неизвѣстность его доставки въ лагерь при Нарвѣ положительно вліяла на упадокъ духа войскъ, видѣвшихъ передъ собою перспективу стоянья подъ дождемъ въ постоянной сырости и безъ всякихъ средствъ защиты отъ холода. Даже доставка провіанта шла не регулярно, заставляя терпѣть недостатокъ и въ первыхъ потребностяхъ питанія. При такомъ положеніи, энергическій характеръ Петра выразился во внезапномъ почти отъѣздѣ его въ Новгородъ для личныхъ распоряженій о подвозѣ. Безъ государя же, при неизвѣстнемъ войску иностранцѣ главнокомандующемъ—дюкѣ де Круа, прибывшемъ прямо въ станъ на службу Россіи и неуважаемомъ (вслѣдствіе непониманія отчасти его приказаній), — вдругъ получено извѣстіе о движеніи Карла XII къ Нарвѣ съ большими силами. Не удержавъ при Сигаіоки шведскаго короля, послѣдствіе опрометчивости начальника передоваго полка, знаменитый впослѣдствіи фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ поспѣшнымъ отступленіемъ (чуть не бѣгствомъ) отъ шведскихъ силъ распространилъ о числѣ ихъ и невозможности держаться—безъ сомнѣнія фантастическіе слухи, пущенные переполохомъ. Прибытіе Шереметева къ главнымъ силамъ нашимъ, между тѣмъ, предварило появленіе шведовъ десятью часами и произвело еще большую кутерьму въ осадномъ корпусѣ, растянутомъ по траншейнымъ линіямъ громаднаго объема, несоотвѣтственнаго средствамъ наличнаго войска. Къ тому же, въ часъ появленія шведовъ передъ нашими осадными линіями, началась жестокая мятель, скрывшая приближеніе непріятеля. Полки наши, простоявъ цѣлую ночь подъ ружьемъ съ вечера еще,— вслѣдъ за сообщеніемъ Шереметева и удаленіемъ его за Нарву со сломкою за собою моста — были уже утомлены; а со стороны главнаго начальства не сдѣлано никакого плана дѣйствій, въ данномъ случаѣ ожидаемаго нападенія. Кромѣ двухъ гвардейскихъ полковъ, все прочее войско было изъ новобранцевъ и дрогнуло при рѣшительномъ натискѣ шведовъ, предводимыхъ лично королемъ-героемъ. Началось побиваніе разрозненныхъ частей 37-тысячной русской арміи! Гвардейскіе полки между тѣмъ отчаянно защищались среди общаго смятенія и, отбиваясь отъ шведовъ, дошли до Наровы, оказываясь страшными противниками утомленныхъ побѣдителей, пустившихся грабить нашъ оставленный лагерь. Карлъ тутъ выказалъ себя политикомъ, хотя поступилъ нечестно: пригласилъ начальниковъ русскихъ для переговоровъ и захватилъ ихъ, нарушивъ данное слово свое объ охранѣ. Тѣмъ не менѣе состоялось перемиріе—и полкамъ русскимъ предоставленъ свободный проходъ за Нарву. Когда же они удалились, начальники всѣхъ прочихъ войскъ, вся артиллерія и обозъ захвачены шведами.

Петръ узналъ непріятную вѣсть въ Новгородѣ, но, не предаваясь отчаянію, принялъ самыя горячія мѣры къ образованію на весну втрое большаго войска, ввѣреннаго въ команду единственному генералу, не поцавшему въ плѣнъ къ шведамъ—Шереметеву. Самая потеря артиллеріи, къ веснѣ была по возможности вознаграждена отлитіемъ новыхъ орудій. Побѣдитель, между тѣмъ, считая свое дѣло съ Петромъ I конченнымъ и его вполнѣ уничтоженнымъ, устремился на польскаго короля, давъ царю возможность поправиться. 1701 годъ однако съ нашей стороны прошелъ безрезультатно. Несмотря на частыя напоминанія царя, его полководецъ не отваживался схватиться съ образцовыми по дисциплинѣ и выправкѣ шведскими полками, стоя на псковской границѣ. Уже къ концу года онъ отважился вступить въ Лифляндію, гдѣ командовалъ шведскій генералъ Шлипенбахъ, и, пользуясь его ошибкою расположенія эшелонами частей конницы на разобщае-

Библиотека "Руниверс"

Ломбардская жница. Картина Л. Біанки. Рисов. на деревѣ Прикорскій.

Библиотека "Руниверс"

мой болотами мѣстности,—напалъ на него при мызѣ Эрестферъ (30 декабря 1701 г.) и нанесъ неосторожному воителю полное пораженіе. Петръ I получилъ объ этомъ извѣщеніе отъ сына побѣдителя, въ Москвѣ, 6 января 1702 г., и немедленно начерталъ планъ наступательныхъ дѣйствій слѣдующей кампаніи, перенося оружіе на Неву. Съ открытіемъ рѣкъ должно было ударить русскимъ съ двухъ сторонъ на шведскаго командира Кроніорта: съ запада—Шереметеву, а съ востока—движеніемъ отъ Ладоги—боярину Петру Апраксину заходить въ тылъ шведамъ, направляясь къ Нотеборгу и Ніэншанцу. Невскій городъ еще укрѣпленъ былъ новыми земляными верками на нынѣшней Малой Охтѣ и редутомъ за Невою, напротивъ, на мѣстѣ Смольнаго монастыря. Въ укрѣпленіи посажено было 10 полковъ (7 конныхъ,— до 3000 человѣкъ, и 3 пѣхотныхъ—до 1000 челов.), всего больше 4000 человѣкъ; да въ подспорье гарнизону вооружены 300 чел. горожанъ. Внѣшное укрѣпленіе предъ крѣпостью заключалось въ высокомъ валу съ тремя бастіонами и въ глубокомъ рвѣ предъ ними. Въ редутѣ на мѣстѣ Спасскаго посада (Смольнаго монастыря теперь) было еще 1000 человѣкъ вооруженныхъ ружьями. На всѣхъ же ніэншанцскихъ укрѣпленіяхъ было до 100 пушекъ чугунныхъ, да 25 пушекъ было въ полевой артиллеріи Кроніорта. Бывшій Орѣшекъ заключалъ только 300 человѣкъ гарнизона, но, по положенію на островѣ и при высокихъ стѣнахъ крѣпости, шведы считали взятіе ея русскими невозможнымъ, больше всего опасаясь за Ніэншанцъ. Для отвлеченія силъ Петра, непріятели наши пустили при этомъ молву о своемъ намѣреніи будто бы произвести дессаитъ на Бѣломъ морѣ для уничтоженія архангельскихъ верфи и порта. Осторожный Петръ попалъ на эту удочку ихъ—и все почти лѣто провелъ на бѣломорскомъ берегу, ожидая тщетно нападенія. Уже въ августѣ онъ понялъ уловку врага и поспѣшилъ къ берегамъ Ладоги, гдѣ начались военныя дѣйствія выступленіемъ Апраксина за шведскій рубежъ. Встрѣча не вполнѣ умѣлаго воеводы съ Кроніортомъ, къ счастію, кончилась нашею побѣдою и упадкомъ духа шведскаго начальника – до того даже, что достигнувъ (послѣ сшибки при Дудергофѣ) Ніэншанца, онъ не счелъ за благо здѣсь оставаться, бросившись къ Выборгу и оставивъ намъ свободнымъ все теченіе Невы. Петръ I, получивъ объ этомъ донесеніе, предписалъ Шереметеву идти скорѣе на Назью и, здѣсь, ввѣривъ начальство надъ всѣми 14 полками своими фельдмаршалу, двинулъ ихъ къ Нотеборгу, не смотря на конецъ сентября. Осада этой крѣпости кончилась штурмомъ и сдачею ея намъ, 11-го октября, прежде чѣмъ Кроніортъ отважился подать помощь осажденнымъ. Сдѣлавъ своего любимца Меньшикова губернаторомъ завоеванной крѣпости, переименованной *ключемъ-городомъ* —Шлиссельбургомъ,—Петръ I удалился въ Москву, расположивъ войско гарнизономъ для удержанія за собою пріобрѣтенія, которымъ онъ не думалъ ограничиваться.

Съ февраля 1703 г. началось движеніе войскъ къ Невѣ, но за раннимъ разлитіемъ рѣкъ, Шереметевъ могъ привесть главныя силы (и то не всѣ) изъ Пскова и Новгорода въ Шлиссельбургъ только 23-го апрѣля, хотя царь жилъ уже здѣсь самъ больше мѣсяца (съ 19-го марта). Давъ только дневку одну войску въ Шлиссельбургѣ, Петръ послалъ осадный корпусъ къ Ніэншанцу; въ составѣ 2 полковъ гвардейскихъ, 2 драгунскихъ, 20 баталіоновъ дивизіи Реннина, 10 баталіоновъ Брюса и новгородскихъ дворянъ (нѣсколькихъ сотенъ). Ночью на 25-е апрѣля авангардъ подошелъ къ крѣпости и чуть-было не взялъ ее, отбивая вылазку враговъ и за ними вслѣдъ поднявшись на валъ. Этотъ подвигъ совершенъ маіоромъ преображенскимъ Глѣбовскимъ, не получившимъ подкрѣпленія отъ нѣмца Нейдгарта, начальника всего отряда, отговорившагося неимѣніемъ на то приказа. Днемъ подошли всѣ русскія силы, обложивъ пятибастіонное укрѣпленіе съ обоихъ береговъ Охты и пересѣкши всѣ пути къ Ніеншанцу, извнѣ. Сдѣлано было комендантуу крѣпости Аполлову (Опалеву) предложеніе о сдачѣ ея, но онъ на него отвѣчалъ отказомъ, хотя видѣлъ невозможность устоять. Пришлось, овладѣвъ Спасскимъ редутомъ, вести правильныя траншеи и открыть бомбардировку по укрѣпленію, въ теченіи шести часовъ разбившую все внутри крѣпости, что могло назваться пріютомъ и убѣжищемъ для беззащитнаго населенія и недостаточнаго гарнизона. Только приведеніе въ такую крайность переломило упорство коменданта, и онъ предложилъ сдать на аккордъ Ніэншанцъ. Петръ отвергнулъ позднее предложеніе и требовалъ преданія своей судьбы великодушію побѣдителя, обѣщая не только полную безопасность всѣмъ бывшимъ въ крѣпости, но даже — суда для перевозки въ Нарву. Сдача Ніэншанца на этомъ и состоялась утромъ 1 мая 1703 г., сдѣлавъ Петра I властелиномъ всего теченія Невы. На другой же день послѣ торжества по этому случаю, къ острову Котлину пришелъ шведскій флотъ подъ начальствомъ вице-адмирала Нуммерса, незнавшаго о судьбѣ крѣпости.

Петръ I еще ранѣе сдачи Ніэншанца, осматривая невскій выходъ въ море, оставилъ на островахъ на взморьѣ партію гвардейцевъ своихъ подъ начальствомъ бдительнаго Щепотева. Отъ него получено было извѣстіе (5 мая), что эскадра выслала къ устьямъ Невы два судна, которые спускали ботъ къ одному изъ островов за лоцманами; разумѣется, безъ успѣха. Напротивъ, у шведовъ явилось даже подозрѣніе бѣды по случаю захвата нашими нѣсколькихъ людей ихъ, углубившихся въ лѣсъ въ своихъ поискахъ. Опасеніе попасться въ просакъ, если пуститься безъ проводника по Невѣ ночью, хотя и свѣтлою въ это время года, заставило командировъ обоихъ пришедшихъ судовъ—10 пушечнаго адмиральскаго бота «Геданъ» и шнявы (8 пушечной) «Астрильдъ»—дождаться свѣта въ томъ мѣстѣ, гдѣ бросили они якоря. Петръ, боясь упустить вѣрную, какъ ему казалось, добычу, поспѣшилъ въ этотъ же вечеръ на 30 лодкахъ на взморье. Прибывъ къ нынѣшнему Екатерингофу еще довольно рано, Петръ половину лодокъ ввѣрилъ Меньшикову, а надъ 15 остальными принялъ самъ начальство, рѣшивъ взять шведскіе суда на абордажъ.

Для этого со своего флотиліею государь обогнулъ весь Васильевскій островъ и заѣхавъ изъ пролива между Вольными островами, — передъ разсвѣтомъ сталъ оттуда спускаться къ «Гедану». Когда показалась изъ-за острова первая лодка, Меньшиковъ двинулся быстро со своею частью флотиліи къ «Астрильду» съ противоположной стороны. Шведы, замѣтивъ поздно засаду, спѣшно принялись вынимать якоря и становиться подъ паруса, и готовясь къ уходу открыли сильный огонь по подплывающимъ лодкамъ; но онѣ были уже близко,—особенно Петръ I. Приставъ къ «Гедану» съ передовыми восемью лодками,—когда другія значительно еще были назади,—герой государь одинъ изъ первыхъ принялся ручными гранатами очищать палубу и, оттѣснивъ отъ борта защитниковъ, съ топоромъ въ рукѣ вскочилъ на судно. Загорѣлся отчаянный рукопашный бой, но сила превозмогла геройство, уложивъ изъ 77 человѣкъ экипажа обоихъ судовъ—63. Нужно-ли прибавлять, что Петръ въ этотъ моментъ подвергался опасности? Провидѣніе, увѣнчавшее смѣлый подвигъ его побѣдою, на разсвѣтѣ 7 мая 1703 г. въ устьяхъ Невы, назначило уже за бѣдствія и терпѣнье русскихъ людей: *передать имъ исконное достояніе отцовъ—выходъ невскій въ море.* На молебствіи 10 мая, герои завоеватели судовъ получили ленты св. Андрея, и царь принесъ благодареніе Господу силъ за помощь въ «никогда же бывшей морской побѣдѣ». За нею, съѣздивъ въ Олонецъ — поторопить приходъ сооруженной эскадры,—неустрашимый монархъ уже закладываетъ въ свои имянины крѣпость «Питербургъ» на Невѣ, запирая ею доступъ для недавнихъ властителей рѣки въ эти воды, съ тѣхъ поръ обязанныя служить мирному процессу цивилизаціи.

Мы не считаемъ входящимъ въ грани нашей задачи дальнѣйшей исторіи Петербурга и Невы—уже не вырываемой изъ русскихъ рукъ, хотя борьба съ Швеціей, истощившая это государство, длилась еще 18 лѣтъ и кончилась уступкою намъ по ништадтскому миру не только невской стороны съ враждебнымъ нѣкогда Выборгомъ, завоеваннымъ оружіемъ Петра I при третьемъ походѣ туда въ 1710 г.,—но и всего Остзейскаго края. Набѣги шведовъ на Петербургъ въ первые годы по его основаніи (1703, 4, 5, 6 и 8) тоже мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь, относя ихъ къ исторіи нынѣшней столицы русскаго царства, которую отнять думали еще шведы въ годъ вступленія на престолъ державной дочери Петра I, кроткой Елисаветы. Съ такими же затѣями принималъ участіе въ интригахъ враговъ Россіи и предпріимчивый Густавъ III, надменный родственникъ Екатерины II, угрожая ей предписаніемъ условій мира въ Зимнемъ дворцѣ (1788—89 г.) Бѣгство постыдное съ потерею лучшей части флота въ Выборгскомъ заливѣ и униженная просьба о мирѣ, заключенномъ въ Верелѣ, были однако результатомъ усилій рыцарствующаго короля поколебать покой сѣверной Минервы и ея столицы. Среди ея на вѣки бдительнымъ стражемъ общаго покоя, поднялся на скалѣ исполинъ надъ Невою, говоря уже осьмому поколѣнію русскихъ о славной борьбѣ своей на благо-родинѣ и о томъ, что онъ, исполняя долгъ свой предводителя великаго народа, доказывалъ, что «жизнь ему не дорога – была бы Россія въ чести и въ славѣ!» Высокія чувства оправдывались великими дѣлами безсмертнаго, указавшаго Россіи новый путь открытіемъ невскаго пути для всемірной торговли и постройкою Петербурга подлѣ бывшаго Ніэншанца, при самомъ такъ-сказать рожденіи своемъ возбуждавшаго уже зависть въ старшихъ братьяхъ-городахъ, какъ мы выше замѣчали.

Невскій путь, еще разъ повторимъ, это—дорога прогресса Россіи; обладаніе берегами Балтики — жизненная струя нашей родины, приводящая въ правильное движеніе средства могучей державы, единственной въ мірѣ.

Ломбардская житница.

Необыкновенное плодородіе почвы, усугубленное системой каналовъ, какъ судоходныхъ, такъ и ирригаціонныхъ (служащихъ для искусственнаго орошенія страны), сдѣлало Ломбардію житницей не только Италіи, но и другихъ частей Европы, съ которой она ведетъ вывозную торговлю хлѣбомъ, рисомъ и прочими сельско-хозяйственными продуктами. Имя свое этотъ благословенный уголокъ земли заимствовалъ отъ лонгобардовъ, народа германскаго племени, который, вторгнувшись сюда въ концѣ VI вѣка по Рождествѣ Христовѣ, положилъ начало новой крѣпкой и энергичной расѣ, такъ отличающейся своею энергіею и дѣятельностью отъ изнѣженныхъ, лѣнивыхъ сыновъ южной Италіи. Достаточно взглянуть на прилагаемый рисунокъ, чтобы получить полное понятіе о красотѣ этого племени.

Библиотека "Руниверс"

Судебная хроника.

Дѣло игуменьи Митрофаніи въ Московскомъ окружномъ судѣ (*).

(Окончаніе).

Спросъ свидѣтелей по этому замѣчательному дѣлу, вмѣстѣ съ показаніемъ экспертовъ, сличавшихъ почерки на поддѣльныхъ и дѣйствительныхъ документахъ Лебедева, Макарова, Солодовникова и другихъ, продолжался болѣе 10-ти дней и выяснилъ дѣло не въ пользу подсудимой. Несмотря на это, игуменья Митрофанія не оставляла безъ отвѣта ни одного изъ свидѣтельскихъ показаній, представляла свои доказательства и опроверженія, сама предлагала вопросы свидѣтелямъ и вообще выказала замѣчательную находчивость и необыкновенное присутствіе духа. 16-го октября, ровно въ 11 часовъ, по окончаніи судебнаго слѣдствія, началъ свою обвинительную рѣчь прокуроръ Жуковъ. Въ началѣ рѣчи, г. прокуроръ, указавъ на то, что дѣло это является безпримѣрнымъ въ уголовныхъ лѣтописяхъ, сказалъ, что оно представляетъ интересъ не только въ юридическомъ, но и въ общественномъ отношеніяхъ. Сверхъ того, это дѣло весьма ярко обрисовываетъ нравы всѣхъ слоевъ общества. На почвѣ любви, благотворительности и самоотверженія возникло уголовное дѣло, представляющее цѣлый рядъ обмановъ, подлоговъ и необыкновенной изворотливости. Благотворительность, столь присущая русскому человѣку, заслуживаетъ уваженія лишь тогда, когда она вызывается свободнымъ, искреннимъ чувствомъ; въ данномъ же случаѣ благотворительность опирается на насиліе, дѣйствуетъ посредствомъ обмана и всяческихъ подлоговъ, а потому можетъ только оттолкнуть отъ себя. Указавъ далѣе на происхожденіе главной виновницы и руководительницы всего дѣла, на ея связи, положеніе въ свѣтѣ и въ монашествѣ, на аттестацію духовнаго начальства о ея нравственныхъ качествахъ, наконецъ, на покровительство къ ней многихъ сильныхъ лицъ, довѣріе которыхъ она обращала въ орудіе преступныхъ своихъ дѣйствій,—прокуроръ перешелъ къ подробному разсмотрѣнію уликъ, вытекающихъ изъ показаній многочисленныхъ свидѣтелей. Рѣчь свою прокуроръ заключилъ общей характеристикой подсудимой и главнѣйшихъ ея сторонниковъ, причемъ игуменья Митрофанія горько плакала. Послѣ рѣчи прокурора Жукова, длившейся 5 часовъ 10 минутъ, говорилъ товарищъ его, Смирновъ, на долю котораго выпало обвиненіе игуменьи въ преступленіяхъ, касающихся Солодовниковскаго дѣла. Г. Смирновъ поддерживалъ обвиненіе съ большимъ спокойствіемъ и достоинствомъ, и говорилъ два часа. На другой день, 17-го октября, произнесли свои рѣчи повѣренные гражданскихъ истцовъ: гг. Лохвицкій, Плевако и Громницкій, а также защитники игуменьи: Щелканъ и Шайкевичъ, и защитники остальныхъ подсудимыхъ, послѣ чего стороны обмѣнялись возраженіями и наконецъ произнесъ свою заключительную рѣчь предсѣдатель суда г. Дейеръ. Въ рѣчи своей онъ старался выяснить для присяжныхъ засѣдателей значеніе всѣхъ представителей и органовъ суда, сдѣлалъ общую характеристику свидѣтельскихъ показаній, причемъ подвелъ ихъ къ нѣсколькимъ типамъ, въ общихъ чертахъ указалъ на ту точку зрѣнія, съ которой необходимо смотрѣть на вещественныя доказательства, и въ особенности на показанія экспертовъ, въ заключеніе опредѣлилъ самый порядокъ произнесенія приговора присяжными засѣдателями. На предложенный затѣмъ предсѣдателемъ суда вопросъ: желаетъ-ли подсудимая сказать что-нибудь въ свое оправданіе, игуменья Митрофанія, пользуясь предоставленнымъ ей правомъ, обратилась къ присяжнымъ засѣдателямъ съ слѣдующими словами:

«Гг. присяжные засѣдатели! Всѣ эти четырнадцать дней вы были свидѣтелями того позора, тѣхъ обвиненій и тѣхъ страданій, которыя я перенесла; перенесла же я ихъ по моей любви къ страждущему человѣчеству. Обвинительная власть дала вамъ замѣтить, а равно гражданскіе истцы, что подъ монашескою рясой скрывается преступленіе. Нѣтъ, гг. присяжные засѣдатели, я монашескую рясу надѣла не для того, чтобы прикрывать преступленія! Наставникъ мой, митрополитъ Филаретъ, не училъ меня тому. Называли меня здѣсь Тартюфомъ, но я не заслужила этого нареканія. Нравственная оцѣнка какъ моей личности, такъ и моей дѣятельности въ теченіе 22 лѣтъ, принадлежитъ моему епархіальному начальству. Вы читали мой формулярный списокъ, надъ которымъ г. прокуроръ позволилъ себѣ даже глумиться; значитъ, онъ не придаетъ вѣры никакой ни аттестату моего начальства, которое одобрило меня въ хорошихъ качествахъ; онъ не даетъ вѣры, какъ видите, одобренію высокопоставленныхъ лицъ.» Затѣмъ игуменья Митрофанія обратилась къ перечисленію собственныхъ заслугъ своихъ на пользу тѣхъ учрежденій, которыми она призвана была завѣдывать. «Все клонится къ тому, — говорила она, — чтобы меня обвинить. Но, гг. присяжные, меня обвиняютъ невинную. Вы разорите цѣлое учрежденіе, и не одно, а нѣсколько: вы отнимите кровъ у сиротъ, которыхъ я собрала, если обвините меня. Г. прокуроръ старался васъ увѣрить, что епархіальное начальство заплатитъ всѣмъ. Я говорю здѣсь вамъ, какъ предъ Богомъ, что оно не можетъ заплатить, и г. прокуроръ долженъ знать это. Изъ суммъ духовнаго попечительства удѣлить оно ничего не можетъ. Если меня оправдаютъ, то, конечно, все будетъ уплачено». «Я должна обратить ваше вниманіе на то, на что мои защитники вниманія не обратили, вѣроятно по забвенію. Я собрала пожертвованій до мильона рублей. Никогда никто не подавалъ на меня ни одной жалобы. Мое епархіальное начальство никогда не относилось ко мнѣ иначе, какъ съ благоволеніемъ. Тѣхъ суммъ, тѣхъ средствъ, которыми я пользовалась, было достаточно. Мнѣ не нужно было совершать подлоги... Отчеты я подавала своевременно... Въ теченіе 12 лѣтъ, было подано пособій болѣе чѣмъ 150 тысячамъ больныхъ, данъ пріютъ болѣе чѣмъ 200 тысячамъ странницъ, воспитывалось болѣе 300 сиротъ. Вотъ, гг. присяжные, какимъ образомъ я пріобрѣтала довѣріе, которое я старалась заслужить. Я посѣщала, какъ я вамъ говорила, хижину мужика и хоромы вельможи, которые были мнѣ одинаково близки; вотъ почему я была и у Солодовникова». Далѣе игуменья упоминаетъ о нѣкоторыхъ своихъ пожертвованіяхъ на пользу монастыря и общины, прибавляя при этомъ, что она всегда давала такъ, чтобы правая рука не знала, что творитъ лѣвая, и что она не желала награды за свои пожертвованія и заслуги, а потому и не доводила о нихъ до свѣдѣнія начальства.» «Я убѣждена, сказала она взаключеніе,—что вы, гг. присяжные, не осудите по убѣжденію другихъ. Судите по тому убѣжденію, что должны дать отвѣтъ Богу, если вы осудите напрасно. Моя участь связана съ участью нѣсколькихъ сотъ сиротъ. Я знаю, они слезы проливаютъ обо мнѣ... (плачетъ) моя участь связана съ тѣми... Если вы возвратите меня въ общину, они возрадуются... Скажите, какая была мнѣ цѣль совершать подлогъ? Я имѣла достаточно денегъ. Солодовниковъ пожертвовалъ, я была очень рада, да и имѣла ли я право отказаться? Виновата ли я, что его братъ страдаетъ умственнымъ разстройствомъ? Виновата ли я въ томъ, что г-жа Медынцева подпала подъ вліяніе г. Толбузина?.. Вамъ хорошо объяснили, что уже въ мартѣ мѣсяцѣ 1872 года она находилась подъ его вліяніемъ. Если она жила подъ моею кровлей, то это не значитъ, что она находилась подъ моимъ вліяніемъ... Наконецъ, гг. присяжные засѣдатели, если Господь подкрѣпилъ меня перенести тѣ пытки, которыя я перенесла (плачетъ), если онъ подкрѣпилъ меня здѣсь, на судѣ, и я была такъ тверда въ эти 14 дней,—то это есть особенная Его милость. Укрѣпила же меня мысль, что если самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ былъ приведенъ на судъ Пилата,—что же я? неужели же мнѣ не благодарить Господа, что онъ далъ мнѣ возможность быть соучастницей въ Его страданіяхъ? Я дала обѣтъ предъ крестомъ, предъ Евангеліемъ, переносить безъ разбора всякій позоръ. Отъ васъ зависитъ отнестись ко мнѣ съ довѣріемъ или безъ довѣрія. Тутъ много говорили о моемъ высокомъ положеніи, но я объ этомъ никогда не думала; я считала, что я обязана дѣйствовать, если Господь далъ мнѣ способность помогать страждущему человѣчеству. Какая тутъ можетъ быть корыстная цѣль? Что мнѣ нужно? Прошу васъ, гг. присяжные засѣдатели, когда будете совѣщаться относительно моей участи, вспомните все это... Считаю долгомъ совѣсти просить васъ за Махалина; его защитникъ совершенно вѣрно выразился о немъ: онъ былъ только исполнителемъ моихъ приказаній; за его вѣрность ко мнѣ онъ томится, какъ и я, полтора года подъ стражей. Я увѣрена, что вы отнесетесь ко мнѣ съ такимъ же довѣріемъ, какъ и я къ вамъ... Я убѣждена, что никакія напоминанія со стороны судебной власти не поколеблютъ васъ... 22 года я не имѣла никакой нужды совершать подлоги: вдругъ на 23 годъ я польстилась въ пользу сиротъ. Если подумаютъ, что тщеславіе заставило меня это сдѣлать, то что могли мнѣ прибавить къ тому, что имѣю? Я вошла въ монастырь не для того, чтобы получать отличія, и если мнѣ достались награды, то не могла же я ихъ не взять. Спрашивается, въ чемъ же я виновата? Чѣмъ я исказила монашество? Не тѣмъ ли, что я старалась служить страждущему человѣчеству? Если вы вынесете оправдательный приговоръ, то я, несмотря на разбитое здоровье, буду считать себя все-таки обязанною служить тому человѣчеству, которое такъ неблагодарно со мною поступило». Судомъ поставлено было около 300 вопросовъ, по каждому векселю особо. Получивъ списокъ этихъ вопросовъ, присяжные удалились въ свою комнату для совѣщанія и, спустя четыре часа, т. е. около 2-хъ часовъ пополуночи, вынесли приговоръ, по которому подсудимую игуменью Митрофанію признали виновною: въ поддѣлкѣ векселей купца Лебедева; въ поддѣлкѣ бланковой подписи купца Макарова на одномъ изъ вышеозначенныхъ векселей; въ поддѣлкѣ векселей Солодовникова, а также росписокъ, будто бы выданныхъ имъ въ разное время на имя игуменьи Митрофаніи; въ обманномъ взятіи у Медынцевой вексельныхъ бланковъ и въ написаніи на нихъ векселей; въ составленіи неправильнаго счета отъ имени портнихи Игнатьевой и въ томъ, что подговаривала другое лицо росписаться въ полученіи по сему счету, по довѣренности портнихи, денегъ; въ обманномъ взятіи у Медынцевой подписи на актѣ, содержавшемъ

*) См. № 46 „Нивы".

Библиотека "Руниверс"

признаніе ею долговыхъ обязательствъ на 150,000 рублей и, наконецъ, въ продажѣ принадлежащихъ Медынцевой шубы и муфты безъ вѣдома и согласія владѣлицы.

Подсудимыхъ: Макарова, Махалина, Красныхъ и Трахтенберга присяжные признали невиновными во взведенныхъ на нихъ обвиненіяхъ. На основаніи такого вердикта присяжныхъ, судъ постановилъ слѣдующій приговоръ:

1874 года октября 5-го—19-го дней московскій окружный судъ по I-му отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя П. А. Дейэра, въ составѣ члена Е. Р. Ринка и приглашеннаго, на основаніи 146 ст. учр. суд. уст., почетнаго мироваго судьи М. П. Щепкина, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, при прокурорѣ суда К. Н. Жуковѣ и товарищѣ прокурора Смирновѣ и исправляющемъ должность секретаря Вишняковѣ, выслушавъ дѣло объ игуменіи серпуховскаго владычнаго монастыря и начальницѣ покровской общины сестеръ милосердія Митрофаніи, московскомъ купцѣ Павлѣ Васильевѣ Макаровѣ, временно-серпуховскомъ купцѣ Алексѣѣ Платоновѣ Махалинѣ, зубномъ врачѣ Львѣ Даниловѣ Трахтенбергѣ и временно-сапожковскомъ купцѣ Яковѣ Григорьевѣ Красныхъ, обвиняемыхъ въ разныхъ преступленіяхъ, опредѣлилъ: 1) подсудимую, начальницу московской епархіальной владычне-покровской общины сестеръ милосердія и серпуховскаго владычнаго монастыря игуменью Митрофанію, 54 лѣтъ, въ силу рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и на основаніи улож. о наказ. ст. 1160, 1692, 1694, 1688, 1682 и 31, степени I и уст. угол. суд. ст. 828, лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію ей присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Енисейскую губернію, съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для ея жительства, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, и потомъ выѣзда въ другія губерніи или области Сибири въ продолженіе одиннадцати лѣтъ; 2) подсудимыхъ Макарова, Махалина, Трахтенберга и Красныхъ, въ силу того же рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и на основаніи уст. угол. суд. ст. 771 п. 1, считать по суду оправданными; 3) требованія гражданскихъ истцовъ удовлетворить признаніемъ имѣющихся при дѣлѣ векселей и росписокъ ничтожными и присужденіемъ въ пользу Тицнеръ съ игуменьи Митрофаніи стоимости векселей съ процентами со дня ихъ протеста, и 4) о вещественныхъ доказательствахъ имѣть сужденіе особо.

Литературный альбомъ.

«Братья разбойники» Пушкина.

Среди всѣхъ благъ современной цивилизаціи, есть міръ незримый большинству населенія, таящійся отъ дневнаго свѣта, какое-то замкнутое темное царство, на вратахъ котораго мрачно красуется зловѣщая надпись: Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate (отриньте всякую надежду, вошедши сюда). Здѣсь безграничнo властвуетъ зло, преступленіе, грабежъ, убійство, угрызенія совѣсти, забвеніе ихъ въ винѣ и развратѣ.... Словомъ, всѣ ужасы падшей человѣческой природы....

Тѣмъ не менѣе, это люди—и ничто человѣческое имъ не чуждо, хотя человѣчность ихъ проявляется лишь урывками и нерѣдко рядомъ съ неслыханнымъ звѣрствомъ. Еще задолго до проведенія этого взгляда въ законодательство и до отмѣны страшнаго тѣлеснаго наказанія, великій русскій поэтъ геніальнымъ чутьемъ натолкнулся на типы этихъ отверженцовъ и художественно изобразилъ ихъ въ поэмѣ «братья разбойники». Припомнимъ, что разсказываетъ одинъ изъ такихъ злодѣевъ собравшимся въ кружокъ товарищамъ во время ночнаго привала въ лѣсу.

«Насъ было двое: братъ и я.
Росли мы вмѣстѣ, нашу младость
Вскормила чуждая семья.
Намъ, дѣтямъ, жизнь была не въ радость....
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной:
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь....
Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ лѣсъ
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ:
Идетъ ли поздней дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогій—
Все наше, все себѣ беремъ!
Зимой бывало, въ ночь глухую,
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
Туда! къ воротамъ и стучимъ,
Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли—все даромъ—пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ....

Но какъ ужасно пробуждается совѣсть въ одномъ изъ братьевъ, когда онъ, истощенный тюрьмой, ослабленный физически, изнеможенный болѣзнью, мечется въ бреду!...

«Всѣхъ чаще образъ старика
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ:
«Братъ, сжалься надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ....
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ...
Пусти его, онъ не опасенъ...
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ....
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его, авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ»....
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
То слышалъ ихъ ужасный шопотъ....

Когда же несчастный, едва оправясь отъ недуга, бѣжалъ съ братомъ изъ тюрьмы—и не вынеся осенняго холода, лишеній, умеръ въ лѣсу, другой братъ, нѣкогда увлекшій его на разбой,

Все ждалъ, очнется ли мертвецъ,
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ
И тѣло въ землю схоронилъ....
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ....

Но прежніе годы минули уже безвозвратно: ни попойки, ни веселые ночлеги не радовали уже ожесточеннаго сердца, какъ будто все это было взято могилой брата. Но хотя самая жалость давно умерла въ его сердцѣ, онъ все таки хранилъ воспоминаніе послѣднихъ минутъ брата—и рука его не поднималась на беззащитныя сѣдины. Даже теперь, при разсказѣ въ буйномъ кружкѣ новыхъ товарищей, лицо его орошалось слезами. Но надъ нимъ смѣются....

На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть;
Всякъ хвалитъ мѣткій свой кистень....
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть,
Она проснется въ черный день.

Разумное воспитаніе дѣтей.

Физическое воспитаніе.

III.

Ребенокъ уже съ самаго своего рожденія на свѣтъ дѣлается предметомъ физическаго воспитанія. Внѣшній міръ составляетъ для него еще чуждую сферу, къ условіямъ которой онъ долженъ привыкнуть. Температура воздуха слишкомъ низка въ сравненіи съ температурой, въ которой ребенокъ находился прежде: необходимо поэтому тепло одѣвать его тѣло, чтобы оно не охладилось. Оно такъ и дѣлается въ жизни—маленькихъ дѣтей закутываютъ въ подушки. Свѣтъ представляетъ для новорожденнаго ребенка совершенно новое условіе жизни, къ которому онъ привыкаетъ лишь постепенно—и вотъ по-

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. «Братья-разбойники». Пушкина. Рис. Медвѣдевъ, грав. Ольшевскій.

Библиотека "Руниверс"

чему его сначала держать въ полутемнотѣ. Если бы ребенка сразу подвергли дневному яркому свѣту, то этимъ вызвали бы у него болѣзнь глазъ. Самый воздухъ является для новорожденнаго младенца совершенно новою средою (прежде средою ему служили маточныя жидкости), вызывающею у него новый жизненный актъ дыханія. Первый крикъ ребенка есть признакъ того, что воздухъ вошелъ въ легкія, ибо безъ воздуха не только кричать невозможно, но даже издать какой бы то ни было звукъ. Дѣти рождающіяся молчаливыми—не дышатъ, и для возбужденія въ нихъ дыханія необходимо прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, какъ то: раздраженію кожи щекотаніемъ, щипаніемъ и проч. Нѣкоторые врачи прямо вдуваютъ посредствомъ трубочки воздухъ въ дыхательное горло ребенка и т. д. Само собою разумѣется, что воздухъ, которымъ дышетъ ребенокъ, долженъ быть чистъ, безъ всякихъ вредныхъ примѣсей; иначе весьма чувствительная слизистая оболочка, выстилающая снутри дыхательные органы, будетъ раздражаться и подвергнется болѣзни, называемой катарромъ. Да и сама пища младенца (молоко) и самый актъ ѣды—дѣло для него совершенно новое, ибо въ утробной жизни онъ питался материнскою кровью, которая входила въ него чрезъ пупочные сосуды, и ему не приходилось вовсе употреблять въ дѣло свой пищеварительный аппаратъ.

И такъ, для новорожденнаго ребенка ново все, что составляетъ необходимыя условія его дальнѣйшаго развитія жизни. Ко всему новому надобно привыкнуть — и *правильное развитіе въ ребенкѣ привычекъ къ новой обстановкѣ* составляетъ задачу физическаго воспитанія.

Посмотримъ, какъ задача эта должна выполняться на дѣлѣ.

Прежде всего ребенка надо пріучать къ *температурѣ воздуха*, которая, какъ мы уже сказали, ниже температуры, къ которой онъ привыкъ въ утробной жизни. Это достигается тремя способами: купаньемъ, одеждой и вентиляціей (провѣриваньемъ) дѣтской комнаты.

а) *Купанье* имѣетъ цѣлью: во первыхъ, очистить кожу ребенка отъ накопляющейся на ней грязи *), засоряющей отверстія, чрезъ которыя выходитъ потъ; такая очистка необходима, иначе застоявшійся потъ будетъ раздражать кожу и вызывать сыпи. Во вторыхъ, купанье, въ прохладной водѣ, дѣлаетъ кожу плотною, упругою, лоснящеюся и нечувствительною къ холоду, т. е. невосприимчивою къ простудѣ. Купанье въ *теплой* водѣ, наоборотъ, дѣлаетъ кожу мягкою, дряблою, раздражительною и весьма воспріимчивой къ простудѣ. Пріучать ребенка къ холоду посредствомъ купаній въ прохладной водѣ значитъ *закалять* его, т. е. сдѣлать его невосприимчивымъ къ разнымъ такъ-называемымъ «катаррамъ»: носа (насморкамъ), гортани, легкихъ и проч., къ которымъ такъ сильно расположены дѣти. Только эта привычка должна дѣлаться постепенно и съ осторожностію. Въ первые 6 недѣль ребенка еще купаютъ въ теплой водѣ, такъ какъ кожа его слишкомъ нѣжна и чувствительна. Послѣ 6-ти недѣль обмываніе тѣла производится уже не посредствомъ купанья, а посредствомъ *обтиранія* тѣла губкою, намоченной въ водѣ. Вода должна имѣть въ началѣ ту температуру, на которой остановились въ послѣдній день купанья, т. е. на ощупь тепловатую, какъ она бываетъ въ самоварѣ спустя два часа послѣ того, какъ онъ кипѣлъ. Намоченную губку выжимаютъ нѣсколько и вытираютъ тотчасъ же мягкимъ полотенцемъ. Во избѣжаніе простуды, не слѣдуетъ обнажать сразу все тѣло ребенка, а сперва омывать ноги, не снимая рубашки, потомъ, снявши рубашку, покрыть ею грудь и животъ, какъ самые нѣжные органы, вытереть отдѣльно руки, шею, лицо, спину и наконецъ ужс грудь и животъ, послѣ сего тотчасъ нужно одѣть ребенка надлежащимъ образомъ. Купанье въ теплой водѣ слѣдуетъ предпринимать сначала два раза въ недѣлю, а потомъ разъ въ недѣлю, чтобы отмыть плоть съ головы, не сходящую легко отъ холодной воды. Температуру воды для вытиранія слѣдуетъ также понижать ежедневно, хотя очень постепенно, такъ что опять черезъ 6 недѣль, т. е. на четвертомъ мѣсяцѣ, ребенка приходится вытирать комнатною водою безъ примѣси теплой. Тогда слѣдуетъ только вытирать сухимъ полотенцемъ покрѣпче кожу, чтобы возбудить ея дѣятельность. Когда ребенокъ уже начинаетъ становиться на ноги, его можно становить въ тазъ и медленно *поливать* комнатною водою. Въ этомъ видѣ купанье въ холодной водѣ можетъ уже остаться на всю жизнь. Нужно только имѣть въ виду, чтобы время для мытья было выбрано удобное, утромъ, когда онъ не хочетъ ни спать ни ѣсть.

Мытье ребенка должно производиться ежедневно. Ежедневное обмываніе *всего* тѣла холодною водою чрезвычайно полезно и для взрослыхъ, особенно для тѣхъ, которые расположены къ простудамъ.

в) *Одежда* имѣетъ цѣлью защищать тѣло отъ рѣзкаго холода или сильной жары. Сообразно этому—одежда должна имѣть извѣстную форму, извѣстный цвѣтъ и надлежащую плотность. Такъ, зимняя одежда должна плотно прилегать къ тѣлу, быть темнаго цвѣта — и изъ плотной ткани, чтобы *не* пропускать теплоту изъ тѣла. Лѣтняя одежда, наоборотъ, должна быть просторна, яркаго цвѣта (всего лучше бѣлаго) и сшита изъ рѣдкой ткани, чтобы *легко пропускать* теплоту изъ тѣла. Съ этимъ нужно сообразоваться при устройствѣ одежды для ребенка. Чѣмъ меньше дитя, чѣмъ нѣжнѣе и чувствительнѣе его кожа, тѣмъ мягче, нѣжнѣе и теплѣе должна быть его одежда. Но забота о теплотѣ не должна переходить извѣстной мѣры и вытѣснять заботу о *приспособленіи* ко всякой части тѣла извѣстной одежды. Укутываніе съ ногъ до головы въ пеленки и свивальники вредно, вслѣдствіе того, что отдѣльные члены стѣснены: руки притянуты къ тѣлу, голова не можетъ поворачиваться. Кромѣ того компактная одежда стѣсняетъ дыханіе, задерживаетъ испарину, вслѣдствіе чего ребенокъ потѣетъ и легко простуживается. Въ умѣренной комнатной температурѣ новорожденному совершенно достаточно, если голова его покрыта чепчикомъ, грудь и руки фланелевой кофточкой, а нижняя часть тѣла обвернута въ мягкія пеленки, слегка придерживающіяся подъ руками короткимъ бинтомъ.

Когда дитя дѣлается старше, надо его медленно пріучить къ менѣе теплой одеждѣ. Разумѣется, не надо впадать въ крайность, какъ это у насъ часто дѣлается, когда дѣтей водятъ съ голыми икрами, но надо по возможности стараться не изнѣживать кожу ребенка излишней одеждой. Разные шарфы, фуфайки поэтому очень вредны, такъ какъ пріучаютъ кожу къ чрезмѣрной теплотѣ и тѣмъ дѣлаютъ ее наклонною къ простудамъ. Кромѣ того одежда не должна быть тѣсна, иначе она производитъ разстройство въ организмѣ: отъ узкой обуви искривляется нога, отъ тѣснаго платья дѣлаются застои крови въ однихъ органахъ и приливы къ другимъ. Что касается выбора тканей, то для дѣтей всего удобнѣе свѣтлыя, бумажныя, которыя легко моются; шерстяная же ихъ верхняя одежда должна часто вывѣтриваться, ибо теплыя и животныя ткани легко удерживаютъ въ себѣ разныя міазмы, т. е. заражающія вещества.

с) *Провѣтриваніе* или такъ-называемая «вентиляція» дѣтской комнаты есть третье главное условіе для пріученія ребенка къ холоду и предохраненія его отъ простудъ. Слишкомъ нагрѣтая комната, подобно тяжелой одеждѣ, дѣлаетъ кожу ребенка чувствительною, потливою и, слѣдовательно, наклонною къ простудамъ и воспаленіямъ. А между тѣмъ насчетъ этого больше всего грѣшатъ даже въ образованныхъ семействахъ, сознающихъ всю пользу вентиляціи для взрослыхъ. Дѣтскія комнаты обыкновенно бываютъ сильно натоплены. Кромѣ *охлажденія* воздуха, вентиляція имѣетъ еще цѣлью *очистить* воздухъ отъ вредныхъ примѣсей, которыя онъ всегда содержитъ въ себѣ. Къ вреднымъ примѣсямъ относятся угольная кислота, выдыхаемая людьми, испаренія отъ пота и мочи. Примѣси эти дѣйствуютъ вредно на кровь и производятъ у дѣтей малокровіе и золотуху. Между тѣмъ вентиляція дѣтскихъ комнатъ всего менѣе примѣняется въ домашнемъ быту, изъ ложнаго опасенія родителей, чтобы дѣти не простудились. Вентиляція дѣтской должна производиться непремѣнно каждый день какъ лѣтомъ, такъ и зимою и притомъ *сквознымъ вѣтромъ*, который всего лучше очищаетъ воздухъ. Само собою разумѣется, что ребенка въ это время нужно перенести въ другую комнату.

Въ дѣтской комнатѣ не должны спать много людей, такъ какъ они ночью портятъ воздухъ своими испареніями. Дѣти не должны спать съ взрослыми или съ другими дѣтьми въ одной кровати, а отдѣльно, чтобы не вдыхать чужихъ испареній и т. д.

Свѣтъ столь же необходимъ для развитія и процвѣтанія дѣтскаго организма, какъ онъ необходимъ для развитія и процвѣтанія растенія. Дѣти, выросшія въ темныхъ жилищахъ — обыкновенно хилы, золотушны и страдаютъ глазами. Окна дѣтской комнаты поэтому всегда должны быть обращены на солнечную сторону, всего лучше на югъ, но никогда на сѣверъ, гдѣ солнца никогда не бываетъ.

Что до *пищи*, то дѣло извѣстное, что для груднаго ребенка нѣтъ другой, кромѣ молока. Молоко содержитъ въ себѣ всѣ необходимыя для организма питательныя вещества въ растворенномъ состояніи. При отсутствіи у младенца зубовъ и слабости пищеварительнаго канала, другая пища, кромѣ жидкой, немыслима. Лишь послѣ прорѣзыванія зубовъ ребенку можно давать плотную пищу—и то въ небольшомъ количествѣ. Всего лучше для дѣтей мясныя и молочныя кушанья; мучныя же, какъ хлѣбъ и картофель, составляющія главную пищу дѣтей бѣдныхъ, вредны, такъ какъ отъ нихъ у дѣтей развиваются желудочно-кишечныя катарры, золотуха и англійская болѣзнь. Не слѣдуетъ давать дѣтямъ *кофе* и крѣпкаго чая, такъ какъ отъ нихъ развивается нервная раздражительность, сопровождающаяся частыми приливами крови къ головѣ, а также сердцебіеніе. О спиртныхъ напиткахъ не можетъ быть и рѣчи *).

Изложивъ пункты, составляющіе такъ-сказать краеугольные камни физическаго воспитанія, перейдемъ къ другимъ не менѣе важнымъ пунктамъ: къ развитію мышцъ путемъ цѣлесообразныхъ движеній и органовъ чувствъ путемъ разумнаго ихъ упражненія.

Относительно перваго пункта, т. е. развитія у ребенка мышцъ путемъ соотвѣтственныхъ движеній, Фребель совѣтуетъ воспользоваться естественнымъ влеченіемъ, обнаруживающимся у ребенка еще въ первомъ его возрастѣ,—влеченіемъ двигать руками и ногами, каковыя движенія очевидно доставляютъ ребенку большое удовольствіе. Положите ребенка на подушку, возьмите въ руку его ножки—попеременно то правую, то лѣвую, подпимайте ихъ вверхъ, сгибайте и разгибайте колѣнчатые суставы, исполняйте подобныя же движенія его руками. Эту гимнастику сопровождайте пѣніемъ, что доставитъ ребенку большую радость, такъ какъ дѣти вообще любятъ пѣніе, все равно какое бы ни было его содержаніе, лишь бы были

*) Грязь на тѣлѣ образуется изъ сала, выдѣляющагося лежащими подъ кожею железками, и кусочковъ отслаивающейся верхней кожицы.

*) Дѣтямъ малокровнымъ и истощеннымъ, правда, полезно вино, какъ укрѣпляющее средство, но въ небольшихъ количествахъ.

Библиотека "Руниверс"

гармоническіе звуки. Такую гимнастику Фребель совѣтуетъ *предпринимать непремѣнно со всякимъ ребенкомъ послѣ 6-ти недѣль.*

Если ребенокъ уже можетъ хорошо сидѣть, то удобнѣе всего сажать его на полъ въ короткой одеждѣ, тогда онъ скоро научится ползать и вставать на ноги, придерживаясь за доступные ему предметы. Взрослые, находящіеся вокругъ ребенка этого возраста, должны постоянно имѣть въ виду, что они должны научить ребенка ходить, т. е. ставить ему удобныя для того условія; они должны ставить его въ самыя разнообразныя положенія, которыя могутъ способствовать ускоренію ходьбы. Если ребенокъ приползетъ къ взрослому и попросить, чтобы его взяли,—тотъ можетъ способствовать ускоренію его хожденія, если подастъ ему руку, чтобы онъ самъ поднялся, а не поднимать его просто съ пола. Пусть взрослый не сажаетъ его къ себѣ на колѣни, но ставитъ на свой стулъ у спинки; пусть вообще взрослый какъ можно меньше беретъ ребенка на руки и держитъ у себя на колѣняхъ. Только такимъ путемъ ребенокъ научится ходить *во-время*, т. е. въ началѣ 2-го года. Мы говоримъ *во-время*, потому что позднее хожденіе вредитъ ребенку какъ въ отношеніи физическаго здоровья, такъ и нравственнаго характера. Такія дѣти имѣютъ обыкновенно дурное пищевареніе. Они принимаютъ уже плотную даже питательную пищу, но, находясь въ бездѣйствіи, не нуждаются въ обильномъ питаніи, желудокъ обременяется и плохо перевариваетъ. Отсюда частые поносы. Эти дѣти также скорѣе дѣлаются угрюмыми, капризными, упрямыми, своевольными. Естественнымъ образомъ, ихъ желанія усложняются, а между тѣмъ они не въ состояніи удовлетворять ихъ сами. Имъ хочется взять ту или другую вещь, перейдти съ мѣста на мѣсто,—они выражаютъ это знаками, но взрослые ихъ не понимаютъ, иногда не хотятъ исполнить ихъ желанія, окружаютъ ихъ игрушками, давно знакомыми и надоѣвшими имъ, дѣти ихъ оставляютъ безъ вниманія или просто отбрасываютъ. Безъ сомнѣнія, что ребенокъ, рано ходящій, скучаетъ и капризничаетъ гораздо меньше и пользуется лучшимъ здоровьемъ, потому что движенье само по себѣ развлекаетъ его, а желудокъ хорошо переваривает и тѣло достаточно питается. Чѣмъ больше движется ребенокъ, тѣмъ энергичнѣе совершаются въ немъ всѣ отправленія тѣла и тѣмъ лучше идетъ его развитіе и тѣмъ менѣе онъ подвергается болѣзнямъ. Что движеніе, только въ смыслѣ болѣе обширномъ, чѣмъ одно хожденіе, дѣйствуетъ укрѣпляющимъ образомъ и на взрослыхъ, это истина общеизвѣстная. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, *какъ слѣдуетъ носить ребенка.*

IV.

О томъ, какъ слѣдуетъ *носить* ребенка, авторъ «Практическихъ замѣтокъ о воспитаніи» говоритъ слѣдующее:

«Изслѣдовавъ тщательно, какъ наши няни носятъ дѣтей, я пришелъ къ убѣжденію, что всѣ няни нянчатъ дѣтей по общей системѣ, которая вредно дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ, что она развиваетъ одну половину нашего тѣла въ ущербъ другой.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ, когда ребенокъ приходитъ все болѣе и болѣе въ вертикальное положеніе, няни носятъ ребенка слѣдующимъ образомъ: задняя часть ребенка покоится на лѣвой рукѣ няни, правая же рука поддерживаетъ грудь ребенка. Такой образъ ношенія положительно вреденъ ребенку — и вотъ почему. Когда правая рука няни покоится на груди ребенка, то сдавливается его грудная клѣтка; руки, мышцы которыхъ прикрѣплены къ грудной клѣткѣ, не могутъ свободно подыматься; легкія въ груди сдавливаются, сердце тоже; кровь отъ головы не отливаетъ свободно въ грудь. Позвоночникъ ребенка нѣсколько искривляется налѣво и сдавливается, потому что ребенокъ всею тяжестью сидитъ заднею частью на лѣвой рукѣ няни; правая же только поддерживаетъ грудь, чтобъ онъ не свалился впередъ. Отъ этого ребенокъ безпокоится, часто плачетъ; няни думаютъ, что ребенокъ плачетъ безъ всякой причины и приписываютъ его капризу въ то время, когда капризовъ еще быть не можетъ. Ребенокъ плачетъ просто оттого, что онъ себя неловко чувствуетъ, кровь у него не циркулируетъ какъ слѣдуетъ. Мнѣ приходилось брать подобныхъ дѣтей на руки во время плача и они у меня сразу переставали плакать. Или няня положитъ руку на желудочную область ребенка, отъ этого онъ срыгиваетъ, пищевареніе не совершается такъ хорошо, придавливается грудобрюшная перегородка, которая въ свою очередь давитъ на грудные органы—легкія и сердце.

Мой способъ ношенія весьма простъ; онъ состоитъ въ томъ, что я накладываю свою руку не на грудь или желудочную область, а на животъ. При этомъ основаніе кисти приходится на верхній край лобковой кости, средина кисти закрываетъ пупокъ; толстый палецъ и мизинецъ обхватываютъ правый и лѣвый бока, а конецъ указательнаго пальца приходится подъ ложечкой. Лѣвая рука моя поддерживаютъ или заднюю часть или обѣ стопы ребенка. Ребенокъ всею своею тяжестью приходится на правую руку, а лѣвая только поддерживаетъ ему заднюю часть или стопы, чтобы онъ не соскользнулъ случайно внизъ. Давленіе, производимое рукою на животъ и кишки, дѣйствуютъ благотворно на ребенка: способствуетъ червеобразному движенію кишекъ, грудь свободно расширяется, руки движутся свободно, спина не сдавливается, а указательный палецъ правой руки, достигающій подложечной области, не позволяетъ груди согнуться, вслѣдствіе чего ребенокъ смотритъ прямо и пріучается къ равновѣсію.

Если вы такъ носите ребенка, то вашему ребенку всегда будетъ ловко и онъ никогда не будетъ плакать безъ всякой причины. Правда, въ указанномъ способѣ ношенія есть большое неудобство: носить ребенка почти въ пять разъ тяжелѣе, нежели обыкновеннымъ манеромъ; руки устаютъ черезъ два часа, и слабая няня цѣлый день такъ проносить ребенка не въ состояніи. Для ношенія по этому способу требуется мышечная сила.

Но матери отъ этого ничуть не должны смущаться. Не смотря на то, что этотъ способъ ношенія требуетъ большей физической силы, онъ съ другой стороны позволяетъ пользоваться отдыхомъ лицу, ухаживающему за ребенкомъ. Если вы проносили такъ ребенка цѣлый часъ, то онъ пролежитъ на постели почти столько же времени, а вы въ это время отдыхаете или играете съ нимъ. Нянѣ, разумѣется, приходится и въ это время дѣлать какую нибудь работу, она гладитъ или стираетъ на ребенка, такъ что у нея ни минуты свободнаго времени не остается, вслѣдствіе чего она желаетъ выиграть на ребенкѣ, полегче его носить. Но если-бы вы предоставили нянѣ свободу въ то время, когда ребенокъ спитъ или играетъ лежа, то она съ удовольствіемъ стала бы носить ребенка и по этому способу; и ей хорошо, и ребенку хорошо. Вамъ, разумѣется, нѣсколько дороже обойдется ребенокъ; придется отдавать его бѣлье стирать прачкѣ; но и тутъ вы эти деньги не бросаете даромъ, ребенокъ нашъ меньше будетъ плакать, меньше вы будете безпокоиться, меньше вамъ придется платить за лекарства и врачамъ.

Послѣ 5 или 6 мѣсяцевъ, когда ребенокъ уже умѣетъ сидѣть, его носятъ уже иначе: онъ сидитъ на лѣвой рукѣ своей няни, колѣна его обращены къ нянѣ, туловище изогнуто влѣво и впередъ. Подобное ношеніе бываетъ причиною слѣдующихъ явленій. Позвоночникъ искривляется въ лѣвый бокъ, верхняя шейная его часть отстоитъ болѣе влѣво, а поясничная болѣе вправо, измѣняется центръ тяжести, отчего бываетъ различная походка у различныхъ людей. Правая рука, приходя въ большее соприкосновеніе съ одеждою, грудью и вообще тѣломъ кормилицы, упражняется чаще лѣвой и получаетъ ловкость и силу; лѣвая же, вися свободно въ воздухѣ, менѣе развивается. Этому обстоятельству способствуетъ еще и то, что центръ тяжести тѣла ребенка во время сидѣнія на рукахъ кормилицы не позволяетъ ребенку доставать вещи одною лѣвою рукою, а позволяетъ различныя движенія за предметами одной правой рукой. Правый бокъ кромѣ того понижается, лѣвый повышается—вслѣдствіе того, что рука няни находится не въ горизонтальномъ положеніи: предплечье няни выше у кисти, нежели у локтя. Органы лѣвой половины груднаго ящика тоже сдавливаются и вообще вся лѣвая половина тѣла развивается при менѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели правая. Правое плечо подымается, а лѣвое опускается. Понятно теперь, отчего у всѣхъ людей замѣчается преобладаніе правой половины тѣла надъ лѣвою. Если вспомнимъ, что во всемъ мірѣ няни носятъ дѣтей одинаково и что обычай носить дѣтей на лѣвой рукѣ существуетъ уже съ незапамятныхъ временъ, то совершенно уяснится причина, отчего дѣйствительно лѣвая часть нашего тѣла, вообще говоря, меньше правой. Понятно, что такой способъ ношенія не можетъ быть признанъ раціональнымъ.

Вышеизложенный способъ устраняетъ всѣ эти неудобства.

Такъ какъ самою главною причиною искривленія позвоночника влѣво можно считать то, что няня придавливаетъ колѣна ребенка своими руками къ своему туловищу, то понятно, мы должны носить ребенка такъ, чтобы устранить приклоненіе его къ тѣлу. Этого достигаютъ различными способами: или носятъ 5, 6, 7 и т. д. мѣсячнаго ребенка какъ 3 и 4 мѣсячнаго по вышеизложенному способу, при чемъ стараются его держать нѣсколько дальше отъ своего тѣла; или ставятъ ребенка на правую руку и обхватываютъ лѣвою своею рукою спину и животъ ребенка, причемъ лицо его обращено направо и наоборотъ, или носятъ ребенка одинаково, то на лѣвой, то на правой рукѣ, и больше на правой. При этомъ никогда не придется устать, ибо можно часто мѣнять образъ ношенія. Кромѣ того часто ставятъ ребенка на ножки на полъ или на столъ, или на стулья и придерживаетъ его только; такимъ образомъ взрослому ни разу не случится устать отъ ношенія ребенка; и ему лучше, и ребенку лучше. Однимъ словомъ для ношенія ребенка необходимо взрослому употреблять въ дѣло *обѣ* руки: и лѣвую и правую. Няни же держатъ ребенка на лѣвой рукѣ, а правой дѣлаютъ какое либо другое дѣло. Послѣдствія такого ношенія уже были указаны.

Что причиняетъ няня ребенку своимъ одностороннымъ ношеніемъ, то довершаетъ потомъ школа своими скамейками и столами. По изслѣдованіямъ знаменитаго берлинскаго врача, *Вирхова*, наибольшее число кривобокихъ (и близорукихъ) приходится на долю школьныхъ дѣтей, какъ мальчиковъ такъ и дѣвочекъ.

Чтобы устранить причину изгибанія позвоночника и повышенія лѣваго бока, необходимы общія усилія — въ семьѣ и въ школѣ. Первая должна себѣ усвоить разумный способъ ношенія ребенка, вторая должна устроить свои скамьи и столы на основаніяхъ, указываемыхъ наукой. (См. Нива 1873 г. №10).

Только когда будутъ предприняты мѣры къ одинаковому упражненію обѣихъ половинъ тѣла, человѣчество черезъ нѣсколько поколѣній (а черезъ сколько — никакъ нельзя опредѣлить) вернется къ своему первоначальному развитію организма, т. е. обѣ половины тѣла сдѣлаются одинаково развитыми.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Путей Сообщенія о мѣрахъ къ предупрежденію на внутреннихъ водяныхъ сообщеніяхъ несчастныхъ случаевъ столкновенія между судами, Высочайше повелѣть соизволилъ: впредь до разсмотрѣнія въ установленномъ порядкѣ предположеній о распространеніи дѣйствія Высочайше утвержденныхъ 9-го октября 1867 г. правилъ о судоплаваніи по Волгѣ и Камѣ на другіе судоходные пути, установить, въ видѣ временной мѣры, обязательное по всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ и внутреннимъ озерамъ вывѣшиваніе въ ночное время на пароходахъ, судахъ и плотахъ отличительныхъ огней въ фонаряхъ, примѣнительно къ §§ 10, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 вышепомянутыхъ Камско-Волжскихъ правилъ, съ тѣмъ чтобы за неимѣніе отличительныхъ огней виновные подвергаемы были отвѣтственности, установленной § 17 означенныхъ правилъ.

— Отъ Почтоваго Департамента доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что съ 1-го января 1875 года оплата слѣдующихъ за границу рекомендованныхъ писемъ вѣсовымъ сборомъ за рекомендованіе и за росписку въ пріемѣ, а въ подлежащихъ случаяхъ и за обратную росписку въ полученіи письма адресатомъ будетъ производиться, подобно заказнымъ письмамъ, посредствомъ почтовыхъ марокъ (или чрезъ вложеніе письма въ почтовый штемпельный конвертъ) по цѣнности соотвѣтственно суммѣ причитающихся за письмо почтовыхъ сборовъ.

Къ сему Почтовый Департаментъ присовокупляетъ, что въ будущемъ 1875 году рекомендованныя письма, какъ и нынѣ, *не* могутъ быть опускаемы въ почтовые ящики, а должны быть подаваемы на почту и по прежнему имѣть на адресной сторонѣ надпись «recommandé (рекомендовано), а на сторонѣ печатей — наименованіе и адресъ отправителя.

Военное и морское дѣло.

— Въ ночь съ 20-го на 21-е октября, въ селѣ Гавриловскомъ, Спасскаго уѣзда, Рязанской губерніи, въ мѣстѣ расположенія 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка резервнаго эскадрона, вспыхнулъ пожаръ. Порывистый вѣтеръ быстро разносилъ пламя по всему селу, и увеличивающаяся съ каждою минутою опасность угрожала строевымъ лошадямъ и эскадронному имуществу. Но энергическая распорядительность и дѣятельность офицеровъ и нижнихъ чиновъ спасли, какъ сообщаютъ въ «Рус. Инв.», всѣхъ лошадей, расположенныхъ въ 13 конюшняхъ, и только нѣкоторая часть казеннаго имущества и собственныхъ солдатскихъ вещей сдѣлались добычею пламени. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ, Длубало, выгнавъ изъ двухъ загорѣвшихся конюшенъ лошадей, бросился спасать оружіе и конское снаряженіе. Въ это время кто-то ему напомнилъ о его сундукѣ; «пускай горитъ, бѣгу спасать сѣдло», и съ этими словами онъ бросился въ горѣвшую конюшню, схватилъ сѣдло и выбѣжалъ на объятый уже пламенемъ дворъ, но здѣсь, задыхаясь отъ дыма и огня, упалъ вмѣстѣ съ сѣдломъ безъ чувствъ. Увидавъ это, старшій вахмистръ Васильевъ, накинувъ себѣ на голову полушубокъ, бросился къ Длубало и вытащилъ его на улицу, гдѣ, облѣпивъ грязью, привелъ его въ чувство. Слова и дѣйствія Длубало, а равно и поступокъ Васильева говорятъ сами за себя.

— Генералъ-маіоръ Ломакинъ, пишутъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», предполагаетъ сдѣлать рекогносцировки къ Атреку и къ Малому-Балкану двумя колоннами, изъ Чикишляра, а другая отъ залива Михайловскаго. Начальникъ Закаспійскаго отдѣла разсчитываетъ, что рекогносцировки эти усмирятъ текинцевъ, такъ какъ колонны наши подойдутъ къ ихъ крѣпостямъ на 100—120 верстъ и этимъ обнаружатъ, что русскія войска всегда могутъ явиться неожиданно въ средѣ стойбищъ кочевниковъ. Пользуясь рекогносцировкою, генералъ-маіоръ Ломакинъ предполагаетъ собрать свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Балкана.

— Пароходъ «Перовскій» благополучно вернулся изъ Аму-дарьи въ фортъ № 1-й (Казалинскъ). Пароходъ этотъ по пути отъ укрѣпленія Нукусъ до залива Тущебасъ (на восточномъ берегу Аральскаго моря) нигдѣ не встрѣтилъ, какъ сообщаютъ въ «Туркестан. Вѣд.», воды менѣе трехъ футовъ, хотя и плылъ въ первой половинѣ сентября, т.-е. когда вода въ протокахъ и рѣкахъ, впадающихъ въ Аральское море, уже значительно убываетъ. «Перовскій» вышелъ въ Аральское море 10-го сентября и прибылъ въ Казалинскъ 20-го сентября.

Сельское хозяйство.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что въ нынѣшнемъ году Заравшанъ былъ особенно обиленъ водою, и въ Бухарѣ нисколько не ощущалось недостатка въ водѣ. Заравшанъ, обыкновенно теряющійся за Бухарою въ озерѣ Каракуль, нынѣшнимъ лѣтомъ прорвался далѣе и дошелъ до Аму-дарьи. Это случается весьма рѣдко, и немногіе старожилы запомнятъ такое явленіе.

— Урожай винограда въ станицѣ Цимлянской (области Войска Донскаго) очень хорошъ, и садоводы надѣются поправить свое разстроенное прошлыми тремя неурожайными годами состояніе. Урожай винограда въ Бессарабіи и Аккерманѣ въ текущемъ году удовлетворителенъ, и качество винъ гораздо лучше прошлогодняго. Съ южнаго берега Крыма пишутъ въ «Одесскій Вѣстникъ», что въ прошедшемъ году тамъ былъ неурожай винограда отъ слишкомъ теплой, сухой зимы и страшно-знойнаго лѣта: виноградники дали только половину своего обыкновеннаго сбора. Въ настоящемъ году опять неурожай, и причина его — морозъ. Есть сады, гдѣ виноградники погибли окончательно, напримѣръ въ Алуштѣ, въ мѣстахъ, куда сѣверные вѣтры дуютъ прямо изъ ущелья — между Чатырдагомъ и горою Бабугонъ. Многіе виноградники пострадали только мѣстами, но пострадали настолько, что дали менѣе третьей части.

— Въ Сызранскомъ уѣздѣ (Симбирской губерніи) былъ сдѣланъ очень удачный опытъ разведенія кукурузы. Имѣніе, въ которомъ произведенъ былъ этотъ опытъ г. М. Тамаровымъ, находится въ юговосточной степной части уѣзда, страдающей часто отъ засухъ.

— Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ (Херсонской губ.) въ настоящее время начинаютъ входить, пишутъ въ «Никол. Вѣстникѣ», повсемѣстно въ употребленіе паровыя и конныя земледѣльческія машины и орудія. Открывшійся въ этомъ году въ Елисаветградѣ складъ машинъ и орудій Клейтона и Шульворта имѣлъ огромный сбытъ какъ въ уѣздѣ, такъ и для отправленія по сосѣдству въ Кіевскую губернію. Самый большій сбытъ находили паровыя и конныя молотилки, вѣялки и жатвенныя машины. Конныя машины изъ заводовъ мѣстечка Бѣлой-Церкви (Кіевск. губ.) по своему удобству и умѣреннымъ цѣнамъ представляли значительную конкуренцію фирмѣ Клейтона.

Гигіена.

— Приглашенный для изслѣдованія Кавказскихъ минеральныхъ водъ гидротехникъ и горный инженеръ Жюль Франсуа, по прибытіи въ Пятигорскъ 3-го августа, началъ свои занятія съ осмотра группъ минеральныхъ водъ и всѣхъ источниковъ. Но словамъ этого ученаго, передаваемымъ въ «Листкѣ Кавказскихъ минеральныхъ водъ», въ Европѣ не существуетъ подобнаго сочетанія разнородныхъ источниковъ; качества ихъ (по химическому составу) въ терапевтическомъ отношеніи разнообразны и очень дѣйствительны. Онъ убѣжденъ, что при правильной разработкѣ источниковъ, при цѣлесообразномъ устройствѣ купаленныхъ зданій, Кавказскія минеральныя воды займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди минеральныхъ водъ Европы.

— Существующія въ гор. Самарѣ кумысолѣчебныя заведенія стали въ послѣднее время привлекать къ себѣ посѣтителей не только изъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, но и изъ чужихъ краевъ. Такъ, нынѣшнимъ лѣтомъ лечился въ Самарѣ одинъ англичанинъ, членъ британскаго Парламента, *Бутлеръ-Джонстонъ*. Кумысъ оказалъ благотворное вліяніе на его здоровье. Во время своего двухмѣсячнаго пребыванія въ Самарѣ, г. Бутлеръ-Джонстонъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ по сѣверной части губерніи. Результатомъ этихъ поѣздокъ явилось у путешественника намѣреніе сдѣлаться землевладѣльцемъ Самарской губерніи.

— Въ Ташкентѣ открыта недавно устроенная на счетъ городскихъ суммъ туземнаго населенія аптека. Все обзаведеніе этой аптеки обошлось въ 20.000 рублей. Туземцы получаютъ изъ нея лѣкарство даромъ, а русскіе и иностранцы — за умѣренную плату; завѣдываетъ ею опытный и знающій свое дѣло провизоръ. Туземцы сперва чуждались, какъ говорится въ одной изъ корреспонденцій «Русскаго Инвалида», незнакомаго имъ учрежденія, но чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе они свыкаются съ нимъ и, безъ сомнѣнія, по достоинству оцѣнятъ заботы о нихъ администраціи.

— Изъ Лоневской волости, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губерніи, сообщаютъ въ «Пермскія Губернскія Вѣдомости», что въ деревнѣ Новыхъ-Кривкахъ противъ сибирской язвы крестьяне принимали слѣдующія мѣры: по нѣсколько разъ въ день прижигали опухоль на грубыхъ частяхъ тѣла желѣзомъ, а на нѣжныхъ кочками, примачивали обожженныя мѣста чистымъ рябиновымъ или березовымъ, разведеннымъ водой дегтемъ и потомъ деревяннымъ или коровьимъ масломъ, внутрь давали рябиновый деготь или березовый, смѣшанный съ водой. Благодаря этому, падежъ ограничился всего 15 лошадьми, несмотря на то, что почти у всѣхъ хозяевъ деревни, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, лошади переболѣли означенной болѣзнью.

Несчастія.

— Изъ Вѣдомостей Департамента Полиціи Исполнительной, видно, что въ теченіи іюля, августа, сентября и октября мѣсяцевъ, въ Россіи было 11,074 пожара, убытокъ отъ которыхъ составляетъ 31,912,879 рублей. Въ общемъ числѣ пожаровъ произошли: отъ поджога или при подозрѣніи въ ономъ 1680, отъ неизвѣстныхъ причинъ 6219, отъ неосторожности 2697 и отъ молніи 478.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Вятка (съ рисункомъ).—Двукорій волкъ Н. Каразина (продолженіе). — Борьба за Неву. VI. Владѣніе шведами Невы и потеря ея (съ рисункомъ). — И. Н. Петрова (окончаніе). — Судебная хроника. Дѣло игуменьи Митрофаніи въ Московскомъ окружномъ судѣ (окончаніе). — Литературный альбомъ. „Братья-разбойники" Пушкина (съ рисункомъ). — Ломбардская жница (съ рисункомъ). — Разумное воспитаніе дѣтей III—IV. — Разныя извѣстія.

Моды за декабрь съ 12 рисунками и **особымъ приложеніемъ чертежей выкроекъ и 1 размѣръ метръ.** Приложеніе объявл. «Нивы».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

При этомъ № приложены для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленія: Каталогъ изд. Книжнаго магазина Колесова и Михина, въ С.-Петербургѣ и отъ чайнаго магазина Корещенко.

Дозволено цензурою. 5 декабря 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

№ 51 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 16-го декабря 1874 года. Цѣна этого № «Нивы» 20 коп. съ пересылкою 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Ввиду приближенія времени подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

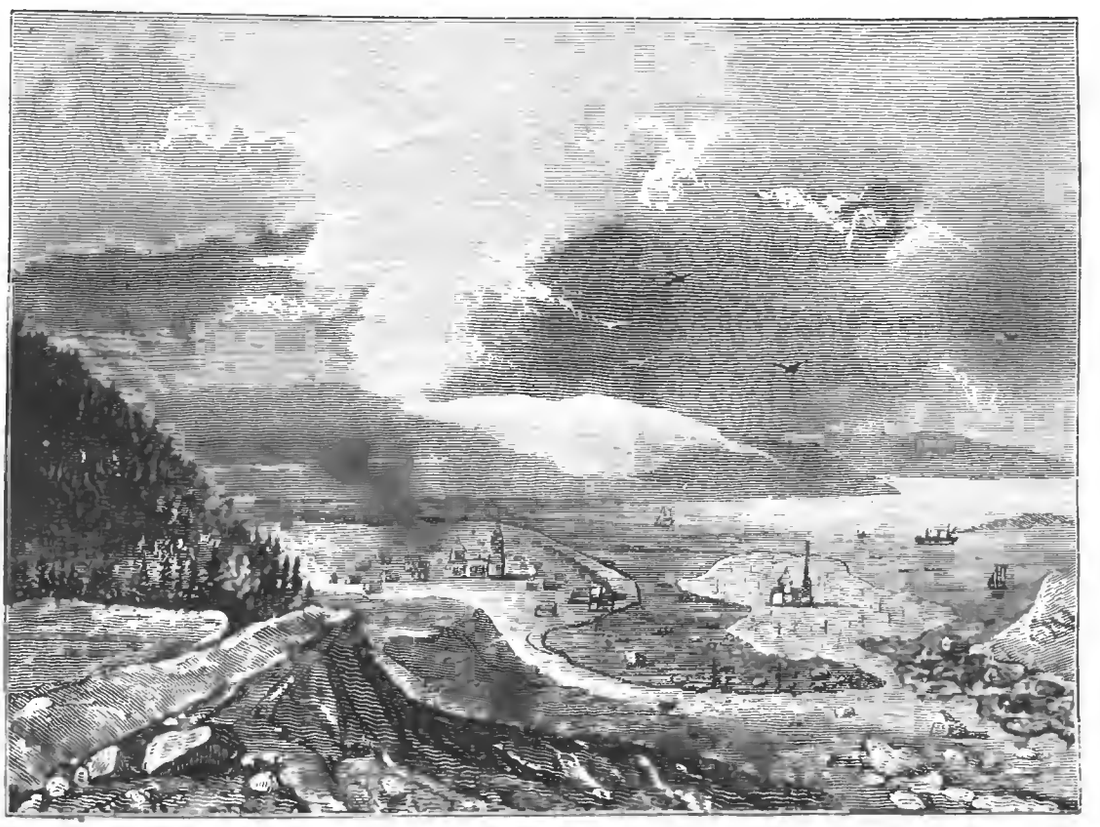
III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.*)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера.



Городъ Кола. Изъ путеваго альбома В. И. Немировича-Данченки. Рис. Н. Каразинъ, грав. Папѣръ.

Библиотека "Руниверс"

Кола.

На самомъ краю Россіи, у Сѣвернаго Ледовитаго моря, у вершины Кольской губы, стѣсняемой справа и слѣва высокими горами Лапландскаго побережья, разбросанъ на выдающемся мысѣ горы Соловарни, небольшой малолюдный городокъ Кола, похожій на бѣдную деревушку, а ужъ никакъ не на центръ мѣстной промышленности и торговли. Мысъ, на которомъ стоятъ два ряда скудныхъ домиковъ, образуется рѣками Колой и Туломой и Кольской губою. Небольшая равнина, на которой стоитъ городъ, со всѣхъ сторонъ стѣснена высокими горами. Одни изъ нихъ сплошь поросли мелколѣсьемъ, другія только покрыты травою. Выше всѣхъ изъ окрестныхъ горъ — такъ-называемая Горѣлая-варака. Передъ городомъ, въ губѣ, небольшой песчаный островъ, на которомъ расположено кладбище и деревянная церковь Благовѣщенія, стоящая на мѣстѣ нѣкогда перенесеннаго сюда Трифоно-печенгскаго монастыря. Въ самомъ городѣ довольно большой каменный соборъ, выстроенный на мѣстѣ сгорѣвшаго. Весь вообще городъ въ 1855 году былъ выжженъ англичанами. Коляне и до сихъ поръ не могутъ оправиться отъ этого погрома. Въ самомъ городѣ пропасть землянокъ и какихъ-то шалащиковъ, крытыхъ дерномъ, въ которыхъ до сихъ поръ живутъ семьи, не имѣвшія возможности выстроить новыхъ домиковъ послѣ разоренія своихъ родныхъ пепелищъ. Наконецъ, въ 1769 году на ближайшей къ городу горѣ Соловариной стояли зданія обсерваторіи академика Румовскаго; остатки сваи и теперь указываютъ это мѣсто. Климатъ Колы, судя по ея географическому положенію, довольно умѣренный. Среди лѣта иногда бываетъ +18° R., по термометръ иногда и въ это время понижается до +5° R. Дожди часты. Въ второй половинѣ сентября и октябрѣ — господствуютъ сильные вѣтры. Морозы зимою рѣдко превышаютъ — 15 или 20° R. Зима начинается съ половины или съ конца октября и продолжается до начала мая. Коляне занимаются торговымъ промысломъ, ловятъ палтусовъ, семгу, добываютъ акулъ и вытапливаютъ изъ нихъ сало; они же ведутъ мѣновую торговлю съ Норвегіей, строютъ шняки. Повторю здѣсь, разъ уже высказанный мною въ моемъ путешествіи по Мурману, взглядъ на историческое значеніе Колы:

Первая колонія, первое поселеніе на дальнемъ сѣверѣ, на берегахъ Лапландіи (Мурмана) у студенаго моря, упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ еще 1264 году. Это — Кола. Она основана выходцами новгородскими, проложившими сюда путь черезъ Заволочье рѣкою Двиной и Бѣлымъ моремъ. Колу выбрали ушкуйники потому, что, окруженная горами, находящаяся у моря, она удобна была, во первыхъ, какъ гнѣздо для набѣговъ, а во вторыхъ, какъ превосходное мѣсто для укрывательства отъ нападеній кочевыхъ инородцевъ. Изобиліе бѣлой рыбы и семги, выдры и бобровъ, близость океана, съ его неисчерпаемыми богатствами, привлекли сюда первыхъ поселенцевъ. Изъ Колы, съ перваго же времени, стали вывозить въ Великій Новгородъ цѣнныхъ звѣрей: куницъ, лисицъ, выдръ и бобровъ. Республика включила далекій и невѣдомый край въ кругъ своихъ владѣній. Но въ теченіи первыхъ 300 лѣтъ охотниковъ для поселенія въ такой глуши не являлось вовсе—и подчиненіе Новгороду было только номинальное. Горсть колонистовъ не могла заставить лопарей платить своей метрополіи ясачную подать. До 1530 года здѣсь не было ни одной церкви, а только стояла небольшая часовня. Но когда Іоанъ III разгромилъ Новгородъ—Двинская область, Заволочье, все Кемское и Кольское поморье (Мурманъ) присоединены были къ Москвѣ. Съ этого времени колонія въ Колѣ увеличивается. Въ 1533 году здѣсь воздвигается первая церковь. Съ прибытіемъ же сюда Ѳеодорита, распространившаго христіанство между восточными лопарями, и Трифона, крестившаго западныхъ, — Кола становится центромъ умственнаго, религіознаго и гражданскаго прогресса, и представительницей славянскаго племени и славянскихъ началъ на крайнемъ сѣверѣ. Одновременно и границы Россіи были расширены по Мурману до Ганвика. Въ 1550 году въ Колу стали ссылать преступниковъ, городъ названъ острогомъ; здѣсь построили крѣпость, имѣвшую видъ четырехъугольника, обнесеннаго двойною деревянною стѣной съ насыпью мелкаго камня посрединѣ и обведеннаго глубокимъ рвомъ. Прислали сюда воеводу, сотню стрѣльцовъ, а въ 1574 году въ Колу былъ высланъ изъ Москвы писецъ Агалинъ для описанія по всей Лапландіи межъ и границъ частныхъ родовыхъ владѣльческихъ участковъ. Ему же было поручено сдѣлать и другія росписи, на общихъ началахъ Московскаго государственнаго строя. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ въ Колѣ острога, сюда начали стекаться изъ Кемскаго поморья и «нужные» людишки для промысловъ на Мурманѣ, о которомъ скоро вѣсть дошла и до Двинскаго края. Вскорѣ предпріимчивые холмогорцы стали отправлять на своихъ жалкихъ суденышкахъ отважныхъ рыбаковъ и промышленниковъ въ отдаленнѣйшія губы нашего арктическаго запада. Вслѣдъ за холмогорцами на Мурманъ начали ходить пинежане, мезенцы и онежцы, такъ что весь этотъ берегъ съ ранней весны до осени оживлялся промысловою кипучею суетой по становищамъ, гдѣ пріѣзжіе удальцы понастроили землянки или просто жили вокругъ кое-какъ складенныхъ печей. Сила новгородскаго духа сказывается въ этой исторіи первой колоніи въ Лапландіи. Она не исчезла на чужбинѣ безслѣдно, не слилась съ инородцами, но все росла и росла, поддерживаемая преданіями, оставленными по себѣ горстью ушкуйниковъ, врѣзавшихся въ самую глубь враждебнаго имъ края. Она оказала громадныя услуги сѣверному краю и Россіи, пріобрѣтя ему Лапландію и длинную береговую линію.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

ГЛАВА XXVII.

«Сардыба-куль» и «Учь-чучакъ».

Съ своей страшной, полной смертельныхъ лишеній, стоянки на колодцахъ Адамъ-крылганъ и Алты-кудукъ — «бѣлыя рубахи» выступили.

Еслибы ихъ сломили эти лишенія,—они бы не могли выступить—и должны были бы погибнуть, но у нихъ сохранилось еще настолько силъ чтобъ идти.

Путь назадъ былъ хорошо извѣстенъ; по этому пути они скоро могли найдти воду,—они знали—гдѣ она и сколько.

Путь впередъ былъ теменъ, неизвѣстенъ какъ сама будущность. Вода была—это всѣ знали; эта вода—Аму-дарья—цѣль похода; но гдѣ она? далеко-ли еще, близко-ли—этого не зналъ никто.

Между колодцами, съ которыхъ выступилъ отрядъ, и Аму—залегало пространство мертвыхъ песковъ.—Это пространство надо было пройдти.

Кто говорилъ, что впереди—не болѣе сутокъ похода; кто говорилъ, что три дня; кто говорилъ, что еще болѣе ста верстъ,—то есть почти недѣля.

Если два дни пути, не болѣе, — люди дойдутъ, можетъ быть дойдутъ и верблюды и лошади;—если-же болѣе — то не дойдетъ никто.

Всѣ эти вопросы были рѣшены разомъ:

«Стоять на мѣстѣ—смерть; идти назадъ — позоръ; идти впередъ—ставить на карту все — ва банкъ!»

А бѣлыя рубахи такъ любятъ эту послѣднюю, критическую, роковую карту.

И они пошли впередъ,

Слѣдующая ночь проведена была безъ воды, на пескахъ.

Мертвая тишина царствовала въ лагерѣ.. странные звуки неслись изъ степи, со всѣхъ сторонъ, и эти звуки заставили опытныхъ солдатъ держать ухо востро.

Неразъ многіе припадали ухомъ къ землѣ, и тогда ясно слышался топотъ коней — движенія цѣлыхъ массъ-всадниковъ... Молчаливая до сихъ поръ пустыня, тихая какъ могила, — словно ожила. Въ воздухѣ носились нѣжные; чуть слышные звуки.. Но ничего не было видно, потому что было темно.

— Слышь, галдятъ?.. шепталъ солдатъ въ уши своему товарищу.

— Галдятъ... много народу — чу-кось! такъ-же шепотомъ отвѣчалъ товарищъ.

— Конь заржалъ.. вонъ еще—въ той сторонѣ...

— Орда гуляетъ..

Библиотека "Руниверс"

— Ты видѣлъ вечеромъ, какъ солнце садилось?.

— Чего?

— Наши всѣ видѣли—ротный шапку снялъ, перекрестился, да и сказываетъ: «Аму-дарья, братцы, близко. Молись, ребята, Богу!»

— Что-же видѣли-то?..

— Орла въ небѣ. Минуту одну только и видѣли.. Поднялся это онъ, птица Божія, высоко-высоко,—постоялъ, а опосля этакъ бокомъ, наискось, за барханы спустился. А ужъ коли орелъ есть, сказано: вода близко.

— За тридцать верстовъ—болѣ она, птица-то, отъ воды не отлѣтаетъ... это вѣрно.

— Да, тридцать верстовъ.. можетъ и ближе будетъ. Опять вотъ орда гудетъ слышь тамъ позади, за арьергардомъ..

— Да, слышно..

— Тоже и она—отъ воды далеко не пойдетъ, коли много ея. По малости шляется, а вкупѣ—ни Боже мой!

— Теперь она, вишь, весь лагерь охватила;—надо быть ея много...

— Съ разсвѣтомъ и глазомъ увидимъ то, что теперь одно ухо слышитъ.. Гляди, объѣздъ идетъ... Кто идетъ?..

— Рундъ! отозвалось въ темнотѣ, въ группѣ приближающихся пѣшихъ людей, идущихъ вдоль цѣпи.

Старикъ генералъ — тяжело ступая по сыпучему песку—самъ обходилъ передовую цѣпь, ласково кивая козыркомъ своей шапки, когда солдаты бодро вытягивались на своихъ постахъ, узнавая слишкомъ знакомую, характеристическую фигуру своего главнокомандующаго.

И каждый разъ, при видѣ этого молодцоватаго подбодриванія,—при видѣ того лихаго полнаго энергіи взгляда, съ которымъ встрѣчали его солдаты, отдыхала наболѣвшая душа старика—и думалось ему:

«Счастливъ тотъ генералъ, которому довелось командовать такими войсками».

Было еще далеко до разсвѣта, когда отрядъ выступилъ далѣе.

Темное небо горѣло миріадами звѣздъ... но звѣзды эти сверкали, а не свѣтили. Темно было внизу, и чуть-чуть обозначались во мракѣ черныя горбатыя массы верблюдовъ, сведенныхъ въ густую колону,—и болѣе свѣтлыя массы—пѣхотинцевъ, охватившія эту громадную колону вьючныхъ животныхъ..

Отрядъ выступилъ въ строгомъ, боевомъ порядкѣ. Врагъ былъ близко—и имъ пренебрегать были нельзя.

Стройно, словно это не походъ по мертвой пустынѣ изнуренныхъ войскъ, а какой-то срепетированный, заученный парадъ,—подвигались впередъ туркестанскіе батальоны.

Стало свѣтать.

Обозначилась волнистая линія далекаго горизонта; эта линія стала предметомъ наблюденія каждаго, отъ генерала до послѣдняго лауча при верблюжьемъ обозѣ - караванѣ. Эта линія вся была усѣяна черными, передвигающимися точками.

Врагъ увидалъ наконецъ, что мертвая пустыня, которая по ихъ предположеніямъ должна была быть могилой «гяуровъ»,—оказалась *имъ*, правовѣрнымъ, плохою союзницею. Русскіе не знали еще, что эта пустыня пройдена, что они уже у воротъ культурной, орошенной богатыми водами, полосы хивинскаго ханства,—но *тѣ* знали уже, что теперь имъ остается разсчитывать только на свои силы, чтобы удержать наплывъ« бѣлыхъ рубахъ»,—и стали со всѣхъ сторонъ сбираться въ густыя массы, чтобъ загородить могучему врагу его безостановочную дорогу.

Впереди—далеко еще но совершенно ясно—обозначились три плоскія возвышенія. Это былъ «Учь-чучакъ» (три вершины, три тычка), за ними—Аму, а съ нею конецъ мученіямъ, конецъ всѣмъ бѣдамъ!

Безъ всякаго понуканія—всѣ, словно подъ наитіемъ одной общей мысли, прибавили шагу,—кони натянули поводья, верблюды вытягивали шеи, фыркали своими разорваными ноздрями и глухо ворчали.

— Вода!.. донеслась изъ авангарда.

— Вода!... Вода!... прогремѣло по всему отряду..

Свѣтлая полоска, отражая въ себѣ золотистый багрянецъ утренней зари, мелькнула влѣво отъ Учь-чучака..

Какъ будто галваническая искра пронизала отрядъ — отъ передняго человѣка до самаго задняго.

По вершинамъ бархановъ заклубились бѣловатые дымки,—все чаще и чаще, больше и больше. Это тюркмены пытались остановить отрядъ, гикая, бѣснуясь и носясь по холмамъ, заскакивая съ боковъ, спереди и сзади.

Имъ не отвѣчалъ ни одинъ выстрѣлъ.

Видѣнная вода не была Аму—какъ оказалось въ послѣдствіи; до великой рѣки невѣдомаго міра былъ еще одинъ добрый переходъ. Это было пока озеро Сордыба-куль, лежащее свѣтлымъ полукругомъ въ небольшой котловинѣ, у подножья Учь-чучака. Зеленоватая полоска камышей обрамливала свѣтлое прозрачное зеркало. Какъ пріятно ласкала глазъ эта зелень, признакъ жизни!—Такъ давно уже не видѣли русскіе ничего, что бы, хотя сколько нибудь, ее напоминало.

Съ большимъ трудомъ можно было удержать лошадей, чтобъ они не ворвались въ воду и не поколѣли-ли бы, опившись, послѣ такого продолжительнаго воздержанія.

Оживленный бивуакъ охватилъ берега Сордыба-куль. . Дымились веселые огоньки, отовсюду неслись звуки пѣсень, музыка.. Лицо каждаго сіяло восторгомъ, побѣдою. Съ этой минуты участь Хивинскаго ханства была рѣшена. Главный и самый могучій врагъ былъ побѣжденъ;—этотъ врагъ—природа. Оставались такіе пустяки, на которыя «бѣлыя рубахи» привыкли смотрѣть съ полнымъ презрѣньемъ.

— Ну, ребята, слава тѣ Господи — добрались! говорилъ солдатикъ, торопливо снимая рубаху.

— Теперь вода вольная, не мѣрянная,—хоть опейся!..

— Эй, другъ, что — не больно глубоко..?

— Важно!

— Сюда не ходи—яма.. Благодать!..

— Третій-то мѣсяцъ не мывшись.....

— Тутъ, сказывали, дневка,—мы и рубахи-то всѣ, и портянки перестираемъ...

— У ротнаго жеребецъ сдохъ;—горнистъ Демка не доглядѣлъ, а тотъ вырвался, да въ озеро. Пилъ-пилъ, покедова не лопнулъ..

— Тутъ и человѣкъ обопьется—не токма что скотина глупая... Гляди, гляди!. какъ казаки тѣхъ-то красныхъ чертей погнали!..

А пока солдаты беззаботно, весело купались и мылись, обрадованные обильной «немѣренной» водѣ,—вокругъ озера шла оживленная перестрѣлка — массы непріятельской кавалеріи отступали за Учь-чучакъ; казаки и часть пѣхоты ихъ преслѣдовали. Между дробными перекатами ружейной пальбы по временамъ слышались—отдѣльные—громкіе удары пушечныхъ выстрѣловъ.

Къ полудню—непріятель исчезъ... Все вернулось въ лагерь - и уже отдыхало. Послѣ столькихъ лишеній, отдыхъ былъ совершенно заслуженной наградой.

У ставки главнокомандующаго гремѣлъ хоръ музыки. Все горе было забыто. Страшная степь осталась позади,—а впереди широкая, торная дорога.

Колосальный подвигъ нѣсколькихъ туркестанскихъ батальоновъ былъ совершенъ. Этотъ подвигъ заставилъ весь міръ взглянуть на него съ изумленіемъ и произнести: «Да, это — солдаты»!

ГЛАВА XXVIII.

Вѣсти.

Чудное утро!

Крутой, обрывистый берегъ Аму-дарьи спускался почти отвѣсно. Въ розливъ вода подходитъ вплотную къ этому берегу, поднимается, и подмываетъ его снизу, образуя длинныя паралельныя борозды, въ глубинѣ которыхъ—остается осадочный илъ, песокъ и разная водяная растительность; затѣмъ вода спадаетъ, отходитъ отъ этой обрывистой, подрытой стѣны и образуетъ плоскія, сырыя отмели, тянущіяся у подножья обрыва. Эти отмели—второй ярусъ береговъ,—онѣ

Библиотека "Руниверс"

на туземномъ языкѣ зовутся—«тугаи», любимое мѣстопребываніе чаекъ-рыболововъ, куличковъ, пчелоѣдовъ и прочей водяной птицы.. Червяки, водяныя насѣкомыя, а иногда и мелкая рыбка, — въ множествѣ находимыя птицами на этихъ отмеляхъ,—и обиліе добычи—сбираетъ сюда, со всѣхъ концовъ, рѣчное, пернатое населеніе.

Мутно-желтая глинистая вода катится беззвучно, ни одной лодки не видно на ея поверхности, но за-то то и дѣло показываются громадные рыбьи всплески и расходятся кольцеобразными кругами...

Жарко. Всѣ чайки устали летать—и неподвижно сидятъ по отмелямъ, отдыхая отъ ранней работы; словно снѣгъ бѣлѣютъ массы птицъ на красноватомъ пескѣ отмелей; нѣкоторыя изъ этихъ отмелей - притоновъ покрыты тонкимъ слоемъ воды,—тогда блескъ солнца на поверхности рѣки совершенно скрываетъ желтизну песка этихъ отмелей, и все, что на нихъ сидитъ, кажется будто покоится на гладкой, водной поверхности.

Легкая полоса тумана скрываетъ далекій противуположный берегъ, чуть-чуть синѣютъ на немъ какіе-то возникающіе надъ туманомъ, синеватые холмы...

Отрядъ сталъ лагеремъ на вершинахъ береговыхъ обрывовъ, оттуда внизъ на тугаи протоптаны многочисленныя, крутыя тропинки.—По этимъ тропинкамъ спускаются и поднимаются почти непрерывныя цѣпи солдатъ:—внизъ съ пустою посудою, вверхъ съ налитыми до краевъ котелками, бутылками, бадейками и фляжками... У самой воды расположены были кухни, и изъ-подъ котловъ поднимались густые, черные столбы дыма.. Тутъ же, неподалеку, сбирали и спускали на воду—привезенныя съ собою на верблюжьихъ спинахъ—сборныя маленькія лодки—«кауфманки» *), нѣчто въ родѣ понтоновъ. Матросы и солдаты пѣхотинцы, съ видимымъ наслажденіемъ, садились въ эти лодки, и пробовали ихъ, дружно работая короткими веслами...

Всѣ туземные каики были заранѣе убраны торкменами съ этого берега,—и потому основаніемъ переправы только и служили эти понтоны; съ помощью ихъ, а главное отваги и находчивости матросовъ, разсчитывали добыть какъ нибудь съ того берега эти увезенные каики, для чего надо было, конечно, прежде вырвать ихъ изъ рукъ непріятеля.

Все вражеское давно очистило нашу сторону и перебралось на лѣвый берегъ;—между нами и непріятелемъ пролегала теперь широкая рѣка, и потому въ лагерѣ все было совершенно покойно и не принимались многіе обычныя мѣры осторожности. Незачѣмъ было даромъ утомлять солдатъ, нуждавшихся въ хорошемъ отдыхѣ.

Общая бодрость и веселье, по достиженіи цѣли похода, отразились на всѣхъ здоровыхъ; это веселье не могло не отразиться и на больныхъ: — лазаретныя носилки, съ каждымъ днемъ, все пустѣли и пустѣли.. Докторамъ работы, съ каждымъ часомъ, становилось все менѣе и менѣе.

Усиленная работа и заботливость заглушала нѣсколько жгучую тоску въ сердцѣ Натальи Мартыновны; но теперь, въ относительномъ бездѣйствіи, эта тоска начинала развиваться снова, съ прежнею, разрушительною силою.

Жалко было смотрѣть на эту женщину. Прежней, хотя и задумчивой, всегда серіозной, но цвѣтущей здоровьемъ и силою Наташи — не было и тѣни. Блѣдная, исхудалая, съ вѣчно опущенными внизъ глазами, словно въ чемъ виноватая, она казалось олицетвореніемъ тоски и грусти.

Къ ней приходили, заговаривали съ нею, старались занять ее чѣмъ нибудь, развлечь; — всѣ усилія эти оставались тщетны,—а малѣйшее слово, неосторожно сорвавшееся съ языка, малѣйшій намекъ, вызывали тотчасъ-же тихія, беззвучныя слезы... Самое тяжелое страданіе отражалось въ такія минуты на ея, и безъ того истрадавшемся, лицѣ,—и неосторожный говорунъ проклиналъ себя, свой языкъ, и долго послѣ этого не рѣшался не только заговорить, но даже подходить къ несчастной матери.

*) Эти лодки построены были по идеѣ генерала Кауфмана, и потому получили свое названіе.

Одинъ только Головинъ никогда не проговаривался и умѣлъ поддерживать съ Наташею разговоръ о чемъ нибудь постороннемъ, вызывая даже съ ея стороны нѣкоторый интересъ и вниманіе...

Но за то хромой казакъ измѣнился не хуже самой Наташи. Онъ тоже походилъ скорѣе на ходячій трупъ, чѣмъ на живаго человѣка... Тяжелая борьба сломила и его желѣзную натуру,—и часто, пріидя въ свой казачій бивуакъ, легши ничкомъ на коверъ и уткнувшись въ кожаную подушку, онъ рыдалъ подолгу, а потомъ спѣшилъ скрыть поскорѣе на своемъ лицѣ слѣды этой слабости, для того чтобы снова идти къ той женщинѣ, за одну каплю крови которой онъ готовъ былъ пожертвовать всею своею, до послѣдней капли...

Хромой казакъ потерялъ уже всякую надежду спасти сына и возвратить его матери; но онъ, понятно, не выказывалъ этаго Наташѣ. Наташа была увѣрена, что, рано или поздно, ея сынъ будетъ въ ея объятіяхъ, — и тоже никогда не проронила объ этой надеждѣ ни слова. Она словно боялась, что найдутся люди, готовые однимъ словомъ разбить въ дребезги эту надежду, и ревниво оберегала ее, тая отъ всякаго посторонняго взгляда... Эта надежда поддерживала ее въ минуты тяжкаго испытанія, но она же за то и служила источникомъ самыхъ сильныхъ огорченій...

«Онъ живъ, — но гдѣ онъ? что съ нимъ? въ какихъ грубыхъ, ненавистныхъ рукахъ этотъ ребенокъ? какія страшныя лишенія испытываетъ онъ? что терпитъ и переноситъ этотъ бѣдный мальчикъ?»..

Иногда Наташѣ казалось даже, что легче было бы увидѣть трупъ своего сына, чѣмъ эта мучительная неизвѣстность.

За вѣсть о немъ, она готова была бы пожертвовать всѣмъ. О еслибъ хотя откуда нибудь, — хоть вонъ съ тѣмъ порывомъ степнаго вѣтра, хотя на крыльяхъ вонъ той серебристой чайки, скользнувшей надъ рѣкою, — прилетѣла эта свѣтлая вѣсть!.. И Наташа, по какому-то непонятному, инстинктивному чувству ждала этой спасительной вѣсти.

И она дождалась.

Разъ, подъ вечеръ, когда стало прохладнѣе и розовый свѣтъ заходящаго солнца пріятно ласкалъ глазъ, утомленный однообразіемъ пейзажа, Наташа шла вдоль берега, любуясь золотистыми всплесками воды и чайками — по всѣмъ направленіямъ шныряющими надъ ея поверхностью... Она была одна, даже хромой казакъ не провожалъ ея.

Большая собака «Куцый» подбѣжала къ ней, ласково повертѣла своимъ обрубленнымъ хвостомъ; Наташа погладила по головѣ доброе животное — и то, оставшись вѣроятно совершенно довольнымъ этой честью, запрыгало, залаяло и понеслось снова къ своему мѣсту, на ротной кухнѣ.

У самой воды толпилось нѣсколько туземцевъ-лаучей и милиціонеровъ. Къ этому сброду присоединились еще десятка два бродягъ, Богъ вѣсть откуда явившихся; ихъ не гнали. Всѣ они называли себя персіянами, рабами, бѣжавшими отъ своихъ господъ, подъ покровительство русскихъ,—и наши солдаты охотно ютили ихъ около себя, дѣлясь съ пришельцами своимъ незатѣйливымъ, скуднымъ обѣдомъ...

Вообще, за послѣднее время, въ лагерѣ значительно прибавилось разнаго пестраго неопредѣленнаго народа, на что, вообще, какъ и прежде, особаго вниманія не обращалась.

Вотъ мимо подобной-то группы и проходила Наталья Мартыновна.

Вѣсь оборванный, полуголый, черный какъ уголь, подошелъ къ ней туземецъ—и глядя на нее просительными, слезящимися глазами, протянулъ къ ней свою руку, завернутую по локоть въ тряпку.

Несчастный должно быть былъ раненъ, потому что на этой грязной тряпкѣ не трудно было замѣтить ржаво-красное пятно высох шей крови...

Бѣдняга бормоталъ что-то на непонятномъ для Наташи языкѣ, протягивалъ руку и, подойдя шага на три, опустился на колѣни...

Наташа подошла къ нему и нагнулась. Туземецъ принялся

Библиотека "Руниверс"

Седмиградская поселянка. Съ картины Вастага, Грав. Э. Остъ.

Библиотека "Руниверс"

медленно разворачивать тряпки... Наталья Мартыновна вздрогнула и отскочила... она почувствовала въ своей рукѣ кусокъ свернутой бумаги...

— Возьми это и читай... тихо почти шопотомъ произнесъ по русски туземецъ.—Тамъ все узнаешь...

Наташа хотѣла крикнуть и не могла... хотѣла поднять руку, чтобы знакомъ подозвать кого нибудь на помощь, но у ней не хватило на это силы... Земля стала уходить изъ-подъ ея ногъ... она зашаталась... А рука стиснувшая поданный ей клочекъ бумаги — такъ и не разжималась, словно эта бумага судорожно стянула въ кулакъ ея исхудавшіе пальцы.

Человѣкъ въ лохмотьяхъ изчезъ — словно его и не бывало... Онъ успѣлъ замѣшаться снова въ толпу такихъ же какъ и онъ грязныхъ, такихъ же черныхъ, такимъ же жалкихъ оборвышей...

Прохладный рѣчной вѣтеръ скоро благодѣтельно подѣйствовалъ на нервы Наташи... Она оправилась и быстро пошла черезъ лагерь къ своей палатки...

Какое-то тайное предчувствіе говорило ей, что въ этомъ клочкѣ бумаги таится разгадка, таится вѣсть, такъ давно жданная, желанная...

«Твой сынъ у меня, — ему хорошо. Приходи ты—и тебѣ будетъ хорошо. — Не прійдешь, — и ему будетъ худо, и тебѣ худо. . Пройдетъ день — русскіе на томъ берегу будутъ — наши ихъ не удержатъ... Въ тотъ-же день къ тебѣ прійдутъ люди, — иди за ними. Пропадутъ мои люди, — не прійдешь ты — я за твоего сына не отвѣчаю.

Мулла-Атамкулъ.»

Вотъ что было написано въ этой запискѣ...

— Наталья Мартыновна, можно къ вамъ? раздался за палаткою голосъ хромого казака.

Наташа хотѣла ответить и не могла... Она дрожала какъ въ самой сильной лихорадкѣ — она стояла какъ разъ посрединѣ своего шатра; одною рукою она придерживалась за столбъ, другою — торопливо, судорожно прятала за пазуху роковую записку...

— Наталья Мартыновна!... послышался снова голосъ за палаткою.

(Продолженіе будетъ).

Седмиградская поселянка.

Трудно сыскать уголокъ земли съ болѣе смѣшаннымъ населеніемъ чѣмъ Седмиградье—эта исконная славянская область, нынѣ называемая Трансильваніею. Въ древности она составляла часть Дакіи, и въ 105 году по Р. Х. покорена была Траяномъ римскому владычеству. Съ 274 года римляне покинули эту страну—и она буквально была затоплена хлынувшимъ приливомъ великаго переселенія народовъ. Какихъ племенъ, одеждъ, нарѣчій и состояній не перебывало тутъ! Одни за другими занимали ее Гунны, Остъ-готы, Гепиды, Болгары, Авары и наконецъ въ IX столѣтіи Печенѣги, раздѣлившіе ее на 8 округовъ (сековъ). Венгерскій король Стефанъ I завоевалъ Седмиградье, присоединилъ его въ 1003 году къ Венгріи и управлялъ имъ посредствомъ намѣстниковъ (воеводъ). Король Гейза II въ 1144 году вызвалъ нѣмцовъ изъ Фландріи, съ нижняго Рейна, съ Гарца изъ Турингіи (Саксоніи), для населенія обезлюдѣвшей югозападной части Седмиградья. Пять лѣтъ владѣлъ Седмиградьемъ византійскій императоръ Мануилъ (1167—1172). Въ 1240 вторгнулся сюда монгольскій ханъ Кадапъ. Затѣмъ Седмиградье снова управлялось то венгерскими герцогами, то воеводами изъ рода Баторіевъ, то князьями изъ рода Ракоци; турки не разъ пытались овладѣть этой страной, и только 21 іюля 1718 года Пассаровицкимъ міромъ она окончательно утверждена за Австріею.

Понятно, что такое множество народностей, наперебой вырывавшихъ Седмиградье одна у другой, не могло пройдти безслѣдно, не придавъ характера смѣшанности всему населенію. И въ самомъ дѣлѣ, по исчисленію 1857 года, видно, что въ числѣ 1,928,173 обитателей Седмиградья, считается 1768 славянъ сѣверныхъ, 830 славянъ южныхъ, 1,104,332 румуновъ и потомковъ византійцевъ, 517,577 венгровъ (мадьяровъ), и 200,364 нѣмца и 102,000 различныхъ племенъ, между которыми болѣе 80,000 цыганъ.

Седмиградье—страна гористая, представляющая даже въ низменностяхъ холмистую, волнообразную поверхность, лежитъ на высотѣ 2000 футовъ надъ уровнемъ моря и ограничена высокими горными хребтами, съ востока Карпатами (5500 футовъ), съ юга Трансильванскими альпами (7800 ф.), съ запада и сѣвера Седмиградскими рудными горами (Кухгорнъ 6,700 ф.). Изъ минеральныхъ произведеній особенно добычливо добывается золото (около 5,300 марокъ) въ Златнѣ и другихъ мѣстечкахъ, серебро (8000 марокъ), ртуть, мѣдь и соль. Уже Святославъ, этотъ истый князь дружинникъ, ссылался на богатство этого края серебромъ и конями, изъ которыхъ лучшіе разводятся въ Седмиградьѣ.

Насъ-русскихъ, конечно, болѣе всего интересуетъ славянское населеніе страны, одна изъ представительницъ котораго и представлена на прилагаемомъ рисункѣ. Костюмъ ея напоминаетъ нѣсколько сербскій или черногорскій. Обиліе металлическихъ украшеній указываетъ на богатство края въ этомъ отношеніи, хотя промывкою золота и проч. занимаются преимущественно цыгане; за то земледѣльному славянину довольно плохо приходится тамъ, гдѣ почва почти не покрываетъ трудовъ и урожай недостаточенъ даже для мѣстнаго потребленія. Виноградство, разведеніе овощей, табаку и пеньки служатъ впрочемъ нѣкоторымъ подспорьемъ поселянину. Неудивительно поэтому, что художникъ изобразилъ намъ седмиградскую поселянку не у земли, а на вольномъ такъ сказать промыслѣ—именно на поискахъ за грибами.

Фантастическое окончаніе къ поэмѣ «Кому живется всѣхъ вольготнѣе на Руси»,

Н. Некрасова

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашъ вѣкъ прогрессивный поэты — не тѣ мы;
Элегій, балладъ и любовь не поемъ мы,
А ищемъ въ народѣ, на родинѣ, темы
И въ родѣ такомъ сочиняемъ поэмы:

ПОЭМА. Глава.....

Взошла заря румяная
Надъ городомъ надъ Питеромъ
И смотрится какъ въ зеркало
Въ широкую Неву.
Блистаетъ шпицъ на крѣпости,
На немъ пробили съ музыкой
Часы три съ половиною,
Но городъ тихо спитъ.
Лишь изрѣдка послышится
Пролетки дребезжаніе,
И временемъ отъ фабрики
Какой-то слышенъ гулъ.
Стоитъ погода тихая,
На небѣ нѣтъ ни облачка,
Лишь ночь туманомъ дымчатымъ,
Скрывается въ дали.
Вотъ освѣтились зданія,
Вотъ и Нева широкая
Отъ солнца восходящаго
Покрылась серебромъ:
На ней мелькаютъ ялики,
Плывутъ съ дровами барочки,
Спускаясь по теченію,
Безъ мачты и руля.
Изъ Ладожскаго озера,

Библиотека "Руниверс"

На баркѣ съ разнымъ деревомъ,
Плывутъ Невой широкою
Всѣ наши мужики.
Чего не насмотрѣлися
Они путемъ-дорогою!
Такія все диковинки,
Что трудно и сказать;
Стоятъ на баркѣ дурнями,
Глаза бычачьи сдѣлали
И весла даже бросили,
Взглянувши на дворцы.
Кричитъ хозяинъ: «Лѣшіе!
Чего вы рты разинули?
Иль потонуть желаете?
Вишь на мостъ насъ несетъ!
Скорѣе, братья Губины,
Пихай шестами съ носа-то;
А Провъ греби весломъ!»
Вдругъ точно всѣхъ толкнуло чѣмъ,
Пошли трещать плашкоуты,
Что подъ мостомъ поставлены...
Прошибло въ баркѣ носъ.
Хозяинъ взвылъ по волчьему...
Съ моста опять ругается,
Не то чтобъ очень вѣжливо,
Какой-то кавалеръ. —
«Спасите православные!»
Кричали братья Губины
«Умремъ безъ покаянія!»
А Провъ кричитъ: «Тону!»
Гудѣло эхо по мосту,
И по Невѣ отъ Клиники
До Горнаго до Корпуса
Былъ слышенъ общій крикъ...

«Ну видѣли вы, лѣшіе,
Житье мое хозяйское?
Чуть съ вами съ косолапыми
Я самъ не потонулъ.
Ступайте вы къ чиновничкамъ,
Ищите тамъ счастливаго,
У насъ ихъ всѣхъ здѣсь въ Питерѣ
Вамъ вѣкъ не перечесть!

Вотъ мужики дорожкою,
Деревьями обсаженной,
Пришли въ большую улицу,
Конца которой нѣтъ;
Стоитъ тутъ важно будочникъ,
Порядокъ соблюдающій,
И смотритъ подозрительно
На нашихъ мужиковъ.
«Чего вы цѣлой шайкою,
По городу таскаетесь?
Что? вѣрно дѣлать нечего?
Остались безъ работъ?
Въ деревнѣ лучше жили-бы,
Поля свои пахали-бы,
Чтобъ въ комитетъ презрѣнія
Къ намъ послѣ не попасть...
Куда на Невскій лѣзете?
Сюда пускать не велѣно,
Здѣсь скоро много публики
Пойдетъ у насъ гулять.»
«Мы такъ и такъ... чиновника
Намъ очень бы желательно
Здѣсь посмотрѣть счастливова,»
Отвѣтилъ дядя Провъ. —
«Такихъ едва-ль найдете вы,
Имъ отвѣчаетъ будочникъ,—
Всѣ нынче очень заняты,
Для счастья время нѣтъ.
Вотъ развѣ что писатели,
Изъ отставныхъ чиновниковъ,
Тѣ мало занимаются
И счастливо живутъ.—
Такого покажу я вамъ,
Чиновникъ невзправочный...
Стихами пробавляется.—
Давайте четвертакъ.
. . . . . .
. . . . . .
«Нашли кому завидовать!»
Чиновникъ отвѣчаетъ имъ:—
Я черезъ день обѣдаю,
И то другой разъ въ долгъ.
Ступайте вы къ редактору;
Вотъ тотъ счастливъ дѣйствительно,
Во всякомъ удовольствіи
И въ славѣ онъ живетъ» . . . .
. . . . . .

Шли долго-ли коротко-ли...
Есть на Руси пословица:
До самаго до Кіева
Языкъ насъ доведетъ.
Пришли къ подъѣзду знатному;
Въ подъѣздѣ тамъ съ медалями,
На всей груди нашитыми,
Гуляетъ инвалидъ.
Вотъ въ спину Прова дюжаго
Толкнули братья Губины,
Чтобъ онъ съ почтеннымъ ундеромъ
Одинъ поговорилъ.
Провъ, шапку снявъ, раскланялся,
Потомъ два раза кашлянулъ—
И почесавши за ухомъ,
Повелъ такую рѣчь:
«Мы мужики такіе-то
Пришли сюда таперича
То есть примѣрно будучи
Насчетъ такой статьи»...
—Насчетъ статьи вы въ Середу
Иль въ Пятницу пожалуйте
Отъ десяти до пятаго;
А пишете о чемъ?
«Мы то есть всѣ неграмотны,
А только намъ желательно
На вашего на барина
Счастливаго взглянуть.»

— Нашъ баринъ по редакціи
Поэмы пишетъ разныя,
Первѣйшимъ сочинителемъ
Въ Россіи онъ слыветъ.
Да вамъ его-ли надобно?
Онъ больше съ генералами
Да съ важными боярами
Дѣла свои ведетъ....

—Его! его и надо намъ!
Кричали братья Губины:—
Ему-то всѣхъ вальготнѣе
Живется на Руси!»
—«Теперь мой баринъ кофеемъ
Должно быть занимается;
Пождите здѣсь съ полчасика,
О васъ я доложу.
Да вотъ онъ самъ по лѣстницѣ
На улицу спускается;
Коль вамъ весьма желательно,
То можете смотрѣть.»

Дѣйствительно, на улицу

Библиотека "Руниверс"

Выходитъ баринъ съ тросточкой,
Бородка клиномъ съ просѣдью
И очень важный видъ.
Тутъ вся компанья бросилась,
Чтобъ быть поближе къ выходу;
А Провъ, о тумбу стукнувшись,
Колѣно разсадилъ.
И разомъ закричали всѣ:
— «Ты, Ваше Благородіе,
Намъ жизнь свою счастливую
Повѣдай, разскажи.»
— «Напрасно, православные,
Ко мнѣ вы обращаетесь!
Житье мое несчастное,
Особенно теперь.
Былъ счастливъ я дѣйствительно
На сколькомъ нашемъ поприщѣ
Поэта-обличителя —
И славу пріобрѣлъ.
Слѣдя за духомъ времени,
За модою капризною,
Народныя страданія
Я пѣлъ на разный ладъ;
Своимъ воображеніемъ
Украсивъ тэмы скорбныя,
Большое впечатлѣніе
На всѣхъ производилъ.
Въ то время не осмѣлился-бъ
Ни кто въ ехидной критикѣ
Моей коснуться личности,
А также и статей.
Теперь не то: и Вѣстники,
И мелочь вся газетная,
Въ статьяхъ своихъ критическихъ,
Пошли меня чернить.
Далась имъ всѣмъ и каждому
Корова холмогорская!
Объ ней я, на несчастіе,
Въ поэмѣ говорилъ.
Прощайте, православные....
Ищите вы счастливаго,
А я теперь несчастнѣйшій
На свѣтѣ человѣкъ:
Богатство, слава, почести
Меня теперь не радуютъ;
Корова холмогорская
Все счастье унесла.»
Тутъ другъ на друга многіе
Смотрѣли вопросительно,
Потомъ въ раздумьи начали
Затылки всѣ чесать.
Вдругъ Провъ вскричалъ: «Ребятушки,
Да мы вѣдь не обѣдали!
Ей скатерть самобранная
Попотчуй мужиковъ!»
Вотъ двѣ руки явилися
И на панель поставили
Штофъ, водки, мясо, хлѣбъ.
Вдругъ прибѣгаетъ будочникъ,
Хватаетъ руки съ водкою
И тащитъ прямо въ часть.
При этомъ вся компанія
Въ великомъ удивленіи
Рты до ушей разинула....
А тотъ уже исчезъ.
Завыли братья Губины,
А Провъ кричитъ: «Ограбили!
Лишились мы кормилицы,
Пропали мы совсѣмъ!
Охъ дурни мы заморскіе,
Искали все счастливаго,
А сами съ нашей скатертью
Счастливѣй были всѣхъ.»

И. Г.

Жаворонокъ.

Въ небѣ солнышко сіяетъ,
Высоко въ его лучахъ
Птичка Божія порхаетъ,
Разсыпаясь въ голосахъ...
Я въ нѣмой тоскѣ ей внемлю,
Сжала сердце мнѣ печаль...

Вотъ прямой смыслъ этой изящной картинки Бейшлага,—смыслъ, котораго напрасно искали присяжные цѣнители искусства, впервые встрѣтивъ произведеніе даровитаго художника на выставкѣ. И къ чему было допытываться, какой эпохѣ и національности принадлежитъ изображенная дѣвушка:— классическая ли это цвѣточница, замечтавшаяся за вѣнкомъ, которому суждено украсить гордое чело повѣсы Алкивіада въ гостяхъ у Аспазіи или плѣшивый лобъ стараго кутилы на римскомъ пиру? Современная ли это намъ гречанка или дочь поэтической Италіи, собирающаяся остудить горячую южную кровь прохладнымъ купаньемъ?... Не ясно ли, что здѣсь на первомъ планѣ весна, — весна въ природѣ съ ея пѣвцомъ - вѣстникомъ и пестрымъ благоуханнымъ узоромъ луговъ — и весна человѣческой жизни — молодость съ ея первыми чистыми мечтами; это картинка всѣхъ временъ и народовъ, и къ ней съ такимъ же успѣхомъ можно приложить любую изъ западно-европейскихъ элегій, какъ и стихи нашего народнаго поэта:

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ-полна;
Поютъ онѣ и день и ночь—
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла ихъ не вѣдаетъ.
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя.
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ тихъ до утра-дня! —
Какъ разъ бѣду наслушаешь .. *)

Но — «грезы юности — это долгія-долгія грезы!» говоритъ американскій поэтъ **), и такъ подъ ладъ имъ нескончаемая серебристая пѣсня жаворонка, сверкающаго въ бездонной синевѣ небесъ...

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу,
То печальный слухъ
О *немъ* носится...
Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Пѣтъ, не къ радости
Плакать хочется ***)

Какъ бы отвѣчаетъ дѣвушка поэту его стихами; но этотъ внезапный наплывъ грусти такъ же мимолетенъ, какъ легкія весеннія облачка, несущіяся въ ясной лазури... Жаворонокъ рѣетъ все выше и выше, все ярче разгорается его пѣснь, и вторитъ ему юное сердечко...

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

* * *

То ли дѣло вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

*) Кольцовъ.
**) Лонгфелло.
***) Кольцовъ.

Библиотека "Руниверс"

Жаворонокъ. Съ картины Н. Бейшлага, грав Г. Кохъ.

Библиотека "Руниверс"

Сонъ въ руку.

(Изъ вседневной жизни).

— Неужто, Агафья Васильевна, сорокъ тысячъ?

— Какъ есть—сорокъ, Домна Петровна!...

— И все это отъ чиража, говорите?

— Отъ него!

— Да онъ-то кто-жъ такой будетъ?

Кто?

— Чиражъ-то этотъ? Чиновникъ, что-ли?

— Нѣтъ, это не то чтобы человѣкъ, а ежели, напримѣръ, при латереи... ну, сидятъ тамъ генералы разные... и вотъ тутъ самый чиражъ является.... Не могу я вамъ этого разсказать, потому не женское это дѣло, а вотъ мужъ вамъ можетъ все это какъ слѣдуетъ...

— Сорокъ тысячъ рублей!.... Эка страсть!.... Сколько тутъ синенькихъ-то будетъ?....

— Это пятирублевыхъ-то? Ну, гдѣ-жъ сосчитать!...

— Гора!... Господи!... Цѣлую наволочку съ подушки набить можно ... Ну, счастье!...

— Да ужъ такое, Домна Петровна, счастье, что и сказать невозможно!....

Такъ разговаривали, сидя за кофе, двѣ женщины пожилыхъ лѣтъ. Хозяйку звали Агафьей Васильевной. Она была замужемъ за портнымъ Ардаліономъ Кузьмичемъ Задковымъ и имѣла дочь — Грушу, которой было уже около двадцати лѣтъ. Были они люди бѣдные, кое-какъ перебивались: отецъ семейства все больше перешивалъ старое платье, Агафья Васильевна тоже шила, а Груша брала изъ какого-то французскаго магазина сшивать скроенныя лайковыя перчатки, и считалась дѣвицей добродѣтельной, потому, можетъ быть, что была не изъ смазливыхъ.

Ардаліонъ Задковъ лѣтъ шесть тому назадъ купилъ (съ разсрочкою платежа) билетъ 2-го внутренняго займа и хранилъ его чрезвычайно бережно. Тяжелыя, критическія минуты бывали у него, но онъ крѣпился—не продавалъ и не закладывалъ билета, и вотъ, какъ-бы въ награду, сентябрскій тиражъ выкинулъ ему сорокъ тысячъ?... Отъ радости онъ просто обезумѣлъ и въ первую минуту не зналъ, что ему дѣлать.... Бросился къ сундуку, надѣлъ чистое бѣлье, вырядился и выбѣжалъ на улицу, сѣлъ на извощика и велѣлъ ѣхать на Сѣнную... Для чего? зачѣмъ? Онъ и самъ не зналъ... Такъ, почему-то Сѣнная попалась на языкъ! Домой онъ вернулся съ живымъ поросенкомъ и тухлымъ тетеревомъ. Агафья Васильевна тоже растерялась (у ней даже животъ «схватило») и живо собралась въ баню — въ мѣстный женскій клубъ. Груша—какъ только узнала о «счастьѣ», сейчасъ-же сломала швейную перчаточную машинку, разорвала перчатки, стала топтать ихъ и, оставшись одна, занялась туалетомъ: вымылась, напомадилась и очутилась въ самомъ лучшемъ своемъ платьѣ—кисейномъ.

На третій день только всѣ они пришли въ себя, поуспокоились. Гости то и дѣло посѣщали ихъ. Вотъ и теперь у Агафьи Васильевны сидитъ сосѣдка — Домна Петровна, унтеръ-офицерская вдова.

— Деньги-то всѣ получили?

— И—нѣтъ! Черезъ три мѣсяца выдадутъ... Такое у нихъ положеніе. Ардаліонъ-то Кузьмичъ ѣздилъ въ банку, ну, тамъ ему и объявили...

— Значитъ, вы безъ денегъ при деньгахъ?

— Зачѣмъ же намъ торопиться?...

Агафья Васильевна закатила слегка глаза и прибавила нѣсколько въ носъ:

— Мы съ супругомъ рѣшили ждать; ну, а конечно, деньги небольшія нужны и теперича, такъ супругъ мой взялъ тутъ у одного жиденка триста рублей...

— Ишь ты чортъ! сказала про себя Домна Петровна: — триста рублей—небольшія деньги!... а вслухъ произнесла:

— Что вамъ триста рублей—плюнуть!... Ну, а сонъ-то, сонъ, какой вы видѣли?...

— Да, да! Сна-то я и не разсказала... Экая дура! Снится это мнѣ, что быдто-бы я собралась къ Ненилѣ Семеновнѣ; ну, надѣла все какъ слѣдуетъ, матерчатое платье.... Иду это по дорогѣ—смотрю: на ногахъ у меня ничего нѣту! Какъ есть—босыя!... Чтой-то, думаю, такое? Какъ-же это я иду въ гости такъ-то?... А на улицѣ не то, чтобы грязь, а вся она... ну, не чиста... Просто—срамъ, а я иду, да еще босикомъ:... Представьте!

— Богатство *это* означаетъ, замѣтила Домна Петровна: — сонъ-то и въ руку!... Къ богатству!... Хорошо это видѣть—ахъ, хорошо!

— Сонъ въ руку!... И сама я такъ подумала, да и говорю утромъ мужу насчетъ сна-то... Онъ только плюнулъ!...

— Извѣстно – кавалеръ, гдѣ-жъ ему сны понимать!

— Кофейку-то, кофейку еще! Пейте!

— Пью, пью, голубушка, Агафья Васильевна! Такъ вы говорите, что ваши-то скоро вернутся?

— Скоро, я думаю... Сливокъ-то больше лейте!

— Довольно съ меня .. Что-жъ вы теперича думаете дѣлать, то есть насчетъ жизни—какъ?...

— Да разные у насъ планты... А, вотъ и Груша!

— Маменька! я сейчасъ отъ фотографщика... Двѣ дюжины заказала! затрещала Груша, снимая шляпку и ставя на стулъ небольшой саквояжъ. — А! и вы тутъ! Она кивнула Домнѣ Петровнѣ.—На какомъ я лихачѣ пріѣхала!... Сорокъ копѣекъ дала...

— Экая тараторка! усмѣхнулась мать.—Ну, хочешь кофію?

— Ну, васъ съ кофіемъ! Я шеколадъ стану ѣсть... Была у Бормана, два фунта купила... а-ля-ваниль! Четыре палочки дорогой съѣла .. Вкусъ какой!...

— Вижу! По языку вижу, что ѣла!

— Неужто видно?

Груша подбѣжала къ зеркалу и высунула языкъ.

— А вѣдь и то!... Ну-да, не бѣда!... Ахъ, когда эти противные три мѣсяца пройдутъ?... Прошла я два раза по зеркальной линіи, да по перинной разъ — ну, вотъ, просто духъ захватывало!... Сейчасъ-бы на тысячу накупила!.... Ну, что мнѣ двадцать пять рублей? Тьфу!... Фу, какой шеколадъ чудесный! Маменька, хотите?

— Поди ты! Я и на кофій-то ужъ смотрѣть не могу....

— Ну, а вы — какъ васъ — Домна Сидоровна!

— Петровна-съ! Благодарю-съ... А, впрочемъ, кусочекъ позвольте... Племяннику подарю.

— Ну — на-те. Вчера я ѣла арбузъ и яблоки, сегодня — все буду шеколадъ ѣсть и обѣдать не стану, а завтра — ну, угадайте, что я завтра буду ѣсть?

— Пастилу клюквенную? спросила унтеръ-офицерша.

— Пастилу! Дрянь-то такую!...

— Безе, что-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ! Тянулки! А послѣзавтра — цукаты... Ай, мороженщикъ кричитъ!

И Груша выбѣжала изъ комнаты.

— Какая она у васъ бойкая! замѣтила Домна Петровна. — Теперича, я думаю, отъ жениховъ и отбою не будетъ....

— За благороднаго, говоритъ, пойду,—особенно, ежели онъ офицеръ будетъ со шпорами.... Да ужъ это ейное дѣло!

— А я слышала, что быдто-бы... Сергѣй Трифонычъ сватался?

— Это лавочникъ-то нашъ?... Было, было.... Да она и видѣть его не хочетъ!... Конечно, Ардаліонъ Кузьмичъ хотѣлъ ее тогда принудить, потому мы задолжали Трифонычу, ну, а теперича — гдѣ-же!

Дверь распахнулась — и въ комнату вошелъ Задковъ. Онъ былъ на-веселѣ. На головѣ — новенькая шляпа.

— Что за человѣкъ? обратился онъ къ унтеръ-офицершѣ.

— Али Домну Петровну не признали? усмѣхнулась гостья.

— Какую? откуда?..

Библиотека "Руниверс"

— Да что ты, Ардаліонъ Кузьмичъ! Протри глаза-то.... посовѣтовала жена.

— А ты кто такая?

— Я ужъ уйду, произнесла Домна Петровна, оробѣвъ, и встала.

— Эхъ — вы! Сидите! Я пошутилъ... Ха, ха, ха!.. Ну, здравствуйте!..

Портной сталъ расшаркиваться, то снимая, то надѣвая шляпу.

— Ахъ, и сколько теперь во мнѣ куражу! заговорилъ онъ.— Передъ кѣмъ я преклонялся — всѣхъ теперь осажу въ лучшемъ видѣ! Дворника осадилъ ... Лавочника обидѣть надо безпремѣнно! Ломался онъ передо мной — ну, держись теперь....

— Бѣды еще наживешь... Брось!

— Какой бѣды? Ежели къ мирозому... Ну, что-жъ? Ваше превосходительство! Онъ меня обидѣлъ, а я тогда не могъ, потому былъ червь.... А теперь могу! Помилуйте, человѣкъ я тоже.... Не деревянное сердце!.. Ну, Агаша, пора обѣдать!..

* * *

Было около шести часовъ вечера. Супруги Задковы, какъ легли спать послѣ обѣда, такъ и не просыпались еще. Груша въ кисейномъ платьѣ, съ розовыми бантами, сидѣла у окна и лѣниво перелистовывала старый пѣсенникъ. Въ кухнѣ заскрипѣли чьи то сапоги.... Она повернула голову, увидѣла лавочника — Сергѣя Трифоныча.

— Вамъ чего нужно здѣсь? рѣзко спросила Груша.

— Позвольте-съ... Прежде — мое почтеніе-съ! проговорилъ Сергѣй Трифонычъ, подходя къ ней на носкахъ.

— Не нужно мнѣ вашего почтенія! Можете проваливать обратно.

— Тэкъ-съ! Однако, какое у васъ сердце!....

— Вы не смѣйте со мной объ сердцѣ разговаривать!

— Почему-жъ такъ? Коли ежели вы выиграли сорокъ тысячъ, такъ я, можетъ быть, выиграю двѣсти тысячъ?..

— Ну и на здоровье.... Долгъ вѣдь вамъ отдали? Чего-жъ вы лѣзете?..

— А ежели я влюбленъ?

— Что такое?

— Позвольте-съ... вы какъ любовь понимаете?

— Какъ же вы можете съ дѣвицей о такихъ предметахъ говорить?

— Предметъ самый настоящій-съ! Что-жъ вы думаете теперича за офицера либо благороднаго идти? Такъ они-съ не наживать деньги, а проживать умѣютъ... Да-съ! А сами отъ этого нешто благородной будете?..

— Вамъ до этого нѣтъ дѣла, а только лавочницей не буду!..

Груша сѣла къ нему спиной, взяла пѣсенникъ и начала вслухъ читать:

«Ты скоро меня позабудешь,
А я — никого, никогда»....

— Нешто лавочницей зазорно быть?

Сергѣй Трифонычъ сѣлъ на стулъ нѣсколько поодаль. Дѣвушка перекинула пять-шесть страничекъ и еще громче продекламировала:

«Моего-ль вы знали друга?
Онъ былъ бравый молодецъ:
Въ бѣлыхъ перьяхъ статный воинъ,
Первый Даніи боецъ!...»

— Вотъ такъ другъ! Ежели теперича за воина замужъ, заговорилъ лавочникъ,—то это выходитъ — и пойдете вы съ нимъ изъ города въ городъ путешествовать? Что-жъ тутъ прекраснаго?...

Груша бросила книжку и въ полголоса запѣла:

«Молода-а-я вдова
Въ хуто-ро-о-чкѣ живетъ....»

— Воина убьютъ въ сраженіяхъ — вотъ вы и молодая вдова, да еще хорошо коли хуторочекъ-то будетъ, а то и жить негдѣ.... Бываетъ!.. А ежели, примѣрно, купецъ, такъ у купца можетъ каменный трехъэтажный сооружается, ну и насчетъ сраженія или битвы — нечего бояться!... Поѣдешь вотъ развѣ на чугункѣ — ну, случается — прокламація выйдетъ: ноги поломаетъ, такъ все-же хуторокъ-то свой останется.... Вѣрно говорю?...

— И хо-ло-дны уста для поцѣ-лу-у-я, протянула Груша и закашлялась.

— Что-жъ вы, Аграфена Ардаліоновна, и словомъ меня не уважите?

— А вотъ, погодите: тятенька встанетъ, онъ васъ и уважитъ словомъ....

— Таксъ-съ! — Сергѣй Трифонычъ всталъ. — Такъ намъ лучше отъ безобразія уйти... А только скажу: свиньи вы были, свиньями и остались! Потому, какъ бывало денегъ ни гроша — сейчасъ къ Сергѣю Трифонову: и сахарку, и чайку! А я давалъ, вѣрилъ....

— Мужикъ! Какъ ты смѣешь? Вонъ!

— И самъ уйду-съ... Не очень-то заплачу!

Лавочникъ ушелъ. Полчаса спустя супруги пробудились. Нанятой стряпухѣ «приказано» было поставить самоваръ... Агафья Васильевна и Груша подумали тутъ: «Полно намъ теперь самовары ставить!...»

Ардаліонъ Кузьмичъ, узнавъ отъ дочери, что заходилъ лавочникъ, выругался и ушелъ, обѣщаясь при случаѣ *какъ слѣдуетъ* обидѣть его....

Когда они сидѣли уже за чаемъ, дверь отворилась—и въ комнату вошли два чиновника, еще молодые люди, оба въ сиреневыхъ съ лампасами брюкахъ и въ вицъ-мундирахъ, немного потертыхъ.

— А! наше вамъ-съ почтеніе! Ардаліонъ Кузьмичъ! воскликнули они.

— Милости просимъ садиться... но, извините, не имѣю удовольствія, пробормоталъ хозяинъ, приподымаясь. Но чиновники не садились: ноги ихъ были удивительно какія живыя! Какъ будто они стояли на очень горячемъ полу...

— О, помилуйте, милѣйшій Ардаліонъ Кузьмичъ! заговорили оба разомъ. — Будто забыли? а?.. Къ Пасхѣ намъ фраки шили!.. Ну, какже! Да мы въ этомъ-же домѣ живемъ... Постоянные ваши заказчики!.. Какъ узнали, что фортуна направило свое колесо къ вамъ—сейчасъ поздравить—первымъ дѣломъ! Руку, руку, почтеннѣйшій!..

— Я — Павелъ Вертуновъ, а онъ — Петръ Хвостиковъ! Впрочемъ—тьфу! совралъ! Я—Хвостиковъ, а онъ—Вертуновъ... Оба мы коллежскіе регистраторы! говорилъ и хохоталъ въ тоже время Хвостиковъ.

— А это ваши дамы? Должно быть — супруга и дочь? Рекомендуйте, Ардаліонъ Кузьмичъ! почти кричалъ Павелъ Вертуновъ, вертясь и дрыгая ногами отъ восторга.

— Господа, чаю угодно? Да, вы можетъ быть, безъ ямайскаго — ни-ни? спросилъ повеселѣвшій Задковъ, и въ то же время подумалъ: «когда это я шилъ имъ фраки? Врутъ, черти! Въ первый разъ вижу... Ну-да ладно, народъ чистый... Все-жъ компанія!»

Дѣйствительно, оказалось, что гости безъ ямайскаго «ни-ни». Груша зажгла новенькую большую лампу съ розовымъ шаромъ. Общество развеселилось. Хвостиковъ и Вертуновъ безумолку болтали. Послѣдній больше обращался къ Грушѣ. Онъ увѣрилъ ее, что пишетъ стихи въ журналахъ и даже можетъ трагедію написать, но все «какъ-то, чортъ возьми, нѣтъ времени!..»

— Ну, планы-то, планы какіе-же у васъ, дорогой мой Ардаліонъ Кузьмичъ? самымъ задушевнымъ голосомъ спрашивалъ Хвостиковъ, прихлебывая пуншъ.

— Да какъ вамъ сказать?.. Признаться, я еще не того... то есть... понимаете...

— Понимаю! Еще не соображали... Ну, это ничего! Надо общимъ совѣтомъ... непремѣнно!

— Мы все это устроимъ! отозвался Вертуновъ.—Проектъ напишемъ! Что угодно! А знаете вы, Аграфена Ардаліоновна, что такое проектъ?

— Я полагаю, что самое лучшее, заговорилъ солиднымъ тономъ Хвостиковъ,—открыть кафе-ресторанъ... ну, съ билліардомъ и прочее... Чрезвычайно выгодно!..

— А не то — знаете что? Пушечный заводъ! хватилъ Вертуновъ.—Вонъ — Крупп-то какъ разбогатѣлъ!..

Библиотека "Руниверс"

— Вотъ тоже—бани хорошо, замѣтила робко Агафья Васильевна.

— Ну, а вы какъ думаете, Аграфена Ардаліоновна? спросилъ Вертуновъ.

— Я-бы оранжерею огромную устроила, отвѣтила Груша: —сама бы ѣла всякія фрукты и продавала бы ихъ, особенно зимой...

— И самымъ лучшимъ фруктомъ въ такой оранжереѣ— прелестнѣйшимъ плодомъ — была бы *груша*! воскликнулъ Хвостиковъ.

— Каплиментъ—первый сортъ... Хе-хе! засмѣялся Ардаліонъ Кузьмичъ.—Еще по стаканчику пуншика!.. Жена!.. Агаша!..

— Чего тебѣ?

— А сонъ-то свой разсказала имъ? Разскажи!.. Сонъ, господа, въ руку!..

— Поди ты!..

Агафья Васильевна принуждена была разсказать о чудесномъ своемъ снѣ...

Вертуновъ узнавъ, что Ардаліонъ Кузьмичъ играетъ немножко въ рамсъ, предложилъ эту игру, а Хвостиковъ взялся немедленно выучить этой игрѣ обѣихъ дамъ. Тѣ согласились.

Послали стряпуху за картами и «дюжиной пива».

— Эхъ, Господа, тѣсно у меня! говорилъ Задковъ.—А вотъ найму квартиру въ 500 рублей—пожалуйте тогда на новоселье?..

* * *

Ардаліону Кузьмичу на другой же день удалось *обидѣть* Сергѣя Трифонова, и даже такъ, что мѣстный околодочный былъ присланъ для составленія надлежащаго протокола—и затѣмъ была получена повѣстка отъ мироваго судьи.

Агафьи Васильевна заболѣла, опившись *кофіемъ*, да и Груша лежала, блѣдная... Она жестоко страдала послѣ двухъ фунтовъ тянулокъ.

В.

Новый оперный театръ въ Парижѣ.

Новое зданіе парижскаго оперпаго театра, помѣщающееся на Капуцинскомъ бульварѣ, не слѣдуетъ смѣшивать со старымъ оперпымъ театромъ, сгорѣвшимъ нѣсколько недѣль тому назадъ (въ ночь 2 октября). Послѣдніи, находившійся на улицѣ Лепеллетьеръ, просуществовалъ нѣсколько болѣе пятидесяти лѣтъ (обыкновенный средній срокъ существованія театровъ, послѣ котораго они сгораютъ) и между прочимъ не былъ обреченъ на сломку, такъ какъ онъ лежалъ въ линіи новаго Гаусмановскаго бульвара и только уцѣлѣлъ вслѣдствіе плохаго состоянія городскихъ финансовъ Парижа. Новый же оперный театръ, который въ наружныхъ очертаніяхъ готовъ былъ еще въ 1867 году, но внутренность котораго еще понынѣ не отдѣлана, представляетъ собою одно изъ прекраснѣйшихъ и грандіознѣйшихъ зданій въ Европѣ. До лѣта 1867 года постройка его обошлась въ 34 милліона франковъ, а дальнѣйшіе расходы на окончаніе его были тогда опредѣлены въ сумму еще 18 милліоновъ франковъ. Такимъ образомъ вся постройка зданія обойдется въ 52 милліона франковъ (13 милліоновъ рублей).

Смѣсь.

Средство противъ дуэли. Въ одномъ французскомъ гвардейскомъ полку, стоявшемъ въ Аржантейлѣ, между офицерами развилась такая страсть къ дуэлямъ, что наконецъ правительство было вынуждено принять мѣры противъ этого. Оно назначило командиромъ этого полка генерала графа де Брасси, давъ ему неограниченныя полномочія. Прибывъ въ полкъ, онъ немедленно пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ на обѣдъ; въ концѣ его генералъ произнесъ чрезвычайно веселую рѣчь, заключивъ ее словами: «Еще одно, господа, я слышалъ, будто вы большіе охотники до дуэлей; я ничего не имѣю противъ этого, но конечно вы не откажете мнѣ въ одной просьбѣ: сообщайте мнѣ всегда заранѣе о вашемъ намѣреніи драться, и объявляйте мнѣ причину ссоры!» Офицеры охотно дали слово исполнять это, и графъ ушелъ въ свои комнаты. Не пробылъ онъ тамъ четверти часа, какъ ему докладываютъ о двухъ офицерахъ, желающихъ сообщить ему о своемъ намѣреніи драться. «А какая причина? Вѣдь вы сейчасъ были лучшими друзьями?» спросилъ генералъ. «Мы спорили о томъ, всегда ли Марія Антуанета ходила напудренная или нѣтъ; это послужило поводомъ къ разнымъ рѣзкимъ словамъ, которыя могутъ быть заглажены только шпагой.»

«Причина весьма важная!» совершенно серіозно возразилъ генералъ, «надѣюсь, что ея достаточно чтобы не считать дуэль дѣтской забавой; безъ сомнѣнія, вы назначите ее завтра же».

На другой день оба офицера были на парадѣ.

«Отчего же вы не дрались?» сердито спрашиваетъ генералъ.

«Мы дрались, повязка на моей рукѣ доказываетъ, что дѣло было серіозно», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

«Забавно! за такія оскорбленія не ограничиваются царапинами! Надѣюсь, завтра вы будете драться на жизнь и на смерть, если въ васъ есть честь!»

На другой день они дрались; одинъ изъ дуэлистовъ получилъ очень опасную рану, уложившую его на шесть недѣль въ постель. Въ продолженіи этого времени многіе офицеры заявляли о вызовахъ на дуэль, но генералъ уговаривалъ ихъ подождать, пока не рѣшатся окончательно послѣдствія первой дуэли.

Наконецъ раненый офицеръ могъ выдти. Опираясь на руку товарища, идетъ онъ въ первый разъ гулять. Навстрѣчу имъ попадается генералъ. Онъ съ гнѣвомъ накидывается на нихъ: «Завтра, передъ цѣлымъ полкомъ, я объявляю васъ трусами, если вы наконецъ не положите конца этой исторіи. Одинъ изъ васъ *долженъ* остаться на мѣстѣ. *Дуэль не игрушка*».

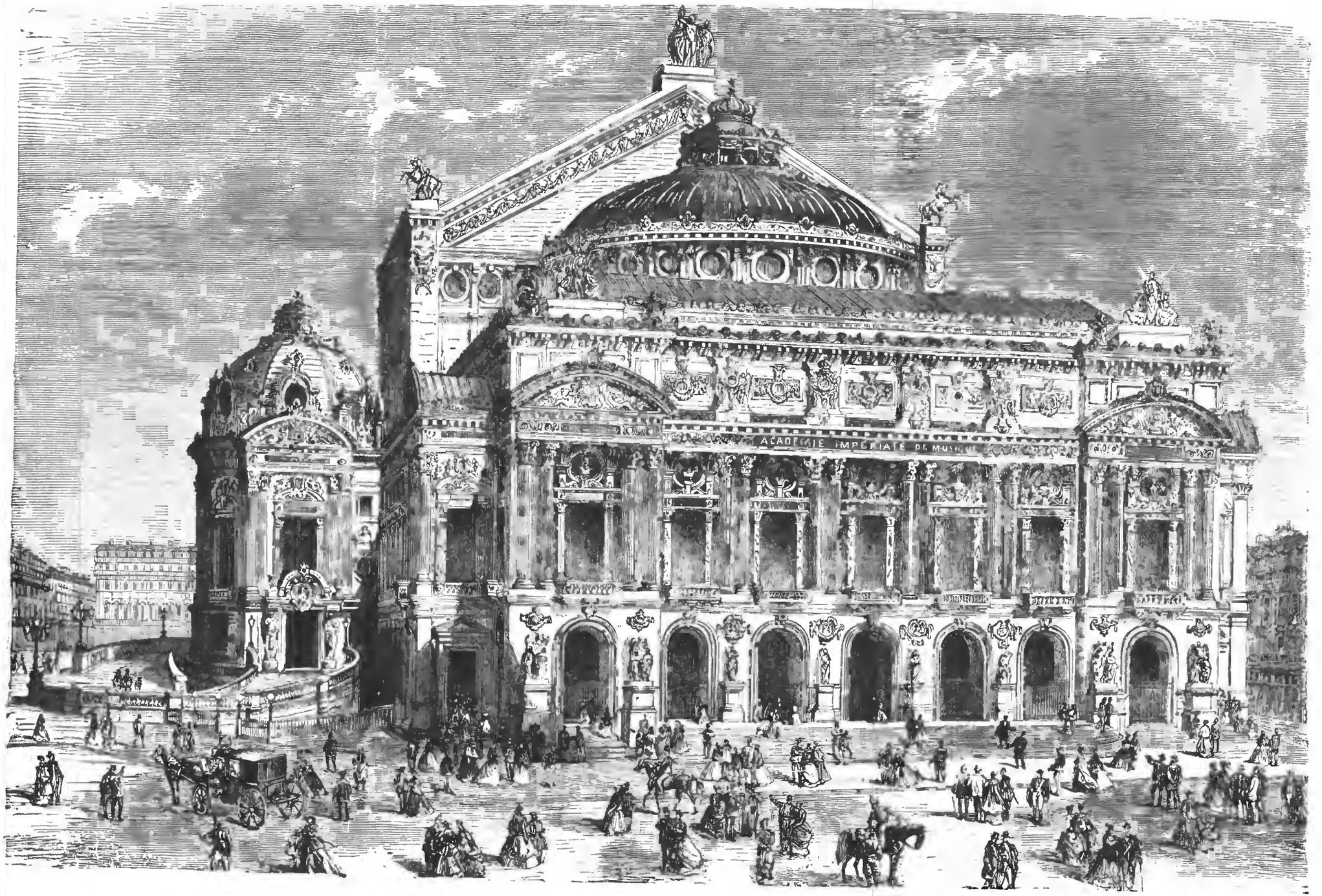
На слѣдующее утро, офицеры дрались въ третій разъ — они произвели другъ друга клинками и не встали больше съ мѣста.

Съ тѣхъ поръ генералъ никогда не получилъ заявленій о вызогахъ на дуэль.

О вліяніи мясной пищи на здоровье. Др. Бертильонъ, какъ сообщаетъ одинъ ученый англійскій журналъ, написалъ изслѣдованіе о продовольствіи рабочихъ классовъ во Франціи. Между прочимъ онъ говоритъ объ одной фабрикѣ, на которой работало 360 рабочихъ, питавшихся почти исключительно одной растительной пищей. Такъ какъ въ устроенной для рабочихъ больничной кассѣ оказывался постоянный дефицитъ, то фабрикантъ сталъ заботиться о доставленіи рабочимъ мясной пищи. Послѣдствіемъ этого было то, что съ тѣхъ поръ на каждаго рабочаго стало приходится въ годъ всего три дня на болѣзнь, тогда какъ прежде приходилось такихъ дней пятнадцать на каждаго рабочаго.

Вѣчанье въ заоблачномъ мірѣ. Цинцинатскій «Народный листокъ» въ номерѣ своемъ, вышедшемъ 17-го сентября, помѣстилъ подъ рубрикой «Разныя извѣстія» слѣдующее объявленіе: «Высоко въ воздухѣ!! Сегодня заоблачное вѣнчанье!!! Вѣнчальный налой надъ землей. Первое большое бракосочетаніе на воздушномъ шарѣ «Мамонтъ» г-на П. Т. Барнума. Шаръ полетитъ въ субботу. Мѣсто спуска: большой римскій гипподромъ, время — по окончаніи послѣобѣденныхъ представленій. Свадебный поѣздъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ особъ: невѣсты — миссъ Мэри Уэльшъ, жениха — Чарльза Кольтона, подруги невѣсты — миссъ Анни Іетесъ, дружки жениха — В. Куна, пастора — Х. Б. Джефриса и управляющаго шаромъ — В. Х. Дональдсона».— Въ вышеупомянутомъ «листкѣ», спустя нѣсколько времени, объявлено было, что заоблачная свадьба дѣйствительно состоялась. Женихъ и невѣста были, какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ, обвѣнчаны *на высотѣ*, въ лодкѣ воздушнаго шара,—и счастливо вернулись на землю. Г. Барнумъ щедро вознаградилъ новобрачныхъ.— Сообщимъ теперь нѣкоторыя подробности. Большая корзина, предназначенная для воздухоплавателей, была разукрашена цвѣтами, лентами и флагами американскими и ирландскими, и устлана дорогимъ ковромъ. Веревки, которыми гондола прикрѣплялась къ сѣткѣ, покрывающей шаръ, были обвиты разноцвѣтными лентами. Надъ гондолой, подъ шаромъ, висѣла корзинка съ цвѣтами, и кромѣ того до дюжины букетовъ въ разброску было прикрѣплено къ самой сѣткѣ. На миссъ Мэри было великолѣпное шелковое платье цвѣта gris-perle, а подруга ея красовалась въ черномъ шелковомъ костюмѣ. Референдарій Джефрисъ — пасторъ Шведенборгскаго прихода въ Питтсбургѣ и еще очень молодой человѣкъ. Достойно замѣчанія, что репортёръ гипподрома умѣстился какъ-то на обручѣ шара, чтобы быть на мѣстѣ дѣйствія и ничего не упустить въ будущемъ своемъ отчетѣ. Обрядъ вѣнчанья начался сейчасъ-же, какъ только шаръ под-

Библиотека "Руниверс"



Новое зданіе Парижской большой оперы. Съ фотографіи грав. Пе'не.

Библиотека "Руниверс"

нялся, и былъ оконченъ тогда, когда аэростатъ былъ на высотѣ 6000 футовъ. Обвѣнчавъ молодую парочку, пасторъ Джефрисъ обратился къ ней съ краснорѣчивымъ *словомъ*.—«Бракосочетаніе ваше», сказалъ онъ имъ между прочимъ, — «совершилось при небывалой еще обстановкѣ, при условіяхъ исключительныхъ. Вы поженились не *на* землѣ, а *надъ* землей, а потому желаю вамъ пребывать и впредь превыше всѣхъ заботъ земныхъ! Смотрите на всю суету мірскую также свысока, какъ теперь глядите внизъ, съ такой захватывающей духъ высоты, на оставленный нами муравейникъ. Желаю вамъ еще, дѣти, пройти жизненный путь такъ же плавно и тихо, какъ теперь всѣ мы скользимъ надъ землей!»... Какъ только вѣнчальный обрядъ кончился — солнце, до сихъ поръ скрывавшееся за тучей, снова выглянуло и золотые тепные лучи его осѣнили воздухоплавателей. Это было принято за хорошее предзнаменованіе для молодой четы... Начались взаимныя объятія, поцѣлуи и поздравленія, а затѣмъ г. Дональдсонъ спустилъ парашютъ, какъ было условлено, чтобы сообщить публикѣ о совершеніи обряда бракосочетанія. — И такъ, всѣ остались довольны: мистрисъ Мэри Кольтонъ храбро пріобрѣла себѣ хорошее приданое, публика развлеклась, денегъ не пожалѣли, да и г. Барнумъ, купно съ г. Дональдсономъ, не остался въ накладѣ!

Пороховой взрывъ въ Лондонѣ. Жители Лондона въ 9 часовъ утра 2-го октября, были внезапно разбужены страшнымъ, неслыханной силы ударомъ, разразившимся надъ городомъ. Это былъ пороховой взрывъ, какого не запомнитъ ни одинъ мирный городъ. Несчастіе случилось на каналѣ, идущемъ черезъ Реджентъ-паркъ, у самаго зоологическаго сада, среди густо-населеннаго квартала С. Джонъ Вудъ. По каналу проходило пять барокъ, въ числѣ груза которыхъ находилось между прочимъ 300 пудовъ пороху; три изъ этихъ барокъ слѣдовали непосредственно одна за другой, и вдругъ на одной изъ нихъ, когда она подошла къ мосту, порохъ вспыхнулъ. Отъ барки и сопровождавшихъ ее четырехъ рабочихъ—не осталось ни малѣйшаго слѣда. Каменный мостъ также взлетѣлъ на воздухъ. Ближайшія строенія потерпѣли сильныя поврежденія; страшное сотрясеніе въ воздухѣ—произвело опустошенія, слѣды которыхъ распространяются верстъ на десять въ окружности. Не будь каналъ расположенъ въ углубленіи, равняющемся 50 футамъ, вслѣдствіи чего вся сила взрыва направилась къ верху, то послѣдствія его были бы еще гораздо печальнѣе.

Что было причиной несчастія, искра ли изъ пароходной трубы или искра изъ трубки одного изъ проводниковъ барки, это вѣроятно останется тайной, потому что свидѣтели этого нѣмы на вѣки. Громъ взрыва разнесся до Хрустальнаго дворца и до Чизльгерста, а непосредственное сотрясеніе воздуха замѣтно ограничивалось окружностью въ 2½ англійской мили. Громовой этотъ ударъ разбудилъ весь Лондонъ, но, удивительная вещь, живущіе около самаго мѣста происшествія почти вовсе не слышали его; въ своемъ ужасѣ они помнятъ только, что ихъ вдругъ разбудили что-то необычайное—стѣны дрожали, стекла, зеркала, лампы, съ дребезгомъ летѣли на полъ, мебель падала, штукатурка съ потолковъ обваливалась. Обезумѣвъ отъ страха, всѣ, полуодѣтые, бросились на улицу, думая ужъ не землетрясеніе ли въ Лондонѣ. Каковы были всеобщее смятѣніе и суматоха—не чего и описывать. Впрочемъ, большихъ несчастій съ людьми не было; получившіе ушибы утромъ были увезены въ больницы, для лишившихся крова пріискивались помѣщенія, дѣти размѣщены по пріютамъ, но число пострадавшихъ еще не приведено въ извѣстность.

Французскія потери оружіемъ въ послѣднюю войну. Коммисарскій отчетъ Національному собранію, объ изслѣдованіи французскихъ военныхъ матерьяловъ, приводитъ въ извѣстность и громадные убытки въ оружіи, претерпѣнные Франціею въ нѣмецко-французской войнѣ. *Орудіями* французы потеряли: 1793 нарѣзныхъ полевыхъ орудій, 193 горныя пушки, 250 митральезъ, 1663 гладкихъ полевыхъ орудій, 3355 крѣпостныхъ, осадныхъ и береговыхъ орудій, всего 7234 орудій. Потеря *шассепо* простирается до 668,841 штукъ. Одна сдача Парижа передала въ руки непріятеля 155,166 шассепо. Выдача запаснаго оружія, находящагося въ арсеналахъ, не входила въ условія капитуляціи, а между тѣмъ оно было выдано. Когда, французы, спохватясь, стали требовать его назадъ,—въ парижскихъ арсеналахъ оказалось 12,000 шассепо.— то главнокомандующій нѣмецкой арміей удовлетворилъ его требованіе. Но французы не разгрузили вагоновъ, въ которыхъ было привезено обратно оружіе, и оно попало впослѣдствіи въ руки коммуны. Отъ послѣдней отобрали послѣ усмиренія возстанія 48,000 шассепо.

Новая порода пчелъ. Въ одномъ изъ очередныхъ засѣданій членовъ перваго отдѣленія Вольно-Экономическаго Общества академикъ А. М. Бутлеровъ читалъ весьма интересное сообщеніе объ особомъ родѣ медоносныхъ насѣкомыхъ, встрѣчающихся въ Бразиліи и извѣстныхъ подъ названіемъ миленоновъ.

Миленоны водятся въ Южной Америкѣ и воспитываются туземцами ради вырабатываемаго ими меда, такъ что они замѣняютъ тамъ нашихъ пчелъ. Эти насѣкомыя по наружному своему виду очень похожи на нашихъ пчелъ, но немного меньше ихъ и отличаются красноватымъ цвѣтомъ. Глаза ихъ зеленоватаго цвѣта, и кромѣ того онѣ имѣютъ еще и другія, чисто зоологическія отличія отъ пчелъ. Одна изъ главнѣйшихъ особенностей миленоновъ заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ жала; оно замѣнено у нихъ чрезвычайно твердыми челюстями, которыми онѣ отлично умѣютъ пользоваться. Миленоны отличаются необыкновеннымъ трудолюбіемъ и юркостью. Постройки ихъ расположены совершенно иначе, чѣмъ у нашихъ пчелъ; онѣ дѣлаютъ свои постройки горизонтально, между тѣмъ какъ у обыкновенныхъ пчелъ онѣ всегда располагаются вертикально. Пласты образуемыхъ ими ячеекъ утверждаются на столбикахъ длиною въ ½ саит составленныхъ изъ воску. Постройки идутъ въ нѣсколько рядовъ, образуя такимъ образомъ лабиринтъ галлерей. Кладовыя для храненія запасовъ строятся отдѣльно. Особеннымъ устройствомъ отличаются ячейки, предназначенныя для вывода дѣтвы; онѣ овальной формы, въ видѣ горшечковъ величиною съ голубиное яйцо. Всѣ эти постройки окружены опять цѣлымъ лабиринтомъ ходовъ, которые снабжаются въ различныхъ мѣстахъ отверстіями и заканчиваются длиннымъ ходомъ, ведущимъ къ летку. Отверстіе послѣдняго такъ мало, что въ него можетъ пройти только одно насѣкомое. Чтобы защитить себя отъ нападенія враговъ миленоны задѣлываютъ это отверстіе восковой пленкой, которую онѣ разрываютъ по утрамъ. Кромѣ того летокъ всегда охраняется сторожевыми пчелами—и горе врагу, если онъ отважится проникнуть въ отверстіе! Кромѣ воска и меда, миленоны выдѣляютъ еще особаго рода безцвѣтный прозрачный клей, который служитъ имъ могущественнымъ орудіемъ защиты. Матка у миленоновъ въ неоплодотворенномъ состояніи, бываетъ меньше рабочей пчелы; когда же она оплодотворена, то брюшко ея увеличивается вдвое противъ своего нормальнаго объема, такъ что даже тяготитъ свою обладательницу. Исключительное занятіе матки заключается въ кладкѣ яицъ; величина этихъ яицъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ. При ячейкѣ, въ которую матка кладетъ яйцы, находится всегда нѣсколько рабочихъ пчелъ. Эти послѣднія приготовляютъ ячейку для принятія яицъ, наполняютъ ее цвѣточной пылью, назначаемой для питанія личинки,—и когда все готово, матка влѣзаетъ въ ячейку, опускаетъ туда брюшко и кладетъ яичко. Послѣ того рабочіе тотчасъ же задѣлываютъ ячейку, между тѣмъ какъ обыкновенныя пчелы дѣлаютъ это лишь послѣ превращенія личинки въ куколку.

Миленоны до сихъ поръ еще мало изслѣдованы. Полагаютъ однако, что число видовъ этихъ интересныхъ насѣкомыхъ простирается до тридцати. Болѣе другихъ изслѣдованъ *Milepona scutellaris*—щитовидная миленона. Эта порода миленонъ величиной съ обыкновенную пчелу, но приноситъ меду вдвое больше противъ послѣдней.

Къ исторіи распространенія насѣкомыхъ. Исторически доказано, что *клопъ* происходитъ изъ *Индіи*, и вмѣстѣ съ человѣкомъ распространился чуть не по всему земному шару. Въ Европѣ онъ прежде всего показался въ одиннадцатомъ столѣтіи въ Страсбургѣ, а потомъ съ изгнанными гугенотами переселился въ Лондонъ, гдѣ прежде его не знали. Въ настоящее время въ Америкѣ страдаютъ отъ этого маленькаго чудовища, если возможно, еще больше чѣмъ въ Европѣ.

Новоизобрѣтенный воздушный винтовой корабль. Одинъ искусный вѣнскій механикъ, Кенкъ, изобрѣлъ воздушный винтовой корабль, названный имъ «Элементарный корабль», который можетъ дѣйствовать не только въ воздухѣ, но и на водѣ. Изобрѣтатель получилъ уже на него привилегію отъ министерства торговли и сельскаго хозяйства. Корабль этотъ приводится въ движеніе паровой машиной въ 20 лошадиныхъ силъ, и можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ. По разсчету изобрѣтателя онъ долженъ проходить отъ 20 до 22 нѣмецкихъ миль въ часъ, а при благопріятномъ вѣтрѣ даже больше. Всѣ противудѣйствующія силы приняты въ разсчетъ, и корабль можетъ идти по произволу противъ воздушныхъ теченій. Онъ можетъ посредствомъ пара подыматься на какую угодно высоту, но обыкновенно держится ближе къ поверхности земли: его ведетъ, какъ локомотивъ на желѣзной дорогѣ, кондукторъ. Произведенные уже опыты дали удовлетворительный результатъ и одна машинная фабрика обѣщала спос содѣйствіе изобрѣтателю. Неужели мы въ самомъ дѣлѣ увидимъ разрѣшеніе такъ долго не дававшейся задачи? Во всякомъ случаѣ изобрѣтатель заслуживаетъ поощренія своему труду.

Какъ выводить ржавыя пятна изъ бѣлья и другихъ вещей. Чтобы вывести изъ бѣлья или другихъ вещей ржавчину, которая ихъ портитъ, надо поступать слѣдующимъ образомъ: немного горькой соли развести въ горячей водѣ, но не больше какъ въ нѣсколькихъ каплякъ, потомъ смочить сю пятна, и оставить такъ на нѣсколько минутъ. Въ этотъ промежутокъ времени, можно намачивать другія пятна. Послѣ того какъ пятно такъ полежитъ, надо его хорошенько потереть въ рукахъ, опять смочить и еще дать полежать. Затѣмъ взять какую нибудь оловянную посудину, наполнить ее кипяткомъ, и разгорячённую такимъ образомъ посудину поставить на одно или на нѣсколько пятенъ, черезъ нѣсколько минутъ снять прочь, и тогда отмыть пятно въ простой водѣ. Если же пятна слишкомъ залежатся и долго не будутъ отходить, то надо снова повторить всю операцію: свѣжія пятна непремѣнно сходятъ съ перваго раза. Все таки не лишнее, всѣ вычищенныя такимъ образомъ вещи отдать сейчасъ же въ стирки съ прочимъ бѣльемъ.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

Дѣйствія правительства.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: обязанности, лежащія по уставу Императорской Медико-Хирургической Академіи на главномъ военно-медицинскомъ инспекторѣ, равно какъ и на конференціи означенной Академіи, возложить *временно* на особую коммисію, которой предоставить по вопросамъ, имѣющимъ характеръ чисто ученый, поручать предварительное обсужденіе особымъ совѣщаніямъ изъ членовъ коммисіи и професоровъ академіи, соотвѣтственно ихъ спеціальностямъ.

— Въ г. Севастополѣ образовано особое присутствіе по городскимъ дѣламъ.

Дѣла церкви.

— Съ 1868 года Казанскому братству св. Гурія разрѣшено издавать вѣроучительныя христіанскія книги на инородческихъ языкахъ Казанскаго края и на совѣтъ братства возложено заботиться объ изготовленіи и изданіи переводовъ на инородческіе языки. Для болѣе точнаго соблюденія при переводахъ указанныхъ Святѣйшимъ Синодомъ правилъ учреждена въ началѣ 1870 года постоянная коммисія, которая послѣ четырехлѣтняго опыта пришла къ опредѣленнымъ взглядамъ относительно исполненія переводовъ. Издаваемые нынѣ братствомъ св. Гурія переводы и книги существенно отличаются отъ прежнихъ переводовъ, которые большею частію были непонятны и безполезны для инородцевъ, потому что представляли механическое, дословное переложеніе, въ которомъ удержанъ русскій порядокъ словъ и русское сочетаніе предложеній, тогда какъ строй инородческихъ языковъ, самъ по себѣ весьма логичный и послѣдовательный, рѣзко отличается отъ русскаго. Въ переводахъ, изданныхъ братствомъ, напротивъ все вниманіе обращено на общедоступность, съ соблюденіемъ притомъ возможной близости къ смыслу и тексту переводимыхъ подлинниковъ. Съ этою цѣлію переводы постоянно провѣрялись чрезъ прочтеніе ихъ инородцамъ. Переводы, изданные братствомъ, вошли въ употребленіе не только въ инородческихъ школахъ, но и въ семействахъ инородцевъ, чѣмъ оправдывается переводная система, усвоенная братствомъ.

Народное просвѣщеніе.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 1 сентября, въ Тифлисѣ фельдшерская школа, а 8 числа гражданская прогимназія; въ новгородской губ. двукласныя начальныя народныя училища: Расторопское, Устюженскаго уѣзда—6-го минувшаго сентября, Коростынское, Старорусскаго уѣзда—22-го и Молвотицкое, Демянскаго уѣзда—25-го сентября; 28 сентября въ Суражѣ прогимназія, 6 октября въ Одессѣ вторая прогимназія; 6 октября въ Астрахани мужская ремесленная школа; 20 октября въ Великихъ Лукахъ городское женское 2-го разряда училище; 27 сентября Трегубовской волости (Устюгскаго уѣзда, Вологодской губерніи) одноклассное начальное народное училище; 3 ноября Тудозерское народное училище въ 12 верстахъ отъ Вытегры; въ Одессѣ, 21-го ноября, торжественно открытъ состоящій подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы учебный питомникъ славянскихъ дѣвицъ.

— Въ Одессѣ будутъ открыты, какъ сообщаетъ «Одес. Вѣстн.», вечерніе классы для мальчиковъ, служащихъ на заводахъ, фабрикахъ и въ магазинахъ. Починъ этого дѣла принадлежитъ раввину Мандельберну.

— Профессоръ Новороссійскаго университета, г. Цитовичъ открылъ въ Одессѣ курсъ практическихъ чтеній по гражданскому праву, главная цѣль которыхъ заключается въ ознакомленіи студентовъ съ казуистической стороной русскихъ гражданскихъ законовъ.

Морское дѣло.

— Въ Тихомъ океанѣ вся почти эскадра контръ-адмирала Ѳ. Я. Брюмера находилась 21-го сентября въ Іокогамѣ, въ Японіи, и состояла изъ корветовъ: *Аскольдъ* и *Богатырь* и паровыхъ клиперовъ: *Гайдамакъ* и *Всадникъ*.

— 6-го ноября, утромъ, шедшая въ Копенгагенъ датская шхуна «Таммерсфусъ», нагруженная дровами, наскочила на Ревельштейнскую банку и затонула въ 7 верстахъ къ NNW отъ Пакерорта. Это было замѣчено съ острова Наргена состоящими при спасательной лодкѣ крестьянами, которые сообщили о бѣдствіи судна въ Балтійскій Портъ. Спасательная лодка не могла выйти къ погибающимъ, и на мѣсто бѣдствія отправился спасательный паровой барказъ «Работникъ» (датскаго консула Берга), но вслѣдствіе темноты и волненія не могъ достигнуть судна. Только на другой день утромъ, при помощи вызваннаго изъ Ревеля спасательнаго парохода «Двина» (этого же консула) затонувшая и обледенѣвшая шхуна была прибуксирована въ Балтійскій-Портъ. Экипажъ весь спасенъ и взятъ на попеченіе г. Расмуссеннонъ.

— 22-го ноября состоялась въ Николаевѣ парусная гонка разныхъ гребныхъ судовъ, находящихся при большихъ судахъ флота, стоящихъ въ настоящее время въ Николаевѣ. На другой день, 23-го ноября, происходила гонка всѣхъ гребныхъ судовъ, подъ веслами. За небольшимъ исключеніемъ всѣ гребныя суда, участвовавшія въ гонкѣ, были во всѣхъ отношеніяхъ въ несравненно лучшемъ видѣ чѣмъ въ прошедшемъ году.

Городская хроника.

— Почетный гражданинъ *В. С. Сосульниковъ* пожертвовалъ въ пользу города Кирсанова выстроенный имъ подъ помѣщеніе богадѣльни для бѣдныхъ жителей города домъ со всѣми необходимыми приспособленіями и и 332 дес. земли въ Саратовской губерніи, съ тѣмъ чтобы доходомъ отъ этой земли могла содержаться богодѣльня.

— Почетная гражданка *А. В. Полежаева* въ гор Калязинѣ пожертвовала городу 6.000 руб. на устройство богадѣльни.

— Торгующія въ гор. Чистополѣ (разнымъ хлѣбнымъ товаромъ въ зернѣ) лица, мѣстныя и иногородныя, заявили городской думѣ, чрезъ городскаго голову, желаніе участвовать въ устройствѣ мостовыхъ въ этомъ городѣ, предложивъ Думѣ уплачивать на сей предметъ, по добровольному своему согласію, по 1 коп. съ четверти всякаго хлѣба, отправляемаго на пристань, и выразивъ притомъ, что пожертвованіе это съ избыткомъ вознаградилось бы удешевленіемъ привоза во время распутицы и потому нисколько не возвысило бы цѣнности товара. Къ этому заявленію присоединились потомъ торгующіе и другими товарами на пристани. Заявленіе подписано 47 лицами, обусловившими свое пожертвованіе устройствомъ мостовыхъ по направленію къ пристани.

— Ростовская город. дума (Екатеринослав. губ.) разрѣшила производство работъ по замощенію одной изъ городскихъ площадей на сумму 35.000 р., съ устройствомъ притомъ бульвара, на которомъ въ три ряда должны быть посажены деревья.

— Стерлитамакская город. дума, опредѣливъ ходатайствовать объ учрежденіи при мѣстномъ училищѣ публичной библіотеки, разрѣшила отпустить на первый разъ 200 р. на выписку нужныхъ книгъ и журналовъ, согласно каталогу, который долженъ быть особо для сего составленъ.

— Въ Казани, 7-го Ноября, открыто новое зданіе Биржи. Зданіе это выстроено коммерціи-совѣтникомъ И. П. Соболевымъ на собственныя средства и пожертвовано казанскому биржевому купечеству.

Земская хроника.

— Екатеринославское Губ. Зем. Собраніе въ засѣданіи 26-го октября, обсуждая вопросъ о пользѣ лѣсоразведенія, постановило избрать особую коммисію для собранія и разработки всѣхъ данныхъ по предложеніямъ гласныхъ Пржевальскаго и Савельева относительно лѣсоразведенія и мѣръ противъ быстраго высыханія рѣкъ южнаго края, и уполномочить губернскую управу, на основаніи выработанныхъ коммисіею матеріаловъ, ходатайствовать предъ правительствомъ объ изданіи правилъ какъ о сохраненіи существующихъ, такъ и о разведеніи новыхъ лѣсовъ, а также о принятіи мѣръ противъ быстраго высыханія рѣки Днѣпра.

— То же Екатеринославское Губернское Собраніе, въ засѣданіи 25-го октября, поручило особой депутаціи ходатайствовать предъ правительствомъ о сооруженіи на счетъ казны постояннаго моста чрезъ р. Днѣпръ у гор. Екатеринослава и линіи желѣзной дороги отъ Екатеринославской станціи Лозово-Севастопольской дороги до соединенія съ одной изъ ближайшихъ станцій Знаменско-Николаевской желѣзной дороги.

—Сызранское уѣзд. Сибирской губерніи, зем. собраніе, согласно докладу уѣздной управы, уполномочило ее ходатайствовать объ устройствѣ въ селѣ Троицкомъ-Сунгурѣ тюрьмы для маловажныхъ преступниковъ и на случай удовлетворенія этого ходатайства ассигновало на приспособленіе для помѣщенія арестантовъ Троицко-Сунгурскаго каменнаго магазина 2.000 руб. и на обзаведеніе тюремныхъ мастерскихъ инструментами и матеріалами для работъ—1.000 рублей.

Литература.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ донесъ Правительствующему Сенату, что вслѣдствіе всеподданнѣйшего доклада, представленнаго имъ, министромъ, совокупно съ министромъ Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 13 день ноября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: съ 1-го января 1875 г. передать изъ Императорской Академіи Наукъ въ полное и непосредственное вѣдѣніе Министерства Народного Просвѣщенія газету «С.-Петербургскія Вѣдомости» и всѣ соединенныя съ тѣмъ обязанности по сбору денегъ за объявленія, по доставленію въ редакцію сихъ объявленій и всякаго рода статей, какія Министерство сочтетъ за нужное печатать въ сей газетѣ.

— По поводу сообщеннаго въ № 179 «Петербургской Газеты» слуха о прекращеніи платежей двумя торговыми домами, лишеннаго всякаго основанія, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 14-й день іюня 1868 года Положенія Комитета гг. министровъ, *опредѣлилъ:* воспретить розничную продажу нумеровъ «Петербургской Газеты».

Археологія

— Въ программу кіевскаго археологическаго съѣзда входили между прочимъ археологическія экскурсіи съ научной цѣлью: члены посѣтили Гатное, гдѣ было разрыто три кургана. Въ первомъ курганѣ, извѣстномъ въ народѣ подъ именемъ «Волчьей могилы», найдено нѣсколько скелетовъ и урнъ, каменный молотъ и каменное долото. Рядомъ съ Волчьей могилой разрытъ второй курганъ, который однако, по характеру найденныхъ вещей, слѣдуетъ отнести къ болѣе поздней эпохѣ; въ немъ найдены вещи изъ камня, бронзы, желѣза и глины, при нѣсколькихъ костякахъ: каменный молотъ, бронзовый топоръ, бронзовое зеркало, обломокъ желѣзнаго ножа и глиняный сосудъ, съ узорами очень древними и характеристическими.

— Близъ дер. Дербеденя, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при расчисткѣ въ лѣсу мѣста для пашни, найдены на глубинѣ полуаршина древнія бронзовыя вещи, относящіяся къ бронзовому вѣку: долото съ углубленіемъ внутри его для насадки на дерево, крышка съ чашечки въ окружности $6^1/_4$ вершк. и лопаточка съ ручкою длиною

Библиотека "Руниверс"

около 3½ вершк., 6 каналъ внутри пустыя для насажденія ихъ на дерево.

Затѣмъ найдено 5 серповъ, но нѣсколько измѣненной формы противъ нынѣшнихъ. Всѣ эти вещи очень хорошо обронзированы зеленымъ цвѣтомъ; бронзировка до того сохранилась, что всѣ вещи кажутся какъ бы недавно сдѣланными, кромѣ серповъ, гдѣ мѣдь выступила изъ-за бронзировки, которая сохранилась мѣстами. Вѣсъ всѣхъ вещей 7 фунт. и 90 зол. Всѣ подобныя находки въ этомъ краѣ народъ зоветъ чудскими; подъ именемъ чудскихъ же слывутъ въ народѣ и курганы и, наконецъ, мѣдныя копи, или признаки когда-то, въ глубокой древности, существовавшаго поиска мѣдныхъ рудъ.

— Командированный отъ Археологическаго Общества г. Европеусъ при раскопкѣ двухъ кургановъ близь деревни Залощика, Новинской волости, Тихвинскаго уѣзда, Новгородской губерніи, нашелъ, слѣдующіе предметы: три человѣческіе скелета и около нихъ желѣзный котелъ, кинжалъ, два копья разныхъ форматовъ, шапку, небольшую стрѣлу, двѣ желѣзныя тарелки, серебряную серьгу, двѣ старыя монеты, два конца желѣзныхъ цѣпей длиною около 1½ аршина каждый, нѣсколько бусъ и другія древности.

— Въ гор. Туркестанѣ найдены 612 древнихъ серебряныхъ монетъ, величиною въ тенгу. Полагаютъ, что монеты эти относятся ко времени султана Санджара-Мазы (до-тамерлановской эпохи).

Новыя изобрѣтенія.

— Недавно изобрѣтены снаряды, посредствомъ которыхъ могутъ быть предотвращены тѣ опасности, которыми обыкновенно сопровождаются случаи испуга лошадей, запряженныхъ въ экипажъ: 1) снарядъ Клеве изъ Шверина: въ пустой желѣзной вагѣ, а также въ оковкѣ дышла помѣщается особый механизмъ, который мгновенно можетъ быть приведенъ въ дѣйствіе посредствомъ простаго надавливанія ногою съ козелъ. Когда лошади понесутъ, то прежде всего пріостанавливаютъ вращеніе колесъ посредствомъ особаго приспособленія, дѣйствующаго во втулкѣ ихъ; затѣмъ достаточно простаго надавливанія ногой, чтобы отцѣпить постромки и привязи, и 2) снарядъ г. Студзинскаго, заключающійся въ томъ, что когда лошади понесутъ, то глаза ихъ прикрываютъ особыми клапанами, сдѣланными изъ черной матеріи. Когда лошадь перестаетъ видѣть, она почти мгновенно останавливается.

Астрономія и Метеорологія.

— 29-го октября, въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ предсѣдатель коммисіи, назначенной для приготовленій къ наблюденіямъ прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца, академикъ Струве сообщилъ, что всѣ снаряженныя какъ самою коммисіей, такъ и при ея содѣйствіи, экспедиціи для наблюденія явленія уже отправились на мѣста назначенія. Экспедиціи снаряжены большею частью на счетъ суммы, предоставленной для этой цѣли Правительствомъ въ распоряженіе коммисіи, частью же на счетъ отдѣльныхъ учрежденій. Задача коммисіи была особенно облегчена тѣмъ живымъ участіемъ, которое приняли въ дѣлѣ Военное и Морское Вѣдомства. По волѣ его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала инструменты и переносныя башни для станцій въ Приморскомъ Краѣ Восточной Сибири перевезены на казенныхъ судахъ и установлены подъ надзоромъ командированнаго туда для этой цѣли офицера, а Военно-Топографическій отдѣлъ Главнаго Штаба рядомъ телеграфныхъ опредѣленій долготъ, необходимыхъ для дальнѣйшаго развитія точной географіи Сибири, доставилъ возможность значительно упростить трудную задачу опредѣленія долготъ избранныхъ станцій. Дѣятельное содѣйствіе этихъ двухъ Вѣдомствъ выражается и въ томъ, что въ числѣ наблюдателей находится 9 офицеровъ Генеральнаго Штаба и 3 офицера флота. Наблюденія прохожденій Венеры происходили въ слѣдующихъ мѣстахъ: Владивостокѣ, въ бухтѣ Посьетъ, на Камень-Рыболовѣ на озерѣ Ханка, въ бухтѣ Находка, въ гавани Святой Ольги, въ Іеддо, Пекинѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Нерчинскѣ, Читѣ, Кяхтѣ, Омскѣ, Ташкентѣ, Иргизѣ, Оренбургѣ, Уральскѣ, Саратовѣ, Астрахани, Ашуръ-Аде, Эривани, Нахичевани, Тегеранѣ, Таганрогѣ, Керчи, Ялтѣ и въ Оивахъ въ Египтѣ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ устроены особыя станціи. Для наблюденія прохожденія планеты Венеры чрезъ дискъ солнца отправился изъ Одессы въ Керчь астрономъ Е. Э. Блокъ. Кромѣ трубы Штейнгеля, г. Блокъ взялъ съ собой инструментъ фабрики Репсольда и маленькій теодолитъ, работы Эртеля. І. П. Стебницкій, въ Тегеранѣ, наблюдалъ шестифутовою трубою, коей объективъ въ 3¹/₁₀ дюйма, а наибольшее увеличеніе въ 172 раза; нѣмецкіе наблюдатели въ Испагани—*геліографомъ*, посредствомъ котораго на стеклянныхъ пластинкахъ, вкладываемыхъ въ большую зрительную трубу должны получиться мгновенно фотографическія изображенія солнца и Венеры; по этимъ пластинкамъ, соотвѣтствующимъ опредѣленному времени, получится положеніе Венеры относительно края солнца. Подобными инструментами въ Россіи наблюдали въ Кяхтѣ и на станціи у залива Посьетъ (въ Приморской области, на берегу Японскаго моря).

Нынѣ, по полученнымъ телеграммамъ отъ 27 ноября видно, что въ Тегеранѣ было ясно и наблюденіе Венеры удалось вполнѣ. Въ Эривани и Нахичевани—пасмурно; наблюденія не было. Наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры въ Нурки (въ Остъ-Индіи) были успѣшны. Исполнено 100 фотографическихъ изображеній. Фотографическія и микрометрическія наблюденія были также успѣшны въ Капрѣ и Суэзѣ. Наблюденія въ Калькуттѣ удались превосходно, но въ Мадрасѣ, по случаю облачной погоды, наблюденія оказались почти невозможными. Въ Курачи наблюденія сдѣланы превосходно. Въ Мельбурнѣ всѣ фазисы прохожденія Венеры были наблюдаемы съ успѣхомъ. Наблюденія въ Аделаидѣ, въ Гобартъ-Тоунѣ, удались только отчасти. Въ Нагасаки микромстрическія и фотографическія наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры произведены были довольно удачно. Фотографіи всего видѣннаго сняты на стеклѣ. Наблюденія въ Хіаго также удались. Въ Индоре наблюденія прохожденія Венеры совершилось превосходно. Время видимаго соприкосновенія Венеры съ солнцемъ продолжалось 4 часа 47 минутъ и 32 секунды. Промежуточное время между двумя внутренними точками соприкосновенія продолжалось 3 часа 42 минуты 56 секундъ. Не было видно вовсе черныхъ пятенъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Кола (съ рисункомъ).—Двуногій волкъ И. Каравина (продолженіе). — Седмиградская поселянка (съ рисункомъ). — Фантастическое окончаніе къ поэмѣ: „Кому живется всѣхъ вольготнѣе на Руси". И. Г. — Жаворонокъ (съ рисункомъ). — Совѣ въ руку (изъ вседневной жизни). — Новый оперный театръ въ Парижѣ (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Приложеніе объявл. «Нивы».

Редакторъ В. Клюшниковъ.

НОВЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„МОДЫ и РУКОДѢЛІЯ".

Журналъ этотъ придерживается совершенно особой программы: онъ не руководствуется, подобно всѣмъ, однимъ какимъ нибудь изданіемъ, а выписывается нѣсколько иностранныхъ журналовъ (между прочимъ: **Elégance Parisienne, Aquarelle Mode, Mode Artistique, Mode Actuelle, Allgemeine Zeitung**, спеціальные: **Lingerie Parisienne, Boite à ouvrage, Arbeitsstube** и проч.) и изъ нихъ выбирается самое изящное. Подписчики найдутъ у насъ огромный выборъ бѣлья и рукодѣлій; кромѣ литографированныхъ выкроекъ, мы станемъ давать при каждомъ нумерѣ шесть вырѣзныхъ. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна въ годъ 4 р. въ С.-Петербургѣ, съ доставкой 5 р., съ пересылкой 6 р.; на полгода 2 р. 50 к., 3 р. и 3 р. 50 к. № 1-й выйдетъ въ декабрѣ. Редакція помѣщается въ Караванной, домъ № 11 (уголъ Невскаго), въ квартирѣ фотографа Цвернера. Отдѣленіе конторы по Невскому, на углу Большой Морской, въ домѣ Котомина, въ Газетномъ Бюро (для публикаціи и подписки), въ С.-Петербургѣ.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ

СВЯТЦЫ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА,

НА 1875 ГОДЪ.

320 стр. съ хромолитограф. портретомъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 40 коп.

3 экз. съ пересылкою 1 р., 10 экз.—3 р., 25 экз.—7 р.

Содержаніе: Церковный отдѣлъ (69 стр.). — Русскій Императорскій домъ, Государств. Учрежд., Церковное управленіе (9 стр.). — Судебный отдѣлъ (33 стр.). — Земство (5 стр.). Страхованіе (6 стр.). —Основанія воинской повинности (25 стр.).—Городовое положеніе; Пошлины за право торговли и промысловъ (12 стр.).— Форма векселей и заемныхъ писемъ (4 стр.). — Сберегательныя кассы; Государственный банкъ; Процентныя бумаги; Таблица исчисленія процентовъ (16 стр.).— Русскія мѣры; Главныя ярмарки въ Россіи (12 стр.). — Желѣзныя дороги; Пароходное сообщеніе; Телеграфъ (44 стр.). — Почтовыя свѣдѣнія (34 стр.). — Повѣренные по судебнымъ дѣламъ; правила и форма свидѣтельствъ (6 стр.). — Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ (11 стр.). — Паспорты и правила объ отсрочкахъ (4 стр.). — Помощь больнымъ до прибытія врача. Объясненіе иностранныхъ словъ; Календарь сельско-хозяйственныхъ работъ; Брюсовъ календарь и проч.

Требованія адресовать: Вас. Егор. *Генкелю*, въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, домъ № 114, кв. № 32.

Дозволено цензурою. 13 декабря 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 5

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 52 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 23-го декабря 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Цѣна этого № «Нивы» 20 коп. съ пересылкою 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1875 Г.

Вслѣдствіе наступленія подписки на 1875 годъ, мы просимъ гг. подписчиковъ нашихъ **поспѣшить возобновленіемъ подписки, для избѣжанія остановки въ полученіи нашего журнала, особенно первыхъ нумеровъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1875 ГОДЪ.

I. Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . . . 4 р.

II. Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . . . 5 р.

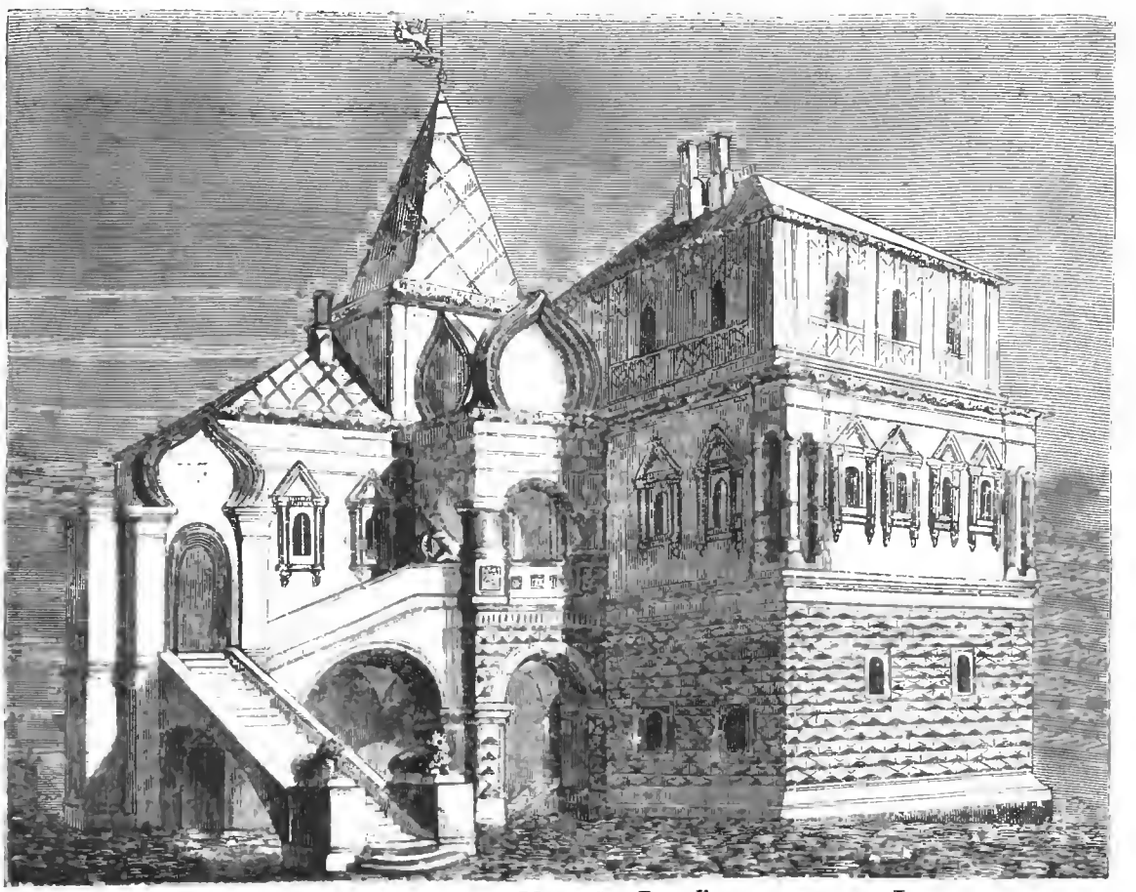
III. Безъ доставки въ Москвѣ: чрезъ книжн. маг. И. Гр. Соловьева, А. Лангъ и А. Живарева 4 р. 50 к.

IV. Съ пересылкою въ Москву и во всѣ другіе города и мѣстечки Имперіи . . . 5 р. 50 к.)

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „НИВЫ“ А. Ф. МАРКСЪ.

ПОДПИСКА на 1874 г. продолжается и каждый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе нумера.



Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Рис. Коверзневъ, грав. Дьяманъ.

Библиотека "Руниверс"

Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ

Помѣщая изображеніе *Романовскихъ палатъ* — зданія сооруженнаго въ Китаѣ-городѣ, подлѣ Знаменскаго монастыря, на мѣстѣ бывшаго дома боярина Никиты Романовича Юрьева — мы не коснемся здѣсь вопроса ни о подлинности, ни о ближайшемъ и строгомъ сходствѣ постройки этой съ древностью. Для насъ важно не то, что сооруженіе нашихъ дней можетъ играть роль старины, а то, что, благодаря подобной затѣѣ, успѣли напомнить постройкою мѣсто забытаго родоваго дома Романовыхъ Юрьевыхъ—и въ стѣнахъ возстановленной, какъ бы ни было, древности—собрать вещи несомнѣнно XVI и XVII вѣковъ. Такъ что, если бы самое сооруженіе—свидѣтельствуя современное знакомство наше съ прошлымъ историческимъ бытомъ—и не достигло (если въ не нашихъ глазахъ, то въ очахъ потомковъ, которые глубже узнаютъ житье-бытье предковъ) вполнѣ цѣли, но, во всякомъ случаѣ, родъ музея изъ предметовъ несомнѣнной подлинности живо переноситъ въ невозвратное прошлое.

Противъ же точности и вѣрности возсозданія наружнаго вида Романовскаго дома нашими художниками и при руководствѣ мѣстныхъ археологовъ—говорятъ очень многое. Прежде всего невольно задаетъ себѣ вопросъ всякій знатокъ стараго московскаго быта: какъ такъ домъ Романовыхъ могъ очутиться фасадомъ на улицу, если бы новыя стѣны поднялись на мѣстѣ старыхъ? — Мы знаемъ вѣрно, что всѣ домы и хоромы въ старинной Москвѣ ставились отступя отъ улицы, посреди двора, за заборомъ. И допустить здѣсь нельзя даже возможности двора—безъ закрытія поперекъ улицы, всегда считавшейся проѣзжею и идущей теперь по тому же направленію, какъ и въ старину она шла. Затѣмъ напрашивается другой вопросъ,—который еще труднѣе устранить всевозможными оговорками и наведеніями: откуда явились въ XVI вѣкѣ, при входѣ въ домъ частнаго человѣка, львы, — когда эти царственныя животныя не только у насъ въ былыя времена, но и въ западной Европѣ, всегда служили отличительнымъ признакомъ принадлежности верховной власти? Родственникамъ же царскимъ, каковы были Романовы при царѣ Михаилѣ, даже не кстати было ставить, да еще открыто, льва на крыльцѣ палатъ. Не говоря уже о томъ, что современники подобную мелочь для насъ — не просто замѣтили бы, но возбудили бы даже непріятный процессъ противъ отважившагося на подобный шагъ: какъ бы къ равенству съ царомъ. Послѣдній Романовъ, двоюродный братъ царя Алексѣя, велъ себя, сколько извѣстно, тише воды, ниже травы при *тишайшемъ* Государѣ, своемъ родственникѣ, удалялся отъ всякихъ пересудовъ.

Да, наконецъ, мы не знаемъ, чтобы у него былъ даже каменный домъ, а не просто брусчатый теремъ, у Знаменья, въ Китаѣ, доставшійся, разумѣется, Государю — съ прекращеніемъ рода бояръ Романовыхъ. Если же бы каменныя палаты были здѣсь, — въ документахъ, вѣроятно, нашлось бы указаніе: что съ ними сталось, или куда перенесли ихъ, что-ли, впослѣдствіи? Тѣмъ болѣе это чудно, если, указывая намъ на настоящую постройку, трехъ-этажную со двора, станутъ увѣрять, что такъ и было въ старину. А во всей-то Москвѣ въ три этажа едва ли можно насчитать и въ Петровское время два-три дома, не только что въ XVII вѣкѣ или еще раньше! О домѣ Романовыхъ въ Китаѣ, у Знаменья въ приходѣ, всегда говорилось «дворъ родителей Государевыхъ»; но слово дворъ, въ такой крѣпости, какъ Китай городъ, слѣдуетъ прежде всего считать *Осаднымъ*, т. е. нестолько хоромами, какъ жилищемъ для временнаго пребыванія въ столицѣ, часто служившимъ убѣжищемъ при нашествіи непріятеля—семьямъ помѣщиковъ со всего уѣзда. Спѣшно спасаясь въ столицу, уѣзжавшіе изъ деревень брали съ собою наиболѣе цѣнныя вещи, деньги, да запасы, на осадныхъ дворахъ за стѣнами обыкновенно и хранимые. Для храненія требовались, разумѣется, кромѣ службъ и клѣтей подъ навѣсами, еще *подвалы* подъ домомъ. Въ роскошномъ же домѣ Романовыхъ, какъ сооруженъ онъ въ наши дни, и первый этажъ снаружи, отдѣланный на подобіе Грановитой палаты, *рустомъ*, — снабженъ окнами совсѣмъ не подвальными, а большаго размѣра даже, чѣмъ бывали оконныя отверстія въ жилыхъ подклѣтяхъ царскаго дворца, служившихъ комнатами дежурнымъ чинамъ дворской администраціи. Слѣдовательно, здѣсь утрачена и забыта всякая цѣль и примѣненіе ея къ потребностямъ осадныхъ дворовъ. Расположеніе внутренности дома тоже не совсѣмъ приводитъ на память московскій боярскій бытъ — и допуская даже извѣстную наклонность боярина Никиты Ивановича Романова къ воспріятію западныхъ европейскихъ совершенствованій во части комфорта и роскоши.

Но—не довольствуясь ни кровлею бѣлаго желѣза, ни битью фигурною, наложенною въ родѣ кружевной каемки по краю кровли, ни подражаніемъ формѣ бочекъ въ каменной кладкѣ вѣнчанія крылечнаго теремка, — мы все это готовы забыть, вступая во внутренность палатъ, гдѣ устроена выставка предметовъ древности, подъ благовиднымъ предлогомъ принадлежности ихъ владѣльцамъ дома встарину. Нужно ли прибавлять, что вещи, показываемыя въ Романовыхъ палатахъ, взяты изъ сокровищницы Оружейной Палаты, которая даже и не исключаетъ ихъ изъ своихъ описей? Подлинность большей части этихъ предметовъ, пережившихъ больше двухъ вѣковъ, не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія,—и мы познакомимъ съ ними нашихъ читателей, группируя наличность утвари и украшеній палатъ по купамъ и по роду употребленія, или пользованія ими въ обиходѣ житейскомъ.

Русскіе люди во всѣ времена отличались религіозностью и не входили въ жилое помѣщеніе не крестясь. По этому въ большомъ углу въ каждой комнатѣ ставились — золотомъ сіяющія у богатыхъ — иконы въ окладахъ и ризахъ. Образа въ домѣ Романовыхъ подобраны очень тщательно, быть можетъ и не безъ цѣли вызвать размышленія и припоминанія.

Перечень образовъ слѣдуетъ начать иконою «Св. Михаила Маленна», благословеніемъ покойнаго митрополита Филарета Московскаго, освящавшаго Романовскія палаты. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ праздновалъ свои имянины въ день чествованія церковью памяти этого святаго. Кромѣ благословенія іерарха, въ образномъ кіотѣ въ палатахъ помѣщены рѣзныя «Распятіе», «Знаменіе Богоматери», да висанныя иконы: «Благовѣщенія» и «Рождества Богородицы», Двунадесятые праздники и святыхъ: Мины, Василія Блаженнаго, Николая чудотворца, Алексѣя Митрополита. Четыре портрета: отца и матери перваго Государя изъ дома Романовыхъ, да его самого съ сыномъ — преемникомъ, — ясно поставлены опять съ цѣлью подѣйствовать на зрителя современностью этихъ изображеній съ самыми палатами,—въ наши дни, какъ бы только возстановленными послѣ временнаго упадка. Помѣщеніе другихъ вещей, принадлежавшихъ особамъ царскаго рода, служитъ подтвержденіемъ нашей догадки; такъ какъ между ними есть предметы бывшіе несомнѣнно въ употребленіи и имѣющіе исторію. Таковъ напримѣръ, жезлъ патріарха Филарета, присланный въ даръ родителю Государеву Курляндскимъ Герцогомъ Яковомъ въ 1632 году.

Серебряные же кувшины, кокосовый кубокъ и серебряная золоченая солонка, принадлежавшая къ келейнымъ вещемъ патріарха, прежде всего должны напомнить свою у него обиходную службу. Особенно если рядомъ съ ними, тутъ же на виду, красуется и ковшъ земной подруги Ѳедора Никитича —Марфы Ивановны, ею заказанный для подарка вѣнценосному сыну на праздникъ Пасхи 1618 года? Самого царя Михаила Ѳеодоровича тутъ и оружіе и сосуды для питья, вмѣстѣ съ подаркомъ отъ англійскаго короля—его собственною конною фигурою, вылитою и отчеканенною изъ серебра съ позолотой. Второй супругѣ Царя Михаила — Царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ урожд. Стрешневой принадлежали слѣдующія пять вещей (выставленныя въ палатахъ бояръ Романовыхъ) — зеркало ручное, опахало, жезлъ съ часами, кубокъ потѣшный съ мельницею и золотая братина съ эмалью. Зеркало царицыно отличается красивою жадовой рукоятью, покрытою золотою насѣчкою, съ изумрудами и яхонтами. Это не просто вещи, но дорогая галантерея — даръ ея величеству отъ турецкаго султана, доставленный съ посломъ Ѳомою Контакузинымъ въ 1628 году. Цареградскаго же дѣла — поминокъ Патріарха Кирилла Лукариса (1630 г.)—также съ дорогою жадовою не меньше роскошною рукоятью и опахало Царицы Евдокіи изъ черныхъ страусовыхъ перьевъ. А жезлъ чернаго дерева, показываемый въ описяхъ царицыной казны (1629—1632) г., тотъ самый, съ которымъ являлась Государыня Московская на торжественныхъ выходахъ. Впрочемъ, экземпляръ помѣщенный въ Романовыхъ палатахъ, несомнѣнно западнаго дѣла, не менѣе любопытенъ, кромѣ подлинной древности и по самому хитрому устройству своему. Онъ снабженъ костяною рукоятью, которая раскрывается и заключаетъ въ себѣ такъ-называвшуюся въ минувшемъ вѣкѣ «готовальню». Это — два металическихъ цилиндра для помѣщенія костяныхъ флаконовъ для духовъ и зрительной трубки, а — подъ самымъ набалдашникомъ — часовъ солнечныхъ «съ *маточникомъ*». Современная опись этотъ царицынъ жезлъ сочла нужнымъ описывать такими словами: «Жезлъ нѣмецкое дѣло, дерево черное гладкое, въ рукоять врѣзаны травы серебряны; межъ рукояти въ двухъ щурупехъ серебряныхъ золоченыхъ — щурупцы костяные; въ щурупцахъ составы ароматные. Да тутъ же костяной ставикъ съ кровлею, а въ немъ зуботычки (зубочистки) костяныя; да въ томъ же жезлѣ трубка зрительная. Поверхъ жезла и рукояти въ щурупѣ серебряномъ часы солнечные съ маточникомъ, кровля серебряна золочена, на кровлѣ деретца левъ со змѣемъ. Подковецъ у жезла серебрянъ золоченъ.

Слѣдующая затѣмъ галантерея, пожалованная царицею матушкою годовалому Царевичу Алексѣю Михайловичу, — составляетъ тоже любопытную затѣю предковъ. Это — кубокъ серебряный золоченый, украшенный ложками и поставленный на трехъ колесахъ (не золоченыхъ). Назывался онъ кубкомъ «съ мельницею» и украшенъ фигурами лебедя и цапли. По вѣсу (2 фунта 39 золотниковъ) вещь эта конечно не можетъ быть причислена къ разряду дѣтскихъ игрушекъ, хотя могла составлять во всякое время цѣнное украшеніе горки съ домашнею утварью въ палатахъ царевича.

Наконецъ имя благодушной царицы Евдокіи Лукьяновны еще носитъ въ Романовскихъ палатахъ — *братина золотая* съ эмалью; хотя скорѣе всего этой же Государынѣ только и могъ быть поднесенъ боярынею Ульяной Ѳедоровной Романовой (матерью послѣдняго боярина Романова, женою Ивана Никитича, дяди Царя Михаила) — серебряный золоченый кубокъ, въ надписи на которомъ выставлено одно имя *ударившей челомъ*.

За сосудами для питья, чаще встрѣчающимися по самой всеобщности употребленія

Библиотека "Руниверс"

ихъ на Руси, — въ Романовскихъ палатахъ обращаетъ на себя вниманіе и коллекція столовыхъ приборовъ, о которыхъ вообще мы довольно говорили, приводя на память читателямъ «Нивы» старинный столовый обиходъ государей нашихъ. Впрочемъ, обходя молчаніемъ здѣшніе экземпляры, изъ нежеланія повторять столовые приборы,—мы не намѣрены оставить безъ указанія особенностей накрыванья столовъ обѣденныхъ, на что наводятъ насъ скатерти Романовскихъ палатъ. Какъ галантерейныя вещи имѣютъ свою исторію, такъ и три скатерти здѣсь хранимыя — свою: одна парчевая — даръ Шаха Аббаса, съ узоромъ золотымъ по малиновому бархату; двѣ шелковыя—подарокъ Датскаго короля Христіана IV съ затканною подписью имени дарителя и годомъ (1622). Подобная роскошь столоваго бѣлья въ XVII вѣкѣ простиралась даже на полотенца, исполнявшія роль салфетокъ. *Утиральники* въ Романовскихъ палатахъ вышиты золотомъ и малиновымъ шелкомъ: на углахъ здѣсь гладью представлены двуглавые орлы. Изысканность убранства и украшенія всякаго рода вещей для царскаго употребленія исключительно—потому-то и дѣлаетъ подозрительными экземпляры, помѣщенные въ домѣ Романовыхъ, который никогда не считался дворцомъ, а былъ домомъ боярина.

Укажемъ прежде всего на дѣтскія и спальныя вещи, помѣщенныя въ Романовскихъ палатахъ и показываемыя здѣсь посѣтителямъ. Конечно, экземпляровъ дошедшихъ до насъ отъ XVII вѣка, въ этомъ отдѣлѣ памятниковъ прошлаго быта, уцѣлѣло не много,—чѣмъ и объясняется самая единичность большей части экземпляровъ на здѣшней выставкѣ предметовъ домашняго обихода.

Здѣсь мы найдемъ, напримѣръ, одну только *ферязь* (длинная одежда безъ перехвата въ таліи съ длинными съуженными въ концѣ рукавами) изъ байберека розоваго цвѣта. *Байберекъ* или *банберекъ* (испорченное греческое слово *бамбакиросъ*) была ткань изъ крученаго шелка съ золотыми и серебряными узорами. Аршинъ этой матеріи стоилъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ 30 алтынъ (90 копѣекъ); такъ что байберековыя ферязи, тѣлогрѣи, чюги и кафтаны были народною одеждою аристократовъ и царей. По дороговизнѣ матеріи изъ байберека нашивали и *верхи* одни, на рукавъ. Экземпляръ ферязи въ Романовскихъ палатахъ уже потому одному долженъ считаться параднымъ костюмомъ, что воротъ, рукава, полы и подолъ кафтана обложены кружевомъ плетенымъ изъ золота съ серебромъ. Ферязи были у русскихъ въ старину, — какъ теперь «фередже» у Турокъ — одеждою мужчинъ и женщинъ. Другаго вида одежды въ Романовскихъ палатахъ почему-то не помѣщено; а за то обильна выставка бѣлья постельнаго и дѣтскаго. Тутъ есть: *«нешенная* женская сорочка» изъ восточной тончайшей ткани, въ родѣ батиста; *свивальникъ* дѣтскій (повивальное поясъ) низаный въ узоръ мелкимъ жемчугомъ съ изумрудцами; *наволока* на дѣтскую подушку изъ цвѣтнаго атласа съ такимъ же низаньемъ какъ и свивальникъ; *дѣтское покрывало*, шитое по красному атласу золотомъ, серебромъ и шелками, обшитое золотымъ кружевомъ; *завѣсъ* кроватный пунцоваго индѣйскаго атласа, шитый шелкомъ; 4 парчевыхъ подушки на перинѣ; 2 наволоки малиноваго атласа шитыя золотомъ и шелкомъ. Разостланъ даже парчевой коверъ у кровати, и на немъ поставлены бархатные башмаки сиреневаго цвѣта (червчатые), низаные въ узоръ жемчугомъ *со скобами* желѣзными подъ коблукомъ (въ родѣ подковъ).

Всѣ эти предметы наглядно возстановляютъ особенности и характеръ стараго московскаго быта, гдѣ прочность въ соединеніи съ роскошью обходилась часто безъ изящества формъ. Какъ живой примѣръ взгляда предковъ на ту принадлежность нашего костюма, которая и въ старину играла надлежащую роль въ обиходѣ предохраненія отъ стужи рукъ,—*перчатки* (у насъ)—*рукавицы перстчатыя* въ старину шились обыкновенно для употребленія нѣсколькихъ поколѣній, а потому и не могли плотно огибать руки случайнаго пользователя или пользовательницы ими, переходя по наслѣдству. Между тѣмъ самая роскошь приготовленія этой необходимой принадлежности одежды, дѣлаемой изъ атласа съ золотымъ шитьемъ и жемчугомъ — указываетъ на нарядность и парадъ. Въ подобномъ случаѣ, у насъ, простая и до художественности утонченная, перчатка должна натягиваться на руку, а никакъ уже не скрывать формъ ея, особенно пальцевъ.

Вотъ вамъ и наглядное различіе современныхъ взглядовъ отъ старины. Степенные предки, между тѣмъ, больше насъ любили фигурность да затѣйливость формы во всякомъ родѣ вещей домашняго обихода. Въ кругу же его, часы (столовые и карманные), ларцы, коробочки, ящички, гребни и письменныя принадлежности — составляли необходимую принадлежность жилыхъ помѣщеній; они-то и кажутся оригинальными для нашего глаза.

Часы столовые поставленые въ Романовскихъ палатахъ устроены, напримѣръ, «въ видѣ башни;» а карманные (зеньныя) —въ видѣ *креста*. Согласитесь, что это, способно прямо броситься въ глаза. Чернильница изъ ляпись-лазури, осьмигранная съ золотою насѣчкою, красива сама по себѣ, но также останавливаетъ вниманіе и своимъ *футляромъ* для перьевъ золотымъ съ финифтью. Если же футляръ такъ украшенъ—что мудренаго найти на чернильницѣ драгоцѣнные камни.

Ящики и ларцы для храненія всякаго рода вещей были вмѣстѣ съ тѣмъ,—какъ мы замѣтили—и украшеніемъ жилища владѣльца. Въ этихъ-то видахъ и дѣлали ихъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ, а если были они деревянные, то обивались снаружи бархатомъ. Повторимъ еще разъ, что давали форму и такимъ даже ящикамъ не совсѣмъ обыкновенную. Такъ напримѣръ бывали ящики — *круглые* и *осьмiугольные*. Что же касается до *ларцевъ* подъ дорогія вещи, то цѣнный металлъ, употребленный здѣсь какъ матеріалъ для роскошныхъ галантерей, требовалъ уже само собою утонченной отдѣлки и разнообразія въ украшеніяхъ.

Въ Романовскихъ палатахъ выставленъ былъ плетеный ларецъ серебряный въ золоченой оправѣ и рядомъ съ нимъ показывали два простыхъ ларца, обдѣланныхъ мѣдью съ прорѣзною желѣзною оковкою. Желѣзо прорѣзное и золотили иногда.

Въ небольшихъ ларцахъ хранились чаще всего гребни, какъ и ларцы не рѣдко дѣлаемые изъ слоновой кости со слюдою. Архангельская рѣзьба изъ моржевой кости отличалась также затѣйливымъ рисункомъ украшенія гребней. Форма полукружій съ помѣщеніемъ въ нихъ двуглавыхъ орловъ—для царскихъ гребней была почти обычною. Таковъ и дѣйствительно гребень въ Романовскихъ палатахъ, о которыхъ теперь мы заговорились, увлекшись предметомъ способнымъ дать неистощимый запасъ повѣствованій.

Ларчиками — галантереями изъ дорогаго металла, гдѣ чеканка старинная ухитрялась даже выдѣлывать гриву царственныхъ звѣрей (львовъ), служащихъ поддержкою основанія вещицы, — мы впрочемъ заключимъ теперь обозрѣніе любопытныхъ предметовъ былаго русскаго быта, выставленныхъ въ Романовскихъ Палатахъ. Хотя о вещахъ собственно хозяйственныхъ здѣсь находящихся можно бы тоже кое-что сказать, но мы будемъ говорить о нихъ, разсказывая старинный бытъ домашній русскій, по экземплярамъ Оружейной Палаты, — въ слѣдующихъ нашихъ очеркахъ.

П. Петровъ.

На Волгѣ.

III (Окончаніе).

При словѣ: *Волга* у васъ, жившихъ на ней, невольно толпится въ головѣ масса личныхъ впечатлѣній и ощущеній, въ силу которыхъ сочетаніе помянутыхъ пяти буквъ особенно дорого вашему сердцу.

«Такъ долго не замерзаетъ рѣка!» думаете вы, глядя въ окно на черную полосу воды и на боковыя каймы льда, присыпаннаго молодымъ снѣгомъ. Давно ноябрь на дворѣ, давно облетѣлъ листъ на деревьяхъ, замерзла Воложка, отлетѣли залетныя птицы, а *коренная* все крѣпится и нѣтъ нѣтъ да протащится запоздалый пароходъ. Свищетъ онъ, подходя къ пристани, какъ-то невесело, не полѣтнему—точно морозъ ему голосъ перехватываетъ. . . Сало пошло. Скоро затянетъ ту черную полосу рѣки, что такъ рѣзко кидается всякое утро въ глаза.

«Нынче въ ночь стала», говорятъ черезъ недѣлю, а день спустя вы слышите, что на городскомъ базарѣ были капавинскіе мужики, заволжскіе слобожане. Вы идете посмотрѣть Волгу съ берега. Какая ослѣпительно свѣтлая и бьющая въ глаза картина стелется передъ вами! Вчера только-что выпалъ хорошій снѣгъ и прикрылъ сквозной синій пласть уже окрѣпшаго льда.— Не бойтесь, что онъ тонокъ: онъ свободно выдержитъ тяжесть взрослаго человѣка. Этотъ скороспѣлый мостъ мостилъ въ ясную ночь, безъ топора и ножа, дѣдушка морозъ. День, много два ледъ будетъ гнуться подъ тяжелой ногой пѣшехода, а черезъ какіе нибудь три дня — влѣво, наперерѣзъ къ дальней слободкѣ съ маленькой церковью, ляжетъ, извиваясь блѣдно-желтая дорожная лента, поѣдутъ дровни, а за ними потянутся обозы.

Въ шесть мѣсяцевъ русской зимы вамъ успѣваютъ надоѣсть и небольшія сѣрыя горы, какъ-то попавшія на противоположный луговой берегъ, и сквозная кучка деревъ, покрытыя снѣгомъ поля съ темнымъ боромъ на сосѣдней горѣ, сугробы снѣга на ближнемъ островѣ, помертвѣлыя озера и недвижно-сидящія во льду суда... Слишкомъ много бѣлаго, да и жизни мало. Вся она ютится на узкой дорожной полосѣ: тамъ идутъ и ѣдутъ люди, звенитъ колокольчикъ, слышны перебранка и пѣсни. Въ это скучное время рѣка мало задаетъ на себя работы береговымъ жителямъ. Съ такой твердой дорогой меньше хлопотъ чѣмъ съ *мокрымъ путемъ*. Никто въ эти холодные бѣлые дни не смотритъ вдоль Волги, никому дѣла нѣтъ — всякій глядитъ только съ берега на берегъ. Да и чего смотрѣть вправо или влѣво, кого оттуда ждать! Тамъ всѣ мертво, пустынно и холодно.

Вотъ какая-то баба пришла съ ведрами съ обледенѣлой проруби зачерпнуть красными отъ мороза руками ведерко волжской водицы. Цѣлая стая воронъ, натоптавшая возлѣ проруба слѣдовъ, не торопясь, не вдругъ перелетѣла подальше. Вонъ пашни должно ѣдутъ . . . думается бабѣ и глаза ея останавливаются на черномъ пятнѣ середи дороги — пятно все ближе и ближе. . .

Можетъ быть и вы кого нибудь ждете съ той стороны, но че-

Библиотека "Руниверс"

резъ три-четыре мѣсяца холодной зимы я знаю навѣрное, что вы съ нетерпѣніемъ ждете перемѣны.... Островъ, охваченный коренной и Воложкой—точно мертвецъ въ бѣломъ изодранномъ саванѣ. Холодный вѣтеръ обдуваетъ его чуть не каждый день: въ одномъ мѣстѣ сметаетъ снѣгъ съ озеръ, въ другомъ поднимаетъ рыхлые пушистые сугробы. Душно оставшейся рыбѣ въ этихъ маленькихъ окоченѣлыхъ озерахъ съ зимней опушкой изъ тальника и вербы: закрылись и не отражаютъ въ себѣ таловыхъ кустовъ и вербъ заброшенные дѣти старой Волги—эти кругленькія лужи прѣсной воды. Давно-ли, кажется, морозъ затянулъ льдомъ любимое вами озерцо и прогналъ послѣднюю тяжелую утку на болѣе теплыя мѣста . . А теперь . . невольно припоминаются вамъ тѣ звучныя строфы нашего поэта, гдѣ онъ говоритъ, что зимой жителю русской равнины.

. . . Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры,
Снѣгъ да снѣгъ—все одинъ вѣчно дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые, темные боры. . .

Скоро-ли желанная перемѣна? Но вотъ уже Великій постъ и Мартъ заглянулъ во дворъ. Мутная вода бѣжитъ съ горъ, таютъ снѣга и медленно подготовляютъ переворотъ. Берегъ проснулся: рабочіе обкалываютъ суда; на той и другой сторонѣ замѣтны черныя пятна прогалинъ; рѣка теряетъ свою дѣвственную бѣлизну. Солнце топитъ снѣгъ, вода протачиваетъ ледъ. Волгу замѣтно поднимаетъ, *пучитъ*. Ледъ хоть и очень толстъ, но рыхлъ; онъ весь источенъ водой, какъ старая корабельная доска червями. Недалеко время, когда онъ далеко отстанетъ отъ береговъ—и вода выступитъ поверхъ льда. Въ эти дни Волга стоитъ страшная и некрасивая. Это богатырь, чующій въ себѣ притокъ свѣжей силы. Притекаетъ сила со всѣхъ горныхъ мѣстъ, полей, лѣсовъ и овраговъ и скоро распадутся ледяныя оковы. Въ мѣру силъ Илья богатырь крѣпкое пиво, по совѣту прохожихъ странниковъ и довольно было съ него той силы, о которой онъ заявилъ на Руси; но Волга не знаетъ этой мѣры: она беретъ все что предлагаютъ ей берега, укрытые аршиннымъ снѣгомъ, все что успѣло накопиться за зиму. — За то у Волги и работы больше чѣмъ у Ильи. Недаромъ нашъ народъ сравниваетъ судоходную рѣку съ конемъ.

«Тронулась! . . Часовенскую дорогу снесла за островъ. . . Два мужика утонули,» слышите вы въ началѣ апрѣля, когда уже тянетъ весной и толстѣютъ почки по нагорнымъ садамъ. Взгляните въ окно: на самомъ дѣлѣ желтая лента дороги перенесена со всей бережливостью далеко вправо, какъ разъ противъ того села, что видно тамъ далеко на береговомъ обрывѣ. Суда обколоты и отведены. Всѣ ждутъ когда рѣка *пойдетъ*. Ледяной мостъ разводится на цѣлые полгода, и тотъ другой берегъ въ нетерпѣливомъ ожиданьи *мокраго пути*.

Ледъ было пошелъ, но вдругъ остановился. Вотъ опять кажется пошелъ—и вы, вглядываясь, видите что коренная движется, что грязно-бѣлая масса—живая. Вы на берегу, васъ радуетъ это разрушеніе остатковъ надоѣвшей зимы. Крупныя, въ сотни саженъ ледяныя поляны успѣли разбиться на болѣе мелкія льдины, и все это перетираясь и шумя идетъ вправо. Это не убаюкивающій неумолчный шумъ моря въ тихую погоду; нѣтъ—это какой-то ропотъ и всплескъ тихой стихійной борьбы. Льдины громоздятся другъ на друга, сшибаются, трутся въ мелкой разсыпчатый сахаръ, вдругъ поднимаются надъ *подвижной* ледяной равниной, высокой темной массой и съ шумомъ рушатся въ воду. . Глядите какъ онѣ напираютъ на песчаные берега, лѣзутъ на нихъ, громоздятся выше и выше, пока въ безсиліи не растаютъ отъ горячаго солнца или не унесутся прибывающей водой. Цѣлые ряды льдинъ лежатъ по песчанымъ отмелямъ островов, на каждомъ изгибѣ рѣки. Глазъ приковываетъ ихъ борьба; вы, не отрываясь, слѣдите за ея исходомъ въ частностяхъ. Васъ занимаетъ вонъ та большая льдина со слѣдами когда-то разложеннаго костра, по вашему разсчету она неминуемо должна столкнуть съ мѣста черную грязную льдину, ставшую неподвижно поперегъ Воложки, на самой дорогѣ. Но нѣтъ — она обошла, только тенькнуло что-то какъ мелкіе колоколчики: то мелкія льдинки отлетѣли и свалились въ воду.

Сколько кустовъ поломаетъ на островѣ кучно идущій ледъ, сколько вырветъ ихъ съ корнемъ и унесетъ! А вода между тѣмъ поднимаетъ все выше и выше.

«Нынче за ночь на пять четвертей прибыла» говоритъ вамъ знакомый рыбакъ, у котораго поставлена мѣтка на берегу. Солнце понемногу доканчиваетъ то что надѣлала пущенная имъ же вода — онъ чаще и теплѣе глядитъ съ неба, топитъ плывущія въ Астрахань льдины, на полдорогѣ, сгоняетъ кое-гдѣ оставшіяся по берегу бѣлыя пятна снѣговъ—и не удается ему скоро заглянуть развѣ въ одни овражки, промытые вешними потоками, да подъ навѣсъ темныхъ лѣсовъ. Сѣрая окраска перешла въ зеленоватую; островъ глянулъ своими водяными очами; городскіе сады и луговая сторона въ зеленоватыхъ пятнахъ... Чу! Мартышка проскрипѣла! Вода все ростетъ и растетъ. Зима была снѣжная: разливъ сильный. У васъ отворено окно, и вы чаще обыкновеннаго льнете къ нему. Песокъ давно скрылся изъ глазъ, и Волга кончаетъ уже свои осадныя работы. Весь Поповъ островъ и всѣ сырые луга что лежали отъ него вправо — покрыты полой водой. Вы помните, какъ недѣли двѣ назадъ только ближніе кусты омывались ею, какъ потомъ свѣжая вешняя струя, въ которой едва успѣлъ распуститься ледъ, залилась за высокую песчаную гриву покрытую вербой, пробралась къ ближайшему озеру. Теперь эти темныя полоски гривъ и мѣстами торчащія изъ воды верхушки кустовъ непріятно поражаютъ вашъ глазъ: онѣ нарушаютъ однообразную ширь водяной глади, лежащей на много верстъ въ ширину и длину, какъ морской заливъ. Небольшая дачка въ лугахъ - и та затоплена; цѣлый рядъ домиковъ на берегу купается въ водѣ; только не унываетъ какая-то лавочка да покосившійся на сторону кабакъ, подъ крыльца которыхъ подобралась рѣка. Торговля идетъ своимъ порядкомъ. Авось не затопитъ—не снесетъ! Водяное раздолье куда ни поглядишь.. Стоитъ только пріударить хорошенько низовому вѣтру, думаете вы, погладить Волгу противъ шерсти—и прощай тогда вонъ та избенка, что стоитъ на подмытомъ яру, прощай всѣ избенки что лѣпятся по берегу.

Городскіе огороды тоже на половину въ водѣ; не ушли отъ Волги и сады: рѣчная струя залилась въ узенькіе переулки, между старыми плетнями полощетъ корни большой ветлы, до которой доходитъ не во всякое половодье, размываетъ неогороженное кладбище... Много земли уноситъ Волга съ собой каждый годъ. При взглядѣ на эти изрытые берега, на эти крутые и скользкіе яры, вамъ вспоминается знакомая усадьба съ старымъ барскимъ домомъ и садомъ. Садъ—у самой Волги; домъ—также; но этотъ садъ былъ гораздо больше, онъ не обрывался къ рѣкѣ такъ рѣзко, какъ теперь. «Все Волга подмыла, говорятъ вамъ,—придетъ время и къ дому пожалуй подберется». Вамъ почему-то жалко этихъ знакомыхъ мѣстъ. Если вамъ удавалось когда нибудь переѣзжать черезъ Волгу въ полный разливъ — вы никогда не забудете такой поѣздки. Впереди обманчиво манитъ луговой берегъ и чернѣетъ лѣсъ. Недалеко, сейчасъ пристанемъ, думаете вы. Но вотъ лодка съ небольшимъ шумомъ прорвалась сквозь подбѣжавшіе къ носу кусты, весла брошены, потому что и тѣсно, и мелко — надо отталкиваться, чтобы выѣхать изъ узкаго протока на широкій просторъ, кусты остались позади и лодка быстро пересѣкаетъ большое озеро, за которымъ опять такой же обманчивый берегъ и опять сіяющая водяная гладь... А лѣсъ все попрежнему чернѣетъ на томъ берегу.

Май мѣсяцъ. Вода остановилась и скоро начнетъ спадать. Все въ зелени. Волга захватила съ собой изъ озеръ гостившую тамъ рыбу и напустила другой—время ложиться въ русло. «Глядите, кричитъ знакомый охотникъ, чирковъ-то сколько летитъ!» Въ ясномъ небѣ рѣжется черная полоска, слышенъ какой-то шумъ, за ней другая, третья...

На берегу давно работа. Сегодня прошло пять пароходовъ: три сверху, да два снизу. Спѣшно грузятъ суда: зацѣпивъ толстымъ крюкомъ за девятипудовой куль идетъ по зыблющимся мосткамъ рабочій и сбрасываетъ ношу въ чернѣющій на палубѣ люкъ. «Гру-ша-а-а!» кричитъ онъ, предостерегая другаго, который внизу. Гру-ша-а-а! несется по Волгѣ.

Лѣто подошло. Много люди наловили дровъ на Волгѣ, много навезли къ пристани разнаго товара, нагнали плотовъ съ Камы, то и дѣло суютъ и свищутъ пароходы — опять рѣка стала большой дорогой и люди чаще глядятъ по ея теченью, чѣмъ поперекъ.

На островѣ стрѣляютъ—и гулко несется выстрѣлъ по вечерней и утренней зарѣ. «Съ плотовъ купаться хорошо — пойдемте!» и вы идете въ хорошій лѣтній день купаться, да кстати захватываете и двустволку, чтобы ударить по кулику или мартышкѣ. Послѣднихъ много трясется надъ водой въ эти жаркіе томительные дни. Вотъ она виситъ надъ вами, высматривая рыбешку и трепеща на одномъ мѣстѣ своими острыми крыльями, вотъ припала къ водѣ, оторвалась, полетѣла дальше. По песку, съ котораго еще недавно слила вода, бѣгаютъ подъ цвѣтъ ему мелкіе кулики. Надо долго приглядываться, чтобы замѣтить ихъ. Запахъ ила и перегноя бьетъ въ носъ; подъ ногами хрустятъ мелкіе цвѣтные голыши, а дальше, къ зеленому острову нога вязнетъ въ горячемъ желтомъ пескѣ. Далеко на серединѣ Волги выбѣжалъ этотъ песокъ острымъ языкомъ, а напротивъ еще песчаная мель и на ней и зачинается та же приводная растительность. Она небогата — тальникъ да верба не могутъ придать особенной красоты ландшафту; но послѣ утомительныхъ приволжскихъ песковъ, издали бѣлыхъ, какъ сахаръ—на нихъ отдыхаютъ глаза. *Мать и мачиха* съ своими двуличневыми мясистыми листьями, первая встрѣчаетъ васъ, стараясь прикрыть ими песчаную наготу. Дальше кусты разбросаны по зеленому и мѣстами болотистому лугу, какъ придется. Эти мѣста уже успѣла заполонить сочная и высокая трава. Вотъ узкая тропка ведетъ сквозь чащу къ какому-нибудь одинокому озеру, въ тихой водѣ котораго купаются нижнія вѣтки словно дремлющихъ кустовъ.

Острова — клочки земли, созданные самой Волгой. Волга ихъ наметала, подняла на нихъ *гривы*, занесла на эти гривы сѣмена, выростила по низкимъ мѣстамъ сочную траву, позабыла тамъ и сямъ послѣ разлива озера и лужи, навертѣла гдѣ придется глубокихъ ямъ около какого нибудь пенька или занесеннаго Богъ вѣсть откуда дерева. Придетъ конецъ лѣту, заберутся на островъ люди, нарѣжутъ изъ тальника шалашей, поразставятъ ихъ на озерахъ подсиживать водяную птицу, скосятъ сочную траву—и ляжетъ она подъ ихъ косой душистымъ сѣномъ, станетъ въ стога и долго будетъ стоять въ нихъ, до самыхъ заморозковъ.

Библиотека "Руниверс"

Ряженые на святкахъ въ деревнѣ. Рис. Коверзневъ, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

Поемные луга почти то же, что острова; только деревья какъ-то больше и сильнѣе въ нихъ—точно свободнѣе имъ рости на твердомъ берегу, чѣмъ на оторванномъ плоскомъ клочкѣ земли. Такія же озера разбросаны въ зелени этихъ высокихъ деревъ и на чистыхъ мѣстахъ. Часто цѣлые правильные ряды ветелъ и ивъ идутъ по сторонамъ длиннаго узкаго протока или озера, точно водяная аллея тянется передъ глазами. И тѣнь и свѣжесть. Но за то сколько комаровъ! Боже мой, сколько комаровъ! Точно сѣтка виситъ въ воздухѣ, точно дождь этихъ мелкихъ тварей сѣется передъ глазами, особенно около воды, когда еще она не вся сошла. Лучше и не ходите къ ней въ это время. Много стелется противъ нагорнаго берега этой свѣтлой луговой зелени, мѣстами съ какимъ-то голубоватымъ отливомъ, вонъ сосновскіе, репьевскіе, березовскіе луга... Вы понимаете всю прелесть дружнаго союза воды съ землей—онъ такъ ясенъ вамъ.

Помнится вамъ ночь на самомъ берегу круглаго небольшаго озера на Пальцинскомъ островѣ подъ навѣсомъ трехъ морщинистыхъ осокорей. Огонь разведенъ и что-то варится въ котлѣ. Отблескъ огня играетъ на лицахъ сидящихъ кругомъ людей, на стволахъ прислоненныхъ къ дереву ружей. Кругомъ непроглядно темно. Гдѣ-то свиснула водяная курочка, что-то свалилось въ воду и плеснуло. Вы голодны и устали; но вы сто разъ хотѣли бы теперь испытывать этотъ голодъ и эту усталость въ темную лѣтнюю ночь на одномъ изъ волжскихъ островковъ.

Вотъ уже листъ пожелтѣлъ и облетаетъ. Волга какого-то мутнаго цвѣта, подъ стать небу, мететъ холодный осенній вѣтеръ. Пора *на сидку*. Вы идете на знакомое озеро, съ вечера забираетесь въ густой тальникъ, и вы ждете. Вы изучили до мельчайшихъ подробностей всѣ оттѣнки противнаго берега, разсмотрѣли каждую вѣточку кустовъ... Вечернія краски ложатся все гуще и и гуще, предметы начинаютъ терять ясность очертанія и принимаютъ тотъ оттѣнокъ, который мы почему-то зовемъ волшебнымъ. Всходитъ мѣсяцъ. Надъ головой пронеслось что-то тяжелое и большое. Это совы занимаются, какъ и вы, ночною охотой. Но вотъ близко, близко, вѣрно въ томъ углу озера, который невидѣнъ изъ вашей засады – крякнула утка. Вы не чувствуете, что пересидѣли ногу въ неловкой позѣ; руки сжимаютъ ружье, глаза устремлены на узкую серебристую дорожку отброшенную мѣсяцемъ по водѣ. Вы боитесь шевельнуться. Дорожка дрожитъ, слегка колеблется на водяной зыби. Какая-то темная точка тихо движется по ней. Перекатисто гремитъ выстрѣлъ, что-то бьется въ водѣ, радостно взвизгиваетъ собака. Вотъ слышно—еще сѣла стая, звучно разсѣкла озеро и навремя замолкла. Это—*сидка*.

Съ самаго берега не видно тѣхъ рамокъ, въ которыя улеглась обширная картина средняго теченія Волги со всѣми этими островами, заливцами, озерами, затонями и заводами. Только съ горы можно охватить ее глазомъ, обновить въ болѣе цѣльномъ представленіи промелькнувшія воспоминанія. Взгляните съ Симбирской горы: внизу за ветхими домиками подгорной слободы—Воложка. Запертая плотами; влѣво неуклюжія барки и высокія мачты; дальше по прямой отъ васъ линіи бѣложолтый песокъ и рѣзко очерченная зеленая окраска Попова острова. Вонъ Банное озеро, Запорное, Кругленькое... А за Поповымъ островомъ опять неширокая полоса воды — это осенняя прибыль. Волга затопила дальній песокъ и отрѣзала еще цѣлый островъ съ длиннымъ затономъ. Цѣлыя тысячи гусей и утокъ опускаются въ глубокую осень на эти пески; сколько гусиныхъ слѣдовъ остается по обѣимъ сторонамъ неглубокаго волжскаго протока! Но неблизко до него: верстъ пять, шесть будетъ. Дальше видна коренная, а туда ближе къ Красному Яру, къ той высокой горѣ — опять островъ на немъ опять озера и сочные луга. Все это Волга можетъ залить, оторвать, заметать пескомъ—это ея владѣнія. Прямо подъ ногами вся зелень городскихъ садовъ, сбѣгающая къ Волгѣ вмѣстѣ съ узенькими переулочками и цѣлой путаницей плетней. Вправо, то повышаясь, то понижаясь потянулись горы; вотъ онѣ обошли знакомую рощу, пріютили въ глубинѣ оврага небольшое село, а дальше стали голубѣть и не такъ ясно вырѣзываться на небѣ. обѣжали кругомъ широкое раздолье зелени и воды, вотъ слились съ луговымъ раздольемъ того берега. По крайней мѣрѣ такъ кажется вамъ въ хорошій солнечный день. Отъ горы съ темнымъ боромъ и бѣлой церковью протянулся передъ вами луговой но неплоской берегъ, на которомъ стали рядомъ три городскія предмѣстья. Влѣво вамъ не видна Волга: ее заслоняетъ береговой выступъ.

Голубоватая вода, бѣлые пески и тройная кайма зелени—вотъ господствующіе цвѣта, безъ которыхъ немыслимъ широкій волжскій ландшафтъ. Но вся прелесть и жизнь — въ широкой водяной полосѣ рѣки, которая улеглась въ зеленыхъ рамкахъ. Въ ясную лѣтнюю ночь Волга можетъ поспорить въ красотѣ съ тѣмъ небомъ, которое ее накрываетъ. Рѣка горитъ своими звѣздами — огнями, то костры на идущихъ плотахъ. Вы видите, какъ это звѣздное небо, лежащее у васъ подъ ногами, движется вправо и сливается съ тѣмъ небомъ, что горитъ наверху своими неподвижными звѣздами. Точно комета съ блистательнымъ хвостомъ тянется изъ пароходной трубы цѣлый ворохъ искръ, но вы не видите самаго парохода и вполнѣ поддаетесь иллюзіи. Только ухо схватываетъ стукотню пароходныхъ колесъ и какое-то тяжелое пыхтѣнье среди всеобщей тишины и безмолвія.

Если вы жили на Волгѣ и человѣкъ наблюдательный—не стану спрашивать васъ, хороша ли она, не стану вамъ ее *показывать*. Другое дѣло, если вы туристъ, ищущій красотъ природы, пищи для своего дорожнаго альбома и какихъ нибудь сильныхъ ощущеній. Разъ вы туристъ—вы уже человѣкъ избалованный: и я спѣшу сказать вамъ, съ какихъ мѣстъ нагорнаго берега *стоитъ* смотрѣть Волгу.

Станьте на Кремлевскую стѣну въ Нижнемъ, во время разлива, или на вершину Симбирскаго Вѣнца; подымитесь на Молодецкій курганъ въ Жегуляхъ и взгляните, ухватясь за деревянную перекладину, внизъ... Поѣзжайте наконецъ въ самый разливъ, на то мѣсто, гдѣ Кама отбиваетъ своей желтой волной синія струи Волги, къ противуположному берегу, гдѣ вода сливается на горизонтѣ съ небомъ. Тогда вы вѣроятно скажете что нибудь о грандіозности ландшафта печальной русской равнины. Въ хорошій вѣтеръ васъ даже закачаетъ на пароходѣ—и вы будете имѣть удовольствіе испытать легкую морскую болѣзнь за 2,000 верстъ отъ моря.

Все это для туристовъ и ихъ альбомовъ. Декораціи волжскихъ береговъ и сама рѣка говорятъ не одному глазу, могутъ остановить вниманіе не одного цѣнителя природы—могутъ вызывать не одни личныя воспоминанія. Много разъ мнѣ удавалось слышать, что Волга хороша только между Симбирскомъ и Самарой. Дѣйствительно, она тамъ неизмѣнно хороша *во всякое время года*, благодаря крутымъ и лѣсистымъ горамъ, болѣе тѣснымъ рамкамъ и большему разнообразію перспективъ.

Набрасывая очерки средняго теченія Волги, я могу добавить, что помянутыя мѣста, помимо красивыхъ декорацій, представляютъ еще историческій и легендарный интересъ; въ этомъ отношеніи наврядъ есть на Волгѣ мѣсто, которое бы могло съ ними поспорить.

Святки.

(Изъ дорожныхъ очерковъ В. И. Немировича-Данченко.)

Какъ то на святкахъ пришлось мнѣ ѣхать въ Костромскую глушь.

Съ вечера поднялась метель — прямо въ лицо мнѣ и ямщику. Взрываемый вихремъ снѣгъ билъ въ глаза пугливо-храпѣвшимъ конямъ. Я пробовалъ заснуть — не тутъ то было. То тоскливый свистъ вьюги, то обледѣнѣвшіе комья изъ-подъ копытъ лошадей будили меня. Къ тому же примѣшивалось крайне непріятное ощущеніе. Давно уже направо и налѣво пропали верстовые столбы и мой автомедонъ ѣхалъ цѣлиною, полагаясь на «авось, небось да какъ нибудь». Сани то сплошь въѣзжали въ сугробы рыхлаго снѣга, такъ что онъ покрывалъ и подушки, забирался подъ полость, растаявъ сбѣгалъ за воротникъ мнѣ,—то лошади выносили насъ на верхушки холмовъ, съ которыхъ вѣтромъ сбѣяны были малѣйшія порошинки снѣга. За то тутъ было свое неудобство: насквозь пронизывающій сѣверо-восточный вѣтеръ охватывалъ насъ такимъ морознымъ дыханіемъ полюса, что мы право не знали гдѣ искать спасенія, въ какую щель уйти отъ этой вьюги... Иногда насъ окутывало совершенно тьмою. Я видѣлъ впереди только спину моего ямщика, широкій задъ пристяжныхъ—и всѣ онѣ точно плавали въ однообразномъ морѣ сѣраго тумана.

Только разъ сквозь тучи ярко засіялъ намъ мѣсяцъ.

На одинъ мигъ словно на густомъ фонѣ выступило и пропало громадное синевато бѣлое пространство, по которому съ какою то захватывающею душу быстротою ходили во всѣхъ направленіяхъ завивающіеся столбы бѣлаго снѣга. Потомъ опять насъ охватила со всѣхъ сторонъ тьма, еще безотраднѣе прежней! Только гдѣ-то въ тучахъ чуть мерещился бѣлѣсоватый слѣдъ луны...

Не стану описывать, какъ мы плутали по этимъ равнинамъ, какъ мы попали въ какой-то лѣсъ, едва выбрались оттуда, какъ вѣтви деревъ осыпали насъ снѣгомъ. Кто помнитъ описаніе мятели у графа Толстаго, тотъ хорошо пойметъ тогдашнія мои впечатлѣнія. Скажу только, что около полуночи уже мнѣ удалось почти ощупью попасть въ какое-то село, лежавшее далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, по которой намъ слѣдовало ѣхать.

Здѣсь еще не спали. Изо всѣхъ оконъ лились на улицу желтоватыя тусклыя полосы свѣту. Вмѣстѣ съ визгомъ и воемъ метели слышались обрывки какихъ-то пѣсенъ, относимыхъ вѣтромъ въ сторону. Только что зацѣпишься за какой нибудь мотивъ, и вихрь ужъ унесъ его Богъ знаетъ куда—въ какую-то даль, гдѣ вмѣстѣ съ плачемъ вьюги встрѣчаетъ онъ дружный вой голоднаго волчьяго стада. Помню только, что при поворотѣ сельской улочки прямо

Библиотека "Руниверс"

въ меня ударила какая то ругань. и затѣмъ я ясно разслышалъ:

— Тетка Арина, а тетка?

— Чиво?..

— Зажми хво—остъ отъ... Зажми хвоостъ!.. Пшь онъ у тебя закорючкой... Зажми...

— Ахъ ты! чтобъ тебя чер... Но тутъ опять смѣшался вѣтеръ и несомнѣнно остроумный отвѣтъ тетки Ариины полетѣлъ прямо въ ст рону, въ какую-то смутно обрисовывавшуюся во тьмѣ, голую м.ю рощу.

.. онецъ мнѣ удалось пристать въ избу.

..зяева еще не спали. Дѣти толпились кучею у оконъ, точно ..той тьмѣ можно было что нибудь разглядѣть тамъ. Меньшой изъ нихъ такъ впился въ стекло, что когда онъ обернулся ко мнѣ—на носу у него долго было замѣтно бѣлое съ пятачекъ пятно. Молодица то вбѣгала въ избу, то выбѣгала на крылечко.

— Посиди, Мариша, что ты нонѣ?

— Я матушка только на минутую... Тутъ Грунька у Потапыча рядится...

И опять слышится щелкъ дверей, а спустя минуту Мариша вбѣгала назадъ, внося съ собою въ душную атмосферу избы холодную, струю уличнаго воздуха.

Кто-то кряхтѣлъ на печкѣ, да гдѣ-то заливался неугомонный сверчокъ, точно онъ хотѣлъ перекричать эту метель.

Только-что я успѣлъ дождаться самовара, какъ въ избу ввалилась цѣлая партія ряженыхъ. Тутъ были и медвѣди, у которыхъ изъ-подъ вывернутыхъ шерстью вверхъ овчинъ торчали подбитые гвоздями сапоги, кричала и коза, у которой голосъ куда какъ походилъ (по заявленію Машутки, хозяйской дочери) на Грунькинъ.

Дѣти кучей бросились къ матери и заорали благимъ матомъ, пока Машутка не успокоила ихъ прикрывая полой отъ воображаемыхъ чудовищъ. Но и тогда они не рѣшались выйдти къ ползавшему по полу медвѣдю съ сапогами. Старшій съ пугливымъ любопытствомъ выглядывалъ изъ-за руки Машутки. Одинъ только—и то самый младшій ребенокъ, какой-то пухлый, бѣлёсоватый, казавшійся издали блѣднымъ пятномъ, невозмутимо сидѣлъ у печки, поджавъ подъ себя ноги и глядя на чудовище...

Мнѣ понадобилось крикнуть ямщика—и я вышелъ.

Не смотря на тьму на крылечкѣ, я наткнулся на оригинальную сцену.

Медвѣдь (изъ оставшихся на дворѣ) обнималъ хозяйскую дочку, а та и не думала отбиваться отъ ласкъ страшнаго звѣря.

Машутка было сконфузилась замѣтя меня—и шмыгнула въ избу.

— Не говорите маменькѣ! прозвенѣлъ ея серебристый голосъ въ моихъ ушахъ.

Она еще и на другой день краснѣла и потупляла глаза, встрѣчая мой взглядъ.

«Двуногій волкъ.»

Романъ Н. Каразина.

(Продолженіе).

Глава XXIX.

Досщакъ лауча что-то замышляетъ.

Бѣлыя рубахи перешли на тотъ берегъ.

Они перешли не тутъ, гдѣ остановились лагеремъ, прійдя за воду. Нѣсколько дней тянулся отрядъ по правому берегу, спускаясь все ниже и ниже. — Главныя силы шли по кручамъ, — то удаляясь отъ воды, углубляясь снова въ пески, то снова приближаясь къ рѣкѣ, на которой и становились всегда ночлегомъ. Небольшой легкій отрядъ тянулся тугаемъ, то-есть прибрежною отмелью, переходя иногда въ бродъ значительныя пространства;—этотъ отрядъ служилъ конвоемъ нашей крошечной флотиліи кауфманокъ, шедшей водою, и съ каждымъ днемъ все обогащающейся и обогащающейся пріобрѣтеніемъ новыхъ туземныхъ каиковъ, которыя захватывались, гдѣ только ихъ не завидятъ лихіе матросы, съ боемъ или борьбой,—какъ выходило счастье.

Къ мѣсту переправы набралось, такимъ образомъ, столько перевозочныхъ средствъ, что уже можно было рискнуть на болѣе отважный, рѣшительный шагъ,—и этотъ шагъ свершился. Русскіе батальоны врѣзались въ самое сердце Хивинскаго ханства.

Лагерь раскинулся въ садахъ, въ тѣни колосальныхъ карагачей, въ окрестностяхъ Хазаръ-Аспа — хивинскаго укрѣпленнаго города.

Доносились уже слухи о томъ, что съ другихъ сторонъ, съ Кавказа и Оренбурга, отряды уже подходятъ къ Хивѣ тоже, что они близко,—и эти слухи подстрекали и торопили туркестанцевъ къ стѣнамъ Хивы,—чтобы, во что-бы то ни стало, не уступить другимъ пальмы первенства...

Говорили даже, что пароходы нашей Аральской флотиліи изъ Казалинска уже вошли въ Дельту Аму-Дарьи, что эти суда уже на водахъ Аму...

Участь Хивы подходила къ послѣднему акту — къ развязкѣ.

У стараго Досщака былъ большой праздникъ.

Надѣлъ онъ свой самый лучшій, красный халатъ, тотъ что ему подарилъ самъ главнокомандующій, еще на прошлой недѣли;—надѣлъ онъ шаровары желтые, вышитые шелками,—эти шаровары-купилъ Досщакъ у солдатика одного — послѣ фуражировки. Дешево тогда продавались многія хорошія вещи, и за эти шаровары, о которыхъ и во снѣ не грезилось бѣдному лаучи, онъ заплатилъ всего только два кокана (сорокъ копѣекъ).. Надѣлъ онъ еще, поверхъ своей замасленной тюбетейки, шерстяную чалму—пеструю...

— Чисто мулла самаркандскій!... такъ и развелъ руками лауча Шаринъ, какъ только увидѣлъ Досщака въ его полномъ нарядѣ..

— Батырь! произнесъ лауча Каримъ и даже головою покачалъ и губами поцмокалъ.

— Ого!. только и крикнулъ генеральскій джигитъ Узень.— А у тебя даже моей будетъ больше!—право больше! и лента твоя краснѣе, смотри,—у ней по бокамъ двѣ дорожки желтенькія выведены—это вотъ та, по которой ты къ колодцамъ ѣздилъ, а это-та, по которой назадъ возвращался; — вотъ онѣ обѣ эти дороги!...

И джигитъ слѣзъ съ лошади (онъ верхомъ подъѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли лаучи), подошелъ близко къ Досщаку и долго у него на груди, на лѣвомъ борту халата, что-то разсматривалъ, потомъ отступилъ на шагъ, еще посмотрѣлъ, склонивъ голову немного на бокъ и прищурясь, крикнулъ еще разъ: — О-го!.. и пошелъ привязывать своего рыжаго жеребца, покрытаго, отъ самыхъ ушей до хвоста, теплою попоною.

А на груди у лаучи, стараго Досщака, блестѣла на солнцѣ большая золотая медаль на красно-огненной лентѣ.. Такъ и сверкало жаркое солнце, отражаясь отъ диска етой медали; а отъ нея уже это отраженіе и на лицо старика переходило; и сверкало, сіяло это сморщенное, изрытое шрамами и морщинами, старческое лицо,—такъ и видны были на немъ довольство, радость, полнѣйшее, безграничное счастіе.....

Досщакъ лауча получилъ эту медаль сегодня—отъ генерала. Онъ получилъ ея за свою смѣлую поѣздку къ колодцамъ Алты-кудукъ,—и теперь онъ собралъ своихъ друзей, чтобы вмѣстѣ радоваться его радости.

И товарищи его радовались не меньше самаго Досщака.— Они сообща купили барана у казаковъ,—тоже не дорого пришелся,—зарѣзали его, достали рису и собрались-варить пловъ, котораго они, вотъ уже скоро полгода, и близко не видѣли.

Солдаты мимо ходили—останавливались,—ихъ тотчасъ-же зазывали;— и радовались наивные лаучи всякому гостю, безъ разбора... Да и чего разбирать, или считать гостей, когда Шаринъ цѣлый мѣшокъ рису засыпалъ въ громадный котелъ?— а котла этого смѣло хватило-бы на половину роты.

Хорошее мѣсто выбрали лаучи для своего пира. Три карагача росли почти рядомъ одинъ отъ другаго,—какъ разъ на берегу арыка. Тѣнь, густая такая, прохладная, розстилалась

Библиотека "Руниверс"

отъ этихъ деревьевъ; и на воду тѣнь эта падала, и на ту сторону переходила, такъ что Узенева лошадь—даромъ что въ десяти шагахъ отъ пирующихъ стояла, а тоже этою тѣнью пользовалась.

Высокая стѣнка тянулась за этими карагачами, за стѣнкою виднѣлся рядъ стройныхъ тополей, а черезъ гребень ея смотрѣли темнозеленыя вѣтви урюковыхъ деревьевъ, на которыхъ, словно янтарныя, желтѣли спѣлые фрукты.—И какъ только этихъ фруктовъ оборвать еще не успѣли?!. Должно-быть много-же ихъ было, когда уцѣлѣли они,—на самой окраинѣ этого шумнаго, многолюднаго лагеря.

За тополями возвышался полукруглый куполъ мечети, а на верху этого купола чернѣло большое косматое гнѣздо аиста.—Длинноногая птица, вся бѣлая съ черными крыльями—съ краснымъ клювомъ — сидѣла на этомъ гнѣздѣ, и не боялась она людей, что собрались внизу, хотя она такихъ именно людей сроду своего и не видывала.

Музыка играла гдѣ-то далеко-далеко; звуки ея и сюда достигали и джигиты слушали. Вышло, что у нихъ не только что пиръ, а еще пиръ съ музыкою.

— Такъ-то!... погладилъ себя по животу джигитъ Узень и посмотрѣлъ кругомъ: согласны-ли съ нимъ другіе члены компаніи.

— Это-ты правду сказалъ, важно кивнулъ своею новою чалмою Досщакъ,—это правда.

— Писалъ-ханъ письмо къ джандаралу, говорилъ джигитъ,—и проситъ чтобы стоялъ малость на мѣстѣ, а дальше не шелъ-бы;—ты, пишетъ, постой—пока я тѣхъ прогоню, а то всѣ разомъ для меня очень трудно.

— Ну?..

— Зачимъ, говоритъ, тибѣ Хива?—не надо тибѣ Хива,—а мнѣ, говоритъ, надо.. Ты, говоритъ, постой пожалиста,—а я тебѣ сорокъ халатовъ пришлю, сорокъ верблюдовъ, сорокъ барановъ, сорокъ лошадей и сорокъ баба — хорошихъ хивинскихъ и иранскихъ баба, а ты постой пожалиста...

— Кто это тебѣ, землякъ, сказывалъ?.. полюбопытствовалъ солдатъ стрѣлокъ, сплюнувъ съ своей коротенькой трубочки..

— Мнѣ кто говорилъ?.. мнѣ?.

— Да, тебѣ....

— Джандаралъ куритъ, маленькій трубка—изъ бумага?

— Цыгары? курить.

— Казакъ Демьянка—носитъ огня джандаралу?

— Носитъ.

— Джандаралъ куритъ—казакъ Демьянка огня даетъ,—вотъ столичка мѣста бываетъ отъ казака до джандарала.

И джигитъ показалъ—сколько имеино мѣста,—разставивъ свои руки на полъ аршина одну отъ другой.

— Ну, пожалуй, согласился стрѣлокъ.

— А на такой дорога маленькой — все слышно бываетъ?

— Бываетъ.

— Этотъ самый казакъ Демьянка и говорилъ мнѣ, что писалъ Ханъ джандаралу, а я вотъ вамъ разсказываю..

— Это ты правду говоришь, опять согласился Досщакъ.—Хотѣлось бы мнѣ-такой бумага смотрѣть; тамъ ханское имя золотою краскою написано.

— А ты читать знаешь по ихнему, альбо по вашему, это все единственно? освѣдомился ротный писарь Кузька, покачиваясь и придерживаясь рукою за сосѣдній карагачь, чтобъ на ногахъ устойчивѣе держаться..

— Ты братъ, Кузьма, гдѣ это заложилъ? щелкнулъ пальцами по вороту рубахи солдатикъ стрѣлокъ.

— Я то?—я завсегда помню!—мое не пропадетъ, потому я кто? ась? Я кто? писарь я ротный, одно слово начальство.. Эй, тамыръ, какъ тебя звать,—шалтай-болтай что-ли,—умѣешь ружьемъ на караулъ дѣлать!?.

— Зачѣмъ ружьемъ караулъ дѣлать.. не надо ружьемъ караулъ дѣлать... отнѣкивался тамыръ..

— Читать мало мало умѣю; — меня мулла въ Алматахъ еще училъ, говорилъ Досщакъ, — а вотъ писать не могу, не выучился. И трудно-же писать, больно тяжело!...

— Да, трудно..

— А что трудно? русска-писать трудно, — татарска-писать трудно?

— По татарски труднѣе много, вставилъ свое замѣчаніе писарь Кузька.—Я вотъ по нашему лихо отхватываю, а по вашему—даже когда пьянъ ничего не выходитъ. Лѣшій васъ не разберетъ, что вы тамъ навыворотъ свой выводите.—Такіе то разводы да закорюки...

— А русска-хорошо знаешь? пытливо посмотрѣлъ на него Досщакъ, и сталъ соображать что то, шевеля пальцами.

— Лихо!..

— Какъ джандаралъ писать знаешь?..

— Не токмо что генералъ, министру потрафлю — я тѣ, вотъ гляди, въ одинъ моментъ... разъ два—поллиста готово.. Я, надысь, въ недѣлю четырнадцать книгъ шнуровыхъ отмахалъ, вотъ оно что, ежели образованіе настоящее!..

— Садысь, пожалиста, садысь тутъ—пловъ ашать, *) маханъ **) ашать, садысь пожалиста!

И Досщакъ торопливо принялся разчищать около себя удобное мѣсто для гостя.

Пловъ поспѣлъ. Стали его раскладывать въ большія, плоскія чашки, разостлали попоны, коврики, что нашлось подходящаго, поставили эти дымящіяся чашки передъ гостями—и потянулись къ нимъ десятки рукъ, зарываясь въ этомъ облитомъ жиромъ горячемъ варевѣ.

Ѣли на славу, съ апетитомъ;—ѣли такъ, чтобы вознаградить себя съ лихвою за всѣ перенесенныя лишенія. — Вѣдь такой пловъ не часто въ жизни ѣсть приходится!

Весь день ѣли. Къ вечеру—двухгодовалаго барана какъ и не бывало, мало тоже рису осталось и въ мѣшкѣ Шариповомъ.

Все время Досщакъ лауча первый почетъ оказывалъ писарю Кузькѣ—ужъ онъ его и муллою величалъ, и мирзою, самъ ему лучшіе куски выбиралъ, самъ даже и въ ротъ клалъ, своими собственными пальцами..

Тутъ и свалился на мѣстѣ писарь Кузька. Захрапѣлъ пьяный да сытый. Взялъ его Досщакъ съ товарищемъ бережно на руки, отнесъ къ стѣнкѣ, навѣсъ надъ головою устроилъ, чтобы со стороны не видно было...

— Что ты такъ за нимъ стараешься? спросилъ старика джигитъ Узень, генеральскій.—Видишь, онъ какъ свинья нажрался да напился;—развѣ такъ можно хорошему человѣку?..

Джигитъ по своему говорилъ, — кто и были изъ солдатъ поблизости—не поняли,

— Это нужный человѣкъ, сообщилъ потихоньку Досщакъ,—охъ, какой нужный человѣкъ! охъ, писать какъ самъ джандаралъ умѣетъ..

— Да тебѣ это-то зачѣмъ?.

— Этотъ человѣкъ... началъ лауча, замолчалъ на минуту, прислушался, подошелъ тихонько къ шалашу, заглянулъ туда, нашелъ вѣроятно все въ исправности—и продолжалъ:

— Этотъ человѣкъ хорошее дѣло мнѣ, Досщаку, можетъ сдѣлать. И отъ этого дѣла его—хорошему человѣку хорошее будетъ, дурному—дурное...

— Ты загадки говоришь...

— Да, загадки.... Досщакъ долго думалъ, еще когда на колодцы ѣздилъ,—на тѣ, что—видишь?.

Онъ показалъ рукою на свою медаль и этимъ движеніемъ совершенно ясно обозначилъ—какіе именно колодцы.

— Еще тогда Досщакъ думалъ — и теперь думаетъ, и завтра думать будетъ и не скажетъ никому, что онъ думалъ,—а узнаютъ то, въ свое время, всѣ люди,—и скажутъ:—Вотъ старый Досщакъ, даромъ что старъ, а умъ у него не ушелъ отъ его старости.

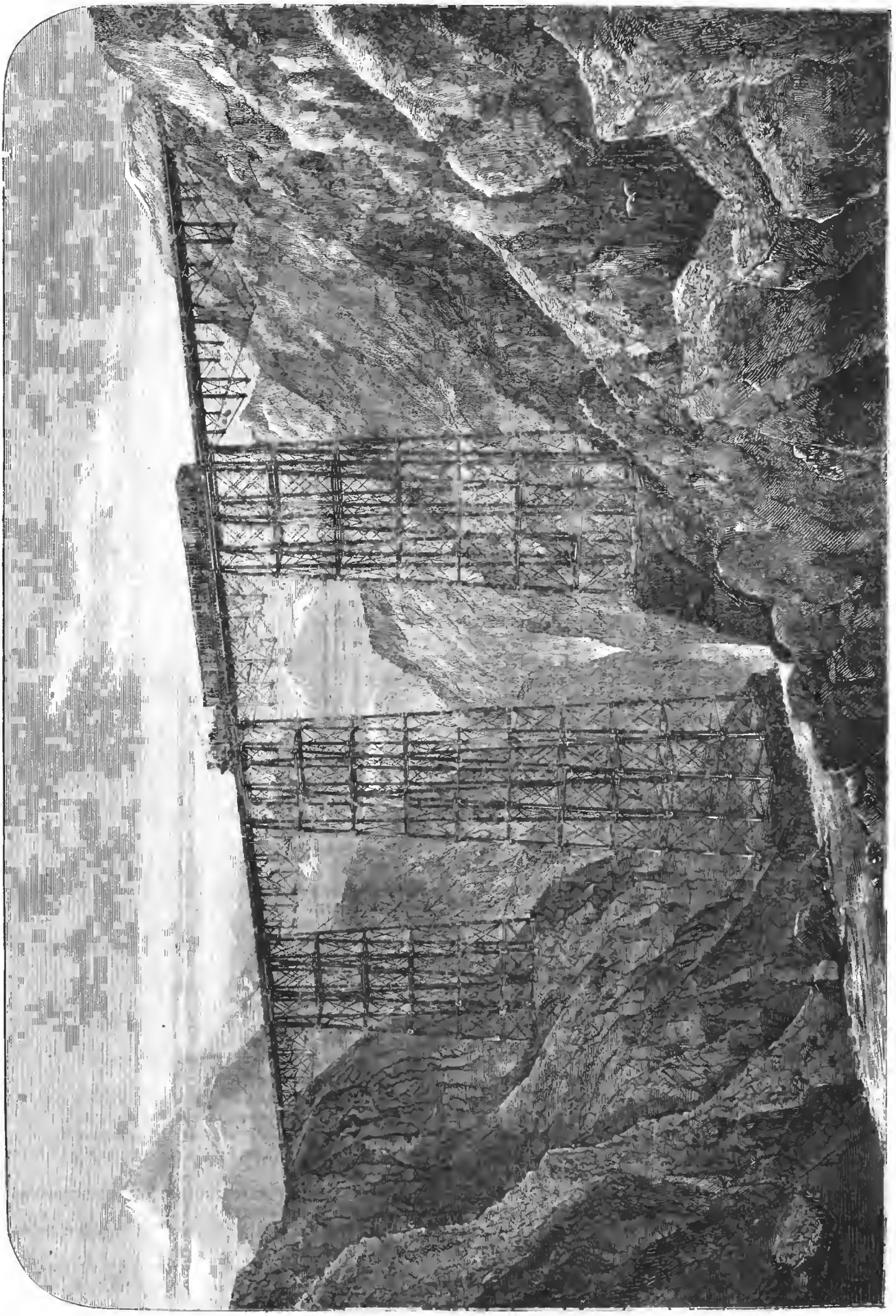
Разбрелись и послѣдніе гости.

Темная тихая ночь настала, ни зги не видно. Луна еще не всходила,—а звѣзды мало свѣту давали;—особенно подъ деревьями темно было: тамъ сама кошка не разглядѣла бы ничего, даже бѣлой рубахи писаря—Кузьки, храпѣвшаго воснѣ, на весь околодокъ.

---

*) Ѣсть **) Баранина.

Библиотека "Руниверс"



Варрута-Віадуктъ, висячій мостъ черезъ одно изъ ущелій въ Перу.

Библиотека "Руниверс"

Словно гигантскіе фонари, свѣтились во тьмѣ разноцвѣтныя офицерскія палатки,—словно свѣтляки искрились тамъ и сямъ огоньки закуренныхъ сигаръ.—А въ той сторонѣ, гдѣ находился Хазаръ-Аспъ, — вспыхивало и разгоралось красное зарево—не то луна всходила, не то пожаръ—и то и другое часто очень похоже бываетъ; объ этомъ предметѣ спорили невдалекѣ два офицера, и голоса ихъ ясно доносились до ушей Досщака, сторожившаго ночной покой своего гостя, нужнаго человѣка.

ГЛАВА XXX.

«Я—мать»

— Что бы это значило? размышлялъ Головинъ, сидя въ своей палаткѣ, на складномъ табуретѣ, — что бы это значило?.. «Весь этотъ день не приходить къ ней»—Гм!.. ночью тоже.. утромъ завтра навѣдаться... Ничего не понимаю...

И онъ еще разъ принялся прочитывать записку, отданную ему Наташею лично,—часъ тому назадъ, когда она опустила, передъ самымъ его носомъ, полы своей палатки, и оттуда уже просунула эту маленькую, сложенную вчетверо бумажку, исписанную почеркомъ хотя и женскимъ, но твердымъ, рѣшительнымъ.

Въ этой запискѣ сказано было, чтобы весь этотъ день онъ ни разу не заглядывалъ къ ней въ палатку, — ночью тоже не навѣдывался,—а что завтра, рано утромъ, можетъ прійдти, и тогда узнаетъ причины такого страннаго запрещенія...

Прочелъ эту записку хромой казакъ, чуть ли не въ двадцатый разъ, приставилъ палецъ ко лбу и опять произнесъ:

— Что бы это значило?...

Одного ли его не хочетъ видѣть цѣлыя сутки Наталья Мартыновна, или всѣхъ вообще,—и всѣ-ли получили подобныя посланія?... Нѣтъ, очевидно, нѣтъ! разсуждалъ Головинъ. Ни бумаги, ни времени не хватило-бы у ней заготовить столько писемъ: должно быть ему одному... Да другіе и такъ, за хлопотами, рѣдко бывали у ней—не то что онъ; а онъ вѣдь дежурилъ съ утра и до вечера, глазъ на глазъ; а по ночамъ тоже у ея палатки сторожилъ, — значитъ, вѣрно, это запрещеніе относится только къ нему одному. Что бы это значило?

Сталъ припоминать Головинъ — не обидѣлъ-ли онъ чѣмъ нибудь ее, не сказалъ ли чего нибудь такого, что̀ вызвало съ ея стороны эту кару. Всѣ мелочи перебралъ, все припомнилъ; каждый мельчайшій шагъ, каждое движеніе, самое ничтожное слово, все припомнилось ему, съ такою отчетливою ясностью, словно все это сію минуту происходило... Нѣтъ, ничего такого не вышло. Она ласкова была съ нимъ, даже вчера и сегодня гораздо ласковѣе чѣмъ когда нибудь. Да, такъ. Онъ ей руку поцаловалъ, она его въ лобъ, и даже голову его рукою своею придержала, обняла будто...

— Прощайте, другъ мой! это она сказала въ послѣдній разъ. Зачѣмъ же, «прощайте»? Она всегда говорила: «досвиданья», или «до завтраго», или что нибудь въ этомъ родѣ, а тутъ, вдругъ, «прощайте»...

Даже страшно немного стало Головину отъ этого «прощайте», всталъ онъ, накинулъ китель, шашку черезъ плечо повѣсилъ, потянулся за фуражкою и снова сѣлъ.

— Нѣтъ, не приказала—и не надо. Завтра такъ завтра! Не долго потерпѣть, всего одна ночь; засну и не замѣчу какъ эта ночь пролетитъ, а завтра рано утромъ... Развѣ издали посмотрѣть? Можетъ быть выйдетъ она зачѣмъ нибудь—я и увижу издали-то... Эхъ! вѣдь вотъ подумаешь-то малодушіе! Нѣтъ, буду терпѣть! тамъ что будетъ то будетъ, а потерплю... Она такъ сказала, значитъ такъ надо!

И съ новою рѣшимостью, хромой козакъ сбросилъ китель, шашку, легъ навзничь на свою койку и закурилъ сигару.

Темнѣть стало, звѣзды засверкались на небѣ, послѣдняя полоска золотистаго свѣта потухла на западѣ, утихъ лагерный шумъ. Наступила ночь, та самая которую скоротать во снѣ предполагалъ хромой казакъ... Не приходитъ этотъ спасительный сонъ!.. и чувствуетъ Головинъ, что и вовсе не прійдетъ... Горитъ голова, усиленно стучитъ и прыгаетъ сердце, воздуху все требуетъ взволнованная грудь.—Вонъ изъ палатки! вонъ изъ-подъ этого холщеваго свода, хотя и легкаго на самомъ дѣлѣ, а теперь кажущагося-тяжелымъ, могильнымъ склепомъ.

И на воздухѣ все то же... Не спится Головину—и бродитъ онъ въ темнотѣ, то и дѣло спотыкаясь о палаточныя веревки да колья.

— Которая смѣна? окликаетъ онъ ближайшаго часоваго.

— Первая, отвѣчаетъ тотъ.

— Еще долго, вздыхаетъ Головинъ и снова шагаетъ, не разбирая дороги, немилосердно сжигая свои сигары, одну за другою.

— Эхъ! махнулъ онъ рукою и пошелъ рѣшительно впередъ. Дошелъ до казачьяго лагеря, прошелъ обозы, прошелъ мимо генеральской ставки. Вотъ уже близко. Вонъ она — эта палатка!...

Казакъ остановился—и ему стало стыдно. Онъ быстро повернулъ и пошелъ потихоньку обратно.

— Огня нѣтъ, значитъ спитъ... думалъ онъ. — Эхъ! да скоро-ли это утро?! Коротка лѣтняя ночь, а какъ она, проклятая, тянется!

Измучился Головинъ за эту ночь, точно горячку двухъ-недѣльную выдержалъ. Съ томительнымъ замираніемъ сердца наблюдалъ онъ, какъ все шире и шире, свѣтлѣе и свѣтлѣе разгоралась утренняя заря; какъ запылали багровыя пятна на горизонтѣ, какъ озолотились верхушки тополей и карагачей, мечеть съ своими аистами, какъ снова оживалъ громадный, бозконечно-раскинувшійся бивуакъ.

— Пора! нѣтъ, еще рано, соображалъ онъ.—Пора! она встаетъ всегда съ разсвѣтомъ; теперь уже можно, рѣшено. Иду!... Она пойметъ, какъ много я выстрадалъ за эту ночь, она проститъ мнѣ мою торопливость...

Головинъ уже подходилъ къ Наташиной палаткѣ... Карповъ пыхтѣлъ уже и суетился за ставкою самоварчика. Въ палаткѣ было тихо.

— Еще спитъ... Здравствуй, Карпушка! обратился Головинъ къ деньщику... и сѣлъ на опрокинутое ведро.

— Здравія желаю! отозвался солдатъ.—Лимончиковъ хотѣла барыня, я вчера досталъ у маркитанта пару; хорошіе такіе:—одинъ-то высохъ, а другой важный...

— Лимоновъ досталъ? произнесъ Головинъ, а самъ не то хотѣлъ спросить, другое, только языкъ какъ-то не поворотился.

— Пора бы вставать — нѣшто разбудить? посовѣтовался деньщикъ.

— Поздно вчера заснула? спросилъ Головинъ.

— А не могу знать... Я отлучался часа на два; вернулся, а палатка уже изнутри завязана, значитъ почиваетъ... Часовъ шесть есть?

— Половина седьмаго.

— Нѣшто и вправду разбудить?... Самоваръ-вотъ давно вскипѣлъ...

— Гм! гм! откашлялся хромой козакъ.

— Ничего, время, одобрительно произнесъ Карповъ.

— Наталья Мартыновна! окликнулъ Головинъ.

Отвѣта не было.

— Да вы громче... посовѣтовалъ Карповъ.

— Наталья Мартыновна!...

Полная тишина царствовала въ палаткѣ... Головинъ приложилъ ухо къ полотну и сталъ прислушиваться. Ни малѣйшаго шелеста не было слышно. Стѣны палатки вовсе не такія непроницаемыя, чтобы нельзя было слышать дыханія спящей.

Головинъ поблѣднѣлъ и ноги стали у него подкашиваться.

— Что же это? прошепталъ онъ...

Карповъ опять нагнулся къ самоварной трубѣ и не слышалъ этого вопроса.

Осторожно раздвинулъ Головинъ полы палатки—и заглянулъ.

Кровать Натальи Мартыновны была пуста... Въ палаткѣ не было ни души.

На маленькомъ столикѣ лежали двѣ записки. Эти бѣлые

Библиотека "Руниверс"

четвероугольники такъ и лѣзли въ глаза; они словно говорили: — «Бери скорѣе и читай!»

И Головинъ прочелъ.

Одна изъ этихъ записокъ была та самая бумажка, что сунулъ въ руки Наташѣ оборвышъ-кранецъ,—другая, писанная ея собственною рукою. Въ этой запискѣ было мало словъ.

«Я мать. — Простите меня вы всѣ — и не забывайте.— Прощайте! дай Богъ чтобы не навсегда».

Вотъ и все, что было тамъ написано...

— А вотъ и самоварчикъ! просунулся въ палатку съ подносомъ деньщикъ Карпушка.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Висячій мостъ черезъ одно изъ ущелій въ Перу.

Современный геній проявилъ себя наиблестящимъ образомъ въ постройкѣ мостовъ,—и дѣйствительно, мосты, существующіе нынѣ въ Европѣ, поражаютъ своею смѣлостью и вмѣстѣ съ тѣмъ—грандіозностью. Вотъ самые замѣчательные изъ европейскихъ висячихъ мостовъ: Фрибургскій—въ Швейцаріи, съ однимъ только пролетомъ, шириною въ 265 метровъ. Такъ какъ мостъ этотъ перекинутъ на значительной высотѣ, почти надъ бездной, то тутъ и возможенъ былъ только одинъ пролетъ. Менскій (Menay)—соединяющій островъ Англеси съ Вельсомъ (pays de Galles), съ тремя пролетами; онъ переброшенъ на высотѣ 45 метровъ выше уровня самаго высокаго прилива. Кубзакскій—(Cubzac)—на Дордонѣ (Dordogne); суда свободно проходятъ подъ нимъ; длиною онъ въ 500 метровъ и имѣетъ пять пролетовъ. Мосты Женевскій, Руанскій и Мэрдикскій (Moerdyk) замѣчательны по смѣлости плана постройки и по выполненію.—Желѣзо и чугунъ—вотъ главные матерьялы, благодаря которымъ созидаются нынче такія удивительныя, великолѣпныя «воздушныя» дороги; безъ желѣза и чугуна невозможны были бы висячіе мосты, ибо весь успѣхъ тутъ обусловленъ этимъ по истинѣ драгоцѣннымъ матерьяломъ. Первообразъ висячихъ мостовъ—это мосты изъ ліанъ и веревокъ, устраиваемые съ незапамятныхъ временъ жителями южной Америки.—Въ отношеніи легкости и вообще удобства, а главное—экономіи при постройкѣ — висячіе мосты имѣютъ огромное преимущество надъ мостами всѣхъ другихъ системъ. Но какъ однако ни замѣчательны перечисленные нами европейскіе мосты, они все-таки во многомъ уступаютъ американскимъ сооруженіямъ въ такомъ же родѣ, а въ особенности—ихъ желѣзно-дорожнымъ мостамъ. Дѣйствительно, ужъ самый характеръ страны, открытой Колумбомъ, заставилъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ предпринять такія работы и сооруженія, о которыхъ у насъ, въ Европѣ, едва-ли можно составить вѣрное понятіе. Американцамъ пришлось прокладывать путь черезъ громадныя рѣки и перебрасывать «воздушныя дороги» надъ широкими и глубокими ущельями. Перу — наиболѣе гористая мѣстность Америки. Вдоль западной части этой территоріи, громоздясь и тѣснясь на побережьѣ Тихаго океана, тянутся Анды на протяженіи около двухъ тысячъ верстъ, образуя двѣ паралельныя цѣпи. Нѣкоторыя отдѣльныя вершины перувіанскихъ Кордильеровъ достигаютъ 6000 метровъ высоты надъ уровнемъ моря. Лима и Ареквипа соединены желѣзно-дорожною линіею, причемъ крайнія точки ея лежатъ не на одной высотѣ, а именно: одна выше другой на 15000 футовъ. Уже по одному этому можно судить, какъ трудно было проложить дорогу между вышеупомянутыми пунктами! Сколько нужно было устроить подъемовъ и спусковъ, какую массу препятствій пришлось преодолѣть, тѣмъ болѣе, что частенько, на довольно близкихъ разстояніяхъ, строителямъ приходилось перебрасывать дорогу черезъ страшныя пропасти.—Обращая вниманіе читателя на помѣщенную въ настоящемъ № нашего журнала картинку (висячій мостъ въ Перу), полагаемъ, что при взглядѣ на нее можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о гигантскихъ сооруженіяхъ подобнаго рода, потому что этотъ «Varrugas-Viaduc» представляетъ, конечно, блестящій результатъ самаго смѣлаго примѣненія новой системы постройки мостовъ—изъ желѣза и чугуна. Мостъ этотъ состоитъ изъ желѣзныхъ полосъ въ видѣ длинныхъ столбовъ (вышина ихъ 250 фут.) и такихъ же крѣпкихъ трельяжей.—Легкость, грандіозность, красота самаго сооруженія—пріятно поражаютъ глазъ, и при этомъ невольно чувство гордости овладѣваетъ человѣкомъ—*слабымъ созданіемъ*, ничтожной песчинкой!.. Но эта одухотворенная песчинка обладаетъ геніальностью и удивительною смѣлостью: она вызываетъ могучую природу на борьбу и напрягая лишь умственныя силы свои — побѣждаетъ ее, дѣлаетъ ее покорною своей власти.

Чета новобрачныхъ на прогулкѣ.

(Бытъ XVII вѣка въ Москвѣ).

Помѣщая рисунокъ этого содержанія, мы думали поговорить съ читателями «Нивы» о бракахъ русскихъ встарину. Человѣчество, приступая къ такому важному шагу въ жизни, каковъ выборъ подруги, обставляло его особенно торжественными обрядами. Предки наши съ развитіемъ гражданственности не мало сдѣлали и для сообщенія брачному союзу подобающей торжественности, особенно углубляясь въ смыслъ иносказательнаго представленія и пожеланій довольства безбѣднаго четѣ супруговъ. Бѣдность же, во всѣ времена служа оселкомъ твердости характера, въ большинствѣ случаевъ представляла несомнѣнныя доказательства слабости и нетерпѣнія въ испытаніяхъ судьбы, производя семейныя ссоры, *взаимное охлажденіе супруговъ* и явную невозможность семейнаго мира, на которомъ зиждется домашнее счастіе. Мы не можемъ также ставить въ вину предкамъ,—по обстоятельствамъ времени и мѣста и по общему неразвитію остававшимся суевѣрными,—ихъ заботливости о вводѣ въ обряды свадебные (наравнѣ съ иносказательными пожеланіями молодой четѣ достатка), еще церемоній и *заклинаній отъ призора*, мнимаго чародѣйства. Къ зловреднымъ дѣйствіямъ чарованія, позволимъ себѣ замѣтить, относили встарину, какъ извѣстно,—*нелады между мужемъ и женой*. Предки не желали брать въ толкъ того простаго соображенія, что полное незнакомство до брака съ *суженою* и, наоборотъ, съ *суженымъ* при случайномъ *соединеніи навѣчно* двухъ существъ съ разными наклонностями, могло, само по себѣ, произвести полный разладъ и взаимную ненависть супруговъ. А если примѣшалось бы тутъ какое-нибудь новое обстоятельство, въ родѣ начинавшагося сочувствія дѣвушки или молодца къ другой особѣ, — то вопросъ о бракѣ, разстроивавшемъ разсчетъ сердца, приводилъ несомнѣнно къ трагической развязкѣ. Или мужъ изводилъ немилую подругу жизни, ни въ чемъ невиновную въ ошибкѣ родителей, поставившихъ ее поперекъ дороги къ счастію другаго съ другою; или жена дѣлалась преступницею, посягая на жизнь постылаго мужа, часто не смѣя и не могши расчитывать попасть за милаго. Мужъ, однако, изъ подобной трагедіи выходилъ всегда съ меньшимъ жертвованіемъ собою; жена—всегда погибала, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подвергаясь даже страшнѣйшему изъ видовъ мучительной смертной казни—*закапыванію въ землю* по грудь. Борьба жизни со смертью, въ этомъ видѣ казни продолжалась у осужденной иногда до трехъ дней. Судите, каковы же были страданія осужденной!

Художникъ въ рисункѣ своемъ—дающемъ намъ поводъ писать настоящую отповѣдь—не даетъ намъ, впрочемъ, возможности допустить никакой черной догадки относительно будущаго своей четы гуляющихъ,—такъ, кажется, мирно-полюбовно настроенныхъ, что скорѣе должны мы въ нихъ видѣть «голубку съ голубкомъ». Въ русскихъ нравахъ, возможность допущенія хорошихъ дружескихъ отношеній между мужемъ пожилымъ, «въ порѣ» какъ говорили, и женою молодой, годившейся ему въ дочери,—была даже чуть не аксіомою. Наоборотъ, представлялись опасенія за невозможность установить домашніе лады при ровныхъ годахъ мужа и жены, соединяемыхъ въ пору разцвѣта жизни. Жизненная весна, какъ и весна астрономическая при равноденствіи —пора по преимуществу бурь и волненій! А когда волненія уже сколько нибудь улягутся, порывистый характеръ уходится, наступитъ пора затишья, тогда у жены, хотя и молодой, съ супругомъ, искусившимся въ опытахъ жизни, начнется житье-бытье любовное: все миръ, да гладь, да божья благодать, безъ поперечки, безъ задоринки.

Допустимъ же такой исходъ соединенія «на миръ, да на радость» — нашихъ новобрачныхъ и перескажемъ на потѣху (если не въ назиданіе) любознательныхъ потомковъ «свадебный чинъ» у предковъ, доводящій ко благовременному концу выполненіе заповѣди «не добро быти человѣку единому».

Начало полагали этому благому достоуважаемому дѣлу, конечно, *свахи* занимавшіяся сватаньемъ какъ промысломъ и средствомъ къ существованію. Мать жениха призывала къ себѣ подобную спеціалистку и начинала съ нею конференцію о приличной партіи сыну. Спеціалистка, отлично знавшая кліентокъ «милостивицъ»—мамушекъ со всего околодка, развертывала столбецъ (если была грамотная) и начинала читать перечень невѣстъ, согласно видамъ пригласительницы. У матерей же болѣе обычнымъ дѣломъ былъ запросъ о количествѣ приданаго, раз-

Библиотека "Руниверс"

мѣръ котораго прежде всего выставлялся опытною *строительницею свадебнаго чина*. Естественное дѣло съ ея стороны ставить во главѣ перечневаго столбца запоздалыхъ невѣстъ съ богатымъ приданымъ, какъ залежалый товаръ, сулившій ей самой большіе барыши. На перечетѣ перечня вопросъ о выборѣ для сдѣланія предложенія, черезъ сваху покуда, и рѣшался родительницею кандидата въ женихи. Она сообщала свое рѣшеніе сожителю—и тотъ, чаще всего давая согласіе на «опытъ», назначалъ свахѣ *приступить*. Являлась спеціалистка въ условленный домъ и, подъ рукою, на половину загадками, съ неизбѣжными недомолвками, начинала съ похвалы родителей своего кандидата. Отвѣты ей дѣлались по соотвѣтственной тактикѣ, заявленіемъ яко бы нежеланія и нерѣшимости еще приступить къ отдачѣ любимаго дѣтища.

Что это одна форма не болѣе—знала очень хорошо предлагательница, и, во имя той же формы, разсрочивала свои посѣщенія на нѣсколько сеансовъ, количество которыхъ зависѣло отъ значенія въ обществѣ родителей невѣсты, при ровныхъ условіяхъ и степени почета родни жениховой. Въ противномъ случаѣ, отказъ съ перваго раза былъ настолько рѣшительный, что и самая отважная *склейщица брачныхъ дѣлъ* не считала возможнымъ повторить посѣщеніе, не замѣнивъ предложеннаго кандидата другимъ уже. Взаимные дипломатическіе пересылки двухъ сторонъ, ищущихъ соединенія, длились до заключенія прелиминарныхъ статей на *зговоръ*.

Сговоръ въ назначенный родителями невѣсты день происходилъ уже, какъ съѣздъ дипломатовъ,—явно. Отецъ и мать везли своего жениха въ домъ предполагаемаго тестя и тамъ начинали совѣщанія о приданомъ: сколько чего и въ какую цѣну дастъ отецъ за невѣстой? Условившись, писали такъ-называемую *рядную запись съ неустойкою въ пользу жениха*, если отецъ невѣсты ему отказывалъ или замедлялъ свадьбу, срокъ совершенія которой обозначался въ документѣ. Въ рядной и количество всего писалось большее, съ тѣмъ чтобы тесть видѣлъ невыгоду для себя, доводя дѣло до судебнаго разбирательства.

Задавшись мыслью представить старинный порядокъ заключенія брака вполнѣ своимъ читателямъ, мы позволяемъ себѣ представить и содержаніе рядной, какъ основнаго юридическаго документа брачнаго иска.

Вотъ его обычная форма;

«*Се азъ* такой-то (имя, отечество и фамилія родителя или другаго родственника невѣсты, выдающаго ее замужъ) *въ нынѣшнемъ* такомъ-то (прописью обозначено число вполнѣ) *году*, въ такомъ-то *мѣсяцѣ* такого-то *дня* (опять прописью) *зговорилъ я* (одно имя отца невѣсты) *дочь свою дѣвицу* (имя и отечество безъ фамиліи) *замужъ за* такого-то (имя, отечество и фамилія жениха). А благословляю *я* (имя отца невѣсты или другаго родственника—выдавателя рядной) *его зятя своего* (имя и отечество) *и дочь свою* (имя и отечество) *божьимъ милосердіемъ* (начинается описаніе иконъ, даваемыхъ за невѣстою—до конца). *Да приданаго* (опять перечень начиная съ вещей изъ благородныхъ металловъ (кузни) составляющихъ наряды невѣсты). *И всего того вышеписаннаго приданаго кузни и платья на* столько-то (прописью) *рублевъ, да людей* (перечень именной по семьямъ); *и на нихъ дать мнѣ* (имя давателя рядной) *ему зятю своему* (имя и отечество) *крѣпость съ подлинною очисткою въ нынѣшнемъ* (счетъ года прописью) *году* (съ мѣсяцемъ и числомъ прописью). *Да я жъ* (имя давателя) *даю въ приданое за дочерью своею ему зятю своему* (имя и отечество) *въ* такомъ-то уѣздѣ (перечень земельныхъ угодьевъ) *по писцовой книгѣ. И дать мнѣ* (имя давателя) *ему зятю своему* (имя и отечество), *о справкѣ той* (или тѣхъ пустошей и деревень), *челобитная за рукою, и къ допросу и въ помѣстный приказъ мнѣ* (имя давателя рядной) *стать на срокъ* (обыкновенно за мѣсяцъ до свадебнаго дня) *и къ допросу руку приложить и у допроса ничѣмъ не спорить. и выдать мнѣ* (имя давателя рядной) *дочь свою* (или родственницу, имя ея и отечество) *за него* (имя и отечество жениха) *замужъ на срокъ* (прописью годъ, мѣсяцъ и число дня свадьбы). *А будетъ я* (имя и отечество давателя рядной) *дочь* (или такую-то родственницу) *свою* (имя и отечество) *за него* (имя и отечество жениха) *на вышеписанной срокъ замужъ не выдамъ, или чего не дамъ* (перечень условій приданаго) *или къ допросу въ помѣстный приказъ не стану на тѣ сроки, которые писаны въ сей записи выше сего, или противъ сей записи. хотя въ маломъ въ чемъ не устою, и на мнѣ взять* (имя давателя рядной) *ему* (имя жениха съ отечествомъ и фамиліею) *по сей записи за всякую неустойку по* (условленному числу) *рублевъ. А у сей рядной записи сидѣли* (имена, отечества, званія и фамиліи двухъ свидѣтелей); *а рядную запись писалъ* (прозваніе и мѣсто служенія писавшаго подъячаго). *Годъ, мѣсяцъ и число. Подписи давателя рядной и свидѣтелей*

Закрѣпивъ этимъ документомъ выдачу невѣсты какъ товара въ срокъ, будущіе родные *здоровались*, т. е. говорили другъ другу привѣтствія. При этомъ, подавали отцы жених и невѣсты другъ другу руки въ знакъ твердости условія, ихъ «рознимали» свидѣтели. «И тесть зятя благословляетъ образомъ, да подаритъ отласецъ или дороги (т. е. шелковую или шерстяную материю кускомъ) *или лукъ* (оружіе); да потомъ ходитъ къ тещѣ и теща спрашиваетъ *о* здоровьѣ и цѣлуются съ ширинкою (т. е. держа полотенца въ рукахъ, которыми предварительно утрутъ губы) и невѣста съ свекромъ цѣлуется съ ширинкою; а въ иныхъ и женихъ невѣсту цѣлуетъ,»—пишется въ свадебныхъ чинахъ.

Вотъ сколько было церемоній!

И всѣ они въ сущности придуманы для одной торжественности перваго свиданія жениха и невѣсты—послѣ уже окончанія дѣла съ неустойкою въ случаѣ отступа купца отъ товара. Нужно ли прибавлять, что даже увидѣвшись теперь, не всегда имѣли возможность обмѣняться словами, а еще рѣже—какъ мы можемъ судить по оговоркѣ,—поцѣлуемъ! При этомъ, какъ видно изъ возникавшихъ дѣлъ, бывали также и *выводы*—вмѣсто безобразной невѣсты—подставнаго лица. Узнаніе же во время о подобной безсовѣстной продѣлкѣ возбуждало встрѣчный искъ обиженной и обманутой стороны, только въ случаѣ несомнѣнныхъ уликъ успѣвшей стряхнуть съ шеи тягостныя письменныя условія—такъ безцеремонно профанируемой идеи пожизненной связи чуть не съ чудовищемъ-невѣстой.

Могло ли быть, еще разъ повторимъ, допущено не въ видѣ развѣ исключенія,—при такихъ нечеловѣчныхъ порядкахъ (разумѣется вошедшихъ въ обычай въ темные вѣка татарщины), установленіе между женою и мужемъ другихъ отношеній, болѣе сердечныхъ, кромѣ исполненія тяжелаго долга и подчиненія ему, не вольнаго, въ силу права?

Разумное воспитаніе дѣтей.

Физическое воспитаніе.

V. *)

Чтобы покончить съ физическимъ воспитаніемъ малолѣтнихъ дѣтей, намъ еще остается говорить о развитіи *рѣчи*.

Органами рѣчи у дѣтей, какъ и у взрослыхъ, служатъ: 1) *гортань*, представляющая собою совершенное подобіе духоваго инструмента, гдѣ звуки производятся колебательнымъ движеніемъ упругихъ пластинокъ, которыя здѣсь замѣняются мясистыми упругими перепонками, такъ-называемыми голосовыми струнами; 2) *легкія*—два большихъ мѣшка, наполненные воздухомъ, которые могутъ быть сравниваемы съ мѣхами, служащими для выдуванія воздуха въ волынкахъ; наконецъ 3) *полость рта*, играющая роль отражателя звука, такъ называемаго резонатора. Только при нормальномъ устройствѣ этихъ органовъ дѣлается возможнымъ правильное развитіе рѣчи. При врожденныхъ же недостаткахъ въ устройствѣ голосоваго аппарата являются несовершенства въ рѣчи, какъ-то: гнусливость, картавленіе, шепелявость, заиканіе и проч.

Что касается исторіи развитія рѣчи, то въ ней различаютъ три періода: Первый періодъ начинается чуть ли не съ рожденія—и состоитъ въ томъ, что ребенокъ, подъ вліяніемъ какаго нибудь внѣшняго или внутренняго раздраженія, испускаетъ разнообразные звуки, не имѣющіе однако опредѣленнаго характера; это скорѣе можно назвать крикомъ, чѣмъ рѣчью. Второй періодъ состоитъ въ томъ, что ребенокъ начинаетъ подражать звукамъ, которые онъ слышитъ отъ взрослыхъ, но при этомъ онъ не понимаетъ смысла произносимыхъ имъ словъ, это нѣчто вродѣ рѣчи попугая. Наконецъ, третій періодъ—періодъ сознательной рѣчи, когда ребенокъ связываетъ съ извѣстными словами понятія о предметахъ ими обозначенныхъ и когда онъ выражается уже не отдѣльными словами, а связными, хотя и короткими, предложеніями. Это уже скорѣе похоже на разговоръ, нежели на лепетъ. Первый періодъ продолжается обыкновенно около 1/2 года, второй до 1 1/2 лѣтъ, а на 3-емъ году рѣчь нормально развитаго ребенка уже очень близко подходитъ къ рѣчи взрослаго.

Само собою разумѣется, что изъ этого общаго правила есть множество исключеній; такъ, есть дѣти, которыя начинаютъ говорить раньше приведеннаго срока; такія дѣти обыкновенно раньше и развиваются физически и умственно. Затѣмъ, еще больше такихъ дѣтей, которыя поздно выучиваются говорить. Такое замедленіе въ развитіи рѣчи можетъ обусловливаться:

а) причинами чисто *анатомо-физіологическими*, т. е. врожденнымъ недостаткомъ въ устройствѣ звукопроизводящихъ органовъ.—Объ этихъ причинахъ мы здѣсь не будемъ говорить, такъ какъ это требуетъ спеціальнаго изложенія анатоміи и физіологіи упомянутыхъ органовъ, что не входитъ въ планъ нашихъ статей. Мы здѣсь укажемъ только на тѣ

б) причины замедленнаго и неправильнаго развитія рѣчи у дѣтей, которыя (причины) зависятъ отъ условій *воспитанія* и которыя слѣдовательно могутъ быть устранены при доброй волѣ на то родителей. А насколько запоздалая и неправильная рѣчь вредно вліяетъ какъ на характеръ, такъ и на умственное развитіе дѣтей,—видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

*) Нива №№ 26, 36, 50.

Библиотека "Руниверс"

Чета новобрачныхъ на прогулкѣ. (Бытъ въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ). Рис. Медвѣдевъ, грав. Сташковскій.

Библиотека "Руниверс"

Ребенокъ научается говорить отъ окружающихъ его взрослыхъ людей. Слыша ихъ разговоръ, ребенокъ, въ силу свойственнаго ему подражательнаго инстинкта, начинаетъ произносить такіе же звуки, но отчасти вслѣдствіе непривычки, больше же вслѣдствіе запутанности разговора взрослыхъ, онъ схватываетъ только отдѣльные звуки, наиболѣе поражающіе его слухъ, и произноситъ только тѣ, которые ему легче даются. Отсюда и происходитъ односложный лепетъ дѣтей перваго возраста, въ родѣ: мама, папа, ляля, няня и проч.[1]) Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы научить ребенка вѣрно подражать звукамъ взрослыхъ, послѣдніе должны говорить съ нимъ ясно и отчетливо и притомъ часто повторять съ нимъ одни и тѣ же звуки. Само собою разумѣется, что количество звуковъ должно быть не велико, иначе ребенку трудно будетъ ихъ запомнить; кромѣ того, звуки должны быть по возможности просты и удобопроизносимы,—иначе у ребенка, отъ неумѣнья имъ подражать и коверканья ихъ, на первыхъ же порахъ испортится произношеніе. До какой степени манера говорить, интонація, способъ выраженія запечатлѣваются въ мозгу ребенка и вліяютъ на характеръ его рѣчи уже тогда, когда онъ дѣлается взрослымъ человѣкомъ,—видно изъ того, что существуютъ цѣлыя семейства, отличающіяся типичнымъ и однообразнымъ говоромъ [2]). Весьма дурно поступаютъ родители—а такихъ много—позволяя себѣ и другимъ взрослымъ говорить съ дѣтьми лепеча, картавя и разнообразно, чато весьма некрасиво, коверкая простую человѣческую рѣчь. Они воображаютъ, что доставляютъ дѣтямъ удовольствіе, учась у нихъ говорить, вмѣсто того чтобы учить ихъ. Это ведетъ только къ тому, что дѣти привыкаютъ къ такой безобразной рѣчи и потомъ долго не могутъ разстаться съ нею, не смотря на надоѣдающія имъ постоянныя поправки взрослыхъ. Къ чему, спрашивается, прививать дѣтямъ съ молоду такія привычки, отъ которыхъ придется потомъ ихъ отучать и притомъ не всегда съ успѣхомъ? Не лучше ли, не разумнѣе ли, съ самаго начала пріучить дѣтей къ правильному и ясному выраженію своихъ желаній и мыслей? Вѣдь это избавитъ, съ одной стороны, взрослыхъ отъ дѣтскихъ капризовъ, причиною которыхъ весьма часто бываетъ непониманіе требованій, подчасъ основательныхъ, но выражаемыхъ на варварскомъ нарѣчіи, которому ихъ научили. Съ другой стороны—и сами дѣти избавятся отъ напрасныхъ огорченій, испытываемыхъ ими вслѣдствіе неумѣнья ясно выражать свои желанія; это также избавитъ ихъ отъ непріятностей, которыя испытываютъ дѣти позднѣе, въ школѣ, когда товарищи насмѣхаются надъ косноязычіемъ. Устранять же моменты, причиняющіе дѣтямъ незаслуженныя огорченія—вещь необходимая, если хотятъ, чтобы характеръ ихъ не сдѣлался раздражительнымъ, злобнымъ и грубымъ. Наконецъ, частыя огорченія вліяютъ также вредно и на физическое здоровье дѣтей.

Выше мы упомянули о вліяніи поздняго развитія рѣчи на развитіе умственныхъ способностей у ребенка. Это вліяніе такого рода, что *чѣмъ позже дитя научается говорить, тѣмъ слабѣе оно развито умственно.* Для того, чтобы указанную связь между рѣчью и умственнымъ развитіемъ сдѣлать ясною, я приведу примѣръ, изъ котораго можно будетъ, путемъ сравненія, убѣдиться въ послѣдовательности этой связи. Въ примѣръ возьму взрослаго, но онъ будетъ поставленъ въ положеніе дитяти. Представьте себѣ, что вы родились, выросли и воспитывались въ Петербургѣ и вамъ ни разу въ теченіе вашей юности не приходилось прожить въ деревнѣ; допустимъ еще, что вы и не читали такихъ книгъ, гдѣ изображается деревенская жизнь: вы тогда не имѣете, слѣдовательно, понятія ни о ея природѣ, ни о характерѣ деревенскихъ жителей. Допустимъ же теперь, что вамъ по какимъ либо обстоятельствамъ пришлось вдругъ переселиться въ деревню и, для большей наглядности приводимаго нами примѣра, допустимъ еще, что эта деревня находится въ Малороссіи. Въ какомъ вы будете тогда положеніи?—Вамъ придется встрѣчаться почти на каждомъ шагу съ предметами, которыхъ вы никогда не видѣли; вамъ придется видѣть нравы и обычаи, которыхъ вы нигдѣ у себя дома не наблюдали; наконецъ, вамъ придется сталкиваться съ людьми, взгляды и убѣжденія которыхъ совсѣмъ не тѣ, какіе имѣете вы и ваши сородичи. Какое же будетъ ваше положеніе тогда?—Оно будетъ такое же, какъ положеніе младенца, попавшаго въ незнакомую для него сферу, гдѣ все—и предметы и люди—для него непонятны; а между тѣмъ ему, какъ и вамъ, приходится жить въ этой сферѣ—и оба вы должны, слѣдовательно, познакомиться съ нею. Но ни вы, ни ребенокъ не будетъ въ состояніи познакомиться съ окружающею васъ средою до тѣхъ поръ, пока вамъ не *объяснятъ* смысла и значенія каждой вещи, для васъ чуждой. А какъ же вы будете *понимать* то, что вамъ объясняютъ, когда вы не *научились языку*, которымъ говоритъ вашъ руководитель?—Ясно, слѣдовательно, что пониманіе окружающихъ насъ явленій, или то, что называютъ «умственнымъ развитіемъ», тѣсно связано съ знаніемъ языка и что чѣмъ медленнѣе и несовершеннѣе будетъ усвоенъ послѣдній, тѣмъ меньше будетъ кругъ понятій человѣка,—все равно: взрослый онъ или ребенокъ. Примѣръ того, какъ слабо развитая рѣчь совпадаетъ съ ограниченностію ума, можно видѣть на идіотахъ.

Для тѣхъ, кто не убѣдился нашимъ примѣромъ, приведемъ еще объясненіе, взятое нами изъ «Практическихъ замѣтокъ», которыхъ мы вообще придерживались и въ прежнихъ нашихъ статьяхъ [3]).

«Мы хорошо по опыту знаемъ, что мы лучше запоминаемъ то, что мы сами произносимъ, нежели то, что намъ другіе говорятъ, или что мы даже сами читаемъ. На этомъ основано искусство зубренія наизусть. Школьные ученики, обреченные на ученіе уроковъ наизусть, непремѣнно читаютъ ихъ вслухъ, что надзирателямъ многочисленнаго класса очень непріятно, но увѣщанія ихъ учить про себя, а не въ слухъ, рѣдко помогаютъ. Это естественный законъ природы. Предметъ, знакомый намъ не съ одной какой нибудь стороны, а всесторонне, — глубже запечатлѣвается въ нашей памяти. По этому, если дитя видитъ предметъ, слышитъ, какъ его обозначаютъ, и само произноситъ слышаемое имъ названіе, оно никогда его не забудетъ. При всѣхъ этихъ трехъ условіяхъ, дитя можетъ знакомиться съ очень многими, доступными ему предметами. Тоже самое относится и къ признакамъ предметовъ. Вы говорите дитяти: столъ круглый, или платье красное, или: два яблока (3хъ-лѣтнему ребенку). Положимъ, дитя это не умѣетъ говорить; оно понимаетъ, о чемъ рѣчь идетъ,—оно пожалуй понимаетъ смутно, что значитъ *круглый*, *красный*, *два*, но понимаетъ это только касательно названныхъ предметовъ, и оно не получаетъ понятія вообще о *круглотѣ*, о *красотѣ*, о *двухъ*, какъ о признакѣ, который можетъ быть присущимъ разнымъ предметомъ. Это понятіе отвлеченное—дитя можетъ получить только тогда, когда, увидавъ круглую вещь, оно само назоветъ ее круглою и получитъ отъ взрослаго подтвержденіе, что это дѣйствительно такъ. Провѣривъ разъ-два такимъ образомъ свое знаніе, дѣти уже безошибочно приписываетъ даже незнакомымъ, въ первый разъ видимымъ предметамъ,—извѣстныя имъ свойства. А значительный шагъ въ умственномъ развитіи—это первое отвлеченіе мысли. Этого-то преимущества лишены дѣти, долго не говорящія. И прошу замѣтить, что я говорю здѣсь только о неговорящихъ маленькихъ дѣтяхъ. Взрослые нѣмые, разумѣется, умѣютъ мыслить отвлеченно, чему ихъ поучаетъ частый, непрерывный опытъ и наблюденіе.»

Словомъ, мало того, что ребенокъ видитъ предметы его окружающіе,—ему нужно еще слышать ихъ названія и признаки, иначе онъ не составитъ себѣ яснаго объ нихъ понятія. Поэтому, если вы замѣчаете, что ребенокъ вашъ обратилъ свой взоръ на какой нибудь предметъ, тотчасъ назовите этотъ предметъ его настоящимъ именемъ и обозначьте наиболѣе рѣзкіе его признаки. Если, напримѣръ, вашъ ребенокъ засмотрѣлся на лошадь—скажите ему: это *лошадь бѣлая*; на кошку—это *кошка*, положимъ, *черная*; на розу—*роза красная* и т. д. Подобныя бесѣды съ ребенкомъ о предметахъ, не потерявшихъ еще для него всей прелести новизны, будутъ для него лучшими уроками нагляднаго обученія, чѣмъ какіе ему впослѣдствіи можетъ быть придется выслушивать въ школѣ, когда предметы успѣютъ достаточно намозолить глаза и надоѣсть. Это испытываютъ на себѣ взрослые, что все новое ихъ интересуетъ болѣе и не такъ скоро имъ пріѣдается какъ старое. Важно поэтому пользоваться дорогимъ случаемъ, котораго потомъ уже не воротишь, Русская поговорка: «куй желѣзо пока горячо» здѣсь какъ нельзя болѣе приложима.

До такой степени у ребенка со словомъ, иногда обозначающимъ одинъ только признакъ, часто соединяется представленіе о самомъ предметѣ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ «Практическихъ замѣтокъ. Полутора-годичный ребенокъ часто видѣлъ въ кухнѣ, какъ бульонъ закипалъ на плитѣ, выливался на нее и производилъ трескъ; слыша шумъ, происходящій вовсе не отъ кипѣнія бульона, онъ говорилъ—бульонъ. Или, онъ видѣлъ, что дрова приносятъ, кладутъ въ печь и зажигаютъ, и онъ, находясь въ сосѣдней комнатѣ и услыхавъ только стукъ отъ повалившихся дровъ, говорилъ: огонекъ, дрова. Еще примѣръ: 1½ годичному ребенку показали картину, на которой была нарисована сова,—и онъ, посмотрѣвъ на нее, произнесъ имя одной знакомой особы, у которой глаза дѣйствительно имѣли сходство съ совиными. Или ребенокъ тащитъ платокъ по полу и говоритъ—телѣжка; ѣздитъ верхомъ на палкѣ и говоритъ—лошадь и т. и. Такихъ примѣровъ можно бы привести еще множество, но не къ чему, такъ какъ ихъ достаточно въ каждой семьѣ, гдѣ только есть маленькія дѣти.

Въ виду такой тѣсной связи между рѣчью ребенка и его представленіями о предметахъ, его окружающихъ, а равно въ виду наклонности его быстро обобщать и составлять сужденіе о вещи по одному какому нибудь ея признаку,—необходимо, при обученіи ребенка говору, называть ему только самые существенные признаки, дабы его представленіе о предметѣ было основательное. Многословная болтовня тамъ, гдѣ можно ограничиться двумя-тремя словами, только запутываетъ ребенка и не даетъ понятія о видимыхъ вещахъ. Нужно по этому говорить съ ребенкомъ коротко, ясно и отчетливо, заставлять его повторять ваши слова такъ же разборчиво. Поступая такимъ образомъ, вы въ сравнительно короткій срокъ достигнете съ вашимъ ребенкомъ значительныхъ успѣховъ. Въ противномъ же случаѣ только вы

[1]) Замѣчательно, что языкъ дикихъ народовъ, которые по своей умственной неразвитости приближаются къ дѣтямъ, состоитъ большею частью изъ односложныхъ словъ, весьма напоминающихъ собою дѣтскій лепетъ. Объ этомъ говоритъ профессоръ *Мечниковъ* въ одной изъ своихъ статей.

[2]) Причина такого типичнаго говора часто лежитъ въ наслѣдственныхъ порокахъ въ устройствѣ органовъ рѣчи, но отчасти тутъ играетъ роль и способъ, какимъ говорятъ съ ребенкомъ.

[3]) Причина, по которой мы выбрали въ руководство именно этотъ сборникъ, а не какое нибудь другое педагогическое сочиненіе, была нами уже указана въ предисловіи къ первой статьѣ (Нива № 26).

Библиотека "Руниверс"

ему и онъ вамъ сдѣлаетесь другъ другу въ тягость.

Въ заключеніе представимъ образецъ рѣчи ребенка во второмъ и третьемъ періодѣ ея развитія, помѣщенный въ упомянутомъ нами сборникѣ. Изъ этого образца сдѣлается еще болѣе нагляднымъ, что между развитіемъ рѣчи и ума (въ смыслѣ познаній) существуетъ неразрывная связь. Ребенку былъ годъ и четыре мѣсяца, когда онъ впервые началъ произносить слѣдующія слова: тятя (Яша), маня (Маша), тѣбъ (хлѣбъ), толи (соли), титя (свѣча), пики (спички), ко (кофе), гого (горячо), ко (холодно), миій (милый), гаки (глазки), по (ножки), авав (собака), апай (упалъ), огонь, дядя, тетя и проч.

Мы взяли изъ дѣтскаго лексикона только характерныя слова, изъ которыхъ можно заключить, что въ означенномъ періодѣ ребенокъ, во первыхъ, употреблялъ преимущественно *имена существительныя*; во вторыхъ, въ сложныхъ словахъ произносилъ только самые легкіе и рѣзкіе звуки (иногда одно только начало, на примѣръ, *но* вмѣсто ножки), легкія же слова, какъ *дядя*, *тетя* и даже *огонь*, произносилъ цѣликомъ; наконецъ, въ третьихъ, что онъ по одному признаку лаю *(ав-ав)* составилъ себѣ понятіе о собакѣ.

Черезъ два мѣсяца прибавились слѣдующія новыя слова, *глаголы*: обѣдать, зять (взять), коится (колится), купаться, пать (спать), пить, могу (не могу), стань (встань), пути (пусти); *Мѣстоимѣніе*: менѣ. Прибавились новыя существительныя: каачь (калачь), дуки (руки), говядинка (говядинка), мохокомъ (съ молокомъ), буйонъ (бульонъ).

Тутъ видно, что нѣкоторыя слова дитя говорило въ уменьшительномъ видѣ. Конечно, слѣдуетъ оберегаться говорить съ ребенкомъ въ уменьшительномъ видѣ, ибо это затрудняетъ произношеніе словъ; но иногда это дѣлается совершенно невольно со стороны взрослаго, и уменьшеніе при названіи нѣкоторыхъ предметовъ, а не во всѣхъ рѣшительно, какъ это иногда случается, особенно повредить не можетъ.

Когда ребенку было годъ и семь мѣсяцевъ, онъ уже говорилъ короткими *предложеніями*, на примѣръ: *Адя утіоль* (Адя ушла). Это самое простое предложеніе, состоящее только изъ подлежащаго и сказуемаго. Сложнѣе оно и быть не могло, такъ какъ нормально развивающійся ребенокъ— а этого ребенка не развивали *насильно*, какъ это къ сожалѣнію, часто дѣлается,—начинаетъ употреблять т. наз. «служебныя» части рѣчи, каковы предлоги, союзы и проч. гораздо позже этого срока, на 3-мъ году.

Этотъ естественный способъ изученія ребенкомъ грамматики, по своей основательности, самой лучшій, а потому и не слѣдуетъ торопится съ примѣненіемъ *искуственнаго*.

Этимъ мы кончаемъ статьи о *физическомъ* воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей; въ будущемъ году надѣемся представить читателямъ «Нивы» рядъ статей о воспитаніи *нравственномъ*.

Политическое обозрѣніе.

(*Собственныя корреспонденціи «Нивы»*)

Парижъ 1874 г. 7/19 Декабря.

Посланіе маршала-президента, прочитанное въ засѣданіи 4-го декабря первымъ министромъ г. де-Сиссе, не измѣнило положеніе дѣлъ и не удовлетворило ни одну партію.

Все что мы сказали въ предъидущемъ обозрѣніи о взаимномъ отношеніи политическихъ группъ Національнаго Собранія и о положеніи каждой изъ нихъ въ случаѣ желаніи образовать за собой большинство, — вполнѣ подтвердилось тѣмъ фактомъ, что пресловутое сліяніе центровъ не удалось, и что правительственное большинство 24 мая почти распалась, такъ какъ легитимисты, *chevau-legers*, отказались наотрѣзъ вотировать конституціонные законы.

Сенатъ никого неудовлетворяетъ, исключая орлеанистовъ; а между тѣмъ, въ случаѣ рѣшительнаго отказа Собранія дать этому учрежденію законную организацію, оно *ipso facto* должно превратиться въ диктатуру, отъ которой будетъ трудно избавиться, потому что теперешнее Собраніе крайне непопулярно во Франціи. Намъ кажется, что еслибы его постигла даже участь Національнаго Собранія 1852 года, то за него также никто бы не вступился. Страна видитъ его безсиліе учредить прочное и популярное правительство, *и не признаетъ* за нимъ учредительнаго права въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Самъ маршалъ президентъ потерялъ повидимому надежду на организацію Сенната и упоминаетъ въ своемъ посланіи какъ бы вскользь о томъ, что Собраніе дало обѣщаніе облечь въ законныя формы его семилѣтнія полномочія. Въ засѣданіи 9 іюля этого года онъ настоятельно просилъ палату вотировать конституціонные законы, говоря что это единственный способъ успокоить страну и возвратить ей благосостояніе нарушенное войной и революціей; теперь ему все равно: «Я надѣюсь, говоритъ онъ въ послѣднемъ посланіи,—что во время преній о конституціонныхъ законахъ согласіе установится между вами.» — и ничего больше о необходимости организаціи Сенната. Маршалъ надѣется, что согласіе установится,— прекрасно; а если нѣтъ?

На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ въ слѣдующихъ словахъ посланія: «20-го ноября 1873 года, вы вручили мнѣ исполнительную власть на семь лѣтъ—въ интересѣ мира, порядка и общественной безопасности. На этомъ-же самомъ основаніи, я считаю своимъ долгомъ не покидать высокаго поста, на которой вы меня поставили, и занимать *его до послѣдняго дня* съ непоколебимой энергіей и сохраняя уваженіе къ законамъ». Легитимисты остались очень недовольны слѣдующей фразой посланія: «я принялъ семилѣтнюю власть не съ цѣлью покровительствовать политическимъ стремленіямъ какой бы то ни было партіи: я преслѣдую только цѣль охраненія общественнаго порядка и возрожденія страны». Словомъ, г. Макъ-Магонъ находитъ себя крайне необходимымъ для блага Франціи въ теченіи семи лѣтъ, и такого рода убѣжденіе не имѣетъ, конечно, ничего предосудительнаго; недоразумѣніе, касательно столь формально выраженнаго желанія остаться еще на шесть лѣтъ, можетъ явиться только при слѣдующей гипотезѣ: если Національному Собранію заблагоразсудится учредить монархію или республику раньше 1880 года, тогда что-же будетъ? Или далѣе: если собраніе добровольно разойдется, и Франція путемъ всеобщей подачи голосовъ изберетъ палату съ республиканскимъ большинствомъ, а за тѣмъ и президента республики,—чьи полномочія будутъ законны? президента ли выбраннаго бывшимъ собраніемъ безъ всякаго участія страны, или того кто выбранъ 8-ю милліонами избирателей? И наконецъ: въ случаѣ революціоннаго движенія въ странѣ, которая видимо утомлена безгранично-неопредѣленнымъ положеніемъ, на чью сторону станетъ президентъ выбранный палатой, *если народное движеніе не коснется* того высокаго поста, на который поставили его *монархисты* 20 ноября 1873 года? Въ заключеніе, мы можемъ сказать вмѣстѣ съ газетою *Times*, что изъ всего посланія президента республики ясно только то, что онъ не желаетъ уступить своего мѣста никому раньше шести лѣтъ.

Засѣданія Національнаго собранія открылись три недѣли тому назадъ, и изъ 18 засѣданій только одно было интересно. Гг. депутаты собираются только для проформы, и, потолковавши минутъ 20-30, обратно уѣзжаютъ въ Парижъ. Бурныя засѣданія начнутся въ январѣ, когда будутъ происходить пренія о конституціонныхъ законахъ; теперь—все тихо, но это штиль передъ бурей. Единственное засѣданіе, возбудившее интересъ, было по поводу закона о свободѣ высшаго преподаванія; говорили по этому предмету два оратора принадлежащіе къ двумъ наиболѣе враждебнымъ партіямъ, — г. Шальмель-Лякуръ и монсиньйоръ Дюпанлу. Проэктъ закона о свободѣ высшаго преподаванія, внесенный покойнымъ графомъ Жоберомъ, состоитъ въ томъ, что ученыя лица и корпораціи а также духовенство могутъ открывать высшія учебныя заведенія. Г. Шалемель-Лякуръ въ своей блестящей рѣчи старался доказать, что при существованіи стѣснительныхъ законовъ касательно частныхъ ученыхъ обществъ и корпорацій, всѣми выгодами предлагаемаго закона воспользуется только одно духовенство. Высшія учебныя заведенія, говорилъ ораторъ, будутъ разсадниками клерикализма, такъ какъ пропаганда въ духѣ Силлабуса займетъ первое мѣсто, въ ущербъ интересамъ науки. При существованіи католическихъ университетовъ, антагонизмъ и вражда между духовными и свѣтскими разсадниками просвѣщенія достигнетъ такихъ размѣровъ, что общественное спокойствіе легко можетъ быть нарушено. Затѣмъ ораторъ указалъ Собранію, что во всѣхъ государствахъ Европы университетское преподаваніе находится въ рукахъ свѣтскихъ лицъ; только богословскія науки и сопредѣльныя съ ними науки нравственныя—преподаются духовными лицами въ спеціальныхъ для того академіяхъ и семинаріяхъ. Я не отрицаю, сказалъ г. Шалемель-Лякуръ, что католическое духовенство имѣетъ удивительный даръ преподаванія, и что вышедшіе изъ католическихъ университетовъ медики, юристы и филологи будутъ имѣть большія познанія, — но въ этомъ то и заключается вся опасность, если принять во вниманіе, какою жаждою борьбы и преобладанія одержимо католическое духовенство. Франція 89 года, заключилъ ораторъ, выработала идею свѣтскаго государства, и было бы грустно и опасно воскрешать раздоръ и распри въ настоящую эпоху, когда *всѣ* великія державы (Россія, Англія, Германія) остаются при системѣ свѣтскаго преподаванія точныхъ наукъ. Вотъ вкратцѣ содержаніе заключительной части рѣчи г. Шалемель-Лакура, которая едва-ли не лучшая. Когда г. Шальмель-Лякуръ сошелъ съ трибуны, всѣ взоры устремились на епископа Орлеанскаго, который быстро направился къ трибунѣ, съ очевиднымъ намѣреніемъ не оставлять собраніе подъ впечатлѣніемъ рѣчи оратора крайней лѣвой. Мы лично давно знакомы съ ораторскими пріемами пылкаго прелата: годъ тому назадъ по поводу одного проекта о среднихъ заведеніяхъ мы слышали его нѣсколько разъ; два года тому назадъ мы были свидѣтелями его нападокъ на г. Жюля Симона, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія, по поводу проекта объ inspecteurs des écoles primaires; наконецъ три года тому назадъ по вопросу о замѣщеніи кафедры нѣсколькими лицами не имѣвшими счастія ему понравиться,—во всѣхъ этихъ вопросахъ онъ высказывалъ большую нетерпимость, высокомѣріе, и отличался способностью искажать смыслъ словъ

Библиотека "Руниверс"

своего опонента; но въ этотъ разъ онъ превзошелъ себя. Нужно выработать особеннаго рода слогъ, чтобы передать читателямъ впечатлѣніе какое производятъ на слушателя рѣчи монсиньйора д'Орлеанъ. Мы постараемся это сдѣлать насколько будетъ возможно. Взойдя на трибуну, среди абсолютной тишины, епископъ орлеанскій началъ слѣдующимъ образомъ: «Г. Шальмель-Лякуръ сдѣлалъ три ошибки; онъ ошибся во времени, въ мѣстѣ и въ предметѣ рѣчи. Теперь не 92 годъ, это не конвентъ, и вопросъ предлагаемый на обсужденіе не есть судъ надъ католическимъ духовенствомъ. Проэктъ закона говоритъ о необходимости свободы высшаго образованія для всѣхъ безъ исключенія; пользуйтесь этой свободой сами и не оспаривайте ее у насъ. Конечно, правительство не будетъ контролировать систему преподаванія духовенства и воспротивится пропагандѣ разрушительныхъ теорій и матеріалистическихъ ученій въ частныхъ университетахъ. Отчего вы боитесь конкуренціи съ нами? Оттого, что вы знаете, что отцы семействъ предпочтутъ наши заведенія вашимъ, особенно если принять во вниманіе наши способности къ преподаванію, въ которыхъ не сомнѣваетесь даже и вы. «Дѣлая историческій очеркъ заслугъ католическаго духовенства на поприщѣ просвѣщенія, пылкій ораторъ доходитъ до такого чудовищнаго и огульнаго порицанія: духовенство-де цивилизовало Европу, революція 89 года а равно и всѣ псевдо-либеральныя системы свѣтскаго образованія въ другихъ странахъ уронили науку и понизили уровень общественной нравственности. По всей вѣроятности, это былъ намекъ на государства исповѣдующія лютеранскую вѣру, съ которой, какъ извѣстно, католицизмъ никакъ примиритсья не можетъ. Что же касается до принциповъ находящихся въ Силлабусѣ, то ораторъ находитъ, что они не противорѣчатъ наукѣ, что этотъ образчикъ Ватиканскаго глубокомыслія способствуетъ напротивъ ея развитію. Этотъ документъ не понимаютъ тѣ, которые говорятъ о немъ; существуетъ переводъ, говоритъ ораторъ, въ которомъ я усмотрѣлъ 76 ошибокъ на 36 страницахъ, а между тѣмъ онъ былъ сдѣланъ однимъ весьма *ученымъ* и *либеральнымъ* человѣкомъ. Весьма вѣроятно, что семинаристъ шестаго класса сдѣлалъ бы втрое меньше промаховъ. Лучшій переводъ Силлабуса—мой, сказалъ ораторъ, появившійся лѣтъ 15 тому назадъ и имѣвшій до сихъ поръ 34 изданія.

Затѣмъ... что бы вы думали послѣдовало? Адрессъ издателя брошюрки г. Дюпанлу. Такъ таки прямо адрессъ издателя en pleine tribune.

Въ заключеніе своей длинной рѣчи ораторъ сказалъ: призовемъ на помощь всѣ живыя силы страны и да будутъ онѣ свѣточемъ, который благословитъ Провидѣніе; онъ призоветъ къ новой жизни Францію послѣ всѣхъ бѣдствій ее постигшихъ».

Читатель видитъ, что подобный отвѣтъ есть отсутствіе всякаго отвѣта. Шалемель Лякуръ совершенно справедливо сказалъ: правительства всѣхъ странъ въ видахъ общественнаго спокойствія старались отстоять высшее образованіе отъ притязаній католическаго духовенства. Такъ было сначала въ Германіи послѣ Лютера, затѣмъ въ Австріи, потомъ во Франціи и Италіи. Впослѣдствіи высшее образованіе перешло въ руки іезуитовъ, и всѣмъ извѣстно, что, не смотря на превосходное преподаваніе всѣхъ наукъ, іезуитскія коллегіи сдѣлались вскорѣ антипатичны всѣмъ народамъ безъ исключенія, и ученые патеры были офиціально изгнаны отовсюду. Отвѣчая вторично епископу Дюпанлу, г. Шалемель-Лякуръ указалъ на то, какимъ гоненіямъ подвергались ученые подобно Галилею, Копернику и др., и даже въ позднѣйшее время, со стороны католическаго духовенства, которое теперь величаетъ себя всемірными просвѣтителями. Затѣмъ онъ указалъ на офиціальный переводъ Силлабуса и спросилъ отличается-ли духомъ терпимости тотъ документъ, который ставитъ всякое научное открытіе и всякую новую идею подъ *безапелляціонный* приговоръ *непогрѣшимаго папы*. Епископъ Орлеанскій не возражалъ на эту вторую рѣчь; г. Лябулэ избавилъ его отъ этого труда. Небольшая рѣчь г. Лябулэ непріятно поразила всѣхъ, потому что въ качествѣ члена лѣваго центра смотрѣть на рѣшавшійся вопросъ съ точки зрѣнія г. Дюпанлу было какъ-то странно и неловко. Многіе полагаютъ, что г. Лябулэ разсчитываетъ быть министромъ просвѣщенія, и для перваго дебюта желалъ зарекомендовать себя передъ партіей *de l'ordre moral*. Коротенькая рѣчь его почти вся резюмирована въ заключительныхъ словахъ: «свобода можетъ и должна быть одинаково выгодна для всѣхъ. Лучшее средство примирить духовенство съ идеями новаго времени состоитъ въ томъ, чтобы оно на практикѣ увидѣло, что свобода и терпимость не пустыя слова, и что новыя идеи не боятся соперничества». И не особенно умно, и не краснорѣчиво, а главное—вовсе не убѣдительно. Г-ну Лябулэ рѣшительно не везетъ, ни въ роли докладчика коммисіи *тридцати*, какъ было въ прошломъ году, ни въ роли пособника и наперсника епископа Орлеанскаго. Вторичное чтеніе закона о свободѣ высшаго образованія будетъ въ понедѣльникъ 1/8 декабря. Въ преніяхъ примутъ участіе снова г-да Поль-Бергъ, Шалемель-Лякуръ, Бюиссонъ и, говорятъ, г. Дюпанлу. Затѣмъ, на канунѣ Рождества, Собраніе разойдется до 10 января.

Почтенные законодатели, послѣ мѣсячной сессіи, очевидно устали; это предположеніе становится еще вѣроятнѣе, если принять въ разсчетъ, что въ теченіи истекшаго періода они уже выработали сложный законъ о малолѣтнихъ акробатахъ и о морскихъ ипотекахъ—и то не вполнѣ. Будетъ-ли вотированъ послѣ третьяго чтенія законъ о высшемъ образованіи до праздниковъ—рѣшительно никому неизвѣстно. Во время сегодняшняго засѣданія намъ передали за достовѣрное, что пренія о конституціонныхъ законахъ отложены на *неопредѣленный срокъ*. И другіе законы, маломальски серіозные откладываются также на неопредѣленное время, то потому что докладъ не готовъ, то вслѣдствіе вновь поступившихъ *поправокъ (amendements)*. По всему видно, что Собраніе чувствуетъ свое безсиліе и тяготится своею ролью, а разойтись не хочетъ. Какъ назвать подобное состояніе? Это рѣшительно агонія политическаго организма во всей ея безнадежности.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Съ этимъ нумеромъ оканчивается 1874 или **пятый** годъ существованія „Нивы". Первый нумеръ будущаго года выйдетъ 1-го января 1875 года, почему и просимъ гг. подписчиковъ, не возобновившихъ еще подписки, поспѣшить высылкой подписныхъ денегъ во избѣжаніе остановки въ полученіи первыхъ нумеровъ.

Въ будущемъ 1875 году мы постараемся сдѣлать содержаніе нашего журнала еще богаче и разнообразнѣе нынѣшняго.

Въ портфелѣ редкціи запасенъ громадный матеріалъ для помѣщенія въ 1875 году: РИСУНКИ археологическіе, историческіе, жанръ, типы народовъ Россіи, виды замѣчательныхъ мѣстностей и городовъ, литературный альбомъ русскихъ поэтовъ съ рисунками: **Каразина, Медвѣдева, Маковскаго, Коверзнева, Тихомирова, Верещагина, Сверчкова, Панова** и проч. и проч., гравированными первыми граверами Европы, каковы **Паннемакеръ, Ротъ, Путцъ** и др.

Относительно литературнаго состава, мы уже пріобрѣли для „Нивы" 1875 г. между прочимъ новыя произведенія **Н. С. Лѣскова (Стебницкаго), А. Кобяковой, В. П. Клюшникова, Н. Н. Каразина** („Двуногій Волкъ", II часть), романы Фридрихса: „Кто выигралъ?" и Вернера „Германъ", повѣсти Марлитта, Гаклэндера и проч. Популярно-научныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, Судебная хроника, Политическое обозрѣніе и Разныя извѣстія будутъ помѣщаться постоянно, какъ и въ прошлыя 5 лѣтъ.

Преміи уже заготовляются и будутъ въ 1875 году еще богаче нынѣшняго.

Съ перваго январскаго нумера въ „Нивѣ" 1875 г. начнется печатаніемъ
НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ Н. С. ЛѢСКОВА-СТЕБНИЦКАГО.

БЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ.

Библиотека "Руниверс"